

ИЖВДА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1883 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, очерки и пр.	СТРАН.		СТРАН.
Бала, во время. Стих. М-снаго	962	Лавиловъ, К. Ю.	801
Берегу, на морскомъ. Разск. Гитдича	195, 218, 242	Дорѣ, Густавъ	122
Валкириѣ. Стих. А. Майкова	299	Дома, Химикъ	208
Весна, двѣты и ароматы. Стих. Гитдича	439	Егеръ, Профессоръ	64
Войнѣ (На) въ степи. Рассказъ. 1099—1127		Жуковский В. А.	88
Время, доброе старое. Очеркъ	107	Захеръ-Мазохъ, Леопольдъ	49
Герцогиня Данцагск. Разск. Треннгорста	415	Зорка, вл. Черногорская	988
Гласъ, король и его госуд. Разск. Лиффа	466	Иорданъ, Ф. И. Профессоръ	1034
Глѣздышко. Стих. Мед-снаго	1103	Карль, Принцъ Прусскій	145
Гудъ, старый—(легенда) В. Соловьева	8	Кеворкъ IV, Патриархъ армянъ	1
День отдыха. Рассказъ Л.	32	Коссовичъ, К. А. Профессоръ	609
Деньги, проваши. Очеркъ Юная	106	Лаврецькій, Н. А. Профессоръ	849
Долгъ, страшный—(легенда) В. Соловьева	82	Леонть, Архиепископъ	1089
Домъ, старый. Романъ В. Соловьева	514, 538, 562, 586, 610, 634, 658, 682, 706, 730, 754, 778, 802, 826, 850, 874, 898, 923, 946, 994, 1018, 1043, 1066	Либерихъ, Н. И. Академикъ	681
Заключенная. Рассказъ Маршала	1204	Лиценъ-Майеръ, А. Профессоръ	1145
Зибель. Разск. Константинова 1174, 1198, 1226		Лютеръ, Мартинъ	1041
Императоръ-философъ. Очеркъ	439	Маковский, В. Е. Академикъ	457
Индянка, знатная. Разск. Бретъ-Гарта	1232	Мельниковъ, П. И. (А. Печерскій)	203
Кадуръ и Кота. Рассказъ Дода	1078	Мещерскій, А. И. Академикъ	1017
Камхала, другъ. Разск. Альбини 130, 154, 175		Момзенъ, Т. Профессоръ	1117
Кинжалъ, малайскій. Разск. Гиршфельда	443	Наполеонъ, Жеромъ	162
Колесомъ (подъ), пов. Ахшарумова 74, 93, 122, 146, 170		Несторъ, Епископъ Алеутскій	770
Мальчикъ, гуттаперчевый. Пов. Григоревича	2, 26, 50	Никодимъ, Патриархъ Иерусалимскій	897
Масляница. (Къ рисунку)	170	Новикова, О. А.	40
Масоны въ Россіи. (Истор. очеркъ)	1106	Орловскій, В. Д. Профессоръ	265
Мерседесъ. Рассказъ Ферра	1154	Принцы царствъ во Франціи фамиліи	206
Мертвѣ, мой пріятель. Рассказъ Коппе	202	Путягинъ, Е. В. графъ	1197
Моя малютка дорогая. Ст. Мед-снаго	794	Рафаэль Санчо	289
Не шумятъ говорливыя. Ст. Мед-снаго	623	Самаринъ, И. В. Артистъ	945
Нилъ (на) приключеніе	1207	Сейдъ-Магомедъ, Ханъ Хивинскій	651
Нино и Мазо. Рассказъ Гейзе	547, 570	Тисса, Министръ Венгріи	1065
Notturne. Стих. Гитдича	695	Тургеневъ, И. С. (Некрологъ)	869
Ночь въ лѣсу. Разск. Руданова	1180	Тургеневъ, И. С. (Биографич. очеркъ)	890
Пажъ Густава-Адольфа. Разск. Мейера	595, 618, 643	Тургеневъ, И. С. (Объ)	820
Педро (Донъ-) Кастильскій. Рассказъ Шильмана	224, 248, 274	Уайтхедъ, Робертъ	281
Поискахъ (на). Очеркъ Н. Успенскаго	458	Филаретъ, Митрополитъ	73
Подковникъ изъ Золотоноши. Повѣсть Кириллова 714, 738, 762, 787, 810, 835, 859, 886, 906, 931, 954		Флотовъ, Ф. Композиторъ	160
Похоронны, трагическія. Разск. Коппе	255	Чижовъ, М. А. Академикъ	777
Поэту. Стих. М-снаго	818	Шамборъ, графъ	729
Привѣтъ морю. Стих. И. Николая Черног.	514	Шанзъ, Генераль	97
Предатель. Разск. Лилля 300, 322, 346, 370		Шарлеманъ, А. О. Профессоръ	217
Продойфъ, Дядя—и Валетка. Рассказъ Гр. Голенищева-Кутузова	410, 434		
Просьба, навная. Рассказъ	918		
Пчелка золотая. Стих. С—ъ	695		
Пѣвецъ. Рассказъ	59		
15 Мая 1883 г. Стих. А. Майкова	522		
Рождественская ночь въ Внеліемѣ	1253		
Рождество темное и ясное. Пов. Цимсена	1266		
Сибгурочка. Рожд. разск. Н. Лебедева	1258		
Сонъ. Стих. Гитдича	378		
Студентъ. Рассказъ	1090, 1118		
Талисманъ. Разск. Н. Мей	667, 688		
Ты не вѣрила мнѣ. Стих. Немировича-Данченко	746		
Украинъ (на). Стих. Гитдича	15		
Устроилася. Разск. Гитдича	1146		
Цвѣтахъ (въ). Пов. Н. Лебедева (Мор-снаго)	266, 291, 314, 338, 362, 387		
Шопотъ цвѣтовъ. Стих. С. Ф.	818		
Эвриклея. Повѣсть Шнегова 979, 1007, 1026, 1054, 1072			
II. Биографіи и характеристики.			
Бажановъ, В. Б.	825		
Бортинскій и Турчаниновъ. Композит.	375		
Ваднеръ, Рихардъ	193		
Вальдъ, о Рихардѣ. Очер. Н. Соловьева	255		
Венягъ, Б. Профессоръ	705		
Віардо, Полина Гарсія	1079		
Гамбетта, Леонъ	26		
Георгъ I, король Элландовъ	753		
Гербель, Н. В.	385		
Горчаковъ, А. М. князь	241		
Гостя, Высокіе — на торжествѣ Корол.	527		
III. Историко-археологическіе очерки.			
Бальбекъ. (Древній городъ)	135		
Жертв. челоу. въ др. Мекс. (Принадлежн.)	86		
Палаты цари Мах. Теодор. въ костр.	1058		
IV. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.			
Ванны въ Пятигорскѣ, Ермоловскія	586		
Великанъ, Штудгарт.—(Культ.-ист. оч.)	395		
Вѣна (городъ)	922		
Газетнаго дѣла, начало	307		
Гольфстремъ (океанск. рѣка). Очеркъ	114		
Геосиманскій, скитъ. Церковь	1226		
Дамаскъ (городъ)	328		
Деревня въ Веронезской губ.	994		
Домикъ Петра В. въ Валуяхъ	1174		
Дрезденъ (городъ)	672		
Жизнь, древне-римская	1010		
Илецкая защита и минеральн. воды	314		
Имѣніе И. С. Тургенева	1003		
Каменноугольн. (изъ) періода. Оч. Штанде	698		
Кисловодскъ и Нарзанъ	658		
Малороссійскіе чабаны въ степи	970		
Мода въ безобразіи. Очеркъ	230		
Монастырь Спасо-Прилуцкій	210		
Москва. (Описание города)	471		
Пасхи, празднованіе въ старинн. Руси	378		
Постройка, типы сѣверныхъ	163		
Прага, старая	183		
Пустынь, Нилова	375		
Пѣвчикъ, хоръ—Шапенскаго училища	362		
Ривьеръ (по) влозъ	743		
Сѣвненія въ сельск. хозяйствѣ Англій. Очеркъ Омстеда	90		
Судъ надъ животными. Очеркъ	278		
Товарищество, потребит. въ Анг. Оч. Н. Д.	327		
Торговля, хлѣбная. Очеркъ	647		
Франкфуртъ на Майнѣ	842		
Церковь, Спасообиденская въ Вологдѣ	338		
Церковь, Явненская, въ Zubovskoy вол.	410		
Церковь (Католич.) св. Екатор. въ СПб.	634		
V. Естествознаніе.			
Веверы, проходъ. чрезъ солн. дискъ. Оч.	42		
Воробьями, вредъ наносимый	282		
Животныхъ, болѣзни дивныхъ	235		
		Животныхъ, нѣчто объ инстинктѣ. Очер. 183	
		Звѣздахъ (о) замѣтки 370	
		Земледѣліе, научное. Очеркъ 960	
		Лучей, солнечныхъ, дѣйствіе. Очеркъ 1079	
		Небесный свиталецъ. (Астрон. очеркъ) 18	
		Небо въ 1883 году 187	
		Огнемъ и водой, бор. между. Оч. Рихтера 375	
		Птицы, перелетныя. Очеркъ 984	
		Путешеств. сквозь земн. шаръ. Оч. Тунча 463	
		Пчелъ, наблюд. надъ раб. Оч. Августина 574	
		Пчелы, забытое родство 1159	
		Пыль, атмосферная 913	
		Пыль, пясчатая (очеркъ) 732	
		Саранчи, объ истребленіи 767	
		Слуха, органъ—у и сѣкомыхъ. Очеркъ 792	
		Юпитеръ, Планета. Очеркъ Тунча 426	
		VI. Наука, новыя изобрѣтенія и технологія.	
		Аэростатъ Тиссандье (электрическій) 1190	
		Бумаги, производство въ Японіи 110	
		Велосипеда, новѣйшій видъ. Очеркъ 600	
		Велосипедъ, паровой 280	
		Горѣлка, крестообразная 1109	
		Машина, пишущая, Ремингтона 404	
		Маякъ, пловучій—капитана Модя 652	
		Отбросковъ (изъ) произв. Оч. Шпильберга 695	
		Телескопъ (въ Пулковѣ) вслѣдств. въ мірѣ 720	
		Торпеда Уайтхеда 280	
		Фотографія, моментальная 1135	
		„Эолюсъ“. Аппаратъ для очищен. воздуха 405	
		VII. Архитектура и скульптура.	
		Зданія, высочайшія въ мірѣ 62	
		Памятникъ Хр. Колумбу въ Мадридѣ 747	
		Памятникъ св. Ирины въ Кіевѣ 434	
		Ратуша, новая, въ Вѣнѣ 892	
		Соборъ, новый кафедр. въ Дьяковарѣ 112	
		Храмъ В. Хр. на мѣстѣ соб. 1 марта 1134	
		VIII. Современность.	
		Взрывъ въ здан. Вестминстера 331	
		Выставка въ Амстердамѣ 538	
		Выставка въ Амстердамѣ. Русскій отдѣлъ 843	
		Выставка птицъ въ Михайлов. манежѣ 528	
		Землетрясеніе на Искія 79, 840	
		Землетрясеніе на Явѣ 27 Августа 941	
		Зоологическій садъ въ СНБ. 602	
		Коронація (о). Манифестъ 500	
		Коронація (о). Рассказы 506, 530, 555, 579	
		Коронаціонные дни въ Москвѣ 522	
		Коронаваніи, о Священномъ 482	
		Коронаваніи (о) Императоровъ 490	
		Коронаваніи, подробн. торж. въ Москвѣ 494	
		Общество, современное парижское 316	
		Памятн. Гумбольдтамъ, отрв. въ Берлинѣ 443	
		Праздникъ на Ходынскомъ полѣ 21 Мая 576	
		Тургенева И. С., Похоронн. 1011	
		Храма Воскрес. Христ., закладка 1035	
		IX. Литературный альбомъ.	
		Агасферъ. Поэма Мозена 232	
		Борисъ Годуновъ. А. С. Пушкина 1034	
		Ворнишъ Орша. М. Ю. Лермонтова 234	
		Влгдлецъ. Поэма Лермонтова 306	
		Графъ Габсбургскій. Баллада Шиллера 915	
		Гретхенъ. („Фаустъ“ Гете) 891	
		„Дочь и надгерица“. Русская сказка 159	
		Евгеній Онѣгинъ. А. С. Пушкина 674	
		Кузнецикъ-Музыкантъ. Полонезаго 331	
		Майская ночь. Повѣсть Гоголя 423	
		Ночь на Рождество. Повѣсть Гоголя 403	
		Проклятіе пѣвца. Баллада Уланда 915	
		Псковитянка. Драма Л. Мея 401	
		Пѣснь про куп. Калашиниковъ. Лермонт. 915	
		Святоточная легенда. Данилевскаго 1239	
		Тарасъ Бульба. Гоголя 1184	
		X. Живопись.	
		„Буря“ карт. Айвазовскаго 203	
		Картинъ Клевера и Судковскаго, Выстав. 259	
		Король-женихъ, (Премія Нивы 1883 г.) 1002	
		Послѣ нижег. у кн. Пожарск. Кар. Савинск. 39	
		Послѣ побѣды въ Альгамб. Кар. Контатана 818	
		„Пугачевъ“. Карт. Перова 258	
		Русскій воинъ XIV в. Карт. Верещагина 819	
		XI. Популярно-медицинскіе очерки.	
		Глаза, изслѣдованіе 674	
		Дородность. Очеркъ 138	

СТРАН		СТРАН		СТРАН	
Заразы и эпидеміи, понятие о причинахъ	864	Вечеръ. Карт. Магарта	33	Земляи кварт. (на) (шпана) Рис. Каразина	873
Музыки, влияние на людей и животныхъ	623	Вещи найд. въ десят. церкви	468	Зоологич. салъ въ СПб. Общ. видъ 588,	589
Питанія, излишества—очеркъ	419	Взрывъ динам. въ Вестминстерѣ	329	Зорка, княжна черноморская	984
Пища человека. Очеркъ	936	Видъ въ Могад. губ. Карт. Отрыгальева	597	Иванъ-Княевичъ изъ крѣпѣ	81
Пищи, сколько ежедн. приним. человекъ	210	Визитъ въ молод. мат. Карт. Зиса	232	Игра въ бабки. Рис. Князева	669
Пыли, влияние на здор. люд.—Очеркъ	1235	Взлѣкъ, гор. во время ловли сельдей	1237	Игра въ мыльные пузыри	233
Тифъ. Очеркъ	66	Визельгельмъ, Принцъ Баденскій	529	Избл. Крестыякъ. въ Вол. губ. 2 рис. 161,	162
Трихану, какъ уничтожить. Очеркъ	912	Вирардо, Гарсія, г-жа	1080	Икона Тихв. Бож. мат.	624
Ума, основы воспитанія	1163	Во ржи. Карт. Буме	684, 685	Илецкія минер. воды. (Видъ)	313
Удъ змѣнный и противоядіе. Очеркъ	1056	Военнопл. ведом. на жерт. Ваалу	268, 269	Иматра. Водопадъ зимой 2 вида	436, 437
XII. Библиографія.		Возвращеніе съ охоты. Карт. Сверчкова	76, 77	Ирина св. Памятникъ ей	433
Стр. 19, 116, 140, 212, 308, 406, 451, 701, 725, 845, 1107, 1242.		Воздухоочиститель. самодѣйствующій	476	Искія, остр., катастрофа. Видъ г. Казд-мичіюла	793
XIII. Парижскія моды.		Воздухоочиститель. самодѣйствующій	210	Искія, остр. катастрофа. Общ. видъ острова	793
Январь 18 рис. 29 черт. выкр. 24 мал. уз.		Волонъ, русскій XIV ст. Кар. Верещагина	109	Иезикиля, видѣніе. Карт. Рафаэля	300
Февраль 17 » 24 » » 26 уз. выш.		Вологда. Храмы Спаса и Наколая	337	Иорданъ Ѳ. И.	1032
Мартъ 14 » 25 » » 14 ажур. раб.		Волховъ, рѣк. На толяхъ. Рис. Зиновьева	717	Канадецъ маленій	441
Апрѣль 21 » 22 » » 35 уз. выш.		Враги или друзья? Карт. Мориса 1176, 1177		Карамзинъ. Памятникъ въ Симбирскѣ	180
Май 18 » 24 » » 31 »		Выставка карт. Верещаг. Входъ	1213	Карлъ-Людвигъ, Ѳриг. Австр.	529
Іюнь 31 » 25 » » 14 ажур. раб.		Выставка птицъ въ Мнх. ман.	532	Карлъ, Принцъ Прусскій	145
Іюль 31 » 24 » » 15 уз. выш.		Вѣна. Импер. дворецъ (Бургъ)	921	Кармораны, птица	721
Августъ 22 » 25 » » 24 »		Вѣна. Ратуша, новья	884	Кеворкъ IV, Патріархъ армянъ	109
Сентябрь 17 » 25 » » 37 »		Вѣна. Театръ оперы	924	Киргизы послѣ охоты отдыхаютъ	1
Октябрь 19 » 27 » » 24 ажур. раб.		Гаарлемъ, Амстерд. ворота	764	Кисловодскъ. Источн. Нарзанъ	657
Ноябрь 19 » 26 » » 21 уз. выш.		Гамбетта, вь Палатѣ	89	Кисловодскъ. Каскадь въ паркѣ	668
Декабрь 25 » 24 » » 18 мал. уз.		Гамбетта, Леонъ	25	Клотильда, Принц	209
XIV. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.		Гамбетта. Домъ его	89	Колумбу, Хр. Памятн. въ Мадр.	748
36 тиражъ 1-го займа 1883 г.	70	„Гамбринусъ“ Пивов. Заводъ	697	Колядчики въ Малоросс. Рис. Зиновьева	1257
34 » 2 » 1883 »	263	Гаремъ (Въ) карт. Крамера	1185	Копопли, сѣмь. Рис. Зиновьева	785
37 » 1 » 1883 »	679	Генрихъ, Принцъ Гесенскій	529	Косовичъ К. А.	609
35 » 2 » 1883 »	895	Георгъ I, Король Эллиновъ	753	Красавица, вѣнская. Типъ	1125
XV. Рисунки и Портреты.		Гербель Н. В.	385	Красавица. Карт. Дюрана	1092—1093
Автоматъ Р. Гудена	330	„Германія“, Статуя. Голова статуи	844	Красавица. Карт. Мориса	316—317
Агасферъ. Поэма Мозена, кар. Мара 220,	221	Германъ, Принцъ Сакс.-Вейм.	529	Красныя ворота въ Москвѣ	524
Александръ III, Государъ Императ	484	Гете, соч. иллюст. изд. Обр. рисунковъ	1245	Крестный ходъ на Пасх. Рис. Каразина	369
Александръ I Князь Болгарскій	527	Геосиманск. садъ. (Видъ)	352	Крестыяне вѣдущ. на пашью (малор.)	993
Алансонъ, (де) Герцогъ	209	Геосиманск. скитъ. (Церковь)	1225	Крещеніе, послѣ Карт. Бейшлага	1025
Аллегорія и эмблема Герлаха. 7 рис. 449,	450	Гладиаторъ, посл. Кар. Штеллerta 1068,	1069	Крымъ. Грогъ Черексрменъ	765
Альбрехтъ, Принцъ Прусскій	529	Глазъ, изслѣд. его. 3 рисунка	675	Крымъ. Источн. бл. Мшатки	693
Амазонки, Стенныя. рис. Каразина	14	Гонка парусн. СПб. Яхтъ-Клубъ	865	Крымъ. Мельница въ Евпаторіи	892
Амедей, Принцъ Итальянскій	530	Горилла въ борьбѣ	817	Кто кого? Стенн. карт. Каразина	900
Амстердамъ. Выставка. Главн. подъѣздъ	537	Горныя вершины. Къ стих. Лермонтова	132	Кузнецъ-музык. Цолонск. Рис. Каразина	321
„ „ Передъ порталомъ	556	Городецъ, село гдѣ скон. Алекс. Невск.	865	Лаверецкій, Н. А. Проф.	849
Амстердамъ, Выставка Русск. отдѣлъ	841	Горожанка средневѣк. Рис. Этлингеръ	29	Лахта бл. СПб. Видъ	645
Антверпенъ. Видъ Биржи	253	Горчаковъ А. М. Князь	211	Лезгинка. Карт. Эйзенгута	1029
Антверпенъ. Откр. Ярмар. въ ср. в. 948,	949	Горышка, крестообразная	1109	Леонтій, арх. Холмск. и Варш.	1089
Аркадія, на пути въ—	1052, 1053	Граница Европы и Азіи	157	Леопольдъ-Майеръ, проф.	1145
Ариульфъ, Принцъ Баварскій	529	Графъ Габсбург. Балл. Шиллера. Группа	909	Либерихъ, Н. И.	681
Азростатъ Тиссандье. 3 рис.	1188, 89, 90	Гретх. (Фаустъ). Кар. Боденгаузена 876,	877	Лисица и Заяцъ. Рис. Шпехта	889
Баба-Яга. Нар. ск. рис. Волкова	953	Грузія (Въ). Карт. Кондратенкова	972	Лобзаніе Іуды. Карт. Матъе	340, 341
Бабочка. Силуэты Изенберга	593	Гумбольдтъ Вильг. Памятн. въ Берлинѣ	649	Локомотивъ Компаундъ 3 рисунка 628,	629
Бажановъ. В. Б. Протопресвит	825	Гуцулка. Типъ	980	Лофоденъ. Солнце полночи	612, 613
Балаклава. Видъ въ Крыму	125	Давыдовъ К. Ю. Проф.	801	Луна, край ея въ 1-ю четверть	186
Балерина, носящая электр. батар. освѣщающ. на ней камни. 4 рис. 1240,	1241	Дамаскъ. Общ. видъ	324	Луны-рыбы, Ловля	601
Бальбекъ. Храмъ	137	„ „ Внутрен. богат. дома	325	Лѣсные обыватели	421
Бальбекъ, стѣна	133	„ „ Веранда богат. дома	328	Лѣстница Чертова въ Крыму	17
Бальзамированіе мумій въ Египтѣ	916	Дарьяльское ущелье. Карт. Рубо	461	Лѣсъ, подводный	1103
Баранчанскій чуг.-плав. заводъ	956	Дворецъ Кн. Пстемкина. (развалины)	933	Лѣтомъ. Карт. Кильберга	713
Барраса (у) утромъ	100, 101	Дебютъ, первый. Карт. Малышева	833	Любовь, Материнская	276
Блудный сынъ. Картина Смирнова	57	Дѣнь рожденія. Карт. Зондерлянда	249	Людвикъ XIII и Анна Австр.	1097
Блюдо и камни употр. при закл. хр.		Дѣна на крыл. Ночи, съ карт. Брюлова	737	Лютеръ, д-ръ Мартинъ	1041
В. Х. 2 рис.	1214, 1215	Домикъ въ г. Валуйкахъ, (Петра I.)	1173	Лютеръ. Памятн. ему и дѣятел. реформации въ Вормсѣ	1044
Болгарка. (Типъ)	389	Домъ, Ледяной въ Мопреалѣ	229	Лютеръ. Переводъ съ сотрудн. Баблюю	1045
Борода первая, рис. Каразина	469	Донъ, рѣка въ разливѣ. Рис. Каразина	460	Мадонна Сикстинская Рафаэля	292—293
Бортнянскій, Д. Е.	376	Доре, Густавъ	121	Мадонна д'Альба, Рафаэля	297
Бродяжка. Карт. Платонова	857	Достоевскій. Проектъ памяти	940	Майск. ночь Гоголя. Рис. Кившенко	420
Брукл. мостъ въ Нью-Йоркѣ. 2 рис. 1164,	1165	Дочь и падчерица. Рис. Каразина	153	Маковскій В. Е. Академ.	457
Бура, осенняя карт. Зиндинга	148, 149	Драгуны. Карт. Видевальда	108	Маленкій (барашекъ). Рис. Бугеро	977
Буря. Карт. Айвазовскаго	204	Древности, Мексиканскія	84	Малор. чабаны въ степи. Рис. Кившенко	969
Бѣглець. Лермонт. рис. Земцова	305	Дрезденъ. 14 вид. города	660, 661	Малороссіянка, дѣвушка. Рис. Классъ	5
Вагнеръ, Рихардъ	193	Друзья. Группа	988	Малороссъ, мальчикъ. Рис. Классъ	4
Вагнеръ, Р. Грогъ его	256	Дубровицы, с. храмъ Знаменія	868	Марія Ѳеодорова Госуд. Императ	485
„ Кабанецъ	257	Дуэль на лошади карт. Хельминскаго 196,	197	Масляница въ деревнѣ. Рис. Каразина	172, 173
„ Театръ въ Байр	257	Дьяковаръ (въ) соборъ	113	Масляница. Рис. Каразина	169
„ Видля „Ванфридъ“	258	Дѣвочки изъ Толы (въ Мекс.)	252	Масонскіе знаки. Рис. Суслова	1101
Вакула, Кузнецъ, Гоголя. Рис. Кившенко	396	Дѣти въ лѣсу. Карт. Корзухина	617	Мастерская проф. Клевера	60
Вакханка. Стат. Блера	177	Дѣти въ полѣ	837	Матильда, Принцесса	209
Вацманъ, Гора въ Баваріи	61	Дѣти на гумнѣ. Карт. Кошелева	569	Машина, самопишущая	404
Введенскій монастырь въ Сольвчег	1083	Дѣта, Ж. Химикъ	200	Маякъ, плывучій	652
Велосипедъ съ керосиновой толкой	280	Дюма, Императрица	209	Мельниковъ П. И. (А. Печерскій)	208
Венигъ, К. Б. Проф.	705	Егеръ профессоръ	66	Мельница Авраѣская	892
Верби, Воскр. въ моск. въ 17 в. рис. Штейна	348	Египтянка	929	Мельница, водяная. Рис. Зиновьева	732
Верби, принесли! рис Коха	353	Ермолинцы, улпца. Карт. Рубо	397	Мельница въ Санъ-Суци	724
Весна. Карт. Перова	273	Ж-ны, св.-у гроба Христ. Карт. Блауэра	373	Ментона, набережная	741
Весною. Карт. Бейшлага	465	Жуаньялскій, принцъ	200	„ „ Общ. видъ	744
Весталокъ, школа. Карт. Леру	1208	Жуковский, В. А.	88	Мечты, всевыя Карт. Кизела	1073
		Закладка хр. на мѣстѣ соб. 1 марта 1033		Мещерскій А. И. Академикъ	1017
		Запис. охотн. Тург. 10 рис. Караз. 1200, 1201		Мильтонъ „Потер. рай“. Карт. Дорѣ	129
		Захеръ-Мазохъ, Л.	49	Можзень, Т. Проф.	1117
		Звѣзда, серебрян. Рожд. Христ. въ Виел. 1253		Монако. Скала	740
		Злаяи. сам. вѣс. на свѣтѣ Рис. Земцова 52, 53			

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Монахо. Вила	741	Рафаэль. Автографъ его	304	Храмъ св. Николая, гдѣ крест. Тихонъ	964
„ Видъ города	744	Реблингъ, Джонъ	1164	Храмъ Спасит. въ Москвѣ Внут. видъ	516-517
Монпасье, герцога	209	„ Реблингъ, Вашингтонъ	1164	Храмъ Рождества въ Вюлиемъ. Базлика	1254
Монте-Карло. Сады	740	Рождественская Ночь. Рис. Цика	1256	Христосъ въ Геѣсим. саду, стат. Забѣлы	345
Москва. Общ. видъ и пам. Пушкину	471	Рождественскіе подарки. Рис. Веле	1261	Христосъ Воскресе. Карт. Штама	377
„ Тверская ул.	472	Рождеств. силуэты. Рис. Брауна	1269	Царевна, Морская, карт. Зиндига	424
„ домъ Романовыхъ	472	Рождеств. силуэты. Рис. Фольбаума	1268	Церковь, Католическ. въ Слб.	633
„ Сады „Эринтажъ“	472	Рождество въ лѣсу. Карт. Зюса	1265	Царское село. Стар. Башня и Чесн. колонна	932
„ Александровскій садъ	473	Романъ, кн. Галицкій спор. о вѣрѣ		Царь-Колоколъ въ Москвѣ	521
„ Видъ Кремля	473	Кар. Бухгольца	1148-1149	Царь-Пушка въ Москвѣ	520
„ Петровскій бульваръ		Румынка (Типъ)	389	Чайки на морск. берегу	937
„ с. Овднцово	474	Ручья (у) карт. Орловскаго	853	Ченъ Гховск. мон. привалъ богомол. 636-637	
„ Лубянская площадь		Савская царица. Живая карт.	860	Черный Затонъ. Селеніе	885
Музыкантъ-Любитель. Карт. Ефимова	1181	Саймскій каналъ въ Финляндіи	813	Чернышевъ мостъ Слб.	1100
Наполеонъ, Жеромъ, принцъ	162	Саймское озеро въ Финляндіи	812	Чижовъ М. А. Акад.	777
Наполеонъ, Роландъ, принцъ	209	Самаринъ, И. В. Артистъ	945	Шамборъ, Графъ и Графиня	209-729
Наполеонъ, Викторъ, принцъ	209	Самозв. на гран. (Бор. Год.) Рис. Штейна	1028	Шанзи, Генераль	97
Наполеонъ, Луи, принцъ	209	Свадьба 16 ст. Карт. Башеро	708-709	Шарлеманъ, А. О. Профессоръ	217
Не для васъ, изъ др.-рим. ж.	997	Святочная леген. Данилевск. Рисункъ		Шартрскій, Герцогъ и герцогиня	209
Невѣста, бояр. одѣван. Кар. Верещагина	733	Зиновьева	1229	Швейцарія Горная ж. д. Монтре-Глэювъ	1105
Немуръ, Герцоъ	209	Севастополь. Башня Адмиралт.	412	Шекснѣ (На) карт. Кондратенкова	836
Несторъ, Епископъ Алеутскій	768	Сейдъ-Магомедъ, ханъ хивинск.	648	Шествіе на осляти, въ Москвѣ. Рис	
Николай, Патр. Иерусалимск.	897	Семья армянь	85	Штейна	364-365
Николай I, Пегошь, кн. черногорскій	528	Семфорозъ съ снов. предъ Им. Адр. 444-445		Шлиссельбургъ. Праздн. 8 Іюля	769
Нилова пустынь. Видъ монастыря	372	Сіамскіе король и королева	448	Шувалово бл. Сиб. Видъ	644
Новикова О. А.	40	Сіамъ, Сожженіе тѣла королевы	448	Э. д. Графъ	209
Новый годъ. Рис. Фолина	9	Сказка Казанник. Лерм. Карт. Шаховск.	905	Эврифаринскъ, рыба	161
Объѣдъ рабочихъ на плот. Рис. Зиновьева	957	Слоны (укрощеніе ихъ)	1240	Эдинбургскій герцогъ	529
Озеро, Баварское — ѣзда по льду	388	Собаки, Лелучія	1161	Элеваторы въ Бордо. 2 рис.	1133
Омальскій Герцогъ	209	Собачка, ученая. Рис. Виу	16	„Эолусъ“ Приб. для осв. возд. 4 рис.	404
Онѣгинъ, Пушкина. Татьяна. Рис. Панова	665	Соймѣ (На) сцены на Невѣ. Рис. Шнака	185	Этюдъ (лошадь) рис. Сверчкова	1205
Оптика, странствующій (типъ)	1060	Солнце съ пятнами	186	Юпитеръ, планета	186
Орловскій, В. Д. Проф.	265	Сосуды Вавилемскіе	1255	Явгская Покровск. церковь	409
Орша, Бояринъ. Лермонт. Рис. Земцова	225	Спасо-Прилуцкій монастырь	205		
Освобожденіе христіанъ въ Тунисѣ	849	Спускъ въ пещер. час. Р. Х. въ Впел. 1255			
Осенью. Рис. Гнѣдича	1228	Среди друзей. Карт. Гидемана	105		
Остерегайся собаки. Изъ др.-рим. ж.	996	Старая Ладога. Видъ	925		
Охота на медвѣдь. Карт. Перова	228	Старакъ 122 лѣтъ	700		
Охотники. Карт. Рубо	852	Стекл. зав. его произвед. 4 рис. 1209-1212			
Пажы, средневѣк. Игра въ кости 1020-1021		Столыпинск. минеральныя воды	620		
Палаты Мих. Ѳеод. въ Костромѣ	1057	Столытьѣ. Изъ кн. Робинда. 2 рис. Гнѣд. 788, 789			
Палестина. соч. Эберса. Образ. рисун. 1244		Судъ въ средневѣков. Германіи	861		
Памяти. въ честь воин. въ Ташкентѣ	745	Судъ надъ умерш. др.-егип. карт.	914		
Паризскій, Графъ и Графиня	209	Сухарева башня въ Москвѣ	525		
Пейзажъ, Зимній. Карт. Клевера	400	Счеты, новыя, Дьякова	772		
Пейзажъ. Карт. Лагоріо	781	Таборъ цыганскій. Карт. Бема	596		
Перевозъ (на) рис. Зиновьева	1076	Тайгъ (В) изъ жизни бѣлыхъ	1049		
Песочники, близъ Шлисс. рис. Шпака 1156		„Тар. Бульба“ Гоголя. Рис. Кившенко. 1128			
По порожъ за краснымъ. Карт. Соколова	124	Типъ Слб: Modes et Robes. Рис. Панова	820		
„ Полки“ жена и корабль	277	Типъ Петерб. , уличные. Рис. Степанова	1157		
Портретъ. Карт. Шаблена	417	Тисса, Министръ Венгрии	1065		
Портреты въ Дрезденѣ. 2 рис.	673	Тифлис. Метехскій храмъ	413		
Послѣ побѣды мавр. Карт. Копстана 804, 805		Тихвинскій монаст. видъ	625		
Послѣ бури. Карт. Боголюбова	901	Тихона, св. Монастырь	961		
Посольство Пожарскому. Карт. Савинск. 36		Торпедная лодка Уайтхеда	281		
Поссорились. Рис. Зиновьева	641	Трапезундъ. Набережная	780		
„Поты“. Торпедная лодка	1060	Троицко-Серг. Лавра. Общ. видъ 548-549			
Прага: Градчннъ	131	Тройка въ ягаль. Рис. Сверчкова	1153		
„ Синагога	181	Трупосожиганіе въ Готѣ	65		
„ Ратуша	181	Тургенева, Домъ въ с. Спасо-Лутовиновѣ	1004		
„ Пороховая башня	181	„ Школа и церковь	1005		
„ Церковь св. Вита	184	„ Аллея передъ домомъ	1008		
„ Замковая терраса	184	Тургенева, Усадьба Орл. губ. Мценск. у.			
„ Мостовая башня	184	Часовня, гостиная, кабинетъ, спальн	1001		
„ Гуситская церковь	184	Тургенева, Похороны 27 Сент.	1009		
„ Еврейское кладбище	185	Тургенева И. С. Портр.	881		
„ Залъ совѣта	185	Тургенева во время его болѣзнь. Рис.			
„ Старыя ворота	185	Шамеро	1077		
„ Малая сторона	185	Тургенева на смертн. одрѣ	916		
„ Монастырь св. Креста	185	Турчаниновъ, П. И. композиторъ	376		
„ Павильонъ Валленштейна	186	У моря. Карт. Зихела	112		
Предсказан. (Патр. Никону). Рис. Земцова 12		Уайтхедъ Робертъ	281		
Призраки. Воспронъ в. на сценѣ. 2 рис. 425		Уженье рыбы. Карт. Ленуара	761		
Пробужденіе кн. Дм. Краси. К. Селезнева. 37		Укротитель змѣй и крокодил.—Сванъ	796		
Проявленіе вѣнца. Балл. Уланда. Группы. 908		Урбино. Общ. видъ гор.	301		
Просьба о пер. записки. Карт. Каульбаха. 1184		Утрени. визитъ. Карт. Минье	1233		
Псарный дворъ. Карт. Кившенко	1129	Утро, раннее, рис. Мезова	981		
Псковитянка др. Мел. Рис. Земцова	393	Утромъ послѣ елки. Рис. Вернера	1264		
Пугачевъ. Карт. Перова	241-245	Училище, ремесл., Несар. Николая Слб. 973			
Пути (На) изъ церк. Карт. Маркельбаха. 1081		Ферма въ шт. Иллинойсъ въ Америкѣ	621		
Путаннъ, Е. В. Графъ	1197	Филаретъ, Митрополитъ	73		
Пѣвица Карт. Мая	756-757	Филиппъ Крив. посвящ. сына въ рыц. 1236			
Пѣсня снѣга. Карт. Шуца	156	Флотовъ, Ф.	160		
Пятигорскъ. Е. молоскія ванны	585	Фонтанъ, самодѣйствующій	772		
Разносчикъ, деревенскій рис. Князева. 692		Фотограф. моментъ. 5 рис.	1136		
Разсѣять въ лѣсу. Карт. Орловскаго. 716		Франкфуртъ на Майнѣ. 15 вид. гор. 828-829			
Равеннъ. Карт. Рубо	689	Фультонъ предст. Наполеону I пароходъ. Рис. Мерте	41		
Растеніе безъ земли	608	Харонъ и Психей. Карт. Цива	291		
Растеніе, движущееся. 2 рисунка	402	Хоръ пѣвчихъ Шапш. учил. Вол. губ.	361		
Рафаэль Санціо	289	Храмъ Воскр. Хр. на мѣстѣ соб. 1 Мар.			
Рафаэль. Домъ, въ кот. онъ род.	304	Общій видъ	1120-1121		
Рафаэль. Комната, гдѣ онъ родился	301				

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIV годъ
№ 1

годъ XIV
1883

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выдавъ 1 Января 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 25 к., съ перес. 30 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 50 коп. (1 Mark. 50 Pfen. для за гран.) за строку непарелль (въ 1/4 ширины страницы).

Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 7 р.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 5 р.
6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н И В Ъ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи. для городскихнихъ по 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ). ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1883 г., съ 22 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 29 выкройками въ натуральную величину и 24 ориг. рисунк. рукодѣльн. работъ въ русскомъ стилѣ, печатанными 2 красками.

При этомъ № прилаг. для подписч. „Нивы“ первая бесплатная премія—стѣнной Календарь на 1883 г., печатан. 2 красками.

Патріархъ Кеворкъ IV.

6-го декабря минувшаго года, въ древней резиденціи верховныхъ патріарховъ армянской церкви, въ Эчмиадзинѣ, скончался послѣ тяжелой болѣзни, верховный католикосъ и патріархъ всѣхъ армянъ—человѣкъ высокаго ума и энергической дѣятельности, Кеворкъ IV. Онъ родился въ 1813 году въ Константинополѣ, въ 1830 году принявъ монашеское званіе и постриженъ константинопольскимъ патріархомъ, въ 1834 году сдѣланъ архидіакономъ, затѣмъ архимандритомъ и состоялъ при церкви св. Стефана въ Константинополѣ. Уже тогда онъ славился своими проповѣдями, и слушать его стекались со всего Константинополя. Управляя нѣсколько лѣтъ епархією, онъ привелъ дѣла ея и ея училищъ въ блестящее положеніе. Въ 1848 году былъ единогласно избранъ епископомъ Брусскимъ. Занявъ высокій постъ армянскаго патріарха въ Константинополѣ, онъ не нашелъ его себѣ по сердцу, ибо постъ этотъ сопряженъ со многими полити-

ПАТРИАРХЪ

Кеворкъ IV, верховный Патріархъ всѣхъ армянъ † 6 Декабря 1882 г.
Съ фотографіи рис. Коверзневъ, грав. И. Матюшинъ.

ческими заботами по обязанностямъ патріарха какъ духовнаго и вмѣстѣ свѣтскаго главы обширной паствы турецкихъ армянъ. Поэтому онъ вернулся къ старой паствѣ въ Бруссу, населенію которой принесъ столько пользы своею дѣятельностью и организаторскимъ талантомъ. Патріархъ Кеворкъ всегда былъ горячимъ сторонникомъ Россіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся его обязанностей, и такъ какъ это было извѣстно, то онъ не могъ долго оставаться на константинопольскомъ престолѣ. Однажды былъ случай, что ждали Его Высочество В. Кн. Константина Николаевича въ Бруссе, и представители всѣхъ церквей тамъ добивались высокой чести принять у себя Августѣйшаго Гостя. Его Высочество остановился тогда у армянскаго архіепископа Кеворка.

По избраніи въ верховные патріархи Кеворкъ IV прибылъ въ Петербургъ и всѣ еще помнятъ его величавую, прекрасную наружность и осанку, исполненную достоинства,—въ Петербургѣ патріархъ былъ встрѣченъ со всѣмъ вниманіемъ и почтениемъ, подобающими его вы-

сокому сану и достоинствамъ, и былъ очень милостиво принять въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Занявъ патриаршій престолъ, патриархъ направилъ всѣ свои заботы на распространение религіозно-правственнаго образования среди армянскаго народа и на улучшение состава духовенства.

Онъ основалъ въ Эчмиадзинѣ духовную академію, которая приведена въ весьма удовлетворительное положеніе и въ будущемъ послужитъ рассадникомъ достойныхъ пастырей и учителей народа. При этомъ получили еще, что особенно замѣчательно, самое широкое распространение *церковно-приходскія школы* и въ нынѣшнемъ году отчетъ о нихъ обнаружилъ, какую серьезную пользу приносятъ народу эти школы. Просвѣщенная дѣятельность патриарха Кеворка IV не ограничивалась одной заботой о народномъ образованіи. Онъ привелъ въ порядокъ исторически извѣстную бібліотеку эчмиадзинскаго монастыря, изъ сокровищъ которой извлекъ множество важныхъ ак-

товъ и документовъ и напечаталъ ихъ въ типографіи, устроенной имъ при томъ-же монастырѣ. Онъ-же основалъ журналъ „Араратъ“, имѣющій огромный кругъ распространенія.

Патриаршіе приемы въ Эчмиадзинѣ бывали въ приемной залѣ. Патриархъ обыкновенно сидѣлъ на подушкахъ и богатыхъ коврахъ; всякій приближавшійся къ нему долженъ былъ становиться на колѣни и цѣловать его руку и ногу. Одѣяніе патриарха было — черная шелковая ряса и пирамидальная шелковая шапочка, съ которой спускается сзади черное шелковое покрывало. По древнему обычаю заведено, что только одни епископы могутъ сидѣть въ присутствіи патриарха и то лишь, когда онъ самъ приглашаетъ. Говорить могъ только тотъ, при немъ, къ кому онъ обращался съ вопросомъ.

Похороны высокоуважаемаго и любимаго паствою патриарха совершались съ торжествомъ и великолѣпіемъ, подобающимъ такому событію, при громадномъ стеченіи народа.

Гуттаперчевый мальчикъ.

Повѣсть Д. В. Григоровича.

(Посвящено Е. А. Третьяковой).

.... „Когда я родился,—я заплакалъ; въ послѣдствіи, каждый прожитой день объяснялъ мнѣ, почему я заплакалъ, когда родился....“

I.

Мятедь! Мятедь!! И какъ это вдругъ! Какъ неожиданно!!.. А до того времени стояла прекрасная погода. Въ полдень слегка морозило; солнце, ослѣпительно сверкая подъ снѣгомъ и заставляя всѣхъ щуриться, прибавляло къ веселости и пестротѣ уличнаго петербургскаго населенія, праздновавшаго пятый день Масляницы. Такъ продолжалось почти до трехъ часовъ, до начала сумерекъ, и вдругъ налетѣла туча, поднялся вѣтеръ и снѣгъ повалилъ съ такою густотою, что въ первыя минуты ничего нельзя было разобрать на улицѣ.

Суета и давка особенно чувствовалась на площади противъ цирка. Публика, выходявшая послѣ утренняго представленія, едва могла пробираться въ толпѣ, валившей съ Царицына Луга, гдѣ были балаганы. Люди, лошади, саши, кареты,—все смѣшалось. Посреди шума раздавались со всѣхъ концовъ нетерпѣливые возгласы, слышались недовольныя, ворчливыя замѣчанія лицъ, застигнутыхъ врасплохъ мятедью. Нашлись даже такія, которыя тутъ-же не на шутку разсердились и хорошенько ее выбрали.

Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ, прежде всего, причислить распорядителей цирка. И въ самомъ дѣлѣ, если принять въ расчетъ предстоящее вечернее представленіе и ожидаемую на него публику, мятедь легко могла повредить дѣлу. Масляница безспорно владѣетъ таинственной силой пробуждать въ душѣ человѣка чувство долга къ употребленію блиновъ, услажденію себя увеселеніями и зрѣлищами всякаго рода; но съ другой стороны, извѣстно также изъ опыта, что чувство долга можетъ иногда пасовать и слабнуть отъ причинъ, несравненно менѣе достойныхъ, чѣмъ перемѣна погоды. Какъ-бы тамъ ни было, мятедь колебала успѣхъ вечерняго представленія; рождались даже нѣкоторыя опасенія, что если погода къ восьми часамъ не улучшится,—касса цирка существенно пострадаетъ.

Такъ или почти такъ разсуждалъ режиссеръ цирка, провожая глазами публику, тѣснившуюся у выхода. Когда двери на площадѣ были заперты, онъ направился черезъ залу къ конюшнямъ.

Въ залѣ цирка успѣли уже потушить газъ. Проходя между барьеромъ и первымъ рядомъ креселъ, режиссеръ могъ различать сквозь мракъ только арену цирка, обозначавшуюся круглымъ, мутно-желтоватымъ пятномъ; остальное все: опустѣвшіе ряды креселъ, амфитеатръ, верхнія галереи,—уходили въ темноту, мѣстами неопредѣленно чернѣя, мѣстами пропадая въ туманной мглѣ, крѣпко пропитанной кисло-сладкимъ запахомъ конюшни, амьика, сыраго песку и опилокъ. Подъ куполомъ воздухъ такъ уже сгущался, что трудно было различать очертаніе верхнихъ оконъ; затемнившіяся сна-

ружи пасмурнымъ небомъ, залѣпленные наполовину снѣгомъ, они проглядывали во внутрь какъ сквозь кисель, сообщая настолько свѣту, чтобы нижней части цирка придать еще больше сумрака. Во всемъ этомъ обширномъ темномъ пространствѣ свѣтъ рѣзко проходилъ только золотистой продольной полоской между половинками драпировки, ниспадавшей подъ оркестромъ; онъ лучемъ врѣзывался въ тучный воздухъ, пропадалъ и снова появлялся на противоположномъ концѣ у выхода, играя на позолотѣ и малиновомъ бархатѣ средней ложи.

За драпировкой, пропускавшей свѣтъ, раздавались голоса, слышался лошадиный топотъ; къ нимъ время отъ времени присоединялся нетерпѣливый лай ученыхъ собакъ, которыхъ запирали, какъ только оканчивалось представленіе. Тамъ теперь сосредоточивалась жизнь шумнаго персонала, одушевлявшаго полчасу тому назадъ арену цирка во время утренняго представленія. Тамъ только горѣлъ теперь газъ, освѣщая кирпичныя стѣны, наскоро забѣленные известью. У основанія ихъ, вдоль закругленныхъ корридоровъ, громоздились сложенные декораціи, росписныя барьеры и табуреты, лѣстницы, носилки съ тюфяками и коврами, свертки цвѣтныхъ флаговъ; при свѣтѣ газа четко обрисовывались висѣвшіе на стѣнахъ обручи, перевитые яркими бумажными цвѣтами или заклеенные тонкой китайской бумагой; подлѣ свертка длинный золоченый шестъ и выдѣлялась голубая, шитая блестками, занавѣска, украшавшая подпорку во время танцованія на канатѣ. Словомъ, тутъ находились всѣ тѣ предметы и приспособленія, которыя мгновенно переносятъ воображеніе къ людямъ, перелетающимъ въ пространствѣ, женщинамъ, усиленно прыгающимъ въ обручъ, съ тѣмъ чтобы снова попасть ногами на спину скачущей лошади, дѣтямъ, куврыкающимся въ воздухѣ или висящимъ на однихъ носкахъ подъ куполомъ.

Несмотря, однако-жъ, что все здѣсь напоминало частые и страшные случаи ушибовъ, перелома реберъ и ногъ, паденій, сопряженныхъ со смертью, что жизнь человѣческая постоянно висѣла здѣсь на волоскѣ и съ нею играли какъ съ мячикомъ,—въ этомъ свѣтломъ корридорѣ и расположенныхъ въ немъ уборныхъ, встрѣчались больше лица веселія, слышались по преимуществу шутки, хохотъ и посвистыванье.

Такъ и теперь было.

Въ главномъ проходѣ, соединявшемъ внутренній корридоръ съ конюшнями, можно было видѣть почти всѣхъ лицъ труппы. Одни успѣли уже переменить костюмъ и стояли въ мантильяхъ, модныхъ шляпкахъ, пальто и пиджакахъ; другимъ удалось только смѣть румяна и бѣлила и наскоро набросить пальто, изъ-подъ котораго выглядывали ноги, обтянутыя въ цвѣтное трико и обутыя въ башмаки, шитые блестками; третьи не торопились и красовались въ полномъ костюмѣ, какъ были во время представленія.

Между послѣдними особенное вниманье обращалъ на себя небольшого роста человекъ, обтиснутый отъ груди до когъ въ полосатое трико съ двумя большими бабочками, нашитыми на груди и на спинѣ. По лицу его, густо замазанному бѣлилами, съ бровями, перпендикулярно выведенными поперекъ лба и красными кружками на щекахъ, невозможно было бы сказать, сколько ему лѣтъ, если-бы онъ не снялъ съ себя парика какъ только окончилось представленье и не обнаружилъ этимъ широкой лысины, проходившей черезъ всю голову.

Онъ замѣтно обходилъ товарищей, не вмѣшивался въ ихъ разговоры. Онъ не замѣчалъ, какъ многіе изъ нихъ подталкивали другъ друга локтемъ и шутливо подмигивали, когда онъ проходилъ мимо.

При видѣ вошедшаго режиссера онъ попятился, быстро отвернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ уборнымъ; но режиссеръ поспѣшилъ остановить его.

— Эдвардъ, погодите минутку; успѣете еще раздѣться! сказалъ режиссеръ, внимательно поглядывая на клоуна, который остановился. но повидимому, неохотно это сдѣлалъ,—подождите, прошу васъ; мнѣ надо только переговорить съ фрау Браунъ... Гдѣ мадамъ Браунъ? Позовите ее сюда... А, фрау Браунъ! воскликнулъ режиссеръ, обратясь къ маленькой хромой, уже не молодой женщинѣ въ салопѣ, также не молодыхъ лѣтъ, и шляпкѣ, еще старше салона.

Фрау Браунъ подошла не одна; ее сопровождала дѣвочка лѣтъ пятнадцати, худенькая, съ тонкими чертами лица и прекрасными выразительными глазами.

Она также была бѣдно одѣта.

— Фрау Браунъ, торопливо заговорилъ режиссеръ, бросая снова испытующій взглядъ на клоуна Эдвардса,—господинъ директоръ недоволенъ сегодня вами,—или все равно, вашей дочерью;—очень недоволенъ!.. Ваша дочь сегодня три раза упала и третій разъ такъ неловко, что перенутила публику!..

— Я сама испугалась, тихимъ голосомъ произнесла фрау Браунъ,—мнѣ показалось, Мальхенъ упала на бокъ...

— А, па-па-ли-па! Надо больше ренетировать, вотъ что! Дѣло въ томъ, что такъ невозможно; получая за вашу дочь сто двадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья...

— Но, господинъ режиссеръ, Богъ свидѣтель, во всемъ виновата лошадь; она постоянно сбивается съ такта; когда Мальхенъ прыгнула въ обручъ,—лошадь опять перемѣнила ногу и Мальхенъ упала... вотъ всѣ видѣли, всѣ тоже скажутъ...

Всѣ видѣли,—это правда; но всѣ молчали. Молчала также виновница этого объясненія; она ловила случай, когда режиссеръ не смотрѣлъ на нее и робко на него поглядывала.

— Дѣло извѣстное, всегда въ такихъ случаяхъ лошадь виновата, сказалъ режиссеръ.—Ваша дочь будетъ однако-жъ на ней ѣздить сегодня вечеромъ.

— Но она вечеромъ не работаетъ...

— Будетъ работать, сударыня! Должна работать!.. раздраженно проговорилъ режиссеръ.—Васъ нѣтъ въ расписаніи, это правда, подхватилъ онъ, указывая на писанный листъ бумаги, привѣщенный къ стѣнѣ надъ доскою, усыпанной мѣломъ и служащей артистамъ для обтиранья подошвъ передъ выходомъ на арену,—но это все равно; жонглеръ Линдъ внезапно захворалъ, ваша дочь займетъ его номеръ.

— Я думала дать ей отдохнуть сегодня вечеромъ, проговорила фрау Браунъ, окончательно понижая голосъ, теперь масляница; играютъ по два раза въ день; дѣвочка очень устала...

— На это есть первая недѣля поста, сударыня; и наконецъ въ контрактѣ ясно кажется сказано: „артисты обязаны играть ежедневно и замѣнять другъ друга въ случаѣ болѣзни“... Кажется ясно; и наконецъ, фрау Браунъ: получая за вашу дочь ежемѣсячно сто двад-

цать рублей, стыдно кажется говорить объ этомъ;—именно стыдно!..

Отрѣзавъ такимъ образомъ, режиссеръ повернулся къ ней спиною. Но прежде чѣмъ подойти къ Эдвардсу, онъ снова обвелъ его испытующимъ взглядомъ.

Притупленный видъ и вообще вся фигура клоуна, съ его бабочками на спинѣ и на груди, не предвѣщали на опытный глазъ ничего хорошаго; они явно указывали режиссеру, что Эдвардъ вступилъ въ періодъ тоски, послѣ чего онъ вдругъ начиналъ пить мертвую; и тогда уже прощай всѣ расчеты на клоуна,—расчеты самые основательные, если принять во вниманіе, что Эдвардъ былъ въ труппѣ первымъ сюжетомъ, первымъ любимцемъ публики, первымъ потѣшителемъ, изобрѣтавшимъ чуть ли не каждое представленіе что нибудь новое, заставившее зрителей смѣяться до упаду и хлопать до неистовства. Словомъ, онъ былъ душею цирка, главнымъ его украшеніемъ, главной приманкой.

Боже мой, что могъ-бы сказать Эдвардъ въ отвѣтъ товарищамъ, часто хваставшимъ передъ нимъ тѣмъ, что ихъ знала публика и что они бывали въ столицахъ Европы! Не было цирка въ любомъ большомъ городѣ отъ Парижа до Константинополя, отъ Копенгагена до Палермо, гдѣ-бы не хлопали Эдвардсу, гдѣ-бы не печатали на афишахъ его изображеніе въ костюмѣ съ бабочками! Онъ одинъ могъ замѣнять цѣлую труппу, бывъ отличнымъ наѣздникомъ, эквилибристомъ, гимнастомъ, жонглеромъ, мастеромъ дрессировать ученыхъ лошадей, собакъ, обезьянъ, голубей,—а какъ клоунъ, какъ потѣшителемъ,—не зная себѣ соперника. Но припадки тоски въ связи съ запоемъ преслѣдовали его повсюду.

Все тогда предавало. Онъ всегда предчувствовалъ приближеніе болѣзни; тоска, овладѣвавшая имъ, была ничего больше, какъ внутреннее сознание бесполезности борьбы; онъ дѣлался угрюмымъ, несообщительнымъ. Гибкій, какъ сталь, человекъ превращался въ тряпку,—чему втайнѣ радовались его завистники и что пробуждало состраданье между тѣми изъ главныхъ артистовъ, которые признавали его авторитетъ и любили его; послѣднихъ, надо сказать, было немного. Самолюбіе большинства было всегда болѣе или менѣе задѣто обращеніемъ Эдвардса, никогда не соблюдавшаго степеней и отличій; первый-ли сюжетъ, являвшійся въ труппу съ извѣстнымъ именемъ, простой-ли смертный темнаго происхожденія, — для него было безразлично. Онъ явно даже предпочиталъ послѣднихъ.

Когда онъ былъ здоровъ, его постоянно можно было видѣть съ какимъ нибудь ребенкомъ изъ труппы; за неимѣніемъ такого, онъ возился съ собакой, обезьяной, птицей и т. д.; привязанность его рождалась всегда какъ-то вдругъ, но чрезвычайно сильно. Онъ всегда отдавался ей тѣмъ упорнѣе, чѣмъ дѣлался молчаливѣе съ товарищами, начиналъ избѣгать съ ними встрѣчъ и становился все болѣе и болѣе сумрачнымъ.

Въ этотъ первый періодъ болѣзни, управленіе цирка могло еще на него рассчитывать. Представленья не успѣвали еще утрачивать надъ нимъ своего дѣйствія. Выходя изъ уборной въ трико съ бабочками, въ рыжемъ парикѣ, набѣленный и нарумяненный, съ перпендикулярно наведенными бровями, онъ видимо еще бодрился, присоединяясь къ товарищамъ и приготовляясь къ выходу на арену.

Прислушиваясь къ первымъ взрывамъ аплодисментовъ, крикамъ: bravo!—звукамъ оркестра,—онъ постепенно какъ-бы оживалъ, воодушевлялся, и стоило режиссеру крикнуть: клоуны впередъ!...—онъ стремительно вылеталъ на арену, опережая товарищей; и уже съ этой минуты, посреди взрывовъ хохота и восторженныхъ bravo! — неумолкаемо раздавались его пискливые возгласы и быстро, до ослѣпленія, кувыралося его тѣло, сливаясь при свѣтѣ газа въ одно круговое непрерывное сверканье...

Русскіе типы. Мальчикъ малороссъ. Ориг. рисун. М. Клясъ, грав. Ю. Барановскій.

Русские типы. Дѣвушка малороссiянка. Ориг. рисун. М. Клясѣ, грав. Ю. Барановскiй.

Но кончалось представление, тушили газъ — и все какъ рукой сымало! Безъ костюма, безъ бѣлилъ и рукавъ, Эдвардъ представлялся только скучающимъ человѣкомъ, старательно избѣгавшимъ разговоры и столкновений. Такъ продолжалось нѣсколько дней, послѣ чего наступала самая болѣзнь; тогда ничего уже не помогало: онъ все тогда забывалъ; забывалъ свои привязанности, забывалъ свой циркъ, который, съ его освѣщенной ареной и хлопающей публикой, заключалъ въ себѣ всѣ интересы его жизни. Онъ исчезалъ даже совсѣмъ изъ цирка; все прощивалось; прощивалось накопленное жалованье, прощивалось не только трико съ бабочками, но даже парикъ и башмаки, пыльные блестками.

Понятно теперь, отчего режиссеръ, слѣдившій еще съ начала масляницы за возрастающимъ уныніемъ клоуна, поглядывалъ на него съ такимъ безпокойствомъ. Подожди къ нему и бережно взявъ его подъ руку, онъ отвелъ его въ сторону.

— Эдвардъ, произнесъ онъ, понижая голосъ и совершенно дружественнымъ тономъ, — сегодня у насъ пятница; остались суббота и воскресенье, — всего два дня! Что стоитъ переждать, а?.. Прошу васъ объ этомъ; директоръ также проситъ... Подумайте наконецъ о публикѣ! Вы знаете, какъ она васъ любитъ!! Два дня всего! крибавилъ онъ, схватывая его руку и принимаясь расквашивать ее изъ стороны въ сторону; — кстати, вы что-то хотѣли сказать мнѣ о гуттаперчевомъ мальчикѣ, подхватилъ онъ, очевидно болѣе съ цѣлью развлечь Эдварда, такъ какъ ему было извѣстно, что клоунъ въ послѣднее время выражалъ особенную заботливость къ мальчику, что служило также знакомъ приближавшейся болѣзни, — вы говорили, онъ сталъ какъ будто слабѣе работать... Мудреного нѣтъ: мальчикъ въ рукахъ такого болвана, такого олуха, который можетъ только его испортить! Что-же съ нимъ?

Эдвардъ, не говоря ни слова, тронулъ себя ладонью по крестцу, потомъ похлопалъ по груди.

— И тамъ и здѣсь не хорошо у мальчика, сказалъ онъ, отводя глаза въ сторону.

— Намъ невозможно, однакожъ, отъ него теперь отказать; онъ на афишкѣ; негѣмъ замѣнить до воскресенья; два дня пускай еще поработаетъ, — тамъ можетъ отдохнуть, сказалъ режиссеръ.

— Можетъ также не выдержать, глухо возразилъ клоунъ.

— Вы-бы только выдержали, Эдвардъ! Вы-бы только насъ не оставили! живо и даже съ нѣжностью въ голосѣ подхватилъ режиссеръ, принимаясь снова расквашивать руку Эдварда.

Но клоунъ отвѣтилъ сухимъ пожатіемъ, отвернулся и медленно пошелъ раздѣваться.

Онъ остановился, однакожъ, проходя мимо уборной гуттаперчевого мальчика или, вѣрнѣе, уборной акробата Беккера, такъ какъ мальчикъ былъ только его воспитателемъ. Отворивъ дверь, Эдвардъ вошелъ въ крошечную низкую комнату, расположенную подъ первой галлереей для зрителей; нестерпимо было въ ней отъ духоты и жары; въ конюшенному воздуху, разогрѣтому газомъ, присоединялся запахъ табачнаго дыма, помады и пива; съ одной стороны красовалось зеркальце въ деревянной рамѣ, обсыпанной пудрой; подлѣ, на стѣнѣ, оклеенной обоями, лопнувшими по всѣмъ щелямъ, висѣло трико, имѣвшее видъ содранной человѣческой кожи; дальше, на деревянномъ гвоздѣ, торчала остроконечная войлочная шапка съ павлиньимъ перомъ на боку; нѣсколько цвѣтныхъ камзоловъ, шитыхъ блестками, и часть мужской обыденной одежды громоздились въ углу на столѣ. Мебель дополнялась еще столомъ и двумя деревянными стульями. На одномъ сидѣлъ Беккеръ, — совершенное подобіе Голиаа. Физическая сила сказывалась въ каждомъ его мускулѣ, толстой перевязкѣ костей, коротенькой шеѣ съ надутыми венами, маленькой круглой го-

ловѣ, завитой въ кругую и густо напомаженной. Онъ казался не столько отлитымъ въ форму, сколько вырубленнымъ изъ грубаго матеріала и притомъ грубымъ инструментомъ; хотя ему было на видъ лѣтъ подлѣ сорокъ, — онъ казался тяжеловѣснымъ и неповоротливымъ. — остоятельство, нисколько не мѣшавшее ему считать себя первымъ красавцемъ въ труппѣ и думать, что при появленіи его на аренѣ, въ трико тѣлеснаго цвѣта, онъ приводитъ въ сокрушеніе женскія сердца. Беккеръ снялъ уже костюмъ, но былъ еще въ рубашкѣ и, сидя на стулѣ, прохладилъ себя кружкой пива.

На другомъ стулѣ помѣщался тоже завитой, но совершенно голый бѣлокурый и худощавый мальчикъ лѣтъ восьми. Онъ не успѣлъ еще простыть послѣ представленія; на тоненькихъ его членахъ и впадинѣхъ посреди груди, мѣстами виднѣлся еще лоскъ отъ испарины; голубая ленточка, перевязывавшая ему лобъ и державшая его волосы, была совершенно мокрая; большія, влажныя пятна пота покрывали трико, лежавшее у него на колѣняхъ. Мальчикъ сидѣлъ неподвижно, робко, точно наказанный или ожидающій наказанія.

Онъ поднялъ глаза тогда только, какъ Эдвардъ вошелъ въ уборную.

— Чего надо? непривѣтливо произнесъ Беккеръ, поглядывая не то сердито, не то насмѣшливо на клоуна.

— Полно, Карлъ, — возразилъ Эдвардъ задобривающимъ голосомъ, и видно было, что требовалось на это съ его стороны нѣкоторое усиліе, — ты лучше вотъ что: дай-ка мнѣ до семи часовъ мальчика; я-бы погулялъ съ нимъ до представленія... Повелъ-бы его на площадь поглядѣть на балаганы...

Лицо мальчика замѣтно оживилось, но онъ не смѣлъ этого явно выказать.

— Не надо, сказалъ Беккеръ, — не пуцу; онъ сегодня худо работалъ.

Въ глазахъ мальчика блеснули слезы; взглянувъ укордкой на Беккера, онъ поспѣшилъ раскрыть ихъ, употребляя всѣ свои силы, чтобы тотъ ничего не примѣтилъ.

— Онъ вечеромъ лучше будетъ работать, продолжалъ задобривать Эдвардъ, — послушай-ка, я вотъ что скажу: пока мальчикъ будетъ простывать и одѣваться, — я велю принести изъ буфета пива...

— И безъ того есть! грубо перебилъ Беккеръ.

— Ну какъ хочешь; а только мальчику было-бы веселѣе; при нашей работѣ скучать не годится; самъ знаешь: веселость придаетъ силу и бодрость...

— Это ужъ мое дѣло! отрѣзалъ Беккеръ, очевидно, бывший не въ духѣ.

Эдвардъ больше не возражалъ. Онъ взглянулъ еще разъ на мальчика, продолжавшаго дѣлать усилія, чтобы не заплакать, покачалъ головою и вышелъ изъ уборной.

Карлъ Беккеръ донилъ остатокъ пива и приказалъ мальчику одѣваться. Когда оба были готовы, акробатъ взялъ со стола хлыстъ, свистнулъ имъ по воздуху, крикнулъ: маршъ! и, пропустивъ впереди воспитанника, зашагалъ по корридору.

Глядя, какъ они выходили на улицу, воображенію невольно представлялся тщедушный, неоперившійся цыпленокъ, сопровождаемый огромнымъ отормасненнымъ боромъ...

Минуту спустя циркъ совсѣмъ опустѣлъ: оставались только конюхи, начинавшіе чистить лошадей для вечерняго представленія.

II.

Воспитателемъ акробата Беккера назывался „гуттаперчевымъ мальчикомъ“ только въ афишкахъ; настоящее имя его было Петя; всего вѣрнѣе, впрочемъ, было бы назвать его несчастнымъ мальчикомъ.

Исторія его очень коротка; да и гдѣ-жъ ей быть длинной и сложной, когда ему минулъ всего восьмой годъ!

Линившись матери на пятомъ году возраста, онъ хорошо однакъ же ее помнилъ. Какъ теперь видѣлъ онъ передъ собою толкую женщину со свѣтлыми жиденькими и всегда растрепанными волосами, которая то ласкала его, наполняя ему ротъ вѣсмъ, что подвертывалось подъ руку: лукомъ, кускомъ пирога, селедкой, хлѣбомъ,—то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, накидывалась, начинала кричать и въ тоже время принималась шлепать его чѣмъ ни попало и куда ни попало. Петя тѣмъ не менѣе часто вспоминалъ мать.

Онъ конечно не зналъ подробностей домашней обстановки. Не зналъ онъ, что мама его была, ни больше, ни меньше, какъ крайне взбалмошная, хотя и добрая, чухонка, переходившая изъ дома въ домъ въ качествѣ кухарки и отовсюду гопимая, отчасти за излишнюю слабость сердца и постоянныя романтическія приключенія, — отчасти за неряшливое обращеніе съ посудой, бывшейся у нея въ рукахъ какъ-бы по собственному капризу.

Разъ какъ-то удалось ей попасть на хорошее мѣсто;— она и тутъ не выдержала. Не прошло двухъ недѣль, она неожиданно объявила, что выходитъ замужъ за временно-отпускнаго солдата. Никакія увѣщанія не могли поколебать ея рѣшимости. Чухонцы, говорятъ, вообще упрямы. Но не меньшимъ упрямствомъ отличался должно быть также и женихъ, — даромъ что былъ изъ русскихъ. Побужденія съ его стороны были впрочемъ гораздо основательнѣе. Состоя швейцаромъ при большомъ домѣ, онъ могъ уже считать себя нѣкоторымъ образомъ человѣкомъ осѣдлымъ, опредѣленнымъ. Помѣщеніе подъ лѣстницей не отличалось, правда, большимъ удобствомъ: потолокъ срѣзывался угломъ, такъ что подъ возвышенной его частью съ трудомъ могъ выпрямиться человѣкъ рослый; — но люди живутъ и не въ такой тѣснотѣ; наконецъ, квартира даровая, нельзя быть взыскательнымъ.

Размышляя такимъ образомъ, швейцаръ все еще какъ-бы не рѣшался, пока не удалось ему случайно купить за очень дешевую цѣну самовара на Апраксиномъ дворѣ. Колебанія его при этомъ начали устанавливаться на болѣе твердую почву. Возиться съ самоваромъ дѣйствительно было какъ-то не мужскимъ дѣломъ; машина очевидно требовала другаго двигателя; хозяйка какъ-бы сама собою напрашивалась.

Анна (такъ звали кухарку) имѣла въ глазахъ швейцара то особенное преимущество, что, во первыхъ, была ему уже нѣсколько знакома; во вторыхъ, живя по соседству черезъ домъ, — она въ значительной степени облегчала переговоры и сокращала слѣдовательно время, дорогое каждому служащему.

Предложеніе было сдѣлано, радостно принято, свадьба сыграна, и Анна переселилась къ мужу подъ лѣстницу.

Первые два мѣсяца жилось припѣваючи. Самоваръ кипѣлъ съ утра до вечера и паръ, проходя подъ косякомъ двери, клубами валилъ къ потолку. Потомъ стало какъ-то ни то, ни се; наконецъ дѣло совсѣмъ испортилось, когда наступило время родовъ и затѣмъ—хочешь не хочешь, — пришлось справлять крестины. Швейцару какъ-бы въ первый разъ пришла мысль, что онъ потропился нѣсколько, связавъ себя брачными узами. Бывъ человѣкомъ откровеннымъ, онъ прямо высказывалъ свои чувства. Пошли попреки, брань, завязались ссоры. Кончилось тѣмъ, что швейцару отказали отъ мѣста, ссылаясь на постоянный шумъ подъ лѣстницей и крики новорожденнаго, безпокойшіе жильцовъ.

Послѣднее, безъ сомнѣнія, было несправедливо. Новорожденный явился на свѣтъ такимъ тщедушнымъ, такимъ изнуреннымъ, что мало даже подавалъ надеждъ прожить до слѣдующаго дня: еслибъ не соотечественница Анны, прачка Варвара, которая, какъ только родился ребенокъ, поспѣшила поднять его на руки и трясе-

ла его до тѣхъ поръ, пока онъ не крикнулъ и не заплакалъ,—новорожденный дѣйствительно могъ-бы оправдать предсказанье. Къ этому надо прибавить, что воздухъ подъ лѣстницей не имѣлъ въ самомъ дѣлѣ настолько цѣлебныхъ свойствъ, чтобы въ одинъ день возстановить силы ребенка и развитъ его легкія до такой уже степени, что крикъ его могъ кого-нибудь обезпокоить. Вѣрнѣе всего, дѣло заключалось въ желаніи удалить безпокойныхъ родителей.

Мѣсяцъ спустя швейцара потребовали въ казармы; въ тотъ-же вечеръ вѣсмъ стало извѣстно, что его вмѣстѣ съ полкомъ отправляютъ въ походъ.

Передъ разлукой супруги снова сблизились; на проводахъ много было пролито слезъ и еще больше пива.

Но ушелъ мужъ, — и снова начались мытарства по отысканію мѣста. Теперь только труднѣе было; съ ребенкомъ Анну никто почти не хотѣлъ брать. Такъ съ горемъ пополамъ протянулся годъ.

Анну вызвали однажды въ казармы, объявили, что мужъ убитъ и выдали ей вдовій паспортъ.

Обстоятельства ея, какъ каждый легко себѣ представить, нисколько отъ этого не улучшились. Выпадали дни, когда не на что было купить селедки и куска хлѣба для себя и для мальчика; еслибъ не добрые люди, совашіе иногда ломоть или картошку, мальчикъ навѣрное-бы зачахъ и преждевременно умеръ отъ истощенія. Судьба наконецъ сжалилась надъ Анной. Благодаря участію соотечественницы Варвары, она поступила прачкой къ хозяевамъ пробочной фабрики, помѣщавшейся на Черной рѣчкѣ.

Здѣсь дѣйствительно можно было вздохнуть свободнѣе. Здѣсь мальчикъ никому не мѣшалъ; онъ могъ всюду слѣдовать за матерью и цѣпляться за ея подолъ, сколько было душѣ угодно.

Особенно хорошо было лѣтомъ, когда подъ вечеръ дѣятельность фабрики останавливалась, шумъ утихалъ, рабочій людъ расходился, оставались только женщины, служившія у хозяевъ. Утомленная работой и дневнымъ жаромъ, женщины спускались на плотъ, усаживались по скамейкамъ, и начиналась на досугъ нескончаемая болтовня, приправляемая прибаутками и смѣхомъ.

Въ увлеченіи бесѣды, рѣдкая изъ присутствующихъ замѣчала, какъ прибрежныя ветлы постепенно окутывались тѣнью и въ тоже время все ярче и ярче разгорался закатъ; какъ неожиданно вырывался изъ-за угла со-сѣдней дачи косою лучъ солнца; какъ внезапно охваченныя имъ макушки ветель и края заборовъ отражались вмѣстѣ съ облакомъ въ успувшей водѣ, и какъ, одновременно съ этимъ, надъ водою и въ тепломъ воздухѣ появлялись безпокойно движущіяся сверху внизъ полчища комаровъ, обѣщавшія такую-же хорошую погоду и на завтрашній день.

Время это было безспорно лучшимъ въ жизни мальчика, — тогда еще не гуттаперчеваго, но обыкновеннаго, какими бываютъ всѣ мальчики. Сколько разъ потомъ рассказывалъ онъ объ Черной рѣчкѣ клоуну Эдварду. Но Петя говорилъ скоро и съ увлеченіемъ; Эдвардъ едва понималъ по-русски; отсюда выходилъ всегда цѣлый рядъ недоразумѣній. Думая, что мальчикъ рассказываетъ ему о какомъ-то волшебномъ снѣ, и не зная, что отвѣчать ему,—Эдвардъ ограничивался тѣмъ обыкновенно, что ласково проводилъ ему ладонью по волосамъ снизу вверхъ и добродушно посмѣивался.

И такъ Аннѣ жилось изрядно; но прошелъ годъ, другой, и вдругъ, совершенно опять неожиданно, объявила она, что выходитъ замужъ.— „Какъ? Что?—За кого?“... послышалось съ разныхъ сторонъ. На этотъ разъ женихъ оказался подмастерьемъ изъ портныхъ. Какимъ образомъ, гдѣ сдѣлано было знакомство, — никто не зналъ. Всѣ окончательно только ахнули, увидѣвъ жениха,—человѣка ростомъ съ наперстокъ, съеженнаго, съ лицомъ желтымъ, какъ испеченая луковица, притомъ

еще прихрамывающего на лѣвую ногу,—пу, словомъ, какъ говорится, совершеннаго михрютку.

Никто рѣшительно ничего не понималъ. Всѣхъ меньше конечно могъ понять Петя. Онъ горько плакалъ, когда его уводили съ Черной рѣчки, и еще громче зарыдалъ на свадьбѣ матери, когда, въ концѣ пирушки, одинъ изъ гостей ухватилъ вотчина за галстухъ и началъ душить его, между тѣмъ какъ мать съ крикомъ бросилась разнимать ихъ.

Не прошло нѣсколькихъ дней и наступила уже очередь Анны пожалѣть о торопливости связать себя брачными узами. Но дѣло было сдѣлано; каяться было поздно. Портной проводилъ день въ мастерской; къ вечеру только возвращался онъ въ свою коморку, сопровождаемый всегда пріятелями, въ числѣ которыхъ лучшимъ другомъ былъ тотъ, который собирался его задушить на свадьбѣ. Каждый приносилъ поочередно водки, и начиналась попойка, оканчивавшаяся обыкновенно свалкой. Тутъ доставалось всегда Аннѣ, попадало также мимоходомъ на долю мальчика. Сущя была каторга! Худшимъ для Анны было то, что мужъ почему-то не влюбилъ Петю; онъ косилъ на него съ перваго дня; при каждомъ случаѣ онъ изловчался зацѣпить его, и какъ только напивался, грозилъ утопить его въ проруби.

Такъ какъ портной пропадалъ по нѣсколькимъ днямъ сряду, деньги всѣ пропивались и не на что было купить хлѣба, Анна, для прокормленія себя и ребенка, ходила на поденную работу. На это время поручала она мальчика старушкѣ, жившей въ одномъ съ нею домѣ; лѣтомъ старуха продавала яблоки, зимою торговала на Сѣнной варенымъ картофелемъ, тщательно прикрывая чугунный горшокъ тряпкой и усаживаясь на немъ съ большимъ удобствомъ, когда на дворѣ было слишкомъ холодно. Она всюду таскала Петю, который полюбилъ ее и называлъ: бабушкой.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мужъ Анны совсѣмъ пропалъ; одни говорили,—видѣли его въ Кропштадтѣ; другіе увѣряли, что онъ тайно обмѣнялъ пачпортъ и переселился на жительство въ Шлиссельбургъ или „Шлюшино,“ какъ чаще выражались.

Вмѣсто того, чтобы свободнѣе вздохнуть, Анна окончательно тогда заматалась. Она сдѣлалась какою-то шальной, лицо ея осунулось, въ глазахъ явилось без-

покойство, грудь впала, сама она страшно исхудала; къ жалкому ея виду надо еще то прибавить, что вся она обносилась; нечего было ни надѣвать, ни закладывать; ее покрывали одни лохмотья. Наконецъ, однажды, и она вдругъ исчезла. Случайно дознались, что полиція подняла ее на улицѣ въ обезсиленномъ отъ голоду состояніи. Ее свезли въ больницу. Соотечественница ея, прачка Варвара, навѣстивъ ее разъ, сообщила знакомымъ, что Анна перестала узнавать знакомыхъ и не сегодня—завтра отдастъ Богу душу.

Такъ и случилось.

Въ числѣ воспоминаній Пети остался также день похоронъ матери. Въ послѣднее время онъ мало съ ней видѣлся и потому отвыкъ нѣсколько; онъ жалѣлъ ее одинакожъ и плакалъ,—хотя, надо сказать, больше плакалъ отъ холоду. Было суровое январское утро; съ низменнаго пасмурнаго неба сыпался мелкій сухой снѣгъ; подгоняемый порывами вѣтра, онъ колотъ лицо какъ иголками и волнами убѣгалъ по мерзлой дорогѣ.

Петя, слѣдуя за гробомъ между бабушкой и прачкой Варварой, чувствовалъ, какъ нестерпимо шемять пальцы на рукахъ и на ногахъ; ему, между прочимъ, и безъ того было трудно посиѣвать за спутницами; одежда на немъ случайно была подобрана: случайны были сапоги, въ которыхъ ноги его болтались свободно, какъ въ лодкахъ; случайнымъ былъ кафтанашко, котораго нельзя было бы надѣть, еслибъ не подняли ему фалды и не притянули ихъ за поясъ; случайной была шапка, выпрошенная у дворника; она поминутно сползала на глаза и мѣшала Пети видѣть дорогу. Ознакомясь потомъ близко съ усталостью ногъ и спины, онъ все таки помнилъ, какъ уходился тогда, провожая покойницу.

На обратномъ пути съ кладбища, бабушка и Варвара долго толковали о томъ, куда теперь дѣтъ мальчика. Онъ конечно солдатскій сынъ и надо сдѣлать ему опредѣленье по закону, куда слѣдуетъ: но какъ это сдѣлать? Къ кому надо обратиться? Кто наконецъ станетъ бѣгать и хлопотать? На это могли утвердительно отвѣтить только досужіе и притомъ практическіе люди. Мальчикъ продолжалъ жить, трепясь по разнымъ угламъ и старухамъ. И неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилась судьба мальчика, еслибъ снова не вступилась прачка Варвара.

(До слѣд. №).

Старый Гудъ.

(Осетинская легенда).

Всеволода Соловьева.

* * *

Въ глубокомъ ущельи, на берегу быстрой Арагвы, расположенъ Осетинскій аулъ. Со всѣхъ сторонъ скрываютъ его громадныя горы, которыя, кажется, вотъ-вотъ сойдутся и поглотятъ, раздавятъ бѣдныя сакли.

А между тѣмъ проходятъ вѣка — горы остаются неподвижными, и только временами, въ далекой вышинѣ ихъ, слышатся изъ аула глухіе раскаты. То старый Гудъ, на своей недоступимой вершинѣ, забавляется, сталкиваетъ огромныя глыбы снѣга въ пропасть.

Иной разъ, какъ ужъ черезчуръ разыграется онъ, случится, что швырнетъ снѣговой глыбой и до самаго аула, прихлопнетъ снѣгомъ двѣ-три сакли. Въ такомъ случаѣ приходится таки поработать осетинамъ, чтобы разрыть навалившуюся громаду, высвободить попавшихся сосѣдей, не дать имъ умереть съ голоду подъ снѣгомъ.

Но все-же такія шутки Гудъ позволяетъ себѣ теперь очень рѣдко—осетины знаютъ хорошо его нравъ и стараются ни-тѣмъ не раздражать его, стараются не обращать на себя его вниманія.

Въ длинныя зимніе вечера, когда замечены снѣгомъ всѣ тропинки, когда не видно ни зги и нельзя носу

высунуть изъ сакли, старики любятъ рассказывать, въ назиданіе младшимъ, о продолжкахъ стараго Гуда, о приключеніяхъ, бывшихъ съ тѣми смѣльчаками, которые рѣшались потревожить могучаго духа на его снѣжной вершинѣ.

Нельзя человѣку безнаказанно увидѣть горнаго великана—хоть и не золъ онъ, да не подпускаетъ къ себѣ—собьетъ съ дороги, заведетъ въ пропасть, закидаетъ снѣгомъ, погубитъ дерзкаго человѣка.

Не многіе изъ тѣхъ, кто ходилъ къ нему въ гости, вернулись въ аулъ по добру—по здорову. Почти всѣ погибли, и только горные орлы да самъ старый Гудъ знаютъ—на днѣ какихъ стремнинъ и пропастей бѣлѣютъ ихъ кости.

Тѣ же, кто вернулся,—добрались до дому измученные и полуживые,—водилъ ихъ водилъ могучій духъ, показалъ имъ всѣ ужасы своего мрачнаго царства, а жилища его заколдованнаго и самого его все же никому не привелось увидѣть.

Впрочемъ нѣтъ—видѣлъ его Кортуро, да что въ томъ толку!—какъ вернулся въ аулъ,—мычить только, языка лишился, лишился и разсудка, и бродитъ съ тѣхъ поръ

Новый годъ! По рисунку Фоллина, грав. Э. Дзедзицъ.

на человекѣ не похожій. Если не накормятъ добрые люди, такъ и съ голоду умретъ Коргуро—самъ не догадается, что ѣсть надо. А какъ взглянуть на Гудь-гору — задрожитъ весь, замычитъ, загугукаетъ, пѣна у рта, глаза страшные такіе станутъ—и бѣжать пустится, самъ не зная куда, только и остановится, когда наткнется на саклю либо на дерево.

Но какъ ни велико могущество стараго Гуда, а и онъ, среди чудесъ своего горнаго царства, видно, не избавленъ отъ горя и бѣды, какъ и всякій бѣдный человекѣтъ.

Случилось и съ нимъ разъ большое лихо, о которомъ старики осетины особенно любятъ рассказывать жадно и внимательно слушающей ихъ молодежи.

* * *

Дѣло это, видите, было давно, очень давно. Жила въ аулѣ, въ самой крайней саклѣ, самая, что ни на есть бѣдная семья—мужъ да жена. Люди еще молодые, работающіе; но какъ ни работали они, а все-же едва зарабатывали себѣ хлѣбъ насущный. Не было у нихъ радостей, да вотъ видно Богъ сжалился надъ ними и за всѣ ихъ бѣдствія послалъ имъ утѣшеніе — родилась у нихъ дочка. Назвали ее Ниной и такой красавицы ни до того, ни послѣ того не бывало во всей Осетіи. Выросла она веселенькая, здоровенькая, съ каждымъ днемъ хорошѣла. Всякій, кто взглянетъ на нее,—и ужъ не можетъ оторваться.

Выбѣжить, бывало, маленькая Нина на дорогу—путникъ встрѣтится изъ дальней стороны, горецъ, либо курьеръ какой, остановится, глядитъ на нее, любитъся, будто заколдованный, даже слезы на глазахъ покажутся. Самому суровому человекѣ, самому жестокосердому при взглядѣ на чудную небесную красоту эту сдѣлается и сладко такъ и горестно. Сердце въ груди невольно забьется и вспомнится самая добрая, самая лучшая, самая сладкая минута въ жизни. Вѣдь у каждого человекѣ, кто-бы онъ ни былъ и каковъ-бы ни былъ, была въ жизни хоть одна такая минута.

„Да благословить тебя Богъ, дитя чудное!“ шепнетъ путникъ и сунетъ Нинѣ въ руку какой нибудь подарокъ.

А Нина глядитъ, улыбается, ласково киваетъ головой, отъ подарка не отказывается, а бѣжитъ съ нимъ къ отцу съ матерью.

И мало по малу, съ помощью красоты Нины, въ бѣдной саклѣ появляется и то, и другое, и третье—появляется достатокъ. Вотъ отецъ ея купилъ себѣ даже и десятокъ барановъ.

* * *

А время идетъ и Нина все хорошѣетъ. Крѣпнутъ ея ножки быстрыя и весенней порою, когда снѣга сбѣгутъ съ горъ быстрыми шумными ручьями и между скалъ зазеленѣютъ пастбища, она гонитъ отцовскихъ барановъ въ горы. Она какъ маленькая серна карабкается по камнямъ и часто забирается на крутизну страшную.

Но не труситъ маленькая красавица. Ей привольно и весело. Чудные глазки ея широко раскрываются отъ восхищенія, озираютъ окружающую могучую природу. Дѣтская грудь глубоко дышетъ горнымъ воздухомъ. И вотъ она своимъ тоненькимъ звонкимъ голоскомъ выводитъ первыя нотки осетинской пѣсни...

И разслышалъ разъ эти серебристыя нотки старый Гудъ со своей далекой вершины. Прислушался онъ. Что это такое? Источникъ-ли новый, чистой цѣлительной воды прорвался изъ каменныхъ нѣдръ, тамъ далеко, внизу, и звенитъ переливаясь съ камня на камень?

Нѣтъ, то не вода звенитъ!

Соловей-ли то, изнывая отъ весенняго счастья и муки, зоветъ свою подругу? Нѣтъ, то не соловей. То будто человеческій голосъ.

„Да развѣ люди умѣютъ такъ пѣть?“ подумалъ старый Гудъ.

Отмахнувъ отъ себя облака, наклонилъ онъ свою сѣдую голову, заглянулъ зоркимъ глазомъ туда, внизъ, въ далекіе предѣлы своего царства, откуда неслись странные звуки. И разглядѣлъ онъ на уступѣ скалы маленькую Нину.

Оперся онъ могучими локтями о каменныя громады, да такъ и остался — долго глядѣлъ не отрываясь. И вдругъ тихія слезы потекли по щекамъ его, потекли по извилинамъ длинной сѣдой бороды и, скатываясь на камни, заструились ручьями до самаго подножья горъ.

И говорили люди:

„То жаркіе весенніе лучи солнца растопили ледъ на самой вершинѣ!“

Но лучи солнца — была красота Нины, а горный ледъ — сердце стараго Гуда, впервые согрѣтое никогда еще не извѣданнымъ имъ чувствомъ.

* * *

Съ этой минуты полюбилъ могучій Гудъ маленькую Нину, да такъ полюбилъ, что только объ ней и думалъ, только объ ней и заботился. Слѣдить за нею съ утра до ночи, ни на шагъ не покидать ее сдѣлалось теперь его обыкновеннымъ занятіемъ. И занятіе это такъ разнообразило его жизнь, доставляло ему столько новыхъ радостей...

Выйдетъ-ли Нина въ горы и пожелаетъ пробраться на самую вершину, куда ведетъ едва замѣтная, опасная тропинка, вмигъ тропинка эта выравнивается подъ ея ногами и идетъ она словно по гладкому полу.

Вотъ отвѣсная скала заграждаетъ ей дорогу; но мигъ—и камни сами собой складываются въ удобную лѣстницу. И по лѣстницѣ этой легко и свободно, будто подерживаемая кѣмъ-то, взбирается она на скалу, откуда передъ нею разстилаются самые прелестные виды.

Побѣжитъ она по цвѣтущей лужайкѣ,—будто несетъ ее кто-то, едва касаются мягкой травы ея маленькія ножки. А если разбѣжавшись увидитъ она въ двухъ шагахъ отъ себя глубокую зияющую пропасть и почувствуетъ, что нѣтъ ужъ силъ остановиться, и готова крикнуть отъ ужаса — мигъ — и пропасть осталась за нею! А какъ она ее перелетѣла, кто перенесъ ее—она того не знаетъ и только весело ей и привольно. Окрестныя скалы повторяютъ ея беззаботный дѣтскій смѣхъ, ея звонкія пѣсни.

И радуется, глядя на нее, и любитъся ею старый Гудъ, и нашептываетъ ей на ушко нѣжныя рѣчи. Но она ихъ не слышитъ. Ей чудится только, что это легкій горный вѣтерокъ шелеститъ вокругъ нея и перебираетъ пряди шелковистыхъ черныхъ волосъ, вьющихся локонами вокругъ ея граціозной головки.

Выйдетъ-ли Нина со своими маленькими подружками собирать цвѣты и травы, — Гудъ уже здѣсь. Незримой рукою нарветъ самыхъ роскошныхъ, самыхъ душистыхъ цвѣтовъ, подберетъ ихъ въ разнообразные красивые букеты и уложитъ ихъ подъ камнями. Подойдетъ Нина—и рассыпаются передъ нею камни, и душистые цвѣты сами даются ей въ руки.

Маленькое стадо барановъ, принадлежавшихъ отцу ея, было избавлено отъ всякихъ случайностей и могло пастись гдѣ угодно и безъ всякаго надзора. Ни одинъ баранъ ни разу не упалъ въ кручу, ни одинъ волкъ ни разу не смѣлъ подобраться къ этому стаду, оберегаемому самимъ Гудомъ.

Не только днемъ, но даже и ночью не рѣшался покинуть свою любимицу старый Гудъ. Заснетъ маленькая Нина, набѣгавшись вдоволь и надышавшись горнымъ воздухомъ, заснетъ, а могучій духъ, склонившись къ ея изголовью, нашептываетъ ей чудныя сказки, навѣваетъ ей сладкія грѣзы. И снится ей все такое, чего она и понять не въ силахъ. Снятся ей чудеса подземнаго царства. Блестятъ передъ нею груды самоцвѣтныхъ камней, текутъ золотыя и серебряныя рѣчки; шумятъ и звенятъ источники...

И вдругъ все стихаетъ и слышится только какой-то ласкающій голосъ, и видится только, среди набѣгающаго тумана, чей-то взглядъ—нѣжный и ласковый—на нее глядящій. Будто зоветъ что-то и манитъ, будто что-то сулитъ невѣдомое блаженство...

И сладко спитъ Нина подъ эти грѣзы. А проснется, цвѣтущая, веселая, выбѣжить изъ сакли—и весь миръ Божій, и ясное небо, и горячее солнце, и громадные горы будто шлютъ ей свой привѣтъ, будто звучатъ ей: „здравствуй красавица Нина“!

И среди этого привѣта, опять слышится не то тихій шелестъ вѣтерка, не то чей-то нѣжный и уже знакомый голосъ:

„Нина, я люблю тебя“!

* * *

Проходили годы. Нина изъ прелестнаго ребенка превратилась въ роскошную дѣвушку, да такую, что подобной красавицы нельзя было сыскать не только что въ Осетии, но и во всемъ мирѣ. Ни при одномъ дворѣ царскомъ, ни въ одномъ гаремѣ не бывало такой красавицы. Ни одинъ владыка земной такой и во снѣ не видывалъ.

Страсть Гуда усиливалась съ каждымъ днемъ, съ каждой минутой. Онъ не зналъ, что и выдумать для того, чтобы позабавить Нину, для того чтобы лучше выказать ей любовь свою. По прежнему усыпалъ онъ ей путь цвѣтами, по прежнему переносилъ ее на незримыхъ крылахъ черезъ кручи и пропасти. Но Нина мало обращала на все это вниманія—она съ дѣтства привыкла ко всемъ этимъ чудесамъ и они казались ей естественными.

Она по прежнему проводила цѣлые дни въ горахъ, расцѣвляла свои пѣсни, но прежняго дѣтскаго веселья въ ней уже не было. Временами на нее нападала не то тоска, не то скука.

Взобравшись на вершину, откуда ей открывалось великолѣпное зрѣлище, гдѣ старый Гудъ разстилалъ передъ нею сотканное изъ облаковъ, причудливое марево—Нина равнодушно оглядывала всѣ эти чудеса Божьяго міра, не чувствуя, какъ въ ея глубоко дышащую грудь вливается струя живительнаго горнаго воздуха. Изъ ея черныхъ, задумчивыхъ глазъ одна за другою капали слезы. Она тихо вздыхала и невольно хваталась рукою за сердце, которое вдругъ отчего-то начинало такъ шибко, шибко биться.

Гудъ въ изумленіи глядѣлъ на нее и никакъ не могъ понять—что это значитъ, и съ тоскою шепталъ ей:

„О чемъ ты, моя красавица? Чего тебѣ надо?! Гляди—какъ хорошо вокругъ тебя!.. и все, что здѣсь есть—всѣ эти горы, снѣга, источники, эти цвѣты и травы, эти облака—все это мое... и все это я дарю тебѣ! Ты—царица моего царства!“

„Гляди туда, вверхъ,—тамъ, гдѣ переливаются на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги вѣчные льды, тамъ—за этими льдами—стоитъ мой замокъ! Онъ весь изъ чистаго горнаго хрустала, онъ покрытъ волшебной рѣзью изъ серебра и золота... Много у меня собрано тамъ драгоценныхъ камней—пойдемъ туда, пойдѣмъ въ мой хрустальный замокъ!“

Но голосъ стараго Гуда не достигалъ до сердца печальной красавицы.

Она равнодушно глядѣла туда, гдѣ за вѣчными льдами, какъ легкая, прозрачная дымка на синевѣ небесной, рисовались очертанія хрустальнаго замка. Она глядѣла—и не влекло ее туда. Ее влекло внизъ, въ родной аулъ.

И неслась она не разбирая дороги, перепрыгивая съ камня на камень съ такой быстротою, что старый Гудъ едва поспѣвалъ за нею, чтобы въ время поддержать ее.

* * *

Но вотъ она останавливается на лужайкѣ, окружен-

ной вѣковыми соснами. Она прислушивается затаивъ дыханіе...

Чу! звуки пѣсни!.. Сильный мужской голосъ все ближе и ближе. Изъ-за деревьевъ показывается статная фигура молодого пастуха Сасико.

Яркая краска вспыхиваетъ на щекахъ дѣвушки. Сердца ея бьется шибче и шибче.

Пастухъ подходитъ къ ней, заводитъ съ нею рѣчи, называетъ ее самыми нѣжными именами... И она не бѣжитъ отъ него. Она будто очарована, будто прикована къ мѣсту.

Она слушаетъ. Блаженная улыбка разливается по прелестному лицу ея. Она склоняетъ на его широкую грудь свою голову...

Мигъ—и горячій, молодой поцѣлуй оглашаетъ лужайку. Они въ объятіяхъ другъ у друга...

Что это?! внезапный вихрь налетѣлъ и шумитъ, качаясь, старыя сосны. Вихрь крутится по всей лужайкѣ, налетаетъ на Сасико, сбиваетъ съ него шапку. Вихрь свиститъ въ уши Нины:

„Несчастная, что ты дѣлаешь! Опомнись! Бѣги скорѣе прочь отъ него, отъ этого ничтожнаго человѣка!.. Не для него создана ты—я люблю тебя, я—могучій Гудъ, властелинъ этого царства!“

Но не слушаетъ Нина. Еще крѣпче прижимается она къ своему милому и, не обращая вниманія на вихрь, они скрываются въ лѣсной чащѣ.

О, какое бѣшенство, какія муки ревности поднимаются въ сердцѣ стараго Гуда! Еслибы только онъ могъ—онъ съ радостью превратился бы въ бѣднаго осетина, онъ отбилъ бы Нину у этого ненавистнаго Сасико!

Но горный духъ не можетъ стать человѣкомъ. Онъ невидимъ для красавицы Нины, а еслибы вздумалъ показаться ей въ своемъ настоящемъ образѣ, то она пожалуй и не вынесла бы его вида.

И въ безсильномъ бѣшенствѣ старый Гудъ мчится въ свои далекіе снѣжные предѣлы, и на пути сталкиваетъ въ пропасть груды камней, разметываетъ снѣга, поднимаетъ бурю, собираетъ грозовыя тучи, кидаетъ молніи. Гулъ идетъ по горамъ, трепещутъ внизу люди и снѣжать скорѣе въ сакли.

„Старый Гудъ разыгрался!“ говорятъ они.

Но плохая теперь игра для стараго Гуда!

* * *

Съ этого времени Гудъ всячески сталъ преслѣдовать Сасико и рѣшилъ во чтобы то ни стало воспрепятствовать браку его съ Ниной. Когда молодой горецъ गयाлся съ винтовкой за газелью—онъ заводилъ его въ самыя страшныя трупцы, застилалъ пропасти туманомъ, а то вдругъ возьметъ да и осыплетъ его всего метелью.

Но Сасико не унывалъ. Онъ былъ молодъ, красивъ и на весь аулъ славился своей ловкостью и силой. Онъ лучше всѣхъ своихъ товарищей умѣлъ стрѣлять изъ винтовки и превосходно танцевалъ не только осетинскій танецъ, но даже и лезгинку, такъ что приводилъ въ восторгъ и молодежь и стариковъ.

Сакля его отца была рядомъ съ саклей родителей Нины и такимъ образомъ каждый день представлялось не мало случаевъ влюбленнымъ видѣться, не прибѣгая даже для этого ни къ какимъ особеннымъ хитростямъ.

Нина не могла наглядѣться на своего милаго. Она шептала ему нѣжныя признанія и клятвы—и наслаившись этихъ сладкихъ рѣчей, нацѣловавшись и намиловавшись вдоволь со своей красавицей, онъ, перекинувъ черезъ плечо винтовку, пускался въ горы. Онъ сіалъ счастье, почти захлѣбывался отъ избытка здоровья, молодости и силъ, которая кипѣли въ немъ. Ему казалось, что—несмотря на то, что онъ только бѣдный го-

„Предсказаніе“, Изъ преданій о Патріархѣ Никонѣ. Ориг. рис. А. Змцова. г ав. Э. Дзєзницъ.

Степныя амазонки. (Ориг. рис. П. П. Каравина, грав. П. Голубинский.)

репъ и ничего больше—онъ счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ и весь свѣтъ принадлежитъ ему.

О старомъ Гудѣ онъ не очень-то заботился. Продѣлаетъ съ нимъ ревнивый духъ какуюнибудь штуку—онъ только выбранный его хорошенько, да и то не отъ злости, а просто по привычкѣ.

— Ишь, старый дуракъ! крикнетъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ такъ, что эхо пойдетъ по горамъ;—опять чуть было не спихнулъ въ пропасть! видно дѣлать тебѣ нечего... Да вотъ жаль—не боюсь я тебя, не на таковского напасть!..

И осторожно перебираясь надъ самой крутизной по камнямъ, которые такъ вотъ и сыпятся подъ ногами, цѣпляясь за вѣтки молодого кустарника, который вотъ-вотъ не выдержитъ его тяжести, обломается и увлечетъ его на дно стремнины—Сасико легко, проворно вскарабкался на уступы скалы. Онъ выжидаетъ, пока туманъ не прояснится, и снова пускается за притаившейся газелью. Онъ ужъ измучилъ ее своимъ преслѣдованіемъ и, несмотря ни на какія препятствія, выставляемые Гудомъ, достигалъ таки ее. Въ горахъ раздавался выстрѣлъ—мѣткая пуля попадала прямо въ цѣль. Сасико возвращался домой съ добычей, помышляя о своей Нинѣ, которая уже ждала его, считая минуты.

* * *

Въ горахъ бушевали бури. Снѣгъ падалъ хлопьями и устилалъ и голыя скалы, и цвѣтущія пастбища. Пожелтѣвшіе листья спали съ деревьевъ и кустарниковъ. Наступала зима. Осетины забирались въ своихъ сакляхъ. Нина уже больше не выходила въ горы, запесенныя снѣгомъ. Гуду труднѣе было ее видѣть.

Но за то Сасико видалъ ее часто, еще чаще прежняго, и любовь ихъ не ослабѣвала, а напротивъ, росла съ каждымъ часомъ. Уже весь аулъ зналъ про любовь эту, уже всѣ говорили о скорой свадьбѣ красавицы Нины.

Старый Гудъ выходилъ изъ себя: ему не удавалось погубить Сасико, ему не удавалось разлюбить благодарную Нину, хоть онъ теперь и желалъ бы этого.

„Не бывать ей его женою!“ рѣшалъ онъ, и ужъ только издали наблюдалъ за ними, подкарауливая удобный случай.

Такой случай не долго заставилъ себя ждать.

Разъ молодые люди остались вдвоемъ въ саклѣ. Они крѣпко на крѣпко заперли дверь и, увѣренные, что никто не можетъ помѣшать имъ, предались самой нѣжной бесѣдѣ. Они рѣшали теперь послѣдніе вопросы: какъ и когда быть ихъ свадьбѣ. Ихъ родители ничего не имѣли противъ ихъ соединенія; все складывалось самымъ благопріятнымъ для нихъ образомъ.

Сасико общалъ Нинѣ, что будетъ всю жизнь крѣпко любить ее, будетъ на нее работать и никогда не допуститъ, чтобы она въ чемънибудь терпѣла недостатокъ. Но Нина не думала совсѣмъ о недостаткѣ.

Онъ съ нею, онъ никогда ее не покинетъ—чего же больше!?

Но все же она заставляла его поклясться, что онъ никогда не возьметъ себѣ другой жены, хотя бы достать его черезъ нѣсколько лѣтъ и увеличился настолько, чтобы позволить ему такую роскошь.

Сасико взглянулъ на нее. Никогда она не была еще такъ хороша, какъ въ это утро.

Онъ вспомнилъ всѣхъ молоденькихъ дѣвушекъ аула, всѣхъ, которыхъ когда либо встрѣчалъ—и рѣшилъ, что всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, не стоятъ ея мизинца. Поэтому онъ, не долго думая и отъ всего сердца, поклялся ей, что даже не взглянетъ никогда на другую женщину, будь она хоть княжеская дочь.

Нина крѣпко обняла его, спрятала на грудь его свою голову. Онъ покрывалъ поцѣлуями ея роскошные волосы, ея лобъ, ея нѣжныя щеки.

Они были увѣрены, что никто ихъ не видитъ—и ошибались.

Старый Гудъ все видѣлъ и не могъ больше выпестить этого зрѣлища.

Не то стонъ, не то крикъ злобной радости вырвался изъ могучей груди его и раскатился по горамъ, такъ что закачались сосны и отряхнули снѣгъ со своихъ вѣтвей. Захватилъ старый Гудъ огромную снѣжную глыбу и со всего размаху кинулъ ее на саклю, въ которой миловались Нина и Сасико.

* * *

Со всѣхъ сторонъ завалило снѣгомъ саклю. Выйти изъ нея не было никакой возможности, да и нужно было дня два, три работать, чтобы снаружи ее очистить и прорубить лазейку къ двери.

Нина и Сасико слышали глухой ударъ и думали, что потолокъ рухнетъ надъ ними. Но потолокъ не обрушился, только тьма кровяная настала—и поняли они, въ чемъ дѣло.

— Мы завалены снѣгомъ! прошептала дѣвушка.

— Да, ну такъ что же?! весело отвѣтилъ Сасико—тѣмъ лучше. Мы одни и много пройдетъ времени, пока отгребутъ снѣгъ и отворятъ двери. Мы одни!..

Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ невѣсту.

— Но я хочу тебя видѣть, шептала онъ,—я хочу любоваться на красоту твою! Да, и вотъ, смотри, у тебя холодѣютъ руки...

Онъ развелъ огонь. И не одинъ часъ просидѣли они передъ этимъ огнемъ, отдаваясь своимъ мечтамъ и не замѣчая времени.

Но все же голодъ заставилъ ихъ очнуться.

— Чего бы намъ поѣсть? вдругъ проговорилъ Сасико.

— Постою, милый, я понижу чегонибудь, можетъ, что и найдется,—отвѣтила вставая Нина.

Она нашла двѣ лепешки и небольшой кусокъ сыру.

Утолили влюбленные голодъ и снова предались своимъ мечтамъ и разговорамъ, и снова не замѣчали времени.

Но оно шло. Прошли сутки, начались другія. Голодъ томилъ и Сасико и Нину, а ѣсть уже было нечего—отъ двухъ лепешекъ и сыру не осталось и крошки. Сначала они энергично боролись съ голодомъ, но онъ начиналъ побѣждать ихъ. Они успокаивали другъ друга, повторяя:

„Вотъ, вотъ сейчасъ отроютъ насъ“.

Часы шли. И хотя имъ казалось, что они слышатъ недалеко голоса, но снѣжная глыба была попрежнему плотно прижата къ двери и маленькимъ окнамъ. Теперь они уже не говорили о взаимной любви, они уже не ласкали другъ друга, они даже не замѣчали другъ друга, а сидѣли по разнымъ угламъ сакли и только жадно прислушивались, только ждали съ сердечнымъ замираніемъ.

А голодъ мучилъ все больше и больше. И Сасико и Нина чувствовали страшную слабость, которая усиливалась съ каждой минутой. Нина не выдержала и стала горько плакать.

Прошли еще сутки, наступилъ четвертый день заключенія ихъ подъ снѣгомъ. Вопли отчаянія раздавались въ саклѣ. Нина, совершенно обезсиленная, ломала себѣ руки. Сасико какъ звѣрь метался изъ угла въ уголъ. Ему удалось поддержать огонь; но не смотря на самые тщательные поиски, въ саклѣ не нашлось ничего съѣдобнаго. Голодъ рвалъ его внутренности. Глаза его впали, окружились синевой и какъ-то неестественно и злобно горѣли.

— Умираю! стонала Нина, глядя на Сасико умоляющимъ, безнадежнымъ взглядомъ.

Но ни любви, ни жалости не возбудилъ въ немъ этотъ слабый голосъ красавицы.

Онъ остановился передъ нею, глаза его страшно блес-

пули, устремившись на круглое нѣжное плечо ея, выглядывавшее изъ-за распустившагося ворота сорочки, которую она въ отчаяніи на себѣ разрывала. Вдругъ онъ склонился надъ нею, крѣпко охватилъ ея станъ, прильнулъ къ этому плечу и... изо всѣхъ силъ вѣпился въ него зубами.

Нина отчаянно вскрикнула и почти лишилась чувствъ. Но въ эту самую минуту голоса послышались у двери. Дверь распахнулась и въ нее влился потокъ свѣта, потокъ свѣжаго зимняго воздуха.

Съ трудомъ оторвали Сасико отъ Нины. Накормили несчастныхъ. Они пришли въ себя. Нинѣ перевязали плечо; стали ихъ спрашивать, но они долгое время не могли ничего отвѣчать. Только по временамъ они взглядывали другъ на друга и тотчасъ же отводили глаза въ сторону.

Любовь, которой казалось и конца не будетъ, страсть, которую они жили и дышали,—исчезли навсегда. Теперь они чувствовали другъ къ другу только отвращеніе, только ненависть...

А тамъ, въ горной вышинѣ, раздавался неудержимый, бѣшеный хохотъ стараго Гуда. И отъ этого хо-

хота груди камней отрывались отъ горы и скатывались въ долину...

* * *

„Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ!“—прибавляетъ обыкновенно старый осетинъ, рассказывая эту легенду.

„А что же случилось съ Ниной?“ спрашиваютъ внимательно слушатели.

„Съ Ниной?“

Онъ опускаетъ глаза, лицо его выражаетъ нѣкоторое недоумѣніе.

„А кто ее знаетъ! Я и самъ про нее допытывался у покойнаго дѣда, да тотъ такъ ничего вѣрнаго и не сказалъ мнѣ. Но бабка увѣряла, что красавица Нина весною, когда снѣга сошли и дужайки покрылись зеленью,—отправилась въ горы, да больше и не возвращалась. Видно Гудъ таки добился своего—заманилъ ее на самую вершину. А что случилось съ нею въ его хрустальномъ замкѣ, о томъ кто же расскажетъ?! Рассказалъ бы орелъ, если бы говорить умѣлъ—да и орелъ пожалуй не долеталъ никогда до жилища стараго Гуда...“

Гудауръ. Военно-Грузинская дорога.
23 Августа, 1882 года.

На Украинѣ.

Неоглядная ширь, міриады цвѣтовъ,
Хутора, перелѣсья и степи...
Въ необъятной небесной дали—облаковъ
Тихо таютъ жемчужныя цѣпи...

* * *

И гарба, нагруженная сѣномъ, скрипитъ,
И волны головами качаютъ,

И задумчивый аистъ на крышѣ стоитъ,
И черепни на солнцѣ сверкаютъ...

* * *

Все горитъ на полуденномъ жаркомъ огнѣ,
Все такъ дышетъ чарующимъ югомъ, —
И опять отъ Украины повѣяло мнѣ
Словно встрѣчей съ потеряннымъ другомъ...

П. Гнѣдичъ.

Къ рисункамъ.

Русскіе типы. Дѣти-малороссы.

(Рис. на стр. 4 и 5).

Сколько племенъ и народностей живутъ на нашей великой родинѣ! И каждое имѣетъ свои особенности, свою отъ вѣка установившуюся жизнь, свой типъ... Малороссія съ ея красивымъ населеніемъ дала много сюжетовъ талантливымъ художникамъ, рисующимъ для нашего журнала, и читатели наши не разъ встрѣчали малороссійскіе типы. Такъ въ деревняхъ на каждомъ сборницѣ, въ праздникъ, гдѣ молодежь соберется потанцевать подъ скрипку—особенно милы дѣти. Милостивыя дѣвочки, будущія красавицы Оксаны и Ганны, разубранныя цвѣтами—прелестный мѣстный обычай—степенно сидятъ, посматривая на игры большихъ; подростки-паробки, молодцовато заломивъ на бекрень палочки, также стоятъ въ толпѣ. Два такихъ типа — дѣвочки и мальчика-малоросса увидать читатели въ этомъ номерѣ.

Новый годъ.

(Рис. на стр. 9).

Бьетъ полночь и таинственный Новый Годъ нисходитъ на землю. Онъ несется надъ пустынными ночными долинами, спящими озерами и рѣками, несется надъ шумными городами, гдѣ, въ залитыхъ огнями домахъ, съ бокалами въ рукахъ люди ждутъ его появленія; несется надъ тихими деревнями, гдѣ тоже съ надеждой или горемъ встрѣчаютъ его, задумчиво соображал, что то онъ принесетъ съ собою. Сколько надеждъ, ожиданій, исполнившихся и неисполнившихся желаній! Сколько горя, отчаянія и сколько радости и счастья—какъ кому—придетъ съ Новымъ Годомъ! А онъ пронесется надъ нами безстрастно и наступаетъ быстро! Занятія, хлопоты, болѣзни, радости, горе—смотришь: ужъ и роковая стрѣлка близится къ двѣнадцати и серебряный звукъ часовъ, обозначая полночь, раздался, и не замѣтили мы, какъ пронесся минувшій годъ и наступилъ Новый...

Предсказаніе Никону.

(Рис. на стр. 12).

Въ позапрошломъ году въ „Нивѣ“ было подробное жизнеописаніе этого знаменитаго московскаго патріарха, его быстрого, необычайнаго возвышенія, его высокихъ дѣлъ и его столь же громкаго и необычнаго паденія. Очень понятно, что о та-

комъ замѣчательномъ лицѣ сложилось много легендарныхъ рассказовъ, ходившихъ въ народѣ; многіе изъ этихъ рассказовъ, однако, потомъ подтверждались. Одною изъ такихъ легендъ воспользовался художникъ на прилагаемой картинѣ.

Дѣтнимъ вечеромъ 1617 года по густому лѣсу, недалеко отъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря, шли двое мальчиковъ въ одеждѣ послушниковъ. Одинъ всего лѣтъ двѣнадцати, съ чрезвычайно умнымъ, подвижнымъ личикомъ и живыми черными глазами, особенно обращалъ на себя вниманіе. Оба пріятеля пробирались изъ Печерскаго монастыря къ колдуну, жившему въ лѣсу, который славился среди мѣстныхъ жителей своими предсказаніями. Въ самой глуши, на полянкѣ, увидѣли они полувросшую въ землю избушку и у нея на лавкѣ, грѣющагося на вечернемъ солнцѣ, сѣдаго старика. Мальчики просили имъ погадать. Они попали къ избушкѣ всѣмъ окрестнымъ жителямъ извѣстнаго „вѣдуна“. Древній старикъ принялъ ребятъ ласково, и вдругъ быстро обратившись къ Никону, долго глядѣлъ въ его черные глаза и сказалъ: „Высоко тебѣ, малый, летать! Великъ на Руси будешь!“ Предсказаніе „вѣдуна“, какъ извѣстно, исполнилось: высоко, какъ орелъ, взлетѣлъ знаменитый архимандритъ, окончившій жизнь въ ссылкѣ, въ отдаленномъ сѣверномъ монастырѣ.

Степная амазонки.

(Рис. на стр. 13).

Солнце за полдень. Надъ зеленою степью сгустился теплый, ароматный паръ и застилаетъ даль синеваго дымкою. А даль эта безъ конца!.. Ровная гладкая—только кое-гдѣ, словно сторожевыя вышки, виднѣются одинокіе курганы, а на одномъ изъ нихъ рѣзкимъ пятномъ свѣтлѣетъ куполъ аулы (святаго мѣста), могила какого-то стародавняго витязя-батыря, борца за неприкосновенность раздольной, кочевой воли.

Тамъ и сямъ выютъ дымки закопченныхъ войлочныхъ кибитокъ; на выбитомъ, оголенномъ, выжженномъ солнцемъ пространствѣ — лѣнливо бродятъ верблюды табуны, пестрѣютъ несметныя овечьи атары... да по извилистымъ балкамъ залегли, до ночной поры, бездомные бродяги, поджарые, топче степные волки... — а въ воздухѣ, въ самой вышинѣ, словно недвижныя рѣютъ крылатые хищники, зорко глядяваясь внизъ, въ гущи ковыля и полыни, въ мелкую заросль,—не засѣла-ли плохо, не зазѣвалась-ли какая нибудь глупая куроштка, не отошелъ-ли отъ норы далеко пестрошубый сторожкій сусликъ...

Все старое—снить по кибиткамъ, все рабочее дремлетъ—безъ дѣла; сторожевые пем и тѣ лѣнливо разметались на припекѣ... Вѣдь время за полдень только, это время покоя и лѣни, а вотъ попозже, когда спадетъ солнечный жаръ и разстелется по степи синяя тѣни, пахнетъ вечернею прохлагою,—тогда все оживетъ, все станетъ на ноги... Дикимъ хоромъ заревутъ горбатые верблюды, сбиваясь въ кругъ, загадятъ несмѣтные атары, въ пыльных тучахъ приближающихся къ камышевымъ законамъ, и звонко затрубятъ табунные жеребцы, гордо выступая во главѣ своихъ косяковъ съ матками и жеребятами... Вспыхнутъ костры, забурлятъ котлы и кунганы—и старое и малое—все выплыветъ на просторъ, на вечернюю дойку, всякую уборочную работу...

Вотъ въ такую-то пору, по окромкѣ балки, то появляясь во весь ростъ, то пропадая въ ложбинѣ, бойко семенитъ короткими мохнатыми ногами горбоносый иноходчикъ; на высококомъ сѣдлѣ сидитъ дѣвка степная—кровь съ молокомъ, какъ говорятъ, если бы только молоко было цвѣтомъ какъ кожа дубленая, щеки скуластая отъ жира лоснятся, угольками нескрывается косые, черные глазки, сочный ротъ такъ и сверкаетъ бѣлыми здоровыми зубами... Сидитъ наѣздница въ сѣдлѣ, словно на пемъ выросла, наекосъ назадъ откинулась, рука съ плеткою лѣнливо, безъ дѣла опущена... ѣдетъ вольно... Только—вдругъ—словно всю ее передернуло, къ л у к ѣ пригнулась, поводъ натянула и всередѣ—будто борзая на зайца возрилась... Даже иноходецъ—и тотъ насторожилъ свое надрызанное короткое ухо и тотъ храпнулъ своими подпоротыми поздрами...

Это она другую наѣздницу замѣтила, съ дальняго аула подругу... Ту, что на прошлой байгѣ за глаза своимъ иноходцемъ передъ парнями хвасталась...

— А ну-ка—

думаетъ первая... Вотъ пришелъ случай показать удалъ твоему нахваленному...

Надбавила ходу, ближе къ берегу балки держится...

По тому, другому берегу ѣдетъ та, Нудханымъ, завистливая... Вонъ съ полверсты балка клиномъ сходитъ, какъ разъ у Мазара... тамъ и сбѣдуются...

Размѣнялись дѣвки привѣтомъ... звонко размѣнялись, руками рубахъ махнули, безъ лишняго слова другъ друга поняли, наддали еще ходу и на полномъ бѣгу, съ размаха встрѣтились...

— Гайда—Нудханымъ!

— Гойда—Койчашъ!..

И понеслись по дорогѣ, только пыль по степи стелется... слѣдъ бѣгуновъ обозначаетъ...

И мелькаютъ въ этой пыли—черныя косы, красныя платки, широкіе рукава рубахъ да косматыя хвосты и гривы рѣзвыхъ

иноходцевъ... четыре пары некованныхъ коньтъ дробный, частый перебой выколачиваютъ... Не вѣдаютъ бѣгуны своихъ развеселыхъ хозяекъ... Не на верстѣ, на десяткахъ развѣ сила ихъ и рѣзвость скажутся...

— Держись Нудханымъ!

— Держись—Койчашъ!..

Наддай да паддай корноухій!..

Ученая собачка.

(Рис. на стр. 16).

Чего только не выдумаютъ эти шалуны дѣти! Бѣдную собачку привели въ самое неудобное и непривычное ей положеніе. На мохнатую, смѣшную мордочку ея надѣли большое пенсне, изъ-за котораго пресмѣшно выглядываютъ ея блестящія глазки. Лапки ея положили на столъ, передъ ней поставили чернильницу и положили бумагу, и умный терьеръ сидитъ и не протестуетъ противъ своихъ маленькихъ мучителей. Они хочутъ, заливаются глядя на собачку, а она терпѣливо ждетъ, когда ее освободятъ, ибо знаетъ, что дѣтки ее все-же очень любятъ и ей непременно достанется хорошей кусочекъ сахара, о которомъ мечта и присутствуетъ въ ея хохлатой головкѣ, пока съвозъ пенсне она смотритъ на веселыхъ дѣтей.

Ученая собачка. Рис. Н. Віу, грав. Новаль.

Чортова лѣстница (Шайтанъ - Мердвень).

(Рис. на стр. 17).

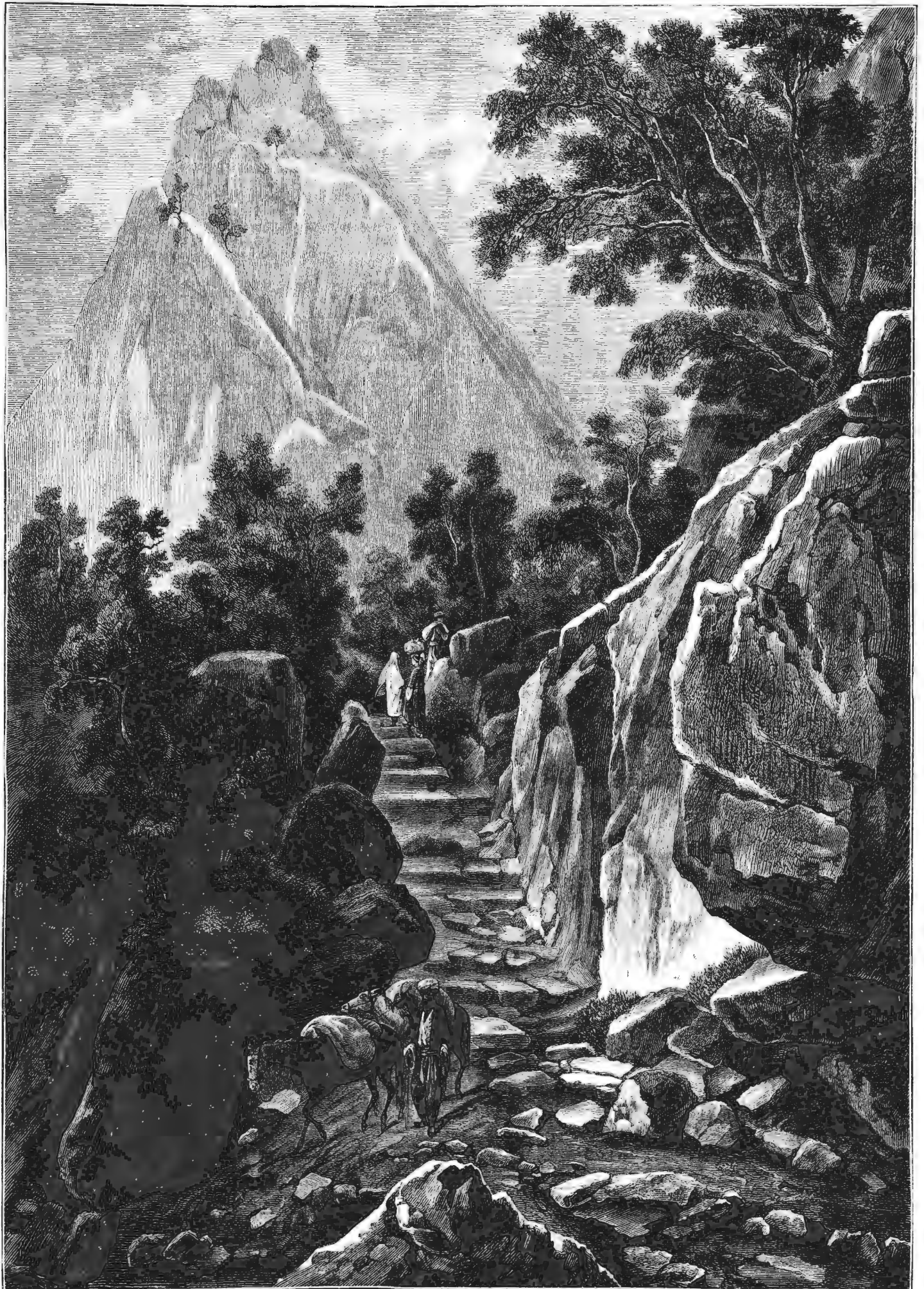
Между Алуцкой и Байдарской долиной, верста хъ въ восьми отъ Кичинеиза, существуетъ замѣчательный горный переходъ, названный татарами Чортовой лѣстницей—Шайтанъ-Мердвень.

Лѣстница эта одинъ изъ оригинальнѣйшихъ памятниковъ старины: какалто пещеро-человѣч-

ская постройка, стоявшая громадныхъ усилій тѣмъ невѣдомымъ племенамъ, которая вырубилъ ее въ скалахъ. Она почти вертикальна, и идетъ между двухъ отвѣсныхъ скалъ. Мѣстами ступени, размытыя горными потоками, замѣнены деревянными обрубками. Идетъ лѣстница зигзагами съ очень крутыми поворотами, которыхъ до сорока.

Оригинально восхождение на эту Чортову лѣстницу: на нее взбираются обязательно верхомъ, или, какъ увѣрялъ Пушкинъ, держась за хвосты лошадей. Татарскіе копи изумительно лазаютъ по ступенямъ, и случается несчастія здѣсь и не запомнить. Спускаются съ лѣстницы всегда пѣшкомъ.

Внизу, у ея подножія, были нѣкогда укрѣпленія, защищавшія переходъ, которымъ пользовались до устройства Байдарскаго шоссе какъ единственнѣйшимъ переваломъ черезъ Яйлу въ этомъ мѣстѣ.

Крымскіе виды. Чертова лѣстница (Мердвень-Шайтанъ). Съ картины академика Фридриха графа М. Рацевскій.

Политическое обозрѣніе.

Смерть Леона Гамбетты.—Значеніе ея для Франціи и остальной Европы.

Мы должны занести въ нашу хроникѣ событіе, несомнѣнно имѣющее значеніе, которымъ закончился минувшій 1882 годъ. Леонъ Гамбетта умеръ въ понедѣльникъ, 20-го декабря. По словамъ иностранныхъ газетъ онъ умеръ отъ раны, которую получилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: онъ долго находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкою г-жею Л. Синъ этой женщины, мальчикъ лѣтъ 17, воспитывался въ Дрезденѣ подъ руководствомъ г. Гесселя. Г-жа Л. пожелала, чтобы сынъ ея послѣ вакацій нынѣшняго года остался въ Парижѣ. Гамбетта-же настаивалъ на возвращеніи его въ Дрезденъ. Возникла ссора. Г-жа Л. схватила револьверъ, дѣлая видъ, что съ отчаяніемъ хочетъ застрѣлиться. Но выстрѣлъ раздался внезапно и неожиданно, и пуля попала въ Гамбетту, который послѣ продолжительныхъ страданій умеръ отъ раны.

И такъ умеръ человекъ, на котораго значительная часть французовъ возлагала надежды, который во всякомъ случаѣ, не смотря на возможные съ его стороны заблужденія и увлеченія все-же возвышался между нынѣшними ничтожными дѣятелями Франціи. Гамбетта конечно стоялъ выше посредственности, захватившихъ нынѣ власть въ странѣ, и лучше ихъ понималъ и интересы и задачи своей родины. Его подозрѣвали въ стремленіяхъ къ диктатурѣ, на него сыпалось много обвиненій, но у какаго человека, всю жизнь свою посвятившаго политической борьбѣ, не бываетъ ненавистниковъ и враговъ. Вокругъ него группировались умѣренные республиканцы „оппортунисты“—выдержитъ-ли его партія, оставшаяся безъ главы, напоръ другихъ партій, останется-ли вѣрна себѣ послѣ смерти Гамбетты, но ей придется во всякомъ случаѣ выдержать сильную борьбу со стороны другихъ партій, и Франція опять увидитъ безпорядки внутренніе и раздоры.

Даже самые упорные сторонники нынѣшней республики говорятъ, что шансовъ на продолжительное существованіе она не имѣетъ. Какъ только устранятся поводы несогласій между противоположными партіями, такъ явится совершенно готовая ком-

бинація конституціонной монархіи орлеанистовъ, представляющая въ глазахъ націи огромное преимущество вполнѣ равноправныхъ отношеній съ другими монархическими правительствами Европы.

Между почитателями Гамбетты и даже между его противниками было распространено мнѣніе, что онъ умѣлъ создать себѣ тайные ходы почти ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. Онъ лично видѣлся съ королемъ Италіи, бесѣдовалъ съ принцемъ Уэльскимъ, съ королемъ Эллиновъ, посѣщалъ русскаго посла въ Парижѣ—даже изъ такого малозначащаго факта, какъ свиданіе его со Скобелевымъ, выводились самыя преувеличенныя и невѣроятныя заключенія. Многіе не желали видѣть Гамбетту во главѣ республики. Крайніе боялись, что существующій порядокъ утратитъ при немъ революціонный характеръ, который они старались сохранить за республикой. Противныя партіи боялись, что онъ своею умѣренностью помиритъ съ республикой. Теперь всѣ эти опасенія исчезли. Передъ Франціей вновь возстаетъ загадочный призракъ ея будущаго...

Для остальной Европы смерть Гамбетты тоже имѣетъ значеніе. На будущей политической роли покойнаго строились планы и комбинаціи, которые теперь всѣ должны рухнуть.

Карьера его была бурная и во всякомъ случаѣ замѣчательная. Сынъ каторжника лавочника, затѣмъ секретарь адвоката Лапо, самъ потомъ адвокатъ, получившій извѣстность двумя политическими рѣчами, затѣмъ трибунъ и парламентскій ораторъ, членъ правительства національной обороны, потомъ диктаторъ Франціи, летавшій въ Туръ на воздушномъ шарѣ, наконецъ президентъ палаты и въ послѣднее время, по выходѣ изъ своей должности, не несшій никакихъ обязанностей официальныхъ, бывшій „не у дѣлъ“ и все-же заставившій о себѣ говорить всю Европу.

Во второмъ, слѣдующемъ номерѣ мы помѣстимъ портретъ и біографію этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго человека, главы партіи умѣренно-республиканской, такъ называемыхъ „оппортунистовъ“.

Небесный скиталець.

Очеркъ.

Мы какъ бы вступили въ эру кометъ. Такъ, въ прошломъ году ихъ было цѣлыхъ семь, въ настоящемъ—видимъ уже четвертую. Первая, открытая 18-го марта Уэллсомъ въ Бостонѣ, была видима простымъ глазомъ—за исключеніемъ времени прохожденія позади солнца, съ 10-го юлія—съ середины мая и до первыхъ дней іюля; вторая была наблюдаема 17-го мая, близъ солнца, во время затмѣнія; эту великолѣпную комету также можно было рассмотреть, не прибѣгая къ телескопу; третью открылъ Вернардъ, въ Бостонѣ же, 10-го сентября; но ее видно только въ телескопъ, такъ какъ она находится въ періодѣ перваго появленія и прогрессивно увеличивается въ своихъ размѣрахъ; наконецъ, четвертая, открыта Флиппемъ, 8-го сентября, на мысѣ Добрая Надежда и 12-го—Крульсомъ, въ Рио-Жанейро.

Едва пришло это извѣстіе, какъ изъ Испаніи, Португаліи, Италіи, Алжира и Южной Франціи по телеграфу было сообщено, что 17—19-го сентября близъ солнца, усмотрѣна блестящая комета, ясно видимая, не смотря на ослѣпительный солнечный свѣтъ, невооруженнымъ глазомъ. Она появилась съ западной стороны, сначала на разстояніи 1¹/₂°, потомъ 3°, а засиъ 6°, а 25-го сентября, въ 4 часа 25 минутъ утра, до восхода показалась съ восточной, украшенная великолѣпнымъ хвостомъ.

Блестящая комета, видимая при дневномъ свѣтѣ на очень близкомъ разстояніи отъ солнца чрезвычайно рѣдкое явленіе. 17-го сентября и въ слѣдующіе дни небо надъ Парижемъ и надъ всей средней и сѣверной Франціей было покрыто облаками, такъ что и самое солнце оставалось невидимымъ. Но во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ погода стояла ясная, комету можно было видѣть и изслѣдовать.

Комета сіяла такимъ блескомъ, что даже въ полдень привлекла на себя всѣ взоры. Какъ сказано выше—примѣры подобнаго явленія весьма рѣдки и можно указать въ его десять кометъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ вполнѣ заслуживающіе довѣрія наблюдатели, видѣвшіе ихъ днемъ, а именно: комета, явившаяся въ 43 г. до Р. X. и считавшаяся римлянами душею Юлія Цезаря, незадолго предъ тѣмъ убитаго Брутомъ и Кассіемъ; далѣе—обѣ кометы 1402 г., кометы 1532, 1577, 1618 и 1744 г., а также—1843 г., прошедшая необычайно близко отъ солнца, чрезъ его лучи, со скоростью, о которой трудно себѣ составить понятіе, т. е. 550 тысячъ метровъ въ секунду; нынѣшняя комета по счету—десятая.

Эта необычная комета, которая, въ видѣ яркаго, предшествующаго солнцу метеора, выпроложенія мѣсяца, каждое утро появлялась на небосклонѣ, останется въ лѣтописяхъ науки одною изъ самыхъ блестящихъ и великолѣпныхъ.

И въ самомъ дѣлѣ—не будь намъ извѣстны законы этого

явленія, не будь намъ извѣстно, что оно ни въ чемъ не можетъ нарушить порядка движенія планетъ и не имѣетъ прямого отношенія собственно къ человѣческому бытію—это не вѣдомо откуда и неожиданно появившійся фантастическій, косякъ огненный столбъ, медленно и безмолвно поднимающійся съ востока прямо въ звѣздный міръ, какъ будто грозитъ чѣмъ-то страшнымъ нашей землѣ, невольно наполняетъ ужасомъ душу.

Нынѣшняя комета столь значительна по своему протяженію, что ея полный выходъ совершается болѣе, чѣмъ въ часъ, хотя на горизонтѣ она показывается не въ перпендикулярномъ, а въ наклонномъ положеніи; ко времени же восхода ея ширина достигаетъ такихъ размѣровъ, что могла бы прикрыть всю линію трехъ царей въ четырехугольникѣ созвѣздія Ориона; развиваемая ею сила свѣта настолько велика, что въ ту минуту, когда ея ядро опустилось за темный горизонтъ,—надъ его линіей еще стоитъ отдаленное зарево, отблескъ ея лучей. И когда видишь все это, то какъ-то не вѣришь, чтобы подобное свѣтло не играло важной, хотя еще и, можетъ быть, недостаточно разъясненной роли въ мірозданіи.

Какъ велика должна была быть сила ея свѣта, если въ теченіи трехъ дней, въ ясный полдень, не смотря на близкое со- сѣдство солнца, ее можно было видѣть простымъ глазомъ. Въ эту пору небесный небосклонъ, вѣроятно, служилъ театромъ огненныхъ движеній такой силы, въ сравненіи съ которыми наши пороховые или динамитные взрывы могли бы показаться не болѣе какъ дѣтской игрой.

Изъ числа наиболѣе важныхъ наблюденій надъ этой кометой, укажемъ на наблюденія Булара, произведенныя имъ въ Алжирѣ. Астрономъ этотъ наблюдалъ явленіе почти каждый день, начиная съ 18-го сентября, сдѣлавъ также при этомъ и нѣсколько снимковъ кометы. На ясномъ небѣ Сициліи ея уже нельзя было съ 21-го сентября видѣть близъ солнца невооруженнымъ глазомъ. Въ Палермо, Рикко удалось, 22-го сентября, около полудня, увидѣть ее сквозь большій секторъ тамошней обсерваторіи. На слѣдующій день, 23-го, въ 5 часовъ утра, онъ вновь видѣлъ ее простымъ глазомъ. Видѣть былъ, не взирая на дневной свѣтъ, тянувшійся по направленію къ югу хвостъ въ шесть г адусовъ длины.

24-го сентября ядро обладало силой свѣта Юпитера, а хвостъ тянулся въ видѣ длиннаго сложеннаго вѣера. Качающе возимѣлъ мысль воспользоваться кометой для добраго дѣла и предложилъ желающимъ полюбоваться великолѣпнымъ явленіемъ—26-го сентября, ровно въ 5 часовъ—въ обсерваторіи, съ платою по 200 франковъ, въ пользу жителей Венеціанской и Ломбардской провинцій, пострадавшихъ отъ недавнихъ наводненій.

Парижское небо продолжало быть сѣрым и дождливымъ, что и воспрепятствовало наблюдениямъ. Не липнею казалась бы мысль объ изслѣдованіи вліянія, которое кометы оказываютъ на температуру и винодѣліе. Никогда еще не появлялось за-разъ такъ много прекрасныхъ кометъ, какъ въ нынѣшнемъ году, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено, что виноградъ Франціи и не созрѣлъ, а также, что со времени сооруженія Парижской обсерваторіи не было еще столь ненастного лѣта. Впрочемъ, для того, чтобы вывести общіе законы вліянія планетъ или астрономическихъ феноменовъ, нельзя ограничиться наблюдениями надъ метеорологическимъ состояніемъ одной только страны—Франція составляетъ одну тысячную часть поверхности земнаго шара—необходимы, конечно, наблюденія, охватывающія, въ этомъ отношеніи, всю планету.

17-го комета приблизилась, съ юго-западной стороны, къ солнцу и въ 3 часа 46 минутъ того же дня находилась въ видѣломъ сопркосновеніи съ его дискомъ, а потомъ двинулась мимо него, проходя позади его (т. е. по отношенію къ нашей точки зрѣнія); обойдя, такимъ образомъ, вокругъ центральной планеты нашей системы и почти задѣвъ его восточное полушаріе, комета направилась съ востока на западъ, пронеслась 17 вечеромъ между солнцемъ и землею и, вѣдѣмъ, исчезла въ невѣдомыхъ глубинахъ міра. Можно предположить, что комета вышла изъ пространства, находящихся за солнцемъ; въ первой части своей дуги она приблизилась къ солнцу и къ намъ, по второй же удалилась отъ нашей системы.

Замѣчательнѣе всего то, что комета прошла близъ самаго тѣла солнца, но, конечно, не коснулась его, такъ какъ, въ этомъ случаѣ, ей пришлось бы остаться тамъ; она пронизала газовую атмосферу, окружающую этотъ колоссальный шаръ, чѣмъ и повторила явленія 1843 и 1880 гг.

Ея атмосфера смѣшалась съ атмосферой солнца, но ядро осталось неповрежденнымъ въ этомъ огненномъ очагѣ, чрезъ который она пролетѣла со скоростью 560 тысячъ метровъ въ секунду.

Комета обошла кругомъ солнечнаго шара въ два часа времени, 17 сентября, приблизительно въ 6 часовъ вечера: не забудемъ, что шаръ этотъ имѣетъ въ обхватѣ болѣе милліона миль.

Въ теченіе сутокъ—съ 6 часовъ 17 сентября и къ тому же часу 18-го—ядро кометы совершило не менѣе 5 милліоновъ

миль. Съ этого дня она удаляется отъ насъ по кривой, съ невообразимой быстротой. 18 сентября скорость ея суточного движенія равнялась 3.800,000, 19-го 2.900,000, 20-го 2.150,000, 24-го 1.430,000, 4-го октября—1.160,000 миль. 15 октября, когда комета находилась уже на расстояніи, равномъ разстоянію земли отъ солнца, она двигалась, все еще, со скоростью 909,000 миль въ сутки. Затѣмъ, удалившись отъ солнца на 43 милліона миль, а отъ земли на 56 милліоновъ миль, комета продолжаетъ дѣлать по 800 тысячъ миль въ сутки. Въ 5 часовъ утра 23-го октября, Фламмаріонъ, измѣривъ комету при весьма благоприятныхъ условіяхъ, опредѣлилъ ея протяженіе въ 20 небесныхъ градусовъ, изъ чего, въ свою очередь, явствуетъ, что длина ея достигаетъ по крайней мѣрѣ 20 милліоновъ миль.

Не смотря на то, что комета удалилась съ такой быстротой—она, вѣроятно, скоро возвратится, такъ какъ есть основаніе предполагать, что тождественна съ кометами 1843 и 1880 гг. Если это такъ, то мы видимъ, что комета 1843 г., сдѣлавшая свой пробѣгъ въ 37 лѣтъ, съ 1880 г. совершила его менѣе, чѣмъ въ 3 года. Различіе находится въ зависимости отъ силы сопривленія солнечной атмосферы.

Если—что весьма вѣроятно—нынѣшняя комета и есть та же самая, но только врашающаяся въ солнечной системѣ, то ее буквально можно сравнить съ бабочкой, которая бѣгаетъ вокругъ пламени. Ея судьба предопредѣлена: ей не уйти отъ той своей доли, противъ которой она, повидимому, борется, которой и спрится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жаждетъ. На этотъ разъ могучій взмахъ крыла вынесъ ее изъ огненнаго очага въ ледяныя пустыни міровыхъ пространствъ, но—она не выйдетъ изъ власти генія огня и теплоты; намагнетизованная, намагниченная, порабощенная возвратится она и уже лишь для того, чтобы сгорѣть въ томъ очагѣ.

Если эта гипотеза подтвердится, то, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы будемъ присутствовать при безпримѣрномъ въ исторіи зрѣлищѣ; на темномъ небѣ мы вновь увидимъ несчастную комету; съ ежедневно увеличивающеюся скоростью пронизетъ она нашу систему и, удваивая, утраивая, удесятерая свою быстроту, двинется по прямой линіи къ солнцу; стремительность ея будетъ такъ велика, что въ послѣднія секунды превзойдетъ 600 тысячъ метровъ. Скоро мы узнаемъ—подаритъ ли насъ природа этимъ великолѣпнымъ спектаклемъ.

St. P. Z.

Библіографія.

Наши пути сообщенія. Составили Д. Рыбаковъ и В. Вѣловъ. Если гдѣ особенно необходимы удобные пути сообщенія, то это у насъ, въ Россіи, благодаря обширности равнины, ея занимаемой. Отсюда,—вопросъ о путяхъ сообщенія имѣетъ большую важность, и всякая удачная попытка освѣтить его должна встрѣчаться полнымъ сочувствіемъ къ себѣ. Именно такого сочувственнаго отношенія заслуживаетъ выписанная нами книга. Состоя изъ нѣсколькихъ какъ-бы отдѣльныхъ главъ, она представляетъ собою весьма стройное описаніе „нашихъ путей сообщенія“, состоянія желѣзныхъ дорогъ и положенія водянаго сообщенія. Обо всемъ этомъ читатель получаетъ весьма ясное познаніе, ибо, независимо отъ стройности, изложеніе отличается еще и полной общедоступностью. Въ легкой формѣ авторы

сумѣли сгруппировать мнѣнія специалистовъ дѣла, подвергнувъ ихъ самостоятельной обработкѣ.

Что-же касается до ихъ отношенія къ нашимъ путямъ сообщенія, то они справедливо признаютъ за желѣзными дорогами, построенными съ цѣлями военной обороны, отсутствіе экономическаго значенія, и наоборотъ, придаютъ огромнѣйшее значеніе собственнымъ путямъ сообщенія, чрезвычайно удобно созданнымъ самою природою. Между тѣмъ, водяные и шоссевыя пути сообщенія находятся у насъ въ заброшенномъ состояніи, что весьма печально. Вообще, авторы стоятъ за приведеніе въ связь нашихъ различныхъ путей сообщенія и за преслѣдованіе цѣлей экономическихъ при ихъ устройствѣ.

С М Ъ С Ъ.

Поразительно быстрый ростъ. Недавно привезенъ въ Парижъ одинъ юноша, представляющій собою большой медицинскій интересъ. Будучи девятнадцати лѣтъ отъ роду, 17 мая 1881 года, онъ имѣлъ шесть футовъ и три дюйма росту. Вскорѣ, въ одно прекрасное утро, онъ замѣтилъ, что выросъ сразу на одинъ дюймъ. Съ этого момента онъ сталъ еженедѣльно измѣрять свой быстро увеличивавшійся ростъ и въ настоящее время представляетъ собою мужчину семи футовъ и десяти дюймовъ росту. Впрочемъ, нѣсколько болѣе года, онъ выросъ такимъ образомъ на одинъ футъ семь дюймовъ! Все это сопровождалось сильными болями въ спинѣ, отъ которыхъ онъ значительно согнулся; но съ іюня мѣсяца нынѣшняго года быстро растутъ у него впрочемъ только одинъ ноги, имѣющія теперь уже двадцать четыре дюйма длины.

Объ употребленіи табака. Ни одинъ физиологъ не скажетъ, конечно, что табакъ въ какой-либо формѣ необходимъ для чело-вѣка. Тысячи здоровыхъ мужчинъ и огромное большинство женщинъ прекрасно обходятся безъ него. Тѣмъ не менѣе, вѣрно и то, что онъ распространяется все шире и шире и, разъ введенный въ страну, дѣлаетъ совершенно бесполезными усилія изгнать его изъ употребленія. Онъ не составляетъ также необходимости и при высшихъ умственныхъ напряженіяхъ. Данте, Микель Анджелло и Рафаэль приобрѣли себѣ безсмертную славу безъ всякой помощи со стороны этого средства, возбуждающаго нервную систему; равно нѣтъ похвальнаго слова ему въ сказаніяхъ Сарвантеса или на странностяхъ шекспировскихъ произведеній, и не существуетъ указаній на то, чтобы Милтоновъ сочинялъ подъ его вліяніемъ, хотя привычка курить въ постели, быть можетъ, и была причиною его супружескихъ неурядицъ и разсужденій о разводѣ. Но какъ-бы тамъ ни было, а привязанность къ табаку потребителямъ

его, настолько сильная, что ничто не въ состояніи удержать отъ желанія „затянуться“; страданія, испытываемыя ими безъ табака; трудность или почти невозможность оставить разъ приобретенную привычку курить—все это довольно ясно показывается, что табакъ составляетъ собою, по своему вліянію на нервную систему, нѣчто незамѣнимое другими средствами. Для многихъ—ядъ; для другихъ табакъ—живая опора, безъ которой быть—значитъ находиться въ крайне бѣдственномъ положеніи. Насильственное воздержаніе отъ него является для многихъ самымъ страшнымъ наказаніемъ. Любопытный адресъ былъ поданъ недавно во Франціи г. Булей „Обществу противодѣйствія злоупотребленія табакомъ“ относительно экономическихъ и гигиеническихъ сторонъ пользованія этимъ наркотическимъ средствомъ. Всего потребляется табаку во Франціи не менѣе, какъ на 352.538,000 франковъ ежегодно. При этомъ самое государство содѣйствуетъ его распространенію, выдавая каждому солдатку по 100 граммовъ на десять дней, съ чрезвычайно умѣренной платой—въ пятьдесятъ сантимовъ. Такъ дѣлается въ видахъ нѣкоторой замѣны пищи, представляемой табакомъ. И уже давно, еще въ 1854 году, маршалъ Сентъ-Арно, будучи въ Варѣ, писалъ управляющему военнымъ департаментомъ: „Послалъ-ли вы табаку для войскъ? Это очень важно, потому что табакъ является лучшимъ средствомъ, находящимся въ нашемъ распоряженіи, противъ тоски по родинѣ и для облегченія бивачныхъ лишеній“. Далѣе, генералъ Брокъ, въ своемъ „Traite des avant Postes“, сильно настаиваетъ на томъ, что куреніе должно быть развиваемо въ легкой кавалеріи, въ видахъ развлеченія для всадника и отогнанія отъ него дремоты. „Какую отраду доставляетъ онъ раннимъ утромъ!—прибавляетъ генералъ—прогоняетъ сонъ, дѣлаетъ дождь менѣе пронизывающимъ и жажду менѣе томительной“. Къ тому-же табакъ требуетъ стали

и трута, — по тѣмъ же орудіямъ необходимы и для разведенія бивучаго огня, безъ котораго курильщикъ поэтому и не останется.

Необходимо, однако, показать и другую сторону потребления табака по отношенію къ тѣмъ же солдатамъ. Д-ръ Бланшетъ, военный хирургъ, пишетъ, что постоянное сопряженіе съ солдатами и изслѣдованіе послѣдствій куренія убѣждаютъ его въ томъ, что многія болѣзни должны быть приписаны единственно злоупотребленію табакомъ. Извы на губахъ, во рту, на языкѣ, въ носу, омертвѣніе челюстныхъ костей — слишкомъ часто являются результатами куренія. Другіе страдаютъ по той же причинѣ различными желудочными, часто весьма опасными, расстройствами. Третьи, наконецъ, головокруженіемъ, слабоуміемъ и даже временными припадками безумія. Выводъ изъ этого можно сдѣлать, кажется, тотъ, что насколько приятно и, быть можетъ, полезно самое умѣренное куреніе табаку, настолько вреднымъ можетъ оказаться злоупотребленіе имъ.

Фотографическое изображеніе взрыва. Недавно, съвероамериканскіе инженеры сняли фотографію съ разбитаго корабля, взорвавъ его динамитомъ, съ цѣлью убѣдиться, сколько времени продолжается взрывъ и какіе виды онъ принимаетъ. Результатъ получился въ высшей степени интересный. Было употреблено шесть камеръ. Фотографія, снятая въ 1/10 (одну десятую) секунды послѣ взрыва, изображала корабль, разорваннымъ въ куски при столбѣ воды въ 70 футовъ вышины; фотографія, снятая черезъ полторы секунды съ момента взрыва, изображала уже столбъ воды въ 160 футовъ высоты; третья фотографія, сдѣланная черезъ двѣ и одну треть секунды, показывала столбъ воды въ 180 футовъ; обломки корабля находились въ воздухѣ и ни одинъ изъ нихъ не упалъ еще на поверхность воды; четвертое изображеніе, сдѣланное черезъ три и три десятыхъ секунды, показывало, что столбъ воды опустился и самая поверхность оказывалась уже взволнованной; наконецъ пятое изображеніе, черезъ четыре и три десятыхъ секунды, показывало, что взрывъ въ это время уже окончился.

Профессоръ Генкель на о. Цейлонѣ. „Скромно позавтракавъ, я имѣлъ обыкновеніе тотчасъ же предпринимать уединенную прогулку по берегу, или наслаждался видомъ пальмовыхъ деревьевъ, блестяще освѣщаемыхъ цѣлыми мірадами свѣтляковъ. Затѣмъ, я сядилъ за памятную книжку или пробовалъ читать при свѣтѣ лампы съ кокосовымъ масломъ. А къ девяти часамъ оказывался обыкновенно настолько уставшимъ, что непрочъ былъ ложиться спать въ десятомъ часу, что и дѣлалъ, предварительно встряхнувъ нѣсколько разъ одежду изъ боязни скорпионовъ и тысячевожекъ.“

„Большой черный скорпионъ (около фута длиною) въ такомъ изобиліи водится на Цейлонѣ, что однажды я собралъ полдюжины впроложеніи часа. Змѣй также чрезвычайно много. Тонкія зеленыя древесныя змѣи висятъ чуть-ли не на каждомъ суцкѣ, а ночью змѣя-крысоловка (*Coryrhodon blumenbachii*) охотится по крышамъ хижинъ за крысами и мышами. Хотя онъ безвреденъ и ихъ укушеніе не ядовито, тѣмъ не менѣе ни малѣйшей пріятности не заключаетъ въ томъ, если одна изъ послѣднихъ змѣй, въ пять футовъ длиною, вдругъ проваливается черезъ отверстіе въ крышѣ въ вашу комнату, иногда на постель...“

„Впрочемъ, вообще говоря, дикіе звѣри весьма мало нарушали мой ночной покой въ Билигамѣ, хотя частенько приходилось просыпаться отъ воя шакаловъ и различныхъ ночныхъ птицъ. Подобный же колоколичку крикъ красивенькихъ маленькихъ древесныхъ лягушекъ, обитающихъ обыкновенно въ чашечкахъ большихъ прѣтовъ, дѣйствовалъ, наоборотъ, убажывающимъ образомъ. И гораздо чаще просыпался я подъ впечатлѣніемъ вихря моихъ собственныхъ мыслей, подъ впечатлѣніемъ воспоминаній различныхъ случаевъ изъ прежней жизни и отъ предчувствія того, что должно было произойти впереди. Блестящая вереница дорогихъ сердцу сценъ, интересныхъ наблюденій и различныхъ опытовъ — смѣшались въ моемъ мозгу съ планами новыхъ предпріятій и новыхъ открытій на завтрашній день.“

Холодная зима въ Европѣ. Вотъ интересныя данныя изъ хроникъ холодныхъ зимъ стараго времени. Въ 401 г. Черное море совершенно замерзло; въ 768 же замерзло не только Черное море, но и Дарданеллы; снѣгъ же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрывалъ землю на шесть футовъ. Въ 822 г. большія рѣки — Дунай, Эльба покрылись такимъ толстымъ льдомъ, что по нимъ цѣлый мѣсяцъ могли возить всякія тяжести. Въ 860 г. замерзло Адриатическое море. Въ 991 г. стояла страшная стужа; жатва вся погибла и свирѣпствовалъ и голодъ, и чума. Въ 1067 г. въ Германіи множество людей замерзло на дорогахъ. Въ 1133 г. По покрылась льдомъ отъ Кремони до самаго моря, а въ 1236 г. замерзъ Дунай и оставался въ такомъ состояніи долгое время. Въ 1316 г. холода произвели страшный голодъ въ Германіи, а въ 1339 г. въ Шотландіи; жители питались травой и многіе поселяне погибли голодною смертію. Цѣлый рядъ зимъ 1432—33—34 годовъ отличался своею суровостью и въ одну изъ нихъ шель даже снѣгъ сорокъ дней сряду. Въ 1468 г. вино раздавали солдатамъ во Фландріи, превращавшееся отъ стужи въ твердую массу, которую нужно было разбивать топоромъ. Въ 1689 г. зима стояла чрезвычайно суровая. Топлива не доставало, а по Темзѣ ѣздили экипажи по всѣмъ направленіямъ, такъ какъ толщина льда на этой рѣкѣ доходила до одиннадцати вершковъ. Въ 1709 г. была страшная стужа и земля промерзла на девять футовъ въ глубину. Въ 1716 г. на Темзѣ суда были затерты льдомъ. Въ 1744 и 1745 годахъ въ Англіи самое крѣпкое пиво на открытомъ воздухѣ въ нѣсколько минутъ замерзало и покрывалось

слоемъ льда почти въ вершокъ толщиной. Въ 1809, а также въ 1812 г. стояли замѣчательно суровыя зимы. Въ 1814 г. была даже устроена ярмарка на замерзшей Темзѣ.

Помпейская живопись. Недавно въ Помпѣ сдѣлали замѣчательное открытіе новой фрески, которая теперь и красуется въ неаполитанскомъ музее среди другихъ античныхъ сокровищъ. Эта фреска представляетъ сцѣу Соломона, и это — первое произведеніе подобнаго рода съ библейскимъ сюжетомъ, которое было извлечено изъ здѣшней, чисто классической почвы. Картина имѣетъ 5 1/2 футовъ длины и 19 вершковъ ширины и изображаетъ террасу, украшенную въюющими растеніями и защищенную отъ лучей солнца бѣлымъ пологомъ. Здѣсь, на возвышеніи, сидитъ царь въ бѣлой одеждѣ со скипетромъ въ рукѣ. По обѣимъ его сторонамъ сидятъ его приближенные, а за ними видно шесть вооруженныхъ воиновъ. Царь представленъ упершимся на ручку трона, обративъ свое лицо въ сторону женщины въ зеленой одеждѣ, которая стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ съ распушенными волосами и распростертыми руками. Въ центрѣ судилища видѣнъ деревянный столъ въ родѣ обрубка и на немъ лежащій ребенокъ, который какъ-бы старается оттолкнуть отъ себя женщину въ турбанѣ, крѣпко захватившую его своими руками. Тутъ же стоитъ вооруженный воинъ, въ шлемѣ съ длиннымъ краснымъ перомъ, который держитъ ребенка за ноги и готовится разрубить его своимъ мечемъ на двѣ части. Группа зрителей дополняетъ сцену, которая вообще состоитъ изъ девятнадцати фигуръ. Рисунки плохи, но колоритъ блестящъ, и вообще картина сохранилась превосходно. Какъ произведеніе искусства, она конечно не выдерживаетъ критики, но въ ней есть другая сторона, обращающая на себя особое вниманіе. Всѣ фигуры картины представлены безобразными карликами съ огромными головами, что и наводитъ на мысль, что это не болѣе какъ карикатура римскаго художника на евреевъ и ихъ библейскія преданія.

Пресмыкающіяся лондонскаго зоологическаго сада составляютъ теперь богатѣйшую коллекцію, столь же полную, какъ и другіе отдѣлы этого замѣчательнаго учрежденія. По недостатку прежняго помѣщенія, теперь имъ строится новое со всеми улучшеніями и приспособленіями. Это новая каменная постройка въ 120 футовъ длины и 60 ширины съ просторными входами и комнатами для смотрителя и прислуги. Въ центрѣ зданія устроенъ громадный водоемъ, предназначенный для крокодиловъ, а другіе болѣе скромныхъ размѣровъ, для прочихъ водяныхъ пресмыкающихся. Населеніе этого новаго павильона теперь состоитъ изъ 57 черепахъ, 10 крокодиловъ, 95 ящерицъ и 83 змѣй, изъ которыхъ 10 большой величины пифоновъ и боа.

Электричество какъ оживляющая сила. Въ Америкѣ недавно была произведена интересная попытка оживить посредствомъ электричества повѣшеннаго преступника. Онитъ этотъ производился надъ трупомъ Джемса Троса, повѣшеннаго за убійство въ Чикаго, 15 сентября, причемъ шейные позвонки были раздроблены петлей. Минуту спустя трупъ былъ снятъ съ висѣлицы и доктора Маннъ и Блютгардъ начали опытъ примѣненія электричества къ оживленію преступника. Вотъ какъ они описываютъ добытые ими результаты:

„Опытъ начался съ помѣщенія одного полюса надъ станковымъ хребтомъ, а другаго надъ сердцемъ — послѣдній посредствомъ трехъ иглъ: одной надъ верхушкой, а двухъ подъ основаніемъ сердца. Иглы были введены подъ кожу, чтобы привести электрическій токъ въ прямое сообщеніе съ сердцемъ. При приведеніи тока въ дѣйствіе, эффектъ получился замѣчательный: въ шеѣ и на лицѣ явственно были видны мускульныя сотрясенія; сердце начало сокращаться, хотя слабо и неправильно. Приложивъ ухо къ сердцу, можно было даже очень хорошо слышать эти сокращенія. Передвиженіемъ электродовъ мы достигли того, что придавали лицу трупа самыя разнообразныя выраженія. Руки сжимались: ноги двигались съ значительною силою, также какъ и мускулы желудка. Но самымъ замѣчательнымъ явленіемъ было для насъ ритмическое движеніе сердца, явившееся даже при раздробленіи шейныхъ позвонковъ, что даетъ намъ полное право предполагать, что оживленіе вполне возможно при пѣлости шеи и неповрежденности спиннаго хребта, и что такое оживленіе можетъ быть произведено не только электричествомъ, но также треніемъ, искусственнымъ дыханіемъ, горячей ванной и другими средствами, общезвѣстными въ медицинѣ. Но въ данномъ случаѣ, при раздробленіи шеи, оживленіе трупа было вполне немислимо и невозможно.“

Гнѣзда птицъ иногда встрѣчаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всего менѣе можно подозрѣвать ихъ существованіе. Такъ, по словамъ одного французскаго журнала, воробьи иногда избирали для гнѣздъ почтовые ящики; въ Ватвиллерѣ такое гнѣздо нашли между колесами пушки, а близъ Мольгаузена открыли убійщще жаворонокъ подъ рельсами. Одинъ вѣнскій журналъ приводитъ другой примѣръ, столь же странный. Въ Вѣнѣ ласточки сложили въ этомъ году гнѣздо во рту лошади; правда, впрочемъ, что это лошадь бронзовая и именно та, которая красуется вмѣстѣ со своимъ всадникомъ, эрцгерцогомъ Карломъ, передъ императорскимъ дворцомъ.

Самый широкій туннель въ Европѣ. Знаменитый древній подземный проходъ въ Позиллипѣ, теперь имѣетъ своимъ достойнымъ соперникомъ другой подобный проходъ, а именно желѣзнодорожный туннель между Неаполемъ и Пуццолой, оконченный постройкой 5-го августа этого года. Новый туннель, который соединяетъ въ прямомъ направленіи новѣйшихъ представителей древнихъ городовъ Неаполиса и Пуццоло, имѣетъ болѣе 30 футовъ ширины при 36 футахъ вышины.

НЕОБХОДИМОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

1880 „ЭЛЕОПАТЬ“ 1883 пров. Кинунена.

Симъ честь имѣю увѣдомить почтен. публику, употребляющую мой препаратъ „Элеопать“, который въ теченіи 3 лѣтъ получилъ громадную извѣстность во всемъ образованномъ мірѣ, благодаря своимъ природнымъ составнымъ частямъ, содѣйствовать рошенію волосъ, укрѣпленію корней и ихъ питанію, также и противъ перхоти на головѣ, что съ 1-го января 1883 г. каждый флаконъ, кромѣ марки, имѣетъ надпись въ самомъ стеклѣ, по собственному заказу.

„ЭЛЕОПАТЬ“ Кинуненъ.

За тѣмъ всепокорнѣйше прошу почтен. публику поддержать общепольное средство — „Элеопать“ тѣмъ, чтобы требовать всегда при покупкѣ „Элеопать“ пров. Кинунена и ни въ какомъ случаѣ другаго подобнаго ему названія, такъ какъ въ продажѣ появились поддѣлки подъ разными названіями — какъ наприм.: Олеопатъ, Аэлеопатъ. Элеопатъ, которые, поддѣлкою подъ наружный видъ, очень походятъ на мой препаратъ, который никогда иначе не назывался и не и зывается, какъ

только „ЭЛЕОПАТЬ“ провизора Кинунена.

Наконецъ, честь имѣю благодарить почтеннѣйшую публику за оказанное мнѣ довѣріе и лшу себя надежду, что почтен. публика не оставитъ меня своимъ вниманіемъ и впредь.

Съ высокопочтеніемъ *Провизоръ Кинуненъ.*

ФИРМЫ, ВЪ КОТОРЫХЪ ИМѢЕТСЯ „ЭЛЕОПАТЬ“ ПРОВ. КИНУНЕНА ПРЯМО ИЗЪ МОЕГО СКЛАДА.

ДЕПО НАХОДЯТСЯ:

- Въ С.-Петербургѣ, въ Русск. Общ. Торговли Аптекарск. товарищ. Штоль и Шмидтъ. Во многихъ лучшихъ аптекахъ обнѣхъ столицъ.
- У Рузанова, въ Гостин. Дворѣ.
- Ушакова.
- Братьевъ Париковыхъ и К^о.
- Сафронова, Зеркальн. линия.
- Рудковска и Гольмъ.
- Въ Москвѣ, у К. Феррейна, Никольская.
- У А. Браунса.
- Вильзаръ и К^о, бывший Келера.
- Гетлингъ и Штокманъ.
- Эмиль Керстанъ.
- Лютеръ и Гиршфельдъ.
- Маттейсена.
- Варшавъ, у В. Сандеръ, фирма Кохъ, Главная Агентура.
- Кіевѣ, у Южнаго Русск. Общества Тор-

- говли Аптекарскими Товарами.
- у Зейделя.
- Неезе.
- Тршинскаго.
- Харьковѣ у Русскаго Общества Торг. Аптекарскими Товарами.
- у Груздева.
- Николаевѣ у г-на Гиршберга и К^о, Соборная улица, д. Вальтера. Главная Агентура.
- Назани у братьевъ Бабиновскихъ и у маистра Грахе.
- Одессѣ у Гельдера и К^о.
- у Залѣскаго и Лемме.
- Елисаветградѣ, у Г. Конттипалова.
- Орлѣ у г. Гермута.
- Клодысса.
- Курскѣ у Г. Свирчевскаго.
- Тамбовѣ у Ант. Юргенса.
- Вильно у Грузевскаго и у Сегалъ.
- Нижнемъ у Федермейера и у Шенкевича.
- Полтавѣ у Попова, Аптекарск. Депо.
- Ригѣ у Прокова, бывший Мичке.
- Ростовѣ на Дону у Гг. Шарфа и Комп. у Нольтенмейера.
- Штримера.
- Липницкаго.
- Таганрогѣ у Подлака и у Ант. Штримера.
- Екатеринбургѣ у Линдера и у Ант. Велерсберга.
- Налугѣ у Ант. фонъ-Асцуса.
- Новочернассѣ у Часовникова и у Ант. Фертига.
- Тифлисѣ у Кавказск. товарищества торговли аптекарскими товарами.
- Самарѣ у г-на Фильгабера.
- Твери у С. Н. Фальковского.
- Ностромѣ у Г. Прокопенко.
- Суммахъ у Г. Жуковского.
- Ельцѣ у Николаева и у де-Низо.
- Борисоглѣбскѣ у Р. Велса.
- Симферополѣ у Г. Соколовскаго.
- Ставрополѣ у Г. Курляченко.
- Керчь-Ениколь у Г. Гава.
- Полоцкѣ у Ант. Штофрегена.
- Касимовѣ у Г. Дьяконова.
- Туль у Г. Крокоса.
- Симбирскѣ у Г. Филиппа.
- Бѣлгородѣ у Г. Бѣльчикова.
- Ярославѣ у Г. Шейдера.
- Тамбовѣ у Г. Мѣшковскаго.
- Гадячъ у Г. Буриева.
- Острогѣ у Жаборовскаго.
- Пензѣ у Г. Фабіана.
- Астрахани у Пасецкаго.
- Воронежѣ у Мяфке.
- Саратовѣ у Мартенсона.

И еще во многихъ другихъ городскихъ аптекахъ.

Цѣна флакону въ С.-Петербургѣ
1 руб. 50 коп.

Для иногородныхъ покупателей „Элеопать“ высылается изъ Главнаго Депо „Элеопата“, Пассажа, маг. № 52, въ С.-Петербургѣ.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ специалистами по всемъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

ШУТЦ

ПРЕМІЯ ЛѢСНАЯ ФЕЯ, ПРЕМІЯ

большой художественный журналъ картинатуръ, печатаемыхъ красками въ нѣсколько томовъ. Годовая цѣна съ перес. и достав. 6 руб.; полугодовая съ перес. и достав. 4 руб. Для годовыхъ подписчиковъ

большая олеографическая картина, заказанная въ лучшемъ олеографическомъ заведеніи въ Берлинѣ. За пересылку и доставку преміи господу подписчику прилагаютъ 1 р. 60 и. Адр. ред. — С.-Петербургъ, Невскій просп., № 110. № 2361 5—5

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ

РАЙ.

Поэма Дикона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящикѣ 30 р.; въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣляется уступка 5 руб.

ПОДПИСКА на 1883 г.

„МИНУТА“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

съ 1-го декабря выходитъ въ увеличенномъ форматѣ, по программѣ, которая имѣетъ цѣлью соединить серьезные отдѣлы большой прессы (политическій, внутренній, финансовый, научный и др.) съ живымъ и легкимъ содержаніемъ прессы малой, не впадая, впрочемъ, въ мелочность и неключительный тонъ этой послѣдней.

Въ фельетоныхъ газетѣ съ будущаго года начнетъ печататься новый большой романъ въ 3-хъ частяхъ Н. К. Никифорова (Нико-Ники), подъ заглавіемъ „Глухія мѣста“.

Подписная цѣна остается прежняя:

Безъ доставки.	Съ доставкою въ Петербургъ.	Съ пересылкою въ провинцію.
Годъ . . . 6 р. 50 к.	8 р. — к.	9 р. — к.
Полгода . . . 3 „ 75	4 „ 75	5 „ —
3 мѣсяца . . . 2 „ —	2 „ 60	3 „ —
1 мѣсяць . . . 80	90	1 „ —

Допускается разсрочка платежей по соглашенію съ конторою редакціи.

ПРЕМІЯ. Новые годовые подписчики на будущій годъ при первомъ же номерѣ получаютъ безплатную премію: романъ „Злой умисель“ Н. К. Никифорова.

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ газеты „МИНУТА“, уголъ Бол. Итальянской и Бол. Садовой, д. Крафта (противъ Пассажа). № 2428 1—1

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Имѣю честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что откроется въ непродолжительномъ времени М. № 2419 1—1

СЪМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ

въ Москвѣ, на Садовой ул., у Красныхъ воротъ, домъ Раузеръ. Большой выборъ наилучшаго достоинства съмязъ экономическихъ, луговыхъ, дресенныхъ, огородныхъ, цѣлительныхъ и декоративныхъ, оранжерейныхъ, тепличныхъ и комнатныхъ растений.

Прейсъ-курантъ, наполненный многочисленными объясненіями, будетъ пересылаться по требованіямъ чрезъ почту безплатно. Съмянноторговецъ **Ф. НИТЧЕ.**

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1882 года.

Иллюстрированный Журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьева „Вольтерьянецъ“, больш. романъ Гюга — „Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Марскаго) „Подъ землею“, пов. Асѣенко „Испанскій дворянинъ“ и др. произвед. современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержания по естественнаго, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того большая олеографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якобіа — „Дорогой гость“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 „ 50 „	Съ пересылкою 7 „ — „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Въ немъ будетъ помѣщено до двухъ тысячъ краткихъ біографій известныхъ русскихъ дѣателей на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности. Словарь періодически будетъ выходить отдѣльными выпусками и будетъ законченъ непременно въ теченіи одного 1883 года. Всѣхъ выпусковъ будетъ шесть: I) Духовныя лица, II) Литераторы, III) Артисты, IV) Ученые, V) Государственные люди и общественные дѣатели, VI) Военные.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ какъ на весь словарь, т. е. на всѣ шесть выпусковъ вмѣстѣ, такъ и на отдѣльные выпуски порознь.

ПОДПИСКА ЦѣНА за всѣ шесть выпусковъ съ пересылкою восемь рублей, за каждый отдѣльный выпускъ съ пересылкою два рубля. При подпискѣ вносится полная подписная сумма, въ полученіи каковой немедленно выдается квитанція.

Изданіе будетъ печататься только въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какое требуется для удовлетворенія подписчиковъ, почему желающимъ имѣть „Русскій біографическій словарь“ проситъ ускорить подписку.

Требуя. адресуются такъ: Курскъ, Павлу Антоновичу Ромашневичу, учителю гимназіи. № 2425

Издатель словаря П. А. Ромашневичъ.

Только что вышло изъ печати и продается въ конторѣ жур-нала „Нива“ въ Сиб., Б. Морская. № 9 въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линий, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и вѣтками Н. Н. Каразина.

Заглавіе рассказовъ:

- 1) Дяденька. 3) Ночь. 5) Грѣхъ ли это?
- 2) Уличная пѣвица. 4) Обезьянка. 6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и вѣтками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти рассказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настояція житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти рассказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвкамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !

Получая постоянныя требованія на русское сырье отъ моихъ иностранныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ **РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ**. Именно: масло свѣжее и солоное, сало свиное, говяжье и баранье, свѣжее и топленое, щетину, медъ, конскія гривы и хвосты, баранья шкура, клей и жиръ рыбій, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовать: Торговый Домъ Генриха Барыцаго. Варшава. № 2:50 12—5

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1883 годъ

въ большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:				Съ пересылкою въ города:			
На 12 мѣс.	8 р.	50 к.	На 6 мѣс.	4 р.	50 к.	На 12 мѣс.	8 р.
11	8	—	5	3	90	11	8
10	7	50	4	3	25	10	8
9	6	75	3	2	50	9	7
8	6	—	2	1	90	8	6
7	5	25	1	1	—	7	5

За границу: на 12 м. 17 р., на 6 м. 9 р., на 3 м. 5 р., на 1 м. 2 р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Лавина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина; въ наѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ—Rue Clement, 4, Adam.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„Русскій Курьеръ“.

№ 2289 10—9

Редакторъ-Издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

НОВОСТЬ.

Безошибочно узнать будущее, неизвѣстный подарокъ для каждаго; бросковскія карты гаданія, ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. а также говорящія карты, цѣна 75 к., съ пер. 1 р. Выписывающіе по колоде выслать только 2 р. Литейный пр., д. № 31, Н. Поповъ, С.-Петербургъ. № 2416 2—1

У извѣстныхъ книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Казани, продается только что вышедшая книга, продолженіе юмористическаго романа „ХОЛОСТЯКА“:

СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ

Въ стихахъ, текстъ Марала Терихонскаго, съ 100 рисунками Бума. Содержаніе книги: Сладость брачныхъ узъ; супружескія забавы; счастливыя минуты повозвращаго; терни супружеской жизни; недоразумѣніе; неблагополучный пріемъ послѣ кутежа; громъ и молнія; страшный переходъ и счастливое заключеніе.

„Похожденіе холостяка“ и „Супружескія тайны“, цѣна 2 р. Складъ у Ю. КОМДЕНЪ, въ Москвѣ, Сандридонскій пер., д. Соловьева, рядомъ съ церковью Спиридонія. Выписывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ. Ц. № 2417 1—1

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный подъ редакцію В. Ключинина, въ 3-хъ томахъ; цѣна за 3 тома 12 р., съ пересылкою 14 р.

ИЗДАНІЕ Х. К. НЕБЕ.

Складъ изданія въ кладовой К. и Х. Небе, внутри Гостиного Двора, № 139. Книж- нымъ магазинамъ дѣлается соотвѣтственная уступка. № 2273 вы за перес. не платятъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ 10 ИЗЯЩНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ДѢТСКИХЪ КНИЖЕКЪ

составленныхъ И. Деркачевымъ.

- Матушка Москва.**
Сборникъ стихотвореній объ этомъ городѣ.
- Бабушкины сказки.**
Сборникъ сказокъ для малень- кихъ дѣтей.
- Е л а.**
Сборникъ мелкихъ рассказовъ для маленькихъ дѣтей.
- Старинъ Годовикъ.**
Сборникъ стихотвореній по про- менамъ года.
- Календарь Крошка**
для дѣтей.
- Книжка Малютка.**
Сборникъ загадокъ.

Первинка.
Наглядное обученіе по картин- камъ.

Азбука Крошка.
Составлена по звуковому способу.

Балагуръ.
Сборникъ юмористическихъ стихо- твореній.

Чародѣй.
Сборникъ легкихъ фокусовъ.

Цѣна каждой книжечки 10 к. с., съ пересылкою 20 к. Выписывающіе всѣ десять книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкою.

Большинство картинокъ исполнено художникомъ И. Пановымъ, вытѣзаны въ Парижѣ Паннеманеромъ. Гг. иногородные адресуютъ въ контору издателя-книгопродавца Алексѣя Дм. Ступина, Москва, Никольская ул., рядомъ съ Ремесленной Управой; въ С.-Петербургѣ складъ у книгопродавца И. А. Тузова. № 2424 1—1

Полное собраніе сочиненій Всеволода Сергѣевича Соловьева.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Б. Мор- ская, № 9.

НИЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисун- ками художника И. С. Панова. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Ми- хайловича. СПб. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ ка- ленкоромъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимающій эпоху правленія и изложенія Царевны Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій—чрезвы- чайно интересенъ.—СПБ. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкоромъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Па- деніе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойствен- нымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный рассказъ вре- мени юнаго Императора Петра II, царствовавшего только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многіе иностр. языки. СПб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ ка- ленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ПРОВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПб. 1862 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 50 коп.; въ каленкор. перепл. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Харак- теръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность Цеса- ревича Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ ча- стяхъ в 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей велевской бумагѣ съ вѣтками. СПб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром. хроника конца XVIII и начала XIX в. Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“ и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 700 страницъ. Романъ этотъ печатается на велен. бумагѣ нинѣ и выйдетъ въ концѣ Января 1883 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. каленк. перепл. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающіе разомъ всѣ эти сочиненія, за пере- сылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПб. покупате- лей дѣлается уступка 10%.

Фирма наследницъ Ивана Тимофѣевича Жилина, производящая торговлю въ г. Мос- квѣ, Колокольный рядъ, собственная лавна, № 291, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по случаю прекращенія торговли, съ 25 ноября сего 1882 года, назначается окончатель- ная распродажа всего, имѣющагося въ лавкѣ, церковнаго и мѣднаго товара, съ боль- шой уступкой въ цѣнѣ. Имѣется громадный выборъ цанкадалъ, лампъ, лампадъ, под- свѣчниковъ, хоругвей, свѣчъ и др. церковной утвари, самаго лучшаго фасона и достоин- ства, а также полный выборъ мѣднаго товара. Просьба обратить вниманіе гг. опто- выхъ покупателей и церковныхъ старостъ. Письма и телеграммы адресовать: Москва, Колокольный рядъ, лавна Жилиныхъ, Петру Петровичу Блюдреву. Лавна наследницъ Жилиныхъ, съ амбарами и кладовыми, съдается. Ц. № 2370 8—4

Изданіе А. Ф. Маркса.

ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Кара- зина, второе изданіе, съ 39 ри- сунками автора, большою томъ в 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Ни-“ за перес. не платятъ.

XIV годъ
№ 2

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаѣтъ 8 Января 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис. и разн. рис. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

для напечатанія въ „Ни-
ву“ принимаются по
50 коп. (1 Mark. 50
Pfen. для за гран.) за
строку непарелль (въ
1/4 ширины страницъ).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„Н И В ъ“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимаются для иногрод.
по 5 р. съ тысяча, для
городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ). ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Леонъ Гамбетта.

Въ предыдущемъ № „Нивы“ въ Обзорѣни, мы уже говорили о смерти одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей современной Франціи и о томъ значеніи, какое смерть эта имѣла для Франціи и Европы. Сынъ простаго торговца, молодой адвокатъ, онъ выступаетъ на сцену въ моментъ самый тяжелый для своего отечества, трибунъ и парламентскій ораторъ, бывшій некогда диктаторъ Франціи, въ послѣднее время достигшій такого значенія, что на его будущей судьбѣ строились разные планы и предположенія, рухнувшія въ день смерти его, 19 (31) декабря.

Леонъ Гамбетта родился 3 апрѣля 1838 г. въ Кагорѣ. Отецъ его былъ лавочникъ — генуэзецъ, давшій первоначальное воспитаніе сыну въ небольшой семинаріи своего города. Послѣ Гамбетта перешелъ въ лицей, а затѣмъ слушалъ лекціи въ парижской „Ecole de droit“. Въ 1859 году онъ сдѣлался секретаремъ адвоката

Леонъ Гамбетта. † 19 (31) Дек. 1882 г. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Лашо и Адольфа Кремье и выступилъ самостоя- тельно защитникомъ въ двухъ политическихъ дѣ- лахъ, по которымъ клі- енты его хотя и были осуждены, по рѣчи его, выходы уже произвели эффектъ и имя его по- лучило извѣстность. На общихъ выборахъ 1869 г. въ законодательный корпусъ, Гамбетта поя- вился одновременно и въ Парижѣ и въ Марсе- ли кандидатомъ оппози- ціи и, одержавъ полную побѣду, попалъ въ зако- нодательный корпусъ, гдѣ занялъ мѣсто депу- тата оппозиціи. Тогда оппозиціонныя выходы давали успѣхъ, а гром- кое дѣло Анри Рошфо- ра, противъ арестованія котораго говорилъ Гам- бетта, на дѣлало много шума. Изъ членовъ оп- позиціи онъ менѣе всѣхъ сопротивлялся войнѣ съ Пруссіей и потомъ, ко- гда интернаціональ об- ратился къ нему съ пред- ложеніями послѣ пер- выхъ пораженій, онъ от- вергъ всякую съ нимъ солидарность и однако послѣ седанской ката- строфы былъ въ числѣ главныхъ лицъ, подго- товившихъ республику. 4-го сентября 1870 го-

да Гамбетта былъ провозглашенъ членомъ временнаго правительства національной обороны и на другой же день былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Быстрота обложенья Парижа и побѣдоносное шествіе германскихъ войскъ не дали возможности произвести выборы въ учредительныя собранія. Надо было послать делегацію въ Туръ изъ обложеннаго войсками Парижа и тутъ произошелъ нѣсколько странный эпизодъ отправления республиканскаго министра къ своему посту на воздушномъ шарѣ. Въ Турѣ Гамбетта тотчасъ же началъ оживленную дѣятельность, распространяющуюся на все, что касалось національной обороны. Время было такое, что и распорядиться было некому, и вотъ Гамбетта соединяетъ самъ въ своихъ рукахъ три министерства — внутреннихъ дѣлъ, военное и финансовъ. Онъ вмѣшивался во все: въ администрацію, въ устройство армій, въ стратегическія комбинаціи, въ военныя дѣйствія. Теперь трудно рѣшить, въ виду тогдашней смуты, какъ высоко было качество его распоряженій, но уже его старанье о какомъ нибудь порядкѣ дѣйствій, его дѣятельность для поднятія унаважнаго духа страны и старанія подавить беспорядки, вызвали къ нему съ софѣтами, предложеніемъ помощи. Онъ въ одномъ себѣ рѣшился соединить все правительство и принять всю отвѣтственность за ошибки, неудовлетворительность распоряженій, столь трудныхъ въ такое смутное время. Гамбетта эти четыре мѣсяца пользовался большимъ авторитетомъ. Онъ писалъ декреты и говорилъ рѣчи, онъ сдѣлалъ заелъ у англійскихъ капиталистовъ въ 250,000,000 франковъ, организовалъ двѣ Луарскія арміи, когда настало перемиріе.

Кандидатура Гамбетты возникла на выборахъ 8-го февраля въ нѣсколькихъ департаментахъ. Въ 1871 году, чтобы начать настоящую выборную кампанію, Гамбетта началъ издавать газету, которая подготовляла умы къ принятію республики. Въ 1872 году большой шумъ сдѣлала его рѣчь на банкетѣ, въ которой онъ провозглашалъ необходимость союза средних классовъ и всеобщей воинской повинности. Тоже повторилъ онъ и на сходкѣ въ Бельвилѣ.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1874 г. и въ началѣ 1875, Гамбетта принялъ самое дѣятельное участіе въ попыткахъ примиренія различныхъ развѣтвленій лѣвой стороны и праваго центра, чтобы добиться соглашенія въ принятіи конституціонныхъ законовъ. Рѣчь, съ которою онъ обратился къ большинству 12-го февраля, была одной изъ самыхъ ловкихъ и краснорѣчивыхъ, и вотъ послѣ-то нея появилось слово „политика оппортунизма“, примирительная политика лѣвой стороны. Переговоры Гамбетты привели къ принятію одною частью большинства конституціи 25 февраля, сдѣлавшей республику законнымъ правительствомъ Франціи.

Вліяніе Гамбетты было не менѣе преобладающимъ во время выборовъ въ Сенатъ. Благодаря ему, Фрейссне одержалъ верхъ надъ В. Гюго, котораго выбрали только пятимъ. Выборы въ палату депутатовъ также озабочивали Гамбетту, который очень хлопоталъ о своей кандидатурѣ и былъ избранъ 20 февраля 1876 г. въ Парижѣ, Лиллѣ и Марсели. Такимъ образомъ онъ сдѣлался болѣе чѣмъ когда либо бесспорнымъ главою республиканскаго большинства въ новой палатѣ и сталъ президентомъ бюджетной коммисіи. Онъ не согласился на предложенную Распайлемъ полную амністію и на сходкѣ въ Бельвилѣ разгромилъ этотъ проэктъ. При министерствѣ Жюль Симона Гамбетта сохранилъ свое преобладаніе, но когда Симонъ былъ

уволненъ президентомъ республики, Маршаломъ Макъ-Магономъ, Гамбетта присоединился къ оппозиціи. По распушеніи палаты Гамбетта старался успокоить страну рѣчами 9 іюля въ Амьенѣ и 11 въ Аббевиляхъ. Во время краткой и бурной сессіи 16 іюля онъ сказалъ свои наиболѣе блестящія рѣчи. Сенатъ согласился по желанію кабинета на распушеніе палаты, и Гамбетта продолжалъ оставаться главою оппозиціи и 15 августа произнесъ въ Лиллѣ рѣчь, оканчивающуюся извѣстными словами: „Когда Франція возвыситъ свой голосъ, повѣрьте, господа, вамъ придется или покориться или сложить съ себя свои званія!“ За эту рѣчь его предали суду за оскорбленіе президента Республики. Десятое отдѣленіе Сенскаго суда приговорило его къ трехмѣсячному тюремному заключенію и денежной пенѣ въ 2000 франковъ, но онъ аппелировалъ. Въ это время умеръ Тьеръ, смерть котораго доставила вожаку лѣвыхъ еще болѣе преобладанія. 9 декабря въ Шато-До собралась большая частная сходка и вскорѣ Гамбетта былъ избранъ въ 20-мъ округѣ огромнымъ большинствомъ, и онъ вновь сталъ президентомъ бюджетной коммисіи. Въ годоводній вакаціи Гамбетта ѣздилъ въ Италію и имѣлъ нѣсколько свиданій съ Депретисомъ, Криспи, королемъ. По возвращеніи оттуда, въ Марсели онъ произнесъ рѣчь о томъ, какою цѣною республиканская партія можетъ оставаться во главѣ управленія. Во время новой сессіи онъ имѣлъ препирательства съ Руэромъ, который, горячо нападавъ на правительство, 4 сентября возводилъ на него всю отвѣтственность за бѣдствія 1870 года. Гамбетта отвѣчалъ ему: „чтобы вести наши арміи къ побѣдѣ, требовались другіе люди, чѣмъ вы“.

Во время парламентскихъ вакаціи Гамбетта ѣздилъ въ Швейцарію и въ Романшъ произнесъ рѣчь, такъ называемую „рѣчь-программу“. По возвращеніи во Францію въ Греноблѣ онъ повторилъ главныя ея положенія. За выходку противъ бывшаго министра Фуруа онъ дрался съ нимъ на pistolsгахъ, но дуэль эта не имѣла никакихъ кровавыхъ результатовъ и надъ ней въ свое время смѣялись. 30 іюня, когда Гриви былъ избранъ президентомъ республики, Гамбетта сталъ президентомъ палаты депутатовъ.

14 Ноября 1881 г. пало министерство Ферри и президентъ республики поручилъ составленіе новаго кабинета Гамбеттѣ. По кабинетъ, имъ составленный, просуществовалъ всего два мѣсяца и былъ низвергнутъ палатою, отказавшеюся утвердить предоставленный правительствомъ законопроектъ пересмотра конституціи, и Гамбетта, вмѣстѣ со всеми другими, подалъ въ отставку.

Въ прошломъ № мы говорили, какимъ образомъ онъ получилъ рану отъ нечаяннаго выстрѣла, имѣвшую смертельный исходъ. Объ этомъ случаѣ, конечно по его настоянію, долго не было ничего извѣстно и говорилось только, что онъ самъ себя ранилъ нечаянно. Газеты всей Европы теперь полны разсужденіями и статьями объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, вѣщивающими относительную важность такого событія, какъ смерть знаменитаго вождя „оппортунистовъ“.

Похороны совершались съ великолѣпиемъ, при стеченіи множества народа. Тѣло Гамбетты перевезли въ Бурбонскій дворецъ; отъ дворца процессія, черезъ площадь Согласія, направилась по бульварамъ. Все члены правительства, депутаты — сопровождали похоронную процессію. Департаменты прислали свои делегаціи. Страсбургъ, Кольмаръ, Мень, Вейсенбургъ прислали своихъ представителей. Тѣло по набальзамированіи обернуто французскимъ національнымъ флагомъ и положено въ свинцовый гробъ, покрытый вѣнками.

Гуттаперчевый мальчикъ.

Повѣсть Д. В. Григоровича.

Посвящено Е. А. Третьяковой).

(Продолженіе).

III.

Заглядывая къ „бабушкѣ“ и встрѣчая у нея мальчика, Варвара брала его иногда на нѣсколько дней къ себѣ.

Жила она на Моховой улицѣ въ подвальномъ этажѣ, на второмъ дворѣ большого дома. На томъ же дворѣ, только выше, помещалось нѣсколько человекъ изъ труппы соседняго цирка; они занимали рядъ комнатъ, соединявшихся темнымъ боковымъ корридормъ. Варвара знала всѣхъ очень хорошо, такъ какъ постоянно стирала у нихъ бѣлье. Подымаясь къ нимъ, она часто таскала съ собою Петю. Всѣмъ была извѣстна его исторія; всѣ знали, что онъ круглый сирота, безъ роду и племени. Въ разговорахъ, Варвара не разъ выражала мысль, что вотъ бы хорошо было, кабы кто нибудь изъ господъ сжалился и взялъ сироту въ обученье. Никто

однако не рѣшался; всѣмъ, повидимому, довольно было своихъ заботъ. Одно только лицо не говорило ни да, ни нѣтъ. По временамъ, лицо это пристально даже посматривало на мальчика. Это былъ акробатъ Беккеръ.

Надо полагать, между нимъ и Варварой велись одновременно какіе нибудь тайные и болѣе ясныя переговоры по этому предмету, потому что, однажды, подкарауливъ, когда все господа ушли на репетицію и въ квартирѣ оставался только Беккеръ, Варвара спѣшно повела Петю наверхъ и прямо вошла съ нимъ въ комнату акробата.

Беккеръ точно поджидалъ кого-то. Онъ сидѣлъ на стулѣ, покуривая изъ фарфоровой трубки съ выгнутымъ чубукомъ, увѣшаннымъ кисточками; на головѣ его красовалась плоская, шитая бисеромъ шапочка, сдвинутая

на бокъ; на столѣ передъ нимъ стояли три бутылки пива—двѣ пустыя, одна только что начатая.

Раздутое лицо акробата и его шея, толстая какъ у быка,—были красны; самоувѣренный видъ и осанка не оставляли сомнѣнiя, что Беккеръ, даже здѣсь, у себя дома, былъ весь исполненъ сознаниемъ своей красоты. Товарищи, очевидно, трунили надъ нимъ только изъ зависти!

По привычкѣ охорашиваться передъ публикой, онъ принялъ позу даже при видѣ прачки.

— Ну вотъ, Карлъ Богдановичъ... вотъ мальчикъ!.. проговорила Варвара, выдвигая впередъ Петю.

Надо замѣтить, весь разговоръ происходилъ на странномъ какомъ-то языкѣ; Варвара коверкала слова, произнося ихъ на чухонскiй ладъ; Беккеръ скорѣе мычалъ, чѣмъ говорилъ, отыскивая русскiя слова, выходившiя у него не то нѣмецкими, не то совершенно неизвѣстнаго происхожденiя.

Тѣмъ не менѣе, они понимали другъ друга.

— Хорошо, произнесъ акробатъ,—но я такъ не можно; надо раздѣвать малшикъ...

Петя до сихъ поръ стоялъ неподвижно, робко поглядывая на Беккера; съ послѣднимъ словомъ онъ откинулся назадъ и крѣпко ухватился за юбку прачки. Но когда Беккеръ повторилъ свое требованiе, и Варвара, повернувъ мальчика къ себѣ лицомъ, принялась раздѣвать его, Петя судорожно ухватился за нее руками, началъ кричать и биться, какъ цыпленокъ подъ ножомъ повара.

— Чего ты? Эко право глупенькой! Чего испугался?.. Раздѣнься, батюшка, раздѣнься... ничего... смотри ты глупый какой!.. повторяла прачка, стараясь раскрыть пальцы мальчика и въ тоже время спѣшно растегивая пуговицы на его панталонахъ.

Но мальчикъ рѣшительно не давался: объятый почему-то страхомъ, онъ вертѣлся какъ вьюнъ, корчился, тинулся къ полу, наполняя всю квартиру криками.

Карлъ Богдановичъ потерялъ терпѣнiе. Положивъ на столъ трубку, онъ подошелъ къ мальчику, и не обращая вниманiя на то, что тотъ сталъ еще сильнѣе барахтаться, быстро обхватилъ его руками. Петя не успѣлъ очнуться, какъ уже почувствовалъ себя крѣпко сжатымъ между толстыми колѣнными акробата. Послѣднiй въ одинъ мигъ снялъ съ него рубашку и панталоны; послѣ этого онъ поднялъ его какъ соломенку и уложивъ голаго поперекъ колѣнъ, принялся ощупывать ему грудь и бока, нажимая большимъ пальцемъ на тѣмѣста, которые казались ему не сразу удовлетворительными, и посылая шлепокъ всякiй разъ, какъ мальчикъ корчился, мѣшая ему продолжать операцію.

Прачкѣ было жалъ Петю; Карлъ Богдановичъ очень ужъ что-то сильно нажималъ и тискалъ; по съ другой стороны, она боялась вступиться, такъ какъ сама привела мальчика и акробатъ обѣщалъ взять его на воспитанiе, въ случаѣ когда онъ окажется пригоднымъ. Стоя передъ мальчикомъ, она торопливо утирала ему слезы, уговаривая не бояться, убѣждая, что Карлъ Богдановичъ ничего худаго не сдѣлаеть,—только посмотритъ!..

Но когда акробатъ неожиданно поставилъ мальчика на колѣна, повернулъ его къ себѣ спиной и началъ выгибать ему назадъ плечи, снова надавливая пальцами между лопатками, когда голая худенькая грудь ребенка вдругъ выпучилась ребромъ впередъ, голова его опрокинулась назадъ, и весь онъ какъ-бы замеръ отъ боли и ужаса,—Варвара не могла уже выдержать; она бросилась отнимать его. Прежде однакожъ, чѣмъ успѣла она это сдѣлать, Беккеръ передалъ ей Петю, который тотчасъ же очнулся и только продолжалъ дрожать, захлебываясь отъ слезъ.

— Полно, батюшка, полно! Видишь ничего съ тобою не сдѣлали!.. Карлъ Богдановичъ хотѣлъ только погля-

дѣть тебя... повторяла прачка, стараясь всячески обла-скать ребенка.

Она взглянула украдкой на Беккера; тотъ кивнулъ головою и налилъ новый стаканъ пива.

Два дня спустя, прачкѣ надо уже было пустить въ дѣло хитрость, когда пришлось окончателно передавать мальчика Беккеру. Тутъ не подѣйствовали ни новыя ситцевыя рубашки, купленныя Варварой на собственные деньги, ни мятныя приники, ни убѣжденiя, ни ласки. Петя боялся кричать, такъ какъ передача происходила въ знакомой намъ комнатѣ; онъ крѣпко припадалъ заплаканнымъ лицомъ къ подолу прачки и отчаянно, какъ потерянный, цѣплялся за ея руки каждый разъ, когда она дѣлала шагъ къ дсрнямъ, съ тѣмъ чтобы оставить его одного съ Карломъ Богдановичемъ.

Наконецъ все это подошло акробату. Онъ ухватилъ мальчика за воротъ, оторвалъ его отъ юбки Варвары, и какъ только дверь за нею захлопнулась, поставилъ его передъ собою и велѣлъ ему смотрѣть себѣ прямо въ глаза.

Петя продолжалъ трястись какъ въ лихорадкѣ; черты его худенькаго, болѣзненнаго лица какъ-то съживались; въ нихъ проступало что-то жалобное, хилое, какъ у старичка.

Беккеръ взялъ его за подбородокъ, повернулъ къ себѣ лицомъ и повторилъ приказанiе.

— Ну, мальчикъ, слушь,—сказалъ онъ, грозя указательнымъ пальцемъ передъ носомъ Пети, — когда ты хочешь тамъ... (онъ указалъ на дверь),—то будетъ тутъ!.. (онъ указалъ нѣсколько ниже спины),—*und fest! und fest!*.. добавилъ онъ, выпуская его изъ рукъ и допивая оставшееся пиво.

Въ тоже утро онъ повелъ его въ циркъ. Тамъ все суетилось и торопливо укладывалось. На другой день труппа со всѣмъ своимъ багажемъ, людьми и лошадьми перекочевывала на лѣтнiй сезонъ въ Ригу.

Въ первую минуту, новость и разнообразiе впечатлѣнiй скорѣе пугали Петю, чѣмъ пробуждали въ немъ любопытство. Онъ забился въ уголь и какъ дикiй звѣрекъ глядѣлъ оттуда, какъ мимо него бѣгали, перетаскивая невѣдомые ему предметы. Кое-кому бросилась въ глаза бѣлокурая головка незнакомаго мальчика; но до того ли было! И всѣ проходили мимо.

Послѣднее это обстоятельство нѣсколько ободрило Петю; намѣтивъ глазами тотъ или другой уголь, онъ уловлялъ минуту, когда подлѣ никого не было, и скоро-скоро перебѣгалъ къ намѣченному мѣсту. Такъ постепенно достигъ онъ конюшенъ. Батюшки, сколько было тамъ лошадей! Спины ихъ, лоснясь при свѣтѣ газа, вытягивались рядами, терявшимися въ сгущенной мглѣ, наполнявшей глубину конюшенныхъ сводовъ; Петю особенно поразилъ видъ нѣсколькихъ лошадокъ, такихъ же почти маленькихъ, какъ онъ самъ.

Всѣ эти впечатлѣнiя были такъ сильны, что ночью онъ нѣсколько разъ вскрикивалъ и просыпался; но не слыша подлѣ себя ничего, кромѣ густаго храпѣнiя своего хозяина,—онъ снова засыпалъ.

Въ теченiе десяти дней, какъ труппа переѣзжала въ Ригу, Петя былъ предоставленъ самому себѣ. Въ вагонѣ его окружали теперь несомнѣнно уже чужiе люди: ко многимъ изъ нихъ онъ успѣлъ присмотрѣться; многiе были веселы, шутили, пѣли пѣсни и не внушали ему страха. Нашлись даже такiе, какъ клоунъ Эдвардсъ, который мимоходомъ всегда трепалъ его по щекамъ; разъ даже одна изъ женщинъ дала ему ломтикъ апельсина. Словомъ, онъ началъ понемногу привыкать, и было-бы ему даже хорошо, еслибъ взялъ его къ себѣ кто-нибудь другой, только не Карлъ Богдановичъ. Къ нему никакъ онъ не могъ привыкнуть; при немъ Петя мгновенно умолкалъ, весь какъ-то съживался и думалъ о томъ только, какъ бы не заплакать...

Особенно тяжело стало ему, когда началось ученiе.

Средневековая горожанка. Ориг. рис. Г-жи Мэри Эдлингер, грав. Флюгель по фотогр. Лаггера.

Послѣ первыхъ опытовъ, Беккеръ убѣдился, что не ошибся въ мальчикѣ; Петя былъ легокъ какъ пухъ и гибокъ въ суставахъ; недоставало, конечно, силы въ мускулахъ, чтобы управлять этими природными качествами; но бѣды въ этомъ еще не было. Беккеръ не сомнѣвался, что сила пріобрѣтется отъ упражненій. Онъ могъ отчасти даже теперь убѣдиться въ этомъ на питомцѣ. Мѣсяць спустя послѣ того, какъ онъ каждое утро и вечеръ, посадивъ мальчика на полъ, заставлялъ его пригибаться головою къ ногамъ, Петя могъ исполнять такой маневръ уже самъ по себѣ, безъ помощи наставника. Несравненно труднѣе было ему перегибаться назадъ и касаться пятками затылка; мало по малу онъ, однакожь, и къ этому сталъ привыкать. Онъ ловко также начиналъ прыгать съ разбѣга черезъ стулъ; но только, когда послѣ прыжка, Беккеръ требовалъ, чтобы воспитанникъ, перескочивъ на другую сторону стула, падалъ не на ноги, а на руки, оставляя ноги на воздухѣ,—послѣднее рѣдко удавалось; Петя летѣлъ кубырксомъ, падалъ на лицо или на голову, рискуя свихнуть себѣ шею.

Неудача или ушибъ составляли, впрочемъ, половину горя; другая половина, болѣе вѣская, заключалась въ тузахъ, которыми всякій разъ надблялъ его Беккеръ, забывавшій, что упражненіями такого рода онъ скорѣе могъ содѣйствовать къ развитію собственныхъ мускуловъ, которые и безъ того были у него въ надежномъ порядкѣ.

Мускулы мальчика оставались по прежнему тощими. Они очевидно требовали усиленнаго подкрѣпленія.

Въ комнату, занимаемую Беккеромъ, принесена была двойная раздвижная лѣстница; поперекъ ея перекладинѣ, на нѣкоторой высотѣ отъ полу, укладывалась горизонтально палка. По командѣ Беккера, Петя долженъ былъ съ разбѣгу ухватиться руками за палку и затѣмъ оставаться такимъ образомъ на вѣсу, сначала пять минутъ, потомъ десять,—и такъ каждый день по нѣсколькѣ пріемовъ. Разнообразіе состояло въ томъ, что иногда приходилось просто держать себя на вѣсу, а иногда, придерживаясь руками къ палкѣ, слѣдовало опрокидываться назадъ всѣмъ туловищемъ и пропускать ноги между палкой и головою. Цѣль упражненія состояла въ томъ, чтобы прицѣпиться концами носковъ къ палкѣ, неожиданно выпустить руки и оставаться висящимъ на однихъ носкахъ. Трудность, главнымъ образомъ, заключалась въ томъ, чтобы въ то время, какъ ноги были наверху, а голова внизу,—лицо должно было сохранять самое пріятное, смѣющееся выраженіе; послѣднее дѣлалось въ видахъ хорошаго впечатлѣнія на публику, которая ни подъ какимъ видомъ не должна была подозрѣвать трудности при напряженіи мускуловъ, боли въ суставахъ плечъ и судорожнаго сжиманія въ груди.

Достиженіе такихъ результатовъ сопровождалось часто такимъ раздражающимъ дѣтскимъ визгомъ, такими криками, что товарищи Беккера врывались въ его комнату и отнимали изъ рукъ его мальчика.

Начиналась брань и ссора, — послѣ чего Пети приходилось иногда еще хуже. Иногда, впрочемъ, такое постороннее вмѣшательство оканчивалось болѣе миролюбивымъ образомъ.

Такъ было, когда приходилъ клоунъ Эдвардсъ. Онъ обыкновенно улаживалъ дѣло закуской и пивомъ. Въ слѣдовавшей затѣмъ товарищеской бесѣдѣ, Эдвардсъ старался всякій разъ доказать, что методъ обученія Беккера никуда не годится, что страхомъ и боязнью ничего не возьмешь не только съ дѣтми, но даже при обученіи собакъ и обезьянъ; что страхъ внушаетъ несомнѣнно робость, а робость первый врагъ гимнаста, потому что отымаешь у него увѣренность и удалъ; безъ нихъ можно только вытянуть себѣ сухія жилы, сломать шею или перебить позвонки на спинѣ.

Въ примѣрѣ приводился часто акробатъ Ризлей, который такъ напугалъ собственныхъ дѣтей передъ представленіемъ, что когда пришлось подбросить ихъ ногами на воздухъ, — дѣти два раза перекувырнулись въ пространство да тутъ-же прямехонько и шлепнулись на полъ...

— Бросились подымать, подхватывалъ Эдвардсъ, дѣлая выразительные жесты,—подняли, гляди: оба fertig! готовы! У обоихъ духъ вонъ! Дуракъ Ризлей потомъ застрѣлился съ горя, — да что-жь изъ этого? Дѣтей своихъ всетаки не воскресилъ: fertig! fertig!..

И странное дѣло: каждый разъ какъ Эдвардсъ, разгоряченный бесѣдой и пивомъ, принимался тутъ-же показывать, какъ надо дѣлать ту или другую шутку, Петя исполнялъ упражненіе съ болѣею ловкостью и охотой.

Въ труппѣ всѣ уже знали воспитанника Беккера. Въ послѣднее время онъ добылъ ему изъ гардероба костюмъ клоуна и, набѣливая ему лицо, пашлепывая румянами два клякса на щекахъ, выводилъ его во время представленія на арену; иногда для пробы, Беккеръ неожиданно подымалъ ему ноги, заставляя его пробѣжать на рукахъ по песку. Пети напрягалъ тогда всѣ свои силы; но часто онъ измѣняли ему; пробѣжавъ на рукахъ нѣкоторое пространство, онъ вдругъ ослабѣвалъ въ плечахъ и тыкался головою въ песокъ, — чѣмъ пробуждалъ всегда веселый смѣхъ въ зрителяхъ.

Подъ руководствомъ Эдвардса онъ сдѣлалъ-бы, безъ сомнѣнія, болѣе успѣховъ; въ рукахъ Беккера дальнѣйшее развитіе очевидно замедлялось. Петя продолжалъ бояться своего наставника какъ въ первый день. Къ этому начинало примѣшиваться другое чувство, котораго не могъ онъ истолковать, но которое постепенно росло въ немъ, стѣсняло ему мысли и чувства, заставляя горько плакать по ночамъ, когда, лежа на тюфячкѣ, прислушивался онъ къ храпѣнью акробата.

И ничего, ничего Беккеръ не дѣлалъ, чтобы скольконибудь привязать къ себѣ мальчика. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мальчику удавалось какая нибудь шутка, Беккеръ никогда не обращался къ нему съ ласковымъ словомъ; онъ ограничивался тѣмъ, что снисходительно поглядывалъ на него съ высоты своего громаднаго туловища.

Проживъ съ Петей нѣсколько мѣсяцевъ, онъ точно взялъ его наканунѣ. Завиваясь тщательно каждый день у парикмахера цирка, Беккеру, повидимому, все равно было, что изъ двухъ рубашекъ, подаренныхъ мальчику прачкой Варварой, — остались лохмотья, что бѣлье на тѣлѣ мальчика нсилось иногда безъ перемѣны по двѣ недѣли, что шея его и уши были не вымыты, а саложишки просили каши и черпали уличную грязь и воду. Товарищи акробата, и болѣе другихъ Эдвардсъ,—часто укоряли его въ томъ; въ отвѣтъ Беккеръ нетерпѣливо пошвыстывалъ и щелкалъ хлыстикомъ по панталонамъ.

Онъ не переставалъ учить Петю, продолжая наказывать каждый разъ, какъ выходило что нибудь не ладно. Онъ хуже этого дѣлалъ.

Разъ, по возвращеніи труппы уже въ Петербургъ, Эдвардсъ подарилъ Петѣ щенка. Мальчикъ былъ въ восторгѣ; онъ носился съ подаркомъ по конюшнѣ и корридорамъ, всѣмъ его показывалъ и то и дѣло учащенно цѣловалъ его въ мокрую розовую мордочку.

Беккеръ, раздосадованный во время представленія тѣмъ, что его публика не вызвала, возвращался во внутренней корридоръ; увидѣвъ щенка въ рукахъ Пети, онъ вырвалъ его и носкомъ башмака бросилъ въ сторону; щенокъ ударился головкой въ сосѣднюю стѣну и тутъ-же упалъ, вытянувъ лапки.

Петя зарыдалъ и бросился къ Эдвардсу, выходящему въ эту минуту изъ уборной.

Беккеръ, раздраженный окончательно тѣмъ, что вокругъ послышалась брань,—однимъ движеніемъ оттолкнулъ Петю отъ Эдвардса и далъ ему съ размаху пощечину.

— *Schwein!* — Швынья!.. тьфу!.. сказалъ Эдвардъ, отплеываясь съ негодованьемъ.

Но что ужъ дальше рассказывать!

Не смотря на легкость и гибкость, Петя былъ, какъ мы сказали выше, не столько гуттаперчевымъ, сколько несчастнымъ мальчикомъ.

IV.

Дѣтскія комнаты въ домѣ графа Листомирова располагались на южную сторону и выходили въ садъ. Чудное было помещеніе! Каждый разъ какъ солнце было на небѣ, лучи его съ утра до заката проходили въ окна; въ нижней только части, окна завѣшивались голубыми тафтjвыми занавѣсками для предохраненія дѣтскаго зрѣнія отъ излишняго свѣта. Съ тою-же цѣлью по всѣмъ комнатамъ разостланъ былъ коверъ также голубаго цвѣта и стѣны оклеены были не слишкомъ свѣтлыми обоями.

Въ одной изъ комнатъ вся нижняя часть стѣнъ была буквально заставлена игрушками; онѣ группировались тѣмъ разнообразіемъ и живописіемъ, что у каждаго изъ дѣтей было свое особое отдѣленье.

Пестрыя англійскія раскрашенныя тетрадки и книжки, кровати съ куклами, картинки, комоды, маленькія кухни, фарфоровыя сервизы, овечки и собачки на катушкахъ, — обозначали владѣнія дѣвочекъ; столы съ оловянными солдатами, картонная тройка сѣрыхъ коней, съ глазами страшно выпученными, увѣшанная бубенчиками и запряженная въ коляску, большой бѣлый козелъ, казакъ верхомъ, барабанъ и мѣдная труба, звуки которой приводили всегда въ отчаянье англичанку миссъ Бликсъ, обозначали владѣнія мужскаго пола. Комната эта такъ и называлась „игральной“.

Ридомъ была учебная; дальше спальная, окна которой всегда были закрыты занавѣсками, приподымавшимися тамъ только, гдѣ вертѣлась вентиляціонная звѣзда, очищавшая воздухъ. Изъ нея, не подвергая себя рѣзкой перемѣнѣ воздуха, можно было прямо пройти въ уборную, высланную также ковромъ, но обшитую, въ нижней ея части, клеенкой; съ одной стороны находился большой умывальный мраморный столъ, уставленный крупнымъ англійскимъ фаянсомъ; дальше, блистали бѣлизною двѣ ванны съ мѣдными кранами, изображавшими лебединыя головки; подлѣ возвышалась голландская печь съ изразцовымъ шкафомъ, постоянно наполненнымъ согрѣвающимися полотенцами. Ближе, по клеенчатой стѣнѣ, висѣлъ на тесемкахъ цѣлый рядъ маленькихъ и крупныхъ губокъ, которыми миссъ Бликсъ каждое утро и вечеръ обмывала съ головы до ногъ дѣтей, наводя красноту на ихъ нѣжное тѣло.

Въ среду, на масляницѣ, въ игральной комнатѣ было особенно весело. Ее наполняли восторженные дѣтскіе крики. Мудренаго нѣтъ; вотъ что было здѣсь между прочимъ сказано: — „Дѣточки, вы съ самаго начала масляницы были послушны и милы; сегодня у насъ среда; если вы будете такъ продолжать, — васъ въ пятницу вечеромъ возьмутъ въ циркъ“!..

Слова эти были произнесены тетей Соней, — сестрой графини Листомировой, — дѣвушкой лѣтъ тридцати пяти, сильной брюнеткой, съ пробивающимися усиками, но прекрасными восточными глазами необыкновенной доброты и мягкости; она постоянно носила черное платье, думая этимъ хоть сколько нибудь скрыть полноту, начинавшую ей надобѣдать. Тетя Соня жила у сестры и посвятила жизнь ея дѣтямъ, которыхъ любила всѣмъ запасомъ чувствъ, не имѣвшихъ случая израсходовать и накопившихся съ избыткомъ въ ея сердцѣ.

Не успѣла она проговорить свое обѣщанье, какъ дѣти, слушавшія сначала очень внимательно, бросились со всѣхъ ногъ осаждаютъ ее; кто цѣплялся за ея платье, кто усиливался влѣзть на ея колѣна, кто успѣлъ обхватить ея шею и осыпалъ лицо поцѣлуйми; осада сопро-

вождалась такими шумными оваціями, такими криками радости, что миссъ Бликсъ вошла въ одну дверь, въ другую вбѣжала молодая швейцарка, приглашенная въ домъ какъ учительница музыки для старшей дочери; за ними показалась кормилица, державшая новорожденного, укутаннаго въ одѣяло съ ниспадавшими до полу кружевными обшивками.

— *What is going on here?*.. удивленно осведомилась миссъ Бликсъ,

Она представила изъ себя чопорную высокую даму съ непомѣрно выдающеюся грудью, красными щеками, какъ-бы закапанными сургучемъ, и красною шейю свеколочнаго отгѣнка.

Тетя Соня объяснила вошедшимъ причину радости.

Раздались опять возгласы, опять крики, сопровождаемые прыжками, пируэттами и другими болѣе или менѣе выразительными изъявленіями радости. Въ этомъ порывѣ дѣтской веселости всѣхъ больше удивилъ Пафъ, — пятилѣтній мальчикъ, единственная мужская отрасль фамилии Листомировыхъ; мальчикъ былъ всегда такимъ тяжелымъ и апатическимъ, но тутъ, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ и того, что его ожидало въ циркѣ, — онъ вдругъ бросился на четверинки, поднялъ лѣвую ногу, и страшно закручивая языкъ на щеку, поглядывая на присутствующихъ своими киргизскими глазами, — принялся изображать клоуна.

— Миссъ Бликсъ! подымите его, подымите скорѣе, — ему кровь бросится въ голову! проговорила тетя Соня.

Новые крики, новое скаканье вокругъ Пафа, который ни за что не хотѣлъ вставать и упорно подымалъ то одну ногу, то другую.

— Дѣти, дѣти... довольно! Вы кажется не хотите больше быть умными... Не хотите слушать... говорила тетя Соня, досадовавшая главнымъ образомъ за то, что не умѣла сердиться. Ну не могла она этого сдѣлать, — не могла, — не могла рѣшительно!

Она обожала „своихъ дѣтей“, какъ сама выражалась. Дѣйствительно, надо сказать, дѣти были очень милы.

Старшей дѣвочкѣ, Вѣрочкѣ, было уже восемь лѣтъ; за нею шла шестилѣтняя Зизи; мальчику, было, какъ сказано, — пять лѣтъ. Его окрестили Павломъ; но мальчикъ получалъ одно за другимъ различныя прозвища: Бѣби, Пузырь, Бутузъ, Булка и наконецъ Пафъ, — имя, которое такъ и осталось. Мальчикъ былъ пухлый, коротенькій, съ рыхлымъ бѣлымъ тѣломъ, какъ сметана, крайне флегматическаго невозмутимаго нрава, съ шарообразною головою и круглымъ лицомъ, на которомъ единственною замѣтною чертою были маленькіе киргизскіе глазки, раскрывавшіеся вполне, когда подавалось кушанье или говорилось о ѣдѣ. Глазки, смотрѣвшіе вообще сонливо, проявляли также оживленіе и безпокойство по утрамъ и вечеромъ, когда миссъ Бликсъ брала Пафа за руку, вводила его въ уборную, раздѣвала его до нага и, поставивъ на клеенку, принималась энергически его мыть огромной губкой, обильно напитанной водою; когда миссъ Бликсъ, при окончаніи такой операціи, возлагала губку на голову мальчика и, крѣпко нажавъ губку, пускала струи воды по тѣлу, превращавшемуся тотчасъ же изъ бѣлаго въ розовое, — глазки Пафа не только суживались, но пропускали потоки слезъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раздавался изъ груди его тоненькій-тоненькій пискъ, не имѣвшій ничего раздраженнаго, по походившій скорѣе на пискъ куколки, которыхъ заставляють кричать, нажимая имъ животъ. Этимъ невиннымъ пискомъ впрочемъ все и оканчивалось. Съ исчезновеніемъ губки, Пафъ умолкалъ мгновенно, и уже потомъ миссъ Бликсъ могла обтирать его сколько угодно согрѣтымъ шаршавымъ полотенцемъ, могла заворачивать ему голову, могла мять и тереть его, — Пафъ выказывалъ такъ-же мало сопротивленія, какъ кусокъ сдобнаго тѣста въ рукахъ пекаря. Онъ часто даже засыпалъ между теплыми шаршавыми полотенцами

прежде, чѣмъ миссъ Бликсъ успѣвала уложить его въ постель, обтянутую вокругъ сѣткой и завѣшанную кисейнымъ пологомъ съ голубымъ бантомъ на маковкѣ.

Нельзя сказать, чтобы мальчикъ этотъ былъ особенно интересенъ; но нельзя было не остановиться на немъ, такъ какъ онъ представлялъ теперь единственную мужскую отрасль фамиліи графовъ Листомировыхъ и, какъ справедливо иногда замѣчалъ его отецъ, задумчиво глядя въ даль и меланхолически свѣсивъ голову на бокъ: „Могъ,—кто знаетъ? могъ играть въ будущемъ видную роль въ отечествѣ!“...

Предрѣшать будущее вообще трудно;—но какъ бы тамъ ни было, съ той минуты, какъ обѣщано было представленіе въ циркѣ,—старшая дочь, Вѣрочка, вся превратилась во вниманіе и зорко слѣдила за поведеніемъ сестры и брата.

Едва-едва начинался между ними признакъ разлада,—она быстро къ нимъ подбѣгала, оглядываясь въ то же время на величавую миссъ Бликсъ, принималась скоро-скоро шептать что-то Зизи и Пафу и, поочередно цѣлуя то того, то другую, успѣвала всегда водворить между ними миръ и согласіе.

Эта Вѣрочка была во всѣхъ отношеніяхъ прелестная дѣвочка: топенькая, нѣжная и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣжая какъ только что сънесенное яичко, съ голубыми жилками на вискахъ и шеѣ, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ и большими сѣро-голубыми глазами, смотрѣвшими изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ какъ-то всегда прямо, не по лѣтамъ внимательно; но лучшимъ украшеніемъ Вѣрочки были ея волосы пепельнаго цвѣта, мягкіе какъ тончайшій шелкъ и такіе густые, что миссъ Бликсъ долго билась по утрамъ, прежде чѣмъ могла привести ихъ въ должный порядокъ. Пафъ могъ конечно быть любимцемъ отца и матери, какъ будущій единственный представитель именитаго рода, — но Вѣрочка, можно сказать, была любимцею всѣхъ родныхъ, знакомыхъ и даже прислуги; мимо ея миловидности, ее любили за необыкновенную кротость нрава, рѣдкое отсутствіе капризовъ, привѣтливость, доброту и какую-то особенную чуткость и понятливость. Еще четырехъ лѣтъ, она съ самымъ серьезнымъ видомъ входила въ гостиную и, сколько бы ни было постороннихъ лицъ, прямо и весело шла къ каждому, давала руку и подставляла щеку. Къ ней даже особенно какъ-то относились, чѣмъ къ другимъ дѣтямъ. Вопреки давно принятому обычаю въ семьѣ графовъ Листомировыхъ, давать различныя сокращенныя и болѣе или менѣе фантастическія прозвища дѣтямъ, Вѣрочку иначе не называли, какъ ея настоящимъ именемъ. Вѣрочка была,—Вѣрочкой и осталась.

Что говорить, у нея, какъ и у всякаго смертнаго, были свои слабости, вѣрнѣе была одна слабость; но и она какъ бы скорѣе служила гармоническимъ дополненіемъ ея характеру и наружности. Слабость Вѣрочки, заключавшаяся въ сочиненіи басенъ и сказокъ, проявилась первый разъ, какъ ей минулъ шестой годъ. Войдя однажды въ гостиную, она при всѣхъ неожиданно объявила, что сочинила маленькую басню и тутъ же, ни мало не смущаясь, съ самымъ убѣжденнымъ видомъ, принялась рассказывать исторію про волка и мальчика, дѣлая очевидныя усилія, чтобы нѣкоторыя слова выходили въ рѣзъ. Съ тѣхъ поръ, одна басня смѣняла другую и, не смотря на запрещеніе графа и графини возбуждать рассказами сказокъ воображеніе и

безъ того уже впечатлительной и нервной дѣвочки,—Вѣрочка продолжала дѣлать свои импровизаціи. Миссъ Бликсъ не разъ должна была ночью приподыматься съ постели, заслышавъ какой-то странный шепотъ, исходившій изъ-подъ кисейнаго полога надъ постелью Вѣрочки. Убѣдившись, что дѣвочка, вмѣсто того, чтобы спать, произноситъ какія-то непонятныя слова, англичанка дѣлала ей строгій выговоръ, приказывая заснуть немедленно,—приказаніе, которое Вѣрочка тотчасъ же исполняла со свойственной ей кротостью.

Словомъ, это была та самая Вѣрочка, которая, вбѣжавъ какъ-то въ гостиную и заставъ тамъ сидѣвшаго съ матерью извѣстнаго нашего поэта Тютчева, ни за что не хотѣла согласиться, что сѣдой этотъ старичекъ могъ сочинять стихи; напрасно увѣряли мать и самъ Тютчевъ,—Вѣрочка стояла на своемъ; поглядывая недоувѣрчиво на старика своими большими, голубыми глазами, она повторяла:

— Нѣтъ, мама, это не можетъ быть!..

Замѣтивъ наконецъ, что мать начинаетъ сердиться, Вѣрочка взглянула ей робко въ лицо и проговорила сквозь слезы:

— Я думала, мама, что стихи сочиняютъ только ангелы...

Съ самой середины, когда обѣщано было представленіе въ циркѣ, до четверга, — благодаря нѣжной заботливости Вѣрочки, ея умѣнью развлекать сестру и брата, оба вели себя самымъ примѣрнымъ образомъ. Особенно трудно было управиться съ Зизи, — дѣвочкой болѣзненной, замороженной лекарствами, въ числѣ которыхъ тресковый жиръ игралъ видную роль и служилъ всегда поводомъ къ истерическимъ рыданьямъ и капризамъ.

Въ четвергъ на масляницѣ тетя Соня вошла въ игральную комнату. Она объявила, что такъ какъ дѣти были умны, она, проѣздомъ въ городъ, желаетъ купить имъ игрушекъ.

Радостныя восклицанія и звонкіе поцѣлуи опять наполнили комнату. Пафъ также оживился и заморгалъ своими киргизскими глазками.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказала тетя Соня, — все будетъ по вашему: тебѣ, Вѣрочка, рабочей ящикъ,—ты знаешь, папа и мама не позволяютъ тебѣ читать книгъ; — тебѣ Зизи куклу...

— Которая-бы кричала!.. воскликнула Зизи.

— Которая-бы кричала! — повторила тетя Соня, — ну, а тебѣ, Пафъ, тебѣ что? Что ты хочешь?..

Пафъ задумался.

— Ну, говори-же, что тебѣ купить?..

— Купи... купи собачку, — только безъ блохъ!.. добавилъ неожиданно Пафъ.

Единодушный хохотъ былъ отвѣтомъ на такое желаніе. Смѣялась тетя Соня, смѣялась кормилица, смѣялась даже чопорная миссъ Бликсъ, обрадившаяся впрочемъ тотчасъ-же къ Зизи и Вѣрочкѣ, которая начали прыгать вокругъ брата и, заливаясь смѣхомъ, принялись тормошить будущаго представителя фамиліи.

Послѣ этого, всѣ снова повисли на шеѣ доброй тети и до-красна зацѣловали ея шею и щеки.

— Ну, довольно, довольно, съ ласковой улыбкой произнесла тетя, — хорошо; я знаю, что вы меня любите; и я люблю васъ очень... очень... очень!.. И такъ, Пафъ, я куплю тебѣ собачку: будь только умень и послушенъ; она будетъ безъ блохъ!..

(Окончаніе въ слѣд. №)

День отдыха.

Рассказъ Л

I.
Въ прекрасную лѣтнюю ночь въ Мюнхенѣ послѣ 12 часовъ, когда должны заператься всѣ пивныя, въ одномъ изъ пивныхъ погребовъ сидѣла за круглымъ столомъ большая компанія гостей, которые, какъ видно, далеко еще не были расположены

кончить пріятельскую бесѣду. Пехота одинъ за другимъ или небольшими партіями оставляли они погребъ, направляясь обратно въ городъ черезъ мостъ, подъ которымъ гвѣдилась горная рѣка, какъ бы журча возвращающимся домой — „доброю ночью.“ И дѣйствительно ночь была хороша. Завтра воскресенье,

Вечеръ. Съ картини Гаяса Макарта Библиотека "Руниверс"

день отдыха, день, в который можно вдоволь выспаться! Полковой аудитор, герой палего маленького рассказа, за которым мы и последуем, съ такими мирными намерениями отворил дверь своей квартиры и стал подыматься по лестнице в свои комнаты. Он редко возвращался домой так поздно и потому очень удивил соседа и старуху, свою экономку. Женщина эта была неприятной наружности и встречу с ней аудитор считал всегда дурным предзнаменованием. Собака лаяла и металась, словно за дверью были воры или разбойники. Между тем аудитор достиг своего холостого жилища и, прежде чѣм зажечь свѣчу, внизу слышались шаги, от которых трясся полъ; это старуха отправлялась продолжать прерванный сонъ.

Скоро аудитор спалъ сномъ праведника, сномъ, который только возможенъ въ спокойную ночь съ субботы на воскресенье. После цѣлой недели усиленных занятій и напряженій силъ онъ вполнѣ предавался отдыху въ седьмой день. Онъ спалъ сладко, спокойно до разсвѣта, наступающаго очень рано въ лѣтние дни. Проснувшись не въ особенно хорошемъ расположении духа, онъ задумчиво смотрѣлъ въ потолокъ; но это продолжалось не долго. Вскорѣ слышались шаги на лестнице, они были такъ энергичны и торопливы, что аудитор вскакивалъ на ноги, набросилъ плафрокъ, поторопился къ окну и зыкнулся въ него, на сколько было возможно. Тамъ онъ увидѣлъ молодую даму въ дорожномъ костюмѣ, съ палкой для горныхъ путешествій въ рукахъ; она поспѣшно вышла изъ дому и направилась къ станціи желѣзной дороги.

Небо было чудно голубое и пріятная прохлада освѣжила голову молодого человѣка.

— И я предпринимаю загородную прогулку! было немедленно намереніемъ аудитора.

Но куда? Онъ взялъ свой карманный календарь, отыскалъ сегодняшнее воскресенье, 8-го іюня, перевернулъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что слѣдующій листокъ красный; но аудитор по ошибкѣ захватилъ сразу нѣсколько листовъ и раздвигая приходился въ слѣдующій понедѣльникъ 16-го іюня, а не 9-го числа. Скоро онъ засуетился въ своей комнатѣ, ища то одно, то другое. Слуга, конечно, не могъ знать о внезапномъ намереніи своего господина и долженъ былъ, какъ всегда, явиться только въ 7 ч. утра. И такъ аудитор сдѣлалъ свой туалетъ самъ.

Когда онъ одѣлся въ удобный дорожный костюмъ, пробило 5 часовъ; онъ направился къ станціи желѣзной дороги.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ совершенно забылъ объ дурныхъ грезахъ, весь поглощенный мыслями о планѣ предстоящаго путешествія. Скоро планъ былъ начертанъ. Онъ хотѣлъ въ эти два дня сдѣлать довольно длинное путешествіе по желѣзной дорогѣ черезъ Розенгеймъ и Обераудорфъ, отсюда предпринять горное путешествіе вѣшкомъ до Целя, тамъ переночевать и на другой день съ удовольствіемъ проѣхать черезъ Шлирзе назадъ въ Мюнхенъ.

Казалось поѣздъ на Розенгеймъ только и ждалъ аудитора, который едва только что успѣлъ купить билетъ, какъ кондукторъ поспѣшно втолкнулъ его въ ближайшее купѣ. Поѣздъ тронулся и задвигались синія горы. Два дня свободы—пріятное чувство!

Было чудное лѣтнее утро; ни облачка не было видно на лазуревомъ небѣ. Горы склонились острыми утесами почти на самое полотно желѣзной дороги. Молодой человѣкъ отыскивалъ глазами горы, по южному склону которыхъ онъ будетъ сегодня карабкаться, и съ наслажденіемъ закурилъ сигару, которую вынулъ изъ своего туго набитаго дорожнаго несесера.

То перелестывалъ „Горную страну Баваріи“, которую не захватилъ съ собою, то снова любуясь величественными горами, пріятно короталъ аудиторъ время по пути до Розенгейма. Прибывъ туда, онъ потребовалъ себѣ завтракъ. Поѣздъ снова далъ свистокъ и помчалъ аудитора по южному направленію чудеснѣйшаго Инстрема. По обѣимъ сторонамъ—лѣсистыя горы; черезъ лѣсъ виднѣются утесы, наминала путешествнику, что онъ теперь въ царствѣ горъ. Неубернъ на лѣво, Браденбургъ—альдorado мюнхенскихъ художниковъ—направо. Долина стала теперь уже, и дорога шла дальше, тѣсно сомкнутая горами и почти по берегу потока. Поѣздъ приближался къ тирольской границѣ.

„Обераудорфъ!“ выкрикнулъ кондукторъ и нашъ путникъ вышелъ изъ купѣ, вдохнулъ въ себя свѣжій горный воздухъ и, сознавая себя свободнымъ на два дня, быстро замчалъ вверхъ, въ хорошенькую горную деревеньку, чтобы передать свой сакъ трактирщику, заказать обѣдъ и тогда пойти поспѣть любимыя мѣста, позная прелекнхъ пріянтныхъ воспоминаній. После прогулки туристъ нашъ вернулся въ гостиницу, пообедалъ съ удовольствіемъ и отправился отдохнуть на софѣ въ своей хорошенькой комнатѣ, съ пріянтнымъ сознаніемъ, что здѣсь никто не будетъ стучать ни сверху, ни снизу.

Было уже четыре часа пополудни, когда путникъ снова отправился вѣшкомъ по направленію къ Целю. Жаръ уже спалъ, и онъ вскорѣ почувствовалъ прохладу изъ ущелья, въ которомъ шумно бѣжали ручей, давая знать о себѣ еще издали.

Вскорѣ онъ вступилъ на хорошо знакомую ему дорогу, къ домику охотника, откуда представлялся прекраснѣйшій видъ.

Здѣсь ему встрѣтилась хорошенькая пастушка, дружески расклапаясь съ нимъ, прося на чашку кофе, которое готовилось маленькимъ обществомъ, путешествовавшимъ съ тою же цѣлью, какъ и онъ. Онъ очень обрадовался этому, такъ какъ сильно усталъ отъ ходьбы. Войдя въ домикъ, аудиторъ былъ пріятно изумленъ, встрѣтивъ двухъ своихъ знакомыхъ, жившихъ съ нимъ въ одномъ домѣ; они вмѣстѣ съ нимъ оставили поѣздъ въ Обераудорфѣ и вожировали въ обществѣ одного семейства. Молодой человѣкъ рассказалъ, что онъ обязанъ имъ своимъ сегодняшнимъ путешествіемъ, за что безконечно благодаренъ. Компания была очень оживленная; много смѣялись, потому пѣли, пили кофе, вдыхая свѣжій горный воздухъ, вообще были въ самомъ веселомъ настроеніи духа.

— О святой Бенно! воскликнулъ молодой человѣкъ, какъ пріятно я буду праздновать твой день въ Гетау и Ширей.

— Что? сказала одинъ изъ присутствовавшихъ, завтра вы уже хотите праздновать день св. Бенно.

— Отчего же и пѣтъ, возразилъ улыбаясь аудиторъ. Слѣдовательно вамъ не извѣстно, что завтра святаго Бенно и праздникъ? Или вы допускаете, что я, въ противномъ случаѣ, могъ бы теперь здѣсь сидѣть и спокойно пить кофе?

— Вы ошибаетесь, вышалеся второй, завтра пѣтъ праздника; св. Бенно бываетъ 16-го іюня, а завтра только 9-е число.

— Замѣчательно! воскликнулъ аудиторъ, господа художники не знаютъ, какого числа они живутъ. Еслибы вы занимали какую нибудь должность, вы бы твердо, на память знали дни, нанечатанные въ календарѣ краснымъ. Я докажу, что я правъ. И улыбаясь онъ вынулъ свой календаръ изъ кармана, сталъ перелестывать и—о ужасъ!—завтрашній день—чернымъ листъ 9-го іюня. Въ глазахъ у него потемнѣло. На поляхъ была сдѣлана отмѣтка: „Засѣданіе Военнаго Суда по дѣлу рядовато Іоханна Пангерера, обвиняемаго въ нарушеніи дисциплины; въ 9 часовъ. Вызвано 20 свидѣтелей.“

Календаръ почти выпалъ изъ его рукъ.

— Теперь увѣрился?

— Мнѣ кажется, что ошибка произошла влѣдствіе того, что вы перемѣшали пѣдѣли, вмѣшался другой.

— Чертъ возьми! воскликнулъ аудиторъ. Такъ и есть! Я долженъ сегодня же быть обратно въ Мюнхенъ!

— Но это невозможно возразилъ одинъ изъ присутствующихъ; теперь уже болѣе 5 1/2 часовъ, а послѣдній поѣздъ черезъ Обераудорфъ проходитъ около 7 часовъ.

— Тогда я еще успѣю! воскликнулъ аудиторъ. Мнѣ ничего не остается другаго, я долженъ вернуться въ Аудорфъ. Это будетъ ужасно, если я пропущу засѣданіе! И давъ пастушкѣ монету и распростившись съ обществомъ, онъ поспѣшно отправился назадъ по только-что пройденной дорогѣ. Онъ пустился бѣжать внизъ по ущелью рѣки съ такой быстротой, что едва могъ удержаться, чтобы не упасть въ ручей, за стволъ исполненной ели, причѣмъ поранилъ себѣ палецъ.

— Чортъ бы взялъ этого Іоханна Пангерера! воскликнулъ съ яростью аудиторъ. Ну, погоди-же, я тебѣ отплачу за все это! добавилъ онъ. Непривычка къ скорому бѣгу, сильный толчекъ при остановкѣ, пораненный палецъ, все это сдѣлало, что аудиторъ уже не могъ такъ быстро продолжать дальнѣе путь. Впередъ и впередъ было теперь его стремленіемъ; онъ не догадывался посмотрѣть на часы; солнце стояло уже довольно низко и надежда застать еще поѣздъ дала ему новыя силы. Крикъ радости вырвался у него изъ груди, когда онъ наконецъ достигъ долины и Обераудорфъ разстилался передъ нимъ. По кратчайшему пути направился онъ къ станціи желѣзной дороги. Поѣздъ изъ Куфштейна уже свисталъ и пыхтѣлъ, приближался къ Обераудорфу, но аудиторъ все еще надѣялся бѣгомъ достигъ станціи во-время. Онъ началъ махать руками, но никто не обращалъ на него вниманія. Наконецъ поѣздъ тронулся дальше и аудиторъ нашъ прибѣжалъ какъ разъ въ то время, когда послѣдній вагонъ отошелъ отъ платформы. Экспедиторъ уже вошелъ въ свое бюро и остановить поѣздъ не было уже возможности. Аудиторъ все это отлично видѣлъ. Что же ему остается теперь дѣлать?

II.

Экспедиторъ пришелъ на помощь аудитору съ совѣтомъ отправиться въ Мюнхенъ завтра съ 4-хъ часовымъ поѣздомъ, который доставитъ его въ городъ къ 7 часамъ утра. Аудиторъ вздохнулъ свободнѣе. И такъ еще была возможность попасть на засѣданіе. Аудиторъ не хотѣлъ оставаться ждать поѣзда въ Обераудорфѣ; ему казалось, чѣмъ ближе будетъ онъ къ Мюнхену, тѣмъ спокойнѣе будетъ чувствовать себя. Онъ бѣга онъ такъ разгорячился, что ему необходимо было пройтись, и онъ рѣшилъ идти прямо по дорогѣ, разчитывая встрѣтить попутчика на сумерки, которыя начали уже окутывать его, аудиторъ бодро шагалъ впередъ и къ 10 часамъ ночи достигъ станціи Раублинтъ. Въ здѣшней гостиницѣ онъ хотѣлъ остановиться.

Но тутъ шло веселье. Ветераны всей окрестности собрались на освященіе знамени: въ залѣ была музыка и танцы; балъ былъ въ полномъ разгарѣ и гостей была масса.

Такимъ образомъ переночевать здѣсь не было возможности.

Когда аудиторъ сталъ просить у хозяина гостиницы экипажъ до Розенгейма, тотъ наотрѣвъ отказалъ ему въ этомъ.

— Сегодня кто же поѣдетъ? сказалъ онъ смѣясь; сегодня мы будемъ веселиться!

Комнаты для ночлега не было; да еслибы и была, то кто-бы разбудилъ аудитора во-время. А потому, подкрѣпившись пищей, онъ пустился по дорогѣ въ Розенгеймъ.

Было уже поздно, когда онъ достигъ Панга. Пройдя его, онъ встрѣтилъ старуху, которая дружески пожелала ему „доброй ночи“.

Сегодня вѣрно ужъ такъ суждено. Первое доброе утро было сказано мнѣ моею старухой и послѣднее „доброй ночи“ онъ услышалъ отъ старухи же. Но быть можетъ, думалъ онъ, „доброе утро“ старухи приносить несчастье, а „доброй ночи“— счастье. И онъ спросилъ старуху, откуда она идетъ въ такое позднее время.

— Изъ Розенгейма, былъ отвѣтъ, я шла черезъ Пангерфильцъ и это мнѣ сократило дорогу на цѣлый часъ.

— Черезъ Пангерфильцъ? спросилъ аудиторъ. Можно тамъ пройти ночью, не опасно?

— Что вы? Богъ съ вами! что тамъ можетъ случиться? И если послушаете моего совѣта, то лучшая дорога черезъ мость по тропинкѣ.

— И это сократитъ мнѣ путь на цѣлый часъ? спросилъ еще разъ аудиторъ.

— Непремѣнно, вы увидите. Доброй ночи; счастливаго пути! сказала старуха и зашагала со своей ношей на спинѣ.

— Въ мѣсяцъскую ночь эту старуху можно было бы принять за вѣдьму, думалъ про себя аудиторъ, улыбаясь. Что если это и въ самомъ дѣлѣ вѣдьма, которая направила меня на ложный путь?

Онъ между тѣмъ прошелъ уже Пангерфильцъ. Сначала все шло хорошо, дорога была довольно широка; но вскорѣ онъ едва далъ ее отличать отъ болотистаго грунта. Онъ надѣялся, что дальше пойдетъ лучше и шелъ впередъ. Мало по малу грунтъ становился все мягче и съ каждымъ шагомъ почва колебалась подъ его ногами. Онъ былъ очень доволенъ, когда въ сомнительныхъ мѣстахъ находилъ доски, положенныя на тропинку. Темныя, какъ кофейная гуща, потянулись болота, и вскорѣ нашъ путникъ потерялъ дорогу. Куда идти? Ни одного человѣческаго существа нѣтъ далеко въ округности.

Путникъ нашъ началъ размышлять, что предпринять дальше. Осторожно вернулся онъ къ тому мѣсту, гдѣ потерялъ тропинку, но были тутъ лужи грязи; двигаться можно было только очень медленно. И когда достигъ маленькаго ручья, онъ рѣшился слѣдовать вверхъ по его теченью. Скоро за низкими терновыми кустарничкомъ онъ увидѣлъ домъ и свѣтъ лампы, которая стояла на окнѣ нижней комнаты. Радостно поспѣшилъ туда аудиторъ. Вдругъ онъ остановился, и глаза его жадно устремились на картинку, которая ему представилась. У окна сидѣла старуха въ длинной бѣлой рубахѣ, съ головою, опущенной на грудь; она стояла. Около нея стояла пралка съ куделью. Свѣтъ озарялъ ея старое, морщинистое, пожелтѣвшее лицо. Первые минуты аудиторъ не зналъ, что ему дѣлать. Не сонъ ли это? Но нѣтъ, онъ не спитъ!

— Эй! крикнулъ онъ наконецъ, подходя къ окну.

Старуха испугалась, быстро потушила лампу и глубокая тѣма воцарилась кругомъ.

— Эй! крикнулъ онъ опять. Прошу, укажите мнѣ дорогу.

Въ тоже мгновеніе онъ ясно услышалъ надъ собой, въ отверстіи крыши, трескъ взвонимаго курка. Путникъ былъ очевидно не въ безопасности и поспѣшилъ снова объяснять цѣль своего посѣщенія.

— Я заблудился, сказалъ онъ. Не можетъ ли меня ктонибудь провести за хорошую плату до Розенгейма.

— А! послышалась мужской голосъ съ крыши. Стало быть ты не изъ здѣшнихъ?

— Нѣтъ, возразилъ аудиторъ по возможности дружески. Я изъ Мюнхена и хочу сегодня же попасть въ Розенгеймъ.

— Такъ, такъ, ты изъ города. Кто же тебя направилъ сюда ночью.

— Какая старуха около Панга сказала мнѣ, чтобы я шелъ по этой дорогѣ, и я былъ такъ неостороженъ, что повѣрилъ ей.

— А! Старуха эта уже нѣсколькихъ присылала къ намъ почью. Подожди я сейчасъ сойду внизъ.

Аудиторъ сѣлъ на скамейку около дома; онъ ждалъ очень долго и уже сталъ думать, что объ немъ забыли. Но вотъ внутри дома послышались шаги и свѣтъ показался въ комнаткахъ. Онъ увидѣлъ здороваго парня, баварскаго крестьянина въ шляпѣ и съ палкою въ рукахъ, и старуху, которая теперь была уже одѣта. Старуха рыдала какъ малое дитя и крестила парня. Аудиторъ не видѣлъ лица крестьянина; ему казалось страннѣе, что старуха, отпускающая парня на такое короткое время, благословляетъ, какъ будто отправляя его въ далекій путь.

— Ну, вотъ я и готовъ,—произнесъ крестьянинъ, выходя изъ дому.—Теперь пойдете съ Богомъ!

— Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы выведете меня изъ этого лабиринта,—возразилъ молодой человѣкъ и пошелъ рядомъ съ парнемъ.

— Для меня это не составитъ труда,—отвѣчалъ крестьянинъ. Я самъ долженъ поспѣть въ Розенгеймъ къ первому поѣзду на Мюнхенъ. Моя старуха вотъ и не спала, чтобы разбудить меня во-время. Я вчера поздно вернулся съ вечера ветерановъ, гдѣ пропустилъ малую толику...

— Ты вѣрно былъ солдатомъ, если приглашенъ на праздникъ ветерановъ?

— Конечно былъ, возразилъ парень. Иначе ты бы не видѣлъ теперь меня отправляющимся въ Мюнхенъ. Нелегкая впутала меня въ исторію. Будь теперь осторожнѣй—мы идемъ черезъ болото по подмосткамъ, которые не очень-то надежны. Молодой человѣкъ осторожно слѣдовалъ за парнемъ.

— Вотъ! воскликнулъ парень, останавливаясь на серединѣ подмостковъ.—Вотъ бы теперь съ удовольствіемъ сбросилъ отсюда въ болото того, кто причиной, что я вчера такъ много шлѣ и сегодня долженъ отправиться въ Мюнхенъ!

— О комъ ты говоришь? спросилъ аудиторъ у возмущавшагося, при воспоминаніи о своемъ врагѣ, парня.

— Я говорю объ одномъ аудиторѣ, который не оставилъ разслѣдованія дѣла до тѣхъ поръ, пока не притянули меня къ суду за нарушение дисциплины. И вотъ сегодня я долженъ буду предстать предъ военнымъ судомъ и по всей вѣроятности буду признанъ виновнымъ.

— Въ такомъ случаѣ ты Иоганъ Пангереръ? спросилъ аудиторъ, не подумавъ.

— Ты меня знаешь? спросилъ коротко парень.—Да, я Иоганъ Пангереръ. А кто же ты такой?

Аудиторъ не нашелся сразу, что отвѣтить. Теперь онъ сталъ осторожнѣй, зная, какая ему угрожаетъ опасность и сказалъ:

— Я тебя не знаю, но старая женщина, встрѣтившаяся мнѣ въ Пангѣ, сказала, что я могу найти тебя здѣсь и что ты въ случаѣ нужды укажешь мнѣ путь въ Розенгеймъ.

Пусть читатель представитъ себѣ положеніе аудитора, среди поля, въ глубокой полночь, одинъ на одинъ съ много выпившимъ парнемъ, который по его предложенію будетъ судиться военнымъ судомъ. Онъ почувствовалъ облегченіе, когда его путникъ зашагалъ дальше.

— Кто ты такой? спросилъ парень вторично.

— Я? чинovníкъ изъ Мюнхена, отвѣчалъ не сразу аудиторъ.

— И въ концѣ концовъ судейскій? спросилъ грубо Гансъ.

— О нѣтъ, отвѣчалъ аудиторъ, въ то время какъ они опять вступили на шаткіе подмостки. Я служу на почтѣ.

— На почтѣ? спросилъ Пангереръ.—Ну это мнѣ еще по душе! Но я терпѣть не могу судейскихъ, особенно кривоносаго аудитора.

— Ты вѣрно къ нему пристрастенъ,—сказалъ по возможности ласковымъ голосомъ аудиторъ. Каждый исполняетъ свои обязанности такъ, какъ ему велитъ долгъ.

— Если ты его будешь защищать,—вскричалъ злобно Гансъ, я тебя брошу посреди этихъ болотъ и одинъ пойду своей дорогой!

— Но я вѣдь ничего не знаю о твоёмъ дѣлѣ,—сказалъ, не особенно хорошо себя чувствуя, аудиторъ.

— Есть у тебя, по крайней мѣрѣ, сигары? спросилъ парень. Если хочешь, я тебѣ все расскажу.

Аудиторъ поспѣшилъ предложить проводнику всѣ сигары, которыя еще у него оставались.

— Благодарю, сказалъ парень; у тебя вѣрно есть и огонь?

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ аудиторъ.—Вынулъ спичечницу, но не рѣшался зажечь, протянулъ ее парню и самъ отошелъ въ сторону.

— Ну, ты долженъ самъ зажечь! сказалъ парень. Я въ ней ровно ничего не понимаю.

Аудиторъ былъ въ ужасномъ положеніи. Если онъ зажжетъ спичку и освѣтитъ свое лицо, проводникъ навѣрно узнаетъ его. А что затѣмъ должно послѣдовать, онъ представлялъ себѣ очень наглядно. „Только бы онъ не замѣтилъ моего изогнутаго носа,—подумалъ про себя аудиторъ, а то эта примѣта можетъ меня выдать“.

— Попробуй только, сказалъ онъ парню, и ты ее тотчасъ откроешь.

— Будь такъ добръ, отвѣчалъ парень, дай мнѣ огня самъ! Я очень бы хотѣлъ покурить сигару.

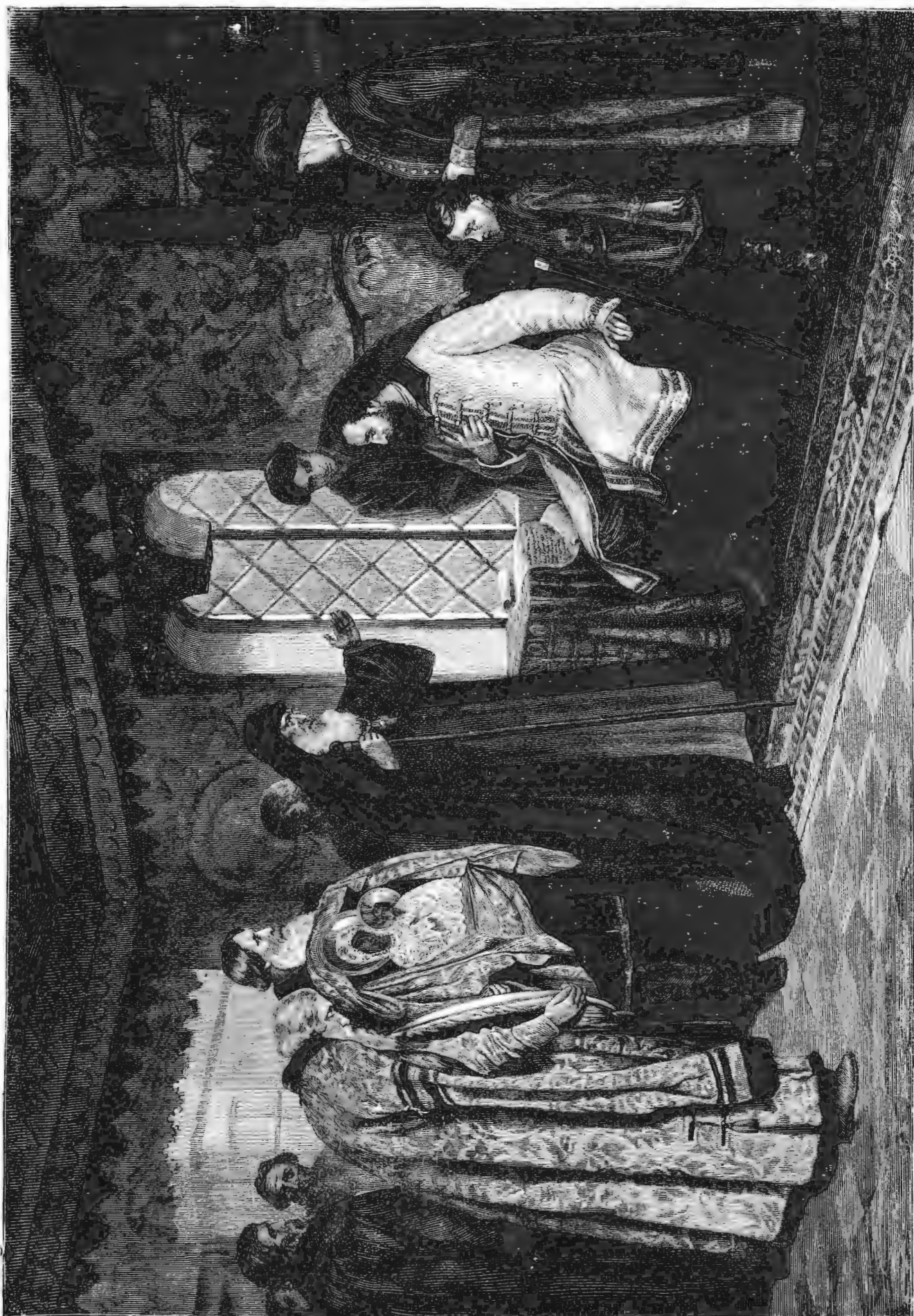
Аудитору ничего больше не оставалось, какъ зажечь спичку. Онъ былъ въ сильномъ страхѣ. Съ лицомъ, слегка отвороченнымъ въ сторону, онъ протянулъ правой рукой зажженную спичку парню, а лѣвой прикрывалъ лицо.

— Чортъ возьми! воскликнулъ онъ, сѣра отъ спички прямо мнѣ въ носъ и въ ротъ.

— Въ восковыхъ спичкахъ вѣдь, кажется, нѣтъ сѣры, замѣтилъ Гансъ.

Сигара была зажжена и они пошли дальше.

Парень продолжалъ: „Ты не долженъ думать, что я дурной человѣкъ потому, что подналъ подъ военный судъ. Я прилежный работникъ и только по воскресеньямъ пью пиво и весь мой проступокъ въ томъ, что я далъ пощечину унтеръ-офицеру Ботину. Объ этомъ узналъ фельдфебель и донесъ. Я не хотѣлъ дѣлать унтеръ-офицера несчастнымъ, иначе я открылъ бы истину. Командиръ нашъ не придастъ этому особаго значенія, но

Посольство у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго 1611 г.
(1-я золотая медаль). Съ партыпы В. И. Савинскаго, грав. Дзедзиць. Фотографин Вишп:гова и Лалгева.

Пробужденіє князя Дмитрія Краснаго.
(1-ая золотая медаль). Съ картины А. Селезнева грав. Дезделицъ. Фотографин Рудольдова и Лаптева.

тому что Ботш мог также пострадать чрезъ это. Но аудиторъ началъ разслѣдовать дѣло, долго и всюду разузнавалъ о немъ, и кончилось тѣмъ, что меня дѣйствительно притянули къ суду, и теперь, по всей вѣроятности, засадятъ на дѣльные мѣсяцы въ тюрьму. Кто будетъ заботиться въ это время о моей старой бабушкѣ! Деньги, которая я ей оставилъ, скоро будутъ израсходованы и бѣдная старуха умретъ съ голоду, если ей кто не будетъ не подаетъ милостыни.

— Да, это въ высшей степени печально, сказала аудиторъ. Знаешь, я тебѣ дамъ немного для твоей бабушки; ты можешь ей это выслать изъ Мюнхена.

— Ну хорошо! воскликнулъ парень. Я не зналъ, что почтвые чиновники такіе добросердечные люди.

— Что ты хотѣлъ сказать, говоря, что не хотѣлъ сдѣлать унтеръ-офицера несчастнымъ? спросилъ аудиторъ. Каждому, вѣдь, свой интересъ ближе всего. Если ты знаешь обстоятельство, которая смягчаютъ вину, ты не долженъ о нихъ молчать.

— Боже милостивый! вздохнулъ парень. Тяжело мнѣ на другихъ наклепать несчастье!

— Ну мнѣ-то ты можешь рассказать, вѣдь я человѣкъ посторонній, почтовый чиновникъ.

— Да, да, я тебѣ все расскажу, но ты долженъ никому объ этомъ не говорить. Дѣло было такъ: У моего сосѣда въ казармѣ, рядоваго Фризингера, были украдены часы со стѣны, гдѣ они обыкновенно висѣли. Это сдѣлалъ никто другой, какъ унтеръ-офицеръ Ботш. Фризингеръ видѣлъ его крадущимся къ своей постели и кромѣ того въ этотъ же день онъ улатилъ долгъ полковой маркитанткѣ. Ботш устроилъ дѣло такъ, что подозрѣніе въ кражѣ пало на меня, онъ полагалъ, что смиренный, добродушный парень позволитъ все свалить на себя. Вскорѣ, въ одно изъ воскресеній, я, вернувшись изъ караула, улегся постѣ обѣда спать. Часы мои висѣли надъ постелью. Въ комнатѣ никого не было. Вижу я, отворяется дверь и унтеръ-офицеръ крадется ко мнѣ. Я прикинулся, что крѣпко сплю. Шуряся, однако, вижу какъ онъ подошелъ къ моей кровати и ловкимъ движеніемъ руки схватилъ часы, съ тѣмъ чтобы ихъ сорвать. Я быстро вскочилъ, вырвалъ у него часы и закатилъ ему такую пощечину, что онъ вѣрно ее еще и до сихъ поръ помнить. Въ это мгновеніе фельдфебель отворилъ дверь. „Ради Бога, сказалъ унтеръ-офицеръ, не дѣлай меня несчастнымъ!“ И сказалъ фельдфебелю, что хотѣлъ разбудить меня, чтобы я не валялся днемъ и что я за это закатилъ ему пощечину. Я промолчалъ. Меня взяли подъ арестъ и принесли, что я это сдѣлалъ съ просонья. Но тутъ явился аудиторъ и началъ разслѣдовать дѣло и искривъ и вкось, такъ что наконецъ меня притянули въ судъ. Унтеръ-офицеръ просилъ меня потомъ на колѣняхъ, чтобы я не выдалъ его. Онъ былъ изъ хорошей, честной фамиліи и я не хотѣлъ сдѣлать его несчастнымъ, тяготящимся своей жизнью. Такимъ образомъ мнѣ, здорово живешь, достался горькій кусокъ. Но за то совѣсть моя спокойна; только вотъ бѣдная старуха,—за нее мнѣ больно.

— Сигара моя потухла, потрудись еще разъ зажечь огонь.

Аудиторъ снова былъ въ замѣшательствѣ; онъ протянулъ нарню свичку и опять прикрывъ лико рукой, но теперь парень не обратилъ на это вниманія. Они шли по мосту и уже видѣли былъ свѣтъ на Розенгеймской станціи. Аудиторъ вздохнулъ свободнѣе. Онъ радовался, что скоро ужъ наступитъ минута, когда можно будетъ поблагодарить нарня за труды и разстаться съ нимъ. Не доходя станціи, парень распрощался, чтобы зайти къ своему знакомому отдохнуть нѣсколько часовъ. Аудиторъ далъ ему нѣсколько таллеровъ, отъ которыхъ тотъ сначала отказывался, наконецъ согласился взять для своей больной старухи. Аудиторъ сказалъ, что сегодня онъ еще увидитъ его въ Мюнхенѣ, такъ какъ самъ хочетъ присутствовать на судѣ и быть можетъ онъ ему тамъ будетъ не безполезенъ.

— Ну это-то положимъ! Съ нашимъ аудиторомъ не очень-то будешь разсуждать!

— И такъ до свиданья! Съ этими словами аудиторъ разстался съ парнемъ и почувствовалъ теперь себя свободнѣй. Всѣ неурядицы дня и ночи вознаграждались случаемъ, оставшимся свѣтлымъ воспоминаніемъ на всю жизнь, случаемъ, который даетъ возможность спасти въ самый послѣдній моментъ добраго человѣка отъ незаслуженнаго наказанія.

Было уже около двухъ часовъ ночи, когда аудиторъ достигъ дверей гостиницы „Крейцеръ“. Онъ приказалъ хозяину разбудить себя къ мюнхенскому побѣду и заказалъ экинажъ, чтобы доѣхать до станціи.

Побѣду отходилъ въ 5 ч. 50 мин. и такимъ образомъ онъ надѣялся поспать еще часа три. Но улегшись онъ не рѣшался заснуть, все время боясь опоздать. Ему пришла на мысль сѣна въ одномъ изъ сочиненій Мозера, гдѣ описывается, какъ старый господинъ, чтобы не заснуть, держалъ въ рукахъ лѣпку, которая, какъ только онъ засыпалъ, съ шумомъ падала и будила его. Вспомнивъ это, онъ тоже взялъ въ одну руку большую стеклянную кружку, предназначенную для воды, а другою рукой началъ дѣлать замѣтки въ своей книжкѣ, которая имѣла прямое отношеніе къ разсказу нарня. Онъ писалъ долго; кругомъ было тихо, всѣ давно уже спали; вдругъ зазвенѣло и разбитая кружка лежала на полу. Изъ сосѣдней комнаты по-

спынался проклятія на виновника этого шума. Теперь аудиторъ началъ за лучшее ходить по комнатѣ, но забылъ при этомъ снять сапоги. Черезъ десять минутъ кто-то постучался въ дверь.— „Что вы тамъ дѣлаете?“ послышался вопросъ. Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть другимъ спать, если у васъ самихъ бѣлая горячка!“ Аудиторъ согласился, что сосѣдъ былъ правъ; скинулъ сапоги и въ однихъ носкахъ продолжалъ ходить, по временамъ съ закрытыми глазами. И когда онъ въ это время наткнулся на столъ или стулъ, то пробуждался. Такъ продолжалось до самаго разсвѣта.

Въ 4 часа взошло солнце и онъ уже не хотѣлъ дольше оставаться въ гостиницѣ. Онъ поспѣшилъ на станцію, взялъ билетъ перваго класса и уѣхалъ такъ, чтобы не быть замѣченнымъ своимъ ночнымъ проводникомъ. Ровно въ 5 час. 50 мин. побѣду отошелъ. Теперь сильно измученный аудиторъ заснулъ крѣпкимъ сномъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока кондукторъ не крикнулъ въ купѣ: „Мюнхенъ!“

III.

Ровно въ девять часовъ утра собрался военный судъ въ полномъ составѣ. Аудиторъ въ формѣ и съ шляпою въ рукахъ выглядѣлъ блѣднымъ, съ опухшими глазами.

— Вы болны! сказалъ оберъ-лейтенантъ, председатель суда. У васъ такой ужасный видъ!

— О пѣтъ, я себя чувствую очень хорошо, возразилъ аудиторъ. Я только очень много потрудился въ эту ночь надъ сегодняшнимъ дѣломъ.

— А! сказалъ оберъ-лейтенантъ. Серьезно, если вы нездоровы, я отложу засѣданіе.

— Вотъ еще; подумайте только, сколько вызвано свидѣтелей, при томъ же весь судъ уже собрался, сказалъ аудиторъ. Неужели вы думаете, что я, ради одной безпокойно-проведенной ночи, позволю бы причинить извиннее безпокойство столькимъ лицамъ? Вотъ лучше, если хотите, я вамъ доложу, что всѣ свидѣтели и подеудимый на лицо, такъ что можно начать засѣданіе.

— Но если вы свалитесь со стула? сказалъ улыбаясь оберъ-лейтенантъ.

— Я буду сидѣть твердо, возразилъ аудиторъ, и вы увидите, какъ хорошо я буду исполнять свою обязанность.

Председатель и судья сѣли на свои мѣста. Послѣ проверки свидѣтелей, ихъ привели къ присягѣ и удалили изъ залы засѣданія. Затѣмъ по требованію председателя былъ введенъ подеудимый. При видѣ мощнаго нарня у аудитора скользяла на губахъ улыбка. Пангереръ недружелюбно взглянулъ на аудитора; онъ и не подозрѣвалъ, кого сегодня ночью провожалъ черезъ Пангерфильцъ.

Аудиторъ началъ обычный допросъ. Подсудимый стоялъ на своемъ первоначальномъ показаніи и утверждалъ, что далъ унтеръ-офицеру пощечину съ просонья. Нѣсколько свидѣтелей утверждали, что Пангереръ давно питалъ злобу къ унтеръ-офицеру.

Спрошенный унтеръ-офицеръ Ботш подтвердилъ то, что показало на предварительномъ слѣдствіи, но не сказалъ положительно, ударилъ ли его Пангереръ съ просонья, или нѣтъ. Судебное слѣдствіе было этимъ закончено; прокуроръ подтвердилъ фактъ преступленія противъ дисциплины и вынесъ обвинительный приговоръ, по которому обвиняемый долженъ былъ быть подвергнутъ годичному заключенію въ тюрьмѣ.

Бѣдный парень поблѣднѣлъ какъ смерть, услышавъ эти слова. Аудиторъ догадывался, что онъ вспомнилъ въ это время про свою бабушку. Прежде чѣмъ зачитникъ началъ свою рѣчь, аудиторъ просилъ позволенія сообщить суду вновь добытые имъ факты, которые могутъ послужить въ пользу подсудимаго, и разрѣшить ему предложить еще нѣсколько вопросовъ унтеръ-офицеру Ботшу и рядовому Фризингеру.

— Унтеръ-офицеръ Ботш, слышали ли вы приговоръ суда по дѣлу рядоваго Пангерера? спросилъ аудиторъ. Онъ будетъ посаженъ въ тюрьму на одинъ годъ. Подумайте хорошенько, не припомните ли вы какихъ либо обстоятельствъ, которые могли бы смягчить проступокъ этого солдата.

Унтеръ-офицеръ отрицательно покачалъ головой.

— Пѣтъ? спросилъ аудиторъ.— Можете вы скрываете свою собственную вину, не желая себя скомпроментировать или подвергнуться наказанію. Но это не честно и въ высшей степени малодушно, если чрезъ это долженъ страдать неповинный и тѣмъ болѣе человѣкъ, который составляетъ единственную поддержку своей престарѣлой бабушки, безъ котораго она принуждена будетъ голодать; человѣкъ, который никогда не подвергался высканіямъ, и единственный недостатокъ котораго составляетъ вѣщливость; словомъ, человѣкъ, дѣйствительно заслуживающій полного уваженія.

Аудиторъ проговорилъ все это дрожащимъ голосомъ; Гансъ Пангереръ не вѣрилъ своимъ ушамъ. При упоминаніи объ его бабушкѣ, онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

— Да, да,—говорилъ онъ.—Бѣдная старуха этого не перенесетъ. Какъ онъ все это знаетъ, я не говорилъ объ этомъ никому?

Въ судѣ замѣтно было волненіе.

— Однако ваше здоровье лучше, чѣмъ я думалъ,—сказалъ

тихо председатель сидящему около него аудитору. Но говорит же, если вы что выдумаете!

Для подтверждения аудитор выпил стаканчик воды и, обращаясь опять к Ботшу, спросил его:

— И так, вы не имаете ничего сказать?

— Ничего, отвечал сиропенный нагло.

— Ну, в таком случае я сам вам ничего не скажу, продолжал аудитор. 2-го февраля, в день Сретения вам докучала маркигантка с уплатой долга, грозя, в противном случае, жалобой командиру. Утром у вас не было денег, а вечером вы заплатили долг. Откуда вы взяли их?

— У моих знакомых, отвечал унтер-офицер.

— А я так знаю об этом больше, сказал аудитор. Вы продали часы.

Унтер-офицер стоял совершенно блѣдный.

— Почему вы так поблѣднѣли? спросил председатель. Подтверждаете ли вы, что это правда?

— Да, сказал унтер-офицер, я продал свои часы.

— И так мы уличили уже вас в одной неправдѣ, продолжал аудитор. Сначала вы говорили, что деньги получили от знакомых, теперь же сознаетесь, что продали часы. Но я знаю, что проданные часы не были вашей собственностью, вы взяли их у рядового Фризигера, если хотите, украли. Дальше, вы хотѣли свой преступный промысел пригнѣить и к обвиняемому здѣсь на судъ рядовому Пангереру. Когда вы его считали спящим, вы подкрались к его кровати, сняли со стѣпы часы, но Пангерер поймал вас и учинил с вами расправу. Развѣ это было не так?

Унтер-офицер не могъ возразить ни слова. Онъ зашатался и его принуждены были подвести къ стулу.

— Сознаетесь-ли вы? крикнулъ председатель. Откровенное сознание смягчитъ вашъ поступокъ. Такъ-ли это было.

— Да, сказал надтреснутымъ голосомъ унтер-офицер. Ему сдѣлалось дурно и его увели изъ залы суда.

Пангерер смотрѣлъ на аудитора взглядомъ, полнымъ благодарности, и казался спрашивавъ: откуда онъ все это знает?

Прокуроръ просилъ слова и на основаніи новыхъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ просилъ судъ смягчить подсудимому наказаніе, именно уменьшить срокъ заключенія до одного мѣсяца.

Защитникъ обрисовалъ характеръ парня въ такихъ краскахъ, что было вполне естественно, что при отобрании голо-

совъ „виновенъ или нѣтъ“, большинство судей было на сторонѣ Пангерера и признали нужнымъ освободить его отъ наказания, о чемъ председатель и возвѣстилъ обвиняемому. Парень, сияя счастьемъ, подошелъ къ аудитору, съ желаніемъ поцѣловать ему руку.

— Скажите-же мнѣ, откуда вы все это такъ хорошо знаете? спросилъ Пангереръ.

— Откуда? возразилъ аудиторъ улыбаясь. Отъ тебя самого.

— Отъ меня? Я никогда не говорилъ объ этомъ никому.

— Совѣмъ никому? спросилъ аудиторъ. А я между тѣмъ сегодня ночью слышалъ объ этомъ разговорѣ.

— Сегодня ночью? Гдѣ? спросилъ парень, туло глядя на аудитора.

— Въ Пангерфильцѣ, возразилъ этотъ.

— Да, это правда, сказалъ опѣшенный парень. Я рассказывалъ объ этомъ почтовому чиновнику, но онъ далъ мнѣ слово молчать.

— Онъ мнѣ повѣдалъ это какъ тайну, сказалъ улыбаясь аудиторъ. Еслибъ я самъ съ моимъ кривымъ носомъ былъ тамъ съ тобой, ты навѣрно, по злобѣ своей, сбросилъ-бы меня въ болото.

— Господи! воскликнулъ теперь Гансъ. Почтовый чиновникъ— былъ ты самъ! Да, да, кривой носъ и сегодня бросился мнѣ въ глаза! Прости меня!

Аудиторъ проткнулъ ему руку. Собравшихся офицеровъ съ оберъ-лейтенантомъ во главѣ сильно забавлялъ этотъ разговоръ. Они собрали денегъ, чтобы дать возможность Гансу привести домой старухѣ на домашніе расходы.

Затѣмъ Пангереръ съ глазами, полными слезъ, пожалъ еще разъ руку аудитора и вышелъ изъ залы суда.

— Такъ это вслѣдствіе неудачной поѣздки вы такъ плохо выглядите? сказалъ председатель аудитору, улыбаясь. Въ такомъ случаѣ пойдите въ ресторанъ, чтобы скорѣе восстановить ваши силы.

— Вы называете мою поѣздку неудачной? спросилъ аудиторъ. Это была счастливейшая прогулка, какую я когда либо въ моей жизни дѣлалъ. Цѣною маленькаго приключенія въ Пангерфильцѣ я получилъ возможность помочь честному хорошему малому.

Пангереръ, по просьбѣ аудитора, вскорѣ получилъ мѣсто на желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ получалъ столько, что ужъ безъ труда могъ заботиться о содержаніи своей бабшки.

Къ рисункамъ.

Средневѣковая дѣвушка-горожанка.

(Рис. на стр. 28 и 29).

Это уже не въ первый разъ, что мы помѣщаемъ рисунки талантливыя ученицы профессора Зичи г-жи Маріи Эглингеръ. Читатели наши конечно помнятъ превосходный портретъ перомъ ея знаменитаго учителя, помѣщенный въ 39 № 1880 г. въ сопроводженіи подробной біографіи Зичи. Г-жа Эглингеръ наша соотечественница—уроженка Петербурга и, какъ извѣстно, подписываетъ свои произведенія своимъ лишь именемъ „Marie.“ Она была ученицею Слб. Академіи Художествъ и удостоена серебряной медали. Мы имѣли случай видѣть многія произведенія молодой артистки, указывающія на ея выходящій изъ ряда талантъ, развитію котораго конечно много силы придало вліяніе, уроки и совѣты такого мастера, какъ Зичи.

Настоящій рисунокъ „Средневѣковая дѣвушка-горожанка“ исполненъ перомъ съ тѣмъ же мастерствомъ и поражающей тщательностью отдѣлки, какія останавливаютъ вниманіе въ ея другихъ подобныхъ работахъ. Красивый, характерный костюмъ молодой гражданки французскаго города въ средніе вѣка, выраженіе лица дѣвушки, всѣ мельчайшія детали—на всемъ одинаковомъ лежитъ отпечатокъ твердой и увѣренной руки талантливой артистки. Не можемъ не обратить также вниманія на замѣчательную работу гравера надъ этимъ произведеніемъ. Около трехъ мѣсяцевъ трудился онъ, чтобы передать всѣ тонкости рисунка, и посредствомъ лупы можно рассмотреть, какаю это трудная работа.

Вечеръ.

(Рис. на стр. 33).

Аллегорическое произведеніе Макарта „Вечеръ.“ составляетъ дополненіе къ циклу плафонныхъ медальоновъ, изъ которыхъ два, „Утро“ и „Полдень“, были помѣщены въ № 48 „Нивы“ 1882 г. И въ этой картинѣ видѣтъ тотъ же гениальный и своеобразный художникъ. „Вечеръ“ олицетворяетъ здѣсь идеальная фигура женщины, готовящейся раскинуть покровъ сумерекъ надъ усталымъ отъ жизни днѣ міромъ. Поднимаются головки мака и тянутся къ лунному лучу—то царство сна вступаетъ въ свои права. Вечерняя звѣзда засіяла на небѣ,—и тихо на землѣ, готовой къ принятію безмолвной, таинственной ночи...

Послы нижегородскіе у Пожарскаго.

(Рис. на стр. 36).

Картина молодого художника г. Савинскаго, получивша 1-ую

золотую медаль, писана на тему, заданную Академіей. Тема, достойная работы художника—она относится ко времени величайшаго подъема народнаго духа. Здѣсь крайняя степень несчастій и общее горе какъ бы послужили къ сплоченію и единенію всего, что было дотолъ какъ бы разрознено и дѣйствовало отдѣльно. Въ іюлѣ 1611 года разослана была по всѣмъ городамъ русскимъ: въ Казань, Новгородъ, Вологду, Пермь и во всѣ города Понизовья, знаменитая грамота архимандрита Діонисія и келаря Палицына. Въ октябрѣ грамота была получена въ Нижнемъ-Новгородѣ и здѣсь возбудила особенно глубокое одушевленіе. Тутъ выступилъ человекъ, незабвенный въ исторіи нашей,—земскій староста Козьма Захарычъ Мининъ-Сухо-рукъ и тотчасъ же сталъ указывать, чтобы выбрали скорѣе „кто-бы вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ.“ Тутъ общимъ совѣтомъ рѣшено было обратиться къ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому и просить его быть руководителемъ великаго дѣла.

Князь былъ человекъ боевой, достойный и заслуженный. Еще будучи всего двадцати лѣтъ онъ уже занимаетъ должность „стрилчачо“ при дворѣ Годунова, къ которому былъ близокъ. Въ первый разъ со славою является онъ на полѣ брани въ 1608 г. при царѣ Василіѣ Шуйскомъ, который послалъ князя противъ поляковъ, подступившихъ къ Коломнѣ. Князь напалъ на нихъ рано утромъ, разбилъ на голову, побралъ въ плѣтъ, захватилъ обозъ. Въ 1609 г. былъ князь посланъ царемъ противъ атамана разбойничьей орды Салькова. И здѣсь Пожарскій разбилъ Салькова на голову, перебилъ почти всю шайку, а плѣнныхъ, и въ томъ числѣ атамана, привелъ къ царю.

На слѣдующій годъ Пожарскій является воеводою въ Зарайскѣ. Въ іюлѣ того года жители собрались къ хоромамъ своего воеводы и, подстрекаемые измѣнниками, требовали, чтобы князь съ ними присягнулъ Тушинскому Самозванцу, грозя его убить въ противномъ случаѣ. Тогда онъ вышелъ съ протоиреемъ Дмитріемъ, близкимъ себѣ человекомъ, и заявилъ, что готовъ умереть, но измѣнникомъ присягнѣ не будетъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ крѣпости съ небольшимъ гарнизономъ. Случилось, что жители именно въ крѣпости сложили въ это смутное время все свое имущество и, не имѣя ни запасовъ, ни денегъ, скоро принуждены были явиться съ повинною къ воеводѣ. Князь взялъ съ нихъ присягу въ вѣрности царю Василію и самъ цѣловалъ крестъ. Твердость воеводы имѣла спасительное дѣйствіе: другіе города также отложились отъ Самозванца, узнавъ объ этомъ. Царь Василій наградилъ князя селомъ Ландехомъ, со многими деревнями въ Суздальскомъ уѣздѣ. 19 марта Пожарскій

опять является доблестно. Гонимый послал отряды конных колѣбниковъ, которые грабили и рѣзали по улицамъ Москвы, но на Срѣтенкѣ встрѣтили ихъ отрядъ Пожарскаго, который и погналъ поляковъ вплоть до Китай-города. На другой день, опять встрѣтивъ отряды грабителей, князь цѣлый день бился съ ними, въ первыхъ рядахъ отряда, былъ тяжело раненъ и его отвезли въ Троице-Сергиевъ монастырь, а оттуда въ его отчину, Ландехтъ, въ 120 верст. отъ Нижняго-Новгорода, гдѣ сталъ онъ лечиться отъ боевыхъ ранъ.

Изъ этого видно, что выборъ пародийный палъ на исполнѣ достойнаго и твердаго человека, могшаго стать во главѣ дѣла.

Граждане и власти духовныя нѣсколько разъ обращались съ просьбами къ князю и просили его начальствовать надъ ополченіемъ. Еще не оправившійся исполнѣ отъ болѣзни, князь отказывался. Этому остались свидѣтельства. Въ Собр. Госуд. Грам. и договор. есть грамота, гдѣ князь самъ говоритъ, что къ нему прислали *мнѣшды*. Онъ понятнѣ очень сомнѣвался и колебался, при такой шатости общей и неустойчивѣ, принять на себя столь великое дѣло.

Картина изображаетъ послѣднее посольство, въ которомъ участвовалъ Изчерскій архимандритъ Θεодосій и изъ всѣхъ чиновъ выборные люди, со слезами умолявшіе его принять командование надъ ополченіемъ. Князь, еще не совсѣмъ здоровый, принявъ ихъ сидя, окруженный своими дѣтьми, и наконецъ, согласился, по въ разговорѣ съ посланцами все же ставилъ условія, изъ коихъ видны обуревавшія его сомнѣнія. „Только-бы такой столикъ-князь Василій Васильичъ (Голлицынъ) былъ здѣсь и и объ немъ бы все держалось. А я къ такому великому дѣлу мимо его не принялся; а то нынѣ меня къ такому дѣлу бояре и вся земля *силно* присвоили.“

Вѣсть о Нижегородскомъ ополченіи разнеслась по всѣмъ городамъ. Отовсюду стали являться въ Нижній люди служилые. Въ Нижнемъ, выхвативъ еще съ перевязанными ранами на конѣ къ войску, князь былъ встрѣченъ съ неописаннымъ восторгомъ. Это ополченіе было началомъ послѣдующихъ великихъ событій, окончившихся всенароднымъ избраніемъ на царство юнаго Михаила Θεодоровича Ромапова.

Летаргическій сонъ Князя Димитрія Юрьевича.

(Рис. на стр. 37).

Въ нашихъ лѣтописяхъ, повѣстующихъ объ удѣльномъ періодѣ, среди междоусобій и кровавой распри князей, можно встрѣтить часто эпизоды и иваго характера. Такимъ именно эпизодомъ можно по справедливости назвать рассказъ нашей лѣтописи о кончинѣ юнаго князя Димитрія Юрьевича, сына Юрія, дяди Великаго Князя Василія Темнаго. Забѣшанный войей неволей въ семейную распри Юрьевичей съ Василіемъ, распри, ознаменовавшеюся жестокостями какъ съ той, такъ и съ другой стороны, князь Димитрій держался по возможности законной власти: по своему кроткому характеру не возбуждалъ подозрѣній Великаго Князя и даже ходилъ противъ мятежныхъ своихъ братьевъ въ рядахъ его войскъ. Съ качествами душевными онъ соединялъ и замѣчательную красоту лица, почему и названъ былъ современниками „Красивымъ, то есть красивымъ“. Но къ сожалѣнію, ему не суждено было дожить до зрѣлаго возраста и тяжкая, загадочная болѣзнь быстро приблизила молодого князя къ могилѣ. Лѣтописецъ сохранила намъ необычайныя и въ высшей степени странныя обстоятельства его кончины. По ея словамъ, юный князь вдругъ лишился слуха, вкуса и сна; хотѣлъ причаститься Святыхъ Таинъ и долго не могъ приступить къ этому, такъ какъ кровь лила у него изъ носа не переставая. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастіе, послѣ котораго онъ успокоился, потребовалъ пиши, вина, потомъ заснулъ и сонъ его былъ полнѣйшимъ подобіемъ смерти. Бояре оплакали Князя, закрыли его покровомъ, и улеглись спать въ той-же горницѣ. Вдругъ неожиданно мнимый мертвецъ поднялся съ своего ложа, сбросилъ покровъ и сказалъ громкимъ голосомъ „Петръ же сына,

яко Господь есть“. Затѣмъ онъ началъ пѣть стихиры. Всѣ присутствовавшіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, одѣялись отъ ужаса; быстро разнесся слухъ о чудѣ, и дворецъ наполнился любопытными. Цѣлые три дня воскресшій князь пѣлъ духовныя пѣсни и говорилъ о душевнеспасительныхъ предметахъ; узнавалъ людей, но не слышалъ обращаемою къ нему рѣчи и наконецъ дѣйствительно умеръ. Народъ тогда-же его парекъ святымъ и это убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось, когда при его погребеніи черезъ 23 дня по смерти, въ московскомъ соборѣ Архангела Михаила, тѣло его казалось живымъ и не имѣло на себѣ никакихъ признаковъ тлѣнія.

Талантливая картина Селезнева, удостоенная недавно, по справедливости, большою золотою медалю, изображаетъ тотъ моментъ, когда возставшій князь, стараясь приподняться, хватается слабыми, исхудалыми руками за края гроба, повергая своими движеніемъ въ ужасъ всѣхъ присутствующихъ. Такъ бодритъ, стоявшій въ ногахъ покойнаго, откинулся назадъ безосознательно раскинувъ руки, другіе-же, бывшіе въ головахъ, бросаются опрометью изъ комнаты, толкая другъ друга въ общей суматохѣ. Одинъ лишь престарѣлый инокъ, читавшій передъ тѣмъ неслышимо, не поддавшись страху; онъ съ выраженіемъ глубокой вѣры, творить на колѣняхъ молитву, благодаря Творца за содѣянное чудо.

Вся обстановка, всѣ аксесуары картины написаны очень живо и правдиво; маленькая, низенькая комната, увѣшанная образами, освѣщенными чуть мерцающими лампадами, въ которой носится еще прозрачный дымъ ладона, производить на зрителя таинственное впечатлѣніе, а фигура воскресшаго князя исполнена экспрессивности. Вообще эта картина молодого художника, по своимъ выдающимся достоинствамъ, занимаетъ видное мѣсто среди послѣднихъ конкурентныхъ работъ нашей академической молодежи.

О. А. Новикова.

(Портр. на стр. 40).

Здѣсь мы желаемъ познакомить нашихъ читателей съ портретомъ и краткой біографіей писательницы, игравшей не маловажную роль въ политическомъ мѣрѣ за послѣдніе годы. Г-жа Новикова (извѣстная въ

литической литературѣ Россіи, Англии, Германіи и Франціи подъ буквами *О. К.*) большую часть года проводитъ обыкновенно въ Англии. Хотя *О. К.* пользуется и у насъ значительнымъ вліяніемъ и заслуженнымъ почетомъ въ высшихъ литературныхъ и политическихъ кругахъ, но за границей и особенно въ Англии, она, какъ русскій публицистъ, гораздо извѣстнѣе и популярнѣе, чѣмъ въ своемъ отечествѣ. Ея извѣстность въ Англии довольно значительна. Ея книга „Russia and England“ (Россія и Англія), изданная въ 1882 г., на англійскомъ языкѣ, въ Лондонѣ, имѣла въ Англии громадный успѣхъ. Изданія слѣдовали одно за другимъ. Журналы и газеты наполнены были статьями о ней. Французскій журналъ „Revue des deux Mondes“ въ то же время напечаталъ статью Эмиля де-Лавеле объ этомъ блестящемъ политическомъ трудѣ русской женщины.

Въ этой книгѣ г-жа Новикова прямо и открыто нападаетъ на восточную политику до да Виконсфильда, столь враждебную Россіи. Она не всегда падитъ, впрочемъ, и личнаго друга своего, г. Гладстона. Гладстонъ самъ отвѣчалъ на эти прямоудинныя нападки русской патріотки и тѣмъ еще болѣе увеличилъ ея извѣстность. *О. К.* заступница англо-русскаго союза по восточнымъ дѣламъ и, по словамъ англійскихъ органовъ печати, имѣла много вліянія на дружественный къ Россіи поворотъ Великобританской политики послѣ паденія торійскаго министерства Виконсфильда.

О. А. Новикова принадлежитъ по рожденію и браку своему къ высшему кругу русскаго общества. Она урожденная *Кирьича*, родная сестра *Н. А. Кирьича*, убитому на войнѣ за сербскую независимость. Мать ея (до сихъ поръ живущая) родомъ *Алябьева*, славилась въ свою время красотой: она—*та самая, въ которой Пушкинъ находилъ столько „блеска“*.

...И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой“...

Замужемъ Ольга Алексѣевна за Иваномъ Петровичемъ По-

О. А. Новикова. Съ фотогр. Лаутева грав. Ю. Барановскій.

Фултонъ представляет Наполеону I свой пароходъ въ 1803 г.

Ориг. рис. Мерте, грав. Бренд'амуръ.

Библиотека "Руниверс"

виковымъ, бывшимъ помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, братомъ извѣстнаго дипломата нашего, Евгенія Петровича Новикова. Геройская смерть брата ея, Николая, котораго она сильно любила, была, какъ говорятъ, вѣдшей побудительной причиной, заставившей ее выступить на литературно-политическое поприще. И прежде, полная сочувствія славянскому возрожденію, г-жа Новикова, подъ влияніемъ скорби о погибшемъ братѣ, рѣшилась нинѣ путемъ служить тому дѣлу, за которое Кирѣевъ положилъ свою голову. Въ честь брата—она избрала и эти, столь извѣстныя въ Европѣ буквы—*О. К.*, г. е. *Олга Кирѣева*.

Первый пароходъ.

(Рис. на стр. 41).

Мысль объ устройствѣ кораблей, движущихся безъ помощи весель, управляемыхъ людьми или же безъ посредства силы вѣтра, очень стара, но заслуга примѣненія для этой цѣли силы пара, какъ дознано въ послѣднее время, всецѣло и безспорно принадлежитъ ученому Денису Папину, родившемуся въ Блоа, 22 августа 1647 г. Именно онъ, уже въ 1681 г., въ одной изъ записокъ, поданныхъ королевскому обществу въ Лондонѣ, между прочимъ, указалъ на возможность двигать корабль помощью пара. Затѣмъ англичанинъ Патрикъ Миллеръ изобрѣлъ колеса съ перьями, которыя горный инженеръ Симпсонъ приспособилъ къ паровику, между тѣмъ какъ опыты Бoffри положили начало цѣлесообразнаго устройства корпуса корабля. Хотя такимъ образомъ были изобрѣтены всѣ отдѣльныя важнѣйшія части парохода, но полное устройство его, которымъ занимались многія лица, совершенно не удавалось, такъ какъ не доставало правильнаго и практическаго соединенія всѣхъ частей, которое наконецъ было достигнуто американцемъ, инженеромъ Робертомъ Фультономъ. (Родился въ Малой Британіи, въ графствѣ Ланкастеръ, въ Пенсильваніи, въ 1765 г., умеръ въ 1815 г.). Поэтому-то въ дѣйствительности онъ считается истиннымъ изобрѣателемъ парохода, и эта заслуга обезсмертила его имя. Этотъ гениальный человѣкъ уже въ 1793 году, во время своего пребыванія въ Англіи, писалъ графу Стэнгопу о возможности двигать корабли паромъ. Затѣмъ онъ отправился въ Парижъ, изобрѣлъ тамъ станокъ для расилки мрамора, подводную лодку и родъ торпеды, но такъ какъ всѣ его техническія предпріятія не находили сочувствія, то унавь духомъ, онъ собирався вернуться уже на родину; въ это время тогдашній американскій посланникъ въ Парижѣ, Ливингстонъ, уговорилъ его остаться, и до-

ставилъ ему нѣкоторыя средства. Фультонъ энергично занялся своимъ любимымъ проектомъ—постройкой парохода, что ему и удалось. 9-го августа 1803 г. происходила первая публичная проба на Сенѣ, но, не смотря однако на вполне удачный опытъ, изобрѣтатель не пріобрѣлъ сочувствія публики. Ливингстонъ, который принималъ живое участіе въ работахъ своего соотечественника, пытался заинтересовать ими тогдашняго перваго консула Наполеона Бонапарте, и на рисунокъ представлена именно та сцена, когда Фультонъ показывалъ свое маневрирующее на Сенѣ судно будущему Императору. Наполеонъ смотрѣлъ нѣсколько минутъ на движенія судна, плывущаго то по теченію, то противъ теченія, затѣмъ, пожимая плечами, повернулся къ взволнованному изобрѣтателю и все дѣло громко обозвалъ игрушкой. Тогда Фультонъ отправился на родину, гдѣ при помощи денегъ, доставленныхъ Ливингстономъ, построилъ большой пароходъ „Клэрмонъ“ въ 44 метра длины, на 160,000 килограммовъ груза; машина въ 18 лошадиныхъ силъ была доставлена англійской фирмой Бультонъ и Уатъ. Соотечественники Фультона, между тѣмъ, выказывали такое-же недовѣріе его предпріятію, какое онъ встрѣтилъ въ Старомъ Свѣтѣ. Корабль былъ прозванъ „Игрушка Фультона“ и когда изобрѣтатель взоселъ на корабль 17 августа 1807 г. для первой большой пробы, то собравшаяся на берегу тысячная толпа провожала его насмѣшками, увеличившимися еще, когда судно послѣ первыхъ движеній остановилось. Скоро однако Фультонъ устранилъ причину остановки, и когда корабль съ возрастающей быстротою вышелъ изъ верфи въ Гудсоновскій проливъ и тамъ продолжалъ плыть, торжество гениальнаго изобрѣтателя было наконецъ обезпечено и радостные крики толпы возвѣстили о перемѣнѣ мнѣнія.

Уже въ 1812 г. болѣе нежели 50 пароходовъ, построенныхъ въ Сѣверной Америкѣ, ходили по тамошнимъ рѣкамъ, и теперь Европа не хотѣла отставать болѣе отъ Америки и вскорѣ пароходство развилось въ Англіи, Германіи и Франціи. Въ 1819 г. пароходъ Саванни, построенный въ Нью-Йоркѣ, счастливо достигъ Ливерпуля въ 26 дней. Дальнѣйшія усовершенствованія пароходовъ зависѣли преимущественно отъ движущихъ аппаратовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе паровой машиной, въ особенности отъ колесъ и винтовъ. (Въ 1829 году Юзефъ Россель построилъ въ Триестѣ первый винтовой пароходъ). Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что къ 1879 году число всѣхъ пароходовъ міра, съ подъемной силой выше 50 тоннъ, составляло 8,385 штукъ, которые всѣ вмѣстѣ представляли подъемную силу въ 4,563,866 тоннъ.

Прохождение Венеры черезъ солнечный дискъ.

Очеркъ.

25-го ноября, въ Сѣверной Америкѣ наблюдалось прохождение Венеры предъ солнечнымъ дискомъ. Явленіе это (невидимое простому глазу) относится наукою къ числу наиболѣе важнѣйшихъ и принадлежитъ къ столь рѣдкимъ, что мало кому удастся его видѣть два раза. Слѣдующее прохождение послѣдуетъ 8-го іюня 2004 г. и повторится, затѣмъ, снова 6 іюня 2012 г. Вообще же оно происходитъ 16—17 разъ въ столѣтіе. Только что было сказано, что прохождение невидимо для невооруженнаго глаза; въ подзорную же трубу оно видно ясно и его можно прослѣдить отъ самаго начала и до конца, на юго-восточномъ краѣ солнечнаго диска появляется маленькій и совершенно черный кружокъ, который медленно, въ теченіе довольно продолжительнаго времени,—а именно болѣе 5-ти часовъ—движется вкось (прямою и нисколько не ломаную линією) черезъ дискъ солнца и, достигнувъ юго-западной окраины, немедленно же исчезаетъ. Этотъ черненькій кружокъ и есть планета Венера. Извѣстно, что ея путь вокругъ солнца находится въ сферѣ пути земнаго шара, вслѣдствіе чего Венера, послѣ 584 дневнаго пробѣга, проходитъ между землею и солнцемъ, двигаясь то надъ дискомъ, то за нимъ, и такъ какъ она обращена къ намъ своею ночною стороною, то и остается невидимою съ земли, откуда видна, въ формѣ чернаго кружка, только въ рѣдкихъ случаяхъ прохожденія по блестящему диску солнца. Важное значеніе самаго прохожденія Венеры заключается въ томъ, что является прекраснымъ средствомъ для вычисленія разстоянія солнца отъ земнаго шара. Первымъ, обратившимъ вниманіе на такое его значеніе, былъ англичанинъ Идмѣндъ Галлѣ, развившій свое открытіе въ двухъ сочиненіяхъ, изданныхъ имъ въ 1691 и 1716 гг. Его метода состоитъ въ слѣдующемъ: два наблюдателя, находящіеся—одинъ въ сѣверномъ, другой въ южномъ полушаріи земли—и разсматривающіе прохождение, видятъ, изъ двухъ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга точекъ, что Венера движется по двумъ, не вполне одинаковымъ линіямъ; одному планета кажется гораздо болѣе приближенною къ центру солнечнаго диска во время ея прохожденія, нежели другому; если, затѣмъ, оба наблюдателя начертятъ линіи, какъ онѣ имъ казались, то получатся прямыя, параллельныя и находящіяся одна отъ другой въ извѣстномъ разстояніи. Разстояніе это не очень значительно, такъ какъ не достигаетъ и 40-й части видимаго поперечника солнечнаго диска; но, при всемъ томъ, оно опредѣ-

ляется съ возможно близкою точностью. Легко понять, что размѣръ этого разстоянія зависитъ отъ взаимной отдаленности обоихъ пунктовъ на землѣ, съ которыхъ произведены наблюденія, а также и отъ отдаленности солнца и Венеры. Первал извѣстна, равнымъ образомъ, и изъ астрономической теоріи, извѣстно отношеніе между отдаленностью Венеры отъ солнца и отдаленностью земли отъ него. Отсюда, по опредѣленіи, при посредствѣ наблюденія, разстоянія тѣхъ линій на солнечномъ дискѣ, можно вывести въ миляхъ и самое разстояніе отъ насъ солнца. Такимъ образомъ, все дѣло заключается, главнѣйше, въ возможно болѣе точномъ опредѣленіи наименьшаго разстоянія между линіями прохожденія Венеры, намѣченными съ двухъ точекъ на земной поверхности. А такъ какъ солнечный дискъ имѣетъ кругообразную форму, то разстояніе очень просто можно пайти изъ длины линій, которал, въ свою очередь, выводится изъ продолжительности времени, потребнаго для планетъ, чтобы совершить свое прохождение. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, метода Галлѣ; производимыя на основаніи этой методы наблюденія не требуютъ никакихъ дорого стоящихъ инструментовъ,—необходимы только хорошіи телескопы и вѣрные часы, въ виду того, что надо лишь опредѣлить время, протекающее отъ минуты, когда планета показывается на дискѣ, до той, когда она исчезаетъ. Галлѣ не пришлось самому болѣе испытать предложенный имъ способъ, онъ умеръ въ 1724 г., тогда какъ слѣдующее прохождение Венеры послѣдовало въ 1761 г. Со стороны астрономическихъ учреждений приняты были всѣ мѣры, для производства наблюденій, и посланы наблюдатели въ тѣ пункты, которые, согласно предварительнымъ исчисленіямъ, предполагались наиболѣе удобными. Однако, при самыхъ наблюденіяхъ, встрѣтились нѣкоторыя затрудненія. Такъ, напримѣръ, ожидали, что Венера появится на дискѣ въ видѣ рѣзко обозначеннаго чернаго кружка, а между тѣмъ, форма планеты,—она принимала видъ овала, груши и казалась соединенною какою-то темною лентою, съ окраиною солнца. Эти неожиданныя видоизмѣненія планеты помѣшали точности наблюденій, почему и признано считать наблюденія 1761 г. только какъ первымъ опытомъ, и тѣмъ болѣе ожидалось отъ прохожденія Венеры 3-го іюля 1769 г. Всѣ образованныя націи отъправили отъ себя спеціальныхъ наблюдателей, такъ какъ извѣстно было, что оно повторится не ранѣе, чѣмъ черезъ 104 года.

Въ настоящее время, когда желѣзныя дороги, пароходы и телеграфъ сократили разстоянiя и облегчили сообщенiя, едва ли можно составить себѣ понятiе о тѣхъ затрудненiяхъ, которыми 100 лѣтъ тому назадъ сопровождалась посылка наблюдательныхъ экспедицiй въ Ланландiю, Калифорнiю или Отаити. Однако, затрудненiя были преодолены и наблюдешя въ главнѣйшихъ пунктахъ удалась довольно хорошо, но и на этотъ разъ тѣ-же измѣненiя вида планеты, во многомъ, воспрепятствовали достовѣрности и точности изслѣдованiй. Здѣсь ксати будетъ замѣтить, что разстоянiе между солнцемъ и землею, въ астрономической практикѣ, измѣряется при посредствѣ угла: подъ нимъ поднимается уголь, подъ которымъ въ центральному пункту солнца глазу была бы видна половина поперечника земнаго шара; разъ этотъ уголь извѣстенъ, то уже, зная, разстоянiе легко исчисляется въ миляхъ. Въ наблюдешя надъ прохожденiемъ Венеры, произведенныхъ въ 1761 и 1769 г., разстоянiе это было опредѣлено въ 20,682,000 географическiя мили; но, однако, нѣкоторыя данныя привели, въ 1850 г., къ довольно вѣроятному предположенiю о томъ, что отдаленность солнца нѣсколько меньше значительна, что и подтвердилось опытами надъ скоростью движенiя свѣта. Въ такихъ обстоятельствахъ, ученые съ большимъ нетерпѣнiемъ ожидали прохожденiя Венеры, предположивъ, на 8 декабря 1874 г., надѣясь, при помощи своихъ наблюдешя, опредѣлить разстоянiе солнца безошибочно, до тысячной доли мили; надежда ихъ основывалась не только на томъ усовершенствованiи, котораго инструменты достигли съ 1769 г., но и на томъ новомъ вспомогательномъ средствѣ фотографiи, дающей возможность „фиксировать“ самое явленiе. Ничего удивительнаго нѣтъ, конечно, въ томъ, что въ половинѣ XIX-го столѣтiя цивилизованная государственная выставили всѣ потребныя средства въ помощь научному изслѣдованiю, имѣвшему цѣлью разрѣшенiе одной изъ важнѣйшихъ проблемъ, и вѣроятно многiе еще помнятъ о тѣхъ многочисленныхъ экспедицiяхъ, которыя были отправлены во всѣ удобные для наблюдешя пункты.

Большiя надежды возлагались на фотографическiя аппараты, и ихъ болѣе двадцати было наведено на солнце, въ обоихъ полушарiяхъ, ко времени прохожденiя планеты. Снимки солнца и Венеры получились, однако, при этомъ, довольно незначительныхъ размѣровъ; такъ большой фотографъ въ Кью далъ снимки, на которыхъ солнце въ поперечникѣ имѣетъ менѣе 4 вершковъ, а изображенiе Венеры достигаетъ едва 1½ линiи. Такимъ образомъ, наибольшее отдаленiе, съ котораго можетъ быть исчислено разстоянiе, составивъ, при помощи фотографiи, не болѣе 1¼ линiи. Хотя, какъ видимъ, приходится имѣть дѣло съ столь незначительными величинами, но микроскопъ и микрометръ позволяли разсчитывать на возможность измѣренiй значительной точности. Но ожиданiя не увѣщались успѣхомъ. Хотя и получилось множество фотографическихъ снимковъ, особенно англичанами, и на Гринвичской обсерваторiи были производимы микроскопическiя измѣренiя, однако, въ концѣ концовъ, эти фотографiи оказались непригодными для измѣренiй вполне точныхъ. Неудачу эту, впрочемъ, предсказалъ одинъ опытный ученый. Надо замѣтить, что причина непригодности этихъ фотографiй заключается не въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ снимковъ, а въ недостаточномъ совершенствѣ, въ недостаточной тонкости микроскопа; въ особенности несамымъ, расплывчатымъ оказывался именно солнечный дискъ, такъ что не было никакой возможности съ точностью опредѣлить его границъ. Наряду съ фотографическими снимками, произведено и большое число телескопическихъ наблюдешя. Думали, что доведенные до высокой степени совершенства инструменты нашего времени позволяютъ разсмотрѣть фигуру Венеры безъ всякихъ измѣненiй, или—только съ самыми незначительными, но это не оправдалось—и вышнiе наблюдатели увидѣли тѣ же измѣненiя, которыя такъ изучили наблюдатели прошлаго столѣтiя. Хотя великiя ожиданiя, основывавшiяся на преимуществахъ вышнiихъ аппаратовъ и методовъ наблюдешя, не оправдались, но во всякомъ случаѣ, въ 1874 г. добыты весьма важныя данныя для точнаго опредѣленiя разстоянiя солнца отъ земли, которое исчисляется теперь въ 20,036,000 географическiхъ миль. Въ прохожденiи Венеры 6-го декабря н. с. (25-го ноября с. ст.) вышнiаго года предположено было не ограничиться опредѣленiемъ продолжительности времени, въ теченiе котораго планета проходитъ по диску, но и это составляетъ главнѣйшiй и труднѣйшiй пунктъ задачи нѣмецкихъ экспеди-

цiй—произвести, насколько возможно, топчайшее и достовѣрнѣйшее (гелиометрическое) измѣренiе разстоянiя, на которомъ, въ извѣстныхъ моменты прохожденiя, Венера находится отъ краевъ солнца. Лица, избранныя для наблюдешя, желая болѣе или менѣе основательно подготовиться, практиковались на искусственно воспроизведенномъ, при посредствѣ особаго аппарата, прохожденiи Венеры. Такие опыты сдѣланы были и на различныхъ американскихъ обсерваторiяхъ, гдѣ ожидали ясно видѣть явленiе; но замѣчательно, что модель не въ состоянiи повторить тѣхъ изклоненiй въ формѣ планеты, которыя усмотрѣны въ 1874 г. Къ тому же, нельзя предвидѣть степень отклоненiя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Берлинскiй профессоръ Ауверсъ выработалъ инструкцiю для наблюдешя надъ соприкосновенiемъ Венеры съ солнцемъ, которой обязаны были слѣдовать нѣмецкiя экспедицiи; но самъ онъ, однако, замѣчаетъ, что атмосфера планеты составляетъ непреодолимое затрудненiе къ выполнѣнiю достовѣрныхъ наблюдешя и вси уполченность инструкцiи становится, во многихъ случаяхъ, не болѣе, какъ иллюзiею. На этотъ разъ фотографiи отведено самое скромное мѣсто и даже предпологалось вовсе не пользоваться ея услугами.

Прохожденiе Венеры было видно съ различныхъ точекъ въ различныхъ своихъ фазахъ. Явленiе можно было наблюдать въ Европѣ, Африкѣ и Америкѣ; но во всей полнотѣ его можно было разсмотрѣть только въ Южной Америкѣ и въ восточной части Сѣверной Америки; въ Западной Европѣ виднѣлось лишь начало и часть прохожденiя, но не конецъ его. При явленiи Венеры въ дискѣ, солнцу стояло на зенитной точкѣ, къ юго-западу отъ островка С.-Тринидада, въ южной половинѣ Атлантическаго океана, по близости отъ береговъ Бразилiи; при исчезновенiи же планеты, оно находилось перпендикулярно надъ восточной частью о-ва Туамоту, въ Южномъ океанѣ. Ту часть земной поверхности, съ которой прохожденiе Венеры наблюдалось, можно обозначить на картѣ линiей, всда ея отъ Гудсонова пролива, съ одной стороны, чрезъ Калифорнiйскiй заливъ и острова Туамоту, къ землѣ Викторiи въ южномъ поларномъ направленiи, по длинѣ Атлантическаго океана, и къ южному полярному кругу. Линiя, идущая отъ Гудсонова пролива чрезъ южную Гренландiю, южную Норвегiю, Черное море и Аравiю, къ южному полюсу, обозначаетъ, въ восточномъ направленiи, тѣ части земнаго шара, съ которыхъ видно было только начало прохожденiя; сюда входятъ вся Африка, западная и большiя часть Средней Европы Члѣмъ пунктъ ближе находится къ проведенной такимъ образомъ линiи, тѣмъ менѣе съ него можно было видѣть; что же касается всего находившагося къ востоку отъ этой линiи, въ Азии и Индiйскомъ океанѣ, то тамъ совсѣмъ ничего не было видно, такъ какъ въ то время была ночь. Германiя выслала отъ себя четыре экспедицiи для производствъ наблюдешя надъ прохожденiемъ Венеры: одну въ Гартфордъ (Коннектикутъ), вторую въ Анку (Южная Каролина), третью въ Багiа Бланка (Аргентинская республика) и четвертую въ Пушта-Арэнасъ (Магеллановъ проливъ) и кромѣ того въ Южной Георгiи наблюдешя занималась также и метеорологическая экспедицiя. Каждая изъ вышеназванныхъ экспедицiй имѣла при себѣ по два телескопа въ шесть футъ длины, снабженныхъ гелиоскопами для ослабленiя влiянiя солнечнаго свѣта, а также по экземпляру Фрауенгоферова гелиометра, при помощи котораго производилось опредѣленiе разстоянiя центральной точки Венеры отъ солнечнаго центра. Эти измѣренiя составляютъ, какъ выше сказано, самую трудную сторону задачи нѣмецкихъ экспедицiй, и есть основанiе надѣяться (результаты работъ еще не опубликованы), что онѣ достигли, въ этомъ отношенiи, той степени достовѣрности и точности, которой тщетно добивались всѣ произведенныя до сихъ поръ наблюдешя. Понятно, и другiя государства также снарядили свои экспедицiи: англичане устроили болѣе двѣнадцати наблюдательныхъ пунктовъ. Согласно исчисленiямъ, въ Средней Европѣ можно видѣть прохожденiе между 8 и 9 часами вечера; появленiе планеты у края солнечнаго диска ожидалось: въ Гринвичѣ въ 2 часа 0 минутъ дня, въ Парижѣ въ 2 часа 9 минутъ, въ Брюсселѣ въ 2 часа 17 минутъ, въ Кельнѣ въ 2 часа 27 минутъ, въ Лейпцигѣ въ 2 часа 43 минуты, въ Берлинѣ въ 2 часа 53 минуты. Точка, въ которой планета входитъ въ дискъ, находится въ 147° къ востоку отъ самой сѣверной точки края солнца.

Политическое обозрѣнiе.

Францiя — Гамбетта — Англiйскiя дѣла. — Императр. Евгениа. — Переѣзды въ кабинетъ Гладстона. — Болгарiя. — Сербiя. — Черногорiя. — Италiя. — Австрiя. — Германiя.

Въ прошлый разъ уже говорено о смерти Гамбетты; въ этомъ № читатели найдутъ его портретъ, биографiю и въ „Смѣси“ подробности о его похоронахъ. Событiе это, несомнѣнно, отразится и на вышнiей, и на внутренней политикѣ Францiи. Что касается вышнiей,—то наденiе этого крупнаго дѣятеля, какъ главы кабинета, дало себя знать еще и прежде— столь явнымъ умаленiемъ значенiя Францiи въ европейскiхъ дѣлахъ; въ отношенiи же положенiя внутреннихъ дѣлъ Францiи, можно ожидать, что крайнiя

чартiн, сдерживавшiяся его твердой рукой и искусствомъ, теперь поднимутъ голову; отсюда недалеко до коммуны, которая, наконецъ, заставитъ слититься благоразумныхъ людей: монархическiя партiи значительно усилились и, быть можетъ, французскiй народъ пожелаеъ отдохнуть отъ всѣхъ республиканскихъ и революцiонныхъ невзгодъ подъ сѣнью твердой и прочно установленной монархической власти, которая сумеетъ дать ему порядокъ внутри и славу извнѣ. Гамбеттѣ были устроены необычайно пышныя похоронныя,—онѣ, конечно, служили выраженiемъ патрiотическаго чувства, которое онъ сумѣлъ возбудить

въ тяжелую для Франціи эпоху 1870—1871 г. Гамбетта только официально похороненъ въ Парижѣ, а затѣмъ, согласно желанію его отца, онъ отвезенъ въ Ниццу, для погребенія въ фамильномъ склепѣ. Почти въ одно время съ нимъ скончался даровитый французскій генералъ, Шанзи. Патриотическое чувство французомъ, однако, не угадо съ Гамбеттой; теперь оно направлено на борьбу съ Англіей. Французы образовали анти-англійскую лигу, имѣющую цѣлью защиту французскихъ интересовъ, которымъ угрожаетъ Англія. Лига добивается созданія субсидируемаго торговаго флота съ судами большой скорости, построенными по образцамъ, принятымъ морскимъ министерствомъ во Франціи и могущими служить крейсерами въ случаѣ морской войны; эти суда обязаны конкурировать съ англійскими во всѣхъ пунктахъ земнаго шара и замѣнять, съ выгодой, французскія заатлантическія суда; затѣмъ лига добивается установленія торговыхъ пошлинъ, какія платягъ судовозлеза въ англійскихъ портахъ (эти пошлины доставили бы около 75 миліоновъ, которые могли бы пойти на улучшенія французскихъ портовъ и субсидіи торговому флоту); дальѣ лига заботится о пересмотрѣ морской конвенціи, заключенной въ силу Парижскаго трактата 1856 г., о поддержаніи въ Египтѣ status quo ante bellum, какъ требовали этого англичане отъ Франціи, при одинаковыхъ условіяхъ, въ Марокко въ 1844 г., послѣ битвы при Исли; наконецъ, лига требуетъ, чтобы Франція энергически отстаивала свои интересы въ Тонкинѣ, Мадагаскарѣ, Конго и повсюду, гдѣ они только имѣются. Лига остается внѣ партій: достучь въ нее открытъ всѣмъ. Экспедиція въ Тонкинъ уже снаряжается и протекторатъ Франціи надъ Анамомъ будетъ возобновленъ.

Императрица Евгенія, такъ сказать, пристыдила Французскую республику: городъ Марсель пожелалъ отгнать у ея величества подаренный ей еще императоромъ замокъ, расположенный неподалеку отсюда, для чего и обратился въ судъ, но—судъ отказалъ, признавъ императрицу собственницей замка; теперь она, послѣ такого постановленія суда,—подарила замокъ благородному городу, желавшему воспользоваться случаемъ оттянуть что нибудь у той, которую въ былое время привѣтствовалъ въ Верноподданническихъ выраженіяхъ.

Въ кабинетѣ Гладстона произошли слѣдующія перемѣны: лордъ Кемберлей, бывший индійскій министръ, слѣдуетъ министромъ колоній, а индійскій министръ лордъ Гартингтонъ—военнымъ; бывший военный министръ, Чайльдерсъ—министромъ финансовъ; лордъ Дерби—министромъ колоній, а не иностранныхъ дѣлъ.

Въ Софіи и Бѣлградѣ открыты сессіи палаты депутатовъ. Князь Болгарскій, въ своей рѣчи, прочтенной за его нездоровьемъ, генераломъ Соболевымъ, между прочимъ, указалъ на успѣхи въ организаціи арміи, а также высказалъ удовольствіе по поводу неизмѣнной благосклонности Россіи къ Болгаріи и сочувственнаго отношенія къ ней и другихъ державъ.—Въ Сербіи тоже очень заняты вопросомъ объ организаціи арміи: король Миланъ, неожиданно, явился самъ въ засѣданіе комисіи скупщины, которой поручена разработка проекта, и высказалъ

С М Ъ С Ъ .

Похороны Гамбетты. Похороны Гамбетты представляли любопытное зрѣлище. Погода все время была хорошая. Стеченіе народа весьма значительное. Площади и улицы, по которымъ должна была слѣдовать похоронная процессія, наполнились несмѣтными толпами народа.

При пушечной пальбѣ, гробъ былъ поднятъ и поставленъ на высокой убранный катафалкъ колесницы, запряженной шестеркою лошадей. На гробъ было положено нѣсколько, окутанныхъ флеромъ, трехцвѣтныхъ знаменъ и пальмовые листья, на катафалкъ и платформу—вѣнки и букеты живыхъ цвѣтовъ. Сверхъ того, три большія колесницы, наполненныя цвѣтами и букетами, вѣхали впереди колесницы, по обѣ стороны которой слѣдовали, держа въ рукахъ кисти балахина, министры внутреннихъ дѣлъ и военный, президентъ палаты депутатовъ, вице-президентъ сената и депутатъ отъ выборщиковъ бельгийскаго избирательнаго округа, делегатъ сословія парижскихъ адвокатовъ, мэръ города Кагора, мѣсторожденія Гамбетты, докторъ Финансъ, затѣмъ представитель семейства покойнаго и президентъ группы республиканскаго союза.

Въ тотъ моментъ, когда гробъ былъ поднятъ и поставленъ на катафалкъ, раздались пушечные выстрѣлы, музыка заиграла похоронный маршъ. За колесницею шли родственники. За ними слѣдовали представитель президента республики, генералъ Пите, личные адъютанты президента, министры, члены дипломатическаго корпуса, генералы, командующіе армейскими корпусами, депутаты и сенаторы, депутация Почетнаго Легіона, кассационный судъ, члены различныхъ академій и ученыхъ Обществъ, парижскій муниципальный совѣтъ, представители адвокатуры и печати, генеральный штабъ. Во главѣ и въ замѣнъ, при звукахъ музыки, игравшей похоронные марши, шли войска парижскаго и версальскаго гарнизоновъ. Колесница приблила уже на кладбище Пэръ-Лашезъ, когда хвостъ кортежа находился еще предъ Бурбоинскимъ дворцомъ. Похоронная процессія, въ которой участвовало до 200,000 человекъ, растянулась на протяженіи восьми километровъ.

Гробъ покрытъ чернымъ бархатнымъ знаменемъ, на которомъ

надежду, что сообщенные въ комисію законопроекты будутъ приняты ею; комисія выполнила желаніе государя. Законопроектъ установленъ устанавливается всеобщая воинская повинность съ двухлѣтнимъ временемъ службы и введеніемъ трехъ созывовъ; для слушателей высшихъ военныхъ училищъ опредѣляется пять мѣсяцевъ службы; армія раздѣляется по территориальной системѣ и потому увеличивается пятью батальонами пѣхоты и пятью эскадронами кавалеріи. Составъ кабинета увеличивается новымя министерствомъ, а именно министерствомъ сельскаго хозяйства.—Переговоры между Черногоріей и Турціей объ опредѣленіи пограничной черты, повидимому, скорѣе будутъ приведены къ благоприятному результату,—предположенія эти основаны на извѣстіяхъ, полученныхъ отъ турецкаго уполномоченнаго, Бедри-бей.

Оберданкъ, членъ партіи „Italia irridente“, а также и социалистъ (въ свое время мы сообщали читателямъ объ эпизодѣ, въ которомъ онъ игралъ выдающуюся роль), осужденный за покушеніе противъ австрійскаго императора, недавно казненъ; это обстоятельство подало въ Италіи поводъ къ безпорядкамъ въ нѣкоторыхъ городахъ; такъ, въ Римѣ, въ австрійскаго посланника бросили камень, затѣмъ толпа ирриденцистовъ вознамбрилась поставить бюстъ Оберданка на одной изъ римскихъ площадей, въ чемъ, конечно, полиція помѣшала, схвативъ нѣкоторыхъ изъ зачинщиковъ демонстраціи; въ Туринѣ и кое гдѣ еще, тоже было произведено нѣсколько манифестацій, даже и въ Марсели приклеена была къ дому, занимаемому австрійскимъ консуломъ, прокламація, угрожавшая австрійскому императору—врагу Италіи и убійцѣ Оберданка (какъ сказано въ ней), смертью. По Европѣ прошелъ слухъ о томъ, будто бы, что въ Австріи, въ новѣйшее время проявились теченія, идущія противъ союза этой имперіи съ Германіей и сочувствующія сближенію съ Россією. Официозные органы первыхъ двухъ государствъ послѣдили отвѣтомъ. Австрійскія газеты, отрицая существованіе этихъ теченій и разлада между ними и вліянею политикою Габсбургской монархіи, говорятъ, въ общихъ чертахъ, что всѣ національности Австріи, въ томъ числѣ и поляки, признаютъ австро-германскій союзъ важнѣйшимъ факторомъ политики и что новѣйшая сессія делегаціи доказала, что убѣжденіе въ неизблжимости означеннаго союза пустило глубокіе корни во всѣхъ слояхъ населенія, о чемъ графъ Кальноки заявилъ въ делегаціяхъ.

Съ своей стороны, германскій официозный органъ заявляетъ, что германскія официальныя сферы питаютъ полное довѣріе къ вышней и будущей политикѣ Австріи: „взаимныя отношенія обихъ имперій, основанныя на прочномъ обоюдномъ довѣрїи, возникшія во времена управленія графа Андраши и одинаково поддерживавшіяся имъ до вступленія въ должность, во время исправленія должности и послѣ того, находятся внѣ области публицистическаго обсужденія и догадокъ; отношенія Германіи къ Австро-Венгріи и Россіи установлены историческими и политическими условіями этихъ трехъ великихъ имперій и намѣреніями Австро-Венгерской монархіи; притомъ, они настолько прочны, что толками печати поколеблены быть не могутъ“

лежалу окутанное флеромъ трехцвѣтное знамя и два пальмовые листа, съ вѣнками изъ красныхъ иммортелей. Возвышеніе, на которомъ помѣщается гробъ, покрыто цвѣтами.

Павль Сергѣевичъ Тургеневъ, отъ имени многихъ своихъ соотечественниковъ, возложилъ на гробъ Гамбетты вѣнокъ.

Голова траурной процессіи вступила на Севастопольскій бульваръ въ 12½ часовъ. На площади Инвалидовъ ожидало ее большое число депутатовъ, которыя присоединились къ шествію.

Народъ провожалъ процессію восклицаніями: „Да здравствуетъ Франція!“ Эльзасско-лотарингская депутация была встрѣчена сочувственными привѣтствіями. Въ половинѣ втораго часа пополудни погребельная колесница достигла кладбища „Père-Lachaise“.

Первую надгробную рѣчь на похоронахъ Гамбетты произнесъ президентъ палаты депутатовъ, Бриссонъ. Напомнивъ усилія Гамбетты для спасенія Франціи, въ 1870 году, отъ попиравшаго ее вѣшняго врага, онъ заявилъ, что Франція оплакиваетъ въ немъ сына, преданнаго славы своей родины. Парламентская трибуна облеклась также въ трауръ. Упомянувъ о стараніяхъ Гамбетты объединить республиканскія партіи, Бриссонъ присовокупилъ: „Пусть скорбь наша не будетъ безплодною! На этомъ гробѣ, окруженномъ друзьями и согражданами усопшаго, представителями всѣхъ партій, арміи, столицы и провинціи, дадимъ клятву стремиться къ крѣпкому единенію, бывшему завѣтнымъ желаніемъ Гамбетты! Да здравствуетъ Франція!“

У кладбищенскихъ воротъ министръ юстиціи, Девэ, отъ лица гражданства, привѣтствовалъ смертные останки. Девэ продолжалъ: „Отечество оплакиваетъ въ Гамбеттѣ вѣрнаго сына, отставившаго свою родину въ годину бѣдствій. Даже въ то время, когда исчезла уже, повидимому, всякая надежда на счастливый исходъ борьбы съ побѣдоноснымъ врагомъ, Гамбетта не отчаялся въ будущіи ея судьбахъ. Эта вѣра въ будущность Франціи и твердая рѣшимость не допускать свою родину снизойти до второстепенной роли характеризуетъ личность усопшаго“

Шоффурь, отъ лица эльзасско-лотарингскихъ Обществъ гор. Парижа, принесъ рѣчь, въ которой заявилъ: „Во время войны мы видѣли въ Гамбеттѣ душу отечества. Въ бордосскомъ національномъ собраніи онъ былъ представителемъ нашей скорби, а по отторженіи нашѣмъ отъ родины—представителемъ неуваждающихъ нашихъ надеждъ. Эльзасецъ и лотарингцевъ Гамбетта признавалъ всегда вдвойнѣ французами. Онъ вынулъ Эльзасу и Лотарингіи совершенно своеобразное чувство, въ которомъ удивленіе и признательность сливались съ довѣріемъ и надеждою. Онъ скончался, но послѣ него остались его дѣянія и завѣтныя мечты, осуществленіе которыхъ было для него цѣлью жизни. Сograждане! Усопшему подобаетъ не безплодная скорбь и отчаяніе! Память о немъ должна возбуждать въ насъ совсѣмъ иное, энергическое чувство скорби, приличествующее мужамъ, которые не только не даютъ себя сломить подъ гнетомъ печали, но подъ ударами рока еще болѣе крѣпнущи духомъ и съ сугубымъ рвеніемъ принимаются за поднятое ими на себя дѣло. Умеръ другъ Эльзаса и Лотарингіи, но за то жива Франція, наша отчизна, полная силъ и готовности дать надлежащій отвѣтъ на призывъ къ доставленнымъ ея будущимъ судьбамъ! Да здравствуетъ Франція!“

Послѣ Бриссона и Даве говорили вице-президентъ сената Пейра и военный министръ Бильо. Фалатефъ, въ надгробной рѣчи отъ имени адвокатскаго сословія, упомянувъ о личныхъ достоинствахъ и блестящемъ талантѣ Гамбетты, сказала: „Почести, оказываемыя генеру усопшему, не имѣли бы при существующей у насъ демократической формѣ правленія никакого смысла, или же являлись бы признаками упадка республиканскаго духа, если бы онѣ относились лишь къ Гамбеттѣ, какъ единичной личности. На самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ болѣе широкое значеніе. Въ качествѣ воспоминанія о геройской борьбѣ противъ побѣдоноснаго вражескаго вторженія, почти эти являющіеся выраженіемъ национальной признательности ко всѣмъ послѣдовавшимъ призыву Гамбетты и легшимъ костью за отечество. Всѣ эти безвѣстные усопшіе, мнѣвшіе себя забытыми, востаютъ теперь изъ своихъ могилъ. Въ виду развѣвающихся знаменъ нашей арміи и передъ этими дорогими усопшими долженствуетъ намъ слотиться воедино. Таково именно должно быть для насъ значеніе этого великаго дня.“

Правительство Гриви рѣшило принять на себя отвѣтственность лишь за рѣчи Бриссона, Пейра, Даве и Бильо. Всѣ прочія рѣчи имѣютъ совершенно частный характеръ. Никакихъ безпорядковъ во время похоронъ Гамбетты не произошло. На похоронахъ присутствовали въ числѣ прочихъ: германскій посолъ, князь Рогенлозъ, турецкій посолъ, Эсаадъ-бей, Леонъ Сэ, Фрейсинъ и многіе другіе французы и иностранцы, выдающіеся своими талантами и общественнымъ положеніемъ.

Погребальное шествіе слѣдовало отъ бурбонскаго дворца до кладбища „Père Lachaise“ въ продолженіе почти трехъ часовъ. Смертные останки Гамбетты положены во временномъ склепѣ и въ воскресенье перевезены въ Ниццу. На кладбище были допущены лишь родственники и близкіе друзья Гамбетты.

Исторія салфетокъ. Въ средніе вѣка, скатерть у рыцарей имѣла большое значеніе; если наступали какія либо несогласія, то скатерть разрѣзалась въ знакъ прекращенія дружбы. Салфетка также играетъ не меньшую роль въ исторіи прошлыхъ временъ. Во время Маріи Стюартъ и королевы Елисаветы еще не знали салфетокъ. За столомъ послѣдней, обычаи были довольно грубы и „дѣйствительная королева“ обѣдала безъ вилки и ложки, одними пальцами. За нею стоялъ обыкновенно пажъ съ серебрянымъ умывальникомъ, гдѣ она мыла руки послѣ препровожденія говядины въ ротъ. Вскорѣ послѣ введенія въ употребленіе вилки и ножа, салфетка сдѣлалась неизбѣжной принадлежностью этикета. Такимъ образомъ случилось, что ничтожный кусочекъ холста былъ причиной долгой кровавой вражды. Людовикъ XIII садился обѣдать. По завѣденному придворному церемониалу салфетку королю подавало самое знатное лицо послѣ короля. Этими правомъ хотѣлъ воспользоваться принцъ Конде какъ высшій сановникъ, между тѣмъ графъ Суассонъ, Гофмаршалъ, сталъ оспаривать у него эту честь. Возникъ споръ и ватаюлся такъ долго, что король потерялъ терпѣніе и приказалъ позвать своего брата герцога Анжу, чтобы изъ его рукъ принять салфетку. На этотъ разъ споръ былъ прекращенъ, но послѣ обѣда неприязнь возобновилась съ новой силой, тѣмъ болѣе, что

образовались сторонники обоихъ соперниковъ и въ концѣ вся французская знать раздѣлилась на два лагеря. Впослѣдствіи королева мать, Марія Медичи, лишенная регентства, воспользовалась этимъ раздвоеніемъ для междуусобной войны, по счастью скоро прекратившейся. И въ позднѣйшія времена салфетка сохранила свое значеніе при церемониалѣ королевскихъ обѣдовъ. Въ этомъ отношеніи была особенно взыскательна Императрица Евгенія. Способъ употреблять салфетку и манера ѣсть яйцо были для нея достаточны, чтобы испортить карьеру приглашеннаго. Такъ извѣстный критикъ Ст. Бэвъ, навлекъ на себя неудовольствіе и былъ вычеркнутъ изъ списка за то, что во время завтрака съ кородемъ и королевой небрежно раскинулъ салфетку на колѣняхъ и разрѣзалъ яйцо на двѣ половины. Придворный этикетъ требовалъ, чтобы полуразвернутая салфетка лежала на лѣвомъ колѣпѣ, и чтобы ею только слегка прикасались къ губамъ. Яйцо же слѣдовало разбить ложкой съ толстаго конца и выбрать все содержимое кончикомъ ложки.

Стертая буква. Замѣчательна исторія древняго города Арра, лежащаго во французскомъ департаментѣ Па-де-Калаз. Не вдаваясь въ подробности исторіи его, замѣтимъ, что въ 1493 г. онъ перешелъ во владѣніе короля Максимилиана, который превратилъ его въ сильную крѣпость. Арра оставался подъ владѣтельствомъ Австріи до 1640 г. и въ этомъ году былъ осажденъ Людовикомъ XIII. Король чрезвычайно сердился слѣдующая надпись, сдѣланная австріяцами на воротахъ крѣпости: когда французы возьмутъ Арра, тогда мыши будутъ ѣсть крысъ, или по французски: Quand les François prendront Arras, les souris mangeront les rats“. Для завладѣнія городомъ 16 июня 1640 года явились маршалы Милерей и Шатильонъ съ 30,000 пѣхоты и 8,000 всадниковъ. Послѣ долгой осады, 8 августа французы были взорваны мины и пробиты широкія брешы въ стѣнахъ, послѣ чего крѣпость сдавалась. 10 августа Людовикъ XIII вошелъ въ крѣпость и, увидя надпись, первоначально хотѣлъ ея уничтожить всю, но послѣ нѣкотораго размышленія велѣлъ стереть только одну букву, именно *p*, въ словѣ *prendront*. Такимъ образомъ вышла слѣдующая фраза: Quand les François *rendront* Arras, les souris mangeront les rats, что въ переводѣ означаетъ: когда французы отдадутъ Арра, мыши будутъ ѣсть крысъ. Французы до сихъ норъ владѣютъ Арра.

Историческое домино. Въ день новаго 1791 года Людовикъ XVI, согласно принятому обычаю, показался со своей семьей народу въ павильонѣ де Г'Норloge, во время концерта парижской національной Гвардіи, дававшагося обыкновенно въ этотъ день. Громадная толпа народа наполнила дворъ. Король приказалъ допустить депутаций, желавшихъ поздравить его. Между депутациями находилась одна подъ названіемъ „Побѣдители Бастиліи“, которая съ вѣнками изъ импортеровъ проходила мимо королевскаго семейства. Одинъ изъ участниковъ шествія остановился передъ шестилѣтнимъ въ то время дофиномъ и молча подаль ему коробочку, которую мальчикъ передалъ матери. Королева начала читать надпись: „Камни стѣны Бастиліи послужили для того, чтобы сдѣлать для васъ, Монсеньеръ, игрушку, которая пусть напоминаетъ вамъ о любви народа“. Въ коробочкѣ дѣйствительно оказались камешки домино, изготовленные изъ гранита и мрамора, бывшаго матерьяломъ стѣны разрушенной два года тому назадъ Бастиліи. Королева передала подарокъ одной изъ своихъ дѣтей, съ приказаніемъ сохранить его, „такъ какъ онъ составитъ замѣчательное свидѣтельство въ исторіи Франціи.“ Это домино невредимо вынесло много бурь въ Тюльери. Оно было въ рукахъ высочайшихъ лицъ, которые принимались во дворцѣ во времена консулата, имперіи и реставраціи. Наполеонъ I часто употреблялъ его, играя со своими флигель адъютантами. Наслѣдники его въ Тюльери также берегли эту рѣдкую драгоценность, которая въ числѣ прочихъ историческихъ достопримѣчательностей сгорѣла во время пожара 1871 года.

Ископаемая въ Лондонѣ. Недавно, при очисткѣ мѣста для постройки одного зданія, въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ Лондона, найдено большое количество драгоценныхъ ископаемыхъ. Всего около 100 разнообразныхъ остатковъ давно исчезнутаго животнаго царства. Тутъ имѣются—кости пещернаго медвѣдя, клыки и кости мамонта, клыки и кости исчезнувшихъ слоновъ, остатки нынѣ-песуществующаго ирландскаго оленя, остатки носорога, кости лошади, овцы и др.

Православное Палестинское Общество, состоящее подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго В. В. Кн. Сергія Александровича.

Православное Палестинское Общество, уставъ котораго Высочайше утверждено 8-го мая 1882 г., открыло свои дѣйствія 21-го мая сего года.

Главная цѣль общества:

1. Поддержаніе православія въ Святой землѣ.

2. Пособіе русскимъ паломникамъ.

Для достиженія первой изъ этихъ цѣлей общество предлагаетъ: поддерживать въ Святой землѣ православныя церкви и духовенство, устраивать церкви и духовенство, устраивать тамъ школы и подавать мѣстному населенію врачебную помощь.

Заботы общества о русскихъ паломникахъ не ограничатся

облегченіемъ имъ пути въ Святую землю, но еще болѣе будутъ направлены на удовлетвореніе ихъ духовныхъ потребностей.

Кромѣ того, общество поставило себѣ задачей посредствомъ разнаго рода изданій ознакомить русское общество съ настоящимъ и прошедшимъ Святой земли, и тѣмъ послужить для духовнаго единенія между Россією и Матерью Церквей.

Общество принимаетъ пожертвованія и взносы какъ для удовлетворенія своимъ вышеупомянутымъ цѣлямъ, такъ равно для доставленія по принадлежности въ Святую землю по волѣ и указанію жертвователей или желающихъ перевести деньги въ Іерусалимъ.

Общество по уставу состоитъ изъ:

1. Почетныхъ членовъ, внесенныхъ одновременно 5,000 р. или избранныхъ въ виду особыхъ заслугъ ихъ въ пользу Святыхъ мѣстъ Востока.

2. Дѣйствительныхъ членовъ, внесенныхъ одновременно 500 р. или платящихъ ежегодно по 25 р.

3. Членовъ-сотрудниковъ, внесенныхъ одновременно 200 р. или платящихъ ежегодно по 10 р.

По уставу Общества, всѣ почетные члены и тѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ, которые сдѣлаютъ, вмѣсто ежегодныхъ, единовременные взносы, получаютъ для поношенія особый Высочайше утвержденный знакъ общества.

Дѣлами Общества завѣдываютъ Совѣтъ, который составляютъ: Председатель Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ.

Вице-Председатель Т. И. Филипповъ. Помощникъ Председателя В. Н. Хитрово. Члены Совѣта: Б. П. Мансуровъ, В. Г. Васильевскій, И. Е. Троицкій.

Казначей Н. Ф. Фанъ-дѣръ-Флигъ.

Секретарь М. П. Степановъ.

Председатель Коммисіи по сбору пожертвованій М. Н. Паруновъ.

Пожертвованія, членскіе взносы и переводы денегъ въ Святую землю принимаются, какъ отъ здѣшнихъ жителей, такъ и отъ иногородныхъ, въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой набережной, въ конторѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей, а также пожертвованія и членскіе взносы принимаются у М. П. Степанова, въ Зимнемъ Дворцѣ (Комендантскій подъѣздъ).

У В. Н. Хитрово, Мойка, д. № 93.

У Н. Ф. Фанъ-дѣръ-Флигъ, Фурштатская ул., д. № 20.

У М. Н. Парунова, Николаевская, д. № 48.

У Л. Ф. Абатурова, Б. Садовая, д. № 63.

У Е. Н. Сивохина, Гороховая, у Семеновскаго моста, собственнѣй домъ.

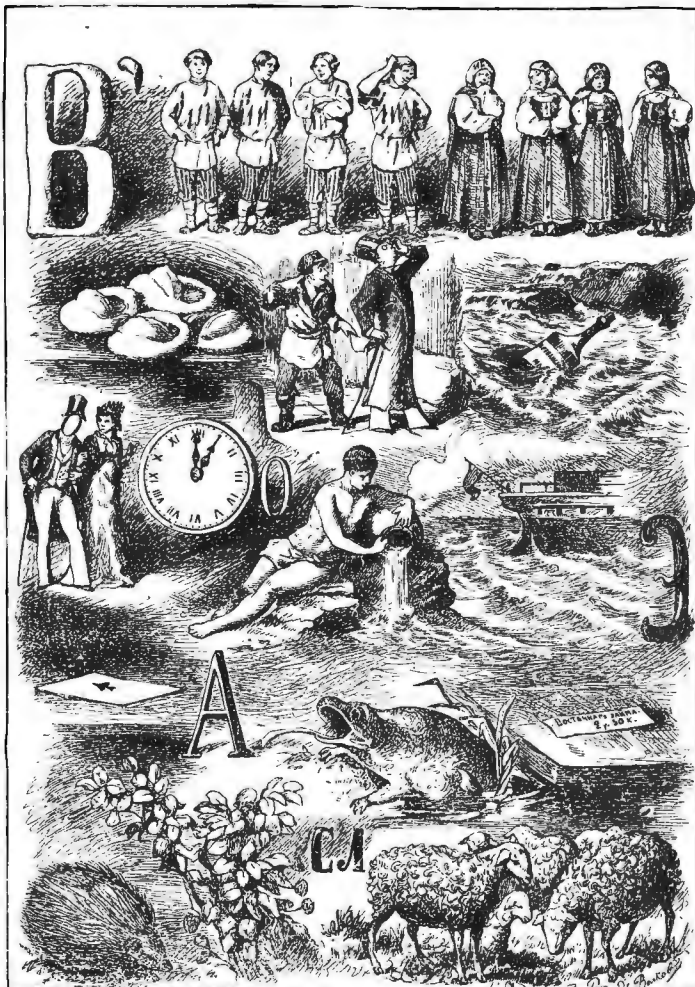
И у В. В. Комарова, въ Редакціи „С.П.Б. Вѣдомостей“ Гороховая, д. № 41.

Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова, Никольская, д. Славянскаго базара, и у члена-учредителя Ивана Николаевича Лодыженскаго, Малая Никитская, Гранатный переулокъ, д. книжныя Урусовой.

Въ Кіевѣ—у почетнаго члена общества, Акима Алексѣевича Олесницкаго, въ зданіи Духовной Академіи.

Въ Перми—у члена-учредителя Дмитрія Дмитріевича Смышляева.

РЕБУСЪ. Задача № 5.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ газетахъ 21-го Декабря появился слѣдующій протестъ нѣсколькихъ нашихъ уважаемыхъ писателей и издателей.

Вездѣ, начиная съ „Правительственнаго Вѣстника“, стали появляться объявленія о выходѣ въ свѣтъ „Литературной дѣтской бібліотеки“—изданія, предпринятаго въ Москвѣ г-жею Юдиной. Въ объявленіи этомъ помѣщены имена многихъ нашихъ поэтовъ и беллетристовъ, въ томъ числѣ и наши, къ нашему немалому изумленію. Объявленію приданъ видъ будто бы не только законные наследники и владѣльцы правъ живыхъ и покойныхъ авторовъ, но и мы въ этомъ изданіи принимаемъ участіе или даемъ полное право г-жѣ Юдиной пользоваться нашими трудами, какъ ей заблагорассудится.

Г-жа Юдина, собираясь издавать „Дѣтскую бібліотеку“, никому изъ насъ не сообщила о своемъ намѣреніи, и несомнѣнно рассчитываетъ на наше великодушное молчаніе или не подозреваетъ, что ея многолюдная бібліотека не есть хрестоматія или сборникъ статей для учащихся и что, стало быть, издательница должна подлежать отвѣтственности передъ

судомъ, на основаніи 1684 статьи XV т. св. з. улож. о наказаніяхъ, изд. 1866 г. Просимъ газеты перепечатать это заявленіе, хотя бы для того, чтобы избавить г-жу Юдину отъ напрасныхъ расходовъ по изданію томовъ своей „Библіотеки“.

Д. Григоровичъ.

Я. Полонскій.

А. Майновъ.

Къ сему заявленію присоединяюсь и я, какъ приобрѣвшій права на изданіе сочиненій нѣкоторыхъ изъ объявленныхъ къ помѣщенію въ „Библіотеку“ авторовъ, а именно: В. А. Жуковскаго, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и М. Ю. Лермонтова, Иванъ Глазуновъ.

Присоединяюсь къ сему заявленію, какъ опекунша надъ малолѣтними дѣтьми Ф. М. Достоевскаго, А. Г. Достоевская.

Къ этому заявленію присоединился еще Г. П. Данилевскій, и присоединяюсь я, приобрѣвшій право на изданіе полного собранія сочиненій А. Н. Майкова, издатель „Нивы“ А. Марксъ.

Таблица 36 тиража 1-го Внутр. съ выгрышами займа выходитъ лишь 4 Января, а такъ какъ 3 листъ 2-го №, чтобы успѣть его отпечатать въ требуемомъ количествѣ, долженъ быть спущенъ въ машину уже 2 Января, то таблица будетъ помѣщена въ слѣдующемъ, 3 № „Нивы“.

СОДЕРЖАНІЕ: Леонъ Гамбетта (съ портр.)—Гуттаперчевый мальчикъ. Повесть Д. В. Григоровича. (Продолженіе).—День отдыха. Рассказъ Л.—Средневишняя дѣвушка-горожанка (съ рис.)—Вечеръ (съ рис.)—Послы нижегородскіе у Помарскаго (съ рис.)—Летаргическій сонъ князя Дмитрія Юрьевича (съ рис.)—О. А. Новикова (съ портр.)—Первый пароходъ (съ рис.)—Прохожденіе Венеры черезъ солнечный дискъ. Очеркъ.—Поэтич. обзоръіе.—Смѣсь.—Православное Палестинское Общество.—Ребусъ.—Заявленіе.—О переимѣн. адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ

РАЙ.

Поэма Дикона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дора. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ашикъ 30 р.; въ красномъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ашикъ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.

О В Ъ Я В Л Е Н И Я .

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА.

ДВУНОГИЙ ВОЛКЪ, романъ въ двухъ част. Д. И. Карлзина съ 20 рисунками автора печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нем. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. "Нивы" на 1881 г.: 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Н О В О С Т Ь .

Безошибочно узнать будущее, незамѣлимый подарокъ для каждаго; бросовскія карты гаданія, ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. Также говорящія карты, цѣна 75 к., съ пер. 1 р. Выписывающіе по календ. выслать только 2 р. Литейный пр., д. № 31, Н. Поголовъ, С.-Петербургъ. № 2416 2-2

1-го января вышелъ № 1 иллюстрированного дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Король Лиръ. Г. О. (Съ 2 картинками Шауара и Шмидта). II. Друга друга. Очеркъ О. Шмидтъ. III. Басня С. Сергѣевова. IV. Колосникъ. Проф. М. Н. Богданова (съ карт. Голембовскаго). V. Бельмакъ. Новѣсть А. В. Круглова (съ 2 картин. Голембовскаго). VI. Медовая кашка. Сказка въ стихахъ А. Барыневой. VII. Приключенія американскаго мальчика Е. А. Сысоевой. VIII. Сѣнь. IX. Загадки.

Журналъ „РОДНИКЪ“ рекомендованъ Учебнымъ Комитетомъ Собста Е. И. В. Канцелярш, по учрежденіямъ Императрицы Марш.

Годовое изданіе „Родника“ состоитъ изъ 12 книгъ для дѣтей и 3-хъ книжекъ педагогическаго сборника „Воспитаніе и Обученіе“.

Условия подписки на 1883 г.

(2-й годъ изданія):

Съ доставк. и переслкомъ. На годъ съ прш. 6 руб. безъ прш. 5 руб. На 3-го годъ безъ прш. 3 руб. На 3-го годъ съ прш. 3 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „Родникъ“, Спасская ул., д. № 1. № 2431 1-1

ОТЪ КОНТОРЫ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ „Русскій Курьеръ“.

Вслѣдствіе распоряженія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 16-го денаря сего года,

„Русскій Курьеръ“

ПРЮСТАНОВЛЕНЪ НА ТРИ МѢСЯЦА.

Во все время прюстановки, вмѣстѣ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ будутъ высылаться гг. сто личнымъ и иностороннимъ подписчикамъ „РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“.

Гг. подписчики, не желающіе этого, могутъ получить обратно деньги изъ конторы изданія „Русскій Курьеръ“.

ПО ОКОНЧАНИИ СРОКА ПРЮСТАНОВКИ,

„Русскій Курьеръ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ.

ПОДПИСКА НА „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

продолжается на преже объявленныя условія.

№В. Принимается подписка на „РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ и другіе журналы и газеты въ конторѣ изданія „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по цѣнамъ редакціи. № 2289 10-10

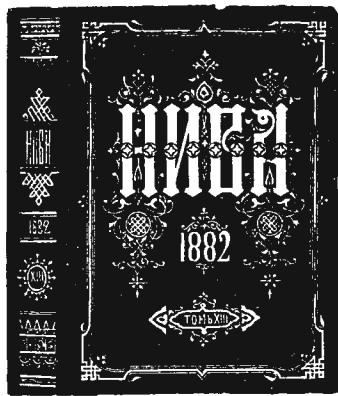
Фирма наследницъ Ивана Тимофѣевича Жилина, производящая торговлю въ г. Москвѣ, Колокольный рядъ, собственная лавка, № 291, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по случаю прекращенія торговли, съ 25 ноября сего 1882 года, назначаетъ окончательную распродажу всего, имѣющагося въ лавкѣ, церковнаго и мѣднаго товара, съ большою уступкой въ цѣнѣ. Имѣется громадный выборъ панцидиль, лампъ, лампады, подсвѣчниковъ, хоругвей, свѣчъ и др. церковной утвари, самаго лучшаго фасона и достоинства, а также полный выборъ мѣднаго товара. Просить обратить вниманіе гг. отомльхъ покупателей и церковныхъ старостъ. Письма и телеграммы адресовать: Москва, Колокольный рядъ, лавка Жилиныхъ, Петру Петровичу Белоорцеву. Лавка наследницъ Жилиныхъ, съ амбарами и кладовыми, съедаетъ. Ц. № 2370 8 5

КАРТИНЫ

ПЕЧАТ. МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ, СОБСТВЕН. ИЗДАНІЯ, ВЕСЬМА ДЕШЕВО ДЛЯ ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ И ЭКСПОРТЕРОВЪ.

Новѣйш. иллюстр. каталоги даромъ и Франко.

Берлинъ S. (Berlin S. Grimmstrasse 7). Карлъ Каулишъ (Carl Kaulisch). Хромолитографическое заведеніе и печатня. № 2410 4-3

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго ягльйск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначен. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый прост. переплетчикъ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую каленкор. крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ И СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Состоявшій подъ Высочайшимъ Покровительствомъ Государыни Императрицы Марш Веодоровны и одобренній всеми Ученными Комитетами, будетъ издаваться въ 1883 году по программѣ прежнихъ лѣтъ, съ приложениями, преміей и наградами подписчикамъ, рѣшительн. опредѣленное редакціей количествомъ задачъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Оба отдѣла (24 кн.) 10 р., съ перес. 11 р. Каждый отдѣлъ порознь (12 кн.) 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ПРИНИМАЕТСЯ: Въ редакціи журнала „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“, С.-Петербургъ: Пушкинская (Новая) ул. д. № 14, кв. № 5. № 2434 1-1 Редакторъ-Издательница С. КАШПИРЕВА.

Полное собраніе сочиненій Всеволода Сергѣевича Соловьева.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Тонъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КРАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романа въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПб. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимающій эпоху правленія и изложенія Царевны Софш, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій—чрезвычайно интересенъ.—СПБ. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Вирона и вояженіе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный рассказъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многіе иностр. языки. СПб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 50 коп.; въ каленкор. перепл. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ съ вышестками. СПб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром. хроника конца XVIII и начала XIX в. Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“ и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 700 стран. Романъ этотъ печатается на велен. бумагѣ in 8 и выйдетъ въ концѣ Января 1883 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. каленк. перепл. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Гг. иносторонние, выписывающіе разомъ всѣ эти сочиненія, за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПб. покупателей дѣлается уступка 10%.

ON TROUVE A LA PARFUMERIE DU GRAND MONDE 16. Grande-Morskaia 16. toutes les meilleures parfumeries à des prix excessivement

BON-MARCHÉ

APERÇU DE QUELQUES PRIX.

Table listing various goods and their prices, including items like Eau de toilette, Elixir de Pierre, and Sachet Atkinson.

**ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ
ПАПИРОСНАЯ И СИГАРНАЯ ФАБРИКА
В. БУШЪ,
въ С.-Петербурѣ,**
фабрика: Лигова, № 31, магазин: Волко-
сенскій, № 14, покоряемъ просятъ обра-
тить вниманіе гг. курящихъ на ея произве-
денія, ибо работаеъ долгое время въ пер-
выхъ иностранныхъ сигарныхъ фабрикахъ,
надѣясь вполнѣ удовлетворить самый тре-
бовательный вкусъ; сигары отличаются пре-
восходнымъ и хорошимъ ароматомъ. Мож-
но получить по всѣмъ табачнымъ магази-
намъ. Р. № 2378 10-5

**ВЕБЕРА, ОЧИСТИТЕЛЬ СНѢГА И
УРАВНИТЕЛЬ ДОРОГЪ.**
Въ теченіе дня 2-е рабочіе съ двумя
лошадьми могутъ очистить снѣга или
исправить отъ 2 до 3 вѣрстъ самой не-
порочной отъ грязи дороги, такъ что
уравнитель окупается въ теченіе однихъ
сутокъ. Въ 5 худ., цѣна 35 р.
ВЪ ДЕНО МАШИНЫ, НАСОСОВЪ И ПО-
ЖАРНЫХЪ ТРУБЪ ТОВАРИЩЕСТВА
БУРГГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,
С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 1-я ли-
ній, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.
№ 2422 4-2

**РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ
Н. П. ДАНИНА
ВЪ МОСКВѢ.**
удостоенное **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ
числѣ двумя медалями на Филадельфійской
и почетнымъ отзѣвомъ на Парижской все-
мирныхъ выставкахъ и на послѣдней Все-
россійской выставкѣ въ Москвѣ золотой
медалью,
неуступающее хорошимъ французскимъ
маркамъ.
по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут.
(прямъ съ фабрики).
ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ сто-
лицяхъ, въ большей части другихъ городовъ
Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Поль-
скаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азии.
№ 2435 10-1

Исключительное дѣло на всю Россій-
скую Имперію.
Мушкетерскіе карманные часы
неповторимо подражающіе золотые.
Цѣны включительно съ пересылкой.
Цилиндрической большой форм. 7 р.
меньшій " " 8 р.
Самозаводящіяся " " 10 р.
Выпускающ. сразу 25 шт. 10% скидки
100 " 20%
Отправка немедленно по полученіи
всей съдѣваемой суммы. Адр.: Торговый
Домъ „Commerçe Russe“, Варшава.
№ 2349 12-6

**10%
ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ**
предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность
по своему общественному положенію ука-
зать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать
инженерно-менованныя старинныя вещи, ко-
торыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ:**
богатый сѣверскій и саксонскій фарфоръ,
старинныя бронзовые часы, канделябры,
и группы, золотыя эмальированныя табакер-
ки, старинныя вещи изъ золота и се-
ребра прошедшихъ столѣтій, старинную
мебель съ богатыми бронзовыми укра-
шеніями и фарфоровыми инкрустациями,
гобелены, вышитыя старинныя шелковыя
матеріи, старинныя кружева, фигуры и
группы изъ дерева, слоновой кости и се-
ребра и вообще всякаго рода старинныя
вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кроме
монетъ.
Указанія адресовъ лицъ, имѣющихъ на
продажу означенныя предметы, могутъ
быть сообщены мнѣ лично или письменно
по адресу моему: въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИ-
КУ БЕНЪ**, Петровка, домъ Пенскаго,
противъ Петровской аптеки.
Вышеупомянутое вознагражденіе въ 10%
мною выплачивается немедленно за каж-
дую сдѣланную покупку чрезъ рекоменда-
цію. Т. № 2270 9-6

**НОВАЯ КНИГА:
Ворожея-Вѣщунья,
ПРЕДСКАЗЫВАЮЩАЯ СЪ
ПОМОЩЬЮ ПРОСТОЙ КОЛОДЫ
КАРТЪ**
чима, отечество, фамилію, лѣта, ростъ и званіе
сужденаго, опредѣляющая характеръ и
причину неудачъ въ любви или на службѣ,
отгадывающая прошлое, настоящее и бу-
дущее и дающая полезныя совѣты въѣмъ и
каждому, какъ вести себя, кого и чего о-
стерегаться, на кого или на что полагаться
и на что рѣшаться. Составлено по примѣру,
способамъ, приемамъ и соображеніямъ зна-
менитыхъ предвѣдѣтелей, кабалистовъ, кол-
дуновъ, спиритовъ, мистиковъ, астрологовъ,
хиромантовъ, снотолкователей, оракуновъ,
гадалыщъ и т. д. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
Продается въ книжномъ маг. С. В. Пис-
кова, Спб. Невскій, 54, противъ Им. Муз.
Библиотеки. № 2432 1-1

**ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА
КУРСЪ
ДВОЙНОЙ БУХГАЛТЕРІИ**
Руководство для комм. и реал. училищъ
и для занимающихся контор. и торг. дѣлами.
Сост. **А. Прокофьевъ**, привожд. Моск. Импер.
Академіи, Коммерч. Наукъ.
Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. М. 1883 г.
Торгоже авторъ:
Коммерческая Арифметика и торговая опе-
рація. Съ граф. таблицей колеблѣній русск.
денегъ, курсовъ. Цѣна 1 р. 60 к., съ пер. 1 р.
75 к. М. 1881 г. След. изданіи: въ С.-Пе-
тербургѣ — въ маг. „Нового времени“ — Нев-
скій, у Н. И. Мамонтова, Бол. Садов. № 12,
въ Москвѣ у Салаева, Мамонтова и въ маг.
„Нового времени“. П. № 2433 1-1

**полный томъ
„НИВЫ“ 1882 года.**
Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.
ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.
Закладывающій въ себѣ болѣе 1,200 страницъ текста и 700 художественно-выпол-
ненныхъ гравюръ, большой романъ **В. С. Соловьева** „Волтерьянецъ“, большіе
романы **Гюль** „Во время буря“, больш. пов. **Лебедева** (Морская) „Подъ землею“,
пов. **Авсѣенко** „Испанскій дворянинъ“ и др. произвед. современн. одетристовъ, а
также много статей популярно-научнаго содержанія по естественной исторіи, зоологіи,
астрономіи и проч., и проч., и кроме того большая олеографическая картина проф.
Иван. Акад. Худ. **В. П. Иловай** — „Дорогой гостьъ“.
Цѣна этому большому тому:
Бронированн. 4 р. — к. | Въ кален. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 " 50 " | Съ пересылкою 7 " — "

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, **Б. Мор-**
ская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

**ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ
ХОЗЯЙСТВА И ПРИДАНАГО
„AU BON MARCHÉ“
34 Б.МОРСКАЯ Д-ШТАНГЕ 34.**
**ПРЕДЛАГАЕТЪ ВЪ БОЛЬШОМЪ
ВЫБОРѢ СТОЛЪ И ЧАЙНЫЕ
СЕРВИЗЫ, ХРУСТАЛЬ, ФАРФОРЪ,
МЕЛЬХІОРЪ, САМОВАРЫ И КОФЕЙНЪ;
НА СПИРТУ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.
МѢДНАЯ И ЭМАЛИРОВЪ;
ПОСУДА ДЛЯ КУХНИ, ВАННЫ
БИДЕ КЛОЗЕТЫ И ПР.**
**ВЪ ДЕШЕВИЗНѢ И ИЗЯЩНОСТИ
ПРОСЯТЬ УБѢДИТСЯ.**
№ 2401 4-4

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
1 р. **А. Ковалевская** въ 7 томахъ. 1 р.
Смотри въ № 48 Нивы, 1882 г.
ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.
№ 2333 6-5
ручныя мукомольныя мельницы
съ жерновомъ,
дѣлю 140 р.
размалываютъ
всякаго рода
зерна на мел-
кую муку.
Мельницы для
конной и па-
ровой силы дѣ-
лю отъ 150 р.
Механическія
зерносушиль-
ныя, изобрѣт.
В. Аккермана,
локомобили,
и другія зем-
ледѣльскія машины постоянно на складѣ
при механическомъ заводѣ
В. АККЕРМАНЪ.
С.-Петербургъ, Невскіи, Большая Водот-
ная, № 6. № 2427 3-2

**НЕОБЫКНОВЕННЫЙ
подарокъ для дѣтей и
взрослыхъ:**
Чрезвычайно интересная игра
ДОБЧИНСКІЙ и БОБЧИНСКІЙ.
Въ игрѣ также фигурируютъ: Хлестаковъ,
Чичиковъ, Ноддревъ, Коробочка, Илюкинъ,
Пегухъ и Собаковичъ. При игрѣ подробное
объясненіе на трехъ языкахъ.
Цѣна съ пересылкою во всѣ города Рос-
сін 3 р. Заказы гг. иногородн. исполняются
немедленно. Съ требованіями обращаться къ
издательству **В. П. Шайкевичу**, Коломенская ул.,
д. № 1, кв. 27, въ С.-Петербурѣ. № 2430

Шесть разъ получили первыя награды
СКРИПКИ
срѣдья лучшихъ и дешевѣея, новѣйшаго
времени, отъ 6—30 м., знаменитыхъ
мастеровъ 30—200 м., Альты, виолон-
чели и басы. Смычки 1 1/2—50 м. Футля-
ры 3 1/2—40 м. Цитры 16—300 м. Гит-
тары 6—50 м. Превосходныя струны.
Всѣ духовыя инструм. Патентованная
и немая скрипка для упражненій (собств.
изобрѣтенія). Мастерская для починки
Реком. отъ Вышнепольи, Сараната, Сора,
Зингеръ и т. д. Гарантия. Перепродавачи
— скидка. Прѣбъ-куртинъ — франко.
Братья Вольфъ, фабрика струнныхъ
инструментовъ. Крейцнахъ.
Рт. № 2294 4-4

**ПОЗДРАВЛЯЮ
съ НОВЫМЪ ГОДОМЪ
всѣхъ моихъ почтенныхъ кліентовъ
Н. МАТИСЕНЪ.**
Централн. контора объявленій и перево-
дочъ, у Кавалет. моста, д. № 21. М. 2436

ЛЕЧЕБНИЦА для прихлѣбныхъ д-ра Волынскаго, Невскій, 98, противъ Николаевской.
Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для
женщинъ. Ночное дежурство. Телефоны. № 2412

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.
съ разрѣшеніемъ С.-Петербургской Врачебной управы
АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.
ФЕНОЛЬ
для очищенія воздуха въ комнатахъ, устраненія заразы и гниліи. флак. 50 коп.
НАРБОЛОВЫЙ УКСУСЪ
для туалета и куренія въ комнатахъ. фл. 45 и 75 коп.
НАРБОЛОВЫЯ И САЛИЦИЛОВЫЯ ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА.
НАРБОЛОВ. И САЛИЦИЛОВ. МЫЛО. — НАРБОЛОВ. ПОРОШОКЪ и ЖИДН. по 30 коп.
ЖИДКОСТЬ Б-ЗЪ ЗАПАХА (экстрактъ)
для уничт. зловонія и миазмъ въ разныхъ сосудахъ, помойныхъ ямахъ и проч. 40 к
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявъ названія фирмъ, близо-
ко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе
наружный видъ произведеній ея.
Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмъ:
**С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ,
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:**
1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Анничина моста.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Каванской уллицы, домъ
№ 18—54, Шредера.
Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя
съ вывѣскою С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, ей не принадле-
жатъ. Р. № 2474 3-2

Страхованіе пожизненныхъ доходовъ.
ПРИМѢРЪ: Лицо 68 лѣтъ, владѣя капиталомъ въ 15,000 руб., принес-
шимъ ему ежегодно 900 руб. процентовъ, желаетъ увеличить пользу изъ
своего капитала и съ этою дѣлюю страхуетъ себя пожизненнымъ доходъ,
посредствомъ взноса указанного капитала въ Страховое Общество „Россія“.
Общество за внесенные 15,000 руб. будетъ выплачивать
13 1/2 процентовъ съ внесеннаго капитала,
т. е. ежегоднаго дохода въ 2010 руб. застрахованному лицу, до его смерти,
какъ бы долго оно ни прожило.
Размѣръ процентовъ при разныхъ возрастахъ:
Возрастъ: 55. 60. 65. 68. 70. 75. 80.
Проценты: 9. 10 1/2. 12. 13 1/2. 14 1/2. 18. 22.
Дальнѣйшія подробности и полныя тарифы въ брошюрѣ Страхового
Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію бесплатно
Правленіемъ въ С.-Петербургѣ, (Большая Морская № 13) и Агентами въ
городахъ Имперіи. № 2299 5-5

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !
Получая постоянныя требованія на русское сырье отъ моихъ иностранныхъ
отдѣленій, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ
РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ
Именно: масло свѣжее и солоное, сало свиное, водоное в баране, свѣжее и
гопленое, шетину, медъ, конскія гривы и хвосты, бараньи кишки, клей и жиръ
рыбій, перья, цухъ и т. д. При предложеніяхъ съдѣлать прѣпровождать образцы.
Адресовать: Торговый Домъ Генриха Барыцкаго, Варшава. № 2550 12-6

XIV годъ
№ 3

годъ XIV
1883

выходитъ еженедельными №№ въ три листа съ 6—10 рис. и еженедельнымъ даровымъ приложениемъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модъ, рис.) и Выданъ 15 Января 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 50 коп. (1 Mark. 50 Pfen. для за гран.) за строку ионарель (въ ширину страницъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковой, Петровск. Торг. линия 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н И В Ъ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи. для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ), ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Леопольдъ Захеръ-Мазохъ.

Читатели наши знакомы съ сильнымъ и оригинальнымъ талантомъ писателя, портретъ котораго помѣщенъ здѣсь. Въ „Нивѣ“ были напечатаны его лучшіе рассказы и повѣсти: „Лунная ночь“ (1871 г.), „Цыганка“ (1879 г.), „Чернонижникъ“ (1881 г. № 4), „Послѣдній изъ звюда“ (1880 г. № 50) и другія, и наконецъ въ томъ же году, 1880, большая замѣчательная повѣсть „Пророчица“, изъ быта галиційскихъ русскихъ; жизнь эта преимущественно появляется въ его рассказахъ и въ ней онъ издавна питаетъ вообще самыя искреннія симпатіи.

1-го января сего года Захеръ-Мазохъ празднуетъ двадцатипятилѣтнюю годовщину своей литературной дѣятельности. По этому случаю ему подносятся огромный великолѣпный альбомъ съ автографами и поздравленіями писателей всѣхъ странъ. Его журналъ „Auf der Höhe“, выходящій теперь въ Лейпцигѣ и основанный всего годъ назадъ, насчитываетъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ французовъ, итальянцевъ, русскихъ, датчанъ, поляковъ, венгровъ, грековъ, испанцевъ.

Захеръ-Мазохъ. Съ фотогр. грав. Ангереръ.

Онъ является дѣйствительно международнымъ и имѣетъ самый серьезный успѣхъ.

Леопольдъ Захеръ-Мазохъ родился въ Лембергѣ въ 1836 году, попеременно жилъ въ Лембергѣ, Прагѣ и наконецъ Грацѣ, гдѣ вступилъ въ историческое отдѣленіе мѣстнаго университета. Съ самаго начала его литературной дѣятельности, онъ посвятилъ себя журнальной работѣ и затѣмъ началъ отъ времени до времени помѣщать преимущественно коротенькіе рассказы и повѣсти въ разныхъ изданіяхъ, которыя вскорѣ доставили ему довольно обширную извѣстность. Его главнѣйшее, самое значительное по размѣру произведеніе, это „Грѣхи Каина“, рядъ повѣстей, предположенныхъ въ 6 томахъ. Пока появились только двѣ части, подъ заглавіемъ „Любовь“ и „Собственность“. Кромѣ того особенно замѣчательны изъ его произведеній: „Новый Іовъ“, „Галиційскіе рассказы“, „Еврейскіе рассказы“, въ которыхъ онъ исключительно разрабатываетъ внутреннюю, семейную жизнь галиційскихъ русскихъ и среди нихъ заглаздившихся евреевъ. Кро-

мѣ беллетристической формы онъ занимался много и этнографическимъ описаніемъ своей родины. Извѣстно его сочиненіе „Степь и Карпаты“. Все его мелкіе рассказы отличаются, при сжатости формы, богатствомъ фантазіи, живостью разсказа, глубиной чувства и часто самымъ милымъ, веселымъ юморомъ и оригинальностью. Рассказы его переводятся на все европейскіе языки. Для насъ представляютъ интересъ его самыя живыя симпатіи къ славянству, котораго жизнь онъ съ любовью и вниманіемъ изучаетъ и часто въ своихъ статьяхъ возражаетъ противъ клеветъ и невѣрныхъ сообщеній, касающихся славянъ и Россіи.

Его журналъ, сотрудниками въ который онъ пригласилъ, какъ сказано выше, писателей самыхъ различныхъ національностей, издается очень красиво, даже роскошно. Та-

кой литературный международный журналъ представляетъ первый опытъ—и любопытно, къ какимъ этотъ опытъ приведетъ результаты. Пока можно замѣтить, что на мелкихъ разсказахъ молодыхъ писателей, печатающихся здѣсь свои разсказы изъ галиційской жизни, слишкомъ замѣтно отражается вліяніе таланта и манеры самого основателя журнала, что можно сказать и относительно прекраснаго разсказа „Варвара Капитановичъ“, помѣщеннаго въ „Нивѣ“ 1881 г. Здѣсь превосходно представлены дикіе первобытные нравы этихъ горцевъ, незнающихъ предѣла ни въ любви, ни въ ненависти.

Захеръ Мазохъ находится теперь въ полномъ разцвѣтѣ силъ и таланта, и литература еще можетъ ожидать отъ него много самой плодотворной дѣятельности.

Гуттаперчевый мальчикъ.

Повѣсть Д. В. Григоровича.
(Посвящено Е. А. Третьяковой).

(Окончаніе).

V.

Наступила, наконецъ, такъ нетерпѣливо ожидаемая пятница.

За четверть часа до завтрака, тетя Соня вошла въ „маленькую“ столовую, такъ называемую для отличія ея отъ большой, гдѣ давались иногда званые обѣды. Ей сказали, что графъ и графиня уже прошли туда изъ своихъ уборныхъ.

Графиня сидѣла въ большихъ креслахъ, придвинутыхъ къ столу, заставленному на одномъ концѣ серебрянымъ чайнымъ сервизомъ съ шипѣвшимъ самоваромъ. Старый буфетчикъ, важный какъ разжирѣвшій банкиръ, но съ кошачьими приемами утонченнаго дипломата, тихо похаживалъ вокругъ стола, поглядывая, все-ли на немъ въ порядкѣ. Два другіе лакея, похожіе на членовъ англійскаго парламента, вносили блюда, прикрытыя серебряными крышками.

Графъ задумчиво прогуливался въ отдаленнѣ подлѣ оконъ.

— Хорошо-ли мы однако дѣлаемъ, что посылаемъ дѣтей въ циркъ?... произнесла графиня, обращаясь послѣ первыхъ привѣтствій къ тетѣ Сонѣ и въ тоже время украдкой поглядывая на мужа.

— Отчего-же? весело возразила тетя, усаживаясь подлѣ самовара,—я смотрѣла афишку: сегодня не будетъ выстрѣловъ, ничего такого, что бы могло испугать дѣтей,—наши дѣтки были право такъ милы... Нельзя же ихъ не побаловать! Къ тому-же удовольствіе это было имъ обѣцано.

— Все это такъ, замѣтила графиня, снова поглядывая на мужа, который подошелъ въ эту минуту къ столу и занялъ обычное свое мѣсто,—но я всегда боюсь этихъ зрѣлищъ... Наши дѣтки особенно такъ нервны, такъ впечатлительны...

Послѣднее замѣчаніе сопровождалось новымъ взглядомъ, направленнымъ на графа. Графинѣ очевидно хотѣлось знать мнѣніе мужа, чтобы потомъ не вышло привычнаго заключенія, что все въ домѣ творится безъ его совѣта и вѣдома.

Но графъ и тутъ ничего не сказалъ.

Онъ вообще не любилъ терять праздныхъ словъ. Онъ принадлежалъ скорѣе къ числу лицъ думающихъ, мыслящихъ,—хотя, надо сказать, трудно было сдѣлать заключеніе о точномъ характерѣ его мыслей, такъ какъ онъ больше ограничивался намеками на различныя идеи, чѣмъ на ихъ развитіе. При малѣйшемъ противурѣчій, графъ чаще всего останавливался даже на полумысли и какъ-бы говорилъ самому себѣ: „не стоить!“ Онъ обыкновенно отходилъ въ сторону, нервно пощипывая жиденькіе усы и погружаясь въ грустную задумчивость.

Задумчивое настроеніе графа согласовалось впрочемъ какъ нельзя больше съ его вишннимъ видомъ, замѣча-

тельно длиннымъ-длиннымъ, какъ-бы всегда разслабленнымъ и чѣмъ-то недовольнымъ. Онъ нарочно носилъ всегда панталоны изъ самаго толстаго трико, чтобы хоть сколько нибудь скрыть худобу ногъ,—и напрасно это дѣлалъ; по справедливости, ему слѣдовало-бы даже гордиться худобою ногъ, такъ какъ она составляла одно изъ самыхъ характерныхъ, типическихъ родовыхъ отличій всехъ графовъ Листомировыхъ.

Наружность графа дополнялась чертами его худошаваго блѣднаго лица, съ носомъ, нѣсколько сдвинутымъ на сторону и большими дугообразными бровями, усиленно какъ-то подымавшимися на лбу, странно ухидившемъ между сплюснутыми боками головы, большею частью склоненной на бокъ.

Совершенно несправедливо говорили, будто графъ тоскуетъ отъ бездѣйствія, отъ недостатка случая выказать свои способности. Случаи эти представлялись чуть-ли еще не въ то время, когда ему минуло девятнадцать лѣтъ и дядя-посланникъ открылъ передъ нимъ дипломатическую карьеру. Въ жизни графа случаи блестящей карьеры искусно были разставлены, какъ версты по шоссе на дорогѣ;—ничего только изъ этого не вышло.

На первыхъ порахъ графъ принимался какъ-бы дѣйствовать и даже много говорилъ; но тутъ-же неожиданно умолкалъ и удалялся, очевидно чѣмъ-то неудовлетворенный. Мысли-ли его были не поняты какъ слѣдуетъ, или дѣйствія не оцѣнены по справедливости,—только онъ переходилъ отъ одного счастливаго случая къ другому, не сдѣлавъ себѣ въ концѣ концовъ, что называется, карьеры,—если не считать, конечно, нѣсколькихъ звѣздъ на груди и виднаго придворнаго чина.

Несправедливо было также мнѣніе, что графъ, всегда тоскующій и молчаливый въ свѣтѣ, былъ дома крайне взыскательный и даже деспотъ.

Графъ былъ только аккуратенъ. Прирожденное это свойство доходило, правда, до педантизма, но въ сущности было самаго невиннаго характера. Графъ требовалъ, чтобы каждая вещь въ домѣ оставалась неприкосновенною на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была однажды положена; каждый мельчайшій предметъ имѣлъ свой опредѣленный пунктъ. Если, напримѣръ, мундштучекъ для пахитосъ, уложенный на столѣ параллельно съ карандашемъ, отодвигался въ сторону, графъ тотчасъ же замѣчалъ это, и начинались разспросы: кто переставилъ? зачѣмъ? почему? и т. д.

Цѣлый день ходилъ онъ по дому, задумчиво убиралъ то одинъ предметъ, то другой; время отъ времени прикасался онъ къ электрическому звонку и, подзвавъ камердинера, молча указывалъ ему на тѣ мѣста, гдѣ, казалось ему, встрѣчался беспорядокъ. Деспотомъ графъ также не могъ быть по той простой причинѣ, что дома молчалъ столько-же, сколько въ свѣтѣ. Даже въ дѣловыхъ семейныхъ разговорахъ съ женою, онъ чаще всего

ограничивался тремя словами:— „*Tu penses? Tu crois? Quelle idée!*..“—и только.

Съ высоты своихъ длинныхъ ногъ и тощаго длиннаго туловища, графъ постоянно смотрѣлъ тусклыми глазами въ какой-то далекий туманный горизонтъ и время отъ времени вздыхалъ, усиленно подымая на лбу то одну бровь, то другую. Меланхолия не покидала графа даже въ тѣхъ случаяхъ, когда главный управляющій надъ конторой вручалъ ему въ концѣ каждаго мѣсяца значительныя денежныя суммы. Графъ внимательно считывалъ деньги, нетерпѣливо всегда переворачивая бумажку, когда номеръ былъ кверху или книзу и не подходилъ съ другими, запиралъ пачку въ ящикъ, пряталъ ключъ въ карманъ, и приблизившись къ окну, пощипывая усики, произносилъ всегда съ грустью: — „Охо-хо-хо-хол!..“—послѣ чего начиналъ снова расхаживать по дому, задумчиво убирая все, что казалось ему лежащимъ неправильно.

Графъ рѣдко высказывался даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось важныхъ принциповъ и убѣжденій, всосанныхъ, такъ сказать, съ молокомъ. Не допуская, на примѣръ, возможности быть за обѣдомъ иначе, какъ во фрагъ и бѣломъ галстукѣ, даже когда оставался вдвоемъ съ женою,—и находя это необходимымъ потому, что это... это всегда поддерживаетъ,—именно поддерживаетъ...—это что поддерживаетъ,—этого графъ никогда не досказывалъ.

— *Tu crois? Tu penses! Quelle idée?*... Этими словами, произносимыми не то вопросительно, не то съ пренебреженіемъ, оканчивались обыкновенно всѣ объясненія съ женою и тетей Соней. Послѣ этого онъ уходилъ къ окну, глядѣлъ въ туманную даль и выпускалъ изъ груди нѣсколько вздоховъ,—изъ чего жена и тетя Соня, съ огорченнымъ чувствомъ, заключали всегда, что графъ не былъ согласенъ съ ихъ мнѣніемъ.

Тогда обыкновенно наступала очередь тети Сони утѣшать сестру,—когда-то весьма красивую, веселую женщину, но теперь убитую горемъ послѣ потери четверыхъ дѣтей и страшно истощенную частыми родами, какъ вообще бываетъ съ женами меланхоликовъ.

На большихъ булевскихъ часахъ столовой пробило двѣнадцать.

Съ послѣднимъ ударомъ, графъ придвинулся къ столу, хотѣлъ какъ будто что-то сказать, но остановился, вздохнулъ и тоскливо приподнял сначала одну бровь, потомъ другую.

— Отчего-же дѣтей нѣтъ? торопливо спросила графиня, поглядывая на мужа, потомъ на тетю Соню,—миссъ Бликсъ знаетъ, что графъ любитъ, чтобы дѣти всегда завтракали ровно въ двѣнадцать часовъ;—скажите миссъ Бликсъ, что завтракъ давно готовъ!... обратилась она къ буфетчику.

Но въ эту самую минуту одинъ изъ лакеевъ растворилъ настежь двери, и дѣти, сопровождаемая англичанкой и швейцаркой, вошли въ столовую.

Завтракъ прошелъ, по обыкновенію, очень чинно.

Разслабленные нервы графини не выносили шума. Графъ вообще не любилъ, чтобы дѣти бросались на шею, громко играли и говорили; сильныя изъясненія какихъ-бы то ни было чувствъ пробуждали въ немъ всегда неприятное ощущеніе внутренняго стѣсненія и неловкости.

На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, графъ могъ быть довольнымъ. Зизи и Пафъ, предупрежденныя Вѣрочкой,—не произнесли слова; Вѣрочка не спускала глазъ съ сестры и брата; она заботливо предупреждала каждое ихъ движеніе.

Съ окончаніемъ завтрака, миссъ Бликсъ сочла своею обязанностью заявить графинѣ, что никогда еще не видала она, чтобы дѣти вели себя такъ примѣрно, какъ въ эти послѣдніе дни. Графиня возразила, что она уже

слышала объ этомъ отъ сестры и потому распорядилась, приказавъ взять къ вечеру ложу въ циркѣ.

При этомъ извѣстїи, Вѣрочка, такъ долго крѣпившаяся, не могла больше владѣть собою. Соскочивъ со стула, она принялась обнимать графиню съ такою силой, что на секунду совершенно заслонила ея лицо своими пушистыми волосами; такимъ же порядкомъ подбѣжала она къ отцу, который тотчасъ же выпрямился и изъ предосторожности поспѣшилъ отвести лѣвую руку, державшую мундштукъ съ пахитоской. Отъ отца Вѣрочка перебѣжала къ тетѣ Сонѣ и тутъ уже пошли поцѣлуи безъ разбору, и въ глаза, въ щеки, въ подбородокъ, въ носъ,—словомъ всюду, гдѣ только губы дѣвочки могли встрѣтиться съ лицомъ тети. Зизи и Пафъ буквально продѣлали тотъ же маневръ, но только, надо сказать,—далеко не съ такимъ воодушевленіемъ.

Вѣрочка между тѣмъ подошла къ роялю, на которомъ лежали афишки; положивъ руку на одну изъ нихъ, она обратила къ матери голубые глаза свои, и вся замирая отъ нетерпѣнья, проговорила нѣжно вопрошающимъ голосомъ:

— Мама... можно?.. Можно взять эту афишку?..

— Можно.

— Зизи! Пафъ! восторженно крикнула Вѣрочка, потрясая афишкой, пойдите скорѣе!.. Я расскажу вамъ все, что мы сегодня увидимъ въ циркѣ;—все расскажу вамъ!.. Пойдите въ наши комнаты?..

— Вѣрочка!.. Вѣрочка!.. слабо, съ укоромъ, проговорила графиня.

Но Вѣрочка уже не слышала; она неслась, преслѣдуемая сестрою и братомъ, за которыми, пыхтя и отдуваясь, едва поспѣвала миссъ Бликсъ.

Въ игральной комнатѣ, освѣщенной полнымъ солнцемъ, стало еще оживленнѣе.

На низенькомъ столѣ, освобожденномъ отъ игрушекъ, разложена была афишка.

Вѣрочка настоятельно потребовала, чтобы всѣ присутствующія: и тетя Соня, и миссъ Бликсъ, и учительница музыки, и кормилица, вошедшая съ младенцемъ,— всѣ рѣшительно усѣлись вокругъ стола. Несравненно труднѣе было усадить Зизи и Пафа, которые, толкая другъ друга, нетерпѣливо осаждали Вѣрочку то съ одного бока, то съ другаго, взбирались на табуреты, ложились на столъ и влѣзали локтями чуть не на середину афишки. Наконецъ, съ помощью тети и это уладилось.

Откинувъ назадъ пепельные свои волосы, вытянувъ шею и положивъ ладони на края афишки, Вѣрочка торжественно приступила къ чтенію.

— Милая моя, тихо произнесла тетя Соня, зачѣмъ же ты читаешь намъ, въ какомъ циркѣ, въ какой день, какого числа; все это мы уже знаемъ; читай лучше дальше: въ чемъ будетъ заключаться представленіе,...

— Нѣтъ ужъ, душечка тетя; нѣтъ ужъ, ты только не мѣшай мнѣ, убѣдительно и съ необыкновенною живостью перебила Вѣрочка,—ангельчикъ тетя, не мѣшай!.. Ужъ я все прочту... все, все... что тутъ напечатано... Ну слушайте:

— „*Парфорсное упражненіе на неосыданной лошади. Исполнитъ двѣцца!*...“—Тетя, что такое парфорсное?..

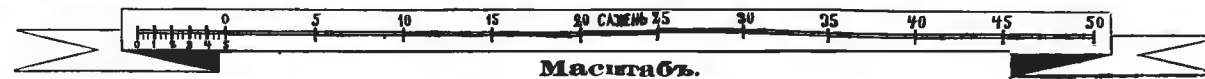
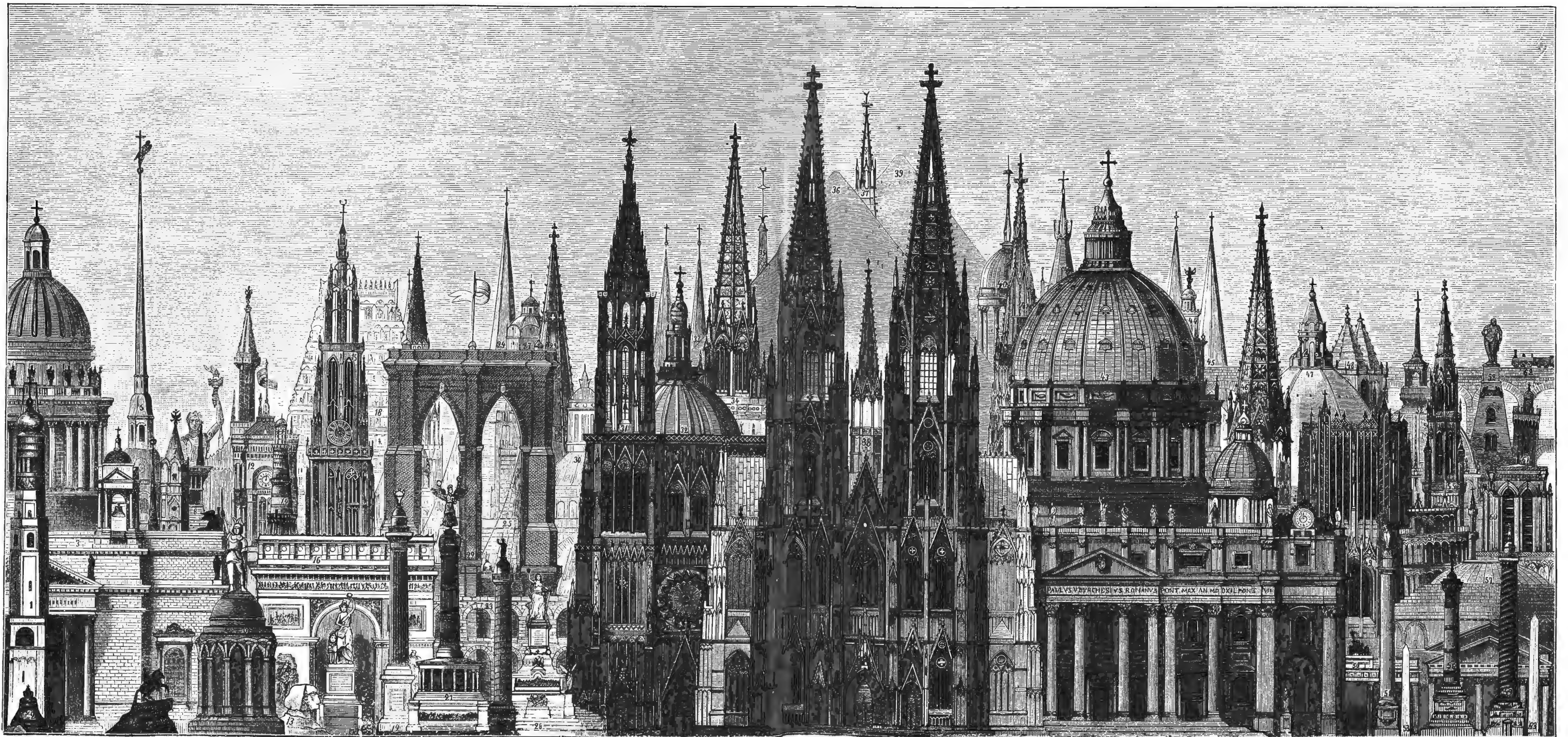
— Это... это... Вѣроятно что нибудь очень интересное... Сегодня сами увидите! сказала тетя, стараясь выйти изъ затрудненія.

— Ну, хорошо, хорошо... Теперь всѣ слушайте; дальше вотъ что: „*Эквилибристическія упражненія на воздушной трапеціи!*...“ Это, тетя, что же такое трапеція?.. Какъ это будетъ? спросила Вѣрочка, отрываясь отъ афишки.

— Какъ будетъ? нетерпѣливо подхватила Зизи.

— Какъ?.. произнесъ въ свою очередь Пафъ, поглядывая на тетю киргизскими глазками.

— Зачѣмъ же я буду все это вамъ рассказывать! Не

Самыя высочія здания и памятники на свѣтъ, въ Россіи и заграничѣй. Съ помощью фотогр. Васмута рис. Земцовъ, грав. М. Рашевскій.

- 1) Колокольня Ивана Великаго 46 саж. 2 арш. 2) Царь-колоколь въ Москвѣ $1\frac{3}{4}$ саж. 3) Исаакиевскій соборъ въ Спб. 57 с. (безъ креста). 4) Памятникъ Петра I въ Спб. $4\frac{3}{4}$ саж. 5) Петропавловскій соборъ въ Спб. 65 саж. 6) Адмиралтейства шпиль въ Спб. 33 саж. 7) Сухарева башня въ Москвѣ 35 саж.
- 8) Британскій мостъ въ Бангорѣ 29 саж. $1\frac{2}{3}$ ар. 9) Статуя Свободы въ Нью-Йоркѣ 40 саж. 1 ар. 10) Памятникъ Германа въ Детмольдѣ 26 саж. 1 ар. 11) Соборъ въ Миланѣ 51 саж. 1 ар. 12) Ратуша въ Берлинѣ 41 саж. 1 ар. 13) Сфинскъ въ Гицбѣтѣ 5 с. $2\frac{1}{2}$ ар. 14) Нутабъ-Минарь въ Дели 35 с. $\frac{5}{8}$ ар.
- 15) Соборъ въ Антверпенѣ 57 с. 2 ар. 16) Триумфальная арка въ Парижѣ 22 с. 1 ар. 17) Статуя Баваріи въ Мюнхенѣ 14 с. 1 ар. 18) Пагода въ Джагернатѣ 51 с. 2 ар. 19) Пожарная башня въ Лондонѣ 27 с. 2 ар. 20) Соборъ въ Шартрѣ 54 с. 21) Памятникъ побѣды въ Берлинѣ 28 с. 2 в. 22) Истъ-Риверскій мостъ въ Нью-Йоркѣ 42 с. $\frac{3}{4}$ ар. 23) Водопроводъ въ Сеговіи 15 с. $1\frac{1}{2}$ ар. 24) Храмъ св. Петра въ Ростоѣ 59 с. $\frac{1}{2}$ ар. 25) Водопроводъ Альмантары 32 с. $1\frac{1}{2}$ ар. 26) Колонна Траяна въ Римѣ 21 с. $1\frac{3}{4}$ ар. 27) Храмъ св. Елисаветы въ Бреславлѣ 50 с. 2 ар. 28) Национальный памятникъ въ Нидерл.
- 18 с. 2 ар. 29) Соборъ въ Салисбюри 57 с. $\frac{3}{4}$ ар. 30) Ротонда Вѣнской Выставки всем. 40 с. 31) Соборъ въ Страсбургѣ 67 с. 32) Храмъ св. Павла въ Лондонѣ 52 с. $13\frac{1}{2}$ в. 33) Соборъ въ Любекѣ 56 с. $1\frac{3}{4}$ ар. 34) Церковь св. Николая въ Гамбургѣ 67 с. 2 ар. 35) Соборъ въ Амьенѣ 62 с. $2\frac{3}{4}$ ар.
- 36) Пирамида въ Цефрентѣ 62 с. $1\frac{1}{2}$ ар. 37) Соборъ въ Руанѣ 70 с. 38) Соборъ въ Нельѣ 73 с. $\frac{2}{3}$ ар. 39) Пирамида Хеопса 64 с. 1 ар. 40) Храмъ св. Михаила въ Гамбургѣ 64 с. 41) Соборъ св. Стефана въ Вѣнѣ 64 с. 1 ар. 42) Церковь св. Мартина въ Ландсгутѣ 62 с. $\frac{2}{3}$ ар. 43) Храмъ св. Петра въ Римѣ 65 с. $\frac{1}{3}$ ар. 44) Церковь св. Джеральда въ Севильѣ 52 с. 1 ар. 45) Церковь Богоматери въ Любекѣ 57 с. $2\frac{3}{4}$ ар. 46) Соборъ въ Фрейбургѣ 58 с. 2 ар. 47) Церковь св. Маріи во Флоренціи 50 с. $2\frac{1}{2}$ ар. 48) Соборъ въ Магдебургѣ 48 с. 2 ар. 49) Соборъ въ Ульмѣ 38 с. $1\frac{3}{4}$ ар. 50) Бранденбургскія ворота въ Берлинѣ 12 с. $\frac{3}{4}$ ар. 51) Александровская колонна въ СПбургѣ 23 с. $1\frac{1}{16}$ ар. 52) Домъ Инвалидовъ въ Парижѣ 49 с. 14 в. 53) Люксорскій обелискъ въ Парижѣ 10 с. $1\frac{1}{16}$ ар. 54) Башня въ Пзѣ 26 с. $2\frac{1}{4}$ ар. 55) Ратуша въ Брюсселѣ 50 с. 2 ар. 56) Ювская колонна въ Парижѣ 20 с. 2 ар. 57) Пантеонъ въ Римѣ 19 с. 8 в. 58) Башня Геркулеса въ Насселѣ 46 с. $1\frac{1}{8}$ ар. 59) Вандомская колонна въ Парижѣ 23 с. $1\frac{1}{16}$ ар. 60) Соборъ Богоматери въ Парижѣ 30 с. $1\frac{1}{2}$ ар. 61) Башня Гаризенда въ Болоньи 38 с. $2\frac{7}{8}$ ар. 62) Гельшталскій водопроводъ въ Саксоніи 40 с. $2\frac{12}{16}$ ар.
- 63) Обелискъ на Латеранской площади въ Римѣ 13 с. $1\frac{12}{16}$ ар.

лучше-ли будетъ, когда сами вы увидите...

Затрудненіе тети возрастало; она даже нѣсколько покраснѣла.

Вѣрочка снова откинула назадъ волосы, наклонилась къ афишкѣ и прочла съ особеннымъ жаромъ:—*„Гуттаперчевый мальчикъ. Воздушныя упражненія на концѣ шеста съшиною въ шесть аршинъ!..“*—Нѣтъ, душечка тети, это ужъ ты намъ расскажешь!.. это ужъ расскажешь!.. Какой же это мальчикъ? Онъ настоящій? живой?.. Что такое: гуттаперчевый?

— Вѣроятно его такъ называютъ потому, что онъ очень гибкій... наконецъ, вы это увидите...

— Нѣтъ, нѣтъ, расскажи теперь, расскажи, какъ это онъ будетъ дѣлать на воздухѣ и на шестѣ?.. Какъ это онъ будетъ дѣлать?..

— Какъ будетъ онъ дѣлать? подхватила Зизи.

— Дѣлать? коротко освѣдомился Пафъ, открывая ротъ.

— Дѣточки, вы у меня спрашиваете слишкомъ ужъ много... Я право ничего не могу вамъ объяснить. Сегодня вечеромъ все это будетъ передъ вашими глазами. Вѣрочка, ты бы продолжала; ну что-жъ дальше?..

Но дальнѣйшее чтеніе не сопровождалось уже такою живостью; интересъ замѣтно ослабъ; онъ весь сосредоточивался теперь на гуттаперчевомъ мальчикѣ; гуттаперчевый мальчикъ сдѣлался предметомъ разговоровъ, различныхъ предположеній и даже спора.

Зизи и Пафъ не хотѣли даже слушать продолженіе того, что было дальше на афишкѣ; они оставили свои табуреты и принялись шумно играть, представляя какъ будетъ дѣйствовать гуттаперчевый мальчикъ. Пафъ снова становился на четверинки, подымалъ какъ клоунъ лѣвую ногу, и усиленно пригибая языкъ къ щецкѣ, по-матривалъ на всѣхъ своими киргизскими глазами,— что всякій разъ вызывало восклицаніе у тети Сони, боявшейся, чтобъ кровь не бросилась ему въ голову.

Торопливо дочитавъ афишку, Вѣрочка присоединилась къ сестрѣ и брату.

Никогда еще не было такъ весело въ игральной комнатѣ.

Солнце, склоняясь къ крышамъ сосѣднихъ флигелей за садомъ, освѣщало группу играющихъ дѣтей, освѣщало ихъ радостныя, веселыя, раскраснѣвшія лица, играло на разбросанныхъ повсюду пестрыхъ игрушкахъ, скользило по мягкому коври, наполняло всю комнату мягкимъ теплымъ свѣтомъ. Все, казалось, здѣсь радовалось и ликовало.

Тетя Соня долго не могла оторваться отъ своего мѣста. Склонивъ голову на ладонь, она молча, не дѣлая уже никакихъ замѣчаній, смотрѣла на дѣтей, и кроткая,—хотя задумчивая улыбка не покидала ея добраго лица. Давно уже оставила она мечты о себѣ самой; давно примирилась съ неудачами жизни. И прежнія мечты свои, и умъ, и сердце,—все это отдала она дѣтямъ, такъ весело играющимъ въ этой комнатѣ, и счастлива она была ихъ безмятежнымъ счастьемъ...

Вдругъ, показалось ей, какъ будто въ комнатѣ стемнѣло. Обернувшись къ окну, она увидѣла, что небо заслонило большой сѣрой тучей и мимо оконъ полетѣли пушистыя снѣжныя хлопья. Не прошло минуты, изъ-за снѣга ничего уже нельзя было видѣть; мятель ходила по всему саду, скрывая ближайшія деревья.

Первое чувство тети Сони—было опасеніе, чтобы погода не помѣшала исполнить обѣщанія, даннаго дѣтямъ. Такое-же чувство вѣроятно овладѣло и Вѣрочкой, потому что она мгновенно подбѣжала къ тетѣ и, пристально поглядывая ей въ глаза, спросила:

— Это ничего, тетя?.. Мы въ циркъ поѣдемъ?..

— Ну, конечно... конечно! поспѣшила успокоить тетя, цѣлуя Вѣрочку въ голову и обращая глаза къ Зизи и Пафу, которые вдругъ перестали играть.

Но уже съ этой минуты въ миловидныхъ чертахъ

Вѣрочки явно стало проступать больше внутренняго безпокойства, чѣмъ беззаботной веселости. Она поминутно заглядывала въ окно, переходила изъ комнаты въ другую, разспрашивая у каждаго входившаго о томъ, долго-ли можетъ продолжаться такая мятель и можетъ-ли быть, чтобы она не утихла во весь вечеръ. Каждый разъ какъ тетя Соня выходила изъ дѣтскихъ комнатъ и, спустя нѣсколько времени возвращалась назадъ,— она всегда встрѣчалась съ голубыми глазами племянницы; глаза эти пылливо, безпокойно допрашивали и какъ-бы говорили ей:—*„Ты, тетя, ты ничего, я знаю; а вотъ что тамъ будетъ, что папá и мамá говорить!..“*

Худенькая Зизи и неповоротливый Пафъ были гораздо доврчивѣе: они также высказывали безпокойство, но оно было совсѣмъ другаго рода. Перебѣгая отъ однихъ часовъ къ другимъ, и часто влѣзая на стулья, чтобы лучше видѣть, они поминутно приставали къ тетѣ и миссъ Бликсъ, утрашивая ихъ показать имъ, сколько времени на ихъ собственныхъ часахъ. Каждый входившій встрѣчаемъ былъ тѣмъ-же вопросомъ:

— Какой часъ?..

— Пятый въ началѣ.

— А скоро будетъ семь?

— Скоро; подождите немножко.

Дѣтскій обѣдъ прошелъ въ разспросахъ о томъ, какая погода и который часъ.

Тетя Соня напрасно употребляла всѣ усилія, чтобы дать мыслямъ дѣтей другое направленіе и внести сколько нибудь спокойствія. Зизи и Пафъ, хотя и волновались,—но еще вѣрили; что-жъ касается Вѣрочки,—извѣстіе о томъ, что мятель все еще продолжается, замѣтно усиливало ея безпокойство. По голосу тетки, по выраженію ея лица, она ясно видѣла, что было—что-то такое, чего тетя не хотѣла высказывать.

Всѣ эти тревожныя сомнѣнія мигомъ однакожь разсѣялись, когда тетя, исчезнувшая снова на четверть часа,—возвратилась на дѣтскую половину; съ сияющимъ лицомъ объявила она, что графъ и графиня велѣли одѣвать дѣтей и везти ихъ въ циркъ.

Вихремъ все поднялось и завозилось въ знакомой намъ комнатѣ, освѣщенной теперь лампами. Пришлось страшать, что оставить дома тѣхъ, кто не будетъ слушаться и не дастъ себя какъ слѣдуетъ закутать.

— Пойдемте, теперь; надо протереться съ папá и мамá, проговорила тетя, взявъ за руку Вѣрочку и пропуская впередъ Зизи и Пафа.

Миссъ Бликсъ и учительница музыки закрывали шествіе.

Церемонія прощанья не была продолжительна.

Вскорѣ дѣтей вывели на парадную лѣстницу, снова внимательно осмотрѣли и прикутали и, наконецъ, выпустили на подѣздъ, передъ которымъ стояла чetyрехмѣстная карета, полузанесенная снѣгомъ. Лакей величественнаго вида, съ галунами на шляпѣ и на ливреѣ, съ бакенами *à l'anglaise*, поблѣтѣвшими отъ снѣга, поспѣшилъ отворить дверцы. Но главная роль въ данномъ случаѣ предоставлена была, впрочемъ, старому, сѣдому швейцару; онъ долженъ былъ брать дѣтей на руки и передавать ихъ сидѣвшимъ въ каретѣ тремъ дамамъ; и надо сказать, онъ исполнилъ такую обязанность не только съ замѣчательной осторожностью, но даже выразилъ при этомъ трогательное чувство умиленнаго благоговѣнія.

Дверцы кареты захлопнулись, лакей вскочилъ на козлы, карета тронулась и тутъ-же почти исчезла посреди мятели.

VI.

Представленіе въ циркѣ еще не начиналось. Но на масляницѣ любили веселиться, и потому циркъ, особенно въ верхнихъ ярусахъ,—былъ набитъ посѣтителями. Изыщная публика, по обыкновенію, запаздывала. Чаше и чаше, однако, у главнаго входа показывались

господа въ пальто и шубахъ, офицеры и цѣлыя семействами съ дѣтьми, родственниками и гувернантками. Всѣ эти лица, при входѣ съ улицы въ ярко освѣщенную залу, начинали въ первую минуту мигать и прищуриваться, потомъ оправлялись, проходили—кто направо, кто налево вдоль барьера и занимали свои мѣста въ бенуарахъ и креслахъ.

Оркестръ гремѣлъ въ то же время всѣми своими трубами. Многіе, бравшіе билеты у кассы, суетились, думая уже, что началось представленіе. Но круглая арена, залитая свѣтомъ съ боковъ и сверху, гладко выглаженная граблями, была еще пуста.

Вскорѣ, бенуары, надъ ковровымъ обводомъ барьера, представили почти сплошную пеструю массу разнообразной публики. Яркіе туалеты мѣстами били въ глаза. Но главную часть зрителей на первомъ планѣ составляли дѣти. Точно цвѣтникъ разсыпался вокругъ барьера.

Между ними, всѣхъ милѣе была все-таки Вѣрочка!

Голубая атласная стеганая шляпка, обшитая лебяжьимъ пухомъ, необыкновенно шла къ ея нѣжнорозовому лицу съ ямочками на щекахъ и пепельнымъ волосамъ, ниспадавшимъ до плечъ, прикрытыхъ такою-же стеганой голубой мантилей. Стараясь сидѣть передъ публикой спокойно, какъ большая, она не могла, однакожь, утерпѣть, чтобы не наклониться и не нашептывать что-то Зизи и Пафу и не поглядывать веселыми глазами на тетю Соню, сидѣвшую позади, рядомъ съ величественной миссъ Бликсъ и швейцаркой. Зизи была одѣта точь-въ-точь какъ сестра,—но подлѣ нея она какъ-то пропадала и дѣлалась менѣе замѣтной; къ тому-же, при входѣ въ циркъ, ей вдругъ представилось, что будутъ стрѣлять и, не смотря на увѣщанія тети, она сохранила на лицѣ что-то кислое и вытнутое. Одинъ Пафъ, можно сказать,—былъ невозмутимъ; онъ оглядывалъ циркъ своими киргизскими глазками и раздувалъ губы. Не даромъ какой-то шутникъ, указывая на него сосѣдямъ, назвалъ его тамбовскимъ помѣщикомъ.

Неожиданно оркестръ заигралъ учащеннымъ темпомъ. Занавѣсъ у входа въ конюшню раздвинулась и пропустила человѣкъ двадцать, одѣтыхъ въ красныя ливреи, обшитыя галуномъ; всѣ они были въ ботфортахъ, волосы на ихъ головахъ были круто завиты и лоснились отъ помады.

Сверху до низу цирка прошелъ одобрителный говоръ.

Представленіе начиналось,

Ливрейный персоналъ цирка не успѣлъ вытянуться, по обыкновенію, въ два ряда, какъ уже со стороны конюшенъ послышался пронзительный свистъ и хохотъ, и цѣлая ватага клоуновъ, кувыркаясь, падала на руки и взлетая на воздухъ,—выбѣжала на арену.

Впереди всѣхъ былъ клоунъ съ большими бабочками на груди и на спинѣ камзола. Зрители узнали въ немъ тотчасъ-же любимца Эдвардса.

— Браво, Эдвардсъ! Браво! — Браво!.. раздалось со всѣхъ сторонъ.

Но Эдвардсъ на этотъ разъ обманулъ ожиданія. Онъ не сдѣлалъ никакой особенной штуки; кувыркнувшись разъ-другой черезъ голову и пройдясь вокругъ арены, балансируя павлиньимъ перомъ на носу,—онъ быстро скрылся. Сколько потомъ ему ни хлопали и ни вызывали его, онъ не являлся.

На смѣну ему поспѣшно была выведена толстая бѣлая лошадь и выбѣжала, граціозно присѣдая на всѣ стороны, 15-лѣтняя дѣвица Амалія, которая чуть не убила въ утробѣ, во время представленія.

На этотъ разъ все прошло, однакожь, благополучно.

Дѣвицу Амалію смѣнили жонглеръ; за жонглеромъ вышелъ клоунъ съ учеными собаками; послѣ нихъ танцовали на проволокахъ; выводили лошадь высшей школы, скакали на одной лошади безъ сѣдла, на двухъ лоша-

дахъ съ сѣдлами,—словомъ, представленіе шло своимъ чередомъ до наступленія антракта.

— Душечка тетя, теперь будетъ гуттаперчевый мальчикъ, да? спросила Вѣрочка.

— Да; въ афишѣ сказано: онъ во второмъ отдѣленіи... Ну, что, какъ? Весело ли вамъ, дѣточки?..

— Ахъ, очень, очень весело!.. О-че-нь!.. восторженно воскликнула Вѣрочка, но тутъ же остановилась, встрѣтивъ взглядъ миссъ Бликсъ, которая укоризненно покачала головою и принялась поправлять ей мантилью.

— Ну, а тебѣ, Зизи?.. тебѣ Пафъ,—весело-ли?..

— А стрѣлять будутъ? спросила Зизи.

— Нѣтъ, успокойся; сказано: не будутъ!

Отъ Пафа ничего нельзя было добиться; съ первыхъ минутъ антракта все вниманіе его было поглощено лоткомъ съ лакомствами и яблоками, появившимся на рукахъ разнощика.

Оркестръ снова заигралъ, снова выступили въ два ряда красныя ливреи. Началось второе отдѣленіе.

— Когда-же будетъ гуттаперчевый мальчикъ? не переставали спрашивать дѣти каждый разъ, какъ одинъ выходъ смѣнялъ другой,—когда-же онъ будетъ?..

— А вотъ, сейчасъ...

И дѣйствительно. Подъ звуки веселаго вальса портьера раздвинулась и показала рослая фигура акробата Беккера, державшаго за руку худенькаго, бѣлокурого мальчика.

Оба были обтянуты въ трико тѣлеснаго цвѣта, обсыпанное блестками. За ними два прислужника вынесли длинный золоченый шестъ, съ желѣзнымъ перехватомъ на одномъ концѣ. За барьеромъ, который тотчасъ же захлопнулся со стороны входа, сгрупировались, по обыкновенію, красныя ливреи и часть цирковаго персонала. Въ числѣ послѣдняго мелькало набѣтенное лицо клоуна съ красными пятнами на щекахъ и большою бабочкою на груди.

Выйдя на середину арены, Беккеръ и мальчикъ раскланялись на всѣ стороны,—послѣ чего Беккеръ приставилъ правую руку къ спинѣ мальчика и перекувырнулъ его три раза въ воздухъ. Но это было, такъ сказать, только вступленіе.

Раскланявшись вторично, Беккеръ поднялъ шестъ, поставилъ его перпендикулярно, укрѣпилъ толстый его конецъ къ золотому поясу, обхватывавшему животъ, и началъ приводить въ равновѣсіе другой конецъ съ желѣзнымъ перехватомъ, едва мелькавшимъ подъ куполомъ цирка.

Приведя такимъ образомъ шестъ въ должное равновѣсіе, акробатъ шепнулъ нѣсколько словъ мальчику, который влѣзъ ему сначала на плечи, потомъ обхватилъ шестъ тонкими руками и ногами и сталъ постепенно подыматься кверху.

Каждое движеніе мальчика приводило въ колебаніе шестъ и передавалось Беккеру, продолжавшему балансировать, переступая съ одной ноги на другую.

Громкое браво раздалось въ залѣ, когда мальчикъ достигъ, наконецъ, верхушки шеста и послалъ оттуда поцѣлуй.

Снова все смолкло, кромѣ оркестра, продолжавшаго играть вальсъ.

Мальчикъ, между тѣмъ, придерживаясь къ желѣзной перекладинѣ, вытянулся на рукахъ, и тихо, тихо началъ выгибаться назадъ, стараясь пропустить ноги между головою и перекладиной; на минуту можно было видѣть только его свѣсившіяся назадъ бѣлокурые волосы и усиленно сложенную грудь, усыпанную блестками.

Шестъ колебался изъ стороны въ сторону, и видно было, какихъ трудовъ стоило Беккеру продолжать держать его въ равновѣсіи.

— Браво!.. браво!.. раздалось снова въ залѣ.

— Довольно!.. довольно!!.. послышалось въ двухъ-трехъ мѣстахъ.

По крики и аплодисменты наполнили весь циркъ, когда мальчикъ снова показался сидящимъ на перекладинѣ и послалъ оттуда поцѣлуй.

Беккеръ, не спускавшій глазъ съ мальчика, шепнулъ снова что-то. Мальчикъ немедленно перешелъ къ другому упражненію. Придерживаясь на рукахъ, онъ началъ осторожно спускать ноги и ложиться на спину. Теперь предстояла самая трудная штука: слѣдовало сначала лечь на спину, уладиться на перекладинѣ такимъ образомъ, чтобы привести ноги въ равновѣсіе съ головою и потомъ вдругъ, неожиданно сползти на спинѣ назадъ и повиснуть въ воздухѣ, придерживаясь только на подколкинахъ.

Все шло, однакожъ, благополучно. Шестъ, правда, сильно колебался, но гуттаперчевый мальчикъ былъ уже на половинѣ дороги; онъ замѣтно перегибался все ниже и ниже и начиналъ скользить на спинѣ.

— Довольно! Довольно! Не надо! настойчиво прокричало нѣсколько голосовъ.

Мальчикъ продолжалъ скользить на спинѣ и тихо, тихо спускался внизъ головою...

Внезапно что-то сверкнуло и завертѣлось, сверкая въ воздухѣ; въ ту же секунду послышался глухой звукъ чего-то упавшаго на арену.

Въ одинъ мигъ все заволновалось въ залѣ. Часть публики поднялась съ мѣсто и зашумѣла; раздались крики и женскій визгъ; слышались голоса, раздраженно призывавшіе доктора. На аренѣ также происходила сумятица; прислуга и клоуны стремительно перескакивали черезъ барьеръ и тѣсно обступали Беккера, который вдругъ скрылся между ними. Нѣсколько человекъ подхватили что-то и, пригибаясь, спѣшно стали выносить къ портьерѣ, закрывавшей входъ въ конюшню.

На аренѣ остался только длинный золоченый шестъ съ желтой перекладиной на одномъ концѣ.

Оркестръ, замолкнувшій на минуту, снова вдругъ заигралъ по данному знаку; на арену выбѣжало, взвизгивая и куврякаясь, нѣсколько клоуновъ; но на нихъ уже не обращали вниманія. Публика отовсюду тѣснилась къ выходу.

Не смотря на всеобщую суету, многимъ бросилась въ глаза хорошенькая бѣлокурая дѣвочка въ голубой шляпкѣ и мантиль; обвивая руками шею дамы въ черномъ платьѣ и истерически рыдая, она не переставала кричать во весь голосъ: „ай, мальчикъ! мальчикъ!“...

Положеніе тети Соии было очень затруднительно. Съ одной стороны сама она была крайне взволнована; съ другой—надо было успокаивать истерически рыдающую дѣвочку, съ третьей—надо было торопить миссъ Бликсъ и швейцарку, копавшихся съ Зизи и Пафомъ, наконецъ самой надо было одѣться и отыскать лакея.

Все это однакожъ уладилось и все благополучно достигли кареты.

Расчеты тети Соии на дѣйствіе свѣжаго воздуха, на перемѣщеніе въ карету нисколько не оправдались; затрудненія только возросли. Вѣрочка, лежа на ея колѣняхъ, продолжала правда рыдать, но прежнему вскрикивая поминутно:—„ай, мальчикъ! мальчикъ!“... но Зизи стала жаловаться на судорогу въ ногѣ, а Пафъ плакалъ не закрывая рта, валился на всѣхъ и говорилъ, что ему спать хочется... Первымъ дѣломъ тети, какъ только пріѣхали домой, было раздѣть скорѣе дѣтей и уложить ихъ въ постель. Но этимъ испытанія ея не кончились.

Выходя изъ дѣтской, она встрѣтилась съ сестрой и графомъ.

— Ну что? какъ? какъ дѣти? спросили графъ и графиня.

Въ эту самую минуту изъ спальни послышалось рыданье, и голосъ Вѣрочки снова прокричалъ: — „Ай, мальчикъ, мальчикъ!“

— Что такое?.. тревожно спросилъ графъ.

Тети Соии должна была рассказать обо всемъ случившемся.

— *Ah mon Dieu!* воскликнула графиня, мгновенно ослабѣвая и опускаясь въ ближайшее кресло.

Графъ выпрямился и началъ ходить по комнатѣ.

— Я это зналъ!.. Вы всегда такъ! Всегда!.. проговорилъ онъ передвигая бровями не то съ видомъ раздраженія, не то тоскливо;— всегда такъ! Всегда выдумаютъ какія-то... циркъ; гм!... очень нужно! *quelle idée!*.. Какой-то тамъ негодяй сорвался... (графъ видимо былъ взволнованъ, потому что никогда, по принципу, не употреблялъ рѣзкихъ вульгарныхъ выраженій),— сорвался какой-то негодяй и упалъ... какое зрѣлище для дѣтей!! Гм!... наши дѣти особенно такъ нервны; Вѣрочка такъ впечатлительна... Она теперь цѣлую ночь спать не будетъ...

— Не послать-ли за докторомъ? робко спросила графиня.

— *Tu crois? Tu penses? Quelle idée!*.. подхватилъ графъ, пожимая плечами и продолжая отпѣривать полъ длинными своими ногами...

Не безъ труда успокоивъ сестру и графа, тети Соии вернулась въ дѣтскую.

Тамъ уже наступила тишина.

Часа два спуста, однакожъ, когда въ домѣ все огни были погашены и все окончательно утомилось,—тети Соии накинула на плечи кофту, зажгла свѣчку и снова прошла въ дѣтскую. Едва переводя духъ, бережно ступая на цыпочкахъ, приблизилась она къ кровати Вѣрочки и подняла кисейный пологъ.

Разбросавъ по подушкѣ цепенные свои волосы, подложивъ ладонь подъ покраснѣвшую щечку, Вѣрочка спала; но сонъ ея не былъ покоенъ. Грудь подымалась неровно подъ тонкой рубашкой; полураскрытыя губки судорожно шевелились, а на щекѣ, лоснившейся отъ недавнихъ слезъ, одна слезинка еще оставалась и тихо скользила къ углу рта.

Тети Соии умиленно перекрестила ее; сама потомъ перекрестилась подъ кофтой, закрыла пологъ и тихими неслышными шагами вышла изъ дѣтской...

VII.

Ну... А тамъ?.. Тамъ въ концѣ Караванной... Тамъ, гдѣ ночью зданіе цирка чернѣетъ всей своей массой и теперь едва виднѣется изъ-за падающаго снѣга,—тамъ что?..

Тамъ также давно все темно и тихо.

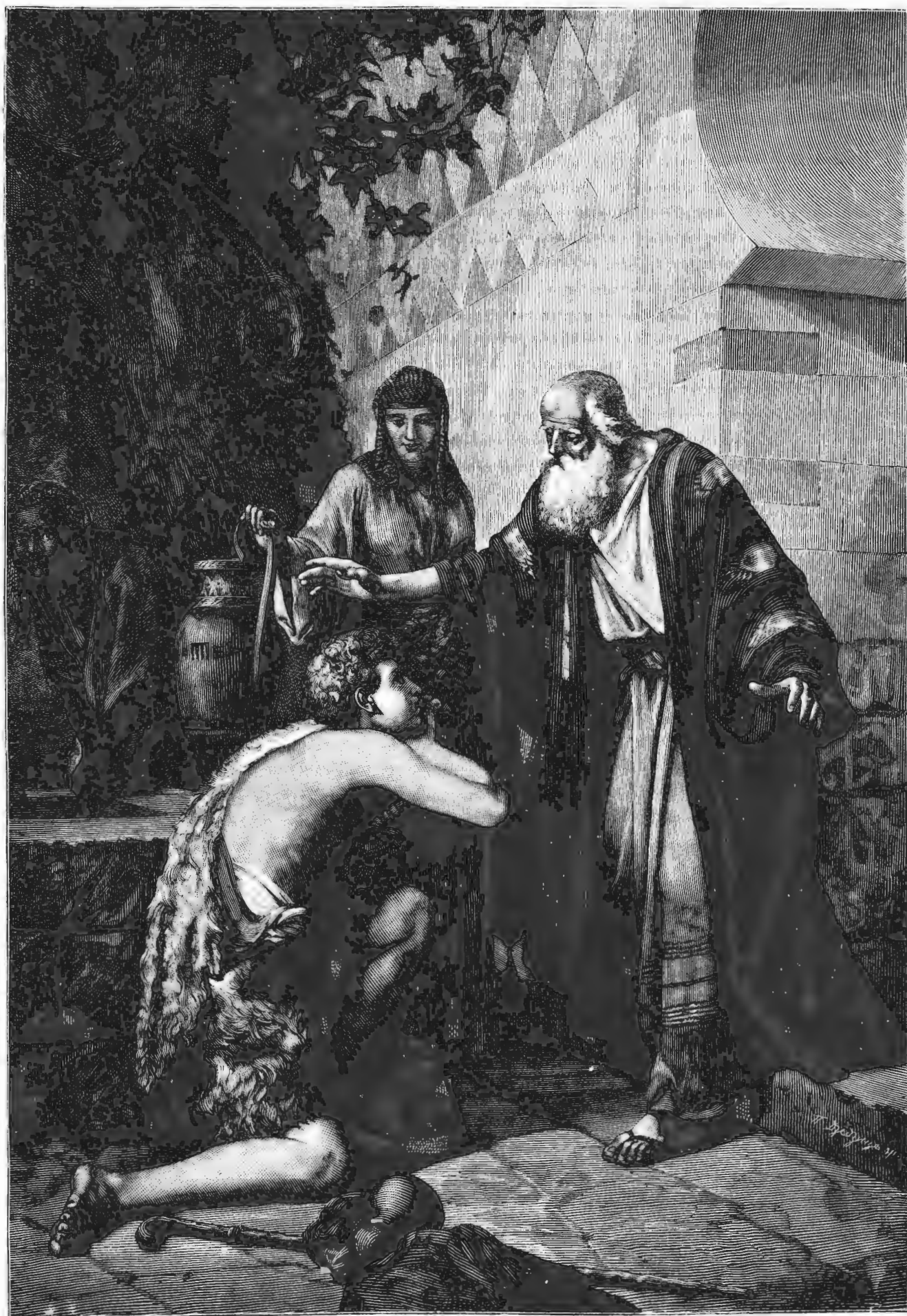
Во внутреннемъ корридорѣ только слабымъ свѣтомъ горитъ ночникъ, прицѣпленный къ стѣнѣ подъ обручами, обтянутыми бумажными цвѣтами. Онъ освѣщаетъ на полу тюфякъ, который разстилается для акробатовъ, когда они прыгаютъ съ высоты; на тюфякѣ лежитъ ребенокъ съ переломленными ребрами и разбитою грудью...

Ночникъ освѣщаетъ его съ головы до ногъ; онъ весь обвязанъ и забинтованъ; на головѣ его также повязка; изъ-подъ нея смотрятъ бѣлки полужакрытыхъ, потухающихъ глазъ.

Вокругъ, на право, на лѣво, подъ потолкомъ, все окутано непроницаемою темнотою и все тихо.

Изрѣдка раздается звукъ копытъ изъ конюшни, или доходитъ изъ отдаленнаго чулана безыконойное взвизгиванье одной изъ ученыхъ собакъ, которой утромъ во представленья придавили ногу.

Время отъ времени слышатся также человѣчскіе шаги... Они приближаются... Изъ мрака выступаетъ человекъ съ лысой головою, съ лицомъ выблѣннымъ мѣломъ, бровями перпендикулярно выведенными на лбу и красными брѣвками на щекахъ; накинутае на плечи пальто, позволяетъ рассмотреть большую бабочку съ блестящими, нашитую на груди камзола; онъ подходитъ

Блудный сынъ. Картина Н. Смирнова (2-я золотая медаль). Съ фотогр. Вишнякова грав. Ю. Барановскій.

къ мальчику, нагибается къ его лицу, прислушивается, всматривается...

Но клоунъ Эдвардъ очевидно не въ нормальномъ состояннн. Онъ не въ силахъ выдержать до воскресенья общанья, даннаго режиссеру, не въ силахъ бороться противъ тоски, имъ овладѣвшей; его настойчиво опять тянетъ въ уборную, къ столу, гдѣ едва виднѣется почти опорожненный графинъ водки. Онъ выпрямляется, потряхиваетъ головою и отходитъ отъ мальчика не-

твердыми шагами. Обликъ его постепенно затухаетъ окружающею темнотою, пропадаетъ наконецъ вовсе—и снова все вокругъ охватывается мракомъ и тишиною...

На слѣдующее утро, афишка цирка не возвѣщала упражненій „гуттаперчеваго мальчика.“ Имя его и потомъ не упоминалось; да и нельзя было: гуттаперчеваго мальчика уже не было на свѣтѣ.

Москва.
1882.

Лѣвецъ.

Рассказъ.

На Неаполитанскомъ заливѣ лежалъ золотой блескъ полуденнаго времени; весь берегъ отъ Портичи до Каstellамаре и Царенто залитъ былъ великолѣпнымъ свѣтомъ южнаго солнца; вдали высилась темносѣрая вершина Везувія, изъ которой выходилъ легкій прозрачный дымокъ. Передъ этимъ восхитительнымъ ландшафтомъ ширилось роскошное темносинее море во всей своей прозѣ и какъ-бы манило къ себѣ. Множество барокъ и ботовъ слегка покачивались на легкихъ волнахъ. Почти все суда Марини изъ Царенто, этого главнаго пункта, откуда предпринимаютъ поѣздки въ открытое море, и по ту сторону, въ Капри, были заняты. Небольшое общество, желавшее насладиться прогулкой по морю не могло найти ни одной для себя барки. Наконецъ былъ отысканъ, хотя черезчуръ большой, ботъ съ прочной обшивкой, и вся компанія, состоявшая изъ мужчинъ и дамъ, поспѣшно вошла въ него и вышла въ море при радостныхъ возгласахъ. Вскорѣ послышались звуки гитары и тихое пѣніе нѣсколькихъ голосовъ, которые становились все громче, полнѣе и задумевнѣе; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько сильныхъ, прелестныхъ голосовъ, и не отплывъ еще ботъ на $\frac{1}{4}$ часа разстоянія отъ берега, какъ далеко по волнамъ разнеслось восхитѣльнѣйшее пѣніе. Пассажиры другихъ барокъ и ботовъ, слушая со вниманіемъ, говорили: „это, конечно, синьоръ Барбайя со своими, я точно узналъ голосъ Фронари“—и дѣйствительно они не ошиблись.

Видный мужчина съ блестящими черными глазами, сидѣвшій посреди бота и отбивавшій рукой тактъ, былъ извѣстный и всѣми любимый синьоръ Доминико Барбайя, антрепренеръ оперы въ Неаполѣ. Красивая блондинка—пѣвица, примадонна Анжелина Фронари, любимица Неаполя. Рядомъ съ ней улыбающійся молодой человекъ съ веселымъ видомъ—первый теноръ Пьетро Загаста, кумиръ всѣхъ неаполитанскихъ дамъ и любимецъ всей остальной группы, не исключая и немного блѣднаго молодого человека, сидѣвшаго у руля, который задумчиво глядѣлъ большими глазами на прелестный берегъ моря—композитора группы Юхима Россини.

Между тѣмъ ботъ шелъ все далѣе и далѣе по волнамъ; чѣмъ болѣе берегъ завлакивался легкимъ туманомъ, тѣмъ болѣе и болѣе погружались пѣвцы и слушатели въ очаровательныя мелодіи, забывая обо всемъ окружающемъ. Нѣсколько часовъ находились они въ сладкомъ забытн, изъ котораго были внезапно приведены къ дѣйствительности словами лодочника; онъ подошелъ къ синьору Барбайя и просилъ позволить повернуть назадъ, такъ какъ на горизонтѣ видна грозовая туча. Это была неприятная помѣха; никто не желалъ, чтобы такая прелестная прогулка окончилась такъ скоро; все были противъ возвращенія.

— Маленькія облачка тамъ далеко не представляютъ никакой опасности! Они приближаются не ранѣе полуночи; кромѣ того было бы позитивно хоть разъ пережить небольшую грозу на морѣ. На губахъ лодочника мелькнула улыбка.

— Съ грозой будетъ и штормъ, замѣтилъ онъ; но если общество не боится этого, то не для чего измѣнять пути.

Все согласились и безъ малѣйшаго опасенія поплыли далѣе. Между тѣмъ облака сгущались. Порывъ вѣтра заволновалъ море, молнія нѣсколько разъ сверкнула на темномъ небѣ; вскорѣ забушевало море и стало кидать ботъ изъ стороны въ сторону. Надъ берегомъ уже стоялъ сѣрый туманъ, море все темнѣло и темнѣло. Многие были испуганы, особенно дамы, которыя требовали возвращенія назадъ. Но матросы, смотря на небо, качая головами и объявляя, что теперь это уже нельзя, непогода наступила раньше, чѣмъ они думали, и придется искать убѣжища на Капри. Штормъ становился все сильнѣе, волны подымались все выше и все грознѣе били въ бока бота; съ каждой минутой опасность возрастала. И ко всему этому еще къ боту приближалась лодка, съ пятью пассажирами, взывающими о помощи. Вѣроятно маленькое судно залило водой и оно готовилось съ минуты на минуту исчезнуть подъ волнами. Лодочникъ сдѣлалъ искусный поворотъ, которымъ близко подвинулъ ботъ къ баркѣ; дюжина рукъ поспѣшно схватили несчастныхъ и перетащили ихъ къ себѣ. Почти въ тотъ же моментъ барку залило водой. О благодарностяхъ и изліяннхъ не было и рѣчи. Теперь энергически старались достигнуть Капри; каждый дѣлалъ все, что только можно. Наконецъ удалось войти въ

гавань острова. Блѣдные и взволнованные пережитыми ощущеніями, сошли все на берегъ, вмѣстѣ съ пятью спасенными: тремя мужчинами и дамы. И только здѣсь, при свѣтѣ фонаря, они ближе разсмотрѣли другъ друга; съ обѣихъ сторонъ вырвались радостные возгласы удивленія. Директоръ Барбайя, синьоръ Загаста и синьоръ Россини дружески раскланивались съ достойнымъ и уважаемымъ старикомъ, маэстро Пезалло, съ его племянникомъ Никола Портеро и съ другомъ ихъ, богатымъ купцомъ Кольбрано; послѣдній представилъ обществу молодую даму, свою дочь, Изабеллу. Немедленно приступили къ совѣщанію, чтобы рѣшить, гдѣ устроить ночлегъ, и скоро пришли къ соглашенію предпринять еще небольшой лугъ до горъ Анакапри. Хотя приходилось подняться на довольно значительную высоту, гдѣ былъ расположенъ этотъ городокъ, но все уже вполне оправдилось послѣ пережитыхъ ужасовъ, ободрились духомъ и рѣшили еще немного помучиться, въ надеждѣ хорошо поужинать и хоть сколько нибудь удобно устроиться на ночлегѣ. Не смотря на все еще неистовствующую и ревущую бурю—все забыли о случившемся несчастіи, а синьоръ Кольбрано старался придать всему юмористическій оттѣнокъ. Онъ говорилъ, что слѣдовало бы позладоваться на оперу, за то, что она его, съ дочерью и друзьями, заставила подвергать жизнь свою опасности, обворожить своимъ пѣніемъ такъ, что они послѣдовали за ботомъ, не обращая вниманія на надвигающуюся бурю. Но онъ врагъ всякихъ процессовъ и рѣшилъ удовольствоваться только местомъ, которую и приведетъ въ исполненіе въ этотъ же вечеръ, т. е. онъ беретъ на себя заботу объ ужинѣ, который и устроилъ для общества въ маленькой гостинницѣ въ Анакапри превосходно. Шутки эти весело настроили общество, которое, подкрѣпившись, принялось опять за музыку. Фронари и Загаста исполнили нѣкоторыя арии Пезалло, а когда Никола Портеро, племянникъ Пезалло, напелъ цитру, Изабелла, мастерски игравшая на этомъ инструментѣ, исполнила, къ общему удовольствію, нѣсколько пьесъ. Сперва она сыграла нѣсколько арій Пезалло, а затѣмъ перешла къ фантазіямъ изъ „Танкреда“, оперы, которая въ то время считалась лучшимъ произведеніемъ Россини. Она такъ превосходно передавала характеръ мелодій, такъ безподобно оттѣняла ихъ. Все слышали ее съ восторгомъ, а сердца композиторовъ бились усиленно. Еще никто не исполнялъ съ такимъ совершенствомъ ихъ твореній. Когда Изабелла кончила, Россини подошелъ къ ней и отъ души поблагодарилъ за доставленное ему наслажденіе; онъ восторженно отзывался о техническомъ совершенствѣ ея игры и сдѣлалъ легкую оцѣнку относительно построения всей фантазіи. Казалось Изабеллѣ было очень приятно выслушать мнѣніе композитора. Она съ восхитительной улыбкой покачивала головою и, не стѣняясь, просила дать ей совѣтъ, какъ исправить тѣ недостатки, которые замѣчалъ Россини. По этому поводу у нихъ завязался оживленный разговоръ, который, не смотря на все старанія Никола Портеро и на общія просьбы продолжать музыку, Россини никакъ не могъ прервать; онъ прямо объявилъ Изабеллѣ, что въ первый разъ встрѣчаетъ женщину, которая бы такъ глубоко понимала музыку. Словомъ, Изабелла произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что, когда разговоръ прекратился, ему все время мерещилась хорошенькая головка, съ большими темными глазами и тонко очерченными ртомъ, который такъ мило ему взрѣдка улыбался.

На слѣдующее утро была прекрасная погода; бури какъ будто и не бывало. Синьоръ Кольбрано, находившійся въ самомъ веселомъ настроеніи духа, говорилъ, что, находясь на островѣ, непременно слѣдуетъ посѣтить знаменитыя развалины дворца Тиберія. Но такъ какъ для этого синьору Барбайя пришлось бы отложить пегепици, то нужно удовольствоваться пока проведеннымъ вечеромъ. Однако Кольбрано, разставаясь съ артистами и артистками Царенто, убѣдительно просилъ ихъ розыскать въ Неаполѣ его виллу и поддержать знакомство, которое началось благодаря такому особенному случаю. На приглашеніе синьора Кольбрано нѣсколько артистовъ вскорѣ посѣтили его развѣдочной, но чаще всѣхъ являлся Юхимъ Россини. Почти каждый разъ приносилъ онъ съ собой что нибудь новое, свои небольшія композиціи; здѣсь ихъ играли, восхищались ими, критиковали и часы летѣли какъ минуты. Между тѣмъ юныя сердца все больше и больше сближались, и вскорѣ Россини убѣ-

дился, что отступление уже не возможно и что если Изабелла не будет принадлежать ему, то спокойствие и счастье всей жизни для него потеряны. И однажды, вечером, он отважился сделать ей предложение. Счастливая, она готова была протянуть ему руки, так как давно уже ожидала признания, но одного сердечного влечения еще не было достаточно. Изабелла очень хорошо знала, что мечтою отца был ее брак с Николаю Портеро и что этот последний уже мало-по-малу начал выказывать к ней расположение; с своей же стороны она не питала к нему ничего и считала его пустым и не особенно далеким мальчиком, который в течение дня вечера в состоянии говорить только о кофе и рисе; но она с горечью решила, что с этим человеком ей все таки придется разделить жизнь. Когда же она познакомилась с гениальным Россини, то Николаю Портеро совершенно исчез из ее помыслов и она твердо была убеждена, что только ему, самим проводником посланному Юхиму, она должна принадлежать. Изабелла советовала, чтобы Россини сказал об своих намерениях отцу и просил его согласия на их брак. Но ему это казалось слишком рискованным и только после убедительных доводов сомнения его развеялись и он решился на окончательный шаг. Вскорь с этою целью, он сделал официальный визит синьору Кольбрано. Къ ужасу композитора, купец, высказанному в деликатной форме намерению, не выказал ни малейшего сочувствия; он так резко изменил свое всегда дружеское и любезное обхождение, что у бедного композитора последние слова будто застряли в гортани и он с большим усилием произнес их. Затѣмъ съ замирающимъ сердцемъ, полный ожидания, он устремилъ взоръ на синьора Кольбрано. Этотъ, подумавъ некоторое время, съ обычной живостью воскликнулъ:

— Что это за сумасшествіе! Я отошлю свою дочь в Римъ, къ тетю! Я вижу, что здѣсь она портится! А вамъ, синьору Россини, я съ сожалѣніемъ долженъ сообщить, что Изабелла уже почти просватана, но еслибъ она даже и была свободна, я не могъ бы отдать ее вамъ, это вышло бы слишкомъ въ разрѣзъ съ традиціями нашей фамиліи. Вы можете быть возражны, но что выдалъ же я свою родственницу за Пезіалло, но извините меня за откровенность, это могъ быть только Пезіалло и никто другой! Эти послѣднія слова задалъ самолюбивый композитор.

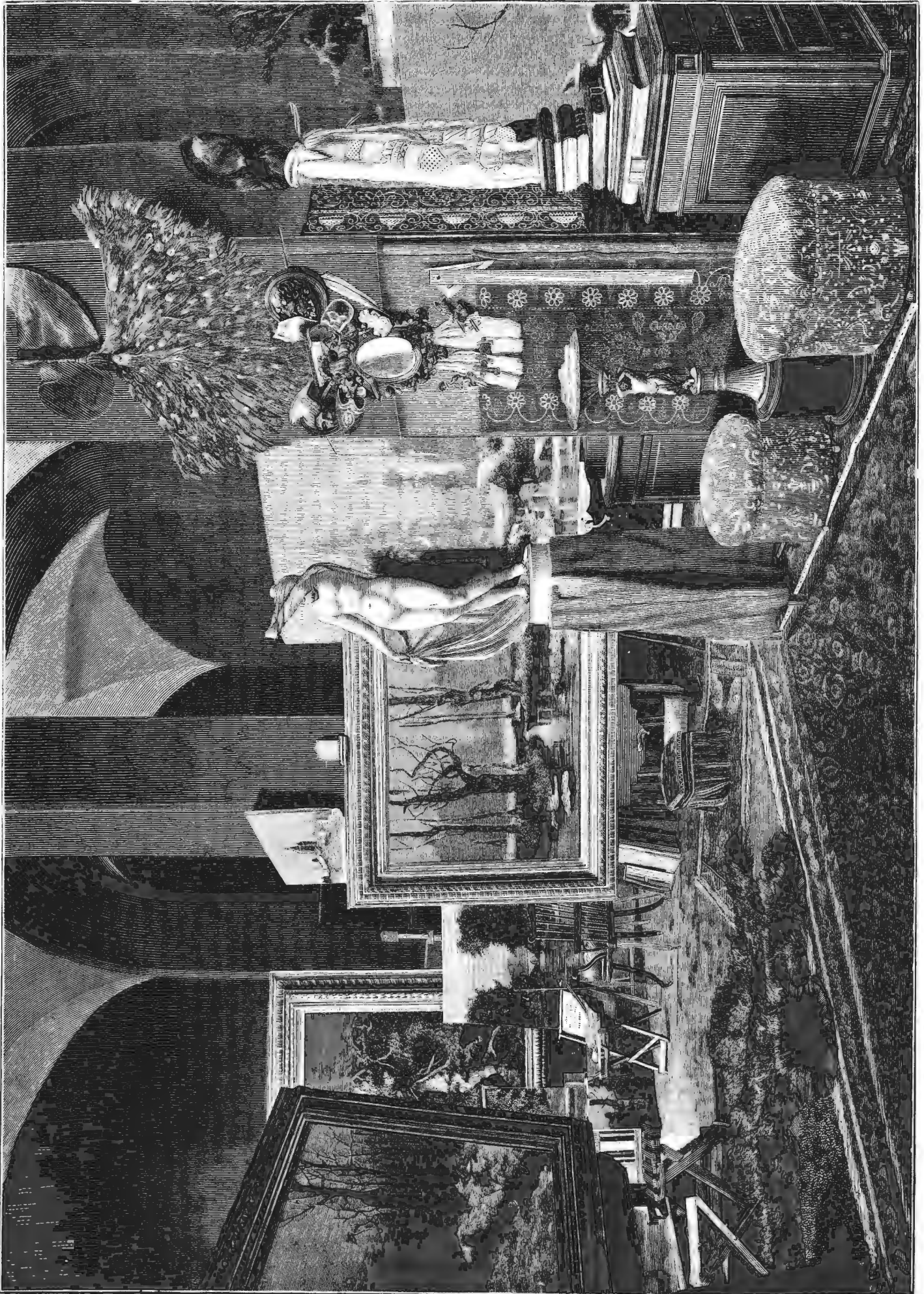
— Вы думаете, что Пезіалло стоитъ для меня недостижимо высоко?—Я съ полнымъ уваженіемъ отношусь къ вашему таланту, возразилъ Кольбрано. Вашъ „Танкредъ“ прекрасное произведение!

— Но все же въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, думаете вы про себя, сказалъ Россини, но вы при этомъ забываете, что я только что начинаю и что имѣю полное основаніе надеяться, что при настойчивости могу достигнуть почетнаго мѣста между композиторами Италіи.—„На это я ничего не возражу,—сказалъ купецъ,—я только замѣчу вамъ, что на основаніи опыта моей долговременной жизни, я положилъ себѣ за правило никогда не предпринимать ничего, основаннаго на надеждахъ“.— „И счастье вашей дочери вы также хотите устроить на коммерческихъ началахъ, не обращая вниманія на влеченіе сердца?“ блѣднѣя спросилъ Россини.—„Объ этомъ предоставьте знать мнѣ самому,—возразилъ Кольбрано съ холодной учтивостью:—и такъ какъ теперь представляется прекрасный случай...“ Россини не слушалъ, что говорилъ дальше Кольбрано; съ болѣзненно сжатымъ сердцемъ, онъ ушелъ, даже не простившись съ хозяиномъ. Очувтившись на улицѣ, онъ почувствовалъ себя немного легче; остановившись на мгновение, чтобы перевести духъ, онъ пошелъ быстрыми шагами отъ дома, въ которомъ пережилъ лучшія минуты своей жизни и самый горькій урокъ. Сначала онъ не сознавалъ, куда онъ идетъ, и направлялся только все дальше и дальше. Мысли путались въ его головѣ и ему все слышались причинившія глубокую боль слова: „Но за то вѣдь это былъ именно Пезіалло“; да, въ этихъ словахъ была доля горькой истины, онъ дѣйствительно не былъ Пезіалло, но онъ чувствовалъ, что могъ бы быть и выше его, еслибъ далъ возможность хоть разъ проявиться своему гению во всей его силѣ. Сначала талантъ служилъ ему средствомъ добыть себѣ кусокъ хлѣба, и онъ долженъ былъ угождать требованіямъ театральнымъ директоровъ, желавшихъ имѣть всегда разнообразную, легкую музыку. Вслѣдствіе этого у него только одинъ разъ явилось влеченіе къ основательному и серьезному творчеству, это въ его „Танкредѣ“, но онъ не повелъ дѣла дальше и вернулся вскорѣ опять къ легкой музыкѣ, и потому ему не казалось страннымъ сложившееся убѣжденіе, что въ „Танкредѣ“ онъ высказалъ всю силу своего творчества, самъ же онъ ясно чувствовалъ, что пойдетъ еще далеко и выдвинется дальше Пезіалло. Онъ рѣшилъ сбросить съ себя дѣло и наперекоръ синьору Барбайя оставить легкую музыку, и въ всѣхъ вліяній и требованій, дать волю своему таланту къ болѣе серьезнаго творчества, и тогда онъ вновь попытается добыть руки Изабеллы. Между тѣмъ онъ дошелъ до морскаго берега, сѣлъ на скалу, чтобы размыслить, что ему предпринять въ ближайшемъ будущемъ для достиженія своей цѣли. Онъ ясно сознавалъ, что слѣдуетъ написать оперу, но—съ какимъ сюжетомъ? Въ это время недалеко отъ себя онъ услышалъ громкій задумчивый смѣхъ; это его удивило. Онъ оглянулся.

въ 15 отъ него, выше на берегу, лежалъ спокойно растянувшись подъ оливковымъ деревомъ, другъ его Стребини, съ книгою въ рукахъ, которую внимательно читалъ. Внезпно, какъ бы обрадываясь къ кому нибудь, онъ воскликнулъ приподнявшись: „Per Dio! Такая прекрасная вещь была въ золотое старое время!“ Стребини оглянувшись и завидѣвъ пріятеля, моментально спустился внизъ. „Это превосходно,—говорилъ онъ весело,—добрые духи прислали тебя сюда; я только что пожелалъ, чтобы ты былъ здѣсь. Я кое что нашель, что создано для тебя—текстъ для оперы, лучше котораго ты себѣ представить не можешь!“ Россини смотрѣлъ недоувѣрчиво на друга; неужели его желанія такъ скоро могутъ осуществиться; тогда значить, онъ любимецъ боговъ.—„Да я тебѣ говорю серьезно,—продолжалъ Стребини и, взявъ подъ руку Россини, пошелъ по берегу.—„Гениальная книга, которая навела меня на эту мысль—это комедія Бомарше“.—„Но къ сожалѣнію онѣ уже переложены на музыку Моцартомъ и Пезіалло,—воскликнулъ Россини разочарованно.

— Моцартомъ,—возразилъ Стребини съ комическимъ нафосомъ,—это совершенно вѣрно, но мы не тронемъ его героевъ. Никому не пришло въ голову, что нѣтъ ничего лучшаго для композита, какъ „Свадьба Фигаро“. Я зналъ до сихъ поръ только текстъ оперы, а не самую комедію; сегодня она попала мнѣ въ руки и я только изумился ея остроумію, котораго Пезіалло не оцѣнилъ достойно. Ты выступишь въ другомъ свѣтѣ этого царя всѣхъ цирюльничковъ, хитраго, лукаваго Фигаро; ты иначе представишь прелестную, хитрую Розину; лучше охарактеризуешь надменно глупаго доктора Бартоло. О, я теперь уже представляю себѣ, какъ чудесно справишься ты со всѣмъ этимъ; я чувствую, что все это какъ бы создано для тебя“.— „И тогда я сделаюсь знаменитостью?“ сказалъ наконецъ Россини и при этомъ сообщилъ другу о своемъ горѣ. Стребини выслушалъ его со вниманіемъ и не изменилъ своего плана, а напротивъ, настойчиво потребовалъ съ него обѣщанія, немедленно приступить къ работѣ, какъ только у него въ рукахъ будетъ либретто, которое взялся составить самъ. Въ тот же день Стребини принялся за составленіе текста и работалъ съ такимъ рвеніемъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени передалъ его совершенно оконченнымъ Россини. Съ либретто оба друга отправились къ директору Барбайя и сообщили ему свои предположенія; Барбайя вполне одобрилъ планъ новой оперы, тотчасъ же написалъ контрактъ, который подписали композиторъ и авторъ либретто.

Россини принялъ все это съ удовольствіемъ, денежные обстоятельства его были въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Вернувшись домой, Россини далъ себѣ слово, которое и сдержалъ, что не выйдетъ изъ дому до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ своей задачи, и съ рвеніемъ, какаго онъ въ себѣ прежде не замѣчалъ, углубился въ работу. И какъ только рука его опускалась отъ утомленія, воображеніе рисовало ему образъ милой Изабеллы и въ тоже время ему чудилось, что онъ слышитъ голосъ стараго Кольбрано: „но это вѣдь былъ самъ Пезіалло.“ Тогда онъ снѣшилъ сосредоточиться и восхитительныя мелодіи лились потокомъ изъ-подъ его пера. Работа подвигалась и когда однажды, въ концѣ января 1816 года, Стребини навѣстилъ своего друга, этотъ послѣдній сообщилъ, что пишеть послѣднее тріо и заключительную арію и что остается только увертюра. Это сильно обрадовало Стребини, онъ обнялъ композитора и отъ души расцѣловалъ его, затѣмъ взялъ партитуру, сѣлъ къ клавишамъ и проигралъ сцену за сценой. При извѣстной веселой каватинѣ Фигаро онъ воскликнулъ отъ радости; тѣмъ дальше онъ игралъ, тѣмъ больше росъ его восторгъ. Такой прелестной свѣжей музыки, такого веселаго юмора ему даже и не снилось; никогда онъ не могъ предположить ничего подобнаго. Послѣ финальнаго аккорда Стребини вскочилъ съ мѣста, и обнявъ Россини въ волненіи, воскликнулъ: „ты создалъ произведение образцовое, оно сдѣлаетъ тебѣ бессмертное имя, оно сдѣлаетъ тебя счастливымъ и отдастъ тебѣ ту, которую ты такъ любишь. Не забывай тогда твоего стараго друга, у котораго нѣтъ силъ такъ высоко парить за тобой.“ Такой похвалой друга Россини былъ сильно смущенъ, онъ не ожидалъ такого успѣха; хотя онъ и много трудился, но все же это ему далось безъ особеннаго усилія. Стребини не далъ ему дальше писать, онъ взялъ композитора за руку, собралъ партитуру и повелъ его къ Барбайя. Выслушавъ оперу съ начала до конца, директоръ, какъ человекъ лучше понимавшій музыку, чѣмъ авторъ либретто, сразу оцѣнилъ достоинство композиціи и не мѣшкалъ рѣшить, что опера должна быть какъ можно скорѣе поставлена на сцену. Вскорѣ разнеслась повсюду вѣсть, что Россини написалъ новую оперу и что либретто заимствовано изъ того же источника, который уже послужилъ текстомъ для Пезіалло. Всѣ поклонники стараго маэстро были сильно заинтересованы, желая видѣть, что сдѣлаетъ новаго съ этимъ матеріаломъ молодой начинающій композиторъ и были сильно возмущены, когда всѣ заговорили, что трудъ этотъ превосходенъ. Они считали оскорбленіемъ для стараго маэстро попытку молодого композитора создать лучшее изъ того матеріала, которымъ уже пользовался Пезіалло. Но поклонники Россини думали иначе. Такимъ образомъ публика разбилась на два лагеря, которые все болѣе и болѣе враждовали между собой. Сто-

Мастерская профессора Ю. Ю. Клевера въ Слб. Имп. Акад. Худож. Съ фотогр. Вишнякова грав. М. Рашевскій.

Гора Ватцманъ въ Верхней Баваріи. Съ картины Фарбаха, грав. Бонгъ.

ронники Пезизлло озлобились еще сильнѣй, когда увидѣли, что Россини этимъ путемъ хочетъ добиться руки, уже почти помолвленной за племянника Пезизлло, богатой Изабеллы Кольбрано и такимъ образомъ нанести старику двойной ударъ. Между тѣмъ постановка и разучиваніе новой оперы шли своими порядкомъ и быстро подвигались впередъ. Такое сильное возбужденіе въ публикѣ породило въ душѣ Россини сомнѣніе относительно успѣха его оперы, онъ былъ такъ разстроены, что не могъ собраться съ силами написать увертюру. Когда же къ дню представленія ее настоятельно потребовалъ Барбайя, онъ вдругъ, въ одинъ присѣсть окончилъ партитуру и еще сырую рукопись тотчасъ же отдалъ переписчикамъ для расписыванія по голосамъ. Оркестръ едва успѣлъ одинъ разъ прорестировать ее передъ представленіемъ. Въ театрѣ между тѣмъ уже толпилась безпокойная публика, ожидая начала. Всѣ находились буквально въ дихорачномъ возбужденіи, ожидая, что должно произойти нѣчто необычное. Съ началомъ увертюры публика нѣсколько успокоилась; поднялся занавѣсъ, и изъ первыхъ рядовъ, гдѣ былъ Никола Портеро со своими, послышались непріятные голоса и ропотъ. Когда же появился Фигаро, началось шиканье, свистъ, шумъ и говоръ, такъ что бѣдный пѣвецъ, нѣкто Зоммини, едва довелъ до конца свою живую пѣсню. Шумъ увеличился еще болѣе при появленіи на сцену Розины. Одобренія, выражаемыя друзьями Россини, еще болѣе озлобили противную сторону; однако публика еще сдерживала себя до нѣкоторой степени, потому что партію Розины исполняла обаяющая любимица Фронари. Но вотъ на сценѣ остался одинъ докторъ Бартоло, и разразился неудержимый шумъ, который еще болѣе увеличивали сторонники Россини; дѣло близилось къ открытому столкновению. Дѣйствительно къ концу представленія болѣе пылки поклонники перешли къ насилию и говорятъ, что юный композиторъ чуть не съ опасностью жизни выбрался изъ театра. Въ тотъ же вечеръ сторонники Пезизлло распустили слухъ, что поवाल опера провалилась самымъ печальнымъ образомъ и вѣроятно болѣе не появится на сценѣ. Но директоръ Барбайя и послѣ первого представленія не измѣнилъ своего мнѣнія о новомъ произведеніи Россини и взялъ на себя смѣлость поставить оперу во второй разъ въ ближайшій день. Но тутъ встрѣтились затрудненія: во время суматохи первого представленія увертюра и партія Розины затерялись, Россини же былъ такъ разстроены и огорченъ случившимся, что рѣшительно не могъ возстановить ее во второй разъ. Пришлось увертюру замѣнить другимъ произведеніемъ Россини „Елизавета“,—это и доселѣ играютъ всегда передъ началомъ „Севильскаго Цирюльника“; между тѣмъ вѣсто потерянной арии Розины за урокомъ Фронари переложилъ другую арию; такимъ образомъ всѣ непріятствія были устранены и опера пошла во второй разъ. Россини, однако, не рѣшался такъ скоро появиться въ театрѣ и не присутствовалъ при второмъ представленіи. Шиканье и шумъ, которые поднялись съ перваго же акта, были энергично остановлены большинствомъ; когда же появился Фигаро со своей игривой коватиной, начались рукоплесканія и громкія одобренія, и съ этого момента судьба этого музыкальнаго произведенія была рѣшена навѣки. Когда въ концѣ представленія опустился занавѣсъ, то самымъ восторжен-

нымъ одобреніемъ не было конца; директоръ Барбайя говорилъ, что много, много лѣтъ ему не приходилось видѣть ничего подобнаго. Тысячи голосовъ требовали композитора и такъ какъ его не было въ театрѣ, то вышелъ Барбайя и объявилъ, что Россини послѣ всѣхъ непріятностей не захотѣлъ присутствовать при второмъ представленіи. Это еще болѣе увеличило всеобщее воодушевленіе. „Идемъ къ нему и выразимъ ему нашъ восторгъ и почтваніе,“—заговорили вездѣ по залѣ. И вся публика, артисты и артистки отирались въ путь. Передъ скромнымъ домикомъ Россини пѣвецъ Загаста выступилъ вперёдъ и пропѣлъ арію Альмавивы и нѣкоторые отрывки изъ перваго акта оперы. Изумленный Россини появился у окна и увидѣлъ эту толпу. На встрѣчу ему понеслись громкія привѣтствія. Съ этого момента онъ былъ героемъ дня. Слава о немъ быстро разнеслась по всей Италіи. Уже черезъ нѣсколько дней Барбайя принужденъ былъ уступить просьбамъ герцога Цезарини, собственника театра въ Римѣ, ѣхать туда со своей труппой на нѣсколько представлений „Севильскаго Цирюльника.“ Здѣсь опера эта подверглась вторично шиканію со стороны приверженцевъ Пезизлло, но здѣсь свистки были подавлены еще съ большимъ энтузіазмомъ. Возвращеніе Россини и Барбайя въ Неаполь было настоящимъ триумфомъ, и композиторъ рѣшилъ, что настало время, когда можно еще разъ посѣтить виллу Кольбрано. Теперь почтенный купецъ могъ отказать ему въ рукѣ дочери, если только онъ этого брака не хотѣлъ вообще. Это конечно могло случиться и потому для Россини шагъ этотъ былъ очень труденъ. Почти тотчасъ же, какъ онъ переступилъ порогъ виллы, боковая дверь открылась, въ ней появилась Изабелла и бросилась въ его объятія. „Я не ошиблась, я не ошиблась въ тебѣ, мой милый!“ повторяла она и слезы радости струились изъ ея глазъ. „Но быть можетъ онъ возгордился вышавшимъ на его долю счастьемъ,“ говорили мнѣ, „и не захочетъ даже вспомнить о своей Изабеллѣ,“ но я этому не вѣрила; я изнывала отъ горли и печали. Наконецъ то ты на вѣки мой!“ При этомъ она запечатлѣла глубокой поцѣлуй на его губахъ. Въ это время влѣво отъ Россини открылась дверь и въ ней показался синьоръ Кольбрано съ распростертыми къ композитору руками. — „Простите-ли вы меня?“ воскликнулъ онъ. — „Оставимъ прошлое“,—возразилъ Россини, протягивая руку. — „Насладимся вполнѣ, безъ омраченія, настоящимъ. Вѣдь мы счастливы?“ Съ этимъ исчезла послѣдняя тѣнь и Россини такимъ образомъ вступилъ въ новый фазисъ жизни, который имѣлъ для него только свѣтлую и счастливую сторону. Вскорѣ Кольбрано устроилъ блестящую свадьбу, на которой, конечно, присутствовалъ директоръ Барбайя, дорогой Стербини, Фронари, Загаста, также не обошлось дѣло и безъ веселаго „Цирюльника“ Зоммини. Спустя нѣкоторое время, юная парочка отправилась путешествовать и побывала въ Германіи, Англіи, Франціи; всюду ихъ встрѣчали съ восторгомъ и почестями. Изабелла, какъ нѣжно, глубоко любящая супруга, заботилась, во время этихъ путешествій, и оберегала отъ безпокойства своего ѣзано любимаго супруга. Въ Парижѣ и въ Пасси они оставались долгое время и устроились своимъ домомъ. Здѣсь композиторъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ произведений, наиримѣръ, „Вильгельмъ Телль“.

Высочайшія въ мірѣ зданія и памятники.

(Рис. на стр. 52 и 53).

Давно ли смертные стремятся подражать своими дѣлами гордымъ сооруженіямъ вѣчной природы? Давно-ли они создаютъ постройки, превосходящія вышиною высочайшія деревья и размерами напоминающія горы. Въ туманѣ первыхъ сказаній о человѣкѣ теряются первыя извѣстія объ этихъ могучихъ стремленіяхъ. Такъ, въ Библіи говорится о Вавилонской башнѣ: въ поэтическомъ сказаніи о греческихъ богахъ существуетъ преданіе о титанахъ, накладывавшихъ одну на другую горы, съ цѣлью завоеванія Олимпа. Изъ мрака исторіи выступаютъ первыя гигантскія постройки, пирамиды, названіе которыхъ происходитъ отъ древне-египетскаго слова *pi-gata* (гора) и который указываютъ на ту борьбу, которую съ давнихъ поръ вела съ природой слабая человѣческая рука.

Къ быстрому странствованію черезъ столѣтія и страны приглашаемъ мы нашихъ читателей. Займемся обзоромъ архитектурныхъ знаменитыхъ памятниковъ различныхъ поколѣній, гробницъ королей и героевъ, храмовъ и дворцовъ, мостовъ и водопроводовъ. Не будемъ однако останавливаться ни надъ ихъ красотою и великолѣпіемъ, ни надъ ихъ назначеніемъ и пользою, а займемся исключительно ихъ относительною гигантскою высотой.

Мы начнемъ разумѣется съ нашихъ отечественныхъ зданій и памятниковъ. Слѣва, съ краю нашей картины возвышается знаменитая колокольня Ивана Великаго, воздвигнутая при Царѣ Борисѣ Годуновѣ архитекторомъ Вильне въ 1600 г. Вышина ея 46 саж. 2 арш. съ крестомъ. Всѣхъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ 34; Успенскій, самый большой, имѣетъ 4,000 пуд. вѣсу. Близъ нея изображенъ Царь-Колоколъ, не менѣе пользующійся всенародною извѣстностью. Онъ вылитъ при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ въ 1654 г., вѣситъ 8,000 пуд., вышиною

въ 1³/₄ саж. съ крестомъ и висѣтъ подлѣ Ивановской колокольни, но въ пожаръ 19 іюня 1700 г. онъ упалъ и разбился. Полагали строить для него особую колокольню, но послѣ неудачныхъ попытокъ поставили его на гранитномъ пьедесталѣ, гдѣ онъ находится и нынѣ. Затѣмъ слѣдуетъ величественный Исаакіевскій соборъ, построенный вѣсто сгорѣвшей церкви Исаакія Далматскаго. При Императорѣ Александрѣ I приступлено было къ сооруженію собора по плану Монферрана въ 1818 г. и окончена постройка лишь въ 1858 г. Вышина собора 57 саж.

Памятникъ Петра I, изображенный близъ собора, имѣетъ вышины 4³/₄ саж. и подробныя свѣдѣнія о немъ были помѣщены у насъ въ „Нивѣ“ 1882 г. № 32, при рисункѣ г. Гиндича, по поводу исполнѣннаго столѣтія со дня открытія его 7 августа 1782 г. Сзади его возвышается шпиль Адмиралтейства, названный Пушкинымъ „Адмиралтейская игла“, вышиною 33 сажени. Здѣсь въ 1705 г. Петръ I основалъ верфи для постройки мореходныхъ судовъ; зданіе носитъ названіе Адмиралтейской крѣпости, Главнаго Адмиралтейства и слишкомъ извѣстно каждому петербуржцу. Наконецъ Сухарева башня, вышиною 35 сажень, построенная въ 1692 г. Петромъ I въ память вѣрности и преданности Царю Стрѣлецкаго *Сухарева* полка. Видъ башни и подробное ея описаніе были помѣщены въ „Нивѣ“ 1870 г.

Самыя громадныя между древними сооруженіями, это пирамиды Хеопса и Цефрена, построенныя около 3730 и 3660 гг. до Р. X.; впродолженіи многихъ столѣтій онѣ были высочайшими постройками въ мірѣ и по нынѣ, на священныя берега Нила, свидѣтельствуютъ о величии человѣка. Страннымъ образомъ эти гигантскія постройки посвящались не богамъ, какъ наши высочайшія церкви, не служили жилищемъ великихъ міра, но были гробницами фараоновъ.

На подобіе громаднымъ вершинамъ горъ онѣ не поддаются ни сокрушающему времени, ни рукѣ человека. Къ нимъ приходили, селились и уходили народы, около нихъ воздвигались другія громадныя постройки и онѣ видѣли ихъ разрушеніе. Онѣ видѣли, какъ символы постоянства — громадные обелиски, сдѣланные изъ одного камня и привезенные по водамъ Нила, съ далекихъ горъ, въ доину Египта, точно въ памѣтку на цѣ ихъ значеніемъ были сняты съ своихъ мѣсть и увезены во вѣ страны свѣта. И хотя много мѣнялось у нихъ погѣ, онѣ сохранились за собою мѣсто и право, какъ всемогущая смерть, которой снѣ обязаны своимъ возникновеніемъ.

Но оставимъ суровые памятники и обратимся къ странѣ, которая считается колыбелью человѣческаго рода. Въ сказочной Индіи напрасно мы будемъ отыскивать странныхъ, равняющихся высотой съ пирамидами. Другіе народы, другіе обычаи! Послѣдствіе за шестидесять набожныхъ странниковъ въ вѣ Джагернатъ, Менку браманна ма, но большой праздникъ колесницы, бывающій тамъ ежегодно въ іюнь или въ іюль. Отвратительно лицо Идола, котораго вѣрующіе в аутъ на высокой Колесницѣ, дикъ фанатизмъ, съ которымъ нѣкоторые бродятъ подъ колесами и залупаютъ большіе храмы, обойти который кругомъ нужно нѣсколько часовъ. Здѣсь находится высочайшая постройка Индіи, Джагернатская пагода, возвышающаяся надъ соединеніемъ колоннъ и крытыхъ галлерей.

Съ этой пагодой соперничаетъ въ высотѣ другая азіатская постройка, сохранившаяся еще между развалинами стараго Дели. Нѣкогда городъ этотъ славился великолѣпнѣе своихъ дворцовъ, на разрушенныхъ воротахъ одного изъ которыхъ, видна еще персидская надпись: „Если есть рай на землѣ, то это здѣсь, то это здѣсь, то это здѣсь“. Въ Дели находился замѣчательный павильонъ тронъ Великаго Могола, сдѣланный изъ золота и украшенный алмазами и другими драгоценными камнями. Тронъ отъняли два павильона, открытые хвосты которыхъ были сдѣланы изъ дорогихъ камней: тронъ крокъ того былъ украшенъ полугамамъ, сдѣланнымъ изъ цѣльнаго изумруда. Стоимость трона равнялась 100 милліонамъ рублей. Въ 1738 г. персидскій шахъ Надиръ побѣдоносно вступилъ въ Дели; онъ завладѣлъ трономъ и разрушилъ городъ, только одна башня въ 35 с. 1/2 ар. вышины устояла во время паденія города Дели; и понынѣ она возбуждаетъ всеобщее удивленіе дорогимъ матеріаломъ и красотой постройки. Это — Башня Кутабъ-Минаръ, построенная въ началѣ тринадцатаго столѣтія; предполагать, что это башня разрушенной мечети.

Для насъ однако чужды этотъ міръ, малоизвѣстны его обычаи и нравы и его постройки. Обратимся же къ странамъ, въ которыхъ возрасла наша культура и искусство, — къ европейскимъ берегамъ Средиземнаго моря. Въ пылы и развалинахъ съ незапамятныхъ временъ покоятся здѣсь постройки греческаго генія, и только нѣкоторыя гигантскія зданія Рима, съ ихъ необъятной вышины взрываютъ на памѣтливую жизнь человека.

Въ столицѣ новонародившейся Италиі, на площади Траяна возвышается еще триумфальная колонна, построенная въ 113 г. послѣ Р. Х. римскимъ народомъ и сенатомъ въ честь Траяна. Драгоценный ея постаментъ служилъ гробницею для непа императора, стоящая же на немъ колонна считается до сихъ поръ высочайшимъ памятникомъ въ мірѣ. Въ вѣчномъ городѣ находится еще другое высокое зданіе, устоявшее несмотря на восемнадцатый столѣтіе — это храмъ Пантеонъ, посвященный всѣмъ богамъ, настоящій символъ римскаго мірваго владычества.

Но языческій храмъ не можетъ сравниться высотой съ величайшими христіанскими церквами. Высоко надъ Пантеономъ поднимается крестъ знаменитаго собора Петра въ Римѣ, и еще выше этого зданія нѣкоторые соборы Германіи, какъ напримеръ Кельскій соборъ, высочайшая постройка всѣхъ временъ и странъ.

Не столько вышиною, сколько своеобразнымъ наклоннымъ положеніемъ, замѣчательны нѣкоторыя башни въ Пизѣ и Болоннѣ. Колокольня въ Пизѣ вѣстна своими семью музикально подобранными колоколами и заслуживаетъ занять извѣстное мѣсто въ исторіи наукъ, такъ какъ именно въ ней Галилей производилъ важнѣйшіе опыты, на которыхъ онъ основывалъ безсмертную механику законовъ паденія — 26 с. 2 1/4 ар. вышины. Башня Гаризенда и вторая наклонная башня въ Болоннѣ также, какъ и Пизанская башня, выстроены въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія.

Отъ храмовъ, посвященныхъ Богу, перейдемъ къ триумфаль-

нымъ колоннамъ и аркамъ. Многія изъ нихъ построены въ давние годы и возникновеніе ихъ еще свѣжо въ нашей памяти. Вѣдкіе историческіе перевороты связаны съ ихъ именами: могущественныя дѣла силы обозначены на ихъ цоколяхъ.

Многимъ извѣстенъ памятникъ Германа въ Тентобургскомъ лѣсу, произведеніе Эрнста Бенделя, увѣячпаное мѣдной гигантской фигурой. Открытіе этого памятника происходило 16 августа 1875 г. въ присутствіи Германскаго Императора.

Очень высокой памятникъ на площади Бастиліи въ Парижѣ, такъ называемая Іюльская колонна напоминаетъ о разрушеніи тюрьмы; подъ нею покоятся многіе граждане, павшіе въ іюль 1830 г.

Въ Мюнхенѣ находится колоссальная статуя Баваріи, стоящая на дугу Терезіи. На мраморномъ, въ 4 с. 1/2 ар. вышины, цоколя, помѣщается громадная статуя, вышиною въ 7 с. 1 1/2 ар.; въ лѣвой поднятой рукѣ она держитъ лавровый вѣнокъ, правую упрямаетъ на мечъ; около нея стоитъ баварскій левъ. Колосъ этотъ, вѣсомъ въ 3852 пуда, былъ отлитъ Фердинандомъ Миллеромъ по модели Лудвига Шванталера, изъ турецкихъ пушекъ, вынутыхъ изъ моря послѣ битвы подъ Навариномъ. Внутри статуи до самой ея головы идетъ желѣзная лѣстница. А въ головѣ стоятъ два дивана, на которыхъ можетъ помѣститься 6 человекъ. Другой подобный колосъ находится около Каселя. На восьмидесятифутовой замка Вильгельмстеге стоитъ пирамида изъ громадныхъ камней, а на вершинѣ ея стоитъ мѣдное подражаніе французскаго Геркулеса. Лѣстница ведетъ до бедра Геркулеса, которое можетъ считаться величайшимъ въ мірѣ, такъ какъ внутри его могутъ помѣститься отъ 8 до 10 человекъ. *Великій Христофоръ* такъ называлъ народъ греческаго героя; поставленъ въ 1717 году.

Въ другихъ европейскихъ странахъ, въ высотѣ между собою соперничаютъ: Александровская колонна въ С.-Петербурѣ, находящаяся передъ Зимнимъ Дворцомъ, и Пожарная башня въ Лондонѣ. Последняя стоить на мѣстѣ, гдѣ въ 1666 году начался большой пожаръ. Сдѣланныя Вреномъ въ 1671—1677 гг. она представляетъ дорическую колонну съ золотымъ огненнымъ шаромъ на вершинѣ. Прежде на цоколя колонны находилась надпись, въ которой виною пожара были названы католики. Въ позднѣйшія времена надпись эта была стѣра.

Самый высокій памятникъ, статуя Свободы, находится въ Нью-Йоркѣ.

Кромѣ всеобщаго памятникотъ, позидѣйшіе народы, на подобіе Римлянъ, строили еще триумфальныя арки. Высочайшею изъ нихъ считается триумфальная арка Звѣзды въ Парижѣ. Сооруженіе ея предполагено было Наполеономъ первымъ; приведено въ исполненіе только при Лудовикѣ-Филиппѣ. Затѣмъ слѣдуютъ Бранденбургскія ворота въ Берлинѣ, выстроенныя въ 1789—1793 гг., по образцу Афинскихъ Пропилей и украшенныя богиней Побѣды, въ четырехкошную колесницу.

Между городскими высокими зданіями, слѣдуетъ упомянуть еще ратуши, между которыми замѣчательны Бресельская и Новая Берлинская ратуша. Последняя выстроена между 1860—1870 гг. и башня ея имѣетъ 41 саж. 1 арш. вышины.

Упомянувъ о ратушахъ, мы коснулись области тѣхъ построекъ, которыя служатъ исключительно практическимъ цѣлямъ.

Въ борьбѣ за существованіе человекъ повсе не страшился вышины и сумѣлъ построить маяки, тасыны и мосты, которыхъ высота можетъ выдержать сравненіе съ башнями. Своими величественными водопроводами славился древній Римъ; сохранившійся до сихъ поръ водопроводъ Траяна въ Сеговиі возбуждаетъ всеобщее удивленіе. Выстроенный изъ гранитныхъ плитъ, водопроводъ этотъ, на 159 двойныхъ аркахъ, простирается надъ испанскимъ городомъ на высотѣ 15 с. 1 1/2 арш. и еще теперь служитъ предназначенной цѣли.

Еще смѣлѣе постройка Остготскаго короля Теодориха, въ 500 г. послѣ Р. Х., около Сполето водопровода, средніе пиластры котораго, стоявшіе въ лѣсномъ ручьѣ Марреджіа, возвышались на 33 с. 2 2/2 арш.

На Саксонско-Баварской дорогѣ, около Нетцнава, между Рейхенбахомъ и Пляценомъ, находится громадный мостъ. Въ заключеніе слѣдуетъ назвать два моста, считающіеся высочайшими въ мірѣ: состоящій изъ громадныхъ желѣзныхъ трубъ, въ который възвѣшаютъ желѣзно-оружные поезда, Британскій мостъ, пролегающій черезъ улицу Менаи въ Бангорѣ, гигантское сооруженіе, оконченное 5 марта 1849 г. сыномъ извѣстнаго Георга Стефенсона, Робертомъ Стефенсономъ и мостъ Истъ-Риверъ въ Нью-Йоркѣ.

Къ рисункамъ.

Блудный сынъ.

(Рисуи. на страи. 57).

Чудная, трогательная и итча о блудномъ сынѣ много разъ служила темой вдохновенныхъ произведеній живописи и поэзіи. При ея высокой простотѣ, тутъ такая глубина значенія, такая сила чувства, которыя даютъ художнику возможность ея достойной обработки. Въ числѣ темъ, заданныхъ нынѣ Академіей на конкурсѣ, была и эта итча, трактованная нѣсколькими художниками. Изъ этихъ работъ мы представляемъ читателямъ

копію съ одной картины молодого художника, г. Смирнова. Поза юности, выражающая мольбу о прощеніи и раскаяніи, стремительное движеніе главы семейства, сіяющая въ его лицѣ радость отцовской любви — все это передаво съ экспрессіей и свѣжестью, заслуживающими призмѣчанія. Картина эта получила на повкурьѣ вторую серебряную медаль.

Мастерская профессора Ю. Ю. Клевера.

(Рис. на стр. 60).

На страницахъ „Шинъ“ неоднократно помѣщались копія про-

изведеній высокоталантливаго профессора нашей академіи, оригинальнаго и блестящаго пейзажиста Ю. Ю. Клевера. Мастерская профессора, автора стольких поэтических произведеній, та мастерская, гдѣ задумываются они и выполняются, находится въ зданіи Академіи Художествъ (также какъ и мастерская профессора Якобіа, видъ которой помѣщенъ былъ въ № 2 „Пивы“ прошлаго года) и выходитъ на 3-ю линію Васильевскаго острова. Огромныя окна Академіи даютъ столько свѣту, что вся ея изящная обстановка выдѣляется сразу и рельефно. Разумѣется лучшія украшенія студиі—это прелестныя картины самого профессора. Слѣва, съ краю, на нашемъ рисункѣ видна его извѣстная „Лѣсная глушь“, поэтическое воспоминаніе объ любопытной побѣдѣ художника на островѣ Наргенъ (въ 25 вер. отъ Ревеля) въ 1879 году, которая у насъ была въ свое время подробно описана. Этотъ удивительный и оригинальный островокъ, такъ мирно живущій своею жизнью среди бушующихъ морскихъ валовъ и своихъ дремучихъ, заглохшихъ лѣсовъ, далъ вообще нѣсколько превосходныхъ мотивовъ нашему художнику. „Лѣсная глушь“, какъ извѣстно, составляетъ собственность извѣстнаго собирателя картинъ г. Третьякова. Затѣмъ видны картины „Осенній разливъ“, поэтической „Запущенный паркъ“, а за ними часть новой прекрасной картины „Красная шапочка“, гдѣ въ глухомъ дремучемъ лѣсу изображена „Красная шапочка“ и за деревомъ притаившейся, тотъ волкъ, который притворился, по сказкѣ, бабушкой бѣдной „Красной шапочки“. Справа въ широкой великолѣпной рамѣ „Зимній пейзажъ“ и на первомъ планѣ у столба свода поставлена статуя Лаврецаго „Родона“. Вся обстановка студиі производитъ приятное и изящное впечатлѣніе, и изображение посетителя, разсматривающаго здѣсь произведенія художника, сосредоточивается, наполняется мирными и ясными картинами природы, столь чудной въ своей красотѣ и удивленій и могучемъ затишьи. Глазъ его занимаютъ чудные переливы свѣта сѣверныхъ зорь, тихимъ свѣтомъ заходящаго зимняго солнца, зажигающаго огоньки на снѣжныхъ гнѣздахъ деревьевъ, на бѣлыхъ стволахъ березъ, пронизывающаго своими лучами дремучую чащу или багровыми пламенемъ осенняго вечера, которое какъ то осязающе-величественно, если позволено будетъ такъ выразиться, догораетъ въ дремучемъ лѣсу. Это не то что тревожное и всегда нѣсколько разбросанное впечатлѣніе жарна, или потрясающаго драма исторической картины, пробуждающихъ всегда другія представленія и чувства. Здѣсь вы въ какомъ-то словно родномъ, миломъ сердцу вашему мірѣ—мірѣ природы, которая дорога и близка даже самому черствому человѣку,—и повторяемъ, лучшими украшеніями изящной мастерской нашего талантливаго пейзажиста останутся всегда его произведенія.

Гора Ватцманъ въ Верхней Баваріи.

(Рис. на стр. 61).

На пастъ, жителей долины, выдающихъ въ первый разъ горы, онѣ производятъ величественное и подавляющее впечатлѣніе: чувствуешь свое ничтожество передъ этими живописными громадами, бѣлыми своими сѣдими, снѣжными главами, пока побѣдъ съ громомъ мыслится между ихъ отвѣсными стѣнами и скалами, съ которыхъ съ шумомъ низвергаются потоки, и изъ окна вагона не видно иногда ничего, кромѣ каменныхъ громадъ. А потомъ, когда входишь на горы, непривычное ощущение смущаетъ и подавляетъ: смотришь внизъ на едва видный пятна деревень и городковъ внизу, слышишь въ горахъ звонки стада или рѣзкій звукъ наступающаго рожка... Горы Верхней Баваріи поражаютъ своею живописностью, и одинъ изъ видовъ, взятый извѣстнѣйшимъ пейзажистомъ Фарбахомъ, мы представляемъ здѣсь. Двухъвершинная гора Ватцманъ возвышается на 2684 метра надъ поверхностью моря; она принадлежитъ къ Берхтесгаденской группѣ и находится въ округѣ Верхней Баваріи, на западной сторонѣ Королевскаго озера. Часто восхвалялись поэтами и описывались путешественниками эти чрезвычайно живописныя горы: вершины ихъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и они мощно воздымаютъ свои вершины къ вѣчному небу. Народъ говоритъ: „великъ и могучъ нашъ Берхтесгаденъ“. Какъ разъ противъ Берхтесгадена, король Баварскій Максимилианъ, отецъ нынѣшняго короля Людвига, выстроилъ прекрасный деревенскій замокъ. Пейзажистъ Фарбахъ родился въ 1835 г. въ Гейдельбергѣ. Онъ стяжалъ извѣстность своими прелестными горными ландшафтами и лѣсными пейзажами.

Сожиганіе труповъ въ Готѣ.

(Рис. на стр. 65).

Первые практическіе опыты сожиганія труповъ произведены были въ Италіи, именно 22-го января 1876 года въ Миланѣ, на кладбищѣ Темпіо crematorio. Въ Германіи первое погребеніе огнемъ происходило 10-го декабря 1878 г. на Новомъ кладбищѣ въ Готѣ, въ выстроенномъ тамъ помѣщеніи для сожиганія, гдѣ въ августѣ 1882 года было сожжено 85 труповъ. На нашемъ рисункѣ, вверху представлено вышеупомянутое зданіе для сожиганія труповъ, находящееся въ получасовомъ разстояніи отъ Готы, на Новомъ кладбищѣ; остальные два наброска наглядно представляютъ весь процессъ сожиганія. Все зданіе

имѣетъ продолговатую форму, въ серединѣ его находятся мѣста для урнъ съ пепломъ. на правомъ крылѣ отведено мѣсто для церковной службы, внизу же помѣщаются приспособленія для сожиганія; лѣвое крыло занято мертвецкой, комнатою для вскрытія и помѣщеніемъ кладбищенскихъ сторожей. Въ помѣщеніи, отведенномъ для церковнаго отпѣванія, гробъ ставится на катафалкъ, въ которомъ заключенъ механизмъ, помощью котораго, послѣ окончанія отпѣванія, гробъ безъ шума спускается въ нижнее пространство, гдѣ находится печь. Здѣсь уже сдѣланы необходимыя приготовленія, такъ какъ о каждомъ погребеніи заявляется за сутки; гробъ помощью механизма въ катафалкѣ спускается на возокъ, который по рельсамъ двигается въ печь, открывающуюся при помощи рычага, и тамъ другимъ рычагомъ сдвигается съ тѣлѣжки и ставится на рѣшетку, послѣ чего спускаютъ тяжелую дверь, которою печь плотно закрывается. Въ опускной двери находится отверстие съ вертящимся кланомъ для наблюденія за процессомъ сгорания, что происходитъ въ печи Сименса, представленной на рисункѣ въ поперечномъ разрѣзѣ (фиг. 4). Сожигающая камера представляетъ каменный сводъ въ 1 метръ вышины, 1 ширины и 2½ метра глубины, который накаляется до бѣла устремляющимся зажеженнымъ газомъ. Горячій потокъ проникаетъ изъ регенератора черезъ отверстие въ стѣнѣ въ помѣщеніе, гдѣ находится гробъ на рѣшеткѣ, и черезъ два часа трупъ превращается въ пепелъ, не производя при этомъ ни дыма, ни запаха. Превращенныя въ пепелъ кости падаютъ въ находящуюся подъ рѣшеткой пепельницу, служащую для выдѣлки воронки, и па днѣ ея принимаются въ жестяной ящикъ, который занавѣска и ставится съ урною здѣсь на кладбищѣ, или же увозится родными на родину усопшаго. Мрачная церемонія!

Профессоръ Д-ръ Густавъ Егеръ и его нормальный костюмъ.

(Рис. на стр. 66).

Въ виду того, что *изслѣдователь души* профессоръ Егеръ недавно прибылъ въ Берлинъ и нѣсколько разъ читалъ возбуждавшія вниманіе лекціи о своей физиологической и гигиенической теоріяхъ, будетъ не лишнимъ познакомить читателей съ сутью ученія Егера. Не говоря ни за, ни противъ его ученія, такъ какъ даже въ научныхъ компетентныхъ кружкахъ мнѣнія объ немъ делятся, сообщенія свои мы основываемъ единственно на подлинныхъ сочиненіяхъ самого профессора Егера. Изъ этихъ послѣднихъ замѣтуемъ мы, что пр. Егеръ, на основаніи своихъ специальныхъ изслѣдованій, утверждаетъ, что вещество души обладаетъ способностью проявляться въ двухъ совершенно противоположныхъ формахъ. Одну изъ этихъ формъ онъ называетъ матеріей желанія, другую—матеріей страха или нежеланія.

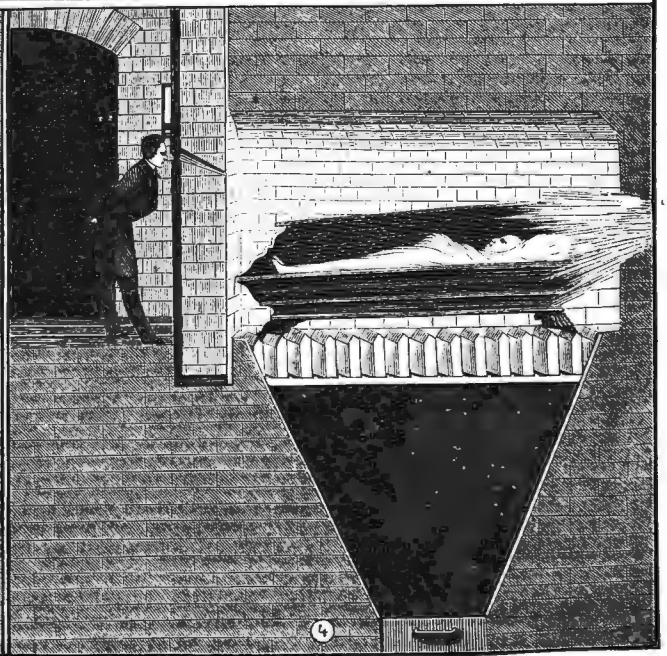
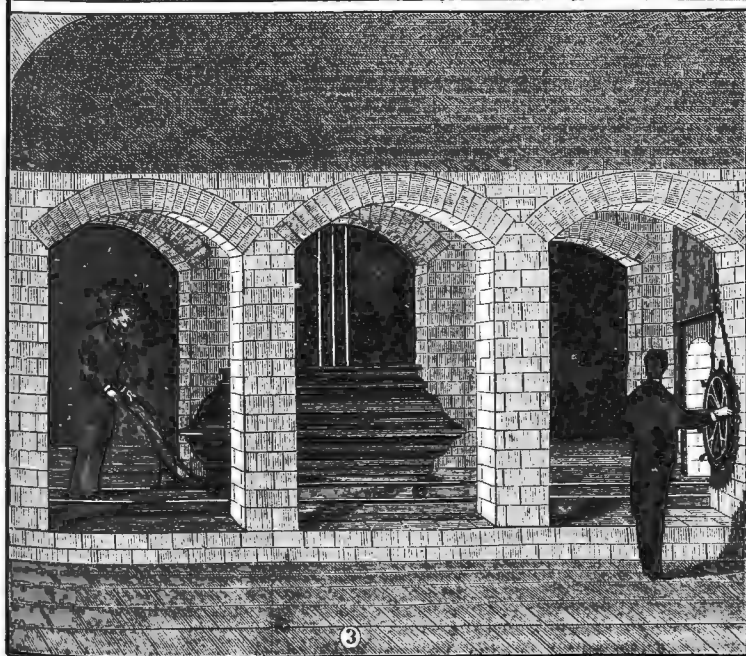
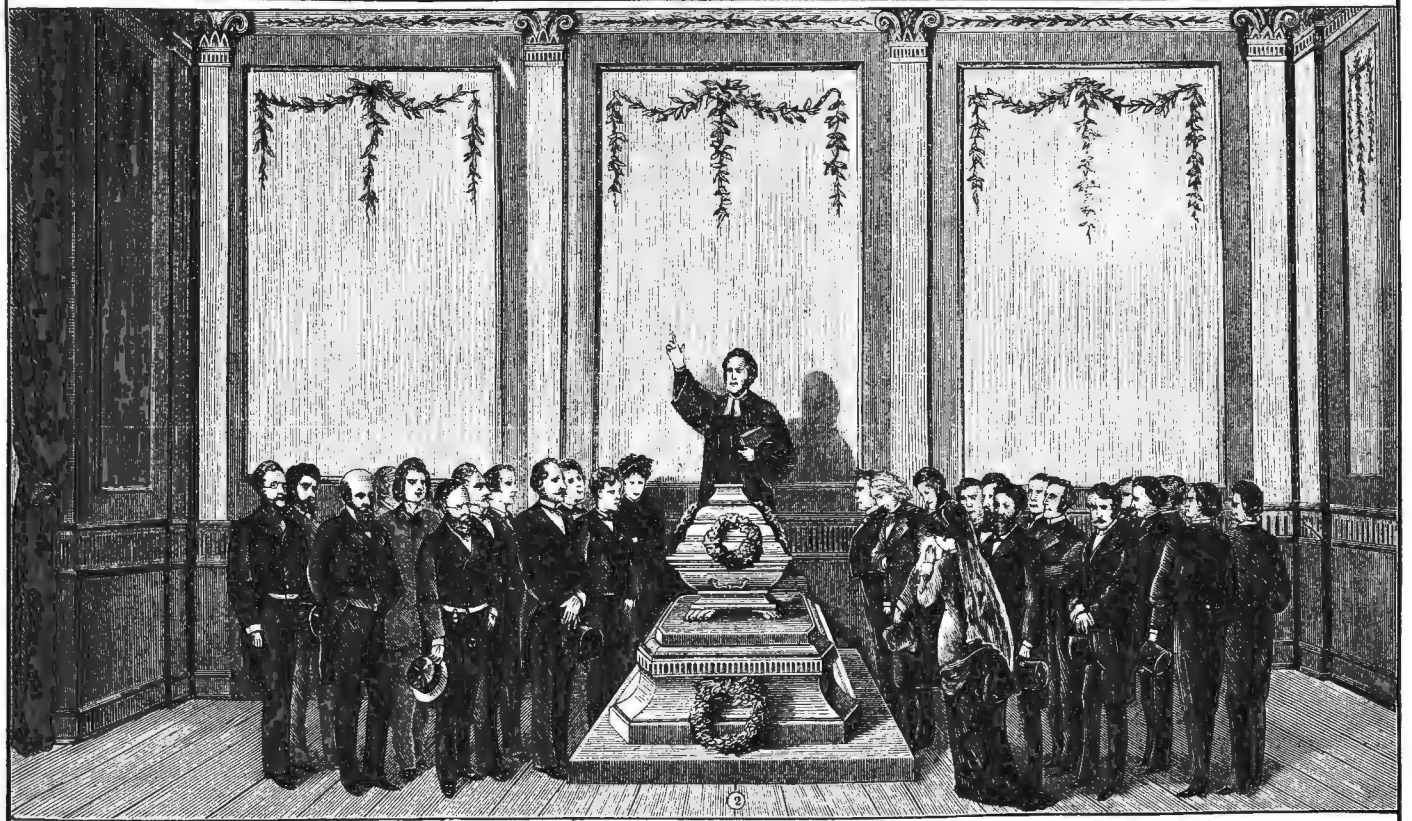
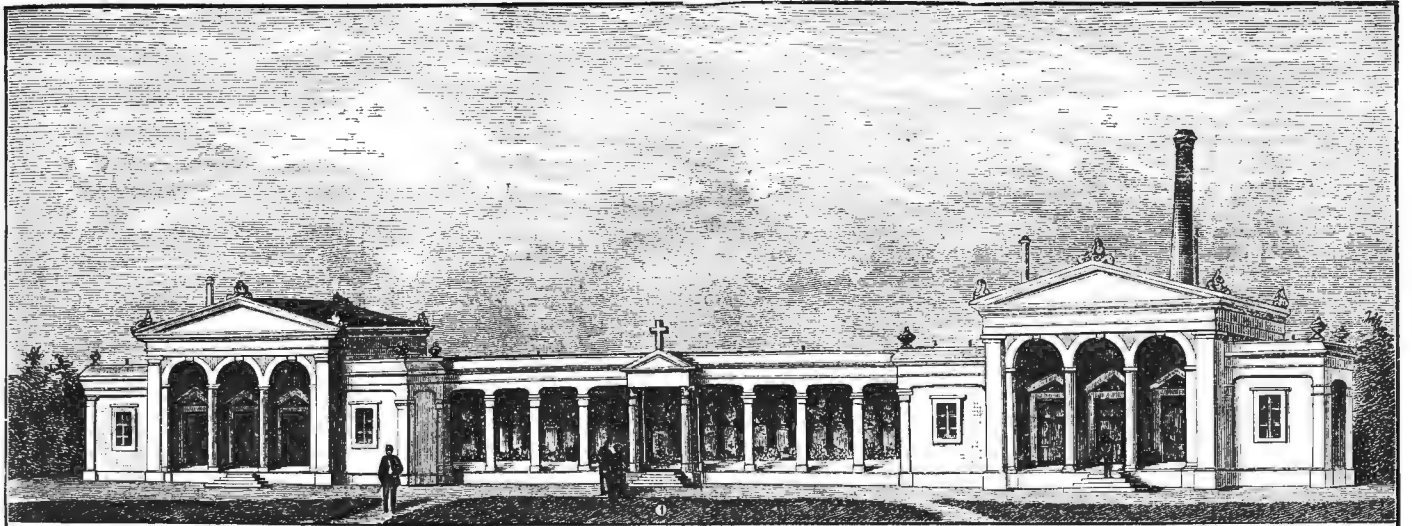
Эти душевныя матеріи не всегда находятся въ дѣятельности въ тѣлѣ живаго существа. Въ состояніи, которое мы зовемъ *душевнымъ покоемъ*, матеріи эти заключены въ бѣлкѣ тѣлеснаго вещества. Только послѣ разложенія бѣлка онѣ освобождаются и ощущаются физически. Онѣ пробуждаютъ органы обонянія и вкуса, и производятъ въ тѣлѣ то, что мы называемъ аффектомъ, или душевнымъ, т. е. хорошимъ настроеніемъ. Если душевное вещество освободилось въ формѣ матеріи желанія, то по Егеру, мы находимся въ состояніи веселого, предприимчиваго душевнаго настроенія, что же касается тѣла, то чувствуемъ хорошиі аппетитъ.

Если же душевное вещество освободилось въ формѣ матеріи нежеланія, то по этому наступаетъ грустное, унылое настроеніе, и тогда не правится ни лица, ни нѣтъ. Полное спокойствіе наступаетъ тогда, когда душевное вещество болѣе не освобождается и образовавшіеся въ тѣлѣ газы выделяются изъ него. Последнее происходитъ черезъ дыханіе, испареніе и частью черезъ очищеніе кишокъ.

„Неопровержимо“, говоритъ Егеръ, „что каждый больной человѣкъ, сравнительно съ здоровымъ состояніемъ, выдѣляетъ зловонныя испаренія. Несомнѣнно также и то, что чувство болѣзни (нарушеніе обыкновеннаго состоянія) происходитъ также отъ зловонныхъ газовъ. Самое же вѣрное и сильное средство для устраненія болѣзни заключается въ свободномъ испареніи кожи и въ одеждѣ, не задерживающей вредныя газы. Этими требованіямъ нѣльзя удовлетворять шерстяное платье, дѣйствующее на подобіе леченія холодной водою, воздухомъ, посредствомъ выпотѣнія, когда имѣютъ цѣлью усиленное испареніе кожи.“

Такимъ образомъ мы коснулись практическаго вывода теоріи Егера.—предлагаемаго имъ нормальнаго платья, на которомъ мы остановимся немного подробнѣе.

Многочисленныя опыты Егера привели его къ заключенію, что овечья шерсть обладаетъ свойствомъ принимать и пропускать газы тѣла животныхъ и человѣка, и поэтому она въ высшей степени пригодна для освобожденія крови и вещества нервовъ отъ давленія разлагающихся продуктовъ. Полотно, составляющее главную часть нашей одежды, обладаетъ обратнымъ свойствомъ. Оно дѣйствуетъ какъ лѣтъ, задерживающій выдѣленія въ поразъ и на тѣлѣ. Это главная исходная точка, на которой профессоръ Егеръ основываетъ свою реформу одежды.

Обрядъ погребенія съ трупосожиганіемъ въ Готѣ. Рис. Коларца, грав. Флюгелъ.

1) Зданіе для сожгання труповъ на Новомъ кладбищѣ. 2) Залъ для церковнослуженія. 3) Перенесеніе гроба въ печь. 4) Печь Библиотека «Руніверс»

Постепенно онъ пришелъ къ мысли заняться специально реформой платья въ примѣненіи къ его душевной теоріи. Онъ сдѣлалъ нормальную рубашку, нормальные панталоны, нормальный сюртукъ, нормальную шляпу и даже нормальные галстуки, и все изъ шерсти. Это шерстяное одѣяніе, покрывающее человѣка отъ верхушки головы до пальцевъ ногъ (такъ какъ существуютъ также нормальные сапоги), по завѣренію проф. Егера, основанному на опытѣ, обладаетъ цѣлительнымъ, необыкновенно сильнымъ и многостороннимъ свойствомъ. Шерсть впитываетъ болѣзненные отдѣленія тѣла, т. е. производитъ то, что въ медицинѣ зовется оттягиваніемъ на кожу, и такимъ образомъ устраняетъ многія болѣзни, въ самомъ ихъ зародышѣ. Кроме того шерсть свободно пропускаетъ испаренія и тѣмъ облегчаетъ кровь, но вмѣстѣ съ тѣмъ она задерживаетъ въ тѣлѣ всѣ вещества (матерія желанія), отъ которыхъ зависитъ сила и здоровье человѣка. На основаніи этого, по мнѣнію Егера, шерстяная одежда чрезвычайно полезна для лицъ, слабыхъ здоровьемъ и больныхъ. Далѣе на основаніи многихъ гигиеническихъ и физиологическихъ опытовъ, онъ говоритъ, что одежда мальчиковъ и мущинъ должна состоять изъ шерстяной рубашки и такихъ же носковъ, плотно облегающихъ на-

Профессоръ Егеръ. Нормальный костюмъ.
Съ фотогр. грав. Флюгель.

талонъ изъ сукна или шерсти, и изъ двубортнаго сюртука, извѣстнаго теперь подъ названіемъ *сюртука Егера*. На нашемъ портретѣ представленъ 50-ти лѣтній профессоръ, въ своемъ нормальномъ платьѣ, подвергавшемся многимъ насмѣлкамъ.

Профессоръ Егеръ сынъ юртембергскаго сельскаго священника, родился въ 1832 г. и получилъ образованіе въ евангелической духовной семинаріи. За тѣмъ въ Тюбингенѣ онъ изучалъ медицину и хирургію и въ 1856 г. былъ доцентомъ зоологій въ академіи въ Вѣнѣ.

Въ 1866 году онъ вернулся спова въ Штутгартъ и получилъ мѣсто зоолога въ сельскохозяйственной академіи въ Гогенгеймѣ, гдѣ онъ остается и до сихъ поръ. Въ качествѣ физиолога онъ занимается еще въ штутгартской политехнической и ветеринарной школахъ.

Противъ теоріи Егера было много возраженій, въ особенности указывали на вредъ для здоровья привычки носить шерстяную ткань, что лѣтомъ въ жаркое время очень раздражаетъ и горячитъ кожу; при перемѣнѣ же на подотню и при малѣйшемъ сквозномъ вѣтрѣ неизбежна простуда. Во всякомъ случаѣ подражателѣй Егеру пока не явилось и будущности его проэкту пока не предвидится

Т и ф ъ .

(Очеркъ).

Тифозная горячка можетъ быть справедливо названа одной изъ наиболѣе страшныхъ болѣзней, поражающихъ человѣчество, особенно принимая во вниманіе ея распространенность. Бѣдность, дурныя условія жизни, плохое состояніе санитарнаго дѣла являются чрезвычайно благоприятной почвой, съ одной стороны, для зарожденія этой болѣзни, съ другой, для перехода ея съ одного больного на другихъ. Но какая страна можетъ похвастаться отсутствіемъ въ ней подобной почвы? И вотъ мы видимъ, что тифъ поглощаетъ свои жертвы во всѣхъ странахъ и государствахъ, только въ различныхъ степеняхъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Онъ является и у насъ вопиющимъ зломъ, требующимъ немедленныхъ мѣръ къ своему устраненію.

Извѣстно, что въ распространеніи всѣхъ вообще заразныхъ болѣзней главнѣйшую роль играютъ микроскопическія существа, бактеріи и т. д. Въ такомъ-же отношеніи находятся они и къ тифозной горячкѣ, вырывающей свои жертвы, главнымъ образомъ, изъ среды молодежи. Нужно добавить, однако, что ни одинъ возрастъ не можетъ собственно считаться вполне безопаснымъ отъ нея. Такимъ образомъ, найдено, что, если тифозная горячка сравнительно рѣдко посѣщаетъ стариковъ, такъ за то она бываетъ у нихъ гораздо опаснѣе и чаще ведетъ къ смертельному исходу. Заразный характеръ этой болѣзни, конечно, несомнѣненъ. При этомъ, нѣкоторые врачи полагаютъ, что зараженіе происходитъ или непосредственно, черезъ соприкосновеніе или близость больного, или посредственно, черезъ зародыши, находящіеся въ его выдѣленіяхъ. Кроме того, англійскій докторъ, Мюрчисонъ, написавшій прекрасное сочиненіе по этому предмету, думаетъ, что болѣзнь можетъ развиваться и самопроизвольно въ животныхъ матеріяхъ, находящихся въ гнилостномъ разложеніи. Прямая передача тифозной горячки не можетъ быть, собственно говоря, названа строго доказанной. Кажется, что не такъ-то легко захватить ее, сдѣлавъ простой визитъ больному. Случай тифознаго заболѣванія въ палатахъ больницы, гдѣ лежатъ и тифозные, довольно ограничены. Также во время эпидемій не видно, чтобы врачи и студенты заболѣвали особенно часто. Какимъ-же образомъ, однако, принята прямая непосредственная заразительность тифозной горячки? Дѣло въ томъ, что довольно часто наблюдались случаи тифозныхъ заболѣваній въ городѣ, дотолѣ здоровомъ, но въ который явился больной. Однако, мы увидимъ, сейчасъ, что подобныя примѣры также хорошо, если не лучше, доказываютъ и теорію посредственнаго зараженія, черезъ выдѣленія больного. Дѣйствительно, выдѣленія эти выбрасываются въ помойныя ямы, а оттуда, черезъ просачиваніе сквозь почву, попадаютъ въ источники, колодцы и рѣчки, изъ которыхъ берутъ воду для питья. Такимъ образомъ, зараженіе переносится съ больного на здоровыхъ легкимъ путемъ кишечнаго поглощенія. Съ другой стороны, если тифозныя вещества остаются въ воздухѣ, то весьма возможно, что, высохнувъ, они переносятся вѣтромъ, вмѣстѣ съ пылью, и попадаютъ въ легочные пути че-

ловѣка. Далѣе, независимо отъ просачиванія, зараженіе можетъ произойти изъ помойныхъ ямъ и вслѣдствіе испаренія, при которомъ микроскопическія частички заразы могутъ быть подниманы газовыми пузырьками и переносимы въ атмосферу, въ которой мы живемъ и дышимъ. Положимъ, что опыты надъ животными относительно того, возможно-ли тифозное зараженіе черезъ легкія, дали отрицательные результаты.

Доказательства распространенія заразы черезъ воду чрезвычайно многочисленны. Дѣйствительно, въ воду попадаютъ самыя разнообразныя вещества, всевозможными путями. Такъ, мытье бѣлья, снятаго съ больныхъ, отравляетъ воду самымъ положительнымъ образомъ. Въ этомъ смыслѣ не разъ были сдѣланы чрезвычайно интересныя наблюденія. Первый случай тифозной горячки въ Германіи, поглотившій однажды множество жертвъ, былъ замѣченъ въ домѣ, помойныя ямы котораго заразили, потомъ, самъ по себѣ нездоровый источникъ, изъ котораго жители брали воду для питья. Во время страшной эпидеміи въ Лионѣ, низкія части города, бравшія воду изъ Роны, болѣли особенно сильно, тогда какъ верхнія, пользовавшіяся, болѣею частью, другой, очищенной водой, остались почти совершенно здоровыми и невредимыми. Мало того, не разъ наблюдались, во время эпидемій, что заболѣвали, напримѣръ, какъ разъ тѣ, которые пользовались, положимъ, молокомъ съ одной и той-же фермы. Это не потому, что молоко содержало въ себѣ заразу, но потому, въ которой оно находилось, промывалась зараженной водой. И подобныя примѣры чрезвычайно многочисленны. Вода является, такимъ образомъ, средой, черезъ которую тифъ особенно часто распространяется. Наконецъ, извѣстны весьма частые случаи тифознаго заболѣванія черезъ соприкосновеніе съ бѣльемъ больного, платьемъ и т. п.

Что-же касается до вопроса о томъ, какимъ образомъ и гдѣ зарождается тифозный ядъ, то трудно съ точностью отвѣтить теперь на него. Выше мы познакомились съ мнѣніемъ г. Мюрчисона, по которому зародыши болѣзни будто-бы могутъ развиваться самопроизвольно въ разлагающихся органическихъ веществахъ. Мнѣніе это, нужно сказать, опирается на факты возникновенія болѣзни въ мѣстности, дотолѣ незнавшей ее, при кажущейся невозможности перенесенія заразы откуда-либо и гдѣ-либо. Тѣмъ не менѣе, при настоящемъ состояніи свѣдѣній о тифѣ, нельзя не сомнѣваться въ вѣрности теоріи самопроизвольнаго зарожденія болѣзни, въ виду того, особенно, что тифозный ядъ можетъ сохраняться цѣлые года и затѣмъ, при случаѣ, обнаружиться. Это доказано множествомъ примѣровъ. Такъ англійскій докторъ Бѣдъ приводитъ случай тифознаго зараженія нѣсколькихъ человѣкъ, пожившихъ три недѣли въ комнатѣ, которую, за два года передъ тѣмъ, занимали тифозные больные.

Изъ обстоятельствъ, благоприятствующихъ тифозному заболѣванію, нужно указать на завалы въ кинькахъ, возрастъ дѣти и взрослые) и слабыя высоты надъ уровнемъ моря обитаемыхъ

мѣстностей; далѣе, осень—преимущественное время года для развитія тифозной горячки.

Усовершенствованныя въ настоящее время орудія изслѣдованія даютъ возможность доказать самымъ неопровержимымъ образомъ существованіе „грибка“, присущаго исключительно тифозной горячкѣ—разумѣется, микроскопическаго. Первое открытіе въ этомъ направленіи было сдѣлано въ 1874 году Клейномъ при микроскопическомъ изслѣдованіи кишечныхъ язвъ умершихъ тифомъ. Открытіе это получило, затѣмъ, многочисленныя подтвержденія со стороны другихъ изслѣдователей. Такъ, бреславльскій ученый, Копъ, напелъ въ водѣ изъ колодца, находившагося въ части города, зараженной тифомъ, грибокъ, *streptothrix polystriga*, имѣвшій огромное сходство съ описаннымъ г. Клейномъ. Цвѣтъ этихъ грибовъ желтоватый, и они во множествѣ содержатся въ выдѣленіяхъ тифознаго больного. Величина ихъ различна, одни больше, другіе меньше, хотя изъ микроскопическихъ размѣровъ они и не выходятъ. Размножаются эти грибки чрезвычайно быстро, особливо при температурѣ 31° Р. Организмы эти были впоследствии открываемы вездѣ: и въ водѣ, и въ воздухѣ. Таковы тифозныя заразительныя начала. Если въ среду, содержащую этихъ грибовъ, помѣстить другой микроскопическій организмъ, именно *bacterium termo*, то послѣдній начинаетъ жить на ихъ счетѣ и уничтожать ихъ на вольномъ воздухѣ. Отсюда, есть, слѣдовательно, вредные и полезные микробы.

Клейнъ пытался привить тифозное зараженіе обезьянамъ, но опыты не удался. Летцерихъ вспрывкивалъ подъ кожу кроликамъ жидкость отъ выдѣленій тифознаго больного, и животныя, дѣйствительно, заболѣвали; при вскрытіи ихъ труновъ, въ кишкахъ оказывались язвы, свойственныя тифозной горячкѣ. Вообще, тифозныя заболѣванія съ успѣхомъ передаются даже собакамъ, которыхъ нѣкоторые ветеринары считаютъ совершенно безопасными отъ зараженія, — путемъ подкожныхъ вспрывкиваній, ибо желудочный сокъ ихъ оказывается убійственнымъ для тифозныхъ грибовъ. Если отъ зараженной собаки взять кровь и вспрывнуть ее въ вену здороваго животнаго, то происходитъ чрезвычайно сильное и быстрое заболѣваніе рѣзкаго тифознаго характера.

Таковы давныя изслѣдованія тифозной горячки. Къ сожалѣнію, не найдено еще до сихъ поръ, на основаніи этихъ данныхъ, вполнѣ дѣйствительнаго средства и способа леченія. Правда, теорія нѣсколько забѣжала впередъ и ввела въ употребленіе нѣкоторыя вещества, препятствующія гніенію и, слѣдовательно, развитію низшихъ организмовъ, считающихся виновниками зараженія. При разсмотрѣніи-же существующихъ способовъ леченія тифозной горячки, мы видимъ, что оно, главнымъ образомъ, направлено на борьбу съ симптомами (проявленіями) болѣзни. Мы не будемъ вдаваться въ разсужденія о существующихъ способахъ леченія. Они чрезвычайно разнообразны, при чемъ лекарственными средствами служатъ каломель, крезозоль, сѣрнокислый хининъ, салициловая кислота и т. д. Нѣкоторые врачи борются, внутренними и внѣшними средствами, между прочимъ, противъ упорнаго возвышенія температуры больного. По другимъ методамъ, больнымъ даютъ, въ различныхъ фор-

махъ, спиртъ и т. д. Наконецъ, есть врачи, придерживающіеся выжидательной системы леченія, выраженной однимъ путничкомъ слѣдующими словами: „ничего не дѣлать въ первые три дня и въ томъ-же духѣ продолжать во все послѣдующее“. Въ послѣднее время довольно широко распространилось на западѣ леченіе тифозной горячки холодными банями разной температуры. Въ виду этого, нельзя упомянуть объ одномъ остроумномъ аппаратѣ, изобрѣтенномъ французскимъ докторомъ Дюмонъ-Палье. Аппаратъ этотъ представляетъ собою подобіе одѣяла, состоящаго изъ каучуковыхъ трубокъ, перевитыхъ между собою и покрытыхъ двойной тканью; черезъ эти трубки можно пропускать токъ воды желаемой температуры. Одинъ термометръ, имѣющійся при немъ, показываетъ температуру воды, вдуваемой въ трубки тогда какъ другой опредѣляетъ число градусовъ, заимствованныхъ водою отъ тѣла больного, температура котораго тщательно измѣряется передъ этимъ. Изобрѣтеніе Дюмонъ-Палье представляетъ собою то удобство, что температура тѣла больного понижается быстро и безъ внезапныхъ колебаній. Кроме того, при употребленіи этого аппарата, больной не приходится въ непосредственное соприкосновеніе съ водою, и нѣтъ надобности выходить ему изъ постели, для того чтобы взять ванну. Все это, понятнo, имѣетъ немаловажное значеніе въ дѣлѣ устраненія болѣзни.

Такимъ образомъ, за отсутствіемъ дѣйствительнаго средства противъ тифозной горячки, мы становимся лицомъ къ лицу съ гигиеною—наукой не излечивать, а предупреждать болѣзни, — которая является, въ этомъ смыслѣ, настоящимъ универсальнымъ средствомъ. Дѣйствительно, построить частную общественную жизнь по строгимъ правиламъ гигиены—значитъ, быть можетъ, никогда не нуждаться въ медицинской помощи и медицинскихъ средствахъ, но какъ-бы заранѣе залечивать ею все болѣзни. Необходимость ея, по отношенію къ заразнымъ болѣзнямъ вообще и къ тифу въ частности, болѣе нежели очевидна. Такимъ образомъ, для предупрежденія болѣзни, нужно лучшимъ образомъ содержать ватерклозеты, каналы, сточныя трубы и т. д. Зная путь распространенія заразы, нужно также избѣгать устройства помойныхъ ямъ по близости отъ колодезь. Само собою разумѣется, далѣе, что всякая вода, если есть основаніе считать ее зараженной, должна быть подвергнута продолжительному кипяченію или тщательной фильтраціи, прежде нежели употреблять ее. Однако, нельзя ограничиваться одними предупредительными мѣрами. Коль скоро обнаружится эпидемія, тифозная матерія, во избѣжаніе распространенія заразы, должны подвергаться тщательной дезинфекціи; никакъ нельзя прямо бросать ихъ въ помойныя ямы, которыя могутъ слѣзаться, въ противномъ случаѣ, настоящими источниками заболѣванія. Ямы больныхъ нужно также выщелачивать, прежде нежели мыть въ рѣкахъ и прудахъ, изъ которыхъ берутъ воду для питья. Все это, какъ видно, простыя и понятныя мѣры, могущія, между тѣмъ, имѣть огромное значеніе для жизни людей. Дѣлательно, поэтому, распространеніе понятій о нихъ возможно широко и дѣйствительное приведеніе ихъ въ исполненіе. Это самый вѣрный путь для борьбы съ болѣзнями.

Политическое обозрѣніе.

Дунайская коммисія.—Пересмотръ сербской конституціи.—Англія.—Франція.—Германія.—Миръ между Чили, Перу и Бразиліей.

Время открытія въ Лондонѣ конференціи по дунайскому вопросу еще не назначено, такъ какъ еще не достигнуто соглашенія относительно допущенія Румыніи и Сербіи и, кромѣ того, Австріею и Россіею поставлены особая предварительныя условія; между прочимъ, говорятъ, будто непременно будетъ потребовано срѣтѣ дунайскихъ крѣпостей — несомнѣнно не Россіей-же. Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій сербской скупщины министръ-президентъ Пироганацъ заявилъ, что, согласно постановленіямъ скупщины, правительство предложитъ измѣненіе конституціи, для чего и созоветь великую скупщину.

Въ Австріи галичинскій депутатъ, священникъ Наумовичъ, обратился къ папѣ съ открытымъ письмомъ, въ которомъ называетъ единеніе русинской церкви съ Римомъ неппрочнымъ, причѣмъ говоритъ, что насилія со стороны іезуитовъ побуждаютъ его присоединиться къ православной церкви.

Въ египетскомъ вопросѣ все еще Франція и Англія не могутъ размежеваться. Въ Англіи прямо говорятъ, что основанія лучшаго порядка вещей въ Египтѣ будутъ положены подъ руководствомъ, а если нужно, то и по приказанію англійскаго правительства, что здравый смыслъ и чувство справедливости (чудесно!) указываютъ, что Египетъ долженъ находиться подъ преобладающимъ вліяніемъ Англіи и высшимъ контролемъ. Въ Дублинѣ произведено дознаніе о состояніи Ирландіи и о послѣднихъ преступленіяхъ, въ томъ числѣ и объ убійствѣ лорда Кэвэндиша и сэра Борка въ Фениксъ-Паркѣ; вслѣдствіе того арестовано 21 человекъ, которые и преданы суду по обвиненію въ заговорѣ противъ правительственныхъ чиновниковъ.

Во французской палатѣ депутатовъ Доклеркъ прочиталъ заявленіе относительно египетскихъ дѣлъ и при этомъ отозвался съ похвалою о томъ, что теперь уничтожается Англіей,—т. е. о контролѣ въ Египтѣ; первый министръ находитъ, что резуль-

таты этого учрежденія презюмируютъ все возлагающія на него надежды. Конечно такъ, скажемъ отъ себя: при помощи-же этого учрежденія ограбленіе Египта было доведено до *pes plus ultra*. Далѣе, министръ, касаясь переговоровъ съ Англіей, сказалъ: никому не можетъ придти мысль, что такъ какъ не Франція руководила внимательствомъ въ Египтѣ, то она могла бы согласиться на слишкомъ значительное уменьшеніе ея вліянія (а на незначительное соглашается?), причѣмъ Англія взяла бы на себя одну работу о приведеніи въ порядокъ дѣлъ въ Египтѣ. Правительство будетъ стараться поддерживать на берегахъ Нила права и традиціи, освѣщенныя традиціями прошлаго. Рѣчь эта была встрѣчена рукоплесканіями. Но, всетаки, думаемъ, эти общія мѣста ничего не уясняютъ — вступится-ли Франція за свое вліяніе и интересы въ Египтѣ на дѣлѣ, или только будетъ, какъ теперь, гремѣть о нихъ въ своей палатѣ депутатовъ.

Что касается нашихъ отношеній къ Германіи и сенсационныхъ извѣстій, на этотъ счетъ поддерживаемыхъ, то приводимъ объ этомъ мнѣніе „Моск. Вѣдомостей“.

„Имѣемъ-ли мы основаніе подозрѣвать нинѣшнюю Германію во враждебныхъ противъ насъ замыслахъ? спрашиваютъ „Московскія Вѣдомости“. Опасенія были-бы возможны, если-бы ея дѣлами управляло безуміе или капризное самодурство. Но нельзя допустить, чтобы Германія, при здоровомъ смыслѣ въ своихъ совѣтахъ, вздумала *de gaieté de coeur* затѣять съ Россіей всекончаемую извурительную войну, имѣя столько счетовъ по сторонамъ и столько заботъ внутри,—съ Россіей, гдѣ нѣтъ никакой *Allemagna irredenta*, и чтобы на такое безуміе пошла Германія теперь, когда у дѣла ея стоитъ государственный человекъ, превосходно понимающій всю пользу дружбы, соединяющей страну его съ Россіей. Исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ“.

„Наша дипломатія и до войны и послѣ войны не только не желала дружескаго содѣйствія Германіи, но упорно отталки-

вала всякую ея попытку войти съ нами въ соглашеніе. Дипломатія наша ставила себя задачей—ни въ чемъ не быть заодно съ германскимъ канцлеромъ, даже въ томъ, чего настоятельно требовала и польза, и честь Россіи. Она предпочла пойдти въ сдѣлку съ несомнѣннымъ врагомъ Россіи на Востокъ, съ Англіей, съ лордами Биконсфильдомъ и Салесбюри. Мы явились на конгрессъ уже съ готовою программой, установленною въ Лондонѣ. Всѣ наши уступки были сдѣланы въ угоду Англіи, а не Германіи. Напротивъ, въ тѣхъ вопросахъ, которые еще оставались открытыми, князь Бисмаркъ постоянно былъ на нашей сторонѣ. Вѣрный интересамъ своей страны, онъ въ силу этого самаго оказывался иногда болѣе русскимъ, чѣмъ наша дипломатія, не имѣвшая подъ собою національной почвы.

„Интрига, идущая изъ нечестныхъ источниковъ, стараясь испортить наши отношенія къ сосѣдней державѣ, агитируетъ теперь противъ берлинскаго трактата, будто-бы навязаннаго намъ германскимъ канцлеромъ. Нѣтъ ничего фальшивѣе этой инсинуаціи. Даже сущая Босніи и Герцеговины была рѣшена задолго до берлинскаго конгресса, при посредствѣ не германскаго, а русскаго канцлера, во время рейхштадтскаго свиданія. Что-же касается савь-стефанскаго договора, то въ самомъ

его инструментѣ есть явные признаки, что онъ заключался не за тѣмъ, чтобы остаться, а чтобы послужить матеріаломъ для уступокъ Биконсфильду,—но не Бисмарку, который въ нихъ и не нуждался.“

Въ Испаніи произошелъ министерскій кризисъ, имѣвшій поводомъ то обстоятельство, что бывшій министръ финансовъ Каммо желалъ исправить финансы своего отечества (10 миллиардовъ государственнаго долга) не при помощи новыхъ налоговъ, а при посредствѣ продажи государственныхъ лѣсовъ; противъ этого возсталъ министръ государственныхъ имуществъ и оба подали въ отставку, а за ними и весь кабинетъ.

Первымъ министромъ назначенъ Сагаста.

Чили, Перу и Боливія показываютъ, наконецъ, намѣреніе заключить миръ, причемъ въ основаніе условій предлагается присоединеніе Тарапахаса къ Чили и передача Арики и Такны отъ Перу прямо Боливіи или-же образованіи изъ нихъ независимаго, нейтрализованнаго штата, подъ общимъ покровительствомъ Чили, Перу и Боливіи. Уже сдѣланы-бы изъ каждой деревенки Южной Америки „независимый, нейтрализованный штатъ“, подъ общимъ покровительствомъ всѣхъ прочихъ, столь-же независимыхъ и „могущественныхъ штатовъ“.

С М Ъ С Ъ.

Пожаръ Бердичевского цирка былъ ужасенъ. Онъ начался, по неосторожности ламповщика, въ конюшнѣ, гдѣ лежалъ боченокъ съ керосиномъ. Толпа, бросившаяся изъ цирка въ напическомъ страхѣ, заперудила двери; нѣкоторые попадали отъ напора толпы, выходъ былъ затрудненъ, и оставшіеся внутри сдѣлались добычею пламени. До сихъ поръ насчитано 268 труповъ, изъ нихъ 187 признаны и взяты родными; 21 трупъ еще не признанъ; 60 труповъ совершенно обуглились. Раненыхъ девять; одинъ изъ нихъ умеръ. Трупы найдены лежащими близко отъ дверей, головами къ выходу. Переноскою труповъ заняты солдаты. Имущественный убытокъ отъ пожара опредѣленъ въ 24,000 рублей; всѣ лошади цирка погбли; имущество и лошади не были застрахованы.

Пожаръ начался 1-го января, въ 10 часовъ вечера. Въ концѣ представленія, былъ зажженъ фейерверкъ, отъ котораго загорѣлась занавѣсъ; огонь быстро перешелъ на стѣны и потолокъ. Первыми пострадали музыканты. Публики было въ циркѣ человекъ 800. Всѣ бросились къ главному выходу. Къ несчастью, дверь отворилась внутрь зданія и, поэтому, толпой-же была захлопнута. Двѣ другія боковыя двери оказались заколоченными. Пожарная команда пришла черезъ полчаса. Опять несчастье: оказалось, что вода въ бочкахъ замрзла! Пожаръ продолжался два часа. Число жертвъ, говорятъ, болѣе 150 человекъ. Когда, наконецъ, были отворены двери, очевидцамъ представилась ужасная картина кучи горящихъ людей. Многие выскакивали изъ оконъ. Циркъ сгорѣлъ до тла со всѣми лошадьми и со всѣмъ имуществомъ.

Слѣдствіе по дѣлу о пожарѣ бердичевского цирка обнаружило, что въ кассѣ цирка было выдано на роковое представленіе 620 входныхъ билетовъ, и что запасныя боковыя двери были наглухо заколочены. Циркъ выстроенъ только въ прошломъ году и былъ открытъ съ разрѣшенія полиціймейстера безъ всякаго осмотра со стороны представителя строительнаго надзора. Погибшіе еще не всѣ похоронены. Бердичевъ раздѣленъ на 24 участка; въ каждомъ изъ этихъ участковъ выбранъ особый попечитель, на котораго возложена забота о пострадавшихъ отъ пожара и ихъ семействахъ; попечители эти обходятъ свои участки для опредѣленія необходимаго размѣра помощи. Открытая въ пользу семействъ погибшихъ подписка идетъ усильно; въ пользу ихъ драматическое общество предлагаетъ дать спектакль. Изъ числа жертвъ катастрофы пока известны: г. Квятковскій съ женою, г. Зальдманъ съ женою, содержатель гостиницы „Парижъ“, шесть служащихъ на станціи желѣзной дороги, три музыканта, одна изъ наѣздницъ цирка.

Свадебные обычаи у чоктаусовъ. Двѣ тысячи чоктаусовъ, до сихъ поръ живущіе въ Миссиссиппи и еще неисстребленные цивилизованными собратьями, сохраняютъ до настоящаго времени многіе изъ обычаевъ своихъ предковъ. Таковы свадебные обычаи, господствующіе среди ихъ въ неизмѣнномъ прежнемъ видѣ. Когда молодому чоктаусу понравится дѣвушка своего племени, онъ начинаетъ искать случая повидаться съ нею наединѣ, съ глазу на глазъ. При этомъ влюбленный приближается къ ней на нѣсколько футовъ и осторожно бросаетъ къ ея ногамъ кремень. Такъ дѣлаетъ онъ иногда раза два-три, прежде нежели привлечетъ на себя вниманіе дѣвушки. Если ей пріятно подобное ухаживаніе—дѣвушка это тотчасъ-же и выказываетъ какимъ-либо понятнымъ способомъ; если-же нѣтъ,—то сердитый взоръ, бросаемый ею на искателя, заявляетъ ему краснорѣчивѣе всякихъ словъ о необходимости расстаться со своими надеждами на нее. Иногда, вмѣсто описаннаго способа объясненія въ любви, женихъ дѣлаетъ брачное предложеніе нѣсколько иначе: входитъ въ домъ невесты и кладетъ на ея постель свою шляпу или платокъ, въ знакъ того, что проситъ ее раздѣлить съ нимъ ложе. Если предложеніе принимается, то невеста позволяетъ ему оставить шляпу; если-же нѣтъ, то она тотчасъ же сбрасываетъ ее. Отвергнутый такимъ образомъ женихъ находитъ бесполезнымъ тогда дальнѣйшій исканіи и считаетъ за лучшее отступить.

Когда-же предложеніе принимается, влюбленные назпачаютъ, по

обоюдному согласію, день для совершенія брачной церемоніи. Въ этотъ день друзья и родственники брачующихся собираются у нихъ жилищъ и идутъ на встрѣчу другъ другу двумя партиями. Приблизившись къ мѣсту совершенія свадебнаго обряда—обыкновенно середина разстоянія между двумя деревнями—обѣ партіи останавливаются одна противъ другой на разстояніи приблизительно ста ярдовъ. Братъ невесты подходитъ затѣмъ къ противоположной партіи и, выведя жену изъ ея среды, сажаетъ его на одѣяло, разостланное на землѣ. Тоже самое дѣлаютъ сестры жениха, усадивъ невесту рядомъ съ ними. Иногда, для приданія обряду нѣкотораго оживленія, невеста вскакиваетъ и убѣгаетъ. Ее преслѣдуютъ тогда, догоняютъ и приводятъ обратно. Теперь обѣ партіи собираются вокругъ брачующейся пары. При этомъ возлѣ невесты кладется мѣшокъ съ хлѣбомъ, а возлѣ жениха мѣшокъ съ мясомъ, въ знакъ того, что въ прежнія времена мужъ былъ охотникомъ и снабжалъ дичью свое хозяйство, а жена собирала жатву и добывала хлѣбъ для семьи. Затѣмъ друзья и родственники жениха начинаютъ бросать подарки черезъ голову невесты, состоящие изъ платя, денегъ, лентъ, подвѣсокъ и пр.; подарки эти подхватываются родственниками невесты и распределяются между ними. Во все это время женихъ и невеста сидятъ совершенно безмолвно. Когда-же зданіе оканчивается, они встаютъ, теперь уже мужемъ и женою, провинціи, принесенная въ мѣшкахъ, распределяется между присутствующими и, какъ и въ цивилизованномъ мѣрѣ, церемонія заключается обильнымъ шпрествомъ. Послѣ этого, гости удаляются и женихъ отводитъ невесту въ свой домъ для трудовъ и удовольствій совместной жизни.

Погребальный обрядъ въ древнемъ Китаѣ. Въ прежнія времена китаецъ запасался гробомъ по достиженіи сорокалѣтняго возраста, и съ этого момента три раза въ годъ покрывалъ свое послѣднее жилище особымъ составомъ, напоминающимъ глазури. Какъ именно приготовлялся этотъ составъ—забыли въ Китаѣ въ настоящее время. Послѣ того какъ извѣстной толщины слой краски застывалъ, онъ приобригатель чисто-металлическую крѣпость. Такимъ образомъ, если собственникъ гроба проживалъ долго, гробъ превращался въ настоящую гробницу съ толстыми стѣнками, вслѣдствіе многочисленныхъ покрываній его вышеупомянутымъ составомъ. Когда-же китаецъ умираетъ, то вены и полости желудка его наполняются ртутью, ради предохраненія тѣла отъ гніенія. Въ уши, ноздри и одну руку вкладывалось по кусочку нефрита, а въ другую руку вкладывалась пластинка серебра. Послѣ этого тѣло клалось на ртутную подстилку въ гробъ, который тотчасъ же запечатывался и похоронялся въ могилу. Когда подобныя гробницы были открываемы по прошествіи цѣлыхъ столѣтій, трупы оказывались удивительно сохранившимися; но по выставленіи на воздухъ, они превращались въ прахъ.

Замѣчательное судебное рѣшеніе. Въ Америкѣ бывають иногда странные процессы. Не такъ давно молодая дама, по имени Клара Брэдъ, возвращаясь ночью домой изъ театра, пошла лѣвой ногой въ дыру на мосту двѣнадцатой улицы, упала, повредила себя косточку и сломала лѣвую руку. Такъ какъ мостъ принадлежитъ городу, то дама подала на управленіе города взысканіе въ 15000 долларовъ за причиненное ей поврежденіе. Ни суды, ни присяжные не сомнѣвались въ томъ, что городъ въ этомъ случаѣ отвѣтственъ, но только выразили сомнѣніе въ томъ, какъ могла молодая дама попасть ногою въ отверстие, длина котораго 12, а ширина 3 дюйма. Поврежденный Клара Брэдъ, вовсе не признавалъ себя поврежденнымъ. Онъ вынулъ изъ кармана мѣрку, попросилъ свою кліентку поставить ногу на скамейку и смѣрилъ ея ногу въ присутствіи судей, которые воочію убѣдились въ справедливости заявленія, такъ какъ нога оказалась длиною 8 и шириною 2½ дюйма. И такъ какъ нога была меньше отверстия моста, то судъ присудилъ городъ уплатить миссъ Брэдъ 10000 долларовъ въ вознагражденіе за поврежденіе ея ноги и руки.

Известный шведский инженер Норденфельдъ, получил въ Лондонѣ привилегію на постройку изобрѣтенной имъ лодки—торпедо, которая существенно отличается отъ устроенной К. Марини только въ одномъ: находясь подъ поверхностью воды она ничѣмъ не обнаруживаетъ своего присутствія. На поверхности воды—это обыкновенный пароходъ. Передъ тѣмъ какъ погрузиться въ воду, опускаютъ дымовую трубу, и отверстие въ палубѣ, также какъ и двери печи подъ котломъ, закрываютъ герметически. Паровой котель устроенъ такъ, что, хотя и закрытъ герметически, онъ снабжаетъ въ некоторое время машину паромъ. Погруженіе и поднятіе производится посредствомъ винта. Лодка приближается къ неприятелю подъ водой, и, если не встрѣтитъ противомѣръ, напр. свѣтки, прикрѣпляетъ къ корпусу корабля торпедо, подается назадъ и воспламеняетъ зарядъ электричествомъ. Подобный же боть, но меньшихъ размѣровъ и приводимый въ движеніе человѣческой силой, строится въ Кронштадтѣ; онъ имѣетъ только 5—6 метровъ длины и вѣсигъ 2500 кил. грам. Въ обоихъ ботахъ устраивается резервуаръ для сжатого воздуха и аппаратъ для уничтоженія выдыхаемыхъ людьми газовъ; приспособленія эти даютъ возможность долгое время оставаться подъ водой, безъ опасенія задохнуться.

Синіе очки, консервы, не представляютъ для слабыхъ или больныхъ глазъ никакой защиты противъ рѣзкаго освѣщенія. Съ большей пользой могутъ быть рекомендованы, для этой цѣли, сѣрые или такъ называемые дымчатые очки.

Высокіе дома. Въ Парижѣ есть домъ въ девять этажей; въ Генуѣ въ одиннадцать, а въ Лондонѣ даже четырнадцать этажей. Для удобства сообщенія въ домѣ этомъ устроенъ подъемный аппаратъ, приводящійся въ непрерывное движеніе помощью гидравлическихъ приспособленій и предоставленный для пользованія жильцамъ. Это исполинское жилище имѣетъ 130 футовъ вышины и до 500 оконъ.

Комнатныя растенія слѣдуетъ поливать исключительно теплой водой. Одинъ голландскій журналъ рассказываетъ, что плоды винограда, никогда не дозрѣвавшіе, послѣ подливки лозъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль теплой водой, стали дозрѣвать. Во Франціи уже съ давнихъ поръ поливаютъ вишневья деревья теплой водой, съ цѣлью получить ранніе плоды для рынка.

Приводимъ здѣсь выписку изъ индійской рукописи, которая относится къ древнѣйшимъ временамъ буддизма. Авторъ ея—прославляемый поэтъ и король, жившій въ началѣ 1-го столѣтія по Р. Х. Какая глубокая мудрость, какое высокое нравственное благородство слышится въ слѣдующихъ фразахъ.

- 1) Кого можно назвать героемъ? Того, кого не потрясетъ взглядъ красавицы.
- 2) Кого можно сравнить съ мягкостью свѣта луны? Добраго человѣка.
- 3) Что такое адъ? Зависимость отъ другихъ.
- 4) Кто истинный другъ? Тотъ, кто удерживаетъ отъ зла.
- 5) Что служитъ украшеніемъ рѣчи? Истина.
- 6) Что побѣждаетъ въ этомъ мѣрѣ? Справедливость и терпѣніе.
- 7) Кто непостояненъ, какъ блескъ молніи? Женщина.
- 8) Какому качеству можно удивляться въ человѣкѣ, который обладаетъ полнымъ благосостояніемъ? Великодушію.

9) Что дается намъ такъ же трудно, какъ мудрость? Знаніе безъ гордости; геройство въ связи съ кротостію; богатство со щедростію.

10) Что грызетъ сердце до самой смерти? Сдѣланное злодѣяніе, которое нужно таять.

11) Что значитъ быть мертвымъ? Значитъ быть глупымъ.

12) Кто глупецъ? Кто не умѣетъ во время сказать ласковое слово.

13) Что служить источникомъ несчастья? Строптивое сердце.

14) Къ чему всѣ стремятся? Къ тому, чтобы устроиться хорошо въ жизни.

15) На что не слѣдуетъ обращать вниманія? На чужую жену и на чужое добро.

16) Что нужно взять себѣ въ возлюбленные? Сосраданіе, милосердіе и снисходительность.

17) Что такое бѣдность? Недовольство.

18) Что слѣдуетъ слѣпца? Страсть.

19) Что такое истинная жизнь? Безпорочность.

20) Что такое сонъ? Глупость людей.

21) Что такое глупость? Когда не стремятся сдѣлаться умнѣй.

22) Что непостоянно, какъ капля воды на листьяхъ лотоса? Молодость, богатство, жизнь.

23) Что опьяняетъ подобно вину? Нѣжность.

Пища создаетъ человѣка. Строго говоря—разсуждаетъ англійскій медицинскій журналъ Lancet—около трети четвертой человѣческаго тѣла, по вѣсу, состоятъ изъ жидкостей, имъ поглощаемыхъ, и только остальная, четвертая часть—изъ усвояемыхъ имъ твердыхъ веществъ. Отсюда никакого преувеличенія не заключается въ словахъ, что пища создаетъ человѣка. Наоборотъ, можно выразиться еще сильнѣе и всетаки справедливо, что человѣкъ есть пища, имъ принимаемая. Поэтому, далеко безразлично знаніе, что человѣкъ ѣстъ и пьетъ, ибо отъ пищи зависитъ его физическое и нравственное состояніе. Конечно, ему нельзя совершенно измѣнить свою усвояемую природу, такъ какъ развитіе простирается болѣе, нежели на одну индивидуальную жизнь, но тѣмъ не менѣе въ его волѣ произвести въ ней, посредствомъ выбора известной пищи, нѣкоторыя измѣненія. Намъ извѣстно, какое вліяніе производитъ то или иное питаніе на нравъ и все существо животныхъ; собака, выкармливаемая мясомъ, становится чрезвычайно злобнымъ созданіемъ, тогда какъ то же животное, долго пробывшее на хлѣбѣ и молокѣ, дѣлается смиреннымъ, какъ ягненокъ. То же самое вполне примѣнимо и къ человѣку. Таково непреложное начало развитія.

Землетрясеніе на морѣ. Недавно одинъ нѣмецкій корабль претерпѣлъ маленькое землетрясеніе на открытомъ морѣ, по пути отъ Бремена къ Балтморѣ. Судно внезапно получило такой ударъ, что всѣ находившіеся на немъ подумали, не наткнулось-ли оно на подводный камень. Погода была, между тѣмъ, ясная и море совершенно спокойно. Однако, когда была измѣрена глубина, дна не оказалось на ста сажняхъ. Точно также корабль былъ найденъ нисколько не поврежденнымъ. Сотрясеніе длилось поминуты, по прошествіи какаго времени, судно продолжало свой путь какъ ни въ чемъ не бывало.

Задача буквъ № 6.

Н. Даржана.

Найти слѣдующія 27 словъ:

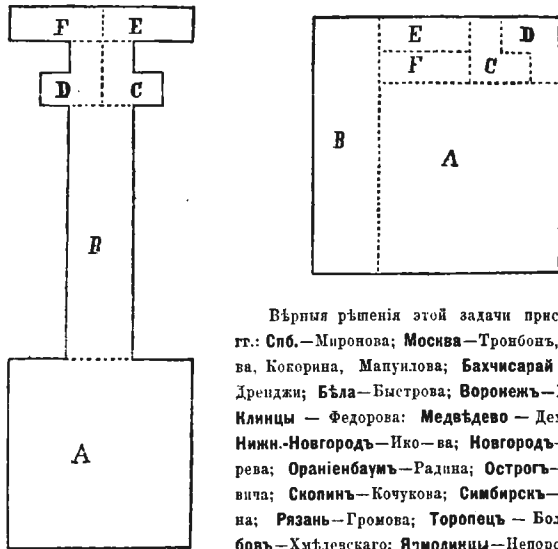
- 1) Известный французскій писатель XVIII вѣка 59. 111. 13. 118. 71. 84. 125. 86.
- 2) Время года 18. 121. 81. 69.
- 3) Игра въ карты 119. 91. 97. 22. 72.
- 4) Названіе рыбы 113. 20. 107. 31. 114. 56. 38.
- 5) Металлъ 116. 123. 65. 108.
- 6) Воръ 80. 52. 92. 66.
- 7) Хлѣбное растеніе 64. 100. 33. 10.
- 8) Число 67. 55. 124.
- 9) Вязкое мѣсто 76. 48. 1. 115.
- 10) Названіе ягоды 68. 57. 58. 6. 47.
- 11) Богиня огня 123. 120. 101. 51. 126.
- 12) Ребенокъ 30. 94. 61. 63.
- 13) Подѣльные перлы 4. 54. 24. 41.
- 14) Одинъ изъ героевъ „Мертвыхъ Душъ“ 35. 70. 17. 16. 85. 105. 122. 19.
- 15) Мифологическія существа (великаны) 98. 34. 74. 88. 11. 82.
- 16) Принадлежность повозки 23. 36. 109.
- 17) Необыкновенное событіе 75. 117. 2. 77.
- 18) Произведеніе Достоевскаго 40. 60. 83. 3.
- 19) Денежный штрафъ 110. 78. 28. 14.
- 20) Явленіе на водѣ 99. 5. 46. 53.
- 21) Чародѣй 102. 106. 12. 43.
- 22) Посуда 26. 42. 95. 15. 32.
- 23) Примѣта старости 8. 25. 89. 103. 37. 127.
- 24) Пароходный сигналъ 79. 62. 7. 50. 93.
- 25) Что получаютъ на службѣ 21. 44. 87. 39.
- 26) Доски 49. 45. 9.
- 27) Названіе повозки 104. 29. 73. 96. 27. 90. 112.

Потомъ буквы найденныхъ словъ разставить въ нижеслѣдующихъ 16-ти квадратахъ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова.

1			6	7	8	15	16	17	24	25	
2		3	9	10	11	18	19	20	26		27
4		5	12	13	14	21	22	23		28	29
30	31	32	39	40	41	48	49		56	57	58
33	34	35	42	43	44	50	51	52	59	60	61
36	37	38	45	46	47	53	54	55	62	63	64
65	66	67			74	81	82	83	90	91	92
68	69	70	75	76	77	84	85	86	93	94	95
71	72	73	78	79	80	87	88	89	96	97	98
99	100	101	106	107	108	115	116	117			124
	102	103	109	110	111	118	119	120	125		126
104		105	112	113	114	121	122	123	127		128

Затѣмъ, когда квадраты будутъ наполнены буквами, нужно всѣ 16 квадратовъ соединить въ одинъ общій, но такъ, чтобы можно было прочесть отрывокъ изъ известнаго произведенія Кольцова.

Рѣшеніе геометрической задачи № 83. (Помѣщ. въ № 50 1882 г.)

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Миронова; Москва—Троицкой, Журавлева, Кокорина, Мацулова; Бахчисарай—Прикъ, Дренджи; Бѣла—Быстрова; Воронежъ—Курицына; Клинцы—Федорова; Медвѣдево—Дехтерева;—Нижни-Новгородъ—Ико—ва; Новгородъ—Пономарева; Ораніенбаумъ—Радина; Острогъ—Бардасевича; Скопинъ—Кочукова; Сибирскъ—Бабушкина; Рязань—Громова; Торопецъ—Волтъ; Тамбовъ—Хитлевскаго; Ярмолинцы—Непорожнаго.

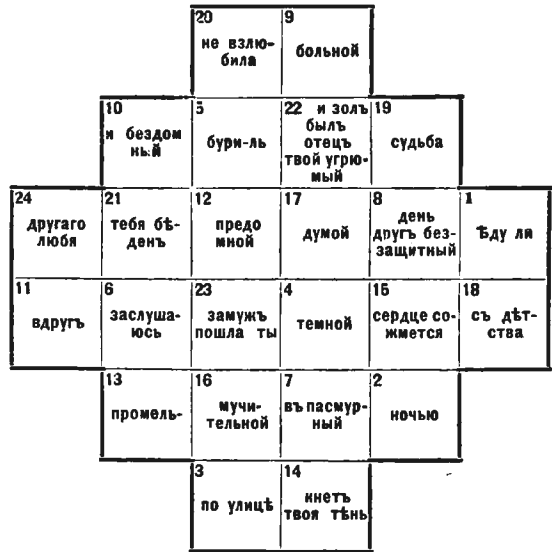
Рѣшеніе шашечной задачи № 82.

Бѣлыя: e 7 — f 6, b 4 — d 6, h 6 — f 4, c 3 — b 4, b 2 — d 4, a 1 — e 5, e 5 — h 2, h 2 — f 4, f 2 — g 3, e 1 — f 2, f 2 — g 1, f 8 — a 3, a 3 — f 8, f 8 — a 3. Черныя: g 7 — h 2, e 7 — e 5, e 5 — g 3, a 5 — c 3, h 8 — c 3, h 2 — g 1, h 4 — g 3, g 1 — h 2, h 2 — g 1, g 1 — h 2, a 7 — b 6, b 6 — a 5, a 5 — b 4. и дамка черныхъ заперта.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Морозкина, Москва—Хухрикова, Налуга—Волокова, Тула—Зыбина, Царицынъ—Мякина.

1-й заемъ 1864 года.

Рѣшеніе ребуса—ходъ коня. Задача № 84. (Помѣщ. въ № 50 1882 г.)

Бду ли ночью по улицѣ темной, Бури ль заслушаюсь въ пасмурный день — Друзъ беззащитный, большой и бездомный, Вдругъ предо мной промелькнетъ твой тѣпъ! Сердце сожмется мучительной думой. Съ дѣтства судьба не влюбила тебя; Бѣденъ и золь былъ отецъ твой угрюмый, Замужъ пошла ты—другаго любя.

Н. Некрасовъ.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг.: Спб.—Самсоновой; Москва—Соля, Благовѣщенскаго, Еремина; Кострома—Княженикова; Курскъ—Рестрова; Кронштадтъ—Даржана; Одесса—Зильбербергъ; Самара—Громова; Сарайскъ—Иларевича; Царевъ—Мизгирева.

СОДЕРЖАНІЕ: Захеръ-Мазохъ (съ портр.)—Гуттаперчевый мальчикъ. Повесть Д. В. Григоровича. (Окончаніе).—Пѣвецъ. Разсказъ.—Высочайша въ міръ зданія и памятники (съ рис.)—Блудный сынъ (съ рис.)—Мастерская профессора Ю. Ю. Клевера (съ рис.)—Гора Ватцманъ въ Верхней Баваріи (съ рис.)—Сожиганіе труповъ въ Готѣ (съ рис.)—Профессоръ Д-ръ Густавъ Егеръ и его нормальный костюмъ (съ портр.)—Тифъ. Очеркъ.—Политич. обзоріе.—Смѣсь.—Игры и загадки.—Тиражъ выпитрейшей Государственнаго Банка.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

36-й тиражъ 3-го января 1883 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Table with 18 columns (№ сер., № бл., Сумма) and multiple rows of lottery numbers and amounts.

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ.

217, 347, 544, 672, 709, 713, 919, 1013, 1061, 1087, 1220, 1560, 1915, 1932, 2398, 2794, 2857, 4081, 4104, 4503, 4534, 5211, 5479, 5636, 6033, 6203, 6430, 6635, 6764, 6815, 6972, 7713, 8139, 8549, 8757, 8806, 8879, 8939, 9171, 9233, 9432, 9469, 9473, 9625, 9968, 10268, 10390, 10913, 11087, 11877, 11992, 12059, 12381, 12697, 13181, 13245, 13861, 13913, 14048, 14310, 14342, 14946, 15863, 15932, 16221, 17673, 17755, 18036, 18930, 19572, 19680, 19796.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Честь имѣю увѣдомить почтен. публику, что извѣстный мой новый органич. препаратъ „Шведскій бальзамъ“ „ЭЛЕОПАТЪ“ провизора Кинунена употребляется для сохраненія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ. „Элеопатъ“ испытанъ, одобренъ и признанъ безподобнымъ средствомъ и не можетъ быть ничѣмъ замѣнимъ.

Способъ употребленія „Элеопата“ для роженія волосъ приложенъ къ каждому флакону. Отправка производится во всякое время года. Каждый флаконъ имѣетъ въ самомъ стеклѣ вензель и надпись Кинунена, собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ пров. Кинунена продается у Штоль и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптек. Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 к. Въ провинціи „Элеопатъ“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ лучшихъ аптекахъ, лабораторіяхъ и косметическ. магазинахъ.

Для иногородныхъ покупателей „Элеопатъ“ высылается изъ Главнаго Депо, не менѣе 2 флаконовъ, содерж. 240 граммовъ, за 4 руб.; при высылкѣ денегъ на заказъ, необходимо указать слѣдующій здѣсь адресъ:

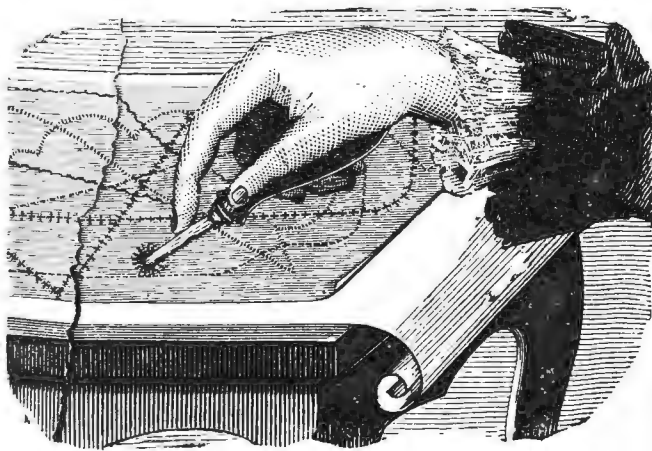
Въ Главное депо „ЭЛЕОПАТА“ пров. Кинунена. Пассаждъ, маг. № 52, въ С.-Петербургѣ.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго. Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !

Получая постоянныя требованія на русское сырье отъ моихъ иностранныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ **РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТИЯМИ** Имено: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и топленое, щетину, медъ, конскія гривы и хвосты, Саранышки, клей и жиръ рыбій, перья, лукъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовать: Торговль Домъ Генриха Барыцкаго. Варшава. № 2.50 12-7

РЪЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОЕКЪ.

Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкроекъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.; съ футляромъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редакціи „НИВЫ“ въ С-Бургѣ, В. Морская. № 9.

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэма Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящикъ 30 р.; въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ переслкомъ въ ящикѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
1р. А. Ковалевскаго въ губ. г. Владимірѣ. Смотри въ № 48 Нивы, 1882 г.
ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.
№ 2333 6-6

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60; для подписч. „НИВЫ“ 1883 г. 75 к., съ перес. 1 р.

МОСКВА и ТВЕРЬ, историч. повѣсть В. И. Келсиева, съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы“ на 1883 г. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каравина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ ПАПИРОСНАЯ и СИГАРНАЯ ФАБРИКА

В. БУШЪ,
въ С.-Петербургѣ,
фабрика: Литовка, № 31, магазинъ: Вознесенскій, № 14, покорѣйше проситъ обратить вниманіе гг. курящихъ на ея произведенія, ибо работавъ долгое время въ первыя заграничныя сигарныхъ фабрикахъ, надѣется вновь удовлетворить самый требовательный вкусъ; сигары отличаются мажнмъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ.
Р. № 2378 10-6

Исключительное дело на всю Россійскую Имперію.

Мужскіе карманные часы
неимоვნю поражающіе золотые. Цѣны исключительно съ пересылкой. Цилиндрической большой форм. 7 р. менший „ 8 р. Самозаводящіяся „ 10 р. Высылающ. сразу 25 шт. 10% скидки „ 100 „ 20%
Отправка немедленно по полученіи всей слѣдуемой суммы. Адресъ: Торговль Домъ „Commerce Russe“. Варшава. № 2349 12-7

MAISON DE CONFIANCE.

Pour la toilette des dames
GRAND CHOIX D'ARTICLES PROVENANT DES PREMIERES MAISONS DE PARIS

Prix très modérés.

Robes faites depuis 35 à 200 R-bles.— Matinées et robes de chambre depuis 12 à 100 R-bles.—Paletots ouatés.—Manteaux visites, velours, pluche, drap, depuis 35 à 200 R-bles. Manteaux visites cachemire doublés soie, très richement garnis de dentelles et de motifs depuis 25 R-bles.—Jupons de toutes sortes.—Corsets, tournures, plissés, traînes.—Coiffures fichus et noeuds.—Fichus espagnols.—Nouveaux jersey hussard.—

Grand choix de gants parfumés.

GANTS SARAH BERNHARDT.—GANTS POMPADOUR.
GANTS SUEDE ET GLACÉS DEPUIS 2 à 20 boutons.

Qualité supérieure.
Robes et manteaux sur commande.

MAISON JUSTIN.

12, Petite rue des écuries 12. № 2444

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

НОВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА:

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА.

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА ШИПРЪ.

Хинная и Тоническая помада.	Бриллиантъ для бороды и усовъ
Помада Виолетъ де Паризъ.	Виолетъ де Паризъ.
Иланъ Иланъ, Иксора.	Экстрактъ Виолетъ де Паризъ для очищенія головы.
Жасминъ, Опононаксъ.	Шампунъ (мыльная эссенція) для мытья головы.
Фиксатуръ Виолетъ де Паризъ.	Новый фиксатуръ для краски волосъ въ короб., съ зеркал. и щеткою, черн., кашт. и темнорусъ.
Иланъ Иланъ, Иксора.	Саше По д'Эспань (душистая кожа).
Жасминъ, Опононаксъ.	

КОЛЬДЪ КРЕМЪ, прям. фар. бан.

Духи Эссь Виолетъ, Эссь Буке, Букегъ Московской Выставки 1882 года, Лила Бланъ, Акацша Розъ.	Духи Мимоза, Гиацинтусъ, Орианталісъ, Бѣл. Гелиотропъ, Майлехенъ (Ландишь), Бриза де ластъ Памнасъ Спинороза.
--	---

САШЕ ВУМАЖНЪЕ

крѣпко отдушен. разн. запахъ.
Мыло туалетное разныхъ запаховъ
КРЕМЪ КАМЕЛІЯ,
бѣлый и розовый.
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

изъ которыхъ приобтѣаютъ некоторые фабриканты, приписывая названія фирмъ, близкіе подходящихъ къ фирмъ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмъ:

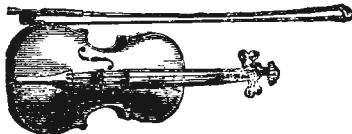
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Анничкина моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Каванской улицы дома № 18-54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, ея не принадлежатъ.
Р. № 2277 3-2 жатъ.

СКРИПКИ

для учеников, музыкантов и артистов, дешевыя отъ 2 р. 50 к. до 5 р., и лучшия по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

Смычки по 50 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 10 р. и дороже.

Фугляры по 4 р., 5 р., 7 р., 10 р. и дороже—до 25 р.

Школы для скрипки по 1 р., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р.

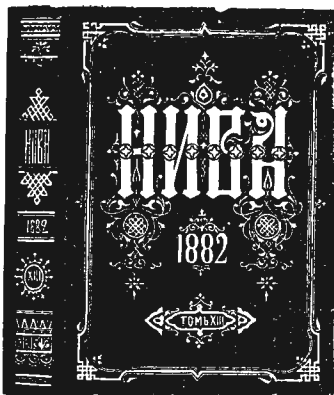
Хорошия итальяскія и нѣмецкія струны, каніфоль, сурдинки, камертоны, метрономы.

АЛТЫ по 9 р., 15 р., 25 р., 50 р. и дороже.

ВІОЛОНЧЕЛИ по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

КОНТРАБАСЫ по 40 р., 50 р., 65 р., 75 р., 100 р. и дороже.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ Юлія Генриха Циммермана,
С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 42.
При магазинѣ есть мастерская для изготовления и починки инструментовъ.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
За пересылку прему прилагать приблизительно.
Депю въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торулскаго. А. № 2438 1-1

КРЫШКИ для перелета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой перелетчикъ легко можетъ перелететь „НИВУ“ въ такую каленковую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

Н. П. ДАНИНА, ВЪ МОСКВѢ,

удостоенныя **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашествъ новыхъ владѣній Азии. СЪ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ ПРОДАЖУ ПОДЪ НОВЫМЪ ЯВЛЕНІЕМЪ.

№ 2440 10-1

38. ТРОИЦКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ. 38.

Складъ: Знаменская ул., № 32.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ

Троицкаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ съ доставкою:

Р. К.

1 сифонъ сельт. или— 10

25 1/2 б. содовой воды) 1 13

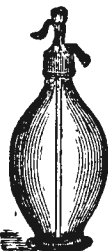
25 шипуч. лимон. 1 75

25 фр. и ягод. в. 2 50

25 шипуч. ж. вода 1 75

25 виши (Vichu) 2 —

Залогъ за бут. по 2 к., за сифонъ по 1 р. № 2439

Дозволено цензурою. СПБ. 12 января 1883 г.

Г-нъ ЛЮСИЕНЪ СПЕЦИАЛЬНО ДАМСКІЙ ПАРИКМАХЕРЪ 16 БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ 16

увѣдомляетъ своихъ почтенныхъ кліентовъ, что его парикмахерская остается по прежнему открытою, не смотря на то, что часть его помѣщенія уступлена магазину благотворительныхъ товаровъ „Parfumerie du grand monde.“ Мт. № 2442 1-1

Только что вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ Спб., Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линий, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Шесть разсказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе разсказовъ:

- 1) Дяденька. | 3) Ночь. | 5) Грѣхъ ли это?
- 2) Уличная пѣвица. | 4) Обезьянка. | 6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти разсказы представляютъ намъ прелестныя дѣтскія типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанию эти разсказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвкамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. не есл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons

ROUME

PARFUMERIE DU GRAND MONDE maison de confiance

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons

ROUME

PARFUMERIE DU GRAND MONDE maison de confiance

LA PARFUMERIE DU GRAND MONDE a sa réputation faite dans le monde entier. Elle vend toutes les meilleures marques authentiques garanties, et les **VEND TRÈS BON MARCHÉ.** Aujourd'hui nous recevons:

Le parfum **MASCOTTE** de la maison Piver de Paris.

Tous ces parfumes exquis, aux odeurs ci-dessous:

Eau de toilette Corylopsis	Piver	Extrait Corylopsis	Piver
Vinaigre Corylopsis	Piver	Poudre de riz Corylopsis	Piver
Cold cream Corylopsis	Piver	Brillantine Corylopsis	Piver
Huile Corylopsis	Piver	Pommade Corylopsis	Piver

Essences toutes nouvelles:

ROUME

Inimitable Bouquet	Ixia Lys Bouquet	Bouquet Déesse
Acacia supérieur	Muguet et Lys Bouquet	Brises de Ylang
Splendide Bouquet	Flowers Bouquet	Héliotrope blanc
Indiana Bouquet	Veloutine Bouquet	Bouquet diamant
Continental Bouquet	Mignon Bouquet	

Tous ces articles d'une supériorité facile à constater.

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons

ROUME

PARFUMERIE DU GRAND MONDE maison de confiance

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons

ROUME

ВИШЛА ЯНВАРСКАЯ КНИЖКА

СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.

Содержаніе: Доказательствъ нѣтъ, автора Поиски. Школа Робинзоновъ, Жюль Верна. Обѣ статьи закончены.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ большого формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, десять рублей пятьдесятъ копѣекъ, для городскихъ одиннадцать, для иногородныхъ двѣнадцать рублей. Тринадцатая книга премія прилагается бесплатно къ декабрьской книжкѣ для подписчиковъ, улатившихъ сполна за весь годъ.

Подписка принимается исключительно на имя Елизаветы Николаевны, Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С. Петербургѣ. 2445

Фирма наследницъ Ивана Тимофѣевича Жилина, производящая торговлю въ г. Москвѣ, Колокольный рядъ, собственная лавка, № 291, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по случаю прекращенія торговли, съ 25 ноября сего 1882 года, назначается окончательная распродажа всего, имѣющагося въ лавкѣ, церковнаго и мѣднаго товара, съ большой уступкой въ цѣнѣ. Имѣется громадный выборъ панцидаль, лампъ, лампады, подсвѣчниковъ, хоругвей, свѣчъ и др. церковной утвари, самого лучшаго фаянса и достоинства, а также полный выборъ мѣднаго товара. Просить обратитъ вниманіе гг. оптовыми покупателями и церковныхъ старостъ. Письма и телеграммы адресовать: Москва, Колокольный рядъ, лавка Жилиныхъ, Петру Петровичу Блюяреву.

Лавка наследницъ Жилиныхъ, съ амбарами и кладовыми, сдается. Ц. № 2379 8-6

РОЗЫГРЫШЪ ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННОЙ ЛОТЕРЕИ ВЪ ПОЛЗУ ПРИЮТА И УБѢЖИЩА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦЕССЫ

Евгенія Максимиліановна ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ,
для арестантскихъ дѣтей женскаго пола и женщинъ, выходящихъ изъ мѣстъ заключенія въ домствѣ С.-Петербургскаго дамскаго попечительнаго о тюрьмахъ Комитета

ИМѢЕТЪ БЫТЬ 30 января 1883 года,
въ залѣ С.-Петербургской Городской Думы съ 9-ти часовъ утра. № 2437

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

ИЗЪ **ЗОЛОТА И СЕРЕБРА,** какъ-то: старинныхъ, золотыхъ эмалированныхъ табакерокъ, вазъ, кубковъ и бокаловъ изъ топаза или камней въ золотой оправѣ, старинныхъ серебряныхъ вещей, какъ-то: кружекъ, бокаловъ, кубковъ, группъ и фигуръ, вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, г-ну **ЛУДОВИКУ БЕНЪ,** Петровка, домъ Пенскаго, противъ Петровской аптеки. № 2278 9-6

РУЧНЫЯ МУКОМОЛЬНЫЯ МЕЛЬНИЦЫ

съ жерновами, цѣною 140 р. размалываютъ всякаго рода верна на мелкую муку. Мельницы для конной и паровой силы цѣною отъ 150 р. Механическія зерносушильни, пообрѣт. В. Аккермана, локомобили, и другія земледѣльскія машины постоянно на складѣ при механическомъ заводѣ **В. АККЕРМАНЪ.** С.-Петербургъ, Пески, Большая Болотная, № 6. № 2427 3-3

ВЕБЕРА, ОЧИСТИТЕЛЬ СНѢГА И УРАВНИТЕЛЬ ДОРОГЪ.

Въ теченіе дня 2-е рабочіихъ съ двумя лошадыми могутъ очистить отъ снѣга или исправить отъ 2 до 3 1/2 верстъ самой испорченной отъ вѣды дорогъ, такъ что уравнитель окупается въ теченіе однихъ сутокъ. Всѣхъ 5 пуд., цѣна 85 р.

ВЪ ДЕПО МАШИНЫ, НАСОСОВЪ И ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ ТОВАРИЩЕСТВА **БУРБГАРТЪ и УРЛАУБЪ.** С.-Петербургъ, Вас. Остроль, 1-я линия, № 10. Москва, Мясницкая, д. Сытова. № 2422 4-3

КАРТИНЫ

ПЕЧАТ. МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ, СОБСТВЕН. ИЗДАНІЯ, ВЕСЬМА ДЕШЕВО ДЛЯ ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ и ЭКСПОРТЕРОВЪ.

Новѣйш. иллюстр. каталоги даромъ и franco.

Берлинъ S. (Berlin S. Grimmstrasse 7). Карлъ Каулишъ (Carl Kaulisch). Хромо-литографическое заведеніе и печатня. № 2410 4-4

НИВА

XIV годъ
№ 4

годъ XIV
1883

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выданъ 22 Января 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 50 коп. (1 Mark. 50 Реп. для за грам.) за строку непарный (въ 1/4 ширины страницъ).

Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конг. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при „Н И В ъ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9

Столѣтній юбилей Митрополита Филарета.

9 Января чтилась торжественно память великаго святителя нашей церкви Митрополита Филарета, по поводу исполнившейся столѣтней годовщины со дня его рожденія. Съ благословенія Св. Синода, совершенно во всѣхъ соборахъ кремлевскихъ и во всѣхъ храмахъ московскихъ, при громадномъ стеченіи народа, торжественное поминовеніе Святителя, незабвеннаго для православной церкви и для нашего отечества. Общество Духовнаго Просвѣщенія собралось въ Муроварной Палатѣ для чествованія его памяти. и торжество это отозвалось повсюду въ Россіи и за ея предѣлами.

Кто не знаетъ имени Филарета Московскаго? Въ долгій періодъ его святительства на Московской кафедрѣ, тысячи народа ходили въ Москву получать благословеніе чтимаго іерарха. Поученія Филарета читались во всѣхъ концахъ Россіи. Живя безвыѣдно въ Москвѣ съ 30-хъ годовъ столѣтія нашъ іерархъ не переставалъ быть въ самомъ близкомъ духовномъ об-

Митрополитъ Филаретъ. Съ фотогр. рис. Шпакъ, грав. И. Матюшинъ.

щеніи какъ съ горячо любимую имъ Россією, такъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ. По уму, свѣдѣніямъ, познанію языковъ и глубинѣ воззрѣній, Филаретъ не имѣлъ себѣ сверстниковъ во все долгое время его святительства. За океаномъ, въ Америкѣ даже, онъ чтился какъ великій авторитетъ въ наукѣ богословія. При этомъ онъ ни однимъ словомъ не переставалъ быть на высотѣ святительскаго призванія и не переставалъ вести скромную и суровую жизнь инока.

Митрополитъ Московскій, знаменитый Филаретъ, по фамиліи Дроздовъ, родился въ Коломенѣ, въ январѣ 1783 г. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Коломенской семинаріи, затѣмъ, перейдя въ Лаврскую Троице-Сергиевскую семинарію, по окончаніи курса, сдѣлался учителемъ. Инокъ-преподаватель при трудахъ и занятіяхъ подвизался въ постѣ и молитвѣ, сталъ извѣстенъ уже своею строгою жизнью и въ 1809 году былъ вызванъ въ Петербургъ и 1-го марта его назначили инспекторомъ Петербургской семинаріи, въ званіи академическаго бакалавра и профессора

философских наук. На Пасху того же года онъ уже посвященъ въ санъ иеромонаха. Въ 1812 г. онъ определенъ ректоромъ Духовной Академіи и настоятелемъ Юрьева монастыря, затѣмъ, въ 1816 году, Московскаго Новоспасскаго монастыря. Послѣ епископства Ревельскаго, въ 1819 году Филаретъ былъ переведенъ въ Тверь архіепископомъ и паименованъ членомъ Св. Синода. Черезъ полтора года—въ Ярославль, а на слѣдующій годъ въ Москву.

Сорока четырехъ лѣтъ всего, бодрый духомъ и тѣломъ, свѣжій умомъ и сердцемъ, знаменитый архіепископъ московскій былъ нареченъ Митрополитомъ. Роковой день 19 Нолбря 1867 года отлучилъ его отъ жизни. Вся жизнь нашего славнаго іерарха была неоспоримымъ источникомъ мысли здравой, мудрой, свѣтлой и всегда поучительной. Жизнь эта ждетъ еще своего достойнаго исторіографа. Пока передъ нами драгоценныя книги, гдѣ собраны его слова и поученія. Они исполнены самою высокою мудрости и часто касаются разнообразнѣйшихъ вопросовъ пародной, общественной и государственной жизни. Столѣтняя годовщина Митрополита, конечно, побудитъ собрать и обнародовать все, что онъ оставилъ намъ въ наслѣдіе. Кроме твореній его, изданныхъ имъ при жизни, кромѣ проповѣдей его, извѣстныхъ всей Россіи и не въ одной Россіи, сохранилось множество писемъ его къ разнымъ лицамъ, возстановляющихъ нравственный, величавый образъ нашего іерарха. Здѣсь мы приведемъ отрывокъ изъ его поученія, касающійся семьи и литературнаго изображенія жизненныхъ событій.

«Когда темнѣетъ свѣтъ на дворѣ, усилавотъ свѣтъ въ домѣ. Береги Россія и возжигай сплннѣе свой домашній очагъ, ибо *шатающаяся языки и люди поучишася тмнѣтнмъ.*»

«Семейство древище государства. Человѣкъ, супругъ, отецъ, сынъ, мать, дочь и свойственныя этимъ наименованіямъ обязанности и добродѣтели существовали прежде, чѣмъ семейство разрослось въ народъ и образовалось государство. Посему жизнь семейная, въ отпощеніи къ жизни государственной, есть, нѣкоторымъ образомъ, корень дерева. Чтобы дерево зеленѣло, цвѣло и приносило плодъ, надобно чтобы корень былъ крѣпокъ и приносилъ дереву чистый сокъ. Такъ чтобы жизнь государственная сплннѣе и правильно развивалась, процвѣтала образованностью, приносила плодъ общественнаго благоденствія,—для сего надобно, чтобы *жизнь семейная*

была крѣпка благословенною любовію супружескою, священной властью родительскою, дѣтскою почитательностью и послушаніемъ и чтобы, вслѣдствіе того, изъ чистыхъ стнхій жизни семейной, естественно возникали столь же чистая начала жизни государственной, чтобы, съ почитаніемъ къ родителю, родилось и росло благоговѣніе къ царю, чтобы любовь дитяти къ матери была приготавленіемъ любви къ отечеству, чтобы послушаніе домашнее приготавляло и руководило къ самоотверженію и священной власти самодержца.

«Въ нынѣшнія времена о предметахъ, правплахъ и способахъ воспитанія такъ много разсуждаютъ, ищутъ, спорятъ, что едва ли не уменьшаетъ довѣрія къ воспитателямъ отъ воспитываемыхъ, которые слышатъ ихъ препирающихся между собою и видятъ недавно одобренное осужденнымъ. Можетъ быть это и неизбежно, по причинѣ умножившихся и разнообразившихся требованій жизни общественной и частной, которымъ воспитаніе должно удовлетворять. Но въ наше время и близъ насъ не умножаются ли уста, глаголющія суету въ завѣснн Бога и Его заповѣдей? Не глаголютъ ли они часто излишнее въ бесѣдахъ, въ зрѣлищахъ, въ книгахъ?..»

«Говорятъ: *надобно черное называть чернымъ*» и подь этими предлогами предаются злорѣчю.

«Злорѣчье, которымъ нѣкоторые думаютъ исправлять зло—неверное врачество. Зло не исправляется зломъ, а добромъ. Какъ загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязною водою, такъ описавіями порока, столь же печными и смрадными какъ онъ самъ, нельзя очистить людей отъ порока. Умноженіе передъ глазами народа изображеній порока и преступленія, уменьшаетъ ужасъ преступленія и отвращенія отъ порока, и порочный при видѣ такихъ изображеній говоритъ: *«не я одинъ, такихъ много»*. Укажите на темный образъ порока *не теряя чувства и не оскорбляя вкуса чрезмѣрнымъ обнаженіемъ его тнущостей*; съ другой стороны, изобразите добродѣтели въ ея неподдѣльной истинѣ, въ ея чистомъ свѣтѣ, въ ея непоколебимой твердости, въ ея чудной красотѣ...» *)

Замѣчательныя слова, исполненныя глубокаго смысла и значенія! Тѣмъ замѣчательнѣе, что они говорились много лѣтъ назадъ и такъ вѣрно пригнѣнтельны къ настоящему!

Въ „Нивѣ“ 1871 года была обширная біографія митрополита Филарета и мы не будемъ здѣсь вдаваться въ сообщенныя уже тамъ подробности.

Подъ колесомъ.

НОВЕЛЛА

Н. Д. Ахшарумова.

I.

Июль... 186* года.

Ищу это за границею, въ В*, куда я попалъ случайно... Скучно теперь вспоминать несчастный процессъ, въ итогѣ котораго родовая моя Незвановка продана была съ молотка, и всѣ мытарства, вынесенныя при этомъ. Безденежье заставило меня бросить службу въ полку. Съ годъ послѣ этого я хворалъ. Доктора находили разстройство печени и въ началѣ лѣта отправили меня въ Карлсбадъ; но они ли ошиблись, или леченіе не могло сдѣлать пользы при подавляющей мысли, что я проживаю послѣдніи средства, не знаю,—только я тамъ чуть не умеръ съ тоски. Вернуться домой, однако, проѣздивъ двѣсти рублей совершенно даромъ, казалось обидно. Я думалъ: ужъ если разъ сдѣлалъ глупость, заѣхалъ такъ далеко, то ужъ по крайней мѣрѣ кутнуть тутъ въ свое удовольствіе, сдѣлать хорошей туръ по Швейцаріи, побывать въ Римѣ, въ Неаполѣ?.. Но какъ только я начиналъ настраивать себя на этотъ ладъ, мнѣ приходилъ на память тотъ древній всадникъ, что странствуетъ съ черной заботою у себя за спиной. И я еще думалъ: какое право имѣю я баловаться и тратить деньги тутъ за границей, когда тамъ, дома, у меня нѣтъ ни гроша въ виду и я долженъ вернуться на родину нищимъ?.. Другими словами, глупѣе того положенія, въ которомъ я находился, трудно вообразить. Все, что бы я ни предпринялъ, казалось равно нецѣпно.

Случай или судьба, но разъ поутру, когда у меня на душѣ было особенно скверно, кто-то изъ русскихъ встрѣтился мнѣ въ коляскѣ, съ багажемъ.

— Куда вы?

— Въ В**.

— Что такъ?

— Да что!.. Здѣсь можно съ ума сойти. Холодъ, рулетки нѣтъ; общество все большое—уѣдемте.

— Радъ бы душой: по куда?

— Э! Полноте! Ну не все ли равно? ѣдемъ покуда вмѣстѣ. Я такъ и быть подожду... Эй! Кучеръ! Ихъ фаре нихтъ! Цурюкъ!

На другой день мы были въ В**. Спутникъ мой потащилъ меня тотчасъ играть. Это было конечно безумство съ моей стороны; но я далъ себѣ слово, что проиграю не болѣе десяти гульденовъ. Вмѣсто того, не знаю какъ это случилось, я выигралъ триста. Тогда я сталъ разсуждать иначе и мнѣ это показалось совсѣмъ уже не такъ глупо. На выигрышъ я смотрѣлъ какъ на шальные деньги, съ которыми я имѣю право дѣлать что мнѣ угодно. Я продолжалъ—и счастье дурацкое продолжалось. Не было почти дня, когда я ушелъ бы безъ выигрыша. То 100, то 200 гульденовъ; а разъ какъ-то я размахнулся и въ одно утро выигралъ 900... Это длилось недѣли двѣ. Спутникъ мой проигрался тѣмъ временемъ и уѣхалъ въ Эмъ, объясняя что въ В** ему никогда не везло. Я остался одинъ. Въ бумажникѣ у меня лежало уже болѣе 10,000 франковъ, кромѣ своего фонда, котораго я не касался. Я былъ какъ въ чадѣ и не умѣлъ объяснить себѣ какъ это случилось, что я сталъ вдругъ обладателемъ такой суммы. Теперь я не могъ уже такъ спокойно думать, что деньги эти уйдутъ отъ меня тѣмъ же путемъ, какимъ и пришли. Мнѣ это казалось обидно и каждый разъ, отправляясь играть, я трусилъ.—

«Десять тысячъ франковъ—думалъ я—была бы очени хорошая вещь, если бы они остались за мной; но пока я играю, я не могу ни одной копѣйки изъ нихъ назвать своею. Все можетъ исчезнуть какъ сонъ и современемъ непременно должно исчезнуть; ибо не вѣкъ же выигрывать. Когда нибудь, завтра, сегодня же можетъ быть, счастье пойдетъ на утѣкъ и я останусь въ болшихъ дуракахъ. Не глупо-ли дожидаться этого? Не во-

*) Слова и рчи. Изд. 1848 г., т. III.

сто ли разъ умнѣ реализовать наконецъ свою добычу, уѣхавъ отсюда немедленно, съ полною суммою выигрыша, и такимъ образомъ, оставить этихъ господъ въ дуракахъ; потому что понятно, они не считаютъ деньги проигранными, пока понтеръ не уѣхалъ“.

И я собирался уѣхать... Къ несчастію, это была одна только сторопа вопроса, противъ которой, съ другой стороны, можно было сказать много чего равносильнаго... Можно было сказать, и я, разумѣется, говорилъ себѣ, что если бы я такъ разсуждалъ сначала, я бы не только не выигралъ ничего, но даже и не игралъ бы вовсе. Благоразуміе очень почтенный конѣкъ, но на немъ не далеко уѣдешь. Благоразуміе не дало мнѣ ни гроша. Весь выигрышъ мой—дѣло дурацкое, и надо жалѣть только, что оно не было еще безумнѣе,—что я игралъ слишкомъ трусливо,—что вмѣсто гульденовъ, я не ставилъ золота,—свѣртковъ золота. Съ тѣмъ счастьемъ, какое мнѣ везло, я могъ бы выиграть во сто разъ болѣе и обезпечить себя однимъ махомъ на всю остальную жизнь... А теперь что я буду дѣлать съ своими мизерными тремя тысячами рублей? Они меня не обезпечиваютъ. На нихъ нельзя жить; ихъ можно только прожить. Стоитъ ли же за нихъ дрожать, какъ я дрожу? Не ближе ли къ цѣли пустить ихъ на удачу?.. Что за бѣда, если я ихъ и проиграю? Досадно только; но положеніе мое въ жизни отъ этого не измѣнится... За то, если выиграю!..

Кончилось это тѣмъ, что я остался и началъ играть на золото. Но какъ на зло, именно съ этого времени, удача моя стала пошатываться. Нѣсколько разъ я еще возвращался съ выигрышемъ, но это уже была натяжка. Въ сущности, мнѣ не везло, и я съ трудомъ, рискуя большими кушами, успѣвалъ воротить потерянное. Такая храбрость однако не долго длилась. Нервы мои не выдержали. Разъ какъ-то, къ вечеру, когда проигрышъ перевалилъ за тысячу, я вдругъ струсиль и, не имѣя духу долѣе рѣзаться, сидѣлъ растерянный... Руки мои тряслись.

— Вамъ не везетъ? сказалъ мнѣ одинъ господинъ, который стоялъ у меня за спиной.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Бросьте, вы портите себѣ понапрасну кровь. Пойдете лучше, сдѣлаемъ туръ по парку.

Я бросилъ и мы ушли.

Человѣкъ, который увелъ меня такимъ образомъ изъ игорныхъ комнатъ, былъ сумрачный и худой, но бодрый еще старикъ, лѣтъ шестидесяти. Густо обросшее, рѣзко-очерченное лицо, вылинявшій костюмъ, вихры какого-то опаленнаго цвѣта, торчащіе на макушкѣ какъ перья, горбатый носъ и пристальный, острый взоръ,—все въ немъ напоминало большую, хищную птицу въ клѣткѣ. Звали его Фіамесъ. Онъ часто стоялъ у игры по цѣлымъ часамъ; но я не помню, чтобы онъ ставилъ чтонибудь. Встрѣчаясь почти ежедневно въ курзалѣ, мы знали другъ друга, не будучи въ собственномъ смыслѣ знакомы. Сперва я не могъ угадать его національности; но потомъ оказалось, что это еврей. Онъ имѣлъ нищенскій видъ, но былъ человѣкъ воспитанный и говорилъ свободно на нѣсколькихъ языкахъ.

— Вы отыгрались вчера? спросилъ онъ меня по французски.

— Да.

— Знаете: я наблюдалъ за вами. Вы не игрокъ. У васъ нѣтъ никакой послѣдовательности въ игрѣ. Не понимаю, какъ можно играть такъ, безъ толку. Это деморализуетъ. Это не цивилизованная война, а какая-то свалка, драка зубами и кулаками.

— А вы считаете цивилизованную войну дѣломъ нравственнымъ? Облунить человѣка систематически, это не деморализуетъ?.. Я былъ раздраженъ игрой и отвѣчалъ неласково.

Онъ усмѣхнулся своею желчною усмѣшкой.—Ну, ну,

не гнѣвайтесь! Не слѣдуетъ дѣлать вопроса о принципѣ изъ вопроса простаго удобства; тѣмъ болѣе если и самый принципъ покуда еще мечта. Исторія человѣчества, вотъ видите-ли, какъ и отдѣльнаго человѣка, не вышла еще изъ періода войны; да едва ли и выйдетъ когданибудь. Что дѣлать? Мы всѣ отъ природы готовы драться и всѣ деремся ежеминутно за чтонибудь:—за славу, за женщинъ, за деньги, за кусокъ хлѣба насущнаго;—накопещъ, гдѣ не хватаетъ реальныхъ причинъ, деремся такъ, просто, для развлечения... Вы, напримеръ...

— Ну нѣтъ, отвѣчалъ я:—я рѣжусь не для забавы. Мнѣ нужны деньги. Если-бъ не это, я не игралъ бы. Игра какъ игра для меня скорѣе противна, чѣмъ привлекательна... И я рассказалъ ему, какъ я очутился въ В***, прибавивъ, что не люблю лицемѣрить съ собой. Если не я одинъ запускаю руки въ чужой карманъ, то дѣло отъ этого мнѣ не кажется нравственнымъ. Не кажется оно нравственнымъ и отъ того, что оно тутъ дѣлается открыто. Со всѣми цвѣтами, фонтанами и парадомъ, со всѣми санкціями закона, моды и благотворительности,—все таки это вертеть, въ стѣнахъ котораго происходитъ такой же грабѣжъ, какъ и въ любомъ, потаенномъ игорномъ домѣ Лондона или Парижа.

Въ отвѣтъ на это, онъ объяснилъ мнѣ спокойно, что я не понималъ его. Онъ вовсе не моралистъ, тѣмъ менѣе за игорнымъ столомъ, гдѣ собственно и не мѣсто морализировать. Онъ только хотѣлъ сказать, что игра безъ системы лишаетъ той стойкости при непредвидѣнныхъ оборотахъ счастья, которая, въ регулярной войнѣ, считается нравственной силой. Теряющій эту силу чувствуетъ себя, на языкѣ военной науки, деморализованнымъ.—Вы, напримеръ, въ эту минуту, деморализованы.

— Да, правда, отвѣчалъ я.—Но опытъ, вслѣдъ за наукой, съ которой я впрочемъ мало знакомъ, давно ужъ рѣшилъ, что всѣ системы азартной игры несостоятельны.

— Теоретически, это конечно такъ, подтвердилъ онъ. Въ собственномъ смыслѣ, если хотите, неврѣно даже и называть системою то, что въ вульгарной рѣчи слыветъ подъ этимъ именемъ. Но практика смотритъ на дѣло иначе. Практически говоря, въ игрѣ существуетъ извѣстнаго рода сноровка, основанная на здоровомъ смыслѣ и опытѣ. Безсмысленно, напримеръ, идти на проломъ, когда вамъ рѣшительно не везетъ; а потомъ струсить и когда счастье начинаетъ склоняться на вашу сторону, отыгрывать блѣдными гульденами то, что отъ васъ ушло горстями краснаго золота. Ну вотъ, такого-то рода простыя истины, если у васъ на нихъ есть чутье, и составляютъ, въ рукахъ умудреннаго опытомъ игрока, нѣчто въ родѣ компаса, дающаго ему средство держаться извѣстной послѣдовательности въ игрѣ.

Разговаривая, мы вышли изъ парка на какой-то уединенный путь, который велъ прямо въ гору. День приближался къ концу, но воздухъ, пропитанный запахомъ липы, былъ душнень, и съ юга, на горизонтѣ, стояла туча. Издали, отъ курзала, доносились пѣвущіе звуки оркестра. Словно Сирена пѣла, заманивая къ себѣ пловцовъ. Пройдя минутъ двадцать, мы своротили съ дороги и очутились въ лѣсу, на краю высокой площадки, съ которой внизу, подъ ногами, былъ видѣнъ городъ. Мѣсто было скалистое и промежъ сизыхъ, мѣстами обросшихъ мохомъ камней, могучіе корни деревьевъ ползли извиваясь, какъ змѣи.

— Сядемъ, сказалъ мой спутникъ.

Мы сѣли. Онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— И такъ, вамъ нужны деньги? сказалъ онъ.

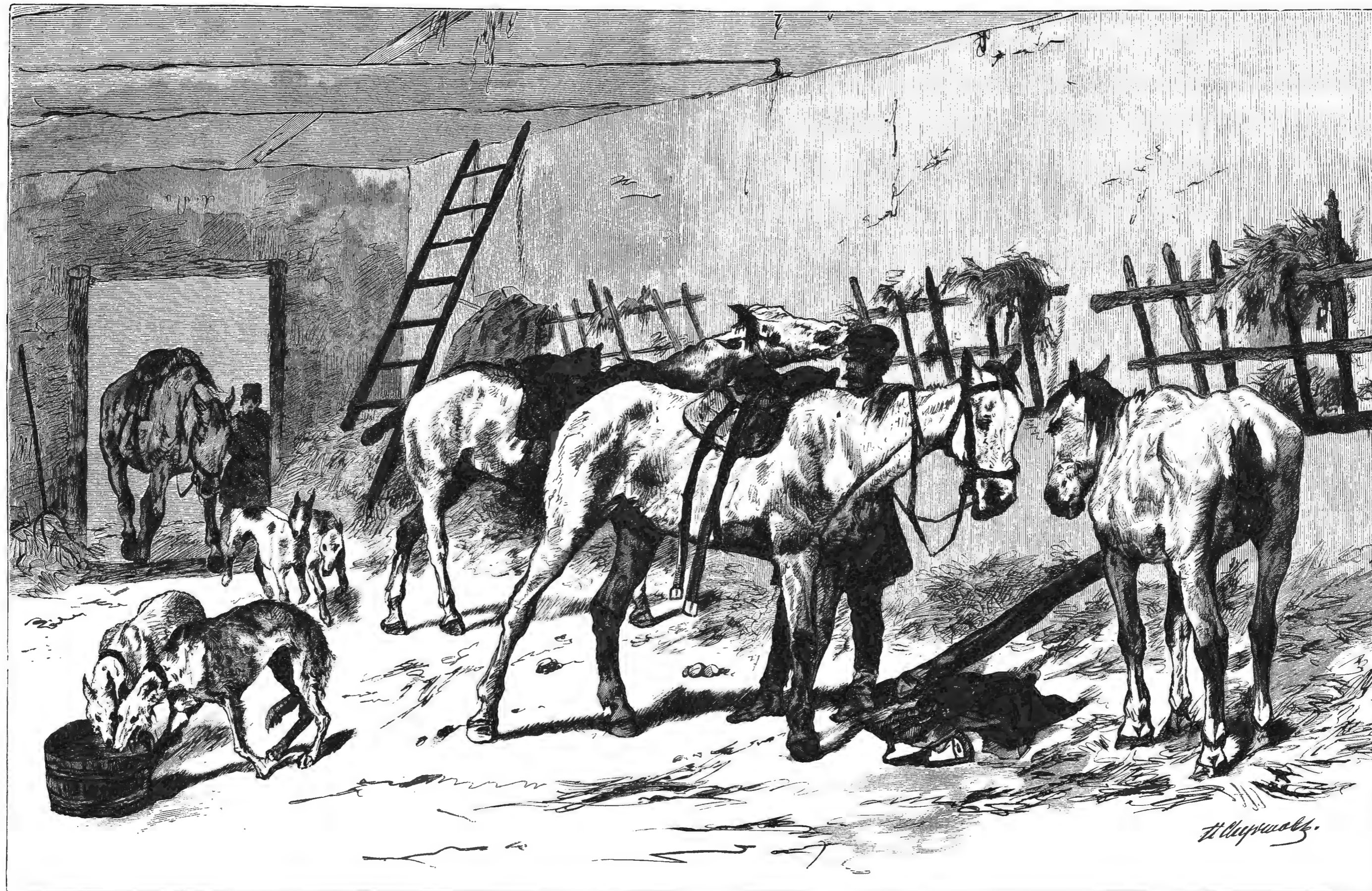
— Да.

— Къ чему-же вы ихъ проигрываете?

Я отвѣчалъ, что я въ выигрышѣ.

— А много?

— Да тысячь восемь осталось еще. (Деньги эти были

Возвращение съ охоты. Ориг. рис. Профессора Н. Е. Сверцова, грав. факсимиле М. Рашевский.

въ билетахъ французскаго банка и я ихъ считалъ на франки).

— А если вы спустите и остальное?

— Что-жъ дѣлать? сказала я съ кислой усмѣшкой.— Судьба войны! Не рискуя—не выиграешь.

— Ну, это еще вопросъ. Вонъ банкъ выигрываетъ; а много-ли онъ рискуетъ?

— У банка огромный игорный фондъ.

— Да, отвѣчалъ онъ:— но кромѣ фонда есть и еще ресурсы. Есть карты и нумера, по которымъ они не платятъ проигрыша. Короче, они играютъ навѣрняка. Я согласился.

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ таинственно:— и у нихъ есть своя Ахиллесова пятка.

— Что вы хотите сказать?

— Послѣ объ этомъ. Позвольте мнѣ прежде сдѣлать одинъ вопросъ. Какъ вы считаете, съ ихъ стороны, эту игру навѣрняка: честною или нечестною?

Я отвѣчалъ, что вопросъ о чести тутъ лишній. Достаточно и того, что они не передергиваютъ; а что затѣмъ, я не вижу—чтобы они могли играть иначе. Съ какой стати имъ рисковать своими милліонами противъ нашихъ грошей? Милліоны и безъ того растутъ.

— Конечно; но это съ ихъ точки зрѣнія; а я бы желалъ знать какъ съ вашей. Тотъ фактъ, что они, съ ихъ милліонами, не могутъ играть иначе, обязываетъ васъ проигрывать имъ навѣрняка ваши гроши?

— Конечно нѣтъ. Но какъ избѣжать этого, если однажды съ ними имѣешь дѣло?

— А! это другой вопросъ.

Онъ оборвалъ и съ минуту сидѣлъ потупясь, чертя что-то палочкой по землѣ.

— Положимъ, что вы бы знали способъ, продолжалъ онъ, не поднимая взора:— знали-бы напримѣръ карты и нумера, по которымъ поитѣрь не можетъ быть въ проигрышѣ. Сочли-ли бы вы нечестнымъ воспользоваться подобнымъ знаніемъ противъ людей, которые несомнѣнно играютъ навѣрняка?

Слова эти и еще болѣе мрачное выраженіе, съ которыми онъ произнесъ ихъ, были такъ странны, что я смотрѣлъ на него съ минуту не отвѣчая.— „Что онъ—ужь не спятилъ-ли“? думалъ я.

Вокругъ между тѣмъ стемнѣло и города ужь нельзя было разглядѣть. Скалистая мѣстность, теряя во мракѣ свои очертанія, приобрѣтала угрюмый и фантастическій видъ. Молнія, изрѣдка ее озарявшая, усиливала еще зловѣщій характеръ картины... Нервы мои были разстроены;— мнѣ вдругъ пришли въ голову: „*Волчья долина*“ и два стрѣлка, изъ которыхъ одинъ, отпѣтый, сманиваетъ другаго волшебными пулями.

— Да что-жъ это? сказалъ я.— Колдовство что-ли?

Онъ громко захохоталъ, и я никогда не забуду этого хохота. Это былъ наглый, циническій, ядовитый смѣхъ.

— Какое вамъ дѣло? Ну если-бъ и колдовство? Что вы ужь не за душу-ли вашу боитесь? Но я не требовалъ еще вашей души. Я только желаю знать, какъ вы думаете... И онъ повторилъ мнѣ тотъ-же вопросъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, тоже расхохотавшись:— чортъ ихъ возьми! Я-бы ихъ облудилъ безъ зазрѣнія совѣсти, если-бы зналъ какъ. Но я не понимаю...

— Эхъ! перебилъ онъ.— Мало-ли чего мы съ вами не понимаемъ! Жизнь вокругъ насъ и въ насъ, полна вещей, которыя кажутся непонятны, покуда намъ неизвѣстенъ способъ, которымъ онѣ достигаются.

Я всматривался, чтобы узнать, не шутитъ-ли онъ; но въ сумерки трудно было подмѣтить на этомъ лицѣ что-нибудь кромѣ его обыкновенной, угрюмой сосредоточенности.

— Вы знаете способъ? спросилъ я серьезно.

— Знаю.

— И вѣроятно хотите, чтобы я его испробовалъ?

— Онъ ужь довольно испробованъ; я предлагаю вамъ имъ воспользоваться.

— А если онъ окажется никуда не годенъ?..

— Что-жъ? Вашъ развѣ годенъ куданибудь? Если вы развѣ не вѣрите; чтобы одна манера играть могла быть выгоднее другой, то все манеры для васъ должны быть равны, и вы ничѣмъ не рискуете, держась какой-бы то ни было одной, опредѣленной.

— Да, отвѣчалъ я:— съ одной стороны оно какъ будто и такъ; но съ другой есть маленькое различіе. Моя безалаберная манера имѣетъ въ моихъ глазахъ одно преимущество;—она даровая. Ну а за вашу мнѣ все-же, я полагаю, придется что-нибудь заплатить.

— Не дорого. Выигрышъ вы подѣлите пополамъ.

— А проигрышъ?

— Вы не будете въ проигрышѣ.

— Шутите! Какъ-же это такъ будетъ?.. Все ставки, что-ли, будутъ даны?

— Конечно нѣтъ. Но вы будете имѣть перевѣсъ, весьма ощутительный и не случайный.

Я смотрѣлъ на него недоувѣрчиво.— „Какой-нибудь старый, продувшійся игрокъ“, думалъ я.— „У всѣхъ у нихъ есть своя безошибочная система; да только они не любятъ эксплуатировать ее на свой счетъ“... Но, тѣмъ не менѣе, любопытство мое было затронуту.

— Что-жъ вамъ мѣшаетъ воспользоваться вашимъ открытіемъ, если вы въ немъ такъ увѣрены? спросилъ я.

— Лишній вопросъ, отвѣчалъ онъ.— Неужли вы не видите?

Я вспомнилъ жалкій его костюмъ и мнѣ стало совѣстно.

— Но чтобы начать, замѣтилъ я поправляясь:— нужно весьма немного. Я, напримѣръ, не успѣлъ проиграть и двухъ гульденовъ.

— Постойте, перебилъ онъ:—этой дорогою мы никуда не придемъ. Вы мнѣ не вѣрите, и это конечно не ваша вина. Но я живу на свѣтѣ 60-тъ лѣтъ и знаю немножко людей. Я васъ не даромъ выбралъ изъ тысячи—одного. Я вѣрю вамъ и хочу заслужить ваше довѣріе. Слушайте, я вамъ расскажу кое-что.

И онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее.

II.

— „Въ свое время“, говорилъ онъ:— „я былъ извѣстный игрокъ. Смѣлость и счастье служили мнѣ много лѣтъ. Не разъ, когда измѣняло послѣднее, смѣлость одна выручала. Но нѣтъ такого кувшина, который поведясь по воду, когда-нибудь не сломалъ-бы шеи. Назадъ тому десять лѣтъ, тутъ въ В***, меня облудили дѣ-чиста. Изгнанникъ изъ Франці послѣ декабрскаго переворота, въ долгу по горло, безъ гроша наличными, я не могъ выпутаться;—не могъ даже пріютиться тутъ гдѣ-нибудь, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ. Репутация игрока стояла преградой съ одной стороны,—съ другой, озлобленные заимодавцы преслѣдовали меня по всей Европѣ. Тогда я рѣшился на крайнее средство. Хозяинъ игорнаго дома здѣсь въ В***, былъ мнѣ знакомъ; я обратился къ его великодушію. Но у насъ съ нимъ были старые счеты; незначѣмъ ихъ объяснять. Въ отвѣтъ мнѣ предложено было мѣсто *сюріег*, съ ручательствомъ, что меня оставятъ въ покоѣ, если я уступлю въ распоряженіе кредиторовъ часть жалованья. Будь я одинъ на свѣтѣ, я-бы скорѣе повѣсилъ; но у меня была восьмилѣтняя дѣвочка, дочь; и для нея я принялъ, прося только какъ милости, чтобы мнѣ дали мѣсто гдѣ-нибудь, гдѣ мое лицо не такъ знакомо, какъ тутъ. Но просьба моя была оставлена безъ вниманія, да и дѣйствительно она не имѣла смысла... Самолюбіе у какого-нибудь крупнѣ!“

„И вотъ“, продолжалъ онъ съ горькой усмѣшкой:— „привоздили они меня тутъ въ В***, какъ ястреба надъ курятникомъ... Галеры были-бы лучше, чѣмъ этотъ позорный столбъ! Я думалъ сначала, что я не вынесу; да и не вынесъ-бы, если-бъ не злоба. Все что во мнѣ оста-

балось живаго, все слилось въ одно чувство ненависти, и это чувство меня привязало къ жизни. Любимымъ дѣломъ моимъ, въ часы досуга, было грызть ногти, обдумывая: ибѣтъ-ли какихънибудь средствъ отохстѣть?.. Десятки плаповъ, одинъ другаго безумнѣе, бродили въ моей головѣ, которая посѣдѣла отъ нихъ. Наконецъ случай занесъ въ нее искру, на первыхъ порахъ чуть тлѣвшую; но это была моя единственная надежда и я за нее ухватился, какъ осужденный на вѣчное заточеніе хватается за малѣйшій намекъ на возможность когда-нибудь вырваться изъ тюрьмы“.

„Въ банкѣ у насъ однажды случился курьезный маленький разговоръ. Управляющій какъ-то сказалъ, что онъ думаетъ сбыть двѣ или три рулетки; но кто-то замѣтилъ ему на это, что инструменты новые. Тогда былъ поднятъ, какъ я догадался изъ ихъ объясненій, старый уже вопросъ: насколько индивидуальныя качества инструмента могутъ имѣть или не имѣть вліянія на результаты игры?.. Кончилось это тѣмъ, что я выпросилъ и пріютилъ у себя одну изъ изгнанницъ, сказавъ, что хочу поучиться верѣть. Но это былъ только предлогъ; а цѣль у меня, какъ вы догадываетесь, была другая“.

„Долго я бился съ этой рулеткой, сидя одинъ, по ночамъ, какъ воръ выдѣлывающій отмычки. Ясной идеи о томъ, чего и ницъ, у меня не было, а было только чутье. Я брѣлъ въ потемкахъ, оцупую, и долго не могъ придти ни къ чему; долго это былъ только беззвучный бѣгъ колеса и безмысленное гудѣніе шарика вир-р-р! Въ глазахъ рябило, въ ушахъ одуряющій звонъ... я думалъ, что я съ ума сойду. Мало по малу, однако, опытъ, скучивался, сталъ повторяться. Чтобы провѣрить его, я придумалъ дѣлать записанную игру на періоды равной величины, и скоро замѣтилъ, что тѣмъ крупнѣе эти послѣдніе, тѣмъ ощутительнѣе въ нихъ повторялись тѣ же аномаліи. Это былъ первый лучъ свѣта и онъ ободрилъ меня дивнымъ образомъ. Въ годъ съ небольшимъ, я изучилъ инструментъ въ совершенствѣ, то есть я убѣдился, что онъ несомнѣнно фальшитъ, и зналъ аккуратно—въ какую сторону и въ какой мѣрѣ. Но это меня еще недалеко подвинуло. Вопросъ, фальшатъ-ли и всѣ другіе, хотя я мало въ томъ сомнѣвался, не былъ еще рѣшенъ. Какъ убѣдиться въ этомъ, и вмѣстѣ какъ изучить тѣ инструменты, которые банкъ употребляетъ въ дѣло? На домъ мнѣ ихъ не дадутъ, а помимо этого оставалось только одно:—записывать нумера во время самой игры. Но я не могъ заниматься этимъ открыто. Надо было придумать способъ тайной записки и это заняло у меня еще съ годъ. Въ концѣ его, я выучился поворачивать непримѣтнымъ движеніемъ, небольшіе вальки, прикрѣпленные у меня къ подкладкѣ платья, причѣмъ записка, топографически упрощенная, выходила уже сама собой. А между тѣмъ и это еще не достигало цѣли. Тратить по году на изученіе каждаго инструмента, тогда какъ срокъ службы иныхъ длится немногимъ долѣе, было-бы очевидно нецѣло. Надо было найти сокращенный путь; а для этого надо было знать высшую математику. Къ счастью, я измѣлъ о ней нѣкоторое понятіе еще на школьной скамьѣ; но какого труда мнѣ стоило овладѣть наукой настолько, чтобы она могла служить моей цѣли, этого я не могу рассказать. Довольно того, что я провѣлъ слишкомъ три года надъ изученіемъ только одной теоріи, да еще три надъ приложеніемъ этой послѣдней къ дѣлу. Я испортилъ себѣ глаза ночью работой; я посѣдѣлъ и сгорбилъ за девять лѣтъ; но я поклонился во чтобы ни стало добиться до своего; и добился... Послѣ когда-нибудь, я вамъ расскажу, что я нашелъ, а теперь время окончить этотъ рассказъ. Два года тому назадъ, я раздѣлался съ банкомъ. Здѣсь въ городѣ, есть одна хозяйка дома, вдова, которая ведетъ маленькія дѣлишки по покупкѣ и перепродажѣ предметовъ роскоши, сбываемыхъ часто пріѣзжими массой и за безцѣнокъ. Ей нуженъ былъ бухгалтеръ. Я жилъ у нея, и

она, зная меня давно, предложила мнѣ это мѣсто. Такимъ образомъ, рушилось и еще одно пренятствіе. Не будучи здѣшнимъ подданнымъ и не служа уже больше въ банкѣ, я въ правѣ играть; но я не въ правѣ выигрывать. Нашъ здѣшній владыка скупилъ мои векселя за безцѣнокъ и держитъ меня въ когтяхъ. Выиграй я сегодня хоть 300 гульденовъ, завтра меня оберутъ или засадятъ, какъ это уже и случалось не разъ“.

Онъ кончилъ, и мы сидѣли съ минуту молча. Въ потѣмкахъ, я не могъ видѣть ясно его лица; но онъ схватилъ меня крѣпко за руку.

— Вѣрите ли вы мнѣ теперь? сказалъ онъ:—и понимаете ли, чего мнѣ нужно?.. Если вы человѣкъ съ сердцемъ, то вы должны понять. Мнѣ нужно не воротить потерянное; милліоны Ротшильда не въ состояніи этого сдѣлать!.. Мнѣ нужно пустить *его* безъ шансовъ!.. Мнѣ нужно выпить кровь этого человѣка, какъ онъ выпилъ мою!

Покуда онъ говорилъ, молнія освѣтила его черты. Я чуть не вскрикнулъ. Лицомъ къ лицу со мною, изъ мрака вырѣзался образъ какого-то воплощеннаго дьявола...

Потемки и мѣртвая тишина... Но вотъ, надъ самую голову опять сверкнуло и грянуло тяжелый раскатъ. Надо было спѣшить, чтобы уйти отъ проливнаго дождя, но это было не такъ легко, потому что дорога шла надъ обрывомъ и по пути стало совсѣмъ темно. Медленно, и рискуя на каждомъ шагѣ сломать себѣ шею, спустились мы внизъ. Мокрыя улицы города, съ его чистенькими строеніями и съ липовыми или платановыми аллеями, въ минуты когда ихъ озаряла молнія, имѣли какой-то сказочный видъ... Еврей проводилъ меня до дому.

— Заходите, сказалъ онъ, сунувъ мнѣ въ руку свой адресъ:—если васъ сколько-нибудь интересуетъ то, что вы слышали, то мы потолкуемъ объ этомъ еще.

Я легъ—усталый, разстроенный, и во снѣ мнѣ грезились разная чепуха. Вдобавокъ гроза будила. Въ комнатѣ, озаренной бѣлесоватымъ свѣтомъ, стекла звенѣли, и сверху, надъ головой, казалось крыша проваливается.

III.

Скоро мы сблизились и я началъ его посѣщать. Онъ жилъ въ какой-то клѣтушкѣ, на чердакѣ небогатаго дома, и, какъ я думалъ сначала, одинъ. Но разъ, поднимаясь къ нему наверхъ, въ неурочный часъ, я услышалъ за дверьми два голоса. Одинъ изъ нихъ, старческий, желчный тепоръ еврея я тотчасъ узналъ; но голосъ ему отвѣчавшій, ибѣжный и умоляющій женскій соргапо былъ мнѣ незнакомъ. Я постучалъ и въ тоже мгновеніе все умолкло. Фіамесъ отворилъ мнѣ самъ.

— Ктѣ у васъ тутъ? спросилъ я, встрѣтивъ его на порогѣ.

— Никого, отвѣчалъ онъ:—это мое дитя.

Покуда онъ отворялъ, передо мною мелькнуло видѣніе: ибѣжная молодая головка въ вѣнцѣ золотыхъ кудрей и худощавый станъ. Это была дочь еврея, дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Она обинула меня дикимъ взоромъ и скрылась. Тогда только я догадался, отчего дверь сосѣдней комнаты, во время моихъ посѣщеній, всегда затворялась съ другой стороны, тихонько, чѣй то невидимому рукою.

Я не успѣлъ взглянуть въ ея черты; но мнѣ сдавалось, что я уже видѣлъ ихъ гдѣ-то; и скоро мнѣ удалось припомнить гдѣ. Это было дней десять тому назадъ, въ курзалѣ. Я только что кончилъ игру и отошелъ, какъ на мѣстѣ моемъ очутилась фигурка дѣвушки, до такой степени непохожая на извѣстные типы женщинъ, которыхъ случается видѣть въ толпѣ, у игорныхъ столовъ, что я обошелъ нарочно кругомъ и сталъ супротивъ, чтобы видѣть ея лицо. Черты его

были почти ребяческія и выражали робость, въ борьбѣ съ неудержимымъ желаніемъ. Она оглянулась и быстро поставила гульденъ à six. Кассиръ, сидѣвшій насупротивъ, перемигнулся съ товарищемъ и погрозилъ ей пальцемъ. Въ то же мгновение, ставка была дана. Она получила деньги; по ей былъ сдѣланъ рѣшительный знакъ, чтобы она убиралась прочь. На другой день, въ ту же пору, я видѣлъ ее опять у игры и на этотъ разъ очень близко. Она стояла какъ разъ сзади меня, приподнявшись на цыпочкахъ и вытянувъ шею, чтобы видѣть черезъ мое плечо. Я чувствовалъ у себя въ волосахъ ея дыханіе. Рука съ монетой нѣсколько разъ прокрадывалась изъ подъ моей руки, и наконецъ, улучивъ минуту, проворно исполнила свой маневръ. Гульденъ ея очутился опять à six. Я пропустилъ нарочно ставку, желая увидѣть, что будетъ. Она опять выиграла и на этотъ разъ, въ кассѣ ея не замѣтили; но тутъ случилось нѣчто довольно обыкновенное за игорнымъ столомъ, вокругъ котораго шныряютъ разнаго рода промышленники. Прежде чѣмъ ей удалось взять выигрышъ, за нимъ протянулась быстро чья то другая, толстая, отвратительная рука. Я оттолкнулъ послѣднюю,—и передалъ деньги ей. Покуда она благодарила меня, съ другой стороны кто то выругался на грубомъ, прирейнскомъ нарѣчій. Тѣмъ дѣло и кончилось... Три раза, я, такимъ образомъ, ее видѣлъ мелькомъ; но послѣ третьяго она сама постаралась разсѣять мои сомнѣнія. Едва я ушелъ отъ ея отца, какъ встрѣтилъ ее опять. Это было на улицѣ, недалеко отъ дома. Замѣтивъ меня, она остановилась сконфуженная; на полудѣтскомъ ея лицѣ было ясно написано, что она хочетъ мнѣ что то сказать, но не знаетъ какъ и боится, чтобы кто нибудь не увидѣлъ ея со мной, и стыдится вступить въ разговоръ съ почти незнакомымъ ей человѣкомъ, на улицѣ. Не сомнѣваясь уже, что это та самая, я поклонился.

— Здравствуйте, мадемуазель Фіамесъ, сказалъ я ей по французски:—я очень радъ случаю возобновить знакомство.

— Ахъ! отвѣчала она.—Прошу васъ, не думайте обо мнѣ дурно, и ради Бога, не говорите отцу, гдѣ вы меня встрѣтили! Вы сдѣлаете меня несчастною.

Я успокоилъ ее, сказавъ, что ей нечего отъ меня опасаться и она тотчасъ же убѣжала домой.

Но есть какаѣ то полоса въ подобнаго рода вещахъ. Дня черезъ два, въ сумерки, ко мнѣ постучались.

— Herein!

Дверь отворилась и въ комнату, робко осматриваясь, вошла моя молодая знакомая.

— Мамзель Фіамесъ!

— Тестъ! перебила она.—Не называйте меня по имени. Папá не любитъ, когда его произносятъ громко.

— Садитесь, прошу васъ.

— Нѣтъ, я не смѣю... Я къ вамъ на минуту;—отецъ прислалъ;—велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы не приходили сегодня... У него гости.

Мнѣ удалось однакоже усадить ее и я зажегъ свѣчи. Передо мною сидѣло какое то странное существо; въ дрянномъ платишкѣ и стоптанныхъ башмакахъ, она имѣла видъ феи, переодѣтой маленькою мѣщанкой. Едва округленные формы стапа и худенькія, слегка приподнятыя плеча, усмѣшка на половину дѣтская и взоръ дикой козочки, и туча густыхъ, золотистыхъ волосъ на волѣ... Трудно бы было рѣшить, что это:—женщина уже, или еще дитя, если-бъ минутами, тѣни какой то ранней думы, вдругъ набѣжавъ на ея лицо, не сообщали его чертамъ печальный и озабоченный видъ. Такъ, часто, на самомъ разсвѣтѣ жизни и въ розовомъ, озаренномъ лучами надеждъ—туманѣ едва пробуждающагося сознанія, сказывается уже какаѣ нибудь глубоко-заложенная, но не развитая еще, будущая болѣзнь или страсть.

— Гости, вы говорите? Какіе гости?

— Я не видала; но кажется... я боюсь, что это изъ банка.

— Такъ что жъ?

Она затруднилась.—Не знаю... У нихъ какое то дѣло съ отцомъ. Они запираются и считаютъ на счетахъ; и послѣ того отецъ всегда бываетъ разстроенъ... Однако... Она оглянулась тревожно:

— Прощайте.

Но я удержалъ ее.

— Если отецъ тамъ занятъ, сказалъ я:—то вѣроятно вы не нужны ему. Къ тому же онъ самъ васъ прислалъ ко мнѣ, мадемуазель Фіамесъ.

— Сара, поправила она.—Зовите меня просто Сарою.

— Сара, я васъ прошу, посидите со мною еще немного;—поговоримъ.

При всей своей дикости, ей очевидно было пріятно мое приглашеніе.

— Мнѣ бы не слѣдовало, отвѣчала она:—потому что я ужъ не маленькая. Но вы такъ добры къ отцу и я васъ люблю за то, что вы не гордый,—не презираете нашей бѣдности... Знаете, это рѣдко, чтобы кто нибудь изъ подобныхъ вамъ заглянулъ въ нашу мансарду. У насъ тамъ такъ пусто и мы такъ бѣдны!.

Молчаніе.

— Вы русскій?

— Да.

— Князь?

— Нѣтъ, Сара, не князь...

— Однако, все таки, благородный?

— Да, если хотите, я, по рожденію, принадлежу къ привилегированному сословію; но въ нашемъ отечествѣ это несвязано уже теперь ни съ какимъ исключительнымъ положеніемъ.

Она задумалась.

— Въ вашемъ отечествѣ очень холодно?

— Зимую, да; но теперь и у насъ тепло.

— Зачѣмъ же вы уѣзжаете?

Подумавъ, я отвѣчалъ, что уѣхалъ лечиться.

— Развѣ вы нездоровы?

— Да, я зимою хворалъ.

— Вы очень богаты?

— Нѣтъ, Сара, напротивъ, я бѣденъ.

— Неправда; я видѣла вашу игру;—вы ставили золото.

Я не зналъ что ей отвѣчать; но она не настаивала. Мысли ея очевидно блуждали.—А впрочемъ, продолжала она:—и мы не всегда жили такъ. Было время—я плохо помню его, потому что мнѣ было въ ту пору всего какихъ нибудь 6—7 лѣтъ; но кое что у меня осталось въ памяти. Я помню богатый домъ, экипажъ, кучу прислуги, наряды, игрушки... да и папá былъ въ ту пору совсѣмъ другой. У меня есть портретъ его, который мнѣ бы хотѣлось вамъ показать, чтобы вы полюбовались какимъ онъ былъ молодцомъ. Совсѣмъ не старикъ;—и въ такомъ славномъ, бархатномъ платьѣ; съ толстою, золотою цѣпочкой, и съ новою шляпой въ рукахъ;—а сзади шелковый занавѣсъ съ бахромой, и изъ подъ занавѣса видѣнъ балконъ, знаете этакъ съ мраморными перилами; а за балкономъ паркъ... Бѣдный отецъ! Онъ никогда не говоритъ о прошломъ; но я догадываюсь, что онъ имѣлъ большія несчастія... И у меня былъ еще портретъ,—покойной матери; но этотъ папá взялъ къ себѣ и спряталъ... Мать у меня была французенка, да и папá на половину уже французъ.

Молчаніе.

— Вы не женаты?

— Нѣтъ.

Она опять задумалась.

— Вы не игрокъ?

— Нѣтъ; но я иногда играю. вы понимаете, какъ и другіе.

— О! для мужчины, тутъ нѣтъ ничего неприлич-

Библиотека "Руниверс"
Литературный альбомъ. „Иванъ Царевичъ на ковръ-самолетъ“. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.

наго;—особенно для прїѣзжаго. Прїѣзжіе господа всѣ играютъ... Я бы желала быть мужчиною. Я бы сейчасъ пошла и сорвала банкъ; потому что рука у меня сла-

стливая... Однако, я засидѣлась тутъ, съ вами... Прощайте! Прощайте!.. И не взирая на всѣ мои просьбы остаться еще поболтать, она убѣжала.

(До слѣд. №).

Страшный долгъ.

(Абхазская легенда).

Всеволода Соловьева.

* * *

Въ абхазскомъ аулѣ, расположенномъ среди самой живописной горной мѣстности, жила красивая дѣвушка, по имени Рити. Ее страстно любилъ и настоятельно за нее сватался старшина аула, Гихъ-Урсанъ. Онъ былъ молодъ, красивъ, отличался храбростью и нравился Рити; но особенной любви она къ нему еще не чувствовала.

Она была черезчуръ молода, только что вышла изъ дѣтства; ей жилось хорошо и весело, она была довольна своей судьбой и о свадьбѣ не хотѣла еще думать—даже почему-то боялась этой мысли. Поэтому на предложеніе Гихъ-Урсана она отвѣчала ни да, ни нѣтъ, хотя нисколько не избѣгала его общества.

У Рити былъ братъ, почти однихъ лѣтъ съ нею, немного постарше, котораго она очень любила. Мальчикъ этотъ до сихъ поръ еще ни разу не принималъ участія ни въ одномъ набѣгѣ своихъ одноаульцевъ и горѣлъ нетерпѣніемъ хорошенько побиться съ сосѣдями—цебельдинцами, исконными врагами абхазцевъ.

Онъ получилъ отъ Гихъ-Урсана обѣщаніе, что въ слѣдующій набѣгъ непременно возьмутъ его.

И вотъ жители аула стали готовиться къ набѣгу. Передъ самымъ выступленіемъ Гихъ-Урсанъ повторилъ свое предложеніе Рити.

— Вотъ я теперь иду въ набѣгъ, сказалъ онъ ей,—какъ знать, вернусь-ли. Но обѣщай ты мнѣ, что если вернусь по добру по здорову, то согласишься быть моей женой. Твое обѣщаніе придаетъ мнѣ удачу и счастье. Не будь-же такой холодной, милая моя Рити, — пожалѣй меня!..

Говоря это, онъ, сильный и гордый старшина, казался такимъ жалкимъ, его голосъ звучалъ такъ нѣжно, что Рити наконецъ тронулась его любовью и у нея у самой горячѣе забилося сердце.

Она ласково взглянула на него.

— Хорошо, я согласна, Гихъ-Урсанъ,—сказала она,—только съ однимъ условиемъ: ты берешь въ набѣгъ моего брата и я очень боюсь за него... Такъ вотъ все и чудится, что не свидѣться мнѣ съ нимъ больше... Обѣщай-же мнѣ, что станешь охранять его, что вернешь его невредимымъ. Если-же ему судьба быть убитымъ, то принеси мнѣ хоть его голову, чтобы я могла увидѣть ее въ послѣдній разъ и похоронить въ родномъ аулѣ.

— Клянусь тебѣ, Рити, исполнить твоё желаніе! отвѣтилъ Гихъ-Урсанъ. Ты сняла теперь большую тяжесть съ моего сердца и пусть хоть всѣ цебельдинцы противъ меня выступятъ—я не боюсь ихъ, я буду думать о тебѣ, о счастья, которое меня ожидаетъ—и останусь побѣдителемъ.

* * *

Выступили абхазцы изъ аула; но какъ ни были они осторожны, а цебельдинцы все-же во время узнали объ ихъ приближеніи, не дали застать себя врасплохъ, встрѣтили враговъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Произошла жаркая схватка, во время которой и та, и другая сторона выказали много отваги. Горцы дрались какъ звѣри. Ряды абхазцевъ и цебельдинцевъ убывали съ каждой минутой. Все мѣсто побоища было устлано убитыми и тяжело ранеными.

Гихъ-Урсанъ, ни на шагъ не отступая, дрался впе-

реди своихъ абхазцевъ, въ то же время старался защищать собою брата Рити, котораго не отпускалъ отъ себя. Но вотъ и Гихъ-Урсанъ, сильно раненный въ плечо, упалъ на грудь труповъ.

Не будучи въ состояніи, отъ изнеможенія и раны, шевельнуть ни однимъ членомъ, онъ, какъ въ туманѣ, видѣлъ, что одинъ изъ враговъ напалъ на брата Рити. Храбрый юноша отчаянно защищался; но все-же былъ убитъ на повалъ. Убившій его цебельдинецъ быстро отрѣзалъ ему шашкой голову, спряталъ ее въ свой мѣшокъ и скрылся за выступомъ скалы.

Гихъ-Урсанъ испустилъ слабый стонъ и потерялъ сознание.

* * *

Когда онъ очнулся—ни своихъ, ни враговъ уже не было. Все было тихо: онъ лежалъ среди труповъ. Первое, на чемъ остановился взглядъ его—было обезглавленное тѣло брата Рити.

Гихъ-Урсанъ вспомнилъ все—тоска и ужасъ сдавили ему грудь.

„Что я теперь буду дѣлать!? шепталъ онъ,—какъ вернусь въ аулъ, какъ покажусь на глаза Рити!?. Я поклялся ей вернуть брата живымъ или хоть принести его голову... Я не могу теперь исполнить этой клятвы... Стыдъ и позоръ на мнѣ! Рити отвернется отъ меня съ презрѣніемъ, весь аулъ будетъ издѣваться надо мною, дѣти станутъ показывать на меня пальцами и дразнить меня... Я—клятвопреступникъ!.. Рити!.. О какъ я люблю ее“!..

Онъ вспомнилъ всѣ свои мечты, которыя преслѣдовали его даже въ пылу битвы... „Одно мнѣ только теперь и остается, стоналъ онъ,—покончить съ собою“!..

И рука его инстинктивно потянулась къ кинжалу, висѣвшему у него за поясомъ. Онъ уже вынималъ кинжалъ изъ ноженъ—мигъ—и онъ нанесъ-бы себѣ смертельную рану; но вдругъ чей-то голосъ прошепталъ надъ нимъ:

— Стой! оставь кинжалъ! зачѣмъ понапрасну убивать себя!

Гихъ-Урсанъ въ изумленіи поднялъ голову и увидѣлъ, что надъ нимъ стоитъ высокій, стройный, молодой цебельдинецъ съ блѣднымъ лицомъ, съ горящими какъ уголь глазами и страшной улыбкой.

Невольная дрожь пробѣжала по членамъ Гихъ-Урсана, а молодой цебельдинецъ продолжалъ:

— Несчастный, жалкій человѣкъ! неужели думаешь ты, что нѣтъ уже на свѣтѣ такой силы, которая-бы вернула тебѣ твоё счастье?!

— Нѣтъ такой силы! отчаянно крикнулъ Гихъ-Урсанъ и снова схватился за кинжалъ.

— А горный духъ? сказалъ съ какимъ-то нечеловѣческимъ смѣхомъ незнакомецъ.—Тебѣ стоитъ только призвать его—и онъ вмигъ поможетъ тебѣ... „Выпало оружіе изъ руки Гихъ-Урсана.

— Горный духъ, повторилъ онъ—и, вспомнивъ слова пѣсни, которою призывали горнаго духа, онъ слабымъ голосомъ, впадая въ забытѣе и оцѣненіи, запѣлъ эту пѣсню.

Вдругъ ужасный хохотъ огласилъ долину и сосѣднія горы. Незнакомецъ распахнулъ свою бурку—и Гихъ-Урсанъ увидѣлъ подъ нею мертвую голову брата Рити.

— Вот она! бери ее! крикнуть страшный цебельдинецъ.

Окровавленная голова упала прямо на колѣни Гихъ-Урсана.

— Я исполнилъ твое желаніе... Я далъ тебѣ то, что теперь для тебя всего дороже; но помни, что съ этой минуты ты у меня въ долгу. Десять лѣтъ я не стану напоминать тебѣ о твоёмъ долгѣ, но ровно черезъ десять лѣтъ возьму у тебя то, что будетъ для тебя тогда дороже всего на свѣтѣ!

И съ этими словами страшный цебельдинецъ исчезъ.

* * *

Гихъ-Урсанъ перевязалъ свою рану, спряталъ окровавленную голову брата Рити въ мѣшокъ, который для подобной цѣли имѣетъ при себѣ всякій горнецъ, отирающийся драться съ врагами, и хотъ съ большимъ трудомъ, но все-же добрался въ родной аулъ.

Его встрѣтило съ радостью все населеніе аула, такъ какъ немногіе вернувшіеся изъ набѣга войны рассказали, что онъ, вмѣстѣ съ братомъ Рити, былъ убитъ въ схваткѣ. Но Гихъ-Урсанъ мало обратилъ вниманія на этотъ пріемъ—онъ спѣшилъ въ саклю Рити, гдѣ бѣдная дѣвушка убивалась и плакала по своему любимомъ братѣ.

Увидя обезображенную голову юности она предалась еще большому отчаянію и Гихъ-Урсану стоило много труда ее успокоить и заставить примириться съ мыслью объ ея тяжелой утратѣ.

Однако время и искусство Гихъ-Урсана взяли свое. Черезъ нѣсколько дней Рити перестала плакать и убиваться, а еще черезъ нѣсколько дней начала съ видимымъ удовольствіемъ вслушиваться въ страстные признанія Гихъ-Урсана.

— Ты исполнилъ свою клятву, говорила она, — и я должна сдержатъ свое обѣщаніе.

— Нѣтъ, Рити, — отвѣчалъ ей Гихъ-Урсанъ, — я не хочу тебя неволить. Если ты идешь за меня только для того, чтобы сдержатъ обѣщаніе—я тебя отъ него освобождаю. Что мнѣ проку въ томъ, что ты будешь моей женою, если я стану сомнѣваться въ любви твоей.

— Развѣ ты не видишь теперь, что я люблю тебя, съ тихой и нѣжной улыбкой перебивала его Рити;—теперь я совсѣмъ одинока, нѣтъ моего милаго брата, теперь ты у меня одинъ остался, такъ какъ-же мнѣ не любить тебя!!

Гихъ-Урсанъ чувствовалъ себя очень счастливымъ; но его смущала мысль о томъ, что онъ скрываетъ отъ своей милой тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ получилъ возможность исполнить данную ей клятву. Только все-же онъ не рѣшился ей признаться.

Скоро былъ назначенъ день ихъ свадьбы. Весь аулъ принималъ участіе въ этомъ торжественномъ событіи. Гихъ-Урсанъ со своей молодой и красивой женою зажилъ на славу и, окруженный ея любовью и всеобщимъ уваженіемъ, совсѣмъ даже позабылъ о своей встрѣчѣ съ ужаснымъ цебельдинцемъ и о срокѣ, который тотъ назначилъ ему для уплаты долга.

* * *

Прошло десять лѣтъ. Гихъ-Урсанъ попрежнему жилъ счастливо и любовно со своею Рити, только для полного счастья имъ все-же кое-чего недоставало. Не было у нихъ дѣтей, и они оба горячо желали имѣть ребенка.

— Ахъ, если-бы у насъ родился сыночекъ! часто говорилъ Гихъ-Урсанъ, глубоко вздыхая.

И вотъ на десятомъ году супружества Рити наконецъ стала надѣяться, что желаніе его будетъ исполнено. Но она, по абхазскому обычаю, тщательно скрывала отъ него это обстоятельство.

Разъ ночью, Гихъ-Урсанъ крѣпко спалъ. Рити почувствовала, что рѣшительная минута настала. Она ти-

хонько встала съ постели, зажгла огонь, сняла со стѣны винтовку мужа и выстрѣлила въ дверь сакли.

Гихъ-Урсанъ проснулся отъ выстрѣла, увидѣлъ жену съ дымящейся винтовкой въ рукахъ и понялъ, что началъ этотъ издавна принятый обычаемъ выстрѣлъ.

Онъ вскоцилъ съ радостнымъ крикомъ и, даже позабывъ надѣть шапку, кинулся за опытной старухой, которая должна была оказать помощь Рити.

Приведя старуху, онъ остался у входа въ саклю и ждалъ съ замираемъ сердца. Минуты казались ему безконечными.

Но вотъ дверь пріотворилась и у порога показалась старуха.

— Отвага или красота? съдѣлалъ онъ, едва владѣя собою, неизбежный въ подобномъ случаѣ вопросъ.

— Отвага! торжественно отвѣтила старуха.

Это значило, что у него родился сынъ.

Гихъ-Урсанъ какъ сумасшедшій кинулся въ саклю. Жена простираала къ нему обѣтъи, а рядомъ съ нею барахтались крошечными ноженками и ручепами и задорно пицалъ здоровенькій мальчикъ.

Гихъ-Урсанъ чувствовалъ, что онъ теперь—счастливѣйшій человекъ во всемъ свѣтѣ.

* * *

Скоро Гихъ-Урсанъ и Рити, по абхазскому обычаю, выбрали одного почтеннаго и зажиточнаго жителя сосѣднаго аула въ *аталыкки* *) своему сыну.

Назначенъ былъ день передачи ребенка воспитателю. Обрядъ этотъ долженъ былъ совершиться съ обычною въ такихъ случаяхъ торжественностью и церемоніей.

Наканунѣ дни передачи Гихъ-Урсанъ заснулъ счастливый и довольный въ своей саклѣ. Сонъ его былъ крѣпкомъ. Но вдругъ кто-то разбудилъ его. Онъ проснулся, и каковъ же былъ его ужасъ, когда, при слабомъ мерцаніи начинавшагося утра, онъ увидѣлъ передъ собою знакомую фигуру горнаго духа, принимавшаго видъ цебельдинскаго воина.

„Десять лѣтъ прошло, Гихъ-Урсанъ,—шеннулъ горный духъ, сверкнувъ глазами,—завтра я получу отъ тебя долгъ мой!“

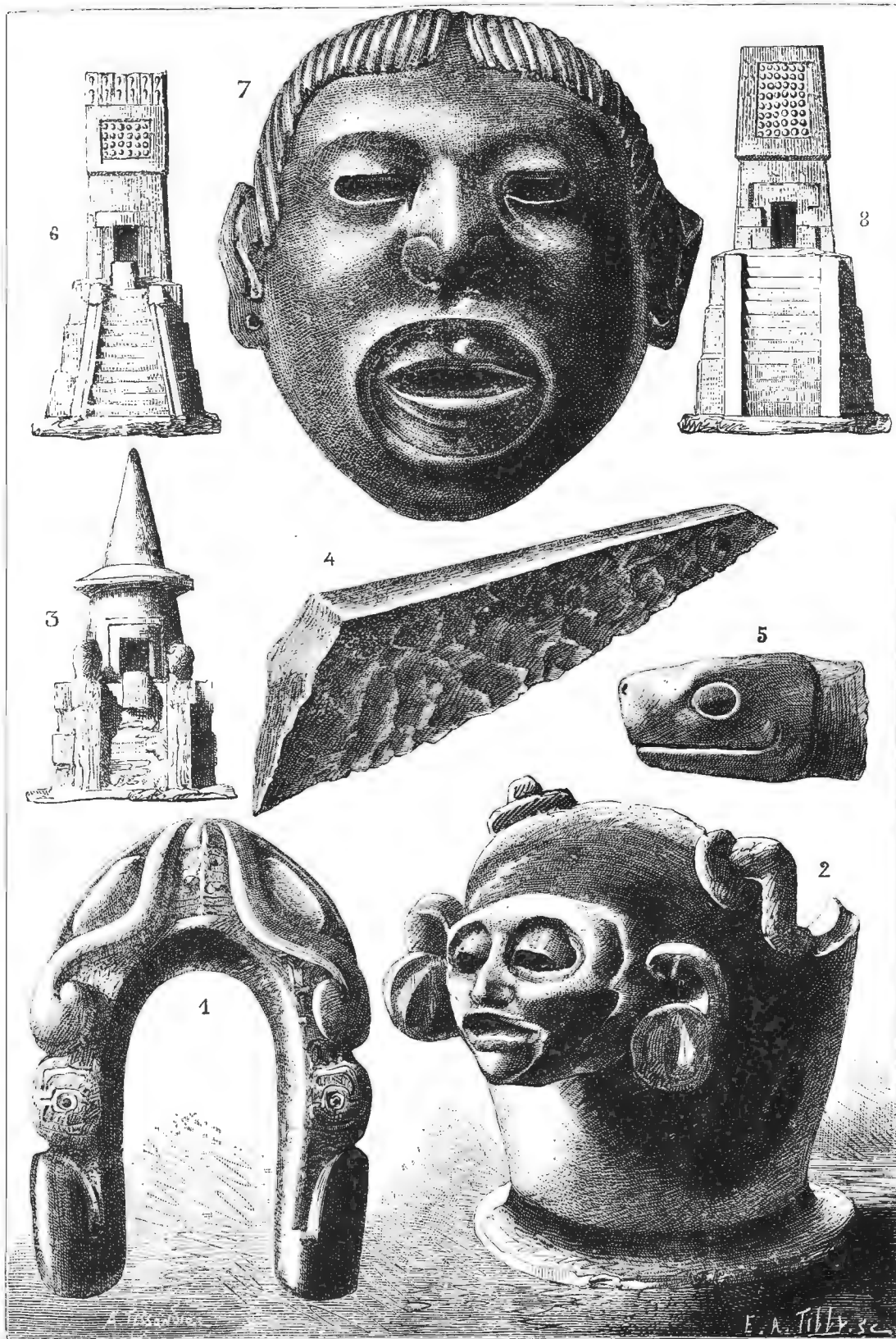
Гихъ-Урсанъ отъ невольнаго ужаса впалъ въ забытте. А когда очнулся—было уже совсѣмъ свѣтло и онъ, вспомнивъ случившееся съ нимъ, не могъ даже рѣшить, было ли это на яву, или во снѣ. Онъ постарался отогнать отъ себя тяжелыя мысли, постарался заглушить въ себѣ тоскливое предчувствіе, которое щемило его сердце.

Скоро явился аталыкъ, собрались сосѣди. Рити съ большимъ горемъ, которое однако же она тщательно скрывала, повинувшись обычаемъ предковъ, простилась со своимъ ребенкомъ. Гихъ-Урсанъ съ рукъ на руки передалъ его аталыку. Аталыкъ вышелъ изъ сакли съ ребенкомъ.

Но вотъ въ это самое мгновеніе, на ярко голубомъ небѣ обрисовалась черная точка. Точка эта росла, росла, приближалась и уже ясно все могли различить гигантскаго орла, который кружился въ воздухѣ. Орелъ быстро спустился надъ аталыкомъ, взмахомъ крыла сшибъ его съ ногъ, схватилъ огромными когтями плачущаго ребенка и, прежде чѣмъ собравшіеся успѣли придти въ себя, исчезъ съ нимъ въ вышніи. Ужасъ напалъ на всехъ. Рити въ отчаяніи ломала себѣ руки и обливалась слезами.

Но одинъ только Гихъ-Урсанъ понималъ, что это

*) Въ Абхазіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ странахъ, издавна существуетъ обычай *атамичества*. Аталыкъ—воспитатель, которому поручается ребенокъ съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ и воспитывался у него до совершеннолѣтія. Такимъ образомъ мальчикъ, выросшій въ чужой семьѣ, незнающій отца съ матерью, вернувшись въ родной домъ, чувствуетъ себя чужимъ. Этотъ нехлѣбный обычай, естественно, способствуетъ только распаденію семьи, производить раздоры, а часто и семейный развратъ. В. С.

Мексиканскія древности. Принадлежности обрядовъ человѣческихъ жертвоприношеній.

Рис. Тиссандье, грав. Тилле.

1) Ошейникъ для головы жертвы. 2) Жертвенный вазъ. 3, 6 и 8) Входъ въ жертвенный храмъ. 4) Жертвенный ножъ. 5) Изображеніе лица жертователя, обстязующаго кожу жертвы.

Семья армянъ, возвращающаяся въ Георгію. Ориг. рис. И. Прянишникова, грав. Барбанъ.

значить. Онъ какъ безумный выбѣжалъ изъ аула въ горы. Онъ рѣшился во что бы то ни стало добыть своего сына, отнять его у горнаго духа.

* * *

Онъ скитался по горамъ нѣсколько дней, питался дикими ягодами, утолялъ жажду у шумно бѣгущихъ источниковъ. Онъ взбирался все выше и выше, на такія крутизны, по которымъ еще не ступала нога человѣка.

Долго его поиски были тщетны. Но вотъ онъ сталъ иногда явственно слышать гдѣ-то не далеко плачь своего ребенка и дикій хохоть горнаго духа.

Онъ останавливался, затанъ дыханіе, замирая отъ сердечной муки, чутко прислушиваясь. Тогда плачь и хохоть смолкали.

Все было тихо кругомъ, только гдѣ-то внизу раздавался выстрѣлъ охотника, только гдѣ-то вверху, надъ скалою, слышался взмахъ орлиныхъ крыльевъ.

Но одинъ разъ дѣтскій плачь и страшный хохоть раздался такъ близко отъ Гихъ-Урсана, что онъ чуть не скатился съ кручи въ бурно-бѣжавшую на днѣ пропасти рѣку. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ надъ собою, на самомъ краю остраго выступа скалы, своего сына. Малютка пересталъ плакать. Озаренный яркимъ солнцемъ, онъ игралъ разсыпанными вокругъ него цвѣтами, а горный духъ, склонившись надъ нимъ, напѣвалъ ему нѣжную колыбельную пѣсню. Вѣтерокъ сдувалъ лѣстницы розъ и айдовъ, которые крутились въ воздухѣ и долетали до самого Гихъ-Урсана. Вѣтерокъ развѣвалъ пряди черныхъ волосъ горнаго духа, обрамлявшихъ его блѣдное лицо съ невыносимо горящими глазами.

Гихъ-Урсанъ не могъ вынести этого зрѣлища. Онъ испустилъ отчаянный стонъ и изо всѣхъ силъ поползъ на верхъ скалы, цѣпляясь за острые камни. Но въ эту минуту раздался снова дикій хохоть. Гихъ-Урсанъ скатился внизъ и остался недвижимъ, въ полномъ усыпленіи.

На слѣдующій день было тоже самое. Горный духъ давалъ несчастному отцу возможность любоваться ребенкомъ издали. Но каждый разъ, когда Гихъ-Урсанъ старался приблизиться, то впадалъ въ дремоту и засыпалъ заколдованнымъ сномъ.

Наконецъ Гихъ-Урсанъ убѣдился, что не можетъ сладить съ очарованіемъ, что своими силами не добудетъ ребенка. Тогда онъ вспомнилъ о знаменитомъ джигитѣ Ширарѣ, который славился своею силою, безстрашіемъ и твердостью. Вспомнилъ еще Гихъ-Урсанъ, что у него есть шашка съ крестообразнымъ эфесомъ, взятая имъ отъ плѣннаго гюра, который рассказалъ ему, что, по волѣ Аллаха, шайтанъ, какъ увидитъ этотъ крестъ— тотчасъ же начинать терзаться, будто бы его огнемъ палить.

Нашелъ Гихъ-Урсанъ джигита Ширара, рассказалъ ему о своемъ горѣ и просилъ у него помощи. Шираръ согласился вступить въ поединокъ съ горнымъ духомъ. Отправились они въ горы и скоро услышали плачь ребенка и сладкую колыбельную пѣсню духа.

— Прощай! сказалъ Шираръ Гихъ-Урсану.— Оставайся здѣсь и жди меня. Дай мнѣ твою шашку, увижу—правду ли рассказать тебѣ плѣнный гюръ про то, что шайтанъ креста боится.

Сказалъ это Шираръ и, подобно легкой сериѣ, помычался вверхъ, перепрыгивая съ утеса на утесъ, черезъ пропасти. Онъ былъ уже близко къ самой вершинѣ скалы. Не разъ чувствовалъ онъ, какъ слабость на него нападаетъ, какъ сонъ начинаетъ клонить его. Но онъ понималъ, что то чары горнаго духа. Онъ думалъ о своей шашкѣ, думалъ объ отчаяніи Гихъ-Урсана и отгонялъ отъ себя и слабость и сонъ. Онъ закутывалъ себѣ банлькомъ голову, чтобы не слышать манящихъ, чарующихъ звуковъ колыбельной пѣсни и поднимался все выше и выше.

Вотъ, вотъ онъ сейчасъ достигнетъ вершины скалы, съ которой раздается пѣсня и плачь ребенка!..

Но, что это? Передъ нимъ, въ двухъ шагахъ отъ него, вдругъ очутилась молодая абхазка, легкая и граціозна, какъ видѣнье, прекрасная какъ первая изъ женъ Магометова райа, будто сотканная изъ легкихъ предразсвѣтныхъ облаковъ и горнаго воздуха. Одежда ея была такъ прозрачна, что черезъ нее просвѣчивали роскошныя формы. И Шираръ могъ бы сосчитать каждую розовую жилку на персяхъ этой волшебной красавицы.

Не устоявъ джигитъ и жаднымъ взоромъ вглядевшись въ дивное видѣнье, и остался неподвиженъ, готовый уже поддаться очарованію; но внезапно пришедшая мысль о шашкѣ гюра, снова заставила его очнуться. Образъ красавицы испарился въ воздухѣ. Шираръ кинулся вверхъ и въ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ былъ на вершинѣ скалы передъ горнымъ духомъ.

Тотъ сверкнулъ глазами, схватилъ ребенка и, выпривмившись во весь свой нечеловѣчскій ростъ, поднялъ малютку надъ бездною, будто собирался его туда кинуть.

Шираръ невольно остановился.

Тогда горный духъ снова положилъ ребенка на цвѣты.

Одно только мгновеніе продолжалась нерѣшительность Ширара. Внизу, далеко подъ скалою, до его слуха доносился вопль Гихъ-Урсана и этотъ вопль придавалъ ему рѣшимость. Онъ отломилъ крестообразную рукоятку отъ шашки, съ проклятіемъ кинулся на духа и изъ всѣхъ силъ бросилъ въ него этой рукояткой. Дрогнула вся скала и пошатнулась. Горный духъ застоналъ и низринулся въ пропасть.

Шираръ схватилъ ребенка и, крѣпко держа его, спустился со скалы къ счастливому, невѣрищему своимъ глазамъ, Гихъ-Урсану.

* * *

Абхазцы рассказываютъ, что и до сихъ поръ изъ этой пропасти, въ которую упалъ духъ и которая называется *шайтанъ-сам-набрикъ*, то есть „пропасть большаго демона“, слышатся вопли и стоны...

Кутаисъ, 30-го августа 1882 года.

Человѣческія жертвы въ древней Мексикѣ.

(Рис. на стр. 84).

Древне-мексиканская цивилизація, съ ея причудливыми, оригинальными формами, долго оставалась какой-то темной загадкой для ученыхъ. Только въ послѣднее время, благодаря переводамъ испанскихъ историковъ, современниковъ Фердинанда Кортеса, и археологическимъ находкамъ, удалось ближе ознакомиться какъ съ обычаями, такъ и съ религіозными воззрѣніями древнихъ Ацтековъ, странно соединявшихъ въ своемъ народномъ характерѣ возвышенныя чувства съ обрядами самыми кровожадными и дикими. Къ послѣднимъ принадлежатъ и извѣстная особенность древне-мексиканскаго культа, строго требовавшего при всѣхъ чрезвычайныхъ событіяхъ и празднествахъ человѣческихъ жертвоприношеній. Такъ восшествіе на престолъ каждаго новаго царя ознаменовывалось бойней мно-

гочисленныхъ плѣнниковъ, и Аксаякатль, преемникъ знаменитаго Монтезумы, даже началъ тотчасъ же по воцареніи войну съ сосѣдними племенами, чтобы приобрести побольше жертвъ для предстоящаго своего коронованія. Такой же политики держался и послѣдующій царь Ахитцатль, ознаменовавшій свое царствованіе постройкой громаднаго храма, при торжественномъ освященіи котораго, по словамъ Торквемады, было принесено въ жертву богамъ до 72,324 плѣнниковъ. Вообще же обычай человѣческихъ жертвъ былъ столь распространенъ въ Мексикѣ, что даже историки самые умѣренныя опредѣляютъ число такихъ закланій, по меньшей мѣрѣ, 20,000 ежегодно, но конечно были годы, когда особенныя какіи-нибудь событія давали еще большую нищу народному кровожадному фанатизму.

Извѣстно даже, что многіе изъ благородныхъ испанцевъ, несчастныхъ сонутниковъ Кортеса, попавшіеся въ руки мексиканцевъ, были торжественно принесены народомъ въ жертву его отвратительнымъ, безобразнымъ богамъ на террасѣ главнаго храма.

Человѣческія жертвоприношенія обыкновенно сопровождались особыми обрядами, которые теперь намъ стали достаточно извѣсны, благодаря археологическимъ находкамъ и пространнымъ извѣстіямъ испанскихъ историковъ. Жертвоприношеніе происходило обыкновенно передъ дверьми одного изъ тѣхъ храмовъ, которые представлены на нашемъ рисункѣ (см. фиг. 3, 6 и 8). Эти храмы были, какъ видно, построены по одному образцу. Высокая дѣтинца вела къ площадкѣ, на которой возвышаются одна или двѣ башни, гдѣ помещались идолы. Передъ входомъ въ башню утверждался небольшой камень, извѣстной почти величины стола и нѣсколько заостренную форму. На этотъ столъ клали военнопленнаго или раба, предназначеннаго въ жертву, такимъ образомъ, что ноги его спускались съ одной изъ сторонъ возвышенія, а голова съ другой; голова кромѣ того прикрѣплялась къ камню особаго рода хомутомъ, покрытымъ скульптурными изображеніями и также изображенымъ на нашемъ рисункѣ (см. фиг. 1).

При такомъ положеніи жертвы, грудь ея представляла возвышенную выпуклость. Но вотъ жрецъ приближается къ ней, вооруженный ножомъ, сдѣланнымъ изъ агата (см. фиг. 4), который и вонзаетъ въ шею несчастнаго; затѣмъ, разрывая реберныя хрящи, онъ расцѣпываетъ грудь, захватываетъ сердце, вырываетъ его и еще трепещущее и полное крови, приноситъ идоламъ, присутствующимъ во внутренности храма. Потомъ неоднократно онъ еще погружаетъ свои руки въ жертву, чтобы почерпнуть тамъ крови и окропить ея стѣны святилища.

Послѣ этой церемоніи трупъ низвергали съ дѣтинцы храма, у подножія которой его разрывали на части и каждый изъ присутствовавшихъ имѣлъ право унести свою долю для своей домашней трансзы.

Эти церемоніи, ужасныя сами по себѣ, дѣлались еще ужаснѣе, отъ разныхъ отвратительныхъ обрядовъ, предписанныхъ закономъ при ихъ совершеніи. Кромѣ того самыя храмы, залитые всегда кровью, быстро портившіеся на южномъ солнцѣ, представляли собою настоящіе логовища разложенія и заразы. Даже одежды жрецовъ распространяли нестерпимый, гнилостный запахъ, чѣмъ очень гордились эти представители страннаго культа. Кромѣ того, по словамъ испанскихъ историковъ, благочестивые люди, снабжавшіе храмы живыми жертвами, чтобы имѣть право съѣсть ихъ впоследствии, тщательно заботились объ ихъ питаніи и объ улучшеніи, такимъ образомъ, ихъ мяса въ гастрономическомъ отношеніи. Съ этою цѣлью ихъ помѣщали въ особаго рода клеткахъ и давали имъ разнообразную и обильную пишу. Часто рабъ, предназначенный въ жертву, подвергался предварительно особаго рода пыткамъ; такъ его заставляли писать

кругомъ зажженнаго костра и такимъ образомъ радоваться своей собственной смерти; случалось, что на этомъ же кострѣ его нѣсколько поджаривали предъ совершеніемъ окончательной казни. Кромѣ того люди особенно публичные, не довольствуясь обыкновенной формой жертвоприношенія, служили сами алтаремъ для таинства; жертва зарывалась на ихъ собственной спинѣ, такъ что они могли даже чувствовать послѣднія конвульсии несчастнаго. Часто, по принесеніи жертвы, съ трупа снимали кожу, въ которую и облекался жрецъ до тѣхъ поръ, пока она не предавалась окончательному разрушенію. Этотъ отвратительный обычай, разказываемый испанскими историками, при всей своей нечеловѣчности, впрочемъ бласательно подтверждается найденными въ Мексикѣ статуэтками идоловъ, облеченныхъ такимъ образомъ въ кожу замланныхъ жертвъ. На нашей гравюрѣ помѣщены два изображенія подобнаго рода. Фигура 7-я представляетъ лицо жреца, покрытое кожей жертвы. Широко раскрытый ротъ мертвеца дозволяетъ свободно видѣть другой, полузакрытый ротъ, принадлежащій челоуку живому. Кромѣ того, глаза послѣдняго ясно видны между безжизненными вѣками трупа. Фигура же вторая представляетъ наду, украшенную изображеніемъ такого же благочестиваго жреца, облеченнаго въ кожу жертвы. Читая всѣ эти ужасныя подробности челоуѣческихъ жертвоприношеній, можно подумать, что мексиканцы были въ одно и тоже время пародомъ тупымъ и жестокимъ, между тѣмъ историческіе факты доказываютъ совершенно противное; мексиканцы не были народомъ тупымъ, — они пользовались довольно высокой цивилизаціей и кромѣ того не были жестоки въ бычныхъ отношеніяхъ жизни. Антропофагія даже не встрѣчается совсѣмъ въ ихъ народныхъ обычаяхъ и они не дотрогивались до челоуѣческихъ труповъ, если послѣдніе не принесены были въ жертву ихъ религиозному культу. Это они доказали даже во время осады испанцами Мексикки, когда томимые голодомъ, питались корнями деревьевъ и предпочитали лучше умереть съ голоду, нежели бѣть своихъ солдатъ, убитыхъ непріятелемъ. Очевидно, что мексиканцы оказывались жестокими лишь подъ вліяніемъ одного грубаго фанатизма. Они не были злы отъ природы, по когда они слышали ночью оглушительный трескъ барабановъ, которыми жрецы призывали ихъ въ храмъ бога войны, то кроваваго энтузіазму не было предѣла; тогда они вооружались поголовно и шли войною на сосѣдей, чтобы добыть какъ можно больше плѣнниковъ, требуемыхъ въ жертву. Въ чрезвычайныхъ же случаяхъ они сами добровольно отдавали себя на закланіе, для умилостивленія какого нибудь кроваваго идола.

Всѣ мексиканскія древности, описанныя нами и представленныя на рисункѣ, хранятся въ Парижскомъ этнографическомъ музѣѣ, во дворцѣ Трокадеро и представляютъ дѣйствительно чрезвычайно цѣнный и интересный матеріалъ для изученія древней Мексикки.

Къ рисункамъ.

Возвращеніе съ охоты.

(Рис. на стр. 76 и 77).

Рисунки нашего талантливаго П. Е. Сверчкова (портретъ и биографія котораго были помѣщены въ „Нивѣ“ № 51, прошлаго года) отличаются особенно поразительною правдою и вѣрностью изображенія русскихъ сценъ, глубокимъ изученіемъ тина, особенно русской лошади и русской природы, что теперь создало чуть ли не цѣлую школу. Никогда для красоты или эффектности рисунка не пожертвуетъ онъ точностью и вѣрностью изображенія.

Охота кончена. Псаря слѣзли съ измученныхъ коней и раздѣлываютъ ихъ; голодные собаки жадно лакаютъ овсянку и охотники устали — много было скачки и порсканья по осеннимъ лѣсамъ съ обсыпавшеюся листвою, много бойкихъ русаковъ и быстрыхъ лисъ навезено въ торокахъ. Рокотали охотничьи рога, раздавался по гулкому лѣсу, слышался короткій, частый лай гончихъ и тонотъ сильныхъ, выносливыхъ, стенихъ коней. Скоро все успокоится, побѣдятъ охотники и завалятся спать; но и во снѣ любимая охота будетъ все грезиться утомленнымъ псарямъ, и даже собаки, растянувшись на полу сборной избы, тавкаютъ во снѣ и перебираютъ лапами, нервно вздрагивая, ибо имъ все кажется, что онѣ несутся въ далекомъ полѣ въ бѣшеной гонкѣ, и за собою слышать бойкій тонотъ копытъ и рѣзкіе крики мчавшихся охотниковъ и что вотъ, вотъ онѣ совсѣмъ достукаютъ хитраго, увертливаго лиса...

Коврѣ - самолетъ.

(Рис. на стр. 81).

Любимое дѣтище народной фантазіи, герой этихъ чудныхъ, волшебныхъ сказокъ, волнованныхъ кровью намъ въ дѣтствѣ, оставившихъ въ нашихъ сердцахъ глубокій слѣдъ, не изглади-мый даже сѣдою старостью. Герой, родившійся за печкою русскаго пахаря, скрывающійся подъ видомъ простоватаго дурачка своимъ великіе задатки... Идеаль чести, правды и благородства;

грозный боецъ за все слабое, угнетенное; побѣдитель чаръ и алыхъ силъ — однимъ словомъ — нашъ, несконный извѣстный, Иванушка-дурачекъ, онъ же Иванъ-царевичъ, володѣвшій въ себѣ всѣ лучшіе народныя идеалы, несконный бывший, суціи и грядущій, пока жить будетъ нашъ русскій народъ, а съ нимъ его духъ, его плѣни, его творческая сила.

Вотъ онъ въ бѣлой рубахѣ, бѣловолосый, сидитъ на печи, помахивая спущенными рукавами, жуеетъ краюху хлѣба, подтруниваетъ надъ братьями умниками, покорно выносл самъ ихъ насмѣшки, а подъ-часъ и тычки... Вотъ онъ въ шалашиѣ, подстерегаетъ злого вора — кобылку златогривую и побѣждаетъ ее самымъ простѣйшимъ способомъ... Вотъ онъ уже подъ покровительствомъ добрыхъ волшебныхъ силъ, и силы эти любовно относятся къ нему, все больше за его простоту и прямоту... Для него наступаетъ пора борьбы, пора всякихъ подвиговъ... Онъ скачетъ на волкѣ съромъ, *перекладываетъ* испымъ соколомъ, носится на крылатомъ конкѣ *выше леса стоячаго, ниже облака ходячаго*, бьется съ бабою-ягою, съ ея сестрами въ дѣлани побѣждаетъ злыхъ-горыничка, великана-чудища иноземнаго, братается съ солнцемъ и луною, летаетъ на коврахъ-самолетахъ, выручаетъ изъ бѣды кита-великана, добываетъ жаръ-птицу, *вскло злато-серебро, камения самоцвѣтные*, однимъ словомъ — проходитъ безконечный рядъ фантастическихъ приключеній, въ концѣ концовъ выходитъ отсюду торжествующимъ побѣдителемъ, награждается красавицею женою — царь-дѣвичествомъ и царствомъ, на благо, утѣху и радость ликующему народу...

Кругъ сказокъ объ Иванушкѣ дурачкѣ, Иванѣ-царевичѣ — самый разнообразный по своимъ вариантамъ... а вариантовъ этихъ повѣрное столько же, сколько Ивановъ на всей землѣ русской, не даромъ это имя самое излюбленное, обратившееся отчасти даже въ нѣчто общее, собирательное. Предполагая дать на страницахъ „Нивы“ цѣлый рядъ иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ, начинаемъ этотъ рядъ Иваночъ-царевичемъ, летящимъ въ воздухѣ, со своею невѣстою, Царь-дѣвичествомъ, на коврѣ-самолетѣ.

Семья армянъ.

(Рис. на стр. 85).

Истый сѣвъ востока, важный и неподвижный, не особенно благосклонно относится къ армянскому племени; ему не нравятся его суетливая живость, торговая дѣловитость, хитрость и вкрадчивость, вообще всѣ тѣ качества, которыми оно приобрѣло такое вліяніе и силу во многихъ странахъ, населенныхъ мусульманами. Но эти качества, иногда и отрицательныя, являются необходимымъ послѣдствіемъ той безотрадной исторической роли, которая выпала на долю армянскаго племени. И греческіе императоры и сельджуки и монголы, а за ними хищныя полчища Тамерлана опустошали и разоряли армянь, такъ что въ концѣ XI вѣка все почти его население разбрелось въ сосѣднія страны. И армяне сносили все покорно и терпѣливо. Армяне Турціи и нашего Закавказья много еще сохранили чертъ, наложенныхъ на нихъ восточнымъ вліяніемъ.

Вотъ какъ разсказываетъ одинъ путешественникъ по Кавказу свою встрѣчу въ горахъ съ семьей армянъ, встрѣчу, изображенную на нашемъ рисункѣ.

„Я встрѣтилъ эту семью неподалеку отъ Очамчиры. Они возвращались въ Георгію, откуда уходили въ Абхазію вслѣдствіе безпорядковъ, бывшихъ на ихъ родинѣ. Это была семья одного купца. Глава семьи былъ верхомъ, очень хорошо и чисто одѣтый, съ великолѣпнымъ оружіемъ, что рѣдко между армянами, ибо вообще они его не носятъ. Онъ держалъ въ рукахъ свою „чонгури“, музыкальный инструментъ, который непременно есть у каждаго армянина, и бѣднаго, и богатаго. Онъ игралъ на этой „чонгури“ разныя мелодіи, а его сынчикъ ревелъ между тѣмъ, схватившись за подолъ матери и не желая ни идти въ воду, ни садиться въ арбу. Комична была мина малютки, въ папахѣ, которая и составляла весь его костюмъ. Другаго ребенка мать несла на рукахъ, а третій уместился у нея за спиной, сѣтясь надъ ревомъ и всхлипываньями своего братишки. Мать-же, идя, шла громко подъ аккомпаниментъ мужа. Она шла все время, пока мы, съ ихъ позволенія, сняли съ нихъ фотографію, и долго потомъ раздавалась въ горахъ странная, полудикая, задумчивая пѣсня. Костюмъ женщины нѣсколько необыченъ, согласно обстановкѣ. Она не носила обычной „тасакравы“ съ покрываломъ. Ея прекрасныя черныя волосы висали широкими космами на плечи, покрытыя яркимъ шелковымъ платкомъ. Ея шея, руки, станъ были обвѣшаны украшениями, артистически сдѣланными. Эти цѣнные предметы составляли контрастъ съ ея бѣднымъ, дорожнымъ платьемъ.

Справа около нея шла ея старшая дочь, также несшая свою часть багажа. За семейной группой шла арба, запряженная двумя могучими буйволами, которыми правилъ молодой слуга: съ обычными у армянъ добродушіемъ и терпѣливостью, онъ исполняетъ свои многоразличныя обязанности — кучера,

повара и няньки маленькаго капризнаго крикуна, которому онъ говоритъ вслѣдъ ласковыя и успокоивающія слова. Въ арбѣ были уложены предметы домашней необходимости. Тутъ были мѣшки съ мансомъ, кувшины, мѣхи и бубны, необходимый инструментъ у армянъ. За этимъ первобытнымъ экипажемъ шел еще прислужникъ въ высокой папахѣ и буркѣ, который велъ въ поводу двухъ лошадей, навьюченныхъ очень грузно, коврами, оружіемъ и разными путевыми принадлежностями...

По поводу юбилея В. А. Жуковскаго.

29 января текущаго года, какъ извѣстно, предполагается отпраздновать достойнымъ образомъ день рожденія нашего незабвеннаго поэта — Жуковскаго, такъ какъ съ этого достопамятнаго дня, т. е. съ 29 января 1783 года, уже цѣлое столѣтіе кануло въ вѣчность.

Вспомнить эту дату и достойно почтить его, конечно, составляетъ священную обязанность каждаго образованнаго русскаго, такъ какъ каждый изъ насъ считалъ на себѣ не разъ высоковоспитательное значеніе поэзіи В. А. Жуковскаго, исполненной чистыхъ и назидательныхъ идей и цѣломудреныхъ, изящныхъ образовъ. Всѣ его произведенія, по прекрасному выраженію П. А. Плетнева, имѣютъ какой-то семейный отпечатокъ: „вездѣ присутствіе чистоты, любви къ природѣ, къ правдивому порядку; вездѣ успокоеніе духа, вѣрованіе въ лучшія качества человѣческаго сердца; вездѣ ожиданіе тѣхъ

утѣшительныхъ обтѣваній, которыми жизнь и смерть примирены и равно освящены для души христіанина“. Дѣйствительно Жуковскій представляетъ собой высокой образецъ поэта, служившаго постоянно высокой правдѣ, а не матеріальной чувствительности. Даже въ юные годы, онъ не измѣнилъ себѣ въ этомъ отношеніи и, не имѣя другихъ идеаловъ, воспѣвалъ сельскую жизнь и природу, какъ онъ самъ о томъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній:

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишины,
И, взоръ склонивъ на пѣны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать...

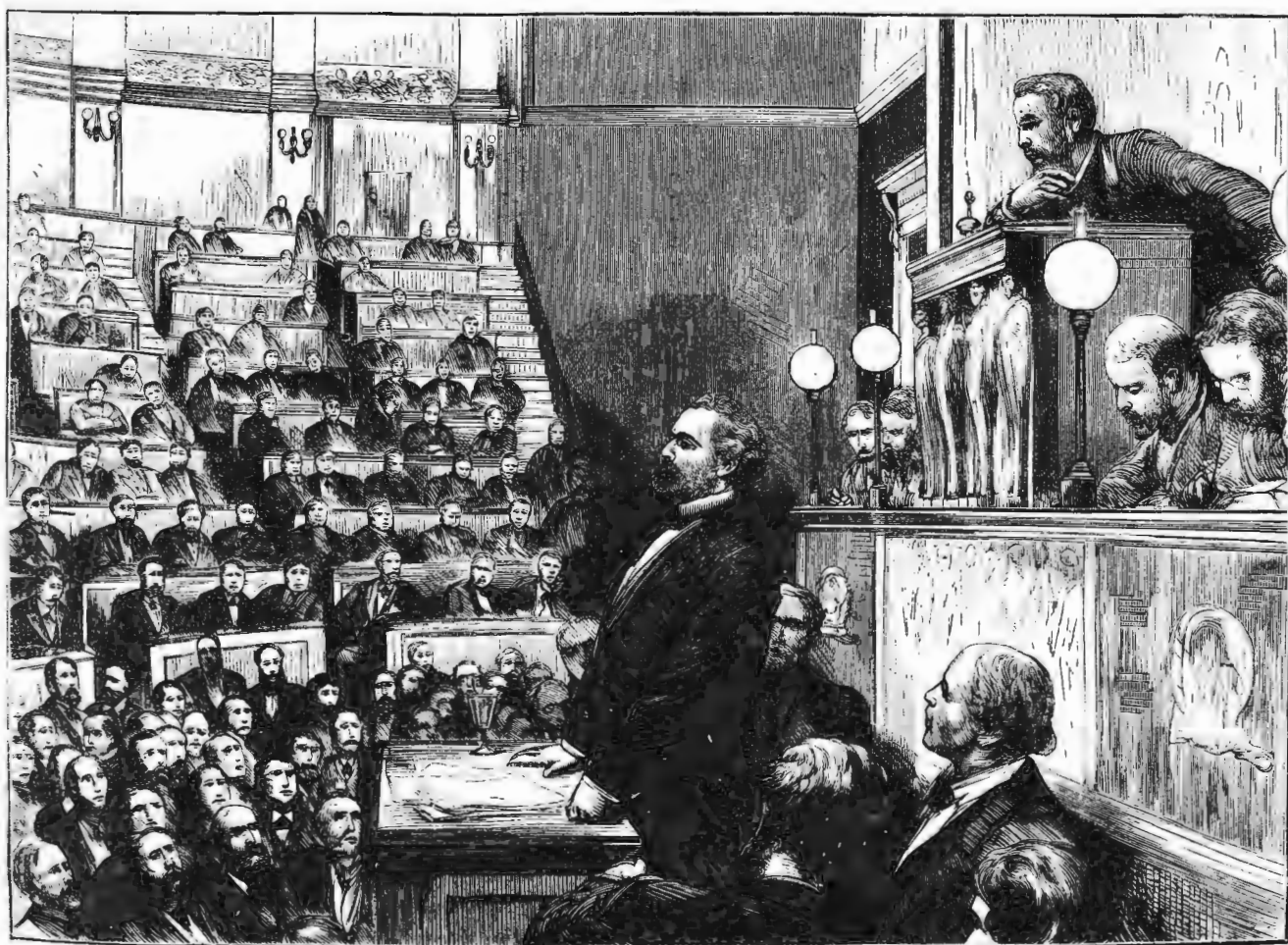
Только особымъ, чрезвычайнымъ событіемъ оторвали поэта отъ тихаго созерцанія природы и указали ему его высокое назначеніе. Такимъ событіемъ была отечественная война 1812 года, неожиданно призвавшая Жуковскаго на поле битвы. Съ этого момента онъ дѣлается пѣвцомъ народныхъ, патристическихъ. Его „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ облетѣлъ всю Россію и вѣснѣннѣе произведено имъ на современниковъ, — неотразимо. Здѣсь Жуковскій является достойнымъ властителемъ народныхъ чувствъ этой безримѣрной эпохи. Его чудные

В. А. Жуковскій. Столѣтній юбилей. Рис. Бокуръ, грав. Шаповъ.

Домъ Гамбетты въ Виль д'Авре. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Гамбетта, говорящій въ палатѣ въ званіи министра-президента. По рис. Ст. грав. Флюгель.
Библиотека "Руниверс"

стихи, ихъ „пѣвнательная сладость“, по выраженію Пушкина, и до сихъ поръ сохраняють вѣднѣ свои достоинства.

Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,

Великость, слава, миръ, отечество, алтарь.

Все, все, слилось въ одно святое слово: Царь!

Но оставаясь всю жизнь глубокимъ патриотомъ, страстно любившимъ свое отечество, Жуковский до конца жизни не переставалъ быть пономъ-космополитомъ. Опъ вездѣ бралъ все высокое, изящное, подходящее къ его собственному духу, и передавалъ его на родномъ языкѣ, для наслажденія и поученія своего народа.

Взглядъ на призваніе поэта былъ у Жуковского совершенно своеобразный, какъ это видно между прочимъ изъ его совѣта нашему современному поэту Майкову. „Пускай онъ возьметъ, — писалъ Жуковский, — себѣ за образецъ Шекспира, Данте, а изъ древнихъ Гомера и Софокла. Пускай напишется исторіей и знаніемъ природы, а болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую намъ создала ея исторія, Руси богатой будущимъ, не той Руси, которую выдумываютъ наши поклонники безумныхъ доктринъ нашего времени, но Руси Самодержавной, Руси христіанской — и пускай, скончивъ это сокровище знаній, это сокровище матерьяловъ для поэзіи, пускай проникнетъ свою душу свѣтыней христіанства, безъ которой наши знанія не имѣютъ цѣли, и всякая поэзія не иное что, какъ жалкое сибаритство — русалка, убійственно шекочущая душу“. И Жуковский до гроба былъ вѣрнѣ этому высокому призванію поэта. Недаромъ, еще при жизни, его такъ высоко цѣнили современники какъ поэта и человѣка и даже почтили его юбилеемъ — почестъ въ ту эпоху очень рѣдкая. Этотъ первый юбилей Жуковского происходилъ въ 1849 г., когда исполнилось ровно 50 лѣтъ со времени появленія его перваго, написаннаго еще въ дѣтствѣ произведенія. Днемъ праздника было избрано также 29-го января, день рожденія поэта. Въ квартиру князя П. А. Вяземскаго приглашены были всѣ друзья поэта, бывшіе тогда въ столицѣ; кромѣ того, собраніе было ошастливлено присутствіемъ Государя Великаго Князя Наслѣдника. На праздникѣ одно изъ стихотвореній князя П. А. Вяземскаго, написанное въ честь отсутствующаго поэта, было прочитано, а другое пропѣто. Чтобы порадовать отдаленнаго друга, цѣлые листы были исписаны поздравленіями присутствующихъ и эти листы были отпавлены на другой день въ Баденъ-Баденъ, гдѣ тогда жилъ Жуковский. Въ то же время поэтъ былъ награжденъ отъ Государя орденомъ Вѣлаго Ордена, сопровождаемымъ самой милостивой грамотой.

Программа предстоящаго юбилея нашего знаменитаго поэта обѣщаетъ быть очень разнообразной.

Вилла Гамбетты. Рѣчь его въ палатѣ.

(Рис. на стр. 89).

Осень Гамбетта нерѣдко проводилъ въ своей дачѣ „Ле-Жарди“, въ Виллѣ д'Авра, близъ Парижа; это — небольшая, но комфортабельная дача, окруженная зеленью (какъ читатели могутъ видѣть на рисункѣ); сюда часто съѣзжался кружокъ его близкихъ друзей. Надо замѣтить, что бывшій диктаторъ пользовался большою популярностью и какъ политическій дѣятель и чисто по личнымъ свойствамъ своего характера, — открытаго, добродушнаго и веселаго, въ немъ сказывался, въ значительной степени, и „bon vivant“, что видно изъ блестящихъ праздниковъ, обѣдовъ, которые онъ давалъ, когда жилъ въ бурбоискомъ дворцѣ, какъ президентъ палаты депутатовъ; вообще онъ очень любилъ роскошь обстановки, блескъ, парады. Рассказываютъ, что военная музыка, видъ марширующихъ войскъ производили на него магическое впечатлѣніе, не разъ замѣчали у

него даже слезы на глазахъ. Завзятые республиканцы порицали въ немъ эти стороны его характера; вѣднѣ съ тѣмъ, его горячая любовь къ пережившему его отцу, къ его теткѣ, м-ле Массабіи, завѣдывавшей его хозяйствомъ въ началѣ его парижской карьеры, вошли въ послювину. Въ концѣ прошлаго поборя разигралась драма, которая имѣла своимъ послѣдствіемъ смерть Гамбетты. Событіе это разсказываютъ различно. Одни утверждаютъ, что онъ ранилъ себя, разряжая револьверъ, другіе, — что дѣло происходило совершенно иначе, а именно, что къ нему явилась подруга его юности, и послѣ горячаго разговора, выхватила револьверъ, намѣревалась тутъ-же покопчить съ собой, Гамбетта вырвалъ его у нея и — происшедшимъ при этомъ выстрѣломъ — себѣ ранилъ въ руку и въ животъ. Въ началѣ рана не возбуждала безпокойства, но лихорадка не прекращалась, а развившееся внутреннее воспаленіе привело къ катастрофѣ и Гамбетта умеръ за нѣсколько минутъ до наступленія 1883 года по новому стилю. Вѣроитно коммуна подыметъ голову и, заставивъ, наконецъ, Францію образумиться, невольнo будетъ способствовать возстановленію монархіи, число сторонниковъ которой значительно возрасло.

Въ теченіе долгаго времени, какъ извѣстно, Гамбетта, не смотря на свое огромное вліяніе въ палатѣ депутатовъ, уклонился отъ поста перваго министра. Между тѣмъ, ничего не было для него легче, какъ получить этотъ постъ, на которомъ его желали всѣ и друзья, и враги: друзья — по причинѣ весьма понятной и не требующей объясненій, а враги — по расчету (вскорѣ исполнѣ оправдавшемуся), такъ какъ хорошо знали, что онъ не удержится и что его паденіе значительно ослабитъ его престижъ и вліяніе. Странно, что этого не понималъ самъ Гамбетта. Но — какъ-бы то ни было, а въ ноябрѣ 1881 г. онъ принялъ сдѣланное ему президентомъ республики предложеніе составить кабинетъ. Въ званіи перваго министра онъ не замедлилъ выказать деспотическія стороны своего характера: въ его министерство не былъ приглашенъ ни одинъ замѣчательный, ни одинъ выдающійся государственный дѣятель и въ сущности оно состояло изъ самого Гамбетты. Послѣдствія скоро сказались: „двигаторъ“ въ своемъ кабинетѣ, онъ и отвѣчалъ (гораздо болѣе, чѣмъ всякій другой глава министерства) за малѣйшія промахи каждаго изъ своихъ товарищей, не имѣвшихъ никакого голоса, а обязанныхъ слѣпо повиноваться и слѣдовать политикѣ президента совѣта. Министерство продержалось всего три мѣсяца и пало влѣдствіе поднутаго Гамбеттой вопроса о scrutin de liste. Съ этого времени и до самой своей смерти, Гамбетта игралъ лишь второстепенную роль; всел его дѣятельность ограничилась рѣчами по нѣкоторымъ дѣламъ и преимущественно по тунисскому вопросу. Въ египетскомъ попросѣ, въ которомъ онъ выказалъ и болѣе патриотизма, и болѣе прозорливости, нежели всѣ тѣ, кто руководилъ тогда французскими дѣлами, онъ стоялъ на сторонѣ союза съ Англійей, но, какъ сами англичане признають, — будь онъ еще первымъ министромъ, — англійскія войска вошли-бы въ Египетъ не иначе, какъ бокъ о бокъ съ французскими и тогда, конечно, весь ходъ дѣла былъ-бы иной. Франція не потеряла-бы того униженія, которое испытываетъ теперь, и вообще, при Гамбеттѣ она не была-бы изолирована, ея значеніе не принизилось-бы, какъ вышѣ. Но тѣмъ не менѣе, его склонность къ Англійи была очевидна; она выразилась, между прочимъ, и въ дружескихъ отношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ (саромъ Дилькомъ), а также и въ его податливости въ переговорахъ о торговомъ трактатѣ и т. д. На прилагаемомъ рисункѣ Гамбетта изображенъ говорящимъ рѣчь въ Палатѣ депутатовъ, въ качествѣ перваго министра; онъ былъ признаваемъ лучшимъ ораторомъ нашего времени.

Стѣсненія въ сельскомъ хозяйствѣ Англійи.

Очеркъ Ф. Омтеда.

Давно уже въ Англійи исчезъ — почти совершенно — типъ крестьянина-собственника, попадающагося только въ видѣ рѣдкаго исключенія среди сельскаго населенія лордовъ и фермеровъ. Не находя въ общественномъ устройствѣ прежнихъ временъ никакой опоры и поддержки въ борьбѣ съ стремленіемъ крупныхъ владѣльцевъ сосредоточить въ своихъ рукахъ земельную собственность, онъ, мало по малу, уступилъ, продалъ или свои участки, превратившись въ арендатора.

Согласно большой государственной книгѣ — Domesday Book 1086 г., въ тогдашней Англійи (составлявшей приблизительно 2/3 нынѣшней) насчитывалось около 140 тысячъ крестьянъ землевладѣльцевъ. Еще въ 1650 г. число юменовъ, т. е. свободныхъ собственниковъ-крестьянъ опредѣлялось въ 150 тысячъ. Кромвелъ, взявъ изъ нихъ лучший контингентъ для своей парламентской арміи. Въ 1714 г. на парламентскихъ выборахъ въ Суссекскомъ графствѣ вотиривало еще 4 тысячи свободныхъ владѣльцевъ, изъ крестьянскаго сословія, тогда какъ нынѣ не найдется ихъ и 400. Потомки тѣхъ прежнихъ мелкихъ владѣльцевъ сидятъ теперь арендаторами на нѣкогда принадлежавшихъ ихъ семействъ участкахъ. Но и это арендаторство превратилось, въ свою очередь, въ наследственное. На земляхъ преимущественно

по древнихъ фамилій арендованный участокъ переходить, въ теченіи цѣлыхъ поколѣній, отъ отца къ сыну, и для нихъ, для этихъ хозяевъ, ферма стала роднымъ домомъ. И однако это наследственное, съ незапамятныхъ временъ, пользование не основывается ни на какомъ письменномъ условіи; юридически наемъ продолжается всего одинъ годъ. Впрочемъ, рядомъ съ этимъ обычнымъ видомъ аренды, встрѣчается и наемъ земли, закрѣпленный письменнымъ, формальнымъ контрактомъ.

Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда урожайныхъ годовъ, давшихъ богатую жатву, на ряду съ хорошими цѣнами, въ средѣ сельскихъ предпринимателей — скупщиковъ, фермеровъ, — развилась сильнѣйшая спекуляція. Рассчитывая на прогрессивное повышеніе, они чрезмѣрно подыали покупныя цѣны и арендную плату; хозяева увлеклись желаніемъ увеличить свои оборотные капиталы.

Число ихъ опредѣлялось въ 600 тысячъ и количество вложенныхъ ими капиталовъ — въ 3000—3500 милліоновъ рублей. Въ настоящее же время тысячи этихъ арендаторовъ разорены и сотни тысячъ акровъ земли остаются не воздѣланными.

Батраковъ (семейныхъ) во всей Великобританіи насчитывается приблизительно до 800 тысячъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ батракъ зарабатывалъ не болѣе пяти рублей въ недѣлю. Вѣща жалкое существованіе, они питали въ грязныхъ и педоровыхъ жилищахъ. Но, около 1870 г. въ ихъ положеніи произошла крутая перемена. Фабричные рабочіе составили союзы, съ цѣлью добиться повышенія заработной платы. Батраки послѣдовали ихъ примѣру и образовали, для той же цѣли, „союзъ землепашцевъ“ („Agricultural Labourers Union“), быстро покрывшій всю страну какъ сѣтью. Нѣсколько лѣтъ протекли въ ожесточенной борьбѣ между ними и индустриалами, выказавшими упорное сопротивление, но, въ концѣ концовъ, рабочіе добились осуществленія своей программы. Ихъ главнымъ и неотъемлемымъ средствомъ было эмигрированіе изъ фабричныхъ центровъ, за море: оно подняло заработную плату на 50%. Состояніе, въ которомъ находились ихъ жилища, было до того возмутительно, что въ 1867 г. была учреждена „королевская коммисія для изслѣдованія положенія женщинъ и дѣтей въ семействахъ сельскихъ рабочихъ“. Факты, собранные ею, были ужасающіе. Одинъ изъ членовъ, нынѣшній епископъ Манчестерскій, д-ръ Фрэнсезъ, осмотрѣвшій 4 графства, раздѣливъ коттеджи рабочихъ на 4 категоріи: въ 1-ю онъ включилъ „бѣдные“ коттеджи, во 2-ю—жалкіе, въ 3-ю—ужасные и, наконецъ, въ 4-ю—коттеджи, которые, по его мнѣнію, составляютъ „стыдъ для христіанскаго общества“.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Богатые, и въ особенности значительнѣйшіе изъ землевладѣльцевъ, сдѣлали большія пожертвованія для дѣла улучшенія положенія сельскихъ рабочихъ. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ случай побывать въ Уорбернскомъ аббатствѣ образцовыми коттеджами,—владѣлецъ, герцогъ Вадфордскій, сказалъ мнѣ: „мы выстроили тысячу новыхъ, но остается еще вторая тысяча“.

Темною стороною въ бытѣ сельскихъ батраковъ является невозможность для нихъ приобрести, когда либо, при посредствѣ сбереженій, хотя бы клочекъ земли. Школы и образованіе ничего не сдѣлаютъ тамъ, гдѣ человекъ не можетъ улучшить своего положенія. Напротивъ, образованіе только гонитъ ихъ на чужбину.

Таково было положеніе этого класса 3 или 4 года назадъ. Но существованіе хорошихъ и усердныхъ рабочихъ пахотки давало себѣ гарантію въ самыхъ интересахъ индустриаловъ, фермеровъ.

Гдѣ же лежатъ причины этихъ стѣсненій въ сельскохозяйственной сферѣ Англій? Ближайшая причина заключается въ послѣдовательномъ ридѣ—отъ 6 до 7 неурожайныхъ годовъ; и между прочимъ, неурожай 1879 года былъ такой, какого не запомнятъ съ 1816 г. Пшеницы собрано всего 5 1/2 милліоновъ четвертей самаго дурнаго качества, тогда какъ, обыкновенно, въ среднемъ, ея урожае было 12 милліоновъ, къ которымъ Англія прикупаетъ изъ-за границы 12 другихъ милліоновъ четвертей; въ 1879—80 гг. ввезено было ея 18 милліоновъ четвертей, обошедшихся 450 милліоновъ рублей. Но расходъ этотъ не былъ безцѣленъ, такъ какъ цѣны на пшеницу стояли не высоки, а именно по 15 рублей за 9 пудовъ; цѣна эта оказалась настолько низка, что равнялась цѣнѣ въ наилучшіе урожайные годы, и англійскимъ хозяевамъ пришлось продать свой продуктъ по самой дешевой цѣнѣ.

Послѣдствія были тяжелы; фермеры израсходовали свой оборотный капиталъ и сбереженія, а подъ конецъ, значительная часть ихъ, желая спасти хотя остатки состоянія, отказались отъ заарендованныхъ участковъ; эмиграція, въ новѣйшее время, приняла небывалые размѣры.

Эта катастрофа, разразившаяся надъ сельско-хозяйственнымъ классомъ, отразилась, конечно, и на другихъ классахъ: на классѣ владѣльцевъ недвижимой собственности, ремесленниковъ, лавочниковъ, рабочихъ, закладчиковъ. Вебъ спрашивали другъ друга: откуда происходитъ такая дешевизна при дурномъ урожаѣ? Отвѣтъ могла дать Сѣверная Америка: оттуда пшеницы вывезено—въ 1878 г. 720 тысячъ четвертей, въ 1879 г. 1.200.000 четвертей; тамъ пространство, занятое подъ разведеніе пшеницы, съ 20 милліоновъ десятинъ въ 1863 г. увеличилось въ 1878 году до 48 милліоновъ десятинъ (т. е. въ 10 разъ больше всего пространства, введеннаго подъ пшеницу въ Европѣ), а сборъ—съ 21 милліона четвертей на 52 милліона, почему и стоимость упала съ 23 руб. на 13 руб. за четверть. Въ одну Англію Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты отпущали лучшую пшеничную муку: въ 1867 г. 85 милліоновъ, въ 1870—170 милліоновъ, въ 1879 году 350 милліоновъ пудовъ.

Размѣры настоящей статьи не даютъ возможности передать читателямъ вполнѣ подробнаго очерка о развитіи производства пшеницы въ Сѣверной Америкѣ; достаточно только будетъ сказать, что, согласно наблюденіямъ англичанъ, производство это идетъ гигантскими шагами. Равнымъ образомъ, надо отказать и отъ предположенія о продолжительномъ повышеніи цѣны на пшеницу въ Америкѣ и Англіи. Но, затѣмъ, въ чемъ можетъ выйдти себѣ помощь дальнѣйшее существованіе и развитіе сельскаго хозяйства въ Англіи?

Почти отовсюду слышится одинъ отвѣтъ: надо больше производить на одномъ и томъ же пространствѣ, надо пустить въ дѣло болѣе значительный оборотный капиталъ; засѣивать такъ, чтобы одна десятина давала 5 четвертей вмѣсто нынѣшнихъ 2 1/2. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ видахъ, необходимо предоставить хозяину и болѣе свободы въ его дѣятельности, для

чего надо поставить его въ такое положеніе, чтобы онъ не былъ связываемъ закономъ (Landlaws) въ распоряженіи своею земельною собственностью, такъ какъ законы, своими постановленіями о продажѣ, наследованіи, залогахъ, чрезвычайно стѣсняютъ арендаторовъ и владѣльцевъ и стѣсненіе ихъ хозяйственной дѣятельности не можетъ быть устранено безъ отмены тѣхъ постановленій.

Измѣненіе законовъ о земельной собственности давно уже требовалось и требуется выдающимися видами, какъ Брайтъ и его школа. Эта партія желаетъ достигнуть ослабленія преобладающаго вліянія земельной аристократіи, посредствомъ раздробленія земельной собственности, хладнокровно взирая на паденіе класса значительныхъ лэндлордовъ, а также и на вѣроятность связаннаго съ тѣмъ кризиса въ желѣзной или даже хлопчатобумажной промышленности. Долгое время стояли они совершенно изолированно съ своими принципиальными требованіями. Теперь, однако, этотъ политическій вопросъ превратился въ вопросъ „желудка“, „хлѣба“.

Сказанное приводитъ насъ къ двумъ вопросамъ, требующимъ разрѣшенія, а именно: I) какое положеніе создано закономъ землевладѣнью? и II) какое вліяніе законъ оказалъ на положеніе сельскихъ хозяевъ? Въ отвѣтъ на первый приведемъ слѣдующее: Вильгельмъ Завоеватель, овладѣвъ (въ 1066 г.) Англіей, объявилъ себя и единственнымъ собственникомъ всей земли въ королевствѣ, а затѣмъ раздѣлил ее между своими ленниками, которые (tenants holders), однако, не получили никакого безусловнаго права собственности. Крупные англо-саксонскіе владѣльцы были изгнаны изъ своихъ имѣній, но мелкіе, свободные крестьяне-собственники, по большей части, остались на своихъ участкахъ, образовавъ военныя дружины новыхъ лордовъ. Изъ этого аграрнаго и настолько же политическаго преобразованія во владѣнн, протекаетъ нынѣшнее право собственности на землю, право двоякое: „Fee simple“, простое полное право, равносильное свободному владѣнью, и „Fee tail“ (taillè), условное, ограниченное въ извѣстныхъ отпущеніяхъ, какъ напримѣръ, въ правѣ продажи, и изъ котораго развились майоратъ, сдѣлавшійся впоследствии политическимъ орудіемъ въ рукахъ вассаловъ англійской короны.

Кромѣ того, самое наследованіе обставлено двумя ограниченіями: въ немъ отдается преимущество, во 1-хъ, мужской линіи, и во 2-хъ—первородству. Но, противъ „увѣковѣченія“, упроченія земельной собственности въ такомъ стѣсненномъ порядкѣ наследованія выступила, въ XVI столѣтіи, корона, послѣдствіемъ чего явилось правило, остающееся въ силѣ и нынѣ и на основаніи котораго: „комиссіонныя установленія отпосительно земельной собственности, долженствующія ограничить, для многихъ послѣдующихъ владѣльцевъ, право продажи и наследованія, допускаются только въ отношеніи лицъ, находящихся еще въ живыхъ во время учрежденія этого порядка владѣнн. Такое ограниченіе владѣнн продолжается еще въ теченіи 21 года и для послѣдняго изъ потомковъ, т. е. майоратное условіе можетъ быть распространено на первыя потомки еще сына, послѣдняго изъ поименованныхъ въ актѣ учрежденія фидескомисса лицъ, и въ такомъ случаѣ этотъ сынъ, даже если онъ родился послѣ смерти своего отца, въ 21 годъ является полноправнымъ господиномъ имѣнія. По этому законъ противъ „увѣковѣченія“ (perpetuities) въ практикѣ постоянно обходится, такъ какъ честолюбивые лорды стремятся, во что бы то ни стало, приурочить имѣніе къ своему роду до скончанія вѣковъ. Въ Англіи 3/4 всѣхъ недвижимыхъ имѣній обращены въ майоратъ. До 1874 года государственная земельная книга Англіи не давала истиннаго понятія о распредѣленіи земель между жителями, такъ какъ книга эта—Doomsday Book—составлена еще въ 1086 г. Въ 1875 г. послѣдовало новое изданіе этого важнаго документа, изъ котораго видно: Соединенное королевство заключаетъ въ себѣ приблизительно 65 милліоновъ дес. (къ нимъ надо прибавить еще 2 1/2 милліона дес. лѣсовъ); все это пространство земель принадлежитъ 195 тысячамъ собственниковъ.

Высшее дворянство, состоящее приблизительно изъ 525 чел., владѣтъ 13,000,000 дес., т. е. 20% (а считая и лѣса—даже 25%), а если сюда прибавить сельское дворянство, „джентри“, то окажется, что приблизительно 7 тысячъ собственниковъ обладаютъ 11 тысячами помѣстій, изъ которыхъ въ каждомъ болѣе тысячи дес., или 1/4 всего пространства. Но еще поразительнѣе цифры въ Шотландіи и Ирландіи: въ первой 1/4 всей страны принадлежитъ 5-ти собственникамъ, 1/2—75-ти, во второй 1/2 принадлежитъ 35-ти собственникамъ. Прочимъ 33,993,000 жителямъ Соединеннаго королевства остатокъ; они числятся подъ 300 тысячъ номеровъ; изъ нихъ 1 владѣлецъ приходится на 3, не имѣющихъ недвижимой собственности.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Англіи все пространство обработанныхъ земель принадлежитъ 110 тысячамъ человекъ (въ Пруссіи—2 1/2 милліонамъ человекъ).

Ясно, что ограниченная собственность находитъ въ самой себѣ преграду къ усовершенствованію. Пожизненный только владѣлецъ не станетъ затрачивать на улучшенія въ подобномъ имѣніи то, что онъ затратилъ бы въ имѣніи, составляющемъ его собственность. Въ майоратномъ владѣнн и хорошей хозяйнѣ, и заботливый отецъ, имѣющій нѣсколькихъ дѣтей, не бу-

деть прилагать особых стараний, зная наперед, что старший сынъ безъ того уже получитъ слишкомъ много. Вотъ причина, вслѣдствіе которой землевладѣльцы мало пользовались и пользуются кредитомъ, предоставленнымъ имъ учрежденными около 30 лѣтъ назадъ, обществами для улучшенія земель, ссужающими, подъ обезпеченіе имѣній, капиталы для дренажа и т. п. способы усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ. За ссуды взимается 7 1/2%, такъ какъ заемъ погашается въ 25 лѣтъ. Въ теченіе 30 лѣтъ эти общества помѣстили не болѣе 70 милліоновъ рублей.

Закладныя въ Англіи неизвѣстны, но онѣ, а равно и кредитныя учрежденія войдутъ въ обыкновеніе и разовьются только при прочномъ установленіи ипотечной системы. Всѣ авторитетныя мнѣнія сходятся единогласно на томъ, что при усовершенствованіяхъ Англія можетъ удвоить свое производство.

Дурной хозяйствъ имѣетъ полную возможность разорить свое хозяйство, не взирая и на ограниченія, о которыхъ говорено. Онъ передаетъ свое право пожизненнаго пользованія заимодавцамъ, а эти, въ теченіе его жизни, высасываютъ изъ имѣнія, что могутъ, для удовлетворенія себя,—явленіе, весьма часто повторяющееся въ Англіи. Бываетъ также, что новый пожизненный владѣлецъ послѣдуетъ имѣнію, уже обремененное обязательствами. Согласно лучшимъ, достовѣрнѣйшимъ источникамъ, въ Англіи поземельная собственность покрыта долгами на половину своей прежней стоимости.

Строгая ограниченія наслѣдственности, какъ вообще признается, вредно отзываются и на самомъ старшемъ сынѣ. Съ самаго своего дѣтства онъ знаетъ, что его ждетъ блестящее будущее, съ которымъ не можетъ идти въ сравненіе будущность его братьевъ и сестеръ. А это лишаетъ отцовскую власть самаго существеннаго воспитательнаго средства. Старшій сынъ,

по своему рожденію, стоитъ слишкомъ въ независимомъ положеніи. Онъ входить въ безумные долги, вписывая въ свои векселя слова: „post obitum“, т. е. назначая имъ платежное время post obitum, послѣ смерти лица, отъ котораго къ нему перейдетъ пожизненное владѣніе. „Старшій сынъ“—замѣчаетъ одинъ англійскій писатель — принадлежитъ у насъ къ числу домашнихъ, фамильныхъ кумировъ и нынѣшніе владѣтели земли болѣе уже не вассалы короны, а вассалы своихъ внуковъ“.

Реформа англійскихъ законовъ о поземельной собственности несомнѣнно уже очень близка. Радикальная партія стремится къ коренному преобразованію порядка землевладѣнія, съ упраздненіемъ аристократическаго принципа — посредствомъ уничтоженія майората. Но—общественное мнѣніе далеко еще не готово къ подобному преобразованію.

Болѣе умѣренные, болѣе практическіе сторонники преобразованія полагаютъ необходимымъ допустить разурѣшеніе продажи всѣхъ или части майоратныхъ имѣній, обремененныхъ долгами, для того, чтобы они перешли въ руки солидныхъ капиталистовъ. Согласно ихъ мнѣнію, вся страна заинтересована въ положеніи сельскаго хозяйства, и „земля“ имѣетъ общегосударственное значеніе, а потому не слѣдуетъ искусственно удерживать ее въ неумѣлыхъ рукахъ. Прочно организованной и покрывающей въ настоящее время всю Англію и Шотландію „союзъ сельскихъ хозяевъ“ требуетъ свободы хозяйственной дѣятельности, опредѣленія арендной платы чрезъ посредниковъ, предоставленія арендаторамъ права отдавать, въ свою очередь, въ аренду взятые ими участки и т. д. Во всякомъ случаѣ предстоитъ ожесточенная борьба, такъ какъ лэндлорды, исконные владѣтели земли, твердо стоятъ на своемъ желаніи не превращаться въ „пенсіонеровъ своихъ фермеровъ“ и не допускать выкупа своихъ имѣній при посредствѣ государства.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Афганистанъ.—Турція.—Франція.—Манифестъ Принца Наполеона.—Легитимистская армія и генералъ Шареттъ.—Германія.

Англичане продолжаютъ заботиться и страшиться за свою индійскую границу и отъ времени до времени ихъ министрамъ приходится усноковивать встревоженное патриотическое чувство своихъ соотечественниковъ. Нельзя-же — Россія все ближе и ближе придвигается къ аванпостамъ, оберегающимъ доступъ къ англо-индійской имперіи! Недавно лордъ Гартингтонъ произнесъ въ Дарузнѣ рѣчь, въ которой увѣрялъ, что афганскій эмиръ питаетъ къ Англіи гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ къ Россіи. Страхъ въ этомъ отношеніи былъ, вѣроятно, также не малъ; такъ, кажется, были тайныя попопозновенія сдѣлать и эмира вассаломъ, но повидимому испугъ прошелъ, потому что благородный лордъ, въ той-же рѣчи, не находитъ необходимымъ подчиненіе афганскаго народа. Что касается Египта, то, по увѣренію министра, Англія не желаетъ присоединить его и рѣшилась покинуть эту страну какъ только тамъ установится правильное и прочное управленіе. Вопросъ въ томъ—когда именно англичанамъ будетъ угодно, чтобы такое управленіе тамъ установилось. По отношенію къ Ирландіи лордъ Гартингтонъ, переѣхавъ въ Ланкашаиръ, утверждалъ, будто дѣла въ этой части королевства поправляются. Странно слышать такіа увѣренія въ то самое время, когда слушающійся въ Дублинѣ процессъ объ 21 арестантѣ раскрываетъ страшное могущество феианской организаціи; такъ между прочимъ обнаруживается, что Дублинъ раздѣленъ на участки, во главѣ которыхъ находились нѣкоторые изъ подсудимыхъ, занимавшихъ различныя должности въ братствѣ и подчинявшіеся одному общему начальнику; всѣ члены обязаны клятвенно повиноваться начальникамъ, какъ повинуются солдаты; каждый изъ нихъ вносилъ въ братство еженедѣльно по три пенса на покупку ружей и револьверовъ; особый кружокъ былъ составленъ изъ людей, употреблявшихся для совершения убійствъ, которымъ подавали правительственные агенты: составленъ былъ уже заговоръ съ цѣлью убить г. Форстера—въ этихъ видахъ въ разныхъ пунктахъ были поставлены агенты, но цѣль не была достигнута, но однимъ показаніемъ отъ того, что пропустили экинажу Форстера, а по другимъ—отъ того, что остался незамѣченнымъ поданный сигналъ, т. е. взмахъ платка; вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось существованіе связи феианцевъ съ убійцами Кэвендиша и Борка. Открытіе заговора произвело сильнѣйшее впечатлѣніе, которое едва-ли смягчится подъ вліяніемъ словъ Гартингтона.

Англійское правительство увѣдомило Порту, что конференція по дунайскому вопросу соберется въ Лондонѣ 5-го февраля. Скажемъ, кстати, что въ Турціи новый великій визирь, это—бывшій турецкій посланникъ въ Вѣнѣ, Эдхемъ-Паша, будучи онъ относится къ египетскому вопросу съ такимъ-же усердіемъ, съ какимъ готовился было отнестись его предшественникъ, который, говорятъ, намѣревался передать вопросъ объ Египтѣ, о верховныхъ правахъ султана на разсмотрѣніе европейскаго конгресса?

Пока активное (болѣе или менѣе) неудовольствіе въ этомъ вопросѣ начинаетъ выказывать только Франція: она обратилась съ протестомъ противъ упраздненія контроля. Едва-ли что ви-

будь изъ этого выйдетъ. Да и впрочемъ, въ эту минуту вниманіе французскаго правительства отвлечено въ другую сторону, а именно къ положенію внутреннихъ дѣлъ въ странѣ. Недавно мы говорили объ усиленіи монархическихъ партій и теперь слова наши подтверждаются яркими признаками.

На дняхъ принцъ Наполеонъ издалъ манифестъ (который былъ расклеенъ на улицахъ въ Парижѣ, въ количествѣ 15 т. экземпляровъ) чего, конечно, прежде не рѣшился-бы сдѣлать. Въ этомъ манифестѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, что исполнительная власть слаба, неспособна, безмогуща, парламентъ не имѣетъ ни направленія, ни воли и раздробился до безконечности, возбуждая только постоянные кризисы, распространяющіеся и на главу государства, и на министровъ, и на палаты; что зло гнѣздится въ конституціи, предоставляющей страну въ полное распоряженіе 800 сенаторовъ и депутатовъ; что армія передана не свѣдущимъ людямъ, администрація дискредитирована, финансы расточаются, налоги тягостны и плохо распредѣлены, расходы выростаютъ безъ причины, въ бюджетѣ не существуетъ равновѣсія, религія подвергается нападеніямъ со стороны атеизма, превратившагося въ гонителя, никакимъ покровительствомъ не пользуется, общественные вопросы пренебрегаются, иностранная политика или служитъ частнымъ спекуляціямъ—какъ въ Тунисѣ, или трусливо и нелѣпо—какъ въ Египтѣ, и Франціи, во время оно столь велика, не имѣетъ нывѣ ни друзей, ни обаянія: опытъ надъ парламентарной республикой, продолжавшійся двѣнадцать лѣтъ, произведенъ окончательно и оказывается неудачнымъ. Въ заключеніе принцъ Наполеонъ предлагаетъ націи возстановить въ лицѣ его, преемника Наполеона I и Наполеона III, власть Бонапартовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, манифестъ исполнилъ правительство и палату. Принцъ Наполеонъ немедленно-же былъ арестованъ въ Консьержери и по слухамъ будетъ преданъ верховному суду, который составитъ изъ сенаторовъ. Принцъ Амедей уже написалъ принцу Наполеону, предлагая ему гостеприимство въ Миланѣ въ случаѣ высылки, но принцъ имѣетъ намѣреніе уѣхать въ Лондонъ. Другой признакъ не менѣе значителенъ: почти одновременно открытъ заговоръ такъ называемый теперь „ка톨릭ской лиги“ заговоръ этотъ—легитимистскій; оказывается, что лига эта, обладающая капиталомъ въ 15,000,000 франковъ, успѣла уже организовать, въ различныхъ пунктахъ Франціи, тридцать два легіона, по тысячи человекъ въ каждомъ, подъ общимъ начальствомъ извѣстнаго генерала Шаретта. Въ палатѣ нѣкоторые изъ республиканскихъ депутатовъ внесли предложеніе о высылкѣ изъ Франціи членовъ всѣхъ бывшихъ царствующихъ фамилій, т. е. принцевъ бурбонской линіи, орлеанской и Бонапарте. Несомнѣнно, что перепуганное республиканское правительство поддержитъ эти предложенія и такую огульную высылку сослужитъ хорошую службу усилвшемуся вліянію монархическихъ партій. Мы уже предвидимъ—скажемъ еще разъ—возникновеніе монархіи, которой сочувствуетъ добрая часть французской націи. Только что получено извѣстіе о паденіи кабинета Дюклерка.

Въ Берлинѣ на дняхъ скончался братъ Императора Вильгельма, принцъ Карлъ, отецъ знаменитаго принца Фридриха-Карла, столь отличавшагося во время франко-прусской войны.

С М Ъ С Б.

Объ Александровскомъ комитетѣ призрѣнія раненныхъ. Основаніе вивалиднаго фонда положено въ 1813 г. издателемъ „Русскаго Вивалида“ Павломъ Павловичемъ Помынь-Пезарови-сомъ пожертвованіемъ 395000 руб. Дальнѣйшему приращенію капитала способствовали патріотическіе вклады многихъ лицъ. Значительныя суммы были пожертвованы: коллежскимъ совѣтникомъ Яковлевымъ 1.000.000 р., графомъ Румянцевымъ—350000, генераломъ, отъ инфантерій Лассіа—237000, графиней Браницкой—200000, графомъ Шереметевымъ—150000, княземъ Голицынымъ и его женою—127000, статскимъ совѣтникомъ Яковлевымъ, поручикомъ Пашковымъ и тайнымъ совѣтникомъ Демидовымъ по 100000 р. каждымъ, графиней Безбородко, дворянствомъ костромской губерніи, статскимъ совѣтникомъ Полторацкимъ, ротмистромъ Володимировымъ, генералъ-лейтенантомъ Балкѣ, братьями Рахмановыми и московскимъ и петербургскимъ купечествомъ—по 50.000 и жителями Новгородской губерніи 40427 рублей. Отъ 22 лицъ, жертвовавшихъ отъ 1000 до 34000 руб., составила сумма въ 263100 р. Небольшія пожертвованія отъ 1814 до 1880 года принесли 1.122.000 р. Последніи 25 лѣтъ не принесли вивалидному капиталу большихъ суммъ, и со времени войны 1877—1878 г. поступило только 155.000 руб. При этомъ изъ числа раненныхъ и семей убитыхъ въ этой войнѣ 11333 лица взяты подъ покровительство комитета: если принять въ соображеніе контингентъ жертвъ этого похода (89382 человека), то число призрѣваемыхъ будетъ постоянно увеличиваться и потребуетъ большихъ затратъ, но крайней мѣрѣ въ теченіи 20—25 лѣтъ, что извѣстно комитету изъ его 68-лѣтняго опыта. На 1883 годъ доходы комитета предположены въ 2.711.759 и расходы въ 2.676.290 руб. Такимъ образомъ ожидается излишекъ въ 35.469 р., но на излишекъ въ 1884 г. нѣтъ никакой надежды, такъ какъ теперь въ комитетѣ лежитъ 765 прошеній, на удовлетвореніе которыхъ ежегодно требуется 55000 р. Хотя министерство финансовъ выразило снова согласіе поддерживать вивалидный фондъ, тѣмъ не менѣ Александровскій комитетъ считаетъ долгомъ напомнить всѣмъ, сочувствующимъ цѣлямъ комитета: „быть повѣренными бѣдныхъ, раненныхъ воиновъ и ихъ осиротѣлыхъ семействъ передъ Государемъ и заботиться объ ихъ вспомоществованіи“ (приказъ Императора Александра I отъ 18 августа 1814 г.), что комитету предоставлено право принимать пожертвованія. При этомъ комитетъ проситъ не забывать, что какъ бы ни были малы единичныя пожертвованія, въ соединеніи съ многими другими подобными вкладами они имѣютъ громадное значеніе, будутъ приняты съ благодарностью, употреблены на предназначенную цѣль, и что 43578 лицъ, находящихся теперь на поощреніи комитета, а также и тѣ, которыя будутъ впоследствии получать помощь, будутъ за это благодарны.

Всѣ редакціи Имперіи безъ исключенія соблаговолить перепечатать это воззваніе.

Размноженіе особей. Сама природа озабочилась, чтобы растенія и животныя возможно сильно размножались. Каждая особь стремится оставить наибольшее потомство, будь это при помощи сѣмянъ или яицекъ, будь это особенной заботливостью и уходомъ за малютками. Эта природная заботливость необходима потому, что вслѣдствіе различныхъ преслѣдованій, болѣзней и другихъ неблагоприятныхъ условий, только незначительная часть потомства становится способной на продолженіе рода. Но если бы даже впродолженіи одного поколѣнія развились всѣ сѣмена и яйца, то всей землѣ не хватило бы для вмѣщенія всего животнаго и растительнаго міра. Эренбергъ говоритъ, что инфузоріи впродолженіи одного дня размножаются биліонами. Одна травяная тля въ пятомъ поколѣніи даетъ 5000 миллионныхъ гусеницъ. Въ годъ же развивается по меньшей мѣрѣ пятьдесятъ поколѣній, такъ что еслибы тля не уничтожалась хотя бы только одинъ годъ, то земля насыла бы вмѣстѣ все поколѣніе. Самка термита кладетъ въ день 80000 яицъ. Потомство сосновой осы, самка которой ежегодно кладетъ только 100 яицъ, если бы ни одно изъ нихъ не пропадало, разрослось бы въ 10 лѣтъ до 200000 биліоновъ гусеницъ и для ихъ прокормленія не хватило бы всѣхъ сосновыхъ лѣсовъ Германіи. Мясная муха можетъ положить 20000 личинокъ, которыя, при достаточномъ питаніи, въ одинъ сутки увеличиваются въсомъ въ 200 разъ. Поэтому то Линней сказалъ объ нихъ, что онѣ такъ же быстро, какъ левъ, могутъ съѣсть вола. Размноженіе саранчи такъ быстро, что въ короткое время она можетъ уничтожить растительность всѣхъ странъ. Въ 1828 году саранча посѣтила Галицію, она шла сплошную массой отъ семи до восьми миль ширины въ продолженіи семи часовъ и буквально затемнила воздухъ. По сообщенію Гартвига, въ небольшой макрелѣ найдено 546000, въ осетрѣ 6 миллионныхъ и въ трескѣ 9½ миллионныхъ икринокъ. По словамъ Пеннпта, пара кроликовъ въ четыре года образуетъ потомство въ 1274840 штукъ. Одна пара мышей въ одинъ годъ производитъ 23000 потомковъ, и въ два года размножается до 200 миллионныхъ. При этомъ можно однако замѣтить, что цифры эти существуютъ только на бумагѣ, но кто хотя разъ видѣлъ мышинное нашествіе, тотъ не будетъ сомнѣваться въ вѣрности вычисленія. Животныя, родящія въ годъ только по одному дѣтенышу, при благоприятныхъ условіяхъ, могутъ умножаться въ мѣрѣ превосходящей всѣ вычисленія. Ни одно животное не множится такъ медленно какъ слонъ, тѣмъ не менѣе потомство одной пары въ 500 лѣтъ, можетъ достиги 15 миллионныхъ штукъ. Въ 1773 году въ Ирландію было завезено 3 оленя и уже черезъ 40 лѣтъ

они ходили стадами отъ 40 до 100 штукъ. Черный рогатый скотъ, привезенный Колумбомъ въ 1494 г. въ Сан-Доминго, въ теченіи 27 лѣтъ увеличился до 8000 штукъ, и Акосто сообщаетъ, что въ 1585 г. было вывезено въ Испанію 35444 штуки кожъ изъ Испаніи и 64250 шт. изъ Новой Испаніи. Тотъ же Акосто писалъ спустя сто лѣтъ послѣ открытія Америки, что въ Новой Испаніи есть люди, имѣющіе по 70000 и 100000 штукъ овецъ, между тѣмъ овца впервые была вывезена изъ Испаніи. Ацара сообщаетъ, что въ его время въ Буэносъ-Айресѣ было 12 миллионныхъ рогатого скота и 3 миллионна лошадей. Гумбольдтъ считалъ лошадей напасовъ Буэносъ-Айреса въ 6 миллионныхъ и скотъ въ 12 миллионныхъ головъ. Дюпонъ высчиталъ, что между Ориноко и Макараибскимъ озеромъ находится 1.200000 шт. скота и болѣе 180000 лошадей, а Даро утверждаетъ, что теперь въ пампасахъ Южной Америки бродитъ около 30 миллионныхъ скота. Если принять въ соображеніе, что скотъ и лошади завезены въ Америку только въ концѣ 15 или въ началѣ 16 столѣтія, и что они уничтожались не только людьми, но животными и многими наводненіями, то не трудно лучшаго доказательства тому, что животныя, родящія по одному дѣтенышу въ годъ, размножаются неизменно быстро.

Зеркальный телеграфъ. Въ недавнюю египетскую компанію былъ произведенъ интересный опытъ гелиографіи или подачи сигналовъ посредствомъ солнечнаго свѣта. Полковникъ Кейзеръ поднялся на одну изъ пирамидъ, находящихся близъ Каира, и при помощи гелиографическаго зеркала отразилъ солнечныя лучи по направленію къ Александріи на 120 милъ. И вотъ, на этомъ огромномъ разстояніи, сигналы, явившіеся въ видѣ блестящихъ острѣе иглы, были легко приняты какъ-бы за денешу отъ сэра Гарнета Уэльслея хедиву.

Обѣдъ во внутренности статуи. Недавно Бартольдъ, создавшій проектъ колоссальной статуи „Свободы, освѣщающей міръ“, которая должна быть воздвигнута близъ Нью-Йорка въ память войны за освобожденіе американской республики, задумалъ угостить своихъ друзей во внутренности своего созданія. Столъ былъ накрытъ въ нижнихъ складкахъ драпировки фигуры. Здѣсь устроили широкую платформу, на которой могла совершенно свободно и безопасно помѣститься угощаемая публика. Внутренность статуи заключаетъ въ себѣ желѣзную лѣстницу, къ которой и прикрѣплены вѣнчики ея части, состоящая изъ бронзовыхъ листовъ. Эти листы соединены между собою заклепками, совершенно незамѣтными съ вѣнчней стороны. Вышина фигуры отъ головы до основанія будетъ составлять почти 110 футовъ, а отъ верхней части свѣточа, который статую держитъ въ правой рукѣ.—140 футовъ.

Регулированіе сновидѣній. Французскій ученый Делонѣ убѣдился опытами надъ самимъ собою, что характеръ сновидѣній прямо зависитъ отъ дѣйствія тепла на различныя части мозга. Такъ, покрывая свой лобъ слоемъ ваты, онъ вызывалъ сонъ покойный и правильный. Примѣняя такого рода обкладыванія, способствующія приливу крови къ различнымъ областямъ мозга и увеличивающія такимъ образомъ ихъ питаніе и функциональную дѣятельность, онъ замѣтилъ, что отъ согрѣванія ватой задней части головы получались сны въ высшей степени странныя, нелѣпныя и чувственныя; отъ согрѣванія лѣвой сны дѣлались фантастическими и въ нихъ отражались старыя давно забытыя событія и образы; отъ вліянія-же тепла на правую сторону головы сны становились болѣе спокойными и разумными и въ нихъ представлялись картины недавняго прошлаго.

Историческіе дубы въ Англіи. Между древними дубами Англіи, особенно замѣчательны одинъ патріархъ растительнаго царства, до сихъ поръ возвышающій свою зеленую голову близъ Шефтсбюри, на берегу Северна, гдѣ въ старину росли громадные лѣса, по которымъ и вся мѣстность получила саксонское названіе Schobbesburg. Этотъ дубъ еще во времена саксонскаго владичества былъ извѣстенъ подъ именемъ дуба Христа и имѣлъ тогда около 30 футовъ въ окружности. Теперь на его полуразрушенномъ стволѣ удѣлано еще пятнадцать сучковъ покрытыхъ зеленью. Молодой дубокъ теперь растетъ изъ срединъ его дула. Но кромѣ этого древнѣйшаго представителя англійскихъ лѣсовъ, здѣсь сохранилось еще много другихъ дубовъ, имѣющихъ историческое значеніе. Особенно ими богатъ лѣсъ въ Виндзорѣ и Шервудѣ. Большой дубъ въ Норфолкѣ уже во времена Вильгельма Завоевателя носилъ названіе „Старога дуба“ и, какъ предполагаютъ, онъ теперь достигъ 1500 лѣтняго возраста. Такъ называемый королевскій дубъ въ Виндзорѣ, также существуетъ болѣе 1000 лѣтъ.

Погребальное дерево въ Новой Зеландіи. Недавно свалось громадное, древнее дерево въ Новой Зеландіи, неподалеку отъ Опоtaki, и при этомъ открылось, что вся его внутренность, отъ корней до начала вѣтвей, т. е. на разстояніи сороки пяти футовъ отъ земли, была наполнена человѣческими тѣлами. Съ паденіемъ дерева разсыпалась въ беспорядкѣ и куча скелетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохранились въ цѣлости, другіе-же представляютъ хаотическую массу головы, рукъ и ногъ. Всѣ жившіе обитатели Новой Зеландіи—маорисы, совершенно не знали о существованіи на островѣ этого дерева мертвецовъ и единогласно утверждаютъ, что такой ролю погребенія не только неизвѣстенъ имъ, но даже ихъ отцамъ и дѣдамъ. Впрочемъ и самая дряхлая вѣтвьность упавшаго дерева подтверждаютъ показанія маорисовъ, что прошло много столѣтій, съ тѣхъ поръ, когда оно служило мѣстомъ погребенія новозеландскихъ мертвецовъ.

Зубы и мудрости и глухота. Одинъ американскій докторъ приводитъ нѣсколько случаевъ глухоты, происшедшей, по его мнѣнью, отъ пояднаго или неправильнаго появленія зубовъ мудрости. Это свое убѣжденіе онъ основываетъ во первыхъ, на связи, существующей между зубами и ушами, благодаря которой прорѣзываніе зубовъ у дѣтей иногда болѣзненно отражается на послѣднихъ органахъ; во вторыхъ, на нѣсколькихъ подмѣченныхъ имъ случаяхъ совпаденія глухоты съ появленіемъ послѣднихъ зубовъ.

Врачебная исторія домовъ. Извѣстно, что семьи, часто мѣняющія квартиры, нерѣдко подвергаются различнымъ заболѣваніямъ, единственно въслѣдствіе дурныхъ санитарныхъ условій занимаемыхъ ими помѣщеній. Во многихъ случаяхъ, наконецъ, дома приносятъ меншей доходъ по причинѣ плохихъ водосточныхъ трубъ, сырыхъ погребовъ, нездоровыхъ окрестностей и, наконецъ, потому что въ нихъ жили прежде лица, одержимыя заразительными болѣзнями. Но не возможно ли было бы для санитарныхъ властей городовъ доводить до всеобщаго свѣдѣнія списокъ домовъ, въ которыхъ были случаи заразительныхъ болѣзней или которые вообще представляютъ то или иное вредное для здоровья условіе? Это было бы въ высшей степени полезно. Часто тщательное изслѣдованіе какихъ нибудь нижнихъ помѣщеній и погребовъ вывезетъ гораздо важнѣе обзора залъ и верхнихъ этажей. И однако, какъ рѣдко это дѣлается и, наоборотъ, какъ часто страдаютъ отъ этого жильцы. Между тѣмъ, если бы была принята вышеупомянутая мѣра, то сами домохозяева, въ собственныхъ интересахъ, стали бы заботиться о лучшемъ санитарномъ положеніи своихъ жилыхъ помѣщеній. Такой проектъ предлагаетъ авторъ статьи одного англійскаго журнала.

Изъ дневника знатной англійской дамы 15 столѣтія. Слѣдующій отрывокъ изъ дневника леди Елизаветы Вудвилъ знакомитъ съ образомъ жизни дочерей знатнѣйшихъ семействъ того времени, такъ какъ за немногими исключеніями, вѣроятно всѣ молодыя дамы знатныхъ землевладѣльцевъ вели одинаковый образъ жизни. Елизавета принадлежала къ знатнѣйшей фамиліи Англій, мать ея въ первомъ бракѣ была женою Герцога Bedford. Сама она была замужемъ за горячо любимымъ ею человѣкомъ, Джономъ Грейемъ, который умеръ въ битвѣ при Ст. Альбанѣ. Послѣ этой тяжелой утраты она удалилась въ свое помѣстье въ Нортгемптонширѣ. Тутъ ее увидѣлъ король Эдуардъ IV (царствовалъ онъ 1461 до 1483) влюбился въ молодую прекрасную вдову и женился на ней. Слѣдующія замѣтки сдѣланы въ то время, когда леди Елизавета была еще дѣвушкой. *„Понедѣльникъ утромъ.* Я встала въ 4 часа утра и помогала Катеринѣ доить коровъ. Рашель, другая служанка, обожгла себя страшно руку и я приготовила ей пластырь. Робинну я дала пенни, чтобы купить чего нибудь въ аптегѣ. *Шесть часовъ.* Яшла, что говядина слишкомъ выварена и пиво некусно. *Примѣчаніе.* Повару нужно сдѣлать выговоръ за небрежность, что же касается пива, то придется начать другую бочку. Семь часовъ. Я помогала матери обдѣлать пиццы 25 человѣкъ. Роджеръ получилъ хороший выговоръ за то, что сердился, когда ему пришлось унести остатки говядины. *Восемь часовъ.* Съ Магдэй, моей служанкой, я пошла на дворъ, находящійся за замкомъ, поймала тамъ Гумба, нашего молодого кленнера и провѣхалась на немъ 5 или 6 миль безъ сѣдла и уздечки. *Десять часовъ.* Накрываютъ на столъ. Джонъ Грей красивый молодой человѣкъ, но что же изъ этого. Хорошая дочь должна дѣлать то, что нравится ея родителѣмъ. Джонъ ѣлъ мало. Онъ сказалъ, что самая красивая дѣвушка ему не можетъ нравиться, если она не скромна и не добра. Мнѣ кажется, что характеръ мой не совсѣмъ уже дурной. Никто еще на меня не можетъ пожаловаться, развѣ только Роджеръ, но за то изъ всѣхъ лучшихъ людей, онъ самый лѣнливый. Джонъ Грей любитъ бѣлые зубы. Мои зубы довольно хороши, а волосы у меня черные какъ смоль. Я говорю это безъ всякой мысли, впрочемъ не ошибаюсь, такъ какъ Джонъ говоритъ тоже самое. *Одиннадцать часовъ.* Обѣдъ кончился. Все общество рѣшило идти гулять въ поле. Джонъ помогалъ мнѣ перебираться черезъ изгородь и два раза крѣпко пожалъ руку. Не могу сказать, чтобы онъ мнѣ не нравился, въ разныхъ упражненіяхъ онъ также ловокъ, какъ и многіе знатные люди; его уваженіе къ отцу и матери безгранично и онъ не пропускаетъ ни одной воскресной мессы. *Три часа послѣ обѣда.* Дожь бѣднаго фермера Робинсона загорѣлся. Джонъ Грей тотчасъ помогъ несчастному; онъ ему далъ не менѣе 4 фунта стерлинговъ. *Примѣчаніе.* Никогда я не видѣла Джона такимъ ласковымъ какъ въ этотъ разъ. Въ четверть часа я присутствовала при молитвѣ, въ шесть вѣтъла покормить свиней и куръ. Въ семь часовъ сѣли ужинать; по случаю несчастія съ бѣднымъ Робинсономъ въ этотъ разъ позже противъ обыкновенія. *Примѣчаніе.* Паштетъ изъ гуся былъ пережаренъ, а свиное жаркое походило на уголь. *Десять часовъ.* Все общество крѣпко спитъ. Мнѣ было немного скучно. Я снова начала свою молитву, такъ какъ мысль о Джонѣ Грей помѣшала мнѣ дочитать ее. Я уснула и мнѣ снился Джонъ Грей.

Кумысъ и кобылье молоко у киргизовъ. Киргизы, Башкиры, Калмыки и Ногайцы, живущіе, главнымъ образомъ, въ Азіатскихъ степяхъ и отчасти на югѣ Россіи, исключительно занимаются разведеніемъ лошадей, рогатаго скота, барановъ и верблюдовъ. Изъ всѣхъ же четвероногихъ животныхъ, самымъ драгоценнымъ для нихъ благосостоянія и необходимымъ для домашняго обихода считается лошадь, такъ что безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что это животное для Киргизовъ—тоже, что олень для Лапландцевъ, Эскимосовъ Самоѣдовъ и другихъ сѣверныхъ народовъ.

Туземные жеребцы отличаются своєю красотой, силой, замѣчательной выносливостью и исключительно служатъ для вѣды и перевозки тяжестей, такъ какъ не въ обычаѣ населенія употреблять для этой цѣли кобылъ. Поэтому истый туземецъ, верхомъ на кобылѣ такъ же немислимъ тамъ, какъ невозможенъ у насъ щеголеватый всадникъ верхомъ на коровѣ. За то кобылы, пользующіяся лучшимъ кормомъ и самымъ внимательнымъ уходомъ, своимъ молокомъ вполне замѣняютъ коровъ. Ихъ доятъ отъ 4 до 8 разъ въ день и получаютъ каждый разъ отъ 0,60 до 2,25 литровъ молока, которое очень богато сахаристыми веществами. Обязанность доенія исполняется исключительно женщинами. Жеребенка только на ночь оставляютъ при матери, днемъ же его держатъ отдѣльно и только во время доенія приводятъ къ кобылѣ, такъ какъ безъ жеребенка она совсѣмъ не даетъ молока. Туземцамъ отлично извѣстно сколько пользы можно извлечь изъ этихъ животныхъ, которыя поэтому и пользуются въ изобиліи пищей, пьютъ и содержатся въ безукоризненной чистотѣ (извѣстно, что неопытное содержаніе имѣетъ вліяніе на качество и количество молока). Химическое измѣненіе, которому подвергается молоко во время своего обращенія въ кумысъ, состоитъ въ томъ, что его сахаристыя вещества въ одно и тоже время подвергаются винному и молочному броженію. Поэтому главная задача у нихъ при приготовленіи кумыса заключается въ томъ, чтобы усилить винное броженіе въ ущербъ молочному. Этого легко они достигаютъ, какъ благодаря своему умѣнью вообще готовить кумысъ, такъ прибѣгая иногда для этой цѣли къ искусственнымъ средствамъ. Есть три сорта кумыса: слабый, средній и крѣпкій.

Слабымъ называется кумысъ, который подвергался броженію не болѣе какъ въ теченіи сутокъ; онъ имѣетъ молочный видъ и своимъ сладкимъ вкусомъ, почти безъ кислоты, нѣсколько напоминаетъ напитокъ „сидръ“.

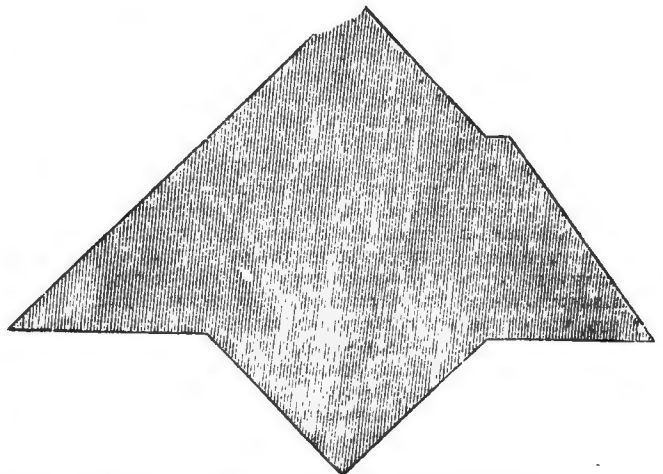
Крѣпкимъ называется кумысъ, который бродитъ не менѣе трехъ дней; онъ совершенно теряетъ свои молочныя свойства, дѣлается острымъ, кислымъ на вкусъ и пѣнистымъ (если его держать въ плотно закупоренныхъ кувшинахъ). Онъ такъ много содержитъ въ себѣ газу, что легко можетъ разорвать обыкновенную бутылку отъ шампанскаго и вылитый въ стаканъ наполняетъ его до $\frac{3}{4}$ пѣной.

Среднимъ называется кумысъ, дающій самое лучшее понятіе о томъ, что такое вообще перебродившее молоко. Это, такъ сказать, типъ настоящаго кумыса и самый распространенный напитокъ у вѣстныхъ кочевыхъ народовъ.

Такимъ образомъ Киргизы давно узнали опыляющее дѣйствіе такого напитка на человѣка. Но кромѣ своего опыляющаго дѣйствія кумысъ еще обладаетъ другимъ новѣйшиму цѣлебнымъ свойствомъ, лучшимъ доказательствомъ чего служатъ сами туземцы. Стоитъ только обратить вниманіе, какъ блѣдный и исхудалый киргизъ въ самый короткий срокъ, отъ употребленія кумыса, поправляется, поливаетъ и получаетъ здоровый цвѣтъ лица. Такое свойство кумыса и дало впервые путешественникамъ—врачамъ счастливую мысль прописывать его лицамъ, выздоравливающимъ послѣ тяжелыхъ и изнурительныхъ болѣзней. Одинъ англійскій докторъ, по фамиліи Гарриксъ, который долгое время занимался изученіемъ вопроса, дѣйствительно ли полезенъ кумысъ при леченіи чахотки—и такъ увлекся этимъ средствомъ, что сталъ рекомендовать безъ разбора всѣмъ своимъ пациентамъ, страдающимъ легочными болѣзнями, совершить, какъ онъ выражался, „un petit voyage“ въ Азіатскія степи, какъ будто бы дѣло шло о какой-нибудь маленькой экскурсіи и для каждаго незатруднительно въ матеріальномъ отношеніи.

Геометрическая задача № 7.

Раздѣлить данную фигуру шестью прямыми линіями на такіе семь частей, чтобы изъ нихъ можно было составить очертавіе инагоровой теоремы.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 годъ.

Для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ настоящемъ 1883 году, кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ и литературныхъ произведеній, между прочимъ, имѣется **НОВАЯ ПОВѢСТЬ**

ИВАНА СЕРГѢВИЧА ТУРГЕНЕВА

которую онъ, согласно его письму отъ 24 сентября (6 октября) 1882 года изъ Буживали (близъ Парижа), надѣется доставить въ редакцію **НЫНѢШНЕЮ ЗИМОЮ**. Кромѣ того мы общаемъ нашимъ подписчикамъ (на основаніи условія съ авторомъ) напечатать въ „Нивѣ“ новый историческій романъ

Всеволода Сергѣевича Соловьева „СТАРЫЙ ДОМЪ“

(хроника четырехъ поколѣній).

Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“ и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“ и дѣйствіе его происходитъ въ послѣдніе годы царствованія Имп. Александра I.

Мы имѣемъ цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ пока, кромѣ уже помѣщенныхъ въ первыхъ №№ произведеній Д. В. Григоровича, Ахшарумова и Вс. С. Соловьева, поименуемъ слѣдующія: „ВЪ ЦВѢТАХЪ“, большая повѣсть Н. К. Лебедева; „БАГРОВАЯ ПЫЛЬ“, большая повѣсть П. Петрова, автора имѣвшей въ 1881 году такой успѣхъ повѣсти „Горные Орлы“; историческая повѣсть „ПОЛКОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ“, Н. Кирилова; „НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ“ и „ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА“, двѣ повѣсти П. П. Гнѣдича и многія другія. Какъ **ПРЕМІЮ** на будущій 1883 годъ, мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія и когда бы они ни представили свои подписки — (кромѣ большаго стѣннаго календаря на 1883 годъ, уже полученнаго нашими подписчиками при № 1), очень большую, роскошную олеографію съ новой исторической картины блестящеготалантливаго профессора **В. И. ЯКОБІА**

КОРОЛЬ - ЖЕНИХЪ.

Картина эта написана по заказу „Нивы“; сюжетъ заимствованъ изъ романа Вс. С. Соловьева „Вольтерьянецъ“, помѣщ. въ „Нивѣ“ 1882 г. Великолѣнные коши-олеографіи будутъ такого-же огромнаго размѣра, какъ и премія прошлаго года, именно 62 сант. ширины и 82½ сант. высоты. Изображеніе Императрицы Екатерины въ ея приемной и воздушная фигура юной великой княжны и красавца-короля—прекрасны. Въ конторѣ редакціи выставлены оригиналы картины рядомъ съ копіей, такъ чтобы каждый подписчикъ могъ самъ убѣдиться въ достоинствѣ какъ картины, такъ и копіи. Картина наша также выставлена у книгопродавцевъ главнѣйшихъ городовъ Россійской Имперіи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

Всѣ требованія адресовать въ Главную Контору Редакціи „Нива“, А. Ф. Марксу, въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9. Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ показана на 1-й страницѣ сего №.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. МАРКСЪ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать **25 коп.** почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Столѣтній юбилей Митрополита Фларета (съ портр.)—Подъ колесомъ. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.—Страшный долгъ. (Абхазская легенда). Всеволода Соловьева.—Человѣчскія жертвоприношенія въ древней Мексикѣ (съ рис.)—Возвращеніе съ охоты (съ рис.)—Коверъ-самолетъ (съ рис.)—Семья армянъ (съ рис.)—По поводу юбилея В. А. Жуковскаго (съ рис.)—Вилла Гамбетты. Рѣчь его въ палатѣ (съ 2 рис.)—Стѣсенія въ сельскомъ хозяйствѣ Англій. Очеркъ Ф. Омтеда.—Политич. обзоръ.—Смѣсь.—Геометрическая задача.—О подпискѣ на „Ниву“.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

Превосходное средство для сохраненія зубовъ, укрѣпленія десенъ и освѣженія рта. САЛИЦИЛОВЫЙ АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЙ ЭЛИКСИРЪ.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ

Розовый, салициловый, бѣлый, доктора Милхе.

НОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

самаго высшаго качества.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявъ названія фирмъ, близкаго подобию къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копируя на наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмъ:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Англиканскаго моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ея не принадлежатъ. Р. № 2228 4—3

ЛЕЧЕБНИЦА для приходившихъ д-ра Волликаго. Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая слѣды волосамъ прежній ихъ дѣйствіе, не линяетъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 руб.; для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону цѣна 3½ руб., пересылка 1½ руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волосы, не линяютъ, въ черной цв. цѣна 3 руб., перес. по рублю. Гороховая улица, д. 57. Магазины-пиррикахерская Ивановой. № 2451

СѢМЕННОЕ ДЕПО

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

В. Н. ЛИСИЦИНА.

Имѣю честь увѣдомить гг. сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства, что вышедъ изъ печати на 1883 годъ иллюстр. преискуррантъ сѣменамъ хлѣбнымъ, луговымъ, травъ, огороднымъ и цвѣточнымъ растеніямъ. Желающихъ получить оный преискуррантъ, прошу сообщать свои адреса съ приложеніемъ 7 коп. почтовыхъ марокъ на пересылку. Ц. № 2447 1—1

Изданіе А. Ф. Маркса.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каравина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ въ 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть В. П. Кельмева, съ рисунками Пацова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы“ на 1883 г. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

И. АНТОНОВЪ И К^о.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 38.

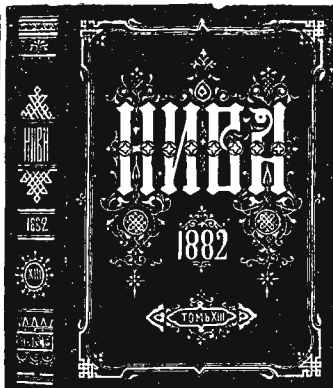
ДЛЯ БАЛОВЪ И СВАДЕБЪ ПОЛУЧЕНЪ

огромный выборъ шелковыхъ матерій: оттоманъ, газъ помпадуръ, moscovite, cachemire egyptienne, gaze ottoman, плюшь faconnée, broché, escalier и другія

SORTIES DE BAL

самыхъ модныхъ матерій, отдѣланныя перомъ, мурабу, кружевами, мѣхомъ и прочимъ.

№ 2419

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначен. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую каленковую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

**ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ
ПАПИРОСНАЯ И СИГАРНАЯ ФАБРИКА
В. БУШЪ,
въ С.-Петербургѣ,**

Фабрика: Ингова, № 31, магазинъ: Вознесенскій, № 14, покорѣннѣе проситъ обратить вниманіе гг. курящихъ на ея произведенія, ибо работавъ долгое время въ первыхъ заграничныхъ сигарныхъ фабрикахъ, надѣется выиолъ удовлетворить самый требовательный вкусъ; сигары отличаются мягкимъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ. Р. № 2378 10—7

Исключительное дело на всю Россійскую Имперію.
Мужскіе карманные часы
неповторимо подражающіе золотые. Цѣны исключительно съ пересылкой. Цилиндрической большой форм. 7 р. меншей 8 р. Самозаводящіяся 10 р. Вышеуказ. сразу 25 шт. 10% скидки 100 20%
Отправка немедленно по полученіи всей слѣдующей суммы. Адр.: Торговый Домъ „Commerce Russe“, Варшава. № 2349 12—8

**! НОВОСТЬ!
КАРМАННЫЯ БЕНЗИНОВЫЯ
ЛАМПЫ**
ВЪ РОДѢ МАЛАГО ПГОЛЬНИКА 1р. 25 к. штука съ пересылкой 1р. 50 к. ВЪ СКЛАДѢ ТЕРМОМЕТР. И ОПТИЧ. ТОВАР. „ФОРТУНА“ 2448 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Зимнѣй перулокъ № 1.

Только что вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нива“ у П. П. Печковской, въ домѣ Петровскихъ дѣтей, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть разсказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. П. Каразина.

Заглавіе разсказовъ:

1) Дяденька.	3) Ночь.	5) Грѣхъ ли это?
2) Уличная пѣвица.	4) Обезьянка.	6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. П. Каразинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Въ эти разсказы представляютъ намъ прелестныя дѣтскія типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанию эти разсказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвчатамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Фирма наследницъ Ивана Тимофѣевича Жилина, производящая торговлю въ г. Москвѣ, Колокольный рядъ, собственная лавка, № 291, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по случаю прекращенія торговли, съ 25 ноября сего 1882 года, назначается окончательная распродажа всего, имѣющагося въ лавкѣ, церковнаго и мѣднаго товара, съ большою уступкою въ цѣнѣ. Имѣется громаднѣйшій выборъ санкадилъ, лампъ, лампады, подсвѣчниковъ, хоругвей, свѣчъ и др. церковной утвари, самаго лучшаго факона и достоинства, а также полный выборъ мѣднаго товара. Проситъ обратить вниманіе гг. оптовъхъ покупателей и церковныхъ старостъ. Письма и телеграммы адресовать: Москва, Колокольный рядъ, лавка Жилиныхъ, Петру Петровичу Блюащеву. Лавка наследницъ Жилиныхъ, съ амбарами и кладовыми, сдается. Ц. № 2370 8—7

**10⁰⁰
ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ**

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижеупомянутыя старинныя вещи, которыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ**: богатый сѣверскій и саксонскій фарфоръ, старинныя бронзовыя чаши, канделябры и группы, золотыя эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшениями и фарфоровыми инкрустациями, gobelens, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинныя кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Указанія адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенныя предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕНЪ**, Петровка, домъ Печковаго, противъ Петровской аптеки.

Вышеупомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сдѣланную покупку чрезъ рекомендацію. А. № 2270 9—7

КУПИДОНЧИКЪ,
Новая поляка, соч. Герцена 50 к.
Rayons d'esperance. Вальсъ 85 к.
Федуль губы надуть. Кадриль 75 к.
Херувимчикъ. Поляка, соч. Родде . . . 50 к.
рекомендуетъ музыкальный магазинъ
К. РОЗЕ,
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20.
Пересылка во всѣ города Россіи безплатно.
Р. № 2450 1—1

**РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ
Н. П. ЛАНИНА,
ВЪ МОСКВѢ,**

удостоенное **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью, неуступающее хорошимъ французскимъ маркамъ.
по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут. (прямо съ фабрики).
ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣнійъ Азіи.
№ 2435 10—2

**ВЕБЕРА, ОЧИСТИТЕЛЬ СНѢГА И
УРАВНИТЕЛЬ ДОРОГЪ.**

Въ теченіе дня 2-е рабочихъ съ двумя лошадыми могутъ очистить отъ снѣга или исправить отъ 2 до 3' вѣрстъ самой перпендикулярной отъ вѣды дороги, такъ что уравниватель оказывается въ теченіе однихъ сутокъ. Въсѣ 5 худ., цѣна 35 р.

**ВЪ ДѢЮ МАШИНЫ, НАСОСОВЪ И ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ ТОВАРИЩЕСТВА
БУРБАРДТЪ И УРЛАУБЪ,**
С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 1-я линия, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.
№ 2422 4 4

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons

ROUME

PARFUMERIE DU GRAND MONDE
maison de confiance

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons

ROUME

PARFUMERIE DU GRAND MONDE
maison de confiance

LE SUCCÈS
de la maison ROUME
s'explique facilement par les prix les plus réduits, les parfumeries de toutes les fabriques, les articles les plus nouveaux
SA FABRICATION SUPÉRIEURE
et
maison confiance. № 2446.
16, Grande-Morskaïa, 16

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons

ROUME

PARFUMERIE DU GRAND MONDE
maison de confiance

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons

ROUME

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !

Получая постоянныя требованія на русское сырье отъ моихъ заграничныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ **РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ**

Именно: масло свѣжее и солоное, сало свиное, волоное и баранье, свѣжее и топленое, щетину, медъ, конскія гривы и хвосты, бараныя кишки, клей и жиръ рыбій, перья, шухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препроводить образцы. Адресовать: Торговый Домъ Генриха Барыцкаго. Варшава. № 250 12—8

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ
№ 5

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выдаѣтъ 29 Января 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 50 коп. (1 Mark. 50 Pfen. для за гран.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).

Безъ доставки въ Петербургѣ. . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н И В Ъ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногород. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

Генераль Шанзи.

23-го декабря 1882 г. (4 янв. 1883 г. н. с.) смерть унесла одного изъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей современной Франціи.

Шанзи родился въ Мартѣ 1823 г. въ Нуарѣ, въ Арденскомъ департаментѣ. Въ 1841 г. онъ вступилъ С. Сирское военное училище и потомъ служилъ въ Африкѣ. Въ Итальянской войнѣ 1859 года онъ также принималъ участіе и за дѣло при Сольферино произведенъ въ подполковники. Послѣ этого онъ опять возвратился въ Африку, гдѣ въ 1864 г. произведенъ въ полковники, а затѣмъ въ 1868 г. былъ уже бригаднымъ генераломъ, и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ экспедиціи генерала Вимпфена противъ южныхъ племенъ.

При извѣстїи объ объявленіи войны Шанзи посѣтилъ въ Парижѣ и просилъ дать ему какое нибудь назначеніе, но маршалъ Лебефъ не исполнилъ его желанія. Только правительство національной обороны вызвало его изъ Алжи-

Генераль Шанзи, бывшій посолъ Франціи при нашемъ Дворѣ. † 23 дек. 1882 (4 янв. н. с.). Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

ра и въ октябрѣ 1870 г. онъ былъ назначенъ дивизионнымъ генераломъ. Послѣ неудачнаго сраженія подъ Кульмье, въ арміи ген. Орелля, Шанзи, приказомъ делегаций въ Турѣ, было поручено командованіе второй Лорарской, или западной, арміей. Выдержавъ цѣлый рядъ стычекъ, онъ предложилъ Гамбеттѣ новый планъ, по которому Бурбаки должны были присоединиться къ нему около Ле Мана и затѣмъ обѣ арміи, составляющія 200,000 человекъ, должны были двинуться къ Версаю. Но Гамбетта задумалъ другой планъ и отослалъ Бурбаки на востокъ къ Бельфору. Когда же сдѣлалось извѣстнымъ отъ Трошию, что Парижская армія не въ состояніи прорваться черезъ цѣпь неприятельскихъ войскъ, и въ самомъ Парижѣ припасовъ хватить не болѣе какъ на мѣсяцъ, то Шанзи предложилъ еще новый планъ для подавія помощи Парижу. Но и этотъ планъ не былъ также принятъ, и, вмѣсто разрѣшенія двинуться, Шанзи была поручена организація 19 и 25 корпусовъ и увеличеніе ими запад-

ной арміи до 200,000 человекъ. Сражался безустанно цѣлый мѣсяць, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, онъ, тѣмъ не менше, настаивалъ на продолженіи военныхъ дѣйствій и запрещенный парижскимъ правительствомъ о военномъ положеніи Франціи, онъ считалъ боевую силу ея въ 300,000 человекъ, причѣмъ при продолженіи войны совѣтовалъ раздѣлить ея на небольшие отряды и перейти къ мелкимъ, по частымъ, схваткамъ, что способствовало бы скорѣйшему утомленію неприятельскаго войска. Но совѣтъ этотъ, а также предложеніе продолжать войну, не нашли сочувствія въ Парижѣ. На случай военныхъ дѣйствій, онъ двинулъ въ февралѣ свою армію изъ Ле-Манна въ Анжеръ и скорѣй обратился къ ней съ воззваніемъ быть готовою сражаться до послѣднихъ силъ. Французскія владѣнія должны были остаться неприкосновенными. То же самое онъ выразилъ въ національномъ собраніи въ Бордо, куда онъ былъ избранъ 8 февраля. Вернувшись въ Парижъ, послѣ окончанія предварительныхъ переговоровъ, онъ, по распоряженію Центрального Комитета, былъ арестованъ. Ему даровали свободу благодаря только стараніямъ адмирала Сисса, генерала Кремера, мэровъ и депутатовъ Парижа. Въ національномъ собраніи Шанзи занялъ мѣсто въ лѣвомъ центрѣ и участвовалъ во многихъ реніяхъ, въ особенности въ тѣхъ, которыя касались реорганизации арміи и покаяна закона военной службы. Когда въ 1873 г. Макъ-Магонъ избранъ былъ президентомъ республики, Шанзи былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Алжира и вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ 19 корпуса. Назначенный на постъ посла при намѣстѣ Дюрфѣ, генералъ заслужилъ общее расположеніе и уваженіе своимъ тактомъ и личными достоинствами. Въ случаѣ новой войны, Шанзи долженъ былъ занять постъ главнокомандующаго арміей Франціи. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ онъ

былъ-бы на своемъ мѣстѣ, такъ какъ онъ обладалъ необыкновенной энергіей, талантомъ организатора и не смущался никакими неудачами. Смерть генерала Шанзи нанесла чувствительную потерю Франціи.

Тѣло его съ большою торжественностью было погребено 30 декабря (11 января) въ его фамильномъ склепѣ въ Бузанси. На вокзалѣ въ Бузерѣ тѣло было встрѣчено духовенствомъ, сановниками и высшими властями. Въ то время какъ филармоническое общество играло погребальный маршъ, присутствовавшіе выразили свое соболезнованіе лейтенанту Шанзи, сыну умершаго. Одинъ изъ бургомистровъ и предѣдатель Бузерскаго суда, другъ дѣтства покойнаго, произнесли короткія рѣчи. Въ 2 часа пополудни траурный corteжъ вышелъ изъ Бузера въ сопровожденіи массы населенія. (Между Бузеромъ и Бузанси нѣтъ желѣзной дороги). Corteжъ состоялъ изъ катафалка, экипажа въ которомъ находились вѣнки изъ Шалона, и еще нѣсколькихъ экипажей, гдѣ помѣстились родственники, друзья и ординарецъ усопшаго. Лейтенантъ Шанзи шелъ за гробомъ своего отца. Эскадронъ конницы составлялъ конвой. Corteжъ въ 7 вечера достигъ Бузанси и при факеллахъ остановился у дома, гдѣ помѣщался мѣстный муниципалитетъ. Пожарные Бузанси перенесли гробъ въ залу и вмѣстѣ съ ординарцемъ дежурили всю ночь. На утро собрались всѣ окрестные жители и въ 12 часа гробъ былъ отнесенъ въ церковь. Всѣ генералы 6-го корпуса, котораго покойный состоялъ командиромъ, а также власти и значительнѣйшіе граждане Бузера участвовали въ шествіи. Послѣ окончанія мессы архіепископъ Ланжеве произнесъ надгробную рѣчь. Въ 2 часа бранные останки были перенесены въ склепъ, въ которомъ до сихъ поръ находилось только тѣло Лювена Шанзи, сына генерала, умершаго въ Алжирѣ.

Подъ колесомъ.

НОВЕЛЛА

Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

IV.

На счетъ своего открытія еврей объяснилъ мнѣ слѣдующее:

— Рулетка—игра предательская, говорилъ онъ.— Банкиры игорныхъ домовъ знаютъ это по опыту и боятъ ея гораздо больше, чѣмъ Trente et Quarante,—отъ того у нихъ и рѣжеть въ рулеткѣ гораздо крупнѣе. Главное дѣло въ томъ, что нельзя положиться на инструментъ. Иной идетъ ровно, по мѣсяцамъ; а потомъ вдругъ заладить на какіе нибудь одни нумера; да какъ!.. Черезъ пять, шесть ударовъ, тѣ же. Этого они крупно не любятъ и такую рулетку, на другой день, долой;—Югъ знаетъ зачѣмъ, потому что она не хуже другихъ. Въ дѣйствительности, нѣтъ ни одной безусловно вѣрной, хотя ихъ заказываютъ у лучшихъ мастеровъ, и платятъ дорого. Прибавьте что очень трудно рѣшится въ какую именно сторону и въ какой степени инструментъ фальшитъ. Никто, сколько извѣстно, не дѣлалъ надъ этимъ изслѣдованій, да не многіе и способны ихъ дѣлать, потому что на это требуется громадный запасъ терпѣнія и зоркій глазъ, не говоря уже о наукѣ. Фактъ на лицо; по фактъ чрезвычайно сбивчивъ. Надо умѣть отличить случайную его сторону отъ постояннн; а это весьма не легко, ибо случайная ярче; она бросается сразу въ глаза и вводитъ васъ въ заблужденіе. То, что я говорилъ о нумерахъ, которые повторяются черезъ пять, шесть ударовъ и даже чаще, само по себѣ еще ничего не значить. Нѣтъ номера, которому, ранѣе или позже, не удалось бы вдругъ одержать перевѣсъ надъ другимъ. Но перевѣсъ этотъ временный и незамѣтно уравновѣшивается потомъ, когда тотъ же номеръ начнетъ отставать. А отстаютъ они тоже крупно. Инаго не видно совсѣмъ въ теченіи двухъ, трехъ и даже четырехъ сотъ выходовъ. Что же можно изъ этого заключить?.. Рѣшительно ничего. А между тѣмъ у всякой рулетки есть свои фавориты; но эти послѣдніе, то есть тѣ нумера, въ пользу которыхъ она грѣшитъ, не бросаются никому въ глаза. Дѣйствительный фаворитъ отличается отъ простой, такъ называемой рутѣрки тѣмъ, что не запаздываетъ такъ часто, какъ эта послѣдняя, и

въ общемъ итогѣ за долгій срокъ, является ранѣе очереди. Случается безъ сомнѣнія и ему зачистить или отстать, такъ что всѣ обратятъ на него вниманіе; но это ужъ случай. Къ тому же ихъ много, перѣдко до дюжины, и они дѣлятся на разряды. Однимъ она неизмѣнно вѣрна; къ другимъ—у нея открывается склонность по временамъ, какъ у кокетки, съ той только разницей, что рулетка не покидаетъ своихъ любимцевъ вполнѣ или на долгое время. Нѣтъ-нѣтъ, да и пошолъ опять въ ходъ... Выслѣдить всѣ эти склонности и овладѣть общимъ путемъ, которымъ онѣ улавливаются, дѣло не легкое. Для этого, кромѣ науки, нуженъ громадный опытъ, и я конилъ его долго. Масса моихъ наблюденій за десять лѣтъ, могла бы составить тома. Многое мнѣ удалось сгруппировать и привести въ систему; но многое остается и до сихъ поръ темно. Въ бездонномъ омутѣ случая, есть тайны, къ разгадкѣ которыхъ мы не имѣемъ путей. Чтобы дать вамъ понятіе объ этого рода вещахъ, я приведу только одинъ примѣръ. Въ игрѣ иногда образуется связи между извѣстными нумерами, такъ что одинъ пріобрѣтаетъ наклонность слѣдовать за другимъ и пользуется съ его стороны взаимностью. У одной изъ рулетокъ, которыя я изучалъ, была, напримѣръ, такая замашка. Выйдетъ 14, слѣдомъ 0; а за нулемъ, тоже слѣдомъ, опять 14; и штука эта случилась въ какой нибудь мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, разъ шестьдесятъ...

Послѣ такихъ объясненій, я часто смотрѣлъ на него разинувъ ротъ, и мысль, что онъ сумасшедшій, приходила мнѣ снова на умъ; а онъ усмѣхался: мое удивленіе видимо льстило ему и забавляло его.

Наговорившись до сыта о своемъ предметѣ, онъ иногда оставлялъ его и занималъ меня разсказами изъ своей прошедшей жизни. Это былъ человекъ свѣтскій, съ холоду хорошо обеспеченный и долго жившій въ Парижѣ, въ омутѣ политическаго броженія; потомъ шатавшийся по свѣту эмигрантомъ, цыганомъ и путешественникомъ. Но страстной природѣ его было не по себѣ отъ этой жизни; ей нуженъ былъ жгучій исходъ и она отыскала его въ игрѣ.

Тѣмъ временемъ, я оставилъ рулетку и наслаждался отдыхомъ. Утромъ, мы съ нимъ сидѣли въ тѣнистыхъ аллеяхъ парка или бродили въ горахъ; а вечеромъ я приходилъ къ нему на чердакъ, и за стаканомъ вина, часы летѣли до поздней ночи. Особой прислуги онъ не держалъ, и столъ имѣлъ отъ хозяйки дома. Сара смотрѣла за всѣмъ и съ утра сама убирала квартиру. По-завтракавъ и переодѣвшись, она уходила въ школу, а онъ садился за счеты. На обратномъ пути изъ школы, я иногда встрѣчалъ ее. Съ мѣшечкомъ въ рукѣ, изъ котораго выглядывали тетрадки и книги, она бѣжала въ припрыжку, маленькой, школьной рысцей, выбирая обыкновенно окольный путь и останавливаясь у оконъ большихъ магазиновъ. Разъ, я засталъ ее въ восторженномъ созерцаніи цѣлаго ряда маленькихъ, дамскихъ часовъ. Въ другой разъ, взоръ ея былъ плѣненъ щегольскимъ розовымъ зонтикомъ, на бѣлой, атласной подкладкѣ, съ пушистою бахромою вокругъ.

...Въ тотъ же день, зонтикъ былъ у нея. Старикъ, при видѣ подарка, нахмурился; но въ полуоткрытыхъ губкахъ и загорѣвшемся взорѣ дочери было столько ребяческаго восторга и изумленія, и страха, чтобы такое счастье не ускользнуло, что онъ не рѣшился ее огорчить и усмѣхнувшись, махнулъ рукой... Съ тѣхъ поръ она перестала меня дичиться и мы стали друзьями. Часто, во время нашихъ вечернихъ бесѣдъ, Сара выходила изъ своей комнаты и садилась поодаль, съ работою, или съ книжкой въ рукахъ.

Со старикомъ мы тоже поладили. Въ короткое время, голова у меня была такъ настроена его системою, что я рѣшился ее испробовать. Фіамесъ объяснилъ мнѣ практическіе пріемы. Они клонились прежде всего къ тому, чтобы сдѣлать мою игру самостоятельною. Съ этою цѣлію инструменты, которые онъ умѣлъ, а я не умѣлъ различать, были у насъ занужерованы, и свойства каждаго объяснены мнѣ заранѣе. Подойдя со мною къ столу, и убѣдясь, что рулетка знакомая, онъ сообщалъ мнѣ номеръ ея; послѣ чего, понятно, дальнѣйшая помощь съ его стороны становилась уже излишнею и онъ могъ уйти. Играть я долженъ былъ симпелами, ибо, какъ онъ объяснилъ, я слишкомъ неопытенъ для другой игры; но все это только покуда.—„Дайте мнѣ время“, говорилъ онъ.—„Какъ только я выйду изъ кабалы, я самъ возьму это дѣло въ руки, и тогда ни одной минуты у насъ не будетъ потеряно“... Старикъ кинѣлъ нетерпѣніемъ и готовъ былъ на все согласиться, лишь бы скорѣе начать. Но я настоялъ, чтобы условія между нами были ясно договорены. Они были просты. Игра должна была идти на мои средства до тѣхъ поръ, пока его доля выигрыша не дастъ ему полной возможности расплатиться съ своими заимодавцами, послѣ чего дѣло у насъ пойдетъ на общій счетъ.

— Въ сущности, говорилъ онъ:—все это вздоръ, потому что мы не рискуемъ ничѣмъ. А что касается до затраты, то всѣ сокровища Калифорніи не вернутъ мнѣ того, что я истратилъ уже на это дѣло: я разумѣю тѣ годы рабства, которые сдѣлали меня старикомъ. Помощь ваша нужна мнѣ только, чтобы стать на ноги. Разъ на ногахъ, я и самъ за себя постою и вамъ заплачу сторицей. Дайте мнѣ только слово, что вы не покинете меня до тѣхъ поръ; и съ деньгами или безъ денегъ, я вашъ должникъ навѣки,—я и мое дитя.

Я далъ ему слово и мы ударили по рукамъ.

На другой день, утромъ, компанія наша была открыта.

V.

— Не ждите чудесъ, предупреждалъ онъ меня, и умно сдѣлалъ, ибо чудесъ дѣйствительно не было. Игра шла туго. Ставя по золотому, я приносилъ—въ счастливые дни—съ полсотни и менѣе; а въ несчастные—возвращался съ пустыми руками и даже съ проигры-

шемъ. Итоги были однако въ нашу пользу и мы, не взирая на колебанія, поднимались тихонько въ гору; но это было ужасно скучно. Я начиналъ терять всякую вѣру въ его открытіе. Онъ это угадывалъ, хмурился и молчалъ.—„Полоса“, думалъ я.—„Теперь выигрываемъ, потомъ, понемногу, начнемъ проигрывать“... Однако, прошла недѣля, другая, а полоса и не думала приходить къ концу; напротивъ, игра улучшилась. Въ началѣ третьей недѣли, у насъ уже было до 20,000 франковъ и ставка была удвоена. Фіамесъ замѣтно повеселѣлъ.

— Да, сказалъ онъ, однажды, въ отвѣтъ на мое замѣчаніе:—это была дѣйствительно полоса, и очень скверная. Я не хотѣлъ васъ пугать сначала, покуда вашъ маленькій фондъ могъ вамъ казаться въ опасности. Ну а теперь, вы, надѣюсь, и сами поймете, какъ мало вы рисковали.

Я думалъ что онъ финтитъ; но оборотъ, который дѣла наши приняли черезъ нѣсколько дней, подтвердилъ страннымъ образомъ его слова. Игра вдругъ выправилась и мы двинулись быстро впередъ... Это похоже было на первые дни моей удачи, съ той только разницею, что я въ ту пору ставилъ по гильдену и часто терялъ руинами. Теперь меледы этой не было. Ставка шла ровню по три наполеондора и банкъ терялъ ежедневно по нѣсколькимъ тысячъ франковъ. На мою игру начали обращать вниманіе. Не то, чтобы она пугала ихъ, но они не могли понять, что это такое. Кассиры значительно переглядывались и пожимали плечами. Управляющій по цѣлымъ часамъ не отходилъ отъ стола, и часто, выигрывая на номеръ свертки золота, я чувствовалъ на себѣ его пристальный взглядъ. Но я и самъ былъ не меньше заинтересованъ. Что это? счастье или система.—или, какъ утверждалъ Фіамесъ, и то и другое вмѣстѣ?.. Но если такъ, и если счастье необходимо во всякомъ случаѣ, то въ какой мѣрѣ обязаны мы ему и въ какой мѣрѣ системѣ?

Занятый этого рода мыслями, я какъ то однажды зашелъ къ еврею. Старикъ былъ въ духѣ.—Ну что, сказалъ онъ:—какъ наши дѣла?

— Недурно, отвѣчалъ я.—Сегодня перевалило за 60,000.

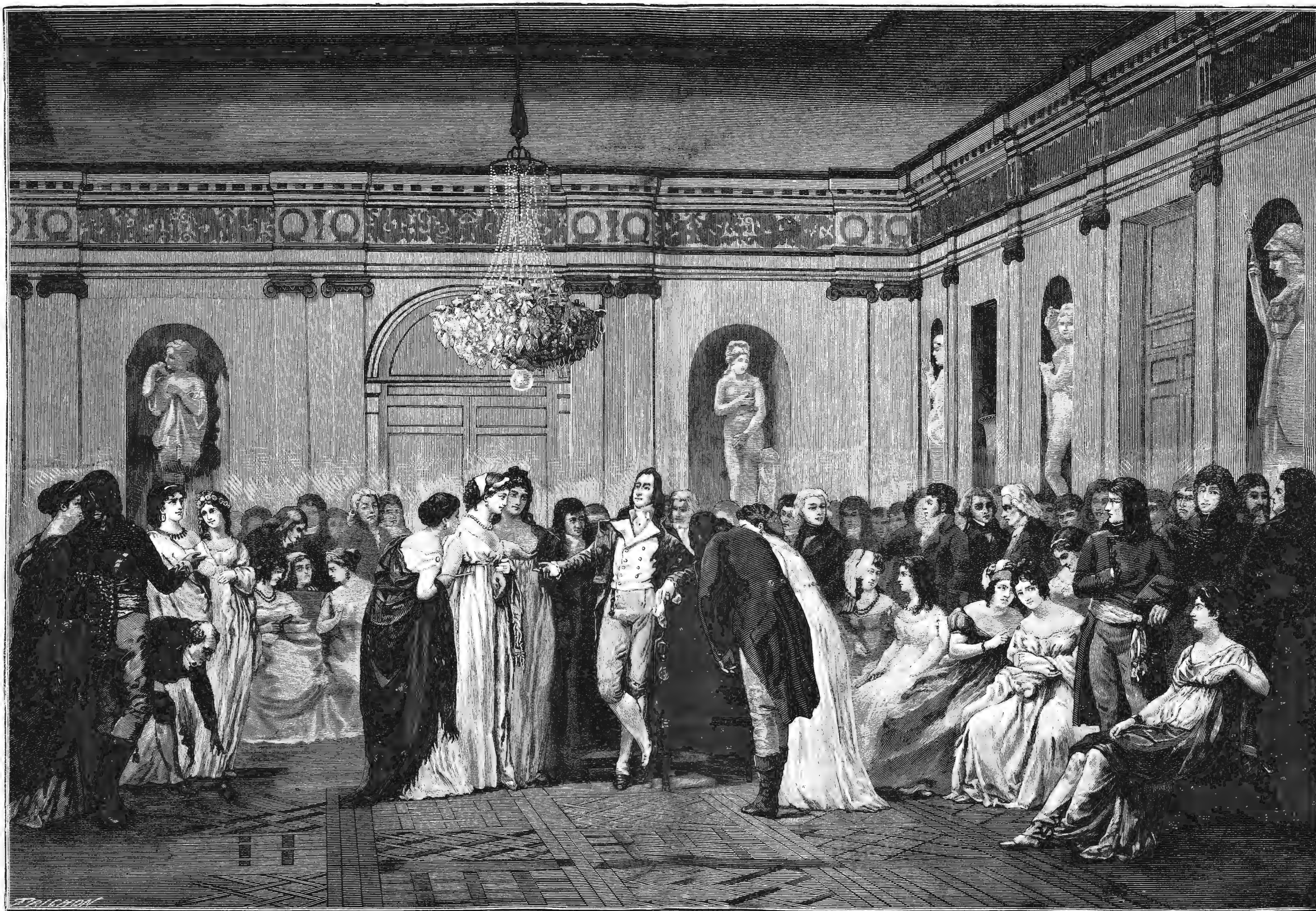
Онъ бѣгалъ по комнатѣ, весь взъерошенный и съ жадно сверкающими глазами, какъ звѣрь, почувшій кровь.

— Ah, ça ira! Ça ira! напѣвалъ онъ, и вдругъ обратился ко мнѣ.—Да, кстати; они третій день въ ряду мѣняють рулетку... Это грозитъ задержкой. Въ случаѣ если у нихъ появятся новые инструменты, мы потеряемъ не мало времени, не говоря ужъ о томъ, что остановка, въ подобномъ случаѣ, сама по себѣ намѣкъ. Надо это предупредить... Надо ихъ натравить на фальшивый слѣдъ.

— Какъ?

— А вотъ какъ. Отложите 5,000 франковъ счетомъ и проиграйте имъ эти деньги какимъ нибудь самымъ бессмысленнымъ образомъ.

Планъ этотъ мнѣ понравился и я далъ слово исполнить его немедленно. Смѣло явился я на другой день послѣ обѣда, въ курзалъ, вымѣнялъ пять билетовъ на золото и началъ на удачу... Ни страха, ни колебанія; я былъ въ одномъ изъ тѣхъ легкихъ, безопасно-счастливыхъ настроеній, которыя часто сопровождаютъ, а иногда и даютъ побѣду. Спустить 5,000 франковъ казалось мнѣ такъ же нетрудно, какъ сойти съ лѣстницы; но на повѣрку оно оказалось несовсѣмъ такъ. Послѣ двухъ, трехъ неудачныхъ опытовъ, я началъ смутно догадываться, что трудность достичь своей цѣли въ азартной игрѣ не зависить ни на волосъ отъ того, убыточна или прибыльна намъ эта цѣль. Это меня удивило и подстрекнуло. Вмѣсто того, чтобы просто ждать выигрыша, я сталъ искать его, удваивая игру тамъ, гдѣ по всѣмъ разсчетамъ слѣ-

Утренній приємъ у Барраса (1796г.). Съ картини Массе, грав. Тришовъ.

довало остановиться, и выбирая нарочно то, что казалось мнѣ самымъ невѣроятнымъ. Но словно на смѣхъ, именно это то, невѣроятное, и случалось. Тогда я совсемъ опьянѣлъ. Въ неистовомъ увлеченіи, чувствуя себя превращеннымъ въ какого-то Ваньку-Встаньку, которому самые дикіе salto-mortale сходятъ съ рукъ безъ наказанно, я двадцать разъ кидался въ такія пучины, изъ которыхъ казалось нѣтъ выхода; но каждый разъ незримая сила подхватывала меня могучей рукой и выносила наверхъ безбѣдно. Пронгрышь возвращался домой бѣгомъ; а выигрышь росъ, удваиваясь съ такой быстротой, что у меня захватывало дыханіе и голова кружилась.

— „Свыше четырехсотъ (золотыхъ) кейдетъ!“ слышала я уже нѣсколько разъ со стороны. Потомъ, еще разъ, тоже было повторено кассиромъ.

Передо мной очутились длинныя свертки золота грудами и кипа билетовъ... Это похоже было на сонъ, и какъ во снѣ, размѣры вещей ежеминутно мѣнялись... Вокругъ, давно собралась густая толпа, надъ головой давно засвѣтились огни, и въ тѣнотѣ, у стола, не смотри на широко открытое окно, изъ котораго доносились звуки оркестра и запахъ цвѣтовъ,—стало невыносимо жарко. Я былъ весь мокрый, какъ въ банѣ, и волосы у меня на вискахъ склеились; но никому изъ сотни свидѣтелей не приходило и въ мысль, что это смѣшно или гадко. На лицахъ, меня окружавшихъ, я замѣчалъ только два чувства: зависть и удивленіе... Я сталъ героемъ вечера; — за мною ухаживали какъ за волшебнымъ принцемъ. Ливрейный лакей вертѣлся около и, при малѣйшемъ знакѣ усталости, подвигалъ мнѣ кресла. Разъ какъ-то я попросилъ воды и послѣ того, весь вечеръ, за мною стоялъ буфетчикъ съ подносомъ. Банкиръ, замѣтивъ что меня обступили со всѣхъ сторонъ и что я задыхаюсь, велѣлъ сперва отворить еще окно, потомъ обратился къ зрителямъ, съ просьбою не мѣшать игрѣ... Въ толпѣ vis-à-vis были женщины съ раскраснѣвшимися щеками и съ хищнымъ взоромъ; нѣкоторыя изъ нихъ тянулись черезъ весь столъ, чтобы ставить слѣдомъ за мною; но у нихъ не хватало чего-то, пороку или отваги. Чортъ знаетъ чѣмъ-бы это окончилось, если-бъ не пробилъ урочный часъ. Въ кассѣ уже не хватило билетовъ, чтобы освободить меня отъ груды золота, которую я очевидно не могъ унести, и ихъ замѣнили сохранный роспиской.

Когда все это было продѣлано, я ушелъ съ толстою пачкой въ карманѣ. Толпа повалила за мною въ буфетъ, а изъ буфета на главный подъездъ, словно еще ожидая чего-то, хотя мудро уже было себѣ и представить чего. Щегольской экипажъ съ зажженными фонарями нанять былъ для меня незрими попечителями; но мнѣ надоѣли проводы; я роздалъ нѣсколько золотыхъ и ушелъ ишкомъ.

Ни мысли не было у меня въ головѣ: одно только жгучее нетерпѣніе поскорѣе узнать сколько я выигралъ. Съ этимъ чувствомъ, я приближалъ, какъ ошалѣлый, домой, заперся на ключъ, зажегъ двѣ свѣчи и опустил гардины. Скорѣе, дрожащей рукою, въ карманѣ. Тутъ-ли?.. Все тутъ, и въ пять минутъ, все было сосчитано, пересчитано... Я протиралъ глаза, хватался за голову, вскакивалъ изъ-за стола и возвращался къ столу... А на столѣ, передо мною, валялась пачка измятой бумаги, на 347,000 франковъ!..

VI.

До свѣта я глазъ не сомкнулъ. Не было никакой возможности лечь и лежать спокойно. Меня раскидывало и подмывало. Въ жилахъ огонь, въ груди ураганъ слѣпой и безцѣльной силы, которая рвалась куда-то, грозилъ увлечь за собою полмира и опрокинуть другую: въ пылающей головѣ хаосъ безсвязныхъ, бессмысленныхъ представлений;—и среди всей этой лихорадки, одинъ—незыб-

лемъ какъ островъ среди разъяренныхъ волнъ, зеленый столъ, съ его огнями, съ грудами золота, съ толпою хищныхъ фигуръ вокругъ... Короче, это былъ адъ!.. Не помню ужъ какъ я уснулъ; но помню, что я проснулся какъ пьяница послѣ попойки:—разбитый и отуманенный.

Первая мысль открывая глаза: не сонъ-ли это? Но все было тутъ, на столѣ. Я ущипнулъ себя, чтобы убедиться что я не сплю. и негодный кинулся снова считать... вѣрно; только вчера я просчиталъ старый выигрышь, который лежалъ у меня въ портфель, а портфель — въ дорожномъ карманѣ съ внутренней стороны жилета. Въстѣ со вчерашнимъ, оно составляло больше 400,000 франковъ. Я живо высчиталъ сколько это составитъ по курсу на наши деньги: вышло около 120,000 рублей... Но ахъ! я тѣ еще не мои! Половина принадлежитъ еврею!.. „Чортъ побори еврея съ его системой! Что мнѣ дала его система? Счастье, одно только счастье сдѣлало все; а счастье было мое!“..

И вотъ, я думалъ уже: нельзя-ли какъ нибудь убѣдить старика, что онъ не имѣетъ права на половину. Но едва я подумалъ объ этомъ, какъ постучали въ двери.

— Wer da?

— C'est moi, отвѣчалъ знакомый голосъ.

Вся кровь бросилась мнѣ въ лицо. Я торопливо накинулъ кое-какое платье и отворилъ. Фіамесъ влетѣлъ какъ бѣшеный въ комнату. Съ перваго взгляда ясно было, что вѣсть о моей побѣдѣ успѣла уже дойти до его шей.

— Вы ихъ разбили?

— Разбилъ?

— Узнали рулетку? Играли на фаворитовъ?

— Нѣтъ.

Онъ замолчалъ и шлѣпнулся какъ мѣшокъ на стулъ. Взоръ его инстинктивно остановился на кинѣ измятыхъ билетовъ, разбросанной по столу.

— Сколько? прошепталъ онъ.

Я сказалъ сколько и мы съ минуту, молча, смотрѣли другъ другу въ глаза. На лицѣ у него написано было отчаяніе, для меня хорошо понятное. Плодъ долголѣтнихъ его трудовъ, система,—гдѣ она? и какіе дала результаты? Болѣе трехъ недѣль мы плыли на ней, какъ улитка на черепахѣ, и если-бы не попутный вѣтеръ, не далеко-бы уплыли. Но вотъ налетѣло крылатое счастье и однимъ взмахомъ оставило далеко позади блѣдное чадо его ночныхъ измышлений, глубокомысленный, высиженный расчетъ!..

При этой мысли, мнѣ вдругъ стало жаль старика и стыдно за свою жадность.—„Съ чего я взялъ, что онъ не имѣетъ права на половину выигрыша? Развѣ мы не партнеры на счастье и несчастье? Развѣ 5,000, съ которыми я вчера игралъ, не общая наша добыча?.. Все это промелькнуло мгновенно въ моей головѣ и дѣло его было выиграно.

— Что-жъ вы не радуетесь, Фіамесъ? сказалъ я.— Или жалѣете что я не исполнилъ программы? Но это не отъ меня зависѣло... Пересчитайте пожалуйста и раздѣлите поровну; а я покуда окончу свой туалетъ.

Еврей вскочилъ весь красный, съ какимъ-то безумнымъ взоромъ, и жадно накинулся на мои банковые билеты. Онъ ихъ ощупывалъ, гладилъ и останавливаясь на самыхъ крупныхъ, вглядывался умильно, какъ нѣжный отецъ послѣ долгой разлуки—въ лица родныхъ дѣтей... Я отвернулся; противно было смотреть на эту сцену, которая впрочемъ не долго длилась. Получивъ деньги, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, но не сказалъ ни слова и тотчасъ ушелъ; да я и не дѣлалъ попытокъ его удержать, потому что мнѣ было не до него; я самъ былъ какъ пьяный. Что-то неугомонное какъ волна вертѣло и подмывало меня. Тысячи вздорныхъ желаній, фангазій, надеждъ, кружились безъ всякой связи, какъ мухи, въ моей головѣ, и ни одной путной мысли. Въ

комнатѣ стало тѣсно; я выбѣжалъ и прохлялся до вечера, въ городѣ, въ паркѣ, за паркомъ, въ горахъ, наконецъ и не помню ужъ гдѣ. Съ голодомъ и усталостью—воротилась забота. Вопросъ, что дѣлать теперь. Нѣсколько разъ уже набѣгавшій и брошенный, занялъ меня наконецъ серьезно; но я не могъ рѣшить его, не повидавшись съ Фіамесомъ; а Фіамесъ убѣждалъ отъ меня какъ помѣшанный, не сказавъ ни слова. Въ сумерки, послѣ обѣда, я заглянулъ къ нему, но не засталъ. Дома была одна только Сара, встревоженная. Отецъ, по ея словамъ, не обѣдалъ дома и она не видала его съ утра. Гдѣ онъ и что съ нимъ?.. Я успокоилъ ее какъ ужь, рассказавъ въ короткихъ словахъ о раннемъ его посѣщеніи и о томъ, что мы выиграли большія деньги; но признаюсь, самъ не былъ спокоенъ. Все — что онъ говорилъ о своихъ кредиторахъ, пришло мнѣ на умъ. Весьма вѣроятно, почти навѣрно онъ былъ у нихъ; но на это нужно немного времени. Куда-жъ онъ могъ дѣться потомъ, одинъ, въ его лѣта, и съ такою суммою на рукахъ?.. Мало по малу, одна догадка стала наклеиваться. Я не былъ въ курзалѣ весь день,—дай загляну.

Минуть черезъ двадцать послѣ того, я стоялъ у рулетки. Меня узнали и мѣсто очищено было мнѣ мгновенно, и не успѣвъ я занять его, какъ въ залу нахлынули любопытные. Но ихъ ожиданіе было обмануто: я постоялъ съ минуту и отошелъ... въ другую залу;—тамъ я обошелъ потихоньку столъ, стараясь не быть замѣченнымъ; но за мною бѣжали слѣдомъ, и я опять былъ узнавъ. Опять, мѣсто очищено было мнѣ съ такою навязчивою предупредительностью, что я даже не зналъ, прилично-ли будетъ занять его, если я не намѣренъ играть, и въ нерѣшимости, сдѣлалъ ужъ шагъ назадъ, какъ вдругъ, все это вылетѣло изъ головы и я остановился какъ вкопанный. Лицо одного изъ понтервовъ наспиротивъ приковало мое вниманіе... „Кто это?“ думалъ я, дивясь и всматриваясь... Черты хорошо знакомы; но все остальное ново и какъ-то несообразно. Недалеко отъ меня, стоялъ пожилой, серьезнаго вида джентльменъ, въ черномъ, суконномъ, тонкомъ, съ иголочки сюртукѣ, въ золотомъ ринсе-нез и съ толстою золотою цѣпочкой у пояса... Джентльменъ этотъ стоялъ у стола, гордо откинувъ голову и заложивъ большіе пальцы въ проемы жилета, въ разрѣзѣ котораго сіяло какъ свѣтъ, щегольское бѣлье. И этотъ джентльменъ былъ Фіамесъ; но какой-то совсѣмъ незнакомый мнѣ до сихъ поръ Фіамесъ: подстриженный, выглаженный, помолодѣвшій лѣтъ на десять и до того непохожій на полунищаго, обношеннаго жида, съ которымъ я имѣлъ дѣло, что я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Да и не я одинъ. Нѣсколько человѣкъ записныхъ игроковъ, столпившихся около, и весь персоналъ рулетки: кассеры, крупье, все это казалось до крайности озадачено его просвѣтленнымъ видомъ и горкою золота передъ нимъ на столѣ, и хладнокровнымъ, увѣреннымъ жестомъ, съ которымъ онъ ставилъ наполеондоры, ни мало повидимому не безпокоясь: убитая ставка или дана.

— „Когда онъ успѣлъ?“ думалъ я, подходя къ столу. Замѣтивъ меня, онъ покраснѣлъ, но не сказалъ ни слова, а только кивнулъ головой. Въ толпѣ между тѣмъ перешептывались и я два раза слышалъ, подъ самымъ ухомъ своимъ, удивленный вопросъ:— „Кто это?“.. Вопросъ относился къ еврею. Одинъ разъ отвѣта не было или я не дослышалъ его; но въ другой—сказано было шепотомъ нѣчто весьма любопытное.

— Это? Да развѣ вы не слышали?... Жидъ;—онъ прежде служилъ тутъ въ банкѣ; теперь въ наймахъ у какого то русскаго игрока, милліонера, который купилъ у него систему, да и его самого въ придачу... Это его крупье.

Говорившій конечно не зналъ меня, потому что стоялъ какъ разъ у меня за спиной. Но тѣмъ не менѣе это

мнѣ показалось странно. „Какимъ подземнымъ путемъ,“ думалъ я:—„образовалась эта легенда; и какъ успѣла она распространиться такъ быстро?...“ Нѣсколько темныхъ догадокъ, одна за одной, промелькнули въ моей головѣ.— „Конечно,“ думалъ я:—„связь наша была замѣчена или угадана и толки объ этомъ существовали раньше. Онъ долженъ былъ откупиться сегодня же и это, по всей вѣроятности, стало уже извѣстно. Затѣмъ, интересный вопросъ: откуда у него деньги, въ связи съ моимъ вчерашнимъ выигрышемъ, могъ послужить намѣкомъ на остальное... Но какъ и когда онъ успѣлъ преобразиться до такой степени, что мнѣ трудно было его узнать?... Дочь ничего не знаетъ еще и не видала его съ утра. Значитъ, онъ рыскалъ съ тѣхъ поръ и не имѣлъ ни минуты свободной; можетъ быть даже не пилъ и не ѣлъ... чудно!... Терялъ десять лѣтъ, а тутъ, у самой цѣли, не вытерпѣлъ, не въ состояніи былъ отложить до другаго дня!.. И какъ у него хватается духу рѣзаться тутъ, въ этомъ аду, вмѣсто того чтобъ бѣжать сію минуту къ дочери и подѣлиться своею радостью?...“

Раздумывая объ этомъ, я первый разъ въ жизни понималъ что значить *трокъ* и до какого волчьаго голода можетъ дойти въ человѣкѣ страсть, десять лѣтъ равная и глодавшая свою цѣль и наконецъ сорвавшаяся. Я понималъ, что, несмотря на свой сдержанный видъ, человѣкъ этотъ въ сущности бѣшеный, и что ничто на свѣтѣ, никакія соображенія, никакія привязанности, никакая другая страсть наконецъ—не могли удержать его ни минуты дольше, чѣмъ это было строго необходимо, чтобъ выступить на арену прилично-вооруженнымъ и безъ стигматовъ неволи, имъ сброшенной. Минуту спустя, онъ самъ мнѣ признался что это такъ и что это была мечта, которую онъ лелѣялъ лѣтъ 8-мъ, съ той самой поры, когда надежда блеснула ему въ первый разъ.

— Если бы я опоздалъ сегодня, говорилъ онъ:—я не уснулъ бы всю ночь и не могъ бы слова сказать спокойно, ни съ вами, ни съ Сарою. Деньги, которые я отъ васъ получилъ, унажи мнѣ въ руки какъ искра въ порохъ и я отъ васъ вылетѣлъ какъ ракета... Я ногъ подъ собою не чувствовалъ и опомнился только въ конторѣ, послѣ того какъ векселя уже были выкуплены. Какъ я попалъ туда, что сказалъ, что мнѣ отвѣчали,— все это промелькнуло какъ сонъ. Помню только, что они были очень удивлены и спрашивали откуда.

— Ну, значить, очень ужъ были удивлены, замѣтилъ я:—если своихъ не узнали. Билеты то вѣдь отъ нихъ.

— Это было въ 10-мъ часу и мы возвращались съ нимъ изъ курзала аллеями. Видя, что онъ задумался, я счелъ не лишнимъ предупредить его.

— Знаете какъ объясняютъ дѣло? сказалъ я.

— А какъ?

— Да говорить, что вы... И я ему передалъ то, что слышалъ.

Онъ вздрогнулъ и отскочилъ отъ меня какъ ужаленный.—Крупье! бормоталъ онъ злобно, мотая своею хохлатою головой и отплѣвываясь.—Тьфу! Тьфу! Проклятіе!... Я плюю на нихъ! Я ненавижу и презираю ихъ!

— Ну, полноте! успокоивалъ я.—Вы воюете сами не знаете противъ кого. Это смѣшно! Забудьте это. Скажите мнѣ лучше что вы сегодня—въ выигрышѣ?

Вопросъ мой замѣтнымъ образомъ озадачилъ его.—Нѣтъ, ничего,—пустое... Я проигралъ имъ бездѣлицу... Это необходимо сначала, знаете, чтобы не возбуждать подозрѣнія...

— Что жъ, наше товарищество идетъ? спросилъ онъ, когда проводивъ его до его квартиры, я пожелаю ему доброй ночи.

— Оставьте это покуда, мой милый москѣ Фіамесъ, отвѣчалъ я.—Мы оба сегодня слишкомъ возбуждены и я покрайней мѣрѣ не чувствую себя способнымъ ни на какое обдуманное рѣшеніе.

— Какъ вамъ угодно, произнесъ онъ, уколотый: я не спѣшу; и мы отложимъ это, если хотите, до завтра.

Прошло однакоже нѣсколько дней, прежде чѣмъ мнѣ удалось поговорить съ нимъ толкомъ. Онъ былъ въ чаду, пороть горячку и почти не жилъ дома; — отъ Сары ужъ я узналъ, что онъ нанялъ квартиру въ одной изъ лучшихъ аллей, по дорогѣ изъ парка за-городъ, и убираетъ ее. Но и у Сары головка была въ огнѣ. Въ ея года, на самомъ порогѣ жизни, вмѣсто унылой очереди дневныхъ заботъ, обременяющихъ нищету, передъ ней распахнулись двери въ какой то сказочный мѣръ, гдѣ все, о чемъ она до сихъ поръ мечтала, какъ о несбыточномъ счастьѣ, открылось ея восхищенному взору вдругъ и въ такой непосредственной близости, что, какъ она сама говорила:—духъ захватываетъ... Отецъ осыпалъ ее подарками. Первымъ—были прелестные золотые часы съ цѣпочкой, показывая которые, она заставила меня непремѣнно открыть сперва наружную, потомъ внутреннюю дощечку и прочитавъ на послѣдней надпись:—17 rubis, écharrement и прочее... Потомъ закрыла и приложила къ уху; потомъ убѣжала и воротилась въ шляпкѣ, *raille d'Italie*, съ букетомъ розъ и съ бѣлыми лентами... Въ квартирѣ у нихъ становилось людно:—разсылные, въ поныхахъ, съ пакетами разныхъ закусокъ, модистки, башмачники, бѣлошвейки—являлись и исчезали... Она была въ упоеніи.

— Помните какъ вы мнѣ подарили зонтикъ? болтала она.—Тогда мнѣ было немножко досадно на васъ,—то есть это уже потомъ, когда я успѣла сообразить, что мнѣ нельзя съ нимъ на улицу.—Онъ очень добръ,“ подумала я:—„Но подарокъ его похожъ на насмѣшку! Къ чему его зонтикъ? Я такъ одѣта, что мнѣ нужиѣ нара простыхъ, трех-гульденныхъ башмаковъ!...“ Но теперь я иначе думаю, и вашъ зонтикъ, въ моихъ глазахъ, получилъ вѣщій смыслъ. Онъ былъ первая ласточка, предвѣстница новой жизни, моей весны. И знаете, знаете мосье Поль, (Сара не могла выговорить моей фамиліи), какъ я посмотрю на васъ, мнѣ кажется иногда,—что вы чародѣй,—право!... Едва вы успѣли явиться, какъ все измѣнилось, и прежде всего—отецъ. Знаете, я заплакала когда онъ вошелъ третьяго дня, поздно вечеромъ, послѣ того какъ я ожидала его весь день и тревожилась. Впрочемъ, это было уже потомъ; а сначала я просто была испугана. Я думала, что я вижу его во снѣ, или что онъ не живой, что это видѣніе. Я вскрикнула:—„*Dieu du ciel!*“ и едва не выронила свѣчу. Но онъ обнялъ меня и успокоилъ.—„Поздравь меня, Сарочка,“ онъ сказалъ:—„мы, съ мосье Поль, выиграли много—премного денегъ и теперь все пойдетъ иначе, потому что теперь я опять человѣкъ свободный...“ Но онъ былъ почему то грустенъ и озабоченъ,—вспомнилъ должно быть про старое,—и я успокоилась,—и расслабалась.

Слушая эту дѣтскую болтовню, я думалъ объ участи, ожидающей Сару съ такимъ отцомъ И мнѣ было жаль бѣдняжку, хотя, признаюсь, къ состраданію начинали уже примѣшиваться другія чувства.

VII.

Игра, съ ея грубо-эгонистическими волненіями, пробудила во мнѣ дурныя страсти; но я уже болѣе не игралъ. Страхъ упустить изъ рукъ дорогую добычу, заговорившій громко послѣ моей побѣды, и сильное отвращеніе къ тѣмъ противникамъ, которыхъ я обыгралъ, поставили между мной и игорнымъ столомъ невидимую преграду. Иной разъ, мнѣ жутко было даже войти въ игорныя комнаты, такъ очевидно мнѣ представлялось, что на меня тамъ смотрятъ какъ на живой бумажникъ съ деньгами, прихотью случая выскользнувшій изъ рукъ и разгуливающий на волѣ, но въ силу извѣстнаго, вѣрно расчитаннаго психологическаго закона,

заранѣе осужденный вернуться куда надлежитъ и быть обобраннымъ до послѣдняго гульдена.—„Гнѣваться на меня,“ думалъ я:—„они конечно не удостоиваютъ, какъ сочли бы ребячествомъ гнѣваться на сороку, стащившую со стола дорогую вещь; но тѣмъ не менѣе, еслибъ они могли безнаказанно заманить меня въ какую нибудь западню и выпустить тамъ изъ меня всю кровь, то они вѣроятно сдѣлали бы это съ такой же спокойной совѣстью, съ какою поваръ, догнавъ на заднемъ дворѣ, вырвавшася изъ-подъ ножа дыпленка, рѣжетъ ему, съ добродушной усмѣшкой, голову прочь, приговаривая:—„Вотъ такъ то приятель! Теперь уже не уйдешь!“

Тѣмъ временемъ вѣсть о моей побѣдѣ успѣла уже облетѣть столицы и имя мое стояло въ газетахъ; а въ иллюстраціяхъ появился даже портретъ, похожій впрочемъ болѣе на какого то Монте-Кристо, чѣмъ на меня. Но, не взирая на все отвращеніе, которое мнѣ внушали извѣстность этого рода и та арена, гдѣ я ее заслужилъ, что то удерживало меня тутъ, въ В.** Духъ гибели, возсѣдающій тутъ публично, въ своемъ дворцѣ, среди музыки, цвѣтовъ и фонтановъ, имѣлъ въ себѣ что то чарующее, и я безочетно испытывалъ на себѣ его обаяніе. Мнѣ нравилось подходить къ самой пасти этой цинически-изукрашенной, огражденной своими законами и своею полиціей, международной пропасти и, спокойно остановившись на ея краинѣ, смотрѣть внизъ. То было жестокое удовольствіе. По цѣлымъ часамъ, я стоялъ у игорныхъ столовъ, слѣдя за усиліями иныхъ искателей счастья—свысока, какъ римскіе всадники и магнаты, во времена упадка, слѣдили изъ ложъ Коллизея за битвою гладиаторовъ. Ихъ было много, но ни одинъ, по глубинѣ и живости интереса, имъ возбуждаемаго, не могъ для меня сравниться съ Фіамесомъ. Чтобы понять это, надо имѣть въ виду, что послѣ моей побѣды, мы, по нужности оставаясь еще друзьями, въ тайнѣ души питали уже другъ къ другу недобрыя чувства. Я былъ озлобленъ догадкой, въ нныя минуты почти доходившею до увѣренности, что человѣкъ этотъ взялъ съ меня 200 тыс. за способъ игры, въ которомъ, даже и допуская что онъ не имѣлъ намѣренія меня надуть, онъ встаки не былъ увѣренъ;—а онъ не могъ мнѣ простить дурацкаго счастья, благодаря которому онъ поставленъ былъ въ положеніе человѣка, мною облагодѣтельствованнаго, и недовѣрія, просвѣчивающаго въ моемъ отказѣ отъ чести и выгоды оставаться его союзникомъ. Я объяснилъ ему въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ, что желаю прежде всего отдохнуть отъ волненій игры и посмотрѣть спокойно со стороны, какъ дѣло идетъ въ рукахъ настоящаго мастера,—прибавивъ, что это не долго продлится, ибо онъ, безъ сомнѣнія, скоро нагонитъ разницу, порожденную въ нашихъ доляхъ уплатой его долговъ и неудачею его первыхъ опытовъ.

Она увѣряла меня разумѣется, что это вовсе не неудачи, а просто фальшивыя, форсированныя атаки въ старомъ стилѣ его игры, расчитанныя, чтобы сбить съ толку противниковъ; но по налившимся кровью глазамъ и раздраженному тону его объясненій, видно было, что онъ и самъ догадывается, какъ мало вѣры я имъ даю.

— Я не изъ тѣхъ, что выигравъ сотни тысячъ, дрожать за грошевый проигрышъ, сказалъ онъ однажды, взбѣшенный моими настойчивыми разспросами.

Но я сдѣлалъ видъ, что не принимаю этого на свой счетъ.—„Постой!“ думалъ я.—„Когда нибудь я дождусь, что ты у меня запоешь другую пѣсню!“

И я слѣдилъ внимательно за его игрой, пополняя пробѣлы собственныхъ наблюденій — свѣдѣніями, которыми я получалъ отъ знакомыхъ, русскихъ, усердно проигрывавшихъ въ ту пору, въ В**, свои выкупныя свѣдѣтельства. Прямые извѣстія всѣ сходились на томъ, что ему не везетъ и что онъ, почти каждый день, уходитъ домой съ тяжелымъ проигрышемъ; а Сара мнѣ жалова-

Среди друзей. Сь картины Гидемана, грав. Краузе.

лась въ слезахъ, что отецъ возвращается изъ курзала разстроенный и не спитъ по ночамъ.

Это было уже на новой, изящно убранной ихъ квартиркѣ, и Сара, сама, изъ Сандрильоны успѣла преобразиться въ принцессу. Отецъ былъ въ курзалѣ и мы съ ней сидѣли вдвоемъ, у отвореннаго окна, въ которое она иногда тревожно выглядывала.

— О! ради Бога, не покидайте его, мой добрый, мой дорогой мосье Поль! умоляла она меня. — Зачѣмъ, скажите мнѣ правду, зачѣмъ вы не хотите больше играть съ нимъ въ долѣ? Покуда вы съ нимъ играли, все шло хорошо!

— То есть счастливо, Сара? Но счастье не постоянно, и если-бы я теперь началъ снова играть, то легко можетъ статься и я былъ-бы въ проигрышѣ.

— Какъ? А система отца? Это великое, имѣ сдѣланное открытіе?

— Какъ видите, не оправдывается на дѣлѣ. Кто-же мѣшалъ бы ему иначе выигрывать каждый день, безъ промаха, и возвращаться къ вамъ изъ курзала съ веселымъ лицомъ?

— Но вы, мосье Поль, вы сами выиграли по ней почти богатство.

— Нѣтъ, Сара, это неправда. И я рассказалъ ей какъ было дѣло.

Судя по ея смущенію, можно было подумать, что она слышитъ истину въ первый разъ и что ей совѣстно за отца. Но она не отвѣчала ни слова на мой рассказъ.

— Послушайте, Сара, я продолжалъ. — Долгъ честнаго человѣка и дружба къ вамъ заставляютъ меня предостеречь васъ. Открытіе, на которое такъ надѣется вашъ отецъ, ошибка. Когданибудь онъ конечно увидитъ это и самъ; но когда? и что если къ этому времени будетъ поздно? Если онъ ранѣе этого проиграетъ все?.. Сара, вы не ребенокъ, и вы должны имѣть вліяніе на отца. Уговорите его, чтобы онъ болѣе не игралъ.

— О! Невозможно!

— Попробуйте; напомните ему, что онъ не одинъ на свѣтѣ и что онъ сдѣлаетъ преступленіе, если онъ, еще разъ въ своей жизни, оставитъ васъ нищею.

Она заплакала. — Милый мой мосье Поль! Да неужели же вы думаете, что я не пробовала? Я каждый день умоляю его если не броситъ совсѣмъ игру, это былъ бы напрасный трудъ,—то, по крайней мѣрѣ, не торопитесь и не играть безъ васъ.

— Но я не намѣренъ больше играть.

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

Опять она замолчала, смотря на меня въ глубокомъ смущеніи, чтобы не сказать въ испугѣ.

Невольно во мнѣ шевельнулась догадка, что у нея есть чтонибудь на душѣ, чего она не смѣетъ сказать; и я ушелъ раздумывая: что бы это могло быть?..

Случай открылъ мнѣ глаза. Разъ какъ-то, узнавъ что на сценѣ идетъ *Фиделіо*, я зашелъ къ нимъ, чтобы звать ихъ съ собою въ театръ. На старика я мало рассчитывалъ, такъ какъ его, въ эту пору, обыкновенно не было дома; но какъ нарочно, на этотъ разъ, первое, что я услышалъ входя, былъ голосъ его. Никто не замѣтилъ какъ я вошелъ, благодаря служанкѣ, которая, встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, объяснила, что двери не закрыты. И я уже былъ въ прихожей. Еще минута и я прошелъ бы комнату, отдѣлявшую ихъ отъ меня; но то, что я услышалъ входя, такъ поразило меня, что я невольно остановился. Дѣло шло обо мнѣ, такъ какъ имя мое упоминалось внятно. Старикъ говорилъ раздраженнымъ голосомъ, упрекая Сару за что-то; но за что собственно, и въ какомъ отношеніи это касалось меня, я не сразу сообразилъ.

— Несчастіе! услышалъ я; и слово это повторено было раза три, очевидно съ глубокимъ вздохомъ.— Останемся нищими и переѣдемъ опять къ Фрау Резенихъ, на чердакъ... и будешь опять ходить въ разорванныхъ башмакахъ... скрести полы... А когда я умру...

— Папа! перебилъ умоляющій голосокъ.

— Пойдешь по мѣстамъ, служанкой...

— Папа!.. Но она понизила голосъ и я услышалъ только имя мое, произнесенное раза два.

— О! къ чорту съ этими щепетильностями! Дѣвчонка въ твоемъ положеніи должна отказаться отъ всякихъ надеждъ, если она не сумѣетъ къ себѣ привязать человѣка, который ей нравится... Я не могу учить тебя какъ это дѣлается... Я только тебѣ повторяю: онъ нуженъ мнѣ... У него деньги, которые могутъ спасти судьбу компаніи, когда у меня не хватитъ пороку; но деньги его ничто въ сравненіи съ его счастьемъ... Дай мнѣ его счастье на одинъ день... на часъ...

Конца я не могъ разслушать, да и не могъ оставаться дольше въ своемъ воровскомъ положеніи, такъ какъ горничная ежесекундно могла вернуться. Я хлопнулъ дверью и зашагалъ. Мгновенно, голосъ его умолкъ и оба выбѣжали на встрѣчу: Сара, вся красная какъ піонъ,—старикъ съ протянутыми руками и съ теплымъ привѣтомъ на языкѣ. Узнавъ зачѣмъ я пришелъ, онъ просилъ уволить его. Онъ усталъ и чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ.—Но Сара любитъ до страсти оперу. Сара охотно пойдетъ. Неправда ли, Сара?

Въ большомъ смущеніи, но не взирая на то обрадованная, она отвѣчала да.

Въ театрѣ она казалась растроганной и тайкомъ утирала глаза; но было ли это одно вліяніе музыки, или послѣдняя только разшевелила чтонибудь, что лежало уже и безъ этого на душѣ, не знаю. Помню, что я не разъ ловилъ на себѣ ея робкій и словно какъ бы вопросительный взоръ.

(До слѣд. №).

Пропавшія деньги.

Изъ старо-венгерской жизни.

Очеркъ Юная.

Высокородный господинъ Матвѣй фонъ-Вѣро имѣлъ привычку—разъ въ году „повеселиться отъ всей души“.

Увеселение это, обыкновенно, оканчивалось тѣмъ, что его, на слѣдующее утро, вносили въ спальню въ такомъ состояніи, въ которомъ человѣкъ, примирившись со всѣмъ свѣтомъ, не вѣдаетъ только самъ—что съ нимъ происходитъ.

Однажды, когда господинъ фонъ-Вѣро находился въ такомъ блаженномъ состояніи, ему удалось выронить изъ кармана нѣсколько тысячъ гульденовъ въ банкнотахъ; бумажникъ послѣдовалъ за деньгами, но—честный человѣкъ, нашедшій и то, и другое, не пришелъ, однако, заявить объ этомъ полиціи.

И опять пріѣхалъ господинъ фонъ-Вѣро въ Пештъ, и опять привезъ съ собою тысячи на двѣ банковыхъ билетовъ, а потому, къ вечеру засѣлъ въ какомъ-то пріятномъ обществѣ, чтобы повеселиться. Тамъ были и цыгане, и вино, и достаточное количество удалыхъ пріятелей, и еще много всего разнаго такого.

Около полуночи въ головѣ высокороднаго господина уже по-

рядочно кружилось отъ шумныхъ разговоровъ, но, все таки, тамъ еще было у него настолько ясно, что онъ вспомнилъ—какъ одинъ разъ, при подобныхъ-же обстоятельствахъ, изъ его кармана выпалили пару тысяченокъ, не сказавъ ему даже и простаго „спасибо“. А потому, рѣшившись на этотъ разъ быть поумнѣе, онъ снялъ одинъ изъ своихъ сапоговъ кордовской кожи, со шпорами, завернулъ тысячу билетовъ въ бумагу и всунулъ внизъ, между чулкомъ и подошвой, а потомъ снова натянулъ сапогъ. Въ бумажникѣ онъ оставилъ нѣсколько сотенныхъ банкнотовъ, десятигульденныхъ и по одному гульдену, и именно—для того, чтобы поддержать въ себѣ магнатскій видъ.

Выполнивъ этотъ хитрый маневръ, господинъ фонъ-Вѣро возвратился снова къ обществу и съ полною увѣренностью и увлеченіемъ предался удовольствіямъ пирушки, послѣ которой, поудно, на слѣдующее утро, кучеръ Янчи едва могъ растолкать его и объяснить, что лошади уже заложены и что пора ѣхать домой.

Господинъ фонъ-Вёро поднялся; одѣваться ему не было надобности, такъ какъ въ постель его уложили въ платье; не надо было ему и искать двери, потому что его велъ кучеръ Янчи, который удобно, затѣмъ, устроилъ его въ тарантасъ; тамъ, комфортабельно растянувшись на подушкахъ, господинъ фонъ-Вёро тотчасъ же заснулъ снова. Тарантасъ попрыгалъ въ некоторое время по уличной мостовой, но когда выѣхали за городъ, дѣло пошло гладко.

Остановились передъ таможеней и потому высокородный проснулся, правда, вполнину. Кто-то такое заглянулъ къ нему въ экипажъ, и что-то такое сказалъ, будто спрашивая о какой-то подорожной. Этому высокородный отвѣчалъ: „Да, завтра!“ а затѣмъ ихъ пропустили дальше; кучеръ не очень торопился по большой казенной дорогѣ и баринъ могъ сладко поспать вплоть до самаго города Гатвана.

Но тамъ приходилось выѣзжать, такъ какъ уже настала обыкновенная часть и надо было кормить лошадей.

Господинъ фонъ-Вёро вступилъ, пошатываясь, въ гостиницу, велѣлъ дать кучеру обѣдать, себѣ подать чернаго кофе и лошадамъ задать овса и сѣна и, когда все было готово, а затѣмъ сѣдено—позвалъ хозяина и приказалъ принести счетъ.

Но когда онъ изъ бокового кармана вынулъ бумажникъ, то въ немъ не оказалось ничего—яи, ни, какъ есть ничего! Помятно—всѣ оставленные имъ тамъ мелкіе билеты онъ разбросалъ и роздалъ цыганамъ и разнымъ, тамъ, другимъ, а ему теперь не оставалось ни одного крейцеришка.

Куда-же это, право, крупные-то билеты запропастились? Хмѣль сталъ, мало по малу, проходить.

Одно помнилъ онъ вѣрно—а именно, что наполовину уже накатившись, большіе билеты изъ бумажника вынулъ и куда-то спряталъ. По—куда? Этого—хоть сейчасъ его повѣсить—онъ не зналъ.

Можетъ быть онъ засунулъ ихъ въ выдвижной ящичекъ умы-

вального стола въ Пештѣ? Или, можетъ быть,—подъ подушку? а можетъ быть передать ихъ на пощечине кельнера? Онъ путался между всѣми этими предположеніями и въролтіями.

— Ну, Янчи! ѣдемъ назадъ въ Пештѣ! Я забылъ тамъ свои деньги. Лошадей хоть загони!

Во всю дорогу господинъ фонъ Вёро хотѣлъ надъ догадками о томъ—куда это онъ дѣвалъ деньги и гдѣ ихъ найдеть? Сколько невиннаго народа теперь онъ обидитъ, какъ обратится къ полиціи и какой выйдетъ изъ этого скандалъ!

Ровно въ послѣобѣденное время пріѣхали въ Пештѣ. Всѣ четыре коня были въ бѣлой пѣнѣ; снова ихъ остановили у таможи: потребовали проездныхъ пошлинъ.

Гатванскій трактирщикъ былъ настолько деликатенъ, что не потребовалъ съ господина фонъ Вёро уплаты за провизію, повѣрилъ ему, сдѣлалъ ему кредитъ; но Пештскій таможенный чиновникъ не дѣлаетъ кредита никому.

— А у меня, клянусь, вѣтъ ни одного шестикрейцернаго билетика. Нѣтъ ли у тебя, Янчи, чѣмъ заплатить пошлину? Не можешь одолжить мнѣ? Есть деньги при тебѣ?

— Какъ не одолжить? Конечно немного есть.

— Хорошо еще, что и у тебя ихъ не украли.

— Ну, со мной-то этого не бываетъ, потому я, когда иду пить, такъ настолько у меня ума хватить, чтобы бумажки спрятать, потому всегда ихъ прячу въ сапогъ!

— Ахъ! да и я, вѣдь, тоже свои-то бумажки туда же спряталъ!

И голова господина фонъ Вёро прояснилась совершенно.

— Ну, теперь, поворачивай, и скорѣе домой, Янчи, во, смотри ты у меня,—ни гу-гу никому объ этомъ казусѣ! не то—тебѣ бѣда! изобой!

....И никто объ этомъ и не узналъ, кромѣ меня. А тебѣ, уважаемый читатель, если позволишь—посоветую—прячь свои деньги какъ можно бережнѣе.

Доброе старое время.

Очеркъ.

Взгляды на прошедшее есть также вѣрный взглядъ на будущее. Разверните исторію эпохи, отъ которой отдалило насъ столѣтіе и вамъ ясно представится картина будущаго, какъ оно подготовляется и развивается. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, именно въ 1782 году, во Франціи появился королевскій указъ, въ которомъ значилось: „Король, опасаясь, что сильное развитіе фабричной промышленности повлечетъ за собой быстрое истребленіе лѣсовъ въ окрестностяхъ Парижа, повелѣлъ, чтобы на будущее время новыя фабрики устраивались ни въ какомъ случаѣ не ближе 15 миль отъ этого города.“ Въ нанданъ къ этому въ газетѣ „Ausburgischen Ordinarî Post“ отъ 13 октября 1784 года находится замѣтка, въ которой говорится: „Въ Вѣнѣ цехъ привилегіи получалъ приказаніе избрать себѣ другой способъ добыванія средствъ къ жизни, такъ какъ профессія ихъ способствуетъ настолько сильно уничтоженію меда, что его трудно достать даже для аптекъ“. Указъ этотъ былъ издавъ королемъ Иосифомъ II. Было время, когда полагали, что и торговлю слѣдуетъ держать въ узконачерченныхъ рамкахъ. До французской революціи свободный трудъ казался химерой; никто не могъ себѣ и представить, чтобы крестьянинъ работалъ не для своего владѣльца. Свобода до 1789 года, какъ товаръ, продавалась за деньги французскими королями; они также продавали безчисленное множество привилегій и дѣлали изъ этой торговли источникъ дохода. Корпорации мастеровыхъ должны были покупать себѣ право имѣть известное число учениковъ. Для паблюденія за цехами рабочихъ учреждено было множество должностей: контролеровъ, мѣральныхниковъ, дормотричниковъ, инспекторовъ, всевозможныхъ комиссаровъ и т. д.: должности эти распродавались королемъ всякому, кто желалъ купить; съ другой стороны цехи, обязанные имѣть всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ, должны были сами покупать ихъ у короля, который такимъ образомъ за одну и ту же должность получалъ два раза назначенную плату.

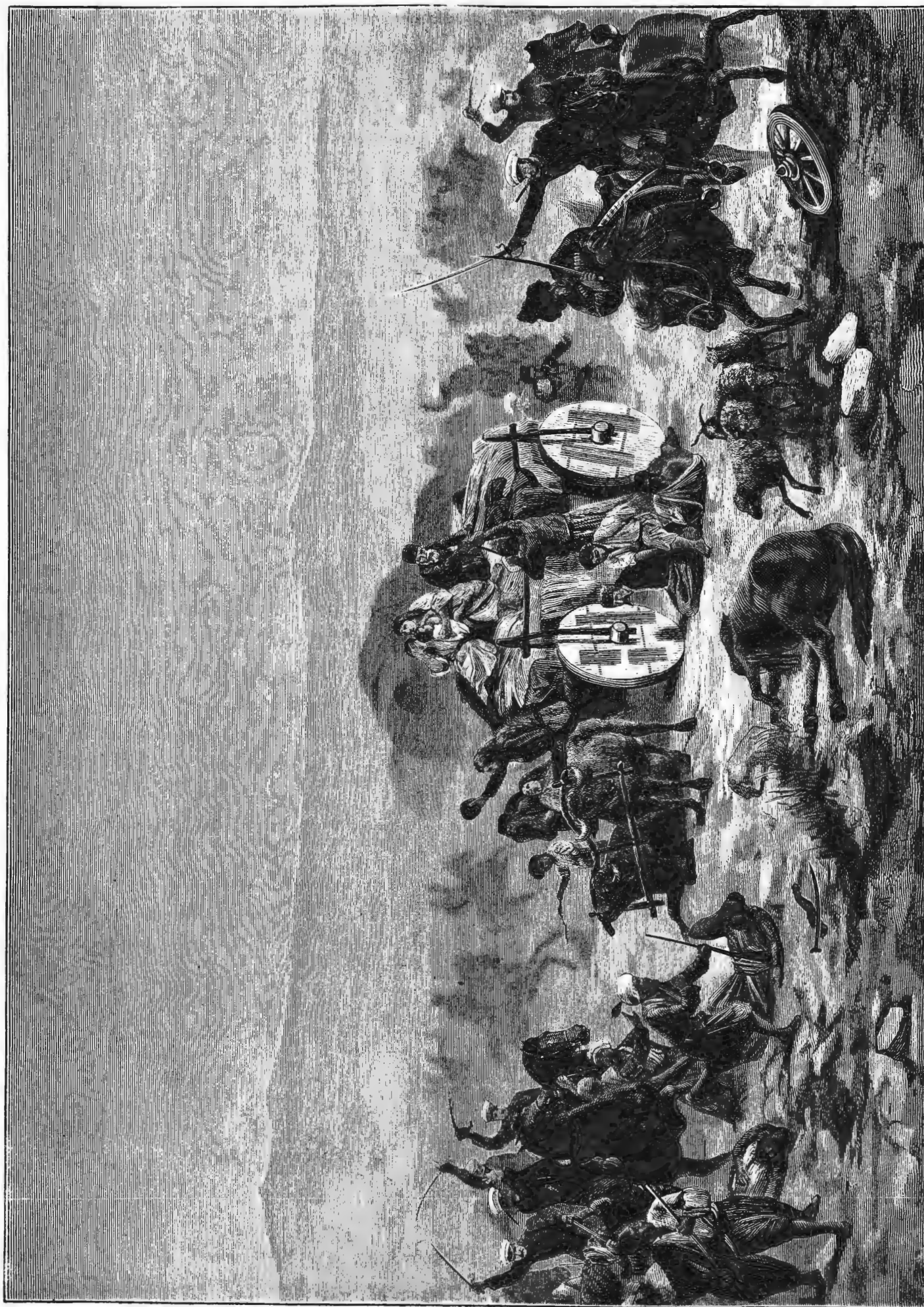
До 1789 года въ средѣ самихъ рабочихъ была настоящая іерархія. Въ мастерской на высокомъ сѣдалищѣ помѣщался хозяинъ и наблюдая за рабочими разыгрывалъ роль моленаго царя. Головы рабочихъ были выбриты и во время работы должны были быть обнажены; только старшій подмастерье могъ носить парикъ, но и это право нужно было выговорить при поступленіи въ мастерскую. Парикъ подмастерья ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ быть одинаковъ съ парикомъ хозяина, чтобы каждый могъ сразу отличить мастера отъ работника. Сами хозяева различныхъ цеховъ отличались другъ отъ друга по числу локоновъ на парикѣ. Сапожники и портные носили по одному локону, ювелиры и часовщики—два, аптекари—три и т. д. Кромѣ этихъ мелочей между ремесленниками было еще множество другихъ особенностей и отличительныхъ признаковъ. Каждый городъ, а часто даже и кварталъ, имѣли свои обычаи. Такъ во многихъ городахъ сапожники составляли одно особое религиозное общество; они носили черныя мантии съ бѣлыми отворотами, на подобіе одѣянія духовныхъ лицъ.

Ремесленникамъ приходилось вести борьбу съ феодализмомъ

и требовать отмены многихъ стѣснительныхъ правилъ и налоговъ. Такъ напр., владѣльцы стеклянныхъ заводовъ обязаны были, до революціи, поставлять хрустальные бокалы своему господину. Еще наканунѣ 1789 года во Франціи каждый ремесленникъ могъ заниматься своимъ мастерствомъ только въ томъ городѣ, гдѣ былъ онъ ученикомъ. Число мастеровъ-хозяевъ на каждое ремесло было ограничено; такимъ образомъ рабочіе должны были сидѣть безъ дѣла и ждать, пока хозяину придетъ желаніе нанять ихъ. Съ другой стороны и сами хозяева были сильно стѣснены и тяготились привилегіями и деспотическимъ устройствомъ цеховъ. Напримѣръ торговцы готовымъ платьемъ не позволяли старьевщикамъ продавать ношенное, но еще цѣльное платье. Сапожники не хотѣли допустить, чтобы чинильщики сапоговъ шили сами для себя обувь. Аргантъ, изобрѣтатель особаго устройства лампы, былъ притянутъ къ суду слесарями и оловянниками, такъ какъ исключительно только имъ однимъ принадлежало право дѣлать лампы. Всѣ эти правила, безъ сомнѣнія, служили помѣхой развитію и улучшенію различныхъ отраслей промышленности. Уже во времена Кольбера произведенія промышленности считались совершенными, и потому хотѣли, чтобы во всѣхъ частяхъ Франціи фабрикація производилась однимъ и тѣмъ-же способомъ и изъ однихъ и тѣхъ-же матеріаловъ, причемъ всякое отступленіе отъ предписанныхъ правилъ, хотя-бы даже съ цѣлью улучшенія предметовъ производства, строго преслѣдовалось закономъ. Инспектора ломали, сжигали ткацкіе станки и пагалали штрафы на всѣхъ, у кого замѣчали какія либо измѣненія въ фабрикаціи. Въ каждой мастерской находились чиновникъ отъ правительства, который наблюдалъ за букввальнымъ исполненіемъ правилъ. Всѣ товары, въ которыхъ находили малѣйшія отступленія отъ образца, напр. въ ширинѣ матеріи, числѣ нитокъ и т. п., конфисковались. Шляпочникъ, который сдѣлалъ шляпу не по одному изъ 4-хъ установленныхъ образцовъ; вязальщикъ-ли чулковъ, работавшій не въ томъ городѣ, въ которомъ имѣлъ право или если его чулки оказывались по качеству или по вѣсу не надлежащими; красильщикъ, преступившій одно изъ 64-хъ установленныхъ для нихъ правилъ или употребившій не дозволенную краску; фабрикантъ тканей, употребившій не самую дорогую испанскую шерсть или фабрикующій болѣе двухъ сортовъ матерій; словомъ каждый, кто хотѣлъ-бы сдѣлать свой товаръ болѣе доступнымъ для покупателейъ чрезъ удешевленіе фабрикаціи, строго преслѣдовался закономъ.

Подобныя стѣснительныя мѣры существовали не въ одной Франціи. Вотъ что гласитъ повелѣніе Иосифа II отъ 30 августа 1784 года, въ которомъ помѣщена инструкция для чиновника, налагающаго клейма на товары. „Если будетъ замѣчено, что фабрикантъ выдаетъ иностранный товаръ за произведеніе своей фабрики и если клеймилецъ доноситъ о томъ, то онъ получаетъ вознагражденіе сообразно стоимости конфискованнаго товара.“ И потомъ: „Вообще это вознагражденіе выдается каждому, кто укажетъ нарушеніе настоящаго повелѣнія“.

Каждая провинція, въ то время, была обнесена таможенны-

Русские драгуны 7 полка отбивают Болгарь у турокъ. Дѣло при Шабль, 17 Сент. 1877 г.
Съ картины А. Вилевальда (сына), грав. Рашевскій.

Въ степи. Отдыхъ киргизовъ послѣ охоты. Ориг. рис. Н. И. Карзина, грав. М. Ратерскій.

ми кордонами, для взиманія пошлины съ провозимыхъ товаровъ; такъ что торговцы принуждены были продавать свои товары только въ вѣдѣнномъ районѣ. Существованіе промышленности въ томъ видѣ, въ какомъ она находится теперь, немислимо было до революціи. Такъ напр., полированное листовое желѣзо, которое нужно было для подѣлокъ различными ремесленникамъ, не могло быть ими употребляемо, такъ какъ право на всѣ издѣлія изъ него имѣлъ только одинъ цехъ. Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать какое либо приимѣненіе листового желѣза въ своемъ ремеслѣ, нужно было въ тоже время принадлежать и къ корпораціи жестяниковъ, чего законъ не допускалъ. Въ такомъ положеніи находилась крупная промышленность; посмотримъ что же было съ мелкимъ производствомъ.

Каждый юноша долженъ былъ пробить цѣлыхъ 8 лѣтъ у учителя, чтобы научиться ремеслу, даже еслибы онъ могъ усвоить себѣ его въ болѣе короткое время. Вступленіе въ цехъ было сопряжено съ большими трудностями. Учитель сообразно существовавшимъ постановленіямъ имѣлъ право взять только одного ученика. Ученикъ въ продолженіи всего времени обученія дѣлался собственностью учителя, который имѣлъ право принуждать его къ работѣ палкой. Разъ если ученикъ былъ взятъ, то учитель уже обязанъ былъ держать его до конца; но ученикъ никогда не получалъ никакой платы. Другимъ претягиваніемъ служила высокая плата при опредѣленіи ученика, напримѣръ, чтобы сдѣлаться ученикомъ у золотыхъ дѣлъ мастера, надо было заплатить 1,800 ливровъ, у фабриканта 1,270 ливровъ. Не смотря на эти громадные расходы, ученикъ учился не многому, такъ какъ учитель обыкновенно скрывалъ отъ него секретъ ремесла. Если хозяинъ заболѣвалъ, то онъ могъ продать своего ученика кому либо изъ мастеровъ своего цеха на то время, которое онъ еще долженъ былъ оставаться въ обученіи. Если учитель умиралъ, то этимъ не прекращалось ученіе, ученикъ долженъ былъ просить, чтобы цехъ назначилъ ему новаго хозяина, къ которому онъ и переходилъ. Время бытности подмастерья, которое затѣмъ слѣдовало, отличалось отъ прежняго ребяческаго положенія только тѣмъ, что подмастерье получалъ жалованье; оно продолжалось вдвое, а иногда и втрое дольше ученическаго; и затѣмъ нужно было опять покупать титулъ мастера, что опять сопряжено было съ большими расходами. Въ цехѣ парижскихъ булочниковъ только титулъ „ancien“ стоилъ 1,200 ливровъ. Дѣвушка, которая дѣлала букеты, должна

была заплатить 200 ливровъ, чтобы называться „Maitresses Bouquetières“. Чтобы научиться ремеслу цвѣточницы, нужно было пробить четыре года ученицей и два года подмастерьей, прежде чѣмъ сдѣлаться хозяйкой. Платежи эти шли въ кассу цеха, который, не смотря на это, часто не только не были богаты, но обременены даже долгами. Управленіе цеха тратило почти весь доходъ на подарки присяжнымъ и веденіе дѣлъ въ судахъ, которыхъ, благодаря жалобамъ другихъ цеховъ, было всегда множество. Какъ было уже сказано, башмачники и занимавшіеся починкой обуви были въ постоянной между собою враждѣ. Такия-же отношенія существовали между книгопродавцами и антикваріями; между продавцами домашней птицы и торговцами жаркихъ, наконецъ между портными и старьевщиками. Процессы между послѣдними цехами длились съ 1530—1770 г. и привели къ громаднымъ судебнымъ издержкамъ. По этому поводу было сдѣлано парламентомъ болѣе 20 тысячъ распоряженій и отъ 4 до 5 тыс. извѣщеній, и все-же эти жалобы на мнимыя нарушенія правъ съ обѣихъ сторонъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Постоянная вражда существовала и между многими другими ремесленниками. Цирюльники, напримѣръ, могли только брить и перевязывать только такія раны, которая не были опасны для жизни. Если же къ нему приводили больного съ опасной раной, то онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права перевязывать рану, а долженъ былъ отсылать его къ „Chirurgien de Robe longue“, которые съ своей стороны не имѣли права брить. Вопросъ о томъ, насколько тяжела рана, приводилъ всегда къ спорамъ и оканчивался процессомъ. Профессія башмачниковъ обнимала пять различныхъ ремеселъ, изъ которыхъ одно не имѣло права на привилегію другой; при чемъ были только нѣкоторыя строго ограниченныя исключенія. Сѣдельщики имѣли право, когда у него не было своей спеціальной работы, шить сапоги, но сапожники не имѣли права ни въ какомъ случаѣ дѣлать сѣдла.

Не смотря на всѣ недостатки тогдашнихъ правилъ и порядковъ, за ними остается одно важное преимущество. Не было тогда этой всеподавляющей конкуренціи, которая стремится къ удешевленію товара, производя его изъ плохихъ матеріаловъ. Въ прежнее время покупатель былъ гарантированъ: онъ зналъ изъ какого матеріала приготовленъ каждый предметъ производства, и зналъ, что онъ приготовленъ хорошо, такъ какъ все дѣлалось по установленнымъ образцамъ и за всѣмъ этимъ строго слѣдили.

Производство бумаги въ Японіи.

На крайнемъ востокѣ нашего полушарія лежитъ страна, похожая на сплошную садъ, протянувшійся по четыремъ большимъ и многимъ маленькимъ островамъ, и населенная чрезвычайно способнымъ и дѣлательнымъ народомъ, сдѣлавшимъ, въ короткое время, замѣчательные успѣхи на пути европейской культуры. Но въ нашемъ очеркѣ мы, однако, намѣрены ознакомить читателей лишь съ одною отраслью производства этой страны и, притомъ, производствомъ чисто національнымъ, и именно—фабрикаціи японской бумаги. Въ странѣ „Восходящаго солнца“ бумага нашла себѣ, какъ увидимъ, гораздо болѣе широкое, гораздо болѣе разностороннее приимѣненіе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Однимъ изъ первыхъ именъ въ исторіи производства бумаги, является имя китайца Тэ-Лунъ. Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, этотъ замѣчательный человѣкъ сдѣлалъ рядъ опытовъ, приведшихъ его къ цѣли: составивъ смѣсь изъ обрывковъ и остатковъ шелка, волоконъ льна, ветошекъ, тесемокъ и т. п., онъ кипятилъ весь этотъ незначительный матеріалъ сначала въ простой водѣ (иногда кипятилъ всѣ эти „ингредиенты“ отдѣльно), а потомъ въ известковой, до тѣхъ поръ, пока не получалась масса, мягкая, какъ каша; массу эту Тэ-Лунъ мѣсилъ, прессовалъ и высушивалъ, а далѣе уже слѣдовала та же самая процедура, какъ и на нашихъ нынѣшнихъ бумажныхъ фабрикахъ. Для склеиванія бумаги служили разведенная мука сарацинскаго пшена, или рыбій клей, съ примѣсью квасцовъ; листы выравнивались особыми, приспособленными для того слаживающими досками. Изъ Китая фабрикація бумаги распространилась во всю Западную Азію, а въ 610 году нашей эры была введена въ Японію.

Нынѣшняя японская бумага, которую ставятъ выше китайской, идетъ въ торговлю въ формѣ свертковъ, но, по желанію, поставляется и прямыми листами. Сырымъ матеріаломъ для фабрикаціи этого продукта, главнымъ образомъ, служатъ: дерево и кора бумажной шелковницы (*Brussonetia-papyrifera*), гамби, кора *Passerina Gampri*, корень (*Tororo*) *Hibiscus Mandhot*, хлопчатая бумага, сокъ бузины. Склеивающія вещества японцы добываютъ также изъ растительнаго царства; такъ, изъ коры растенія (*Hydrangea paniculata*) они выдѣлываютъ посредствомъ кипяченія, клейстеръ Нори-во-Ки, а прокипяченные пшено и листья Сана-Кадзура доставляютъ имъ различные виды клея. При кипяченіи коры они употребляютъ золу растенія (*Artemisia vulgaris*), а насыщенную еще водою бумагу промазываютъ растительнымъ масломъ.

До сихъ поръ извѣстны у японцевъ три рода фабрикаціи бу-

маги: во-первыхъ, бумага изъ волоконъ и нитокъ, требующая продолжительной, кропотливой работы, но, за то—высокаго достоинства, при всей своей тонинѣ, она почти неразрываема; далѣе, во вторыхъ, бумага, переработанная изъ старой, бывшей уже въ употребленіи; эта фабрикація распространена наиболѣе, такъ какъ почти каждый невзначайный городъ обладаетъ заводами, посвященными этой отрасли, приготовляющей, преимущественно, бумагу для пакетовъ и т. п.; затѣмъ—третьей видъ—выдѣлка по европейской системѣ.

Влѣдствіе слишкомъ большой дороговизны японской бумаги, вывозъ ея весьма затруднителенъ. Конкуренція съ производствомъ цивилизованныхъ государствъ, вѣроятно, облегчится развитіемъ сообщенія по богатой водной системѣ Японіи. Въ настоящее же время только во Францію вывозится одинъ сортъ — бумага, служащая для печатанія литографій, граверовъ.

Въ Японіи нынѣ работаетъ, приблизительно, до 60-ти фабрикъ. Съ успѣхами культуры онѣ, понятно, сильно развились свою дѣлательность. Статистика указываетъ, что ежегодно печатается теперь, изъ бумаги отечественнаго производства, болѣе 34 милліоновъ экземпляровъ газетъ; книгопечатаніе, введенное въ странѣ въ 770 г. нашей эры, съ каждымъ годомъ также сильно развивается; въ 1878—79 гг. издано 5317 новыхъ книгъ; увеличивается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и усвоенное японцами еще въ 1812 году печатаніе географическихъ картъ. Въ торговлѣ японская бумага является въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ, такъ, каталоги, изданные императорскимъ японскимъ правительствомъ, насчитывали, на Вѣнской выставкѣ 1873 года и Парижской—1878 г., около 400 сортовъ. Поэтъ передаетъ шлодъ своего вдохновенія листкомъ и тушью, на такъ называемой цвѣточной бумагѣ (*Taw-ra-ku*), 10 различныхъ сортовъ которой преимущественно изготовляется въ городахъ Кіото (*Mi-акио*) и Токио (*Иеддо*). Бумага эта украшена, обыкновенно, изображеніемъ листьевъ, цвѣтовъ, или же частнымъ фамильнымъ гербомъ микадо (три листика растенія *Paulownia imperialis*, а прежде солнце), служащимъ, вмѣстѣ, и гербомъ государственнымъ.

Зайдемте, теперь, въ контору японскаго купца. На бюро его стоитъ бумажный ящикъ, содержащій въ себѣ бумагу для писемъ (*Posha*), карточки для корреспонденціи и конверты; бумага для писемъ, похожая форматомъ на нашу европейскую, покрыта въ ширину красными линейками; въ правомъ нижнемъ углу находится одно изъ украшеній, о которыхъ сказано уже выше. Японецъ рисуетъ свои буквы кистью, сирава нальво,

и сверху вниз, согласно японской сентенции, что: „письмо (т. е. письменные знаки) предостигает предъ человеческою мыслью и самъ человекъ стоитъ, держится прямо“... Написавшій складываетъ листъ вчетверо и влагаетъ его въ разлинованный свѣтло-коричневыми штрихами конвертъ, узкая, продолговатая форма котораго дѣлаетъ его похожимъ на бумажный мѣшочекъ; для запечатанія конвертъ снабженъ также узенькимъ, намазаннымъ клеємъ язычкомъ. Производство конвертовъ составляетъ, между прочимъ, специальность города Токио. Далѣе, въ которѣмъ видимъ, что этикетки на дѣловыхъ пакетахъ прикрѣплены бумажными шнурочками, которые, въ свою очередь, привязаны такими же шнурками къ кипамъ, предназначеннымъ для отправки; на стѣнахъ, на шкапахъ, затѣмъ, видимъ различныя украшенія, шкатулочки, коробочки изъ панъ-маше. Въ углу лежатъ: дорожный мѣшочекъ, шляпа, футляръ—все это, сдѣланное изъ бумаги; на стѣнѣ, между ландкартой и календаремъ, виситъ дощечка для замѣтокъ: она—изъ такъ-называемой Manen-shi, бумаги, на которой написанное можетъ быть смыто водой. Мы идемъ, по бумажнымъ коврамъ, далѣе, въ другія комнаты; тамъ встрѣчаетъ насъ хозяйка дома: она одѣта въ пестрое платье изъ бумаги, въ нѣжной, тонкой рукѣ ея красуется бумажный вѣеръ, а раздушенные волосы перевязаны (специально для того изготовляемыми) бумажными шнурочками. Солнечные лучи, проникающіе сюда сквозь насыщенную масломъ бумагу, замѣляющую въ окнахъ стекла, обдаютъ всю сцену мягкимъ, спокойнымъ свѣтомъ. Изъ самой середины потолка, украшенной рельефнымъ орнаментомъ, спускается изящная бумажная лампа; тамъ и сямъ встрѣчаемъ и другія украшенія: маленькія фигурки, цѣлыя сцены и группы изъ необыкновенно эластичной, тонкой бумаги. Кромѣ извѣстныхъ уже великолѣпныхъ бумажныхъ обоевъ, тутъ разставлены пестрыя стѣнныя и другія ширмы изъ бумаги, разложены бумажныя чайницы, бомбоньерки, картонныя пригласительныя билеты, карты (Kaguta) всевозможныхъ формъ и рисунковъ. Въ уборной прежде всего попадають на глаза множество разнообразныхъ бумажныхъ носовыхъ платковъ и разбросанныхъ въ живописномъ безпоряд-

кѣ верхняго и нижняго платья, дамскихъ и мужскихъ шляпъ, зонтиковъ отъ солнца и промазанныхъ масломъ зонтовъ отъ дождя, бумажныхъ ватерпруфовъ, шнурковъ, листы различнаго вида укупорочной бумаги, совершенно похожей на ткань, но превосходящей прочностью своею нашу бумагу. Японская бумага играетъ весьма важную роль еще при укупоркѣ подарковъ: отсылаемая вещь, прежде всего, завертывается въ твердую, приготовленную изъ хлопчатника, бумагу, затѣмъ, пакетъ этотъ обвязывается пятью бѣлыми и пятью красными (национальные цвѣта) шнурочками, соединенными между собою узенькимъ кусочкомъ серебряной бумаги, причѣмъ кончики шнурковъ на нижней сторонѣ завязываются простымъ узломъ, а на верхней—изъ нихъ составляется красивый, затѣшливый бантикъ; подъ шнурки просовывается маленькій бумажный сверточекъ, изъ котораго выглядываетъ, обыкновенно, тоненькая полоска, напоминающая соломенку; это—своего рода сумволь, состоящій изъ частицы одного съѣдобнаго слизняка. Онъ прилагается къ подарку въ знакъ воспоминанія о томъ, что японцы нѣкогда были рыбоводами. Иногда бумажный сверточекъ, о которомъ мы говорили только что, бываетъ изъ крапленой, тисненой золотомъ или серебромъ бумаги, изобрѣтенной въ 480 году нашей эры китайскимъ императоромъ Куо-ли и которая теперь въ большой модѣ у японцевъ, выдѣлывающихъ изъ нея, главнымъ образомъ, картонажи.

Городъ Ямагухи извѣстенъ въ Японіи производствомъ бумаги, служащей для печатанія; здѣсь же готовятся и другіе сорта: для официальныхъ депешъ, для зонтиковъ, укупорки, ишчала, для носовыхъ платковъ, для картинъ и т. п. Семь японскихъ фабрикъ выдѣлываютъ бумагу по европейской системѣ; кромѣ того, японцы производятъ 24 сорта бѣлой писчей бумаги, столько же сортовъ—для книгопечатанія и газетъ, такое же количество—для депешъ, 20—origami, употребляемой для платковъ и появляющейся въ торговлѣ въ различныхъ видахъ и подъ разными наименованіями, далѣе 25 сортовъ панъ-маше и картона, 17—пестрой, разноцвѣтной бумаги, обоевъ, ковровъ, игральныхъ картъ и проч., и проч.

Къ рисункамъ.

Утренній пріемъ у Барраса.

(Рис. па стр. 100 и 101).

Чтобы понять вполнѣ содержаніе картины Массе, нужно перенестись въ эпоху Директоріи — въ эту пеструю, ужасную эпоху, когда революціонныя идеи такъ странно смѣшивались съ отголосками прежнихъ традицій, часто уже встрѣчавшихъ тогда открытое сочувствіе общества и даже лицъ, стоявшихъ во главѣ тогдашняго управленія. Между послѣдними особенно интересную роль игралъ въ этомъ отношеніи Баррасъ, одинъ изъ главныхъ представителей Директоріи, въ салонѣ котораго собирались весь модный кругъ того времени, всѣ знаменитости какъ старой, такъ и новой эпохи и цѣлый цвѣтникъ прелестныхъ женщинъ, оборотительныхъ въ своихъ строго-классическихъ костюмахъ. Въ этомъ разнообразномъ обществѣ Баррасъ былъ неузнаваемъ, это былъ уже не тотъ прежній, непримиримый революціонеръ, шедшій противъ своего несчастнаго короля и благодѣтель и участвовавшій во всѣхъ страшныхъ сценахъ взятія Бастиліи и Тюльери. Посмотрите какъ надменно и высокомерно держитъ себя этотъ демократъ! Это уже совершенно новое лицо: славный, благосклонный къ аристократіи, роскошный, страстный поклонникъ красоты и всякаго рода удовольствій, онъ уже совершенно не походилъ на суроваго республиканца, а болѣе напоминалъ собою изнѣженные, беззаботныя типы вельможъ минувшей монархіи. Таковы всегда эти люди, когда доберутся до власти! Вообще Баррасъ и по идеямъ, и по пріему, и по вкусу очень былъ склоненъ разгрызывать аристократа, хотя и не забывалъ при случаѣ выставлять на показъ свои революціонныя и демократическія замашки. Теперь, заглавъ мѣсто во главѣ Директоріи, онъ жилъ постоянно окруженный дворянами и эмигрантами, не переставая впрочемъ официально преслѣдовать какъ тѣхъ, такъ и другихъ и поддерживалъ своими громадными средствами, пажитыми имъ уже во время революціи, давно минувшій блескъ и давно невѣданную роскошь. Прелестныя, остроумныя женщины, изъ которыхъ особенно выдавались Рекамье, Тальенъ и Жозефина Богарне, составляли главное украшеніе салона Барраса, и ихъ остроумная, свѣтская бесѣда мало согласовалась съ требованіями только что миновавшаго царства террора. Впрочемъ само тогдашнее правительствомъ изъ всѣхъ силъ старалось изгладить слѣды революціонной эпохи, то приказывала уничтожать на стѣнахъ Парижа остатки народныхъ воззваній и угрозъ противъ аристократіи, то устраивала въ честь турецкаго посланника оваціи и праздники въ старо-монархическомъ вкусѣ. Духомъ этого новаго направленія постоянно являлся Баррасъ. ловко подкупая въ свою пользу людей самаго различнаго образа мыслей и искусно маскируя свои собственныя политическія убѣжденія, которыя впрочемъ и до сихъ поръ остались загадкой для историка. Всего вѣрнѣе, что Баррасъ, какъ и многіе другіе поборники революціи, имѣлъ всегда

прежде всего личныя цѣли и умѣлъ примѣнить ихъ къ даннѣмъ событіямъ и обстоятельствамъ. Въ этомъ предположеніи убѣждаетъ вся его политическая карьера. Баррасъ родился въ 1755 году на югѣ Франціи и происходилъ изъ старинной фамилии. Посвятивъ годы молодости военной службѣ, онъ вскорѣ вышелъ въ отставку и очутился въ Парижѣ при самомъ разгарѣ революціи. Здѣсь онъ принялъ самое горячее участіе въ шумныхъ собраніяхъ различныхъ революціонныхъ клубовъ, ходилъ съ народомъ на Бастилію и Тюльери; производилъ рѣчи противъ монархизма и т. п. Среди народнаго собранія онъ представлялъ собою истый типъ трибуна. Высокаго роста, съ мужественнымъ лицомъ, онъ обладалъ голосомъ громкимъ, энергичнымъ; его рѣчи были кратки и отрывисты, и въ этомъ отношеніи республиканцы находили въ немъ большое сходство съ Кромвелемъ. Вообще Баррасъ игралъ видную роль въ революціи; онъ участвовалъ въ арестованіи Робеспьера и его сообщниковъ; усмиралъ народныя возстанія противъ Конвента, бралъ Тюдонъ и пользовался вообще вліяніемъ и полнымъ довѣріемъ революціоннаго правительства. Вообще это былъ ловкій и оборотливый человекъ; онъ безъ особаго труда сдѣлалъ главою директоріи, которой и управлялъ вполнѣ самовластно съ 1795 по 1799 годъ. Въ октябрѣ послѣдняго года Баррасъ волею неволей долженъ былъ уступить свою власть новому сильному сопернику—Наполеону Бонапарте, который, захвативъ бразды правленія, не поцеремонился съ своимъ близкимъ пріятелемъ. Сначала онъ заставилъ его выѣхать въ его наслѣдственный замокъ Гросбоа, а потомъ окончательно покинуть Францію. Во все время царствованія Наполеона Баррасъ скитался по Европѣ; жилъ то въ Брюсселѣ, то въ Римѣ и лишь по воцареніи Людовика XVIII могъ снова пріѣхать въ Парижъ, прокладывая навнаго тирана и прославляя возстановленіе законной монархіи, объ сверженіи которой онъ когда-то такъ дѣятельно заботился. Послѣдніе годы Баррасъ провелъ въ полномъ уединеніи и умеръ въ 1819 году вполнѣ забытый и давно пережившій и свою извѣстность, и свое политическое значеніе.

Среди друзей.

(Рис. па стр. 105).

Неправда ли, какая граціозная картинка? Эта прелестная дѣвушка, окруженная милыми, воркующими голубями, привыкшими къ ней такъ, что не боятся ея нисколько, садятся ей на плечи, на руки, зная, что всегда найдется у нея для нихъ, друзей ея, и зерна, и ласковое слово. Вліяніемъ и свистомъ крыльевъ ихъ наполняется кругомъ воздухъ, воркованіе ихъ радуетъ ея юное сердце, и она сама такъ привыкла къ своимъ крошечнымъ друзьямъ, что утро, въ которое она бы къ нимъ не вышла, казалось бы ей какъ бы пустымъ, потеряннмъ, ей не доставало бы чего-то и какъ бы ни была она занята, но она

ужь урветь минутку показаться своимъ добрымъ друзьямъ, такой веселой стаей тотчасъ окружающимъ ее.

Отбитіе обоза при Шабль.

(Рис. на стр. 108).

Сынъ нашего извѣстнаго баталиста, молодой художникъ А. Вилевальдъ, на конкурсѣ настоящаго года выставилъ картину, которою обратилъ вниманіе на свой талантъ и получилъ 1 серебряную медаль. Въ картинѣ много оживленности и движенія. Налетѣвшіе на турецкій обозъ наши драгуны съ стремительностью кидаются на многочисленное турецкое прикрытіе обоза. Это извѣстное молодецкое дѣло при Шабль, 1877 года 17 сентября, на Софійскомъ шоссе, когда отрядъ 7-го драгунскаго полка, настигнувъ большой турецкій обозъ съ сильнымъ прикрытіемъ, болѣе чѣмъ въ 200 повозокъ, съ плѣнными болгарами, отбилъ плѣнныхъ у турокъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе турецкаго отряда. Пейзажъ, фигуры, всѣ мельчайшія подробности выписаны съ тою тщательностью и искусствомъ, къ которымъ насъ приучила кисть отца молодаго художника и который перешли къ его сыну.

У моря.

Я видѣлъ море, я измѣрилъ
Очами жадными его...

Море всегда производитъ на душу человека такое торжественное, такое неизгладимое впечатлѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что постоянно живущіе на берегахъ его люди, видящіе его и грознымъ, хмурымъ, кидającymъ горами плѣнащихся волнь и спокойнымъ, тихимъ, но грознымъ и въ самомъ спокойствіи, привыкаютъ къ нему, любятъ его; въ его шумъ и волненіи, въ его тишинѣ находя отвѣтъ волнующимъ ихъ чувствамъ. Кто въ первый разъ видитъ море, того оно глубоко поражаетъ...

О море, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И вѣчно, вѣчно помнить буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ дѣся, въ пустыни молчаливы
Перенесу тобою полнь
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и шумъ, и говоръ волнь.

И взволнованной душѣ прелестной дѣвушки, изображенной на нашемъ рисункѣ, задумчиво глядящей въ даль, въ безпредѣльную синеву спокойнаго моря, оно даетъ отвѣтъ ея сердцу. Идетъ ли она кого, въ волненіи напряженно смотритъ, — не покажется ли вдаль, не мелькнетъ ли на солнцѣ бѣлый парусъ? Не покажется ли тотъ, кого она давно и тѣтно ждетъ? И вотъ она глубоко задумалась, глядя въ безпредѣльную синеву моря...

Отдыхъ киргизовъ послѣ охоты.

(Рис. на стр. 109).

Всѣ кочевники страстные охотники. Все свое свободное время проводятъ они на охотѣ. Чуть потеплѣло, подалась почва, проглянуло солнце въ тучахъ, кончилась зима — и нво всѣхъ кочевьевъ гурьбою и въ одиночку выѣзжаютъ всадники и рыскаютъ по степи, заглядывая по оврагамъ. Лѣтомъ любимая охота киргизовъ съ соколами, орлами и беркутами. Эта охота ихъ лучшее наслажденіе, лучшая забава, ради которой они готовы пожертвовать всѣмъ остальнымъ.

Оживляется степь лѣтомъ. Звонкія трели жаворонковъ, пискъ перепелиныхъ выводковъ, воркотня куропатокъ, перелеты лебединныхъ стай, выкрикиваніе чакъ по заводямъ и ручьямъ, — все птичье царство живетъ самою полною жизнью. Тутъ-то и выѣзжаютъ охотники. Высоко взмахнетъ, врѣзываясь въ стаю, сильный, прирученный беркутъ, начинается битва, перья летятъ въ воздухъ и жестоко раненая беркутомъ или соколомъ птица тяжело падаетъ къ ногамъ страстно слѣдившаго за ходомъ боя счастливаго охотника. Все больше и больше бьютъ птицу, все жарче и жарче разгорается страсть охотниковъ и къ вечеру, усталые, дѣлаютъ они привалъ.

На эффектномъ рисункѣ Н. Н. Каразина видны два представшіе всадника. Уже разведенъ костеръ, варится каша, уже усталый беркутъ вернулся и сѣлъ на руку хозяина, а вдаль показались еще товарищи, издали съ торжествомъ выставляя еще богатую добычу. Соколиная охота, теперь совсѣмъ оставленная, была когда-то одною изъ любимыхъ забавъ нашихъ предковъ, и между прочимъ царей Ивана Васильевича Грознаго и Алексѣя Михайловича, имѣвшихъ великолѣпныя охоты.

Теперь же эта забава совсѣмъ вывелась и сохранилась только у степныхъ кочевниковъ...

Новый кафедральный соборъ въ Дьяковарѣ.

(Рис. на стр. 113).

Перваго октября прошлаго года происходило торжественное освященіе новаго собора въ Дьяковарѣ (въ Славоніи) извѣстнымъ кرواتскимъ епископомъ Штросмайеромъ, по почину котораго онъ собственно и построенъ, въ присутствіи разныхъ обществъ и массы народа, прибывшаго со всѣхъ сторонъ Кροаціи и Славоніи. Ровно 16 лѣтъ тому назадъ епископъ Штросмайеръ началъ постройку собора, задуманнаго его предшественниками. Новый соборъ въ Дьяковарѣ — это художественное произведеніе, выдающийся памятникъ Кرواتскаго народа, который въ позднѣйшія времена будетъ свидѣтельствовать о культурныхъ успѣхахъ этого южно-славянскаго племени.

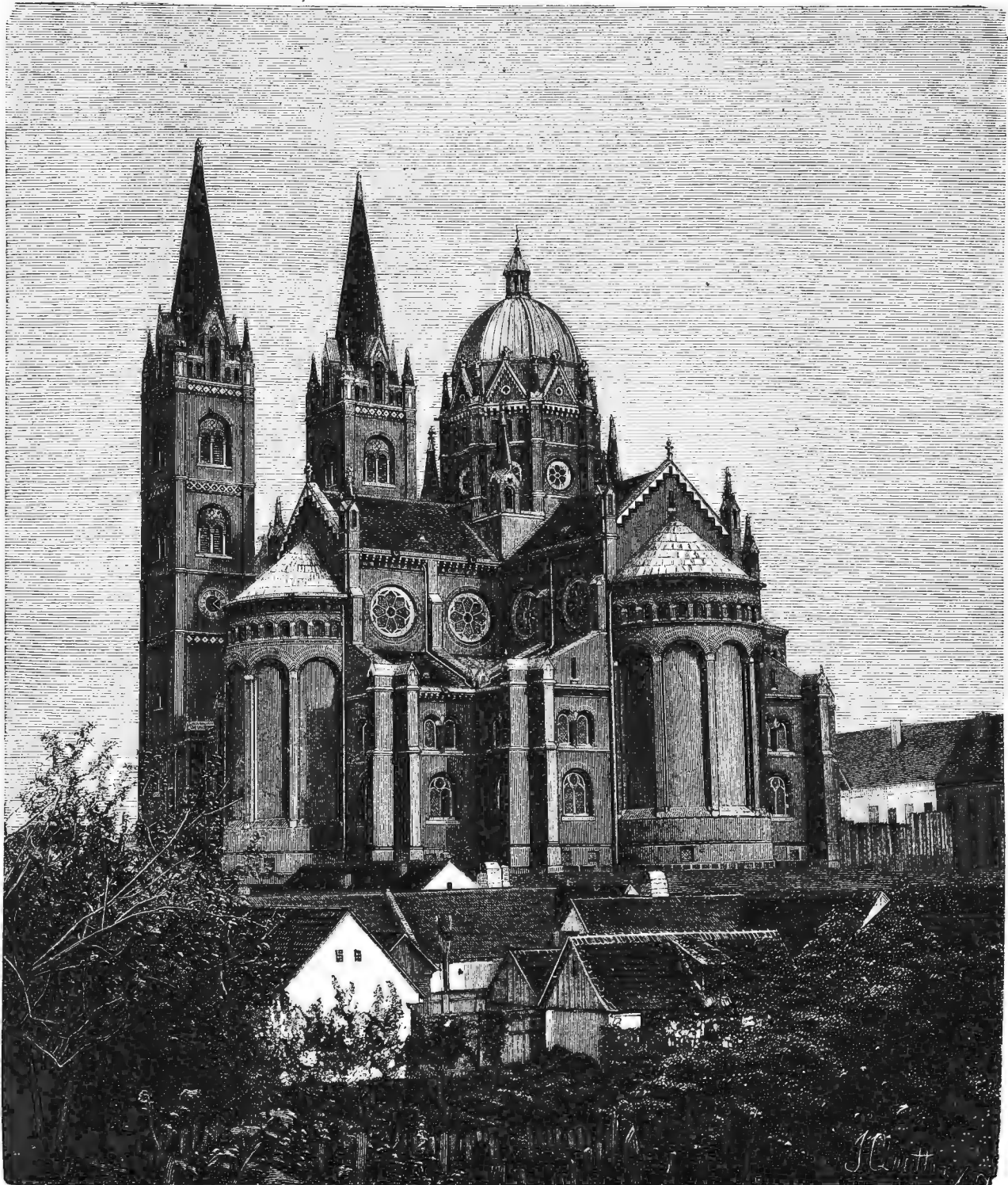
Соотвѣтственно культурно-историческому значенію дьяковарскаго собора было отпраздновано его освященіе. Съ этой цѣлью въ небольшомъ мѣстечкѣ Славоніи собралось много замѣча-

У моря. Съ картины Зихеля, грав. Бренд'Амуръ.

тельных общественных деятелей и духовных особъ. Рядомъ съ представителями аграрской академии наукъ и художествъ, Кرواتскаго университета, кرواتской „матки“ (литературное общество) и многими другими, въ Дьяковарь прибыли: предводитель чеховъ д-ръ Владиславъ Ригеръ, князь Савъга съ сыномъ, Венгерскій епископъ Посиловицъ, протоіерей д-ръ Маршалъ изъ Вѣны, протоіерей Стульцъ изъ Праги, представители славянскаго народа боснійскіе беги и проч. Всѣ они принесли

стрѣльчатыми сводами. Главный фасадъ, состоитъ изъ двухъ, въ строго романскомъ стилѣ, колоколенъ, вышиною въ 42 сажени. съ часами и стрѣльчатыми окнами. Три главныя портала на аттическихъ колоннахъ съ кубическими капителями. Въ верхнемъ полѣ главнаго портала находится рельефное изображеніе Спасителя; изображенія Св. Петра, покровителя собора и славянскихъ апостоловъ Кирилла и Мефодія, занимаютъ треугольныя поля боковыхъ порталовъ. Сверху квадратуры, именно въ

Соборъ въ Дьяковарѣ (въ Славоніи). Съ фотогр. грав. Кеттингъ.

свои поздравленія Кرواتскому епископу, праздновавшему въ этотъ день 32-ую годовщину своего посвященія. Штротмайеръ сказалъ превосходную рѣчь. Новый соборъ вмѣщаетъ 7000 человекъ.

Новый Дьяковарскій соборъ выстроенъ въ романскомъ стилѣ, такъ какъ онъ, соединяя въ себѣ византійскій и готическій стили, лучше всего опредѣляетъ положеніе Кرواتскаго народа. Сообразно упомянутому стилю церковь имѣетъ форму латинскаго креста, продолжный стволъ котораго образуетъ главный корпусъ и перекладина—поперечный корпусъ; одинъ конецъ перваго и оба послѣднато возвышаются апсидами, украшенными высокими

томъ мѣстѣ, гдѣ продолжный корпусъ скрепляется съ поперечнымъ, въ формѣ восьмиугольника возвышается куполъ собора, украшенный золотымъ крестомъ, укрѣпленнымъ на золотомъ шарѣ. Боковыя стѣны собора украшены многими малыми и большими полустрѣльчатыми и круглыми окнами, а три придела продолжнаго и поперечнаго корпусовъ имѣютъ каждый по пяти сводовъ, поддерживаемыхъ пилястрами, и по верху сводовъ идетъ крытая галерея вдоль цѣлаго полукруга. Внутри зданіе поддерживается коринфскими колоннами и полушилястрами, капители которыхъ украшены травчатой рѣзбой. Подземная

пещера—склепъ, имѣеть четыре алтаря и поддерживается соответственнымъ верхнему собору числомъ колоннъ.

Планъ этого великолѣпнаго во всѣхъ отношеніяхъ собора сдѣланъ Карломъ Ренеромъ, профессоромъ академіи художествъ въ Вѣнѣ и строителемъ Пражской церкви Св. Кирилла и Методія. Расходы по постройкѣ составляютъ два милліона гуль-

деновъ. Внутренней отдѣлкой храма занимались мюнхенскіе художники Сейтцы, отецъ и сынъ, и вся живопись исполнена ими превосходно. Какъ траверсы, такъ и боковыя стѣны храма покрыты фресками, представляющими сцены изъ Ветхаго Заветъа и Житія Святыхъ. Скульптура и орнаментовка храма также превосходны.

Гольфстремъ.

Всѣдствие необыкновеннаго тепла прошлаго года на сѣверѣ Европы, весна и лѣто котораго превзошли нормальную температуру всѣхъ наблюдаемыхъ лѣтъ въ Петербургѣ, появились, по этому предмету, нѣкоторые предположенія. Сравненіе весны нынѣшняго года, съ разными отдаленными годами, свидѣнія о лѣтнихъ жарахъ, которыя оказались нѣсколькими градусами выше известной средней температуры Петербурга, наблюдаемой въ теченіи почти двухъ столѣтій.

Это необыкновенное тепло, бывавшее въ нашихъ странахъ, начали объяснять разными причинами, между которыми было одно объясненіе, заслуживающее вниманія а именно: причина тепла нынѣшняго года заключается въ томъ, что будто бы русло Гольфстрема перемѣнилось и передвинулось ближе къ порвежскимъ берегамъ!

Мы не только сомнѣваемся въ этомъ фактѣ, но положитель-но отрицаемъ, какъ простую выдумку; перемѣна русла Гольфстрема! Это не перемѣна русла, напримѣръ, Волги, или даже Миссисипи! Гольфстремъ—артерія земнаго шара.

Гольфстремомъ называется океанская рѣка, источникъ которой находится въ Мексиканскомъ заливѣ, а устье въ полярныхъ моряхъ; течетъ она поперекъ океана струею, равную по объему тремъ тысячамъ такихъ рѣкъ, какъ Миссисипи. Книги первые открыли китоловамъ существованіе Гольфстрема, постоянно избѣгая его теплыхъ водъ.

Гольфстремъ—одно изъ величайшихъ чудесъ океана.

На свѣтѣ нѣтъ другаго воднаго потока, который бы могъ съ нимъ сравниться въ громадности и въ быстротѣ теченія.

Эта океанская рѣка отличается отъ всѣхъ рѣкъ материка не только своею величиною, но и тѣмъ, что у нея дно и окруженіе—холодная вода, между тѣмъ какъ ея собственныя струи совершенно теплыя.

Высшая степенъ тепла въ Гольфстремѣ равняется 86° Фаренгейта (26° Реомюра).

Въ созданіи Гольфстрема принимаютъ участіе слѣдующія причины: сгущеніе морскаго соленнаго разсола въ тропической полосѣ океана, которое происходитъ вслѣдствіе быстро испаренія, усиленнаго пассатами; какъ, напримѣръ, въ Караибскомъ морѣ, въ Мексиканскомъ заливѣ, гдѣ воды сильно насыщены солью и потому тяжелѣе; и уменьшеніе соли въ Сѣверномъ, Балтійскомъ моряхъ и вообще въ полярныхъ водахъ, которыя вслѣдствіе этого гораздо легче; между ними дежитъ океанъ и воды стремятся найти общій уровень, чтобы сохранить равновѣсіе. Кроме того, съ перемѣною температуры, измѣняется объемъ воды и ея удѣльный вѣсъ, ибо морская вода, въ противоположность прѣсной, сжимается приближаясь къ точкѣ замерзанія. Это измѣненіе простирается, въ цѣломъ океанѣ, до нѣсколькихъ милліоновъ тоннъ.

Суда по устройству океана, можно принять за достовѣрное, что теплыя воды Гольфстрема нигдѣ не достаютъ дна морскаго; между ними и твердою корою земли, пролегають непрерывный слой холодной воды.

Это подтверждается еще болѣе, если предположить, что текущія воды Гольфстрема, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ проходятъ по 4 узла въ часъ, имѣютъ двѣ тысячи сажень глубины, что равняется давленію 6000 футовъ на 1 квадратный дюймъ, и потому, если бы эти воды доставали дна океана, сохраняли ту же скорость и соответственное давленіе, то мы должны были бы допустить въ нихъ такую страшную силу тренія, которая при такой быстротѣ и тяжести, могла бы снести и стереть въ песокъ цѣлыя горы на днѣ морскомъ и наконецъ разрушить самое ложе океана.

Самая теплая вода въ Гольфстремѣ находится, вообще, ближе къ поверхности.

Тѣмъ теплѣе вода, тѣмъ она легче: поднявшись на поверхность, она, отъ соприкосновенія съ воздухомъ и отъ испаренія, охлаждается и отступаетъ въ сторону, а новый притокъ стремится снизу на ея мѣсто.

Извѣстно, что воды, съ различною температурою, будучи даже налиты въ одинъ сосудъ, долго не смѣшиваются между собою, если ихъ не взболтать; такъ точно и частицы стоячей воды не легко смѣшиваются съ текучими.

Гольфстремъ не смѣшивается съ водою океана, какъ это бываетъ съ прѣсными водами; онъ, подобно струѣ масла, сохраняетъ, на протяженіи трехъ тысячъ миль, свой совершенно отличительный характеръ и даже, въ то время, какъ на встрѣчу ему несетъ потокъ холодной воды изъ сѣвернаго океана, онъ не смѣшивается съ нимъ и идетъ своимъ путемъ.

Десятью градусами сѣвернѣе онъ утрачиваетъ всего 2° тепла и пройдя три тысячи миль къ сѣверу, онъ все еще удерживаетъ свою лѣтнюю теплоту; но переступая 40° сѣверной ши-

роты, онъ выходитъ изъ своихъ жидкихъ береговъ, разливается по холоднымъ водамъ на многія тысячи квадратныхъ миль и покрывъ океанъ своею теплою, смягчаетъ суровость зимъ въ Европѣ.

Встрѣчая на своемъ пути Британскіе острова, онъ раздѣляется на двѣ части; одна направляется къ полярнымъ берегамъ Шпицбергена, другая входитъ въ Бискайскій заливъ; обѣ съ температурою, значительно превосходящею мѣстную. Вотъ почему климатъ тѣхъ странъ гораздо теплѣе, чѣмъ бы ему слѣдовало быть, принимая широту и долготу.

Для объясненія этого можно сказать, что жаркій поясъ подъ экваторомъ, служитъ для земнаго шара какъ бы печью, Мексиканскій заливъ и Караибское море котломъ, а Гольфстремъ водопроводною трубою.

По мѣрѣ того, какъ воды въ обоихъ бассейнахъ нагреваются, Гольфстремъ уноситъ ихъ оттуда, а на мѣсто ихъ входятъ въ Караибское море холодные потоки. Температура потока, входящаго въ Караибское море, на глубинѣ 240 сажень, имѣеть 7° Реомюра; на глубинѣ 386 сажень, оказалась не болѣе отъ 4° до 5° Реомюра, а на поверхности отъ 22° до 23° Реомюра.

На значительной глубинѣ тѣхъ же водъ, температура достигаетъ почти 18° Реомюра; слѣдовательно тепло, уносимое изъ этихъ странъ Гольфстремомъ и разливаемое по Атлантическому океану, будучи сконцентрировано, было бы достаточно, чтобы расплавить цѣлыя горы желѣза и удержать, въ текучемъ состояніи, цѣлую рѣку этого металла, величиною съ Миссисипи. Поперекъ Гольфстрема пролетаютъ всѣ вѣтры, дующіе съ запада, захватываютъ съ собою известную долю тепла и умѣряютъ ими стужу зимнихъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Въ зимній день, близъ береговъ Швеціи, Гольфстремъ, на поверхности, показываетъ 21° Реомюра и даже на глубинѣ 500 сажень, вода еще такъ тепла, что содержитъ отъ 11° и болѣе Реомюра.

Холодная вода, какъ извѣстно, есть одинъ изъ худшихъ проводниковъ тепла и если бы теплыя воды Гольфстрема, на пути своемъ черезъ Атлантическій океанъ, пришли въ соприкосновеніе съ твердою землею—сравнительно хорошимъ проводникомъ тепла,—то на первой же половинѣ пути, вся теплота потока была бы растеряна и благословенныя страны Франціи и Англіи цѣпенѣли бы въ суровомъ, ледяномъ климатѣ Лабрадора.

Капитанъ Брукъ наблюдалъ температуру по обѣ стороны Гольфстрема и нашелъ, что иногда въ воздухѣ бываетъ 0° въ то время, какъ температура воды въ потокѣ равняется 21^{1/3}° Реомюра.

Гольфстремъ своимъ теченіемъ доставляетъ голоднымъ китамъ разную пищу, изъ Мексиканскаго залива, за тысячу миль, въ полярныя моря.

Рыба, пойманная въ холодной водѣ, у восточныхъ береговъ Соединенныхъ Штатовъ, бываетъ необыкновенно вкусна; но лишь только она забѣжитъ, на нѣсколько миль, въ теплыя воды Гольфстрема, мясо ея дѣлается вялымъ и безвкуснымъ.

Въ срединѣ Тихаго океана, на островѣ Товарищества, гдѣ столько прекрасныхъ коралловъ и вода теплая, рыбы соперничаютъ въ великолѣпнѣи и яркости красокъ съ тропическими птицами и красотою цвѣтовъ настѣжкомыхъ; но какъ пища, не имѣеть почти никакой цѣны.

Гольфстремъ имѣеть форму кровли и потому воды его, стекаютъ по его поверхности въ обѣ стороны; вслѣдствіе чего всѣ плывущіе предметы выкидываются на берега Европы, но никогда къ прибрежью Америки.

Скорость теченія Гольфстрема не вездѣ одинакова; при выходѣ своемъ изъ Мексиканскаго залива, онъ течетъ съ быстротою болѣе 915 морскихъ миль въ часъ, а близъ отмелей Ньюфаундленда около 750, что составляетъ разность на 165 миль въ часъ.

Сила воды Гольфстрема, вытекающаго изъ Мексиканскаго залива, равняется, по крайней мѣрѣ, девятиста тысячамъ милліоновъ тоннъ. Гольфстремъ въ проливѣ Бенини, представляетъ вертикальный поперечный разрѣзъ, площадь его въ 300 милліоновъ квадратныхъ футовъ, движется со скоростью 7 футовъ 3 дюймовъ въ секунду.

Извѣстно, что дуга большого круга, есть самое короткое разстояніе между двумя точками на поверхности шара; потому, свѣтъ, тепло, электричество, текущая вода, вообще всѣ вѣсовыя и не вѣсовыя вещества, будучи приведенны въ движеніе, ищутъ кратчайшаго пути къ своей цѣли. Повинуясь упомянутому физическому закону, они выбираютъ самый прямой путь, какой только позволяетъ имъ природа.

Вслѣдствіе сутаочнаго вращенія нашей земли вокругъ своей

оси, каждая частица воды, не встречая на пути своемъ никакого значительнаго сопротивленія, стремится къ полюсу не прямо, а по спирали, направляющейся къ востоку, причемъ относительная быстрота движенія увеличивается такъ, что достигнувъ полюса, струя оббгасть его со скоростью 1000 миль въ часъ.

Суточному обращенію земли должно приписать и то явленіе, что лѣтъ, плывущій по рѣкѣ Миссисипи, прибываетъ преимущественно къ западу, все равно какъ вагоны, идущіе въ сѣверномъ направленіи накрѣпляются къ востоку; если же поѣздъ несется на югъ, то онъ налегаетъ больше на западные рельсы, стало быть въ правую сторону.

Въ Каранбскомъ морѣ и Мексиканскомъ заливѣ, мѣдь на обшивкѣ кораблей, портится отъ вліянія морской воды, болѣе чѣмъ въ какой либо другой части океана, вслѣдствіе того, что соль здѣшнихъ водъ образуетъ, въ цѣломъ океанѣ, сильнѣйшую гальваническую батарею; отъ чего можно предполагать, что и воды Гольфстрема, въ химическомъ отношеніи, разнятся отъ водъ океана.

Разница водъ Гольфстрема происходитъ отъ сильнаго испаренія, вслѣдствіе чего образуется стуженіе разсола; возьмемъ для примѣра поясъ сѣверо-восточнаго пассата въ Атлантическомъ океанѣ, площадь котораго занимаетъ три милліона квадратныхъ миль, изъ нея ежегодно испаряется слой воды до 15 футовъ вышиною; соль, которая заключается въ этомъ слое воды, имѣющемъ три милліона квадратныхъ миль поверхности и 15 футовъ глубины, могла бы покрыть все Британскіе острова сплошною корою въ 14 футовъ толщины. Такое сильное испареніе морскихъ водъ, имѣетъ громадное вліяніе на окружающую атмосферу земли и на ея климатъ. По выраженію матросовъ, Гольфстремъ—отецъ погоды на сѣверной половинѣ Атлантическаго океана.

Мореходцы боятся бурь па Гольфстремѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ океана. Когда вѣтеръ дуетъ прямо на встрѣчу теченію, то видъ моря бываетъ ужасенъ.

„Гольфстремъ, говоритъ капитанъ Мори, покажется мыслющему испытателю не просто громаднымъ потокомъ теплой воды, но и частью того великаго механизма, который приводитъ въ гармонію воздухъ, воду и самую землю, украшаетъ ее флорой и оживляетъ фауну“.

Теперь, когда мы познакомились болѣе подробно съ океанскою рѣкою, которую называютъ Гольфстремомъ, мы можемъ усумниться въ возможности перемѣны ея русла.

Подобное отступленіе повлекло бы за собою нарушеніе атмосферическихъ условій и повело бы къ неисчислимымъ и неожиданнымъ перемѣнамъ и переворотамъ, съ тою страшно-грозною силою, съ какою обыкновенно устанавливается атмосферное равновѣсіе. Кто могъ бы теперь исчислить и предви-

дѣть результаты, могущіе послѣдовать отъ приближенія Гольфстрема къ берегамъ Норвегіи и къ берегамъ нашихъ сѣверныхъ странъ?

Не предпринималъ бы, со временемъ, въ такомъ случаѣ, Финляндія съ нашею столицею, въ вѣчно зеленую Шотландію и вимою на ея теперешнихъ холодныхъ гранитахъ, вмѣсто глѣбокаго снѣга, зазеленѣли бы мирты и вѣчно цвѣтущія розы.

Кто бы могъ ручаться, что осадки испаренія съ приближеніемъ русла Гольфстрема, не осаждались бы, въ новыхъ мѣстностяхъ, въ такомъ изобиліи и съ такою силою, что могли бы нарушить равновѣсіе нивнѣшняго горизонта воды; тогда бы наша озеро не въ состояніи были выпускать излишекъ воды, истоками нивнѣшнихъ рѣкъ; а равно испаренія Аральскаго и Каспійскаго морей тогда не были бы достаточны какъ теперь, чтобы удерживать равновѣсіе съ обиліемъ выпадающихъ въ нихъ рѣкъ, вслѣдствіе чего, русла ихъ могли бы переноситься и выходя изъ береговъ, рѣки могли бы прорвать свою вѣковую илотину и произвести мѣстные погоды; или соединяясь съ Азовскимъ и Чернымъ морями, образовать одно цѣлое, громадное новое море, съ роскошными цвѣтущими берегами и плодородными островами.

По могло бы случиться и наоборотъ. Допустимъ, что испаренія Гольфстрема, вслѣдствіе какихъ нибудь непредвидѣнныхъ причинъ, были бы пассатами вѣтровъ относимы въ такія страны, гдѣ стуженіе ихъ произошло бы за предѣлами нашихъ сѣверныхъ странъ; не подлежатъ сомнѣнію, что и климатическія условія тѣхъ странъ должны бы были перемѣниться и изъ лѣсныхъ и влажныхъ тундръ, они бы могли стать сухими, безплодными пустынями.

Быстрое обмелѣніе рѣкъ, грозило бы неисчислимыми бѣдствіями; дно нашихъ рыбныхъ озеръ могло бы, въ то время, превратиться въ безплодные материки, прорѣзанные только песчаными дюнами, и даже нѣкоторыя моря могли бы испариться и обратиться въ ничтожныя озера, не имѣющія никакого географическаго значенія.

Въ заключеніе можно сказать, что передвиженіе русла Гольфстрема, въ какую бы то ни было сторону, произвело бы на материкъ неминуемую, громадную катастрофу, вслѣдствіе измененія, хотя бы частью, тѣхъ законовъ равновѣсія, на какихъ нынѣ зиждется наша земля.

Необыкновенно теплое Петербургское лѣто прошлаго года, не могло никакъ быть послѣдствіемъ тѣхъ неожиданныхъ потрясеній, которыя бы произошли отъ передвиженія русла въ Гольфстремѣ; тѣмъ болѣе, что причина жаркихъ дней, во всемо вѣроятно, зависитъ отъ повторяющихся мѣстныхъ случайныхъ условій, которыя хотя не вполнѣ выяснены, но все же далеко не имѣютъ того важнаго значенія, которое придали нѣкоторые не.

Политическое обозрѣніе.

Болгарія.—Сербія.—Черногорія и Албанцы. Турція и Англія.—Англія въ Египтѣ и ея предложеніе.—Германское правительство и Ватиканъ.—Новый кабинетъ во Франціи.

Въ Болгаріи министерство нѣсколько преобразовалось въ своемъ составѣ, генералъ Соболевъ остался во главѣ, съ портфелемъ внутреннихъ дѣлъ, генералъ Каульбарсъ—военнымъ министромъ, а затѣмъ Стоиловъ (бывшій секретарь князя, молодой, образованный и способный человекъ) назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Грековъ—юстиціи, Начевичъ—финансовъ, Теохаровъ—народнаго просвѣщенія. Французскій агентъ Шеферъ торжественно вручилъ князю звѣзду ордена почетнаго легіона. Въ Болгаріи учреждается, согласно вотированію національнаго собранія, національный банкъ, съ отдѣленіемъ поземельнаго кредита.

Сервская скупщина закрыта, причемъ король, въ своей тропной рѣчи по этому поводу, благодарилъ скупщинаря за одобреніе торговыхъ договоровъ съ Германіей и Франціей, преобразованиемъ арміи, измѣненіе конституціи и т. д.

У черногорцевъ снова распря съ албанцами, которая, какъ то всегда, возобновляется неизмѣнно во время ихъ переговоровъ съ Портою, и именно тогда, когда переговоры эти, казалось бы, приходять къ благоприятному концу. Стычки происходили близъ Подгорицы, а также къ югу Скутарійскаго озера, въ албанскомъ округѣ Крайинѣ, гдѣ черногорскій отрядъ въ 200 чел. занялъ пограничныя пункты, уступленные княжеству—албанскія племена маллесары, хотты, груды и миридиты оказали сопротивленіе вступающимъ черногорцамъ. Кроме того, къ Скутарійскому вали являлась албанская депутация, высказавшаяся противъ урегулированія черногорской границы и территориальныхъ уступокъ Черногоріи.

Турецкое правительство продолжаетъ настаивать въ своихъ требованіяхъ отъ Румелии дапи, возросшей уже, съ полдюжками, до 27 милліоновъ слишкомъ. Генералъ Штрекеръ уѣхалъ въ продолжительный отпускъ въ Константинополь; полагаютъ, что онъ не возвратится къ своему посту вслѣдствіе нападокъ, которыя были дѣлаемы на офицеровъ милиціи въ восточно-румелийскомъ собраніи (какихъ нападокъ, на какихъ офицеровъ и по какому поводу?); исправляющимъ его должность назначенъ инспекторъ жандармеріи, генералъ Бортуникъ, конечно—

не русскій—тамъ русскихъ, какъ извѣстно, еле терпятъ.

Порта (Эдхемъ еще не назначенъ) и Саидъ-Паша продолжаютъ оставаться великимъ визиремъ) обратилась съ циркулярной нотой, въ которой жалуется на нарушеніе Англіей верховныхъ правъ Султана въ Египтѣ.

Въ свою очередь Англія пригласяетъ Европу подать свое мнѣніе по египетскому вопросу, а именно—по слѣдующимъ предметамъ: 1) правиламъ судоходства по Суэзскому каналу, 2) предположеніямъ о сбереженіяхъ въ египетскомъ бюджетѣ, 3) продленіе юрисдикціи смѣшанныхъ судовъ еще на одинъ годъ, 4) обложенія иностранцевъ, проживающихъ въ Египтѣ, всѣми установленными податями наравнѣ съ туземцами. „Новарный Альбионъ“ ловко обдумалъ свои предложенія. Относительно Суэзкаго канала мы поговоримъ ниже, а тутъ укажемъ, что, на примѣръ, 3-й пунктъ ведетъ къ тому, что суды, гдѣ каждая держава имѣетъ своего агента, будутъ упряднены Англіей и замѣнены судами, организованными по ея плану и, несомнѣнно, съ полнымъ подчиненіемъ ея вліянію; что же касается 4-го пункта, то въ немъ видѣнъ прямой расчетъ Англіи возбудить къ себѣ сочувствіе туземнаго населенія, которому будетъ очень приятно видѣть, что иностранцы, столь много эксплуатировавшие его родину, раздѣляютъ теперь съ нимъ и тяготы, и этиямъ египтяне увидятъ себя обязанными своимъ „благодѣтелямъ—англичанамъ“. Въ отношеніи же Суэзкаго канала, англійское правительство придумало не менѣе тонкій маневръ: изъ него оно дѣлаетъ себѣ хорошую блиндированную броню противъ вмѣшательства другихъ державъ: оно требуетъ, чтобы Европа признала нейтралитетъ канала, т. е. чтобы было установлено запрещеніе какой либо державѣ (даже Турціи) высаживать войска на берега, или выгружать боевые снаряды, чтобы пребываніе въ каналѣ военныхъ судовъ одной изъ воюющихъ сторонъ было ограничено и т. д.; все это, понятно, направлено къ обезпеченію Англіи возможности свободно распространяться въ Египтѣ подъ прикрытіемъ нейтралитета канала, такъ какъ ея войска и снаряды уже высажены и остаются тамъ. Маневръ тонкій, но—гдѣ тонко, тамъ и рвется: къ чему служатъ всевозможные договоры во время военной суетницы? Воюющая держава забудетъ о подобномъ нейтралитетѣ и

пошлет войска куда ей надо, и никто, понятно, не „воспринимать“ на защиту „британских интересов“, а самое большее, что издадут „жалобную ноту“. Впрочемъ, англичане серьезно подумываютъ провести новый каналъ—отъ Александрии до Суэца. Военный проектъ уже готовъ. Армія и жандармерія организируются; первую начальствуетъ Бекеръ-Паша, а второго генералъ Ивеливъ Вудъ, которому назначено 100 тысячъ франковъ содержания (долковымъ командирамъ—по 30 тысячъ, офицерамъ—до 18 тысячъ), форма—египетская и т. д.

Германское правительство, повидимому, начинаетъ входить въ примирительное соглашеніе съ Ватиканомъ. Императоръ Вильгельмъ написалъ слѣдующее письмо папѣ, контрассигнированное княземъ Бисмаркомъ:

„Ваше святѣйшество, благодарю васъ за письмо ваше отъ 3-го числа (декабря 1882 года) и на высказанное вами въ немъ благоволеніе искренно отвѣчаю тѣми же чувствами. Письмо это упрочиваетъ надежду, что въ удовлетвореніи, которое вы высказываете мнѣ по поводу возстановленія и дѣятельности моего посольства, ваше святѣйшество почерпнете новыя основанія къ тому, чтобы отвѣчать соответственными мѣрами на предупредительность моего правительства, сдѣлавшую возможнымъ замѣщеніе большей части епископскихъ вакансій. Еслибъ готовность къ соглашенію была проявлена съ вашей стороны, на почвѣ вопроса о заявленіи относительно назначаемыхъ епископовъ, то этимъ оказано было бы содѣйствіе болѣе интере-

самъ церкви, чѣмъ государства, такъ какъ это открыло бы возможность замѣщенія церковныхъ вакансій. Еслибъ я могъ изъ такой предупредительности духовенства вывести убѣжденіе, что готовность къ соглашенію взаимна, то я могъ бы предложить законы, бывшіе нужными во время борьбы, но не нужные при мирныхъ отношеніяхъ, на новое обсужденіе сейма. Охотно пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы вновь увѣрить ваше святѣйшество въ личной моей преданности и почтеніи“.

Въ Сѣверномъ Шлезвигѣ прусскими властями сдѣлано распоряженіе, чтобы мѣстные датскіе подданные или вступили въ германскую армію, или же выѣхали изъ Шлезвига. Распоряженіе это, противорѣчащее прежнимъ соглашеніямъ, возбудило въ Копенгагенѣ сильное неудовольствіе.

Въ Берлинѣ происходили похороны скончавшагося недавно принца Карла.

Кабинетъ Дюклера недавно замѣнилъ кабинетомъ, составленнымъ бывшимъ (у Дюклера) министромъ внутреннихъ дѣлъ Фальеромъ, уговорившимъ почти всѣхъ своихъ сотоварищей удержать портфели; вышли военный и морской министры, противившіеся мѣрамъ, предложеннымъ противъ принцевъ. Республиканцы до такой степени все еще напуганы, что имъ со страху показалось, будто и графъ Шамборъ прибылъ уже въ Парижъ; въ Парижѣ принимаются чрезвычайныя мѣры предосторожности. Г. Гравіи выказываетъ необычайную дѣятельность и особенно хлопочетъ объ изгнаніи принцевъ.

Библиографія.

Стихотворенія кн. Д. П. Цертелева. 1883. Спб. Въ наше мало-поэтическое время появленіе книжки стиховъ, на которыхъ несомнѣннѣе отпечатокъ истиннаго таланта, производитъ отрадное впечатлѣніе. Видишь, что не изсякъ еще тотъ чистый родникъ, который пробивается сквозь всю „злобу дня“ и тревогу современности. Замѣчательно, что напр. въ эпохи самой тревожной политической жизни во Франціи поэзія все болѣе удаляется отъ политики въ тотъ глубокий, чистый внутренний міръ, которому такъ враждебна уличная тревога. Стихотворенія кн. Цертелева, появившіяся въ разныхъ журналахъ довольно часто въ послѣднее время, всѣ отличаются прекраснымъ стихомъ, задумчивостью и симпатичностью тона. Поэта увлекаетъ весьма Востокъ, Индія, которымъ посвящено много стихотвореній. Книжка несомнѣнно доставитъ большое наслажденіе каждому любителю поэзіи.

Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. Восп. Зейдлица. Сиб. 1883.

С М Ъ С Ъ.

Цвѣтъ морской воды. О цвѣтѣ воды вообще и морской воды въ частности существуютъ такія неопредѣленныя и неясныя понятія, что рѣдкій можетъ дать на этотъ счетъ опредѣленный отвѣтъ. Называютъ воду безцвѣтной, приписываютъ ей синій цвѣтъ, зеленый... Мы постараемся дать краткое понятіе о цвѣтѣ воды моря.

Точное понятіе о цвѣтѣ морской воды можетъ имѣть только очевидецъ: цвѣтъ воды нашихъ озеръ и рѣкъ не даетъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія. И цвѣтъ морской воды не одинаковъ: у береговъ онъ иной, нежели въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ. Дать понятіе о цвѣтѣ морской воды помощью комбинаціи красокъ—дѣло чрезвычайно трудное, такъ что лучшіе изъ художниковъ маринистовъ даютъ на своихъ картинахъ только приблизительную копію настоящей воды моря.

Цвѣтъ морской воды вдаль отъ берега, при спокойной поверхности моря, темно-изумрудный, переходящій, по мѣрѣ приближенія къ берегу, въ темно-зеленый, далѣе въ свѣтло-зеленый и блѣдно-желтый, смотря по большей или меньшей глубинѣ моря у берега. Взятая-же въ маломъ количествѣ, морская вода, подобно рѣчной и ключевой, безцвѣтна.

Многіе старались объяснить цвѣтъ морской воды и его переходы въ зависимости отъ глубины и другихъ причинъ, но большинство этихъ объясненій или вовсе не выдерживаютъ критики, или объясняютъ цвѣтъ воды только одного какого либо бассейна.

Одно изъ курьезныхъ объясненій предложено Бурмейстеромъ, который говоритъ, что синій цвѣтъ морской воды зависитъ отъ отраженія въ ней, какъ въ зеркалѣ, синевы неба. Но если-бы это было справедливо, тогда при темномъ небѣ и цвѣтъ моря былъ-бы темнымъ, въ дѣйствительности-же замѣчается какъ разъ обратное явленіе: при темномъ небѣ синева моря выдѣляется еще рѣзче, нежели при свѣтломъ небѣ. Море, принимая объясненіе Бурмейстера, является только зеркаломъ, отражающимъ цвѣтъ неба, а извѣстно, что предметъ, сохраняя свой естественный цвѣтъ въ отражающемъ зеркалѣ, нисколько не измѣняетъ цвѣта самого зеркала. Кромѣ того морская вода значительно болѣе синяго цвѣта, нежели неба; по опредѣленію Гумбольдта синева моря почти въ три раза болѣе синевы неба. Ясно, что объясненіе Бурмейстера не выдерживаетъ никакой критики.

Галлей, спустившись въ водолазномъ колоколѣ на глубину 60 ф., замѣтилъ, что сверху рука была освѣщена краснымъ цвѣтомъ, а снизу—зеленымъ и полагалъ, что это подтверждаетъ мнѣніе Ньютона о цвѣтѣ морской воды основанное на явленіи разложенія блѣ-

ныхъ лучей морской водой на красные и зеленые: поглощая красные лучи, вода отражаетъ зеленые и, такимъ образомъ, принимаетъ зеленый цвѣтъ. Но Галлей упустилъ изъ виду то обстоятельство, что при его наблюденіи обѣ стороны руки были освѣщены пронзеннымъ свѣтомъ, а нижняя сторона, кромѣ того, еще свѣтомъ отраженнымъ отъ поверхности дна.

Эрштедтъ ближе подходитъ къ истинѣ. Онъ говоритъ, что лучъ, вступая въ воду, разлагается, подобно тому, какъ это происходитъ въ призмѣ, на составные цвѣта, причемъ красный лучъ, преломляясь менѣе всѣхъ остальныхъ лучей, достигаетъ до наибольшей, сравнительно съ прочими, глубины, а фіолетовый лучъ, наиболѣе преломляющійся, до наименьшей глубины; между этими двумя предѣльными цвѣтами, на различныхъ глубинахъ, располагается всѣ остальные цвѣта спектра. По Эрштедту и выходитъ, что на поверхности вода должна имѣть синій цвѣтъ, что согласно съ дѣйствительностью, на глубинѣ 10 ф.—зеленый, около 60 ф.—красноватый, какъ и было, на самомъ дѣлѣ, замѣчено Галлсеемъ, при его спусканіи въ воду въ водолазномъ колоколѣ. Эрштедтъ, въ угоду своего мнѣнія, утверждаетъ, что животныя и растенія всегда имѣютъ цвѣтъ, соответствующій той глубинѣ, на которой они растутъ. Но должно замѣтить, что относительно растеній это еще, пожалуй, справедливо, но что касается до животныхъ, то это только выдумка Эрштедта, изобрѣтенная имъ для приданія большей достовѣрности своему объясненію.

Объяснить цвѣтъ воды химическимъ составомъ ея тоже нельзя, такъ какъ морская вода, различаясь, хотя и немного, по составу, тѣмъ не менѣе имѣетъ одинаковый цвѣтъ во всѣхъ мѣстахъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Химическимъ составомъ можно объяснить цвѣтъ только нѣкоторыхъ озеръ и рѣкъ.

Буэнзень не считалъ воду безцвѣтной, а приписывалъ ей, основываясь на одномъ очень простомъ опытѣ, синій цвѣтъ, измѣненія-же этого цвѣта объяснял измѣненіемъ химическаго состава воды. Здѣсь опять можно сказать, что химическій составъ воды морей хотя немного да различается, цвѣтъ-же воды вездѣ одинаковъ, поэтому и это объясненіе не объясняетъ яснымъ и опредѣленнымъ образомъ цвѣта морской воды.

Лоренсъ далъ самое точное и достовѣрное объясненіе. Онъ говоритъ, что вода поглощаетъ лучи синяго и пропускаетъ лучи желтаго цвѣта, такъ что, при достаточной глубинѣ, будетъ поглощено такое количество лучей, что вода приметъ чистый синій цвѣтъ, и Лоренсъ считаетъ эту глубину равной 18 саж. При меньшей глу-

бнѣ и количество поглощенных синихъ лучей меньше, а значитъ и цвѣтъ воды будетъ уже не чисто синимъ, а съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, вслѣдствіе примѣси желтыхъ лучей; такъ при 8-ми саж. глуби воды имѣетъ блѣдно-зеленый цвѣтъ (какъ въ Рижскомъ заливѣ), а на глубинѣ 3-хъ саж. поглощается такъ мало синихъ лучей, что вода кажется безцвѣтной.

На цвѣтъ воды имѣетъ сильное вліяніе цвѣтъ грунта: такъ, напримѣръ, при блѣломъ днѣ пропущенные водой желтые лучи отражаются и, смѣшиваясь съ поглощенными синими, даютъ водѣ зеленоватый оттѣнокъ, такъ что и при 18-ти саж. глубинѣ вода не будетъ имѣть чистаго синяго цвѣта. При темномъ днѣ, напротивъ, и при глубинѣ нѣсколько меньшей 18-ти саж. вода будетъ имѣть чистый синій цвѣтъ.

Подобно глубинѣ на цвѣтъ воды оказываетъ вліяніе и присутствіе въ ней примѣсей, что уже подтверждается и тѣмъ, что болѣе зеленая вода въ тоже время всегда менѣе прозрачна. Частички, составляющія примѣсь, дѣлая воду менѣе прозрачною, отражаютъ пропущенные водой желтые лучи, которые смѣшиваются съ поглощенными синими лучами и даютъ водѣ зеленоватый оттѣнокъ. Подобно примѣси дѣйствуетъ и иѣна: верхушки волнъ, разбиваемыя вѣтромъ, кажутся зелеными.

Объяснить почему вода поглощаетъ именно синіе лучи и пропускаетъ желтые,—мы не въ состояніи.

Муравейники. Кто проходилъ мимо неправильнаго случайно сложеннаго социальнаго штата этихъ маленькихъ животныхъ, тому вѣроятно приходилъ въ голову вопросъ: не упрямляется ли это повидимому хаотическое существованіе какимъ нибудь разумнымъ и практическимъ образомъ и спущая взадъ и впередъ крошечныя животныя, не обладаютъ ли также умомъ?

Извѣстный естествоиспытатель Гекель въ Испѣ передаетъ очень интересные подробности изъ жизни различныхъ родовъ муравьевъ.

Муравейникъ, несмотря на первобытный наружный видъ, представляетъ искусную постройку, сравнительно съ величиною муравья. Гдѣ можно встрѣтить на землѣ зданіе, построенное человѣкомъ, которое вмѣщало-бы въ себя 32,000 жителей и 5,000 кроватей для дѣтей. Все это существуетъ въ муравейникѣ. Муравьи въ своихъ *дѣтскихъ* держать въ большомъ порядкѣ личинки, за которыми присматриваютъ особые чиновники или няньки. Эти няньки ухаживаютъ за своими питомцами съ поразительною любовью и самоотверженіемъ во время опасности. Величайшей опасностью считается приходъ куропатки съ цыплятами.

Когда на дворѣ тепло и грѣетъ солнце, няньки выносятъ личинки изъ дѣтскихъ на верхнюю террасу муравейника и тутъ смотрятъ за ними; но какъ только спрячется солнце и воздухъ посвѣжѣетъ, личинки аккуратно уносятся въ муравейникъ.

Каждый муравейникъ имѣетъ войско, солдатъ по призванію и рожденію, нѣкоторые посты заняты стражей, и есть муравья ничего не дѣлающіе.

У нѣкоторыхъ породъ, каждый муравей въ тоже время солдатъ (всѣобщая повинность). Что однако замѣчательно, что эта порода держитъ рабовъ, въ полномъ значеніи этого слова. Рабы дѣлаютъ опредѣленные имъ работы, а также выходятъ на войну и за добычей. Устройство этихъ разбойничьихъ штатовъ различно. Такъ въ Южной Америкѣ у муравьевъ „Едитонъ“, муравьи съ крыльями считаются высшей аристократіей, которая управляетъ олигархическімъ устроеннымъ штатомъ. Члены касты солдатъ безкрылые и составляютъ меньшую расу — черны, немного большія и сильнѣйшая раса это повидимому офицеры. Муравьи-офицеры, по наблюденію Гекеля, отличаются болѣе сильными ногами. Офицеръ командуетъ 30 муравьями и въ походѣ идетъ сбоку колонны. Какъ извѣстно ухо человѣка несовершенно въ сравненіи со слуховыми органами маленькихъ животныхъ, неудивительно поэтому, если Гекель говорить, что насколько онъ могъ разглядѣть, офицеры, которые держатъ свои щупальцы очень высоко, употребляютъ ихъ для передачи приказаній, какъ два оптическихъ телеграфныхъ крылышка. Часто офицеры всполазутъ на соломенку, точно высматривая не грозитъ ли опасность, или точно обозрѣвая шествіе. Аристократія по рожденію обладаетъ также болѣею частью и болѣе длинными щупальцами, которыми и отдаются приказанія, выражаются желанія и именно обоюднымъ прикосновеніемъ щупалець. Ясно, что такимъ образомъ что нибудь сообщается. Это можно наблюдать даже у обыкновенныхъ муравьевъ, которые при встрѣчѣ въ саду или на дорожкѣ непременно останавливаются, прикоснутся щупальцами, точно передаютъ другъ другу новости.

Во время шествія муравьи нападаютъ на все, что встрѣтятъ по дорогѣ. Они заѣдаютъ червей, жуковъ, даже птицъ въ гнѣздахъ и маленькихъ млекопитающихъ животныхъ. При встрѣчѣ съ человѣкомъ они бросаются и на него.

Не менѣе замѣчательны такъ называемыя *амазонскія общества*, изъ породы темно-коричневыхъ или свѣтлыхъ муравьевъ, которые водятся въ Германіи. У этихъ обществъ также три класса. Свѣтлая раса вовсе не работаетъ, а держитъ въ услуженіи черныхъ рабовъ, т. е. она подчиняетъ себя черныхъ муравьевъ; это беззвѣстная параллель съ человѣкомъ и его рабовладѣніемъ. Свѣтлый муравей выходитъ на войну съ заранѣе составленнымъ планомъ. Черный муравейникъ вдругъ подвергается нападению, или же муравьи просто изъ него изгоняются. Тогда завязывается отчаянная битва; черные защищаютъ своихъ горячо любимыхъ дѣтей и на полѣ сраженія остается масса мертвыхъ тѣлъ. Гекель утверждаетъ, что раненные въ схваткѣ, бережно относятся товарищами

въ сторону. Удивительно при этомъ то, что личинки черныхъ нападаютъ въ качествѣ рабовъ въ муравейникъ побѣдителя и потомъ при нападѣніяхъ играютъ роль солдатъ и имъ вѣрфодо приходится ияничить своихъ ближайшихъ родственниковъ, захваченныхъ въ плѣнъ.

На черныхъ рабовъ возлагаются всѣ тяжелыя работы, они и охотники и превантмейстеры, и слуги, и каменщики и пр.

Дѣлаютъ ли муравьи все это по инстинкту, или руководствуются разумомъ? Профессоръ Гекель предполагаетъ, что и муравьи происходятъ отъ особой гораздо грубѣйшихъ, которая имѣла также мало понятія объ искусныхъ нынѣшнихъ муравейникахъ и культурной жизни муравьевъ, какъ и наши предки, живущіе въ свайныхъ постройкахъ и нашихъ биржахъ, обществахъ на акціяхъ, казармахъ и пр. И здѣсь потребовались столѣтія для выработки извѣстнаго развитія. И какъ нынѣ существуютъ еще люди, по образу жизни и развитію напоминающіе болѣе животныхъ, также есть и муравьи, живущіе дико, неорганизованно, подобно индѣйцамъ или чернымъ племенамъ внутри Африки или Австраліи.

Походная карета Наполеона I. Честъ изобрѣтенія комфортабельныхъ экипажей, удобныхъ для сна и занятій, всецѣло принадлежитъ знаменитому Императору французамъ, такъ какъ онъ первый ввелъ ихъ въ употребленіе. Подобная карета была захвачена при Ватерлоо и куплена за дорожную цѣну англійскимъ принцемъ Регентомъ, а потомъ поступила случайно въ число рѣдкостей музея г-жи Тиссо въ Лондонѣ, гдѣ ее можно видѣть и нынѣ. Она была сдѣлана по заказу Императора Симонась въ Брюсселѣ и будучи предназначена для похода въ Россію, вмѣщала въ себя различныя приспособленія какъ для разогрѣванія кушаньевъ, такъ и для ихъ сохраненія. Въ тоже время карета эта служила снальной и гардеробной комнатою, а также и кабинетомъ. Наружность этого причудливаго экипажа чрезвычайно смахиваетъ на громадный фургоны; на правой сторонѣ имѣется входъ, а также помѣщается кровать; на лѣвой-же устроено много отдѣльных различнаго назначенія. Помѣщеніе для кучера устроено такъ искусно, что послѣдній не имѣетъ никакой возможности видѣть внутренность кареты. Вблизи сидѣнья кучера устроено помѣщеніе для ящика, вмѣщающаго 2 1/2 фута длины и 4 вершка глубины, въ который вкладывалась складная кровать изъ полированной стали, могущая въ нѣсколько минутъ быть раскритою и готовою для отдыха. На потолокъ кареты сдѣлана сѣтка для помѣщенія небольшой дорожной кладки. Немнодалеку отъ кровати стоитъ письменный столъ, а на немъ разложено около сотни небольшихъ бездѣлушекъ, подаренныхъ Наполеону Маріей-Луизой, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются изысканною роскошью. Такъ туалетный ящикъ покрытъ массивными золотыми украшениями; посуда, употреблявшаяся Императоромъ для завтрака, также изъ золота. Среди мелочей видны флакончики и баночки съ парфюмерными издѣліями и даже иглоки, булавы, нитки и шелкъ. Для каждого самаго незначительнаго предмета отведено въ ящикѣ особое помѣщеніе въ формѣ деревянной коробочки, такъ что приходится удивляться какъ можно было размѣстить такъ много вещей въ такомъ небольшомъ пространствѣ. На днѣ туалетнаго ящика въ особомъ отдѣленіи лежали походныя деньги Императора въ количествѣ 2,000 червонцевъ; въ верхней-же его части помѣщались письменныя принадлежности, зрительная трубка, и грѣбни; въ особомъ погребѣ, предназначенномъ для напитковъ, уцѣляли еще двѣ бутылки; одна малаги, а другая рома; въ серебряномъ небольшомъ ящикѣ уложена посуда; ножи, вилки, ложки, перочница, солонка, горчишница и пр., зрительныя стекла, планы, оружіе, большой серебряный хронометръ, которымъ регулировались всѣ часы арміи, роскошный бриллиантовый головной уборъ (тиара), шляпа, шпага, мундиръ и другія принадлежности гардероба.

Золото французской Гвіаны. Ежегодное добываніе золота въ этой странѣ возросло за 1868—1880 годы съ 297 до 1,872 килограммовъ (приблизительно съ 19 до 114 пудовъ); а если прибавить къ этому похищаемое золото, то послѣдняя цифра должна увеличиться до 2,500 килограммовъ (около 152 пудовъ). Рыночная цѣна металла—нѣсколько болѣе 3,000 франковъ за килограммъ; слѣдовательно, золотыя копи французской Гвіаны приносятъ отъ 7 до 8 милліоновъ средняго валоваго дохода.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Вслѣдствіе совершеннаго израсходованія нѣкоторыхъ №№ „Нивы“ за 1882 г., мы №№ эти, въ настоящее время вновь печатаемъ.

Сообщая о семъ нашимъ иногороднымъ гг. подписчикамъ, приславшимъ требованія на полныя томы „Нивы“ 1882 г.—мы, вмѣстѣ съ симъ, просимъ ихъ обождать ноготное время исполненія заказовъ. По отпечатаніи всѣхъ недостающихъ №№ комплекты будутъ сброшюрованы и переплетены и гг. заказчики немедленно удовлетворены.

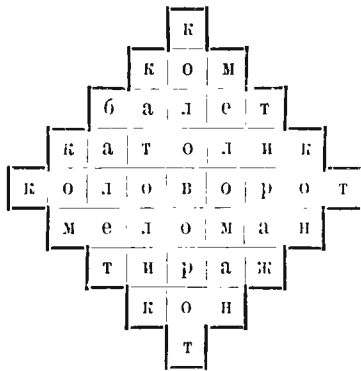
Рѣшеніе шашечной задачи № 2.

Бѣлыя.	Черныя.
1) g 3 — h 2	1) d 6 — b 4
2) b 8 — d 6	2) b 4 — e 7
3) d 1 — b 6	3) a 7 — c 5
4) h 2 — d 6	4) d 8 — c 7
5) a 5 — d 8	5) f 8 — g 7
6) h 6 — f 8	6) e 5 — b 4
7) a 3 — c 5	

Дамка черныхъ
заперта.

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ г. Волокова въ Калугѣ.

Рѣшеніе магического креста № 4.

Рѣшеніе ребуса № 1.

Вѣдь мы всегда, читатель, казалось бы въ мирѣ и усердно занимаемся съ тобою дѣломъ, а на насъ подлецы вымываютъ чай пакости.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса прислали отъ гг.: Спб. Бѣлякина, Рубинштейна, Москва—Степанова, Бѣляева, Елецъ—Каменевой, Н. Новгородъ—Гусевой, Суздаль—Жинкина.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 3.

$$\begin{aligned} 1) a c + d &= 2b & a &= 19 = T \\ 2) b a &= b + 4 & b &= 15 = O \\ 3) c e - g &= 2 f & c &= 12 = I \\ 4) d b + c &= 3g & d &= 18 = C \\ 5) e a + b + d &= 52 & e &= 19 = T \\ 6) f c + e &= 2 f + 1 & f &= 15 = O \\ 7) g e &= d + 1 & g &= 9 = H \end{aligned}$$

ТОЛСТОЙ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Спб.—Верцинскій, Игдигонъ, Тригонъ, Шпешитный, Боронинъ, Ратнеръ, Кузьминскій, Хухринъ, Покровскій, Продовъ, Леваковскій, Прибиловскій, Газенинскій, Риль, Петро, Л—евъ, Рубинштейнъ, Пантешкевичъ, Пудко, Звонарьевъ, Четовъ, Полтавцевъ, Покровскій; Москва: Левинштейнъ, Ереманъ, Тропиловъ, Норенбергъ, Шешинъ, Герберъ, Гавриловъ, Целовина, Сахаровъ, Черновъ. Бѣлая церковь—Лещинскій; Бѣжецъ—Данилабуеръ, Бѣлгородъ—Артемьевъ; Воронежъ—Шилинъ; Вязьма—Чернинъ, Витебскъ—Руженинъ, Дезякъ—Грешинскій, Елецъ—Криворотовъ, Екатеринославъ—Рихтеръ, Иваново-Вознесенскъ—Никольскій, Лаханица, Казань—Ицелинъ, Козловъ—Сафоновъ, Калуга—Осеровъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генераль Шазиз (съ портр.)—Подъ колесомъ. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе).—Пропавшія деньги. Очеркъ Юная.—Доброе старое время. Очеркъ.—Производство бумаги въ Японіи.—Утренній прокъ у Барраса (съ рис.)—Среди друзей (съ рис.)—Отбитіе обоза при Шаблѣ (съ рис.)—У моря (съ рис.)—Отдыхъ киргизовъ послѣ охоты (съ рис.)—Новый кафедральный соборъ въ Дьяковарѣ (съ рис.)—Гольфстремъ.—Политич. обозрѣніе.—Сѣвѣ.—Завлеченіе.—Игры и задачи.—О подпискѣ на „Ниву“.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Надатель А. Ф. Марксъ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 годъ.

Для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ настоящемъ 1883 году, кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ и литературныхъ произведеній, между прочимъ, имѣется **НОВАЯ ПОВѢСТЬ**

ИВАНА СЕРГѢВИЧА ТУРГЕНЕВА,

которую онъ, согласно его письму отъ 24 сентября (6 октября) 1882 года изъ Буживаля (близъ Парижа), надеется доставить въ редакцію **НЫНѢШНЕЮ ЗИМОЮ**. Кромѣ того мы обѣщаемъ нашимъ подписчикамъ (на основаніи условія съ авторомъ) напечатать въ „Нивѣ“ новый историческій романъ

Всеволода Сергѣевича Соловьева „СТАРЫЙ ДОМЪ“

(хроника четырехъ поколѣній).

Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“ и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“ и дѣйствіе его происходитъ въ послѣдніе годы царствованія Имп. Александра I.

Мы имѣемъ цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ пока, кромѣ уже помѣщенныхъ въ первыхъ №№ произведеній Д. В. Григоровича, Ахшарумова и Вс. С. Соловьева, поименуемъ слѣдующія: „ВЪ ЦВѢТАХЪ“, большая повѣсть Н. К. Лебедева; „БАГРОВАЯ ПЫЛЬ“, большая повѣсть П. Петрова, автора имѣвшей въ 1881 году такой успѣхъ повѣсти „Горные Орлы“; историческая повѣсть „ПОЛКОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ“, Н. Кирилова; „НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ“ и „ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА“, двѣ повѣсти П. П. Гнѣдича и многія другія. Какъ **ПРЕМІЮ** на будущій 1883 годъ, мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія и когда бы они ни представили свои подписки — (кромѣ большаго стѣннаго календаря на 1883 годъ, уже полученнаго нашими подписчиками при № 1), очень большую, роскошную олеографію съ новой исторической картины блестящеготалантливаго профессора **В. И. ЯКОБІА**

КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ.

Картина эта написана по заказу „Нивы“; сюжетъ заимствованъ изъ романа Вс. С. Соловьева „Вольтерьянецъ“, помѣщ. въ „Нивѣ“ 1882 г. Великолѣпныя копии-олеографіи будутъ такого-же огромнаго размѣра, какъ и премія прошлаго года, именно 62 сант. ширины и 82½ сант. высоты. Изображеніе Императрицы Екатерины въ ея пріемной и воздушная фигура юной великой княжны и красавца-короля—прекрасны. Въ конторѣ редакціи выставлены оригиналы картины рядомъ съ копией, такъ чтобы каждый подписчикъ могъ самъ убѣдиться въ достоинствѣ какъ картины, такъ и копии. Картина наша также выставлена у книгопродавцевъ главнѣйшихъ городовъ Россійской Имперіи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложениями.

Всѣ требованія адресовать въ Главную Контору Редакціи „Нива“, А. Ф. Марксу, въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9. Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ показана на 1-й страницѣ сего №.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. МАРКСЪ.**

ПОЛЫЙШИЙ ВЪ РОССІИ

каталогъ на 1883 г. огородн. и дѣтскихъ сѣмянъ (болѣе 3,000 сорт.) предлагаетъ любителямъ садоводства „ПРИВОЛЖНОЕ ДЕПО СѢМЯНЪ ВЪ САРАТОВѢ“: дѣны въ сложности дешевле всѣхъ фирмъ въ Россіи. 12 сорт. дѣтскихъ сѣмянъ 75 коп.; 20 сорт. свѣжисихъ въ грунтъ 75 коп., 20 сорт. бордюры. 75 коп., 12 сорт. выющихъ. 60 к., 12 сорт. декоративн. 60 к., 12 сорт. иммоделей 50 к., 12 сорт. душист. 60 к., 20 сорт. многолѣтн. 1 р., 100 сорт. разныхъ 3 р., 100 зер. георгинъ новѣйш. сорт. 1 р., 6 сорт. розъ 1 р., 10 сорт. лилій 1 р. 50 к., 12 сорт. луковичн. 1 р. 50 к., 12 сорт. орнамент. воздушн. 1 р. 50 к., 12 сорт. дѣтск. кустарн. 1 р. 50 к., 12 сорт. ягодъ 1 р. 50 к., 12 сорт. букетн. травъ 50 к., 12 сорт. душист. травъ 75 к., 12 сорт. комнатн. 1 р., 6 сорт. камейн. 1 р. 50 к., 6 сорт. пальмъ 1 р., 6 сорт. драценъ 1 р. 50 к., 12 сорт. хвойныхъ 1 р. 50 к., 6 сорт. кактусовъ 1 р. 50 к., 6 сорт. для аквариума 1 р. 50 к., папоротники: 10 сорт. комнатн. 1 р. 50 к., 6 сорт. воздушн. 75 к. До 2,500 отдѣлн. новѣйш. и замѣчат. сорт. дв. сѣм., болѣе 700 лучш. и рѣдкостныхъ сорт. огородн. сѣм., выющихся въ Россіи, единственно только „ВЪ ПРИВОЛЖНОМЪ ДЕПО“.

Требованія менѣе 3 р. депо не принимаетъ; при требованіи на 3 р. и болѣе дв. сѣм. бесплатно. Полученіемъ по отпуску. Каталогъ высылается при требованіи сѣмянъ бесплатно. Р. № 2460 1—1

Полное собраніе сочиненій

Всеволода Сергѣевича Соловьева.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КРАСИВОНСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПб. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ ДѢВЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимая эпоху правленія и низложенія Царевны Софій, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій—чрезвычайно интересенъ.—СПб. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Вирона и водареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный рассказъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшего только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многіе иностран. языки. СПб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 50 коп.; въ каленкор. перепл. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ съ вышитками. СПб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром. хроника конца XVIII и начала XIX в. Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“ и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 700 страницъ. Романъ этотъ печатается на велен. бумагѣ вышитъ и выйдетъ въ концѣ Января 1883 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. каленк. перепл. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Гг. ивгородцые, выписывающіе разомъ всѣ эти сочиненія, за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городекихъ СПб. покупатели дѣлается уступка 10%.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэма Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. гравюрами Гюстава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящикъ 30 р.; въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящикъ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !

Получая постоянныя требованія на русское сырье отъ моихъ иностранныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ

РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ

Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и топленое, щетину, медъ, конскія гривы и хвосты, баранья кишка, клей и жиръ рыбій, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовать: Торговой Домъ Генриха Барыцкаго. Варшава. № 250 12—0

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волыцкаго. Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Крошати для женщннъ. Ночное дежурство. Телефоны. № 2412

Вышла и разслана подписчикамъ январская книжка журнала

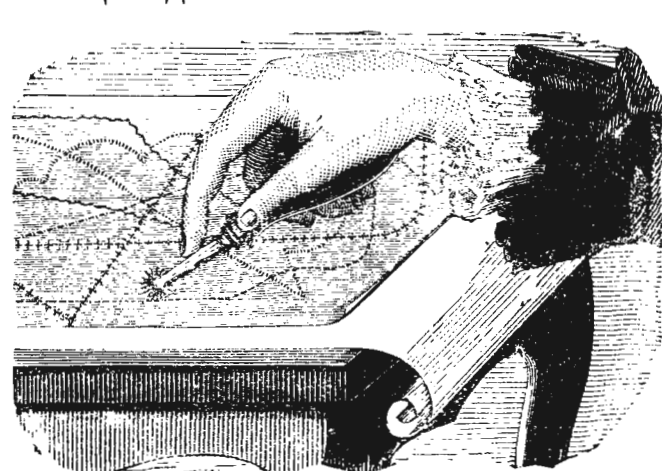
„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

Ц. № 2458 (третій годъ изданія). 1—1

Содержаніе: Мученики Колдизей; глава I—III — Е. Туръ. По сѣдмъ русской арміи — П. К. На Средиземномъ морѣ; Ренуа и Пезполь — М. Верна. В. А. Жуковский, очеркъ В. К. Туренина. Польша нападъ — А. Данилова. Задача. Цѣна журнала съ доставкой и пересылкою за годъ 6 р. „ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“ особенно рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и допущенъ въ фундаментальную бібліотеку духовныхъ училищъ Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи журнала. Большая Дмитровка, домъ Алексѣева. Въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ и Фену.

РѢЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОЕКЪ.

Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкроекъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.; съ футляромъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редакціи „НИВЫ“ въ Спбурѣ, Б. Морская, № 9.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть времени Екатерины II, Ц. П. Цетрени и В. Клошнкова. Ц. 1 р., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 75 к., съ перес. 1 р.

ПЕТРЪ ПЕТРЪ. историч. повѣсть В. Н. Кельсѣва съ рисунками Павлова и Коверзневъ. Это интересное сочиненіе изображаетъ въ формѣ повѣсти Петровское время и его характеръ. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 40 к., для подписч. „НИВЫ“ 75 к., съ перес. 1 р.

И. АНТОНОВЪ И К°.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 38.

ДЛЯ БАЛОВЪ И СВАДЕБЪ ПОЛУЧЕНЪ

огромный выборъ шелковыхъ матерій: оттоманъ, газъ помпадуръ, moscovite, cachemire egyptienne, gaze ottoman, плюшь faconnée, broché, escalier и другія

SORTIES DE BAL

самыхъ модныхъ матерій, отдѣланныя перомъ, мурабу, кружевами, мѣхомъ и прочимъ. № 2449 3—2

Только что вышло из печати:
ЗНАМЕНИТЫЙ РОМАНЪ ДЕНЦА
ЛЮБИЛА-БЪ ТЫ!
(SI TU M'AIMAIS)

вышел из печати въ следующихъ 3-хъ изданияхъ:
№ 1. Для сопрано или тенора | по
№ 2. меццо-сопрано или барит. | 50 к.
№ 3. контраalto или баса

Москва у П. ЮРГЕНСОНА,
10. Неглинный пр., уг. Кузнецкаго моста,
С.-Петербургъ: у П. Юргенсона, Варшава
у Г. Зенневальда.
Каталогъ изданій Юргенсона высылается
бесплатно. П. № 2452

УСТРОЙСТВО ТОПЛЕНИЯ ПАРАМИ
посредствомъ
пожуженныхъ желѣзныхъ трубъ
доставляетъ подъ
гарантией

Gustav Riese, Plagwitz-Leipzig.
Прейс-куррантъ — даромъ. Наняучи,
рекомендаціи. S. № 2457 2-1

Съ разрѣшенія Сиб. и Вѣнс. медицинскихъ департаментовъ.

ПОМАДА
противъ
сѣданъ волосъ.
Рудольфа
КЕРВЕРА.

Продается только въ нижеслѣдующихъ единственныхъ для Россіи агентурныхъ складахъ:
Въ СПБ., у Е. КРИСТМАНА, Невский пр., д. Католической церкви, № 52. Въ Москвѣ, у Х. Р. ФЕРБЕРА, Варварка, д. Герике.
Цена за банку 2 р. Менше двухъ банокъ не высылается. За пересылку 1 р. отъ 2 до 5 банокъ. № 2382 2-2

ВНОВЬ ОТКРЫТА!
ПАПИРОСНАЯ И СИГАРНАЯ ФАБРИКА
В. БУШЪ,
въ С.-Петербургѣ,
фабрика: Лаговка, № 31, магазинъ: Волненский, № 14, покорѣннѣе просить обратить вниманіе гг. курящихъ на ея произведенія, ибо работавъ долгое время въ первыхъ заграничныхъ сигарныхъ фабрикахъ, надѣется вполне удовлетворить самый требовательный вкусъ; сигары отличаются мягкимъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ. Р. № 2378 10-8

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ
Н. П. ДАНИНА,
ВЪ МОСКВѢ,
удостоенныя **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемірной выставкѣ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,
имѣются въ продажѣ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣнійхъ Азіи съ новаго года выпущены въ продажу ПОДЪ НОВЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ.
№ 2440 10-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ
НА ГАЗЕТУ
„МУЗЫКАЛЬНЫЙ МІРЪ“.
2-й годъ изданія. 24 премія въ годъ: 12 нотныхъ тетрадей и 12 портретовъ.
Съ доставкою, пересылкою и со всѣми преміями.
Цена на 1 годъ 6 р. — к.
„ 2 года 3 „ 50 „
„ 3 года 2 „ — „
Сотрудниками газеты приглашены профессора Сиб. Консерваторіи и извѣстные музыкальные дѣятели.
Редакція и контора въ Сиб., Стрѣмянная, домъ № 18. № 2453 1-1

„ВОСПИТАНІЕ ХАРАКТЕРА“.
№ 2454 Соч. Проф. Габріеля П. 90 к. 6-1

Только что вышло изъ печати и продается въ конторѣ журналовъ „Нива“ въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9. въ Москвѣ — въ отдѣленіи „Нива“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ дѣтей, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

**О ДѢТЯХЪ
НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

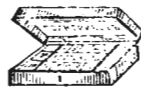
Заглавіе рассказовъ:

- 1) Дяденька. | 3) Ночь. | 5) Грѣхъ ли это?
- 2) Уличная пѣвица. | 4) Обезьянна. | 6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти рассказы представляютъ намъ прелестныя дѣтскія типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти рассказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвкамъ. Цена 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к. — Въ календ. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

За Всероссийск. промышл.

выставку 1882 года.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ „ЖИВОНИСЕЦЪ-САМОУЧКА“.

Полезный подарокъ для всякаго возраста.

Приборъ и брошюра для изученія живописи акварелью по бумагѣ, дереву, матеріи, стеклу и т. п., причемъ не требуется предварительнаго знанія рисованія, и доступно по простотѣ способа даже дѣткамъ. Въ брошюрѣ 14 объяснительныхъ рисунковъ и приложеніе о геліоиниатурѣ. — самымъ легкомъ способомъ раскрашивать фотографическія картонки, безъ знанія живописи.

Полный приборъ содержитъ: въ изящно подшитономъ ящикѣ 10 шаблоновъ кистей, 10 стеколовъ, 10 разноцвѣт. въ стекляннхъ трубочкахъ, 1 стеклянную трубочку съ гумми-арабикой, 1 стекляннй шпательный куратникъ, 1 акварел. кисточку, лезвие, шаблоны и рисунки. Цена прибора съ брошюрою 3 р., брошюра отдѣльно 50 коп., на пересылку и упаковку 1 руб.

Продается у издателя, гравера А. Коирназскаго, Москва, Тверская, д. Саввинскаго подвояра, противъ бриллиантника Махалова, и во всѣхъ лучшихъ эстампныхъ магазинахъ.

Покупающіе у издателя могутъ видѣть образцы работы по этому способу и наглядно ознакомиться съ нимъ. Продавцамъ обыкновенная уступка. Р. № 2459 1-1

„РЕБУСЪ“.

Еженедѣльный загадочный журналъ (годъ третій).

Программа „Ребуса“ въ 1883 г. та же, что и журналъ „Нива“. Кромѣ того его задача, по мѣрѣ возможности, освѣщать всѣ загадочныя явленія жизни. При этомъ магнетизмъ, гипнотизмъ, соннамбулизмъ и „Медумизмъ“ (спиритизмъ) пользуются на его страницахъ полнымъ гостеприимствомъ, при участіи А. Н. Ансакова и профессора А. М. Бутлерова.

Опредѣленіе по известной системѣ Дебароля характера личности по почерку. (Гриффолія). Всѣ подписчики могутъ получить это опредѣленіе.

Въ теченіи года 40 ребусовъ. За каждый, изъ 20-ти премерованныхъ, всѣ рѣшившіе ихъ получаютъ преміи въ видѣ книги, картинъ, портретовъ и проч. Два дѣтскихъ номера съ премерованными задачами.

Прибыль отъ изданія идетъ на содержаніе бесплатной столовой для бѣдныхъ. Цена 3 р., а съ перес. 4 р. На почту 2 р. и 2 р. 50 к. Подписка: у Мелье, Вольфа и безъ дост. у Мартинова. Черезъ почту въ Редакцію (Английскій пр., № 29). Р. № 2456 1-1

Фирма наследника Ивана Тимофѣевича Жилина, производящая торговлю въ г. Москвѣ, Колокольный рядъ, собственная лавка, № 291, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по случаю прекращенія торговли, съ 25 ноября сего 1882 года, начинается окончательная распродажа всего, имѣющагося въ лавкѣ, церковнаго и мѣднаго товара, съ большою уступкою въ цѣнѣ. Имѣется громадный выборъ панцидиль, лампъ, лампады, подсвѣчниковъ, хоругвей, свѣчъ и др. церковной утвари, самаго лучшаго фасона и достоинства, а также полный выборъ мѣднаго товара. Проситъ обратить вниманіе гг. оптовыхъ покупателей и церковныхъ старостъ. Письма и телеграммы адресовать: Москва, Колокольный рядъ, лавка Жилиныхъ, Петру Петровичу Бѣлоорцеву.

Лавка наследника Жилиныхъ, съ амбарами и кладовыми, сдается. Ц. № 2370 8-8

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ХИМИЧЕСКАЯ ВОДА для уничтоженія перхотки на головѣ.
ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА лучшее средство для укрѣпленія волосъ, употребленіе ея приятно и освѣжительно.
ФИЛОДОРЪ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружныя видъ произведеній ея.

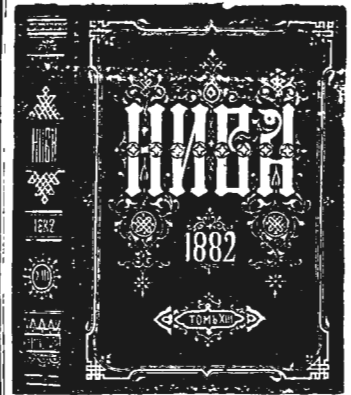
Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмъ:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Анничина моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18-54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2317 3 2

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую каленковую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

ИЗЪ
ЗОЛОТА И СЕРЕБРА,

какъ-то: старинныхъ, золотыхъ эмальированныхъ табакерочъ, вазъ, кубковъ и бокаловъ изъ топаза или камней въ золотой оправѣ, старинныхъ серебряныхъ вещей, какъ-то: кружекъ, бокаловъ, кубковъ, группъ и фигуръ, вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромя монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, г-ну **ЛУДОВИКУ БЕКЪ**, Петровка, домъ Пенскаго, противъ Петровской аптеки.

№ 2278 9-7

РѢДНЫЙ СЛУЧАЙ ПОКУПКИ!

Великобританскій кварталъ домовъ, состоящій изъ 3 приставшихъ къ себѣ и въ хорошемъ состояніи находящихся домовъ, съ прекраснымъ и богатымъ каменнымъ фронтоннымъ фасадомъ, расположенная въ прекрасной и здоровой частіи

ДРЕЗДЕНА,

съ живописнымъ видомъ на Эльбу, продается по очень выгоднымъ условіямъ уцѣлы. Перехѣта не можетъ имѣть мѣста. Почт. реферанты благоволятъ обращаться за подробностями или за полученіемъ фотографіи къ г-ну I. Зону, владѣльцу фабрики въ г. Лодзи или къ г. Францу Листу въ Дрезденѣ. № 2455 3-1

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть **В. И. Келітска**, съ рисунками Пашова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписки „Нивы“ на 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ въ 8-—всего 304 стр. Цена 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

Исключительное дѣло на всю Россійскую Имперію.

Мужскіе карманные часы

неимоვნю подражающіе золотые. Цѣны исключительно съ пересылкой. Цилиндрической большой форм. 7 р. меншей 8 р. Самозаводящіяся 10 р. Вышеуказ. сразу 25 шт. 10% скидка 100 „ 20%
Отправка немедленно по полученіи всей съдѣваемой суммы. Адресъ: Торговый Домъ „Commerce Russe“, Варшава. № 2349 12-9

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIV годъ
№ 6

годъ XIV
1883

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выданъ 5 Февраля 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис. гравн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 50 коп. (3 Mark. 50 Pfep. для за гр. н.) за строку непарелль (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургѣ. . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 н.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысящи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ. въ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1883 г., съ 17 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 24 выкройками въ натуральную величину и 26 рисунк. рукодѣльн. работъ въ русскомъ стилѣ.

Густавъ Доре.

11 Января скончался въ высшей степени оригинальный художникъ—Густавъ Доре — блестящій иллюстраторъ, смѣлый артистъ и скульпторъ, онъ отличался такою быстротою карандаша и кисти, что дѣятельность его, еще при жизни, получила какой-то легендарный характеръ. Говорятъ, что число его рисунковъ и картинъ доходитъ до сорока тысячъ. Онъ исполнялъ ихъ по нѣскольку каждый день. Сынъ бѣднаго инженера, онъ составилъ себѣ карандашемъ огромное состояніе и застроилъ въ Парижѣ цѣлый кварталъ своими домами, на которыхъ, вмѣсто фамиліи хозяина, къ асовались двѣ дѣльныя ноты: *do* и *re*.

Никто еще никогда не обладалъ такимъ блестящимъ чувствомъ юмора, какъ Доре. Расположеніе свѣтовыхъ и тѣневыхъ пятенъ въ рисункѣ у него до того музыкально, что даже враги его направленія признаютъ за нимъ, въ этомъ отношеніи, недостижимую виртуозность. Коичиновка его всегда поразительно красива. Безъ

Густавъ Дорѣ. † 11 Января. Съ фотогр. грав. Барановскій.

дна вкуса, своеобразной красоты линий, смѣлость самыхъ отчаянныхъ ракурсровъ, оригинальный выборъ сюжетовъ, — все это придаетъ его работамъ такую прелесть, что владыка Доре лучше самими рисункомъ—онъ былъ бы величайшимъ рисовальщикомъ міра.

Изъ всѣхъ его иллюстрацій, чуть ли не на первомъ планѣ мы должны поставить *Донъ-Кихота*. Лично побывавъ въ Испаніи и сдѣлавъ тамъ массу набросковъ, Доре болѣе всего подошелъ къ авторскому тексту, именно въ рисункахъ къ Сервантесу.—Когда онъ взялся за Библию, — Парижъ пришелъ въ недоумѣніе: какъ вчерашній каррикатуристъ будетъ работать надъ священными сюжетами. Доре и тутъ вышелъ побѣдителемъ: его Библия имѣла небывающій успѣхъ. Затѣмъ слѣдовало три огромныхъ тома къ Божественной Комедіи Данта—гдѣ есть дѣйствительно, дѣльныя вещи. Наконецъ, послѣ безчисленнаго ряда иллюстрацій къ Аріосту, Лафонтену, Мильтону, — онъ взялся за живопись и скульптуру. Попытки его въ этой области ис-

куства были менѣе удачны, но обнаруживаютъ, во всякомъ случаѣ, вѣдоужинный талантъ.

Смерть застала Доре уже въ преклонныхъ годахъ—„все земное“ имъ было совершенно, и новаго едва ли онъ могъ бы дать. Густавъ Доре, родился въ Страсбургѣ въ 1833 году и воспитывался сначала въ родномъ городѣ, потомъ въ Парижѣ, въ лицѣ Шарлемань. Имѣя всего шесть лѣтъ отъ роду, Доре приводелъ въ восторгъ товарищей и учителей своими рисунками, и первыя его литографіи, изображающія религиозныя празднества, появились въ продажѣ, когда ихъ авторъ не достигъ еще одиннадцатилѣтняго возраста. Въ 1848 году въ издававшемся тогда Филиппономъ „Journal pour tous“ появились его первыя каррикатуры, а немного спустя въ „Journal pour Tous“ обратили вниманіе его рисунки, исполненные глубокаго романтизма. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ усердно работать въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, и когда репутація его, какъ прекраснаго и своеобразнаго рисовальщика, вполнѣ упрочилась, Доре возмѣлъ счастливую мысль иллюстрировать писателей и поэтовъ, имя которыхъ пользуется всемірною извѣстностью. Въ 1854 г. появилось иллюстрированное имъ изданіе сочиненій Рабля, имѣвшее громадный успѣхъ. въ слѣдующемъ году „Легенда о Вѣяномъ Жидѣ“, въ 1856 г.—„Contes drolatiques“ Бальзака. Въ 1861 г. былъ изданъ „Адъ Данте, въ 1862—„Атала“ Шатобриана и „Донъ-Кихоть“, въ 1864 г.—„Библия“, въ 1865, въ Лондонѣ,—„Потерянный рай“ Мильтона, въ 1867—„Басни Лафонтена“, съ 1866 по 1868 гг.—поэмы Теннисона—„Элиана“, „Вивіана“ и „Женевьева“, въ 1868 г.—„Чистилище“ и „Рай“ Данте, въ семидесятыхъ годахъ: „Исторія крестовыхъ походовъ“ Мишо и „Пѣснь стараго моряка“ Кольриджа. Всѣ удивлялись плодовитости Густава Доре, у котораго не только хватало времени для того, чтобы иллюстрировать такія классическія произведенія, какъ „Божественная комедія“, „Потерянный рай“ и „Донъ Кихоть“, и помѣщать безчисленное множество рисун-

ковъ и каррикатуръ въ иллюстрированныхъ періодическихъ изданіяхъ, но и заниматься серьезно живописью. Привести полный списокъ картинъ Густава Доре невозможно. Онъ испробовалъ свои силы по всемъ отраслямъ живописи, начиная съ исторической и кончая жанромъ. Картины Доре всегда и вездѣ очень нравились, производили сильное впечатлѣніе и продавались весьма дорого. Особенно цѣнить его произведенія въ Лондонѣ, гдѣ еще въ шестидесятыхъ годахъ общество банкировъ потратило громадную сумму для постройки обширной и изящной галлерей, исключительно предназначенной для выставки картинъ Доре. Спекуляція эта вполнѣ удалась и банкиры вернули свои расходы сторицею. Въ числѣ другихъ замѣчательныхъ картинъ въ этой галлерей помѣщается самая грандіозная по замыслу и обширная по размѣрамъ картина Доре, изображающая „Патеніе язычества“ Христосъ, предшествуемый ангелами, повергъ въ огненную геену Олимпъ. Архангелъ Михаилъ и ангелы-воины ведутъ борьбу съ древними религіями въ лицѣ боговъ и ихъ разныхъ эмблемъ. По мнѣнію знатоковъ и безпристрастныхъ критиковъ, эта колоссальная картина, гдѣ малѣйшія подробности тщательно обработаны и свидѣтельствуютъ о глубокой эрудиціи ея автора, есть шедевръ Густава Доре. Что всего больше поражаетъ въ Доре—это, безъ сомнѣнія, разнообразіе и гибкость его творчества и въ особенності, при столь непосякаемой плодовитости, то, что какъ живописецъ и рисовальщикъ Доре никогда не повторяется, а создаетъ все новыя формы и типы. Къ одному и тому же сюжету онъ умѣетъ примѣнять новыя формы. Доре, конечно, слишкомъ злоупотреблялъ фантастическими замѣлами, возвышающимися на невозможныхъ скалахъ, и дремучими лѣсами, наполненными чудовищами, но за то сколько величія и знанія въ его „Божественной Комедіи“, сколько изящества и истиннаго юмора въ „Сказкахъ Перро“, „Басняхъ Лафонтена“ и въ „Донъ Кихотѣ“, сколько поэзіи въ „Аталѣ“.

Подъ колесомъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе)

Было уже поздно, когда представленіе кончилось и мы съ нею вышли на воздухъ. Въ толпѣ она взяла руку мою; но публика, высыпавшая на площадь, въ улипахъ стала рѣдѣть и скоро разсѣялась. Огни въ магазинахъ гасли; буржуазная часть населенія очевидно дожилась спать. Въ аллеяхъ, черезъ которыя цѣтъ нашъ лежалъ, все было тихо, и только сонный свѣтъ мѣсяца, проникая сквозь листву, чертилъ на пескѣ золотые узоры. Въ воздухѣ, послѣ жаркаго дня, пахло ночью свѣжестью.

— Какъ хорошо тутъ! сказалъ я, лаская руку моей молоденькой спутницы, лежавшую на моей рукѣ.— Не хочется въ комнату... Сядемъ... И мы съ нею сѣли подлѣ липами, на скамью.

— Какъ хорошо въ такія минуты, Сара, тому, кто молодъ и у кого всѣ надежды цѣлы! На его улицѣ праздникъ, для него ночь тепла и воздухъ душистъ и мѣсяцъ свѣтел!

— Ахъ, мосьѣ Поль! вздохнула она.—Моему празднику скоро конецъ! Папа, какъ вы сами знаете, не сегодня—завтра, оставитъ въ курзалѣ послѣдній грошъ; а вы, добрый другъ, уѣдете, и мы болѣе не увидимъ васъ.—и вся эта радость, все счастье... Голосъ ея задрожалъ.—О! лучше если бы я ихъ совсѣмъ не знала, чѣмъ только что встрѣтивъ, быть вынужденной сказать себѣ, что все это не мое, что все отъ меня уйдетъ какъ милый сонъ, и я проснусь когда нибудь снова на чердакѣ, одна съ несчастнымъ моимъ отцомъ!..

— Вы бы желали, чтобъ я остался дольше тутъ въ В**? сказалъ я!

— О! какъ желала бы!

— Но зачѣмъ?

Она тяжело вздохнула.

— Я буду съ вами чистосердеченъ, Сара. Мой выигрышъ—это все мое обезпеченіе: и оно въ сущности очень невелико. На это нельзя жить богато, а можно только существовать безбѣдно у насъ въ Россіи. Прогрывать, въ долѣ съ вашимъ отцомъ, такую находку,

было бы совершеннымъ безумствомъ. Судить же ему что нибудь, когда онъ спуститъ послѣдній гульденъ, тоже не поведетъ ни къ чему, потому что не остановитъ его на его пути. Что-жъ остается?.. Скажите мнѣ прямо, если вы это знаете, что я могу сдѣлать, чтобъ васъ спасти, и я не уѣду прежде чѣмъ не увижу васъ въ обезпеченномъ положеніи.

— Ахъ, мосьѣ Поль! отвѣчала она:—Еслибъ дѣлошло обо мнѣ одной, я бы сказала вамъ просто:—„Продай все, только бы вы остались!“ Но вы понимаете, что я не о себѣ тревожусь... Мнѣ жалко отца! Всѣмъ сердцемъ жалко! И мнѣ все думается, что если бы вы захотѣли, вы бы могли спасти его. Денегъ вашихъ ему не нужно; покуда у насъ еще есть свои. Нужно одно только: ваше счастье.

— Какимъ же образомъ я могу подѣлиться съ нимъ счастьемъ?

Сара замаялась.—Вы... можете... за него играть, проиграла она.—На его деньги... Вы тутъ ничѣмъ не рискуете... И видя, что я молчу:—Милый мой, мосьѣ Поль! Я васъ умоляю! Сдѣлайте это если не для него, то для меня... если вы любите меня хоть немножко!..

— А вы? повернулъ я вопросъ, шутя.

Она засмѣялась какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ.

— О! что касается до меня, то я люблю васъ страстно.

— Да полно такъ ли? Не шутите-ли вы, Сара?

— Нѣтъ, не шучу. Если бы вы просили меня о чемъ нибудь, я никогда бы не отказала.

— А если бы я попросилъ доказательства?.. И говоря это, я тихонько ее притянулъ къ себѣ.

Она не сопротивилась.—Все, что хотите, шепнула она, прижимаясь щекой къ моему плечу.—У меня нѣтъ положительнаго ничего, въ чемъ я могла бы вамъ отказать, мосьѣ Поль, продолжала она уже не шутя.—Но я боюсь, что я не болѣе какъ ребенокъ въ вашихъ глазахъ и что послѣ всѣхъ доказательствъ, окажется, что вамъ ничего не нужно отъ Сары.

Вмѣсто отвѣта, я обнялъ ее и расцѣловалъ. Она за-

нциалась плохо.—Довольно! Довольно! шептала она.— Вы обращаетесь со мною совсѣмъ какъ съ маленькою дѣвчонкой! А я... О! что мнѣ дѣлать, чтобъ доказать вамъ, что я уже не дитя?... Вотъ!.. И прижавшись къ груди моей, она отвѣчала мнѣ обшешенымъ поцѣлуемъ.

Не взирая на всю рѣшимость играть хладнокровно свою игру—я былъ увлеченъ до безпамятства; трудно сказать, какъ долго оно могло бы продолжиться, если бы шумъ шаговъ, приближавшихся къ намъ, не напомнилъ намъ внятно, что мы на улицѣ. Аллея, въ которой мы съ нею сидѣли, была въ десяти шагахъ отъ ихъ дома и я не успѣлъ придти въ себя, какъ мы были уже у ея дверей. Второнихъ, она назначила мнѣ часъ на завтра, и я общалъ придти.

VIII.

Я воротился къ себѣ влюбленный по уши; но по какому-то странному внутреннему противорѣчю, никакого желанія сдѣлаться зятемъ стараго игрока не связано было съ этимъ чувствомъ. Напротивъ, мени охлаждала мысль, что ниточка, завязавшаяся вчера, способна меня привести къ такой развязкѣ. Съ поверхностной точки зрѣнія кто нибудь скажетъ пожалуй, что это черство; но если принять во вниманіе—какъ неожиданно все случилось и какъ двусмысленны для меня были истинные мотивы Сары, то, говоря по совѣсти, я не могъ и смотрѣть на случившееся иначе, какъ на заманчивую, но рискованную игру. Такъ именно оно и представилось мнѣ, когда, на другой день, рано, жаръ мой немного остылъ и я попробовалъ разобраться въ хаосѣ своихъ впечатлѣній. Многое оставалось однако еще неясно, когда наступилъ уже часъ свиданья, назначеннаго мнѣ Сарою.—„Кто ее выучилъ такъ цѣловаться?“ думалъ я между прочимъ.

Что-то нахнуло мнѣ жаромъ въ лицо, когда я ее увидалъ, и никогда еще она не казалась мнѣ такъ мила. Она сама отворила мнѣ двери, шепнувъ съ шаловливой усмѣшкой, что она нарочно услала горничную. Но когда я хотѣлъ обнять ее, вдругъ измѣнила тонъ и съ какимъ-то печальнымъ видомъ просила меня оставить это. Она не за этимъ меня звала. Она ожидаетъ чтобъ я доказалъ ей иначе свою любовь... И на сцену явилось опять вчерашнее предложеніе.

Я отвѣчалъ, что имѣя въ виду примѣръ отца ея и опасность стать игрокомъ по страсти, я далъ себѣ клятву болѣе не играть, но что я слишкомъ люблю ее, чтобы не сдѣлать для ней исключенія.

— Правда? воскликнула она, вся просіявъ.—О! какъ я счастлива! И какъ выросла на свои глаза!.. Милый мой мосье Поль...

— Зовите меня просто Поль, Сара.

— Поль! Дайте мнѣ убѣдиться въ моемъ торжествѣ. Скажите мнѣ не шутя, что вы изъ любви ко мнѣ рѣшаетесь на такую жертву.

И когда я исполнилъ ея желаніе, она съ какимъ-то восторженнымъ взоромъ, стала мнѣ говорить, какъ она давно уже полюбила меня; и что нѣтъ жертвы, которую она не готова была бы принести, чтобы доказать мнѣ это, и прочее.

Я слушалъ ее съ недоуверчивою усмѣшкой.

— Не странно ли, Сара, сказалъ я:—что на словахъ мы не находимъ жертвы, достаточной чтобы выразить вашу любовь, а на дѣлѣ неидемъ дальше перваго поцѣлуя?

Она покраснѣла какъ только краснѣють въ ея года.

— Не думайте, впрочемъ, что я вамъ ставлю это въ упрекъ, пояснилъ я. Такъ принято, и не ваша вина, что оно такъ принято.

— Мой Богъ! Что такое вы говорите!.. Что принято?

— Принято, что дѣвица въ правѣ идти только до перваго поцѣлуя, послѣ котораго правила осторожности заставляютъ ее остановиться и ждать, чтобы намѣренія

мужчины выяснились. Тогда, если онъ хочетъ чего нибудь далѣе, онъ уже долженъ идти къ родителямъ и просить руки. А затѣмъ: атласное платье, вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ и обѣты передъ алтаремъ...

— Вы насмѣхаетесь надъ женигобой? сказала она испуганная.

— Нѣтъ, Сара, по я говорю о ней равнодушно, какъ о предметѣ меня не касающемся. Я не женихъ. У меня, другъ мой, характеръ такой несчастный, что я не могу отвѣчать за прочность своей привязанности. Люблю пока люблю, а какъ долго буду любить—не знаю.

Она молчала, видимо оскорбленная.

— Поэтому, вы прекрасно сдѣлали, отказавъ мнѣ сегодня въ дальнѣйшихъ, вещественныхъ знакахъ вашей привязанности. Вы убѣдили меня, что вы уже не ребенокъ и что ваша батюшка можетъ быть совершенно спокоенъ, когда онъ уходитъ на цѣлые дни, оставляя васъ дома одну.

— Поль, милый другъ! сказала она.—За что вы меня такъ оскорбляете? Развѣ я вамъ навязываюсь? Я васъ люблю безкорыстно и вѣрю, что вы меня любите также. А что касается до замужства, то я, какъ и всякая дѣвушка, разумѣется не отказалась бы выйти за мужъ за человѣка, котораго я люблю; но мое положеніе таково, что я не могу на это разсчитывать. Я не могу покинуть отца, на старости, одного; а съ нимъ кто захочетъ взять на себя такую обузу?... И говоря это она горько заплакала.

Мнѣ всей душой было жаль бѣдняжку; но все что я могъ бы сказать, чтобъ утѣшить ее, такъ очевидно не достигало цѣли, что лучше было уже совсѣмъ молчать. Подумавъ однакоже, я рѣшился хоть оправдаться, насколько это возможно было въ моемъ положеніи, и взявъ ее за руку:—Сара! сказалъ я:—простите меня, если я такъ неловко и грубо высказалъ вамъ то, что навѣрно на меня сегодняшней вашей строгостью. Клянусь вамъ, что я ни на минуту не сомнѣвался въ *вашь*; но мнѣ невольно пришло на умъ, что, можетъ статься, вчера вы повѣрили вашему батюшкѣ кое-что изъ случившагося и что его уроки...

Но не успѣлъ я договорить, какъ она, исплеснувъ руками, вскочила въ какомъ-то ужасѣ.

— О! я—несчастная... О!—этотъ стыдъ!.. Кто вамъ сказалъ?.. О! я умру отъ стыда!

Съ трудомъ я успѣлъ успокоить ее немного, клятвенно увѣряя, что я ни отъ кого ни слова не слышалъ о томъ, что у нихъ происходило съ отцомъ, и что это, съ моей стороны, только одни предположенія.—Въ которыхъ, къ тому же, нѣтъ ничего обиднаго; Сара прибавилъ я, нѣжно цѣлуя руку ея:—родители, очень естественно, смотря на многія вещи иначе чѣмъ дѣти, и ихъ совѣты склоняются часто на сторону осторожности.

Догадывалась ли Сара, въ какой связи для меня должны были находиться эти совѣты съ вчерашнимъ ея предложеніемъ, только немного спустя, когда мы вернулись къ послѣднему, она уже не пыталась скрыть участіе въ немъ отца.

— Онъ вѣритъ въ ваше неистощимое счастье, говорила она:—гораздо болѣе чѣмъ въ систему, и вѣроятно не будетъ настаивать, чтобы вы держались ея; но онъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы признаться въ этомъ, и вы, мой другъ, будьте великодушны, не требуйте отъ него объясненій на этотъ счетъ.

— Нѣтъ, Сара, я отвѣчалъ:—у меня нѣтъ такой вѣры въ счастье, чтобъ взять на себя отвѣтственность за успѣхъ, рискуя чужими деньгами. Отецъ вашъ долженъ оставить свое самолюбіе и сказать мнѣ ясно: какъ онъ желаетъ чтобъ я игралъ.

— Да какъ угодно.

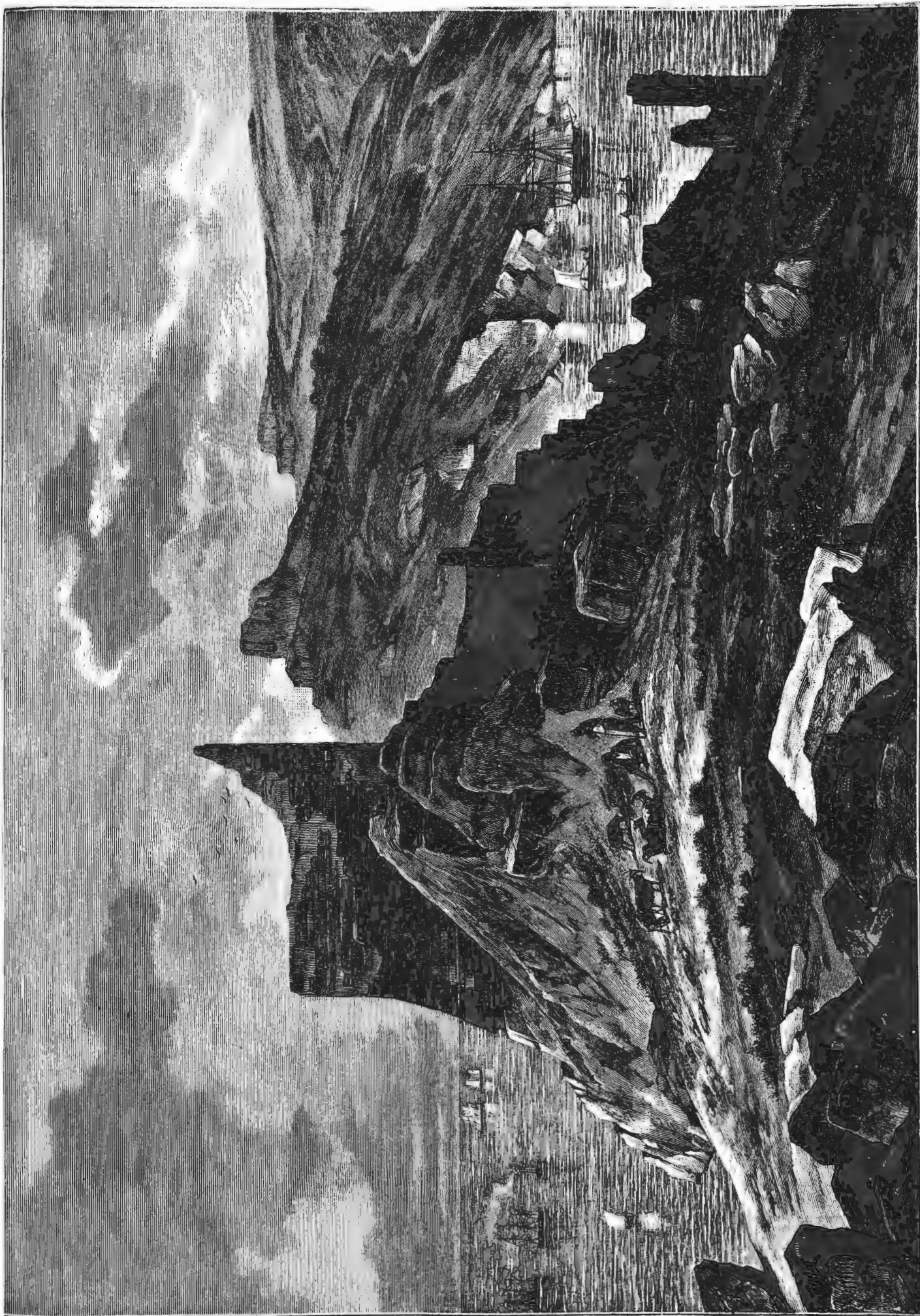
— Онъ вамъ это самъ сказалъ?

— Сказалъ.

— Ну, а если я проиграю послѣднія ваши деньги?

По порошѣ за краснымъ. Съ акварели П. П. Соколова, грав. Флегель.

Крымскіе виды. Близъ Балаклавы. Съ картны акад. Фригге, грав. М. Рашевскій

— Что-жъ? Въ худшемъ случаѣ развѣ не все равно: черезъ его или ваши руки онѣ уйдутъ? Но я надѣюсь, что ваше счастье вамъ не измѣнитъ такъ скоро...

Тѣмъ временемъ, на дворѣ стемнѣло и въ полумракѣ неосвѣщенной комнаты, разговоръ нашъ мало по малу умолкъ. Ночь смотрѣла уже со двора, когда горничная, передъ моимъ приходомъ усланная зачѣмъ-то, вернулась и подала намъ свѣчи. Сара сидѣла облокотясь, у отвореннаго окна. Въ комнатѣ было душно; ни одного дыханія не долетало снаружи. Окно выходило въ садъ; но въ саду не видать ничего, кромѣ чащи зеленыхъ вѣтвей, мѣстами почти врывавшихся въ комнату. Густая листва ихъ, въ свѣтѣ огня почти обезцвѣченная и какъ-то мертвенно неподвижная, напоминала скорѣй театральную декорацию, чѣмъ живую зелень... Въ квартирѣ было такъ тихо, что слышенъ былъ шелестъ ночныхъ мотыльковъ, залетавшихъ изъ сада, въ отворенное окно.

Послѣ довольно долгаго перерыва, во время котораго я съ участіемъ вглядывался въ ея отуманенныя раздумьемъ черты, нашъ разговоръ вернулся мало по малу къ игрѣ, и на мои расспросы Сара, съ застѣнчивою усмѣшкой, призналась мнѣ, что ее иногда смущаетъ едва одолимое искушеніе.—Мнѣ снятся, рассказывала она:—игорный столъ и нумера, на которые я выигрываю, и куча золота, которую я не знаю какъ унести; и послѣ этого меня тянетъ *туда*, такъ тянетъ, что если бы я не боялась отца, я побѣжала бы тотчасъ въ курзалъ.

— Сара! сказалъ я испуганный.—Я васъ не понимаю! Какъ можете вы относиться съ такою ребяческою безпечностью къ такимъ страшнымъ вещамъ?

Она подняла на меня удивленный взоръ.

— А что? сказала она спокойно.

— Какъ что? Да вѣдь это сѣмя той самой страсти, которой отецъ вашъ обязанъ всѣми несчастіями! Это протянутыя къ вамъ лапы дьявола, которыя ждуть только случая, чтобы увлечь васъ туда, откуда не существуетъ возврата!

Что-то тревожное промелькнуло въ ея чертахъ; но, посмотрѣвъ на меня съ минуту серьезно, она улыбнулась.

— О! вамъ легко читать мнѣ мораль! сказала она:— послѣ того какъ сами вы наигрались властью! Но когда васъ тянуло *туда*, вы вѣдь не побоялись дьявола. И кажется онъ вамъ не далъ причины раскаяться, что вы съ нимъ имѣли дѣло. Вотъ, вы теперь съ деньгами и никакой несчастной страсти, благодареніе Богу, еще не нашли.

Я собирался ей возражать, но въ самую эту минуту громкій, нетерпѣливый звонокъ заставилъ насъ вздрогнуть. Въ прихожей былъ слышенъ знакомый голосъ. Сара вскочила и бросилась со всѣхъ ногъ на встрѣчу отцу. Но онъ уже былъ на порогѣ и стѣло только взглянуть на него, чтобы прочесть въ движеніи, въ позѣ, во взорѣ, въ малѣйшей жилкѣ его лица,—свирѣпое торжество.

Это былъ первый разъ, что онъ воротился домой съ крупнымъ выигрышемъ.

IX.

Счастіе, съ этого вечера, повалило старому игроку широкой, почти непрерывною полосой, и онъ скоро разбогатѣлъ, переѣхалъ въ большую, богато меблированную имъ на свой счетъ квартиру, завелъ щегольской экипажъ, знакомства. Выигрыши его, своимъ числомъ и быстро-ростущею суммою, далеко затмили мою единственную, хотя и блистательную побѣду. Въ городѣ, имя Фіамеса было на языкѣ у всѣхъ, игра его собирала вокругъ густую толпу. Минутъ черезъ пять послѣ его прихода, къ столу уже трудно было протискаться, и въ послѣднихъ рядахъ, любопытные вынуждены были

взлѣзать на стулья. Чтобы видѣть его игру, я часто бралъ его подъ руку и мы подходили къ рулеткѣ вмѣстѣ. Ледъ, накопившійся между нами за время его неудачъ, теперь растаялъ; мы говорили свободно о томъ, что недавно еще выводило его изъ себя;—старикъ сталъ любезенъ, веселъ,—со мной особенно; клялся, что онъ никогда не забудетъ моей услуги, мало того—что онъ возвратитъ мнѣ деньги тотчасъ, какъ только кампанія этого года окончится. На расспросы мои о его системѣ, онъ увѣрялъ, что держался и продолжаетъ держаться ея до сихъ поръ.

— Безъ счастья однако не обошлось, замѣтилъ я ему разъ, съ усмѣшкой.

— Ну, я вѣдь и не утверждалъ, что обойдется, отвѣчалъ онъ съ своею старою самоувѣренностью. Банкъ, какъ вы видѣли въ вашемъ случаѣ, тоже не застрахованъ противъ капризовъ счастья; а между тѣмъ никто не оспариваетъ его системы. Да и помимо игры, во всемъ гдѣ успѣхъ зависитъ хоть сколько нибудь отъ счастья, тоже. Возьмите хоть судоходство. Паръ—вѣрный слуга мореплавателя; но противъ шторма и паръ безсиленъ. Мнѣ самому случилось однажды выдержать ураганъ въ Бискайскомъ заливѣ; и насъ, въ одинъ день отнесло на четыреста миль отъ нашего курса, къ западу, не зирая на то, что руль, все время, положенъ былъ прямо противу вѣтра и винтъ работалъ не останавливаясь... Моя ошибка совсѣмъ не въ системѣ; а въ томъ, что я рисковалъ безъ нужды. Я слишкомъ нетерпѣливъ, чтобы играть, какъ мы съ вами играли сначала, симпелами—и прочее.

Но не зирая на все, что онъ говорилъ, у меня оставались свои сомнѣнія...

Между пріѣзжими въ В**, отыскался какой-то старый знакомый его, французскій банкиръ съ семействомъ, и Сара, первый разъ въ жизни, увидѣла общество. Пошли пикники, обѣды и выѣзды. Она не умѣла ѣздить верхомъ; отецъ взялъ ей берейтора. Но первымъ, большимъ торжествомъ ея былъ одинъ изъ публичныхъ баловъ въ курзалѣ. Курсъ свѣтскаго воспитанія Сары былъ коротокъ, но сѣмя его унало на благодарную почву и никакихъ слѣдовъ неловкости, робости, ничего однимъ словомъ, напоминающаго дѣвчонку въ ситцевомъ платьицѣ, бѣгавшую еще недавно въ школу и убиравшую собственными руками ихъ жалкую, маленькую квартирку подъ кровлями,—невозможно было узнать въ прелестно одѣтой, нѣжной и свѣжей какъ только что распустившаяся лилія дѣвушкѣ, которая появилась объ руку съ своимъ старымъ отцомъ, въ освѣщенномъ à jour и полномъ уже народа залѣ. Немногіе знали ее, но всѣ замѣтили, и въ какую нибудь минуту, имя Сары Фіамесъ облетѣло собраніе... Успѣхъ былъ рѣшительный. Когда, пролясавъ весь вечеръ, она, съ отцомъ, при разлѣздѣ, ждала своего экипажа, вокругъ суетилась ужъ цѣлая свита разноплеменныхъ поклонниковъ. И все это перебивало у нихъ на другое утро; и Сара, съ усмѣшкой, показывала мнѣ потомъ букеты, которые она получила отъ двухъ молодыхъ англичанъ и какого-то русскаго. Послѣдняго, впрочемъ, я никогда у нея не видалъ; да и имя его похоже было на выдуманное. Она называла его „Comte Sachinká“.

Съ легкой руки этихъ первыхъ ея почитателей, около Сары скоро образовался маленькій дворъ, который дѣлалъ ее для меня съ каждымъ днемъ недоступнѣе. Утромъ, у нихъ въ пріемной, и послѣ обѣда, на эспланадѣ, не говоря уже о прогулкахъ за городомъ, ее почти невозможно было застать одну. Напрасно я жаловался, прося удѣлить мнѣ изъ длиннаго дня, хоть полчаса, въ которые я-бы зналъ, что не встрѣчу у ней гостей, какая нибудь отговорка была всегда у нея на готовѣ, и я уходилъ ревнивый, озлобленный.

Вліяніе новой среды на Сару, къ несчастію, скоро стало весьма ощутительно. Робость и простодушный во-

сторгъ ребенка, который тѣшился новымъ своимъ положеніемъ какъ игрушкой, смѣнились гордой самоувѣренностью принцессы, послѣ годовъ несчастія наконецъ вступившей въ свои наслѣдственные права. Все стало низко или смѣшно въ глазахъ ея, что носило хотя малѣйшія слѣды мѣщанскаго, ограниченнаго достатка и бережливости; а на то, что стояло выше буржуазнаго уровня по своему общественному значенію или заслугамъ, она смотрѣла уже въ очки двусмысленной сферы ея окружавшей, какъ на готовый сюжетъ для буффа. Сплетни и анекдоты о людяхъ съ извѣстнымъ именемъ, составлявшихъ—въ числѣ другихъ—пріѣзжее общество, и насмѣшки надъ ихъ наружностью, надъ туалетомъ и надъ манерами дамъ изъ ихъ семейства, служили самой обыкновенной темой разговора въ этой компаніи, и меня удивляло только какъ быстро Сара усвоила ея легкой, шутливо презрительный тонъ и ея способность скользить играя по самымъ серьезнымъ вещамъ.

Ко мнѣ пріятели ея относились, какъ за границей часто относятся къ русскимъ, съ той полною затаенной насмѣшкой, хотя и любезною снисходительностью, съ которою тамъ всякій кельнеръ въ отелѣ смотритъ на васъ какъ на наряженнаго по европейски татарина. Мой подвигъ однакоже не былъ забытъ и я былъ обязанъ ему извѣстной долей личнаго уваженія, вездѣ и всегда внушаемаго удачей. Народъ былъ бойкій и разгульный; невольно перезнакомившись съ нѣкоторыми, я ихъ встрѣчалъ потомъ въ холостой компаніи, на распашку, въ буфетахъ, въ биллиардныхъ комнатахъ, и слышалъ ихъ пріятельскія бесѣды между собой, за бутылкой вина. Грубость, подъ вѣшнымъ лоскомъ, и низкіе или хищническіе инстинкты сквозили въ этихъ бесѣдахъ, прикрытые ровно настолько, чтобъ не бросаться въ глаза. День за день, мнѣ наконецъ опротивѣла ихъ компанія и я признался въ этомъ чистосердечно Сарѣ.

— Пари держу, что между ними есть парикмахеры или портные, сказалъ я ей какъ-то однажды, когда мы остались съ ней на минуту одни.

— Почему вы знаете? возразила она съ досадой.

— Да по тому, какъ господа эти любятъ хвастать своимъ знакомствомъ съ домашними обстоятельствами князей и графовъ. По своему развитію и манерамъ, они конечно не могутъ принадлежать къ ихъ обществу; а между тѣмъ, кому-же можетъ быть такъ хорошо извѣстна скандальная хроника этихъ баръ, какъ не артисту, который каждый день краситъ имъ волосы или ѣздитъ къ нимъ примѣрять ихъ фраки и сюртуки?

Она обернулась, замѣтно уколота, и посмотрѣла пристально мнѣ въ глаза.

— Что съ вами? сказала она. — Я никогда, еще не видала у васъ такого злаго лица!.. Если вамъ хочется оскорбить меня, то чѣмъ виноваты мои пріятели въ этомъ желаніи?

Я отиѣчалъ, что она напрасно за нихъ обижается;— я не думалъ ихъ оскорблять догадкой, что между ними есть люди, живущіе честнымъ трудомъ.

— Вотъ какъ?.. Ну а позвольте узнать, остальныхъ то вы за кого считаете?

— Не знаю, Сара. На лбу у людей не написано ихъ ремесло; но надо быть осторожнымъ. Здѣсь, у игорныхъ столовъ, стекаются всякаго рода подонки, отъ офицера, выгнаннаго изъ своего полка за шулерство, и до бонтонаго каторжника.

Она надулась, и послѣ этого, долго я не слышалъ отъ нея ни слова искренняго.

Августъ тѣмъ временемъ приходилъ къ концу; по городъ былъ полонъ, и ни одинъ изъ знавшихъ его въ былые года, не помнилъ такого сѣзда. Слухи, что банкъ въ опасности, и что самъ хозяинъ его, съ громаднымъ резервнымъ фондомъ, давно уже тутъ—въ исходѣ мѣсяца начали привлекать изъ Эмса, изъ Бадена, изъ Парижа,—массу досуужихъ охотниковъ поглазѣть на большую игру.

Но большая часть уѣзжала разочарованная, такъ какъ рѣшительный бой длился обыкновенно не долѣе двухъ часовъ въ сутки, и въ эту пору, игорный локаль рулетки не съ состояннн былъ вмѣстѣ всей публики. Многие, не успѣвъ пробиться къ столу, уходили въ читальныя залы или на эспланаду, и тамъ поневолѣ вынуждены были довольствоваться извѣстіями, которыя получались съ поля сраженія. Самъ старый герой его часто изнемогалъ отъ усталости, духоты и отъ силы своихъ впечатлѣній. Страшно было смотрѣть на него когда ему не везло. Онъ приходилъ въ неистовство, рвалъ на груди бѣлье, рвалъ галстукъ и съ воспаленнымъ взоромъ, съ давленными проклятіями на языкѣ, хватался за волосы. Кто видѣлъ его въ такіе минуты, дивился только какъ силы его выдерживали ту истинно-адаскую степень нравственнаго страданія, которая искажала его лицо. Но ни угрозы врачей, пугавшихъ его разрывомъ сердца, ни увѣщанія дочери и друзей, ни мирныя предложенія со стороны врага, который готовъ былъ на всякую сдѣлку, ничто не могло смягчить побѣдителя.

— Покуда я живъ, зарекался онъ какъ-то однажды, съ пѣной у рта:—и покуда у этой собаки (его противникъ) звенитъ хоть одинъ червонецъ въ карманѣ, я не окончу игры!.. Съ *нимъ*—миръ? Нѣтъ, погоди пріятель?.. А вотъ когда тебѣ грязной рубахи перемѣнить будетъ печѣмъ, и не на что будемъ купить куска мыла, чтобъ вымыть ее, тогда мы будемъ съ тобой говорить о мирѣ!

— Да, хорошо если вамъ удастся дѣ-чиста его обиграть; ну а если вы не успѣете въ этомъ? Если напротивъ онъ, съ своимъ сто-милліоннымъ фондомъ, одержитъ верхъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня тревожно.

— Вздоръ! произнесъ онъ. — У Нуара нѣтъ и черверти этого.

— Ну да хотя-бы и четверть;—все таки это сила, которой хватить на самую длинную полосу неудачи!.. Фіаместь! подумайте, чѣмъ вы рискуете? Вы теперь человекъ богатый и можете кончить жизнь въ довольствѣ, котораго вы давно не знали, на родинѣ, среди старыхъ друзей и семейства. Дочь ваша можетъ сдѣлать блестящую партію и вы будете еще нянчить внучать!.. Но если вы о себѣ не думаете, то пожалѣйте хоть Сару. Вы не имѣете права ставить на карту ея судьбу. Бросьте ваши безплодные замыслы мести; бросьте игру навсегда и уѣдемъ отсюда—завтра... сейчасъ!..

Но только что я начиналъ говорить объ этомъ, онъ началъ говорить о своей системѣ и не было никакой возможности образумить его!.. Выигравшей его никто изъ насъ не считалъ; но по слухамъ, которые шли изъ банка, они достигали до 3-хъ милліоновъ франковъ; и говорили, что Нуаръ предлагалъ ему еще столько-же за его систему, съ условіемъ чтобы онъ бросилъ игру навсегда. Отказъ заставилъ перваго обратиться къ другому средству. Это былъ хладнокровный, ловкій, рѣшительный человекъ, который вдобавокъ зналъ хорошо, хотя и побаивался своего болѣе гениальнаго, но несравненно менѣе сдержаннаго врага!.. Въ одно прекрасное утро, банкъ объявилъ, что съ 1-го сентября и до конца сезона этого года, въ виду особенно круной игры, ставки сверхъ максимума допускаются по соглашенію!.. Это была ловушка;— но прежде чѣмъ продолжать, я долженъ упомянуть, въ короткихъ словахъ, о несчастіи, которое около этой поры, постигло меня.

X.

Въ часы вращанія моего у игорныхъ столовъ, мнѣ часто случалось встрѣчать тамъ одного дурно-одѣятаго, долговязаго, деревянно-пеповоротливаго и угловатаго молодого нѣмца, католика, изъ подъ Кельна. Имя его было Штнммеръ. Жидкіе русые волосы и козлиная борода его цвѣтомъ едва отличались отъ смуглаго цвѣта

лица. Онъ былъ безстрастенъ на видъ и въ компаніи молчаливъ какъ рыба. Большіе, синіе, углубленные въ своихъ орбитахъ и задумчивые глаза не искрились, не смѣялись, впалыя щеки не вспыхивали румянцемъ. Исторія этого человѣка, до его появленія въ В**, весьма коротка. Окончивъ курсъ медицины въ Боннскомъ университетѣ, онъ думалъ жениться и завести аптеку. Невѣста была найдена и нѣтъ никакого сомнѣнія, что это былъ выборъ сердца; но счастье молодой четы, по нѣмецки, было отложено до тѣхъ поръ, когда матеріальная обстановка его будетъ готова. Бездѣлицы не хватило, чтобъ планъ этотъ сбылся. Старикъ, отецъ Штимера, мелкій уѣздный лекаръ, скоропостижно умеръ и маленькая его недвижимость, единственная надежда сына, пошла за долги съ молотка. Это былъ недочетъ, который перевернулъ вверхъ дномъ бѣднягу. Счастье словно играло въ прятки съ нимъ, такъ прилежно онъ началъ его искать на разныхъ, темныхъ путяхъ: — въ игрѣ, въ лотереяхъ. Отказывая себѣ во всемъ, онъ откладывалъ большую часть своего небольшого жалованья провизора, чтобы израсходовать его на какую нибудь затѣю, сулящую ему шансы сразу разбогатѣть; но ничего значительнаго не представлялось. Нѣсколько изобрѣтеній по своей части не дали ему ни копѣйки; — въ карты его обыгрывали; — на лотереяхъ — онъ выигралъ только одну картонную бонбоньерку со старыми леденцами, да мельхиоровый портсигаръ. Но за пять лѣтъ экономіи, у него скопилось около тысячи гульденовъ, съ которыми онъ не зналъ чтѣ дѣлать. Тогда, самъ дьяволъ, въ образѣ мелкаго книжнаго торговца на ярмаркѣ, взглядываясь въ его лицо, чтобъ угадать чего ему требуется, подсунилъ ему брошюрку съ заклеенною кругомъ оберткою и съ заманчивымъ, красными буквами пропечатаннымъ названием: — „*Вѣрный способъ выиграть 200,000*“... Способъ былъ слишкомъ явно нѣтъ, чтобъ соблазнить молодого провизора, знавшаго цѣнну рекламъ по составу цѣлительныхъ эликсировъ и разнаго рода другихъ, универсальныхъ средствъ, которыми были полны витрины его аптеки; но онъ натолкнулъ мечтателя на опасный путь... И вотъ, черезъ годъ послѣ этого, Штимеръ стоялъ у рулетки со всей своей экономіею въ карманѣ и разумѣется съ собственной, безошибочною системою въ головѣ.

Фигура его была уже мнѣ знакома, когда я встрѣтилъ или вѣрнѣе увидѣлъ его однажды, шагахъ въ двадцати передъ собою, въ любимомъ мѣстѣ моей прогулки, тѣнистой аллеѣ Эберталь. Но мнѣ вѣроятно и въ голову не пришло бы заговорить съ нимъ, еслибъ меня не поразило какое то странное и совсѣмъ несвойственное его наружности возбужденіе, въ которомъ онъ находился. Онъ шелъ въ припрыжку, дико размахивая руками и распѣвая на всю долину, нѣмецкимъ, горловымъ теноромъ, отрывки застольныхъ студенческихъ пѣсенъ, кончавшіеся самымъ нелѣпымъ образомъ, йодулами и трал-ла-ла. Я былъ уже близко, какъ вдругъ онъ бросился на траву и зарыдалъ. Понятно, въ своемъ аффектѣ, онъ не замѣтилъ присутствія посторонняго человѣка сзади; но тѣмъ не менѣе все это поразило меня и я, подбѣжавъ, спросилъ его по нѣмецки: — чтѣ съ нимъ?

Испуганный и сконфуженный, не понимая какъ я очутился тутъ, онъ приподнялся, всматриваясь.

— Вы русскій, который выигралъ миллионъ? сказалъ онъ, узнавъ меня.

Смѣясь, я поправилъ его ошибку и слово за слово, мы съ нимъ разговорились. Бѣдняга, бившійся съ мѣсяцъ безъ результата, сегодня былъ первый разъ въ выигрышѣ; но съ непривычки, это ударило ему въ голову такъ, что по собственному сознанию, я его долженъ былъ считать за сумасшедшаго или пьянаго. Въ рѣчахъ и въ манерахъ его было что то простое и искреннее. чтѣ невольно расположило меня къ нему. Встрѣчаясь

почти каждый день, мы дѣлали съ нимъ иногда прогулки за городомъ. Во время одной изъ такихъ прогулокъ, онъ рассказалъ мнѣ чистосердечно свою исторію...

Претензіи его были изъ самыхъ скромныхъ. Разъ заручившись удачей, онъ скоро выигралъ болѣе чѣмъ ему было нужно; но голова у него была уже отуманена быстрой наживой и никакіе совѣты и убѣжденія не могли заставить его окончить игру. Когда я пугалъ его, что онъ можетъ все проиграть, онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не ребенокъ. Онъ далъ себѣ клятву забастовать и уѣхать отсюда тотчасъ, какъ только излишекъ, теперь приобретенный имъ сверхъ смѣтной суммы, уйдетъ у него изъ рукъ, — и онъ это сдѣлаетъ.

— Я считъ бы себя за подлеца, прибавилъ онъ горячо: — если бы я позволилъ себѣ сознательно проиграть хоть гульденъ изъ денегъ, необходимыхъ мнѣ съ моею Эмилией.

— Смотрите, Штимеръ, сказалъ я ему: — не полагайтесь слишкомъ на этого рода зарокъ. Дьяволъ игры лукавъ и онъ можетъ сыграть съ вами злую шутку.

— Однако, вотъ съ вами же не сыгралъ?

— Но я отъ него удалился во время. Я не играю болѣе.

— А зачѣмъ же вы тутъ живете?

— Да какъ вамъ сказать?... Я изучаю характеръ и слабости игроковъ.

— Ну, я надѣюсь, что въ вашихъ этюдахъ, если они у васъ будутъ записаны, мой параграфъ не сдѣлаетъ мнѣ стыда.

Надежда эта однакоже не сбылась, и въ исходѣ августа, въ одно дождливое утро, передъ обѣдомъ, несчастный сидѣлъ у меня съ помертвѣвшимъ, осунувшимся лицомъ, и съ трясущимися руками, — живая картина отчаянія.

Разсказъ его былъ коротокъ, да онъ и не могъ разсказывать связно; — языкъ его спотыкался, губы косило и передергивало. Напрасно я убѣждалъ его, что въ сущности онъ потерялъ только деньги, которыя онъ привезъ съ собою, и что смѣшно отчаяваться изъ за такого вздора; — что онъ здоровъ, молодъ, а жизнь широка и служба провизора въ ней не единственный путь, на которомъ, съ терпѣніемъ и настойчивостью, можно себѣ приобрести достатокъ. На всѣ попытки мои утѣшить и ободрить его, онъ молчалъ, потупивъ глаза, какъ осужденный. Но когда кончивъ, я предложилъ ему небольшую сумму денегъ, достаточную чтобъ расплатиться тутъ въ городѣ и вернуться домой, бѣдняга ожилъ, взялъ у меня мой чекъ, и крѣпко пожалъ мнѣ руку, исчезъ.

Мнѣ показалось странно, что онъ не простился и не сказалъ ни слова о времени своего отъѣзда. — „Значить, не думаетъ уѣзжать сегодня...“ Короче, я былъ увѣренъ, что я увижу его еще. И въ этомъ я не ошибся; но все остальное, чтѣ связано было фатальнымъ образомъ съ нашей послѣдней встрѣчей, стряслось неожиданно.

Смеркалось, и на небѣ, послѣ дождя, начинало проясняться, когда окончивъ послѣобѣденную прогулку въ паркѣ, я подходилъ къ курзалу. Онъ былъ уже весь въ огняхъ и на эспланадѣ толпился народъ. Музыка только что начинала какой то вальсъ. Обогнувъ съ правой руки бассейнъ, я шелъ дорожкой, у воды, какъ вдругъ, навстрѣчу мнѣ, изъ толпы выдѣлилась сумрачная, мужская фигура.

— Штимеръ? воскликнулъ я поровнявшись.

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ то косо и, не отвѣчая, ускорилъ шагъ... Я повернулъ назадъ и за нимъ.

— Штимеръ! чтѣ съ вами?

— Оставьте меня... Я человѣкъ погибшій...

— Куда вы идете?

— Къ чорту!

Въ эту минуту, я обогналъ его и, заступивъ дорогу, принудилъ остановиться.

Густав Дорé. „Потерянный рай“, Дж. Мильтона.
„Сатана низвергается съ водопадомъ и выходитъ окутанный вечернимъ туманомъ“. (Пѣнь IX, стр. 169).

— Вы проиграли деньги?

— Что вам за дѣло? Я у васъ не прошу другихъ. Я не спускалъ съ него глазъ. Онъ держалъ правую руку за пазухой, очевидно сжимая что то.

— Штимеръ! Ради самого Бога! Что вы хотите дѣлать съ собой?

— Единственное что остается во власти моей. Пустите! Не вынуждайте меня окончить счеты тутъ, на виду у всѣхъ... Пустите, я вамъ говорю;—а не то...

И отскочивъ отъ меня какъ бѣшеный, онъ выхватилъ изъ за пазухи то, что сжимала его рука. Въ тѣни не видать было что, но я слышалъ явственно взводъ курка. Что было дальше, осталось въ памяти у меня какъ тяжелый сонъ. Помню, что я схватилъ его за руки; помню задавленный крикъ, борьбу и звукъ выстрѣла. Помню еще какое то странное ощущение въ лѣвомъ боку, словно я стукнулся обо что нибудь, и въ груди у меня захватило дыханіе, голова ослабла, въ глазахъ завертѣлись какіе то огоньки...

Я очнулся въ курзалѣ, раненый, и вокругъ меня суетилось нѣсколько незнакомыхъ людей. Руки у одного изъ нихъ были въ крови; другой подносилъ мнѣ ко

рту стаканъ воды; и они говорили между собою что то невнятное,—комната, лица—все колыхалось и плыло вокругъ меня. На подъѣздѣ, когда меня усаживали въ карету, я потерялъ опять сознание. Послѣ ужъ я узналъ, что старикъ Фиаместъ, услышавъ о моемъ несчастіи, бросилъ игру и что, по его настоянію, меня отвезли къ нему.

Штимеръ остался дѣлать. Какіе то два швейцарца, педшие недалеко, успѣли обезоружить его. Онъ былъ задержанъ и дни черезъ два, когда отсутствіе всякаго рода умысла противъ меня со стороны его стало ясно, высланъ изъ города. Но не далѣе какъ съ недѣлю тому назадъ,—я имѣлъ удовольствіе получить отъ него письмо, которое успокоило совершенно мое опасеніе. Нѣмецъ писалъ мнѣ, что послѣ того какъ Богу угодно было, моими руками, спасти его отъ безумнаго дѣла, онъ много думалъ, и что несчастный исходъ этого случая для человѣка ни въ чемъ неповиннаго, больше всего отрезвилъ его. Онъ отрѣкся теперь отъ дьявольскаго соблазна и, не теряя надежды на счастье, занятъ полезнымъ трудомъ.

(До слѣд. №.)

Другъ Камилла.

Разсказъ Альбини.

Его друзья? Это были все чрезвычайно симпатичные и скромные молодые люди.

Такъ думалъ всегда Камиллъ Морандо съ полнымъ убѣжденіемъ и удовольствіемъ; но въ одинъ прекрасный день ему пришлось повторить себѣ эти слова вопросительно. И неудивительно, онъ только что просилъ позволенія своей будущей тещи синьоры Анны Торрезе, представить ихъ ей и вдругъ сталъ затрудняться въ выборѣ.

— Фортини, думалъ Морандо, возвращаясь въ городъ въ этотъ вечеръ. О, это прекраснѣйшій человекъ въ мірѣ! Вѣчная улыбка на розовомъ и бѣломъ личикѣ, всегда готовъ оказать услугу друзьямъ и постороннимъ.

Но Боже мой! Онъ былъ такой смѣшной, простодушный и неловкій! Въ обществѣ, его можно принять просто за идиота, онъ просто возбуждалъ жалость. Никогда онъ не могъ отвѣчать впопадъ, краснѣлъ ото всего; подать руку дамѣ боялся ужасно; то протянетъ ее, то опять отдернетъ и когда наконецъ надумается, то дама ужъ давно отошла. Но самый трудный подвигъ для Фортини—выбрать себѣ сѣдалище. Мягкая мебель пугала его, пожалуй, еще больше дамъ и онъ не смѣлъ даже взглянуть на нее; оставалось выбрать одинъ изъ пяти или шести разнаго рода стульевъ и стульцевъ. Кажется легко—а между тѣмъ выходило очень серьезное дѣло! По крайней мѣрѣ судя по раскраснѣвшемуся лицу и растерянному виду Фортини, когда это ему удавалось наконецъ. Онъ предпочиталъ всему складные стулья; но еще не выучился садиться на нихъ и потому большею частью слышался крахтъ... и Фортини, если не всякій разъ терялъ равновѣсіе, то всегда окончательно приходилъ въ крайнее замѣшательство.

Камиллъ рѣшилъ, что будетъ чисто добрымъ дѣломъ не подвергать Фортини мученію новаго представленія. Можетъ быть, онъ такъ-же подумалъ при этомъ и о складныхъ стульяхъ дома Торрезе—не ручаюсь за это.

Ну, а этотъ милѣйшій инженеръ Карини? Проворный, веселый, немного хвастунъ. Онъ занимался въ филологическій клубъ и каждый вечеръ ходилъ туда ораторствовать на своемъ чистѣйшемъ нарѣчій и декламировать сочиненія Порта. Онъ былъ удивительно симпатиченъ, но остроуміе его не всегда отличалось скромностью, а его живость граничила съ нахальствомъ. Онъ никогда не видалъ его въ дамскомъ обществѣ и за него боялся. Нѣтъ, онъ не рѣшился имъ рисковать.

А Казелли! Вотъ человекъ: поэтъ, красивый, краснорѣчивый и вдобавокъ несчастный! Онъ подумалъ полшутя, полусерьезно, что всѣ молодыя дѣвушки влюблялись въ него. Слѣдовало-ли Морандо подвергать свою невѣсту такому испытанію? Онъ нашелъ, что это было-бы по меньшей мѣрѣ лишнее.

Но вотъ Пеппо Маффенсъ? И его сердце болѣзненно слаболось...

Кто-бы могъ подумать, когда они учились вмѣстѣ и у нихъ было все нераздѣльно, что придетъ время, когда они будутъ жить врозь и какимъ образомъ! Что одному будетъ совѣстно представить товарища своей невѣстѣ?

Прежнему Маффенсу, Камиллъ повѣрилъ-бы даже тайну любви, наполнявшей теперь всю его жизнь, а теперешнему Маффенсу онъ рѣшился объявить только, когда день свадьбы былъ уже назначенъ. И то онъ долго думалъ какъ лучше сказать ему это. Морандо боялся сострадательнаго и горькаго взрыва смѣха,

которымъ Пеппо теперь отвѣчалъ на его самые важные планы и лучшія мысли.

Наконецъ онъ рѣшился и сказалъ ему.

Пеппо взялъ его за подбородокъ, повернулъ его лицо къ себѣ, какъ будто онъ былъ ребенокъ, и серьезно смотря ему въ глаза, спросилъ:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать пять.

— Бѣдный мальчикъ! и онъ быстро провелъ исхудалой рукою по его волосамъ.

— Ты вѣришь, что я желаю тебѣ добра?

— Больше чѣмъ я того стою.

— Больше чѣмъ себѣ?

— Чѣмъ кому? и Камиллъ засмѣялся.

Маффенсъ поблѣднѣлъ, но въ это время подошелъ товарищъ и предложилъ зайти къ Хази, выпить стаканчикъ вина.

О! да, Камиллъ совсѣмъ забылъ объ немъ!

Паоло Батъяни!—Вотъ другъ, котораго можно безопасно представить! Изящный, любезный, настоящий рыцарь предупредительности; онъ одинаково учтивъ со всѣми: старыми и молодыми, прекрасными и некрасивыми, прямой, открытый, открытый, какъ будто ухаживалъ за всѣми. Онъ былъ общій любимецъ дамъ, особенно тѣхъ, на кого другіе не обращали вниманія.

Камиллъ вспомнилъ съ какимъ восторгомъ говорила о его другѣ старушка тетка его невѣсты и подумавъ: „имъ будетъ приятно, если я приведу его“, написалъ Паоло Батъяни:

„Хочешь, я познакомлю тебя съ семействомъ Торрезе? Приходи на станцію, въ субботу, къ полудню, въ четыре часа“.

Паоло отвѣтилъ ему: „Очень и очень радъ познакомиться съ семействомъ Торрезе. Я уже имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ нѣкоторыми членами его въ домѣ Біанки. Въ субботу, въ четыре часа буду на станціи. Благодарю“.

Наступила суббота и оба молодые человека отправились вмѣстѣ. Паоло держалъ въ рукахъ таинственный, почтенныхъ размеровъ, бумажный свертокъ, перевязанный розовой шелковой лентой, и во время короткаго переѣзда успѣлъ предупредить желаніе одной дамы, отдернувъ занавѣску и приподнявъ оконное стекло, за что его весьма сухо поблагодарили, и это нисколько не смутило его.

Подѣзжая къ Т*** онъ вынулъ изъ кармана футляръ съ туалетными принадлежностями и принялся расчесывать усы, смотря въ маленькое зеркальце; только что онъ кончилъ, какъ паровозъ остановился.

Все семейство Торрезе находилось на станціи, включая отца, занятого своими шелковичными червями. Тутъ была синьора Анна, а съ нею Джина, Франко, Тонино и маленькая Марія, а за ними, не превышая всѣхъ ихъ ростомъ, тетя Клотильда со своимъ огромнымъ орлинымъ носомъ и вставными зубами.

— Да тутъ тоже и Батъяни! вскричала она своимъ грубымъ и звонкимъ голосомъ, и улыбаясь замахала закрытымъ зонтикомъ.

Джина, опершись руками на деревянный барьеръ, пристально смотрѣла своими темными глазами на окно вагона; она не улыбалась, но хотя и имѣла серьезный видъ, а въ глубинѣ ея взгляда просвѣчивало счастье живое, сильное, болѣе ясное, чѣмъ улыбка.

Потѣдъ еще несовѣтъ остановился, а Камилль уже соскочилъ и пожималъ ей ручки черезъ барьеръ.

— По что-же дѣлаетъ Батъяни? Гдѣ ты оставилъ Батъяни? въ волненіи спрашивала тетя Клотильда, видя что другіе, поздоровавшись съ Камилломъ, уже собирались отправиться домой.

— Ахъ да! и правда; вѣдь онъ тоже одинъ изъ твоихъ друзей, сказала сибьора Анна; и всѣ обернулись и наконецъ увидели Батъяни, выходящаго изъ толпы со своимъ огромнымъ сверткомъ въ рукахъ.

Тетушка Клотильда, съ улыбкой, подмигнула своей невѣсткѣ и племянницѣ, какъ будто желая сказать: „А что? Вѣдь говорила я вамъ какой онъ красивый малый?“

А Паоло, встряхнувъ руками, и нѣсколько выдвинувъ свои манжеты и попробовавъ на мѣстѣ-ли у него галстукъ, подошелъ, изысканный и красивый, къ ожидавшимъ его дамамъ.

Камилль Морандо представилъ его.

— Я уже имѣлъ удовольствіе познакомиться съ сибьорой во второе воскресенье поста, въ домѣ Біанки, сказалъ молодой человѣкъ, кланяясь сибьорѣ Клотильдѣ.

— Неужели! съ удивленіемъ отвѣчала сибьора своимъ звучнымъ голосомъ. Да знаете-ли, у васъ отличная память? Точно, точно во второе воскресенье поста, и она сильнымъ и быстрымъ движеніемъ протянула ему свою широкую руку, что означало: „отлично, благодарю!“

Но невѣстѣ своего друга Паоло Батъяни поклонился особенно низко и изысканно-вѣжливымъ образомъ. Онъ почти робко взялъ руку, которую она ему протягивала, но уставившись на нее своими удивительными карими глазами онъ сказалъ ей: „Сибьорина, не знаю какъ благодарить моего друга за честь, которую онъ доставилъ мнѣ.“

И когда она съ улыбкой раскрыла губки, благодаря его, онъ подумалъ, глядя на нее: „ей улыбка еще лучше ея взгляда!“

Съ тѣхъ поръ какъ Джина сдѣлалась невѣсткой, ея взглядъ принялъ глубокое и серьезное выраженіе и ея длинныя блондуры рѣсницы то и дѣло быстро опускаются, чтобы опять медленно подняться, почти съ легкимъ отбѣнкомъ какой-то гордости.

„Отъ чего-бы это? Отъ любви Камилла Морандо?“

„Да кто онъ наконецъ этотъ Морандо? Инженеръ, купившій съ годъ тому назадъ бумажную фабрику, отъ которой, кажется, ожидается хорошихъ доходовъ. Вообще-же это молодой человѣкъ какихъ тысячъ, игравшій недурно на биллиардѣ и ужинавшій по ресторанамъ и проводившій ночи въ собраніяхъ. Ха, ха, держу пари, что сибьоры Торрезе считаютъ его святойшей или чѣмъ нибудь такимъ; дѣйствительно за послѣдніе два года онъ принялъ совершенно такой видъ. Да, понимаю! онъ хотѣлъ имѣть успѣхъ и знать, что для этого необходимо казаться какъ можно болѣе степеннымъ и сдержаннымъ. Я слышалъ, что сибьора Торрезе далеко не специалистка по литературной части; а дочь ея, и тѣмъ болѣе. Ха, ха; достаточно ей, чтобы женихъ написалъ нѣсколько строкъ въ техническомъ журналѣ и послалъ на выставку въ Парижъ рисунокъ какой-то машины.“

Но тутъ Паоло Батъяни прервалъ свои думы, чтобы подать руку сибьорѣ Аннѣ и сказать нѣсколько приятныхъ словъ сибьорѣ Клотильдѣ, которая, гордо выпрямившись, пошла рядомъ съ нимъ, крѣпко придерживая за шейникъ невѣжду Фидо, не могшаго равнодушно видѣть гороховые панталоны Паоло Батъяни.

Скоро дошли до дому; съ лицевой стороны это было огромное, сырое и печальное зданіе; но, со стороны сада, все въ немъ было ново, свѣжо и весело и во всемъ видѣнь былъ умъ и хороший вкусъ сибьоры Анны.

Камилль, Джина и дѣти пошли отыскивать отца въ помѣщеніи шелководныхъ червей. Какъ онъ обрадовался увидя Камилла! Два раза хлопнулъ онъ его по плечу приговаривая: „милый сыночекъ!“ и потомъ спустился внизъ съ ними.

— Ты знаешь, онъ привезъ къ намъ одного изъ своихъ друзей, сказала Джина.

— О, отличной! Кто такой! Не тотъ-ли ученикъ земледѣльческой школы.

— Нѣтъ, это нѣкто Батъяни; въ прошломъ году онъ служилъ въ ломбардскомъ банкѣ, а теперь...

— Вотъ увидишь, онъ похожъ на принца! прервалъ его Тонино.

— Онъ привезъ вотъ этакой большой бумажный свертокъ; я говорю, что это конфеты для насъ дѣтей, воскликнула маленькая Марія.

Франко, который спускался опираясь рукою на плечо сестры, наклонилъ голову и прошепталъ, подъ закрывавшими его чудными блондурами волосамъ:

— Противеньъ какъ луна!

Это было его обыкновенное изреченіе, чтобы выразить высшую непривлекательность человѣка или вещи.

— Но почему, Франко? сказала Джина оборачиваясь и смотря на него съ удивленіемъ и неудовольствіемъ. Франко, взявъ въ ротъ набалдашникъ своей палки, смѣясь отвѣтилъ: а пожалуй, ты это знаешь лучше меня. И въ этомъ отношеніи именно совершенно одного со мною мнѣнія.

Когда сѣли за столъ, то всѣ вскрикнули отъ удивленія и удо-

вольствія. На тарелкѣ у каждого находилась изящная бездѣлушка, наполненная конфетами. У Джина была золотая корзиночка съ двумя цѣлующимися сахарными голубками въ ней.

Мысль была очень милая и она встала и подошла къ сибьору Батъяни, чтобы пожать ему руку, а онъ просилъ позволенія поцѣловать кольцо на ея пальчикѣ.

Она согласилась, не краснѣя и не отвѣчая ничего, но ея рѣсницы опустались и опять поднялись съ знакомымъ намъ движеніемъ горделивости.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Франко положительно ошибся. Паоло Батъяни былъ очень пріятный молодой человѣкъ; онъ обладалъ даромъ разговора, и хотя не былъ очень краснорѣчивъ, но его легкая и веселая рѣчь ступѣвывала нѣсколько его грубоватое остроуміе; онъ умѣлъ во время начать разговоръ о какомъ либо предметѣ и во время прервать его и неожиданно воскликнуть: „ахъ, помнится мнѣ!“ всегда почти не кстати, но это какъ то оживляло разговоръ. Батъяни звалъ все о всѣхъ и его: „говорятъ то и то,“ пріятно возбуждали любопытство сибьоры Клотильды и что еще болѣе вполне удовлетворяли его.

Въ этотъ день онъ разсказалъ всѣ новости Милана съ большимъ остроуміемъ, какъ говорила тетушка, съ весьма сомнительнымъ, какъ думала напротивъ Джина; но одно было вѣрно, что всѣ смѣялись и развлекались пріятно, а потому нечего было зыскивать...

Послѣ обѣда продолжали бесѣду въ саду, но къ вечеру, черная, черная туча поднялась изъ за горы и быстро раскинулась надъ деревней.

При видѣ ея послышались возгласы:

— Увы, увы; воскликнулъ озабоченно сибьоръ Торрезе; сегодня, навѣрно, будетъ свѣжо и мои бѣдные шелководные черви!—и онъ поспѣшно пошелъ на верхъ въ ихъ помѣщеніе, чтобы взглянуть на термометръ.

— Какъ это хорошо! сказала тетушка; по крайней мѣрѣ завтра будетъ чѣмъ дышать.

— Только бы завтра не было дождя! промолвила сибьора Анна. Я хотѣла устроить маленькую прогулку.

— А наша иллюминація?... О, какъ жаль, какъ досадно! кричали дѣти.

Въ эту минуту нѣсколько крупныхъ и рѣдкихъ капель попадали на ступеньки, ведущія изъ сада въ гостиную и звонко застучали по широкимъ листьямъ магноліи.

— Дождикъ идѣтъ, дождикъ идѣтъ! закричала маленькая Марія, выскакывая на лужайку и поднимая къ небу свое личико съ закрытыми глазами и открытымъ ротикомъ.

Сибьора Анна, тетушка и Паоло Батъяни укрылись въ домъ и мать сказала:

— Дѣти идите въ комнату и уберите изъ сада стулья!..

Франко и Тонино схватили ихъ и принялись бѣгать по саду съ опрокинутыми надъ головой стульями. Камилль и Джина, сидѣвшие на деревянной скамейкѣ, не встали. Джина съ улыбкой смотрѣла на братьевъ, но въ пристальномъ взглядѣ ея просвѣчивала какая-то мысль.

— О чемъ ты думаешь? съ участіемъ спросилъ ее Камилль.

Еще разъ она улыбнулась и потомъ серьезно отвѣчала:

— Я думала, что когда-то и я была какъ они. Бездѣлица развеселить бывало меня и бездѣлица же заставляла лить слезы. Камилль—я не думала ни о комъ тогда—тебя еще не было и я все таки была счастлива. Мнѣ это кажется невѣроятнымъ...

— Отчего у тебя такой мрачный видъ?

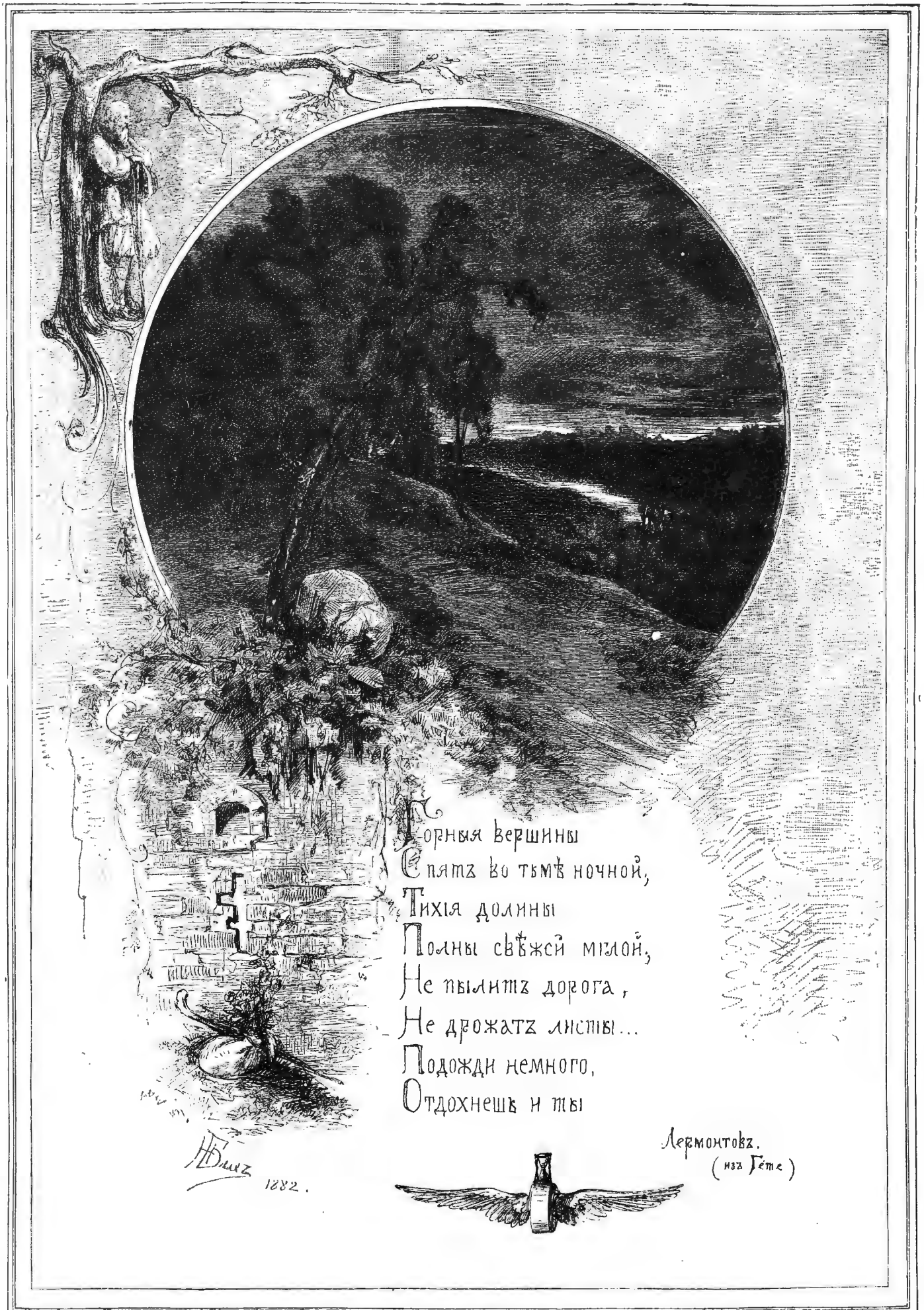
— И точно, онъ не могъ улыбнуться.

Его Джина говорила ему все, что приходило ей на умъ и онъ такъ же не могъ скрыть отъ нея, что думалъ въ эту минуту. Онъ отвѣтилъ:—Тогда—нѣсколько лѣтъ тому назадъ я не стоялъ, чтобы ты думала обо мнѣ. Я не былъ такимъ какъ теперь.“ Онъ слышалъ, что молодая дѣвушка тяжело дышала какъ будто обьятая внезапнымъ страхомъ, но не смѣлъ смотреть на нее; онъ только взялъ ея руку и продолжалъ, передвигая туда и сюда на ея пальчикѣ, данное имъ ей кольцо:

— Джина, мужчина долженъ непремѣнно когда нибудь испытать жизнь и узнать ея самыя непривлекательныя стороны. Правда нѣкоторые терпятъ при этомъ и то немногое добро, которое было у нихъ въ сердцѣ и въ умѣ. Но тѣ, у которыхъ характеръ подтверже, а особенно кто провелъ счастливое и спокойное дѣтство въ хорошемъ семействѣ, тѣ во время оставиваются. Это и ужасное и прекрасное мгновеніе въ одно и то же время. Испытываешь чувство ничтожества и униженія и вмѣстѣ новую силу и пламенное желаніе хорошаго и добраго; и разъ возвратившись къ нему, привязываешься къ добру съ живѣйшей вѣрой и вносишь въ новую жизнь большой запасъ опытности и здравого смысла.

— А также и невѣрія... прошептала дрожащимъ голосомъ молодая дѣвушка.

— Да это къ сожалѣнію совершенно вѣрно; но я невѣрующей во многихъ вещахъ, а въ другихъ нѣтъ. Повѣрь мнѣ, что я никогда не чувствовалъ себя столь готовымъ сдѣлать что нибудь хорошее и полезное какъ послѣ неудавшихся начинаній. И никогда еще я такъ не испытывалъ необходимость быть любимымъ существомъ молодымъ, добрымъ и разумнымъ какъ...

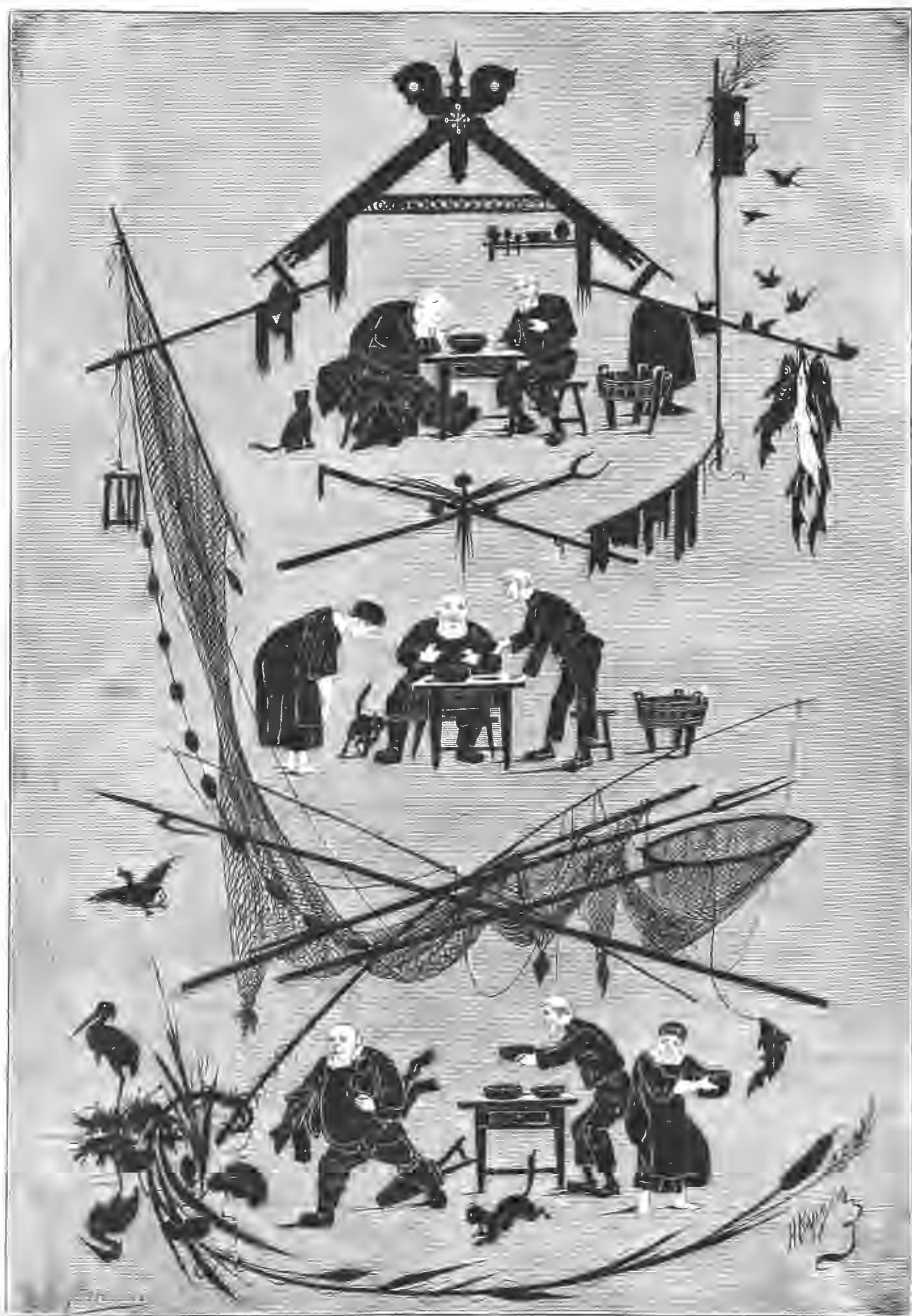

Горныя вершины
 Спятъ во тьмѣ ночной,
 Тихія долины
 Полны свѣжей мглой,
 Не пылитъ дорога,
 Не дрожатъ листы...
 Подожди немного,
 Отдохнешь и ты

Лермонтовъ.
 (изъ Гетте)

Н. Баха
 1882.

Литературный альбомъ. „Демьянова уха“, басня И. А. Крылова. Силуэты Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.
Библиотека "Руниверс"

Джина, вздрогнув, прижалась къ нему. Камилла посмотрѣла на нее, но она не подняла головы; страданіе выразилось на ея внезапно наморщившемся лбу, обыкновенно столь открытымъ и чистомъ.

Что онъ сказалъ ей? Онъ чувствовалъ себя униженнымъ передъ этой милой, простодушно-доброй душой и хотя самъ также добродѣтельный и сдержанный, онъ сожалѣлъ и стыдился всего, что въ его прошлой жизни были ея недостойно. Всѣ эти кутежи молодежи, страсть развлеченій и волненій принимали въ его глазахъ большіе размѣры и казались преступными какъ воспоминанія оргій. Онъ не могъ объяснить того неяснаго, печальнаго чувства, какъ бы сожалѣнія о чемъ-то, что онъ испытывалъ въ эту минуту.

— Джина—сказала Камилла въ смущеніи. Говори! О чемъ ты думаешь?

Она быстро подняла голову и отвѣтила задыхающимся отъ волненія голосомъ:

— Мнѣ нравится твоя доброта Камилла! Я всегда думала, что она не совсѣмъ врожденна; что это не та, которая происходитъ отъ неопытности и слѣпой вѣры въ людей. Ты добръ, немного отъ природы, а больше потому, что желаешь быть имъ. Красива и со сверкающими глазами схватилъ онъ ея обѣ руки; никакая похвала никогда еще не возбуждала въ немъ такого живаго и глубокаго чувства счастья и гордости.

Остановившійся было дождь опять пошелъ крупными и рѣдкими каплями.

— Пойдемъ домой—сказала Джина вставая. Ахъ посмотри, посмотри!

И она указала на бѣгущаго къ нимъ брата своего Франко, онъ несъ огромный красный бумажный зонтикъ управляющаго.

— Возьмите. Я пойду писать идилію „Подъ зонтикомъ“, и онъ убѣждалъ смѣясь.

Зонтикъ остался въ рукахъ Джины, которая улыбалась снова съѣла на свое мѣсто.

Палегъшая гроза была оригинальна. Дождь лилъ ливнемъ надъ деревней и нѣсколько дальше, холмы освѣщались послѣдними лучами заходящаго солнца, и эта красная полоса на горизонтѣ огненнымъ отливомъ отражалась на покрытыхъ внезапно тьмою домахъ и окрестной природѣ.

Это было грозное и прекрасное зрѣлище, привлекающее и ужасающее въ одно и тоже время; по молодые люди, пріютившись подъ зонтикомъ—бросавшимъ на ихъ лица еще болѣе красивый отблескъ—смотрѣли на него съ удивленіемъ, но безъ страха. Ничто не могло смутить ихъ спокойной вѣры въ будущее и счастья.

Синьора Анна, стоя на лѣсенкѣ, смотрѣла на нихъ; но ея взглядъ былъ озабоченъ и можно было замѣтить, что она какъ бы прислушивается къ чему-то другому.

Въ глубинѣ темной залы, на диванѣ, сидѣла тетушка Клотильда и вазала чулокъ; а Паоло Батъяни, восторженно наловобавившись игрушками маленькой Маріи, пришелъ и съѣлъ возлѣ старушки, чтобы побесѣдовать съ нею.

Онъ обладалъ удивительной гибкостью ума, вслѣдствіе которой дѣлался ребенкомъ съ дѣтьми, принималъ мрачный почти прискорбный видъ съ людьми печальными, а черезъ минуту дѣлался наивнымъ и откровеннымъ съ веселыми; былъ пріятель съ дамами и степененъ со стариками. Однимъ словомъ онъ умѣлъ принорваться къ праву каждаго. Эта способность очень привлекательная, когда натуральна, дѣлается противною, когда притворна.

Но что же разказывалъ Батъяни синьорѣ Клотильдѣ? Наверно что нибудь очень интересное, потому что тетушка слушала петлю и не думала поднимать се, а слушала, смотря по-верху очковъ на молодого человѣка и покаивая, безъ улыбки, свои удивительные зубы, которые въ эту минуту казались еще болѣе настоящими.

— Добрѣйшій человѣкъ, конечно! говорилъ Паоло, и съ золотымъ сердцемъ! Я могу это сказать, потому что знаю его уже пять или шесть лѣтъ, а вы понимаете, что мы, молодые люди, между собою скоро узнаемъ, кто мы такіе и чѣмъ занимаемся.

— А! Вы вѣрно живете съ нимъ одной жизнью.

— То есть одной жизнью, но настоящему нѣтъ; но на масляной мы оба бывали въ домѣ Серафини, гдѣ танцуютъ, и выходя оттуда онъ иногда заведетъ меня ужинать. Одинъ годъ правда, я бралъ ложу вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами въ Даль Верме, но потомъ знаетъ... у всякаго свои вкусы... это просто дрянной театришка. Достаточно сходить въ него раза четыре, какъ я, чтобы убѣдиться, какъ онъ мало приличенъ..

— Неужели?

— О, конечно. Читали вы статью въ *Фанфулло*? Тамъ описывалась публика въ театрѣ Манцони и въ Даль Верме. Я вамъ привнесу ее; я съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ ее... Послѣ четырехъ вечеровъ я абонировался въ театрѣ Манцони, а въ ложѣ Даль Верме болѣе не показывался.

— Ну а Морандо находилъ удовольствіе въ этомъ театрѣ? спросила тетушка.

— Должно быть; онъ абонировался туда и на слѣдующій годъ.

— Такъ, но онъ страстно любитъ музыку, а въ Даль Верме, кажется, очень хороша.

— О, да! Но знаете, милая синьора,—и Батъяни всмѣялся,

—мы, молодые люди, не всегда ходимъ въ театръ для предствленія!..

— Да, знаю, знаю!..

— А для зрительницъ и если хотите... для актрисъ..

— Ахъ, полноте! воскликнула тетушка Клотильда, снявъ очки и быстро вытирая ихъ своимъ носовымъ платкомъ. Морандо такой степенный молодой человѣкъ.

— Да кто же говоритъ нѣтъ? воскликнулъ Батъяни, смотря на синьору своими большими, блестящими страшнымъ огнемъ глазами, казавшимися черными въ этой полутьмѣ.

Синьора, весьма важно, опять надѣла очки и свертывая на спицы чулокъ, отвѣчала: Милый синьоръ Батъяни, сознаюсь вамъ, что мнѣ очень досадно..

— Немного очерченъ и униженъ, подумалъ Паоло, но сказать улыбаясь: „О, неужели? Отчего же?“

— И вы у меня спрашиваете? отвѣчала тетушка.—Мы думали, что Камилла самый скромный молодой человѣкъ на свѣтѣ. Хорошъ скромникъ!..

— О, прошу васъ, не понимайте меня такъ. Конечно, Морандо не могъ же сказать вамъ: я ужиналъ столько-то разъ съ такими-то, я выпилъ столько-то стакановъ коньяку у Кампари, столько-то рюмокъ водки у Хачи. Въ такомъ-то собраніи я дѣлалъ то и то. Ха, ха! какъ вы думаете? И если я необдуманно сказалъ вамъ что нибудь, что вы не знали, то искренно сожалѣю. Не знаю, какъ это зашелъ разговоръ..

— Напротивъ, я очень довольна и благодарна вамъ. Есть вещи, которыя мнѣ необходимо знать для счастья моей племянницы.

— Ну вотъ, теперь понимаю? Вы изъ меня, пожалуй, сдѣлаете болтуна, слетничающаго на своихъ друзей! Оставьте, милая синьора; напротивъ, обѣщайте мнѣ, что никому ничего не скажете. Есть вещи, которыя можно говорить по секрету, но при передачѣ онѣ принимаютъ совсѣмъ иной характеръ. Въ концѣ концовъ Морандо, теперь конечно, степенѣйшій молодой человѣкъ въ Миланѣ и будетъ лучшій мужъ, какого только можно желать.

— Тѣмъ болѣе, что онъ кажется даже совсѣмъ разошелся съ этимъ Маффенсомъ, который былъ его погубелью.

— Кто? Маффенсъ.

— Маффенсъ, этотъ пьяница, который... но тутъ Батъяни остановился и обернулся.—Есть кто нибудь у двери? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Синьора Клотильда, которая видѣла плохо, нагнулась впередъ, посмотрѣла и сказала, что, кажется, никого.

Между тѣмъ дѣйствительно послышался легкій шорохъ у ставни снаружи. Это была синьора Анна, которая прислонилась къ нему, блѣдная и съ два дыша. Но Батъяни не видѣлъ ея и продолжалъ разговоръ, впрочемъ такъ тихо, что синьора Анна могла только уловить нѣсколько словъ.

Небо опять стало ясно и прозрачно и кое-гдѣ заблистали звѣздочки. Внизу, въ глубинѣ сада раздавались веселые голоса дѣтей, лавившихъ по деревьямъ, развѣшивая разноцвѣтные фонарики для иллюминации и звонкій голосъ Паоло Батъяно кричалъ: „Выходите женихъ и невеста! Да здравствуютъ женихъ съ невестой!“

И обрученные, тетушка, отецъ, прислуга всѣ высыпали въ садъ.

Только одна мать осталась искать чего-то въ гостиной. Руки ея судорожно дрожали и выраженіе глазъ совершенно измѣнилось.

* * *

На другое утро все семейство собралось на подѣздѣ, готовясь отправиться на близкій холмикъ, гдѣ ихъ ожидалъ завтракъ.

Анна наблюдала за всѣми приготовлениями, но съ такимъ сосредоточеннымъ видомъ, что заставила Франко разсмѣяться.

— Мама, воскликнулъ онъ такъ отчаянно, что она даже вздрогнула,—все ли готово! Всѣ засмѣялись, но отецъ, который оставался дома, сказалъ ей тихо: Полно, Анна, не кручинься. Подбодрись, прими веселый видъ. Завтра отправляйся съ дѣтьми въ Миланъ и постарайся разузнать правду; сегодня не думай объ этомъ.

Паоло Батъяни, въ это утро, надѣлъ изящный костюмъ, въ родѣ альпійскаго, съ неизбѣжнымъ альпенштокомъ разумѣется. Вѣдь предстояло взбираться на гору! Да кромѣ того къ нему очень шла его острокопечная шляпа! Тетушка Клотильда сказала ему объ этомъ, а Джина это подумала. Дѣйствительно Морандо терпѣлъ передъ нимъ. У него не было такихъ прекрасныхъ черныхъ усомъ и блестящихъ глазъ, но во всей личности Камилла проглядывало столько энергіи, его некрасивое лицо носило такой отпечатокъ чести и ума, что ня одна дѣвушка не поколебалась бы предпочесть его.

— Знаете что, тетушка Клотильда не идетъ съ нами,—воскликнулъ Франко.

— Какъ! Почему? Не можетъ быть! закричали всѣ.

— Нѣтъ, правда вѣдь?

— Да! отвѣчала она съ важностью.

— Почему? О, тетя, пойдемте, пойдемте!

— Ваше отсутствіе будетъ истинное огорченіе для насъ,—сказалъ Паоло.

Синьора Клотильда благодарила его, со своей любезнѣйшей улыбкой, но просила не настаивать—у нея было дѣло.

И она это сказала опять съ тою же таинственною важностью, которая сильно возбудила любопытство Франко.

— Тетя, твоему Франко ты скажешь, не правда-ли, что за дѣло у тебя? Ты знаешь, вѣдь я твой писемоводитель! И онъ взялъ ее подъ руку съ комичной любезностью.

— Пойди, пойди плутишка! отвѣчала она улыбаясь, но тотчас прибавила въ полъ-голоса:

— Я должна поговорить съ твоимъ отцемъ объ очень серьезномъ предметѣ.

Брр... Какой гробовой голосъ! Франко отскочилъ назадъ и его любопытство улетучилось. Отъ серьезныхъ предметовъ у него дѣлался ознобъ.

Наконецъ они отпривились. Когда ушли, тетя сказала старику, схвативъ его за руку такъ неожиданно, что онъ даже вздрогнулъ:

— Мнѣ нужно съ тобою поговорить.

— О чемъ это? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Пойдемъ въ твой кабинетъ; вещь очень серьезная, дѣло идетъ о твоей дочери. И она сдѣлала шагъ впередъ.

— А, объ Джинѣ? Тогда я знаю уже въ чемъ дѣло.

— Какъ!

— Да, да; это пустяки, о которыхъ и говорить не стоитъ.

— Пустяки?

— Ну да.

— Такъ ты значить не знаешь! Вѣдь мнѣ это довѣрилъ Батяни. И ему обѣщала молчать, потому что онъ такой добрый, не хотѣлъ вредить своему другу, но...

— Но ты должна сдерживать свое обѣщаніе, вотъ что ты должна сдѣлать, милая Клотильда, и сказать Батяни, чтобъ онъ занимался своими дѣлами.

— Луціано! не понимаю! По Батяни...

— Батяни самый милый молодой человекъ, но подъ видомъ милыхъ разказовъ онъ злословитъ обо всѣхъ на свѣтѣ. Ты не замѣтила? Видишь ли, онъ обладаетъ особеннымъ даромъ злословія.

— Да нѣтъ же, Луціано.

— Можетъ быть я ошибаюсь, сестрица, но во всякомъ случаѣ, я думаю, Камилла лучше бы сдѣлала, если бы не представляла его намъ.

— Да что ты такое говоришь! Такой добрый! такой предупредительный! воскликнула синьора Клотильда, широко раскрывъ глаза. И она продолжала свои возгласы удивленія и неудовольствія.

(До слѣд. №).

Бальбекъ.

(Рис. на стр. 136 и 137).

„Одинокія развалины, святія гробницы, молчаливыя стѣны! Къ вамъ взываю, къ вамъ обращаю мои взоры!“ Съ такимъ воззваніемъ обратился Вольней къ великолѣпнѣйшимъ въ мірѣ развалинамъ, находящимся въ долинѣ Ливана и Анти-Ливана.

Происхожденіе Бальбека теряется во мракѣ времени и исторія его очень мало извѣстна. Есть основаніе предполагать, что Гелиополисъ, какъ называли его греки, былъ извѣстенъ въ древности своими храмами, посвященными Солнцу и Венерѣ; тутъ поклонялись Астартѣ, какъ и въ другихъ финикійскихъ храмахъ, очень многочисленныхъ въ этой части Сиріи и расположенныхъ по главнымъ дорогамъ, сообщающимъ Алеппо, Пальмиру и Багдадъ съ Дамаскомъ съ одной стороны и берегомъ Средиземнаго моря съ другой. Его коммерческое значеніе всегда было значительно. Построенный, какъ и Пальмира, въ пустынѣ, онъ былъ складочнымъ городомъ, обширнымъ каравансараемъ для торговцевъ, транзитнымъ пунктомъ для товаровъ восточной Азіи и Сиріи. Медали, вычеканенныя во второмъ и третьемъ вѣкѣхъ, съ изображеніями храма, головы вола и съ выбитыми на нихъ именами нѣкоторыхъ императоровъ, между прочимъ Септима Севера, свидѣтельствуютъ, что уже въ это время Бальбекъ былъ римскою колоніей. Извѣстно также, что позже Антоній Набожный воздвигнулъ тамъ огромный храмъ Юпитеру, считавшійся однимъ изъ чудесъ Востока и названный *Трилитонъ*, по тремъ громаднымъ камнямъ террасы, составляющимъ основаніе ея. Константинъ преобразовалъ одинъ изъ храмовъ въ базилику, а впоследствии Теодоръ разрушилъ наибольшій храмъ. Виродженіи нѣсколькихъ лѣтъ Бальбекомъ мирно управляли епископы, но послѣ взятія его сарацинами, онъ былъ разрушенъ Абу-Убеидомъ, во время его поспѣшнаго шествія изъ Дамаска въ Гомсъ. Тогда-то Арабы передѣлали акрополь, съ его священными зданіями, въ настоящую крѣпость, постройки которой, выведенныя поспѣшно, были причиной разрушенія замѣчательныхъ памятниковъ. Въ 1176 г. Крестоносцы, предводительствуемые прежде Раймундомъ, графомъ Трипольскимъ, а потомъ Бедуиномъ IV, хотя и блестяще сражались подъ стѣнами Бальбека, но принуждены были отступить по ту сторону Ливана. Городъ былъ взятъ впоследствии Тамерланомъ. Затѣмъ дальнѣйшихъ свѣдѣній совершенно нѣтъ объ этомъ городѣ, котораго въ Европѣ никто не зналъ даже по имени, до половины шестнадцатаго столѣтія. Онъ былъ открытъ снова и его величественныя развалины обратили на него вниманіе ученаго міра. Бальбекъ много разъ претерпѣвалъ сильныя землетрясенія, происходившія часто въ этой части Сиріи, и эти почвенныя волненія, еще болѣе чѣмъ людскія, покрыли руинами его священный акрополь.

Названіе свое Бальбекъ получилъ отъ имени „Ваала“, могущественнаго бога Финикіянъ. „Бальбекъ“ означаетъ „храмъ Ваала“ (бекъ, бакъ—домъ, храмъ). Этотъ городъ былъ древней колоніей, которую Финикіянцы построили на главномъ пути долины Евфрата. Арабское преданіе гласитъ, что основателемъ Бальбека былъ Соломонъ. Неизвѣстно, насколько справедливо это предположеніе, но вѣрно то, что матеріалы, употребленныя для стѣнъ акрополя, по колоссальной величинѣ своей напоминаютъ тѣ камни, которые находятъ въ фундаментѣ развалинъ древнихъ стѣнъ Иерусалима.

Самыя замѣчательныя развалины Бальбека находятся на возвышенной, искусственно возведенной террасѣ, напоминающей афинскій акрополь. Стѣны изъ громадныхъ камней, самыхъ величайшихъ, какіе когда либо были сдвинуты людьми, поддерживаютъ эту террасу и остатки храмовъ. На сѣверной

сторонѣ находится много камней, имѣющихъ девять метровъ длины, но которые все же кажутся малыми, въ сравненіи съ камнями восточныхъ стѣнъ. Тамъ три гигантскихъ монолита, покоящихся на рядѣ камней, средней величины, имѣютъ они отъ девятнадцати до двадцати метровъ длины, четыре метра вышины и столько же ширины. Дѣйствительно невозможно попятить какъ удалось доставить и поднять на такую высоту такія колоссальныя глыбы, возлѣ которыхъ человекъ кажется муравьемъ. Въ другихъ мѣстахъ стѣны составлены изъ меньшихъ камней, но превосходно пригнанныхъ безъ цемента, съ простѣнками и рѣзбою. На восточной сторонѣ, широкая лѣстница, отъ которой сохранились только остатки, украшенная вѣкогда пропилеями и статуями, вела прямо въ большой храмъ. Нынче нѣсколько брешей позволяютъ проникнуть въ акрополь, куда можно вѣхать верхомъ, также черезъ прекрасное подземелье романской конструкціи. Величественный высокій сводъ, превосходно сложенный изъ матеріала, который повидимому былъ взятъ изъ памятниковъ другаго вѣка. И дѣйствительно нѣкоторые изъ камней разрознены, другіе же украшены рѣзною работою. Этотъ туннель, сильно наклоненный, сообщается вальбо съ большимъ четыре-угольнымъ заломъ и съ другимъ каменнымъ подземельемъ. Влѣзши черезъ окошко, можно увидѣть комнату съ нишами, убранными со вкусомъ. Изысканія въ этой части акрополя, безъ сомнѣнія, дадутъ блестящіе результаты. Здѣсь уже найдена прекрасная статуя женщины, но къ сожалѣнію безъ головы; одежда ея сдѣлана мастерски. Эта большая сидящая статуя, возлѣ которой находится фантастическое животное, очень можетъ быть статуей Юліи Домны, жены Антонина Набожнаго. Всѣ эти подземныя залы повидимому долгое время служили конюшнями для лошадей военныхъ гарнизоновъ.

Большая часть стѣны была разрушена Арабами и Турками, накладывавшими камни одинъ на другой для возведенія высокихъ стѣнъ и амбразуръ. Брешь, пробитая на востокѣ укрѣпленія, ведетъ въ передній дворъ, окачивающійся первымъ портикомъ большаго храма, паперть котораго находится на шесть метровъ надъ садами, окружающими акрополь. Здѣсь именно поднималась та монументальная лѣстница, отъ которой виднѣются только остатки и которая была разрушена для укладки вышеназванныхъ грубыхъ стѣнъ. Этотъ четырехугольный продолговатый портикъ былъ украшенъ двѣнадцатью колоннами, фундаменты которыхъ покрыты надписями, указывающими на то, что этотъ монументъ былъ воздвигнутъ Антониномъ Набожнымъ и Юліей Домной, его женою.

Широкій проломъ, вѣроятно находившійся на мѣстѣ бывшаго портика, ведетъ къ развалинамъ большаго храма. Онъ состоитъ изъ болѣе или менѣе разрушенныхъ фундаментовъ, но шесть большихъ колоннъ галереи уцѣлѣли еще и видны на далекомъ разстояніи съ горъ Ливана. Построенныя изъ прекраснаго золотисто-желтаго камня, колонны эти при закатѣ солнца принимаютъ такую великолѣпную прозрачную окраску, какую трудно описать. Вышиною въ девятнадцать метровъ, онѣ соединены основаніями и закончены коринфскими съ богатой рѣзбой капителями; въ поперечникѣ колонны имѣютъ два метра и составлены изъ трехъ большихъ кусковъ, соединенныхъ скобами, запаянными свинцомъ. Этотъ металлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и былъ именно причиной разрушенія большей части изъ нихъ, еще существовавшихъ въ прошломъ вѣкѣ. Турокъ, Гадмуръ-Паша, устроилъ у ихъ основанія мину съ цѣлью разрушить ихъ и воспользоваться нѣсколькими фунтами свинца. Устоявшія колонны носятъ глубокія слѣды ракъ; онѣ стойко выдержали сотрясеніе отъ пороха, но не долго будутъ въ со-

стоянии бороться съ болѣе страшнымъ врагомъ, съ западнымъ вѣтромъ, насыщеннымъ испареніями Средиземнаго моря и Ливана. Сырость быстро сѣдшаетъ известъ колонны и чудныя фрески, украшающія ихъ, и скоро наступитъ время полного ихъ

разрушенія. Храмъ, длиною въ 89 метровъ, имѣлъ девятнадцать такихъ колоннъ на длинныхъ сторонахъ и десять на короткихъ. Въ 1751 ихъ еще было девять, совершенно хорошо сохранившихся.

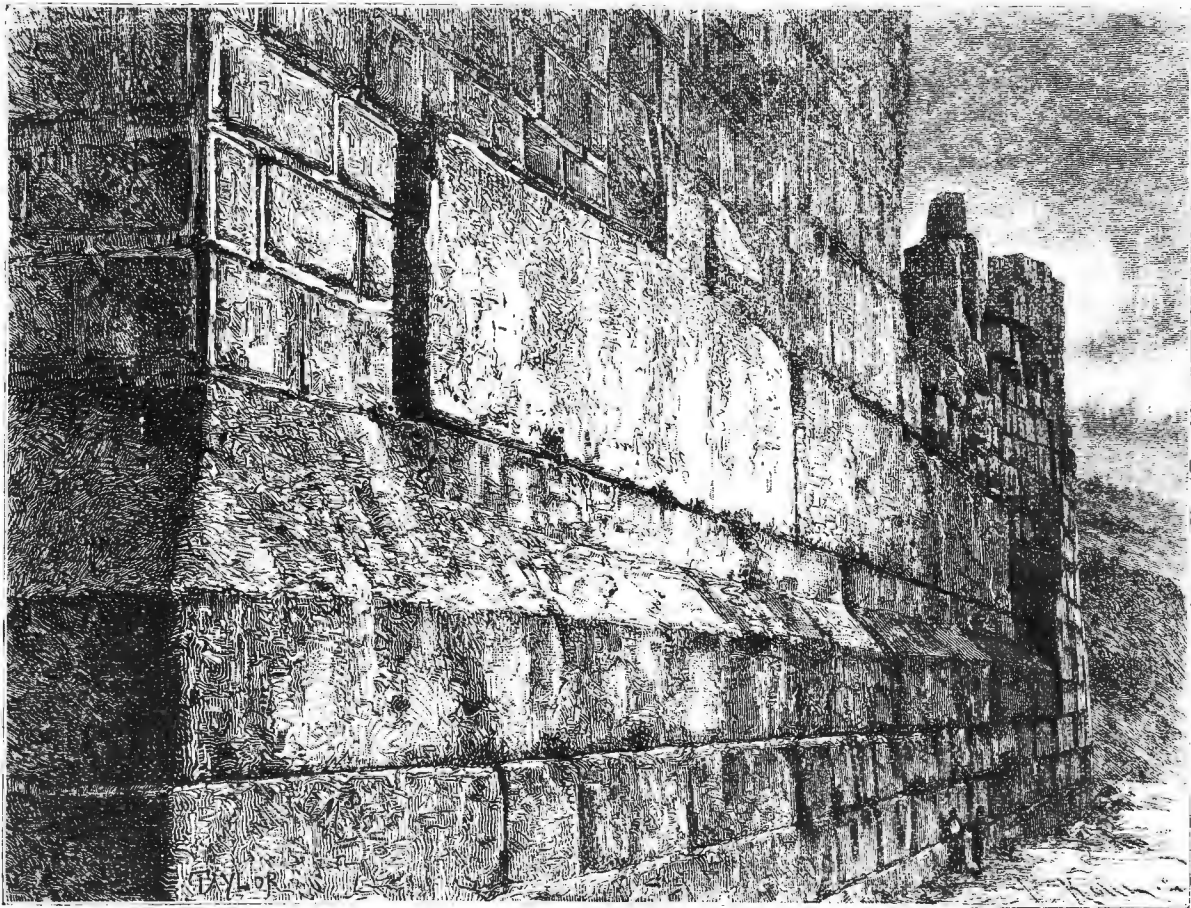
Къ рисункамъ.

По порошѣ за краснымъ.

(Рис. на стр. 124).

Одинъ изъ болѣе талантливыхъ и известныхъ представителей того жанра, который, несомнѣнно, первымъ создалъ Н. Е. Сверчковъ, такимъ представителемъ является П. П. Соколовъ. Его „Охотничьи сцены“, „Тройки“ и проч. достаточно популярны и получили у насъ широкое распространеніе, чтобы остановить на нихъ серьезное вниманіе. Настоящая картина несомнѣнно очень удачна. Съ первой порошей охотникамъ не утерпѣть и они быстро снаряжаются въ путь, сѣдаютъ коней, собаки въ нетерпѣніи лаютъ и все это пускается въ поле

варя Скилура, современника Босфорскаго царя Митридата Евпатора и потому называвшаяся у Грековъ Палакіономъ—названіе перешедшее потомъ, будто бы, въ слово Балаклава. Другіе впрочемъ производятъ названіе города гораздо проне отъ татарскаго слова—„балыкъ“—т. е. рыба. Отъ Тавро-Скионовъ Балаклава перешла сначала въ руки Грековъ; потомъ Готовъ; затѣмъ занята и выжжена татарами, а отъ нихъ досталась Генуэзцамъ, которые, занявъ ее, стали называть *Чембало*. устроивъ здѣсь главный пунктъ своихъ рыбныхъ промысловъ. Въ 1433 году Балаклаву ненадолго снова захватили Греки, но Генуэзцы въ слѣдующемъ году отправили сюда на 20 судахъ до 6000 войска и взяли Балаклаву приступомъ. Туркамъ доста-

Развалины циклопической постройки въ Балъбентъ Рис. Таблоръ, грав. Коля.

за краснымъ вѣтромъ, т. е. пушинымъ—лисой, волкомъ. Стерегутся по глубокимъ логовамъ, оврагамъ и перелѣскамъ хищники. Травленный волкъ издали чувствуетъ и понимаетъ что значить этотъ топотъ коней, тавканье своры и, въ испугѣ, выглянувъ на охотниковъ изъ-за куста, тянетъ черезъ свѣжную равнину подальше въ сипѣющій лѣсъ, гдѣ укроется въ глухомъ ложѣ и притулится тамъ, а хитрый лисъ, таща скраденную на селѣ курицу, крадучись, несется опушкой въ свою темную, глубокую нору...

Видъ близъ Балаклавы въ Крыму.

(Рис. на стр. 125).

Балаклава нынѣ маленькій заштатный городокъ, имѣющій не болѣе тысячи жителей, при первомъ же на него взглядѣ поражаетъ путешественника мизерностью своего настоящаго и грандіозными памятниками своего прошлаго. Кругомъ надъ городомъ и бухтой возвышаются красноватые, мраморные утесы, а надъ ними въ вышинѣ видны силуэты древнихъ крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ, построенныхъ Генуэзцами. Но несомнѣнно, что мѣстность, занимаемая Балаклавой, получила историческую извѣстность въ эпоху еще гораздо раннюю, чѣмъ владычество въ Крыму итальянскихъ выходцевъ. По археологическимъ даннымъ оказывается, что въ древности, балаклавская бухта называлась „символенъ-лиманъ“ или гавань знаковь, и что здѣсь построено было укрѣпленіе Палакамъ, сыномъ тавроскинскаго

леса Балаклава въ 1475 году, а въ эпоху присоединенія Крыма къ Россіи здѣсь стояла запустѣлая татарская деревушка, давно оставленная жителями. Тогда же, по волѣ князя Потемкина, здѣсь поселены были Греки. Они носили названіе „Таврическаго поселеннаго полка“ и на ихъ обязанности лежала сторожевая береговая служба отъ Севастополя до Феодосіи, такъ какъ берега на этомъ пространствѣ представляли большія удобства для укрывательства непріятельскихъ судовъ. Въ послѣдствіи эта греческая команда получила названіе „Греческаго баталіона“, расформированнаго уже послѣ Крымской войны. При занятіи въ 1854 году Балаклавы союзными войсками, Греческій баталіонъ, при всей мизерности своихъ силъ, противился высадкѣ; непріятельскій авангардъ совершенно неожиданно былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ греческихъ стрѣлковъ и залпами мортирной батареи и потерялъ при высадкѣ до сотни убитыми и столько же ранеными. Занятая союзниками Балаклава подверглась разрушенію и во все время компаніи служила складочнымъ мѣстомъ для англійской и сардинской арміи. Кроме того въ Балаклавской бухтѣ помещался во время войны весь англійскій флотъ, что даетъ достаточное понятіе о вмѣстительности и удобствахъ этой прекрасной бухты. На нашемъ рисункѣ изображенъ видъ изъ окрестностей этого городка, отличающійся самою своеобразною красотой.

Колонны развалинъ большого храма въ Бальбекѣ. Рис. Барклай, грав. Коль.

Картина Густава Доре.

(Рис. на стр. 129).

Выше, въ этомъ же померѣ, читатели найдутъ портретъ и биографію недавно скончавшагося знаменитаго иллюстратора Густава Доре. Здѣсь мы помѣщаемъ одинъ изъ его великолѣпныхъ, эффектныхъ рисунковъ, какъ образецъ его таланта. Картина эта взята изъ изданія „Потерянный Рай“, поэмы Джона Мильтона. Въ картинѣ столько стремительности, столько силы и движенія въ этомъ низвергающемся водопадѣ, что дивишься—какъ можно достигнуть такихъ результатовъ съ помощью линъ карандаша.

Картина относится къ IX пѣснѣ поэмы, пѣснѣ, которая начинается сожалѣніемъ о прежнемъ времени, когда еще Небо не было столь оскорблено человѣкомъ, свергнувшимся въ міръ грѣха, смерти, болѣзни и горя.

Сатана, изгнанный изъ Райа угрозами Архангела Гавріила, поситя надъ землею во мракѣ Ночи. Онъ находитъ какъ войти въ Эдемъ со стороны противоположной вратамъ, охраняемымъ свѣтлой стражей. „Онъ пришелъ къ мѣсту, гдѣ Тигръ, у подножія Эдема, ввергался въ пучину и исчезалъ подъ землею, пока часть его вода не подымалась въ видѣ бьющаго вверхъ ключа, близъ Древа Жизни. Сатана низвергается вмѣстѣ съ водопадомъ Тигра и вмѣстѣ съ рѣкой выступаетъ на скалѣ Эдема, окутанный вечернимъ туманомъ.“ (Пѣснь IX, стр. 169). Этотъ моментъ его выхода и изображенъ съ такою силою и искусствомъ знаменитымъ художникомъ.

Демьянова уха. Басня Крылова.

(Силуэты на стр. 133).

Кто не знаетъ наизусть этой басни нашего дѣдушки-Крылова? Кто не училъ ее въ дѣтствѣ и не воспоминалъ всегда и потомъ съ удовольствіемъ, какъ образцовое произведение нашей литературы, гдѣ самая простая фабула рассказана такъ изящно и остроумно и проникнута такимъ неподдѣльнымъ народнымъ духомъ. Нашъ талантливый художникъ въ своихъ силуэтахъ изобразилъ три главные момента басни. Въ верхней части рисунка, среди орнаментовъ чисто русскаго характера и принадежности домашняго хозяйства, вы видите Демьяна, усердно угощающаго, ухой своего друга и сосѣда Фоку:

„Сосѣдшка мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай.“

упрашиваетъ онъ его, поднося ему тарелку за тарелкой. Парасно сосѣдъ говорить, что онъ съѣлъ уже ихъ три, но Демьянъ не понимаетъ и все потчуетъ ухой, выхваляя ея высокія качества.

—„Я три тарелки съѣлъ.“ И полно что за счеты!

Лишь стало бы охоты,—

А то во здравье ѣшь до дна!

Что за уха! Да какъ жирна!

Какъ будто янтарею подернута она.

Потѣшь же миленькій дружочекъ!

Дородность.

Очеркъ.

Какъ часто слышится желаніе однихъ—потогстѣть, другихъ—сдѣлаться нѣсколько худѣе, забывшись отъ частички слишкомъ уже обильнаго жира. Иногда эти сѣтованія имѣютъ свои основанія. Дѣйствительно, необходимость носить въ себѣ слишкомъ много жира соединена съ большими невыгодами и неудобствами. Для всякаго очевидно, что для перенесенія трехсотъ фунтовъ мяса съ одного мѣста на другое или для поднятія его на высоту лѣстницы, требуется вдвое больше труда, нежели для ста-пятидесяти фунтовъ. И такъ въ первомъ случаѣ приходится дѣлать больше упражненій; мускулы должны-бы быть оттого крѣпче... но, къ несчастью, они бываютъ обыкновенно слабѣе. Весь этотъ вѣсъ держится на той-же парѣ ногъ, часто страдающихъ отъ слишкомъ большаго напряженія или сгибающихся подъ лежащей надъ ними тяжестью. Большое скопленіе жира въ туловищѣ препятствуетъ дыханію и дѣлаетъ движеніе почти невозможнымъ. И вотъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, толстые представители человѣческаго рода обыкновенно томительно желаютъ избавиться отъ излишка жира. Въ свѣтскихъ-же женщинахъ подобное желаніе бываетъ еще сильнѣе и томительнѣе, такъ какъ слишкомъ большая толщина портитъ фигуру.

По отношенію къ домашнимъ животнымъ, намъ прекрасно извѣстно, что дѣлаетъ ихъ жирными или худыми. Каждый земледѣлецъ знаетъ, тѣмъ и какъ можно откорить скотъ, и гладкій конь служитъ показателемъ щедрости своего хозяина. Исключая немногихъ нездоровыхъ особей, всѣ животныя, по общему правилу, жирѣютъ на хорошей и обильной пищѣ, особенно гуляя на волѣ, и скоро теряютъ найтвое мясо при перемѣнѣ пищи на дурную или при уменьшеніи ея количества.

Но по отношенію къ людямъ, это правило столь-же часто

Вотъ лешикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся жена!

Эти низкіе поклоны, жесты, эти краснорѣчивыя убѣжденія Демьяна вы видите въ оцію, на второмъ силуэтѣ; даже котъ и тотъ ласкается къ сосѣду, какъ бы умоляя его еще скушать тарелочку. Но Фока потерялъ наконецъ терпѣніе; обливаясь потомъ, онъ сначала поддался на просьбу хозяина, собрался съ силами, очистилъ еще тарелку, но за нею ему подставляютъ ужъ другую; возобновляются просьбы мужа и поклоны жены, такъ что не придвигается и конца угощенію.

„Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схвати въ охапку
Кушакъ да шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.“

Это порывистое, неожиданное бѣгство Фоки и суета не ожившихъ такого финала хозяевъ, очень живо изображены на третьемъ силуэтѣ, красиво заканчивающемъ рисунокъ художника.

По сохранившимся свѣдѣніямъ басня „Демьянова уха“ была написана Крыловымъ съ дѣлью колнуть не въ бровь, а прямо въ глазъ наши тогдашнія литературныя собранія. Вотъ какъ рассказываютъ объ ея происхожденіи. Разъ, въ 1813 году, въ Бесѣдѣ Русскаго слова, бывшей въ домѣ Державина, приготовились къ публичному чтенію. Крыловъ также обѣщалъ привезти новую басню, такъ какъ басни его были тогда необходимы и лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго угощенія; но какъ-то случилось, что Иванъ Андреевичъ прѣхалъ уже довольно поздно, когда уже давно началось чтеніе какой-то длинной и довольно скучной пѣсмы. Предсѣдатель отдѣленія А. О. Хвостовъ, замѣтивъ приходъ Крылова, тотчасъ же обратился къ нему съ вопросомъ: Иванъ Андреевичъ, что привезли?—Привезъ.—Пожалуйте мнѣ.—А вотъ ужо, послѣ. Между тѣмъ монотонное чтеніе все продолжалось; публика утомилась, начала скучать и зѣвота овладѣла многими, и всѣ были рады когда пѣса была дочитана. Тогда Крыловъ вынулъ изъ кармана ключекъ бумаги и началъ читать свою „Демьянову уху“. По словамъ современниковъ, басня произвела невообразимый восторгъ, тѣмъ болѣе что ея содержаніе удивительно приравнивалось къ обстоятельствамъ и каждому было понятно на него мѣтить авторъ. Публика отъ души хохотала и хлопала безъ конца. Что Иванъ Андреевичъ дѣйствительно намекалъ въ своей баснѣ на нѣкоторыхъ литераторовъ своего времени, то это доказываетъ и правоученіе басни, гдѣ ясно выражается мысль и цѣль нашего баснописца.

„Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твой и проза и стихи
Тошнѣ будутъ всѣмъ Демьяновой ухы.“

оказывается невѣрнымъ, сколько и оправдывается. Многіе отличающіеся худобою суть въ тоже время большіе любители поѣсть и вдобавокъ бывають иногда чрезвычайно лѣнны. Тутъ присутствуютъ, повидимому, всѣ условія, благопріятствующія ожирѣнію, и, однако, послѣдняго не происходитъ вовсе. Другіе, наоборотъ, достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ на весьма скудной пищѣ. И вотъ, довольно часто приходится видѣть двухъ индивидуумовъ, положимъ, мужа и жену, двухъ братьевъ, или двухъ сестеръ, живущихъ вмѣстѣ, питающихся одной и той-же пищей, потребляющихъ одни и тѣже напитки, производящихъ, кажется, одинаковое количество движеній и, тѣмъ не менѣе, вѣсящихъ нерѣдко одинъ вдвое больше другаго. Единственное объясненіе, являющееся при этомъ, если оба индивидуума здоровы,—то, что одинъ предрасположенъ къ ожирѣнію, другой—нѣтъ. Само собою разумѣется, что естественное расположеніе, дѣйствительно, и имѣетъ влияние въ такихъ случаяхъ; тоска такъ же какъ и трудъ, работа, уничтожаетъ тѣлесныя частички и человѣкъ спокойно взирающій на міръ толстѣетъ на весьма ограниченной дѣтѣ.

По мнѣнію Иннермана, причинами предрасполагающими къ дородности, могутъ быть слѣдующія: 1) *наследственность*, хотя она можетъ и не обнаружиться до средняго возраста жизни; 2) *периодъ жизни*—грудныя дѣти и люди старше сорока лѣтъ, наиболѣе склонны къ ожирѣнію; 3) *полъ*—именно, женщины болѣе предрасположены къ толщинѣ, нежели мужчины; 4) *физиологическія качества*—полнокровные люди скорѣе подвергаются ожирѣнію, нежели малокровные, хотя существуетъ одинъ годъ малокровія, также благопріятствующій толщинѣ; 5) *характеръ*; 6) *половая неправильность*—извѣстно, что бараны, быки и кашлунъ, такъ-же какъ и евнухи, отличаются обыкновенно ожирѣніемъ. Но хотя всѣ названныя причины, незави-

спянія отъ воли индивидуума, благоприятствуютъ дородности однако, они не ведутъ къ ней необходимо.

Что большое число дородныхъ людей желаютъ избавиться хотя отъ части своего жирнаго тѣлеснаго багажа, видно изъ широкаго распространенія въ Америкѣ одного „анти-жира“ (anti-fat), несмотря на его вредное дѣйствіе, причинившее—это фактъ—смерть. Осталось недоказаннымъ, приобрѣла-ли жертва достаточную худобу, принявъ восемнадцать скляночекъ этого снадобья, но можно, кажется, утверждать, что итъ; ибо „анти-жиръ“ не есть то, чѣмъ выставляется, несмотря на свои опасныя свойства, и нѣкоторые авторитетные люди говорятъ даже, что главная составная часть его есть *ficus vesiculosus*, родъ водоросли, употребляемый въ иныхъ мѣстахъ для откармливанія свиней. Если-же „анти-жиръ“, дѣйствительно, обладаетъ тѣмъ свойствомъ, ради котораго къ нему прибѣгаютъ,—что весьма сомнительно,—то этимъ онъ обязанъ іоду, содержащемуся въ немъ.

Большинство людей, жалующихся на обиліе жира въ своемъ организмѣ, старается избавиться отъ него лишь двумя простыми средствами.—они меньше ѣдятъ и больше дѣлаютъ движеній. Но это требуетъ отъ нихъ слишкомъ ужъ большой жертвы, и чаще всего они унодобляются желающимъ сдѣлаться богатыми или учеными, не употребивъ усилій, необходимыхъ для достиженія подобной цѣли.

Въ древней Греціи пользовались гимнастическими упражненіями иногда специально противъ ожирѣнія, которое не только несприятно поражаело высоко-развитое эстетическое чувство богато-одареннаго народа, но рассматривалось имъ еще какъ помѣха для тѣлеснаго совершенствованія.

Всякому, конечно, хорошо извѣстно, что рабочіе и лошади рѣдко бывають жирными, а люди дѣятельные и подвижные избѣгаютъ ожирѣнія. Но не только спокойная жизнь благоприятствуетъ дородности,—и дородность благоприятствуетъ устроению невозмутимой растительной жизни, такъ какъ толстый человѣкъ не можетъ производить много движеній.

Прежде нежели опредѣлять дѣту, способную устранить дородность, посмотримъ, откуда получается человѣческой жиръ. Возвращенія химиковъ-физиологовъ успѣли претерпѣть большія измѣненія со времени Либиха, который рассматривалъ углеводы (сахаръ и крахмалъ), какъ жиροобразователи. Именно, согласно послѣднимъ изслѣдованіямъ въ этой области, только большая часть жироваго запаса въ организмѣ представляетъ собою, вѣроятно, продуктъ разложенія альбумина принимаемой пищи, остальная-же получается путемъ прямаго отложенія жира въ ткани изъ пищи содержащей его. Такимъ образомъ, величина этого запаса прежде всего опредѣляется количествомъ принятой пищи, изъ которой жиръ только и образуется. Разумѣется, вовсе не слѣдуетъ изъ нашего перваго положенія, что еслибы человѣкъ сталъ питаться исключительно альбуминомъ, то скоро растолстѣлъ-бы, ибо большая часть поглощаемаго альбумина шла-бы на поддержаніе жизни и лишь излишекъ его отлагался бы въ организмѣ въ видѣ жира; но если мучная пища и сахаръ потребляются вмѣстѣ съ альбуминомъ, то первая предохраняетъ послѣдній отъ органическаго перегоранія и такимъ образомъ благоприятствуетъ образованію жира, хотя у насъ и не имѣется доказательствъ того, что два первыхъ названныхъ пищевыхъ средства превращаются сами въ жиръ. И вотъ, именно это предохраняющее вліяніе углеводовъ принималось прежними химиками за жиροобразованіе.

И количество и качество пищи должны быть одинаково принимаемы во вниманіе при леченіи отъ излишняго ожирѣнія. Поддержаніе отъ пищи, граничащее съ голоданіемъ, можетъ, конечно, повести къ уменьшенію толщины, но никогда, однако, не слѣдуетъ прибѣгать къ этому средству, такъ какъ оно создаетъ слабость всѣхъ органовъ и вообще можетъ привести къ весьма плачевнымъ послѣдствіямъ. Съ другой-же стороны, количество потребляемой пищи должно быть возможно незначительно и строго сообразовано лишь съ требованіями здоровья

и естественнаго аппетита. Что-же касается рода пищи, то вотъ что должно быть принимаемо въ возможно малыхъ количествахъ: хлѣбъ, молоко, яйца, картофель, морковь, рисъ, греча, сладкіе сушы, сахаръ, баранина въ какомъ-бы то ни было видѣ, бифтексты, салатъ съ масломъ, десертныя блюда, студень. Почти совершенно нужно избѣгать: масла, сливокъ, жирновъ, соусовъ, свиныхъ, сладкаго печенья, широжнаго, мороженаго, каштановъ и другихъ орѣховъ. Изъ напитковъ чай и кофе должны быть потребляемы съ малымъ количествомъ или, еще лучше, совсѣмъ безъ молока и сахара, и совершенно избѣгаемы—шоколадъ и какао. Пиво и прочіе напитки съ большимъ содержаніемъ спирта должны быть совершенно изгнаны изъ употребленія, но позволительны кислыя вина, смѣшанныя съ водою.

Въ Америкѣ, нѣкто Вильямъ Бантингъ впродолженіи года строго слѣдовалъ дѣтѣ, предписанной врачами, и уменьшилъ свой вѣсъ съ 202 фунтовъ до 156-ти, то есть, на 46 фунтовъ. И нѣтъ сомнѣнія, что слѣдуя указаннымъ выше предписаніямъ, всегда можно добиться желаемаго результата, хотя не въ одинаковыхъ степеняхъ, но различныхъ для всякаго даннаго случая. Нужно, слѣдовательно, только положить извѣстные предѣлы аппетиту, избѣгать нѣкоторыхъ пищевыхъ средствъ и напитковъ и производить правильныя движенія.

Съ пользой употребляются иногда воды извѣстныхъ минеральныхъ источниковъ, особенно имѣющія слабительное дѣйствіе. При этомъ предпочтительно пользованіе ими въ мѣстахъ нахожденія самихъ источниковъ. Рекомендуются также воды, содержащія въ себѣ іодистыя соли; однако, дѣйствительность этихъ средствъ подвергается сомнѣніямъ.

Другое средство, кажущееся *наименее разумнымъ* сравнительно съ вышеупомянутыми, рекомендуется лондонскими журналистами. Оно состоитъ въ примѣненіи вѣшняго давленія, при которомъ размѣры тѣла постепенно уменьшаются до извѣстной нормы. И въ то время какъ нѣкоторые корреспонденты свидѣтельствуютъ на страницахъ этихъ журналовъ объ успѣхѣ примѣненія этого средства, не приводится ни одного противоположнаго случая. Такъ нѣкто, безуспѣшно пытаясь средствами, употребленныя Бантингомъ, достигъ желаемаго результата при помощи сильнаго стягиванія. Другой джентельменъ передаетъ, что путемъ употребленія обыкновеннаго женскаго корсета онъ уменьшилъ окружность своего туловища на 8 дюймовъ (съ 42 до 34), при одновременномъ улучшеніи тѣлеснаго здоровья... Конечно, довольно вѣроятно, что сильное стягиваніе можетъ имѣть хорошее дѣйствіе относительно неумѣренныхъ чревоугодниковъ, содѣйствуя худобѣ и даже (какъ утверждаютъ нѣкоторые) излечивая ожирѣніе, но трудно поверить, чтобы оно могло оказаться полезнымъ въ какихъ-либо еще другихъ отношеніяхъ. Но вотъ замѣчательный фактъ: мужчины первые открыли въ корсетѣ свойство, якобы уменьшающее дородность, тогда какъ женскій полъ, болѣе опытный въ пошеніи корсета, вовсе не имѣетъ о немъ такого мнѣнія. Вообще, не подвергая недоумѣнію столь многочисленныя свидѣтельства, мы не можемъ признать за стягиваніемъ дѣйствія уменьшающаго дородность уже по одному тому, что многія толстыя женщины вовсе не худѣють, несмотря на крѣпкое стягиваніе въ корсетъ своихъ жирныхъ формъ. Развѣ въ примѣненіи къ мужчинамъ онъ получаетъ иное желаемое дѣйствіе, въ виду того, что при непривычкѣ къ нему они начинаютъ на первое время меньше ѣсть и пить, а временное уменьшеніе тѣлесныхъ размѣровъ располагаетъ ихъ къ большому движенію.

Въ случаяхъ анемической дородности, когда количество красныхъ кровяныхъ шариковъ оказывается недостаточнымъ для окисленія элементовъ пищи, не имѣетъ мѣста ни одно изъ вышеупомянутыхъ средствъ, но должно стараться объ улучшеніи общаго состоянія здоровья, путемъ принятія укрѣпляющихъ желѣзистыхъ веществъ. Весьма вѣроятно, что въ подобныхъ случаяхъ можно съ пользой подвергаться усиленному атмосферическому давленію. Полезны, разумѣется, и упражненія въ собственномъ смыслѣ слова. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ необходимо прибѣгать къ медицинскій помощи.

Политическое обозрѣніе.

Г. Гирсъ въ иностранные толки. — Австро-Венгрія. — Турція. — Германія. — Франція.

Мы уже передавали кое что изъ тѣхъ толковъ, которые пу-скались въ ходъ за границей во время побѣды нашего министра иностранныхъ дѣлъ; теперь, по тому же поводу, „Journal de St.-Petersbourg“ помѣстилъ у себя слѣдующую замѣтку:

„Г. Министръ иностранныхъ дѣлъ не успѣлъ возвратиться въ Петербургъ, какъ лондонскія газеты посѣщили уже заявить, будто бы имъ извѣстно существованіе циркуляра, адресованнаго г. Гирсомъ къ представителямъ Россіи, съ цѣлью сообщить имъ результатъ обмена взглядовъ, состоявшагося между министромъ и его нѣмецкими, итальянскими и австрійскими товарищами. Истина заключается въ томъ, что упомянутый циркуляръ вовсе не существуетъ“. Замѣтимъ тутъ кстати, что въ Вѣнѣ г. Гирсъ удостоился и со стороны Императора и со стороны членовъ его семьи чрезвычайно лестнаго пріема.

Въ настоящую минуту австрійское правительство сильно зав-ято вопросомъ о стратегическихъ желѣзныхъ дорогахъ: недав-

но происходило засѣданіе совѣта общеимперскихъ министровъ, на которомъ главнымъ предметомъ обсужденія служилъ вопросъ о сооруженіи стратегическихъ дорогъ въ Галиціи и Венгріи; затѣмъ, австро-венгерскій посланникъ при Портѣ, баронъ Каллице, передалъ ей дружественную ноту о соединеніи турецкихъ дорогъ съ австрійскими; въ нотѣ этой указано, что условія, при которыхъ Порты, въ 1882 г., дала согласіе на постановленіе конференціи четырехъ государствъ (*conférence à quatre*) должны быть выполнены, такъ какъ баронъ Гирсъ официально заявлялъ, что этимъ не будетъ нарушена конвенція, заключенная имъ съ Турціею въ 1872 г. Одновременная же постройка линіи Ямболи-Шумла является, очевидно, дѣломъ, касающимся Турціи и Болгаріи, и выборъ пункта соединенія у Салоникско-Митровицкой линіи принадлежитъ Портѣ, но только пужно, чтобы установлено было соединеніе съ Орханіею. Одновременно съ этимъ обсуждается и вопросъ о ландверѣ. Оцѣно къ одному...

Что касается Турции, то она подымает несколько щекотливых, отчасти „задежавшихся“ вопросов; об этом мы читаем в циркулярѣ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ Порты, акредитованнымъ при иностранныхъ державахъ. Циркуляръ начинается съ „Болгарской дани“. „Результировать предшествующихъ сообщеній по моему вѣдомству, — сказано тамъ — вынуждаетъ меня возвратиться еще разъ къ вопросу о дани Болгарии. Цифра этой дани, которая должна была быть установлена на основаніи постановленій Берлинскаго договора, все еще не опредѣлена. Тоже самое слѣдуетъ сказать и про назначеніе той части турецкаго государственнаго долга, которая должна быть отнесена на долю Сербіи, Черногоріи и Греціи, равно какъ и про участие, которое послѣдняя держава должна принимать въ уплатѣ означеннаго долга на основаніи конвенціи 24-го мая 1881 г.“ Министръ настаиваетъ на разрѣшеніи этихъ вопросовъ. „Такъ какъ Порты добровольство исполняла всѣ возложенныя на нее Берлинскимъ трактатомъ обязательства, то она имѣетъ право надѣяться на то, что и другія договаривавшіяся стороны поступятъ точно также. Было бы очевидно, несправедливо еще далѣе откладывать разрѣшеніе упомянутыхъ вопросовъ“. Затѣмъ турецкій министръ поручаетъ посланникамъ настаивать на томъ, чтобы какъ можно скорѣе состоялось соглашеніе какъ относительно опредѣленія цифры болгарской дани, такъ и той доли турецкаго государственнаго долга, которая должна быть отнесена на счетъ этого княжества, а также Сербіи, Черногоріи и Греціи.

Турція вообще снова недовольна многимъ изъ того, что происходитъ въ Европѣ. Между прочимъ, она сильно возражаетъ противъ допущенія Болгаріи къ участию въ смѣшанной коммисіи для надзора за частію Дуная выше Браилова, до Желѣзныхъ Воротъ. Можетъ быть, достопочтеннымъ намъ придется на мысль потребовать, чтобы Болгарію какъ нибудь совсѣмъ отгородили отъ великой рѣки, напримѣръ, тѣмъ нибудь въ родѣ Китайской стѣны, выстроенной англо-австрійскими инженерами. Впрочемъ, съ англичанами у турокъ все еще не ладно. Турецкій агентъ въ Каирѣ, Кадри-бей жалуется. Портъ оттуда, что Англія добивается въ Египтѣ еще болѣе исключающаго вліянія, нежели то можно видѣть изъ новѣйшей ноты лорда Гревилля. Вѣстѣ съ тѣмъ султанъ очень противится такой организаціи Египетской арміи, при которой высшее въ ней командованіе принадлежитъ англичанамъ. Замѣтимъ здѣсь, что Англія, съ своей стороны, показываетъ желаніе не дразнить гусей: она, по слухамъ, намѣрена предложить европейскимъ

державамъ подписать какой-то платоническій актъ о признаніи верховныхъ правъ султана надъ Египтомъ. Пожалуй, Абд-уль-Гамиду придется, противъ воли, проглотить эту позолоченную пилюлю. Изъ Дамаска сообщаютъ странный слухъ о томъ, что французскій консулъ, проходя мимо дворца губернатора, отдалъ приказаніе кавасу ударить часоваго, не отдавшаго ему честь (хороши республиканцы!); присутствовавшіе при этомъ солдаты бросились на консула и отколотили бы его, еслибы не выѣхался одинъ турецкій офицеръ; губернаторъ Дамаска потребовалъ отозванія консула. Арабы не унимаются съ своей неирязнью къ туркамъ: вагабиты въ Аравіи дѣлаютъ большія военныя приготовленія и собираютъ въ Аденѣ значительныя запасы оружія; въ Меккѣ предполагаютъ, что это ничто иное, какъ признаки замыслаемаго противъ турокъ похода, съ цѣлью изгнанія ихъ съ полуострова.

Князь Бисмаркъ страдаетъ воспаленіемъ всѣхъ ногъ и ему предписано спокойствіе, вслѣдствіе чего онъ не посѣщаетъ засѣданія рейхстага; по этому поводу канцлеръ недавно выразился: „дѣло идетъ и безъ меня, Имперская машина работаетъ превосходно и нужно только избѣгать въ рейхстагѣ всего, что можетъ создавать безпокойство.“

Французская палата заканчиваетъ свой походъ противъ принцовъ; на дняхъ отклонивъ большинствомъ 352 голоса въ противъ 172, проектъ Флокке относительно немедленной высылки всѣхъ принцовъ, палата затѣмъ приняла правительственный проектъ въ слѣдующей редакціи: 1) члены царствовавшихъ во Франціи домовъ не могутъ служить ни по выборамъ, ни въ гражданской или въ военной службѣ, 2) президентъ республики, отданнымъ въ совѣтъ министровъ декретомъ, можетъ предпринять означеннымъ лицамъ немедленно выѣхать изъ Франціи, если присутствие ихъ было бы признано угрожающимъ безопасности государства 3) всякое изъ означенныхъ лицъ, которое, будучи препровождено за границу, возвратилось бы безъ разрѣшенія во Францію, будетъ привлечено къ суду исправительной полиціи и приговорено къ тюремному заключенію на срокъ отъ одного года до 3-хъ лѣтъ. Новый кабинетъ — въ комическомъ положеніи: до сихъ поръ не находитъ возможности добыть себѣ двухъ цѣлыхъ министровъ — иностранныхъ дѣлъ и морскаго; военный найденъ — это генералъ Тибоденъ, котораго тѣмъ же упрекаютъ въ томъ, что, попавъ въ 1870 году въ плѣнъ и давъ слово не воевать, бѣжалъ и снова выступилъ противъ нихъ. Республиканцы опровергаютъ это, увѣряя, что Тибоденъ поступилъ какъ честный воинъ.

Библиографія.

Стихотворенія К. К. Случевского т. III Спб. 1883 г. Вышло новое и какъ и прежніе томы, роскошное изданіе стиховъ нашего талантливаго поэта; въ этомъ томѣ заключаются поэмы и хроники. Наши читатели знакомы уже съ достоинствами таланта г. Случевского по его прекрасной драматической поэмѣ „землетрясеніе“, помѣщенной въ „Нивѣ“ прошлаго года и разнымъ стихотвореніямъ. Теперь въ изданіи поэма эта значительно дополнена прекрасными и звучными строфами. Очень хороши многія и изъ отдѣльныхъ мелкихъ стихотвореній этого великолѣпнаго тома.

Русскій орнаментъ въ старинныхъ образцахъ. Н. Симакова. Спб. 1883. Изд. Общ. Поощренія Художествъ. Московская Выставка наглядно показала какое движеніе впередъ сдѣлала русская промышленность и какая потребность появилась въ предметахъ чисто-русскаго стиля и производства, а слѣдовательно и въ матеріалахъ для изученія русскаго стиля и русскаго искусства вообще. Специальныхъ изданій по этому предмету не много и всѣ они имѣютъ въ виду спеціальныя цѣли, и не могутъ имѣть прямого примѣненія къ промышленности. Между тѣмъ, уже съ XVI вѣка, русское искусство имѣло самостоятельный стиль какъ въ шитьѣ, такъ и въ другихъ предметахъ художественно-промышленнаго производства. Г. Симаковъ, уже извѣстный по нѣсколькимъ изданіямъ, какъ искусный и добросовѣстный воспроизводитель въ рисунокѣ именно этихъ необходимыхъ матеріаловъ для изученія искусства, и на этотъ разъ предпринялъ трудъ въ высшей степени полезный и превосходно исполненный, а Общество Поощренія Художествъ издало этотъ трудъ съ тою роскошью и изяществомъ, которыя вообще отличаютъ его изданія. Теперь для лицъ, интересующихся этими вещами, имѣется превосходный трудъ г. Симакова, представляющій образцы, которые, по оригинальности и красотѣ, а также и по мастерству исполненія, не могутъ не обратить на себя вниманія лицъ, интересующихся вопросами развитія нашего національнаго искусства.

Изографъ, журналъ Иконографіи, изд. Крестинскимъ. 1883. Спб. I, II и III выпуски. Замѣчательное въ нынѣшнемъ году изобиліе возникающихъ художественныхъ изданій, указываетъ какъ бы на сильную потребность къ разсмотрѣнію вопросовъ искусства, возникшую въ обществѣ. Но эти изданія часто бываютъ лишь плодами предприимчивости ихъ издателя и кончаются неудачей.

„Изографомъ“ въ старину назывался мастеръ церковной живописи, посвятившій себя изображенію святыхъ, но исключительно по образцамъ древне-византійскимъ. Поддержаніе преданій настоящей русской иконописной школы составляетъ цѣль новаго изданія, которую нельзя весьма не одобрить, въ виду угасанія типа стариннаго иконописанія, которое такъ цѣнится нашимъ народомъ. Въ первыхъ трехъ выпускахъ помѣщены свѣдѣнія объ наиболѣе прославленныхъ историческихъ иконахъ и статьи по иконописанію, съ приложеніемъ весьма старательно исполненныхъ красками копій.

С М Ъ С Ъ.

О Гамбеттѣ. Дома, въ кругу хорошихъ друзей, за столомъ, Гамбетта былъ пріятнымъ собесѣдникомъ, остроумнымъ и веселымъ. Онъ охотно разсказывалъ тогда пережитое, свои разочарованія и свои надежды.

Вольнодумецъ, помимо своей воли онъ вѣрилъ въ два или три предсказанія, которыя отчасти сбылись.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, послѣ обѣда у знакомыхъ, хозяйка дома предложила погадать гостямъ на картахъ. Всѣ согласились и въ продолженіи получаса шло веселое гаданіе, наполнившее залу смѣхомъ. Когда-же пришла очередь Гамбетты, хозяйка дома сдѣлалась серьезной и сказала: „удивительно, всякій разъ, что я на васъ загадаю, карты предсказываютъ вамъ опасность. Сегодня они говорятъ тоже самое.“

— Быть можетъ они говорятъ правду, отвѣтилъ Гамбетта весело. Знаете-ли какъ мнѣ предсказали о моей смерти?

— Нѣтъ.

— Я буду убитъ женщиной.

— Женщиной? И вы этому вѣрите?

— И да и нѣтъ.

— Наверно вы этому вѣрите. Вы должно быть суевѣрны, какъ всѣ итальянцы. Разскажите намъ объ этомъ.

— О! эта цѣлая исторія. Я долженъ прежде всего сказать вамъ, что мать моя сообщила мнѣ, что въ то время когда она носила меня подъ сердцемъ, ей случилось спрашивать лунатичку, которая сказала ей, что у нея родится мальчикъ и этотъ мальчикъ достигнетъ въ своемъ отечествѣ высокаго положенія.

— Это поразительно, замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Не думайте, что я сочиняю, заговорилъ снова Гамбетта. Во всякомъ случаѣ, мать моя такъ увѣровала въ предсказаніе, что въ то время какъ отецъ мой только думалъ о томъ какъ сдѣлать изъ меня торговца, она мнѣ дала гораздо лучшее образованіе, чѣмъ то, которое получила моя сестра, съ тою именно цѣлью, чтобы, въ случаѣ надобности, я былъ подготовленъ ко всякому положенію.

— И вы не любопытствовали повидаться потомъ съ этой лунатичкой?

— Нѣтъ; но въ послѣдніе годы имперіи я видѣлъ здѣсь въ Парижѣ другую и, не открываясь ей, просилъ предсказать мнѣ будущее.

— Что-же она вамъ сказала?

— Что я два раза буду находиться во главѣ правленія.

— Разъ это и было въ 1870 г., и все говорить за то, что это случится и во второй разъ.

— Но такъ какъ часть предсказанія оправдалась, то я спрашиваю себя, не будетъ-ли тоже самое и съ остальнымъ. Она мнѣ сказала, что я буду убитъ женщиной.

Нужно прибавить, что все рассказанное не есть вымыселъ и что можно указать домъ, гдѣ Гамбетта сдѣлалъ это странное сообщеніе при свидѣтеляхъ. Казалось съ тѣхъ поръ онъ забылъ мрачное предсказаніе лунатички; непредвидѣнный случай снова напомнилъ ему объ этомъ.

Въ прошломъ году, во время освященія статуи Дюнона де Л'Эрвѣ въ Нейбургѣ, рухнулъ помостъ въ то время, когда Гамбетта только что началъ на немъ свою рѣчь. Гамбетта не былъ при этомъ даже раненъ, но онъ не могъ воздержаться, чтобы не замѣтить стоявшему возлѣ него, одному изъ присутствовавшихъ на прежнемъ общѣ:

— Должно-ли это служить предзнаменованіемъ конца?

Легко можно понять, что преслѣдуемый, противъ воли, воспоминаніемъ о предсказаніи, Гамбетта долженъ былъ быть сильно взволнованъ получивъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ рану, виновница которой, несмотря на его отрицаніе и на увѣренія его друзей, оканчивается женщиной.

Быть можетъ основаніе къ тайнѣ, которую Гамбетта сохранялъ нѣсколько дней послѣ происшествія въ Виль д'Аврѣ, кроется въ желаніи его забыть предсказаніе.

Кромѣ докторовъ въ Виль д'Аврѣ никто изъ посѣтителей не допускался. Исключеніе было сдѣлано только для г. Этьенна, преданнаго друга бывшаго президента совѣта.

Въ одинъ изъ послѣднихъ разговоровъ съ г. Этьенномъ, Гамбетта спросилъ:

— Черезъ сколько дней кончится этотъ 1882 годъ?

— Черезъ пять дней.

— Ну, тогда черезъ шесть дней, я уже буду на ногахъ. Этотъ ужасный годъ принесъ мнѣ несчастье, я страстно желаю скорѣе его окончить.

Шелковая матерія воздушнаго корабля „Россія“. Въ № 22 „Нивы“ за 1882 годъ было помѣщено описаніе строящагося нынѣ воздушнаго корабля „Россія“ и самый его рисунокъ. Въ этомъ описаніи, между прочимъ, упоминалось, что строителъ корабля, капитанъ Костовичъ, поставилъ себѣ условіемъ—преимущественно употреблѣть матеріалъ русскаго происхожденія и производства.

Само собою разумѣется, что, для образцовъ матеріаловъ, могущихъ удовлетворить условіямъ строителя, были назначены самыя строгія техническія испытанія.

Напримѣръ, относительно шелковой матеріи нельзя не замѣтить, что испытанія эти были сопряжены со многими затрудненіями не только для строителя, но и для фабрикъ, — въ виду того, что одна только пробная заготовка образцовъ на различныхъ фабрикахъ требовала всюду постановки новыхъ станковъ. Обыкновенные ткацкіе станки не могли, по конструкціи своей, удовлетворять условіямъ, требуемымъ при производствѣ матеріи, которая-бы, при своей относительной дешевизнѣ, заключала въ себѣ три необходимыя достоинства: легкость, плотность и крѣпость. Матеріалъ, какъ для основы, такъ и для утока, долженъ былъ одинаково состоять изъ нѣсколько высокаго сорта шелка, какой только существуетъ.

Въ настоящее время мы получили свѣдѣнія, что, послѣ долгихъ испытаній образцовъ шелковыхъ матеріи, какъ заграничныхъ, такъ и нашихъ русскихъ,—московская фабрика шелковыхъ издѣлій фирмы „Алексѣй Шелазевъ съ сыновьями“ представила матеріалъ для воздушнаго корабля „Россія“, вполне соответствующій тѣмъ условіямъ, которыя были предложены строителемъ.

Послѣднія испытанія шелковой матеріи, фабрикованной по системѣ Костовича фирмой Шелазевыхъ, дали результаты столь успѣшныя, какихъ не могъ достигнуть даже Жиффаръ, который для своего „Ballon captif“ долженъ былъ употреблѣть сложную оболочку, составленную изъ семи слоевъ матеріаловъ весьма обыкновеннаго производства.

Квадратный метръ непропитанной матеріи Костовича выдержалъ давленіе въ 1,061 килограммъ*). Имѣя въ виду, что самый сильный (летучій) ураганъ производитъ давленіе въ 277 и 87 сотыхъ килограммъ на квадратный метръ, — очевидно, что *одна* только слой матеріи воздушнаго корабля „Россія“ выдерживаетъ 3,8 разъ большее давленіе, чѣмъ „летучій“ ураганъ произвести въ силахъ. Принимая же во вниманіе конусное образованіе концовъ воздушнаго корабля, слѣдуетъ и эту цифру (3,8) увеличить вдвое, такъ какъ, относительно корабельной поверхности, даже при встрѣчномъ „летучемъ“ ураганѣ, направленіе движенія воздуха будетъ совершаться подъ угломъ въ 30° къ передней поверхности корабля, а снизу 30° равенъ 1/2. Итакъ, вообще, поверхность *одного* слоя воздушнаго корабля „Россія“ въ состояніи выдержать въ (3,8×2) *семь и шесть десятыхъ разъ большій ураганъ, нежели существуютъ въ мірѣ.*

Нельзя не замѣтить, при этомъ, что въ нашихъ шпротахъ вовсе не бываетъ летучихъ урагановъ, которые, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, встрѣчаются въ мѣстностяхъ, гораздо болѣе южныхъ. Въ Германіи же, средняя цифра десятилѣтнихъ наблюденій дала 244 1/2 дней въ году вѣтеръ со скоростью 2-хъ метровъ въ секунду, производящій ничтожное давленіе въ 0,54 кило на кв. метръ, и 82 дня —полнаго безвѣтрія, 38 дней свѣжаго вѣтра и всего 1/2 дня простой бури, дающей всего 54,16 кило на метръ, при скорости 20 метровъ въ секунду. Что же касается нашихъ континентальныхъ мѣстностей, то условія эти еще болѣе благоприятны для воздухоплаванія. Не лишнимъ считаемъ прибавить нѣсколько словъ о фабрикѣ Шелазевыхъ, гдѣ выдѣлана эта шелковая матерія. Фабрика находится въ г. Богородскѣ, Московской губерніи, существуетъ болѣе 30 лѣтъ, удостоена наградъ на многихъ выставкахъ, въ томъ числѣ на Парижской и на послѣдней Московской.

Достоинство исполненной матеріи вполне оправдало выборъ капитана Костовича. Выборъ этотъ оказался вполне удачнымъ и въ отношеніи цѣны матеріи, вообще не дорогой, относительно своего высокаго качества. При этомъ еще слѣдуетъ принять во вниманіе, что, несмотря на множество обыкновенныхъ станковъ, на шелковой фабрикѣ, представителѣмъ фирмы пришлось приобрести 48 новыхъ станковъ, съ особыми регуляторами, специально для точной выдѣлки, по заказу Костовича, шелковой матеріи для воздушнаго корабля „Россія“. Экстренное изготовленіе за границей этихъ регуляторовъ, доставка ихъ и вся постановка новыхъ станковъ заняла сама по себѣ мѣсяць времени, тогда какъ, по условію, требовалось черезъ шесть недѣль уже сдать первую партію.

Несмотря на такія серьезныя затрудненія, всѣ партіи шелковой матеріи были представлены въ свое время и даже нѣсколько лучше той выдѣлки, которая требовалась условіемъ.

Важное историческое отирытіе, касающееся древѣйшихъ преданій римской исторіи. Найдены стѣны маленькаго города Антэмна, который былъ разрушенъ Ромуломъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія Рима. Антэмна былъ расположенъ на возвышенности, поднимавшейся при слияніи Арино съ Тибромъ.

Болѣзнь кофе. Кофе грозитъ такая-же опасность, какъ картофелю и винограду. На плантаціяхъ кофе появляется своеобразный грибокъ, который, поселившись на одномъ листѣ, съ неимоверною быстротою распространяется по всему растенію и уничтожаетъ его. Грибокъ этотъ произвелъ большія опустошенія въ гористыхъ частяхъ Цейлона и Явы и на островахъ Фиджи. На этихъ послѣднихъ пришла на помощь мѣстное правительство; оно скупило многія зараженныя плантаціи, выжгло растенія и такимъ образомъ прекратило зло.

Обычай въ Юнанѣ. Вотъ любопытныя подробности о нѣкоторыхъ обычаяхъ жителей Юнана, находящагося въ части Китая, расположенной между Кантономъ и Ваню. Этотъ первообытный народъ обладаетъ болѣе своеобразнымъ лицомъ, чѣмъ лица китайцевъ, и отличается гостеприимствомъ. Женщины не уродуютъ своихъ ногъ и носятъ живописный костюмъ, напоминающій костюмъ итальянокъ. Свадьбы происходятъ тамъ слѣдующимъ образомъ. Въ

*) Пропитываніе матеріи по способу Костовича увеличиваетъ ея крѣпость и сопротивленіе къ разрыву въ значительной степени.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г.

№№ „НИВЫ“ со всеми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

день Нового года всё нежесткие мужчины становятся по одну сторону пропасти а дѣвухи по другую. Каждая изъ дѣвухек бросаетъ черезъ пропасть мячикъ и тотъ, кто его поймаетъ, становится мужемъ. Увѣряютъ, что дѣвухи умѣютъ такъ ловко бросать мячъ, что тотъ, кого онѣ предпочитаютъ всегда въ состоянн слѣзть сго.

Находка гробницы возлѣ Рима. Невдалекѣ отъ Porta Tor-gese владѣлецъ виноградника при обработкѣ его наткнулся на склепъ. При дальнѣйшихъ раскопкахъ оказалось, что изъ него вынесено все дорогое, даже вынута мозаика пола, но послѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія были найдены четыре мраморные саркофага, совершенно уцѣлѣвшіе. Головные уборы на рельефныхъ фигурахъ саркофаговъ указываютъ, что эти послѣдніе принадлежатъ къ половинѣ третьяго столѣтія. Трупы были положены въ известъ; вѣроятно покойники умерли отъ оспы.

Спекулирующія женщины. Послѣдняя масляная горячка въ Америкѣ заразила также и женщинъ. Въ Титусвилѣ на галлерей масляной биржи появляется много женщинъ со своими записными книжками. Въ одинъ изъ дней ихъ насчитано было 65, подававшихъ постоянно внизъ замѣтки и листочки своимъ маклерамъ. Между ними были молодыя дѣвухи изящно одѣтыя, карадаши которыхъ были въ брилліантовой оправѣ, бѣдныя работницы, пожилыя дамы, жены маляровъ, исполнявшія часто должностъ совѣтчицъ. Уже давно женщины спекулируютъ въ Америкѣ масломъ, но въ послѣднее время страсть эта особенно усилилась. И нѣрѣдко женщины эти рискуютъ многимъ. Въ одинъ изъ дней дамская галлерей въ Титусвилѣ закупила 250,000 бочекъ масла. Женѣ одного маклера посчастливилось болѣе всѣхъ: она заработала въ этотъ день 6,000 долларовъ. Двѣ деревенскія дѣвухи заработали 1,000 долларовъ; прочія женщины получили барыша отъ 1,400 до 1,000 дол., а нѣкоторыя—отъ 500 до 100. Конечно были также и потери; одна дама потеряла 800 долларовъ.

Но не только взрослые, спекулируютъ и дѣти. Два уличныхъ мальчика заработали 1,000 долларовъ.

Скульпторъ Геефсъ. Бельгійскія газеты сообщаютъ о смерти извѣстнаго скульптора Геефса; онъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ и лучшихъ представителей своего искусства въ Бельгій и создалъ много монументальныхъ произведеній, главными изъ которыхъ являются: великолѣпный памятникъ въ честь лицъ, павшихъ въ Брюсселѣ въ 1830 г. на площади „Des martyrs“, гробница наваго въ тоже время графа Мерода въ брюссельскомъ соборѣ, памятникъ композитора Гретри въ Люттихѣ, памятникъ Рубенса въ Антверпенѣ (1838 г.), памятникъ анатому Везалину въ Брюсселѣ, статуя короля Леопольда I-го въ Брюсселѣ (1851 года) и многія другія статуи и бюсты. Его памятники павшимъ въ Брюсселѣ и статуя Рубенса принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ современнаго искусства.

Телефонъ на востокѣ. Одна изъ американскихъ телефонныхъ компаній задумала привести въ извѣстность развитіе этого дѣла на всемъ земномъ шарѣ. Главный начальникъ бирмингамскихъ телефоновъ, Дефорестъ, осмотрѣвъ телефоны Франціи, Англіи и Италіи, отправился черезъ Каиръ въ Индію. Здѣсь большую часть абонентовъ составляютъ европейцы, къ которымъ въ послѣднее время примкнуло и нѣсколько богатыхъ туземцевъ. Въ Хонгъ-Конгѣ и Кантонѣ телефономъ до сихъ поръ пользуются одни европейцы. Въ Шанхаѣ строительныя работы начались въ мартѣ 1882 г. и производятся китайцами; линія и станція, съ аппаратами Блекъ-Белля, устроены, какъ и въ Петербургѣ, однимъ изъ отдѣленій „Telephone Bell Company“. Число абонентовъ достигло уже 50; въ эту цифру входятъ шесть китайскихъ обществъ и торговыхъ домовъ. Населеніе Шанхая состоитъ изъ 20,000 европейцевъ и 140,000 туземцевъ. Въ Йокогамѣ и въ Кеддо телефонъ служитъ какъ европейцамъ, такъ и японцамъ. Мѣстная аристократія относится очень сочувственно къ этому нововведенію; кромѣ линій, идущихъ отъ главной станціи, здѣсь устроено немалое количество и частныхъ, находящихся въ постоянномъ дѣйствіи. Наконецъ, на Сандвичевыхъ островахъ, преимущественно въ Гонолулу, насчитывается уже 175 абонентовъ.

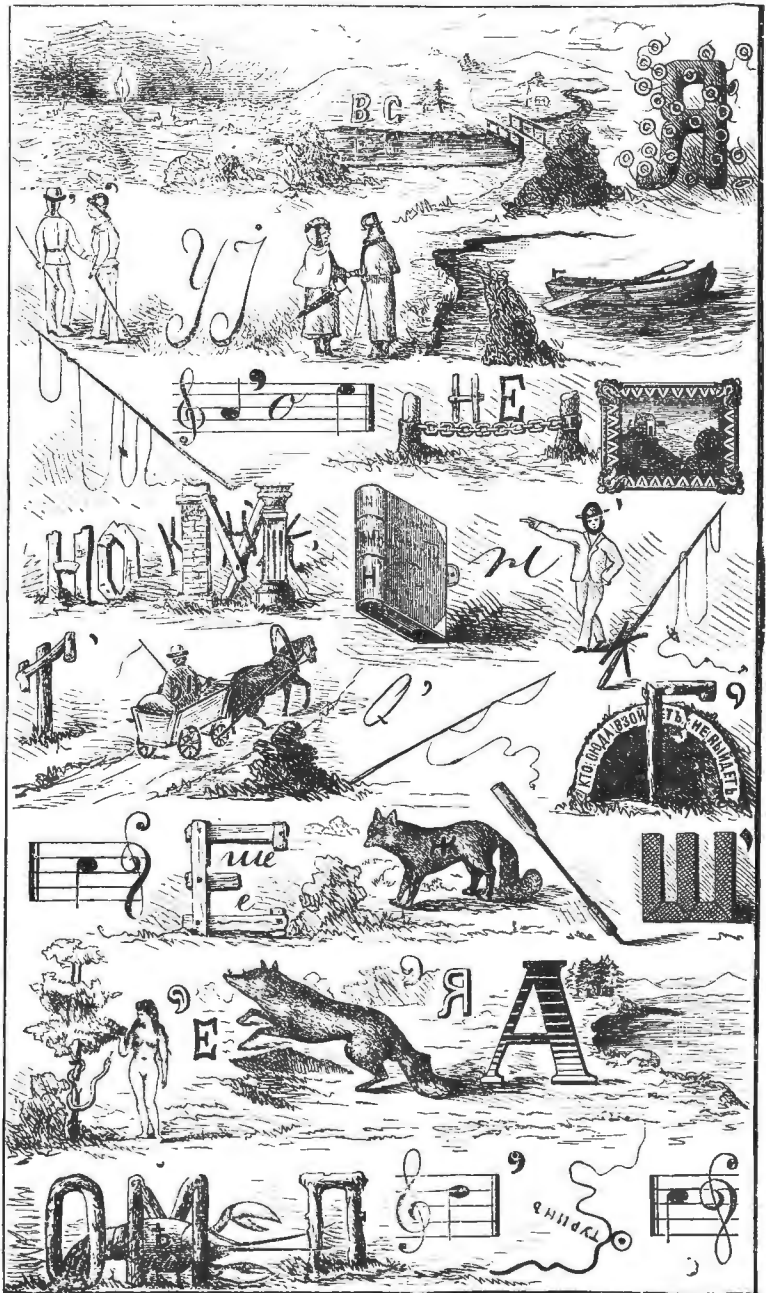
Основаніе новой столицы. Штаты аргентинской республики, столицей которыхъ былъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, Буэнос-Айресъ, пришли къ заключенію, что послѣдній, вслѣдствіе постоянно возрастающаго населенія въ немъ и ежедневно увеличивающагося богатства, не можетъ болѣе служить мѣстопробываніемъ союзнаго правительства, и рѣшились основать новую столицу, которая не будетъ принадлежать ни къ одному изъ союзныхъ штатовъ и составитъ, подобно Вашингтону, самостоятельную территорію. Къ постройкѣ новаго города, который будетъ называться Лаплатою и находится въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Буэнос-Айреса, будетъ приступлено надіякъ. На постройку города и необходимыхъ правительственныхъ зданій, въ томъ числѣ и на парламентъ, аргентинскій сенатъ ассигновалъ сто миліоновъ франковъ. Городъ будетъ состоять изъ однихъ параллелограммовъ и будетъ имѣть также нѣсколько общественныхъ парковъ.

Центральное санитарное бюро въ Австріи. Происходило въ залѣ городского совѣта, подъ предсѣдательствомъ профессора Бильрота, общее собраніе австрійскаго общества „попеченія о народномъ здравіи“, на которомъ д-ръ Эдуардъ Шиффъ прочелъ свой докладъ объ учрежденіи въ Австріи центрального санитарнаго бюро, встрѣченный присутствующими съ большимъ сочувствіемъ. Докладчикъ нарисовалъ интересную картину послужившаго ему образцомъ берлинскаго института и указалъ на тѣ измѣненія, которыя необходимо въ немъ сдѣлать, для прилженія его въ Австріи и во избѣжаніе ошибокъ, сдѣланныхъ при учрежденіи германскаго имперскаго санитарнаго бюро. Важность и необходимость учрежденія такого центрального бюро признаны были всѣми присутствовавшими. Согласно предложенію Шиффа, въ палату депутатовъ будетъ представлена петиція о скорѣйшемъ внесеніи правительствомъ относящагося къ сему предмету законопроекта.

Данныя о состоянн бывшей Императрицы Евгени. Вдова Наполеона III имѣетъ пять домовъ въ Парижѣ, цѣнностью въ 3,500,000 фр., которые заложены въ кредитномъ обществѣ за 2,800,000; имѣніе Жюшоръ, стоящее 500,000 фр.; имѣніе Сольферино (1,500,000 фр.), которое заложено за 1,000,000 фр.; имѣніе Арноста въ Пиренеяхъ (120,000 фр.) и имѣніе въ Биаррицѣ (1,000,000 фр.); дворецъ въ Марселѣ (1,658,000 фр.), домъ тамъ-же и дачу въ Виши. Кромѣ того, у нея 75,000 фр. ежегоднаго дохода отъ различныхъ фондовъ.

Слѣпые стенографы. По извѣстіямъ германскихъ газетъ, директоръ берлинскаго института слѣпыхъ, проф. Арнольдъ, съ усилкомъ обучаетъ своихъ питомцевъ стенографіи; такимъ образомъ, эти несчастные приобретаютъ новое средство существованія. Быть можетъ и другіе институты слѣпыхъ обратятъ вниманіе на систему Арнольда.

РЕБУСЪ. Задача № 8.

Алгебраическая задача № 9.

Фамилія одного знаменитаго дипломата состоитъ изъ 8 буквъ; если же эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получаются слѣдующія соотношенія между ними:

- 1) Разность кубовъ перваго и втораго чиселъ равна числу дней въ 9-ти недѣляхъ.
- 2) Треть разности между первымъ числомъ, возвышеннымъ въ шестую степень, и вторымъ числомъ въ той же степени равна разности между числомъ, означающимъ годъ Куликовской битвы и половиной числа дней въ мѣсяцѣ.
- 3) Четвертая часть суммы кубовъ перваго и втораго чиселъ равна числу дней въ одной недѣлѣ.
- 4) Разность между третьимъ и послѣднимъ числами равна числу мѣсяцевъ въ году.
- 5) Разность между первымъ числомъ, возвышеннымъ въ шестую степень, и вторымъ числомъ, возвышеннымъ въ ту же самую степень, равна произведенію изъ числа недѣль въ году на число дней въ двухъ недѣляхъ.

- 6) Сумма перваго, втораго и третьяго чиселъ равна разности между седьмымъ и четвертымъ числами.
- 7) Удвоенное произведеніе четвертаго на лютое число, сложенное съ удвоеннымъ первымъ числомъ, составляетъ число дней въ ноябрѣ.
- 8) Разность между седьмымъ и пятымъ числами равна третьему числу.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Колтора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Густавъ Доре (съ портр.)—Подъ колесомъ. Повѣсть Н. Д. Акшарумова. (Продолженіе).—Другъ Намилла. Разсказъ Альбины.—Бальбекъ (съ рис.)—По порошѣ къ краснымъ (съ рис.)—Видъ близъ Балаклавы въ Крыму (съ рис.)—Нартина Густава Доре (съ рис.)—Демянова уха. Басня Крылова (съ рис.)—Дородность. Очеркъ.—Библиографія.—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—Алгебраическая задача.—О подпискѣ на „Ниву“.—Объявленія.—При этомъ не прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1892 г. съ 17 рисунками и отдѣльнымъ ластомъ съ 26 выкройками въ натуральную величину и 26 рисунки, руководящихъ работъ въ русскомъ стилѣ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !

Получая постоянныя требованія на русское сырье отъ многихъ иностранныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на самыхъ выгодныхъ условіяхъ **РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ** Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и тонченное, щетину, медъ, конскія грибы и хвосты, баранья шкура, клеѣ и жиръ рыбій, перья, нухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовати: Торговый Домъ Генриха Барыцаго. Варшава. № 2350 12—10

НОВѢЙШЕЕ ПРЕВОСХОДНОЕ СРЕДСТВО „ЭЛЕОНАТЬ“.

Но истиннѣ безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которыя употребляли „Элеонатъ“, даютъ намъ право по совѣсти рекомендовать этотъ бальзамъ „Элеонатъ“ противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для уврѣжденія корней волосъ, увеличиванія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Этотъ Шведскій бальзамъ признанъ неподобнымъ средствомъ и не можетъ быть ничѣмъ замѣнимъ. Способъ употребленія „Элеоната“ приложенъ къ каждому флакону. Каждый флаконъ содержитъ 120 граммовъ и имѣетъ въ самомъ стеклѣ вѣнзель—надпись Кинунена, собственно для предупрежденія отъ поддѣловъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеонатъ“ пров. Кинунена продается у Штоль и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптекаремнн Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 к.

Въ провинціи „Элеонатъ“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ лучшихъ аптекахъ и косметическихъ магазинахъ. Жители уѣздныхъ городовъ выписываютъ „Элеонатъ“ изъ ближайшихъ отъ нихъ губернск. городовъ, гдѣ только имѣется Аптекарскій магазинъ или Аптека.

Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. Б. Морская д. № 9.

СЕРГѢЙ ГОРВАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, Всеволода Соловьева. Большой томъ в 8 — всего 672 стр., печатанъ на лучшей вѣленой бумагѣ, съ вышит. Романъ этотъ служилъ началомъ печатаннаго нынѣ въ „НИВѣ“ романа „Вольтерлянецъ“, цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красномъ оригинальномъ календарномъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ **спеціалистами** по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефоны. № 2412

РУКОВОДСТВО КЪ ГЕОЛОГИИ.

или древній измѣненія земли и ея обитателей, по свидѣтельству геологическихъ памятниковъ, соч. Чарльза Лайэлла, съ 6-го изданія перев. П. А. Головкинскій. (Т. II подъ ред. В. О. Ковалевскаго). Съ 1500 рисунк. Цѣна за оба тома 6 р. (Т. II продается отдѣльно за 3 руб.)

- Очерки жизни и правотъ востока, Г. Вамборн. Спб. Ц. 1 р. 20 к.
- Краткая музыкальная грамматика, А. Н. Рубца. Спб. 75 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Путешествіе по сѣверо-восточной Африкѣ, Д-ра Брема. Спб. 69 и 73 гг. 2 т. Ц. 3 р. 50 к.
- Естественно-историческая хрестоматія. Сборн. лучшихъ статей по естествознанію, изъ соч. совр. авторовъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Сост. В. Висковатовъ. Спб., съ 350 рисунками. Ц. 3 р.
- Выписывающіе вышеозначенныя книги отъ Книжной торговли спеціально для иногороднихъ А. Я. Панафидина, СПбургъ, Б. Игальская, № 8-й, получаютъ за **ПОЛЦѢНЫ** и пользуются безплатною пересылкой. № 2460

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, *второе изданіе*, съ 39 рисунками автора, большой томъ в 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

У извѣстныхъ книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Казани, продается только что вышедшая книга, продолженіе юмористическаго романа „ХОЛОСТЯКЪ“.

СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ

Холостякъ ч. 1 р. 20 к.

ЖЕЛАЮЩИХЪ купить, продать и заложить дома, имѣнія и антики, проситъ обращаться въ Москву, Арбатъ, Коломенскій пер., д. Волкова, кв. № 8, къ Леониду Александровичу ГОРЧЕНКО. № 2229 4—4.

Исключительное дѣло на всю Россійскую Имперію.

Мужскіе карманные часы

неимоверно подражающіе золотые. Цѣны исключительно съ пересылкой. Цилиндрическій большой форм. 7 р. меньшій 8 р. Самозаводищеся 10 р. Выписывающ. сразу 25 шт. 10% скидки 100 20% Отправка немедленно по полученіи всей слѣдующей суммы. Адр.: Торговый Домъ „Commerçe Russe“, Варшава. № 2349 12—10

Въ стихотв. текстъ Марши Герихонскаго! съ 100 рисунками Буша. Содержаніе книги: Сладость брачныхъ узъ; супружескія забавы; счастливыя минуты новобрачныхъ; терни супружеской жизни; недоразумѣніе; неблагоприятный приемъ послѣ кутежа; громъ и молнія; страшный переходъ и счастливое заключеніе.

„Похожденіе холостяка“ и „Супружескія тайны“, цѣна 2 р. Складъ у Ю. НОНДЕНЪ, въ Москвѣ, д. Соловьева, рядомъ съ церковью Спиритонія. Выписывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ. Ц. № 2467 1—1

И. АНТОНОВЪ и К°.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 38.

ДЛЯ БАЛОВЪ И СВАДЕБЪ ПОЛУЧЕНЪ

огромный выборъ шелковыхъ матерій: оттоманъ, газъ помпадуръ, moscovite, cachemire egyptienne, gaze ottoman, плюшь faconnée, broché, escalier и другія

SORTIES DE BAL

Только что вышло из печати УПРОЩЕННОЕ ИЗДАНИЕ

„РОССИЯ“

А. Рубинштейна.

Цена 1 руб.

ПРЕЖДЕ ВЫПЕДИНЕ:

Издание для ф. п. в 2 руки (переложение автора). Ц. 1 р. 50 к.

Издание для ф. п. в 4 руки (переложение О. Нейцеля). Ц. 2 р. 50 к.

Издание для оркестра в партитурѣ 3 р. 50 к.

Издание для оркестра в голосах. Ц. 8 руб.

Москва, у П. Юргенсона, 10, Неглинный пр., угол Кузнецкого моста.

С.-Петербург, у Г. Юргенсона, В. Морская, 9. п. № 2462

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ ПАПИРОСНАЯ И СИГАРНАЯ ФАБРИКА

В. БУШЪ,

въ С.-Петербургѣ,

Фабрика: Лиговка, № 31, магазин: Вознесенский, № 14. покорѣнше проситъ обратить вниманіе гг. курящихъ на ея произведеніи, ибо работаеъ долгое время въ первыхъ европейскихъ старинныхъ фабрикахъ, надѣется вполнѣ удовлетворить самый требовательный вкусъ: сигары отличаются мягкимъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ. Г. № 2378 10-9

10% ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественому положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижепоименованныя старинныя вещи, которыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ**: богатый сѣверскій и сансонскій фарфоръ, старинныя бронзовые часы, канделябры и группы, золотыя эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшениями и фарфоровыми инкрустациями, гобелены, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинныя кушеры, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кроми монеты.

Указанія адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенныя предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или писменно по адресу моему: въ Москву, г-ну ЛЮДОВИГУ БЕНЪ, Петровка, домъ Пенскаго, противъ Петровской аптеки.

Вышеупомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно на каждую сдѣланную покупку чрезъ рекомендацію. А. № 2270 9-8

„ВОСПИТАНІЕ ХАРАКТЕРА“.

№ 2454 Соч. Проф. Габриеля. Ц. 90 к. 6-2

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ

ТРОИЧКАЯ ФАБРИКА КОНФЕТЪ,

Троицкія переулочекъ, д. № 38. Карамель, фруктовая, царская, ромовая, молдавская, чайное печеніе отъ 20 коп. фунт. конфеты ежедневно свѣжіе отъ 50 к. Конфеты для баловъ по заказу. Р. № 2470

Виноградная Лоза (LA VIGNE).

БАЛЕТЪ

Антоня Рубинштейна,

переложенный для фортепiano авторомъ. Цена 6 руб.

Москва у П. Юргенсона.

10. Неглинный пр. (уголъ Кузнецкаго моста).

С.-Петербурга у Г. Юргенсона, Варшава у Г. Зеневальда.

Каталогъ изд. Юргенсона высылаеъ бесплатно. П. № 2463 1-1

Дозволено пезвурю. СІБ. 3

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, В. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линий, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и вишетьками Н. Н. Баравина.

Заглавіе рассказовъ:

1) Дяденька.	3) Ночь.	5) Грѣхъ ли это?
2) Уличная пѣвица.	4) Обезьянка.	6) Кушнички.

Это роскошное издание, украшенное 118 рисунками и вишетьками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Нарзинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти рассказы представляютъ намъ прелестныя дѣтскія типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанию эти рассказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвкамъ. Цена 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ПУДРА ВЕЛЮТИНЪ

придаетъ кожѣ изъяснй особенно свѣжій видъ, замѣняетъ желую рисовую пудру и бѣлиту.

ПУДРА ДОНГОЛА

розовая, охлаждающая лицо.

РУМЯНА и БѢЛИЛА сухія и жидкія

КРЕМЪ ЭССЪ ФЛОВЕРСЪ.

КРЕМЪ КАМЕЛІА

бѣлая и розовая.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

изъ которыхъ приобѣтаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близкія подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требоватъ, при покупкѣ каждаго предмета точность фирмъ:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІА“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.

2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Анничкина моста.

3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Каванской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. № 2246 2-2

НОВЫЯ КНИГИ:

Е. ГОСПИТАЛЬ. ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА.

ПЕР. ПОДЪ РЕД. С. СТЕПАНОВА.

Содержаніе: Ч. I. Источники электричества.—Ч. II. Электрич. освѣщеніе.—Ч. III. Телефонія, микрофоны, фотофоны и радиофоны.—Ч. IV. Электрич. двигатели. Передача силы на разстояніи. Распределеніе электричества. Съ 200 рис.

Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

„НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ФИЗИКИ И ХИМИИ.“

Г. ТИССАНДЬЕ.

Пер. съ 3-го франц. изданія подъ редакціей О. СТРАУСА.

Съ 152 грав. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Сокращенныя либретто оперъ по 5 коп., опереттъ по 10 коп.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ С. В. Исакова, Невскій, 54, противъ Имп. Публичной Библиотеки, въ Спб. № 2466 1-1

ВЫШЛА ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“.

Содержаніе: Филлида, Флоренціи Марьетъ. Исторія безъ названія. Ели дитя. Исторія съ привидѣніями. Всѣ статьи закончены. Въ январской книжкѣ помѣщено: Доказательство нѣтъ и Школа Робинзоновъ, Жюль Верна.

Цена за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, десять рублей пятьдесятъ копѣекъ, для городскихъ одиннадцать, для иногородныхъ двѣнадцать рублей. Тринадцатая книга премія прилагается безплатно къ декабрьской книжкѣ для подписчиковъ, улизавшихъ съ весь годъ.

Подписка принимается исключительно на имя Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербиана, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. Редакція высылаеъ безплатно каталогъ съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ „Собранія Романовъ“, продающихся по уменьшенной цѣнѣ. № 2471

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ:

1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяеъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 руб.; для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону цѣна 3 1/2 руб., пересылка 1 1/2 руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волосы, не линяютъ, въ чернѣйш. цѣна 3 руб., перес. по рублю. Гороховая улица, д. 57. Магазины-парикмахерская Ивановой. № 2464

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ПОВѢСТИ И РАССКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ грущобъ“), 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 75 к., съ перес. 1 р.

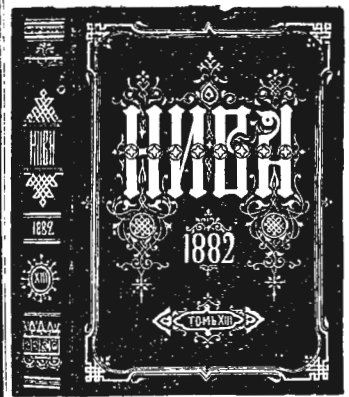
Дозволено пезвурю. СІБ. 3

февраля 1883 г.

Изданія А. Ф. Маркса въ Спбурѣ.

Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5.

Библиотека „Руниверс“

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшей англійск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую каленковую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

ДОМЪ № 2468

продается за 85,000, близъ Гороховой ул., съ доходомъ 35,000. Доходу 8,700 р. Узаны: Моск. ч., Казанскій пер., № 7, кв. № 20.

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

Музыкальная и хоровая хрестоматія для 3-хъ и 4-хъ женскихъ голосовъ, изъ извѣстныхъ оперъ. Для женскихъ учебныхъ заведеній собранъ и переложилъ Ф. БОГУСЛАВЪ.

Цѣна партитуръ 3 р. Голосамъ 2 р. 50 коп.

Москва, у П. Юргенсона, 10, Неглинный пр., уголъ Кузнецкаго моста. П. № 2461 1-1

КНИГИ для скорого и легкаго обученія грамотѣ взрослыхъ: 1) Звѣздочка. Азбука. 80 стр. Изд. 2-е, съ 54 рисунк., 37 строкъ прописей, 317 цифр. зад. Одобр. и рекоменд. Глав. Ком. по устр. и образованію войскъ. Ц. 20 к. съ перес. 2) Книга для чтенія. 176 стр. Изд. 2-е, съ рисунк. Ц. 50 к. съ пер. 3) Прописъ и школа рисованія. Изд. 9-е. 24 стр. Ц. 15 к. 4) Азбука рукописи и скорописи. Сборн. для пріученія къ чтенію рукописнаго. Ц. 15 к. 5) Два рассказа. Ц. 15 к. 6) Указатель пріемовъ обученія по азб. „Звѣздочка“, съ 74 разрѣз. букв. Ц. 15 к. 6) 180 большихъ буквъ на листахъ. Ц. 20 к. Требоватъ отъ автора Н. П. Столяниискаго. СІБ. Кабинетская ул., д. № 5, кварт. № 19. № 2465 1-1

РѢДНІЙ СЛУЧАЙ ПОКУПКИ!

Великолѣпный кварталъ домовъ, состоящій изъ 3 пристоящихъ къ себѣ и въ хорошемъ состояніи находящихся домовъ, съ прекраснымъ фасадомъ, разношерстныя въ красной и здоровой части

ДРЕЗДЕНА,

съ живописнымъ видомъ на Эльбу, продается по очень выгоднымъ условіямъ. Переѣзъ не можетъ жить мѣста. Почт. префектанты благоволятъ сбрачаться за подробностями или за полученіемъ фотографіи къ г-ну Г. Зону, владѣльцу фабрики въ г. Лодзи или къ г. Францу Листу въ Дрезденѣ. № 2455 3-2

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ

ВЪ МОСКВѢ,

удостоенное МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,

неуступающее хорошимъ французскимъ маркамъ, по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут. (прямо съ фабрики).

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ общихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣній Азии. № 2435 10-3

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ
№ 7

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдаеъ 12 Февраля 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ. . . 4 р.

Съ доставку въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 7 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„Н и В Ъ“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимаются для ингор.
по 5 р. съ тысячи, для
городскихъ по 4 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

для напечатанія въ „Ни-
вѣ“ принимаются по
50 коп. (1 Mark. 50
Реп. для за гран.) за
строку непарелль (въ
1/4 ширины страницы).

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Принцъ Карлъ Прусскій.

9-го января въ 2 ч. пополудни, скончался послѣдній изъ братьевъ императора Вильгельма, принцъ Карлъ Прусскій, который болѣе всѣхъ лицомъ и осанкой походилъ на своего царственнаго брата и въ которомъ воинственный духъ Гогенцоллерновъ былъ сильно развитъ. Тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что этому принцу, обладавшему всѣми рыцарскими достоинствами, не привелось играть видной роли полководца, въ то богатое войнами время, въ которое онъ жилъ. Принцъ Карлъ особенно любилъ артиллерию, и своей законченностью и работкой она обязана принцу. Во время осады и штурма Дюпелельскихъ укрѣпленій, гдѣ впервые отличился сынъ его, принцъ Фридрихъ Карлъ, принцъ Карлъ присутствовалъ также и могъ съ гордостью видѣть дѣйствіе приспособленнаго имъ для войны

Принцъ Карлъ Прусскій † 9 Января. Съ фотогр. грав. Барановскій.

рода оружія. Императоръ Вильгельмъ призналъ въ то время его заслуги по артиллеріи и назвалъ третью артиллерійскую бригаду бригадою *фельдшмейстера* (въ этомъ званіи находился въ то время принцъ). Въ кампаніяхъ 1866 и 1870 гг. принцъ участвовалъ также. Въ мартѣ 1879 г. онъ праздновалъ 25-лѣтній юбилей своего званія.

Другая сторона дѣятельности покойнаго принца состояла въ заведываніи Иоаннитскимъ орденомъ. Услуги, которыя подъ руководствомъ своего новаго главы оказалъ орденъ, подавая помощь въ походахъ 1864, 1866 и 1870 гг., такъ велики, что онъ одинъ руководителю ордена, принцу Карлу, обезпечиваютъ хорошую память. Засѣданія ордена, происходившія ежегодно въ замкѣ Зоненбургѣ, пользовались заслуженной извѣстностью. Они олицетворяли во всей неприкосновенности средневековые романтическіе обычаи. Вообще принцъ Карлъ вызывалъ особенное

предпочтении всему, имевшему отношение ко временам рыцарства. У него было прекраснейшее и самое полное из всех существующих собрание оружия, во дворце, на площади Вильгельма, посетить который стремились все знаменитые и любители этого дела.

Любимым развлечением принца была охота. В его замке Глинке, около Потсдама, лежащем в лесистой местности, содержалась всегда полная охота. Принц Карл съ этой охотой ежегодно появлялся в ноябрь, в день св. Губерта, в Гронвальде, около Берлина. Во время одной из таких скачек, на пятидесятом году жизни, принц упал съ лошади, сломалъ себѣ ногу. Сильная натура принца превозмогла это повреждение, и спустя короткое время послѣ выздоровления, принц снова предался своему любимому развлечению. Не такъ счастливо отдался онъ втораго перелома ноги, полученнаго имъ 3-го июня прошлаго года возлѣ Касселя. Не смотря на излечение перелома, это обстоятельство должно считаться однако непосредственной причиной смерти принца, который привыкъ къ постояннымъ и сильнымъ движениямъ, отъ которыхъ долженъ былъ отказаться.

Женился принцъ въ маѣ 1827 года, на принцессѣ Маріи Луизѣ, дочери великаго герцога Карла-Фридриха Саксенъ-Веймарскаго, младшей сестрѣ императрицы Германской. Она умерла въ 1877 г., за нѣсколько дней до своей золотой свадьбы. Со смертью супруги принцъ сталъ мало показываться въ общество. Отъ этого брака родился въ 1828 г. принцъ Фридрихъ-Карлъ, известный полководецъ, и двѣ дочери, Луиза, супруга ландграфа Бархфельдскаго, умершая въ 1861 г., и Анна, замужемъ съ 1853 г. за ландграфомъ Гессенскимъ. Последней причиной смерти принца Карла была простуда, которую онъ схватилъ во время прогулки по саду дворца. При смерти принца присутствовали императоръ съ супругой и 17-ти лѣтній сынъ принца Фридриха Карла, Фридрихъ Леопольдъ.

Покойный принцъ никогда не вмешивался въ дѣла правления, въ начинания своего царственного брата. Единственное, что вполнѣ поглощало дѣятельность принца Карла—это артиллерія, которой онъ посвящалъ себя съ юношескихъ лѣтъ. Но бытъ можетъ это господствующее представление о жизни принца изменился впоследствии, когда опубликуются его любопытные мемуары, которые онъ велъ съ давнихъ лѣтъ и прекратилъ лишь въ послѣдніе годы.

Принцъ Карлъ одинъ изъ немногихъ оставшихся принцевъ Гогенцоллернскаго дома, которые были прямыми свидетелями и современниками исторической дружбы между Пруссіей и Россіей, какая существовала между императоромъ Николаемъ и королями Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Подъ влияніемъ этой, во многихъ отношеніяхъ почти безиримѣрной, дружбы обоихъ дворовъ, принцъ Карлъ

жилъ и дѣйствовалъ до самой смерти, и его безусловно можно причислить къ тѣмъ личностямъ, которыя при берлинскомъ дворѣ,—за исключеніемъ конечно самого императора Вильгельма,—служатъ представителями самыхъ искреннихъ симпатій къ Россіи.

„Я очень люблю русскихъ“ было постоянной поговоркой принца, которую окружающіе его слышали отъ него весьма часто. Въ послѣдніе дни передъ смертью, принцу Карлу было представлено одно важное лицо, которому онъ пожмая руки много разъ повторилъ какъ онъ любитъ его соотечественниковъ, т. е. русскихъ!

Причина этого глубокаго сочувствія заключается въ той близкой дружбѣ, какая существовала между принцемъ Карломъ и Императоромъ Николаемъ. Замѣчательно, что всю жизнь Императоръ Николай любилъ принца Карла болѣе, чѣмъ всѣхъ своихъ родственниковъ при прусскомъ дворѣ, даже болѣе чѣмъ принца прусскаго, теперешняго Императора Вильгельма. Привязанность царя къ принцу обнаруживалась какъ въ важныхъ случаяхъ, такъ и въ мелочахъ. Въ то время не существовало еще поговорки: „Въ денежныхъ дѣлахъ дружбы не существуетъ,“ и царь, узнавъ о томъ, что принцъ, намѣревавшійся строить въ то время свой замокъ Глинке возлѣ Потсдама, нуждается въ деньгахъ, снабдилъ его значительною суммою. Деньги эти впоследствии были принцемъ возвращены.

Въ то время ни одинъ курьеръ не прѣзжалъ изъ Петербурга въ Берлинъ безъ того, чтобы не принести принцу какой нибудь подарокъ. Императоръ Николай прислалъ даже своему любимому другу живой подарокъ: это былъ русскій, по имени Иванъ, предназначенный въ услуженіе къ принцу. Принцъ Карлъ выстроилъ для него двухэтажный, въ русскомъ стилѣ, домъ изъ бревенъ, который стоитъ въ Никольскомъ донынѣ.

Принцъ Карлъ отплачивалъ также за подарки. Онъ выказывалъ дружбу и на словахъ и на дѣлѣ. Во дворцахъ и комнатахъ принца на всякомъ шагу встрѣчаются воспоминанія объ Императорѣ Николаѣ. Имѣніе принца Никольское названо такъ въ честь царя, а также сынъ принца Карла названъ Николаемъ.

Эти отношенія не могли не вліять значительно на ходъ политическихъ событій, и принцъ Карлъ не переставалъ стоять за дружественный образъ дѣйствія относительно Россіи. Въ такомъ положеніи находились дѣла во время крымской кампаніи и во все время 26-лѣтняго царствованія императора Александра II. Эпоха берлинскаго конгресса не составляетъ исключенія, хотя многіе въ Россіи были недовольны Германіей на этомъ конгрессѣ—но какъ оказывается изъ фактовъ, недовольны несправедливо. Принцъ Карлъ болѣе всего способствовалъ сохраненію до настоящаго времени добрыхъ отношеній между Россіей и Германіей.

Подъ колесомъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

XI.

Рана моя была изъ милостивыхъ. Нуля, едва оцарапавъ ребра, прошла между ними подъ острымъ угломъ и не коснувшись легкихъ, засѣла съ другой стороны, подъ кожей, откуда се и вынули безъ труда. Но все таки я пролежалъ въ постели около трехъ недѣль и лихорадка по вечерамъ, а по утру перевязка и зондъ сдѣлали для меня это время—мучительнымъ испытаніемъ. Въ жару и бреду, я едва узнавалъ друзей пріютившихъ меня; а между тѣмъ они окружали больного всякими попеченіями и за-частую даже, не довѣряя прислугѣ, сами дежурили у моей постели. Странной игрою случая, Сара, которую новая обстановка жизни, въ послѣднее время, сдѣлала почти недоступною для меня,—теперь сидѣла по цѣлымъ часамъ въ моей комнатѣ, молчаливая и внимательная, и часто, когда голова моя, утомленная отъ тяжелыхъ грѣзъ, не находила покоя на изголовьѣ, я, открывая глаза, встрѣчалъ на себѣ ея озабоченный взоръ. Строгий запретъ, наложенный, въ первые дни, на всякаго рода волнующія бесѣды и объясненія, скоро былъ отмѣненъ или самъ собою пришелъ въ забвеніе; но вѣроятно я былъ еще очень слабъ, потому что не помню всего между нами происходившаго и обратно—припоминаю вещи, въ дѣйствительности которыхъ я не увѣренъ. Легко можетъ стать ся, что образъ Сары, за это время, слился съ мнѣмъ горячечными видѣніями до такой степени, что я послѣ

не въ силахъ былъ уже разобрать, когда я видѣлъ ее во плоти и когда это было не болѣе какъ миражъ раздраженной фантазіи.

Такъ напримѣръ, однажды,—могло быть съ недѣлю уже какъ я лежалъ,—глубокою ночью или, быть можетъ, въ поздній часъ вечера,—легкій шорохъ возлѣ моей постели заставилъ меня открыть глаза и вмѣсто сидѣлки, которой не было въ комнатѣ, въ полусвѣтѣ спрятааннаго отъ глазъ огня, я увидѣлъ передъ собою Сару. Она была въ балльномъ туалетѣ, съ живыми цѣбатами на головѣ и какъ всегда въ такихъ случаяхъ—ослѣпительно хороша. Но легкая тѣнь истомы и тайнаго недовольства собой смягчали блескъ ея красоты намѣкомъ на что-то другое, болѣе женственное и нѣжное, что говорило о сердцѣ живомъ и о грѣшной душѣ человѣческой въ этой бѣлой какъ лилія и едва округленной, дѣвичьей груди.

Я приподнялся, всматриваясь въ нее съ любовью; но словно какой-то ревнивый бѣсъ, изъ-за ея обнаженныхъ плечъ, шепталъ мнѣ о множествѣ жадныхъ глазъ, наслаждавшихся въ этотъ день тѣмъ же зрѣлищемъ, и о томъ, что Сара уже не дитя, что она понимаетъ значеніе своего торжества и пришла похвастать имъ, можетъ быть даже и подразнить своего большаго друга. Не помню что я сказалъ ей на этотъ счетъ; но ядъ насмѣшекъ, сорвавшихся съ моего языка, былъ быстръ и жестокъ... Нѣсколько робкихъ возгласовъ и тревожныхъ

вопросовъ, испуганный взглядъ и она отскочила, словно ужаленная... Какъ теперь помню ее передъ собою— блѣдную, съ широко-открытымъ, сверкающимъ взоромъ,— слышу ея подавленный, прерывающийся отъ страсти голосъ.—О! Какъ я золь! Какъ золь!.. И какъ ея противень мой мрачный, завистливый взглядъ на вещи!.. Неужели мало въ моихъ глазахъ всего, что она выстрадала съ отцомъ, за долгие годы ихъ униженія, чтобы теперь, когда счастье только что ей улыбнулось, по прежнему прятаться отъ людей и ходить въ трипѣ, рассчитывать каждый грошъ, отказывать себѣ въ самыхъ невинныхъ радостяхъ.

— Пусть, восклицала она:— пусть я тщеславная, вѣтреная! Я не имѣю претензій на старческую серьезность и не беру на себя понеченія о такихъ вещахъ, которыя превосходятъ мой ростъ.— Я не сестра милосердія и не схимница! Я люблю музыку, танцы, изящный туалетъ, цвѣты;— люблю сіяющій тысячами огней, просторный залъ и толпу молодыхъ, веселыхъ людей, не требующихъ отъ дѣвушки въ 18 лѣтъ ни философіи, ни лицемѣрныхъ гримасъ и вздоховъ!

... Чего я хочу отъ нея? Чтобы она отреклась отъ свѣта и куталась въ покрывало, пряталась за рѣшеткой гарема, въ угоду какому нибудь султану, который и самъ не знаетъ, долго ли онъ будетъ ея тѣшить?.. Я варваръ! татаринъ! и мнѣ нужна не свободная женщина, а невольница, купленная тамъ, гдѣ нибудь, у насъ въ Россіи, на рынкѣ,—раба, которую я бы могъ отстегать кнутомъ, если она возмѣтитъ дерзость явиться нарядно-одѣтою въ общество и поправиться хоть кому нибудь, кромѣ меня... О! какъ жестоко она ошиблась во мнѣ!—и прочее.

Она говорила долго и горячо; но я не припомню всего и не ручаюсь даже, что все это было сказано сразу. Знаю только, что мнѣ было скверно въ эти минуты и помню, какъ я ее слушалъ въ жару, съ запекшимися, стиснутыми губами,—какъ рана моя горѣла, и какъ я не могъ себѣ дать отчета: люблю я или ненавижу ее.

Но не всегда она была такъ строга и въ минуты раздумья, ласковый взглядъ или усмѣшка, вдругъ озаряющая какъ солнце ея лицо, напоминали мнѣ прежнюю Сару... Разъ какъ-то, въ сумерки, я проснулся съ живымъ ощущеніемъ поцѣлуя, даннаго мнѣ укладкой, и озираясь, успѣлъ замѣтить въ дверяхъ исчезающую беззвучно, какъ тѣнь, фигурку. Дня черезъ два, когда я шепнулъ ей объ этомъ, она покраснѣла и съ недовѣрчивою усмѣшкой:— Скажи же! Кто бы это могъ быть?.. Неужли сидѣлка?.. Или быть можетъ, это такъ только—ваше мужское тщеславіе,—votre fatuité—забавляетъ васъ на досугѣ такими грѣзами?..

На нѣсколько дней омраченный моимъ присутствіемъ и притишій—домъ ихъ скоро опять загремѣлъ балами и пиршествами. Звуки оркестра надъ головой и звонъ посуды, гдѣ-то недалеко, долетали порой до меня, и тогда, на мои вопросы, сидѣлка рассказывала мнѣ съ восхищеніемъ, какъ много тамъ наверху, у господъ, гостей, и какіе наряды на дамахъ, какія вкусныя блюда готовятся къ ужину. Трудно было представить себѣ—и отуманенная своимъ усійхомъ Сара, конечно меньше чѣмъ кто нибудь, представляла, что все это можетъ исчезнуть вдругъ, какъ маревъ;—а между тѣмъ развязка висѣла уже надъ головой.

Мнѣ было гораздо лучше, но докторъ еще не разрѣшалъ мнѣ оставить постель, когда однажды Фіамесъ, послѣ тяжелаго проигрыша, почувствовалъ себѣ дурно и его привезли изъ курзала безъ чувствъ. Лучше бы для него, если бы онъ умеръ тутъ же; но злая судьба словно играла съ своею жертвой. За ночь онъ былъ на ногахъ и никакія угрозы врачей, никакія мольбы испуганной дочери не могли его удержать. Онъ уѣхалъ съ утра и игралъ весь день. Два раза, въ теченіе этого

дня, банкъ былъ въ большой опасности, но къ девяти часамъ вечера, счастье наконецъ перешло на его сторону и въ какой нибудь часъ съ небольшимъ, противникъ спустилъ весь свой громадный выигрышъ. Къ одиннадцати, когда игра въ курзалѣ оканчивается, послѣдняя ставка его, горсть золота, собранная въ карманахъ, потянута была роковою грабелькою кассира и провалилась звеня въ воронку кассы. Старикъ задрожалъ какъ листъ и его вывели изъ игорныхъ комнатъ подъ руки, еле живаго; но не успѣлъ онъ ступить за двери, какъ вслѣдъ ему раздалось потрясающее ура!.. Это былъ персоналъ рулетки, торжествовавшей побѣду свою надъ врагомъ. Кассиры, крупѣ, вся армія банка сбѣжалась въ кучу и ликовала. Публика, очень довольная этою адскою сценою, толпой повалила въ буфетъ и громкіе разговоры, хохотъ, попойка длились тамъ до глубокой ночи.

Я только что засыпалъ, когда бѣготня и тревожные возгласы за дверьми разбудили меня. На мой удивленный вопросъ—сидѣлка, только что воротившаяся, взволнованнымъ голосомъ объяснила мнѣ, что господина—den Herrn—опять привезли безъ чувствъ, и что онъ очень плохъ, что ему отворили кровь, что онъ проигралъ въ конецъ, что фрейлейнъ тохтеръ въ отчаяніи... и вдругъ, не вытерпѣвъ, уѣжала опять... Послѣ короткой возни, все стихло; но потрясенный извѣстіемъ, я не могъ успокоиться и лежалъ безъ сна, когда въ корридорѣ послышался легкій шагъ, дверь скрипнула, и въ полумракѣ закрытаго ширмами ночника—я увидѣлъ Сару.

Молча, какъ жертва несущая въ сердцѣ своемъ смертельный ударъ, несчастная подошла и опустилась въ кресло, стоявшее у моей постели.

— Все кончено! прошептала она.

— Ударъ?

Она кивнула мнѣ головой.

— А деньги?

— Пронграны.

— И онъ не оставилъ, не отложилъ для васъ ничего на черный день?

— Нѣтъ, отвѣчала она тѣмъ хлябкимъ, дрожащимъ голосомъ, въ звукъ котораго прорывается сдавленное рыданіе.—О! я погибла!

Напрасно старался я успокоить ее, напоминая, что быстро-нажитое богатство еще никому не давало счастья, а на дѣйствительно-пужное въ жизни не много требуется,—что у нея остаются ея брилліанты, столовое серебро, богатая мебелировка дома; что все это, обращенное въ деньги, можетъ доставить ей небольшое обезпеченіе и что наконецъ она молода, здорова, что передъ нею вся жизнь еще впереди,—она меня слушала съ дикимъ, растеряннымъ видомъ.

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчала она.— Нѣтъ, это не то... А вотъ что: продать все что осталось у насъ и снести туда... Я не имѣю еще покуда страсти къ игрѣ; но я дочь своего отца и это придетъ современемъ.

— Какое безумство, Сара!

— Да, можетъ быть. Но вы меня худо знаете, если вы думаете, что я могу помириться съ вашею теплою водичкою угѣшенія... Я не оправдываюсь. Я малодушная дѣвушка! Я привязалась всѣмъ сердцемъ къ тому, что потеряно, и не могу уже больше вернуться назадъ. Я зачухну въ потѣжкахъ и тѣснотѣ! О! я ненавижу бѣдность!

И зарывавъ, она сбѣжала изъ комнаты.

Измученный силою своихъ впечатлѣній, я провелъ тревожную ночь. Сидѣлки не было; послѣ ужъ я узналъ, что она понадобилась другому, счета котораго съ жизнію въ эту пору оканчивались. Фіамесъ не вынесъ своей судьбы и къ утру его не стало: но докторъ, который не покидалъ его до послѣдней минуты, передалъ мнѣ его просьбу. Она состояла въ томъ, чтобы я не покинулъ Сару.

Осенняя буря. Съ картины Зиндига. грав. Гейеръ.

XII.

Въ предсмертной просьбѣ несчастнаго моего товарища собственно не было надобности, такъ какъ и безъ того я не оставилъ-бы его дочь. Но какъ ни согласно было, на этотъ разъ, чувство долга съ сердечнымъ влеченіемъ, а роль покровителя, вдругъ очутившагося у дѣвочки ея лѣтъ и съ ея интересной наружностью, въ городѣ гдѣ ее знали всѣ, отъ кассира рулетки и до послѣдняго кучера, обѣщала такую пищу злословію, что даже и съ чистою совѣстью, трудно было не призадуматься. Имѣя это въ виду, я положилъ себѣ: первымъ дѣломъ какъ только я стану на ноги, увезти ее и самому обратиться изъ В***... Куда? у меня покуда и въ мысляхъ не было; но не все-ли равно куда? Къ несчастію, прежде чѣмъ бросить городъ, мнѣ предстояло еще не мало хлопотъ. Необходимо было продать при себѣ, по крайней мѣрѣ ту часть ея движимости, которую она не могла увезти съ собой. Но именно этого-то я и не въ силахъ былъ сдѣлать. Я поправлялся медленно. Сара успѣла уже похоронить отца и выплакать всѣ глаза, переживая первую горечь своей потери, когда мнѣ только что было позволено встать и рана моя еще требовала ухода; а бросить меня въ такомъ положеніи, на руки постороннихъ людей, и уѣхать одной, или по крайней мѣрѣ хоть переѣхать, какъ я ее уговаривалъ, на другую квартиру, она ни за что не хотѣла, и у нея на это были свои резоны.

— Во-первыхъ, доказывала она горячо:—это мнѣ не по средствамъ. Зачѣмъ мнѣ тратиться на другую квартиру, когда на этой у насъ заключено по ноябрь; а что касается до прислуги, то я уже отпустила всю, за исключеніемъ только швейцара съ его женой, которые наняты отъ хозяйна вмѣстѣ съ квартирой. Я буду жить въ одной комнатѣ, тутъ, недалеко отъ васъ, внизу; а верхъ мы запремъ. И я не выпущу васъ отсюда, покуда докторъ васъ не объявитъ совсѣмъ здоровымъ... И то, что вы говорите на счетъ приличія — вздоръ, потому что я васъ не вчера пригласила сюда, — отецъ васъ привезъ, три недѣли тому назадъ, чуть живаго, и я исполню не больше какъ волю его. И у васъ есть сидѣлка, которую вамъ никто не мѣшаетъ держать тутъ въ домѣ, покуда вы не поправитесь,—этого будетъ достаточно въ смыслѣ приличія... И, наконецъ, если вы не хотите бросать меня, то по какому праву вы требуете, чтобы я васъ бросила? Это была-бы низость съ моей стороны, такая-же низость какъ если-бы я уѣхала отъ больнаго отца... Вы мнѣ замѣнили его; но я полюбила васъ и безъ этого; и вы не думайте, чтобы чтонибудь послѣ случившагося измѣнило хоть на волосъ это чувство. Я васъ люблю по прежнему; крѣпко люблю, мой другъ!.. И она не скупилась на доказательства.

— Я въ вашей власти, шептала она:—султанъ мой! гатаринъ мой милый! Только не будьте ужъ слишкомъ строги со мною, оставьте немного простора вашей невольницѣ!.. Поль, мнѣ хочется хоть однажды испробовать счастье тамъ.

„Тамъ“ означало рулетку.

— Чего вы боитесь? допытывалась она.—Что я пугаюсь къ игрѣ? Но вы, играя два мѣсяца, каждый день, могли-бы казаться убѣдиться, что эта зараза не прививается такъ легко. Или вы думаете, что я, какъ дочь своего отца, ношу ее отъ рожденія у себя въ крови? Но если такъ, то это моя судьба, и всѣ усилія ей противиться будутъ напрасны.

Спорить съ ней не было никакой возможности, такъ какъ логика у нея коротка и всѣ резоны сводились, какъ у ребенка, къ простому *хочу*. Невольно я долженъ былъ прибѣгать къ уловкамъ.

— Повремените немножко, Сара, просилъ я:—теперь у васъ нѣтъ ни копѣйки свободной, и хотя это, само по себѣ, еще не помѣха, такъ какъ я вамъ охотно су-

дилъ-бы сотню, другую франковъ; но я не могу пустить васъ одну. А вотъ, когда я совсѣмъ поправлюсь, и ваша движимость будетъ реализована... тогда мы съ вами какънибудь выберемъ время, и прочее...

Расчетъ мой былъ затянута до тѣхъ поръ, когда я успѣю окончить на-чисто всѣ дѣла и давъ ей потѣшиться разъ, если безъ этого ужъ никакъ нельзя обойтись, увезти ее тотчасъ потомъ, куданибудь далеко отъ соблазна... Но день проходилъ за днемъ и, едва поставленный на ноги, я не могъ ускорить развязки; а между тѣмъ неловкость нашего положенія въ городѣ начинала уже бросаться въ глаза. По смерти Фіамеса, домъ его опустѣлъ. Сезонъ приходилъ къ концу и часть ихъ знакомыхъ разлѣхалась;—другая, чуждаясь несчастія или одиночества Сары, послѣ обычныхъ визитовъ приличія, торопилась покончить съ ней всякія отношенія; — отъ третьей, къ которой принадлежала модная молодежь, веселившаяся на ихъ балахъ, она сама увѣрила меня, что желаетъ отдѣлаться; только желаніе это, за беззапятную искренность котораго я не ручаюсь, трудно было осуществить. Одни правда скоро отстали или уѣхали; но другіе никакъ не хотѣли отстать. Встрѣчая отказъ какъ гости Сары, они превращались сразу въ моихъ друзей, и швейцаръ, вѣроятно подкупленный, клялся, что нѣтъ никакой возможности ихъ удержать, до такой степени имъ не терпится навѣстить больнаго. Къ немалой досадѣ и безпокойству, въ комнатѣ у меня вдругъ стало людно, запахло духами, сигарами, затрещала разноязычная болтовня, напоминавшая мнѣ буфетъ курзала. Французы и русскіе, итальянцы и англичане, знакомые, полужнакомые и совсѣмъ незнакомые, сѣвши ко мнѣ наперерывъ, съ городскими извѣстіями и любезностями. Ктѣ приносилъ мнѣ въ даръ дорогія сигары, ктѣ предлагалъ отъ скуки сыграть съ нимъ въ пикетъ или въ экартэ, а ктѣ уговаривалъ не сбывать барышнямъ щегольской коношни и экипажей покойнаго, такъ какъ въ виду есть люди, готовые дать настоящую цѣну. Но чаще всего говорили конечно о Сарѣ, жалѣли ее, добивались что съ нею сдѣлалось, что ее не видать, а на мои увѣренія, что ей, послѣ ея потери, не до гостей—посвистывали съ саркастическою улыбкою; — случалось выслушивать и насмѣшки, большею частью впрочемъ такъ ловко замаскированныя, что къ нимъ невозможно было придрасться. Я терпѣливъ и до извѣстнаго градуса хорошо владѣю собой; но когда однажды, эта безстыжая обезьяна Сордье, позволилъ себѣ сказать мнѣ въ глаза, что я имѣю видъ волка, приставленнаго стеречь хорошенькую овечку, и у котораго, сквозь гримасы лицемѣрнаго воздержанія слюнки сочатся изо рту,—я отвѣчалъ ему рѣзко, что молъ какого-бы дьявола онъ ни видѣлъ во мнѣ, а я въ немъ вижу не болѣе какъ свинью. Онъ злобно уставилъ въ меня свой острый какъ ножикъ взглядъ и на отѣкшемъ, матово-блѣдномъ лицѣ, въ нахальныхъ губахъ, промелькнуло какое-то кровожадное выраженіе. По счастью, возлѣ сидѣвшіе молодые люди весело размѣялись и дѣло обращено было въ шутку его-же друзьями. Но Сара, узнавъ о такомъ обмѣнѣ любезностей, объявила мнѣ на отрѣзъ, что она не потерпитъ этого, и на другой день утромъ, швейцару велѣно было принимать къ ней всѣхъ, кто захочетъ видѣть ее. Не желая остаться у ней въ долгу по части благоразумія, я переѣхалъ немедленно въ номеръ Aux Quatre Saisons.

Мой докторъ, явившійся слѣдомъ за мной изъ дома Фіамеса, живой и веселый маленькій старичекъ, эльзасецъ, рассказывалъ мнѣ, что Сара, послѣ того какъ я уѣхалъ, расплакалась; но одобрилъ мое рѣшеніе и обѣщала позаботиться, чтобы она не осталась совсѣмъ одна.

— И ей пришла, говорилъ онъ:—дуэнью изъ здѣшнихъ, вдову, которая существуетъ пенсіей въ полтора гильденовъ и будетъ рада случаю заработать еще кое-что. А вы, мой почтеннѣйшій, рыцарь безъ страха и

укоризны, надѣюсь теперь убѣдились, что холостой мужчина плохая опора для дѣвушки въ 18-ть лѣтъ. Будь онъ хоть ангелъ нравственности и цѣломудрія и будь хоть по приговору суда назначенъ ей попечителемъ, онъ никого не заставитъ повѣрить въ свою правоту. Mademoiselle Сара жаловалась мнѣ горько на васъ и я нахожу, что она отчасти права. Зачѣмъ горячиться, когда отъ васъ можетъ статься только того и ждутъ, чтобы вы потеряли терпѣніе? Да еще и съ такими личностями какъ этотъ Сордьѣ... Вы не заставите ихъ молчать... И подумавъ: — этотъ Сордьѣ, продолжалъ онъ: — если не ошибаюсь, сватался за нее и получилъ отказъ... Это одинъ изъ самыхъ темныхъ характеровъ, какихъ мнѣ случалось встрѣчать тутъ въ В***. Одни говорятъ, что это шпионъ наполеоновскаго правительства, а другіе — что это агентъ по негласнымъ сдѣлкамъ у нашего здѣшняго содержателя, — можетъ быть и то, и другое. Во всякомъ случаѣ это пройдоха, а можетъ быть и бретеръ. Совѣтую вамъ быть осторожнѣе съ этого рода людьми.

— Я васъ не понимаю, докторъ, сказалъ я. — Какой интересъ имъ искать со мной ссоры?

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то особенно пристально. — Не знаю. Предположите, что имъ нужна ваша „овска“ какъ называлъ ее Сордьѣ.

— Такъ что-жъ? отвѣчалъ я. — Ея судьба, я полагаю, зависитъ прежде всего отъ нея самой. Развѣ я ей могу помѣшать, если она предпочтетъ повѣситься комунибудь изъ этихъ господъ, на шею?

Опять онъ посмотрѣлъ на меня очень пристально, и опять произнесъ съ такою-же разстановкою. — Не знаю; мнѣ кажется надо-бы прежде спросить: есть-ли у ней въ виду чтонибудь, что она имѣла-бы основаніе предпочесть такому шагу?.. Но можетъ быть это нескромный вопросъ и вы мнѣ скажете, что это меня не касается, потому что Сара не мнѣ поручена?

Я начиналъ понимать его и признаюсь, направление разговора не нравилось мнѣ.

— Никто кромѣ Бога, мосье Хворостыннъ, продолжалъ онъ: — и вашей собственной совѣсти, не въ правѣ конечно спрашивать у васъ отчета въ вашихъ намѣреніяхъ... Но, вотъ видите ли, за время знакомства моего со старикомъ отцомъ, я полюбилъ эту дѣвушку какъ родную дочь, и мнѣ было бы больно думать, что вы не выяснили еще себѣ, по крайней мѣрѣ хоть въ главныхъ чертахъ, что вы намѣрены съ нею дѣлать.

— А вы какъ совѣтуете?

Онъ колебался, какъ бы нерѣшаясь высказать свою мысль.

— Говорите прямо, сказалъ я: — потому что я признаюсь вамъ, вопросъ этотъ очень меня озабочиваетъ и я былъ бы, во всякомъ случаѣ, искренно вамъ благодаренъ за добрый совѣтъ.

— Да какъ вамъ сказать? произнесъ онъ робко и неуверенно. — Я наблюдалъ за нею во время вашей болѣзни, и, если не ошибаюсь, она къ вамъ всею душою привязана. Отъ васъ зависитъ, стало быть, взять или оставить. Но взять, такъ уже настоящимъ образомъ взять, а оставить такъ совершенно оставить, потому что затягивать окончательное рѣшеніе на полумѣрахъ, значило бы играть ея чувствомъ.

— Хорошо, докторъ; положимъ, что я и самъ такъ думаю. Все таки ваша альтернатива ясна для меня только въ одномъ направленіи. Если бы я рѣшился взять, я бы конечно зналъ что дѣлать. Ну, а если бы я былъ не увѣренъ въ себѣ, или въ ней, и предпочелъ оставить?... Вы знаете, что у нея нѣтъ никого на свѣтѣ, кто могъ бы, естественнымъ образомъ, заступитъ ей мѣсто отца или матери. Если бы было чтонибудь въ этомъ родѣ, отецъ ужъ конечно не позабылъ бы намъ указать на такое лицо. Но онъ поручилъ ее мнѣ. На кого жъ вы хотите, чтобы я оставилъ ее?

— Мосье Хворостыннъ, мнѣ 60 и женѣ моей очень

немногимъ меньше. Дѣтей у насъ нѣтъ; а средства, благодаря моей долготѣйшей практикѣ, болѣе чѣмъ достаточныя. Оставьте намъ Сару — если, — онъ кашлянулъ: — если вы не имѣете для нея въ виду чегонибудь лучшаго.

Это было совсѣмъ неожиданно, и порядкомъ таки меня озадачило. Въ смущеніи, не собравшись съ мыслями, я отвѣчалъ ему оборванно и нескладно, что дѣло мое тутъ сторона, а все зависитъ отъ Сары, съ которою онъ и долженъ поговорить.

....Онъ выслушалъ съ недовѣрчивою усмѣшкой, и помолчавъ немного, ушелъ.

Оставшись одинъ, я злился на этого старика за его непрошеное вмѣшательство и за его добродѣтельный, но наивно-недальновидный планъ, паноминавшій немного разныжку буржуазной комедіи. Онъ очевидно не думалъ, что я имѣю въ виду, для Сары, „чтонибудь лучшее“, и быть можетъ, по своему, не ошибся; но если онъ, зная что Сара любитъ меня, воображалъ, что она согласится меня промѣнять на другаго опекуна, то онъ дуракъ. Пусть самъ предлагаетъ; я посмотрю съ какимъ носомъ она отправитъ его гулять, если только она дѣйствительно любитъ меня. А если нѣтъ; если она не больше какъ разставляетъ сѣти въ разныя стороны, несомненно безпокоясь кто въ нихъ попадетъ, то пусть остается у доктора, и желаю ему удовольствія съ длиннымъ хвостомъ ея настоящихъ и будущихъ претендентовъ! Она покажетъ ему во что она цѣнитъ его пріютъ!... Какъ жаль, что онъ не былъ спрятанъ гдѣнибудь за кроватью, въ ту пору, когда она, заливаясь слезами, проговорила мнѣ, что она привязана всею душою къ потерянному, то есть къ миллионамъ и блеску, — и что она ненавидитъ бѣдность!...

Но какъ ни бодрился я мысленно, а на дѣлѣ правдивый, внутренний голосъ подсказывалъ мнѣ, что я далекъ отъ той независимости и устойчивости, которыми я щеголялъ. Вдобавокъ ревность опять проснулась... Нужды нѣтъ, что я не былъ увѣренъ въ Сарѣ и никогда не имѣлъ намѣренія серьезно связать съ ней мою судьбу; со всѣмъ ея малодушіемъ, суетностью и прочими, хорошо знакомыми мнѣ недостатками, она стала мнѣ, мало по малу, такъ дорога, что я не могъ уже и представить себѣ какъ это будетъ, если она вдругъ скажетъ мнѣ, что она рѣшилась остаться тутъ въ В**, у доктора, — и какъ мы разстанемся, какъ я уѣду одинъ, съ своимъ выигрышемъ, отдѣлавшись счастливо отъ всего, что грозило запутать меня въ неразрѣшимыя затрудненія, и свободный, — совсѣмъ свободный!... „Тыфу, чортъ возьми!“ хватился я вдругъ: — „да я кажется плачу?... Нѣтъ, это уже изъ рукъ вонъ!...“

Чувствуя себя очень северно въ номерѣ, я спустился тихонько, — скоро ходить я еще не могъ, — по широкой, парадной лѣстницѣ, на подъездъ и потребовалъ экипажъ. Мнѣ привели коляску. Знакомый кучеръ повезъ меня по знакомой дорогѣ за городъ; ночь была лунная, тихая и открытый воздухъ, послѣ такого долгаго времени, проведеннаго взаперти, ублажалъ меня такъ славно, что я заснулъ... Къ двѣнадцати, меня привезли обратно къ подъезду отеля, соннаго и я не помню уже какъ кучеръ меня добудился, какъ я вошелъ, отыскалъ свой номеръ, раздѣлся и легъ.

XIII.

Сонъ и прогулка дивнымъ образомъ освѣжили меня и поутру, за чаемъ, я ѣлъ какъ школьникъ, отпущенный въ воскресенье къ роднымъ. Дня два послѣ этого у меня прошли въ хлопотахъ по продажѣ движимости и въ вечернихъ катаньяхъ за городомъ. Все это время я не видалъ никого изъ знакомыхъ, за исключеніемъ доктора, но послѣдній не говорилъ о Сарѣ; а мнѣ не хотѣлось его допрашивать. На третій день поутру, я торопился къ ней, чтобы застать ее ранѣе, чѣмъ у нея

начнется приемъ и сообщить ей кое какія извѣстія. вдобавокъ я былъ увѣренъ, что ей извѣстно уже смѣтившее меня предложеніе, и мнѣ потерпѣлось узнать результатъ. Но я не успѣлъ собраться, какъ въ номеръ ко мнѣ постучали.

— Wer da?

— Etes vous visible, mon cher?

— Entrez.

Дверь отворилась и я, къ немалому моему удивленію, увидалъ Сордье. Мужчина лѣтъ за тридцать, невысокаго роста, въ жиденькихъ рыжеватыхъ бакенахъ и усахъ, съ холоднымъ и неприятнымъ взоромъ, онъ дѣлалъ общее впечатлѣніе человѣка рано-изношеннаго. Одѣтъ хорошо, но небрежно;— шляпа—по итальянски, нѣсколько на затылокъ,—и по французски—нѣсколько на бекрень; руки въ карманахъ, сюртукъ распахнуть, такъ что подъ мышками видно бѣлье.

— Au diable avec votre allemand! заговорилъ онъ громко.—V** est une maison de jeu française, et la saison du moins nous y appartient, car nous la rayons... Но онъ былъ любезенъ и пошутивъ слегка надъ моею азіятскою вспыльчивостью, просилъ меня быть увѣреннымъ, что у него не осталось отъ этой *глупости* никакого дурнаго чувства. Мы съ вами не нѣмцы, прибавилъ онъ:—чтобы ссориться изъ за шутки. Да я не за этимъ къ вамъ и зашелъ. Мнѣ надо съ вами поговорить о вашей—какъ бишь ея?—ну скажемъ питомицѣ. Да оно пожалуй и такъ, если правда, какъ говорятъ, что отецъ, умирая, поручилъ ее вашему дружескому вниманію... Онъ ей ничего не оставилъ?

— Почти ничего. Во всякомъ случаѣ никакой личности.

— Вѣднjackа! Нуаръ принимаетъ въ ней живое участіе, такъ какъ онъ былъ когда то друженъ со старикомъ; да и вообще нашъ здѣшній хозяинъ извѣстенъ своимъ великодушіемъ. Онъ бы желалъ обезпечить ее, и при его громадныхъ средствахъ, вы понимаете, это была бы даже совѣтъ и не жертва. Но между нами,—я говорилъ съ нимъ объ этомъ вчера, и онъ согласенъ со мной, что въ ея интересъ, лучше если бы мы нашли предлогъ. Нельзя-ли купить у нея, наприимѣръ, систему ея отца? То есть не то чтобы собственно у нея; въ ея года что она смыслитъ въ системахъ? Но вы играли вмѣстѣ съ ея отцомъ, и вы должны знать... А впрочемъ, онъ полагается совершенно на ваше слово. Если была система и если вы думаете, что она стѣитъ хоть франкъ, то Нуаръ предлагаетъ вамъ за нее 100 тысячъ.

— Мнѣ?! произнесъ я съ нѣсколько удивленнымъ видомъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо.

— Э! разумѣется въ качествѣ попечителя Сары Фіамесъ.

Я быстро соображалъ. — Не отрицаю, отвѣчала я:— что покойникъ имѣлъ систему, и даже математически обработанную; но стѣитъ-ли она франкъ, или сто тысячъ, или не стѣитъ совѣтъ ничего, это больше чѣмъ я могу вамъ сказать.

— Однако, вѣдь вы играли съ нимъ?

— Да,—игралъ; и былъ въ выигрышѣ; но что-же изъ этого слѣдуетъ? А потомъ онъ игралъ, былъ въ выигрышѣ и въ проигрышѣ. Вообще дѣло не ясно и я не берусь сказать вамъ на этотъ счетъ ничего положительнаго.

Французъ молчалъ, смотря на меня очень пристально.

— А впрочемъ, заключилъ я подумавъ:— поговорите объ этомъ съ Нуаромъ, и если послѣ того что вы слышали, онъ не откажется отъ своего предложенія, я передамъ его m-ле Сарѣ.

— Вы ѣдете можетъ быть къ ней?

— Да, по другому дѣлу.

— Такъ сдѣлайте одолженіе, передайте теперь-же. Я вамъ отвѣчаю за Нуаръ. Это милѣйшій и добродуш-

нѣйшій человѣкъ и онъ не погонится за какими нибудь особенными достоинствами въ покупкѣ. Помимо ея удобства, какъ безобидный предлогъ для добраго дѣла, система, въ его глазахъ, не болѣе какъ предметъ любопытства—un simple objet de curiosité, vous savez?... Bonjour... Вы мнѣ дадите знать, не правда-ли? Вотъ мой адресъ; и бросивъ свою визитную карточку, онъ ушелъ.

— Я къ вамъ съ предложеніемъ, сказалъ я Сарѣ, которая такъ обрадовалась моему приходу, что даже вся вспыхнула.

— О! Въ такомъ случаѣ, это второе, такъ какъ вчера я имѣла уже одно. Ну, говорите-же, говорите скорѣй! Что тамъ такое и отъ кого?

— Нѣтъ, вы мнѣ сперва скажите.

— О! какъ несносно! Да вы уже знаете, это отъ доктора.

Сердце во мнѣ подпрыгнуло.—Что-же вы... приняли?

— А еще-бы! весело отвѣчала она. И съ плутовскою усмѣшкой:—не только что приняла, а прыгнула ему на шею и цѣловала его, цѣловала такъ крѣпко, что онъ заплакалъ... Чего вы хмуритесь? Развѣ вы не довольны, что я наконецъ нашла для себя пріютъ? Легко сказать. холостому мужчинѣ имѣть у себя на попеченіи молодую дѣвушку: а въ дѣйствительности, вѣдь это обуза... А? Не правда-ли?.. Дѣло прошлое, и я не могу не отдать вамъ чести, вы были весьма деликатны и терпѣливы; не подавали и виду какъ вамъ тяжело. Но я васъ спрашиваю: если-бы этотъ милѣйшій докторъ не вывелъ насъ обоихъ изъ затрудненія, что,—ну ради Бога, скажите, что вы стали бы дѣлать со мной? И она вертѣлась, заглядывая въ мои глаза съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ.

— Теперь—это праздный вопросъ, отвѣчала я... И такъ какъ вы однажды приняли уже рѣшеніе, то зачѣмъ я буду смущать васъ, рассказывая какіе у меня были планы? Можетъ быть вы нашли-бы ихъ глупыми.

Она вздохнула.—Однако, я не ошиблась, сказала она:—Вы положительно хмуритесь. Поль, другъ мой, признайтесь мнѣ прямо, вы недовольны?.. Чѣмъ?

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста, Сара. Съ чего мнѣ быть недовольну вашимъ рѣшеніемъ? Оно очень умно и вы не могли поступить иначе... Только...

— Что *только*!.. Да говорите же? говорите! Чего вы тянете ваши слова по одному и съ такимъ трудомъ, точно ихъ надо клещами вытаскивать изо рта.

— Только теперь я больше уже не нуженъ вамъ, и мнѣ остается уѣхать изъ В**... и, неужли же вы не догадываетесь, что я привязался къ вамъ, Сара, и что мнѣ больно съ вами разстаться?

Она опустила глаза съ глубокимъ вздохомъ.

— Больно немножко? Ну, хорошо: положимъ и мнѣ тоже больно. Ну, а что-жъ далѣе?

Я молчалъ.

— Только то? Милый вы мой. Ну ничего. Ну дайте я вамъ потру гдѣ больно... И съ шаловливой усмѣшкой, она тихонько погладила меня по шинѣ.—Теперь, когда вы свалили съ плечъ вашу обузу, это пройдетъ... Ну, говорите, съ какимъ же это другимъ предложеніемъ вы пришли?

Я рассказалъ. Она сидѣла, пахочлившись, видимо очень взволнованная, но выслушала все до конца, внимательно.

— Продать систему отца, это открытіе надъ которымъ онъ такъ трудился, его заклитому врагу?.. Никогда!

Но видя по моему лицу, что я не согласенъ съ ней, она понемногу понизила тонъ и просила меня сказать ей чистосердечно, что я объ этомъ думаю.

— Я думаю, Сара, что вашъ отецъ ошибался, считая его своимъ врагомъ. Это была черта его страстнаго и озлобленнаго несчастіями характера. А что касается до его противника, то нисколько не защищая его какъ

Литературный альбомъ: „Дочь и падчерица“. Народная сказка.

Тепло-ль тебѣ дѣвица,
Тепло-ль тебѣ красная?

Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Голевинскій.

содержателя въ высшей степени вреднаго и безирравственнаго, публичнаго заведенія, я не думаю, чтобы онъ имѣлъ какую нибудь человѣческую причину считать врагами тѣхъ, кто проигрываетъ ему свое состояніе. Совѣмъ напротивъ, это его кормильцы и благодѣтели... На счетъ системы теперь, мнѣ кажется, тоже вы сильно преувеличиваете ея значеніе. Въ теоретическомъ отношеніи она не составляетъ открытія и высшая математика служила тутъ только какъ ручка для инструмента, чтобъ сдѣлать его удобнымъ къ употребленію. Заслуга ея, если можно назвать заслугой тотъ очень сомнительный результатъ, который отецъ вашъ извлекъ, и который столь же легко, если еще не легче, могъ быть результатомъ простой удачи и смѣлости,—чисто практическая. Но если она и служила отцу, то я не вижу, кому она больше можетъ служить, такъ какъ мы съ вами едва ли рѣшимся ее опубликовать, не говоря ужъ о томъ, что, во всякомъ случаѣ, это соблазнъ и приманка весьма опаснаго свойства. Если бъ у васъ былъ мужъ или братъ, человѣкъ способный и смѣлый, неужли вы бы не предпочли, чтобы его дарованія и энергія направлены были на болѣе плодотворное дѣло? Взвѣсьте все это спокойно, и вы согласитесь со мной, что даже отецъ вашъ, оставивъ свои безплодные замыслы мести, не могъ бы придумать для ней, въ настоящемъ случаѣ, никакого лучшаго употребленія, кромѣ того, которое вамъ предлагаютъ теперь. Сто тысячъ за то, что, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, никогда и навѣрно не можетъ вамъ принести ни гроша, развѣ же это не лучшее, что отецъ вамъ оставилъ въ наслѣдство,

и развѣ же это не честь, которую Нуаръ отдаетъ невольно памяти своего противника, предлагая вамъ за его систему, зажмуря глаза, такую цѣну?..

Потолковавъ еще и поплакавъ немного, она согласилась и мы отыскали съ нею въ бумагахъ покойнаго, все что могло относиться къ его открытію. Главную массу ихъ составляла простая записка вышедшихъ нумеровъ, вверху которыхъ, на заголовкахъ страницъ, вездѣ отмѣченъ былъ явственно номеръ индивидуальнаго инструмента. Она занимала въ тетрадяхъ лѣвую сторону, а на правой сопровождалась выкладками и примѣчаніями. Все это было увязано, запечатано и надписано собственною рукою Сары...

Обѣдалъ я у ней и послѣ обѣда мы съ нею поѣхали за городъ. Дорогой она была весела; спрашивала меня что я намѣренъ дѣлать когда уѣду изъ В**, и какъ скоро я полагаю вернуться въ Россію, и—о моихъ дальнѣйшихъ планахъ. Но я былъ не въ духѣ и отвѣчалъ ей такую нескладницу, что она не разъ смѣялась, широко открывъ глаза.

— Поль! Да вы бредите?

— Можетъ быть, отвѣчалъ я.— Не спрашивайте;—я самъ не знаю что я говорю... Я не думалъ...

— Чего вы не думали? Поль, милый, скажите мнѣ правду.

— Не думалъ, что я уѣду отсюда одинъ, отвѣчалъ я понизивъ голосъ и не смотря на нее.

Она тяжело вздохнула, но промолчала и ничего серьезнаго, въ этотъ вечеръ, не было больше сказано.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Другъ Камилла.

Разсказъ Альбини.

(Продолженіе).

Камилла Морандо и Паоло Батьяни вернулись въ городъ въ тотъ же вечеръ, а въ понедѣльникъ туда же отправилась часть семейства Торрезе: мать и Джина съ Франко и Тонино, которымъ надо было идти въ школу. Но Камилла не видѣла ихъ въ этотъ день, потому что долженъ былъ заняться постановкой новой машины на своей бумажной фабрикѣ, находящейся не въ городѣ, куда онъ не вернулся и вечеромъ, чтобъ на другое утро самому пустить въ ходъ эту машину.

Онъ не видалъ своей Джины до вторника вечера, и можете себѣ представить, съ какой радостью и восторгъ съ безпокойствомъ онъ вошелъ къ нимъ въ гостиную. Но Джина, широко раскрывъ глаза, какъ-то странно и серьезно взглянула на него.

— Добрый вечеръ, сказала она тихимъ голосомъ и крѣпко пожала его руку.

Синьора Анна, улыбаясь, протянула ему свою руку, по улыбка была нѣсколько принужденная.

Франко, зарывшись въ тетради и учебникахъ, бормоталъ что-то непонятное.

— Какъ ты себя чувствуешь, Франко? спросилъ его Камилла.

— Отлично, отвѣтилъ онъ сухо, и перо его яростно закричало на тетради.

Франко въ дурномъ расположеніи духа!

Что такое случилось? Они какъ будто имѣли что-то противъ Камилла. Онъ не смѣлъ спросить, ему казалось, что его Джина и мать ея стараются скрыть что-то отъ него.

Синьора Анна спросила его про мать и его сестеръ—у него ихъ было двѣ, недавно вышедшихъ замужъ—потомъ она заговорила о его машинѣ. Очевидно ей хотѣлось завести разговоръ о постороннихъ предметахъ, чтобы отвлечь его вниманіе и мысли. Но Камилла уже не слушалъ, что она говорила—онъ замѣтилъ, какъ судорожно бились жилки на вискахъ Джины, наклонившейся надъ вышиваніемъ.

— Что, тебѣ развѣ нездоровится, Джина? сказалъ онъ вдругъ схвативъ ее за руку и стараясь заглянуть ей въ лицо. Что такое? Случилось развѣ что нибудь? Могу я узнать въ чемъ дѣло?

— Да ничего нѣтъ, ничего! отвѣтила смущенно и испуганно синьора Анна.

— О, мама! отчего не сказать ему? воскликнула молодая дѣвушка растроганнымъ голосомъ. Мать со страхомъ посмотрѣла на нее.

— Да чего ты боишься? продолжала она краснѣя и даже съ нѣкоторымъ негодованіемъ. Развѣ ты не уснокоилась еще послѣ того, что я тебѣ сказала?

Синьора Анна ничего не отвѣчала; она встала, блѣдная и сдержанная, и сдѣлала знакъ Франко, чтобъ онъ всталъ.

Странное волненіе овладѣло Камилломъ; его сердце сжалось

какъ бы отъ предчувствія какого-то горя, которое онъ не могъ себѣ объяснить. Онъ тихо спрашивалъ свою совѣсть, по ничего не находилъ, въ чемъ бы могъ упрекнуть себя; а между тѣмъ на лицѣ синьоры Анны видѣлся какъ бы упрекъ.

Онъ взялъ обѣ руки Джины и прижалъ ихъ къ губамъ съ страстнымъ порывомъ любви и благодарности; онъ чувствовалъ, что она его защищала; онъ не зналъ, отъ кого и отъ чего, но былъ въ томъ увѣренъ.

— Сокровище мое, у тебя горе и ты не хочешь повѣдать мнѣ его.

— О, нѣтъ: я скажу тебѣ — погоди, погоди только немного, и она старалась оправиться и собраться съ духомъ.

Хорошенькій Франко, между тѣмъ, складывалъ свои книги, чтобъ уйти въ свою комнату, но все время сердито смотрѣлъ въ лицо Камилла.

Молодой человѣкъ выпрямился.— Да что такое случилось? воскликнулъ онъ громко, негодуя. Что вы всѣ имѣете противъ меня сегодня? Что я такое, наконецъ, сдѣлалъ? Франко, сейчасъ опусти глаза и не гляди такъ, или ты пожалѣешь о томъ, что не послушался меня.

Онъ совѣмъ забылся; кровь его кипѣла.

Джина положила ему на руку свою руку и блѣдная, твердо сказала брату:

— Уйди Франко! ты совѣмъ не знаешь въ чемъ дѣло.

— Какъ, я все знаю! Мнѣ все сказала тетюшка. Дай мнѣ говорить. Ты что же можешь ему сказать?

Джина съ улыбкой взглянула на брата, какъ будто хотѣла сказать: „блѣдный мальчишъ!“

— Камилла, сказала она потомъ прерывающимся голосомъ, по съ твердымъ и полнымъ довѣрія взглядомъ. Зловѣщный человѣкъ оклеветалъ тебя и нельзя было вполнѣ защитить тебя отъ обвиненій, переданныхъ подъ секретомъ. Побѣжденные этимъ кажушимся правдоподобіемъ, мои семейные испугались. Я-же только разсердилась, потому что знаю, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается клевета. Я могу судить объ этомъ. Не правда-ли Камилла, ты мнѣ открылъ всю свою жизнь, всю свою душу? Скажи это моей матери; скажи это Франко! и она рыдала закрывъ лицо руками.

Но скоро она опять подняла голову и продолжала съ горечью и какъ-бы усмѣшкой.

— Видишь-ли! между прочимъ насъ увѣрили, что твой самый дорогой другъ нѣкто одинъ изъ самыхъ развратныхъ молодыхъ людей въ Миланѣ! Не правда-ли, Камилла, ты даже не знаешь кто такой этотъ Маффенсъ?

— Маффенсъ? Иннио Маффенсъ? воскликнулъ Камилла вскакивая. Да, это мой самый дорогой другъ!

Джина присловилась къ столу и испуганно вытаращила глаза. — Да, Маффенсъ мой самый дорогой и самый давшій дружбу, повторилъ Камилла.

Никто не отвѣчалъ ему; Джина тяжело дышала.

— Джина, ты еще напередъ повторяла мнѣ, что влюблѣнъ и безгранично доврѣяешь моему характеру и моему любви, а сегодня, потому что дуракъ—хуже, клеветникъ, негодяй... Джина! скажи что ты не вѣришь!

Дѣвушка протинула ему обѣ руки и въ сѣ взглядѣ снова отразились любовь и доврѣе.

— Камилла, ты не могъ обмануть меня, если-же сдѣлалъ это, то потому, что считалъ это нужнымъ, не правда-ли? И твоя дружба къ Маффенсу еще не доказываетъ...

Синьора Анна опять возвратилась къ столу и облокотившись на него сказала медленно и сдержанно:

— Надо думать, что у васъ, молодыхъ людей, вѣрно мѣше достоинства, чѣмъ у насъ, или вы понимаете его иначе. Мы не могли, стыдился-бы быть дружными съ какой-нибудь женщиной... ты понимаешь меня Камилла? Ты-же напротивъ степенный, образованный, хорошей молодой человекъ дѣлаешься другомъ развратника, бездѣльника, какъ этотъ Маффенсъ.

— Извините меня, синьора Анна. Скажите мнѣ: если-бы вы съ дѣтства были дружны съ женщиной доброй, хорошей, но такъ были бы дружны, что жили-бы вмѣстѣ и знали всѣ ея мысли, и если-бы въ одинъ прекрасный день эта женщина, нелюбимая мужемъ, не имѣющая дѣтей, на которыхъ перенести свою привязанность и въ комъ найти зашиту—почемъ я знаю наконецъ почему—позволила-бы себѣ увлечься, какъ это мы видимъ такъ часто! Скажите! бросили-ли бы ее? Оставили-ли бы окончательно погибнуть? Или-же не постарались-ли бы вы спасти ее, защитить отъ обвиненій и, не боясь свое честное имя ставить на ряду съ нею, заставить уважать бѣдную женщину? Скажите, вѣдь вы бы сдѣлали такъ?

— Да.

— Ну, такъ исторія Маффенса въ такомъ родѣ. Ужасное горе, обстоятельства неожиданныя и непредвидѣнные сдѣлали его тѣмъ, что онъ теперь. Это моя тайна, которую я хотѣлъ повѣрить одной только моей Джинѣ, но теперь я вижу, что необходимо, чтобъ и вы синьора Анна и ты Франко узнали ее.

Страшная бѣдность покрывала его лицо; онъ опустилъ свой взглядъ, въ которомъ свѣтлосъ негодованіе.

* * *

„Мы были товарищами по школѣ, началъ онъ; сначала я опережалъ его, но въ пятомъ классѣ гимназій онъ догналъ меня и съ этихъ поръ мы не разставались болѣе.

Онъ былъ тише и прилежнѣе меня и часто помогать мнѣ. Мы вмѣстѣ отпразднели въ Павію и жили на квартирѣ въ одномъ домѣ, поэтому никогда не разставались. Я сообщалъ ему свои впечатлѣнія, а онъ старался умѣрять ихъ своею сдержанностью и практичностью.

Онъ былъ выше меня ростомъ и гораздо сильнѣе и какъ-то невольно относился ко мнѣ съ нѣжнымъ вниманіемъ и заботливостью, какъ будто я былъ младшій братъ его, такъ что товарища даже дали намъ кличку *папаша* и *сыночекъ*. Онъ не скрывалъ своего физическаго надо мною превосходства, но когда у насъ заходили споры о наукѣ или политикѣ, онъ какъ будто сожалѣлъ о своемъ преимуществѣ и если замѣчалъ, что я побѣждаю его краснорѣчіемъ и строгими умозрѣніями, онъ вдругъ останавливался и говорилъ мнѣ: теперь слово за тобою. Скажи что-нибудь! И если находилъ мое мнѣніе справедливымъ, то восклицалъ въ восторгѣ:

— Ты правъ, Ками!—онъ такъ называлъ меня. Въ этотъ разъ поэзія побѣдила прозу.

Мы возвратились въ Миланъ въ политехническое училище и особенно послѣдній годъ я учился серьезно, потому что Пинно заставлялъ меня работать.

Окончивши курсъ и получивъ медали, мы вздохнули свободно, сдѣлали путешествіе нѣшкомъ по Швейцаріи и наконецъ отдохнули съ мѣсяцъ въ моемъ домикѣ на берегу Лаго Маджоре.

Это было самое счастливое время въ его жизни; онъ часто повторялъ мнѣ это и я тогда понималъ, хотя онъ мнѣ не говорилъ этого, что онъ несчастливъ въ своей семьѣ. Его мать, изящная, богатая вдова, отдала его, совсѣмъ ребенкомъ, въ гимназію и болѣе не заботилась о немъ, такъ что онъ сдѣлался сдержанъ, скрытенъ и по наружности холоденъ.

Когда она нашла, что пришло время взять его оттуда и представить своимъ знакомымъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ сестрою принялъ участіе въ шумномъ и веселомъ образѣ жизни, то оказалась совсѣмъ неспособнымъ къ тому; онъ не могъ имъ сочувствовать и скоро соскучившись попробовалъ удалиться отъ нихъ, что ему мало по малу и удалось, къ неудовольствію его матери и сестры, оставшихся такимъ образомъ безъ кавалера.

Получивъ званіе инженеровъ, мы надѣялись не только скоро найти мѣста, подумали, что насъ будутъ очень искать, а вмѣсто того намъ самимъ пришлось искать долго и безуспѣшно.

Я, болѣе нетерпѣливый, уже терялъ надежду. Пинно, напротивъ, хладнокровнѣе, какъ всегда, цѣлые дни проводилъ въ плавильнѣ, изучая нѣкоторыя машины и если-бы я не отвле-

калъ его изрѣдка, то и по вечерамъ онъ не покидалъ-бы шкафа своего рабочаго стола.

Я представилъ его въ нѣкоторыя знакомыя мнѣ семейства, между прочимъ въ домъ Де-Микели и въ домъ Серафино, въ которыхъ почти всегда собиралось одно и то же общество; въ домѣ Де-Микели никогда не отсутствовало семейство Серафино а въ домѣ Серафино всегда бывала синьора Де-Микели со своею дочерью.

Вы не звали ее? Это была маленькая, хорошенькая блондинка, съ кроткими и робкими свѣтлыми глазами.

Она была довольно слабого сложения и я помню, что мать ея часто съ безпокойствомъ спрашивала ее какъ она себя чувствуетъ и не холодно-ли ей или не жарко-ли, и только что она кончитъ танцовать, она сѣвшитъ закутаетъ ее въ шерстяную мантилью. Она, навѣрно, была очень милая и добрая, потому что подруги очень любили ее и наперерывъ звали къ себѣ.

Маффенсъ почему-то находилъ ее невпривлекательной; онъ говорилъ мнѣ, что ему еще никогда не случалось быть такъ равнодушнымъ къ молодой дѣвушкѣ.

Онъ находилъ, что въ этомъ блѣдномъ личикѣ не было никакого выраженія; она казалась ему слишкомъ робкой и слишкомъ холодной; а онъ любилъ глаза черные и лица выразительныя. А между тѣмъ онъ долженъ-бы былъ ненавидѣть ихъ, потому что именно два такихъ удивительныхъ черныхъ глаза передъ этимъ возбудили весь скрытый въ его душѣ огонь страсти.

— Ками! сказалъ онъ мнѣ, возвращаясь однажды со мною съ вечера отъ Де-Микели. Я сдѣлалъ открытіе, которое для другихъ было-бы несчастіемъ, но для меня составляетъ нѣкоторымъ образомъ облегченіе.

— Что такое сказалъ я.

— Синьорина Де-Микели меня терять не можетъ.

— Какъ! Это невозможно.

— Невозможно. Слушай и суди самъ. Сегодня вечеромъ я подошелъ къ ней и попросилъ ее на котильонъ. Она вздрогнула, какъ будто я ударилъ ее кинжаломъ, посмотрѣла на меня пристально своими глазами, которыхъ выраженіе такъ непонятно, покраснѣла какъ огонь, потомъ поблѣднѣла и подала мнѣ руку.

— Можетъ быть вы устали? спросилъ я. Можетъ быть вы желаете отдохнуть? И она снова опустилась на стулъ, отвѣтивъ мнѣ едва внятнымъ голосомъ: „Да“. Ну, какъ это тебѣ покажется, Ками?

— Можетъ быть она точно устала, сказалъ я ему смѣясь.

— Неужели? Но я понялъ ее и тотчасъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ. О, ей чечего опасаться, я не оскверню болѣе своимъ недостойнымъ присутствіемъ ея гостиной; клянусь ей въ томъ.

Я былъ очень удивленъ и старался убѣдить его, что онъ не такъ понялъ, или что ошибка могла быть со стороны синьоры, вслѣдствіе ея робости.

Но Пинно расхохотался.

— Ха, ха, милый Ками! Я набрался опыта и знаю женщинъ какъ можетъ быть немногіе знаютъ ихъ. Тѣ улыбаешься. Тебѣ это кажется невозможнымъ, а? Потому что ты знаешь, что я мало вращаюсь въ обществѣ и былъ знакомъ съ немногими женщинами впродолженіи моей жизни. Но видишь-ли! не актерамъ судить о комедіи. А между зрителями большая разница. Сидящіе прямо противъ сцены смотрятъ на игру спокойно и внимательно и когда актриса блѣднѣетъ и плачетъ, они волнуются и на минуту увлекаются призракомъ правды. Но я, милый мой, въ своей закулисной ложѣ, вижу подведенные глаза, притиранія и парикъ! вижу принужденную улыбку и сухіе, подъ платкомъ, глаза—и слышу голосъ суфлера, ха, ха! Но извини меня пожалуйста, я хотѣлъ только сказать тебѣ, что въ нѣкоторыхъ словахъ есть неуловимые оттѣнки, понятные только тѣмъ, къ кому они относятся, и что синьорина Микели нисколько не церемонилась со мною; а просто она терять меня не можетъ; вѣроятно она надѣялась танцовать котильонъ съ кѣмъ-нибудь другимъ и потому растерялась, когда я пригласилъ ее.

Я шелъ съ нимъ рядомъ, и не мѣшалъ ему высказаться.

Я не останавливалъ его, но невольно спрашивалъ себя, почему онъ говоритъ именно такъ въ этотъ вечеръ. Конечно его смутило оскорбленіе, нанесенное его самолюбію, и можетъ быть оно разшевелило въ его сердцѣ всю горечь, оставленную въ немъ обманчивымъ взглядомъ тѣхъ двухъ удивительныхъ черныхъ глазъ.

Но вдругъ меня озарила мысль, до того новая и неожиданная, что я не слушалъ болѣе, что еще говорилъ Маффенсъ и очнулся только когда онъ воскликнулъ: о чемъ ты думаешь Ками?

— О чемъ я думаю, отвѣчалъ я; сказать развѣ тебѣ? Синьорина Де-Микели просто влюблена въ тебя.

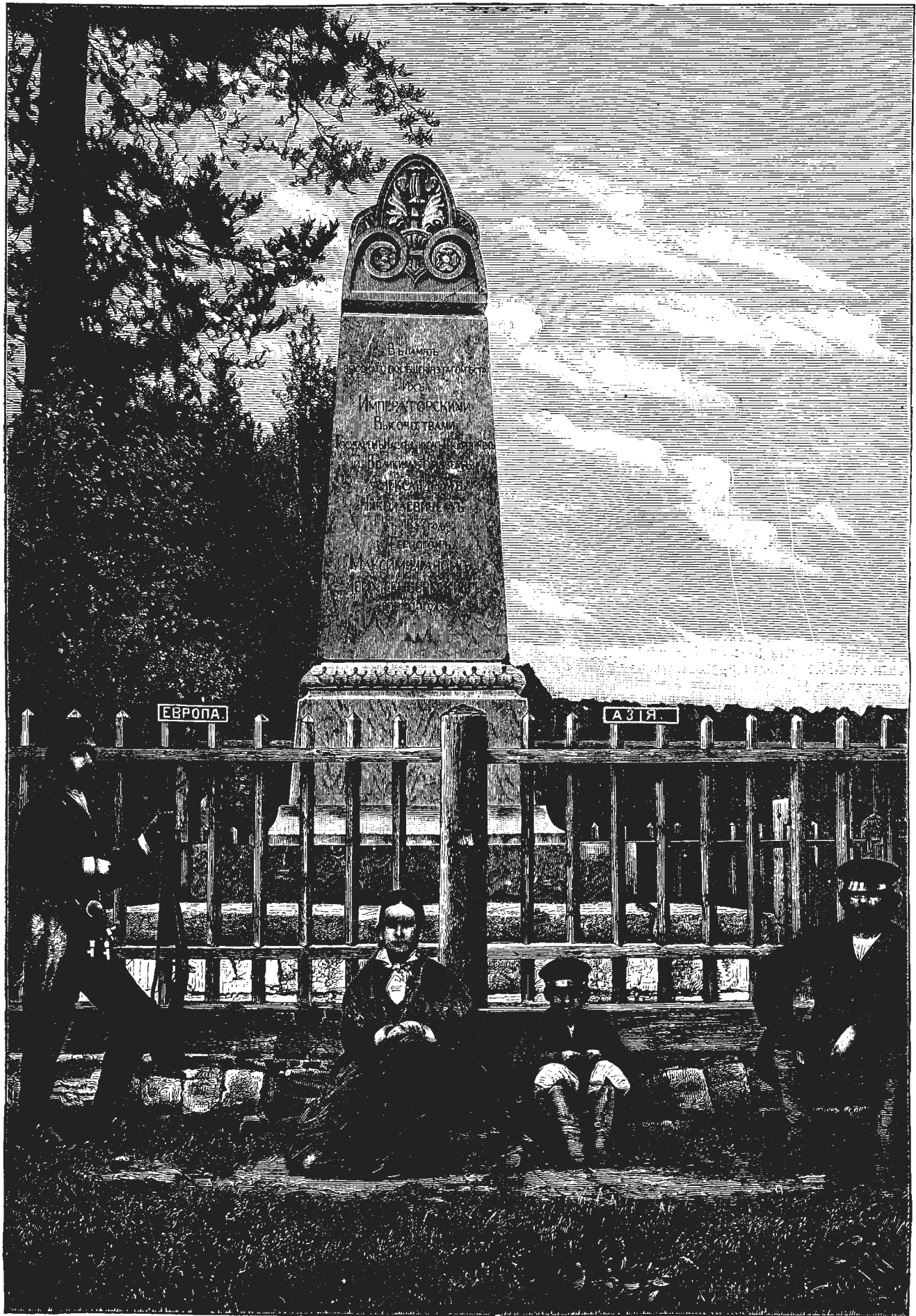
Пинно остановился и засмѣялся продолжительнымъ и звонкимъ смѣхомъ, о, очень звонкимъ! но это былъ какъ перезвонъ надтреснутого колокола.

Мы перемѣнили разговоръ, но вдругъ онъ засмѣялся вновь и я уже не спрашивалъ отчего. Но когда мы дошли до дверей моего дома, онъ мнѣ сказалъ:

— Ты сказалъ глупость Ками! И ты отлично знаешь это. Не такой я мальчикъ, чтобъ дѣвушка влюбилась въ меня.

Пѣсня спѣга. Съ картины Вернера Шука, грав. Кезебергъ и Эртель.

Граница Европы и Азии.

Память посещения этого мѣста Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году, и Герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ въ 1845 г.
Ст. фотографіи Лахмальера въ Екатеринбургѣ, грав. М. Рашевскій.

Два дня спустя был вечер в домѣ Серафимо; и Пинно Маффенсъ—всегда достойный и величавый какъ старый джентльменъ—нѣсколько побавилъ своей важности и всѣ говорили: какой славный молодой человекъ этотъ Маффенсъ!

Одна только моя мать не сказала этого и можетъ быть только она и я замѣтили, что онъ ни на одинъ танецъ не приглашалъ синьорину Де-Микели и что ея ручки дрожали конечно не отъ холода когда она говорила, что не танцуетъ болѣе, потому что устала—это была неправда.

Въ среду утромъ, я встрѣтилъ Пинно и спросилъ его: увидимся мы сегодня вечеромъ у Де-Микели.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, не глядя на меня.

— Какъ! неужели ты еще не забылъ? Какой ты обидчивый!

Онъ долго раскуривалъ сигару и наконецъ отвѣтилъ:

— Я думалъ о томъ, что ты мнѣ сказалъ въ тотъ вечеръ. Очень можетъ быть ты и правъ, а потому лучше мнѣ не идти туда.

— Отчего? спросилъ я его.

Онъ посмотрѣлъ на меня, взялъ меня подъ руку и опять сдѣлался доверчивымъ.

— Зачѣмъ мнѣ идти туда? сказалъ онъ. Чтобъ опять быть невнимательнымъ къ ней какъ въ тотъ вечеръ. Но два раза нельзя быть невѣжливымъ. Чтобъ ухаживать за ней? Это не въ моемъ характерѣ. И потомъ, для чего? Чтобъ смотрѣть ея улыбку и позабавиться для масляницы? Нѣтъ Ками! я лучше знаю какъ надо обращаться съ молодыми дѣвушками. Къ чему мнѣ идти туда?

Онъ остановился и смотрѣлъ на меня и вѣроятно читалъ отвѣтъ въ моемъ взглядѣ, потому что я замѣтилъ, что онъ какъ-бы смутился.

— Чтобъ полюбить ее, отвѣчалъ я.

Но онъ опять принялъ холодный видъ и воскликнулъ: Нѣтъ Ками! еслибъ я и могъ, то не хочу! Когда я у жизни просилъ радости, она отвѣтила: „Хорошо“ и дала мнѣ горе. Теперь я ничего не прошу у нея, потому что знаю чѣмъ это кончится. Вотъ видишь, въ концѣ концовъ, моя стойкость ни что иное какъ... ужасная трусость...

— О, вотъ и панаха и сыночекъ! воскликнулъ за нами веселый голосъ.

Мы обернулись; это былъ товарищъ нашъ по университету. Понятно нашъ разговоръ пресѣлся.

Отъ какихъ ничтожныхъ обстоятельствъ зависятъ иногда самыя важныя событія въ нашей жизни! Никто не разувѣрилъ меня, что еслибъ мы могли продолжать нашъ разговоръ, мнѣ бы навѣрно удалось убѣдить Пинно придти въ этотъ вечеръ въ домъ Де-Микели; еслибъ онъ пошелъ, какъ бы это все кончилось?

Синьорина Микели посмотрѣла на меня съ безпокойствомъ, когда я вошелъ въ гостиную, и поблѣднѣла, видя что я одинъ. Мать ея спросила меня про Меффенса и я отвѣтилъ, что не видѣлъ его въ тотъ день и думалъ найти его тутъ.

Молодая дѣвушка слушала меня молча и блѣдная, замахлялась и закрыла глаза одной рукою.

— Однако какъ ты кашляешь! воскликнула одна изъ ея тетокъ; было очень неосторожно, что ты встала съ постели. Этотъ кашель все ухудшается.

— У меня нѣтъ лихорадки, едва слышно отвѣчала молодая дѣвушка, я чувствую себя отлично и встала.

Она танцевала и я потерялъ ее изъ виду, а когда она вернулась, то раскраснѣлась и оживилась, и въ ея голубыхъ глазахъ былъ такой блескъ, какого я никогда не видѣлъ въ нихъ.

Черезъ день была пятница масляницы, второе марта.

Я стоялъ съ Карини и еще съ кѣмъ то на Корсо, которая тогда называлась Кафе Мерло—и смотрѣлъ на вереницу пробѣгающихъ экипажей. Вдругъ мы увидѣли карету со спущенными шторами, которая выѣхала изъ ряда и пробовала свернуть въ улицу Сан-Паоло. Но жандармъ верхомъ бросился поперекъ дороги и закричалъ: стой!

Мы смотрѣли и шутили надъ этими спущенными шторами, когда дверца открыли, мужчина закричалъ: „Ради Бога, пропустите меня“ и она опять затворилась.

— Да что это! Кажется это Маффенсъ? Да, это онъ: нѣтъ, это не онъ! я бросился въ толпу, пробился впередъ и открылъ дверцу.

Это былъ онъ! блѣдный какъ мертвецъ, съ растрепанными волосами и странно блуждающими глазами.

Онъ вздрогнулъ, увидя меня, схватилъ меня за руку, втащилъ къ себѣ—дверца захлопнулась и лошадь помялась.

— Что такое? спросилъ я совершенно разстроенный.

Онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— Я слыма схожу! Вотъ что!

— Пинно, ради Христа, говори! что случилось?

— Она умерла! отвѣчалъ онъ глухо.

— Кто? Боже мой!... Можетъ быть мать твоя?

— Нѣтъ она, она, Ками! закричалъ онъ оборвавшимся голосомъ и схвативъ меня за руку: блѣдная Микели, понимаешь! Она захотѣла меня видѣть и я видѣлъ ее и она умерла, Ками! Не стой-ли я, чтобъ ея мать убила меня? а вмѣсто того она меня поцѣловала.

И онъ, какъ ребенокъ, положилъ мнѣ на плечо голову и заплакалъ.

Карета остановилась, я открылъ дверцу, мы были передъ моимъ домомъ. Я крѣпко сжалъ руку моего блѣднаго Пинно: это меня онъ розыскивалъ въ эту горестную минуту. Онъ совсѣмъ ослабѣлъ; онъ подиался на дѣтищу, операясь на мою руку и мы вошли въ квартиру.

Моя мать и мои сестры ушли на гулянье и не слышно было ни малѣйшаго шума. Моя квартира никогда не казалась мнѣ такой темной, пустой и грустной, какъ въ эту минуту.

Пинно сѣлъ и осматривался съ удивленіемъ и смущеніемъ, какъ будто просыпался отъ сна и старался понять что съ нимъ; потомъ онъ бросился въ подушки, спряталъ въ нихъ голову и разразился страшными рыданіями; все его крѣпкое тѣло судорожно вздрагивало.

Это былъ припадокъ горя, при видѣ котораго кровь стыла въ жилахъ.

Что я могъ сдѣлать? Что сказать ему?

Не знаю что бы я далъ, чтобъ имѣть возможность сказать ему: Пинно, все это неправда! это былъ сонъ, бредъ! Я и самъ, одно мгновеніе, сомнѣвался и хотѣлъ было бѣжать въ домъ Микели чтобъ удостовериться.

Въ эту минуту я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ голоса моихъ сестеръ и побѣжалъ къ нимъ.

Онѣ испугались, видя что я такъ разстроенъ и съ распухшими отъ слезъ глазами, и спросили меня робко: развѣ ты уже знаешь!

Вошла моя мать, я все ей рассказалъ и умолялъ ее помочь мнѣ.

И она пошла со мною; онъ вздрогнулъ отъ прикосновенія къ его горячему лбу ея легкой руки, но приподнявшись, какъ то стыдливо пробормоталъ: благодарю и старался придти въ себя.

Потомъ онъ сказалъ не глядя на меня.

— Не говори ничего моей матери; я не хочу ей говорить этого; она меня не пойметъ; избавь меня и ее отъ новаго горя. Напиши... или нѣтъ дай мнѣ бумагу.

И онъ написалъ на визитной карточкѣ:

— Утѣжаю въ обществѣ друзей. Буду въ отсутствіи нѣсколько дней.

И на оборотѣ онъ написалъ имя своей матери.

Блѣдный мой Пинно! это была скорбь, которую онъ всегда скрывалъ отъ меня, и въ эту минуту она показала мнѣ большіи несчастіемъ.

Мать моя сѣла возлѣ него.

Онъ опять уналъ на подушки и пробормоталъ: Я не стѣю, чтобъ вы заботились обо мнѣ—чтобъ желали мнѣ добра.

Его всегда твердый голосъ сдѣлался слабымъ какъ дѣтскій.

— Почему? Въ чемъ вы виноваты? спросила его моя мать.

— Она умерла по моей винѣ! Она любила меня, она! а я... о, ты знаешь, Ками!

Мать моя старалась увѣрить его, что покойная всегда была слаба; что отъ малѣйшей неосторожности у нея дѣлалась лихорадка, что въ эту масляницу она вѣроятно слишкомъ много танцевала и схватила воспаление въ легкихъ; но Пинно продолжалъ говорить, что это онъ убилъ ее, что былъ грубъ съ ней, что еслибъ онъ сказалъ ей доброе слово, она бы не захворала. Стало смеркаться; я стоялъ у окна, приложивъ лобъ къ стеклу. Мнѣ слышалось его тяжелое дыханіе и я думалъ, что онъ спитъ; вдругъ онъ позвалъ меня.

Я бросился къ нему.

— Ками, сказалъ онъ мнѣ приподнимаясь, едва слышнымъ, глухимъ голосомъ, еслибъ я, по крайней мѣрѣ, могъ услышать хотя одно ея слово и отвѣтить ей что нибудъ! Еслибъ я поспѣлъ во время, чтобъ умолять ее простить меня! Но она только вскрикнула, протянула мнѣ руки и широко раскрыла глаза; но эти блѣдныя руки безсилно унаи, а глаза уже открылись въ другомъ мѣрѣ. Зачѣмъ такъ вдругъ? точно молнія? Я боюсь Ками!.. И онъ схватилъ меня за плечо.

— Мое единственное утѣшеніе, въ настоящую минуту, твоя дружба. Судьба преслѣдуетъ меня и я увѣренъ, видишь-ли, говорю тебѣ, она разлучитъ насъ; ты покинешь меня, оставишь меня одного!..

Его голосъ замеръ въ рыданіяхъ.

Тутъ-то, Джина, я и поклялся ему, что чтобы ни случилось со мною, я никогда его не покину.

Дрожащая ручка Джини протянулась черезъ столъ и крѣпко сжала руку Камилла Морандо; а по ея лицу струились слезы, которыя она не думала осушать.

У синьоры Анны были красныя глаза, а Франко въ смущеніи кусалъ перо зубами.

— А потомъ, спросила съ нетерпѣніемъ молодая дѣвушка.

— Потомъ? развѣ я долженъ все рассказать?

— О, да!

Камиллъ продолжалъ: весь этотъ вечеръ Пинно находился въ тяжелой дремотѣ и какъ-бы въ бреду, но къ ночи онъ утихъ, а къ утру его сонъ сдѣлался совсѣмъ спокойнѣе.

Мать моя приготовила мнѣ постель рядомъ съ нимъ, но только что я закрылъ глаза, какъ вздрагивалъ отъ страха, и снова принимался глядѣть на него. Въ это утро я вознесъ теплымъ

мольбы къ Богу, чтобъ мой бѣдный другъ проснулся споконнымъ какъ всегда. Одну минуту я почти надѣялся, что чудо совершилось. Онъ такъ ровно дышалъ. Его лобъ сгладили, губы закрылись. Я столько разъ видѣлъ его такъ спящимъ, когда еще мы были дѣтми и намъ елились Цицеронъ и военныя ученья на площади Кастелло.

Онъ медленно открылъ глаза, но потомъ вздрогнулъ, какъ будто проснулся. Онъ вспомнилъ, молча и не глядя на меня пожалъ мнѣ руку; взглядъ его былъ неясный и печальный, по въ глазахъ у него не было болѣе слезъ.

Вечеромъ, часовъ въ девять, я уговорилъ его выйти, подышать воздухомъ; но онъ былъ слабъ, безсилент. Онъ оперся на мою руку и время отъ времени останавливался перевести духъ, точно выздоравливающій. Я хотѣлъ направиться въ одну сторону, но онъ сказалъ мнѣ: „идти сюда“ и повелъ меня на улицу Дуомо.

Былъ послѣдній вечеръ масляницы и хотя только что перестало идти снѣгъ, улицы кишѣли народомъ, и на площади, освѣщенной болѣе обыкновеннаго, играла военная музыка. Время отъ времени раздавался пронзительный крикъ и около насъ проходили замаскированные. Пинно шелъ бѣдный и растерянный среди этой шумной, веселой толпы.

Онъ повелъ меня на Корсо; проходя мимо улицы Сант-Паоло я пришелъ въ ужасъ. Я хотѣлъ свернуть въ одну улицу, потомъ въ другую; но онъ продолжалъ тянуть меня вперёдъ, все тяжело опираясь рукою на мою.

— Пинно, вернемся домой! сказалъ я ему. Онъ отвѣтилъ мнѣ „идти“ и бросилъ мою руку.

Сколько разъ мы, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, шли вмѣстѣ по этой улицѣ, веселые и беззаботные, придумывая новыя фигуры для котильона.

Я не смѣлъ поднять глаза и надѣялся, что Пинно не остановится; но онъ именно это и сдѣлалъ и прислонившись къ стѣнѣ одного дома поднялъ голову.

Въ домѣ напротивъ только одно окно въ первомъ этажѣ было освѣщено. Рамы были отворены и ночной воздухъ, проникая туда, слегка колебалъ бѣлыя кисейныя занавѣси.

Улица была дуста, царствовало торжественное молчаніе.—О, какъ-бы я хотѣлъ — хотѣлъ-бы увидѣть ее еще одинъ послѣд-

ній разъ! сказалъ Пинно въ волненіи, но тихо, какъ-бы боясь разбудить ее. Затѣмъ онъ быстро пошелъ.

Мы молча возвратились домой, но дошедши до дома, гдѣ я тогда жилъ, онъ вдругъ спросилъ меня.

— Куда ты меня ведешь?

— Къ себѣ домой.

— Къ тебѣ? Чтобъ еще обезножить насъ всѣхъ? Идти я не хочу идти къ тебѣ, Ками! Не думай болѣе обо мнѣ. Дай мнѣ уйти.

— Да куда ты хочешь идти?

— Куда? Я и самъ не знаю, но только я иду. Его голосъ былъ твердъ, даже рѣзокъ.

— Пинно, сказалъ я ему, ты вчера заставилъ меня обѣщать тебѣ, что я никогда не оставлю тебя.

— А если я оставлю тебя?

— Ты? Мнѣ казалось, что я понялъ ужасное значеніе этихъ словъ. Отъ волненія у меня замеръ голосъ.

— Ками, не бойся, отвѣтилъ онъ мнѣ. Я слишкомъ трусливъ, чтобъ избавиться такимъ образомъ отъ угрызений совѣсти. Я боюсь смерти, признаюсь тебѣ. Я ее видѣлъ, смерть, и если-бы ты зналъ... Ты поймешь, что я властепъ надъ своимъ сердцемъ, своею волей. О, мнѣ удастся! ты увидишь, мнѣ удастся побѣдить это горе, которое можетъ свести меня съума! Я не ребенокъ! и онъ улыбнулся слезатыми губами.

— О я увѣренъ, что тебѣ удастся, отвѣчалъ я ему. Тебѣ только нужно немного спокойствія. Пойдемъ ко мнѣ, Пинно. Моя мать поговоритъ съ тобою. Вѣрь мнѣ, моя мать робкая и простая, но она такъ добра, она святая! Она сердцемъ понимаетъ чего не можетъ постичь умомъ; сколько разъ одно ея слово утѣшало и ободряло меня, иногда оно казалось мнѣ точно откровеніе.

Я помню, что онъ пристально посмотрѣлъ на меня и его взглядъ былъ глубоко печаленъ, по это была другая печаль.

И вдругъ онъ очулся и сказалъ рѣзко, протягивая мнѣ руку: прощай Ками! спасибо тебѣ!

Я былъ до того пораженъ, что не пашелся ничего сказать и смотрѣлъ ему вслѣдъ не останавливая, но и не идя за нимъ...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Осенняя буря.

(Рис. на стр. 148 и 149).

Яростно бьются и плещутъ сумрачныя сѣрыя осеннія волны, рѣзкій вѣтеръ такъ и рѣжетъ лицо, осыпая мелкими брызгами и косямъ мелкимъ дождемъ. Море кишитъ какъ вода въ котлѣ. Вдали видно несущееся по морю, по волѣ вѣтровъ судно, съ котораго изрѣдка доносятся съ бѣшеными порывами вѣтра отчаянные крики о помощи. Все, привычное къ этимъ вѣщамъ, прибрежное населеніе бѣжитъ на каменистый, покрытый валунами берегъ. Матросы спасательной станціи уже на своемъ посту: они одѣты, готовы на трудный подвигъ и отважно несутся по волнамъ на помощь погибающимъ. Не наши ли это тамъ въ такомъ ужасномъ положеніи? думаютъ встревоженные жители, и всѣ, и старъ и младъ, высынаютъ на берегъ и съ тревожнымъ вниманіемъ вглядываются въ сѣрую даль. Здѣсь естъ и дѣти и старухи. Вотъ молодая дѣвушка помогаетъ своей бабушкѣ взобраться на высокой валунъ... Тамъ вдали тревожно переговариваются... слышны догадки, предположенія... крики, людскіе голоса... И все это покрываетъ своимъ грознымъ ревомъ бушующее, безпощадное, бурное море...

„Морозко“. (Дочь и падчерица).

(Рис. на стр. 153)

„У старика и старухи было три дочери. Старшая доводилась старухѣ падчерицею. Мачиха не любила ея, черезъ мѣру утруджала работою, часто лишала сна и пищи, однимъ словомъ относилась къ Марфушѣ (такъ звали бѣдную дѣвучку) какъ настоящая сказочная мачиха (замѣтимъ кстати—всегда нечестивый образъ въ русскихъ народныхъ сказкахъ).

Преимущества Марфуши по красотѣ, способностямъ и характеру передъ двумя дочками мачихи, отражались однако съ каждымъ днемъ все рѣзче и рѣзче и довели наконецъ злую старуху до того, что она рѣшилась потребовать отъ мужа смерти своей дочери. Почтенный старикъ (онъ-же озлобленный сказочный мужъ—весь кротость и смиреніе передъ сварливой бабою) подчиняется этому жестокому требованію. „Увези ты Марфушку къ жениху (говорила старуха), зовутъ его Морозъ Ивановичъ, а живетъ онъ въ густомъ лѣсу подъ густою сосною—тамъ и оставь ее, пусть, моль, своего милаго дожидается!“—Дочь заплакала, услышавъ эти слова, а мачиха стала утѣшать ее, говоря: — „что ты, дура, слюни распустила! Вѣдь женихъ то, красавецъ и богачъ! Смотри-ка сколько у него серебра: всѣ сосны, елки и березки этимъ серебромъ убраны, камнями самоцвѣтными усыпаны!“

Уѣхавъ старикъ, увезъ свою дочку и бросилъ въ глухомъ

лѣсу подъ густою сосною. Сидитъ тамъ бѣдная дѣвушка, плачетъ и жениха Мороза Ивановича удалого поджидаетъ. А тотъ тутъ какъ тутъ къ ночи подобрался и ну къ дѣвицѣ ластиться, инеемъ серебрянымъ ее отряхивать.

„Тепло-ль тебѣ дѣвица, тепло-ль тебѣ красная?“

Поетъ ей Морозъ подъ самымъ ухомъ, а та, кроткая и покорная, отвѣчаетъ.

„И тепло Божіе и холодно Божіе“.

Это смиреніе трогаетъ сердце Мороза Ивановича—онъ сохраняетъ жизнь своей жертвѣ и на другой день утромъ, когда старикъ пріѣзжаетъ за тѣломъ дочери, онъ находитъ ее мало того что живою, да еще снабженною отъ мороза новою шубою, дорогими подарками, ящикомъ золота, серебра, жемчугу и каменной самоцвѣтной.

Везутъ туда дочекъ—оказывается однако совершенно противоположное. Старухины дочки встрѣчаютъ Мороза насмѣлками и браблею и кончаютъ борьбу свою съ фантастическимъ женихомъ натурально смертью, а когда старуха на другой день, сидя у окна, съ вѣтернѣишемъ поджидаетъ возврата своихъ любимцевъ, то посланный за ними старикъ привозитъ ей только „дочеряныя косточки“.

Вотъ наивное содержаніе этой сказки—вдохновенъ нашего художника—за все остальное говоритъ самъ рисунокъ, который мы и предлагаемъ нашимъ читателямъ.

На рисункѣ нашего художника выражено все это весьма удачно, и слѣва, около дѣвочки, внимательно взглянувъ, читатель увидитъ въ очертаніяхъ кустарника профиль добродушнаго дѣвочки Мороза...

Пѣсня слѣта.

(Рисун. на стр. 156).

Бой былъ жестокъ въ этотъ хмурый, осенній день. Мечи звенѣли о тяжелыя латы, трескъ выстрѣловъ раздавался непрерывавая, и вдругъ, въ самый разгаръ боя, когда тяжелая кавалерія, торжествуя, съ громкими криками, блестя оружіемъ, пошла передъ собою безпорядочную толпу разбитыхъ неприятельскихъ отрядовъ, вдругъ хлопьями повалилъ снѣгъ, глухо загудѣло топотомъ многочисленныхъ копытъ, заглушеннымъ мелкимъ свѣтлымъ напосомъ. Вдали видны несущіеся всадники, а на первомъ планѣ стоитъ одинъ—несчастный молодой воинъ, отставшій отъ товарищей, которымъ не до него. Онъ смертельно раненъ, лицо его выражаетъ глубокое страданіе, въ слѣдѣ онъ еще держится по привычкѣ, но вотъ-вотъ упадетъ... Конь его хранитъ вытянувъ шею... Передъ умирающимъ носятся картины его прежней жизни, его семья, родные... Но все кончено—„пѣсня слѣта!“

Всадникъ въ костюмѣ времени тридцатилѣтней войны, XVII вѣка — раненой воинъ, быть можетъ, одинъ изъ героевъ знаменитой люденской битвы, одинъ изъ воиновъ славнаго Густава Адольфа.

Граница Европы и Азии. Памятникъ около Екатеринбурга.

(Рис. на стр. 157).

Въ 38-ми верстахъ отъ Екатеринбурга, не доѣзжая 1½ перетъ до станціи Талицкой, на самой высокой точкѣ перевала изъ Европы въ Азію, имѣющей 1400 футовъ абсолютной высоты, воздвигнутъ теперь изъ мрамора памятникъ, въ воспоминаніе посѣщенія этого мѣста въ 1837 году Наслѣдникомъ Престола Александромъ Николаевичемъ, а въ 1845 году Герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ. Посѣщеніе Сибири въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ, дѣйствительно составило самое отрадное событіе для цѣлаго края. Юный наследникъ престола изучалъ воочію интересную страну и входилъ во все подробности ея устройства и быта. Особенно торжественно встрѣтили его Сибиряки въ Тюмени и Тобольскѣ, гдѣ донынѣ, какъ святыни, хранятся тѣ дома, гдѣ останавливался высокій Посѣтитель.

Въ Тюмени, кромѣ того, бережется въ мѣстномъ музѣ, какъ драгоценность, та шлюпка, въ которой Наслѣдникъ Престола катался по рѣкѣ Турѣ.

Изображенный на нашемъ рисункѣ памятникъ имѣетъ форму обелиска; онъ сдѣланъ изъ сѣраго уральскаго мрамора. На одной сторонѣ памятника, а именно западной, написано „Европа“, а на другой, восточной, „Азія“. На памятникѣ видна надпись: „Въ память высокаго посѣщенія этого мѣста Ихъ Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году и Герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ въ 1845 году“. При проѣздѣ же черезъ Екатеринбургъ Его Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, на памятникѣ, въ память этого событія, явилась новая надпись, гласящая, что Великій Князь посѣтилъ это мѣсто 8-го іюля 1873 года, возвращаясь изъ кругосвѣтнаго плаванія.

Фридрихъ Флотовъ.

12 (24) янв. внезапно скончался въ Дрезденѣ Фридрихъ Флотовъ, извѣстный композиторъ, авторъ „Страдальца“ и „Марты“. Ему было болѣе 70-ти лѣтъ отъ роду и его имя принадлежитъ къ извѣстѣйшимъ именамъ оперныхъ композиторовъ нашего времени, хотя изъ всѣхъ его произведеній только двѣ помянутыя оперы имѣли большой успѣхъ и входятъ въ составъ репертуара всѣхъ оперныхъ театровъ. Мелодія этихъ оперъ очень нравилась публикѣ и въ теченіе сорока лѣтъ пользовалась большою популярностью. Кому, напр., не извѣстенъ романсъ о розѣ изъ „Марты“? Фридрихъ Флотовъ — сынъ меленбургскаго помѣщика, родился въ Тейтendorff. Страсть къ музыкѣ заставила его отказаться отъ дипломатической карьеры, къ которой его предназначили его родители; онъ отправился въ Парижъ, гдѣ всецѣло предавался изученію музыкальнаго искусства. Французская веселость оказала большое вліяніе на художественное развитіе Флотова и была немалой причиною какъ его успѣховъ, такъ и неудачъ. Послѣ іюльской революціи Флотовъ написалъ цѣлый рядъ небольшихъ музы-

кальныхъ произведеній, которыя въ тридцатыхъ годахъ давались на различныхъ французскихъ сценахъ, но не имѣли продолжительнаго успѣха. За то его опера „Гибель фрегата Медузы“ очень понравилась парижанамъ и выдержала на сценѣ театра „Renaissance“ 25 представлений, что очень много для того времени. Впослѣдствіи Флотовъ перефразировалъ эту оперу подъ названіемъ „Матросы“ для нѣмецкихъ сценъ, однако въ Германіи она не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Но извѣстность Флотова пріобрѣлъ только оперою „Страдальца“, представленною въ первый разъ въ Гамбургѣ. Еще болѣе успѣхъ имѣла „Марта“, первое представленіе которой состоялось въ 1847 г. Опера эта въ сущности не болѣе какъ перефразированная въ

началѣ сороковыхъ годовъ балета „Лэди Генриэтта“, музыка котораго была написана Флотовымъ. Послѣ революціи 1848 года Флотовъ возвратился въ Германію, гдѣ въ 1856 г. былъ назначенъ директоромъ придворнаго театра въ Шверинѣ, каковую должность онъ занималъ въ теченіи шести лѣтъ. Въ 1863 году Флотовъ опять переселился въ Парижъ. Здѣсь онъ написалъ двѣ оперы: „Индру“ и „Тѣнь“. Последняя, представленная въ первый разъ въ 1869 г., на сценѣ „Opéra Comique“, пользовалась въ Парижѣ нѣкоторымъ успѣхомъ, но въ Германіи не имѣла успѣха. Последніе годы Флотовъ проводилъ то въ своемъ имѣніи, близъ Вѣны, то въ Парижѣ, то въ Дармштадтѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, Флотовъ совсѣмъ ослѣпъ.

Вновь открытая рыба — Эврифаринксъ.

(Рис. на стр. 161).

У береговъ Марокко, на глубинѣ 2,300 метровъ, (почти 7000 футовъ) пайдепъ эк-

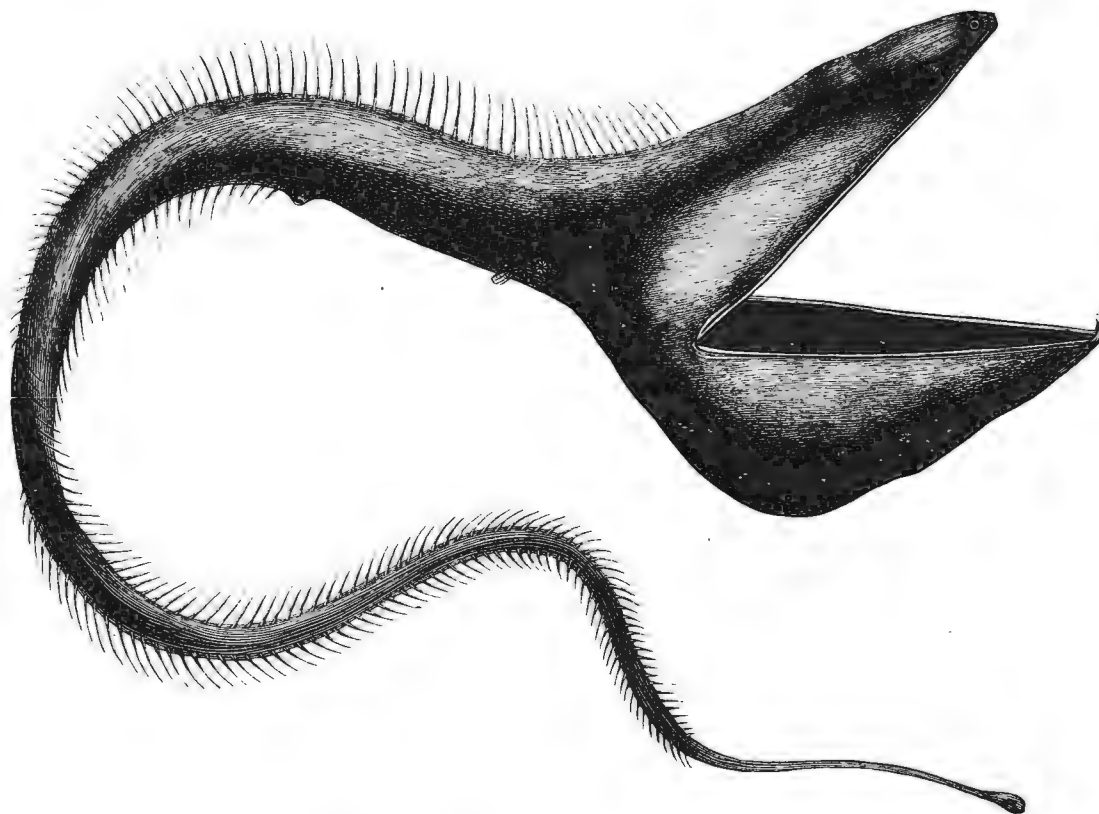
земляръ рыбы, до сихъ поръ не попадавшійся. Животное это длиною около 10½ верш. и вышиною въ самомъ высокомъ мѣстѣ около ½ верш., совершенно чернаго цвѣта. Все тѣло, съ громаднымъ аномальнымъ ртомъ, напоминаетъ тѣло *Masturus*; оно начинается правильно уменьшаться отъ передней четверти, въ томъ мѣстѣ, гдѣ замѣчается жаберное наружное отверстіе, и заканчивается остроконечно въ хвостовой части. Отверстіе для изверженія находится въ мѣстѣ соединенія передней трети съ двумя задними третями тѣла.

Страшный видъ сообщается этой рыбѣ расположеніемъ челюстей и устройствомъ рта. Хотя голова ея коротка, достигающая только до 2 верш., челюсти и мѣшечекъ чрезвычайно удлинены; при измѣреніи этотъ послѣдній оказался въ 2½ верш. Изъ этого вытекаетъ, что суставный уголь отодвинутъ далеко назадъ отъ конца носа, на разстояніе въ три съ половиною раза превосходящее длину головы. Мѣшечекъ этотъ, насколько извѣстно, состоитъ изъ двухъ частей: одной основпой, височной, другой наружной, образующей безъ сомнѣнія скуловую перенонку. Длинный и тонкій кивжалъ образуетъ верхнюю челюсть. На обоихъ челюстяхъ слышны на ощупь мелкія зубныя зерна; на крайнемъ концѣ нижней челюсти находятся два острыхъ, въ видѣ крючковъ зуба.

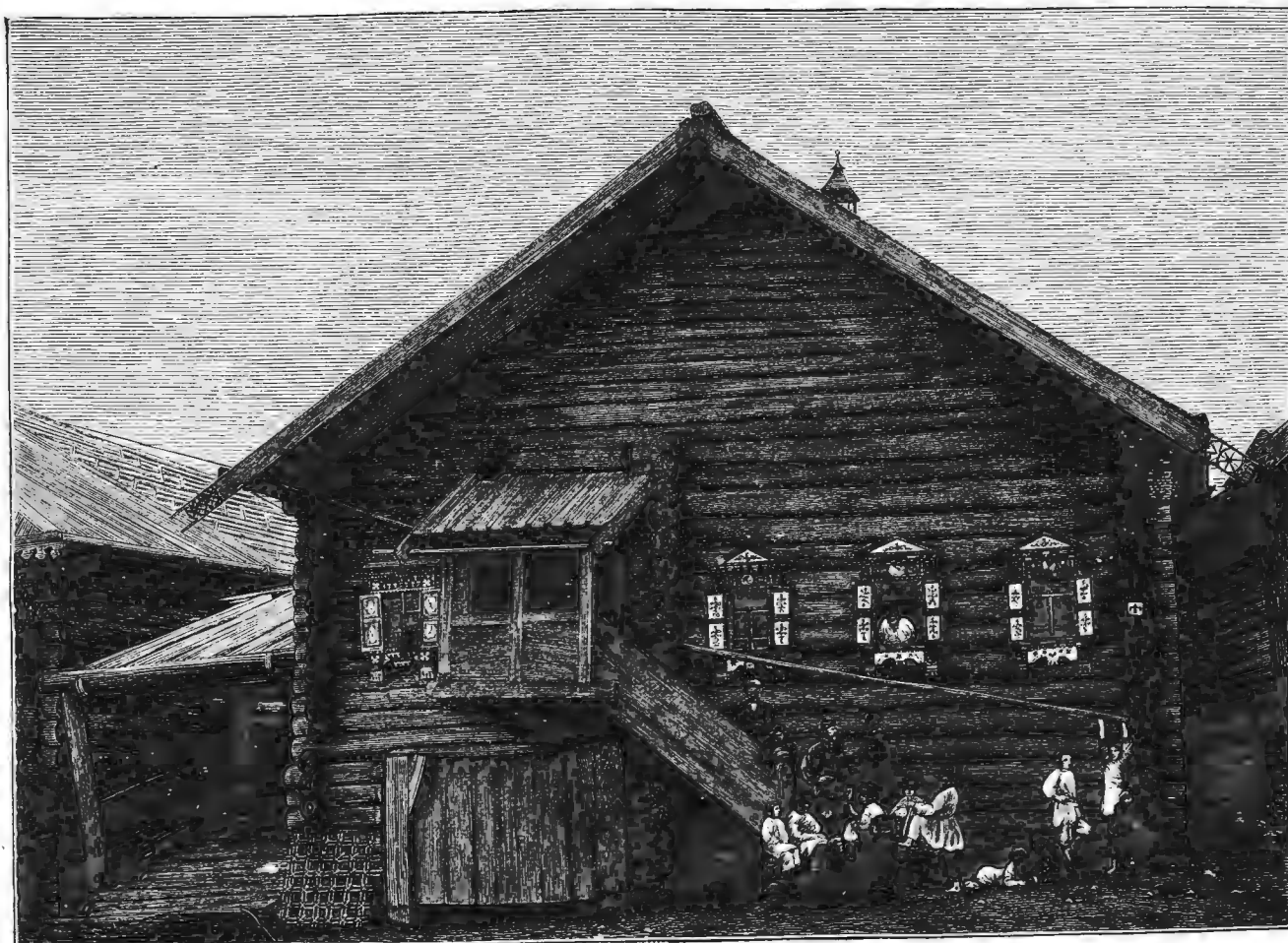
Отверстіе рта громадно; оно ведетъ въ полость, объемъ которой еще поразительнѣе. Верхняя челюсть соединяется по бокамъ головы и передней части тѣла наकोжной растяжимой складкой, допускающей сильное открываніе рта. Далѣе между челюстями находится подобная же перенонка, но еще болѣе растяжимая, заключающая, какъ это показало изслѣдованіе, большое количество эластическихъ фибръ въ связкахъ. Ротъ этой рыбы болѣе всего напоминаетъ зобъ пеликала. Вслѣдствіе расширенія рта и растяжимости перенонки, ротъ съ горломъ имѣетъ видъ воронки, продолженіе которой составляетъ тѣло

Композиторъ Ф. Флотовъ. † 12. (24. н. с.) Января. Съ фотогр. грав. Барановскій.

Зврифаринксъ, вновь открытая рыба. Рис. Клементъ, грав. Флигель.

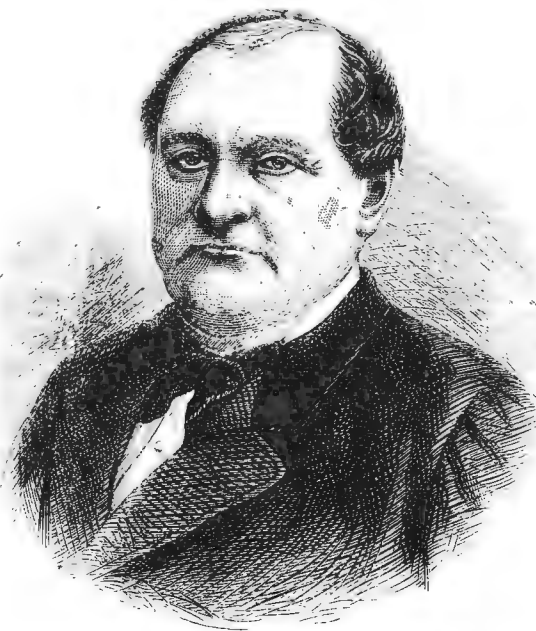

Типы сѣверныхъ построекъ: Крестьянская изба въ с. Чешинѣ, Волог. губ., Надниковск. уѣзда. Съ фот. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

рыбы. Слѣдуетъ предположить, что пища собирается въ этомъ мѣстѣ и отчасти переваривается въ немъ.

Органы передвиженія очень несовершенны. Парные плавники ограничиваются двумя небольшими прибавлениями, которыя, благодаря своему положенію вблизи жабернаго отверстія, могутъ быть причислены къ груднымъ; плавниковъ брюшныхъ вовсе нѣтъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ затылка, равномъ почти длинѣ головы, начинается спинной плавникъ, идущій вдоль всей спины, не достигая однако хвостоваго конца; онъ кончается на $1\frac{1}{2}$ или 2 верш. отъ послѣдняго. Шнжій плавникъ, съ такимъ же точно расположеніемъ, начинается на нѣсколько миллиметровъ позади отверстія для изверженія, и кончается тамъ же, гдѣ и предыдущій. Конецъ тѣла окруженъ накожной складкой. Острыя и подвижныя косточки этихъ плавниковъ не имѣютъ суставовъ и не соединены перепонкой.

Дыхательный аппаратъ представляетъ единственное сочетаніе, замѣченное до сихъ поръ въ рыбахъ съ костями. Пасчитываются шесть паръ жаберныхъ внутреннихъ щелей и пять жаберей. Послѣднія состоятъ изъ двойной серіи свободныхъ пластинокъ. Вода выходитъ съ каждой стороны черезъ небольшое отверстие, имѣющее видъ маленькаго закругленнаго просверленія, расположеннаго на уровнѣ окопчанія перепончатой воронки рта. Ни подъязычныхъ принадлежностей, ни крышечныхъ частей не замѣчается вовсе.

Принцъ Жеромъ Наполеонъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Не входи въ описаніе органовъ брюшной полости, необходимо упомянуть о совершенномъ отсутствіи воздухоноснаго пузыря.

Рыба эта названа *Euryphagus pelicanoides* (т. е. пеликаноподобный). Какое мѣсто займетъ оно въ разрядѣ ихтиологій? Объ этомъ трудно пока судить при отсутствіи точныхъ свѣдѣній объ анатоміи и въ особенности о скелетѣ, который пѣтъ возможности изслѣдовать по единственному имѣющемуся экземпляру. Во всякомъ случаѣ она ближе всего подходитъ къ *Euryphagus*, и ее можно считать типомъ новой семьи, представляющимъ пока единственнаго ея представителя.

Принцъ Жеромъ Наполеонъ.

3-го января утромъ, появились на вѣсѣхъ углахъ и перекресткахъ Парижа наклепные разноцвѣтные листы воззванія принца Наполеона къ французскому народу. Публика повсюду останавливалась и читала ихъ съ интересомъ и нельзя не признать, что воззваніе составлено довольно ловко и могло дѣйствовать на умы.

Манифестъ, помѣченный 3-мъ янв., адресованъ: „Моимъ согражданамъ“, и заключаетъ между прочимъ слѣдующее:

„Франція чахнетъ. Изъ числа страждущихъ нѣкоторые волнуются. Большинство лаций разочаровано. Не довѣряя настоящему, она какъ бы ждетъ будущаго, достиженіе котораго возможно лишь цѣною мужественной рѣшимости. Исполнительная власть расслаблена,

Типы сѣверныхъ построекъ: Крестьянская изба въ с. Лысцевѣ на Архангельскомъ тракѣ. Надниновскаго уѣзда. Съ фот. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

неспособна и безомощна. Палаты являются судномъ безъ руля и безъ вѣтриль. Партия власть имѣющихъ попираетъ, ради удовлетворенія самыхъ низкихъ страстей, собственные свои руководящія принципы. Народное представительство разбилось на безчисленное множество фракцій. Бразды правленія послѣдовательно переходили къ реакціонерамъ, умѣреннымъ республиканцамъ и радикаламъ. Всѣ одинаково потерѣли неудачу. Вамъ обѣщали республику, которая исцѣлитъ раны Франціи и произведетъ необходимыя реформы. Обѣщаніе это было лживое. Передъ вами, разъ за разомъ, совершаются кризисы, затрогивающіе главу государства, министерствъ и палаты. Дѣвѣнадцать уже лѣтъ производится у насъ опять примѣненіе парламентской республики. Опять этотъ привелъ уже къ достаточно яснымъ результатамъ. У насъ нѣтъ правительства. Корень зла въ нашей конституціи, предающей Францію на произволъ восьмисотъ сенаторовъ и депутатовъ. Были ошибки въ прошломъ. Къ чему отягчать ихъ еще болѣе и не пользоваться пережитыми уроками? Основа нашего величія и безопасности, наша армія, стала играть роль профановъ въ военномъ дѣлѣ. Десять лѣтъ уже толкуютъ они объ ея переустройствѣ и до сихъ поръ, послѣ разнохарактерныхъ попытокъ и колебаній, способныхъ только подорвать воинскій духъ въ арміи, не выработали еще удовлетворительнаго закона о воинской повинности. Администрация дискредитована. Должностныя лица являются рабами самыхъ мелкихъ избирательныхъ интересовъ. Эксцилируютъ страну не значить еще управлять ею. Наслѣдникъ Наполеона I-го и Наполеона III-го, я единственный человекъ на землѣ, носившій имя, за которое подано 7.300.000 голосовъ. Послѣ кончины сына императора, я хранилъ молчаніе по политическимъ вопросамъ. Не желая препятствовать производившемуся опыту, я съ прискорбіемъ ждалъ, что обстоятельства вынудятъ меня раскрыть уста. Мое молчаніе было, впрочемъ, лишь патристическимъ выраженіемъ искренняго сознанія, что Франція нуждается прежде всего въ спокойствіи. Мой образъ дѣйствій, мои убѣжденія и чувства систематически служили пищею клеветы. Я отягчалъ однимъ лишь презрительнымъ молчаніемъ даже и на старанія возбудить противъ меня молвъ сыновей. Эти омерзительныя старанія остались тщетными. Миѣ приходилось сдерживать порывы негодованія юныхъ сердецъ, возмущенныхъ такими недостойными подстрекательствами. Я хотѣлъ одинъ бороться противъ враговъ. Сынъ моя пока еще чужды политики. Естественный порядокъ вещей призываетъ ихъ заступитъ современемъ отвѣтственный мой постъ, и они прѣбудутъ вѣрными истиннымъ традиціямъ наполеоновской династіи. Отреченіе немислимо. Отреченіе отъ поста, представляющаго менѣе правъ, чѣмъ обязанностей, было бы нарушеніемъ долга.

Этотъ манифестъ принца былъ составленъ и отпечатанъ въ такой глубокой тайнѣ, что полиція республики ничего не знала и полицейскіе, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ распоряженій, сами читали это воззваніе вмѣстѣ съ другими, какъ курьезъ. Въ первую минуту даже приняли это за мистификацію, а никакъ не за такое произведеніе, за которое нѣсколько часовъ спустя авторъ его былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Противъ дома въ улицѣ Д'Антенъ, гдѣ живетъ принцъ, онъ былъ остановленъ въ 2 часа пополудни, когда ѣхалъ домой въ каретѣ, возвращаясь съ прогулки, которую принцъ всегда имѣетъ обыкновение совершать послѣ завтрака. Принцъ принялъ на себя отвѣтственность по дѣлу манифеста. Полчаса спустя принцъ въ фіакрѣ отправился съ агентомъ полиціи въ тюрьму Консерватори, гдѣ и былъ заключенъ въ одно изъ помѣщеній, находящихся въ башнѣ, называемой „Денежной башней“. Комната, гдѣ находится принцъ, высока и обширна, со сводами. Широкая постель, стулья, столъ съ книгами, большое зеркало—вогъ все убранство комнаты. Тутъ же стоитъ въ сторонѣ постель для камердинера принца. Окна снаружи загорожены рѣшетками, чтобы помѣшать возможности бѣгства принца. Вообще республиканское правительство видимо было озабочено этимъ эпизодомъ и въ палатѣ депутатъ Флоке поднялъ даже весьма странный въ республикѣ вопросъ о высылкѣ вообще всѣхъ принцевъ изъ Франціи, хотя-бы ни въ чемъ не обвиняемыхъ и неповинныхъ, и лишеній ихъ приобрѣтенныхъ на службѣ чиновъ и званій. Такъ относится къ вопросу о свободѣ и безопасности личности своихъ согражданъ республиканскіе депутаты! Однако и въ палатѣ многие возстали противъ такого безцеремоннаго предложенія, а министры военный и морской представили всю невозможность подобнаго образа дѣйствій, могущаго возбудить справедливое негодованіе въ арміи и флотѣ.

Оба министра подали въ отставку, не желая поддерживать

такого закона. Долго искали заѣздителей и наконецъ нашли—но какого? Это былъ генералъ Тибоденъ, взятый въ 1870 году въ плѣнъ пѣшчанами и отпущенный ими на честное слово, котораго не исполнилъ, принявъ тогда же назначеніе отъ Гамбетты.

Здѣсь мы помѣщаемъ портретъ принца. Наполеонъ Жеромъ Бонапартъ, сынъ короля Вестфальскаго Жерома, родился въ 1822 году; воспитывался онъ въ пансіонѣ въ Женевѣ и потомъ въ Луисбургской военной школѣ. Въ 1840 году онъ путешествовалъ по Европѣ и въ 1845 году получилъ дозволеніе жить во Франціи. Но затѣмъ правительство Луи Филиппа выслало его вслѣдствіе его связей съ демократами. Послѣ революціи 24-го февраля онъ былъ избранъ въ члены учредительнаго собранія. Въ 1849 г. онъ назначенъ былъ представителемъ Франціи въ Писанин. Удалившись въ частную жизнь, послѣ переворота 2-го Декабря, въ 1852 году онъ былъ назначенъ наслѣдникомъ престола, получилъ титулъ французскаго принца и занялъ мѣсто въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Командуя дивизіею въ крымскую кампанію, принцъ не выказалъ военныхъ дарованій, а рѣчи его были таковы, что вызвали неудовольствіе Императора Наполеона III и принцъ отказался отъ всѣхъ своихъ должностей. Черезъ полгода послѣ смерти Наполеона III, принцъ получилъ дозволеніе вернуться; въ 1876 году былъ избранъ въ Палату представителей. Аиччю, но потерѣвъ поражение и съ тѣхъ поръ жилъ въ сторонѣ и лишь послѣ смерти императорскаго принца выступилъ въ качествѣ главы Бонапартизма. Человекъ умный и начитанный, не лишенный и ораторскаго таланта, онъ, тѣмъ не менѣе, не считается даже бонапартистами пригоднымъ въ качествѣ главы партіи. Отъ брака съ принцессой Клотильдой (дочь Виктора Эммануила, кор. Италіи) онъ имѣетъ двухъ сыновей—Виктора (род. 1862) и Лозефа (род. 1864) и дочь Марію (род. 1866). Въ настоящее время принцъ уже отпущенъ на свободу и уѣхалъ въ Англію.

Типы сѣверныхъ построекъ.

(Рис. на стр. 161 и 162).

Уроженца средней или черноземной полосы непрѣзвимо долженъ поразить типъ сѣверной постройки, который въ особенно чистомъ несмѣшанномъ видѣ сохранился на лѣсной Варѣ и Двинѣ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ. И несомнѣнно тутъ можетъ ясно видѣть, въ какомъ неспорочномъ еще видѣ сохранились у нихъ старинныя архитектурныя приемы.

Здѣсь мы представляемъ рисунки двухъ избъ, снятыхъ съ фотографіи; одну—села Чеккина, Двинской волости; другую—деревни Лисцева на Архангельскомъ трактѣ (Кадниковскаго уѣзда). Избы въ 4, 5, 6 и болѣе оконъ, двухъ-этажныя, здѣсь весьма не рѣдки при сравнительной дешевизнѣ дѣла и строятся весьма своеобразно. Обыкновенно двухъ-этажна изба имѣетъ съ боку крытый широкій бревенчатый въездъ, который ведетъ во второй этажъ къ широкимъ воротамъ въ обширныя высокія сѣни, въ которыхъ стоятъ сани, телеги, земледѣльческія орудія, тутъ же иногда сѣно, дрова, подъ сѣнями помѣщеніе для скота и т. п. Оутетствіе тѣсныхъ дворовъ, разстоянія между избами, деревянныя крыши, печи сбитыя вездѣ изъ глины съ кирпичными полами—все это способствуетъ тому, что здѣсь пожары сравнительно рѣже и не такъ опустошительны, какъ въ тонкостѣнномъ, плетневомъ, съ соломенными кровлями, сбегомъ въ кучу, черноземномъ селѣ, которое горитъ какъ свѣчка. Особенности красоты придаютъ избѣ крутыя высокія или широкія крыльца, съ точеными столбиками и перилками—крытая высокими остроугольниками, полубочными и бочечными крышами на старыхъ избахъ—рѣзанными въ чешую, и яркая и оригинальная раскраска по подзорамъ, конькамъ, наличникамъ, крышамъ полотенцами. Часто попадаются подробности, рисунки, узоры, чертанія крышъ, напоминающія подробности напр. царскаго Коломенскаго дворца. Красныя окна—самая разукрашенная часть фасада—отдѣляются кромѣ ставней особенно тщательно на „очельѣ“—это высокій фронтъ съ желобчатыми украшениями и легкимъ вѣнчающимъ его карнизикомъ, рѣзнымъ или съ украшениями. Балкончики подъ крышами также раскрашены—такой балкончикъ виденъ подъ крышею Лисцевской избы. Окна, такія какъ въ этой избѣ—рамы выкрашены просто бѣлой краской—это уже болѣе близкая къ нашему времени манера. Но чѣмъ выше поднимаешься по Двинѣ, тѣмъ типъ избы красивѣе и древнѣе, также и старшихъ церквей и часовенъ.

Политическое обозрѣніе.

Манифестъ о коронаціи.—Конференція по Дунайскому вопросу.—Черногорія.—Германиа.—Франція.

Россія—наканунѣ великаго торжества: нашъ молодой Царъ вскорѣ приметъ Святое помазаніе на царство, вскорѣ возложитъ на Себя корону.—Высочайшимъ манифестомъ отъ 24-го января, Государь Императоръ соизволилъ объявить свою волю о томъ, что священное коронованіе долженствуетъ совершиться въ первопрестольной столицѣ Москвѣ, въ маѣ мѣсяцѣ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ давно уже идутъ къ тому приготовленія; здѣсь—работаютъ спеціальныя коммисіи, подготовляющія все необходимое для надлежащаго благодѣнія великаго торжества, а тамъ,

въ первопрестольной, кипитъ работа уже исполнительная; говорятъ о заказахъ Хлѣбникову на 150,000 р. серебряной посуды, о великолѣпныхъ праздникахъ на 6 тысячъ приглашенныхъ, о роскошныхъ золотыхъ каретахъ, о лукулловскомъ въ своемъ родѣ ирѣ, ожидающемъ народъ на Ходынскомъ полѣ, о необычайно-блестательной иллюминаціи. Давно уже ходили слухи о коронаціи, въ обществѣ, въ народѣ, не разъ даже называли и мѣсяцы, и числа; слухи эти были не что иное, какъ проявленіе заветнаго желанія вѣрноподающаго народа, видѣть скорѣе вѣнчаннымъ Того, съ кѣмъ онъ привыкъ жить единою и неразрывною жизнью: всякому хотѣлось скорѣе это-

го „своего“ праздника. Но вопли попятны и причины, его отлагавшія:

„Богу было угодно признать насъ на Прародительскій Всероссийскій Престолъ и нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго въ минуту страшнаго потрясенія—сказано въ Манифестѣ.—Посреди тяжкихъ ощущеній скорби и ужаса, которыми объаты были, вмѣстѣ съ Нами, сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, небаго временно было назначать и устроить торжество коронаванія. Смирлясь предъ неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія и Пакзанія Господня, Мы положили въ сердцахъ Своихъ не преступать къ сему священному дѣйствию, доколѣ не успокоится чувство, возмущенное страшнымъ злодѣяніемъ, жертвою коего палъ Благодѣтель Своего народа, возлюбленный нашъ Родитель. Нынѣ настаетъ уже сотворить волю Господню и совершить завѣтное желаніе Наше и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества. По призыву благочестивыхъ государей, предковъ нашихъ, вознамѣрились Мы возложить на Себя корону и воспріять, по установленному чину, святое Муромозаніе, приобщивъ къ сему дѣйствию и Любезнѣйшую Супругу нашу, Государыню Императрицу Марію Феодоровну. Возвѣщая о такомъ намѣреніи Нашемъ, долженствующемъ, при помощи Божіей, совершиться въ май мѣсяцъ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ соединиться съ Нами въ горячій и смиренной молитвѣ: да соблюдетъ Господь Вседержитель насъ и Царство Наше въ мирѣ и безопасности; да излѣтъ на насъ Духа премудрости и разума; да поможетъ Намъ, съ возложеніемъ Царскаго вѣнца приснопамятныхъ предковъ, исполнить вѣрно принятый нами обѣтъ—всего Себя посвятить благоденствію и славѣ возлюбленнаго отечества, служенію правдѣ и попеченію о благѣ народа, Богомъ вѣреннаго Нашему правленію“.

Какъ солнечный лучъ разгоняетъ тучи въ пасмурный день, такъ радостное благовѣстіе о великомъ праздникѣ Русской земли гонитъ отъ насъ и тяжелыя сомнѣнія, и мрачныя мысли, и страхъ неизвѣстности! Прочь все это! Кто и что можетъ задержать торжественное шествіе Помазанника Божія, Вѣлаго Русскаго Царя и Его вѣрнаго народа, къ благоденствію и славѣ Имъ ведомаго.

Повсюду, не только въ Россіи, но и за границей, манифестъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе, которое, несомнѣнно, отзовется, во многомъ, и благопріятными послѣдствіями для насъ.

Лондонская конференція по Дунайскому вопросу открыла свои засѣданія, подъ предѣлительствомъ лорда Гранвилля; присутствуютъ посланники Франціи, Россіи, Италіи, Германіи и спеціальныя делегаты; турецкій посланникъ, Мусурусъ-Паша, не принимавшій участія до получения особенныхъ инструкцій, теперь вошелъ въ составъ комиссіи, такъ какъ инструкціи эти уже пришли; Румынія и Сербія допущены только въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ, а о Болгаріи не слышно, пока, ни слова.—интересно было бы знать—сдѣлано ли это въ угоду Турціи, которая ни за что не желала допущенія княжества? Мы и въ прошлый разъ выражали удивленіе даже возможности не-

допущенія Болгаріи въ обсужденіе этого вопроса. Румынія, показывая себя и раньше храброю въ отстаиваніи своихъ интересовъ, прямо высказываетъ неудовольствіе теперь; румынское правительство поручило своему посланнику, князю Гикѣ, что въ виду такого рѣшенія относительно Румыніи, она не можетъ признать за постановленіями конференціи обязательной силы.

Черногорцы не могутъ развязаться ни съ Турціей, ни съ албанцами; правительство князя Николая обратилось къ великимъ державамъ съ нотой, въ которой заявляетъ о нецѣлительности конвенціи, заключенной въ Цетиньѣ съ Портой; въ нотѣ объявлено также, что Черногорія займетъ Матагошъ и Владую и—прерываетъ непосредственныя сношенія съ Портой; положеніе черногорцевъ, ожидающихъ съ 1878 года и требующихъ своего у Порты, которая, вмѣсто того, предлагаетъ имъ свои „переговоры“—понятно! Албанцы все еще показываютъ когти черногорцамъ и неизвѣстно—когда же все это придетъ въ порядокъ. Ушедшіе въ Черногорію устами просятъ о принятіи ихъ въ подданство княжества.

Князь Бисмаркъ выздоровѣлъ и уже былъ у императора для совѣщаній по дѣламъ; его проектъ утвержденія бюджета на два года впередъ—что придадо бы болѣе прочности центральной власти—не прошелъ, рейхстагъ отвергъ его и теперь очередь за другимъ столкновеніемъ: правительство вошло съ проектомъ о ненсіяхъ офицерамъ и объ избавленіи ихъ отъ платежа нѣкоторыхъ сборовъ, но въ парламентѣ мало сочувствуютъ этому, и министръ Камеке, сильно настаивающій на проектѣ, грозитъ выйти въ отставку. Хотя папа не написалъ прямого отвѣта на письмо императора (онъ поздравилъ только наследнаго принца по случаю празднованія серебряной свадьбы его высочества,—поздравленія продолжаютъ приходить отовсюду), но, тѣмъ не менѣе, переговоры о церковно-политическомъ вопросѣ, какъ кажется, закончены: Пруссія упраздняетъ судъ для разсмотрѣнія церковныхъ дѣлъ и вызываетъ смѣщенныхъ епископовъ, за изытіемъ Ледоховскаго, обратно на мѣста; курія признаетъ себя обязанною заявить о дѣлаемыхъ ею назначеніяхъ духовныхъ лицъ и соглашается на то, чтобы замѣщеніе познанской епископской кафедры производилось не иначе, какъ по соглашенію между Ватиканомъ и прусскимъ правительствомъ.

Проектъ закона противъ претендентовъ перешелъ въ сенатъ и тамъ онъ вовсе не встрѣтилъ такого ласковаго приѣма, какъ въ палатѣ депутатовъ; значительная часть, если не большинство сената высказывается не въ пользу исключительнаго закона, а предлагаетъ общій, направленный противъ всякаго, кто бы нарушилъ безопасность республики; теперь оказывается, что ретивые противники принцевъ всего болѣе имѣли въ виду принцевъ Орлеанскаго дома, а изъ этого можно видѣть, что Орлеаны имѣютъ много шансовъ; настроеніе въ сенатѣ настолько противоположно дѣламъ министерства Фальера, что оно, говорятъ, уже желаетъ подавать въ отставку; Грэви уже, будто бы, предлагалъ составленіе новаго Ферри, который отказался, и Фрейсина, который, можетъ быть, не откажется. Принцъ Панолеонъ освобожденъ и отъ заключенія, и отъ суда, и уѣзжаетъ въ Англію.

С М Ъ С Ъ .

О японской женщинѣ. Дома японка-жена бываетъ полною распорядительницей и госпожей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она-же и первая служанка своего мужа, и только тогда, если она настолько ловка и способна, что съумѣетъ понравиться и угодить мужу, она можетъ рассчитывать на пожизненное пребываніе въ его домѣ. Судьба японки зависитъ отъ многихъ случайностей. Если даже мужъ сознаетъ ея хорошаго качества и захочетъ удержать ее при себѣ навсегда, то и тогда она можетъ встрѣтить противниковъ этому намѣренію въ родителяхъ мужа или его родственникахъ, не дающихъ ей покоя разными просками и вооружающихъ противъ нея мужа, и заставляющихъ его прогнать жену. Въ послѣднемъ случаѣ, японка безронотно оставляетъ мужа и дѣтей и уходитъ. Если она еще довольно молода, она старается выйти еще замужъ, но и второй бракъ можетъ оказаться настолько-же неудачнымъ.

Бракъ заключается очень просто. Вся брачная церемонія состоитъ въ томъ, что женихъ и невѣста, празднично разодѣтые, отправляются въ домъ жениха и тамъ въ присутствіи родныхъ и сватовъ выпиваютъ чашку рисоваго вина. Если невѣста богата, то обыкновенно женихъ выбирается ея родными. По японскимъ законамъ, состояніе не переходитъ къ женѣ, а попадаетъ въ руки зятя. Если женѣ посчастливилось и родители ея прожить столько времени, что она успѣетъ приобрести прочное положеніе въ домѣ, тогда она можетъ быть покойна на старость, но если родители умираютъ рано, то невѣда она подвергается той-же участи, что и бѣднѣйшія жены, и прогоняется мужемъ.

Такъ поступаетъ не только простой народъ, но и высшіе классы. Дворяне или самураи, которые все еще съ гордостью называютъ себя этимъ именемъ, несмотря на сокращеніе ихъ правъ, также равнодушно отпускаютъ мать своихъ дѣтей, какъ и послѣдній кули. Исключеніе составляютъ только члены императорскаго семейства и прежніе князья или даймасы. Эти послѣдніе номинально всегда сохраняютъ женъ при себѣ. Но за то съ первыхъ дней брака они

держатъ, такъ называемыхъ, вторыхъ женъ. Даже самъ Микадо держитъ такихъ „дворцовыхъ дамъ“, которыя обыкновенно зовутся *наиши*, и число которыхъ доходитъ до двѣнадцати. Даймасы имѣютъ по шести такихъ вторыхъ женъ. Наиши знатныхъ лицъ избираются изъ хорошихъ семействъ, исключеніе дѣлается только для простыхъ дѣвушекъ, отличающихся необыкновенными достоинствами и красотой. Вообще каждый японецъ пользуется правомъ имѣть вторыхъ женъ, если только у него есть средства, и дѣти этихъ послѣднихъ считаются законными, и, въ случаѣ неизвѣстна дѣтей отъ первой жены, они вступаютъ въ права наследства.

При этихъ темныхъ сторонахъ японскихъ супружествъ, кажется удивительнымъ, что часто говорятъ объ извѣстномъ вліяніи старыхъ женъ и матерей. По положенію такихъ женщинъ, которыя провели свою молодость въ безронотномъ пассивномъ подчиненіи, по мѣрѣ того какъ подростаютъ ихъ дѣти, становится совершенно прочнымъ, и женщина въ Японіи пользуется дѣйствительно гораздо большимъ вліяніемъ въ старости, чѣмъ въ лучшіе свои молодые годы. Этому способствуетъ еще безграничная, трогательная любовь дѣтей къ родителямъ и въ особенности къ матери.

Со смертью мужа, жена приноситъ ему въ жертву лучшее свое украшеніе—волосы. Она обрѣзаетъ ихъ коротко и никогда болѣе не украшаетъ головы. Обычай этотъ тѣмъ болѣе замѣтателенъ, что, какъ извѣстно, японки очень тщательно причесываются и украшаютъ въ молодости голову—цвѣтами, бѣстками и шелками. Знатныя дамы, даже княгини во время вдовства носятъ обыкновенно маленькую косичку, перевязанную бумажкой.

Табакъ ромашка. Употребленіе цвѣтовъ ромашки для подмѣшиванія къ курительному табаку, было не такъ давно открыто въ Англіи въ то самое время, когда дѣлалась приготовленія къ огромнѣйшему мошенничеству въ этомъ родѣ. Путемъ водной вытяжки, цвѣты эти лишаются ихъ горькой составной части, подкрашиваются, подслащаются и суются, послѣ чего становятся совершенно год-

ними для подмѣшиванія къ табаку. Составъ, продававшійся тамъ-же подъ названіемъ „новой курительной смѣси“, найденъ былъ, при ближайшемъ изслѣдованіи, заключающимъ въ себѣ одну треть табака и двѣ трети цвѣтовъ ромашки.

Сырость и дифтеритъ. Мнѣніе о тѣсной связи между дифтеритомъ и сыростью мѣстополюженія подтвердилось нѣкоторыми данными, собранными въ Англіи г. Вудфордъ. Дифтеритная эпидемія, свирѣпствовавшая въ Юрлэй въ 1878 году, началась первоначально въ домѣ, прикрытомъ окружающими его деревьями, который хотя и былъ чистъ, но въ тоже время сыр и недостаточно хорошо провѣтривался, особливо спальни; при этомъ вокругъ него распространялись испаренія отъ помойныхъ ямъ, а вода, потребляемая обитателями, далеко не отличалась чистотою. Въ Ремсбурѣ, гдѣ въ 1877 и 1878 годахъ дифтеритъ свирѣпствовалъ съ необыкновенной силой, обычные санитарныя условія не были хуже, чѣмъ въ другихъ деревняхъ, но зато мѣстополюженіе нѣкоторыхъ ея домовъ отличалось особенной сыростью отъ близости рѣки и почвенной воды, выступавшей на поверхность. Въ Клифтонъ-Гамидѣнѣ, гдѣ дифтеритъ появлялся нѣсколько лѣтъ сряду, замѣчалась обычные санитарныя недостатки, но даже въ меньшей степени, чѣмъ въ другихъ деревняхъ, гдѣ дифтерита не было; но деревня эта опять-таки оказалась, во-первыхъ, сырою, а во-вторыхъ, вследствие большихъ деревьевъ вокругъ домовъ, самый воздухъ какъ-бы застаивался. Были сдѣланы тогда санитарныя улучшенія, деревья были разружены, вѣтерокъ зашеселилъ остальные и съ тѣхъ поръ болѣзнь не возобновлялась въ этомъ мѣстѣ.

Британская армія состояла къ 1-му января 1882 г. изъ 189,131 человекъ регулярнаго войска; въ началѣ 1881 г. въ ней числилось 188,958 человекъ, а въ началѣ 1880 г. — 191,804. Изъ рекрутовъ, зачисленныхъ въ 1881 г. въ регулярную армію, 14,419 были моложе, а 11,761 старше 20 лѣтъ. 996 человекъ дезертировали послѣ трехмѣсячной службы. Въ 1881 году дезертировъ было 4,412, изъ которыхъ 1,553 возвратились къ знаменамъ.

Шварцвальдскіе часы. Производство этихъ часовъ сосредоточено главнымъ образомъ въ Диттилзеевѣ, Эйзенахѣ, Фуртвангенѣ, Св. Георгіѣ, Ленцъ-Кархѣ, Цевингтѣ, Фробергѣ, Виллингенѣ и Роренбахѣ; въ прежнее время, оно составляло чисто домашнее занятіе, кормившее множество семей, и лишь какихъ нибудь тридцать пять лѣтъ назадъ вытѣснено дѣйствующими теперь обширными фабриками. Въ Ленцъ-Кархѣ выдѣляются преимущественно „нарижскіе часы“, называемые такъ потому, что цинкъ, служившій матеріаломъ ихъ корпусу, доставляется изъ Парижа. Шварцвальдскія фабрики производятъ часы съ гириями и безъ гирь, съ полусуточными, суточными, недѣльными, двухнедѣльными и даже мѣсячными заводомъ, башенные, регуляторы, судовые, и съ фигурами, изъ которыхъ наиболѣе распространены кукушка и трубачъ. Всѣхъ часовыхъ фабрикъ въ Шварцвальдѣ—1,429, съ 7,525 рабочими; если же къ послѣдней цифрѣ прибавить женщинъ и дѣтей, занятыхъ мелкою работою, то общее число лицъ, существующихъ этимъ дѣломъ, достигаетъ 13,000, изъ рукъ которыхъ выходитъ ежегодно до 1,800,000 штукъ часовъ (между ними—100,000 хронометровъ), на сумму 10 милліоновъ флориновъ, т. е. 25 милліоновъ франковъ. Наиболѣе серьезною отраслью шварцвальдской промышленности безспорно является производство часовъ съ автоматами и съ музыкою, изъ которыхъ самыя крупныя извѣстны подъ именемъ „часовъ-оркестровъ“.

Въ Питтсбургѣ, въ Пенсильваніи, одинъ изъ обывателей шесть разъ въ жизни становился богачемъ и пять разъ терялъ свое богатство въ разныхъ спекуляціяхъ. Въ то время, какъ въ странахъ, производящихъ минеральное масло, возникла лихорадочная страсть къ торговлѣ петролеумомъ, онъ былъ простымъ прикащикомъ и получалъ не болѣе 500 долл. въ годъ. Безъ копѣйки въ карманѣ, онъ отправился въ мѣстности, гдѣ были открыты источники минеральнаго масла, познакомился съ однимъ счастливымъ спекуляторомъ, который сдѣлалъ его своимъ компаньономъ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ приобрѣлъ два сѣ половиной милліона долл. Но прошествіи года, наступившій съ рискованной предпріятія, онъ потерялъ все свое состояніе. Оставшись съ двумя-тремя тысячами долларовъ, онъ началъ небольшую торговлю, которая была такъ успѣшна, что въ короткое время нашъ янки снова разбогатѣлъ, и спустя два года былъ уже милліонеромъ. Онъ снова потерялъ все найтвое и впалъ въ такую нищету, что принужденъ былъ поденнымъ трудомъ зарабатывать себѣ насыщенный хлѣбъ. Затѣмъ счастье улыбалось ему еще три раза и снова оставляло его. Наконецъ, онъ владѣлъ нынѣ капиталомъ въ два милліона долларовъ. Но онъ такъ привыкъ къ

превратностямъ судьбы, что нисколько не страшится опять потерять все. въ твердой увѣренности, что счастье не замедлитъ улыбнуться ему снова.

Частичное разложеніе большой кометы. Въ „Сѣверо-Германской Веселой Газетѣ“ пишутъ, отъ 9-го декабря: „Мы уже неоднократно сообщали о видной въ утренніе часы большой кометѣ, а также о томъ, что д-ръ Шмидтъ въ Лоннахъ открылъ 8-го октября вблизи ея туманную массу странной формы, движущуюся почти по тому-же направленію, какъ и главная комета. Теперь сообщаютъ изъ Сѣверной Америки, что тамъ открыто много другихъ подобныхъ-же массъ вблизи кометы. Бернгардъ въ Намвиллѣ нашелъ около полудня нѣсколькихъ туманныхъ массъ въ разстояніи 8 градусовъ отъ главной кометы; онѣ были видны лишь однажды вечеромъ и затѣмъ исчезли. 21-го октября, въ 5 час. утра, В. Р. Бруксъ въ Фелісѣ нашелъ часть кометы въ нѣсколькихъ градусахъ къ востоку отъ главной ея массы. Она была видна и на другой день, но съ большимъ трудомъ. Эти наблюденія показываютъ, что большая комета имѣла вблизи солнца частичное разложеніе или распадѣніе, вследствие притяженія солнца или вследствие чрезвычайнаго жара, которому она подвергалась вблизи солнца.“

Исполнительный совѣтъ южно-англійскихъ рабочихъ товариществъ обратился къ Гладстону съ ходатайствомъ о немедленномъ возобновленіи работъ по прорытію Ламанскаго туннеля, преимущественно въ интересахъ самихъ же рабочихъ, находящихся безъ дѣла. Гладстонъ поручилъ отвѣтить уполномоченнымъ отъ товариществъ, что этотъ вопросъ будетъ подвергнутъ основательному обсужденію въ ближайшую парламентскую сессію. Относительно прорытія Ардберга (горный хребетъ, отдѣляющій рейскій отъ дунайскаго бассейна и прорывающій Тироль) имѣются слѣдующія извѣстія: работы, сверхъ всякаго ожиданія, безпрерывно поднимаются (на 10 метровъ или 14 аршинъ въ день); съ наступленіемъ новаго года, оставалось прорыть только 3,468 метровъ (1,625 сажени), что позволяетъ рассчитывать на совершенно окончаніе работъ къ веснѣ 1884 года.

Санитарная реформа во Франціи. При французскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предполагается образовать особое управленіе по народному здравію. Эта реформа, необходимость которой указана въ минувшемъ году Лювиллемъ, въ его докладѣ по бюджету министерства, требовалась всѣми гигиеническими конгрессами и уже осуществлена на нѣкоторыхъ государствахъ. Въ вѣдѣніи новаго управленія должны войти всѣ дѣла по народной гигиенѣ и врачебной помощи, раздѣленные теперь между министерствами торговли и внутреннихъ дѣлъ.

Образецъ стариннаго этикета. Г-жа де-Жанлисъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующія интересныя подробности о происхожденіи кушетокъ: „Когда французскій король посѣщалъ по случаю болѣзни, какого либо дворянина, государственнаго чиновника или друга садовника, то рядомъ съ постелью больного ставилась кушетка—(удлиненное кресло), на которую ложился король-посѣтитель. Придворный этикетъ гласилъ, что подлѣнному ни въ какомъ случаѣ не дозволяется занимать лежачее положеніе въ присутствіи стоящаго короля. И потому, въ видахъ соблюденія этикета, ставилась вторая постель или кушетка, при посѣщеніи королемъ больныхъ, лежащихъ въ постели. Когда Людовикъ XIII навѣщалъ больнаго кардинала Ришелье, то эта церемонія строго наблюдалась. Тоже самое дѣлалось и при Людовикѣ XIV, когда онъ навѣщалъ раненаго маршала Виллара. Съ того времени, во всѣхъ дворянскихъ домахъ Франціи держалась такая кушетка, названная chaise longue, на случай визита короля.“

Ченанна французской золотой монеты, давно уже прекратившаяся, возобновляется теперь на нарижскомъ монетномъ дворѣ; весь выпускъ будетъ состоять исключительно изъ стофранковой монеты, съ изображеніемъ республики. Слѣдуетъ прибавить, что заказъ произведенъ не правительствомъ, а нѣсколькими крупными банкирскими домами Парижа, имѣющими въ виду удовлетворить все болѣе и болѣе возрастающій, со стороны публики, запросъ на эту монету.

Обращеніе китайцевъ съ животными. Въ послѣднемъ общемъ собраніи общества покровительства животныхъ въ Вѣнѣ, вице-предсѣдателемъ общества Вильфортъ была указана возможность уменьшенія употребленія бича. Китайцы сознали гораздо ранѣе насъ безполезность бича. Въ одномъ англійскомъ журналѣ, выходящемъ въ Нью-Йоркѣ, пишутъ слѣдующее: Китайцы никогда не бьютъ своихъ животныхъ. И мулъ, который въ рукахъ иностранца совершенно негоденъ, или даже опасенъ, въ рукахъ китайца ста-

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г.

№№ „НИВЫ“ со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

повится послушным и слѣдует за нимъ какъ собака. Мы никогда не видѣли, чтобы мулъ или пони, находящіеся у китайца, когда либо пугались или сердились; животныя эти какъ на хорошихъ, такъ и на плохихъ дорогахъ, сохраняютъ одинаково бодрый видъ, идутъ однимъ и тѣмъ-же скорымъ шагомъ, поварачиваютъ направо или налево вслѣдъ за пронесенными словами *Tug*—г или *Cluck*—к, и останавливаются по знаку, данному возжей. Со всеми животными вообще, услугами которыхъ пользуются китайцы, они обращаются очень хорошо. Замѣчательна ихъ способность вести стадо овецъ по узкимъ многояднымъ улицамъ. При этомъ они не употребляютъ ни палокъ, ни собакъ, но мальчикъ ведетъ впереди одно изъ болѣе смѣрныхъ животныхъ, за которымъ остальные слѣдуютъ послушно.

Гигантскій фонтанъ. Замѣчательное явленіе, однако основанное на самыхъ простыхъ и известныхъ законахъ природы, существуетъ на берегу Мексики. Это Буффалеро. Подъ этимъ именемъ известна уединенная скала около 70 метровъ ширины и 40 метровъ вышины. Во время отлива у подножія скалы видѣны замѣчательный гротъ въ видѣ опрокинутой воронки, тонкой верхушкой своею соединяющейся со скалами трещиной въ видѣ трубы или рукава. Во время прилива морскія волны съ силой стремятся въ гротъ и наполняютъ его. Когда гротъ наполнится, вода начинаетъ подниматься вверхъ по естественной трубѣ. Но такъ какъ уровень моря во время прилива выше уровня воды въ гротѣ, то масса воды съ силой вгоняется въ гротъ и стремится вверхъ; при каждомъ напорѣ волны, изъ трубы поднимается громадный водяной столбъ, достигающій 40 метровъ вышины, который, принявъ форму снопа, падаетъ обратно дождемъ. Это естественный гигантскій фонтанъ, производящій необыкновенное впечатлѣніе.

Франческа Петрарка, дочь известнаго поэта, умерла въ 1384 г. Останки ея недавно открыты въ Тривизо, во время большихъ починковъ, предпринятыхъ въ церкви Св. Франческа. Замѣчательна надпись на ея гробницѣ, составленная вѣроятно ея отцомъ стихами, по латини; „Ни одна женщина не была болѣе вѣрной женой, болѣе послушной дочерью, какъ она, ни одна не превосходила ее въ домовитости. Франческа было мое имя, честность—моей славой, сердечная простота—моимъ приданымъ.“

Приготовление искусственныхъ зубовъ, составляетъ значительную отрасль производства въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ существуетъ 12 фабрикъ, приготавливающихъ ежегодно до 10 мил. искусственныхъ зубовъ, такъ что на каждое 5 человѣкъ населенія страны, приходится по одному искусственному зубу. Для изготовленія такихъ зубовъ употребляютъ полевой шпатъ, фарфоръ и горный хрусталь. Окраска ихъ производится помощью платины и золота. Полевой шпатъ и кристаллы накаляются до красна и затѣмъ кладутся въ холодную воду, въ которой ихъ такъ сильно размѣиваютъ, что они всплываютъ наверхъ. Смѣшанный съ красящими веществами порошокъ этотъ въ мѣдныхъ формахъ подвергается сильному накаливанію. Этотъ процессъ очень труденъ. Прежде дантисты вытачивали зубы. Для пломбировки зубовъ ежегодно употребляется золота на 500,000 долларовъ. Для этой цѣли съ 1778 по 1833 г. употребляли олово. Пломбировка облегчена теперь значительно изобретеніемъ разныхъ машинъ и инструментовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ приготавливаются всевозможные зуборачебные инструменты для всего образованнаго міра. Обыкновенно обезвреженіе необходимыми инструментами составляетъ дантисту расходъ 500 долларовъ.

Фабрикація стекла. Съ введеніемъ печей Лейфена сдѣлалось возможнымъ изготовлять дешево стекло въ такихъ колоссальныхъ массахъ, что его можно употребить для цѣлей, для которыхъ оно было слишкомъ дорого, напр. для черепицы, украшеній стѣнъ, пластинъ, большихъ сосудовъ и проч. Упомянутыя печи устроены такъ, что онѣ безостановочно могутъ плавить стекло. Сырой матеріалъ бросается въ плавильный резервуаръ, черезъ 5 отверстій, такъ что количество въ 400 центнеровъ набрасывается не болѣе 15—20 минутъ. Въ 6—8 часовъ плавленіе окончено; такимъ образомъ ежедневно можно получать два резеруара плавленнаго стекла, каждый въ 400—500 центнеровъ. Переплавленное сырое стекло отводится въ бассейны съ водою, находящіеся внѣ фабрики и вслѣдъ того какъ оно остынетъ, плавится въ рабочихъ печахъ и тогда обрабатывается какъ тонкій продуктъ (бутылки и пр.); часть же сыраго стекла наливается въ формы, которыя подвигаются при помощи безпрерывной цѣпи. Плавильная стекольная печь въ продолженіи сутокъ доставляетъ 1,000 центнеровъ плавленнаго стекла (количества этого достаточно для изготовленія 50,000 бутылокъ), для чего требуется не болѣе 150—160 центнеровъ каменнаго угля.

Изготовление дѣтскихъ часовъ, развилось чрезвычайно въ Парижѣ. По сообщенію „Petit Journal“ тамъ есть фабрика, дѣлающая 3,000 штукъ въ часъ. Въ томъ-же журналѣ пишутъ слѣдующее: въ 1863 г. въ Парижѣ было только три фабриканта дѣтскихъ часовъ, имѣвшихъ около 50 человѣкъ рабочихъ. Въ настоящее-же время семь значительныхъ фабрикантовъ имѣютъ 1,000 человѣкъ постоянныхъ рабочихъ, и кромѣ того вчерго большее число рабочихъ занимается самою работою часовъ, которыя могутъ заводиться и стрѣлки которыхъ могутъ передвигаться. Развѣтیه этого дѣла обязано г. Гоци, который въ 1865 г. ввелъ механическое приспособленіе и который теперь обладаетъ большою фабрикою. Невольно удивляешься при посѣщеніи такой фабрики, гдѣ безъ перерыва, въ теченіи цѣлаго года, за исключеніемъ воскресеній, дѣлается по 30,000 шт. въ день, т. е. 3,000 штукъ въ часъ. Это число состав-

ляетъ приблизительно третью часть всей парижской фабрикаціи, и подобныя результаты могутъ быть достигнуты только дѣленіемъ работъ. Самые простые часы, стоящіе при продажѣ оптомъ 2 сантимъ и въ продажѣ по мелочамъ 5 сантимовъ, проходятъ болѣе чѣмъ черезъ двадцать рукъ. Вообще-же Парижъ изготовляетъ ежедневно болѣе 100,000 дѣтскихъ часовъ, изъ которыхъ десятая часть расходится во Франціи; вывозная торговля часами производится болѣе чѣмъ на миллионъ франковъ.

Изъ жизни недавно умершаго публициста Луи Блана, французскіе журналы рассказываютъ слѣдующій случай: Луи Бланъ прѣхалъ въ Парижъ безъ всякихъ средствъ и безъ друзей; нужда привела его къ мысли сдѣлаться журналистомъ. Онъ написалъ статью о тогдашнемъ политическомъ положеніи Франціи и послѣшилъ съ нею въ редакцію большаго журнала. Придя къ дверямъ редакціи, имъ овладѣла робость и онъ не рѣшился позвонить. Вслѣдъ за Луи Бланомъ подошелъ рослый здоровый разношерстнй газетъ, который, замѣтивъ нерѣшительность и душевную борьбу Луи Блана, покачалъ головою. Наконецъ время ожиданія показалось ему долгимъ, онъ открылъ дверь и втолкнулъ въ нее писателя. Тотъ тутъ-же встрѣтилъ какого то господина, который взявъ рукопись и велѣвъ придти на слѣдующій день за отвѣтомъ. На другой день Луи Блану предложили сразу мѣсто редактора съ содержаніемъ въ 8,000 франковъ. Всякій разъ потомъ какъ новый редакторъ встрѣчалъ вышеупомянутаго газетчика, онъ говорилъ: „Вотъ человѣкъ, который помогъ мнѣ пробить себѣ дорогу.“

Американское пророчество. Профессоръ Э. Стоне-Виггинсъ, „астрономъ канадскаго министерства финансовъ“, прислалъ президенту Артуру докладъ, въ которомъ онъ въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ предсказываетъ наступленіе страшной бури въ мартѣ 1883 г. По докладу профессора Виггинса буря эта начнется въ ночь на 9 марта, въ Мексиканскомъ заливѣ, и 11-го марта достигнетъ Атлантическихъ береговъ. Ни одинъ корабль, находящійся въ области этой бури, въ открытомъ морѣ, не будетъ въ безопасности, и ни одно мелкое судно не устоитъ противъ силы этой бури, которая будетъ величайшей въ этомъ вѣкѣ.

Почтовое сообщеніе всего міра. Въ 25 значительнѣйшихъ государствахъ, состоящихъ въ почтовомъ сообщеніи, въ 1879 г. было переслано круглымъ числомъ 8,280 миллионъ пакетовъ, изъ нихъ 4,900 миллионъ писемъ, или ежедневно 13 миллионъ, остальное были печатные листы, образчики товаровъ, документы и газеты. Изъ Европы было болѣе всего корреспонденціи, а именно 5,614 миллионъ; затѣмъ слѣдуютъ: Америка—2,366 миллионъ, Азія—265 мил., Австралія—73 мил. и наконецъ Африка 12 миллионъ пакетовъ. Среднимъ числомъ на одного человѣка (считая населеніе земнаго шара въ 1,400 миллионъ) приходится по 5, 9 пакетовъ, изъ нихъ 3, 5 писемъ и 2, 4 печатныхъ листовъ.

Чулки древнихъ египтянъ. Египтяне новаго времени, копты, а также арабы ходятъ босые. Напротивъ того, древніе египтяне, которыхъ можно видѣть теперь только въ засушенномъ состояніи въ музеяхъ, умѣли хорошо вязать чулки, какъ въ этомъ можно удостовѣриться въ Луврской коллекціи въ Парижѣ. Въ гробу одной муміи найдена пара вязаныхъ чулокъ, наглядно доказывающихъ, что во первыхъ, египтяне послали короткіе чулки на подобіе носковъ, и во вторыхъ, что искусство вязать чулки, у нихъ было доведено до значительнаго совершенства. Найденные чулки очень искусно связаны изъ тонкой овечьей шерсти, которая вѣроятно была бѣлаго цвѣта, а теперь сдѣлалась темнокоричневою. Спицы, которыми вязали Египтяне, безъ сомнѣній были толще нашихъ, чулки ихъ болѣе тянутся и ткань не такъ плотна. Чулокъ начинался обыкновенно одной ниткой, но кантикъ, который дѣлается для воспринятія чулку заворачивался во время работы, узкій съ узоромъ, свидѣтельствуя объ искусной рукѣ. Разница между египетскимъ и нашимъ чулкомъ та, что въ то время, какъ нашъ имѣетъ круглую форму, въ египетскомъ есть рубецъ, куда вѣроятно вкладывался ремень отъ саиданіи.

Рѣчь—серебро, молчаніе—золото. Индійскій кузецъ привелъ на рынокъ продавать слона. Только что онъ прибылъ, какъ замѣтилъ европейца, который ничего не говоря началъ ходить вокругъ слона и внимательно его разсматривать. Кузецъ обрадовался къ нему съ разными вопросами, но не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ нашелся покупатель слона; тогда кузецъ приблизился къ европейцу и шепнулъ ему на ухо: „не говорите ничего, пока я не продамъ слона, за то я вамъ сдѣлаю хорошей подарокъ.“ Иностранецъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и продолжалъ молчать. Когда торгъ былъ заключенъ и деньги получены, купецъ отдавая таинственнымъ незнакомцу десять процентовъ изъ проданной суммы, спросилъ его: „Теперь говорите, мнѣ любопытно знать, какъ вы открыли недостатокъ въ лѣвой ногѣ слона, я думалъ, что я хорошо скрылъ его.“—Недостатокъ? отвѣтилъ молчаливый. Я ничего не открылъ, а только первый разъ въ жизни увидѣлъ слона, а потому такъ внимательно разглядывалъ его.

Самая доходная желѣзная дорога въ мірѣ. безъ сомнѣній, шебольшая дорога, соединяющая двѣ гостиницы на Каней-Исландіи возлѣ Нью-Йорка. Длина ея 2000 футовъ, а ширина колеи 3 фута. Расходы по постройкѣ составили 27000 долларовъ, а ежедневное содержаніе,—во время купальнаго сезона—обходится по 30 долларовъ. И хотя за проѣздъ взимаются только по 5 центовъ, тѣмъ не менѣе дорога ежедневно приноситъ 450 дол. Счастливые акціонеры въ 1881 году получили пятьсотъ процентовъ дивиденда.

Рѣшеніе ребуса № 5.

Врядъ ли смѣкала читатели въсеченіе осьми часовъ одолѣютъ эту загадку, понеже тутъ словцы съ завитушками.

Рѣшеніе задачи буквъ № 6.

1. Вольтеръ.	10. Винна.	19. Пень.
2. Лѣто.	11. Веста.	20. Рыбъ.
3. Вистъ.	12. Чадо.	21. Магъ.
4. Снитела.	13. Бусы.	22. Блюдо.
5. Мѣдь.	14. Чичиковъ.	23. Сѣдина.
6. Тать.	15. Титаны.	24. Свист.
7. Рожь.	16. Осъ.	25. Чины.
8. Сто.	17. Чудо.	26. Тес.
9. Топь.	18. Вѣсы.	27. Подвода.

н		н	и	с	д	и	ч	с	ѣ		
д		с	ь	н	л	ь	н	б		о	
б		г	л	я	ч	т	о			н	о
ч	т	о	м	б	ы	о	т	п	и	ш	
ж	н	ч	л	ь	и	е	т	а	в	ѣ	д
с	н	а	е	б	я	ь	у	т	в	о	р
д	ь	с		т	т	ы	с	д	и	т	
в	о	и	ч	т	о	е	к	т	т	а	ю
т	ь	д	е	с	т	н	а	д	в	с	т
р	о	с	а	ц	ь	ь	м	у		о	
	м	и	ь	п	о	ь	в	е	р	а	
п		о	а	с	е	ѣ	в	ѣ	а	в	

Ч	т	о	т	ы	с	п	и	ш	ь	м	у		
ж	н	ч	е	к	т	в	ѣ	д	ь	в	е		
с	н	а	н	а	д	в	о	р	ѣ	в	ѣ		
д	ь	с			о	с	ѣ			д	и	т	
в	о	и	р		а	б			о	т	а	ю	
т	ь	д	а		в			н	о	в	с	т	
а	н	ь	п					р	о	с	н	и	с
ь	п	о	д		м			м	н	с	ь	п	
а	с	е	б		я	п		о	г	л	я		
д	и	ч			т	о	т		ь	б	ы		
л	т	и	ч	т	о	с	т	а	л	т	п		
ч	т	о	е	с	т	ь	у	т	е	б	я		

Что ты спишь, мужичекъ? Вѣдь весна на дворѣ; Вѣдь сосѣди твои Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись, На себя погляди: Что ты былъ? и что сталъ? И что есть у тебя?

Рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Слб.—Клавдія А., Опатовича, Абрамова, Румеша, Родныхъ, Михомрова, Петровой; Москва—Инджевской, Нозьмодемьянскъ—Коропова; Коломна—Шенюгина, Малюгина; Минскъ—Гинзбургъ; Пенза—Воронова; Полтава—Фидлеръ; Погарь—Вербицкаго; Тула—Полева.

СОДЕРЖАНІЕ: Принцъ Карлъ Прусскій (съ портр.)—Подъ колесомъ. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе).—Другъ Намилла. Рассказъ Альбини. (Продолженіе).—Осенняя буря (съ рис.)—„Морозко“. Дочь и падчерица (съ рис.)—Пѣсня спѣта (съ рис.)—Граница Европы и Азіи. Памятникъ около Евриеринбурга (съ рис.)—Фридрихъ Флотовъ (съ портр.)—Вновь открытая рыба—Еврифаринокъ (съ рис.)—Принцъ Жеромъ Наполеонъ (съ портр.)—Типы стверныхъ построекъ (съ рис.)—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—О подпискѣ на „Ниву“.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе задачи буквъ.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Страхованіе жизни.

Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго. пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюръ (книжекъ) Страховаго Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи. № 2482

Королевская Вюртембергская Академія сельскаго хозяйства Hohenheim.

Лѣтній семестръ начинается съ понедѣльника 2-го апрѣля с. г. Объявленія, указатели лекцій и программы занятій рассылаются по требованіямъ безвозмездно. Гогенгемъ. Январь 1883 г. Дирекція Королевской Академіи. Д. № 2481 2-1 За директора профессоръ Д-ръ Е. Вольфъ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

Слб. Большая Морская, д. № 9.

КНИЖКА ОСТРОЖНАЯ, историч. повѣсть отъ С. Соловья. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника Н. С. Панаева, изъ которыхъ выше помѣщенный одинъ рисунокъ даетъ понятіе объ ихъ достоинствѣ. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к. для подписки. „Нива“ 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

„Всемирная Иллюстрація“

Большой иллюстрированный журналъ съ разными бесплатными приложениями. Подписчики на 1883 г. получаютъ между прочимъ въ особомъ приложеніи, бесплатно и совершенно вѣдному вѣдствителю описаніе Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, которое будетъ издаваться особымъ альбомомъ. № 1 до 5-го „Всемирной Иллюстраціи“ за 1883 г. уже вышли и разошлись подписчикамъ. Подписка продолжается и новые подписчики получаютъ еще съ № 1-го. Главная Контора Редаціи въ Слб. Вол. Садовая ул., д. № 16. Р. 2478

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, В. Морская, № 9 въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“ у П. П. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линий, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Шесть рассказовъ Н. МОРСНАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и вишнетками П. Н. Карзинна.

Заглавіе рассказовъ:

1) Д денъца.	3) Ночь.	5) Грѣхъ ли это?
2) Умичная пѣвица.	4) Обезьянка.	6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изд. ие, украшенное 118 рисунками и вишнетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ П. Н. Карзиннымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти рассказы представляютъ намъ прелестныя дѣтскія типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти рассказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвкамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ календ. не. еил., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Болотникова. Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефоны. № 2412

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ ! Получая постоянныя требованія на русское сырье отъ моихъ заграницныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и топленое, шетину, медъ, конскія гривы и хвосты, баранья кишки, клей и жиръ рыбій, перья, цухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препроводить образцы. Адресовать: Торговій Домъ Генриха Барыцкаго. Варшава. № 2350 12—11

М. № 2480

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ
И. Я. УРЛАУБЪ.
№ 44. Невскій проспектъ. № 44.
С.-Петербургъ.

Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованію бесплатно.

ПРОДАЕТСЯ ЗЕМЛЯ

всѣхъ удобій Костромск. губ. Галичскаго уѣзда, около 2500 дес. Условія у Г. Травина, въ г. Кологривѣ, Костром. губ. № 2484 1—1

1-го февраля вышелъ № 2 дѣтскаго журнала

„Родникъ“ (2-й годъ изданія).

Содержаніе: I. Сказка о мураль-богатырѣ В. Авенаріуса (съ 5 рис. П. Н. Карзинна).—II. Памяти Жуковскаго. Е. Гаршина.—III. Елка. Стих. Д. Мережковскаго.—IV. Большаяк. Повѣсть А. В. Круглова (съ карт. К. Голембювскаго).—V. Происхожденіе америк. мальчика.—VI. Смѣсь. VII. Загадки. ПОДПИСНА НА 1883 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Цѣна въ годъ съ дост. и перес. 6 руб., безъ приложенія педагогическаго сборника 5 руб., на полгода 3 руб. Адресъ редакціи: Петербургъ, Спасская ул., д. 1. № 2473 1—1

Продается земля 352 дес. съ садомъ и хорошою постройкой и какъ прекрасная дача въ Ворон. губ. Боровск. уѣзда. Желющихъ проку адресоваться лично и писменно въ Усмани, къ Ив. Ив. Богомолову. № 2485

ГИТАРЫ

лучших вѣснхъ и французскихъ мастеровъ по 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., и дороже, школы для гитары по 1 р. 50 к., 2 р. и 3 р. Хороши итальянск. и испанск. струны, рекомендуютъ въ большомъ выборѣ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, № 42. Пересылка на счетъ пошлатля.

Депю въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго. 2474 1—1

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

МЫЛО ТУАЛЕТНОЕ разн. зап.

самаго высшего качества.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

Розовое въ оловянной оберткѣ
Бѣлое высш. кач. для дамъ и дѣтей.
Прозрачное, по разнымъ цвѣтамъ.
Букетъ Императрицы.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

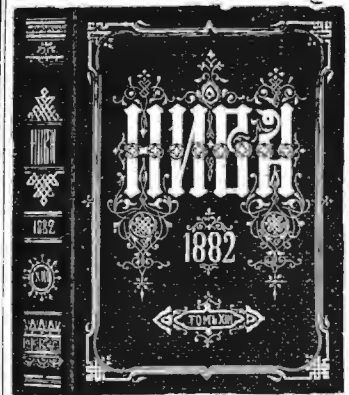
къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявшіе названія фирмы, близкаго подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмы:

«С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ»
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Англинскаго моста.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Кавалерской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Во всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2239 4—3

КРЫШКИ для переплета «НИВЫ» изъ лучшаго англійск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести «НИВУ» въ такую каленкорую крышку. Также имѣются крышки для «Нивы» прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ

ПАПИРОСНАЯ и СИГАРНАЯ ФАБРИКА

В. БУШЪ,

въ С.-Петербургѣ,

фабрика: Липовка, № 31, магазинъ: Вознесенскій, № 14, покорѣнше проситъ обратить вниманіе гг. курящихъ на ея произведенія, ибо работала долгое время въ первыхъ заграничныхъ сигарныхъ фабрикахъ, надѣется воплѣ удовлетворить самый требовательный вкусъ: сигары отличаются магкимъ вкусомъ и хорошиимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ. Р. № 2378 10—10

Полное собраніе сочиненій

Всеволода Сергѣевича Соловьева.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

РАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПб. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимающій эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій—чрезвычайно интересенъ.—СПб. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирова и воданіе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный разсказъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многіе иностран. языки. СПб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 50 коп.; въ каленкор. перепл. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ съ виньетками. СПб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром. хроника конца XVIII и начала XIX в. Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа «Сергѣй Горбатовъ» и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 700 стр. Романъ этотъ печатается на велен. бумагѣ и выйдетъ на дняхъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающіе разомъ всѣ эти сочиненія, за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПб., покупателямъ дѣлается уступка 10%.

Въ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу Новая книга: безъ предварительной цѣны, интересная своимъ содержаниемъ

„КУКАРЕКУ“

(жемчужины русской беллетристики, томъ I-й). Подъ ред. Трефолага Короля.

Цѣль книги—доставить удовольствіе читающей публикѣ и семейному кругу, разсказы съ глубокимъ житейнымъ значеніемъ юмора и поэзіи талантливыхъ писателей. Названіе «Кукареку» какъ нельзя лучше относится къ содержанию книги: какъ пѣтухъ своимъ веселымъ крикомъ радуется насъ, предвѣщая разсвѣтъ, такъ книга съ своимъ интереснымъ содержаниемъ будитъ въ читателяхъ веселыя чувства и благотворно вліяетъ на состояніе духа. Книга 234 стр. Цѣна 1 р. 20 к. Складъ въ Москвѣ у Ю. Монады. рядомъ съ церковью Спиридонъ, домъ Соловьева. Выписывающіе изъ складу за пересылку не платятъ. Ц. № 2472 2—1

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ, флаконъ 3 р., пересылка на счетъ 1 1/2 руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волосы, не линяютъ, въ черныи цв. цѣна 3 руб., перес. по 1 рублю. Гороховая улица, д. 57. Магазины-парикмахерская Ивановой. № 2474 2—1

БЕЗПЛАТНО

раздается и по требованію высылается по почтѣ преисъ-курантъ розанамъ, георгинамъ, садовымъ инструментамъ и всякаго рода сѣменамъ Ф. В. Шульца на 1883 годъ, въ сѣмениномъ его депо: Москва, Мясницкая, д. Пѣцова. № 2475 2—1

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

изъ **ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,** какъ-то: старинныхъ, золотыхъ эмальированныхъ табакерокъ, вазъ, кубковъ и бокаловъ изъ топаза или камней въ золотой оправѣ, старинныхъ серебряныхъ вещей, какъ-то: кружекъ, бокаловъ, кубковъ, группъ и фигуръ, вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII столѣтій, крошъ монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, г-ну ЛУДОВИКУ БЕКЪ, Петровка, домъ Пенскаго, противъ Петровской аптеки. № 2378 9—8

„ВОСПИТАНІЕ ХАРАКТЕРА“

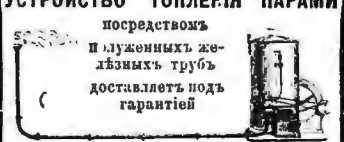
№ 2454 Соч. Проф. Габриѣли. Ц. 90 к. 6—3

Поступила въ продажу, **НАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ НА 1883 г.** Сняты, меню на каждый день года съ неслеткомъ расходомъ. Цѣныныя совѣты и рецепты для адресовъ, дистомъ для записыванія дней рожденія, имении и проч., правила стирки, глаженія и уютженія бѣлыя. Книга для записыванія бѣлыя и проч. 280 страницъ въ оберткѣ. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб. Для подписчиковъ «Моднаго Сѣта» 1883 г. бесплатно. Требования адресовать въ Главную Контору Редакц. «Моднаго Сѣта» въ СПб. Б. Садовая ул., № 16. Р. № 2479 1—1

Свѣжія сѣмена

иногородныя, цвѣточныя, травяныя, хлѣбныя и прочія въ большомъ запасѣ въ сѣмениной торговлѣ А. Ушакова въ С.-Петербургѣ, Большая Коминская, д. № 1. Подробный преисъ-курантъ высылается по требованію. № 2477 2—1

УСТРОЙСТВО ТОПЛЕНІЯ ПАРАМИ

посредствомъ пилуженныхъ желѣзныхъ трубъ доставляетъ подъ гарантіей

Gustav Riese, Plagwitz-Leipzig.
Преисъ-куранты — даромъ. Найдучи, рекомендаціи. 8. № 2457 2—2

Рѣдкий случай покупки!

Великолѣпный кварталъ домовъ, состоящій изъ 3 приставляющихъ къ себѣ и въ хорошемъ состояніи находящихся домовъ, съ прекрасными и богатыми каменными фронтонами фасадовъ, расположенныя въ прекрасной и здоровой часті

ДРЕЗДЕНА,

съ живописнымъ видомъ на Эльбу, продается по очень выгоднымъ условіямъ уплаты. Перебѣта не можетъ имѣть мѣста. Почт. рефлектанты благоволятъ обращаться за подробностями или за полученіемъ фотографіи къ г-ну I. Зону, владѣльцу фабрики въ г. Лодзи или къ г. Францу Листу въ Дрезденъ. № 2455 3—3

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ

Н. П. ДАНИНА, въ Москвѣ, удостоенная **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзвѣвомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣній Азіи

СЪ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ ПРОДАЖУ ПОДЪ НОВЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ. № 2440 10—3

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ! Романъ Э. Вернера. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. съ перес. 1р. 25 к. въ пошл. «НИВЫ» 1882 г. 75 к., съ пер. 1 р.

XIV годъ
№ 8

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаѣтъ 19 Февраля 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
Для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 50 коп. (1 Mark. 50 Pfen. для за грим.) за строку непарелль (въ ¼ ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
 Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.
 Съ доставкой въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 8 руб.
 Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
 Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н И В ѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи. для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9.

Масляница. „Самы тѣты!“ Ориг. рис. Н. Н. Каракина, грав. М. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

Масляница.

Ни въ чемъ такъ не проявляется удивительная сила и живучесть древнихъ обычаевъ и обрядовъ, какъ въ нашихъ народныхъ праздникахъ и особенно въ нашей разгульной, широкой масляницѣ, этомъ несомнѣнномъ остаткѣ временъ давно минувшихъ, языческихъ. Прошли тысячелѣтія, смѣнилось множество поколѣній, унесло съ собою много стараго, отжившаго, а масляница все жива, такая же веселая, шумная и рьяная, какою она была у нашихъ отдаленныхъ предковъ. Тщетно боролись противъ нея духовные проповѣдники; тщетно осуждали ее строгіе моралисты—она осталась все та же увлекательная, страстная, неудержимо подкупающая на разгулъ и веселье. Подъ обаяніемъ этой красавицы, которую народъ въ своихъ прибауткахъ называетъ самыми нѣжными именами, увлекается порою челоувѣкъ даже самый строгій и степенный и вся Русь народная въ эту недѣлю, можно сказать, поголовно гуляетъ и веселится.

Обычаи масляницы мало измѣнились и въ нихъ видна та же древняя, до-Петровская Русь, гдѣ часто самый аскетическій постъ смѣнялся разгуломъ. Какъ и теперь масляница въ старину являлась осемидневнымъ празднествомъ, послѣ великой субботы, въ которую обыкновенно поминали усопшихъ. Послѣ этого печальнаго обряда народъ, какъ бы чудомъ, измѣнялъ настроеніе и предавался всѣмъ масляничнымъ потѣхамъ: катался съ пѣнями съ горъ и на саняхъ, дрался на кулачкахъ и обѣждался блинами. Все это дѣлалось во всю ширь русской природы и масляница невольно поражала своимъ могучимъ разгуломъ иностранныхъ путешественниковъ. Вотъ что писалъ объ ней одинъ изъ иностранцевъ, бывшій въ Россіи въ концѣ XVII столѣтія. „Во всю масляницу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, игра. Въ это время пекутъ пирожки, калачи и тому подобное въ маслѣ и яйцахъ и упиваются медомъ, пиромъ и водкой до упаду.“ Простота нравовъ этой эпохи и ея грубость мало по малу сглаживались и поддавались напору христіанскихъ идей и у народа явились болѣе благородныя зрѣлища и увеселенія. Петръ Великій, столь охотно припимавшій участіе во всѣхъ народныхъ празднествахъ, устраивалъ для народа на масляницѣ разныя качели и другія потѣхи; тогда же вошли въ моду публичныя маскарадныя про-

цессіи, изъ которыхъ особенно роскошная процессія была въ 1772 году по случаю заключенія Нейштадтскаго мира. Тому же направленію слѣдовали и пріемники Петра и особенно Екатерина II, при которой масляничныя празднества справлялись особенно весело. Государыня сама каталась съ блестящей свитой около балагановъ, за нею слѣдовала въ роскошныхъ каретахъ вся знать со своими карликами и многочисленною челядью. Кромѣ того при ней маскарады и процессіи также не были забыты и особенно блестяще было громадное маскарадное шествіе, устроенное актеромъ Волковымъ подъ именемъ „Торжествующая Минерва“. Такими зрѣлищами вкусъ общества значительно облагородился и послѣдній уже не проводилъ масляницу въ такомъ буйномъ, шумномъ разгулѣ, какъ это было въ XVII вѣкѣ. И теперь масляница для народа попрежнему желанный и веселый праздникъ; народъ попрежнему ее величаетъ: „душа моя Масляница, перецелиныя косточки, бумажное твое тѣло, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, красная краса, русая коса“. Встрѣчаетъ ее шумно, весело, а провожаетъ ее довольно печально. Первые дни поста начинаются у него особенно тяжело; все еще *полощетъ онъ ротъ*, т. е. опохмѣляется, а въ субботу печетъ постные блины, называемые имъ *тужильки* по широкой и честной Масляницѣ.

Масляницу также встрѣчали, дѣлая большое мочальное чучело, которое съ пѣнями и плясками возили по улицамъ—это въ фантастическомъ видѣ и изображено на первомъ рисункѣ нашего художника. Вотъ она Масляница—сама ѣдетъ!

Второй большой рисунокъ изображаетъ разныя картины празднованія Масляницы въ деревнѣ. Шипятъ на сковородахъ горячіе блины—не только всѣ малые и молодые ѣдятъ, пьютъ, поютъ, забавляются, катаются съ горъ, играютъ въ снѣжки, но и „старикъ загулялъ!“ Вотъ на срединѣ рисунка, сирава, видно, какъ они пируютъ. Едва успѣваютъ хозяйки подавать горячіе блины на столъ, идетъ шумный, веселый разговоръ, чарочки по столу похаживаютъ, головы хмѣлѣютъ, языки путаются, и на лѣвомъ рисункѣ, рядомъ, видно, въ какомъ видѣ развозятъ „стариковъ“, т. е. домохозяевъ, по домамъ. Они и въ саняхъ еще продолжаютъ свои объясненія и разговоры, уже конечно совсѣмъ не ясно понимая другъ друга!

Подъ колесомъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Д. Ахшарумова.

(Окончаніе).

XIV.

— И это всё? спросилъ Нуаръ, просмотрѣвъ небрежно тетради, по выслушавъ очень внимательно мои объясненія.

— Все.

— Ваше слово, что вы ничего не утаиваете?

Я далъ ему слово; онъ написалъ мнѣ чекъ на имя Сары Фіамесъ и мы разошлись.

...Вчера я былъ окончательно выписанъ докторомъ изъ числа его пациентовъ. Почти вся подвижность въ домѣ уже распродана; докторъ взялъ на свое попеченіе остальную... Теперь остается только это дурачество и я обѣщалъ ей, что мы отравимся завтра „туда...“

Сегодня опять я не въ духѣ съ утра; а передъ обѣдомъ, совсѣмъ неожиданно для себя, имѣлъ еще крупную неприятность съ Сордьѣ... Два раза уже, встрѣчаясь съ нимъ, я замѣчалъ, что онъ смотритъ неласково и вмѣсто обѣднн пріивѣтствій, приправленныхъ, по французски, шутками, ограничивается сухимъ поклономъ. На этотъ разъ, встрѣтивъ меня на эсиланадѣ, онъ бросилъ какого то толстаго господина, съ которымъ шелъ подъ руку, и отозвалъ меня жестомъ, въ сторону отъ гуляющихъ.

— На два слова, сказалъ онъ.—Dites donc, mon cher, на счетъ этой сдѣлки съ Нуаромъ... вы не имѣете ничего передать мнѣ?

Я былъ удивленъ.—Ничего, отвѣчалъ я.

— Отъ мадемуазель Фіамесъ?... Припомните ка.

— Да нѣтъ же, я вамъ говорю,—исложительно ничего, кромѣ того, что я считъ своимъ долгомъ тогда же вамъ засвидѣтельствовать; то есть искренней ея благодарности за участіе ваше въ дѣлѣ.

— Allez donc! je me fiche bien de sa reconnaissance!

— Такъ какого же чорта вамъ нужно еще отъ нея? спросилъ я нетерпѣливо, и вдругъ у меня промелькнула догадка, что можетъ быть онъ ожидаетъ чего нибудь за свое посредничество.

— Не горячитесь, mon cher, отвѣчалъ онъ, окинувъ меня съ головы до ногъ, своимъ пристальнымъ, неприятнымъ взглядомъ, напоминающимъ мнѣ почему то гробовщика, прикидывающаго на глазомѣръ извѣстнаго рода заказъ.—Есть вещи, вотъ видите ли, которыя разумѣются сами собой,—и если вы, съ вашей... питомицей, затрудняетесь ихъ понять, то вы или очень малы и наивны,—или...

— Довольно перебилъ я.—Вмѣсто намѣковъ, мосьѣ Сордьѣ, меньше всего щеголяющихъ деликатностью, вы бы лучше сдѣлали, если-бъ вы ранѣе нашей сдѣлки, назвали мнѣ размѣръ вознагражденія, на которое вы претендуете. Но все равно; мнѣ любопытно узнать и теперь. Говорите прямо:—сколько?

Онъ посмотрѣлъ на меня нахально, видимо не готовый на этого рода простой вопросъ, а между тѣмъ озлобленный уже тономъ, который начало принимать объясненіе.

— Двадцать пять тысячъ.

— Это взбѣсило меня; но помня слово, которое я далъ Сарѣ, и совѣты доктора, я удержался.

— Послушайте, сказалъ я:—вы конечно вольны прѣднить ваши услуги во сколько угодно; но такъ какъ вопросъ о двухъ сторонахъ и мы тутъ тоже не посторонніе, то предоставьте же наконецъ и намъ нѣкоторый просторъ.

— То есть какимъ же это образомъ вамъ то? А! по-

нимаю;—вы претендуете тоже на долю вознаграждения?... А может быть успѣли уже и получить его.

— Сордье! отвѣчалъ я вспыхнувъ: — вы меня обижаете.

— А! зашипѣлъ онъ злобно.—А! знаете, я нахожу васъ забавнымъ! Вы обижаетесь *для себя* вещами, которыя вы не считаете *для меня* нисколько обидными!..

— Кончимте, я васъ прошу, перебилъ я.—Скажите мнѣ просто: согласны ли вы на пять тысячъ?

— Нѣтъ. Я ни на что не согласенъ, покуда я не узнаю въ точности сколько *вы* получили. А когда я узнаю это, тогда мы съ вами поговоримъ. До свиданія.

Я махнулъ рукой и ушелъ.—„О! Если такъ“, думалъ я:—„то ты же и жди покуда ты это узнаешь!...“ И я рассказалъ все Сарѣ.

Но Сара была другаго мнѣнія.

— Напрасно вы торговались, сказала она.—Я дамъ ему все что онъ хочетъ, чтобъ избѣжать неприятностей... И я не хочу, чтобы вы вели съ нимъ переговоры. Я попрошу уже лучше Майера. Онъ осторожнѣе васъ и онъ не откажется взять это на себя....

XV.

Сара играла необычайно счастливо и съ такимъ эффектомъ, что даже безстрастные, ничему не удивляющіеся крупнѣе не могли удержаться отъ восклицанія.—*Der Teufel!* слышалъ я нѣсколько разъ со стороны кассира, когда нумера, на которые только что былъ поставленъ ея золотой, выходили какъ по заказу. Публика, сбѣжавшаяся какъ на пожаръ, ревѣла отъ восхищенія. Это однако не долго длилось. Нервы ея не выдержали и въ самомъ разгарѣ успѣха, когда всѣ взоры обращены были на нее, она неожиданно обернулась ко мнѣ. Лицо у нея пылало, взоръ какъ то странно блуждалъ.—*Уйдемте!* шепнула она.—Я болѣе не могу!..

Насъ чуть на рукахъ не вынесли, и за нами бѣжали слѣдомъ, черезъ концертную залу, на главный подъездъ. Когда я усаживалъ ее въ экипажъ, въ толпѣ раздавалось *ура!* и шляпы летѣли вверхъ.

Я сѣлъ за нею въ коляску, взбѣшенный, и на тревожный вопросъ ея, объяснилъ ей рѣзко, что я оскорбленъ дурацкою ролью, которую мы разыграли въ этомъ импровизированномъ триумфѣ.

Она казалась удивлена.

— Да неужли жъ вы не чувствуете, объяснялъ я съ досадою:—что намъ апплодировали какъ фокусникамъ и гладиаторамъ? Если бы я былъ содержатель цирка, а вы моя ученица, наѣздница, забавлявшая публику отчаянными скачками черезъ барьеръ, эффектъ былъ бы вовсе не ниже сегодняшняго. Но что придаетъ ему для меня еще особенно-горькій вкусъ, это извѣстное въ городѣ отношеніе мое къ вамъ по смерти отца. Представьте себѣ попечителя, первый публичный выѣздъ котораго съ своею питомицею имѣлъ предметомъ рулетку! Почтенно, не правда-ли? И какъ кстати! Приличіе ничего нельзя было и придумать послѣ потери, которую вы понесли и послѣ денежной вашей сдѣлки съ Нуаромъ!

Ее какъ варомъ обдало.

— О! восклицала она:—какъ вы жестоки! Лучше бы вы не пустили меня играть, разругали, приколотили вчера, чѣмъ попрекать теперь, когда уже дѣло сдѣлано! Кто могъ предвидѣть, что на меня обратятъ такое вниманіе? Вы не предвидѣли...

— Да, продолжалъ я спокойнѣе:—это одно, что можетъ еще хоть нѣсколько извинить мое дурачество. Я не предвидѣлъ такого чертовскаго счастья. Я почемъ то надѣялся, что вы проиграете деньги, которыя привезли, и что потери эта отниметъ у васъ на долго, если не навсегда, охоту играть. Но вышло наоборотъ, и я, признаюсь, не вижу что можетъ теперь васъ спасти отъ соблазна, который будетъ васъ окружать постоянно, тутъ въ В**. Майеръ не ожидалъ ничего подобнаго;

иначе онъ бы подумалъ дважды, прежде чѣмъ предложить вамъ свой домъ.

— Что жъ? отвѣчала она—обиженная.—Онъ вѣдь не законтрагованъ. Да и я съ нимъ ничѣмъ не связана. Средства теперь у меня достаточныя и если я только замѣчу, что онъ тяготится моимъ присутствіемъ, я уѣду отсюда.... одна.

— Какое дурачество, Сара! Въ ваши года и съ вашей неопытностью, вы начисто пропадете.

— А пропаду, такъ туда и дорога! Кому я нужна? Дома, у ней, я настаивалъ, чтобы она дала мнѣ клятву болѣе не играть; но она расплакалась.

— Зачѣмъ вамъ? Майеръ имѣлъ бы право еще; а вы нѣтъ. Что вамъ за дѣло?... Вы отъ меня отказываетесь... Вы не сегодня—завтра уѣдете и забудете обо мнѣ.

— Сара, вы сами знаете, что вы говорите вздоръ, отвѣчалъ я серьезно. Вы знаете, что я ни за что не уступилъ бы васъ Майеру, если бы вы не признались мнѣ какъ вы были счастливы, когда онъ вамъ предложилъ у себя пріютъ.

— Я васъ дразнила! рыдала она.—Я приняла его предложеніе только чтобы не быть вамъ въ тягость... Но я васъ люблю!.. люблю!

Мнѣ стало вдругъ жалко ея и сердце мое неудержимо рванулось навстрѣчу ея признанію.—„Спаси ее! Увези! Во что бы ни стало!“—твердило оно.

— Ну а если я вамъ скажу, что я не могу уѣхать безъ васъ? шепнулъ я.

Медленно и какъ бы невѣря своимъ ушамъ, она подпала на меня свои заплаканные глаза и вдругъ лицо ея освѣтилось счастливою усмѣшкой.

— Безъ шутокъ? спросила она вся вспыхнувъ.

— Безъ шутокъ, Сара.

— Ну такъ зачѣмъ же стало? Возьмите меня съ собой.

— И вы не боитесь уѣхать Богъ знаетъ куда, съ такимъ татаринкомъ и тираномъ?

— Боюсь, шепнула она съ плутовскою улыбкой:—но что же дѣлать? Вы знаете, я люблю азартъ. Я ставлю счастье мое на васъ.

— А six? спросилъ я, шутя.

— Нѣтъ, милый, en plein! и пусть это будетъ моя послѣдняя ставка.

Я обнялъ ее.—Моя стало быть?

— Твоя, отвѣчала она и рѣчь ея перешла понемногу въ шопотъ, перерываемый поцѣлуями...

Это происходило въ той самой комнатѣ, гдѣ я недавно еще лежалъ больной. Домъ опустѣлъ съ тѣхъ поръ и кругомъ царилъ глубокая тишина.

Она отдалась мнѣ съ дѣтскимъ довѣріемъ и не дѣлая никакихъ условій; но я ужъ сказалъ себѣ, что я ее привезу въ Россію, не иначе какъ своей женой...

Дня черезъ три, мы уѣзжаемъ въ Италію, а оттуда въ Парижъ...

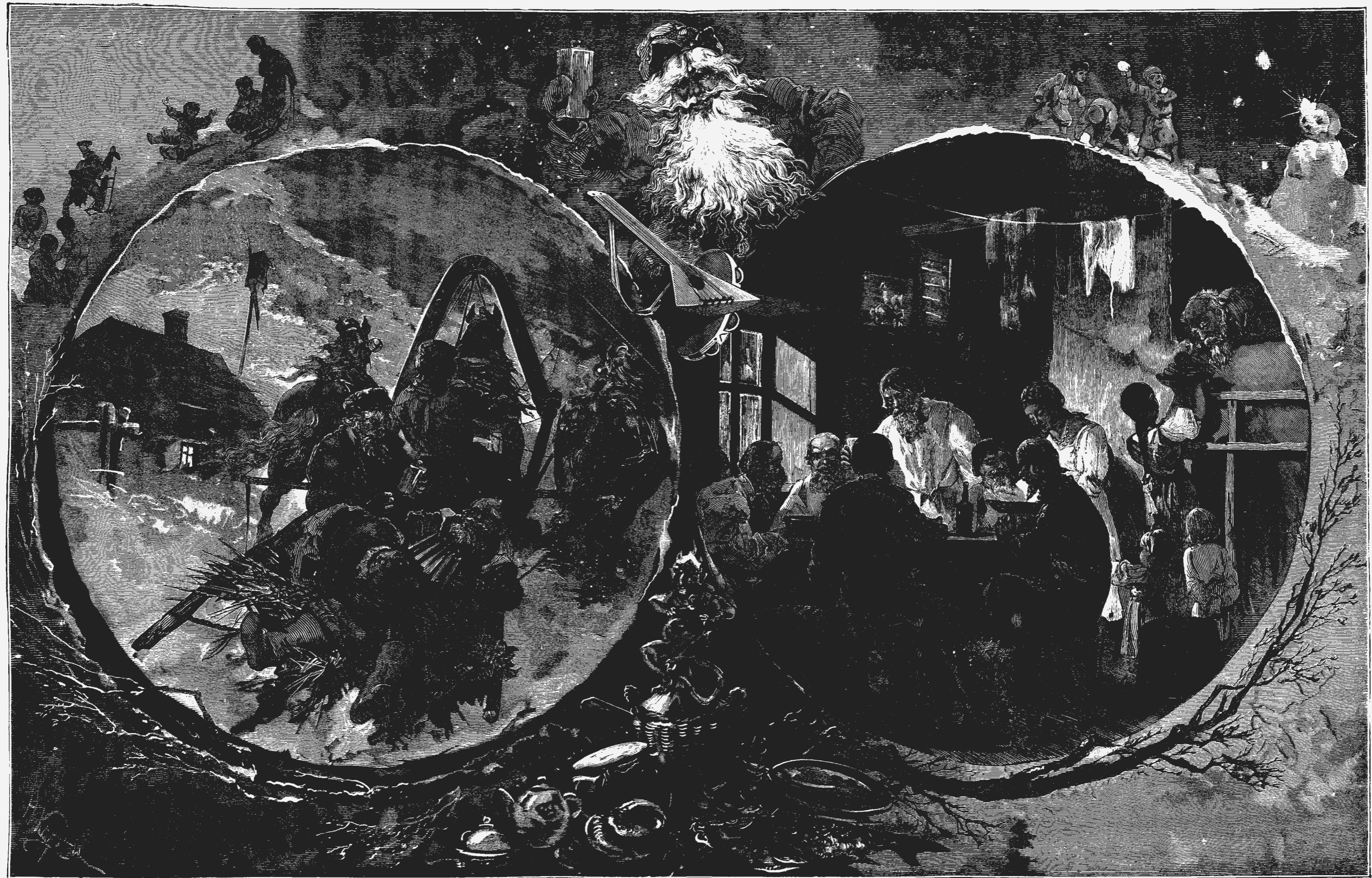
Сердце мое полно черезъ край и голова кружится отъ счастья!..

XVI.

Я встрѣтилъ его въ ресторанѣ курзала, гдѣ у меня назначено было rendez-vous съ однимъ агентомъ изъ Франкфурта; и онъ замѣтилъ мнѣ мимоходомъ, что у меня сегодня какое-то глупо-счастливое лицо.—*Vous avez l'air bêtement heureux, mon cher,* сказалъ онъ.

— Подите къ чорту! отвѣчалъ я; но онъ возразилъ шутя, что онъ имѣетъ обыкновеніе посылать туда раньше людей, указывающихъ ему дорогу.

Что-то мнѣ говорило, что человекъ этотъ ищетъ ссоры, но я не имѣлъ причины идти на встрѣчу его желанію. „Какъ нибудь обойдется“, надѣялся я, рассчитывая на скорый отъѣздъ, и не отвѣчая ему ни слова болѣе, отвернулся.

По домамъ!

Русская масляница въ деревнѣ. Ориг. рис. П. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Большаки гуляютъ!

Прошло минуту десять. Окончивъ переговоры, я собирался уйти, но въ самую эту минуту, Сордье подошелъ ко мнѣ усмѣхаясь и взялъ меня подъ руку.

— Надѣюсь, что вы на меня не сердитесь за нашу давешнюю бесѣду, сказалъ онъ.—Я понимаю теперь какого рода вознагражденіе вы получили отъ вашей нитомщицы и допускаю охотно, что вы не можете имъ подѣлиться ни съ кѣмъ.

— Сордье! отвѣчалъ я, дѣлая надъ собою нечеловѣческія усилія, чтобъ не ударить его въ лицо.—Если вы ищете ссоры, то пусть она упадетъ на вашу голову; но я бы желалъ, для себя и для васъ, чтобы вы объяснили мнѣ, по возможности искренно, что вы имѣете противъ меня.

— О! ничего. Будьте спокойны на этотъ счетъ,—съ моей стороны положительнаго ничего... И вдругъ, измѣняя тонъ:—Да, кстати, я было и забылъ сказать вамъ. Я видѣлъ игру мадемуазель Фіамесъ и удивлялся; другіе тоже были удивлены. Нуаръ спрашивалъ у меня вчера, что это значитъ. Весьма неприятный вопросъ, вы понимаете, для человѣка, который служилъ посредникомъ въ вашей сдѣлкѣ, и я бы желалъ, чтобы вы научили меня, что я долженъ ему отвѣчать. Сказать, что это система ея отца, я по совѣсти не могу, такъ какъ рулетка у нихъ вчера была нова, и изучить ее въ десять минутъ вы разумѣетесь не могли. Что же это? Вы скажете можетъ быть: случай? Ех! Allons donc, mon cher! Случаемъ не берутъ номера, какъ она ихъ берётъ, безъ промаха!

— Но если не случай и не система, то что же по вашему?

— Почему я знаю? Нуаръ полагаетъ, что вы ему продали шелуху, а суть дѣла припрятали для себя.

Меня вдругъ взорвало. Я выругался по русски и вырвавъ руку свою изъ-подъ его руки, обернулся къ нему лицомъ.

— Хе! хе! Да вы кажется наконецъ не на шутку гнѣваетесь? сказалъ онъ съ своею безстыжей усмѣшкой.

— Прежде чѣмъ вамъ отвѣчать, произнесъ я, съ трудомъ удерживаясь:—я бы желалъ, чтобы вы съ вашимъ принципомъ не прятались другъ за друга. Если онъ думаетъ что нибудь въ этомъ родѣ, то онъ можетъ самъ мнѣ это сказать, а теперь я съ *вами* имѣю дѣло и я *васъ* спрашиваю, васъ—лично, что вы объ этомъ думаете?

— Сказать коротко, отвѣчалъ Сордье:—я думаю, что вы, avec votre catin de ripille, надули насъ на сто тысячъ.

Я бросился на него, но онъ отскочилъ какъ кошка, на безопасное разстояніе, и въ театральной позѣ мѣрлялъ меня своимъ взглядомъ гробовщика. Мгновенно его обступила цѣлая шайка приятелей, которые опасались кажется, что я его изувѣчу или убью;—и въ то же мгновеніе кто-то дотронулся до моей руки.—Я оглянулся. Это былъ старый пріятель и сослуживецъ мой, ротмистръ Евгений Ивановичъ Коловцовъ.

— Разнесемъ? предложилъ онъ, съ усмѣшкой школьника, вызывающаго товарища на лихую потѣху. Но я объяснилъ, что въ дѣло замѣшано третье лицо, въ интересахъ котораго я обязанъ вслѣдствіи избѣгать огласки. Тогда онъ принялъ серьезный видъ и сталъ разспрашивать! Я рассказалъ ему коротко.

— Ссору едва ли возможно уладить, прибавилъ я:—такъ какъ, суди по всему, она преднамѣренна; но я надѣюсь, что вы, какъ свидѣтель фактической стороны, не откажете мнѣ въ содѣйствіи.

— Само собой разумѣется... Съ извиненіями или безъ извиненій?

— Безъ извиненій; съ моей стороны, по крайней мѣрѣ. Да постарайтесь не впутывать никого изъ отсутствующихъ,—понимаете?

— Будьте спокойны. Ступайте туда, за оркестръ; и догоню васъ тотчасъ, какъ только кончу.

Короткое время, которое я провелъ у пруда, дожидаясь его, я думалъ, что сердце въ груди моей лопнетъ отъ злости, и нѣсколько разъ, въ глазахъ у меня, все застилало кровью. Стаканъ холодной воды, захваченный у бѣжавшаго мимо кельнера, нѣсколько успокоилъ меня. Тѣмъ временемъ на дворѣ стемнѣло и окна игорныхъ комнатъ въ курзалѣ залиты уже были яркимъ свѣтомъ. На эспланадѣ, большими, свѣтлыми канделябрами вспыхивали матовые шары.

— Завтра, поутру, чуть свѣтъ, за Rüberhöhle, сказалъ мнѣ Коловцовъ, отдуваясь какъ послѣ горячей работы.—Къ несчастью я былъ одинъ и не могъ ничего доказать имъ; а эта лисица Сордье отвиливаетъ. Но все таки я вамъ выговорилъ барьеръ: двѣнадцать шаговъ и четыре подхода. По тону нетрудно понять, что онъ мастеръ своего дѣла; но пистолетъ не шлага. Къ тому же вы слыли не даромъ, у насъ въ дивизиі, лучшимъ стрѣлкомъ. Пойдемте въ *тиръ*, вамъ надо, какъ говорятъ французы, remettre la main.

Изъ тира онъ проводилъ меня вплоть до квартиры Фіамесъ и дорогою мы условились на счетъ завтрашняго утра.

— Что съ вами? сказала Сара, едва взглянувъ на мое лицо. Не притворяйтесь; вы вѣрно имѣли сейчасъ какую нибудь неожиданную и важную неприятность?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я съ вынужденною усмѣшкой:—во всякомъ случаѣ ничего серьезнаго; но вы угадали, что это совсѣмъ неожиданно и ужасно досадно. Просто, я съ вами пришелъ проститься. Я ѣду, завтра по утра, рано, на нѣсколько дней изъ В***.

Она устала на меня встревоженные глаза.

— Зачѣмъ? Что такое случилось?

— Письмо, отвѣчалъ я вздохнувъ.—Мнѣ надо быть къ сроку, въ Базель, чтобы видѣться тамъ съ однимъ родственникомъ, по дѣлу.

— О! только-то? Ну такъ я не хочу прощаться; я ѣду съ вами... Вы уѣзжаете съ первымъ поѣздомъ?

— Да.

Она успокоилась и начала ласкаться ко мнѣ какъ ребенокъ, который выпросилъ, чтобъ его взяли съ собой кататься.

Я долго и жадно вглядывался въ ея черты. Съ мучительнымъ чувствомъ я думалъ: какъ далека она отъ догадки, что можетъ быть это послѣднее наше свиданіе... Въ первые годы молодости, мнѣ доводилось не разъ быть въ огнѣ и я не привыкъ, передъ дѣломъ, раздумывать о его возможныхъ послѣдствіяхъ для себя; но мысль, что недалеко какъ завтра поутру, когда она встанетъ чтобъ ѣхать на станцію, меня можетъ статься не будетъ уже въ живыхъ, на этотъ разъ камнемъ давила мнѣ сердце.

Я просидѣлъ у ней часа два; но вечеръ былъ близокъ къ концу, а мнѣ надо было еще захватить къ доктору, чтобъ передать ему нѣсколько важныхъ распоряженій на всякій случай и попросить, если можно, быть завтра поутру на мѣстѣ встрѣчи.

— Ну, до свиданія, Сара, сказалъ я чувствуя, что еще немного и я, какъ плаксивая баба, выболтаю ей все.

Она вздрогнула.—Что это вы какой печальный? Надѣюсь, что вы не обманываете меня?

— Нѣтъ, милая! дорогая!.. И я прижалъ ее крѣпко къ груди.

Долго она не пускала меня.

— Пора! наконецъ шеннулъ я цѣлуя ее; и мы разстались...

Бьетъ часъ... Два письма: къ ней и къ родственникамъ въ Россію, готовы... Надо попробовать и уснуть...

XVII.

На этомъ оборвана рукопись и впереди объясненій, какихъ она требуетъ, мы вынуждены сказать коротко причину. Авторъ ея, Павелъ Васильевичъ Хворостинъ,

убить былъ, при встрѣчѣ съ своимъ противникомъ, на повалъ.

Подлинныя, писанныя его рукою тетради, я получилъ два года спустя, въ Парижѣ, для перевода ихъ на французскій языкъ. Молодая и привлекательная особа, которой онѣ принадлежали, передавая мнѣ ихъ черезъ трепгъ руки, желала знать въ точности время, когда работа моя будетъ окончена. Въ назначенный день и часъ я ждалъ отъ нея кого нибудь; но къ немалому моему удивленію, она посѣтила меня сама и получивъ что ей нужно, послѣ горячихъ, не разъ повторенныхъ мнѣ выражений признательности, торопилась уйти. Тогда я признался ей, что развязка описанныхъ въ манускриптѣ событій глубоко интересуетъ меня и просилъ извинить мнѣ нескромный вопросъ: знала-ли она автора и что случилось съ нимъ?

Услыхавъ это, она замѣтно перемѣнилась въ лицѣ и потупивъ свои прекрасныя, каріе, выразительныя глаза, послѣ короткаго колебанія, отвѣчала какимъ-то беззвучнымъ голосомъ:

— Да, я знала его; но я не могу вамъ сказать о немъ ничего особеннаго, кромѣ того, что его уже нѣтъ въ живыхъ. А впрочемъ, если васъ такъ интересуетъ судьба его, то обратитесь къ доктору Майеру, въ В**, и передайте ему отъ меня вотъ это... Прощайте.

Она положила на столъ свою карточку и, кивнувъ мнѣ ласково головою, ушла.

На карточкѣ я прочелъ:

Comtesse Sara d'Arcy.

Нужно-ли говорить, что имя это еще удвоило мое любопытство. Но путь, указанный ею, былъ очевидно единственный, и вотъ, мѣсяца два спустя, проѣздомъ въ В**, я отыскалъ доктора Майера, рассказъ котораго, въ качествѣ эпилога, и прилагается здѣсь къ запискамъ Хворостына.

— „Это было росистымъ октябрьскимъ утромъ“, рассказывалъ онъ:— „на самомъ разсвѣтѣ, въ лѣсу, въ какихъ нибудь двухъ верстахъ отъ города; и когда я подъѣхалъ къ столбу, на перенутьи, карета его была уже тамъ. По указанію кучера, я отыскалъ его скоро, съ его свидѣтелемъ, недалеко отъ дороги, на небольшой лужайкѣ. Онъ былъ немного блѣденъ; но выглядѣлъ гордо и велъ себя молодцомъ. Къ несчастію, онъ имѣлъ дѣло съ убійцами, изучившими въ совершенствѣ свое ремесло. Барьеръ, котораго его свидѣтель потребовалъ, убѣдилъ еще наканунѣ этихъ господъ, что они не рискуютъ почти ничѣмъ, и они явились на мѣсто встрѣчи съ легкимъ сердцемъ, какъ на пикникъ. Впоследствии я узналъ отъ пріятелей, что 20 или 12 шаговъ для Сордье было все равно и что единственная забота его состояла въ томъ, чтобы сигналъ былъ поданъ его свидѣтелемъ, что и уступлено было охотно въ обмѣнъ за выборъ оружія. Ихъ было трое и, если правда, какъ увѣрили меня потомъ, что господа эти фигурировали уже не первый разъ вмѣстѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, если они успѣли уже, что называется, спѣться между собой. Развязка была коротка. Но счету „три“, безъ всякаго промежутка, раздался выстрѣлъ и вашъ соотечественникъ упалъ. Съ одного взгляда на поблѣвшія губы его и мгновенно осунувшееся лицо, не трудно было понять, что его счеты съ жизнью кончены. Пуля пробила на вылетъ сердце и никакое искусство не въ состояніи было ему помочь. Онъ говорилъ съ минуту еще, что-то невнятное на родномъ языкѣ;

но скоро потомъ умолять и мы привезли его въ номеръ его отеля, мертваго. Тяжелая роль досталось на долю мою. Я долженъ былъ, не теряя времени, сообщить начальную вѣсть невѣстѣ его. Не стану рассказывать вамъ какъ я исполнилъ эту задачу; вы можете сами собѣе вообразить несчастную, которая ни о чемъ не догадывалась, и черезъ часъ должна была ѣхать съ нимъ вмѣстѣ на станцію. Скажу вамъ только, что не взирая ни на какія предосторожности, извѣстіе это едва не убило ея. Полуживую и безумѣвшую отъ горя (она искусила собѣе руки дорогой), привезъ я ее въ отель; но она не въ силахъ была подняться на лѣстницу и ее снесли. Рослый дѣтина, работникъ, внесшій ее, и молоденькая нумерная служанка, ее провожавшая, — свидѣтели той минуты, когда она увидала убитаго своего жениха на постели,—расплакались. Ротмистръ, его секундантъ, отъвернувшись лицомъ къ окошку, рыдалъ“...

Онъ замолчалъ, растроганный свѣжими еще воспоминаніями, и очевидно считая рассказъ свой конченнымъ. Но мнѣ было мало этого.

— Что-же могло заставить этихъ людей искать его смерти? спросилъ я.

— Не знаю, отвѣчалъ докторъ. — Нуаръ, не взирая на явную службу свою сатанѣ, пользуется, здѣсь въ городѣ, репутаціей добраго человѣка; да трудно и допустить, чтобъ онъ считалъ серьезно опасною для себя какую нибудь систему. Еслибъ системы возможны были въ азартной игрѣ, то его конечно давно уже обобрали-бы дѣ-чиста.

— Да вы не читали рукописи?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—никто до сихъ поръ не читалъ ея, такъ какъ никто изъ друзей покойнаго, здѣсь, не зналъ его языка.

— Изъ нея однакоже ясно, что ссора имѣла по меньшей мѣрѣ предлогомъ игру и была, во всякомъ случаѣ, преднамѣренна.

— Да, отвѣчалъ онъ подумавъ:—это весьма вѣроятно; но сердце человѣческое—загадка, и трудно сказать съ достовѣрностью, какіе дѣйствительныя мотивы могли быть у этого прощелыги, Сордье. Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ сватался за невѣсту Хворостына ранѣе, и остался съ носомъ. Но и помимо его, тутъ въ городѣ, между пріѣзжею молодежью, было не мало завистниковъ, которые не могли простить Хворостыну его рѣдкаго счастья въ игрѣ и его успѣха съ красавицей, за которою всѣ ухаживали.

Еще разъ онъ замолчалъ.

— А Сара? спросилъ я.

— Да Сару вы видѣли.

— Графиня д'Арси?

— Да, она черезъ годъ, вышла замужъ за очень богатаго человѣка. Графу 50 лѣтъ, но онъ влюбился въ нее, здѣсь въ В**, какъ юноша, и поплакавъ, она уступила его настояніямъ. Сара любила Хворостына горячо; но она любила тоже и кое-что другое:—любила большое общество и блестящую свѣтскую жизнь, и наряды, и я не виню ея. Не гоняясь за идеальнымъ счастьемъ, она приняла покорно тѣ утѣшенія, которыя ей предлагала судьба; и можетъ быть поступила умно. Какъ знать, нашла-ли бы она, на своемъ пути, другаго Хворостына?

— Она играетъ? спросилъ я.

Докторъ вздохнулъ и слезы сверкнули въ добрыхъ его глазахъ. Къ несчастію, отвѣчалъ онъ:— да,—и что еще хуже, играетъ чертовски счастливо.

К О Н Е Ц Ъ.

Другъ Камилла.

Рассказъ Альбини.

(Окончаніе).

На другое утро я пошелъ къ нему, но его уже не было дома. Позднѣе я проводилъ свою мать и своихъ сестеръ на похороны бѣдной дѣвушки, думая, что и Пинно туда придетъ.

Я никогда не забуду этотъ день.

Гробъ былъ покрытъ цвѣтами и покровомъ изъ бѣлой матеріи, который висѣлъ до полу. Церковь была холодна; дождь неистово стучалъ въ стекла оконъ, въ которыя проникалъ мрачный и слабый свѣтъ.

Я не мог остаться до конца; Пиппо не пришел и я безпокоился.

Куда он отправился? Я нанял карету и пустился его искать. Никто не видал его в это утро.

Сознаюсь—я пришел почти в отчаяние. Где он мог быть? Отчего я не пошел розыскать его раньше?

Я возвратился опять к нему в дом—никого! Тогда я велел кучеру вести себя на кладбище. Там я спросил—где, за час перед тем, похоронили молодую девушку, и отправился туда.

Что я искал там усталыми глазами, я и сам не знаю. Меня преследовал страшный образ. Но могила в которую зарыли за час перед тем молодую девушку, была пуста, покрыта только ветками из белых камелий и букетами фиалок с длинными белыми лентами, на половину зарытыми в землю. Больше ничего там не было. Но я долго ходил среди всех этих статуй и крестов.

Я возвратился домой и даже добрые и кроткие слова моей матери не могли успокоить меня.

Через несколько дней только я опять встретил его: но Пиппо Маффенс был уже не тот.

Он думал в разгульной жизни найти забвение горя и заглушить угрызения совести.

Никак нельзя было ожидать этого от него, такого степенного и порядочного. Он всегда казался мне одним из тех железных характеров, которых ничто не может сломить; горе на время угнетает их, но не может совсем разбить; послѣ того они вновь поднимаются болѣе твердые, болѣе спокойные и болѣе степенные, чѣм когда либо. Я был увѣренъ, что он найдетъ въ себѣ силу побѣдить свое горе, убѣдится наконецъ, что онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ: что занятія и жизнь дѣятельная дали бы ему возможность утѣшиться и забыть, или хотя смягчить горечь воспоминанія.

У него не было никакой привязанности въ жизни, которая помогла бы ему побѣдить себя и наложилла бы на него обязанности. Его мать и его сестра, когда узнали, не знаю отъ кого, что случилось съ Пиппо, вѣдѣто того чтобъ успокоить, только еще болѣе раздѣляли его. Я знаю, что синьорина Ида сказала ему, что Джиджия была жалкое, слабое существо, крайне себялюбивое. За одно преходящее мгновѣніе счастья она причинила безграничное горе тѣмъ, кого любила: разбила цѣлую жизнь. Можно, пожалуй, было подумать это, и сознаюсь, мнѣ самому, иногда приходили такія мысли, но я отгонялъ ихъ какъ недостойныя. Потомъ сестры его, своими упреками старались убѣдить его, что онъ безуменъ, что такъ предается горю. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Пиппо Маффенс нанялъ небольшую квартиру на другомъ концѣ города и мать и сестра его продолжали свою пустую жизнь, не заботясь болѣе о немъ.

Пиппо, подъ своимъ серьезнымъ и скептическимъ видомъ, скрывалъ большую потребность любить, и я увѣренъ, что если бы у него была такая мать какъ моя, онъ не только не палъ бы такъ низко, но сдѣлался бы еще лучше прежнего. Много хорошаго дѣлаешь и много дурнаго избѣгаешь изъ любви къ хорошей матери.

Маффенс предался жизни праздной и разгульной. Ничто па свѣтѣ не имѣло болѣе значенія для него; онъ оставилъ занятія, карьеру; бросилъ знакомыхъ, друзей, все! Но что всего удивительнѣе—это, что онъ, въ свою новую жизнь внесъ ту степенность, которая всегда была отличительной чертой въ его характерѣ. Но его сухая и горькая рѣчь и вялые глаза, въ которыхъ просвѣчивало уныніе и озлобленіе—все это показывало, что онъ бросился въ эту жизнь подъ влияніемъ отчаянія.

Онъ болѣе не заходилъ къ намъ, но когда встрѣчался со мной, я по глазамъ его видѣлъ, что ему это пріятно.

Помню одну ночь на масляной; послѣ одного собранія, я ужиналъ вмѣстѣ съ нимъ и нашими обыкновеннымъ обществомъ. Онъ не спускалъ съ меня глазъ. За шампанскимъ я произнесъ тостъ за всехъ присутствующихъ, не исключая и себя.

Тотчасъ послѣ того, Пиппо всталъ, говоря что поздно. Всѣ сѣлись—было напротивъ очень рано, почти утро.

Но онъ взялъ меня подъ руку и вывелъ на улицу.

Казалось въ немъ пробудилась опять вся покровительственная вѣжливость его ко мнѣ нашихъ студенческихъ лѣтъ.

Когда мы дошли до дверей моей квартиры онъ добавилъ: „Иди домой. Тебѣ не нужно искать забвенія“, крѣпко пожалъ мнѣ руку и оставилъ меня.

— Онъ еще совсѣмъ не испорченъ! воскликнула въ волненіи Джина; потомъ она съ безпокойствомъ спросила: но ты Камилла, разве никогда не пробовалъ вырвать его изъ этой среды?

— Пробовалъ-ли я? грустно отвѣчалъ молодой человекъ. Но говорить своему другу о его недостаткахъ трудно и непріятно. Я писалъ ему и помню, что одинъ разъ онъ мнѣ отвѣтилъ только: „Если бы ты былъ на моемъ мѣстѣ, ты бы поступалъ точно такъ-же“.

Два или три раза онъ мнѣ вовсе не отвѣчалъ, но однажды, я помню, онъ написалъ мнѣ.

„Ками! Я тебѣ скажу одну вещь, которая тебѣ покажется невѣроятной, но тѣмъ не менѣе это фактъ. Мое искреннее желаніе, хотя-бы только для того чтобъ сдѣлать тебѣ удовольствіе, было:

измѣнить свой образъ жизни, по кончилось это чистымъ отчаяніемъ. Невозможно достигъ этого!“

Но послѣдній разъ, именно когда я купилъ бумажную фабрику и предложилъ ему быть моимъ компаніономъ, онъ пришелъ ко мнѣ на домъ, по вызвалъ меня внизъ и благодарилъ меня въ волненіи пемпигими словами, говоря, что принимаетъ мое предложеніе, если это можетъ мнѣ доставить удовольствіе.

На другое утро я получилъ письмо отъ Пиппо, въ которомъ онъ мнѣ говорилъ, что подумавъ онъ увидѣлъ, что ему надо забыть, если я не желаю, чтобъ онъ застрѣлился; а потому просилъ меня освободить отъ даннаго имъ мнѣ обѣщанія. Онъ чувствовалъ, что не въ состояніи вести жизнь спокойную и дѣятельную; впрочемъ готовъ былъ отдать въ мое распоряженіе всѣ свои деньги, если-бы понадобилось.

Я помню еще сердитую записку, которою я отвѣчалъ ему. „Ты хочешь заглушить, писалъ я, въ душѣ своей послѣдній остатокъ чувства, который еще остался въ тебѣ и не думаешь, что тогда ты сдѣлаешься совсѣмъ низкимъ человекомъ“.

Съ минуту длилось молчаніе. Потомъ Джина, въ волненіи воскликнула:

— Какъ должно страдать его бѣдное сердце! Мама попроси Ками привести его къ намъ! Мы желаемъ ему добра—кто знаетъ, можетъ быть, онъ еще сдѣлается прежнимъ Маффенсомъ...

Джина ея взяла ея руку въ обѣ свои и отвѣтилъ улыбаясь:

— Маффенсъ въ домѣ Торрези! Ты не думаешь о томъ, что сказалъ-бы свѣтъ? — Такого негодный человекъ какъ онъ! Тетушка Клотильда возстала-бы противъ этого со всѣмъ негоднѣемъ своей добродѣтели.

— Что намъ до того, что скажетъ свѣтъ! Это говорилъ хорошенкій Франко. Франко, который крѣпко пожалъ руку Камилла, въ вѣкоторомъ замѣшательствѣ сказалъ ему: „Прости меня, Камилла! ты знаешь, мой главный недостатокъ неублагодарность и способность увлекаться первымъ побужденіемъ“.

— Необходимо, чтобъ Камилла привелъ къ намъ своего Маффенса, воскликнула опять потомъ.

— Франко! подумай хорошенко и на этотъ разъ отвѣтилъ ему молодой человекъ.—Правда, я нахожу, что подло бросать своего друга, изъ опасенія, что свѣтъ насъ осудитъ, потому что у него есть недостатки; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я не находилъ справедливымъ, что свѣтъ не одинаково обращается съ тѣми, кто исполняетъ свои обязанности и съ тѣми, кто пренебрегаетъ ими. Я никогда не собирался представить вамъ своего друга—и видите, я даже ни разу не говорилъ вамъ о немъ,—потому что я не желаю, чтобы вы считали себя обязанными принимать его. Но тебѣ, Джина, я сгоралъ нетерпѣніемъ сказать все и, зная твое сердце, не сомнѣвался, что ты ничего не имѣла бы противъ того если-бы Пиппо посѣтилъ насъ.

— Ну да! отяично, что ты все это думалъ,—воскликнулъ Франко.—Но теперь все таки необходимо, говорю тебѣ, чтобъ ты привелъ его сюда, въ четвергъ вечеромъ, когда у насъ собираются всѣ, понимаешь? Чтобъ уничтожить Паоло Батъяни!

— Батъяни? Но причѣмъ онъ тутъ? удивленно спросилъ Камилла.

Синьора Анна дѣлала знаки Франко, чтобъ онъ замолчалъ, но онъ ужъ не видѣлъ ничего.

— Какъ! воскликнулъ онъ.—Да вѣдь это же былъ онъ! У меня кровь кипитъ при одномъ воспоминаніи! Подумай, какой измѣнникъ; въ самый первый день, когда ты привелъ его къ намъ, онъ, своимъ сладкимъ голосомъ, поразсказалъ намъ много таки хорошевыихъ вещей о тебѣ—и между прочимъ въ заключеніе, что ты другъ этого Маффенса и этимъ хотѣлъ сказать все! Какая дрянь—не правда ли? По погоди, теперь поналежъ онъ! Я его изобличу!

— Нѣтъ, Франко, ради Бога! въ испугѣ воскликнула Джина. Камилла засмѣялся.

— И такъ, продолжалъ мальчикъ, все болѣе воодушевляясь, рѣшено: въ четвергъ вечеромъ, не правда ли? Въ четвергъ ты приведешь его?

— Да, милый мой мальчикъ, вѣдь это должна рѣшить твоя мама.

— О, мама! да? не правда ли? Чортъ возьми! Нечего колебаться!

Синьора Анна съ безпокойствомъ смотрѣла на дѣтей.

— Джина, сказала она девушкѣ, трепетно взирающей на нее; не будемъ слишкомъ торопиться, я еще не вижу такой непремѣнной необходимости.

Но Джина обняла ее, стала просить и она, въ смущеніи, наконецъ, сказала: Пойди ты, рѣши сама.

Дѣвушка поцѣловала ее, потомъ протянула руку своему жениху. Во взглядѣ ея просвѣчивала гордость и сильная, неподдѣльная радость.

— Камилла, сказала она растроганнымъ голосомъ, мнѣ уже минуло двадцать лѣтъ, а въ эти годы, говорятъ, не мѣняются. Но когда бываешь любимомъ такимъ человекомъ какъ ты, дѣлаешься лучше. Я это чувствую и радуюсь о томъ за тебя.

Камилла хотѣлъ отвѣтить ей, но голосъ измѣнилъ ему.

— Въ эту минуту что-то съ шумомъ упало и раздавался возгласъ; всѣ въ ужасѣ оглянулись.

Вакханна. Статуя И. Байера, грав. А. Пааръ.

«Это был словарь, который полетелъ черезъ всю комнату и Франко, кричаши: „Прочь! пойдите! всё! разъ, два, три! Овидій, Гомеръ, Цицеронъ! Вотъ вамъ! Не надѣждайте мнѣ сегодня, я хочу шалить“. И всё тетради и книги отпавились къ пещкѣ вслѣдъ за словаремъ.

— Ты веселишься, Франко, а Камилль разсказалъ намъ такую грустную исторію? сказала ему сестра.

— Да! исторія грустна и разстроила меня. Но что вспоминать о ней теперь? Я думаю, что Камилль самый лучший человекъ, какого я только знаю, и радуюсь, что онъ будетъ моимъ родственникомъ! Вотъ что я думаю, понимаешь Джина, понимаешь мама? И онъ бросился съ такой горячностью цѣловать ихъ, какъ будто собирался задунить ихъ.

Позднѣе, Джина и Камилль еще въ полъ-голоса потолковали о Пинпо Маффенсѣ и Джина дѣлала разные предположенія, какъ имъ лучше отвлечь его отъ его образа жизни и вернуть обществу.

На другой день Камилль отправился искать Маффенса. Это стоило ему большихъ усилій и было настоящей жертвою для его самолюбія, потому что послѣ того какъ онъ объявилъ ему, что намѣренъ жениться, Пинпо не спросилъ у него ни имени его невѣсты, ни красива-ли она, ничего! Какъ будто нисколько не интересовался будущностью и счастьемъ товарища. И теперь онъ долженъ былъ сказать ему, что желаетъ познакомить его съ семействомъ Торрезе? Но это знакомство теперь стало почти неизбежнымъ.

Камилль, который сначала посмѣялся надъ злословіемъ Батъяни, теперь невольно часто вспоминалъ о немъ.

Для чего Батъяни хотѣлъ повредить ему? Онъ, съ своей стороны, дѣлалъ ему отличіе, знакомя его съ семействомъ своей невѣсты? Можетъ быть онъ дѣйствовалъ безъ намѣренія? Кто-то сказалъ, что самый лучший способъ казаться остроумнымъ— это злословить—а Батъяни, который очень желалъ быть острымъ, всегда кончалъ тѣмъ, что немного да сиплетничалъ. Но тѣ кто слушалъ его, рѣдко замѣчали это, такъ онъ умѣлъ своей живостью и пріятной манерой скрививать и скрывать свои слова. Въ сущности же это просеходило всегда отъ его дурнаго характера, склоннаго вредить другимъ безъ пользы для себя.

Камилль не нашелъ Маффенса нигдѣ, и вечеромъ, передъ тѣмъ какъ идти къ Торрезе, рѣшился отправиться къ нему на квартиру.

Онъ въ первый разъ шелъ туда. Маффенсѣ занималъ двѣ комнаты на улицѣ де-Клеричи.

Пинпо, съ лампочкой въ рукѣ, освѣщавшей его блѣдное, исхудалое лицо, отворилъ ему.

— Добрый вечеръ, сказалъ онъ спокойно, какъ будто ждалъ его и повелъ въ свою комнату.

Тамъ, на каминѣ, горѣли двѣ свѣчи, а на столѣ лампа, но свѣтъ не оживлялъ мрачной комнаты.

Это была изящная комната богатаго молодого человека; но Маффенсѣ не сумѣлъ придать ей того моднаго вида артистическаго безпорядка и уютности. И при новомъ своемъ образѣ жизни, вполне безпорядочномъ, его прежняя любовь къ порядку заставляла его держать книги на мѣстахъ и симметрично разставлять стулья вокругъ стола.

Пинпо былъ въ халатѣ и Камилль подумалъ, что онъ не совсемъ здоровъ, потому что онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго и глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ; на столѣ передъ диваномъ стояла бутылка коньяку и лежала раскуренная трубка. Оба помолчали.

Пинпо, стоя у дивана, ждалъ, чтобъ гость его сѣлъ, и наконецъ даже сказалъ ему: „Сяди пожалуйста“.

Но Камилль взялъ стулъ, говоря.

— Ты можешь быть лежалъ; ты вѣдь не станешь со мною церемониться.

Пинпо отвѣчалъ „нѣтъ“, но во взглядѣ его было выраженіе уваженія, почти покорности. Онъ! Онъ покраснѣлъ, растянулся на диванѣ и вновь закурилъ трубку.

Камилль смотрѣлъ на него пристально и молчалъ; онъ старался быть спокойнымъ, но ему это плохо удавалось. Онъ чувствовалъ большое желаніе выказать все свое надъ нимъ превосходство, заговорить съ нимъ сухо и свысока, но вмѣсто того, опершись локтемъ на колѣни и нагнувшись впередъ, онъ сказалъ ему спокойнымъ и привѣтливимъ, дружескимъ голосомъ:

— Пинпо, у меня къ тебѣ есть просьба.

Онъ посмотрѣлъ на него, но тотъ, краснѣя, избѣгалъ его взгляда.

— Отъ меня? Что ты желаешь? А, вѣроятно... и онъ пустилъ большое облако дыма.

Камилль не сказалъ бы ему болѣе ничего, еслибъ не любовь къ Джинѣ и воспоминаніе о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ предшествовавшего вечера. Послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ:— „Я хочу познакомить тебя съ моей невѣстой“.

— Меня?

Камилль не отвѣчалъ.

— Какъ ее зовутъ? спросилъ онъ.

— Это синьорина Джина Торрезе.

— Торрезе? прекрасное семейство.

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и прислонившись лбомъ къ

стеклу и заложивъ руки въ карманы сказалъ, не оборачиваясь, голосомъ полнымъ горечи:

— Не понимаю, какъ ты можешь желать, чтобы я познакомился. Ты не можешь этого желать. Нѣтъ, невозможно, чтобы ты хотѣлъ этого! воскликнулъ онъ поворачиваясь. Зачѣмъ ты сказалъ мнѣ это? Можетъ быть, чтобы заставить меня еще разъ почувствовать, что я не стою теперь войти въ порядочный домъ?

— Я сказалъ это тебѣ потому, что дѣйствительно этого желаю; я надѣюсь, что ты согласишься, спокойно отвѣчалъ послѣдатель, передвигая альбомъ, лежавшій на столѣ.

— Это невозможно.

— Синьора Торрезе и невѣста моя сами просили меня привести тебя къ нимъ, продолжалъ тѣмъ же тономъ Камилль. Они спросили меня: кто мой самый старый другъ? Я конечно отвѣтилъ инженеръ Маффенсѣ и они сказали мнѣ: „познакомь насъ съ нимъ“. Ты вѣришь мнѣ?

Камилль поднялъ отъ альбома голову и смотрѣлъ на него, но въ его взглядѣ не было того спокойствія, которое слышалось въ его голосѣ.

— Да, вѣрю! отвѣчалъ Пинпо рѣшительно.

— И ты пойдешь къ нимъ?

— Сейчасъ?

— Сейчасъ нѣтъ, но завтра вечеромъ.

— Завтра? отчаянно воскликнулъ онъ. Да, завтра не знаю, пойдешь ли я.

— Почему?

— Не знаю я, въ какомъ состояніи я буду завтра. Ты понимаешь, вѣдь я уже не человекъ какъ другіе. А между тѣмъ я чувствую, что если пойдю туда—отчего не сказать тебѣ всего Ками? Когда я открылъ дверь и увидалъ тебя, я точно ожилъ. Я былъ боленъ и у меня тутъ не было никого, никого! Еслибъ вошелъ Сальвини или Пради и сказали мнѣ: пойдешь; я бы пошелъ съ ними.—Но вошелъ ты, Ками! Возьми меня съ собою. Веди меня туда, кто знаетъ! Можетъ быть это случай, которому суждено спасти меня и вырвать изъ этой жизни, совсемъ губящей меня.

Онъ говорилъ взволнованнымъ и прерывающимся голосомъ и когда кончилъ—въ изнеможеніи упалъ въ кресло.

Камилль въ первый разъ слышалъ отъ него такую рѣчь. Онъ понялъ все смиреніе этой когда-то гордой души и былъ болѣзненно тронутъ.

— Пойдемъ, Пинпо. Когда я подумаю, лучше будетъ если мы пойддемъ туда сегодня-же вечеромъ. Завтра тамъ будутъ сторонніе и ты не такъ ясно почувствуешь, что входилъ къ друзьямъ... Онъ взялъ его за руку, но рука была холодна какъ ледъ и влажна. Камилль былъ невольно пораженъ этимъ и поспѣшилъ дотронуться до его лба; онъ горѣлъ.

— Ты боленъ, Пинпо. Сегодня ты не можешь выйти изъ дому.

Онъ привсталъ, но вновь опустившись сказалъ: „Я чувствую что не могу, а все таки хочу идти, во что бы то ни стало, Ками.“

Но видно было, что онъ чувствуетъ сильный ознобъ и губы его посивѣли.

— У тебя лихорадка, Пинпо. Будь послушенъ, ложись въ постель.

— Тамъ ты значить туда не хочешь вести меня? Но ты не можешь этого желать. Я не достоинъ дружбы ни твоей, ни твоей невѣсты. Какъ ее зовутъ, невѣсту-то твою?

Глаза его странно блеснули и зрачки налились кровью. Камилль ноялъ, что онъ начинаетъ бредить и настоялъ, чтобъ тотъ ложился въ постель.

Большой попробовалъ развязать шпуръ своего халата, но пальцы его дрожали и онъ не могъ. Камилль помогъ ему, но онъ какъ будто не замѣчалъ, что его раздѣваютъ и все продолжалъ говорить въ возбужденіи:

— Дай мнѣ прежде исправиться; я хочу заслужить дружбу твоей Джини. Я уйду далеко, мнѣ надо уйти дальне.пусти меня Ками!

Потомъ онъ прибавилъ: Точно рокъ влечетъ меня; онъ сильнѣе меня, борется съ нимъ и побѣдитъ его не могу. Ками! я знаю—судьба преслѣдуетъ меня!

Онъ уже былъ въ постели, но все продолжалъ говорить; голова его горѣла и онъ трясся отъ озноба. Камилль принялъ мѣры, какія могъ придумать. У него болѣзненно жалось сердце, когда онъ увидѣлъ, что одинъ съ этимъ бѣднымъ больнымъ въ домѣ, гдѣ онъ въ первый разъ, и при мысли, что еслибъ не случай, не Провидѣніе, которое привело его сюда въ этотъ вечеръ, несчастный остался бы безъ всякой помощи.

Онъ послалъ съ привратникомъ записку къ своей матери и другую своему доктору, который не замедлил явиться. Онъ сказалъ, что еще нельзя опредѣлить, чѣмъ кончится лихорадка, и образуется ли тифъ или воспаленіе. Во всякомъ случаѣ, это, на вѣрно, предвѣстіе серьезной болѣзни. И Камилль остался одинъ на всю ночь возлѣ постели своего друга.

Одно мгновеніе, больной широко раскрылъ свои большіе, лихорадочно-блестѣвшіе глаза и продолжительно посмотрѣлъ на него и взглядъ мало по малу принялъ выраженіе сильнѣйшей и живѣйшей вѣжности и привѣтливости.

— Ты страдаешь? спросил его Камилль, положив ему руку на голову.

Пиино опять посмотрѣлъ на него пристально и не сморгнувъ и какъ будто не понимая.

— Я никогда еще не чувствовалъ себя такъ хорошо.

На другое утро болѣзни усилилась и мать Камилла, которая посѣщала явиться на помощь, сочла нужнымъ предупредить семейство Маффенсъ и отправилась къ нимъ сама. По отъ привратника узнала, что синьора и синьорина наканунѣ вечеромъ уѣхали въ Парижъ, гдѣ только что открылась выставка.

Значить и на этотъ разъ Пиино опять былъ одинъ. Но цѣтъ, и на этотъ разъ подлѣ него былъ Камилль Морандо.

Былъ пріемный вечеръ въ домѣ Торрезе: залъ былъ полонъ народомъ, а въ гостиной дѣвочки окружали Джину, которая, въ своемъ сѣромъ съ розовымъ платьѣ, казалась еще прелестнѣе обыкновеннаго, хотя была немного блѣдна.

Тетушка Клотильда, которая пріѣхала утромъ, наблюдала за пей и вздыхала: «Бѣдная дѣвушка, вѣрно мать сказала ей».

А пока, она подсаживалась то къ той, то къ другой кузинѣ, но только что разговоръ становился задумчивымъ и рѣчь заходила о женихѣ, какъ откуда не возьмись являлась синьора Анна и тѣмъ или другимъ отвлекала вниманіе собесѣдницы.

Но вотъ вошелъ Паоло Батъяни, изищиге и красивѣе чѣмъ когда либо, и синьора Клотильда забыла свою досаду и выставила на показъ свои прекрасные вставные зубы.

— Кто это? спрашивали дамы.

А дѣвочки сѣвшили взглянуть на повъ прибывшаго.

Минуть черезъ десять всѣ знали, кто онъ, и Батъяни уже успѣлъ пріобрѣсти общее расположеніе.

— Синьора Джина, что подѣлываетъ Камилль? сказалъ онъ, подходя къ двери гостиной.

— Вѣроятно у него много дѣла на фабрикѣ, и онъ поздно вернулся оттуда, отвѣчала синьорина спокойно, но изъ жилки на вискахъ у нея видимо сильно билась, какъ съ ней бывало всякій разъ, когда она волновалась, и своимъ опытнымъ глазомъ Батъяни тотчасъ замѣтилъ это.

Тетушка Клотильда не знала, что и думать. Она нашла все семейство въ такомъ спокойствіи, какъ будто ничего не случилось; но почему не приходилъ Камилль?

Франко ходилъ взадъ и впередъ по залу и, всякій разъ что раздавался звонокъ, тайкомъ поглядывать въ переднюю. У него нельзя было узнать ничего, потому что онъ отвѣчалъ все на выворотѣ.

Вдругъ Джина встала и сказавъ своимъ кузинамъ и подружкамъ: «извините», пошла въ сосѣдній залъ къ матери.

— Мама, сказала она, Камилль опаздываетъ: это неестественно; почему онъ не пришелъ такъ же вчера вечеромъ. Не боленъ-ли онъ?

— О нѣтъ; вѣрно другъ его заставляетъ его ждать, отвѣчала нѣсколько сухимъ тономъ мать ей. Милая Джина, я безпокоюсь совсѣмъ о другомъ. Я худо сдѣлала, что послушалась васъ, дѣтей.

Но тутъ вдругъ подошелъ Франко и сказалъ: «Мама! Камилль обидѣлся и не придетъ ни со своимъ другомъ, ни одинъ! Увѣряю тебя!» Джина поблѣднѣла. Франко спохватился и старался ободрить ее, но въ это время дверь отворилась и показался Камилль. Онъ нѣсколько растерянно остановился на порогѣ; видимо онъ забылъ, что сегодня четвергъ и что онъ встрѣтитъ тутъ собраніе. Онъ былъ ужасно блѣденъ и Джина въ испугѣ побѣжала къ нему на встрѣчу.

По Франко, который ничего не замѣтилъ, бросился къ нему, цѣлуя его и восклицая! «Визать! наконецъ-то!» но тихо прибавилъ: «Гдѣ же твой другъ? Гдѣ ты оставилъ его?»

— Онъ боленъ, очень опасно боленъ! Джина моя, я долженъ опять вернуться къ нему.

— Ты вѣрно просидѣлъ около него почъ? у тебя такой усталый видъ.

— Да; но я чувствую себя отлично.

— Береги себя, Камилль. Но возвращайся къ нему сейчасъ же. Я тоже совсѣмъ здорова.

Но при этомъ глаза ей наполнились слезами.

Никто не подошелъ къ обреченнымъ, которые говорили вполголоса, но всѣ смотрѣли на нихъ, понимая, что случилось что нибудь печальное.

— Что такое? спросила мать.

И тогда отовсюду посыпались вопросы: «Что такое? Что случилось?»

— Пиино Маффенсъ боленъ, тихо отвѣчала Джина своей матери. И Камилль всю ночь провелъ около него и спать долженъ вернуться къ нему.

— Прекрасно, вотъ это я люблю! сказала ему синьора Анна, крѣпко пожимая ему руку, потомъ громко прибавила:

— Какая жалость! Камилль сегодня не можетъ остаться съ нами!

— О, почему? спросили дамы.

Синьора Анна на мгновение смѣшалась.

— Одинъ изъ моихъ друзей боленъ, послѣдигъ отвѣтитъ Камилль.

— Кто? Не Карми-ли? спросилъ Батъяни.

Камилль посмотрѣлъ на него, но не смогъ произнести известное имя.

Тогда Джина взяла за руку своего жениха и обернулась къ молодому человѣку.

Взглядъ ей былъ твердъ и ясенъ и голосъ звученъ и спокоенъ, когда она отвѣтила; «Инженеръ Маффенсъ».

Прошла недѣля и въ состояніи больного не замѣчалось улучшения. Камилль жилъ какъ во снѣ и находился въ состояніи забытій и изступленій, надъ которымъ сильно задумывалась Джина.

Днемъ онъ ходилъ на свою бумажную фабрику и оставлялъ больного съ сидѣлкою и своею матерью, а ночью непремѣнно самъ хотѣлъ быть около него, и если на минуту успѣвалъ забраться сномъ, то это было настоящимъ чудомъ.

Впрочемъ больной былъ довольно спокоенъ и кромѣ страданій, причиняемыхъ болѣзью, вовсе не жаловался и всегда былъ доволенъ и благодаренъ за все. Между тѣмъ день свадьбы приближался и Джина въ первый разъ поняла, что никакъ нельзя будетъ удалить Камилла отъ постели друга, а потому когда ее спрашивали, когда она будетъ вѣнчаться, отвѣчала, что дѣль еще не назначенъ.

Тогда вся родня вполнонилась и Джина вѣкорѣ замѣтила, по нѣкоторымъ пристальнымъ взглядамъ, полнымъ сожалѣніемъ и безпокойства, нѣкоторымъ скромнымъ вопросамъ и пожатіямъ руки, чрезвычайно краснорѣчивымъ, что клевета уже продолжала себѣ дорогу.

Злые и остроумные выдумки Паоло Батъяни понемногу до того разрослись и усилились, что матери не смѣли и говорить о нихъ со своими дочерьми; но старыя кузины и молодая тетушка, подъ условіемъ молчанія конечно, рассказывали все дѣвщинамъ.

Тетушка Клотильда, которой Джина рассказала исторію Пиино Маффенса и которая, въ сущности, была добра и желала всего лучшаго своей Джинѣ, теперь весьма старалась восхвалять доброе сердце Камилла и говорила, что этотъ Батъяно большою злостью и что ему нельзя вѣрить.

Прошла еще недѣля и Пиино сталъ уже вставать по нѣсколько часовъ въ день.

Франко хотѣлъ во что бы то ни стало видѣть его, и въ одинъ вечеръ страшно расканиричился по этому поводу, но Камилль говорилъ, что Пиино еще очень слабъ и его нужно беречь отъ волненія; что когда его перенесутъ на квартиру къ нему, Камиллу, то Франко можетъ туда притти; тогда это будетъ гораздо естественнѣе. Мальчикъ не сказалъ болѣе ни слова, но фырчалъ какъ нетерпѣливая лошадка.

Наконецъ желанный день наступилъ.

Больного помѣстили въ комнату Фанни (сестры Камилла, вышедшей замужъ мѣсяцевъ шесть передъ тѣмъ) и которая еще послала слѣды пребыванія въ ней молодой дѣвушки.

Комната была оклеена бѣлыми съ голубымъ обоями и такіе же цвѣта были на ситцевой покрывкѣ стульевъ и изголовья кровати.

Тутъ былъ и Пиино Маффенсъ; голова его была подперта цѣлою горой подушекъ, а передъ нимъ лежалъ иллюстрированный журналъ. Онъ разсѣянно смотрѣлъ на картинки, какъ ребенокъ, который не умѣетъ читать и не можетъ ихъ понять.

Ворода, выросшая у него за мѣсяць болѣзни, придавала его лицу еще болѣе исхудалый и страдальческій видъ. Его впаде глаза какъ-то вяло и удивленно смотрѣли въ лицо тѣхъ, кто съ нимъ говорилъ, но въ его чертахъ не было прежняго рѣзкаго и горькаго выраженія и когда, проводя ему рукою по лбу, синьора Морандо говорила ему:

— Какъ ты себя чувствуешь, Пиино? онъ взглядывалъ на нее съ благодарностью и съ спокойной и ясной улыбкой отвѣчалъ: «Хорошо, моя добрая мама». И въ его взглядѣ не было ни малѣйшаго слѣда печали, какъ будто онъ забывалъ, что его собственная мать далеко, веселится въ Парижѣ, а эта—мать его друга.

— У насъ тутъ сегодня братъ нашей Джинны, сказала ему однажды синьора Морандо. Онъ очень симпатичный мальчикъ и очень расположенъ къ тебѣ, какъ и всѣ въ домѣ Торрезе. Я сейчасъ приведу его сюда.

Пиино смутился, хотѣлъ что-то отвѣтить, но синьора тотчасъ вышла и опять вернулась съ Камилломъ и Франко.

Кровь вдругъ бросилась въ лицо больному, еще довольно слабому, и онъ безпокойно сталъ перебирать руками по изголовью кровати.

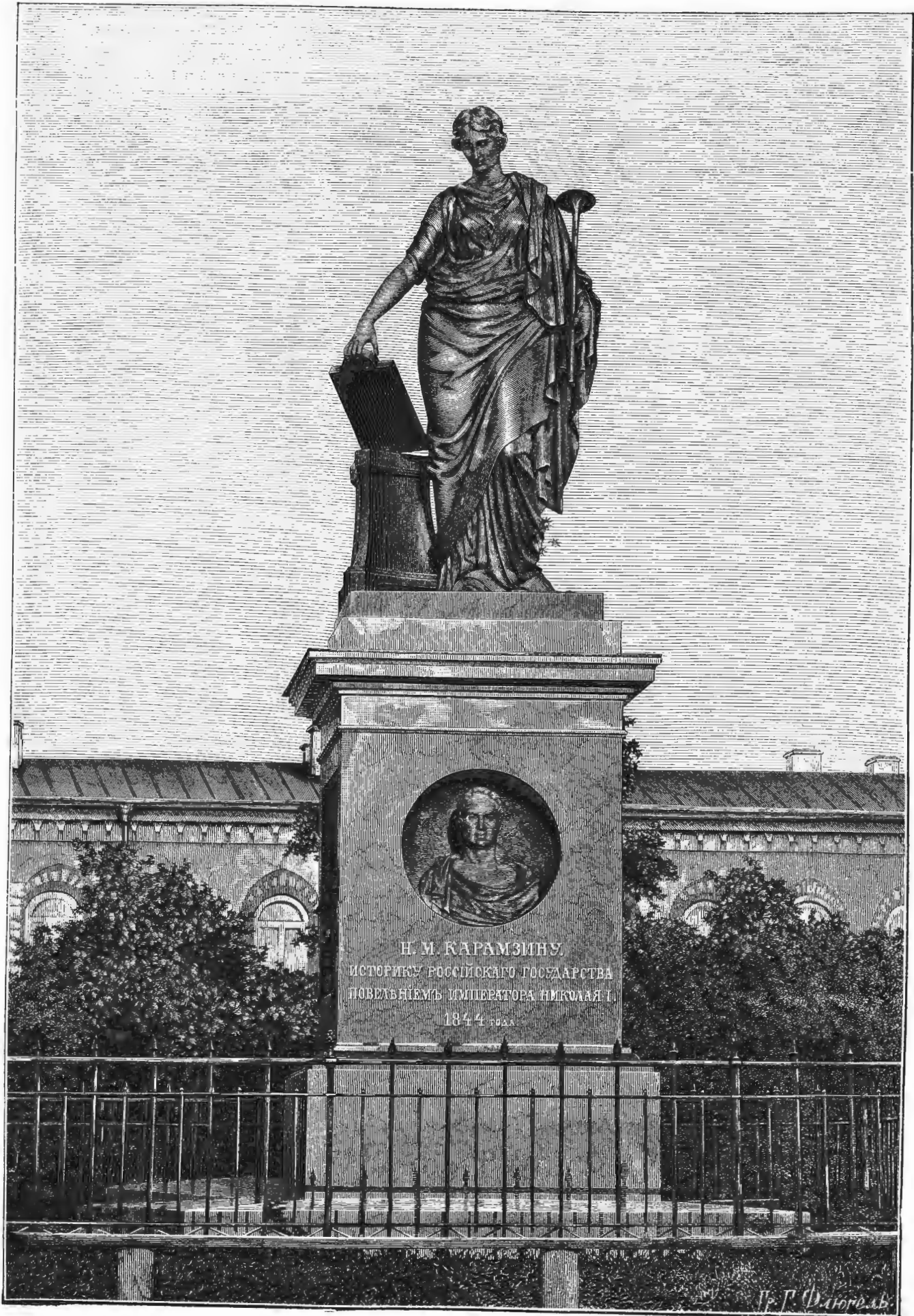
Франко блѣдный и съ пунцовыми ушами, сконфуженно подошелъ къ нему.

— Вотъ видишь ты его? Черезъ нѣсколько дней этотъ негодный плутишка будетъ моимъ шуриномъ, сказалъ весело Камилль.

— Какъ ваше здоровье? Хорошо-ли вы себя теперь чувствуете? лепеталъ Франко.

— Благодарю, теперь мнѣ хорошо. Съ такими добрыми и терпѣливыми сидѣлками невозможно умереть; и онъ медленно улыбнулся.

Камилль и мать его говорили о разныхъ вещахъ, но они молчали и смотрѣли другъ на друга.

Памятникъ Карамзину въ Сибирскѣ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Городъ Прага. Рис. 1. Градчинъ.

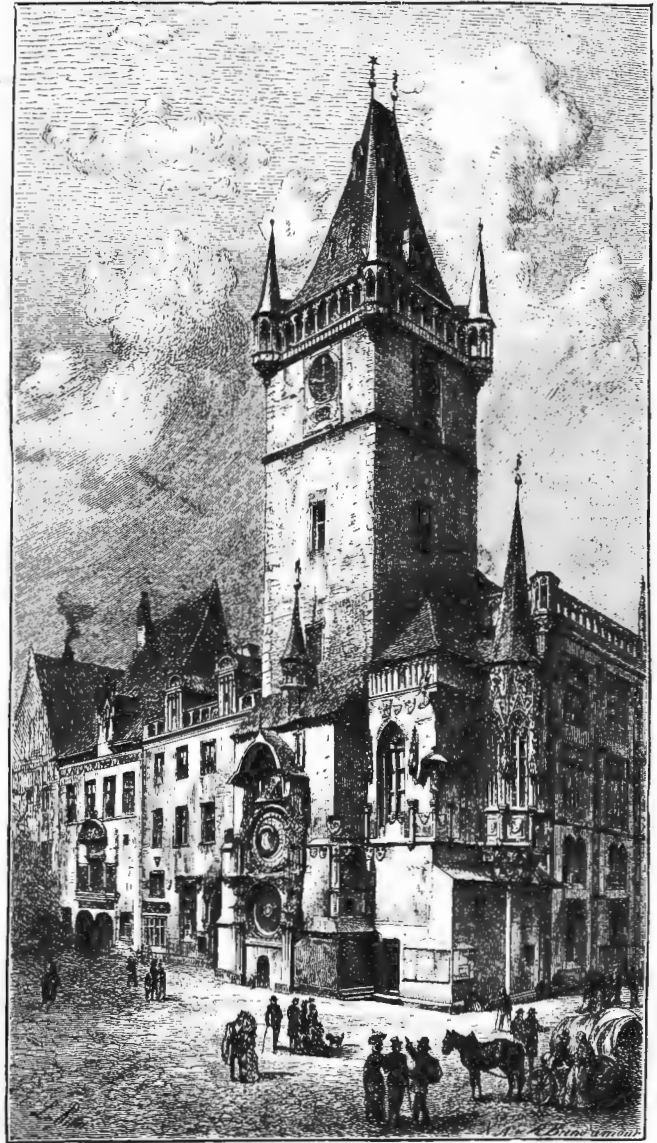
Франко пожиралъ глазами больного; послѣдній же смотрѣлъ тихо, но съ любопытствомъ и удовольствіемъ на этого хорошенькаго мальчика съ прекраснымъ, открытымъ и яснымъ личикомъ.

Франко возвратился домой, захывавшись, съ глазами красными какъ бы отъ слезъ и съ ужаснымъ желаніемъ поднять содомъ: „Мама, Джина, тетя, я видѣлъ его! я видѣлъ его!“ кричалъ онъ и бѣгалъ по всѣмъ комнатамъ.

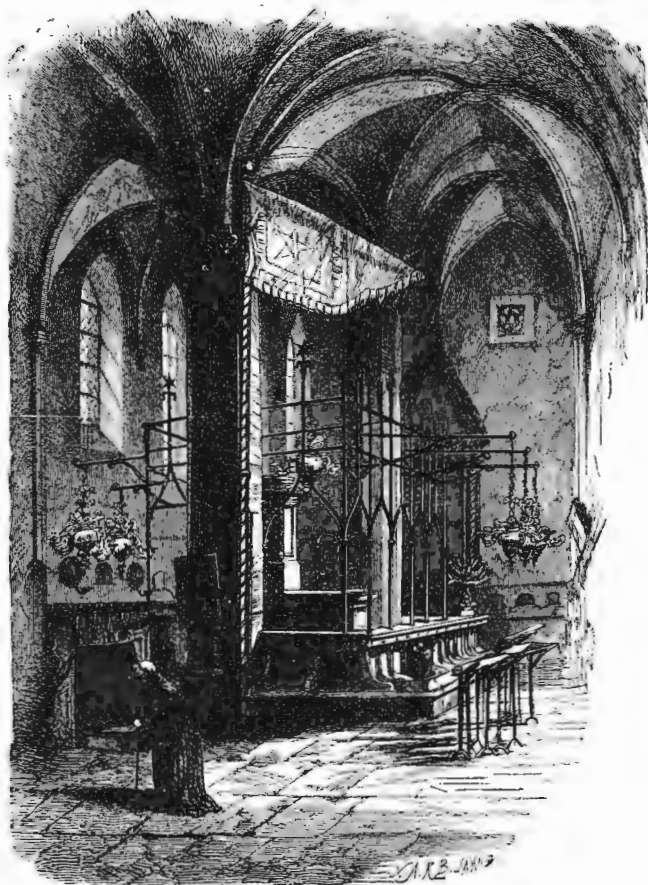
— Каковъ онъ? говори же! съ трепетомъ спрашивала тетя.

— Что онъ тебѣ сказалъ? рассказывай! говорила Джина.

— Каковъ онъ? онъ—я самъ не знаю каковъ онъ. Онъ худъ какъ скелетъ и у него предлинныя руки! но взглядъ его такъ и проникъ мнѣ въ душу! А какіе зубы! такіе же бѣлые какъ

Городъ Прага. Рис. 3. Старая Прага. Ратуша.

Городъ Прага. Рис. 2. Внутренній видъ Пражской синагоги.

твои тетя. Ахъ, по эти глаза! эти глаза... Джина! что тебѣ сказалъ Камилль? Что онъ надѣется, что чудо совершлось? Конечно совершлось! увѣряю васъ: болѣе добродушное лицо трудно и найти.

Городъ Прага. Рис. 4. Пороховая башня.

И онъ весь вечеръ, съ восторгомъ продолжалъ говорить о Пиппо Маффенсѣ.

Въ одно утро Камилль вошелъ въ комнату Пиппо, одѣтый

въ черное, во фракъ со складной шляпой и бѣлыми перчатками въ рукахъ.

Большой только что проснулся и посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, но потомъ вспомнилъ и оттѣнокъ печали промелькнулъ въ его взглядѣ, но онъ улыбаясь сказалъ: Да, вѣдь это сегодня. Когда мы опять увидимся Камилль?

— Да дней черезъ пятнадцать.

— Ты кажется говорилъ черезъ мѣсяць?

— Да; можетъ быть мы пропутешествуемъ и съ мѣсяць. Камилль сталъ растагивать свои перчатки.

Съ минуту длилось молчаніе; потомъ Ниппо протянулъ ему свою исхудалую и дрожащую руку и сказалъ взволнованнымъ голосомъ: Камилль!

Камилль поднялъ голову.

— Я не говорю тебѣ ничего, Камилль! сказалъ наконецъ больной. Если правда, что есть Богъ, то Онъ вознаградитъ тебя за все, что ты для меня сдѣлалъ. Я этого не могу. Есть благодѣянія неоплатныя. Я тебѣ только скажу, что проживи я хоть тысячу лѣтъ—никогда не забуду, что ты сдѣлалъ для меня, не забуду ни малѣйшаго твоего слова, ни единого твоего взгляда!.. Вчера, напримѣръ, я, цѣлый день, мысленно все повторялъ себѣ нѣкоторыя слова, сказанныя мнѣ, три года тому назадъ, твоей матерью въ тотъ день; и я удивлялся, какъ они такъ хорошо сохранились у меня въ памяти, какъ будто-бы я ихъ записалъ. Вотъ они: „Великая тайна милосердія Божія именно въ самыхъ ужасныхъ и тяжелыхъ ударахъ, ниспосылаемыхъ намъ Рукою Его.“ Сегодня, Камилль, я чувствую всю правду этихъ словъ.

Камилль, растроганный, пожалъ ему руку и черезъ минуту отвѣтилъ:

— Я тоже думаю, что вѣтъ того страданія, которое бы не имѣло своей хорошей или, по крайней мѣрѣ, полезной стороны и что все дѣлается всегда къ лучшему... и что мужество и трудъ всегда помогутъ выйти изъ самаго отчаяннаго состоянія. Мнѣ кажется, что испытываешь настоящее торжество въ борьбѣ съ горемъ и нравственной опасностью.

Онъ замолчалъ въ испугѣ; вѣдь онъ такимъ образомъ дотронулся до большого мѣста Ниппо и опасался за послѣдствія.

Ниппо слегка покраснѣлъ. Потомъ сказалъ съ усиленіемъ:

— Тебѣ легко говорить о мужествѣ и силѣ, когда ты здоровъ и имѣешь спокойное сердце и ясный умъ; тебѣ, когда ты былъ столь же добродѣтеленъ вчера, какъ и сегодня.

Въ его голосѣ не было ни малѣйшей горечи; онъ говорилъ кратко и смиренно, но не безуважно.

— Когда ты немного поправился, продолжалъ Камилль взволнованнымъ голосомъ, которому онъ тщетно старался придать веселость, отправясь съ моей матерью на озеро въ нашъ домикъ, который ты знаешь и любишь. Хорошій воздухъ принесетъ тебѣ пользу и ты развлечешь немного мою бѣдную маму, которая иначе осталась бы совсѣмъ одна тамъ. Когда мы воз-

вратимся изъ нашего путешествія, то приѣдемъ къ вамъ туда и вмѣстѣ проведемъ тамъ недѣли съ двѣ. Какъ ты думаешь?

— Я думаю, что ты такой славный малый! отвѣчалъ Ниппо, пробуя улыбнуться.

— И такъ рѣшено, мой милый, сказалъ Камилль вставая. Ты куда не тронешься, пока я не замѣню тебя около мамы. Береги свое здоровье, гуляй и пиши мнѣ часто, если будешь къ тому расположенъ; и онъ еще продолжалъ болтать о разныхъ вещахъ и улыбаясь вышелъ изъ комнаты.

Ниппо спряталъ лицо въ подушку и заплакалъ какъ ребенокъ.

Около двухъ часовъ въ этотъ день карета остановилась у подъѣзда дома Морандо.

— Это синьора возвращается со свадьбы, подумала сидѣлка, помѣстившаяся у подножія кровати, на которой заснулъ вздремливающій.

Но черезъ минуту дверь открылась и, изъ-за синьоры Морандо, тайкомъ заглянулъ Камилль, улыбаясь.

Но онъ тотчасъ отретировался.

— Какъ жалъ! онъ спитъ, сказалъ онъ вполголоса и другой женскій голосъ отвѣчалъ ему:

— Неужли? о, какъ жалъ!

Но Камилль опять появился.

— Какъ онъ спокойно спитъ! пробормоталъ онъ. Видно что онъ чувствуетъ себя хорошо. Войди Джина, посмотри.

И Джина робко вошла, краснѣя подъ своимъ зеленоватымъ дорожнымъ вуалемъ.

Она посмотрѣла и въ первый разъ увидела друга Камилла. Ей показалось, что онъ мертвъ, до того онъ былъ худъ и блѣденъ, да при томъ лежалъ съ закрытыми глазами, и она пришла въ ужасъ; затѣмъ ею овладѣло странное волненіе, ужасное желаніе расслабиться. Но это была только одна минута.

Осушивъ глаза, она на цыпочкахъ, затанувъ дыханіе, подошла къ столу у окна, на которомъ увидела червильницу и перо. Она взяла клочекъ бумаги и написала:

„Я приходила съ Камилломъ чтобы привѣтствовать васъ, но вы спали. Я всетаки видѣла васъ и пока съ меня довольно. Но я желаю, чтобы и вы меня видѣли или лучше чтобы мы увидели другъ друга. Приѣзжайте же къ намъ на Лаго-Маджоре.“

Жена Камилла.

Она протянула записку своему мужу, который прочиталъ ее и растроганный запечатлѣлъ поцѣлуй на устахъ своей „жены“. Это былъ первый.

Всякій, кто нынѣ приѣзжаетъ по желѣзной дорогѣ въ Миланъ, можетъ, съ подъѣзда центральной станціи, на фасадѣ лежащей влѣво отъ нея, старой и извѣстной бумажной фабрики, видѣть надпись огромными буквами: Бумажная фабрика *Морандо-Маффенсы*.

Къ рисункамъ.

Вакханка.

(Рис. на стр. 177).

Условія современной жизни до того не подходятъ къ требованіямъ скульптуры, что ваятели поневолѣ должны обращаться къ давно минувшей эпохѣ—эпохѣ, которая дала чудные образцы для пластики. Скульптура поэтому, съ ея вѣчно полуобнаженными формами, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ живопись. Истинно-изящными произведеніями въ этомъ родѣ все же остаются только тѣ образцы которыхъ заимствованы у Греціи. Традиціи, воспріятыя искусствомъ у Эллады, этой страны искусства, свѣжи до сихъ поръ и едва ли когда устарѣють. Вотъ напр. современный художникъ беретъ тему „Вакханка.“ Сколько граціи, прелести, сколько изящества! Въ этой Вакханкѣ „окрыленной пляской безъ роздыху,“ какъ бы олицетворяется вся Эллада—вѣчно юная, вѣчно прекрасная, не желающая знать, поминуть и размышлять о смерти, поставившая себѣ девизомъ „лучшее изъ того, что дала намъ природа“—жизнь...

Авторъ этого произведенія, 6 января скончавшійся, замѣчательный ваятель. Франція лишилась въ немъ многого. Жанъ Батистъ Огюстъ Клезингеръ род. 1814 г. въ Безансонѣ. Онъ былъ ученикъ своего отца, также скульптора, и окончилъ свое артистическое образованіе въ Италіи. Его извѣстнѣйшія произведенія: „Переида,“ „Женщина, испугавшаяся змѣи,“ „Статуя Луизы Савойской“ и „Вакханка,“ копію съ которой мы здѣсь помѣщаемъ. Кромѣ того извѣстна его колоссальная статуя „Братство“, исполненная имъ въ 1848 году. Клезингеръ занимался и живописью и выставлялъ свои картины въ Парижскихъ салонахъ. Онъ былъ женатъ на дочери знаменитой писательницы Жоржъ-Зандѣ.

Памятникъ Н. М. Карамзину въ Симбирскѣ.

(Рис. на стр. 180).

Какъ историкъ и писатель вообще, Н. М. Карамзинъ пользуется въ нашемъ отечествѣ вполнѣ заслуженной, незблемой

славой; его ученая заслуга давно признана не только у насъ по и за границей, и теперь никому не покажется страннымъ остроумное выраженіе Пушкина, что Карамзинъ открылъ для насъ древнюю Русь, какъ Колумбъ Америку. Скажемъ еще болѣе: онъ не только открылъ эту древнюю Русь, но заставилъ относиться къ ней съ почтеніемъ, полюбить ее и тѣмъ проложилъ путь къ болѣе живому и всестороннему ея изученію. Громадное значеніе какъ научное, такъ и патриотическое его трудъ было ясно уже для его современниковъ; историкъ былъ щедро награждаемъ какъ Императоромъ Александромъ Благословеннымъ, такъ и Императоромъ Николаемъ, и общее горе соприождало его въ могилу. Но особенно это горе живо почувствовалось въ Симбирскѣ, его родицѣ и мѣстѣ его первоначальнаго воспитанія. Здѣсь въ селѣ Знаменскомъ, Симбирскаго уѣзда, 1-го декабря 1766 года, впервые увидѣлъ свѣтъ Николай Михайловичъ; здѣсь же онъ росъ, пока его не отдали въ Симбирскій пансіонъ Фовеля. Переведенный отсюда въ Москву, въ пансіонъ профессора Шадена, Карамзинъ все таки часто посѣщалъ свой родной городъ и будучи уже взрослымъ молодымъ человекомъ, свелъ здѣсь знакомство съ такими замѣчательными людьми своего времени, какими были Дмитріевъ и Тургеневъ, имѣвшими такое сильное и благотворное влияние на развитіе его необыкновенныхъ способностей. Неудивительно, что когда умеръ Карамзинъ въ 1826 году, то жители Симбирска еще сохранили объ немъ самую живую память; онъ былъ гордостью ихъ города, незабвеннымъ для нихъ землякомъ и потому у нихъ прежде всего явилась мысль создать достойный памятникъ творцу отечественной исторіи. Но эта мысль, по разнымъ причинамъ, долго не могла осуществиться; только въ 1833 года симбирское дворянство получило возможность ходатайствовать объ ея скорѣйшемъ выполненіи; на ходатайство это послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе и циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о сборѣ пожертвованій для сооруженія въ Симбирскѣ памятника Карамзину. Составленіе проекта памятника было поручено извѣстному тогда скульптору Гальбергу, который и изваялъ величественную статую Кліо

—музы истории—бюсть Карамзина и два барельефа. Памятникъ был торжественно открытъ въ Симбирскѣ 23-го августа 1845 года, въ присутствіи множества народа и почетныхъ гостей, сыновей Карамзина и одного изъ его самыхъ ревностныхъ почитателей—академика М. П. Погодина. Кромѣ того Симбирское дворянство тогда же рѣшилось учредить въ память Карамзина публичную библиотеку, давъ ей названіе Карамзинской. Собрано было для этой цѣли болѣе 10.000 томовъ, но все это сокровище погибло въ нѣсколько часовъ при громадномъ пожарѣ Симбирска, 19-го августа 1864 года, когда городъ горѣлъ со всѣхъ сторонъ. Даже памятникъ историка былъ кругомъ въ пламени, но остался цѣлъ.

Памятникъ возвышается на такъ называемой Карамзинской

площади, противъ гимназіи, губернаторскаго дома и монастыря и вполне отражаетъ въ себѣ псевдо-классическое направленіе искусства того времени, когда онъ былъ поставленъ. На гранитномъ пьедесталѣ стоитъ муза истории—Клио, опершись на скрижаль и держа въ рукѣ трубу, на одной сторонѣ пьедестала, подъ бюстомъ Карамзина, поставленномъ въ углубленіи, изсѣчена надпись: „Николаю Михайловичу Карамзину, историку Россійскаго государства, по повелѣнію Императора Николая I“, а по бокамъ помѣщены два мѣдныхъ барельефа—одинъ изображающій чтеніе Карамзинымъ своей исторіи Императору Александру, а другой—тотъ моментъ, когда уже лежащему на смертномъ одрѣ историкъ, вручаютъ благодарственный рескриптъ Императора Николая.

НѢЧТО ОБЪ ИНСТИНКТѢ ЖИВОТНЫХЪ.

Очеркъ.

До сихъ поръ иногда возникаетъ вопросъ, имѣютъ ли животныя то, что въ человѣкѣ называется душою. Конечно, отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Разумныя дѣйствія ихъ объясняются инстинктомъ и инстинктъ этотъ такъ развитъ, что иногда животныя дѣйствуютъ и соображаютъ, и въ нихъ приходится признать нѣкоторое какъ бы присутствіе высшихъ силъ. Каждый въ свою жизнь видѣлъ, конечно, тому не мало примѣровъ. Хотя въ соображеніи животныхъ всегда замѣчается какая-то неполнота, недостатокъ связности въ представленіи.

Въ одномъ домѣ курица, выродожденіи лѣта, несла яйца въ ящикѣ, стоящемъ въ кухнѣ. Недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ положила послѣднее яйцо, она направилась къ тому же ящику, чтобы снова снести яйцо. Но ящикъ уже былъ занятъ; тамъ были маленькіе котята. Курица, вѣроятно въ томъ предположеніи, что это ея дѣти, сѣла на нихъ и когда приходила старая кошка, она бросалась на нее и клевала ее. Хозяинъ дома говорилъ, что свои материнскія права курица настойчиво отстаивала нѣсколько дней и ее постоянно приходилось выгонять изъ ящика. Тутъ въ соображеніи курицы замѣчается недостатокъ чего-то, очевидно не въ пользу ея душевныхъ силъ.

Въ одной деревнѣ, на большомъ деревѣ, свили себѣ гнѣздо два аиста, куда и прилетали они нѣсколько лѣтъ къ ряду. Живущіе близъ этого мѣста привыкли къ своимъ заморскимъ гостямъ и каждую весну ожидали ихъ съ нетерпѣніемъ. Аисты пингались лягушками, змѣями и другими гадами, по такъ же наносили и большой убитой рыболовамъ. Во время экскурсий за кормомъ, одинъ изъ аистовъ—самка—была убита. Оставшійся въ живыхъ аистъ, сталъ самъ присматривать за дѣтми и кормить ихъ. Наконецъ въ одинъ день появилась цѣлая стая аистовъ, изъ среды которыхъ выдѣлился одинъ, прилетѣлъ къ вдовцу и былъ имъ съ радостью принятъ въ подруги жизни.

Въ другой разъ осенью, когда аисты уже улетѣли, на одномъ изъ дворовъ деревни увидѣли расхаживающимъ молодого аиста, который еще не былъ достаточно силенъ, чтобы предпринять далекое путешествіе. Его пріютили въ сараѣ на зиму, и стали прикармливать. Этотъ аистъ привыкъ совершенно къ окружающимъ. Иногда онъ даже выходилъ со двора, гулялъ по деревнѣ и принималъ кормъ отъ всѣхъ. Одинъ мальчикъ дразнилъ и мучилъ аиста, съ тѣхъ поръ птица старательно обходила домъ, гдѣ ее дразнили и никогда больше тутъ не останавливалась.

Однажды Лэфро пришлось видѣть очень интересную борьбу воробья съ мышью. На крышѣ сарайчика былъ насыпанъ кормъ для голубей, къ которому подкралась мышь и анетитно фла, пока ее не согналъ воробей сильнымъ ударомъ клюва. Мышь стала отбиваться, при чемъ поднялась на задніи лапки и наконецъ убижала подъ лежащій здѣсь хворостъ. Тутъ она просидѣла довольно долго. Предполагая, что воробей улетѣлъ, она рѣшилась выйти. Но она ошиблась, хитрая птичка сидѣла невдалекѣ и зорко слѣдила за мышью, и какъ только та показалась, со злостью бросилась на нее. Мышь обратилась въ постыдное бѣгство и спряталась въ нору.

Не менѣе интересно было видѣть, какъ играютъ молоденькія канарейки. Одна, напримѣръ, находитъ камешекъ въ своемъ кормѣ, схватываетъ его клювомъ и старается положить на жердочку. Конечно, камешекъ все падаетъ, но она неутомимо поднимаетъ его и кладетъ все на новую мѣста жердочки. Наконецъ, видя безуспѣшность своихъ попытокъ, она снова взяла камешекъ и бросила его уже въ воду, внимательно глядя, какъ онъ тонуть.

Старая Прага.

(Рис. на стр. 181, 184, 185 и 186).

Прага—именно новая ея часть—роскошный, во всѣхъ отношеніяхъ комфортабельный городъ; множество изящныхъ грандіозныхъ построекъ воздвигается въ немъ ежегодно, и въ блестящей общественной жизни онъ можетъ поспорить съ любой изъ столицъ Европы. Но не смотря на это, симпатіи большинства чеховъ всетаки лежатъ больше къ Старой Прагѣ, городу легендъ и преданій, въ которомъ на каждомъ шагу встрѣчается

Отъ охотниковъ часто приходится слышать рассказы объ удивительной смѣтливости ихъ собакъ и смысленности преслѣдуемыхъ ими животныхъ. Одинъ страстный охотникъ разсказываетъ, что идя опушкой лѣса, около густо поросшаго камышемъ болота, ему удалось подстрѣлить дикую утку. Бывшая съ нимъ собака, бросилась за дичью, но найти ее не могла. По всей вѣроятности утка нырнула въ воду, и тамъ случайно зацѣпилась за какой-нибудь предметъ, такъ какъ стала совершенно невидимой для собаки. Собака вернулась безъ дичи. Спустя три недѣли, онъ снова проходилъ по этому самому мѣсту, трава была скошена, а также и болото было очищено отъ травы. Собака вошла въ воду и стала тамъ чего-то искать. На зовъ хозяйина она не вышла отсюда, такъ что тотъ ушелъ впереди одинъ. Вскорѣ затѣмъ собака его нагнала и стала тереться около его ногъ и визжать, но такъ какъ вниманіе его было отвлечено чѣмъ-то другимъ, то онъ, не глядя на собаку, протянулъ руку, чтобы ее погладить. Рука его паткнулась на перья, что его очень удивило. И что же? оказалось, что собака поймала живую ту самую утку, которая была подстрѣлена три недѣли тому назадъ. Крыло у нея оказалось перерубленнымъ и въ тѣлѣ найдено нѣсколько дробинокъ.

Тотъ же охотникъ разсказываетъ, что участвуя разъ въ охлавѣ на лисицѣ, онъ стоялъ на одной линіи со своимъ товарищемъ, очень хорошимъ стрѣлькомъ. Охота только что началась. Вдругъ его товарищъ поднялъ ружье и прицѣлился. Послѣ окончанія, онъ отирается къ нему и спрашиваетъ объ убитой лисицѣ. Къ удивленію тотъ обидѣлся, воображая, что съ нимъ шутятъ. Но убѣдившись, что надъ нимъ не смѣются, онъ сказалъ: лисица шла прямо на меня; на разстояніи пятидесяти шаговъ она остановилась. Предполагая, что она свернетъ или вправо или влѣво, я приготовился стрѣлять. Не тутъ то было. Пристально смотря на меня, лисица стала отступать задомъ. Я выстрѣлилъ, но неудачно—лисицы уже не было. Обыкновенно всякая дичь поворачиваетъ голову по тому направленію, въ какомъ она бѣжитъ отъ охотника. Лисица же отступала задомъ. Это должно признать удовлетворительно для животнаго сообразительностью.

Въ „Зоологическомъ Вѣстникѣ“ былъ недавно разсказъ, свидѣтельствующій о необыкновенной изобрѣтательности и хитрости крысы. Въ одномъ домѣ, зимою изъ кладовой стали неоднократно исчезать яйца. Подозрѣніе пало на женщину, ходившую въ кладовую, которая ничѣмъ не могла доказать, что она не брала яицъ. Ей оставалось одно: выслѣдить вора, которымъ и оказались крысы. Яйца лежали прямо на полу. Изъ норки выпала одна крыса, а вскорѣ за нею и другая. Прежде всего одна крыса лапками отодвинула одно яйцо въ сторону, а затѣмъ крѣпко обхватила его передними лапками. Конечно въ такомъ положеніи она не могла двигаться. Тогда вторая крыса схватила первую за хвостъ и такимъ образомъ втащила ее и яйцо въ норку. Одинъ старый матросъ разсказывалъ, что корабль ихъ стоялъ въ гавани. Спустя дня два собралось множество крысъ, которыя поѣдали все, что выбрасывалось съ корабля. Вдругъ всѣ крысы чего-то испугались и убѣжали. На берегу осталась только одна, которая, судя по цвѣту ея шерсти, должна была быть очень стара и по всей вѣроятности слѣпа, такъ какъ двигаться не могла, а только жалобно пищала. Вскорѣ на нее выбѣжала другая крыса, которая обнюхала слѣпую и потрогала ее хвостомъ за морду. Тогда слѣпая схватилась зубами за хвостъ молодой крысы и такимъ образомъ укрылась въ безопасное мѣсто.

какая нибудь историческая развалина, какой нибудь лебониный памятникъ давноминувшей эпохи. И эта народная симпатія къ Старой Прагѣ вполне станетъ понятна для каждого иностраннаго туриста, если только онъ дастъ себѣ трудъ изучить ея достопамятности и, воскресая въ своемъ умѣ относящіяся къ нимъ историческія событія, прислушиваться въ тоже время къ ходячимъ объ нихъ преданіямъ и легендамъ. Тогда передъ

нимъ предстанетъ во-очію—вся Старая Прага, полная глубокаго значенія и интереса. Съ этой-то старой, исторической и легендарной Прагой мы и желаемъ познакомить нашихъ читателей.

Основаніе Праги, какъ и многихъ древнихъ городовъ, приписывается лицамъ полумифическимъ. Главною героинею въ этомъ событіи является вѣщая Любуша, дочь

своего замка на Вышеградѣ, то первое, что ей бросилось въ глаза — это плотникъ, трудящійся надъ устройствомъ порога. Вѣщая Любуша увидѣла въ этой встрѣчѣ таинственное значеніе и тутъ-же порѣшила назвать вновь созданный городъ — Прагой.

Городъ Прага. Рис. 5. Церковь св. Вита

Городъ Прага. Рис. 7. Старая замковая терраса.

Городъ Прага. Рис. 6. Мостовыя башни Малой стороны.

легендарнаго Крока. Если вѣрить преданію, то ей первой пришла счастливая мысль построить городъ на крутой горѣ, омываемой свѣтлыми волнами Влтавы (Молдавы). Она-же и дала этому городу названіе Прага, т. е. порога. Легенда рассказываетъ, что когда Любуша съ своимъ супругомъ Пржемысловъ посѣтила разъ

Городъ Прага. Рис. 8. Церковь Гусситская (Teufelskirche). Фонтан Ратуши и Марининская колонна.

въ первоначально замокъ Пржемысла. Это нынѣшній Градчинъ, господствующій надъ всей Прагой и представляющей собою самый живописный видъ съ своими темными стѣнами, волокольными и башнями, и отчасти густымъ, огибающимъ его лѣсомъ. Онъ изображенъ на рис. 1,—а рис. 7 представляетъ видъ съ террасы ста-

Такимъ образомъ городъ возникъ на той самой возвышенности, гдѣ сто-

рой лѣстницы замка. Немного далѣе на правомъ отвѣсномъ берегу Влтавы (Молдавы) возвышается Вышеградъ — акрополисъ Праги. Здѣсь до сихъ поръ уцѣлѣли мрачныя, сѣрыя каменные стѣны, какъ говорятъ, остатки построенаго здѣсь замка, извѣстные въ народѣ подъ названіемъ башенъ Любуши. Теперь на этой голой вершинѣ, среди развалинъ выстроены цейхаузъ и казармы и только мирные шаги солдатъ нарушаютъ тишину этого легендарнаго мѣста. Тринадцать церквей, какъ говоритъ преданіе, стояли когда-то здѣсь, но всѣ онѣ были разрушены гусситами въ царствованіе короля Си-

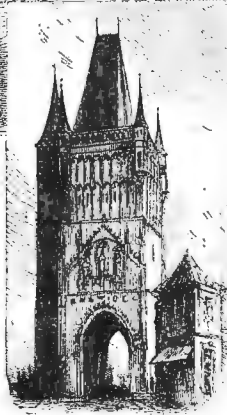

Городъ Прага. Рис. 9. Еврейское кладбище.

вынесъ его на противоположный берегъ. Здѣсь-же, въ лощинѣ, среди утесистыхъ скалъ, возвышается такъ-называемая Дѣвичья башня, въ которой когда-то обитала амазонка Власта, воевавшая противъ Пржемысла до тѣхъ поръ, пока онъ не взялъ ее въ плѣнъ и не казнилъ.

Послѣ Градчина и Вышеграда самые замѣчательные памятники старины въ Прагѣ — это древній каменный мостъ, построенный Карломъ IV и соборъ Св. Вита.

Мостъ Карла IV, начатый имъ въ 1357 г., какъ по прочности, такъ и по своеобразной красотѣ, безъ сомнѣнія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній строительнаго искусства того времени. Мостъ украшаютъ съ обѣихъ сторонъ 29 статуй святыхъ, между которыми особеннымъ народнымъ уваженіемъ пользуется изваяніе покровителя Чехіи Св. Іоанна Пеномука, который, по преданію, именно на этомъ мѣстѣ былъ утопленъ по приказанію короли Венцеслава зато, что не выдалъ тайны королевы, вѣрноподданной ему на исповѣди. По разсказамъ народа, святой долго послѣ того появ-

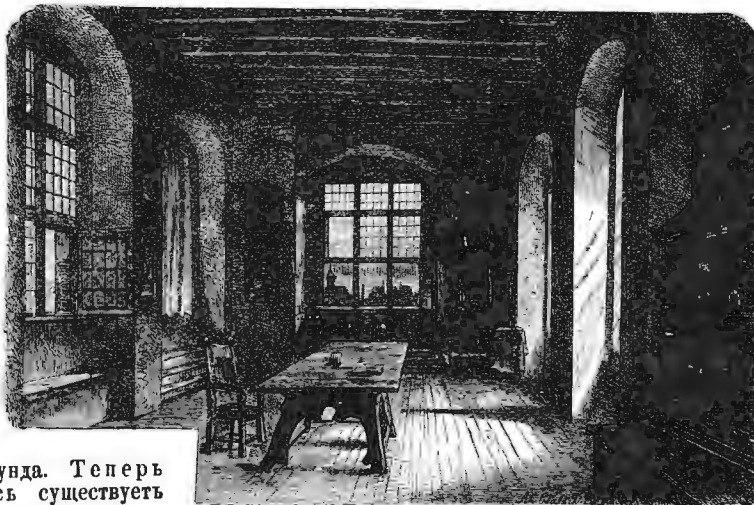
Старыя ворота.

лялся на волнахъ Влтавы, окруженный сініемъ.

При борьбѣ съ пруссаками въ 1744 году, на мосту Карла IV происходило самое кровопролитное сраженіе, а во время июньскаго возстанія 1848 года студенты строили здѣсь баррикады.

Въ началѣ и концѣ моста вѣзвышаются башни у моста Карла IV.

Двѣ мрачныя башни съ готическими арками. Одна изъ этихъ башенъ — стараго города — сооружена въ 1451 году. Она украшена гербами странъ, находившихся тогда во владѣніи Богеміи и каменными статуями Карла IV и сына его Венцеслава (рис. 6 и 12). Старыя ворота въ Старой Прагѣ (рис. 9) также поражаютъ древнимъ сво-

Городъ Прага. Рис. 10. Заль Совета.

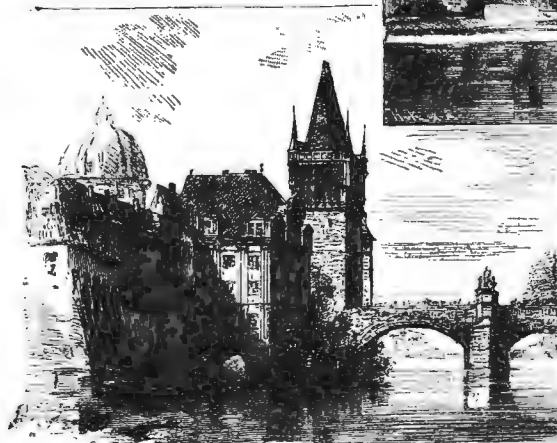
гизмунда. Теперь здѣсь существуетъ лишь очень скромная церковь, но только скромная по наружности, такъ какъ

внутри ея заключается много интересныхъ и драгоценныхъ памятниковъ. Здѣсь вамъ укажутъ каменную гробницу Св. Лонгина, того римскаго сотника, который по евангельскому разсказу прободилъ бока распятаго Спасителя. Сдѣлавшись христіаниномъ, Св. Лонгинъ былъ убитъ своими воинами, брошенъ въ воду и какимъ-то чудомъ очутился въ Чехіи и теперь поживаетъ въ Вышеградѣ съ другимъ мученикомъ — Іоанномъ Гуссомъ. Странная судьба соединила вмѣстѣ эти гробницы: одного — почитаемаго святаго католической церкви, другаго — ея страшнаго врага и гонимаго ею еретика.

Кромѣ легендъ о Св. Лонгинѣ, Гуссѣ и ключахъ Св. Апостола Петра, повѣщенныхъ на сводѣ здѣшняго храма на Вышеградѣ — можете услышать много историческихъ преданій изъ эпохи первобытной исторіи Праги. Такъ, вамъ разскажутъ, что когда Святой Венцеславъ, первый христіанскій король Чехіи, заставилъ выѣхать изъ страны свою мать, язычницу Драгомиру, то здѣсь на Вышеградѣ разверзлась ложа нею земля и она была поглощена вмѣстѣ съ лошадьми и колесницей. Около-же Вышеграда вамъ укажутъ мѣсто, называемое народомъ „На височильцѣ“, т. е. на разбѣгѣ. Отсюда, по преданію, робѣлся во Влтаву со стѣнъ замка, рыцарь Хороміръ на своемъ чудесномъ конѣ, спасаясь отъ ярости Пржемысла, и конь

Городъ Прага. Рис. 11. Малая Сторона и Градчина.

Городъ Прага. Рис. 12. Монастырь св. Креста и башни Стараго города.

имъ величіемъ и массивностью.

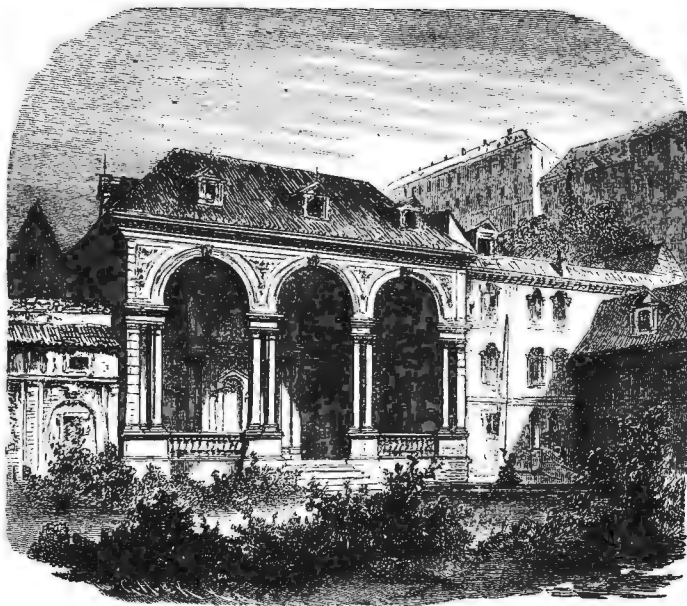
Около самаго моста Карла IV красуется въ высшей степени изящное и красивое зданіе, принадлежащее монашескому рыцарскому ордену Креста. Этотъ монастырь выходитъ своимъ фасомъ на Влтаву, какъ разъ противъ Градчина, и святые отцы могутъ вдоволь любоваться отрывающимся отсюда восхитительнымъ видомъ (рис. 12).

Другая изъ замѣчательныхъ построекъ Карла IV въ Градчинѣ былъ соборъ Св. Вита (рис. 5) — величественное готиче-

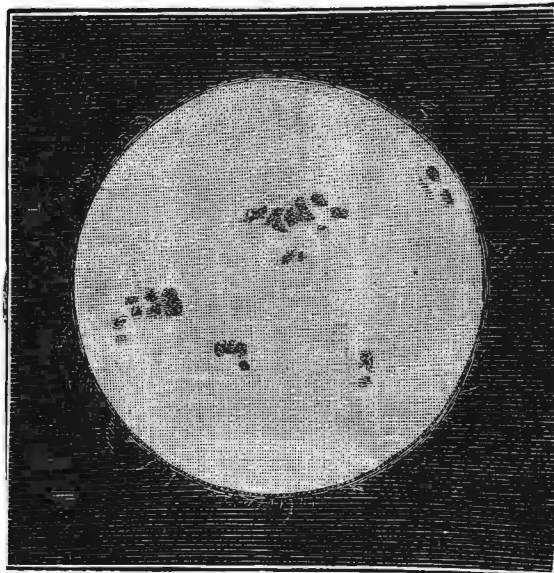
ское здание, выдержавшее много политических бурь и переворотов. Гусситы, шведы и пфемцы врывались въ это святилище Чехіи, внося въ него грабежъ и разрушеніе; особенно пострадалъ соборъ въ тридцатилѣтнюю войну, когда шведы по Молдавіи и Эльбѣ сплавили въ Стокгольмъ множество его сокровищъ и между прочимъ древнѣйшій готскій переводъ библіи Ульфилы, который нынѣ красуется въ Упсалѣ. Не менѣе жестоко поступилъ съ соборомъ и прусскій король Фридрихъ II при осадѣ Праги въ 1757 году, сдѣлавши его главной мишенью своей страшной бомбардировки. Особенную драгоценность собора составляютъ покоящіеся здѣсь останки чешскихъ святыхъ. Здѣсь-же возвышается массивный, серебряный саркофагъ чешскаго патрона Іоанна Непомука, къ могилѣ котораго ежедневно собираются паломники со всей Чехіи. Здѣсь-же покоится другой народный Святой—король Венцеславъ, первый просвѣтившій христіанствомъ дикихъ обитателей первобытной Богеміи и мученически павшій отъ руки своего собственнаго брата.

Около такъ называемаго „малого мѣста“ и Градчина тѣснятся преимущественно замки мѣстной аристократіи; большею частью остатки прежняго, давно минувшаго, величія и роскоши. Одинъ изъ лучшихъ—это палатца Червинъ, выстроенное въ венеціанскомъ вкусѣ и теперь, увы, отданное подъ казарму. Тутъ-же почти рядомъ красуются замки Шварценберга, Лобковича и другой знати и тутъ-же стоитъ пустой и забытый, украшенный аркадами, дворецъ Валленштейна (рис. 13). Здѣсь, какъ говорятъ, онъ самъ не жилъ, но помѣщалась его громадная и блестящая свита, занимал собою все это большое и роскошное здание, выходящее на нѣсколько улицъ.

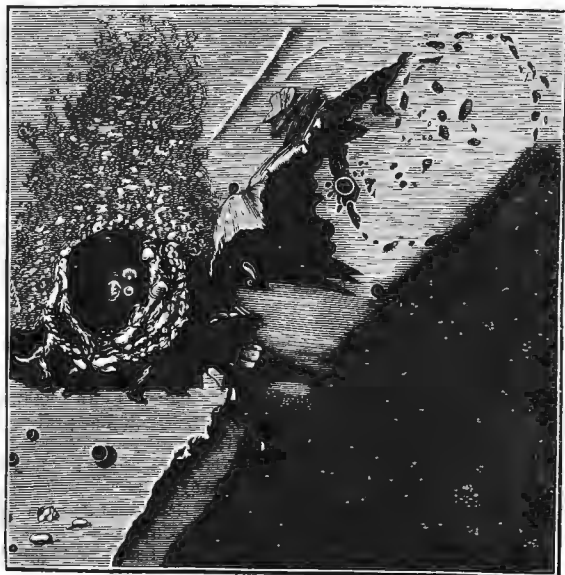
Царствованіе Карла IV было для Праги самымъ блестящимъ вре-

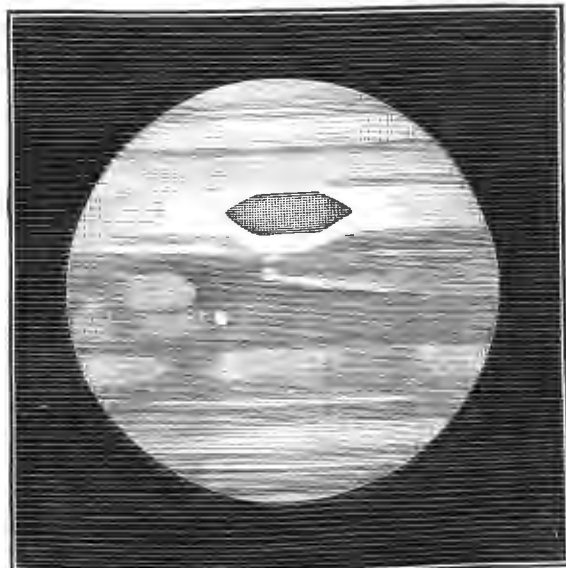
Городъ Прага. Рис. 13. Павильонъ Валленштейна (Wallensteinshallen).

Фиг. 1. Солнце съ наибольшими его пятнами.

Фиг. 2. Край луны въ первую четверть.

Фиг. 3. Планета Юпитеръ въ ея теперешнемъ видѣ. (Красное пятно).

менемъ; при немъ она достигла необычнаго процвѣтанія и сдѣлалась средоточіемъ какъ политическаго, такъ и ученаго міра того времени. Прага обстроилась и разрослась, широко раскинувшись на обѣихъ берегахъ Влтавы или Молдавы; на одномъ берегу рѣки пріютилась „Малая сторона“ (рис. 11) у подножія Градчина; на другомъ расширился Старый городъ, и эти-то, разрозненные до того части города Карлъ IV соединилъ своимъ громаднымъ, каменнымъ мостомъ. Но кромѣ трехъ частей Праги Карлъ IV создалъ еще четвертую „Новое мѣсто“.

Достойнѣйшимъ его преемникомъ въ отношеніи любви къ искусствамъ и наукамъ, былъ Владиславъ, въ царствованіе котораго, два знаменитые строителя, Матвѣй Рейзекъ и Бенесъ фонъ-Лаунъ, украшали Прагу своими прекрасными произведениями. Такъ, первый, по приказанію короля, построилъ близъ дворца такъ называсую *Пороховую башню* (рис. 4), первоначально служившую воротами между старымъ и новымъ городомъ и составляющую до сихъ поръ одно изъ лучшихъ архитектурныхъ украшеній Праги. Кромѣ того Бенесъ возобновилъ послѣ гусситскаго погрома замокъ на Градчинѣ, гдѣ до сихъ поръ сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ „зала Владислава“ и подлѣ нея „зала совѣта.“ Другая комната совѣта, но совѣта народнаго, существуетъ въ старой ратушѣ. Первая комната, т. е. зала совѣта въ Градчинѣ, и представлена на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 10). Эта комната замѣчательна тѣмъ, что отсюда при Рудольфѣ II были выкинуты изъ окна, возмущившимся народомъ, королевскіе штатгалтеры; мѣсто ихъ паденія на землю теперь обозначено небольшою пирамидой. *Старая ратуша* (рис. 3)—готическое здание, построенное въ періодъ отъ 1638 до 1648 года; особенно красива ея башня, надстроена

ная въ 1474 г. и снабженная замѣчательными, старинными часами. Передъ этимъ зданіемъ ратуши 21 июня 1521 года происходило кровавое зрѣлище; здѣсь сложили свои головы 27 чешскихъ патриотовъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ. На самомъ мѣстѣ эшафота возвышается теперь красивый фонтанъ, увѣнчанный австрійскимъ орломъ, а неподалеку поставлена изящная колонна. Эта, такъ называемая *колонна Маріи* (рис. 8) (Mariensäule) воздвигнута Фердинандомъ III въ память освобожденія Праги отъ шведовъ. Напротивъ фонтана и нѣсколько наискось отъ колонны Маріи возвышается церковь въ строго готическомъ стилѣ, окруженная широкими аркадами. Это *старая гуситская церковь* (рис. 8) (Teufelskirche), построенная еще въ 15 столѣтіи и подъ вѣковыми сводами которой покоится прахъ Тихо де-Браге, состоявшаго придворнымъ астрономомъ при Рудольфѣ II.

Обозрѣвъ всѣ историческія рѣдкости старой Праги, остается лишь постѣпть въ ней домикъ, гдѣ родился Іоаннъ Гуссъ—маленькій, въ четыре окна, съ черепичной крышей, на которомъ красуется надпись: „Въ этомъ домѣ впервые увидѣлъ свѣтъ учитель свѣта, Янъ Гуссъ, 6 июня 1469 г.“. Затѣмъ необходимо познакомиться и съ достопримѣчательностью еврейскаго квартала Праги: со старымъ еврейскимъ кладбищемъ и со старой еврейской синагогой. Старое еврейское кладбище въ Прагѣ, называемое Бетъ-Шанъ (рис. 9), представляетъ странное зрѣлище. Здѣсь подъ густыми кустами бузины раскинулось множество надгробныхъ памятниковъ частью еще съ четкими, частью-же съ совершенно стертими еврейскими надписями. Часто на этихъ плитахъ вы видите какіе-то непонятные для васъ символы и знаки. Это знаки различныхъ родовъ; благославляющая рука потомковъ Аарона и кружка потомковъ Леви. Кромѣ того многія могилы обложены множествомъ камней и черепковъ въ знакъ особеннаго уваженія къ умершему. Всякаго посѣтителя обыкновенно подводятъ къ могильному памятнику Сарры Катцъ, на которомъ обозначено, что онъ по-

ставленъ въ 606 году. И такъ евреи, если вѣрить этому памятнику, составляютъ самое древнее население Богеміи. Таковую-же древность евреи приписываютъ и своей пражской синагогѣ, которая, по ихъ словамъ, построена не позже какъ въ 590 году. Дѣйствительно, повидимому, зданіе синагоги очень древнее; мрачное, тяжелое, съ нештукатуренными стѣнами (рис. 2). Внутренность ея не лучше внѣшности: тотъ-же мракъ, коготь; тоже запустѣніе. Темныя, покрытыя пылью скамьи занимаютъ все пространство; большое, почернѣвшее отъ времени, знамя виситъ на сводѣ; это даръ евреймъ отъ Фердинанда III за ихъ храбрость, выказанную противъ шведовъ. Кромѣ того здѣсь показываютъ разныя реликвіи изъ Соломонова храма. Женщины помѣщаются отдѣльно отъ мужчинъ въ совершенно замкнутыхъ перегородкахъ и даже проповѣдникъ бесѣдуетъ съ ними черезъ маленькое слуховое окошечко. Воздухъ въ синагогѣ страшно спертъ и удушливъ, такъ что всякій посторонній посѣтитель спѣшитъ скорѣе выйти изъ этой смрадной катакомбы, покрытой плесенью стальныхъ вѣсковъ. Неподалеку отъ синагоги находится еврейская ратуша, на которой красуются башенные часы съ циферблатомъ, составленнымъ изъ еврейскихъ буквъ, и съ стрѣлками, двигающимися справа налѣво. Въ этой ратушѣ евреи хранятъ свои древнія привилегіи, которыми чешскіе короли когда-то охраняли ихъ жизнь и имущество. Съ высокой башни еврейской ратуши можно, какъ на ладони, видѣть всѣ извилины еврейскаго квартала Праги, ограниченнаго съ съ одной стороны теченіемъ Влтавы. Этотъ кварталъ—цѣлый лабиринтъ узкихъ, запутанныхъ переулковъ, со спертымъ воздухомъ, со скученными домишками, между которыми то и дѣло снуютъ какія-то странныя личности, въ лохмотьяхъ, съ типичными лицами, галдящіе на странномъ жаргонѣ и несущіе на продажу какія-то тряпки и всякую рухлядь. Эти-то мелкіе торговцы теперь единственные обитатели пражскаго Гетто—жалкіе потомки племени Аарона и Леви, знаменитыхъ предковъ—которые столько уже столѣтій покоятся на кладбищѣ Бетъ-Шанъ.

Небо въ 1883 году.

(Рис. на стр. 186).

Астрономія не только опредѣляетъ движенія небесныхъ тѣлъ и посвящаетъ насъ въ законы, которыми они управляются, но въ тоже время, она показываетъ гдѣ мы находимся и что мы именно составляемъ во вселенной. Во всемъ, какъ въ малыхъ явленіяхъ, такъ и въ самыхъ грандіозныхъ, она говоритъ намъ о безконечности.

Постараемся въ общихъ чертахъ опредѣлить состояніе неба въ текущемъ году.

Солнце. Въ настоящее время мы переживаемъ періодъ максимума солнечныхъ пятенъ. Съ 1878 года, года минимума, число солнечныхъ пятенъ постоянно увеличивалось. Это нѣчто въ въ родѣ прилива, причина котораго еще неизвѣстна. Почти каждая одиннадцатая лѣтъ замѣчается максимумъ и почти каждая одиннадцатая лѣтъ минимумъ пятенъ. Последніе *максимы* были въ 1848, 1860 и 1871 гг.; последніе же *минимы* въ 1855, 1867 и 1878 гг. Число пятенъ увеличивается въ продолженіи почти 3-хъ лѣтъ и 7-ми мѣсяцевъ, затѣмъ семь съ половиною лѣтъ число пятенъ уменьшается. 1883 годъ будетъ также, какъ 1882 г., очень благоприятнымъ для наблюденія и изученія этихъ пятенъ.

Для наблюденія этихъ интересныхъ феноменовъ часто бываетъ достаточно обыкновеннаго бинокля, но конечно глазное стекло слѣдуетъ закрыть стекломъ чернымъ, чтобы не быть ослѣпленнымъ блескомъ нашей дневной звѣзды. Иногда пятна бываютъ такъ велики, что ихъ можно видѣть невооруженнымъ глазомъ. Такіе случаи были именно 17 апрѣля, 14 мая, 2 и 27 октября прошлаго года. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ тѣ же числа бывали прекрасныя сѣверныя сіянія и большое разстройство на телеграфныхъ линияхъ. Очень можетъ быть, что тоже произойдетъ и въ этомъ году.

На центральной звѣздѣ нашей системы происходятъ также изверженія и громадныя выпуклости, которыя въ настоящее время достигли періода приращенія. Но эти спеціальныя явленія можно наблюдать только при помощи спектроскоповъ.

Луна. Поверхность луны не измѣняется ежегодно, или же измѣненія эти такого рода, что могутъ быть замѣчены только усидчивымъ наблюдателемъ, посвящающимъ ночи на внимательное изученіе нашего спутника. Извѣстно, что для полученія топографическаго вида и спеціальной географіи этого соседняго намъ міра, не слѣдуетъ наблюдать луны во время ея полнолуны, такъ какъ она вполнѣ освѣщается въ то время солнцемъ, а потому трудно судить о выпуклостяхъ на ея поверхности. Напротивъ, во время вечеровъ, предшествующихъ первой четверти, луна находится въ косомъ направленіи относительно солнца, горы ея кидаютъ тѣнь на далекое разстояніе и тогда легко можно наблюдать странный наружный видъ этого тѣла, которое бытъ можетъ болѣе всѣхъ отличается отъ прочихъ тѣлъ нашей солнечной системы.

Затмѣнія. Въ 1883 г. будетъ два солнечныхъ и два лунныхъ затмѣнія, какъ это наблюдалось въ 1865 г., такъ какъ извѣстно,

что тѣ же взаимныя положенія солнца, луны и земли повторяются каждыя 18 лѣтъ.

Первымъ будетъ неполное затмѣніе луны 22 апрѣля. Начнется оно въ 9 ч. 17 м. и кончится въ 2 ч. 18 минутъ дня.

Вторымъ будетъ полное затмѣніе солнца 6 мая. Начало въ 7½ ч. и конецъ въ 12 ч. 30 м. ночи. Для наблюденія этого солнечнаго затмѣнія многіе астрономы отправятся на острова Тихаго Океана. Со времени послѣдняго полнаго затмѣнія, которое наблюдалось 17 прошлаго мая въ Египтѣ, были замѣчены слѣды лунной атмосферы. Для того именно, чтобы провѣрить это рѣдкое явленіе, предполагаютъ наблюдать очень внимательно будущее солнечное затмѣніе. Это тѣмъ болѣе возможно, что оно продолжится 6 минутъ, что бываетъ очень рѣдко, тогда какъ прошлое затмѣніе длилось только 72 секунды.

Третьимъ будетъ неполное затмѣніе луны 16 октября. Начнется оно утромъ въ 4 ч. 52 м., войдетъ въ тѣнь въ 6 ч. 8 м., подвинется къ серединѣ въ 7 ч. 4 м. и кончится въ 7 ч. 59 минутъ.

Четвертымъ будетъ кольцеобразное затмѣніе солнца 30 октября, съ 9 ч. 27 м. вечера до 2 ч. 57 м. утра. Центральная линия затмѣнія начнется въ Японіи и пройдетъ черезъ Тихій Океанъ.

Планеты. Сообразно благоприятнымъ условіямъ для наблюденія въ этомъ году, можно размѣстить планеты въ слѣдующемъ порядкѣ: Юпитеръ, Сатурнъ, Венера, Меркурій, Уранъ, Марсъ и Нептунъ.

Юпитеръ ослѣпительно сверкаетъ всю ночь въ созвѣздіи Тельца въ 17-ти градусахъ на сѣверо-востокѣ Альдебарана, приближаясь къ которому онъ начнетъ отступать до 15 февраля, затѣмъ покажется на востокѣ и вступитъ 30 апрѣля въ созвѣздіе Близнецовъ. 22 мая Юпитеръ пройдетъ около звѣзды Близнецовъ, на разстояніи 50 минутъ на югъ. Затѣмъ онъ снова подвинется къ сѣверу и исчезнетъ за горизонтомъ, какъ Касторъ и Полуксъ, которые закатываются въ сумерки съ первыхъ дней іюня. Прекрасная эта планета (самая значительная во всей нашей системѣ) останется за горизонтомъ все лѣто и появится снова въ октябрѣ, въ созвѣздіи Рака. 15 октября Юпитеръ пройдетъ меридіанъ въ 6 ч. 42 м. утра, 15 ноября—въ 4 ч. 48 м., 15 декабря—въ 2 ч. 46 м. и 15 января 1884 г. въ полночь. Такимъ образомъ повторятся тѣ же явленія, съ опозданіемъ на одинъ мѣсяць, какія замѣчались въ истекшемъ году, такъ какъ эта планета въ двѣнадцать лѣтъ обходитъ во кругъ солнца и каждый годъ повторяются тѣ же явленія, такъ что непростительно не знать этой звѣзды, съ которой блескомъ ни какая другая не можетъ сравниться.

Въ небольшую трубу ясно видны четыре спутника Юпитера, а въ болѣе сильной телескопъ замѣтны его туманныя полосы и пятна. Одно изъ нихъ, уже четыре года, особенно занимаетъ астрономовъ. Это ярко-красное пятно, размѣромъ гораздо болѣе земли, ясно видное надъ экваторомъ.

Политическое обозрѣніе.

Болгарія, Румынія и конференція по дунайскому вопросу. — Черногорія и Турція. — Германия и Ватиканъ. — Франція — вопросъ о претвѣд-штатъ.

Болгарія и Румынія рѣшились, повидимому, энергически защищать свои права на активное участие въ конференціи по дунайскому вопросу. Болгарское народное собраніе единогласно приняло предложеніе одного изъ депутатовъ о томъ, чтобы правительство не давало согласія ни на какое постановленіе конференціи, которое нарушало-бы интересы Болгаріи на Дунаѣ въ предѣлахъ болгарской территоріи и чтобы оно теперь же высказалось противъ всякихъ постановленій, какія были-бы приняты безъ согласія Болгаріи. Правительство, съ своей стороны, передало собранію, что имъ отправленъ въ Лондонъ делегатъ, съ заявленіемъ, что, въ виду важности значенія дунайского вопроса для Болгаріи, княжество выразило желаніе принять участие въ конференціи для защиты своихъ интересовъ.

Что касается Румыніи, то она прямо отклонила отъ себя честь участія въ конференціи только съ совѣтательнымъ голосомъ и заявила, что воспротивится приведенію въ исполненіе постановленій конференціи, противныхъ ея интересамъ.

И умно, и мужественно! Румынія — незначительное государство по своимъ силамъ, но — прекрасно знаетъ, что твердая ея рѣшимость можетъ ей помочь, такъ какъ Европа, опасаящаяся всякаго замѣшательства на берегахъ Дуная, воспротивится и насилью падъ румынскимъ королевствомъ, во избѣжаніе этихъ замѣшательствъ, могущихъ повести къ послѣдствіямъ, столь понятнымъ тамъ, гдѣ находится одна изъ нитей „восточнаго узла“.

Черногорія заняла спорные пункты, о которыхъ мы уже говорили, и обратилась къ державамъ, проси ихъ посредничества въ ея спорѣ съ Турціей; обратилась къ державамъ и Турція. Надо только желать, чтобы державы избавили Черногорію отъ „переговоровъ“ съ Турціей!

Переговоры Германіи съ Ватиканомъ не привели еще къ благоприятнымъ результатамъ; кажется курія, ошибаясь въ своемъ реальномъ значеніи, высказываетъ слишкомъ высокія требованія.

Французскій сенатъ, какъ и надо было ожидать, отвергъ законопроектъ палаты депутатовъ противъ „претендентовъ“, въ той его части, которою запрещалось лицамъ занимать должности, а также уничтожилъ и судимость ихъ въ судахъ исправительной полиціи въ случаѣ самовольнаго возвращенія изъ

изгнанія; вмѣсто всего этого, сенатъ допустилъ въ принципѣ изгнаніе претендентовъ, но не по распоряженію даже и высшей власти, т. е. президентомъ республики, въ совѣтѣ министровъ, а только по суду, послѣ того какъ судомъ низшимъ или высшимъ — сенатомъ — будетъ постановленъ приговоръ, признающій кого нибудь изъ претендентовъ виновнымъ въ дѣйствіяхъ и манифестаціяхъ противъ республиканской формы правленія; эта поправка принадлежитъ и Вадингтону; измѣненный сенатомъ законопроектъ былъ, затѣмъ, вновь переданъ въ палату; тамъ, Флоксъ, авторъ перваго проекта, отказался отъ него, желая избѣгнуть столкновения между обѣими палатами, и предложилъ проектъ Барбэ, заключающій въ себѣ среднюю мѣру и недопускавшій, между прочимъ, принцевъ къ военной службѣ и службѣ по выборамъ; палата, большинствомъ 342 голосовъ противъ 182 голосовъ, вотировала законопроектъ, которымъ, во 1-хъ, всетаки, президенту, предоставляется право декретомъ своимъ предписать выѣхать изъ Франціи членамъ царствовавшихъ фамилій, которые будутъ стремиться своими дѣйствіями и манифестами нарушить безопасность государства, а во 2-хъ, претенденты эти, въ случаѣ возвращенія безъ разрѣшенія, опять таки, привлекаются къ суду исправительной полиціи и подвергаются наказанію, согласно первому проекту; едва-ли палата въ этомъ проектѣ найдетъ средство устранить столкновение, котораго не желаетъ; кабинетъ подалъ въ отставку. Сенатъ въ разладѣ съ палатою депутатовъ, министерство отказывается отъ власти и глава государства остается безъ совѣтниковъ — вотъ положеніе, въ которое Францію поставилъ и не разъ еще будетъ ставить республиканскій порядокъ и своеволие необузданнаго сброда депутатовъ; но все это, очевидно, надоѣдаетъ Франціи: промышленные классы обратились уже къ президенту съ петиціями, въ которыхъ, указывая, между прочимъ на то, что внутренніе раздоры могутъ повести къ „непоправимымъ убыткамъ“ въ экономіи страны, требуютъ образованія прочнаго министерства; петиціи подобнаго рода идутъ не отъ однихъ крупныхъ торговцевъ, но и отъ мелкихъ купцовъ, а также и отъ рабочихъ, которые указываютъ на необходимость не только прочнаго министерства, а и пересмотра конституціи, въ видахъ лучшаго согласованія дѣятельности законодательныхъ и административныхъ властей республики. Хорошъ опытъ республики, успѣвшей возбудить противъ себя всю страну. Многозначительно это указаніе исторіи!

Отъ Императорскаго Московскаго Университета.

Стипендія имени С. М. Соловьева.

Въ октябрѣ 1879 года русская наука понесла великую утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора Московскаго Университета, автора „Исторіи Россіи съ древѣйшихъ временъ“, Сергѣя Михайловича Соловьева. Съ тѣхъ поръ какъ изъ среды самаго Университета, такъ и со стороны многочисленныхъ почитателей покойнаго, разсыпанныхъ по всей Россіи, не прекращались заявленія о необходимости выразить уваженіе къ его многолѣтней и плодотворной дѣятельности наиболее соответствующимъ ея характеру способомъ. Заявленія о томъ поступали не только отъ ученыхъ учреждений и обществъ, изъ которыхъ во многихъ покойный Соловьевъ былъ почетнымъ членомъ, но и отъ людей, посвятившихъ себя болѣе широкой общественной дѣятельности. Память покойнаго, какъ ученаго, такъ много и съ такою славою трудившагося для науки и Россіи: его заслуги, какъ писателя, всѣми признанныя и высоко цѣнимыя; его благородный образъ мыслей и дѣйствій и его просвѣщенный взглядъ на современные вопросы русской жизни; его благотворное участіе въ воспитаніи многихъ поколѣній (съ 1815 по 1879 г.) русскихъ студентовъ; высокій примѣръ самоотверженной преданности и безграничной любви къ наукѣ и отечественному просвѣщенію, — все это побуждало людей, питавшихъ уваженіе къ памяти покойнаго, ходатайство-

вать объ учрежденіи при Московскомъ Университетѣ, какъ мѣстѣ его постояннаго служенія, стипендіи и преміи за лучшія историческія сочиненія, имѣющихъ раздаваться отъ его имени.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на открытіе повѣстѣнной въ Имперіи подписки для сбора добровольныхъ пожертвованій на составленіе капитала для учрежденія при Московскомъ Университетѣ стипендіи и преміи имени С. М. Соловьева.

Объявляя о семъ во всеобщее свѣдѣніе, Московскій Университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей покойнаго доставлять свои пожертвованія въ Правленіе Университета, съ обозначеніемъ: назначаются ли предлагаемыя ими пожертвованія на стипендію и премію вмѣстѣ, или только на одну или нѣкоторые изъ нихъ. Такъ какъ дѣятельность покойнаго обращена была на пользу русскихъ людей многихъ поколѣній и не останется безъ благотворнаго вліянія на людей поколѣній будущихъ, то Московскій Университетъ съ равномъ признательностью приметъ и посильное приношеніе отъ учащихся, и пожертвованіе отъ людей, какъ воспитавшихся на сочиненіяхъ С. М. Соловьева, такъ и бывшихъ свидѣтелями первыхъ успѣховъ его на литературномъ и педагогическомъ поприщѣ.

С М Ъ С Ъ.

По уполномочію главнаго Кавказскаго начальства, Комиссія по устройству конкурса на сооруженіе памятника поэту М. Ю. Лермонтову въ Пятигорскѣ, объявляетъ конкурсъ на идею или мысль этого памятника.

На сооруженіе этого памятника уже собрано грядцать тысячъ рублей.

Памятникъ предположено поставить въ г. Пятигорскѣ, на нѣскольکو возвышенной плоскости въ 400 кв. сажень, противъ собора, вблизи подошвы горы Машука. Кругомъ мѣстность удобна для разведенія сада.

Ситуаціонный планъ мѣстности можно получить въ редакціи журнала „Хозяйственный Строитель“ (С.-Петербургъ, Мойка, № 26).

Желающимъ прелоставляется представить на конкурсъ свою мысль произвольно-эскизнымъ рисункомъ, въ видѣ наброска карандашомъ, перомъ, акварелью, или въ видѣ небольшой модели изъ глины или воска и т. п.

Масштабъ можетъ быть произвольный.

Рисунки и модели должны быть снабжены запискою, поясняющею мысль автора.

Конкурснтъ доставляетъ произведеніе свое по адресу: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Хозяйственный Строитель“ (Мойка, 26) къ означенному ниже сроку, подъ девизомъ, при которомъ, въ запечатанномъ конвертѣ подъ тѣмъ же девизомъ должно находиться имя, фамилія и адресъ автора. Въ полученіи сихъ документовъ редакція выдаетъ квитанцію. Пяногородные могутъ доставлять означенные документы по почтѣ.

Члены комиссіи и жюри не могутъ конкурировать.

Срокъ представленія на конкурсъ опредѣляется 17 февраля сего года.

За лучшія представленія на конкурсъ проявленія идей назначаются двѣ преміи: 1-я въ 200 и 2-я въ 100 руб.

Для опредѣленія премій изъявили согласіе быть жюри: Гг. П. С.

Боломоловъ, М. И. Зичи, И. Г. Лавренкои, К. Е. Маковскій, А. М. Матушинскій, Я. П. Полонскій, Е. А. Сабаньевъ, А. П. Сомовъ, М. А. Чижовъ и Н. И. Шапошниковъ.

Не премированные произведения возвращаются, вмѣстѣ съ не-
открытыми девизными конвертами, предъявителю квитанціи или со-
отвѣтствующей ей почтовой росписки, въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ со
дня прируженія премій.

Гуттаперчевое перо Рейха съ чернилоносцемъ. Это до-
вольно интересная новость. Гуттаперчевое перо Рейха пишетъ мяг-
че гусиного и также тонко, какъ самое тонкое стальное; оно со-
отвѣтствуетъ всѣмъ цѣлямъ и въ особенности рекомендуется уча-
щимся. Оно долго держитъ чернила, можетъ быть очинено или при-
ведено въ любую форму по желанію и проч. и обходится дешевле,
нежели всѣ другія перья, такъ какъ каждое перо выдерживаетъ
несколько лѣтъ.

Употребленіе его однако довольно сложное. Лучше всего обра-
щаться съ нимъ какъ съ золотыми перьями, пуская его послѣ каж-
даго употребленія въ сосудецъ съ водою на столько, на сколько оно
принимаетъ чернила, вслѣдствіе чего оно всегда остается чистымъ.
Для очиненія пера самое лучшее пользоваться перочиннымъ по-
жемъ, причѣмъ очинка должна производиться отъ острія пера къ
ручкѣ, послѣ чего слѣдуетъ очиненное перо подшипить, а затѣмъ
шаршавую поверхность сгладить посредствомъ кусочка стекла. Въ
случаѣ пера начало бы задѣвать, то слѣдуетъ вынуть чернилоно-
сецъ и затѣмъ, взявъ остріе пера между двумя пальцами, слегка
загнуть его внизъ, вслѣдствіе чего этотъ недостатокъ устраняется.
Такимъ же образомъ можно дать перу какую угодно форму, такъ
какъ гуттаперча отъ согрѣванія дѣлается гибкою, и по охлажденіи
остается въ той формѣ, какую ей придали. Если поскоблить остріе
пера кусочкомъ стекла, получается мягкое перо. Чѣмъ длиннѣе въ
перѣ расщепъ, тѣмъ больше оно даетъ чернила, вслѣдствіе чего
оно дѣлается удобнымъ для писанія нотъ.

Реальныя и фантастическія изображенія лошади. Аме-
риканецъ Майбриджъ, спеціально занимающійся мгновенной пере-
дачей фотографическимъ способомъ движеній и бѣга различныхъ
животныхъ, читалъ недавно очень интересную лекцію о тѣхъ чи-
сто фантастическихъ и вполне невозможныхъ изображеніяхъ движе-
ній лошади, которыя встрѣчаются даже въ знаменитыхъ художе-
ственныхъ памятникахъ. Такъ въ изображеніяхъ Ассирійцевъ и
Римлянъ повторяются совершенно ложныя понятія о движеніяхъ
лошади, какія встрѣчаются въ самыхъ первобытныхъ произведеніяхъ
искусства. Этой ошибкѣ не чужда и знаменитая статуя Марка
Аврелія, которая послужила моделью множества конныхъ изваяній
нашего времени, а въ отношеніи правды и точности, конное изобра-
женіе Вашингтона несколько не выше древнихъ скульптурныхъ фи-
гуръ Египтянъ и Ассирійцевъ. Главное, что лошади совершенно не-
возможно принимать такія положенія, какія обыкновенно придаютъ
ей ваятели и живописцы. Только одинъ Мессонье имѣлъ вѣрное по-
нятіе объ аллюрѣ лошади, когда писалъ громадную картину, изо-
бразившую Наполеона I верхомъ; но критики осмѣяли фигуру его
коня и называли ее уродливой и неправильной. Но теперь съ по-
мощью фотографіи можно безусловно доказать, что художникъ былъ
правъ и что его критики не понимали дѣла. По слову Майбрид-
жа, американскіе индійцы стоятъ въ этомъ отношеніи выше евро-
пейскихъ художниковъ и имѣютъ болѣе точное понятіе о движені-
яхъ лошади, въ чемъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ ихъ грубые
рисунки, хотя бы въ известномъ собраніи Лафайета, который при-
обрѣлъ его въ бѣдность свою въ Америкѣ и потомъ привезъ съ со-
бою въ Парижъ.

Производство въ Парижѣ искусственныхъ цвѣтовъ при-
нимаетъ годъ отъ году все большіе размѣры. Такъ въ 1847 г. было та-
кихъ фабрикъ въ Парижѣ не болѣе какъ 250, въ которыхъ нахо-
дилось работу не болѣе 1,800 работниковъ и работницъ. Въ 1855 г.
число цвѣточныхъ фабрикъ достигаетъ до 1000 и число рабочихъ
въ нихъ отъ 8 до 10 тысячъ. Въ 1862 году производство искус-
ственныхъ цвѣтовъ еще болѣе расширилось; число фабрикъ возросло
до 2,000, а количество рабочихъ, занятыхъ этимъ дѣломъ, уве-
личилось до 30,000. Нѣкоторые торговые дома Парижа, ведущіе за-
границей торговлю искусственными цвѣтами, достигли значительнаго
развитія своей коммерціи и имѣютъ годового оборота не менѣе
какъ на 500,000 франковъ.

Что можетъ стоить одна картофелина. Знаменитый Тин-
даль въ одной своей публичной лекціи привелъ поразительный и
блестящій примѣръ пользы картофеля, какъ питательнаго сред-

ства. Чтобы сдѣлать свой аргументъ еще болѣе убѣдительнымъ,
Тиндаль предполагаетъ, что на землѣ осталась лишь одна картофе-
лина. Но и она одна можетъ быть достаточна, чтобы снова обoga-
тить весь міръ этимъ питательнымъ продуктомъ. Разъ посаженная,
она производитъ уже десять картофелинъ и такъ далѣе, такъ что
въ десять лѣтъ получится десять тысячъ миллионовъ картофеля,
достаточнаго для засѣва всей вселенной. Дѣйствительная стоимость
этой единственной картофелины, прибавляетъ Тиндаль, была бы та-
кова, что для человечества было бы менѣе чувствительно лишиться
цѣлаго Лондона, чѣмъ этой безцѣнной картофелины.

Сколько производится часовыхъ стеколъ. Если вѣрить
спеціальному французскому журналу „Revue Chronometrique“, то
ежегодно готовится 2,500,000 часовъ и въ послѣднія пятьде-
сять лѣтъ ихъ поступило въ продажу не менѣе 70,000,000; приба-
вивъ къ этому не менѣе 50,000,000 старыхъ часовъ съ разбитыми
стеклами, мы получимъ количество отъ 86,000,000 до 87,000,000 ча-
совъ, для которыхъ необходимы стекла. Для новыхъ часовъ такихъ
стекелъ ежегодно требуется не менѣе 47,000,000. Но кромѣ того
каждый часовыхъ дѣль мастеръ долженъ имѣть ихъ всегда доста-
точный запасъ, для своихъ покупателей; затѣмъ ихъ идетъ не ма-
лое количество для дѣтскихъ часовъ, компасовъ и другихъ цѣлей,
такъ что ежегодное производство достигаетъ, къ удивленію, до ко-
лоссальной цифры, а именно до 100,000,000 стеколъ.

Большой ледяной мостъ, образовавшійся надъ Ніагарой,
возбуждаетъ теперь всеобщее вниманіе. Тысячи посѣтителей приби-
ваютъ ежедневно полюбоваться чуднымъ видомъ природы и со всѣхъ
частей Америки ходятъ нарочные поезда къ Ніагарѣ. Въ этомъ
мостѣ нѣтъ ни сводовъ, ни столбовъ, но онъ представляетъ громад-
ную замерзшую ледяную поверхность. Строитель этого моста—
жонъ вѣтеръ, который непрерывно дуетъ съ этой стороны и взламь-
ваетъ въ озерѣ Эри, отстоящемъ на 25 миль, громадные глыбы
льда, которыя плывутъ по рѣкѣ и падаютъ черезъ край водопада.
Зрѣлище это прекрасно и вознаграждаетъ длинное путешествіе.
Внизу водопада нѣкоторые глыбы останавливаются; морозъ и лѣдя
плотно ихъ скрѣпляютъ и это продолжается до тѣхъ поръ, пока
вся рѣка не покроется льдомъ. Этотъ мостъ величайшій изъ всѣхъ
когда либо построенныхъ и тянется отъ подножія водопада на три
мили вдаль. На любомъ пунктѣ его можно перейти съ полною без-
опасностью и до наступленія теплаго времени ледъ не можетъ сло-
маться. Этимъ мостомъ пользуются теперь контрабандисты для про-
носки своихъ товаровъ.

Скорость и высота морскихъ волнъ. Известный англійскій
мореплаватель капитанъ Кидль, помѣстивъ въ ливерской книгѣ лон-
донскаго „Nautical Magazine“ статью о вышинѣ и скорости волнъ
Атлантическаго океана. По имѣвшимся до сихъ поръ вычислені-
ямъ, средняя скорость волнъ опредѣлена въ 9 англійскихъ миль въ
часъ. На основаніи многолѣтнихъ опытовъ и многократныхъ измѣ-
реній, произведенныхъ во время буръ, капитанъ Кидль нашелъ, что
скорость волнъ равняется 25 англійскимъ милямъ въ часъ, т. е. го-
раздо болѣе, нежели предѣльная скорость корабля при полномъ
вѣтрѣ (корабль дѣлалъ около 4-хъ узловъ въ часъ). Это опредѣле-
ніе гораздо правдоподобнѣе прежнихъ. Такъ какъ по недавно про-
изведенному англійскимъ метеорологомъ Лейемъ измѣренію, боль-
шія атлантическія бури, посѣщающія британскіе берега, движутся
впередъ со скоростью 60 англійскихъ миль въ часъ, то очень прав-
доподобно, что волны Атлантическаго океана, во время сильныхъ
органовъ, гонятся еще скорѣе, чѣмъ даже высчитано опытнымъ ка-
питаномъ. По его же сообщенію, высота волнъ во время буръ до-
стигаетъ иногда 40 футовъ и средняя высота ихъ 30 футовъ.

Идеальный университетъ. Американскій историкъ Джемсъ
Партошъ недавно въ публичномъ чтеніи высказалъ свой взглядъ,
довольно оригинальный, на устройство идеальнаго университета.
„Въ моемъ воображеніи, сказалъ Партошъ, сложилась уже совершен-
но ясно идея такого университета, вполне приуроченнаго къ вос-
питанію будущаго человѣка. Этотъ университетъ будетъ совсѣмъ не
похожъ на знаменитые университеты Кембриджа и Оксфорда: это
скорѣй будетъ обширная мануфактура среди прекрасно устроенной
фермы, въ 1000 акровъ окружности, съ прелестными садами и пар-
ками. Мой университетъ будетъ имѣть особый колоколь, по звону
котораго, въ шесть часовъ утра, 2,000 человѣкъ будутъ вставать,
надѣвать рабочее платье и готовиться идти на работу. Въ 7 ча-
совъ они уже будутъ каждый у своего дѣла, въ мастерскихъ для
обработки дерева, металлоу, кожи, камня, пеньки, хлопчатки, льна

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г.

№№ „НИВЫ“ со всѣми приложениями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

и шерсти. После трех часов работы, все молодые люди должны отдать строгий отчет в полезном или бесполезном употреблении ими инструментов, матерьялов и времени. Литомь большую часть дня должна у них отнимать работа в полях и в то же время они должны приобретать практические сведения в фермерстве, в уходе за лошадьми и прочей скотиной, в молочном хозяйстве, в воздѣлывании сада и огорода. Въ 10 часов эти труды должны быть окончены, исключая времени жатвы или другихъ спѣшныхъ работъ. По звону колокола работники приходятъ домой, снимаютъ съ себя рабочую одежду и идутъ въ классы, и остальной день уже посвящаютъ чисто научнымъ, студенческимъ занятіямъ.

„Оторванный отъ почвы, заключилъ профессоръ свою лекцію, человекъ никогда не въ силахъ успѣшно достигнуть до благосостоянія. Такой человекъ можетъ сравниться съ растеніемъ въ горникѣ, которое никогда не въ состояніи достигнуть большаго роста. И посѣтилъ много рабочихъ центровъ Америки, и нашелъ, что всюду рабочіе имѣютъ дѣйствительную поддержку въ почвѣ; тамъ, гдѣ каждое семейство можетъ имѣть мѣсто для сада и огорода, лужокъ для корма коровы,—народъ здоровъ, доволенъ и бережливъ. Повсюду, при этомъ условіи, рабочій людъ можетъ существовать безъ страшнаго голода и вопиющей нужды, въ случаѣ закрытія фабрикъ на значительное время. Гдѣ же рабочіе оторваны отъ почвы, какъ это бываеетъ въ большихъ городахъ, тамъ неизбежно являются нужда, деморализація и отчаяніе“.

Деревянная мостовая въ Парижѣ. Въ то время какъ мы, въ Петербургѣ, свою деревянную мостовую мало по малу замѣняемъ асфальтовою или булыжною, въ Парижѣ образовалось цѣлое общество для устройства деревянной мостовой. Это общество, годъ тому назадъ, обязалось въ видѣ опыта, на свой собственный счетъ,

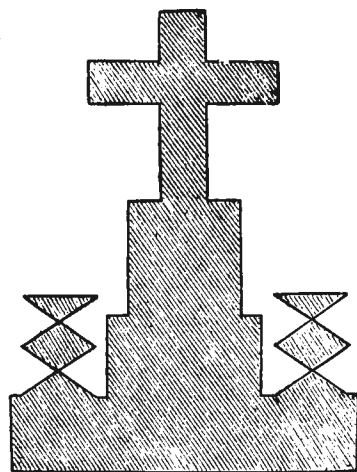
настилать мостовую изъ деревянныхъ шашекъ въ улицѣ Монмартръ и на бульварѣ Пуассоньеръ, въ двухъ изъ самыхъ многолюдныхъ мѣстностей Парижа. Эти мостовыя удостоились общаго одобренія столичныхъ инженероу, а потому муниципальныя власти рѣшились поручить этому же обществу дальнѣйшія работы по настилку деревянной мостовой по всему протяженію Елисейскихъ полей. Эта работа должна быть окончена къ 1-му марту и компания употребляетъ все усилія, чтобы именно къ этому времени открыть для Парижа новую дорогу, самую лучшую и самую спокойную въ свѣтѣ.

Потребленіе пива въ Берлинѣ. Обширныя пивоварни, которыми окруженъ Берлинъ, продаютъ громадное количество пива распивочно, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣетъ обширный садъ или другія помѣщенія для любителей пива. По воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, громадная масса народу, и даже многіе горожане со своими семействами, собираются здѣсь и уничтожаютъ невообразимое количество любимаго напитка. Большую часть пива здѣсь продаютъ кружками и общій итогъ вылитыхъ кружекъ бываеетъ по истинѣ изумительный. Такъ пивоварня въ Моабитѣ продаетъ 11,000 кружекъ и тамъ же другая пивоварня экспорта—22,500; пивоварни Уньоуъ, Фридрихштейнъ и Шпандауеръ Бокъ, каждая торгуетъ по 12,000 кружекъ, тогда какъ въ Зоологическомъ саду выпиваютъ обыкновенно такихъ кружекъ до 25,000. Кромѣ того, другія обширныя пивоварни, расположенныя на южной сторонѣ Берлина, какъ-то Тиволи, Газенхайде и Бокъ расходуютъ около 75,000 кружекъ. Такимъ образомъ число потребляемыхъ кружекъ доходитъ до 200,000, не считая сбыта небольшихъ пивоваренъ и множества садовъ, гдѣ ежегодно выпиваютъ до 5,000,000 кружекъ, такъ что приходится четыре кружки на каждого мужчину, женщину и ребенка.

Геометрическая задача № 10.

Раздѣлить эту фигуру на 13 частей и изъ нихъ составить пифагорову теорему.

Алгебраическая задача № 9.

Помѣщается здѣсь вновь, такъ какъ въ ней вкрались нѣкотора невѣрности въ первой ея редакціи въ № 6 „Нивы“.

Фамилія одного знаменитаго дипломата состоитъ изъ 8 буквъ; если же эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣ-

стамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

- 1) Разность кубовъ перваго и втораго чиселъ равна числу дней въ 9-ти недѣляхъ.
- 2) Треть разности между первымъ числомъ, возвышеннымъ въ шестую степень, и вторымъ числомъ въ той же степени равна разности между числомъ, означающимъ годъ Куликовской битвы и половиной числа дней въ мѣсяцѣ.
- 3) Разность между квадратами третьяго и послѣдняго чиселъ равна произведенію изъ числа дней въ одной недѣлѣ на число часовъ въ сутки.
- 4) Разность между третьимъ и послѣднимъ числами равна числу мѣсяцевъ въ году.
- 5) Разность между шестымъ и седьмымъ числами равна разности между послѣднимъ и вторымъ числами.
- 6) Сумма перваго, втораго и третьяго чиселъ равна разности между седьмымъ и послѣднимъ числами.
- 7) Утроенная сумма перваго и пятаго чиселъ равна числу дней въ Ноябрѣ.
- 8) Разность между седьмымъ и пятымъ числами равна третьему числу.

СОДЕРЖАНІЕ: Масленица (съ 2 рис.)—Подъ колесомъ. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова. (Окончаніе).—Другъ Намилла. Разсказъ Альбини. (Окончаніе).—Вакханка (съ рис.)—Памятникъ Н. М. Карамзину въ Сибирскѣ (съ рис.)—Нѣчто объ институтѣ вивотныхъ. Очеркъ.—Старая Прага (съ 13 рис.)—Небо въ 1883 году (съ 3 рис.)—Политич. обзоріе.—Отъ Императорскаго Московскаго Университета.—Смѣсь.—Игры и задачи.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

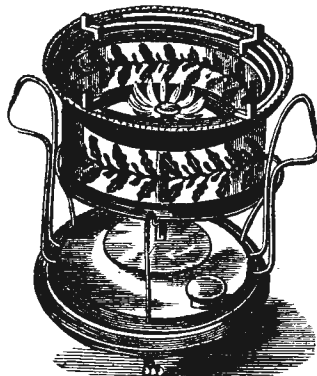
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ

Н. П. ЛАНИНА,

въ МОСКВѣ,

удостоенное **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью, неуступающее хорошимъ французскимъ маркамъ.

по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут. **ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ** въ обоихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣнійъ Азіи. № 2435 10—4

ПАТЕНТОВАННАЯ БЕНЗИНО-ГАЗОВАЯ КУХНИ,

съ регуляторомъ пламени, **ДИТРИХА и КЕЗЕВИЦА** въ ГАМБУРГѢ, особенно пригодны для домашняго употребленія, горятъ безъ фитиля, безъ запаха и копоти, и совершенно безопасны.

Главное агентство для всей Россіи и Слалду въ **Р. Ниппе**, магазинъ химическихъ, фармацевтическихъ и физическихъ аппаратовъ и снарядовъ. С.-Петербургъ, Демиловъ переулокъ, уголь Мойки, 2-62. Прейсъ-курранты высылаются бесплатно. Р. № 2494

В. ЧИДСОНЪ. Казанскій мостъ, № 21.

ЕДИНСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМЪ, замѣняющій въ Америкѣ **ВЪЗВѢТЪ**, не имѣющій недостатковъ. Цѣна 22 рублика СЕР. Иллюстрированнѣе объясненіи высылаютъ съ образцомъ. **П. БАРАБАНЪ**, СІВ. Симеонскій пер., д. № 3, кв. № 22.

„ВОСПИТАНІЕ ХАРАНТЕРА“. № 2454 Соч. Проф. Габриели. Ц. 90 к. 6—4

Изданія А. Ф. Маркса. Сиб. Большая Морская, д. № 9. **МОСКВА и ТВЕРЬ**, историч. повѣсть **В. И. Келсева**, съ рисунками Ланова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписки. „Нива“ на 1883 г. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть **В. И. Келсева** съ рисунками Ланова и **Косернева**. Это интересное сочиненіе изображаетъ, въ формѣ повѣсти, Петровское время и его характеръ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Для подписки. „НИВА“ 75 к., съ перес. 1 р.

Изданія С. Румилова.

1) **Спиритизмъ въ Индіи.** Фактироочарователи. Л. Жаколлио. СІВ. 1883 г. 2) Изысканія въ области спиритическихъ явленій. Материализація Кэти Кингъ. Крука. 3) Что такое спиритизмъ? Румилова. Складъ въ книжн. маг. А. И. Боринскаго. Сиб., уг. Троицкаго и Грифскаго пер. Ц. по 50 к., съ пер. 65 к. № 2487

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !
Получая постоянныя требованія на русское сырье отъ моихъ заграничныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ **РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ**
Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и топлёное, щетину, медъ, конскія гривы и хвосты, бараньи кишки, клеи и жиры рыбій, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препроводить образцы. Адресовать: **Торговль Домъ Генриха Барыцаго. Варшава.** № 2350 12—12

МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ ПЕЧАТАЕМЫЕ КАРТИНЫ,

СОБСТВЕННОГО ИЗДАНИЯ, КРАЙНЕ ДЕШЕВО ДЛЯ ИЗДАТЕЛЕЙ! Торгующих! Экспортеров!

НОВЫЙ иллюстрирован. каталогъ гратисъ и Франко.

Соответственныя золотыя рамы и каймы по фабричнымъ цѣнамъ.

КАРЛЪ КАУЛИШЪ. (CARL KAULISCH).

Берлинъ С. ул. Гриммъ № 7а.

(Berlin S. Grimmstr. 7a Deutschld.)

Институтъ для хромолитографій и печатанія. S. № 2489 10—1

НОВѢЙШЕЕ ПРЕВОСХОДНОЕ СРЕДСТВО „ЭЛЕОПАТЪ“.

По истинѣ безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которыя употребляли „Элеопатъ“, даютъ намъ право по совѣсти рекомендовать этотъ бальзамъ „Элеопатъ“ противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корней волосъ, увеличиванія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Этотъ Шведскій бальзамъ признанъ неподобнымъ средствомъ и не можетъ быть ничѣмъ замѣнимъ.

Способъ употребленія „Элеопата“ приложенъ къ каждому флакону. Каждый флаконъ содержитъ 120 граммовъ и имѣетъ въ самомъ стеклѣ вѣзель—надпись Кинунена, собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ пров. Кинунена продается у Штоль и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 к.

Въ провинціи „Элеопатъ“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ лучшихъ аптекахъ и косметическихъ магазинахъ. Для иногородныхъ покупателей „Элеопатъ“ высылается не менѣе 2 флаконовъ, содерж. 240 граммовъ, за 4 руб. изъ магазина аптекарскихъ матеріаловъ К. Феррейна въ Москвѣ.

10% ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижепоименованныя старинныя вещи, которыя я покупаю ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ: богатыя сѣверскія и саксонскія фарфоры, старинныя бронзовыя часы, канделябры и группы, золотыя эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшениями и фарфоровыми инкрустациями, гобелены, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинныя кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, крошк. монеты.

Указанія адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенные предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, г-ну ЛЮДОВИКУ БЕНЬ, Петровка, домъ Пенскаго противъ Петровской аптеки.

Вышеупомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сдѣланную покупку черезъ рекомендацію. А. № 2270 9—9

СПБ. Третій домъ отъ Московскаго вокзала по Гончарной улицѣ, въ домѣ № 7, вновь устроено 100 меблированныхъ комнатъ, которыя отдаются конторою дома, цѣною по-суточно отъ 50 коп. и до 1 руб. и помѣсячно много дешевле. № 2496

Объ изданіи въ 1883 г. журнала

„БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКИХЪ И УГОЛОВНЫХЪ РОМАНОВЪ“.

(изданіи годъ третій).

Всѣхъ книгъ въ теченіи года выйдетъ двѣнадцать. Подписная цѣна безъ доставки 7 р., а съ доставкой и перес. 8 р. 50 к.

Всѣмъ подписчикамъ будетъ выдано въ концѣ 1883 г. даромъ нѣсколько хорошихъ приложений, между которыми будетъ одна олеографическая картина.

На пересылку этихъ приложений Гг. подписчики благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ еще одинъ рубль.

Подписка на сроки менѣе года не принимается.

Кромѣ всего сказаннаго, редакція предоставляетъ всѣмъ подписчикамъ право приобрести, съ большою уступкою, только что вышедшія изъ печати 10 большихъ интересныхъ романовъ:

- 1) Преступленіе капитана Артура — уголовный романъ миссъ Бродонъ. 2) Марсельскіе умасы — уголовный романъ (описание чумы, ошустовившей въ 1720 году югъ Франціи). М. Лафонъ. 3) Супруга короля Генриха VIII — историческій романъ М. Кроуна.

4) Синьоръ Лоренцо Висконти — историческій романъ (изъ временъ италянскихъ войнъ королей Карла VIII и Людовика XII). Жамъ.

5) Роковое письмо — уголовный романъ. По интересу содержанія поименованные романы принадлежатъ къ числу книгъ очень рѣдкихъ въ отдѣлѣ беллетристики, а по внѣшнему виду могутъ занимать мѣсто въ любой изъ хорошихъ гостиницъ. Они отпечатаны на хорошей бумагѣ красивыми шрифтомъ и заключаютъ въ себѣ около 2,500 огромныхъ страницъ убористаго печатнаго текста, равняющагося почти пяти тысячамъ страницъ многихъ изданій въ подобномъ родѣ.

Всѣ поименованные романы стоятъ въ продажѣ 16 р. 75 к., но для лицъ, выписывающихъ ихъ одновременно съ журналомъ, они уступаются всего только за 10 руб., т. е. всѣхъ денегъ за журналъ и романы надо высылать уже не 25 руб. 25 коп., а только 18 руб.

Одновременно съ романами высылаются даромъ художественно-исполненная олеографическая картина.

Кромѣ вышепоименованныхъ романовъ въ редакціи имѣются еще четыре новыхъ интересныхъ романа.

эти романы называются:

- 1) Измѣна — историч. ром. изъ временъ нашествія Наполеона I на Россію въ 1812 г., соч. автора „Заниски полицейск. офицера“. 2) Двоеженецъ — уголовный романъ господи Жъ-дъ.

Всѣ названные четыре романа стоятъ въ продажѣ 7 руб., но для лицъ, выписывающихъ ихъ сразу, они уступаются за 6 руб. съ пересылкой и крошк. того имъ высылаются безплатно два хорошихъ приложения.

Лица, желающія приобрести романы съ вышеуказанною уступкою, должны высылать деньги прямо въ редакцію и адресовать свои требованія такимъ образомъ: Въ г. Москву, въ главную контору редакціи журналовъ „Библиотека Историческихъ и Уголовныхъ Романовъ“, въ Старомъ Галетномъ переулкѣ, въ домѣ № 292. № 2491

Свѣжія сѣмена

огородныя, цвѣточныя, травяныя, хлѣбныя и прочія въ большомъ запасѣ въ сѣменной торговлѣ А. Ушакова въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная, д. № 1. Подробный прейсъ-курантъ высылается по требованію. № 2477 3—2

БЕЗПЛАТНО

раздается и по требованію высылается по почтѣ прейсъ-курантъ розанамъ, георгинамъ, садовымъ инструментамъ и всякаго рода сѣменамъ Ф. В. Шульца на 1883 годъ, въ сѣмешномъ его депо: Москва, Мясницкая, д. Пѣгова. № 2475 2—2

Исключительное депо на всю Россійскую Имперію.

Мужскіе карманные часы

немновѣрно подражающіе золотые. Цѣны исключительно съ пересылкой. Цилиндрическій большой форм. 7 р. меньшій 8 р.

Самозаводящіеся 10 р. Выписывающ. сразу 25 шт. 10% скидки 100 20%

Отправка немедленно по полученіи всей сдѣланной сумм. Адресъ: Торговый Домъ „Commerce Russe“, Варшава. № 2349 12—12

ДЛЯ ПЧЕЛОВОДОВЪ.

Изобрѣтень снарядъ, ловащій матку при выходѣ изъ роя, при чемъ рой самъ возвращается къ своему улью и помѣщается вокругъ матки, находящейся въ ловащикѣ. Такимъ образомъ ни одинъ рой не уйдетъ изъ улья, ни изъ новаго улья, въ который оны будутъ посажены. Будетъ приложено подробное печатное наставленіе. Цѣна снаряда съ пересылкой пять рублей. Адресовать: въ Нижній-Новгородъ, Оседрю Ивановичу Богданову, Ямская, № 12. № 2492

Замѣчательной вѣрности часы извѣстной фабрики: INTERNATIONAL WATCH CO

РЕКОМЕНДУЕТЪ

Депо часовъ Фридриха Винтера, СПБ., по Невскому проспекту, на углу Литейной, д. № 78—66, по слѣдующимъ цѣнамъ:

Серебряные глухіе, съ заводомъ безъ ключа, въ 50 руб. № 2493 Золотые такіе же отъ 100, 125 и 150 руб.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Воллцакого, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

ВАЗЕЛИНЪ предпочтительно замѣняетъ во всѣхъ случаяхъ употребленіе жирныхъ веществъ и вліянію температуры не поддается. ПОМАДА ВАЗЕЛИНЪ превосходитъ качествомъ всѣ извѣстныя средства, придаетъ волосамъ мягкость и блескъ и содержитъ голову въ чистотѣ и свѣжести. КОЛЬДЪ-КРЕМЪ ВАЗЕЛИНЪ отличается особенною мѣткостью, дѣйству на кожу благоприятно и освежаетъ, придаетъ ей мягкость и бѣлизну.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

въ которыхъ приобретаютъ нѣкоторые фабриканты, принявъ названія фирмъ, близкое подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ всякаго предмета точности фирмъ:

- „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“: ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви. 2) Невскій проспектъ, д. № 68, у Анничина моста. 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вѣтки, сходныя съ вышею С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2254 3—8

Въ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу Новая книга: безъ предварительной цензуры, интересная своимъ содержаніемъ „КУКАРЕКУ“

(жемчужиной русской беллетристики, томъ I-й). Подъ ред. Трефоваго Короля. Цѣль книги — доставить удовольствіе читающей публикѣ и семейному кругу, разсказы съ глубокимъ жизненнымъ значеніемъ юмора и поэзіи талантливыхъ писателей. Названіе „Кукареку“ какъ нельзя лучше относится къ содержанію книги: какъ пѣтухъ своимъ веселымъ крикомъ радуетъ насъ, предвѣщая разсвѣтъ, такъ книга съ своимъ интереснымъ содержаніемъ будитъ въ читателяхъ веселыя чувства и благотворно вліяетъ на состояніе духа. Книга 224 стр. Цѣна 1 р. 20 к. Складъ въ Москвѣ у Ю. Конодѣнъ, рядомъ съ церковью Спиридонія, домъ Соловьева. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Ц. № 2472 2—2

Новость! ГУТАПЕРЧЕВОЕ ПЕРО РЕЙХА, Новость!

признанное за самое лучшее пишущее перо, соединяющее въ себѣ преимущества стального и гусиного перьевъ, подходящее для всякаго почерка и дешево, ибо оно можетъ служить по нѣскольку лѣтъ, потому что оно очиняется какъ гусиное перо. Цѣна 50 к. за штуку, съ пересылкою 70 к. за штуку (почтов. марками). Главный складъ для всей Россіи: Контора Ф. П. Сазонова, Фонтанка, № 67. С.-Петербургъ. № 2495 2—1

Обращения виньеток по рис. Н. Каразина, помѣщенныхъ въ началѣ каждой главы романовъ.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 9.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ давно уже ожидаемая читателями книга:

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVШ вѣка, въ 2-хъ частяхъ,
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. иногород. 3 р. 50 к.; въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ новымъ подписчикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтерьянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ приобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустимъ имъ это новое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 руб.; въ каленкор. переплетѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ Больш. Морской, д. № 9; и въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линіи, — а та же можно найти эту книгу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Одна едина уступка дѣлается только лицамъ, явившимся съ требованіями въ главную контору редакціи въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская, № 9, или въ отдѣленіи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ Москвѣ.

Лестные отзывы объ этомъ романѣ при печатаніи ея въ „Нивѣ“ 1882 г. и громадное число требованій, поступившихъ къ намъ уже за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода этого отдѣльнаго изданія — даютъ намъ право надѣяться, что книга эта получитъ широкое распространеніе и будетъ читаться съ удовольствіемъ. Интересъ ея содержанія и мастерство разсказа ручаются за это.

Весь цикл этой коллекціи историческихъ разсказовъ о поколѣніи Горбатовыхъ состоитъ пока изъ трехъ романовъ, а именно: 1) „Сергѣй Горбатовъ“ (уже вышедшій въ прошломъ 1882 году отдѣльнымъ изданіемъ), 2) „Вольтерьянецъ“ (вышедшій нынѣ) и 3) „Старый Домъ“, который будетъ напечатанъ въ „Нивѣ“ 1883 г.

Поэтому мы рекомендуемъ МНОГИМЪ ТЫСЯЧАМЪ НОВЫХЪ подписчиковъ на „Ниву“ 1883 года, которые получаютъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ „Нивѣ“ для чтенія третье продолженіе этого цикла романовъ, „СТАРЫЙ ДОМЪ“, чтобы имѣть полную коллекцію историческихъ разсказовъ Всеволода Соловьева, касающихся поколѣнія Горбатовыхъ, — ПРИОБРѢСТИ, кромѣ выше публикованнаго изданія „Вольтерьянецъ“, и начальный романъ, подъ заглавіемъ:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVШ вѣка, въ 2-хъ частяхъ,

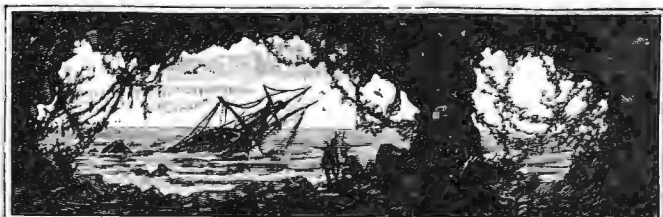
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

Напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 672 страницы in 8°. СПб. 1882. Цѣна сброшюр. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.; въ красивомъ каленкор. переплетѣ съ золот. тисненіемъ 4 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп.

Событія жизни героя романа, Сергѣя Горбатова, чрезвычайно любопытныя, его отношенія къ Екатеринѣ Великой къ цесаревичу Павлу, къ любимцу Императрицы Екатерины, графу Зубову; присутствіе героя при страшныхъ сценахъ французской революціи и т. п. — дѣлаютъ этотъ романъ однимъ изъ интереснѣйшихъ по содержанію произведеній современной литературы.

Для новыхъ гг. подписчиковъ „Нивы“ на 1883 г.,

желающихъ приобрѣсти одновременно оба романа: „Сергѣй Горбатовъ“ и „Вольтерьянецъ“, дѣлается значительная уступка, а именно: за оба книги: сброшюров. вмѣсто 6 р. за 4 р. 50 к., съ перес. вмѣсто 7 р. за 5 р. 50 коп.; въ каленкоровомъ переплетѣ вмѣсто 8 р. за 6 р. 50 к., съ перес. вмѣсто 9 р. за 7 р. 50 к. — Но уступка эта дѣлается только при обращеніи прямо въ контору редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская, № 9, или въ отдѣленіи „Нивы“ въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской, въ Петровской линіи.

Обращения виньетокъ по рис. Н. Каразина, помѣщенныхъ въ началѣ каждой главы романовъ.

При этомъ не прилагается для гг. иногородныхъ подп. сч. (за исключ. Московск.) объявленіе отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдастъ 26 Февраля 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 50 коп. (1 Mark. 50 Pfen. для за грани.) за строку непарелль (въ 1/4 ширины страницы).

Всѣхъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 8 руб.

Всѣхъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особья приложенія при „Н И В ѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для многог. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9
 и ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ), ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Рихардъ Вагнеръ.

Смерть слѣдуетъ за смертью. Германія потеряла одну изъ лучшихъ своихъ художественныхъ силъ, гениальнаго несомнѣнно композитора, котораго произведенія оставили такой значительный, замѣтный слѣдъ въ искусствѣ. 1-го (13) сего февраля скончался знаменитый Рихардъ Вагнеръ. Онъ былъ сравнительно еще не старъ и казался крѣпкимъ и сильнымъ человѣкомъ, могущимъ прожить еще очень долго. Онъ мечталъ вывести искусство на новую дорогу, осуществить, наконецъ, идеально - гармоническое сочетаніе человѣческаго голоса и музыкальныхъ инструментовъ, о чемъ мечтали еще греки, и его дѣло, начатое съ гениальностью и силою, остановлено смертью. Рихардъ Вагнеръ родился въ 1813 году въ Лейпцигѣ, гдѣ отецъ его служилъ въ полиціи. Еще въ очень молодыхъ годахъ показывалъ онъ большія наклонности и способ-

Рихардъ Вагнеръ, † 1 (13) Февраля. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

ности къ музыкѣ и поэзіи, и лѣтъ всего тринадцати отъ роду уже интересовался и занимался Шекспиромъ и набросалъ планъ большой трагедіи. Въ Лейпцигѣ онъ прилежно сталъ посѣщать тамошнюю консерваторію и серьезно изучалъ Бетховена. Позже, вступивъ въ Лейпцигскій университетъ, онъ слушалъ лекціи литературы, философіи и искусствъ, и въ то же время съ извѣстнымъ Вейлингомъ изучалъ контрапунктъ. Въ 1833 году онъ написалъ увертюру и симфонію, которыя съ успѣхомъ исполнялись въ консерваторіи. Весною 1837 году онъ перѣхалъ въ Ригу, гдѣ на мѣстномъ театрѣ получилъ мѣсто дирижера; въ слѣдующемъ году онъ уже писалъ текстъ своей первой значительной оперы „Риензи“, сюжетъ которой увлекъ его въ прекрасномъ романѣ Бульвера. Въ 1839 году онъ былъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Поставивъ въ Парижѣ „Риензи“, онъ

здѣсь же занялся текстомъ новой оперы „Летучій Голландецъ“. Затѣмъ успѣхи его идутъ безостановочно и быстро. Оперы его ставятся въ Берлинѣ и Дрезденѣ, известность разростается и въ 1845 году онъ уже пишетъ „Лоэнгрина“ и „Тангейзера“, весьма любимыхъ нашей публикой и часто исполняющихся на Императорской оперной сценѣ. Текстъ и музыка писались лично самимъ композиторомъ, который былъ такъ-же сильнымъ поэтомъ, какъ и гениальнымъ композиторомъ. Въ 1848 г. онъ участвовалъ въ революціонномъ движеніи въ Германіи и долженъ былъ выѣхать въ Швейцарію. Въ 1855 году, въ Дюринхѣ, началъ онъ свою колоссальную, знаменитую тетралогію „Кольцо Нибелунговъ“ („Рейнское золото“, „Валькирии“, „Зигфридъ“ и „Сумерки боговъ“). Въ 1864 году онъ вызванъ былъ юнымъ королемъ Баваріи, Людвигомъ II, страстнымъ почитателемъ его таланта. Тутъ началась его извѣстная всѣмъ жизнь при дворѣ молодого короля, дружба съ шанистомъ Бюловымъ и всѣ послѣдующія событія его бурной жизни. Оперы его приобрѣли громадный успѣхъ въ Германіи и восторженныхъ поклонниковъ. Въ это же время появились его знаменитые этюды объ искусствѣ, ибо и литература нѣмецкая потеряла въ немъ писателя, обогатившаго ее замѣчательными трудами по самымъ разностороннимъ вопросамъ эстетики и искусства. Къ этому же времени относится осуществленіе его идеи истиннаго опернаго театра, идеалъ, котораго не удовлетворялъ ни одинъ изъ существующихъ. Въ городѣ Байрѣйтѣ, на средства короля Людвига и на собранія на это частныя деньги многочисленныхъ почитателей композитора, воздвигся особый театръ, исключительно для оперъ Вагнера, выстроенный согласно съ тѣми пововеденіями, которыя имъ давно объявлялись необходимыми для цѣлостности впечатлѣнія, которое должна производить на зрителя музыкальная драма, написанная по правиламъ созданнаго имъ „искусства будущаго“. Невидимый для зрителей оркестръ, мѣста для публики, расположенныя такимъ образомъ, чтобы съ каждаго изъ нихъ было безусловно видно и слышно все происходящее на сценѣ, театральныя машины, позволяющія, по силѣ и сложности своего механизма, такіе сценическіе эффекты, о которыхъ нечего было и думать при обыкновенныхъ машинахъ, употребляемыхъ даже въ лучшихъ европейскіхъ театрахъ, темнота зрительной залы во время представленія, педоускающая публикѣ развлекаться постороннимъ—все это было осуществлено въ этомъ театрѣ, стоявшемъ большихъ денегъ. Результатъ извѣстенъ. Байрѣйтскіе оперные спектакли привлекли въ началѣ международную толпу почитателей Вагнера и заставили въ теченіи нѣкотораго времени говорить о себѣ всю образованную Европу. По послѣ нѣсколькихъ представленій, композиторъ перенесъ однако оперу въ Вѣну. Оригинальныя пововеденія его едва-ли понравились публикѣ.

Болѣе 20 лѣтъ гремѣло на всю Европу имя знаменитаго композитора. О популярности произведеній Вагнера въ Германіи можно себѣ составить уже понятіе по цифрѣ авторскаго гонорара, которую онъ получалъ за послѣднее время и которая составляетъ отнынѣ достояніе его наслѣдниковъ. Судя по поступленіямъ послѣднихъ лѣтъ цифра эта простирается до 100 тыс. марокъ, т. е. до пятидесяти тысячъ рублей въ годъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что гонораръ Вагнеръ получалъ только за представленіе четырехъ оперъ: „Лоэнгрина“, „Тристана и Изольды“, „Нюрнбергскихъ пѣвцовъ“, и „Перстня нибелунговъ“, потому что гонораръ за остальные свои произведенія знаменитый маэстро уступилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному франкфуртскому банкиру за довольно значительную сумму. Не говоря объ этомъ значительномъ доходѣ, семья Вагнера, его сынъ Зигфридъ и жена, имѣютъ за себя высокаго покровителя и почитателя таланта покойнаго въ лицѣ короля Людвига Баварскаго. Что касается наличныхъ денегъ, то ихъ Вагнеръ оставилъ немного. Покойный любилъ жить на широкую ногу, особенно-же роскошно жилъ въ послѣднее время въ Италіи. Въ Палермо онъ занималъ цѣлый рядъ номеровъ въ лучшей гостинницѣ, въ Венеціи цѣлый этажъ отеля, но тутъ стало ему тѣсно и онъ переселился во дворецъ Вендрамино, этотъ шедевръ времени возрожденія, который онъ сваялъ у герцогини, родственницы гр. Шамбора. Недвижимое имущество Вагнера состояло только изъ его дома въ Байрѣйтѣ, въ Баваріи. Фасадъ дома выходитъ въ садъ, примыкающій къ королевскому парку, со стороны-же улицы скрывала его высокая каменная ограда съ фресками, изображающими сцены изъ „Нибелунговъ“. Внутри дома особенно замѣчательна зала съ куполообразнымъ потолкомъ. Здѣсь хозяинъ принималъ гостей; здѣсь есть рѣдкія произведенія искусства, напр. картины Макарта и т. п. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ саду, по указаніямъ хозяйина, былъ воздвигнутъ художественный мавзолей изъ сѣбраго мрамора, вокругъ котораго самъ маэстро насадилъ цвѣты и кустарники. Замѣчательно, что Вагнеръ имѣлъ ясное предчувствіе смерти. Недавно, въ консерваторіи въ Венеціи онъ дирижировалъ оркестромъ, исполнявшимъ одну изъ его симфоній. Окончивъ, онъ положилъ свой канцелярскій жезлъ и сказалъ, что больше никогда не будетъ дирижировать. „Отчего?“ спросили его.—Оттого что я скоро умру! отвѣчалъ серьезно маэстро.

Смерть маэстро послѣдовала отъ разрыва сердца и была мгновенна. Замѣчательно, что отъ такой-же причины умеръ нашъ высокогалактичный А. Н. Сѣровъ, который былъ веселъ и по видимому здоровъ еще утромъ въ день смерти.

Осенью прошлаго года состояніе здоровья Рихарда Вагнера было неудовлетворительно и онъ постоянно пользовался совѣтами врачей. Когда онъ переселился въ Венецію, ему стало нѣсколько лучше, но, однако, не на долго. За послѣднее время съ нимъ часто дѣлалось дурно и перѣдко вечеромъ, слушая на площади св. Марка военную музыку, ему приходилось удалиться въ банкирскую контору Рейтмейера, гдѣ съ нимъ дѣлались продолжительные обмороки; при этомъ онъ постоянно жаловался на стѣсненіе въ груди. Знаменитый композиторъ также быстро падалъ духомъ, и мрачныя предчувствія о скорой кончинѣ, какъ мы говорили, почти не покидали его. Въ первый день великаго поста Вагнеръ отправился на островъ Санъ-Микеле, гдѣ находится кладбище, между городомъ и Мурано. Выходя изъ гондолы, онъ сказалъ своему гондольеру Луджи: „не пройдетъ много времени, и у меня здѣсь будетъ свой укромный уголочекъ“; по наканунѣ смерти Вагнеру сдѣлалось какъ будто лучше; онъ чувствовалъ себя хорошо и былъ даже въ веселомъ расположеніи духа. Въ теченіе дня онъ отправился даже къ своему банкиру Рейтмейеру за довольно крупною суммою, такъ какъ предполагалъ вмѣстѣ съ сыномъ совершить продолжительную поѣздку по южной Италіи. Въ самый день смерти онъ, по обыкновенію, работалъ и игралъ на фортепиано въ своемъ кабинетѣ. Музыка оказывала на него благотворное вліяніе и обыкновенно онъ выходилъ изъ кабинета, пѣвая какой-нибудь мотивъ. Но на этотъ разъ онъ вошелъ въ столовую молча, блѣдный, едва держась на ногахъ, и сказалъ, что чувствуетъ себя не хорошо. Но онъ быстро оправился и въ три часа вся семья собралась къ обѣду. Вдругъ Вагнеръ поднялся съ мѣста и воскликнулъ: „Мнѣ очень дурно!“ Это были его послѣднія слова. Всѣ засуетились, бросились помогать больному. Прислуга уложила его въ постель. Нѣсколько минутъ спустя прибылъ постоянно пользовавшій его врачъ, докторъ Келлеръ, который, однако, могъ только констатировать, что авторъ „Тангейзера“ и „Лоэнгрина“ уже скончался, притомъ отъ разрыва сердца. Извѣстіе о смерти Вагнера распространилось съ быстротою молніи въ Венеціи, масса публики устремилась немедленно къ палаццо Вендрамино. Погруженная въ горе семья композиторашла утѣшителя въ лицѣ живописца Жуковскаго (сына поэта), давнишняго друга Вагнера. Жуковскій принялъ на себя всѣ заботы о похоронахъ, отъ него же король баварскій узналъ впервые о смерти своего любимца. Въ отвѣтъ на краткую телеграмму Жуковскаго, король выразилъ по телеграфу желаніе, чтобы тѣло не трогали и никакихъ распоряженій не дѣлали до прибытія въ Венецію его уполномоченнаго, что послѣдовало въ четвергъ.

16 (4) февраля трупъ Вагнера пабальзамированъ и положенъ въ металлическій гробъ. Скульпторъ Бенвенути снялъ гипсовую маску съ лица Вагнера. Муниципалитетъ положилъ на гробъ вѣнокъ.

Бронзовый гробъ сдѣланъ въ стилѣ возрожденія, вагонъ желѣзной дороги обитъ чернымъ съ серебромъ. Семья сопровождаетъ трупъ Вагнера. До вокзала гробъ провозили глава муниципалитета, префектъ, члены лицея Марцелло и друзья семьи, между ними художники Пассени и Жуковскій и банкиръ Гросъ.

Въ Мюнхенѣ трупъ Вагнера прибылъ 5-го февраля и былъ встрѣченъ на станціи желѣзной дороги флигель-адъютантомъ короля Людвига II, положившимъ на гробъ громадный лавровый вѣнокъ. Мюнхенскіе художники съ горящими факелами, депутаціи всѣхъ мюнхенскихъ пѣвческихъ обществъ со знаменами покрытыми флеромъ, и вагнеровскій ферейнъ, всѣ съ лавровыми вѣнками, образовали шалеры. Погребальный поѣздъ двинулся при звукахъ бетховенскаго похороннаго марша. Всѣ депутаціи дежурили у гроба, до отправленія его съ курьерскимъ поѣздомъ въ Байрѣйтъ.

Въ воскресенье, 6-го (18-го) февраля, вечеромъ, тѣло Рихарда Вагнера выставлено было въ Байрѣйтѣ въ траурномъ покрѣ, устроенномъ въ вокзалѣ здѣшней желѣзной дороги. Тамъ простился съ прахомъ великаго композитора, отъ имени города, здѣшній бургомистръ. Фейстель, директоръ правленія вагнеровскаго театра, сказалъ также соотвѣтствующее случаю теплое надгробное слово. Затѣмъ, пополуночи, величественная погребальная процессія двинулась, при звукахъ зигфридовскаго похороннаго марша, въ Ванфридъ. За траурною колесницей не шель никто изъ родственниковъ Вагнера. Зато за ней слѣдовали представители баварскаго короля, многочисленные депутаціи, множество артистовъ, офицеровъ, чиновниковъ, городскія власти, именитые граждане, и громадная толпа народа. Собственно въ Ванфридъ было допущено всего лишь около 100 человекъ, получившихъ особая приглашенія. Послѣ краткой литіи, смертные останки композитора опущены въ могилу, имъ самимъ для себя приготовленную. На всѣхъ присутствовавшихъ при погребеніи оно произвело глубокое впечатлѣніе.

На морскомъ берегу.

(Изъ записной книжки туриста).

П. П. Гнѣдича.

I.

По высокому и широкому трапу, въ родѣ тѣхъ лѣстницъ, что въ старинныхъ барскихъ домахъ вели на антресоли, я поднялся изъ колымажной лодки на палубу огромнаго морскаго парохода. Татаринъ потащилъ вѣдъ за мной, кверху, чемоданы. Мои спутники, съ которыми отчаливши отъ берега я попалъ въ одну лодку: какой-то морякъ, старуха съ толстымъ носомъ и желтымъ пѣтухомъ, обернутымъ въ трипку, да тощая дѣва, видимо изнывающая за немѣнимъ мужа, — поднялись вѣдъ за мною. Я прошелъ на корму, выбралъ себѣ мѣсто въ тѣни и расположился поудобнѣе.

Утро было чудное. Изъ-за крутыхъ, фиолетовыхъ облаковъ съ золотистой оторочкой только что выплыло свѣжее, молодое солнце и залило море широкимъ розливомъ огня. Вершины горъ стояли совѣмъ розовыя, — да и все было розовое: и нашъ пароходъ, и дымъ, выходящійся плотными клубами изъ его трубъ, и городокъ, бѣлѣвшій на самомъ берегу у подножья горъ, — маленькій приморскій городокъ. Сизо-зеленая поверхность воды еле будоражилась волнистою, слабою зыбью, задумчиво плескавшею въ купеческія суда, сонно качавшіяся на якоряхъ. Въ воздухѣ стояла та утренняя, торжественная истома, которая всегда слѣдуетъ за страстной южной ночью, съ ея душнымъ ароматомъ, огромными зелеными звѣздами и фосфорическимъ блескомъ луны.

Я бѣжалъ одинъ, и очень скучалъ одиночествомъ, особенно когда прѣзжалъ на мѣсто. Дорога переносилась гораздо легче: этому способствовало и постоянное разнообразіе впечатлѣній, и удивительная общительность русскаго пассажира. Я по опыту знаю, что невозможно проѣхать сутки въ вагонѣ и не познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ спутниковъ. У васъ окажутся не только общіе знакомые въ Петербургѣ, Харьковѣ или Чугуевѣ, но и самъ пассажиръ придется вамъ всенепременно родственникомъ, ужасно дальнимъ, — черезъ какихъ-то древнихъ тетушекъ, которая давнымъ-давно истлѣли по склепамъ. Отличительная черта этихъ родственниковъ та, что они спятъ въ дорогѣ восемнадцать часовъ въ сутки. Я это имъ вмѣняю въ особенную заслугу, — и по этой причинѣ ихъ никогда нельзя встрѣтить между Москвой и Петербургомъ, гдѣ всего ѣзды-то пятнадцать часовъ, и гдѣ поэтому они еле успѣваютъ выспаться, забывая даже про существованіе буфетовъ. Пароходъ менѣе скучиваетъ пассажира, и потому знакомства вяжутся не сразу. Мнѣ, вдобавокъ, ѣзды было всего какихъ-нибудь пять часовъ — и потому я питалъ надежду, что никакихъ родственныхъ встрѣчъ не произойдетъ: какъ ни будь скучно, — такая встрѣча влечетъ за собою скуку еще жесточайшую... Но вскорѣ я принужденъ былъ разувѣриться въ ожиданіи.

Я слонялся безцѣльно по палубѣ, смотрѣлъ, какъ на паровыхъ блокахъ подымали грузныя бочки и складывали куда-то глубоко внизъ, какъ машинисты вытирали масляными тряпками стальные поршни и цилиндры, какъ старуха укладывала пѣтуха, пугливо дергавшаго головой, въ круглую корзинку. Изнывающая дѣва скромно пожѣстилась во второмъ классѣ, сняла съ своихъ безцвѣтныхъ волосъ шляпу съ цѣлымъ кустомъ сирени, и выцувъ изъ маленькаго дорожнаго сака какую-то провизию, не безъ удовольствія жевала. Къ трапу то и дѣло подплывали лодки съ пассажирами и багажемъ. Птицы шумно летали вокругъ, садились на мачты. Матросы шныряли туда и сюда по борту; воздухъ наливаема все сильнѣе тепломъ и жаромъ.

— Куни, баринъ, бирюза, настояща черноморска, —

предлагалъ мнѣ армянинъ, раскладывая цѣлую коллекцію мелкихъ и крупныхъ камней, своими черными, закорючатыми пальцами. — Свезешь въ Москва, барышнѣ подарить.

Я послалъ его къ чорту, и перешелъ на носовую часть, откуда городокъ былъ виднѣе. Отъ него къ намъ словно мухи ползли — чернѣли по волнамъ катера, лодки съ пассажирами и грузомъ. А самъ онъ казался отсюда хоть и живописнымъ, но такимъ маленькимъ, жалкимъ: словно эти дѣтскіе домики кто-то просыпалъ мимоходомъ, а они такъ и прилипли къ тѣмъ мѣстамъ, куда ихъ бросило. Всѣ они были какіе-то бѣленькіе, кубическіе; только порой кой-гдѣ выпрыгивалъ минаретикъ и разрѣшалъ своей тонкой линіей монотонность построекъ. Я люблю эти полу-русскіе, полу-восточные городки издали. Но за то избави Богъ жить въ нихъ, гдѣ-нибудь на татарскихъ задворкахъ, среди вони и грязи уже совѣмъ восточной, которая въ десять разъ хуже нашей, великороссійской...

Рядомъ со мной стоялъ плотный, плѣшивый мужчина съ рыжей бородкой, и разсѣянно уставало поглядывалъ вокругъ. Я чувствовалъ, что разговоръ неизбѣженъ, что онъ вотъ-вотъ заговоритъ, — и не ошибся...

— Извольте любоваться? началъ онъ. — Приятная мѣстность.

Я долженъ былъ согласиться, что пріятная.

— Любопытная мѣста, продолжалъ онъ. Вотъ тутъ пойдетъ лѣвѣе Алука, Орианда, Мисхоръ. Изволили насладиться ими? Далеко небезынтересно. Я вотъ третій годъ сюда ѣзжу, и каждый разъ наслаждаюсь.

— Издалека ѣздите? спросилъ я, чтобы что-нибудь спросить.

— Издалека. Можно сказать изъ Сибири, — изъ Екатеринбургa. Жену вожу на излѣченіе. Теперь привезъ ее, ѣду обратно. Очень спокойно. Пароходы умѣстительныя, комфортабельныя... Впрочемъ на сей разъ ѣдемъ мы съ маленькою непріятностью.

— То есть какъ?

— Вчера всѣхъ насъ чуть не перестрѣляли тутъ... Извольте удивляться? Да, оно точно удивительно. Съ нами, извольте видѣть, князекъ одинъ ѣдетъ, по фамиліи Тузлуковъ. Такъ онъ къ вечеру наливается, и по палубѣ съ пистолетомъ бѣгаетъ въ растерзанномъ видѣ...

— Вы шутите?

— Ни Боже мой.

— Что-же съ нимъ дѣлаютъ?

— Ничего не дѣлаютъ. Да и сдѣлать невозможно. Лицо официальное: ѣдетъ куда-то по казенной надобности, и даже кое-кому племянникомъ приходится. Впрочемъ, что онъ по казенной надобности ѣдетъ, — это вздоръ, а вотъ что онъ племянникъ, это точно...

— Да вѣдь онъ убьетъ кого-нибудь?

— Пистолетъ отъ него отобрали. И странный человекъ. Утромъ такой тихій, скромный. Сидитъ въ уголку, и все извиняется. Къ вечеру напьется, и сейчасъ дебошъ. Образованный человекъ, на многихъ языкахъ говорить. А вотъ, подите, какая болѣзнь...

— Такъ вѣдь можно-бы распорядиться, чтобъ ему вина не давали изъ буфета.

— Да гдѣ-же тутъ, не усмотришь! Сунулъ лакею цѣлковый — ну и тащеть ему бутылку... Онъ такъ-то очень приличенъ. Говоритъ, что ему стыдно смотреть на людей по утрамъ... а къ вечеру опять и готовъ-съ. Ужъ это натура такая, — вѣдь это вся фамилія Тузлуковъхъ на одинъ образецъ. Что этотъ самый князекъ въ Москвѣ выдѣлывалъ — и-и, Господи! Ужъ и сѣкли-то его, по просьбѣ матери, — ничего не помо-

Дуэль на лошадяхъ. Съ картини Хельминскаго, грав. Геуеръ.

гаеть... Теперь, говорить: „ѣду по казенной надобности“. Да кто-же его пошлетъ: вѣдь онъ шалберникъ извѣстный... Хотѣли протоколъ вчера составлять — да рѣшили, что не стоитъ, — потому сегодня окончательно пароходъ на мѣсто придетъ.

— Гдѣ-жь онъ теперь?

— Ходить, пассажировъ благодарить.

— За что?

— За то что протокола не составили.

— А тѣ что?

— Да что,—ничего. Всетаки князь, человекъ благородный. Хотите посмотреть его.

— Богъ съ нимъ, не интересно!

— Да вотъ онъ идетъ.

Онъ показалъ на подходящую фигуру, — ни дать ни взять коми изъ парфюмернаго магазина, въ шотландской шапочкѣ и свѣтленькомъ востомѣ изъ чичун-ча. Онъ былъ блѣденъ, лицо опухши, глаза красные. Увидѣвъ моего собесѣдника, онъ подошелъ къ нему и протянулъ руку.

— Извините, скромно проговорилъ онъ, приподнимая шапочку... Вчера опять это случилось... Миѣ такъ совѣстно, такъ совѣстно... Просто я не знаю, что это со мною...

— И-и, ваше сіятельство, съ кѣмъ это не бываетъ! угѣшилъ тотъ его.

— Ну, нѣтъ,—процѣдилъ князь сквозь зубы,—нѣтъ вы этого не говорите,—это не съ каждымъ случается... Просто позоръ... На пароходѣ, съ револьверомъ, и при томъ почти безо всего... Вѣдь вотъ оказывается, что я одну даму свиньей некормленной называю... Что-же это такое! Я теперь передъ всѣми готовъ извиняться, передъ всѣми... Извините, ради Бога, обратился онъ ко мнѣ, можетъ быть и вчера и васъ какъ нибудь неумышленно...

Я объяснилъ ему, что только что прибылъ на пароходъ. Онъ видимо смѣшался,—ему было досадно познать еще новаго человека съ своими дѣланіями...

— Нѣтъ, нѣтъ, рѣшено: больше не буду пить,—бормotalъ онъ отходи,—это ядъ, положительный ядъ!..

II.

Пароходъ снялся съ якоря и безшумно двинулся вдоль берега, разбрасывая по сторонамъ и далеко отставляя за собою длинныя ленты кружевной пѣны. Пассажиры стали стягиваться въ кружки. Армянинъ опять заходилъ съ бирюзой. Кое-гдѣ раскрылись карточные столы.

— У меня былъ вотъ такой-же дядя, не отставалъ отъ меня мой собесѣдникъ:—такъ онъ, какъ напьется,—сейчасъ въ церковь. Свѣчу поставитъ — и на колѣни, плачетъ, разливается: сколь, говорить, много во мнѣ чревоустройства!.. Ну, совсѣмъ съ цѣпи сорвавшійся. А между тѣмъ медаль получилъ.

— За что?

— Сыроварни у него первая въ краѣ, — теперь-то онъ ко мнѣ перешли, а до позавчерашняго года его были... Жену съ малолѣтними дѣтьми на чердакѣ держалъ, чтобы домъ не подожгли, а прикащиковъ въ намордникахъ возилъ, чтобы не разговаривали.

Я развернулъ книгу и сдѣлалъ видъ, что интересуюсь чтеніемъ. Бородачъ завздыхалъ, полѣзъ въ карманъ, вытаскивалъ золоченую табакерку, съ которой по угламъ слѣзла позолота, и красный фуляръ, насквозь пропахшій табакомъ,—весь сморщился, сощурился, и не безъ наслажденія потянулъ порошокъ себѣ въ носъ...

— И чего онъ акробатомъ одѣвается, — не унимался онъ, смотря издали на князька. Мамаша благотворительностью занимается, а сынъ на черноморскихъ пароходахъ цѣлковые спускаетъ въ карты...

Я молчалъ съ упорствомъ и смотрѣлъ въ книгу. Онъ понытълъ еще немножко, и отошелъ.

Пароходъ уже совершенно разошелся и несся на всѣхъ парахъ. Мимо, какъ въ движущейся панорамѣ, шли крутые берега, затитые садами и царями; сквозь листву сквозили дворцы и дачи. Съ безоблачнаго неба солнце жгло и палило. Дельфины въ неистовой пляскѣ мчались за нами, высоко выпрыгивая изъ воды,—словно Нептунъ въ честь насъ задавалъ праздники, и вслѣлъ имъ вертѣться вокругъ судна хороводомъ. Было еще сравнительно рано, а уже дышать было нечѣмъ, такъ накалялся воздухъ. Я сталъ разсчитывать, сколько времени осталось до завтрака, а съ завтрака до прибытія парохода на рейдъ. Спать было неудобно, читать не хотѣлось, говорить тѣмъ болѣе.

Неподалеку, рядомъ съ сыроваромъ, помѣстился какой-то сѣденькій, съ подслѣповатыми глазами, господинъ и съ чувствомъ разсказывалъ о томъ, что слышалъ еще отъ своего дѣда.

— Безбожіе, милостивый государь, ни къ чему не поведетъ,—говорилъ онъ, опираясь подбородкомъ на палку—и прочно укорениться въ человекѣ не можетъ. Ужь на что, на примѣръ, былъ безбожникъ Вѣлтеръ?.. А между тѣмъ и съ нимъ какое чудесное обращеніе было! Случай достопримѣчательный, который въ жизнеописаніяхъ его не упоминается. Передавалъ мнѣ это очевидецъ, дѣдъ мой, какъ я уже вамъ докладывалъ.

— Жду съ интересомъ, — подбодрялъ разсказчика сыроваръ.

— Надо вамъ сказать, милостивый государь, и вамъ конечно это не безызвѣстно, что императрица Екатерина Великая состояла съ французскимъ безбожникомъ Вѣлтеромъ въ перепискѣ, и настолько имъ заинтересовалась, что пожелала его видѣть. Пригласила она его на лѣто въ Петербургъ. Онъ пріѣхалъ и поселился на отведенной для него дачѣ, близъ Чесменской богадѣльни, если изволите знать. Занимался онъ своими книгами, изумляя императрицу безбожіемъ и ученостью. Спорилъ съ нимъ митрополитъ, архіереи, но убѣдить не могли: затвердилъ одно: нѣтъ Бога, и души нѣтъ, а есть разумъ. Только хорошо-съ. Прогуливается онъ однажды въ полѣ. Видитъ, мужикъ землю пашетъ и крестится. Подходить онъ къ нему и спрашиваетъ: что это, говорить, ты рукой дѣлаешь. Мужичекъ отвѣчаетъ: крестное, говорить, знаменіе совершаю, молю Творца моего объ урожаѣ.—Да вѣдь Бога-то нѣтъ, — говоритъ Вѣлтеръ.—Какъ нѣтъ! а урожай откуда?—Урожай изъ земли.—Да вѣдь и не урожай изъ земли?—Вѣрно, говорить Вѣлтеръ, — неурожай отъ погоды. — Да погода-то откуда? — А погода сама по себѣ. — Тутъ мужикъ не выдержалъ — засмѣялся. — Ну, говорить, и пуцай. А вотъ я какъ перекрещусь, такъ у меня урожай и будетъ... Вѣлтеръ задумался. Пошелъ дорогой, думаетъ. Спать легъ—думаетъ... Что же бы вы думали, милостивый государь, такъ вѣдь на него злотъ случай повлялся, что онъ все свое безбожіе оставилъ и въ Бога увѣровалъ!.. Въ монахи постричься хотѣлъ—вотъ до чего...

Сыроваръ съ изумленіемъ покачалъ головою, а разсказчикъ принялся за новое повѣствованіе, очевидно столь же интересное. Я опять сталъ блуждать по пароходу, прислушиваясь къ звону посуды, раздававшемуся изъ столовой. За однимъ изъ карточныхъ столовъ князекъ игралъ въ пикетъ съ какимъ-то бородачатымъ господиномъ, сомнительнаго происхожденія, который все возмущался, что онъ „разноситъ“. Князьку, очевидно, везло. Когда я подошелъ къ нему—у него на рукахъ было семь пикъ и пять фигуръ.

— Ну вотъ и извольте сносить,—обратился онъ ко мнѣ, какъ къ знакомому,—не угодно ли...

Игралъ князекъ плохо, и не смотря на масти, чуть не каждый разъ отдавалъ лезу противнику. Противникъ игралъ очень тонко, съ большимъ разчетомъ, и былъ совсѣмъ князьку не подъ парю. Онъ какъ-то ухитрялся

каждый раз брать короля, изрѣдка только приговаривая: — Однако-жь это, съ позволенія сказать, собачье счастье“.

Къ кому относилось это „собачье счастье“—къ нему, или къ князю—этого я не могъ опредѣлить.

Когда сигнальный колоколь прозвонилъ къ завтраку, и пассажиры шаркая ногами двинулись въ залу, по какой-то необъяснимой случайности я очутился за столомъ рядомъ съ княземъ. Онъ отодвинулъ бутылку содерна отъ себя подальше, и спросилъ себя содовой воды.

— Чѣмъ кончилась ваша партія? полюбопытствоваль я.

— Представьте, проигралъ три съ полтиной,—удивлялся онъ.—Карта валила ужасно, а между тѣмъ кончилось проигрышемъ.

III.

Въ третьемъ часу, въ самый жаръ, пароходъ подошелъ къ давно желанному рейду. Онъ сбавилъ ходъ, и сталъ осторожно пробираться между судовъ. Въмѣсто дельфиновъ, вокругъ него запрыгали по водѣ дюжие парни, пловцы-аматеры, которые жалобно глядя своимъ мокрымъ лицомъ на пассажировъ, просили: „Баринъ, бросьте монету, я ртомъ поймаю“... Съ борта летѣли дождемъ гривенники и пятялтынные, парни ныряли въ густую сизую воду и снова выскакивали на поверхность, отплеываясь, фыркая, показывая монету и тотчасъ пряча ее за щеку. Дамы не безъ интереса смотрѣли на ихъ атлетическое сложеніе, а сыроваръ почему то утверждалъ, что это несомнѣнно ярославцы,—что это плуть-народъ, и кромѣ ихъ никто такого средства жизни не выдумаетъ.

На пристани маленькой, коренастый татаринъ подхватилъ мой чемоданъ и пледъ, и рысью кинулся черезъ площадь къ гостинницѣ, пыхтя, и всѣми силами желая показать, что чемоданъ ужасно тяжелъ, и что поэтому ему надо дать на водку какъ можно больше. При входѣ въ отель съ нимъ случилось несчастье: онъ пнулъ угломъ чемодана въ стеклянную дверь и разбилъ окно. Къ сожалѣнію, свободныхъ номеровъ здѣсь не оказалось, намъ пришлось искать пристанища въ другомъ мѣстѣ, и слышать сзади себя всякія хорошія пожеланія швейцара, вознегодовавшаго на разбитіе стекла. Носильщикъ молчалъ упорно, только хрюкалъ, и бѣжалъ бокомъ, какимъ-то галопомъ, весь обливаясь потомъ и задыхаясь. Я еле поспѣвалъ за нимъ, а онъ все оглядывался и шепталъ:

— Не далеко, мусье, не далеко.

Въ новой гостинницѣ посчастливилось болѣе. Какой-то линючій лакей повелъ меня во второй этажъ и показалъ огромную комнату съ двумя кроватями, изъ которыхъ одна была широкая, двуспальная. На мой протестъ, что такого семейнаго нумера мнѣ не нужно, онъ, позвякивая ключами, отвѣтилъ:

— Все занято, больше нигдѣ не найдете,—и потомъ прибавилъ: да можетъ вы не одни будете?

— А съ кѣмъ-же?

— Можетъ проѣзжіе есть знакомые?

Я велѣлъ внести свои вещи и подать воды для умыванья. Черезъ отворенную дверь мелькнула фигура князя, очевидно тоже остановившагося гдѣнибудь по сосѣдству. Подъ окнами росъ какой-то терновникъ, или чертополохъ, въ воздухѣ пахло изъ кухни пролитымъ на плиту масломъ. Немного подальше, за окномъ, ругались извошники; еще дальше—шло голубое поле залива, и жалобно бѣлѣли сожженные жгучимъ солнцемъ скалы. Словомъ видъ былъ не изъ важныхъ, не изъ тѣхъ, про которые говорятъ итальянцы: „ты его видѣлъ, и теперь можешь умереть“. Умереть тутъ можно было развѣ со скуки.

Переодѣвшись, я отправился по своимъ дѣламъ, и первымъ дѣломъ на почту — нѣтъ-ли писемъ poste-res-

tante. Надъ городомъ носилась, всеконечно, бѣлая пыль, садилась на платье, забиралась въ ротъ, въ носъ и въ уши. На прилавкахъ по улицамъ продавали великолѣпныя яблоки, виноградъ, груши, тоже обсыпанныя, какъ сахаромъ, пылью. Поднявшись въ гору, я дешелъ по тощему бульвару до клуба,—какого-то неуклюжаго барака, разыскалъ тамъ капитана, котораго мнѣ надо было видѣть, съѣлъ какой-то невозможный обѣдъ съ „антрекотомъ“.—и въ концѣ концовъ воротился домой поздно вечеромъ, когда уже солнце, покраснѣвъ тихонько, закатывалось въ туманную дымку далекой смутной полосы горизонта.

Къ величайшему изумленію, я нашелъ свою комнату отворенной; на двуспальной постели, подъ простыней потягивалась какая-то фигура, у стѣны стоялъ огромный чемоданъ и симметрично разставленные ботинки. У умывальнаго столика возился тотъ-же линючій лакей.

— Что это такое? крикнулъ я...

— Это тоже-съ проѣзжій, — не смущаясь отвѣтилъ онъ. Вѣдь вы говорили, что вамъ комната велика, и постель лишняя. Такъ вотъ они и заняли.

Проѣзжій сдернулъ съ головы простыню и приподнялся.

— Извините пожалуйста,—заговорилъ онъ нѣжно, и по голосу я тотчасъ призналъ въ немъ того господина, что игралъ въ пикетъ съ княземъ. Я не хотѣлъ занимать эту комнату, но во всемъ городѣ ни одного-жь помера, а этотъ (онъ ткнулъ пальцемъ на лакея) говоритъ, что вы были не прочь занять съ кѣмънибудь комнату. Я и расположился.

Мнѣ, конечно, оставалось только развести руками. Я вообще терпѣть не могу спать съ кѣмъ-бы то ни было, а ужъ тѣмъ болѣе съ незнакомымъ, который просто на просто можетъ обокрасть. Но вѣдь не гнать-же мнѣ его было ночью съ кровати...

— А я-жъ ужасъ какъ усталъ, — продолжалъ онъ, съ легкимъ польско-жидовскимъ акцентомъ,—потому не дожидаясь васъ, съ позволенія сказать, раздѣлся. Вы извините, пожалуйста, такой случай, можно сказать экстраординарный.

Я рѣшилъ непремѣнно завтра-же утромъ отдѣлаться отъ подобнаго сосѣдства, и началъ раздѣваться.

— Вы мнѣ позвольте рекомендоваться. — говорилъ онъ. Гроденскій помѣщикъ Шнейдеръ, Болеславъ Яковлевичъ. Путешествую для развлечения. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

Я назвалъ себя.—Очень приятно. Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на пароходѣ... Вы завтра на смотрите ѣдете?

— На какой смотреть?

— Государь смотреть здѣсь завтра дѣлаетъ,—мы съ княземъ рѣшили ѣхать. Маневры будутъ. Очень интересно. Поѣдемте, веселѣе втроемъ.

— Ну, ужъ не знаю.

— Я разбужу васъ завтра пораньше, можетъ и поѣдете...

Такая нахальная любезность меня ужасно взбѣсила, и я тутъ же положилъ, что нигуда не поѣду.

Государь всего на нѣсколько часовъ приѣдетъ изъ Ливадіи—мы услышимъ выстрѣлы, когда пароходъ войдетъ въ гавань. Да и лакею я приказалъ разбудить меня... Вы на ночь не купались?

— Нѣтъ.

— Напрасно... Это освѣжаетъ, дѣлаетъ тѣло какимъ-то гуттаперчевымъ... Pardon,—вамъ, кажется, спать хочется, а я болтаю, мѣшаю вамъ. Покойной ночи...

Онъ повернулся на бокъ и тотчасъ же захрапѣлъ, какъ-то особенно высвистывая носомъ.

IV.

Утромъ, сквозь полусонъ, я почувствовалъ, что меня трасутъ за плечо.

— Вставайте, вставайте,—кричалъ надъ ухомъ голосъ, —лхта вошла въ гавань.

У окна, завернувшись въ простыню, стоялъ князь, прибѣжавшій изъ своего номера, а рядомъ съ нимъ, въ такомъ-же костюмѣ, гроденскій помѣщикъ.

Мнѣ ужасно захотѣлось ихъ выгнать: такъ таки взять за шиворотъ, вытолкнуть за дверь, повернуть ключъ въ замкѣ, и снова натянуть на себя одѣяло. Но сдѣлать это было невозможно: мы живемъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ вѣкѣ телеграфовъ, телефоновъ и микрофоновъ! Оставалось скрипѣть зубами и ругаться про себя.

По заливу съ музыкой и выстрѣлами катились двѣ яхты, на одной развѣвался желтый штандартъ.

— Извощика скорѣй, кипятился Шнейдеръ, мечась изъ угла въ уголъ, держа въ одной рукѣ стаканъ, въ другой туфлю. Онъ посылалъ поминутно куда-то лакея, кричалъ, что мы опоздаемъ, самъ принесъ мнѣ вычищенные сапоги, полоскалъ ротъ, разливалъ чай... Онъ меня буквально одѣлъ, даже шляпу надѣлъ на голову, раза четыре сбѣгалъ за княземъ, стащилъ насъ съ лѣстницы и усадилъ въ коляску.

Очевидно, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые разъ прилипнувъ, уже не отлипаютъ, и отдѣлаться отъ которыхъ невозможно трудно. Съ княземъ, конечно, пришлось познакомиться короче, ибо помѣщикъ, помѣстившись на передней скамейкѣ коляски, сталъ увѣрять, что мы оба люди прекрасные, что я ему понравился съ перваго раза. Онъ даже тянулся ко мнѣ съ цѣлью поцѣловаться, но я его убѣдилъ сдѣлать это потомъ, не на улицѣ...

— Приятно помѣститься въ одной комнатѣ съ образованнымъ человекомъ—говорилъ онъ, сладко щурясь на меня своими хитрыми глазками. Я ужасно общество предпочитаю... А скука здѣсь, въ этомъ проклятомъ городѣ, убійственная. Хорошо еще, что вотъ съ княземъ вчера въ картишки перебросились... Да такое несчастіе опять мнѣ валило.

— Однако-же я шесть рублей проигралъ,—замѣтилъ князь.

— Такъ вы же небрежно играете,—возразилъ помѣщикъ... Да что ужъ тутъ,—собачье счастье.

Скоро городъ остался позади, мы поѣхали по холмистой долинкѣ. Вдали правильными рядами чернѣли войска. Смотръ уже начался, и полки, отбивая мѣрно шагъ, съ крикомъ ура! съ развернутыми знаменами шли мимо свиты. Мы вышли изъ экипажа и вмѣшались въ разношерстную толпу, вольцомъ оцѣпившую войско...

— Хорошо сидитъ,—похвалилъ князекъ полковника, танцовавшаго на горячей гнѣдой лошади передъ публи-

кой.—Эхъ, бывало я какъ въ полку гарцовалъ, и на какихъ коняхъ!

— Развѣ вы были военнымъ?—поинтересовался я.

— Да, я въ кавалеріи... Принужденъ былъ выйти,—вѣдь вы знаете мой характеръ... то есть слышали,—наивно сознавался онъ.

Побилъ домашнимъ образомъ одного изъ начальствующихъ —пу и попросили оставить полгъ.

Онъ даже вздохнулъ.

— Многимъ мнѣ пришлось заплатить за эту страсть, продолжалъ онъ. Вы не повѣрите, сколько мнѣ денегъ все это стоило! Я думаю, армію обмундировать на эти деньги можно...

Онъ говорилъ все это такъ просто, съ такимъ сожалѣніемъ, что я положительно недоумѣвалъ, какъ это такой скромный мальчикъ способенъ раздѣтый бѣгать по пароху съ револьверомъ и называть дамъ свиньями.

Шнейдеръ, увидѣлъ въ коляскѣ знакомыхъ: какую-то толстоносую барыню съ неприличнымъ лицомъ, и молоденькую дѣвушку съ золоти-

стыми по плечамъ волосами, въ широкой шляпѣ съ цвѣтами. Онъ подошелъ къ нимъ, и тоже влѣзъ въ коляску, чтобъ было виднѣе...

— Я вѣдь ужъ разжалованъ былъ,—говорилъ мнѣ князекъ чуть не со слезами въ голосъ.—Мать огорчается,—а что-же мнѣ дѣлать? Я всегда былъ такимъ... Въ гимназіи въ первомъ классѣ четыре года сидѣлъ, просто бѣда. Военныя науки какъ-то легче дались, я даже служилъ порядочно,—а теперь приходится безъ толку небо коптить...

— А вы не служили по статской?

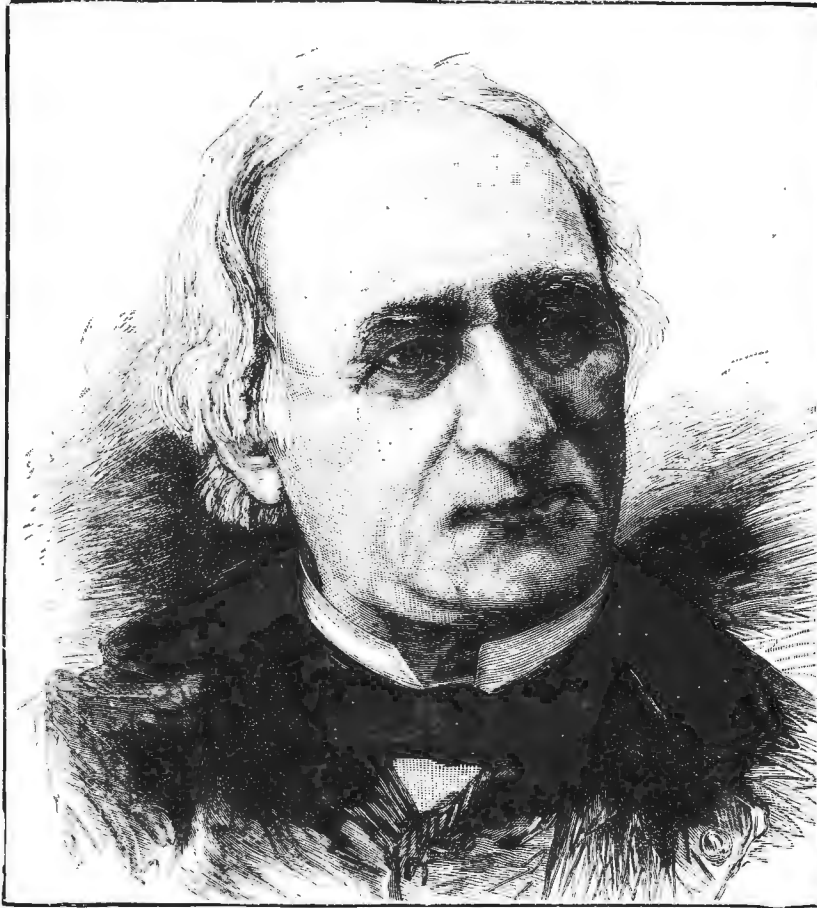
— Конечно служилъ. Чиновникомъ особыхъ порученій былъ при губернаторѣ. Да тотъ къ женѣ меня ревновалъ, и въ отставку заставилъ выйти...

Онъ мнѣ, все съ той-же наивностью началъ рассказывать подробности того, какъ ревновалъ свою жену губернаторъ (ревновать-то онъ имѣлъ полное право), хотѣлъ даже его отдать подъ судъ (все изъ-за жены), что его спасло только родство да связи...

— Коли правду говорить,—я давно бы жилъ гдѣнибудь на чукотскомъ носу,—говорилъ онъ,—хотя въ сущности преднамѣренно мухи не обидѣлъ. И бумаги-то я важныя терялъ, и купца одного чуть не убилъ, и неприятности изъ-за барынь имѣлъ. Вотъ мнѣ теперь двадцать пять лѣтъ, а мнѣ совсѣмъ ничего не интересно. Вотъ теперь пріѣхалъ на парадъ посмотрѣть, такъ чѣмъ-то старымъ сердце заиграло, службу полковую вспомнилъ,—а то что...

Онъ вдругъ ослабилъ.

— Знаете, меня въ кружки социалистическіе приглашали, агитаторомъ хотѣли сдѣлать,—засмѣялся онъ.

Химинъ, Ж. Дюма. Съ фотогр. грав. Флягель.

Харонъ и Психея. Съ картины А. Цанка, грав. Гауеръ. Библиотека "Руниверс"

— Ну и что-же вы?

— Три мѣсяца ихъ компанію поилъ. Это въ Москвѣ было, на Никитской. На балы ихъ ходилъ, съ мадами ихними познакомился. Одной все папиросы покупалъ,— она по тысячи штукъ въ недѣлю выкуривала. Но оказалась непригоденъ. Такъ и рѣшили. Держали только меня изъ-за того, что денегъ у меня всегда очень много бываетъ. А потомъ побилъ я ихъ жоака,—онъ тамъ мастерскую какую-то содержалъ,—ну и разошелся. Они меня *стилистомъ* все называли...

Между тѣмъ, на равнинѣ захопала пушки. Имъ въ отвѣтъ, внизу въ лоцинѣ заговорила ружейная перестрѣлка. Полки быстро двинулись мимо насъ, спускаясь куда-то за кусты внизъ. Экипажи тоже куда-то тронулись, народъ хлынулъ въ рассыпную, и вскорѣ мы остались вдвоемъ, все съ тѣми-же разговорами о Москвѣ и социалистахъ. Мимо скакали какіе-то верховые, на холмахъ вспыхивали выстрѣлы, перекатный громъ канонады такъ и стоялъ въ воздухѣ...

— Вѣдь вы знаете, — я женатъ, — говорил мой спутникъ.

— Вы? на комъ?

— На горничной. На простой горничной.

— Зачѣмъ-же это вы?

— На зло матери. Потомъ валялся въ ногахъ у нея. Цѣлую ночь у ея постели стоялъ на колъняхъ. Простила.

— Гдѣ-же теперь ваша жена?

— Чортъ ее знаетъ, я даже не справляюсь. За границу уѣхала съ моимъ товарищемъ... Однако мы кажется съ вами съ дороги сбились.

Что мы давно были не на мѣстѣ, это я давно видѣлъ. Вокругъ насъ, то и дѣло проносились ординарцы, и поглядывали на насъ очень недружелюбно. Мы попали въ самую кипѣнъ маневровъ.

— Вотъ съ этого пригорка должно быть видно, гдѣ шоссе,—сообразилъ князекъ,—и разбѣжавшись полѣзъ на крутой скатъ холма. Но въ этотъ моментъ совершилось что-то непонятное. Предъ нимъ словно изъ-подъ земли выросъ усатый фейерверкеръ, что-то крикнуть, замахалъ руками, потомъ схватилъ его за шиворотъ и хватилъ прямо лицомъ о землю. Въ тотъ же моментъ надъ нимъ вспрыгнулъ бѣлый клубъ дыма, и оглушительный пушечный выстрѣлъ грохнулъ такъ, что адъютантъ, полукругомъ подскакивавшій къ намъ, такъ и пригнулся...

Мы попали на батарею...

(До слѣд. М).

Мой пріятель Мёртріэ.

Рассказъ Фр. Коппе.

I.

Было время, когда я служилъ въ одномъ министерствѣ; каждый день, съ десяти до четырехъ часовъ, я становился добровольнымъ узникомъ мрачной канцеляріи съ пожелтѣвшими картами и запахомъ старыхъ бумагъ, доводящимъ до тошноты. Здѣсь я завтракалъ итальянскимъ сыромъ и яблоками, которыя пекъ въ печкѣ, читалъ газету, до объявленій включительно, писалъ никому не извѣстные стихи и даже занимался дѣлами государства, для того чтобы въ концѣ мѣсяца получить известную сумму, которой какъ разъ доставало лишь на то, чтобы не дать мнѣ умереть съ голоду.

Я вспомнилъ въ данную минуту объ одномъ изъ товарищей своего заключенія этой приспомятой эпохи.

Его звали Ахиллъ Мёртріэ и конечно благодаря своему высокому росту и ужасной наружности, онъ былъ едва ли не достоинъ своего имени.

Это былъ громадный дѣтина лѣтъ сорока, не съ особенно развитою грудью и плечами, но прикрывавшій тѣло широкими полями войлочной шляпы, просторными, короткими жакетками, такими же панталонами, въ крупныхъ клѣткахъ и галстухами бычьей крови на воротничкахъ à la Calin. Свою бороду и волосы, уже сѣдые на вискахъ, онъ стригъ подъ гребенку и очень гордился тѣмъ, что руки были въ волосахъ.

Единственнымъ желаніемъ этого кроткаго и лучшаго изъ товарищей было пользоваться атлетическимъ здоровьемъ, мышцами дискобала и не знать, какъ онъ говорилъ, своей собственной силы. Онъ не позволялъ себѣ ни одного жеста, даже въ своей мирной профессіи, не убѣждающаго зрителей въ его громадной физической силѣ. Когда ему приходилось брать почти пустой картонъ, онъ подходилъ къ полкѣ тяжелой походкой носильщика, схватывалъ его и пелъ въ мощно вытянутой рукѣ до сосѣдняго стола, при чемъ поворачивалъ плечами и хмурился какъ Милонъ Кротонскій. Онъ до того простиралъ эту маню, что даже самые легкіе предметы поднималъ съ мнимымъ усиленіемъ и разъ я видѣлъ какъ онъ въ правой рукѣ держалъ корзину со старыми бумагами, а лѣвую вытянулъ горизонтально, какъ противовѣсъ этой страшной тяжести.

Я долженъ сознаться, что это мощное созданіе внушало мнѣ глубокое уваженіе, потому что въ то время я былъ еще болѣе болѣзненъ чѣмъ теперь и вслѣдствіе этого относился съ энтузіазмомъ къ физической силѣ, которой у меня не хватало.

Разговоры Мёртріэ не уменьшали того удивленія, которое онъ внушалъ.

Въ особенности лѣтомъ, въ понедѣльникъ, когда мы сходились послѣ праздника, въ бюро—онъ заводилъ неистощимые рассказы о своихъ подвигахъ. Снявъ шляпу, жакетку и жилетъ, и отерши лобъ засученнымъ рукавомъ рубашки, давая понять о своемъ полнокровіи и сангвиническомъ темпераментѣ, онъ запускалъ глубоко руки въ карманы своихъ панталонъ и, стоя возлѣ меня во всемъ величіи своего алломба и мощи начиналъ монологъ въ родѣ слѣдующаго:

„Какое воскресенье, милый другъ! Ахъ, какое воскресенье Положительно нѣтъ той усталости, которая могла бы меня свалить. Подумайте только — вчера была гонка въ Joinville le Pont!...

Въ шесть часовъ утра—въ Берси; весь экипажъ „Морской свиньи“—аих Marronniers! И солнце! Пьютъ блое вино, натягиваютъ полосатое трико и тиковыя панталоны, берутся за руль и разъ, два, разъ, два—до Жуанвила! Тамъ—купанье, до завтрака! Въ трико, черезъ бортъ, въ воду! У меня всегда послѣ этого адскій апетитъ! Хватаюсь одной рукой за лодку, кричу лодочнику: „Дай-ка ветчины!“ Два, три движенія—чисто! „Лодочникъ, передай-ка бутылку!“ Два глотка—и сухо! Потомъ еще чего нибудь—задать работу желудку“...

Описаніе длилось все въ этомъ родѣ, блестящее, гомерическое.

„Часъ гонки наступалъ. Полдень. Солнце палило. Лодки выравнялись на переливающей блестями рѣкѣ, противъ палатки, разукрашенной весело бьющими флагами. На берегу видѣлись: мэръ въ своемъ шарфѣ, жандармерія въ желтыхъ мундирахъ, пестрые лѣтніе туалеты, раскрытые ротки и соломенные шляпы... Пумъ! Пустили сигнальную ракету. „Морская свинья“ прибыла первой и взяла призъ. Никто не чувствовалъ усталости. Затѣмъ назадъ и обѣдать въ Креталь. Какъ было свѣжо въ эту ночь, подъ темной бесѣдкой въ саду, усѣянной какъ звѣздами огоньками дымящихся трубокъ, въ бесѣдкѣ, куда залетали ночныя бабочки, чтобъ обжечь крылья о пламя яичницы на кирвассер! Обѣдъ къ концу, подають десертъ—вдругъ призывный свистокъ на балъ въ Вилли. Господа, контрдансъ! По мѣстамъ! Между тѣмъ соперники гребцы, побѣжденные въ это утро, успѣли расхватать всѣхъ хорошенькихъ прачекъ. Свадка. Выбитые зубы, подбитые глаза, вывихи и удары головой въ животъ, дѣлая поэма физическаго энтузіазма, шумной радости и бьющаго черезъ край здоровья; не говоря о возвращеніи назадъ, въ полночь, черезъ переполненные станціи желѣзныхъ дорогъ, съ женщинами—которыхъ надо подсаживать въ вагоны, перекликающимися съ одного конца поѣзда на другой, пріятелями и звономъ трубъ на имперіалахъ.“

Вечера моего товарища были также полны приключеній, какъ и его воскресенье. Поединки съ ударами плашмя, въ холщевомъ баракѣ, при красномъ свѣтѣ факеловъ, между нимъ, простымъ любителемъ, и Дюбуа, лично Дюбуа, *человѣкомъ-пушкой*; травля крысъ у водосточныхъ трубъ съ помощью свирѣпыхъ какъ тигры крысоловокъ, кровавыя встрѣчи, ночью, въ ужасныхъ кварталахъ съ ночными ворами и убійцами—все это были самые незначительные эпизоды изъ его ночной жизни. Не смѣю вспоминать другіе подвиги, болѣе интимнаго характера, передъ которыми, какъ выражались прежде въ благородномъ стилѣ, самое безстрашное перо отступило бы въ ужасѣ. Какъ ни тяжело мнѣ сознаться въ дурномъ чувствѣ, однако я долженъ сознаться, что мое удивленіе не было лишено горечи и досады. Можетъ быть я даже нѣсколько и завидовалъ, но никогда рассказъ о самыхъ удивительныхъ его подвигахъ не возбуждалъ во мнѣ хотя бы малѣйшаго сомнѣнія, и Ахиллъ Мёртріэ понемногу занялъ въ моемъ сердцѣ мѣсто между героями и полубогами...

II.

За это время я много патался по окрестностямъ и въ досуги лѣтнихъ вечеровъ предпринималъ уединенныя прогулки въ тѣ

далекія окраины города, которыя столько же извѣстны Парижанамъ бульваровъ, какъ земля караибовъ, и меланхолическую прелесть которыхъ я попытался въослѣдствии выразить въ своихъ стихахъ.

Въ одинъ изъ жаркихъ и пыльных июльскихъ вечеровъ, въ тотъ часъ, когда въ туманѣ сумерекъ загораются первые газовые рожки, я медленно возвращался изъ Вожирара по одной изъ тѣхъ длинныхъ и скучныхъ улицъ предмѣстья, вдоль которыхъ тянутся дома всевозможныхъ величинъ, а на порогахъ этихъ домовъ сидятъ въ рубашкахъ и камзолахъ дворники и дворничихи, воображая, что дышать свѣжимъ воздухомъ. Прохожихъ почти нѣтъ; развѣ только время отъ времени попадется каменщикъ, бѣлый отъ извести, городской сержантъ, ребенокъ, несущій въ рукахъ хлѣбъ больше себя ростомъ, или торопливо идущая дѣвушка, въ чепчикъ и ватерпруфъ, съ кожанымъ мѣшкомъ на рукѣ. Затѣмъ черезъ каждую четверть часа—на половину пустой омнibusъ, возвращающійся къ мѣсту отправленія, подъ тяжелую рысь усталыхъ лошадей.

Шляясь по мостовой (асфальтъ въ то время и въ этихъ мѣстахъ былъ невиданной роскошью) я предавался всѣмъ маленькимъ и скромнымъ радостямъ фланера. То я останавливался передъ какимъ нибудь пустопорожнимъ мѣстомъ и глядѣлъ сквозь худо сколоченныя доски забора, какъ позади чернаго сидѣта фабричныхъ трубъ, гаснутъ на зеленоватомъ небѣ послѣдніе красные отблески заходящаго солнца; то мелькомъ взглянувъ въ открытое окно нижняго этажа, заставлялъ въ распахъ какую нибудь сцену изъ внутренней жизни, живописную и безыскусственную; здѣсь—молодцоватую, красивую прачку, пробующую щеккой утюгъ, передъ тѣмъ какъ гладить; тамъ—рабочихъ съ трубками въ зубахъ, за столомъ подъ низкими сводами кабачка, а передъ ними стараго бѣдняка изъ Богемы, съ длинными сѣдыми волосами, вытѣвшаго свою пѣсенку подъ аккомпаниментъ гитары.

Все картины во вкусѣ Остада.

Вдругъ я остановился.

Одна изъ этихъ интимныхъ картинъ, невзначай замѣченная мной, въ особенности соблазнила меня, какъ наблюдателя, своимъ буржуазнымъ и очаровательнымъ добродушіемъ.

Эта добрая старушка, въ черномъ платьѣ и дождемъ чепчикъ, сидѣвшая съ своей обветшалой гостинной, на подушкѣ кресла изъ зеленоватого утрехтскаго бархата, съ руками мирно сложенными на колѣняхъ, имѣла такой счастливый и покойный видъ! Все вокругъ нея было старо и скромно и сохранилось не столько изъ экономіи, сколько благодаря воспоминаніямъ о медовомъ мѣсяцѣ любви съ румянымъ мушиной, одѣтымъ à la Tempé въ цвѣтномъ жилетѣ, овалный портретъ котораго украшалъ стѣну. Двѣ свѣчи, зажженные на каминѣ, позволяли рассмотреть всѣ детали устарѣвшей мебелировки, начинала со стѣнныхъ часовъ, надъ которыми красовался искусственный персикъ изъ крашеннаго мрамора, до прямаго фортепьяно, которыхъ теперь не дѣлаютъ и на которомъ когда то молодая женщина, съ руками à gigot и причесанная по гречески, безъ сомнѣнія играла ари Романези.

Вѣроятно бѣдная и единственная любимая дочь, не вышедшая замужъ изъ любви къ матери, заботливо посвящала время уходу за старушкой вдовой. Вѣроятно она, это несомнѣнно, такъ уютно помѣстила здѣсь свою добрую мать, положила ей подушку подъ ноги, пододвинула къ ней этотъ столикъ наборной работы и поставила на него подносъ съ двумя чашками. Я уже ждалъ, что вотъ сейчасъ войдетъ и внесетъ вечерній кофе тихая и кроткая дѣвушка, вся въ черномъ и очень похожая лицомъ на эту старую даму.

Поглощенный созерцаніемъ такой симпатичной сцены и изъ удовольствия вообразить себѣ эту скромную поэмю—я остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ открытаго окна, будучи увѣренъ, что въ темной улицѣ никто меня не замѣтитъ; какъ вдругъ

въ глубинѣ старомодной гостинной открылась дверь и ввалился (ахъ, какъ онъ былъ далекъ тогда отъ моихъ мечтаній!) мой пріятель Мѣртрїзъ, мощный герой рѣчныхъ гонокъ и армарочныхъ поединковъ. Сомнѣніе мгновенно запало мнѣ въ голову. Я почувствовалъ, что недалеко отъ раскрытія тайны. Да, это былъ онъ! Его страшная, покрытая волосами рука держала крошечный серебряный кофейникъ, а за нимъ сѣдомъ, путался у него въ ногахъ, шла собаченка, классическая собаченка всѣхъ слѣпыхъ кларнетистовъ, собаченка картины Виньерона, остриженная на подобіе льва, съ мѣховыми манжетами на лапахъ и большими бѣлыми усами, какъ у опереточныхъ маркизовъ.

— Вотъ кофе, матушка! сказалъ великанъ необыкновенно тихимъ голосомъ. Я думаю, что сегодня онъ тебѣ понравится. Вода хорошо вскипѣла и я лилъ ее по каплѣ.

— Благодарю, отвѣтила старушка, пододвигая со старческой торопливостью кресло къ столику. Благодарю, мой милый. Покойный твой отецъ говорилъ, что я не имѣла соперницъ въ приготовленіи кофе. Онъ былъ такъ добръ и снисходителенъ, бѣдняжка. У него было такое золотое сердце! Теперь я начинаю думать, что ты варишь кофе еще лучше меня.

Въ эту минуту, въ то время какъ Мѣртрїзъ наливалъ горячій кофе, такъ деликатно какъ молодая дѣвушка, собирающаяся замужъ, собаченка, привлеченная конечно открытой сахарницей, поставила свои переднія лапы на колѣни хозяйки.

— Поди прочь, Медоръ! крикнула старушка съ добродушнымъ негодованіемъ. Развѣ можно быть такимъ нетерпимымъ? Вѣдь ты знаешь, что твой хозяинъ всегда оставляетъ тебѣ на двѣ чашки... Тше! Подожди! Ахъ, кстати, замѣтила старушка, обращаясь къ сыну, ты выпускалъ его?

— Конечно, матушка, почти дѣтскимъ голосомъ отвѣчалъ тотъ. Я ходилъ въ молочную взять тебѣ молока на завтрашнее утро; надѣлъ на Медора ошейникъ и увелъ съ собой.

И успокоенная насчетъ этого важнаго пункта, добрая старушка съ наслажденіемъ попробовала свой кофе, сѣдя между своей собакой и сыномъ, которые оба смотрѣли на нее съ невыразимой нѣжностью.

Слушать и смотрѣть долѣе—было теперь совершенно излишне и я уже угадалъ, какую мирную и преданную жизнь скрывалъ Мѣртрїзъ подъ своими химерическими разсказами о своихъ подвигахъ.

Но зрѣлище, которое доставилъ мнѣ случай, было до такой степени трогательно и вмѣстѣ комично, что я не могъ удержаться отъ желанія насладиться имъ еще нѣсколько минутъ—и эта нескромность открыла мнѣ всю правду.

Да, этотъ тинъ грубаго кутила, котораго казалось сбѣжалъ изъ романа Поль-де-Кока, этотъ деспотъ маленькихъ кабачковъ и ползивыхъ, свершалъ бодро и просто, въ этой бѣдной квартирѣ предмѣстья—высокія обязанности сестры милосердія. Этотъ неутомимый гребецъ если совершалъ странствованія, то не дальше какъ до ближайшей церкви, куда водилъ къ обѣднѣ и вечернѣ свою мать по воскресеньямъ; этотъ профессоръ биллиардной игры умѣлъ играть только въ бѣзикъ со старушкой; этотъ укротитель бульдоговъ—подчинялся прихоти собаченки...

III.

На другое утро, прїйдя въ бюро, я спросилъ у своего пріятеля, какъ онъ проведетъ вчерашній вечеръ, и онъ безъ малѣйшаго колебанія импровизировалъ мнѣ пѣлую исторію зловѣщей встрѣчи, въ два часа утра, на бульварѣ Ада, при чемъ довелось пришибить ударомъ кастета какого то ужаснаго бродягу.

Я слушалъ его улыбаясь почти иронически и думалъ этимъ его смутить; но вспомнивъ—какое это скрываемое имъ ото всѣхъ доброе дѣло, даже если оно выходитъ и смѣшно,—я дружески ударилъ его по плечу и сказалъ съ чувствомъ:

— Мѣртрїзъ, вы—герой!

П. И. Мельниковъ.

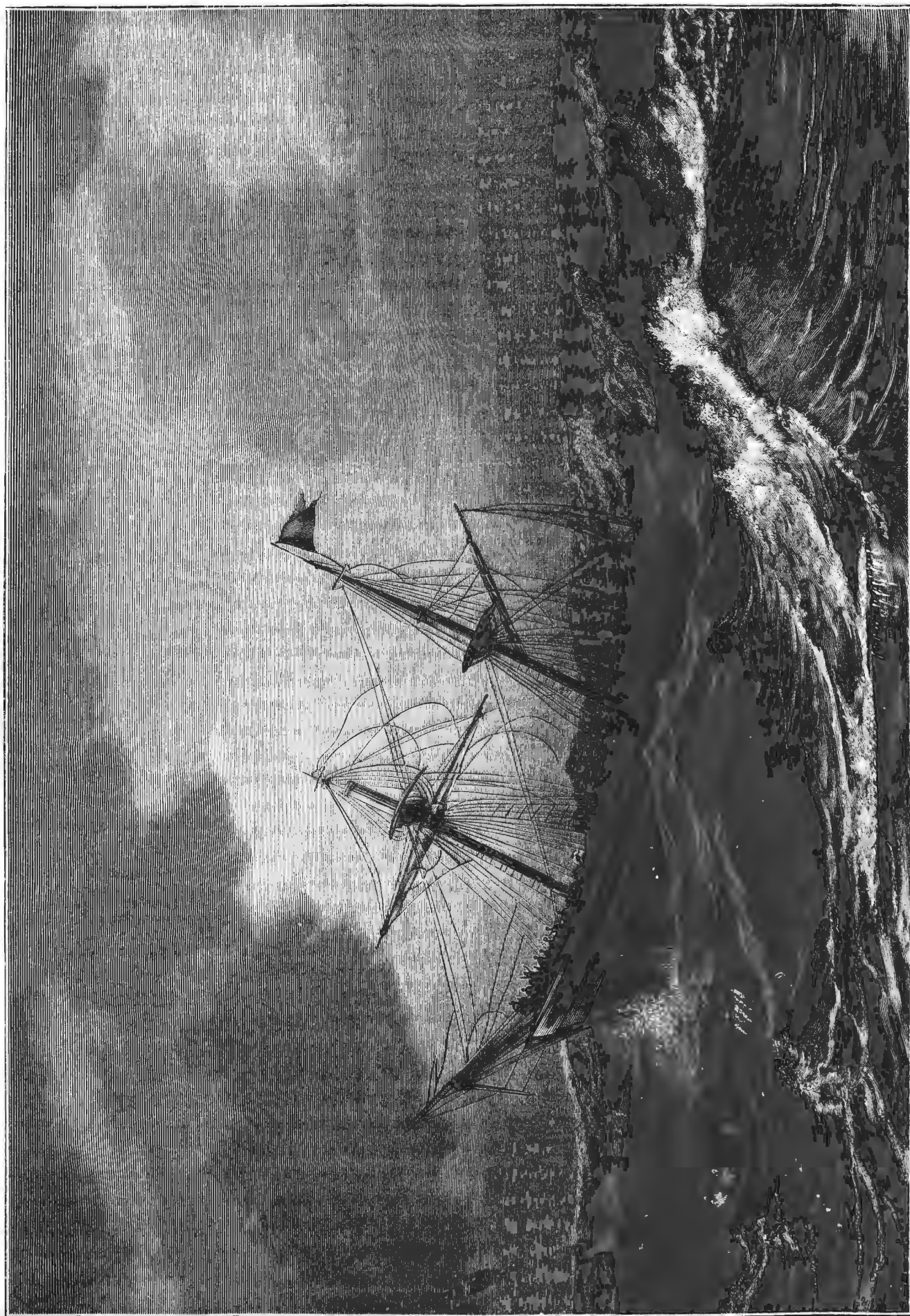
(Рис. на стр. 208).

Наша литература понесла недавно тяжелую потерю: въ Нижнемъ-Новгородѣ, на своей родинѣ, скончался нашъ извѣстный писатель и знатокъ народнаго быта Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, котораго романами „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ еще такъ недавно зачитывалась вся грамотная Россія.

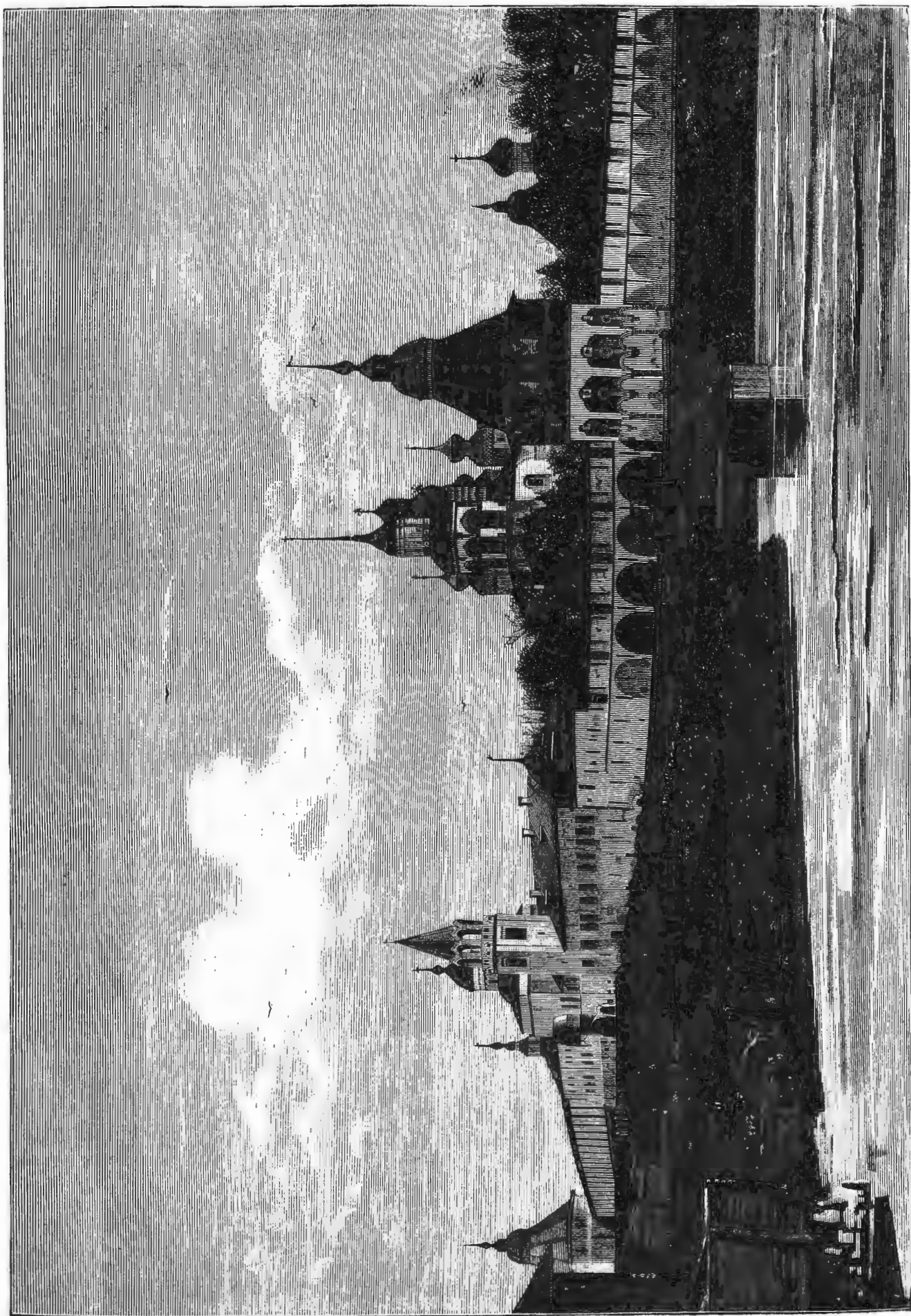
Мельниковъ родился 22-го октября 1819 года; отецъ его, капитанъ, Иванъ Ивановичъ, былъ старый воинъ, участникъ наполеоновскихъ войнъ, по выходѣ въ отставку жившій постоянно въ деревнѣ и служившій по выборамъ дворянства. Павелъ Ивановичъ до десятилѣтняго возраста учился дома, а потомъ поступилъ въ нижегородскую гимназію, изъ которой перешелъ въ 1834 году въ казанскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата. Въ 1838 г. онъ вступилъ на службу въ пермскую гимназію старшимъ учителемъ исторіи—предмета, которымъ онъ съ особенной охотой занимался еще на гимназической скамейкѣ. Богатый пермскій край тогда еще живо заинтересовалъ его; онъ началъ объ немъ собирать какъ историческія, такъ и этнографическія свѣдѣнія, посѣщалъ заводы и обзрѣвалъ усольскія солеварни. Это было

первое знакомство Мельникова съ народомъ—знакомство самое близкое и короткое, такъ какъ Павелъ Ивановичъ любилъ, по его собственному выраженію, изучать народъ „лежа у мужика на палатахъ, а не сѣдя въ бархатныхъ креслахъ, въ кабинетѣ, да не разъѣзжая по почтовымъ дорогамъ, по казенной надобности“.

Въ 1839 году Мельниковъ былъ переведенъ учителемъ на свою родину, въ нижегородскую гимназію, и съ этихъ поръ вся его дѣятельность посвящена была многіе годы изученію своего роднаго края. Въ это же время онъ началъ серьезно заниматься русской исторіей и изслѣдованіемъ раскола, въ которомъ сдѣлался въослѣдствии замѣчательнымъ специалистомъ. На педагогическомъ поприщѣ онъ подвизался недолго, такъ какъ въ 1841 году былъ назначенъ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Уваровымъ, оцѣнившимъ его способности, членомъ-корреспондентомъ археографической комиссіи съ порученіемъ разобрать какъ архивы присутственныхъ мѣстъ, такъ и монастырей Нижегородской губерніи. Кромѣ того, въ это же время, по волѣ Государя, на Мельникова была возложена

Буря. Съ картины Айвазовскаго, по фотогр. Вишнякова грав. М. Рашевскій.

Сласо-Прилуцкій монастырь близь г. Вологды. Съ фотогр. Зубова и Лалтца, грав. М. Рашевскій.

кропотливая работа — отыскание по документам потомков Минина. Потомки не нашлись впрочем по очень простой причине, так как единственный сын Минина, стряпчий Пейфедъ умеръ бездѣтнымъ; по за то поиски Павла Ивановича привели его къ открытію многих интересных историческихъ подробностей, касающихся какъ эпохи междоусобицъ, такъ и рода Мининыхъ. Поступивъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ военномъ губернаторѣ, Мельниковъ уже имѣлъ случай всесторонне ознакомиться какъ съ народнымъ бытомъ, такъ и съ состояніемъ губерніи, тѣмъ болѣе, что онъ въ тоже время состоялъ редакторомъ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ и управлялъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ. Въ отношеніи-же знакомства съ нижегородскими древностями П. И. уже и тогда не имѣлъ себѣ соперника, а потому всегда назначался путеводителемъ, когда прѣзжали въ Нижній члены Царскаго семейства или другія замѣчательныя лица.

Въ 1850 году Мельниковъ былъ переведенъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ, не покидая впрочемъ дорогой ему Нижегородской губерніи, гдѣ онъ продолжалъ служить до 1852 года, занимаясь ревизіей городскихъ учреждений. Эта обязанность и кромѣ того другія официальные порученія давали ему теперь случаи часто сталкиваться съ сословіемъ мѣстнаго мѣщанства и кушечества. Какъ результатъ этого изученія въ „Москвитинѣ“ 1852 г. появилась его повѣсть „Красильниковъ“, первое произведеніе, обратившее на него вниманіе критики и обнаружившее его сильный литературный талантъ. Впрочемъ повѣсть „Красильниковъ“ не была его первымъ литературнымъ опытомъ; еще задолго до ея появленія Павелъ Ивановичъ помѣщалъ статьи въ „Литературной Газетѣ“ и между прочимъ двѣ главы изъ „Эллиидифора Перфильича“ и стихотвореніе, заимствованное у Мицкевича „Великій художникъ“. Псевдонимъ-же Мельникова „Печерскій“ сталъ извѣстнымъ впоследствии и приличный имъ потому, что онъ въ Нижнемъ-Новгородѣ жилъ на Печорской улицѣ, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ появлялся подъ многими статьями „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“.

Замѣчательный успѣхъ повѣсти „Красильниковъ“ поощрилъ Мельникова на другія литературныя труды, по строгій къ себѣ, онъ подготавливалъ ихъ медленно, и даже часто, написать какую нибудь статью, вскорѣ предавалъ ее сожженію. Пять лѣтъ Мельниковъ упорно молчалъ и ни одно изъ его произведеній не появлялось въ печати, по за то въ это время онъ успѣлъ собрать громадныя матеріалы и подъ руководствомъ Дала основательно со всемъ богатствомъ русскаго народнаго языка. Кромѣ того самыя служебныя обязанности, какъ нельзя болѣе, помогали ему въ изученіи народа во всѣхъ отношеніяхъ; такъ въ 1852 году онъ завѣдывалъ статистической экспедиціей для подробнаго описанія Нижегородской губерніи, а съ 1853 по 1857 г. онъ былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ по всему Приволжью, сталкиваясь со множествомъ народныхъ типовъ, наблюдая ихъ въ скитахъ, и на баркахъ, и въ мужицкихъ избахъ. Наконецъ въ 1857 г., въ эпоху наибольшаго развитія у насъ такъ

называемой обличительной литературы, Мельниковъ нарушилъ свое молчаніе дѣльнымъ рядомъ талантливыхъ произведеній, обличавшихъ пороки стараго, дореформеннаго времени. Тогда-то появились его „Полярковъ“, „Дѣдушка Поликарпъ“, „Старые годы“ и „Медвѣжий уголь“. Последнее произведеніе особенно интересовало общество, такъ какъ въ немъ авторъ выставилъ такія злоупотребленія, о которыхъ еще никогда ни одной строки не появлялось въ печати. За „Медвѣжьимъ угломъ“ слѣдовали небольшіе, но не менѣе талантливыя рассказы „Непримѣнный“, „Имянинный пироги“ и „Бабушкины рассказы“. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ на ряду съ испорченностью и злоупотребленіями нашей бюрократіи авторъ какъ-бы въ контрастѣ выставилъ на показъ привлекательныя и добрыя качества народа, о которомъ онъ такъ выразился въ одномъ изъ своихъ произведеній:

„Смѣтливый, добрый и умный народъ... Вооружась терпѣніемъ, чистъ, свѣжъ, бодръ и крякъ вышелъ онъ изъ горнила испытаній“. По эта теплая любовь къ народу не мѣшала Мельникову указывать на его заблужденія и на тѣ темныя стороны, которыя такъ ярко отражаются въ нашемъ расколѣ. Изучивъ раскольниковъ по всему поволжью, вникнувъ во всѣ подробности ихъ быта и понятій, Павелъ Ивановичъ находилъ въ себѣ достаточно силы, чтобы предпринять большой и серьезный литературный трудъ, посвященный главнымъ образомъ художественному описанію жизни раскольниковъ. Результатомъ этой громадной работы — были два его замѣчательные романа „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ — послѣднія его произведенія, достойно закончившія его богатую литературную дѣятельность. Въ нихъ талантъ П. И. развернулся во всей своей ширинѣ и авторъ является здѣсь великимъ знатокомъ русской жизни и русскаго народнаго духа. Таинственный, мрачный міръ нашихъ раскольниковъ и старообрядцевъ здѣсь раскрывается въ яркихъ поразительныхъ картинахъ и передъ читателемъ являются такія дѣльныя, цитруемые еще нашей литературой типы, что невольно удивляешься наблюдательности автора, сумѣвшаго найти ихъ въ скитахъ и другихъ раскольничьихъ трущобахъ поволжья. Художественная сторона романа также невольно увлекаетъ читателя; всѣ эти роскошныя картины природы, всѣ эти описанія нашихъ дремучихъ, вѣковыхъ лѣсовъ, съ ихъ непроходимыми чащами, блещутъ необыкновенной яркостью и жизнью. Объ языкѣ мы уже не говоримъ; языкъ Мельникова неподражаемъ по своей образности и чисто русскому народному складу.

По передавалъ какъ мрачныя, такъ и свѣтлыя стороны нашего стариннаго быта, Мельниковъ никогда не идеализируетъ и не подкрашиваетъ нашей старины; онъ неизмѣнный поклонникъ новаго, лучшаго порядка... „Прошли, миновали, говорить онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, бездѣтные, старые годы! Благодаря Бога они не возвратятся... Прошла пора дикаго самоуправства, тупаго презрѣнія къ народу, бездѣтрія, надменнаго высокомерія, такъ легко переходящаго въ подлость и униженіе. Слава Богу!“

Принцы царствовавшихъ во Франціи фамилій.

(Рис. на стр. 209).

Ко всѣмъ дѣламъ своего республиканскаго правительства очень терпѣливо относились сами французы; однако, повидимому, и ихъ терпѣніе ницѣ не выдержало. Первымъ выступилъ, какъ извѣстно, принцъ Наполеонъ. Онъ издалъ манифестъ (содержаніе было передано въ нашемъ Политическомъ Обзорѣ), въ которомъ перечислялъ всѣ благіе результаты республиканскаго правленія. Появленіе этого манифеста, очевидно не грозившее возбудить во Франціи какое нибудь необычайное потрясеніе, — вызвало паружу болѣе, чѣмъ характерный ризнакъ непрочности республики, признакъ, сказавшійся въ томъ страхѣ, въ томъ испугѣ, который охватилъ всѣхъ ея сторонниковъ. Принцъ Наполеонъ, какъ извѣстно, былъ арестованъ, и затѣмъ, предложивъ палатѣ депутатовъ законопроектъ объ изгнаніи „претендентовъ“; не менѣе характерно и самое названіе, совершенно ясно выражающее тревогу республики. Флокъ предложилъ немедленно высылку всѣхъ принцевъ, но палата депутатовъ, отвергнувъ это предложеніе, приняла слѣдующій правительственный проектъ: 1) члены царствовавшихъ во Франціи домовъ не могутъ служить ни по выборамъ, ни въ гражданской, ни въ военной службѣ; 2) президентъ республики, отданнымъ въ содѣлѣ министровъ декретомъ, можетъ предписать означеннымъ лицамъ немедленно выѣхать изъ Франціи, если присутствіе ихъ было-бы признано угрожающимъ безопасности государства, и 3) всякое изъ означенныхъ лицъ, которое, будучи препровождено за границу, возвратилось-бы безъ разрѣшенія во Францію, будетъ привлечено къ суду исправительной полиціи и приговорено къ тюремному заключенію на срокъ отъ 1 до 3 лѣтъ; проектъ былъ переданъ въ сенатъ; эта высшая палата разошлась съ низшею, и желая отклонить исключительный законъ, отвергла статью, воспрепятствующую принцамъ служить своему отечеству, и постановила, что выслано можетъ быть всякое лицо, дѣйствія котораго будутъ, судомъ присяжныхъ или сената, при-

знаны направленными противъ безопасности государства. Измѣненный сенатомъ законопроектъ переданъ, въ свою очередь, въ палату депутатовъ, которая, отклонивъ его совершенно, возвратилась къ своему, съ нѣкоторыми уступками. Вслѣдствіе всего этого сенатъ и палата депутатовъ пришли въ столкновеніе, кабинетъ подалъ въ отставку, составилъ уже новый кабинетъ; пономногу, обнаруживаясь и — какъ мы сказали выше — нетерпѣніе, если уже не негодованіе Франціи; уставъ взирать на бесплодную для страны и плодотворную только для гг. депутатовъ парламентскую борьбу изъ-за преобладанія, Франція возвысила свой голосъ, въ лицѣ торговыхъ и промышленныхъ и даже — рабочихъ классовъ — они требуютъ отъ президента „прочнаго министерства“, болѣе того — пересмотра конституціи, въ видахъ установленія нормальныхъ отношеній между законодательной и административной властями. Но республика этого не дастъ, а могутъ-ли оставаться неудовлетворенными требованія производительныхъ силъ государства, непосредственныхъ факторовъ его экономической жизни? — Скажемъ теперь нѣсколько словъ о тѣхъ, противъ кого вооружилась республика, о тѣхъ, имена которыхъ напоминаютъ былое величіе когда-то могущественной и славы Франціи. Въ нашемъ очеркѣ, мы помнемъ главныхъ членовъ трехъ царственныхъ домовъ; тутъ-же приложены и ихъ портреты. Фамилію Бонапартовъ, въ настоящее время составляютъ: 1) вдова императора Наполеона Ш-го, императрица Евгенія, родившаяся 5-го мая 1826 года; императрица происходитъ изъ знатнаго испанскаго дома Монтихо и Тѣба, за покойнаго императора она вышла вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ Франціи, а именно 29-го января 1853 года; 16-го марта 1856 года отъ этого брака родился императорскій принцъ, такъ безвременно сошедшій въ могилу; хотя это событіе и умалило ея политическую роль, но, тѣмъ не менѣе, она продолжаетъ

пользоваться известным значением в среде бонапартистов; 2) принц Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль, сын принца Жерома-Наполеона, старший член и глава фамилии Бонапарте (известен довольно близким сходством с Наполеоном Великим), родившийся в Триесте 9 сентября 1822 г.; в 1859 г. он женился на дочери Итальянского короля, принцессе Клотильде-Марии-Терезе-Луизе, от которой имеет троих детей (двух сыновей и дочь); из них старший сын, принц Виктор-Жером-Фредерик, юного 20-ти, с небольшим, лет, признан одною из ветвей бонапартистов настоящим принцем императорского дома; в настоящее время, он выполняет воинскую повинность (которой подлежит на 1 год); 3) сестра принца Наполеона, принцесса Матильда-Летития-Визгелмина, родившаяся 27-го мая 1820 года и бывшая в замужестве за нашим соотечественником, г. Демидовым, князем Сант-Донато; 4) принц Роланд Бонапарте, сын принца Петра, известного своей историей в Виктором Нуаром; молодой принц служит подпоручиком в одном из полков французской армии и недавно военному министру послано представление о производстве его в поручики.

Старшая линия Бурбонов: 1) Генрих-Шарль-Фердинанд-Мария-Дедонне д'Артуа, герцог Бордосский, родившийся 29 сентября 1820 г. вскоре после смерти своего отца, герцога Беррийского, убитого извергом Лувелем, и прозванный „дитя чуда“; он — сын знаменитой герцогини Беррийской, известной своей смелой попыткой произвести реставрацию старшей линии во время Июльской монархии; признаваемый легитимистами королем, под именем Генриха V-го и более известный под принятым им титулом графа Шамбора; он проживает, почти постоянно, в своем имении Фрондорф, в Австрии; с 1846 г. женат на Марии-Терезии-Беатриче-Гизант, эрц-герцогини Австрийской — Эста, сестры покойного герцога Моденского, родившейся 14 июля 1817 года; у них детей нет. Младшая линия Бурбонов, Орлеанская фамилия: 1) Луи-Филипп-Альберт Орлеанский, граф Парижский, подполковник террито-

риальной армии, сын короля Луи-Филиппа, родился 24 мая 1838 г.; с 1864 г. женат на своей двоюродной сестре, Марии-Изабелле-Франциске д'Ассиз, дочери герцога Монпансе, от которой имеет четырех детей (одного сына и 3 дочерей); 2) Роберт-Филипп-Луи-Евгений-Фердинанд Орлеанский, герцог Шартрский, младший брат графа Парижского, полковник 12 полка конных егерей, родился 9 ноября 1840 г., с 1863 г. женат на своей двоюродной сестре, Франциске-Марии-Амелии Орлеанской, дочери принца Жуанвильского, от которой имеет пятирех детей (3 сыновей и 2 дочерей); ватим идут четверо дядей графа Парижского и герцога Шартрского: 3) Луи-Шарль-Филипп-Рафаэль Орлеанский, герцог Немурский (удивительно схожий с портретом Генриха IV), дивизионный генерал, родился 26 октября 1814 г., был женат на дочери герцога Саксен-Кобург-Готского, и от этого брака имеет четырех детей (2 сыновей: графа д'Э и герцога Алаисонского, и двух дочерей, из которых старшая — замужем за князем Гартарийским); 4) Франциск-Фердинанд-Филипп-Мария Орлеанский, принц Жуанвильский, вице-адмирал, родился 14 августа 1818 г., с 1843 г. женат на доине Франциске-Каролине, сестре императора Бразильского; от нее имеет сына и дочь; 5) Генрих-Евгений-Филипп-Луи Орлеанский, герцог Омальский, дивизионный генерал, — пользуется большою популярностью в рядах французской армии и, по мнению многих, имеющих значительные шансы на выдающуюся роль в будущем; (он — член французской академии); герцог, род. 16 января 1822 г., был женат с 1844 г. на Марии-Каролине-Августе, дочери принца Салерского; четвертый дядя принцев Орлеанских — 6) Антуан-Мария-Филипп-Луи Орлеанский, герцог Монпансе, инфант испанский, род. 31 июля 1824 г., женат, с 1846 г., на инфанте Марии-Луизе-Фернандине, сестре королевы Изабеллы; у них двое детей (сын и дочь — замужем за графом Парижским); и 7) — тетка принцев — Мария-Клементина-Каролина-Леопольдина-Клотильда, род. 3 июня 1817 г. и бывшая замужем за герцогом Саксен-Кобург-Готским.

Къ рисункамъ.

Дуэль верхомъ.

(Рис. на стр. 196 и 197).

Одним из последних обычаев, перешедших к нам из прошлого столетия, остается дуэль, которая, не смотря на все запрещения, и доныне практикуется в кругу высшего общества.

В X, XI, XII столетия судебные поединки были чрезвычайно часты. Къ ним прибегали не только для решения юридических вопросов, но также и для решения всевозможных процессов. Многие города и лица получали от королей привилегии на подобные поединки. Наконец в дело вмешалась церковь и папа Celestine III запретил судебные поединки, разрывив их только в делах церковных в форме „очистительной клятвы.“

В тринадцатом столетии появляются первые точные правила для дуэлей. Лица не принадлежавшие къ рыцарскому сословию сражались на палках; несовершеннолетние, старики, больные, духовные и женщины были вообще освобождены от поединков, но и тут бывали исключения. В Скандинавии были употребительны дуэли между мужчинами и женщинами. Женщина вместо оружия брала пращу, а мужчина дубину, и становился на пояс в яму; если он до трех раз не попадал в женщину, он считался победленным.

Людвиг Святой старался по возможности ограничить судебные поединки. Его преемники издавали постановления против дуэлей и дошли до драконьей строгости. Генрих IV установил за дуэль казнь мечом; 22 июня 1627 года Людовик XIII велел обезглавить в Париже за дуэль Монморанси, Бутвиля и Дешапеля. Людовик XIV отнесся къ дуэли снисходительно и установил род суда чести (juges de point d'honneur). Следствием этого было то, что дуэли обратились в правильные бои. Выходящие на дуэль приводили на место поединка по двадцати и более человек друзей. Они обажали шаги и начинались рывки. Указ, изданный в 1679 году, прекратил эти беспорядки.

Дамы также были заражены воинственным духом и как в прежде, так и в позднейшее время между женщинами практиковались дуэли. Известнейшая этого рода дуэль была в 1701 г. в Турине, между женою полковника де ля Рокка и маркизой Бельгард, женою великаго канцлера. Обе дамы были ранены и подверглись домашнему аресту.

Наказания за дуэли изменялись в разных государствах, согласно усмотрению владетелей. Но большею частью наказания были очень строги и кроме лишения свободы, состояли в потере чести, вытшении имени на виселице и в некоторых странах даже в смертной казни. Только в позднейшее время стали мягче относиться къ дуэли. Но вездѣ, даже в странах очень строго пресѣдовавших дуэль, существовала

более снисходительный взгляд на *встричу*, т. е. на встречу нечаянную с противником, во время которой под влиянием раздражения обнажалось оружие. Чтобы придать встрече более правдоподобный вид нечаянности, долгое время *существовали мода встречаться на проулкахъ верхомъ.*

Дуэль верхомъ — это остатокъ турнира, во всякомъ случаѣ съ оружиемъ, и одно время, для подобныхъ случайностей, имѣлась въ виду особая наука для всадниковъ и лошадей. Флорини, въ своей „Дворнянской военной академии,“ говоритъ: „если во время дуэли употребляются лошади, и если онѣ хорошо обучены, то онѣ приносятъ не малую пользу.“

Объ этой наукѣ, въ томъ же сочинении въ двадцатой главѣ, говорится о „контро-радопѣ“: прибѣгать къ контро-радопу очень полезно во время поединка. И хотя пируэты очень выгодны, но этотъ приемъ я считаю еще выгоднѣе. Такъ какъ во время дуэли нужно сообразоваться съ противникомъ, то при этомъ слѣдуетъ наблюдать: въ то время когда я подсказываю со своею лошадью и равняюсь съ противникомъ, я задерживаю ее, даю ей правый шенкель, для того чтобы она прямо головой стояла къ противнику, тогда она не съ мѣста поднимаетъ переднюю ногу, а дѣлаетъ крупомъ полукругъ, такимъ образомъ мнѣ открывается спина противника и я завладѣваю его правой рукою и крупомъ. Каждый испробовавшій этотъ способъ, увидитъ его преимущества, такъ какъ при этомъ противнику не подставляетъ своей спины.“

Далѣе слѣдуютъ правила о пируэтахъ и полупируэтахъ и наставления какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится ожидать противника спокойно на мѣстѣ.

То были золотые уроки, послѣдствія которыхъ многие всадники испытали на себѣ. И представляемые на рисункѣ молодые люди повидному тоже помнятъ о выученныхъ урокахъ. Гусарь крѣпко держитъ лошадь въ шенкеляхъ, молодой же придворный сильно осадилъ своего андалуза, для того чтобы при помощи полупируэта завладѣть правой рукою противника и по предписанію Флорини „показать ему отверстіе оружія.“

Относительно исхода дуэли можно быть покойнымъ; безпокойство лошадей пороку тому, что она кончится безъ дурныхъ послѣдствій. Въ большей опасности находятся животныя, и прекрасная вороная лошадь придворнаго не чувствуетъ себя особенно удобно, она хрипитъ и готова изъ полупируэта сдѣлать скачекъ чуть не въ облака. И длиннохвостая лошадь гусара тоже теряетъ терпѣніе; она гребетъ землю и очень неохотно повируется шенкелямъ своего всадника.

Экипажъ, привезенный изъ предосторожности, но всей вѣроятности увезетъ обратно только каски гусаровъ, которые замятны ихъ болѣе удобнымъ головнымъ уборомъ. Развѣявши немного пороха, противникиожмутъ руки и пойдутъ мириться за стаканомъ вина.

Ж. Б. Дюма, химикъ.

(Рис. на стр. 200).

Ж. Б. Дюма, знаменитый французский ученый-химик, безсмысленный секретарь Парижской Академии наук, дождался сво-

его пятидесятилѣт-
наго юбилея. Въ
честь его при тор-
жественномъ этомъ
юбилея была подне-
сена ему Академі-
ей золотая медаль
въ память этого
дня. Жанъ Батистъ
Дюма родился въ
1800 г. въ Алле
Гардскаго департа-
мента; начавъ со
скромной дѣятель-
ности аптекарскаго
помощника онъ по-
томъ перѣхалъ въ
Женеву, изучалъ
химию и ботанику и
въ 1821 г. явился въ
Парижъ, гдѣ и былъ
преподавателемъ
химіи въ Политех-
нической школѣ, и
потомъ профессо-
ромъ въ Сорбоннѣ.
За это время имя
его уже получило
извѣстность по его
замѣчательнымъ
изысканіямъ въ об-
ласти химіи. Въ те-
оретической химіи
его работы состав-
или эпоху въ наукѣ.
Во время июль-
ской монархіи онъ
не игралъ замѣтной
роли, но въ февраль-
скую революцію
былъ избранъ дему-
татомъ отъ Сѣвер-
ныхъ департамен-
товъ въ Законода-
тельное Собраніе и
въ октябрь 1849 го-
да получилъ порт-
фель Министра Зе-
мледѣлія и Публич-
ныхъ работъ. Послѣ
государственна-
го переворота 1857
года онъ былъ на-
значенъ въ Совѣ-
щательное Собра-
ніе, затѣмъ былъ
сенаторомъ и чле-
номъ Государствен-
наго Совѣта и съ
1856 г. вице-прези-
дентомъ совѣта. Изъ
его ученыхъ сочиненій
пользуются осо-
бой извѣстностью
„Химія по отношенію
къ искусствамъ“
(1823 г.), „О философіи
химіи“ (1837 г.),
„Химическій составъ
органическихъ тѣлъ“
(1841) и многія другія.

4 Декабря прошлаго года Парижская Академия наукъ, которой онъ былъ членомъ и безсмысленнымъ секретаремъ, по отдѣленію физики, съ 1868 г., поднесла ему, какъ мы говорили, золотую медаль и его сотоварищи въ рѣчахъ своихъ опредѣлили его ученныя заслуги. Растроганный этимъ общимъ къ нему выраженіемъ сочувствія, маститый ученый въ теплыхъ словахъ выразилъ всю свою привязанность и глубокое уваженіе къ этому высшему, славному ученому учрежденію Франціи. „Вотъ уже подсолѣтія, говорилъ юбиляръ, какъ я неизмѣнно нахожусь въ Академіи. Съ тѣхъ поръ я всегда со стороны моихъ сочленовъ получалъ столько доказательствъ и выраженій довѣрія и сочувствія къ моимъ трудамъ, что теперь, неприготовленный къ этому приему, я не нахожу достаточно словъ выразить мои чувства. „Моихъ собратій“ сказалъ я и могъ бы сказать моихъ учениковъ. И всѣ доказательства любви и довѣрія, которыя могъ бы получить старый учитель отъ своихъ учениковъ, я ихъ получалъ и самыя сердечныя. Я смущенъ и растроганъ.“

Мы представляемъ здѣсь портретъ знаменитаго человѣка, столько потрудившагося для науки, отличающагося такой примѣрной, полной честнаго труда и самоотверженной дѣятельности жизнью.

„Буря“ Айвазовскаго.

(Рис. на стр. 204).

Въ настоящее время въ залахъ Общества Поощренія Художествъ общее вниманіе привлекаетъ выставка новыхъ картинъ

И. К. Айвазовскаго. Съ новой выставкой къ характеристикѣ таланта нашего знаменитаго мариниста не могло ничего прибавиться. Всѣ достоинства таланта его слишкомъ всѣмъ извѣстны,—и между выставленными картинами есть прелестныя вещи. Давно опредѣлились особенности этого блестящаго дарованія: блескъ, текучесть, легкость и прозрачность его волны, неподражаемая ловкость и быстрота письма, блескъ и сила красокъ, особенно въ прозрачности неба и выраженіи солнечнаго свѣта.

Здѣсь помѣщаемъ мы копию съ его прекраснаго произведенія „буря“. Моцъ и сила расходящихся волнъ грознаго моря выражены здѣсь съ такою жизненностью и силою, что хвалить подобное произведение значитъ только повторяться. Въ „Нивѣ“ 1870 года было у насъ подробное жизнеописаніе нашего мариниста, гдѣ былъ подробно весь ходъ развитія этого замѣчательнаго таланта.

Харонъ и Психея.

(Рис. на стр. 201).

Въ высшей степени граціозный и поэтической миѳъ Психеи, возникшій на почвѣ античной Греціи, всегда служилъ благодарной и богатой темой для поэтовъ и художниковъ. Таинственная любовь Психеи къ Амуру и ея многочисленныя приключенія и страданія — все это, столь прелестно переданное Апулеемъ, уже задолго до сего изображалось во множествѣ медалей, статуи и другихъ художественныхъ произведеній; даже принявъ христіанство, Римъ не забылъ этого миѳа и его изображенія встрѣчаются на стѣнахъ его катакомбъ и на его саркофагахъ. Миѳу Психеи тогда придали особенное мистическое значеніе—души очищенной страданіями и любовью для высшаго вѣчнаго блаженства. Съ эпохи возрожденія Психея снова стала пользоваться прежнимъ культомъ поэтовъ и художниковъ и особенно послѣднихъ; множество картинъ и статуи создано съ этого времени на эту богатую тему и среди знаменитыхъ творцовъ встрѣчаются имена гениальныхъ художниковъ Рафаеля, Тициана и Кановы.

Талантливая картина А. Цикла представляетъ также одну изъ сценъ прелестнаго разсказа Апулея—именно ту, когда Психея, по приказанію своей гонительницы Венеры, переплываетъ Стиксъ, чтобы вступить въ подземныя, адскіе чертоги Прозерпины и добыть оттуда таинственный ларчикъ. Въ этомъ ларчикѣ заключалось страшное таинственное вещество, долженствовавшее неминуемо погубить Психею, когда она, увлекаемая любопытствомъ бы, открыла ларчикъ. Но Амуръ и тутъ спасаетъ свою любимицу и вмѣсто смерти ея овладѣваетъ лишь глубокой и дол-

П. И. Мельниковъ. † 2 Февр. Ориг. рис. Шпака, грав. Цуцъ.

Графъ Шамборъ.

Графиня Шамборъ.

Принцъ Жуанвильскій.

Герцогъ Монпансье.

Герцогъ Немуръ.

Герцогъ Омальскій.

Графъ Парижскій.

Герцогъ Шартрскій.

Графиня Парижская.

Герцогиня Шартрская.

Герцогъ д'Алансонъ.

Графъ д'Э.

Императрица Евгенія.

Принцъ Жеромъ Наполеонъ.

Принцесса Клотильда.

Принцесса Матильда.

Принцъ Роландъ Наполеонъ.

Принцъ Викторъ Наполеонъ.

Принцъ Луи Наполеонъ.

Вопросъ о принцахъ во Франціи: представители царствовавшихъ во Франціи фамилій.
Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

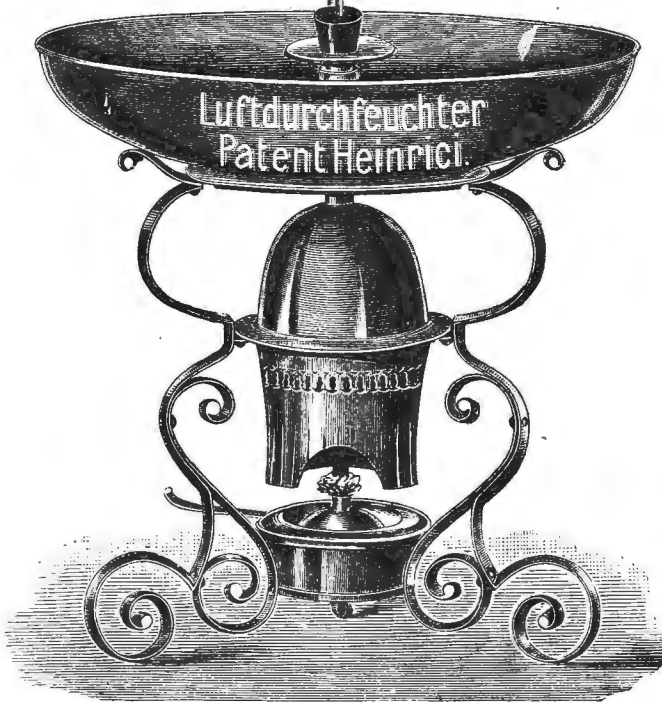
гій сонъ. Изображеніе Психеи на прилагаемой нами картинѣ дѣйствительно прелестное; оно отличается воздушностью и граціозностью, тогда какъ Харонъ — этотъ перевозчикъ черезъ черныя волны Стикса — отличается своей мощной фигурой.

Спасо-Прилуцкій монастырь близъ Вологды.

(Рис. на стр. 205).

Въ пяти верстахъ отъ Вологды, на лѣвомъ, широкомъ, красивомъ берегу рѣки того же имени, широко раскинулись каменные стѣны и зданія Спасо-Прилуцкой обители — одной изъ самыхъ чтимыхъ народомъ святынь нашего сѣвера. Начало ея относится къ XIV вѣку, когда въ Вологодскіе предѣлы пришелъ мужъ святой и подвижнической жизни — Димитрій, уроженецъ Переяславля Залѣскаго. Сначала онъ подвизался въ Переяславской обители и здѣсь сдѣлался извѣстенъ своими христіанскими добродѣтелями самому Великому Князю Дмитрію Ивановичу; но строгаго монаха не удержимо влекъ къ себѣ далекій и пустынный сѣверъ, гдѣ среди тишины и безлюдья онъ хотѣлъ всецѣло посвятить себя служенію Богу. Чтобы выполнить это завѣтное желаніе, онъ сначала поселился на рѣкѣ Лежѣ и Великой, а потомъ перешелъ на берега рѣки Вологды, гдѣ и избралъ мѣсто для основанія обители. Въ 1371 г. здѣсь уже была построена изъ деревянныя Спасо-Происхожденія Честныхъ Древъ церковь и мало по малу возникъ монастырь, которому тогда же дано было названіе Спасо-Прилуцкаго, по его положенію при сѣнокошной лукѣ, т. е. лугѣ. Первоначально скромная по размѣрамъ обитель начала понемногу расширяться и обстраиваться, благодаря богатымъ вкладамъ какъ Великихъ Князей, такъ и частныхъ жертвователей. Такъ въ 1557 году здѣсь была отстроена большая двухэтажная, донынѣ существующая, каменная церковь, а въ 1645 году каменный соборъ, вмѣстившій въ себѣ мощи св. Дмитрія Прилуцкаго и св. Князя Іоанна, внука Великаго Князя Василія Темнаго. Затѣмъ въ 1656 году воздвигнуты были вокругъ всего монастыря каменные стѣны, съ обходомъ и большими четырьмя башнями, имѣющими въ вышину и ширину до десяти сажень и кромѣ того монастырь украсился каменными, какъ настоятельными, такъ и братскими кельями и двумя высокими колокольнями. Теперь въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ существуетъ шесть церквей: двѣ большія — соборная и во имя преподобныхъ Дмитрія и Игнатія Вологдо-Прилуцкихъ чудотворцевъ и четыре маленькія, около трапезы, болѣе значная надъ одними изъ воротъ и при колокольнѣ.

Въ цѣломъ рядѣ вѣковъ тихой, сурово-подвижнической жизни обители не обошлось и безъ бурныхъ, печальныхъ событій.

Самодѣйствующій воздухоочиститель.

ныхъ и т. п. Цѣна его очень невысока, около 10 руб., что даетъ возможность болѣе широкаго его распространенія.

У насъ въ Петербургѣ можно купить этотъ приборъ въ магаз. Гитцль (Невскій, противъ Публичн. Библ., № 54).

Такъ, вскорѣ послѣ основанія монастыря, въ концѣ XIV вѣка, когда Вологда принадлежала еще къ Новгородской области, на него напали Устюжане и Вятчане, предводимые воеводами Московскаго Великаго Князя Василія Дмитриевича. По преданію, храмъ обители былъ бы неминуемо ограбленъ, если бы не случилось чудо; одинъ изъ грабителей неожиданно упалъ въ храмъ мертвымъ, и устрашенные этимъ воеводы удалились со всей дружиной, не смѣя болѣе коснуться монастырскихъ сокровищъ. Впрочемъ въ 1613 г. обитель была страшно разграблена литовцами, причѣмъ погибло болѣе 200 монаховъ, а въ 1615 она была снова разрушена и сожжена вмѣстѣ съ Вологдою ляхами и казаками.

Въ 1503 году Спасо-Прилуцкій монастырь оказалъ важную услугу отечеству; отсюда была послана чудотворная икона Преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго, для сопровожденія Ивана Васильевича въ его походѣ на Казань. По окончаніи похода признательный Великій Князь украсилъ икону золотомъ и серебромъ и возвратилъ ее въ Вологду. Все населеніе города вышло ей тогда на встрѣчу, съ епископомъ Стефаномъ во главѣ, и въ память этого радостнаго событія Вологжане тогда же положили, ежегодно праздновать день этой встрѣчи 3-го іюня, и совершать крестный ходъ изъ Вологодскаго собора въ Прилуцкій монастырь. И это знаменательное религиозное торжество выполняется и понынѣ, всегда привлекая громадную массу народа, изъ самой Вологды, и изъ ея окрестностей.

Самодѣйствующій воздухоочиститель.

(Рис. на стр. 210).

Очищеніе воздуха въ комнатахъ, особенно въ большихъ городахъ со скученнымъ населеніемъ, гдѣ заразные болѣзни весьма легко распространяются, представляетъ большую важность и нельзя не обращать вниманіе на каждое нововведеніе и усовершенствованіе въ этомъ смыслѣ.

Изаящный и весьма красиво устроенный въ видѣ комнатнаго фонтана воздухоочиститель (Генрихи изъ Цвикау) дѣйствуетъ безъ помощи человѣка, самъ собою. Это очень хорошо, такъ какъ со всѣми пульверизаторами и воздухоочистителями главное неудобство это — ручная работа, что отнимаетъ время и утомляетъ. Здѣсь, какъ видно на рисункѣ, посредствомъ нагреванія образуются пары, которые дѣйствуя снизу, выталкиваются наружу, въ видѣ цѣлага облака, массу очищающей воздухъ, тонкой, влажной пыли, которая наполняетъ и освѣжаетъ комнату. Этотъ воздухоочиститель особенно хорошъ въ комнатахъ душныхъ, въ спальняхъ боль-

Сколько пищи ежедневно принимаетъ человѣкъ.

Очеркъ.

На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить совершенно точно. Питательныя свойства пищи, а равно возрастъ и различныя состоянія человѣка обуславливаютъ отступленія отъ установленной нормы. Вычислено, что среднее число потребляемаго человѣкомъ углерода составляетъ 210 граммъ (граммъ — около $\frac{1}{4}$ золот.) въ спокойномъ состояніи, 337 — въ движеніи обыкновенномъ, 388 — при сильномъ движеніи и при тяжелой работѣ 405 грам.; утверждать также, что азотная пища должна относиться къ безазотной какъ 1 къ 5. Но все это хотя вычислено для очень многихъ людей, не можетъ быть пригоднымъ для каждаго человѣка. Сартorius опре-

дѣляетъ ежедневное количество пищи въ 4,000, Рей въ 2,500 и при сильномъ расходованіи тканей въ 3,500 граммъ; Горнъ же опредѣляетъ въ 1,500 гр., а Валентинъ собственно для себя опредѣляетъ ежедневное количество пищи въ 3,000 гр., Корнаро только въ 500 гр. для себя. Сюда включено было 270 гр. легкаго вина, такъ что плотной пищи остается только 250 грам. Корнаро при такой пищѣ жилъ 58 лѣтъ.

Такая раница указываетъ на то, какъ мало можно руководствоваться подобными вычисленіями. Вѣрнѣе ставить количество пищи въ отношеніе къ вѣсу тѣла. Валентинъ опредѣ-

лает количество пищи для взрослого человека в $\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{16}$ веса тела и для ребенка в $\frac{1}{8}$.

Но существует общее правило, что в холодных климатах едят гораздо больше, нежели в теплых, и зимою больше, нежели летом. Либих объясняет это так: „Аппетит увеличивается от большей потери теплоты. Наше платье равнозначит известному количеству пищи. Чем теплее мы одеваемся, тем меньше мы чувствуем позыва к еде, так как потеря тепла уменьшена и следовательно нет потребности увеличивать количество ее пищей“. Он идет еще далее и объясняет прожорливость холодом; он говорит: „Если бы мы ходили нагими как известные диким племена, или если бы при рыбной ловле или охоте, мы подвергались такому холоду как самоёды, то мы были бы в состоянии выпивать тоже количество как и они рыбаго жира, без дурных для нас последствий, так как только водород и углерод этого вещества могли бы уравнивать внешнюю температуру с температурою нашего тела“.

Но как объяснить прожорливость готтентотов, которые его превосходят самоёдов и которые не подвергаются сильному холоду. Барров рассказывает, что во время своего путешествия по Южной Африке он видел, как десять готтентотов съели средней величины вола в три дня. Таким образом тридцать готтентотов могли бы съесть его в один день. Но если вспомнить например, что для батальона немецких солдат, состоящего из тысячи человек, было бы совершенно достаточно одного вола, то окажется, что готтентот съест в $33\frac{1}{3}$ раза больше говядины, чем немецкий солдат во время войны. Далее Барров говорит, что три „лэсовика“ едят овцу, которую им дали в пять часов пополудни, съели к утру следующего дня. Они ели целую ночь, пока не покончили животное. После этой роскошной трапезы, плоские их животы вздулись и они еще меньше чем до того, походили на людей.

Таким образом видя с одной стороны жителей холодных стран, лапландцев, норвежцев и исландцев, не отличающихся прожорливостью, и с другой стороны наблюдая ее в жарких странах, приходится к заключению, что прожорливость не обуславливается холодом, хотя этот последний всегда требует потребления очень жирных веществ. Так например, при недостатке жирной пищи, жители полярных стран заболевают и умирают. Что же касается эскимосов, то Росс полагает, что эскимос ежедневно может потребить 10,000 грамм говядины и жира, если бы таковыми он всегда мог располагать. Капитан Парри давал несовсем взрослому эскимосу следующие продукты: 2,125 гр. мезалаго моржевого мяса, 2,125 гр. такого же мяса вареного, 875 гр. хлеба и хлебного порошка; всего же 5,125 грамм. Молодой эскимос покончил все это в 20 часов, притом выпил еще: $1\frac{3}{4}$ метра горячего супа, 3 стакана чистой воды, стакан криваго грога и около 6 литров воды; таким образом всего 7,000 гр. жидко-

стей. Капитан Кохран рассказывает в своем „путешествии по России и Сибири“, что адмиралу Сарачеву было донесено, что один якут может съесть в сутки заднюю четверть вола с 10,000 гр. жира и выпить при этом соответствующее количество топленого масла. Адмирал велеть позвать этого обжору и дал ему 1,500 гр. вареной рисовой каши, вбившей 14,000 гр. И хотя якут недавно завтракал, но тем не менее съел все с жадностью. Кохран видел также, что три якута съели за раз целого оленя, а также теленок, вбивший 100 килограмм (1 кил.—около $2\frac{1}{2}$ фунт.), съелися пятью якутами также в один раз.

Эти фактами гораздо меньше чем научными вычислениями приводится в известность потребное для человека количество пищи, в особенности если принять во внимание количество пищи, потребляемое некоторыми животными. Собаки и кошки едят в сутки $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{6}$ часть веса своего тела, корова 23, лошади $7\frac{1}{2}$ кил. гр. сена и 2,250 гр. овса, свинья 7 кил. картофеля; мышь, сравнительно со своим весом, ест в восемь раз больше, нежели человек, а некоторые гусеницы съедают ежедневно количество пищи вдвое больше веса их тела.

Несмотря однако на эти приметы, подаваемые нам другими животными, а также и на те, какие мы видим на диких народах, принимающих пищу очень неправильно и возмущающих временным изнурением известный период голодания, путем эмпирическим, т. е. на основании опыта, дошли до определения того, сколько именно человек должен ежедневно принимать пищи, чтобы оставаться здоровым и сильным. Это необходимо было для установления возможно правильного питания солдат, матросов, пленных и находящихся в госпиталях. Дневной рацион английскаго солдата составляет 500 грамм хлеба и 375 гр. говядины; об остальной провизии он заботится сам. За то английский моряк получает ежедневно около 4,58 литра пива, 31,25 гр. какао, 46,88 гр. сахара, 7,8 гр. чая, 225 гр. овощей, 500 гр. хлеба и 500 гр. говядины. В германской армии дневной рацион, кроме овощей, составляет: 750 гр. хлеба и 150 гр. говядины, и при сильных напряжениях 1,000 гр. хлеба и 250 гр. говядины.

Разумеется, это количество пищи не для всех достаточно. Одних оно совершенно удовлетворяет, для других оно мало. Однако многолетним, тщательным опытом, установлены такие рационы, которые не мешают исполнению служебных обязанностей изнурением желудка.

Для того чтобы определить ежедневное количество пищи для самих себя, нужно принять во внимание, что мы всегда склонны есть больше, чем следует. Этот излишний прием пищи имеет оправдание, что при различных трапезах мы принимаем нужные питательные вещества в различных отношениях. Смешение крови происходит медленно, и это уже дело пищеварения—из принятой пищи восстановить определенные отношения.

Политическое обозрѣніе.

Россия и Болгарія на дунайской конференціи.—Черногорія и Турція.—Пруссія и Ватикан.—Франція.—Италія и Триполи.—Дублинскій процессъ феніанъ.—Пару и Чили.

Россия, повидимому, заняла на Дунайской конференціи положение, соответствующее ее достоинству и значению; во первых, ее предложения относительно Килийскаго гирла приняты, а во вторых, допущена Болгарія; конечно—и в томъ, и в другомъ желанія России удовлетворены не в полномъ объемѣ, но, все таки, удовлетворены: в Килийскомъ вопросѣ сдѣланы некоторые измѣненія, а болгарскому агенту дозволено, только въ силу „безмолвнаго согласія“, передавать лорду Грэнвиллю, какъ президенту, требованія своего правительства; постановленіе, признававшее турецкаго уполномоченнаго въ то же время и уполномоченнымъ Болгаріи—вассальнаго княжества Оттоманской имперіи, хотя и оставлено въ силѣ, но только въ принципѣ и переимѣняться не будетъ: болгарскій делегатъ уже входилъ въ сношенія съ лордомъ Грэнвиллемъ, которому сдѣлалъ нѣсколько заявленій; предполагаютъ, однако, что болгарское правительство не откажется отъ заявленій, сдѣланныхъ имъ въ народномъ собраніи, но что эти заявленія останутся не болѣе, какъ для формы.

В Болгаріи мы видимъ кое что, способное оскорбить русское чувство, но эти явленія исходятъ изъ такихъ источниковъ и порождены такими причинами, что намъ нѣтъ основаній приходить въ особенно сильный гнѣвъ, или испытывать слишкомъ большое разочарованіе. Въ настоящее время, в княжествѣ идетъ вопросъ о проведеніи желѣзныхъ дорогъ; какъ повсюду, такъ и тамъ, вопросъ этотъ возбуждалъ алетаты круга дѣльцовъ, лавящихъ, прежде и больше всего, наживу и рассчитывающихъ поживиться лакомымъ кускомъ, въ видѣ концессій, гарантій и т. п., но русские министры стали имъ поперекъ дороги, такъ какъ предлагаютъ строить экономическимъ способомъ, безъ концессій; отсюда и вражда къ нимъ и ко всему русскому, оно и понятно—нажива не знаетъ ни патриотизма, ни общественныхъ интересовъ; надо сказать, однако, что въ агита-

ціи противъ русскихъ принимаетъ участіе незначительное меньшинство „интеллигенціи“,—народъ же въ ней не участвуетъ и, напротивъ, надо надѣяться, что понеже надлежащимъ образомъ дѣятельность русскихъ, воюющихъ, такъ сказать, за его же карманъ, онъ ближе примкнетъ къ государству, которое воевало за его независимость. Народное собраніе закрыто и собирается только лѣтомъ для завершенія вопроса.

Черногорія объявила, что если Турція не уступитъ спорной территоріи, то она возьметъ ее силой. Князь Карагеоргиевичъ недавно гостилъ въ Петинь; его появленіе тамъ приписываютъ России—почему?

Въ Прусской Палатѣ Депутатовъ, Шарлемеръ-Альтеръ и Виндгоретъ требуютъ для католиковъ statu quo ante. На дняхъ написаны два письма папы къ императору, въ которыхъ его святѣйшество соглашается на то, чтобы епископы уѣдомляли прусское правительство о дѣлаемыхъ ими назначеніяхъ и на некоторые другія требованія Пруссіи, даже и до пересмотра и отмены законовъ противъ католическаго духовенства, но взаимно просить императора и смягченія этихъ законовъ и предоставленія большей самостоятельности и свободы епископамъ; по всему видно, что соглашеніе состоится.

Новое французское министерство — министерство, по прежнему, гамбеттистовъ: Жюль Ферри, президентъ совѣта, одинъ изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Гамбетты, какъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, Шальмель-Лакуръ и внутреннихъ дѣлъ — Вальдекъ Руссо; Тибоденъ остался военнымъ министромъ, за то на постъ морскаго министра такъ и не нашли моряка, а вслѣдствіе того этотъ портфель отдалъ инженеру, сенатору Брену; первымъ „похвальнымъ“ актомъ новаго министерства было отчисленіе нѣкоторыхъ изъ принцевъ, а именно герцоговъ Омальскаго, Шартрскаго и Алансонскаго, отъ дѣйствительной службы. Изъ Парижа сообщаютъ страннѣйшій слухъ о томъ, будто бы генералъ Шаретъ, бывшій у графа Шамбора, уѣхалъ въ Венецію, къ дону Карлосу, для совѣщаній съ нимъ относительно передачи его сыну правъ на-

слѣдованія послѣ Шамбора; не пустая ли это выдумка? неужели французскіе принцы, столь близко связанные между собою родствомъ, не прекратятъ безплодной распри, еще болѣе и потому, что Орлеанская линія имѣетъ гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, нежели линія старшихъ Бурбоновъ... и дѣлать это тогда, когда республика очевидно теряетъ почву подъ собою!

Между Италіей и Портой возникло недоразумѣніе: итальянскій консулъ въ Триполісѣ ударилъ часового, что возбудило народъ, который и произвелъ демонстрацію, враждебную Италіи; оба правительства переговариваются теперь по этому поводу.

Дублинскій судъ раскрываетъ трагедію Фениксъ-парка; одинъ изъ обвиняемыхъ, Кэри, показываетъ все откровенно; по его словамъ, глава дублинскихъ заговорщиковъ было какое-то таинственное лицо, известное заговорщикамъ подъ названіемъ *Номера Перваго*; оно, повидимому, обладало значительными суммами и оно-то именно и дало сигналъ въ паркѣ при приближеніи Кэвендиша и сэра Борка: ватѣмъ, въ убійствѣ ихъ уча-

ствовали восемь человекъ: Кэрлей, Гэлленъ, Фэганъ, Пардей, Келли, Каффрей, Делани и Брэди, который и началъ, ударивъ лорда Кэвендиша въ лѣвое плечо. Негодяи прямо отправились къ Каффрею и тамъ доложили обо всемъ Номеру Первому; чекъ, переданные имъ, были сдѣланы отъ имени „земельной лиги“; но смотря на все это, земельная лига энергически отрицаетъ всякое свое участіе въ этомъ дѣлѣ; въ Америкѣ подробности Дублинскаго дѣла возбудили почти повсемѣстное негодованіе; но, повидимому, открыто еще не все—такъ какъ только напали на слѣдъ другаго обширнаго заговора; между прочимъ, заговорщики намѣревались взорвать дублинскій домъ намѣстника, но имъ не удалось.

Въ Арекинѣ собирается перуанскій конгрессъ для рѣшенія вопроса о войнѣ; предполагаютъ, что онъ выскажется за продолженіе борьбы; въ этомъ случаѣ чилийское правительство намѣрено занять Перу своими войсками въ теченіи трехъ лѣтъ и далѣе, пока перуанцы не будутъ просить мира.

Библиографія.

Послушаемъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. А Нольде. Съ иллюстраціями. Сиб. 1883 г. Цѣна 1 р. въ папкѣ.

Эта небольшая книжка, недурно иллюстрированная художникомъ Малышевымъ, написана не безъ таланта. Языкъ разсказовъ живой, образный и богатый полезными свѣдѣніями объ охотѣ, о природѣ, о жизни звѣрей. Видно близкое знакомство автора съ характеромъ животныхъ. Такъ написать могъ лишь человекъ, любящій море, человекъ—охотникъ, любящій и долго жившій въ лѣсу среди звѣрей. Книжка, конечно, будетъ прочитана дѣтми средняго возраста съ интересомъ. Болѣе удавшіеся разсказами нужно признать: „Хитрый Фоксъ“ и „Ловля зайцевъ“.

Первыя понятія о зоологіи. Поля Бера. Съ 345 рисунками. Переводъ подъ редакціей проф. Мечникова. Сиб. 1883 г.

Писать для дѣтей, да еще о научномъ предметѣ, очень трудно. Удастся это только крупному таланту. Особенно если ав-

торъ, подобно П. Бери, задается мыслью написать для дѣтей учебную книгу, которую они читали-бы съ интересомъ, подобно хорошей сказкѣ, повѣсти. Это еще труднѣе. Но въ данномъ случаѣ талантъ французскаго физиолога вывезъ: зоологія вышла, дѣйствительно, похожею на легкій разсказъ, въ которомъ главы читаются одна за другою съ возрастающимъ интересомъ. Русскому переводу помогло и то обстоятельство, что за переводъ этой книги взялся столь компетентный знатокъ зоологіи, каковымъ считается профессоръ И. И. Мечниковъ. Языкъ перевода правильный и легкий. Никакая классификація и номенклатура—столь страшныя въ такомъ предметѣ, какова зоологія, не запугиваютъ ребенка. Картина законовъ животной жизни сама собою, незамѣтно, развертывается передъ дитятей, по мѣрѣ чтенія книги. Отчетливые рисунки помогаютъ тексту. Изъ учебниковъ П. Бера это чуть ли не единственный, возможный къ переводу и употребленію въ нашихъ школахъ.

С М Ъ С Ъ.

Медовые муравьи. По сообщеніямъ путешественниковъ, давно было известно, что на мексиканскихъ рынкахъ продаются какъ лакомство, большіе, въ величину боба, муравьи, тѣла которыхъ наполнены медомъ; но никто не зналъ подробностей объ этихъ замѣчательныхъ животныхъ. Недавно Куэкъ опубликовалъ научныя наблюденія надъ этими медовыми муравьями (*Mymecocystus melliger*). Они водятся въ Новой Мексикѣ и Колорадо и дѣлятся на четыре класса. Между ними различаютъ: 1) три класса рабочихъ, отличающихся величиною около $\frac{1}{4}$ вершка, 2) медовые муравьи, до $\frac{1}{2}$ вершка, съ сильно надутымъ животомъ, 3) королевы и 4) самцы такой-же величины какъ самыя меньшіе изъ работниковъ. Медовые муравьи въ молодости похожи на рабочихъ; въ послѣдствіи разница ограничивается анатомическимъ строеніемъ и измѣненіемъ длины органовъ, что происходитъ отъ переполненія. Переполненіе это не есть слѣдствіе прожорливости отдѣльныхъ индивидуумовъ, и необыкновенная величина не можетъ приниматься за полную. Скорѣе всего слѣдуетъ признать медовыхъ муравьевъ жертвами. Рабочіе муравьи набиваютъ ихъ пищей до такой степени, что только небольшая часть ея, необходимая для ихъ насыщенія попадаетъ въ пищеварительный каналъ, вся-же остальная пища остается въ желудкѣ и не служитъ къ питанію животнаго. Кормленіе производится до тѣхъ поръ, что брюшныя кольца начинаютъ отставать одно отъ другаго и окружаютъ живогъ, состоящій изъ тонкой прозрачной натянутой кожицы, въ видѣ узкихъ полосокъ. Въ этомъ положеніи животныя эти совершенно безпомощны, они не могутъ двигаться, прицѣпляются лапками къ потолку жилища и свѣшиваются животы. Въ домашнемъ обиходѣ муравьиной колоніи, они играютъ ту же роль какъ медовые соты у пчелъ. Они служатъ запасомъ, которымъ пользуется остальное населеніе во время недостатка пищи. Одинъ муравей за другимъ подходитъ тогда по очереди, высасываетъ каплю меда изъ ихъ горла и проглатываетъ съ наслажденіемъ. Вообще-же съ медовыми муравьями всѣ ихъ товарищи обращаются хорошо; только во время разрушенія гнѣзда, о нихъ никто не заботится, а всякій старается унести и спрятать личинки и яички. Забота о потомствѣ исчезаетъ только тогда, если прорѣзаетъ живогъ медоваго муравья. Вытекающій медъ непреодолимо влечетъ къ себѣ муравьевъ, занятыхъ дѣломъ спасенія; они оставляютъ все и набрасываются на медъ. Но они не трогаютъ меда умершихъ муравьевъ. Послѣдніе, какъ и прочіе труны, выносятся изъ гнѣзда. Вкусъ меда этихъ муравьевъ тотъ-же, что и пчелъ, съ той только разницею, что онъ немного ароматичнѣе и кислѣе.

Метеоры на морѣ. Панамскія газеты сообщаютъ, что пароходъ „Лима“ съ трудомъ избѣгъ разрушенія его метеоромъ, упавшимъ въ море недалеко отъ судна. Тоже самое чуть не случилось съ военнымъ кораблемъ Соединенныхъ Штатовъ „Алской“. Капитанъ Балькей, въ своемъ официальном докладѣ разсказываетъ, что 12-го декабря, вскорѣ послѣ солнечнаго заката, онъ слышалъ сильное шипѣніе, на подобіе того, еслибы съ zenith спустилась съ

необыкновенной силой и скоростью ракета. Это былъ метеоръ, разорвавшійся съ шумомъ въ десяти градусахъ надъ горизонтомъ, при чемъ громадныя огненные осколки и искры упали въ море. Наступило одно изъ чудеснѣйшихъ явленій; на томъ мѣстѣ, гдѣ разорвался метеоръ, появилось тѣло въ формѣ громаднаго прыжка, которое сіяло голубовато-бѣлымъ свѣтомъ. Блестящее это тѣло сохранило въ продолженіи десяти минутъ свою форму, потомъ отъ дѣйствія вѣтра приняло видъ зубчатый и наконецъ превратилось въ тонкую, узкую спираль и исчезло въ облакахъ. Весь экипажъ со страхомъ слѣдилъ за необычнымъ явленіемъ; если бы метеоръ упалъ на корабль, то отъ послѣдняго не осталось бы и слѣда.

Старѣйшее дерево на землѣ, на сколько известно, находится въ священномъ индійскомъ городѣ Амаратура въ Бурмѣ. Оно было посажено въ 288 году до Р. X. и такимъ образомъ возрастъ его опредѣляется въ 2170 лѣтъ. По изслѣдованіямъ Джамса Эммерсона Тенента, это дерево дѣйствительно можетъ быть такъ старо, такъ какъ объ немъ упоминается въ документахъ годовъ 182 и 233, а также и въ позднѣйшихъ. Этому дереву короли посвящали всѣ свои владѣнія, такъ какъ, согласно преданію, оно происходитъ отъ того дерева, на которое опирался Буда во время своихъ откровеній. Упавшіе листья дерева уносятся пилигримами и считаются святыней. Въ Европѣ есть также старое дерево,—это королевскій дубъ въ Виндзорѣ, которому считаютъ 1000 лѣтъ.

Всемирное производство бумаги. По поводу отгнѣна налога на бумагу, французское министерство финансовъ собрало свѣдѣнія о производствѣ этой послѣдней на всемъ земномъ шарѣ. Общее число писчебумажныхъ фабрикъ опредѣлено въ 3,985, производящихъ ежегодно 952 милліона килограммовъ (около 58 милліоновъ пудовъ) бумаги всѣхъ сортовъ. Половина этого количества получается типографіями. На газеты идетъ ежегодно 300 милліоновъ, что составляетъ въ день около 822,000 килограммовъ или 50,000 пудовъ; потребленіе бумаги газетами, менѣе, чѣмъ за десять лѣтъ, увеличилось почти на одну треть. Затѣмъ расходуетъ въ годъ: правительственными мѣстами 100 милліоновъ, учебными заведеніями 90 милліоновъ, торговыми учрежденіями 120 милліоновъ, промышленными 90 милліоновъ и на частную корреспонденцію 52 милліона килограммовъ. Что касается рабочихъ силъ, то оказывается, что производствомъ бумаги занимается, въ объемѣ, 192,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Страшная буря свирѣпствовала въ Англии на нѣкоторыхъ ея берегахъ съ ночи 12-го до полудня 13-го января (по нашему стилю—подъ Новый годъ). Особенно разительный видъ имѣла она въ Лондонѣ, вызванный совпаденіемъ бури съ отливомъ, давно уже не достигавшимъ такихъ размѣровъ; вѣтеръ угналъ почти всю воду изъ Темзы, на половину понизивъ ея уровень, и суда компаніи „London Steamboat company“ по недостаточности водной вмѣстимости, должны были, съ 12 до 1 часу слѣдующаго дня прекратить свои рейсы. Въ Рэнкорнѣ вѣтромъ опрокинуто домъ; въ Венслейдской

долгий разливъ Гора потопилъ нѣсколько стадъ; строившійся въ Аптонъ-Ундеръ-Линъ домъ отъ одного порыва вѣтра превратился въ кучу обломковъ; въ Суупортѣ сорвало множество крышъ; около ста домовъ лишились трубъ; а деревья бульваровъ и ботаническаго сада вырваны съ корнями; въ Аккраптонѣ буря дѣлала шесть часовъ, сокрушая окна, крыши и трубы и наводя панической страхъ на населеніе; въ Шеффилдѣ крыши взлетали на воздухъ и оттуда падали. Значительныя опустошенія произведены и въ Ирландіи. Извѣстія о морскихъ бѣдствіяхъ, по всей вѣроятности, не заставятъ себя ждать. Съ судовъ, стоявшихъ у Ливерпуля, были поданы сигналы о опасности, вслѣдствіе чего всѣ лоцманы порта послѣдуютъ къ нимъ на помощь съ спасательными снарядами. Погибло множество небольшихъ судовъ; о болѣе-же значительныхъ кораблекрушеніяхъ свѣдѣній еще нѣтъ.

Санта-Крусъ-де-Тенериффа, столица Канарійскихъ острововъ. Въ разстояніи ста километровъ отъ мыса Джеби на сѣверо-западномъ берегу африканскаго материка возвышается изъ Атлантическаго океана двѣнадцать вулканическихъ острововъ, изъ которыхъ пять меньшихъ необитаемы, а семь большихъ: Герро или Ферро, Пальма, Гомера, Тенериффа, Гранъ-Канарія, Фуэртевентура и Лансароте населены, прекрасно обработаны и славятся своею богатою и своеобразною флорою. Мы говоримъ о находящихся подъ испанскимъ владычествомъ Канарійскихъ островахъ, которые не безъ основанія были названы древними „счастливыми островами“. Пикъ де-Теиде на Тенериффѣ возвышается на 3.711 метровъ надъ уровнемъ моря. Канарійскіе острова были уже, вѣроятно, извѣстны финиціанамъ, о нихъ упоминаетъ Плиній, а въ концѣ XIII-го столѣтія ихъ носители генуэзскіе мореплаватели. Вслѣдствіе предпринятой португальцами въ 1341 году счастливой экспедиціи на Канарійскіе острова, Луисъ-де-ла-Серда, правнукъ Альфонса X Кастильскаго, былъ коронованъ въ 1344 году Папою Климентом VI королемъ острововъ, которые съ тѣхъ поръ стали считаться владѣніями Испаніи. Испанцы начали воздѣлывать на островахъ виноградъ, южные плоды, каштаны и европейскіе сорта хлѣбовъ и смѣшались съ первоначальными жителями острововъ, гуанчами, которые, по мнѣнію Лёгера, принадлежали къ германскому племени (вандалскому) и до настоящаго времени представляютъ интересъ для изслѣдователей древности, этнографовъ и антропологовъ. Нынешніе жители, занимающіеся преимущественно земледѣліемъ, винодѣліемъ, скотоводствомъ и судоходствомъ, извѣстны своимъ трудолюбіемъ, скромными привычками и примѣрною нравственностію, но несмотря на свое трудолюбіе они довольно бѣдны, причиною чему являются большіе маораты, воздѣлываніе земель арендаторами и высокіе налоги. Самыми богатыми островами считаются Тенериффа, Гранъ-Канарія и отчасти Лансароте. Тенериффа—главный островъ и на немъ находится столица всей группы острововъ, Санта-Крусъ. Этотъ живописный и привлекательный городъ обладаетъ прекрасными улицами, съ чистыми бѣлыми домиками, окруженными цвѣтущими садами,—обширною и безопасною гаванью, великолѣпными общественными зданіями, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ назвать дворецъ генералъ-капитана, театръ, библіотеку, академію изящныхъ искусствъ, обширными рынками, богатыми церквами, красивыми парками и общественными гуляющими съ аллеями изъ завырыхъ деревьевъ.

Королевская саксонская фарфоровая мануфактура у Мейссена. Знаменитая саксонская фарфоровая мануфактура была учреждена въ 1710 году Бѣтгеромъ, изобрѣтателемъ нѣмецкаго фарфора. При фабрикаціи ея фарфоровыхъ издѣлій совершаются слѣдующія манипуляціи: сначала сырой матеріалъ или фарфоровая глина промывается къ полыхъ вращающихся цилиндрахъ, въ которые проведена вода, а затѣмъ въ большомъ котлѣ, гдѣ повторяется тоже самое. Глина, превращенная въ молочнообразную массу, стекаетъ по желобамъ въ различныя каменные бассейны, пока не достигнетъ въ послѣднемъ изъ нихъ требуемой чистоты. У остающейся затѣмъ массы отнимается часть жидкости и потомъ пригнѣшивается опредѣленное количество извѣстныхъ минеральныхъ веществъ: кварца, полеваго шпата и т. д., которыя должны быть сначала измолоты въ точчайшій порошокъ. Продуктъ этой смѣси долженъ извѣстное время оставаться въ покоѣ или „гнить“, какъ гласитъ техническое выраженіе, и затѣмъ уже приступаютъ къ формовкѣ требуемыхъ фарфоровыхъ издѣлій. Наиболѣе изящныя и сложныя изъ послѣднихъ приготавливаются специальными художниками, состоящими при мануфактурѣ. Сформованныя фарфоровыя издѣлія сушатся при обыкновенной температурѣ въ тѣни, затѣмъ подвергаются слабому нагрѣванію и опускаются въ мелко истолченную гравуръ, имѣющую вслѣдствіе смѣшенія съ водою, видъ молочнообразной жидкости. Далѣе слѣдуетъ накалываніе въ фарфоровыхъ печахъ, причѣмъ подлежащіе предметы, во избѣжаніе непосредственнаго соприкосновенія съ пламенемъ, кладутся въ капсулы изъ огнеупорной глины. Въ заключеніе, фарфоровыя издѣлія разрисовываются и покрываются позолотою. Въ настоящее время на фарфоровой мануфактурѣ работаетъ 713 человѣкъ; доходъ ея въ 1879 году составлялъ 1.377,159 марокъ и постоянно возрастаетъ, такъ какъ издѣлія ея пользуются большою извѣстностію и находятъ обширный сбытъ.

Остъ-индская торговля опиумомъ. Извѣстный подъ именемъ опиума высушенный сокъ молочнаго цвѣта, вытекающій изъ надрѣзанныхъ незрѣлыхъ маковыхъ головокъ, приобрѣлъ громадное значеніе не только какъ одно изъ древнѣйшихъ лекарственныхъ средствъ, но и какъ наркотическій источникъ наслажденія; въ Восточной Азіи онъ составляетъ весьма важный предметъ торговли. Въ числѣ странъ,

занимающихся производствомъ опиума, первое мѣсто занимаетъ Индія, а въ послѣдней—Патна и другія мѣстности Бенгаліи. Добываніе опиума производится слѣдующимъ образомъ: незрѣлыя смѣяныя головки мака надрѣзываются снаружи посредствомъ особаго инструмента. Выступающій изъ надрѣзовъ молочный сокъ собирается большими металлическими ложками и сушится, послѣ чего получается такъ называемый сырой опиумъ, котораго ежегодно выдѣлывается въ одной Бенгаліи 12—13 миллионныхъ фунтовъ на сумму въ 6½ миллионныхъ фунтовъ стерлинговъ (около 65 мил. руб.). Опиумъ производится преимущественно въ округахъ Патнѣ и Бенаресѣ и доставляется въ глиняныхъ кружкахъ производителями оптовымъ торговцамъ, занимающимся вывозомъ его за границу. У оптовиковъ сырой опиумъ подвергается слѣдующимъ операціямъ. Передъ покупкою опиума достоинство его изслѣдуется сначала по внѣшнему виду, а затѣмъ химическимъ анализомъ; затѣмъ содержимое всѣхъ кружекъ сваливается въ чаны и мѣшается деревянными граблями до тѣхъ поръ, пока не приобрететъ видъ тѣста. Изъ послѣдняго дѣлаются шары, поступающіе затѣмъ въ сушильню, откуда ихъ сдаютъ въ магазинъ; здѣсь ихъ упаковываютъ въ ящики и отправляютъ моремъ въ Калькутту, а отсюда за границу. Главнѣйшій вывозъ направляется въ Китай, гдѣ опиумъ былъ введенъ арабами какъ лекарственное средство; во второй половинѣ XVII-го столѣтія тамъ началось куреніе опиума и, несмотря на всѣ правительственныя запрещенія, быстро приобрѣло права гражданства. Культура опиума была введена въ Бенгаліи остъ-индскою компаніею, которая пользовалась до 1834 года монополіею въ торговлѣ опиумомъ и стала ввозить его въ Китай съ 1773 г., въ постоянно возростающемъ количествѣ. Въ 1817 году вывозъ опиума составлялъ только 200 ящиковъ, каждый въ 70 килограммовъ (около 4½ пудовъ), а въ 1835 году возросъ до 9,600 ящиковъ и съ тѣхъ поръ неоднократно даже подавалъ поводъ къ войнамъ. Въ 1873 г. Индія произвела 6.358,495 килограммовъ опиума, изъ которыхъ 6.144.132 килограмма вывезены были въ Китай и въ страны съ китайскимъ населеніемъ. Кромѣ того съ 1873 г. въ самомъ Китаѣ добывается весьма много опиума. Въ Германіи тоже добывается съ нѣкотораго времени опиумъ, преимущественно какъ лекарственное средство для мѣстнаго потребленія; въ Малой Азіи и Египтѣ производство опиума тоже увеличилось въ послѣднія десятилѣтія, но индійскій опиумъ продолжаетъ считаться самымъ лучшимъ и самымъ дѣйствительнымъ.

Профессоръ Жейтгльсъ, труды котораго по зоологіи пользуются большою извѣстностію во всемъ ученномъ мірѣ, надняхъ, въ Вѣнѣ, лишилъ себя жизни. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ тратилъ значительныя суммы на составленіе коллекціи человѣческихъ череповъ, которая считается самою замѣчательною въ Европѣ. Покойному было пятьдесятъ шесть лѣтъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ

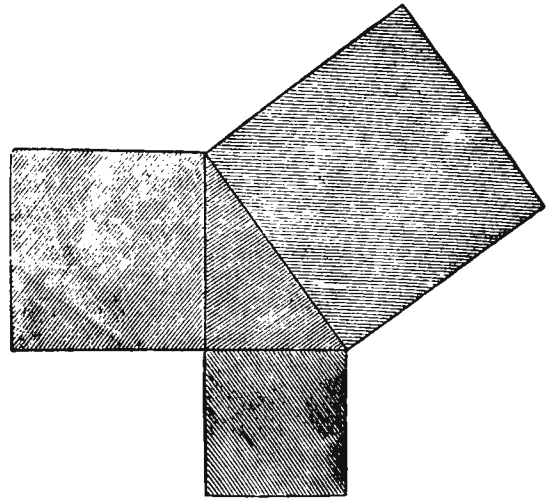
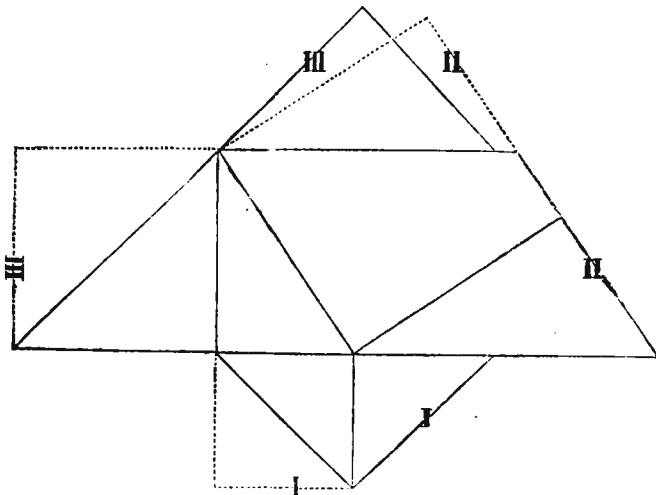
многочисленнымъ гг. заказчикамъ на полные томы „Нивы“ за 1882 годъ.

Успѣхъ, который имѣло изданіе за прошлый годъ, вслѣдствіе массы литературнаго и художественнаго матеріала и прекрасной преміи, былъ такъ великъ, что весь запасъ полныхъ томовъ „НИВЫ“ ЗА 1882 ГОДЪ вышелъ уже въ самомъ началѣ нынѣшняго года.

Чтобы имѣть возможность удовлетворить множество требованій, которыя съ каждымъ днемъ увеличиваются, мы, не смотря на значительные денежные расходы, вновь печатаемъ болѣе 20 №№ (которыя въ свое время были совершенно распроданы). Тотчасъ по отпечатаніи этихъ №№ (т. е. по прошествіи около 4—6 недѣль) томы будутъ сброшюрованы и переплетены и высланы гг. заказчикамъ.

За симъ мы покорнѣйше просимъ заявившихъ до сихъ поръ требованія, около 500 гг. заказчиковъ на полные томы „Нивы“ 1882 г., насъ извинить и подождать нѣкоторое время исполненія ихъ заказовъ.

Рѣшеніе геометрической задачи № 7.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: Москва—Чернова, Илькевича; Кѣльцы—Хегстремъ; Люблинъ—Иванова; Медвѣдово—Митропольскаго; Пенза—Воронова; Симбирскъ—Бабушкина.

Вновь получены вѣрныя рѣшенія алгебраической задачи № 3 отъ гг.: Большое Норочино—В. К. Терскаго; Нижне-Чирская—Соколова; Оренбургъ—Карпова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 27 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Рихардъ Вагнеръ (съ портр.)—На морскомъ берегу. П. П. Гибдича.—Мой пріятель Мертриз. Разсказъ Фр. Коппе.—П. И. Мельниковъ (съ портр.)—Принцы царствовавшихъ во Франціи фамилій (съ рис.)—Дуэль верхомъ (съ рис.)—Ж. Б. Дюма, химикъ (съ портр.)—„Буря“ Айвазовскаго (съ рис.)—Психея и Харонъ (съ рис.)—Спасо-Прилуцкій монастырь близъ Вологды (съ рис.)—Самодѣйствующій воздухоочиститель (съ рис.)—Сколько пищи ежедневно принимаетъ человѣкъ. Очеркъ.—Политич. обзорѣнія.—Сибирь.—Заявленіе.—Рѣшеніе геометрической задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ „НИВЫ“ со всеми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

Изданіе А. Ф. Дебріена. С.-Петербург., Вас.

Остр., Румянц. площ., собств. домъ.

Вышла изъ печати новая книга:

КУКУРУЗА. Ея разведеніе на зерно и зеленый кормъ, и значеніе въ технич. производствѣхъ. Сот. В. С. Засядно, съ прилож. Описанія машинъ, употребляемыхъ при воздѣлываніи кукурузы, В. В. Черныяева. Съ прилож. 54 полит. Ц. 1 р. 25 к. Гг. иногородные, требующіе эту книгу прямо отъ издателя, за пересылку не платятъ. Р. № 2500

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.

В. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болѣзъ, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операций, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣпныхъ челюстей по американской методѣ; переѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умеренныя. № 1908

„ВОСПИТАНІЕ ХАРАКТЕРА“.

№ 2454 Соч. Проф. Габриэли. Ц. 90 к. 6—5

ЖЕЛАЮЩИХЪ

купить, продать и заложить дома, иждивія и аптеки, проситъ обращаться въ Москву, Большая Молчановка, д. Тюрина, къ Леониду Александровичу ГОРЛЕНКО. № 2504 4—1

EAU DE LYS
DE LOHSE.

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе нѣжнымъ.
Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юношескую свѣжесть.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и нѣжною.
Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.
Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,
БЕРЛИНЪ,

поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.

Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.

Eau de Lys de Lohse.
S. № 2509

Страхованіе жизни.

Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданого, пенсін и т. п. можно узнать изъ брошюръ (книжекъ) Страховаго Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются бесплатно Главному Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи. № 2482

Новость! ГУТАПЕРЧЕВОЕ ПЕРО РЕЙХА, Новость!

привычное за самое лучшее пишущее перо, соединяющее въ себѣ преимущества стального и гусиного перьевъ, подходящее для всякаго почерка и дешево, ибо оно можетъ служить по нѣскольку лѣтъ, потому что оно очиняется какъ гусиное перо. Цѣна 50 к. за штуку, съ пересылкою 70 к. за штуку (почтов. марками). Главный складъ для всей Россіи: Контора Ф. П. Сазонова, Фонтанка, № 67. С.-Петербургъ. № 2495 2—2

ДЛЯ ДАМЪ И АКУШЕРОКЪ.

Вышла въ свѣтъ новая книга: Общедоступное руководство къ леченію женскихъ болѣзней и потерян. Докторъ Михаила Шера. Цѣна 1 р. 75 к. Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинъхъ и у автора: Пушкинская, 19. к. 82. Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ. № 2499 1—1

НЕ ВѢНЧАЙТЕСЬ

прежде чѣмъ читать „TRAIT D'UNION“, газету перваго дома этого рода въ Европѣ и объяснительную брошюру. Бесплатно почтовое посыланіе за 90 centimes, 53, faubourg Montmartre и 17, avenue Carnot (Champs Elysées), въ ПАРИЖѢ.

S. № 2508

56—1

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

Н. П. ДАНИНА,

въ МОСКВѢ,

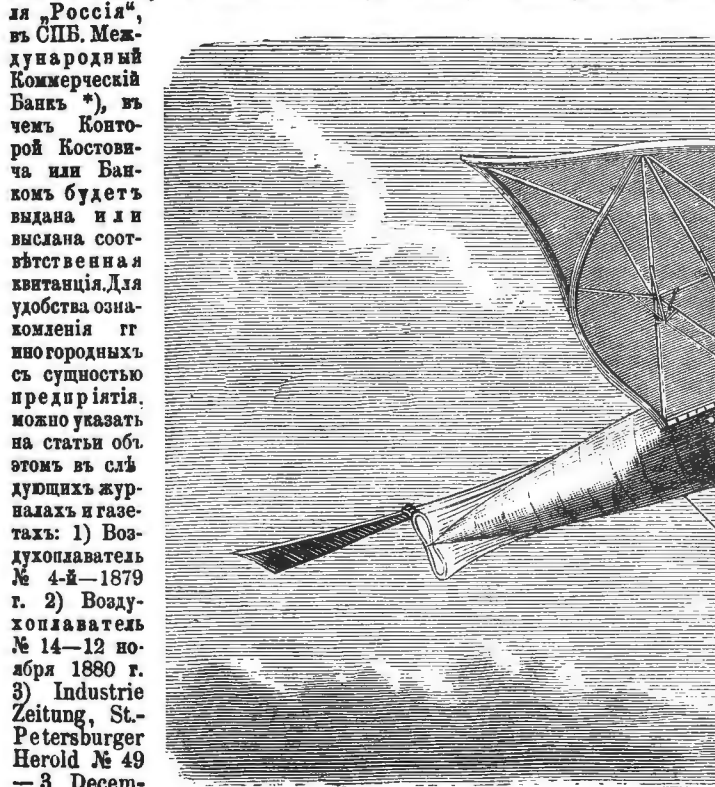
достоинныя МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью.

АМБЮЮТСЯ въ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣній Азии. Съ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ въ ПРОДАЖУ ПОДЪ НОВЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ. № 2440 10—4

КЪ СВДЪННЮ

Гг. капиталистовъ, предпринимателей, любителей воздухоплавания, промышленниковъ, изобрѣтателей, инженеровъ, стратеговъ, моряковъ, кораблехозяевъ, устройствелей торжествъ съ воздушными приспособлениями.

Лица, желающія воспользоваться случаемъ участвовать въ постройкѣ, нынѣ дѣятельно производящейся на Охтенской адмиралтейской верфи, воздушнаго корабля „Россія“, приглашаются въ самомъ непродолжительномъ времени заявлять объ этомъ изобрѣтателю и строителю Костовичу, гдѣ они могутъ получать самыя основательныя свѣдѣнія по этому дѣлу, равно какъ и очевидныя доказательства полной солидности предпріятія. Стоимость каждаго вклада 600 р. сер., вносимыхъ или присылаемыхъ прямо въ Техническую Строительную Контору Костовича, или же на текущій счетъ Костовича, для постройки воздушнаго корабля „Россія“, въ СПб. Междунаро-
днѣй Коммерческій Банкъ *), въ чемъ Конторой Костовича или Банкомъ будетъ выдана и ли выслана соотвѣтственная квитанція. Для удобства озна-
комленія гг. инородныхъ съ сущностью предпріятія, можно указать на статьи объ этомъ въ слѣдующихъ журналахъ и газетахъ: 1) Воздухоплаватель № 4-й—1879 г. 2) Воздухоплаватель № 14—12 ноября 1880 г. 3) Industrie Zeitung, St.-Petersburger Herold № 49—3 December 1880. 4) Воздухоплаватель № 16—1 января 1881 года. 5) Industrie Zeitung, St.-Petersburger Herold № 2—14 Januar 1881. 6) Виржевыя Вѣдомости № 126—25 февраля 1881 г. 7) Виржевыя Вѣдомости № 130—6 марта 1881 г. 8) St. Petersburg Herold № 302—29 October 1881. 9) St. Petersburg Herold № 13—13 Januar 1882. 10) Правительственный Вѣстникъ № 56—14 марта 1882 г. 11) Новое Время № 2170—14 марта 1882 г. 12) Новости—14 марта 1882 г. 13) Петербургская Газета № 62—14 марта 1882 г. 14) St. Petersburg Zeitung № 73—14 März 1882. 15) St. Petersburg Herold № 73—14 März 1882. 16) Московскія Вѣдомости № 112—24 апрѣля 1882 г. 17) Всемирная Иллюстрація № 697—15 мая 1882 г. 18) Нива № 22—29 мая 1882 г. 19) Огонекъ № 22 и 24-й 1882 г. 20) St. Petersburg Herold № 149—29 Mai 1882. 21) St. Petersburg Zeitung № 150—30 Mai 1882. 22) St. Petersburg Herold № 237—25 August 1882 г. 23) Всеобщій календарь Гоппе на 1883 годъ. 24) Нива № 6—6-го февраля 1883 г. и проч. Къ этому считаемъ долгомъ прибавить нѣсколько разъясненій касательно выгодъ предпріятія. Не говоря уже заранѣе о случаетъ *полнѣйшей удачи*, въ чемъ, естественно, постороннія лица не могутъ быть такъ сильно убѣждены, какъ люди, близко знакомые съ этимъ изобрѣтениемъ, и въ каковомъ случаѣ трудно даже вообразить себѣ громаднѣйшій размѣръ нравственныхъ и материальныхъ выгодъ,—можно полагать вполнѣ достаточнымъ одно уже указаніе на то обстоятельство, *что даже въ случаѣ неудачи*, воздушный корабль „Россія“ можетъ быть легко передѣланъ не только въ обыкновенный шаръ, но даже въ „Ballon Captif“ съ громадной подъемной силой, подобно Жифаровскому, стоившему Парижской компании въ 1878 г. *два съ половиною милліона франковъ* и выручившему *болѣе десяти милліоновъ* въ теченіе года. При этомъ можно указать на громадность дохода и даже обыкновенныхъ увеселительныхъ шаровъ, какъ напр. Годара и прочихъ, выручавшихъ всегда значительныя суммы.

Имя, между прочимъ, въ виду, что изготовленіемъ всякихъ воздухоплавательныхъ приборовъ у насъ весьма часто занимаются люди не только безъ основательной къ тому специальной подготовки, но даже нерѣдко и безъ всякихъ техническихъ знаній (тѣмъ объясняется мно-
жество опасныхъ неудачъ), тогда какъ техническая строительная контора Костовича располагаетъ по этому дѣлу новѣйшими научными свѣдѣніями и, наконецъ, самостоятельно выработанными способами и производственными секретами, достигнутыми путемъ долговѣрныхъ практическихъ изслѣдованій, стоившихъ очень большихъ затратъ,—въ виду всего этого и для *обоюднато* извлеченія пользы изъ приобретенныхъ уже результатовъ, хотя оставшихся лишними въ дѣлѣ постройки воздушнаго корабля „Россія“, но крайне полезныхъ вообще въ аэронавтикѣ, теперь въ Технической и Строительной Конторѣ, мастерскихъ и лабораторіяхъ Костовича будутъ исполняться заказы на воздухоплавательные приборы всякаго рода. Дѣлаются шары и для военныхъ бомбардировочныхъ и рекогносцировочныхъ цѣлей, равно какъ и небольшіе, въ 10 минутъ наполняемые корабельные спасательные аппараты съ шаромъ, употребляемыми для совершенна надежнаго соединенія съ берегомъ погибающаго корабля во время бурнаго прибоа. Употребляемая для этого спасательныя ра-
кеты далеко не всегда достигаютъ цѣли; при томъ онѣ зависятъ не отъ воли погибающихъ, а отъ удачнаго прицѣла ракеты береговыми стражниками во время бури. Къ услугамъ частнаго употребленія дѣлаются шары съ самыми новѣйшими улучшеніями, для совершенно безопасныхъ полетовъ, а также шары, могущіе любое число разъ свободно подниматься и опускаться по волѣ путешественника, не выбрасывая для этой цѣли балласта и не выпуская газа, также безъ всякой опасности. Еще устраиваются всевозможныхъ сортовъ и величинъ шары для различныхъ воздушныхъ приспособленій во время торжественныхъ празднествъ всякаго рода. Наконецъ, приготавливаются особые шары для подъема затонувшихъ цѣнныхъ предметовъ даже съ большой глубины. (Вообще, подъемъ кораблей помощью разныхъ испытанныхъ способовъ, а также всякія подводныя работы съ строгимъ ручательствомъ удачѣ, исполняются конторой г. Костовича, уже поднимавшаго изъ воды семь большихъ кораблей съ значительныхъ глубинъ).

Кромѣ всего этого, принимаются для совѣщаній лица, прямо или косвенно заинтересованныя какими бы то ни было техническими вопросами; а также Техническая и Строительная Контора принимаетъ на себя всестороннюю административно-техническо-хозяйственную разработку и конструированіе новыхъ техническихъ прозотовъ, предпріятій (discretion гарантируется); притомъ, ради возможно болѣе широкихъ удобствъ сношенія съ производителями матерьяловъ, контора не отказывается и отъ агентуры всевозможныхъ техническихъ предметовъ, равно беретъ на себя представительство корабельныхъ верфей и машинныхъ фабрикъ, обладая лестнымъ довѣріемъ извѣстныхъ фирмъ. Располагая, кромѣ свѣдѣній о современномъ состояніи общетехническихъ новѣйшихъ конструцій, еще и многими производственными способами и политехническими секретами, лично выработанными г. Костовичемъ, авторомъ шестнадцати капитальныхъ изобрѣтеній, примененныхъ къ дѣлу здѣсь и за границей, и имѣя по всемъ отраслямъ техники инженеровъ-специалистовъ въ числѣ сотрудниковъ и помощниковъ, Техническая и Строительная Контора Костовича имѣетъ возможность производить всѣ вышесказанныя работы согласно съ новѣйшими, самыми изысканными требованіями. Пріемъ лицъ, исключая праздниковъ, ежедневно отъ 2 до 3 ч. по полд., въ кв. г. Костовича, въ Спб., на Пескахъ (у Смольнаго монаст.), по Охтенск. просп., д. № 21. По этому же адресу слѣдуетъ адресовать и письма.

Кромѣ всего этого, принимаются для совѣщаній лица, прямо или косвенно заинтересованныя какими бы то ни было техническими вопросами; а также Техническая и Строительная Контора принимаетъ на себя всестороннюю административно-техническо-хозяйственную разработку и конструированіе новыхъ техническихъ прозотовъ, предпріятій (discretion гарантируется); притомъ, ради возможно болѣе широкихъ удобствъ сношенія съ производителями матерьяловъ, контора не отказывается и отъ агентуры всевозможныхъ техническихъ предметовъ, равно беретъ на себя представительство корабельныхъ верфей и машинныхъ фабрикъ, обладая лестнымъ довѣріемъ извѣстныхъ фирмъ. Располагая, кромѣ свѣдѣній о современномъ состояніи общетехническихъ новѣйшихъ конструцій, еще и многими производственными способами и политехническими секретами, лично выработанными г. Костовичемъ, авторомъ шестнадцати капитальныхъ изобрѣтеній, примененныхъ къ дѣлу здѣсь и за границей, и имѣя по всемъ отраслямъ техники инженеровъ-специалистовъ въ числѣ сотрудниковъ и помощниковъ, Техническая и Строительная Контора Костовича имѣетъ возможность производить всѣ вышесказанныя работы согласно съ новѣйшими, самыми изысканными требованіями. Пріемъ лицъ, исключая праздниковъ, ежедневно отъ 2 до 3 ч. по полд., въ кв. г. Костовича, въ Спб., на Пескахъ (у Смольнаго монаст.), по Охтенск. просп., д. № 21. По этому же адресу слѣдуетъ адресовать и письма.

*) Гдѣ уже сосредоточилась значительная сумма для этой цѣли. № 2506 3-1

40 РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЬСЕНЪ,

собранных **ФИЛИПОВЫМЪ**, гармонизованных и для одного голоса съ фортепиано положенныхъ

Н. А. РИМСКИМЪ-КОРСАКОВЫМЪ.

Въ сборникѣ находятся между прочимъ пьсенями:

Алексеѣ Божій человекъ, Лазарь, Егорій храбрый, Голубиная книга, Поминальная, Заздравная, Былина пѣтая Рабичинимъ, Вапюша—ключавикъ, Какъ Донской казакъ велъ коня поить и т. д. Одиночныя, хорыны, хороводныя и плясовыя пьсеня.

Цѣна 2 рубля.

Москва, у **П. ЮРГЕНСОНА.**

10, Неглинный провадъ (уголъ Кузнецкаго моста).

С.-Петербургъ у **И. ЮРГЕНСОНА,**

В. Морская, 9.

Варшава у **Г. Зенневальда, Медола, 2.**

Ц. № 2507 3—1

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

послѣ приостановки будетъ выходить съ 17 Марта с. г.

Подписчикамъ, получившимъ „Русскія Вѣдомости“, будетъ высылаться съ 17-го Марта с. г. „Русскій Курьеръ“.

Подписка принимается на прежнихъ условіяхъ, въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина.

Подписывающіеся съ 17 Марта с. г. приплачиваютъ за полгода 50 к.

Подписной просятъ посылать въ видахъ своевременной высылки газеты.

№ 2501 5—1

Пріютъ для роженницъ

со всѣми удобствами. Пушкинская улица, д. № 20, квар. № 7. № 2498 3—1

! ГИМНАЗИСТАМЪ !

за 5 почтовыхъ марокъ (по 7 коп.) немедленно выслано во всѣ города Россіи: **ПРОШЕЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ**, состоящій изъ 23 раскрашенныхъ географическихъ двучинскихъ и Бюбчинскихъ картъ, въ изящномъ переплетѣ. Тамъ же продается интересный подарокъ для дѣтей и взрослыхъ—игра Добчинскій и Бюбчинскій, въ которой также фигурируютъ: Хлестаковъ, Ноздревъ, Собакевичъ, Пѣтухъ, Плюшкинъ, Чичиковъ и Коробочка. При игрѣ предлагается премія и объясненія на Русск., Франц. и Нѣмецк. яз. Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія: Б. И. Шайнвигу, Коломенская, д. № 1, кв. 27, С.-Петербургъ, а также и во всѣ магазинныя игръ СІВ—га в Москвѣ. № 2502

МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ ПЕЧАТАЮТЪ

КАРТИНЫ,

собственнаго изданія, крайне дешево для

Издателей!

Торгующихъ!

Экспортеровъ!

Новый иллюстрирован. каталогъ гратиесъ и франко.

Соответственныя золотыя рамы и каймы по фабричнымъ цѣнамъ.

Карль Клаулишъ. (CARL KAULISCH).

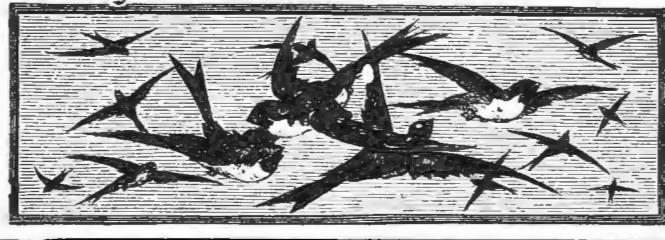
Берлинъ С. ул. Гриммъ № 7а.

(Berlin S. Grimmstr. 7a Deutschld.)

Институтъ для хромолитографа и печатанія. № 2489 10—2

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШ МОРСКАЯ, № 9.

Обращитъ виньетокъ по рис. Н. Каразина, помѣщенныхъ въ началѣ каждой главы романовъ.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ давно уже ожидаемая читателями книга:

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ, **ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.**

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“.)

Напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ, С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. иногород. 3 р. 50 к.

въ красивомъ каленкоромъ переплетѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ новымъ подписчикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтерьянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ приобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустимъ имъ это новое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 руб.; въ каленкор. переплетѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ Больш. Морской, д. № 9; и въ МОСКВѢ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у **Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ**, въ Петровск. линіи.—а также можно найти эту книгу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Означенная уступка дѣлается только лицамъ, явившимся съ требованіями въ главную контору редакціи въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская, № 9, или въ отдѣленіе „Нивы“ у **Н. Н. Печковской**, въ Москвѣ.

Лестные отзывы объ этомъ романѣ при печатаніи ея въ „Нивѣ“ 1882 г. и громадное число требованій, поступившихъ къ намъ уже за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода этого отдѣльнаго изданія—даютъ намъ право надѣяться, что книга эта получитъ широкое распространеніе и будетъ читаться съ удовольствіемъ. Интересъ ея содержанія и мастерство разсказа ручаются за это.

Весь циклъ этой коллекціи историческихъ разсказовъ о **поколѣніи Горбатовыхъ** состоитъ пока изъ трехъ романовъ, а именно: 1) „Сергѣй Горбатовъ“ (уже вышедшій въ прошломъ 1882 году отдѣльнымъ изданіемъ), 2) „Вольтерьянецъ“ (въ шедшій нынѣ) и 3) „Старый Домъ“, который будетъ напечатанъ въ „Нивѣ“ 1883 г.

Поэтому мы рекомендуемъ **МНОГИМЪ ТЫСЯЧАМЪ НОВЫХЪ** подписчиковъ на „Ниву“ 1883 года, которые получаютъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ „Нивѣ“ для чтенія третье продолженіе этого цикла романовъ, „СТАРЫЙ ДОМЪ“, чтобы имѣть полную коллекцію историческихъ разсказовъ **Всеволода Соловьева**, касающихся **поколѣнія Горбатовыхъ**,—**ПРИБРѢСТИ**, кромѣ выше публикованнаго изданія „Вольтерьянецъ“, и начальный романъ, подъ заглавіемъ:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, **ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.**

Напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 672 страницъ in 8°. СІВ. 1882. Цѣна сброшюр. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 к.

въ красивомъ каленкор. переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп.

Событія жизни героя романа, Сергѣя Горбатова, чрезвычайно любопытныя, его отношенія къ **Екатеринѣ Великой**, къ **цесаревичу Павлу**, къ любимцу Императрицы **Екатерины**, графу **Зубову**, присутствіе героя при страшныхъ сценахъ французской революціи и т. п.—дѣлаютъ этотъ романъ однимъ изъ интереснѣйшихъ по содержанію произведеній современной литературы.

Для **НОВЫХЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“** на 1883 г., желающихъ приобрѣсти **ОДНОВРЕМЕННО** оба романа: „Сергѣй Горбатовъ“ и „Вольтерьянецъ“, дѣлается значительная уступка, а именно: за обѣ книги: сброшюров. вмѣсто 6 р. за 4 р. 50 к.; съ перес. вмѣсто 7 р. за 5 р. 50 коп.; въ каленкоромъ переплетѣ вмѣсто 8 р. за 6 р. 50 к., съ перес. вмѣсто 9 р. за 7 р. 50 к.—Но уступка эта дѣлается только при обращеніи прямо въ контору редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская, № 9, или въ отдѣленіе „Нивы“ въ Москвѣ, у **Н. Н. Печковской**, въ Петровск. линіи.

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья пеленъ на всякой матеріи и блѣзъ. Цѣна 3 р. съ перес. Продажа оптомъ и въ розницу **И. ВАКОНЪ** № 9. Гороховая ул., д. Лембе, кв. № 8, въ С.-Петербургѣ. № 2505 2—1

ПРОИЗВЕДЕНІЯ РАЗСМОТРѢНЫ И РАЗРѢШЕНЫ СІВ. ВРАЧЕБН. УПРАВЛЕНІЕМЪ

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода **де-Лисъ де-Нинонъ** придаетъ кожѣ блѣдану и прозрачность, предохраняетъ ее отъ загара, красноты, прыщей и проч. Необходимо вѣчно противъ наклонныхъ трещинъ и для освѣженія кожи, разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтвомъ она лучшее средство отъ загара и воспаленія, вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш. флак. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де-Нинонъ и рекомендуется преимущественно лицамъ, употребляющимъ **Кольдъ-Кремъ**, котораго онъ превращаетъ въ качество. Цѣна за банку 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де-Нинонъ. Необходимое дополненіе къ водѣ или **Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ** и замѣняющая всѣ другія пудры. Цѣна за коробку 75 к. съ пер. 1 р.

Ц. за кор. съ пуховкою 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На **Невскомъ просп.**, въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, и у **Аничкова моста**, д. № 66.

На **Вознесенскомъ просп.**, уголъ **Казанской ул.**, № 18—54, домъ **Шредера**.

Оптовая продажа и отправка почтовой въ **Конторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи**, по **Измайловскому просп.** № 21, собств. домъ **Описаніе** и способъ употребленія высылается по желанію безплатно. Р. № 2262 3—3

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

ИЗЪ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА,

какъ-то: старинныхъ, золотыхъ эмальированныхъ табатерокъ, вазъ, кубковъ и бокаловъ изъ тозаа или камней въ золотой оправѣ, старинныхъ серебряныхъ вещей, какъ-то: ирружень, бокаловъ, кубковъ, группы и фигуръ, вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Письменно или лично обращаться въ **Москву**, г-ну **ЛУДОВИКУ БЕНЪ**, Петровка, домъ **Пенскаго**, противъ **Петровской аптеки**. № 2278 0—0

Свѣжія сѣмена

огородныя, цѣтчныя, травныя, лѣбныя и прочія въ большомъ запасѣ въ сѣменной торговлѣ **А. Ушанова** въ С.-Петербургѣ, **Большая Конопшанная, д. № 1**. Подробный прейсъ-курантъ высылается по требованію. № 2477 3—3

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

журналъ, посвященный исторіи южной Россіи. Годъ второй (1883).

Выходитъ въ Кіевѣ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе листовъ. По временамъ прилагаются изображенія историческихъ южнорусскихъ дѣятелей и памятниковъ южнорусской старины.

Цѣна годовому изданію въ 12 книгъ, съ приложеніями 10 р. съ пересылкою внутри имперіи; на заграничную пересылку прибавляется 1 рубль.

Подписка на 1883 г. продолжается. Подписавшіеся на 1882 г. по той же цѣнѣ получаютъ сразу всѣ 12 книгъ.

Адресъ: **Кіевъ**, въ редакцію „Кіевской Старины“, **Софійская площадь**, д. **Савастьянковой**. № 2503 2—1

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за иск. ючен. Московск.) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина **К. Е. Киселева** въ Москвѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ
№ 10

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 мод. рис. и выданы 6 Марта 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис., разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для за гран.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линия 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при „Н И В Ъ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячь, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1883 г., съ 18 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 25 выкройками въ натуральную величину и 14 рисунк. вышивальныхъ, ажурныхъ работъ.

А. О. Шарлемань.

Имя А. Шарлемань уже болѣе четверти вѣка извѣстно знатокамъ отечественнаго искусства. Жанристъ и баталистъ, онъ въ тоже время превосходный рисовальщикъ, обладающій вкусомъ, изяществомъ и безукоризненно правильнымъ карандашомъ. Собственно говоря, въ карандашныхъ и акварельныхъ рисункахъ онъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ живописи масляными красками. Мы не знаемъ, кто бы кромѣ Зичи могъ конкурировать въ строгомъ вкусѣ формъ и лина съ карандашомъ Шарлеманя.

Адольфъ Осиповичъ Бодэ-Шарлемань (Adolphe Joseph Baudet — Charlemagne) — уроженецъ Петербурга. Получивъ первое образованіе въ Петропавловской нѣмецкой школѣ, онъ поступилъ въ годъ своего совершеннолѣтія (въ 1847 году), въ Академію Художествъ. Здѣсь онъ былъ зачисленъ въ ученики профессора Виллевалда, по классу батальной живописи, и

Профессоръ А. О. Шарлемань. Съ фот. грав. Ю. Барановскій.

черезъ шесть лѣтъ былъ удостоенъ малой золотой медали за картину „Дѣло при Карлбургѣ“, во время Венгерской кампаніи. Въ 1855 году онъ конкурировалъ на первую медаль и получилъ ее за композицію „Суворовъ на С. Готардѣ“, былъ отправленъ на счетъ государства за границу. Проживая тамъ, то въ Мюнхенѣ, то въ Парижѣ, онъ занялся картиной „Послѣдній ночлежъ Суворова въ Швейцаріи въ 1799 году.“—Картину эту онъ прислалъ въ Петербургъ, и былъ призванъ за нее академикомъ. Проживъ на западѣ свои шесть лѣтъ пенсіонерства, онъ въ 1861 году воротился въ Россію, и въ 1867 году написалъ новую картину „Екатерина II въ мастерской Фальконега“ — получилъ профессорское званіе. Затѣмъ получивши мѣсто придворнаго художника, онъ почти оставилъ живопись и занялся мелкими акварелями, которыя онъ, какъ сказано выше, выполняетъ превосходно.

„Екатерина у Фальконега“ составляетъ собственность Государя

Императора. Академія обладает только одним плафономъ въ залѣ бюстовъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Генкель, въ своемъ журналѣ, помѣстивъ рядъ гравюръ на стали съ рисун-

ковъ Шарлеманя на сюжеты изъ русской исторіи. Гравюры эти пользуются очень значительной популярностью, и между ними найдутся дѣйствительно очень хорошія вещи.

На морскомъ берегу.

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

V.

Не смотря на то, что князекъ принадлежалъ къ числу отставныхъ жрецовъ Марса, паденіе и выстрѣлъ его оглушили порядкомъ, и онъ долго не могъ оправиться, когда мы зашагали съ нимъ обратно по направленію къ городу. Насъ обогналъ уже у самаго вѣзда Шнейдеръ,—онъ уѣхалъ въ коляскѣ съ дамами, сидя бочкомъ на узенькой передней скамейкѣ, и посылая намъ воздушные поцѣлуи ручкой.

Когда мы пришли въ гостинницу, онъ былъ уже тамъ, и ждалъ насъ.

— Съ вами всепремѣнно желаетъ познакомиться семейство Роговыхъ,—заговорилъ онъ, съ восторгомъ пожимая наши руки.

— Какихъ Роговыхъ? изумились мы.

— А этой-же дамы, съ которой я ѣхалъ;—видали какова дочка? На щечкахъ ямки, глаза, съ позволенія сказать, какъ молнія. Тѣ есть мое старинное знакомство,—имъ очень скучно, и они меня покорнѣйше просили, чтобы я попросилъ васъ поскучать съ ними вмѣстѣ. Я сказалъ, что привезу васъ сегодня вечеромъ...

— Напрасно, я не поѣду,—возразилъ я.

— Зачѣмъ?

— Да затѣмъ, что я завтра чѣмъ свѣтъ ѣду въ Бахчисарай, и потому ложусь въ девять часовъ спать.

— Оставьте, потомъ съѣздите.

— Нѣтъ,—ужь я такъ рассчиталъ, что завтра надо ѣхать, ну и поѣду...

— От-то, какой! Ну, вотъ князь поѣдетъ.

— Да, дочка-то хорошенькая? прищурился онъ.

— Венера таврическая,—засмѣялся въ отвѣтъ Шнейдеръ, очевидно очень довольный своей остротой.—Образованная дѣвица, на четырехъ языкахъ разумѣетъ... да нѣтъ-же,—на шести языкахъ: по итальянски, по польски, по англійски...

И онъ началъ, загибая пальцы, пересчитывать достоинства дѣвицы.

— Вы куда? внезапно обратился онъ ко мнѣ, увидѣвъ, что я направляюсь къ двери.

— Купаться.

— А! такъ и мы-жъ идемъ! Князь, берите про стынку, покувыркаемся въ водѣ!

Я не оглядываясь пошелъ, чуть не побѣжалъ отъ нихъ. У купальни они меня догнали.

— Тутъ надо быть осторожнѣе,—таинственно говорилъ намъ Шнейдеръ: деньги того и гляди вытащатъ, пока въ водѣ сидишь. Вы лучше оставьте бумажники въ касѣ. Дайте я отдамъ кассиру.

Но я ему не далъ. Онъ взялъ бумажникъ отъ князя и отнесъ въ кассу.—Экая роскошь, экая прелесть! фыр-калъ онъ, погружаясь по маковку въ соленую, густую воду.—А-ахъ, какъ хорошо послѣ трудовъ праведныхъ! А-ахъ!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ часа, когда, наконецъ, они уѣдутъ. Гроденскій помѣщикъ ходилъ за мной весь день по пятамъ. А за нимъ какъ тѣнь маячился князекъ. Признаюсь, я былъ готовъ сбѣжать не только въ Бахчисарай, но даже назадъ, въ золотушный Петербургъ.

Наконецъ они уѣхали. Шнейдеръ еще разъ звалъ меня, увѣряя, что это очень образованное семейство, но я не поддавался на его увѣренія. Онъ словно обидѣлся на меня: вы, дескать, не довѣряете моимъ рекомендаціямъ. Но я ему предоставилъ полное право обижаться, какъ ему только будетъ угодно.

Мнѣ онъ ужасно не нравился, и главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что едва-ли онъ былъ гроденскій помѣщикъ, да еще съ двѣнадцатью тысячами дохода, какъ это онъ успѣлъ мнѣ заявить черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего знакомства. Онъ, правда, носилъ тонкое бѣлье, отличные золотыя часы, и даже алмазныя запонки (это въ дорогѣ-то!), говорилъ, что у него много аристократическихъ знакомствъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ принятъ, какъ свой,—и въ тоже время мылъ руки только утромъ, ѣлъ рыбу ножомъ, и кидалъ спички на полъ. Меня особенно возмущало послѣднее. Это самый характерный признакъ, во первыхъ—нелюбви къ порядку и чистотѣ въ комнатѣ, а во вторыхъ,—привычки къ отсутствію подъ ногами ковровъ, на который ужь конечно не бросишь тлѣющей спички. Онъ кашлялъ и плевалъ гдѣ попало, рѣзалъ сыръ толстѣйшими, такъ называемыми „пошовскими“ ломтями, спалъ чуть не три часа послѣ обѣда,—а главное, говорилъ, что онъ богатъ, и съ хорошими связями. Въ комнатѣ онъ у меня ужасно навинилъ, оставлялъ на комодѣ стаканы изъ-подъ лимонада, стряхалъ всюду сигарный пепелъ, разбрасалъ по столамъ гребенки съ поломанными зубцами.

Князекъ былъ несравненно сносите. Пока онъ не пилъ, онъ былъ достаточно милъ, умѣренно разговорчивъ, и въ концѣ-концовъ самъ отлично сознавалъ свои недостатки. Я понималъ, почему пассажиры не составляли протокола, и не высадили его гдѣ нибудь въ татарской деревушкѣ: онъ былъ слишкомъ хорошій малый для этого. Онъ чувствовалъ, что жизнь у него давно выбилась изъ колеи и идетъ невыносимыми толчками. Онъ ничего не хотѣлъ, ни къ чему не стремился, всѣми силами желая только, чтобы его невольные скандалы не получали огласки. Особенно ему было обидно, когда какой-то московскій листокъ напечаталъ исторію о томъ, какъ онъ побилъ въ какомъ-то загородномъ саду буфетчика за то, что подали тухлые анчоусы, и въ буфетѣ не оказалось рофора. Дѣло, конечно, кончилось безъ всякихъ мировыхъ судей, но газетный репортеръ, подвернувшийся свидѣтелемъ, которому князекъ позабылъ заплатить, тотчасъ-же напечаталъ подробное описаніе скандала въ „Хроникѣ“ на первомъ мѣстѣ, назвавъ его „возмутительнымъ самоуправствомъ.“—Князекъ едва не заболѣлъ съ отчаянія, въ тотъ-же вечеръ напился, и побилъ въ томъ же саду злосчастнаго репортера, за что и отсидѣлъ сколько то времени въ заключеніи.

Я, во всякомъ случаѣ, былъ въ восторгѣ отъ мысли, что завтра большую часть дня я проведу одинъ, въ осмотрѣ Бахчисарая, но увь! моимъ надеждамъ не суждено было сбыться...

VI.

Изъ три часа ночи явились мои сожители, оба навсели, и объявили, что они тоже ѣдутъ въ Бахчисарай, и Роговы,—и мамаша, и дочка,—тоже. Князекъ былъ очень доволенъ знакомствомъ, восхищался Стасей (такъ звали дочку), говорилъ, что пріятно время провелъ, и все сожалѣлъ, что меня не было. Шнейдеръ все прикидывался обиженнымъ, и ворчалъ про себя:

— Господи, поганые мы, что-ли, какіе, что и знакомства-то съ нами нельзя водить. Вотъ съѣздите съ нами, увидите, что это за превосходные люди.

И мнѣ, дѣйствительно, пришлось поѣхать, пришлось увидѣть, что это за превосходные люди.

Рано утромъ мы были на дебаркадерѣ. Роговы были уже тамъ. Мамаша вблизи имѣла совсѣмъ непопозительную физиономію: толстый носъ грушей, маленькіе, заплывшіе жиромъ глазки, животныя толстыя губы, двойной подбородокъ, и на лѣвой щекѣ бородавка съ кустикомъ сѣдыхъ волосъ. Чесалась она пренахально, проборъ съ боку, гребенка тоже на боку. Одѣта была какой-то распускней, безъ корсета,—руки въ заштопаныхъ матенкахъ. За то дочка была и въ правду интересна. Продолговатое болѣзненное личико; сама стройная, гибкая, съ волнами волосъ по плечамъ,—ну ни дать ни взять портретъ молоденькой англичанки, которыхъ сотнями художники пишутъ въ Лондонѣ и Парижѣ ежегодно. Мамаша меня чуть не приняла въ объятія.

— Вы насъ избѣгаете, а мы насильно навязываемся къ вамъ въ знакомство. Августа Павловна Рогова,—она чуть не присѣла, и улыбаясь показала два ряда черныхъ, гнилыхъ зубовъ.—Моя дочь, Настя.

Настя протянула мнѣ руку и пожала нѣсколько крѣпко для дѣвицы.

— Ужасно рада, что наше знакомство совершается при такой поэтической обстановкѣ,—продолжала трещать мамаша. Ужасно рада.

— То есть какая же поэтическая обстановка? возразилъ я, оглядываясь на тюки и чемоданы, которыми былъ переполненъ вокзалъ, и припахиваясь къ запаху кожи, дыма и масла, которымъ былъ насыщенъ воздухъ...

— А какъ-же,—фонтанъ слезъ! восторженно отвѣтила она, даже слегка припрыгнувъ на пяткахъ. Фонтанъ воспѣтый Пушкинымъ.

Опасаясь, чтобы она не вздумала декламировать при кондукторахъ стихи, я предложилъ взять билеты. Она вынула грязную десятирублевку, и попросила—нѣсколько въ носъ—взять для нея и для дочери два билета первого класса.

Когда мы помѣстились на грязныхъ, переполненныхъ паразитами бархатныхъ подушкахъ, ш-ше Рогова обязательно усѣлась противъ меня, очевидно съ цѣлью занимать. Книзекъ расположился на отдѣльномъ диванѣ рядомъ со Стасей, а Шнейдеръ какъ ввалился въ вагонъ, такъ и захрапѣлъ.

— Мы путешествуемъ съ дочерью, повѣствовала Августа Павловна,—но Боже мой, какая скука! Мы обѣхали Кавказъ и Крымъ, теперь ѣдемъ въ Варшаву,—мы тамъ живемъ постоянно. Стасю очень развлекло путешествіе, но меня оно только утомило. Все это мною видано, да и перевидало. Я столько лѣтъ жила въ Парижѣ и въ Италіи, что право эти Пятигорски и Ялты меня не интересуютъ. Стася веселилась очень. Былъ домашній спектакль; она играла главную роль съ громаднымъ успѣхомъ, и была рада за нее. Теперь я стремлюсь домой, хочу отдохнуть. Но вотъ теперь мнѣ представился случай увидеть фонтанъ слезъ, и я не могу не воспользоваться. Я такая почитательница стиховъ...

И больше смотрѣлъ въ окно, старался молчать...

— Ахъ, это кажется Инкерманъ, волновалась она.— Стася, Стася, смотри—вотъ Инкерманъ. Это пещеры, въ которыхъ жили генуэзскіе монахи, во время владычества римской имперіи. Здѣсь они отстрѣливались отъ скивоовъ,—помнишь, мы все это читали въ указателѣ по Крыму. Я всегда готовлюсь къ путешествію,—продолжала она,—и набираюсь тѣми свѣдѣніями, которыхъ не даетъ образованіе. Что же дѣлать—весь вѣкъ приходится учиться. Весь вѣкъ стараться совершенствоваться. Прогрессъ такъ свойственъ человѣчеству...

Все это говорила она залпомъ, словно стрѣляла изъ картечницы. Она размахивала руками, сопѣла носомъ, и буквально обливалась отъ жара.

— Я сочувствую прогрессу, и не могу не сочувствовать,—волновалась она, ерзая на диванѣ,—вы знаете,

и вѣдь красная, совсѣмъ красная! Меня даже нашъ полиціймейстеръ въ шутку всегда называлъ „специалисткой“,—ахъ, говорить, вы „специалистка?“... Вы знаете, я даже была знакома съ...

Она таинственно наклонилась ко мнѣ и сказала какую-то фамилію.

— Это кто-же такой?

Она всплеснула руками.—Вы не знаете, кто это? вы? Да это святотатство, вы, извините меня,—алеутъ! Кто-же его не знаетъ. Онъ теперь всѣмъ воротить въ Лондонѣ. Прежде жилъ въ Швейцаріи, по потомъ переселился въ Англію: знаете, болѣе удобенъ какъ центръ. Онъ оттуда и руководить. Это апостолъ новой вѣры. И какъ онъ говоритъ! увлекательно съ жаромъ.—Такъ, знаете и брызжетъ, и брызжетъ краснорѣчіемъ,—у насъ его самоваромъ звали... Вы знаете,—вотъ и теперь, здѣсь, у насъ есть два-три знакомыхъ изъ скрывающихся... Если зайдете къ намъ—увидите...

Въ эту минуту поѣздъ влетѣлъ въ туннель, сразу сдѣлалось темно, хоть глазъ выколи. Слышно было только глухое рокотаніе колесъ, да въ открытыя окна рвался ѣдкій, перемѣшанный съ золою дымъ.

— Ахъ, какъ это ужасно, что здѣсь не зажигаютъ огня, продолжала ш-ше Рогова.—Каково дамѣ, одинокой, безъ кавалера въ такой тьмѣ! Вѣдь это ужасъ что такое. Такой тьмы я еще никогда не видывала... И какъ длинно это... Знаете,—вотъ я думаю, въ аду совершенно также.

Понемногу въ вагоны стали пробиваться отдаленные голубоватые проблески дневнаго свѣта, стало возможнымъ различать контуры грузной фигуры моей собесѣдницы. Потомъ выдѣлился носъ, бородавка съ кустикомъ. Глаза долго не хотѣли вырисовываться, и выяснились уже на полномъ свѣту.

Отъ рѣзкаго перехода отъ густаго мрака къ яркому южному солнцу и блеску роскошной крымской природы, стало даже больно въ глазахъ. Шнейдеръ храпѣлъ по прежнему;—но у князя со Стасей что-то случилось. Она сконфуженная, красная пересѣла на диванъ къ матери, а онъ отвернувшись разглядывалъ что-то на горизонтѣ... Мать не обратила на это ни малѣйшаго вниманія, хотя посмотрѣла и на дочь, и на князя.

VII.

Узкія, грязныя улицы Бахчисарая, кипѣли народомъ. Старыя балюстрады и балконы нависали со всѣхъ сторонъ надъ нами. Пестрые халаты, желтыя туфли, фески, чалмы,—все это ужасно не гармонировало съ нашими колясками, платьями и пенс-не. Чувствовалось то неловкое положеніе, которое долженъ испытывать актеръ, вышедшій на сцену въ куцкомъ сѣромъ пиджакѣ, съ папирсой въ зубахъ, вмѣсто римской тоги, или монашеской рясы. Было какъ-то стыдно со стороны вторгаться въ совершенно чуждую намъ жизнь, мѣшать занятымъ людямъ ради какого-то совершенно празднаго и безцѣльнаго любопытства. А мы именно вторгались. Коляски наши шагомъ двигались среди дѣловаго люда, а вокругъ насъ, тутъ же, въ открытыхъ лавочкахъ, бойко шла жизнь. Тутъ мяли кожи, шили туфли, шаровары, брили головы, продавали мясо, курили трубки, пили кофе, говорили о политикѣ. На насъ, къ счастью, никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Старики даже головы не поднимали при нашемъ проѣздѣ...

— Что за странная барышня,—шепнулъ мнѣ князь, когда мы доѣхали до ханскаго двorca, блестящаго на солнцѣ вышками своихъ мечетей и минаретовъ, и вылѣзли изъ экипажей.—И поцѣловалъ ее, когда мы въ туннель то влѣхали,—думалъ, что она мнѣ плюху закатитъ,—а она хоть бы что...

Онъ въ недоумѣніи пожалъ плечами, и мы пошли по гладкому, усыпанному пескомъ двору, отыскивая входъ во дворецъ и проводника. Скоро нашлось то и

Литературный альбомъ. „Агасеръ“, поэма Мозена. Съ картины Марра, грав. Бонгъ.

другое. Шнейдеръ началъ махать руками и восторгаться. Ему вторила и во всемъ съ нимъ соглашалась m-me Рогова. Стася, напротивъ, относилась къ нему съ какимъ-то затаеннымъ недоброежелательствомъ. Но ихъ отношеніямъ видно было, что они дѣйствительно очень давно знакомы, что онъ знаетъ еще Стасю дѣвочкой, а потому прощалъ ей все ея колкости и грубости. Князекъ опять сталъ ходить вокругъ нея; она смѣялась съ нимъ, весело поглядывая то на него, то на меня своими темно-синими, блестящими глазками.

— Какъ хорошо здѣсь,—говорила она, когда мать и Шнейдеръ ушли настолько впередъ, что не могли ее слышать.—И такъ давно не была загородомъ, что сегодняшняя прогулка для меня большое наслажденіе.

— Такъ вы давно уже живете здѣсь? спросилъ я.

— Мѣсяца полтора. Ужасная скука. Гости, что у насъ бывають, совсемъ не интересные.

— А тотъ генеральчикъ, что я у васъ вчера видѣлъ? возразилъ князь.

— Ну, что же, это старикъ въ парикѣ, и усы у него крашенные, наивно отвѣтила дѣвочка.—Да и что же это за гость.

— Вы только что на Кавказѣ были? спросилъ я.

— Нѣтъ,—отчего вы это спрашиваете?

— Да мнѣ... началъ было я, и не кончилъ, подавленный разнообразными мыслями...

— Мы сюда прямо изъ Варшавы,—продолжала она. Мамаша все хотѣла ѣхать на Кавказъ, до вотъ пана денегъ не высылаеть. Онъ въ Варшавѣ служить, только онъ совсѣмъ русскій. Мама не живетъ съ нимъ, но онъ выдаетъ ежемѣсячно деньги на нее и на меня. А теперь вотъ не высылаеть, и мы въ ужасномъ положеніи.

— То есть какъ денегъ нѣтъ? прямо поставилъ вопросъ князекъ.—А какъ же я вчера вашей матушкѣ около ста рублей проигралъ?

— Да вѣдь вы кажется проиграли Шнейдеру?

— Тому четыреста само собой.

Стася закусила губу и нахмурилась. Лицо ея стало строго, глаза получили какой-то угрюмый блескъ, на щекахъ заиграли румянцы.

— Хорошо, что вы мнѣ сказали,—задумчиво проговорила она. А я и не знала.

Она замолчала, и ускорила шаги. Я догадался съ кѣмъ меня свела судьба: барыня—аферистка, не живущая со своимъ мужемъ, эксплуатирующая свою дочь подбиваніемъ жениховъ, и живущая на счетъ ихъ. Явленіе очень частое у насъ. Мнѣ захотѣлось убѣдиться, на сколько я правъ, и я рѣшилъ непременно побывать у нихъ на квартирѣ.

Мы шли по заламъ, расписаннымъ пестрымъ письмомъ какого-то судальскаго маляра. Проводникъ изъ отставныхъ солдатъ, точно намъ панораму показывалъ. А вотъ, извольте посмотрѣть, въ этой комнатѣ, послѣ кунанья, ханъ доклады слушалъ, трубки покуривалъ. А здѣсь въ угловой, ханъ своихъ женъ принималъ,—каждую поочередно.—очень хороша комната...

„Фонтанъ слезъ“ не вполне удовлетворилъ m-me Рогову, тѣмъ болѣе, что въ сущности никакого фонтана и не было, а просто изъ стѣны бѣжала струйка холодной, чудесной на вкусъ воды. Я успокоилъ ее тѣмъ, что когда Пушкинъ посѣтилъ Бахчисарай, тогда изъ ржавой трубки еле сочилась вода, а теперь водопроводъ исправленъ, а потому фонтанъ еще болѣе имѣетъ привлекательный видъ чѣмъ прежде.

— Нѣтъ, это все не то, съ грустью замѣтила она. Я думала, что онъ въ саду, въ родѣ петергофскаго фонтана какого нибудь... А это что-же — просто стѣна.

Сады одалисокъ удовлетворили ее гораздо больше: она даже на память набрала дикихъ каштановъ. Гроденскій помѣщикъ тоже развеселился, и внезапно прошелся колесомъ по аллеѣ, къ общему удивленію и неожиданности.

— Я вѣдь отличный гимнастъ, пояснилъ онъ,—и въ доказательство предложилъ пощупать мускулы. Каковы,—а? Я нарочно занимался много лѣтъ гимнастикой,—очень полезно.

Мы все для чего-то поочередно пощупали его мускулы.

Мнѣ пришло въ голову, что его гимнастическія способности дѣйствительно должны служить ему на пользу: иначе много-бы разъ его били; по крайней мѣрѣ его физиономія такъ и напрашивалась на битье...

Онъ до того расходился, что приди на ханское кладбище началъ выдѣлывать необычныя антраша. Его даже князекъ остановилъ, найдя это неприличнымъ: все таки усыпальница царей. Но Шнейдеру было все равно: онъ былъ въ такомъ настроеніи, что не смутился-бы и въ преисподней...

VIII.

Отъ его кривляній стало невыразимо гадко. Это чудное, поэтическое кладбище, все въ розахъ, увитое стѣнами винограда, со своими бѣлокаменными монументами въ чалмахъ, дышало невыразимой прелестью. Все разрослось, силелось, разливалось вокругъ пышный аромать. Голубыя тѣни полосами ложились по травѣ. Мулла, отворявшій намъ калитку, зло хмурился. Стася вдругъ повеселѣла, и звонко хохотала. Смѣхъ ея, ударяясь о стѣну, гулко разносился надъ мирными могилами, давно уже (а можетъ быть и никогда) не видавшими такого веселья.

— Здѣсь-бы хорошо пообѣдать,—сообразилъ князекъ. Одинъ изъ саркофаговъ вмѣсто стола,—прекрасно...

— О, какъ вы прозаичны.—затянула m-me Рогова: среди такой природы, и вы остаетесь нечувствительны...

Но и она сама, кажется, гораздо болѣе говорила, чѣмъ чувствовала. На ея лицѣ такъ и было написано: а хорошо-бы пообѣдать: этакой какой нибудь бараній бокъ съ кашей. Тѣмъ не менѣе она урезонивала князя, ни дать ни взять монологу говорила изъ французской мелодрамы.

— Терпѣніе, милый князь,—терпѣніе! Ужь мы у насъ дома пообѣдаемъ. Нельзя такъ поддаваться страстямъ,—страсти губятъ человѣка. Еще нѣсколько часовъ—и мы будемъ дома. Я заказала сегодня пироги: знаете, нашу русскую кулебяку?! Надѣюсь,—обратилась она ко мнѣ,—вы не откажете раздѣлить съ нами нашу трапезу.

Я отвѣчалъ согласіемъ.

— Не думайте, что будетъ что нибудь особенное. Пирогъ, супъ, кефаль, дичь и мороженое...

По высреннему тону, съ которымъ было это сказано, ясно было видно, что такое тепле у нихъ далеко не каждый день, и сегодня очевидно обѣдъ званный.

— Я, знаете, люблю, чтобы все было просто и мило, продолжала она. Я врагъ всякой роскоши и излишества. Человѣкъ нуждается только въ необходимомъ комфортѣ—неболѣе.

Разсчитавъ нашихъ проводниковъ, причемъ мулла даже не поблагодарилъ за сунутую ему бумажку, мы вышли изъ дворцовыхъ воротъ. Рогова не безъ нѣжности оперлась мнѣ на руку.

— А что, князь, сегодня реваншъ хотите? сладко сощурясь спросилъ Шнейдеръ?

— Отчего-же нѣтъ,—равнодушно отвѣтилъ Тузлуковъ.

— Представьте, четыреста рублей вчера проигралъ,—сказалъ мнѣ гроденскій помѣщикъ.—стараясь сдѣлать изумленные глаза, для чего онъ ихъ пучилъ до невѣроятія.

— Все въ пикетъ?

— Все въ пикетъ. Можете представить, какъ ни сдамъ,—все себѣ восемь и восемнадцать. Даже стыдно мнѣ было...

— Вѣрно плохо тасуете?

Онъ отвернулся и ничего не отвѣтилъ.

— Сегодня отыграетесь, милый князь, говорила Августа Павловна, закатывая глаза горько. Вы ужасно рискуете, не надо так рисковать.

Я далъ себѣ слово внимательно слѣдить сегодня за игрой: я былъ твердо убѣжденъ, что это шуллеръ, и что Августа Павловна принадлежитъ къ числу такихъ особъ, которыя никогда не прочь за какіе нибудь сто рублей примкнуть къ мошеннической шайкѣ.

IX.

Приѣхали мы домой только къ семи часамъ, когда все уже къ обѣду переирило и испортилось. Роговы занимали очень хорошенькій уютный номеръ въ первомъ этажѣ, съ прекрасной мягкой мебелью, трюмо, портъерами, ковромъ. По срединѣ комнаты стоялъ накрытый несовсѣмъ чистой скатертью столъ, а по диванамъ и кресламъ сидѣли гости, которые не стѣсняясь расположились ждать возвращенія хозяевъ.

Рогова сейчасъ-же насъ познакомила: генераль Вѣдьминъ!

Маленькій, улыбающійся, коротко стриженный, съ черными крашеными усами, премиленькій генераль, щелкнулъ шпорами и пожалъ мнѣ руку.

Представленіе продолжалось.

— Господинъ Ивановъ, господинъ Сидоровъ, — о которыхъ я уже вамъ говорила...

Я взглянулъ на нихъ внимательно. Оба были тощіе, костлявые юноши, одѣтые въ какіе-то не то пиджаки, не то кудавейки. Лица ихъ были ужасно мрачны, и я бы могъ принять это выраженіе за какую нибудь зловѣщую рѣшимость, если-бы не зналъ навѣрно, что они разстроены долгимъ ожиданіемъ обѣда. Каждый изъ нихъ, по очереди, стиснулъ мою руку, сурово глянувъ куда-то въ сторону.

Генераль, напротивъ, былъ очарователенъ: онъ шаркалъ ножкой, брызгалъ слюнями, и все улыбался. Онъ поцѣловалъ у Стаси обѣ ручки, со вкусомъ смакуя каждый поцѣлуй, сказалъ: „а мы васъ ждали-ждали, и жданки потеряли“, — побѣжалъ въ уголъ, гдѣ лежала его фуражка, и принесъ оттуда коробку съ конфетами...

— Шоколадъ! многозначительно сказалъ онъ. Вашъ любимый.

— Merci, — улыбаясь отвѣтила Стася.

Онъ всхлипнулъ, и опять припалъ къ ручкѣ. Юноши свирѣпо уткнулись въ газеты.

— Я обиженъ, — лепеталъ наивно-дѣтскимъ голоскомъ Вѣдьминъ, — меня барышня обидѣла: не взяла съ собой...

— Да мы такъ скоро собрались, — оправдывалась Стася.

— Обиженъ! моталъ онъ головою, закрывая глаза.

За обѣдомъ болтали больше всѣхъ генераль и Шнейдеръ. Стася сидѣла рядомъ съ княземъ. Мать зорко поглядывала на обонхъ. Возлѣ меня сѣлъ не то Сидоровъ, не то Ивановъ (я ихъ тотчасъ-же перепуталъ). Онъ былъ довольно чистенькій, опрятный, съ бѣлыми, мягкими руками, и обкусанными въ кровь ногтями; ѣлъ онъ убійственно много, перегрызая съ трескомъ кости, и обильно посыпая солью каждое кушанье. Онъ молчалъ весь обѣдъ, и только когда уже насытился, и разговоръ зашелъ о свободѣ проживанія за границей безъ паспорта, — онъ внезапно замѣтилъ:

— Да и у насъ можно безъ паспорта.

— Это какъ-же? удивился генераль.

— Съ фальшивымъ.

— А вы по фальшивому живете? спросилъ внезапно князь.

— Нѣтъ, кажется по законному, — отвѣтилъ онъ, ни мало не смущаясь.

— Я всегда на легальной почвѣ стою, — заговорилъ Шнейдеръ, ударяя себя по лѣвому боку: вотъ тутъ всегда всѣ документы со мною, и по первому требованію всегда предъявляю.

— Ну, у васъ никто и не спроситъ, — васъ всякій будочникъ знаетъ, — замѣтилъ Ивановъ.

— Ахъ, какой языкъ, внезапно умилилась Рогова. Какой вы злой... Вѣдь вы знаете, — онъ съ Никифоромъ на одной квартирѣ жилъ, — обратилась она ко мнѣ.

— Съ какимъ Никифоромъ?

— Да вотъ, что я вамъ говорила, въ Женевѣ...

— Никогда я съ нимъ не жилъ, — ероша волосы заговорилъ Ивановъ. Я не понимаю, что вамъ за охота всегда вздоръ рассказывать.

Она нѣсколько опѣшила. Какъ, какъ, — да вѣдь я васъ у него сама встрѣчала?

— Ну да, я бывалъ у него каждый день — и только.

— Кто это Никифоръ? добивался я.

— Эмигрантъ, — отвѣтилъ Ивановъ, — старикъ, лекціи о социализмѣ въ Женевѣ читалъ, къ нему сентиментальныя дуры на поклоненіе ѣздили, ломались, — мы, дескать, либералки-патриотки...

Это уже было не въ бровь, а прямо въ глазъ. Августа Павловна вспыхнула и опустила глаза въ тарелку.

— Для нашихъ барынь первое дѣло — мода, — продолжалъ Ивановъ, — о тамъ, чѣмъ модничать: юбкой-ли, или идеей — имъ все одно. Только разница та, что въ юбкѣ хоть что нибудь смыслятъ, а ужъ въ отвѣченныхъ идеяхъ — ни уха, ни рыла... А туда-же ломаются: мы сочувствуемъ, — а кто ихъ сочувствія проситъ? Отодрать бы ихъ, да покрѣпче...

— Ну, вы полегче, mon cher, здѣсь дамы, — замѣтилъ Вѣдьминъ. У васъ необузданность выраженной часто переходитъ границы. Вы не умѣете себя держать въ извѣстной рамкѣ.

— Да я вѣдь не парисованъ, чтобы въ рамкѣ сидѣть, — я живой человекъ: всѣ физиологическія отправления совершаю...

— Ну, довольно-съ, — строго замѣтилъ генераль, опасаясь, чтобы онъ не сталъ при Стасѣ развивать подробности своихъ физиологическихъ отравленій.

Ивановъ что-то хрюкнулъ про себя, и съ ожесточеніемъ принялся за мороженое.

X.

Кончили обѣдать въ девятомъ часу, и сейчасъ-же принялись за чай. Шнейдеръ спросилъ бутылку финшампань, и сталъ поговаривать о картахъ, предлагая генералу сыграть въ мушкетъ. Генераль нахмурился, и тономъ, который совсѣмъ не шелъ къ нему, проговорилъ:

— Вамъ извѣстно, милостивый государь, что съ вами играть я не стану.

Шнейдеръ тихонько глянулъ на князя и на меня: не слышали-ли мы его словъ. Князь былъ далеко, — я сдѣлалъ видъ, что читаю газету. Онъ какъ-то съежился, и отошелъ.

— Гм... вы говорите, преступленіе, уголовное преступленіе! говорилъ князю Ивановъ. А вотъ, вы знаете, — я уголовное преступленіе разъ совершилъ, — и виновнымъ себя не считаю. Я изъ челоуѣколюбія по чужому паспорту экзаменъ держалъ.

— Вѣдь скажете, — изъ челоуѣколюбія! въ восторгѣ говорила Рогова.

— Изъ челоуѣколюбія, совершенно серьезно. У меня товарищъ былъ, изъ грузинъ, — тушица, но милѣйшій малый. Жилъ въ Москвѣ, женился. Нигдѣ не служилъ, способенъ ни на что не былъ, существовалъ на средства отца — тотъ сто рублей въ мѣсяцъ ему присылалъ. Потомъ узналъ, что сынъ женатъ — вдругъ взбѣсился. „Не буду, говоритъ, недоучкѣ денегъ посылать. Выдержи сперва экзаменъ на аттестатъ зрѣлости!“ А тотъ дальше четвертаго класса не шелъ. Что дѣлать, — хоть волкомъ вой. — Ну, я за него и выдержалъ.

— И обманъ не открылся.

— Нѣтъ: тогда карточекъ не прилагали къ документамъ... Ужъ очень я по богословію силенъ былъ: самого

попа сбиль. По математикѣ двойку получилъ, да латынь съ греческимъ вывезла. Ну, какое-же это преступленіе? Отецъ доволенъ, сынъ доволенъ, я доволенъ, начальство довольно. Аттестатъ лежитъ гдѣ-то въ столѣ,—а онъ на него по сту рублей въ мѣсяцъ процентовъ получаетъ. Говорятъ—уголовное преступленіе...

Сидоровъ позвенѣлъ ложечкой въ стаканѣ.

— Да вѣдь это кто говорить,—возразилъ онъ.— Постепеновцы. Ъздать по свѣту, да сентиментъ разводить.

— Стиллисты! смѣясь сказалъ князь, вспоминая свое московское наименованіе.

— Стиллисты! спокойно подтверждалъ Сидоровъ и обвелъ глазами комнату: ахъ, господа, какое бы было для міра благодѣаніе, если бы всѣхъ васъ вздернули на осину...

— И васъ въ томъ числѣ,—безпокойно спросилъ генераль.

Сидоровъ подумалъ.—Что-жь, если заслуживаю, такъ пожалуй и меня,—согласился онъ.— Я отнюдь не прочь.

Генераль его поздравилъ, иронически расшаркиваясь, и вдругъ объявилъ, что ему пора домой. Его стали удерживать.

Между тѣмъ карточный столъ устроился. Князекъ опять усѣлся въ пикетъ и при томъ очень по большой. Подали шампанскаго. Всѣ выпили,—князя тоже начали просить выпить, онъ отказывался, говоря, что пить чай съ фин-шампань, и ничего болѣе не хочетъ. Но его все таки заставили.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Донъ-Педро Кастильскій.

Историческій разсказъ Э. Шпильмана.

Въ горахъ гудѣлъ сильный, бурный вѣтеръ, ночь спускалась на землю.

— Впередъ! впередъ! старикъ мой! произнесъ, обращаясь къ коню, котораго велъ подлѣ узды,—высокій широкоплечій мужчина, въ богатомъ охотничьемъ костюмѣ, сильно испорченномъ непогодой, кое-гдѣ разорванномъ колючими растеніями;—впередъ! нечего дѣлать, намъ надо торопиться, чтобы найти убѣжище на ночь, потому что на этой проклятой каменной дорогѣ, куда сатана стащилъ самые острые камни со всей Сьерра-Ронда, неудобно было бы сдѣлать привалъ; ты съ этимъ согласишься? а? развѣ нѣтъ?

Лошадь—великолѣпный андалузскій жеребецъ, роскошно осѣдланнй и убранный—жалобно заржалъ, будто понявъ слова своего господина.

— Пресвятая Богородица! проговорилъ снова неизвѣстный—мнѣ, хоть бы угадать, какъ-нибудь—гдѣ, это, я! Остановившись, онъ оперся на охотничій дротикъ и сталъ внимательно прислушиваться.

— Ничего, сказалъ онъ, минуту спустя,—ничего, кромѣ воя вѣтра, старй мой, ни звука рога, ни голосовъ, которые искали бы, или звали! Впередъ же! намъ приходится рассчитывать только на себя самихъ; вѣдь, куда нибудь ведетъ же эта тропа, не прямо-же въ адъ, пока! Впередъ! и да защититъ насъ Владычица!

Человѣкъ и лошадь прошли еще съ часъ времени, спотыкаясь и валяясь на каждомъ шагу.

Впереди ихъ послышался шумъ воды.

— Вода! проговорилъ охотникъ и остановился:—что это—Ксениль или рукавъ Гвадалквивира. Да и если я буду знать—такъ къ чему мнѣ это послужитъ въ эту минуту? Но—вонъ тамъ, какъ будто огонекъ?

Лошадь подняла голову вверхъ и весело заржала.

— А—чуешь людей? Ну, попытаемся кликнуть ихъ сюда!

И, приложивъ къ губамъ висѣвшій у него съ боку оправленный въ золото и драгоценныя каменья буйволовый рогъ, онъ началъ трубить въ него изо всѣхъ силъ.

Вскорѣ, въ отдаленіи, огонекъ, замѣченный путникомъ, задвигался изъ стороны въ сторону и, въ отвѣтъ, раздавался громкій, рѣзкій звукъ большаго пастушескаго рога.

— Приношу Тебѣ, Милосердная Заступница благодареніе, за помощь!

По ту сторону теперь двигались два факела.

— Можжевельные факелы, произнесъ заблудившійся;—вижу по пламени; это, вѣроятно, пастухи; можетъ быть, и самъ какой-нибудь владѣлецъ маленькаго стада; ну, онъ меня, конечно, не знаетъ!

Факелы все болѣе и болѣе приближались и путникъ протрубилъ снова, чтобы показать, гдѣ онъ находится.

— Кто вы и зачѣмъ трубите? крикнули ему съ той стороны.

— Я заблудился на охотѣ и разошелся съ моими товарищами. Непогода и ночь застали меня въ горахъ; я не знаю—куда попалъ; это—не Ксениль, вонъ та вода, что шумитъ?

— Нѣтъ, то рукавъ Гвадалквивира.

— Дадите ли мнѣ, съ лошадыю, приютъ на ночь?

— Охотно! мой шаламъ—къ вашимъ услугамъ.

— Но какъ я черезъ рѣку-то переправлюсь? Лошадь моя измучена и ужъ давно не можетъ служить; я не рѣшусь плыть на ней, тѣмъ болѣе, въ такую темноту; да и берегъ, мнѣ кажется, тутъ очень крутъ.

— Протрубите-ка еще, чтобы я хорошенько зналъ—гдѣ вы стоите.

— Хорошо! послышалось опять оттуда-же, теперь—сдѣлайте нѣсколько шаговъ впередъ, къ самому берегу, а потомъ круто поверните влѣво и идите дальше, по тому направленію, по которому двигаются факелы; вы придите къ броду, гдѣ вода будетъ вашему коню едва по брюхо.

— Я вамъ говорю, что моя лошадь устала чрезвычайно, спотыкается каждую минуту и я не рѣшусь сѣсть на нее.

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется промочить себя ноги! по, въ „каза“ (хижина) есть сухое платье; ну—смѣло, на собственныхъ ногахъ! соберитесь съ послѣдними силами! Впередъ! не трусьте, не мѣшайте, спускайтесь противъ того мѣста, гдѣ мы стоимъ съ факелами и идите прямо къ намъ; лошадь держите не за поводъ, а за чолку, ей легче такъ двигаться.

Найдя бродъ, человекъ и лошадь безрепятственно и благополучно перешли рѣку.

— Хорошо! произнесъ одинъ изъ ожидавшихъ на томъ берегу и освѣтилъ заблудившагося факеломъ:—хорошо, сеньоръ кабаллеро; теперь предоставьте своего коня моему слугѣ, за уходъ—отвѣчаю вамъ, а мы съ вами—поспѣшимъ.

Они скоро достигли хижины; пламя горѣвшихъ на очагѣ вѣтвей можжевельника весело привѣтствовало утомленнаго охотника.

Теперь, при яркомъ освѣщеніи очага, хозяинъ убѣдился въ томъ, что ему показалось на берегу, а именно—что заблудившійся былъ знатное лицо.

Онъ увидалъ это и по роскошной его одеждѣ, осипанному драгоценными каменьями рогу, богатымъ ножнамъ охотничьяго ножа, увидѣлъ это въ особенности, по гордой осанкѣ незнакомца.

— Сеньоръ кабаллеро, привѣтствую васъ въ моемъ домѣ и прошу считать его своимъ! сказалъ хозяинъ.—Мадрэ, нинна! обратился онъ затѣмъ къ женѣ и дочери, которая, пока ея мать приблизилась съ поклономъ къ гостю—скромно оставалась въ углу, съ любопытствомъ разглядывая оттуда новоприбывшаго,—мать! дочь! прежде всего—сухое платье нашему гостю! Вамъ, сеньоръ кабаллеро, будетъ неприятно надѣть грубый камзолъ и простые шерстяные чулки, но когда они сухи—ими не слѣдуетъ пренебрегать тому, кто промокъ до костей; кстати и ваше собственное платье, въ какой нибудь часъ успѣетъ просохнуть у очага, а мадрэ и нинна—какъ это женщины вообще умѣютъ—завтра подадутъ его вамъ совершенно вычищеннымъ.

Охотникъ засмѣялся.

— Ваша дочь? спросилъ онъ, бросивъ взглядъ на дѣвushку.

— Моя дочь, сеньоръ, наше единственное дитя; во святомъ крещеніи нарѣчена Аделаидой.

— Ну, если Богъ не далъ вамъ сына и наследника, то пошлетъ вамъ скоро зятя! Какъ на этотъ счетъ, Аделаида?

И приблизившись къ молодой дѣвushкѣ, охотникъ нѣжно и осторожно приподнял ея голову.

Смуглыя щечки Аделаиды покрылись густой краской; наивнымъ взглядомъ отвѣтили пламенные черные глаза ея взгляду охотника и она, съ какими-то странными въ ней достоинствомъ и непринужденностью возразила ему:

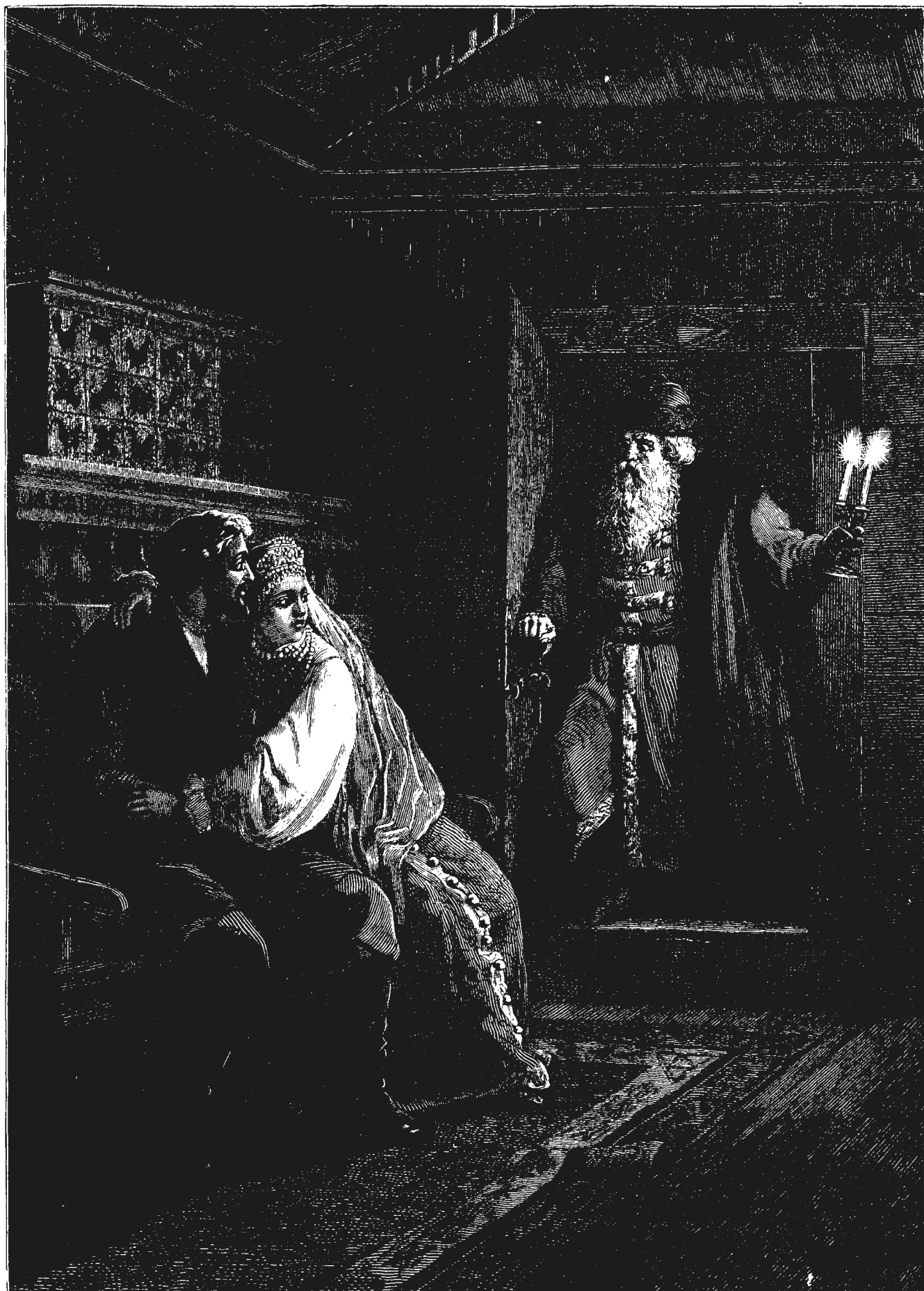
— Но мнѣ, вѣдь, всего четырнадцать лѣтъ, сеньоръ!

— Совсѣмъ пора за свадьбу, значитъ! сказалъ на это охотникъ, продолжая шутить.

Въ эту минуту, снаружи, у рѣсчатого окошка раздалось рѣзкое, звонкое чириканье стрекозы; оно было такъ сильно и пронзительно, что проникло въ комнату, не взирая на шумъ, съ которымъ вѣтеръ рвалъ и гнулъ верхушки деревьевъ, стоявшихъ вокругъ домика.

Изъ всѣхъ присутствовавшихъ только Аделаида обратила вниманіе на странное чириканіе и взглядъ ея устремился къ окошку. Тамъ она увидѣла два блестящихъ глаза и снова яркимъ румянцемъ вспыхнули щечки дѣвushки.

Но, если въ ту минуту, когда незнакомецъ дотронулся до ея лица, оно не утратило своего свѣтлаго выраженія, то теперь—разливаясь по ея чертамъ краска—была краской гнѣва, грозно свергнувшаго въ ея глубокихъ очахъ, смотрѣвшихъ въ окошко; брови сдвинулись, губки сжались.

Литературный альбомъ. „Бояринъ Орша“, поэма М. Ю. Лермонтова. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Дзедзюцъ.

Блестящие глаза исчезли и вскорь снова, несколько раз подряд, повторилось пронзительное чирканье стрелок.

— Сухое платье готово, сеньор! сказал хозяйин:—не угодно ли вам пройти в мою комнату переодеться и позвольте мне прислужить вам.

Гость изложил на это согласие, что послужило хозяину новой примечательности незнакомаго господина, привыкшаго, чтобы ему услуживали.

Когда оба возвратились назад, на столъ у очага ужъ былъ накрытъ ужинъ, состоявшій изъ молока, овечьей ветчины, мяса дикой козы, сыра, меда и вина.

— Присядьте, сеньоръ, откушайте и да будетъ вамъ эта пища на здоровье, съ благословенія Пресвятой Богородицы.

— Аминь! произнесъ незнакомецъ, сѣлъ къ ужину и—на этотъ разъ, какъ всегда—голодъ былъ лучшимъ поваромъ.

За ужиномъ хозяйинъ снова прислуживалъ незнакомцу, что тотъ молча принималъ какъ должное.

— Ну, а какъ-же мнѣ именовать моего гостеприимнаго хозяина? спросилъ охотникъ по окончаніи ужина.

— Если хотите, то: сеньоромъ и гидальго, возразилъ хозяйинъ, такъ какъ и—дворянинъ, но въ сущности—не болѣе какъ незначительный скотоводъ, живущій доходомъ съ своего промысла; меня зовутъ Санхо Цербуно, но если я, въ свою очередь, не спрашиваю вашего имени и знанія, то, сеньоръ кабаллеро, въ этомъ поступаю согласно нашему старому, доброму обычаю, запрещающему намъ беспокоить гостя о его прозвищѣ, титулахъ, отечествѣ и цѣли путешествія.

— Я знаю этотъ добрый обычай, уважаю и хвалю его, но скажите мнѣ пожалуйста, далеко ли отсюда до Севильи?

— Да тому, кому извѣстны всеходы и выходы въ Рандъ—не далье пяти легуасъ (миль)!

— Неужели только? А мнѣ все таки кажется, что это еще довольно большой конецъ.

— Ну, если вама лошади хорошиенько отдохнеть, такъ доведетъ васъ часа въ три: благородный конь у васъ? Я увидалъ это при первомъ же взглядѣ! Къ утру совѣтъ будетъ свѣжъ опять; онъ утомился не отъ усталости, а скорѣй оттого, что себѣ коню попарилъ; но у моего слуги есть отличное средство.

— Благодарю васъ, донъ Санхо, скажите, однако, бываете ли вы иногда въ Севильѣ?

— Довольно часто; я тамъ продаю мой скотъ и продукты; но всегда тороплюсь оттуда скорѣе домой.

— Чего же боитесь вы ночью въ Севильѣ? вы, вѣдь, кажется не изъ трусливыхъ.

— Нѣтъ, не изъ трусливыхъ, сеньоръ кабаллеро! Но развѣ вы не слышали и не испытывали на себѣ, что по ночамъ на улицахъ въ Севильѣ никто не можетъ быть обезпеченъ ни въ своей собственности, ни въ своей жизни? Не слышали, что тамъ безнаказанно обираютъ, грабятъ и убиваютъ?

— Объ этомъ я никогда ничего не слышалъ, возразилъ незнакомецъ.

— Santa Madre! Ну, такъ выйдите тамъ на улицу, спросите первого встрѣчнаго и узнаете, что воровство, грабежи и убійства—самая обыденная вещь въ Севильѣ; что они тамъ происходятъ на глазахъ самого короля, что виновные никогда не бываютъ открыты и даже, если каждый ихъ пальцемъ укажетъ, то они остаются не наказанными, не смотря на то, что король издалъ законъ, на основаніи котораго всѣ одинаково отвѣчаютъ за свои преступленія!

— Ты увлекаешься донъ Санхо! возразилъ незнакомецъ спокойно, хотя въ его глазахъ что то сверкнуло.

— Вы устали сеньоръ кабаллеро, вамъ пора бы отдохнуть, боязливымъ тономъ произнесла хозяйка,—ночь ваша ужъ готова, а ты Санхо, развѣ не видишь, что надоѣлъ кабаллеро своей болтовней? И развѣ онъ не можетъ...

Тутъ она замолчала.

— Ну, мацрэ, засмѣлся Санхо, доканчивай же что хотѣла сказать! Ты думаешь: развѣ не можетъ нашъ гость принадлежать къ числу дворянъ короля, которому завтра же передалъ бы все, что Санхо Цербуно наговорилъ ему? Ты, матушка, можешь, какъ женщина, воображать себѣ такія глупости; я же полагаю, что нашъ гость не отплатитъ за наше гостеприимство неблагодарностію, потому что онъ дворянинъ, а не какой нибудь сельскій писарь.

— Благодарю донъ Санхо! коротко сказалъ незнакомецъ; кончимте нашъ разговоръ; вы, значитъ, возлагаете на короля отвѣтственность за воровство, грабежи и разбой, которые, по вашимъ словамъ, совершаютъ въ Севильѣ каждую ночь?

— Да, сеньоръ кабаллеро.

— А развѣ вы не знаете, что открывать и судить виновныхъ составляетъ обязанность не короля, а Севильскаго губернатора, который председательствуетъ въ судѣ двадцати четьрехъ!

— Знаю сеньоръ! но губернаторъ отвѣчаетъ передъ королемъ за то, что слабо выполняетъ свою обязанность.

— Ваше обвиненіе тяжело, донъ Санхо, произнесъ незнакомецъ, блеснувъ вновь глазами и съ трудомъ переводя дыханіе: и вы думаете, что губернаторъ не открываетъ тамъ, гдѣ не хочется открытъ.

— Да, сеньоръ.

— Но вѣдь невозможно же открыть всякаго преступника

— Какъ невозможно сеньоръ, надо только чтобы на мѣстѣ губернатора былъ человекъ съ головой и сердцемъ и не боялся бы выслушать законы своего государя, чтобы всѣхъ судить равно! Если король ему скажетъ: сеньоръ губернаторъ, вы отвѣчаете мнѣ вашей головой за спокойствіе моихъ подданныхъ, даю вамъ право наказывать виновныхъ, не разбирая, кто они! Повѣрьте мнѣ, сеньоръ кабаллеро, что тогда въ Севильѣ можно было бы ночью гулять также спокойно, какъ и днемъ.

Незнакомецъ съ минуту казался погруженнымъ въ раздумье; затѣмъ, онъ произнесъ, съ какой то мрачною серіозностію: такъ вы убѣждены, донъ Санхо, что королю на эту должность губернатора надо только честнаго человека?

— Непременно сеньоръ кабаллеро.

— Проведите меня къ моей постели, усталость даетъ себя чувствовать, меня клонитъ ко сну.

Хозяйинъ исполнилъ желаніе гостя.

— „Buono notte,“ сеньоръ! сказалъ Санхо Цербуно раздѣвъ незнакомца,—доброй ночи, спите съ Богомъ и спокойно подъ крышей Санхо Цербуно.

— „Buono poche,“ возразилъ гость, спите и вы съ Богомъ и спокойно, донъ Санхо.

II.

Непогода понемногу стихала; вѣтеръ, однако, по временамъ, все еще шумѣлъ въ верхушкахъ кедровъ, окружавшихъ домъ Санхо Цербуно; изрѣдка, изъ-за тучъ, быстро песшихся по небу, выливалась луна; блеснувъ яркимъ свѣтомъ, она вновь скрывалась за набѣгавшими облаками. Природа уснокоилась не раньше полуночи.

Аделаида не спала. Выйдя осторожно изъ дома, она теперь разговаривала въ тѣни кедровъ съ какимъ-то мужчиной, темные глаза и смуглое лицо котораго горѣли выраженіемъ дикаго бѣшенства.

Аделаида, прелестное южное дитя, была уже сложившеюся дѣвушкой, не взирая на свои четырнадцать лѣтъ. Цвѣты быстро распускаются на Севильскомъ солнцѣ.

— Кто тебѣ позволилъ сегодня вечеромъ вызывать меня, свое лицо въ оконкѣ показывать? спросила Аделаида раздраженнымъ голосомъ.

— Я хочу знать—возразилъ, тяжело дыша, собесѣдникъ Аделаиды,—кто такой этотъ человекъ, осмѣлившійся взять тебя за подбородокъ, говори, Аделаида, говори!

— Аделаида кому хочетъ, тому и позволяеть брать себя за подбородокъ! гордо отвѣтила дѣвушка.

— Никто не имѣетъ права дотрогнуться до тебя! Никто! клянусь Святымъ Распятіемъ! Никто, кромѣ меня!

Она презрительно усмѣхнулась: А тебѣ кто далъ право на это, Антоніо Гернандецъ?

— Карамба! не доводи меня до сумасшествія—какое право имѣю я, твой женихъ, брать тебя за подбородокъ?

— Я, Аделаида Цербуно—невѣста Антоніо Гернандеца? Ты бредишь, мой милый! Если я тебѣ позволила, по обычаю страны нашей, нескать моей любви,—ты уже считаешь меня своею? Иди-ка, ступай отсюда, ступай къ себѣ домой!

— Пинна (дѣвушка) Аделаиды! громкимъ отъ злости голосомъ крикнулъ молодой человекъ,—тутъ же, сейчасъ, сію же минуту я хочу слышать отъ тебя, что твое сердце, твоя любовь принадлежатъ Антоніо Гернандецу, что ты—моя дѣвушка, моя невѣста, ты будешь женой Антоніо Гернандеца!

— Ты хочешь принудить меня? принудить Аделаиду Цербуно отдать тебѣ свое сердце? Ступай ты прочь! съ прежней насмѣшкой возразила она ему, поворачиваясь, чтобы идти домой.

Любовь и ревность совершенно овладѣли Антоніо, вывели его изъ себя; онъ схватилъ ее за руку.

— Безумный! ты смѣешь дотрогиваться до меня! и—вырвавшись изъ рукъ Антоніо, она мгновенно выхватила изъ тяжелой черной косы, маленькій кинжалъ, яркой полоской блеснувшій при свѣтѣ показавшейся въ это время изъ-за тучъ луны.

— Слышь волчицы—подходи ты, думаешь—я боюсь Антоніо?

— Зыбл! прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы, и, въ свою очередь, обнаживъ навахо—ножь, висѣвшій у него за поясомъ, кинулся на дѣвушку, безстрашно, и съ распаленными гнѣвомъ глазами, ждавшему его.

Но, въ ту же секунду, около Антоніо очутился стройный юноша, почти мальчикъ, выскочившій изъ-за кедровъ, откуда онъ видѣлъ все происходившее; съ необычайной силой, которой нельзя было предполагать въ его легкой, тонкой фигурѣ, схватилъ онъ обѣими руками Гернандеца, обѣмывшаго отъ ужаса, подъ влияніемъ неожиданности нападенія.

— Хуанито! радостно воскликнула Аделаида, тотчасъ же воспользовавшаяся минутой и порхнувшая домой. Какъ только она скрылась, Антоніо почувствовалъ себя вновь свободнымъ, а юноша, въ два сильныхъ прыжка, исчезъ между скалами, облегавшими маленькую долину, гдѣ стоялъ домъ Санхо Цербуно.

— Corpus Christi! Что это такое было? воскликнул возбужденный Антонио, не узнавший, въ наступившей опять темноте, того, кто его держал. Вскорѣ, однако, онъ пришелъ въ себя.

— Милосердая Владычица! что могло случиться! проговорилъ онъ, хватаясь за голову; — Благодареніе Тебѣ, Многомилостивая, что помѣшала тому! но — мученію надо положить конецъ! завтра же переговорю съ Санхо.

Долго, въ своей комнатѣ, стояла Аделаида на колѣняхъ передъ иконою Богоматери, проливая горячія, горячія слезы. Такъ и заснула она тутъ же, на цыновкѣ, повторяя во снѣ: „Хуанито, мой Хуанито!“

Нѣсколько минутъ спустя, маленькое рѣшетчатое окошко, высившееся немного въ сторонѣ, фута на два отъ полу, открылось и пучекъ дыма розановъ унялъ на обвитыя еще четками руки спавшей.

III.

На слѣдующее утро, гость нашелъ свое платье уже совершенно высохшимъ, вычищеннымъ и лежавшимъ на скамейкѣ возлѣ постели; хозяйнѣ, услышавъ, что охотникъ проснулся, тотчасъ же вошелъ къ нему, неся свѣжую воду.

— Ваша лошадь, сеньоръ кабаллеро, отдохнула и совсѣмъ поправилась, какъ и вамъ вчера и говорилъ; завтракъ ужъ поданъ и если вамъ угодно, сейчасъ же послѣ того ѣхать. то я провожу васъ часть пути, черезъ Ранду, до Севильской дороги, чтобы вамъ не плутать, а желаете еще оставаться моимъ гостемъ — вы знаете — я буду очень радъ.

— Благодарю, донъ Санхо, за ваше гостеприимство, отвѣчалъ незнакомецъ, — вы оказали мнѣ его какъ истинный гидальго; если позволите, я отправлюсь въ путь тотчасъ послѣ завтрака, такъ какъ товарищи будутъ сильно беспокоиться о моемъ отсутствіи.

— Въ вашей волѣ, сеньоръ! откушайте съ благословенія Пресвятой Богоматери.

Гость позавтракалъ съ отличнымъ аппетитомъ, но — въ совершенномъ безмолвіи на этотъ разъ. Санхо, какъ вѣжливый хозяинъ, молчалъ тоже.

Вставъ изъ-за стола, незнакомецъ простился съ хозяйкой, поблагодарилъ ее и, ласково потрениавъ щечку раскрасившейся Аделаиды, сѣлъ на коня, встрѣтившаго своего господина радостнымъ ржаніемъ.

— Поѣзжайте за мной, сеньоръ кабаллеро, и покажу вамъ дорогу, сказалъ Санхо, усѣвшійся на муза — и пустите коню поводья свободнѣе — предоставленный себѣ, онъ, по узкой тропинкѣ, пойдетъ осторожнѣе.

— А теперь, сеньоръ, вы уже не заблудитесь, произнесъ Санхо послѣ двухчасовой ѣзды, въ теченіе которой оба не произнесли ни слова, — слѣдуйте все по этой тропѣ; чрезъ полчаса она приведетъ васъ прямо на большую Севильскую дорогу. Поѣзжайте съ Богомъ и да хранитъ васъ Милосердая Богоматерь.

Незнакомецъ отцѣпилъ отъ пояса свой охотничій ножъ.

— Примите это оружіе въ подарокъ отъ гостя, донъ Санхо.

— Будь это простой ножъ — я бы принялъ. но его украшенія слишкомъ роскошны, а потому, извините, если откажусь отъ такого подарка.

— Возьмите, донъ Санхо, я этого желаю! произнесъ почти повелительно незнакомецъ.

— Вы желаете, сеньоръ кабаллеро? въ такомъ случаѣ, хорошо, благодарю васъ; онъ будетъ мнѣ служить воспоминаніемъ о знатномъ гостѣ; я сказалъ бы, что завѣщаю его сыну, еслибы, какъ вы знаете, небо мнѣ не отказало въ этой милости.

— Но дочь ваша даетъ вамъ зятя, такъ передайте его ему! У такой дѣвушки, какъ Аделаида, недостатка въ женихахъ не можетъ быть. Что?

— Я этого и не боюсь; но единственное дитя всегда избаловано!

— Дѣвушку принуждать не надо; любовь требуетъ свободы въ выборѣ; ну — будьте здоровы, донъ Санхо!

— Поѣзжайте съ Богомъ, сеньоръ кабаллеро.

— Желаю и вамъ того-же, донъ Санхо, да хранитъ васъ нашъ святой патронъ Яго Компостельскій!

И оба разѣхались въ противоположныя стороны.

Проскакавъ съ четверть версты, незнакомецъ услышалъ звуки роговъ и громкіе, тревожные клики людей.

— Ага, проговорилъ онъ — меня ищутъ!

Онъ тоже приложилъ рогъ къ губамъ и протрубилъ въ отвѣтъ; нѣсколько минутъ спустя, толпа конныхъ и пѣшихъ охотниковъ обступила его съ радостными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почтительными привѣтствіями. Окруженный ими, незнакомецъ продолжалъ путь въ Севилью.

Когда Санхо возвратился домой, то нашелъ у себя Антонио Гернандеца; гость сидѣлъ съ мадрѣ на верандѣ.

— Здравствуй, Антонио! крикнулъ ему Санхо, слѣзая съ муза, — что привело тебя къ намъ? Хочешь послушать о знатномъ гостѣ, который провелъ у насъ эту ночь? Ну, я думаю мадрѣ и винна тебѣ ужъ о немъ всѣ уши прожужжали! Но — гдѣ-же дѣвочка? она должна быть тутъ, на-лицо, когда такіе гости, какъ Антонио Гернандецъ находятся въ домѣ

Санхо Цербуро; однако, прежде всего, жена — дай-ка намъ двѣ рюмки вина; можешь и кружечку анисовки принести — не повредить ни мнѣ, ни Антонио.

Антонио Гернандецъ былъ видный и франтоватый, молодой малый, немного неуклюжій и угловатый въ своихъ манерахъ, но, въ общемъ — чистокровный севильянецъ. Онъ былъ такой-же мелкій скотоводъ, какъ и Санхо Цербуро; заведеніе его находилось въ одной изъ сосѣднихъ лоцинъ Ронды.

Количество головъ въ его стадахъ было нѣсколько менѣе велико, нежели у Санхо, — по вѣстаки — настолько значительно, что не могло служить ему препятствіемъ просить руки Аделаиды Цербуро. Аделаида и мать прислали наикити.

— Добрый день, Антонио Гернандецъ! сказала дѣвушка совершенно непринужденнымъ тономъ, какъ будто между ними ничего не произошло.

И съ прирожденной севильскимъ женщинамъ естественной граціей наполнивъ два маленькіе роговые кубка анисовой водкой, онъ подала ихъ отцу и гостю, пока мать, въ свою очередь, ставила передъ ними двѣ кружки темнокраснаго вина, пацѣженнаго ею изъ кожаннаго мѣха, висѣвшаго на верандѣ.

— Донъ Санхо! проговорилъ Антонио, нѣсколько подбодрившійся выпитой анисовкой и виномъ — теперь я вамъ скажу, зачѣмъ къ вамъ я пришелъ.

Санхо лукаво прищурилъ правый глазъ и улыбнулся; улыбнулся и жена, бросившая при этомъ взглядъ на Аделаиду.

— Какъ зачѣмъ? зачѣмъ, чтобы навѣстить насъ, произнесла дѣвушка, слегка покрасивъ, но — ровнымъ и спокойнымъ голосомъ.

— Ну конечно, засмѣялся Санхо, — конечно, не для чего иного, какъ навѣстить! да! да! просто на просто — навѣстить и, къ тому-же пришелъ именно для насъ съ твоей матерью а во-все не для тебя!

— И Санхо громко и весело расхохотался; жена и дочь стали вторить ему; Антонио глубоко вздохнулъ.

— Да почему посѣщеніе Антонио Гернандеца могло-бы касаться меня, отецъ?

— Очень ужъ ты умна, дѣвочка! Ну, Антонио, продолжалъ теперь Санхо, серьезно обращаясь къ гостю, — скажи-ка теперь прямо — что у тебя на сердцѣ, жена и я готовы тебя послушать, да, и думаю, и Аделаида тоже!

— Какое дѣло Аделаидѣ Цербуро до того, что у Антонио Гернандеца на сердцѣ? съ холодной гордостью спросила дѣвушка.

— Карамба, дѣвочка! воскликнулъ изумленный донъ Санхо, — Аделаида, что это значить?

— Чего ты желаешь, отецъ?

— Чего? — я думалъ, что ты позволила Антонио Гернандецу искать твоей любви?

— Это такъ, отецъ; я позволила Антонио Гернандецу искать моей любви, по, вѣроятно, онъ не сумѣлъ искать какъ надо, потому что я не отдала ему моего сердца. Я думала, что онъ видитъ это — или ты не ноялъ меня, Антонио Гернандецъ, въ нашемъ послѣднемъ разговорѣ?

— Можеть-ли это быть! воскликнули сразу и Санхо, и ея мать. Изъ груди Антонио вырвался новый вздохъ и крупныя слезы скатились на бороду.

— Иди съ Богомъ, Антонио Гернандецъ и возвращайся простымъ сосѣдомъ! Какъ сосѣда — Аделаида приметъ тебя всегда дружественно въ домѣ своихъ родителей!

И высокомерно закинувъ головку, дѣвушка гордо вышла съ веранды.

— Клянусь тебѣ, Антонио, я былъ увѣренъ, что у васъ съ Аделаидой дѣло сладилось!

— Я тоже былъ увѣренъ, что ея сердце склонилось ко мнѣ, какъ она мнѣ до сихъ поръ позволяла на это надѣяться, но, донъ Санхо, ты видишь — она оттолкнула меня! грустно сказала Антонио.

— Бѣдняга! а мы охотно приняли бы тебя въ зятя, самъ знаешь! Но принуждать единственное дитя, вѣдь, знаешь, нельзя, — любви надо дать немного свободы! А пока — не, унывай, Антонио Гернандецъ! Аделаида еще не выбирала другаго; по крайней мѣрѣ и ничего такого не слыхала; можеть быть, ты, жена, что-нибудь знаешь?

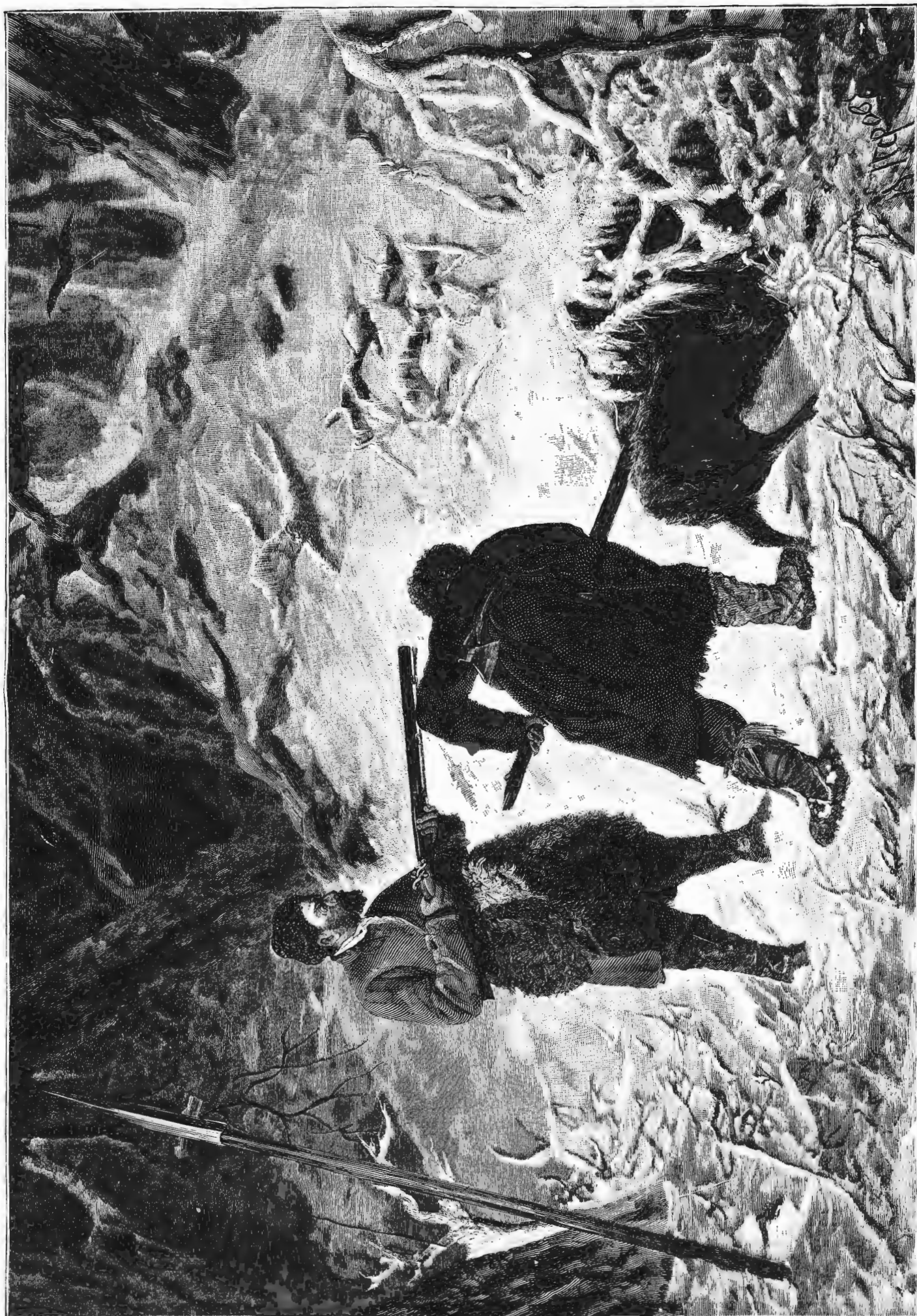
— Ничего, ничего не знаю! Я — также удивлена, какъ и ты, Санхо! тоже думала, что Аделаида будетъ женою Антонио!

— Она, однако, никогда не показывала мнѣ ни малѣйшей взаимности, сказала Антонио, — но и не отвергала моихъ ухаживаній, такъ что я все еще могъ надѣяться; вѣдь такъ охотно вѣритъ въ то, чего желаешь!

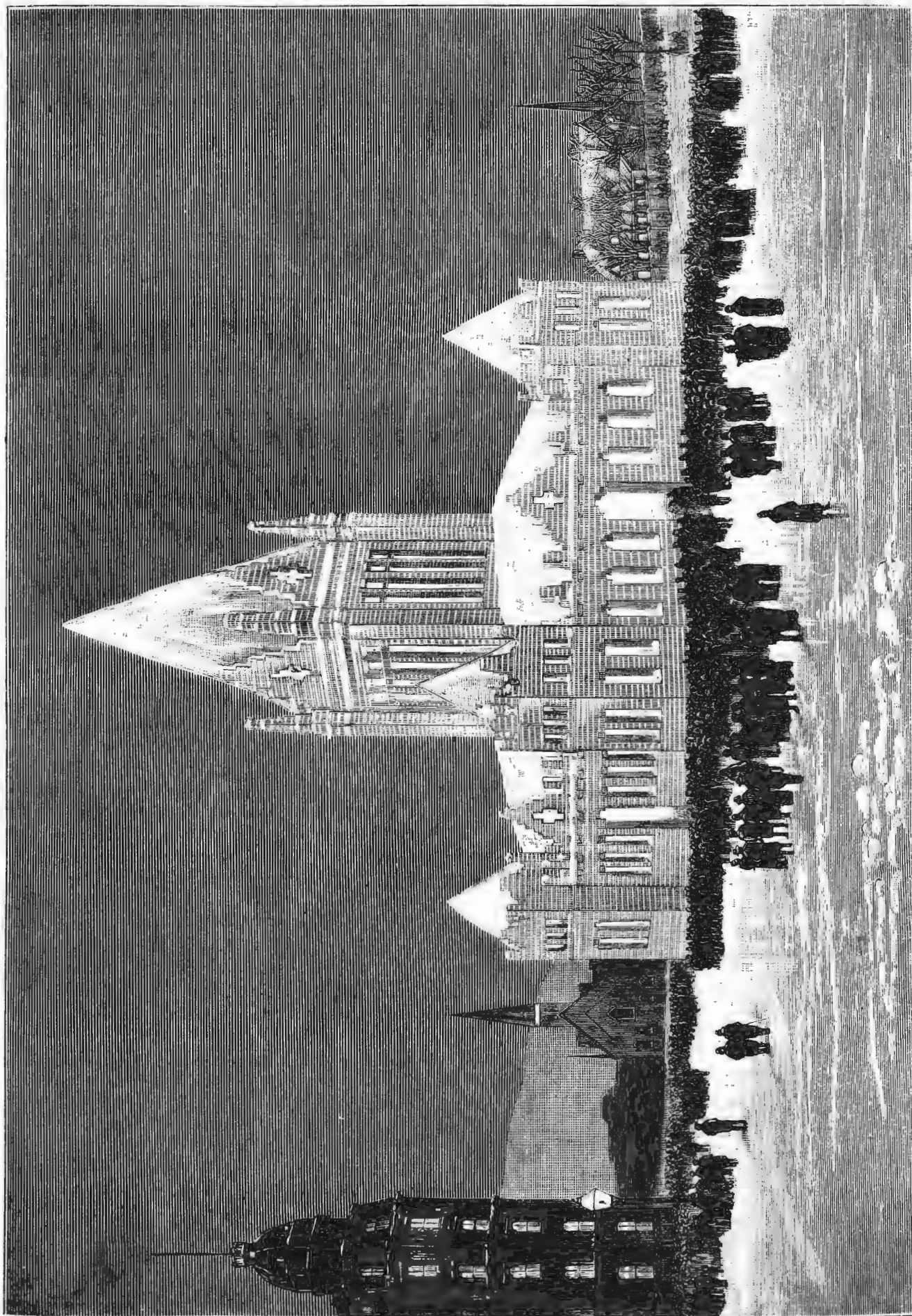
— Ну, ну, нечего сейчасъ ужъ и носъ вѣшать, Антонио! Она еще вѣдь дѣвочка, вѣтеръ, мало ли что ей въ голову дѣзаетъ, да и какъ узнаешь у дѣвушки? Но ты, Антонио Гернандецъ, приходи, приходи назадъ къ Санхо Цербуро; пока другой не завладеетъ ею, — она еще можеть быть и твоею, Антонио; дѣвушка, за одну ночь, мѣняется какъ погода въ Рондѣ.

Приходи, Антонио, но — принуждать дѣвушку... Антонио, — это, право, не годится! а ты, жена, напозни-ка намъ оныя кружки! У меня просто языкъ высохъ изъ-за этой Аделаиды и ея причудъ, а Антонио не повредить, если онъ на свою маленькую сердечную равну вина нальетъ!

Такъ утѣшалъ Санхо Цербуро Антонио Гернандеца и, въ

Выставка картинъ Перова. Охота на медвѣдя. Съ фотогр. Вишнякова, грав. М. Рашевскій.

Масляница въ Канадѣ. Ледяной домъ въ Монреальѣ. Ориг. рис. Монса, грав. Гильдебрандт

самомъ дѣлѣ, его слова нѣсколько оживили надежду отвергну-
таго вздыхателя.

IV.

Три дня спустя, предъ домою Санхо Цербуру остановились
два всадника, носившихъ королевскіе цѣвта.

Санхо, его жена и Аделаида вышли встрѣтить ихъ.

— Примите мое привѣтствіе, сеньоръ гидальго, сеньора и
сеньорита! съ необычайной вѣжливостью произнесъ одинъ изъ
всадниковъ;—вы—донъ Санхо Цербуру, сеньоръ?

— Я, сеньоръ! чего угодно вамъ отъ Санхо Цербуру?

— Мы привезли вамъ повелѣніе короля тотчасъ же слѣдо-
вать за нами въ Севилью.

— Что можетъ быть угодно отъ меня королю Кастиліи и
Леона? воскликнулъ тотъ съ изумленіемъ. Жена, тихонько
толкнувъ его, начала ему шептать: „видишь, я была права,
когда тебѣ говорила не болтать такихъ рѣчей при незнако-
момъ гостѣ! Онъ, навѣрно, все передастъ королю и теперь,
вотъ, надъ нами бѣда и стрясется! О Милосердая Владычица,
заступи за насъ! Я больше не увижу тебя, Санхо Цербуру!

— Будь спокойна, жена! утѣшалъ тотъ—я нисколько не
опасаюсь!—Сойдите, сеньоры, сказали онъ, обращаясь къ всад-
никамъ,—и зайдите закутить въ домъ Санхо Цербуру! своимъ
лопадамъ дайте отдохнуть часокъ, другою, а не то онѣ при-
станутъ прежде, чѣмъ мы доѣдемъ до Севильи.

Всадники сбѣгли и пока хозяйка угощала ихъ, Санхо гладко
выбрилъ себѣ щеки, старательно причесалъ свои волосы, ба-
кенбарды и усы и надѣлъ лучшее платье.

Затѣмъ, когда королевскіе посланцы насытились и отдох-
нули, онъ поцѣловалъ жену и дочь, сказалъ имъ нѣсколько
словъ въ утѣшеніе, сѣлъ на своего мула и направился, въ со-
провожденіи посланцевъ, немного взволнованный, однако
и безъ особеннаго страха, впередъ, навстрѣчу неизвѣстности. Въ
городъ прибыли уже къ ночи. Посланцы прямо пробѣжали, вмѣ-
стѣ съ Санхо, въ Альказаръ, служившій дворцомъ и по дан-
ному имъ знаку немедленно же были отворены боковыя во-
рота. Ихъ, повидимому ожидали, такъ какъ копіишій принялъ
мула Санхо, къ нему же самому подошелъ пожилой, молчали-
вый маордомо, который провелъ его въ комнату, гдѣ были
приготовлены ужинъ и постель.

— Кушайте на здоровье и спите спокойно съ Богомъ! Випопо
poshe, сеньоръ! произнесъ маордомо.

Санхо, считавшій невѣжливымъ спросить, чего желаетъ отъ
него король, ограничился только вѣжливымъ отвѣтомъ: „Бла-
годарю, сеньоръ маордомо, и вамъ также доброй ночи! спите
спокойно съ Богомъ!

На другое утро, тотъ же маордомо, съ вѣжливымъ привѣт-
ствіемъ, принесъ ему вино и завтракъ, а часъ спустя вошелъ
опять и сказалъ ему: „Слѣдуйте за мной, сеньоръ гидальго! съ
вами желаютъ говорить!“

Снова взволнованный, но твердыми шагами, шелъ Санхо за
маордомо по ходамъ и галлереямъ, пока тотъ не отворилъ,
наконецъ, двери и не ввелъ его.

Санхо очутился предъ тѣмъ самымъ незнакомцемъ, который
нѣсколько дней назадъ былъ его гостемъ.

— Добро пожаловать въ Севилью, донъ Санхо Цербуру! ска-
залъ онъ вошедшему,—вы, вѣроятно, не разсчитывали опять
такъ скоро увидаться со мной?

— Итъ, не разсчитывалъ, сеньоръ кабаллеро.

— Ну—скажу вамъ,—король прослышалъ о васъ, и ему также
извѣстно все, что вы говорили о дурномъ управленіи Севиль-
скаго губернатора, которое ставили въ вину ему, королю.

— Но, сеньоръ! произнесъ Санхо съ удивленіемъ и сдѣлавъ
шагъ назадъ,—значитъ, вы... вы поступили не какъ кабаллеро,
вы передали королю то, что я, съ полнымъ довѣріемъ къ рыцар-
ской чести моего гостя, говорилъ ему о себѣ въ домѣ, между четы-
рехъ стѣнъ? Мнѣ очень жаль, жаль... за васъ, сеньоръ кабаллеро!

— Я не передавалъ королю, донъ Санхо Цербуру! возразилъ
кабаллеро просто и съ достоинствомъ.

— Какъ же это? а королю, все таки, извѣстно?

— Ему извѣстно, донъ Санхо Цербуру!

— Значитъ вы сами, король—государь мой! воскликнулъ Сан-
хо, удивленный, но не испуганный, и преклонилъ колѣно.

— Да, я—твой король и бывшій твой гость, донъ Санхо;
теперь ты видишь что гость не злоупотребилъ довѣріемъ, ко-
торое ты имѣлъ къ его рыцарской чести.

— Государь, я вижу это.

— Скажи же мнѣ, донъ Цербуру, произнесъ король съ ка-
кою-то торжественною серьезностью,—думаешь ли ты и теперь,
что губернаторомъ Севильи и президентомъ суда двадцати че-
тырехъ долженъ быть честный человѣкъ, съ головой и серд-
цемъ? отвѣчай же королю, твоему государю, на котораго ты, у
себя, въ твоемъ домѣ, возлагалъ столь тяжелую отвѣтственность!

Съ минуту донъ Санхо молчалъ, но за тѣмъ протворилъ яс-

но и твердо: Государь мой и король! Санхо Цербуру отвѣча-
еть на вопросъ вашего величества: Да!

— Такъ вставай же, донъ Санхо Цербуру—съ этой минуты
губернаторъ Севильи и президентъ суда двадцати четырехъ!

— Государь! воскликнулъ Санхо ошеломленный.

— Что же это, донъ Санхо Цербуру? ты теперь отклоняешься,
когда король, государь твой, беретъ тебя на словѣ?

— Нѣтъ, государь! я не отклоняюсь! пусть исполнится воля
вашего величества! Но—будутъ ли ваши вельможи, ваши дво-
ряне больше повиноваться закону, если на стражѣ его станеть
не кто нибудь изъ нихъ, а простой сельскій дворянинъ? бу-
дутъ ли члены суда двадцати четырехъ—все могущественныя
и знатныя сеньоры,—уважать простаго гидальго, Санхо Цербу-
ро, какъ своего президента и, подъ его предсѣдательствомъ, су-
дить виновныхъ по закону, не разбирая ни лица, ни званія?
Будутъ ли они это дѣлать, король, государь мой?

— Клянусь Святымъ Крестомъ Искушителя, Санхо Цербуру!
воскликнулъ король и его глаза сверкнули тѣмъ огнемъ, передъ
которымъ всѣ дрожали,—что они будутъ это дѣлать!

— А изданные вашимъ величествомъ законы—должны ли
безпрекословно выполняться всѣми, безъ изыятія? и въ Севильѣ
всѣ и каждый будутъ равны предъ закономъ, начиная съ выс-
шаго и до низайшаго простаго агуадора?

— Клянусь святыми мошамъ, Санхо Цербуру! въ Севильѣ
всѣ и каждый должны быть равны предъ королевскими зако-
нами, начиная отъ короля и до агуадора!

— Такъ коснитесь же меня своею королевскою шпагой, ко-
роль, государь мой, и посвятите меня въ рыцари вашего коро-
левскаго закона! торжественнымъ шепотомъ произнесъ Санхо
Цербуру.

Король обнажилъ шпагу и три раза дотронулся ею до плеча
Санхо.

— Я сдѣлалъ такъ, какъ ты просилъ, донъ Санхо Цербуру,
встань, рыцарь королевскаго закона, губернаторъ Севильи,
президентъ суда двадцати четырехъ!

Санхо поднялся съ колѣнъ, съ глубокою почительностью
прикоснувшись губами къ краю ручки короля.

— А теперь, Санхо Цербуру, продолжалъ король,—сидись
опять на своего мула, возвращайся къ себѣ и распорядись со
своимъ домомъ; но, чрезъ три дня—будь опять въ Севильѣ,
чтобы вступить въ должность; когда на третій день зазвонятъ
къ вечернѣ, остановись у тѣхъ же самыхъ воротъ Альказара,
въ которыхъ тебя выпустили вчера; тебя тамъ будутъ ждать; ну,
сеньоръ губернаторъ, va con Dios! отиравайся съ Богомъ,
донъ Санхо и пока—никому ни слова!

И король отпустилъ его жестомъ, полнымъ величія.

Но Санхо Цербуру вновь опустился на колѣни и поцѣловалъ
спявчу короля.

Затѣмъ онъ, отступая, дошелъ до двери и исчезъ за ковромъ,
прикрывавшимъ входъ.

Въ галлерей его ждалъ маордомо, который отвелъ его обрат-
но въ прежнюю комнату, гдѣ уже былъ поданъ обѣдъ.

— Кушайте, сеньоръ гидальго! сказалъ онъ,—вашего мула
сѣдлаютъ, такъ что вы можете сейчасъ же и ѣхать.

— Въ такомъ случаѣ, сеньоръ маордомо, будьте добры—
велите мнѣ подать мула и извините, если я на этотъ разъ не
приму нищи.

— Побѣжайте съ Богомъ, сеньоръ гидальго! сказалъ маор-
домо, доведя Санхо до наружной двери, гдѣ мулъ уже стоялъ.

— Нашъ патронъ, Св. Яго Компостельскій, да хранитъ васъ,
сеньоръ маордомо, и примите мою благодарность за ваше
гостеприимство!

Санхо Цербуру ѣхалъ домой, погруженный въ цѣлый міръ
новыхъ мыслей.

Онъ сознавалъ не только великость отвѣтственности, кото-
рую принималъ на себя, видѣлъ и ожидавшую его борьбу; все
это, однако, его не смущало—онъ былъ увѣренъ въ своихъ си-
лахъ, былъ увѣренъ, что одержитъ верхъ въ этой борьбѣ.

Жену Санхо извѣстие о его возвышеніи сильно испугало: съ
ужасомъ видѣла она въ будущемъ грозозидившійся одна на
другой опасности на ихъ пути и тѣмъ страшнѣе казались онѣ
простой женщины, чѣмъ менѣе ея ограниченный умъ былъ въ
состояніи представить себѣ ихъ форму и значеніе.

Совершенно иное впечатлѣніе оно произвело на Аделаиду.
Во всемъ схожалъ съ отцомъ, дѣвушка воскликнула, полная
гордаго воодушевленія:

— Adelante con Dios, Padre! Съ Богомъ впередъ отецъ, и
бѣда будетъ твоя!

— Надѣюсь на это, моя дѣвочка, и не боюсь ничего! Смѣ-
лѣй жена, и обдумаемъ теперь—какъ намъ съ домомъ нашимъ
поступить—я, вѣдь, не хочу ѣхать въ Севилью безъ жены и
дочери.

(До слѣд. №).

Мода въ безобразіи.

(Очеркъ Н. Д.)

Мода—справедливо выразился кто-то—есть неумолимый ти-
ранъ, по отношенію къ которому большинство людей является

добровольными, послушными рабами. И съ этими самоотвер-
женными невольниками продѣлываетъ она все, что ей вду-

мается.—обезображиваетъ внѣшній видъ, красивыя формы тѣла, давшия самой природой, создаетъ множество неудобствъ, наноситъ страшный вредъ здоровью и т. п. Всякое, самое причудливое, предписаніе ея строго выполняется. Критика почти не возвышаетъ своего голоса, созная всю безполезность и безплодность борьбы, и безмолвствуетъ, пока люди приносятъ тяжелыя жертвы этому могущественному божеству. Человѣчество какъ бы ослѣпляется въ этомъ отношеніи или теряетъ остатки своего здраваго смысла. Отсюда, мода является въ его жизни въ высшей степени поучительнымъ и интереснымъ явленіемъ.

Обращаясь единственно пока къ тѣмъ моднымъ предписаніямъ, которыя прямо вели къ обезображенію тѣла и вреду для организма, приходится сознаться, къ сожалѣнію, что во мракѣ время безслѣдно потеряно ихъ происхожденіе. Объяснить его можно лишь догадками. Нѣкоторыя были, вѣроятно, продуктомъ какихъ либо религіозныхъ суевѣрій и воззрѣній; другія проистекали какъ бы и изъ гигиеническихъ требованій; третьи, наконецъ, клонились къ своеобразно-понимаемому улучшенію внѣшняго вида. Однако, каково бы ни было ихъ происхожденіе, смѣло можно сказать,—что мода поддерживалась всегда не желаніемъ придать себѣ своеобразный, оригинальный внѣшній видъ, но наоборотъ—желаніемъ неотстать отъ другихъ, но слѣдовать установившемуся общему обычаю.

То обстоятельство, что волосы легче всего подвергаются желаемымъ измѣненіямъ, придаю моднымъ воздѣйствіямъ на нихъ наибольшую распространенность и многообразіе. Изъ глубокой древности оно перешло въ новыя времена, отъ дикарей къ народамъ цивилизованнымъ. Причудливостямъ моды подчинялась какъ длина волосъ и расположеніе, такъ точно и цвѣтъ ихъ. Не говоря о дикаряхъ, укажемъ, что измѣненіе цвѣта волосъ не такъ давно практиковалось западно-европейскими женщинами—подтвержденіе того мнѣнія, раздѣляемаго многими этнологами, по которому общность обычая свидѣлствуетъ объ общности происхожденія расы.

Прежде всего, среди дикихъ народовъ оказывается весьма распространеннымъ бритье головы, не смотря на мучительность и трудность подобной операціи, производившейся съ помощію кремневаго ножа или орудіи изъ кости или раковины. Можно было бы подумать, что обычай этотъ возникъ ради возможности содержать голову въ чистотѣ, столь необходимой въ жаркихъ странахъ, и, наконецъ, для большей легкости, словомъ, изъ гигиеническихъ побужденій. Однако, подобное предположеніе сильно колеблется въ виду того, что мода брить голову практиковалась лишь по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, среди фиджіанъ, въ то время какъ женщины тщательно брѣютъ волосы—мужчины, наоборотъ, оказываютъ украшеннымъ роскошными, длинными, и извѣстнымъ образомъ, по модѣ, расположеннымъ волосами.

Въ нѣкоторыхъ африканскихъ странахъ считается необходимымъ, въ видахъ увеличенія женской красоты, тщательно вырывать брови, для чего имѣются особые щипчики, составляющіе непремѣнную принадлежность дамскаго туалета.

Почти на пальцахъ рукъ точно также во многихъ мѣстахъ подвергались моднымъ воздѣйствіямъ съ точки зрѣнія ихъ формы и цвѣта. Что же касается до приданія имъ возможно большей длины, то подобный обычай встрѣчается довольно рѣдко, вѣроятно, въ виду значительныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ нимъ.

Почти среди всѣхъ народовъ, въ значительной мѣрѣ, подвергались извѣстнымъ моднымъ воздѣйствіямъ, въ видѣ прокалыванія, обрѣзыванія и измѣненія формы,—носъ, губы и уши. Сто лѣтъ тому назадъ, Букъ нашель между обитателями восточнаго берега Австраліи обычай продѣлывать черезъ хрящъ, раздѣляющій ноздри, палочку толщиною въ палецъ и проходившую почти поперекъ всего лица. Невозможно сказать, ради чего явился подобный обычай. Но независимо отъ того, что онъ несомнѣнно обезображивалъ лицо, палочка дѣлала невозможнымъ дыханіе черезъ носъ и послѣднее могло совершаться лишь черезъ ротъ, почему бѣднымъ мученикамъ моды и приходилось держать его полуоткрытымъ. Отсюда—вредъ для здоровья, неблагозвучное измѣненіе произношенія и, наконецъ, непривычный видъ.

Одно дикое африканское племя, по описанію путешественника Дантѣ, видѣннаго его въ 1651 году, дѣлало отверстія въ губахъ мальчиковъ съ самаго ранняго возраста. Отверстія эти оставались навсегда и въ нихъ вставлялись украшенія изъ раковинъ, иногда относительно порядочной величины. Тоже самое продѣлывалось съ ушами, одинаково и мужчинами и женщинами. Почти такой же обычай существуетъ до сихъ поръ среди батокудосовъ, обитающихъ на югѣ Бразиліи. Въ видѣ украшенія для губъ носится ими продолговатый деревянный конусъ, вслѣдствіи иногда около четверти фунта. При этомъ нижняя губа оттягивается внизъ и обнаруживаетъ зубы и десны, что, понятно, придаетъ лицу омерзительный видъ, никакъ неспособный послужить къ его украшенію. Нѣчто подобное практикуется эскимосами, при чемъ отверстія дѣлаются ими у обоихъ угловъ рта; обычаю этому придаетъ имъ какое-то особое значеніе; подвергаются ему лишь мужчины, въ первый разъ по достиженіи совершеннолѣтія, со всею торжественностью. Но

особенно удивительную изобрѣтательность проявляютъ въ обезображеніи носа, губъ и ушей, дѣлая въ нихъ отверстія и вставляя различныя, тяжелыя и легкія, украшенія,—женщины дикаго племени, тинкиты, живущаго на берегахъ Аляски. Весьма усилѣнно соперничаютъ, наконецъ, съ этимъ племенемъ въ изобрѣтеніи возможно-безобразныхъ модныхъ измѣненій губъ, носа и ушей, негры, населяющіе средину Африки. Нельзя не напомнить при этомъ о столь распространенномъ въ цивилизованныхъ обществахъ прокалываніи ушей и продѣлываніи черезъ отверстія сережекъ, часто сравнительно значительнаго вѣса... Не есть ли это остатокъ прежняго первобытнаго состоянія, подобнаго тому, которое переживаютъ нынѣ еще многія дикія племена людей?

Естественная, столь полезная и цѣлесообразная форма зубовъ, этихъ органовъ, имѣющихъ столь важное значеніе для человѣческаго организма и служащихъ къ немалому украшенію лица, точно также измѣняется весьма разнообразно, по требованію причудливой и уродливой моды. Обыкновенно подобнымъ измѣненіямъ подвергаются только передніе зубы, рѣзцы, какъ находящіеся на виду. Измѣненія эти заключаются иногда въ заостреніи зубовъ, выемкахъ изъ нихъ треугольныхъ частицъ или частицъ, напримѣръ, круглой формы. Результатъ—однакъ и тотъ же, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ: обезображеніе полости рта и помѣха въ выполненіи зубами ихъ назначенія. Мода обнаруживаетъ также частое посягательство и на природный цвѣтъ зубовъ. Такимъ образомъ существуютъ племена, съ отвращеніемъ взирающія на бѣлыя зубы и выкрашивающія, поэтому, свои въ черный цвѣтъ, какъ якобы болѣе соответствующій требованіямъ красоты. Наконецъ встрѣчается обычай дѣлать отверстія въ переднихъ зубахъ и заполнять ихъ кусочками мѣди, тоже въ видѣ украшенія!

Уже одними этими уродливыми и вредными модными обычаями человѣчество поражаетъ наблюдателя. Но на этомъ оно не останавливается и идетъ далѣе, ради требованій моды, подвергая измѣненіямъ внѣшнія части тѣла, передающіяся костному остову и органамъ, находящимся внутри его. Обезобразить волосы, уши, губы—еще не такъ трудно. Но обезобразить, напримѣръ, черепъ—это гораздо труднѣе и тѣмъ поразительнѣе. Между тѣмъ, обычай искусственнаго измѣненія формы головы принадлежитъ къ числу давнихъ и широко распространенныхъ. О немъ упоминаютъ многіе древніе писатели; о немъ же свидѣлствуютъ и нынѣшнія археологическія открытія. Встрѣчается онъ въ такихъ племенахъ, которыя никогда не соприкасались другъ съ другомъ, и одно не могло, поэтому, заимствовать его у другаго. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ племени обычай этотъ возникалъ самостоятельно. Желаемыя измѣненія придавались и придуются черепу обыкновенно тогда, когда кости его еще не приобрѣли достаточной твердости и легко поддаются внѣшнимъ влияніямъ. Совершались они или съ помощію рукъ—смотря по степени и характеру желаемого измѣненія—или съ помощію какихъ либо механическихъ приспособленій, въ родѣ лубковъ. Ради моды, черепу придавались иногда плоскій видъ,—отчего представители одного индійскаго племени до сихъ поръ обыкновенно называются „плоскоголовыми“; или же искусственнымъ образомъ дѣлали его продолговатымъ; точно также черепъ подвергался сдавливанію съ боковъ и т. п. Словомъ, и въ этой области проявлено человѣчествомъ немало изобрѣтательности, достойной лучшей участи. Само собою разумѣется, что столь безобразныя измѣненія благороднѣйшей части тѣла—головы, сопровождалась болью, иногда довольно значительной, для ребенка, котораго подвергали модной пытки. Оно влекло за собою, конечно, частыя заблѣванія, кончавшіяся смертью. Не могла также подобная мода не отразиться и на умственномъ здоровьи людей, слѣдовавшихъ ей. Развитіе мозга задерживалось, извращалось и, такимъ образомъ, нѣрѣдко возникали отсюда случаи идиотизма. Трудно, кажется, вообразить себѣ какія-либо болѣе печальныя послѣдствія...

Переходя отъ головы къ оконечностямъ, мы не будемъ останавливаться на рукахъ, очень мало потерпѣвшихъ отъ моды. Существующіе кой-гдѣ обычаи отнимать одинъ-два пальца, относятся собственно не къ модѣ, но проистекаютъ изъ религіозныхъ побужденій. За то рѣдко гдѣ естественный видъ и ростъ ногъ не подвергался и не подвергается изуродованію, на основаніи различныхъ нелѣпыхъ требованій моды. Впрочемъ—то обстоятельство, что обитатели тропическихъ жаркихъ странъ обыкновенно ходятъ босыми, несомнѣнно умѣряло модное воздѣйствіе на нижнія оконечности. Пронуская, поэтому, нѣкоторые капризы первобытной моды, приходится, прежде всего, съ изумленіемъ остановиться передъ народами, достигшимъ значительной степени развитія и приобрѣвшимъ себѣ печальную историческую и, кажется, всемірную извѣстность практикуемымъ среди его женщинами глубокимъ изуродованіемъ ногъ. Народъ этотъ—китайцы. Изуродованіе ногъ производится ими надъ дѣвочками, достигшими пятилѣтняго возраста. Нижнія оконечности заключаются въ особые лубки, которыми онѣ сильно сдавливаются и измѣняютъ свою форму, а именно, стѣбаются такъ, что пятка принимаетъ положеніе нѣсколько выше носка, который направляется внизъ—на подобіе копыта. Выходить нѣчто въ высшей степени безобразное, въ связи съ зна-

чительнымъ уменьшеніемъ величины ногъ. Последнія, наконецъ, подвергшись подобному измѣненію, оказываются гораздо менѣе способными выполнять и то назначеніе, которое возложено на нихъ природою. Китайская женщина ходитъ черезъ это съ трудомъ и странной неуклюжей колеблющейся походкой, готовая упасть ежеминутно, вследствие недостаточности широкаго основанія, на которое опирается ея тѣло. Самый способъ подобнаго изуродованія ногъ заключаетъ въ себѣ много мучительнаго. Тѣмъ болѣе, что практикуется надъ болѣе или менѣе окрѣпшими костями, не въ самомъ раннемъ возрастѣ. Обычай этотъ болѣе распространенъ въ высшихъ классахъ китайскаго населенія, нежели въ низшихъ.

Къ сожалѣнію, всѣ цивилизованные народы сходятся съ китайцами въ дѣлѣ изуродованія ногъ ради требованій причудливой моды. Модная обувь, употребляемая среди нихъ, не стремится соответствовать той красивой и целесообразной формѣ, которую дала природа низшимъ оконечностямъ. Наоборотъ, модъ въліяніемъ обуви, форма эта измѣняется къ худшему у всѣхъ, кажется, безъ исключенія представителей современнаго, такъ называемаго цивилизованнаго человечества — кромѣ тѣхъ развѣ, кого „цивилизация“ не наградила все таки саногамъ. Отъ узкихъ носковъ пальцы ногъ тѣсно прижимаются одинъ къ другому и направляются кверху. Самая форма пальцевъ претерпѣваетъ при этомъ часто крайне уродливыя измѣненія. Благоклонность моды къ „маленькимъ ножкамъ“ создаетъ то, что обувь носить обыкновенно съ ранняго возраста поуже, особенно женщины, дабы приостановить развитіе ногъ. Отсюда боли, иногда весьма чувствительныя, и серьезныя заболѣванія. Наконецъ, высокіе каблуки, нынѣ столь употребительные, ведутъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, живо напоминающа о китайскомъ обычаѣ.

По вѣрды ли можетъ сравниться какой-либо модный обычай, практиковавшійся и практикуемый среди дикихъ и развитыхъ народовъ, съ столь распространеннымъ нынѣ залягиваніемъ въ корсетъ. Въ немъ особенно ярко отражается присущее модѣ противорѣчіе истинной красотѣ и ея вредное влияние на органы тѣла. Тонкая „талія“ не составляла вовсе принадлежности древнегреческихъ художественныхъ образцовъ женской красоты, и естественный размѣръ ея не только не служилъ недостаткомъ въ этихъ образахъ, но наоборотъ, создавалъ обаяніе мощи. Да и стремится ли, вообще, сама природа гдѣ либо къ безобразію? Между тѣмъ, прихотливая мода предъявила строго-выполняемое требованіе, якобы въ видахъ красоты, возможно тонкой „таліи“ отъ женщины. И въ ущербъ красотѣ, собственному здоровью, здоровью будущаго поколѣнія, претерпѣвая неудобства и боли, подвергаясь заболѣваніямъ, — современныя женщины соперничаютъ между собою на этомъ поприщѣ. Ни одинъ обычай не приноситъ и не приноситъ никогда, вѣроятно, столь обильныхъ жертвъ тому, созданному самими людьми, ненасытному божеству, которое именуется модой.

Нужно ли еще говорить объ этомъ, ярче живописать вредъ корсетовъ и другихъ современныхъ модныхъ приспособленій? Но это такъ ясно само по себѣ. Остается пожелать, чтобы, или индивидуальная воля, скованная и раздражительными обычаями нынѣ, освободилась отъ нихъ и постепенно гарантировала человѣку его естественное здоровье и красоту, или чтобы подъ вліяніемъ здравыхъ естественн историческихъ, гигиеническихъ и эстетическихъ понятій, измѣнилось общее неестественное, вредное для здоровья и противорѣчащее истинному понятію о красотѣ направленіе такъ называемыхъ модныхъ обычаевъ и приспособленій.

Нужно ли еще говорить объ этомъ, ярче живописать вредъ корсетовъ и другихъ современныхъ модныхъ приспособленій? Но это такъ ясно само по себѣ. Остается пожелать, чтобы, или индивидуальная воля, скованная и раздражительными обычаями нынѣ, освободилась отъ нихъ и постепенно гарантировала человѣку его естественное здоровье и красоту, или чтобы подъ вліяніемъ здравыхъ естественн историческихъ, гигиеническихъ и эстетическихъ понятій, измѣнилось общее неестественное, вредное для здоровья и противорѣчащее истинному понятію о красотѣ направленіе такъ называемыхъ модныхъ обычаевъ и приспособленій.

Визиты къ молодой матери. Ориг. рис. Зюсса, грав. Бонгъ.

Къ рисункамъ.

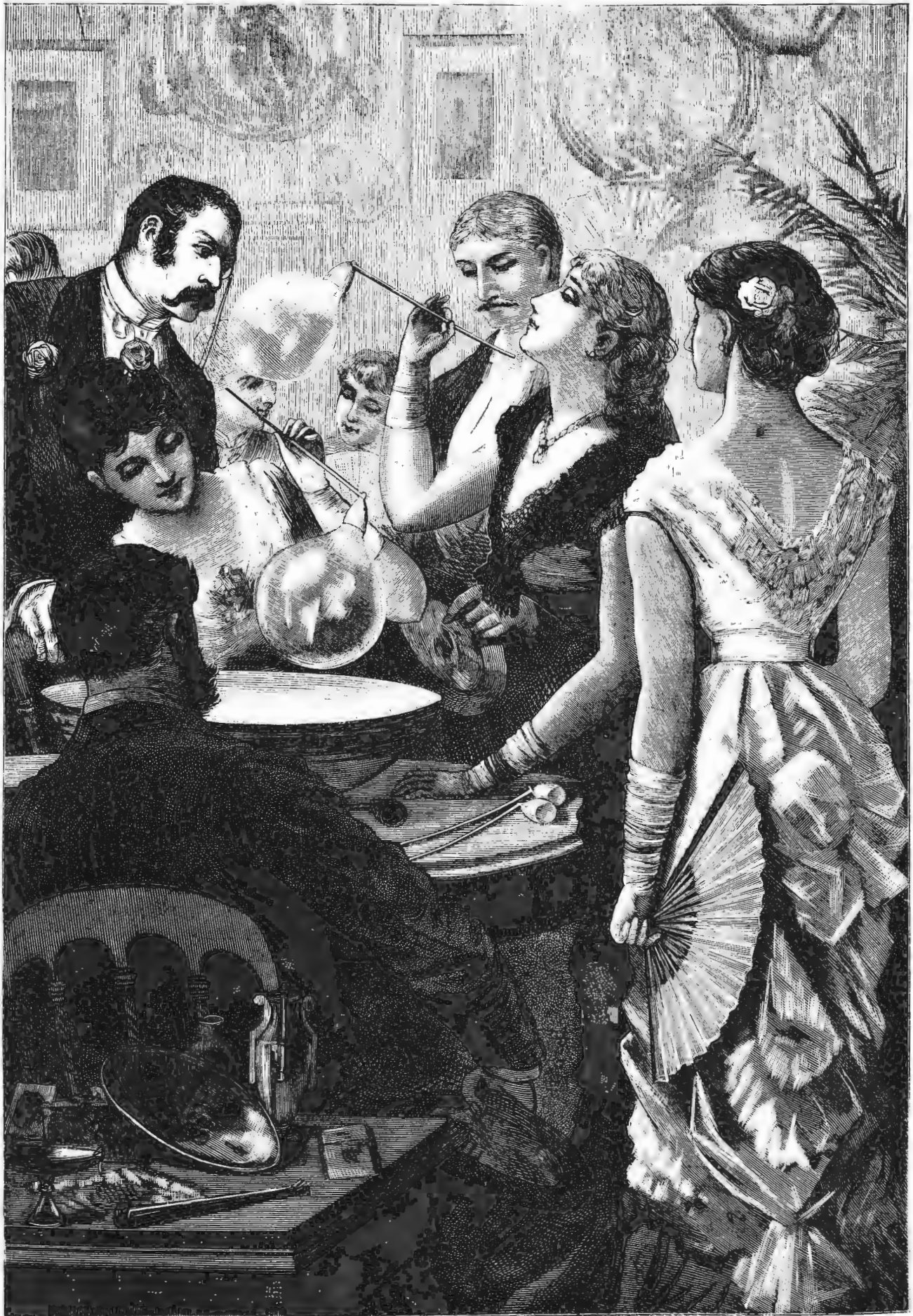
Агасеръ (Вѣчный Жидъ).

(Рис. на стр. 220 и 221).

Среди многочисленныхъ средневековыхъ сказаній и легендъ — легенда объ Агасерѣ, или вѣчномъ жидѣ, была долгое время самымъ распространенною въ Западной Европѣ и произвела глубокое впечатлѣніе не только на простолюдиновъ, но и на людей ученыхъ этого времени. Всѣхъ занимала мысль, какъ бы увидѣть это несчастное существо, гонимое рукою Божіей изъ страны въ страну, и лишнее, среди своихъ безконечныхъ мукъ и угрызений совѣсти, даже угѣшенія смерти. Таинственная легенда видѣла въ Агасерѣ или вѣчномъ жидѣ то привратника судилища, въ которомъ Спаситель былъ осужденъ на

распятіе, передавая, что Агасеръ у дверей судилища далъ жестокий ударъ Спасителю по лицу и сказалъ съ язвительной насмѣшкой: „Иди скорѣй Исусъ, иди скорѣй; мнѣ некогда съ тобою терять время“; Исусъ же взглянулъ на него кроткимъ взглядомъ и сказалъ: „И ужоу, ты же будешь ждать Меня до Моего втораго пришествія“. Другая легенда рассказываетъ, что Агасеръ былъ тотъ башмачникъ, который отогналъ отъ своего дома Исуса, изнемогающаго подъ тяжестью креста и остано-вившагося перевести духъ. Тогда Спаситель сказалъ ему: „И, остановлюсь и отдохну, а ты будешь идти вѣчно!“ Съ тѣхъ поръ Агасеръ покинулъ домъ и сталъ бродить по свѣту, оплакивая свое преступленіе.

Нѣтъ сомнѣній, что легенда объ Агасерѣ восточнаго про-

Въ Америкѣ. Игра въ мыльные пузыри. Рис. Тренчъ, грав. Велеръ.

исхождения, занесенная крестоносцами в Европу и получившая там необычайное распространение, особенно между сельскими жителями, которые видели вѣчнаго жидѣ въ каждомъ оборванномъ чужеземцѣ, обладающемъ сѣдою бородою, важнымъ, серьезнымъ видомъ и который шель не останавливаясь, не поднимая ни на кого глазъ и хранилъ упорное молчаніе. Такія таинственныя, мрачныя личности являлись иногда и въ городахъ и каждое ихъ появленіе аккуратно вносилося въ мѣстные лѣтописи хроникерами добраго стараго времени. Такъ одинъ германскій епископъ XVI стол., Павелъ фонъ-Эйденъ, серьезно сообщаетъ, что онъ встрѣтилъ Агасеера въ Гамбургѣ и долгое время имѣлъ съ нимъ сношенія. По его словамъ, это былъ человекъ высокаго роста, который казался на видъ не старше пятидесяти лѣтъ. Длинные его волосы падали на плечи; ноги были постоянно босы. Его одежда состояла изъ широкихъ штановъ и короткой юбки, доходившей ему до колѣнъ; длинный плащъ, ниспадавшій до пятокъ, дополнялъ его странный костюмъ. Появленіе вѣчнаго жидѣ замѣчалось много разъ въ XVI вѣкѣ, во Франціи, Германіи и Бельгіи и каждый разъ, по народному повѣрью, предвѣщало какое нибудь общественное бѣдствіе. Такъ вѣчный жидѣ, по свидѣтельству хроникъ, передъ убійствомъ Генриха IV Раваньякомъ, явился въ Страсбургѣ, Бовѣ, Пюонѣ и другихъ городахъ Франціи. Въ 1575 году секретарь Христофоръ Краузе и Яковъ фонъ-Гольдштедтъ, посланные по дипломатическимъ дѣламъ къ испанскому двору, нашли вѣчнаго жидѣ уже въ Мадридѣ, гдѣ, по ихъ словамъ, онъ возбуждалъ общее вниманіе. Въ 1599 году эта же таинственная личность является въ Вѣнѣ, проходитъ Польшу, посѣщаетъ Данцигъ, а въ 1601 году, тогдашніе хроникеры отмѣчаютъ его пребываніе въ Равеннѣ и Краковѣ и даже въ нашей родной Москвѣ, гдѣ, по ихъ словамъ, онъ былъ видимъ многими и со многими бесѣдовалъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Въ хроникѣ города Любека встрѣчаются слѣдующія лаконическія строки: „14-го января 1603 года покинулъ Любекъ тотъ неумиравшій еврей, который, по его собственному сознанию, присутствовалъ при распятіи Иисуса Христа“. Впрочемъ, нужно сказать правду, что уже и въ это время находились болѣе добросовѣстные хроникеры, которые прямо заявляли, что пишутъ съ чужихъ словъ, не удостоясь узрѣть вѣчнаго жидѣ собственными глазами. Въ ближайшія къ намъ столѣтія, мрачная личность вѣчнаго жидѣ уже рѣдко удаивалась своимъ посѣщеніемъ европейскія государства, а если и появлялась въ нихъ, то встрѣчалась съ большимъ неодобрѣніемъ. Такъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, одинъ подобный авантюристъ, выдававшій себя за вѣчнаго жидѣ, фигурировалъ въ Лондонѣ. Легенда о Вѣчномъ Жидѣ, кромѣ знаменитаго романа Евгенія Сю, послужила сюжетомъ для нѣсколькихъ поэтическихъ произведеній, между прочимъ, нѣмецкихъ поэтовъ Гамерлинга и Мозена. Изъ поэмы этого послѣдняго именно и взята прилагаемая сцена. Грандіозный образъ Агасеера, съ его фанатической борьбой противъ христіанства и тяготеющимъ надъ нимъ вѣчнымъ проклятіемъ, рѣзкими чертами обрисованъ въ поэмѣ Мозена. Рядъ несчастій, обрушившихся надъ нимъ начинается смертью его первой жены и вынужденнымъ убійствомъ двухъ его близнецовъ, чтобы они не попали въ руки римлянъ. Затѣмъ, вторая его жена и ея дѣти погибаютъ въ пламени осаждаемаго римлянами храма и наконецъ и третья жена, съ которою онъ жилъ счастливо, также погибаетъ въ волнахъ озера и трупъ ея выброшенъ на берегъ. Это изображено на нашемъ рисункѣ. Мрачный, грозный, въ безумномъ горѣ, сидитъ Агасееръ надъ ея трупомъ. Стихи Мозена во II пѣснѣ поэмы выражаютъ ясно его душевное состояніе.

„И суются волны жизни чередой,
Одна другую жадно поглощая,
А тамъ вдали ужъ новыя толпятся...
Быть вѣчно одному съ самимъ собою,
Безостановочно скитаясь, вѣчно,
Безъ счастья въ прошломъ, безъ луча надежды!
И безконечность этихъ дней ужасныхъ
Стремясь сократить, кидался онъ
Въ бушующія волны этой жизни.
И вновь его тоскующее сердце
Избранницу нашла,—забилось страстью—
И та уже погибла...“

Содержаніе этихъ стиховъ превосходно передано въ эффектной картинѣ Марра.

Литерат. альбомъ. Бояринъ Орша. М. Ю. Лермонтова.

(Рис. на стр. 225).

Прекрасно задуманный и рельефно очерченный пашизмъ поэтомъ типъ боярина Орши отличается своей психологической и исторической правдой. Да, въ суровое время Грознаго Царя такіе ужасы, какіе описываются въ этой поэмѣ, были не необыкновеннымъ дѣломъ. Воспитанный въ суровой школѣ Грознаго, бывшій въ средѣ его опричниковъ, онъ и тамъ не ужился; гордость его и тамъ считала себя оскорбленной, и вотъ, распростившись съ дворомъ Царя, онъ удалился въ свою уединенную усадьбу, чтобы жить замкнуто, подчиняясь одной

своей непреклонной, суровой волѣ. Недоступный для всѣхъ другихъ радостей, онъ холитъ единственное сокровище—свою дочь. Только ей онъ вѣрилъ; только она не возбуждала его вѣчныхъ подозрѣній, но вотъ въ одну безсонную ночь онъ призываетъ своего холопа Сокола и приказываетъ ублаживать его какою нибудь пѣсню. Хитрый Соколъ, какъ нарочно затягиваетъ пѣсню, гдѣ говорится какъ дочь знатнаго боярина полюбила конюха; отецъ засталъ ихъ на свиданіи и обоимъ предалъ смерти. Пѣсня Сокола поразила Оршу страшнымъ предчувствіемъ; въ немъ неожиданно проснулись подозрѣнія и въ умъ его вдругъ блеснула мысль: а что если это правда? Надо подсмотрѣть, надо увѣриться! — И вотъ онъ какъ тать подираживается къ свѣтлицѣ своей дочери; проходитъ мимо спящей ея мамы и останавливается у дверей. Здѣсь онъ слышитъ, что въ свѣтлицѣ дочь не одна; кто-то шепчетъ ей нѣжные рѣчи и она отвѣчаетъ на нихъ также страстными шепотомъ. Орша съ замираніемъ сердца ждетъ, что будетъ дальше.

И голоса замолкли вдругъ,
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ подѣлуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукою
И изступленный и вѣмой
Предсталъ предъ блѣдною челою.

Этотъ моментъ и изображенъ на рисункѣ. Арсеній—рабъ, безродный сирота, которому онъ когда-то далъ призоръ и кровь, держалъ его дочь въ своихъ объятіяхъ. Гнѣвъ старика не имѣлъ границъ; приказавъ связать дерзкаго своимъ холопамъ, онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на несчастную дѣвушку, упавшую безъ чувства на полъ; въ какой-то страшной рѣшимости онъ замыкаетъ дверь свѣтлицы и велитъ бросить ключъ въ Дитиръ. Арсеній караетъ монастырскій судъ какъ бѣлаго монаха: до казни его заираютъ въ темницу, но онъ бѣжитъ и исчезаетъ безъ вѣсти.

Прошло много лѣтъ; хищная Литва вторгается въ русскіе предѣлы и бояринъ Орша собираетъ соратниковъ, чтобы отразить набѣгъ, но силы его оказались слабые, чѣмъ у врага; войско его побито и онъ самъ, смертельно раненый, готовъ уже испустить духъ. Въ эту минуту передъ нимъ неожиданно является Арсеній, бывшій сообщникомъ литовскаго набѣга. Арсеній видитъ, что старику остается жить недолго и съ замираніемъ сердца спрашиваетъ о судьбѣ его дочери. Орша отвѣчаетъ съ усмѣшкой:

Скажи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь мол; ни ночь, ни днемъ
Не ѣсть, не спать, все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ.

Это были послѣднія его слова; онъ умираетъ, а Арсеній, какъ съумасшедшій, сломя голову, слышитъ въ знакомую усадьбу, гдѣ онъ оставилъ свою милую. Тотъ-же теремъ съ дѣвической свѣтлицей, но повсюду слѣды запустѣнія; въ покояхъ нѣтъ ни души и въ нихъ свободно ходитъ вѣтеръ. Но вотъ по ветхой лѣстницѣ онъ слышитъ въ свѣтлицу, выбиваетъ дверь и ему представляется страшное зрѣлище:

„Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей
Съ улыбкой вѣчной и пѣмой—
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой!“

„Медвѣжья охота“, картина Перова.

(Рис. на стр. 228).

Выставка произведеній покойнаго Перова весьма охотно посѣщалась публикой въ Академіи Художествъ. Многія изъ картинъ весьма замѣчательны по силѣ выраженія и весьма эффектны. Мы намѣрены представить нѣсколько наиболее характеризующихъ этотъ оригинальный талантъ и менѣе извѣстныхъ публикѣ. Въ настоящемъ № мы помѣщаемъ его „Медвѣжью охоту“.

Художникъ изобразилъ способъ охоты, употребляемый сѣверными охотниками—осаду медвѣдя въ его берлогу. Иногда заваливаютъ берлогу корнями и затѣмъ стрѣляютъ туда, но это портитъ шкуру и не практикуется особенно много. Дѣлаютъ эту осаду и другимъ способомъ: нарубаютъ нѣсколько вершинъ елей и пихтъ, длиною аршина въ два, и подходятъ къ берлогу. Заслышавъ движеніе звѣря, втыкаютъ туда вершинку тостамъ концомъ (комлемъ) впередъ. Такъ какъ вѣтви ели растутъ вверхъ, то медвѣдь легко втаскиваетъ вершинку къ себѣ. Вслѣдъ за первой вершинкою втыкается другая, третья. Звѣрь озабоченъ реветъ, все втаскиваетъ къ себѣ, но вытолкнуть уже не можетъ, такъ какъ этому мѣшаютъ вѣтви. Медвѣдь прижатый къ одной сторонѣ, начинаетъ реветъ, по реву опредѣляютъ мѣсто его нахождения и стрѣляютъ въ упоръ. Нерѣдко случается, однако, что раненый звѣрь, притаившійся въ углу берлоги, гдѣ нули въ него не попали, когда разрывали берлогу, вырвался изъ своего логовища и отважнымъ охотникамъ сильно таки доставалось...

Ледяной домъ въ Монреалѣ.

(Рис. на стр. 229).

Ежегодно въ городѣ Монреалѣ въ Канадѣ происходятъ величественные зимніе праздники (карнавалъ, т. е. наша масляница), на которые соучастники и зрители стекаются со всей сѣверной Америки. Это почти тоже, что Римскій карнавалъ съ его великолѣпными поѣздами, непринужденной уличной жизнью и безумнымъ весельемъ, съ тою разницею конечно, что условія температуры здѣсь совсѣмъ иныя. Американскія празднества приспособлены къ климату, и быть можетъ единственно потому, празднества эти своеобразнѣйшія во всемъ мірѣ. Продолженіе цѣлыхъ недѣль идутъ приготовления; принимаются мѣры къ возможно удобному передвиженію участниковъ и зрителей, число которыхъ доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Главныя развлечения обширной, рассчитанной на нѣсколько дней, программы состоятъ въ величественныхъ поѣздкахъ на саняхъ въ 300 и 400 саней, въ процессіяхъ и гонкахъ на льду, народныхъ играхъ, гонкахъ на лыжахъ, наконецъ въ банкетахъ и веселыхъ пиршествахъ. Само собою разумѣется, что въ промежуткахъ бываютъ балы и маскарады.

Игры и гонки происходятъ на большой, въ милю длины, площади и эта послѣдняя бываетъ прелестно разукрашена. Но средоточіе празднества образуетъ громадная постройка изъ льда, выведенная въ центрѣ города въ скверѣ Доминіанъ. Это четырехугольникъ, имѣющій 100 футовъ внутри, съ четырьмя башнями, каждая въ 15 футовъ ширины и 30 футовъ вышины. Въ центрѣ зданія поднимается высокая въ 100 футовъ башня. Стѣны и башни сдѣланы изъ большихъ, равностороннихъ ледяныхъ глыбъ, взятыхъ изъ рѣки Св. Лаврентія.

Хрустальный прозрачный этотъ матерьялъ соединяли поливкой водою, пока отдѣльные куски не смерзались плотно и не образовали сплошной стѣны. Крыша сдѣлана изъ балокъ, соединенныхъ вѣтвями елей, которые изъ пожарныхъ трубъ поливались водою, пока въ сильные морозы не смерзались и не покрывались толстою ледяною корою, съ многочисленными ледяными зубцами.

Видъ этого ледянаго дворца при солнечномъ сіяніи необыкновенно красивъ, но еще великолѣпнѣе дворецъ бываетъ ночью подъ концентрическими лучами электрическихъ лампъ и тогда въ этомъ магическомъ освѣщеніи онъ производитъ какое то сказочное впечатлѣніе. На нашемъ рисункѣ дворецъ представленъ во время электрическаго освѣщенія. Еще сильнѣйшее впечатлѣніе производитъ внутренность дворца. Въ этомъ году празднества начались 23 января и продолжались до 27 числа. Всѣ эти пять дней, одно удовольствіе смѣнялось другимъ. Праздникъ начался открытіемъ ледянаго дворца и во

все время погода благопріятствовала ему; термометръ постоянно показывалъ ниже нуля. Какое значеніе имѣло это празднество, видно изъ того, что 24 января—день самыхъ разнообразныхъ удовольствій, по распоряженію бургомистра, были закрыты всѣ лавки и приостановлены занятія въ школахъ.

Визиты къ молодой матери.

(Рис. на стр. 232).

Она еще не совсѣмъ здорова, не совсѣмъ оправилась, но имѣетъ совершенно счастливый видъ. Цѣлая семья крохотныхъ, желтыхъ, пушистыхъ птенчиковъ попискиваетъ кругомъ нея. Столько заботъ, хлопотъ! Того шалуна надо легонько клонуть, этого прикрыть крыломъ—онъ самый маленькій и пѣжный и можетъ легко простудиться. Весь курятникъ уже знаетъ о ея семейномъ счастьи. Являются ее поздравить. Съ дальняго двора даже пришли любопытныя клочотунки, слышавшія объ своей знакомой, надѣясь, что пѣтухъ будетъ же какъ нибудь праздновать семейное событіе и не мало зеренъ и хлѣбныхъ крошекъ перепадетъ имъ. Но пѣтухъ захопотался, повидимому, по домашнимъ дѣламъ и вовсе не намѣренъ угощать почительницъ и, появившись сквозь слуховое окно изъ внутреннихъ апартаментовъ, даже нѣсколько недружелюбно поглядываетъ на почительницъ, которыя шумомъ и хлопотаньемъ только разстраиваютъ нервы больной и могутъ напугать малютокъ, только что открывшихъ глазки на освѣтительный Божій свѣтъ...

Игра въ мыльные пузыри въ Америкѣ.

(Рис. на стр. 233).

Кидучая жизнь общества Заатлантической республики. вѣчное исканіе новизны и часто конечно просто недостатокъ новыхъ интересныхъ способовъ развлечения, заставляютъ тамъ въ увеселеніяхъ общества переходить отъ одного къ другому и выдумывать такія, которыя повидимому представляютъ мало шансовъ для развлечения. Теперь очень въ модѣ, принятая даже въ самыхъ богатыхъ салонахъ Нью-Йорка, одна игра, которой предаются съ увлеченіемъ; это—«игра въ мыльные пузыри». Мужчины и дамы въ полныхъ бальныхъ туалетахъ и выдуваютъ въ соломинки мыльные пузыри, какъ и изображено на нашемъ рисункѣ. Кто выдуетъ пузырь красивѣе и больше другихъ, тотъ получаетъ награду очень приятную въ видѣ подарка, розы въ петлицу отъ лица, которымъ интересуется. Устраиваются заклады на лучшіе пузыри и въ каждомъ кружкѣ точчасъ избираются нѣсколько экспертовъ для опредѣленія достоинства пузырей. Все это разумѣется только предлогъ для собраній—это сблизаетъ молодыхъ людей, которые проводятъ время очень весело.

Болезни дикихъ животныхъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели—говоритъ профессоръ Жанъ-Вилель—утверждали, будто, находясь на свободѣ, дикіе звѣри не подвергаются никакимъ заболѣваніямъ, но что послѣднія становятся и ихъ удѣломъ лишь въ плѣну у людей. Мнѣ отлично извѣстно, что это заблужденіе, и можно доказать даже, что дикія животныя, попавшія въ неволю, еще менѣе подвержены болѣзнямъ сравнительно съ гуляющими на свободѣ.

Во время пребыванія своего въ Алжирѣ, въ качествѣ полевого хирурга, я вскрылъ около пятидесяти труповъ львовъ. Легкія двадцати изъ нихъ оказались въ нездоровомъ состояніи, на половину разрушенными, что показывало распространенность чахотки между львами Сахары и Сагэли (Sahel).

Съ 1869 года умерло въ парижскомъ Jardin des Plantes семь львовъ. Всѣ они здѣсь-же и родились. Вскрывъ, я нашелъ легкія у всѣхъ ихъ вполне здоровыми. Откуда такая разница? Они правильно получали пищу и охранялись противъ суровой погоды, въ то время какъ африканскіе львы, гуляющіе на свободѣ, по цѣлымъ днямъ остаются безъ пищи, вдыхаютъ песчаный воздухъ пустыни и часто насвобозъ промочиваются проливными дождями.

Въ Jardin des Plantes есть волкъ изъ Арденкъ, пойманный еще шестилѣтнимъ. И вотъ, началъ онъ страдать первоначально сильными кашлемъ, такъ что одно время опасался даже его смерти. Онъ харкалъ и плевалъ безпрестанно, оставаясь крайне угрюмымъ и пасмурнымъ. Довольно часто по нѣскольку дней воздерживался онъ отъ пищи. Наконецъ, мы хлороформовали его и изслѣдовали глотку. Онъ былъ найденъ страдающимъ катарромъ слизистыхъ оболочекъ носа въ самой тяжелой формѣ, отъ котораго скоро выздоровѣлъ, подвергнувшись соответствующему леченію. Десять волковъ, родившихся въ самомъ саду, никогда не обнаруживали, между тѣмъ, ни малѣйшаго признака этой болѣзни.

Г. Жакемаръ, извѣстный индійскій охотникъ, не разъ говаривалъ мнѣ, что видѣлъ тигровъ, харкающихъ кровью и до такой степени ослабѣвающихъ, вслѣдствіе этого, что къ нимъ можно бываетъ приближаться безнаказанно на нѣсколько футовъ.

Всѣ обезьяны представляютъ собою существъ чрезвычайно

нѣжныхъ. Онѣ не прожорливы, и постоянно дѣлаютъ много движеній, рѣдко страдаютъ какими либо внутренними болѣзнями. Но онѣ обладаютъ чрезвычайно слабыми легкими, и вотъ почему многія изъ этихъ интересныхъ животныхъ, привезенныя въ Европу, умираютъ отъ перемѣны воздуха, дѣты, воды. Нѣтъ болѣе разумнаго животнаго, чѣмъ шимпанзе, представляющая собою по истинѣ удивительное существо. Во время пребыванія въ Берлинѣ, я обѣдалъ однажды въ зоологическомъ саду рядомъ съ хорошенькой шимпанзе. Съ каждымъ блюдомъ она обращалась точъ въ точъ, какъ человѣкъ, клала сахаръ въ свою чашку, размѣшивала его ложечкой и съ видимымъ наслажденіемъ выпивала. Но глаза ея блестяще неестественно ярко. Я опупалъ пульсъ. Онъ билъ 125 разъ. «Она не проживетъ долго»,—сказала я хозяину животнаго.

— Почему-же? спросилъ онъ печально.

— Въ чахоткѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Часто кашляетъ, дѣйствительно.

Черезъ мѣсяцъ шимпанзе умерла. Лѣвое легкое было у нея уже совершенно разрушено.

Плотоядныя животныя страдаютъ пищеварительными расстройствами лишь тогда, когда питаются дурнымъ мясомъ. Я вскрывалъ трехъ геенъ, двухъ въ Парижѣ и одну въ Лондонѣ. Кишки ихъ и желудка оказались въ совершенно здоровомъ состояніи. Но обратное тому представляла собою старая абиссинская геена, принадлежавшая одному греку, содержателю звѣрница, который самъ поймалъ животное въ Африкѣ. Продержавъ ее у себя живую около двухъ лѣтъ, онъ спросилъ меня: «звѣрька постоянно рвало, онъ часто ложился на землю и жалобно стоилъ. Что тому за причина?» Я вскрылъ геену. Желудокъ оказался въ ужасномъ состояніи. Онъ весь былъ покрытъ рубцами отъ язвъ.

Собаки весьма прожорливы вообще; дикія-же еще болѣе. У насъ, въ Jardin des Plantes есть одна такая, что способна была съѣсть больше инана льва или тигра: за то животное дорого платится за свою прожорливость—оно постоянно страдаетъ сильными завалами и долго не проживетъ.

Лисицы, всегда смысленныя, проявляютъ это качество и по отношенію къ лищѣ. Какой охотникъ нашелъ лисицу погиб-

шею отъ какой либо болѣзни? Зоологи просто любятъ вскрытымъ трупомъ лисицы, ибо никогда ничего нездорового не найдешь въ ея органахъ. Отсюда, лисицы долговѣчны.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, мы получили изъ С. Америки четырехъ буйволовъ. Двое изъ нихъ умерли черезъ три дня по прибытѣ. Они были найдены страдавшими цѣлымъ рядомъ различныхъ болѣзней—несвареніемъ, несовершеннымъ дѣйствіемъ почекъ и жировымъ перерожденіемъ сердца. Два другіе болны до сихъ поръ, а молодой буйволъ, родившійся въ кельнскомъ зоологическомъ саду, представляетъ собою воплощеніе здоровья.

Слонъ выдѣляется изъ всѣхъ животныхъ своей умѣренностью и воздержностью. Онъ ѣстъ такъ мало пищи, по количеству,

что удивительно, чѣмъ еще существуетъ только. Правда, онъ умираетъ въ неволѣ преждевременно, но не отъ физическихъ причинъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ — одно изъ наиболее чувствительныхъ животныхъ. Обида или обманъ глубоко раздражаютъ его всегда. Южно-африканскіе слоны, грубые сравнительно съ взощенными въ неволѣ, умираютъ отъ diarrhoea или засоренія, какъ утверждаетъ Ле-Пальянъ. Но ихъ ручные собратья свободны отъ заболѣваній, между тѣмъ, и если умираютъ преждевременно, то по обыкновенію по вышупомянутымъ причинамъ. Судаявъ, гордость сада, лучший слонъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ, былъ не въ состояніи пережить смерть своего пріятеля, милой собачки Жана.

Политическое обозрѣніе.

Каратеоргиевичъ. — Турція. — Австро-Венгрія. — Германія. — Франція. — Англія.

Мы недавно говорили о пребываніи въ Цетинь князя Каратеоргиевича. Давно уже слышно это имя и, конечно, интересно будетъ читателямъ узнать и то, что этотъ сербскій претендентъ высказываетъ относительно своихъ требованій и надеждъ. Въ Цетинь его посѣтилъ корреспондентъ „Нештскаго Ллойда“, которому князь приблизительно сказала слѣдующее: „Я—законный наследникъ Сербскаго престола; мой дѣдъ, Георгій Черный, положилъ первое основаніе сербской независимости; онъ освободилъ Сербію отъ турецкаго ига; что же касается Милоша Обреновича, то онъ обязанъ престоломъ только предательству и убійству; сербы изгнали Милоша и возвели на княжескій престолъ родителя моего, Александра; онъ былъ слишкомъ слабъ и простодушенъ, но сербы омыли и призываютъ опять мою династію; въ послѣдніе годы, подъ управленіемъ Милана, они испытали цѣлый рядъ катастрофъ въ экономическомъ отношеніи и если нынѣшніе порядки будутъ продолжаться долѣе, то страну постигнетъ не только политическое, но и финансовое разореніе; въ настоящее время настроеніе общественнаго мнѣнія въ Сербіи неблагоприятно Милану; у него нѣтъ надежной опоры, потому что народъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ преслѣдуетъ исключительно своекорыстныя цѣли, тогда какъ интересы отечества пренебрегаются и деньги расходуются на бесполезныя поѣздки; большинство сербскаго народа осталось вѣрнымъ моей династии и какъ только народу будетъ предоставлено свободно высказать свою волю, онъ призоветъ мою династію къ управленію государствомъ; я не желаю возбуждать кровавой революціи, я хочу избѣжать всякаго кровопролитія, но съумѣю возвратитъ себѣ права цеканція мнѣ права мирными средствами и легальнымъ путемъ“. Затѣмъ князь сказалъ, что во время послѣдней черногорско-турецкой войны, онъ хотѣлъ предложить свои услуги династии Нѣгушъ-Петровичей, но друзья отговаривали ему приѣзжать въ Черногорію, чтобы не подавать повода къ недоразумѣніямъ между княжествомъ и Сербіей, и онъ послушался въ интересахъ сербскаго народа. Въ заключеніе Каратеоргиевичъ добавилъ, что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побывать въ Черногоріи—второмъ отечествѣ Каратеоргиевичей, такъ какъ изъ Албаніи ихъ предки перешли прежде всего туда; что ихъ домъ всегда поддерживалъ дружескія отношенія съ домомъ Нѣгушъ и что весною онъ предполагаетъ поѣхать въ Россію, но—это зависитъ, пока, отъ политическихъ обстоятельствъ.

Порта обратилась къ европейскимъ державамъ съ ходатайствомъ о приведеніи въ исполненіе нѣкоторыхъ постановленій

Берлинскаго трактата: относительно дани Болгаріи и принятія доли государственнаго долга Турціи государствами, которымъ она уступила часть своей территоріи.

Въ Австріи скоро будетъ приступлено къ перевозкѣ вооруженія и снаряженія въ Перемышль и другіе галицкіе склады. Въ палатѣ депутатовъ австрійскаго рейхстага, русинскій депутатъ Кулачковскій высказалъ жалобы по поводу положенія русиновъ; по его словамъ, недавній процессъ о государственной измѣнѣ доказываетъ, что русины поставлены въ невозможность пользоваться правами, которыя предоставлены имъ основными законами государства, и что занятіе наукой преслѣдуется, какъ преступленіе; присвоенная себѣ поляками опека надъ церковною жизнью, вызвала среди русиновъ сильное движеніе: чтобы спастись отъ гибели, русинская религиозная община должна помышлять о переходѣ къ другой религіи.

Въ Германіи произошла частая перемѣна въ министерствѣ: генералъ Камеке, военный министръ, вышелъ въ отставку, вѣдѣствіе того, что недостаточно отстаивалъ въ парламентѣ законопроектъ о пенсіяхъ военно-служащимъ; вмѣсто него назначается командиръ четвертаго армейскаго корпуса, генералъ Блюменталь.

Императоръ Вильгельмъ, въ новомъ своемъ письмѣ къ папѣ, высказываетъ удовольствіе по поводу того, что папа допускаетъ, что обязанность заявлять о назначеніяхъ на духовныя должности не противорѣчитъ основнымъ принципамъ церкви, причемъ императоръ выражаетъ надежду на скорое осуществленіе примирительныхъ намѣреній папы, которыя, прибавимъ отъ себя, не совѣмъ раздѣляютъ кардиналы Якобини и Ледоховскій,—съ ними папа даже и разошелся по этому вопросу. Въ столкновеніи Германіи съ Даніей относительно сѣвернаго Шлезвига объявляется то обстоятельство, что датчане наводнили эту провинцію, а для избѣжанія упрощенія ихъ вліянія, германское правительство и приняло мѣру, т. е. потребовало, чтобы они или вступали въ войска, или выѣзжали, зная, что они предпочитаютъ уѣзжать.

Жюль Ферри не желаетъ приступать теперь же къ пересмотру французской конституціи, находя это несвоевременнымъ. Законъ противъ принцевъ встрѣченъ, при всѣхъ дворахъ, конечно, несочувственно.

Гладстонъ возвратился въ Англію изъ Каппа, гдѣ пробылъ нѣсколько недѣль; въ своей рѣчи онъ высказалъ, что войска королевы выйдутъ изъ Египта только тогда, когда порядокъ тамъ будетъ упроченъ совершенно.

С М Ъ С Ъ.

Французское благотворительное общество въ С.-Петербургѣ, состоящее подъ предѣдательствомъ французскаго посланника вице-адмирала Тореса, имѣетъ цѣлью помогать, по силѣ возможности, бѣднымъ своимъ соотечественникамъ, живущимъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. Обладая самыми незначительными средствами, капиталомъ немногимъ больше 100,000 руб., общество это тѣмъ не менѣе оказываетъ существенную помощь деньгами, одеждой, отправляетъ соотечественниковъ на родину, погребаетъ бѣдныхъ и воспитываетъ дѣтей несостоятельныхъ родителей. Кроме того оно основало на Василевскомъ острову, въ 13-й линіи, домъ призрѣнія, гдѣ ежегодно находятъ пріютъ нѣсколько десятковъ человѣкъ бѣдныхъ, въ томъ числѣ и дѣти. Въ 1882 г. въ домѣ призрѣнія общества среднимъ числомъ находилось 36 постоянныхъ пансіонеровъ. Кроме того выдано на сторону пособій 179 человѣкамъ. Благотворительное французское общество въ числѣ своихъ членовъ имѣетъ нѣсколькихъ докторовъ, живущихъ въ разныхъ частяхъ города, и безвозмездно подающихъ совѣты бѣднымъ, а также нѣсколько аптекъ обязалося отпускать бесплатно лекарства. Въ какомъ образцовомъ порядкѣ находится домъ призрѣнія бѣдныхъ французскаго общества—видно изъ доклада членовъ благотворительнаго комитета общества, обобравшихъ домъ призрѣнія 6-го мая 1882 г. безъ предварительнаго о томъ оповѣщенія.

Прибывъ внезапно, говорится въ докладѣ, не предвидимый о томъ надзирательницу г-жу Жамбонъ, мы застали нашихъ пансіонеровъ за обѣдомъ. Прежде чѣмъ начать обзоръ, мы могли убѣдиться въ чистотѣ и порядкѣ, введенномъ въ скромной столовой,

отведенной для здоровыхъ пансіонеровъ и для призрѣваемыхъ дѣтей. Обѣдъ былъ приготовленъ такъ хорошо и вкусно, что намъ оставалось только сожалѣть, что мы не можемъ въ немъ участвовать. И далѣе въ томъ-же докладѣ говорится: осматривая все помещеніе, мы вышли оттуда въ восхищеніи отъ царствовавшего вездѣ порядка. Г-жа Жамбонъ заслуживаетъ самой искренней похвалы за материнское и серьезное отношеніе къ своимъ питомцамъ и обязанностямъ. Эти похвалы тѣмъ болѣе заслужены, что не ожидая нашего посѣщенія, она не могла приготовиться къ нашей встрѣчѣ, и тѣмъ не менѣе все было найдено въ полномъ порядкѣ.

Дѣлами общества завѣдуетъ комитетъ управленія общества и общія собранія членовъ общества, происходящія ежегодно въ апрѣлѣ. Само общество находится въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Возрастъ англійскихъ министровъ. „Pall Mall Gazette“ приводитъ интересныя статистическія свѣдѣнія о долговѣчности англійскихъ министровъ и государственныхъ людей. Въ послѣднее время много говорили о бодрости Гладстона, между тѣмъ ему минуло 73 года; лорду Биконфильду было 75 лѣтъ, когда онъ покинулъ службу; лорду Росселю — 74 года, лорду Эльдону 76 и лорду Пальмерстону — 81 г. Если провести параллель не по возрасту, а по времени отправленія службъ, то получится результатъ еще болѣе успокоительный. Гладстонъ состоитъ членомъ кабинета лишь 19 лѣтъ, лордъ Россель былъ имъ 24 года, лордъ Ливерпуль — 25 лѣтъ, а лордъ Пальмерстонъ — 28. Гладстонъ состоитъ первымъ министромъ около 8 лѣтъ, лордъ Пальмерстонъ былъ имъ 9 лѣтъ и 4 мѣсяца, лордъ Ливерпуль почти 15 и Питтъ — 18 лѣтъ.

О ПЕРЕМЪНЪ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

100 цвѣтущихъ георгинъ

Желавшіе имѣть, могутъ получить за 1 р. 100 зер. георгинъ новѣйш. сор.; 6 сор. сѣмянъ розъ 1 р.; 10 сор. сѣмянъ лилій 1 р. 50 к.; 20 сор. сѣмянъ цвѣтовъ растений, зимующихъ въ грунтѣ. 1 р.; 12 с. душистыхъ 60 к.; 12 с. эфирныхъ 50 к.; 100 сор. разныхъ 3 р.; 12 с. комнатныхъ 1 р.; 6 с. пальмъ 1 р.; 6 с. каamelій 1 р. 50 к.; 6 с. драценъ 1 р. 50 к.; 6 с. кактусовъ 1 р. 50 к.; пересылка бесплатно, требованія же не 3 р. не принимаются, пожеланія же не отускаются; при сѣмяхъ прилагается полнѣйшій въ Россіи каталогъ огород. и цвѣтовъ сѣмянъ болѣе 3000 сор., цѣны въ которыхъ, въ сложности, дешевле всѣхъ фирмъ въ Россіи. Адресъ: Саратовъ. Приволжское депо сѣмянъ. П. № 2520

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волынского, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефоны. № 2412

Съ 1-го января 1883 году, книгопродавецъ-издатель Мавръ Осиповичъ Вольфъ передалъ всѣ свои дѣла имъ учрежденному и Высочайше утвержденному товариществу подъ названіемъ:

Промышленное и торговое Товарищество М. О. Вольфъ
Товарищество М. О. Вольфъ, утративъ внезапно одного изъ дѣятельнѣйшихъ своихъ участниковъ, Мавръ Осиповича Вольфа, и сообразивъ объ утратѣ, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что вся издательская дѣятельность, равно какъ книжные магазины въ Петербургѣ (Гостинный дворъ, №№ 17 и 18) и въ Москвѣ (Петровка, домъ Михалкова) продолжаютъ свои дѣйствія безостановочно.
№ 2517 2-2 Директоры: О. Л. Вольфъ, С. И. Мануринъ, Л. Э. Вольфъ.

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, В. Морская. № 9. въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ дѣтей, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе рассказовъ:

- 1) Дяденька. 3) Ночь. 5) Грѣхъ ли это?
- 2) Уличная пѣвица. 4) Обезьянка. 6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти рассказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанию эти рассказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвкамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. не епл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Королевская Вюртембергская Академія сельскаго хозяйства Hohenheim.

Дѣтній семестръ начинается съ понедѣльника 2-го апрѣля с. г. Объявленія, указанія лекцій и программы занятій рассылаются по требованіямъ безвозмездно. Гогенгеймъ. Январь 1883 г. Дирекція Королевской Академіи. Д. № 2481 2-2 За директора профессоръ Д-ръ Е. Вольфъ.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной управы
АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКАЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

- ФЕНОЛЬ** для очищенія воздуха въ комнатахъ, устраненія заразы и гнили. флаж. 50 коп.
- КАРБОЛОВЫЙ УКСУСЪ** для туалета и куренія въ комнатахъ. флаж. 45 и 75 коп.
- КАРБОЛОВЫЙ И САЛИЦИЛОВЫЙ ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА.**
- КАРБОЛОВ. И САЛИЦИЛОВ. МЫЛО.—КАРБОЛОВ. ПОРОШОКЪ И ЖИДК. ПО 30 КОП.**
- ЖИДКОСТЬ БЕЗЪ ЗАПАХА** (экстрактъ)
- для уничтож. зловонія и миазмъ въ разныхъ сосудахъ, помойныхъ ямахъ и проч. 40 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

въ которыхъ прѣоблѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близкаго подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмъ:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкв.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Анчикина моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Контора и оптовый складъ: по Измайловскому пр., въ собств. домѣ, № 21.
Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе въѣски, сходныя съ въѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2274 3—3

СОДЕРЖАНІЕ: А. О. Шарлемань (съ портр.)—На морскомъ берегу. П. Н. Гнедича. (Продолженіе).—Донъ-Педро Настильскій. Историческій рассказъ Э. Шпильмана.—Мода въ безобразіи. Очеркъ Н. Д.—Агасверъ (Вѣчный Нидъ) (съ рис.)—Литературный альбомъ. Бояринъ Орша. М. Ю. Лермонтова (съ рис.)—Медвѣжья охота, картина Перова (съ рис.)—Ледяной домъ въ Монреалѣ (съ рис.)—Визиты въ молодой матери (съ рис.)—Игра въ мыльные пузыри въ Америкѣ (съ рис.)—Политич. обозрѣніе.—Сажь.—Шашечная задача.—Задача—ходъ коня.—О подпискѣ на „Ниву“.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.—При этомъ № прилагается „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1883 г. съ 18 рис. и отдѣльнымъ листомъ съ 25 выкройками въ натуральную величину и рисунками выпильныхъ, ажурныхъ работъ.
Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэма Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ашикѣ 30 р.; въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ашикѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.

Г. ТИЛЕ,

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56, противъ памятника Екатерины II.

Универсальный складъ швейныхъ, вышивальныхъ и чулочныхъ машинъ,
ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1871 ГОДУ.

Рекомендуетъ машины Зингеръ съ педальнымъ аппаратомъ, съ модѣйствующими шпулками и всѣми новѣйшими усовершенствованіями. Домини, машина будущаго, работающая весьма легко, безъ всякаго шума, рекомендуется слабымъ и нервнымъ особамъ. Патентъ ТИЛЕ, ручная машина, самая простая и прочная, которая только существуетъ. Кроме того самый обширный складъ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ: для сапожниковъ, портныхъ, сѣдельщиковъ, каретниковъ, мѣшечныхъ и наметныхъ фабрикъ, перчаточниковъ, скорняковъ и пр. Машины шьющія черезъ край, а также настоящей смольной драпой. Большой выборъ лучшаго матеріала: шелка, вѣткы, масла и т. д. Иголки для всѣхъ существующихъ системъ знаменитыхъ фирмъ. Американскіе утюги Леона Ламмертца. Машины для складыванія липсы и плойки.

Примѣчаніе. Каждая машина пробѣгается въ моей механической мастерской и продается съ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ. Гг. иногороднымъ: всѣхъ ножной машинъ—4 пуда, а ручной—1 пудъ, почтовыми издержки 10 коп. съ фунта. За провозъ по желѣзной дорогѣ можно уплатить на жѣстѣ назначенія. Р. № 2519 2—1

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

илиюстрированный журналъ для дѣтей и семейнаго чтенія. Состояній подъ Высочайшимъ Повелѣніемъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и одобренній всѣми Учеными Комитетами, издается въ 1883 году по программѣ прежнихъ лѣтъ, съ приложеніями, преміями и наградами подписчикамъ, рѣшившимъ определенное редакціей количество задатковъ.

ПОДПИСАТЕЛЬНАЯ ЦѢНА: Оба отдѣла (24 кн.) 10 р., съ перес. 11 руб. Каждый отдѣлъ порознь (12 кн.) 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ редакціи журнала „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“, С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 14, кв. № 9.
№ 2518 Редакторъ-Издательница С. КАШПИРЕВА.

ВЫШЛА МАРТОВСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“

СОДЕРЖАНІЕ: Испушеніе мистрисъ Ревизъ, романъ мистрисъ Генри Удъ, законченный.

Въ январской книжкѣ помѣщено: Доказательство нѣтъ и Школа Робинзоновъ, Юлія Верна. Въ февральской: Филлида, Флоренціи Марьеть. Исторія безъ названія. Ея ли дитя. Исторія съ привидѣніями.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, десять рублей пятьдесятъ копѣекъ, для городскихъ одиннадцать, для иногородныхъ двѣнадцать рублей. Тринадцатая книга премія прилагается бесплатно къ декабрьской книжкѣ для подписчиковъ, уплатившихъ сполна за весь годъ.

Подписка принимается исключительно на имя Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. Редакція высылаетъ бесплатно каталогъ съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ „Собранія Романовъ“, продающихся по уменьшенной цѣнѣ. № 2519

Въ главнѣйшихъ магазинахъ поступилъ въ продажу новый элементарный учебникъ французскаго языка, составл. Фену и Лефрансуа (пособіе къ картинкамъ „Изъ русской жизни и природы“)

PREMIÈRES LEÇONS DE CONVERSATION DE LECTURE ET D'ÉCRITURE

à l'usage des familles et des écoles russes par N. Fenoult et I. Lefrançois.

Ч. I-я книга для учащихся (Partie du maître). Ц. 75 к., съ перес. 85 к.
Ч. II-я книга для учащихся (Partie de l'élève). Ц. 85 к., съ перес. 95 к.

10 картинъ „Изъ русской жизни и природы“.
Большія хромолитографіи, исполненныя по акварельнымъ лучшимъ русскимъ художникамъ. Цѣна съ объяснительнымъ текстомъ 2 р. 50 коп.; цѣна всей коллекціи 20 руб.

Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно.
Къ этимъ картинкамъ изданъ: Сборникъ статей, стихотвореній, басенъ и поговорокъ, составл. А. и П. Кореньевыми. Цѣна въ выш. 20 и 2 к.; въ 10—1 р. 50 к. Всѣ выпуски собраны въ одну книгу подъ заглавіемъ „Жизнь и природа въ родной странѣ“, ч. 1 р. 50 к.

Главный складъ у издателей, Н. ФЕНУ и И. СЕВ., Невскій пр., д. Армянской церкви. М. № 2515

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ:

1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ, флажокъ 3 р., пересылка 1 руб.; для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону цѣна 3 1/2 руб., пересылка 1 1/2 руб.; 2) КРАСНЫЯ моментально окрашиваютъ волосы, не линяютъ, въ черной цв. цѣна 3 руб., перес. по 1 рублю. Гороховая улица, д. 57. Магазины-парикмахерская Ивановой № 9110

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ Н. П. ЛАНИНА,

ВЪ МОСКВѢ,

удостоенное **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двѣхъ медалей на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,

неуступающее хорошимъ французскимъ маркамъ.
по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут.
(прямо съ фабрики).

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣнійхъ Азіи.
№ 2435 10—5

НѢЖНОСТЬ ЛИЦА

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЕ

УТИРАЛЬНИКИ
КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употреб. сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и приятно освѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ особенно лицо подвержено вліянію пыли и вѣтра; зимою они необходимы противъ накожныхъ трещинъ, которыя происходятъ отъ холода; также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и проч. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Для предупр. поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пакѣ подписи „А. Энглундъ“, крас. черн.—Пачка 60 к., съ перес. по менѣе 2 пач. 2 р.; 4 пач. съ перес. 3 р.—Получать можно въ „Русск. Обществ. торг. аптек. товар.“ Базанская ул., д. 12, А. Рузанова; въ Гостиномъ дворѣ, по Зеркальной линіи, № 40 и во всѣхъ аптекарскихъ и парф. торговляхъ. Главный складъ для всей Россіи—С.-Петербургъ, А. Энглундъ, Малая Итальянская ул., д. № 3, кв. № 19.
№ 2512 1—1

Для коронаціи

заблаговременно приготавливаютъ и принимаютъ заказъ на мушкетеры съ золотымъ шитьемъ и тамбасомъ.

Губернскаго предводителя дворянства 95 р., уѣзднаго предводителя 75 р., представителя губернскаго земскаго управл. 80 р., общедворянскаго 70 р., брюки бѣлыя каммергер. 35 р., черныя 28 р. и 12 р., жилетъ бѣлый 12 р., черныя 7 р., общегубернскаго форменная шинель и пальто 55 р. и 80 р., шляпа трехугольная 10 р., шапка 8 р.

Иногороднымъ высылаются по требованію рисунки, со способомъ снятія мѣрки.
Прусскій магазинъ, Невскій проспектъ, д. Казанскаго Собора, № 25. С.-Петербургъ.
№ 2511 1—1

Г ГИМНАЗІЯСТАМЪ!

за 5 почтовыхъ марокъ (по 7 коп.) немедленно высылаю во всѣ города Россіи:

ПРОШЕЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ, состоящій изъ 23 раскрашен. въ географическихъ

Добчинскій и Бобчинскій карты, въ издѣніи переплетѣ. Тамъ же продается интересный подарокъ для дѣтей и взрослыхъ—игра Добчинскій и Бобчинскій, въ которой также фигурируютъ: Хлестаковъ, Подкожевъ, Собякинъ, Штухъ, Плюшкинъ, Чичиковъ и Коробочка. При игрѣ прилагаются премія и объясненія на Русск., Франц. и Нѣмецк. яз. Цѣна съ пересылкой 2 р. 75 к. Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія: Б. И. Шайкевичу, Коломенская, д. № 1, кв. 27, С.-Петербургъ, а также и во всѣхъ магазинахъ С. П. Б. и въ Москвѣ. № 2502

Изданія А. Ф. Маркса.

Сиб. Большая Морская, д. № 9.
ПЯТНА ОСТРОЖНАЯ, историч. повѣсть В. С. Соловьева. Сюжетъ замѣчательный изъ русской исторіи и въ разнѣхъ своемъ представляетъ большой интересъ. Тонъ этого прекраснаго 20 рисунками художника Н. С. Ланова. изъ которыхъ выше помѣщенный одинъ рисунокъ даетъ понятіе объ ихъ достоинствѣ. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 10 к., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

„ВОСПИТАНІЕ ХАРАКТЕРА“.

№ 2454 Соч. Проф. Габріеля. Ц. 90 к. 6—6

При этомъ № прил. для гг. иногородн. подписч. (за исключ. Московск. и 5. 6. 8. 17. 18 и 19-го тракта) объявл. отъ Книгопрод. Земскаго въ Москвѣ

Г. ПОЛЬ

изъ Берлина.

Цинко-литейная—въ Москвѣ, Петровскія Торговля линіи.

ФОНТАНЫ, фигуры, канделябры, памятники и надписи. Россійскіе орлы. Балконы, перила, капители и проч. Рисунки высылаются на вост. № 2513 требованіе. 4—1

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

журналъ, посвященный исторіи южной Россіи. Годъ второй (1883).

Выходитъ въ Кіевѣ ежемесячно книжками въ 12 и болѣе листовъ. По временамъ прилагаются изображенія историческихъ южнорусскихъ дѣятели и памятниковъ южнорусской старины.

Цѣна годовому изданію въ 12 книгъ, съ приложеніями 10 р. съ пересылкою внутри имперіи; на заграничную пересылку прибавляется 1 рубль.

Подписка на 1883 г. продолжается. Подписавшіеся на 1882 г. по той же цѣнѣ получаютъ сразу всѣ 12 книгъ.

Адресъ: Кіевъ, въ редакцію „Кіевской Старины“, Софійская площадь, д. Севастьяновой. № 2503 2—2

НЕ ВЪНЧАНТЕСЬ

прежде чѣмъ читать „**TRAIT D'UNION**“, газету перваго дома этого рода въ Европѣ и объяснительную брошюру. Бесплатное почтовое посыланіе за 90 centimes, 53, faubourg Montmartre и 17, avenue Carnot (Champs-Élysées), в ПАРИЖѢ.

8. № 2508 56—2

МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ ПЕЧАТАЮТЪ

КАРТИНЫ,

СОБСТВЕННОГО ИЗДАНІЯ, КРАЙНЕ ДЕШЕВО ДЛЯ

Издателей!

Торгующихъ!

Экспортеровъ!

Новый иллюстрирован. каталогъ гратисъ и франко.

Соответственныя золотыя рамы и каймы по фабричнымъ цѣнамъ.

КАРЛЪ КАУЛИШЪ.

(CARL KAULISCH).

Берлинъ С. ул. Гриницъ № 7а.

(Berlin S. Grimmstr. 7a Deutschld.)

Институтъ для хромофотографіи и печатанія. 8. № 2489 10—3

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

послѣ приостановки будетъ выходить съ 17 Марта с. г.

Подписчикамъ, получившимъ „Русскія Вѣдомости“, будетъ высылаема съ 17-го Марта с. г. „Русскій Курьеръ“.

Подписка принимается на прежнихъ условіяхъ, въ конторѣ изданія: Москва, Москвитинъ мостъ, д. Н. П. Ланина.

Подписывающіеся съ 17 Марта с. г. уплачиваютъ за полмѣсяца 50 к.

Подпиской проситъ посылать въ видахъ своевременной высылки газеты № 2501 5—2

Пріютъ для роженницъ

со всѣмъ удобствами. Пушенинская улица, д. № 20, квар. № 7. № 2498 3—2

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШ. МОРСКАЯ, № 9.

Обращикъ виньетокъ по рис. Н. Каразина, помѣщенныхъ въ началѣ каждой главы романовъ.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ давно уже ожидаемая читателями книга:

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

(ПРОДЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ, С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. иногород. 3 р. 50 к.; въ красивомъ каленковомъ переплетѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ новымъ подписчикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтерьянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ пріобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустимъ имъ это новое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 руб.; въ каленков. переплетѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“, въ Больш. Морской, д. № 9; и въ МОСКВѢ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ Петровск. линіи.—а также можно найти эту книгу у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

Означенная уступка дѣлается только лицамъ, явившимся съ требованіемъ въ главную контору редакціи въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская, № 9, или въ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ Москвѣ.

Достынные отзывы объ этомъ романѣ при печатаніи ея въ „Нивѣ“ 1882 г. и громадное число требованій, поступившихъ къ намъ уже за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода этого отдѣльнаго изданія—даютъ намъ право надѣяться, что книга эта получитъ широкое распространеніе и будетъ читаться съ удовольствіемъ. Интересъ ея содержанія и мастерство разсказа ручаются за это.

Весь циклъ этой коллекціи историческихъ разсказовъ о поколѣніи Горбатовыхъ состоитъ пока изъ трехъ романовъ, а именно: 1) „Сергій Горбатовъ“ (уже вышедшій въ прошломъ 1882 году отдѣльнымъ изданіемъ), 2) „Вольтерьянецъ“ (вышедшій нынѣ) и 3) „Старый Домъ“, который будетъ напечатанъ въ „Нивѣ“ 1883 г.

Поэтому мы рекомендуемъ **МНОГИМЪ ТЫСЯЧАМЪ НОВЫХЪ** подписчиковъ на „Ниву“ 1883 года, которые получаютъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ „Нивѣ“ для чтенія третье продолженіе этого цикла романовъ, „СТАРЫЙ ДОМЪ“, чтобы имѣть полную коллекцію историческихъ разсказовъ Всеволода Соловьева, касающихся поколѣнія Горбатовыхъ.—**ПРИБРѢСТИ**, кромѣ выше публикованнаго изданія „Вольтерьянецъ“, и начальныи романъ, подъ заглавіемъ:

СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

Напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 672 страницы in 8°. С. П. Б. 1882. Цѣна сброшюр. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 к., въ красивомъ каленков. переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп

Событія жизни героя романа, Сергѣя Горбатова, чрезвычайно любопытныя. его отношенія къ Екатеринѣ Великой, къ цесаревичу Павлу, къ любимцу Императрицы Екатерины, графу Зубову, присутствіе героя при страшныхъ сценахъ французской революціи и т. п.—дѣлаютъ этотъ романъ однимъ изъ интереснѣйшихъ по содержанію произведеній современной литературы.

Для новыхъ гг. подписчиковъ „НИВЫ“ на 1883 г., желающихъ пріобрѣсти **ОДНОВРЕМЕННО** оба романа: „Сергій Горбатовъ“ и „Вольтерьянецъ“, дѣлается значительная уступка, а именно: за обѣ книги: сброшюров. въбѣто 6 р. за 4 р. 50 к.; съ перес. въбѣто 7 р. за 5 р. 50 коп.; въ каленковомъ переплетѣ въбѣто 8 р. за 6 р. 50 к., съ перес. въбѣто 9 р. за 7 р. 50 к.—Но уступка эта дѣлается только при обращеніи прямо въ контору редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ. Больш. Морская № 9, или въ отдѣленія „Нивы“ въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской, въ Петровской линіи.

Изданія А. Ф. Маркса въ С. П. Б.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIV годъ
№ 11

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модъ, рис.) и ВЪДАЕТЪ 12 Марта 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfennig. для за грав.) за строку непараллель (въ 1/2 ширины страницъ).

Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 2 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н И В Ъ“ объявленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9 И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ), ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Князь А. М. Горчаковъ.

27 февраля скончался въ Баденъ-Баденѣ маститый нашъ канцлеръ свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ, ослабленный лѣтами (ему теперь было 84 года) и недугами, послѣ 66-лѣтней дипломатической службы. Такая продолжительная и блестящая карьера, какая выпала на долю покойнаго Александра Михайловича, не часто выпадала на долю политическихъ дѣятелей. Его громадные заслуги Россіи оцѣнены давно по достоинству.

Въ нашемъ журналѣ неоднократно появлялись (1871 и 1881 г.) подробныя характеристики дѣятельности знаменитаго канцлера. Здѣсь въ сжатомъ видѣ мы лишь напомнимъ читателямъ главнѣйшія ея черты.

Никто не держалъ такъ высоко и такъ твердо знамя Россіи въ ея дипломатическихъ сношеніяхъ. Ему обязана она тѣмъ высокимъ, въ настоящемъ времени, первенствующимъ мѣстомъ, которое занимаетъ въ ряду первоклас-

Государственный канцлеръ А. М. Горчаковъ. † 27 Февраля. Рис. Шпакъ, грав. Вейерманъ.

сныхъ державъ Европы; ему обязана возстановленіемъ нашей власти въ Черномъ морѣ, вліяніемъ нашимъ на востокѣ. Наконецъ представителю русской земли въ совѣтѣ цивилизованныхъ государствъ, принадлежитъ осуществленіе мысли составленія международныхъ правилъ веденія военныхъ дѣйствій по возможности въ строго-очерченныхъ границахъ.

Еще въ 1855 году, будучи только русскимъ посланникомъ въ Австрію, Александръ Михайловичъ громко и рѣшительно заявлялъ на конференціи, что Россія не приметъ и не можетъ принять условіе, которое нарушало-бы ея право на собственной территоріи. Онъ говорилъ: „великая держава не можетъ принять такого условія и Россія не согласится на ограниченіе своего флота.“ Такое энергически высказанное заявленіе было такъ убѣдительно, что предсѣдатель конференціи графъ Буоль согласился, что „въ теоріи притязаніе ограничить сухопутныя и морскія силы государства, есть покуше-

ние на его верховныя права," но совѣтовалъ „принять это условіе, оговорявъ за своимъ Государемъ полную свободу дѣйствій въ будущемъ.“

Нынѣ Россія принадлежитъ уже иная роль: она является державою умиротворяющею и сдерживающею войнѣлюбивыя посягательства, откуда бы они ни исходили. Голосъ Россіи окрѣпъ и получилъ нравственную силу.

Такимъ результатомъ выразилась двадцатилѣтняя дѣятельность нашего министра иностранныхъ дѣлъ и такія послѣдствія являлись во всякомъ шагѣ его политическихъ комбинацій. Современники не забудутъ и потомки съ благодарностью будутъ вспоминать смѣлый и рѣшительный отвѣтъ его на заявленія европейскихъ державъ, сдѣланныя по поводу польскаго возстанія въ 1863 г. Вся Россія рукоплескала энергическому протесту русскаго канцлера противъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. Судьба этой послѣдней коалиціи противъ Россіи извѣстна, — она рушилась и не имѣла никакихъ послѣдствій, а мятежъ былъ усмирень собственными средствами. Всѣ эти эпизоды совершились на нашихъ глазахъ и мы можемъ прослѣдить замѣчательную дѣятельность князя А. М. Горчакова. Въ будуще, конечно, вся служебная карьера канцлера будетъ раскрыта со всѣми подробностями услугъ, оказанныхъ имъ отечеству; теперь же намъ остается упомянуть только о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся его лично.

На морскомъ берегу.

П. П. Гнѣдича.

(Окончаніе).

XI.

Августа Павловна взяла меня за руку и таинственно повела въ уголокъ. Генераль со Стасей забились въ противоположный уголъ. Юноши что-то спорили о будничности человѣчества.

— У меня есть до васъ маленькое дѣльце, — нѣжнымъ шепотомъ заговорила она. — Вы давно знаете князя?

— Третій день.

Она грустно покачала головой. — Такъ мало! Ахъ, какъ жаль. А мнѣ такъ хотѣлось собрать о немъ свѣдѣнія... Вы знаете, онъ такъ ухаживаетъ, такъ ухаживаетъ за моей дочерью... Вѣдь фамилья Тузлуковыхъ, кажется, очень извѣстна?

— Извѣстна.

— Его мать очень богата, я знаю. У нея три дома въ Москвѣ, да еще домъ въ Петербургѣ. Сестра ея замужемъ въ Петербургѣ за министромъ, вы знаете...

— Какъ-же, какъ-же...

— Ахъ, я сама княжескаго происхожденія, — вздохнула она, — въ жилахъ Стаси течетъ княжеская кровь... Мужъ мой занимаетъ очень видное мѣсто въ Варшавѣ... А вы чѣмъ занимаетесь?

Я объяснилъ ей.

— Такъ, такъ... Послушайте, — князь, кажется, ведетъ нерегулярную жизнь?

— Кажется.

— Женится — переѣмнится. Онъ уже дѣлалъ намеки моей дочери. Конечно, эта партія еще не Богъ въсть что... Но если Стася согласится, я никогда противъ не пойду.

— Да вѣдь онъ женатъ, — внезапно брякнулъ я.

Эффектъ получился полный. Августа Павловна такъ и замерла съ открытымъ ртомъ.

— Же-натъ! по слогамъ выговорила она. — Па комъ?

— На какой-то горничной.

Она всплеснула руками.

— Откуда вы это знаете?

— Онъ самъ говорилъ.

— Боже мой, Боже мой, — какой позоръ...

Она встала, пошла къ дочери и стала ей что-то говорить; та очень равнодушно пожимала плечами.

— Да вѣдь будущее нашей планеты — ледяной періодъ, — говорилъ Ивановъ. — Земной шаръ превратится въ ледышекъ, теплопроизводительность солнечной сферы сведется къ нулю, — на кой-же чортъ твои успѣхи цивилизаціи.

Нашъ государственный канцлеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, родился въ 1799 году и воспитывался въ Царскосельскомъ лицей, гдѣ въ 1817 году окончилъ курсъ и поступилъ на службу въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Съ восемнадцатилѣтняго возраста и до настоящаго времени, князь болѣе шестидесяти лѣтъ исключительно посвящалъ себя дипломатической дѣятельности, что рѣдко бываетъ въ жизни государственныхъ людей, часто подвизающихся на различныхъ поприщахъ. Еще въ молодости князь, состоя при графѣ Нессельроде и графѣ Каподистрія, былъ на конгрессахъ въ Триану, Лайбахѣ и Веронѣ. Онъ находился чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при австрійскомъ дворѣ, пока наконецъ не былъ назначенъ, 15 апрѣля 1856 г., въ высшую должность. Въ 1862 году 17 апрѣля возведенъ онъ былъ въ званіе вице-канцлера, а въ 1867 году — въ званіе государственнаго канцлера.

Нельзя не отдать должной справедливости неутомимому мужеству, съ какимъ князь уже въ преклонныхъ лѣтахъ, несмотря на разстроенное здоровье, исполнялъ возложенную на него обязанность дипломата. Вездѣ сопутствуя въ Божѣ почившему Государю въ заграничныхъ путешествіяхъ, и лично изъ устъ Монарха узнавая цѣли и программы политической жизни Россіи, князь въ высшей мѣрѣ оправдывалъ свое назначеніе.

— А мнѣ на твой ледяной періодъ наплевать, — возмутился Сидоровъ. — Я не признаю будущаго.

— Какъ не признаешь. Какое ты имѣешь право не признавать?

— Да я и права-то самаго не признаю. Я ничего не признаю, кромѣ настоящей минуты. Прошедшее для меня яйца выдѣннаго не стоить. А на будущее я плюю. — Вотъ я живу теперь, и по мѣрѣ силъ человѣчеству пользу приношу...

— А человѣчество признаешь?

— Нѣкоторую его часть. Раціональную...

— А я къ какой части человѣчества принадлежу? — иронически спросилъ Вѣдьминъ.

— Къ ирраціональной! съострилъ Ивановъ. — Не подложите извлеченію...

Я сталъ присматриваться къ Шнейдеру. Сдавалъ онъ еще сносно, — но что онъ плутовалъ въ прикупкѣ, это я видѣлъ ясно. Онъ всегда возвращалъ неудачный сносъ, — и дѣлалъ это удивительно ловко. У князя боковой записи совѣмъ не было...

Августа Павловна, все еще не успокоившаяся и красная, стала приглашать меня играть съ нею. Я отказался, отговариваясь незнаеміемъ. Она упросила хотя въ дурачки поиграть. — Отъ дурачкова отказаться было невозможно: мы сѣли по рублю сдачу. Черезъ полчаса я проигралъ ей шесть рублей. Этимъ дѣло и кончилось.

XII.

Генераль сталъ въ десятый разъ прощаться. Увидѣвъ въ открытомъ рукавѣ Стаси ея полненькую бѣленькую ручку, онъ сталъ приставать къ ней — позволить поцѣловать въ ямочку, въ локтевомъ сгибѣ. Она не позволяла и хохотала. Онъ наклонялся и тоже хохоталъ. Наконецъ ему удалось чмокнуть, и онъ, очень довольный, сталъ въ восторгѣ топтаться на мѣстѣ.

— Пухъ! Пухъ! говорилъ онъ. — Вѣленькій, мякниный, легонькій... Вы вся пухъ, — пухъ отъ устъ Эола... Хе-хе! Позвольте, повернитесь ко мнѣ спиной... Согните руки.

Онъ взялъ ее за локти, и натужившись приподнялъ раза три вверхъ. — Пухъ! Пухъ! повторялъ онъ.

Стася его погнала. — Коли идти, такъ идите. — Тыслчу разъ прощается, фуражку мнетъ въ рукахъ. Терпѣть не могу.

Прощаясь съ княземъ, Вѣдьминъ даже свиснулъ, увидѣвши записку. Вдобавокъ у князя почему-то было записано однимъ королемъ меньше, чѣмъ у Шнейдера.

Князь впрочемъ этого не замѣчалъ, и шампанское подливала себѣ ужъ безъ приглашеній. Юноши нахмурились, когда генераль, спутавъ ихъ фамильи, одного назвалъ Карповымъ, а другаго Петровымъ,—принявъ это должно быть за насмѣшку. Наконецъ онъ ушелъ.

— Боже мой, какъ вы проигрываете, милый князь,—соболезновала Рогова.—Нѣтъ я этого не допущу, какъ хотите, но берите меня въ половинную долю. Непременно, непременно.

Стася стояла у окна и кланялась генералу, дѣлавшему ей съ улицы ручкой. Я подошелъ къ ней.

Луна какая чудесная,—сказала она,—прелесть.

Ночь была южная, темная. По сѣрвато-розовому фону неба, изъ-за тучъ выплывала золотисто-красная луна, дробясь золотую сѣткою зыби въ водѣ, заливая все волшебнымъ свѣтомъ.

— Знаете что? предложила Стася. Поѣдемте въ лодкѣ.—Здѣсь пристань два шага.

— А ваша мамаша ничего не будетъ имѣть, если мы уѣдемъ вдвоемъ?

Она съ наивно-дѣтскимъ удивленіемъ покачала головой.—Конечно ничего. Я пользуюсь у нея полной свободой.

Дѣйствительно, Августа Павловна даже одобрила планъ прогулки, только сказала, чтобы на водѣ мы были осторожныѣ.

Стася надѣла шляпку, накинула мантилью, и взяла меня подъ руку.—Мы на тотъ берегъ переѣдемъ, сказала она, показывая рукой на ту сторону залива. Ты мама, главное, не безпокойся.

Мы пошли. Старикъ-лодочникъ подогналъ къ пристани свою лодку. Стася ловко перепрыгнула черезъ бортъ, показывая узенькую ботинку изъ-подъ платья.—„Пухъ, пухъ!“ вспомнилъ я генерала.

На водѣ было еще лучше. Теплая, тихая, она чуть плескалась вокругъ высокихъ бортовъ большой морской лодки. Старикъ рыбакъ сильно налегаль на весла своими шаршавыми ладонями. На веслахъ сверкали капли и алмазными нитями сыпались въ волны. Разноцвѣтные огни пароходовъ гирляндами сіяли на рейдѣ. Огромныя суда, какъ морскія чудища, всплывшія на поверхность вздохнуть свѣжимъ вечернимъ воздухомъ, тяжело ныхтѣли, смутно чернѣя распростертыми реями въ золотистой ночной мглѣ. Звѣзды дрожали и искрились въ водѣ. Мы скользили словно въ дымкѣ какой.

Мнѣ вспоминался германскій лирикъ:

Wir sassen beisammen
Traulich in leichten Kahn.
Die Nacht war still, und wir schwammen
Auf weiter Wasserbahn...

Не доставало только далекой пѣсни любви... Стася сбросила мантилью и задумчиво смотрѣла на небо. Ея темно-синіе глаза казались теперь совсѣмъ черными... О чемъ она думаетъ,—мечтаетъ? спрашивалъ я самъ себя.

— Вы въ карты не играете? внезапно сказала она.

— Нѣтъ,—а что?

— Я такъ... Это хорошо, что вы не играете,—и не играйте. Особенно у насъ...

— Отчего-же...

— Оттого что этотъ Шнейдеръ... Съ нимъ не надо играть. Онъ плутуетъ въ игрѣ.

— Какже ваша мамаша принимаетъ его, знакома съ нимъ, если онъ шуллеръ?..

Она опять подняла глаза на луну, и ничего не отвѣчала...

— Настасья Николаевна,—вамъ сколько лѣтъ?

— Семнадцать...

— Только? вырвалось у меня.

— Правда,—я старше выгляжу? улыбнулась она.—Я много пережила, я очень много пережила и видѣла. Пной во всю жизнь не увидить того... Вы знаете, что

меня теперь ничто не интересуется,—въ шестнадцать-то лѣтъ.

„Въ родѣ князя,—подумалъ я: того тоже ничто не интересуется...“

— Я давно не помню, что бы хоть чтонибудь живо заняло меня, на что бы я отъ души откликнулась. Я иногда съ ужасомъ думаю: Господи, да неужели мнѣ все еще семнадцать лѣтъ,—неужели впереди еще такъ много.

— Конечно... встрѣтитесь съ человѣкомъ, который вамъ понравится, влюбитесь,—новая жизнь зацвѣтетъ.

Она грустно трихнула головой.—Нѣтъ. Я не встрѣчусь,—если встрѣчусь, то не полюблю,—а если и полюблю, то никогда не скажу объ этомъ.

— Отчего?

— Оттого что я искалѣченная. Я не такая, какъ все остальные. Я бы муку для мужа составила. Послушайте... Нѣтъ, вы не поймете меня... Это трудно понять. Да я и высказать не умѣю. Видите, я вѣрю, что въ человѣкѣ бываетъ иногда еще что-то такое, что не у всякаго бываетъ. Какая-то сила въ немъ есть,—и этой силой онъ можетъ окружающихъ мучить. Вы не понимаете?

— Что-то смутно...

— Ну да,—я знала, что вы этого не поймете. Вотъ во мнѣ эта сила и есть. Это ужасная вещь... Она у меня временами проявляется. Меня тогда все начинаютъ бояться. Я и сама себя тогда боюсь... И я знаю, кто это все дѣлаетъ...

— Кто? То есть какъ кто?..

— Нѣтъ,—вы вѣдь смѣяться будете...

— Зачѣмъ-же? Вѣдь вы искренно говорите?

— Искренно, конечно, искренно! съ жаромъ воскликнула она. Неужели-же вы думаете, что я бы рѣшилась съ вами... Нѣтъ это правда, самая ужасная правда,—я бы Богъ знаетъ что дала, только бы избавиться отъ этой правды.

— Вы все больше меня заинтересовываете....

— Это съ малолѣтства у меня. Началось это ночью. Какъ закрою глаза вижу передо мной что-то... я не знаю что... только не человѣкъ. Чудовище какое-то. Только фигура эта безъ головы... Вотъ вы теперь надо мной смѣяться будете... Я лучше не буду говорить...

Я увѣрилъ ее, что тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго.

— Ахъ, это ужасно было,—продолжала она. Онъ мучилъ меня, щипалъ, щекоталъ—я не смѣла крикнуть. Потомъ онъ и днемъ сталъ являться. Какъ закроешь глаза, или задумаешься,—онъ ужъ тутъ... И у него съ годами лицо стало образовываться... Нѣтъ, что это за лицо! Вы себѣ представить не можете,—теперь, при одной мысли, меня въ дрожь кидаетъ...

Троньте мою руку.

Я взялъ ея маленькую бѣлую ручку,—отъ нея пышало горячечнымъ жаромъ. Она поднесла мою руку къ своему лбу.

— Чувствуете виски какіе? до чего наливаются кровью жилы... Представьте, что же со мной дѣлается тогда!.. Это разъ пять въ годъ бываетъ...

— Вы лечились?

— Какъ-же! У всѣхъ знаменитостей. Посылаютъ на воды... Пила и воды,—еще хуже... Служила молебны у чудотворныхъ иконъ,— не помогаетънисколько. И теперь онъ только сталъ появляться не сразу.—Я вдругъ почувствую,—гдѣ бы ни была, что бы ни дѣлала,—вдругъ почувствую далеко, далеко его присутствіе. Я слышу, какъ онъ до меня начинаетъ добираться. Иногда цѣлый день онъ не можетъ дойти до меня... Иногда онъ точно стѣны какія ломаетъ, трясетъ цѣпями и потомъ хохочетъ... Ближе, ближе,—наконецъ такъ близко, что я слышу, какъ онъ дышетъ—хрипло, со свистомъ, и зубами скрипитъ.

Она дрожала какъ въ лихорадкѣ, глаза ея широко

Выставка картинъ Перова. „Пугачевъ“. Съ фотогр. Вишнякова, грав. Ю. Барановскій.

раскрылись, она оперлась своей рукой на мою руку, и совсѣмъ близко наклонилась, почти прижалась ко мнѣ...

— Меня въ эти минуты мамаша боится,—какимъ-то торжествующимъ голосомъ говорила она.—Она забивается иногда въ уголъ и молится. Такъ что если со мной припадокъ случится,—я часами лежу на полу безъ помощи... Теперь вы понимаете, отчего и замужъ не пойду—и могу-ли я думать о будущемъ...

XIII.

Я съ глубокимъ сожалѣніемъ глянулъ на этого бѣднаго надломаннаго нервами, ребенка, на это горячее существо, съ плававшей головкой...

— Говорятъ, мнѣ надо лечиться сонambuлизмомъ... или магнитизмомъ,—ну словамъ пассами какими-то... Я вѣдь могу вещи очень странныя дѣлать... Я могу стукъ вызывать. Во всемъ, въ полу, въ мебели, въ землѣ, въ потолкѣ. Я сама не знаю, что это такое... Если хотите,—прибавила она по французски, взглянувъ на дочника,—я вамъ сдѣлаю примѣръ: вы услышите стукъ въ дно лодки. Слушайте.

Она стиснула мою руку, и насторожилась. Нѣсколько секундъ ничего не было слышно,—и вдругъ тупой маятій ударъ раздался подъ водой. Старикъ поднялъ весла.

— Что это? спросилъ я у него...

— Ударило что-то...

— Можетъ на дельфина соннаго наѣхали...

Старикъ покачалъ головой и осмотрѣлся. А въ дно послышался новый ударъ только глуше и дальше. Стася улыбнулась, и опять закуталась въ мантилью...

Луна поднялась совсѣмъ высоко и стала изъ красной блѣдно-серебристой. Воздухъ сильнѣе налился мглой, тѣни сильнѣе сгустились. Безконечный морской разливъ какъ стекло стоялъ предъ нами...

— Есть много чудеснаго въ природѣ,—задумчиво говорила Стася. Я знаю это по себѣ,—и меня никто не увѣритъ, что это нервы... Можетъ быть я-бы и поправилась, если-бы за мной былъ настоящій уходъ. А вѣдь мамаша...

Она остановилась словно не рѣшаясь сразу высказать.

— Мамаша мучитъ меня, когда я здорова. Словно вымѣщаетъ надо мной то, что ей приходится терпѣть во время припадковъ. Это постоянное подыскиваніе жениховъ,—приказаніе кокетничать съ ними... Это голоданье днями,—это ужасно!. Порою мнѣ хочется закрыть глаза и полетѣть куда нибудь далеко, далеко... Мнѣ все чудится страна горячая, самая южная,—тамъ и тигры, и слоны, и цвѣты огромные... Если-бъ туда я попала, у меня все-бы прошло, потому что я навѣрно знаю, что *сму* тамъ запрещено бывать...

Я смотрѣлъ, не шутить-ли она, не хотеть-ли надо мной пошутиться: но нѣтъ,—она вся дрожитъ отъ нервнаго волненія, въ горлѣ судорожное сжиманіе: притворяться такъ нельзя,—да и не къ чему притворяться...

— Я точно Богомъ проклята съ дѣтства,—говорила она;—за чужіе грѣхи должно быть. За что-же испытанія такія?.. Доктора успокоиваютъ: говорятъ—нервы! Да что же мнѣ за дѣло, нервы это, или нѣтъ,—важно то, что *онъ* приходитъ—вотъ что! а отъ нервовъ-ли, отъ чего ли другого,—не все ли мнѣ это равно?.. А тутъ еще вокругъ—эти карты, ужины... Ахъ...

Она спрятала въ платокъ свое лицо.

Мнѣ было такъ не по себѣ, я былъ какъ въ чаду. Словно въ сказкѣ какой: вокругъ чернѣетъ вода, звѣзды то вспыхиваютъ, то потухаютъ, лодка колыхается, мыслей вереница снуетъ и пугается въ головѣ. Тукъ-тукъ! раздается на днѣ лодки. Лодочникъ крестится.—Да что же это—сонъ, что-ли, весь этотъ разговоръ, и это катанье, и эти стукки... Да нѣтъ-же,—это дѣйствительность,—отчего же такъ дышать тяжело, и проснуться нельзя, а надо жить въ этомъ снѣ?..

Она подняла заплаканное лицо.—Вѣдь вы для меня совсѣмъ чужой, но, я вижу, вы понимаете меня,—и этимъ ближе роднаго. Вы сочувствуете мнѣ, милый,—да! Пожалѣйте вы меня,—за что меня бросилъ Богъ въ этотъ мѣръ? Чтобы вѣчно, вѣчно мучиться?.. И никто этого проклятыя, никто спать не можетъ. И не хотятъ понять, что мнѣ тяжело такъ и только тиранить мое сердце, по каплѣ кровь пьютъ... Хотъ бы камень на шею,—да вотъ сюда, въ глубь—на дно морское... Тамъ и покой, и тишина. И онъ не придетъ,—онъ воды боится...

XIV.

Минутами мнѣ казалось, что она помѣшана. Въ ея глазахъ блестѣлъ какой-то совсѣмъ особенный огонь. Во всемъ лицѣ свѣтилось какое-то особенное, нечеловѣческое выраженіе. Точно въ правду она была не отъ міра сего.

— Развѣ ваша мама сильно стѣсняетъ васъ?

— Ахъ, она мучитъ меня! вырвалось у нея... Она меня въ замужество богатому жениху продать хочетъ... Вы думаете, она отчего не сказала ничего сегодня, когда князь поцѣловалъ меня въ вагонѣ,—вѣдь вы это знаете, я видѣла, какъ онъ говорилъ съ вами объ этомъ... Она не сказала ничего, потому что считала его за жениха. А какъ вы сказали, что онъ женатый—она мнѣ подходитъ къ нему запретила,—теперь посылаетъ съ вами кататься... И вѣдь знаете—это съ тринадцати лѣтъ такъ: и чего я навидѣлась, чего наслушалась... Сколько разъ на волоскѣ судьба моя висѣла. Въ чужомъ городѣ меня бросали,—безъ хлѣба я голодала, платьями обносилась: заплатки не было починить... Чуть вѣдь не полы мнѣ приходилось мыть... И никогда, никогда теплой, искренней ласки мнѣ не удавалось испытать...

— А вотъ этотъ генераль,—онъ такъ вамъ въ глаза и смотреть.

— Это чуть ли не отецъ мой... Впрочемъ не знаю—быстро прибавила она,—боюсь ошибиться... Я его помню съ тѣхъ поръ, какъ помню сама себя... Онъ прежде постоянно меня наказывалъ, да изъ комнаты вонъ гонялъ... А теперь вотъ каждый день конфетъ возить, да ручки цѣлуешь...

Она опять задумалась, пристально глядя въ хрустальную зыбь воды. Между сдвинутыми бровями легла морщинка, на лицѣ отразилась словно какая-то тупая, внутренняя боль.

— Ну, домой,—пора, сказала она вздрогнувъ,—и велѣла лодочнику повертывать лодку назадъ.—Насъ ждутъ вѣроятно...

— Вы мнѣ прежде, кажется, говорили, что вашъ отецъ въ Варшавѣ... спросилъ я.

— То не отецъ—это мужъ маминъ. Они давнымъ давно разошлись... Онъ военный, важную должность занимаетъ... Ахъ, какъ я разстроилась отъ этого разговора,—замѣтила она, поводя плечами... У меня теперь до того нервы напряжены, что кажется вотъ капля одна переполнить—и припадокъ будетъ.

Я велѣлъ грести скорѣе къ берегу, опасаясь, чтобы припадокъ этотъ не случился въ лодкѣ.

— Когда же всему этому конецъ будетъ, когда! прошептала она сквозь рыданія, склоняясь ко мнѣ на руку, конвульсивно вздрагивая отъ слезъ.—Неужели же кромѣ смерти нѣтъ избавителя другого...

XV.

Шатаясь она дошла по улицѣ до подвѣзда той гостиницы, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ два дня назадъ мой носильщикъ разбилъ стекло.

Сегодня князь будетъ въ большомъ проигрышѣ,—сказала она, тяжело переводя дыханье...

Юноши уже ушли. Въ накуреномъ воздухѣ было тяжело и душно. Сквозь облака сигарнаго и папироснаго дыма блестятъ при свѣчкахъ широкій лобъ Шнейдера, чернѣтъ силуэтъ взерошенной головы Тузлукова. Августа Павловна сидѣла близъ князя.—Шнейдеръ, мнѣ показалось, былъ очень недоволенъ нашимъ возвращеніемъ.

— Что такъ скоро? спросила Рогова, взглянувъ на блѣдное лицо дочери и переводя на меня свои подозрительные болотные глаза.

— Мнѣ что то нехорошо... чуть дурно не сдѣлалось,—объяснила Стася.

— Утомилась въ дорогѣ, успокоительно замѣтила мать.—А у насъ здѣсь нашъ милый князь совсѣмъ въ проигрышѣ,—я его никакъ не могу остановить,—отказалась даже быть съ нимъ въ долѣ: онъ уже болѣе тысячи рублей проигралъ...

— Я-съ больше не играю,—говорилъ Шнейдеръ, тасуя колоду, привычными, наметавшимися руками.—Потрудитесь расчестъся за проигранное,—а то вѣдь не на орѣхи-же, съ позволенія сказать, мы играемъ.

— Не угодно ли, продолжать,—рѣзко замѣтилъ князь, окончательно уже охмѣлѣвшій, толкая подъ столъ ногой поставленныя туда пустыя бутылки.—Если я говорю—продолжать, такъ значить продолжать надо.

— Не хочу,—отвѣтилъ спокойно Шнейдеръ, бросая карты.

— А я... я требую, крикнулъ князь, ударивъ по столу кулакомъ такъ, что подсвѣчникъ подскочивъ упалъ съ края стола на полъ.

Я подошелъ къ нему.

— Довольно, князь. Ёдемте домой. Всѣ устали и спать хотять.

Шнейдеръ нахмурившись посмотрѣлъ на меня.

— Князь долженъ мнѣ тысячу двѣсти сорокъ рублей, сказалъ онъ.

— Завтра онъ вамъ заплатитъ.

— Извините, я его не выпущу, пока не получу съ него тотчасъ-же. И васъ, милостивый государь, прошу не путаться,—и не соваться гдѣ васъ не спрашиваютъ!

Я поднялъ князя за руку.

— Ёдемте князь.

— Я васъ не пуцую,—крикнулъ Шнейдеръ, шагнувъ къ намъ.

— Пойдите, пойдите,—сказалъ Тузлуковъ, проводя невѣрной рукой по своему лбу.—Я разочтусь сейчасъ. Сколько вамъ надо?

— Тысячу двѣсти сорокъ рублей.

Князь написалъ на сукиѣ 1240,—подумалъ, что то соображая.

— Это я вамъ проигралъ? спросилъ онъ.—Да?—Ну, если такъ, то вы... Онъ задумался.—Вы не гроденскій помѣщикъ, а мерзавецъ!

— Что-о? заревѣлъ Шнейдеръ... Что... Да какъ вы смѣете...

Рогова завизжала, и стала искать колокольчика...

— Мерзавецъ! хладнокровно повторилъ князь.—Онъ говорилъ совершенно чисто и ясно, только гораздо медленнѣе. И если вы шагнете,—я васъ вышвырну за окно...

— Уйдемте, ради Бога,—я не могу,—проговорила блѣднѣя Стася. Куда нибудь уйдемте...

— Да какъ-же князя оставить?...

Она пошатнулась, схватилась за столъ.

— Уйдемте, уйдемте! повторяла она...

— Меня, меня вышвырнуть,—хриплѣлъ задыхался Шнейдеръ,—да ты знаешь, что я пятаки въ трубки скручиваю...

Князь насмѣшливо смотрѣлъ на него пьянымъ взглядомъ, опустивъ руки въ карманы.

— Денегъ я не отдамъ,—мѣрно говорилъ онъ,—потому что вижу, что ты приписывалъ... Ну, прочь отъ меня, или...

Шнейдеръ вдругъ попытался къ дивану, поблѣднѣлъ какъ полотно. Стася кинулась въ двери.—Я, хорошенько не понимая въ чемъ дѣло, бросился за ней...

— Куда вы,—слушайте,—говорилъ я, догнавъ ее на улицѣ...

— Тамъ... лепетала она указывая на окно.

Оттуда грянулъ выстрѣлъ, раздался какой-то вскрикъ, Стася пошатнулась и безъ чувствъ повалилась на землю...

XVI.

Когда она пришла немного въ себя, первое что она прошептала, это были слова: везите, везите меня куда нибудь, только подальше... я туда не пойду.

Я усадилъ ее въ первую понавшуюся коляску, и повезъ къ себѣ. Она окаменѣлая, безъ движенія, сидѣла рядомъ со мной, словно не сознавая окружающаго. Она машинально пришла ко мнѣ въ комнату, машинально сбросила накидку.—У меня завтра утромъ будетъ припадокъ,—сказала она...

Я ей далъ выпить воды, спросилъ, не надо-ли ей позвать горничную, она сказала что не надо.—Она сѣла въ кресла и закрыла глаза...

Она сидѣла такъ всю ночь. Предъ разсвѣтомъ, когда свѣчи стали блѣднѣть, она забылась. Я боялся ее оставить хотя бы на минутку. А между тѣмъ меня мучило любопытство, что тамъ дѣлается: въ кого былъ данъ выстрѣлъ, и какіе были результаты... Если смерть напавъ... Быть можетъ Сибирь?..

Несчастная пьяная фигурка князька такъ и стояла у меня предъ глазами. Вся прелесть судебного слѣдствія, во всей красотѣ, развернулась предо мной.—И за что пропалъ человекъ?!

Я ходилъ по комнатѣ, прислушивался къ шуму подъ окнами и въ корридорѣ. Но все было тихо,—ночь все блѣднѣла и тускла. Дѣвочка ровно дышала, свѣсивъ голову на грудь.

Я прилежъ на диванъ,—но едва забылся, какъ вскопчилъ отъ необычнаго гама.

— Гдѣ моя дочь! разносился по корридору голосъ м-те Роговой.—Гдѣ она,—возвратите мнѣ мою дочь! Я вышелъ къ ней за дверь.

— Она у васъ?

— Тише,—она больна.

— Я хочу ее видѣть,—возвратите мнѣ мою дочь...

— Войдите...

Она вошла, хищнымъ взглядомъ окинула комнату. Стася не просыпалась. Августа Павловна мрачно скрестила на груди руки.

— Позвольте васъ спросить, начала она,—что мнѣ прикажете дѣлать съ нею. Репутація ея погублена навсегда...

— Чѣмъ это?..

— Какъ? она ночью убѣжала съ вами...

— Да вѣдь этого никто не знаетъ...

— Согласитесь, что теперь ей неммыслимо выйти замужъ...

Рѣчь у нея полилась потокомъ, она точно горохъ въ стаканъ сыпала... Тутъ были намеки на то, что я обязанъ жениться, чтобы поддержать честь ея дочери, что она могла выйти замужъ за какого нибудь графа,—что я навсегда погубилъ ея будущность. Однимъ словомъ, она наговорила ту массу вздора, которую всегда способна наговорить женщина въ минуту раздраженія. Въ концѣ-концовъ она объявила, что я виновникъ, что ее вчера чуть не убили...

На силу—на силу я ее уоѣдилъ закрыть фонтанъ ея краснорѣчія, увѣрилъ, что ничего ужаснаго не произошло, и что она же должна быть благодарна за то, что я увезъ ея дочь отъ полипейскихъ протоколовъ и скандала.

Понемногу она остыла. Оказалось, что вчерашній

выстрѣлъ былъ для всѣхъ безвреденъ: пуля ушла въ стѣну. Князь арестованъ, но денегъ Шнейдеру все-таки не заплатили...

— Удивительно, что Шнейдеръ пропалъ куда-то,— говорила она,—я наугадъ сюда прѣехала, мнѣ казалось, что вы именно здѣсь остановитесь... Ахъ, я такъ потрясена, такъ потрясена...

Но тѣмъ не менѣе она напилась чаю. Глѣвъ ея окончательно прошелъ. Она совсѣмъ не поминала про оскорбленіе, нанесенное ея дочери. Напротивъ, она была со мной чрезвычайно любезна.

— Это припадокъ, говорила она.—Если бы вы знали, до чего я намучилась съ ней! Я сама больна отъ этихъ волнений... Это ужасно, ужасно!

Когда дочь проснулась, она съ нѣжностью стала ее цѣловать. Потомъ внезапно отозвала меня въ уголокъ и попросила въ долгъ двадцать пять рублей. Я былъ тоже измученъ всѣми впечатлѣніями послѣднихъ сутокъ, и мнѣ продолжало казаться, что все это сонъ.

— Что то съ княземъ бѣднымъ будетъ? Покушеніе на убійство... Вѣдь это ужасно! говорила м-ме Рогова, уѣзжая съ дочерью.—О, какія ужасныя событія...

XVII.

Я рѣшился бѣжать на сѣверъ. Впечатлѣнія юга усиливались съ каждымъ днемъ, и далѣе выносить не было силъ. Стася весь слѣдующій день пролежала больная. На утро, когда я укладывалъ вещи, ко мнѣ внезапно вошелъ князекъ, чистенькій, вымытый, веселый. Онъ такъ мнѣ обрадовался, что кинулся на шею.

— Отпустили! въ восторгѣ кричалъ онъ.

— Какъ вамъ Богъ помогъ?

— Да и здѣсь начальство оказалось знакомымъ. Шнейдера вчера же выслали отсюда, а съ меня взяли слово, что я сегодня уѣду. Вы ѣдете?

— Да.

— Такъ ѣдете вмѣстѣ.

Онъ бросился къ себѣ укладывать чемоданъ. Оказалось, что „начальство“, когда дѣло выяснилось, рѣшило покончить дѣло безъ шума. Шнейдеръ, конечно, не получилъ ни гроша. Тѣмъ не менѣе, онъ добился свиданія съ княземъ, простился съ нимъ по пріятельски, поцѣловался даже, и увѣрилъ его, что былъ тоже пьянъ, потому и погорячился, и записалъ что нибудь лишнее. Но князь на это не сдался и отказался отъ всякихъ долговъ.

— Знаете, я какой-то несчастный, особенный человекъ,—говорилъ онъ мнѣ, когда паровозъ помчалъ насъ черезъ пропасти и мрачные туннели по таврическимъ горамъ.—Ну, посмотрите, какъ все шло хорошо, благополучно, вплоть до вчерашняго вечера. И не циль я,— и гладко, и ровно все было... А теперь въ полициі сидѣлъ, арестованъ былъ: чортъ знаетъ, что такое. Вотъ мать говорить, что Стася не отъ міра сего. Ей Богу и я такой же... Отчего-же съ другими никогда ничего подобнаго не случается... Нѣтъ, баста! Зарокъ даю—пить больше не буду?..

— Надолго?

— Зарокъ-то?.. Навсегда!.. Впрочемъ, надо полагать не выдержу.

Въ Харьковѣ мы разстались. Я полагаю, что онъ не выдержалъ.

28-го августа 1882 года.

С.-Петербургъ.

Донъ-Педро Кастильскій.

Историческій разсказъ Э. Шпилмана.

(Продолженіе).

V.

Въ послѣднюю ночь, предъ отъѣздомъ Санхо Цербура и его семейства въ Севилью, Аделаида снова была подъ кедрами.

Около нея на землѣ сидѣлъ черноволосый стройный и казавшійся гибкій какъ сталь юноша, съ смуглымъ лицомъ и большими пламенными глазами; то былъ образецъ юношеской, мужской красоты Сьерры; свой простой и бѣдный костюмъ, состоявшій изъ грубой рубахи и панталонъ и ловко охватывавшаго его пояса, онъ носилъ съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ и природною граціею, какъ будто былъ одѣтъ въ бархатъ и шелкъ; юноша задумчиво перебиралъ струны лютни.

— Спой еще эту пѣсню, Хуанито! произнесла Аделаида.

Хуанито пропѣлъ безыскусственно, но необыкновенно пріятнымъ голосомъ: „Лучше горе на радость мѣнять, чѣмъ трусливо любви избѣгать; сладостна смерть отъ любви; а забыть что живешь—все равно что не жить; лучше радость на горе мѣнять, чѣмъ трусливо любви избѣгать.“

— Чѣмъ трусливо любви избѣгать! повторила Аделаида.

И она замолчала. Хуанито тоже оставался безмолвнымъ, въ пемъ говорили только глаза, пожиравшіе Аделаиду, всю залитую серебристымъ свѣтомъ луны, а пальцы продолжали слегка касаться струнъ лютни, которая отъ времени до времени издавала тихіе и нѣжные звуки, точно золота арфа въ ночной тишинѣ.

— Поцѣлуй меня, Хуанито, вдругъ сказала Аделаида.

Хуанито вскопчилъ какъ ошеломленный.

— Я? Поцѣловать? Тебя? тебя, сеньорита, проговорилъ онъ, блѣдный съ дрожащими губами.

Лицо Аделаиды покрылось густой краской стыдливости, но она повторила: Поцѣлуй меня, Хуанито!

И граціозно загнувъ голову назадъ, подставила юношѣ свои алмазныя губы.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, Хуанито робко прикоснулся къ устамъ красавицы.

— *Buono poche* Хуанито! прошептала Аделаида, *buono poche* и пропой мнѣ опять подъ окномъ твою пѣсню.

И дѣвушка легкой тѣнью исчезла за кедрами.

Нѣсколько минутъ Хуанито стоялъ въ безмолвномъ изумленіи; губы его что то шептали будто во снѣ, все тѣло трепетало подъ напавшемъ новымъ, непонятнымъ чувствомъ: Аделаида любила его, его, Хуанито, бѣднаго оборвыша.

Наконецъ онъ очнулся, поднялъ лютню и ставъ подъ окномъ, запѣлъ своей Аделаидѣ.

VI

Прошло четыре дня.

Король сидѣлъ въ великолѣпной тронной залѣ Альказара, окруженный своими вельможами и дворянами.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ ступеней трона, за маленькимъ столикомъ, помѣщался Донъ-Рюицъ Ферриа, тайный секретарь короля, а первое мѣсто среди вельможъ занялъ королевскій любимецъ, донъ Хуанъ де Альбюкеркъ. Донъ Санхо Цербура, одѣтый въ свое простое платье, подошелъ къ ступенямъ тронной эстрады и опустился на колѣни. Глаза вельможъ и дворянъ съ удивленіемъ остановились на незнакомцѣ, чтѣ, очевидно, забавляло короля, по лицу котораго нѣсколько разъ пробѣжала улыбка.

Церемонія привѣтствія кончилась и придворные уже поднялись съ колѣнъ. Король сдѣлалъ знакъ секретарю. Эгого послѣдній ударилъ молоточкомъ по маленькому серебряному колокольчику, висѣвшему передъ нимъ на столѣ на особой подставкѣ.

Въ залу взмошелъ капитанъ дворцовой стражи.

— Введите сеньора губернатора и сеньоровъ вентикватрасовъ (двадцать четырехъ), сеньоръ капитано, сказалъ секретарь—такъ повелѣлъ король.

Капитанъ вышелъ и вслѣдъ затѣмъ въ залу вступили двадцать четыре члена суда, съ дономъ Родригецъ Роясь, президентомъ суда и губернаторомъ Севильи во главѣ.

Король поднялся съ трона, президентъ и члены суда преклонили колѣна.

— Донъ Родригецъ Роясь, губернаторъ Севильи и президентъ суда двадцати четырехъ, строгимъ голосомъ произнесъ король,—до слуха твоего короля и повелителя дошло, что ты дурно выполняешь свои обязанности, врученныя тебѣ королевскимъ доверіемъ. На улицахъ Севильи каждую ночь происходятъ воровства, грабежи и убійства!

Камни кричатъ о томъ съ мостовыхъ, воробьи о томъ щебечутъ съ крышъ, а ты, повидному, того не вѣдаешь или дѣлаешь видъ, что не желаешь знать, такъ какъ тѣ воры, нарушители спокойствія, грабители—да смущается надъ нами Пречистая Дѣва!—дворяне, твои ровные, и потому глаза твои слѣпы и всѣмъ правосудію въ твоихъ рукахъ невѣрны!

— Государь, мой повелитель! съ усиліемъ проговорилъ донъ Родригецъ, поблѣднѣвшій какъ полотно.

— Молчи! прогрозилъ король и глаза его блеснули дикимъ огнемъ, молчи, донъ Родригецъ, и положи свой жезлъ у подножія трона и бѣги съ глазъ твоего короля, бѣги, донъ Родригецъ, потому что я не жалаю тебя больше видѣть, донъ Родригецъ Роясь. Дрожа всѣмъ тѣломъ приблизился губернаторъ

Въ день рожденія. Съ картини Зондерлаанда, грав. Веберъ.

къ трону, опустился тамъ на колѣни и положилъ на ступени жезлъ.

Онъ хотѣлъ поцѣловать копчикъ королевскаго банмака, но король съ гнѣвнымъ презрѣніемъ отдернулъ ногу и донъ Родригесъ, шатаясь, оставилъ залу.

Подай мнѣ жезлъ, донъ Хуанъ, сказалъ король своему любимцу, Альбюкерку.

Тотъ, преклонивъ колѣно, выполнилъ приказаніе короля.

— Донъ Санхо Цербуно! произнесъ теперь король,—прими изъ рукъ твоего короля и повелителя этотъ жезлъ, знакъ твоего достоинства и власти, какъ губернатора Севильи и президента суда двадцати четырехъ; держи отнынѣ въ Севильѣ вѣсы правосудія для всѣхъ равно, какъ велитъ тебѣ законъ твоего короля.

Санхо Цербуно принялъ жезлъ и прикоснулся къ нему губами.

— А вы, сенноры вентикватрасъ, — продолжалъ король, — вы будете заботиться о томъ, чтобы всякій, кого президентъ вашъ потребуетъ къ суду, явился по его зову, слышите: всякій, кто бы онъ ни былъ! Клянусь, синоры, не то вамъ будетъ худо!

И снова сверкнули глаза короля тѣмъ яркимъ пламенемъ гнѣва, предъ которымъ трепетаю все.

— Ты вступаешь немедленно въ должность, донъ Санхо Цербуно, губернаторъ Севильи, президентъ совѣта вентикватрасъ, въ должность, которую получилъ изъ рукъ твоего повелителя и короля.

По знаку, поданному тайнымъ секретаремъ въ колокольчикъ, алебардчики открыли двери и сенноры удалились изъ залы, отступая, по этикету, задомъ. Съ удивленіемъ узнала Севилья, что простой сельскій дворянинъ, донъ Санхо Цербуно, возведенъ королемъ на высокой постъ губернатора города и президента суда двадцати четырехъ; но вскорѣ жители почувствовали твердую руку новаго правителя.

Санхо Цербуно началъ съ того, что уволилъ всѣхъ альгвазилловъ, начальниковъ патрулей и капитановъ, оказавшихся подкунными; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ образовалъ совершенно новый патруль, въ составъ котораго пригласилъ своихъ знакомыхъ изъ Сьерры, зная ихъ непоколебимую честность и вѣрность долгу; этому патрулю онъ поручилъ охрану севильскихъ улицъ ночью.

Антоніо Гернандецъ былъ назначенъ однимъ изъ капраловъ новой стражи. Гернандецъ, все еще надѣявшійся заслужить любовь Аделаиды, съ радостію принялъ предложеніе донъ Санхо и поселился въ Севилью, оставивъ свое хозяйство на попеченіе матери.

Строго наказывалъ новый губернаторъ всякаго, нарушившаго общественный порядокъ, всякаго оказавшагося виновнымъ въ грабѣжѣ или разбоѣ, наказывалъ такъ, какъ ему предписывалъ законъ его короля, не обращая вниманія ни на лицо, ни на положеніе, совершенно отличаясь въ этомъ отъ своего предшественника, донъ Родригесъ. Съ каждымъ днемъ росло общее довѣріе къ справедливости донъ Санхо Цербуно и его популярности; что же касается прежнихъ нарушителей закона, то имъ онъ вселилъ спасительный страхъ и грабежи сдѣлались уже рѣдкостью.

VII.

Была темная ночь.

Передъ однимъ домомъ въ улицѣ Каридасъ стоялъ какой-то мужчина, лицо и вся фигура котораго были скрыты широкополой шляпой и длиннымъ плащомъ.

Поднявъ глаза къ одному изъ оконъ дома, которое было освѣщено, онъ далъ сигналъ тихимъ свисткомъ; свѣтъ тотчасъ же погасъ.

— Что это значитъ? пробормоталъ неизвѣстный, — вмѣсто того, чтобы сойти ко мнѣ съ лампой, какъ тогда, и отворить рѣшетку, гасятъ огонь.

И онъ снова подалъ свистокъ.

Но въ домѣ не послѣдовало никакого движенія.

— Карамбо! Куда же дѣвалась старая?

Въ своемъ нетерпѣніи схвативъ шпагу, онъ сталъ колотить тяжелымъ эфесомъ по рѣшетчатымъ воротамъ дома, поднявъ страшный шумъ среди безмолвной ночи.

Но въ домѣ все по прежнему оставалось спокойно.

— Клянусь Распятіемъ! воскликнулъ громко наконецъ неизвѣстный, — оглохла что ли старая вѣдьма? А донъ Базильо? Этотъ вѣрно углубился въ свою науку и, хотъ земля тутъ разступилась, ничего не услышитъ, лишь бы только уцѣлѣли его комната, астролобія и пергаменты! Но мнѣ надо видѣть донъ Базильо, во что бы то ни стало, сегодня же ночью! Онъ обязанъ сказать мнѣ сегодня же по звѣздамъ—правда-ли, что Хуана Гернандецъ живая женщина, какъ меня стараются увѣрить. Правды ли, что она хочетъ опутать меня своею любовью, чтобы потомъ вѣрнѣе предать меня моему мятежному и клятвопреступному брату. Онъ опять сталъ громко колотить въ ворота.

Но въ домѣ все было тихо.

— Карамба! я сломаю имъ ворота. И въ самомъ дѣлѣ, схвативъ за ручку, онъ сталъ трясти ихъ съ такою силою, что створы затрещали въ своихъ петляхъ.

— Стойте, сенноръ! Что вы ломитесь сюда? вы развѣ живете здѣсь? раздался сзади твердый мужской голосъ и чья-то рука опустилась на плечо неизвѣстнаго. Этотъ послѣдній оста-

вивъ рѣшетку, какъ молнія повернулся къ говорившему и рѣзкимъ движеніемъ сбросилъ его руку съ своего плеча.

— Тебѣ что надо, болванъ? иди своей дорогой! гнѣвно воскликнулъ онъ.

Тотъ, узнавъ въ шумѣвшемъ, — по тонкой матеріи плаща, до котораго дотронулся — дворянина, отвѣтилъ вѣжливо, хотя и съ прежней твердостью: я — на своей дорогѣ, сенноръ кабаллеро, а вы, мнѣ кажется, идете по неправильному пути; по этому прошу васъ удалиться; теперь запрещено по ночамъ шумѣть на улицахъ и беспокоить мирныхъ жителей, вы сами видите, что васъ не хотятъ впустить.

— Если ты на своей дорогѣ, такъ и иди дальше, не стапюпись поперекъ моею!

— Сенноръ кабаллеро! продолжалъ тотъ спокойно, я — Антоніо Гернандецъ, капраль патруля этой улицы, и могъ бы вамъ показать уйдти! Но такъ какъ вы кабаллеро, то я васъ прошу о томъ, но прошу въ послѣдній разъ!

— А я говорю тебѣ, Антоніо Гернандецъ, капраль патруля этой улицы, въ послѣдній разъ: иди своей дорогой!

— Вы заставляете меня, сенноръ кабаллеро, употребить силу, если не хотите понять моей просьбы!

— Силу? противъ меня?

— Противъ всякаго, сенноръ кабаллеро, кто не слушается закона.

— Убирайся ты къ чорту! крикнулъ неизвѣстный и снова принялся трясти рѣшетку.

Капраль, вмѣсто дальнѣйшихъ разговоровъ, схватилъ его за плащъ, съ намѣреніемъ оттащить отъ воротъ.

— Карамба! воскликнулъ тотъ, — собака! Ты смѣешь дотрогиваться до меня, твоего...

...Онъ не договорилъ и, выхвативъ свою длинную шпагу, бросился на стража. Но тотъ успѣлъ ужъ обнажить свое оружие также: «Пусть на васъ, сенноръ, падетъ кровь, которая будетъ пролита!» произнесъ онъ и въ свою очередь кинулся на противника.

Но неизвѣстный владѣлъ шпагою несравненно лучше капрала и секунду спустя несчастный со стономъ повалился на землю.

Кабаллеро подождалъ съ минуту, ожидая, что тотъ поднимется вновь.

Но такъ какъ этого не послѣдовало, а черезъ нѣсколько минутъ прекратились и стоны, то онъ приблизился къ лежавшему, разстегнулъ камзолъ и приложилъ руку къ сердцу.

— Умеръ! клянусь, мнѣ жаль его! промолвилъ онъ, — а дрался не дураго. Затѣмъ, отеревъ о платье убитаго лѣзвіе шпаги и обсынувъ его крестомъ, онъ быстро удался.

VIII.

Три дня спустя послѣ этой трагической ночи, король призвалъ донъ Санхо Цербуно къ себѣ, въ Альказаръ.

— Ну, сенноръ губернаторъ, что хорошаго въ нашемъ добромъ городѣ Севильѣ? спросилъ король.

— Хорошаго мало, государь и повелитель мой; темной ночью, три дня тому назадъ, убитъ капраль патруля, Антоніо Гернандецъ, одинъ изъ моихъ лучшихъ, надежнѣйшихъ и усерднѣйшихъ слугъ.

— Какъ? Значитъ — опять убійство? и притомъ, капрала? Онъ былъ одинъ?

— Одинъ — къ своему несчастію! Спокойствіе, возстановившееся въ Севильѣ со времени моего вступленія. — благодареніе Пресвятой Дѣвы! — нѣсколько ослабило ихъ осторожность въ отношеніи самихъ себя. Гернандецъ, патрульный капраль улицы Каридадъ, какъ разъ въ ту ночь, когда онъ понатился своею жизнью за служебное усердіе, былъ посланъ капитаномъ, вопреки моимъ предписаніямъ, одинъ въ обходъ; за это я смѣстилъ капитана, хотя мнѣ и жаль, такъ какъ онъ тоже хорошій служитель.

— Съ нимъ случилось то, что онъ вполне заслужилъ. Но, сенноръ губернаторъ, надѣюсь, что убійца уже открытъ и сидитъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи своего приговора?

— Къ своему горю, государь, повелитель мой, я обязанъ сказать, что убійца, не взирая на всѣ мои усилія и усилія моихъ служителей, остается неоткрытымъ до сихъ поръ.

— Э, сенноръ губернаторъ, — произнесъ король насмѣшливо, — прошло три дня, а ты не могъ еще отыскать убійцы? И неужели не попалъ даже и на слѣдъ, не имѣешь ли малѣйшаго подозрѣнія на кого-нибудь?

— Убійца былъ кабаллеро; рана Гернандеца нанесена колющею шпагой, т. е. шпагой дворянина; вотъ все, что я знаю пока.

— Ужъ очень мало этого, сенноръ губернаторъ, нельзя же сказать! Клянусь Распятіемъ, донъ Санхо Цербуно, забылъ ты то, что такъ смѣло и рѣшительно говорилъ мнѣ у себя дома, въ ту ночь, когда я былъ твоимъ гостемъ?

— Не забылъ я того, государь, повелитель мой.

— Ну такъ, сенноръ губернаторъ, сказалъ король строго, — если отъ нынѣшняго, въ теченіе трехъ дней, убійца не будетъ открытъ, судимъ и наказанъ по закону, то ты самъ этимъ произнесешь надъ собой приговоръ!

— Срокъ коротокъ, но государь мой правъ! Санхо Цербуно самъ произнесетъ приговоръ надъ собой!

Король жестокъ далъ понять, что отпускаетъ его, и Санхо, преклонивъ колѣно и поцѣловавъ край королевскаго плаща, удалился.

Задумчиво возвращался онъ къ себѣ по улицамъ Севильи. Онъ напрягъ всѣ усилія своего прозорливаго ума, чтобы найти преступника; ничто не было оставлено безъ вниманія; жители улицы Каридадь, всей Севильи, помогали служителямъ любимаго губернатора, но все было напрасно; возможно ли было, при такихъ условіяхъ, открыть убійцу въ короткій срокъ, назначенный королемъ?

Въ эту минуту—день былъ базарный и улицы были переполнены народомъ—въ эту минуту, какой-то юноша дотронулся до плеча Санхо.

— Донъ Санхо Цербура шепнулъ онъ—миѣ надо передать тебѣ кое-что; узнаешь ли еще меня?

— Нѣтъ! возразилъ Санхо въ разсѣянности.—я не знаю тебя, хотя будто и кажешься миѣ знакомымъ, но—что тебѣ надо?

— На улицѣ не удобно, донъ Санхо! Миѣ надо тебѣ передать секретное и важное дѣло; никто не долженъ это слышать, кромѣ тебя, донъ Санхо.

— Секретное и важное? спросилъ Санхо удивленный и съ большимъ вниманіемъ.

— Да! тихо отвѣтилъ юноша.

— Такъ войдемъ въ тотъ домъ, сказалъ губернаторъ, входя впереди въ открытыя ворота дома, хозяинъ котораго расположился, съ своимъ семействомъ, въ „ratio“, вкругъ фонтана.

— Buenas Tardes, сеньоръ, сеньорины и сеньориты! въжливо привѣтствовалъ губернаторъ хозяина и его семейство, которое, при видѣ его, поднялось съ своихъ мѣстъ; хозяинъ же пошелъ на встрѣчу.

— Buenas Tardes, сеньоръ, добро пожаловать въ домъ Рюнца Комахіосъ.

— Вы меня знаете, сеньоръ Рюнецъ Комахіосъ?

— Конечно, сеньоръ губернаторъ.

— Этотъ юноша, котораго я встрѣтилъ въ вашей улицѣ, имѣетъ передать миѣ важное дѣло, передать миѣ одному, такъ, чтобы, кромѣ меня, никто не могъ его слышать; такъ какъ до моего дома далеко, то я и избралъ васъ, чтобы выслушать этого молодца.

— Благодарю за честь, сеньоръ губернаторъ! Будьте такъ добры войдите съ нимъ сюда—и хозяинъ отворилъ дверь въ одну изъ комнатъ, прилегающихъ къ „ratio“; никто, сеньоръ губернаторъ, не услышитъ вашего разговора съ нимъ.

— Благодарю, сеньоръ! произнесъ донъ Санхо и вошелъ съ юношей въ комнату.

— Ну, говори! сказалъ онъ, запирая дверь.

— А ты, въ самомъ дѣлѣ, не узнаешь меня, донъ Санхо? А, вѣдь, одинъ разъ хотѣлъ меня отдуть?

— Santa Madre! удивленно воскликнулъ Санхо, узнавъ собесѣдника—ты? Хуанито Альзаро? что ягнять краль? Какое же важное дѣло хочешь сказать миѣ?

— Донъ Санхо, отвѣчалъ юноша серьезнымъ тономъ,—я тебѣ обязанъ многимъ! Правда, что я укралъ у тебя ягненка! Нѣтъ—я хочу быть честнымъ—я укралъ у тебя не одного, а трехъ, четырехъ, пока ты не накрылъ меня на пятомъ! И когда я тебѣ сказалъ, что я краль ихъ для моей старей, большой матери, которая теперь уже скончалась,—то ты не только не отнял у меня ягненка, но и подарилъ еще кружку вина, мѣшокъ муки и цѣлую горсть мелкой монеты для моей матери! За это я тебѣ, донъ Санхо, останусь благодаренъ на всю мою жизнь, потому что моя мать была миѣ все! Она, въ своей смертной часъ, миѣ велѣла никогда не забывать преданности къ тебѣ и я ей поклался въ этомъ, держа ее холодящую руку. Теперь пришло время доказать тебѣ это, и я сдѣлаю, какъ говорю, донъ Санхо,—будь со мной что будетъ!

— Ты славный малый, Хуанито, но говори скорѣе, миѣ время дорого! сказалъ донъ Санхо!

— На базарѣ сегодня утромъ рассказывали, что убійца Антонио Гернандеца еще не открытъ и что это очень неприятно губернатору, дону Санхо Цербура; такъ ли, донъ Санхо?

— Такъ, Хуанито! Не открывай я убійцы въ теченіе трехъ дней—я рискую своей репутацией, честью, жизнью!

— Ну, донъ Санхо, я знаю убійцу; если, правда, не могу сказать тебѣ имени, за то могу такъ ясно его описать, что онъ тотчасъ же будетъ въ твоихъ рукахъ!

— Пресвятая Дѣва! Ты, Хуанито? Ты? Невозможно! Да какъ же ты могъ это узнать? Тебѣ, просто, что нибудь пришло въ голову! воскликнулъ донъ Санхо, съ недовѣріемъ, но сильно взволнованный.

Хуанито приблизившись къ губернатору, шепнулъ ему нѣсколько словъ на ухо.

Блѣдный какъ полотно рванулся отъ него донъ Санхо, только что разслышавъ тѣ таинственныя слова.

— Пресвятая Богородица! произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ,—моя догадка, моя догадка!

Но, призвавъ на помощь свою желтаную волю, Санхо быстро справился съ волненіемъ и овладѣлъ собой; затѣмъ, схвативъ Хуанито за руку, онъ шепнулъ ему на ухо:

— Тутъ больше ничего не говори, Хуанито, а пойдемъ ко миѣ!

Поблагодаривъ хозяина за гостепримство, донъ Санхо Цербура попросилъ его дать ему и Хуанито мунды, которые, нѣсколько минутъ спустя, и были отданы услужливымъ дономъ Рюнцемъ въ ихъ распоряженіе.

Войдя въ свою комнату, губернаторъ сказалъ, обращаясь къ юношѣ: Тутъ мы обезпечены отъ всякаго подслушанія! Ну, Расскажи же, Хуанито! Расскажи все, что ты знаешь и только рассказывай спокойно, не забывая никакой мелочи! вспомни хорошенько все!

Хуанито рассказалъ.

— Хуанито, произнесъ донъ Санхо торжественнымъ голосомъ, когда юноша кончилъ свой рассказъ,—сынъ мой, будешь ли имѣть мужество повторить свой рассказъ предъ судомъ, въ присутствіи самого убійцы,—знатнаго лица, повторить такъ, именно, какъ ты миѣ передалъ его тутъ, если бы даже твое обвиненіе стоило тебѣ жизни?

— Донъ Санхо Цербура, отвѣчалъ Хуанито и его черные глаза радостно заблестали: я на все готовъ для тебя, готовъ отдать и свою жизнь! Ты слышалъ, о чемъ я клялся моей матери, у ея смертнаго одра: быть тебѣ благодарнымъ! Весь рассказъ мой, слово въ слово, повторю при самомъ убійцѣ, потому что это—чистая правда; а моя жизнь, донъ Санхо? Если Хуанито придется умереть, то онъ соединится въ небѣ со своею матерью и—умретъ для Аделаиды! прибавилъ онъ про себя.

— Хуанито! воскликнулъ Санхо, заключая юношу въ свои объятія,—небо отказало миѣ въ сынѣ моей крови, для того, чтобы наградить тобой сегодня! Пойдемъ къ жепѣ и къ нинѣ!

— Хуанито! вырвалось у Аделаиды, и это восклицаніе было такъ выразительно, что Санхо, съ удивленіемъ, просилъ дочь объяснить, что это должно было значить.

— Что я люблю Хуанито, отецъ мой, что я его невѣста и только за него одного и выйду!

— Ты... Ты... любишь Хуанито? Его, вотъ этого самаго Хуанито?

— Да, его, и я думаю, что онъ любить Аделаиду!

Хуанито молчалъ, но во взглядѣ, который онъ бросилъ на дѣвушку, былъ цѣлый міръ любви.

— Значитъ Милосердая Владычица рѣшила, что человекъ, котораго Аделаида полюбила, будетъ, въ то же время и спасителемъ ея отца! произнесъ Санхо и передалъ жепѣ и дочери въ чемъ было дѣло.

Но Хуанито, однако, онъ запретилъ рассказывать:

— Не говори женщинамъ—шепнулъ онъ ему—пока я не возвращусь, что убійца—тотъ, котораго ты миѣ описалъ, я требую этого отъ тебя, потому что такъ надо!—Затѣмъ Санхо вышелъ изъ комнаты, чтобы отправиться въ Альказаръ, къ своему королю и повелителю.

— Бѣдный Антонио! бормоталъ онъ дорогой,—бѣдный Антонио! Но и то правда! этотъ Хуанито хорошъ, хорошъ какъ весенній день, а сердце у него золотое! бѣдный Антонио! тебѣ лучше, что ты умеръ: если Хуанито и Аделя, съ соизволенія Неба, будутъ соединены, то—кто знаетъ—снесъ ли бы ты тогда это! Миръ праху твоему!

Король немедленно велѣлъ его принять.

Опустившись на колѣни, Санхо произнесъ торжественнымъ тономъ:

— Король и повелитель мой! Убійца патрульнаго капрала, Антонио Гернандеца, открыть!

— Да? спросилъ король,—ну, миѣ любо слышать это; очень хорошо, сеньоръ губернаторъ, очень хорошо для тебя!

— Не для меня, государь, а для правосудія это хорошо!

— Хорошо! Пусть будетъ и такъ, если желаешь! А кто же это?

— Простите, король мой и повелитель, и дозвоьте миѣ пока, по важнымъ причинамъ, умолчать о его имени. Но—я завтра приглашу его въ трибуналъ двадцати четырехъ, чтобы онъ обвиненіе выслушалъ, въ свою защиту—что можетъ—сказалъ, и—если будетъ найденъ виновнымъ—своей приговоръ выслушалъ и свое наказаніе понесъ. Это—знатное, очень знатное лицо, и я пришелъ просить короля, моего повелителя, издавашаго законъ, обязательный для всѣхъ въ Севильѣ, чтобы онъ, своимъ королевскимъ могуществомъ и властью, оказалъ покровительство суду, въ случаѣ если бы обвиняемый отказался идти на его зовъ; желаетъ ли того король мой?

Король съ минуту подумалъ.

— Я желаю того, сеньоръ губернаторъ! произнесъ онъ съ величіемъ.

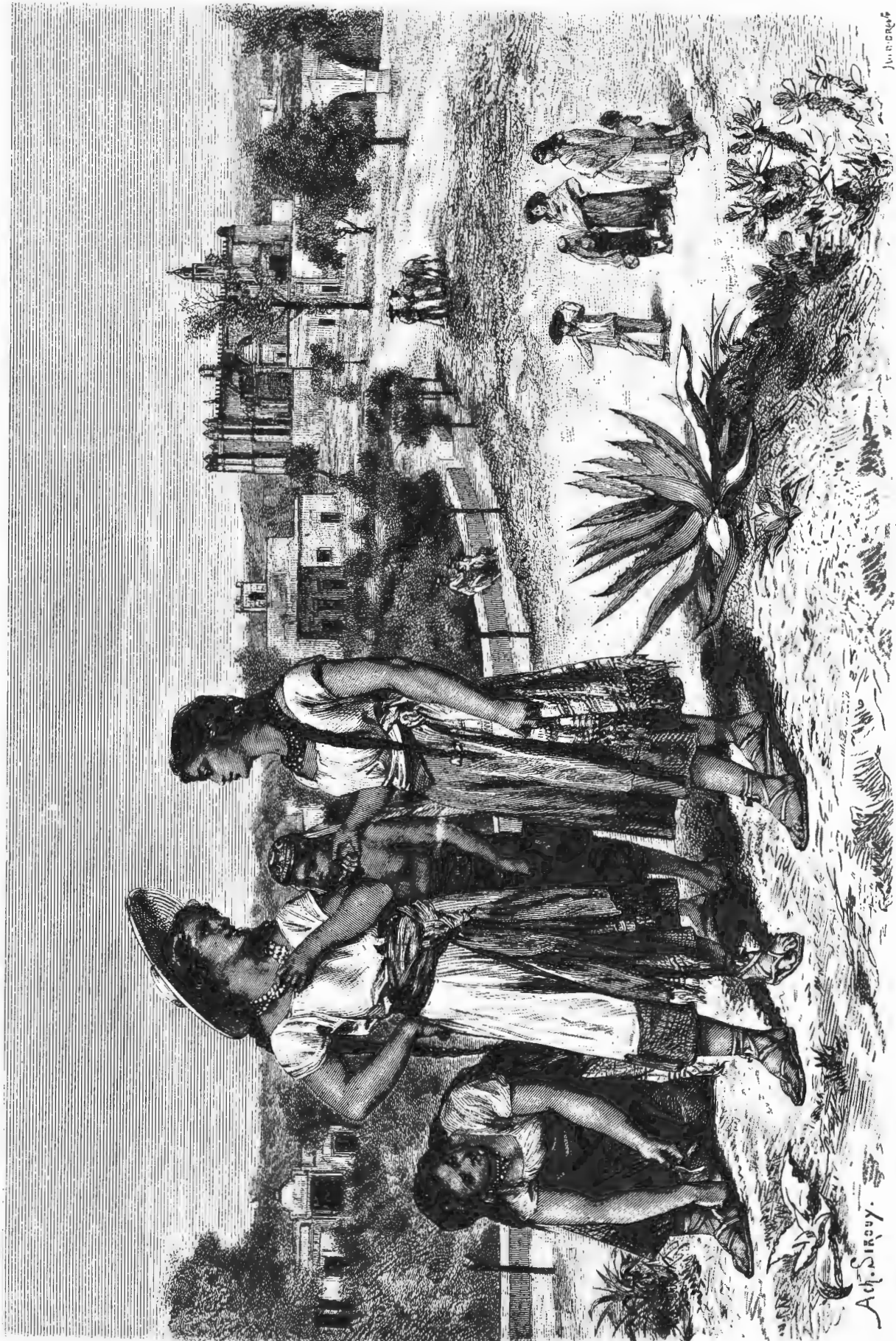
— Ваше королевское слово?

— Мое королевское слово!

— Благодарю васъ, мой король и повелитель! Благодарю отъ имени правосудія!

IX.

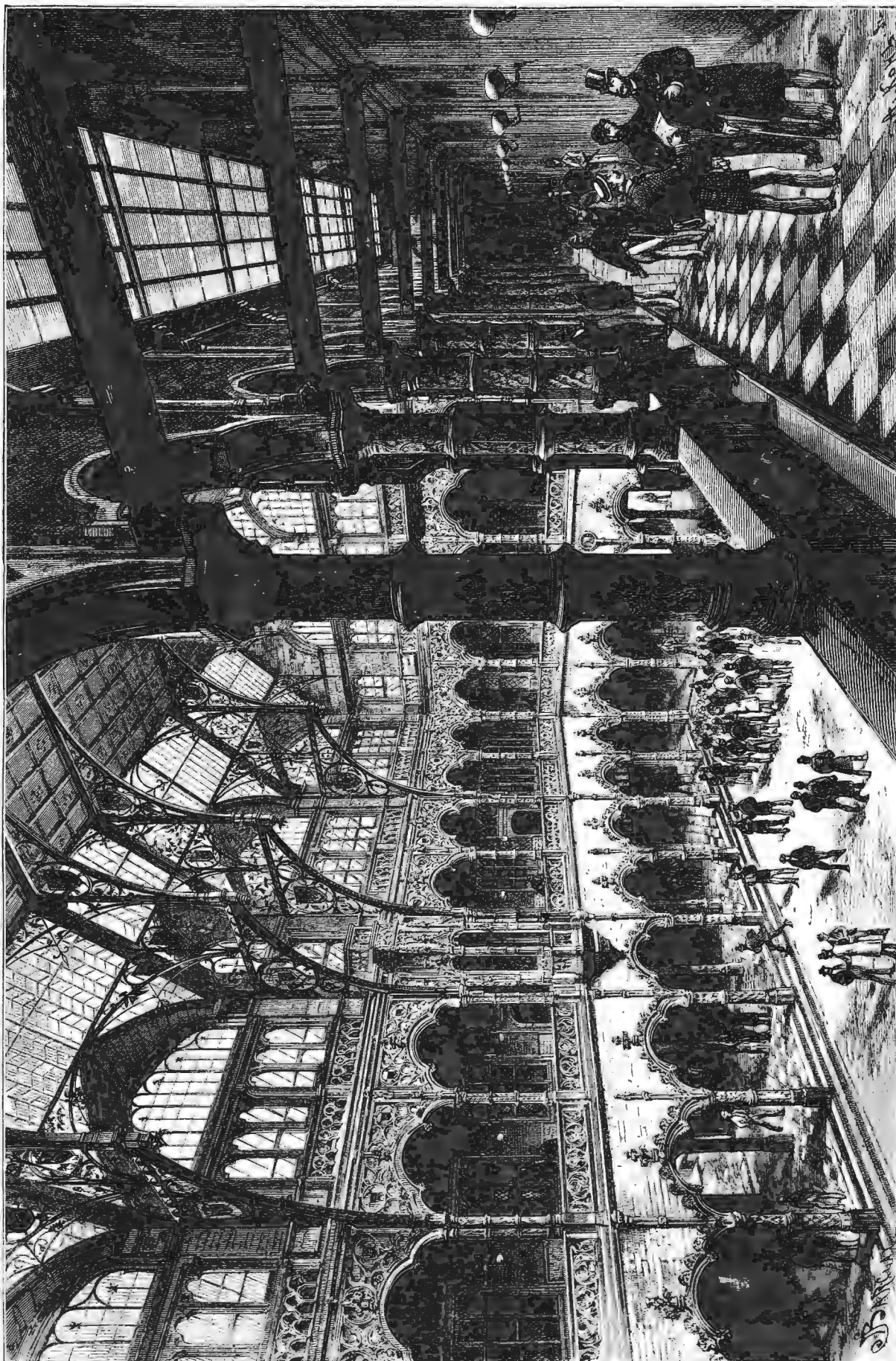
Торре-дель-Оро (золотая башня), древнее зданіе, нижняя часть котораго относилась еще къ временамъ римлянъ, а верхняя, болѣе узкая въ поперечникѣ,—къ мавританской эпохѣ, служила сторожевой башней на берегу Гвадалквивира; прозвище свое она получила въ народѣ, по той причинѣ, что короли и мѣли обыкновеніе хранить въ ней свои сокровища. На плацу, близъ этой башни и происходило засѣданіе суда двадцати четырехъ. Судьи помѣщались на тростниковыхъ скамейкахъ, разставленныхъ полукругомъ, въ серединѣ между ними, стояло

А. С. Сикор.

Л. С. Сикор.

Дѣвушки изъ Тюлы (въ Мексикѣ). Ориг. рис. Сору, грав. Гильдебрандъ.

Внутренній видъ биржи въ Антверпенъ. Орг. ржс. Баркляя, грав. Коль.

нѣсколько болѣе высокое сидѣнье для президентовъ; обвиняшіе и обвиняемые входили и становились въ свободное пространство и полукружіе.

Вокругъ, обыкновенно, тѣснился народъ, сдерживаемый альгвазилами и патрульными капралами, на такомъ разстояніи, на которомъ если они мало видѣли и слышали, за то, съ другой стороны, не мѣшала и судьямъ.

На этотъ разъ, нѣсколько вправо отъ полукруга, образуемаго скамейками судей, видно было какое-то возвышеніе, все задернутое чернымъ и возбуждавшее общее любопытство и судей и народа, очевидно не понимавшихъ его назначенія. Судьи и народъ хорошо знали, что въ этотъ день предъ трибуналомъ предстанетъ и выслушаетъ свой приговоръ убійца патрульнаго капрала, Антоніо Гернандеца, но имя обвиняшагося было извѣстно только президенту. Негерильные членовъ суда возросло до крайней степени, такъ какъ наступала часъ открытія засѣданія. Президентъ, донъ-Санхо Цербура, показался, держа въ правой рукѣ посохъ, знакъ своего достоинства и власти; раскляпавшись съ судьями, подлившимися при его появленіи, онъ занялъ свое мѣсто, послѣ чего судьи вновь сѣли на свои мѣста.

— Альгвазилъ Эстебанъ Аваледа! произнесъ донъ Санхо, громкимъ, повелительнымъ голосомъ.

— Я здѣсь, сенноръ президентъ!

— Позвопите въ колокольчикъ, чтобъ дать знать, что засѣданіе началось.

Затѣмъ когда серебрястый звукъ колокольчика затихъ, президентъ всталъ.

— Сенноръ судья, допъ Авворо Веласкецъ!

— Я здѣсь, сенноръ президентъ!

— Вы знаете, сенноръ, обязанность вашу, какъ младшаго члена совѣта вентикватрасъ?

— Знаю, сенноръ президентъ,—обязанность служить посланцомъ суда.

— Хорошо, сенноры! садитесь на своего мула, поѣжайте въ Альказаръ и просите короля Кастилии и Леона, дона Педро, облагодетельствовать пожаловать въ судъ двадцати четырехъ.

Ропотъ изумленія и ужаса пробѣжалъ по толпѣ, судьи вопросительно взглянули на президента.

— Вы слышали приказаніе суда, сенноръ? строго спросилъ донъ Санхо.

— Да, сенноръ президентъ, отвѣчалъ неувѣреннымъ голосомъ допъ Веласкецъ.

— Такъ выполняйте же его.

Судья поклонился, сѣлъ на мула и поскакалъ по направленію къ Альказару. Глубокое безмолвіе царствовало среди испуганной и удивленной толпы. Но послѣ непродолжительной паузы, народъ раздался и въ образовавшемся широкимъ проходѣ показался — предшествуемый посланцемъ — король на своемъ конѣ и въ сопровожденіи только одного своего любимца, дона Хуано де-Альбюкерка.

Сойдя съ коня передъ полукругомъ и давъ дону Хуану знакъ остаться позади, онъ выступилъ впередъ.

— Судъ вентикватрасъ, произнесъ онъ съ величавымъ достоинствомъ, пригласилъ меня, я—здѣсь!

При появленіи короля въ полукругѣ, президентъ и судьи опустили на колѣни, затѣмъ президентъ и судья заняли свои мѣста.

— Донъ Педро, король Кастилии и Леона, провозгласилъ торжественнымъ тономъ президентъ, вставъ съ своего мѣста вновь и приподнявъ правую руку съ жезломъ,—вы приглашены предъ трибуналъ вентикватрасъ, какъ обвиняемый въ убійствѣ патрульнаго капрала, Антоніо Гернандеца.

— Кто мой обвинитель? спросилъ король.

— Я! отвѣтилъ молодой голосъ и Хуанито вышелъ въ средину полукруга.

— Ты? сказалъ король съ улыбкой, но по его взгляду было видно, что юный красавецъ возбудилъ въ немъ живой интересъ.

— Кто ты? спросилъ президентъ.

— Меня зовутъ Хуанито Альзаро; я сирота, отца своего еле помню, а мать, съ которой я жилъ въ горахъ въ нашей хижинѣ, умерла годъ тому назадъ; недавно я поступилъ въ домъ дона Вазилья Оригуела, въ улицѣ дель-Карридадъ.

— Подойди ближе, Хуанито Альзаро, и изложи свое обвине-

ніе; но взвѣсь каждое свое слово! Ложному доносчику отрубается, чрезъ палача, конецъ языка! строго произнесъ донъ Санхо.

— Я знаю это, сенноръ президентъ, мнѣ ужъ это говорено; но то, что я скажу—истинная правда. Да будетъ мнѣ свидѣтельницей въ томъ Пречистая Дѣва Марія!

Приблизившись къ президенту и ставъ предъ королемъ, Хуанито, среди глубокой тишины, рассказалъ слѣдующее:

— Это было нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, навѣрно не знаю—сколько, но только помню, что утромъ, я искалъ въ Рондо лечебныхъ травъ для цирюльника деревни Пенадесъ, Алонзо Кокеро, котораго зналъ и который иногда давалъ мнѣ для моей матери то муки, то овечьей ветчины, то бобовъ, а ужъ всегда—мелкой монеты; какъ разъ на той тропинкѣ, около которой я копошился, я увидалъ дону Санхо Цербура на его мулѣ, а за нимъ—важнаго кабаллери, верхомъ на великолѣпномъ и богато убраннымъ жеребцѣ.

Я очень хорошо знаю дону Санхо Цербура; домикъ моей матери стоялъ недалеко отъ его дома; такъ какъ я рѣдко видалъ сенноровъ кабаллеровъ, то, конечно, вышелъ изъ-за скалы, за которой сидѣлъ и въ волю наглядѣлся на кабаллери, а когда немного дальше, онъ слѣзъ, чтобы напиться у источника близъ тропинки, пока донъ Санхо держалъ его лошадей, я забѣжалъ, позади кустарника и скалы, и подошелъ такъ близко къ ручью, что могъ бы рукой дотронуться до ногъ кабаллери.

Въ диво мнѣ были камзолъ его, богатый плащъ, перья на шляпѣ; очень мнѣ понравился его охотничій рогъ, весь обдѣланный въ золото и блиставшій на солнцѣ; онъ изъ него и напился воды, а когда его бралъ, такъ на одномъ изъ пальцевъ сверкнулъ дорогой перстень, отъ всего его платья пахло чудными жасмиными духами.

Кабаллери опять потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ дальше съ дономъ Санхо.

Скоро вслѣдъ затѣмъ продавцы муловъ взяли меня съ собой изъ Пенады въ Севилью; они думали, что я ужъ найду тамъ себѣ службу.

Я и поступилъ къ дону Базиліо, въ улицѣ Карридадъ, и вотъ какимъ образомъ: около Гиральды (соборная башня) меня встрѣтилъ одинъ разъ какой-то почтенный старый сенноръ; онъ оглядѣлъ меня серьезнымъ взглядомъ и спросилъ: ты, юноша, изъ горъ?

— Да, сенноръ! отвѣчалъ я.

— Желаетъ ли ты поступить на какую нибудь службу?

— Охотно, сенноръ! есть у васъ что-либо для меня?

— Есть, отвѣтилъ онъ,—пойдемъ!

Я пошелъ за нимъ и мы вошли въ большой домъ, въ улицѣ дель Карридадъ.

— Я—донъ Базиліо Оригуела, сказалъ мнѣ тамъ сенноръ,—а это, вотъ, донна Консепсьонъ,—и при этомъ онъ указалъ на сердитую старуху, которая пришла въ комнату, двигаясь съ большимъ трудомъ,—она скажетъ, что тебѣ надо тутъ дѣлать и ея ты обязанъ слушаться; она же дастъ тебѣ новый камзолъ и будетъ давать ѣсть, пить и по одному реалу въ недѣлю.

И затѣмъ, сенноръ ушелъ въ свои комнаты, а меня оставилъ наединѣ съ донной Консепсьонъ.

Донъ Базиліо—надо вамъ сказать—холостой и бездѣтный, а донна Консепсьонъ, сердитая старуха, которая меня гоняла по цѣлымъ днямъ и давала очень мало ѣсть, донна Консепсьонъ—дуэльнаго дома донна Базиліо.

Кто такой былъ мой господинъ, навѣрно я не могу сказать, но кажется что—ученый, потому что постоянно сидѣлъ въ своихъ комнатахъ надъ пергаментами, которыми былъ заваленъ его столъ; въ комнаты его мнѣ было запрещено входить, но однажды я заглянулъ туда тайкомъ; съ того дня что онъ встрѣтилъ меня и нанялъ около Гиральды, я его видѣлъ всего одинъ разъ, какъ сейчасъ услышите; сколько знаю, онъ изъ дома больше не выходилъ, встаетъ тутъ скажу, что донъ Хуанъ, въ тотъ разъ у Гиральды, разговаривалъ съ одной старой крестьянкой, но которая—когда я заглянулъ ей въ лице—показалась мнѣ передѣтой знатной молодой сеннорой.

— Карамба, проговорилъ король,—что бы это значило? Однако, какой наблюдательный глазъ у этого юноши!

(Окончаніе въ слѣд. №).

Трагическія похороны.

Разсказъ Фр. Коппе.

Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ онъ исполнялъ третью роли на „boulevard du Crime“ и его рѣзкій голосъ, ординный носъ, его зловѣще свѣтившіеся глаза сдѣлали изъ него даже не дурнаго актера на эти роли. Впродолженіи двадцати пяти лѣтъ въ костюмѣ Круглоголоваго, стянутой поясомъ Мордаунта изъ бурой кожи, онъ отступалъ, походкой раненаго скорпіона передъ д'Артальяномъ: задрапированный въ грязный халатъ Родена, потиралъ свои сухія руки, шепча ужасное: „*Terrien! Terrien!*“ и сядя въ креслѣ герцога д'Эсте, говорилъ Лукреціи Борджіа, адеки косясь на нее: „*Postarайтесь не ошлбитесь... Золотой флаконъ, madame!*“ Когда, предшествуемый тремоло, онъ входилъ на сцену, третья галерея трепетала и

переводила дыханіе лишь въ ту минуту, какъ jeune-premier говорилъ ему наконецъ: „*Теперь—наши счеты!*“ послѣ чего убивалъ его для полнаго торжества добродѣтели.

Но этотъ родъ успѣха, вызывающій лишь возгласы негодованія и ужаса—не изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ драматическую карьеру особенно привлекательной, да вдобавокъ старый актеръ всегда таилъ въ глубинѣ своей души буржуазный идеалъ, какъ и большинство актеровъ. На склонѣ дней онъ желалъ, какъ разжившійся лавочникъ, завоевать себѣ довольство и уваженіе, деревенскій домикъ, близъ котораго, въ садовой бесѣдкѣ, сидитъ вся семья за только что сорванной дыней; зимой вечеринки съ нирогомъ; желалъ чтобы дочь воспитывалась въ мо-

настырь, сыпъ носилъ мундирчикъ политехнической школы, мечталъ объ орденѣ Почетнаго Legiona.

Когда мы имѣли случай познакомиться съ нимъ, онъ уже почти осуществилъ свои мечты.

По случаю распада театральной труппы, въ которую онъ былъ съ давнихъ поръ приглашенъ, кангалисты вспомнили о немъ, чтобы возобновить предпріятіе. Благодаря порядку, здравому смыслу, большой актерской практикѣ и довольно вѣрному литературному инстинкту, изъ него вышелъ превосходный директоръ театра. Онъ владелъ процентными бумагами, вилой въ Монморанси; сыпъ его оканчивалъ курсъ въ Saint-Barbe; дочь только что вышла изъ Oiseaux; и если козни мелкой прессы задерживали получение ордена, каждый годъ напонила около 1-го января, о его бывшихъ сценическихъ роляхъ, онъ во всякомъ случаѣ могъ рассчитывать, что скоро получитъ красную ленточку. Онъ твердо сохранилъ нѣкоторыя привычки актера: говорилъ всѣмъ ты и красилъ усы; но будучи на самомъ дѣлѣ добрымъ, честнымъ и услужливымъ, приобрѣлъ уваженіе и дружбу всѣхъ близкихъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что весь драматическій міръ былъ искренно опечаленъ, внезапно узнавъ объ ужасномъ горѣ, постигшемъ этого добраго человѣка. Его дочь, дѣвушка семнадцати лѣтъ, вдругъ умерла отъ воспаления въ мозгу.

Мы знали какъ онъ обожалъ этого ребенка, какъ онъ ее воспитывалъ въ самыхъ строгихъ правилахъ семьи и религіи, далеко отъ театра, почти также, какъ Трибуэ пряталъ свою дочь Бланшъ въ маленькомъ домикѣ переулка Бюси. Мы догадывались, что онъ возлагалъ всѣ свои честолюбивыя надежды на это очаровательное созданіе, которое такъ близко отъ кулисъ выросло невиннымъ и чистымъ. Вѣдь случается, что среди чахлахъ травъ предѣстья, у дверей грязнаго притона вырастаетъ прелестный полевой цвѣтокъ.

На пригласительный билетъ съ черной каемкой, мы явились въ числѣ первыхъ.

Передъ домою, гдѣ лежала покойница, толпилась уличная чернь, привлеченная пышностью похоронъ перваго разряда, которые заказалъ самъ старикъ актеръ, сохранивъ любовь къ сценической постановкѣ, даже и въ горькія минуты. Великолѣпный катафалкъ и множество траурныхъ каретъ, съ драпированными въ черное лошадьми, тѣснилось вдоль тротуара, а въ дверяхъ, подъ тѣнью тяжелыхъ драпировокъ, украшенныхъ серебрянымъ галуномъ, въ блескѣ горящихъ свѣчей, выдѣлялся массивный гробъ, покрытый бѣлымъ и украшенный букетами парижскихъ фіалокъ. Пробираясь сквозь толпу, мы скоро замѣтили группы лошадей, тоже ожидающихъ, когда шествіе тронется. Почти всѣ парижскіе актеры и актрисы были налицо и пришли отдать послѣдній долгъ дочери своего товарища. Ничего конечно не могло быть естественнѣе этого; но тѣмъ не менѣе мы испытывали странное чувство, глядя на это сборище лицъ, тронутыхъ закулисной порчей, вокругъ гроба этой чистой молодой дѣвушки, послѣдній вздохъ которой вылетѣлъ въ молитвѣ.

Всѣ они были тутъ: первые роли, комики, любовники, измѣнники; не было недостатка въ субреткахъ, кокеткахъ и ingénus. Благородный искатель приключеній безсодержательныхъ мелодрамъ, въ пальто-сакѣ и фетровой шляпѣ, изъ-подъ которой падали сѣдые волосы, стоялъ у лавочки, прислонясь къ ставню, въ привычной позѣ, скрестивъ на груди свои красивыя руки; въ то время какъ маленький старичекъ, съ наружностью балаганнаго шута, держалъ его за пуговицу и о чемъ то живо разговаривалъ тѣмъ растянутымъ и дряблымъ голосомъ, который такъ часто смѣшилъ насъ въ театрѣ. Рядомъ съ маститымъ любовникомъ, который былъ затянута въ очень короткій рединоготъ и узкія панталоны со итришками и взбивалъ затянута въ перчатку рукой свои необыкновенно черные волосы—стоялъ красавецъ-гуллка, громаднаго роста, въ бархатной черной шляпѣ и высокихъ ботфортахъ, очевидно не желавшій даже и въ этотъ день отказаться отъ эксцентричности своего костюма. Всѣ эти патетическія, граціозныя и насмѣшливыя головы, на которыхъ мы привыкли смотрѣть въ освѣщеніи сценическаго обмана—казались такими печальными, старыми и утомленными въ это сѣрое зимнее утро! Подбородки отливали синевой отъ частаго бритья, волосы были рѣдки и сухи отъ горячихъ щипцовъ, кожа шероховата—отъ ѣдкихъ притираний; а глаза—неподвижны, испорчены блескомъ лампъ, мигали и походили на глаза ночныхъ птицъ, встревоженныхъ солнцемъ.

Особенно жалкій видъ имѣли женщины. Принужденныя, вслѣдствіе такого обстоятельства, встать очень рано и не найдя времени тщательно заняться мелочами туалета, онѣ стояли группами въ пять—шесть человѣкъ, дрожа и кутаясь въ мѣховыя ротонды, муфты и тройныя черныя вуалетки. Ихъ нельзя было узнать и нужно было нѣкоторое усиліе мысли, чтобы найти въ нихъ хоть слѣдъ воспоминанія о томъ очарователь-

номъ сералѣ парижскихъ театровъ, который каждый вечеръ представлялся на показъ многочисленной публикѣ.

На этихъ очаровательныхъ лицахъ видѣлись слѣды утомленія и прожитыхъ лѣтъ. Однѣ были болѣзненно худы, другія тяжелы и болѣзненно тучны. Лбы и виски испещрены были морщинами; губы—блѣдны, глаза съ—свинцовыми кругами; въ особености страшенъ былъ цвѣтъ лица: ровный, мертвенный, какъ у отравленныхъ—слѣдствіе растительныхъ румянъ и бѣлилъ. Вотъ эта толстая женщина, похожая на жену буржуа—исполняла роли жестокихъ и безсердечныхъ королевъ въ крупныхъ романтическихъ пьесахъ; а эта маленькая блѣдная блондинка, прикрытая кружевами, которую бы такъ удачно дополнялъ свертокъ изъ вошеаго холста учительницы музыки,—была прелестной простушкой и всѣ водевилисты выдавали ее замужъ въ концѣ своихъ пьесъ. Видны были кроме того и взгляды лоретокъ, умирающихъ въ больницѣ, головы похожія на старую чернишницу въ Луврѣ, мелькали улыбки Селимены изъ „Плски мертвецовъ“.

Въ скоромъ времени прѣхали въ фракахъ должностныя лица театральной администраціи, въ черныхъ фракахъ и черныхъ перчаткахъ, съ официально печальными лицами; молодые репортеры, выскочки газетнаго міра, сующіе всюду свой носъ и все заносящіе въ книжку; драматическіе авторы, понедѣльные ничныя фельетописцы—и затѣмъ всѣ эти утомленные и притупленные ночныя существа, которыхъ принято называть „le Tout-Paris des premiers“ *).

Составился болѣе тѣсныя группы, завязались разговоры. Нашлись старые пріятели. Обмѣнивались рукопожатіями; благодаря обстоятельствамъ, лица опять радушно улыбаются; женщинами цѣловались сквозь вуаль.

По дорогѣ можно было слышать отрывки изъ разговоровъ, въ родѣ слѣдующихъ: „когда идетъ побѣдъ туда то?“ „Ты вчера былъ въ бенуарѣ Variétés?“ Слышалась закулисная терминологія: „мой средства“, „моя фигура“, „мой сшагге“. Обдѣлывались даже дѣла. Новый директоръ былъ окруженъ цѣлой толпой: одна старая актриса хлопотала о своемъ бенефисѣ.

Вдругъ толпа заволиновалась. Факельщики поставили гробъ на катафалкъ и молодая дѣвушка изъ братства Дѣвы Маріи, откуда была и покойница, покрытая бѣлымъ, становилась въ два ряда по бокамъ погребальной колесницы. Предшествуемый распорядителемъ церемоніи, въ шелковыхъ чулкахъ и съ треуголкой въ рукѣ, на тротуарѣ показался несчастный отецъ, въ глубокомъ траурѣ, въ бѣломъ галстукѣ, совершенно убитый горемъ. Его вели подъ руки друзья.

Побѣдъ двинулся и подѣхалъ къ церкви, которая была близко.

Шла большая обѣдни, подъ звуки церковнаго органа и шла очень долго. Въ церкви было душно; народу была масса и никто не обращалъ вниманія на службу. Люди, узнавшие другъ друга лишь въ этой толпѣ, обмѣнивались легкими кивками головы; велись разговоры въ полголоса; иные изъ молодыхъ актеровъ становились въ позы, повертывались въ сторону женщинъ и возгласу священника: „Dominus vobiscum“ вторили отхаркиваясь и кашель. Съ возвышенія, за алтаремъ раздался прекраснѣйшій ріе Jesu, пропѣтый знаменитымъ баритономъ, который никогда не имѣлъ еще съ такимъ чувствомъ. Въ дальнихъ углахъ церкви мелкіе обыватели квартала, привставая на цыпочки и держась за баллюстраду, показывали другъ другу пальцемъ на знаменитостей сцены.

Когда служба отошла, потянулась длинная процессія и всѣ тронулись къ выходу—брызнуть нѣсколько капель святой воды на гробъ и пожать руку старому актеру, который, разбитый отчаяніемъ, едва держа шляпу въ рукахъ, прислонился къ колоннѣ.

Это была самая ужасная минута.

Увлеченные привычкой „играть роль“, всѣ эти люди театральныя подмостокъ вложили въ чувство своей симпатіи къ другу характеръ своей профессіи. Премьеръ выступалъ важно и нѣсколько повернувъ голову въ сторону, какъ бы „посылая виковъ судьбѣ“, произнося: „не надо падаѣ духомъ“. „Комикъ“ подходилъ, качая головой, при чемъ прыгали щеки и бормоталъ: „Ахъ моя бѣдная старушка!“ А царица фееріи, охваченная нѣжной чувствительностью изящной дамы кидалась на шею несчастнаго отца, а онъ съ отежшими глазами и опавшей губой черпалъ ея лице и ея руки въ бѣлыхъ перчаткахъ краской своихъ усевъ, которые поливали отъ слезъ.

Одновременно съ этимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дикой и грозной сцены—видѣлись, какъ послѣднее слово антитеатра—бѣлыя дѣвушки братства Маріи на колѣняхъ, возлѣ гроба своей подруги. А кругомъ гудѣлъ и шумѣлъ ненасытный громадный тысячелетовый звѣрь—Парижъ—всѣми своими улицами, грохотомъ своихъ экипажей, звономъ церковей, проклятіями и молитвами.

Р Рихардъ Вагнеръ.

Очеркъ Н. В. Соловьева.
(Профессора Сиб. Консерваторіи).

Послѣдніе годы жизни Вагнера были прямымъ контрастомъ пережитаго раньше времени. Съ каждымъ истекающимъ годомъ

Вагнеръ все болѣе и болѣе удалялся отъ своего прошлаго, под-

*) Весь Парижъ первыхъ представленій.

наго горьких испытаній, и приближался къ періоду самаго пріятнаго существованія, полного семейныхъ радостей, материальнаго довольства, художественнаго удовлетворенія. Вагнеръ послѣдніе годы переживалъ тотъ періодъ славы, который слѣдуетъ за смертью композитора: онъ при жизни былъ оцѣненъ по достоинству. Неудачная первая женитьба на актрисѣ, которая совершенно не понимала и не цѣнила стремленій Вагнера, считая его дѣятельность эфемерною, смѣнилась, послѣ втораго брака на дочери Листа, счастливою семейною жизнью. Послѣдніе годы Вагнеръ былъ окруженъ нѣжною любовью своей семьи. Бѣдственное существованіе, скитальческая жизнь, на смѣшки большинства — смѣнились жизнью, полной роскоши и славы. Его прошлое не могло не оставить нѣкоторыхъ слѣдовъ въ его характерѣ: онъ былъ крайне вспыльчивъ. Но разъ сознавъ свою ошибку, Вагнеръ спѣшилъ исправить ее и первый винилъ себя въ ней. Долгая борьба изъ-за своихъ художественныхъ идей, которую онъ велъ съ невѣроятной энергіей, и наконецъ успѣхъ, развили въ немъ увѣренность въ своихъ заслугахъ, нелишнюю нѣкотораго высокомерія. Вагнеръ, испытавшій столько наладковъ отъ критики, навсегда сохранилъ къ ней враждебное чувство. Но въ сущности онъ былъ добраго характера. Крайняя привѣтливость, преданность ко всемъ ему сочувствовавшимъ были отличительными чертами этого человѣка, который оставилъ въ своихъ друзьяхъ самое теплое воспоминаніе.

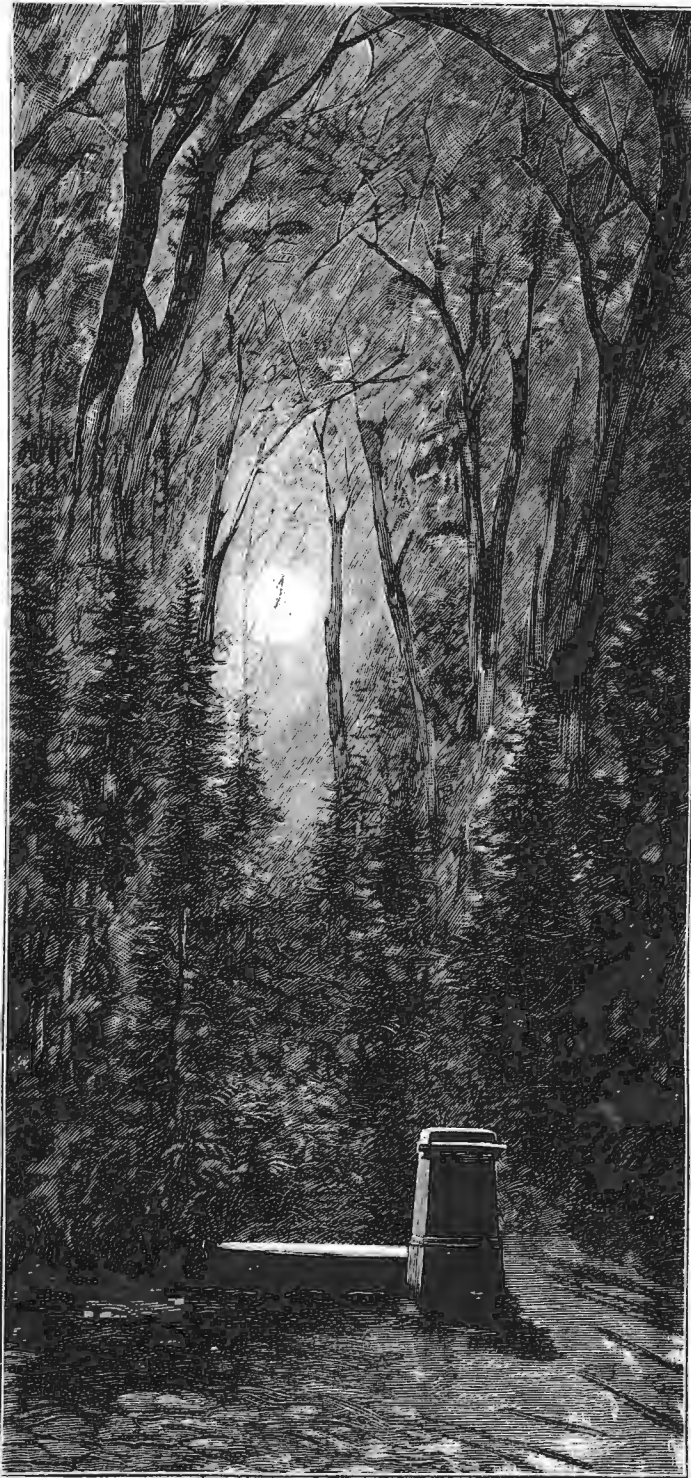
Это былъ всесторонне образованный художникъ, никогда не посвящавшій своего времени исключительно музыкальнымъ занятіямъ. Интересуясь какииъ нибудь предметомъ, онъ знакомился à fond со всей его литературой, слѣдствіемъ чего и была чрезвычайно обширная, разнообразная и богатая бібліотека, какъ музыкальная, такъ и литературная, помѣщавшаяся въ его роскошномъ домѣ, Ванфридъ въ Байрейтѣ. Кстати скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ небольшомъ роскошномъ дворцѣ Вагнера. Двухъэтажный домъ съ лицевой стороны украшенъ миѳической картиной, которой фигуры были портретами его жены, Козимы, сына, маленькаго Зигфрида, и нѣсколькихъ артистовъ. По бокамъ изображенія помѣщены слѣдующіе стихи Вагнера:

Hier wo mein Wahn Frieden fand—
„Wahnfried“ sei dieses
Haus genannt.

приблизительный смыслъ которыхъ заключается въ томъ, что Вагнеръ называетъ свое жилище мѣстомъ успокоенія, такъ какъ тутъ его мечты нашли покой. Входъ ведетъ въ большой высокій залъ, освѣщенный сверху, украшенный по стѣнамъ фресками изъ „Нибелунговъ“ и бюстами главныхъ дѣйствующихъ лицъ изъ его оперъ: „Лоэнгрина“, „Тангейзера“, „Тристана“. Тутъ же красовались бюсты самого Вагнера и его жены. Въ этомъ залѣ происходили спѣвки, для которыхъ поставлены были рояль Стейнвейе и органъ Эстей. По бокамъ залы помѣщались: будуаръ его жены и столовая. Въ будуарѣ была собрана цѣлая коллекція поднесенныхъ подарковъ и пожалованныхъ орденовъ

Вагнеру. Всю эту коллекцію онъ называлъ въ шутку своими трофеями.

За заломъ Vorhalle, помѣщался другой обширный залъ съ бібліотекой, которой каждая книга была роскошно переплетена. До красивыхъ переплетовъ Вагнеръ былъ большою охотникомъ. Тутъ же стоялъ рояль Бехштейна, многочисленная, самая разнообразная мебель; полъ украшенъ былъ коврами и огромною шкурою бѣлаго медвѣдя. За рабочимъ столомъ въ этой комнатѣ Вагнеръ занимался корреспонденціею, почему эта комната и носила названіе рабочей. Но въ сущности настоящая его рабочая комната находилась въ верхнемъ этажѣ и не была доступна ни для кого. Въ ней Вагнеръ работалъ ежедневно почти съ 6 часовъ утра до 12. Нижняя же рабочая комната служила скорѣе для пріема гостей. Вагнеръ называлъ ее по нѣмецки saal и терпѣть не могъ, когда его saal называли по французски salon. У себя дома Meister (такъ называли Вагнера всѣ его окружавшіе) рассказывалъ въ старогерманскомъ костюмѣ, сильно напоминавшемъ костюмъ доктора Фауста. Разумѣется при гостяхъ этотъ костюмъ мѣнялся на простой сюртукъ, большою шелковый галстухъ, которые онъ носилъ довольно неврышливо, не замѣчая иногда, напримѣръ, что воротникъ сюртука завернувшись торчитъ вверхъ. Съ гостями онъ былъ крайне привѣтливъ, любилъ шутить и въ особенности былъ охотникъ слушать всевозможные, даже самые незатѣливые анекдоты, которые возбуждали въ немъ неподдѣльный хохотъ. Самъ же рассказывать забавныя вещи былъ далеко не мастеръ. Но за то, когда разговоръ заходилъ о вещахъ, глубоко затрогивавшихъ Вагнера, рѣчь его становилась увлекательною, онъ вдохновлялся, забывалъ все окружающее, впадалъ, такъ сказать, въ трансъ. Тогда сила его рѣчи была неотразима. Всѣ въ Байрейтѣ просто обожали своего Meister'a. Всюду въ витринахъ видѣлись его портреты разныхъ величинъ. Изображеніе Вагнера можно было встрѣтить на конфетахъ, галстухахъ и проч. Гдѣ бы онъ ни являлся, сопровождала его толпа. Пивная Ангермана, въ Байрейтѣ, куда Вагнеръ хаживалъ, всегда была переполнена во время его посѣщенія. Тамъ онъ имѣлъ свою постоянную хрустальную кружку (Seidel) съ серебряной крышкою. Ему прислуживала кельнерша, которая въ честь героини трилогіи называлась Брунгильдою. Въ четыре часа—время посѣщенія Вагнеромъ пивной, любопытные туристы стекались въ пивную посмотреть на излюбленнаго обитателя Байрейта. Говоря о домѣ Вагнера, мы забыли упомянуть еще объ одной ея комнатѣ, весьма курьезной, называвшейся канцеляріей „Нибелунговъ“. Въ этой „канцеляріи“ друзья Вагнера, какъ-то, Иосифъ Рубинштейнъ, Зейдль, (въ настоящее время капельмейстеръ вагнеровской труппы Неймана), капельмейстеры Мотль, Цумпе и проч. выписывали изъ партитуры оркестровые голоса, такъ какъ Вагнеръ, во избѣжаніе ошибокъ, не рѣшался поручить переписку кошистамъ. Къ дому Вагнера примыкалъ садъ, въ которомъ знаменитый музыкантъ и похороненъ въ настоящее

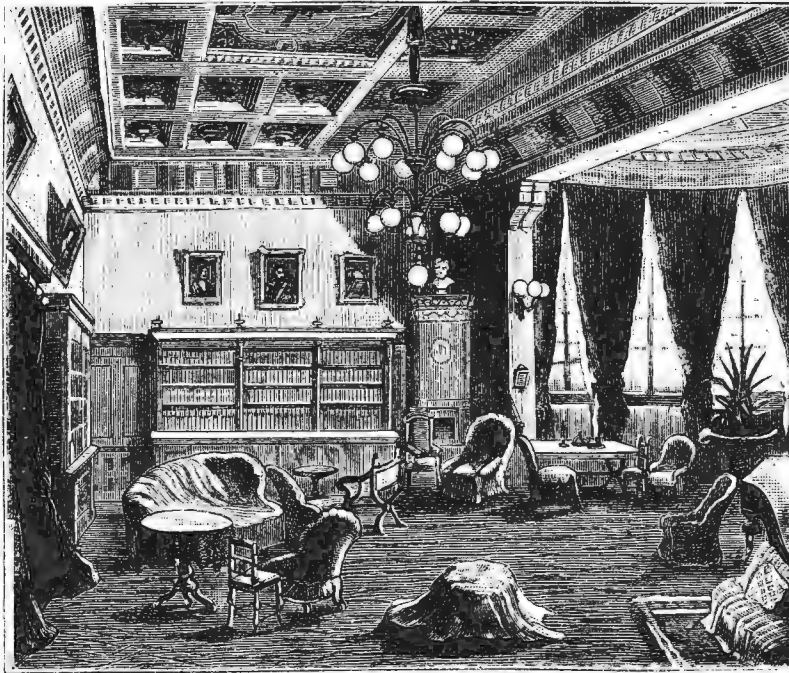
Гробница Вагнера въ паркѣ виллы Ванфридъ.

посѣщенія Вагнеромъ пивной, любопытные туристы стекались въ пивную посмотреть на излюбленнаго обитателя Байрейта. Говоря о домѣ Вагнера, мы забыли упомянуть еще объ одной ея комнатѣ, весьма курьезной, называвшейся канцеляріей „Нибелунговъ“. Въ этой „канцеляріи“ друзья Вагнера, какъ-то, Иосифъ Рубинштейнъ, Зейдль, (въ настоящее время капельмейстеръ вагнеровской труппы Неймана), капельмейстеры Мотль, Цумпе и проч. выписывали изъ партитуры оркестровые голоса, такъ какъ Вагнеръ, во избѣжаніе ошибокъ, не рѣшался поручить переписку кошистамъ. Къ дому Вагнера примыкалъ садъ, въ которомъ знаменитый музыкантъ и похороненъ въ настоящее

время. Еще залого онъ выбралъ мѣсто упокоевнiя для себя и своей жены. У подножiя этихъ могилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было видѣть камениую доску съ надписью: „Здѣсь лежитъ Рустъ и ждетъ“. Подъ этой доской зарыта любимая собака Вагнера. Всѣ послѣднiе годы Вагнеръ проводилъ въ Байрейтѣ, гдѣ работалъ неустанно.

Какъ мы выше упоминали, Вагнеръ сочинялъ всегда рано утромъ. Образы незабвенныхъ для него пѣвицы Шредеръ-Девриентъ и тенора Тихачека, съ которыми такъ тѣсно связана была его художественная дѣятельность, не покидали его. Писавши партiю, онъ всегда вспоминалъ объ этихъ артистахъ, ихъ голоса такъ глубоко заняли въ память Вагнера, что создавая роль, онъ всегда какъ бы слышалъ тотъ или другой голосъ. Писалъ свои сочиненiя онъ, какъ и покойный А. Н. Стровъ, сперва въ видѣ эскизовъ, въ которыхъ помѣщалъ партiю голоса и самыя выдающiяся мѣста оркестроваго сопровожденiя, такъ что, смотря по надобности, его эскизъ занималъ одну, двѣ, три и болѣе нотныхъ строки.

Затѣмъ онъ прямо принимался за партитуру, которую писалъ четко, безъ поमारокъ. Свои эскизы онъ игралъ съ трудомъ и преимущественно давалъ проигрывать гѣбдившимся около него музыкантамъ. Вообще Вагнеръ игралъ на форте-

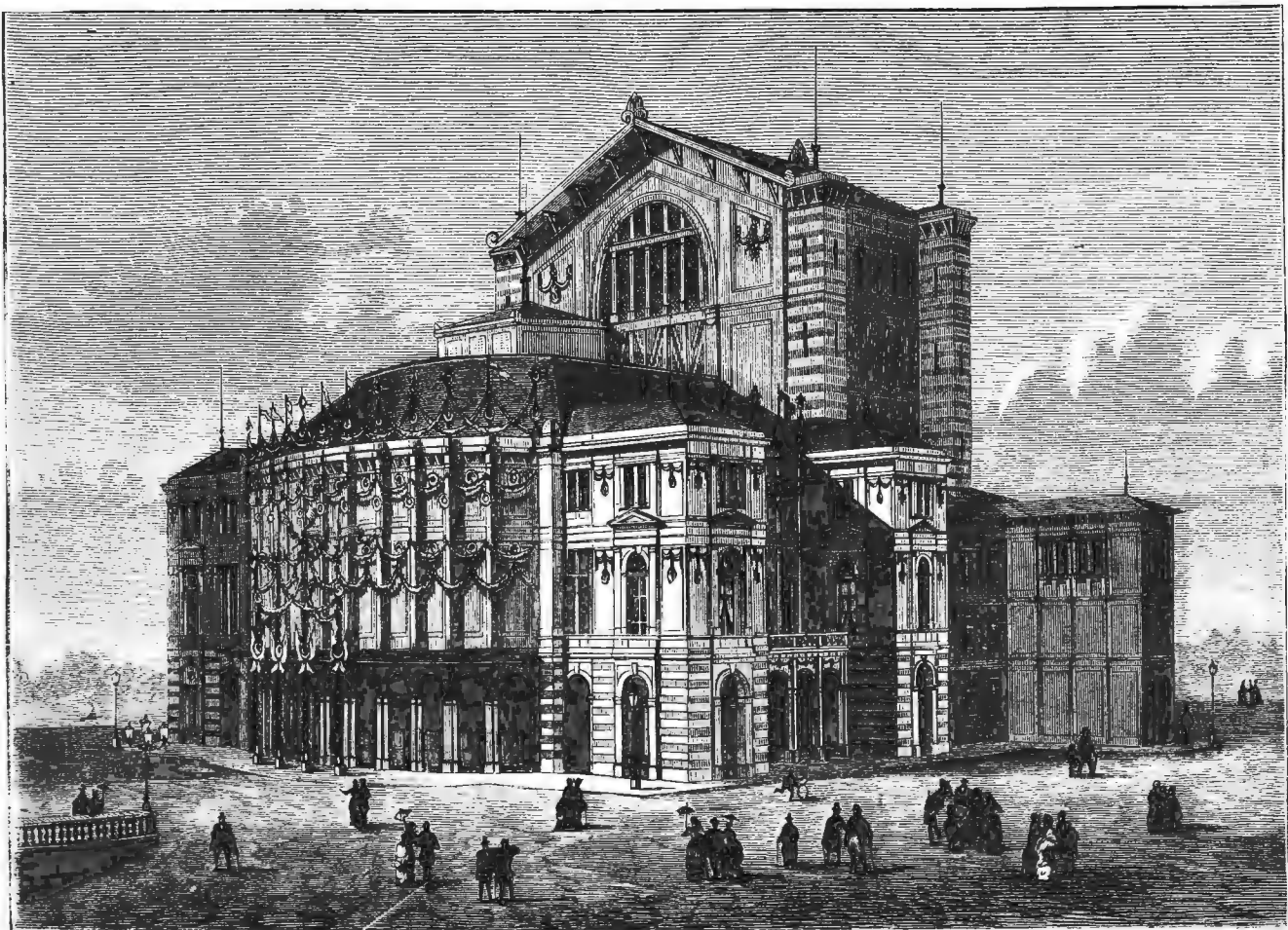

Рабочiй кабинетъ Рихарда Вагнера въ Ванфридѣ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

пиано плохо и не былъ хорошимъ аккомпаньаторомъ. Разъ какъ то при своемъ другѣ Листѣ, въ кругу своей семьи, Вагнеръ игралъ какую то вещьцу Моцарта съ невѣроятнымъ дуатъ. Замѣтя, что Листъ съ любопытствомъ смотритъ на его руки, Вагнеръ не преминулъ подшутить надъ своей игрой. „Смотрите, сказали онъ, какъ Листъ глядитъ на мое дуатъ! Онъ вѣроятно хочетъ чему нибудь отъ меня научиться!“ Далекое не будучи виртуозомъ на фортепиано, Вагнеръ былъ настоящимъ виртуозомъ - капельмейстеромъ.

Подъ его управленiемъ оркестръ до единаго человека заражался вдохновенностью самого капельмейстера. Исполненiе становилось рѣдкимъ по своей жизненности и неподражаемымъ по увлекательности. Каждому исполнителю онъ умѣлъ своей мимикой сообщить силу выраженiя.

Понимая, что капельмейстеръ долженъ стоять лицомъ къ оркестру, и слѣдить за его движенiями, Вагнеръ первый сталъ дирижировать, обернувшись къ публикѣ спиной. Это нововведенiе, сперва странно поражавшее публику, сдѣлалось въ настоящее время общеупотребительнымъ. Обладая замѣчательной памятью, Вагнеръ во время дирижировки не пользовался партитурой, поразя всѣхъ знанiемъ мельчайшихъ ея подробностей. Его дирижировка отличалась замѣчательной ритмичностью. Во время дири-

Театръ Вагнера въ Байрейтѣ, въ Баварiи. Съ фотогр. грав. М. Рашевскiй.

жировки, Вагнер иногда до того увлекался исполняемым, что, забывая все окружающее, даже то, что он дирижирует, прекращал ведение оркестра. Музыкальный вкус его был весьма различен: он читал Вебера, Моцарта, Глюка, Глинку, Сьрова, Верди, Россини, Берлиоза, Шопена, очень любил баллады Лее и, что весьма странно, неособенно дружелюбно относился къ сочиненіямъ Шумана. Брамса тоже не долубивалъ. „Я думаю, говаривалъ Вагнеръ, что на моихъ похоровахъ не будутъ пѣть пѣмецкаго реквиема (Брамса)“. Танцы Юганна Штрауса пользовались большими симпатіями Вагнера. Выше всего въ музыкѣ онъ ставилъ 9-ю симфонію Бетховена, которая и была исполнена подъ его управленіемъ при закладкѣ вагнеровскаго театра въ Байрейтѣ.

Вагнеръ былъ того убѣжденія, что опера въ Германіи находится подъ сильнымъ иностраннымъ давленіемъ, и что въ Германіи національнаго опернаго искусства въ недалекомъ прошломъ не было. Писать музыку безъ идеи, сюжета, было для Вагнера почти невозможно. Вотъ чѣмъ можно объяснить крайне неудачный американскій маршъ, написанный имъ по заказу для бывшей всемірной выставки въ Филадельфіи.

Вагнеръ постоянно работалъ. Одна работа, такъ сказать, перетекала другую. Сюжеты будущихъ оперъ у него созрѣвали въ то время, когда онъ былъ занятъ оперою уже предпринятою. Онъ не успѣвалъ исполнить оперы, какъ уже въ его головѣ складывался планъ для новаго творенія. Такая непрерывная цѣль дѣятельности не покидала его почти въ продолженіи всей жизни. Работая въ Байрейтѣ, напримѣръ, надъ партитурою „Парсивалъ“ въ 1876 году, онъ уже готовилъ либретто для своей новой оперы „Будда.“ Какъ извѣстно, Вагнеръ всегда самъ писалъ тексты для своихъ оперъ и отказывался отъ предлагаемыхъ ему чужихъ текстовъ, шутиво объясняя свой отказъ тѣмъ, что онъ его дѣлаетъ изъ зависти какъ либреттистъ.

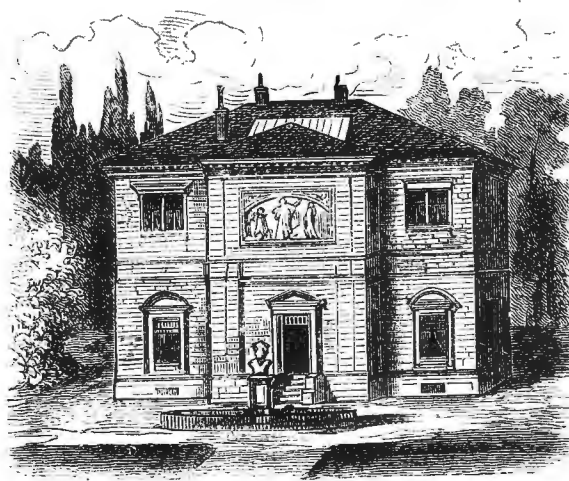
Но въ Байрейтѣ былъ еще болѣе цѣнный для Вагнера другой домъ—это его театръ, построенный вблизи города, на мѣстности болѣе возвышенной. Это громадное зданіе, выстроенное

подъ руководствомъ и по указаніямъ самого Вагнера, можетъ считаться образцомъ новѣйшихъ театровъ. Разумѣется, говоря это мы не имѣемъ въ виду роскоши и убранства, которыя въ этомъ театрѣ отсутствуютъ. Всѣ нововведенія въ немъ примѣнены; кромѣ того оркестръ, по идеѣ Вагнера, совершенно скрытъ отъ зрителей. Мѣста для нихъ, устроенныя амфитеатромъ, и ложи (только одинъ рядъ) расположены такъ, чтобы взоръ зрителя могъ безпрепятственно обнимать сцену. Сцена снабжена всѣми нововведеніями. Для болѣе реальнаго воспроизведенія облаковъ и дыма примѣненъ паръ. Сознавая, что чтеніе и перелистываніе либретто во время представленія слушателями только уничтожаетъ цѣльность впечатлѣнія, Вагнеръ во время спектакля приказывалъ уменьшать газъ до такой степени, что чтеніе становилось невозможнымъ. Во время дѣйствія входъ воспрещался, а для того чтобы слушатели своевременно заняли свои мѣста, передъ началомъ каждого дѣйствія трубачи и тромбонисты, выходя на площадку передъ театромъ, возвѣщали фанфарой (для которой служила одна изъ темъ послѣдующаго дѣйствія) о концѣ антракта.

Представленіе „Нибелунговъ“ было торжествомъ Вагнера. Этотъ успѣхъ еще болѣе ему напомнилъ о томъ неизбежномъ челоѣкѣ, покровительству котораго онъ всѣмъ обязанъ. Это онъ высказалъ на торжественномъ ужинѣ, послѣдовавшемъ за представленіемъ. Первый тостъ въ присутствіи всей интеллигенціи Европы былъ провозглашенъ Вагнеромъ за своего лучшаго друга — Листа, безъ котораго не осуществились бы его заветныя

идеи. Послѣ невѣроятно восторженнаго приема этого тоста, Листъ предложилъ тостъ за Вагнера, обратившись къ нему со словами: „я остаюсь тебѣ вѣчно вѣрнымъ и *поданнымъ!*“

Въ эти бѣглыя замѣтки вошли нѣкоторыя мои собственные воспоминанія и многія данныя, которыя любезно мнѣ сообщены г-жею Задлеръ-Грюнъ, очень извѣстною пѣвицею въ Германіи, которая первая исполнила роли Эльвы и Елизаветы въ Бодоныи, и ея супругомъ Д. К. Задлеромъ, старшимъ преподавателемъ въ с.-петербургской консерваторіи.

Вилла Вагнера „Ванфридъ“ близъ г. Байрейта въ Баваріи.

Къ рисункамъ.

Пугачевцы.

(Рис. на стр. 244 и 245).

Высокоталантливый жанристъ, оставившій послѣ себя, въ наслѣдіе русскому искусству, столько замѣчательныхъ произведеній, Перовъ, въ послѣдніе годы жизни началъ пробовать свои силы въ исторической живописи. И эти опыты нельзя назвать неудачными. Его двѣ большія картины „Никита Пустосвятъ“ и „Пугачевцы“ доказали, что онъ умѣлъ совладать съ трудной исторической темой и представить ее весьма жизненно, въ формѣ исполненной движенія и драматизма. О первой картинѣ трудно что нибудь сказать, такъ какъ она не окончена, но несомнѣнное впечатлѣніе производитъ картина „Пугачевцы“, въ которой художникъ изобразилъ яркій, хватающій за сердце эпизодъ безумнаго пугачевского бунта. Передъ вами здѣсь и самъ злодѣй, бѣглый казакъ Емелька Пугачевъ, важно возсѣдающій на импровизированномъ сѣдалищѣ, въ какой то лентѣ и звѣздахъ и махающій роковымъ платкомъ, служившимъ у него сигналомъ для начала казни. По сторонамъ его стоятъ его грязные, свирѣпые, пьяные сподвижники, а впереди прямо передъ нимъ несчастныя жертвы, ожидающія съ ужасомъ и трепетомъ рѣшенія своей участи. Чувствуется, что этимъ жертвамъ нѣтъ спасенія: онѣ должны неминуемо пасть. Да и самъ бунтовщикъ хорошо знаетъ низкіе, кровожадные инстинкты сопровождавшей его бездомной, оборванной толпы и понимаетъ, что она настолько увлеклась его пресловутыми воззваніями и самозванствомъ, какъ полной свободой разбоя и всякаго грабежа и насилія. Еще Пугачевъ не появился на арену своей дѣятельности, еще онъ былъ безвѣстнымъ казакомъ и бродягой, буйная толпа уже готовы были для смуты и злодѣйскихъ дѣлъ. Нашелся деркачій бунтовщикъ и мятежъ всыпхнулъ вдругъ, неудержимо, далеко оставивъ за собою прежнія кровавыя мерзости „пониловской вольницы“ и грабежи пограничныхъ шаекъ. Пугачевская смута разлилась пожаромъ, неожиданно: въ Оренбургѣ объ ней узнали во время губернаторскаго бала, а въ Петербургѣ извѣстіе объ ней пришло лишь черезъ мѣсяцъ во время блестящихъ празднествъ бракосочетанія Цесаревича Павла Петровича съ

его первой супругой Наталіей Алексѣевной. Тотчасъ же были приняты мѣры для искорененія мятежа, но эти мѣры были въ началѣ недостаточно рѣшительны. Мелкіе отряды войскъ шли противъ буйной сволочи самозванца; частныя неудачи войскъ еще болѣе увеличили дерзость Пугачева; неудержимо шель онъ впередъ съ шайками оборванцевъ и занималъ даже крѣпости и города, а по Волгѣ потянулись длинныя вереницы судовъ съ тѣми же оборванцами Пугачева, на мачтахъ которыхъ качались мертвыя тѣла повѣшенныхъ. И долго удача шла бунтовщику, хозяйничавшему въ Саратовѣ и Казани и наводившему ужасъ на весь приволжскій край своими казнями. Но только лишь усмиреніе мятежа перешло въ руки энергичныхъ и твердыхъ людей—Голицына, Бибикова, Панина, Михельсона, какъ всѣ удачи Пугачева конечно прекратились. Какъ дикій звѣрь, гонимый облавою, метался онъ изъ стороны въ сторону и, не находя другаго исхода, думалъ уйти отъ достойной казни въ Персію; но сами его сподвижники уже видѣли, что онъ обманщикъ и извергъ и поспѣшили отдать его въ руки правительства, чтобы заслужить себѣ прощеніе. 10 января 1775 г. Пугачевъ получилъ возмездіе за свои неслыханныя злодѣянія; голова его скатилась съ плахи, но долго еще не могли забыться содѣянные имъ ужасы и опустошенія. Довольно сказать, что онъ въ одинъ годъ умертвилъ до тысячи семисотъ челоѣкъ. Онъ убивалъ всѣхъ не разбирая возраста, пола и лѣтъ. Казни были различныя; большею частью вѣшали; иныхъ безпощадно били ногайками и потомъ закапывали; нѣкоторыхъ засѣкали до смерти плетями; рубили въ мелкіе куски, или сжигали на кострахъ. Въ Саратовѣ убійство продолжалось съ 6 по 11 августа; въ Пензѣ же и Петровскѣ, по истребленіи воеводъ, товарищей ихъ, секретарей и приказныхъ, управляли подъячие. Являясь среди народа, Пугачевъ всегда бросалъ въ толпу деньги; стоялъ на коврѣ, поддерживаемый двумя казаками. Онъ возилъ съ собою платку, куда, кромѣ приближенныхъ его и жены, никто не имѣлъ права входить; давалъ аудіенціи сидя на креслахъ; любимцы подводили къ нему плѣнныхъ и спрашивали: прикажешь ли вѣшать? Ничего не отвѣчая, злодѣй махалъ только платкомъ и казни совершались. Сцена такой

дикой и кровавой расправы и представлена на талантливой картинѣ Перова. Особенно выдается фигура героической женщины, предпочитающей смерть съ своею дочерью, подчиненію бутловщику.

Въ день рожденія.

(Рис. на стр. 249).

Что за счастливый день для этой дѣвочки! Сегодня мама такъ горячо ее поцѣловала утромъ и поздравила съ днемъ ея Ангела и потомъ велѣла идти въ эту комнату. Дѣвочка отъ восторга совершенно потерялась и окаменѣла, не можетъ ничего ни сказать, ни сдѣлать. Боже! сколько тутъ всего, всего, о чемъ она только когда нибудь мечтала! И эта большая предельная кукла—какъ она ее будетъ любить, одѣвать ее и укладывать спать пораньше, да, пораньше! Это такъ нездорово маленькимъ поздно ложиться спать; пусть эта кукла только будетъ послушна! А вотъ лежитъ для нея самой какое чудное платьице и башмачки съ такими яркими серебряными пряжками и такія красивыя книжки въ золоченыхъ переплетяхъ, въ которыхъ столько картинокъ... Маленькій слонъ... Дѣвочка не можетъ на все это насмотрѣться, а мама ее стоитъ и издала, изъ-за двери, любостыяна восхищеніе своей баловницы—дочки...

Дѣвушки изъ Тюлы (Мексика).

(Рис. на стр. 252).

Въ двадцати миляхъ на сѣверъ отъ Мексики лежитъ деревня Тюла, которая теперь насчитываетъ только 500 душъ жителей. Прежде это была столица Тольтековъ и, по сообщеніямъ историковъ, древнѣйшій городъ Анагуакъ. Вотъ вкратцѣ ея исторія. Тольтеки происходятъ отъ племени *Нагуа*; подъ этимъ именемъ извѣстны всѣ народы, говорившіе однимъ языкомъ, которые пришли съ сѣвера и постепенно, отъ седьмого до четырнадцатаго столѣтія, завладѣли плоскогоріемъ Мексики и частью Америки центральной. Историки говорятъ, что Тольтеки были деисты; они почитали солнце, луну и бога Тлалокъ, считавшагося покровителемъ жатвы и дождя; нравы ихъ были мягки и своимъ богамъ они приносили только невинныя жертвы. Бемія изображаетъ природнаго толтека человѣкомъ высокого роста, бѣлымъ, съ борою и орлинымъ носомъ.

Цивилизація Тольтековъ, менѣе чѣмъ въ четыре столѣтія, покрыла всю Мексику городами и монументами; потомъ она внезапно утала, точно отъ удара молніи. Въ срединѣ одиннадцатаго вѣка, нѣсколько лѣтъ наводненій, засухи и морозовъ, были причиной страшнѣйшаго голода, за которымъ послѣдовалъ моръ. Внѣшніе враги воспользовались этими роковыми обстоятельствами для разрушенія государства; началась губительная война, продолжавшаяся три года, которая окончательно уничтожила этотъ несчастный народъ.

Вислѣдствіи на мѣстѣ древняго города Тольтековъ появилась деревня Тюла. Многочисленныя древности, встрѣчающіяся на каждомъ шагѣ въ этой деревнѣ, свидѣтельствуютъ о цивилизаціи этого народа.

Масса разбросанныхъ повсюду большихъ кусковъ колоннъ и каріатидъ, все это части бывшаго храма Рана, т. е. храма лягушки, о которомъ упоминаетъ историкъ. Онъ былъ построенъ въ царствованіе Митля, императора Тольтековъ, который, завидуя процвѣтанію Теотигуакана, одного изъ своихъ провинціальныхъ городовъ, задумалъ привлечь въ Тюлу многочисленныхъ богомольцевъ, приходившихъ толпами въ святой городъ Анагуакъ.

Съ этою цѣлью онъ построилъ храмъ. Онъ былъ сооруженъ изъ громадныхъ каменьевъ, превосходно отточенныхъ, и имѣлъ форму длиннаго четырехугольника. Крыша была также изъ каменьевъ, хорошо пригнанныхъ, которые, приближаясь постепенно другъ къ другу, соединялись на верху и образовали родъ свода. Внутри храма находился очень тщательно изваянный пьедесталъ, на которомъ была помѣщена артистической работы массивная, золотая статуя богини, украшенная изумрудами.

Площадь Тюлы съ ея садикомъ, засаженнымъ маленькими кустиками и чахлыми цвѣтами, бываетъ пуста въ продолженіи недѣли. Между тѣмъ это центръ деревни: тутъ находятся конторы префектуры и судьи округа; въ одномъ изъ ея угловъ помѣщается станція дилижансовъ и церковь съ зубцами, которая имѣетъ видъ крѣпости, а подъ порталомъ открываются магазины мѣстныхъ властей. Площадь эта очень скучна, она оживаетъ только по воскресеньямъ. Въ этотъ день сюда прибываетъ много окрестныхъ индійцевъ, а также жители деревень выходятъ на прогулку и за покупками, такъ какъ обыкновенно это день торговый. Тогда появляются бѣдные, серьезные маменьки, въ сопровожденіи своихъ дочекъ, разсматривающихъ съ любопытствомъ бѣдные лотки индійцевъ. Купцы предлагаютъ апельсины, груши, финики, персики и индійскій перецъ

во всѣхъ видахъ, цвѣтахъ и всякихъ вкусовъ, начиная отъ сладкаго и до самаго крѣпкаго. Тутъ же находятся и продавцы разной посуды.

Индійцы и индианки, Отоміи въ перемежку съ Чичимеками, въ изорванныхъ костюмахъ, представляютъ всѣ типы вселенной, начиная отъ египетскаго съ заостреннымъ профилемъ и бычача калмыцкимъ, съ мягкими и неопредѣленными чертами. Большая часть торговцевъ, на половину обнаженныхъ, окружены совершенно нагими дѣтьми. Но среди этихъ непривлекательныхъ фигуръ встрѣчаются типы, поражающіе чистотою лицъ. Это молодцы, гибкія дѣвушки, съ черными гордыми глазами, съ прекрасными волосами и шеей, украшенной ожерельемъ изъ каменьевъ и стекляшекъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ. При взглядѣ на нихъ, невольно вспоминаешь бывшее великое племя, переносишься мыслью за тысячу лѣтъ назадъ, и кажется, что находишься среди этого знаменитаго народа, оставившаго послѣ себя столько прекрасныхъ памятниковъ и развалинъ.

Внутренность биржи въ Антверпенѣ.

(Рис. на стр. 253).

Антверпенъ, раскинутый на берегу рѣки Шельды и отстоящій лишь въ 17 миляхъ отъ Сѣвернаго моря, до сихъ поръ составляетъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ коммерческихъ центровъ Бельгіи. Происхожденіе его относится къ глубокой древности; здѣсь, по преданію, на кругомъ берегу Шельды возвышался нѣкогда мрачный замокъ, обитаемый великимъ Антиномомъ, который грабилъ плывущіе мимо корабли, а купцамъ отрубалъ обѣ руки и бросалъ въ рѣку. Наконецъ наместилъ рыцарь Силвій Брабонъ, который побѣдилъ его и умертвилъ, но передъ этимъ обрубилъ также ему обѣ руки и бросилъ въ Шельду. Отсюда-то и произошло древнее фламандское названіе города отъ словъ *Hand* рука и *wegren* бросать. Историческую извѣстность Антверпенъ получилъ лишь съ VII вѣка, когда сюда явились апостолы христіанства и начали мало по малу просвѣщать свѣтомъ Евангелія дикихъ и грубыхъ обитателей береговъ Шельды. Разрушенный норманами въ IX вѣкѣ Антверпенъ, благодаря счастливому своему положенію, сталъ быстро развиваться, но особенно достигъ онъ блестящаго процвѣтанія при Карлѣ V когда, по разказу Гишардена, въ немъ насчитывалось 12,000 домовъ и до 200,000 жителей. Но послѣдовавшія затѣмъ кровавыя религиозныя войны, деспотическое управленіе герцога Альбы и вынесенная городомъ долгая осада противъ войскъ герцога Пармскаго губительно повліяли на его торговлю. Она сдѣлалась самой жалкой и незначительной и самые богатые коммерсанты Антверпена, закрывъ свои капиталы, бѣжали въ другія страны, спасая свою жизнь и религиозную свободу. И долго послѣ этой жестокой эпохи фанатизма и насилія Антверпенъ не могъ оправиться, и только при Наполеонѣ I, который всѣми силами старался объ возстановленіи его торговаго значенія, онъ снова сталъ развивать свои коммерческія обороты и вскорѣ снова сдѣлался однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ Нидерландовъ.

Теперь Антверпенъ—оживленный, шумный громадный муравейникъ, гдѣ люди вѣчно хлопочутъ и суетятся на набережныхъ, докахъ, въ громадныхъ кладовыхъ и залахъ биржи. Здѣсь какъ-бы шутя дѣлаютъ ежедневно миллионныя дѣла и составляютъ себѣ громадное состояніе; множество кораблей съ флагами всѣхъ націй пристають къ здѣшнему порту и на широкой набережной то и дѣло выгружаются товары, привезенные то изъ обѣихъ Индій, то изъ Америки. Съ самаго утра до поздняго вечера Антверпенъ занятъ своими торговыми дѣлами и тогда онъ недоступенъ никакимъ другимъ интересамъ. Большую часть дня проводитъ онъ въ своемъ святилищѣ—роскошной и оживленной биржѣ, громадномъ дворцѣ антверпенскаго купчества, въ которомъ оно дѣлаетъ миллионныя обороты и наслаждается громадными состояніями.

Антверпенская биржа была выстроена въ 1531 году и, какъ увѣряютъ, являлась первымъ подобнымъ учрежденіемъ въ Европѣ. Она состоитъ изъ огромной, четырехугольной залы, длиною въ 54, а шириною въ 43 метра, которая окружена со всѣхъ сторонъ широкой галлереей. Готическіе своды галлерей поддерживаются массивными фигурными колоннами, а широкая, частью стеклянная, частью металлическая крыша—фигурными желѣзными подпорами также строго-готическаго стиля. Въ этой залѣ, гдѣ снуютъ постоянно масса дѣловаго люда, антверпенскій купецъ безъ помѣхи можетъ свеситься съ самыми отдаленными странами; здѣсь для него безпрерывно работаетъ телеграфъ и по его малѣйшему знаку уже двигаются массы кораблей съ самыми разнообразными продуктами. Кромя телеграфа здѣсь-же на биржѣ помѣщается коммерческій судъ и торговая управа. Нежилая-же часть зданія занята громаднымъ числомъ складовъ и подваловъ, постоянно заваленныхъ товарами, доставленными сюда со всѣхъ частей свѣта.

Выставка проф. Ю. Клевера и акад. Руфина Судковскаго.

Также какъ въ прошломъ году и теперь, извѣстный пейзажистъ Ю. Ю. Клеверь и талантливый маринистъ Р. Г. Судков-

скій, снова открыли совмѣстную выставку, на этотъ разъ въ помѣщеніи Общества Поощренія Художествъ по Б. Морской.

Нынешняя выставка еще лучше прошлогодней. Помещение гораздо удобнее и выставленные картины, хотя их и меньше, чем было на прошлогодней выставкѣ, несомненно интереснѣе. Можно сказать, что большею частью это истинные шедевры. Р. Г. Судковский сдѣлалъ значительные успѣхи за это относительно весьма короткое время. Число нашихъ маринистовъ весьма ограничено: Айвазовскій, Бегровъ, Боголюбовъ, пожалуй еще и Лагорю—вотъ почти всѣ наши художники, пишущіе морскіе виды, воспроизводящіе жизнь моря. Привѣтствуемъ съ особеннымъ удовольствіемъ новаго художника, примкнувшаго къ семьѣ, которая въ правѣ гордиться такимъ сочленомъ.

Г. Судковский въ выставленныхъ имъ шести картинахъ среднего размѣра и 4 большіхъ проявилъ замѣчательное стремленіе къ совершенствованію. Все, что прежде уже въ его картинахъ замѣчалось хорошаго—знакомство съ предметомъ, любовь къ природѣ, умѣнье воспроизводить извѣстные моменты, вѣрность въ передачѣ разныхъ мелочей—все это имѣется и теперь въ его новыхъ картинахъ; но кромѣ того замѣчается необыкновенный успѣхъ относительно рисунка волнъ, прозрачности воды, болѣе широкой и болѣе разнообразной и искусной композиціи. Тутъ-то несомненно проявляется вліяніе Айвазовскаго, мастера рисунка волнъ и передачи прозрачности воды. Взгляните напримѣръ на прекрасную картину „Прибой въ туманѣ“: какая достигнута поразительная прозрачность воздуха на первомъ планѣ! Сколько правды въ этихъ длинныхъ, тихо разбивающихся волнахъ! Какъ тутъ все словно вѣетъ освѣжающимъ воздухомъ морскаго берега! Это одна изъ самыхъ выдающихся сторонъ замѣчательнаго таланта г. Судковского: передача воздуха со всѣми особенностями. Пишетъ ли онъ бурю, или удаляющуюся грозу, солнечный вѣтръ лѣтняго дня на берегахъ юга, или пасмурный осенний видъ моря подъ стѣрой массою тучъ и облаковъ—все ему дается одинаково хорошо и замѣчательно вѣрно. Точности и правды въ колоритѣ у Судковского, думаемъ, больше, чѣмъ у Айвазовскаго. Оба они выросли на берегахъ Черпаго моря; но какая разница! Въ картинахъ Айвазовскаго почти всегда встрѣчается значительная доля фантастическаго, поэзіи, что имѣетъ свою прелесть. Его картины можно назвать „симфоніею красокъ“; у Судковского же тотъ или другой тонъ, если иногда и не совсѣмъ ему удается, особенно въ тѣняхъ, но за то краски эти вполне соотвѣтствуютъ самой природѣ; онъ никогда не фан-

тазируетъ въ природѣ. Но кто станетъ утверждать однако, что у г. Судковского мало поэзіи? Никогда не забыть впечатлѣніе его большой картины, удивительно поэтично передающей лѣтнюю тишь на Черномъ морѣ. Какая прелесть—фонъ этихъ облаковъ съ отраженіемъ солнечнаго луча на дальнемъ горизонтѣ; и эти волны на первомъ планѣ—не воспріимаетъ ли здѣсь поэтъ величественными и могучими звуками силу жизни моря?

Что касается Ю. Ю. Клевера, то онъ дѣлается все равнообразнѣе въ мотивахъ. Вечерніе закаты, съ краснымъ отливомъ въ глубинѣ и съ отраженіемъ зари въ болотной водѣ на первомъ планѣ—онъ оставилъ. Оставилъ и зимніе пейзажи, положивъ въ свое время основаніе извѣстности этого превосходнаго художника. Изъ восемнадцати картинъ и этюдовъ на нынѣшней выставкѣ только наименьшая часть представляетъ этотъ жанръ пейзажа. Г. Клеверъ всецѣло передался другимъ сюжетамъ и съ блестящимъ успѣхомъ. Теперь онъ поэтъ зимней красоты, поэтъ вообще природы сѣвера. Огромная воспримчивость художника представляетъ меланхолическія красоты нашей, кажущейся только бѣдною природою, помогаетъ ему великолѣпно представлять всѣ моменты и фазисы внутренней жизни нашихъ полей и лѣсовъ. Блестящій художникъ читателямъ „Нивы“ давно уже знакомъ и остается лишь обратить вниманіе на ту или другую особенно выдающуюся картину нынѣшней выставки. Въ числѣ этюдовъ много прелестныхъ: „Видъ Эмбаха“, напоминающій собою манеру лучшихъ парижскихъ пейзажистовъ, какъ тонкостью красокъ, такъ и изяществомъ рисунка; „Дорога въ паркѣ въ осеннее время“; этюды водяныхъ лилій и полевыхъ цвѣтовъ; заброшенный уголь лѣса съ иномъ по срединѣ картины, обросшимъ мохомъ и грибами—чуждыя вещи. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ картины „Осенній разливъ“ и „Пожелтѣлые листья“. „Осенній разливъ“, образцовое произведеніе, мѣсто его должно быть въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Сочность кисти тутъ соединяется съ мастерскимъ рисункомъ массы деталей стволонъ, сушевь и т. д., съ удивительной перспективой воздуха, съ правдивостью передачи характера лѣсной глуши осенью. Что же касается другой картины, то „Пожелтѣлые листья“ полны меланхолической экспрессіи; это не просто картина, это цѣлая поэма; стоишь передъ нею и не можешь оторваться отъ очаровательной прелести этого произведенія, хотя оно лишено всякихъ солнечныхъ, дунныхъ, яркихъ эффектовъ; тутъ все вѣетъ глубокимъ чувствомъ, природою и поэзіей.

Ю. Г.

Политическое обозрѣніе.

Пограничные вѣтвямъ. — Румынія. — Сербія. — Турція. — Дунайская конференція. — Австро-Венгрія. — Франція. — Испанія и „Черная Рука“.

Китайцы на нашей границѣ, вѣроятно, унялись, а можетъ быть касательно нѣкоторыхъ изъ пограничныхъ пунктовъ извѣстія слегка грѣшили и превеличавали, но мы, впрочемъ, не думаемъ, что превеличаванія—если и допуститъ ихъ—очень удалились отъ истины. Между прочимъ, изъ Зайсана сообщаютъ теперь, что пограничный китайскій отрядъ, стоявшій неподалеку русскаго кабинскаго отряда, — ничто иное, какъ горсть голодныхъ оборванцевъ, вооруженныхъ луками; оборванцы эти, по первому-же требованію зайсанскаго пристава, удалились въ горы Саурту; дальѣ, что китайскіе министры, при объясненіи съ нашимъ посланникомъ въ Пекинѣ, даже не намекали о кабинскомъ отрядѣ, признавая фактъ его существованія какъ бы законнымъ: вслѣдствіе объясненія посланника съ министрами о неблаговидныхъ поступкахъ кабинскаго губернатора, торговашаго разграниченіе, губернаторъ этотъ, по повелѣнію богдыхана, удаленъ, а назначенному на его мѣсто приказано немедленно приступить къ разсмотрѣнію пограничнаго вопроса и покончить его со скоростью, желательно для обоихъ правительствъ. Все это прекрасно—можетъ быть около Зайсана противъ насъ китайская имперія и отрядила „горсть голодныхъ оборванцевъ“, съ луками въ рукахъ, а не вѣрными англійскими ружьями, и можетъ быть, китайцы слушаются русскихъ въ томъ скромномъ пунктѣ, но зато, въ другихъ, болѣе важныхъ пограничныхъ пунктахъ, они отражаютъ противъ насъ не горсти, вооружаютъ ихъ не луками, и не только не слушаются насъ, а, напротивъ,—обижаютъ; конечно, мы увѣрены, что китайское правительство уже увѣдомлено обо всемъ этомъ.

Румынія озабочена въ настоящее время вопросомъ о приведеніи королевства въ оборонительное состояніе, на что и вотирано палатой депутатовъ 15 милліоновъ франковъ; но на этомъ румынское правительство не остановится: министръ Братяно заявлялъ, что необходимо будетъ ежегодно, въ теченіе 10 лѣтъ, ассигнованіе такой суммы для того, чтобы обезпечить оборонительное положеніе Румыніи. Понятно—эти укрѣпленія болѣе важны не для самой Румыніи, а для того изъ мощныхъ сосѣдей, съ которымъ маленькое королевство будетъ идти за одно, когда „грязнеть“ бой...

Въ Сербіи, со времени паденія Ристича, не можетъ установиться той прочной связи въ различныхъ элементахъ и факторахъ общественно-государственной жизни, въ которой теперь именно такъ нуждается юное королевство. Теперь, снова на сцену выступаетъ вопросъ церковно-политическій. Епископы шабацкій и нишскій высказались противъ вотираныхъ не-

давно скупщиной церковныхъ законовъ и подали прошеніе объ отставкѣ; говорятъ, что и исправляющій должность митрополита, епископъ Монсей послѣдуетъ ихъ примѣру, если правительство будетъ медлить утвержденіемъ его въ должности; въ такомъ случаѣ будетъ назначенъ архимандритъ Дучичъ, или архимандритъ Несторъ и назначеніе состоится даже въ томъ случаѣ, если епископы откажутся участвовать въ избраніи духовнаго пастыря; министерство рѣшило или проавести выборы при посредствѣ второстепенныхъ іерарховъ, или-же обратиться къ константинопольскому патриарху.

Порта не напрасно обратилась къ державамъ съ жалобой на Болгарію за неплатежъ дани и ничѣмъ еще не выраженное княжествомъ желаніе принять на себя часть государственнаго долга Турціи; великія державы вняли молбамъ константинопольскихъ нашихъ и изъявили готовность содѣйствовать улаженію этого дѣла; вѣроятно начнутся переговоры... Относительно дунайской конференціи передаютъ будто она рѣшилась, между прочимъ, юрисдикцію европейской комисіи распространить внизъ отъ Галаца на всѣ устья рѣки, за исключеніемъ Очаковского, а также срокъ комисіи опредѣлить, по однимъ въ 15 лѣтъ, по другимъ въ 18 лѣтъ и даже—въ 21 годъ; Очаковский рукавъ—это нашъ килійскій, онъ, слѣдовательно, не подчиненъ европейскому контролю, по, съ другой стороны,—требуетъ очистки, для которой, какъ говорятъ, требуется не менѣе милліона фунтовъ стерлинговъ. Интересно знать—насколько Австріи удастся провести свои планы.

Въ этомъ государствѣ продолжается все та же борьба министерства графа Таафе съ противниками его системы равновѣсія; въ парламентѣ партіи, главнымъ образомъ, группируются не по обще-политическимъ направленіямъ, но по національностямъ.

Во Франціи агитируютъ—не принцы, а депутаты, рабочіе; радикалы, желавшіе, во что бы ни стало, пересмотра конституціи, и при этомъ, непременно съ тѣмъ, чтобы сенатъ былъ упраздненъ и оставлена одна палата; однако, послѣ рѣчи Ферри, палата отклонила предложеніе, а потому радикальная группа желала начать агитацію; агитируютъ и рабочіе; они недавно устраивали на эспланадѣ иннальдъ митингъ, съ цѣлью демонстраціи предъ палатой депутатовъ; они хотѣли потребовать у правительства немедленныхъ мѣръ о доставленіи нуждающимся и работы, и хлѣба; рабочіе ходили по мастерскимъ и приглашали товарищей придти на митингъ; въ назначенный день, однако, полиція разогнала демонстрантовъ; Луиза Мишель явилась туда и совѣтовала сопротивленіе, но совѣтъ ея не привелъ ни къ чему—митингъ не состоялся. Француз-

ския суда — уже у Мадагаскара, но жители объявили, что будут сопротивляться вылазкам.

Англия вводит у себя, в Индии, реформу — она решила допустить назначение индусов — юридически образованных — к должностям второстепенных судей; и теперь во всем индийским владениям, по всей Англии (кроме, впрочем, Ирландии) идет вопль о том, что англичанам грозит великая опасность, но, впрочем, кричат больше англо-индийские кунцы и инны, подобные им эксиллататоры; индусы, впрочем, терпеливы в своем подчинении англичанам, третирующим их, во всех отношениях, как тварей низшей породы, — таково

уже умнение этих любителей свободы в иноземных странах.

В Испании открыта анархическая организация, которая, под названием „Мано Negra“ (Черная Рука), распространилась по всему королевству; по данным судебного следствия агентов насчитывается около 50 тысяч, сгруппированных в 190 федераций и 800 отделов, подчиненных центральному комитету в Женеве; главные же центры в Испании — Херес, Градолема, Убрике и Аркос; программа — социалистическая, общество требует энергических мер, правительство, повидному, и решилось принять их, оно успело захватить в свои руки весь нити заговора и сосредоточило где надо сильные отряды войска.

С М Ъ С Ъ .

Объ искусственных драгоценных камняхъ. Съ каждымъ годомъ появляется все больше и больше поддельныхъ драгоценныхъ камней, но между подделками надо различать собственно фальшивые камни отъ искусственныхъ; разница вся въ томъ, что фальшивый камень по своему химическому составу не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ самоцвѣтнымъ камнемъ, а искусственный драгоценный камень имѣетъ тотъ же составъ, что и настоящий, ту же кристаллическую форму и все остальные свойства; разница вся только въ томъ, что онъ не минералъ, т. е. не найденъ въ природѣ, а сдѣланъ въ лабораторіи или на фабрикѣ. Поддельки первого рода ювелиры и химики всегда могутъ отличить отъ настоящего камня, второй же видъ поддельки — собственно искусственные камни не могутъ быть отличены отъ настоящихъ ни химиками, ни ювелирами; называть ихъ фальшивыми нельзя, слѣдуетъ же называть только искусственными. Этотъ второй видъ поддельки грозитъ пониженіемъ цѣнности всехъ самоцвѣтныхъ камней. До сихъ поръ производство ихъ еще не достигло большой легкости и дешевизны, но оно съ каждымъ годомъ все больше равняется и, вѣроятно, скоро достигнетъ легкости фабричнаго производства. Изъ всехъ драгоценныхъ камней не поддается искусственному приготовленію только одинъ брилліантъ; для приготовления брилліантовъ значительной величины нуженъ такой жаръ, котораго еще не умѣютъ получать на землѣ, а потому этотъ камень (также и алмазъ) останутся еще долго въ прежней цѣнѣ. Фальшивые алмазы и брилліанты ничего общаго въ химическомъ составѣ съ настоящими не имѣютъ, а также могутъ быть отличены отъ настоящихъ съ помощью физическихъ приборовъ для измѣренія показателя преломленія свѣта. Полученные до сихъ поръ искусственные брилліанты и алмазы достигали весьма малой величины; они получались въ видѣ мелкаго порошка, годнаго лишь для шлифовки. До сихъ поръ искусственное получение драгоценныхъ камней находится еще въ рукахъ ученыхъ, которые дѣлали эти камни для чисто научныхъ, а не торговыхъ цѣлей; но извѣстно, что промышленность идетъ вслѣдъ за наукой и пользуется ея открытіями, а потому развитіе получения искусственнымъ путемъ драгоценныхъ камней должно сильно понизить ихъ стоимость. Еще въ 1808 году ученому Кларроу удалось сдѣлать искусственный черный гранатъ; въ 1858 году Henri Sainte Claire Deville и Sacon сдѣлали искусственный корундъ, рубинъ и сафиръ въ большихъ количествахъ образованныхъ кристаллахъ; въ 1878 году Fouquier и Lévy получили гранатъ въ 0,111 05 величины; полученъ также искусственный минералъ весьма близкій къ изумруду и т. д. Способы приготовления искусственныхъ минераловъ вообще совершенствуются довольно быстро, а получениемъ искусственныхъ минераловъ занимаются лучшие химики Франціи.

Молоко слона по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказывается по составу очень похожимъ на коровье. Оно жирное, густо и покрывается устойчивымъ свѣтло-желтымъ цвѣтомъ. Къ сожалѣнію, при всехъ своихъ качествахъ, оно всетаки не можетъ быть введено въ употребленіе, такъ какъ во-первыхъ, содержаніе животнаго обходится слишкомъ дорого, а во-вторыхъ, что слонъ очень туго размножается въ состояніи неволи.

Политическое значеніе кометъ въ Китаѣ. Частое появленіе кометъ въ послѣдніе два года, очень обезпокоило жителей небесной имперіи. Въ хвостѣ каждой кометы, которую китайцы употребляютъ огненной саблей, они видятъ эмблему мщенія, которое готовитъ небо для недостойной и преступной страны. Такъ вслѣдствіе послѣдней кометы былъ изданъ указъ отъ имени юнаго императора, заявлявшій, что комета доказываетъ ту небрежность, которую чиновники знакомятъ государя съ нуждами и несчастіями его народа. Кроме того назначена строгая ревизія и даже возможно, что благодаря кометѣ послѣдуетъ коренное преобразование администраціи.

Вино изъ дикихъ померанцевъ Флориды очень распространено въ Калифорніи. Для его приготовления померанцы обчищаются, разрѣзываются на половинки, и потомъ прессуются въ приборахъ, которые въ тоже время выдѣляютъ зернушки. Затѣмъ прибавляютъ два фунта бѣлаго сахара на каждый галлонъ померанцеваго сока. Затѣмъ напитокъ бродитъ и превращается въ ароматное вино, нѣсколько схожее на рейнвейнъ съ прибавкой вкуса померанца. Изъ выжимокъ дѣлаютъ уксусъ.

Дешевый алюминій. Недавно, какъ сообщаютъ изъ Англии, удалось одному тамошнему химику найти способъ удешевить производство алюминія вдвое противъ его настоящей цѣны. Алюминій теперь стоитъ 25 франковъ килограммъ; дешевый же алюминій будетъ стоить немного болѣе 2 франковъ, что конечно увеличить

значительно размѣры его потребленія при его отличительныхъ высокихъ качествахъ. Алюминій самый легкій изъ всехъ металловъ; онъ вѣситъ въ три раза меньше нежели желѣзо; онъ мало окисляется и плавится при 700 градусахъ. Онъ, такимъ образомъ, составляетъ нѣчто среднее между серебромъ и платиной и можетъ быть употребленъ для литья,ковки, приготовления проволоки и сплава со многими металлами, а также для проката въ самые тонкіе листы; кроме того его можно паять посредствомъ особаго паяльника, составленнаго изъ цинка, мѣди и алюминія. Бронза изъ алюминія получила уже широкое примѣненіе; ея твердость больше, нежели у золота, употребляемаго для чеканки монеты, но она легко можетъ обдѣлываться молоткомъ.

Въ отношеніи электричества, алюминій служитъ въ восемь разъ лучшимъ проводникомъ, нежели желѣзо. Отсюда ясно, что онъ можетъ быть съ выгодой употребленъ для самыхъ разнообразныхъ электрическихъ аппаратовъ. Наконецъ въ соединеніи съ оловомъ алюминій образуетъ твердый и тягучій металлъ, могущій съ успѣхомъ замѣнить серебро во всехъ его самыхъ различныхъ примѣненіяхъ.

О средствахъ для сохраненія волосъ. Вотъ уже второй годъ какъ область фармаціи наконецъ обогатилась изобрѣтеніемъ, играющимъ теперь немаловажную роль въ косметикѣ и парфюмеріи.

Мы говоримъ объ „Элеопатѣ“ Кюнуена, — новѣйшемъ, прекращающемъ средствѣ, уничтожающемъ перхоть на головѣ, предупреждающемъ выпаденіе волосъ и т. п. И на этотъ разъ средствѣ, повидному, воли дѣйствительномъ.

„Элеопатъ“, какъ уже извѣстно, готовится изъ цѣлебныхъ, ароматическихъ травъ и корней, произрастающихъ только на сѣверѣ Швеціи и Финляндіи, гдѣ жители этихъ странъ лечатъ имъ лишаиныя наложенія болѣзни головы вообще и въ особенности употребляютъ его, какъ испытанное народное средство отъ выпаденія волосъ. Г. Кюнуену принадлежитъ честь введенія настоящаго шведскаго „элеопата“ въ Россію, гдѣ уже съ настоящаго года онъ находится въ продажѣ во всехъ большихъ аптекахъ и магазинахъ аптекарскихъ матеріаловъ, Москвы, Кіева, Харькова, Одессы и друг. городовъ. До сихъ поръ, за весьма немногими исключеніями, всѣ средства для рошенія волосъ, вслѣдствіе элексировъ, помады и другія не только достигали цѣли, но приносили даже вредъ; оно и понятно, жирныя вещества, входящія въ составъ означенныхъ средствъ, окислялись, то есть разлагались, жаръ переходилъ въ кислоту, которая дѣйствовала разрушительно на корни волосъ, на кожу.

„Элеопатъ“ же дѣйствуетъ укряпляющимъ образомъ, не повреждая въ себѣ ничего вреднаго, и эфирныя масла растений, въ немъ находящіяся, оказываютъ самое благотворное дѣйствіе, укряпляютъ луковички (корни) волосъ, уничтожаютъ лушеніе кожи и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаютъ перхоть.

Впрочемъ, въ медицинскихъ газетахъ, въ послѣднее время, шведскій „элеопатъ“ г. Кюнуена, оцѣненъ по достоинству и въ нихъ приведены факты, говорящіе въ пользу этого цѣлебнаго средства. У нѣкоторыхъ лицъ, напримѣръ, послѣ двухмѣсячнаго употребленія „элеопата“ г. Кюнуена, корни волосъ значительно укряпились, волосы стали замѣтно густѣть; черезъ четыре мѣсяца — когда даже употребленіе средства было остановлено, — волосы перестали сгущиваться, принявъ свѣжесть и блескъ и перхоть совершенно уничтожилась. Въ прошломъ году г. Кюнуенъ читалъ свой рефератъ о настоящемъ шведскомъ „элеопатѣ“ въ обществѣ любителей естествознанія и ботаники, причемъ показывалъ свои препараты физиологическіе и ботаническіе, а также рисунки, снятые съ натуры. Безъ всякаго сомнѣнія, въ скоромъ времени это средство получитъ и у насъ широкое распространеніе и вытѣснитъ всѣ мнимополезныя средства для рошенія волосъ.

Вернувшійся недавно изъ Нью-Йорка въ Вѣну нѣкто Тевеле рассказываетъ объ интересной, американской рекламѣ. Однажды съ женой отправившись въ улицу Бродвей и увидѣли какъ два вооруженныхъ стража гнали передъ собой двухъ скованныхъ тяжелыми цѣпями и привязанныхъ другъ къ другу каторжниковъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову; невольно хотѣлось воскликнуть: Америка, ты все это, прославленная страна свободы? Когда печальная труппа обогнала насъ, я увидѣлъ на спинѣ каторжника афишу съ извѣщеніемъ, что сегодня въ одномъ изъ англійскихъ театровъ идетъ въ сотый разъ „Галерный каторжникъ“, интересная драма въ 8 картинахъ.

Новый экипажъ. Французское морское министерство производило недавно на Сенѣ, въ Иври, весьма интересные опыты съ разборной металлической каретой, которая можетъ быть превращена

2-й заемъ 1866 года.

34-й тиражъ 1-го марта 1883 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
8	44	500	2245	47	500	4744	17	500	7321	25	10000	10016	5	1000	12554	19	500
20	18	500	2302	27	500	4745	35	500	7344	46	500	10018	48	500	12555	38	500
32	3	5000	2305	28	500	4772	26	500	7354	28	500	10142	11	500	12640	21	500
299	2	500	2308	48	500	4823	38	500	7441	23	8000	10180	29	500	12774	6	500
305	38	5000	2365	12	500	4910	32	500	7474	3	500	10202	24	1000	12884	2	1000
825	41	500	2373	18	500	4969	1	500	7505	46	500	10390	45	500	12946	33	500
395	16	500	2633	32	500	5003	18	500	7703	30	500	10406	6	500	13058	41	500
421	10	500	2636	25	1000	5153	29	500	7726	12	500	10428	35	500	13231	44	500
492	41	500	2709	7	500	5166	12	500	7775	12	500	10495	18	500	13238	31	500
498	49	500	2792	43	500	5211	24	500	8104	33	500	10593	41	500	13570	15	500
617	7	500	2820	28	500	5242	23	500	8132	36	500	10809	35	500	13615	2	500
682	9	500	2895	37	500	5322	8	500	8160	29	500	10826	44	500	13688	34	500
753	24	500	3017	7	500	5488	34	500	8346	33	500	10861	41	500	13743	10	500
823	38	500	3104	48	500	5547	44	500	8359	2	500	10892	50	500	13776	47	500
826	6	500	3138	5	1000	5567	17	500	8373	38	1000	10908	46	500	13838	27	500
848	45	500	3151	35	500	5596	32	500	8488	49	500	11083	29	500	14296	50	500
851	39	500	3249	10	500	5654	4	500	8516	29	500	11035	20	500	14413	22	500
994	49	500	3266	41	1000	5694	33	500	8623	10	500	11089	4	500	14415	8	500
1059	17	500	3289	47	500	5719	1	500	8700	37	500	11107	18	500	14436	47	500
1079	1	500	3296	16	500	5827	9	500	8813	38	500	11188	28	500	14468	8	500
1092	32	500	3369	15	500	5960	10	500	8875	8	500	11242	38	500	14566	39	500
1099	46	500	3431	37	500	5974	7	500	8893	26	500	11414	1	500	14590	2	500
1129	37	500	3591	4	500	5978	23	500	8982	7	500	11447	28	1000	14737	18	500
1148	39	500	3711	31	500	5998	18	500	9013	43	500	11465	24	500	14767	6	500
1199	44	1000	3785	15	500	6030	48	500	9075	43	500	11514	32	8000	14814	44	500
1225	35	10000	3806	44	40000	6123	3	500	9168	31	5000	11583	20	20000	14856	33	500
1366	45	75000	3883	7	500	6199	29	500	9170	33	500	11583	25	500	14963	14	5000
1489	14	500	4113	30	500	6338	8	500	9211	21	500	11692	44	500	15102	2	500
1563	33	8000	4232	42	500	6410	6	10000	9233	4	500	11753	22	500	15209	42	500
1621	8	500	4269	42	500	6422	14	500	9303	25	500	11772	2	500	15239	9	500
1682	24	500	4262	36	8000	6516	49	500	9385	12	500	11882	15	500	15300	34	500
1752	17	500	4368	47	500	6835	18	1000	9556	38	500	11907	10	500	15365	13	500
1792	30	500	4481	15	500	6894	12	500	9821	34	5000	11936	4	8000	15379	49	500
1953	48	500	4482	12	500	7035	12	500	9863	12	500	12061	34	500	15392	49	500
2014	25	500	4494	45	500	7075	48	500	9901	8	500	12066	15	500	15432	43	500
2101	47	1000	4511	37	500	7183	9	5000	9929	46	500	12271	22	500	15541	15	500
2193	86	500	4580	15	500	7192	38	500	9934	48	500	12513	21	500	15548	48	500
2230	40	500	4611	45	500	7240	38	5000	9957	41	1000						

№№ серий, выпедшихъ въ тиражъ.

855, 1103, 1185, 1139, 1179, 1757, 1800, 2239, 2253, 2282, 2474, 2670, 2761, 2885, 3217, 4269, 4358, 4615, 4678, 4873, 5039, 5166, 5336, 5480, 5538, 6260, 6496, 6521, 6811, 7049, 7508, 7654, 7955, 8012, 8202, 8267, 7341, 8774, 8893, 9120, 9195, 9857, 10194, 10543, 11483, 11703, 12531, 13008, 13085, 13584, 13607, 13640, 14432, 14628, 14904, 14979, 15181, 15923, 16604, 16663, 16861, 16994, 18067, 18143, 18765, 18860, 18872, 19248, 19265, 19776.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. многогородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: А. М. Горчаковъ (съ портр.)—На морскомъ берегу. П. П. Гибича. (Окончаніе).—Донъ-Педро Настильный. Историческій разсказъ Э. Шпильмана. (Продолженіе).—Трагическія похороны. Разсказъ Фр. Коппе.—О Рихардѣ Вагнерѣ. Очеркъ Н. Ф. Соловьева.—Пугачевцы (съ рис.)—Въ день рожденія (съ рис.)—Дѣвушки изъ Тулы (Мексика) (съ рис.)—Внутренность биржи въ Антверпенѣ (съ рис.)—Выставка проф. Ю. Клевера и акад. Руфина Судковского.—Политика, обозрѣвіе.—Смѣсь.—Игры и задачи.—Тиражъ выигрешей Государственнаго Банка.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

САМОГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА:

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА.

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА ШИПРЪ.

Хищная и Тошская помада.
 Помада Виолетъ де Пармъ.
 „Иланъ Иланъ, Иксора.
 „Жасминъ, Опононаксъ.
 Фиксатуръ Виолетъ де Пармъ.
 „Иланъ Иланъ, Иксора.
 „Жасминъ, Опононаксъ.
 Масло для волосъ Виолетъ де Пармъ.
 „Иланъ Иланъ, Иксора.
 „Жасминъ, Опононаксъ.

Бриллиантъ для бороды и усовъ
 Виолетъ де Пармъ.
 Экстрактъ Виолетъ де Пармъ для
 очищенія головы.
 Шампунь (мыльная эссенція) для
 мытья головы.
 Новый фиксатуръ для краски волосъ въ
 короб., съ зеркал. и щеткою, черн., кашт.
 и тещвару.
 Саше По д'Эспань (душистая кожа).

КОЛЬЦА КРЕМЪ, прам. фар. бан.

Духи Эссь Виолетъ, Эссь Буко, Буко-
 кетъ Московской Выставкы
 1882 года, Лила Бланъ, Ака-
 ція Роза.

Духи Мимоза, Гранитусъ, Ориента-
 лисъ, Бѣл. Гелотропъ, Майдеко-
 хенъ (Ландышъ), Бриза де ласъ
 Наммасъ Сиппароза.

САШЕ ВУМЖИНЫЕ

крѣпко отдушен. разн. запахъ.

Мыло туалетное разныхъ запаховъ.

КРЕМЪ КАМЕЛІЯ.

бѣлый и розовый.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близ-
 ко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирую-
 щие наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точности фирмъ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.

2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Анничкина моста.

3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанскій улицы, домъ
 № 18—54, Шредера.

Контора и оптовый складъ по Измайловскому пр., въ собств.
 домѣ, № 21.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя
 съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадле-
 жать. Р. № 2277 3—3

ПРИ ПЕТРѢ, исторія, повѣсть В. И. Кемлева съ рисунками Па-
 нова и Коверзневъ. Это интересное сочиненіе изображаетъ въ
 повѣстѣ Петровское время и его характеръ. Ц. 1 р., съ пер-
 рес. 1 р. 40 к., для подписч. „НИВА“ 75 к., съ перес. 1 р.

Страхованіе жизни.

Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни,
 приданаго, пенсін и т. п. можно узнать изъ брошюръ (кни-
 жекъ) Страховаго Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются без-
 платно Главному Контороу Общества „Россія“ въ С.-Петер-
 бургъ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ
 Имперіи. № 2482

!! НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ !!

Композиція для заливанія резиновыхъ ка-
 лошъ; каждый, залившій флакономъ ко-
 мпозицію, обезпечен на 10 лѣтъ резиновыми
 калошами; каждый можетъ, безъ помощи ин-
 струментовъ, починить резиновыя калоши.
 При каждомъ флаконѣ есть наставленія; на-
 на съ пересылкою: флаконъ 2 руб., полуфла-
 конъ 1 руб. 25 коп., вынимающій 5 фла-
 коновъ получаетъ 6-й бесплатно. Адресъ:
 въ г. Валу (Подольскій губ.), Главлитъ
 Марковъ Витеръ. № 2528 1—1

Пріютъ для роженницъ

со всѣми удобствами. Пушкинская улица, д.
 № 20, квар. № 7. № 2498 3—3

Г. ПОЛЬ

изъ Берлина.

Цинно-литейная—въ Москвѣ, Пе-
 тровскія Торговія линіи

ФОНТАНЫ, фигуры, канделябры,
 памятники и надписи. Россійскіе
 орлы. Балконы, перила, капители и
 проч. Рисунки высылаются на вос-
 ц. № 2513 требованіе. 4—2

НЕ ВѢЩАЙТЕСЬ

прежде чѣмъ читать „TRAIT
 D'UNION“, газету перваго дома
 этого рода въ Европѣ и объ-
 яснительную брошюру. Без-
 платною почтовою посылкою
 за 90 centimes. 53, faubourg
 Montmartre и 17, avenue
 Carnot (Champs Elysees), въ
 ПАРИЖѢ.

С. № 2508

56—8

УРОКИ

английского языка по новейшей методѣ преподавать въѣ дома. Нивской просп., д. Католической церкви, кв. 26, П. В.

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Для дѣтей: куклы неблѣющаяся (новая привилегированная) отъ 1 р. 50 к. до 10 р. Новые волчки съ мушкой въ 75 к. и 1 р. Диво-птица, поющая, съ движениемъ хвоста и клавиа 1 р. Органчики въ 3 и 4 р. Кубики съ новыми картинками въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к. Краски въ 50 к. и 1 р. за ашиль. Книжки для раскрашивания въ 20 к., 50 к. и 75 к. Столарный приборъ для мальчиковъ 1 р. Новѣе домино со аверсами 1 р. 25 к. Губная гармоника съ колокольчиками 3 р. Заводная мышь 75 к. Шаши отъ 30 к. до 75 к. Шахматы отъ 1 р. 25 к. до 4 р.

Для взрослых: 8 вѣщичь подѣляныхъ бриллиантовъ: Запонки грудные отъ 4 до 6 р. Серьги отъ 3 до 7 р. Браслеты отъ 3 до 10 р. Булавки къ галстукамъ отъ 1 р. до 5 р. Кольца отъ 1 р. до 5 р. Колье въ 20 р. и 35 р. Звѣзды въ волосахъ носить 10 р. и 12 р. Накададаго золота: Единственный неперѣрывающій цѣпочка для часовъ. Мужские отъ 3 р. до 8 р. Дамскія: божья отъ 5 р. до 7 р., шейная длинная отъ 8 до 12 р. Медальоны дамские отъ 2 р. 50 к. до 8 р. Медальоны мужские отъ 2 р. до 6 р. Браслеты 8 р., 10 р. Браслеты никелированные 1 р. 50 к. Запонки грудные съ оваломъ 3 р. Свѣтящаяся въ темнотѣ спичечница 50 к., 75 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. Подсвѣчникъ 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. (съ шдуку). Розетки 60 к. за пару. Розетки съ правилами къ вину 75 к. за пару. Альбомы (фотогр.) отъ 2 р. до 30 р. Микроскопъ-флороскопъ изобрѣтателя П. Монсея, увеличивающій въ 700 разъ, 3 р. Электрическое огниво 5 р. Вѣнныя вѣшалки для пальто 25 к. за штуку. Новый инструментъ, содержащій 15 инструментовъ, 3 р. 50 к.

НОВОСТЬ!!! Соломённые рамки для фотографическихъ картъ въ 1 р. 25 к., 1 р. 50 к. Коробка съ секретомъ, подъ названиемъ: „Отрывайте меня“, 75 к.

Всѣ цѣны назначены съ пересылкой. Менѣе чѣмъ на три руб. не выслать.

МАГАЗИНЪ „НЮРНБЕРГЪ“ въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, наискосокъ церкви Успенія, напротивъ бриллиантца Сергунина. П. № 2530 2-1

40 РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ,

собранныхъ Филипповымъ, гармонизованныхъ и для одного голоса съ фортепиано положенныхъ

Н. А. РИМСКИМЪ-КОРСАКОВЫМЪ.

Въ сборникѣ находятся между прочими пѣснями:

Алексѣй Божій человекъ. Лазарь. Егорій храбрый. Голубиная книга. Номинальная. Завтрашняя. Билина пѣта Рабининимъ. Ванюша — ключникъ. Какъ Донской калякъ велъ коня поить и т. д. Одноочная, хорюва, хорюводная и словесная пѣсни.

Цѣна 2 рубля. Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

10, Неганнинъ провѣдъ (уголь Кузнецкаго моста).

С.-Петербургъ у Г. ЮРГЕНСОНА,

Б. Морская, 9. Варшава у П. Зенневальда, Медовая, 2.

П. № 2507 3-2

Олеографіи
СОБСТВЕННОГО ИЗДАНИЯ ПОДЕШЕВѢ ДЛЯ
Издателей, Торговцевъ и Экспортёровъ
НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВ. КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО И ФРАНКО
Соответственныя золотыя рамки и листы въ фабричныхъ цѣнахъ.

BERLIN S. Grimmstr. 7.
KARL KAULISCH.
Олеографическое и хромофотографическое заводеніе. 7-1

3-го МАРТА ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ВПЕРЕДЪ!“

Романъ изъ событій послѣдней турецкой войны
В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

Въ 3-хъ частяхъ. Цѣна 3 р. 50 коп., въ перепл. 4 руб. 25 коп.
Раньше вышла того же автора книга: „Скобелевъ“, личная воспом. и впечатлѣн. Съ 4-мя гравюр. и факсимиле письма М. Д. Скобелева. Цѣна 2 руб., въ роскошномъ переплетѣ 3 руб.
Складъ изданія у книгопродавца-издателя А. Ф. Девриена, въ Спб., Вас. Островъ, Румянцова площадь, соб. домъ. Г-да иногородные, выпис. прямо отъ издателя, за пересылку не платятъ.

ПО СЛУЧАЮ ПРЕДСТОЯЩАГО КОРОНОВАНІЯ

только что вышли изъ печати новые, очень удачные, художественно исполненные олеографические портреты:
Государя Императора Александра III и
Государыни Императрицы Марии Фёдоровны.
форматъ 11X7 1/2 дюйма.

Получить можно въ моемъ заведеніи, для торговцевъ партиями по очень доступнымъ цѣнамъ, также немедленно высылаются за 6 почтовыхъ марокъ въ 7 коп. об. портреты почтово. Съ требованіями обращаться въ заведеніе графическихъ искусствъ З. И. МАРКУСЪ. Сп.-Петербургъ, В. О., 6 линия, домъ № 15. № 2526 1-1

Только что поступили въ продажу третьими, значительно измененными и добавленными изданіемъ

„Южно-Русскій Орнаментъ“,

собранный А. ЛИСЕНКО, изданіе И. А. РОЗОВА.
Роскошный альбомъ, вычеланчатый изъ отличной бумаги, вмѣщаетъ въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ для вышиванія мужскихъ и женскихъ рубахъ, фартуковъ, полотенцевъ, скатертей, салфетокъ и проч. Кроме значительныхъ изменений и добавленій, къ 3-му изданію приложены алфавиты различныхъ видовъ для вышиванія и монограммы. Цѣна съ пересылкою 3 руб. Въ этомъ альбомѣ находится много цвѣтовъ, розъ и растений разныхъ, чрезвычайно красивыхъ въ вышиваніи, что въ другихъ изданіяхъ отсутствуетъ. Высылается въ день полученія денегъ. Упорно въ доскахъ. Адресъ: Киевъ, Малая Васильковская, д. № 24, И. А. Розова. Оттуда же можно требовать Сцены и рассказы изъ мало-русского народнаго быта. Цѣна за 2 тома 2 руб. 50 коп. № 2524 1-1

Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣтъ Акаціи)
(Robinia Pseudoacacia)
стоятъ на той же степени, какъ и извѣстныя міру спеціальности:
Maiglöckchen Г. Лозе, Königin der Nacht Г. Лозе,
HELIOTROPE BLANC Г. ЛОЗЕ, BOUQUET CARMEN Г. ЛОЗЕ.
какъ отличные и для платковъ продолжительно пахучіе духи.
Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.
Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.
При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики. St. № 2523 1-1

Увѣдомленіе

объ открытіи спеціальной плантаціи картофеля всѣхъ новыхъ сортовъ и заводскихъ сортовъ Америк. Англ. Фран. и Нѣм. фермы.

БОЛЬ-ТЕРО, А КАЛЛЕ и К^о.
Витебской губерніи, станица Чашинки.
Какъ важенъ вопросъ разведенія повсемѣстныхъ сортовъ, это лицамъ свѣдущ. въ семъ предмѣ. извѣст., но главное что только сор. новые и свѣже-выведенные изъ свѣмавъ даютъ вѣрный и обильный урожай, не смотря какое бы лѣто не было.

Нижеслѣ. сор. изъ 60-ти кмѣющихся на планта. послѣ практик. и опыта оказались болѣе плодотвны и неподвержен. гніенію.

Alpha сам. раф. фран. столовый, для огорода, и парник., очень вкус.

Early Rosy Америк. extra. Ранній ром. столов. и заводскій, дуурожай послѣ посѣва въ 7 или 8 недель опощи дож. Быть отягченъ безъ вырванія кустовъ, кото. слѣду. толь. окупить, къ осени наростутъ другіе, ижъ и вкус. Неопытнымъ жителямъ подгород., являясь первымъ къ продажѣ, прощра. на всѣхъ почвахъ и парник. большой и оч. плодотвн.

Snowflake свѣтлая сред. Ам р. столов. и заводскій, родитъ въ тверд. и глинист. почвѣ при уходѣ дающъ 1000 ф. и болѣе, содер. 23% крахмла.

Flur-Bal средн. Анг. столо и заводскій, родитъ на тверд. и глинист. почвѣ, клуба достигн. въсу 2 фун.

Magnum-bonum сред. Америк. столо и заводскій, родитъ на тверд. и глинист. почвѣ, красной и оригиналь. формой, оч. плод. и вкус.

Champion позд. Англ. столо. оче. вкусный.

Hercules позд. Америк. кормовой, самый большой, к. т. сущест. въ мірѣ, клуба достигн. въсу 4 фун., родитъ на всѣхъ поч., на песча. годевъ къ столу, дающъ баснослов. урож., требу. толь. рѣдко. посѣва.

Планта. выслаетъ не менѣе 6 фунтовъ, 1, 2, 3 и 3 сор. считая съ пересыл. по почтѣ на далекомъ разстояніи 5 руб., на сред. 4 р. За худъ 8 и 6 сор. на дал. ра. 20 руб. на сред. 16 р. № 2529 1-1

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

Н. П. ЛАНИНА,
ВЪ МОСКВѢ,

удостоенныя **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемірныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣній Азіи.

СЪ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ ПРОДАЖУ ПОДЪ НОВЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ. № 2440 10-5

КРАСОТА ЛИЦА. БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ

Косметика А. Энгльундъ.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, красноты, прыщей, угрей и проч. При употребленіи Березовой Эмульсіи, кожа лица дѣлается необыкновенно нежною и придаетъ ей ослѣнительную бѣлизну, сглаживаетъ съ лица морщины, оспины, и придаетъ ему юношескую свѣжесть и живость, оно превосходитъ своимъ достоинствомъ всѣ другіе препараты. Зимой оно необходимо противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза, цѣва флакона 1 р. 25 к., съ пересыл. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 р. Для предупрежденія подѣлокъ прошу требовать подлинн. А. Энгльундъ красн. чернилами на каждомъ этикетѣ. Получить можно въ русск. Общ. торг. агт. тов. Казанская, № 12; у А. Руланова, Гостино. дворъ, зорк. л. № 4; главн. складъ для всей Россіи А. Энгльундъ, Малая Итальян., № 3, въ С.-Петербургѣ. № 2525

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

послѣ приостановки будетъ выходить съ 17 Марта с. г.

Подписчики, получившіи „Русскій Недѣлюшкѣ“, будутъ высылаемы съ 17-го Марта с. г. „Русскій Курьеръ“.

Подписка принимается на прежнихъ условіяхъ, въ конторѣ изданія: Москва, Москвитинъ мостъ, д. Н. П. Ланина.

Подписывающіеся съ 17 Марта с. г. прилагать за полмѣсяца 50 к.

Подпиской просятъ посылать въ видахъ своевременной высылки газетъ.

5-8 № 2501

Пересылка во всѣ страны свѣта подъ гарантіею.

Спеціальности: сланины собаки роскошныя, салонныя, дамскія, для охоты и полѣвныя. Самые большія собаки Бернардинскія, Ньюфаундлендскія, вѣмские доги, англійскіе бульдоги, Мастифы, охотничьи, борзые, барбусы, браконны и собаки для травли.

ПЕРВОЕ НѢМЕЦКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ДРЕСИРОВАНІЯ РАССОВЫХЪ СОБАКЪ
Arthur Seifarth Köstritz Thüringen.

Волчьи собаки ангора, пудель, англійскіе моисы, шипцы, мальііскія etc. etc. Большой выборъ: дамскихъ собачекъ, Гаттереровъ, яванскихъ шпидеровъ, немцынъ и дворянскія собаки. Каталогъ франко, фотография 1 марку; почтовая марка для отсылки.

Ежедневный смотръ въ паркѣ, величиной въ 3 морги.

КОЛЕСА, ПАРКЕТЪ,

завода „HELENA“, удостоеннаго награды на всемірныхъ выставкахъ, совершенно сухія и прочныя **ПАРКЕТЪ** фанерный дубовый и цвѣтной, цѣльный дубовый французскій, разныхъ рисунковъ и цѣвъ. Наличный и по заказу. Настилка въ Москвѣ и въ провинціи.

КОЛЕСА: неокраванныя за 4 колеса окраванныя и окрашенныя за 4 колеса:

пролеточныя шарабанныя шаршаночныя	отъ 8 р. 50 к. до 12 р.	отъ 45 р. до 60 рублей сер.
фазтонныя	отъ 15 до 20 р.	отъ 70 р. до 90 рублей сер.
кадетныя	отъ 18 до 22 р.	отъ 80 р. до 100 рублей сер.
тарантасныя	отъ 12 до 15 р.	отъ 45 р. до 60 рублей сер.
сельско-хозяйственныя	отъ 15 до 18 р.	смотря по тяжести оковевъ.
подъ пожарныя бочки и тележки за 2 колеса	отъ 4 до 6 р.	

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Гг. Торговцамъ, а также покупающимъ болѣе 40 колесъ, дѣлается уступка. Тутъ же бочки водозвоны. Американскіе стулья и фанерныя сидѣнія для заливны камешекъ сидѣній безъ помощи стюара.

Контора С. Неварскаго въ Москвѣ, на Маросейск., домъ Человѣколюбиваго общества (переведена съ Малой Лубянки). М. № 2531 1-1

ЛЕЧЕБНИЦА для приходившихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 93, противъ Николаевск. л. Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефоны. № 2412

Пли этомъ № помагаютъ я для гг. иногородн. подписч. (за исключен. Московск.) объявленіе отъ ни ин. магазина Тугова въ С.-Петербургѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIV годъ
№ 12

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (ОТЪ 30 ДО 40 ИЛЛ. РИС. И ИЛЛ. ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (ОТЪ 22 ДО 30 РИС. ИЛЛ. РИС. РУКОД. РАБОТЪ ОТЪ 20 ДО 40 РИС.) ЦѢНА ЭТОГО № „НИВЫ“ 15 К., СЪ ПЕРЕС. 20 К.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкую въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 7 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особая приложениа при
„Н и В Ъ“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимается для иногд.
по 5 р. съ тысячн. для
городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложениями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9

В. Д. Орловскій.

Въ настоящемъ № мы помѣщаемъ портретъ нашего талантливаго пейзажиста — профессора Орловскаго, копія съ картинъ котораго наши читатели неоднократно видѣли въ нашемъ журналѣ и котораго работы такъ высоко цѣнятся знатоками и любителями пейзажной живописи.

Владиміръ Донатовичъ Орловскій — сынъ помѣщика Киевской губ., род. въ 1842 г. Дѣтство его прошло частью въ деревнѣ, частью въ Киевѣ. Страсть къ рисованью проявилась въ немъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Десяти лѣтъ В. Д. опредѣлили въ киевскій кадетскій корпусъ. Но болѣзнь глазъ, внезапно проявившаяся, испугала его родителей. Они взяли его изъ корпуса и онъ поступилъ въ гимназію.

Тутъ случилось, что никто не мѣшалъ ему предаваться любимому дѣлу, а въ учителѣ рисованія г. Соменко (ученикѣ Брюллова) нашелъ хорошаго руководителя. Такъ прошли годы и когда рѣшено было ѣхать въ академію, В. Д. дали письма директору мѣстной гимназіи и Соменко къ поэту Т. Г. Шевченко, ихъ другу и товарищу по академіи. Но не долго пришлось юному художни-

В. Д. Орловскій, профессоръ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

ку пользоваться совѣтами Шевченки: за нѣсколько дней до смерти, Шевченко далъ ему записку къ конференц-секретарю Ѳ. Ѳ. Львову, благодаря которой и вниманію обращенному на его рисунки, юноша былъ принятъ въ академію. Разъ какъ-то, профессоръ А. П. Боголюбовъ, проходя по заламъ музея, обратилъ вниманіе на работу молодого художника, пригласилъ заходить къ нему и отнесся вообще весьма сочувственно. Благодаря Боголюбову и Монигетти, уѣхавъ на этюды въ Крымъ, художникъ попалъ въ Алупку, имѣніе князей Воронцовыхъ, среди прелестной природы. Хозяева имѣнія отнеслись къ художнику въ высшей степени сочувственно.

Въ Крымъ художникъ пріѣхалъ отчасти скованный еще ругиною, и писаніе этюдовъ съ природы понималъ не иначе, какъ строгое и детальное копированіе природы, ея изученіе въ подробностяхъ, а о картинѣ думать, дескать нужно послѣ, въ мастерской, на досугѣ.

Не разъ княгиня, сама любившая и понимавшая искусство, пыталась убѣдить въ нецѣлесообразности такого пониманія.

Однажды, желая пояснить примѣромъ свой взглядъ, хозяйка указала художнику на растворенное въ садѣ окно. Солнце лило яркіе лучи на зелень деревьевъ, траву, на землю и цвѣты, и сильный контрастъ этого блеска съ полутономъ или даже тѣнью, царившей въ комнатѣ,—дѣлалъ поразительный эффектъ.

— Вотъ, напишите мнѣ это окно. Но передайте, не уклоняясь отъ правды въ общемъ, именно впечатлѣніе этого блеска, тепла, свѣта, впечатлѣніе прелести жизни, какая чувствуется въ этомъ.

На художника произвели эти слова сильное впечатлѣніе, и уже началъ въ немъ совершаться переворотъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, получивши въ 1868 г. большую золотую медаль, В. Д. отправился за границу, но уѣхалъ уже безъ того безотчетнаго трепетнаго отношенія, какое было въ немъ ранѣе при произнесеніи громкихъ именъ Ахенбаха, Руссо, Дюпра, Калама. Художникъ создалъ себѣ особаго рода масштабъ, мѣрило, подъ которое имъ подводилось каждое произведеніе искусства, помимо знаменитости его автора — именно передачи жизненности, общаго въ картинахъ.

Какъ-то разъ В. Д. предложено было въ видѣ особой чести поощрять ученикомъ къ Дюпрэ. Но Дюпрэ нашему художнику и самъ казался такъ далеко отъ идеала, что онъ отказался отъ этой чести.

Однажды, въ Парижѣ, выходя изъ салона выставки, глянувъши на окружающій лѣсъ, на блескъ солнца, переливы его лучей, сверкавшіе чудной чистотой тоновъ, красокъ, — невольно у художника явилось сознание, что приходится самому искать дороги, а это всегда не легко...

Такъ прошли годы, пока нашему художнику удалось на дѣлѣ примѣнить свои идеи объ искусствѣ и возвратиться въ область ощущеній юношескихъ годовъ, ея упоеній красотой, прелестью Божьяго міра,

Картины В. Д., большей частью, имѣютъ задачей передавать русскую природу со всей ея прелестью и жизнью.

Здѣсь мы упомянемъ лишь немногія изъ картинъ Орловскаго. Съ копіями нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ мы уже упомянули, знакомы наши читатели по „Нивѣ“. Званія профессора В. Д. удостоены были за картину „На локотѣ“, бывшую потомъ на парижской всемирной выставкѣ. На выставкѣ 1881 г. особенное вниманіе на себя обратила картина „Ржаное поле“, затѣмъ прелестная вещь „Хуторъ въ Малороссіи“, недавняя — „Грабовый лѣсъ“, бывшая на московской всероссійской выставкѣ и принадлежащая Демидову князю Санъ-Донатю. Вообще картины В. Д. покупаются много и разсѣяны какъ во дворцахъ, такъ и въ салонахъ любителей искусства.

Въ цвѣтахъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Лебедева (Морскаго).

I.

Уже заблагоувѣстили ко всеночной, а у Обросимовыхъ, въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ о пяти окнахъ, выходившихъ на Бульварную улицу, еще не было окончено убранство къ завтрашнему празднику Троицы. Кажется народу у нихъ не мало: кухарка, ключница, горничная, кучеръ и дворникъ, — и это всего на двое господъ, стараго и малаго, изъ которыхъ первымъ — оказывалась старушка бабушка, Анна Ивановна Обросимова, а вторымъ ея внукъ, онъ-же владѣтель пятиоконнаго домика, пятнадцати-лѣтній мальчикъ, Михаилъ Петровичъ Обросимовъ, — сирота, лишившійся отца и матери почти при рожденіи. Именно: *Михаилъ Петровичъ*, а не *Миша* или *Мишенька*. Въ самомъ дѣлѣ въ домѣ не было человека, который-бы, какъ сталъ себя помнить Миша, не возвеличилъ его по имени и отчеству, не исключая и бабушки, при которой какъ-бы жилъ внукъ, хотя на самомъ дѣлѣ она жила при немъ, а не онъ: Михаилъ Петровичъ, да Михаилъ Петровичъ — и это съ самаго ранняго дѣтства. Отъ семьи — величаніе по имени и отчеству пятнадцати-лѣтняго мальчика перешло и къ знакомымъ, а впоследствии, когда Миша сталъ посѣщать классы частнаго пансіона г. Девриента, — распространилось какимъ-то образомъ и между воспитанниками и учителями. Даже самъ директоръ пансіона, напоминающій своею фигурой пастора, постоянно носившій въ добавленіе этого сходства черныи, почти ниже колѣнъ сюртукъ и бѣлый галстукъ, — выдавая Мишѣ свидѣтельство № 1-й, аттестующее его слѣдовательно съ самой хорошей стороны, съ важнымъ видомъ въ присутствіи всего класса произнесъ:

— Васъ, Михаилъ Петровичъ, за успѣхи въ наукахъ, удостоиваю (съ удареніемъ на и) своего рукопожатія.

Дѣйствительно, Михаилу Петровичу вполнѣ приличествовало такое величаніе взрослоаго. Онъ рано сдѣлался главою дома и самостоятельнымъ лицомъ. Бабушка, добрыйшная, но не особенно далекая женщина, всего пугающаяся, готовая, хуже малаго ребенка, на часу двадцать разъ всплакнуть безъ всякаго къ тому поводу и отъ слезъ перейти къ смѣху, обожающая внука, — не могла безъ его совѣта сдѣлать ни шагу; къ тому-же ей измѣняла память. На внука лежала обязанность все помнить, все досмотрѣть и въ случаяхъ испуга и слезъ — показать мужскую твердость. Все на немъ. Бабушка была его опекуной, но онъ долженъ былъ помнить, когда ее слѣдовало послать въ сиротскій судъ по дѣламъ опеки. Онъ велъ хозяйство, заказывалъ обѣды, считалъ расходъ, платилъ за свое ученіе,

платилъ жалованье прислугѣ, платилъ докторамъ, если кто заболѣвалъ въ домѣ, платилъ священникамъ, когда они пріѣзжали въ праздники съ крестомъ; словомъ заправлялъ всѣмъ, а при такомъ положеніи — конечно странно было называть его Мишей. Онъ даже вынуждаемъ былъ, какъ господинъ, приобтѣгать къ строгости. Однажды, въ рождественскій вечеръ, играя съ бабушкой въ „дурачки“, Михаилъ Петровичъ услышалъ въ „дѣвичьей“ взволнованный голосъ кухарки, что-то спѣшно передававшей ключницѣ и горничной. Почти вслѣдъ за этимъ кухарка дошла и до господъ, появившись на порогѣ комнаты, въ которой послѣдніе мирно коротали вечерокъ. Кухарка была взволнована, прижимала руки къ груди, какъ-бы сдерживая біенія сердца, задыхалась, видимо бѣжала... Она обратилась вопреки обычаю не къ Михаилу Петровичу, а къ Аннѣ Ивановнѣ, взволнованно заговоривъ:

— Уймите, сударыня, разбойниковъ: драгъе лѣзутъ. Перепились — съ того и озорничаютъ.

Анна Ивановна не поняла о комъ идетъ рѣчь и кто это озорничаетъ въ ихъ домѣ:

— О комъ ты, Дарьюшка? — испуганно спросила она и прибавила: — вотъ, право, напугала: влетѣла, что твоя бомба. Кто, мать моя, озорничаетъ?

— Дворникъ съ кучеромъ-съ.

— Пьяны?

— Пьянехоньки-съ, псы эдакіе...

Старушка сдѣлала удивленную мину.

— Чего-же ты хочешь отъ меня?

— Уймите ихъ, сударыня. Пожалуйте въ кухню, крикните...

Анна Ивановна иронически раскланялась кухаркѣ:

— Благодарю покорно; что-бы они меня убили! слуга покорная... И выдумаетъ-же ты такую чепуху, Дарьюшка! Кажется, женщина не глупая... Ты что, Михаилъ Петровичъ?

Не отвѣчая старушкѣ, Михаилъ Петровичъ требовалъ у горничной, выглядывавшей изъ-за спины кухарки, пальто, шапку и калоши, неторопливо надѣлъ все это на себя, тщательно застегнулся — (заботы о томъ, чтобы не просудиться, довершали сходство этого мальчугана съ взрослымъ) — и не отвѣчая бабушкѣ, вышелъ черезъ дѣвичью въ холодныя сѣни, соединяющія домъ съ кухней, откуда доносились пьяные голоса кучера и дворника... Оставшіяся въ домѣ женщины попили въ чемъ дѣло. Кухарка въ ужасѣ всплеснула руками:

— Батюшки! да вѣдь Михаилъ-то Петровичъ къ нимъ проклятымъ пошли!.. Господи, спаси!..

И убѣжала за баринѡмъ. Ушла и ключница, ушла-бы и горничная, да порывъ послѣдней остановила Анна Ивановна:

— Побойся Бога, Мама! куда-же ты? Я одна-то боюсь... время вечерисе... И нужно-же было Михаилу Петровичу идти, слушаться глухой бабы!..

Тѣмъ временемъ Михаилъ Петровичъ появился на порогѣ кухни, гдѣ при свѣтѣ наплывшаго салпаго огарка — бородатый пожилой кучеръ Петръ, одѣтый въ сиреневую ситцевую барскаго подаренья рубаху, мужчина коренастый и плечистый, съ серебряной серьгой въ ухѣ, лѣвъ съ кулаками на рослаго парня дворника, одѣтаго въ красную рубаху и жилетъ. Дворникъ отмахивался кулакомъ, что сердило кучера, и вѣроятно межъ обоими товарищами по выпивкѣ — дѣло пошло-бы и дальше, если-бы дѣтскій голосъ, старавшійся звучать ровнѣе, не отрезвилъ драчуновъ окрикомъ:

— Это, что еще за шумъ!.. Ложитесь спать: иначе позову полицію!..

Баринъ вспылить, кровь бросилась въ его дѣтскую голову и окрасивъ нѣжныя щеки густымъ румянцемъ, придала блескъ этимъ восхитительнымъ дѣтскимъ глазкамъ, опущеннымъ густыми рѣсницами... Мужики какъ-то опѣшѣли и опустили руки, стояли передъ малюткой-баринѡмъ... А онъ грозно:

— Новости какія: драться вздумали! старую барыню наугали... Завтра получите расчетъ...

И хлопнувъ дверь, удалился тою-же неторопливою поступью, какою пришелъ. Мужики въ молчаніи разсѣлись, почесываясь, на лавкахъ и болѣе не возобновляли шума... Дарья и Анисья-ключница мысленно рѣшили: вотъ такъ баринъ! вотъ такъ Михаилъ Петровичъ! малъ золотникъ, да дорогъ: такъ ихъ мужиковъ—дураковъ и надо!.. Бабушка всплакнула, благо нашелся удобный случай:

— Живь, батюшко мой, живь Михаилъ Петровичъ! Не погубили тебя пьяницы...

Онъ оставилъ эти причитанія безъ вниманія, сѣлъ за столъ, взялъ въ руки карты и напомнилъ бабушкѣ:

— Вамъ ходить: я принимаю.

II.

Когда классныя занятія у г. Деврента прекратились, Михаилъ Петровичъ занялся ремонтомъ дома и возведеніемъ новыхъ службъ на мѣсто старыхъ. Наблюденіе за всѣмъ этимъ тоже легло на него. Конечно онъ тутъ понималъ немного, чтобы не сказать болѣе, но ежедневно, по нѣскольку разъ въ день, вся Бульварная улица видѣла миниатюрную фигурку Михаила Петровича, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица обходящаго, въ сопровожденіи кучера и дворника безъ шапокъ, дворъ и осматривающаго постройку. Дворникъ и кучеръ, прощенные баринѡмъ, жили давно и радѣли при этомъ ремонтѣ не мало, какъ бы совѣтуя то и это Михаилу Петровичу, безъ его разрѣшенія ничего сами не утверждая... Иногда, несущаяся черезъ дворъ съ подоткнутымъ подоломъ, засученными рукавами, и лаханкой или корытцемъ, наполненнымъ кормомъ для куръ — Дарья навязывалась въ совѣтчицы, тыкая въ какойнибудь срубъ или косякъ и незамѣтно отъ совѣта переходя въ перебранку съ кучеромъ и дворникомъ, повторяя ихъ тонъ въ умышленно преувеличенномъ и грубомъ видѣ:

— Та-акъ!—Это такъ?

— Потихе нельзя-ли... Шумлива очень...

— Шу-умлива! барское добро... не о своемъ, черти лупоглазые!

Баринъ останавливалъ ретивую служительницу:

— Потихе, Дарья... Говорите толкомъ...

Въ пятнадцать лѣтъ Михаилъ Петровичъ одѣвался какъ взрослый: пиджаки, жакеты, крахмаленныя сорочки, галстухи бантомъ... *Дитя* сказалося въ немъ

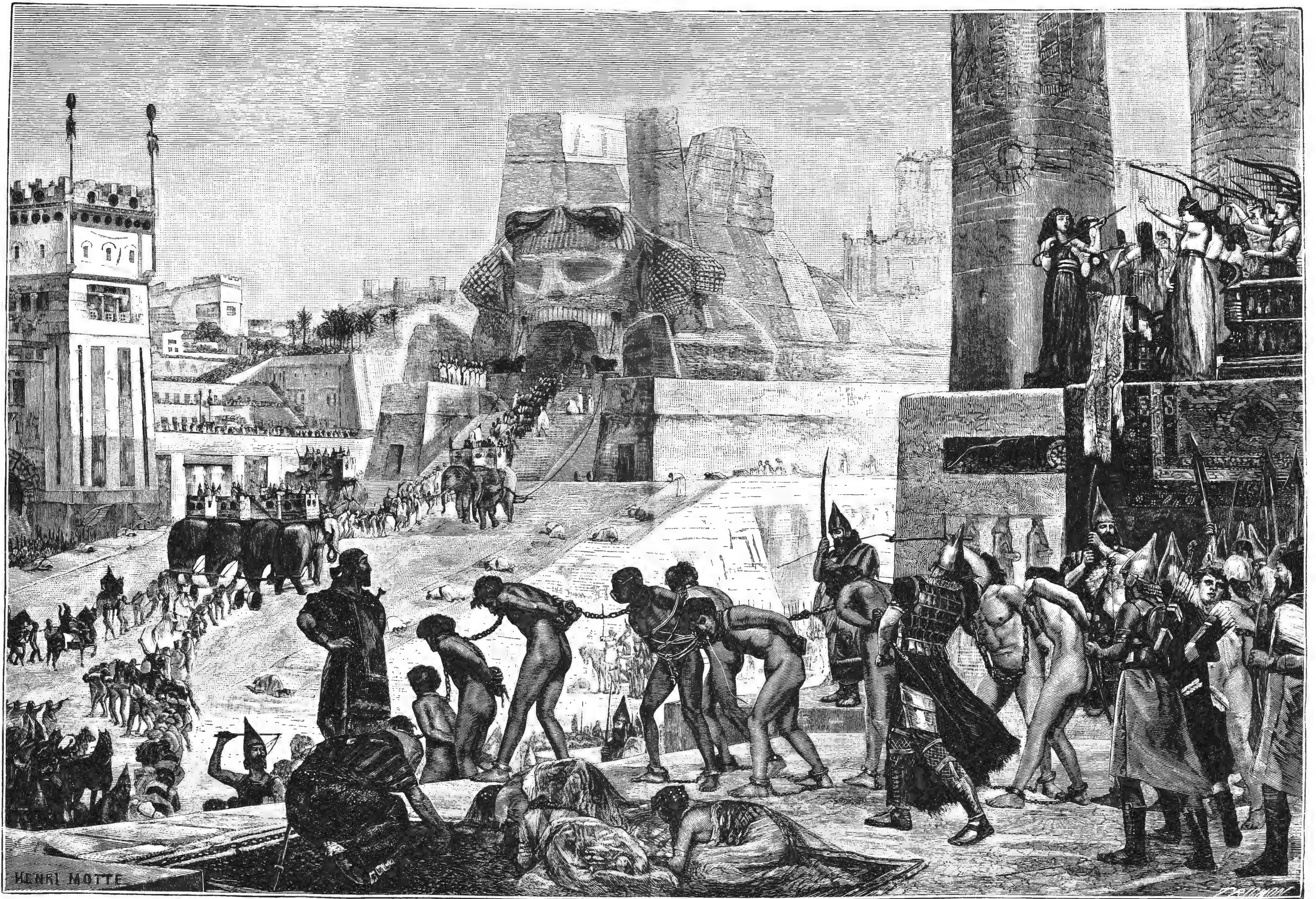
довольно своеобразно. Онъ вдругъ увѣрилъ себя, что у него слабѣетъ зрѣніе, и однажды поразилъ бабушку, лившись передъ нею въ пенснѣ съ дымчатыми стеклами. Старушка ужаснулась этимъ отнюдь не потому впрочемъ, что черныя стекла, прикрывшія эти очаровательныя дѣтскіе глазки, были просто уморительны на крошечномъ нѣжно розовомъ личиѣ, а потому, что повѣрила въ дѣйствительность ослабѣвающаго зрѣнія внука и, конечно, всплакнула при этомъ. Въ „очкахъ“ же страннаго ничего не нашла, въ чемъ кажется Михаилъ Петровичъ самъ не былъ увѣренъ, что можно было заключить изъ того, что онъ щеголялъ въ своемъ пенснѣ болѣе дома, передъ бабушкой и прислугой, тѣмъ на улицѣ и въ пансіонѣ. Это пенснѣ было дѣтской забавой; второй — оказывалось писаніе писемъ къ товарищамъ. Письма писались преуморительно, начинаясь нещремѣнно съ „милостиваго государя“. Затѣмъ слѣдовало имя и отчество и ставился восклицательный знакъ; затѣмъ чтонибудь въ такомъ родѣ: „пришлите французскіе переводы“, или — на приглашеніе товарища: „быть не могу“, послѣ чего пространное сравнительно съ содержаніемъ письма заключеніе: „примите увѣренія въ глубокѡмъ уваженіи и преданности готоваго къ услугамъ вашимъ Михаила Обросимова“. Въ этихъ „очкахъ“ и письмахъ видѣнъ былъ ребенокъ, поставленный обстоятельствами играть роль взрослого, домохозяина и господина.

Бульварная улица вся въ зелени: тутъ, крожъ аллен липокъ, давшей улицѣ названіе — почти при каждомъ домѣ садъ; но передъ Троицей Бульварная улица представляетъ нѣчто невообразимое. вмѣсто двухъ рядовъ липокъ—ихъ появляется четыре, такъ какъ передъ домами насаживаются березки и липки. Воздухъ пропитывается запахомъ вѣтника, улица усѣяна блестящими кружочками отъ проходящаго черезъ листву солнечнаго свѣта. Все это готово бываетъ съ вечера, къ началу всеобщей; но прозвонили колокола, Анна Ивановна собирается въ церковь, а кучеръ и дворникъ, отиравшіеся съ телѣгой за березками и травой, которой устилаютъ полъ, что-то не возвращаются. Уже не остаться-бы безъ Троицы, ибо какая-же Троица безъ березъ! Анна Ивановна, отыскивающая во всемъ если не причину для того, чтобы всплакнуть, то какуюнибудь грозную для себя примѣту, оправляя передъ зеркаломъ чепецъ съ гранатовыми лентами, сообщаетъ прохаживающемуся взадъ и впередъ, съ руками заложенными за спину и съ дымчатымъ пенснѣ на носикѣ, внуку:

— Если не найдутъ березокъ, Михаилъ Петровичъ, видно ужъ мнѣ умереть скоро.

Онъ только что хочетъ отвѣтить ей, что не видитъ зависимости между ея смертью и тѣмъ, что на базарѣ не окажется березокъ, какъ мимо оконъ ѣдетъ знакомый сѣрый конь, везущій возъ свѣжей травы, а по бокамъ его конвоируютъ кучеръ и дворникъ что-то ужъ очень раскраснѣвшіеся подъ тяжестью несомыхъ ими на плечахъ вороховъ гибкихъ и кудрявыхъ березъ... Трава на телѣгѣ на половину перемѣшана съ цвѣтами, лиловыми колокольчиками, ромашкой, желтымъ и бѣлымъ пахучимъ донникомъ... При видѣ березокъ и травы бабушка успокоивается и окончивъ свои безконечныя сборы, выходитъ вмѣстѣ съ внукомъ, пожелавшимъ хозяйственнымъ глазомъ поближе рассмотреть приобрѣтенныя для Троицы украшенія, равно какъ и сдѣлать распоряженія на счетъ разстановки березокъ... Всюду ужъ поставлены, только у нихъ нѣтъ!..

Дворъ у Обросимовыхъ большой, содержится въ чистотѣ, службы на противоположномъ отъ передняго крыльца концѣ. Тамъ около каретника свалены березки, тамъ стоитъ и телѣга съ травой, обращенная задними колесами къ крыльцу... Кучеръ распрягаетъ лошадь, дворникъ возится съ чѣмъ-то въ конюшнѣ, оба перекрикиваются и не замѣчаютъ вышедшихъ на крыльцо

HENRI MOTTE

Военнопленные, везомые на жертву Ваалу. С картины Генриха Мотта, грав. Тришопль.

господь. Издали не разсмотрѣть, какова купленная трава—и вотъ Михаилъ Петровичъ своею обычною, неторопливою поступью спускается съ крыльца и идетъ къ возу... Анна Ивановна занята поправкою какихъ-то доселѣ ею незамѣченныхъ погрѣшностей туалета, а потому остановилась, прикалываетъ что-то булавкой...

— Это что-же? неожиданно слышитъ возящійся съ лошадыю кучеръ голосъ Михаила Петровича, раздающійся изъ-за телѣги; онъ бросаетъ лошадь и кидается къ баринѣ, въ знакъ особаго уваженія, говоря съ нимъ тоненькимъ голосомъ:

— Чего-съ?

И стоитъ пораженный: вотъ, право, оказія-то! Удивително дѣйствительно есть чему. Купили березокъ, купили возъ травы и старались, какъ наказывалъ баринъ, чтобы трава была свѣжая и побольше цвѣтовъ... Ну и ничего трава: вмѣстѣ съ дворникомъ, какъ покупали, всю что ни на есть ее — перешвыряли: всюду-ли моль такъ хороша?.. Можетъ только сверху?.. Потомъ поѣхали домой—только не стерѣгли у кабака и на самое можно сказать короткое время, зашли и освѣжились... Такъ минуты двѣ, много три прошло, что лошадь съ травой простояла у кабака безъ ихъ надзора... Вышли въ разговорахъ, взвалили на плечи охапки березъ и ужъ до дому нигдѣ не останавливались... И откуда только такая притча приключилась?.. Вышелъ дворникъ изъ каретника и тоже только развелъ руками:

— Господи Исусе!

Подошла и Анна Ивановна полюбопытствовать, на что это смотрятъ мужчины, взглянула и немедленно ударилась въ слезы:

— Ахъ, Михаилъ Петровичъ, ужъ это не къ добру: это дому несчастье предвѣщаетъ!

Несчастье дому!... Внукъ передернулъ плечами, выражая тѣмъ свое негодованіе, но не сказалъ ни слова... Изъ травы, изъ этой массы неприсохлыхъ полевыхъ цвѣтовъ, выставилась кудрявая головка ребенка, широко раскрытыми, удивленными глазками разсматривая собравшихся около телѣги людей... Вдругъ это румяное, совершенно круглое личико, съ голубыми глазами и вьющимися пепельными волосами—какъ-то всё покраснѣло и обнаружило очевидное намѣреніе заплакать. Ручки, точно перевязанныя у кистей ниточками, забарахтались въ травѣ и, сжавшись въ крохотные кулачки, поднялись къ глазамъ, одновременно съ тѣмъ малютка ознакомила собравшихся около нее людей со свойственнымъ ей даромъ слова, крикнувъ:

— Ма!

Кучеръ замѣтилъ съ сожалѣніемъ:

— Мать кличетъ!

У неѣ есть „ма!“ по на васъ она не хочетъ смотрѣть... Она закрыла глаза кулачками, причемъ прикрывавшая ее трава распалась и открыла не болѣе какъ полуторогодовалого ребенка, дѣвочку... Что это былъ за ребенокъ и откуда онъ попалъ въ возъ съ сѣномъ, никто не могъ объяснить. Михаилъ Петровичъ кажется понялъ дѣло вѣрно.

— Въ кабакъ заѣзжали?

Молчаніе: кучеръ и дворникъ поникли головами.

— Ну вотъ въ это время вамъ и сунули дѣвочку... Но, какой это милый ребенокъ, бабушка?

Бабушка, удрученная горемъ, въ отчаяніи только машетъ рукой:

— Ахъ, Михаилъ Петровичъ... Посмотри, Дарьюшка, какую благодать намъ Господь послалъ...

Всѣ сбѣжались, и кухарка, и горничная, и ключница, раздаются оханья и аханья, наскоро сообщается, что мужики заѣхали въ кабакъ, такъ вотъ въ это время ребенка и сунули имъ на возъ... Дарья извѣститъ:

— Они съ пьяну, не то что малаго ребенка недоглядѣть, атамана разбойничьяго привезутъ!

— И что это за мать?—подгорюнилась ключница...

Иная отъ неволи или бѣдности родить и подкинетъ куды, а эта смотрите, дѣвочки, держала ребенка болѣе году и не пожалѣла... Ужъ и мать-же!

Дѣвочка, отнявъ кулачки отъ глазъ, вторично требуетъ съ болѣею настойчивостью у присутствующихъ:

— Ма!

— Ма придетъ, завтра придетъ,—беретъ на руки довольно полного ребенка Михаилъ Петровичъ,—не плачь... Какъ звать-то ее, кабы знать...

Дѣвочка точно прислушивается къ его словамъ и тонкомъ нѣкотораго упрека, выражая на лицѣ недоумѣніе, произноситъ:

— Акъ!

— Что это она говоритъ: акъ?—но это вскорѣ разъясняется... Скажите, какой умный ребенокъ! Дарья усматриваетъ на шейкѣ дѣвочки тоненькій черный шелковый шнурочекъ и вытаскиваетъ его изъ-подъ платья. На шнурочкѣ—золотой крестикъ и около—бумажка, которую снимаютъ, развертываютъ и подносятъ прочесть Аннѣ Ивановнѣ:

— Охъ, не могу! Недосмотрю, милая, да и написано-то, кажется, по иностранному...

Написано по русски, мелкимъ женскимъ почеркомъ: „Аксинья. Годъ и восемь мѣсяцевъ.“ И больше ни слова не прибавила „ма“, а вѣдь это все, что на всю жизнь останется ребенку въ воспоминаніе! Но, положительно, это умное и понятливое дитя! вѣдь оно отвѣтило Михаилу Петровичу, какъ его зовутъ, совершенно вѣрно и твердо произнеся начало своего имени...

— Не плачь-же, милая Акъ, будь умница... Ну, улыбнись, ну... вотъ такъ... Вотъ умница!

Маленькая Акъ послушалась Михаила Петровича: ея глазки сбузились, кулачки разжались, на розовыхъ щекахъ появились ямочки—и это недавно готовое расплакаться личико расцвѣло самою прелестною изъ человѣческихъ улыбокъ. Полныя ручки Акъ обвили около нѣжной и тонкой шейки Михаила Петровича и розовая щека, пахнущая полевыми травами, прильнула къ умиленному лицу Михаила Петровича:

— Бать!

Она назвала его братомъ и какъ вѣрно, какъ хорошо произнесла! „Бать!“ Бабушка, эта Акъ—удивительно умна! Вѣдь ей годъ и восемь мѣсяцевъ только, Дарья! Что ты, Петръ? Ты спрашиваешь, что я буду дѣлать съ Акъ?... Конечно возьму на воспитаніе, она будетъ мнѣ дочь... ну, сестра пожалуй: подаромъ же она назвала меня братомъ!...

III.

Акъ „развивалась“ и становилась, по выраженію Михаила Петровича, „краснорѣчивѣе“ день ото дня. На второй день своего пребыванія у Обросимовыхъ, она, послѣ продолжительнаго и пристальнаго разсматриванья Анны Ивановны, отчестливо и ясно назвала ее „баба.“ Дарья, ключница и кухарка получили отъ Акъ общее наименованіе „дады“, вѣроятно оттого, что по ея наблюденіямъ, онѣ постоянно что нибудь подавали, давали. Кучеръ и дворникъ получили тоже общее названіе, сообщенное маленькою Акъ Михаилу Петровичу съ какимъ-то таинственнымъ видомъ и вполголоса: „туты.“ Но обогащая не по днямъ, а по часамъ свой лексиконъ, Акъ незамѣтно вычеркнула изъ него одно слово... Два-три дня по своему прибитыи къ Обросимовымъ, Акъ пыталась звать свою „ма“, пыталась расплакаться при этомъ, но на ея крикъ „ма“ не приходила, и видя бесплодность такого зова, Акъ перестала звать и на всегда вычеркнула изъ своего словаря дорогое словечко...

Обнаруживъ „громадную“, по словамъ Михаила Петровича, понятливость, Акъ на первыхъ-же порахъ оказалась надѣленною „характеромъ твердымъ и непреклонною волей.“ Она самымъ энергическимъ образомъ протестовала противъ намѣренія „дады“, положивъ ее въ

корытце, вымыть теплою водою съ помощью губки... Акъ оласла при этомъ сердитыми волями цѣлый домъ, била толстыми ножками корытце, брызгала водою и кричала „бать“, не обращая вниманія на замѣчанія ключницы, что дескать „не гоже дѣвухѣ въ такомъ прекрасномъ туалетѣ мушину къ себѣ звать. Стыдно, дескать!“ Акъ перестала только тогда, когда явился Михаилъ Петровичъ и собственноручно обмылъ настойчивую особу, что и вошло съ этихъ поръ въ разнообразное число его обязанностей. Другой разъ, кушая маленькй, специально для нея изготовленный блинокъ, Акъ обнаружила нежеланіе идти въ этомъ несложномъ занятіи общепринятымъ путемъ. Положивъ блинокъ на свою крошечную ручку—она потребовала, чтобы одна изъ „дадь“ тутъ-же на ручкѣ—налила ей на блинокъ масла и, не смотря на общія возраженія, что „умныя дѣвочки такъ не дѣлають“, настояла таки на своемъ, причеиъ перепачкала въ маслѣ не только свое личико, но и нагрудникъ изъ бѣлаго пикэ. Когда-же, указывая на масляныя пятна, „дада“ стала ей выговаривать, что вотъ дескать что надѣлала шалунья, Акъ какъ бы смутилась, опустила головку и смотря изподлобья, погрузила указательный палецъ правой руки въ ротикъ, чѣмъ и занималась до конца обѣда. За такое образцовое поведеніе и изицательное манеръ, малютка была награждена своимъ воспитателемъ восторженнымъ возгласомъ:

— Свѣтлая личность!

Это истина, что онъ былъ ея воспитатель, отецъ, братъ и другъ... Какъ въ дѣлѣ хозяйственнаго распорядка, такъ и въ заботахъ о попеченіи Акъ, женскій персоналъ игралъ второстепенную, служебную роль. Онъ, этотъ пятнадцатилѣтній домохозяйинъ, взялъ малютку на воспитаніе и въ дѣлѣ этого послѣдняго безъ его вѣдома не дѣлалось ничего. Анна Ивановна примирилась съ поселеніемъ въ ихъ семьѣ маленькой Акъ, но занималась ею мало; ключница носила, а частію и водила, Акъ гулять; горничная одѣвала и раздѣвала ее, но все это дѣлалось съ разрѣшенія Михаила Петровича, не иначе. Акъ была водворена въ обильно освѣщаемой солнцемъ комнаткѣ, находящейся рядомъ съ комнатой Михаила Петровича. Онъ первый, отправляясь въ пансіонъ г. Девріента, привѣтствовалъ радостное, какъ весеннее солнце, пробужденіе малютки, немедленно начинающей о чемъ-то болтать на своемъ своеобразномъ нарѣчій; онъ, съ истинно отеческимъ благодушіемъ, благословлялъ ее, когда личико ея становилось какимъ-то глупенькимъ, глазки слипались и она засыпала безгрѣпнымъ сномъ, лежа въ своей бѣлоснѣжной кроваткѣ, задернутая кисейнымъ пологомъ. Онъ приказывалъ ей давать въ такой-то и такой-то часъ кушать, онъ распоряжался ей шить то и это, покупалъ игрушки, игралъ съ ней и онъ-же первый въ ихъ домѣ указалъ ей на образъ и произнесъ со внушеніемъ: „Божинька“, что она повторила по своему: „Бозинька.“—Однажды онъ сказалъ Аннѣ Ивановнѣ:

— Пока я живъ, Акъ не будетъ нуждаться ни въ чемъ, но...

Старушка прервала:

— Ахъ, Михаилъ Петровичъ! что это ты, родной...

Онъ сдѣлался серьезень:

— Отъ слова не умрешь... но умирають во всякіе годы... Да, вы не плачьте: я вѣдь еще не умираю...

— Зачѣмъ-же расстраивать меня?

— Я заговорилъ не о васъ, а объ Акъ... Что съ нею будетъ?

Михаилъ Петровичъ сжалъ руки и на его глазахъ выступили слезы... Онъ отвернулся къ окну и, немного помолчавъ, прибавилъ къ сказанному:

— Надо посоветываться съ г. Девріентомъ. Онъ—иностранецъ, но знаетъ русскіе законы... Не могутъ ли и обезпечить Акъ на случай моей кончины завѣщаніемъ... Не плачьте-же, повторю: отъ слова не умру...

IV.

На слѣдующій день, по окончаніи классовъ, Михаилъ Петровичъ попросилъ г. Девріента удѣлить ему нѣсколько минутъ бесѣды съ глазу на глазъ. Г. Девріентъ жестомъ руки пригласилъ своего воспитанника на полонину, гдѣ жилъ онъ, отдѣленный отъ помѣщенія пансіона теплымъ корридормъ съ двойными дверями въ предупрежденіе возможности проникновенія шума въ его уединеніе. Девріентъ блисталъ чистотой бѣлья, чистотой платья и тою-же чистотой блистало и все помѣщеніе его пансіона. Полы освѣчивали зеркаломъ, стекла въ окнахъ были промыты и такъ протерты, что точно ихъ совсѣмъ не было, заслонки печей, дверныя ручки ослѣпляли блескомъ вычищенной мѣди, нигдѣ не было ни соринки. При этомъ поражала правильность разстановки различныхъ предметовъ: всѣ стулья, столы, даже горшки съ цвѣтами на окнахъ отдѣлялись другъ отъ друга совершенно равными разстояніями, все было разставлено въ высшей степени симметрично. На каждомъ окнѣ посерединѣ стояла высокая Драцена, по сторонамъ развѣсистые кусты бархатнолистныхъ Марантовъ; у каждаго окна—по два стула, въ простѣнкахъ столики и зеркала. Но верхомъ порядка являлся письменный столъ въ кабинетѣ г. Девріента, выходящемъ окнами въ палисадникъ. Зеленое сукно этого стола сохраняло свѣжесть и лоскъ первоначальнаго своего состоянія, когда оно еще лежало въ магазинѣ; чернильница блестѣла, перья были выстроены въ рядъ, прессъ-папье и портреты г-жи Девріентъ, снятые въ различныя эпохи ея жизни, разставлены съ полнѣйшей симметрией.

Эта госпожа Девріентъ представляла изъ себя низенькую старушку со сморщеннымъ, до нечлѣвчости добродушнымъ лицомъ и отличалась той особенностью, что проживши въ Россіи тридцать пять лѣтъ, выучилась говорить по русски всего одно слово „милый“, произнося его самымъ нѣжнымъ тономъ, съ самою добродушною улыбающеюся физиономіей, но выговаривая „милій.“ И теперь, встрѣтившись съ своимъ супругомъ и Михаиломъ Петровичемъ, учтиво съ ней раскланавшемся, она вся растворилась въ доброй улыбкѣ и, потрепавъ Михаила Петровича по его розовой щечкѣ, довершила свою любезность троекратнымъ наклопеніемъ головы и обычнымъ лепетомъ, въ которомъ было что-то дѣтское:

— Милій...

Г. Девріентъ ввелъ своего воспитанника въ кабинетъ и прежнимъ жестомъ, сопровождаемымъ самымъ серьезнѣйшимъ видомъ, смотря поверхъ золотыхъ очковъ, пригласилъ его садиться, занявъ свое жесткое кресло передъ письменнымъ столомъ.

— Что скажете?

Онъ говорилъ по русски хорошо, но часто, подыскивая правильный оборотъ, заминался, причеиъ тянуть неопредѣленный звукъ „а-а-а“, пока не подыскивала желаемого слова, сопровождая такой звукъ мановеніями руки въ воздухѣ, какъ бы этимъ призывая къ себѣ то, что не давалось сразу. Михаилъ Петровичъ при вопросѣ г. Девріента слегка покраснѣлъ и откашлянувшись, какъ обыкновенно дѣлалъ, если смущался, и безъ всякихъ предисловій заявилъ на счетъ вопроса, для разрѣшенія котораго пришелъ безпокоить г. директора:

— Я хотѣлъ спросить васъ на счетъ завѣщанія.

Подобный вопросъ былъ до такой степени неожиданнымъ, что г. Девріентъ, какъ бы даже растерялся, какъ то испуганно взглянулъ на сидящаго передъ нимъ пятнадцатилѣтняго мальчика, потомъ снѣжно выхватилъ изъ кармана платокъ, стащилъ очки, торопливо протеръ ихъ и надѣвъ, взглянулъ черезъ стекла и подвинулъ кресло нѣсколько ближе къ посетителю:

— То есть?.. какъ это на счетъ завѣщанія... Не понимаю!

Съ милой стыдливостью, прежней краской смущенія

и легкимъ откашливаньемъ по временамъ, Михаилъ Петровичъ пояснилъ дѣло:

— Вамъ извѣстно, что я живу съ бабушкой, моею опекуней... Состояніе и капиталъ—мой.

— Такъ.

— Я взялъ на воспитаніе дѣвочку, которой скоро будетъ два года... и желалъ бы ее обезпечить...

— Но она живеть у васъ?

— Да, но я могу умереть... Что будетъ тогда съ нею? Бабушка стара и на нее надежда плохая. И если я умру...

Голосъ его упалъ, слезы блеснули на пушистыхъ рѣсницахъ и онъ съ какою то мольбою окончилъ начатую фразу:

— Тогда... тогда, что будетъ съ одинокой малюткой, безъ имени и безъ средствъ?..

Онъ отвернулся къ окну... Былъ сентябрь, небо глѣдѣло сѣро и сумрачно, пожелтѣвшіе листья, кружась, летѣли по воздуху... Это маленькое сердечко сжалось какой то тоской, печально настроенное воображеніе нарисовало раздражающую картину маленькой Акъ, брошенной, какъ эти безпомощные листочки, на произволъ вѣтра и холода подъ непривѣтное осеннее небо... Слезы бѣжали отовсюду и лились по розовому личику:

— Ахъ, г. Девріентъ, еслибы вы изволили видѣть мою маленькую Акъ, вы бы согласились, какъ мучительно представить ее одинокой на землѣ!.. Она такъ мила, этотъ ребенокъ...

Г. Девріентъ былъ взволнованъ и слезы воспитанника вызвали его полнѣйшее сочувствіе. Но что сказать? Онъ съ участіемъ наклонился къ Михаилу Петровичу и потрепалъ его по колѣнѣ:

— Но почему, мой другъ, вы собираетесь умереть?.. Развѣ вы чувствуете какую болѣзнь?

— О, нѣтъ, я здоровъ; но вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго?

— Зачѣмъ такія мрачныя мысли?.. Гоните ихъ... И къ тому же ваше намѣреніе...

— Отгъ его исполненія зависитъ мое спокойствіе,—послѣшилъ Михаилъ Петровичъ.

— Да... по едва ли это возможно...

Слезы высохли на лицѣ Михаила Петровича и онъ со вниманіемъ слушалъ разъясненія директора касательно интересующаго его дѣла. Девріентъ пояснялъ толково. Капиталъ, оставшійся отъ родителей въ наслѣдство Михаилу Петровичу,—въ сиротскомъ судѣ, откуда бабушка, какъ опекуна, можетъ брать проценты, можетъ взять и изъ самаго капитала, указавъ на что нужна просимая сумма и затѣмъ представивъ отчетъ въ израсходованіи таковой. Завѣщанія могутъ дѣлать только совершеннолѣтніе. На этомъ мѣстѣ Михаилъ Петровичъ прервалъ своего воспитателя:

— Но нельзя-ли устроить такъ... Видите: когда намъ нужно было поправлять домъ, бабушка брала тысячу рублей изъ капитала... Ей дали...

— Такъ.

— Теперь, положимъ, мы возьмемъ три тысячи и подаримъ ихъ Акъ...

Девріентъ пожалъ плечами:

— Ваша бабушка не имѣетъ права дарить кого захочетъ вашимъ капиталомъ...

— Но если я хочу этого?

— По своей волѣ—вы за несовершеннолѣтіемъ не можете распоряжаться даже собственнымъ капиталомъ.

— Но бабушка сдѣлаетъ, какъ я желаю.

— Она не въ правѣ тратить капиталъ вашъ согласно вашимъ желаніямъ, которыя могутъ быть безразсудны...

— Но это желаніе не безразсудно...

— Въ глазахъ закона—она не имѣетъ основанія быть удовлетвореннымъ.

Михаилъ Петровичъ вскочилъ съ своего мѣста. Теперь онъ не плакалъ, глаза его блестя были какой-то юно-

шеской отвагой, лицо пылало; онъ какъ бы съ недѣтской энергіей защищалъ свою маленькую Акъ отъ этихъ суровыхъ доводовъ закона, отъ этихъ приговоровъ Акъ на гибель въ случаѣ кончины близкихъ ей теперь людей. Въ волненіи онъ заходилъ передъ Девріентомъ по комнатамъ взадъ впередъ, заложивъ руки за спину, нѣсколько сторобившись, являя всей своей стройной фигуркой какое-то странное соединеніе старичка съ ребенкомъ, круглолицымъ и розовымъ.

— Гдѣ же исходъ?—спрашивалъ онъ Девріента, задумчиво барабанищаго пальцами правой руки по столу,—неужели тутъ невозможно сдѣлать ничего только потому, что я малъ?.. Я малъ, это правда, надо мною есть опека, но я все дѣлаю самъ, только по своей волѣ и желанію. Бабушка стара, не входитъ ни во что. Я завѣдую хозяйствомъ, я смотрѣлъ за поправками въ домъ, я выбралъ вамъ пансіонъ для воспитанія, я взялъ маленькую Акъ и воспитываю ее... Состояніе принадлежитъ мнѣ... *Я и мое*, только есть... Какъ же могутъ мнѣ запретить обезпечить *моего* ребенка,—рѣшительно не понимаю... Тутъ что нибудь, да не такъ, и я доберусь до того, чего желаю... Малютку мою не растопчутъ люди такъ, какъ топчутъ они вонъ эти осыпающіеся листья... Этого не будетъ никогда!..

Г.

Дѣло объ обезпеченіи Акъ затушевалося совершенно непредвидѣнными обстоятельствами, а именно кончиною Анны Ивановны, случившеюся въ самую глухую осень. Старушка добрый десятокъ лѣтъ предчувствовала скорую смерть, но по странному капризу и недальзоркости человѣческой природы, когда смерть дѣйствительно стала за ея плечами,—начала отрицать возможность послѣдней и, заболѣвъ плевритомъ, слабѣя съ часу на часъ—обнаружила такое обиліе надеждъ на завтрашній день, когда ей предстояло окончить свое безобидное существованіе, что ввела въ заблужденіе окружающихъ ее на счетъ близости ея кончины. Когда Дарья и ключница посовѣтывали ей причаститься, она спервоначалу даже какъ бы обидѣлась на подобное предложеніе:

— Чтой-то, милыя... совсѣмъ я не такъ больна и никакой нѣтъ опасности... Что меня хороните!

— Ничего не хоронимъ, сударыня... Для здоровья посовѣтывали... Богъ здоровья дастъ...

— Это правда... ну, пожалуй... Одѣньте меня, нелзя-же такъ...

Послѣ причастія старушкѣ какъ бы стало легче и она откушала чай и сѣла половину просфоры съ видимымъ удовольствіемъ и аппетитомъ... По адресу Дарьи и ключницы, она сказала:

— Вотъ спасибо, милыя, за добрый совѣтъ: приобщилась и легче себя чувствую... Мишенька дома?

Она сказала положительно впервые „Мишенька“, а не Михаилъ Петровичъ, и сказавъ, какъ бы удивилась чему то, но чему именно, кажется, не могла дать себѣ отчета. Въ ней, въ эти послѣдніе часы ея земнаго существованія, нѣжность и любовь къ внуку высказалась какъ бы безсознательно этимъ уменьшительнымъ именемъ. Съ Михаиломъ Петровичемъ старушка въ этотъ день была какъ-то особенно болтлива, хотя часто задыхалась, безпрестанно хрипла и даже теряла голосъ. Она какъ бы спѣшила наговориться съ нимъ, продержавъ его въ своей комнатѣ до полночи. Лежа въ бѣломъ, съ восковымъ лицомъ, она болтала ему различныя пустяки, ни малѣйшимъ намекомъ не высказывая предчувствія близкой кончины. Лампада освѣщала эту бесѣду стараго и малаго, который, сидя въ креслѣ у ногъ бабушки, отвѣчалъ ей коротко, съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ вематриваясь въ ея восковое лицо. Кругомъ царствовала тишина. Въ полночь больная започивала, дыша почти не перемежающейся хрипотой. Михаилъ Петровичъ провелъ всю ночь въ креслѣ у ногъ умирающей

Выставка картинъ Перова. „Весна“. По фотогр. Вишнякова, грав. Ю. Барановскій.

и задремалъ, когда уже разсвѣло и свѣтъ октябрьскаго утра смѣшался со свѣтомъ погасающей лампы предъ ликомъ Спасителя... Долго-ли продолжалась эта дремота, онъ не зналъ, но проснулся разбуженный какою-то суетой...

День уже наступилъ, но свѣтилъ пасмурно и печально. Дарья, ключница и горничная съ маленькою Акъ на рукахъ, видимо только что проснувшись и не прибранною, столпились около кровати, на которой недвижима, съ закрытыми глазами лежала Анна Ива-

новна съ суровой думой на лицѣ. Какія-то начинающіяся, но при самомъ началѣ замирающія дыханія еще волновали ея грудь... Вдругъ она открыла измученные и усталые глаза и тихо-тихо простонавъ:

— Други мои милые, тяжело...

испустила духъ... Всѣ остались въ молчаніи недвижимо, только маленькая Акъ закланялась на рукахъ горничной, своею толстенной ручкой творя весьма неопредѣленныхъ очертаній крестное знаменіе...

(До слѣд. №).

Донъ-Педро Кастильскій.

Историческій разсказъ Э. Шпильмана.

(Окончаніе).

— Старый, глухой слуга, смотрѣвшій за мулами, имѣлъ помѣщеніе въ конюшнѣ, въ глубинѣ двора, моя каморка находилась около самыхъ рѣшетчатыхъ воротъ, ведущихъ съ улицы въ домъ; кромѣ Фелиппо, т. е. стараго глухаго слуги, и меня, другой прислуги въ домѣ не было.

Недѣли четыре—можетъ быть и три—каждую ночь въ домъ приходилъ одинъ сенноръ кабаллеро.

Я слышалъ и видѣлъ, какъ сенноръ кабаллеро вошелъ въ первую ночь; проголодавшись, я изъ моей каморки пробрался къ кладовой, надѣясь, что донна Консепсьонъ, по забывчивости, оставила тамъ ключъ и мнѣ удастся захватить пару головокъ луку или кусочекъ ветчины.

Но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ ключа тамъ не было и я, съ пустымъ желудкомъ и раздосадованный, шелъ къ себѣ назадъ, когда вдругъ услышалъ легкій свистокъ, раздавшійся на улицѣ, около нашего дома.

Я спрятался и сталъ смотрѣть; къ моему удивленію я услышалъ, что донна Консепсьонъ прошла, шлепая туфлями, по патіо.

Сквозь щель въ моей каморкѣ я могъ свободно видѣть все, что происходило у входа въ домъ.

Къ еще большому моему изумленію увидѣлъ я затѣмъ, какъ донна Консепсьонъ вошла въ сѣни, поставила тамъ лампу въ уголокъ такимъ образомъ, что свѣтъ отъ нея падалъ на улицу, послѣ того, отперла ворота и выпустила того человѣка, который свисталъ.

Конечно мое любопытство было чрезвычайно возбуждено и я напрягъ все свое зрѣніе, чтобъ разглядѣть незнакомца.

При свѣтѣ лампы донна Консепсьонъ, падавшемъ ему прямо на лицо, я въ немъ ясно узналъ того самаго знатнаго сеннора кабаллеро, котораго видѣлъ однажды съ доносомъ Санхо Цербуру въ горахъ, но о которомъ вовсе ничего не зналъ, не зная, что это самъ король и государь нашъ.

Много ломалъ я себѣ голову, думая о томъ, почему это сенноръ кабаллеро приходитъ не днемъ, а ночью, да и затѣмъ вообще приходитъ онъ, тогда какъ никто другой у донна Базиліо не бывалъ; но ничего узнать мнѣ не пришлось, потому что боясь донны Консепсьонъ, я не рѣшался пробираться въ комнаты и что нибудь подслушать или подглядѣть. Вскорѣ я заснулъ отъ усталости и не видалъ какъ кабаллеро ушелъ.

Вслѣдствіе этого я рѣшилъ наблюдать опять въ слѣдующую ночь.

Неизвѣстный пришелъ вновь тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ первый разъ; въ эту ночь донна Консепсьонъ забыла таки ключъ въ двери кладовой и мнѣ удалось достать себѣ добрый кусокъ ветчины; я еще жевалъ его въ своей каморкѣ, какъ кабаллеро, приблизительно часъ спустя послѣ прихода, вышелъ изъ дому, провозжаемый донной Консепсьонъ.

Въ слѣдующее утро мнѣ очень хотѣлось спросить донну Консепсьонъ — по какой причинѣ сенноръ кабаллеро приходитъ ночью, но не осмѣлился это сдѣлать.

Таинственные посѣщенія ночнаго гостя, между тѣмъ, продолжали странно разжигать мое любопытство, еще болѣе потому, что это былъ тотъ самый кабаллеро, котораго я встрѣтилъ съ дономъ Санхо Цербуру въ горахъ.

Такимъ образомъ я караулилъ каждую ночь и, какъ я уже сказалъ, каждую ночь сенноръ кабаллеро являлся въ домъ, причемъ такъ близко проходилъ мимо меня, что касался своимъ платьемъ тростниковой перегородки моей комнаты. Объ этихъ ночныхъ посѣщеніяхъ, однако, я не говорилъ никому ни слова, даже и Фелиппо.

Утромъ того дня, который долженъ былъ быть послѣднимъ для патрульнаго капрала Антоніо Гернандеца, къ намъ въ домъ пришла спозаранку старая крестьянка; хотя она и не была похожа на ту, что я видѣлъ у Гиральды съ дономъ Базиліо, но въ ней я узналъ прежнюю сеннору. Донна Консепсьонъ тотчасъ ввела ее къ дону Базиліо, а меня услава въ лавку, приказавъ возвратиться черезъ четверть часа.

Когда я пришелъ назадъ, старой крестьянки уже не было; а у воротъ стояли осѣдланые мулы и около нихъ—донъ Базиліо и донна Консепсьонъ, одѣтые по дорожному.

Хуанито, сказалъ мнѣ донъ Базиліо, мы уѣжаемъ, не знаемъ когда вернемся; ты, умный малый Хуанито! Береги хорошенько мнѣ домъ, запирайся крѣпко ночью и не впускай никого ни днемъ, ни по ночамъ; вотъ тебѣ деньги, а кромѣ того донна Консепсьонъ вынула для тебя изъ кладовой пару квартильесовъ чесноку и окорокъ ветчины.

Такъ сказалъ мнѣ донъ Базиліо и затѣмъ онъ и донна Консепсьонъ сѣли на муловъ и уѣхали въ сопровожденіи глухаго Фелиппо.

— Карамба! снова проговорилъ король, слушавшій разсказъ Хуанито съ большимъ вниманіемъ,—крестьянка эта была Хуана Фернандецъ; она теперь, за одно съ моимъ братомъ и негодяемъ дономъ Базиліо, стараются мнѣ навредить въ Арагонѣ! Лживая, вѣроломная женщина! Но, кланусь распрягемъ, я доберусь до васъ и вамъ сдумью отомстить! Ядомъ и кинжаломъ, если надо будетъ! Ты желалъ этого, братъ мой, желала и ты, лживая женщина! Смерть Антоніо Гернандеца приплась мнѣ кстати!

Хуанито продолжалъ:

— Ну, я долженъ признать, что донна Консепсьонъ—въ самомъ дѣлѣ выложила мнѣ два квартильеса и окорокъ, но конечно, чеснокъ былъ самый мелкій, а окорокъ—самый худощавый изо всего запаса. Оставшись господиномъ въ домѣ, я осмотрѣлъ всѣ углы, чего никогда не смѣлъ дѣлать въ присутствіи донны Консепсьонъ. Многого это мнѣ не принесло, такъ какъ старуха все крѣпко на крѣпко заперла, но—къ удивленію забыла увести ключъ отъ своей собственной комнаты.

Такъ какъ эта комната была въ тысячу разъ удобнѣе моей кануры, то я и устроился въ ней, предварительно обшаривъ ее основательно по всѣмъ направленіямъ; въ одномъ шкапчикѣ, между прочимъ, я открылъ драгоцѣнный складъ сластей, тамъ же нашелъ и кружечку анисовой водки, которую посиѣнилъ выпить.

Когда наступила ночь, мнѣ стало немного жутко одному въ большомъ домѣ, а потому разыскавъ лампу дуньби и масло, оставленное ею, я эту лампу зажегъ и улегся на постель донны Консепсьонъ, подумавъ со смѣхомъ: что бы тебѣ эта старая карга надѣлала, еслибы теперь увидала тебя тутъ! Затѣмъ я заснулъ.

Однако, сласти, которыхъ я наѣлся, не давали мнѣ уснуть хорошенько, я постоянно просыпался, ворочаясь съ одного бока на другой.

Въ томъ же самомъ шкапчикѣ я нашелъ и маленькую книжечку, съ раскрашенными изображеніями нашего святаго патрона.

Э, подумалъ я,—вмѣсто того чтобъ тебѣ ворочаться тутъ на постели, лучше поглядѣть эту книжку; я не былъ очень утомленнымъ, такъ какъ въ этотъ день старуха не успѣла загонять меня по своему обыкновенію.

Прошло уже съ часъ времени, что я разсматривалъ книжку, когда на улицѣ—а окна комнаты донны Консепсьонъ выходили, надо вамъ знать, выходили на улицу—раздался свистъ кабаллеро, о которомъ я, въ теченіи дня, совсѣмъ и забылъ.

Испуганный, я, самъ не зная для чего, задулъ лампу и побѣжалъ къ окну, желая хоть послушать, потому что видѣть въ эту темноту что либо было невозможно.

Кабаллеро свиснулъ вновь, потомъ ударилъ въ ворота, такъ что они затрещали, а когда и это не помогло, то, схвативъ рѣшетку, началъ трясти ее съ такою силой, что я думалъ—дверь слетитъ съ петель.

Я сбѣжалъ по темной лѣстницѣ внизъ, въ сѣни и остановился по эту сторону рѣшетки, прямо противъ кабаллеро и такъ близко къ нему, что почувствовалъ его дыханіе.

— Милосердая Владычица! подумалъ я,—онъ неумѣнно сорветъ дверь съ петель и изъ косяка! и уже хотѣлъ ему крикнуть, что никого нѣтъ дома, какъ вдругъ услышалъ голосъ капрала, послѣ чего кабаллеро бросилъ рѣшетку.

Между капраломъ и кабаллеро послѣдовалъ краткій разговоръ, каждое слово котораго ясно достигало моего слуха, хотя я и не могъ разглядѣть ясно фигуръ обонихъ; затѣмъ, сенноръ опять сталъ дергать за рѣшетку.

— Ну, рѣшетка-то выдержитъ! подумалъ я, отодвинувшись только немного назадъ, но тотчасъ-же кабаллеро вновь оста-

вилъ рѣшетку и я услышалъ какъ онъ крикнулъ. Карамба, собака! какъ смѣешь ты дотрогиваться до меня — и не прошло минуты, какъ раздался звонъ двухъ встрѣтившихся шпагъ.

Затаивъ дыханіе, и съ бьющимся отъ страха сердцемъ, прислушивался я.

Еще нѣсколько мгновений спустя я услышалъ легкій стонъ и звукъ тяжело упавшаго на мостовую тѣла одного изъ сражавшихся — его стонъ слышался еще немного времени и затѣмъ наступила глухая тишина. Паль-ли то сеньоръ кабаллеро или капралъ? Какъ ни прижималъ я лицо къ рѣшеткѣ, но сквозь темноту рассмотреть не могъ.

Тутъ послышался голосъ кабаллеро.

— Умеръ! клянусь! мнѣ его жаль, дрался не дурно! проговорилъ онъ, и вскорѣ удалился поспѣшными шагами.

Мною овладѣлъ ужасъ при мысли объ убитомъ капралѣ, лежавшемъ снаружи, и страшно сдѣлалось мнѣ оставаться одному въ пустомъ домѣ.

Я вбѣжалъ въ комнату донны Консенсонъ, чтобъ опять зажечь лампу, но въ страхѣ никакъ не могъ найти кремня.

Бѣги въ горы, тамъ ты дома, тамъ тебѣ не кого бояться! рѣшилъ я и схвативъ съ собой окорокъ и чеснокъ, перелѣзъ черезъ садовую стѣну и прямо направился къ горамъ, которыя знаю какъ свой карманъ и гдѣ никто мнѣ не страшенъ.

Вчера я съ крестьянами пришелъ назадъ изъ горъ, въ Севилью, куда меня страшно тянуло; да это, впрочемъ, сюда не относится.

Въ Севильѣ всѣ только и говорили объ убійствѣ капрала, а также и о томъ, что дѣло идетъ о головѣ донна Санхо Цербура, здѣшняго губернатора, если ему не удастся открыть убійцу Антоніо Гернандеца. А я зналъ его убійцу, да и жизнь донна Санхо была въ опасности! Ни одной минуты не колебался я, ибо такъ много обязанъ дону Санхо, что готовъ мою жизнь отдать за него; сейчасъ-же я пошелъ къ нему въ домъ, но встрѣтилъ его самого въ улицѣ Ла-Муэла. Я рассказалъ ему все что зналъ, какъ рассказываю вамъ здѣсь, и предъ Пресвятой Владычицей клянусь, что всякое мое слово истина. Онъ замолчалъ.

— Государь и повелитель мой, вы слышали обвиненіе Хуанито Альзаро? спросилъ президентъ.

— Слышалъ, сеньоръ президентъ, и желаю сдѣлать этому молодцу одинъ вопросъ.

— Соизвольте.

— Хуанито Альзаро, ты самъ сказалъ, что въ ту ночь, когда патрульный капралъ улицы дель-Каридадъ, Антоніо Гернандецъ, убитъ, было такъ темно, что ты не могъ ясно рассмотреть фигуры тѣхъ, кто тамъ находился; почему-же, съ такою увѣренностью утверждаешь, что кабаллеро, убившій капрала, есть тотъ-же самый, котораго ты видѣлъ съ дономъ Санхо въ горахъ и который приходилъ по ночамъ въ домъ донна Базиліо. По какому признаку ты его могъ такъ вѣрно знать?

— По какому признаку узналъ я сеньора кабаллеро, не смотря на ночь и темноту, государь, король! По тому признаку, по которому теперь, съ закрытыми глазами, узналъ-бы, что ты, государь, король мой, есть сеньоръ кабаллеро ъхавшій съ дономъ Санхо въ горахъ! По запаху жасминовъ, государь, король мой, который слышался отъ одѣянія того кабаллеро, а также и кабаллеро, приходившаго по ночамъ въ домъ донна Базиліо, слышится и теперь отъ твоихъ одеждъ! И такъ, государь, король, говорю я: ты—кабаллеро, убившій капрала!

Съ минуту король молчалъ, затѣмъ вскинувъ голову, онъ испуганно взглянулъ на юношу и произнесъ: вы, горцы, облагаете зоркимъ глазомъ! Ну, сеньоры президентъ и члены суда двадцати четырехъ, — патрульнаго капрала улицы дель-Каридадъ, Антоніо Гернандеца, убитъ я, донъ Педро, король Кастилии и Леона, но — замѣйте, сеньоры! — въ поединкѣ, въ честномъ поединкѣ!

— Государь — король! воскликнулъ донъ Санхо торжественнымъ голосомъ, — государь, король, не можетъ быть поединка между королемъ и подданнымъ!

Наступила пауза.

— Ты правъ, сеньоръ президентъ! произнесъ король съ величіемъ, — ты правъ! Не можетъ быть поединка между королемъ и подданнымъ; и такъ, сеньоры президентъ и судьи, я, король донъ Педро Кастилии и Леона, убитъ охранителя закона, Антоніо Гернандеца.

— Вы слышали слова короля Кастилии и Леона, сеньоры судьи?

— Слышали, сеньоръ президентъ!

— На основаніи закона, изданнаго королемъ, государемъ нашимъ, убійство наказывается смертною казнью! Въ томъ-же королевскомъ законѣ сказано: „всѣ и каждый въ Севильѣ равны предъ закономъ“! Теперь я, вашъ президентъ, васъ спрашиваю: падастъ-ли на короля донна Педро вина въ убійствѣ патрульнаго капрала улицы дель Каридадъ, Антоніо Гернандеца?

— Да! Отвѣтили судьи.

— Каковъ-же вашъ приговоръ?

— Смертная казнь!

И среди глубокаго безмолвія, президентъ обратился къ королю: король Кастилии и Леона, вы слышали свой приговоръ?

— Слышалъ, сеньоръ президентъ!

— Но король, въ силу данной ему Богомъ власти, произнесъ президентъ,—можетъ помиловать осужденнаго; желаете ли, мой король и повелитель, воспользоваться этимъ Богомъ даннымъ ему правомъ и даровать помилованіе королю дону Педру Кастилии и Леона?

— Нѣтъ не желаю! отвѣтилъ король.

— Въ такомъ случаѣ, да будетъ приведенъ въ исполненіе приговоръ суда!

Глухой ропотъ пронесся въ народѣ и донъ Хуанъ де-Альбуеркъ, выхвативъ шпагу, бросился въ середину полукрута и сталъ около короля.

— Приказываю народу молчать! уваженіе къ суду! громко воскликнулъ донъ Санхо, вложите вашу шпагу въ ножны, сеньоръ кабаллеро, и удалитесь.

Донъ Хуанъ не двигался съ мѣста.

— Альгвазилы! снова воскликнулъ президентъ—возстановите уваженіе къ суду и удалите кабаллеро!

Альгвазилы повиновались, но донъ Хуанъ, замахавъ шпагой, крикнулъ громовымъ голосомъ и сверкая глазами: я положу перваго, кто осмѣлится дотронуться до моего короля или до меня!

— Вложи шпагу, донъ Хуанъ, и уйди, я приказываю тебѣ произнести король.

Нехотя повиновался кабаллеро.

— Сеньоръ донъ Рамиро де Альбуферо! снова возвысилъ президентъ свой голосъ,—по высокому происхожденію вашему и знатному имени, вы—первый изъ членовъ суда вентикватрасъ; только знатнѣйшій можетъ выпонить приговоръ суда въ этомъ случаѣ; встаньте, обнажите вашу шпагу и приблизьтесь къ вашему президенту!

Снова послышался ропотъ въ народѣ и снова къ нему обратился донъ Санхо съ воззваніемъ, но донъ Рамиро остановился въ нерѣшительности.

— Вы колеблетесь оказать повинновеніе своему президенту, сеньоръ судья, спросилъ донъ Санхо, съ такимъ строгимъ достоинствомъ, что донъ Рамиро тотчасъ же поднялся, обнажилъ шпагу и подошелъ къ президенту.

Король стоялъ, величавый и торжественный, твердо глядѣли его гордые глаза въ лицо президенту.

— Король, государь мой! снова обратился президентъ къ королю, — Богомъ поставлены вы королемъ, свята и неприкосновенна ваша священная особа помазанника Божія, и только предъ единымъ Богомъ отвѣчаете вы за свои дѣла; но: „всѣ и каждый въ Севильѣ равны предъ закономъ“, сказано въ законѣ, вами установленномъ, и всякій кто преступилъ его—преступникъ предъ вами, ваше-же дѣяніе можетъ получить возмездіе только символически!

По знаку президента, черныя занавѣси, скрывавшія до сихъ поръ таинственные подмостки, были сброшены и глазамъ всѣхъ представилась сдѣланная въ натуральную величину изъ воска фигура короля, облеченнаго въ королевскій пурпуръ.

Сеньоръ судья донъ Рамиро де Альбуферо! воскликнулъ президентъ,—выполните надъ изображеніемъ осужденнаго возложенную на васъ обязанность.

Донъ Рамиро поднялся по ступенямъ на подмостки и однимъ ударомъ своей шпаги отрубилъ фигурѣ голову, которую Альгвазилъ подхватилъ руками и поднялъ высоко надъ толпой.

Законъ удовлетворенъ, преступленіе наказано! произнесъ донъ Санхо,—Альгвазилъ Эстебанъ Аваледо, — позвоните въ знакъ того, что высокій трибуналъ вентикватрасъ кончилъ свое судебное засѣданіе и вы, сеньоры судьи, преклонитесь какъ вѣрноподанные предъ вашимъ королемъ и господиномъ.

Колокольчикъ зазвонилъ вновь и донъ Санхо и судьи опустились на колѣни передъ королемъ.

— Донъ Санхо Цербура! воскликнулъ весело король—вижу теперь, что то Сама Милосердная Царица Небесная заставила меня заблудиться на охотѣ и привела въ твой домъ, чтобы я открылъ тебя! Я благодарю Ее за то, что Она дала мнѣ возможность вести тебя изъ твоихъ горъ и отдать въ твои руки вѣсь правосудія въ Севильѣ. Клянусь Святымъ Распятіемъ, у тебя они ходятъ вѣрно, ты только смотришь на законъ! Прими за то благодарность твоего короля и господина, и какъ умно, съ какимъ глубокимъ смысломъ ты сумѣлъ изобразить смѣлое подобіе суда надо мною! Но я, король Донъ Педро, желаю чтобъ отрубленная голова моего изображенія была выставлена надъ Торре дель Оро въ воспоминаніе твоего справедливаго рѣшенія, а также и въ знакъ того, что король донъ Педро подчинился закону! Однако, такъ какъ воскъ, изъ котораго художникъ, по твоему приказанію, сеньоръ губернаторъ, выгнулъ мою фигуру, не выдержитъ долго яркихъ лучей Севильскаго солнца, то пусть тотъ же самый артистъ изваляетъ мою королевскую голову изъ мрамора и эта мраморная голова будетъ на вѣчныя времена выставлена надъ Торре-дель-Оро! А ты, Хуанито Альзаро, мой храбрецъ, подойди-ка теперь къ своему королю.

Хуанито выступилъ впередъ и сталъ на колѣни.

Король обнажилъ шпагу.

Хуанито, убѣжденный, что король рѣшилъ немедленно же наказывать его, только на минуту почувствовалъ страхъ, затѣмъ онъ прошепталъ: „за тебѣ, Аделаида, за твоего отца, съ радостію умираетъ Хуанито!“ Король, угадавшій мысль юноши, улыбнулся и съ минуту молча глядѣлъ на красавца.

Материнская любовь. Съ карт. Мейрона, грав. Меоль.

„Полли“ моя жена и „Полли“ мой корабль! Съ карт. Х. Слюкса, грав. Рашевскій.

— Хуанито Альзаро, произнесъ онъ затѣмъ величавымъ, по мягкимъ голосомъ,—своимъ мужественнымъ обвиненіемъ ты доказалъ своему королю, что обладаешь ясной головой и храбрымъ сердцемъ и кромѣ того, этимъ обвиненіемъ оказалъ ему большую услугу; въ чемъ она состоитъ—эта тайна твоего короля, но мужество твое заслужило награду!

И король своей шпагой три раза дотронулся до плеча Хуанито. Встань, сеньоръ кабаллеро Хуанито Альзаро! сказалъ онъ.

— О мой государь и король! восторженно воскликнулъ Хуанито,—какъ могъ я бѣднякъ заслужить такую милость! И онъ прижалъ къ губамъ край королевскаго плаща.

Король повернулся и сдѣлавъ дону Санхо и судьямъ величавый, прощальный жестъ рукой, кивнулъ донъ Хуано, который подвелъ къ нему коня.

Донъ Педро медленю поѣхалъ по улицѣ, переполненной народомъ и сопровождаемый вилоть до Альказара восторженными, неумолчными кликами: „Viva el Rey!“

Во многихъ мѣстахъ раздавались и другіе единодушные клики, — клики: „Viva el Gubernatore!“

— Ты обнимаешь рыцаря! сказалъ донъ Санхо, толкая Хуанито къ невѣстѣ и, въ краткихъ словахъ, передалъ женѣ и дочери обо всемъ, что произошло.

— Онъ заслуживаетъ быть рыцаремъ! съ гордой радостью произнесла Аделаида,—по мое сердце принадлежало бы навсегда и простому бѣдняку—Хуанито!

— Я былъ богатъ и тогда твоею любовью, Аделаида; благодарю тебя, моя невѣста; а теперь бѣденъ деньгами и имѣніями и кабаллеро Хуанито! Я тебѣ ничего не могу дать, кромѣ моей любви и хижины!

— А развѣ этого не достаточно для Аделаиды? но гдѣ же твоя хижина?

— Въ горахъ!

— Въ горахъ! пламенно воскликнула Аделаида,—въ горахъ, гдѣ расцвѣла наша любовь—о, отецъ, возвратимся въ горы! Но—вѣтъ, вѣтъ! отецъ! твоя жизнь принадлежитъ королю и твои дѣти останутся съ тобой и съ матерью!

Судъ надъ животными.

Очеркъ.

Изъ всѣхъ поражающихъ своею странностью обычаевъ прежняго времени, ни одинъ не представляется въ такой же мѣрѣ нелѣпнымъ, какъ устройство формальнаго суда надъ животными, обвиняемыми въ высшихъ преступленіяхъ и иныхъ незаконныхъ дѣяніяхъ! Между тѣмъ, судебное преслѣдованіе неразумныхъ существъ продолжалось, немного-нимало, какъ съ двѣнадцатаго по семнадцатое столѣтіе; слѣдовательно, оно сравнительно близко къ нашему времени, когда даже люди не предаются суду или оправдываются по обвиненію въ различныхъ важныхъ преступленіяхъ, развѣ доказано ненормальное состояніе ихъ умственныхъ способностей. Понятно, насколько интересна эта страничка изъ исторіи человѣческихъ заблужденій.

Процессы подобнаго рода велись со всею торжественностью отправления правосудія. Обвиняемымъ животнымъ всегда назначались защитники. При этомъ, домашнія животныя предавались обыкновеннымъ уголовнымъ судамъ; дѣла же такихъ существъ, какъ крысы, гусеницы, стрекозы и т. п., разбирались въ духовныхъ судахъ. Первый приговоръ, произнесенный надъ подобными преступниками, относится къ двѣнадцатому столѣтію. А именно, Лаонскій епископъ издалъ въ 1120 году повелѣніе противъ стрекозъ и полевыхъ мышей, вслѣдствіе произведенныхъ ими опустошеній.

Судебное производство велось въ такихъ случаяхъ слѣдующимъ образомъ. Животное подвергалось предварительному тюремному заключенію. Въ день суда, прокуроръ или чиновникъ, на котораго возлагалось обвиненіе, выслушивалъ показанія свидетелей и, основываясь на нихъ, доказывалъ преступленіе. Послѣ этого, по выслушаніи защиты и признаніи виновности, судья произносилъ приговоръ, въ смыслѣ смертной казни черезъ задушеніе или повѣшеніе за заднія ноги, на дубовомъ деревѣ или на настоящей висѣлицѣ, смотря по обычаямъ страны. Въ случаѣ вреда, наносимаго животными собственности, отъ котораго терпѣли жители округа, судомъ назначались эксперты для разслѣдованія и донесенія. Затѣмъ, назначался юристъ для защиты животныхъ. По троекратномъ вызовѣ послѣднихъ и неоявленіи въ судѣ, производился надъ ними заочный приговоръ. Не ограничиваясь этимъ, судъ выпускалъ увѣщаніе, въ которомъ животнымъ предлагалось оставить округъ въ извѣстный срокъ, и по истеченіи послѣдняго, если они продолжали вредить, они предавались анаемѣ съ надлежащей торжественностью. Однако, неравъ случалось, что дерзновенныя животныя не только не внимали строгому приговору, но исчезали съ лица земли, какъ имъ предлагалось, но напротивъ, становились еще многочисленнѣе и вреднѣе. И законовѣды принимали подобное неожиданное послѣдствіе не несправедливости приговора или беснлію суда, а проискавъ сатаны, переставшаго всячески надоѣдать и пакостить человѣческому роду.

Съ тринадцатаго по шестнадцатое столѣтіе часто происходить судебныя преслѣдованія свиней, обвиняемыхъ въ похищеніи дѣтей. Въ средніе вѣка эти животныя зачастую и въ большомъ количествѣ бѣгали по улицамъ селъ и городовъ, отличаясь, повидимому, при этомъ гораздо большею склонностью къ человѣческому мясу, нежели теперь, когда они, кстати, не пользуются и прежней свободой. Такъ, одинъ приговоръ, произнесенный въ 1494 году надъ свиньей, по обвиненію ея въ изуродованіи и задушеніи ребенка въ колыбели, гласилъ: „Мы, со страхомъ и омерзеніемъ, внушаемымъ симъ преступленіемъ, дабы показать примѣръ и удовлетворить правосудію... приговариваемъ животное къ повѣшенію. Въ 1497 году, другая свинья была приговорена къ избіенію до смерти по обвиненію въ томъ, что отѣла подбородокъ у одного ребенка. При этомъ, согласно приговору, мясо ея должно было быть брошено собакамъ; хозяевамъ же животнаго предписывалось отправиться на богомолье въ Понтуазъ, въ чемъ доставить оттуда удостовѣреніе. Казнь совершалась со всею торжественностью, на обширныхъ

площадяхъ, при огромномъ стеченіи народа; осужденныхъ животныхъ облакали иногда въ человѣческую одежду.

Быки на ряду со свиньями подвергались точно такому же судебному преслѣдованію и наказанію, равно и лошади, виновныя въ убійствѣ.

Въ изданіи „Mémoires de la Société Académique de Savoie“ имѣется любопытный разсказъ о процесѣ, возбужденномъ въ 1587 году противъ особаго жучка, производившаго большія опустошенія въ виноградникахъ св. Жюльена. Первый набѣтъ сюда былъ сдѣланъ насѣкомыми въ 1855 году. Точасъ же были назначены тогда два законовѣда,—одинъ по избранію жителей мѣстности, другой для защиты насѣкомыхъ. Но къ удивленію, жучки исчезли и дѣло было прекращено. Однако, черезъ сорокъ два года, въ 1587 году вновь появились здѣсь подобныя же насѣкомыя и начали наносить огромный вредъ сельскому хозяйству. Назначенъ былъ судья и защитникъ. Послѣ нѣсколькихъ судебныхъ засѣданій, жители св. Жюльена были извѣщены о необходимости отвести участокъ земли вѣтъ виноградниковъ, гдѣ жучки могли бы жить безъ вреда для садовъ. Участокъ этотъ долженствовалъ быть извѣстнаго размѣра, съ деревьями, травой и т. п., въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества. На это предложеніе послѣдовало согласіе со стороны обездоленныхъ жителей, но повѣренный отъ жучковъ заявилъ, отъ имени послѣднихъ, о несогласіи ихъ на предлагаемый участокъ, въ виду его скудости и безплодности. Противная сторона представила на это свое возраженіе, а затѣмъ были избраны посредники для рѣшенія возникшаго спора. На этомъ названная рукопись прерывается и остается неизвѣстнымъ, чѣмъ кончилось это высоко-курьезное дѣло.

Но ни одинъ округъ не имѣлъ права возбуждать подобныя процессы, неуплативъ всѣхъ недоимокъ по десятинному сбору, откуда и возникло хорошо-извѣстное тогда французское юридическое правило: „первый шагъ къ освобожденію отъ гусеницъ есть уплата десятины.“ Повидимому, духовенство и правовѣды отлично сходились между собою въ этихъ вещахъ.

Вызовъ на судъ обвиняемыхъ животныхъ возлагался на особаго чиновника, который и вычитывалъ его въ мѣстахъ наиболѣе посѣщаемыхъ ими. Разумеетсяъ, это ни къ чему не вело и приговоръ постановлялся заочно; однако, считалось необходимымъ, чтобы хоть нѣкоторые изъ обвиняемыхъ присутствовали при его прочтеніи. Такимъ образомъ, при разборѣ дѣла о пивкахъ въ Лозаннѣ, значительное число ихъ было доставлено въ засѣданіе суда для выслушанія приговора, увѣщавшаго ихъ, впродолженіи трехъ дней оставить округъ. При этомъ дѣлалось и описаніе обвиняемыхъ. Во время суда надъ крысами въ Отенской епархіи, послѣднія описывались, какъ существа грязныя, на подобіе крысъ, сѣраго цвѣта, живущія въ ворахъ. Процессъ этотъ замѣчательнъ въ исторіи французскаго права, ибо на немъ знаменитый адвокатъ Шассене (Chasseneux) получилъ свои первые лавры. Крысы не явились по первому вызову. Тогда повѣренный ихъ Шассене заявилъ, что первое требованіе явиться передъ судомъ имѣло слишкомъ мѣстный и индивидуальный характеръ; что такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ заинтересованы всѣ крысы епархіи, то всѣ и должны быть вызваны на судъ. Заявленіе это было уважено, и каждому священнику епархіи было приказано вызывать на судъ къ слѣдующему дню всѣхъ крысъ своего участка. Наступилъ день назначенный вторично для разбора. Ни одной крысы! Такъ какъ—заявилъ тогда вновь Шассене—теперь потребованы къ суду всѣ крысы, старыя и молодыя, здоровыя и больныя, то естественно необходимы большія приготовленія, впродѣ до окончанія которыхъ дѣло должно быть отложено. Судъ согласился съ этимъ соображеніемъ адвоката и назначилъ другой день для разбора. Обвиняемая опять не явились и тѣмъ вынудили своего повѣреннаго сдѣлать возраженіе противъ условій вызова. Вызовъ со стороны суда—сказалъ онъ—обеспечиваетъ безопас-

ность для вызываемых сторонъ, какъ на пути къ разбирательству, такъ и во время возвращенія домой; между тѣмъ, его кліенты, крысы, при всемъ своемъ желаніи предстать передъ судомъ, не рѣшаются выйти изъ своихъ норъ изъ опасенія кошекъ, которыхъ такъ много у итцовъ. Пусть послѣдніе—продолжалъ онъ—дадутъ обязательство, подъ страхомъ крупныхъ денежныхъ штрафовъ, что кошки ихъ не сдѣлаютъ никакого вреда моимъ довѣрительницамъ и тогда—онѣ въ судъ. Судъ призналъ силу этого объясненія, но итцы не рѣшились поручиться за добродѣтельное поведение своихъ кошекъ, и Шоссене оказался побѣдителемъ.

Не менѣе курьезенъ другой подобный-же процессъ. Въ 1479 г. окрестность Лозанны подверглась опустошительному нападению маекъ (наѣкомыхъ), противъ которыхъ и была тотчасъ-же вчиненъ искъ. Наѣкомыя были потребованы къ епископскому суду, въ защитничи-же имъ назначенъ былъ нѣкто Перроде, умершій за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ! Разумѣется, на заведеніе суда не явились ни адвокатъ, ни подсудимые, и былъ постановленъ относительно ихъ заочный приговоръ, латинскій текстъ котораго до сихъ поръ хранится въ Лозаннѣ. Наѣкомыя отлучились отъ церкви, во имя Святой Троицы и Пресвя-

той Богородицы, и имъ и ихъ потомкамъ приказывалось навсегда покинуть Лозанскую епархію!

Въ семнадцатомъ столѣтіи судебныя преслѣдованія становятся уже гораздо рѣже—духовенство почти отказалось отъ подобныхъ недѣльныхъ обычаевъ. Однако, они не исчезаютъ еще совсѣмъ въ этомъ столѣтіи, столь близкомъ къ намъ, и поражаютъ возникновеніемъ то здѣсь, то тамъ. Такимъ образомъ, одинъ путешественникъ по Америкѣ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Канадѣ, въ концѣ семнадцатаго столѣтія, передаетъ, — „горлицы оказались столь многочисленными въ странѣ, что епископъ принужденъ былъ нѣсколько разъ отлучать ихъ отъ церкви, по причинѣ производившихся ими опустошеній.“ Тоже самое было предпринято въ Перу противъ термитовъ,—родъ бѣлыхъ муравьевъ,—которые забирались въ библиотеки и пожирали книги.

Теперь, въ наше время, животныя не подвергаются судебному преслѣдованію, но прежнее возрѣніе, несмотря на всю его недѣльность, было такъ упорно, что, поискавъ, мы нашли бы слѣды его сохранившимися до сихъ поръ..., хотя-бы въ жестокости, проявляемой иногда людьми противъ провинившихся животныхъ...

Къ рисункамъ.

Жертвоприношенія Ваалу въ Кароагенѣ.

(Рис. на стр. 268 и 269).

Цѣлыя восемь столѣтій Кароагенъ составлялъ сильное, могущественное государство; въ немъ процвѣтали науки и искусства; было доведено до высокаго совершенства земледѣліе, ремесла, горное дѣло и торговля, и казалось-бы что такое относительно высокое умственное развитіе народа должно-бы смирить и облагородить его нравы, но историческіе факты говорятъ противное. До самаго своего паденія, Кароагенъ оставался государствомъ жестокимъ и варварскимъ, гдѣ никогда не прекращались человѣческія жертвы и отвратительно кровавые обряды культа Ваала. Ваальъ — страшное божество Кароагена, постоянно требовало крови; всегда грозное и свирѣпое, оно смягчалось лишь ежегодною данью жертвъ, пабираемыхъ изъ дѣтей или военнопленныхъ. Даже самое устройство истукана Ваала было принаровлено къ этой ужасной цѣли; внутренность его громаднаго мѣднаго изображенія была пуста; самая фигура представляла собою чудовище съ бычьей головою и съ поднятыми вверхъ, въ наклонномъ положеніи, руками, на которыя и клали дѣтей, приносимыхъ въ жертву. Несчастные мгновенно скатывались по рукамъ прямо въ огромную пасть идола и упали въ пламя. Въ обыкновенные дни Ваалу закалывалось въ жертву множество быковъ и молодыхъ лошадей, но въ дни торжественные или въ дни народнаго бѣдствія онъ требовалъ другихъ, болѣе изысканныхъ жертвъ, и тогда передъ идоломъ происходили самыя трагическія сцены. Сами матери приносили сюда своихъ первенцевъ и совершенно безстрастно и безучастно, какъ то требовало обрядностью, бросали ихъ въ раскаленное жерло идола; ни одна слеза не должна была показаться на ихъ глазахъ; ни одинъ вздохъ не долженъ былъ вырваться изъ ихъ груди; малѣйшее проявленіе материнской любви и горя уничтожало разомъ все достоинство жертвы, портило весь эффектъ жертвоприношенія. Даже лучшие люди Кароагена не были изъяти отъ грубаго, кроваваго суевѣрія; такъ даже герой Гамилкаръ, послѣ пораженія въ Сициліи, для умилостивленія Ваала принесъ ему торжественно въ жертву мальчика. Въ дни же народнаго бѣдствія передъ Вааломъ лились цѣлые потоки крови, какъ напр. во время страшной чумы, часто опустошавшей Кароагенъ или по поводу какой нибудь военной неудачи. Такъ когда Агафокль явился со своимъ войскомъ подъ стѣнами Кароагена, то въ самомъ городѣ, въ жертву Ваалу было принесено 200 мальчиковъ лучшихъ фамилій и триста гражданъ пошли добровольно на закланіе: даже женщины кидались въ огонь и стончески погибали во всепожрающемъ пламени. И удивительно, что этотъ ужасный культъ имѣлъ какую-то обаятельную прелесть для жителей Кароагена, Тира и Сидона: имъ даже могли увлекаться и другія, сосѣднія народности, какъ это мы видимъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи, гдѣ упоминается, что и евреи иногда увлекались служеніемъ Ваалу и кровавыми обрядностями его культа. Можетъ быть, впрочемъ, что ихъ увлекала и другая сторона торжествъ и праздниковъ въ честь Ваала; здѣсь передъ безобразнымъ чудовищемъ, чтобы заглушить крики и стоны несчастныхъ жертвъ, гремѣла шумная музыка: били въ барабаны и играли на флейтахъ и арфахъ; здѣсь же собирались лучшія красавицы и происходили бѣшеные, сладострастные танцы. Повсюду выставлялась на видъ самая изысканная роскошь; повсюду билось на эффектъ, и потому неудивительно, что даже строгіе евреи иногда увлекались, измѣняли Еговѣ и дѣлались поклонниками Ваала. И долгъ, даже подъ римскимъ владычествомъ, кароагеняне не могли забыть своихъ кровавыхъ обрядовъ и, не имѣя возможности выполнять ихъ торжественно и открыто, такъ какъ это абсолютно запрещалось римскимъ правительствомъ, приносили человѣческія жер-

вы тайно, и этотъ тайный, ужасный культъ существовалъ даже въ христіанскую эру въ началѣ третьяго вѣка.

Но эти недозволенные сборища поклонниковъ Ваала и ихъ страшные обряды уже тогда строго и жестоко преслѣдовались. Такъ Тертуліанъ рассказываетъ, что когда Тиверій былъ проконсуломъ Африки, то жрецы Ваала, уличенные въ жертвоприношенія дѣтенъ, были повѣшены римскими солдатами тутъ-же, въ храмѣ. Наконецъ, мало по малу, человѣческія жертвы совершенно прекратились въ предѣлахъ римскаго міра; обновленный христіанствомъ народъ уже чуждался ужасныхъ, гнусныхъ, кровавыхъ обрядностей, но въ Америкѣ, до самаго вторженія туда европейцевъ, человѣческія жертвы были очень обычнымъ явленіемъ и даже самое устройство тамъ идоловъ было очень схоже съ устройствомъ древне-кароагенскаго Ваала. Такъ въ 1518 году, въ Мексикѣ, на островахъ Мексиканскаго залива нашли много пустыхъ внутри, металлическихъ истукановъ громадной величины съ поднятыми въ наклонномъ положеніи руками. Во внутренности этихъ идоловъ еще сохранились обугленные кости несчастныхъ жертвъ, что и послужило несомнѣннымъ доказательствомъ ихъ ужаснаго назначенія.

Картина талантливаго художника Гейнриха Мотта, снимокъ съ которой мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ „Нивы“, изображаетъ торжественное жертвоприношеніе Ваалу, на которое собралось почти все населеніе Кароагена. Цѣлыя сотни жертвъ, рабовъ и военнопленныхъ, ведутся въ цѣпяхъ въ огненное жерло истукана, чтобы принести тамъ мучительную, ужасную смерть. Этихъ несчастныхъ силою гонятъ на казнь, и въ тоже время народъ падаетъ передъ ними ницъ, какъ передъ святыми жертвами грознаго бога, предназначенными умилостивить его и спасти какъ городъ, такъ и всю страну отъ новыхъ несчастій и бѣдствій. Шествіе жертвъ торжественно и эффектно; среди ихъ рядовъ медленно двигаются слоны, везущие на себѣ вельможъ и воиновъ; у храма ихъ встрѣчаютъ шпалеры жрецовъ въ бѣлыхъ одеждахъ, вслѣдъ-же имъ гремитъ шумная, сладостная музыка и заглушаетъ крики и стоны ихъ несчастныхъ товарищей, вошедшихъ уже во внутренность истукана и сброшенныхъ съ громадной высоты во всепожрающее пламя. Однѣ жертвы уже погибли; но на стѣну имъ идутъ сотни другихъ, и не предвидится конца этой ужасной, отвратительной процессіи.

„Весна“ Перова.

(Рис. на стр. 273).

Здѣсь мы помѣщаемъ копію съ картины Перова, которая на выставкѣ представляетъ какъ бы исключеніе и не подходитъ къ тому характеру строгой и даже рѣзкой реальности, какою запечатлѣны всѣ другія произведенія художника. Аллегорическое граціозное изображеніе „Весны“ показываетъ совсѣмъ новую неожиданную сторону въ характерѣ таланта Перова, показываетъ, что онъ могъ быть мастеромъ и въ иномъ родѣ живописи. Воздушная, прелестная фигура, легкость и прозрачность очертаній, чистота и глубина неба,—все это невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Материнская любовь.

(Рис. на стр. 276).

Между душевными проявленіями животныхъ, материнская любовь выражается сильнѣе всего. Известно, съ какой отчаянной отвагой львицы и тигрицы защищаютъ своихъ дѣтенышей; любовь обезьянъ къ своему потомству вошла даже въ поговорку; домашнія животныя, отличающіяся добродушіемъ, и тѣ, подъ влияніемъ материнской любви, преобразовываются и дѣ-

лаются сердитыми даже въ отношеніи своихъ хозяевъ. Пугливыя птички нашихъ лѣсовъ, при нападеніи на гнѣздо даже болѣе сильнаго неприятеля, начинаютъ съ нимъ борьбу и защищаютъ своихъ птенцовъ. Подобная сцена представлена на рисункѣ. Здѣсь также куропатка начала неравную борьбу съ сильной собакой, которая, благодаря только дрессировкѣ, не хватаетъ зубами мать, такъ энергически защищающую своихъ малютокъ. Еще минута и дробь охотника положить ее на мѣстѣ. Отъ выстрѣла вѣтъ спасенія, оружіе не знаетъ пошады и тутъ защита безсилна.

„Полли“ моя жена и „Полли“ мой корабль.

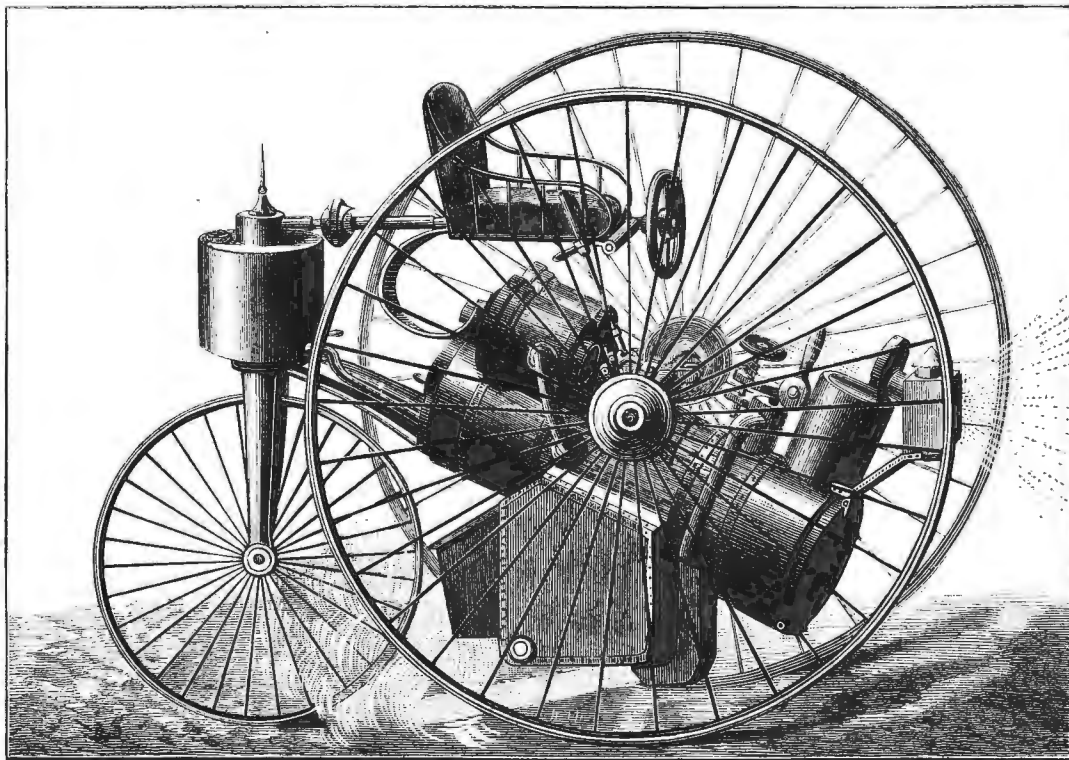
(Рис. на стр. 277).

Эта картина Симонса представляетъ отрадную, милую сцену изъ жизни бравыхъ моряковъ. Молодой капитанъ, для котораго дорога въ жизни его милая жена, онъ ею такъ гордится! и его любимый корабль—его пловучая вторая родина, съ которою онъ сжился и сроднился. Тутъ его храбрые, вѣрные товарищи, здѣсь онъ перенесъ и бури и приключенія и испытали отрадныя минуты, и изображеніе этого корабля онъ показываетъ своимъ товарищамъ. И какъ это хорошо сошло! И его милую, любимую жену зовутъ „Полли“ и его любимый корабль зовутъ „Полли.“ Товарищи внимательно, въ раздумьи смотрятъ

лои и образуетъ тягу, даже при закрытой заслонкѣ. Велосипедъ этотъ устроенъ такимъ образомъ, чтобы управленіе имъ было самое легкое, тяжесть машины и котла самая незначительная, а для приданія ему болѣе устойчивости, центръ тяжести умѣщенъ подъ движущей осью.

Вдущій, сидя на своемъ мѣстѣ, при помощи рычага для направленія хода, умѣщенного съ правой его стороны, можетъ измѣнять также и самую скорость. Для этого имѣется особая защѣпка, которую по своему усмотрѣнію онъ можетъ вкладывать между поршнями и двигающей осью. На подъемахъ онъ ѣдетъ тихо, пользуясь всѣми силами своей машины для увеличенія силы движенія, между тѣмъ какъ на склонахъ онъ движется быстрѣе, не умѣряя обыкновеннаго дѣйствія машины. Съ лѣвой стороны сидѣнья видѣнъ кругъ, служащій для поворачиванія экипажа. При помощи колеса онъ дѣйствуетъ на вертикальный задній стержень, проходящій черезъ резервуаръ съ масломъ и кончающійся вилами, защѣпляющими маленькое колесо, что позволяетъ поворачивать его по усмотрѣнію. Наконецъ впереди ѣдущаго помѣщенъ свистокъ котла и манометръ; ночью на велосипедѣ зажигается фонарь, освѣщающій путь.

Котелъ—стальной, круглой формы, въ деревянномъ чехлѣ; онъ помѣщенъ на двухъ подушкахъ у главной оси и поддерживаетъ два движущихъ цилиндра. Длина котла 1 арш. и діаметръ 5 вершковъ. Внутреннія мѣдныя трубы $\frac{1}{4}$ вершка въ діаметрѣ. Ре-

Трехколесный американскій паровой велосипедъ съ керосиновой топкой. Съ рис. Позе, грав. Рашевскій.

на знакомыя очертанія своего корабля. Не проносятся ли въ ихъ воображеніи тѣ грозныя бури, которыя они испытали, тѣ веселыя стоянки у разныхъ гаваней, тѣ разнообразныя страны, которыя они перевидали, и со вздохомъ завидуютъ бездомники счастью своего молодого капитана, у котораго такая красавица-жена...

Паровой велосипедъ.

(Рис. на этой стр.).

Велосипедъ, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ, изобрѣтенъ Дависомъ въ Нью-Йоркѣ. Маленькая паровая машина служитъ двигателемъ экипажа. Но что всего замѣчательнѣе это нагрѣваніе котла керосиномъ. Это очень легкой горючей матерьялъ и въ такомъ примѣненіи имѣетъ еще то преимущество, что теплотворныя свойства его гораздо выше, нежели каменнаго угля, и регулированіе огня производится очень легко, дѣйствуя краномъ отъ резервуара съ петролемъ. Масло, заключающееся въ резервуарѣ, умѣщенномъ надъ маленькимъ колесомъ, направляется внутрь котла въ камеру изъ огнеупорной глины, служащей очагомъ, и тамъ горитъ смѣшиваясь со струею воздуха, входящаго въ очагъ черезъ паровой клапанъ, какъ вообще въ локомотивахъ. Газы проходятъ по трубкамъ котла и безъ шума и не беспокоя вѣтрѣнныя выходятъ назадъ экипажа. При отъѣздѣ открываютъ переднюю заслонку и зажигаютъ огонь, вкладывая нѣсколько горѣщихъ углей въ очагъ; паръ вырывается съ си-

зервуаръ для воды, умѣщенный сверху котла, содержитъ $2\frac{1}{4}$ ведра; онъ снабженъ инжекторомъ, находящимся по лѣвую руку сѣдока. Колеса покрыты каучуковыми шинами, что придаетъ эластичность экипажу.

Двигающія колеса 1 арш. 12 верш. въ діаметрѣ и меньшее заднее колесо 1 аршинъ.

Обладая машиной въ одну лошадиную силу, экипажъ этотъ можетъ достигъ скорости 18 верствъ въ часъ, имѣя въ резервуарахъ достаточное количество воды и петроля для четырехчасоваго хода.

Торпеда Уайтхеда.

(Рис. на стр. 281).

Объ этомъ новомъ оружіи, долженствующемъ вызвать большой переворотъ въ морскомъ дѣлѣ, хотя и было говорено много, но многое также было невѣрно. Поэтому не безынтересно будетъ поближе и точнѣе познакомиться съ этимъ новымъ разрушительнымъ снарядомъ, находящимся теперь въ рукахъ всѣхъ большихъ морскихъ силъ, но который до этихъ поръ только два раза былъ употребленъ въ русско-турецкой войнѣ, а именно подъ Батумомъ 27 декабря 1877 и 29 января 1878 года. Первый опытъ съ торпедой Уайтхеда не удался, по случаю необыкновенно темной ночи. Въ другой-же разъ двѣ торпеды пущенныя съ баркасовъ „Чесмы“ и „Синопа“, въ ночь съ 29 на 30 января 1878 года, попали въ турецкую канонерку

и совершенно ее разрушили. Съ тѣхъ поръ всѣ морскія силы начали вводить у себя это оружіе, которое съ 1878 г. гениальный его изобрѣтатель значительно усовершенствовалъ. До сихъ поръ торпеды изготовляются исключительно Робертомъ Уайтхедомъ на его фабрику въ Фиумѣ.

Название „торпеда-рыба“, данное этому подводному оружію есть плеоназмъ, такъ какъ самое слово торпеда обозначаетъ рыбу Raja torpedo, т. е. гнѣсь. Также неправильно название это присвоено неподвижному подводному минамъ, отличающимся отъ торпедъ Уайтхеда тѣмъ, что онѣ на подобіе лисихъ западней лежатъ подъ водою и разрываются только тогда, когда на нихъ натывается жертва, въ то время какъ торпеда-рыба Уайтхеда доведена до такого замѣчательнаго совершенства, что съ помощью собственной силы можетъ двигаться очень быстро по прямому направленію на любой глубинѣ подъ водою.

Обыкновенно торпеда движется со скоростью 20—25 морскихъ миль въ часъ, на глубинѣ отъ 10 до 12 фут., т. е. тамъ, гдѣ ни вѣтеръ, ни даже теченіе не имѣетъ почти никакого вліянія. Наружнымъ видомъ торпеда похожа на рыбу, а движущая сила ея до 70 атмосферъ сжатаго воздуха. Устройство этого страшнаго оружія не составляетъ болѣе тайны.

Длина желѣзной гладко полированной торпеды бываетъ отъ 4½ до 7 метровъ,— большихъ размѣровъ торпеды до сихъ поръ не изготовлялись—сила взрыва ихъ одинакова, но болѣе крупныя берутся для болѣе длиннаго пути, которое она должна проплыть. Въ передней части с находится взрывчатая камера, наполненная нитроглицериномъ, нитроксидомъ, или динамитомъ, всыхивающимъ при ударѣ объ особое приспособленіе,

Робертъ Уайтхедъ.

нѣсколько минутъ погрузить величайшій панцирный корабль; ни двойныя стѣнки, никакія приспособленія не могутъ его спасти отъ гибели.

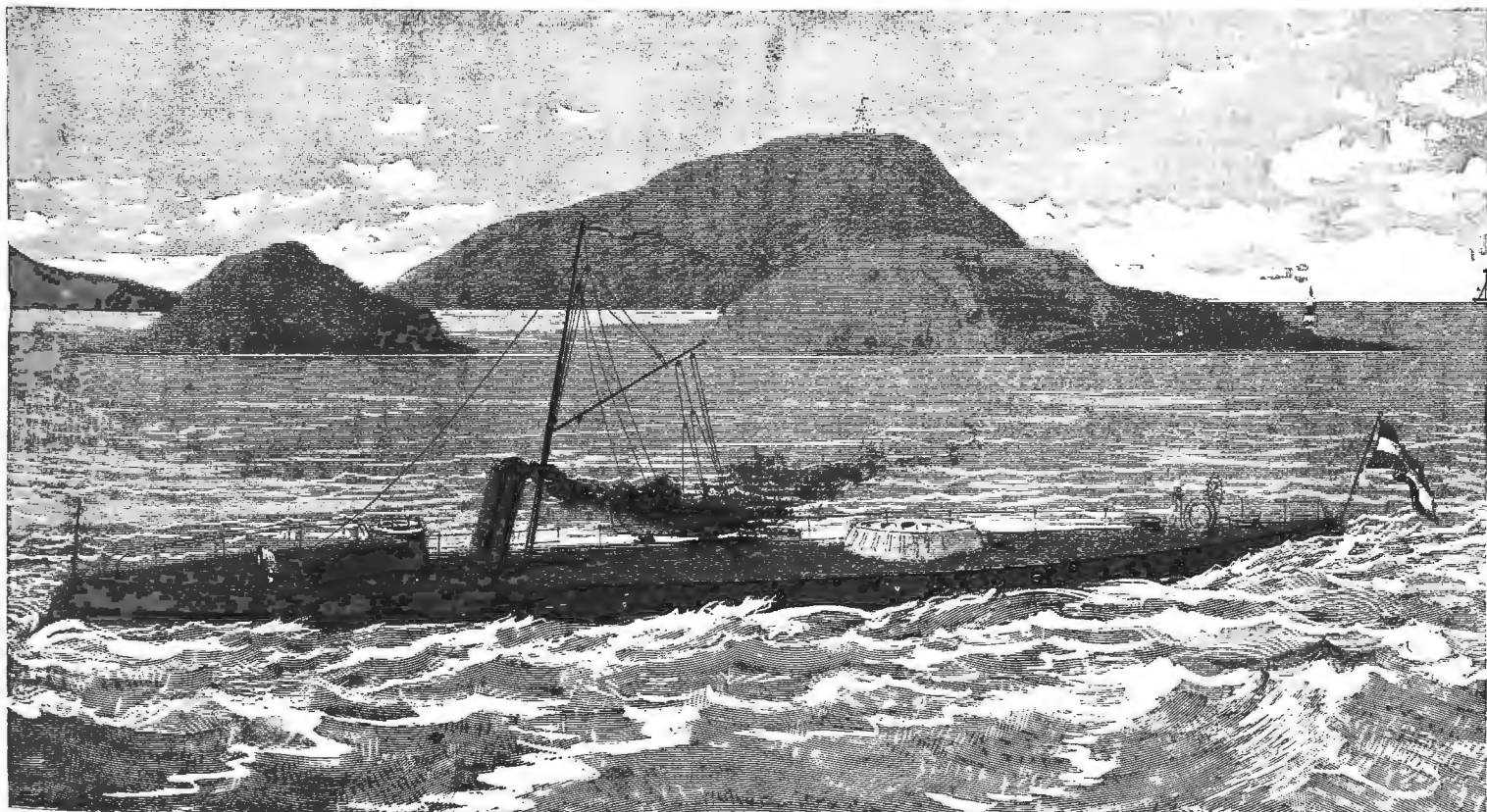
Въ отдѣленіи d находится тайная камера, гдѣ собственно лежитъ аппаратъ, принуждающій торпеду держаться на одной и той-же глубинѣ. Слѣдующее отдѣленіе e содержитъ воздушный резервуаръ, который наполняется 70 атмосферами сжатаго воздуха, который можетъ быть замкнутъ тамъ долгое время не теряя своей силы. Наконецъ въ послѣднемъ отдѣленіи f помѣщается движущая машина съ двойнымъ винтомъ и также новозобрѣтеннымъ горизонтальнымъ рулемъ a. Правильность и точность работы такова, что она напоминаетъ работу хронометра.

Дистанція, которую торпеда пробѣгаетъ съ одинаковою скоростью, бываетъ отъ 500 до 1,800 метровъ. Путь ея подъ водою обозначается маленькими пузырьками воздуха, вырывающимися изъ резервуара, но эти пузырьки показываются тогда, когда торпеда уже миновала это мѣсто.

Торпеда пускается или съ желѣзной трубы или отъ руки. Достигая воды она погружается на опредѣленную заранее глубину и

продолжаетъ путь, пока не достигнетъ цѣли.

Очень остроумное приспособленіе придумано для того если торпеда минуетъ свою цѣль и не взорветъ, то чтобы она погружалась снова въ воду и такимъ образомъ не пошла въ руки непріятеля. Во время опытовъ, когда ее не заряжаютъ взрывчатымъ веществомъ, она, пройдя свой путь, поднимается на поверхность и вылавливается обратно. Отъ устройства очень чувствительнаго руля зависитъ направленіе торпеды, но въ случаѣ надобности она можетъ описать также дугу или кругъ.

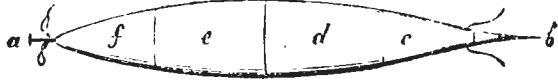

Торпедная лодка Уайтхеда. Рисов. Кирхнеръ, грав. Ангереръ.

устроенное въ остріѣ в. Взрывъ безусловно долженъ произойти при встрѣчѣ твердаго тѣла. Какъ показали опыты, пятнадцать кило (1 к.—2½ ф.) взрывчататаго вещества достаточно, чтобы въ

Въ послѣднее время построены небольшіе пароходы для выкидыванія торпедъ. Пароходы эти движутся съ недостигаемою еще до сихъ поръ скоростью 20 и 22 морскихъ миль въ часъ

и они такъ узки и низки (60 футовъ длины, 7 1/2 ф. ширины и 3 ф. надъ поверхностью воды), что представляютъ очень невѣрную цѣль для непрятельскаго огня. Командиръ подобнаго судна, изъ находящейся въ передней части его панцирной башни, управляетъ ходомъ судна и особымъ приспособленіемъ собственноручно пускаетъ торпеду, послѣ чего со всѣхъ силъ подается назадъ, чтобы уйти отъ непрятельскаго огня.

Стоимость одной торпеды составляетъ около 4,000 флоринговъ; но за то одна торпеда приноситъ миллионныя убытки и если вспомнить, что каждый выстрѣлъ „Инфлексибл“, во время бомбардировки Александрии, стоилъ по 250 фл., то сравнительно съ колоссальнымъ вредомъ наносимымъ торпедой, стоимость ея незначительна.

Робертъ Уайтхедъ, изобрѣтатель торпеды, родился въ январѣ 1823 года въ Бостонѣ. Уже въ раннихъ лѣтахъ онъ особенно интересовался механикой и наклонность эта еще болѣе усилилась послѣ помѣщенія его, 16-лѣтняго мальчика, въ большую машинную фабрику въ Манчестерѣ, гдѣ въ свободное отъ

занятій время онъ изучалъ теорію въ Mechanic Institution. До 1847 года онъ работалъ въ Марсели на фабрикѣ Тэйлора, а въ 1848 года поступилъ на службу австрійскаго Ллойда въ Триестѣ. Послѣ двухъ лѣтъ онъ принялъ на себя завѣдываніе машиной фабрикой Струдофа, гдѣ онъ оставался до 1857 года. Въ 1858 г. онъ устроилъ фабрику въ Фіумѣ, которой управлялъ до того времени, пока она не перешла въ его собственность какъ фабрика торпедъ. Отставной австрійскій морякъ Люпинъ представилъ ему проектъ маленькой лодки, которая-бы дѣйствовала на непрятельскій корабль какъ браунеръ. По опытнымъ во всѣхъ отрасляхъ техники и механики Уайтхедъ нашелъ много потребностей въ этомъ проектѣ и отклонилъ его, но съ тѣхъ поръ задаясь мыслью изобрѣсть подводную лодку съ самостоятельнымъ движеніемъ на извѣстной глубинѣ. Послѣ трехлѣтняго неутомимаго изученія, послѣ многократныхъ опытовъ, торпеда была найдена и тогдашнему морскому инспектору Леопольду принадлежитъ заслуга основанія торпедной ары. Австрійскій флотъ былъ первымъ сознаннымъ достоинство этого оружія, онъ закупилъ ихъ и настаивалъ на улучшеніи. Какъ артиллерія составляетъ отдѣльный корпусъ, такъ теперь въ каждомъ флотѣ есть торпедное отдѣленіе, офицеры и экипажъ котораго учатся владѣть этимъ новымъ оружіемъ.

Въ техническомъ заведеніи фабрики въ Фіумѣ занимаются сотни рабочихъ.

Уайтхедъ и его семейство принадлежатъ къ самымъ уважаемымъ лицамъ въ городѣ. Его благотворительность, справедливость, его заботы о рабочихъ дѣлаютъ его образцовымъ хозяиномъ.

Вредъ наносимый воробьями.

Еще лѣтъ 50 тому назадъ въ нѣкоторыхъ Германскихъ провинціяхъ существовалъ законъ, который былъ потомъ отмененъ, обязавшій подданныхъ представлять мѣстному начальству въ опредѣленные сроки извѣстное количество воробьевъ съ каждаго Morgen'a земли, т. е. съ пространства немного менѣе чѣмъ наша десятина. Вслѣдствіе такого распоряженія многіе сельскіе жители постоянно держали наготовѣ ружье, заряженное мелкою дробью, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность при всякомъ удобномъ случаѣ уничтожать воробьевъ, а потому количество ихъ въ то время значительно убавилось. Теперь же, благодаря тому, что за воробьями признаютъ какую-то пользу, они на столько размножились, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительно вредятъ посѣвамъ. Такъ, напр., описываютъ, что въ Ганноверѣ, жители одного селенія близъ Шуленбурга, вслѣдствіе жадности этихъ птицъ къ житу, принуждены были будто бы совсѣмъ оставить хлѣбопашество и заняться другими промыслами.

Одинъ изъ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ своихъ „Очеркахъ природы“, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ воробья: „Воробей—это пролетарій и вмѣстѣ съ тѣмъ ярый коммунистъ царства пернатыхъ. Онъ проворенъ, неутомимъ, лукавъ, до крайности дерзокъ, но настолько остороженъ, что рѣдко попадаетъ челоуку въ руки; для него не существуетъ ничего святого и его нахальству положительно нѣтъ предѣла. Онъ вездѣ сумѣетъ пробраться и всегда прежде людей успѣваетъ попробовать всякую первинку. Такъ, напр., никто раньше его не лакомится только что сорванными вишнями и виноградомъ; хуже же всего то, что онъ портитъ хлѣбныя растенія и овощи еще въ то время, когда онѣ едва начинаютъ наливаться сокомъ. Жадность его такъ велика, что онъ часто перегрызаетъ горло молодымъ голубямъ, лишь бы только достать оттуда сконившіяся зерна. Онъ совершенно безстрашенъ и смѣло пробирается вслѣдъ за челоукомъ въ риги, кладовыя и амбары, чтобы и тамъ поживиться всѣмъ, что плохо лежитъ. Даже внѣшній видъ воробья носитъ на себѣ отпечатокъ его вульгарности и дурныхъ инстинктовъ; во время ходьбы онъ, или подпрыгиваетъ самымъ недовкимъ образомъ, или, напротивъ, едва передвигаетъ ноги, такъ что все его маленькое туловище какъ бы тащится по землѣ. Онъ летаетъ быстро, но въ высшей степени неграціозно, а его чирканіе, немолкающее цѣлый день въ ясную, теплую погоду, состоитъ изъ рѣзкихъ, безсвязныхъ звуковъ, словомъ лишено всякой мелодичности.“

Отсюда ясно, что распространяющееся съ нѣкоторыхъ поръ убѣжденіе, будто воробей уничтожаетъ гусеницъ, не имѣетъ никакого основанія; напротивъ многими естествоиспытателями доказано, что онъ самъ питается и кормитъ своихъ дѣтенышей исключительно лишь зернами растеній; вообще, про воробья можно сказать, что онъ между птицами—тоже, что крысы и мыши между четвероногими животными.

Въ природѣ все распредѣлено такъ умно и разчетливо, что каждой породѣ животныхъ, кромѣ всеядныхъ, предназначены особый родъ пищи, сообразно которой устроены у нихъ зубы и желудокъ. Такъ, напр., корова никогда не ѣстъ мяса, а тигръ, напротивъ, ни за что не станетъ ѣсть сѣна. Благодаря такимъ законамъ природы, извѣстный естествоиспытатель Кювье могъ, напр., по одному найденному зубу подробно опредѣлить, во-первыхъ, какому допотопному животному этотъ зубъ принадлежитъ и, во-вторыхъ, чѣмъ это животное питалось при жизни.

Къ такому же результату можно придти если изслѣдовать устройство клюва и желудка у воробья. Извѣстно, что у всѣхъ насѣкомоядныхъ птицъ клювъ имѣетъ шилообразную форму. Къ этому отдѣлу принадлежатъ между прочимъ: дятель, кукушка, мухоловка, трясогузка, соловей, краснойшея, горихвостка, крапивникъ и др. У зерноядныхъ же породъ, напротивъ, клювъ имѣетъ коническую форму, причемъ замѣчено, что чѣмъ онъ толще и тверже, тѣмъ исключительнѣе птица кормится зернами. Сюда принадлежатъ: синица, зябликъ, жаворонокъ, подорожникъ, чижъ, щегленокъ, коноплянка, канарейка и наконецъ воробей. Кромѣ того у насѣкомоядныхъ есть еще одно рѣзкое отличіе отъ зерноядныхъ, а именно: у первыхъ желудочныя стѣнки тонки и кожисты, у вторыхъ же онѣ толсты и очень мускулисты. Оба вышеназванныя отличительныя свойства зерноядныхъ особенно развиты у воробья.

Слѣдующій рядъ опытовъ окончательное можетъ убѣдить на сколько воробьи дѣйствительно вредны.

Весною 1870-го года, когда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи гусеницы и жуки истребили почти всю листву на фруктовыхъ деревьяхъ, одному ученому пришла въ голову мысль убѣдиться дѣйствительно ли воробьи уничтожаютъ этихъ насѣкомыхъ. Съ этою цѣлью были разрѣзаны желудки у нѣсколькихъ старыхъ воробьевъ, и что же оказалось? Выскоженныхъ гусеницъ—найдена только масса зеренъ ржи и овса. Нѣсколько дней спустя, подобный же опытъ, съ пятью воробьями, былъ повторенъ однимъ преподавателемъ Политехническаго училища въ Даамѣ. Вынутая желудочная масса была рассмотрѣна въ микроскопъ, увеличивающій въ 450 разъ, и затѣмъ пропитана пикриновой кислотой, которая имѣетъ свойство—окрашивать въ желтый цвѣтъ животныя вещества и въ тоже время не оказываетъ никакого дѣйствія на вещества растительныя. При этомъ были найдены: крупныя песчинки, кусочки яичной скорлупы, ячменные зерна, кусочки крахмала овальной формы, цвѣточная пыль, сѣмена и, наконецъ, часть листа. Присутствіе въ желудочной массѣ листа еще болѣе убѣдило изслѣдователей въ томъ, что воробьи и не думаютъ искать гусеницъ, а просто обгладываютъ молодые листья, когда въ концѣ марта и началѣ апрѣля цѣлыми стаями покрываютъ фруктовые деревья.

Еще одинъ опытъ, произведенный подъ руководствомъ спеціалиста надъ 16-ю слѣпыми и неоперившимися птичками, въ возрастѣ отъ 3 до 8 дней, далъ хотя иной, но тоже не особенно утѣшительный результатъ. Въ ихъ желудкахъ, рассмотрѣнныхъ съ помощью двойной луны, были найдены, кромѣ песчинокъ, яичной скорлупы, гороха и другихъ зеренъ, еще слѣдующіе предметы:

Во-первыхъ, частицы жуужелицы, хищника (такъ наз. *Sagabus aureatus*) десяти миллиметровъ длины, сверху блестящаго зеленого цвѣта съ тремя ярко-красными, продольными полосами, а снизу окрашеннаго въ черный цвѣтъ. На сколько извѣстно, эта порода жуковъ не только не вредна, но напротивъ того приноситъ громадную пользу въ сельскомъ хозяйствѣ и садоводствѣ тѣмъ, что поѣдаетъ, вмѣстѣ съ ихъ личинками, гусеницъ, дождевыхъ червей, майскихъ жуковъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, при помощи своихъ крѣпкихъ и сильныхъ клешей.

Во-вторыхъ, частицы и личинки золотого и розоваго жуковъ (*Cetonia aureata*). Это насѣкомое—сверху зеленого, снизу мѣт-

но-красного цвѣта—живетъ—преимущественно на розовыхъ кустахъ и отличается отъ другихъ породъ жуковъ тѣмъ, что его грудная кость въ концѣ расширяется въ видѣ шипа, который свободно проходитъ чрезъ углубленіе груднаго ящика и такимъ образомъ даетъ ему возможность съ шипицею подыматься на нѣсколько дюймовъ къверху. Личинки его живутъ въ дубовой корѣ, въ дулахъ деревьевъ, въ муравейникахъ, по преимуществу въ гниющихъ деревьяхъ и растеніяхъ. Эта порода совершенно безвредна и даже приноситъ нѣкоторую пользу, истребляя иногда другихъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Въ-третьихъ, остатки долгоносика и навознаго жука и, наконецъ, въ-четвертыхъ, тамъ оказались личинки мухъ и куколки, такъ называемой породы, *Musca-domestica*, которая, находясь въ болотахъ и лужахъ, можетъ считаться единственнымъ вреднымъ насѣкомымъ, истребляемымъ воробьями и то въ очень ограниченномъ количествѣ.

Въ іюлѣ 1872 года было изслѣдовано еще 12 маленькихъ воробьевъ, вынутыхъ прямо изъ гнѣздъ, которыя находились недалеко отъ сада и конюшни, въ ихъ желудкахъ нашлись лишь только зеленые горошинки и лошадиный навозъ съ перемешаннымъ овсомъ, но ни малѣйшаго признака гусеницъ. Точно такіе-же результаты получились послѣ опытовъ, произведенныхъ членами ютербокскаго кружка сельскихъ хозяевъ, т. е. было доказано, что воробей не трагаетъ насѣкомыхъ, за исключеніемъ вполне безвреднаго, такъ называемаго, іюльскаго жука, но за то уничтожаетъ громадное количество разныхъ зеренъ.

Кромѣ того по другимъ наблюденіямъ оказалось, что каждый воробей ежегодно съѣдаетъ 8 пѣмекныхъ мѣръ ржи. Следовательно, принявъ во вниманіе вычисленіе нѣкоторыхъ естествоиспытателей, что въ деревняхъ на каждого жителя приходится по одному воробью, а по мнѣнію опытныхъ сельскихъ хозяевъ даже вдвое болѣе, то окажется, что въ Пруссіи, гдѣ въ настоящее время 24 милліона жителей, изъ которыхъ 70% составляютъ сельское населеніе, число воробьевъ достигаетъ почтенной цифры 22-хъ милліоновъ. Изъ приходится 17 мил. на деревни, 4—на мѣстечки и одинъ милліонъ на большіе города. Такимъ образомъ выходитъ, что вся эта масса воробьевъ ежегодно истребляетъ 11 мил. шеффелей ржи въ Пруссіи, 16—въ Австріи, 2¹/₂ мил. въ Баваріи и 1¹/₂ мил. — въ Саксоніи, не считая еще множества помитыхъ колосовъ и разбросанныхъ зеренъ, которыя въ свою очередь служатъ кормомъ полевымъ мышамъ. Значитъ, изъ 30-ти зеренъ, заключающихся среднимъ числомъ въ каждомъ колосѣ, только 8 выпадаютъ на долю человѣка; всѣ-же остальные достаются воробьямъ. Поэтому понятно, какъ говорить одинъ естествоиспытатель, что всякій, кто беретъ на себя трудъ истреблять воробьевъ, сберегаетъ нѣкоторое количество хлѣба и такимъ образомъ способствуетъ благосостоянію народа.

Въ Новой Голландіи, куда тоже завезены воробьи, сельскіе хозяева уже успѣли убѣдиться въ ихъ вредѣ и, какъ говорятъ, обратились къ правительству съ просьбою принять мѣры къ

истребленію этихъ птицъ, такъ какъ онѣ ужасно портятъ богатые виноградники въ этой мѣстности. Одни только американцы до сихъ поръ продолжаютъ покровительствовать воробьямъ. Вотъ что пишетъ объ нихъ извѣстный американскій ученый *Georg Lavrance*: „съ тѣхъ поръ какъ воробьи привезены къ намъ изъ Европы, наши плантаціи положительно перестали страдать отъ нападена червей и гусеницъ; если-же окажется, что воробьи кромѣ того уничтожаютъ еще такъ называемаго долгоносика (*Circulio*), то очевидно, что болѣе услуги нельзя и ожидать отъ такой маленькой птички“. Но весьма легко можетъ быть, что и американцы со временемъ перемѣнятъ свой взглядъ относительно той, чисто фиктивной, пользы приносимой воробьями и придуть, такимъ образомъ, совершенно къ обратному заключенію.

Существуетъ преданіе, что Фридрихъ Великій терпѣть не могъ воробьевъ за то, что они поѣдали его любимыя вишни. Въ угоду ему народъ принялся усердно уничтожать этихъ птичекъ, но тогда оказалось, что безъ нихъ вишневая деревья страдаютъ еще больше отъ гусеницъ, которыя истребляли не только ягоды, но также листья и почки. Вслѣдствіе этого, отъ имени короля, было издано повелѣніе не только беречь оставшихся воробьевъ, но даже привезти ихъ изъ дальнихъ провинцій въ Берлинъ. За достовѣрность такого преданія конечно нельзя поручиться, тѣмъ болѣе, что оно идетъ совершенно въ разрѣзъ съ закономъ „объ уничтоженіи воробьевъ“, который, какъ извѣстно, существовалъ въ то время въ Пруссіи. Да, наконецъ, кромѣ того нужно не мало времени, чтобы уничтожить хотя-бы даже, напр., одну сотую долю всѣхъ воробьевъ, потому что они водятся преимущественно около жилья, гдѣ, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, нужна очень большая осторожность въ обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; а съ другой стороны, воробей такъ хитеръ и остороженъ, что очень рѣдко попадаетъ въ разставленныя для него сѣти и ловушки; онъ постоянно наблюдаетъ за каждымъ подозрительнымъ движеніемъ человѣка, отъ его чуткаго слуха не ускользаетъ ни малѣйшій шорохъ, такъ что онъ всегда держится на сторожѣ и, при первой-же опасности, моментально исчезаетъ. Къ человѣку воробей относится вообще крайне недоброжелательно и отклоняетъ всѣ попытки къ прирученію, чуя вездѣ обманъ и недобрый замыселъ; поэтому стоитъ громаднаго труда, напр., приучить воробья брать кормъ прямо изъ рукъ.

Хищническіе инстинкты настолько развиты въ воробѣ, что они проявляются даже въ его отношеніяхъ къ другимъ птицамъ. Такъ, напр., онъ безжалостно разгрызаетъ и выпиваетъ массу яицъ, уничтожаетъ цѣлыя семьи, чтобы воспользоваться готовымъ, чужимъ гнѣздомъ, не шадя при этомъ даже неоперившихся птенчиковъ.

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе все вышесказанное о жизни, правахъ и привычкахъ воробьевъ, нельзя не убѣдиться въ томъ вредѣ, который они могутъ приносить, а следовательно и самое существованіе ихъ является совершенно бесполезнымъ.

Политическое обозрѣніе.

Дунайская конференція.—Голларія.—Турція.—Ливанъ.—Франція.—Анархисты.—Англія.—Израильскіе дѣла парламента.—Италія.—Диворскій случай.—Египетъ.

Пока еще нѣтъ официальныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ мы могли бы ясно видѣть, чѣмъ и какъ отразились занятія дунайской конференціи для русскихъ интересовъ на Дунаѣ, поэтому мы обращаемся къ обычному источнику частныхъ извѣстій. Изъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что контроль международной комиссіи не распространяется на Килійское гирло, въ той его части, въ которой оба берега принадлежатъ тому и другому государству; государство это—Россія, а часть Килійскаго гирла—Очаковскій рукавъ, проходящій по возвращенной намъ части Бессарабіи; слѣдовательно, мы добились таки того, что у себя дома хозяйничаемъ сами. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ остальной части Килійскаго гирла, главный, одинъ берегъ которой принадлежитъ Россіи, а другой Румыніи, всякія правила судоходства, исходящія отъ международной комиссіи, приводятся въ исполненіе подъ наблюденіемъ русскаго и румынскаго делегатовъ и—что пріятно слышать—безъ участія и вмѣшательства делегатовъ другихъ державъ. Есть, однако, одно правило, наводящее на нѣкоторое размышленіе, а именно: Россія и Румынія, въ своихъ частяхъ Килійскаго рукава, не могутъ иначе производить какія либо работы, имѣющія цѣль или углубленіе фарватера, или возведеніе какихъ либо сооружений,—не доставивъ въ комиссію планы этихъ работъ; хотя условіе это объясняется необходимостью доказывать комиссіи, что новыя работы не повредятъ судоходности на другихъ рукавахъ Дуная, но кто же помѣшаетъ этой комиссіи всегда считать русскія и иногда румынскія работы вредными для судоходности другихъ рукавовъ, а въ особенности для видовъ, противоположныхъ видамъ и цѣлямъ Россіи. Хорошо если мы сумѣемъ не бояться придирокъ комиссіи и сразу поставимъ себя въ положеніе относительно независимое. Австрія сумѣла же это сдѣлать для себя: конференція предоставила русло Дуная

у желѣзныхъ воротъ въ полное распоряженіе Австріи, не возложивъ на нее никакихъ оиредѣленныхъ обязанностей. Румынія сильно воспротивилась такому постановленію конференціи; Англія старается склонить ее къ принятію вновь выработанныхъ постановленій.—Въ иностранныхъ газетахъ находимъ извѣстіе о томъ, что въ Римѣ вскорѣ соберется консисторія, во время которой послѣдуетъ назначеніе двѣнадцати католическихъ епископовъ для Россіи.—Изъ уступленной нами Китаю части Кульджи, выселается къ намъ большинство торгачей, число которыхъ въ Или теперь не превышаетъ 2300 семействъ; говорятъ же, что если помочь и имъ выбраться оттуда, то подъ властію китайцевъ останется не болѣе 200 семействъ.

Въ болгарскомъ министерствѣ еще одинъ русскій министръ, такъ какъ въ кабинетѣ произошла частная перемѣна; изъ его состава вышли министры финансовъ, юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, почему и сформировалось новое министерство—въ слѣдующемъ видѣ: Генералъ Соболевъ, по прежнему—министръ президентъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и, кромѣ того, нынѣ управляющимъ министерствомъ финансовъ, военнымъ министромъ генералъ Каульбарсъ, министромъ общественныхъ работъ, земледѣлія и торговли—князь Хилковъ, затѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій назначенъ Киріакъ Цанковъ, юстиціи—Теохаровъ и народнаго просвѣщенія—Агура.

Въ Турціи новый „вопросъ“—ливанскій, имѣющій отношеніе къ Европѣ; въ 1861 году, послѣ извѣстныхъ сирійскихъ волненій, Ливанская провинція была поставлена въ особое положеніе, на основаніи котораго, между прочимъ, губернаторъ можетъ быть не иначе назначенъ, какъ по соглашенію съ великими державами и въ силу протокола, подписаннаго въ Блестательной Портѣ; въ настоящее время истекаетъ срокъ полномочій нынѣшняго губернатора Ливана, Рустема паши (бывшій посланникъ Турціи при с.-петербургскомъ дворѣ) и Порта при-

гласила державы согласиться относительно назначения ему пресмыка; Турция и Англия желают вновь видеть Рустема пашу ливанским губернатором, на что согласны и Россия, и Германия, Австрия и Италия; Россия сочувствует Рустему по тому в особенности, что он всегда умел обеспечивать надлежащим образом интересы православных общин; почему то Франция враждебна Рустему паше.

Во Франции ожидался большие беспорядки со стороны анархистов, однако республиканские власти, отложив на некоторое время в сторону республиканский принцип неограниченной свободы мысли, без всяких колебаний, перехватили, где могли и где им попались под руку, главных предводителей анархистов, добравшись и до Луизы Мишель, но та, говоря, предпочла перебраться в Швейцарию. Надо ожидать, что Англия перестанет подражать Швейцарии и не будет более доставлять спокойного ублажения рыцарям динамита; вот что сдѣлали вскорзленные английским отечеством динамитчики: 3 марта, во время вечерняго заседания парламента, послышался звук страшнаго взрыва, который произошел в части вестминстерскаго дворца занимаемой совѣтомъ мѣстнаго самоуправленія; взрывъ этотъ произведенъ, по убѣжденію всѣхъ, феніями, употребившими в дѣло динамитъ; какъ самъ Вестминстеръ, такъ равно и сосѣдніе дома получили громадные поврежденія;

къ счастью никто не пострадалъ; между прочимъ, Гладстонъ, кабинетъ котораго сильно попорченъ, не былъ въ тотъ день въ зданіи парламента; феніи, кромѣ того, вознамѣрились отплатить и некоторымъ учрежденіямъ и лицамъ, высказывавшимся противъ нихъ; такъ въ редакцію газеты Times они положили на окно небольшою ящикъ тоже съ динамитомъ, но трубки динамитныя упали съ карниза на мостовую, что и предупредило взрывъ; затѣмъ агенты, вѣроятно, феніанскаго союза набили лэди Флоренсъ Дикси (въ ея помѣстьи около Винзора) за то что она высказывалась противъ ирландской земельной лиги; впрочемъ, нападавшіе были вооружены книжками, но лэди Дикси успѣла спастись.

Во время посѣщенія королемъ и королевою итальянскими ливорскихъ корабельныхъ верфей, къ экипажу ихъ величествъ приблизился выпущенный недавно изъ дома сумасшедшихъ челоуѣкъ, по профессіи посылщикъ и извѣстный всему городу своимъ слабоуміемъ; онъ произнесъ нѣсколько безсвязныхъ словъ и тотчасъ же былъ удаленъ полиціей.

Въ Египтѣ англичане поправляютъ финансы страны новыми займами—такъ, они выпустили заемъ въ 5 милліоновъ, изъ которыхъ 3½ милліона на удовлетвореніе требованій заявившихъ объ убыткахъ и 1½ милліона—англичанамъ же военной контрибуціи! Хорошо для Египтян!

С М Ъ С Ъ .

Исслѣдованія морской глубины въ зоологическомъ отношеніи. „Солнечный свѣтъ проникаетъ съ большимъ трудомъ даже между самыми прозрачными слоями воды; на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ долженъ царствовать совершенный мракъ. Какимъ образомъ движутся и ориентируются тамъ разнообразныя животныя? Одни изъ нихъ слѣпы; они двигаются ощупью и распознаютъ окружающіе ихъ предметы лишь посредствомъ осязанія, обонянія или слуха; вслѣдствіе этого у нихъ извѣстные органы получаютъ чрезмѣрное развитіе; щупальцы многихъ ракообразныхъ, неимѣющихъ глазъ, достигаютъ чрезвычайной длины; они замѣняютъ имъ палку слѣпаго. Другія животныя одарены, напротивъ, громадными глазами съ яркимъ фосфорическимъ блескомъ. Этотъ фосфорическій блескъ часто распространяется на всю поверхность ихъ тѣла и многіе виды такихъ животныхъ, въ особенности морскія звѣзды и полипы, ярко свѣтятся во мракѣ. Однажды ночью была вытаскана на берегъ свѣтъ, наполненная вѣтвистыми зоофитами изъ семейства „присъ“. Они распространяли вокругъ себя удивительный свѣтъ, достигавшій такой интенсивности, что при немъ можно было свободно читать. Обыкновенно полагаютъ, что цвѣтъ неразлученъ со свѣтомъ и что существа, никогда не видяща солнца, имѣютъ темную или блѣдную окраску. Но это справедливо не во всѣхъ случаяхъ, потому что въ самыхъ темныхъ пространствахъ океана обитаютъ животныя, окрашенныя въ яркія цвѣта: красный, розовый, пурпуровый, фіолетовый и голубой. Большинство креветковъ, размножающихся на глубинѣ моря, окрашены въ яркій ало-красный цвѣтъ. Цеполпнскія голотурин имѣютъ видъ аметисовъ, а одна большая морская звѣзда далеко превосходитъ красотой и блескомъ виды, распространенные на нашихъ берегахъ; нельзя не изумиться изяществу формъ и яркому ораженію ихъ отблеску. Она была открыта однимъ норвежскимъ естествоиспытателемъ—поэтомъ и названа пмъ Бризингой (Brisinga), именемъ которое обозначаетъ въ скандинавскихъ легендахъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ камней богини Фрейи; и дѣйствительно, эта морская звѣзда блеститъ на глубинѣ океана подобно прелестнѣйшему драгоцѣнному камню. Но если животныя размножаются въ самыхъ удаленныхъ уголкахъ океана, то нельзя сказать того-же про растенія; зеленая, красная и фіолетовыя водоросли, встрѣчаемыя обыкновенно у морскихъ береговъ, не могутъ жить во мракѣ; они перестаютъ появляться на глубинѣ свыше 250 метровъ. Откуда-же берутъ свою нищу животныя, обитающія въ морскихъ глубинахъ, такъ какъ они не умѣютъ вырабатывать ее изъ всѣхъ веществъ, на счетъ минералогическихъ элементовъ? Только одни растенія одарены способностью вырабатывать изъ газа воздуха и неодоушенныхъ тѣлъ органическую матерію, которая потомъ служитъ для питанія травоядныхъ животныхъ, а чрезъ посредство ихъ и плотоядныхъ. Пища должна приготавливаться на поверхности, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, откуда она, подобно маннѣ, испадаетъ мало по малу въ морскія глубины, гдѣ не можетъ расти ни одно растеніе. Океанъ научилъ насъ уже многому, но онъ далеко еще не открылъ намъ всѣхъ своихъ тайнъ и чудесъ; мы приподняли лишь уголокъ скрывающей его отъ насъ завѣсы, но то, что мы видѣли, служитъ самою побудительною причиною къ дальнѣйшему изслѣдованію океана.

Права турецкаго султана на званіе калифа. Габриель Шарль, въ новой своей книгѣ „L'avenir de la Turquie et le panislamisme“ („Будущность Турціи и панисламизмъ“) останавливается между прочимъ, на весьма спорномъ, хотя уже и рѣшенномъ магометанскими законодателями, вопросѣ о томъ, дѣйствительно ли султанъ является калифомъ, или онъ не имѣетъ никакихъ правъ на это званіе и присвоилъ его самовольно. Въ Европѣ мнѣнія на этотъ счетъ раздѣляются; что же касается улемовъ ислама, то они всѣ поголовно рѣшили вопросъ отрицательно—на томъ основаніи, что званіе калифа по закону принадлежитъ вотьому корейскаго колѣна, изъ котораго вышелъ Магометъ. Чтобы быть калифомъ ис-

лама, необходимо прежде всего родиться арабомъ. Турокъ прибывшій изъ Средней Азіи и путемъ блестящихъ подвиговъ основавшій имперію, является только султаномъ, но не калифомъ. Между этими двумя званіями нѣтъ ничего общаго: отдѣльное существованіе калифата продолжалось не малое время и послѣ образованія Оттоманской имперіи. Ни Османъ, ни его преемники не считали себя калифами, вполнѣ довольствуясь почетною ролью охранителей калифата и защитниковъ могилы пророка. Впрочемъ, до настоящаго времени константинопольскіе монархи господствовали надъ Еменомъ и Геджаромъ, но въ качествѣ султановъ, а не калифовъ. Потомки оттоманской династіи не переставали смотрѣть на меккскіаго шерифа, всегда избравшагося изъ корейшитовъ, какъ на законнаго наследника калифовъ, и каждый изъ нихъ, вступая на престолъ, неизмѣнно обращался къ этому верховному лицу за признаніемъ его главою государства и за присвоеніемъ ему подобающаго титула („бей-а“). Если-бы они были дѣйствительными и единственными калифами, къ чему они стали-бы подвергать себя этой формальности, имѣющей видъ посвященія, даруемаго верховнымъ главою мусульманской религіи оттоманскимъ владыкамъ. Аль-Маверди, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „О политическихъ учрежденіяхъ“ (Constitutiones politicae), такъ опредѣляетъ калифатъ:

„Калифатъ учрежденъ для унаслѣдованія отъ пророка охраны и покровительства религіи и управленія политическими дѣлами міра. Калифъ долженъ быть избранъ всенародною подачею голосовъ, за исключеніемъ изъ нея глухонѣмыхъ. Это и есть то, что на языкѣ ислама называется „бей-а“.

Такимъ образомъ, султанъ, вступающій на престолъ по праву наслѣдства и не подвергающійся, вопреки требованіямъ мусульманскаго закона, никакому избранію, испрашиваетъ, въ свою очередь, необходимый для него титулъ—съ единственною цѣлью приблизиться къ ученію пророка. Въ упомянутомъ выше сочиненіи Аль-Маверди указаны слѣдующія семь существенныхъ условій, съ которыми неразрывно связано полученіе званія калифа или наслѣдника пророка:

„Калифъ долженъ быть справедливымъ, мудрымъ, образованнымъ и храбрымъ; кромѣ того, онъ долженъ быть настояло здоровъ тѣломъ и духомъ; чтобы имѣть возможность хорошо управлять дѣлами государства; наконецъ, онъ долженъ происходить изъ корейшитовъ, такъ какъ самъ пророкъ, спрошенный объ этомъ, сказалъ: „избирайте вашего калифа изъ колѣна корейскаго, а не изъ какого либо другаго“.

„И такъ, султанъ Абдуль-Гамидъ, даже при возможной наличности всѣхъ нравственныхъ качествъ, требуемыхъ законодателями ислама отъ калифа, не можетъ быть признанъ имъ уже по одному тому, что онъ не корейшитъ и не арабъ, какимъ былъ Магометъ. На такое признаніе не рѣшится ни одинъ свѣдущій въ религіи мусульманинъ, зная очень хорошо, что этимъ онъ прямо нарушитъ не возбуджающій никакихъ сомнѣній законъ“.

Новопостроенный замокъ Нейшванштейнъ. Новый этотъ замокъ, принадлежащій королю баварскому, любителю уединенія, готовъ уже осенью 1882 г. Онъ расположенъ на горѣ Тегельбергъ и по своей колоссальности принадлежитъ къ величественнѣйшимъ зданіямъ континента. 10 ноября 1882 г. туда переведенъ небольшоый придворный штатъ и король поселился въ новомъ замкѣ. Онъ возвышается на скалѣ противъ Гогеншвангау, и двумя подъемными мостами соединяется съ улицами. Замокъ выстроенъ въ Итальянскомъ стилѣ, съ богатыми декоративными украшеніями, въ шесть этажей со множествомъ балконовъ и башенокъ. Посрединѣ громаднаго сдѣланнаго изъ гранита замка возвышается башня въ 50 сажень съ двумя прекрасными верандами, съ которыхъ открывается превосходный видъ на окрестность. Крыша замка покрыта мѣдью. Громадный дворъ ведетъ къ величественному, необыкновенной красоты порталу. Фасадъ праваго крыла замка украшенъ двумя художественными фресками въ 15 аршинъ вышины. Одна изображаетъ Св. Георгія, побѣждающаго дракона, а другая Богородицу,

покровительницу Баварии. Верхъ праваго крыла украшенъ отличными изъ чугуна герольдомъ въ древнемъ вооруженіи съ Баварскимъ знаменемъ въ рукахъ. На лѣвомъ крылѣ стоитъ баварскій Левъ. Весь чудный этотъ королевскій замокъ украшенъ множествомъ двойныхъ колоннъ и статуй и больше всего подходить къ Генуэзскимъ дворцовымъ постройкамъ. Внутреннее убранство своимъ великолѣпнѣе превосходить самое смѣлое воображеніе. Художественной работы фрески, представляющія сцены изъ Нибелунговъ и Парсифаля Вагнера, а также и эпизоды войны 1870--71 г., касающіеся Баваріи, и эпизоды исторіи Баварскихъ королей 1806--1867 гг. украшаютъ комнаты. Потолки покрыты барельефами. Полъ частью изъ мозаики и частью паркетныя, превосходно подобранные. Король живетъ въ шестомъ этажѣ. Въ своемъ кабинетѣ, украшенномъ бюстами его родителей, Вагнера и многими другими, король узналъ о смерти своего друга Вагнера. Въ четвертомъ и пятомъ этажахъ находятся залы, предназначенныя для библиотеки и собраній оружія, монетъ и другихъ коллекцій. Первый этажъ представляетъ громадную съ богатой позолотой переднюю. Освѣщеніе электрическое снаружн системы Яблочкова и внутри—Эдисона и Свана. Конюшни украшены также фресками.

Норвежскій спортъ. Бѣгъ на лыжахъ принадлежитъ къ своеобразнымъ и любимымъ развлеченіямъ Норвежцевъ. Недавно, около Христианіи происходилъ бѣгъ на призы. Въ назначенный день собралась многочисленная толпа народа; въ числѣ зрителей находились также король съ королевой и принцъ Оскаръ. Многие изъ публики, въ томъ числѣ и дамы, бѣгали на лыжахъ, но въ состязаніи участвовали только мужчины, числомъ до 84. Погода была прекрасна, при 5 градусахъ мороза; только яркое солнце утомляло зрѣніе. Вначалѣ состязались въ скорости бѣга на ровной мѣстности; это состязаніе составляетъ удовольствіе знатоковъ, простой же народъ болѣе интересуется бѣгомъ съ сильными прыжками черезъ уступъ горы. Эти страшные прыжки, нерѣдко опасные для жизни, называются прыжки Пальнатока. Имя это ведетъ свое начало отъ древняго сказанія о языческомъ датскомъ стрѣлкѣ Пальнатоку, и сказаніе это есть источникъ позднѣйшаго мифа о Теллѣ. Преданіе говоритъ, что послѣ того какъ Пальнатокъ выстрѣлилъ въ яблоко на головѣ своего сына, онъ въ бѣшенномъ бѣгѣ на лыжахъ спасся въ Южную Швецію, и когда его по пятамъ преслѣдовалъ король Даніи, онъ сдѣлалъ отчаянно смѣлый прыжокъ черезъ мысъ Кузленъ и затѣмъ скрылся въ крѣпости на датскомъ островѣ Фшениѣ. Эти прыжки составляютъ главное удовольствіе бѣга на лыжахъ. Если кто по неловкости при этомъ провалится въ снѣгъ, то это возбуждаетъ веселый смѣхъ, а счастливо исполнившихъ прыжокъ встрѣчаютъ одобреніемъ. Крестьяне долины Телемаркъ издавна считаются въ Норвегіи самыми искусными въ бѣгѣ на лыжахъ; въ этотъ разъ побѣда была за ними. Жители Христианіи хотя и уступали имъ въ скорости и продолжительности бѣга, оказались мастерами скачковъ. Самые большіе прыжки достигали 60 футовъ и были исполнены съ изяществомъ и увѣренностью. Жители Христианіи бѣгали или совсѣмъ безъ палки или же съ помощью очень небольшой. Бѣгъ прошелъ совершенно счастливо, хотя не обошлось безъ нѣсколькихъ праваловъ въ снѣгъ.

О Жюль Симонѣ и Викторѣ Кузэнѣ въ Фигаро помѣщенъ слѣдующій анекдотъ. Извѣстный теперь общественный дѣятель, зашедшій въ парламентъ, во время своей молодости по прибытіи въ Парижъ былъ секретаремъ великаго философа. Это мѣсто вовсе не было снечурой, потому что Кузэнъ не только прилежно работалъ, но былъ также очень расчетливъ. Зачастую только послѣ восьми-девятичасовой работы онъ вспоминалъ объ обѣдѣ, который онъ обыкновенно кушалъ вмѣстѣ со своимъ молодымъ секретаремъ Симономъ. Они шли тогда постоянно въ одинъ и тотъ-же ресторанъ, Кузэнъ бралъ карту и выбиралъ что нибудь самое дешевое. Обыкновенно это была sole trite. Когда подавали рыбу, Кузэнъ дѣлилъ порцію пополамъ, и такъ скоро ѣлъ, что Симонъ долженъ былъ очень торопиться, чтобы окончить свою половину. Затѣмъ спрашивался счетъ, составлявшій ежедневно 35 су.—Дорогой другъ—говорилъ философъ,—намъ нужно заплатить 35 су. Дайте 18, а я дамъ 17, завтра мы уплатимъ наоборотъ.—Но на слѣдующій день повторилась та же исторія, такъ что Симонъ постоянно платилъ 18, а Викторъ Кузэнъ только 17 су.

Въ Помпѣѣ сдѣлана интересная находка. Комиссія, завѣдывающая раскопками, приказала копать на сѣверозападѣ отъ VII и VIII района мертваго города, гдѣ открыли античный садъ, въ которомъ сохранились еще слѣды лопаты садовника. Кромѣ того открыта глубокая пещера (погребъ) и приступлено къ ея раскопкѣ. Для этой цѣли продѣлано нѣсколько отверстій, для того чтобы освѣтить пещеру. Затѣмъ были вынуты предметы, лежавшіе на полу погреба, и залиты жидкимъ гипсомъ. Такимъ образомъ получился снимокъ челоука, который спалъ въ погребѣ, но тамъ задохся. Онъ лежитъ на спинѣ, съ закинутой назадъ головою; черепъ нигдѣ не поврежденъ. Особенно хорошо удалось отлить лицевыя части. Совершенно ясно между губъ видны бѣлые зубы. Руки судорожно сжаты. Правая рука упирается о бедро. Вѣроятно онъ держалъ два ключа, которые найдены возлѣ него; оба они желѣзные. Вокругъ тѣла находится одинъ изъ тѣхъ шарфовъ, которыми Римляне обыкновенно придерживали свои туніки. Ноги сложены одна на другую, крѣпко немного приподняты; только правая нога не повреждена. Этотъ снимокъ принадлежитъ къ лучшимъ, какіе до сихъ поръ получались.

Семь чудесъ. Въ древности было семь чудесъ; неизвѣданная еще до сихъ поръ Корея также славится ими. Они слѣдующія: 1)

Теплый, цѣлебной силы источникъ. 2) Два источника расположенные невдалекѣ одинъ отъ другаго; если одинъ бьетъ ключемъ, то другой иссякаетъ. Вода въ обоихъ очень пріятна. 3) Пещера откуда дуетъ холодная струя воздуха такъ сильно, что ни одинъ человекъ не можетъ устоять въ этомъ мѣстѣ. 4) Неистощимый лѣсъ; срубленные въ немъ деревья, очень скоро пускаютъ ростки отъ корня, которые такъ быстро растутъ, что вскорѣ заполняютъ пустое пространство. 5) Плавающий камень, надъ которымъ воздвигли храмъ. 6) Скала, отъ которой постоянно отдѣляется пріятная теплота. 7) Капля юта Будды; на тридцать шаговъ отъ храма, гдѣ она сохраняется, не растетъ ни трава, ни цвѣты, ни деревья и ни одно животное не осмѣливается приблизиться къ этому святому мѣсту.

Новые планы раскопокъ Шлимана. Носится слухъ, что неутомимый д-ръ Шлиманъ намѣревается исполнить желаніе всѣхъ любителей аттической исторіи: онъ хочетъ начать раскопки на сѣверозападѣ отъ Афинъ, тамъ гдѣ возлѣ древней академіи находилось официальное мѣсто погребенія навнихъ въ Афинской войнѣ. Какъ извѣстно, при случайныхъ раскопкахъ въ этой мѣстности сдѣланы уже нѣкоторыя важныя открытія, касающіяся списка мертвыхъ. Если прибавить къ тому, что между диллономъ и академіей находилась гробница Перикла, и что быть можетъ она и теперь находится еще здѣсь подъ землею, то будетъ понятенъ интересъ, возбуждаемый предположенными раскопками. Этимъ предпріятіемъ Шлиманъ заслужитъ общую благодарность. Если же ему удастся привести въ исполненіе еще другой планъ, возстановить раскопками въ Кретѣ древнюю кретскую культуру, то для науки о древнемъ греческомъ искусствѣ получатся чрезвычайно важныя, составляющіе эпоху выводы.

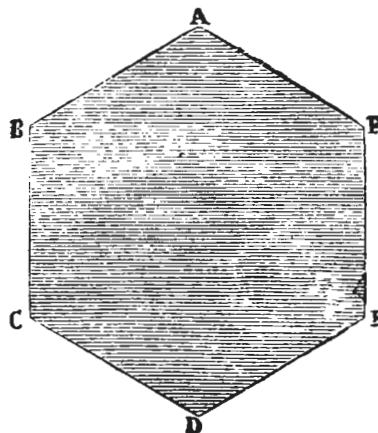
О гробѣ Гарфильда. Американскія газеты пишутъ, что съ наступленіемъ темноты, къ гробу Гарфильда нельзя подойти на сто шаговъ, чтобы не встрѣтилъ стражу, которая день и ночь охраняетъ гробницу и только въ дурную погоду удаляется въ караульню, стоящую тутъ же, возлѣ гроба. Правительство для этой охраны нанимаетъ офицера и двѣнадцать вооруженныхъ солдатъ регулярной арміи. Кромѣ того еще три человека должны постоянно находиться въ караульнѣ. Стража эта до тѣхъ поръ будетъ у гроба, пока останки президента не будутъ закрыты прочнымъ намятникомъ. Стража утверждаетъ, что присутствіе ея необходимо для предохраненія гроба отъ разрушенія и покражи тѣла. Въ склепѣ допускается только офицеръ и семья Гарфильда. Жена покойнаго пріѣзжаетъ два раза въ недѣлю, часто въ сопровожденіи сыновей или дочери. Они привозятъ постоянно цвѣты. Кромѣ того по воскресеніямъ присылается большой букетъ, который офицеръ кладетъ на гробъ. Дверь склепа цѣлый день открыта, но на ночь тщательно запирается.

Представитель Французской палаты депутатовъ получаетъ отъ своего города ежегодно 10 тысячъ франковъ содержанія. Это, безъ сомнѣнія, немного болѣе, чѣмъ билетъ на бесплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ депутата германскаго Рейхстага! И гораздо болѣе тѣхъ крохъ, которыя получаютъ прусскій депутатъ Ландтага ежедневно, въ теченіе только того времени, пока длится засѣданіе—именно 15 марокъ! Французскій депутатъ получаетъ ежедневно, парламентскіе ли это дни или нѣтъ, безразлично, около 22 марокъ.

Упадокъ американскаго судоходства. Назначенная вашингтонскимъ конгрессомъ комиссія для изслѣдованія причинъ упадка американскаго судоходства намѣрена предложить конгрессу понизить таможенныя пошлины на всѣ необходимыя для судоходства матеріалы и, въ случаѣ употребленія американскаго матеріала на постройку судовъ для иностранной торговли, выдавать вознагражденіе, равняющееся суммѣ пошлины на эти матеріалы. Въ такомъ случаѣ суда въ 4,000 тоннъ (тонна = 62 пудамъ), получали-бы вознагражденія 50,000 долларовъ (около 100,000 рублей). Докладъ комисіи обѣихъ палатъ конгресса объ американскомъ торговомъ флотѣ указываетъ на упадокъ послѣдняго и рекомендуетъ особымъ мѣры для лучшаго развитія торговаго судоходства.

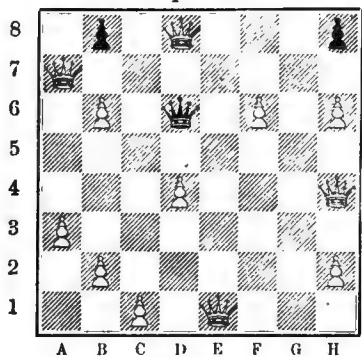
Геометрическая задача № 16.

Данную фигуру, правильный шестиугольникъ, обратить въ 2 равносторонніе, равные между собой, треугольничка.

Шашечная задача № 17.

К. Цѣхановича. Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку и шанку черныхъ въ 10 ходовъ.

Рамы для преміи „Нивы“ 1882 г. „ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

Цѣна со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклеенною на полотно картиною, 5 руб. — картины при требованіи рамы подписчиками возвращаются обратно и рамы выдаются тотчасъ же со вставленною картиною.

Иногороднымъ высылается такая рама въ 4-хъ кускахъ за 9 руб., а составленная и готовая за 15 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: В. Д. Орловскій, профессоръ. (съ портр.) — Въ цвѣтахъ. Повесть Н. Лебедева (Морского). (Продолженіе). — Донъ-Педро Настильскій. Историческій рассказъ Э. Шпильмана. (Окончаніе). — Судъ надъ животными. Очеркъ. — Жертвоприношенія Ваалу въ Карагенти. (съ рис.) — „Весна“ Перова. (съ рис.) — Материнская любовь. (съ рис.) — „Поли“ моя жена и „Поли“ мой корабль. (съ рис.) — Паровой велосипедъ. (съ рис.) — Торпеда Уайтхеда. (съ портр. и рис.) — Вредъ, наносимый воробьями. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задачи. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марнсъ.

Изданія А. Ф. Маркса въ СПБ.

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повесть В. И. Кельсига съ рисунками Ланова и Ковганова. Это интересное сочиненіе изображаетъ, въ формѣ повѣсти, Петровское время и его характеръ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Для подписк. „НИВЫ“ 75 к., съ перес. 1 р.

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья пеленъ на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес. Продажа оптомъ и въ розницу И. ВАКОНЬ № 9! Гороховая ул., д. Лембке, бель-этажъ, кв. № 8., въ С.-Петербур. № 2505 2—2

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

послѣ приостановки будетъ выходить съ 17 Марта с. г. Подписчикамъ, получившимъ „Русскія Вѣдомости“, будетъ высылаться съ 17-го Марта с. г. „Русскій Курьеръ“. Подписка принимается на прежнихъ условіяхъ, въ которыхъ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина. Подписывающіеся съ 17 Марта с. г. приплачиваютъ за полмѣсяца 50 к. Подпиской просить воспользоваться въ видахъ своевременной высылки газеты. 5—4 № 2501

25% УСТУПКИ. ДШЕВЯЯ ПРОДАЖА ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

всѣхъ системъ для семействъ и мастерскихъ, Ю. ШТЕРНЪ, бывшій Р. Л. Кохъ. С.-Петербургъ, В. Морская, д. Тура, № 21. Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. Р. № 2533 2—1

ГУТТАПЕРЧЕВОЕ ПЕРО РЕЙХА.

Цѣна за штуку 50 коп., съ пересылкою 70 коп. (почтов. марками). Главный складъ для всей Россіи: Контора Ф. П. Сазонова, Фонтанка, № 67 (на углу Гороховой улицы). С.-Петербургъ. № 2536 3—1

!!! ДО 80% УСТУПКИ !!!

Наслѣдники натуральныхъ янтарныхъ копей, прежде принадлежавшихъ покойному Карасику, имѣютъ честь объявить гг. покупателямъ, что они, вслѣдствіе открытія въ своихъ колахъ огромнаго количества янтара, понижаютъ его цѣну до 80%, смотря по величинѣ. Этими баснословно дешевыми цѣнами надѣются они возобновить славу настоящаго янтара, значительно навывую въ послѣднее время, по случаю нянтарныхъ и вредящихъ здоровью поддѣлокъ.

ЦѢНЫ МУНДШТУКОВЪ ДЛЯ ПАПИРОСЪ изъ настоящаго, натуральнаго янтара, съ гарантіею неподдѣльности.

Table with 2 columns: № велич. (1-5) and цѣна. Prices range from 1 p. 4 k. to 1 p. 80 k.

Облауемъ въ продолженіи 4-хъ недѣль со дня этого объявленія не повышать выше означенную цѣну.

Натуральная величина янтарнаго мундштука 7 сант. Заказъ просимъ доставлять намъ представителю Г-ну Н. КАШИНУ, Москва, Петровка, близъ церкви Богоявленія, домъ Корастелевой. Гг. иногородныхъ просимъ прилагать на почтовый расходъ. Пересылка производится по полученіи денегъ. Ц. № 2534

НОВѢЙШЕЕ ПРЕВОСХОДНОЕ СРЕДСТВО „ЭЛЕОПАТЬ“

По истинѣ безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которые употребляли „Элеопать“, даютъ намъ право по совѣсти рекомендовать этотъ бальзамъ „Элеопать“ противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корней волосъ, увеличиванія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Этотъ Шведскій бальзамъ признанъ неподобнымъ средствомъ и не можетъ быть ничѣмъ замѣнимъ. Способъ употребленія „Элеопата“ приложенъ къ каждому флакону.

Каждый флаконъ содержитъ 120 граммовъ и имѣетъ въ самомъ стеклѣ вензель-надпись Кинунена, собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопать“ пров. Кинунена продается у Штоль и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 к.

Въ провинціи „Элеопать“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ лучшихъ аптекахъ и косметическихъ магазинахъ. Для иногородныхъ покупателей „Элеопать“ высылается не менѣе 2 флаконовъ, содерж. 240 граммовъ, за 4 руб. изъ магазина аптекарскихъ матеріаловъ К. Феррейна въ Москвѣ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэма Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящикѣ 30 р.; въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзкомъ 30 р., съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.

Музыкальный отдѣлъ Торговаго Дома Н. Фену и Комп. (Невскій пр., противъ Гостиного двора). Полный выборъ нотъ, музыкальныхъ инструментовъ и принадлежностей къ нимъ. Заказъ исполняется безъ задержки. КАТАЛОГЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ БЕЗПЛАТНО. АБОНЕМЕНТЪ НА ЧТЕНІЕ НОТЪ. Мт. № 2542 1—1

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы. ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ превосходное средство для сохраненія зубовъ, укрѣпленія десенъ и освѣженія рта. САЛИЦИЛОВЫЙ АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЙ ЭЛИКСИРЪ. ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ Розовый, салициловый, бѣлый, доктора Милхе. НОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ самаго высшаго качества.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ изъ которыхъ прибѣгаютъ нѣкоторыя фабрики, принявшіе названія фирмъ, близкаго подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и кониующіе наружный видъ произведеній ея. Требуется при покупкѣ каждого предмета точность фирмы: „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“. ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католическая церковь. 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Английскаго моста. 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Кавказской улицы, домъ № 18—54, Шредера. Контора и оптовый складъ: по Имайловскому пр., въ собств. домѣ, № 21. Въ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2228 4—4

МАГАЗИНЫ НОВОСТЕЙ И. АНТОНОВЪ И К^о.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 38.

ПОЛУЧЕНЪ ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ НОВОСТЕЙ (HAUTES NOUVEAUTÉS)

для

ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА.

Представитель фирмы П. П. Антоновъ, возвратясь изъ своего заграничнаго путешествія, привезъ огромный выборъ новостей, отличающихся разнообразіемъ, изяществомъ, равно и богатствомъ вкуса.

Главная задача при выборѣ и покупкѣ товаровъ заключалась въ томъ, чтобы всё товары удовлетворяли изысканному вкусу петербургскихъ дамъ, равно подходили бы подъ климатическія условія нашей страны.

Многолѣтняя опытность и тѣ прямые сношенія съ первоклассными домами, дали намъ возможность составить роскошный выборъ товаровъ.

Понимая вполнѣ, что главную роль при изготовленіи confectіons играетъ хорошій покрой, мы пригласили опытныхъ закройщиковъ и основали свою обширную мастерскую, приспособивъ всё новѣйшія усовершенствованія. Такъ что мы увѣрены, что вещь, приобрѣтенная у насъ, будетъ носить отпечатокъ вкуса и хорошаго тона.

Прямые сношенія съ фабрикантами и покупка за наличныя деньги, даютъ намъ возможность предложить гг. покупателямъ наши товары дешево.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ НОВОСТЕЙ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

CONFECTİONS (МОДЕЛИ)

ПАЛЬТО, PİNCE-TAILLE, ЖАКЕТЫ, МАНТЕЛЕ

Первыхъ Парижскихъ домовъ; Worth, Pingat, Hentenaar и др. изъ велюра, оттоманъ, брокателъ, плюша, сатинъ, солейтъ, Аелуа, Радзимиръ, съ самыми модными отдѣлками.

КОСТЮМЫ (для комнатъ и прогулокъ)

Новѣйшихъ тканей вигонь, шеліотъ, кадрилле, дама, мадрасъ и пр.

ВАТЕРЪ-ПРОВЪ

Англійскихъ матерій.

ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ

Радмесъ, дама, газъ а журъ, фулиры и проч.

ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРІИ

Крепъ Канада. Мадрасъ, крепъ Лагоръ, эжиптіенъ, эпонжъ, араби, Grande Ecosse самыхъ модныхъ цвѣтовъ терракотъ, сигары, е векъ, вевъ, солда, телеграфъ, Edison, національ и проч.

ARTICLES DE PARIS

Зонтики ажуръ, антука, перчатки mousquetaires, галстуки cols militaires, вѣра, саки, саше, кошельки, аграфы металлическіе, чулки шелковые и fil d'Ecosse, фишю синель, сгере Lys, балезы, кружева, аграманты, перо мурабу и проч.

HAUTE NOUVEAUTÉ

Coussin de salon.

Подушки для ногъ.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА (PRIX FIXE). № 2540

Изданія А. Ф. Маркса.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть В. И. Калыгина, съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы“, на 1883 г. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ в 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

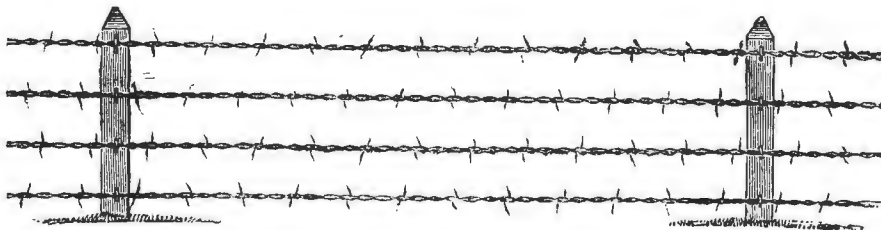
Для дѣтей: куклы набойки (новой привилегированной) отъ 1 р. 50 к. до 10 р. Новые волчки съ музыкой въ 75 к. и 1 р. Диво-птица, поющая, съ движениемъ хвоста и клюва 1 р. Органчики въ 3 и 4 р. Куклы съ новыми картинками въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к. Краски въ 50 к. и 1 р. за ящикъ. Книжки для раскрашивания въ 20 к., 50 к. и 75 к. Стоялый приборъ для мальчиковъ 1 р. Новое домино со звѣрьми 1 р. 25 к. Губная гармонія съ колокольчиками 3 р. Заводныя мыши 75 к. Шаши отъ 30 к. до 75 к. Шахматы отъ 1 р. 25 к. до 4 р.

Для взрослыхъ: Вещи изъ поддѣльныхъ бриллиантовъ: Залони грудная отъ 4 до 6 р. Серьги отъ 3 до 7 р. Броши отъ 3 до 10 р. Булавки въ галстукахъ отъ 1 р. до 5 р. Кольца отъ 1 р. до 5 р. Нолье въ 20 р. и 35 р. Звѣзды въ волосахъ носить 10 р. и 12 р. Накладного золота: Единственный нечернѣющій цѣпочка для часовъ. Мужскія отъ 3 р. до 8 р. Дамскія: оловяны отъ 5 р. до 7 р., шейныя длинныя отъ 8 до 12 р. Медальоны дамскіе отъ 2 р. 50 к. до 8 р. Медальоны мужскіе отъ 2 р. до 6 р. Браслеты 8 р., 10 р. Браслеты никелированные 1 р. 50 к. Запонки грудныя съ оваломъ 5 р. Свѣтящаяся въ темнотѣ спичечница 50 к., 75 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. Подсвѣчники 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. (за штуку). Розетки 60 к. за пару. Розетки съ правлами къ винту 75 к. за пару. Альбомы (фотогр.) отъ 2 р. до 30 р. Микроскопъ-флороскопъ изобрѣтателя П. Моисея, увеличивающій въ 700 разъ, 3 р. Электрическое огниво 5 р. Вѣчныя вѣшалки для пальто 25 к. за штуку. Новый инструментъ, содержащій 15 инструментовъ, 3 р. 50 к. НОВОСТИ!!! Солоненныя рамки для фотографическихъ картъ въ 1 р. 25 к., 1 р. 50 к. Коробка съ секретомъ, подъ названіемъ: „Отрывайте меня“, 75 к. Всѣ цѣны назначены съ пересылкой. Менѣ чѣмъ на три руб. не выслать. МАГАЗИНЪ „НИВЕРБЕРГЪ“ въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, наискосокъ церкви Успенія, напротивъ бриллиантника Сергушина. Ц. № 2530 2-2

ИЗГОРОДЬ ИЗЪ ОДИНКОВАННОЙ СТАЛЬНОЙ КОЛОЧЕЙ ПРОВОЛОКИ.

Патентъ гг. ФЕЛЬТЕНЪ и ГИЛЬОМЪ, до 1882 года въ потребленіи болѣе 300.000 верствъ, лучшая ограда пастбищъ, фруктовыхъ садовъ, желѣзныхъ дорогъ. Количество рядовъ проволоки можно опредѣлить цѣною для которой изгородь устраивается: 1) Одинъ рядъ проволоки на высотѣ 25 вершковъ отъ земли ограждаетъ отъ коровъ, быковъ и лошадей. 2) Два проволоки, т. е. на высотѣ 25 и 12 вершковъ отъ земли служатъ кромѣ вышериведенной цѣны и оградой отъ мелкаго скота. 3) Три ряда проволоки на 8, 16 и 24 вершковъ отъ земли составляетъ общепользную изгородь для сельскохозяйственныхъ цѣлей. 4) Изгородь въ 4 и 5 рядовъ употребляется весьма рѣдко.

Цѣна за погонную сажень проволоки 20 коп., такимъ образомъ погонная сажень изгороди безъ столбовъ и работы обойдется въ 2 ряда—40 коп., въ 3 ряда—60 к. въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Необходимыя скобки отпускаются также при проводкѣ по 6 р. за 1.000 штукъ. Необходимыя инструменты обходятся въ 27 рублей. За справками обращаться: въ С.-Петербургѣ, контора Н. Вахтеръ и К^о. Галерная, № 43. Въ МОСКВѢ. Техническое бюро К. И. ЮГАНСОНА, Масницкая, близъ Красныхъ Воротъ, домъ Жемчужникова. № 2541 1-1

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ В. С. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ трущобъ“), 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 75 к., съ перес. 1 р.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волыскаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 руб.; для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону цѣна 3 1/2 руб., пересылка 1 1/2 руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волосы, не линяютъ, въ черной цв. цѣна 3 руб., перес. по 1 рублю. Гороховая улица, д. 57. Магазины-парикмахерская Павловой. № 2532

Честь имѣю увѣдомить с.-петербургскую публику, что къ предстоящему празднику во всѣхъ главныхъ магазинахъ Черепеникова, на Литейномъ просп., получится Тамбовская копченая ветчина, приготовления П. С. Мокроусова въ Тамбовѣ. № 2537

КРАСОТА И НЕЖНОСТЬ КОЖИ ВЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ. Вѣрное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, морщинъ, шероховатости и проч., чрезвычайно освѣжаетъ и придаетъ кожному свѣжесть; оно единственное вѣрное средство для предупрежденія веснушекъ и загара. Цѣна за банку 1 руб., съ пересылк. 1 р. 75 к., за 2 банки съ пер. 3 р. Для предупрежденія отъ подделокъ требовать на каждой изъ этикетъ подпись „А. Энглундъ“ красн. черн.: получить можно въ Русск. Общ. торг. ант. тов. Казанская, 12; у А. Рузавина, Гостинный Дворъ, Зеркальная линия, 40. Главный складъ для всей Россіи у А. Энглундъ, С.-Петербургъ, М. Итальянская, № 3. № 2539

Поступила въ продажу новая книга Тисандье:

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Знакомство съ законами природы путемъ игръ, забавъ и опытовъ, не требующихъ специальныхъ приборовъ. Съ 235 рисунками въ текстѣ. Перев. съ франц. подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб. 1883 г. 362 стр. Цѣна 2 р. Первая понятія о зоологій: Поля Бера. Переводъ съ франц. подъ редакціей профессора И. И. Мечникова. Спб. 1883 г., 360 стр., съ 345 рисунками. Цѣна 1 р. (См. отзывъ въ „Нивѣ“ № 9). Послушаемъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ А. Нольде. Спб. 1883. съ 28 рисунками. Цѣна въ красивой папѣ 1 р. (См. отзывъ въ „Нивѣ“, № 9). № 2535

Г. ТИЛЕ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56, противъ памятника Екатерины II. Универсальный складъ швейныхъ, вышивальныхъ и чулочныхъ машинъ, основанный въ 1871 году. Рекомендуетъ машины Зингеръ съ педальнымъ аппаратомъ, самодѣйствующими шпульками и всѣми новѣйшими усовершенствованіями. Доминя, машина будущаго, работающая весьма легко, безъ всякаго шума, рекомендуется слабымъ и нервнымъ особамъ. Патентъ ТИЛЕ, ручная машина, самая простая и прочная, которая только существуетъ. Кромѣ того самый обширный складъ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ: для сапожниковъ, портныхъ, сѣдельщиковъ, каретниковъ, мѣшечныхъ и наметныхъ фабрикъ, перчаточниковъ, скорняковъ и пр. Машины шьюція черезъ край, а также настоящей смольной драпной. Большой выборъ лучшаго матеріала: шелка, пенька, масла и т. д. Иголки для всѣхъ существующихъ системъ знаменитыхъ фирмъ. Американскіе утюги Леона Ламмертъ. Машины для складыванія пелюшекъ и пюльки. Пріемъ въ авіе. Каждая машина пробѣгается въ швей механической мастерской и продается съ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ. Гг. иногороднымъ: въѣзъ ножной машинки—4 пуда, а ручной—1 пудъ, почтовая издержка 10 коп. съ фунта. За провозъ по желѣзной дорогѣ можно взыскать на мѣстѣ назначенія. Р. № 2519 2-2

НЕ ВЪНЧАЙТЕСЬ прежде чѣмъ читать „TRAIT D'UNION“, газету перваго дома этого рода въ Европѣ и объяснительную брошюру. Безплатное почтовое посыланіе за 90 centimes, 53, faubourg Montmartre и 17, avenue Carnot (Champs-Élysées), въ ПАРИЖѢ.

Г. ПОЛЬ изъ Берлина. Цинко-литейная—въ Москвѣ, Петровскія Торговыя лавкі. ФОНТАНЫ, фигуры, наделлябры, памятники и надписи. Россійскіе орлы. Балконы, перила, напители и проч. Рисунки высылаются на вост. Ц. № 2513 требованіе. 4 3

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ Н. П. ЛАНИНА, Въ Москвѣ, удостоенное МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Паризской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью, неуступающее хорошему французскимъ маркамъ, по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут. (прямо съ фабрики). ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ болѣе части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣній въ Азіи. № 2525 10 2

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСИА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выходитъ 26 Марта 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 20 Pfep. для за грани.) за строку непременнѣ (въ 1/4 ширины страниц).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
 Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.
 Съ доставкою въ Петербургъ . . 5 р. 50 к.
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 7 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
 Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особые приложенія при „Н И В Ъ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для многор. по 5 р. съ тысячи. для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

Рафаэль Санціо.

Художественный міръ Италіи устроилъ скромное торжество: празднованіе четырехсотлѣтняго юбилея со дня рожденія гениальнаго, несравненнаго Рафаэля. Конечно, въ этомъ праздникѣ искусства будетъ участвовать ни одна Италія; художники всѣхъ странъ; всѣ истинные цѣнители высокихъ, образцовыхъ произведеній живописи несомнѣнно примутъ участіе и отдадутъ дань уваженія великому мастеру, до сихъ поръ восхищающему весь образованный міръ произведеніями своей кисти, столь же еще обаятельной и блестящей, какою она была въ эпоху папъ — Юлія втораго и Льва десятаго. Всѣ эти безчисленныя рафаэлевскія мадонны, которыми можно любоваться въ различныхъ музеяхъ Европы, попрежнему блистаютъ какою-то неземной прелестью; по прежнему на стѣнахъ Ватикана поражаютъ васъ величіемъ и силой фрески Рафаэля и наконецъ въ каждой болѣе или мене знаменитой карти-

ной галереѣ вы непременно найдете какое нибудь произведеніе гениальнаго Санціо, сохраняемое какъ драгоценность, какъ безцѣнный предметъ восторженнаго, безмолвнаго созерцанія. И вся эта громадная масса чудныхъ, несравненныхъ произведеній была выполнена великимъ художникомъ въ какія нибудь семнадцать лѣтъ; вдохновеніе давалось ему легко и свободно; его творчество не требовало ни натугъ, ни усилий; это была вполне гениальная, исключительная натура и потому исторія его художественнаго развитія исполнена высокаго интереса.

Рафаэль родился 25-го марта 6 апр. 1483 г., въ маленькомъ городѣ Урбино, гдѣ отецъ его, Джованни Санціо, пользовался большою извѣстностью какъ талантливый художникъ и зажиточный горожанинъ, много трудившійся для чести и пользы своей родины. Здѣсь-то въ Урбино, среди строго религіозной и правдивой семьи, провелъ Рафаэль свои первые дѣтскіе годы и уже съ юныхъ лѣтъ изучалъ

Рафаэль Санціо. По поводу 400-лѣтія со дня его рожденія. 1483 г. 25 марта (6 апр.). По портрету, самимъ Рафаэлемъ, писанному граф. Гельштейнъ.

подъ руководством отца первые технические приемы живописи. Впрочемъ этими уроками Рафаэль пользовался недолго, такъ какъ въ 1491 году отецъ его умеръ, оставивъ его круглою сиротой. Но Рафаэль ревностно продолжалъ учиться избранному искусству, сначала въ мастерской Тимотео Вити, а потомъ у знаменитости того времени Пегра Перуджино. Перуджино дѣйствительно былъ замѣчательнымъ живописцемъ и влияние его строгаго, серьезнаго стиля не могло не быть полезнымъ для молодого, начинающаго художника. И Рафаэль, отличавшійся вообще скромностью и почительностью, признавалъ своего учителя своимъ высшимъ авторитетомъ; онъ рабски копировалъ его произведенія и достигъ въ этомъ такого искусства, что наконецъ его копии нельзя было отличить отъ оригиналовъ; особенно ему нравились мадонны Перуджино и, копируя ихъ, онъ иногда безотчетно проявлялъ талантъ болѣе самостоятельный и сильный, чѣмъ были талантъ его учителя. Такъ появилась „Богоматерь читающая книгу“— первое оригинальное произведеніе Рафаэля. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ работъ онъ наконецъ въ 1503 году приступилъ къ болѣе обширной задачѣ — къ выполненію большаго запрестольнаго образа „Вѣнчаніе Богородицы“ (Lo Spozalicio) для церкви въ Читта ди Кастелло. Въ этомъ произведеніи онъ уже отрѣшился нѣкоторымъ образомъ отъ характера Умбрійской школы, строгаго, суроваго и холоднаго и внесъ сюда нѣчто совершенно новое и оригинальное: подвижность, экспрессию лицъ и искусную, свободную группировку фигуръ. На слѣдующій годъ мы видимъ Рафаэля уже во Флоренціи. Это переселеніе вѣроятно было вызвано громаднымъ художественнымъ интересомъ, который тогда представляла Флоренція, гдѣ уже блистали своими талантами Микель Анджело и Леонардо ди Винчи и даже среди монаховъ Св. Марка былъ замѣчательный художникъ Фра Бартоломео, другъ пламеннаго Саванароло, до самой его казни бывший его вѣрнымъ другомъ и послѣдователемъ. Съ этимъ-то Фра Бартоломео Рафаэль сошелся прежде всего по прибытіи своемъ во Флоренцію; отъ него онъ старался перенять блестящій колоритъ, а самъ училъ монаха перспективѣ, которая не всегда строго соблюдалась въ произведеніяхъ смиреннаго аскета-художника. Неустанно работая надъ своимъ художественнымъ совершенствомъ, Рафаэль, въ послѣдніе годы своей жизни во Флоренціи создалъ произведеніе, разомъ поставившее его имя на ряду съ лучшими мастерами Италіи. Это былъ запрестольный образъ, такъ называемая „Богоматерь подъ балдахиномъ“, находящаяся нынѣ во дворцѣ Питти. Здѣсь Богоматерь изображена съ божественнымъ младенцемъ, сидящею на высокомъ тронѣ и окруженною святыми: Августиномъ, Яковомъ, Петромъ и Бруно. Второй не менѣе замѣчательной его работой во Флоренціи было—„Положеніе въ гробъ Спасителя“, которое теперь находится въ Римѣ, въ палаццо Боргезе. Но вскорѣ совершенно неожиданно для Рафаэля открылось болѣе широкое, художественное поприще.

Папа Юлій II—страстный любитель искусствъ, старался привлечь къ себѣ въ Римъ лучшихъ художниковъ Италіи; въ это время Микель Анджело уже расписывалъ ему Сикстинскую капеллу, а Браманте началъ постройку громаднаго храма Св. Петра. Стѣнная живопись въ Ватиканѣ была поручена Рафаэлю и въ 1508 году мы видимъ его уже въ вѣчномъ городѣ, съ лихорадочною дѣятельностью принявшагося за свой обширный трудъ. При своемъ прибытіи въ Римъ, Рафаэль нашелъ, что уже большая часть залъ Ватикана была расписана или расписывалась цѣлою толпою лучшихъ художниковъ. Ему предстояло начать работу съ такъ называемой залы совѣта „Sala de la Segnatura“, и онъ принялся прежде всего за фрески, въ которыхъ хотѣлъ изобразить тѣ четыре могучія силы, которыя всегда управляли дѣйствіями человѣческаго духа: „Богословіе, Философію, Пoesію и Право“. И эти неясныя, абстрактныя понятія подъ его кистью явились во всей прелесть жизни, во всемъ блескѣ реальности. Богословіе у Рафаэля воплотилось въ громадной картинѣ „Пренія о Св. Причастіи“, гдѣ представленъ цѣлый сонмъ знаменитыхъ отцовъ церкви. Философія въ ея лучшихъ представителяхъ изображена въ такъ называемой „Афинской школѣ“, Пoesія — это художники и поэты собравшіеся на парнасѣ подъ предводительствомъ самого Аполлона и наконецъ Право изображено въ лицѣ Юстиніана, дающаго законодательныя свои декреты. Въ 1511 г. весь этотъ рядъ громадныхъ картинъ, не считая мелкихъ, служившихъ имъ какъ-бы орнаментами, былъ окончательно готовъ. Папа при первомъ же взглядѣ на работы Рафаэля оцѣнилъ ихъ какъ образованія, гениальныя произведенія; онъ тотчасъ-же приказалъ уничтожить въ залахъ всѣ работы другихъ художниковъ, чтобы замѣнить ихъ картинами Рафаэля, и даже сбить со стѣнъ рисунки Антонія Верчелли, висѣвшіе выше, чтобы они не портили собою общее впечатлѣніе. Кромѣ того папа, въ знакъ своего уваженія къ гениальному артисту, приказалъ ему расписать и вторую залу и кромѣ того позволилъ снять съ него портретъ. Рафаэль исполнилъ послѣдній такъ живо и натурально, что, по рассказамъ современниковъ, при взглядѣ на портретъ многіе дрожали отъ страха какъ при взглядѣ на могущественный и суровый подлинникъ.

Помѣщена въ этомъ № и копія картины Рафаэля т. н. Мадонна д'Альба, знаменитая картина купленная въ 1836 г. для Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ за 14 т. ф. ст. по курсу до 10,000 рублей.

Второй рядъ стѣнныхъ картинъ Ватикана, исполненный Рафаэлемъ въ періодъ отъ 1512 до 1514 года, былъ именно замѣчательнъ по богатству фантазіи и мастерству выполненія. Это были, теперь всемірно извѣстныя по гравюрамъ и копіямъ, „Иагнаніе Геліодора изъ храма“, „Чудо во время мессы въ Больсепѣ“, „Атилла въ Римѣ“ и „Освобожденіе Ап. Петра изъ темницы“.

Талантъ Рафаэля былъ теперь въ полномъ развитіи и онъ даже приобрѣлъ новыя, неприсущія ему прежде качества; въ немъ проявилась какая-то возвышенность и благородство, которыя, какъ предполагаютъ Вазари, онъ заимствовалъ у своего гениальнаго современника Микель Анджело, скрытно постижая съ Браманте Сикстинскую капеллу, когда суровый и гордый художникъ, поссорившись съ папой, долженъ былъ бѣжать во Флоренцію. Впрочемъ благородства и возвышенности своей кисти Рафаэль могъ добиться и другимъ путемъ: постояннымъ изученіемъ антиковъ, а также громаднымъ, столь ему свойственнымъ трудолюбіемъ. Работая постоянно онъ успѣвалъ не только выполнять въ короткое время самыя громадныя и разнообразныя заказы, но и учиться искусству серьезно и основательно. Только одна любовь отрывала его иногда отъ занятій, и эта любовь, глубокая и сильная, ставшая предметомъ многихъ легендъ и разсказовъ, не можетъ быть пройдена молчаніемъ. Предметомъ ея была простая дѣвушка, которая въ народномъ преданіи названа булочницей (La Fornarina). Художникъ сошелся съ ней вскорѣ по прибытіи въ Римъ, и эта черноглазая, съ сильно развитыми формами, чисто римская красавица вполне овладѣла его сердцемъ, и даже самыя блестящія партіи, въ родѣ племянницы кардинала Бабіены, не могли поколебать привязанности Рафаэля къ его простой, наивной Форнаринѣ, которой присутствіе и ласки часто спасали его отъ апатій и лѣни. Такъ когда богатый римскій банкиръ Гиги поручилъ Рафаэлю расписывать свою виллу, то онъ нарочно пригласилъ Форнарину присутствовать при работахъ, и великій художникъ дѣятельно трудился тогда съ удвоенной энергіей и вскорѣ окончилъ всю живопись. Въ Римѣ Рафаэль велъ роскошную жизнь принца; построилъ себѣ великолѣпное палаццо и постоянно былъ окруженъ толпою благоговѣвшихъ передъ нимъ художниковъ; даже когда онъ выходилъ на работу, то и тогда громадная свита молодежи не оставляла его и слѣдовала за нимъ по улицамъ. Слава, почетъ, богатство — все пришло къ Рафаэлю разомъ. Папа глубоко уважалъ его и высоко цѣнилъ его гениальность; римская знать подобострастно за нимъ ухаживала, а старыя художники, затанувъ злобу, должны были противъ воли признавать превосходство своего юнаго собрата по искусству, и одинъ изъ нихъ Франческо Райболлини, какъ говорятъ, умеръ даже отъ зависти къ славѣ и таланту Рафаэля. Даже за предѣлами Италіи имя Рафаэля пользовалось почетомъ между художниками, и самъ даже Альбертъ Дюреръ велъ переписку съ гениальнымъ итальянцемъ и даже прислалъ ему портретъ, писанный гуашью.

Въ послѣдніе годы царствованія папы Юлія II, Рафаэль кромѣ другихъ картинъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, написалъ для монастыря Монте-Оливато въ Палермо „Несеніе креста“, образцовое произведеніе, имѣвшее довольно странную судьбу. Корабль, который везъ его въ Палермо, былъ застигнутъ страшной бурей и погубъ со всѣмъ своимъ экипажемъ. Картина, замкнутая въ ящикѣ, долго носилась по волнамъ, пока не пристала къ берегамъ Генуи. Здѣсь ее вытащили рыбаки и нашли совершенно неповрежденной, но долго еще палермскіе монахи не могли получить ее, пока внимательство папы не помогло имъ снова добыть свою драгоценную собственность. Папа Юлій II не дожилъ до осуществленія всѣхъ своихъ грандіозныхъ художественныхъ проектовъ, но къ счастью послѣдніе не погибли, такъ какъ преемникъ его, Левъ X, былъ также страстный любитель всего изящнаго и не надѣлился издержекъ, когда дѣло шло объ искусствѣ, блескѣ и роскоши. Рафаэль также сдѣлался вскорѣ его любимцемъ и по смерти Браманте папа назначилъ его даже главнымъ распорядителемъ работъ по собору св. Петра. Но и при этой трудной обязанности, гениальный художникъ все таки находилъ еще время украшать Ватиканъ своими художественными работами; составляя ихъ планъ, самъ дѣлая первоначальный рисунокъ и поручая своимъ многочисленнымъ ученикамъ лишь дорисовывать имъ начатое. Такъ возникли въ Ватиканѣ его извѣстныя историческія композиціи: „Морская побѣда христіанъ надъ сарацинами въ гавани Остинъ“, „Пожаръ въ Борго (часть Рима), остановленный благословеніемъ папы“, „Коронованіе Карла Великаго“ и „Пораженіе язычества христіанствомъ въ лицѣ Константина“. Всѣ эти картины, кромѣ своего историческаго интереса, представляли еще ту особенность, что въ нихъ Рафаэль представилъ подъ видомъ различныхъ знаменитостей всемірной; исторіи своихъ современниковъ: папу и его приближенныхъ. Кромѣ живописи въ залахъ, Рафаэль украсилъ своими фантастическими рисунками, въ строго античномъ вкусѣ лестницы и галереи Ватикана, такъ называемыя Loggia. Въ этихъ пестрыхъ, почти мнѣиатурныхъ орнаментахъ видны самыя замысловатыя фигуры многочисленныхъ животныхъ, плодовъ и расте-

пий, писанныя большею частью его талантливым ученикомъ Иоанномъ Удинскимъ. Кромѣ Ватикана Рафаэль въ тоже время расписывалъ палатцо Гичи и создалъ здѣсь свою знаменитую фреску „Триумфъ Галатеи“, въ которой богиня изображена идущею на дельфинахъ и окруженною тритонами, nereидами и амурами, а также нарисовалъ цѣлый рядъ сценъ, взявъ сюжетомъ для нихъ любовныя приключенія Психеи и Амура. Но всѣ эти граціозныя, шутивыя произведенія не мѣшали ему порой изъ чисто языческаго міра подняться на высоту христіанской идеи и неподражаемо изобразить божественный ликъ Богоматери и предвѣчнаго младенца. Въ эту эпоху Мадонна Рафаэля приняла болѣе строгій, величественный характеръ, напоминающій собою типъ римлянокъ, а на заднемъ фонѣ его картины чаще всего стали появляться виды Кампаньи съ ея живописными развалинами. Тогда-то явились знаменитыя Мадонны Рафаэля: Мадонны Лоретская, дельла Седія, ди-Фулинья, дель Пенче. Кромѣ того въ 1513 году Рафаэль написалъ для Болоньи большой запрестольный образъ „Святая Сесилія окруженная святыми“ и другой малаго размѣра „Видѣніе Іезекіиля“ (см. стр. 300), котораго „видѣнія“ и пророчества вдохновили художника. Здѣсь уже видно вліяніе Микель-Анджело—мощныхъ и граціозныхъ фигуръ его апостоловъ и пророковъ Сикстинской капеллы. Въ послѣднія шесть лѣтъ жизни Рафаэль большею частью писалъ своихъ Мадоннъ уже не одинокихъ, но окруженными группами святыхъ и всѣми членами Святаго Семейства св. Іосифомъ, Иоанномъ, Елизаветой. Этими же характеромъ отличается и гениальное произведеніе Рафаэля этой эпохи „Мадонна Сикстинская“, копія съ которой помѣщена въ этомъ №, составляющая до нынѣ безцѣнное украшеніе Дрезденской галлерей. Здѣсь Богоматерь съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ паритъ въ облакахъ, окруженная сіяніемъ; внизу же созерцаютъ безмолвно и благоговѣнно ея славу св. Сикстъ и св. Варвара. По отзыву всѣхъ знатоковъ, Сикстинская Мадонна—предѣлъ искусства, та конечная грань, которой можетъ когда либо достигнуть художникъ. Но у Рафаэля творчество не требовало особыхъ усилій, и создавъ быстро, легко, безъ всякихъ даже этюдовъ, Сикстинскую Мадонну, онъ тотчасъ же приступилъ къ другимъ работамъ, неподражаемо написалъ „Несеніе креста“ и „Вѣнчаніе Богоматери“—и кромѣ того мастерски выполнилъ цѣлый рядъ портретовъ: папъ Юлія II и Льва X, кардинала Бабіенъ, Ингирамо, Кастильона и Иоанны Аррагонской. Кромѣ того въ 1515 и 1516 годахъ, Рафаэль по заказу папы занимался композиціей картоновъ для одиннадцати громадныхъ стѣнныхъ ковровъ, предназначенныхъ для Сикстинской капеллы. Эти ковры были заказаны во Фландріи и одинъ ихъ экземпляръ уцѣлѣлъ въ Римѣ, а другой въ Берлинѣ. Картоны же Рафаэля совершенно случайно отысканы въ Брюсселѣ Рубенсомъ, попали потомъ въ Англію и теперь составляютъ собственность Кенсингтонскаго музея. Содержаніе этихъ картоновъ строго классическаго рисунка, взято исключительно изъ священнаго писанія. Здѣсь въ яркихъ жизненныхъ картинахъ вы видите „Чудную ловлю рыбы“, „Врученіе ключей Петру“, „Исцѣленіе хромого“, „Смерть Ананія“, „Обращеніе Павла“, „Павелъ въ темницѣ“, „Жертвоприношеніе въ Листрѣ“, „Проповѣдь въ Аеняхъ“, „Побѣдныя камнями Стефана“ и „Вѣнчаніе Богоматери“.

Послѣднимъ, предсмертнымъ произведеніемъ Рафаэля—было его знаменитое „Преображеніе“. Сцена происходитъ на горѣ Фаворѣ; внизу у ея подошвы, среди группы учениковъ Спасителя, стоитъ мальчикъ, одержимый бѣсомъ, и они сострадательно не смотря на страшныя конвульсіи и бѣшенныя движенія несчастнаго. Верхняя часть покрыта облаками, отблѣгающими такимъ образомъ земное зрѣлище отъ небснаго; надъ облаками въ блескѣ и славѣ паритъ фигура Спасителя; по бокамъ его Моисей и Ілья, а внизу видны распростертыя на землю ученики, съ трепетомъ созерцающіе преображеніе своего божественнаго учителя.

Картина была едва окончена, когда смерть поразила Рафаэля.

Онъ скончался въ мартѣ 1520 года, 37 лѣтъ отъ роду, отъ воспаления легкихъ, болѣзни очень частой и опасной въ Итали въ весеннее время года. Тѣло умершаго было положено въ той самой залѣ Ватикана, гдѣ онъ имѣлъ привычку работать. Сзади его головы стояла его послѣдняя картина „Преображеніе“, во всемъ блескѣ чуднаго, неподражаемаго искусства. Сосѣдство этого произведенія, полного жизни, говоритъ Вазери, съ холоднымъ, безжизненнымъ трупомъ великаго художника, наполняя всѣ сердца страшную, глубокою скорбью; плакалъ папа, плакало все населеніе Рима. Рафаэля похоронили въ Пантеонѣ, согласно его желанію; эпитафію написалъ знаменитый Бембо, но эти напыщенные латинскіе стихи слишкомъ жалки и ничтожны для такого великаго, необъятнаго гевія, какимъ былъ Рафаэль. Память объ немъ жива до сихъ поръ въ Римѣ и помимо велерѣчивой эпитафіи; множество драгоценныхъ произведеній увѣковѣчиваютъ его здѣсь и даютъ ему безсмертіе, и не только здѣсь, но даже въ другихъ уголкахъ Итали, какъ напримѣръ въ Урбино, его родицѣ, память о Рафаэлѣ благоговѣнно сохраняется народомъ.

Урбино—это маленькій городокъ среди пустынной, дикой мѣстности, такъ какъ неподалеку отсюда уже начинаются скалистые уступы Абрुцкихъ горъ. Городъ расположенъ амфи-театромъ на крутой и одинокой скалѣ и его контуры очень красиво выдѣляются среди садовыхъ роцъ, охватывающихъ его со всѣхъ сторонъ своимъ зеленымъ пологомъ, какъ и видно на нашемъ рисункѣ на стр. 301. Надъ всѣмъ городомъ какъ бы господствуетъ старинный, суровый замокъ съ двумя остро-конечными башнями, а далѣе величественно поднимаются къ небу колокольня и куполь собора. На одной изъ пустынныхъ улицъ (Contrada del monte) возвышается мрачный, неприглядный домъ—мѣсторожденіе Рафаэля. Этотъ домъ былъ построенъ еще дѣдомъ великаго художника, а теперь составляетъ достояніе такъ называемаго Рафаэлевскаго общества, имѣющаго своей задачей благоговѣнно хранить все, что напоминаетъ о Рафаэлѣ. На наружной стѣнѣ дома, надъ окномъ видна латинская надпись, начертанная въ 1635 году однимъ изъ прежнихъ владельцевъ дома, архитекторомъ Муцио Одди, имѣющая тотъ смыслъ, что истинная величіе можетъ зародиться въ самомъ ничтожествѣ и что потому нечего удивляться, что великій Рафаэль родился въ такомъ плохомъ, невзрачномъ домишкѣ. Вотъ эта надпись въ подлинникѣ:

Nunquam moriturus exiguis hisce in aedibus
Eximius ille pictor Raphael natus est 6 Apr. 1483.
Venerare igitur hospes nomen et genium loci.
Ne mirere!
Ludit in humanis divina potentia rebus
Et saepe in parvis claudere magna solet.

Небольшая комната въ верхнемъ этажѣ, съ однимъ окномъ и сводчатымъ потолкомъ—это и есть то помѣщеніе, гдѣ впервые Рафаэль увидѣлъ свѣтъ. Убранство комнаты очень скромное; въ углубленіяхъ сводовъ висятъ лавровые вѣтки съ широкими бантами—приношенія итальянскихъ университетовъ и различныхъ корпорацій; на стѣнахъ развѣшены фотографіи и гравюры съ произведеній Рафаэля. Оригинальной картины великаго художника здѣсь нѣтъ ни одной; небольшое изображеніе Мадонны, помѣщенное тутъ же на стѣнѣ, приписывалось прежде Рафаэлю, но теперь доказано, что это произведеніе его отца, Джіовани Санціо, который въ чертахъ Богоматери, какъ говоритъ преданіе, изобразилъ портретъ своей жены, а въ чертахъ Иисуса портретъ своего дорогаго Рафаэля. Граждане Урбино, какъ могли, почтили память своего знаменитаго земляка; именемъ Рафаэля они назвали улицу и небольшой свой театръ, а теперь готовятся къ открытію памятника въ честь великаго художника. Да оно и понятно: лишь Рафаэль Санціо составляетъ единственную гордость малеькаго, уединеннаго Урбино, и если сюда когда нибудь явятся туристы, то конечно привлекутся къ этому магическимъ, безсмертнымъ имени.

Въ цвѣтахъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Лебедева (Морскаго).

(Продолженіе).

VI.

Добрая бабушка умерла, отпѣла свою несложную жизненную пѣсенку, но сколько своею смертию внесла измѣненій въ жизнь Михаила Петровича, что ужъ конечно и не подозрѣвала, какъ не подозрѣвалъ ихъ и Михаилъ Петровичъ. Чувала ихъ только „дѣвчья“ и она-то и высказалась Михаилу Петровичу въ этомъ направленіи. Именно: „собравъ“ покойницу, омывъ и одѣвъ ее, положивъ въ залѣ, Дарья и ключница присѣли въ столовой отдохнуть и на досугѣ всплакнули по усоп-

шей: славная, дескать, женщина была. Оно точно: барыня безъ собственной воли, которой не обладала, жила разумомъ Михаила Петровича, но за то полезная тѣмъ, что „старшинствомъ своимъ“ все же его защищала. Онъ хозяинъ, его разумъ правилъ, а не ея, но все же она, какъ ближайшая сродственница и человѣкъ въ лѣтахъ, передъ закономъ единственной руководительницей сироты внука состояла. А теперь что?.. Михаилъ Петровичъ, задумчивый и печальный, вошелъ въ столовую и при видѣ его сиротства и одиночества Дарья не удержалась и вздохнула, обративъ этимъ на себя вниманіе

Сикстинская Мадонна Рафаэля. Съ fotogr. грав. Ангереръ и Готель.

барина. Михаилъ Петровичъ поднялъ опущенную голову и спросилъ:

— Что это вы?

Дарья пояснила свой вздохъ:

— Васъ, батюшка, жалѣючи вздохнула. За бабинькой жили, какъ за стѣной: покойница, не властвуя ни надъ чѣмъ, отъ всякихъ напастей васъ защищала...

Онъ былъ разстроены смертью доброй бабушки, но невольно улыбнулся той очевидной несправедливости, которая высказалась въ словахъ Дарьи... О, люди! всѣ вы таковы, какъ эта Дарья... Живъ человекъ и нехорошъ, и глупъ, и безхарактеренъ, а умеръ такъ видно по пословицѣ, (Михаилъ Петровичъ ужъ просвѣтился въ пансионѣ Девриента латыни)—*de mortuis aut bene, aut nihil...* Онъ умеръ *сегодня*, но вспомните, что вы говорили *вчера*?.. Желалъ бы Михаилъ Петровичъ видѣть, какъ это, добрая, но безхарактерная бабушка, могла защитить его отъ какихъ либо напастей! И онъ внушилъ Дарьѣ:

— Бабушку жаль не потому, что она защищала меня отъ чего нибудь... И могла-ли она защитить отъ чего?.. Какой вздоръ: милая старушка была совершенно на это не способна... *Меня тутъ жалѣть не причесть...*

Тогда Дарья воскликнула:

— Какъ не при чемъ, батюшка?.. За бабушкой, что за стѣной жили: теперь не дадутъ вамъ жить по своей волѣ...

— Кто же это можетъ сдѣлать?

— Правительство;—(Дарья не умѣла выразиться специально): вотъ кто! Назначать вамъ замѣсто бабушки другаго опекуна...

Виѣшалась ключница:

— Опекуншу, какого опекуна!.. Тетеньку Настурцію, кого крокъ-то...

Михаилъ Петровичъ слушалъ. Тетеньку Настурцію! вотъ какъ... Онъ отлично помнилъ эту особу, въ дѣйствительности не Настурцію, а Настасью Михайловну Перелетову, родную сестру его отца, когда-то посѣщавшую ихъ домъ, но изъ за чего-то поссорившуюся со своей матерью, покойною Анной Ивановной и прекратившую вслѣдствіе этого свои посѣщенія. Перелетова была вдова, имѣла двухъ дочерей, Сашеньку и Катеньку, одну четырнадцати, другую шестнадцати лѣтъ, отъ мужа получила небольшое состояніе и все свое вдовство только и знала, что съ обѣими дочками разъѣзжала по родственникамъ мужа, гостя, то у того, то другаго... Однажды, когда Перелетова пріѣхала къ матери, то послѣдняя, совсѣмъ даже не думая, назвала ее какъ бы ни съ того, ни съ сего „Настурціей“. Перелетова спросила:

— Съ чего это вы, маменька, такъ?

— Да ни съ чего: взяла, да и назвала.

Такъ названіе и осталось: тетенька Настурція, — и было даже, какъ объяснила потомъ Анна Ивановна, довольно кстати. Если обстоятельство вдовства и желаніе не растратить оставшейся послѣ мужа капиталъ не только заставили Настасью Михайловну переѣзжать отъ родственника къ родственнику, но даже согласовались съ ея фамиліей Перелетовой, то физиономія Настасьи Михайловны очень походила на желто-оранжевую настурцію. Настасья Михайловна была дурна, какъ смертный грѣхъ, худа, морщиниста и не только желта, но съ какими-то оранжево-красными пятнами на щекахъ вмѣсто румянца. При этомъ дама эта нещадно ломалась, растягивала слова, говорила громко и отличалась какой-то невообразимой опытностью, все умѣла и все знала, всюду совалась съ совѣтомъ и указаніемъ, за что ее и не долюбивала Анна Ивановна, совершенно подчинившаяся въ то же самое время волѣ малолѣтняго внука, но не терпѣвшая совѣтовъ дочери, отчего между ними и произошла ссора.

Такова была тетенька Настурція, о которой теперь,

по смерти Анны Ивановны, вспомнили не съ особеннымъ удовольствіемъ. Сообразили все, какъ должно: кому же, какъ не тетенькѣ Настурціи замѣнить было Анну Ивановну въ опекѣ надъ Михаиломъ Петровичемъ? ближе ее не было никого: это разъ. Тетенька Настурція опекунша! но что это значить? Это значить, что она нагрянетъ съ Сашенькой и Катенькой, всѣ три поселятся тутъ же съ Михаиломъ Петровичемъ и ужъ конечно не дадутъ ему жить по своей волѣ, заведутъ новые порядки, *свои*... Каково это? Имъ это на руку: не больно приятно таскаться изъ дома въ домъ, а тутъ, при Михаилѣ Петровичѣ лѣтъ шесть, а гляди и больше, пожить на даровыхъ хлѣбахъ можно... Шестъ лѣтъ! Въ это время своихъ дочерей Настасья Михайловна можетъ успѣть замужъ повывасть, одна останется—глядяшь такимъ бѣсомъ мелкимъ прикинется, какъ Михаилу Петровичу года выйдутъ, такъ-то его обведетъ, что онъ и до смерти ей комнатку въ домѣ оставитъ, а можетъ пенсіонъ даже какой положить... Не житье намъ, дѣвушки! заключила свои разсужденія Дарья и прибавила:

— Царство небесное покойницѣ Аннѣ Ивановнѣ: за ней, какъ за каменной стѣной жили!..

Михаилъ Петровичъ, впервые смолкнувъ передъ неопровержимыми доводами Дарьи и ключницы, въ молчаніи удалился въ свою комнату.

VII.

Дни проходили за днями: бабушку схоронили, помянули и снѣжная мятель нанесла сугробъ почти вровень съ перекладной креста, поставленнаго надъ ея могилой, а о тетенькѣ Настурціи не было ни слуху, ни духу. Въ домѣ все шло заведеннымъ порядкомъ: по прежнему хозяйничалъ Михаилъ Петровичъ, прислуга пребывала на своихъ мѣстахъ, Агъ росла и совершенствовалась въ краснорѣчіи, только бабушки не было, опустѣло ея мѣсто за большимъ столомъ, гдѣ она по праздникамъ, въ длинные зимніе вечера, рѣзалась съ Михаиломъ Петровичемъ въ „мельники“ и „дураки“. Первое время было тоскливо и скучно, какъ бы все въ домѣ притихло, но потомъ мало по малу свыклись съ положеніемъ вещей и примирились съ смертью бабушки. Деньги велись еще взятые изъ сиротскаго суда покойною Анной Ивановной, а о томъ что будетъ, какъ распорядится судъ, какъ-то перестали думать и за обыкновенными занятіями какъ бы даже объ этомъ позабыли. Очевидно было, что госпожа Перелетова не являлась до сихъ поръ потому, что по своему обычаю отсутствовала изъ города, *перелетая* отъ родственника къ родственнику, изъ одного уѣзда въ другой, можетъ до сихъ поръ еще ничего не зная о кончинѣ матери и объ открывающейся отсюда ей заманчивой перспективѣ привольнаго и осѣдлаго житья.

Но она явилась, и хотя этого должны были ожидать, но всетаки ея пріѣздъ вышелъ неожиданнымъ и какъ громомъ поразилъ всѣхъ. Случилось это въ отсутствіе Михаила Петровича и онъ узналъ о прибытіи тетеньки по возвращеніи изъ классовъ. Его сердце забилося недобримъ предчувствіемъ, какъ только онъ вошелъ во дворъ своего дома и замѣтилъ слѣды полозьевъ по снѣгу, поворотомъ идущіе къ крыльцу. По ступенямъ валялась солома, дверь въ переднюю оказалась незапертою. Положительно, положительно тетенька Настурція пріѣхала!.. Онъ съ поблѣднѣвшимъ личикомъ отворилъ дверь: да! она здѣсь... Длинная, какъ шесть, съ наклоненной внизъ головой, дѣвочка съ некрасивымъ лицомъ, выглянула изъ дверей залы, какъ-то закувыркалась головой, причесть ея двѣ косы заболтались и запрыгали, и выглянувъ, скрылась обратно за двери: это Катенька... Никто изъ прислуги не шелъ ему по обыкновенію на встрѣчу; съ примѣрнымъ порядкомъ содержимая передняя являла изъ себя какой-то невообразимый кавардакъ: тутъ очевидно

не только наставили чемоданы и наложили кульки. тут происходила радикальная ломка, перетаскивание и перестановка. Новые хозяева входили в домъ и устраивались по своему! Михаилъ Петровичъ стоялъ въ какомъ-то оцѣненіи, не снимая съ себя мѣховой шубки и набитого ранца... Вдругъ что-то вскрикнуло въ его душѣ: кровать Акъ, эта бѣлоспѣшная кровать, на которой подъ прозрачнымъ кисейнымъ пологомъ столько почей почивала ангельскимъ сномъ его милая малютка — вынесена, стоитъ тутъ же въ этой массѣ нагроможденной мебели, среди этихъ старыхъ, истасканныхъ чемодановъ и различныхъ кулковъ! Значитъ новыми хозяевами Акъ изгнана изъ свѣтленькой комнатки, которую онъ, дѣйствительный хозяинъ этого дома, отвелъ ей... О, онъ все бы простилъ, все бы перенесъ, но не это!.. Гдѣ-жъ малютка однако?..

Онъ сбросилъ пальто и ранецъ на полъ и не входя въ залъ, гдѣ предполагалъ встрѣтить тетеньку Настурцію, Сашеньку и Катеньку, вошелъ въ столовую. Тутъ на столѣ видны были слѣды завтрака: стояли тарелки съ обѣдами и обглоданными костями. Но столовая оказалась пуста, а также и дѣвчья, въ которую онъ вошелъ затѣмъ. Михаилъ Петровичъ уже думалъ сходить въ кухню и разузнать тамъ все подробности, когда изъ-за лежанки, между которою и одной изъ стѣнъ былъ маленькій промежуточекъ, онъ услышалъ боязливый шопотъ:

— Мисъ.

Это значило „Миша“. Онъ бросился къ этому уголку, гдѣ и увидѣлъ вѣроятно спрятавшуюся отъ неизвѣстныхъ людей Акъ, смиренно сидящую на скамеечкѣ, въ своемъ черномъ ситцевомъ съ бѣлымъ горошкомъ платьицѣ и съ мягкими подошвами башмачками поверхъ черныхъ же чулочковъ. Акъ казалась сильно испуганною, даже при видѣ своего покровителя не рѣшалась заговорить вслухъ, но зашептала съ ужасомъ поводя глазами по направленію къ залу:

— Бука... тетья—бука.

— Не бойся, милочка.

Михаилъ Петровичъ взялъ ее на руки и внесъ въ столовую. Тутъ попалась ему несшаяся съ какой-то юбкой горничная и онъ гнѣвно накинудся на нее, хотя она ни въ чемъ не была повинна:

— Что у насъ за безпорядокъ?.. Гдѣ наши комнаты?.. Что здѣсь дѣлается наконецъ?..

Его непривычный, гнѣвный видъ, смутилъ повидному не только горничную, но удивилъ и маленькую Акъ. Последняя, забывъ о недавнемъ горѣ и страхѣ, все продолжая сидѣть на рукахъ своего маленькаго покровителя, отстранилась отъ него и разсматривала его покраснѣвшее отъ гнѣва лицо широко раскрытыми, удивленными глазками, выказала благоразуміе не по лѣтамъ, Она какъ бы поняла его гнѣвъ и обнаружила въ силу невѣдомыхъ соображеній попытку остановить и утишить его. Крохотною ладонью правой ручки, она гладила Михаила Петровича по щекамъ и шептала его имя съ укоризной:

— Мисъ, Мисъ!..

Ему стало чего-то совѣстно и онъ, избѣгая встрѣчаться глазами съ чистымъ взглядомъ маленькой Акъ, обращаясь къ растерявшейся горничной, понизилъ тонъ:

— Почему ее,—онъ указалъ глазами на Акъ,—держатъ въ передней?..

Горничная приблизилась къ Михаилу Петровичу, оглянулась, нѣтъ ли кого по близости лишняго, и зашептала:

— Говорятъ, что ея мѣсто въ передней!..

Этотъ тонъ кажется наэлектризовалъ Михаила Петровича, поднялъ въ его душѣ все спавшіе до сихъ поръ непробуднымъ сномъ порывы гнѣва, пробѣжалъ какимъ то холодомъ по спинѣ и ударилъ ему въ голову. Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и его кроткіе глаза какъ-то покраснѣли, получили почти моментально воспаленный

видъ. Въ нихъ сверкнулъ огонекъ и, ударивъ свободною рукой по столу, Михаилъ Петровичъ крикнулъ на слова горничной:

— Кто это говорить?

Горничная чуть-чуть прошептала въ отвѣтъ:

— Тетенька-съ!..

— Такъ скажите вы ей, что не этой крошкѣ мѣсто въ передней, а ей, вашей тетенькѣ Настурціи!.. Такъ и доложите ей!.. слышите?..

Онъ понялъ, что произошло что-то особенное. Горничная при его послѣднемъ окрикѣ какъ-то засуетилась, припила такой озабоченный видъ и стала ни съ того, ни съ сего, бросивъ находившуюся въ ея рукахъ юбку, убирать тарелки со стола!.. Маленькая Акъ вдругъ схватила рученками шею своего покровителя и, упавъ личкомъ къ нему на грудь, въ какомъ-то ужасѣ, прижалась, точно ища защиты отъ нападенія!.. Все еще блѣдный и дрожащій отъ гнѣва, Михаилъ Петровичъ оглянулся вокругъ!.. Въ дверяхъ столовой стояла тетенька Настурція!..

VIII.

Она была въ траурѣ, но не безъ прикрасъ, съ черными креповыми фрезами около шеи и у концовъ узкихъ рукавовъ. Прошли года, но на ней оставили мало слѣдовъ. Попрежнему она была худа и морщиниста, попрежнему отбѣлки оранжевой настурціи окрашивали ея щеки, попрежнему дрожали ея костлявыя, жесткія руки!.. Также ея глаза останавливались на всемъ, какъ бы мимоходомъ, скользили какимъ-то холоднымъ лучемъ по лицу того, съ кѣмъ она видѣлась и говорила, на самый короткій мигъ встрѣчаясь съ нимъ взглядомъ, видимо избѣгая этого. Тетенька Настурція отлично слышала гнѣвный возгласъ своего племянника, но не показавъ виду, шла къ нему, самымъ любезнымъ образомъ протягивая обѣ руки и сопровождая этотъ жестъ какой-то торопливой улыбкой.

— Здравствуй, Михаилъ Петровичъ. Довелось увидѣться, другъ мой.

Ея манера говорить была довольно оригинальна. Во первыхъ—она растягивала слова, обостряла или округляла многія буквы черезъ мѣру, а главное, въ большихъ періодахъ все пояснительныя предложенія произносила, какъ бы въ скобкахъ, съ пониженіемъ голоса и торопливою ускоренностью. Такое своеобразие въ разговорѣ придавало послѣднему за разъ—и что-то шутовское и что-то мошенническое, какъ бы стремящееся нѣсколько сбить съ толку, запутать и провести своего собесѣдника.—Приблизившись къ племяннику, Настурція, глядя куда-то поверхъ его головы, своими дрожащими руками охватила эту послѣднюю и запечатлѣла на лбу Михаила Петровича родственный поцѣлуй:

— Какъ поживаешь, другъ мой?

Онъ растерялся, застигнутый этимъ поцѣлуемъ въ распахъ. Его гнѣва, его недавняго энергическаго отпора на распоряженія тетки, не осталось и слѣда. Дѣтскіе годы, непривычка борьбы съ мало знакомымъ лицомъ, вторгающимся совершенно произвольно, помимо его желанія и воли, въ область самыхъ нѣжныхъ и симпатій,—взяли свое. Какая-то робость и смущеніе овладѣли всѣмъ его существомъ, смѣнивъ гнѣвъ, сознание неприкосновенности его воли и ненарушимости его распоряженій съ чьей-либо стороны,—чувствами совершенно противоположнаго характера. Его поблѣднѣвшее личико мгновенно залилось краской, а сознание слабости въ борьбѣ съ врагомъ, стыда передъ этой прижавшейся къ нему Акъ, передъ этой только что съ гнѣвомъ опрошенной горничной, вызвали на его глазахъ слезы!.. Онъ какъ-то торопливо спустилъ съ своихъ колѣнъ Акъ и въ крайнемъ смущеніи всталъ передъ теткой, улыбаясь и потирая рукою объ руку.

— Какъ вы доѣхали, тетенька?

Она скользнула своим холодным взглядом по его смущенному личику, скользнула по изумленной Акъ, оставленной своим покровителем и устремив взгляд куда-то въ окно, стоя предъ племянникомъ, съ непокидающей ея безцвѣтныхъ губъ улыбкой, заговорила:

— Мы отъ дяденьки Михаила Прокофьевича... помнишь? Сашинъ крестный папа... Тамъ и объ маменькиной кончинѣ узнала, да скоро-ли оттуда выберешься: трауръ шьютъ, погодите, да погодите,—дяденька-то Сашу любить, почти какъ дочь она у него,—ну вотъ и догодили... Тутъ распутица пошла, стали ждать, какъ дорога установится. То, да другое, да третье—и вотъ мы здѣсь...

Она опять мимолетно скользнула по лицу племянника, но взглядомъ своихъ блѣдныхъ глазъ не загля на этотъ разъ какъ-то сумрачно насупившюся на Михаила Петровича Акъ. Тетенька вдругъ какъ бы вспомнила:

— Ты не видался съ кузинами?.. и не дожидаясь отвѣта со стороны племянника, крикнула: Саша! Катенька! подите сюда...

Катенька, усѣвшая нѣсколько приодѣться въ недоходящее до полу черное платье, длинная и несуразная, сходная съ матерью, но безъ оранжеваго отбѣнка, вошла съ какой-то насильственной улыбкой и нѣкоторой робостью, но своему обычаю съ наклоненной внизъ головой и болтающимися за плечами бѣлобрысыми косами. Она неловко присѣла братцу и, смотря изподлобья своими бойкими глазами, привѣтствовала его:

— Здравствуйте, братецъ.

Сашенька появилась не сразу на зовъ матери и вошла совершенно непринужденно. Она держала себя уже взрослой дѣвицей, одѣта была въ платье съ треномъ и окаймленная густой фрезой траурнаго крена, отлично отбѣняющая ея свѣжій румянецъ, напоминала расцвѣтъ пышной розы. Сашенька пользовалась особенною благосклонностью мамы за свою милость. Она была миниатюрна, довольно стройна и если не отличалась красотой, то, благодаря своимъ довольно густымъ, рыжевато-золотистымъ волосамъ, окаймляющимъ ея лобъ колечками и густо-розовому румянцу при вздернутомъ носикѣ—казалась очень миленькой... При этомъ Сашенька слегка косила, но скрывала свою косину постояннымъ прищуриваньемъ глазъ и часто подносимымъ къ нимъ, въ большинствѣ случаевъ безъ всякой надобности, золотымъ, складнымъ лорнетомъ, благодаря которому нѣтъ-то оставалась тайною для многихъ ея косина, но и зеленовато-сѣрый цвѣтъ глазъ.

Сашенька подошла къ кузену бойко, держа лорнетъ у глазъ,—что показалось Михаилу Петровичу очень изящнымъ,—пожала ему руку и улыбнулась самымъ непринужденнымъ образомъ:

— Bonjour, cousin.

Положительно это была свѣтская особа и очень бойкая!.. Она повидимому держала себя съ матерью довольно самостоятельно, какъ взрослая, не такъ, какъ Катенька. Привѣтствовавъ кузена на французскомъ диалектѣ, она безцеремонно, разглядывая его въ лорнетъ, тутъ же въ его присутствіи, нисколько этимъ не стѣняясь, высказала, обращаясь къ матери, свое мнѣніе о немъ:

— Mais il est ravissant, maman... Tiens, ce n'est pas un bébé, un *placca*, c'est un vrai adolescent...

И обращаясь къ нему по русски:

— Почему-то я представляла васъ крошечнымъ, а вы...

Она досказала кокетливой улыбкой самаго очаровательнаго свойства и взглядомъ, какъ бы сказавшимъ Михаилу Петровичу, что вонъ онъ какой, не крошечный,—мальчикъ конечно, но ужъ и не такъ, чтобы очень мальчикъ... Онъ поцунцовѣлъ и стоялъ передъ этой кокетливой особой въ необычайно пріятномъ смущеніи. Мать и дочь обмѣнялись загадочными улыбками... И поправляя колечко волосъ на лбу:

— Однако что-же мы стоимъ здѣсь? спохватилась Сашенька.—пойдемте, cousin, въ гостиную... Если вы любите музыку, я вамъ съиграю и даже пожалуй спою...

Тогда всѣ двинулись изъ столовой въ гостиную, гдѣ со времени кончины Михаилъ Петровичево матери, сохранился рояль Вирта изъ краснаго дерева съ бронзовыми украшениями. И увлеченный общимъ движеніемъ изъ столовой, польщенный какимъ-то *особеннымъ* вниманіемъ этой красивенькой дѣвушки, Михаилъ Петровичъ пошелъ вслѣдъ за другими, но не дойдя до дверей, давъ всѣмъ выйти, вспомнилъ о такъ малодушно и предательски брошенной одинокою маленькою Акъ. Никогда онъ такъ не поступалъ съ малюткой!.. И онъ оглянулся... Акъ, показавшаяся ему блѣдной, сидѣла какъ-то сторбившись на прежнемъ мѣстѣ... Она не глядѣла въ его сторону, а уставилась съ какой-то суровой задумчивостью въ край стола... Точно сидѣло не дитя, а какая-то старушка въ черномъ платьицѣ съ бѣлымъ горошкомъ. Въ комнатѣ не было никого кромѣ горничной, и Михаилъ Петровичъ урвался, чтобы безъ свидѣтелей, торопливымъ поцѣлункомъ заглазить свою вину передъ крошкой... Не слышно ступая, онъ подбѣжалъ, чтобы ее поцѣловать и нагнулся къ ней:

— Милая моя Акъ, я сейчасъ...

Акъ въ какомъ-то ужасѣ отпрянула отъ склонившагося къ ней дѣтскаго лица, еще недавно столь любимаго, столь милаго ей... Точно не Михаилъ Петровичъ, не тотъ, кто до сихъ поръ воспиталъ ребенка, не тотъ, кто внималъ его первому младенческому лепету, склонился теперь къ ней, а точно какое косматое и страшное лицо вѣдьмы, чудовища какого нибудь, взглянуло на малютку и исторгло изъ него пронзительный плачь, огласившій весь домъ. Михаилъ Петровичъ стоялъ точно оглушенный громомъ. На одно мгновение его взглядъ встрѣтился со взглядомъ маленькой Акъ, въ которомъ онъ понялъ что-то, какъ бы его не узнавшее, считающее его чужимъ и незнакомымъ... Или это такъ показалось... Въ дверяхъ столовой мелькнуло красивенькое личико Сашеньки.

— Мой Богъ!

Этотъ плачь оглушилъ ее и съ гримаской она зажала уши, крикнувъ горничной:

— Вынесите этого ребенка въ кухню!.. Такъ можно оглохнуть...

И не успѣвъ Михаилъ Петровичъ опомниться, какъ послушная приказанію пріѣзжей барышни, горничная, одной рукой захвативши юбку, другою взявъ маленькую Акъ, понеслась съ нею въ кухню... Оглушительный плачь ребенка, удаляясь, сталъ какъ бы жалобнѣе... Изъ свѣтлой комнатки съ бѣлоснѣжной кроваткой, маленькая Акъ въ теченіе менѣе чѣмъ полусутокъ сперва была переселена въ переднюю, а затѣмъ, по немнѣно держать себя, сослана въ кухню... На Михаила Петровича нашель какой-то столбнякъ... Вдругъ нѣжная ручка дотронулась до его плеча и мелодическій голосъ вывелъ его изъ оцѣпенѣнія:

— Идемъ, cousin... я вамъ съиграю... Или вы предпочитаете, чтобы я что нибудь спѣла?..

IX.

Нѣсколько часовъ тому назадъ, когда Михаилъ Петровичъ отправлялся въ пансіонъ господина Девриента, совсѣмъ не такую онъ оставилъ свою гостиную, въ которой жилъ съ бабушкой, какою нашель ее теперь. У нихъ съ покойной бабушкой все содержалось въ чистотѣ и порядкѣ, все было плотно прижато къ стѣнамъ и выстроено въ рядъ, все подъ чехлами, а тутъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, все измѣнилось, все стало не попржнему, а иначе... Новопріѣзжія дамы устроились недурно, какъ-то уютнѣе и теплѣе, чѣмъ Михаилъ Петровичъ съ бабушкой... Чехловъ не было и въ поминѣ; мебель разметалась по ковру, обыкновенно

Мадонна д'Альба Рафаеля (въ СПб. Эрмитажъ). Гравир. Паннемакеръ.

разтлпавшемуся только въ самые торжественные дни; съ картинъ, съ бронзовых канделябровъ закрывающая ихъ кисей снялась, рояль освободился отъ клеенки и былъ раскрытъ, пюпитръ выдвинутъ и на немъ стояли ноты... Словомъ, все перемѣнилось — и гостиная съ ярконилающею печью и зажженою лампой, на матовый шаръ которой кто-то свѣдно сдѣлалъ очень красивый розовый бумажный абажуръ въ видѣ тюльпана, — явилась совершенно обновленной. Три дамы въ черномъ сдѣлали эту комнату неузнаваемой.

— Такъ вы желаете, чтобы я свѣла... Хорошо-съ. Зажгите мнѣ свѣчи... Спички тамъ, около лампы... Какую школу предпочтаете вы?..

Сашенька въ розовомъ полусвѣтѣ гостинной модулировала изъ тона въ тонъ, перебирая аккорды и связывая ихъ легкими гаммами и вибрирующими tremolo, слегка раскачиваясь изъ стороны въ сторону, то припадая къ клавишамъ, то откидываясь отъ нихъ назадъ... Михаилъ Петровичъ зажегъ свѣчи на роялѣ и откровенно признался на вопросъ кухни:

— Я даже не знаю, о какихъ школахъ вы спрашиваете меня...

— Il est naïf!.. Слышите, маман?—Сашенька разсмѣялась серебрянстымъ смѣхомъ... Я говорю о музыкѣ... Есть школа итальянская, нѣмецкая, французская... Наконецъ наша русская... Изъ какой вы желаете, чтобы я свѣла?

— Изъ какой вамъ угодно. Мнѣ все равно...

— „Все равно“! Слышите, маман?.. Маман, перебѣгающая изъ комнаты въ комнату, на ходу замѣтила племяннику:

— Ахъ, ахъ, Michel!.. Развѣ такъ можно говорить: все равно!.. Это невѣжливо...

Катенька, усѣвшись за столъ передъ лампой съ какой-то работой, прыснула со смѣху, за что впрочемъ получила немедленно отъ державшей ее въ строгости мамы замѣчаніе, сопровождаемое суровымъ взглядомъ:

— Подавилась!

Катенька прильнула къ вышиванью и сдержавъ смѣхъ, осталась съ опущенною внизъ головою, только по временамъ украдкой слѣдя скользящимъ, быстрымъ, но проникательнымъ взглядомъ, чрезвычайно схожимъ съ материнскимъ, за всѣмъ что дѣлается сестра. Когда эта послѣдняя „откалывала“, по любимому выраженію Катеньки, какуюнибудь штучку, въ этомъ безцветномъ взорѣ выражалась какая-то зависть или недоброжелательство, губы Катеньки сжимались плотнѣе и она слегка откашливалась, точно въ ея горлѣ что застряло.—Сестры не особенно долюбливали другъ друга.

Сашенька остановилась на русской школѣ и запѣла какой-то цыганскій, довольно вульгарный вальсъ. Голосъ у нея былъ—очень маленькое и жидкое сопрано, но смѣлость исполненія—обратно пропорціональная голосовымъ средствамъ. Сашенька брала не голосомъ, а *выраженіемъ*, вслѣдствіе слишкомъ усиленнаго подчеркиванія и ударенія, выходившаго довольно аляповатымъ. Произноси слова: „любовь“, „сердце“, „страстно“, „нѣжно“ и пр., Сашенька слишкомъ пересаливала, слишкомъ *щептала* или напротивъ слишкомъ поднимала голосъ, все это сопровождала соответствующими то нѣжными, „дышащими томленіемъ и страстью“, то исполненными гнѣва и ревности выраженіями своего маленькаго розоваго личика. Раскачиванье изъ стороны въ сторону, припаданье и откидыванье корпуса отъ клавишъ, шло своимъ чередомъ.

Ничего такого не замѣчалъ Михаилъ Петровичъ. Эта гостинная съ поющей за роялемъ дѣвушкой не только занимала его, но какъ-то умаляла и уменьшала въ собственномъ мнѣніи. О, онъ жилъ слишкомъ въ простотѣ. Что онъ видѣлъ? что зналъ?—ничего. Пансіонъ и домъ съ покойной бабушкой; но развѣ это то, что называется *обществомъ* и *свѣтомъ*? Вотъ эта дѣвушка дѣйстви-

тельно изъ того *свѣта*, котораго существованіе онъ до сихъ поръ не подозрѣвалъ... Его голова кружилась, темпъ вальса какъ-то волновалъ и одурялъ его; глупыя слова казались его дѣтскому вкусу истинно-прекрасными, а эта замѣтно ломающаяся и манерничавшая дѣвушка—воспитанной свѣтской барышней. Новый міръ открылся передъ нимъ и увлекалъ его въ свой водоворотъ. Онъ зналъ семейную жизнь и связанные съ нею элементы; хозяйство, воспитаніе маленькой Акъ и дружественныя симпатіи членовъ семьи; онъ зналъ школу, болѣе широкую арену, первую ступень публичной дѣятельности, вмѣщающую въ себя отношенія къ товарищамъ, отношенія къ учителямъ, успѣхи и соревнованіе,—но все это совсѣмъ не то, не то... Есть шире арены, есть пространнѣе горизонты, гдѣ ужъ не готовятся *жить*, какъ въ школѣ, не живутъ, стѣсненные семейной обстановкой, но гдѣ соколъ летаетъ на волѣ, гдѣ стремителенъ его полетъ и гдѣ взглядъ не въ силахъ обозрѣть открывающагося передъ нимъ пространства... Это—*свѣтъ*... И какъ бы пораженный у самаго входа въ этотъ новый отдѣлъ жизненнаго храма грандіознымъ величіемъ открывшихся передъ нимъ перспективъ, Михаилъ Петровичъ, какъ новичекъ, оробѣлъ, смутился—и среди этой гостинной, преобразованной чудодѣйственной рукой тетьшки Настурціи, впервые созналъ всю свою слабость, неразумность и ничтожество, ищущее себѣ опоры въ болѣе сильныхъ и разумныхъ... Куда ему защищать когонибудь: онъ готовъ просить на колѣняхъ, чтобы *кто-то* ктонибудь поддержалъ и защитилъ!..

X.

Вскорѣ подали обѣдъ—и опять все ново, все необычайное!.. Они обѣдали съ бабушкой и маленькой Акъ по просту... Столъ бывало у нихъ не Богъ знаетъ какъ разубранъ: такъ все какъ-то понаставлено, и зимой, когда рано темнѣетъ, горитъ одна свѣча. Онъ обыкновенно разливалъ и раскладывалъ, а потому садился во главѣ стола, имѣя справа бабушку, слева—Акъ, когда эта послѣдняя появилась въ ихъ домѣ... Иную картину явила изъ себя столовая въ день приѣзда тетьшки Настурціи... Точно праздникъ: все прибрано, бѣлье на столѣ чистое, висящая посереднѣ потолка лампа освѣщаетъ яркимъ и ровнымъ свѣтомъ пространство небольшой столовой... Положительно точно именные: подъ самой лампой обернутый въ бѣлую бумагу, кверху вырѣзанную городами, горшокъ съ какимъ-то развѣсистымъ растеніемъ, около главнаго прибора бутылки съ виномъ, селедка и сыръ... Скатерть блестящая бѣлѣзной, ключница и приодѣвшаяся къ обѣду горничная стоятъ наготовѣ для услугъ. Поди, сѣнцы ихъ бывало при бабушкѣ!.. Убѣгутъ въ кухню, болтаютъ тамъ, а тутъ сиди, да жди добрыхъ полчаса отъ кушанья до кушанья, пока имъ не заблагоразсудится вспомнить, что господа кушаютъ. Михаилъ Петровичъ не былъ взыскателенъ.

Тетьшка Настурція разомъ поставила дѣло иначе. Обѣдъ прошелъ неторопливо, но и безъ ненужныхъ промежутковъ между блюдами... Тетьшка сѣла во главѣ, имѣя справа Сашеньку, а слева Катеньку и Михаила Петровича. Такимъ образомъ противоположная мѣсту, гдѣ сидѣла тетьшка, сторона стола осталась свободною; маленькая Акъ отсутствовала. Сердечко Михаила Петровича екнуло и болѣзненно сжалось, когда, войдя въ столовую, онъ не увидѣлъ въ ней своей любимицы. Ему вдругъ захотѣлось сбѣгать къ ней въ кухню, посмотреть, что она тамъ дѣлаетъ, броситься передъ ней на колѣни и со слезами просить у нея прощенія въ томъ, что онъ такъ ничтоженъ, глупъ и слабъ, что не въ силахъ отстоять ея мѣсто въ своемъ собственномъ домѣ. О, она все понимаетъ, хоть и мала,—она умна! Онъ выпроситъ у малютки себѣ прощеніе, уприситъ ее потерпѣть: нѣсколько лѣтъ—и онъ будетъ большою, сдѣ-

лается рѣшительнѣе, отстоитъ свою Акъ—и малютка вернется тогда въ свою свѣтлую комнатку съ бѣлоснѣжными занавѣсками... Его мысли были прерваны. Тетенька Настурція, съ какой-то торопливой жадностью поглощала супъ, не забывала то и дѣло окидывать скользящимъ взглядомъ Катеньку и Михаила Петровича, дѣлая имъ поминутно замѣчанія. Еще разливая супъ, она замѣтила юнымъ кузенамъ:

— Дѣти, не сидите сгорбившись... Держитесь прямѣе: вотъ такъ...

И для примѣра показала, какъ именно надо было держаться. Когда-же, разливъ супъ, она замѣтила, что Михаилъ Петровичъ, прежде нежели начать кушать, взялъ вилку и ножъ и держа ихъ какъ-то необыкновенно прямо, началъ рѣзать лежащій въ супѣ миниатюрный кусочекъ мяса, она не преминула вскричать въ какомъ-то ужасѣ:

— Ахъ, Michel! какъ ты держишь ножъ и вилку? посмотри, надо такъ...

И научила племянника, какъ надо держать вилку и ножъ, прибавивъ:

— И вообще, кто-же рѣжетъ говядину, пока не съѣденъ супъ... это дѣлають послѣ...

Михаилъ Петровичъ покраснѣлъ и оставилъ говядину въ покоѣ... Тетенька, не забывая кушать, неуспѣшно возстановляла въ домѣ приличіе и порядокъ. Разомъ она разграничила питаніе взрослыхъ и дѣтей: дѣти кушали только то, что имъ давали; закуски и вина существовали исключительно для самой тетеньки и для Сашеньки, для дѣтей-же,—т. е. для Михаила Петровича, который при бабушкѣ кушалъ все, чего только просила его душа,—и для Катеньки, съ завистью провожавшей каждый кусокъ сыру и глотокъ легкаго краснаго вина въ ротъ мамы,—ни закусокъ, ни вина не полагалось. Впрочемъ, оканчивая обѣдъ и заливая пирожное лафи-

томъ, тетенька Пастурція смиловалась надъ племянникомъ, сказавъ:

— Michel, дай мнѣ твою рюмку: я налью тебѣ вина.

Онъ поблагодарилъ:

— Я не люблю вина. Merci-съ.

Сашенька померла со смѣху:

— Ахъ, mon cousin! кто-же прибавляетъ къ французскому слову русское „съ?“...

Тогда Михаилъ Петровичъ поправился:

— Merci.

Тетенька смиловалась и надъ Катенькой:

— Желаетъ?

Та подставила рюмку:

— Нѣсколько капель, маман...

И морщась, выпила налитый ей глотокъ легкаго вина...

Когда-же, вставъ изъ за стола, Михаилъ Петровичъ, поспѣвая за ушедшими въ гостиную тетенькой и Сашенькой, зачѣмъ-то оглянулся назадъ, онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ остроумная Катенька вознаграждала себя за налагаемые маманъ ограниченія ея питанія. Съ необычайнымъ проворствомъ Катенька опустошала тарелку съ остатками селедки, потомъ, откромсавъ себѣ изрядный кусокъ сыру, засовала его вмѣстѣ съ ломтемъ ситнаго въ карманъ и завершила все это налитой до краевъ рюмкой лафиту, проглоченной юною дѣвицей безъ малѣйшей гримасы... Замѣтивъ изумленно слѣдившаго за нею кузена, эта робкая дѣвочка съ опущенной головой, нисколько не смутившись, развязно пригласила, указывая на закуски:

— Не угодно-ли послѣдовать примѣру?... Милости просимъ...

И какъ ни въ чемъ не бывало, вошла въ гостиную и усѣвшись передъ лампой, съ скромнымъ видомъ очень молодой особы, принялась за прерванную обѣдомъ работу.

(До слѣд. №).

Валкирии.

Высоко, безмолвно
Надъ полемъ кровавымъ
Сіяетъ луна;

* * *

Весь берегъ—далеко
Оружьемъ и храбрыхъ
Тѣлами покрытъ!

* * *

Герои! имъ слава
И въ людяхъ, и въ небѣ
Почетъ у боговъ!

* * *

Вонъ—тѣнь пролетаетъ
По доламъ, по скаламъ,
На блескѣ морскомъ:

* * *

То, свѣтлая, мчатся
Валкирии-дѣвы
Съ эфирныхъ высотъ!

* * *

Одеждъ ихъ ужь слышенъ
И крыль лебединыхъ
По воздуху свистъ,

* * *

Доспѣховъ бряцанье
Мечей ударенье
По звонкимъ щитамъ,

* * *

И радостный окликъ,
И бурная пѣсни
Неистовыхъ дѣвъ:

* * *

„Въ Валгаллу! въ Валгаллу!
Одинъ—Вседержитель
Ужъ пиръ зачиналъ!

* * *

„Отъ струннаго звона,
Отъ трубнаго звука,
Чертоги дрожатъ!

* * *

„И свѣточи жарко
Горятъ смоляные,
И пѣнится медъ—

* * *

„Въ Валгаллу, герои!
Тамъ вѣчная юность—
Вашъ свѣтлый удѣлъ!

* * *

Воздушные кони,
Одежды цвѣтныя,
Мечи и щиты,

* * *

„Рабыни и жены,
И въ пирѣ съ богами
Мѣста на скамьяхъ!“

А. Майковъ.

Видѣніе Іезекиїля, картина Рафаэля. Гравир. Тирія.

Предатель.

Историческій разсказъ.

М. Лилля.

I.
Ясная и холодная зимняя ночь раскинула свой звѣздный шатеръ надъ плодородной равниной западной Голштиніи, которую, въ XVI столѣтіи, когда происходитъ разсказываемая нами исторія, населялъ вѣрливый, честный и грудолюбивый дитмарсенскій

народъ, обитающій тамъ и понинѣ. Дружелюбно смотрѣли яркія звѣзды сверху на уснувшую землю, укутанную въ сверкавшій, будто осыпанный брильянтами, снѣжный покровъ. Кругомъ царилъ глубокая тишина; ледяное дыханіе мороза, казалось, уничтожило все живое, и, даже, въ домахъ мѣстечка

Вёрдена не было замѣтно ни малѣйшаго движенія, не раздавалось ни звука; все — и люди, и животныя лежали въ объятіяхъ сна.

Только въ одномъ мѣстѣ, немного въ сторонѣ отъ городка, среди группы деревьевъ, теперь обнаженныхъ, мелькалъ слабый лучъ желтоватаго свѣта; свѣтъ этотъ видѣлся въ разрываныхъ морозомъ окнахъ дома фогта *) Ганса Воллерзина.

Самъ хозяинъ еще не спалъ: онъ сидѣлъ въ большомъ кожаномъ, съ высокой спинкой, креслѣ, стоявшемъ около гигантской кафельной печи, которая занимала почти четвертую часть всей комнаты. Воллерзинъ, опустивъ съдую голову на руку, казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость; отъ времени до времени взглядъ его переходилъ къ окну и останавливался тамъ, съ выраженіемъ любви и тихаго счастья, на стройной дѣвушкѣ, свѣтло-голубые глаза которой, въ эту минуту, были мечтательно устремлены въ синеватую мглу безмолвной, холодной ночи. То было прелестное, юное, истое дитя своей дитмарсенской родины, съ свѣжими, красными щечками и губками и тяжелыми золотистыми косами; прижавшись головой къ рамкѣ низенькаго маленькаго окошка, она, повидимому, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ малѣйшему звуку, доносившемуся извнѣ, какъ вдругъ на слѣгу послышались торопливые шаги и вскорѣ на бѣломъ фонѣ зимняго ковра отчетливо обрисовалась высокая фигура статнаго юноши, приближавшагося къ дому фогта.

— Онъ! клинуда дѣвушка Воллерзина, порхнувъ къ двери и широко отворяя ее.

Новопривышій, страхнувъ за порогомъ съ своихъ ногъ снѣгъ, вошелъ въ комнату, гдѣ былъ встрѣченъ горячимъ привѣтствіемъ дѣвушки; крѣпкое рукопожатіе старика показало, что юноша — желанный гость въ этомъ домѣ, да и впрочемъ, изъ самой теплоты взаимнаго обращенія молодыхъ людей можно было ясно видѣть, что между ними уже заключенъ сердечный союзъ, скрѣпленный согласіемъ и благословеніемъ отца.

*) Намѣстника, правителя округа.

Усѣвшись на деревянной скамейкѣ у теплой печи, влюбленная пара принялась за веселую болтовню, передавая другъ другу тысячи интересныхъ вещей, какими, обыкновенно, и всюду привыкли обмѣниваться обрученные. Они говорили о своей приближавшейся свадьбѣ, объ устройствѣ ихъ будущаго жилища, о гостяхъ, которыхъ предполагали пригласить на торжество бракосочетанія, и — одинъ веселый замокъ за другимъ строило

ихъ расходившееся юное воображеніе. Какою-то очарованною чудесъ лежало предъ нимъ ихъ будущее, въ розовомъ свѣтѣ невозмутимаго счастья; еще немного пути, еще немного терпѣнія и — они уцѣли своихъ желаній.

Сильный стукъ въ дверь оторвалъ юношу и дѣвушку отъ міра сладостныхъ мечтаній и самъ старый Воллерзинъ, уже задремавшій было въ своемъ креслѣ, испуганно поднялся на ноги.

— Кто такое можетъ придти такъ поздно? произнесъ онъ, нѣсколько выдвигая свѣтильню масляной лампы, чтобы она яснѣе горѣла... Отвори, Тельза, на дворѣ холодно и темно.

На порогѣ появился высокій и крѣпко сложенный мужчина, съ добродушнымъ лицомъ. Увидавъ юношу, онъ, съ минуту постоявъ, какъ бы въ нерѣшительности, но затѣмъ вошелъ и подалъ, поочередно, каждому руку.

— Вольфъ Изебрандъ! воскликнулъ отецъ дѣвушки съ изумленіемъ, — откуда ты это?

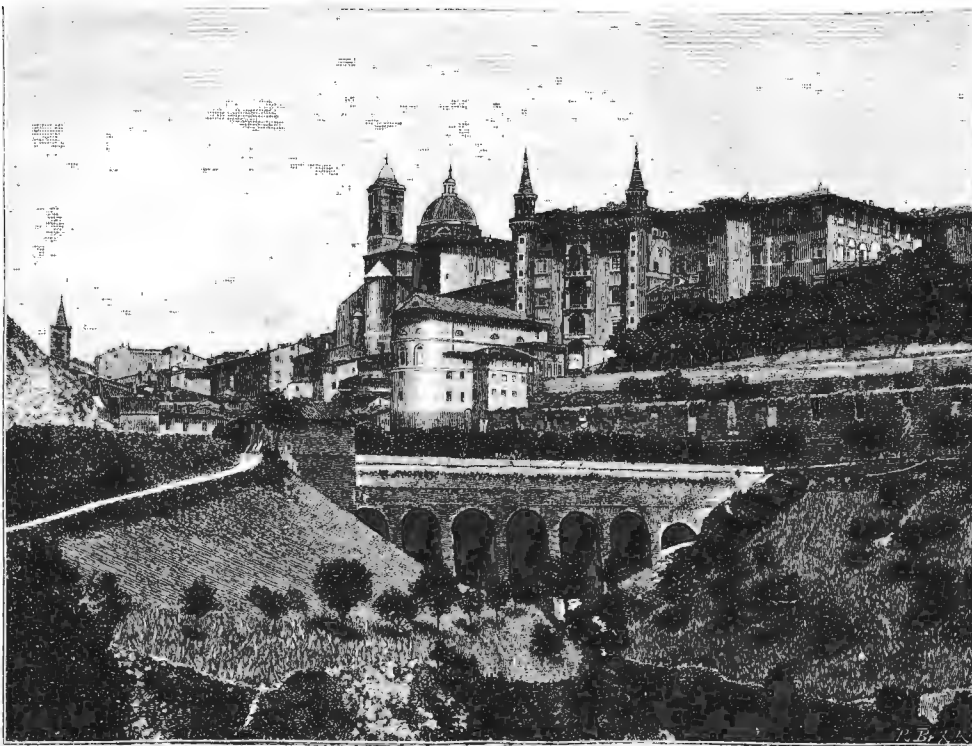
— Язпоздалъ немного тамъ, въ Кеммингштадтѣ, а теперь шелъ домой, отвѣчалъ тотъ. — Свѣтъ въ твоемъ домѣ навелъ меня на мысль, — пожелать вамъ добраго вечера, да кстати и обогрѣться; но, какъ вижу, у васъ — гости, прибавилъ онъ голосомъ, въ которомъ

слышалась досада, вызванная присутствіемъ чужаго. — Реймеръ фонъ Вимерстедтъ — мой женихъ, Вольфъ, сказала Тельза успокаивающимъ тономъ, — а потому тебѣ нечего удивляться, что видишь его тутъ.

— Твой женихъ? спросилъ Изебрандъ, и въ его лицѣ что-то дрогнуло, выдавая тайное страданіе. — Вы ужъ такъ далеко зашли? Въ нашемъ мѣстечкѣ, правда, поговаривали, что Рей-

Комната гдѣ родился Рафаэль.

Общій видъ города Урбино.

мерь похаживает около тебя, но я не зналъ, что вы такъ скоро сблизитесь.

— Черезъ двѣ недѣли и свадьба, Вольфъ Изебрандъ, и ты тоже приглашенъ, сказала счастливая невеста.

— Если я кому нибудь не завидую за выборъ Тельзы Волдерзинъ, такъ это тебѣ, Реймеръ;—ты первымъ являешься на работу и—последнимъ на шапцы, ты и заслужилъ лучшую дѣвушку во всей нашей сторонѣ. Но однако, прощайте, мнѣ еще далеко.

— Славный малый, прямой и открытый, и безъ всякой зависти, сказалъ фогтъ, послѣ ухода Изебранда.

— Онь, будто, смутился сначала, какъ меня увидалъ тутъ, замѣтилъ Реймеръ.

— Можетъ быть, ему очень бы хотѣлось быть на моемъ мѣстѣ.

— Онь ко мнѣ расположенъ, и не разъ говорилъ мнѣ объ этомъ, да я и замѣтила, что онъ отличалъ меня передъ другими дѣвушками, сказала Тельза.—Отчего же онъ разошелся съ Бертой Петерсонъ.

— Старый Петерсонъ охотно отдалъ бы дочь за Вольфа, да и Берта сама готова была бы выдти за него, сказалъ Реймеръ, но отецъ хотѣлъ, чтобы свадьбу отложили на годъ, такъ какъ въ теперешнія времена не до свадебъ; это, однако, не удобно для Изебранда: ему надо хозяйку въ домъ, а пришлось бы слишкомъ долго ждать.

— Да почему же они не могутъ обвѣнчаться теперь же? спросила, съ какою то боязнью, Тельза.

— Наши папѣстники говорили Петерсону, что голштинцы опять хотятъ требовать отъ насъ повинностей, а датчане, которые съ ними за одно—желаютъ настроить у насъ крѣпостей и заставить насъ платить ежегодную дань.

— А вы, мужчины, какъ намѣрены поступить? спросила съ волненіемъ Тельза.

— Мы этихъ голштинцевъ и датчанъ такъ пощекочимъ колыма, что отобьемъ у нихъ охоту сюда пось показывать! только воскликнулъ юноша, сильно топнувъ ногой объ полъ.—Пока наши воины въ состояніи держать мечъ въ рукахъ—не дадимъ мы чужеземцу сѣсть себѣ на шею.

Тельза не произнесла ни слова, но ея рукопожатіе дало Реймеру понять больше, нежели всякія слова. Пламенная патриотическая тирада молодого человѣка вызвала воинственный огонь и въ глазахъ старика.

Кто-то въ эту минуту постучалъ въ окошко, совѣмъ затинувшееся морозной тканью.

— Это еще кто такое? спросилъ Реймеръ, съ удивленіемъ взглянувъ на певца.

Тельза громко засмѣялась, а потомъ отвѣтила въ полголоса:

— Это—Карстенъ Гольмъ, богатый гейдскій мельникъ, которого я позвала. Забыла тебѣ сказать про то.

— Ты его позвала?

— Да—пусть видитъ, убѣдится и перестанетъ, наконецъ, за мной похаживать. Вотъ ужъ цѣлую недѣлю проходу не даетъ, хоть я и сказала ему, что выхожу за тебя. А онъ все думаетъ, что изъ за его богатства ни одна дѣвушка не можетъ устоять предъ нимъ. Я и пригласила его, для того, чтобы ты самъ ему сказала—пусть себѣ ищетъ другую.

Реймеръ бросился, было, къ окну, но Тельза остановила его.

— Общай мнѣ не вспылить, а говорить съ нимъ спокойно, сказала она.—Карстенъ Гольмъ—человѣкъ съ вѣсомъ, его голосъ имѣетъ значеніе и онъ можетъ тебѣ повредить, если ты сбѣлаешь его себѣ врагомъ.

— Не зачѣмъ было тебѣ его приглашать, Тельза, произнесъ фогтъ тономъ выговора,—очень неразумно обходиться небрежно съ людьми извѣстнаго положенія и значенія, и по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ ихъ дурачить—прошу это помнить.

— Но что же мнѣ дѣлать, отецъ? оправдывалась дѣвушка,—я не скрыла отъ него нашей помолвки съ Реймеромъ и прямо ему объявила, что не пойду за него, а онъ, все-таки не отстаетъ отъ меня ни на шагъ и все говоритъ о любви и совсемъ предложеніи.

Стукъ повторился опять.

— Впусти его, Тельза, приказалъ Волдерзинъ,—по колѣна въ снѣгу, да на холоду не мѣсто для объясненій.

Но, прежде, нежели онъ успѣлъ выговорить, Реймеръ, въ которомъ загворила ревность, уже былъ у окна и отворилъ его.

— Тутъ не получишь воды для своей мельницы, ты, мучной червякъ, кликнулъ онъ стоявшему подъ окномъ,—тутъ дѣлается все равно, какъ у тебя самого: кто первый пришелъ, тотъ и мелетъ свою муку прежде.

— Что это значить, Тельза? крикнулъ Гольмъ съ угрозой.

— Я тебѣ сказала, Карстенъ, что никто другой не будетъ моимъ мужемъ, какъ Реймеръ фонъ Вимерштедтъ, но ты не хотѣлъ этому вѣрить, возвратила дѣвушка, потому я и просила тебя придти, чтобы ты могъ убѣдиться самъ и прекратить свои ухаживанія.

— Такъ вотъ какъ! этого нишаго, у котораго все богатство-то—что два кулака и то, что они ему даютъ—ты выбрала себѣ въ мужа, а Карстену Гольму, имя котораго извѣстно и уважаемо во всемъ Дитмарсенѣ, отказываешь? злобно проговорилъ мель-

никъ; да знаешь-ли, что ты могла бы быть самой богатой жепщиной во всемъ гейдскомъ кирхшпигѣ, еслибъ пожелала?

Реймеръ, выбѣжавшій изъ дому, въ одинъ прыжокъ былъ уже около Карстена Гольма и такъ стиснулъ ему руку, что тотъ застоналъ отъ боли.

— Ты, кажется, говорилъ тутъ о нищихъ и голодныхъ, ты—мучной воръ? крикнулъ юноша, тряхнувъ соперника, съ котораго большая мѣховая шапка слетѣла на снѣгъ,—гляди—эти кулаки не только могутъ хорошо работать, но тоже и учить дерзкихъ и чванныхъ людей!

— Оставь меня, не то я тебя позову на судъ старшинъ! произнесъ мельникъ, чуть не даваясь отъ бѣшенства.

— Мнѣ очень хочется дать тебѣ здороваго тумака, тебя снабдить памятной запиской, чтобы судьямъ не надо было рыться въ нашей государственной книгѣ, продолжалъ молодой человѣкъ,—запиской, которая у тебя и тебѣ подобныхъ отняла бы охоту смѣяться надъ трудовымъ людомъ.

— Если ты тронешь Карстена Гольма—мы пропали! крикнула Тельза жениху,—ты дурно держишь обѣщаніе.

— Ну, на этотъ разъ, нечего дѣлать—спущу ужъ тебѣ, произнесъ юноша болѣе спокойнымъ голосомъ;—но на будущее время помни, что Реймеръ фонъ Вимерштедтъ не позволитъ безнаказанно обидѣть себя.

Затѣмъ, не обращая болѣе на него никакого вниманія, Реймеръ повернулся къ окну и, пожелавъ фогту доброй ночи, пожавъ Тельзѣ руку, пошелъ по направленію къ своей деревнѣ, Вимерштедту, между тѣмъ, какъ озлобленный мельникъ молча пошелся въ противоположную сторону. Но долго еще послѣ того стояла у окна Тельза, въ глубокомъ раздумьи глядя въ пространство, на снѣжную равнину, пока, наконецъ, отецъ не сказалъ ей идти спать.

— Только бы все это обошлось безъ дурныхъ послѣдствій, проговорилъ тревожно Волдерзинъ,—Гольмъ никогда не проститъ Реймеру то, что ты его предпочла ему.

II.

Слухъ о предстоящемъ столкновеніи съ голштинцами и датчанами скоро подтвердился, такъ какъ прежде еще, чѣмъ дитмарсенцы увѣрились въ томъ, со стороны враговъ уже послѣдовало объявленіе войны. Иоаннъ, король Даніи, Швеціи и Норвегіи, вступилъ, съ значительнымъ числомъ рыцарей, въ Голштинію и остановился тамъ въ замкѣ Мельбекъ, принадлежавшемъ старому графу Рантцау. Изъ собственныхъ владѣній короля, и изъ Германіи къ нему нагрянула толпа дворянъ и воиновъ, привлеченныхъ страстью къ войнѣ и добычѣ. Во главѣ войскъ были поставлены герцогъ Фридрихъ голштинскій, братъ короля, оба его племянника, графы ольденбургскіе, кромѣ того, многіе изъ старѣйшинъ и закаленныхъ въ бояхъ рыцарей, между прочимъ храбрый владѣтель мельбекскаго замка, графъ Генрихъ Рантцау и рыцарь Гансъ Альфельдъ, которому выпала честь нести древнее датское государственное знамя Данеброга; наконецъ, и—юнкеръ Сленицъ, самый огромный и сильный мужчина трехъ соединенныхъ королевствъ, вождь знаменитой и страшной „большой гвардіи“—дикого и необузданнаго пяти-тысячнаго отряда нѣмецкихъ наемниковъ.

Въ замкѣ Мельбекъ—хотя и переполненномъ сверху до низу воинами—не хватало мѣста для всѣхъ, почему многіе дворяне и ландскнехты размѣстились въ деревнѣ, а также по соседнимъ замкамъ и селамъ. Богатый графъ Рантцау постарался оказывать своимъ высокимъ гостямъ насколько возможно лучшей пріемъ и выразить тѣмъ и свой патриотизмъ, и преданность свою царствовавшему дому.

Былъ пасмурный, холодный зимній день; блѣдные лучи заходящаго солнца слабо освѣщали высокую залу замка, въ которой раздавался смѣшанный шумъ веселаго говора и хохота, покрывавшаго собою звонъ стакановъ. На главномъ концѣ роскошно убраннаго стола сидѣлъ король, на другомъ, ниже, противъ него—гостепріимный хозяинъ, по обѣимъ сторонамъ—знатѣйшія лица королевства, родственники государя, его главные совѣтники и полководцы. Гости не робѣли предъ виномъ и на многихъ лицахъ уже играла та краска, которую вызываетъ благородный сокъ винограда.

Графъ Рантцау всталъ, держа наполненный кубокъ въ рукѣ.

— Король и господинъ мой, громкимъ голосомъ воскликнулъ онъ,—пью за счастье вашего побѣдоноснаго оружія, столь недавно еще смирившаго непокорныхъ шведовъ. Да почувствуютъ на себѣ его тяжесть и непокорные дитмарсенцы, пока на колѣняхъ не вымолятъ прощенія!

И приложивъ огромную чашу къ губамъ, онъ осушилъ ее до дна.

— Благодарю васъ, графъ, отвѣчалъ король Иоаннъ, взявъ, въ свою очередь, кубокъ. Съ такими храбрыми и опытными въ боевомъ дѣлѣ вождями, я съумѣю побѣдить дитмарсенцевъ. За здоровье моихъ полководцевъ!

Съ восторженными кликами поднялось все общество; громкій звонъ чокавшихся стакановъ и кубковъ разнесся далеко по прилегающимъ комнатамъ и заламъ. Одинокъ только датскій рыцарь Эббе Гейсъ не присоединился къ общему веселію; онъ, казалось, не раздѣлялъ увѣренности своихъ ратныхъ товарищей. Король Иоаннъ замѣтилъ это.

— А вамъ, рыцарь, повидимому, не очень желательно свести знакомство съ дитмарсенскими коньями! воскликнулъ онъ, обращаясь, черезъ весь столъ, къ дворянину; если вы предпочитаете держать въ рукахъ вмѣсто меча, цѣпъ и уваживать свои поля, то можете возвратиться къ себѣ.—Прекрасное лицо рыцаря покрылось густымъ румянцемъ.

— Государь, почтительно, но съ глубокимъ волненіемъ, возразилъ онъ,—предки мои всегда искали самого опаснаго мѣста въ битвѣ и никогда еще ни одинъ дворянинъ моего имени не поворачивалъ спины неприятелю; но истинная храбрость идетъ бокомъ о бокомъ съ осторожностью; иногда и укушеніе козара бываетъ смертельно.

— Тотъ, кто козара боится, никогда не посмѣетъ схватить дитмарсенскаго быка за рога, вставилъ голштинецъ Гансъ Алефельдъ,—и когда мужикъ ловить козу*), то не колеть ее шкой, а просто запираетъ въ свою конюшню.

— Это вамъ, вѣроятно, хорошо известно, рыцарь Алефельдъ, отвѣтилъ Гейсъ,—такъ какъ заяцъ передъ фронтомъ гораздо опаснѣе козы въ конюшнѣ.

Слова эти были покрыты взрывомъ неудержимаго и одобрительнаго хохота, къ которому присоединился и король Иоаннъ. Дѣло въ томъ, что когда, однажды, голштинцы, пошедшіе войной на дитмарсенское графство, и вступивъ въ его предѣлы, двигались, въ ожиданіи неприятеля, въ боевомъ порядкѣ впередъ,—откуда-то вдругъ выскочилъ заяцъ, который понесся поперекъ поля. При видѣ его, въ военачальникахъ проснулась старая охотничья страсть и съ гикомъ и крикомъ помчались они за зайцемъ, и тамъ—и скрылись вмѣстѣ съ нимъ въ понавшемся на дорогѣ лѣсу. Войска, оставшіяся безъ предводителей, замаялись, а этой минутой воспользовались дитмарсенскіе солдаты, находившіеся въ засадѣ въ лѣсу: они стремительно и съ дикимъ крикомъ, кинулись на голштинцевъ, опрокинули ихъ и погнали, одержавъ надъ ними полнѣйшую и блистательнѣйшую побѣду. Поэтому и Алефельдъ, и другіе голштинскіе рыцари, хотя и сильно сконфуженные, ничего не возразили на заслуженный отвѣтъ Гейса.

Король, однако, желая смягчить для нихъ впечатлѣніе, намѣтки и не допуская несогласій и непріязни между своими рыцарями, снова поднялъ свой бокалъ:

— Знаменосцу Данеброга предназначаю имѣніе Нильдорнскаго монастыря въ награду, когда мы предпримемъ Дитмарсену мирныя условія! провознесъ онъ.

Въ эту минуту, къ королю приблизился начальникъ стражи замка и доложилъ, что внизу, на дворѣ ждутъ двое людей, испрашивающихъ разрѣшенія быть впускенными; они объявили, что передадутъ свое дѣло только одному королю, или въ крайнемъ случаѣ, его брату, герцогу Фридриху голштинскому. Король дозволилъ, и вскорѣ въ залъ были введены двое высокихъ и коренастыхъ мужчинъ, одѣтыхъ въ темное платье. Подойдя къ королю, они преклонили передъ нимъ колѣно, а затѣмъ, вставъ, и соблюдая постененность въ рангахъ,—герцогу голштинскому только поклонились, хотя и очень низко.

— Кто вы? спросилъ король.

— Мы—посланцы отъ Бременскаго князя—епископа принадлежавшей ему дитмарсенской земли, сорока восьми фогтовъ, четырехсотъ присяжныхъ совѣтниковъ и судей и всего народа, отвѣчалъ старшій, но въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ.

— Посланцы? перебилъ Иоаннъ съ какихъ поръ дитмарсенцы имѣютъ право слать посланниковъ?

— Государь, мы люди независимаго Дитмарсена, подданнаго Бременскому архіепископу, продолжалъ старшій посланецъ,—и иного господина не признаемъ; мы выговорили себѣ право на то, чтобы наши просьбы не были поставляемы ниже другихъ, отъ кого бы онѣ не шли.

Въ залъ пронесся гнѣвный ропотъ.

— Ну, это мы рѣшимъ послѣ, когда помѣрится оружіемъ,—а, впрочемъ, вы, можете быть, пришли покориться нашимъ требованіямъ?

— Великій государь, мы пришли просить тебя даровать намъ миръ и спокойствіе, дабы,—когда стаетъ сѣнъ, — намъ можно было вспахать поля, засѣять хлѣбъ и пастись скотъ на луга.

— Вы просите о дарованіи вамъ мира и спокойствія, а, между тѣмъ, сами вы—первые нарушители мира, возразилъ Иоаннъ,—развѣ вы не дѣлали набѣговъ въ голштинскія и шлезвигскія области и тамъ не грабили и не разбойничали, развѣ не подстерегаете у своихъ береговъ чужеземные корабли для того, чтобы облагать ихъ несправедливою данью, и развѣ не заставляете путешественниковъ, проезжающихъ въ вашей странѣ, покупать себѣ свободный пропускъ дорогой цѣной?

— Все это могло и происходить иногда, государь, какіе-нибудь отдѣльные фогты могли превзять свою власть, но епископу и нашему народу это не извѣстно, да и за это полагается, по нашей государственной книгѣ, строгое наказаніе: не заставляйте, добрый государь, всѣхъ насъ отвѣчать за вину немногихъ, а малѣйшій убытокъ, причиненный кому-нибудь изъ подданныхъ вашего величества, мы готовы вознаградить.

— Все это старыя обиданія, которые такъ же скоро вы забываете, какъ и даете. Но теперь мы рѣшились разъ навсегда

положить этому конецъ и васъ наказывать такъ, чтобы на будущее время себя обезпечить отъ повторенія вѣпныхъ наслій.

— Государь, если вы желаете наказатъ, то и ваши подданные заслужили того же, такъ какъ и они нападаютъ на наши мирныя деревни, истравляютъ наши поля и воруютъ скотъ; а когда мы обращаемся въ вашъ высшій судъ, то наши просьбы возвращаются намъ съ насмѣшками.

— Идите, сказалъ король Иоаннъ, и передайте, что мы требуемъ слѣдующихъ мирныхъ условій: уплаты вами 20 тысячъ марокъ военныхъ расходовъ, 5 тысячъ ежегодной дани, въ знакъ вашей покорности, и предоставленія намъ права выстроить крѣпости въ трехъ указанныхъ нами пунктахъ вашей страны. Если вы отвергнете эти условія, то мы добудемъ ихъ силою оружія, но, тогда, по здравомъ обсужденіи, потребуемъ уже большаго.

Посланники молча переглянулись и затѣмъ старшій, приблизившись къ королю, поклонился и провознесъ почтительно, но твердо:

— Государь, наши предки искони ставили выше всего независимость своего отечества, которую, кровью своею, оставляли на поляхъ сраженій. Мы были бы недостойны носить имя дитмарсенцевъ, еслибы измѣнили нашему епископу и отдались во власть чужеземнаго принца, когда еще въ силахъ держать въ рукахъ мечъ. Наши женщины стали бы насъ презирать и сорвали бы платки съ нашихъ береговъ и шлюзы въ нашихъ каналахъ, чтобы нашу страну и нашу потерянную честь погребсти подъ волнами; и что можетъ быть для васъ, милосердый государь, повелитель трехъ королевствъ, привлекательнаго въ какой-нибудь парѣ дюжины деревень нашихъ? Мы—люди смиренные и простые, не намъ становиться противъ столь высокородныхъ рыцарей, да и намъ не велика слава побѣдить насъ. Просимъ васъ, государь, даруйте намъ миръ.

— Волосокъ съ головы вашей не упадетъ, если вы примете наши условія, возразилъ король,—возвратитесь и скажите это нашимъ землякамъ, но не забудьте прибавить, что отвѣта ждемъ только 24 часа, и въ случаѣ—вы останетесь при своемъ, то большаго мы оказывать вамъ снисхожденія не будемъ—терпѣніе наше дошло.

И онъ жестомъ отпустилъ посланниковъ, но теперь выступилъ впередъ младшій и молвилъ съ поклономъ:

— Великій государь—мы уже не возвратимся къ вамъ съ отвѣтомъ, такъ какъ всѣ мы какъ одинъ встанемъ на защиту правъ нашего епископа, нашихъ женъ и дѣтей и домашняго очага; не разъ уже мы мѣняли плугъ на копье, и не впервые увидимъ мы спину бѣгущаго врага, если Пресвятая Богородица даруетъ намъ побѣду.

Страшный шумъ послужилъ отвѣтомъ на эти слова; всѣ присутствующіе окружили дитмарсенцевъ, многие выхватили мечи; со всѣхъ сторонъ посыпались на нихъ оскорбленія и угрозы, пока король, сильнымъ ударомъ эфеа своей шпаги о столъ, не остановилъ поднявшагося гама.

Среди возставившейся тишины, изъ за стола всталъ одинъ изъ воиновъ, сидѣвшій до сихъ поръ смирно и спокойно убиравшій громадный кусокъ медвѣжьей ветчины. Это былъ великанъ, съ смуглымъ лицомъ, обрамленнымъ темными волосами, и небольшими, черными, злыми и беззастѣливо сверлящими въ своихъ орбитахъ глазами. Столъ затрещалъ, когда гигантъ уперся въ него мощными руками, повернувъ свою несообразно маленькую голову къ королю.

— Къ чему, государь, провознесъ витязь сильнымъ голосомъ, такъ много милости и вниманія оказываете этимъ людямъ,—если вы позволите, то я одинъ распоряжусь съ ними и пока вы останетесь спокойно тутъ, я справлюсь съ этой дитмарсенской сволочью, повергну ихъ къ вашимъ ногамъ.

— Берегись, мужичье, когда я приду съ моею гвардіей*)! воскликнулъ онъ обратившись къ посланникамъ.

— Берегитесь вы, юнкеръ Сленецъ, спокойно возразилъ молодой посланникъ, чтобы вамъ и вашей гвардіи не пришлось напиться болотной воды, а отъ нея ужъ нинимъ было не хорошо.

— Удалить этихъ людей и дать имъ охрану изъ 30 всадниковъ до границы, повелѣлъ король—я не желаю, чтобы кто либо могъ сказать, что я нарушилъ неприкосновенность посланниковъ.

— Послѣднимъ-ка, Вольфъ Изебрандъ, по добру, по здорову, шеннулъ старшій дитмарсенецъ товарищу, подталкивая его къ дверямъ—не то, вѣдь, пожалуй намъ пришлось бы унести отсюда съ собой и менѣе пріятное воспоминаніе.

Нѣсколько рыцарей, съ герцогомъ Фридрихомъ во главѣ, послѣдовали за посланниками во дворъ, гдѣ эскортъ тотчасъ же слѣлъ на коней и окружилъ дитмарсенцевъ, но, однако, прежде, нежели corteжъ двинулся въ путь, старшій посланецъ приблизился къ брату короля и проговорилъ вполголоса:

— Я—гейдскій мельникъ Карстенъ Гольмъ и имѣю сообщить вашему величеству очень важныя вещи; ждите меня завтра въ полночь у себя и прикажите стражѣ пропустить.

Сумерки уже спустились на снѣжный ландшафтъ, когда всадники съ посланцами, протѣхавъ подъемный мостъ замка Мель-

*) Geis — по нѣмецки коза; тутъ непереводимый каламбуръ.

бекъ, направились въ сторону дитмарсенской границы. Но долго еще герцогъ Фридрихъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся, прислушиваясь къ звуку копытъ, перебиравшихъ по мералому сѣдлу.

III.

Въ эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, т. е. въ концѣ XV столѣтія, Дитмарсенъ состоялъ подъ властью бременскаго епископа, предоставившаго, впрочемъ, много самостоятельности этой своей провинціи; такъ, южный и сѣверный Дитмарсенъ, раздѣленный на 4 гау, состоявшія, въ свою очередь, изъ нѣсколькихъ кирхшпеллей, выбиралъ, съ дозволенія епископа, по 12 фогговъ или намѣстниковъ для каждой гау, причемъ эти 48 фогговъ составляли высшій судъ страны; важнѣйшія дѣла рѣшались въ собраніи, въ которомъ засѣдали фогты, затѣмъ, 60 такъ называемыхъ шикеровъ, особые присяжные, числомъ приблизительно 400 человекъ, и члены магистратовъ трехъ главныхъ городовъ — Гейда, Мельдорфа и Люндена. Засѣданія происходили подъ открытымъ небомъ, на лугу, или на площади одного изъ городовъ; всякій имѣлъ право присутствовать тамъ въ качествѣ зрителя, всякій, также, имѣлъ и право пошенія оружія, и обязанность, въ случаѣ нужды, идти на защиту отечества. Изъ этого видно, что Дитмарсенъ, имѣвшій своего собственнаго государя—былъ совершенно независимымъ отъ датскаго короля владѣніемъ. По императору Фридриху III, соединивъ Голштинію, Стокмаріи и Дитмарсенъ въ одно герцогство, отдалъ его въ ленъ королю датскому, Христіану I; дитмарсенцы, оставшіеся вѣрными своему владѣтелю, объявили, что не измѣнятъ ему, и обратились къ нему съ жалобой. Смерть помѣнала Христіану выполнить планъ Фридриха III, и его сынъ и преемникъ, Іоаннъ, рѣшился осуществить притязаніе датчанъ.

Это и было настоящею причиною войны. Въ началѣ 1500 года датскій король выступилъ съ 30 тысячнымъ войскомъ противъ дитмарсенцевъ, которые были въ состояніи противопоставить имъ всего три тысячи воиновъ. Никогда еще не приходилось имъ имѣть противъ себя столь значительнаго непріятеля; они пришли въ ужасъ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней января 1500 г., на площади Гейда происходило засѣданіе дитмарсенскаго совѣта; предстояло обсудить—принять условія датчанъ, или воевать; пока мужчины слѣшили сюда со всѣхъ концовъ владѣнія бременскаго епископа, узнать—что надо будетъ дѣлать,—въ церквахъ, женщины молились предъ иконою Богоматери—да отвратитъ Она, Пречистая и Пресвятая, отъ отечества опасность, а духовенство призывало благословеніе неба на дитмарсенскую страну, на тѣхъ, кому, въ это трудное время, приходилось нести бремя власти.

На площади Карстенъ Гольмъ и Вольфъ Изебрандъ, хотя и заглушаемые каждою минутою гамомъ собравшейся массы, успѣли сообщить совѣту о результатѣхъ своего посольства.

Толпа подняла оглушительный крикъ; но мнѣнія раздѣлились; молодые люди требовали войны, болѣе благоразумные совѣтывали не спѣшить, а обдумать и подождать рѣшенія свыше, между тѣмъ, какъ болѣе пожилые и разсудительные подали голосъ

Домъ въ которомъ родился Рафаэль въ г. Урбино.

за то, чтобы принять условія, потому что не видѣли никакой возможности бороться противъ столь могущественнаго врага.

Тогда поднялся пылкій Вольфъ Изебрандъ, пользовавшійся большою популярностью въ странѣ.

— Братья и ратные товарищи! воскликнулъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ, — предъ вами только два пути: или рѣшиться на страшную войну съ могучимъ непріятелемъ, или — отдать свое отечество въ рабство чужеземцу; датчане желаютъ завладѣть Дитмарсеномъ, выстроить у насъ свои крѣпости, отнять все наше добро; кто изъ васъ согласенъ измѣнить своему государю и родинѣ, тотъ пусть и изъявляетъ свою преданность датчанамъ и голштинцамъ, а я—стою за войну, даже еслибъ она кончилась нашей гибелью. Всею, что для насъ свято, грозить опасности; такъ да прольется же наша кровь, чтобы мы не могли стыдиться могилъ нашихъ предковъ, которыхъ мы были бы недостойны.

Громко раздался его послѣдній слова, громко разнеслись они повсюду, а самъ онъ стоялъ въ эту минуту прекрасенъ какъ юный богъ войны, съ ярко горѣвшими вопиющимъ пыломъ глазами, съ лицомъ, покрывшимся румянцемъ воодушевленія. Съ минуту послѣ его рѣчи длилось молчаніе, но потомъ вся обширная площадь загудѣла однимъ возгласомъ: „война! война!“ налетѣвшимъ какъ шкваль роднаго Нѣмецкаго моря. „Война! Война!“ неслось по рядамъ толпы. Возгласъ гремѣлъ и разрастался съ каждымъ мгновеніемъ въ тысячекласный, могучій кликъ воспрянувшаго патриотизма.

На колокольнѣ ближайшей церкви раздался звонъ, слившійся съ браннымъ крикомъ толпы, отворились врата и изъ храма выступила процессія духовенства, облаченнаго въ праздничныя ризы и предшествуемая хоромъ пѣвчихъ; всѣ набожно разступились; процессія остановилась на самой серединѣ площади и одинъ почтенный старый священникъ взомель на возвышеніе, съ котораго только что говорилъ Вольфъ Изебрандъ.

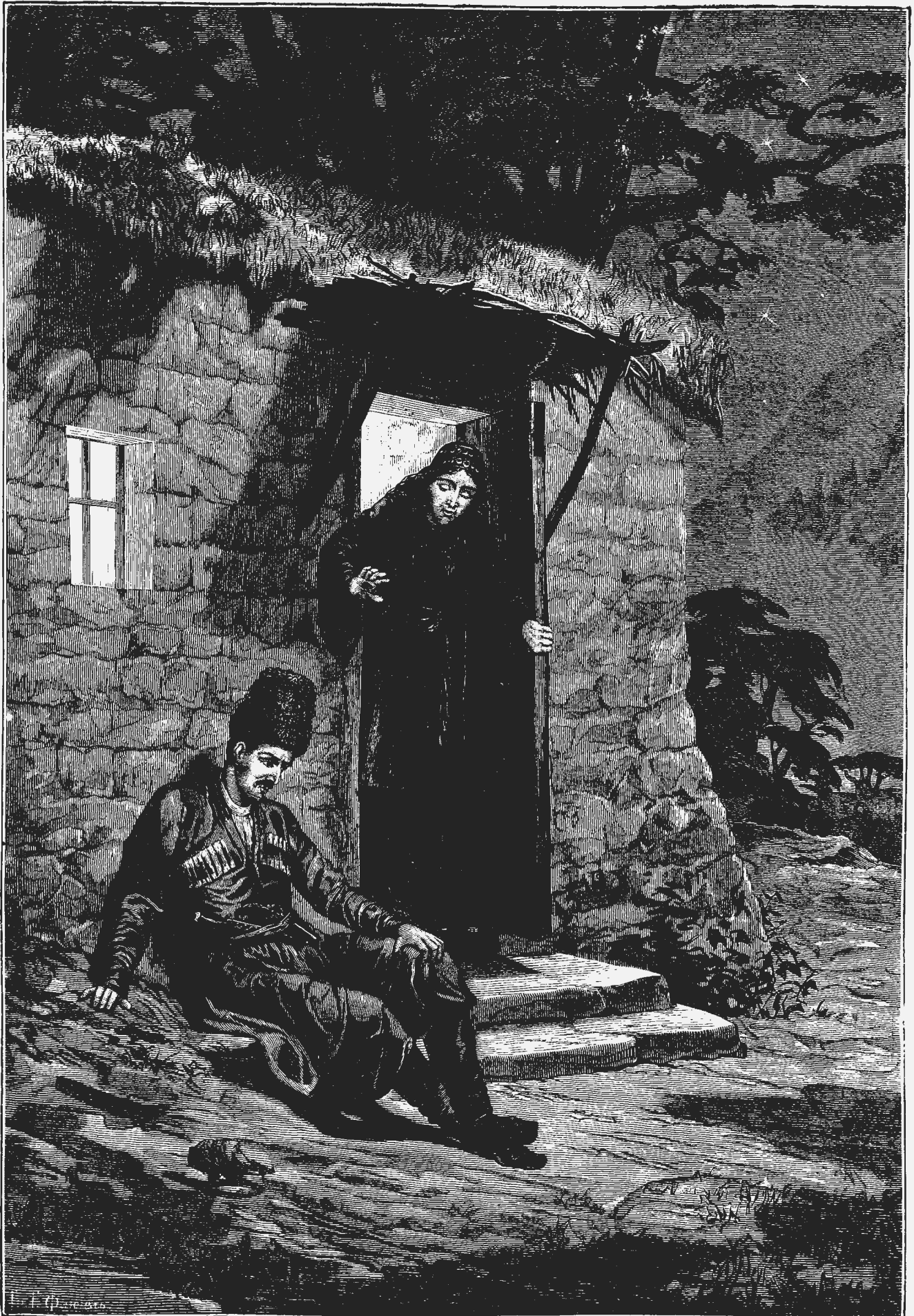
— Люди дитмарсенскіе! началъ онъ, держа въ рукѣ небольшое золотое распятіе,—вы желаете войны и это желаніе васъ достойно. Но безъ благословенія Божія чужеземецъ одолѣть-бы васъ и разорилъ-бы ваше отечество, и не словомъ однимъ можемъ мы угодить Богу, а надо дѣломъ выразить Ему наше упованіе и вѣру. У насъ нѣтъ еще убижища, гдѣ скромныя дѣвушки могли-бы найти пріютъ. Общайте-же, послѣ побѣды, выстроить женскій монастырь и Пресвятая Дѣва поддержитъ васъ въ бою и повергнетъ вашего врага.

Старшій изъ епископскихъ намѣстниковъ поднялся и пропизнесъ: „Общайте выстроить женскій монастырь, когда страна наша будетъ спасена отъ чужеземнаго вторженія!“ Все собраніе съ увлеченіемъ подтвердило общаніе.

Священникъ высоко подыалъ Распятіе надъ своей головою. — Даю вамъ Святое Распятіе, берите его съ собою; Оно васъ защититъ въ нуждѣ и опасности. Этотъ Святой символъ смететъ предъ вами враги, подковы коней вашихъ его раздавятъ, а волны морскія его поглотятъ. Но — лишь въ руки чистой и невинной дѣвушки могу я передать изображеніе нашего Свя-

*chiara
Come la notte finta sta nel core
Tu gran bellezza il mio penello franco
Non c'è prigione equal e fare
Perche debul riman per forte amore
Si mi tormento l'infinito
Il volto rosso il cenoculmo e bianco
Conto rondo delicato fianco
Pa de' d'ughera che taglia di splendore*

Автографъ Рафаэля (Сонетъ).

Литературный альбомъ. „Бѣглець“. Поэма М. Ю. Лермонтова. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Флюгель.

сителю; одна из ваших дѣвиц должна будетъ нести его предъ войскомъ, которое поведетъ къ побѣдѣ, и она-же будетъ первою инокинею въ нашемъ женскомъ монастырѣ. Сами изберите для того достойнѣйшую изъ вашихъ дѣвицъ.

Со своими длинными, шпенадавшими до плечъ серебряными прядями волосъ и длинной бѣлой бородой, онъ походилъ на одного изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ; все его величавая фигура, вдохновенный голосъ, самое его появленіе произвели глубокое впечатлѣніе на массу. Отовсюду послышались одобрителный говоръ; въ тоже время слова служителя алтаря наполняли всѣхъ увѣренностью.

Снова поднялся старшій фогтъ и обратился съ призывомъ къ дѣвушкамъ. Однако; ни одна не рѣшалась выступить впередъ. Привязанность къ земнымъ радостямъ и наслажденіямъ говорила въ нихъ сильнѣе стремленія къ тихой монастырской жизни, и притомъ-же, нѣкоторые уже отдали свое сердце и не были свободны располагать собою. Наступила пауза, которой никто не осмѣливался нарушить.

Вдругъ на возвышеніи въбѣжалъ какой-то мужчина, сдѣлавшій знакъ, что хочетъ говорить:

— Между нашими дѣвицами, конечно, найдется много такихъ, которыя готовы мужественно пожертвовать собою для блага отечества—началъ онъ—но, несомнѣнно, во всемъ Дитмаршенѣ—дочь почтеннѣйшаго Ганса Воллергина фонъ-Вёрдена, добродѣтельная Тельза, наиболѣе достойна нести впередъ войска Святое Распятіе, а также и стать первою инокинею нашего монастыря.

Громкіе крики одобренія дали понять, что всѣ присутствующіе вполне раздѣляютъ высказанное мнѣніе.

— „Карстенъ Гольмъ всегда съумѣетъ найти и сказать что надо“,—кричали другъ другу мужчины,—у насъ болѣе благородной дѣвицы и не отыщешь. Гейдскій мельникъ, прежде, чѣмъ сойдти съ трибуны, бросилъ полной ненависти и злобой радости взглядъ въ ту сторону, гдѣ, прислонившись къ фонтану, стоялъ молодой человекъ, лицо котораго покрылось мертвенною блѣдностью, а глаза какъ-то странно уставились прямо на него. То былъ Реймеръ фонъ-Вимерстедтъ, понявшій, что въ эту минуту терять свою возлюбленную невѣсту.

Гансъ Воллерзинъ находился тутъ-же, среди 48 фогтовъ, когда рѣшалась судьба его дочери. Священникъ подошелъ къ нему и спросилъ его мнѣніе.

— Это—мое единственное дитя; если она меня покинетъ—домъ мой опустѣетъ и я, на старость лѣтъ, останусь безъ поддержки, отвѣчалъ Воллерзинъ; но въ случаѣ Тельза сама согласится, то я не буду противиться.

Засѣданіе окончилось и народъ расходился въ разныя стороны, распѣвая воинственные пѣсни. Грустно шель домой ста-

рый Гансъ Воллерзинъ, въ сопровожденіи двухъ священниковъ и четырехъ старшихъ фогтовъ, чтобы объявить дочери о сдѣланномъ ей предложеніи.

Дрожь охватила молодую дѣвушку, при вѣсти, что ей придется отказаться отъ своего счастья и постричься. Это было такъ неожиданно для нея, она вовсе не была приготовлена; ея глаза невольно обратились къ нему, какъ-бы зывая о со-вѣтѣ и помощи. Старикъ понялъ пѣмой языкъ взгляда.

— Я еще не далъ окончательнаго отвѣта, дитя мое, съ нѣжностью сказалъ онъ,—одна ты можешь рѣшить свою участь. Изъ сотенъ другихъ дѣвушекъ, ты избрана для содѣйствованія дѣлу освобожденія родины, но ничто не должно заставить тебя отказаться отъ всего, чѣмъ дорожишь, если на то не будетъ твоего желанія.

Слабая и чра надежды блеснула въ глазахъ Тельзы.

— Я—невѣста Реймера фонъ-Вимерстедта, который хотѣлъ уже чрезъ нѣсколько дней вести меня къ алтарю, слабымъ голосомъ произнесла она, обращаясь къ одному изъ священниковъ.

— Тебя ждетъ несравненно вышнее счастье, возразилъ священнослужитель,—ты понесешь въ своихъ рукахъ Святой крестъ, поведешь воинствъ своего народа къ побѣдѣ и если откажешься—навлечешь на себя гнѣвъ Божій.

Дѣвушка стояла въ нерѣшительности; въ ней боролись самыя противуположныя чувства и ощущенія—любовь и долгъ, желаніе пользоваться благами жизни и честь, стремленіе къ личному счастью и сознаніе, что родинѣ грозитъ иноземное нашествіе.

— Ты еще колеблешься, произнесъ второй священникъ съ выраженіемъ легкаго укора,—развѣ ты считаешь себя недостойною коснуться Святаго символа?..

Прелестное лицо дѣвушки омрачилось, она не могла стерпѣть сомнѣнія въ ея чести, въ ея вѣрѣ и со слезами бросившись въ объятія отца, она воскликнула—„я согласна!“

Въ эту минуту послышались торопливыя шаги и въ комнату въбѣжалъ Реймеръ.

— Ты—мол, Тельза, и никто не можетъ тебя отнять у меня! крикнулъ онъ голосомъ отчаянія и страсти. И онъ кинулся, было, къ дѣвушкѣ, но одинъ изъ священниковъ сталъ между ними и высоко поднявъ руку къ небу, строго произнесъ:

— Это дитя принадлежитъ отнынь церкви, Реймеръ фонъ-Вимерстедтъ!

Какъ громомъ пораженный остановился Реймеръ, Тельза продолжала рыдать на груди отца и не поднимая головы, не взглянувъ на юношу, она протянула ему руку, проговоривъ едва слышнымъ голосомъ:

— Слишкомъ поздно, Реймеръ, прости на вѣки

(До слѣд. №).

Литературный альбомъ „Бѣглець“ поэма Лермонтова.

(Рис. на стр. 306).

Небольшая поэма Лермонтова „Бѣглець“ превосходно обрисовываетъ понятія кавказскихъ горцевъ о долгѣ и чести. Горецъ бѣжавшій съ поля битвы, не отомстивъ, за смерть своихъ собратій, встрѣчается въ своемъ аулѣ общимъ позоромъ; его отталкиваетъ отъ себя лучшій другъ; изъ его объятій вырывается съ презрѣніемъ на устахъ любимая дѣвушка и наконецъ даже собственная мать выгоняетъ его съ проклятіемъ изъ родной сакли. Типъ Гаруна—этого человека, слишкомъ любившаго жизнь, не хотѣвшаго сложить свою голову въ отчаянной схваткѣ съ гиурами—живой, превосходно очерченный поэтомъ. Любовь къ жизни превозмогла у него надъ всѣми другими чувствами—мстью, ненавистью, жаждой крови. И вотъ онъ бѣжитъ, оставивъ безъ призора трупы своихъ погибшихъ братій.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла,
Бѣжалъ онъ съ страхомъ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.

Всѣ одноаульцы нали въ отчаянной борьбѣ; одинъ лишь трусъ остался цѣлъ; онъ еще не хочетъ умирать; онъ молодъ, любимъ; онъ снѣшитъ въ родной аулѣ; снѣшитъ увидать больнаго стараго друга, и когда послѣдній узнаетъ, что Гарунъ бѣжалъ какъ трусъ, не отомстивъ за братьевъ, то отворачивается отъ него какъ отъ прокаженнаго.

Ступай! достоинъ ты презрѣнья,
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ.

Говоритъ старый Селимъ Гаруну и выгоняетъ его изъ сакли. Несчастный бѣглець думаетъ тогда найти пріютъ и участіе у любимой дѣвушки, но и здѣсь онъ встрѣчаетъ одно презрѣніе. Го дая, энергичная дочь горъ не можетъ любить труса; ее можетъ увлечь лишь смѣлость, храбрость, отвага; она

требуетъ прежде всего отъ возлюбленнаго, чтобы онъ былъ героемъ, воиномъ, и лишь убѣдясь въ этихъ качествахъ, отдастъ свое сердце. Не даромъ поется въ горской пѣснѣ:

Своимъ измѣнившимъ
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы.

Гарунъ слышитъ какъ эту пѣсню поетъ любимая имъ дѣвушка и онъ блѣднѣетъ, сердце его обрывается; онъ видитъ, что и здѣсь онъ отверженъ; что и здѣсь онъ будетъ встрѣченъ съ позоромъ и презрѣніемъ. Но вѣдь у него еще есть мать; неужели-же она откажетъ ему въ ласкѣ и участіи? Неужели она не откроетъ своихъ объятій для несчастнаго сына? Но, увы, и мать встрѣчаетъ Гаруна холодно и сурово. „Отомстятъ ли ты за смерть своихъ братьевъ“, спрашиваетъ она сына и по его молчанію догадывается, что онъ бѣжалъ съ поля битвы, поступилъ какъ презрѣнный трусъ, а не какъ доблестный, честный горецъ. Неумолимо, безъ тѣни сожалѣнія, она тутъ-же изрекаетъ ему проклятіе.

— Молчи, молчи, глуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славою!
Такъ удались; живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглець свободы,
Не омрачу я старыя годы...
Ты рабъ и трусъ... ты мнѣ не сынъ!

Несчастный Гарунъ, отверженный всѣми близкими его сердцу, видитъ наконецъ, что жизнь, которою онъ такъ дорожилъ, которую онъ такъ берегъ, отнынь будетъ лишь однимъ безконечнымъ мученіемъ, вѣчнымъ отчаяніемъ и позоромъ. Онъ видитъ, что одна смерть можетъ спасти его и рѣшается на самоубійство.

. . . Ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ...
И мать по утру увидала,
И хладно отвернула взоръ.

Эта послѣдняя сцена поэмы, когда мать отвергаетъ своего недостойнаго сына и представлена на нашемъ рисункѣ.

Начало газетнаго дѣла.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе наше общество настолько составило себѣ привычку, что лишеніе возможности прочесть въ какой нибудь газетѣ текуція новости считается однимъ изъ лишеній, и намъ неоднократно приходилось слышать отъ лицъ, далеко не принадлежащихъ къ черной думской сотнѣ, такія мнѣнія: „какъ жаль, что нѣкоторыя газеты не выходятъ въ послѣдніе дни“. Но далеко не всѣмъ извѣстно, гдѣ беретъ начало періодическая литература, а потому считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя историческія данныя по этому вопросу.

Газетное дѣло, въ смыслѣ описанія важнѣйшихъ событій государственной и общественной жизни, получило начало еще у римлянъ. По свидѣтельству одного изъ античныхъ писателей Светанія во времена Юлія Цезаря, т. е. еще до Рождества Христова, въ Римѣ выходили ежедневные рукописные листки, носившіе названіе „Ежедневные отчеты“. Содержаніе ихъ ограничивалось перечнемъ новостей въ тѣсномъ смыслѣ происшествій. Писались они на папирусѣ массою переписчиковъ работъ подъ диктовку; изданіемъ занимались нѣкоторые патриціанскіе роды, содержавшіе цѣлыя сотни работъ, съ малолѣтства приученныхъ къ такой работѣ. Къ сожалѣнію ни одинъ изъ этихъ листковъ не дожилъ до нашего времени, и намъ приходится строить свои предположенія на ихъ счетъ на неясныхъ указаніяхъ нѣкоторыхъ античныхъ писателей, косвенно памакавшихъ на содержаніе „отчетовъ“.

Съ паденіемъ римскаго государства, въ Европѣ произошло регрессивное движеніе мысли, и даже само искусство чтенія и письма принуждено было скитаться по блуду свѣту, ища пристанища у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, пока христіанскіе монастыри, привлекая къ себѣ пытливые умы, не находившіе удовольствія въ кровопролитіяхъ средневѣковой жизни, не пріютили его у себя. Но геній монастырской жизни не былъ созидательнымъ; онъ, имѣя за собой величіе античной мысли, преклонялся передъ нею и, тщательно собирая въ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ архивахъ разрозненные отрывки классиковъ, отомелъ слишкомъ далеко отъ *своей* текущей жизни и считалъ міръ и все мірское дѣломъ діавола, а потому намъ вовсе не приходится встрѣчаться въ литературѣ того времени съ повседневною жизнью тогдашняго общества. Лѣтописцы, описывая выдающіяся событія, говорили о кометахъ, о градобитіи, о чудесномъ безпричинномъ звонѣ колоколовъ, о войнѣхъ и бракосочетаніяхъ царствующихъ домовъ, но ничуть не касались внутренней, заурядной жизни; да притомъ-же лѣтописи эти не были общественнымъ достояніемъ и сохранялись въ пыли монастырскихъ архивовъ.

Кромѣ монаховъ грамота была достояніемъ очень немногихъ исключительныхъ лицъ, и мы достаточно обрисовываемъ ее распространеніе, если скажемъ, что даже короли не всегда умѣли читать: Карлъ Великій началъ учиться уже въ зрѣломъ возрастѣ, и даже въ XIV столѣтіи итальянскій поэтъ Боккачіо не могъ найти переписчика или хотя-бы чернилъ въ богатомъ и населенномъ городѣ Люттихѣ. Понятно, что при этихъ условіяхъ никакое періодическое изданіе не могло-бы найти поддержки.

Но первородный грѣхъ проматери Евы вовсе не уменьшился въ людяхъ, и для удовольствія любопытства богатые дома держали у себя особенныхъ слугъ, обязанныхъ ежедневно обглагольствовать и докладывать своимъ господамъ обо всѣхъ событіяхъ общественной и частной жизни. Такимъ образомъ вѣсть о газетѣ средневѣковой Европѣ служили живые разносчики новостей; но они не имѣли характера общественнаго, и рядомъ съ ними какой нибудь болтливый цирюльникъ являлся болѣе общественнымъ дѣятелемъ, когда передавалъ одинъ и тотъ-же фактъ цѣлой сотнѣ своихъ почитателей.

Такое состояніе газетнаго дѣла тянулось довольно долго, пока какому-то предприимчивому французу, около середины XVI столѣтія, не пришло въ голову завербовать къ себѣ нѣсколько изъ такихъ собирателей новостей и заняться изданіемъ писанныхъ листковъ. Но эти листки выходили крайне неопредѣленно, какъ въ силу неудобства переписки (книгопечатаніе было только что изобрѣтено), такъ—и это главное—вслѣдствіе того, что жизнь того времени далеко не носила въ себѣ такого ха-

рактера общности, какъ теперь: люди даже прошлаго столѣтія жили гораздо болѣе замкнутою, семейною жизнью, чѣмъ мы. Поэтому количество новостей, особенно такихъ, которыя могли считаться достойными занесенія въ листки, было крайне незначительно. Телеграфовъ и общественныхъ почтъ также не существовало, и мы не должны удивляться, если одинъ изъ величайшихъ ученыхъ (кажется Ньютонъ) выразилъ сомнѣніе на счетъ возможности найти ежедневно достаточно матеріала для напечатанія одного газетнаго листа въ три столбца.

Почти одновременно съ появленіемъ такихъ листковъ въ Парижѣ, они появились въ Лондонѣ и въ другихъ промышленныхъ или административныхъ центрахъ. Такъ, въ Венеціи, Гамбургѣ, Любекѣ стали издаваться листки, содержавшіе въ себѣ торговныя, политическія новости, извѣстія о крушеніяхъ кораблей и т. д. Но печатное искусство примѣнено къ этому дѣлу впервые, кажется, въ Антверпенѣ около 1605 года типографикомъ Фергономъ. Онъ сталъ издавать печатные листы по мѣрѣ накопленія новостей въ разные сроки, иногда разъ, иногда два и три раза въ недѣлю. Съ его легкой руки печатаніе извѣстій быстро пошло въ ходъ, но какъ Америка получила свое названіе не отъ Колумба, такъ и названіе „газета“ листки эти получили не отъ своего начинателя.

Указанные выше собиратели уличныхъ новостей, бывшіе первыми корреспондентами и репортерами и принадлежа къ классу слугъ, естественно снабжали своего редактора всевозможными слухами, выходящими изъ устъ лакеевъ, дворецкихъ и т. д. Отсюда изданія получили характеръ слуховъ и были прозваны публикою „gazza“—сорока, т. е. болтуны. Это названіе увѣковѣчилось какой-то докторъ медицины Ренодо, начавшій скоро издавать въ Парижѣ сборникъ новостей подъ названіемъ „Gazette“. Слѣдовательно родителями періодической литературы надо считать лакеевъ, а крестнымъ отцомъ—доктора. По теперешнему направленію ей дано было кардиналь-министромъ Ришелье, принявшимъ „Gazette“ подъ свое покровительство и начавшимъ помѣщать въ ней свои политическія статьи. При теперешнемъ развитіи и вліяніи прессы кардиналъ, бывшій ея воспитателемъ и учителемъ, могъ-бы смѣло, вставши изъ гроба, сказать, какъ Рейнольдъ Петру I послѣ полтавской битвы: „Хорошо-же ученики отплатили учителямъ!“

Въ эту первую пору изданія правильной подлиски не существовало; газету разносили вліятельнымъ и богатымъ лицамъ и брали за нее „что пожелаете“, какъ деньгами, такъ и продуктами: виномъ, сукнами и т. д. Уличная продажа начата также Ренодо, и его разносчики сновали по улицамъ, предлагая прохожимъ газету за 1 су.

Правильно выходящая ежедневная газета появилась долго спустя почти передъ самой революціей, и количество ихъ въ эпоху Робеспьера достигло колоссальной цифры 1,000 съ лишнимъ. Одновременно съ Франціей журналистика развилась и въ другихъ странахъ—(такъ Англія оспариваетъ у Франціи пальму первенства въ выпускѣ первой печатной газеты, хотя не особенно основательно), и съ тѣхъ поръ, неуклонно слѣдуя прогрессивному теченію человѣчества, пресса завоевываетъ все большій и большій контингентъ читателей. Въ настоящее время Франція имѣетъ 3,000 періодическихъ изданій, Америка свыше 6,000, даже Японія выпускаетъ около 34,000,000 экземпляровъ газетъ и журналовъ... Богатства редакцій поднялись также на соответствующую высоту, напримѣръ редакция американскаго „New York Herald“ снаряжала цѣлую экспедицію въ центральную Африку.

Закончимъ этотъ бѣглый взглядъ на происхожденіе періодической литературы указаніемъ, что въ Россіи первая типографія заведена въ 1533 году, но первые книгопечатники Федоровъ и Мстиславцевъ, напечатавши „Дѣянія Апостоловъ“, едва унесли ноги изъ Москвы, обвиняемые въ ереси. Первая газета, вышедшая въ Россіи, была „Петербургскія Вѣдомости“, издававшаяся при Академіи Наукъ и основанная Петромъ Великимъ въ 1728 году, за ней появились въ 1756 году „Московскія Вѣдомости“; первая-же частная газета, носившая названіе „Трудолюбивая Ичела“, основана Сумароковымъ въ 1759 году.

Политическое обозрѣніе.

Общія мѣры правительствъ противъ анархизма. — Турецкая контрибуція. — Россія и Батай. — Анархизмъ въ Австріи, въ Англіи, въ Греціи. — Турція. — Германія. — Франція.

До настоящаго времени сплоченные анархисты вели войну съ разобщенными правительствами, что и давало имъ возможность совершать свои ужасныя дѣянія, но, быть можетъ, теперь вскорѣ, правительства примутъ, *сообща*, рѣшительныя мѣры противъ социалистовъ; по слухамъ, идущимъ изъ иностранныхъ источниковъ, русское правительство обратилось къ остальнымъ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ образовать международную политическую полицію для преслѣдованія и поимки членовъ динамитной партіи; Франція, конечно, (все согласно тѣмъ же источникамъ), отказалась отъ этого плана,

но, говорятъ, англійское правительство уже перемѣнило свой взглядъ въ отношеніи неприкосновенности тѣхъ, кто не признаютъ неприкосновенности чего бы то ни было, и намѣрено, въ свою очередь, пригласить Россію и Францію принять общія мѣры противъ той партіи; интересно знать—откажутъ ли Греви и Ферри Англіи, какъ отказали Россіи? Едва ли это удобно, въ виду цѣлаго ряда угрозъ новыхъ покушеній, указывающихъ на то, что динамитчики продолжаютъ разчитывать на разрозненность государствъ; дальше мы говоримъ объ этихъ угрозахъ, которыя слышатся почти всюду.—Конвенціей 2-го (14-го) мая 1882 г., между нами и Турціей, регулированъ вопросъ о военной контрибуціи; вначалѣ, однако, по этому вопросу у насъ съ

Портой были разногласія, до которыхъ она большая охотница, надѣясь въ нихъ отъ времени до времени, какъ въ мутной водѣ, поймать рыбку, впрочемъ—не удалось на этотъ разъ; наше посольство пасѣло съ такой энергіей, что наши дали приказаніе оттоманскому банку начать уплату, по конвенціи, съ 1 января 1883 г., но управляющій русскимъ посольствомъ въ Константинополѣ не ограничился „обѣщаніемъ“ (турецкія обѣщанія!!!), а потребовалъ, чтобъ изъ собранныхъ уже доходовъ минувшаго турецкаго года была уплачена нашему правительству причитающаяся за январь и февраль часть выговореннаго конвенціей годичнаго взноса, и Порта, съ акуратностью, которая могла бы удивить прежде всего ее самое, уплатила нашему государственному банку 58,333 турецкія лиры 33 піастра (около 1,350,000 франковъ).—Китайцы продолжаютъ прежнее: недавно китайскіе солдаты угнали было у русскихъ киргизъ табунъ; когда же наши казаки кинулись преслѣдовать, то были встрѣчены выстрѣлами, которые вскорѣ превратились въ перестрѣлку, причемъ не обошлось безъ жертвъ; неужели же мы не прекратимъ это постоянное нарушеніе неприкосновенности нашихъ границъ, нарушеніе, едва ли способствующее русскому обаянію на Востокѣ!

Прекрасной иллюстраціей дѣятельности анархистовъ служитъ, между прочимъ, процессъ ихъ въ Вѣнѣ, который обнаружилъ, что они стремились къ открытому грабежу, и—вотъ нѣкоторыя подробности: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, багмачникъ Мершталлингеръ былъ обокраденъ при помощи сильнаго наркотическаго средства—недавній процессъ, о которомъ мы говоримъ, доказалъ, что воры принадлежали къ радикальной партіи рабочихъ и даже считались выдающимися членами ея; „центральный комитетъ“ предписалъ добыть денегъ для пропаганды, добыть ихъ во что бы то ни стало, и, вотъ, „дѣятели“, услышавъ, что Мершталлингеръ имѣетъ деньги, явились къ нему въ лавку подъ видомъ покупателей и, приставивъ ему къ носу, пронитанную хлороформомъ губку, усыпили его, а затѣмъ взяли 1150 гульденовъ; изъ одного изъ подсудимыхъ нашли, при обыскѣ, такое количество цианистаго калия, котораго достаточно было бы для отравленія трехъ тысячъ человѣкъ, но подсудимый отказался развѣснить цѣль, съ которой имѣлъ при себѣ этотъ ядъ; другой подсудимый, какъ оказалось, желалъ взорвать колокольню церкви Св. Стефана въ Вѣнѣ; инструкции имъ приходили изъ Лондона.

Англійскіе динамитчики не унимаются; такъ, депутатъ отъ Гельстона въ палатѣ общинъ, Обинъ, получилъ анонимное письмо, написанное женскою рукою, въ которомъ его преду-

преждаютъ, чтобы онъ не являлся къ открытію палаты послѣ Пасхи, такъ какъ ирландскіе заговорщики рѣшили взорвать зданіе парламента. Правительство принимаетъ мѣры: оно сдѣлало распоряженіе объ охраненіи общественныхъ зданій въ Лондонѣ двумя тысячами солдатъ пѣхоты; зданіе парламента и Бокингемскій дворецъ оберегаются батальономъ гвардіи. А удивлялись намъ, русскимъ! Кроме того, англійское правительство требуетъ отъ американскаго выдачи лица, называющагося № 1-й и находящагося въ Нью-Йоркѣ. Значитъ, когда взрываютъ Вестминстеръ, а не какое либо другое зданіе и въ какой либо иной странѣ, то можно требовать выдачи политическаго преступника? Лицемеры и фарисеи!

Динамитъ пробрался и въ Грецію; въ Аоннахъ вывѣшено было воззваніе, въ которомъ заключались угрозы противъ министровъ Трикуписа и Каллигаса, а также и совѣтъ членамъ оппозиціи не ходить въ палату, такъ какъ предполагается се взорвать динамитомъ; хотя этой угрозѣ не придаютъ серьезнаго значенія (до поры до времени, вѣроятно), но полиціей приняты мѣры предосторожности.

Изъ Константинополя вновь отправлено въ изгнаніе нѣсколько придворныхъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ находится сынъ Шамля, Мехметъ-Папа, сосланный въ Мекку со всей своей семьей, Сувори-Папа, бывшій председатель суда надъ Мидхатомъ-Пашей, нѣсколько камергеровъ и другихъ лицъ, всего болѣе 50 человѣкъ. Въ Аравіи возстаніе усиливается и грозитъ распространиться на Геджасъ; для перевозки туда войскъ зафрахтовано Портой нѣсколько пароходовъ австрійскаго Ллойда.

Въ Германіи вслѣдъ за Камеке, вышелъ въ отставку и начальникъ адмиралтейства, генералъ Штошъ, который привелъ флотъ въ прекрасное состояніе и вмѣсто котораго назначенъ генералъ-лейтенантъ Каприви, командовавшій подъ Мецомъ пѣхотной дивизіей (Штошъ не былъ тоже морякомъ); это—одинъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба.

По свѣдѣніямъ изъ Парижа, Ваггинтонъ будетъ назначенъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла отъ французскаго правительства, а для присутствованія при торжествѣ коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ, его будутъ сопровождать начальникъ военнаго кабинета Грэви, генералъ Питье, въ качествѣ представителя Грэви, а также еще пять лицъ.—Де Брацца отправился въ Конго съ цѣлю экспедиціей.—Ферри предполагаетъ производить работъ на 50 милліоновъ франковъ, чтобы дать занятіе рабочимъ.

Библиографія.

Повѣсти и рассказы В. М. Маркевича. Спб. 1883. Не можемъ не обратить вниманія читателей на этотъ интересный сборникъ. Г. Маркевичъ оказывается такимъ же мастеромъ въ коротенькихъ, маленькихъ очеркахъ и эскизахъ, какъ и въ большихъ романахъ. Все это рассказано изящно, оживленно и каждый рассказъ представляетъ полное и законченное цѣлое, не смотря иногда на свою краткость. Особенно хороши рассказы: „Изъ петербургской жизни“, „Въ окна“ и „По телеграфу“. Послѣдній выдержанъ прекрасно въ самой оригинальной формѣ: онъ весь состоитъ изъ однихъ телеграммъ, гдѣ казалось бы трудно обрисовать дѣйствующихъ лицъ. Но мастерство автора сдѣлало то, что по прочтеніи этого ряда телеграммъ передъ вами возникаетъ цѣлая трагикомическая исторія и ярко обрисовываются всѣ дѣйствующія лица. Читающій этотъ сборникъ получаетъ большое удовольствіе и претендовать могъ бы развѣ на краткость рассказовъ, напримѣръ „Изъ петербургской жизни“, который такой авторъ, какъ г. Маркевичъ, могъ конечно развить еще полнѣе.

Впередъ. Романъ В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1883 г. Содержаніе романа г. Данченко взято изъ событій послѣдней

русско-турецкой войны, которой нашъ извѣстный авторъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ и описателемъ. Живость изложенія, разнообразіе и обиліе (даже нѣсколько обременяющее) событій и приключеній отличаютъ это новое произведеніе талантливаго рассказчика, которое конечно будетъ имѣть обычный успѣхъ, такъ какъ публика очевидно читаетъ и любитъ бойкое, быстрое слово нашего путешественника и корреспондента.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. А. Невзленова. Спб. 1883 г. Настоящая книга есть собственно сборъ лекцій, читанныхъ авторомъ студентамъ С.-Петербургскаго университета, и представляетъ анализъ внутренней жизни и творческой дѣятельности нашего знаменитаго поэта въ двухъ первыхъ періодахъ. Это эпоха формировавія, развитія богатыхъ душевныхъ силъ Пушкина, время ученья, усвоенія имъ разнообразныхъ началъ и идей дѣятельности. Вслѣдъ за настоящимъ сочиненіемъ авторъ предполагаетъ представить другое—очеркъ послѣдняго, вполне самобытнаго періода жизни и творчества поэта. И тогда русская литература обогатится прекраснымъ, капитальнымъ трудомъ, необходимымъ всякому при изученіи эпохи Пушкина и его произведеній.

С М Ъ С Ъ.

Еще о Рафаэлѣ Санціо. Въ этомъ № читатель видитъ нѣсколько копій произведеній знаменитаго Рафаэля, его портретъ и обстоятельную статью о немъ. Въ Римѣ праздновался юбилей Рафаэля 28-го марта. Утромъ этого числа всѣ художники, проживающіе въ Римѣ, пошли процессіей изъ Капитолія въ Пантеонъ и тамъ на могилѣ великаго художника поставили его бронзовый бюстъ. Въ 2 часа дня Академія Наукъ имѣла экстренное засѣданіе, на которомъ присутствовали король и королева Италіи. Торжественную рѣчь говорилъ секретарь Академіи Леони. Послѣ этого въ Музыкальной Академіи, въ залѣ св. Сесилія, сыграна была кантата Фальки, написанная имъ собственно для этого случая. Вечеромъ была большая иллюминація. Въ театрѣ „Констанція“ поставлены были живыя картины, сюжетами которыхъ послужили великія произведенія мастера. Сборъ весь пошелъ на устройство памятника Рафаэлю въ Римѣ.

Жизнь Рафаэля была коротка, такъ коротка, что становится непонятнымъ, какъ этотъ человѣкъ могъ оставить столько чудныхъ произведеній. Преимущественно онъ извѣстенъ своими изображеніями

ми Мадонны, которыхъ написалъ очень много; но почти нѣтъ ни одной стороны художественной дѣятельности, въ которыхъ бы не проявилась его неисощимая фантазія и сила творчества. Кроме различныхъ картинъ (Мадонны, религиозныя и историческія картины, портреты и пр.), Рафаэль оставилъ фрески, картоны для стѣнъ и разные этюды. Рафаэль также съ успѣхомъ занимался ваяніемъ, и какъ архитекторъ возбуждалъ общее удивленіе; его модель церкви Петра въ Римѣ была такова, что за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ былъ назначенъ главнымъ распорядителемъ этой грандіозной постройки.

Въ жизни Рафаэля не было никакихъ рѣзкихъ переживаній; онъ умеръ въ блескѣ славы и успѣха. Первоначальные уроки онъ получилъ въ своемъ родномъ городѣ отъ отца. Джіованни Санціо, тоже извѣстнаго художника, котораго слава гудевалась при непомѣрномъ блескѣ славы его великаго сына. Позднѣе, какъ сказано, Рафаэль бралъ уроки у Перуджино. Послѣ временнаго пребыванія во Флоренціи, Болоньи, Перуджіи и Урбиню, въ 1508 году Рафаэль пріѣхалъ въ Римъ, куда онъ былъ вызванъ папою Юліемъ II, по пред-

ложено архитектора Браманте. Только здѣсь художникъ попалъ въ соответствующій кругъ дѣйствій, гдѣ его гений могъ всесторонне развиться. Къ счастью Рафаэля, короткая жизнь его сложилась такъ, что ему не приходилось заботиться о ея мелочныхъ условіяхъ, послѣ того, какъ изъ подъ его кисти вышли такіа произведенія, какъ Сикстинская Мадонна, Мадонна делла Седія, Святая Сесилія и друг.

Сикстинская Мадонна—это дивное произведение божественной живописи, была написана для главнаго алтара церкви Св. Сикста въ Піаченцѣ, затѣмъ въ 1754 году была приобретена за двадцать тысячъ дукатовъ для Августа III, короля Саксонскаго, и съ тѣхъ поръ служить драгоценнѣйшимъ украшеніемъ Дрезденской галлерей.

Такъ называемая Мадонна дель Грандука представляетъ Богородицу, стоящую со Спасителемъ, руки Коего покоятся на плечѣ и груди Богоматери. Это картина, находящаяся теперь во дворцѣ Питти во Флоренціи, писана вѣроятно около 1504 года. Въ концѣ прошлаго столѣтія она находилась у одной бѣдной вдовы, которая, вмѣстѣ съ двумя картинами Карла Дольче, продала ее торговцу картинами за 12 скуди.

Наружность Рафаэля производила самое пріятное впечатлѣніе. Средняго роста, стройный, съ правильными и привлекательными чертами лица, добрыми глазами и каштановыми волосами, онъ одѣвался всегда чрезвычайно изысканно и богато. Эта страсть къ дорогимъ нарядамъ—отраженіе любви ко всему прекрасному.

Домъ, въ которомъ жилъ Рафаэль въ Римѣ, сохранился еще и теперь невдалекѣ отъ всѣмъ извѣстной виллы Боргезе—этой великолѣпной, занимающей квадратную милю собственности кардинала Сипіона Боргезе. Домъ Рафаэля, небольшой по размѣрамъ, имѣетъ красивый видъ. Своды галлерей поддерживаются гранитными колоннами, взятыми при возведеніи этого дома изъ одной античной постройки. Домъ стоитъ особнякомъ, уединенно; лучше всего онъ виденъ со стороны виллы Медачи; древнія пинія виллы Боргезе перелѣ домомъ и Аппенины на заднемъ планѣ. Весь домъ окруженъ деревьями, листья которыхъ уносятся путешественниками и увозятся на родину какъ святыня. Городъ Римъ не особенно заботится объ этомъ домѣ, гдѣ жилъ великій художникъ во дни своей славы, и многія фрески, работы ученика Рафаэля, Джуліо Романо, находятся въ печальномъ состояніи.

Если судить о характерѣ Рафаэля по его почерку, то онъ выражаетъ спокойствіе и довольствіе. Подъ однимъ изъ своихъ этюдовъ онъ набросалъ стихотвореніе, точная копія автографа котораго помѣщена у насъ на стр. 304 этого №. Вотъ это стихотвореніе въ приближенной передачѣ:

Въ сіяніи лучей твоей образъ милый—
Всегда хранить его моя душа.
Начну писать и вижу: нѣтъ той силы,
Той прелести... О какъ ты хороша!
И кисть моя смѣла и краски живы,
Но какъ жертвы они передъ тобой!
Какъ этихъ нѣжныхъ лилій, розъ отливъ
Изобразить съ такою красотою?..

Это довольство и спокойствіе замѣчается въ вышнѣй изящной, начальной буквѣ С. Вышина ея однако не настолько преувеличена, чтобы нарушать гармонію цѣлаго. Буквы выражаютъ вполне художественный духъ писавшаго—мягкость и округленность линий въ строчныхъ и какая грація въ большихъ буквахъ! Между тѣмъ писаніе это вовсе не каллиграфическое, по оно гармонично—буквы походятъ на типографскіе знаки. Простая гармонія и благородная симметрія есть въ чертахъ его почерка—хотя строки эти и набросаны быстро, подъ влияніемъ впечатлѣнія только что оконченнаго этюда—и въ немъ замѣтно стремленіе къ античному классическому покою. Если разсматривать почерки великихъ людей нашего времени, то всѣ они носятъ печать безпокойства, страстнаго, тревожнаго состоянія души; въ почеркѣ Рафаэля нѣтъ ни одной такой рѣзкой черты. Онъ свидѣтельствуетъ о душевномъ покоѣ и равновѣсіи. По почерку Рафаэля можно заключить, что онъ былъ настоящій художникъ, не допускавшій ни малѣйшаго отступленія отъ прекраснаго ни въ жизни, ни въ произведеніяхъ.

Циркъ Чинизелли въ Снб. Въ нынѣшнемъ году можно сказать, что публика цѣнитъ труды и прекрасное веденіе дѣла хозяевъ нашего прекраснаго столичнаго цирка. По Субботамъ и Воскресеньямъ въ особенности мѣста бѣгаютъ почти всѣ заняты. Привлекаютъ кромѣ обычныхъ, прекрасно составляемыхъ программъ представленій и изящно, богато и со вкусомъ поставленныя пантомимы „Робертъ и Бертрамъ“, „Тысяча одна ночь“, „Нибелунги“ и друг. Скоро будетъ поставлена новая роскошная пантомима, къ которой дѣятельно готовятся и производятъ большіе расходы. Замѣчательные дебюты такихъ артистовъ какъ превосходный Уукъ, труппа Дейке, сестры Джойлозъ и любимого публикой ловкаго маленькаго наездника Нони Бедни—не могутъ не быть оценены любителями такихъ красивыхъ и доступныхъ зрѣлищъ. Верховая ѣзда, дрессировка лошадей, вольтажированіе—все это доведено до очень хорошаго состоянія. Коношны г. Чинизелли содержатся прекрасно и чисто и переполнены очень хорошимъ выборомъ лошадей, гдѣ дѣти особенно восхищаются маленькими пони.

Изверженіе Этны. Громаднѣйшій и страшнѣйшій изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ началъ снова свое ужасное дѣло разрушенія. Въ сравненіи съ Этной, Везувій кажется карликомъ, какъ относительно вышины, такъ относительно силы и энергіи. Въ

три раза выше этого послѣдняго, достигающій 11,000 футовъ вышины, вулканъ Этна уже этимъ свидѣтельствуетъ о силѣ своего внутренняго огня. Всѣ вулканы можно считать огненными горами, въ которыхъ перерабатываются вулканическія силы, и которые тѣмъ выше поднимаются къ облакамъ, чѣмъ сильнѣе изверженія, которыми они обязаны своимъ возникновеніемъ. Даже въ спокойномъ состояніи видъ Этны по своей величественности превосходить всѣ горы Европы. Прежде всего глазъ встрѣчаетъ роскошную, почти тропическую полосу, простирающуюся отъ подошвы вулкана на 2,500 футовъ въ вышину, затѣмъ слѣдуетъ полоса лѣсовъ, тянущаяся до 6000 футовъ вышины и наконецъ каменные массы вершины, въ разсѣлинахъ которой снѣгъ не таетъ никогда, даже во время Сицилійскаго лѣта. Также безподобенъ видъ съ вершины Этны. Оттуда глазъ видитъ три четверти Сициліи, за исключеніемъ только самой западной части ея. На сѣверѣ, Липпарскіе острова выдѣляются такъ ясно изъ синихъ волнъ Тирренскаго моря, что такъ и кажется, что до нихъ можно достать рукою. Къ сѣверо-востоку тянется Калабрія, за горами которой, не смотря на ихъ значительную въ 6000 футовъ вышину, видно Ионическое море. Если вулканъ спокоенъ, то можно также безопасно, хотя и съ большими трудностями, изслѣдовать кратеръ его, имѣющій въ окружности около часа ходу. Внутреннія стѣны его окаймляются небольшою равниной, среди которой находится круглое отверстие, составляющее собственно глубокую пасть гигантскаго горна. Въ этой трубѣ безпрестанно бродитъ и кипитъ тягучая, тѣстообразная масса лавы, откуда поднимаются маленькіе огненные язычки, свидѣтельствуя о томъ, что хотя гора иногда и успокоивается, но никогда не потушается совершенно.

Объ изверженіяхъ Этны историки повѣствуютъ еще въ глубочайшей древности. Теодоръ Сицилійскій упоминаетъ объ изверженіи, происходившемъ за 500 лѣтъ до Троянскаго войны. Оно было такъ сильно, что первые обитатели восточной Сициліи принуждены были выселиться изъ этой мѣстности. Послѣ того многія хроникеры древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ неоднократно сообщали о подобныхъ катастрофахъ. Самое ужасное изверженіе было въ 1669 году.

За восемнадцать дней до изверженія небо было черно, закрыто тучами, въ тоже время часто гремѣло и сверкала молнія. Одновременно на островѣ Стромболи, на западъ отъ Сициліи, въ двухъ вулканахъ началась необыкновенная дѣятельность. Въ Николози нѣсколько домовъ было разрушено землетрясеніемъ, а надъ кратеромъ замѣчилось сильное движеніе. 8-го марта потемнѣло небо надъ Ла-Педара, а 11-го числа въ горахъ, на разстояніи 20 миль отъ кратера, ближе къ городу Катаньи, открылась пропасть въ нѣсколько миль. На слѣдующую ночь въ горахъ открылось еще нѣсколько пропастей, откуда вырвались большіе столбы дыма, сопровождавшіеся громомъ и сильнымъ землетрясеніемъ. Изъ главнаго кратера вылилась струя лавы, направившаяся къ озеру Ла-Гардія. На слѣдующій день лава потекла далѣе до области Маль-Пассо и опустошила ее въ двадцать часовъ. Затѣмъ она повернула къ Монате-Пельери; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потокъ лавы достигалъ двухъ миль ширины. 23-го числа образовалась новая громадная пропасть, составившая кратеръ въ двѣ мили въ окружности, изверженія котораго покрыли окрестность на пятнадцать миль кругомъ. Утромъ 25-го марта вся цѣль горъ сильнымъ землетрясеніемъ была приведена въ движеніе и высочайшій конусъ провалился съ пѣвѣрлнтымъ трескомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, открылась пропасть въ одну милю въ окружности, откуда вылетали камни и пепель, между прочимъ и знаменитая глыба лавы, которую и по нынѣ можно видѣть на горѣ Фрументо. Съ сильнымъ шумомъ, сопровождаемымъ землетрясеніемъ, лава направилась къ Катаньи, перескочила черезъ стѣны, разрушила городъ, затѣмъ падающаеся волнаго Бенедиктинское Аббатство и влилась въ море. Впродолженіи 40 дней лавы уничтожила дома 27,000 жителей, а изъ 20,000 душъ населенія Катаньи въ живыхъ осталось только 8000. Въ своемъ теченіи лава несла громадные раскаленные до красна камни, которыми была покрыта вся страна, которая дымилась точно плавильная печь. Громадныя скалы, оторвавшись отъ берега, упали въ море со страшнымъ трескомъ, но когда въ море устремился потокъ лавы, то трескъ былъ ужаснѣе самаго сильнаго грома и былъ слышенъ на далекое разстояніе. Вода отступила назадъ, солнце потемнѣло, рыбы поумирали и самъ цвѣтъ морской воды измѣнился. Продолжительный шумъ вырвался изъ горы и былъ слышенъ на 60 даже на 100 миль; даже пепель заносился на такое-же разстояніе. Во время этого наводненія горячаго потока, имъ отрывались и уносились на цѣльи мили раскаленные громадныя скалы. Впродолженіи цѣлыхъ недѣль не видно было солнца, и вся сцена измѣнилась только спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Принадлежащій къ монастырю виноградникъ, къ общему изумленію, началъ шевелиться отъ плавающей подъ нимъ лавы. Часть этого виноградника сохранилась до настоящаго времени.

Въ этомъ столѣтіи было уже одиннадцать изверженій, но не особенно сильныхъ. Теперь же въ вулканѣ началось особенно дѣятельное движеніе, и судя по всѣмъ признакамъ, прилегающей къ нему мѣстности предстоятъ тяжелые дни.

Профессоръ Сильвестри сообщаетъ, что изверженіе Этны постоянно увеличивается; теперь уже открылось десять новыхъ кратеровъ. Самыя сильныя сотрясенія земли ощущались возлѣ Ациреалы, Калатабіано, Адерно и Липугагросса. Всѣхъ ихъ было уже тридцать. Деревня Ла-Маччія совершенно разрушена. Въ Санта-

Вепарина, Лисера и Мило развалились многие дома; до сих пор только Катанья не пошла никакого убытка. По всему пространству извержения между Ациреалем и Падерно четыре дня безпрестанно падает дождь пепла. Лава медленно движется к Николозип и Маскалуччи. Вулкан выбрасывает громадные камни.

Иголка находившаяся в тѣлѣ 46 лѣтъ. Въ „Medical times and Gazette“ пишутъ, что 1830 году госпожа В. проглотила большую иглолку со сломаннымъ концомъ, которая въ продолженіи двухъ недѣль была причиной сильнаго раздраженія и выдѣленія горломъ крови. Спустя двадцать лѣтъ, В. почувствовала сильную боль въ лѣвомъ бедрѣ, принудившую ее лечь на нѣсколько недѣль въ постель; та же боль и въ той же части тѣла повторилась еще два раза съ промежутками отъ одного до двухъ лѣтъ. Въ 1874 г. В. почувствовала страданія въ правой рукѣ и лопаткѣ и приписывала это ревматизму, который однако не поддавался никакому леченію. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ боль прошла сама по себѣ, но возобновилась снова въ 1876 г. Теперь рука очень всухла около локтя. Растрепанное мѣсто масломъ, В. поранила себѣ руку чѣмъ то острымъ, что при ближайшемъ осмотрѣ оказалось туннымъ концомъ иглолки, которую и удалось вытащить щипцами, однако съ большимъ трудомъ. Иголка почернѣла и сдѣлалась шероховатой. Она принадлежала къ старымъ сортамъ иглолокъ, которыя уже давно не изготовляются. Боль въ рукѣ скоро прошла и 80-ти лѣтняя В. теперь совершенно здорова.

Запасы золота. Общій запасъ чеканеннаго золота и въ слиткахъ, находящагося въ кладовыхъ банковъ, опредѣляютъ въ 5800 милліоновъ рублей. Изъ этого числа на Англію приходится 1.260,000,000 руб. на Францію 1.360,000,000 р., на Германію 80.000,000 р., и на Соединенные Штаты 920.000,000 рублей. Въ остальныхъ государствахъ сумма колеблется между 8.000,000 и 304.000,000 руб. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что количество чеканнаго и въ слиткахъ золота не можетъ быть мѣрлою богатства страны.

Плавающая хамелеонъ. Въ окрестностяхъ Роскофа (въ Пруссіи) попадается часто маленькая каракатица, имѣющая свойства хамелеона, и легко ссыкающаяся съ жизнью въ аквариумѣ этой станціи. При малѣйшемъ прикосновеніи она мѣняетъ моментально цвѣтъ; изъ черной она дѣлается бѣлой и наоборотъ, и принимаетъ всѣ оттѣнки, между которыми двумя цвѣтами. Поль Жиру изучалъ это явленіе по такъ называемымъ хромофорнымъ клѣточкамъ кожи этого моллюска. Клѣтки эти особенными органами сжимаются и расширяются; однако по словамъ Локайе-Дюттера, о существѣ клѣточекъ и механизмѣ, вызывающемъ перемѣну цвѣта, ничего опредѣленнаго еще неизвѣстно.

Хлороформированіе пчелъ. Въ Англіи съ успѣхомъ прибѣгали къ хлороформированію пчелъ въ ульяхъ въ то время, когда собирали соты. Такой улей, для предохраненія его отъ свѣта и доступа воздуха, завѣшивается сукномъ и въ него начинаютъ капать хлороформомъ. Когда замѣтятъ, что пчелы сидятъ тихо, ихъ можно легко и безъ всякой опасности собрать и перенести въ другой улей, доступъ воздуха къ которому долженъ быть свободенъ. Пчелы скоро приходятъ въ себя и начинаютъ весело летать вокругъ своего жилища.

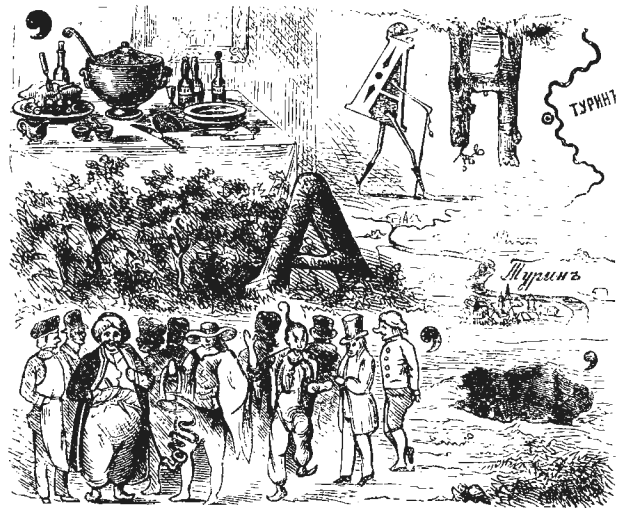
Копенгагенъ прежде и теперь. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, Копенгагенъ былъ маленькой столицей въ маленькомъ государствѣ; теперь же онъ можетъ сравниться со всѣми большими городами міра. Копенгагенъ, получивъ 25 лѣтъ тому назадъ самостоятельное управленіе, сдѣлался городомъ космополитическимъ, вошелъ въ большое міровое теченіе и сообразно съ этимъ измѣнился паружнымъ видомъ. Передъ четвертью вѣка, городъ былъ окруженъ валомъ, передъ которымъ тянулся крѣпостной гласисъ, куда доступъ былъ разрѣшенъ только пзбраннымъ лицамъ, имѣвшимъ ключъ отъ воротъ. Предмѣстья состояли изъ нѣсколькихъ улицъ, между которыми простирались сады и хлѣбныя поля. Полицейскій былъ рѣдкимъ явленіемъ на улицѣ; почные сторожа снали въ подвалахъ и только каждый часъ крикомъ своимъ давали знать, что они находятся на своихъ постахъ. Если случался пожаръ, то барабанный бой, трубы и звонъ колоколовъ поднимали на ноги весь городъ. Газовые фонари, введенные впервые въ 1857 г., доставляли гуляющимъ большое удовольствіе. Днемъ нѣсколько тяжелыхъ дилижансовъ поддерживали сообщеніе между Копенгагеномъ и Фредериксборгомъ. Съ тѣхъ поръ число жителей съ 150,000 увеличилось почти вдвое, а къ имѣвшимся церквямъ прибавилось еще пять новыхъ. На устройствѣ подземныхъ сточныхъ трубъ съ 1864 г. употреблено 1½ милліона кронъ. Городской бюджетъ двадцать пять лѣтъ назадъ составлялъ 1.080,000 риксдалеровъ (1 риксдал.—80 коп.), теперь же онъ составляетъ 6 милліоновъ кронъ (крона около 35 коп.). Школы, на которыя въ 1857 году расходовалось 184,000 кронъ, обходятся теперь 900,000 кронъ; расходы на полицію съ 120,000 кронъ возрасли до 600,000 кр. Но за то, въ то время какъ въ 1858 году нпщихъ было 6,9 процента населенія и налогъ на содержаніе бѣдныхъ составлялъ по 5 кронъ и 90 эре на человѣка, теперь бѣдныхъ уменьшилось до 3,7 процента населенія и налогъ на содержаніе бѣдныхъ также понизился до 5 кронъ 30 эре съ каждой души населенія.

Прусская армія. Изъ обнародованнаго списка чиновъ прусской арміи видно, что къ послѣдней принадлежатъ въ настоящее время 18 членовъ гогенцоллернскаго дома, а именно: императоръ и императрица (состоящая шефомъ названнаго по ея имени гвардейскаго полка), наследный принцъ и наследная принцесса, восемь принцевъ

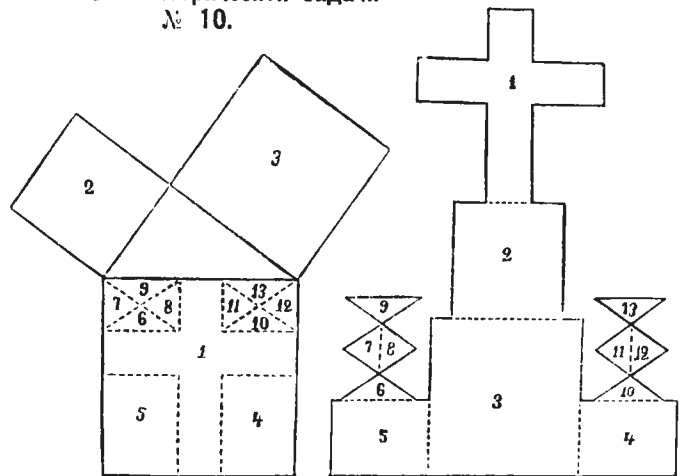
и одна принцесса (супруга Фридриха-Карла), князь Антонъ Гоенцоллернъ, три сына котораго и внукъ тоже служатъ въ арміи. Въ послѣдней числятся 8 фельдмаршаловъ и соответствующихъ имъ чиновъ, 40 генераловъ отъ инфантеріи и кавалеріи, 91 генералъ-лейтенантъ, 129 генералъ-маіоровъ, 251 полковникъ, 318 подполковниковъ и 1,024 маіора. Изъ иностранныхъ государей шефами полковъ состоятъ: Императоръ Всероссийскій и Императоръ австрійскій, король итальянскій и румынскій. Императоръ Вильгельмъ числится шефомъ пяти полковъ. Наслѣдный принцъ состоитъ кавалеромъ 66 орденовъ, генералъ князь Бисмаркъ — 45 и фельдмаршалъ графъ Мольтке—44.

О богатствѣ Англіи можно судить, между прочимъ, по тому обстоятельству, что въ прошломъ году, напримѣръ, въ Англіи умерло 14 лицъ, изъ которыхъ каждое оставило одного движимаго имущества на сумму около 300,000 фунтовъ стерлинговъ (около 3 милліоновъ рублей). Верхняя палата состоитъ изъ 516 лордовъ, которымъ принадлежатъ свыше 14 милліоновъ акровъ земли (акръ = 2/5 десятины) съ доходомъ въ 15 милліоновъ ф. с. или по 29.000 ф. с. на человѣка, не считая ихъ движимаго имущества. Доходъ англійской церкви составляетъ свыше 4½ милліоновъ ф. с., а 200 членамъ нижней палаты принадлежатъ свыше двухъ милліоновъ акровъ земли съ доходомъ въ два милліона ф. с.

Ребусъ задача № 18.

Рѣшеніе геометрической задачи № 10.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Барабанова, Москва—Колдова, Рузылова, Бахчисарай—Дренджі, Бѣла—Выржковскаго, Гатчино—К. П.—з, с. Медвѣдь—Деттерева, —Рязань—Ростиславова.

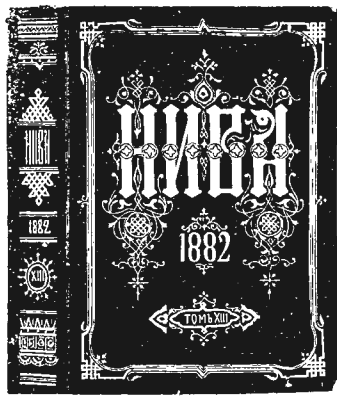
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Рафаэль Санціо. (Съ портр. и 7 рис.).—Въ цвѣтахъ. Новѣсть Н. Лебедева (Морснаго). (Продолженіе).—Валкири. Стихотвореніе А. Майкова.—Предатель. Историческій разсказъ. М. Лилія. (Продолженіе).—Литературный альбомъ. „Бѣглець“, поэма Лермонтова (съ рис.).—Начало газетнаго дѣла.—Политическое обозрѣніе.—Библиографія—Смѣсь.—Ребусъ.—Задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ излучшаго английск. кален. 1882 г. съ зол. тисп. по вышесозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую каленкорую крышку. Также имѣются крышки для „НИВЫ“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

Г. ПОЛЬ
изъ Берлина.

Цинко-литейная—въ Москвѣ, Петровскія Торговья лини.

ФОНТАНЫ, фигуры, канделябры, памятники и надписи. Россійскіе орлы. Балконы, перила, капители и проч. Рисунки высылаются на восяц. № 2513 требованіе. 4—4

ПОЛЕЗНЫЯ ИЗДАНИЯ.

Юсифа Елишев. **ЗЕГИМЕЛЯ.** СПб., Невскій пр., д. № 4. (Выставка по-выхъ изобрѣтеній).

- 1) **Джентельменъ.** Содержаніе: Какъ быть порядочнымъ человекомъ.—Свѣтскія приличія для мужчинъ и женщинъ.—Разсказы о несчастіяхъ, постигшихъ молодого человека вследствие его невѣжливости. Ц. 30 к.
 - 2) **Секреть намъ разбогатеть.** Соч. В. Франклина, перев. съ англ. Ц. 15 к.
 - 3) **Всемирный поставщикъ** всего что угодно, отъ пензенки до гроба и отъ булавки до слона. Ц. 20 к.
 - 4) **Мать-идеаль.** Содержаніе: Приданое младенца.—Воспитаніе дѣтей со дня рожденія.—Поведеніе и благовоспитанность. Ц. 20 к.
 - 5) **Женщина-идеаль.** Содержаніе: Сохраненіе красоты и здоровья.—Туалетъ.—Этикетъ.—Советы дѣвицамъ. Советы женамъ.—Правила экономіи.—Разсказы. Ц. 20 к.
 - 6) **Необходимыя правила для приказчиковъ,** конторщиковъ, кассировъ и друг. служащихъ. Анекдоты изъ быта приказчиковъ. Ц. 20 к.
 - 7) **Необходимыя правила для купцовъ,** банкировъ и для всякаго дѣловаго человека. Анекдоты изъ купческаго быта. Ц. 25 к.
 - 8) **Подвиги человеколюбія.** Забвительныя дѣятели на этомъ поприщѣ. Настоящая книга для всѣхъ классовъ обоаго пола. Ц. 1 р.
 - 9) **Объ уступкѣ см. ниже.**
 - 9) **Гальванопластика** или руководство къ воспроизведенію медалей, бюстовъ, обливаніе металлами издѣлій изъ дерева, стекла, картона, гипса и пр.—Къ вышиванію, золоченію и серебрѣнію вс. вещей электро-гальваническимъ способомъ. Ц. 50 к.
 - 10) **Опыты съ электричествомъ,** со мног. рисунками и чертежами. Ц. 50 к.
 - 11) **Руководство къ живописи брызгами,** всякаго рода изыщные и эффектные рисунки и картины, также изыщныя на деревѣ и пр. безъ всякой подготовки. Ц. 50 к.
 - 12) **Руководство къ работамъ изъ стружекъ и бересты.** Ц. 50 к.
 - 13) **Руководство къ живописи масляными красками** и къ реставрированію старыхъ карт. Ц. 50 к. съ перес.
 - 14) **Руководство къ литографии,** или искусство обращаться иллюстраціи въ издѣлія картунъ. Ц. 50 к.
 - 15) **Руководство къ живописи акварелью** и настольно Ц. 50 к.
 - 16) **Руководство къ гелиоинтратурѣ** (фотохроміи) или искусство раскрашивать акварельными или масляными красками разнаго рода фотографическія картинки, портреты, картины и пр. Ц. 50 к.
- Примѣчаніе:** Всѣ цѣны съ пересылкою. Вышесывающіе любяи 8 сочиненій въ свѣтъ, № 1—8, или № 9—16, высылаютъ всего 2 руб. съ пересылкою.
- Заказы исполняются немедленно.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы. **ХИМНАЯ ПОМАДА и ВОДА** для уничтоженія перхоти на головѣ. **ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА** лучшее средство для укрѣпленія волосъ, употребленіе ея приятно и освѣжительно. **ФИЛОДОРЪ.**

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, пріянявше названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ всякаго предмета точность фирмъ: **С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ. ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:**

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католическаго церкви.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Анничкина моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Контора и оптовый складъ: по Измайловскому пр., въ собств. домѣ, № 21.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2317 3—3

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волыцкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщій. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

За Всероссийск. промышлел.

выставку 1882 года.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ „ЖИВОИЩЕЦЪ-САМОУЧКА“.

Полезный подарокъ для всякаго возраста.

Приборъ и брошюра для изученія живописи акварелью по бумагѣ, дереву, матеріи, стеклу и т. п., причѣмъ не требуется предварительнаго знанія рисованія, и доступно по простотѣ способа даже дѣтямъ. Въ брошюрѣ 14 объяснительныхъ рисунковъ и приложеніе о гелиоинтратурѣ. — самый легкомъ способъ раскрашивать фотографическія картинки, безъ знанія живописи.

Полный приборъ содержитъ: въ ящичко полированноемъ ящичкѣ 10 шаблоновъ кистей, 10 стеколъ, 10 разныхъ красокъ въ стеклянныхъ трубочкахъ, 1 стеклянную трубочку съ гумми-арабикой, 1 стеклянный шифонованный курантикъ, 1 акварел. кисточку, лекала, шаблоны и рисунки. Цѣна прибора съ брошюрою 3 р., брошюра отдѣльно 50 коп., на пересылку и упаковку 1 руб.

Продается у издателя, гравера А. Коырнанскаго, Москва, Тверская, д. Саввинскаго подворья, противъ бриллиантника Махалова, и во всѣхъ лучшихъ эстампныхъ магазинахъ.

Покупающіе у издателя могутъ видѣть образцы работы по этому способу и наглядно ознакомиться съ нимъ. Продавцамъ обыкновенная уступка. Ц. № 256 1—1

Страхованіе жизни.

Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго, пенсін и т. п. можно узнать изъ брошюръ (книжекъ) **Страховаго Общества „Россия“**.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россия“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи. № 2482

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть **Вс. С. Соловьевъ,** второе изданіе. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украситъ 20 рисунками художника **И. С. Шапова.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Пересыла во всѣ страны свѣта подь гарантіею.

Ежегодный вывозъ 1000 штукъ.

Спеціальность: славныя собачи, росконныя, салонныя, дамскія, для охоты и полезна. Самыя большія собачи Бернардинскія, Швауцдальскія, немецкіе доги, английскіе бульдоги, Мастифы, охотничьи, борзныя, барсучья, браконья и собаки для травли.

Первое немецкое ЗАВЕДЕНІЕ ДРЕСІРОВАНІЯ РАССОВЫХЪ СОБАКЪ

Артуръ Сейфартъ, Нестричь, Тюрингія. Arthur Seifarth Köstritz Thüringen.

Волчьи собачи автора, пуделя, английскіе монки, шпицы, мальтийскія etc. Большой выборъ: дамскихъ собаченокъ, Гаттлеровъ, яванскихъ вичноровъ, ночныхъ и дворовыхъ собачи. Каталогъ франко, фотографія 1 марку; почтовая марка для отвѣта.

Ежедневный смотръ въ паркѣ, величиной въ 3 морги.

Дресированіе болѣе 30 оргини. пополю.

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ

Н. П. ЛАНИНА,

ВЪ МОСКВѢ,

удостоенная **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,

имѣются въ **ПРОДАЖѢ** въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Заваназья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣнійхъ Азіи. **СЪ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ ПРОДАЖУ ПОДЪ НОВЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ.** № 2440 10—6

Олеографіи

СОБСТВЕННАГО ИЗДАНІЯ ПОДЕШЕВЛЕ ДЛЯ Издателей, Торговцевъ и Экспертовъ

новый иллюстриров. каталогъ безплатно и франко. Соответственный золотыя рамы и листы по фабричнымъ цѣнамъ.

BERLIN S., Grimmstr. 7.

KARL KAULISCH,

олеографическое и хромотографическое заведеніе. № 2527 7—2

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

№ 2555 Д-ра Ф. ЗЕНДЛИИ. отъ загара, угрей, прыщей, везикулъ и прочихъ нечистотъ кожи. Расклатанный съ вытекающей изъ березы прераніемъ химическимъ путемъ въ бальзамъ, свѣтлый, прозрачный какъ вода; смачивать бальзамомъ вечеромъ лицо или другія мѣста кожи, отъ нея отдѣляются незаметныя чешуйки, что дѣлаетъ кожу необыкновенно вѣскою и придаетъ освѣтительную бѣлизну 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. Бѣлое мыло 40 и 50 к.

Сосновый экстрактъ (Pinus Silvestris), посредствомъ пульверизатора сирисасывается комнату, черезъ это постоянно распространяется въ квартирѣ для сохраненія здоровья пріятный запахъ и воздухъ сосноваго лѣса. **КОСМЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ** № 25. Невскій проспектъ, № 25.

ГУТТАПЕРЧЕВОЕ ПЕРО

РЕЙХА.

Цѣна за штуку 50 коп., съ пересылкою 70 коп. (почтов. марками). Главный складъ для всей Россіи: Контора **Ф. П. Сазонова,** Фонтанка, № 67 (ша углу Гороховой улицы). С.-Петербургъ. № 2536 3—2

25% УСТУПКИ.

ДЕШЕВАЯ ПРОДАЖА ШВЕЙНЫХЪ МАШИИЪ

всѣхъ системъ для семействъ и мастеровъ, **Ю. ШТЕРНЪ,** бывшій Р. Л. Кохъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, д. Тура, № 21. Подробный прейсъ-курентъ высылается бесплатно. Р. № 2533 2—2

СЪ МЕНА

цвѣточныхъ, пальмовыхъ, огородныхъ, хлѣбныхъ и проч. растений, луговыхъ и кормовыхъ травъ

свѣжія и лучшаго качества имѣются въ продажѣ **ВЪ ДЕПО СЪМЯНЪ О. Гуттцейтъ,** подъ фирмою „ГОРОДЪ ЭРФУРТЪ“. Москва, Петровскія торговля лини, подъ № 2-ой.

За каталогъ, содержащій болѣе 3000 сортовъ сѣмянъ, 250 большихъ рисунковъ, ссылающихся на натуру и подробныя наставленія объ уходѣ за посѣвами, депю прейсъ-курентъ высылаютъ 30 коп. марками, которыя возвращаются при заказѣ на сумму не менѣе 2-хъ руб. Ц. № 2531 1—1

„РУССНІЙ КУРЬЕРЪ“

послѣ приостановки будетъ выходить съ 17 Марта с. г. Подписчикамъ, получившимъ „Русскія Вѣдомости“, будетъ высылается съ 17-го Марта с. г. „Русскій Курьеръ“. Подписка принимается на прежнихъ условіяхъ, въ конторѣ изданія: Москва, Московскій мостъ, д. Н. П. Ланина. Подписывающіеся съ 17 Марта с. г. уплачиваютъ за полубѣзда 50 к. Подпиской проситъ поспѣшить въ видѣхъ своевременной высылки газеты. 5—5 № 2501

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIV годъ
№ 14

годъ XIV
1883

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 2 Апрѣля 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для за гран.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).

Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

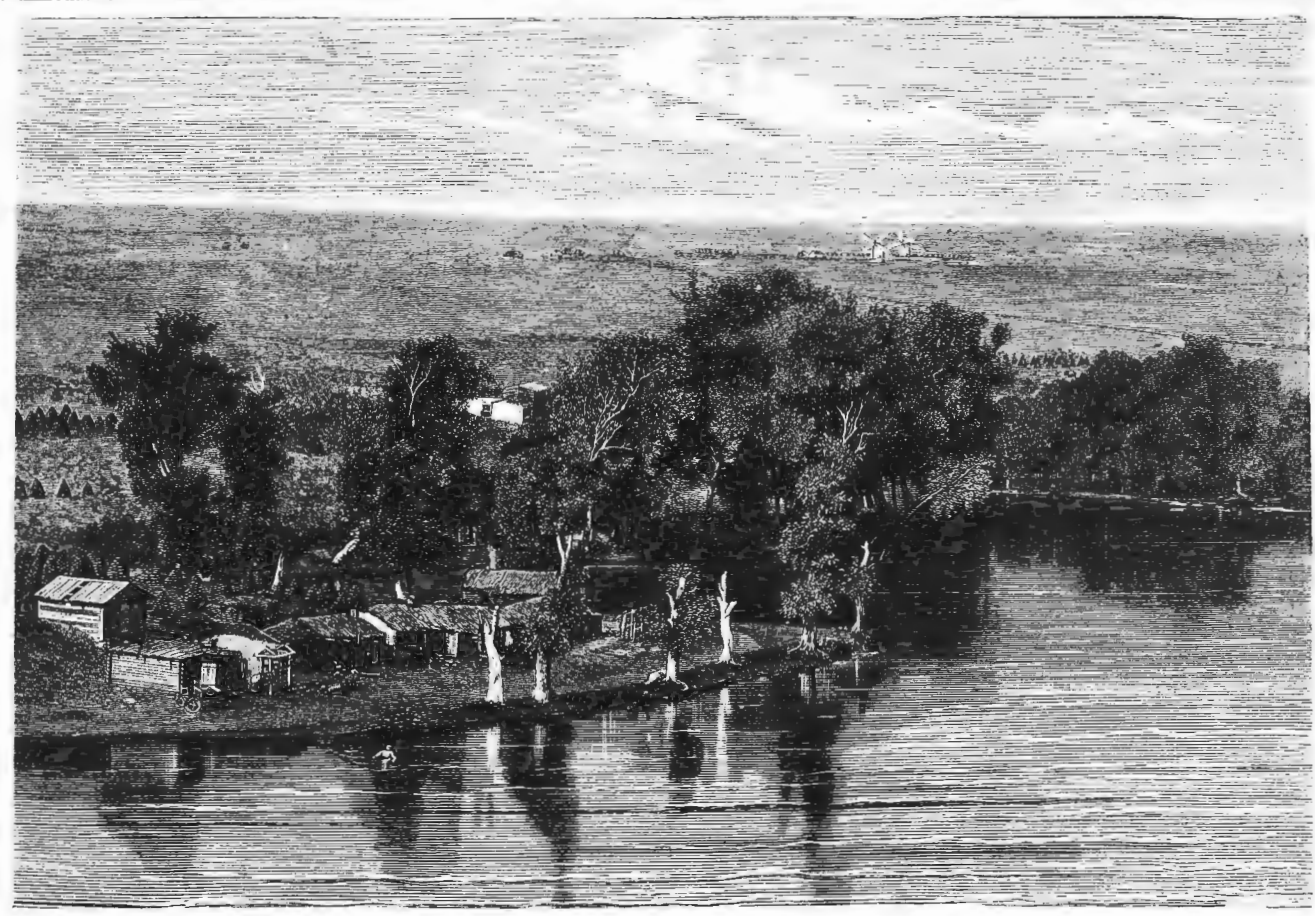
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н И В ъ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячь, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1883 г., съ 28 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 85 рисунк. руководѣльныхъ работъ и 24 выкройками въ натуральную величину.

Илецкія минеральныя воды и кумысолечебныя заведенія. Видъ части городского озера въ Илецкой защитѣ (Оренб. г.).
Съ фотогр. Фишера, грав. Рашевскій.

Илецкая защита и илецкія минеральныя воды.

Илецкая защита—богатѣйшее въ цѣломъ мірѣ мѣсторожденіе каменной соли, разработки которой хватить на нѣсколько тысячелѣтій, несмотря на то, что соль здѣсь добывалась уже съ давнихъ временъ. Киргизы—старинные обитатели этой мѣстности—съ незапамятнаго времени называли ее Тустубя, т. е. Соль-гора и разрабатывали драгоцѣнныя залежи какъ умѣли, конечно самымъ донотоннымъ способомъ. Теперь Илецкая защита—небольшая крѣпость, лежащая въ 66 верстахъ отъ Оренбурга, и основаніе которой можно отнести безъ ошибки къ половинѣ прошлаго столѣтія, хотя поселеніе здѣсь уже существовало и прежде, состоявшее преимущественно изъ лицъ казачьихъ и разныхъ выходцевъ, занимавшихся ломкою соли. Когда же въ 1744 году были взяты въ кѣзну, то правительствомъ устроило здѣсь склады, а въ 1754 году сотникъ оренбургскаго казачьяго войска Углицкій, взявшій на себя доставку соли въ Оренбургъ, устроилъ здѣсь на свой счетъ и защиту или крѣпость. Последняя конечно была самая жалкая, пригодная лишь для отраженія хищныхъ киргизовъ, и потому неудивительно, что она очень легко была взята тольною мятежниковъ во время пугачевского бунта. Предводитель этой толпы, каторжникъ Хлопуша, безъ вѣдома Пугачева, успѣлъ овладѣть Илецкой защитой съ самыми ничтожными силами. Все казенное имущество было имъ разграблено; всѣ офицеры были перебиты, кромѣ одного, пощаженнаго по просьбѣ рабочихъ; и вообще произведено такое страшное опустошеніе, что самъ Пугачевъ, какъ говорятъ, ужаснулся, когда узналъ объ этомъ злодѣяннн своего сподвижника и жестоко упрекалъ его за разрушеніе городка. По время мало по малу изгладило слѣды пугачевского погрома; населеніе Илецкой защиты все болѣе и болѣе увеличивалось и наконецъ городъ уже принялъ довольно приличный видъ, когда въ 1828 году сюда было перенесено изъ Самары соляное управленіе. Кромѣ того, въ 1832 году, когда графъ Сухтеленъ состоялъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, Илецкая защита была обнесена брустверомъ и ровомъ и вообще приняла видъ правильной крѣпости, который и сохранять до сихъ поръ, хотя, конечно, не имѣетъ теперь никакого стратегическаго значенія. Самый городокъ также значительно обстроился; казенныя зданія содержатся очень чисто и опрятно, особенно лучшій изъ нихъ, домъ солянаго управленія. Кромѣ того на площади возвышается небольшая довольно красивая церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса, построенная въ память посѣщенія Илецкой защиты Императоромъ Александромъ Первымъ. Въ сосѣдствѣ съ домомъ управляющаго соледомьями разведенъ садъ, а неподалеку отъ него виднѣется небольшое, совсѣмъ почти круглое, озеро, вода котораго хотя и не солоная, но довольно неприятна на вкусъ, и кромѣ того лѣтомъ часто зацвѣтаетъ. Это озеро обсажено кругомъ деревьями съ дорожкой по срединѣ. Последняя образуетъ тотъ незатѣйливый бульваръ, который служитъ обычнымъ мѣстомъ прогулки для населенія Илецкой защиты. Въ городъ въѣзжаютъ черезъ насыпной валъ, двумя воротами, изъ которыхъ одни предназначены исключительно для вывоза соли; при нихъ устроена контрольная застава съ вѣсами, а также гауптвахта. Кромѣ того въ городѣ достоинъ вниманія обелискъ, воздвигнутый въ память посѣщенія Илецкой защиты Императоромъ Александромъ I въ 1824 г. и Александромъ II въ 1837 г. Мѣсто разработки каменной соли находится подлѣ самой крѣпости и представляетъ собою огром-

ную, волнообразную поверхность, всю изрытую прежними неправильными работами киргизовъ, башкиръ и меншерковъ. Верхній слой земли, покрывающій соляной штокъ, невысокъ и состоитъ частью изъ мелкаго песку, частью изъ глины. На краю солянаго залежа, съ сѣверной стороны, возвышается гипсовая гора, заканчивающаяся на западѣ утесомъ. Эта гора похожа издали на громадный, насыпной курганъ и служитъ до сихъ поръ путеводнымъ маякомъ для каравановъ, идущихъ изъ Хивы въ Оренбургъ. Въ залежахъ вся масса каменной соли представляетъ собою замѣчательно плотное и ровное соединеніе зернистыхъ частей, даже безъ всякихъ примѣсей, если не считать за нихъ прослойки гипса и кусочки каменнаго угля. Кристаллы соли скрѣплены между собою чрезвычайно сильно и потому кубикъ ея, даже небольшой величины, можно распыливать не опасаясь разрушенія задуманной фигуры. Куски такого кристалла, имѣющіе болѣе или менѣе правильную форму, называются *сердцевинной*, и изъ нихъ то и выдѣлываются тѣ изящныя вещицы, въ родѣ разныхъ солонокъ, подсвѣчниковъ, прессъ-панъ, которыя такъ недавно еще красовались на московской промышленной выставкѣ.

Феноменальное богатство илецкихъ соляныхъ залежей было изслѣдовано сравнительно не очень давно, а именно въ 1821 г., когда здѣсь были произведены буровыя работы. Благодаря этимъ развѣдкамъ, оказалось, что площадь солянаго источника составляетъ 385,801 кв. сажень, и вычисляя, что можно добывать ежегодно до 400,000 пуд. соли, пришли къ заключенію, что такая масса соли достаточна на 9,562 года. Дѣйствительно, при взглядѣ на эти громадныя массы чистой, прозрачной соли, проникнешься невольнымъ удивленіемъ, и каждый готовъ повторить восклицаніе, вырвавшееся у Императора Александра Перваго, при его посѣщеніи илецкой соледомии: „Боже мой, какое богатство!“..

По илецкія соляныя залежи не единственныя въ этой мѣстности, какъ-бы сплошь пропитанной солью. Верстахъ въ 15-ти къ сѣверо-западу находится урочище, извѣстное подъ именемъ—*Мертвая соль*. Здѣсь возвышается известковой породы гора, а на восточной ея отлогости лежитъ озеро, котораго и ложе и берега образованы изъ гипсовыхъ породъ. Киргизское преданіе говоритъ, что въ давнее, незапамятное время вся эта отлогость состояла изъ чистой каменной соли, превратившейся потомъ въ гипсъ и потому получившей названіе мертвыхъ солей.

Тутъ-же недалеко, между наносными буграми, около илецкой соледомии лежатъ два небольшія озерка, пользующіяся большою цѣлебною извѣстностью и потому посѣщаемыя множествомъ больныхъ. Вода въ нихъ чистая и прозрачная, но съ наступленіемъ весны въ ней появляются міриады мелкихъ, красныхъ букашекъ; зимою-же озера никогда не замерзаютъ. Отъ тяжести воды въ нихъ всегда очень легко плавать; во время-же жаровъ вода здѣсь бываетъ такъ тяжела, что купающіеся почти безъ всякаго движенія лежатъ на ея поверхности. Вода этихъ озеръ содержитъ въ себѣ іодъ, сѣрнистую, известковую селитру и соленокислую соду; кромѣ того замѣтна примѣсь желѣза съ органическими осадками. На одномъ изъ озеръ еще съ 1830 года были устроены четыре купальни; оно теперь исключительно предназначено для прѣзжающихъ; другое-же озеро отдано для пользования большимъ солдатамъ оренбургскаго военнаго округа.

Въ цвѣтахъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Лебедева (Морскаго).

(Продолженіе).

XI.

Чудо сбѣнялось новымъ чудомъ... Не успѣли окончить послѣобѣденный кофе, поданный въ плоскихъ фарфоровыхъ чашечкахъ, тщательно сохранившихся при бабушкѣ гдѣ-то на днѣ сундука до „свадьбы,“ какъ говорила покойница Анна Ивановна,—Михаила Петровича,—какъ прѣехала портниха. Дамы вытасили вороха вышедшаго изъ моды покроя платьевъ, мантилій и салоновъ, которые предназначалось передѣлывать по большей части Сашенькѣ, немного самой Настурціи и немного Катенькѣ. Портниха, толстая, лоснящаяся отъ жиру дама, въ плотно охватывающемъ ея формы джерсеѣ чернаго цвѣта, съ запасомъ булавокъ на своей пространной груди, съ мѣркой около полнаго стана, встряхивала всѣ эти устарѣлыя фасоны, оглядывала ихъ опытнымъ взглядомъ и сбрасывала въ кучу на диванъ, не говоря ни слова. Дамы, т. е. собственныя теньки и Са-

шенька, какъ единственныя особы съ правомъ голоса, изрѣдка вставляли свое замѣчаніе на счетъ той или другой вещи, но не получая отвѣта портнихи, съ молчаливой покорностью судьбѣ, ждали приговора опытнаго человѣка... Новизна этого зрѣлища развлекала Михаила Петровича, который къ удивленію своему быстро дѣйствій теньки, присоединилъ удивленіе неожиданнымъ открытіемъ: всѣ эти платья, мантильи, салоны оказались принадлежащими или его покойной матери или бабушкѣ Аннѣ Ивановнѣ... Все это хранилось гдѣ-то въ сундукахъ, изъ которыхъ съ необычайной поспѣшностью было извлечено на свѣтъ Божій и вотъ уже примѣнялось къ дѣлу... Портниха окончила осмотръ и, какъ-бы удрученная тяжестью труда, въ усталости опустилась на кресло передъ стоящими въ ожиданіи ея приговора дамами.

— Много добра, много.

— Что-жь, милая, скажете?

— Ничего не скажу. Тутъ надо подумать.

— Что тутъ думать! Нынче, другъ мой, платья въ обтяжку, а это все сбористыя, на кринолины дѣланы...

— Такъ, такъ...

— Покойной маменьки платья точно—поуже и покороче... Но тутъ можно изъ двухъ—сдѣлать одно: изъ одного юбку, изъ другаго тюникъ...

— Тюники то нынче короткіе: юбка-то, пожалуй, не выйдетъ... Развѣ наставить широкимъ плиссе?...

— Плиссе наставьте: это ничего. Снимайте же мѣрку, милая Авдотья Федоровна, съ Саши, а то, право, мы совершенно обносились... Снимайте, а я велю вамъ чашечку кофейку подать...

— Благодарствуйте: пила ужъ. Ну-съ, пожалуйста, барышня...

Михаила Петровича заняла въ это время Катенька. Это дѣйствительно была преостроумная особа. Воспользовавшись тѣмъ, что ее оставили безъ вниманія, и мать, и сестра стоять къ ней спиной, она съ аппетитомъ, сощуривъ вѣроятно отъ наслажденія свои некрасивые глазки, кушала теперь сыръ, припасенный ею по окончаніи обѣда. За спиной матери она оказалась смѣлой до дерзости... Замѣтивъ, что кузень, сидящій противъ, слѣдитъ за ней, она щеголяла своей смѣлостью, то набивала сыромъ ротъ, то вертѣла кускомъ за самыми спинами матери и сестры... Въ заключеніе всего, покончивъ съ сыромъ, она выхватила изъ стоящей на столѣ вазочки папиросу, смѣло зажгла ее отъ лампы и сдѣлавъ затижку, предлагала кузену издать покурить... По всѣмъ признакамъ это была особа довольно таки отчаянная...

Когда покончили съ портнихой и эта послѣдняя, сопровождаемая тетенькой Настурціей, какъ какая нибудь почетная гостья, до передней, уѣхала съ колоссальнымъ узломъ, Сашенька было заскучала, но ее ослѣнила мысль, которой она и подѣлилась съ матерью:

— Въ театръ бы, татап, поѣхать...

Матап возразила:

— Но мы, мой другъ, въ траурѣ...

Сашенька передернула плечиками:

— Такъ намъ и въ театръ не ѣздить?... Скажите: бабушка не хотѣла насъ знать, мы ее не видѣли чуть не десять лѣтъ—и мы же будемъ ее оплакивать годъ. Это не резонъ, татап...

— Такъ-то, такъ, мой другъ, но все таки...

— Никакихъ „все таки...“ Вы сами, татап, не согласны съ тѣмъ въ душѣ, что говорите... Cousin, вы любите театръ?

— Я никогда не былъ.

— Не были?—Сашенька удивленно раскрыла свои косенькіе глазки и съ паѳосомъ, забывъ прикрыться лорнетомъ или опустить пушистыя рѣсницы, обратилась къ матери: —вашъ долгъ, татап, какъ опекуниши, какъ заботящагося о развитіи своего питомца лица, вывезти молодого человѣка въ театръ. Какъ хотите, татап, это вашъ долгъ, ваша священная обязанность...

Матап уступила:

— Шалунья... Хорошо: я пошлю за ложей...

Сашенька торжествовала свою побѣду, какой то бравадой полькой, сыгранной ею на роялѣ съ обычными раскачиваніями...

XII.

Театръ, старое деревянное зданіе, тускло освѣщенное у подъѣзда двумя фонарями, стоялъ на небольшой площади въ концѣ Бульварной улицы. Дойти до него требовалось не болѣе пяти минутъ, но въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ считается неприличнымъ ходить въ театръ или гости, особенно дамамъ, пѣшкомъ. Поэтому тетенька Настурція приказала запретъ въ парадныя сани свою лошадку и, посадивъ Катеньку къ себѣ

на руки, Сашеньку рядомъ, а Михаила Петровича на козлы, ровно къ семи прибыла въ театръ. То былъ для Михаила Петровича какой-то таинственный храмъ, который по наружному виду онъ зналъ давно, но съ внутреннимъ устройствомъ котораго, равно какъ и съ тѣмъ, что въ немъ совершалось, у него не связывалось ни малѣйшаго представленія. Онъ вошелъ въ театръ, въ холдное антре, гдѣ чадили керосиновыя лампы, на досчатыхъ стѣнахъ были наклеены афиши, пахло сосной и солдатскимъ сукномъ, какъ во что-то таинственное, своей новизной, этими скрипящими подъ ногами лѣстницами, этими вьющимися корридорами со множествомъ ведущихъ куда-то маленькихъ дверокъ, этой наконецъ полутемнотой освѣщенія, куда-то сиѣшащими закутанными женскими фигурами, мущинами въ шубахъ и шапкахъ,— всѣмъ этимъ невиданнымъ и неизвѣданнымъ, наводящимъ пріятный и въ тоже самое время таинственный страхъ, пробѣгающій холодкомъ по его спинѣ. Все это заразъ манило и пугало; казалось, что тутъ кроется что-то страшное, но необычайно любопытное и пріятное.

Тетенька Настурція и Сашенька на ходу растегивали шубки, освобождали свои головы отъ покрывающихъ ихъ косынокъ, но Михаилъ Петровичъ ничего этого не замѣчалъ и даже какъ-то поблѣднѣлъ отъ волненія. Передъ ложей, передъ одной изъ этихъ таинственныхъ и узкихъ дверокъ, дамы остановились поправить свои куафюры, Сашенька расправляла кудряшки, окаймляющія ея лобъ, тетенька подкалывала шпильками черное кружево, прикрывающее ея жидкіе, бѣлокурые волоса; даже Катенька возилась съ своими косенками... Въ душѣ Михаила Петровича зажглось какое-то жгучее нетерпѣніе увидѣть и узнать, что тамъ за этой узенькой дверкой, сердце точно оборвалось и предвкушая разрѣшеніе томительнаго любопытства, приостановило свой ритмъ, какъ-бы къ чему-то прислушиваясь и чего-то ожидая...

И вотъ эта таинственная дверца отворилась... Сіяніе и блескъ хрустальныхъ подвѣсокъ люстры, бѣлыхъ стѣнъ и краснаго сукна, этой бездны, съ унизанными народомъ галлерейями и балконами,—ошеломили Михаила Петровича. Онъ стоялъ, какъ вкопанный, на порогѣ ложи, тогда какъ дамы, сиѣшно побросавъ свои шубки и косынки въ уголь, разсаживались у барьера... Онъ стоялъ, какъ вкопанный, не снимая шапки и пальто, съ какимъ-то робкимъ наслажденіемъ смотря на представшееся его глазамъ прелестное зрѣлище... Именно *прелестное*,—и что главное,—необычайно обширное по размѣрамъ... На самомъ дѣлѣ театръ былъ плоховатъ и малъ. Не считая галлерейки или такъ называемаго „райка“, въ немъ всего было два яруса ложъ; освѣщенъ онъ былъ не казисто, убранный и того болѣе... Въ оркестрѣ горѣли даже сальныя свѣчи, а въ ложахъ нерѣдко попадались поломанные стулья; красное сукно тоже было далеко не безукоризненно... Но Михаилъ Петровичъ ничего этого не замѣчалъ... Онъ разоблачился отъ своего пальто и шапочки, сѣлъ на стулъ и не зналъ куда и на что смотрѣть... Теперь ему казалось, что онъ, смотря по *тому*, или *этому* направленію—просмотритъ что нибудь интересное въ другомъ; охватить же разомъ всю эту „громаду“ ему казалось невозможнымъ. Дѣйствительные размѣры театральной залы въ его представленіи раздвигались и увеличивались по всѣмъ направленіямъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ для него не существовало возможности каваго либо сравненія. Освѣщеніе и убранство подверглись той-же участи и казались ему выше и изящнѣе всего, что только можетъ быть въ этомъ родѣ.

Но это было только началомъ тѣхъ сладкихъ мучений, которыя суждено было Михаилу Петровичу пережить въ этотъ достопамятный вечеръ... Этотъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, обстоятельствами жизни брошенный въ міръ играть роль вполне сложившагося чело-

Красавица. Съ картины П. Морриса, гравир. Ульрихъ.

вѣка, хозяина дома и даже отца маленькой Акъ, тѣми же самыми обстоятельствами въ нѣсколько часовъ низводился на степень умственнаго развитія ребенка, какимъ на самомъ дѣлѣ онъ и былъ... Все это сіяніе дробящихся въ цвѣта радуги лучей свѣта, весь этотъ залъ съ наполняющимъ его народомъ, все это погасло, уничтожилось, когда *стѣна*, у которой сидѣли музыканты, съ нарисованными на ней какими-то статуями, задрожала и взвилась, открывъ за собою для Михаила Петровича новый и чудный міръ, на который онъ не только смотрѣлъ изъ-за головы тетеньки Настурціи, но къ страданіямъ и радостямъ котораго въ одинъ моментъ приобщилась вся эта пѣжная и мягкая, какъ воскъ, душа ребенка. Тогда все, рѣшительно все, забылось: ни тетеньки съ ея холоднымъ взглядомъ, ни Сашеньки съ лорнетомъ у косныхъ глазахъ, ни Катеньки, украдкой отъ матери приколовшей къ своимъ волосамъ розовый бантикъ,—ничего не было... Ни прошлаго, ни настоящаго, а только какая-то смѣна, сообразно происходившему на сценѣ, ощущеній, то надеждъ, то отчаяній, то слезъ съ громкимъ всхлипываньемъ, то облегчающихъ эту младенческую грудь вздохомъ...

О никогда иллюзія не была такъ сильна и никогда она до такой степени не разнилась отъ дѣйствительности... Провинція любить встряхивать старину и ея сцены до сихъ поръ обращаются зачастую къ репертуару 30-хъ и 40-хъ годовъ... Давали драму Полеваго „Парага Сибирячка“, въ которой когда-то прельщала Петербургъ актриса Асенкова; по съ этой „розою прожившей на землѣ,—по выраженію поэта,—ровно столько, сколько вообще цвѣтутъ розы“, ничего общаго не имѣла артистка Мочалова, которую пришлось видѣть Михаилу Петровичу... Дѣвица Мочалова была немолода, некрасива, набѣлена замѣтно даже для невооруженнаго глаза, играла въ высшей степени искусственно, кричала, металась по сценѣ, безъ всякой надобности ломала руки,—и тѣмъ не менѣе, не *живя* на сценѣ, не страдала, заставила Михаила Петровича жить ея страданіемъ. Онъ положительно рыдалъ, когда Параша, рѣшившаяся тайкомъ отъ родителей отправиться изъ Сибири въ Москву, чтобы просить Государя помиловать ея ссыльнаго отца, блѣдная до синевы, прощалась съ своимъ домомъ... Параша одна въ маленькой, бѣдно убранной комнаткѣ, узнавъ на колѣни, съ рыданьями прощается со спящими родителями: „Простите, мои родные!.. Завтра, когда вы проснетесь, Параша не придетъ поздравить васъ съ добрымъ утромъ, не скажетъ вамъ: „здравствуй!“ не попроситъ вашего благословенія... Далеко, далеко будетъ она, и каждый шагъ будетъ раздѣлять насъ, раздѣлять любовь вашу отъ меня!“

Но развѣ такое предположеніе возможно?.. Дѣвица Мочалова отгнѣяла невозможность этой мысли съ необычайной силой. Вскочивъ съ колѣнъ, какъ-бы испуганная какимъ-то страшнымъ видѣніемъ, она въ ужасѣ озиралась кругомъ, прижавъ одну руку къ усиленно бьющемуся сердцу, другою помахивая въ воздухъ, шепча съ дрожью въ голосъ:

— „Нѣтъ, нѣтъ, любовь не знаетъ разлуки... (вынувъ письмо къ родителямъ и бѣя по немъ указательнымъ пальцемъ): — здѣсь, здѣсь вы все узнаете и, когда будете читать, — (съ чувствомъ) благословите меня... Что тамъ увижу я? (смотритъ пронизывающимъ окомъ въ невѣдомую будущность): листокъ, сорванный бурей съ роднаго дерева, куда полечу я — сирота безпріютная!.. (Остается недвижимая)...

Во второмъ дѣйствіи, когда Парашу, только что милостиво обласканную и обнадеженную Государемъ, народъ вноситъ въ обморокъ на сцену, Михаилъ Петровичъ не выдержалъ и дернулъ тетеньку за руку:

— Неужели умерла?..

Тетенька строго оглянулась:

— Michel, что съ вами?.. вы забываетесь!..

Но Michel даже не извинился, да и до того-ли ему было!.. Параша жива и счастлива: Государь принялъ отъ нея прошеніе, обнадежилъ ее и обласкалъ. Теперь онъ любилъ этого Государя всеми силами своей дѣтской души. Онъ представлялъ его, величаваго и прекраснаго, съ слезами на своихъ кроткихъ глазахъ подымающаго, гдѣ-то тамъ за сценой, эту несчастную дочь, пришедшую просить его за невинно сосланнаго отца... Появился только этотъ добрый Царь, Михаилъ Петровичъ и самъ вмѣстѣ съ этими десятью безтолково толкущимися по сценѣ мужичками, изображавшими *народъ*, — лихо-бы крикнуть „ура!“ и подбросилъ шапку вверхъ... Если въ прологъ это дѣтское личико было орошено слезами, то теперь оно дышало самымъ безмятежнымъ счастьемъ!.. Уфъ!..

Вызвавъ сперва слезы и страданія, драма своимъ счастливымъ окончаніемъ навѣяла на душу самое блаженное спокойствіе; водевиль-же заставилъ Михаила Петровича хохотать во все горло. Башкировъ расшевелилъ впрочемъ весь театръ, изображая въ водевилѣ „Хорошъ Петербургъ, да друзья одолѣли!“ разсчитливаго провинціала, прѣхавшаго въ столицу хлопотать о какомъ-то дѣлѣ... Всѣ общаются ему помочь, но никто ничего не дѣлаетъ, а между тѣмъ всякій забываетъ двадцать разъ на дню, сидитъ, разговариваетъ, угощается, занимаетъ деньги... Этого мало, недостаточно, что самъ уготился, — всякій приводитъ семью, жену и дѣтей, все это опиваетъ и объѣдаетъ провинціала, въ концѣ концовъ проигрывающаго свой процессъ и остающагося на бобахъ... Комическій ужасъ порастрашаго свой карманъ провинціала Башкировъ изобразилъ въ совершенствѣ... Публика надорвала животики, когда, снѣша убраться изъ вѣроломной столицы, Башкировъ, обремененный узлами и чемоданамъ, въ форменномъ пальто, впопыхахъ схватываетъ чью-то каску съ бѣлымъ султаномъ, надѣваетъ ее себѣ на голову — и въ этомъ видѣ убѣгаетъ отъ „друзей“ со сцены... Занавѣсъ упалъ при громкихъ аплодисментахъ, задвигались стулья, зашевелился народъ, дамы стали одѣваться, а экономная дирекція распорядилась тушить лампы...

И вотъ этотъ храмъ почти пустъ и погруженъ въ темноту, только еще изъ корридоромъ свѣтятъ тускло горящія лампы... Съ шумомъ поднялся занавѣсъ, открывъ полуосвѣщенную сцену, гдѣ при свѣтѣ двухъ-трехъ фонарей, рабочіе передвигаютъ декорации... Вотъ взвился колоссальный храмъ, за которымъ оказывается какая-то стѣна съ окномъ и дверью... Вотъ рабочій въ розовой рубахѣ началъ толкать ногою за кулисы развѣсистое дерево... Гулко раздаются шаги и голоса... Музыканты, при свѣтѣ салнаго огарка, складываютъ инструменты и ноты и расходятся мало по малу... Черезъ сцену пробѣжала какая-то актриса, одѣтая въ въ шубку, изъ-подъ которой мететъ полъ длинный трѣпъ крахмальной юбки... Шаги смолкаютъ, тѣни растутъ и время, когда весь этотъ храмъ искусства одѣнется темнотой и смолкнетъ, близится...

О, какъ прекрасенъ міръ!.. Михаилъ Петровичъ, выхвѣвъ изъ театра, мыслью еще остается въ немъ, сидя на облукѣ саней, жмуритъ глаза и все видитъ дѣвицу Мочалову въ роли Парашы... Мелкая вьюжка колетъ его разгоряченное лицо, сани валяются изъ ухаба въ ухабъ, раскатываются при поворотахъ, причемъ тетенька Настурція всякій разъ учитъ кучера, какъ надо править, Сашенька взвизгиваетъ, а Катенька тыкается въ спину Михаила Петровича... Дорога впрочемъ недалеко: вотъ и домъ...

XIII.

Положительно спектакль оживилъ всѣхъ и привелъ въ самое счастливое настроеніе... Сашенька щебетала, какъ птичка; Катенька, обыкновенно сдержанная, развернулась и пока тетенька Настурція, стоя въ темныхъ

сѣнцахъ, нетерпѣливо дергала дверь,—проѣхала по двору до сарая, стоя и черезъ голову кучера правя лошадей. Отъ сарая шалунья, незамѣтно для матери, вернулась, умышленно скача по глубочайшимъ сугробамъ сѣбѣ, и вернувшись, притворилась, что вся переначкалась по близорукости:

— Ужь и сѣбѣ-же! ничего не вижу и чуть не увязла съ головой...

Отряхиваясь, она опять какъ-бы нечаянно толкнула проворно работающими локтями въ спину Михаила Петровича. Когда-же наконецъ отперли дверь, Катенька кинулась впередъ съ такой стремительностью, что чуть не сбивъ съ ногъ кузена, налетѣла на мать. Настурція съ негодованіемъ обернулась къ дочери:

— Что съ тобой? Опомнись: ты едва не сбила меня съ ногъ!

Катенька мгновенно измѣнилась. Смущенная, она робко оглядывалась назадъ, какъ бы колеблясь своимъ отвѣтомъ выдать настоящаго виновника столь стремительнаго толчка. Съ опущенными глазами она прошептала несмѣло:

— Это не я-съ, маман...

На что Настурція гордо и строго, сбрасывая шубу на руки горничной, спросила:

— А кто-же?

Губы Катеньки прошептали чуть слышно:

— Братецъ толкнули меня...

Тетенька послала по адресу племянника съ укоризной:

— Ахъ, Michel. Michel!

Когда-же почтенная дама, произнеся эти слова, вошла въ столовую, гдѣ былъ уже приготовленъ чай, Катенька повернулась къ братцу лицомъ, присѣла и жеманно поблагодарила его за скромность:

— Благодарю, что не выдали...

Братецъ посмотрѣлъ на всю продѣлку сестрицы чрезвычайно снисходительно. Его настроеніе было въ эту минуту самое счастливое и въ немъ еще дрожали смѣхъ, такъ неудержимо вызванный игрою комика Башкирова въ водевилѣ... Впечатлѣнія драмы отошли назадъ, какъ-то затѣнились этимъ восхитительнымъ водевилемъ, и Михаилъ Петровичъ при воспоминаніи то той, то этой продѣлки Башкирова—каждую минуту готовъ былъ помереть съ хохоту... Обиліе впечатлѣній пережитыхъ въ одинъ день и завершенныхъ такимъ ни съ чѣмъ несравнимымъ образомъ, какъ посѣщеніе спектакля, истощило дѣтскій мозгъ, вызвало въ немъ усталость и желаніе сна, но въ тоже самое время разлило по всему существу Михаила Петровича ощущеніе какого-то невообразимаго блаженства... Это желаніе хохотать до упаду въ соединеніи съ позывомъ ко сну было какимъ-то невыразимымъ счастьемъ, состояніемъ восторженнаго опьянѣнія, безуміемъ неудержимаго веселья...

Но прежде чѣмъ заснуть, прежде чѣмъ перейти изъ темноты спальни въ тонкую, золотистую сѣть пестрыхъ видѣній, среди которыхъ на одинъ моментъ мелькнетъ заламывающая руки артистка Мочалова и долго будетъ сущиться безъ толку по сценѣ, хватая ненужныя вещи, комикъ Башкировъ съ лиловыми круглыми пятнышками на щекахъ вмѣсто румянца и съ преуморительнымъ носомъ,—прежде чѣмъ перейти отъ блаженнаго состоянія бодрствованія къ немелѣе блаженному состоянію сна,—Михаилъ Петровичъ долженъ былъ, согласно требованіямъ этикета тетеньки, высидѣть чай и затѣмъ уже, распрощавшись, удалиться. Онъ совершилъ все это крайне безтактно. Его круглое, розовое личико стало совершенно глупенькимъ; глазки то слипались, то раскрыты широко смотрѣли съ какой-то необычайной тупостью и, въ добавленіе всѣхъ этихъ эффектовъ, Михаилъ Петровичъ совершенно некстати раздражался самымъ глупѣйшимъ хохотомъ при каждомъ замѣчаніи тетеньки Настурціи, что ужъ выходило совершенно не-

приличнымъ. Настурція прошла невниманіемъ первый неумѣстный взрывъ смѣха со стороны племянника, только скользнула по немъ своимъ блѣднымъ взглядомъ, но когда Михаилъ Петровичъ, смотря въ упоръ на добрейшую тетеньку круглыми до невозможности глазами, приснулъ вторично со смѣху, вѣроятно вспомянувъ какую нибудь продѣлку этого шута Башкирова, тетенька остановила на племянникѣ взглядъ на болѣе продолжительное время и призвала его къ порядку:

— Michel! что съ вами! вы положительно неприличны...

Она глядѣла строго; Сашенька и Катенька какъ то притихли и сдѣлались серьезны... До полусоннаго сознанія безтактно ведущаго себя ребенка слабо прикоснулась холодная дѣйствительность, давъ ему смутно, въ какомъ-то туманѣ, постичь, что онъ держитъ себя невозможно. И желая схватиться за соломинку и выпрыгнуть изъ этой золотисто-огненной сѣти, которая опутывала его всякій разъ, чуть только начинали слипаться неестественно круглые глазки, Михаилъ Петровичъ поднялъ руку и потеръ себѣ лобъ. Тогда произошло пѣчто невообразимое... Безсознательно захвативъ край скатерти, Михаилъ Петровичъ опрокинулъ свой налитый до верху стаганъ и чашку Катеньки, окативъ при этомъ горячимъ чаемъ платъ тетеньки Настурціи... Дамы съ крикомъ повскакали съ своихъ мѣстъ; чай лился на полъ, горничная бѣжала съ тряпкой вытирать облитое платье и полъ... Точно ошеломленный по головѣ бухомъ, Михаилъ Петровичъ, вскочивъ съ зашмаемаго имъ стула, стоялъ блѣдный и растерянный, глядя своими, широко на этотъ разъ открытыми, глазками то на тетеньку Настурцію, то на Сашеньку, то на ползающую у его ногъ съ тряпкой горничную. Что именно произошло, онъ въ точности не могъ сообразить, но произошло что-то невыразимо ужасное. Почтенная тетенька кажется уразумѣла наконецъ состояніе племянника и снизошла въ отношеніи его до снисходительности:

— Вы совѣмъ спите, Michel... Идите съ Богомъ.

И сооривъ благочестивую мину, благословила Михаила Петровича на сонъ грядущій. Тогда, нетвердой походкой, онъ оставилъ столовую и добравшись до своей комнаты, раздѣлся въ полуснѣ и не зажигая огня, скользнулъ подъ одѣяло, моментально впавши въ глубокой, безъ образовъ и видѣній сонъ.

XIV.

То было полнѣйшее небытіе сознанія, только движеніе и трепетъ растительной жизни. Домъ заснулъ и темнота окутала своимъ покровомъ всѣ комнаты и уголки; только въ гостиной свѣтъ догорающаго на Бульварной улицѣ керосиноваго фонаря протянулся отъ одного изъ оконъ и пройдя въ косвенномъ направленіи по комнатамъ, упалъ на роиль и блестялъ разсыпаннымъ серебромъ на бѣлыхъ клавишахъ, по которымъ за нѣсколько часовъ тому назадъ бѣгали тоненькіе пальчики Сашеньки. Съ брезжущимъ разсвѣтомъ зимняго утра, влившаго въ эту темноту какой то прозрачный молочнаго цвѣта туманъ, мягко обозначившій контуры окружающихъ предметовъ,—въ спящемъ Михаилѣ Петровичѣ начало пробуждаться сознаніе. Темнота сна безъ сновидѣній какъ бы прояснилась и, подобно тучѣ закрывавшей солнце, уносила въ даль... Сѣтъ свѣтлыхъ снова окутала спящаго съ головы до ногъ; радостный рой сновидѣній съ поразительною быстротой смѣнялъ одну яркую картину другой... И все утончаясь и блѣднѣя, являясь уже какой-то пестрой и туманной дымкой, сонъ этотъ порвался, звуки вѣшняго міра достигли до слуха спящаго, разсвѣтъ проникъ черезъ его закрытыя вѣки—и Михаилъ Петровичъ, вздохнувъ глубоко, открылъ глаза.

Утро уже наступило и въ комнатахъ было свѣтло. Ми-

хаиль Петрович сразу как-то не пришелъ въ себя и не вполнѣ овладѣлъ сознаниемъ; и вчерашній день съ этой новой и непривычной обстановкой, и этотъ очаровательный театръ, и рядъ сновидѣній—все это какъ-то переѣшалось въ головѣ мальчика, не давая мѣста правильному теченію мысли, по прежнему опьяняя его сознание и препятствуя ему отрезвиться. Вдругъ какая-то мысль ударила его по головѣ точно обухомъ и разомъ выгнала изъ нея весь хмѣль суеты и непривычнаго времяпрепровожденія... Михаилъ Петровичъ спѣшно, съ какой-то необычайной торопливостью спустилъ съ кровати ноги, прислушался и, убѣдившись, что все въ домѣ недвижимо и спитъ, сталъ быстро одѣваться.

Его оживленное, круглое личико приняло смущенное выраженіе... Покраснѣвъ, онъ въ волненіи приглаживалъ волосы передъ небольшимъ стариннаго фасона зеркаломъ въ рамѣ изъ красного дерева съ бронзовыми инкрустациями, погломъ, умывшись, собралъ свои класныя книжки и тетради въ ранецъ и, не надѣвая сапогъ, а взявъ ихъ въ руки, чтобы не разбудить стучомъ спавшихъ, направился въ столовую, стараясь ступать на кончики пальцевъ. Онъ остерегался напрасно: тетенька Настурція проживала теперь не у крестнаго папаши Сашеньки, гдѣ вмѣстѣ съ хозяевами дома должна была вставать съ позаранокъ, а у себя, самостоятельной хозяйкой, намѣревавшейся почитать, а затѣмъ нѣжиться въ постели до полудня. Сашенька и Катенька конечно слѣдовали въ этомъ примѣру мамы и такимъ образомъ всѣ три дамы, когда Михаилъ Петровичъ съ такой осторожностью крался мимо ихъ дверей, трепеща прервать ихъ отдохновеніе, были погружены въ самый глубокой сонъ.

Прислуга повидимому уже проснулась. Въ окно Михаилъ Петровичъ видѣлъ, что дворникъ мететъ дворъ, а кучеръ запрягаетъ въ дровни лошадь; въ столовой, гдѣ такъ отличался вчера вечеромъ Михаилъ Петровичъ, горничная уже усѣла подмести, вытереть пыль, приготовить столъ для утренняго чаенія и, сдѣлавъ все это, вѣроятно ушла въ кухню, чтобы на досугъ побесѣдовать тамъ съ кухаркой и горничной о событіяхъ дня. Столовая и дѣвичья были пусты и ихъ молчаніе нарушалось только громкимъ чиканьемъ стѣнныхъ часовъ подъ стекляннымъ колпакомъ, съ висящими на мѣдныхъ цѣпочкахъ гириями. Михаилъ Петровичъ пріостановился здѣсь, сложилъ свой ранецъ и, надѣвъ сапоги, вышелъ въ сѣни, отдѣляющія „дѣвичью“ отъ кухни. За дверью слышались громкіе разговоры, въ которыхъ часто упоминались слова „барыня“, „старшая и младшая барышня;“ Михаилъ Петровичъ пріостановился. Его волненіе было такъ велико, что не смотря на свойственную ему осторожность и боязнь за свое здоровье, онъ стоялъ теперь въ холодныхъ сѣняхъ въ одномъ пиджакѣ, стоялъ, медля отворить дверь и переступить порогъ, за которымъ находилось маленькое существо, такъ малодушно, такъ безхарактерно уступленное своимъ покровителемъ кухнѣ... Слезы показались на прекрасныхъ глазкахъ мальчика... Если вчера и въ спектаклѣ и послѣ онъ пережилъ младенческимъ умомъ своимъ и душою весь восторгъ и все упоеніе дѣтскаго счастья, то теперь, когда утро и тишина отрезвили его сознание, вся сила пробудившихся въ немъ угрызений совѣсти повергла его дѣтскую душу въ бездну самыхъ острыхъ и рѣзущихъ мученій стыда за неправоту своихъ дѣйствій. Дѣтскій мозгъ, удрученный отчаяньемъ и младенческой слабостью, строилъ невѣроятныя предположенія... Сознаніе подсказывало, что да, конечно, можно умолить маленькую Акъ о прощеніи: самъ онъ, Михаилъ Петровичъ, старшій по лѣтамъ,—развѣ могъ онъ когда нибудь долго сердиться? А малютка... Онъ гадко и подло поступилъ съ ней, но развѣ она не проститъ? Нѣтъ, онъ не сомнѣвался въ этомъ прощеніи, но неужели это все?... Ну, проститъ; улыбнется своей очаровательной улыбкой;

скажетъ „бать;“ проведетъ ручкой по его щекѣ, а дальше-то что, дальше?... Онъ оставитъ ее жить въ кухнѣ, будетъ бѣгать повидаться съ нею украдкой, вотъ какъ сейчасъ—красться безъ сапогъ... но вѣдь это стыдъ и онъ чувствуетъ, что краснѣеть... Поцѣлуетъ украдкой, приласкаетъ: милая моя крошка!—и убѣжитъ, чтобы тамъ въ смущеніи вертѣться передъ Сашенькой, соглашаться во всемъ съ тетенькой Настурціей и молчаливо принимать на свою отвѣтственность всякія продѣлки и шалости Катеньки... Поѣдетъ въ театръ еще и еще разъ; тамъ будетъ плакать надъ какой нибудь Парашей Сибирячкой, а вѣдь эта Параша сочинена, а его малютка Акъ—одна, во всемъ мѣрѣ одна и ей нужно нѣжное попеченіе... Нѣжное попеченіе! Онъ тамъ пообѣщаетъ съ дамами, будетъ слушать пѣніе Сашеньки, потомъ уснетъ въ мягкой и теплой постелькѣ, а ребенокъ, эта почти безсловесная сирота безъ имени,—(гдѣ-же ея „ма,“ развѣ она придетъ когда?),—тамъ въ кухнѣ будетъ поживать на лавочкѣ, ѣсть обѣдки съ ихъ стола и награждаться его ласками *украдкой!*...

Это невыносимо, это стыдъ!... Умъ дѣтскій сознаетъ отчетливо и ясно многое, почти все, доступное пониманію взрослому, но въ его рѣшеніяхъ нѣтъ твердости и нѣжная душа ребенка полна уступокъ. Что дѣлать?... Со двора доносились голоса кучера и дворника, вѣроятно приближавшихся къ крыльцу; въ кухнѣ шли оживленные разговоры... Что въ самомъ дѣлѣ предпринять, на что рѣшиться? Гдѣ тутъ спорить съ тетенькой! ему... Михаилъ Петровичъ робѣлъ при одной мысли войти въ какія либо пререканія съ такими ловкими и опытными дамами... Вѣдь это не бабушка Анна Ивановна... Съ той даже нечего было и спорить, просто на просто надо было опредѣленно высказать ей свое желаніе—и она соглашалась: правда, правда, Михаилъ Петровичъ; безъ тебя и въ голову бы мнѣ не пришло... Непремѣнно такъ сдѣлаемъ... А съ тетенькой—какіе разговоры, какія пререканія!... Да до нихъ и дѣло не дойдетъ: онъ не смѣетъ, боится спорить съ тетенькой... Наконецъ, еслибъ понабравшись такой дерзости, онъ и сказалъ ей такъ и такъ, нельзя-ли это сдѣлать?... Никакихъ споровъ и не будетъ: онъ скажетъ съ робостью, тетенька скользнетъ по немъ своимъ блѣднымъ взглядомъ, чуть-чуть улыбнется и небрежно: ахъ, Michel, что за вздоръ! и обратится къ Сашенькѣ съ какимъ нибудь постороннимъ дѣлу вопросомъ. Положимъ, онъ будетъ настаивать и съ прежней робостью: я прошу васъ, тетенька... Она не дастъ окончить: улыбка исчезнетъ съ ея лица, она взглянетъ сурово и строго и чуть-чуть поведетъ въ его сторону леденящимъ взглядомъ: *довольно!*...

Нѣтъ, гдѣ ему тутъ!.. Въ кухнѣ смолкло болтанье, слышался стукъ ложекъ и чавканье... Нѣтъ, надо бѣжать, унести Акъ и жить съ нею вдаль отъ тетеньки и кузинь... Съ ними—ему не защититъ малютку... Вдругъ, среди чавканья и стука ложекъ, среди перерыва разговоровъ, Михаилъ Петровичъ услышалъ знакомый дѣтскій лепетъ, раздраженно требовавшій чего-то возгласомъ:
— Дада!

Потомъ пауза молчанія и отвѣтъ кухарки:

— Чего тебѣ, матушка?.. А ты кушай...

И настойчивое возраженіе на приглашеніе кухарки со стороны малютки:

— Мись!

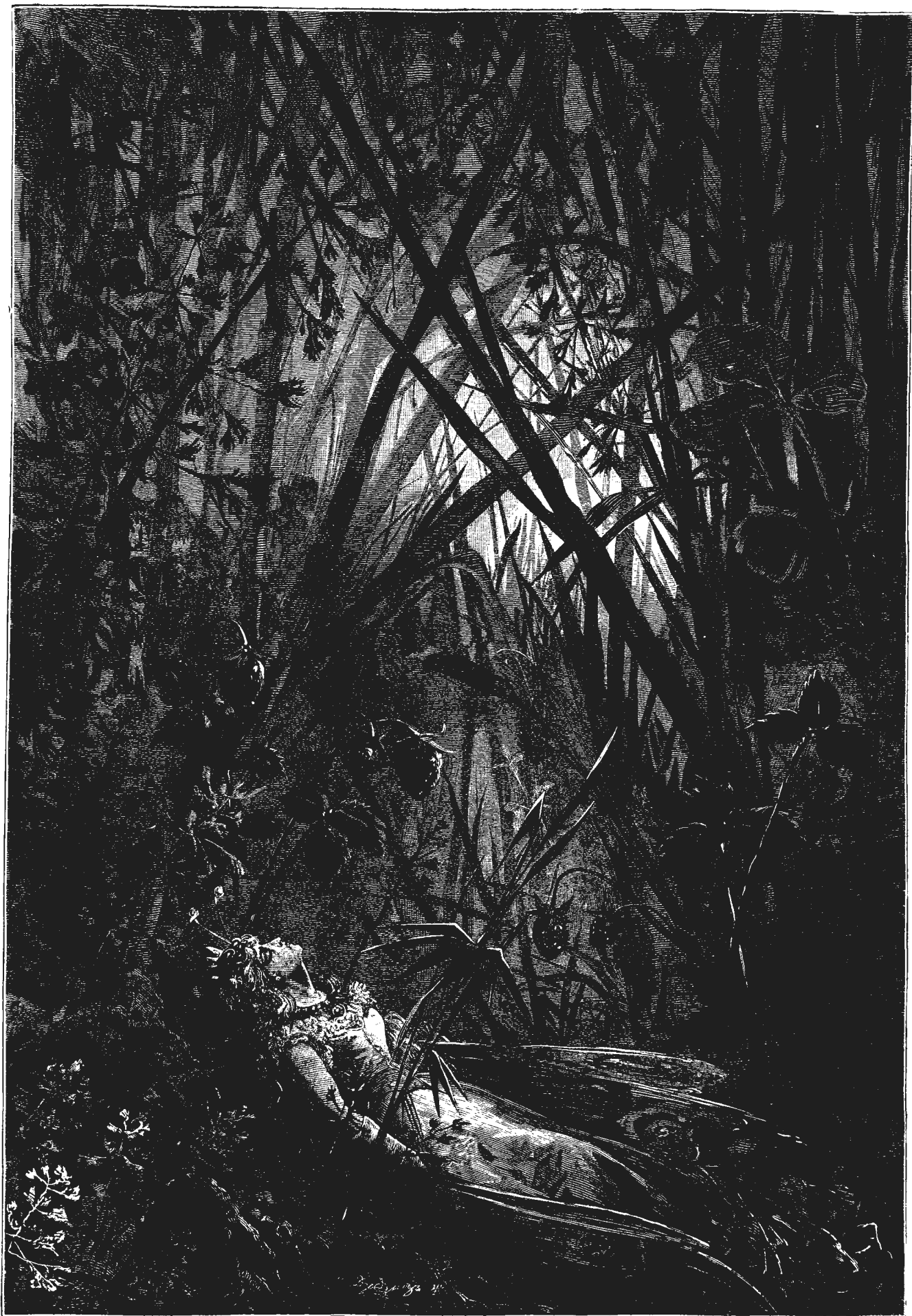
И послѣ новой паузы молчанія, съ большей убѣдительностью:

— Бать!..

Сердце Михаила Петровича забилось ускореннымъ ритмомъ—и позабывъ все, и тетеньку, и кузинь, и вчерашній театръ, онъ съ одной мыслью поскорѣе обнявъ свою малютку,—стремительно распахнулъ двери и вбѣжалъ въ кухню:

— Вотъ и я, моя крошка... я!..

(До слѣд. №).

Литературный альбомъ. „Кузнечикъ—Музыкантъ“. поэма Я. П. Полонскаго. „Смерть Сильфиды“.
Ориг. рис. Н. Н. Каразина, гравир. М. Рашевскій.

Предатель.

Историческій разсказъ.

М. Лиля.

(Продолженіе).

IV.

Темная ночь заволочла снѣжную равнину, безконечно раскинувшуюся во все стороны. Небо было покрыто тучами, и лишь блѣвншій сквозь мракъ свѣгъ указывалъ дорогу путнику, очевидно куда-то снѣжившему. Шуба плотно окутывала его огромную фигуру, голова по уши исчезала въ мѣховой шапкѣ; онъ быстро шелъ держа въ рукѣ толстую палку съ длиннымъ острымъ наконечникомъ, годную не только для опоры, но и какъ страшное оружіе и противъ человѣка, и противъ хищнаго животнаго.

Вдали замигалъ огонекъ. Путникъ остановился, немного приподнявъ шапку и оглянувшись во все стороны. Его глаза хотѣли, казалось, пронизать насквозь густой мракъ, въ немъ, какъ будто, чувствовалось сильное напряженіе всего существа и, затаявъ дыханіе, онъ снова оглянулся, желая убѣдиться—не грозитъ ли ему какая опасность. Но—все было тихо и безмолвно вокругъ.

Успокоительная, довольная улыбка скользнула по его лицу и, надвинувъ опять шапку, плотнѣе запахнувъ шубу, онъ продолжалъ путь по направленію къ слабо мерцавшему свѣту, который, по мѣрѣ приближенія къ нему, разгорался все ярче и яснѣе.

Онъ прошелъ еще съ полчаса и изъ почной мглы на него будто надвинулась темная масса башенъ, стѣнъ и бойницъ; еще секунда и онъ уже ясно могъ разглядѣть зубцы и выступы; прямо передъ нимъ высилась огромная круглая башня, точно высунувшаяся изъ земли гигантская рука, протянувшаяся къ нему. Часы медленно пробили на башнѣ полночь и въ то же мгновеніе сверху раздался грубый голосъ, окликнувшій новоприбывшаго; то кричалъ ландскнехтъ, стоявшій на часахъ.

— Скажи твоему офицеру, чтобы провелъ меня къ герцогу Фридриху Голштинскому, кликнулъ онъ солдату.

— Да кто ты-то, что требуешь пропуска въ такой поздній часъ? спросилъ тотъ слова.

— Имя мое я скажу только герцогу, а если я пришелъ въ неурочное время, то, значить, пришелъ по важному дѣлу. Ну, да ты скорѣе—дѣло снѣжное.

Солдатъ удалился и вскорѣ затѣмъ опустился подъемный мостъ, въ тяжелыхъ обитыхъ желѣзомъ крѣпостныхъ воротахъ открылась маленькая калитка и неизвестный прошелъ во дворъ Мельбекскаго замка. Ландскнехты сначала отвели его въ сторожевую комнату, обыскали, а потомъ, отобравъ палку и крѣпко на крѣпко связавъ ему руки, свели въ другую комнату, гдѣ ужъ ждалъ офицеръ, приказавшій ему слѣдовать за собой. Нѣсколько секундъ спустя новоприбывшій стоялъ въ просторномъ и высокомъ залѣ. Здѣсь, у массивнаго дубоваго стола сѣдѣлъ герцогъ Фридрихъ, съ большимъ вниманіемъ изучавшій, при красноватомъ свѣтѣ лампъ, карту Дитмарсенскаго владѣнія.

— Вы держите слово, Карстенъ Гольмъ, сказалъ онъ, обращаясь къ вошедшему,—это внушаетъ мнѣ довѣріе.

— Не я допущенъ къ вашему высочеству не какъ другъ, а какъ плѣнникъ, возразилъ мельникъ, протягивая къ герцогу свои связанныя руки,—прикажите развязать меня.

Герцогъ, съ минуту, пристально глядѣлъ на него.

— Вы, дитмарсенцы, народъ скорый, сказалъ онъ, но—вамъ я вѣрю. Развязать его, прибавилъ онъ, обращаясь къ офицеру. Тотъ выполнилъ приказаніе и, по знаку Фридриха вышелъ. Карстенъ Гольмъ остался съ герцогомъ наединѣ.

— Вы желаете сдѣлать мнѣ важное сообщеніе—говорите, началъ герцогъ.

— Прежде всего, прошу ваше высочество не считать меня предателемъ, если я укажу вамъ—какимъ способомъ быстро и легко можете овладѣть Дитмарсеномъ, сказалъ Гейдскій мельникъ, усѣвшись, по приглашенію датскаго принца, въ высокое рѣзное кресло.—Я, напротивъ, думаю принести тѣмъ пользу странѣ, такъ какъ сопротивляясь вашей огромной арміи ей невозможно; вы, все равно, одолѣете Дитмарсенъ, а чѣмъ скорѣе это произойдетъ, тѣмъ менѣе будетъ пролито драгоценной крови.

— Вы, однако, хорошо умѣете успокаивать свою совѣсть, возразилъ со смѣхомъ герцогъ.

— Я беру на себя всю отвѣтственность своего поступка, твердо и гордо произнесъ Карстенъ Гольмъ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать—какая причина заставляетъ васъ оказывать такую дурную услугу своему отечеству. На родинѣ вы, очевидно, пользуетесь и уваженіемъ, и большимъ довѣріемъ, иначе васъ не назначили бы посланникомъ; а въ качествѣ посланника вы усердно стоили за Дитмарсенскіе интересы.

— Могъ ли я поступать иначе, не желая возбуждать подозрѣній? Мой товарищъ передалъ бы дома, отъ слова до слова, все, что произошло бы тутъ и тогда мнѣ не удалось бы попасть сюда. Опасность порождаетъ недовѣріе—меня продержали бы на заорѣ до самаго окончанія войны.

— Есть у васъ какой либо поводъ ненавидѣть свой народъ, свою родину, желать ихъ гибели?

— Я—не прирожденный дитмарсенецъ, хотя и давно уже живу тамъ; моя родина находится по другую сторону границы. Я создалъ себѣ прекрасное состояніе, и благодаря ему мнѣ поручаются различныя почетныя должности. Но все это немогло уничтожить моей тайной ненависти къ хвастливому, заносчивому народу, который позволяетъ себѣ вступать въ соперничество съ великимъ сосѣднимъ государствомъ только на томъ основаніи, что ему, случайно, при помощи самой природы и стихій, удалось нѣсколько разъ побѣдить нападавшихъ.

— Ну—и его часъ скоро пробьетъ... проговорилъ Фридрихъ, по болѣе обращаясь къ себѣ самому, нежели къ собесѣднику. Вы ненавидите этотъ народъ, можете быть обижены имъ въ чемъ нибудь и, все-таки, основались въ его землѣ—какое странное противорѣчіе! продолжалъ герцогъ, измѣривая мельника подозрительнымъ взглядомъ.

— Обстоятельства снѣжнѣе человѣка и его желаній, государь, возразилъ Гольмъ, — и мнѣ пришлось покориться имъ. Когда, двадцать лѣтъ тому назадъ, дитмарсенцы вторглись въ Голштинію для того, чтобы возвратить свои корабли, несправедливо захваченные у датскихъ береговъ,—моя родная деревня первую сдѣлалась жертвою ихъ злобы. Въ то время я еще былъ молодымъ мальчѣмъ, но никогда не забываю страшной ночи которую намъ довелось испытать. Поздно вечеромъ отрядъ вооруженныхъ дитмарсенцевъ напалъ на нашу деревню, прогналъ мужчинъ и пустилъ краснаго пѣтуха въ жилища беззащитныхъ, безоружныхъ людей. Жизнь ихъ они пощадилъ, но забрали весь скотъ, чтобы,—какъ объявили,—вознаградить себя за взятые у нихъ корабли; и на другое утро бѣдные жители стояли, ломая въ отчаяніи руки, надъ дымящимися развалинами своихъ домовъ: одна ночь сдѣлала ихъ нищими.

Мрачно заблестали глаза мельника при этомъ воспоминаніи, лицо его выражало глубокую и непритворную ненависть.

— И моя мать стояла безъ слезъ и безъ словъ у развалинъ своего маленькаго домика; у нея не осталось ничего, для поддержанія ея старости; въ нѣмомъ горѣ сжала она мнѣ руку и я принялъ это пожатіе какъ нѣмое приказаніе отомстить за насиліе.

Немного дней спустя я ее похоронилъ, испугъ и горе отняли у меня все, что у меня было тогда самаго дорогаго; она поконилась рядомъ съ моимъ отцомъ, скончавшимся раньше ея.

Разсказчикъ на минуту остановился; и его голосъ, вначалѣ рѣзкій теперь сдѣлался мягкимъ обнаруживая внутреннее волненіе.

Что же оставалось мнѣ дѣлать въ бѣдной разоренной деревушкѣ? продолжалъ онъ затѣмъ,—мнѣ не къ кому было идти—бѣдняки сами не имѣли хлѣба. Братъ моей матери владѣлъ въ Гейдѣ мельницей; у него я и намерѣлъ пріютъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, дядя мой умеръ бездѣтнымъ и я, принявъ его незначительное, обремененное долгами предпріятіе, съумѣлъ, своимъ трудомъ, усердіемъ и удачей, расширить его и сдѣлать однимъ изъ главныхъ въ нашемъ краю. Никто никогда не подозрѣвалъ ненависти, таящейся во мнѣ; дитмарсенцы всегда считали меня своимъ и вѣрили мнѣ должности, возвышали меня надъ другими. Когда меня, вмѣстѣ съ Вольфомъ Избрандомъ, назначили посланникомъ, старое чувство мести вновь заговорило и я рѣшился не упустить удобнаго случая. Независимость этого народа должна пасть.

— Вашъ гнѣвъ справедливъ, Карстенъ Гольмъ, сказалъ герцогъ Фридрихъ тономъ участія,—и цѣль вашего посѣщенія представляется мнѣ теперь въ свѣтѣ. Но теперь—къ дѣлу; объясните мнѣ тотъ способъ и средства, которые вы предлагаете.

— Я не знаю, каковъ вашъ планъ и съ какой стороны ландскнехты вторгнутся въ Дитмарсенъ; для того, чтобы имѣть быстрый успѣхъ, вамъ надо знать—гдѣ мы слабѣе всего и гдѣ, поэтому, вы вѣрнѣе пробьетесь.

— Вамъ это извѣстно?

Дитмарсенецъ отвѣтилъ наклоненіемъ головы:—Я присутствовалъ на военномъ совѣтѣ и потому вы можете вполне вѣрить моимъ сообщеніямъ. У насъ предполагаютъ, что ваши войска нападуть у Нордгамма, такъ какъ тамъ каналы и канавы меньше помѣшаютъ имъ; но именно тамъ-то вы и встрѣтите наибольшія затрудненія, потому что, втѣхмолку, канавы расширены, устроены засѣки и возведены укрѣпленія.

— И главныя силы дитмарсенцевъ сосредоточены, конечно, тамъ-же? спросилъ Фридрихъ.

— Этотъ пунктъ считается наиболѣе угрожаемымъ, а потому тамъ собраны наши самые храбрые и сильные молодцы, изъ которыхъ каждый стоитъ десяти вашихъ солдатъ.

— Ваши военачальники, однако, имѣютъ хорошія свѣдѣнія, Гольмъ,—мы, въ самомъ дѣлѣ, намѣревались повести наступленіе отсюда. Но, что же вы предлагаете мнѣ вмѣсто того?

— Для виду напирайте из Шейнмарша на Нордгаммъ, а потомъ вдругъ поверните къ Мельдорфу, очень слабо защищенному; о сопротивлении тамъ не можетъ быть и рѣчи, вы овладѣете городомъ, что отдастъ въ ваши руки южный Дитмарсенъ. Если вы стѣмѣте быстро воспользоваться плодами этого успѣха и двинетесь, чрезъ Эльбердорфъ и Геммингштадтъ, къ Гейда, то и вся страна будетъ ваша, прежде, нежели дитмарсенцы успеютъ дать серьезный отпоръ.

— Планъ недуренъ, сказалъ герцогъ послѣ минуты раздумья, — но кто мнѣ поручится, что ваши свѣдѣнія вѣрны, а не расчитаны на то, чтобы насъ напести на засаду?

— Это было бы бесполезно, ваше высочество. Вы располагаете тридцатитысячнымъ хорошо вооруженнымъ войскомъ, тогда какъ у дитмарсенцевъ всего три тысячи солдатъ, да столько же женщинъ, которымъ поручена работа въ укрѣпленіяхъ. Не трудно вамъ будетъ, и безъ того, совладать съ такой кучкой.

— Вы — хитрый человекъ, Карстенъ Гольмъ, и желаете въ мутной водѣ рыбу ловить; я вѣрю вамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу сказать — чего вамъ надо; странно было бы, еслибъ вами проводила только одна жажда мести, немножко корысти лучше обезпечить намъ дѣло.

Мельникъ лукаво улыбнулся.

— Государь-герцогъ, можете предполагать что угодно, — сказалъ онъ — но будьте увѣрены, что не изъ награды предпринялъ я, въ поздній часъ, этотъ опасный путь къ вамъ, чрезъ лѣсъ и снѣгъ. Но если желаете мнѣ оказать милость, то прикажите не трогать, при разграбленіи Гейда, моего имѣнія, которое я собралъ и составилъ себѣ своимъ трудомъ. Будь сказано не въ угорь, но — о вашей гвардіи слава идетъ не очень хорошая.

— Ваша просьба будетъ исполнена и, вдобавокъ, вы получите мѣшокъ золота, когда все будетъ сдѣлано, отвѣчалъ братъ короля Иоанна, — но, для того, чтобы мы были увѣрены, что вы не устраиваете намъ ловушки, — вы останетесь до окончанія войны тутъ, въ замкѣ Мельбекъ, подъ строгимъ надзоромъ, и даю вамъ мое герцогское слово, что если вы меня обманули — я велю васъ четвертовать живаго.

— Я — въ вашей власти, государь-герцогъ; добровольно пришелъ я къ вамъ, тогда какъ могъ спокойно сидѣть у теплой печи; но — можно легко понять, что мое отсутствіе возбудитъ подозрѣнія, которыя поведутъ, вѣроятно, къ измѣненію военнаго плана, а что тогда выйдеть, я сказать не могу, но прошу не дѣлать меня отвѣтственнымъ за послѣдствія.

Фридрихъ, вставъ съ своего мѣста, широкими шагами мѣрилъ комнату. Герцогомъ овладѣла нерѣшительность: онъ, съ одной стороны, внутренно болашался съ мельникомъ, но — съ другой, продолжалъ не довѣрять ему вовсе. Несомнѣнно, что онъ пришелъ по собственной доброй волѣ, безъ всякаго принужденія, раскрытъ неприятелю плавъ своихъ земляковъ. Но герцогъ зналъ, что геройскій народецъ преданъ своему государю и независимости, одушевленъ патріотизмомъ и готовъ биться до послѣдняго человека; а потому легко могло случиться, что мельникъ былъ подосланъ, съ цѣлью ввести датчанъ въ обманъ. Герцогъ остановился предъ дитмарсенцемъ, и снова устремилъ на него исмытую взглядъ, будто желая видѣть пазвовозъ, что происходило въ собесѣдникѣ.

— Будь по вашему, Карстенъ Гольмъ, возвращайтесь къ себѣ домой, произнесъ онъ медленно, но съ удареніемъ въ голосъ. — но если вы меня обманули, то помните — я стѣмѣю васъ найдти — гдѣ-бы вы ни были, и не одинъ вы, Гольмъ, — весь вашъ народъ почувствуетъ на себѣ силу моей мести; огнемъ и мечемъ уничтожу я васъ и съ землею сравняю ваши города и деревни.

— Сдѣлайте это, государь-герцогъ, спокойно возразилъ Гольмъ; однако, если вы увидите меня вооруженнымъ въ рядахъ дитмарсенцевъ, то поймите, что я, покрайней мѣрѣ, для виду, долженъ исполнять мою обязанность, какъ выполнялъ ее, явившись къ вамъ посланникомъ. Можетъ быть, тогда вамъ удобнѣе велѣтъ меня не убивать, а взять въ плѣнъ, почему знать, какую пользу я въ состояніи былъ-бы оказать еще.

— Если только отъ меня будетъ зависѣть, то и волосъ не упадетъ съ вашей головы, ужъ ради только одного того, чтобы я имѣлъ возможность васъ наказать, въ случаѣ обмана, успокоилъ Фридрихъ; ну, а теперь идите — вамъ надо успѣть домой такъ, чтобы никто не замѣтилъ!

Сильный вѣтеръ расходился по снѣжному раздолью, обдавалъ снѣжившаго теперь назадъ мельника цѣлыми облаками хлопьевъ.

— Вѣтеръ идетъ съ Эльбы, а это значитъ — будетъ оттепель, произнесъ Гольмъ, остановившись и качая головой, — это, конечно, никому не могло придти въ голову — все, вѣдь, можетъ быть испорчено!

V.

Около часа разстоянія къ югу отъ Мельдорфа, главнаго города южнаго Дитмарсена, лежитъ мѣстечко Виндбергенъ — маленькое село лѣбошанцевъ. Съ низенькихъ старыхъ башенъ ветхой церкви раздавался веселый звонъ и изъ воротъ вышла группа порядочно разодѣтыхъ мужчинъ и женщинъ, радостно привѣтствованная толпой народа, собравшагося на дорогѣ. Элиза Йохемъ, самая хорошепкая дѣвушка во всемъ кирхшпидѣ, праздновала въ этотъ день свою свадьбу съ Яковомъ Гадемаромъ, сыномъ богатѣйшаго изъ виндбергенскихъ жи-

телей; и вся деревня приняла участіе въ торжествѣ. Впереди выступали музыканты, наигрывавшіе веселую мелодію, затѣмъ шли молодые, въ праздничномъ дитмарсенскомъ народномъ костюмѣ, за ними — родители, родственники и крестные отецъ и мать, далѣе — друзья и знакомые — длинная, нарядная вереница свадебныхъ гостей. Послѣ обычнаго роскошнаго угощенія, сдѣдовавшаго за обрядомъ вѣнчанія, старшіе гости усѣлись за вино и игру, а молодые принялись за танцы. Собравшіеся передъ домомъ народъ съ любовитствомъ заглядывалъ въ окна, разражался шумными восклицаніями въ честь молодыхъ, всякій разъ, что изъ дома высылались или кубки вина или какое-либо угощеніе.

Общесъ веселіе, казалось, достигло уже своего апогея, когда на улицѣ произошло что-то странное; толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ, нахлынула въ деревню съ крикомъ: «датчане, датчане! спасайтесь! спасайтесь!»

Въ первую минуту, виндбергенцы не знали, на что рѣшиться — бѣжать, или защищаться, но — когда имъ было сказано, что авангардъ датско-голландскаго войска состоялъ изъ страшной «гвардіи», то и положили послѣдовать примѣру жителей соседнихъ деревень, такъ неожиданно ливнившихся къ нимъ среди веселаго свадебнаго дня.

Музыка смолкла немедленно, какъ только до свадебныхъ гостей дошла вѣсть о приближеніи неприятеля; большинство, тутъ же, рѣшилось поспѣшить домой, собрать все, что было лучшаго, и бѣжать въ Мельдорфъ, гдѣ падались, хотя на нѣкоторое время, найдти вѣрное убѣжище. Но болѣе молодые, разгоряченные виномъ и танцами, воспротивились нарушенію праздника и заставили возобновить и танцы, и музыку. Такъ какъ это былъ только передовой отрядъ, то они, по ихъ словамъ, легко уймутъ ихъ нѣсколькими ведрами вина; а въ случаѣ нужды стѣмѣютъ и сладить съ какой-нибудь кучкой датчанъ.

Нападеніе неприятеля явилось для южныхъ деревень и мѣстечекъ совершенною неожиданностью. Всѣ хорошо знали, что война неизбежна, и способные къ ношенію оружія мужчины были готовы, во всякую данную минуту, сѣсть къ своимъ знаменамъ, но — никто не ожидалъ, что наступленіе произойдетъ именно съ той стороны; такъ какъ военачальники твердо были убѣждены, что неприятель, прежде всего, устремится на сѣверъ, къ главному городу этой части Дитмарсена, Гейда, то весь южный край оставался почти не защищеннымъ и жителямъ не предстояло ничего иного, какъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

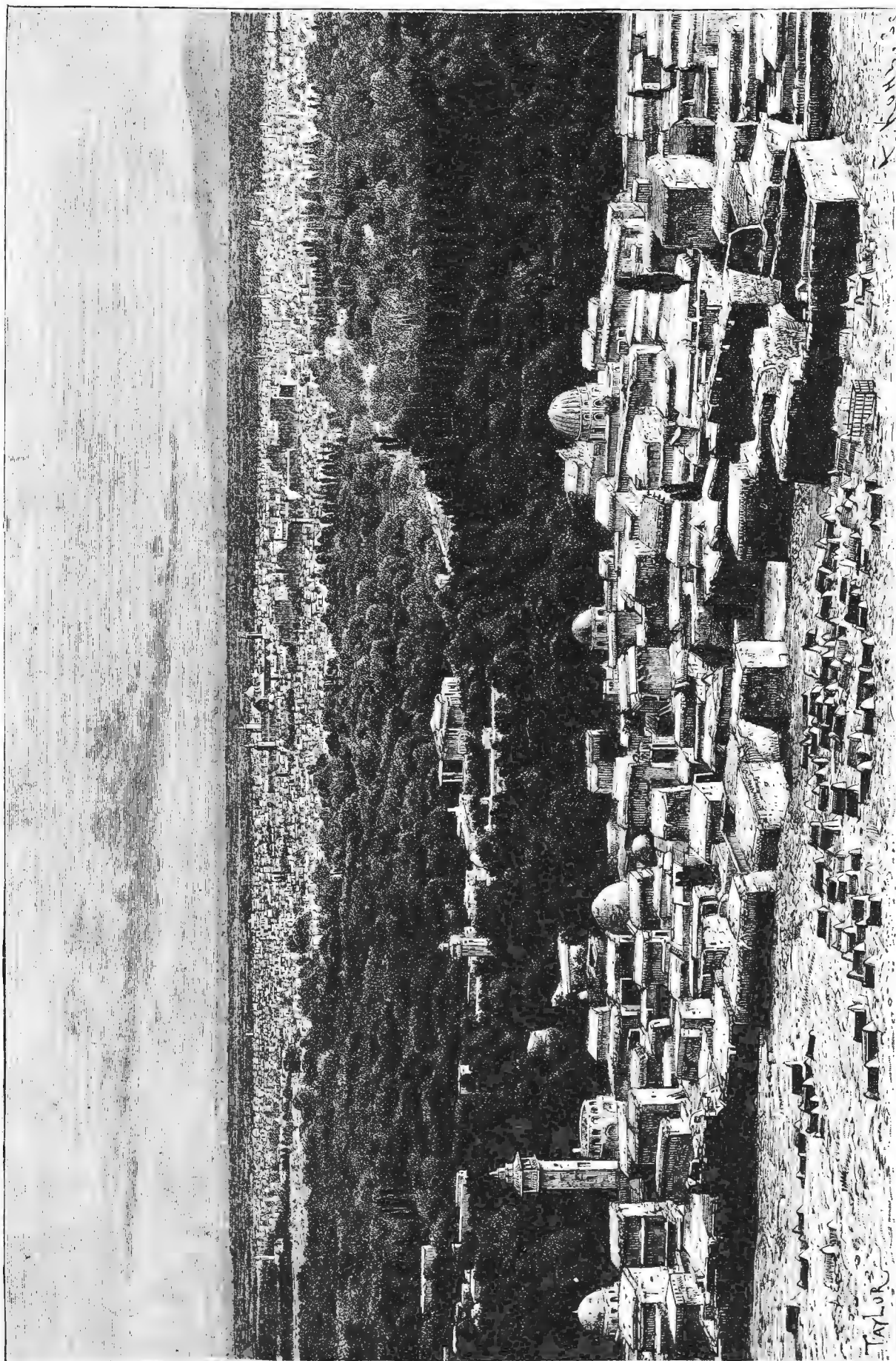
Въ деревнѣ скорѣ послышался громкій крикъ и лошадиный топотъ; одинъ изъ отрядовъ гвардіи уже нагрянулъ и кинулся грабить дома. Такъ называвшаяся «гвардія» состояла изъ сброда негоднѣвъ, воровъ, мошенниковъ, бѣжавшихъ отъ тюрьмы и всюду вносившихъ съ собою разореніе и смерть и наводившихъ ужасъ однимъ своимъ появленіемъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, привлеченные звуками музыки, подскочили къ дому, гдѣ происходило свадебное торжество, и, привлазая коней къ близъ — стоявшимъ деревьямъ, вломались въ жилище. При видѣ этихъ свирѣбныхъ фигуръ, скорѣе напоминавшихъ грабителей, нежели воиновъ, панической страхъ овладѣлъ гостями, которые тутъ только — но слишкомъ поздно — поняли, какъ неразумно поступили, оставшись здѣсь ждать врага. Предводитель дикой орды, безъ дальнѣйшихъ околичностей, зная молодую за талию, желая продолжать танецъ, подъ музыку, которой велѣно было играть снова, но — Яковъ Гадемаръ, схватилъ его своими мощными руками за шиворотъ и толкнулъ съ такою силой, что тотъ шлепнулся на полъ.

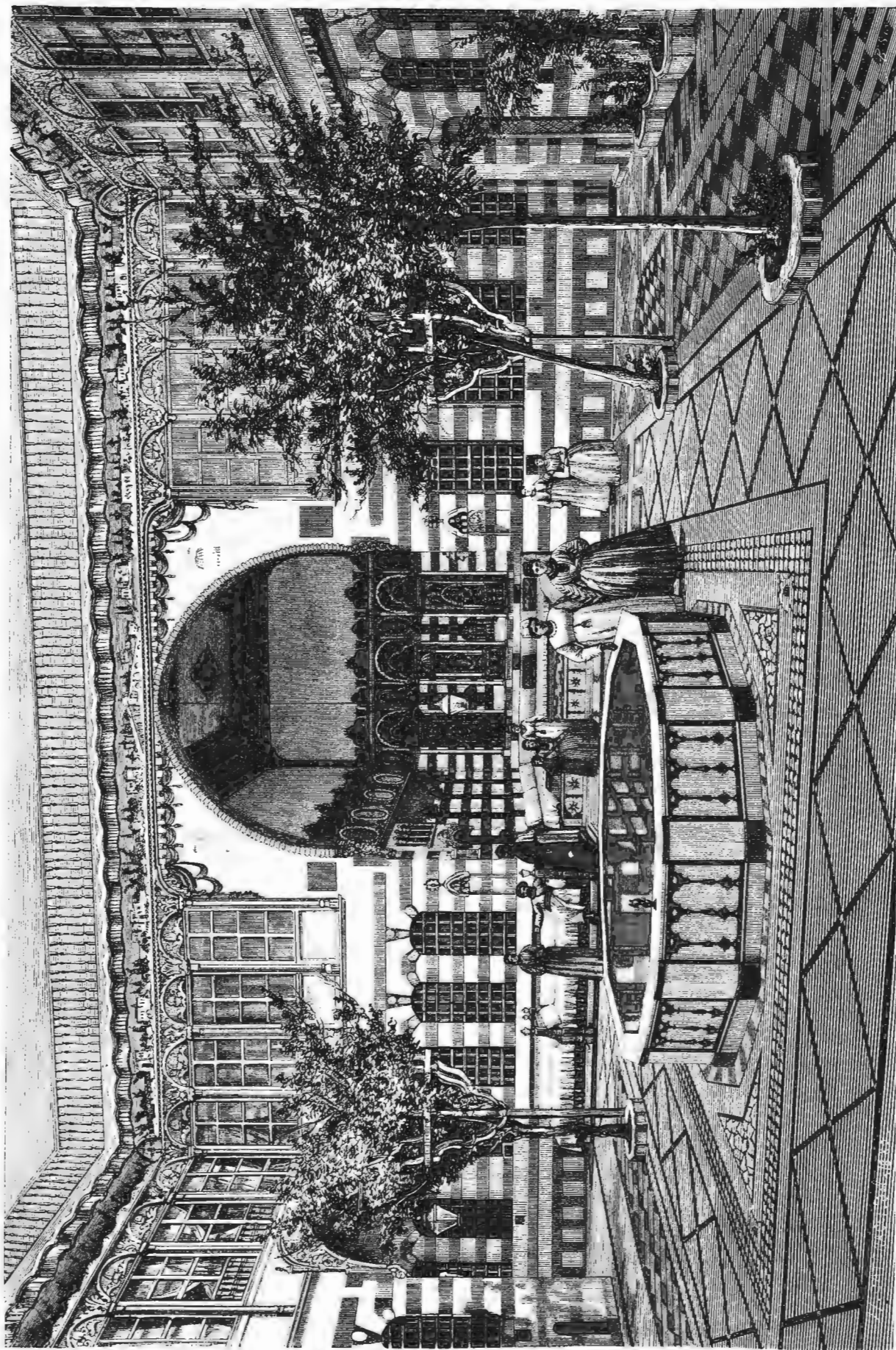
Это послужило сигналомъ къ страшной рѣзнѣ; ударъ шпагой, почти отдѣлившій голову отъ туловища, былъ отвѣтомъ несчастному Гадемару, какъ снопъ свалившемуся на землю; въ ужасѣ шархнулись назадъ мужчины; женщины, съ криками отчаянія, замесались изъ стороны въ сторону, тщетно старались найдти выходъ. Ландскнехты, подобно дикимъ звѣрямъ, почувли кровь и кинулись на безоружныхъ гостей, рубя направо и налево, все еще подъ звуки музыки, которой было велѣно акомпанировать этой отвратительной кровавой оргіи. Чудовища, охвативъ женщинъ и дѣвушекъ, кружились съ ними въ какомъ-то дикомъ танцѣ, не обращая вниманія на потоки крови, забрызгавшей одежду танцовавшихъ.

Отчаяніе придавало слабымъ женщинамъ львиную храбрость; начальники воровавшагося отряда, снова завладевшій молодой — теперь уже вдовой, — и уваскшій ее въ танецъ, поскользнувшись на лужѣ крови и упавъ; воспользовавшись минутой, Элиза Йохемъ выхватила его шпагу и вонзила ее ему въ грудь; почти въ тоже мгновеніе, повергнувъ и другаго, мужественная дѣвушка громко кликнула подругамъ послѣдовать ея примѣру. Но — ударъ шпаги разрубилъ голову юной героини и нѣсколько минутъ спустя всѣ остальные лежали уже мертвыми рядомъ съ убитыми солдатами. Грабители, затѣмъ, взяли за кубки и скорѣ оставили это мѣсто ужаса, гдѣ нѣсколько часовъ предъ тѣмъ царствовали радость и веселье.

Слухъ о совершенномъ преступленіи распространился повсюду съ быстротою молніи; онъ достигъ и до слуха короля Иоанна, который пришелъ въ неопшанный гнѣвъ. Когда на слѣдующее утро, главныя силы проходили мимо, то король, увидавъ сквозь разбитыя окна груды лежавшихъ тамъ тѣлъ, съ волне-

Общій видъ города Дамаска. Рис. Тайлоръ, грав. Коль.

Видъ внутреннего двора богатаго дома въ Дамаскъ. Рис. Катеначчи, грав. Коль.

ишь, произнесъ, обращаясь къ бывшему рядомъ съ нимъ герцогу голштинскому:

— Мнѣ-бы очень не хотѣлось имѣть этихъ дьяволовъ въ своихъ войскахъ, они разграбятъ и опустошатъ Дитмарсенъ.

— Но это, вѣдь, война, государь—братъ мой, и хотя гвардія юнкера Сленица не можетъ похвалиться нравственностью, за то отличается своей храбростью, возразилъ герцогъ Фридрихъ. Юаннъ нетерпѣливо покачалъ головой.

— Что они храбры—это такъ, но ихъ страсть къ убійствамъ превратитъ мнѣ каждого дитмарсенца во льва! Далъ-бы Богъ скорѣй кончить эту войну, ее начало мнѣ не нравится.

— Успокойтесь государь, братъ, сегодня-же Мельдорфъ будетъ въ нашихъ рукахъ и этиаъ мы кончимъ войну; неприятель, послѣ потери этого важнаго пункта, утратитъ всякую охоту продолжать дальнѣйшее сопротивление.

Фридрихъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что повелѣ наступленіе съ юга; о своемъ почномъ разговорѣ съ Карстенемъ Гольмомъ онъ никому не сказалъ ни слова.

Король не отвѣтилъ на слова брата; безмолвно и погруженный въ глубокую задумчивость слѣдовалъ онъ около герцога, туда, по направленію къ главному городу, южному Дитмарсену.

Для жителей Мельдорфа внезапное появленіе неприятеля было такою-же неожиданностью, какъ и для обитателей другихъ мѣстностей, приведенныхъ въ ужасъ появленіемъ датчанъ и голштинцевъ. Городъ былъ очень слабо защищенъ, подкрѣпленій-же было ждать не откуда; поэтому, начальникъ маленькаго, едва состоявшаго изъ сотни человѣкъ, гарнизона, потребовалъ, чтобы жители немедленно-же бѣжали, такъ какъ сопротивляться громаднымъ силамъ врага было невозможно; но храбрые дитмарсенцы, воодушевленные женщинами, объявили, что будутъ биться до послѣдняго.

Гейдскій мельникъ, находився, согласно своему желанію, тутъ же съ маленькимъ отрядомъ сѣверянъ, чтобы, на наружности, защищать этотъ пунктъ, хотя въ своихъ землякахъ и продолжалъ поддерживать увѣренность въ томъ, что нападеніе датчанъ будетъ произведено со стороны Нордгамма.

Однако, увидавъ со сторожевой башни приближеніе густыхъ неприятельскихъ колоннъ, онъ, въ свою очередь, посоветовалъ отказаться отъ сопротивленія, которое-бы повело лишь къ бесполезному кровопролитію.

— Намъ лучше-бы отвести женщинъ и дѣтей въ какое нибудь безопасное мѣсто, нежели безплодно жертвовать собой, сказалъ онъ,—имъ необходимо хорошее прикрѣпленіе.

— Мы, мельдорфцы, рѣшились защищаться, пока въ силахъ держать оружіе въ рукахъ, возразилъ одинъ старшій дворянинъ, которому была поручена оборона города; что-же касается васъ, Карстенъ Гольмъ, вы—чужой въ нашемъ городѣ; и мы не можемъ требовать, чтобы жертвовали собой, какъ сдѣлали-бы это для роднаго целища; а потому, возьмите на себя съ вашими людьми охрану тѣхъ, кто удалится отсюда.

Мельникъ послушался совѣта и двинулся по улицамъ, чтобы поторонить замедлившихся бѣглецовъ. Но значительное число женщинъ отказались слѣдовать за нимъ, остальные-же, по большей части старухи, старики и дѣти выступили подъ прикрытіемъ отряда Карстена Гольма въ ту самую минуту, когда на южномъ концѣ города уже загудѣла пушечная пальба. Храбро отвѣчали мельдорфцы выстрѣлами на неприятельскіе выстрѣлы. Широкая борозда проводила ихъ вѣрно нацѣленнымъ ядра въ рядъахъ штурмовавшихъ колоннъ гвардіи, но вытѣсто убитыхъ заступали массы другихъ воиновъ, надвигавшихся все ближе и ближе и пылавшихъ жаждой мщенія за навшихъ товарищей.

Уже нѣсколько часовъ длился бой, неприятель яростно кидался впередъ, но пока мельдорфцы еще мужественно отбивали натиски; многие уже пали среди ихъ, остальные, однако, съ непоколебимою храбростью, продолжали стоять на облитыхъ кровью стѣнахъ, посылая оттуда смерть въ ряды неприятеля. Наконецъ, послышался сигналъ къ общему штурму; съ дикимъ крикомъ кинулись впередъ колонны гвардіи, подиравшая сади слѣдовавшими за ними войсками; они быстро взобрались на стѣны, гдѣ произошла короткая свалка, въ которой дитмарсенцы заставили врага дорого заплатить за побѣду. Юнкеръ Сленица послѣдовалъ въ палатку короля сообщить ему, что гвардія овладѣла городомъ и что онъ можетъ теперь безпрепятственно вступить туда. Когда вечеромъ король Юаннъ, съ своимъ братомъ и главными военачальниками сидѣлъ за ужиномъ въ трансѣ мельдорфскаго францисканскаго монастыря, вошелъ офицеръ и доложилъ герцогу, что одинъ изъ разосланныхъ вокругъ города патрулей привелъ плѣннаго.

— Какъ, плѣнный дитмарсенецъ? воскликнулъ, съ недовѣріемъ Фридрихъ,—значитъ, всего на всего одинъ за весь день. Эти безумцы дрались какъ отчаянные и не сдавались. Введите сюда это чудо!

Офицеръ вышелъ и почти тотчасъ-же возвратился вмѣстѣ съ плѣннымъ; то былъ Карстенъ Гольмъ.

Герцогъ громко расхохотался.

— Ловко, Гольмъ, вы сумѣли сберечь свою кожу, сказалъ онъ.

— Моя смерть мало принесла-бы пользы вашему высочеству или моимъ землякамъ, возразилъ онъ,— а такъ какъ солдаты

ваши попалили меня, то я могу сослужить службу обѣимъ сторонамъ.

— Мы должны вознаградить этого человѣка, государь—братъ мой, сказалъ онъ обратившись къ королю, которому тутъ-же вратіе передалъ свои переговоры съ Карстенъ Гольмомъ. Странное выраженіе мелькнуло во взглядѣ монарха, остановившемся на мельникѣ; тотъ опустил свои глаза къ землѣ.

— Вы имѣли право на нашу благодарность, такъ какъ вашими совѣтамъ мы облызавъ быстрой побѣдой, увѣнчавши оружіе наше, произнесъ король; жалую васъ помѣтлемъ за эту заслугу, за дальнѣйшія-же, вознаградимъ васъ особо.

Гольмъ низко поклонился предъ повелителемъ трехъ соединенныхъ королевствъ и затѣмъ, повернувшись къ герцогу, сказалъ:

— Южный Дитмарсенъ—у вашихъ ногъ, но, хотя его защищала только незначительная кучка людей, встаетъ, онъ стоилъ вамъ достаточно жизни, какъ можете убѣдиться по грудамъ тѣлъ, лежащихъ передъ валами и на стѣнахъ. Изъ этого вы поймете, что главныя силы дитмарсенцевъ окажутъ вамъ ужасное сопротивление, если дадите имъ время выступить противъ вашихъ войскъ.

Делая положитъ скорѣй конецъ войнѣ и избавитъ мое отечество отъ дальнѣйшаго опустошенія, совѣтую вамъ немедленно двинуться впередъ на сѣверъ, чтобы какъ можно скорѣй овладѣть городомъ Гейда; если это вамъ удастся—то сѣверный Дитмарсенъ—тоже вашъ, и тогда война кончена.

— Позволю себѣ объяснить вамъ, государь, обратился къ королю юнкеръ Сленица,—человѣкъ этотъ говорить можетъ быть совершенно вѣрно, но я прошу нѣсколько дней отдохновенія для моей гвардіи; пришлось не мало пробывать на снѣгу и холодѣ во время этого похода, а потому надо дать обогрѣться; бояться промедленія намъ нечего, мои гвардейцы справятся легко и съ тѣми дитмарсенцами, которые ждутъ насъ впередъ,— я ручаюсь за это.

— Мы однако видѣли, съ какимъ противникомъ имѣемъ дѣло, замѣтилъ осторожный Эббе Гейсъ,— а по моему надо коватьъ желѣзо пока оно горячо; если мы теперь воспользуемся нашей удачей, то дойдемъ до цѣли легко и безъ большихъ жертвъ, въ противномъ случаѣ, неприятель сумѣетъ извлечь для себя пользу изъ нашей медленности.

— Наши войска измучены, между ними поднялся-бы ропотъ, если не дать имъ отдыха; утомленные солдаты еще хуже голодныхъ. Позвольте-же намъ провести нѣсколько дней спокойно и тогда мы примемъ за работу со свѣжими силами.

Слова эти вызвали общее ободреніе военачальниковъ, и самъ король изъявилъ свое согласіе, а потому рѣшено было приостановитъ наступленіе.

— Такъ позвольте-же мнѣ покрайней мѣрѣ возвратиться къ моимъ землякамъ, чтобы убѣдить ихъ покориться, сказалъ мельникъ,— я, конечно, не могу явиться къ нимъ въ качествѣ вашего посланца, но приду какъ бѣжавшій плѣнный; постараюсь, разскажемъ обо всемъ, что у васъ видѣлъ и слышалъ, ослабить ихъ воинственный пылъ и надѣюсь довести ихъ до того, что они будутъ просить милости и пощады; вы конечно, окажете имъ снисхожденіе и не вооружите ихъ противъ себя излишнею строгостью требованій.

— Чѣмъ скорѣй мы заключимъ миръ, тѣмъ будетъ лучше и для насъ и для нихъ, быстро возразилъ король;— возвращайтесь домой, очень желалъ-бы, чтобы вы успѣли преодолѣть упрямство вашихъ земляковъ.

— Цѣла-ли у васъ моя пропускная грамота: спросилъ герцогъ Фридрихъ,— безъ нея вамъ трудно было-бы пробраться черезъ наши форпосты.

Мельникъ, вынувъ круглый металлическій знакъ, съ выбитымъ на немъ фамильнымъ гербомъ герцога, показалъ его.

— Это—ваша охрана, отвѣтилъ главнокомандующій,— а теперь съ Богомъ, увидимся въ Гейда.

— Не забудьте вашего обѣщанія, государь герцогъ, произнесъ Карстенъ Гольмъ,— прикажите не трогать моего имѣнія.

— Прошу васъ, братъ мой, избавитъ насъ отъ дальнѣйшихъ услугъ этого человѣка, сказалъ король герцогу, послѣ ухода мельника,— тотъ, кто измѣняетъ своему отечеству, способенъ на все.

VI.

Быстро разнеслась во всей странѣ вѣсть о паденіи Мельдорфа, несмотря однако на то, дитмарсенцы не только не утѣли духомъ, но еще болѣе укрѣпились въ своей рѣшимости сопротивляться. Совѣтъ былъ собранъ въ Вёрденѣ, куда стеклось и почти все способное носить оружіе населеніе. Туда-же явился и „бѣжавшій изъ плѣна“ Карстенъ Гольмъ; въ страшныхъ краскахъ изобразилъ онъ могущество неприятеля и ужасы, совершенныя во взятомъ штурмомъ Мельдорфѣ, разсвирѣпѣвшею гвардіею,— по словамъ Карстена, если сопротивление будетъ продолжаться, то дикая солдатчина опустошитъ всю страну, перебьетъ весь народъ, тогда какъ, въ случаѣ явленія покорности, неприятельскія войска немедленно-же очистятъ Дитмарсенъ. Разсказъ свой онъ сумѣлъ изукрасить многими мрачными эпизодами, а свой побѣгъ, во время котораго онъ рисковалъ жизнью, представилъ геройскимъ подвигомъ. Его рѣчи

произвела нѣкоторое впечатлѣніе и многіе склонились уже къ тому, что лучше было-бы начать мирные переговоры, нежели рисковать всѣмъ своимъ достояніемъ.

Снова поднялся Вольфъ Изебрандъ и своею пламенною рѣчью воодушевилъ въ землякахъ чувство мести; онъ напомнилъ имъ объ ужасномъ кровопролитіи въ Виндбергенѣ, о героическихъ дѣлахъ предковъ, указалъ на ту жалкую участь, которая ихъ ждетъ, въ случаѣ подчиненія чужеземцу и измѣны своему государю, «идите-же, достойные мужи,—воскликнулъ онъ въ заключеніи,—побросайте ваши конья, мечи и знамя и склонитесь предъ Данеброгомъ; но не забудьте захватить съ собою и хранящіеся въ верденской церкви символы побѣды папихъ предковъ, чтобы положить ихъ къ ногамъ иноземнаго завоевателя».

Злоба и ненависть ясно выразились на лицахъ мужичинъ, въ воздухѣ засверкало оружіе, никто уже и не думалъ о покорности врагу. Во второй разъ избавилъ Вольфъ Изебрандъ отъ униженія и позора.

На полдорогѣ между Мельдорфомъ и Гейда, тамъ, гдѣ лѣсистая возвышенность расходится съ плодородною равниною, лежитъ мѣстечко Геммингштедтъ. Не было почти никакого сомнѣнія въ томъ, что непріятель, въ своемъ движеніи на Гейда, значительнѣйшій городъ Дитмарсена, пойдетъ именно этимъ путемъ, и потому рѣшено было дать тамъ первый отпоръ. Главное начальствованіе получилъ Вольфъ Изебрандъ, которому, согласно его желанію, былъ данъ въ распоряженіе и Карстенъ Гольмъ; Реймеръ выпросилъ, какъ милость, чтобы его поставили въ самый опасный пунктъ оборонительной линіи.

Странное поведение мельника въ сраженіи подъ Мельдорфомъ, гдѣ онъ, вмѣсто того, чтобы идти на врага, предпочелъ сопровождать бѣглецовъ, самое его плѣненіе, противорѣчившее обыкновенію непріятеля, не дававшего никому пощады, а затѣмъ, его побѣгъ изъ-подъ стрелаго, несомнѣнно, караула, все это возбудило недоумѣніе во многихъ изъ его соотечественниковъ, которыхъ очень удивило желаніе Изебранда имѣть при себѣ двуличнаго Карстена Гольма. Этотъ послѣдній хорошо видѣлъ общее непріязненное ему настроеніе и пожелалъ, что Вольфъ Изебрандъ приблизилъ его къ себѣ: вовсе не для того, чтобы поручить ему какой либо важный постъ, а скорѣе, чтобы за нимъ наблюдать. Но хитрецъ не подалъ и вида, что замѣчаетъ малѣйшія подозрѣнія, стараясь, напротивъ, выказывать и усердіе, и готовность служить своему начальнику.

Совѣщанія кончили, и теперь, согласно древнему обычаю, оставалось изсиротить Божіе благословеніе на великое дѣло защиты отечества; мелодическій звонъ колоколовъ верденской церкви призывалъ уже всѣхъ собравшихся на молитву и скоро небольшой храмъ не въ состояніи былъ вмѣстить все, что туда устремилось; въ трогательныхъ выраженіяхъ увѣщевалъ священ-

никъ мужичинъ постоять твердо въ правомъ бою, который ихъ ожидалъ, и затѣмъ произнесъ слова благословенія надъ колѣнопреклоненными воинами, поклявшимися побѣдигъ или умереть.

Служитель алтаря спустился съ кафедры, вѣрующіе снова заняли свои мѣста; тогда отворилась дверь маленькой боковой капеллы и оттуда вышли два другихъ священника, а посреди ихъ прелестная молодая дѣвушка—Тельза Воллерзинъ; ея прекрасные золотистые волосы были распущены по плечамъ, длинное, сѣрое одѣяніе инокши охватывало ея стройный станъ, у пояса висѣли янтарныя четки, подарокъ церковной общины роднаго города; дѣвушка была блѣдна, какъ то мраморное изображеніе Богоматери, находившееся надъ алтаремъ; серьезная и спокойная, она твердымъ шагомъ слѣдовала за служителями церкви и подошла къ ступенямъ алтаря, опустила тамъ на колѣни и приняла благословеніе на трудный путь, гдѣ ее ожидалъ шумъ битвы, и потомъ могильная тишина, холодной монастырской келии. Затѣмъ священникъ передалъ ей Святую хоругвь Дитмарсена, маленькое золотое Распятіе, которое она должна была нести въ сраженіяхъ впереди воиновъ родной страны, имъ во славу, врагамъ на страхъ.

— Реймеръ фонъ-Вимерштедтъ, приблизься сюда! воскликнулъ священникъ громкимъ голосомъ. Юноша подошелъ къ алтарю.

— Эта дѣвушка, посвященная Богу, выразила свое послѣднее земное желаніе, чтобы ты служилъ ей защитой и охраной, если въ бою угрожала-бы какая нибудь опасность Распятію, вѣренному ей,—произнесъ онъ,—обѣщайся-ли ты защищать символъ и эту дѣвушку, какъ собственную жизнь?

— Обѣщаюсь! отвѣтилъ молодой человекъ, бросивъ взглядъ благодарности на Тельзу.

— Такъ выбери себѣ отрядъ товарищей и выполняй свой обѣтъ до тѣхъ поръ, пока врагъ не оставитъ дитмарсенской земли, закончилъ священникъ, подавъ знакъ рукой, велѣвъ затѣмъ съ хоромъ раздались торжественные звуки нсальма.

Къ Тельзѣ подошли два священника, одинъ изъ нихъ снялъ съ ея плечъ короткій сѣрый плащъ, а другой надѣлъ на нее принесенные изъ алтаря блестящіе панцирь и племъ, украшенный перьями, и опоясалъ ее короткимъ мечемъ; дѣвушка, въ этомъ новомъ одѣяніи, преобразилась; съ лицомъ горѣвшимъ огнемъ благороднаго воодушевленія, съ сіяющими глазами, она стояла тамъ какъ живое изображеніе одной изъ героинь старинныхъ сѣверныхъ сагъ. Когда по выходѣ изъ церкви она показала на паперти между отцомъ и бывшимъ женихомъ впереди воиновъ, ее встрѣтилъ тысячекласный восторженный крикъ собравшагося народа, крикъ, въ которомъ какъ-бы заключалось небесное откровеніе:

Побѣда будетъ наша!

(Дл слѣд. №.)

Потребительныя товарищества въ Англии.

Очеркъ Н. Д.

Не такъ давно появились слухи, что служачіе нѣкоторыхъ учреждений въ Петербургѣ намѣрены образовать изъ себя потребительныя товарищества, составивъ соотвѣтствующій фондъ для открытія собственныхъ магазиновъ со всѣми необходимыми для обыденной жизни товарами. Подобное намѣреніе явилось естественно результатомъ неудовлетворительнаго состоянія нашей мелочной торговли; прибѣгая къ посредству которой, покупатель ничѣмъ не гарантировалъ противъ полученія дурнаго товара за высокую цѣну. Торговцы берутъ, что называется, и мытьемъ и катаньемъ. Въ № 45 нашего журнала за прошлый годъ мы показали, въ статьѣ: „Поддѣлка пищевыхъ веществъ“, что покупаемъ мы, къ сожалѣнію, слишкомъ часто подъ видомъ масла, муки, молока и т. п. Это въ равной мѣрѣ, если не въ большей, относилось къ Петербургу, какъ и ко всякому другому значительному или незначительному торговому пункту. И конечно, твердо запечатлѣвшись въ сердцахъ читателей, свѣжо еще въ ихъ памяти недавно сообщенное журналомъ „Здоровье“ извѣстіе, что столица наша не менте миллионы рублей ежегодно платитъ торговцамъ за воду, подбавляемую ими къ молоку. А сколько платить также столица за болѣе вредныя примѣси къ молоку-же и другимъ товарамъ?—это остается въ точности неизвѣстнымъ, но надо полагать немало...

Выходъ изъ подобнаго невыгоднаго положенія покупателей—одинъ, именно тотъ, которымъ намѣрены воспользоваться служачіе государственнаго банка: устройство потребительныхъ товариществъ. Безъинтересно вкратцѣ познакомиться, поэтому, съ тѣмъ, какъ началось и развивалось это дѣло въ Англии. Быть можетъ, мы извлечемъ изъ этого безъполезные уроки и для самихъ себя.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, нѣсколько недостаточныхъ роддальскихъ ткачей, подъ влияніемъ крайне-неудовлетворительнаго состоянія мелочной торговли, устроили между собою podnikу, въ размѣрѣ двухъ ценовъ еженедѣльно, и на собранную сумму открыли небольшой складъ для продажи съѣстныхъ припасовъ и бакалейныхъ товаровъ. Первоначально они не рѣшились обзавестись товарами, подвергающимися капризамъ моды. Затѣмъ, дѣятельность потребительнаго товарищества ва-

чала постепенно расширяться, сопровождаемая почти постояннымъ успѣхомъ, и къ концу 1878 года число членовъ его достигло 10,187 человекъ, съ ежегоднымъ оборотомъ на 1,450,000 фунтовъ стерлинговъ и съ прибылью въ 257,000 ф. ст. Это не было первое товарищество основанное въ Англии, но оно—старше всѣхъ нынѣ существующихъ.

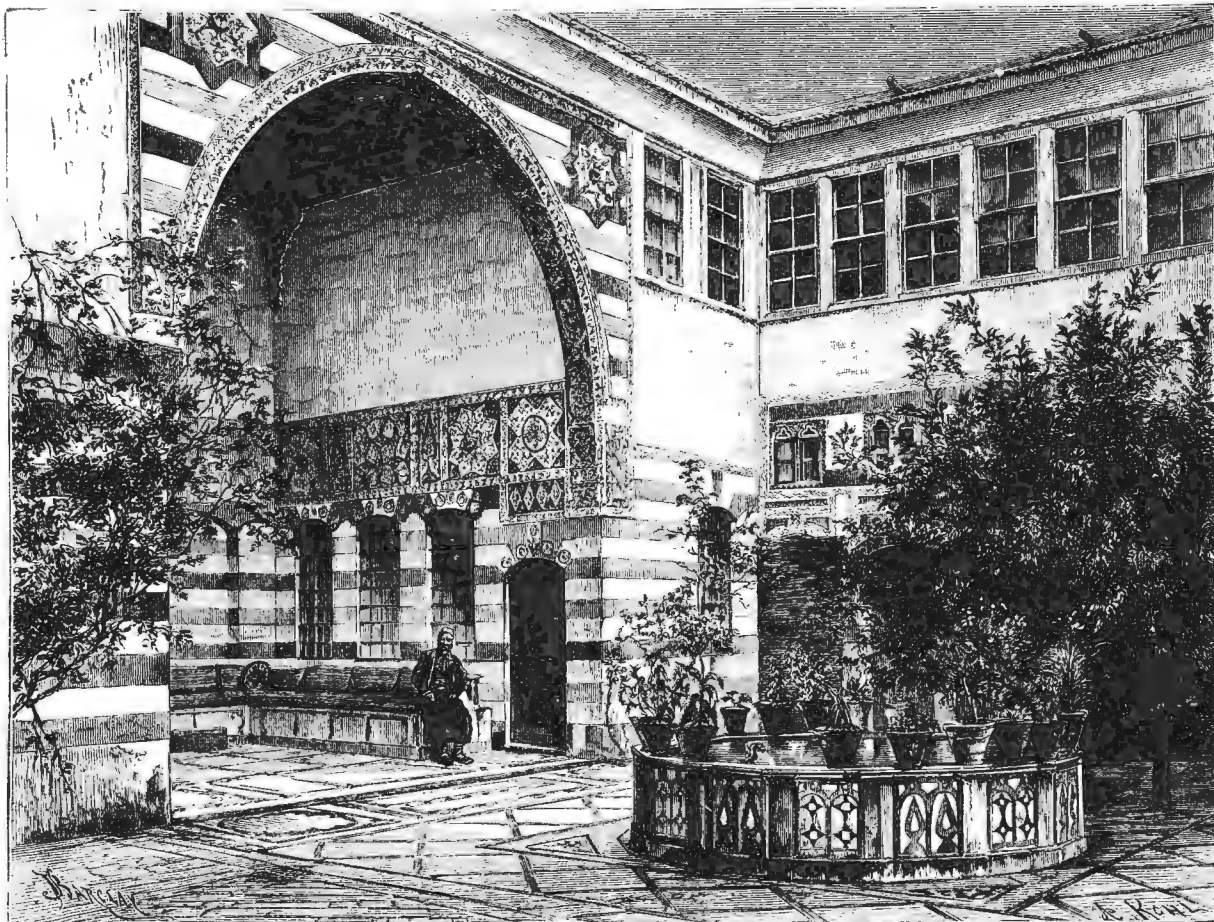
Уставъ роддальскаго общества былъ принятъ и всѣми почти послѣдующими обществами этого рода, какъ весьма разумный и справедливый. Общество продаетъ свои товары по текущимъ цѣнамъ, взимая извѣстную прибыль въ свою пользу отъ постороннихъ покупателей. Покупатели снабжаются металлическими марками, на которыхъ обозначается сумма уплаченныхъ ими денегъ. Четыре раза въ годъ, по провѣркѣ, устанавливается размѣръ прибыли. Затѣмъ, по уплатѣ акціонерамъ или, скорѣй, членамъ товарищества процентовъ на вложенный ими капиталъ, въ размѣрѣ пяти въ годъ, выдается прибыль и покупателямъ соотвѣтственно величинѣ покушной суммы, обозначаемой на маркахъ; чѣмъ больше кто купилъ въ складѣ товарищества, тѣмъ больше эта прибыль. А такъ какъ большинство покупателей предпочитаетъ оставлять слѣдующую ему прибыль въ товариществѣ, то послѣднее, являясь, нѣкоторымъ образомъ, сберегательной кассой, получаетъ черезъ это еще возможность расширять свою дѣятельность и обороты.

Управленіе дѣлами товариществъ возлагается на комитеты ежегодно избираемые, причѣмъ каждый годъ доставляется отчетъ о состояніи дѣлъ правительству. Для надзора надъ всѣми обществами учрежденъ въ 1870 году центральный совѣтъ съ канторой въ Манчестерѣ. На немъ лежитъ выработка для товариществъ соотвѣтствующихъ правилъ и, по возможности, удаленіе препятствій для ихъ дѣятельности. Существуетъ, затѣмъ, еще центральный комитетъ, заботящійся объ освобожденіи товариществъ отъ налоговъ и о нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ ихъ существованія и дѣятельности. Наконецъ, центральный совѣтъ основалъ въ Манчестерѣ еженедѣльный журналъ „The Co-operative News“, посвященный этому дѣлу и содѣйствующій его возможной гласности,—условію далеко не маловажному.

Весьма большое значеніе получило также учрежденное въ

Манчестэръ въ 1864 году товарищество оптовой торговли для снабженія товарами имѣвшихъ тогда уже стапятидесяти лавокъ. Возникшія потребительныя общества, особливо маленькія, встрѣчали немало затрудненій въ надлежащей закупкѣ товаровъ. Часто отдаленныя отъ крупныхъ торговыхъ центровъ, покупая товары черезъ малосвѣдущій комитетъ или получая его отъ поставщика—они платились своими кровными деньгами, къ большой своей невыгодѣ. Съ учрежденіемъ же названнаго товарищества, невыгоды эти сами собою устранились. Закупая товары черезъ посредство людей свѣдущихъ и на большія суммы, слѣдовательно, хорошо и выгодно, оно снабжало ими потребительныя склады какъ разъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ тѣ нуждались въ нихъ. Это обширное учрежденіе служитъ нынѣ болѣе нежели пятистамъ обществамъ. Оно имѣетъ покупщиковъ во многихъ городахъ Англій, Ирландіи, Америки, Франціи и

основанныя въ Англій, по типу роудальскихъ, имѣютъ назначеніе, по замыслу ихъ учредителей, не только сберегать рабочему недостаточному чловѣку его скудные средства, предоставляя ему возможность дешево и выгодно покупать необходимые товары, но также, по возможности, внушать ему необходимость заботиться о будущемъ и обезпечивать его, создавая ему возможность самостоятельнаго труда или доставляя участіе въ промышленныхъ предіриятіяхъ. Нѣкоторыя товарищества, между прочимъ, строятъ для своихъ членовъ жилища на оставляемую ими въ нихъ прибыль. Далѣе, они заботятся объ образованіи своихъ членовъ, устраивая школы, читальни и библіотеки. Наконецъ, самое участіе въ нихъ, присутствіе на собраніяхъ и т. п., дѣйствуетъ воспитательно на рабочіе классы, знакомя ихъ съ дѣломъ и возбуждая нѣсколько высшіе интересы и разнообразя тѣмъ немудрую обыденную жизнь ихъ.

Веранда богатаго дома въ Дамаскѣ. Рис. Барклай, грав. Коль.

постепенно расширять свою дѣятельность. Подписной капиталъ его не такъ давно составлялъ 686,000 фунтовъ стерлинговъ; число паевъ его (въ пять фун. ст. каждый) увеличивается, ибо всякое вновь присоединяющееся потребительное товарищество обязано брать одинъ пай на каждый десятокъ своихъ членовъ. Паи приносятъ, разумѣется, проценты, въ размѣрѣ пяти. Одновременно оно служитъ въ нѣкоторомъ родѣ и сберегательной кассой для потребительныхъ обществъ, пользующихся его посредствомъ по снабженію товарами. Нѣсколько позднѣе манчестерскаго, въ Глазгоу былъ основанъ точно такой-же оптовый складъ, обороты котораго простирались въ 1879 году на 3,066,500 ф. ст. Потребительныя товарищества,

Вотъ сколько прекрасныхъ цѣлей можетъ быть достигнуто черезъ посредство потребительныхъ товариществъ. Отсюда, понятна ихъ большая важность и желательность распространенія подобныхъ учрежденій. Само собою разумѣется, что они не могутъ окончательно устранить частную торговлю, по крайней мѣрѣ, долго. Но они могутъ въ известной мѣрѣ исправить ее, сдѣлать справедливѣе и честнѣе. Возбуждая конкуренцію, потребительныя товарищества приведутъ къ улучшенію нынѣшнихъ торговыхъ нравовъ, такъ печально и такъ ярко выражающихся въ этой купеческой поговоркѣ: „не обмануть—не продать.“ Не вопіють-ли эти нравы, устами приведенной откровенной поговорки, объ исправленіи?...

Дамаскъ.

(Рис. на стр. 324, 325 и 328).

Дамаскъ—на востокѣ называется Шамъ, словомъ которое въ тоже время обозначаетъ Сирія—городъ азиатской Турціи, главное мѣсто въ Сиріи. Онъ считается однимъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ. Дамаскъ лежитъ на разстояніи 30 часовъ отъ берега Средиземнаго моря, отъ котораго онъ отдѣленъ хребтами Антиливанскихъ горъ, изъ которыхъ ближайшая къ Дамаску гора Гермонъ. Существуетъ предположеніе, что Дамаскъ основанъ Узоомъ, правнукомъ Ноя. Патріархъ Авраамъ долгое время пользовался царскою властью въ Дамаскѣ, который уже тогда былъ значительнымъ городомъ и имѣлъ большое вліяніе на израильское и іудейское царство. Въ VIII вѣкѣ Дамаскъ по-

рялъ свою самостоятельность, по при нашествіи Александра Великаго онъ снова былъ значительнымъ городомъ. Вслѣдствіи онъ, въ 65 г. до Рожд. Хр., взятъ Помпеемъ и подпалъ подъ владычество римлянъ, сдѣлавшихъ его главнымъ военнымъ пунктомъ. Дамаскъ завоеванъ Халифомъ Омаромъ въ 663 г. и былъ до 752 г. резиденціей Омйадовъ. По раздѣленіи имперіи, Дамаскъ перешелъ къ восточнымъ императорамъ и возвратилъ свое бывшее великолѣпіе. Въ 1148 году онъ чуть не сдѣлался добычею крестоносцевъ, предводительствуемыхъ Людовикомъ VII, а въ 1175 году былъ взятъ Саладиномъ, и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ выдерживалъ осады крестоносцевъ и егип-

Взрывъ динамита въ зданіи Вестминстера въ Лондонѣ. Видъ съ Королевской улицы.

По рисунку *Ж. Л. Н.* грав. *М. Рашевскій.*

Библиотека "Руниверс"

тянь. Въ 1401 г. Монголы осадили гор. Дамаскъ и разрушили почти до основанія. Подъ постоянною властью турокъ Дамаскъ находится съ 1516 г.

Дамаскъ лежитъ въ обширной, прекрасной и плодородной равнинѣ. Онъ до того славится своимъ плодородіемъ, что одно изъ его предметѣй получило названіе земнаго рая. На плоскогоріи Дамаска, возвышающемся слишкомъ на 2,500 фут. надъ моремъ, зимою очень холодно, но за то лѣтомъ очень жарко, благодаря сухимъ вѣтрамъ, дующимъ изъ пустынь Месопотаміи и Аравіи. Во время холоднаго времени, жители носятъ ватныя платья, иногда отороченныя мѣхомъ. Весною и лѣтомъ небо чрезвычайно чисто, но осенью и зимою большія тучи, гонимыя западнымъ вѣтромъ, застилаютъ небо и нависаютъ густо надъ горами. Въ октябрѣ обыкновенно идутъ обильные дожди, а въ ноябрѣ вершина Гермонъ покрывается снѣговой шапкой. Вообще же небо остается голубымъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ. Несмотря на возвышенное положеніе Дамаска, средняя годовая температура его все-же довольно высока; тутъ доарѣваютъ апельсинны и въ особенности хороши пальмы во дворахъ и садахъ. Эти послѣдніе отдѣлены отъ улицъ стѣнами, сдѣланными изъ толченой глины съ рубленой соломою. И такъ какъ дожди въ Дамаскѣ рѣдки, то эти стѣны довольно прочны, хотя онѣ не покрыты ни черепицей, ни камнемъ. Всѣ эти фруктовые сады преимущественно засажены деревьями миндалями, фиговыми, персиковыми, абрикосовыми и гранатовыми. Абрикосы здѣсь превосходны, деревья достигаютъ значительной вышины и такъ какъ они не подрѣзаются, то принимаютъ своеобразную форму. Сушеные плоды ихъ славятся на всемъ востокѣ.

Въ окружности городъ имѣетъ отъ 6 до 9 верстъ, улицы по большей части узки и очень грязны; на нихъ валяется соръ, всевозможные отброски, нашія животныя, которыя къ счастью пожираются скоро бродячими собаками и коршунами. Самыя замѣчательныя зданія — мечети, числомъ болѣе 200, изъ нихъ главная Джалиль-Кебиръ, была когда-то христианскимъ храмомъ. Нѣкоторыя мѣстности Дамаска считаются мѣстами извѣстныхъ, описываемыхъ въ священномъ писаніи событій. (Дома Іуды и Анавія). Въ Дамаскѣ считается около 150 тысячъ душъ населенія, въ томъ числѣ христианъ 20 тысячъ, евреевъ до 6 и друзовъ отъ 4 до 5 тысячъ человекъ. Христиане имѣютъ здѣсь много монастырей и церквей. На улицахъ находятся многочисленные фонтаны, и даже ручьи, и всѣ болѣе значительные дома имѣютъ обильные запасы воды. Вода проведена изъ ручья Баррада, древняго Хризорроа, изъ котораго съ очень давняго времени проводились воды для орошенія долины Дамаска и доставленія городу свѣжей и здоровой воды. Фруктовые сады также снабжены множествомъ каналовъ и ручейковъ, вода въ которые проведена изъ Баррады. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города есть общественные сады съ кофейнями посреди, прекрасно освѣщенными вечеромъ, и перерѣзанными ручьями съ прозрачною водою.

Большинство частныхъ домовъ, великолѣпныхъ по внутреннему убранству, снаружи имѣютъ видъ жалкихъ лачугъ. Всѣ

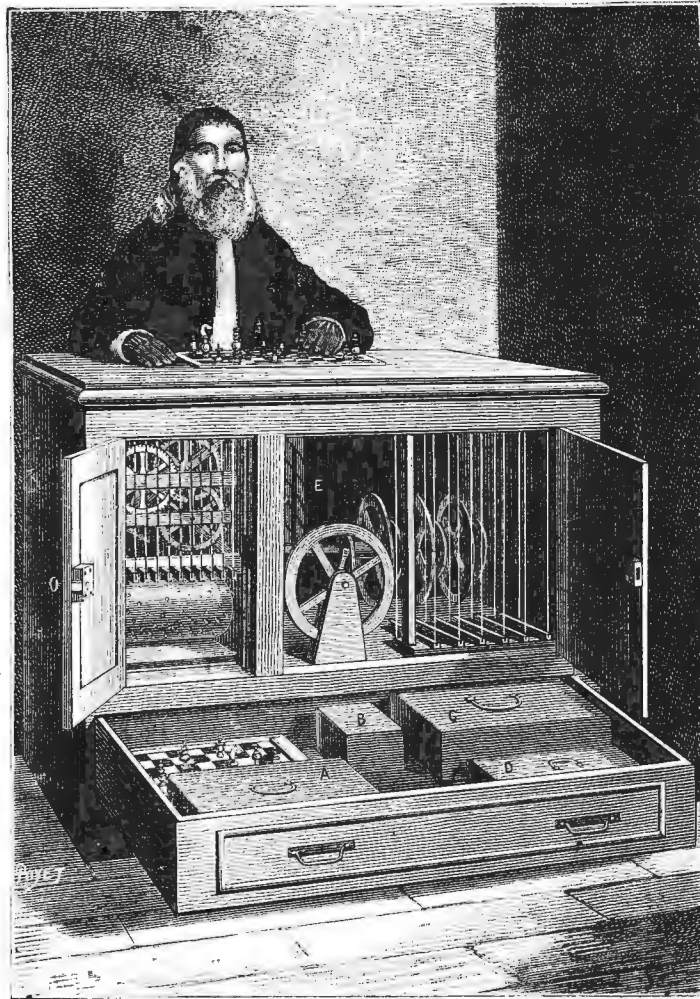
эти роскошныя жилища перешли теперь въ руки евреевъ; въ нѣкоторыхъ только живутъ еще обѣдѣвшія знатныя семьи страны. Одинъ изъ красивѣйшихъ домовъ — это домъ внука древняго шахи Дамаска. Въ центрѣ двора, входъ въ который очень невзраченъ, съ нѣсколькими поворотами, скрывающими внутренность отъ любопытныхъ взглядовъ, находится обширный дворъ, насаженный цвѣтущими розами, лаврами и помаранцами. Въ прелестныхъ, бѣлаго мрамора бассейнахъ съ инкрустациями и цвѣтными гипсовыми украшеніями, слышится плескъ воды. Множество горшковъ съ цвѣтами разставлено на крыльцѣ и фонтанахъ. Любимые здѣсь цвѣты — гвоздика. Тутъ же на полу бѣгаютъ голубы и ручныя красныя куроцатки. Обширные залы, предшествуемыя *селямникомъ*, т. е. родомъ передней, предназначенной для пріема постороннихъ, выходятъ

на дворъ, отъ котораго отдѣляются только нѣсколькими ступеньками изъ бѣлаго мрамора. Залы эти очень высокія, великолѣпно разукрашены; куполообразные потолки изъ ореховаго дерева расцвѣчены золотомъ, серебромъ, красными и зелеными полосками, образующими легкія и причудливыя арабески. Стекла, вдѣланныя въ алебастръ, освѣщаютъ верхнія части. Стѣны изъ разноцвѣтнаго мрамора, со множествомъ инкрустаций и разноцвѣтныхъ гипсовыхъ украшеній. Необыкновенно роскошный паркетъ сдѣланъ изъ бѣлаго или прелестнаго крапленнаго мрамора. Селямникъ составляетъ переднюю часть залы, которая отдѣляется одной или двумя ступеньками, а иногда изящной балюстрадой съ узорами точно кружево. Здѣсь посрединѣ всегда стоитъ маленькій бассейнъ на нѣсколькихъ разноцвѣтныхъ ножкахъ, изъ котораго бьетъ фонтаномъ тонкая струя воды, постоянно освѣжая атмосферу. Стрѣльчатые окна, освѣщающія эти громадные залы, снабжены ставнями, половники которыхъ, составленные изъ разноцвѣтнаго дерева въ видѣ треугольниковъ, покрыты инкрустациями изъ перламутра и слововой кости. Настоящіе владѣльцы всѣхъ этихъ великолѣпныхъ потерали вкусъ ко всему прекрасному, они не только не могутъ, какъ обѣдѣвшіе, но и не умѣютъ сохранить эти дивные дворцы.

Обширная веранда, называющаяся *Ливанъ*, выходитъ на дворъ этихъ богатыхъ жилищъ. Стрѣльчатый портикъ поддерживаетъ куполообразный потолокъ съ богатой рѣзьбою. Стѣны покрыты изящными орнаментами съ инкрустацией изъ мрамора и расписаны рисунками. Широкіе диваны, стоящіе у стѣнъ, служатъ вечеромъ мѣстомъ отдыха.

Для Азіи Дамаскъ составляетъ складочное торговое мѣсто, черезъ которое идутъ и гдѣ обмѣниваются европейскіе и восточные товары. Съ незапамятныхъ временъ въ Дамаскѣ ежегодно собираются толпы богомольцевъ для отправленія въ Мекку; но въ этомъ отношеніи, со времени прорытія Суэзскаго канала, Дамаскъ утратилъ свое прежнее значеніе.

Въ Дамаскѣ сосредоточивается высшая судебная инстанція всѣхъ сирійскихъ городовъ, онъ служитъ мѣстопробываніемъ главнокомандующаго сирійской арміей и греческаго антиохійскаго патриарха.

Автоматъ Роберта Гудена. Съ фот. грав. Шейе.

Взрывъ въ зданіи Вестминстера въ Лондонѣ.

(Рис. на стр. 329).

Недавній взрывъ въ зданіи присутственныхъ мѣстъ въ Вестминстерѣ, приведшій въ ужасъ все населеніе Лондона, доказалъ во очію, что фенія далеки отъ мирнаго рѣшенія ирландскаго вопроса, и что обладающая сильной партией не только на континентѣ Европы, но даже и въ Америкѣ, они могутъ причинить

очень серьезныя затрудненія британскому правительству. Взрывъ динамита произошелъ вечеромъ 16 (28) февраля, въ 5 мин. десятого, въ зданіи, въ которомъ помѣщается зала совѣта Мѣстнаго Управленія (Local Government Board). Это зданіе, выходящее на Чарлзстритъ, пересѣкающую такъ называемую Кингстритъ,

между Парламентскою улицею и Сент-Джемским паркомъ, подверглось значительному поврежденію, хотя, къ счастью, страшный взрывъ, всполобившій все окрестное населеніе, не причинилъ никому изъ людей ни малѣйшаго вреда.

Въ это-же самое время происходило засѣданіе палаты общинъ и такъ какъ помѣщеніе послѣдней отстояло очень близко отъ мѣста взрыва, то и здѣсь сотрясеніе пола и галлерей было весьма замѣтное, вызвавшее общій переполохъ между немногочисленными членами собранія, обсуждавшими въ это время смѣту по содержанію флота. Въ моментъ взрыва Герцогъ Эдинбургскій находился въ галлерей пэрровъ и велъ разговоръ съ сэромъ Генрихомъ Флетчеромъ, который тотчасъ-же всталъ съ своего мѣста, чтобы узнать причину суматохи, и разузнавъ въ чемъ дѣло, повелъ герцога на мѣсто самаго происшествія. Собраніе-же членовъ палаты общинъ, узнавъ отъ своего спикера, что произошелъ серьезный взрывъ, тотчасъ-же поднялось съ своихъ мѣстъ и въ подномъ своемъ составѣ отправилось къ поврежденному зданію, которое уже было окружено громадною толпою народа и около котораго уже усердно работали пожарные и суетилась полиція, разставляя стражу.

Помѣщеніе Мѣстнаго Управленія занимаетъ часть очень обширнаго зданія и приходится самымъ крайнимъ въ ряду присутственныхъ мѣстъ Вестминстера. Главный фасадъ отданъ Управленію внутреннихъ дѣлъ (Home-Office), котораго окна и двери выходятъ на Уайтгемъ. На сѣверной оконечности зданія помѣщается Управленіе иностранныхъ дѣлъ и Управленіе колоній. Въ я масса этихъ построекъ съ западной стороны окружена пладомъ конной гвардіи. Съ этой-то стороны, самымъ крайнимъ приходится зданіе, занимаемое Мѣстнымъ Управленіемъ, такъ что отъ входа въ послѣднее до угла парламента можно насчитать не болѣе какъ двадцать или тридцать футовъ.

Окна зданія очень углублены и каждое изъ нихъ украшено каменной баллюстрадою, составленною изъ очень массивныхъ камней и удаленной отъ окна настолько, что человекъ легко можетъ помѣститься между баллюстрадою и окномъ. Въ послѣднемъ-то именно окнѣ, съ правой стороны отъ входной двери, и произошелъ взрывъ. Часть зданія, которая подверглась большому разрушенію—та, которая находится на правой сторонѣ отъ входа въ Чарлзтригъ. Окна около входной двери были совершенно выбиты и даже камни и своды баллюстрады оказались значительно поврежденными. Кромѣ того, громадный кусокъ камня былъ сброшенъ на разстояніе 50 или 60 футовъ съ такою силою, что имъ была разрушена даже часть кирпичной стѣны полицейской станціи на Кингстритъ. Когда каменная баллюстрада была снята, то оказалось, что сорваны рамы и внутреннія двери и что слѣдовательно сила взрыва была даже достаточна, чтобы разрушить балки и потолокъ. Когда влѣтъ за взрывомъ вошли въ залу, то она оказалась загроможденною массою обломковъ; массивный дубовый столъ и стулья совершенно изломанными и даже полъ нѣсколько приподнять. Принимая даже безразлично, что взрывъ произошелъ отъ динамита или нитроглицерина, всетаки необходимо допустить,

что такое разрушеніе не могло произойти отъ малаго количества того или другаго и что въ этомъ случаѣ было употреблено не менѣе 20 пудовъ взрывчатого вещества.

Самый взрывъ произошелъ между рамой окна и каменной баллюстрадою, и потому очень основательно полагаютъ, что динамитъ былъ помѣщенъ на одинъ изъ камней послѣдней, часть котораго дѣйствительно измельчена въ порошокъ. Широкая пробойна въ 8 или 10 фут. длины и въ 3 ширины ведетъ въ комнату, въ которой полъ буквально разщепленъ, а внутреннія стѣны такъ повреждены, какъ будто онѣ выдержали бомбардировку. Многія двери, а также деревянная обшивка дверей совершенно сорваны. Эта комната обыкновенно была занята писцами и къ счастью оказалась совершенно пустою въ моментъ взрыва по позднему времени.

Нѣсколько фонарей было сорвано съ мѣста. Даже во многихъ домахъ въ улицѣ Парламента оконныя рамы были болѣе или менѣе повреждены силою сотрясенія. Считается, что всего, отъ напора воздуха при взрывѣ, близъ мѣста катастрофы лопнуло стекло въ окнахъ на 40,000 рублей. Служащіе и прислуга Мѣстнаго Управленія спаслись дѣйствительно чудомъ; писцы же ушли домой еще въ половинѣ шестаго часа. Затѣмъ комната была убрана, и газъ загашенъ. Мистеръ Прависъ, одинъ изъ давнишнихъ чиновниковъ Управленія, одинъ оставался въ комнатѣ надъ тою, гдѣ произошелъ взрывъ, но и онъ остался невредимымъ; его лишь только пошатнуло отъ удара, а письменный столъ его упалъ на полъ.

Предполагаютъ, что злоумышленники приняли зданіе Мѣстнаго Управленія за часть примыкающую къ нему Управленіемъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ ихъ злодѣйскій замыселъ могъ быть направленъ противъ Сира Вильяма Гаркорта. Кромѣ того существуетъ другое предположеніе, что заговорщики приняли Чарлзтригъ за Доунингстритъ, гдѣ находится официальное помѣщеніе англійскаго премьера, тѣмъ болѣе, что Гладстонъ въ этотъ вечеръ дѣйствительно оставался дома, задержанный стоявшимъ тогда на дворѣ холодомъ.

Полковникъ Маженда и профессоръ Абель, ученые, спеціально знакомые съ дѣйствіемъ динамита и вообще взрывчатыхъ веществъ, тотчасъ же приступили къ самому подробному и точному изслѣдованію результатовъ взрыва и составленію объ немъ отчета правительству.

Въ тотъ же самый вечеръ, часомъ ранѣе, былъ найденъ металлическій ящикъ, содержащій въ себѣ какую то взрывчатую массу. Этотъ ящикъ былъ поставленъ къ окну редакціи Таймса. Правительство приняло самыя энергическія мѣры, чтобы открыть злоумышленниковъ и назначило довольно большое вознагражденіе (въ 10000 р.) тому, кто откроетъ имена негодяевъ, подожившихъ динамитъ въ зданіи Вестминстера. Долго, долго послѣ взрыва населеніе Лондона все еще не могло успокоиться; громадныя толпы народа стояли около мѣста происшествія, которое постоянно охранялось полицейскою стражей. Рисунокъ ниже представляетъ моментъ взрыва со стороны Королевской улицы.

Къ рисункамъ.

Красавица.

(Рис. на стр. 316 и 317).

Если есть что либо стоящее въ условій національностей, правотъ, обычаевъ, нѣчто одинаково на всѣхъ производящее впечатлѣніе—это истинная женская красота. Никто не можетъ не отдать дань вниманія прелестному женскому лицу, огню и блеску жизни красивыхъ глазокъ.

Художники всѣхъ странъ однако понимаютъ ее каждый по своему и иноземцу трудно вполне передать тѣмъ, напр., русской красоты и наоборотъ. Есть неуловимыя черты, мельчайшія тонкія особенности, отличающія типы женскихъ лицъ и кладущія на нихъ печать національности, особенности. Въ данномъ случаѣ легко рѣшить, даже не читая подъ картинкой имя извѣстнаго англійскаго художника Морриса, что эта прелестная молодая особа—дочь Англии, со всею отличающею этотъ типъ миловидностью. Дѣвушка очевидно въ подвѣнчномъ нарядѣ.

Литературный альбомъ. Кузнечикъ-музыкантъ.

(Рис. на стр. 321).

Крупный талантъ нашего извѣстнаго поэта Полонскаго особенно ярко отразился въ одномъ изъ его небольшихъ, въ высшей степени прелестныхъ произведеній—а именно въ появившейся въ 60-хъ годахъ небольшою его шуткѣ-поэмѣ „Кузнечикъ-музыкантъ.“ Здѣсь подъ легкой и изящной формой разсказа о любви кузнечика къ бабочкѣ-Сильфидѣ поэтъ умѣетъ и трогать и смѣшить читателя, а его картины природы—дремучихъ лѣсовъ и мягкихъ муравъ, гдѣ обитаютъ и дѣйствуютъ мошки и букашки, полны неотразимой прелести. Главный герой поэмы это кузнечикъ—тихое, безобидное существо, съ которымъ поэтъ знакомитъ читателя въ великолѣпномъ вступленіи:

Не сверчка нахала, что скрипитъ у печекъ,
И пою; герой мой—полевой кузнечикъ.

Росту небольшого, но продолговатый,
На синѣ носилъ онъ фракъ зеленоватый;
Тонконогий, тошій и широколобый,
Былъ онъ сущій гений—даръ имѣлъ особый:
Музыкантомъ слытъ онъ между насѣкомыхъ,
И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ:
Подъ роскошной жатой жилъ онъ въ полѣ чистомъ,
Оглашая воздухъ безконечнымъ свистомъ...

И такъ маленькой кузнечикъ былъ музыкантъ; кромѣ того мы далѣе узнаемъ, что онъ еще имѣлъ поэгическій гений и вообще обладалъ натурой высокою и идеальной: это былъ художникъ въ душѣ, но художникъ скромный и тихій и котораго потому могла обидѣть какая угодно мошка и букашка. Онъ велъ жизнь уединенную и въ тиши сочинялъ свои пѣсни, но его нѣжное сердце не могло всегда оставаться безчувственнымъ—оно требовало любви—любви высокою и идеальной и искало только предмета. Наконецъ этотъ предметъ былъ найденъ: красивая, блестящая бабочка—въ которую нашъ кузнечикъ-музыкантъ влюбился по уши. Но къ несчастью между нашимъ героемъ и обожаемой имъ бабочкой было очень мало общаго. Уже при самой встрѣчѣ кузнечикъ былъ такъ сказать подавленъ блестящей, обаятельной красотой бабочки.

Вдругъ надъ нимъ норхнуло чудное видѣніе:
Бабочка—такая, что мое почтеніе!
Близки жемчужной крылышки съ каемкой,
Глазки—изумруды, носикъ нѣжный, тонкій,
Бархатецъ на шейкѣ, бантикъ на затылкѣ...
Увидаль кузнечикъ—затряслся въ немъ жилкѣ.

По яркая, блестящая влѣпность не соответствовала у нашей бабочки внутреннему содержанію.

Кокетство и безсердечіе бабочки—маленькой Сильфиды, вскорѣ обнаружилось въ самой неприглядной, отвратительной фор-

мъ. Она открыто отдала свое предпочтение другому пѣвцу—соловю, презрѣнному чужеземцу, пришлецу и газру, который обворожил ее своими бесодержательными рудами, своимъ шелканьемъ и свистомъ.

Но бабочка жестоко ошиблась въ своемъ выборѣ; она полюблила грубое, безсердечное существо, такъ какъ этотъ соловей былъ и иностранецъ въ мѣрѣ насѣкомыхъ и безъ церемоніи клевалъ ихъ, не обращая вниманія ни на ихъ красоту, ни на ихъ добродѣтели. И наша воздушная, прелестная бабочка не избѣжала общей судьбы; она была безжалостно заклевана своимъ новымъ возлюбленнымъ. Вѣсть о несчастной смерти Сильфиды дошла наконецъ и до кузнечика-музыканта, который, оплакавъ свою бывшую подругу, рѣшился во что бы то ни стало отвѣсать ея трупъ и похоронить его съ честью. Долго, долго выѣхалъ съ другомъ своимъ—кузнечикомъ-гулякой, бродилъ онъ по лѣсу, пока не наткнулся на покойницу:

Тамъ неподалеку сѣвющей брусники,
Подъ корнями красной, полевой гвоздики
Одинокимъ трупомъ бабочка лежала;
Ножи протянула; крылья распустила
И казалось лежа небесамъ молилась;
Вся обочѣла, но не измѣнилась,
Тотъ же сохранила очеркъ милый, пѣвчій,
Тотъ же сіяли близкою сѣвчюй
Матовыя крылья. Черная косынка
На груди раскрылась. Круглая слезинка
Какъ алмазъ блестя около рѣсницы
И какъ бархатъ были темныя косицы.
Мертвая казалась сонной: по чернѣла
Маленькая ранка...

Не было никакого сомнѣнія, что бабочка умерщвлена—умерщвлена вѣроломно и жестоко. Скромный, безсильный кузнечикъ конечно не могъ и думать о мщеніи; ему оставалось лишь одно утѣшеніе—бережно поднять трупъ бабочки и предать его должному погребенію. Описаніемъ этого похороннаго кортежа насѣкомыхъ, направившагося подъ липки, и оканчивается поэма.

Сдѣлали носилки, положили тѣло,
Подняли—и долго, поступью несмѣлой,
Шли они по травамъ, шли они по кочкамъ.
Впереди, мелькая яркимъ огонечкомъ,
Шелъ свѣтлякъ—и сотни разныхъ насѣкомыхъ,
Нашему артисту вовсе незнакомыхъ...

Политическое обозрѣніе.

Болгарія.—Сербія.—Новый губернаторъ Ливана.—Германія.—Франція.—Англія.—Иберійскій полуостровъ.

Въ Болгаріи, повидимому, очень довольны переменною министерства (о которой мы сообщали въ одномъ изъ предшествовавшихъ №№ нашего журнала); такъ, население Тырнова благодарило князя Александра и генерала Соболева за образованіе новаго кабинета, но этого ему показалось мало и оно выслало депутацію (изъ митрополита Климента, гмета Боядзиева, Стамбулова и доктора Христова), которой поручило заявить правительству, что прежніе министры не удовлетворяли нужды города и округа, а также выразить полное довѣріе населенія новому кабинету. Судя по началу, кабинетъ этотъ, вѣроятно, заслужитъ довѣріе и, вообще, всего княжества; по крайней мѣрѣ въ желѣзнодорожномъ вопросѣ онъ становится на ту почву, на которой ему всего естественнѣе изыскивать средства и способы къ достиженію благосостоянія страны: министерство рѣшилось не передавать постройку участка Сарембей-Софія-Пиротъ иностранной компаніи, а произвести ее на государственныя счеты и подъ руководствомъ государства; для этой цѣли предполагается заемъ въ 50 милліоновъ франковъ, которые будутъ употреблены не только на сооруженіе желѣзной дороги, но и на приобрѣтеніе необходимаго подвижнаго состава и на постройку машинной фабрики въ Софіи; Болгарское правительство надѣется окончить участокъ въ 9 мѣсяцевъ и, потому, приступить къ работамъ только 6 марта будущаго года, чтобы онъ былъ готовъ одновременно съ линіей Бѣлградъ-Пиротъ.—Между Болгаріей и Греціей, уже съ давнихъ поръ, былъ вопросъ о правахъ грековъ, поселившихся въ княжествѣ; нынѣ вопросъ этотъ разрѣшенъ и закончена конвенція, согласно которой болгарское правительство признаетъ эллиническими подданными всѣхъ грековъ, проживающихъ въ княжествѣ и пользовавшихся подобными правами до русско-турецкой войны, или приобрѣвшихъ ихъ нослѣ; для скрѣпленія этого дружественнаго соглашенія, князь Александръ, говорятъ, даже посѣтитъ короля Георга.—Не такъ дружественно идетъ, конечно, дѣло съ Турціей: Порты встревожилась слухомъ о томъ, что Болгарія пронаводитъ вооруженія въ значительныхъ размѣрахъ и намѣрена обратиться по этому предмету къ державамъ съ нотой; однако болгарскій дипломатическій агентъ въ Константинополѣ опровергаетъ всякіе слухи о какой бы то ни было мобилизаціи войскъ въ княжествѣ.

Въ Сербіи, къ сожалѣнію, разладъ между епископами и министерствомъ не пришелъ къ желаемому концу: предстояло, какъ извѣстно, избраніе митрополита и епископовъ и они коны

Шахматный игрокъ, автоматъ.

(Рис. на стр. 330).

Р. Гуденъ усовершенствовалъ шахматнаго автоматъ-игрока извѣстнаго изобрѣтателя австрійскаго барона Кемпелена. Мысль объ этомъ автоматѣ явилась ему впервые, когда онъ въ Парижѣ смотрѣлъ драму „Czarina“, бывшую на сценѣ лѣтъ двадцать тому назадъ. Въ ней фигурируетъ польскій офицеръ Воровскій, осужденный на смерть Екатериной за участіе въ заговорѣ. Въ драмѣ авторъ заставляетъ его искать убѣжища именно у барона Кемпелена, который помѣщаетъ его въ туловище своего автомата и такимъ образомъ избавляетъ отъ преслѣдованія полиціи. Кемпеленъ, въ драмѣ, путешествуетъ по Европѣ, показывая свое изобрѣтеніе и наконецъ появляется въ Петербургѣ, гдѣ Воровскій удостоивается сразиться въ шахматы съ императрицей, которая приговорила его къ разстрѣлянню. Когда Екатерина усомнилась и заподозрила въ этомъ автоматѣ обманъ, она приказала Кемпелену оставить его во дворцѣ. Воровскій, вида неизбѣжную гибель, опрокидываетъ въ отчаяніи шахматную доску, выпрямляетъ слишкомъ неосторожно голову, что его выдаетъ и попадаетъ въ руки правосудія. Это составляетъ развязку драмы. Сравнивая автоматъ, устроенный французомъ Робертомъ Гуденомъ, съ автоматомъ-туркомъ Кемпелена, нужно безспорно отдать предпочтеніе первому вслѣдствіе подлиннѣйшей иллюзіи, которую онъ производитъ на зрителѣ. Во французскомъ автоматѣ выдвинутый нижній ящикъ кажется по длинѣ своей равнымъ глубинѣ столика, но когда его закрываютъ, онъ укорачивается и одніе части заходятъ на другія. Шкаатулки, устроенныя для обмана вѣрныя, имѣютъ подвижные бока и входятъ одна въ другую. Большое отдѣленіеhalbъ отъ игрока представляетъ барабанъ, выкрашенный въ черную краску, который придаетъ движеніе автомату, когда онъ слегка наклоняется впередъ; это дѣлается быстро и двери въ это время захлопываются. Приборъ изъ полированной мѣди, поставленный впереди, служитъ для того, чтобы замаскировать легкія движенія, которыя происходятъ позади него и отвлекаютъ вниманіе публики. Руки автомата одѣты въ перчатки, чтобы скрыть пластинки китоваго уса, которыми поддерживаются и приводятся въ движеніе пальцы. Автоматъ Гудена, какъ и автоматъ Кемпелена, играетъ лѣвой рукой; сдѣлано это потому, что будто изобрѣтатель шахматовъ былъ лѣвшя.

предпочли выйти въ отставку, чтобы не подчиняться новому закону, ставящему церковь въ зависимость отъ свѣтской власти въ дѣлѣ избранія духовныхъ сановниковъ; вслѣдствіе того, правительство короля Милана, основываясь на прежнихъ примѣрахъ, обратилось къ содѣйствію сосѣдней церкви, т. е. къ сербскому патриарху въ Венгрію, котораго министръ исповѣданій пригласилъ прибыть въ Сербію для участванія въ созванномъ синодѣ и посвященія митрополита и новыхъ епископовъ; въ митрополиты выбранъ архимандритъ Θεодосій Мраовичъ,—подробности еще не извѣстны.

Въ свое время мы говорили о томъ сопротивленіи, которое Франція оказывала продолженію полномочій Ливанскаго губернатора Рустема-Паши, котораго, напротивъ, поддерживали Россія, Германія, Австрія, Италия; но вліяніе невліятельной нынѣ Франціи, однако, на этотъ разъ переследило—Рустемъ-Паши не оставилъ губернаторомъ, а замѣнивъ въ этомъ достоинствѣ миридитскимъ княземъ Пренкъ-Бибъ-Додой; можетъ быть, впрочемъ, что тутъ дѣло не въ вліяніи Франціи, но въ желаніи Порты удалить Пренка подалше отъ Албаніи, гдѣ онъ не всегда былъ удобенъ для турецкаго правительства.

Германское правительство несомнѣнно добьется осуществленія своего умнаго и вполне практическаго плана утвержденія и упроченія вліянія государственной власти въ средѣ рабочаго населенія и огражденія его отъ социалистической пропаганды: Бисмаркъ сумѣлъ воспользоваться плодами „дѣятельности“ социалитетъ и теперь уже между главными руководителями парламентскихъ партій достигнуто соглашеніе, которое даетъ ему возможность провести свои проекты различныхъ учрежденій и законовъ, какъ касса страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, касса страхованія ихъ во время болѣзни, новый промышленный уставъ, обезпечивающій бдительный надзоръ государства за фабриками, заводами и всякими другими торгово-промышленными заведеніями, для огражденія здоровыхъ рабочихъ, для огражденія, въ особенности, интересовъ малолѣтнихъ и учениковъ; затѣмъ, дальнѣйшей разработкѣ будетъ подвергнутъ также вопросъ о пенсіонной кассѣ для престарѣлыхъ рабочихъ, о приватнѣи и воспитаніи сиротъ рабочихъ при участіи государства. Какими coups d'essai dans l'eau будутъ казаться усилія социалитетовъ, когда вся система приведется въ выполненіе, пойдетъ въ ходъ!

Во Франціи динамитчики продолжаютъ свои попытки поддерживать терроръ; въ Белѣ, близъ Мовсо-ле-Мина, предъ дверью одного изъ чиновниковъ, Камюса, недавно взорвало динамитный патрочъ, причемъ, къ счастью, никто не былъ раненъ; не-

задолго Камюса получалъ письмо за подписью „исполнительнаго комитета“, угрожавшее ему смертью; пресловутая Луиза Мишель арестована за ограбленіе булочной во главѣ вооруженной толпы. Герцогъ Омальскій, опасаясь сестричати (не удивило бы выпѣшнее французское правительство и этихъ) его имѣній, продалъ свой замокъ Шантильи одному англичанину и собирается уѣхать пока въ Сицилію; — впрочемъ еще только собирается, но не уѣхалъ; Орлеанская партія намѣрена приняться энергически за свое дѣло: нѣсколько десятковъ провинціальныхъ газетъ или лучше сказать — группъ этой партіи, прямо заявляя о нежеланіи терпѣть долѣе республику, не давшую Франціи ничего, кромѣ внутренней неурядицы и обезличившую ее во вѣншихъ дѣлахъ, о своемъ твердомъ намѣреніи возстановить монархію, съ королевою, изъ Орлеанской вѣтви, во главѣ; но всему видно, что принцы Орлеанскаго дома въ настоящее время опираются на сильную поддержку — можетъ быть, люди благомыслишіе начинаютъ, наконецъ, собираться вокругъ этого знамени.

Королева Викторія упала и ушибла себя колѣно, на что сначала не было обращено ни ея, ни окружающими ее лицами вниманія, однако — колѣно оказалось нѣсколько поврежденнымъ и

ея величеству придется провести въ некоторое время въ комнатѣ; впрочемъ, состояніе здоровья королевы вполнѣ хорошо и она продолжаетъ заниматься текущими дѣлами. Фенія попрежнему угрожаютъ — недавно они прислали начальнику полиціи письмо, въ которомъ объявляютъ, что, если убійцы Кэвендина и Борка не будутъ выпущены на свободу (а все-таки, въ наивности у нихъ нѣтъ недостатка), то центральное бюро почты и телеграфовъ въ Сити будетъ взорвано. Въ Ливерпулѣ былъ схваченъ ящикъ съ нитроглицериномъ, а главное — заподозрѣнный въ прикосновенности къ дѣлу объ этомъ ящикѣ молодой ирландецъ. Англійское правительство учреждаетъ при полиціи особое сыское отдѣленіе и добивается согласія Соединенныхъ Штатовъ принять участіе въ установленіи международной полиціи чешской полиціи. „№ первый“ оказывается вѣжкимъ Тейперсманомъ, офицеромъ арміи англійскихъ волонтеровъ; въ настоящее время онъ — въ Мексикѣ, куда удалился, боясь, что С. Американскіе штаты выдадутъ его.

Король и королева Португаліи придутъ въ первыхъ числахъ мая въ Мадридъ, по случаю чего дворъ дастъ большія празднества; полагаютъ, что результатомъ этого свиданія будетъ заключеніе таможеннаго союза между обоими сосѣдними государствами.

С М Ъ С Ъ .

Докторъ-герцогъ. Герцогъ Георгъ Александръ Меклембургскій, племянникъ великаго герцога Меклембург-Стрелицкаго, двадцати-четырёхлѣтній молодой человекъ, держалъ недавно докторскій экзаменъ въ Лейпцигѣ, и защищалъ диссертацию „объ основаніяхъ французской желѣзнодорожной политики.“ Докторъ Георгъ Александръ Меклембургскій посвятилъ себя изученію народнаго хозяйства. Покойный отецъ этого принца былъ генераломъ въ Россіи, а мать его великая княгиня Екатерина Михайловна.

Огнестрѣльные оружія. Во времена ручныхъ схватокъ, когда метательныя оружія употреблялись сравнительно не большимъ числомъ сражающихся, обихъ вѣно побѣжденные бывали совершенно уничтожены, но и побѣдители несли также большія утраты. При Каннѣ изъ 80,000 Римлянъ была убита половина. При Гаттингсѣ изъ 60,000 человекъ Норманны потеряли 10,000, а при Кресси изъ 100,000 французовъ погибло 30,000, не включая сюда раненыхъ. Со введеніемъ огнестрѣльнаго оружія среднее число убитыхъ въ десяти сраженіяхъ отъ времени битвы при Варддорфѣ въ 1758 году до битвы при Ватерлоо, составляли четвертую и пятую часть всѣхъ сражающихся съ обѣихъ сторонъ. Самая большая потеря понесена при Варддорфѣ, гдѣ изъ 82,000 человекъ, было убитыхъ и раненыхъ 32,916. При Эйлау утрата была также велика; изъ 160,000 человекъ 55,000 было убитыхъ и раненыхъ. Въ Итальянскую войну обѣ стороны были вооружены винтовками и отношеніе раненыхъ и мертвыхъ къ живымъ, при Сольферино и Магента, было 1:11. Во время франко-прусской войны, въ 1870 и 71 гг., гдѣ обѣ стороны были вооружены оружіемъ, заряжающимся съ казенной части, среднее число раненыхъ и убитыхъ при Вортѣ, Марсъ-ля-Турѣ, Гравелоттѣ и Седанѣ была одна девятая. Самая большая потеря была при Марсъ-ля-Турѣ, когда убитыхъ было одна шестая всего количества, и самая незначительная при Седанѣ, когда павшихъ было $\frac{1}{16}$ всего количества. Такимъ образомъ оказывается, что изобрѣтеніе пороха уменьшило число убитыхъ и раненыхъ до $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$, а введеніе винтовокъ, заряжающихся съ казенной части — до одной девятой общаго числа.

Число лицъ, которыя ежедневно пользуются въ Парижѣ общественными экипажами, недавно приведено въ извѣстности. По полицейскимъ сообщеніямъ 550,697 человекъ ѣздятъ въ дилижансахъ, 110,481 — по коннымъ желѣзнымъ дорогамъ, 19,371 — по желѣзной дорогѣ, опоясывающей городъ, и 44,408 человекъ — на маленькихъ лодочкахъ, поддерживающихъ сообщеніе между обоими берегами Сены. Если къ этимъ 724,957 пассажирамъ прибавить еще тѣхъ, которые ѣздятъ на извозникахъ и въ своихъ экипажахъ, то получится представленіе о громадномъ движеніи въ столицѣ Франціи.

Манія электрическихъ изобрѣтеній. Прежде всего электричество было примѣнено для освѣщенія, но впоследствии оказалось, что оно можетъ быть пригодно для разныхъ цѣлей. — Открытіе, что электрическія проволоки служатъ превосходными крысоловками, было сдѣлано случайно. Въ одномъ домѣ ночью показался электрической свѣтъ, и изслѣдованія показали, что крыса въ погребѣ тронула проволоку, при чемъ сама погибла. Извѣстный электрикъ профессоръ Шмитъ воспользовался этимъ открытіемъ и изобрѣлъ самодѣйствующія электрическія приспособленія для уничтоженія крысъ. Электрическія проволоки представляютъ западни, которыя убиваютъ животное при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи. Вдоль стѣны погребовъ ставятся деревянные ящики съ крошками сыра и къ ящикамъ прикрѣплены электрическія проволоки. Желая поѣсть сыръ, крыса трогаетъ обѣ проволоки и моментально падаетъ мертвою. Введеніемъ подобнахъ крысоловокъ, по увѣренію изобрѣтателя, можно достигнуть совершеннаго уничтоженія крысъ.

Профессоръ Бровицъ примѣнилъ электричество для защиты отъ воровъ. Изобрѣтатель проводитъ проволоку возлѣ оконъ и дверей, по которымъ не соединяетъ ихъ съ батареей. На ночь же, когда идутъ спать, проволоки приводятся въ соединеніе, и если злоумышленникъ

дотронется до нихъ, то онъ падаетъ мертвымъ, точно отъ удара молніи.

Но вѣнецъ всѣхъ изобрѣтеній принадлежитъ безспорно профессору Робинзону, изобрѣвшему жестокое средство отъ кошекъ. Какъ извѣстно многіе не могутъ выносить ночныхъ кошачьихъ концертовъ; это неудобство устраняется дорогимъ изобрѣтеніемъ Робинзона. Также какъ въ предохраненіи отъ воровъ, крыши и любимыя мѣста кошачьихъ сборищъ оплетаются проволокою, въ которую ночью пропускается токъ. Если во время ночнаго странствія кошка дотронется до проволоки, то не издавая ни одного звука, она падаетъ мертвою. Недавно это универсальное средство противъ кошекъ было подвергнуто пробѣ, и на слѣдующее утро было найдено на крышѣ 231 мертвая кошка. Достойное ученнаго изобрѣтеніе!

Укрѣпляющій бульонъ Императора Вильгельма. Какъ извѣстно, Императоръ Вильгельмъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, еще очень бодръ и можетъ безъ утомленія проводить на лошади по нѣскольку часовъ. Всѣмъ этимъ онъ обязанъ строгому соблюденію діетическихкихъ предписаній своего лейбъ-медика Лауэра. Ежедневно Императоръ съѣдаетъ двѣ тарелки бульона, который готовится изъ 12 фунтовъ говядины, 4 голубей и 2 куръ.

24-хъ-лѣтняя индостанка миссъ Рамбаналъ Санскрита представляетъ собою феноменъ научнаго языкованія. Она слышетъ въ Англии первокласснымъ сѣдокомъ языковъ: санскритскаго, махратскаго, каранезскаго, индостанскаго и бенгальскаго. Ея изслѣдованія, написанныя безукоризненнымъ англійскимъ языкомъ, тѣмъ драгоценнѣе для науки, что она сосредоточила свои изысканія на яриччии, которое ей знакомо съ юности. Притомъ лингвистка отдаленнаго Востока стоитъ на высотѣ современной филологіи и старается рѣшать задачи послѣдней съ помощію философіи, исторіи, естественныхъ наукъ и этнологіи. Кромѣ того, миссъ Рамбаналъ является дѣятельною поборницею поднятія образованія индійскихъ женщинъ. Она сама служитъ блестящимъ доказательствомъ способности ея соплеменницъ къ духовному развитію, которыя съ изумительнымъ усердіемъ пользуются образовательными средствами, предоставленными въ ихъ распоряженіе о принятіи индусскихъ женщинъ на службу по почтовому и телеграфному вѣдомству.

Нью-Йоркскія колоссальныя постройки. Въ Нью-Йоркѣ все болѣе и болѣе покидаютъ англійскую систему одностороннихъ домовъ и впадаютъ въ противоположную крайность: строить дома, вмѣщающіе въ себѣ населеніе дѣлаго небольшого города и носилце, подобно гостиницамъ, особыя названія. Такъ напр. „Дакота“ состоитъ изъ десяти этажей, изъ которыхъ два верхнихъ заняты сушильными и прислугою. Въ „Дакотѣ“ живутъ 64 семейства. Въ первомъ этажѣ устроенъ ресторанъ, изъ котораго жильцы могутъ получать кушанье. Еще колоссальнѣе такъ называемый „Navarro-Block“, имѣющій по фасаду 400 футовъ и 200 футовъ въ вышину. Онъ состоитъ изъ 9 этажей спереди и 12 сзади; въ среднѣй его устроенъ дворъ съ садиками. Постройка его стоила около 6 миліоновъ рублей. Всѣ подобныя сооруженія снабжены всѣми современными усовершенствованіями: телефонами, электрическимъ освѣщеніемъ и т. д.; изъ помѣщенныхъ въ нижнемъ этажѣ магазиновъ жильцы могутъ удовлетворять всѣ свои потребности.

Датскія торпеды. Въ „Германскомъ Морскомъ Журналѣ“ помѣщена статья по поводу введенныхъ въ употребленіе въ Даніи рыбообразныхъ торпедъ. Статья не осталась незамѣченной и произвела извѣстное впечатленіе. „Данія — говорится въ ней, между прочимъ — сдѣлала большіе успѣхи въ этой области войны; въ настоящее время, она обладаетъ не только совершеннѣйшими миносками, но и наиболѣе ухищренными способами управленія минами противъ непріятельскихъ судовъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, въ случаѣ войны, датскій флотъ, какъ онъ ни малочисленъ, былъ бы въ состояніи, при помощи своихъ торпедъ, прекратить всякій доступъ въ Балтійское море, — не говоря уже о томъ,

что, по соседству съ Килемъ, самой значительной морской станціей Германіи, Данія владѣетъ нѣсколькими островами, представляющими, въ данномъ смыслѣ, постоянную угрозу германскому флоту". Далѣе статья прибавляетъ, что островъ Гельголандъ, со времени пріобрѣтенія рыбообразныхъ торпедо, пріобрѣлъ весьма важное значеніе какъ мѣсто стянки миноносокъ, во всякое время готовыхъ запереть устье Эльбы.

Фотографія на кожѣ человѣка. При помощи фотографіи дѣлаются отпечатки на всевозможныхъ предметахъ: на бумагѣ, фарфоровыхъ чашкахъ, на металлическихъ пластинкахъ и т. д., но не всѣмъ еще извѣстно, что фотографическіе отпечатки отлично воспроизводятся и прочно сохраняются на человеческой кожѣ, лучше на ширинѣ, даже, чѣмъ на бумагѣ. Кожу смачиваютъ прежде всего слегка соленой водой, потомъ увлажняютъ слабымъ растворомъ азотно-вислого серебра. Этого совершенно достаточно, чтобы сдѣлать ее способной воспринять фотографію. Каждый фотографъ весьма легко можетъ воспроизвести на кожѣ человѣка любой предметъ. Фотографія эта очень прочна. Но кому она можетъ понадобиться?

Вопросъ о трупоисожженіи будетъ на дняхъ разсматриваться въ Парижѣ на открытой конференціи подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго мѣра Кохлинъ-Шварца. При этомъ публичнѣ будутъ показаны различныя модели французскихъ, германскихъ, австрійскихъ и итальянскихъ печей для сжиганія труповъ. Кохлинъ-Шварцъ, и другіе сторонники трупоисожженія, надѣются получить въ скоромъ времени разрѣшеніе для практическихъ изслѣдованій. Хотятъ для опыта сжигать трупы лицъ, умершихъ въ госпиталяхъ, которыя не будутъ взяты родственниками для погребенія. При этомъ констатировано, что въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ въ академію наукъ представлено болѣе 40 проектовъ способовъ погребенія, которые всѣ разительно различаются другъ отъ друга. Нѣкоторые изъ этихъ проектовъ въ высшей степени интересны. Профессоръ М. Менанъ (Mein) предложилъ такому совѣту превращать трупы въ безцвѣтную жидкость. Докторъ Руссо предложилъ 20 февраля 1873 года проектъ способа, посредствомъ котораго трупъ въ теченіи 3-хъ часовъ превращается въ порошокъ. Частный инженеръ Ролино предложилъ 9-го августа 1873 года способъ, посредствомъ котораго трупъ превращается въ твердую каменную массу, могущую служить прекраснымъ матеріаломъ для постройки. Къ приверженцамъ сжиганія труповъ принадлежатъ Жюль Греви, Кохлинъ-Шварцъ, другъ Греви, находятъ сильную поддержку въ Елисейскомъ дворцѣ къ осуществленію своихъ стремленій. Гамбетта при жизни выразилъ желаніе, чтобы его смертные останки были сожжены. И потому послѣ смерти этого знаменитаго человѣка возникъ между его друзьями вопросъ о трупоисожженіи, за которое въ особенности яро ратовалъ Поль Бергъ. Но это не было приведено въ исполненіе вслѣдствіе нежеланія отца Гамбетты.

Звѣзда волхвовъ. Въ теченіи 1883 года предсказываютъ появленіе яркой звѣзды на небосвѣтѣ небосклонѣ. Недавнія вычисленія надъ одной періодической звѣздой дали слѣдующіе интересные результаты. 11-го ноября 1572 года извѣстный датскій астрономъ Тихо Браге открылъ новую звѣзду, которая въ теченіи мѣсяца свѣтила такъ же ярко, какъ Сіріусъ и Венера. 14 лѣтъ спустя былъ изобрѣтенъ телескопъ. Съ помощью этого астрономическаго аппарата явилась полная возможность тщательнаго изслѣдованія небеснаго свода и тутъ-то оказалось, что упомянутая звѣзда не совсѣмъ исчезла съ небосклона, а видна при помощи телескопа маленькой звѣздочкой. Начали розыскивать въ различныхъ старинныхъ документахъ, не появлялась ли эта свѣтлая звѣзда, и наконецъ дознались, что въ 945 и 1264 годахъ была видна свѣтлая звѣзда на сѣверной части небосклона. Изъ этого заключили, что видная звѣзда принадлежитъ къ періодическимъ, съ періодомъ болѣе 300 лѣтъ. Если мы сбросимъ три періода со времени ея появленія въ 945 году, то можно придти къ заключенію, что она свѣтила во время рожденія Иисуса Христа. На основаніи тѣхъ же вычисленій можно ожидать появленія этой свѣтлой звѣзды въ настоящемъ году. Самый поздній срокъ, въ который можетъ звѣзда появиться, истекаетъ въ 1885 году.

Относительно періодическихъ звѣздъ въ послѣднее время составлено еще нѣсколько гипотезъ, изъ которыхъ одна: „каждая періодическая звѣзда имѣетъ спутника“.

Отечество картофеля. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Калифорнійской академіи наукъ, г. Джонъ Леммонъ докладывалъ о результатахъ лѣтней экскурсіи въ горы, вдоль американскихъ границъ до Аризоны. Между его ботаническими открытіями было нѣсколько сортовъ мѣстнаго картофеля, растущаго въ изобиліи на возвышенностяхъ, лежащихъ на 10000 футовъ надъ уровнемъ моря, горныхъ дугахъ. Картофелины были величиною въ лѣсной орѣхъ. Г. Леммонъ привезъ ихъ съ собою очень много и намѣренъ старательно смотрѣть за ними. Это открытіе должно разрѣшить остающійся до сихъ поръ спорный вопросъ о роднѣ картофеля.

Къ женскому вопросу, т. е. не къ общему, о которомъ вѣрѣдко пишутъ газеты, но къ исключительно относящемуся къ мужьямъ и разрѣшающему ихъ недоумѣнія, слѣдуетъ ли въ важныхъ вопросахъ слушаться совѣтовъ жены. Отвѣтъ на это находится въ разсказахъ турецкаго проказника Насрадина. Ходжа Насрадинъ жилъ въ одномъ небольшомъ Малоазійскомъ городкѣ, который былъ завоеванъ извѣстнымъ Тамерланомъ. Намѣреваясь въ числѣ прочихъ согражданъ расположить въ свою пользу вождя, Насрадинъ задумалъ поднести ему въ подарокъ произведенія своего сада и спро-

силъ у своей жены, что по ея мнѣнію лучше подарить: огурцы ли или фиги. Жена посовѣтовала огурцы, такъ какъ они больше и имѣютъ лучшій видъ. Вслѣдствіе этого совѣта Насрадинъ выбралъ фиги. Онъ спросилъ жену только затѣмъ, чтобы сдѣлать противоположное тому, что она посовѣтуетъ. Тамерланъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа въ тотъ день, когда Насрадинъ пришелъ со своимъ подаркомъ. Онъ велѣлъ поставить его у дверей и для своего и придворныхъ своихъ удовольствія велѣлъ бросать по одной фигѣ въ голову Насрадина. Всякій разъ, какъ плодъ ударялся о его голову, онъ восклицалъ: Слава Богу! Слава Богу! Спросенный же любопытнымъ ханомъ о значеніи этихъ восклицаній, проказникъ Насрадинъ разсказалъ свою исторію и заключилъ ее словами: „на что бы похвала теперь моя голова, если бы я послушалъ совѣта жены“.

Преимущества хорошаго общества. Въ хорошемъ обществѣ можно только выиграть, говорилъ извѣстный французскій баснописецъ Лафонтенъ, и въ доказательство приводилъ слѣдующую восточную легенду: „Я однажды гулялъ, разсказываетъ персидскій поэтъ и увидѣлъ у моихъ ногъ полусохнувшій листокъ, издававшій пріятный запахъ. Я поднялъ его, съ наслажденіемъ вдохнулъ ароматъ и спросилъ: скажи мнѣ, ты, прелестно пахнущій, роза ли ты? Нѣтъ, былъ отвѣтъ, но я долгое время лежалъ около нея, вотъ почему я такъ хорошо пахну.“

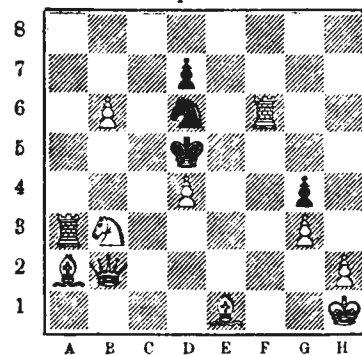
Морскія волны. Величайшія волны достигаютъ въ Сѣверо-Атлантическомъ океанѣ вышины 43 футовъ, въ Тихомъ океанѣ 32, въ Южно-Атлантическомъ 22, у мыса Горна 31, въ Средиземномъ морѣ 14½ и въ Нѣмецкомъ морѣ 13½ футовъ.

Необыкновенный способъ почитанія. Королева Елисавета при всѣхъ своихъ достоинствахъ имѣла слабость къ лестн, когда восхваляли ея красоту. Извѣстный Ралегъ пріобрѣлъ милость королевы тѣмъ, что разостлалъ свой дорогой бархатный плащъ надъ лужей, черезъ которую королевы необходимо было пройти. Инымъ образомъ выказалъ ей почитаніе членъ Испанскаго посольства герцогъ Вила Медина. Герцогъ былъ необыкновенной красоты, съ которой соединялъ отвагу и рыцарство. На одномъ изъ турнировъ, данныхъ въ честь Елисаветы, Медина особенно отличился и получилъ дневной призъ отъ королевы. При этомъ случаѣ, королева спросила у него объ имени дамы, въ честь которой онъ сражался. Этотъ вопросъ повидимому смутилъ герцога, наконецъ онъ отвѣтилъ, что хотя во всѣхъ сраженіяхъ онъ и носитъ красную розу въ честь дамы своего сердца, но не рѣшается назвать ея имя. Но въ день своего отъѣзда онъ пошлетъ королевы ея портретъ. Но только, чтобы онъ былъ совершенно похожъ, засмѣялась Елисавета. — Да онъ очень похожъ, ваше величество, былъ отвѣтъ герцога, послѣ котораго онъ удалился. Вскорѣ послѣ того посольство уѣхало изъ Англіи, направляясь обратно ко двору короля Филиппа. — А портретъ вашей дамы, герцогъ? спросила королева гранда во время прощальной аудіенціи. — Ваше величество получите его завтра, послѣ того какъ я съяду на корабль отвѣтилъ Медина серьезно. На другой день Елисавета получила, черезъ одного изъ оставленныхъ слугъ герцога, запечатанный пакетъ. Поспѣшно развернула она его, любопытствуя увидѣть избранную красиваго испанца. Но къ своему великому удивленію въ пакетѣ было только зеркало! Взглянувъ въ зеркало она узнала, кому поклонялся рыцарскій герцогъ, и этотъ знакъ нѣжнаго почитанія красиваго испанца королева старательно берегла до конца своихъ дней.

Орѣхи какъ свѣчи. Одинъ изъ первобытныхъ способовъ освѣщенія въ Новой Зеландіи составляютъ свѣчи, приготовленныя изъ плодовъ Aleurites tribola. Плоды этого кустарника, растущаго и на другихъ островахъ Южнаго океана и иногда покрывающаго своими серебристыми листьями вулканическіе склоны острововъ Гавай, содержатъ въ себѣ очень много масла и смолы. Свѣбные орѣхи собираются и высушиваются на солнцѣ, послѣ чего ихъ называють на легко горючую смолистую палку и свѣча готова. Палка замѣняетъ фитиль; орѣхи хотя и коптятъ, но горятъ очень свѣтлыми пламенемъ. Палка въ одинъ футъ длиною горитъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Шахматная задача № 19.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

Алгебраическая задача № 20.

Слово, означающее одно из важнейших событий нашей государственной жизни, состоит из 9 букв. Если замѣнить эти буквы цифрами, согласуясь съ порядкомъ буквъ въ алфавитѣ русской азбуки, то между ними получатся слѣдующія соотношенія:

- 1) Разность между вторымъ и пятымъ числомъ равна шестому числу.
- 2) Сумма чиселъ перваго, пятаго и восьмаго равна суммѣ чиселъ шестаго и девятаго.
- 3) Разность квадратовъ втораго и пятаго чиселъ равна квадрату восьмаго, безъ удвоенной суммы перваго и четвертаго чиселъ.
- 4) Сумма чиселъ перваго, втораго, третьяго и пятаго равна суммѣ чиселъ шестаго, седьмаго и девятаго.
- 5) Разность квадратовъ перваго и восьмаго чиселъ равна суммѣ чиселъ третьяго и седьмаго.
- 6) Сумма чиселъ втораго и третьяго — такъ относится къ суммѣ седьмаго и восьмаго, какъ разность чиселъ девятаго и седьмаго къ суммѣ восьмаго и шестаго.
- 7) Квадратъ разности чиселъ седьмаго и пятаго равенъ квадрату восьмаго.
- 8) Квадратъ суммы чиселъ пятаго и шестаго равенъ квадрату втораго.
- 9) Разность квадратовъ третьяго и четвертаго равна 64.

Какое это слово?

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при переѣздѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

„Элеопатъ“ Провизора Бинунена употребляется противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корней волосъ, увеличиванія густоты и оставленія выпавшей волосъ.

Поневѣдѣ безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которые употребляли „Элеопатъ“, даютъ намъ возможность рекомендовать этотъ бальзамъ.

Каждый флаконъ „Элеопата“ содержитъ 120 граммовъ, и имѣетъ въ самомъ стеклѣ вензель—подпись Бинунена—собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ только провизора Бинунена можно получить у Штоль и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп.

Способъ употребленія „Элеопата“ Пров. Бинунена, приложенъ къ каждому флакону. Въ провинціи, „Элеопатъ“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ больш. Аптекарскихъ и Косметическихъ Магазилахъ, у дрогистовъ и въ Аптекахъ.

Для иногородныхъ покупателей, „Элеопатъ“, высылается не менѣе 2 флак., содерж. 240 граммовъ за 4 руб. Необходимо указать слѣдующій здѣсь адресъ.

Въ Магазины Аптекарск. товаровъ
К. ФЕРРЕЙНУ въ Москвѣ.

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 руб.; для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону цѣна 3/4 руб., пересылка 1/2 руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волосы, не линяютъ, въ черной цв. цѣна 3 руб., перес. по 1 рублю. Гороховая улица, д. 57. Магазины-парикмахерская Ивановой. № 2532

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 89 рисунками автора, большой томъ в 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ,

**ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ
ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 г.**

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ В. С. Соловьева — „Вольтерьянецъ“, больш. романъ Юкаля — „Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морскаго) „Подъ землю“, пов. Австенко „Испанскій дворянинъ“ и др. произвед. современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологій, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того безплатная ПРЕМІЯ: большая олеографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. П. Яковля — „ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

СОДЕРЖАНІЕ: Илецкая Защита и илеція минеральной воды (съ рис.).—Въ цвѣтахъ. Повесть Н. Лебедева (Морскаго). (Продолженіе).—Предатель. Историческій разсказъ М. Лилля. (Продолженіе).—Потребительныя товарищества въ Англии. Очеркъ Н. Д.—Дамаскъ (съ рис.).—Взрывъ въ зданіи Вестминстера въ Лондонѣ (съ рис.).—Красавица (съ рис.).—Литературный альбомъ. Кузничихинъ-музыкантъ (съ рис.).—Шахматный игрокъ-автоматъ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія. При этомъ № прилагаются „Парижскія моды“ за Апрель 1883 г. съ 23 рисунками и отдѣльн. листамъ съ 35 рисунки рукодѣльныхъ работъ и 24 выкр. въ натуральную величину.

Редакторъ Ф. Белгъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

**Полное собраніе сочиненій
Всеволода Сергѣевича Соловьева.**

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КРАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПб. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимающій эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій—чрезвычайно интересенъ.—СПБ. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный разсказъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшего только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многие иностранныя языки. СПб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 50 коп.; въ каленкор. перепл. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ съ вишнетками. СПб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

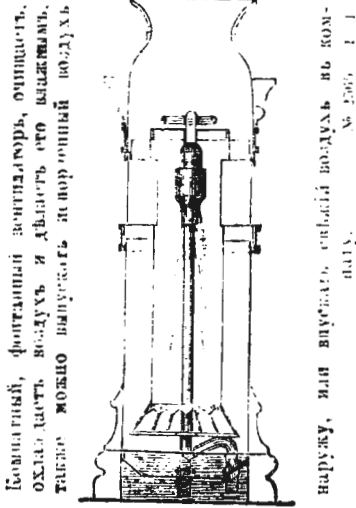
ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром. хроника конца XVIII и начала XIX в. Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“ и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 711 стр. Напечатанъ на велен. бумагѣ съ вишнетками. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красн. каленк. перепл. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающіе разомъ всѣ эти сочиненія, за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПб. покупателей дѣлается уступка 10%.

УРОКИ

английскаго языка по новейшей методѣ преподавать языкъ дома англичанка. Невскій пр. у Католической церкви, кв. 24, П. В.

ЭОЛУСЪ

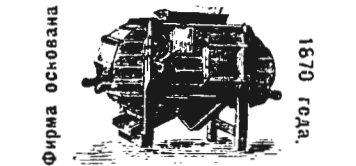
Воздухъ, проходя черезъ фильтръ, очищается, охлаждается, вдувается и дѣлается его выходящимъ, тѣмъ можно высушить и чистый воздухъ.

Винтергальтеръ и К^о, у Басилевскаго моста, въ здании, д. № 12.

ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Всѣхъ системъ: ручныя и ножныя: Е. Г. Гау, Винтергальтеръ, Вилдъ, Вальбергъ, Поттеръ, Шварцъ, перчаточныя, швейно-валяльныя аппараты, въ подорожничьи ко всякимъ машинамъ.

И. ВАКОНЬ,
Гороховая, № 2, въ бельэтажѣ.

ТОВАРИЩЕСТВО БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ. С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 1-я линия, № 10, Москва. Машинная, домъ Ситова. Имѣеть въ своихъ складахъ лучший выборъ новейшихъ системъ земледѣльческихъ машинъ и орудий, насосы и пожарныя трубы. Изобретенныя машины выставляются бесплатно. № 2561 4-1

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ
Н. П. ЛАНИНА,
ВЪ МОСКВѢ,
удостоенное **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью, заслуживающее хорошихъ французскихъ марокъ по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут. (прямое съ фабрики).
ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ общехъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣній Азии. № 2445 10-7

ГУТТАПЕРЧЕВОЕ ПЕРО
РЕЙХА.
Цена за штуку 50 коп., съ пересылкою 70 коп. (всего марками). Главный складъ для всей Россіи: Контора Ф. П. Сазонова, Фонтанка, № 87 (на углу Гороховой улицы, С.-Петербургъ. № 2539 3-3

Магазинъ и Контора Фортепiанной Фабрики К. М. ШРЕДЕРЪ,

Поставщика Ихъ Величествъ: Императора Всероссийскаго, Императора Германскаго, Императора Австрійскаго и Короля Баварскаго.

Съ 28-го марта, сего года, **ПЕРЕВЕДЕНА** на **НЕВСКІЙ пр., собств. домъ, № 52,**

противъ Императорской Публичной Библиотеки.
Инструменты означенной фабрики будутъ продаваться въ Петербургѣ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** только по вышеозначенному адресу.

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣлѣ „Нивы“ у П. Н. Печниковой, въ домѣ Петровыхъ двѣй, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ.

Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и вѣстками Н. Н. Каразина.

Заглавіе рассказовъ:

- 1) Дяденька. | 3) Ночь. | 5) Грѣхъ ли это?
- 2) Уличная пѣвица. | 4) Обезьянка. | 6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и вѣстками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Все эти рассказы представляютъ намъ прелестныя дѣтскія типы, но наипривлекательнѣе для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣтскими лицами являются дѣти. Однако по содержанию эти рассказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвочкамъ. Цена 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к. Въ маломъ перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, С. П.

Леченіе зубныхъ болѣзней, пломбированіе, исправленіе неправильнаго и неправильнаго положенія зубовъ, и чистка зубовъ по американской методѣ; перелѣтъ старыхъ зубовъ. Прочное и аккурратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цена умеренная. № 1908

ЛЕЧЕБНИЦА для архивольныхъ дѣръ Болотнаго, Невскій, 98, противъ Печниковой. Ездятъ по вечерамъ специалистами по вѣтѣмъ болѣзнямъ. Крѣпкіе и желанныя. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

БЕЗВРЕДНАЯ КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ

разрѣшена С.-Петербургской Врачебной Управою.

ЯИЩА ИЗЪ МЯЛА, ПРОЗРАЧНЫЯ И НЕПРОЗРАЧНЫЯ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ХРУСТАЛЬНЫХЪ И БРОНЗОВЫХЪ ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАГНОВЪ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, приписывая названіе фирмы, близкаго подобию къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и конструирующаго наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точности фирмы **С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ**—**ЕДИНСТВЕННЫЯ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:**

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 58, у Анцикина моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Кавалерской улицы, д. № 18—54, Шредера.

Мониторъ и оптовый складъ: во Навалиловскому пр., въ Собств. домѣ, № 21.

Въ прочіе магазины и лавки, являющіе вывески, сходныя съ вывескою С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежать. Р. № 2562 2-1

ЦВѢТЫ

переводимыя и ставляя на прокатъ по петербургской цѣнѣ. Адресъ: отъ Пискаревскаго Вост. Острова, 4 линия, д. 31, кв. 2. № 2554 1-1

Выкройки

Демонстрація изъ Парижа на одну и тѣту 1883. Изобретенныя выкройки изъ 600 модныхъ градъ. 1 р. 10 к. съ пер. **И. ВАКОНЬ.** Гороховая, № 2, въ бельэтажѣ. № 2564 2-1

Повѣстныя и забавныя ПОДАРКИ.

- 1) Соловей-автоматъ, новый предметъ поощрительнаго искусства. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.
- 2) Птичка-магнитъ, разрѣшающая грудныя вопросы. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.
- 3) Игра пазлъ-пазлъ съ рѣшеними. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.
- 4) Оптическая игра „Соборъ“. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
- 5) Магическая колпачка. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.
- 6) Магич. портфель. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- 7) Магич. фотографія. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

За все 7 апрѣ 2 руб. съ персональною буда угодно. Каталогъ высылается за 7 коп. марку. Адресъ: въ Бюро-областной, Невскій пр., д. № 4, С. П. № 2564 1-1

НОВАЯ ИЗДАНИЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СНАЗКА О ПЧЕЛѢ МОХНАТЪ. В. П. Аверанука съ рисунками Н. Н. Каразина. Цена 50 к., съ пересл. 65 коп. **ЧТО КОМНАТА ГОВОРИТЪ.** Рассказъ В. П. Аверанука съ рисунками В. С. Крюкова и Ил. Ст. Пашова. Ц. 50 к., съ пересл. 60 к. **Оба рассказа удостоены ПЕРВОЙ ПРЕМІИ Спб. Общества любителей ДВѢСТИ ЗАГАДКЪ и ДВѢСТИ ОТГАДКЪ** для умныхъ дѣтей. Цена 30 к., съ пересл. 40 к. Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ у редактора П. И. Смирнова: Б. Морская, д. № 17 въ С. П. № 2558 1-1

РЫБОВОДСТВО.

Сочиненіе Фон-Демъ-Борне, переведенное съ французскаго для Россіи д-ромъ О. А. Гримма. Съ 64 иллюстраціями. Лучшее сочиненіе по рыбководству. Представляетъ собою свѣдѣній о правильности и успешномъ разведеніи рыбъ. Цена 2 р. 50 к., съ пересл. 2 р. 75 к. Въ магазинѣ **К. Л. РИККЕРА** на Пискаревкѣ, и у прочихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. № 2557 1-1

НЕ ВѢЩАЙТЕСЬ прежде чѣмъ читать „**TRAIT D'UNION**“, газету перваго дома этого рода въ Европѣ и обширнѣйшую брошюру. Безплатное почтовое посыланіе за 90 centimes. 53, **faubourg Montmartre** и 17, **avenue Carnot** (Champs-Élysées), въ **ПАРИЖѢ.**

НИВА

XIV годъ
№ 15

годъ XIV
1883

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выданъ 9 Апрелья 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“;

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для за гран.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).

Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особылъ приложенія при „Н И В Ъ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9

Соборъ Софійскій. Храмъ Николая Чудотворца. Храмъ Спаса Обиденнаго.
Храмы Спаса Обиденнаго и Николая Чудотворца, на Стѣнной площади, въ Вологдѣ. Съ фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

Спасообыденская церковь въ Вологдѣ.

Среди многочисленныхъ церквей Вологды, церковь Спаса Обыденнаго, послѣ собора, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ замѣчательный памятникъ стариннаго зодчества и глубокаго благочестія нашихъ предковъ. Кромѣ того мѣстоположеніе храма одно изъ лучшихъ: въ самой многолюдной и красивой части города, неподалеку отъ Гостиннаго Двора, на такъ называемой Сѣнной площади. Здѣсь въблизи его возвышаются еще и другія церкви и разныя зданія: съ южной стороны—Предтеченская, съ сѣверо-западной—Николаевская; съ сѣверо-востока прилегаетъ домъ Дворянскаго Соборанія, близъ котораго разкинутъ Александровскій садъ, а съ юго-запада разстилается обширная площадь.

Церковь Спаса кромѣ того еще носитъ названіе Всеградской и Обыденной. Первое названіе усвоено ей потому, что она по лучаетъ содержаніе изъ доходовъ всего города, по приговору, составленному и подписанному гражданами Вологды еще во время ея построенія. Названіе же *обыденной* давалось обыкновенно въ старину тѣмъ деревяннымъ храмамъ, которые по обѣту строились въ одинъ день, во избавленіе отъ тяжкихъ пародныхъ невзгодъ и бѣдствій. Такое же народное горе послужило поводомъ и къ постройкѣ вологодской церкви Спаса.

Въ началѣ второй половины XVII вѣка, во время царствованія Алексѣя Михайловича, съ 1-го сентября 1645 г. страшная моровая язва опустошала какъ самую Вологду, такъ и ея окрестности. Народъ, видя какъ смерть ежедневно уноситъ множество жертвъ, впалъ въ какое-то тупое отчаяніе; общественная жизнь какъ бы замерла, но благочестіе воскресло съ новой силой: всѣ постились, молились, наполняли храмы Божіи съ утра до вечера, между тѣмъ язва продолжала свирѣпствовать. Но вотъ пришла гражданамъ благочестивая мысль—воздвигнуть въ одинъ день храмъ во имя Спасителя. День 18-го октября тогда же былъ назначенъ для постройки церкви и тысячи жителей посѣпшили въ ней участвовать; въ глубокую ночь было положено основаніе новаго храма, а утромъ работа уже была совершенно окончена. Тогда же церковь была снабжена иконами и утварью изъ другихъ церквей Вологды и торжественно освящена тогдашнимъ Владыкой Архіепископомъ Маркеломъ. Преданіе говоритъ, что съ момента самаго основанія обыденной церкви Спаса и во все время ея построенія, никто изъ жителей не заразился язвой и съ этого дня зараза потеряла свою прежнюю силу. Въ четвертый день по постройкѣ храма, т. е. 23-го октября, одинъ благочестивый художникъ Вологды, по желанію гражданъ, обыденно же написалъ въ обѣтупу церковь икону Всемиловиваго Спаса, которая и дониндѣ составляетъ ея лучшую драгоценность. Теперь эта икона, пользующаяся въ народѣ великимъ уваженіемъ какъ чудотворная, покрыта золотой ризой и украшена драгоценными камнями.

Сорокъ лѣтъ спустя послѣ постройки, деревянная, обыденная церковь Спаса видимо начала ветшать и разрушаться; тогда Вологжане замыслили соорудить новый каменный храмъ, который и былъ оконченъ въ 1698 году. Въ началѣ же XVIII столѣтія была пристроена къ каменной церкви, съ южной стороны ея трапеза, низкая теплая церковь во имя Тихвинской Божьей Матери. Этотъ храмъ въ 1840 году былъ разобранъ и вмѣсто него была воздвигнута новая, теплая, обширная двухпрестольная церковь. Въ пятидесятыхъ годахъ во внутренности Спасообыденской церкви были произведены значительныя улучшенія и перестройки, такъ что въ настоящее время уже мало въ ней остается такого, что бы напоминало о старинѣ. Только наружный фасадъ храма носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ нашего древняго зодчества. Зданіе главной церкви квадратное, одноэтажное, съ окнами въ два свѣта, украшенное на южной и сѣверной стѣнахъ восемью пилястрами и тремя дугообразными наличниками. Оно увѣнчано одною большою главою, крытою желѣзомъ и устланною по темносинему фону мѣдными, золочеными черепъ звѣздами. Такія же три главы меньшаго размѣра возвышаются надъ прѣдѣломъ и алтаремъ новой церкви. Колокольня храма состоитъ изъ четырехъ ярусовъ; первые три четырехугольныя, послѣдній же, въ которомъ помѣщаются колокола, осмиугольный съ круглою куполообразною крышей. Вышина главной церкви до креста 12 сажень; высота же колокольни 18. Съ восточной и южной стороны церковь обнесена каменной оградой съ желѣзными рѣшетками. Внутренность главной церкви представляетъ правильный четырехугольникъ по шести саж. въ обѣ стороны и около семи саж. до вершины свода, подъ которымъ крестъ на крестъ протянуты шесть желѣзныхъ связей, скрѣпляющихъ зданіе. Стѣны покрыты живописью, приуроченною къ исторіи возникновенія храма. Изъ ветхозавѣтной исторіи здѣсь представлены: явленія пророковъ, возвѣщающихъ Израилю гнѣвъ Божій, прекращеніе язвы въ Иерусалимѣ и тому подобныя сюжеты. На сѣверной же и отчасти на западной стѣнахъ изображены три сцены моровой язвы въ Вологдѣ; въ одной представлено ея страшное опустошеніе; множество больныхъ и мертвыхъ, пораженныхъ язвою и выносимыхъ въ гробахъ за городъ; въ другой—начало построенія обыденной церкви ночью, при общемъ участіи гражданъ; въ третьей, прекращеніе язвы—выраженное въ группѣ колѣнопреклоненныхъ жителей, съ восторгомъ взворающихся на повозсоданный ими обѣтныи храмъ. Въ сводѣ изображенъ сонмъ Ангеловъ, какъ исполнителей карающаго и милующаго всемогущества Божія.

На той же площади видѣнъ слѣва храмъ Николая Чудотворца, а за нимъ, вдаль, древній Софійскій соборъ, котораго видъ съ описаніемъ уже былъ помѣщенъ въ нашемъ журналѣ.

Въ цвѣтахъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Лебедева (Морскаго).

(Продолженіе).

XV.

Прошка надула губки, сдѣлала сердитое личико и отвернулась. Эта Акъ была *женщиной* въ полномъ и совершенномъ смыслѣ слова. Вчера, возмущенная своей двухлѣтней душой слабохарактерностью *мушины*, она отвернулась отъ него и выразила свой гнѣвъ пронзительнымъ крикомъ, оглушившимъ Сашеньку и ксати подавшимъ поводъ къ отсылкѣ ребенка въ кухню, гдѣ малютка тотчасъ же прекратила плачь и какъ бы нѣсколько упала духомъ. Вопреки обычной своей подвижности и болтливости, Акъ присмирѣла, держала себя точно чужою, хотя отлично знала всѣхъ этихъ „дадь“ и онѣ постоянно были къ ней предупредительны и добры. тихохонько сидѣла на скамейкѣ и только всякій разъ, когда отворялась дверь и въ кухню входилъ кто нибудь, взглядывала съ боязливой робостью на входящаго. И всякій разъ, точно разочарованная тѣмъ, что вошелъ не тотъ, кого она ожидала, малютка волновалась тихимъ, едва замѣтнымъ вздохомъ, и опустивъ головку, начинала перебирать передничекъ съ прежнимъ видомъ крайняго смущенія. Когда входила горничная или ключница и между ними и кухаркой завязывался разговоръ на счетъ господъ, въ малюткѣ было замѣтно усиленное вниманіе къ тому, что говорилось. Наклонившись впередъ, Акъ жадно ловила звуки, положительно не своди

глазъ съ губъ говорящихъ, слѣдя за каждымъ ихъ движеніемъ и измѣненіемъ положенія,—но поняла ли она что нибудь изъ говореннаго, осталось тайной. Въ глазахъ малютки свѣтилось желаніе и мысль узнать что-то, но нашли ли они удовлетвореніе,—неизвѣстно. Вѣришь, что нѣтъ, такъ какъ къ вечеру дитя заскучало и разхныкалось...

Утромъ Акъ проснулась розовою и счастливою, какъ прежде, и улыбнулась „дадамъ“. Прежняго вида смущенія не оставалось и слѣда: точно въ безмятежномъ младенческомъ снѣ—какой нибудь херувимъ съ серебристыми крылышками шепнулъ малюткѣ на ея своеобразномъ нарѣчій такое радостное, полное звенящаго смѣха словечко, которое прогнало прочь всѣ печали и сомнѣнія чистой души. Акъ не хотѣла быть несчастной и не могла послѣ умильнаго дѣтскаго сна, въ которомъ ей мелькали въ волнахъ нѣжнаго розоваго тумана массы дѣтскихъ бѣлокурыхъ и темнорусыхъ головокъ, улыбающихся ей самыми очаровательными изъ человѣческихъ улыбокъ. Это была мечта, а малютка представляла изъ себя особу положительную, и улынувшись „дадамъ“, прежде всего потребовала кушать. Горько гореть, а все таки покушать не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что наканунѣ Акъ была совершенно не въ аппетитѣ...

И вотъ, улыбаясь и совѣмъ уже не умно болтая сво-

имъ язычкомъ, просто безъ всякихъ словъ произноси ряды какихъ-то бессмысленныхъ гаммъ, состоящихъ изъ совершенно непонятныхъ „буль-буль“, Акъ приютилась „подъ святыми въ уголкѣ“, вооружилась деревянною ложкой и кушала поочередно съ дымчатымъ котомъ, своимъ любимцемъ, манную кашу. При этомъ она какъ бы позабыла своего „Мисъ“, вспомнивъ о немъ только тогда, когда дымчатый котъ, недовольный слишкомъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ нимъ его госпожи, таки порядкомъ парануль ее по ручкѣ, за что и былъ немедленно прогнанъ маханьемъ салфеткой и крикомъ:

— Бисъ, бисъ,—что конечно означало: брысь, брысь!

Котъ не безъ медлительности повиновался гнѣвному окрику госпожи и неторопливо соскочилъ съ лавки... А она, насытившись кашей, пожелала новыхъ удовольствій и какъ бы мимоходомъ вспомнила, что не видала еще до сихъ поръ своего братца... Она думала и скучала о немъ вчера, желала его увидѣть и нынче, но когда онъ дѣйствительно явился передъ ней и присѣвъ на полъ, припалъ къ ея колѣнямъ и крошечнымъ ноженкамъ, своимъ за разъ плачущимъ и смѣющимся личикомъ, она положительно разыграла съ нимъ маленькую сцену. Отвернувшись и надувшись, Акъ болтала ноженками и толкала того, кто чувствовалъ себя и безъ этихъ толканій передъ ней виноватымъ. Потомъ лукаво посмотрѣвъ на „дадъ“—малютка очень на этотъ разъ не глупо, пошутила по адресу братца, вспомнивъ недавнее происшествіе съ котомъ:

— Бисъ, бисъ!..

И махнула на него ручкой, все еще отворачиваясь... Онъ не понималъ шутки, которую прислуга поспѣшила ему объяснить... Вотъ забавница-то! Глядите, дѣвушки: малъ ребенокъ, да смысленъ!.. Вѣдь она сейчасъ такъ на Ваську замахивалась, а теперь на барина... Ну, ребенокъ право!.. Ахъ, кабы, да покойница барыня была жива, вотъ поѣхалась бы наша голубушка... Смѣхъ грозилъ перейти въ причитаніе, но маленькая Акъ выкинула новую штуку... Уморюшка!.. Малютка сочла возможнымъ наконецъ смѣнить гнѣвъ на милость... Она бросила отмахиваться отъ пристававшей докучливаго братца, повернулась къ нему личикомъ, на которомъ сквозь напускной гнѣвъ пробивалась улыбка, и съ преважнымъ видомъ протянула, въ знакъ прощенія оскорбившему ее братцу, для поцѣлуя свою точно перевязанную ниточкой ручку: на, дескать, цѣлуй! Уже не думаешь-ли ты, что я сама тебя поцѣлую?.. Жди!.. ни за что... Сдерживаемая улыбка прорвалась сквозь напускную надутость и дѣтское личико явилось во всемъ блескѣ и прелести младенческой чистоты и невинности... Ручки заволновались, забарахтались въ воздухѣ—и обвили тонкую шейку Михаила Петровича... Веселые глазки глядѣли въ его орошенные слезами глаза и какъ бы утѣшали его... Неужели ты думалъ, что въ моемъ дѣтскомъ сердечкѣ не найдется для тебя прощенія?.. То не были слова, то были улыбки, объятія, поцѣлуй и взгляды, которая ясно говорила все это, не умѣя высказать рѣчью... Понятія всегда существуютъ прежде ихъ словесныхъ выраженій.

Кухня была взволнована и умилена этой нѣжной сценой дѣтскаго свиданія... Со вчерашняго дня у всей прислуги затаилось на сердцѣ кое что противъ Михаила Петровича. Оно правда конечно,—онъ ребенокъ, да все таки слѣдовало бы хоть чуточку постоять за свою любимицу передъ тетенькой Настурціей... Ребенокъ—не кукла: взялъ, поигралъ и бросилъ: у его—свой идрвалъ и характеръ... А Михаилъ Петровичъ... На этомъ обрывали, но положительно каждый затаилъ на сердцѣ чуточку негодованія противъ него... Теперь же какъ-то всѣ растворились и разомъ простили размягченными сердцами бариновы прегрѣшенія: языкъ не повернется, дѣвушки, противъ его слова сказать! Такой онъ добрый, такой добрый... Эхъ вы! барину въ училище идти, а они еще и чай не кушали!.. Самоваръ живѣе!..

XVI.

Никто изъ этихъ добрыхъ и привязанныхъ къ Михаилу Петровичу людей не рѣшился спросить, что ожидаетъ въ будущемъ малютку, но всѣ въ умѣ своемъ твердо и единодушно, не сговариваясь между собою, а какъ-то проникнувшись одною и тою же мыслью, порѣшили—совокупными усилиями, пока сами живы и при мѣстѣ, поддерживать существованіе этого ребеночка безъ роду, безъ племени... Что-жъ! Хлѣбъ—сиротѣ, душѣ—спасеніе, да и много-ли ребенку нужно?.. Пусть тутъ промежъ нихъ живетъ, а Богъ дастъ—и тетенька то смилуется, дозволитъ сироткѣ опять въ барскихъ комнатахъ жить... все и поправится... Со двора пришли дворникъ и кучеръ и найдя барина въ кухнѣ за столомъ кушающимъ чай съ малюткой—остались стоять у дверей, почтительнѣйше пожелавъ молодому хозяину:

— Чай-сахаръ вашей милости, Михаилъ Петровичъ.

Женщины суетились и только два нѣжныхъ личика и блѣлыхъ головки, обмѣниваясь улыбками, возсѣдали за столомъ, кушая чай... Маленькая шалуница, порядкомъ таки натолкавъ свой миниатюрный желудокъ кашей, совѣмъ не хотѣла чаю и не столько пила его, сколько размазывала пальчикомъ по столу, возобновивъ при этомъ прежній рядъ бессмысленныхъ „буль-буль“, звенящихъ на всю кухню...

Сердце Михаила Петровича успокоилось. Идя своею неторопливою и солидною походкой въ заведеніе господина Девриента, съ подвязаннымъ за спиною ранцемъ и поднятымъ воротникомъ, Михаилъ Петровичъ ощутилъ даже нѣкоторую пріятность отъ сознанія того, что вотъ ему приходится переживать такіа затрудненія на своемъ жизненномъ пути. Да, можно сказать, онъ пожил!.. умудренъ годами и опытом!.. Сколько у него товарищей и многие, кто станетъ спорить, славные и неглупые мальчишки, но въ томъ-то и различіе ихъ отъ него, что они именно *мальчишки*. Годами то и опъ не старше ихъ, но опытнѣе, вотъ что!.. И почувствовавъ себя не по возрасту опытнымъ, Михаилъ Петровичъ не безъ сознанія собственного достоинства раскланялся съ домовладѣльцемъ Чижовымъ, своимъ сосѣдомъ по дому, старичкомъ лѣтъ шестидесяти пяти, сухощавымъ и легкимъ не смотря на годы, въ далекомъ прошломъ служившимъ совѣтникомъ губернскаго правленія.

— Мое почтеніе, Ефимъ Лазаревичъ.

— Мое почтеніе, Михаилъ Петровичъ.

Оба стояли другъ противъ друга, наипочтительнѣйше изогнувшись и приподнявъ мѣховыя шапки.

— На службу изволите отправляться?.. хе, хе...

— Да-съ, а вы?

— Къ обѣднѣ-съ: намъ старикамъ только и осталось—замаливать свои прегрѣшенія. До пріятнаго свиданія-съ!

— Будьте здоровы.

Разошлись. Вонъ старикъ какой почтенный, генералъ, а Михаилъ Петровичемъ называетъ. Назоветь онъ Сеню Горскаго—Семеномъ Гавриловичемъ, какъ бы не такъ!.. Высота положенія сообщаетъ высоту мысли—и Михаилъ Петровичъ, сознавъ и убѣдившись изъ оказаннаго ему генераломъ Чижовымъ знака уваженія, какъ-то еще болѣе почувствовалъ свою собственную солидность, сощурилъ глаза и, какъ бы не тотчасъ узнавъ, церемонно раскланялся и пожалъ руку въ варежкѣ своею ручкой въ сѣрой шведской перчаткѣ Сенѣ Горскому, перебѣжавшему къ нему съ противоположной стороны улицы, рядомъ довольно легкомысленныхъ скачковъ. Сеня былъ однихъ лѣтъ съ Михаиломъ Петровичемъ, но его даже горничныя и кухарки называли „Сенечкой“. Онъ былъ полонъ, румянъ и совершенный ребенокъ. Однимъ изъ его главныхъ и существенныхъ недостатковъ былъ тотъ, что чувствуя себя внѣ пансіонскаго надзора, онъ не могъ идти какъ идутъ всѣ, а постоянно

ЛОБЗАНИЕ ІУДЫ.

Лобзаніе Іуды. Съ картины Матъе, грав. Флюгелъ.

прыгалъ то на одной, то на другой ногѣ, при чемъ держалъ направленіе не прямо, а все отклоняясь въ сторону идущихъ съ нимъ товарищей, сталкивая ихъ и сбивая такимъ образомъ съ тротуара. Въ разговорѣ Сеня любилъ нѣкоторое ухарство и инаго обращенія, какъ на „ты“, съ товарищами не признавалъ. Такъ и теперь:

— Обросимовъ, ты, братъ, поздно.

— Почему-жь?

— Девять: ужъ прозвонили.

— Но въ такомъ случаѣ и *вы*—опоздали.

— Да; видишь: сегодня поминальный день—и у насъ блины, а я, братецъ ты мой, до этихъ блиновъ ужъ какой охотникъ, безъ нихъ не уйду—шабашъ!

— Да?

— Особенно съ икрой: это—первый сортъ. Извини, я кажется столкнулъ тебя... Вотъ и пансіонія наша... Уфъ! порядкомъ таки я наѣлся: хорошо бы вздремнуть... Здорово ребята!

Въ отвѣтъ—пискъ первоклассниковъ, въ кучу которыхъ кинулся прямо съ порога, швыряя ее всѣ стороны, Сеня Горскій. Малыши! пищать, какъ мыши... Однако, что у насъ, господа, въ первый урокъ?.. Арифметика?.. превосходно! Обросимовъ, дай мнѣ задачу, я сишу ее на ладонь, чтобы умѣть рѣшить, если меня вызовутъ къ доскѣ... Дай, пожалуйста!.. Ну, вотъ спасибо: это, братъ, по товарищески!..

Михаилъ Петровичъ держалъ себя въ классахъ солидно, никогда не бѣгалъ, не дрался и не кричалъ. На первыхъ порахъ это очень не нравилось товарищамъ, равно какъ и обычай Михаила Петровича всѣмъ говорить „вы“, а не общепринятое „ты“,—но впослѣдствіи съ этими странностями примирились и даже полюбили: Михаила Петровича за его добрый и тихій нравъ, готовность оказать товарищескую услугу, равно какъ и за то, что онъ никого и никогда не выдавалъ. Михаилъ Петровичъ въ классѣ среди товарищей сталъ въ какое то исключительное положеніе: онъ былъ всегда исправенъ, зналъ уроки, классныя принадлежности находились у него въ исправности, но никогда и никто не называлъ его „зубрилой“, къ каковымъ классъ единодушно относилъ Петю Выжигина, именуемаго еще „букашкой“. Выжигинъ былъ худенькій мальчикъ, съ миниатюрнымъ лицомъ, на которомъ только и видны были расположенные другъ отъ друга въ близкомъ разстояніи глаза, носъ и ротъ,—очень исправный ученикъ, также постоянно знавшій уроки, но отвѣчавшій ихъ со страшной дрожью въ голосѣ и со взглядомъ какъ-то молитвенно заглядывающимъ на учителя, хотя Петя и не о чемъ было просить. Весь классъ Петя тревожно ворочалъ страницы твердо выученнаго урока и когда его наконецъ вызывали, украдкой крестился и затѣмъ уже начиналъ отвѣчать со свойственною ему дрожью голоса и молитвою во взглядѣ, устремленномъ на учителя. Михаилъ Петровичъ отвѣчалъ неторопливо, не столько отвѣчалъ, сколько будто бы толковалъ заданное учителю, и отвѣтивъ со скромною солидною опускаясь на скамью: таковъ являлся онъ въ классѣ...

XVII.

Въ рекреационный часъ, когда вся школа, давя и толкая другъ друга, выбѣжала на дворъ играть въ снѣжки и кататься съ устроенной для воспитанниковъ горки, Михаилъ Петровичъ еще разъ попросилъ у г. Девриента удѣлать ему нѣсколько минутъ для бесѣды, на что почтенный педагогъ, изъявивъ согласіе, пошутилъ:

— Опять о духовномъ завѣщаніи?

— Нѣтъ-съ, на этотъ разъ о другомъ...

— Прошу.

И, какъ въ первый разъ, черезъ корридоръ, соединяющій залъ съ пансіономъ, и черезъ этотъ залъ съ жестко-лиственными драценами и развѣсистыми марантами, г. Девриентъ провелъ своего воспитанника въ кабинетъ,

гдѣ усѣвшись за письменный столъ, указалъ жестомъ руки Михаилу Петровичу на близъ стоящее кресло.

— Я васъ слушаю.

— На этотъ разъ,— началъ не безъ волненія Михаилъ Петровичъ,— я пришелъ говорить съ вами не о духовномъ завѣщаніи...

— Вы это сказали.

— Но опять-таки объ той дѣвочкѣ, которую я взялъ на воспитаніе.

— Что-жь именно?

Михаилъ Петровичъ отвѣтилъ съ какимъ-то отчаяніемъ:

— Я не могу ее болѣе воспитывать.

Девриентъ поверхъ очковъ взглянулъ на взволнованное лицо мальчика и не безъ отбѣнка шутовскости въ тонѣ голоса спросилъ:

— Что-жь такъ?

Тогда, не объяснивъ сущности возникшихъ затрудненій, Михаилъ Петровичъ почти со слезами разразился передъ г. Девриентомъ самобичеваніемъ и обличеніемъ самого себя въ слабыхарактерности, чего не чувствовалъ еще такъ недавно, идя въ школу и встрѣтивъ по пути выраженные ему генераломъ Чижовымъ знаки почтенія.

— Почему, я не могу воспитывать мою дѣвочку? Потому, что я самый безхарактерный и слабый мальчишка, жить и приказывать могъ только при бабушкѣ, у которой никакой воли не было. Передъ ней я не стыдился своихъ чувствъ, а передъ другими стыжусь и изъ стыда—готовъ сдѣлать несправедливое и дурное... Я, господинъ Девриентъ, очень гадкій человекъ!— закончилъ онъ, окончательно уничтожая себя во мнѣніи директора.

Тотъ отнесся къ словамъ своего воспитанника нѣсколько скептически и похлопавъ его по колѣнкѣ, выразилъ свое сомнѣніе:

— Не клеветите-ли вы на себя? Я зналъ васъ за... за очень, очень порядочнаго мальчика.

— Да, въ школѣ, вскричалъ Михаилъ Петровичъ,— но не дома. Тамъ я иной.

— Но въ прошлую мою бесѣду съ вами, здѣсь, въ этой комнатѣ, вы... вы обнаружили такія хорошія чувства...

— Обнаружилъ, да; но это—слова, одни слова, г. Девриентъ—и сбиваясь и путаясь, спѣша, Михаилъ Петровичъ рассказалъ приблизительно все, что случилось вчера въ день пріѣзда тетеньки Настурціи, второпяхъ разъ обзвавъ почтенную даму этимъ прозвищемъ, даннымъ ей покойной бабушкой, что нѣсколько удивило г. Девриента:

— Настурція? это—цвѣтокъ. Неужели въ вашемъ календарѣ есть такое имя?

Михаилъ Петровичъ не безъ смущенія объяснилъ происхожденіе названія и продолжалъ рассказъ. Разъ г. Девриентъ прервалъ его вопросомъ:

— Когда унесла ребенка въ кухню—вы такъ и не вспомнили о немъ?

Михаилъ Петровичъ подумалъ:

— То есть, какъ не вспомнилъ?.. Помнилъ, но очень занялся тѣмъ, что было передъ глазами... Потомъ въ театрѣ— мнѣ кажется... мнѣ кажется, что я забылъ о малюткѣ...

— Это нехорошо.

Михаилъ Петровичъ поникъ головой и смолкъ. Господинъ Девриентъ тоже задумался; со двора доносился крикъ мальчишковъ. Вдругъ г. Девриентъ съ разстановкой хлопнулъ разъ-другой въ ладоши и тотчасъ-же на этотъ призывъ изъ залы прилетѣла блѣдножелтая канарейка, сѣла къ своему господину на плечо и приподнявъ носикъ, пискнула, какъ-бы спрашивая зачѣмъ ее звали?.. Девриентъ приподнял ее съ плечомъ къ уху и наклонилъ къ ней голову, какъ-бы слушая какой то шепотъ птички... Потомъ, поднявъ голову и опустивъ

плечо, вразумительно посмотрѣлъ на птичку, слегка кивнулъ ей головой и произнесъ:

— Bitte.

И птичка спорхнула съ плеча и улетѣла въ залъ. Михаилъ Петровичъ удивленно смотрѣлъ на это, не догадываясь, что канарейка была приручена служить вѣстникомъ между супругомъ и супругою. Желая пригласить къ себѣ въ кабинетъ госпожу Девриентъ, г. Девриентъ ударялъ обыкновенно въ ладоши — и канарейка летѣла къ нему изъ залы, пицала какъ-бы вопросительно и по его слову „Bitte“ летѣла къ госпожѣ Девриентъ, садилась къ ней на плечо и опять пицала, что ужъ госпожа Девриентъ понимала никакъ не иначе, какъ за приглашеніемъ супруга пожаловать къ нему. Старушка отвѣчала птичкѣ „Gleich“ и крылатая вѣстница уносила въ залъ, гдѣ пребывала въ постоянно отворенной кѣткѣ, то качаясь въ кольцѣ, то утоляя свой голодъ канареечнымъ сѣменемъ и жажду — водой изъ стекляннаго ведерка.

Госпожа Девриентъ, какъ всегда, появилась съ безмѣрно добродушною улыбкой и, какъ всегда, на учтивый поклонъ Михаила Петровича, закивала ему головой и ласково потрепала его по пухлой щечкѣ:

— Милій...

И обратилась къ супругу на нѣмецкомъ діалектѣ съ вопросомъ, что ему угодно?.. Тогда онъ заговорилъ медленно и однотонно, то подымая, то опуская внизъ правую руку; не столько заговорилъ, сколько зачиталъ, толково и ясно останавливаясь на запятыхъ и точкахъ. Она вся превратилась въ слухъ и вниманіе и по ея лицу видно было, что его рассказъ ее трогалъ. Повидимому г. Девриентъ сначала что-то ей рассказывалъ и она слегка при этомъ прижимала руки къ сердцу и кивала головой, ограничиваясь междометіями; потомъ онъ повидимому пересталъ рассказывать, началъ совѣтываться съ ней, о чемъ-то ее спрашивалъ или что-то такое ей предлагалъ, и она съ прежнимъ наклоненіемъ головы, отвѣчала ему „ja, ja“. Наконецъ и это окончилось — и госпожа Девриентъ, посмотрѣвъ съ сочувствіемъ на Михаила Петровича, улыбнулась ему:

— Милій.

Тогда г. Девриентъ заговорилъ по русски съ обычной правильностью рѣчи и разстановками между словъ, пополняемыми протяженнымъ звукомъ, „а-а-а“, заговорилъ серьезно и строго, не безъ суровости смотря на своего воспитанника поверхъ очковъ, а госпожа Девриентъ, подтверждая слова супруга, по временамъ старалась смягчить его суровость самою нѣжною улыбкою. Г. Девриентъ началъ такъ:

— Я говорилъ съ своей супругой о васъ. И я, и она, мы оба находимъ, что вы поступили дурно, несправедливо.

Онъ всталъ съ своего мѣста и глядя съ прежнею суровостью на поблѣднѣвшаго отъ волненія Михаила Петровича, приблизился къ нему и взявъ его за пуговицу пиджака, продолжилъ начатое:

— Нехорошо, нехорошо... Вы должны понести за это наказаніе. Любовь къ одинокому ребеночку, — онъ сказалъ именно: *ребеночку*, а не ребенку, и произнесъ это слово самымъ прочувствованнымъ тономъ, — у васъ есть, но вы слабохарактерны, что дурно и даже очень, очень дурно... Нехорошо. И вотъ мы съ супругой придумали вамъ наказаніе...

Онъ становился все суровѣе и говорилъ торжественнѣе, видомъ и словами своими вселяя въ душу Михаила Петровича какой-то безконечный ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечное раскаяніе въ своемъ проступкѣ. Юный грѣшникъ чувствовалъ себя точно предъ лицомъ Грознаго Судьи и не подымая глазъ на нагорскій ликъ г. Девриента съ устремленнымъ на круглое личико воспитанника строгимъ взглядомъ поверхъ очковъ, съ трепетомъ ожидалъ окончанія приговора. И услышалъ:

— Мы лишаемъ васъ дѣвочки, беремъ ее къ себѣ въ домъ.

Михаилъ Петровичъ поблѣднѣлъ окончательно и поднялъ на г. Девриента глаза съ молбою. Но тотъ, избѣгая молящихъ взоровъ мальчика:

— Нѣтъ, нѣтъ, не просите. Вы ужѣли быть несправедливымъ, умѣйте нести за это и наказаніе. Сегодня же ребеночекъ переселится къ намъ. Я кончилъ.

И не удостоивъ воспитанника взглядомъ, г. Девриентъ чуть-чуть кивнулъ ему головой и величественно удалился въ залъ. Лишиться маленькой Акъ! это ужъ слишкомъ жестоко... И Михаилъ Петровичъ, вынувъ носовой платокъ, горько зарыдалъ, закрывая имъ свое круглое личико... Чья-то рука легла ему на плечо: улыбающееся сморщенное лицо заглядывало въ его глаза. И прервавъ рыданія, Михаилъ Петровичъ обратился къ своей собесѣдницѣ по русски:

— Ахъ, ш-ше Девриентъ, это слишкомъ тяжело!

Въ отвѣтъ она кивала головой, соглашаясь:

— О ja, ja... милій.

Потомъ, какъ бы найдя исходъ для юнаго грѣшника изъ такого тяжелого положенія, слегка хлопнула его по плечу: слушай, дескать. И старалась пояснить, что хотѣла сказать — мимикой, сопровождая эту послѣднюю вопросами на нѣмецкомъ діалектѣ: „Verstehen—Sie?“ „Nicht wahr?“ и пр. Она указывала ему на дворъ въ ту сторону, гдѣ онъ жилъ; потомъ вѣроятно представляла, что кто-то идетъ изъ его дома къ нимъ, но не она: жестъ, указывающій на нее самое, отрицательное качаніе головой, — nein, nein! и — жестъ обращенный къ нему — онъ дескать долженъ идти:

— Verstehen—Sie?... Ja?

Михаилъ Петровичъ понималъ, что она позволитъ ему ходить къ нимъ; но вѣдь онъ и безъ того ходитъ?... Госпожа Девриентъ продолжала: жестъ рукою, указывающій на залъ и строгое выраженіе лица, что Михаилъ Петровичъ перевелъ себѣ указаніемъ на суровое отношеніе къ тому, что онъ будетъ приходить, со стороны г. Девриента; но это, видите-ли, ничего: г-жа Девриентъ отрицательно кивала своей головой съ волнистыми, хотя и порѣдѣвшими отъ лѣтъ, золотистыми волосами подъ чернымъ кружевомъ фаншона, кивала съ самою добродушною улыбкой... Что плакать? Онъ можетъ приходить и видѣть малютку. Г-жа Девриентъ изобразила руками, какъ онъ будетъ качать Акъ и окончила самымъ милымъ, дѣтскимъ смѣхомъ: развѣ это не будетъ ему приятно, — nicht wahr?

Что-жъ?... Михаилъ Петровичъ пересталъ плакать и погрузился въ глубокое размышленіе... Онъ былъ несправедливъ и долженъ понести за это наказаніе: Девриентъ конечно правъ... И несомнѣнно, что малюткѣ будетъ лучше и приличнѣе жить здѣсь, чѣмъ въ кухнѣ, гдѣ держать ее было бы съ его стороны великою несправедливостью... А ввести Акъ въ домъ — едва-ли допустить его... Конечно, лучше если она поселится здѣсь... къ тому же онъ будетъ видѣться съ крошкой... Такъ-то оно — такъ, но почему нельзя вернуться къ прежнему, къ жизни вмѣстѣ съ Акъ?... А вѣдь нельзя...

Звонокъ, возвѣщающій начало классовъ, прервалъ размышленія Михаила Петровича. Откланявшись г-жѣ Девриентъ, онъ посвѣшилъ къ остановленнымъ рекреацией занятіямъ, въ которыхъ, какъ всегда, былъ внимателенъ и исправенъ.

XVIII.

Переселеніе маленькой Акъ изъ дома, гдѣ она за исключеніемъ послѣдняго дня прожила довольно недурно около полугода, совершилось въ сумерки того самаго дня, когда Михаилъ Петровичъ имѣлъ съ господиномъ Девриентомъ о ней разговоръ. Малютка оказалась при этомъ самой покладистой и какъ-бы поняла, что ей предлагаютъ изъ худшаго лучшее. Для Акъ

худисе конечно заключалось въ томъ, что она не можетъ болѣе жить вмѣстѣ съ „батою.“ около котораго появились какія-то „буки,“ а *лучисе*—въ томъ, что чистыя и свѣтлыя комнаты Девриентовъ, съ дѣвками на окнахъ,—не маленькая кухня, съ которой малютка примиралась, вѣроятно, какъ съ временнымъ жилищемъ. Акъ была отнесена къ Девриентамъ одною изъ добрыхъ „дадь,“ а именно кухаркой, отнесена въ сопровожденіи Михаила Петровича, несшаго узелокъ съ платыцами и бѣльемъ своей воспитанницы — и кучера, съ высекою на его головѣ кроватью малютки. Никто въ домѣ, кромѣ прислуги и Михаила Петровича, объ этомъ переселеніи и не догадывался: тетенькѣ племянникъ объяснилъ свое отсутствіе необходимостью посѣтить такого-то товарища для совѣщаній о предстоящихъ урокахъ, чѣмъ почтенная дама совершенно удовлетворилась, милостиво разрѣшивъ:

— Ступайте, но не запаздывайте къ чаю.

Конечно не обошлось и безъ печали. Всѣ какъ-то примолки, собирая и провожая малютку, а Михаилъ Петровичъ чувствовалъ себя какимъ-то жалкимъ и какъ-бы сиротѣющимъ. Ключница, горничная и дворникъ, вышедшіе за калитку провожать уходящую жилицу, которая въ теченіи своего пребыванія въ этомъ домѣ каждого порадовала какой нибудь штучкой, всегда заставляла улыбнуться и никому не сдѣлала чего нибудь непріятнаго,—оставались на улицѣ долго послѣ того, какъ малютка и провожавшіе ее исчезли за ближайшимъ поворотомъ, оставались въ молчаливомъ размысленіи, прекрасно резюмированномъ ключницей, произнесшей съ глубокимъ вздохомъ:

— Жисть человѣческая!...

Не въ веселыхъ разговорахъ подвигалось къ дому господина Девриента шестіе. Впереди шла кухарка съ маленькою Акъ на рукахъ, позади кучеръ съ дѣтскою кроватью на головѣ; Михаилъ Петровичъ конвоировалъ свою воспитанницу, которая, не понимая вѣроятно вполнѣ, что дѣлается, болтала что-то своимъ таловымъ языкомъ, встрѣчая всякій разъ со стороны кухарки замѣчаніе:

— Молчи, сударыня: горнышко простудишь;—а со стороны Михаила Петровича меланхолическую улыбку сквозь слезы.

Пансіонъ Девриента малютка узнала и какъ бы даже обрадовалась, что ее, вмѣстѣ съ кроватью, несутъ сюда, а не въ другое мѣсто. Въ теплые сентябрскіе дни Акъ не разъ ходила сюда встрѣчать братца и ей доставляло большое удовольствіе смотрѣть на выбѣгающихъ съ криками и прыжками мальчиковъ, которые вскорѣ въ свою очередь узнали, кто такая эта особа въ бѣломъ кашемировомъ саломѣ съ капюшономъ и такомъ-же капорѣ съ густой рюшью около розоваго, улыбающагося личика. Насмѣшники школьники обращали самое почтенное чувство въ шутку и, завидѣвъ Акъ, кричали звенящими голосами Михаилу Петровичу:

— Обросимовъ! За тобой *твоя дочь* пришла!

Проходя же мимо Акъ, съ усиленною любезностью раскланивались съ нею, чрезмерно размахивая въ воздухѣ фуражками:

— Мадмуазель Обросимова! напе вамъ!.

Мадмуазель Обросимова припуждена была почти безостановочно раскланиваться съ непокидающею ея лица улыбкой и дѣлая обѣими ручками поцѣлуи. Разъ она пошла даже далѣе. Когда розовый и бѣловолосый бутузъ-первоклассникъ Пигголицынъ, размахнувшись передъ ней фуражкой, расшаркался съ такимъ усердіемъ, что чуть не полетѣлъ съ тротуара, Акъ не ограничилась поцѣлуями ручкой, но обнаружила, съ большой настойчивостью подавшись съ рукъ ключницы въ сторону молодаго человѣка—очевидное желаніе поцѣловать его въ уста, что, понятно, чрезвычайно сконфузило Пигголицына и заставило его впоследствии нѣсколько воз-

держиваться отъ слишкомъ любезныхъ поклоновъ, во избѣжаніе повторенія со стороны молодой дамы подобныхъ поступковъ... Ну, развѣ это возможно!.

Часто, придя за братцемъ, пораньше, малютка отъ нечего дѣлать, засматривалась въ окна квартиры г. Девриента, гдѣ за старательно промытыми и протертыми стеклами, изъ-за темнозеленыхъ бархатистыхъ и развѣсистыхъ марантовъ, изъ одного окна смотрѣла на нее свѣтло-желтая канарейка, изъ другаго—нѣжно улыбающееся лицо старушки съ чернымъ кружевомъ на головѣ. Акъ улыбалась птичкѣ, улыбалась старушкѣ, не уставая ей кланяться и дѣлать ручкой. Разъ, незадолго до наступленія осенней дождливой погоды, въ одну изъ своихъ послѣднихъ прогулокъ, Акъ была даже отменно награждена доброй старушкой. Накланявшись до сыта, малютка увидѣла, что старушка открыла форточку и протянула черезъ нее великолѣпную конфету въ золотой бумагѣ, съ приклеенною къ ней бѣлой креповой розеткой съ розаномъ на срединѣ. Глазки Акъ разбѣжались при видѣ такого восхитительнаго подарка и безъ всякой благодарности она поспѣшила протянуть за конфеткой ручку... Ключница говорила ей:

— Благодари, сударыня.

Впившись глазками въ конфету, неблагодарная малютка какъ-то мелькомъ, мимоходомъ поблагодарила добрую старушку и мелькомъ услышала что-то напоминающее ея собственный лепетъ, странное, но понятное дѣтскому сердцу слово: *милій*.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полутора мѣсяца, умерла Анна Ивановна, наступили осенніе дни и Акъ не видѣла старушки, не раскланивалась съ шаловливыми школьниками... И вотъ обстоятельства привели ее въ этотъ домъ, привели въ сумерки, когда ужъ мальчики разошлись и старушка не сидитъ за визаньемъ тамбуромъ салфеточекъ на кресла и диваны... Тѣмъ не мене Акъ повидимому все это припомнила и сообразила, что можно было заключить изъ того радостнаго „А!“, которымъ она привѣтствовала знакомый домъ. Сердце кухарки ёкнуло, чуя близкое разставанье, Михаилъ Петровичъ оправился, смахнулъ безпрестанно павертывающія слезы и чуть-чуть позвонилъ...

Акъ закланялась и начала дѣлать ручкой отперевшей имъ всѣмъ госпожѣ Девриентъ. Вся группа провожатыхъ остановилась въ передней. Заранѣе было рѣшено не слишкомъ замедлять у Девриентовъ, такъ какъ собственно отсутствіе кухарки и кучера было совершенно самовольно и они оба могли за него отвѣтить; Михаилъ Петровичъ не считалъ себя въ правѣ, послѣ обращенныхъ къ нему утромъ суровыхъ словъ педагога, слишкомъ засиживаться у Девриентовъ. Онъ даже не рѣшился снять пальто и войдя въ прихожую и увидѣвъ г. Девриента въ дверяхъ залы, робко указалъ ему на малютку:

— Вотъ-съ, г. Девриентъ, моя Акъ.

Акъ покосилась въ сторону директора, старавшагося смотрѣть на Михаила Петровича строго, но какъ-то готового прервать свою ледяную холодность улыбкой. Въ дѣйствительности во всемъ этомъ со стороны г. Девриента много было напускнаго. Выслушавъ давеча утромъ рассказъ Михаила Петровича, Девриентъ въ душѣ ужъ совсѣмъ не до такой степени возмущился поступкомъ своего воспитанника относительно маленькой Акъ. Почтеннаго педагога тронуло положеніе ребенка, котораго мать сунула въ возъ свѣжей травы, ужъ конечно въ расчетѣ, что ея дитя попадетъ къ людямъ достаточнымъ, можетъ даже зналъ, что именно къ Обросимовымъ, такъ какъ въ провинціальнхъ городахъ знаютъ не только другъ друга, но даже у кого какаѣ лошади и гдѣ какой кучеръ живетъ. Расчетъ оказался вѣренъ на самое короткое время: Акъ попала въ хорошее мѣстечко; но смерть Анны Ивановны измѣнила все—и Девриентъ понялъ изъ немногихъ словъ о тетенькѣ Настурци, что малюткѣ долго

Христось въ саду Геосиманскомъ. Статуя Забѣлы. Рис. Земцова, грав. М. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

придется ждать возвращенія красныхъ дѣпковъ. Его доброе сердце сжалось—и къ блѣдно-палевой канарейкѣ и добродушно улыбающейся Миннѣ, его супругѣ, онъ рѣшилъ присоединить маленькую Акъ, которой негдѣ, какъ справедливо понялъ онъ, было жить. Девриентъ все это сообщилъ своей Миннѣ Карловнѣ, получивъ конечно съ ея стороны одобрение и согласие на приемъ малютки, съ которой г-жа Девриентъ уже была давно знакома посредствомъ взаимнаго обмѣна улыбокъ черезъ окно. Ничего этого Михаилу Петровичу сообще-

но не было; нѣтъ, онъ все таки поступилъ дурно—и во избѣжаніе повторенія подобнаго рода несправедливаго поступка въ будущемъ, г. Девриентъ мотивировалъ принятіе къ себѣ въ домъ малютки не тѣмъ, что ей негдѣ было жить, а тѣмъ, что ея удаленіемъ отъ Михаила Петровича, этотъ послѣдній наказывается за сдѣланную имъ несправедливость. Наказывать же г. Девриентъ считалъ себя въ правѣ, и Михаилъ Петровичъ по-видимому съ этимъ соглашался.

(До слѣд. №).

Предатель.

Историческій разсказъ.

М. Лилля.

(Продолженіе).

VII.

Подъ защитой густаго тумана, Вольфъ Изебрандъ придвинулся, съ своимъ отрядомъ, за Геммингитедтъ, по направленію къ Мельдорфу, остановившись въ мѣстности, которая казалась ему очень удобною для обороны. Вдававшаяся тутъ въ равнину возвышенность образовывала родъ естественнаго вала и Изебрандъ рѣшилъ, возведя на нѣкоторомъ разстояніи шанцы и прорывъ канавы, высшій пунктъ возвышенности превратить въ третью оборонительную линію; сбѣжавшіеся изъ сосѣднихъ деревень женщины и старики немедленно же вмѣстѣ съ тѣми, которые пришли за войскомъ, принялись за работу; дѣло, подъ руководствомъ военачальника, закипѣло; всякій создавалъ необходимость и этихъ шанцевъ, и этихъ рововъ, и работалъ за десятерыхъ; къ вечеру главное уже было сдѣлано и дитмарсенцы могли теперь, съ большимъ спокойствіемъ, ожидать не-пріятеля, который, по нѣкоторымъ признакамъ, долженъ былъ показаться на слѣдующій день. Къ счастью для оборонявшихся, туманъ помѣшалъ датчанамъ и голштинцамъ видѣть работы, въ противномъ случаѣ они, вѣроятно, измѣнили бы планъ наступленія.

Тельза Воллерзинъ помѣстилась съ отцемъ въ удобной палаткѣ изъ толстой кошмы; поблизости находилась другая,—для Реймера и его маленькой дружины, охранявшей хоруговъ и знаменосицу. Старый фогтъ спалъ; его дочь, освободившаяся отъ панциря и меча, задумчиво устала въ раскаленные угли, рдѣвшіе въ большой чашѣ посреди комнаты и казавшіеся отуда, сквозь мракъ, какими-то пламенными глазами василиска. Дѣвушка томилась безсонницей, полной грустныхъ мыслей о потерянной для нея любви, но минутамъ она жаждала найти смерть на полѣ чести, но, тотчасъ-же велѣдъ затѣмъ, пугаясь святотатственнаго желанія, старалась укрѣпиться въ чувствѣ долга, въ твердой рѣшимости посвятить себя выпавшему ей назначенію. Тельза вдругъ услышала, что кто-то тихо назвалъ ея имя. Она поднялась въ испугъ—ей былъ хорошо извѣстенъ этотъ голосъ, голосъ, который не разъ въ прежнее время звучалъ для нея такою нѣжностью! Теперь онъ стоялъ на порогѣ и въ его взглядѣ, устремленномъ на нее, было такъ много любви и мольбы, что у нея не хватило силъ остановить его, заставить его выйти.

— Чего хочешь ты, Реймеръ, отъ меня? для насъ обоихъ лучше не видѣться наединѣ, тихо и безъ малѣйшаго укора, произнесла она.

— Ты сама приблизила меня къ себѣ, Тельза, и не должна отталкивать меня теперь, возразилъ онъ, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ.

— Я выбрала тебя въ предводителя знаменной дружины, потому что никто — я увѣрена — не сумѣетъ защитить святую хоруговъ и меня, такъ, какъ ты.

— Я готовъ отдать свою кровь! воскликнулъ юноша, глаза котораго сверкнули восторгомъ при мысли пожертвовать собою для великаго дѣла отечества и любимой дѣвушки; — но я пришелъ говорить съ тобой не о смерти, а о новой жизни, полной счастья и радости.

Слова эти показали дочери фогта какими-то чуждыми и непонятными.

— Странно ты говоришь! попрежнему тихо промолвила она.

— Выслушай меня, Тельза, продолжалъ юноша, взявъ ее за руку, — ты избрана нести предъ нами Святой крестъ и поддерживать въ насъ мужество, дабы мы могли изгнать врага, и — вѣроятно — это намъ удастся, если мы сохранимъ твердость и единство; ты пришла на себя эту миссію, твой подвигъ — великій, благородный подвигъ на спасеніе отчизны. Но то, чего отъ тебя требуютъ потомъ — возмутительная несправедливость, вызванная низкой хитростью Карстена Гольма, который отталкиваетъ меня.

— Теперь, Реймеръ, уже ничего нельзя сдѣлать, съ грустной улыбкой возразила дѣвушка.

— Нѣтъ — еще можно! Никто не могъ принудить тебя, никто не имѣетъ права отнимать тебя у меня, меня, твоего жениха,

котораго и не спросили даже! Ты — моя невѣста и обѣщала быть моею, раньше, нежели у тебя вырвали слово отказать отъ жениха. Меня обязаны они были спросить и я отвѣтилъ бы имъ, что никогда, никогда не далъ бы я своего согласія удовлетворить желанію Карстена Гольма!

— Что же ты думаешь дѣлать? спросила дѣвушка.

— Война, вѣроятно окончится скоро и какъ только мы прогонимъ не-пріятеля, а, слѣдовательно, ты выполнишь свое назначеніе — я потребую тебя — свою невѣсту! Но если бы мнѣ отказали, то я похищу тебя, увезу въ Германію, Швецію — куда пожелаешь. Въ этихъ рукахъ достаточно силы, чтобы и защитить тебя, и чтобы работать — хлѣбъ у насъ будетъ.

Реймеръ глубоко вздохнулъ, какъ бы облегчившись, тѣмъ, что, наконецъ, могъ высказаться. Тельза, однако, покачала головой, высвободивъ свою руку изъ рукъ воина.

— Я поклялась предъ алтаремъ, и предъ образомъ Царицы Небесной посвятить себя церкви и сдержу своей обѣты, Реймеръ, какъ это не было бы мнѣ тяжело, возразила она твердымъ голосомъ, — я не хочу быть клятвенно-преступницей и навѣчъ на себя проклятіе, которое обоимъ насъ сдѣлало бы навсегда несчастливыми и не дало бы спокойствія на чужбинѣ.

— Твой обѣтъ не можетъ имѣть значенія, ты не была уже свободна и могла дать его лишь съ моего согласія!

— Церковь связываетъ и развязываетъ, я посвятила себя ей и только она одна можетъ меня освободить. Судьбѣ не было угодно, Реймеръ, чтобы мы соединились, произнесла дѣвушка, голосомъ, полнымъ слезъ, — намъ надо покориться; ты выберешь себѣ другую жену, меня забудешь — желаю тебѣ счастья!

Молодой человѣкъ страстно схватилъ ея руки и прижалъ ихъ къ груди.

— Это твое послѣднее слово, Тельза?

Она отвѣчала наклоненіемъ головы, говорить она была не въ силахъ.

Нѣсколько секундъ Реймеръ безмолвно глядѣлъ на свою бывшую невѣсту, тиетно ожидая инаго отвѣта.

Реймеръ наконецъ произнесла Тельза съ мольбой, — прощу тебя, оставь меня и не приходи больше; мы — уже чужіе другъ для друга.

— Ты — моя и будешь моею! воскликнулъ молодой воинъ и какъ безумный бросился изъ палатки. Дѣвушка безсильно опустила на скамейку, закрывъ лицо руками.

Въ равнинѣ расходился ураганъ, гнавшій по небу тяжелыя, массивныя облака; снѣжная пелена, еще недавно столь блѣлая и сіявшая мириадами искръ, приняла теперь грозно-сѣрый отблескъ; повсюду, въ обваружившихся бороздахъ пашень накопилась вода, образовавшая маленькіе потоки. Наступила полная оттепель; поставленные впереди шанцевъ дитмарсенцы топузи по колѣно въ мягкомъ снѣгу, а выкопанные ими рвы мало по малу наполнились жидкою смѣсью глины и талаго снѣга. Но — видъ этой жидкой грязи и непогоды радовалъ дитмарсенцевъ: оттепель была ихъ лучшей защитой, лучшимъ оборонительнымъ средствомъ противъ могущественнаго врага. Реймеръ фонъ Вимерштедтъ, выбѣжавъ изъ палатки, почти не замѣтилъ свирѣпо гудѣвшаго вокругъ него, въ ночномъ мракѣ, урагана; онъ былъ не въ силахъ преодолѣть внутренняго волненія; дрожь отъ бѣшенства, съ пылающимъ лицомъ, онъ шелъ впередъ, не зная куда и зачѣмъ, и проклиная судьбу, преграждавшую ему путь къ счастью. Никогда еще не испытывалъ онъ такого гнѣва; въ крови врага утолить онъ жажду мести и — бѣда противнику, который ему попадетъ! разъяреннымъ львомъ кинулся бы онъ на него. Въ такомъ душевномъ состояніи Реймеръ продолжалъ безцѣльно идти вдоль заново насыпаннаго вала; размягченная почва затрудняла его движеніе, заглушала шаги; отъ времени до времени окликаемый часовымъ, онъ прошелъ большую часть шанца; грозно смотрѣли на него изъ открытыхъ амбразуръ пушки, а съ боку во рву тихо журчала вода. Вдругъ ему почудился странный шумъ, прервавшій нить его мыслей; остановившись, онъ явственно услышалъ, что на свѣжей насыпи происходила какая-то работа; темнота мѣшала

ему видѣть. въ чемъ, именно, было дѣло, по это обстоятельство удивило его тѣмъ болѣе, что онъ хорошо зналъ, что въ этомъ пунктѣ все уже было готово и, слѣдовательно, ни въ какой работѣ надобности не было. Онъ неслышными шагами пошелъ дальше и чѣмъ ближе подходилъ, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе раздавался шумъ, какъ будто кто то быстро и старательно копалъ въ насыпи. Реймеръ не ошибся, приблизившись, онъ увидалъ нѣсколько темныхъ фигуръ, которыя, повидимому, очень спѣшили своимъ дѣломъ. Что происходило тутъ? Развѣ Вольфъ Изебрандъ велѣлъ перемѣнить фашъ шанца? Или непріятель подослалъ ночью продѣлать брешь и засыпать канаву? Молодой человѣкъ не зналъ на что рѣшиться; если это были враги, то несомнѣнно, по близости находилось и прикрытие для защиты высланныхъ или рабочихъ и тогда Реймеръ могъ быть взять въ плѣнъ или убитъ, а дитмарсенское войско ничего бы не узнало о происходившемъ. Но въ случаѣ тутъ была измѣна, благоумые предписывало не мѣшать преждевременно, съ тѣмъ чтобы вѣрнѣе захватить предателей, и работу, которую они выполняли въ пользу врага, обратить ему во вредъ. Реймеръ рѣшился спрятаться за пушку и оттуда прослѣдить на сколько вѣрны были его предположенія. Теперь только замѣтилъ Реймеръ, что на довольно большомъ протяженіи отъ мѣста, гдѣ шла работа, не было ни одного часового, хотя на ночь, обыкновенно, ихъ размѣщали по всей длинѣ вала. Это показалось ему необычайнымъ, потому что ни одинъ дитмарсенецъ не оставилъ бы своего поста въ минуту опасности. Наконецъ, рабочіе повидимому кончили свое дѣло, собравшись въ кучку и забросивъ донаты на плечи, они исчезли во мракѣ ночи; но Реймеръ не могъ рассмотреть, направились ли они въ сторону Мельдорфа, гдѣ стоялъ непріятель, или къ дитмарсенскому лагерю. Осторожно подоидя еще ближе, онъ увидѣлъ, что въ шанцѣ былъ прокопанъ ходъ, а земля же—свалена въ широкую, шедшую по длинѣ вала канаву, гдѣ образовала узкую дамбу, облегчавшую доступъ внутрь укрѣпленія. На верхушкѣ шанца было водружено копые, у оконечности котораго что-то развѣвалось, но что, именно—молодой воинъ не могъ рассмотреть. Ходъ былъ продѣланъ на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи. близъ деревни Нордгастедтъ, вдали отъ Мельдорфской дороги, по которой долженъ былъ идти непріятель, т. е. въ такомъ пунктѣ, гдѣ едва ли можно было ожидать нападенія. Во всякомъ случаѣ Реймеръ рѣшился немедленно же дать знать обо всемъ Вольфу Изебранду.

VIII.

Занялось утро 17-го февраля 1500 года, теплый вѣтеръ, дувшій уже нѣсколько дней по равнинѣ, превратился окончателно въ ураганъ съ ливнемъ; дорога сдѣлалась непроходимая, а полевые борозды обратились въ болота; всюду лежалъ толстый слой снѣгой, холодной гряды, почти не дававшей возможности двигаться.

Колонны Голштинцевъ и Датчанъ, съ „гвардіей“ юнкера Сленица во главѣ, еще до зари начали наступленіе. Сленица не хотѣлъ уступить никому чести войти первому въ Гейда и—какъ онъ похвастался королю—приготовить ему тамъ обѣдъ, расчислить путь отъ дитмарсенцевъ, а главное предоставить своимъ солдатамъ начать грабежъ, иначе сказать—дать имъ воспользоваться лучшей добычей. Въ Мельдорфскомъ францисканскомъ монастырѣ, служившемъ главной квартирой королю Иоанну и Герцогу Фридриху, одинъ веселый праздникъ смѣнялся другимъ. Шлезвигъ-Голштинское дворянство, присоединившееся почти въ полномъ составѣ къ арміи, пригласило въ Мельдорф своихъ женъ и дочерей, которымъ датскій король старался доставлять всевозможныя развлечения; особеннымъ блескомъ отличался прощальный праздникъ предшествовавшей ночи; танцовали и нировали до самаго утра, музыканты сложили свои инструменты только тогда, когда раздались звуки роговъ, трубившихъ походъ и званыхъ, послѣ дня спокойствія и веселія, идти на другой—кровавый—танецъ. Съ отяжелѣвшими головами многіе изъ рыцарей, проведшихъ бурную ночь, сѣли на коней, но—уже была пора, слишкомъ и безъ того уже медлили и нѣкоторые изъ военачальниковъ настоятельно требовали возобновленія военныхъ дѣйствій—менѣе изъ опасенія того, что дитмарсенцы успѣли бы хорошо организовать оборону, чѣмъ по той причинѣ, что становилось уже трудно сдерживать распуценную солдатчину.

Весело растались военачальники и рыцари со своими дамами, они были увѣрены, что черезъ нѣсколько дней пригласятъ ихъ далѣе, въ Гейда; нѣкоторыя изъ дамъ выразили желаніе слѣдовать за войсками на одной изъ безчисленныхъ подводъ. Длинной вереницей потянулась громадная армія сквозъ сѣверныя ворота Мельдорфа; впереди, во главѣ своей знаменитой и страшной гвардіи, на сильномъ датскомъ конѣ, весь закованный въ желѣзо, ѣхалъ витязь—великанъ королевскій арміи, юнкеръ Сленица; непосредственно слѣдовали голштинскіе ландскнехты со своими пушками, за ними—датская пѣхота и, наконецъ, рыцари. Среди этихъ послѣднихъ находился король Иоаннъ съ братомъ, окруженный свитой изъ знатнѣйшихъ лицъ государства, далѣе—рыцарь Алефельдъ съ Данеброгомъ и отборнымъ охраннымъ отрядомъ изъ датскихъ драгунъ; въ аріергардѣ двигалась голштинская кавалерія. Хвостъ составлялъ

безконечный поѣздъ багажныхъ и провіантскихъ подводъ, маркитантскихъ фургоновъ, огромныхъ фуръ, нагруженныхъ королевской серебряной посудой, столовымъ бѣльемъ, виномъ и провизіей, запряженныхъ собаками, ослиами и худыми лошаденками, тѣлѣжекъ съ солдатскими женами и ихъ грязнѣйши дѣтми, фельдшерями, аптекарями, музыкантами, т. е. со всѣмъ тѣмъ, безъ чего въ тогдашнія времена походъ былъ немислимъ.

Озлобленнымъ, пасмурнымъ ѣхалъ Гансъ Алефельдъ около рыцаря Эббе Гейса, въ свою очередь, замкнувшася въ безмолвное созерцаніе лежавшей передъ ними дороги. Знаменосу Данеброга приходилось напрягать почти всѣ свои силы, чтобы не дать вѣтру выхватить вѣтренное ему знамя; ни на минуту не прекращавшійся и немилосердно лившій сверху, смѣшанный съ снѣгомъ дождь еще болѣе усиливалъ дурное расположеніе духа рыцаря Алефельда, очень рано, въ этотъ день, взобравшагося на коня и не успѣваго еще отдохнуть отъ весело проведенной ночи.

— Отвратительная погода, братъ-рыцарь! обратился онъ къ молчаливому Эббе Гейсу, обхвативъ обѣими руками знамя, едва не вырванное въ эту минуту сильнымъ напоромъ вѣтра,—вчера-то, въ теплой залѣ, за виномъ, было гораздо пріятнѣе, нежели, вотъ тутъ, трястись, на вѣтру и подъ дождемъ, на спотыкающемся конѣ.

— Неприятно то же солнце не свѣтитъ, и чѣмъ хуже погода, тѣмъ храбрѣе будутъ наши солдаты драться, чтобы скорѣе попасть подъ крышу, холодно отвѣчалъ датскій дворянинъ.

— И что это толкало герцога выступить непрѣмьно сегодня, продолжалъ ворчать Алефельдъ,—хуже не было бы, еслибы дня на два отложилъ.

— И такъ ужъ довольно промедлили, господинъ рыцарь, и кто знаетъ—не придется ли намъ раскаться за то время, которое напрасно потратили, возразилъ Эббе Гейсъ,—еслибы тогда не посмѣялись надъ моимъ совѣтомъ, идти, немедленно послѣ взятія Мельдорфа, впередъ, то мы добрались бы до непріятеля по хорошей, твердой снѣжной дорогѣ, а не тащились бы теперь по колѣно въ слякоти.

Гансъ Алефельдъ промолчалъ; онъ тоже подалъ голосъ противъ похода, но теперь втайнѣ сознавалъ, насколько датскій рыцарь правъ.

Армія останавливалась на каждомъ шагѣ; только съ страшными усилиями можно было тащить впередъ пушки; колеса везли по ступицу въ рыхломъ и грязномъ снѣгу, измученныя, покрытыя пѣною лошади не были въ состояніи вытягивать тяжелыя орудія; люди были вынуждены помогать животнымъ, но едва успѣвали они вытащить одно колесо, какъ уже увязало другое.

Но шанцахъ близъ Теммингштедта царствовало большое оживленіе, дитмарсенцы внимательно разглядывали дождливую даль, ожидая непріятеля. Вольфъ Изебрандъ высматривалъ по направлению къ Мельдорфу лазутчиковъ, которые донесли, что не въ далекомъ разстояніи имъ слышались лязгъ оружія, ржанія лошадей и человѣческіе голоса, несомнѣнно указывавшіе на приближеніе непріятеля; частый, смѣшанный со снѣгомъ, дождь затянулъ все пространство непроницаемой пеленой, такъ что предметы можно было рассмотреть лишь на близкомъ разстояніи; но это обстоятельство служило скорѣй въ пользу оборонявшихся, чѣмъ нападавшихъ, потому что скрывало отъ послѣднихъ насыпи и рвы, имѣвшіе своимъ назначеніемъ пріостановить наступленіе.

Къ Вольфу подбѣжалъ одинъ изъ отдѣльныхъ начальниковъ, сообщившій, что авангардъ непріятеля уже показался; нѣкоторые изъ воиновъ, въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи, захотѣли, было, тотчасъ привѣтствовать непріятеля артиллерійскимъ огнемъ, но главнокомандующій остановилъ ихъ пылъ, приказавъ не стрѣлять пока не подастъ сигнала трубой. Реймеръ фонъ Вилмерштедтъ, Карстенъ Гольмъ и прочіе отдѣльные командиры обступили Изебранда, ожидая его послѣднихъ распоряженій; въ то же время, въ Гейда были отправлены два конныхъ гонца потребовать оттуда всѣхъ солдатъ на помощь.

— Не забудьте, Петеръ Аренсъ, поставьте людей къ шлюзамъ и велѣть открыть во время—весь успѣхъ дѣла зависить отъ этого; пускайте воду въ равнину не прежде, какъ когда развернутся главныя силы, все равно побѣдимъ ли мы, или непріятель. А теперь—по мѣстамъ, дѣти, и да благословитъ насъ Богъ!

Со всѣхъ сторонъ получалъ теперь Изебрандъ донесенія о приближеніи непріятеля; нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ выскакивали уже впередъ для рекогносцировки, но тотчасъ же возвращались назадъ—явно удивленные при видѣ сооруженій, возведенныхъ дитмарсенцами въ одну ночь: большой, наполненный талымъ снѣгомъ канавы, затѣмъ, въ нѣкоторомъ разстояніи за нею, еще болѣе обширнаго и глубокаго рва и, наконецъ, далѣе,—высокаго вала. Гвардія остановилась, чтобы построиться въ боевой порядокъ и ожидать приказаній; но въ эту самую минуту, наверху, на шанцахъ послышался трубный звукъ, немедленно раздался залпъ орудій и ядра провели широкія борозды въ рядахъ нападавшихъ.

Непріятель въ свою очередь повернулъ пушки и отпрягъ лошадей, но въ этой страшной слякоти трудно было управляться съ орудіями, наводить ихъ. А тѣмъ временемъ выстрѣлъ за

Вербное Воскресенье въ Москвѣ XVII в. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Барановскій,
Библиотека "Руниверс"

Освобожденные из плѣна рабы-христiане благословляютъ короля Карла V, вступающаго въ Тунисъ.
Оригин. рис. Г. Мѣрте, грав. Бренд'Амуръ. Библиотека "Руниверс"

выстрѣломъ несся съ вала внизъ, причиняя страшный вредъ гвардейцамъ, пушки которыхъ оставались почти безвредными для дитмарсенцевъ, нашедшихъ надежное прикрытіе за своей насыпью. Многія изъ непріятельскихъ орудій принуждены были замолчать, такъ какъ порохъ оказался подмоченнымъ, другими тоже нельзя было воспользоваться, потому что колеса и лафеты попортились въ пути и переломались.

Юнкеръ Сленицъ, благодаря своей боевой опытности, сразу понялъ положеніе и не даромъ его слуха коснулся ропотъ храбрыхъ и закаленныхъ въ войнѣ гвардейцевъ, бесполезно падавшихъ подъ огнемъ почти невидимаго врага. Онъ велѣлъ идти на штурмъ шанца—это было единственное средство добраться до оборонявшихся; его солдаты кое какъ побѣжали по грязи; наполнивъ первую канаву связками хвороста, плетенками и мѣшками съ пескомъ—осадными матеріалами той эпохи—они быстро очутились на той сторонѣ, густой массой собравшись передъ вторымъ ровомъ, гдѣ готовились повторить тотъ же маневръ; но тутъ дѣло пошло медленно; чтобъ засыпать ровъ, надо было матеріалъ вытаскивать изъ только что пройденной канавы, а выполнить это, подъ напоромъ все болѣе и болѣе прибывавшихъ новыхъ отрядовъ, было затруднительно; возвращавшіеся за хворостомъ и вновь прибывавшіе солдаты столкнулись и смѣшались; ихъ безформенная густая масса, сжатая между двумя канавами, представляла отличную цѣль орудіямъ осаждающихъ, радостные клики которыхъ смѣшивались со стопами и проклятіями раненыхъ и командой офицеровъ, старавшихся возстановить порядокъ; передніе ряды дрогнули подъ ядрами дитмарсенцевъ и, объятые паническимъ страхомъ, бросились назадъ, испровергая все, что имъ попадалось на пути; цѣлые ряды солдатъ были сброшены въ первую канаву и по нимъ побѣдоносная гвардія Сленица продолжала свое бѣгство, ища спасенія отъ огня дитмарсенцевъ.

Но, позади разсыпанной и деморализованной гвардіи развертывались все новыя, безчисленные полки, готовые смять кучку дитмарсенцевъ, съ беззавѣтной храбростію стоявшихъ за права своего государя, за честь родины. Сленицъ, взбѣшенный пугачей своей, слышавшей непобѣдимой, гвардіи, снова возстановилъ въ ней порядокъ и воодушевилъ ее. Онъ далъ слово королю, что одинъ справится съ дитмарсенцами—честь его гвардіи и его самого была поставлена на карту.

Вольфъ Изебрандъ замѣтилъ, что неожиданно одинъ изъ дитмарсенскихъ отрядовъ, появившійся со стороны, бросился, минуя укрытіе, преслѣдовать гвардію. Перебравшись, при помощи своихъ копій, чрезъ канаву, они ударили непріятелю во флангъ.

— Это—тедлингштедтцы, воскликнулъ главный военачальникъ дитмарсенцевъ стоявшему неподалеку Реймеру,—я узнаю ихъ по знамени; они послѣдили къ намъ изъ Гейда на подмогу, но напрасно подвергаютъ себя опасности, ихъ атака бесполезна.

— Не прикажешь ли мнѣ подкрѣпить ихъ съ моими людьми, Вольфъ Изебрандъ? спросилъ молодой Вимерштедтъ, горя петергвѣнемъ помѣряться съ врагами.

— Пока еще—не время, Реймеръ, возразилъ тотъ,—непріятель будетъ пользоваться всѣмъ, чтобы устремиться на этотъ слабый пунктъ; если бы онъ взобрался къ шанцу, то мы не въ силахъ были бы прогнать его. Взгляни—какое безцѣльное кровопролитіе, прибавилъ онъ, указывая по направленію къ мѣсту, гдѣ тедлингштедтцы геройски атаковали уже приведенную въ порядокъ гвардію Сленица.

При первомъ натискѣ, гвардейцы снова подались, но повинуясь громкому, ободрительному клику подсакаваго на своемъ ворономъ конѣ мужественнаго Сленица, они ринулись на нападающихъ, которые, не будучи въ состояніи выдержать напора храбрыхъ вѣтцевъ, побѣжали, спасаясь за канавы; четвертая часть ихъ людей пала, не принеся своей жертвой никакой пользы.

— Что такое происходитъ тамъ, Реймеръ? спросилъ Вольфъ Изебрандъ, протянувъ руку въ сторону непріятеля и обращая вниманіе молодого человѣка на одинъ изъ пунктовъ расположенія нападавшихъ;—не замѣчаешь ли ты какого-то безпокойства среди голштинцевъ,—вопъ, за гвардіей?

— Всадники скачутъ туда и обратно, какъ будто передавая приказанія, исходящія изъ группы офицеровъ, стоящихъ у Даннеброга, сказалъ юноша; одинъ изъ нихъ ѣдетъ впередъ; перья на его племѣ—голштинскихъ цвѣтовъ, это—герцогъ Фридрихъ, со своимъ штабомъ; колонны двигаются влѣво; они что-то замысливаютъ; намъ не мѣшало бы остерегаться.

— Они идутъ къ нашему лѣвому флангу, по направленію къ Нордгастедту, что это значитъ? проговорилъ съ тревогой главный начальникъ дитмарсенскихъ войскъ; не хотять ли нацѣль на насъ съ тыла? Но гдѣ же море, наша лучшая защита? Теперь Аренсъ уже давно долженъ былъ открыть шлюзы!

— Вольфъ Изебрандъ! воскликнулъ вдругъ Реймеръ, схвативъ его за руку и вѣрливъ скимая ее:—мое открытіе прошлой ночью—гдѣ Карстенъ Гольмъ?

— О! ты правъ, Карстенъ Гольмъ просилъ меня поручить ему оборону указанного тобою пункта и я согласился на его просьбу, не желая возбудить его недовѣрія; предатель пріготовилъ тамъ для непріятеля мостъ чрезъ канаву и брешь въ стѣнѣ укрытія; Гейдскій мельникъ ведетъ фальшивую игру.

— Я послѣду туда, пока не поздно,—даешь ли ты мнѣ право сдѣлать предателя безвреднымъ для насъ?

— Поступай обдуманно, но, если возможно, пощади его жизнь; бери съ собою отборнѣйшихъ изъ нашихъ солдатъ, а также и пришедшихъ изъ Гейда и запирайся тамъ до послѣдняго человѣка. Если надо будетъ тебѣ подкрѣпленія—пошли тотчасъ же ко мнѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

О звѣздахъ.

(Замѣтки).

Прежде чѣмъ говорить о звѣздахъ, мы находимъ не лишнимъ, привести слова знаменитаго итальянскаго астронома патера Секки: „Кто желаетъ, что либо понять изъ философіи природы, тотъ долженъ смотрѣть на естественныя явленія, какъ на механическія дѣйствія“.

Звѣзды распределены по небесному своду весьма неравномерно; самое лучшее время для изученія ихъ, представляютъ лѣтнія ночи послѣ небольшого дождя или зимнія при большомъ морозѣ и полномъ спокойствіи воздуха.

Удобнѣе всего изучать небо, вдали отъ городского освѣщенія, на открытомъ возвышенномъ мѣстѣ, а еще лучше на высотѣ горъ, гдѣ воздухъ значительно суше и прозрачнѣе; тамъ даже, при нѣкоторомъ навыкѣ, можно читать при свѣтѣ звѣздъ *).

Для изслѣдованія созвѣздія, очень удобно, прежде начертить его на толстой и непрозрачной бумагѣ и проколовъ насквозь мѣста главныхъ звѣздъ, приложить эту бумагу къ освѣщенному стеклу; такимъ образомъ легко сравнить созвѣздіе видимое на небѣ.

Положимъ, что Большая Медвѣдница будетъ видна въ окнѣ, въ теченіи 4 часовъ, ее съвинить Боотесъ на одинъ часъ, за Боотесомъ появится Корона и т. д.

Число созвѣздій, по счету астрономовъ, доходитъ до 109; изъ нихъ 20 зодіакальныхъ созвѣздій; то есть тѣ, которые считаются послѣдовательными жилищами солнца, въ теченіи его годичнаго обращенія.

Оріонъ есть красивѣйшее изъ всѣхъ созвѣздій; онъ содержитъ въ себѣ двѣ звѣзды первой величины и нѣсколько второй величины; три звѣзды, находящіяся на прямой линіи посреди созвѣздія, образуютъ поясъ Оріона.

Звѣзды выходятъ и проходятъ меридіанъ ежедневно на 4 минуты ранѣе, чѣмъ въ предыдущій день.

*) „Небо для невооруженнаго глаза“, Литвинскаго.

Можно сказать, что небесный сводъ при движеніи мѣняетъ свой видъ, въ каждыя сутки на 1 градусъ, въ мѣсяцъ на 30°, въ три мѣсяца на 90°, въ полгода на 180°, а въ годъ на 360 градусовъ.

Вслѣдствіе этого, небо зимою не походитъ на небо лѣтомъ.

Звѣзды, видимыя въ сентябрѣ: въ полночь, появляются въ декабрѣ вечеромъ, въ мартѣ въ полдень, въ іюнѣ утромъ.

Достаточно 4 минутъ, какъ мы сказали выше, для того, чтобы звѣзды отступили на двойной діаметръ видимой луны, то есть на 1 градусъ.

Градусъ земнаго меридіана считается длиною въ 104 версты.

Для измѣненія зенита на 1 градусъ, нужно пройти 104 версты, слѣдовательно, для того, чтобы въ зенитѣ видѣнъ былъ Арктуръ, нужно удалиться изъ Петербурга къ югу на 20 градусовъ или $104 \times 20 = 2,080$ верстъ.

Удаляясь по меридіану на югъ, можно легко замѣтить, какъ на сѣверѣ понижается самая блестящая изъ звѣздъ Малой Медвѣдницы, которую называютъ Полярною звѣздою; она подходитъ все ближе и ближе къ горизонту.

По приближеніи къ сѣверу, она снова повышается на число градусовъ пройденнаго разстоянія.

На самомъ полюсѣ, Полярная звѣзда помѣщается въ зенитѣ. Если стать лицомъ къ Полярной звѣздѣ, то по правую руку будетъ востокъ, слѣдовательно влѣво западъ, позади югъ, впереди сѣверъ.

Полярная звѣзда представляетъ тѣ особенности, которыя не замѣчаются у другихъ звѣздъ и происходятъ исключительно отъ ея неподвижности.

Неподвижность ея можно провѣрить при помощи ряда высокихъ колеветъ, которые ставятъ, на прямой линіи одинъ за другимъ, смотря черезъ верхушку каждаго кола на Полярную звѣзду *).

*) „Небо для невооруженнаго глаза“, Литвинскаго.

Свѣтъ отъ Полярной звѣзды, по вычисленію Араго, достигаетъ до земли въ 31,136 лѣтъ; то есть, если-бы Полярная звѣзда исчезла съ небеснаго свода, то лучъ ея свѣта все-же продолжался-бы въ теченіи 31,136 лѣтъ.

Мы уже сказали, что многія созвѣздія, невидимыя лѣтомъ, видны зимою; но Полярная звѣзда и полярныя созвѣздія остаются, постоянно, при всѣхъ перемѣнахъ, круглый годъ.

Тогда какъ Арктуръ мчится 84 версты въ секунду, Лебедь 72, Сиріусъ 36 верствъ въ секунду; Полярная звѣзда имѣетъ весьма малое движеніе и очень близко лежитъ у полюса.

Свѣтъ звѣздъ бываетъ разныхъ цвѣтовъ; желтаго цвѣта звѣзды Канелла, Полуксъ, Арктуръ и прочія; краснаго цвѣта Орионъ, Геркулесъ, Пегасъ и другія.

Время и точныя наблюденія, говоритъ Араго, покажутъ намъ, можетъ быть, что зеленыя и голубыя звѣзды суть угасающія солнца, что различныя цвѣтные отливы звѣздъ указываютъ, что горячіе ихъ находится въ разныхъ степеняхъ развитія.

По словамъ Селки, спектроскопъ позволяетъ намъ подвергать звѣзды самому тончайшему химическому анализу, черезъ изслѣдованіе испускаемаго ими свѣта и даетъ намъ одно изъ самыхъ поразжающихъ доказательствъ однородности матеріи во всей вселенной.

Углеродъ былъ найденъ во многихъ аэролитахъ и всѣ они подтверждаютъ, что матерія, существующая въ отдаленныхъ предѣлахъ пространства, ничѣмъ не отличается по своей природѣ отъ той, которую мы ежедневно встрѣчаемъ на землѣ.

Мерцающія звѣзды зависятъ отъ состоянія воздуха въ верхнихъ слояхъ атмосферъ; сильный сѣверный вѣтеръ и вообще буря усиливаютъ мерцаніе звѣздъ.

Звѣзды блещутъ своимъ собственнымъ свѣтомъ и солнце наше для нихъ будетъ такою-же звѣздой, какъ онъ для насъ.

По наблюденію астрономовъ, малыя звѣзды вращаются вокругъ большихъ, точно также какъ планеты Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ и прочія вокругъ солнца.

Нѣкоторыя солнца (звѣзды) совершаютъ свое круговое вращеніе въ меньшей періодъ времени, чѣмъ планета Уранъ въ нашей солнечной системѣ, которая проходитъ свою орбиту въ теченіи 30,686 нашихъ земныхъ дней, что составляетъ для обитателей Урана всего только одинъ годъ.

Не подлежатъ сомнѣнію, что звѣзды тоже повинуются Кеплеровымъ законамъ эллиптическихъ движеній, то есть, что звѣзды взаимно притягиваются обратно пропорціонально квадрату ихъ разстоянія.

Такъ-же замѣчается въ устройствѣ звѣздъ, что не всѣ стороны ихъ одинаково свѣтятъ; предполагаютъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся латна, или что свѣтъ исходитъ то съ болѣе расширенной, то съ болѣе суженой стороны.

Философы александрійской школы (по увѣренію Плутарха) учили, „что каждая звѣзда есть особый міръ, существующій въ безпредѣльности небесъ и имѣющій вокругъ себя свою землю, свои планеты и свое небесное пространство“.

Фонтенель говоритъ, что всѣ подвижныя звѣзды суть солнца, подобныя нашему, составляющія центры особыхъ системъ и могущія обращаться вокругъ другаго общаго солнца.

Физическое устройство фотосферъ миллионныхъ звѣздъ, которыми устроенъ небесный сводъ, одинаково съ физическимъ устройствомъ фотосферы солнечной.

Въ началѣ сумерекъ видимъ только самыя блестящія звѣзды, какъ-то: Арктуръ, Канелла, Вега, Большая Медвѣдница и Полярная звѣзда.

Невооруженнымъ глазомъ можно видѣть звѣзды только до шестой величины, и между ними самыя блестящія звѣзды, хотя не имѣютъ одинаковой степени блеска, называются звѣздами первой величины.

Число всѣхъ звѣздъ, отъ первой до шестой величины, не превышаетъ 6,000; но мы въ одно время видимъ только половину небеснаго свода, слѣдовательно и половину звѣздъ.

Хотя Иппархъ въ древности восклицалъ: „Шлиной осмѣлился, что было верхомъ дерзости, даже для Бога, передать потомству перечисленіе звѣздъ“. Это однако не помѣшало, позднѣйшимъ астрономамъ, заниматься счетомъ звѣздъ, такъ что, по исчисленію нашего знаменитаго астронома Струве, число видимыхъ звѣздъ, въ 20 футовой телескопъ Пулковской обсерваторіи, болѣе 20,400,000, изъ нихъ 18 миллионныхъ находятся въ млечномъ пути или около него.

Въ созвѣздіи Большаго Пса находится самая блестящая звѣзда 1-й величины, это будетъ Сиріусъ, за нею Вега, Канелла, Арктуръ, Атаиръ, Проционъ, Ритель.

Джонъ Герниль утверждаетъ, что Сиріусъ въ 324 раза ярче звѣзды 6-й величины.

Близжайшая неподвижная звѣзда находится на разстояніи отъ нашей земли на 28 миллиардовъ верствъ; свѣтъ ея достигаетъ до земли только въ три съ половиною года; а извѣстно, что свѣтъ пробѣгаетъ со скоростью 280,000 верствъ въ одну секунду.

Свѣтъ отъ звѣзды 1-й величины проходитъ въ 15 лѣтъ, отъ 2-й величины въ 23 лѣтъ, отъ 3-й величины въ 43 года и такъ далѣе; такъ что свѣтъ отъ 12-й величины проходитъ въ 3500 лѣтъ.

Отдаленнѣйшая изъ всѣхъ видимыхъ астрономами звѣздъ, находится, по исчисленію Гершеля, въ 35 разъ дальше Сиріуса, а этотъ послѣдній отстоитъ отъ насъ почти на четыре миллиарда миль.

У насъ нѣтъ средствъ видѣть дальше 16-й величины; но и это пространство вселенной есть поразжающее и недоступное уму человеческому.

Звѣзды распределены, какъ мы сказали выше, по небесному своду весьма неравномерно; въ нѣкихъ мѣстахъ небо усеяно ими, въ другихъ—обширныя пространства вовсе не представляютъ звѣздъ.

Въ первомъ случаѣ, обращаетъ нашъ взоръ млечный путь, а къ второму явленію принадлежитъ свѣтъ подъ названіемъ туманности, который можно только различить посредствомъ самыхъ сильныхъ телескоповъ.

Мы прежде рассмотримъ, что такое млечный путь.

Млечный путь называется у китайцевъ небесною рѣкою.

Дикіе американцы называютъ эту полосу путемъ душъ.

Да и въ просвѣщенной Франціи, южные жители, а равно и испанцы—простонародье, млечный путь называютъ дорогою Святаго Іакова.

По мнѣнію древнихъ грековъ, млечный путь образовался изъ капель молока, упавшихъ изъ сосцовъ Юноны, кормившей младенца Геркулеса. Или—что млечный путь есть пылающая слѣдъ фазгоновой колесницы.

Также—что млечный путь есть древній слѣдъ планеты, которое нынѣ избрало себѣ другой путь.

Феофрастъ считалъ млечный путь линією сная двухъ полушарій, составляющихъ небесный сводъ.

Но уже Демокритъ не вѣритъ этимъ нелѣпостямъ и, съ философомъ Манилемъ, утверждаетъ, что млечный путь блещетъ такъ ярко отъ чрезвычайно тѣснаго скопленія звѣздъ, которыя, по причинѣ огромнаго отдаленія, не могутъ быть видны отдѣльно.

Тихо-Браге говоритъ, что небесная матерія въ млечномъ пути существуетъ обильнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ неба, и потому не слѣдуетъ удивляться, что новая звѣзда 1672 г. явилась именно посреди этой свѣтлой полосы.

Кеплеръ тоже, въ свою очередь, почти такою-же мнѣнію о звѣздѣ, появившейся въ 1604 году.

Кантъ назвалъ млечный путь міромъ міровъ.

Историки упоминаютъ о появленіи временныхъ звѣздъ, которыя по истеченіи нѣкотораго времени исчезаютъ; изъ такихъ появились слѣдующія звѣзды: 130 лѣтъ по Р. Х., въ 388 году и была до 398 года, въ царствованіе императора Адриана въ IX вѣкѣ, въ 945 году, въ 1264, въ 1572, въ 1604, въ 1670, въ 1848 и въ 1876 году.

Появленіе и исчезновеніе нѣкоторыхъ звѣздъ наводитъ насъ на вопросъ о постоянствѣ блеска нашего солнца,—не должно-ли опасаться, что съ нимъ можетъ случиться быстрое, внезапное измѣненіе свѣта и теплоты, отъ вліянія котораго погнбло-бы все живое въ нашемъ мірѣ.

Что-же касается до перемѣщенія полюса міра, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіи многочисленныхъ вѣковъ онъ передвигается и по исчисленію оказывается, что черезъ 13,000 лѣтъ, самая яснѣйшая звѣзда изъ полярныхъ звѣздъ, Вега, будетъ очень близка къ полюсу.

Знакъ Овена находится нынѣ въ созвѣздіи Рыбъ, а чрезъ 2000 лѣтъ будетъ находится въ созвѣздіи Водолея.

Знаками называются промежутки въ 30° каждый, безъ всякой необходимой связи съ одноименными имъ созвѣздіями.

Теперь, переходя къ вышесказанному, второму явленію, мы видимъ другія обширныя пространства, вовсе не представляющія звѣздъ; въ тѣхъ кажущихся беззвѣздныхъ мѣстахъ находится свѣтъ, подъ названіемъ туманности; этотъ свѣтъ такъ отдаленъ, что тамъ наше солнце представляетъ только самую маленькую звѣзду, а наша земля—самую незначительную пылинку.

Астрономъ Рэй, изъ Дрексна, говоритъ, что наблюдая большую Орионову туманность, онъ убѣдился, что туманная матерія не находится на извѣстномъ разстояніи за звѣздами и, какъ кажется, настолько-же удалена отъ нихъ, какъ звѣзды удалены отъ земли.

Галилей говоритъ о туманныхъ пятнахъ, что они ничто иное, какъ свѣтъ, проходящій изъ неизмѣримаго пространства, находящагося въ странахъ эфира.

Вильямъ Гершель считаетъ, что въ тѣлѣ Скорпіона не видно звѣздъ, но на западномъ краѣ этого обширнаго туманнаго отверстія находится туманность, на пространствѣ которой, въ 10 разъ меньшемъ диска луны, можно насчитать до 20,000 звѣздъ.

Онъ тоже утверждаетъ, что мировая или млечная матерія достигаетъ извѣстной плотности, теряетъ свою прозрачность.

Гюйсенсъ выражается о туманности Ориона слѣдующимъ образомъ: „Кажется небесный сводъ развергся въ этомъ мѣстѣ и чрезъ это отверстіе видны предѣлы болѣе свѣтлыя; по его мнѣнію, постоянное ступленіе свѣтящейся матеріи, приводитъ окончательно къ образованію звѣздъ; однимъ словомъ, мы дѣлаемся очевидцами происхожденія истинныхъ звѣздъ“.

Согласно съ гипотезой Лапласа, наша планетная система образовалась тоже съ громадной туманности.

Солнце наше, говоритъ Араго, есть одно изъ безчисленныхъ звѣздъ, разсѣянныхъ въ пространствѣ и составляющихъ, по всему вѣроятію, одинъ изъ членовъ туманности.

Знаменитый философъ Кантъ говоритъ, что звѣздное небо всегда приводитъ его въ трепетъ.

Но мы, въ заключеніе „замѣтокъ о звѣздахъ“, можемъ повторить съ авторомъ „Мірозданія“, что природа гораздо проще, чѣмъ ее представляетъ себѣ человеческое воображеніе.

Къ рисункамъ.

Лобзаніе Іуды.

(Рис. на стр. 340 и 341).

Ужасный и торжественный моментъ земной жизни Христа Спасителя—предательство Іуды—подробнѣе начертано въ Евангеліи Матвея. Въ Евангеліи же Іоанна (гл. XVIII ст. 2) не говорится

име Его. И подошедъ къ Іисусу сказали: радуйся Равви! и облобызавъ Его. „Для чего ты пришелъ?“ сказалъ Іисусъ, и подошли и возложили руки на Іисуса и взяли Его... И одинъ изъ бывшихъ съ Іисусомъ, простерши руку, извлекъ мечъ свой и отсѣкъ воину ухо. Тогда говоритъ ему Іисусъ: „возврати мечъ твой въ мѣсто сего, ибо всѣ подъявшіе мечъ отъ меча погиб-

Садъ Геесиманскій. Съ фотогр. грав. Кнезингъ.

совсѣмъ объ этомъ лобзаніи; Іуда, прямо взявъ отрядъ воиновъ, пришелъ съ фонарями и свѣтильниками къ потоку Бедросскому, гдѣ воины взяли Христа. Иначе нѣсколько это изображено въ Евангеліи Матвея. Весь рассказъ дышетъ самою высокою, таинственною, божественною поэзіей и простотою. Была темная ночь. Христосъ съ учениками въ саду Геесиманскомъ. „Пойдемте, рекъ Спаситель ученикамъ своимъ, вотъ приблизился предающій меня“. Іуда, одинъ изъ двѣнадцати, пришелъ и съ нимъ много народу съ мечами и дреколіемъ. Предающій же далъ знакъ, сказавъ: Кого я поцѣлую Тотъ и есть, возъ-

нуть. Или думаешь ты, что Я не могу умолить отца Моего и не пошлетъ Онъ Мнѣ двѣнадцать легионовъ ангеловъ? Какъ на разбойника вышелъ вы съ мечами и дреколіемъ взять Меня; каждый день съ вами сидѣлъ Я, уча въ храмѣ, и вы не брали Меня“.

Художникъ изобразилъ описанный моментъ, воспользовавшись всѣми этими данными. Черная ночь кругомъ, яркое пятно пламени факеловъ, озаряющее кроткій и скорбный ликъ Спасителя міра, и предатель, склоняющійся для лобзанья—все это изображено съ рельефностью и силой.

Принесли вербы! Ориг. рис. Коха, грав. О. Ротъ.

Статуя Христа, Забьллы.

(Рис. на стр. 345).

На выставкѣ въ Академіи обратило на себя въ прошломъ году вниманіе прекрасное произведеніе нашего даровитаго скульптора Забьллы „Христосъ въ саду Геосимаѣ-комъ“. Вся фигура, выраженіе лица, полны глубокой, важной скорби, кротости и раздумья. Какъ бы слышишь молитвенный шопотъ устъ Его, „Скорбящаго смертельно“... Произведенія скульптора нашего отличаются вообще своею жизненностью и правдивостью

выраженія. Въ данномъ случаѣ задача была глубока и возвышенна и при несомнѣнной талантливости выполненія, оставилъ вполнѣ удовлетворительное впечатлѣніе.

Вербное Воскресенье въ Москвѣ XVII в.

(Рис. на стр. 348).

Обрядъ шествія на осли въ воспоминаніе вѣзда Спасителя въ Иерусалимъ существовалъ съ давнихъ временъ, какъ въ во-

сточной, такъ и въ западной церкви. Въ католическихъ странахъ, въ вербную субботу, происходила своеобразная процессія; тамъ возили колесницу съ деревяннымъ осломъ, на которомъ была изображена сидящая фигура Иисуса Христа. Въ Россіи совершеніе этого обряда, заимствованное у грековъ, началось въ XVI столѣтіи и съ особеннымъ великолѣпнымъ происходило въ царственной Москвѣ. Сначала процессія совершалась только въ Кремль, около соборовъ, но впоследствии она выходила за кремлевскія стѣны, Спасскими воротами, ко храму Покровскаго собора, гдѣ находился пригдѣль Входа въ Иерусалимъ. Въ первобытную, патриархальную старину передъ Вербной субботой народъ, а иногда и самъ царь, ходили ломать вербу въ Китай-городъ, на рѣку Неглинную, на берегахъ которой тогда еще густо росли верба и ива. Въ этотъ-же день передъ обѣдней, выносили изъ Успенскаго собора большое цвѣтное дерево, украшенное разными искусственными плодами и цвѣтами. Въ Вербное воскресенье, называемое въ народѣ цвѣтоноснымъ, совершался и самый обрядъ „шествіе на осли“, въ которомъ народная верба играла также первенствующую роль. Ее устанавливали въ громадные сани и медленю велики въ Кремлю; около дерева стояли отроки въ бѣлыхъ одеждахъ, въ видѣ ангеловъ, и пѣли стихиры. Но особенно величественно и роскошно совершался этотъ обрядъ въ XVII столѣтіи. Тогда передъ поздней обѣдней, царь, въ сопровожденіи громадной свиты бояръ, во всемъ блескѣ старинной русской обстановки, выходилъ изъ дворца и направлялся въ Успенскій соборъ. Въ это-же время начинался крестный ходъ, предшествуемый хоругвями, въ которомъ участвовала масса чернаго и бѣлаго духовенства, несли крестъ и иконы; потомъ шли дѣтственники, т. е. дѣвчѣ; за ними несли икону Влактерской Божіей Матери, предшествующую подьяками съ большими зажженными свѣчами и сопровождаемую соборными ключарями, за которыми уже шель патриархъ, опираясь на посохъ. Съ правой его стороны дьяконы несли Евангеліе въ бархатномъ ковчегѣ, а съ лѣвой—влагожемчужный крестъ. Царю предшествовали младшіе чины, а за ними шли старшіе бояре, строго наблюдая мѣстничество; по обѣимъ сторонамъ пути разставлены были шпалерами стрѣльцы и тамъ и самъ видѣлись большія, разноцвѣтныя подушки съ воткнутою для народа вербой.

Затѣмъ начинался обрядъ „шествія на осли“ и на нашемъ рисункѣ здѣсь представлено какъ бояринъ держитъ коня, пригтовленнаго для патриарха. Но обрядъ этотъ такъ своеобразенъ и интересенъ, что мы посвятимъ ему въ слѣдующемъ № особый большой рисунокъ и особую статью.

Завоеваніе Туниса Карломъ V.

(Рис. на стр. 349).

Во времена Карла V, на сѣверѣ Африки образовались штаты морскихъ разбойниковъ или Барбаресковъ, которые находились подъ покровительствомъ султана. Особенный ужасъ навели разбойничье набѣги отчаянной шайки магометанъ изъ Туниса. Во главѣ этихъ пиратовъ въ началѣ состояли три греческихъ ренегата, сыновья Румельота, который на островѣ Лесбосъ занимался также морскимъ грабежемъ. Самый смѣлый и извѣстный изъ трехъ братьевъ, Хайреддинъ, названный Барбаросса, находился прежде на службѣ у Тунискаго эмира, но вскорѣ отъ себя сталъ предпринимать набѣги, привлекалъ къ себѣ изгнанниковъ изъ Испаніи морисковъ и магометанъ изъ странъ сѣвероафриканскаго побережья и съ этой толпою напалъ на туземныхъ князей и на прибрежныя христіанскія страны Средиземнаго моря и облагалъ ихъ контрибуціей. Когда владѣтель Туниса Аррашидъ, вслѣдствіе ссоры съ братомъ, Мулей-Гассаномъ, былъ имъ изгнанъ, Хайреддинъ повидимому вступился за права пераго. Онъ покорилъ Тунисъ, но страну и власть оставилъ за собою. Тогда Мулей-Гассанъ призвалъ на помощь Карла V, который тѣмъ охотнѣе согласился на это, что видѣлъ необходимость положить конецъ самовольству Барбаресковъ, безнокованныхъ даже берега Испаніи и Италіи. Карлъ рѣшился самъ стать во главѣ похода, которому сочувствовали и помогали Папа, Португалія и Генуя, а также Іоаннитскій орденъ, переведенный въ то время въ Мальту; изъ Нидерландъ прибыли корабли, а графъ Максимилианъ фонъ-Эберштейнъ повелъ изъ Германіи черезъ Альпы въ Геную 8.000 ландскнехтовъ (ратниковъ). Сборнымъ мѣстомъ былъ назначенъ Кальяри на островѣ Сардиніи, откуда 16-го іюля 1535 года 30.000 человекъ войска двинулось въ путь на 500 корабляхъ. Генуэзскій морской герой Андреасъ Доріа былъ назначенъ адмираломъ. Услыхъ этого похода былъ блестящій. Войско, воодушевленное личнымъ предводительствомъ короля, билось чрезвычайно храбро. Вскорѣ крѣпость Голетта—ключъ Туниса, была окружена и послѣ непродолжительнаго бомбардированія была взята; теперь уже можно было двинуться къ Тунису. Мулей-Гассанъ, находившійся въ лагерѣ короля, хотя и увѣрялъ его, что имѣетъ много приверженцевъ между населеніемъ Туниса, тѣмъ не менѣе Хайреддинъ выставилъ противъ христіанскаго войска боевую силу вдвое многочисленнѣе этого послѣдняго. Но когда королевское войско стало храбро подвигаться впередъ и дѣйствовать оружіемъ, толпы Хайреддина не устояли: прежде всего въ бѣгство обратились тунисцы, затѣмъ вспомо-

гательное войско, набранное изъ различныхъ окрестныхъ племенъ и наконецъ турки и ренегаты, составляющіе собственно настоящее войско. Все они направились къ городу, который упорно стали защищать. Положеніе осаждающихъ было не особенно благоприятно; у нихъ не было достаточно воды. Къ счастью, въ то время когда Карлъ V велѣлъ приступить къ штурму, христіане-рабы, заключенные въ Туниской цитадели, нашли возможность освободиться, завладѣли крѣпостью и помогли одержать побѣду. Хайреддинъ спасся послѣпнымъ бѣгствомъ и предоставилъ Тунисъ побѣдителямъ. Послѣ торжественнаго въѣзда Карла V въ побѣжденный городъ, причѣмъ освобожденные христіане-рабы, числомъ до 20.000, благодарили короля, что изображено на рисункѣ, была отслужена обѣдня, а затѣмъ король передалъ страну и городъ прежнему владѣтелю Туниса, Мулей-Гассану, ваявъ съ него обѣщаніе преслѣдовать морскіе разбой. Голетту и побережье Карлъ удержалъ за собою. Весь Востокъ удивлялся смѣлому завоевателю Туниса и Карлъ V вернулся въ Сицилію, исполненный разныхъ надеждъ и строя планы на будущее. Вскорѣ однако снова стали доноситься въ особенности изъ Алжира, жалобы на морскіе разбой, и Карлъ V въ 1541 году снарядилъ снова походъ въ Сѣверную Африку, который кончился очень печально. Обезилеченное чумой войско было перебито, а флотъ уничтоженъ бурей.

Садъ Геесиманскій.

(Рис. на стр. 352).

Благодаря распросамъ добродушныхъ богомольцевъ и указаніямъ монаховъ, и теперь еще можно найти все мѣста событій Новаго Завѣта, происходившихъ въ Иерусалимѣ. Тутъ показываютъ мѣсто, на которомъ пропѣлъ ибѣгъ во время отреченія Петра, мѣсто, на которомъ росло дерево взятое для креста Спасителя, дерево, на которомъ окончилъ свою жизнь Иуда, скалу, скалу, треснувшую въ минуту смерти Христа. Здѣсь есть также Геесиманскій садъ; ихъ даже два. Немного далѣе отъ Оливковой горы, греческіе монахи имѣютъ также обнесенное заборомъ мѣсто, которое они называютъ тѣмъ-же именемъ. Мѣсто, изображенное на нашемъ рисункѣ, принадлежитъ латинскимъ францисканцамъ. Оно составляетъ четырехугольникъ, площадью около пятидесяти квадратныхъ метровъ, обнесенный каменною выкрашеною бѣлою краскою стѣною. Низенькая, узкая калитка на востокѣ служитъ для входа. Сейчас-же за нею находится скала, у которой Петръ и сыновья Зеведеи крѣпко уснули, несмотря на просьбу Иисуса бодрствовать съ нимъ. Нѣсколько шаговъ южнѣе остатокъ колонны обозначаетъ мѣсто, на которомъ Иуда предалъ Христа, а далѣе къ сѣверу, на мѣстѣ, которымъ владѣютъ греки, показывается пещера, въ которой происходила троекратная молитва Спасителя. Хотя эти указанія имѣютъ такую-же историческую цѣну, какъ и головы трехъ святыхъ королей востока въ Кельнскомъ соборѣ, тѣмъ не менѣе всякій желающій руководствоваться библейскими данными, предположитъ существованіе Геесиманскаго сада, въ которомъ молился Христосъ въ ночь передъ своею смертью, именно здѣсь у подножія Оливковой горы. Еще и цонныи палѣво возвышается, какъ и въ прежнее время, съ крутымъ отвѣсомъ въ долину Кедрона, громадная гора храма, увѣчанная остатками стѣнъ Соломона. Изъ единственныхъ видныхъ еще воротъ, народъ вышелъ съ мечами, коньями и факалами, спустился по крутой тропинкѣ, перешелъ на римскомъ мосту безводное, каменистое русло Кедрона и предводительствуемый Иудой, напелъ Христа въ одномъ изъ многочисленныхъ въ то время оливоковыхъ садовъ. Еще и нынѣ направо, на западѣ, возвышается вершина Оливковой горы (невидная на рисункѣ) за которой находятся хижины Вифаніи, гдѣ такъ легко могъ бы найти убѣжище Христосъ, если-бы онъ захотѣлъ избѣгнуть смерти.

Войдя въ садъ францисканцевъ, не встрѣчаешь монастыря; только въ одномъ углу его стоитъ маленькая едва замѣтная хижинка для садовника и сторожа. На стѣнахъ сада находятся изображенія страданій Христа, передъ которыми богомольцы читаютъ свои молитвы. Садъ очень хорошо содержится и представляетъ пріятный, свѣжій зеленый видъ, насколько только возможно поддерживать его такимъ въ безводномъ Иерусалимѣ. Мѣсто зеленого дерна, садъ усаженъ низкими кустарничками, а также цвѣтами. Въ благоприятное время года монахи разводятъ розы, левкои, астры и другіе цвѣты, которые они за небольшое вознагражденіе отдаютъ посетителямъ на память. Послѣ весенняго дождя, сами собой появляются крокусы и анемоны и тѣ прелестные красные цвѣточки, называемые „кровяныя капли“, которые, какъ говоритъ преданіе, образовались изъ лота Христа, который былъ похожъ на капли крови. Но особеннымъ уходомъ монаховъ пользуются семь старыхъ оливоковыхъ деревьевъ, составляющихъ гордость сада. Такъ какъ онѣ внутри пусты, то монахи для поддержанія ихъ наполнили стволы ихъ, гдѣ только было можно, глиной и камнями. Кромѣ того для сбереженія ихъ устроены еще, видныя на рисункѣ, деревянные ограды. Большая часть богомольцевъ прибываетъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что деревья эти стояли еще во времена земной жизни Спасителя, и потому для нихъ важно унести на родину вѣточку или хотя нѣсколько листиковъ съ этихъ деревьевъ. Братъ-же франци-

сканды считают не менѣ важнымъ предохранить главное украшеніе ихъ сада отъ скорого уничтоженія рѣшетками и другими мѣрами.

Принесли вербы!

(Рис. на стр. 353).

Принесли, принесли вербы! Дѣвочка была не совѣтъ здорова

и ее, бѣдную, на Вербное Воскресенье не взяли на вербы къ Гостиницу, но обѣщали за то принести ей и вербу съ херувимами, и игрушки, и книжечку съ картинками. И вотъ, она съ петербургскимъ поджидала своихъ все утро и наконецъ слышитъ звонокъ. Она летитъ къ дверямъ, схватываетъ первую попавшуюся вербочку и корзину и бѣжитъ, весело крича нянь: принесли, принесли вербы! И такія красивыя! А сколько игрушекъ и сколько ей радостей!

Борьба между огнемъ и водой.

Геологической очеркъ П. Рихтера.

Земля вышла изъ рукъ Творца не сразу готовымъ, твердымъ шаромъ, какимъ мы ее знаемъ, напротивъ, она имѣетъ исторію своего развитія, подобно и всѣмъ тварямъ, находящимся на ней; равнина, конечно, въ томъ, что ихъ развитіе считается годами, тогда какъ земной шаръ развивался въ теченіи огромнаго числа лѣтъ. Но если, съ одной стороны, мы не можемъ съ точностью опредѣлить продолжительность различныхъ периодовъ геологическихъ процессовъ, то съ другой—до извѣстной степени, знаемъ, что ея исторія—ничто иное, какъ безконечное броженіе и столкновение стихій, вѣчная борьба которыхъ приводитъ и будетъ всегда вести къ безпрестаннымъ измѣненіямъ; при этомъ главную, наиболѣе выдающуюся роль играетъ борьба, происходящая между огнемъ и водой.

Для того, чтобы прослѣдить эту борьбу съ самаго начала, намъ необходимо обратиться въ темное прошлое земли, освѣщенное столь невѣрнымъ, столь сомнительнымъ свѣтомъ спекулятивныхъ наукъ, прошлое, которое рисуетъ намъ иную, великую и совершенно несхожую съ нынѣшней картину нашей планеты. Геологія, изслѣдывающая исторію земли, установила фактъ, что земной шаръ, милліоны лѣтъ назадъ, находился въ расплавленномъ состояніи. Всѣ каменные породы, металлы, земля, короче сказать—всѣ твердыя вещества были расплавлены и она сама походила на гигантскую огненную каплю, окруженную оболочкой раскаленнаго пара и свободно обращавшуюся въ пространствѣ.

Въ ту эпоху, когда еще никакой солнечный лучъ не проникъ сквозь густую атмосферу—то, что мы видимъ теперь—только незначительный остатокъ ея—и когда эта атмосфера освѣщалась колоссальными огненными волнами расплавленной земли, тогда на ней не было воды, составныя части которой—кислородъ и водородъ—находились въ разрозненномъ состояніи въ охватывавшей землю оболочкѣ раскаленнаго газа; то было время абсолютнаго господства огня, не встрѣчавшаго еще ни съ какой стороны сопротивленія.

Долго-ли продолжалось такое состояніе? Вычисленія ученыхъ колеблются по этому вопросу—вѣроятно милліоны лѣтъ. Однако, какъ долго ни продолжалось оно, съ теченіемъ времени, должна была послѣдовать перемѣна, породившая новыя отношенія между составными частями. Въ гигантской газовой оболочкѣ, извнѣ постоянно охлаждавшейся температурой окружающаго міра, а внутри сильно нагреваемой теплотой огнемъ земли, должны были происходить страшные ураганы, своимъ движеніемъ открывавшіе огню широкіе выходы и доступъ въ холодное мировое пространство. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ, когда расплавленная масса земли не начала твердѣть и покрываться тепловатымъ пластомъ коры. Несомненно фазисъ этотъ обнимаетъ громадный періодъ времени, такъ какъ громадная, внутренняя, огненная волна тысячи разъ уничтожала зарождавшуюся кору; однако она наконецъ приобрѣла достаточную твердость, чтобы имѣть возможность сопротивляться разрушительному вліянію пламени. Но это положило начало новой эпохѣ въ развитіи земли. Кислородъ и водородъ соединились теперь въ необъятныя массы воды. Пока, конечно, не было еще ни морей, ни рѣкъ, ни озеръ, но эти водныя массы носились въ атмосферѣ въ видѣ паровъ. Подъ вліяніемъ охлаждающей температуры мирового пространства, облака паровъ сгустились въ дождевыя капли и потоками низринулись на земляную поверхность. Но такъ какъ капля воды, падая на накаленный камень, снова превращается въ паръ и, затѣмъ, поднимается обратно вверхъ, такъ происходило и съ тогдашнимъ дождемъ: теплая еще земная кора, то тамъ, то здѣсь трескавшаяся и пропускавшая внутренній огонь, не была еще способна удерживать воду на своей поверхности; она немедленно же превращала дождевыя капли въ паръ, паръ этотъ поднимался въ верхніе слои атмосферы и, сгущенный притекающимъ извнѣ холодомъ, снова падалъ въ видѣ дождя, чтобы опять обратиться въ паръ. Этимъ и началась продолжительная борьба между огнемъ и водой на землѣ, имѣвшая столь важное значеніе для земнаго шара. Постоянный процессъ превращенія воды въ паръ, то сгущеніе ея въ дождевыя капли, отнималъ у земнаго огня необычайное количество теплоты, что усиливало охлажденіе земли, способствуя вмѣстѣ съ тѣмъ утолщенію коры. Наконецъ долженъ былъ наступить моментъ, когда кора эта сдѣлалась способна удержать лервыя капли воды и когда часть воды наполнила нижележащія мѣстности земной поверхности. Температура тогдашнихъ морей должна была быть на высотѣ температуры горячихъ источни-

ковъ; въ нихъ клокотало и кипѣло какъ въ большихъ котлахъ, поставленныхъ на огонь, и надъ ними стояли густыя массы частию сгущеннаго, частию поднимающагося вверхъ водянаго пара. Съ скопленіемъ воды на поверхности земли, началась энергическая работа воды. Если она, при своемъ паденіи на раскаленную землю и затѣмъ при постоянномъ превращеніи своемъ въ паръ, разлагала частицы твердѣвшей земли, уносила ихъ съ собою въ воздухъ и снова опускала на другія мѣстности, то теперь, въ состояніи кипѣнія, покрывъ земную поверхность, значительно усилила свою разлагающую дѣятельность. Тогдашнее море было вѣроятно ничто иное, какъ горячій илъ, соединившійся химическимъ, а также и механическимъ путями съ массою различныхъ каменныхъ породъ и земляныхъ частицъ, при этомъ оно безостановочно продолжало дальнѣйшій процессъ разложенія. Всѣ эти содержащіяся въ немъ каменные частицы море должно было отлагать на дно своего ложа, гдѣ онѣ въ теченіи необъятно долгихъ периодовъ, подвергались давленію водныхъ массъ, образовывали новыя породы и пласты, облагавшіе земную поверхность. Эти каменные слои, въ противоположность тѣмъ, которые образовались чрезъ отвердѣніе мягкой земли, т. е. въ противоположность породамъ огненнаго образованія, или плутоическимъ,—называются породами воднаго образованія, или осадочными. Къ нимъ принадлежатъ всѣ тѣ породы, которые носятъ названіе сланца, вака, каменнаго угля, глины, гипса, известки, песчаника, мѣла и т. п. При этомъ вѣкоторыя изъ этихъ породъ, какъ напримѣръ слои каменнаго угля, известняка и мѣла, суть остатки первобытнаго животнаго и растительнаго міра. Пласты эти иногда до такой степени громадны, что достигаютъ такой глубины, которая до сихъ поръ не могла быть опредѣлена. Осадочныя породы отличаются отъ образовавшихся подъ вліяніемъ дѣйствія огня, какъ гранитъ, діоритъ, порфиръ и т. д., имѣющихъ кристаллизированное строеніе,—своимъ зернистымъ и слоистымъ строеніемъ, которое прямо указываетъ, что они образовались путемъ медленнаго накопленія и наслоенія. Такимъ образомъ вода, невидимому, восторжествовала на земной поверхности надъ огнемъ; она заполнила углубленіе, а испаряясь, сгусталась надъ континентами въ видѣ облаковъ, откуда изливалась дождемъ на землю, итиля моря.

Но непримиримый врагъ не дремалъ тамъ, на своей глубинѣ, онъ постоянно стремился впередъ, покрывая вершины горъ расплавленными огненными массами, которые находили и теперь въ формѣ вулканическихъ (базальтовыхъ) породъ. Онъ громоздилъ новыя горы, выдвигалъ на морскую поверхность континенты и мѣнялъ, углублялъ профиль морскаго дна, такъ что въ теченіи неизмѣримо продолжительнаго времени на поверхности земли происходили нескончаемыя перемѣны и перестановки. Вслѣдствіе этой причины, теперь мы видимъ на вершинахъ горъ часто тѣ породы, которая образовались на днѣ моря, тогда какъ, наоборотъ, изслѣдованія этого дна намъ указываютъ на присутствіе тамъ первобытныхъ и затѣмъ поглощенныхъ моремъ горныхъ массъ. Эти могучіе перевороты отзывались естественно на вызванномъ уже тогда къ жизни органическомъ мірѣ; перевороты эти неоднократно уничтожали тогдашній міръ первобытныхъ животныхъ и растительныхъ организмовъ, окаменѣлые остатки которыхъ были погребены въ темныхъ глубинахъ земли.

Кончилась ли нынѣ эта гигантская борьба, побѣдила ли вода наконецъ своего лютаго врага? Нѣтъ! Такъ какъ если и кажется, будто она достигла преобладанія на земной поверхности, то и въ настоящее время борьба эта еще тѣмъ сильнѣе происходитъ внутри, болѣе или менѣе заставляя земную кору принимать въ ней участіе.

Кора эта далеко не вполне плотна. Ея внутренняя сторона изобилуетъ щелями, трещинами, расщелинами, пропастями, образовавшимися вслѣдствіе изверженій. Можно предположить, что и теперь, внутри происходятъ процессы, о которыхъ здѣсь на поверхности намъ даютъ лишь легкое понятіе землетрясенія и которые образуютъ постоянно новыя подземные ходы и отверстія. Вода, повинуваясь закону тяжести, спускается въ глубину земнаго шара сквозь эти отверстія; тамъ же, гдѣ она не находитъ готоваго пути, прокладываетъ себѣ сама дорогу, химически и механически разрушая каменные породы, которыя подъ вліяніемъ ея становятся пористыми. Такимъ образомъ появляются внутреннія рѣки, пробивающія оболочку земли, и вѣроятно также существуютъ и подземныя моря. Чѣмъ глубже рудоконъ спускается въ землю, тѣмъ большее количество водъ

встрѣчаетъ на своемъ пути, такъ что въ видахъ предохраненія отъ нея шахтъ, онъ вышуплепъ прибѣгать къ чрезвычайной сложной насосамъ. Вода, спускаясь все глубже и глубже въ землю и стремясь къ центральному пункту земнаго шара, грозила бы совершенно исчезнуть съ поверхности—еслибы огонь не поставилъ предѣла ея движенію. Чѣмъ глубже спускается она (по проложимому ею самой пути или по трещинамъ и отверстіямъ коры) во внутренность земли и чѣмъ болѣе приближается къ расплавленнымъ массамъ лавы, тѣмъ болѣе высокую температуру она принимаетъ, и вѣроятно, прежде чѣмъ притти въ соприкосновеніе съ внутреннимъ огнемъ, превращается въ паръ, который, повинаясь необычайному давленію, отталкивается назадъ притекающія водныя массы. Какова должна быть сила и мощь этихъ процессовъ, разыгрывающихся въ таинственныхъ глубинахъ земли!

Подземныя рѣки, озера и моря изливаются на раскаленные каменные породы, которыя съ трескомъ разваливаются, изъ разрывающихся щелей выступаетъ подземный огонь; онъ съ страшнымъ громомъ и шумомъ превращаетъ водныя массы въ паръ, а тотъ въ свою очередь съ страшной силой, отталкивается назадъ воду, спускающуюся сверху. Съ усиленіемъ давленія сгущеннаго пара развивается и сила сопротивленія внутренняго огня.

Все это происходитъ на такой глубинѣ, до которой еще долго человѣку не сдѣлать и полъ-дороги. Землетрясенія и вулканическія изверженія обязаны своимъ происхожденіемъ, по большей части несомнѣнно, необычайному развитію подземныхъ водныхъ паровъ. По крайней мѣрѣ изверженія постоянно сопровождаются громадными количествами такихъ паровъ, выходящихъ изнутри вмѣстѣ съ лавой.

Возвратимся теперь на поверхность земли. Тутъ, повидимому, уже прекратилась открытая борьба между огнемъ и водой, но вода продолжаетъ свою разрушительную дѣятельность надъ породами огненнаго происхожденія, вызывая въ теченіе тысячелѣтій громадныя преобразованія. Подъ влияніемъ воды не только постоянно возникаютъ въ источникахъ, рѣкахъ, озерахъ и моряхъ новыя каменныя и землістыя породы, но вода безостановочно ведетъ свою преобразовательную работу и на земной поверхности, не переставая на ней производить различныя перемены. Нѣтъ такого твердаго камня, который вода, при посредствѣ химическаго или механическаго процесса, не могла бы разрушить, раздробить на маленькія частицы и унести своимъ теченіемъ. Каменныя и землістыя частицы вода увлекаетъ собой и слагаетъ ихъ частью въ устьяхъ, частью на днѣ моря. Могутъ пройти годы, прежде чѣмъ подобная частица упрочится гдѣ нибудь, но за ней слѣдуютъ другія, къ ней пристають и такимъ образомъ въ огромные періоды вре-

мени происходятъ великія перемены на земной поверхности. Въ устьяхъ рѣкъ поднимаются на поверхность волны земляныя массы, называемыя дельтами, и, съ теченіемъ времени, приобретающія размѣры цѣлыхъ странъ. Значительная изъ этихъ дельтъ—Нильская, которой почти весь нижній Египетъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Частицы, попавшія на дно моря, понемногу поднимаютъ это дно. Итакъ, пока, съ одной стороны, горы, подобно и остальной сушѣ, повинаясь пивелирующему дѣйствію воды, должны найти свою могилу въ волнахъ моря,—съ другой стороны, дно этого моря безостановочно поднимается и дѣлается все болѣе и болѣе плоскимъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что настало бы время, когда вся поверхность земли всюду была бы покрыта пластомъ воды, еслибы огонь не ставилъ ей предѣлы. Онъ достигаетъ этого посредствомъ давленія, оказываемаго имъ на оболочку, на поверхность которой выдвигаетъ новые континенты и горы, въ то же время открывая и новыя глубины, куда могли бы изливаться моря. Во всякомъ случаѣ, эти опредѣленные наукой поднятія и низверженія суши происходятъ такъ медленно, что мы можемъ замѣтить ихъ только по прошествіи столѣтій, однако, тѣмъ не менѣе, ихъ совершенно достаточно, чтобы, въ теченіе значительнаго періода времени, произвести большіе перевороты на поверхности земнаго шара. Такъ, разрушающія и созидающія на земной поверхности силы—вода и огонь—находятся теперь въ благодѣтельномъ равновѣсіи.

Но въ жизни земли долженъ притти конецъ. Борьба между огнемъ и водой, вулканическія изверженія, горячіе источники и т. д., заставляютъ внутреннюю теплоту земнаго шара постоянно терять много своей силы, и будь запасъ теплоты еще настолько же великъ, онъ, все-таки, долженъ ослабѣть, а внутренній огонь—сбуживать свою сферу. Сообразно этому ослабѣетъ и вліяніе огня на земную поверхность и сила его сопротивленія пивелирующей дѣятельности воды.

Съ дальнѣйшимъ охлажденіемъ, внутренній огонь долженъ, наконецъ, совершенно потухнуть и тогда наступитъ полная обѣда воды надъ огнемъ. Вода же, преслѣдуя, подъ вліяніемъ своей тяжести, отступающій огонь въ самую глубь земнаго шара, къ его центральному пункту, все болѣе и болѣе станетъ проникать внутрь, но въ то же время поверхность, вслѣдствіе притока холода, должна будетъ прогрессивно коченѣть. И тогда земной шаръ придетъ въ то же состояніе, въ которомъ находится теперь луна, далеко опередившая (вслѣдствіе, сравнительно, меньшей значительности своего объема) землю въ развитіи и представляющая картину мертвой каменной пустыни. Тѣмъ и кончается борьба между огнемъ и водой.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Германія.—Франція.—Папалія и Чили.—Слухи о тройственномъ союзѣ.—Князь Бибъ-Додъ-Цренъ.

Въ Англіи—динамитный терроръ въ полномъ разгарѣ; отовсюду—и изъ такихъ городовъ, какъ Бирмингемъ, Ливерпуль, Манчестеръ, Коркъ и друг.—только и приходятъ извѣстія о динамитѣ и анархистахъ, пойманныхъ и не пойманныхъ. Между прочимъ, англійскіе сыщики открыли нѣсколько этихъ негодяевъ, предупредивъ тѣмъ, вѣроятно, новый взрывъ. Вотъ какъ рассказываетъ о томъ корреспондентъ одной изъ петербургскихъ газетъ. Ливерпульская полиція усилила, въ недавнее время, надзоръ за пароходами, приходящими изъ Корка. Однажды вечеромъ небольшое число сыщиковъ, съ инспекторомъ во главѣ, по обыкновенію, поджидали на набережной прибытія парохода; когда онъ причалилъ, то двое изъ агентовъ обратили особенное вниманіе на одного высидившаго пассажира, повидимому, простаго рабочаго; онъ несъ на плечѣ деревянный сундучекъ, въ какихъ рабочіе носятъ свою одежду и свои пожитки; сыщикамъ показалось, что въ этомъ сундучкѣ лежало нѣчто болѣе тяжелое, чѣмъ платье, и двое изъ нихъ постѣдовали за подозрительнымъ рабочимъ. Подозрѣніе сыщиковъ усилилось, когда этотъ рабочій, вмѣсто того, чтобы направиться прямо въ городъ, повернулъ въ сторону, къ сѣверу отъ него; они прошли за нимъ около мили и, наконецъ, рѣшились его арестовать; подозрительный рабочій не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія и спокойно пошелъ въ полицейскую станцію. Здѣсь сундукъ его былъ открытъ и вмѣсто платья въ немъ оказались двѣ жестянки въ 16 дюймовъ вышины, 6 дюймовъ толщины и ширины наверху и 8 дюймовъ при основаніи. На нижнемъ концѣ—плотно прирѣзанная крышка, въ серединѣ которой проведенъ толстый и широкій фитиль; коробки оказались наполненными древесными опилками, пропитанными нитроглицериномъ, фитиль же—смѣсью хлористаго кали съ обыкновеннымъ сахаромъ; при каждой жестянкѣ найдено по стеклянной трубкѣ, наполненной сѣрной кислотой и замкнутой пористой пробкой. О странной силѣ нитроглицеринной смѣси въ коробкахъ можно судить по тому, что крошечная часть его, величиной съ горошину, произвела, при испытаніи, оглушительный взрывъ; полиція предполагаетъ, что не будь оба прибора захвачены во время—они были бы пушены. Въ ходъ на другой же день въ Ливерпуль или Манчестеръ; арестъ этого

человѣка—по имени Деннисъ Дизей—повелъ ко многимъ другимъ арестамъ. Затѣмъ, схваченъ нѣкто Уайтхидъ, съ взрывчатыми же матерьялами, еще кто-то—въ Лондонѣ, по припадѣ изъ Манчестера съ ящикомъ динамита; въ Бирмингемѣ также; сэръ Гаркертъ сообщилъ въ палатѣ, что обнаружена обширная фабрикація взрывчатыхъ матерьяловъ и у одного изъ арестованныхъ найдена значительная сумма денегъ, въ числѣ которыхъ было болѣе всего американскихъ банковыхъ билетовъ. Кромѣ тѣхъ, болѣе общихъ; международныхъ мѣръ, о которыхъ мы уже говорили, англичане принимаютъ усердно всевозможныя мѣры и у себя; въ Лондонѣ, ко всѣмъ казеннымъ зданіямъ приставлена военная стража; открытый прежде, во всякое время дня и ночи, проходъ возлѣ резиденціи Глэдстона, теперь закрытъ для публики съ 6 часовъ вечера; по—одному изъ важнѣйшихъ мѣръ нельзя, конечно, не признать предложеннаго правительствомъ—и уже принятаго парламентомъ—законопроекта, которымъ измѣняется законъ о приготовленіи и продажѣ взрывчатыхъ веществъ; на основаніи законопроекта, виновники взрывовъ и соучастники, владѣльцы и производители взрывчатыхъ веществъ, предназначаемыхъ для преступнаго употребленія, или лица, которыя не могутъ дать надлежащихъ объясненій относительно назначенія найденныхъ у нихъ взрывчатыхъ матерьяловъ, подлежатъ каторжнымъ работамъ навсегда или на сроки отъ 2-хъ до 20-ти лѣтъ; всякое лицо, содѣйствующее инымъ образомъ совершенію преступленій, предусмотрѣнныхъ означеннымъ закономъ, признается виновнымъ въ измѣнѣ.

Въ Германіи подымается вопросъ о возобновленіи дѣятельности государственнаго совѣта, который уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не собирается, но юридически продолжаетъ существовать; по этому поводу высказывается то соображеніе, что парламентская практика новѣйшихъ лѣтъ чрезмѣрно поощряетъ дѣятельность министровъ и ихъ совѣтниковъ; на остальныя занятія министровъ и правительственныхъ комисаровъ не обращается никакаго вниманія; часто случается, что министръ и его совѣтники по недѣлямъ обязаны выжидать въ палатѣ депутатовъ наступленія очереди для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся ихъ вѣдомствъ; вслѣдствіе этого задерживается заготовленіе законопроектовъ въ министерствахъ и такъ какъ Рейхстагъ не согласенъ на введеніе двухлѣтнихъ бюджетныхъ

периодовъ и даже отвергъ предложеніе о введеніи такихъ периодовъ въ видъ опыта, то прусскому правительству остается только освободить по возможности министерства отъ подготовительныхъ работъ; средствомъ къ этому является возстановленіе государственнаго совѣта.

Между Германіей и Франціей произошло не то чтобы серьезное недоразумѣніе, но—нѣкоторая переписка по поводу кавалерійскихъ маневровъ, которые французское правительство намѣревалось произвести въ союздѣ съ Эльзасомъ и Лотарингіей; понятно, что появленіе французскихъ войскъ на этой границѣ могло повести къ нежелательнымъ среди населенія обѣихъ провинцій явленіямъ и, пожалуй, волненіямъ, а потому Германія и „отсовѣтывала“ Франціи маневры, или же „для прогулки избрать подальше закоулокъ“. Франція послушалась и отбѣнила; эти маневры едва не повели и къ министерскому кризису: дѣло въ томъ, что главное руководство ими было поручено генералу Галиффѣ, весьма не популярному въ средѣ республиканцевъ, и назначеніе это, возбудивъ ихъ общее неудовольство, поколебало положеніе военнаго министра генерала Тибодена, нѣкоторыхъ министровъ и самого Ферри, желавшихъ поставить Галиффѣ во главѣ кавалеріи. Хорошо государство, гдѣ министры, цѣлые кабинеты валяются чуть не при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка.

С м ѣ с ѣ .

Магазинъ превосходной фортепیانной фабрики К. М. Шредера, помѣщенный на углу Казанской и Вознесенскаго проспекта, переведенъ на уголь Невскаго и Большой Садовой, въ тотъ самый домъ, гдѣ прежде былъ ресторанъ Палкина. Домъ этотъ теперь принадлежитъ г. Шредеру, завою передѣлавшему его и устроившему для магазина великолѣпное помѣщеніе, къ которому присоединена весьма хорошая большая зала, но нѣсколько узкая, годная для концертовъ. На открытіе новаго магазина были приглашены разные артисты, профессора консерваторіи, журналисты, редакторы музыкальныхъ органовъ, владѣльцы музыкальныхъ магазиновъ и пр. Въ числѣ присутствовавшихъ находился А. Г. Рубинштейнъ. Послѣ осязненія, сопровождаемаго обычнымъ многолѣтнемъ, исполненнымъ многочисленнымъ хоромъ пѣвчихъ, г. Шредеру поднесли адресъ, подписанный профессорами консерваторіи и разными петербургскими артистами, гдѣ констатируется огромный прогрессъ, сдѣланный инструментами фабрики за послѣднія двадцать лѣтъ. Самая фабрика существуетъ уже 65 лѣтъ. Адресъ былъ прочитанъ профессоромъ Кроссомъ; хлѣбъ-соль отъ консерваторіи поднесъ исполняющій должность директора ея, г. Югансенъ. Засимъ управляющій фабрикою г. Николаевъ, сказалъ отъ лица всѣхъ работающихъ у г. Шредера прекрасную рѣчь, поднесъ великолѣпное серебряное въ русскомъ стилѣ работы Хлѣбникова блюдо съ солонкой, изображающей роля. Дворники дома поднесли своему хозяину калачъ громадныхъ размѣровъ. Былъ также еще рогъ изобилія тоже съ солонкою въ видѣ роля. Г. Шредеръ отвѣчалъ нѣсколькими сердечными словами. Въ заключеніе былъ сервированъ роскошный *dejeuner-dinatoire*, сопровождавшій множествомъ гостей. Первый тостъ былъ предложенъ г. Шредеромъ за здоровье Государя Императора. Во время завтрака было получено нѣсколько приветственныхъ телеграммъ изъ Россіи и заграницы. Отмѣтивъ тостъ одного кавказца, который настойчиво приглашалъ г. Шредера перенести его фабрику на Кавказъ.

Сожиганіе изображенія Іуды-Предателя въ Страстную Субботу, въ Португаліи. Португальцы народъ очень симпатичный. Они всегда веселы, добродушны, приветливы, весьма религіозны и съ трогательной простотой свято соблюдаютъ разные старинные обряды, перешедшіе въ другихъ католическихъ странахъ давнымъ давно въ область воспоминаній.

Первое мѣсто между такими древними обычаями, производящими на разсудительныхъ жителей сѣвера странное впечатлѣніе, занимаетъ церемонія сожиганія изображенія Іуды-Предателя вечеромъ въ Страстную Субботу,—обычай особенно распространенный въ Оporto—этомъ городѣ розъ, камелій и чудеснаго, искристаго вина. Съ наступленіемъ Страстной недѣли, фисіономія этого города, въ другое время шумнаго и многолюднаго, совершенно преобразуется. Не слышно ни торжественнаго колокольнаго звона, ни оркестровъ военныхъ и странствующихъ музыкантовъ; ни уличныхъ пѣвцовъ, громко распѣвающихъ извѣстную „Мандолилату“ и разныя баркаролы; даже звуки фортепیانно, цѣлыми днями раздающіеся въ окнахъ музыкальнаго Оporto, начиная отъ роскошнаго палаца и кончая убогимъ домикомъ, и тѣ умолкаютъ. На бульварахъ и въ садахъ тихо и безлюдно, а на улицахъ, поближе къ церквамъ и капелламъ, безпрестанно мелькаютъ стройныя фигуры закутанныхъ въ мантіи смуглыхъ, чернокудрыхъ красавицъ, съ потупленными глазами и смиреннымъ видомъ отирающихся къ исповѣди. Весь городъ, старые и молодые, богатые и бѣдные, знатные и незнатные—всеъ постанетъ, молятся и говѣютъ.

Всюду, на время, воцаряется миръ, тишина и спокойствіе, достигающіе своего апогея въ Великую пятницу—день всеобщаго покаянія. За то въ Страстную субботу, уже съ восходомъ солнца, городъ начинаетъ замѣтно оживляться. Народъ, отъ мала до велика, высматриваетъ на улицы и вездѣ замѣтны дѣятельныя, таинственныя приготвленія къ наступающему празднеству; нише и уличные маль-

чиска, и тѣ жертвуютъ послѣдніе гроши, чтобы тоже принять участіе въ общемъ торжествѣ. Каждый хозяинъ устраиваетъ у себя въ саду или передъ домомъ большой костеръ и на него ставитъ Іуду-Предателя—фигуру величійно въ человѣческой ростъ, съ длинной бородой и отвратительной фисіономіей, сдѣланную изъ бумаги, трюхокъ, ваты и наполненную соломой, порохомъ и другими легко воспламеняющимися веществами. Кромѣ того, поперекъ улицъ и площадей также натягиваются веревки и на нихъ вѣшаются еще болѣе каррикатурныя „Іуды.“ а мѣстные шутники рядомъ съ изображеніемъ Іуды помѣщаютъ еще изображеніе его жены.

Наконецъ, передъ вечеромъ, съ колокольні главнаго собора раздается давно ожидаемый торжественный благовѣстъ, возбуждающій о наступленіи Пасхи, которому тотчасъ же начинаютъ вторить колокола сотни другихъ городскихъ церквей; на улицахъ начинается обычная, праздничная суматоха, и радостные крики, хохотъ и оживленный говоръ тысячной толпы сливаются съ колокольнымъ звономъ въ общій гулъ, отголоски котораго слышны далеко за городомъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ раздается оглушительный взрывъ и зажженные изображенія Іуды-Предателя, съ невообразимымъ шумомъ и трескомъ, моментально взлетаютъ на воздухъ, при сочувственныхъ кликахъ народа. Скоро, густой, черной дымъ, цѣлыми клубами встаетъ надъ городомъ, начинается немилосердно жечь глаза, а удрушительный запахъ гари и копоти поневолѣ заставляеть непривычныхъ къ такимъ забавамъ людей, бѣжать подальше отъ пожара и искать чистаго, свѣжаго воздуха за городомъ, на берегу голубаго моря, около виноградниковъ и лимонныхъ и оливковыхъ рощъ, гдѣ всегда такъ хорошо и прохладно.

Затѣмъ, когда потухнутъ послѣдніе угольки, молодежь съѣздить все привести въ порядокъ и, съ наступленіемъ ночи, все уже расходятся по домамъ, чтобы на другое утро не онездать къ ранней обѣдѣ и уснуть повеселиться вдоволь.

Вотъ какъ празднуютъ Великую субботу въ Оporto. Какъ ии страненъ можетъ казаться этотъ Португальскій обычай,—все же въ немъ много истинной вѣры и искренняго чувства. „Въ народныхъ обычаяхъ, говоритъ Шиллеръ, есть всегда искренній, глубокій, тайный смыслъ.“

Въ дополненіе къ статьѣ помѣщенной въ № 12 „Нивы“ „Вредъ наносимый воробьями“ одинъ изъ нашихъ подписчиковъ сообщаетъ, что польза, приносимая воробьями, имѣетъ перевѣсъ надъ вредомъ, который они приносятъ.

„Воробей прожорливъ, но въ этомъ иногда его большая заслуга; я не полеводъ и не буду говорить о вредѣ или пользѣ его въ этой части хозяйства, но скажу о садоводствѣ. Совершенно случайно я столкнулся съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ одно сухое лѣто я поставилъ въ саду въ городѣ Смоленскѣ нѣсколько кадокъ воды; вода эта приманила значительное количество воробьевъ вмѣстѣ съ другими птицами. Появились въ кустахъ крыженика ихъ гнѣзда; я не питалъ большой симпатіи къ этому явленію, зная, что воробьи приносятъ значительный вредъ вишневымъ деревьямъ, которыхъ у меня большое количество. Поврежденіе вишенъ дѣйствительно оказалось очень незначительное, но я замѣтилъ другое явленіе: молодья яблони (бѣлозеленныя), которыя лѣта два стояли, какъ-бы зимой, безъ листьевъ, поѣденныхъ насѣкомыми, стали оправляться; вмѣсто обѣдненныхъ листьевъ явились другіе; къ осени я замѣтилъ хорошіе результаты хозяйства воробьевъ. Сталъ наблюдать за ними. Оказалось, что все, начиная отъ гли до майскихъ жуковъ, все они пожираютъ. Глю, на сливовыхъ деревьяхъ въ особенностъ, воробей поѣдаетъ съ голода, ему неудобно ее брать концомъ носа; поэтому онъ ее какъ-бы сгребаетъ боковыми частями клюва. Съ майскимъ жукомъ тоже ему приходится справляться при помощи особыхъ пріемовъ; поймавъ жука онъ обиваетъ объ землю все твердыя части крыльевъ, ноги, голову и отрываетъ

его такимъ образомъ, всю мякоть уносить съ собою. Съ другими на- свѣжками онъ справляется легче.

Я еще прибавлю обвиненіе противъ воробьевъ въ томъ, что во время холодныхъ дней, когда на свѣжкомъ инстинктивно прячутся, а у воробья есть выводки, онъ нападаетъ на смородину, но ягодъ не ѣсть, а выбираетъ только сѣмена изъ ягодъ, отбрасывая все остальное, и ими кормитъ дѣтеншей, но это уже съ голода.

Въ общемъ-же, для сада, кромѣ пользы, вредъ отъ воробья незначителенъ: вслѣдствіе чего, я не только продолжаю ставить воду для вѣтхихъ птицъ, но во время стужи, зимою, даю имъ даже кормъ и не сожалѣю объ этомъ.

Конечно, у кого въ саду виноградъ и шпанская вишня (сладкая), тому приманивать такихъ гостей не приходится. Выходитъ, что нѣмцы правы по своему, но американцы поступаютъ рациональнѣе.

Императорское Русское Техническое Общество устраи- ваетъ на открывающейся въ этомъ году въ Вѣнѣ международной электрической выставкѣ особый *русскій отдѣлъ* этой выставкѣ.

Общество доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что: 1) упомянутая вы- ставка будетъ открыта 1 (13) августа и продолжится три мѣсяца, до 1 (13) ноября. 2) Для устройства на этой выставкѣ русскаго отдѣла, учреждена при Обществѣ распорядительная коммисія и назначены коммисары и делегатъ отъ Общества. 3) На выставку, въ русскій отдѣлъ ея, будутъ допущены, согласно генеральному регламенту, утвержденному австро-венгерскимъ правительствомъ, всякаго рода электрическія машины, аппараты, приборы, проводники, кабели и вообще принадлежности, а также историческія и библиографическія коллекціи и отдѣльныя сочиненія, касающіяся электричества и раз- личныхъ примѣненій его. 4) Назначенныя на выставку вещи будутъ принимаемы по особымъ *заявленіямъ*, отъ ученыхъ обществъ, уче- ныхъ и учебныхъ заведеній, отъ частныхъ лицъ, а равно отъ фаб- рикъ, заводовъ и мастерскихъ, производящихъ электрическія маши- ны, приборы и проч. 5) Приемъ вещей начнется въ помѣщеніи Им- ператорскаго Русскаго Техническаго Общества (Пантелеймонов- ская, № 2) 1 мая и кончится 20 мая. 6) Мѣста и лица, желающія выставить свои вещи въ русскомъ отдѣлѣ выставки, но не могущія доставить означенныя вещи въ помѣщеніи Имп. Русск. Техн. Обще- ства, присылаютъ свои *заявленія* порядкомъ, который указанъ въ бланкахъ сихъ *заявленій*. 7) За всѣми прочими подробностями слѣ- дуетъ обращаться къ коммисарамъ, которые будутъ принимать же- лающихъ выставить свои предметы на выставку, въ канцеляріи

Общества, начиная съ 5 сего апрѣля, ежедневно отъ полудня до 2 часовъ пополудни; коммисары-же будутъ выдавать упомянутыя выше печатныя бланки для написанія *заявленій*.

Миклуха-Миллай, какъ курительный опиума. Въ послѣднемъ № „Ученой корреспонденціи“, издаваемой А. Кольдтомъ, помѣ- щенъ интересный очеркъ известнаго русскаго путешественника Миклухи-Маклая объ изслѣдованіи надъ опиумомъ, которое онъ сдѣлалъ во время своего пребыванія въ Хонконгѣ, въ тамош- немъ китайскомъ клубѣ. Мы ограничимся только выводами, къ ко- торымъ сводятъ свои наблюденія Миклуха-Маклай. Онъ пишетъ:

Въ заключеніе я хочу еще замѣтить, что нужно курить болѣе часа, чтобы почувствовать удивительныя слѣдствія опиума. Что по- слѣ этого органы чувствъ (зрѣніе, слухъ) притупляются. Что во время и послѣ куренія опиума никакихъ галлюцинацій, видѣній и сновъ не бываетъ. Я особенно обращаю вниманіе на это послѣднее обстоятельство, такъ какъ мои наблюденія идутъ въ разрѣзъ съ съ тѣмъ, что до сихъ поръ писалось объ опиумѣ. Дѣятельность мозга скорѣй уменьшается, чѣмъ возбуждается. Ходъ мыслей становится все медленнѣй и тяжелѣй. Память застываетъ и въ концѣ концовъ не думаешь ни о чемъ. Послѣ того какъ выкурена достаточная доза опиума, впадаешь въ состояніе глубокаго покоя; это состояніе въ высшей степени своеобразно. Появляется чувство полнѣйшаго довольства, абсолютно ничего не желаешь; въ это время ни на что не обращаешь вниманія, ни о чемъ не думаешь, ничего не желаешь, становишься близокъ къ тому, что теряешь свое собственное я. Это чувство и покоя и ничего нежеланія такъ привлекательно и пріят- но, что хотѣлось-бы никогда не выходить изъ этого состоянія. По- слѣ этого опыта я хорошо понимаю, почему тысячи людей безъ раз- личія положенія и возраста пристращаются къ опиуму и стремятся на нѣкоторое время забыть свое я.

Сбереженіе пустыхъ бочекъ. Чтобы предохранить пустыя бочки отъ плѣсени, ихъ споласкиваютъ, какъ только онѣ опорож- няются, холодной водой нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ пока вода не будетъ получаться совершенно чистой. Когда вода вся стечетъ, бочку окуриваютъ кускомъ зажженной сѣры и плотно затыкаютъ втулкой.

Лучшимъ способомъ для копченія окороковъ считается тотъ, который уже издавна употребляется для приготовленія такъ назывъ гамбургской ветчины. Мясо, предназначенное для копченія, сильно натирается смѣсью изъ 32 частей поваренной соли и 1 части се- литры, обсыпается ржаными отрубями и вѣшается въ копильнѣ.

Рѣшеніе задачи — ходъ коня № 14.

Рѣшеніе магиче- ского квадр. № 12.

Table with 4 columns and 4 rows of numbers: 1 2 3 4, 5 6 7 8, 9 10 11 12, 13 14 15 16

Large numerical puzzle grid with multiple rows and columns of numbers, including a small table with letters 'л р м о' and 'р е а л'.

Рѣшеніе магиче- ского квадр. № 13.

Table with 4 columns and 4 rows of numbers: 1 2 3 4, 5 6 7 8, 9 10 11 12, 13 14 15 16

Ты молодъ, дѣвѣ твоихъ кудрей Не уступаешь цвѣту ночи; Какъ день твой блистають очи При встрѣчѣ радостныхъ очей. Ты отъ души смѣяся смѣшному. Какъ скуку гонишь прочь печаль; Что бредъ ребяческій другому, То все тебѣ попинуть жалъ. Волною жизни унесенный Далекъ отъ надеждъ былыхъ, Какъ путешественникъ забвенный, Я чуждымъ сталъ между родныхъ. Предъ мною носятся видѣнья, Жизнь обманувшія мою, И не рожденный для забвенья, Я вновь черты ихъ узнаю. И время ихъ не измѣняло; Они все тѣ же—я не тотъ; Зачѣмъ же гибнетъ все, что мило? А что жалѣешь, то живеть...

Лермонтовъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Спб.—Афанасьева, Москва—Шма- кова, Бобринецъ—Жолковой, Воронежъ—Г. И. В. Нозловъ—Мынникова, Новно- Голещево, Коломна—Введенскаго, Назань—Берстель, Ломжа—Цавскаго, Нижн.- Новгородъ—Весничкаго, Брагилей, Одесса—Соколова, Полтава—Фидлеръ, Сева- стополь—Шуткина, Тула—Полева, Фатежъ—Федоровскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 11.

- Бѣлыя. 1) f 4 — e 5, 2) a 3 — b 4, 3) d 4 — e 5, 4) c 3 — b 4, 5) a 1 — e 5, 6) h 2 — g 3, 7) a 7 — b 8, 8) e 1 — f 2, 9) h 8 — a 7, 10) a 7 — g 1. Черныя. d 6 — f 4, f 8 — a 3, f 4 — d 6, a 3 — g 1, d 6 — f 4, f 4 — h 2, g 1 — a 7, a 7 — g 1, g 1 — f 2.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.:—Воронежъ—Силва, Елецъ— Волыскаго, Н. Новгородъ—Дубровина.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногород- ныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного го- рода въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Спасообиденная церковь въ Вологдѣ (съ рис.).—Въ цѣвѣтахъ. Повесть Н. Лебедева (Морскаго). (Продолженіе).—Предатель. Историческій раз- сказъ М. Лилля. (Продолженіе).—О звѣздахъ. Забѣлки.—Къ русунамъ: Лобзаніе Іуды (съ рис.).—Статуя Христа. Забѣлки (съ рис.).—Вербное Воскресенье въ Мос- ковѣ XVII в. (съ рис.).—Завоеваніе Туниса Карломъ V (съ рис.).—Садъ Геллиман- ской (съ рис.).—Принесли вербы (съ рис.).—Борьба между огнемъ и водой. Гео- логическій очеркъ П. Рихтера.—Политическое обозрѣніе.—Сказъ.—Задачи.—Объ- явленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ.
Полное собраніе романовъ
Всеволода Сергѣевича Соловьева.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ Спб., Б. Морская, № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Слѣдуетъ заимствовать изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПб. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимающій эпоху правленія и изложенія Царевны Софьи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій—чрезвычайно интересенъ.—СПб. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Вирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ поргретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный рассказъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшего только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многие иностр. языки. СПб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 50 коп.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 руб. 50 коп.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Характеръ Екатерины Великой, быть ея царедворцевъ, личность Цесаревны Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатаны на лучшей велевой бумагѣ съ выѣтками. СПб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром. хроника конца XVIII и начала XIX в. Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“ и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 711 стр. Напечатаны на велев. бумагѣ съ выѣтками. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ краснв. каленк. перепл. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающіе разомъ всѣ эти сочиненія, за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПб. покупателей дѣлается уступка 10%.

Дѣтская коляска — 9 р. Стулья д. — 7 р. Табуретъ — 2 1/2 р. Кресло — 3 1/2 р. Столъ — 3 1/2 р. Диванъ — 10 р. Кухетка — 18 р. Дорожные корзины отъ 1 1/4 р. Вознесенскій, д. № 21. Камышевыя сады. № 2578 1—1

Выкройки
 Деморетъ изъ Парижа на весну и лѣто 1883. Платьевыя выкройки въ 400 модныхъ грав. 1 р. 10 к. съ пер. И. ВАНОНЬ. Гороховая, № 9, въ бель-этажѣ. № 2564 2—2

КРЫМСКАЯ НАТУРАЛЬНАЯ ВИНА
В. СКИРМУНТА.
 2571 Въ Москвѣ, 2-1 у Покровскихъ воротъ, домъ Миндера.

Изданіе А. Ф. Маркса.
ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Кара-Вавтора, второе изданіе, съ 39 рис. всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ пер 2 р. 30 к. Подшючки „Нивы“ за перес. не платятъ.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волцаго, Невскій, 92, противъ Николаевской. Ежедневно приѣзъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“

НОВАЯ КНИГА
ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНІЕ.

Руководство для родителей и воспитателей къ воспитанію и обученію дѣтей. Составлено по сочиненіямъ Ушинскаго, Водозова и другихъ педагоговъ. Съ приложеніемъ „Руководства“ къ Фребелевскимъ образовательнымъ играмъ. Цѣна 1 р. 50 коп.

Цѣлю этой книги послужило указаніе пути, котораго должны держаться воспитатели съ самыхъ первыхъ дней жизни ребенка—тотъ путь, ведя которымъ малютка, они могли бы направить ребенка на нормальной путь развитія всѣхъ его силъ и способностей и довести его до такого развитія физическихъ и нравственныхъ силъ и способностей, при которомъ дальнѣйшее воспитаніе, будь ли оно продолжаться дома, или въ школѣ, не представляло-бы особыхъ затрудненій. Но сколько исполнилъ составитель книги эту задачу, можно судить по тому, что по ея выходу, газеты: „Новое Время“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Петербургская Газета“ и др. отозвались о „Домашнемъ воспитаніи“, какъ о полезнѣйшей и необходимѣйшей для всѣхъ матерей семейства и воспитателей книгѣ. Обращаемъ въ виду предстоящихъ праздниковъ особое вниманіе на это изданіе, какъ въ особенности приличное для праздничныхъ подарковъ.

НОВѢЙШЕЕ РУКОВОДСТВО

ВЫУЧИТЬСЯ ПРАВИЛЬНО ЧИТАТЬ, ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ 6 МѢСЯЦЕВЪ.

Составленное по методамъ профессора Олендорфа, Робертсона и др. Цѣна 2 р. 50 к

НОВѢЙШЕЕ РУКОВОДСТВО

ВЫУЧИТЬСЯ ПРАВИЛЬНО ЧИТАТЬ, ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ 6 МѢСЯЦЕВЪ.

Составленное по методамъ профессора Олендорфа, Робертсона и др. Цѣна 2 руб.

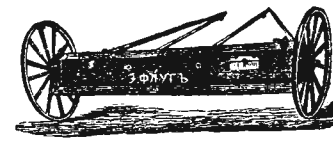
Большинство существующихъ изданій метода Олендорфа отличается крайнею небрежностью изданія, такъ, напр., въ некоторыхъ изъ нихъ переводъ примѣровъ для упражненія въ языкѣ совершенно не согласуется съ примѣрами, данными въ руководствѣ. Само собою понятно, что уже одно это условіе дѣлаетъ подобное руководство непригоднымъ для употребленія. Это-то и побудило насъ предпринять изданіе двухъ названныхъ руководствъ, которыя мы смѣло рекомендуемъ, какъ дающія возможность въ быстрому и основательному изученію двухъ главнѣйшихъ иностранныхъ языковъ, необходимымъ для каждого образованнаго человѣка. № 2568 1—1

СЛАВЯНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Подходятъ къ водамъ Италіи и Крейшнахъ и съ исцѣлительной пользой употребляются отъ золотухи, англійской болѣзни, ревматизма, сифилиса, женскихъ болѣзней, хроническаго воспаленія суставовъ, наклонныхъ болѣзней и нервныхъ расстройствъ. Сообщеніе о Славянскихъ водахъ по Курско-Харьково-Азовской ж. д. до ст. „Славянскъ“. При заведеніи во время сезона имѣется кухмистерская и ежедневно играетъ оркестръ-музыка. Для развлечения публики составляются разныя увеселенія. Врачевъ заведенію состоитъ В. П. Коссовскій. 1—1

Брошюра: „Славянскія Минеральныя Воды“ врача К. С. Шуцкевича продается въ книжномъ магазинѣ А. В. Мандрикина, въ Славянскѣ. Цѣна 50 к. съ перес. № 257

ДЕПО МАШИИЪ
ЭД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 11. Москва, у Красныхъ воротъ, д. Раузеръ. Большой выборъ деревянныхъ желѣзныхъ и стальныхъ плуговъ на 1—2 лошади. 2, 3 и 4 земечные плуги новейшей констр. Шотландскія деревянные бороны. Говарда зигъ-загъ и луговая бороны и вообщ.

невозможнымъ земледѣльческимъ орудіемъ. Сѣялки въ разборъ, клеверныя и ручныя сѣялки и всѣ вообще земледѣльческія машины и орудія лучшей конструкціи и по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Также большой выборъ разнаго рода насосовъ, пожарныхъ трубъ, пульверизаторовъ и про Иллюстрированные каталоги и свидѣтельства доброты качества машинъ высланы по востребованію бесплатно. Р. № 2573 3—1

Выставка собакъ 1883 года

въ С.-Петербургѣ.

№ 2578 1—1
 Комиссія по устройству въ С.-Петербургѣ выставки собакъ 1883 года имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что выставка будетъ открыта въ концѣ апрѣля сего года, въ Конногвардейскомъ манежѣ, на Неаказіевской площади.
 За лучшія собаки будутъ выданы экспонентамъ въ награду золотыя, серебряныя и бронзовыя медали.
 Выставленные собаки могутъ, по желанію ихъ владѣльцевъ, быть продаваемы во время выставки.
 Желающіе выставить собакъ, приглашаются заявить о томъ комиссіи не позже 15-го апрѣля.
 Печатные бланки для заявленій и правила для руководства экспонентамъ, можно получить въ Комиссіи: Б. Морская, № 26 (въ Конторѣ Центральнаго Депо Оружія).

БЫШЛА АПРѢЛЬСКАЯ КНИЖКА
СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: Дорогое наслѣдство, Элисы О' Гемлонъ, Фрески, Уйда. Въ январской книжкѣ помѣщено: Доказательство нѣтъ и Школа Робинзоновъ, Жюля Верна. Въ февральской: Филлида, Флоренція Марьета. Исторія безъ названія. Ея ли дитя. Исторія съ привидѣніями. Въ мартовской: Испушеніе мистрисъ Ревни, мистрисъ Герри Удъ. Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, десять рублей пятьдесятъ копѣекъ, для городскихъ одиннадцать, для иногородныхъ двѣнадцать рублей. Тринадцатая книга премія прилагается бесплатно къ декабрьской книжкѣ для подписчиковъ, уполтавшихъ сполна за весь годъ. Подписка принимается исключительно на имя Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Герсона, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. Редакція высылаетъ бесплатно каталогъ съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ „Собранія Романовъ“, продающихся по уменьшенной цѣнѣ. № 2570

Пересылка во всѣ страны свѣта подъ гарантіею.

Спеціальность: станция собакамъ, роскошныя, салонныя, дѣтскія, для охоты и полемныя. Самыя большія собаки Бернардинскія, Ньюфаундлендскія, нѣмецкіе доги, англійскіе бульдоги, Мاستифы, охотничьи, борзые, барсучья, браконья и собаки для тревли.

первое нѣмецкое ЗАВЕДЕНІЕ ДРЕСИРОВАНІЯ РАССОВЫХЪ СОБАКЪ
 Артуръ Сейфартъ, Нестричь, Турингія, Arthur Seifarth Köstlich in Thüringen.

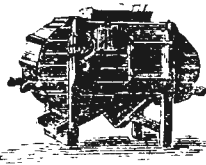
Ежегодный вывозъ 1000 штукъ.

Волчьи собаки ангора, пудель, англійскіе чопенъ, шницъ, мальтійскія etc. etc. Большой выборъ дамскихъ собачекъ, Гаттлеровъ, аванскихъ пинчеровъ, ночныхъ и дворянскихъ собакъ. Каталогъ франко, фотографія 1 марку; почтовая марка для отвѣта.

Ежедневный смотръ въ паркѣ, величиной въ 3 морги.

Дресированіе болѣе 30 видовъ собакъ.

Фирма основана

1870 года.

ТОВАРИЩЕСТВО
 БУРГГАРДТЪ И УРЛАУБЪ,
 С.-Петербургъ,
 Васильевскій Остр., 1-я линия, № 10.
 Москва,
 Мясницкая, домъ Ситова.
 Имѣетъ въ своихъ складахъ
 лучший выборъ
 новейшихъ системъ
 земледѣльческихъ машинъ и орудій,
 насосы и помарныя трубы.
 Иллюстрированныя каталоги высылаются
 бесплатно. № 2591 4-2

**ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И
 ФРУКТОВЫЯ**

Н. П. ЛАНИНА,
 ВЪ МОСКВѢ,

удостоенная **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ
 числѣ двумя медалями на Филадельфійской
 и почетнымъ отзывомъ на Парижской все-
 мирной выставкѣ и на послѣдней Все-
 російской выставкѣ въ Москвѣ золотой
 медалью.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ сто-
 лицахъ, въ большей части другихъ городовъ
 Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Поль-
 ского и нашихъ новыхъ владѣній Азии.
 Съ новаго года выпущены въ про-
 дажу подѣ новыиъ ЯРЛЫНОМЪ.
 № 2440 10-7

1-го апрѣля вышелъ № 4 дѣтскаго
 журнала

„РОДНИКЪ“.

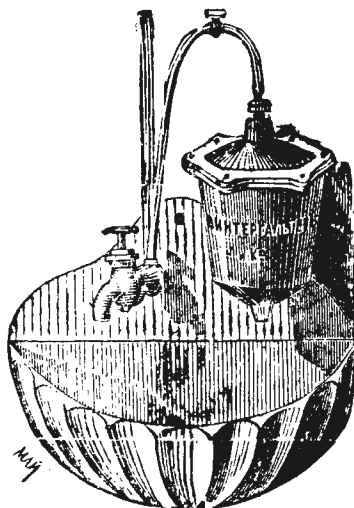
СОДЕРЖАНІЕ: I. Пасхальное яичко, проф.
 М. Богданова.—II. Бисия.—III. Ворона. Фа-
 нтастическая повѣсть К. Баранцевича.—
 IV. По Волгѣ. А. Мунтъ.—V. Дѣтство.
 Стих. В. Водозова.—VI. Походженіе аме-
 риканскаго мальчика.—VII. Смысь.
 Вмѣстѣ съ апрѣльскимъ № „РОДНИКЪ“
 раздается 1-я книжка педагогич. сбор-
 ника „ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“.

ПОДПИСКА НА 1883 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
 Цѣна въ годъ съ педагогич. сборникомъ
 6 р., безъ сборника 5 р.
 Редакція и главная контора: Петербургъ,
 Пискаря, 1.

Отдѣленія Конторы: въ Москвѣ—„Со-
 трудникъ Школь“, Воздвиженка, д. Армондъ;
 въ Харьковѣ—у Гусева и Коппъ, Московская, 7.
 Оставшіеся экземпляры „Родника“ 1882 г.
 продаются въ бум. по 5 р., въ папкѣ 6 р.,
 въ перепл. 7 р. Перес. за 12 фунт. № 2574

ФИЛЬТРЫ

для водопроводовъ.

ГОДОВОЙ АБОНЕМЕНТЪ 6 рублей.
 УСТАНОВКА БЕЗПЛАТНО.

Въ складѣ воздушныхъ и электр. звонковъ
ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и Коппъ,
 у Казанск. моста, по кан., № 12. № 2579

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ.

ТОЛЬКО ЧТО ОТРЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ.

ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВА“ 1882 г.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.
ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700
 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Сол-
 вьева**—„Вольтерьянецъ“, больш. романъ Юкая—„Во время бури“,
 больш. пов. **Лебедева (Морскаго)** „Подъ землею“, пов. **Австенто**
 „Испанскій дворянинъ“ и др. произвед. современн. беллетристовъ,
 а также много статей популярно-научнаго содержанія по естество-
 знанію, зоологій, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того без-
 платная **ПРЕМІЯ**: большая олеографическая картина проф. Им. Акад.
 Худ. **В. П. Якобія**—„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ кален. пер. 5 р. 50 к.
 Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Мор-
 ская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

ЧУДО

—солнцевъ, чудо-шляпка,
 магическ. фотографія,
 и 5 др. забавн. игръ,
 все за 1 р. 50 к., съ
 пер. 2 р. Адр. Биро
 объявленій, Невскій
 пр., № 4, С.ПБ. (Основ.
 1873 г.) № 2572

ФЛАГИ.

Предлагаются въ предстоящей **КОРОНАЦІИ**
 изъ лучшаго шерстянаго флагъ-тука. Гото-
 выиъ флагъ, состоящій изъ 3-хъ различнѣ-
 нныхъ полотнощъ въ общей сложности

Ширина	2 арш.	2 арш. 2 в.	3 арш.	3 арш. 6 в.	4 арш.	4 арш. 6 в.	5 арш.	5 арш. 6 в.	6 арш.	6 арш. 6 в.	7 арш.	7 арш. 6 в.	8 арш.	8 арш. 6 в.	9 арш.	9 арш. 6 в.	10 арш.	10 арш. 6 в.	1 арш. 50 к.	
																			2 „ 25 „	
2 арш.	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	2 „ 25 „
	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	1 „ 8 „	3 „ 75 „

Флаги носятъ названіе по цвѣту своихъ по-
 лосъ, такъ напр. „Государственный“ имѣетъ
 полосу: черную, желтую и бѣлую, а „Ком-
 мерческій“ — бѣлую, синюю и красную, по-
 этому при выписываніи флаговъ необходимо
 указать: 1) изъ какого сорта тре-
 буются флаги; 2) подѣ какииъ названіемъ;
 „Государственный“ или „Коммерческій“;
 3) какой длины каждый и 4) сколько экзем-
 пляровъ.

Адресъ: Специальный складъ флаговъ
Д. СИЛИНА, въ С.-Петербургѣ, Гостинный
 дворъ, № 1. № 2573 1-1

Магазинъ и Контора Фортепьянной Фабрики

К. М. ШРЕДЕРЪ,

Поставщикъ Ихъ Величествъ: Императора Всероссийскаго, Императора Германскаго, Импе-
 ратора Австрійскаго и Короля Баварскаго,

Съ 28-го марта, сего года, ПЕРЕВЕДЕНА на

НЕВСКІЙ пр., собств. домъ, № 52,

противъ Императорской Публичной Библиотеки.

Инструменты означенной фабрики будутъ продаваться въ Петербургѣ **ИСКЛЮЧИ-**
ТЕЛЬНО только по вышеозначенному адресу.

№ 2559 4-2

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, plombированіе, испол-
 неніе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе но-
 выхъ зубовъ и цѣпныхъ челюстей по америка-
 нской методѣ; перелѣзка старыхъ челюстей. Про-
 чное и аккуратное исполненіе гарантируется на
 много лѣтъ. Цѣны умеренныя. № 1908

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

БЕЗВРЕДНАЯ

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ

разрѣшена С.-Петербургской Врачебной Управою.

ЯЙЦА ИЗЪ МЯЛА, ПРОЗРАЧНЫЯ И НЕПРОЗРАЧНЫЯ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ХРУСТАЛЬНЫХЪ И БРОНЗОВЫХЪ ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявши названія фирмъ, бли-
 зко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копиру-
 юще наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмъ
 „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
 ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 86, у Аничкина моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ
 № 18-54, Шредера.

Контора и отовый складъ: по Исааковскому пр., въ собств.
 домѣ, № 21.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывески, сходныя
 съ вывескою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадле-
 жаю. Р. № 2562 2-2

УКАЗАТЕЛЬ „ФРУМЪ“

ГОДЪ 1-ГО АПРѢЛЯ XIX.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ
 КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ И НА
 СТАНЦИОННЪХЪ ЖЕЛ. ДОРОГАХЪ И ПАРО-
 ХОДНЫХЪ ПРИСТАНЯХЪ
АПРѢЛЬСКАЯ КНИЖКА
УКАЗАТЕЛЯ „ФРУМЪ“.

Въ этой книжкѣ между прочимъ помѣ-
 щено: Описаніе русскихъ и заграничн.
 шестъ пользованія минеральными во-
 дами, новыя заграничныя маршруты и
 проч. При книжкѣ приложена большая
 карта съ обозначеніемъ поверствъ, разст.
 между всѣми почтов. и желѣзнодорож.
 станц. въ Россіи.
 ЦѢНА ЭКЗ. 40 КОП.

Въ майскомъ выпускѣ „Указателя“,
 имѣющемъ выйти 1-го мая, въ виду пред-
 стоящихъ торжествъ и ожидаемаго уси-
 леннаго наплыва въ Москву русскихъ и
 иностранцевъ, будетъ помѣщенъ указа-
 тель Москвѣ. Майскій и июньскій вы-
 пуски будутъ начечатаны въ громад-
 ныхъ количествахъ экземпляровъ.

Объявленія для вѣщихъ выпусковъ при-
 нимаются: (для майскаго до 25-го апрѣ-
 ля, для июньскаго до 25-го мая) въ
МОСКВѢ, въ главн. конторѣ редакціи,
 Большая Дмитровка, о. Шабаликина;
 въ **ПЕТЕРБУРГѢ**, въ отдѣленн. кон-
 торѣ, Невскій пр., д. 21-26, у Казан-
 ского моста, въ Биро объявленій **В.**
Милосена. Въ провинціи и за-границей
 во время торжествъ обозначенныхъ на
 обложкѣ „Указателя“. № 2569

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ члѣнаго магазина О. Б. Пилладога въ Мо квѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 6 апрѣля 1883 г.

Изданія А. Ф. Маркса въ СПбургѣ.

Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

XIV годъ
№ 16

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ три листа съ 6—10 рис. и ежемѣсячнымъ даровымъ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
Для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для за грани.) за строку непарелль (въ 1/4 ширины страницъ).

Безъ доставки въ Петербургъ. . . **4 р.**
Съ доставкою въ Петербургъ . . . **5 р. 50 к.**
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **8 руб.**

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія **5 р.**
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи **6 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н и В ѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногороднихъ по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всеми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

Рускіе типы и сцены. Хоръ пѣчихъ Шапшеноаго сельскаго училища (Вологодск. губ.). Съ фотогр. Лаптева, грав. Барановскій.

Хоръ пѣвчихъ Шапшенскаго училища.

Въ 1869 году во всемъ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи числилось не болѣе пяти сельскихъ училищъ. Числилось еще до семидесяти церковно-приходскихъ школъ.

Въ 1870 году открылось земство, а въ 1879 году сельскихъ училищъ оказалось уже болѣе двадцати и между ними явились такія, въ которыхъ учениковъ было и въ одномъ училищѣ болѣе, чѣмъ по всѣмъ вмѣстѣ взятымъ прежнимъ пяти училищамъ. Развитію и устройству училища содѣйствовали и земство и сами крестьяне, особенно съ 1874 года, когда образованъ былъ новый уставъ по отбыванію воинской повинности. Въ нѣкоторыхъ училищахъ, кромѣ обязательныхъ по программамъ предметовъ, преподавалось и пѣніе.

На прилагаемомъ рисункѣ снята группа крестьянскихъ мальчиковъ Шапшенской волости, составляющихъ замѣчательно хо-

рошій хоръ пѣвчихъ при Шапшенской церкви. Все это, конечно, ученики Шапшенскаго училища, куда, кромѣ учителя и законоучителя, приглашенъ еще преподаватель пѣнія—мѣстный дьяконъ, который и видѣтъ между ними съ неразлучною спутницею своихъ уроковъ—скрипкою.

Все эта группа съ разнообразными, милостивыми дѣтскими личиками, представляетъ очень оригинальный и своеобразный видъ. Сколько такихъ хоровъ завелось теперь при приходскихъ церквахъ и какъ принялось это прекрасное дѣло церковнаго пѣнія, всегда высоко чтившагося на Руси. Съ самыхъ давнихъ временъ при церквахъ и соборахъ русскихъ всегда были частные хоры пѣвчихъ и страстные любители этого пѣнія, и хоровъ этихъ въ древней Руси было гораздо болѣе, чѣмъ вообще можно бы было предполагать.

Въ цвѣтахъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Лебедева (Морскаго).

(Продолженіе).

Такова была истина, которой Михаилъ Петровичъ не подозрѣвалъ. Онъ вѣрилъ въ свою небезгрѣшность въ отношеніи малютки и рѣшилъ перенести наказаніе твердо и безропотно. О томъ, что собственно все это было счастливой развязкой печально сложившагося положенія вещей, о томъ, что онъ былъ еще слишкомъ малъ и слабохарактеренъ для того, чтобы обстоять передъ тетенькой Акъ и ея положеніе въ его домѣ, равно какъ и о томъ, какъ бы стала жить малютка въ кухнѣ и еще позволила-ли бы ей даже тамъ жить тетенька Настурція,—Михаилъ Петровичъ не думалъ въ силу возникающаго въ человѣкѣ эгоистическаго стремленія оправдать свою слабость независимыми отъ него обстоятельствами. Утопающій, онъ схватился за соломинку и въ рѣшеніи г. Девриента различить его съ малюткой, какъ бы нашель, если не пріятствіе, то оправданіе невозможности обстоять Акъ передъ тетенькой: желаніе, какъ бы уничтожилось тутъ наказаніемъ, становилось невозможнымъ для исполненія. Это была конечно слабость, но которой во многихъ случаяхъ подвержены и взрослые. а Михаилъ Петровичъ былъ ребенокъ.

И вотъ онъ несъ теперь наказаніе. Онъ былъ какъ-то растерянъ и улыбался, готовый расплакаться каждую минуту, перекладывая свою шапочку изъ одной руки въ другую. Что-то рвалось въ его груди и какая-то горечь скопилась въ горлѣ, когда малютка потянулась съ рукъ кухарки на руки госпожи Девриентъ и, очутившись у послѣдней, послала „дадь“ и кучеру прощальный поцѣлуй... Растроганная кухарка поклонилась со слезами на глазахъ барынѣ:

— Не оставьте, сударыня, спротку.

Кучеръ тоже кланялся. Госпожа Девриентъ цѣловала малютку, болтая что-то по нѣмецки, всюду мѣшая слово „милій“. то обращаясь къ Михаилу Петровичу, то къ Акъ, то къ кухаркѣ и кучеру. Кухарка, отеревъ слезы, въ полголоса обратилась къ Михаилу Петровичу:

— О чемъ говорятъ-то— неизвѣстно...

Помогъ г. Девриентъ, явившись переводчикомъ своей супруги. Обращаясь къ кухаркѣ и кучеру, онъ объяснилъ имъ:

— Моя супруга, добрые люди, дозволяетъ вамъ въ свободное время, за то что вы были добры... добры къ сиротѣ, провѣдать ее... Заходите, и за доброту вашу, да награждать васъ Богъ...

Надо было уходить... Наступила какая-то тяжелая пауза молчанія, которую каждый изъ провожающихъ чувствовалъ и сознавалъ, что надо прервать и ни у кого не доставало на это духу... Девриентъ улыбнулся провожатымъ:

— Ну... ребеночекъ будетъ въ хорошихъ рукахъ, греться нечего... заходите, а теперь...

Прислуга закланялась и поятилась къ дверямъ. Не-

благодарная малютка, не сознавая вѣроятно настоящаго положенія вещей, быть можетъ только въ смутномъ разсвѣтѣ своего младенческаго сознанія постигая, что ее перенесли съ кровати, слѣдовательно она будетъ почивать, а почивать, такъ и кушать ужъ тутъ, гдѣ добрая старушка съ похожимъ на ея лепетъ языкомъ, гдѣ качается желтенькая птичка въ кольцѣ, куда ходить „Мисъ“ съ книжками, гдѣ такъ много-много веселыхъ мальчиковъ, гдѣ этотъ Пиголицынъ, будетъ ужъ *тутъ*, а не *тамъ*, гдѣ почиваетъ и кушаетъ „Мисъ“, гдѣ „буки“ и „дады“ — неблагодарная или слишкомъ *практическая* Акъ, одна осталась повидимому совершенно спокойна. Сидя на рукахъ госпожи Девриентъ, она съ любопытствомъ заглядывала въ залъ, быть можетъ сгорая желаніемъ поскорѣе увидѣть поближе птичку, потомъ стала искать „Бозиньку“ и увидѣвъ Его, долго и серьезно разсматривала деревянное Распятіе... Когда же наконецъ „Мисъ“, набравшись силъ, рѣшился сдѣлать послѣдній шагъ и съ неестественной улыбкой конвульсивно вздрагивающаго лица, какъ-то поспѣшно запрокинулъ, расшаркиваясь передъ господиномъ и госпожей Девриентами, чтобы распрощавшись, поскорѣе ужъ выбѣжать на улицу и тамъ дать волю слезамъ,—Акъ не смутилась разлукой, но стала чрезвычайно серьезна, какъ бы что-то обдумывая. И вдругъ онъ услышалъ:

— Мисъ.

Онъ поднялъ на малютку глаза, застланные слезами, точно стеклами, и видѣлъ ее въ какихъ-то золотистыхъ кружочкахъ и дробящихся лучахъ... Слезы стекали съ глазъ на его розовыя щечки и тогда малютка представала предъ нимъ серьезная, но не плачущая, смотря на него какъ бы грустными глазами, представала на одинъ моментъ, чтобы затѣмъ снова погрузиться въ золотистые кружочки и массы дробящихся лучей... Въ слезахъ онъ не видѣлъ, какъ малютка наклонилась къ нему и уцѣпившись рученками за его тонкую шейку, шепнула на ухо нѣжное „батъ“. Тогда онъ смигнулъ слезы и съ мучительной скорбью посмотрѣлъ на розовое личико Акъ... Оно улыбалась съ примѣсью лукавства и шепнуло ему на ушко:

— Бисъ!

Это было выше слезъ!.. Михаилъ Петровичъ въ какомъ-то туманѣ расшаркался съ Девриентами и точно сквозь сонъ—уловилъ слухомъ какъ бы на этотъ разъ не строго звучащаго слова Девриента, разрѣшавшія ему навѣстить Акъ въ ближайшую пятницу вечеромъ. Кажется даже не поблагодаривъ за это, Михаилъ Петровичъ, не видя и не слыша ничего, стремглавъ вылетѣлъ сперва на дворъ, а потомъ на улицу, среди темноты и безлюдья которой далъ полную волю своимъ слезамъ. Онъ былъ одинъ: ангелъ, появившійся въ его домѣ въ неприхотливыхъ цвѣточкахъ русскихъ полей,

улетѣлъ отъ него къ блѣдножелтой птичкѣ, къ сизовато-зеленымъ драценамъ и бархатно-листнымъ марантамъ!..

XIX.

Когда, вернувшись домой, Михаилъ Петровичъ отворилъ дверь изъ сѣней въ прихожую, то къ крайнему своему удивленію и неожиданности, онъ прямо съ порога попалъ въ широко распростертыя объятія невысокаго и толстаго офицера на коротенькихъ ножкахъ съ съ завязаннымъ бѣлымъ носовымъ платкомъ краснымъ лицомъ, съ ямочками на щекахъ и гладко выстриженою, круглою, какъ арбузъ, головою. Очутившись на могучей груди офицерскаго мундира, Михаилъ Петровичъ услышалъ откуда-то со стороны звонкій хохотъ кузинъ, тогда какъ офицеръ, разставляя слоги, густымъ басомъ протянулъ надъ самымъ его ухомъ:

— По-пался!

И крѣпко придерживая одною рукою Михаила Петровича, точно боясь, что онъ вырвется, другою стаскивая съ глазъ закрывающій ихъ платокъ, покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, совершенно неожиданно увидѣвъ передъ собою неизвѣстное лицо... И выпуская Михаила Петровича изъ объятій извинился и назвалъ себя:

— Про-стите велико-душно. Поручикъ Лѣвшинъ.

— Ничего-съ.

И оба раскланялись церемонно, не подавая другъ другу рукъ, причемъ Михаилъ Петровичъ, по неопытности, не назвалъ себя. Впрочемъ это ощущение немедленно поправила тетенька Настурція, пробѣгавшая изъ столовой въ залъ, въ дверяхъ котораго, прижавшись къ косякамъ, стояли, какъ теперь разсмотрѣлъ Михаилъ Петровичъ, Сашенька и какой-то молодой человекъ съ едва пробивающимися усиками и въ пенснэ, одѣтый въ мундиръ съ зеленымъ воротникомъ и золотыми пуговицами. Тетенька, шумя трѣномъ крашенаго шелковаго платья, подбѣжала къ офицеру и назвала ему племянника:

— Мсьѣ Лѣвшинъ, вы незнакомы? Мой племянникъ— Обросимовъ.

На что офицеръ густымъ басомъ:

— О-чень пріятно.

И пожалъ Михаилу Петровичу руку.

— Смѣю спросить имя и отчество?

— Михаилъ Петровичъ...

— Мсьѣ Губаревъ, гдѣ вы?

Приросшій къ косяку молодой человекъ, почти еще юноша, съ необычайно узкимъ лицомъ, отдѣленными тонкимъ переносемъ глазами въ пенснэ, тоненькимъ продолговатымъ носомъ и самымъ миниатюрнымъ размеромъ рта, въ который едва-ли могъ войти кончикъ столовой ложки, — отдѣлился отъ двери и приблизился на зовъ Настурціи:

— Madame?

— Рекомендую: мой племянникъ.

— Salut! — и правовѣдъ стукнулъ каблукками, слегка склоняя голову на сторону при общей неподвижности стана.

Настурція сочла полезнымъ пояснить молодымъ людямъ:

— Вотъ и вся наша семья. Однако, я помѣшала вашей игрѣ?..

Но Сашенька не хотѣла больше играть и подбѣжавъ, выказала такую необычайную радость кузену, которую тотъ считалъ, по своей скромности, незаслуженною. Положивъ ему ручки на плечи, она притворно сердилась на него, бросая самыя кокетливыя взгляды по его адресу своими косенькими глазками и какъ-бы совершенно забывъ о гостяхъ. Она во всеуслышаніе пенила кузену:

— И куда это вы, Michel, запропали?.. Уроки! невозможно вѣчно учиться и учиться... необходимъ и отдыхъ. Безъ васъ было такъ скучно, cousin!

Настурція, въ тонъ дочки, натверживала Лѣвшину и Губареву, мѣшая рѣчь по своему обычаю обиліемъ ввод-

ныхъ предложеній, произносимыхъ какъ-бы въ скобкахъ и пониженнымъ тономъ:

— Не можетъ безъ него жить: кузенъ, да кузенъ,— боюсь, совсѣмъ его избалууетъ: вѣдь онъ еще ребенокъ... Сегодня ушелъ на минутку, а ей вынь, да выложь Мишеля: — гдѣ Мишель? Куда ушелъ Мишель? Хочу видѣть Мишеля! — Настурція тоннула при этомъ слегка ногой, представляя образно настойчивость дочери въ желаніи видѣть кузена, чего на самомъ дѣлѣ никогда не бывало. Правовѣдъ замѣтилъ:

— Cousinage est une dangereuse voisinage.

На что Настурція отвѣтила смѣхомъ, ясно говорившимъ, что то, надъ чѣмъ она смѣется, ужъ совсѣмъ не такъ смѣшно:

— Слышишь, Саша?

— Что, шатап?

— Мсьѣ Губаревъ, повторите.

Правовѣдъ повторилъ. Сашенька сухо отвѣтила:

— Можетъ быть,— и защебетала съ Михаилъ Петровичемъ. Но удивленіе послѣдняго превзошло всякую мѣру, когда Катенька, точно стоворившись съ сестрицей или-же слѣдуя примѣру ея старшинства, подскочила къ братцу съ другой стороны и обѣ наперерывъ защебетали съ нимъ, сообщая ему, что дѣлали безъ него и какъ имъ было скучно. Михаилъ Петровичъ даже сконфузился отъ такого вниманія къ нему своихъ очаровательныхъ кузинъ и стоялъ, не зная, что имъ отвѣтить, поглядывая на пыхтѣвшаго на подобіе самовара толстенькаго офицера, крутящаго усы. Теперь онъ разглядѣлъ его вполнѣ. То былъ, повидимому молодой человекъ, имѣвшій способность краснѣть отъ всякой малости, съ ямками на щекахъ, пуговицеобразнымъ носкомъ на широкомъ и пухломъ лицѣ и голубыми очень добрыми глазами. На коротенькихъ ножкахъ высился полновѣсный стапъ, могучая грудь и внушительное брюшко — и все это съ добавленіемъ солиднаго баса и растягиваемыхъ словъ, произносимыхъ съ необычайной важностью и сановитостью. Весь понуновѣвъ и прекративъ на время пыхтѣть на подобіе самовара, Лѣвшинъ произнесъ своимъ басомъ:

— Все это пре-красно и такая дружба несомнѣнно заслуживаетъ почтенія со стороны всякаго порядочнаго человека, но...

Барышни заразъ полуобернулись на звукъ этой трубы и сухо въ одинъ голосъ:

— Но?..

— Но не мѣшало-бы дать кузену время освободиться отъ пальто.

Тогда всѣ померли со смѣху, а Лѣвшинъ изъ краснаго сдѣлался пурпуровымъ... Вотъ мило! обрадовавшись, онъ и позабыли дать кузену освободиться отъ шубы... Pardon, Michel!.. Сашенька предлагала:

— Дайте, я подержу вамъ шапку: вамъ неловко...

Сашенька тащила съ братна шубу... Не безпокойтесь... Какое-же это безпокойство, cousin! Что вы! Настурція спохватилась:

— Да что-жъ это мы стоимъ въ передней? Ийдемте въ столовую...

Катенька упрашивала мать:

— Кадрильку, шатап, одну кадрильку!..

— Послѣ чаю, мой дружокъ.

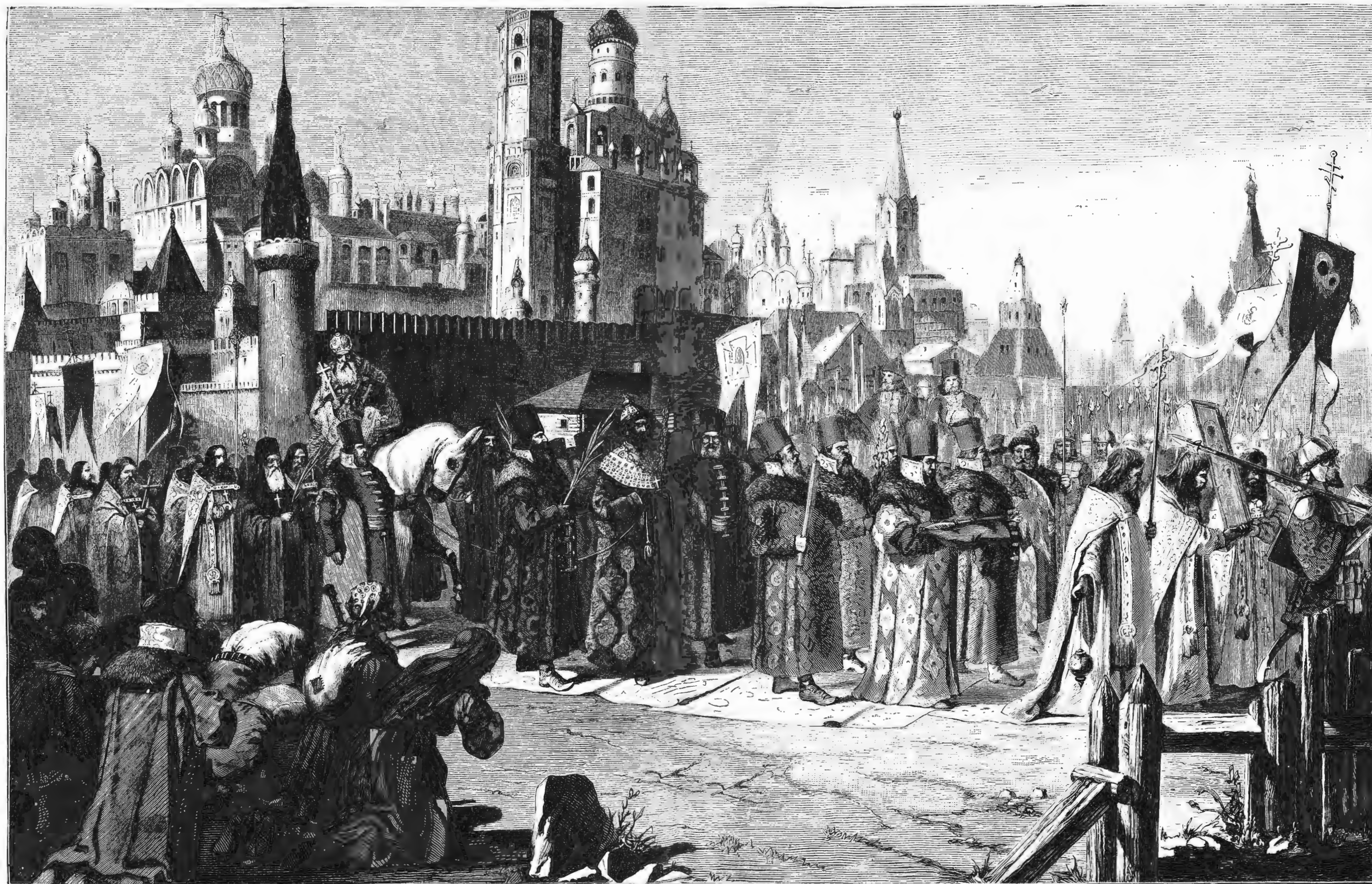
Но Сашенька рѣшила:

— Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ... Сыграйте, шатап... Впрочемъ, что я! Мсьѣ Губаревъ сыграетъ: онъ знаетъ изъ новыхъ мотивовъ, это веселѣе...

И всѣ двинулись въ залъ, гдѣ Губаревъ уѣлся за рояль, приготовившись играть. Лѣвшинъ звякнулъ шпорами передъ Сашенькой:

— Позвольте васъ просить?

— Танцую-съ: вотъ мой кавалеръ,— и къ удивленію Михаила Петровича и даже смущенію, указала на него. Онъ возразилъ:

„Шествіе на ослати“ въ недѣлю Ваій въ Москвѣ XVII в. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Барановскій.

— Я не умѣю танцовать.

— Вздоръ! Я васъ выучу.

Поневоля приходилось вспомнить слова ключницы о „человѣческой жисти“... Едва отервъ слезы, Михайль Петровичъ принужденъ былъ танцовать, какъ онъ не отиѣкивался... Грянулъ кадрили, прямо выхваченный изъ мотивовъ петербургскаго буффа — и танцы, на которые тетенька Настурція любовалась изъ дверей, что особенно смущало Михаила Петровича, начались... Прямья, какъ стрѣлки, барышни носились, выдѣлывая самыя граціозныя па, поникая головками въ соло передъ выступающимъ имъ на встрѣчу, немного выпятивъ животъ и приподнявъ плечи, чтобы казаться молодцоватѣе, Лѣвшинымъ. И между всѣми танцующими безъ толку толкался Михайль Петровичъ, суюсь то туда, то сюда безъ всякой надобности, ни съ того, ни съ сего останавливаясь на одномъ и томъ-же мѣстѣ при каждомъ крикѣ со стороны, путаясь своими неумѣлыми ножками...

Въ антрактахъ между фигурами на минуту присаживались, и Сашенька, розовая какъ всегда, немедленно начинала съ Михайломъ Петровичемъ самой оживленный разговоръ, въ тоже самое время довольно искусно успѣвая слѣдить своими косенькими глазами вооруженными лорнетомъ за танцующимъ vis-à-vis Лѣвшинымъ. Михайль Петровичъ не замѣчалъ, но болѣе привычному къ наблюденію глазу — можно было легко усмотрѣть, что Сашенька только старалась показать видъ, что всецѣло поглощена кузеномъ, и на самомъ дѣлѣ мыслью, зрѣніемъ и слухомъ была отъ него далеко. — тамъ, около этого, какъ казалось Михайлу Петровичу, превосходно танцующаго офицера. Да, онъ танцовалъ прелестно и Михайль Петровичъ невольно поддавался его неотразимому вліянію, стараясь поднять свои плечи, быть ловчѣе и — кто знаетъ, — также нравиться въ танцахъ, какъ Лѣвшинъ. Въ антрактѣ между пятой и шестой фигурой Сашенька спросила Михаила Петровича:

— Вы вѣрно не учились танцовать?

— Нѣтъ.

— Почему?

Въ тонѣ этого вопроса было столько удивленія и какъ бы даже презрѣнія, что Михайлу Петровичу положительно стало стыдно, что онъ не умѣетъ и не учился танцовать... Онъ, покраснѣвъ отъ смущенія, тѣмъ то объяснилъ Сашенькѣ то обстоятельство, что не выучился танцамъ; но она не слушала его. Ея вопросительное „да?“ было произнесено съ такой разсѣянностью, она лорнировала офицера и по всѣмъ видимостямъ находилась далеко своими мысленіями отъ кузена, чего, конечно, этотъ послѣдній не замѣчалъ... Забористый мотивъ галона въ шестой фигурѣ произвелъ на Михаила Петровича то же неотразимое дѣйствіе, какое производитъ маршъ идущаго съ музыкой полка на всякаго прохожаго, заставляя послѣдняго помимо его воли соразмѣрять свой шагъ сообразно съ тактомъ. Музыка дѣйствовала на нервы и невольно заставляла Михаила Петровича не просто *ходить*, а до известной степени танцовать... Его недавнее горе не прошло, еще лежало тяжелою гнетомъ на сердцѣ, но искало себѣ разрѣшенія, или хоть облегченія, въ этомъ ускоренномъ движеніи ногъ подъ тактъ музыки... И вмѣстѣ съ этимъ быть можетъ неотразимымъ дѣйствіемъ музыки на танцующаго, безсознательно и смутно изъ глубины этой молодой души подымалось стремленіе правиться, отличиться въ непривычномъ искусствѣ умѣнемъ, котораго не доставало, и ловкостью, выражающеюся въ мимическомъ подражаніи приподнятымъ и поочередно выставляемымъ впередъ плечамъ Лѣвшина.

Когда окончилась кадрили и Лѣвшинъ съ Губаревымъ вышли въ переднюю покурить, не желая беспокоить куреньемъ дамъ, Михайль Петровичъ очутился совершенно въ положеніи Чацкаго на балѣ Фамусова. Отвѣ-

чая самымъ обстоятельнымъ образомъ на предложенный ему Сашенькою вопросъ о томъ, кто и кто у нихъ въ пансіонѣ учить и чему учить, Михайль Петровичъ сталъ было перечислять своихъ наставниковъ, какъ увидѣлъ, что его дама, сдѣлавшись, по удаленіи мужчинъ, чрезвычайно разсѣянною и озабоченною, на полудразвѣ оставила его безъ всякой церемоніи и подбѣжала къ Катенькѣ, и вскорѣ къ нимъ обѣимъ присоединилась и тетенька Настурція. Какъ какія нибудь заговорщицы, дамы, скучившись посреди залы, шептались о чемъ-то, при чемъ изъ всего ихъ шепота то и дѣло только и доносилось до Михаила Петровича, что фамиліи Лѣвшина и Губарева; когда же эти послѣдніе, покуривъ, возвратились въ залъ, то Сашенька была уже около брата, а тетенька Настурція съ самымъ невиннымъ видомъ оправляла на Катенькѣ воротничекъ.

Сашенька-же, если не удесятерила свою любезность съ братцемъ, то нѣсколько измѣнила ея характеръ. Теперь она висла на рукѣ кузена и прямо лгала ему въ глаза:

— Я обѣщалась вамъ спѣть... Ахъ, Michel, нельзя-ли до завтра... Я не люблю при постороннихъ...

Она повела глазками на Лѣвшина и Губарева, — вотъ, дескать, при нихъ... Настурція же положительно напала на Михаила Петровича съ чрезмѣрнымъ азартомъ:

— До завтра, до завтра! Вотъ баловникъ-то: пой ему, да пой...

Михайль Петровичъ хотѣлъ сказать, что онъ и не думаетъ настаивать и не беспокоилъ кузину просьбою спѣть, но ему рѣшительно не дали выговорить слова... Сашенька стала за него горой передъ матерью:

— Мaman!... не браните Мишеля... Обѣщала; что-жъ дѣлать: надо исполнять... Messieurs, — она обратилась съ лукавой миной къ Лѣвшину и Губареву, — maman зоветь пить чай: не угодно-ли?

Другими словами она пригласила ихъ оставить залъ, чтобы пройтъ кузину *объщанный* романсъ, котораго ни онъ никогда у нея не просилъ, да и она ему не обѣщала, — пройтъ на единѣ, tête-à-tête... Конечно всѣ возстали противъ этого. Губаревъ предложилъ аккомпанировать, а Лѣвшинъ съ невиннымъ видомъ ребенка, сложивъ руки крестомъ на своей могучей груди, даже преклонилъ колѣна, моли дозволить ему остаться, что бы послушать „божественное“ пѣніе Сашеньки. Она согласилась на предложеніе Губарева: самой аккомпанировать и въ тоже время пѣть — трудно; — но на Лѣвшина такъ и не посмотрѣла бы, если бы Настурція и Катенька не обратили на него ея вниманія: И мать и младшая дочь заливались хохотомъ.

— Alexandrine! посмотри на мсье Лѣвшина!... Ахъ, дѣти, вы уморите меня...

Alexandrine съ полувниманіемъ бросила взглядъ на Лѣвшина, продолжавшаго стоять на колѣняхъ въ позѣ кающагося грѣшника съ опущенною внизъ головой. — и чуть-чуть улыбувшись, пошла къ роялю, гдѣ Губаревъ уже прелюдировалъ какой-то романсъ. Тогда, ставъ около аккомпаниатора, Сашенька сочла долгомъ, прежде нежели начать, немного поломаться:

— Право я не въ голосѣ... Точно вы не можете, cousin, подождать до завтра?

И ко всѣмъ:

— Messieurs et mesdames, не смотрите на меня: не выношу...

Немного нагнувшись и смотря въ лорнетъ на ноты, разложенныя на пюпитрѣ передъ Губаревымъ:

— Что это?... А: „Часъ роковой, когда встрѣтилъ тебя.“ *Вашъ* любимый романсъ, Мишель... Commençons!

И при воцарившемся молчаніи, послѣ двухъ-трехъ тактовъ вальса:

Часъ роковой, когда встрѣтилъ тебя,
Трепетно сердце сжалось во мнѣ...

XX.

Переломъ совершился и жизнь Михаила Петровича

уложились въ опредѣленные рамки, какъ по крайнен мѣрѣ думать онъ. Превратившись изъ полновластнаго хозяина съ прїѣздомъ тетеньки въ младшаго члена семьи. Михаилъ Петровичъ сложилъ съ себя многочисленныя экономическія и хозяйственныя обязанности.— съ переселеніемъ Акъ къ Девриентамъ—пересталъ быть воспитателемъ и предоставленъ быть только заниматься собою самому себѣ. Какъ прежде онъ, заботясь о другихъ, не забывалъ и самого себя, такъ и теперь, когда собственно о немъ должны были заботиться старшіе, онъ, забытый въ этомъ отношеніи ими, долженъ былъ руководить собою самъ, не рассчитывая на другихъ. Тетенька жила не для него, а для себя и, сдѣлавшись полною хозяйкой въ домѣ племянника, оставила его безъ всякаго вниманія. Исключая ядовитыхъ замѣчаній относительно какихъ нибудь мелочей безъ постороннихъ и мягкихъ утѣшекъ въ томъ-же отношеніи—при гостяхъ,—Настурція не обращала на племянника ни малѣйшаго вниманія. Какъ онъ учится, готовитъ-ли уроки, что читаетъ, куда ходитъ, надо-ли ему что сдѣлать,—тетенька не интересовалась знать объ этомъ—и платила за племянника куда нибудь или покупала ему что либо только тогда, когда понуждаемый необходимостью—онъ самъ напоминалъ ей о томъ и объ этомъ. Давая деньги на самое необходимое, Настурція постоянно торговалась, хотя въ расходахъ вообще по дому,—какъ понималъ Михаилъ Петровичъ, но не высказывалъ.—была далеко не такъ сдержанна.

Съ кузинами, когда прошли первые дни ихъ пребыванія въ домѣ брата, послѣдній почти постоянно видѣлся только при гостяхъ и чрезвычайно рѣдко одинъ. Гости отъ тетеньки почти не уходили и ихъ съ каждымъ днемъ становилось болѣе и болѣе: на импровизированныхъ вечеринкахъ теперь ужъ не танцовали кадрили въ двѣ пары, но въ шесть и восемь, при чемъ Губаревъ танцовалъ, а играла на роялѣ Настурція, оглашая залъ контрадансами на мотивы изъ „Цампы“ или „Бронзоваго коня.“ Лѣвшинъ при этомъ дирижировалъ, а Михаилъ Петровичъ не танцовалъ, такъ какъ ловкій дирижеръ каждый обыкновенный контрадансъ обращалъ въ *монстръ*, чуть не съ первой фигуры начиная разные сложные шены, разнообразя послѣдніе легкими танцами, дѣлающими для Михаила Петровича участіе въ кадрили невозможнымъ. Во время подобныхъ импровизированныхъ вечеринокъ Михаилъ Петровичъ, забытый всѣми, обыкновенно стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на танцующихъ или слушалъ пѣніе Сашеньки, куплеты произносимыя съ подчеркиваніями Губаревымъ и хоръ распѣвающей „Стрѣлочка,“ при чемъ дирижеромъ опять таки являлся Лѣвшинъ, пѣвшій самымъ низкимъ басомъ.

Модистка перешла платья и барышни носили трауръ, облекшись въ цвѣтное; одна Настурція пока оставалась вѣрна черному и креповымъ фрезамъ. Нерѣдко отправлялись и въ театръ, но Михаила Петровича при этомъ не брали, а приглашали въ ложу Лѣвшина или Губарева. Тогда домъ отдыхалъ въ полусвѣтѣ и тишинѣ; сбившаяся съ ногъ прислуга собиралась въ кухню; лампы тушили и только въ комнаткѣ Михаила Петровича одиноко горѣла лампа, освѣщая кругленькое личико мальчика, склоненное надъ тетрадами классныхъ упражненій.

Встрѣчаясь съ кузинами безъ гостей, Михаилъ Петровичъ не видѣлъ отъ нихъ прежней любезности: онъ, чаще всего, молчалъ съ нимъ, разговаривая объ общихъ знакомыхъ, перебирая всѣ мелочи вчерашняго дня, сплетничая о томъ и этомъ другъ съ другомъ и при участіи мамы. Впрочемъ при постороннихъ и особенно мужчинахъ, чаще всего Сашенька, а иногда и слѣдующая ей прїѣзду Катенька, періодами вспоминали брата, вдругъ ни съ того, ни съ сего становились съ нимъ предупредительны и любезны, скучали безъ него,

просили быть около нихъ, брали подъ руку, а Сашенька исполняла только для него *объщанья* и *любимые* имъ романсы... При этомъ, какъ всегда, Настурція распиналась передъ гостями въ томъ, что привязанность ея дочекъ, особенно Сашеньки, къ братцу такъ велика, что онъ жить безъ него не могутъ и ужъ непременно избалуютъ его... Михаилъ Петровичъ къ этому привыкъ и несколько не удивлялся, когда Сашенька, доведя свою любезность съ нимъ до апогея, съ уходомъ кого нибудь изъ мужчинъ, чаще всего Лѣвшина, вдругъ обрывала ее, становилась холодна и совершенно къ нему невнимательна. Что все это означало—Михаилъ Петровичъ не зналъ, но это вошло въ порядокъ вещей. Губаревъ характеризовалъ роль Михаила Петровича при Сашенькѣ въ его присутствіи словами, что онъ ея „chandelier,“ на что Сашенька отвѣтила улыбкой; что это могло означать, Михаилъ Петровичъ—не постигъ. По справкѣ во французскомъ словарѣ Рейфа оказалось, что chandelier значить—*подсвѣчникъ* и что Губаревъ слѣдовательно сказалъ полнѣйшую безмыслицу, ибо какъ могъ Михаилъ Петровичъ служить для кузины подсвѣчникомъ,—отказываясь понять всякій здравый разумъ.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ привлекали впрочемъ и Михаила Петровича къ участію въ забавахъ; по это дѣлалъ не кузины, а гости, чаще всего Лѣвшинъ. Дѣлалось это обыкновенно, когда устраивались какія либо игры; но въ такомъ случаѣ играющіе забывали младшаго изъ игроковъ, выбирали другъ друга, того кто поинтереснѣе, а не его... Онъ сидѣлъ въ кругѣ забытый, развѣ изрѣдка, кто, случайно взглянувъ въ его сторону и вспомнивъ, что вѣдь и онъ играетъ, а можетъ даже почувствовать смутное угрызеніе совѣсти въ томъ, что тотъ, кому болѣе другихъ приличествуетъ играть,—сидитъ забытый,—вспомнивъ это, бросалъ въ него платокъ и выводилъ его изъ задумчивости:

— Я на тебя сердитъ, Минна!

Вся пикантность этой игры, особенно любимой у Перелетовыхъ, заключалась въ употребленіи играющими въ обращеніяхъ другъ съ другомъ—„ты“ и сокращеннаго имени: ты—Сашенька, ты—Катенька и пр. Съ проговорившагося, сказавшаго вмѣсто „ты“—„вы,“ брался фантъ. Игру эту всѣ очень здѣсь любили.

Такъ, казалось бы прочно и на долго, установилась жизнь Михаила Петровича дома, установилась какъ-то непривѣтно для него и одиноко: его маленькая Акъ унесла съ собою всѣ радости семейнаго очага, привѣтливый огонекъ котораго болѣе не согрѣвалъ и не освѣщала его жизни...

XXI.

Онъ видѣлся съ малюткой хоть на минуту всякій разъ, какъ только приходилъ въ пансіонъ, а по пятницамъ проводилъ съ нею даже цѣлый вечеръ. Малютка поживала ничего себѣ, но съ того самаго времени, какъ перестала коситься на г. Девриента и привыкла къ нему, забрала себѣ въ голову слишкомъ много смѣлости, позволяя себѣ такого рода вещи, которыхъ никогда не допускала относительно самой себя даже Минна Карловна. Привлекаемая къ дверцамъ теплаго корридорчика, соединяющаго залъ г. Девриента съ пансіономъ, шумомъ многочисленныхъ дѣтскихъ голосовъ, Акъ дошла въ одно прекрасное утро до того, что отчасти ползкомъ, отчасти колеблясь на своихъ толстенныхъ ножкахъ, проникла въ этотъ корридорчикъ, прошла и проползла его и никѣмъ не замѣченная, довольно важно вступила въ помѣщеніе собственно уже пансіона. Ея глазамъ представалъ длинный корридоръ съ стеклянными дверями по обѣ стороны: изъ дверей несли смѣшанный гулъ тѣхъ самыхъ дѣтскихъ голосовъ, которые она слышала издали и которые влекли ее сюда; въ ожиданіи учителей мальчики были разсажены по классамъ, но занятія еще не начались. Акъ смѣло направилась къ ближайшему классу и неожиданно появилась въ дверяхъ пе-

редь пораженными первоклассниками, из которых Шоголицину при видѣ этой злодѣйки чуть не сдѣлалось дурно.

Классъ какъ бы онѣмѣлъ на мгновеніе, но вдругъ, побросавъ вверхъ тетради и книги, грянулъ единодушнымъ и долго не смолкавшимъ — ура! Отдѣленные стѣнами второклассники и третъеклассники, не зная причины, поддержали привѣтственный крикъ, потрясшій стѣны заведенія. Виновница такой восторженной оваціи, довольная приѣмомъ молодежи, скромно улыбалась съ порога, не безъ лукавства поглядывая изподлобья на мальчишковъ. Увы! такое торжество продолжалось недолго: на восторженные крики прибѣжали гувернеры и воспитатели и увидѣвъ виновницу нарушения классной дисциплины, подхватили еѣ подъ мышки и оттащили подъ бдительный надзоръ Минны Карловны, которая долго и горячо читала наставленіе малюткѣ, стоявшей передъ ней въ молчаніи и съ опущенной головой, но ничего не понявшей изъ того, что ей говорила почтенная дама.

Опытъ былъ сдѣланъ и повторился при чрезвычайно смѣшныхъ обстоятельствахъ. Блѣдно-желтая птичка, старшая по лѣтамъ, но нисколько не превосходящая развитіемъ малютку, когда эта послѣдняя вздумала пестѣть первоклассниковъ вторично и проникла въ теплый корридоръ, а оттуда въ большой корридоръ, порхнула вслѣдъ за ней и догнавъ еѣ у дверей перваго класса, сѣла ей на плечо. Занятія уже начались и двери въ классы были затворены, но это не остановило малютку и она смѣло толкнула дверь. Еще не рассмотрѣвъ, кто это входитъ, и учитель и ученики, чувствуя входящаго, посидѣвши встать съ своихъ мѣстъ — и увидѣли малютку съ птичкой на плечѣ. Среди тишины остолбенѣвшаго отъ неожиданнаго сюрприза класса, прозвенѣлъ серебристый голосокъ малютки, указывающей мальчишкамъ на плечо, гдѣ сидѣла птичка:

— Тица, — что несомнѣнно означало „птица“, слово выученное въ домѣ г. Девриента. И еще разъ Миннѣ Карловнѣ пришлось долго и горячо наставлять малютку на непонятномъ ей діалектѣ, причѣмъ Акъ опять таки слушала старушку, опустивъ головку, но ничего не понимая.

Съ братцемъ Акъ видѣлась, хоть не на долго, ежедневно. При этомъ малютка отличала Михаила Петровича отъ прочихъ мальчишковъ не только большимъ проявленіемъ по отношенію къ нему съ своей стороны душевнаго расположенія, но и чѣмъ-то похожимъ на *уваженіе* младшаго къ старшему. Малютка смотрѣла на Поголицина и другихъ ему подобныхъ, кажется, какъ на равныхъ себѣ по развитію, если не менѣе; но ея отношенія къ Михаилу Петровичу отнюдь не напоминали заигрываній съ Поголицинимъ и другими, но были отмѣчены нѣкоторымъ отѣнкомъ послушанія, серьезности и очевиднаго желанія повиноваться своему бывшему воспитателю. Только въ его присутствіи Акъ и смолкала, переставала лазить по стульямъ и неустанно болтать всякій легкомысленный вздоръ съ блѣдно-желтой птичкой, чрезвычайно съ малюткой подружившеюся. Акъ смотрѣла на брата серьезно, тихонько садилась къ нему на колѣни и глядя въ его личико любовными глазками, разсматривая его пристально — и по цѣлымъ часамъ, все какъ будто собиралась о чемъ-то спросить Михаила Петровича, но не умѣла и не могла. Тогда, уставъ отъ продолжительнаго и долгаго созерцанія, Акъ начинала болтать ножками, подзывала къ себѣ птичку и о чемъ-то шепталась съ ней, по временамъ взглядывая на брата не безъ примѣси лукавства, какъ бы говорящаго ему: на-ка, пойми, о чемъ такомъ мы тутъ разговоры разговариваемъ!

Это случалось обыкновенно по пятницамъ, когда Михаилъ Петровичъ дольше оставался у Девриентовъ, приходя къ нимъ специально для того, чтобы провести съ Акъ вечерокъ; обыкновенно-же — встрѣчи были коротки,

по отличались искренностью и теплотой, одинаковыми съ обѣихъ сторонъ. Акъ бросалась къ братцу, обнимала его рученками и цѣловала съ криками:

— Бать! Мисъ!

Онъ тоже отвѣчалъ ей поцѣлуями, спрашивая здорова-ли она? весела-ли? на что малютка утвердительно, кивая головкой, отвѣчала ему вопросомъ о „дадахъ“, которыхъ не забывала, хотя по недосугу „дады“ рѣдко посѣщали ее, всякій разъ являясь съ какимъ нибудь гостинцемъ. Михаилъ Петровичъ говорилъ обыкновенно:

— Дады придуть, непременно придуть...

Затѣмъ новыя поцѣлуи и объятія, новыя восклицанія со стороны малютки — „бать! Мисъ!“ и затѣмъ прощаніе... „Мисъ“ уходила, а Акъ смотрѣла за нимъ въ окно, кланяясь и посылая ему въ слѣдъ поцѣлуи ручкой.

Но по пятницамъ — Михаилъ Петровичъ протиривалъ съ малюткой отъ шести до девяти часовъ вечера, оставляя ее уже уложенною въ постельку и отъ желанія спать сдѣлавшеюся какой-то глупенькой и какъ-бы безтолковой. Въ пятницу у Девриентовъ собиралось общество, преимущественно мужчины и двѣ-три дамы изъ нѣмокъ, сверстницы Минны Карловны, въ теченіи всего вечера неустанно работающія длинными деревянными спицами и крючками съ наклоненными надъ вязаньемъ посѣдѣлыми головами, прикрытыми чернымъ или бѣлымъ кружевомъ. Дамы усаживались около переддиваннаго стола, работая подъ мягкимъ свѣтомъ молочнаго абажура, прикрывающаго яркое пламя столовой лампы въ видѣ этрусской вазы изъ блестящей бронзы. По темно-малиновой бархатной скатерти стола раскладывались узоры и мотки берлинской шерсти, руки приходили въ движеніе, головы склонялись и губы шептали по временамъ счетъ крестикамъ и петелькамъ... Поодаль сидѣли мужчины: добрейшій аптекаръ Цимзентъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, совершенно лысый, съ двойнымъ подбородкомъ и весьма солидныхъ размѣровъ брюшкою, — докторъ Карльгофъ, членъ врачебной управы, сѣдой, какъ лунь, красноватый лицомъ, съ большими свѣтло-голубыми глазами на выкатъ и съ постоянно полукрытымъ ртомъ, — пасторъ лютеранской церкви Пробстъ, семидесятилѣтній миниатюрный старичокъ въ бѣлыхъ полисонахъ, съ повязанною около шеи черною шелковой косынкой, типомъ своимъ напоминающій симпатичные облики Александра Гумбольдта и академика Бера на закатѣ ихъ дней. Были и русскіе: учитель Истори въ пансіонѣ г. Девриента и гимназіи нѣкто Рождественскій, высокій брюнетъ изъ бывшаго петербургскаго педагогическаго института, превосходный самородный басъ, одаренный хорошимъ слухомъ и нѣкоторымъ вкусомъ исполненія, и учитель рисованія Осиповъ, плохой художникъ и еще худшій портретистъ, нарисовавшій Минну Карловну съ румянцемъ на ея сморщенныхъ щекахъ до такой степени нѣжнымъ и дѣвственнымъ, что онъ не уступалъ, а даже превосходилъ колеромъ розу, которую художникъ заставилъ нюхать на портретѣ Минну Карловну съ самымъ мечтательнымъ видомъ. Осиповъ былъ кроткій и молчаливый человекъ и имѣлъ слабость выпивать, что очень огорчало Минну Карловну, чрезвычайно къ художнику по добротѣ своей расположенную. Когда Осиповъ приходилъ, то обыкновенно садился рядомъ съ Михаилъ Петровичемъ и маленькою Акъ, пребывая весь вечеръ въ молчаніи, только по временамъ улыбаясь своей шаловливой сосѣдкѣ.

Было что-то мечтательное и тихое въ этой бесѣдѣ прилежно работающихъ женщинъ около стола съ лампой и сидящихъ отъ нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи мужчинъ... Говорили поочередно, не торопясь, взвѣсивъ каждое слово и обдумывая отвѣтъ. То былъ отвлеченный языкъ метафизики Якова Бѣме, шепотъ объятыхъ тишью субботняго покоя, обыкновенно занятыхъ жизненными дрязгами людей, которые собрались сюда, чтобы не только отдохнуть, но и подумать о чемъ-то

Крестный ходъ въ старинной лѣсной церкви въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье.
Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

болѣе вышметъ, нежели окружающая ихъ дѣйствительность. Они говорили быть можетъ отвлеченно и тяжело, но въ этихъ пространныхъ оборотахъ, въ этихъ безтѣлесныхъ представленіяхъ условій и явленій, слышалось высокое стремленіе души, освободившіеся отъ грѣховъ міра, взлетѣть къ той Голгофѣ нравственной чистоты, достигнувъ которой человѣкъ становится ближе къ Богу, къ истинѣ и свѣту... Бесѣды прекрасно отвѣчала и музыка, которую почти постоянно занимались на этихъ вечерахъ. То была строгая и чистая по стилю, но страстная по выраженію ораторія первой половины прошлаго вѣка,—та Passions Musik Баха и Генделя, въ которую гениальные композиторы вложили всю скорбь, весь патетическій вопль, все рыданіе наболѣвшей души человѣка, ищущей излиться въ страстной исповѣди. У Девриента стоялъ въ залѣ органъ, за который садился пасторъ Пробстъ—и звуки мужскаго хора рядомъ торжественныхъ, набѣгающихъ другъ на друга возгласовъ—раздавались въ залѣ, аккомпанируемые органомъ:

Ich hatte viel Bekümmerniss
In meinen Herzen!.. *).

взывали басы и баритоны мужчинъ, раздражающимъ воплемъ взлетая къ небесамъ, причемъ доминировалъ конечно басъ Рождественскаго, въ ранней юности бывшаго архіерейскимъ пѣвчимъ. Хоръ кончалъ какимъ-то могучимъ вздохомъ скорби и подъ тихіе звуки органа вибрирующее, старческое сопрано Минны Карловны, довольно еще сохранившееся для ея почтенныхъ лѣтъ, выдѣлялось въ слезномъ соло рядомъ отрывочныхъ стenanій:

Seufzer, Thränen,
Kummer, Noth,
Seufzer, Thränen, ängstlich's Sehnen,
Furcht und Tod... **)

Лица мужчинъ были серьезны и важны, женщины шептали, работая крючками и спицами, отрывочны восклицанія въ родѣ: „Prachtvoll!.. Wunderschön!“ и всѣ отдыхали усталою душой и просвѣтлялись чистотою мысли этихъ могучихъ хораловъ, этого Евангелія музыки... Точно простой, но мудрый Евангелистъ спускался на землю и развернувъ передъ собравшимися свою Вѣчную Книгу, читалъ имъ одну изъ трогательныхъ главъ заключающагося въ ней повѣствованія.

Михаилъ Петровичъ если не вполне понималъ, то догадывался о настоящемъ смыслѣ этихъ торжественныхъ минутъ, въ которыхъ умѣли соединить эстетическое наслажденіе классической музыкой съ родомъ упражненія въ нравственномъ совершенствованіи. Пока продолжалась музыка и пѣніе, онъ и сидящій рядомъ съ нимъ въ одномъ изъ уголковъ зала Осиповъ, оставались безмолвны и недвижны, являя собою нѣкоторое подобіе каменныхъ изваяній; но малютка Акъ не слѣ-

довала ихъ примѣру. Маленькая реалистка, не находя ничего хорошаго въ этихъ слезныхъ стenanіяхъ скорбной души, еще кое-какъ выносила хоръ, во время котораго, совершенно впрочемъ некстати, тамъ, гдѣ шель ускоренный темпъ, начинала подпрыгивать и раскачиваться на колѣняхъ Михаила Петровича, какъ этотъ послѣдній ни останавливалъ ее; когда же хоръ оканчивался, начиналось соло сопрано или баса, Акъ истощалась терпѣніемъ, зѣвала во всеуслышаніе, ни съ того, ни съ сего начинала болтать о чемъ-то своимъ таловымъ языкомъ, выказывая всѣ признаки нетерпѣнія, чтобы все это поскорѣе окончилось и радостно всхлипывала въ ладошки, когда раздавалось наконецъ „Amen! Amen!“ и органъ замиралъ тихимъ аккордомъ. Этотъ аплодисментъ малютки, не означающій одобренія хорошему исполненію, а удовольствіе, что музыка и пѣніе наконецъ окончились, чрезвычайно смущалъ Михаила Петровича, тѣмъ болѣе, что раздавался среди общаго молчанія и его всѣ отлично слышали.

Онъ, этотъ дѣтскій аплодисментъ, напоминалъ о землѣ взлетѣвшимъ къ небесамъ душамъ, заставлялъ ихъ спуститься отсюда и подумать о грѣховномъ тѣлѣ. Тогда всѣ переходили въ столовую, гдѣ длинный столъ блестялъ бѣлизною скатерти, томпаковымъ самоваромъ и разставленными по подносу гранеными стаканами съ серебряными вызолоченными ложечками. Тутъ маленькая Акъ разлучалась съ Михаиломъ Петровичемъ, такъ какъ ее сажали на высокой стульчикъ около Минны Карловны и обвязывали салфеткой, положивъ передъ нею предварительно, въ предохраненіе чистоты скатерти, довольно обстоятельныхъ размѣровъ клеенчатый коричневый подносикъ; Михаилъ Петровичъ и Осиповъ сидели обыкновенно на противоположномъ отъ хозяйки и малютки концѣ стола. Акъ оставалась скромной пока купала сладкіе крекдельки, но насытившись и не особенно охотно поивая изъ розовой чашечки молока, не стѣняясь разстояніемъ, отдѣляющимъ ее отъ брата и присутствіемъ почтеннаго возраста гостей, то и дѣло чего-то кричала ему и Осипову безъ малѣйшей надобности, пока часы не пробивали серебрянымъ боемъ девять разъ и малютку не относили въ ея опочивальню.

Такъ подростала мало по малу эта легкомысленная особа, съ легкостью уживаясь въ свой не особенно продолжительный еще вѣкъ съ разными образами жизни и различными по характеру людьми. Дни шли за днями и близилось Рождество, тѣмъ непріятное для Михаила Петровича, что съ приостановкой занятій въ пансіонѣ г. Девриента по случаю праздниковъ почти на двѣ недѣли, ему предстояло видѣться съ Акъ уже не ежедневно, а только по пятницамъ. Малютка объ этомъ обстоятельстве вѣроятно и не помышляла.

(До слѣд. №).

Предатель.

Историческій разсказъ.

М. Лиля.

(Окончаніе).

Реймеръ быстро собралъ людей и вскорѣ уже былъ, во главѣ довольно значительнаго отряда воиновъ, на томъ мѣстѣ укрѣпленія, гдѣ, наканунѣ, подѣлалъ таинственную работу. Солдаты стояли у бруствера, но ихъ командира не было съ ними.

— Гдѣ Карстенъ Гольмъ? спросилъ Реймеръ.

— Онъ направляетъ орудія; непріятель, какъ кажется, наступаетъ съ этой стороны, отвѣчали ему.

— Что означаетъ этотъ сигналъ?

Съ этими словами онъ схватилъ водруженное въ землю копье, на оконечности котораго висѣлъ длинный красный флагъ.

— Карстенъ Гольмъ сказалъ вамъ, что это—сигналъ для Избранда, объяснилъ одинъ изъ солдатъ; какъ только флагъ будетъ спущенъ—къ вамъ придутъ подкрѣпленія.

— Объ этомъ ничего Вольфу Избранду неизвѣстно, сказалъ Р. ймеръ,—тутъ кое-что происходитъ не такъ, какъ должно:

* Великою скорбью полно мое сердце!..

** Воздохи, слезы, заботы, нужда, смертная горе, страхъ и смерть... (Кантата Баха).

что означаетъ этотъ пробой въ насыпи, которую мы могли возвести только при помощи всѣхъ нашихъ силъ?

— Врешь мы сдѣлали прошлою ночью по приказу мельника, отвѣчалъ снова тотъ же солдатъ;—она была проложена для того, чтобы облегчить намъ вылазку противъ непріятели.

— Вылазка съ такою кучкой людей дорого обошлась бы Карстену, возразилъ молодой военачальникъ;—онъ порядочно всѣхъ васъ тутъ надулъ.

— Я только что хотѣлъ просить о подкрѣпленіяхъ и ты—какъ разъ кстати! воскликнулъ мельникъ, подходя въ эту минуту; кажется, тѣ господа имѣютъ виды на насъ.

— Твое требованіе о подкрѣпленіи, навѣрно, пришло бы слишкомъ поздно; прежде, нежели оно могло бы явиться—непріятель ужъ давно былъ бы на валу. И съ какихъ это поръ дитмарсенскіе военачальники, вмѣсто того, чтобы носить свои шарфы черезъ плечо—оставляютъ ихъ, въ дождь и снѣгъ, висѣть на оконечности копей?

Реймеръ устремилъ свой пронизывающій взглядъ прямо въ лицо Карстена Гольма; тотъ сначала страшно поблѣднѣлъ, но затѣмъ быстро оправившись, возвратилъ себѣ всю свою самоувѣренность.

— Развѣ ты прислашь сюда, чтобы меня допрашивать какъ школьника? воскликнулъ онъ съ раздраженіемъ; — довольно того, что Вольфъ Изебрандъ знаетъ — для чего этотъ кусокъ красной матеріи развѣвается тамъ наверху, но извѣстна ли тебѣ причина или нѣтъ — это не важное обстоятельство.

— Мы объ этомъ поговоримъ съ тобой послѣ, а теперь главный начальникъ нашъ приказываетъ тебѣ отдать мнѣ твое оружіе. Карстенъ Гольмъ — ты мой плѣнникъ; солдаты, вы — больше не подчиняйтесь этому человѣку.

Мельникъ, отступивъ на шагъ, быстрымъ движеніемъ выхватилъ мечъ изъ ноженъ, но въ то же мгновеніе, Реймеръ схватилъ его за обѣ руки и сжалъ ихъ съ такой силой, что тотъ немедленно же выпустилъ оружіе.

— Четвертыхъ сюда! приказалъ фонъ-Вимерштедтъ, — чело-вѣка этого отведите и держите нождь строгимъ карауломъ; взгляните ему глаза, это не можете интересовать — кто одержитъ тутъ побѣду, но — вы отвѣчаете мнѣ за него головой. Ну, а теперь, дитмарсенцы, примемъ голштинскихъ круподровъ такъ, чтобы имъ жарко сдѣлалось!

Въ сопровожденіи надежнѣйшихъ изъ своихъ ратныхъ товарищей, Реймеръ осмотрѣлъ все пушки; онѣ были наведены слишкомъ высоко и, поэтому, не могли бы подымающемуся снизу непріятелю нанести ни малѣйшаго вреда; онъ тогда же далъ имъ должное направленіе, приказавъ артиллеристамъ обстрѣливать именно тѣ части канавы, гдѣ доступъ былъ облегченъ.

Тѣмъ временемъ, непріятель подступилъ уже такъ близко, что можно было различать, въ его рядахъ, отдѣльныхъ людей, и Реймеръ, по украшеніямъ на шлемѣ и многочисленной свитѣ, узналъ, что въ числѣ штурмовавшихъ находился герцогъ Фридрихъ Голштинскій. Очевидно — красный шарфъ на кольцѣ служилъ имъ указаніемъ слабого пункта, такъ какъ штурмовныя колонны строились прямо противъ него. Быстро и легко была засыпана и пройдена первая канавы, но Реймеръ началъ палубу только тогда, когда атакующіе приблизились ко второму рву. Ужасъ, казалось, овладѣлъ непріятельскими солдатами, почувствовавшими на себѣ уничтожающее дѣйствіе огня, котораго, явно, не ожидали тутъ; съ минуту они простояли въ нѣрешительности, но затѣмъ, все таки, бросились впередъ и ихъ воинственный кликъ грознымъ гуломъ урагана пронесся по всей равнинѣ.

Реймеръ не велѣлъ снимать предательскаго сигнала мельника, желая вѣрнѣе залучить непріятеля въ засаду, но послѣдній напрягалъ все свои усилія, чтобы достигнуть цѣли. Брешь наполнилась сражающимися и сколько враговъ дитмарсенцы ни били, на мѣстахъ убитыхъ являлись новые, а за ними стояли еще сотни, готовые на смѣну утомившихся или убитыхъ. Осажденные дрались какъ львы, всякій взмахъ коня или меча стоилъ жизни врагу, но, наконецъ, юный вождь, къ своему ужасу, убѣдился, что его землякамъ не устоять противъ подавляющаго перевѣса непріятеля, къ которому каждую минуту подходили свѣжія силы. Съ меньшимъ ужасомъ разглядѣлъ Реймеръ, наблюдавшій съ бруствера общій ходъ битвы, что и въ центрѣ оборонительной линіи, гдѣ начальствовала Вольфъ Изебрандъ, гвардія возобновила штурмъ и, казалось, на этотъ разъ успѣннѣе; поэтому онъ отказался отъ мысли требовать у Изебранда подкрѣпленій, не желая ослаблять положеніе главнокомандующаго.

Гвардія, наученная первымъ опытомъ, захватила теперь съ собой больше осаднаго матерьяла, такъ что уже не приходилось возвращаться за нимъ для засыпки второго рва. Раздраженные до крайнихъ предѣловъ эвергическимъ отпоромъ осажденныхъ, неудержимымъ потокомъ хлынули они впередъ, перешли ровъ и, какъ кошки, ползали они по откосамъ шанца вверхъ, гдѣ ихъ ждали дитмарсенцы. Завязалась страшная, кровавая схватка, но и тутъ сила должна была одержать верхъ, и убѣдѣвшимъ дитмарсенцамъ оставалось или класть оружіе, или спасаться въ бѣгствѣ.

Въ эту минуту показалась, окруженная небольшимъ отрядомъ воиновъ, юная, прелестная дѣвушка въ шлемѣ и панцирѣ, съ маленькимъ золотымъ распятіемъ, сіявшимъ въ высоко поднятой правой рукѣ. Сошедшимъ съ неба ангеломъ казалась Тельза Воллеринъ; она спокойно вступила туда, гдѣ всего яростнѣе кипѣлъ бой, и всюду, гдѣ ни появлялась — врагъ отступалъ въ слѣпомъ страхѣ, а ея братья вдохновлялись новымъ мужествомъ. Крикомъ торжества привѣтствовали дитмарсенцы свою героиню и дружнымъ напоромъ въ коня опрокинули передовые ряды уже близко бывшихъ у цѣли гвардейцевъ; тѣ, бросившись внизъ, смяли заднихъ и побѣднѣй кликъ осажденныхъ вселилъ въ нихъ такой ужасъ, что, считая все потеряннымъ, они окончательно обратились въ бѣгство. Штурмъ былъ отбитъ.

Вольфъ Изебрандъ, съ напряженнымъ вниманіемъ все время смотрѣвшій на западъ, замѣтилъ наконецъ, что вода, хлынувшая чрезъ отворенныя шлюзы, медленнымъ, но неудержимымъ широкимъ потокомъ двигалась по долину. Онъ ждалъ только этой минуты.

— Ну — дѣти, впередъ! нашъ союзникъ — море — выступило въ походъ и идетъ на врага! Впередъ! Отмстимъ за Виндбергскихъ и Мельдорфскихъ убитыхъ!

Далеко разнеслись слова храбраго вождя, тотчасъ же спустившагося съ бруствера и ударившаго, во главѣ Гейдской, Вѣрденской, Геммингштедской и другихъ дружинъ, на отсутствующаго непріятеля.

Въ лихорадочномъ волненіи слѣдилъ за сценой Реймеръ. Увидѣвъ Тельзу и обратное движеніе атакующихъ, услышавъ радостные клики дитмарсенцевъ, онъ обратился къ своимъ солдатамъ:

— Наши побѣждаютъ; впередъ — не отстанемъ и мы отъ своихъ!

Отрядъ Вимерштедта съ размаху кинулся на все еще храбро штурмовавшую этотъ пунктъ колонну голштинцевъ, смялъ ее отчаяннымъ натискомъ и быстро прогналъ за канаву. Между тѣмъ, выстрѣлъ за выстрѣломъ продолжалъ сверху громить непріятеля, сѣя въ его густыхъ рядахъ безпорядокъ; голштинцы, не будучи, наконецъ, въ состояніи выдерживать смертельный огонь, отступили и за второй ровъ. Реймеръ, рѣшивъ тогда перейти, подобно Вольфу Изебранду, въ наступленіе, повелъ свои дружины во флангъ непріятеля, пользуясь тѣмъ, что пушки обстрѣливали съ фаса. Въ ту самую минуту, когда онъ уже готовился атаковать, появилась Тельза, уже достаточно воодушевившая воиновъ Изебранда; высоко поднявъ распятіе, она быстро пошла впередъ войска; Реймеръ шель радомъ съ ней, чтобы, согласно обѣту, защитить ее въ случаѣ опасности. Видъ обремененной въ блестящее вооруженіе дѣвушки, безстрашно стремившейся на встрѣчу смерти, произвелъ и тутъ поражающее впечатлѣніе на врага; непріятельскіе солдаты приняли ее за сверхъестественное существо, ниспосланное свыше:

— Противъ людей мы будемъ биться, пока рука способна держать мечъ, но противъ духовъ — не пойдемъ! воскликнулъ одинъ изъ храбрѣйшихъ голштинскихъ военачальниковъ, отдавая своей дружинѣ приказаніе отступать; его примѣру послѣдовали остальные и вскорѣ почти все голштинское войско обратилось вспять, тѣхъ же, которые еще пытались было держаться, смяли дитмарсенцы, слѣдовавшіе всюду съ слѣпой вѣрой, куда ихъ велъ святой символъ. Съ такою же удачей шло и движеніе Вольфа Изебранда. Вдругъ, среди враговъ пронесся крикъ ужаса: „Вода, вода, — назадъ, назадъ!“ и вся армія шархнула въ безпорядочномъ бѣгствѣ.

И дѣйствительно, Петеръ Аренсъ выполнилъ данное ему порученіе — вода прибывала, шумъ набѣгавшихъ волнъ становился съ каждой минутой все отчетливѣе и грознѣе. Голштинцы и датчане смѣшались окончательно; охваченные дикимъ, паническимъ страхомъ, они бѣжали, опрокидывая другъ друга, по упавшимъ, раненымъ и убитымъ, не обращая вниманія ни на какія преграды, — ни на пушки, ни на возы и другія боевыя принадлежности; тѣмъ временемъ, вѣтеръ превратился въ бурю, дождь — въ свѣгъ, крутившійся хлынью котораго спустились ледянымъ налетомъ на дикую сцену хаоса.

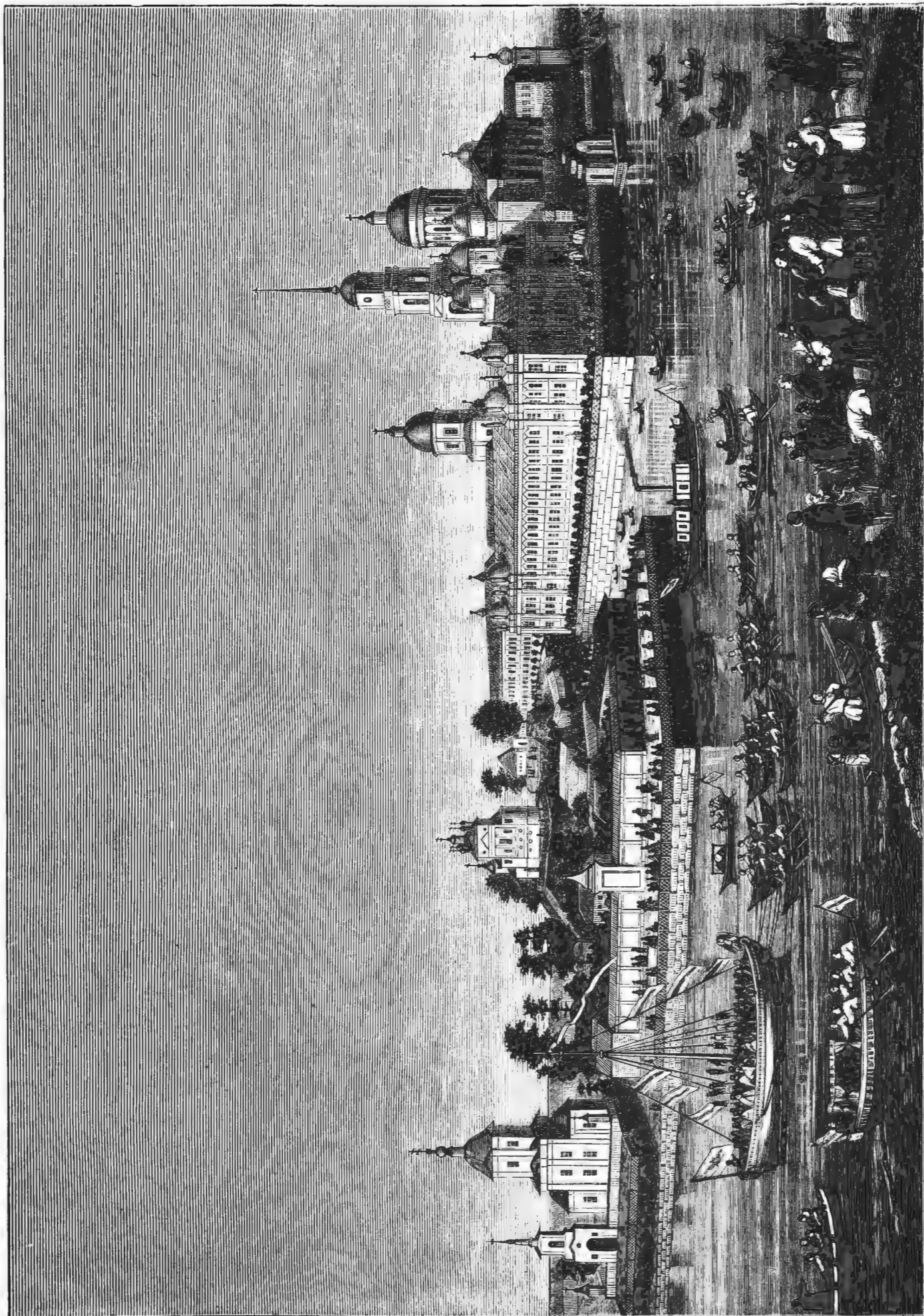
Хроникеръ Іоаннъ Адельфи, по прозванію Neocorus, удостоиврѣетъ, что въ этомъ сраженіи со стихіей, упѣла едва четвертая часть союзнаго войска; геройскіе пади юнкеръ Сленицъ, храбрый вождь „гвардіи“, оба графа Ольденбурга, Эббе Гейсъ, почти все шлезвигъ-голштинскіе рыцари, мужественный Гансъ Адефельдъ, вмѣстѣ съ охранный дружиной, дорого продавъ свою жизнь. Весь лагерь и обозъ достались побѣдителямъ, вскорѣ затѣмъ весело отпраздновавшимъ въ Мельдорфѣ свое торжество надъ иноземнымъ нашествіемъ.

IX.

Два мѣсяца прошло со дня кровавой битвы на Геммингштедской дорогѣ; миръ былъ заключенъ и все приняло обычный видъ. Въ равнинѣ зазеленѣло, деревья одѣлись въ свой весенній нарядъ изъ цвѣтовъ; на болотистой низменности важно и степенно расхаживали стаи анстовъ; въ ясномъ, чистомъ воздухѣ весело щелбеталя, чиркали и трещали зяблики и дрозды; повсюду, въ лѣсахъ, по полямъ и нивамъ зарождалась новая, свѣтлая, радостная жизнь и дитмарсенцы разсыпались теперь по своимъ нашіямъ, счастливые окончанію войны.

Этотъ солнечный праздникъ природы не проникалъ въ темную залу Гейдской ратуши; тамъ сидѣли важные и серьезные мужи въ длинныхъ одѣяніяхъ, собравшіеся, чтобы судить чело-вѣка, угрюмая фигура котораго помѣщалась на деревянной скамьѣ, стоявшей нѣсколько въ сторонѣ. То былъ Карстенъ Гольмъ; обвиненный въ измѣнѣ, онъ ждалъ рѣшенія своей участи отъ приговора судей. Сраженіе при Геммингштедтѣ и его послѣдствія — дѣлежъ добычи, погребеніе убитыхъ и, наконецъ, мирные переговоры замедлили ходъ процесса мельника, до того дня оставая его въ неизвѣстности относительно ожидаемой его судьбы; дѣло велось съ большою осторожностью и вниманіемъ, такъ какъ Карстенъ Гольмъ принадлежалъ къ числу людей, пользовавшихся значеніемъ.

Настойчиво и упорно опровергалъ обвиняемый показанія важнѣйшаго свидѣтеля — Реймера фонъ Вимерштедта, стоя на томъ, что Реймеръ — его личный врагъ; по показаніи другихъ свидѣтелей такъ ясно убѣждали въ его виновности, что никто уже

Видъ Ниловой пустыни, на озерѣ Селигерѣ, близъ Осташкова (Тверск. губ).
 Съ фотографіи Лагтева, грав. М. Рашевскій.

Святые жены у гроба Христова. Ориг. рис. А. Бауера, грав. О. Рогъ.

и не сомнѣвался и, мало по малу, крайнее раздраженіе овладѣло обѣжавшейся со всѣхъ сторонъ толпой зрителей; ихъ удивляла мысль о томъ, чтобы дитмарсенецъ могъ измѣнить своему государю и отечеству.

Мертвая тишина воцарилась въ залѣ, когда старшій судья прочелъ приговоръ: Карстенъ Гольмъ былъ присужденъ къ висѣлицѣ, его имѣніе постановлено было конфисковать въ пользу государства, а имя выставить на позорномъ столбѣ на торговой площади въ Гейда; на основаніи государственной книги законовъ, онъ имѣлъ право апелляціи, и воспользовался этимъ правомъ, для того только, чтобы хоть немного еще продлить себѣ жизнь, зная хорошо, что ему нечего было ждать перемѣны приговора.

Но—какъ все произошло вопреки его расчетамъ! Мысль эта овладѣла мельникомъ, когда онъ снова очутился въ своей мрачной тюрьмѣ; онъ приходилъ въ бѣшенство, вспоминая о Реймерѣ, объ обидѣ, нанесенной имъ ему у окна Тельзы, о томъ, что и изъ за него онъ присужденъ къ позорной смерти.

Осужденный уже давно былъ уведень, разошлись одинъ за другимъ и судьи. но—присутствовавшіе тамъ зрители остались, такъ какъ послѣ судебного засѣданія должно было происходить открытое засѣданіе совѣта; къ числу ихъ присоединилось и нѣсколько духовныхъ лицъ; ждать имъ пришлось недолго—члены совѣта вскорѣ появились, занявъ мѣста, на которыхъ незадолго предъ тѣмъ сидѣли судьи; бургомистръ поднялся и объявилъ, что прочтеть рескриптъ, которымъ Бременскій архіепископъ удостоилъ дитмарсенецъ. Всѣ встали, чтобы выслушать милостивое слово своего государя.

Въ рескриптѣ, князь-архіепископъ воздавалъ хвалу и выражалъ благодарность своимъ вѣрнымъ дитмарсенцамъ за храбрость, съ которою они отстаивали независимость и неприкосновенность владѣній княжества; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ слалъ свое разрѣшеніе и благословеніе дѣлу учрежденія женскаго монастыря.

Затѣмъ, совѣтъ, съ участіемъ священниковъ, приступилъ къ обсужденію вопроса о монастырѣ; въ виду отсутствія другихъ инокинь, кромѣ одной, еще не постриженной Тельзы, большинство членовъ совѣта предложили основать въ Гейда, вмѣсто женскаго монастыря, мужской, рѣшивъ обратиться къ Мельдорфскимъ францисканцамъ съ просьбой отдѣлить отъ себя часть братья.

— На это надо согласіе нашего архіепископа, замѣтилъ старшій священникъ.

Изъ толпы зрителей вышелъ Реймеръ фонъ Вимерштедтъ.

— Я берусь выхлопотать согласіе нашего государя, если вы, господа совѣтники, мнѣ дадите ваше дозволеніе на то, сказалъ онъ.—Бременъ—не на краю свѣта и мой боевой конь свозитъ меня туда и обратно не болѣе двухъ недѣль.

Рано на слѣдующій день, когда жаворонки только что принялись за свои утреннія пѣсни, у окошка дома фогта Воллерина постучалъ всадникъ на, вслѣдъ затѣмъ, звучный голосъ весело крикнулъ:

— Тельза—не грусти, скоро увидимся снова!

Когда молодая дѣвушка отворила окно—ся бывшій женихъ уже мчался по дорогѣ. Долго смотрѣла она влажнымъ взглядомъ ему вслѣдъ. Ея сердце сильно забилось при видѣ статной фигуры молодого воина, гордо сидѣвшего на своемъ вѣрномъ боевомъ конѣ; она поклялась быть его женой и другомъ во всю ихъ жизнь, идти, всегда и во всемъ, рядомъ съ нимъ, дѣлать съ нимъ и радость и горе. А—теперь, теперь ея счастье разрушено! Съ того дня, что вѣренное распятіе было съ торжественной церемоніей возвращено въ Гейдскую церковь и тамъ возложено на алтарь, съ того дня Тельза становилась все болѣе и болѣе серьезною и молчаливою, все болѣе и болѣе уходила въ себя, сосредоточивалась на мысли о высококомъ назначеніи, которое ее ожидало; правда, желаніе остаться съ своимъ отцомъ, жажда жизненныхъ удовольствій, мірскаго счастья говорили сильно въ ней порой; она боролась съ этими тайными стремленіями и тяжела была ей эта борьба; утомленная, она, съ нетерпѣніемъ, ждала, чтобы постройка монастыря была скорѣе окончена и она нашла бы въ его стѣнахъ успокоеніе, котораго такъ желала.

Былъ теплый майскій день, когда у дома Вѣрденскаго фогта снова послышался топотъ лошадиныхъ копытъ; вслѣдъ затѣмъ, въ комнату вошелъ молодой человекъ, запяленное платье котораго указывало, что онъ прямо съ дороги. Тельза вся вскинула, узнавъ въ вошедшемъ Реймера; юный воинъ быстро приблизился къ ней и ваялъ ее за руку.

— Ты опять смущаешь меня, Реймеръ, сказала она, вырывая руку,—къ чему бередишь старыя раны?

— О старыхъ ранахъ нечего ужъ говорить, Тельза! возразилъ онъ,—вотъ средство, которое ихъ залечитъ.

И изъ висѣвшей у него съ боку кожаной сумки онъ досталъ двѣ бумаги, изъ которыхъ одну развернулъ предъ удивленной дѣвушкой; къ пергаменту была прикрѣплена на цвѣтномъ шнурѣ восковая печать, помѣщенная въ деревянный футляръ.

— Ты не будешь монахиней, воскликнулъ онъ,—и надѣнешь подвѣчное платье, а не облаченіе инокини—вотъ, тутъ это

ясно написано: государь нашъ, архіепископъ освобождаетъ тебя отъ твоего обѣта, а въ другой бумагѣ разрѣшаетъ выстроить мужской монастырь вмѣсто женскаго.

Изумленная Тельза не хотѣла вѣрить, но взглянувъ въ бумаги, убѣдилась, что все было такъ, какъ говорилъ Реймеръ.

— Гдѣ мой отецъ, Тельза? спросилъ юноша;—пусть онъ первый узнаетъ о нашемъ счастьи.

— Опъ—въ Гейдѣ, въ совѣтѣ—судить Карстена Гольма, и если мы поторопимся, то застанемъ еще всѣхъ совѣтниковъ въ засѣданіи; ты успѣешь передать имъ и повелѣнія архіепископа.

Нѣсколько минутъ спустя молодые люди шли уже по дорогѣ въ столицу сѣвернаго Дитмарсена.

Зала ратуши вновь была переполнена зрителями, собравшимися выслушать окончательное рѣшеніе дѣла Карстена Гольма; апелляція его была отвергнута; постановленіе совѣта только что было объявлено и присутствующіе собирались уже расходиться, когда въ залу вошелъ Реймеръ рука объ руку съ Тельзой.

Молодого человека обступили со всѣхъ сторонъ, поздравляя съ счастливымъ возвращеніемъ, забрасывая вопросами; появленіе дѣвушки внушило нѣкоторое удивленіе—ее уже отыски видѣть, и еще болѣе страннымъ казалось то, что она пришла вмѣстѣ съ бывшимъ женихомъ.

Держа въ рукахъ оба повелѣнія архіепископа, Реймеръ приблизился къ фогтамъ. Краснорѣчиво рассказавъ онъ о своемъ путешествіи и тепломъ, милостивомъ приѣмѣ, оказанномъ ему ихъ государемъ, который шлетъ своему дитмарсенскому народу привѣтъ и благословеніе.

Архіепископъ велѣлъ отвезти ему помѣщеніе во дворцѣ и удостоилъ приглашеніемъ къ своему столу, гдѣ онъ сидѣлъ съ высокими духовными сановниками за обѣдомъ; онъ долженъ былъ передать всѣ подробности кровавой битвы при Гемингштедтѣ. Послѣ двухъ-дневнаго отдыха Реймеръ выѣхалъ изъ Бремена на рудину; порученіе свое онъ выполнялъ, какъ это было видно изъ двухъ архіепископскихъ повелѣній, которыя онъ тутъ же и вручилъ старшему фогту. Громкимъ голосомъ прочитавъ содержаніе бумагъ, президентъ совѣта произнесъ затѣмъ: „теперь мы считаемъ своей обязанностію выразить признательность тѣмъ, кто жертвовалъ собою для освобожденія отечества отъ иноземнаго нашествія; пока ты, Тельза Воллерзинъ, была еще связана своимъ обѣтомъ, мы не могли предлагать тебѣ, въ награду, никакихъ земныхъ благъ; но нынѣ, когда ты скоро будешь женой нашего храбраго ратнаго товарища, Реймера фонъ Вимерштедтъ, мы рѣшили поднести тебѣ свадебный подарокъ; имѣніе измѣнника Карстена Гольма осталось теперь безъ владѣльца и мы не можемъ дать ему лучшаго назначенія, какъ вручая его той, которая несла предъ нашими войсками дитмарсенскій святой символъ.

— Вы слишкомъ высоко ставите мою незначительную заслугу, взволнованнымъ голосомъ произнесла Тельза; Реймеръ и я обладаемъ достаточнымъ состояніемъ, чтобы жить безбѣдно; полученная имъ доля въ военной добычѣ обезпечиваетъ насъ вполне; а потому я не могу принять вашего милостиваго подарка, отдайте его тѣмъ, кто въ эту войну лишился своихъ кормильцевъ; но у меня есть еще одна просьба, съ которой обращаюсь къ вашему милосердію.

Всѣ прислушались съ напряженнымъ вниманіемъ; наступила короткая пауза.

— Заранѣе обѣщаемъ тебѣ выполнить эту просьбу, отвѣтилъ, наконецъ старшій фогтъ,—ты не потребуешь ничего такого, на что мы охотно не скажемъ „да“ и „аминь.“

— Церковь и государь нашъ оказали мнѣ милость, произнесла Тельза, лицо которой покрывалось густой краской волненія,—да будетъ же оказана милость и заблудшему, который, и безъ того, несетъ тяжелую кару угрызненія совѣсти и презрѣнія всѣхъ людей; не проливайте крови въ этотъ день; исходатайствуйте Карстену Гольму жизнь, изгоните его изъ нашей страны, которую онъ предалъ.

Между присутствующими произошло движеніе, никто не ожидалъ, что дочь фогта будетъ просить за измѣнника.

— Предатель заслужилъ исполнѣ свое наказаніе, произнесъ старшій фогтъ,—но ты имѣешь наше слово и мы его сдержимъ; пусть будетъ по твоему: онъ можетъ идти къ тѣмъ, ради кого измѣнилъ отечеству; но его имѣніе поступитъ въ пользу вдовы и сиротъ нашихъ навшихъ братій.

Нѣсколько недѣль спустя, когда розы уже были въ полномъ цвѣту, распространяя повсюду благоуханіе, а жучки и пестрыя бабочки кружились въ воздухѣ, въ маленькую Вѣрденскую церковь вступила пышная свадебная процессія; въ этотъ день, у подножія алтаря Тельза Воллерзинъ и Реймеръ фонъ Вимерштедтъ были соединены неразрывными брачными узами; все населеніе приняло участіе въ веселомъ торжествѣ.

Гейдскій мельникъ вступилъ на службу Герцога Фридриха Голштинскаго, который далъ ему скромную должность въ одномъ изъ своихъ замковъ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ, какъ иные увѣряли—отъ мученій совѣсти, но на самомъ дѣлѣ, отъ слости на неудачу своихъ плановъ и на потерю своего прекраснаго, съ такимъ трудомъ нажитаго состоянія.

Нилова пустынь.

(Рис. на стр. 372).

Монастырь Нилова Пустынь находится на одномъ изъ острововъ озера Селигера, въ 7 верстахъ отъ уѣзднаго города Осташкова Тверской губерніи.

На островѣ этомъ, необитаемомъ и покрытомъ глухимъ лѣсомъ, поселился въ 1528 году высокой подвижнической жизни инокъ Нилъ — изъ Криницкаго монастыря Іоанна Богослова, тогдашней Псковской области.

На мѣстѣ подвиговъ и чудесъ преподобнаго Нила, послѣ Его преставленія, была основана Обитель съ уставомъ общежительнымъ, Іеромонахомъ Германомъ изъ братіи Рожковскаго, соѣднаго монастыря, въ 1594 году по разрѣшенію Московскаго и всея Россіи патріарха Іова. Въ это же время были выстроены деревянныя келіи, житница и первая деревянная церковь во имя Богоявленія Господня — раньше была только часовня надъ гробомъ Преподобнаго. Германомъ же въ 1596 — 1598 годахъ составлено житіе угодника Божья Нила и служба Ему.

Пожаромъ въ 1665 году — при преемникѣ перваго строителя Германѣ — Нектаріи, истреблены были все монастырскія зданія. Въ слѣдующемъ году Нектарій, имѣя намѣреніе построить въ монастырѣ каменную Соборную церковь, отправился въ Москву просить у царя Алексѣя Михайловича разрѣшенія и денежнаго пособія. Лично онъ получилъ отъ Царя разрѣшеніе на строеніе церкви и 200 руб. на заводъ ея, а отъ Новгородскаго митрополита Питирима благословенную грамоту. Но къ заложенію храма приступлено было, за смертію Нектарія, лишь въ 1667 г., при игуменѣ Германѣ II. И вотъ когда, по разобраніи деревянной часовни, временно построенной послѣ пожара надъ гробницею Преподобнаго, начали копать одинъ изъ рововъ для фундамента новаго храма, именно съ лѣвой стороны, земля прилегавшая къ гробницѣ вдругъ сама собою обрушилась и мощи угодника обнаружилась: гробъ совершенно истребленъ, а святыя мощи оказались нетлѣнными — это случилось 27 мая 1667 года, слишкомъ 110 лѣтъ спустя послѣ преставленія Преподобнаго Нила.

Съ этого времени слава Угодника начала возрастать, а чуда Его привлекать массы поклонниковъ и богомольцевъ изъ всей земли русской. Съ этого же времени и матеріальное состояніе монастыря стало улучшаться — и монастырь обогатился отъ добродѣтельныхъ приношеній и вкладовъ царей, именитыхъ людей и простолюдиновъ. Постепенно въ монастырѣ стали воздвигаться каменные церкви и другія постройки, какъ-то: двухъ и трехъ-этажныя келіи: архіерейскія, архимандритскія, для братіи и для посѣтителей-богомольцевъ; просфоро-пекарня, трапеза, больница, копушенный и конный дворъ, столярня, кузница, слесарня, лодочный и мучные амбары, рыбацкая, солодовня и пивоварня; а въ 1821—1833 годахъ при архимандритѣ Павлѣ воздвигнутъ величественный соборъ, Тосканской новѣйшей архитектуры, съ трехъ-ярусной таковой же архитектуры колокольней, на которой первый колоколъ въ 300 пудовъ, передѣланный изъ прежняго колокола въ 160 пуд., пожалованнаго въ пустынь въ 1670 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Внутренняя отдѣлка храма этого по изяществу и богатству вполне соответствуетъ наружному его величію. Кромѣ этого собора, въ настоящее время находится въ монастырѣ еще пять каменныхъ церквей: большичная Всѣхъ Святыхъ, Петра и Павла, во имя угодника Нила, св. Іоанна Предтечи и во имя Воздвиженія Честнаго Креста Господня.

Изъ достопримѣчательностей собора и ризницы упомянемъ главнѣйшія:

Одежда на престолѣ главнаго алтаря серебряная, вызолоченная, вѣсомъ 3 пуда. На этомъ престолѣ дарохранительница серебряная вызолоченная, превосходной работы Верховцева, вѣсу 18 ф. Царскія двери главнаго алтаря серебряныя, чеканныя, вѣсомъ 10 п. Предъ мѣстными иконами главнаго иконостаса четыре серебряныя, мѣстами вызолоченныя, для возженія свѣчей лампады, вѣсу въ нихъ 1 п.

Серебряная вызолоченная рака, въ которой почитаютъ нетлѣнныя мощи угодника Божья Преподобнаго Нила; вѣс. болѣе 1 п. При мощахъ хранится древняя схема угодника, въ которой онъ былъ погребенъ и которая при открытіи мощей его въ 1667 году, найдена вмѣстѣ съ тѣломъ его нетлѣнною.

Посреди главнаго храма виситъ бронзовое черезъ огонь вызолоченное съ барельефными вызолоченными подъ мать украшеніями, превосходной работы паникадило въ 120 пандаловъ. Евангеліе рукописное (1636 г.), обложено вызолоченнымъ серебромъ.

Евангеліе на престольное въ листъ, печатанное въ 1681 г., верхняя доска его обложена гладкимъ вызолоченнымъ серебромъ, съ черневыми въ пяти кругахъ священными изображеніями, а нижняя травчатимъ бархатомъ — вкладъ царя Феодора Алексѣевича. Евангеліе на престольное въ листъ, печатанное въ 1697 г., обложено травчатимъ бархатомъ съ серебряными вызолоченными по обѣимъ сторонамъ середникамъ и наугольниками, данное по указу царя Петра I-го изъ Приказа Большаго Двора.

Покровъ парчевой, по красной землѣ съ серебряными и шелковыми травами, окаймленный парчей по пунцовою землѣ и обложенный кругомъ золотымъ гасомъ съ крестомъ такового-лѣ гаса, пожалованный отъ императрицы Екатерины II-й. Риза зеленого бархата съ оленьемъ, крестомъ и звѣздою золотой парчи, вкладная царицы Наталіи Кирилловны. Двое ризъ парчевыхъ, по красной землѣ съ серебряными травами и лазуревыми шелковыми цвѣтами — вкладныя императрицы Екатерины II-й.

Панагія золотая, прорѣзная, съ короною и золотою цѣпочкою, украшенная алмазами и аметистами, пожалована въ монастырь императоромъ Александромъ I, по случаю посѣщенія имъ обители 12 Іюля 1820 года.

Чаша водосвятная серебряная, мѣстами вызолочена, вѣсомъ 10 фун., пожалованная царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ въ 1682 г. Чаша кропильная, серебряная, вѣсомъ 2 1/2 ф., вкладная царицы Екатерины Іоанновны и много другихъ цѣнныхъ и примѣчательныхъ вещей.

Монастырь богатъ также землями и прочимъ имуществомъ: имѣетъ собственныхъ два парохода, нѣсколько большихъ мукомольныхъ мельницъ, отдаваемыхъ въ оброчное содержаніе, два подворья, одно въ г. Осташковѣ, въ немъ остававляеется, во время пріѣздовъ, настоятель и братья, а другое въ Москвѣ, въ Тверской части, отдаваемое въ оброчное содержаніе. Имѣетъ собственныхъ рыбныя ловли въ озерахъ Селигерѣ, Серемѣ и Тихминѣ и рѣчкахъ: Серемхѣ, Тихминкѣ и Каменкѣ. Земли въ настоящее время состоятъ за монастыремъ 4500 десятинъ, подъ строевымъ и дровинымъ лѣсомъ, пашней, покосами и выгономъ. Имѣетъ два поселенія, гдѣ находятся огороды, большія запашки и скотоводство съ нужными постройками хозяйственными. Монастырь получаетъ отъ казны ружное жалованіе и милостивую дачу. Вообще же всѣхъ доходовъ въ монастырѣ, какъ отъ хозяйственныхъ распоряженій, такъ и отъ приношеній богомольцевъ, по показанію памятной книжки Тверской губерніи 1863 г., бываетъ 35,000 руб. въ годъ.

Каждый годъ 27 мая, въ день обрѣтенія мощей Угодника, бываетъ громадное стеченіе богомольцевъ до 30000 человекъ; изъ города Осташкова въ этотъ день горожане на пароходахъ, яликахъ и лодкахъ, духовенство изъ всѣхъ церквей, съ хоругвями и крестами пріѣзжаетъ въ пустынь въ особу устроенной громадной баржѣ, украшенной разноцвѣтными флагами и буксирею нѣсколькими лодками; этотъ моментъ и изображенъ на прилагаемой картинѣ. Послѣ торжественной литургии, совершаемой или настоятелемъ пустыни или нарочно къ этому дню пріѣзжающимъ Тверскимъ архіепископомъ, въ сослуженіи всего духовенства и братіи, мощи Угодника обносятся кругомъ монастыря.

Бортнянскій и Турчаниновъ.

(Портреты на стр. 376).

Въ XVIII столѣтіи наша церковная музыка подверглась сильному иностранному вліянію. Началось это вліяніе при дворѣ, куда приглашались для придворныхъ спектаклей маэстро съ запада, преимущественно итальянцы. Оперное дѣло при дворѣ было поставлено пышно и большинство приглашаемыхъ съ запада музыкантовъ являлись къ намъ, имѣя за собой блестящую артистическую карьеру. Назовемъ, на примѣръ, Сальери, ученика Глюка, Галуппи, Паезіелло, Чимароза, Сартти и пр. Иностранцы мастера, помимо опернаго дѣла, касались и нашей церковной музыки. Ихъ милостивому вниманію предоставлялись церковныя хоры, придворныя пѣвчіе участвовали въ придворныхъ оперныхъ спектакляхъ, наконецъ, эти маэстро писали духовныя сочиненія для нашей церкви. Форма этихъ сочиненій была концертная. Какъ форма, такъ и самый стиль, были совершенно новы для русской церкви. Слова священнаго

писанія, разумѣется, выписывались по слогамъ буквами иностраннаго алфавита. Очевидно, что при этомъ упускался изъ вида глубокой смыслъ текста и приписывалась къ нему музыка, подходящая иногда только по общему настроенію къ характеру текста. Концерты писались, такъ сказать, не на слова священнаго писанія, а подлаживались къ слогамъ. Музыка преобладала надъ текстомъ. Но дѣятельность иностранцевъ не ограничилась на древней гласовой мелодіи, какого-либо раслѣва православной греко-россійской церкви. Къ счастью наши мелодіи остались безъ измѣненій, такъ какъ капельмейстеры, не касаясь ихъ, писали самостоятельную музыку. Произведенія, относящіяся къ такъ называемой, концертной эпохѣ, о которой мы говоримъ, ввели у насъ точный ритмъ, полифонію (многоголосіе), но вмѣстѣ съ тѣмъ, привли на нѣкоторое время совершенно неподходящій къ духу церковной музыки свѣтскій

стиль. Концерты испещрялись трелями и всевозможными головными украшениями.

Иностранцы композиторы были учителями наших отечественных и, разумеется, нельзя отрицать их влияние на музыкальное развитие (хотя не в чисто-духовном смысле) в нашей стране. Березовский, Бортнянский, Ведель, Дехтерев и другие, имевшие своими учителями Вопписа, Галуши, Сарты. Русские композиторы, получившие музыкальное образование от иностранцев, писали концерты, подражая своим учителям, но уже с той разницею, что церковный текст, со всеми его подробностями, не ускользал от их внимания. Они старались иллюстрировать текст, пользуясь богатым запасом приобретенных знаний, и давать слову его настоящее значение и произношение натуральное и не искаженное. Къ разряду таких композиторовъ, которые внесли въ концертное пѣніе глубокое содержаніе, тѣсно связанное съ текстомъ, и относится Бортнянскій.

Недѣля сказать, чтобы семья композиторовъ, выказавших самобытность и чисто русскую натуру, несмотря на итальянское влияние, была-бы велика. Итальянцы были виновниками того, что впоследствии явился цѣлый рядъ слѣдующихъ русскихъ подражателей, которые не внесли ничего новаго въ нашу церковную музыку, а напротивъ, развили только недостатки иностранныхъ мастеровъ. Редриковъ, Титовъ, Бовыкинъ и другие,

клавесина и пр., не отличались самобытностью и могутъ быть отнесены къ области музыки чисто подражательной. Въ 1779 году Бортнянскій вернулся въ Россію, проживши 11 лѣтъ за границей. Благосклонное вниманіе императрицы, званіе композитора придворной пѣвческой капеллы, денежная награда, были поощреніемъ его композиторской дѣятельности. Впоследствии Бортнянскій получилъ званіе директора пѣвческой капеллы. Хоръ придворныхъ пѣвчихъ, отличавшійся и до Бортнянскаго прекраснымъ исполненіемъ, былъ возведенъ имъ на ту художественную высоту, которая дала ему всемирную извѣстность. Съ возвращеніемъ въ Россію совпадаетъ начало его самобытной творческой дѣятельности. Бортнянскій написалъ 45 концертовъ, 8 духовныхъ тріо съ хоромъ („Исполла э ти деспота“, „Да исправится молитва моя“ и пр.), 8 херувимскихъ, 14 нумеровъ „Тебе Бога хвалимъ“ и болѣе 40 разнообразныхъ духовныхъ сочиненій, которыя изданы придворной пѣвческой капеллой. Помимо музыкальныхъ красотъ, отличающихъ духовныя произведенія Бортнянскаго, они проникнуты религиознымъ настроеніемъ. Хоры Бортнянскаго носятъ на себѣ крайне разнообразныя впечатанія духовнаго состоянія. Его музыка то спокойновеличественна, то трогательна и умилительна, то сильна и грандіозна. Точная передача текста всегда была главной задачей Бортнянскаго. Ясность, удобоуслышность, а вмѣстѣ съ тѣмъ величавость стиля, неотразимо дѣйствуютъ на слушателей

Русскіе Духовные Композиторы.

Д. С. Бортнянскій. Съ фотогр. грав. Барановскій.

П. И. Турчаниновъ. Съ фотогр. грав. Барановскій.

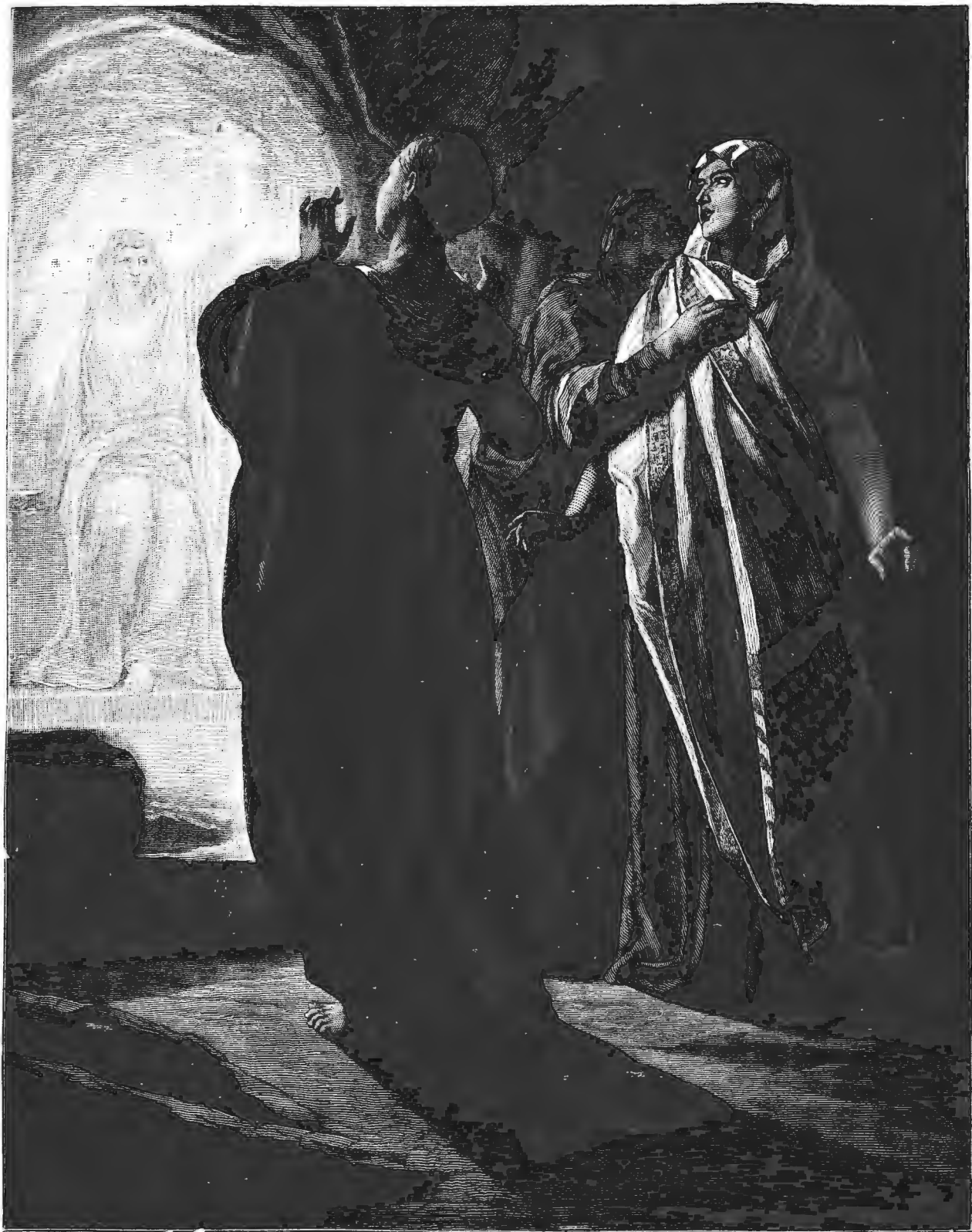
писали духовныя произведенія совершенно не подходящія къ требованіямъ церкви. Изъ подъ пера ихъ выпли херувимскія съ разными вокальными украшениями, такъ называемыя, херувимскія веселаго распѣва съ выходками, умилительныя съ выходками и съ другими подобными названіями. Для херувимской пользовались музыкой изъ ораторіи Гайдна „Сотвореніе міра“ или для литургійнаго пѣнія „Тебѣ поемъ“ брали пѣснь жреца изъ „Весталки“. Подобное направленіе держалось долго до начала XIX столѣтія и впоследствии было воспрещено пользоваться имъ въ церквахъ. (Указомъ 1816 года, по которому дозволялось пѣть въ церкви партесное пѣніе только по печатнымъ нотамъ, изданнымъ съ разрѣшенія пѣвческой капеллы. Такой указъ былъ изданъ въ бытность Бортнянскаго директоромъ придворной пѣвческой капеллы). И такъ, мы возвращаемся къ одному изъ лучшихъ представителей духовной музыки Бортнянскаго.

Дмитрій Степановичъ Бортнянскій родился въ 1751 году въ городѣ Глуховѣ, Черниговской губерніи (умеръ въ 1825 году). Благодаря прекрасному голосу, 7-ми лѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ ваятъ въ придворную пѣвческую капеллу. Императрица Екатерина обратила вниманіе на его счастливую музыкальную организацію и поручила маэстро Галуши заняться музыкальнымъ воспитаніемъ Бортнянскаго. Когда Галуши покинулъ Россію, то черезъ пѣкоторое время молодого Бортнянскаго послали въ Венецію къ своему учителю для дальнѣйшихъ занятій. Позже, Бортнянскій изучалъ музыкальное искусство въ Болоньѣ, Римѣ, Неаполѣ. Много духовныхъ произведеній, написанныхъ имъ въ стилѣ итальянскихъ мастеровъ: сонаты для

Львовъ, одинъ изъ глубокихъ почитателей Бортнянскаго, выражался о немъ слѣдующими словами: „Все музыкальныя сочиненія Бортнянскаго весьма близко изображаютъ слова и духъ молитвы; при изображеніи молитвенныхъ словъ на языкѣ гармоніи, Бортнянскій избѣгалъ такихъ слитеній аккордовъ, которыя, кромѣ разнообразной звучности, ничего не изображаютъ, а избобрѣтаются, какъ будто для показанія тщетной учености сочинителя“. Бортнянскій много трудился надъ переложеніемъ старинныхъ духовныхъ пѣснопѣній, но такъ какъ они не дѣлились на такты, часто представляли неудобный матеріалъ для гармонизаціи, то при переложеніи Бортнянскій ихъ подвергалъ измѣненіямъ, сохраняя самыя существенныя ихъ черты.

Совершенно другаго направленія, при переложеніи церковныхъ мелодій, держался Турчаниновъ. При его гармонизаціи старинныя пѣсньи по возможности оставались въ ихъ неприкосновенной чистотѣ, вслѣдствіе чего духовная музыка, получивъ болѣе художественную гармоническую окраску, сохраняла первобытный характеръ пѣснопѣнія нашей церкви. Направленіе Турчанинова пользовалось въ свое время особымъ уваженіемъ: его переложенія были разрѣшены св. синодомъ къ исполненію въ храмахъ при богослуженіи.

П. И. Турчаниновъ родился въ Петербургѣ въ 1779 году. Отецъ его, дворянинъ, долженъ былъ переселиться изъ Петербурга въ Кіевъ, гдѣ его 9-лѣтній сынъ былъ помѣщенъ въ народное училище. Свою молодость Турчаниновъ провелъ на югѣ. Въ его жизни играетъ большую роль хоръ генерала Левандова, который въ Кіевѣ занималъ видный постъ. Въ этомъ хорѣ услышалъ его фельдмаршалъ Потемкинъ при пробахъ че-

Христосъ Воскресе! Съ картины Шпангенберга, грав. О. Ротъ.

рець Кієвъ и такъ былъ восхищенъ пѣніемъ молодого Турчанинова, что взялъ его съ собою въ Яссы. Музыкальное образование свое Турчаниновъ получилъ сперва подъ руководствомъ знаменитаго Сарти, капельмейстера хора свѣтлѣйшаго князя Потемкина, а засимъ дальнѣйшимъ своимъ музыкальнымъ развитіемъ Турчаниновъ обязанъ Веделю, извѣстному композитору духовно-музыкальныхъ сочиненій.

Съ Веделемъ Турчаниновъ занимался въ Кієвѣ, куда онъ, по смерти Потемкина, вернулся для участія опять въ хорѣ Левандова. Веделъ состоялъ тогда учителемъ этого хора. Окончивъ свое образование, Турчаниновъ занялся изученіемъ и разработкой древнихъ церковныхъ напѣвовъ. Благодаря извѣстности, которую приобрѣлъ Турчаниновъ, какъ знатокъ церковнаго пѣнія, онъ былъ приглашенъ орловскимъ архієпископомъ,

Досіеємъ, учителемъ архієрейскаго хора, и въ 1803 году, по убѣжденію пресвященнаго, принялъ санъ священника. Въ Петербургѣ мы встрѣчаемъ имя Турчанинова въ 1809 году, гдѣ онъ занялъ мѣсто регента митрополичьего хора. Въ 1827 году свою дѣятельность онъ переноситъ въ придворную пѣвческую капеллу, куда онъ получилъ приглашеніе въ качествѣ учителя хора.

По представленію бывшаго тогда директора, Ѳ. П. Львова, Турчаниновъ участвовалъ въ комиссіяхъ по разработкѣ и изданію духовно-музыкальныхъ сочиненій. Панихидное пѣніе, теперь употребляемое повсемѣстно, написано рукою Турчанинова. Въ 1814 году П. И. Турчаниновъ возведенъ въ санъ протоієрея, позже онъ находился въ придворномъ штатѣ при церкви Зимняго дворца, а засимъ при стрѣльнянской придворной церкви. Благодаря его стараніямъ, хоръ Сергіевской пустыни, съ кото-

рымъ онъ занимался нѣкоторое время, достигъ такого совершенства, что изъ Петербурга специально ѣздили любители духовнаго пѣнія наслаждаться совершеннымъ исполненіемъ. Въ 1841 году П. И. оставилъ службу и остатокъ дней своихъ до смерти, послѣдовавшей въ 1856 году, посвятилъ сочиненію духовно-музыкальныхъ произведеній. Музыка Турчанинова болѣе, чѣмъ музыка Борнъянскаго, отличается отсутствіемъ иностран-

наго вліянія и носить на себѣ отпечатокъ національный. Она крайне пѣвуча, искренна и переполнена прекрасными мелодіями. Благодаря своимъ крупнымъ достоинствамъ, произведенія П. И. Турчанинова сдѣлались достояніемъ всего православнаго міра. Часть сочиненій его уже издана (въ четырехъ томахъ), другая же часть, проредактированная покойнымъ А. И. Рожновымъ, готовится къ печати.

С О Н Ъ.

Я снова видѣлъ мой давнишній сонъ:
Торжественно катились колесницы,
Торжественно гремѣлъ тимпановъ звонъ,
Шли на цѣпяхъ серебряныхъ тигрицы...

Сквозь пыль сіяли въ солнечныхъ лучахъ
И бѣлыя и пурпурныя тоги,
Толпы дѣтей въ гирляндахъ и цвѣтахъ
Цвѣты бросали посреди дороги...

Какъ снѣжныхъ горъ вершины—надъ толпой
Дворцы и цитадели возвышались,—
Казалось мнѣ, что гордой головой
Они до неба гордаго касались...

И на носилкахъ Цезаря несли,
И весь народъ кричалъ въ восторгѣ дикомъ,—
И чей то адскій стонъ изъ подъ земли
Все заглушалъ своимъ ужаснымъ крикомъ!...

П. Гнѣдичъ.

Празднованіе Пасхи въ старинной Руси.

Очеркъ.

Пасха у всѣхъ христіанскихъ народовъ самый веселый праздникъ;—праздникъ весны и пробужденія природы здѣсь соединяется съ великимъ религіознымъ торжествомъ и даетъ ему особую прелесть и обаятельность. Природа въ это время, по народному убѣжденію, какъ бы сочувствуетъ Воскресенію Спасителя и выражаетъ эту радость въ самыхъ обыкновенныхъ своихъ явленіяхъ. Такъ предки наши вполне были увѣрены, что въ Свѣтлое Воскресеніе вспышка утренней зари на востокѣ небосклона бываетъ краснѣе, розовѣе, нежели въ другіе дни, и что солнце при своемъ восхожденіи трепещется, играетъ... Въ старину и на колокольняхъ и на горахъ и вообще на высокихъ мѣстахъ, уже за долго до зари стояли набожные зрители, чтобы полюбоваться этимъ чуднымъ и таинственнымъ зрѣлищемъ. Въ Москвѣ этимъ интересовалась особенно молодежь, любившая раннимъ утромъ Великаго дня влѣзать на безысленныя колокольни города, или совершать восхожденіе на Воробьевы горы. Люди пожилые и степенные не имѣли времени чтобы любоваться лучезарнымъ восходомъ солнца; у нихъ было и безъ того много дѣла при встрѣчѣ праздника; особенно у людей служилыхъ, которые по обязанности встрѣчали праздникъ въ Кремлѣ, вмѣстѣ съ Государемъ. Въ вечеріе Свѣтлаго дня царь слушалъ полунощницу въ „престольной комнатѣ“, гдѣ по окончаніи церковной службы совершался обрядъ такъ называемаго „царскаго лицезрѣнія“. Этотъ обрядъ заключался въ томъ, что всѣ высшіе бояре и низшіе служилые чины по особому благоволенію Государя входили въ комнату, чтобы видѣть Великаго Государя „пресвѣтлыя очи“. Но вотъ загулъ прізывный, полунощный, торжественный колоколъ и царь шествовалъ въ Успенскій соборъ для слушанія утрени. При этомъ выходѣ Государя окружали бояре и окольные въ золотыхъ кафтанахъ и горлатныхъ шапкахъ; передъ ними шли стольники, стряпчие, дворяне и дьяки. Самъ Государь также былъ въ золотомъ опашнѣ съ жемчужною нашивкою на горлатной шапкѣ. Утренняя совершалась съ большимъ благолѣпіемъ и пышностью; храмъ горѣлъ огнями, золотомъ и драгоценными самоцвѣтными камнями; повсюду блистали яркіе цвѣта праздничныхъ нарядовъ—роскошные переливы атласа и бархата. Во время заутрени послѣ хвалебныхъ стихиръ, Государь прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ, а по возглашеніи: Христосъ Воскресе! творилъ цѣлованіе въ уста съ патриархомъ и другими духовными чинами; ближнихъ же бояръ своихъ онъ жаловалъ къ рукѣ и раздавалъ имъ пасхальныя яйца, которыя были самыми разнообразныя: гусиныя, утиныя, куриныя и точеныя деревянныя, расписанныя по золотому яркимъ узоромъ или цвѣтками и травами, а „въ тѣхъ травахъ видны были и птицы, и звѣри, и люди.“ Приготовленіемъ такихъ яицъ занимались токари, иконописцы, травщики Оружейной палаты и нерѣдко монахи Троицко-Сергиевскаго монастыря. Количество раздаваемыхъ царемъ крашенныхъ яицъ достигало громадной цифры—37000 и потому неудивительно, что эта раздача требовала особыхъ чиновниковъ; такъ при ней состоялъ особый *приносчикъ*, стольникъ изъ ближнихъ людей, и десять человекъ жильцовъ, созывавшихся *подносчиками* и получавшими отъ царя за выполненіе этой обязанности по десяти рублей каждый. По окончаніи заутрени царь шелъ прикладываться къ мощамъ и христосоваться съ предками, т. е. кланяться доземно ихъ праху. Изъ благовѣщенскаго собора Государь направлялся прямо въ Верхъ во дворецъ и жаловалъ тамъ въ столовой и передней къ рукѣ и одѣвалъ яйца бояръ и другихъ сановниковъ, оставленныхъ здѣсь для *береженія*, т. е. для охраны царской семьи. Выполнявъ этотъ обрядъ, Государь, въ сопровожденіи патриарха и разныхъ чиновныхъ покровителей, шелъ привѣтствовать царицу въ золотую палату.

Палата, въ которой происходило это торжественное поздрав-

леніе отличалась тѣмъ же византийскимъ характеромъ украшеній, какъ и другія жилия комнаты дворца; сводчатый потолокъ ея былъ покрытъ различными изображениями, писанными на золотомъ фонѣ. Эти изображенія представляли вѣнки цвѣтовъ, деревья, виноградныя лозы и порхающихъ между ними птичекъ. Въ срединѣ потолка спускалась люстра причудливой формы; она изображала льва, держащаго въ зубахъ змѣю, къ извилистой тѣлу которой искусно былъ подвѣшенъ кругъ съ подвѣсчиками. Верхняя часть стѣны была украшена мозаикой, представлявшей преимущественно библейскія сцены, тогда какъ нижняя была завѣшена роскошными коврами.

Царица обыкновенно надѣвала въ этотъ день ослѣпительной красоты корону, усыпанную драгоценными, самоцвѣтными камнями, раздѣленную жемчугомъ на двѣнадцать квадратовъ по числу Апостоловъ. Прочая одежда царицы также была богато украшена жемчугомъ и цѣнными камнями, которые ослѣпляли всѣхъ своимъ блескомъ; кругомъ трона стояла густая толпа придворныхъ боярынъ и боярышень, одѣтыхъ во все бѣлое, но безъ всякихъ драгоценностей; всѣ эти женщины стояли какъ статуи, со сложенными на груди руками, и съ опущенными глазами, будучи не въ правѣ даже и въ этотъ великій; праздничный день, измѣнить обычаямъ теремной жизни и господствовавшему тамъ этикету.

Великій день заканчивался достойнымъ образомъ прекраснымъ, высоко-нравственнымъ обычаемъ. Вечеромъ царь посѣщалъ тюрьмы, больницы и богадѣлни, пѣнныхъ и колодниковъ; „Христосъ воскресъ и для васъ“, говорилъ онъ имъ, надѣляя ихъ одеждою, деньгами и пищей. Вообще всю Свѣтлую недѣлю наши цари и царицы посвящали богомолью по разнымъ ближайшимъ къ Москвѣ монастырямъ и въ тоже время царь еще долженъ былъ находить время для приема у себя множества лицъ различнаго званія, приходившихъ къ нему съ поздравленіями и великолѣпными дарами. Такъ на другой или на третій праздника, а чаще всего въ среду Святой Недѣли, государь принималъ въ Золотой Палатѣ, въ присутствіи всего царскаго чина, патриарха и духовныхъ владыкъ, а въ прочіе дни послѣ обѣдни жаловалъ къ рукѣ и надѣлялъ яйцами разныхъ служителей и людей всякаго званія. Всѣ эти лица являлись съ поклономъ къ Государю не съ пустыми руками; знатные и богатые приносили въ подарокъ царю золотые, т. е. иноземные червонцы, которые тогда еще не имѣли значенія денегъ, а люди бѣдные и особенно разнообразныя художники и мастера Оружейной Палаты считали своею обязанностью поднести Государю вмѣстѣ великодушнаго яйца какое нибудь хитрое произведеніе своего искусства. Въ пятницу же на Святой недѣлѣ цари обыкновенно отправлялись въ Новодѣвичій монастырь, около котораго издавна въ этотъ день, послѣ крестнаго хода, происходило многолюдное гулянье, и для царственныхъ посѣтителей на обширномъ полѣ разбивали роскошные, шарчевыя шатры.

Народное празднованіе Пасхи въ эту далекую отъ насъ эпоху мало чѣмъ разнилось отъ нашего времени. Также какъ и теперь, простой русскій человекъ считалъ за грѣхъ ложиться спать въ ночь предшествующую Великому дню; засыпавъ благовѣсть, шелъ къ заутренѣ и воротившись домой громко поздравлялъ своихъ домашнихъ магическими, чудными словами: Христосъ воскресъ! и обмѣнивался съ ними крашеными яйцами. Послѣ обычнаго розговѣнья, народъ проводилъ время почти по одной и той же программѣ; кто пѣлъ великодушныя пѣсни, кто каталъ яйца на лубкахъ, передъ разостланнымъ ковромъ, кто игралъ въ битки; обѣдали всѣ очень рано и ложились отдыхать, а вечеромъ шли къ вечернѣ. Кромѣ того въ старину находилось много охотниковъ звонить въ колокола, а на папертахъ церковей собиралась всегда густая толпа народа.

съ наслаждением слушавшая эту своеобразную музыку; кроме того здесь же на папертях и около церкви устраивалось настоящее гулянье: катали яйца, играли в битки, пощелкивали орехи; дѣвочки скакали на доскахъ; ребяташки играли въ бабки, а взрослые въ свайку и чехарду. Отовсюду слышался

скрипъ качелей, звуки балалайки или заливной пѣсни и звучное христовоскресное чмоканье. Скорлупа орѣховая и яичная застилала улицы и служила для каждаго прохожаго очевиднымъ доказательствомъ, что на Руси великій праздникъ — Пасха.

Къ рисункамъ.

Обрядъ „шествія на осляти“ въ XVII в.

(Рис. на стр. 364 и 365).

Въ прошломъ №, въ описаніи обряда „Шествія на осляти“, мы остановились на моментѣ выхода Царя, духовенства и бояръ. Когда вся эта процессія подходила къ Покровскому собору, то останавливалась лицомъ къ востоку; патриархъ благословлялъ народъ и вступалъ вмѣстѣ съ Царемъ въ предѣльный храмъ Входа въ Иерусалимъ, сопровождаемый лишь избранными членами. Здѣсь послѣ обычной молитвы Патриархъ облачался, а Царь надѣвалъ на себѣ все царскія регалии. Между тѣмъ лобное мѣсто уже давно было приготовлено къ торжеству; оно было устлано алымъ и зеленымъ сукномъ; посрединѣ стоялъ наложникъ, покрытый бархатной пеленой, отороченной золотымъ поументомъ и кромѣ того все пространство отъ лобнаго мѣста до Спаскихъ воротъ было уставлено высокими надолбами, обитымъ цвѣтнымъ сукномъ. На всемъ протяженіи этого мѣста стояло войско, а за нимъ уже шумѣла и волновалась необозримая масса народа. Здѣсь-же неподалеку отъ лобнаго мѣста со стороны Красной площади стоялъ конь, долженствующій изображать въ процессіи осли. Онъ былъ покрытъ бѣлой, суконной каптурой, т. е. попоной, къ которой были придрѣланы громадныя уши. Конь охранялся однимъ патриаршимъ бояриномъ и пятью дьяками въ золотыхъ кафтанахъ. Тутъ-же около коня красовалась и нарядная верба на саняхъ на особенно устроенномъ колесномъ возкѣ, обитомъ краснымъ сукномъ и расписанномъ самыми яркими красками. Въ саняхъ было запряжено шесть возниковъ (лошадей) въ цвѣтныхъ бархатныхъ каптурахъ и въ *надолжкахъ*, украшенныхъ роскошными перьями. Украшеніе вербы лежало на обязанности соборнаго ключаря, который и обвѣщивалъ ее разными плодами и лакомствами: яблоками, грушами, изюмомъ, финиками, винными ягодами, рожками и даже орѣхами. Прибывъ на лобное мѣсто, Патриархъ вручалъ сперва царю, потомъ чинъ по чину, предстоявшимъ особамъ ваин, т. е. вербы. Послѣ этого обряда архидьяконъ приступалъ къ чтенію Евангелія, именно того мѣста, гдѣ повѣствуется о вѣздѣ Спасителя въ Иерусалимъ. Согласно евангельскому разсказу, Патриархъ посылалъ ключаря съ протоіереемъ привести ему осли. Посланные, переговоривъ съ дьяками, охраняющими осли, т. е. повторивъ тѣ фразы, которыя были сказаны при этомъ случаѣ учениками Спасителя, накрывали коня ковромъ и приводили его къ Патриарху. Тогда Патриархъ, съ Евангелиемъ и крестомъ, съ помощью двухъ сановниковъ, усаживался бокомъ на коня, и благословивъ царя, трогался съ мѣста. Теперь шествіе, какъ и прежде, открывалось государевыми младшими чинами, сначала дьяками, потомъ шли дворяне, стряпчие, стольники по три человѣка въ рядъ, съ ваими въ рукахъ. Все они были въ богатыхъ золотыхъ нарядахъ, почему и назывались въ подобныхъ церемоніяхъ золотчиками. За ними везли нарядную вербу, подъ которой стояли мальчуганы въ бѣлыхъ одеждахъ, пѣвшіе стихиры. За вербою шествовало многочисленное духовенство, также съ пѣніемъ; потомъ шли ближніе люди, думные дьяки и окольные съ ваими; далѣе слѣдовалъ Государь въ большомъ царскомъ нарядѣ и поддерживаемый ближними людьми, вель осли за конецъ повода, въ то время какъ средину этого повода держалъ избранный бояринъ, а подъ задцы вели осли дьяки—одинъ Государевъ, другой Патриаршій, и Патриаршій же конюшій старецъ. Впереди Государя стольники и ближніе люди несли царскій жезлъ, государеву вербу, государеву свѣчу и царское полотенце. По обѣ стороны царя шли бояре, окольные и думные бояре съ вербами въ рукахъ. По сторонамъ процессіи сплошной стѣной тѣснился народъ, котораго Патриархъ освѣнял крестомъ, а протоіакоу кропилъ св. водой на все стороны. На всемъ пути дѣти стрѣльцовъ подкидывали подъ ноги осли сукна, большою частью краснаго или зеленаго. Число этихъ дѣтей при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было до 800, при царѣ же Ѳеодорѣ они достигли до тысячи. Все они получали за свой трудъ тѣ сукна, которыми убирали путь, но чаще награждались деньгами—по двѣ гривны на человѣка. Подѣхавъ къ Спаскимъ воротамъ, Патриархъ предъ образами Спасителя и Богоматери, написанными на воротахъ, останавливался и читалъ литію и молитву за благоденствіе города, а въ этотъ моментъ раздавался оглушительный колокольный звонъ, какъ въ Кремлѣ, такъ и во всей Москвѣ. Патриархъ, прибывъ къ Успенскому собору, сходилъ съ осли, входилъ въ храмъ и принимая отъ царя вербу, совершалъ съ нимъ обрядъ цѣлованія. Отслуживъ литургію, Патриархъ изъ собора направлялся къ

нарядной вербѣ, говорилъ надъ нею обычную молитву и благословлялъ народъ. Послѣ этого ключари отсѣкали отъ вербы сукъ и уносили его въ алтарь; остатки же вербы и все ея украшеніе раздавались стрѣльцамъ и народу. Праздничный столъ въ этотъ день для всехъ саповниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, давалъ Патриархъ въ Крестовой Палатѣ, и кромѣ того посылалъ кушанья и кубки съ виномъ во дворецъ, царю и его семейству; отъ Патриарха же полагалось угощеніе всемъ участвовавшимъ въ процессіи и даже дѣтей стрѣльцовъ онъ одѣлялъ кушаньемъ и деньгами.

Въ этотъ же день внутри дворца устраивалась особая нарядная верба для государя, царицы и дѣтей; ее возили по теремамъ и эта импровизированная процессія возбуждала шумный восторгъ между тѣмъ многочисленнымъ женскимъ населеніемъ дворца, которое по тогдашнему этикету не могло участвовать при обрядѣ шествія на осляти.

Такая же обрядность, кака я происходила въ Москвѣ, наблюдалась въ Вербное Воскресенье и въ другихъ большихъ городахъ, гдѣ въ этомъ случаѣ архіерей замѣнялъ Патриарха, а царя—воевода. Шествіе на осляти въ другихъ мѣстностяхъ было уничтожено соборнымъ постановленіемъ 1678 года; въ Москвѣ же оно удержалось до самой отмены патриаршества, хотя въ послѣднее время цари рѣдко въ немъ участвовали и оно мало по малу уже теряло свой прежній блескъ и значеніе.

Пасхальная заутреня въ лѣсной церкви.

(Рис. на стр. 369).

Пустынно стоитъ среди сѣвернаго дремучаго лѣса старинная церковка. И въ великую радостную Почь Свѣтлаго Воскресенія изъ окрестныхъ селъ и поселковъ, въ праздничныхъ нарядахъ сходятся крестьяне. Ярво загораются огни въ окнахъ церковки, бросая красные отсвѣты на могучіе стволы старыхъ сосенъ. Тянетъ въ широко раскрытыя двери свѣжій сосновый воздухъ лѣса, мѣшаясь съ запахомъ воска и ладона въ жаркой церкви. Но вотъ раздался наконецъ ударъ колокола. крестный ходъ пошелъ въ оградѣ кругомъ церковки и пустынный, молчаливый лѣсъ озарился огнями многочисленныхъ свѣчей и радостный возгласъ „Христосъ Воскресе“ раздался кругомъ...

Нашъ художникъ съ обычнымъ мастерствомъ передалъ это впечатлѣніе Пасхальной заутрени въ лѣсной церковь, по архитектурѣ которой видно, какъ много поколѣній встрѣчались въ ней свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова.

Святая жены у гроба Спасителя.

(Рис. на стр. 373).

Когда пресвятое тѣло Христа Спасителя было положено въ гробницу, изсѣченной въ скалѣ, и ко входу былъ приваленъ камень, то Святая жены долго въ великой скорби рыдали у этого камня. Великая жизнь, великое дѣло казалась навсегда запечатлѣнными, навсегда погребенными и Божественный Учитель уже не придетъ болѣе со словомъ дивнаго поученія, не наставитъ, не поддержитъ колеблющагося ума, мечущуюся въ сомнѣніяхъ человѣческую душу... Онъ никогда не будетъ среди ихъ... Скорбь Богоматери бездѣрна... Послѣдніе умирающіе лучи вечерней зари бросаютъ отблескъ свой на скорбную группу Св. Женъ и скоро настанетъ таинственная Ночь, великая Ночь Христіанства, въ которую совершится величайшее Таинство...

Христосъ воскрес!

(Рис. на стр. 377).

По пришествіи Субботы, на разсвѣтъ перваго дня пѣдѣли, пришла Магдалина и другая Марія, посмотрѣвъ гробъ Господень. И говорили между собою: „кто отвалитъ камень отъ двери гроба?“ Но въ ноци было великое землетрясеніе. Ангелъ Господень, приступивъ, отвалилъ камень отъ двери и увидѣли ангела сидящимъ на камнѣ. Видъ его былъ какъ молнія и одежда бѣла какъ снѣгъ. Ангелъ сказалъ женамъ: „не бойтесь!—Знаю, вы ищите Иисуса Распятаго. Его уже нѣтъ: Христосъ воскресъ!“ Въ такомъ чудномъ сказаніи изображаетъ Евангелистъ радостнѣйшее событіе, величайшее Таинство Христіанства. На картинѣ видно, какъ пораженные небеснымъ блескомъ во славу Воскресающаго, стоятъ Св. Жены. Ранній разсвѣтъ едва озаряетъ всю сцену своимъ неяркимъ свѣтомъ.

Политическое обозрѣніе.

Германія. — Данія. — Черногорія и Албанія. — Болгарія. — Сербія. — Италія. — Англія.

Германскій парламентъ, какъ извѣстно, принялъ внесенный имперскимъ правительствомъ проектъ социальна-политическаго закона, возбуждавшаго противъ себя великое неудовольствіе всего лагеря социалистовъ, понимающихъ все могущество оружія, которымъ теперь обладаетъ власть; въ недавнемъ засѣданіи рейхстага министръ финансовъ Шульцъ прочиталъ императорское посланіе, въ которомъ сказано, что его величество придаетъ большое значеніе факту принятія этихъ законовъ; императоръ, съ большимъ удовольствіемъ, слѣдилъ за тѣмъ, какъ рейхстагъ содѣйствовалъ осуществленію закона о кассахъ для больныхъ, но питаетъ опасенія, относительно успѣшнаго окончанія преній по проекту закона объ обеспеченіи рабочихъ отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ; съ непринятіемъ этого проекта исчезла-бы надежда на принятіе въ ближайшую сессію также и проекта объ обеспеченіи инвалидовъ; и чтобы оставить послѣдующую сессію свободною для обсужденія социальна-политическихъ законопроектовъ, разрѣшенія которыхъ императоръ настоятельно желаетъ, его величество уже теперь препровождаетъ въ рейхстагъ бюджетъ на 1884—1885 года. — Между Пруссіею и Даніею возникло небольшое недоразумѣніе по поводу недавно происходившаго въ Копенгагенѣ сѣзда социалистовъ и наивнаго, чтобы не сказать больше, отношенія къ нему тамошнихъ властей; едва-ли, конечно, это можетъ въ чемъ-либо отразиться на отношеніяхъ обоихъ государствъ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ совершилъ недавно путешествіе къ святымъ мѣстамъ; предполагали, что это была не болѣе, какъ прогулка для развлеченія, но теперь оказывается, что цѣль была иная: по слухамъ, Германія приобрѣла у Турціи городъ и окрестность Кесарія, — пунктъ, весьма удобный въ торговомъ отношеніи и который, конечно, будетъ немедленно-же колонизированъ. Надякъ скончался Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій.

Датскій фолькетингъ подчинился, повидимому, вліянію крайней партіи, продолжающей свою оппозицію правительству во что-бы ни стало: фолькетингъ принялъ, большинствомъ 72 голосовъ противъ 20, адресъ къ королю, выражающій недовѣріе палаты къ нынѣшнему министерству, которое, въ сущности, нисколько не заслуживаетъ упрека, такъ какъ его дѣятельность встрѣчала не помощь со стороны радикаловъ, а, напротивъ, одни препятствія; въ такомъ смыслѣ и высказалась верхняя палата, ставшая на сторону министерства.

Между черногорцами и албанцами до сихъ поръ происходятъ стычки; отрядъ черногорскихъ волонтеровъ рѣшился было силой заваять часть уступленной княжеству территоріи Албаніи, но князь велѣлъ остановить ихъ и ихъ препроводили назадъ въ Цетинье.

Князь Болгарскій отправляется въ Грецію; Порты, услышавъ о томъ, что въ распоряженіе князя предоставляется русскій пароходъ, перепугалась—какъ-бы при этомъ не былъ нарушенъ этикетъ, — предложило его высочеству совершеніе путешествія на турецкомъ суднѣ, въ сопровожденіи турецкаго сановника; князь остановится въ Константинополѣ и увидится съ Абдуль-

Гамидомъ; вотъ — порадуется-то онъ турокъ этимъ невниманіемъ актомъ вассальной вѣжливости.

Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что Елена Марковичъ, совершившая въ октябрѣ прошлаго года, покушеніе на жизнь короля Милана, скончалась на-дняхъ въ тюрьмѣ, вслѣдствіе раны, которую она нанесла себѣ кухоннымъ ножомъ. Въ Румелии опасаются движенія, направленнаго къ соединенію съ Болгаріею.

Италія достигла, въ новѣйшее время, весьма виднаго мѣста въ средѣ морскихъ державъ; она обладаетъ нынѣ громадными броненосцами, однако — морскимъ министромъ не довольна за то, что онъ въ заказахъ обращался къ англійскимъ заводчикамъ; министръ-президентъ высказался за своего товарища, и это обстоятельство вызвало дѣловую бурю въ парламентѣ, который едва не выразилъ недовѣріе министру, адмиралу Антона, чего не произошло только благодаря внимательству Депретиса.

Великая морская держава—Англія, бьется маленькаго Ламанскаго туннеля; президентъ торговаго департамента, Чемберленъ, предложилъ назначить комиссію изъ пяти членовъ, которая обсудила бы совокупно съ комиссіею верхней палаты вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли давать разрѣшеніе на устройство подводнаго сообщенія между Франціею и Англіею и при какихъ условіяхъ; сэръ Нордкотъ потребовалъ, чтобы кабинетъ выяснилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ до избранія комиссіи; Гладстонъ отвѣчалъ, что прежнее правительство имѣло мужество войти въ прямое соглашеніе съ Франціею относительно условій, на которыхъ должно быть устроено подводное сообщеніе между обѣими странами. Договоръ былъ бы уже заключенъ въ то время, при болѣе благоприятномъ положеніи денежнаго рынка; поэтому англійское правительство не можетъ отступить въ виду обѣщаній, данныхъ предшествовавшимъ министерствомъ. Парламенту предстоитъ рѣшить отъ имени англійскаго народа—слѣдуетъ ли строить туннель или нѣтъ; затѣмъ, предложеніе правительства было принято большинствомъ голосовъ. Англія продолжаетъ завладѣвать территоріями съ легкостью, достойною своего назначенія,—такъ, недавно, губернаторъ Куинслэнда увѣдомилъ, что онъ, желая предотвратить занятіе Новой Гвиней какою-нибудь другою державою, распорядился занять ее отъ имени британской королевы, впрямь до того времени, когда англійское правительство постановитъ рѣшеніе по поводу отправленной имъ ноты.

Динамитная партія достигла своей цѣли—установить терроръ: теперь королева Викторія иначе не выѣзжаетъ, какъ при соблюденіи всевозможныхъ предосторожностей; недавно, когда ея величество отправлялась въ Осборнъ, то всѣ выходы въ вокзалъ были охраняемы полицейскими агентами; у пункта останки поѣзда также приняты мѣры предосторожности. Въ Египтѣ лордъ Дефференъ расширяетъ входъ въ Александрію гавань—оно, вѣроятно, необходимо для англійскаго торговаго. Одно англійское судно „Dragon“ получило приказаніе идти немедленно къ Мадагаскару. Франція, повидимому, еще не достигла своихъ цѣлей и плановъ.

С М Ъ С Ъ.

Новая книга о коронаціи. Появилась любопытная, прекрасно составленная книга подъ заглавіемъ „Внчаніе русскихъ Самодержцевъ“, которая представляетъ интересъ для каждаго, кто желаетъ яснѣе себѣ подробности обряда Священнаго Коронованія и исторію трехъ послѣднихъ коронацій. Эта книга рѣзко отличается отъ многочисленныхъ спекуляцій, имѣющихъ предметомъ ту-же задачу, составленныхъ наскоро и небрежно. Предисловіе въ прекрасныхъ словахъ выясняетъ высокое значеніе таинства.

„Въ живомъ лицѣ Самодержавнаго Монарха, говоритъ авторъ, воплощаются разумніе и воля Его народа, какъ вѣкового единаго цѣлаго. Самодержавный Государь есть вождь своего народа въ разрѣшеніи историческихъ задачъ указываемыхъ Провидѣніемъ. Сердце Царевъ отъ руки Божіей; велѣніями и рѣшеніями Того, Кто стоитъ выше всѣхъ отдѣльныхъ интересовъ, Кто въ дѣлахъ отвѣствененъ лишь предъ Богомъ и въ Нему Единому обращается въ тайныхъ совѣтахъ своего духа, исполняется воля Провидѣнія, ведущаго народъ по путямъ, пролагаемымъ работою поколѣній въ невѣдомое будущее историческаго бытія. Царское внчаніе не есть только торжественное объявленіе вширь всего міра и вдалѣ грядущихъ поколѣній о томъ, что законный Монархъ вступилъ во всю полноту правъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, но что внчаніе это есть истинное таинство благодати, чрезъ царское помазаніе отыше приемлемой Царемъ и народомъ. Минута величайшаго изъ возможныхъ на землѣ ощущеній, какое испытываетъ внчаніемъ Царя, когда въ древнемъ храмѣ, — стоя превыше всѣхъ людей, соединяя въ себѣ историческое прошлое великаго государства, въ бшеніяхъ Своего сердца сосредоточивая радостное чувство, объемлющее миліоны предавнаго народа, — Онъ слышитъ таинственными словами: *печатъ дара Духа Святаго*, это есть минута духовнаго совершенствованія, наитіемъ высшей благодати укрѣпляющаго на трудный подвигъ Царскаго служенія“.

Сочиненія Бортиянскаго. Въ этомъ № помѣщенъ портретъ и біографія нашего знаменитаго духовнаго композитора. Онъ писалъ, сколько извѣстно, только духовно-музыкальные сочиненія, которыя издавались Императорскою пѣвческой капеллою, по цѣнамъ довольно высокимъ, несмотря на незавидную печать. Многія сочиненія Бортиянскаго давно уже нельзя было достать ни за какія деньги, такъ какъ старое изданіе разошлось, а новаго никто не предпринималъ, несмотря на то, что эти сочиненія еще въ 1850 году сдѣлались общимъ достояніемъ. Наконецъ въ 1882 году, т. е. 57 лѣтъ послѣ смерти автора, явилось подъ редакціею П. И. Чайковскаго первое полное собраніе духовно-музыкальныхъ сочиненій Бортиянскаго въ партитурѣ (съ фортепіано) и въ голосахъ. Изданіе П. Юргенсона въ 10 томахъ, стоитъ 12 руб. Цѣна очень не дорогая и изданіе прекрасное.

Густавъ Доре. Приводимъ нѣсколько интересныхъ случаевъ изъ жизни французскаго художника Густава Доре, умершаго, какъ извѣстно, 23 января настоящаго года въ Парижѣ. Доре съ самой юности отличался большою безпечною, веселымъ беззаботнымъ характеромъ и страстью къ различнымъ проделкамъ въ шутиломъ духѣ. Разъ узнаетъ онъ, что сельскій кюре внезапно заболѣлъ; Доре прокрадывается осторожно въ исповѣдальню и поджидаетъ какого-нибудь приключенія. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показывается одна дама изъ окрестностей и Доре спокойно выслушиваетъ ея исповѣдь. Вернувшись въ Парижъ, онъ однажды обѣдалъ у этой дамы и въ качествѣ гадальщика, глядя на ладонь хозяйки, рассказалъ ей весь прошлый романъ, въ которомъ она такъ искренно покалалась передъ мнимымъ кюре. — Въ Тиролѣ онъ побился объ закладъ, что лишитъ ожидавшихся въ деревню англійскихъ путешественниковъ, проводника на слѣдующій день. Для этого онъ съ колокольчиками въ рукахъ направился по главной улицѣ мѣстечка и объявлялъ, что вечеромъ во дворѣ го-

стиницы будут устроены танцы. Всѣ обитатели деревеньки запирали двери своих домов и спѣшили на даровое удовольствие. Художник пригласил музыкантовъ для игры во время танцевъ. Когда они уставали, онъ бралъ скрипку и самъ игралъ танцы, которые продолжались до разсвѣта. Когда прѣѣхали англичане, проводники спали крѣпкимъ сномъ и путешественники не могли воспользоваться ихъ услугами, чтобы отправиться въ горы.—Проѣзжая однажды черезъ Люцернъ, Доре представлялся городскому головѣ. „Вы г. Доре?“ спросилъ этотъ. „Я вѣрю вамъ, тѣмъ болѣе, что вы легко можете это доказать“, продолжалъ онъ, подавая художнику карандашъ и бумагу. Доре оглянулся кругомъ и увидѣлъ на улицѣ крестьянина, продававшего картофель. Быстро набросалъ онъ эту сцену, подписавъ рисунокъ своимъ именемъ и передалъ бургомистру, который смѣялся замѣтилъ: — „Вашъ паспортъ въ полной исправности, но вы мнѣ позволите оставить документъ этотъ на память о вашемъ пребываніи въ городѣ“.

О римскомъ карнавалѣ пишутъ: Такого карнавала, какъ нынѣшній, Римъ еще не переживалъ. Корзо, обычное мѣсто зрѣлища сумасбродныхъ причудъ карнавала, какъ-бы вымерло. Туристовъ положительно никого нѣтъ. Едва только $\frac{1}{3}$ часть балконовъ нанята любителями этого зрѣлища; вслѣдствіе чего население много потеряло, такъ какъ обыкновенно мѣста на балконахъ и окнахъ продавались за огромныя цѣны. Еще большія потери понесли цвѣточницы и кондитеры, — ихъ сбытъ товара равнялся нулю. Маски, которыя появлялись въ Корзо, не заслуживали никакого вниманія. Даже въ балъ-маскарадѣ (Фегоioni) была смертная тоска. Въ народѣ и прессѣ всеобщее смущеніе. Римъ видимо быстро падаетъ въ матеріальномъ отношеніи. Въ Ниццѣ тѣ-же жалобы; карнавалъ былъ ниже всякаго описанія. Причиной этого явленія служитъ всеобщій застои. Но въ Испаніи: въ Мадридѣ, Севильѣ и другихъ городахъ участвовавшихъ въ карнавалѣ было не больше. Такъ что причину всеобщаго упадка этого народного праздника скорѣй можно объяснить тѣмъ, что карнавалъ уже отжилъ свое время; народъ сталъ серьезнѣе, его перестаетъ занимать эта комедія.

Шахматная игра съ живыми фигурами. Надняхъ въ Винчестерѣ съ благотворительной цѣлью была сыграна партія въ шахматы съ живыми фигурами. Пространство пола большой залы въ 576 футовъ было покрыто квадратами изъ черной и бѣлой матеріи и представляла собой шахматную доску. По обѣимъ сторонамъ ея были устроены мѣста для зрителей. Въ назначенный часъ въ залу вошли фигуры и заняли опредѣленные мѣста на доскѣ. Пѣшки—въ шляпахъ, „Годоръ“ въ пышныхъ, распорхнутыхъ камзолахъ равныхъ цвѣтовъ и въ длинныхъ цвѣтныхъ штанахъ — были одѣты на манеръ пажей среднихъ вѣковъ. Одна половина была въ бѣлой, другая въ черной обуви. На короляхъ были длинныя матіи. Офицеры—въ шлемахъ и панциряхъ. Королева (ферзь) одной стороны — была одѣта въ платье и шапочку изъ бѣлаго шелка съ богатой золотой вышивкой, другой — въ платье и шапочку изъ пунцоваго бархата. На турахъ, въ видѣ головнаго украшенія, были сдѣланы изъ папки крѣпости. Играющіе, т. е. назначавшіе ходы фигурамъ, сидѣли у стола на высокой эстрадѣ въ концѣ залы, и ходы, которые они дѣлали на обыкновенной шахматной доскѣ, выкрикивались герольдами, а фигуры передвигались на соответствующія мѣста.

Причина мартовскихъ холодовъ. Этотъ вопросъ всѣхъ интересуетъ въ настоящее время. Причину холодовъ нужно искать въ массѣ свѣга, выпавшемъ въ этомъ мѣсяцѣ, который своимъ обильнымъ покровомъ препятствуетъ вліанію солнечнаго тепла на землю, а также дѣйствию вѣтра, который, проходя черезъ свѣжныя равнины и горы, сильно охлаждается и понижаетъ температуру. Вѣяныя тѣла, какъ извѣстно, менѣе всѣхъ поглощаютъ свѣтовыхъ и тепловыхъ лучей, и почти всѣ упавшіе на нихъ лучи отражаются. Чистый ледъ и свѣгъ обладаютъ этимъ свойствомъ въ высшей степени. Солнечные лучи, проходя черезъ чистый воздухъ, почти ничего не удаляютъ ему изъ своей теплоты и, дойдя до поверхности земли, согреваютъ находящіяся на ней предметы и только эти послѣдніе выдѣляютъ часть своего тепла въ воздухъ. Процессъ этотъ совер-

шенно измѣняется, когда земля покрыта свѣгомъ. Проникающіе солнечные лучи, почти не вліяющіе на температуру воздуха, отражаются отъ свѣга и идутъ опять въ воздухъ и такимъ образомъ не согреваютъ ни воздуха, ни свѣга и ни находящейся подъ свѣгомъ земли настолько значительно, чтобы она могла выдѣлить опутительное количество тепла въ воздухъ. Въ прошломъ году было не то, такъ какъ сильный свѣгъ былъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Теперь-же, отовсюду получаютъ извѣстія о мятежахъ, которыя приносятъ огромное количество свѣга, покрывающаго громадную страну. Такія сообщенія находимъ мы изъ свѣрныхъ и южныхъ нашихъ губерній, изъ Турціи и Венгріи, Италіи, Испаніи и Сѣверной Америки. Большая часть Европы еще и до сихъ поръ находится подъ покровомъ свѣга. Если вѣтеръ теперь дуетъ съ сѣвера, сѣверо-востока или востока, онъ приноситъ сильный холодъ и въ ясную ночь воздухъ охлаждается на 5—10 градусовъ.

Мнѣніе Дарвина. Профессоръ Каспари въ „Ботанической Газетѣ“ пишетъ слѣдующее: Въ 1866 г. въ качествѣ эксперта я присутствовалъ на международной выставкѣ растений и сѣвадъ ботаниковъ и садовниковъ Англій, и имѣлъ удовольствіе побывать у Дарвина. Мнѣ было очень важно услышать отъ него самого, считаетъ ли онъ свою науку о видоизмѣненіи родовъ гипотезой или фактомъ? Я спросилъ его, нашелъ-ли онъ такой родъ, на которомъ онъ могъ бы доказать фактически, что онъ произошелъ отъ видоизмѣненія другого?—Нѣтъ—отвѣтилъ онъ. И такъ въ сами науку вашу о видоизмѣненіи родовъ считаете гипотезой?—О да,—былъ рѣшительный отвѣтъ. Великій естествоиспытатель говорилъ въ этомъ случаѣ какъ настоящій апостолъ науки, со скромностью дѣйствительнаго ученаго, который все, что не основано на самыхъ точныхъ и безошибочныхъ доводахъ, считаетъ только гипотезой.

Крыши для защиты отъ свѣга, т. е. защиты противъ свѣжныхъ заносовъ, установленныя на желѣзной дорогѣ Central-Pacific, прорѣзающей сѣверо-американскій континентъ отъ океана до океана, похожи на громадный деревянный туннель и имѣютъ 40 миль длины. Тамъ, гдѣ постройка ихъ сравнительно легка, англійская миля такихъ защитъ стоитъ отъ 8,000 до 12,000 долларовъ (1 дол.—1 р. 38 к.). Тамъ-же, гдѣ для защиты нужно употребить большія и крѣпкія балки, способныя выдержать не только давленіе свѣга, но и давленіе лавины, одна миля защитъ обходится 30,000 долларовъ. На всемъ пространствѣ приняты всевозможныя мѣры противъ пожаровъ. Большія желѣзныя пластинны дѣлаютъ постройку на части и служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ брандмауэрами; кромѣ того по пути установлены автоматическіе электрическіе аппараты для поднятія тревоги, а на самомъ возвышенномъ пунктѣ пути находится паровая труба и стоитъ большой передвижной наполненный водою чанъ.

Защиты эти конечно скрываютъ отъ глазъ пассажировъ величественную скалистую природу Сьерры, но безъ нихъ желѣзная дорога зимою не могла-бы работать. Свѣгъ выпадаетъ въ такомъ изобиліи, что достигаетъ 30 футовъ толщины, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на крышахъ слой его доходитъ до 50 футовъ.

До сихъ поръ извѣстны были попытки усовершенствованія лампы съ раскаленными источниками свѣта только англичанами и американцами. Теперь и въ Германіи появилась совершенно иного устройства этого рода лампа. Новая электрическая лампа Окре и Вернера во многомъ равняется отъ адиссоновской. У него, какъ извѣстно, накаливается тонкая угольная пластинка въ безвоздушномъ шарѣ; въ нѣмецкой лампѣ, напротивъ, испускающій лучи свѣта угольный штифтъ помещается въ обыкновенномъ ламповомъ цилиндрѣ, наполненномъ азотомъ и углеродомъ, т. е. газами, которые исключаютъ возможность горѣнія находящихся въ нихъ предметовъ. Угольный штифтъ вѣченъ и лампа требуетъ обновленія развѣ только въ томъ случаѣ, если цилиндръ будетъ разбитъ. Но и эта лампа конечно не безъ недостатковъ. Угольный штифтъ, хотя и весьма медленно, но изжигается и уменьшаетъ яркость свѣта, если былъ ранѣе плохо прокаленъ или если въ цилиндрѣ лампы какимъ бы то ни было образомъ попадетъ атмосферный воздухъ. Можно надѣяться, что лампа эта найдетъ большое примѣненіе на практикѣ.

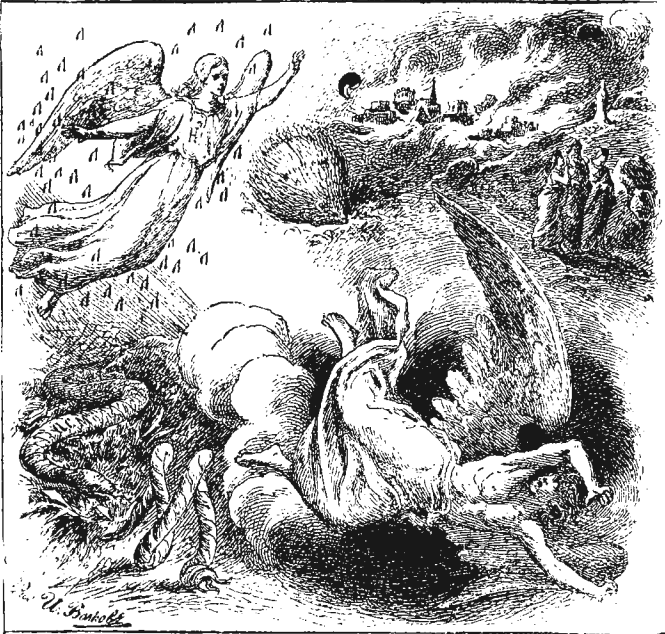
Алгебраическая задача № 21.

Одна русская пословица состоитъ изъ 24 буквъ. Если замѣнить эти буквы цифрами, согласуясь съ порядкомъ буквъ въ алфавитѣ русской азбуки, между ними получатся слѣдующія соотношенія:

- 1) Первое число относится къ девятнадцатому какъ 1:3.
- 2) Сумма шестаго и девятаго чиселъ втрое болѣе двадцатаго числа.
- 3) Равность между одиннадцатымъ и десятымъ числами равна пятому числу.
- 4) Удвоенное третье число на 1 болѣе седьмаго числа.
- 5) Сумма двѣнадцатаго и тринадцатаго чиселъ вдвое болѣе семнадцатаго числа.
- 6) Восьмое число относится къ четырнадцатому какъ 1:2.
- 7) Сумма первыхъ трехъ чиселъ равна суммѣ двадцати втораго и послѣдняго чиселъ.
- 8) Шестое число вдвое менѣе шестнадцатаго числа.
- 9) Сумма четырнадцатаго и послѣдняго чиселъ равна 50.
- 10) Сумма перваго и двадцати перваго чиселъ впятеро болѣе двадцати втораго числа.

- 11) Сумма двѣнадцатаго и восемнадцатаго чиселъ равна разности между тринадцатымъ и пятымъ числами.
- 12) Учетверенное пятое число на 1 болѣе одиннадцатаго числа.
- 13) Четвертое число на 3 менѣе удвоеннаго восьмаго числа.
- 14) Удвоенное семнадцатое число на 6 болѣе послѣдняго числа.
- 15) Шестнадцатое число на 1 болѣе суммы девятнадцатаго и предпослѣдняго чиселъ.
- 16) Сумма семнадцатаго, восемнадцатаго и девятнадцатаго чиселъ равна суммѣ седьмаго и двадцатаго чиселъ.
- 17) Сумма восемнадцатаго и двадцатаго чиселъ равна 25.
- 18) Равность между десятымъ и пятымъ числами равна числу дней недѣли.
- 19) Удвоенное пятое число на 1 менѣе восьмаго числа.
- 20) Седьмое число равняется суммѣ удвоеннаго девятнадцатаго и пятнадцатаго чиселъ.
- 21) Сумма шестаго и двадцати третьяго чиселъ равна разности между послѣднимъ и пятнадцатымъ числами.
- 22) Равность между седьмымъ и двадцатымъ числами равна 20.
- 23) Равность между девятымъ и вторымъ числами равна суммѣ двадцати втораго и пятаго чиселъ.
- 24) Семнадцатое число на 2 болѣе третьяго числа.

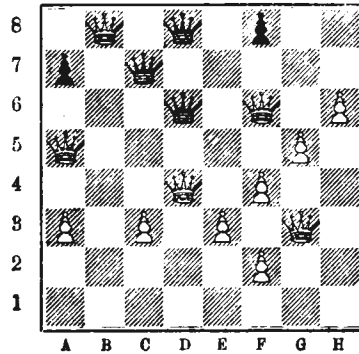
РЕБУСЪ. Задача № 22.

Шашечная задача № 23.

К. О. Цѣхановича.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ одну дамку черныхъ въ 7 ходовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Хоръ пѣвчихъ Шапшенскаго училища (съ рис.). — Въ цѣткахъ Новость Н. Лебедева (Морскаго). (Продолженіе). — Предатель. Историческій разсказъ М. Лилля. (Окончаніе). — Нилова пустынь (съ рис.). — Бортинскій и Турчиновъ (съ портр.). — Сонъ. Стихотвореніе П. П. Гнѣдича. — Празднованіе Пасхи въ старинной Руси. Очеркъ. — Обрядъ „шестива на ослати“ въ XVII в. (съ рис.). — Пасхальная заутреня въ лѣсной церкви (съ рис.). — Святая мена у гроба Спасителя (съ рис.). — Христосъ воскрес! (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — Задачи. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Страхованіе жизни.

Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго, пенсін и т. п. можно узнать изъ брошюръ (книжекъ) Страховаго Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи. № 2482

„СПИРИТИЧЕСКІЙ СЕАНСЪ БЕЗЪ МЕДИУМА“.

ИНТЕРЕСНОЕ ОПТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Каждый можетъ призвать привидѣніе известныхъ знаменитостей, какъ-то: Гоголя, Пушкина, Некрасова, Добролюбова, Бѣлинскаго, Грибоѣдова, Лермонтова, Глинки, Сѣрова, Суворова, Скобелева, Наполеона I и другихъ.

Къ каждому рисунку приложена, отпечатанная на двухъ страницахъ, объяснительная записка, съ научной стороны разъясняющая причины оптического явленія, — съ полными описаніемъ рисунковъ (въ разрѣзѣ) человеческого глаза и его составныхъ частей.

ЦѢНА 10 КОПѢЕНЪ.

Господа иногородные, желающіе выписать 1 или нѣсколько экземпляровъ, благоволятъ прислать по нижеслѣдующему адресу: 1) Имя требуемаго изображенія и 2) на 12 копѣекъ почтовыхъ марокъ за каждый экземпляръ, за что немедленно будетъ выслано заказываемое. Желающіе выписать 10 экземпляровъ, высылаютъ 1 рубль и тогда за пересылку платятъ не платятъ.

Адресъ главнаго склада этого изданія: С.-Петербургъ, Мойка, д. № 40, кв. 54. Ф. Клофферъ.

Гг. торговцамъ дѣлается значительная уступка. Р. № 2589. 1—1

On vend meilleur marché TOUTES LES BONNES PARFUMERIES

Fabriques et maisons principales

à St.-Petersbourg 16 grande Morskaja. à Paris 84 rue des petits champs.

SUCCESSALES { rue St.-Honoré 233 } PARIS, { d'Aumale 8 }

POUR ACCÉLÉRER encore plus la vente de forts et nombreux achats

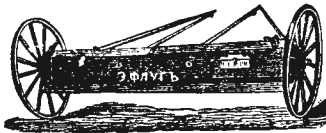
À UN BON MARGHÉ ÉTONNANT LE PRIX DES VENTES DÈS CE JOUR pour beaucoup d'articles

MOINS CHER

que si l'on achetait à Paris.

№ 2588. 1—1

ДЕПО МАШИНЪ ЭД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 11. Москва, у Красныхъ воротъ, д. Раузера Большой выборъ деревянныхъ, желѣзныхъ и стальныхъ плуговъ на 1—2 лошади. 2, 3 и 4 лемешные плуги новейшей конструкции. Шотландскія деревянные бороны, Говарда змѣя-загъ и луготыя бороны и вообще

всѣвозможныя земледѣлательныя орудія.

Сдѣланы въ разбросъ, желѣзными и рудными сѣлками и всѣ вообще земледѣлательскія машины и орудія лучшей конструкции и по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Также большой выборъ разнаго рода насосовъ, пожарныхъ трубъ, пульверизаторовъ и проч. Иллюстрированныя каталоги и свидѣтельства доброты качества машинъ высылаю по требованію бесплатно. Р. № 2577 8—2

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая сѣдмъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ, флажокъ 3 р., пересылка 1 руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волосы, не линяютъ, въ чернѣйш. цвѣтъ 3 руб., перес. по 1 рублю. Гороховая улица, д. 87. Магазины-парикмахерскія Ивановой. № 2581

I. ГОСПОДАМЪ ОВЦЕВОДАМЪ

Разрѣшеніи Врачебныхъ присутствій С.-Петербургскаго Градоначальства. НОВЫЙ И УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ СОСТАВЪ ДЖЕЙСА ВЪ ЛОНДОНѢ ДЛЯ КУПАНЬЯ ОВЕЦЪ,

убивающаго вѣшей и паразитовъ, предохраняющаго отъ чесотки и для улучшенія шерсти. Единственное средство, которое употребляется съ большимъ успѣхомъ въ настоящее время въ Англіи, Америкѣ и Австраліи.

Неопасный и неядовитый, замѣняетъ карболъ и всѣ другія средства. Одно ведро этого состава, смѣшанное съ 80 ведрами воды, достаточно на 300 овецъ. Цѣна 17 руб. за ведро, на бочку уступка, въсѣ бочки 15—20 пудовъ.

II. Составъ для дезинфекціи Джейса,

(жидкость, порошокъ и мыло) высокаго качества, находящійся въ употребленіи во всѣхъ главныхъ казенныхъ заведеніяхъ и госпиталѣхъ здѣшнихъ и иностранныхъ, копіи многочисленныхъ аттестатовъ высылаются бесплатно.

Главный складъ для всей Россіи: Дюпъ-Фильдъ, С.-Петербургъ, Невскій, д. № 11, кв. № 18. Р. № 2590 1—1

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Училищ.

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ.

Для сохраненія на дѣльное время шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч., признава по 20-ти лѣтнему опыту однимъ изъ лучшихъ существующихъ средствъ для обезвреженія моли.

Употребляется также для очищенія воздуха въ комнатахъ. Цѣна флакону 80 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

въ которыхъ прѣбываютъ нѣкоторые фабриканты, прилагая названія фирмъ, близкія подобию изъ фирмъ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмъ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“: ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви. 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Анничкина моста. 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Кавалерской улицы, домъ № 18—54, Шредера. Контора и оптовый складъ: по Измайловскому пр., въ собственн. домѣ, № 21. Всѣ прочіе магазины и лавки, извѣщавшіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2575 5—1

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ,
С-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18. ■ **МО НВА, Петровка, д. Михалкова.**
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

<p>НОВЫЙ РОМАНЪ П. Д. БОБОРЫКИНА.</p>	<p>ЕДИНСТВЕННАЯ ПОЛНАЯ КНИГА О БАБОЧКАХЪ.</p>	<p>НОВОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ О МЕЛЬНИЦАХЪ</p>	<p>НОВАЯ ДѢТСКАЯ КНИГА ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ.</p>
<p>„КИТАЙ-ГОРОДЪ“. 2 т. въ 8 д. л. Ц. 3 р. 60 к., съ перес. 4 р. 50 к. Талантливый авторъ выводитъ на сцену московскую жизнь и преимущественно жизнь купцовъ-миллионеровъ. Рядомъ живыхъ и полныхъ интереса очерковъ, онъ наглядно изображаетъ эту жизнь съ ея широкими натурами, съ ея слабостями и ея смѣшными сторонами. Большая часть героевъ списана прямо съ живыхъ лицъ изъ московскаго купечества и многие изъ нихъ узнаютъ себя въ персяяхъ романа. Вообще романъ весьма интересенъ, читается очень легко и долженъ возбудить общее вниманіе.</p>	<p>„БАБОЧКИ ЕВРОПЫ“ ИХЪ ОПИСАНІЕ, РАСПРЕДѢЛЕНІЕ, ЖИЗНЬ И ЛОВЛЯ. Сочиненіе Берге, перев. съ 5-го нем. изд. П. Олькина. Больш. т. въ 4 д. л. съ 50 раскраш. табл. изобраз. 428 видовъ бабочекъ. Ц. въ богатомъ перепл. 18 р., съ пер. 21 р. Въ этомъ сочиненіи описаны всѣ бабочки Европы и особенно подробно встречающіяся въ Россіи; указано на время и мѣсто ихъ появленія, степень ихъ рѣдкости, уходъ за гусеницами, различные способы собирать бабочки въ коллекціи и т. д. Каждый любитель и собиратель найдетъ въ этой книгѣ рѣшительно все относящееся до бабочекъ.</p>	<p>„Мукомольная мельница“. СОЧИН. ПРОФЕССОРА АФАНАСЬЕВА. въ 6 8 д. л. 725 стр. съ атласомъ въ 4 д. л. въ 45 табл. Ц. 8 р., съ перес. 9 р. Капитальное сочиненіе извѣстнаго специалиста по мельничному дѣлу, профессора Афанасьева, заключаетъ въ себѣ все, что относится къ этой отрасли промышленности: оно учитъ строить, исправлять и совершенствовать мельницы; притокать жернова; очищать и сортировать зерна; заключаетъ въ себѣ описаніе всѣхъ машинъ, аппаратовъ и механизмовъ, начиная съ жернововъ и кончая только что изобрѣтенными новыми машинами, и мн. друг. свидѣній.</p>	<p>„СВЯТАЯ НЕДѢЛЯ“. Рассказъ изъ русскаго народнаго быта. 1 т. 4 д. л. съ 6-ю съюписанными раскрашен. картинами. Ц. 3 р., съ пер. 4 р. Книга эта по своимъ оригинальнымъ и художественнымъ рисункамъ не только установитъ на себѣ вниманіе не только дѣтей, но и взрослыхъ. Прелестно написанный рассказъ одного изъ вѣдѣйшихъ педагоговъ знакомитъ юнаго читателя съ жизнью крестьянской семьи во время праздника Св. Пасхи. Живо описанныя праздничныя игры и забавы доставятъ ребятишкамъ и ихъ беззаботнымъ весельемъ завѣрно заинтересуютъ малолѣтняго читателя.</p>

Фирма основана 1870 года.

ТОВАРИЩЕСТВО БУРГГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
 С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 1-я линія, № 10.
 Москва, Мясницкая, домъ Сытова.
 Имѣеть въ своихъ складахъ лучший выборъ новѣйшихъ системъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, насосы и пожарныя трубы.
 Иллюстрированныя каталоги высылаются безплатно. № 2561 4-3

Магазинъ и Контора Фортепіанной Фабрики

К. М. ШРЕДЕРЪ,

Поставщикъ Ихъ Величествъ: Императора Всероссийскаго, Императора Германскаго, Императора Австрійскаго и Короля Баварскаго.

Съ 28-го марта, сего года, ПЕРЕВЕДЕНА на

НЕВСКІЙ пр., собств. домъ, № 52,

противъ Императорской Публичной Библиотеки.

Инструменты означенной фабрики будутъ продаваться въ Петербургѣ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** только по вышеозначенному адресу.
 № 2559 4-4

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ „ЕСТУЖКЕ“
 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ПРОВОДЪ РОССІИ.
 ПРЕДОСТАВЛЯЕМЪ ВЫБОРАМЪ НАШЕЙ МАРКИ.

Настоящій, степной, кобылій КУМЫСЪ.
 Лечебное заведеніе Аннаева близъ Самары. Подробности въ брошюрѣ, которая имѣется во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и большихъ городовъ. Адресоваться Г. Аннаеву въ Самару. № 2562 6-1

Изданіе А. Ф. Маркса.
ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть М. Каразина, второе изданіе, съ 89 рис. автора, большой томъ in 8 — всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

НОВАЯ КНИГА:
РЕЙНЕКЕ — ЛИСЪ
 ВЪ СТИХАХЪ.
 24 РОСКОШНЫХЪ РИСУНКОВЪ.
 ЦѢНА 3 РУБЛЯ.
 Продается во всѣхъ книж. маг. Петербурга. № 2563 1-1

КРЫМСКІЯ НАТУРАЛЬНЫЯ ВІНА
К. СКІРМУНТА.
 2571. Въ Москвѣ, 2-2 у Покровскихъ воротъ, домъ Миллера.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ХОЛОДИЛЬНИКЪ И ВОДООЧИСТИТЕЛЬНЫЯ АППАРАТЫ ФИЛЬТРЫ

годовой абонементъ 6 руб. Установка **БЕЗПЛАТНА.**

Въ складѣ воздушныхъ электрическихъ звонковъ.

№ 12. У Казанск. моста. **ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и К°.** По канавѣ № 12.

ИНЖЕНЕРЪ
 Людвигъ Федоровичъ Шейкманъ, специалистъ по торфяному и кирпичному дѣлу, рекомендуетъ торфяныя и кирпичдѣлательныя машины новой конструкціи, примененной вполне успѣшно на практикѣ. Иллюстрированныя прейсъ-курранты высылаются по востребованію безплатно.
 Москва, Мясницкая улица, д. Ермавовыхъ. Ц. № 2566 5-1

Сельскохозяйственное комисіонерство и складъ машинъ **Э. В. БРЕННЕРЪ.**
 Васкова ул., на углу Васкова пер., д. № 7.
ПРОДАЕТЪ СО СКЛАДА:

Плуги, Бороны и проч. орудія Сѣялки, Молотилки и приводы, вѣялки, Конныя Грабли, Катвенгановка оконныхъ машинъ Адріансе, Косилки до крана 2 р.
 Бонесъ, мельницы, локомотивы и проч. машины. 1-1

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ
Н. П. ДАНИНА,
 ВЪ МОСКВѢ.

удостоенное **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филладельфійской и почетнымъ отзывомъ на Париской всемирной выставкѣ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью, наилучшающее французскимъ маркаль, по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут. (прямо съ фабрики).
ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ общій столѣцахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣнійъ Азіи.
 № 2485 10-8

При этомъ № прил. для гг. иногородн. подписч. (за исключ. 23 и 25-го тракта) прейсъ-куррантъ отъ гг. Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ въ Варшавѣ

НИВА

XIV годъ
№ 17

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для за гран.) за строку непарелль (въ ширины страницы).

Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н И ВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всеми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

Николай Васильевичъ Гербель.

Недавно смерть унесла одного изъ талантливыхъ нашихъ поэтовъ — Николая Васильевича Гербеля, имя котораго не можетъ быть забыто въ исторіи нашей литературы, и особенно издательскаго дѣла. Всю жизнь онъ преслѣдовалъ высокую, благотворную цѣль — ознакомить нашу публику съ лучшими произведеніями иностранной поэзіи, не только перевода ихъ самъ, но и собирая чужіе переводы и составляя изъ нихъ многочисленные сборники. Такимъ образомъ явились на свѣтъ въ русскомъ переводѣ Шиллеръ, Шекспиръ, Байронъ, Гете, и благодаря Гербелю, эти великіе, міровые поэты стали доступны всякому грамотному русскому человѣку.

Николай Васильевичъ Гербель родился 26 ноября 1827 года и происходилъ изъ швейцарскаго семейства, еще при Петрѣ Великомъ переселившася въ Россію. Прапрадѣдъ нашего поэта, Николай фонъ Гербель, былъ извѣстный инженеръ и архитекторъ, пользовавшійся у нашего Царя-преобразователя большимъ уваженіемъ и построившій

Н. В. Гербель. † 8 Марта. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

много зданій въ только что возникавшемъ тогда Петербургѣ. Это былъ типъ крутаго, пылкаго и настойчиваго нѣмца, прекрасно очерченный Кукольникъ въ его извѣстномъ романѣ „Два Ивана, два Степанъча, два Костылькова“ и „Повѣсти о синемъ и зеленомъ сукнѣ.“ Первое воспитаніе Николай Васильевичъ получилъ въ домѣ родителей, а на девятомъ году былъ отвезенъ въ Кіевъ и отданъ въ благородный пансіонъ, существовавшій тогда при первой Кіевской гимназіи. По окончаніи здѣсь курса, Гербель поѣхалъ въ Нѣжинъ, для поступленія въ тамошній лицей князя Безбородко, гдѣ и былъ принятъ въ число студентовъ 27 сентября 1844 года. Въ лицей, съ самаго своего вступленія, нашъ будущій поэтъ съ особеннымъ увлеченіемъ занялся изученіемъ русской словесности и даже написалъ цѣлое разсужденіе на тему, подъ заглавіемъ „Подробный разборъ словесныхъ произведеній Сумарокова и Ломоносова и общее заключеніе о характерѣ и составіи русской словесности отъ Петра Ве-

ликаго до Екатерины II. Эта диссертация была награждена лицеем серебряною медалью. Но кромѣ занятій по исторіи словесности, Гербель въ тоже время пробовалъ свои силы и въ поэтическомъ творчествѣ: въ стѣнахъ лицея онъ слылъ за мѣткого сатирика и его колкія и смѣшныя эниграммы, касавшіяся конечно чисто мѣстныхъ интересовъ и лицъ, заслужили ему быструю извѣстность между воспитанниками. Впрочемъ юный поэтъ не особенно дорожилъ этой лицейской славой; онъ уже мечталъ о звѣздѣ литературной и началъ посылать свои стихи въ различные журналы, и эти попытки проникнуть въ печать не остались для него безуспѣшными. Въ 1846 году въ „Библіотекѣ для чтенія“ было отпечатано его стихотвореніе „Бокаль“ и такимъ образомъ онъ еще лицеемъ удостоился чести видѣть свое имя на страницахъ одного изъ лучшихъ литературныхъ журналовъ.

По окончаніи лицейскаго курса въ 1847 году Гербель тотчасъ же поступилъ въ военную службу—юнкеромъ въ Наюмскій гусарскій полкъ Эрицъ-Герцога Фердинанда, а въ 1849 году получилъ чинъ корнета и участвовалъ въ походѣ противъ Венгровъ. Отличившись въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и украшенный орденомъ, Гербель по окончаніи войны снова возвратился въ маленькій городокъ Литинъ, Подольской губерніи, гдѣ обыкновенно стоялъ его полкъ, но не надолго. Въ 1851 году Гербель былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи Уланскому полку, въ которомъ и дослужился до чина штабъ-ротмистра. Оставивъ службу, Николай Васильевичъ посвятилъ себя исключительно какъ литературой, такъ и издательской дѣятельности; стихотворенія его помѣщались въ лучшихъ петербургскихъ журналахъ: „Современникъ“, „Отечественныхъ запискахъ“, и „Библіотекѣ для чтенія“, и особенно были удачны его переводы изъ Байрона. Въ 1852 году, Гербель издалъ историческое изслѣдованіе о полкѣ, въ которомъ началъ свою военную карьеру, подъ заглавіемъ: „Наюмскій слободскій казачій полкъ“, а въ 1854 году стихотворный переводъ „Слова о полку Игоря“, встрѣченный большимъ сочувствіемъ публики и даже ученыхъ филологовъ (Срезневскаго, Максимовича, Дубенскаго и др.). Въ концѣ пятидесятихъ годовъ Гербелю пришла счастливая мысль—

издать въ русскомъ переводѣ лучшихъ иностранныхъ поэтовъ. Мысль эта вытекала у него изъ серьезнаго сознанія того важнаго значенія, какое въ каждой литературѣ могутъ имѣть лучшіе классическіе образцы иностранной словесности, но сознавая всю невозможность вынести одному на своихъ плечахъ подобную задачу, онъ избралъ болѣе вѣрный путь для достиженія избранной цѣли; онъ задумалъ раздѣлить трудъ между нѣсколькими современными ему поэтами и кромѣ того собрать воедино всѣ лучшіе переводы классическихъ иностранныхъ поэтовъ, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ. Изданіе, начатое по этому плану, появилось въ свѣтъ въ 1857 году; это было „Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей.“ Ободренный успѣхомъ, встрѣтившимъ переводъ Шиллера, Николай Васильевичъ рѣшился продолжать изданія подобнаго рода и такимъ образомъ явились въ русскомъ переводѣ сочиненія Шекспира, Байрона, Гете и кромѣ того хрестоматія изъ лучшихъ произведеній нѣмецкихъ, англійскихъ и славянскихъ поэтовъ. Въ эту горячую пору переводной и издательской дѣятельности, собственная муза уже мало интересовала Николая Васильевича; собраніе своихъ стихотвореній онъ издалъ еще въ 1858 году подъ названіемъ „Отголоски“, куда вошли даже его самыя раннія, лицейскія произведенія, частью и слабыя, но любопытныя для исторіи постепеннаго развитія его поэтическаго творчества, также для ознакомленія съ нѣкоторыми характерными чертами давнишней лицейской жизни. Русскіе писатели также не были забыты Гербелемъ въ его издательской дѣятельности; такъ онъ издалъ: „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, выдержавшій два изданія и кромѣ того, подъ его редакціей изданія сочиненія Гребенки, Дружинина, Крешева, Н. В. Берга, Прокоповича и сборники: „Лицей князя Безбородко“ и „Братская помощь.“ Его собственныя изданія отличались всегда вышней изящностью и относительной дешевизной, и имѣли кромѣ того многія несомнѣныя достоинства, бойко раскупались публикой, несмотря даже на несовѣтъ лестные отзывы нашей критики объ издательской дѣятельности Николая Васильевича. Гербель скончался 8 марта настоящаго года отъ психической болѣзни, уже давно подтачивавшей его сильный и крѣпкій организмъ.

Въ цвѣтахъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Лебедева (Морскаго).

(Окончаніе).

XXII.

По мѣрѣ приближенія праздниковъ въ домъ Михаила Петровича происходило, по истинѣ, Вавилонское Столпотвореніе. Съ утра до ночи тетенька Настурція, то одна, то съ Сашенькой или Катенькой, скакала по магазинамъ, накупала вороха всячины и вернувшись домой, заваливала покупками всѣ комнаты, превратившіяся въ какіе-то склады, въ которыхъ, чтобы сѣсть, надо было предварительно поднять съ того или этого стула цѣлый ворохъ свертковъ и сверточковъ. Рояль утопалъ въ облакахъ розоваго, голубаго и бѣлаго тарлатана, перебрѣшаннаго съ атласными лентами различныхъ цвѣтовъ и гирляндами искусственнаго плюща, розъ и незабудокъ. На столѣ, къ вящему недоумѣнію Михаила Петровича, валялись въ страшномъ безпорядкѣ какіе-то ордена, сдѣланные изъ бумаги и лентъ, бумажные георгиевскіе кресты. Аппы, Станиславы и Владиміры отъ низшихъ до первыхъ степеней; орденъ перебрѣшивались съ различными головными уборами, — киверами, пастушьими и гробовицкими шляпами, женскими чепцами, сдѣланными изъ разноцвѣтной папирсной бумаги: на стулѣ валялся какой-то церемоніймейстерскій жезлъ, обитый золотой фольгой и мусселиновыми розами, а на подзеркальничкѣ Михаилъ Петровичъ усмотрѣлъ, къ немалому удивленію своему, не болѣе, не менѣе, какъ бумажный сизовато-краснаго цвѣта носъ съ прикрѣпленными къ нему точно не для человѣческихъ, а лошадиныхъ глазъ, громадными очками, съ вставленными въ нихъ синими стеклами.

Толстая портниха то и дѣло шныряла то изъ дома, то въ домъ Михаила Петровича, грепала всѣ эти тарлатаны, бумажные атласы для чехловъ, прикидывала, мѣрила, сметывала на живую нитку, что-то соображала и изрекала самымъ лакопическимъ образомъ собравшимся передъ ней дамамъ, что нибудь въ родѣ:

— Тюникъ.

Кто нибудь изъ дамъ съ робостью спрашивалъ въ отвѣтъ на этотъ приговоръ:

- А пуфъ?
- Можно.
- Съ плессе?
- Положимъ.

И снова начиналось вымѣриванье, прикидыванье и сметка для наглядности на живую нитку. Портниха уѣзжала, увозя съ собою вороха тканей, цвѣтовъ и лентъ, дамы торопливо обѣдали и скакали куда-то въ гости или принимали у себя, причемъ танцы, пѣніе и музыка слышались въ ихъ апартаментахъ далеко за полночь, чтобы окончиться основательнымъ ужинкомъ съ веселыми тостами и криками „ура!“

За недѣлю до Рождества, вернувшись изъ пансіона и слыша, что въ домѣ тихо, думая, поэтому, что никого нѣтъ, Михаилъ Петровичъ отворилъ двѣрь въ гостиную и совершенно неожиданно наткнулся на Сашеньку. Одѣтая въ короткую голубую тарлатановую юбочку, слегка приподнятую букетами незабудокъ на атласномъ чехлѣ, Сашенька разсматривала себя въ зеркало, одергивая со всѣхъ сторонъ темно-малиновый бархатный спензеръ, зашнурованный спереди атласной ленточкой. На головѣ Сашеньки была надѣта какая-то причудливаго фасона соломенная шляпа съ цѣлымъ ворохомъ незабудокъ, а изъ подъ короткой юбочки, выглядывали обутыя въ темно-красные чулки и бархатныя туфли съ золочеными каблучками, очень миниатюрныя ножки. При скрипѣ двери, еще не видя, кто именно входитъ, Сашенька быстро обернулась на своихъ каблучкахъ и вскричала:

— Наконецъ-то! я васъ жду.

Но разсмотрѣвъ, что это былъ никто иной, какъ братецъ, почему-то всыхнула, сдѣлалась пунцовой до самыхъ корней волосъ и тономъ нѣсколько спавшимъ противъ прежняго:

— Это вы, Michel... какъ-бы разочаровалась и повернувшись къ зеркалу, несмотря на себя, о чемъ-то задумалась, дергая ручками кружевной черной передникъ... Михаилъ Петровичъ всегда находилъ Сашеньку очень привлекательной, но въ этомъ фантастическомъ нарядѣ пастушки, дѣлающимъ изъ взрослой дѣвушки, благодаря короткой юбкѣ, дѣвочку, Сашенька показала Михаилу Петровичу положительно прелестной. Чтобы что нибудь сказать, онъ спросилъ кузину:

— Какой это костюмъ?

Она обернулась къ нему лицомъ, взглянула какъ-то разсѣянно, очевидно занятая какою-то упорно и неотвязно преслѣдующею ее мыслью, и ограничилась безсознательнымъ повтореніемъ послѣдняго слова изъ его вопроса:

— Костюмъ... и оставила отвѣтъ свой на этомъ ничего не говорящемъ словѣ. Но вдругъ съ мгновенно вспыхнувшимъ румянцемъ на щекахъ и блеснувшими глазами:

— Послушайте, Мишель, — заговорила съ нимъ въ какой-то нервической торопливости, бросивъ мятъ свой фаргукъ, но въ волненіи вытягивая пальцами правой руки пальцы лѣвой, — послушайте... Любите вы меня, хоть немножко?

Михаилъ Петровичъ никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса и желая убѣдиться также-ли Сашенька искренна теперь, какъ тогда, когда при постороннихъ молодыхъ людяхъ, осаждаетъ его положительно съ какой-то предвзятой цѣлью своими любезностями, прежде чѣмъ отвѣтить посмотрѣлъ ей въ глаза. Нѣтъ, она не обманывала, смотрѣла на Михаила Петровича своими косенькими глазками, даже позабывъ или не заботясь ихъ какъ нибудь прикрыть, или сощурить, смотрѣла съ какой-то мольбой, почти со слезами. Тогда Михаилъ Петровичъ отвѣтилъ:

— Да, люблю.

— Хорошо; исполните мою просьбу?

— Исполню.

— Сходите... Сашенька оборвала начатое и въ прежнемъ волненіи и торопливо, спросила шепотомъ озадаченнаго Михаила Петровича: — знаете вы, что такое влюбиться?

Онъ покраснѣлъ подъ смѣлымъ взглядомъ дѣвушки, но самъ хорошенько не понималъ, знаетъ онъ или нѣтъ, что такое быть влюбленнымъ, отвѣтилъ съ стыдливою улыбкой:

— Знаю.

— Ну... Она была смѣлѣе и глядя прямо въ его глаза, отдѣляя слога, ясно и членораздѣльно прошептала: — я люблю.

Михаилъ Петровичъ опустилъ глаза, потому что такое признаніе взрослой дѣвушки стыдило его. А она, такая маленькая въ этомъ нарядѣ и вообще еще такъ недавно переставшая быть ребенкомъ, съ опытною любящей женщины, понявъ, что все, что испытываетъ она — неизвѣстно ему, анализировала передъ нимъ свое чувство страсти, говоря быстро, съ блескомъ глазъ, съ румянцемъ, схвативъ его руку и довольно-таки сжавъ ее въ своей ручкѣ:

— Нѣтъ, вы не знаете... Любовь—это... безпокойство, и мученіе, и наслажденіе заразъ, понимаете, *заразъ*. Тотъ, кого любишь, лучше всѣхъ, безъ него скучно, нѣтъ жизни!.. Вотъ любовь!.. Можетъ я не все сказала, но...

Она какъ-бы позабыла, что хотѣла сказать и осѣклась, но потомъ, послѣ паузы молчанія, вспомнила и докончила начатое:

— Но... когда нибудь вы узнаете это сами... Теперь же, нечего медлить — и собственно съ этого слѣдовало начать... Мишель! Ради Бога, ради всего, сходите къ Левшину; — Михаилъ Петровичъ невольно сдѣлалъ большіе глаза, а Сашенька, уловивъ этотъ взглядъ кузена,

замахала ручкой: — его, его! *его люблю*... Сходите и узнайте, почему онъ не пришелъ?.. Спросите отъ моего имени: *какой отвѣтъ?*.. Онъ ужъ пойметъ... „Какой отвѣтъ?“ не забудьте.

— Но я не знаю, гдѣ онъ живетъ?

— Живетъ?.. Ахъ, я тоже не знаю!.. Пойдите: у ма-маши былъ адресъ... я пошщу...

Но этого сдѣлать не пришлось, такъ какъ вернулась Настурція съ Катенькой... Онѣ вошли обѣ не раздѣваясь, Настурція какъ будто чѣмъ-то раздраженна, а Катенька точно растерянна. Повидимому всѣ знали Сашенькину тайну и даже эта была для нихъ совсѣмъ не тайна, а *общее* дѣло, въ которомъ равно всѣ принимали участіе, а Сашенька была только главной героиней... О такомъ общемъ интересѣ къ Сашенькинѣму положенію можно было догадаться потому, какъ ужъ вошли Настурція и Катенька въ залъ, какъ выраженіемъ своихъ лицъ выдали, что ожидали встрѣтить Сашеньку въ болѣе интересномъ *tête-à-tête*’ѣ, чѣмъ съ Михаилъ Петровичемъ, на котораго почтенная тетенька взглянула даже съ нѣкоторой досадой, хотя, конечно, онъ тутъ былъ не при чемъ. Увидѣвъ мать, Сашенька забыла брата, съ выраженіемъ лица огорченнаго и не знающаго что предпринять ребенка, побѣжала къ ней на встрѣчу и готовая заплакать, съ глазами полными слезъ, такъ что Михаилу Петровичу стало очень жаль кузину и онъ подумалъ невольно о томъ, что, какое вѣроятно это ужасное чувство *любовь*, — вскричала:

— Вѣдь не пришелъ, шатап, обманулъ!

И долго крѣпившаяся, все это утро проведенная въ чрезвычайномъ волненіи, не спавшая почти цѣлую ночь и только къ утру забывшаяся тонкимъ, полупрозрачнымъ сномъ, Сашенька не выдержала и закрывъ личико разразилась рыданіями. О Михаилъ Петровичѣ забыла. Настурція, съ сердитымъ лицомъ, озобоченная, срывала съ головы шляпу, нещадно дергая завязки изъ легитъ; Катенька, точно проглотивъ аршинъ, какъ вошла такъ и осталась посерединѣ залы, съ головой, по ея манерѣ, наклоненной впередъ, смотря то на Сашеньку, то на мать. Настурція освободилась отъ шляпки и разбитая всѣми этими потрясеніями, опустилась въ невозможеніи на стулъ.

— Но онъ можетъ придти, — подала она слабую надежду. Рыдающая Сашенька не могла говорить, отвѣтила Катенька:

— Онъ хотѣлъ, шатап, отъ 12-ти до 2-хъ. Теперь пятый часъ...

Тогда Настурція, собственно ни къ кому не обращаясь, а какъ-бы просто думая вслухъ, припомнила нѣкоторыя обстоятельства этого столь неприятно отозвавшегося на бѣдной Сашенькѣ, ея любимицѣ и баловницѣ, происшествія... Почтенная дама находилась въ волненіи и негодовала:

— Назначилъ и не пришелъ—хорошъ!..

Сашенька протянула ручку, какъ-бы защищая кого-то отъ несправедливыхъ нападокъ матери:

— Не осуждайте его, татап!..

— Но онъ обманулъ?..

— Кто знаетъ, можетъ это сдѣлалось не по его винѣ...

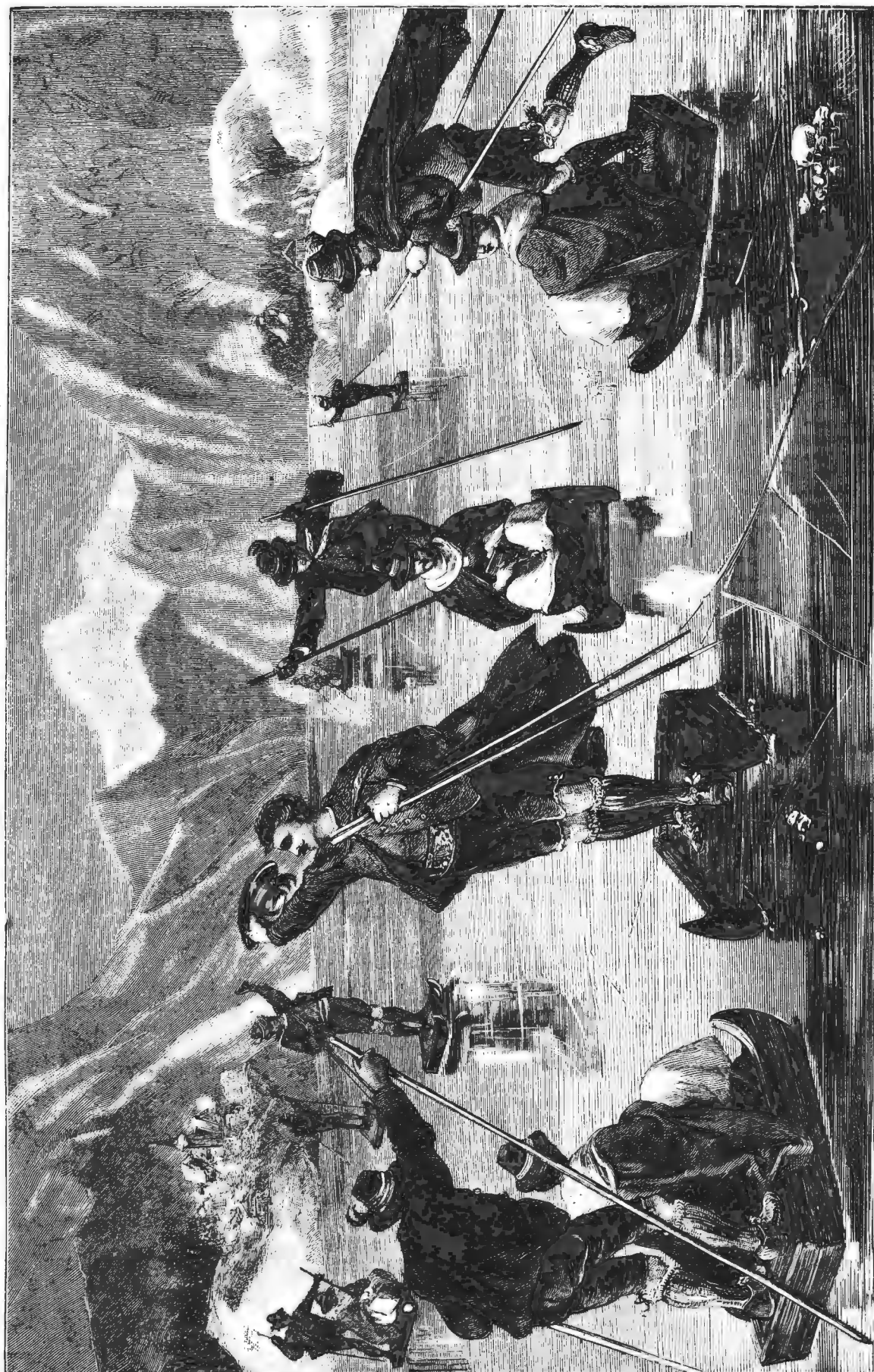
— Не по его винѣ! — настаивала почтенная дама на обвиненіи, — по чьей-же?

Вмѣшалась Катенька, подавъ робкимъ голосомъ свое личное мнѣніе на этотъ счетъ:

— Можетъ онъ получилъ, шатап, неблагоприятный отвѣтъ, — за что ухватила и Сашенька:

— Да...

— Можетъ быть, но изъ этого ничего не слѣдуетъ: приди, объясни, что телеграфировала ему мать. И, впрочемъ, друзья мои, — съ величайшимъ скептицизмомъ и негодованіемъ заключила тетенька Настурція, откидываясь на спинку кресла, — хорошенько не понимаю, что

Возвращение въ Воскресный день изъ церкви по льду. На озеръ въ Верхней Баваріи.
Ориг. рас. А. Крюгера, грав. Рау.

Румынка и Болгарка. Съ фотогр. грав. Ангереръ.

это за молодые люди теперь живутъ: человекъ въ лѣтахъ, служить, поручикъ — ни шагу безъ маменькинаго разрѣшенія...

И съ сардоническимъ смѣхомъ, увидѣвъ, что дочери хотятъ что-то возразить противъ послѣднихъ словъ, отстранила ихъ возраженіе поднятіемъ руки:

— Нѣтъ, нѣтъ, виновата... ошиблась... Волочиться за молодыми дѣвушками, увѣрять ихъ въ неизмѣнной любви до гроба, въ готовности идти за ними въ огонь и въ воду,—это можно безъ разрѣшенія мамаши, это позволяется... Играть чувствами молодой и неопытной дѣвушки—это ничего, а вотъ какъ до рѣшительнаго конца дойдетъ дѣло,—тутъ,—башмаки, стоптанныя туфли! „позвольте, маменька?“ А сердцемъ-то дѣвическимъ играть спрашивалъ у мамаши позволенія? А?!.. Не возражайте, не слушаю...

Почтенная дама зажала уши. На мгновеніе въ комнатѣ воцарилось молчаніе... Темнѣло, но никто изъ присутствующихъ не озаботился объ освѣщеніи, каждый въ молчаніи обдумывая все происшедшее... Михаилъ Петровичъ хорошенько не зналъ, что ему дѣлать, уйти или остаться? Остаться ему казалось не совсѣмъ ловкимъ оттого, что вѣдь собственно онъ ничего не зналъ изъ совершающагося теперь передъ его глазами и даже въ настоящую минуту, слыша обрывки взволнованнаго обмѣла рѣчей, овладѣлъ сущностью всего происшедшаго не вполне; уйти — Михаилъ Петровичъ тоже не рѣшался, такъ какъ Сашенька хотѣла послать его къ Лѣвшину и онъ не зналъ—отмѣнила она или нѣтъ съ прїѣздомъ Настурціи свое намѣреніе, о чемъ спросить, однако, не рѣшался. Изъ такого затруднительнаго положенія Михаила Петровича вывелъ раздавшійся въ передней звонокъ, нарушившій господствовавшее въ комнатѣ молчаніе. Всѣ пришли въ движеніе. Настурція вскричала:

— Это онъ! это—его звонокъ...

Сашенька схватилась за сердце, слишкомъ сильно забившеся:

— Нѣтъ, маман!—но несмотря на отрицаніе, тономъ своимъ обнаружила, что надѣется, что это онъ.

— Но какая у насъ темнота!—и Настурція въ полутьмѣ шарилла дрожащими руками спички, долго не находя ихъ, пока случайно не наткнулась на коробочку;—какъ долго не отираютъ...

Она ширкнула спичкой и зажгла у рояля свѣчи, слабымъ пламенемъ ихъ освѣтивъ залъ... Слышно было, что горничная бѣжала отирать, и какъ-бы нѣсколько паръ ногъ, легкихъ женскихъ, а не тяжелыхъ со звяканьемъ шноръ мужскихъ ногъ, вошло въ переднюю... Кто-то спрашивалъ: дома? вернулись? — и до всѣхъ присутствующихъ долетѣлъ громкій отвѣтъ горничной:

— Дома-съ, пожалуйста.

Нѣтъ, это не былъ онъ!.. Катенька, побуждаемая полнымъ мукъ жестомъ мамаши, выглянула въ переднюю, откуда слышалась возня, и вернувшись на цыпочкахъ, доложила шепотомъ:

— Разуваевы...

— Вотъ не въ пору гости!..

Катенька вспомнила, что собственно прїѣздъ Разуваевыхъ отнюдь не экспромтъ; что о немъ превосходно знали со вчерашняго дня, только позабыли, такъ какъ еще вчера назначили репетицію пантомимы, предназначенной къ исполненію на большомъ вечерѣ у этихъ самыхъ Разуваевыхъ въ канунъ Нового года. Кромѣ Разуваевыхъ должны были прїѣхать еще Колюпановы и Разказовы, тоже участвующіе въ пантомимѣ, репетиціи которой, чтобы не отнимать у молодежи вечеровъ, рѣшено было дѣлать въ промежуткахъ между обѣдомъ и наступленіемъ того времени, когда надо было ѣхать въ театръ или принимать гостей. Это было время послѣобѣденнаго отдохновенія и употребить его на репетицію оказывалось тѣмъ удобнѣе, что отцы и мужья въ

теченіи его почивали, а пантомима замышлялась имъ, по крайней мѣрѣ Разуваевыми и Колюпановой, въ новгороднїи сюрриризмъ, вѣроятно очень прїятный родительскому и супружескому сердцу.

Сашенька, услышавъ, кто прїѣхалъ, опрометью кинулась въ свою комнату, тогда какъ въ передней раздавались звонокъ за звономъ и шла возня разоблаченія отъ шубокъ, платковъ и теплыхъ сапогъ, слышались женскіе и мужскіе голоса.. Съ совершенно растеряннымъ видомъ, очевидно не думая о гостяхъ, поглощенная мыслью о дочери, Настурція сама хорошенько не понимая, что дѣлаетъ и для чего, бросалась что-то поспѣшно прибирая съ одного мѣста на другое... Катенька торчала около рояля въ большомъ смущеніи, а Михаилъ Петровичъ, какъ стоялъ у окна, поглядывая то на улицу, гдѣ зажигались фонари, то на тегенку и кухню, такъ и остался, когда, послѣ долгой возни гости начали входить въ залъ, сопровождаемые горничной, несшей зажженную столовую лампу, освѣтившую смущенныя лица хозяекъ. Раздались привѣтствія:

— Не поздно?.. *Chère* Настасья Михайловна, *bon soir!*.. Катенька, вы еще не одѣты?.. *Alexandrine?*

Настурція и Катенька, то и дѣло поглядывавшая на мать, какъ-бы этими взглядами справлявшаяся о томъ, что ей дѣлать и какъ поступать, здоровались съ гостями съ какой-то поспѣшностью, а на вопросъ Колюпановой объ *Alexandrine*, Настурція, состроивъ озабоченную и печальную мину, отвѣтила:

— *Alexandrine* больна и лежитъ въ постели.

Тогда послышались возгласы сожалѣнія:

— Нездорова? что съ ней?.. Вѣдная! — Надѣюсь, не серьезно? да?..

— О нѣтъ, не серьезно. Боже сохрани! Вѣроятно легкая простуда: лихорадочное состояніе, ознобъ и жаръ...

Въ отвѣтъ—испытанныя средства:

— Дайте хининъ: по три грана въ облаткахъ и на ночь натрите уксусомъ съ *виномъ*, — дамы не употребляютъ вульгарнаго слова *водка*;—*Alexandrine* не умѣетъ глотать въ облаткахъ? но это такъ легко!.. Катенька, да одѣвайтесь-же!..

Настурція положительно думала отбоариться:

— Но вѣдь Саша не можетъ репетировать...

И въ отвѣтъ—цѣлый хоръ голосовъ:

— Прекрасно: она и не будетъ... пусть отдохнетъ: ея роль въ концѣ: *волшебница* вспоминаетъ о пастушкѣ въ концѣ; она предлагаетъ сперва *принцу* другихъ: маркизу, испанку, скифскую царицу Томирису, Семирамиду... ужъ гораздо потомъ *простую* пастушку... Мы можемъ прорепетировать до появленія *Alexandrine*...

Прїѣхавшимъ не хотѣлось уступить. Они явились одѣтыми для репетиціи этой нелѣпой пантомимы, сочиненной Настурціей и Колюпановой, дамой лѣтъ тридцати пяти, съ необыкновенно побѣдоноснымъ выраженіемъ лица, счастливой супружескомъ и возможностью вѣдствіе своего бездѣтнаго состоянія, до сорока и болѣе лѣтъ считаться молодою. Занятые собственнымъ желаніемъ прорепетировать пантомиму, гости какъ-то безучастно отнеслись къ болѣзни Сашеньки... Вѣдь она появляется въ концѣ.. Сначала *волшебница* (старуха Разуваева) показываетъ въ магическое зеркало ищущему любви *принцу* (Разказовъ, ученикъ восьмого класса гимназіи) — *испанку* (Катенька), *Семирамиду* (Колюпанова), потомъ *польку*, *французеску*, *Томирису* (Разуваева—дочь) и ужъ наконецъ послѣ *татарки*, *итальянки* и *испанской Хитаны*, — пастушку, т. е. Сашеньку, которую принцъ и отличаетъ... Тогда все освѣщается бенгальскимъ огнемъ *собственного* изготовленія Разказова младшаго, воспитанника пятого класса мѣстнаго реальнаго училища; принцъ съ пастушкой, на которую набрасываютъ корону и мантию, всходятъ на тронъ и чествуя выборъ мудраго принца, передъ нимъ и пастуш-

кой, подъ звуки торжественнаго марша „Скобелевъ“, исполняемаго Настурціей почти невозможнымъ fortissimo, проходятъ еще разъ и Семирамида (она во главѣ), за ней Томириса, потомъ испанка, итальянка, французенка и наконецъ въ заключеніе — съ черной кружевной мантилей и откинутымъ на голову канюшономъ, въ аломъ атласномъ платьѣ — испанская, черноокая Хитана... и занавѣсъ падаетъ...

Такова была программа пантомимы — и все эти костюмированные принцы, Семирамиды, испанки, итальянки и Хитаны, несмотря даже на болѣзнь Сашеньки, во что бы то ни стало, одѣвшись дома въ костюмы, хотѣли прорепетировать свои несложныя роли. Настурція не знала, что дѣлать. Съ прежнимъ озабоченнымъ видомъ почтенная дама, чтобы скрыть свое замѣшательство, безъ толку кидалась съ одного мѣста къ другому, безъ малѣйшей надобности перетащила картонку съ кружевной мантилей испанской Хитаны съ рояля на переддвиганный столъ, и сдѣлавъ это, вдругъ, безъ всякаго извиненія, оставила гостей и уѣзжала къ Сашенькѣ. Гости въ отсутствіе хозяйки не теряли золотого времени. Семирамида—Колупанова, одѣтая въ золотое изъ довольно грубой парчи платье, голубую, усѣянную звѣздами мантию и золотой вѣнецъ, — прелюдировала появленію изъ прихожей принца Разказова-старшаго, тогда какъ Разказовъ-младшій, потный и запыхавшійся коренастый гимназистъ, гремятъ желѣзнымъ листомъ, принесеннымъ горничной изъ кухни и освѣщаль сожигаемымъ на стеариновомъ огаркѣ порошокомъ антимионіа—появленіе одѣтой въ черный каленкоровый балахонъ зловѣщей старицы — Разуваевой, представшей предъ принцемъ въ громъ и молніи... Вдругъ уѣзжала Настурція:

— Сашѣ нехорошо!.. и кого-то отыскивая глазами и найдя Михаила Петровича, чрезвычайно развлекающагося молніей Разказова-младшаго, подбѣжала къ нему и громко, чтобы все слышали:

— Мишель, Бога ради, скорѣй доктора!..

И шепотомъ:

— Ступайте, куда она послала и спросите: *какой ответъ?*.. Скажите, что она больна, умираетъ... Вотъ адресъ...

И опять громко:

— Доктора, Мишель, доктора скорѣй!.. Бога ради!..

Тяжело дыша, закрывая глаза, она упала въ кресло, какъ-бы находясь въ борьбѣ съ одолевашей ее дурнотой... Все толпились къ ней, а Разказовъ-младшій, экспериментировавшій съ своей лабораторіей въ прихожей, не зная, что дѣлается въ залѣ, и думал, что время появленія испанки наступило, запалилъ красный бенгальскій огонь, освѣтившій всѣхъ этихъ костюмированныхъ дамъ съ блестящимъ мишурою принцемъ во главѣ, безъ толку суетящимися около лишившейся чувствъ Настурціи...

XXXIII.

Михаилъ Петровичъ безъ малѣйшаго труда отыскалъ казармы полка, квартировавшаго въ ихъ городѣ, въ которомъ служилъ Лѣвшинъ. Дежурный въ воротахъ вахтеръ указалъ мальчику, гдѣ именно живетъ господинъ поручикъ и подзвавъ какого-то молодого солдатика, приказалъ ему проводить барина. Дворъ былъ скользкій, чѣмъ-то залитый, и Михаилъ Петровичъ пробрался въ самый уголъ его, гдѣ въ каменномъ двухэтажномъ корпусѣ помѣщался Лѣвшинъ, — держась за своего провожатаго, шинель котораго неизвѣстно съ какой цѣлью, — вѣроятно, чтобы не мѣшать движеніямъ, — была завита какимъ-то жгутомъ около талии. Проведя Михаила Петровича по довольно грязной и какъ-бы пошатывающейся лѣстницѣ со смѣшаннымъ запахомъ солдатскихъ щей и махорки, солдатикъ ввелъ его въ узкій и длинный корридоръ, освѣщенный закоптѣлою керосиновой лампочкой и нмѣющей двери направо и налево. Оста-

повившись у одной изъ такихъ дверей, солдатикъ ткнулъ въ нее пальцемъ и прошепталъ:

— Здѣсь, ваше высочордіе...

— Дома?

— Должно, что дома: огонекъ у нихъ видать.

Тогда Михаилъ Петровичъ стукнулъ въ дверь и въ отвѣтъ послышался важный и сановитый басъ Лѣвшина:

— Можно.

Солдатикъ растворилъ передъ мальчикомъ дверь и глазамъ Михаила Петровича представился г. поручикъ, въ панталонахъ подвязанныхъ ремнемъ, безъ мундира, въ пестренькой ситцевой ночной рубашкѣ, склонившійся надъ чемоданомъ и въ потѣ лица стягивающій его веревками. Увидѣвъ входящаго и узнавъ, кто это именно, поручикъ бросилъ свое занятіе и самымъ радушнѣйшимъ образомъ привѣтствовалъ:

— Ва! ко-го вижу! добро пожаловать, Михаилъ Петровичъ... Какъ живете-можете?

И увидѣвъ въ дверяхъ солдатика, командирскимъ тономъ:

— Ахтарѣвъ, свяжи, братецъ, это...

— Слушаю, ваше благородіе!..

— Пожалуйте; милости просимъ!

Ахтарѣвъ завозился надъ чемоданомъ, а Лѣвшинъ, пыхтя и отдуваясь, ввелъ Михаила Петровича въ слѣдующую комнатку, убранную со всею непритязательностью бивуачной жизни, съ узкою желѣзной кроватью, прикрытою малиновымъ байковымъ одѣяломъ, ветхимъ письменнымъ столомъ, залитымъ стеариномъ и чернилами, и нѣсколькими стульями. На столѣ горѣла свѣча, стоялъ недопитый стаканъ совершенно остывшаго чая и по листу газетной бумаги былъ разсыпанъ табакъ и смятая гильзы. Михаилъ Петровичъ, очутившись съ Лѣвшинымъ наединѣ, безъ всякихъ предисловій, приступилъ къ объясненію причины, вслѣдствіе которой вынужденъ былъ беспокоить поручика своимъ посѣщеніемъ. Тотъ прервалъ его на этомъ:

— Помилуйте: какое же безпокойство; мнѣ о-чень и о-чень напротивъ пріятно. Онъ набилъ папиросу и заткнувъ ее бумажкой предложилъ Михаилу Петровичу:— не угодно-ли?—что чрезвычайно сконфузило гостя, который подумалъ, ужъ не насмѣхается ли надъ нимъ поручикъ—и опутивъ глаза смущенно поблагодарилъ:

— Благодарю-съ...

Поручикъ въ свою очередь таки порядкомъ поупуцывѣлъ, увидѣвъ, что своимъ предложеніемъ сконфузилъ гостя и запыживъ папиросу, какимъ-то усиленнымъ басомъ:

— Извините, я васъ прервалъ... Что-жъ, однако, мы стоимъ... Михаилъ Петровичъ, прошу...

— Я на минутку-съ. Меня прислала къ вамъ тетенька отъ Сашеньки...

При этихъ словахъ поручикъ сдѣлался до такой степени пунцовъ, что можно было опасаться за то, чтобы его не хватилъ ударъ.

— Да?

— Онѣ спрашиваютъ, — смущенно-пониженнымъ тономъ продолжилъ Михаилъ Петровичъ, чувствуя, что касается самыхъ чувствительныхъ мѣстъ всего этого дѣла, — спрашиваютъ... *какой ответъ?*

Онъ прошепталъ послѣднія два слова и съ нѣмою мольбою во взглядѣ поднялъ глаза на поручика... Но тотъ былъ самъ не свой, сидѣлъ красный какъ ракъ, стараясь не встрѣчаться взглядами съ глазами Михаила Петровича, пыхтя и отдуваясь, стирая съ лица обильно выступающій на немъ потъ, точно онъ находился въ жарко натопленной банѣ или тропической жарѣ. И вдругъ какимъ-то хриплымъ шепотомъ, указывая на переднюю, гдѣ возился надъ чемоданомъ Ахтарѣвъ:

— Отвѣтъ-съ?.. вотъ какой-съ...

— Вы уѣзжаете?

— Маменька больна-съ... Вотъ...

И вытащивъ изъ кармана смятую телеграмму, протянулъ ее Михаилу Петровичу:

— Прочтите... Эду сегодня же.

Михаилъ Петровичъ пробѣжалъ телеграмму, въ которой братъ Лѣвшина извѣщалъ его о болѣзни матери и торопилъ прїѣздомъ къ нимъ. Поручикъ не сводилъ глазъ съ лица Михаила Петровича, пока тотъ читалъ телеграмму:

— Прочли?

— Прочель-съ.

— Вѣрите?

Этотъ вопросъ былъ такъ неожиданъ, что Михаилъ Петровичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Лѣвшина:

— А вы?

— Со-мнѣваюсь.

Поручикъ немного остылъ и къ нему вернулся его обычный, нисколько не вяжущійся съ нерѣшительнымъ характеромъ тонъ положительности и авторитетности. Михаилъ Петровичъ не понималъ изъ его словъ ровно ничего. Вдругъ Лѣвшинъ пододвинулъ ему стулъ и жестомъ еще разъ пригласилъ его прїѣхать:

— Присядьте, Михаилъ Петровичъ; поговоримъ по товарищески...

Михаилъ Петровичъ сѣлъ.

— Видите: женщины хитры... Извините: вамъ извѣстно чтонибудь о моихъ отношеніяхъ къ вашей сестрицѣ?

И предлагая этотъ вопросъ, а Михаилъ Петровичъ отвѣчая на него, оба собесѣдника потупили глаза:

— Да-съ: кузина объясняла мнѣ...

— И прекрасно... Отвѣтъ, котораго я ждалъ сегодня, долженъ былъ принести мнѣ согласіе на бракъ съ вашей сестрицей... Въмѣсто—вы знаете, что прислано... И вотъ, я полагаю, что маленька, вызывая меня къ себѣ, можетъ и не болны вовсе, а просто хотять меня отвлечь отсюда и, кто знаетъ...

— Что именно?

— Женить тамъ у себя въ Москвѣ на другой, что будетъ очень неприятно...

— Но вѣдь этого не будетъ? почти вскричалъ Михаилъ Петровичъ и съ такимъ жаромъ, что самъ удивился своей рѣшительности, вызванной въ немъ желаніемъ добра бѣдной Сашенькѣ. Поручикъ, какъ бы позабывъ, что его собесѣдникъ маленький мальчикъ, что съ нимъ нѣсколько странно совѣтываться въ такихъ вещахъ, беспомощно развелъ руками въ отвѣтъ на возгласъ Михаила Петровича и спросилъ упавшимъ тономъ:

— Что-же подѣлаешь тутъ?.. Какъ-бы вы поступили на моемъ мѣстѣ?

— Я?. Михаилъ Петровичъ подумалъ, что Лѣвшинъ смѣется надъ нимъ, предлагая подобнаго рода вопросъ, и покраснѣлъ, но тѣмъ не менѣе, руководствуясь недавно слышанными имъ словами тетеньки Настурціи, рѣшился дать поручику на этотъ счетъ самый обстоятельный отвѣтъ. Онъ началъ съ вопроса:—вы любите Сашеньку?

— Что за вопросъ! конечно.

— Въ такомъ случаѣ вотъ какъ бы я поступилъ на вашемъ мѣстѣ. Вы можетъ смѣетесь надо мной, но это все равно, я выскажу все... Когда вы ухаживали за Сашенькой, когда *завлекали* ее (слово тетеньки Настурціи),—вы не спрашивали на этотъ счетъ у своей мамы?.. Положимъ, мамаша откажетъ вамъ, не позволить жениться на Сашенькѣ, прикажетъ жениться на другой—и вы женитесь... Полноте: вамъ надо стоять на своемъ, требовать у вашей мамы согласія, потому что въ противномъ случаѣ, если вы женитесь на другой, вѣдь Сашенька этого не снесетъ, умретъ!.. Такъ поступилъ бы я на вашемъ мѣстѣ...

Его хорошенькіе глазки блистали и онъ какимъ-то инстинктомъ понималъ, что слабохарактерный поручикъ

слушаетъ его, и совѣтъ надъ нимъ не смѣется... Но произнося послѣднія слова и упоминая, что онъ *самъ* вотъ именно такъ бы поступилъ, Михаилъ Петровичъ невольно остановился подъ вліяніемъ какой-то мысли, почеркнутой изъ собственного опыта, какъ бы прояснившей ему нравственное состояніе его собесѣдника... И вдругъ, поднявшись со стула и взявъ, съ мольбою въ глазахъ, Лѣвшина за руку, Михаилъ Петровичъ, какъ бы прося простить себя за то, что позволяетъ говорить такія вещи взрослому, сказалъ тихо:

— Вы можетъ боитесь... за свой характеръ? а? можетъ не надѣетесь, что настоите, поставите на своемъ? правда?..

— Нѣтъ, почему же...

— Постоите... Мальчикъ сообразилъ и на основаніи недавно пережитаго имъ горькаго сознанія своей собственной слабости передъ тетенькой Настурціей въ вопросѣ о маленькой Акѣ, — постигъ душевное состояніе своего собесѣдника... Простите меня, что я вамъ совѣтую, но видите... видите, если вы боитесь, что не справитесь одни, не устоите, вамъ надо съ кѣмънибудь... Но съ кѣмъ, я право не знаю, съ кѣмъ бы вамъ?..

Потомъ подумавъ:

— Вамъ надо ѣхать, надо... Но знаете,—простите меня пожалуйста: мнѣ очень жаль будетъ, если кузина умретъ, и вы тамъ женитесь на другой,—нѣтъ, нѣтъ! вамъ рѣшительно не слѣдуетъ ѣхать одному... Знаете что?.. подите къ намъ, расскажите все тетенькѣ и Сашенькѣ; онѣ обѣ умныя и съ характеромъ, онѣ что-нибудь придумаютъ... Право такъ. Отчего вы не пришли къ намъ раньше?

Поручикъ опустилъ глаза и нещадно теребя усы, отвѣтилъ, но своему обычаю покраснѣвъ, какъ ракъ, самымъ важнымъ тономъ:

— Ужъ больно, батенька, совѣстно было все сказать-то. Вѣдь вчера говорилъ, что будетъ по моему, а вышло-то иначе...

На что Михаилъ Петровичъ, вспомнивъ изъ собственного опыта, что и онъ когда-то увѣрялъ Девриента, что не оставитъ Акѣ, а самъ оставилъ ее, если бы не вмѣшался этотъ самый Девриентъ.—сентенціозно замѣтилъ поручику:

— То-то общать-то ничего заранѣе не слѣдуетъ... Такъ отправимтесь-же...

XXV.

Настурціи удалось спроводить гостей и когда Михаилъ Петровичъ привелъ Лѣвшина, встрѣченнаго почтенной дамой съ какой-то холодною подозрительностью, весь домъ утонулъ въ полусвѣтѣ и тишинѣ мѣста, гдѣ есть больная, а потому ходятъ на ципочкахъ и говорятъ шепотомъ. Сдавъ Лѣвшина на руки почтенной тетеньки, Михаилъ Петровичъ съчелъ болѣе удобнымъ оставить ихъ обоихъ наединѣ и удалившись въ свою комнату, страстно желая, что бы все устроилось такъ, какъ слѣдуетъ для счастья бѣдной Сашеньки, усѣлся за приготовленіе уроковъ къ завтрашнему дню. Онъ такъ былъ увѣренъ въ превосходствѣ ума тетеньки Настурціи, такъ убѣжденъ въ ея изворотливости и умѣнии найдтись среди всякаго рода затрудненій, что разъ сведя ее съ Лѣвшинимъ, вѣрилъ, что она ужъ не выпуститъ его изъ рукъ и непремѣнно сдѣлаетъ свою баловницу Сашеньку счастливою. Издали доносились до него голоса Настурціи и Лѣвшина, но о чемъ они говорили, разобрать было невозможно, да Михаилъ Петровичъ и не хотѣлъ подслушивать. Можно было отличить, что Настурція говорила больше, длинными періодами, а Лѣвшинъ междѣ, ограничиваясь вѣроятно короткими фразами, произносимыми обычнымъ его тономъ. Потомъ разговоры смолкли. стало совершенно тихо, хотъ Михаилъ Петровичъ не слышалъ, чтобы Лѣвшинъ ушелъ, изъ чего заключилъ, что бесѣдующіе изъ залы

Литературный альбомъ. „Псковитянка“, драма Л. А. Мея (дѣйств. I, явл. II).
Ориг. рис. И. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

перешли въ комнату больной Сашеньки. Около девяти часовъ, когда обыкновенно пили чай и когда въ столовой раздавалось звяканье посудой, мимо дверей Михаила Петровича прошелестѣлъ шелковый трэнъ Настурціи и онъ ждалъ, что его позовутъ пить чай, за которымъ онъ что нибудь и узнаетъ отъ присутствующихъ относительно участи бѣдной Сашеньки.

Но трэнъ прошелестѣлъ обратно изъ столовой въ залъ, а потомъ вѣроятно въ комнату Сашеньки, самоваръ закипѣлъ на столѣ и не тетенька, а вѣроятно горничная или ключница, занялась приготовленіемъ чая. Черезъ нѣсколько времени горничная дѣйствительно пронесла мимо дверей Михаила Петровича подносъ съ чашками и возвращаясь, позвала барина кушать чай. Выйдя въ столовую и принимая отъ горничной налитой стаканъ, Михаилъ Петровичъ услышалъ произнесенныя ею шепотомъ слова, съ указаніемъ головою по направленію къ Сашенькиной комнатѣ:

— Уѣзжаютъ.

— Какъ уѣзжаютъ?

— Въ Москву... слышала, какъ подавала имъ чай...

Въ это самое время въ комнату вошла Катенька, требуя у горничной для мамы сахара и увидѣвъ брата, сдѣлала ему книксенъ:

— Счастливо останетесь-съ, cousin.

— Вы уѣзжаете?..

Ей нельзя было медлить, такъ какъ ее ждала мама, и взявъ отъ горничной сахарницу и убѣгая, она бросила братцу на ходу:

— Завтра... въ Москву,—и скрылась за дверями.

Михаилъ Петровичъ улыбнулся и покачалъ головою, какъ бы говоря этимъ молчаливымъ знакомъ, что какія же чудачки, право, эти тетеньки и кузины! пріѣхали, перевернули верхъ дномъ весь домъ, нануждѣли, накричали—и прощайте! поминайте, какъ звали! уѣзжаютъ... Какъ вдругъ пріѣхали, такъ и усакачуть... Странныя, право...

Вѣсть о томъ, что тетенька Настурція и барышни уѣзжаютъ завтра въ Москву, разнеслась по дому, но въ этотъ день не подтвердилась болѣе, ограничившись такимъ образомъ только сообщеніями горничной и Катеньки, что дало поводъ думать Михаилу Петровичу, не смотря на все вѣроятіе подобнаго рода поѣздки, предприняемой Настурціей для обезпеченія и устройства судьбы бѣдной Сашеньки,—думать, что это еще не окончательно рѣшенное дѣло. Часовъ въ одиннадцать, когда Настурція вышла въ переднюю проводить уходящаго Лѣвшина, Михаилъ Петровичъ, которому время было ложиться спать, вышелъ тоже, чтобы проститься съ тетенькой. Настурція что-то начитывала Лѣвшину и обернувшись на скрипъ двери изъ комнаты племянника, опросила послѣдняго:

— Что вамъ, Мишель?

— Спокойной ночи, тетенька.

— Спите, дружокъ. Спокойной ночи.

И отпустила, не прибавивъ болѣе ни слова. Михаилъ Петровичъ издали раскланялся съ Лѣвшинымъ и удалился въ свою комнату. Вскорѣ ушелъ и поручикъ, а затѣмъ все въ домѣ погрузилось въ глубокую тишину и никакой возни, никакихъ приготовленій къ дальней поѣздкѣ повидимому предприняемо не было.

Начало слѣдующаго утра тоже сказало не многое. Михаилъ Петровичъ всталъ, когда дамы еще спали, и ушелъ въ пансіонъ въ половинѣ девятаго, при чемъ провожавшая его горничная сообщила ему, что тетенька, обыкновенно встававшая въ полдень, приказала ей разбудить себя на этотъ разъ въ девять, а барышень—въ десять. На вопросъ Михаила Петровича: почему такъ рано? горничная пояснила собственно ужъ отъ себя:

— Уѣзжаютъ-съ: надо-же собраться.

Но Михаилъ Петровичъ не придалъ этимъ словамъ

особаго значенія и въ прежнемъ сомнѣніи на счетъ отъѣзда тетеньки и кузинъ, вышелъ изъ дому. Ничего конечно непонятнаго для него не представлялъ этотъ отъѣздъ самъ по себѣ. Настурція уѣзжала, такъ сказать, чтобы поддержать слабо-характернаго человѣка, своимъ присутствіемъ вблизи него ежечасно и ежеминутно вливать въ его уступчивость—упорство на принятіи рѣшенія и такимъ образомъ способствовать ему вымолить согласіе у его матери на бракъ съ Сашенькой. Какъ превосходно разузнала Настурція—мать Лѣвшина была женщина съ хорошими средствами, а потому жениться безъ ея согласія не слѣдовало; добиться-же этого послѣдняго—почтенная дама рассчитывала отчасти и съ помощью собственной ловкости, которою уповала такъ порядкомъ обвѣсть Лѣвшину при личномъ съ нею знаніемствѣ. Все это было понятно; но Михаила Петровича смущало то, что все-же вѣдь ему, ради котораго собственно былъ предпринятъ весь этотъ переѣздъ отъ крестнаго Сашеньки въ его домъ,—ему, положительнаго и опредѣленнаго, на счетъ отъѣзда сегодня, дамы ровню ничего не сообщили. Жили, жили—не уѣдутъ же не простясь, также внезапно, какъ и пріѣхали? Катенька, вѣроятно, приврала: можетъ и уѣдутъ, да только не сегодня... Не можетъ этого быть, чтобы сегодня!

Въ послѣдній передъ рекреацией часъ одинъ изъ дежурныхъ воспитателей позвалъ Михаила Петровича въ кабинетъ г. Девріента. Михаилъ Петровичъ даже испугался такого приглашенія среди урока и подумалъ, ужъ чего добраго, Боже сохрани, не заболѣла-ли маленькая Акъ. Господи спаси! и съ поблѣднѣвшимъ личикомъ и бьющимся ускоренно сердцемъ Михаилъ Петровичъ поспѣшилъ на зовъ директора, какъ то совершенно не думая, чтобы это приглашеніе находилось въ какой нибудь связи съ отъѣздомъ тетеньки Настурціи и кузинъ. Въ залѣ малютки не было; одна блѣдно-желтая птичка, качаясь въ колесѣ, распѣвала во все свое маленькое горлышко, заглушая раздающіеся изъ кабинета голоса... Остановившись на порогѣ, Михаилъ Петровичъ увидѣлъ возсѣдающаго за письменнымъ столомъ, какъ всегда, чистаго и гладкаго Девріента съ золотымъ пенснѣ на носу, а задомъ къ дверямъ одѣтую во все черное даму... Девріентъ замѣтилъ своего воспитанника:

— Вотъ...

Тогда дама обернулась и Михаилъ Петровичъ узналъ въ ней тетеньку Настурцію, въ ея черномъ шелковомъ платьѣ, въ траурныхъ фрезахъ и черной шляпѣ съ длиннымъ креповымъ вуалемъ. Тѣже оранжевыя настурціи цвѣли на ея щекахъ, тотъ же блѣдный, холодный взглядъ скользилъ повсюду, какъ-бы избѣгая встрѣтиться съ чьимъ либо постороннимъ взглядомъ. Михаилъ Петровичъ привѣтствовалъ тетеньку:

— Съ добрымъ утромъ, тетенька.

— Благодарствуй, дружокъ... Она протянула ему дрожащую руку въ перчаткѣ, поверхность которой онъ запечатлѣлъ поцѣлуй, а она чмокнула его въ високъ и,—точно онъ все ужъ зналъ, точно ему было извѣстно, что она собиралась къ Девріенту, хотѣла съ послѣднимъ вотъ то и это переговорить, предваривъ племянника обо всемъ, объявила именно въ такомъ тонѣ:—ну вотъ, Мишель, я переговорила о тебѣ съ господиномъ директоромъ... Тебѣ будетъ хорошо: ты привыкъ жить въ семьѣ, одному тебѣ съ прислугой оставаться безъ насъ не слѣдуетъ... Ты еще малъ, чтобы жить одинокомъ. Здѣсь въ пансіонѣ, тебѣ будетъ веселѣе и ты даже выиграешь въ наукахъ: вотъ языки у тебя хромаютъ... (Она импровизировала). Опеку я сдала господину директору... ну,—она встала, вѣроятно собираясь уѣхать,—учись, будь здоровъ и не поминай лихомъ старую тещу, которая кромѣ добра тебѣ никогда ничего инаго не желала. Прощай.

— Вы ѣдете сегодня, тетенька?

— Да, дружокъ, сегодня.

— По вѣдь я васъ увижу? мнѣ бы хотѣлось проститься съ кузинами...

— О, конечно увидимся... Еще бы! Прощайте, г. Девриентъ, ужъ не оставьте *моего мальчишку*...

И пожавъ руку Девриента, пошла черезъ залъ въ сопровожденіи его и Михаила Петровича въ переднюю, болтая, сколько еще ей надо въ это утро сдѣлать визитовъ, прежде чѣмъ пуститься въ дальній путь, предпринимаемый ею въ такое неудобное для путешествій время года единственно ради излеченія старшей дочери... Въ Москвѣ есть такія знаменитости медицины... Въ Вѣну?... о, это не по карману... Проходя черезъ залъ, Настурція столкнулась лицомъ къ лицу съ появившейся изъ столовой маленькой Акъ, несшей на рукахъ большую куклу.

— Какой прелестный ребенокъ!... воскликнула почтенная дама, — ваша дочка?

— Пріемышь.

— А!... поди сюда, милочка... Я обожаю дѣтей и жалю, что мои дочери выросли...

„Милочка“ не только не двинулась на зовъ Настурціи, которую узнала, но напротивъ попыталась назадъ къ дверямъ, черезъ которыя только что вошла. Когда же почтенная дама отѣхала, или дѣйствительно не узнавъ или притворившись, что не узнаетъ еще такъ недавно изгнанную ею малютку, Акъ указала ей вслѣдъ своей толстенкой ручкой:

— Бука.

Девриентъ поправилъ: тети; но малютка упорствовала на своемъ, тряся отрицательно головкой:

— Бука! Бука!...

Когда по окончаніи классовъ Михаилъ Петровичъ вернулся домой, онъ не нашелъ уже ни тетеньки, ни кузинъ, которыя уѣхали, какъ объявила ему прислуга, съ часъ тому назадъ... Не раздѣваясь, онъ вошелъ въ залъ еще недавно полный движенія и жизни, а теперь какой-то загрязненный, съ соломою, пылью и рваными бумагами на полу... На переддиванномъ столѣ лежала четвертушка бумаги съ приколою къ ней бумажною звѣздой, подъ которой было подписано крупнымъ и размашистымъ почеркомъ слѣдующее:

„За оказанныя намъ услуги возлагаемъ на васъ знаки ордена Св. Станислава I степени при семъ препровождаемъ.

Екатерина.“

Онъ спряталъ бумажку со звѣздой и изъ этой мерзости запустѣнія посѣщилъ въ чистый домикъ съ драценами и марантами на окнахъ, гдѣ отнынь онъ будетъ неразлученъ съ своей маленькой Акъ... Дай Богъ тетенькѣ устроить бѣдную Сашеньку!...

К О Н Е Ц Ъ .

Штудгардтскій великанъ.

(Культурно-историческій очеркъ).

Великанъ, о которомъ мы будемъ рассказывать, — Антоу Веберъ, родился 1-го января 1701 года въ Штудгардтѣ. Такимъ образомъ онъ былъ, такъ сказать, первымъ человекомъ XVIII столѣтія и какъ послѣдствіемъ оказалось и величайшимъ изъ всѣхъ его современниковъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Онъ оставилъ послѣ себя въ высшей степени интересныя записки, изъ которыхъ мы и заимствуемъ нашъ рассказъ.

Нашъ герой, будучи мальчикомъ, развивался физически въ высшей степени быстро; онъ казался Голиафомъ между своими товарищами по играмъ. На 15-мъ году жизни онъ былъ выше шести футовъ ростомъ, обладалъ силой взрослого человека; длинная, огненнаго цвѣта борода придавала ему видъ, по крайней-мѣрѣ, 25-ти-лѣтняго юноши. Сначала онъ былъ отданъ въ ученіе къ одному ремесленнику, но скоро вышелъ оттуда, чтобы сдѣлаться цирюльникомъ. Изучивъ это дѣло, онъ въ апрѣлѣ 1716 года съ двумя гульденами въ карманѣ отправился въ далекій путь. Сначала онъ устроился въ Лейтмерицѣ, въ Богеміи, гдѣ получилъ комическое прозвище цирюльника-Голиафа. Онъ все росъ и росъ, пока не сдѣлался великаномъ въ 8 футовъ.

Однажды въ гостинницѣ, въ спорѣ съ горожанами и солдатами, онъ не въ мѣру далъ волю своимъ кулакамъ, за что и былъ арестованъ. Только благодаря побѣгу онъ избавился отъ строгаго наказанія, которое должно было быть къ нему примѣнено. Веберъ направился въ Австрію, гдѣ скоро попалъ въ руки вербовщиковъ, которые отправили его немедленно въ Вѣну, а оттуда на турецкую границу въ дѣйствующую армію.

Веберъ былъ самымъ высокимъ солдатомъ во всей арміи и вскорѣ по прибытіи былъ представленъ высшему генералитету: принцу Евгенію Савойскому, принцу Александру Вюртембергскому и генералъ-фельдмаршалу фопъ-Браунеру. Его сдѣлали сначала шанцъ-гренадеромъ, что ему очень нравилось; затѣмъ полковымъ литаврикомъ, но послѣднее мѣсто было ему не по вкусу. Разъ кашлемейстеръ оскорбилъ его и Веберъ, не долго думая, разбилъ литавру объ его голову; за этотъ поступокъ онъ приговоренъ былъ военнымъ судомъ къ смертной казни. Но принцъ Александръ Вюртембергскій выхлопалъ ему помилованіе и великанъ нашъ опять надѣлъ свой гренадерскій мундиръ, который ему былъ больше по душѣ, чѣмъ костюмъ литавщика.

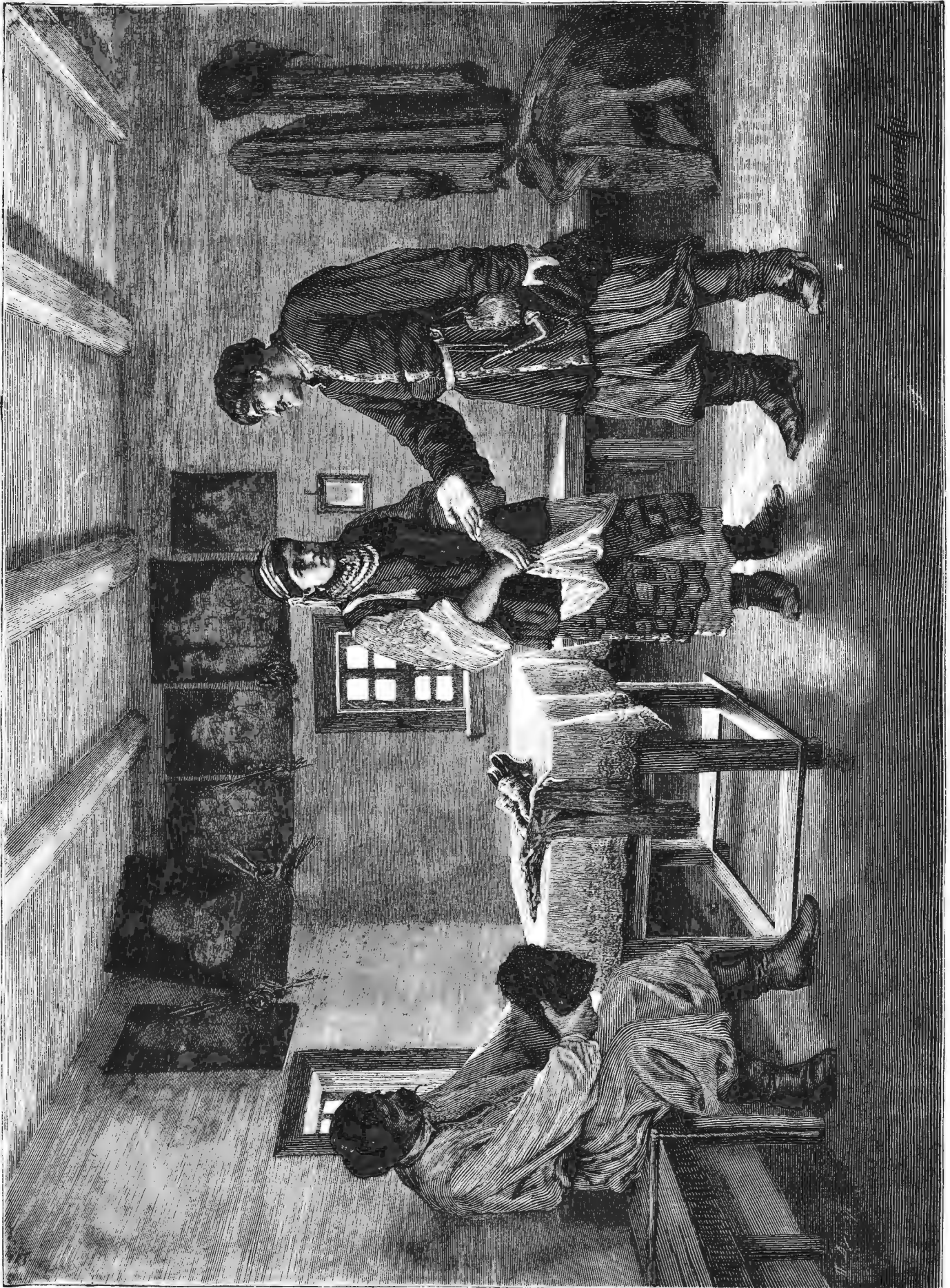
Въ кровавой битвѣ при Петервардейнѣ нашъ герой убилъ турецкаго пашу и снялъ съ него богатую золотую шапку; за то здѣсь-же онъ лишился лѣваго глаза, который былъ выбитъ стрѣлою. Спустя нѣкоторое время онъ бѣжалъ изъ арміи съ богатой добычей, одѣтый и вооруженный, какъ атаманъ разбойниковъ. Въ селахъ и городахъ, которые встрѣчались ему на длинномъ пути, жители пугались ужаснаго великана, который со своей красной бородой и выколотымъ глазомъ напоминалъ циклопа Полифема. Никто не хотѣлъ вѣрить, что ему только 18 лѣтъ и что онъ не такой ужасный человекъ, какимъ кажется на первый взглядъ.

Послѣ пѣлаго ряда бѣдствій и скитаній, Веберъ достигъ наконецъ своего родн. го города Штудгардта. Здѣсь одинъ ловкій

продавецъ драгоценныхъ камней изготовилъ ему искусственный стеклянный глазъ и вставилъ такъ удачно, что лицо перестало быть обезображеннымъ. Герцогъ Эбергардъ Людвигъ Вюртембергскій занятъ былъ въ это время устройствомъ новаго города и замка Людвигбургъ; онъ милостиво принялъ возвратившагося юношу великана и назначилъ его надсмотрщикомъ надъ рабочими, которые вѣсто оброка обязаны были отработывать на своего господина въ качествѣ землекоповъ, каменотесовъ и т. п. Ко времени карнавала, при дворѣ затѣвался блестящій маскарадный балъ, въ которомъ нашъ великанъ долженъ былъ принять участіе въ видѣ статуи. Изображая Нептуна онъ былъ поставленъ на пьедесталъ въ самой большой галлерей-замка; рой масокъ волновался у его ногъ съ изумленіемъ разсматривая статую. Одна надолбившая маска позволила себѣ довольно презрительную шутку по отношенію къ нему — Веберъ обидѣлся и закатилъ, съ горяча, такую ужасную олеуху, которая сразу свалила маску на полъ. Отовсюду послышались крики ужаса: „Лаидгофмейстера — мертва! Наша достопочтенная дама убита!“ Герцогъ въ богатомъ испанскомъ костюмѣ, блѣдный отъ ужаса, поднялъ ее въ обморокѣ и понесъ бережно къ лейбъ-медику. Нашъ великанъ только теперь сообразилъ весь ужасъ своего необдуманнаго поступка; онъ далъ олеуху всемогущей фавориткѣ герцога, г-жѣ Гревеницъ; отъ страха онъ чуть не сдѣлался дѣйствительною статуей. Опомившись, онъ рѣшилъ скорѣе бѣжать, пока во всеобщей сумятицѣ не вспомнили еще о дерзкомъ Нептунѣ; что ему и удалось сдѣлать.

Послѣ долгихъ скитаній онъ попалъ въ Музенитадт на Заальѣ. Здѣсь, въ день его прибытія, цехъ сапожниковъ, по случаю своего годоваго праздника, участвовалъ въ полномъ составѣ въ торжественной процессіи съ цеховыми значками и другими церемоніями. Во главѣ шествія, по древнему обычаю, фигурировалъ осель, на которомъ сидѣлъ человекъ, изображалъ собой св. Криспина; за нимъ шествовалъ, такъ называемый, великанъ, несшій на плечахъ у себя ребенка; роль эту выполнялъ высокий, статный мужчина — торговецъ солью. Однако этотъ большой „Христофоръ“ казался карликомъ передъ штудгардтскимъ великаномъ, который стоялъ среди зывающей толпы и былъ цѣлою головою выше всѣхъ. Процессія при видѣ его удивленно остановилась и вожакъ, который ѣхалъ въ огромныхъ салагахъ, просилъ чужестранца-великана занять постъ „Христофора“, такъ какъ онъ былъ болѣе чѣмъ въ полтора раза выше статнаго торговца солью. Веберъ охотно согласился на просьбу; онъ накиннулъ сверхъ своего платья одѣявіе „Христофора“ и положилъ на плечи мальчика. Праздникъ продолжался съ утра и до поздней ночи. Великанъ нашъ все время понемногу попивалъ и наконецъ дошелъ до того, что потерялъ сознание.

Когда онъ очнулся, то увидѣлъ себя заключеннымъ въ тѣсномъ казематѣ; посмотрѣвъ въ рѣшетчатое окно, онъ увидѣлъ глубоко внизу текущую воду. Платье его было цѣло, но деньги, въ числѣ которыхъ было, между прочимъ, 300 турецкихъ золотыхъ, исчезли.

Литературный альбомъ. „Кузнецъ Вакула“, повѣсть Н. В. Гоголя. Вакула приноситъ Оксанѣ Царицны черевини.
Ориг. рис. А. Бяшченко, грав. Дзедзицъ.

Весенняя выставка в Акад. Худож. „Улица в Ермолинцахъ“ (Подольск. губ).
Картина Ф. А. Рубо, грав. по фотогр. Лаптева, Флюгель.

Наконецъ къ нему вошли нѣсколько человекъ офицеровъ и сказали, что онъ находится въ замкѣ Гибхенштейнъ и что они вербуютъ его въ такъ называемую „гвардію великановъ“ прусскаго короля. Веберъ наотрѣзъ отказался отъ такого предложенія и требовалъ свободы и свои деньги, но ни того, ни другаго не получилъ. Шесть недѣль провелъ онъ въ заключеніи. Однажды вечеромъ вербовщики-офицеры явились къ нему, начали угощать крѣчайшимъ пивомъ, наконецъ спонили его и лишили чувствъ, по всей вѣроятности, черезъ посредство опиума.

Очнувшись отъ тяжелаго сна, герой нашъ увидѣлъ себя въ мрачномъ футлярѣ, двигающемся впередъ; снаружи слышался крошкскій тонотъ. Заключенный великанъ неистовствовала и кричала, но въ отвѣтъ на это слышалъ только смѣхъ и издѣванье. Это удвоило его ярость; онъ уперся въ потолокъ и своими геркулесовскими плечами выломалъ нѣсколько досокъ, такъ что могъ просунуть голову. Теперь онъ увидѣлъ, что страшный футляръ представлялъ собой родъ экипажа, припоровленнаго для перевозки великановъ, и былъ запряженъ шестеркой лошадей. Экипажъ быстро катился по ухабистой дорогѣ. Вебера не заставляли терпѣть ни въ чемъ недостатка и снабжали всею необходимыми. За нимъ такъ зорко наблюдали день и ночь, что не было никакой возможности улизнуть изъ транспорта.

Сначала привезли его въ Потсдамъ, потомъ въ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ былъ тотчасъ-же явиться королю Фридриху Вильгельму I. Король уже слышалъ о сопротивленіи великана и нежеланіи его быть вавилонскимъ на службу. Онъ вышелъ къ нему съ угрожающимъ лицомъ и съ камышевой тростью въ рукахъ; съ видимымъ удовольствіемъ разсматривалъ онъ великана и быстро спрашивалъ: — „Откуда родомъ? Сколько лѣтъ? Былъ уже солдатомъ? Участвовалъ въ сраженіяхъ?“ Веберъ отвѣчалъ: — „Ваше Величество, я изъ Вюртемберга; 20 лѣтъ; служилъ австрійскому двору; въ послѣднюю турецкую войну раненъ при Петервардейнѣ.“ — „Ты долженъ мнѣ служить!“ сказалъ король. — „Ваше Величество, я не добровольно явился сюда; меня завербовали силой, противозаконно арестовали и укралъ все мое достояніе и деньги.“ — „Какъ, обворованъ вербовщиками?“ — „Такъ думать у меня есть основаніе, Ваше Величество.“ — „Что за гадость! Нарядить надъ негодемъ слѣдствіе! Направо кругомъ, маршъ!“ Этой суровой командой Веберъ былъ отпущенъ и взятъ подъ арестъ при выходѣ изъ дверей.

Въ тотъ-же день онъ былъ допрошенъ аудиторомъ, который разспрашивалъ его жалобу и деньги дѣйствительно были найдены у вербовщика-офицера. вмѣстѣ съ воровъ офицеромъ Веберъ вновь предсталъ предъ королемъ. — „Этотъ протоколъ показываетъ, что ты обокралъ этого человека“, сказалъ Фридрихъ Вильгельмъ съ блестящимъ гнѣвомъ взоромъ, обращаясь къ офицеру. „Что имѣешь ты на это возразить?“ — „Ваше Величество, я не смѣю лгать“, отвѣчалъ трепещущій вербовщикъ. „Нужда и бѣдность моего многочисленнаго семейства вынудили меня на преступленіе, въ которомъ я глубоко раскаиваюсь и прошу милостиваго помилованія!“ Но разгнѣванный монархъ и не помышлялъ о помилованіи; онъ поднялъ свою камышевую трость и съ такою силою ударилъ офицера, что тотъ окровавленный и обезсиленный опустился на землю. Монархъ крикнулъ конвойныхъ и, обращаясь къ вошедшему караульному офицеру, сказалъ: „Этотъ негодяй долженъ быть завтра повѣшенъ! Уведите его прочь!“ Веберъ получилъ свои пропавшія деньги и Фридрихъ Вильгельмъ, окончивъ свой скорый судъ, обратился совершенно дружельно къ великану и предложилъ ему сначала 500, а потомъ 900 таллеровъ, съ тѣмъ, чтобы онъ согласился поступить въ гвардію великановъ“. Веберъ со своимъ 8-ли футовымъ ростомъ былъ-бы вторымъ въ знаменитой гвардіи, первый великанъ которой, — около 9 футовъ, поступилъ на службу только за 500 таллеровъ. Веберъ все-же продолжалъ отказываться и потому былъ опять отведенъ подъ арестъ на гауптвахту.

На другой день утромъ онъ увидѣлъ изъ своего окна ужасную картину. На дворѣ была поставлена висѣлица, къ которой приближался священникъ въ полномъ облаченіи; за нимъ слѣдовала рыдающая женщина и семеро плачущихъ дѣтей — семья приговореннаго къ казни вербовщика-офицера; вскорѣ появился и осужденный. Эта раздирающая душу картина сильно потрясла добросердечнаго великана. Онъ тотчасъ-же заявилъ, что желаетъ по весьма снѣжному дѣлу видѣть короля и просилъ распорядяющагося офицера отсрочить на короткое время казнь. Фридрихъ Вильгельмъ радушно принялъ Вебера, но покачалъ отрицательно головой на просьбу великана и не хотѣлъ и слышать о помилованіи. — „Ваше Величество!“ воскликнулъ Веберъ. „я охотно, безъ принужденія, присягну Вашему знамени, если несчастный получитъ прощеніе!“ — „Нѣтъ! офицеръ этотъ долженъ быть повѣшенъ! — Направо кругомъ, маршъ!“ Подавленный и опечаленный направился великанъ къ выходу, но не успѣлъ онъ еще дойти до дверей, какъ маленькій хорошенькій мальчикъ лѣтъ восьми, — крошк-принцъ, будучи Фридрихъ Великій, подскочилъ къ нему и протянулъ клочекъ бумаги, на которомъ значилось: „Воръ помилованъ ради просьбы Вебера. Фридрихъ Вильгельмъ“.

Веберъ-же теперь принялъ присягу и былъ зачисленъ въ

гвардію великановъ. Товарищи приняли его очень радушно и просили за благородный поступокъ и самопожертвованіе записать Вебера на вѣчныя времена на доску, помѣпающуюся въ главной залѣ казармы. — Въ первый-же годъ герой нашъ изгнѣлъ возможность изучить всѣ особенности характера прусскаго короля, такъ какъ попалъ въ число 8 избранныхъ гвардейцевъ, которые посѣбно охраняли входъ въ королевскіе покои.

Когда Фридрихъ Вильгельмъ въ 1721 году отправился въ Кенигсбергъ для участвованія въ переговорахъ о мирѣ между Россіей и Швеціей, Веберъ и еще нѣсколько другихъ гвардейцевъ сопровождали короля. Однажды когда Веберъ въ качествѣ почетнаго часоваго стоялъ передъ покоями русскаго уполномоченнаго князя Меншикова, этотъ послѣдній предложилъ ему ѣхать съ собой въ Россію. На возраженіе Вебера, что король не согласится отпустить его, князь возразилъ, что переговорить объ этомъ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ, и дѣйствительно выхлопоталъ великану шестимѣсячный отпускъ. Онъ долженъ былъ быть представленъ русскому двору какъ образецъ лейб-гвардейца и потому былъ запово прекрасно обмундированъ. Лѣтомъ 1722 года онъ прибылъ съ Меншиковымъ въ Петербургъ и былъ милостиво принятъ императоромъ Петромъ Великимъ и его супругой Екатериной. Время отпуска скоро прошло, но великана просили еще остаться для участвованія въ предстоящемъ въ Москвѣ празднествѣ по случаю коронаванія императрицы Екатерины. Къ Веберу былъ назначенъ переводчикъ, множество слугъ, даны были въ полное его распоряженіе лошади и экипажи. Ему очень понравилась роскошная жизнь и онъ охотно согласился остаться, ни мало не смущаясь своими обязательствами въ Пруссіи. Зимой 1723 года императорская фамилия и весь дворъ съ небольшою громаднымъ обозомъ, почти въ 5 тысячъ саней, двинулись въ Москву; на дорогѣ къ поѣзду все время примыкала знать изъ попутныхъ губерній. Празднества однако было отложено на 1724 годъ, такъ какъ приготовленія къ пышному и грандіозному торжеству не были еще окончены. Въ день торжества въ императорскомъ поѣздѣ между тысячами другихъ диковинъ фигурировалъ громадный ручной слонъ съ башней на спинѣ, на которой выкопо въ верху нарядировалъ нашъ штудгартскій великанъ, одѣтый и раскрашенный какъ темнокожій индѣецъ и вооруженный стрѣлами и лукомъ. Передъ нимъ стояли на слонѣ два музыканта съ длинными дудками, а сзади сидѣла обезьяна, корчившая уморительныя гримасы, надъ которыми хохотала до упаду болѣе чѣмъ сотысячная толпа собравшихся зрителей. Собственно церемоніи въ соборѣ Веберъ не видѣлъ, его какъ „дикаго индѣйца“ въ церковь не пустили. По окончаніи коронаванія, во время котораго митрополитъ московскій помазалъ на царство колѣнопреклоненную императрицу, а Петръ Великій самъ возложилъ на нее корону и далъ въ руки скипетръ, процессія, при оглушительномъ громѣ выстрѣловъ и звонѣ колоколовъ, въ томъ-же порядкѣ двинулась обратно.

Годъ спустя скончался Петръ Великій и на тронъ вступила супруга его Екатерина, именемъ которой управлялъ Меншиковъ. Веберъ получилъ должность тѣлохранителя и пошелъ-бы можетъ быть дальше, еслибъ покровитель его, князь Меньшиковъ, не былъ послѣ смерти Екатерины сосланъ въ Сибирь. При новомъ правительствѣ многихъ придворнымъ пришлось оставить дворъ; между прочимъ и великанъ тѣлохранитель получилъ отставку и 1000 серебряныхъ рублей на выѣздъ изъ Россіи. Черезъ Польшу отправился онъ въ Германію, но въ Варшавѣ былъ арестованъ, принятый за русскаго шпиона. Восемь дней просидѣлъ онъ въ заключеніи, не бывъ допрошеннымъ; это ему сильно надоело и онъ бѣжалъ, счастливо достигнувъ родины.

Хотя въ Вюртембергѣ эпоха владычества г-жи Гревеницъ уже миновала, но герцогъ Эбергардтъ Людвигъ не хотѣлъ и слышать о возвращеніи великанѣ, онъ еще хорошо помнилъ о злополучной олеухѣ. Веберъ отдалъ въ отечествѣ часть своихъ денегъ на проценты и пустился вновь на приключенія. Нѣкоторое время онъ исправлялъ должность привратника въ ратушѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, пока наконецъ ему не надоѣла праздная и скучная жизнь. Магистратъ не хотѣлъ уничтожить контракта и онъ бѣжалъ въ туманную ночь изъ города и поѣхалъ въ Берлинъ, дѣлая себя надеждой быть милостиво принятымъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I.

Но надежды оказались обманчивыми. Разгнѣванный прусскій король не хотѣлъ вѣрить отговоркамъ великана-гвардейца, что будто бы въ Россіи его не хотѣли отпустить; Веберъ, пробывшій въ отпуску вмѣсто шести мѣсяцевъ чѣмъ года, былъ признанъ дезертиромъ. Его заковали и отправили въ крѣпость Кюстринъ впередъ до разслѣдованія дѣла. Здѣсь онъ былъ очевидцемъ казни барона фонъ-Катте. Это ужасное зрѣлище долженъ былъ смотрѣть и заключенный въ то время въ крѣпости принцъ Фридрихъ, за то что со своими друзьями молодости задумалъ привести въ исполненіе планъ бѣгства въ Англію. Онъ долженъ былъ отвѣтить своею головою передъ строгой дисциплиной отца.

Нашъ великанъ порѣшилъ освободиться, но бѣжать изъ крѣпости Кюстринъ была вещь далеко не легкая. Веберъ былъ уже достаточно знакомъ съ этимъ дѣломъ. Теперь онъ уже не носилъ кандаловъ и платя его, слѣланное изъ простаго тку, не имѣло никакой особенной формы; все это благопріятствова-

ло исполненію плана. Мѣстомъ его заключенія была восточная башня цитадели, подножье которой омывалъ шумящій Одеръ. Въ темную, глухую ночь спустился онъ на неохранныя карауломъ площадку башни, оттуда проникъ въ складъ, гдѣ хранилось разнаго рода оружіе, ремесленные инструменты, шесты для знаменъ, канаты и т. п. Здѣсь между прочимъ нашелъ онъ сторожевую шинель и старую шапку, которыя и взялъ какъ необходимыя вещи. Своими могучими руками снялъ онъ съ петель огромную дверь и на канатѣ, при помощи ворота спустилъ ее внизъ вмѣстѣ съ шестомъ отъ знамени, а вслѣдъ за ней по канату спустился и самъ. На двери, служившей ему плогомъ, и съ шестомъ въ рукахъ вмѣсто руля, Веберъ поплылъ внизъ по теченію Одера не замѣченный стражею. На разсвѣтѣ онъ едва не попалъ подъ мельничное колесо и съ большимъ трудомъ спасся отъ опасности, угрожавшей его жизни. Въ 5 часовъ утра онъ причалилъ къ маленькому лѣску и растянулся на травѣ, чтобы отдохнуть отъ усталости. Вскорѣ на мѣсто, избранное нашимъ великаномъ для отдыха, пришелъ молодой человѣкъ въ одеждѣ охотника, толкнулъ прикладомъ ружья отдыхавшаго и сердито закричалъ: „Что ты, негодяй, тутъ шляешься по господскому лѣсу!“ Злобно поднялся Веберъ во весь свой могучій ростъ передъ удивленнымъ дворянско-охотникомъ, вырвалъ у него изъ рукъ ружье, взялъ его между колѣнъ и вздулъ палкою. Послѣ чего онъ удалился своими гигантскими шагами, чтобы избѣжать преслѣдованія и мести своего врага.

Безъ приключеній достигъ онъ Дейца на Рейнѣ и остановился въ въ гостиницѣ, рядомъ съ которой англійская трунна наѣзниковъ давала представления въ циркѣ. Онъ познакомился съ директоромъ, пѣкнимъ Ковлеемъ, и заключилъ съ нимъ выгодное условіе; его должны были показывать какъ укрощеннаго людоеда. На него надѣли мохнатую шерсть, выкрасили темнокоричневой краской; съ короной изъ перьевъ на головѣ, съ огромной дубиной въ рукѣ, которая представляла его воинственное вооруженіе, онъ являлся передъ публикой. Эта жизнь была очень по вкусу Веберу. Послѣ цѣлаго ряда представлений въ различныхъ городахъ, трунна прибыла въ Бременъ, гдѣ ее постигло ужасное несчастье. 12-го сентября 1732 года зданіе цирка вечеромъ во время представленія сгорѣло. При громадномъ стеченіи публики, между которыми было много знатныхъ и богатыхъ горожанъ съ ихъ семействами, въ то время какъ Ковлей скакалъ, стоя на двухъ лошадяхъ, съ балансировавшей на его головѣ хорошенькой 16-ти лѣтней дочкой, вдругъ показался огонь и въ одно мгновеніе весь циркъ былъ объятъ пламенемъ. Семнадцать человѣкъ погубило, въ томъ числѣ и прекрасная Эмилія. Дорогой гардеробъ и нѣсколько лошадей сгорѣли. Когда директоръ, получившій сильные обжогі, постигъ весь ужасъ своего несчастья и увидѣлъ лежащій передъ нимъ обугленный трупъ любимой дочери, онъ съ отчаяніемъ перерѣзалъ себѣ горло. Самоубійцу по тогдашнимъ строгимъ обычаямъ должны были хоронить подъ висѣлицей, но нашъ великанъ и еще одинъ акробатъ ночью тайно утащили трупъ и закопали его въ полѣ у большой дорогѣ подъ группой трехъ липъ.

Вдова Ковлей, искусная танцовщица на канатѣ, собрала остатки имущества и уѣхала въ Гамбургъ съ Веберомъ и еще двумя другими артистами, гдѣ имъ однако не было дозволено представленіе. Тогда черезъ Киль отправились они въ Копенгагенъ, гдѣ маленькая трунна сдѣлала хорошій сборъ. Но вскорѣ бѣдная женщина, потрясенная ужасомъ Бременской катастрофы, помышляла. Она рыдала и молила, чтобы ее отвезли на родину въ Лондонъ. Сердобольный великанъ взялъ мѣсто на датскомъ пароходѣ и отвезъ помѣшанную въ Англію, гдѣ передалъ ее роднымъ, но не получилъ обратно затраченныхъ на поѣздку денегъ и безъ средствъ остался въ чужой сторонѣ. Лондонскій хозяинъ засадилъ его въ долговую тюрьму, послѣ того какъ Веберъ, проживъ нѣсколько недѣль, не заплатилъ по счету ни копѣйки. Случайно познакомился онъ здѣсь съ однимъ сахаро-заводчикомъ, который освободилъ его, за что Веберъ долженъ былъ долгое время служить у него конюхомъ.

Отъ этого жалкаго существованія ему наконецъ удалось освободиться и онъ отправился на пароходѣ въ Амстердамъ, гдѣ и получилъ мѣсто „дрильмейстера“; обязанность его состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ обучать вновь завербованныхъ рекрутовъ, прежде чѣмъ ихъ отправлять въ Ост-Индію. Четыре года провель онъ спокойной жизни, но туманный климатъ Голландіи одолѣлъ его и Веберъ началъ неудержимо стремиться въ освѣщенные яркимъ солнцемъ сады и виноградники Штудгарта. Вскорѣ онъ отправился на родину.

Между тѣмъ Эбергардтъ Людвигъ скончался и тронъ герцогскій наследовалъ Карлъ Александръ, тотъ самый принцъ, подъ начальствомъ котораго Веберъ въ австрійской службѣ сражался противъ турокъ. Великанъ былъ милостиво принятъ княземъ и его знаменитымъ министромъ финансовъ Оппенгеймомъ и получилъ мѣсто тѣлохранителя. 12-го марта 1877 г. внезапно умеръ Карлъ Александръ при загадочныхъ обстоятельствахъ. Хотя и было обнаружено, что смерть послѣдовала отъ апоплексіи, но въ народѣ ходили баснословные рассказы о какой то ужасной кровавой драмѣ. Намъ великанъ могъ бы дать объ этомъ довольно точныя свѣдѣнія, такъ какъ былъ

въ то время на часахъ у входа въ покои въ качествѣ тѣлохранителя, но онъ всегда избѣгалъ говорить объ этомъ. Спустя нѣкоторое время ненавидимый „еврей“ при радостныхъ крикахъ народа былъ повѣшенъ. Веберъ потерялъ свое мѣсто и съ горя началъ пьянствовать и шилъ до тѣхъ поръ, пока не прокутилъ всѣхъ денегъ. Треволненія послѣдлаго времени пробудили воспоминаніе спокойной, беззаботной жизни въ Голландіи и онъ рѣшился ѣхать въ Амстердамъ.

По мѣсто „дрильмейстера“ получить теперь онъ не могъ и его назначили унтеръ-офицеромъ въ полкъ, который отправлялся на Суматру. На свое несчастье онъ принялъ это предложеніе и отплылъ изъ Роттердама на огромномъ остъ-индскомъ суднѣ, въ числѣ 400 солдатъ. Судно было ветхо и мало способно къ дальнему плаванію. Ужасный ураганъ разбилъ его на песчаной отмели у Африканскаго берега. Многие изъ находившихся на немъ людей погибли во время крушенія, но еще большая часть умерла отъ голоду на пустынномъ берегу, представляющемъ западную границу Сахары. Капитанъ погибшаго корабля, штудгардтскій великанъ и 15 другихъ пассажировъ шли съ немовѣрными усиліями и страшными лишеніями по направлению къ С.-З., пока наконецъ не достигли обитаемой земли. Они были пойманы маврами, взяты въ рабство и привезены въ Ноонъ, — мѣстечко въ Ю.-З. части Морокко. Отсюда послѣ труднаго караваннаго путешествія черезъ Атласъ, ихъ доставили въ главный городъ, гдѣ Веберъ былъ проданъ одному богатому купцу мавру, который, впрочемъ, обращался съ нимъ довольно человѣчно. Главною обязанностью великана было сопровождать стараго мавра при его выходахъ и держать надъ нимъ неслышанной величины зонтикъ, защищая его голову отъ палящихъ лучей солнца. Однажды они встрѣтились на рынкѣ небольшую блестяще разукрашенную кавалькаду наѣзниковъ, во главѣ которой ѣхалъ султанъ Марокко. Всѣ почти тѣлохранители падали на колѣни и смиренно преклоняли головы къ песку, что сдѣлалъ и старый мавръ. Штудгардтскій великанъ, видѣвшій на своемъ вѣку столько державныхъ повелителей, стоя рассматривалъ съ удивленіемъ кровожаднаго деспота, султана Мулей Абдалай. Неслышанная дерзость не прошла даромъ нашему герою, нарушившему законъ, который повелѣваетъ каждому при видѣ высокаго повелителя падать ницъ. Двое изъ конвойныхъ султана съ дикимъ ревомъ бросились на преступника и поволокли его въ заточеніе. Веберъ былъ приговоренъ къ смерти, но получилъ помилованіе и былъ прикованъ къ скамьѣ одной изъ разбойничьихъ галеръ, для исполненія обязанности гребца.

Между своими товарищами по несчастью, — христіанами-невольниками, — которые исполняли ту же обязанность, Веберъ нашелъ одного испанца и одного француза, съ которыми онъ задумалъ привести въ исполненіе планъ бѣгства и мести. Въ этотъ періодъ страданій онъ выучился бѣгло говорить по французски, что ему очень пригодилось впоследствии. Караулъ маленькаго разбойничьяго судна состоялъ изъ 30-ти вооруженныхъ съ ногъ до головы дикихъ корсаровъ. Изъ засады на морскомъ берегу они стерегли европейскія купеческія суда, намѣревавшіяся пройти Гибралтарскій проливъ. Панаденія дѣлалась по большей части ночью; при этомъ они стрелялись бросались на намѣченное судно и съ дикими воинственными криками сбѣгались на бордажъ. Однажды такое нападеніе сдѣлали они на сардинское судно, экипажъ котораго оказалъ сильное сопротивленіе, такъ что между обѣими сторонами завязалась страшная рѣзня. Суда, сбѣлленные бордажными крючьями шли бокъ о бокъ. Веберъ сорвалъ замки своей цѣпи, обмоталъ ее вокругъ правой руки и однимъ взмахомъ убилъ сидящаго на рулѣ, разломалъ цѣпи своими товарищамъ, которые вмѣстѣ съ нимъ съ остервенѣніемъ бросились на разбойниковъ. Корсары не могли устоять противъ атаки соединенныхъ силъ, были всѣ убиты и брошены въ море. Сардинское судно взяло галеру на буксиръ и привезло освобожденных христіанъ-невольниковъ въ Гибралтаръ, гдѣ добыча была разделена между всѣми; Веберу досталась также не малая доля.

Въ 1741 году онъ отплылъ въ Неаполь, намѣреваясь послѣ столькокихъ приключеній найти себѣ какое нибудь постоянное спокойное занятіе. Здѣсь Веберъ основалъ товарищество воздѣлыванія овощей и первый познакомилъ южную Италію съ картофелемъ, выписавъ его изъ Вюртемберга, гдѣ клубки эти были извѣстны еще съ 1711 года. Но эта спокойная жизнь скоро наскучила нашему великану и онъ, спустя четыре года вновь поступивъ на службу, сталъ опять тѣлохранителемъ сперва при дворѣ герцога Пармскаго, потомъ въ Вѣнѣ при дворѣ Маріи Терезіи, сынъ которой Іосифъ постоянно ради шутки вальцалъ на великана и теревилъ его красную бороду. — Въ ближайшую войну онъ сражался подъ Кёнигренемъ и Гакенфридбергомъ противъ пруссаковъ. Спустя десять лѣтъ онъ оставилъ Вѣну и по странному стеченію обстоятельствъ очутился на службѣ у Фридриха Великаго солдатомъ и сражался противъ австрійцевъ. Въ рядахъ прусской арміи онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ большихъ сраженіяхъ во время семилѣтней войны.

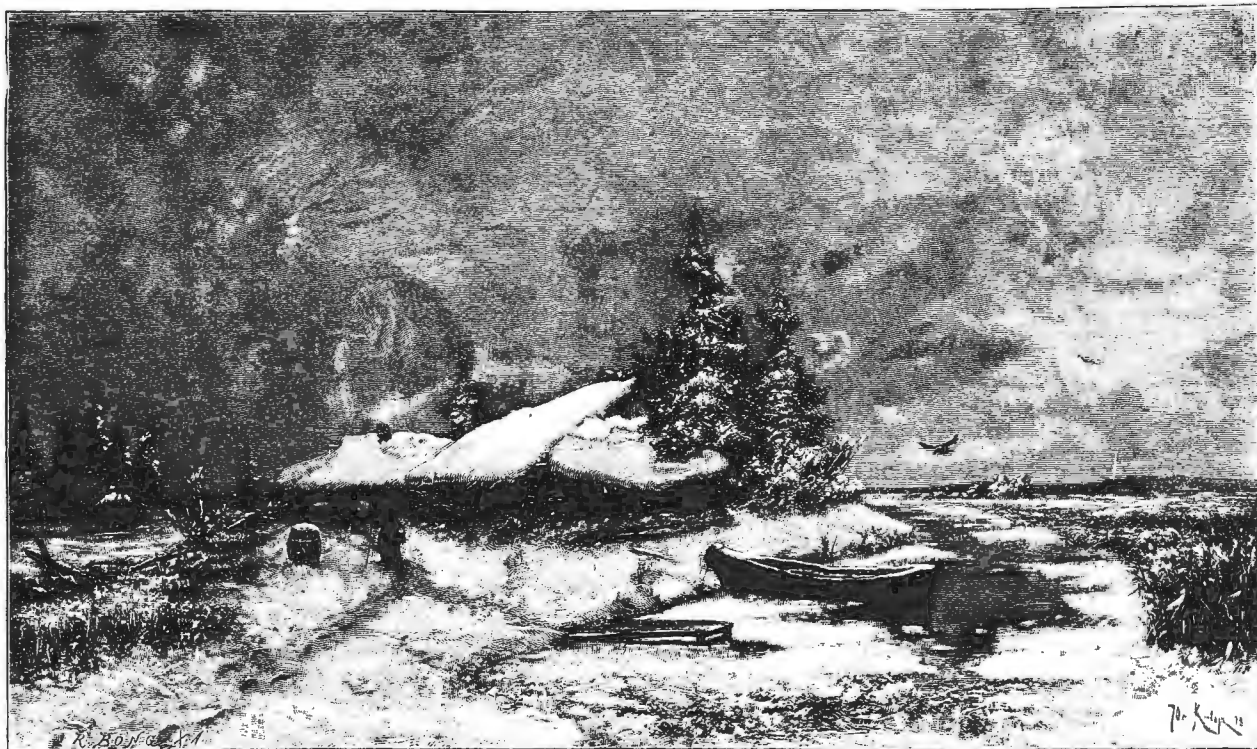
Затѣмъ онъ вернулся на родину, гдѣ былъ герцогомъ Карломъ Евгениемъ сдѣланъ смотрителемъ надъ придворными конюшными и въ тоже время обязанъ былъ въ торжественныхъ случаяхъ исполнять должность тѣлохранителя. Эту послѣд-

июю обязанность онъ исполнял и въ то время, когда король Иосифъ II прѣзжалъ въ Штудгартъ посѣтить герцога Карла. Король взглянулъ на тѣлохранителя и сказалъ:— „Этого великана со стекляннымъ глазомъ я гдѣ-то видѣлъ раньше. Не былъ-ли ты прежде въ Вѣнѣ?“ Веберъ отвѣчалъ:— „Ваше Императорское Величество, будучи еще маленькимъ принцемъ, часто сживали на этихъ плечахъ.“— „Дорогой герцогъ“, сказалъ король, „я-бы очень хотѣлъ имѣть этого стараго великана у себя при дворѣ!“ Карлъ Евгений охотно исполнилъ просьбу своего двоюроднаго брата и Веберъ, сопровождая короля, уѣхалъ въ Вѣну. При королевскомъ дворѣ онъ получилъ хорошее спокойное мѣсто, но несмотря на это ему наклонѣ лѣтъ пришлось еще пережить не мало различныхъ невзгодъ.

Въ 1783 году онъ сопровождалъ во Францію эрцгерцога Леопольда, который ѣхалъ посѣтить сестру свою Марію Антуанету. Эрцгерцогъ собрался уѣзжать обратно, но Веберъ въ это время заболѣлъ и принужденъ былъ остаться въ Парижѣ. Послѣ выздоровленія 84-хъ лѣтній старикъ вступилъ на службу королевы. Она и супругъ ея Людовикъ XVI часто тѣшились разсказами старика о случайностяхъ его полной приключеній жизни.

Веберу. Дюма, по всей вѣроятности, не зналъ всѣхъ превратностей жизни штудгартскаго великана, а то-бы онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ-бы характеристику этой своеобразной личности блистательнаго французскаго двора.

Всѣ ужасы великой революціи пережилъ нашъ герой какъ самый близкій очевидецъ. Онъ видѣлъ Людовика XVI и Марію Антуанету окровавленную подъ гильотинной. Онъ самъ былъ заточенъ въ с. Жерменъ и только счастливая случайность спасла его жизнь. Сѣдовласый старецъ, оставленный среди тысячи опасностей и затрудненій въ суровую зиму въ революціонной Франціи, получилъ наконецъ возможность въ послѣдній разъ отправиться на родину, чтобы тамъ умереть. — Бѣдный какъ Іовъ достигъ онъ Штудгарта. Всѣ его друзья прежняго времени вымерли. Герцогъ Фридрихъ приказалъ выдавать ему пособіе въ размѣрѣ четырехъ гульденовъ въ мѣсяцъ, на которое онъ конечно не могъ существовать. И онъ началъ заниматься вырѣзываніемъ изъ дерева шпилекъ, которые употребляются при развѣшиваніи бѣлья на веревкахъ; носилъ ихъ по городу и продавалъ женщинамъ за самую дешевую цѣну. Все же до самой смерти онъ не преклонился передъ горькою нуждою и не надалъ духомъ. 1-го апрѣля 1803 года тихая, спокой-

Весенняя выставка въ Анад. Худом. „Зимній пейзажъ“ Ю. Ю. Клевора. Съ фотогр. грав. Рау.

Въ мемуарахъ того времени Веберъ часто упоминается какъ камердинеръ королевы. Между прочимъ, Александръ Дюма въ своемъ романѣ „Ожерелье королевы“ далъ нѣкоторую роль

ная смерть сожгла его глаза. Личность эта, безъ сомнѣнія, одинъ изъ интереснѣйшихъ людей XVIII столѣтія, къ тому же онъ достигъ 103 лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ.

Къ рисункамъ.

Ѣзда по озеру въ Верхней Баваріи, зимой.

(Рис. на стр. 388).

Впродолженіи долгой и суровой зимы горные жители Верхней Баваріи ведутъ жизнь чрезвычайно однообразную и замкнутую; женщины хозяйничаютъ дома, а мужчины большею частью занимаются доставленіемъ дровъ, вранѣе нарубленныхъ въ горахъ. Послѣ усиленной работы въ течение недѣли, воскресенье бываетъ вдвойнѣ приятно. Это самое удобное время навѣстить сосѣда и поговорить о дѣлѣ. Многочисленныя озера Верхней Баваріи, находящіяся частью въ области Альпъ и частью лежація у подножія ихъ, способствуютъ быстрому общенію. Уже съ давнихъ временъ въ этихъ странахъ установился обычай жителямъ праваго берега бывать въ церкви, расположенной на лѣвомъ берегу озера, и наоборотъ. Для переѣзда озера употребляются не лыжи, а маленькія саночки, которыя приводятся въ движеніе при помощи палокъ съ желѣзными наконечниками. Саночки, на которыхъ ѣздятъ въ церкви, обыкновенно бываютъ на два человѣка. Переднее мѣсто, какъ видно на рисункѣ, занимаетъ жена или невѣста; помѣщающійся сзади мужчина имѣетъ двѣ, въ ростъ человѣка, палки съ желѣзными наконечниками; одною онъ подвигаетъ сани, а дру-

гою править ими. Передъ началомъ богослуженія, озера покрываются массою саней, скользящихъ очень быстро по гладкой поверхности льда. Но несмотря на ловкость управляющаго санями, бываютъ и столкновенія, а иногда случается, что по недосмотру сани проваливаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бьющіе подземные ключи препятствуютъ образованію толстаго льда. При этомъ погибаютъ сѣдоки, и весело начатая поѣздка кончается иногда очень печально.

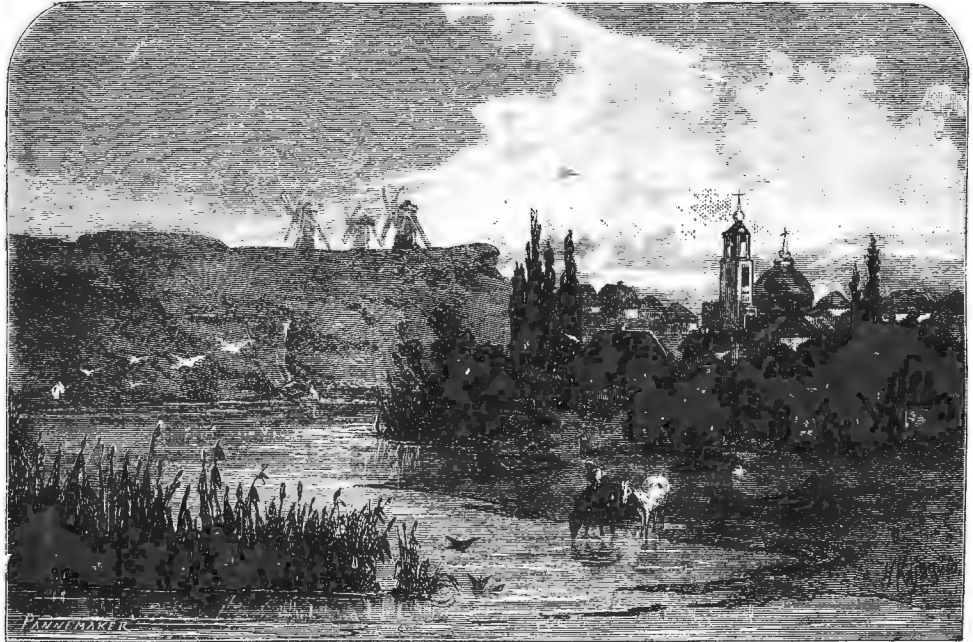
Болгарка и Румынка.

(Рис. на стр. 389).

Первая изъ двухъ помѣщенныхъ нами красавицъ — болгарка, т. е. типъ единоплеменнаго намъ народа. Большинство болгарокъ не красивы, въ особенности послѣ юношескихъ лѣтъ. Вслѣдствіе тяжелой работы онѣ старѣются скоро. Женская красота считается рѣдкостью въ Болгаріи; въ этомъ отношеніи родственная ей страна Сербія гораздо счастливѣе. Замѣчательно въ Болгаріи уравненіе положенія жены и мужа. При пассивномъ характерѣ болгаръ, зачастую женщины отличаются большей энергіей. Костюмъ женщины не такъ пестръ и богатъ, какъ костюмъ сербки. Часто онъ ограничивается длинной, собранной у шеи рубахой, на которую одѣваются два не-

редника, одинъ спереди и другой сзади. Иногда надѣваютъ еще маленькую кофту, поясъ или платье безъ рукавовъ. Ноги одѣваютъ въ пестрые чулки и опанки. Кромѣ того крестьянки украшаютъ себя разными бездѣлушками. Гораздо пышнѣе такъ называемый *національный костюмъ*, который менѣе народенъ, но принаровленный ко вкусу народа и состоящій изъ красивыхъ матерій, благодаря искусству портныхъ, до известной степени можетъ считаться салоннымъ костюмомъ. Второй характерный типъ — румынка. Здѣсь также салонный костюмъ рѣзко отличается отъ одѣванія крестьянъ, которое очень просто. Но чѣмъ особенно отличается румынка отъ болгарки — это своими физическими преимуществами. Здѣсь часто встрѣчаются положительные красавицы. Румынка развивается очень рано, и красота и миловидность крестьянокъ еще болѣе нежели горожанокъ выигрываетъ отъ живописнаго костюма. Кромѣ того первыя обладаютъ глубокими поэтическими чувствами, совершенно чуждыми послѣднимъ. Румынка любитъ музыку, но пѣніе ея всегда грустно, жалостно; оно служитъ правдивымъ выраженіемъ румынскаго народнаго духа. Въ общей меланхоліи румынъ слѣдуетъ искать причину лѣни, присущей этому народу.

Шалого, но тихая и покорная, она скоро подчинилась своей участи и, конечно, никогда-бы не вмыслила своему долгу супруги, если-бы неожиданный случай не привелъ ее къ паденію.

Библиографія. „Родные отголоски“. Изд. Вольфа. „Станица“, изъ стих. И. С. Никитина. Рис. Н. Каразина, грав. Паннемакеръ.

„Псковитянка“, драма Мея.

(Рис. на стр. 393).

Псковитянка — одно изъ удачнѣйшихъ произведеній нашего талантливаго поэта, покойнаго Мея. Написанное прекраснымъ,

Шалого, по порученію Царя, уѣхалъ въ Колывань; жена осталась одна и по обычаю тогдашняго строго-религіознаго времени отправилась на богомолье въ Печерскій монастырь. Но на этомъ пути она влюбилась и еле живою была доставлена въ лагерь стоявшаго близъ лѣса войска Іоанна. Царь отвелъ ей мѣсто въ своей ставкѣ и съ этого дня Вѣра, полюбивъ страстно молодаго красавца-Государя, принесла ему въ жертву, въ движеніи страсти, честь и вѣрность. Плодомъ этой любви Вѣры и Іоанна и была Ольга — главная героиня драмы. Во второмъ актѣ, дѣйствіе котораго происходитъ уже въ 1570 году — пятнадцать лѣтъ спустя послѣ рассказанныхъ нами событій, Ольга является уже прелестной дѣвушкой; она слышетъ дочерью князя Токмакова, мужа ея покойной тетки, и сама не знаетъ своего настоящаго отца. Она уже любитъ одного изъ самыхъ храбрыхъ и красивыхъ юношей Пскова — Михаила Тугу, но смутное, тревожное время скоро разлучаетъ ее съ дорогимъ, любимымъ человекомъ.

Въ Псковѣ на бурномъ и шумномъ вѣчѣ, партія непокорныхъ удалцовъ, не слушая предостереженій посадника и стариковъ, громко заявляетъ, что не хочетъ подчиниться волѣ Москвы, что будетъ отстаивать во что бы то ни стало свои права и вольности; къ тому-же на это вѣче прибылъ гонецъ изъ Новгорода, чтобы повѣдать псковичамъ объ паденіи его независимости.

„А братъ де вашъ старшой открасовался, И навазаль вамъ долго жить и править По немъ поминки“...

Эти заключительныя слова еще поднимаютъ на вѣчѣ дѣлую бурю; теперь вся молодежь оказывается на сторонѣ непокорныхъ и тутъ-же порѣшаетъ лучше отправиться на ратные подвиги, нежели подчиниться Іоанну. Михаилъ Туга, какъ самый известнѣйшій храбрецъ и смѣльчакъ дѣлается предводителемъ этой вольницы и навсегда уходитъ изъ роднаго го-

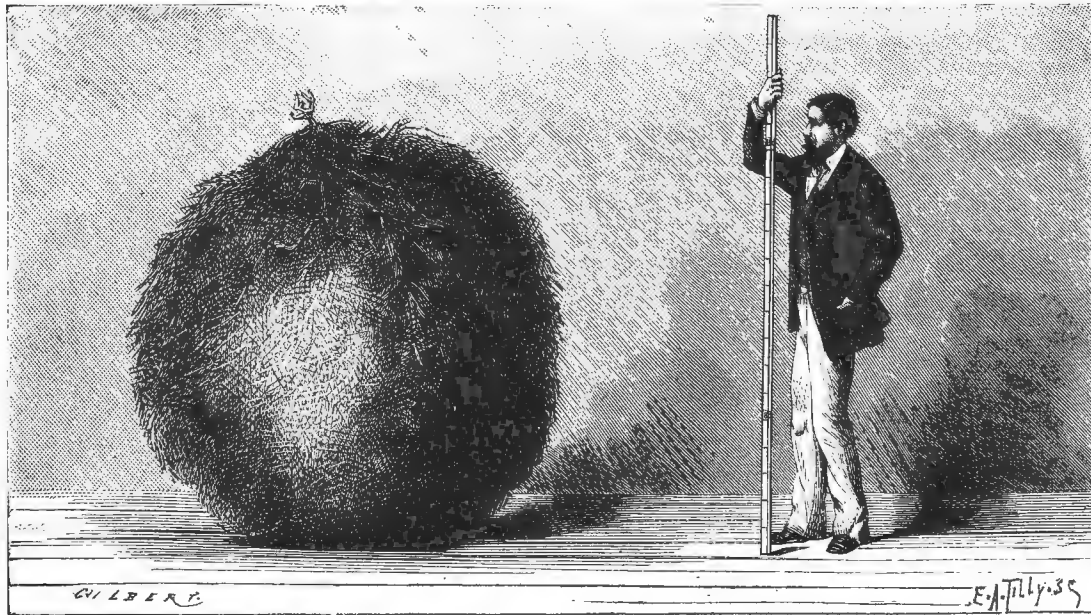

Библиографія. „Родные отголоски“. Изд. Вольфа. „Дитя въ половодье“, изъ стих. А. А. Фета. Рис. Н. Каразина, грав. Паннемакеръ.

образнымъ языкомъ, драма эта полна жизни и движенія, гдѣ ярко обрисованъ и характеръ эпохи, когда въ послѣдній разъ шумѣло вѣче въ независимомъ, буйномъ Псковѣ и когда вольность этого города должна была подчиниться силѣ московскаго грознаго Царя. Первый актъ драмы служитъ для нея какъ-бы прологомъ; здѣсь является на сценѣ симпатичный тонъ матери псковитянки Вѣры. Эта Вѣра насильно была выдана за нелюбимаго стараго боярина

рода. Но вот Псковъ наконецъ усмирень; виновные въ мтежахъ жестоко наказаны и во время кровавой расправы грозный Царь неожиданно является въ домъ князя Токмакова и встрѣчается здѣсь съ Ольгой. Чудное знакомое лицо дѣвушки воскрешаетъ въ душѣ Царя старую, забытую любовь; изъ свирѣпаго онъ становится добръ и уступчивъ и даже прекращаетъ кровопролитіе. Въ послѣднемъ актѣ дѣйствіе происходитъ въ ставкѣ Иоанна. Сюда является Ольга, которую на пути въ Пе-

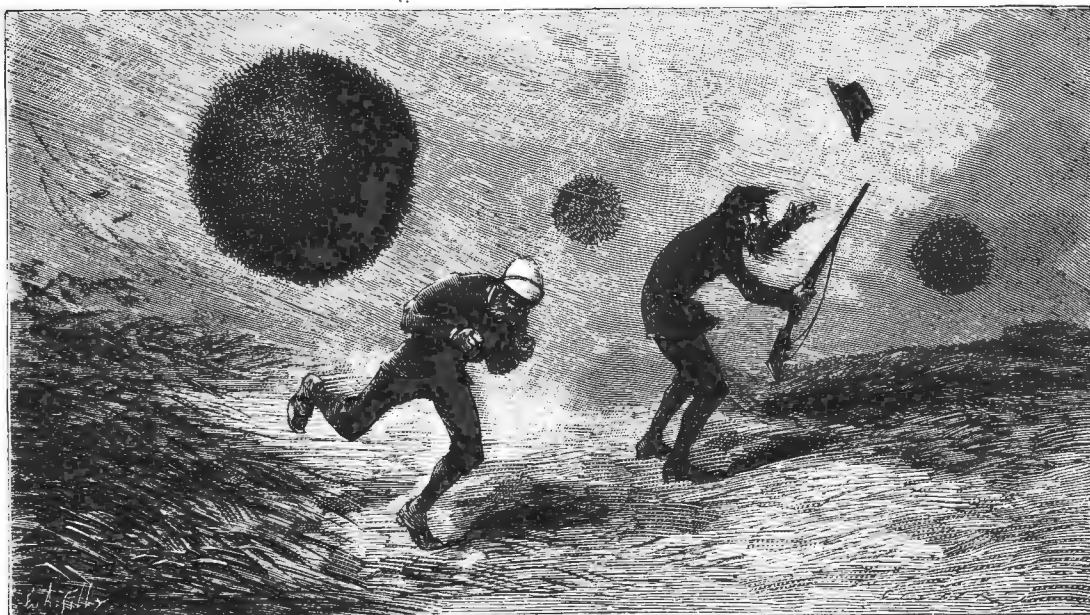
скаывается въ драмѣ самой Вѣрой, сестрѣ ея Надеждѣ:
По сторонамъ гляжу, ищу дороги
Кажися здѣсь? Прошла шаговъ съ десятокъ—
Нѣтъ: здѣсь не шла; свернула полевѣе—
Опять не то: взяла направо—топъ—
По шиводку ушла нога въ болото.
Я крикнула; никто не отвѣчаетъ:
Еще, еще—опять отвѣту нѣтъ...

Движущееся растеніе въ долині Канзаса. Фиг. 1. Растеніе въ покоѣ и сравненіе его р змѣра съ человѣческимъ ростомъ.

черскій монастырь, похитилъ бояринъ Матута, уже давно на нее зарившійся, но она была отбита княземъ Вяземскимъ и привезена къ Царю. Несчастная дѣвушка начинаетъ теперь смутно догадываться, что Царь ей не чужой, но суровый Иоаннъ лишь обиняками намскаетъ на свою къ ней родственную связь. Въ это время около лагеря слышенъ шумъ сѣчи; это схватка царскихъ воиновъ съ псковской вольницей подъ предводительствомъ Туги, который пришелъ вырвать Ольгу изъ власти Царя. Но вольница не въ силахъ бороться съ царской

Я не сробѣла; крикнула погромче,
Прислушалась; чу! кто-то отозвался...
Я на голосъ бѣжать, бѣжать, бѣжать
Все цѣликомъ по хворосту, по кочкамъ,
Изорвала лѣтничъ, кантуръ сронила,
Валежникомъ всѣ ноги исколола,
Всѣ руки исцарапала задаромъ:
Не изъ лѣсу бѣгу, а прямо въ лѣсъ,
Трущоба, глушь! А сучья словно руки,

движущееся растеніе въ долині Канзаса Фиг. 2. Растеніе въ движеніи.

ратью; она вся погибаетъ; Туга также падаетъ подъ мечами въ глазахъ Ольги, которая отъ отчаянія закалывается. Несмотря на эту развязку, нѣсколько отвывающуюся мелодрамой, „Псковитянка“ смотрится съ интересомъ и вообще имѣетъ большой сценической успѣхъ. Рисунокъ нашъ представляетъ тотъ моментъ драмы, когда Вѣра, жена боярина Шалого, бѣжитъ испуганною по лѣсу и тщетно ищетъ выходъ изъ страшной непроглядной чащи. Вотъ какъ это блужданіе по лѣсу раз-

Такъ вотъ тебя за поля и хватають...
Страхъ обузлъ: я побѣжала шибче,
Куда глаза глядѣли, безъ пути.
Безъ памяти бѣжала и кричала,
Пока языкъ и ноги не отнялись,
Споткнулася о что-то и упала—
Тутъ изъ очей и выкатился свѣтъ...

Ночь на Рождество. Повѣсть Гоголя.

(Рис. на стр. 396).

Фантастическія повѣсти Гоголя, столь богатыя роскошными картинами природы и исполненныя неистощимаго, чисто народнаго юмора, конечно, слишкомъ хорошо извѣстны всякому болѣе или менѣе образованному русскому человѣку. Кто изъ насъ еще въ дѣтствѣ не зачитывался „Вечеромъ на хуторѣ близъ Диканки“, не увлекался ихъ фантастическимъ характеромъ и не смѣялся до упаду, читая похождения Ивана Федоровича Шпоньки или кузнеца Вакулы. Последній типъ, какъ извѣстно, фигурируетъ въ повѣсти „Ночь на Рождество“, въ которой Гоголь съ неподражаемымъ талантомъ нарисовалъ цѣлый рядъ сценъ то чисто мистическаго характера, въ которыхъ дѣйствуетъ то чортъ, то его вѣрная подруга вѣдьма Солоха, то характера глубокаго народнаго, въ которыхъ являются великолѣпные типы кузнеца Вакулы, зазнобы его сердца Оксаны и казака Чуба. Судьба Вакулы, столь страстно любящаго свою Оксану и подвергающагося разнымъ каверзамъ чорта, хотѣвшаго во что бы то ни стало разстроить его счастье, исполнена захватывающаго интереса. Передъ вами симпатичный типъ энергическаго, умнаго малороса, который, забивъ себѣ что нибудь въ голову, уже упорно, неудержимо идетъ къ разнѣжеченной цѣли. Для Оксаны онъ готовъ сжечь самого чорта, но впрочемъ въ этомъ не представилось для него надобности. Хитрый казакъ умѣлъ перехитрить своего врага и силою крестнаго знаменія сдѣлать его тихимъ и покорнымъ. Теперь этотъ чортъ, строившій надъ нимъ такія злыя штуки и даже укравшій въ Рождественскую ночь мѣсяць, чтобы только ему напакостить, теперь уже въ его сильныхъ и мускулистыхъ рукахъ. Онъ теперь покорио предлагаетъ Вакулѣ услуги, за одно освобожденіе, и хитрый казакъ тотчасъ-же соображаетъ, что съ помощью нечистаго ему легко теперь достать тѣ черевички, т. е. башмаки царицы, которые отъ него требуютъ капризная, причудливая красавица Оксана въ награду за свою руку и сердце. „Теперь я знаю, что дѣлать, сказалъ чорту Вакула. Вези меня сейчасъ на себѣ! слышишь, неси, какъ птица!“

— Куда? произнесъ печальный чортъ. — Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ! И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя подмяющимся на воздухъ.

Похождения Вакулы въ столицѣ исполнены того тонкаго, неподражаемаго юмора, на который былъ способенъ лишь одинъ Гоголь. Встрѣтившись съ помощью чорта съ знакомыми запорожцами, прѣхавшими представиться Екатеринѣ II въ торжественной аудіенціи, Вакула убѣждаетъ ихъ жить и его съ собою по дворецъ. Проникнувъ такимъ образомъ въ жилище царицы, Вакула приходитъ здѣсь въ самый наивный восторгъ отъ каждой бездѣлицы, но все же восторгъ всетаки не ослабляетъ его настолько, чтобы онъ забылъ задуманную имъ цѣль—и свою Оксану. Когда царица, въ сопровожденіи Потемкина, явилась во всемъ своемъ величіи среди запорожцевъ, то Вакула ждалъ только удобнаго момента, чтобы заговорить съ этой очаровательной мамой, смотрѣвшей на него кротко и ласково своими голубыми глазами.

Вскорѣ этотъ удобный случай представился.

— Чего-же вы хотите? заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

„Теперь пора! царица спрашиваетъ чего хотите?“ сказалъ самъ себѣ кузнецъ, и вдругъ повалился на землю.

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не въ гнѣвъ будь сказано вашей царской милости сдѣланы черевички, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, что ни одинъ швецъ, ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ, не сумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что если бы моя жинка надѣла такіе черевички!

Нечего и говорить, что желаніе Вакулы было тотчасъ-же исполнено; онъ сдѣлался обладателемъ роскошныхъ вышитыхъ золотомъ черевичковъ царицы и опять на спинѣ чорта какъ стрѣла понесся въ свою родную Диканьку. Теперь, конечно, Оксана не можетъ уже надъ нимъ смѣяться и относиться къ нему свысока. Онъ выполнилъ завѣтное ея желаніе и она должна теперь быть его женой и хозяйкой. Войдя въ хату Чуба, Вакула тотчасъ-же вступилъ съ нимъ въ переговоры и попросилъ руки Оксаны. Чубъ немного покуражился, но все-таки согласился и дозволилъ прислать сваатовъ. Но что скажетъ Оксана? Вакула все еще боялся новаго каприза гордой красавицы, но онъ глубоко ошибался. Оксана уже истосковалась въ его отсутствіе и теперь уже горячо его любила. Вотъ она переступила черезъ порогъ хаты и вперила съ изумленіемъ и радостью въ него очи.

— Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевички! сказалъ Вакула;—тѣ самые, что носить царица.

— Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевичковъ! говорила она, махая руками и не сводя съ него очей;— я и безъ черевичковъ... дайте она не договорила и покраснѣла.

Кузнецъ подошелъ ближе, взялъ ее за руку; красавица очи потушила. Еще никогда не была она такъ чудно хороша. Восхищенный кузнецъ тихо поцѣловалъ ее, и лицо ея еще загорѣлось, и она стала еще лучше.

Эта то заключительная сцена повѣсти— когда Вакула подпо-

силь Оксанѣ царскіе черевички, и представлена на рисункѣ нашего художника.

Седьмая выставка „Общества выставокъ художественныхъ произведеній“.

(Рис. на стр. 397 и 400).

Этотъ годъ на выставки урожай. Клеверъ и Судковскій открыли свою выставку сейчасъ послѣ выставки Айвазовскаго; Общество передвижныхъ выставокъ выставило большую коллекцію работъ своихъ членовъ; Академія Художествъ открыла двери своей годичной выставки тотчасъ послѣ выставки Перова; словомъ, искусство процвѣтаетъ.

На этотъ разъ въ залахъ Академіи выставлено болѣе полутора работъ, изъ которыхъ болѣе трехъ четвертей, нужно сказать, представляетъ баластъ. Какимъ образомъ жюри выставки принимаютъ такія вещи? Академическія стѣны, на которыхъ висятъ копии съ картинъ великихъ мастеровъ,—вмѣщаютъ произведенія, недостойныя выставки.

Попята, что среди неудачныхъ произведеній, удачныя очень выигрываютъ, кажутся первой величины. Спосно писанный портретъ уже привлекаетъ вниманіе. Добросовѣстно схваченный пейзажъ собираетъ зрителей.

„Историческихъ“ картинъ на выставкѣ нѣтъ, если не считать академической программы: „Дмитрій Красный въ летаргическомъ снѣ“. Историческій жанръ (столь излюбленный на западѣ) у насъ вообще не существуетъ, потому что кромѣ попытокъ Ге, все остальное едва ли можетъ быть причислено къ истинному искусству. Остаются портреты, жанръ и пейзажъ.

Но и въ жанрѣ мы ушли недалеко. Чуть-ли не единственнымъ представителемъ—жанристомъ остался В. Маковский. Принадлежитъ къ обществу „передвижниковъ“, онъ на академическихъ выставкахъ не участвуетъ, — а потому здѣсь приходится смотрѣть произведенія, не имѣющія значенія. Крупнѣе другихъ (впрочемъ только размахомъ) картины г. Свѣдоскаго. Одна изъ нихъ изображаетъ „Медузу“—какую то растрепанную женщину, неловко прислонившуюся къ камню, и окруженную плохо написаннымъ, но эффектнымъ пейзажемъ. Другая изображаетъ юродиваго, который съ образомъ въ рукахъ скачетъ на трости верхомъ по снѣгу. „Жанры“ эти не производятъ впечатлѣнія. Бѣдность мысли и конценціи замѣтны въ этихъ жанрахъ. Исполненіе заурядное—у Свѣдоскаго съ стремленіемъ къ импрессионизму запада,—у Верещагина болѣе толковое. Но тѣмъ болѣе производитъ впечатлѣніе произведеніе Семипрадскаго, случайно появившееся въ Академію. Его „Свиданіе“ (сцена изъ классическаго міра) превосходно писанная, хогя и довольно холодная картина.

Портреты, въ большинствѣ, нехороши. Исключеніе представляетъ портретъ г-жи Чистяковой, работы ея сына, академика. Это вещь бесспорно мастерская, не только выписанная, но и переписанная. Недуренъ портретъ покойнаго Фялковскаго, работы Гораскаго. Затѣмъ работы Венга лучше другихъ.

Гораздо больше повезло пейзажу. У насъ вообще пейзажное дѣло сильно двинулось впередъ. Мы можемъ насчитать полдесятка именъ, которымъ позавидуетъ западъ. Новая школа „импрессионистовъ“, выскрывающихъ свѣтовыхъ пятенъ, пишущихъ планами, старающихся схватить эффектъ освѣщенія даннаго момента, произвели несомнѣнно переворотъ въ пейзажѣ. Выложенныя горы Мещерскаго, выписанныя деревья Клодта, фиолетовая вода Лагоріо,—все это теперь кажется условнымъ и ненатуральнымъ. Молодые, начинающіе художники теперь обгоняютъ своихъ профессоровъ, идутъ смѣло впередъ, учась на натурѣ—и блестящая будущность нашего пейзажа несомнѣнна.

Нальму первенства на настоящей выставкѣ слѣдуетъ отдать конечно г. Клеверу, который явился съ давно знакомымъ „Закатомъ въ лѣсу“,—закатомъ, который уже видѣли; онъ написалъ такъ сильно, что прощаешь невольно автору нѣкоторое однообразіе и односторонность его мастерства. Клеверъ создалъ нашъ зимній, *русскій закатъ*. Его кровавое солнце сверкаетъ, горитъ, его снѣгъ не походитъ на гнѣсъ (какъ напримѣръ на зимнихъ пейзажахъ Волкова, бесспорно прекраснаго пейзажиста); его деревья такъ граціозно упрости, его пятно такъ гармонично, что едва ли можно удивляться его громадному успѣху не только у насъ, но и за границей. Затѣмъ идутъ пейзажи Орловскаго, изъ которыхъ можно отмѣтить „Туманъ зъ лѣсу“, „Дорога въ Катаевъ“ и „Два часа пополудни“. Характерная, прекрасная вещь Рубо „Улица въ Ермолицахъ (Подольской губерніи)“, которой копію мы здѣсь показываемъ. Очень мѣтко здѣсь схваченъ характеръ подольскаго зимскаго мѣстечка. Эффектна „Ночь“ г. Судковскаго. Молодой художникъ Кондратенко выставилъ красивыя вещи,—хотя въ его „Тѣснихъ Дарьяла“ воздухъ слишкомъ густъ. Айвазовскій попрежнему талантливъ и фантастиченъ въ своихъ „буряхъ“ и „туманахъ“.

Въ общемъ—впечатлѣніе мало удовлетворительное. „Исканія характерной красоты“—этого основнаго принципа искусства, здѣсь не видны. Недостатокъ вкуса, граціи—вотъ основныя черты нашей „современной“ живописи,—живописи безъ идеаловъ и истинно-художественныхъ идей.

Движущееся растение въ долине Канзаса.

(Рис. на стр. 402).

Долина Канзаса въ Соединенныхъ-Штатахъ изобилуетъ очень страннымъ растеніемъ, которое можетъ возбудить вниманіе многихъ натуралистовъ. Оно растетъ въ видѣ травянаго шара на необыкновенно маленькомъ корешкѣ и достигаетъ различной величины, отъ 1/2 аршина до двухъ аршинъ въ діаметрѣ. Во время развитія растеніе держится на вѣточкѣ, имѣющей корень въ землѣ, но достигнувъ зрѣлости, оно скоро высыхаетъ и тогда при первомъ вѣтрѣ оно отдѣляется отъ вѣтки и катится по долинѣ.

Каждый порывъ вѣтра заставляетъ растеніе катиться, взлетать, прыгать и перескакивать иногда черезъ кустарники. Во время продолжительнаго вѣтра зрѣлице становится совершенно фантастическимъ, и ничего не можетъ быть болѣе своеобразнымъ, какъ эти большіе, легкіе и эластическіе шары, которые, какъ будто преслѣдуя другъ друга, катятся по землѣ съ необыкновенною быстротою.

Извѣстный натуралистъ Даніэль Беръ, во время своего путешествія по западной Америкѣ, изучалъ это растеніе, носящее въ ботаникѣ названіе *Cuculoma raphanthum*. Кроме того г. Генрихъ Вораль собралъ нѣсколько образцовъ циклоомы, которые сохраняются въ его коллекціи. Рисунокъ 1-й представляетъ образецъ этого растенія, снятаго въ земледѣльской колоніи Толека въ Канзасѣ.

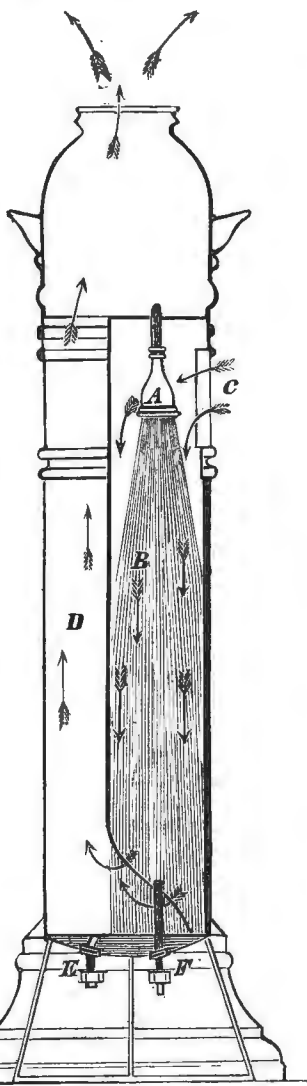
Другой рисунокъ изображаетъ эпизодъ, который разсказывается въ странахъ, въ которыхъ растетъ движущееся растеніе. Охотники, вышедшіе на бизоньихъ, увидѣли вдали стадо странныхъ животныхъ, которыхъ имъ не встрѣчалось еще видѣть. Не безъ нѣкотораго страха охотники становятся за деревьями, стадо продолжаетъ подвигаться; раздаются выстрѣлы, стадо все бѣжитъ, еще стрѣляютъ, но тѣмъ не менѣе животныя скачутъ въ облакахъ пыли. Перепуганные охотники обращаются въ бѣгство, но стадо преслѣдуетъ и настигаетъ ихъ. Это были движущіяся растенія Канзаса, гонимыя вѣтромъ.

Пишущая машина Ремингтона.

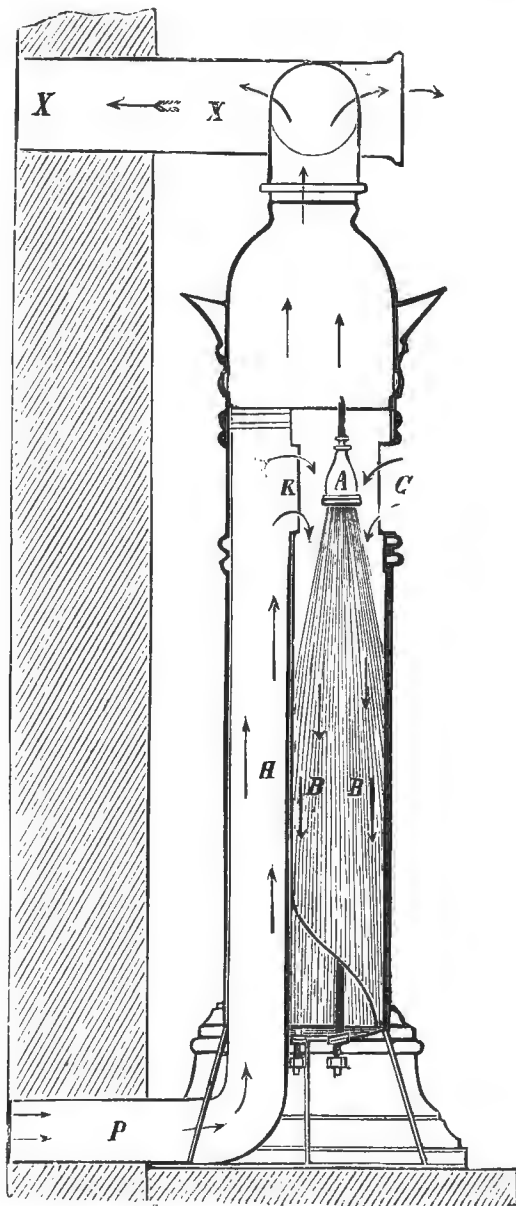
(Рис. на этой стр.)

Послѣ того какъ почти для каждаго ручнаго дѣйствія изобрѣтена машина, послѣ многолѣтнихъ усилій удалось сдѣлать также машину для писанія, дѣйствующую гораздо скорѣе и лучше, нежели можно дѣйствовать перомъ.

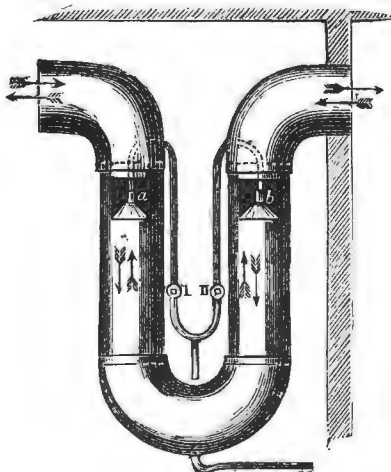
Машина эта по наружному виду очень похожа на швейную; ее также легко можно повсюду ставить. Самое писаніе ближе всего подходитъ къ игрѣ на фортепьяно. Клавиши на-

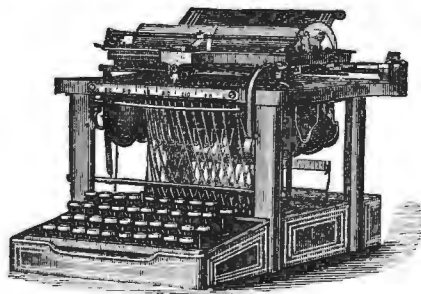
Золушъ. Фиг. 1. Приборъ для освѣщенія воздуха.

Золушъ. Фиг. 2. Приборъ для освѣщенія и порештны воздуха.

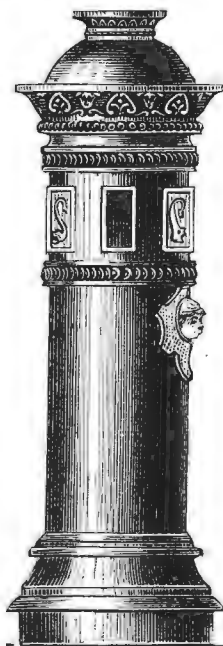
Золушъ. Фиг. 3. Сложный вентиляторъ, приспособленный къ впусканію и выпусканію воздуха.

Самопишущая машина Ремингтона.

жимаются пальцами и этимъ получается ясный оттискъ соответствующихъ клавишамъ буквъ. Нѣсколькихъ часовъ совершенно достаточно, чтобы научиться писать машиной довольно быстро.

Съ машиннаго письма могутъ быть сняты копіи, также какъ и съ бумагъ, писанныхъ копировальными чернилами. Подкладываніемъ графитной бумаги, можно снять нѣсколько копій одновременно съ оригиналомъ.

Фиг. 4. Наружный видъ Золуши.

Всѣ болѣзни, происходящія отъ продолжительнаго писанія перомъ, какъ то: искривленіе позвоночнаго столба, болѣзнь глазъ, судороги въ рукахъ, устраняются при употребленіи машины, посредствомъ которой можно писать въ любомъ положеніи, на желѣзныхъ дорогахъ и на морѣ.

Г. Рихардъ Голле въ Гамбургѣ высылаетъ эти машины, выписываемыя имъ изъ Америки. Машина, пишущая большія и малыя буквы, стоитъ 450 марокъ (около 225 руб.) и пишущая однѣ большія буквы—360 марокъ.

За болѣе подробными свѣдѣніями, слѣдуетъ обращаться къ г. Рихарду Голле въ Гамбургѣ, улица Бургъ № 5. (Richard Holle—Hamburg, Burgstrasse 5). Пока эта машина пишетъ только латинскими буквами, но изобрѣтатель намѣренъ приспособить ее къ писанію русскими буквами.

Очищеніе воздуха аппаратомъ „Эолусъ“.

(Рис. на стр. 404).

Помѣщая здѣсь четыре рисунка вновь изобрѣтеннаго аппарата „Эолусъ“, обратимъ вниманіе на важность такого приспособленія. Свѣжій, чистый, умѣренной температуры воздухъ составляетъ одно изъ первыхъ условій для гигиенической обстановки какъ всякой частной квартиры, такъ и каждаго общественнаго помѣщенія.

Рациональнымъ способомъ улучшить все это представляется устройство хорошей вентиляціи; но въ помѣщеніяхъ уже устроенныхъ, гдѣ передѣлки являются часто или очень затруднительными, или даже совершенно невозможными, поневоли приходится прибѣгать къ паллиативнымъ средствамъ для искусственнаго охлажденія и очищенія воздуха или для искусственнаго удаленія его изъ квартиръ и замѣны свѣжимъ, взятымъ съ улицы.

Для этой цѣли существуетъ нѣсколько устройствъ и приборовъ; съ однимъ изъ послѣднихъ мы намѣрены познакомить и нашихъ читателей. Этотъ приборъ зовется „Эолусъ“ и въ послѣднее время распространился довольно сильно также и у насъ, въ Россіи. Употребленіе этого прибора возможно только въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ водопроводы, такъ какъ его работа основана на увлеченіи воздуха тонкими струйками воды, падающей съ очень большою скоростію. Прилагаемые чертежи представляютъ наружный видъ и разрѣзъ „Эолуса.“

Фиг. 1 изображаетъ разрѣзъ Эолуса. Вода струится изъ сѣтки А тонкими лучами въ косомъ направленіи къ внутреннему цилиндру В и поглощаетъ непрерывно воздухъ, входящій въ отверстіе С. Этотъ воздухъ идетъ по направленіямъ, обозначеннымъ стрѣлками, подымается въ цилиндръ D и выходитъ изъ верхняго отверстія прибора совершенно очищеннымъ и освѣженнымъ. Если же верхнее отверстіе трубою соединить съ наружнымъ воздухомъ, то этотъ приборъ дѣйствуетъ высасывающимъ образомъ: Е представляетъ сточную трубу, F приточную трубу.

Фиг. 2 представляетъ размѣръ Эолуса, съ тройнымъ приспособленіемъ. Конструкція этого прибора такая же, какъ и предыдущаго, съ той разницей, что онъ соединенъ съ наружнымъ воздухомъ посредствомъ каналовъ X и P. Каналь X снабженъ клапаномъ, который по требованію можетъ быть замкнутъ; въ каналь P также есть притворяющійся клапанъ. Если требуется только освѣжить комнатный воздухъ, то оба канала X и P запираются; если требуется отвести воздухъ, то слѣдуетъ закрыть каналь P и открыть верхній каналь X, повернуть его клапанъ въ положеніе, обозначенное на чертежѣ пунктирами; если наконецъ требуется впускать свѣжій воздухъ, то слѣдуетъ открыть каналь P и закрыть каналь X.

Фиг. 3 изображаетъ сложный вентиляторъ, предназначенный для громадныхъ помѣщеній, какъ-то: большихъ залъ, заводовъ, кухонь, конюшенъ и т. п., въ которыхъ ощущается особая потребность въ хорошей вентиляціи, вслѣдствіе чрезмѣрно высокихъ температуръ и непомѣрнаго поглощенія воздуха. Этотъ приборъ устроенъ для двоякаго дѣйствія; если открыть каналь II, то въ вентилируемыя помѣщенія входитъ свѣжій воздухъ; если же открыть каналь I, воздухъ этихъ помѣщеній будетъ выходить. Дѣйствіе этого прибора необычайное, такъ что, присильномъ напорѣ воды, въ одинъ часъ обрабатывается 150,000 кубич. футъ воздуха.

Фиг. 4 изображаетъ наружный видъ Эолуса. Онъ настолько красивъ, что можетъ быть помѣщенъ въ каждой хорошей комнатѣ.

„Эолусы“ устраиваются различныхъ размѣровъ, отличаясь другъ отъ друга величиною нижняго клапана с, обуславливающего большую или меньшую кольцеобразную поверхность, по которой происходитъ теченіе воды. Единственное дѣло подобныхъ аппаратовъ для Россіи находится у Винтергальтера и Коми. въ С.-Петербурѣ.

Политическое обозрѣніе.

Турція.—Черногорія.—Албанцы.—Сербія.—Германія.—Италія.—Франція.—Канада.

Князь Болгарскій недавно побывалъ въ Константинополѣ. Прибывъ туда на „Изединѣ“ (наконецъ-то Портъ удался-таки имѣть хоть какой нибудь успѣхъ предъ лицомъ всего свѣта!), его высочество, въ предназначенной для него квартирѣ, былъ встрѣченъ турецкими сановниками, присланными султаномъ и Портой, послѣ чего принималъ иностранныхъ дипломатовъ; затѣмъ, послѣ полудня князь Александръ былъ принять султаномъ въ торжественной аудіенціи, а потомъ сдѣлалъ визиты министрамъ. По выѣздѣ изъ столицы Турціи, князь отправился не прямо въ Аѳины, а въ Ляффу, и Иерусалимъ, гдѣ, говорятъ, желалъ провести страстную недѣлю. Въ отсутствіе его высочества дѣлами правленія завѣдуетъ особый совѣтъ, при участіи митрополита и подъ предѣлательствомъ президента совѣта министровъ генерала Соболева.

Князь Николай Черногорскій принялъ рѣшеніе перевести столицу княжества изъ уединенной и затерянной за горами Цетини въ Никшичъ; но въ Вѣнѣ недовольны тѣмъ, находя, что новая резиденція князя Черногорскаго была-бы слишкомъ близка къ Герцеговинѣ, почему ему и совѣтуютъ, вмѣсто Никшича, избрать Даниловградъ или Подгорицу.

Англичане зорко наблюдаютъ не за одними нами, но, отъ времени до времени, и затѣмъ, кто имъ вовсе, казалось-бы, не опасенъ; такъ, относясь, между прочимъ, съ благосклоннымъ вниманіемъ, и къ австрійской дѣятельности на Балканскомъ полуостровѣ, они, по своему, опредѣляютъ причину албанскихъ волненій и распрій албанцевъ съ черногорцами; теперь, англійскіе источники передаютъ, что по всей странѣ агитируютъ австрійскіе агенты, которымъ помогаетъ католическое населеніе въ Скугари.

Главная оппозиція австрійскимъ стремленіямъ сосредоточена въ горныхъ округахъ, гдѣ албанскіе вожди, однакожь, жалуются, что населеніе находится въ худшемъ состояніи, нежели до Берлинскаго договора. По словамъ англичанъ, горные албанцы располагаютъ 14-ю тысячами ружей системы Мартини и Снайдера и могутъ выставить до 100 тысячъ довольно порядочно вооруженныхъ бойцовъ. Турки выслали въ Дерѣ 8 батальоновъ; между тѣмъ, одинъ изъ мирдическихъ вождей. Пренкъ Гджоко, отправился въ Аѳины для переговоровъ съ Трикунисомъ о полученіи милліона зарядовъ, а также и для того, будто-бы, чтобы передать петицію, подписанную многими вождями, желающими присоединенія къ Греціи. Не мало плетутъ на этихъ албанцевъ — то они желаютъ присоединенія къ Италіи, то жаждутъ присоединиться къ Греціи. Все это отзывается какимъ-то вымысломъ. А впрочемъ, можетъ быть тутъ есть и доля правды—какъ не метаться албанцамъ, когда они

пришты—крѣпко или нѣтъ—къ Турціи? А откуда эти 14 тысячъ ружей Мартини и Снайдера?..

Въ Сербіи недавно Нишскій епископъ, Моисей, былъ замѣненъ архимандритомъ Несторомъ, хиротонія котораго послѣдовала, при торжественной обстановкѣ, съ содѣйствіемъ епископа темешварскаго; на другой день при дворѣ былъ данъ обѣдъ, во время котораго король Миланъ провозгласилъ тостъ въ честь новаго митрополита, выразивъ надежду, что подъ его управленіемъ сербское духовенство будетъ поддерживать усилія правительства, стремящагося къ упроченію внутренняго мира и преуспѣванія; затѣмъ, въ прочувствованныхъ выраженіяхъ, король выразилъ патриарху и присутствовавшему на обѣдѣ епископу темешварскому свою признательность за содѣйствіе, которое они оказали правительству въ дѣлѣ возстановленія нормальныхъ отношеній сербской церкви къ государству.

Посланіе императора Вильгельма къ рейхстагу, которому е. в. выразилъ свое желаніе о принятіи законопроекта относительно страхованія рабочихъ противъ несчастій, причѣмъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе германскаго парламента и бюджетъ на 1884 годъ, возбудило нѣкоторыя частныя опроверженія; въ нихъ хотя и высказывалось сочувствіе къ главной мысли—т. е. къ проектамъ, имѣющимъ въ виду пользу рабочихъ, но возражалось противъ утвержденія теперь же бюджета.—Слухъ о „тройственномъ“ союзѣ повелъ за собою и слухъ о свиданіи трехъ государей, въ немъ участвующихъ. Переговоры о свиданіи короля Гумберта съ императоромъ Вильгельмомъ продолжаются; изъ Берлина дали знать, что, вслѣдствіе своихъ преклонныхъ лѣтъ, императоръ Вильгельмъ не можетъ отдать лично визитъ королю и прилѣтъ въ Римъ, вмѣсто себя, наследнаго принца; однако, не смотря на популярность, какою пользуется германскій кронъ-принцъ въ Италіи, комбинація эта не особенно нравится итальянцамъ и многія итальянскія газеты высказываютъ предположеніе, что преклонныя лѣта императора—только предлогъ, но что въ сущности онъ не желаетъ посѣтить Римъ, боясь огорчить папу.—Въ состояніи здоровья князя Бисмарка произошла за послѣдніе дни существенная перемена къ лучшему; канцлеръ опять обнаруживаетъ склонность къ усиленной дѣятельности и, по всей вѣроятности, приметъ вскорѣ участіе въ преніяхъ рейхстага. Натянутыя отношенія Италіи и Франціи, конечно, не новость, но, зато, съ каждымъ днемъ характеристичнѣе и ярче становятся признаки сближенія между Италіей и Германіей. Недавно, швейцарское правительство предложило Италіи созвать конференцію по вопросу о прорытіи туннеля черезъ Симплонъ; въ Римѣ это предложеніе встрѣтило недружелюбный пріемъ. Министры финансовъ и торговли, Мальяни и Берги, рѣшительно высказались

противъ проекта, а известный политико-экономъ Лудати, въ открытомъ письмѣ (напечатанномъ въ „Opinione“), заявляетъ, что такъ какъ проектъ имѣетъ цѣлью конкуренцію съ С. Готтардомъ, а слѣдовательно вытѣсненіе нѣмецкихъ мануфактурныхъ издѣлій французскими, то Италіи не слѣдуетъ облегчать французамъ эту задачу.

Французскій министръ Вальдекъ-Руссо внесъ недавно предложеніе объ изданіи новыхъ, болѣе строгихъ постановленій противъ уличныхъ сборищъ, демонстрацій и беспорядковъ; вмѣстѣ

съ тѣмъ, благодаря его же предложенію, образована особая коммиссія для обсужденія мѣръ къ улучшенію быта рабочихъ; коммиссія составлена изъ чиновниковъ, ученыхъ, хозяевъ и рабочихъ; на первыхъ порахъ, коммиссія занимается разработкой вопроса о постройкѣ дешевыхъ квартиръ, которая даетъ занятіе многимъ голодающимъ рабочимъ и кромѣ того въ результатъ уменьшить для нихъ квартирную плату.—Въ Брюсселѣ недавно происходило совѣщаніе легитимистовъ, надѣющихся скоро выступить на сцену. Въ Квебекѣ, фени сожгли зданіе парламента.

Библиографія.

Дѣти. Силуэты К. Изенберга. Спб. 1883. Весьма удачливый силуэтистъ К. Изенбергъ нѣсколько извѣстенъ уже нашимъ читателямъ по его произведеніямъ, печатавшимся въ нашемъ журналѣ. Кромѣ того силуэты его украшали и другіе иллюстрированные журналы. Тѣ, о которыхъ мы теперь говоримъ — очень милы. Это дѣлая дѣтская жизнь въ силуэтахъ, съ ея маленькими радостями, горестями, играми,—и эти изображенія такъ мѣткі и характерны, что смотрятся съ большимъ удовольствіемъ и конечно многіе пожелаютъ имѣть у себя такой хорошенькій альбомъ.

Родные отголоски. Сборникъ стих. сост. П. Полевымъ. Съ рис. Н. Каразина. Это одно изъ роскошныхъ изданій покойнаго книгопродавца М. О. Вольфа и отличается обычными достоинствами этого рода его изданій. Въ 1875 г. былъ имъ изданъ одинъ сборникъ подъ такимъ-же заглавіемъ и по заявленію издателя въ предисловіи, принятъ весьма радушно публикой. Нѣтъ никакихъ причинъ чтобы и настоящій сборникъ не имѣлъ

такого-же успѣха, ибо хорошій выборъ стиховъ и прелестныя рисунки Каразина, исполненные такимъ мастеромъ своего дѣла какъ Паннемакеръ—все это говоритъ само за себя. Какъ образецъ такихъ рисунковъ мы помѣщаемъ здѣсь, на стр. 401, два: одинъ—къ прекрасному стихотворенію покойнаго талантливаго П. С. Никитина „Станица“ и другой къ известному стихотворенію Фета „На Дибирѣ въ половодье“. Кто не знаетъ этихъ чудныхъ стиховъ?

И намъ затопленный на встрѣчу лѣсъ летѣлъ,
Въ него зеркальные врывалися заливы;
Надъ сонной влагою тамъ тополь зеленѣлъ,
Бѣгѣли яблони и трепетали ивы.
А изумрудный лугъ и желтые пески
Горятъ въ сѣни золотистомъ...

Все это прочувствовано и схвачено нашимъ художникомъ вполне соотвѣтственно такому прекрасному оригиналу, какъ это стихотвореніе. Книга не можетъ не имѣть успѣха.

С М Ъ С Ъ.

Важный успѣхъ въ небесной фотографіи. Известному изслѣдователю солнечнаго спектра Вильямсу Гюгинсу удалось при помощи фотографіи получить изображеніе солнечной короны. До сихъ поръ солнечная корона была доступна наблюденію только въ теченіи нѣсколькихъ минутъ полнаго солнечнаго затмѣнія; потому полнаго изслѣдованія и наблюденія сдѣлать до сихъ поръ не могли. Это дѣлаетъ понятнымъ, какой высокой интересъ связывается съ этимъ новымъ открытіемъ. Гюгинсъ очень остроумно воспользовался результатами наблюденій надъ солнечнымъ затмѣніемъ, которыя сдѣлалъ Шустеръ 17 Мая прошлаго года въ Египтѣ. Онъ нашелъ, что свѣтъ короны чрезвычайно богатъ голубыми и фиолетовыми лучами, соотвѣствующими цвѣтамъ солнечнаго спектра между G и H. Изъ этого Гюгинсъ сдѣлалъ слѣдующій выводъ: если при посредствѣ цвѣтныхъ стеколъ или какой либо другой поглощающей средины задержать всѣ лучи солнечнаго свѣта за исключеніемъ голубыхъ и фиолетовыхъ, то солнечная корона, какъ болѣе богатая этими лучами, должна по своей яркости ясно выступить и обрисоваться вокругъ солнца, а тогда и безъ солнечнаго затмѣнія ее легко будетъ фотографировать. При этомъ однако можетъ случиться, что корону нельзя будетъ видѣть глазомъ, который къ фиолетовымъ лучамъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ, напр., къ желтымъ. Къ счастью фотографическая камера-обскура оказалась очень восприимчивой къ фиолетовымъ и голубымъ лучамъ и ярко отпечатывала, какъ нашелъ Гюгинсъ, солнечную корону, въ то время какъ глазъ похоло или вовсе не видѣлъ ее черезъ ту же поглощающую средину. Гюгинсъ для своихъ изысканій бралъ рефлекторъ въ 6 дюймовъ въ диаметръ и съ фокуснымъ разстояніемъ въ 3,5 фута. Къ рефлектору была надлежащимъ образомъ прикрѣплена фотографическая камера, въ которой непосредственно передъ стеклянкой плиткой была помѣщена поглощающая середина, состоявшая изъ нѣсколькихъ цвѣтныхъ стеколъ. Гюгинсъ такимъ путемъ сдѣлалъ множество снимковъ короны во всѣхъ ея видахъ и положеніяхъ.

Говорящая канарейка. Нѣкто К. Миллеръ сообщаетъ что ему пришлось видѣть въ Касселѣ говорящую канарейку. Актриса Паули, любимица Кассельской публики, предложила ему однажды послушать ея говорящую канарейку. Въ три часа, рассказываетъ Миллеръ, мы явились съ родственникомъ моимъ въ квартиру любезной дамы. Птичка, выпущенная изъ кѣтки, свободно летала по комнатѣ и пѣла свою обычную пѣсенку. Наше присутствіе мало тревожило привыкшую къ постороннимъ посѣтителемъ канарейку; она относилась къ намъ совершенно равнодушно и принимала ласки съ видимымъ удовольствіемъ только отъ своей любимой воспитательницы, одобренія которой скоро удѣлилась тѣмъ, что пѣние птички перешло въ говоръ. Какъ только хозяйка начала произносить зауценныя фразы, канарейка повторяла за ней: „Гдѣ ты тамъ моя дорогая? Что ты хочешь? Спой же моя милая!“ Вскорѣ однако говоръ перешелъ въ обычное пѣніе. Птичка перепархивала съ окна на кѣтку, оттуда на указательный палецъ хозяйки и нѣсколько разъ повторяла зауценныя слова. Но, по словамъ г-жи Паули, она была теперь не разговорчива; утромъ же и въ полдень она гораздо усерднѣй и подчасъ болтаетъ безъ умолку, съ 4-хъ же часовъ начинается уже лѣниться. Когда же цоупгай, сорока и скворецъ начали какъ бы въ отвѣтъ эй произносить свои фразы, то положительно можно было подумать, что онѣ разговариваютъ между собой. Слышенъ былъ ясно каждый слогъ, на словахъ дѣлались соотвѣтствующія ударенія, каждое слово отдѣлялось и фразѣ придавался, смотря по смыслу, тонъ. Словомъ,

отъ обыкновеннаго разговора фразы отличались только тѣмъ, что голоса птицъ не походили на человѣчскій. Разговоръ вслѣдствіе отвѣтовъ невпопадъ былъ очень потѣшнъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ настолько достоинъ удивленія, что нельзя было смѣяться. Маленькіе ораторы вытягивали и раздували свое горло такъ, что перья на шеѣ распушривались какъ брыжи. Карлъ Рудъ, въ своей книгѣ „Картины въ птичникѣ“, приводитъ два подобныхъ же случая говорившихъ канареекъ, которыхъ ему пришлось слышать въ Берлинѣ въ 1868 году и въ Брауншвейгѣ 1877 г.

Большой помѣхой удобному и безпрятственному пароходному сообщенію по Нилу служитъ небольшое капустообразное водяное растеніе, наз. Зудъ (Sudd), которое плаваешь въ немъ массами, особенно въ верхнемъ теченіи рѣки. Это странное растеніе обладаетъ замѣчательнымъ корнемъ, который съ большою легкостью прицѣпляется ко всякому предмету, встрѣчаемому на пути. Если встрѣтятся два такихъ экземпляра, они тотчасъ спутываются корнями и оба растенія плывутъ дальше вмѣстѣ. Скоро къ нимъ присоединяются другія и въ сравнительно короткое время образовывается большой плавающей зеленый островъ. Такихъ острововъ часто бывають тысячи на рѣкѣ. Раскинутые по всей широкой, гладкой поверхности море-подобнаго Нила, идуть эти плавающие острова внизъ по теченію и порой въ устьяхъ рѣки, согнанные вѣтромъ, образуютъ цѣлый флотъ и дѣлають плаваніе положительно невозможнымъ.

Однажды пассажирскій пароходъ во время рейса столкнулся съ такою растительною плотиною, пробиться черезъ которую не было никакой возможности; весь экипажъ принялся за работу и началъ отрывать куски этой плотны, отчего вся масса пришла въ движеніе и поплыла съ большою быстротою по теченію, увлекая съ собой и пароходъ. Это, сопряженное съ большою опасностью, путешествіе длилось въ теченіи 4-хъ англійскихъ миль, пока наконецъ не удалось высвободиться.

Затмѣніе солнца въ 1883 году. Полное затмѣніе солнца, долженствующее происходить 6 го мая этого года, будетъ продолжаться въ теченіи 6-ти минутъ. Въ ближайшія сто лѣтъ не будетъ ни одного такого продолжительнаго затмѣнія. Частью оно будетъ видимо изъ многихъ мѣстъ, полное-же затмѣніе можно будетъ наблюдать только съ маленькаго островка на югѣ Великаго океана, который лежитъ внѣ какаго-либо торговаго или пассажирскаго пути. Такъ какъ это феноменальное явленіе, вслѣдствіе своей продолжительности, обѣщаетъ дать интересныя наблюденія, то французское правительство рѣшило отправить къ этому времени на островъ Каролину экспедицію, составленную изъ астрономовъ. Почти рѣшено также, что туда же отправить своихъ представителей одно американское ученое общество. Вообще можно думать, что на островъ Каролину съѣдется большое международное общество астрономовъ, чтобы принять участіе въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Простой способъ точить ножи. Туше ножи дѣлають остроми, если ихъ опустить на $\frac{1}{2}$ часа въ воду, которая на $\frac{1}{10}$ часть своего вѣса разбавлена сѣрною кислотой; ножи слегка вытираются и черезъ нѣсколько часовъ правятся на камень. Въ этомъ случаѣ кислота играетъ роль точильнаго камня, причемъ вся поверхность вытираивается одинаково и ее остается только отшлифовать. Этимъ способомъ не только не портятся хорошіе клинки, но и дурные улучшаются. Само собой понятно, что способъ этотъ применимъ ко всѣмъ остроимъ орудіямъ.

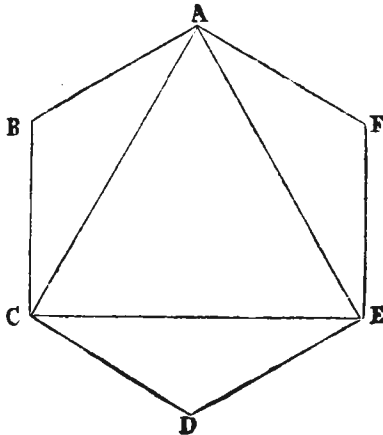
Рѣшеніе шашечной задачи № 17.

Бѣлые.
d 8 — e 7
h 6 — g 7
c 1 — d 2
h 6 — c 7
d 4 — e 5
h 2 — g 3
e 1 — g 3
a 7 — e 3
h 4 — e 1
f 6 — h 8

Черные.
d 6 — f 8
f 8 — h 6
h 6 — c 1
b 8 — d 6
d 6 — f 4
f 4 — h 2
h 2 — f 4
f 4 — d 2
h 8 — g 7

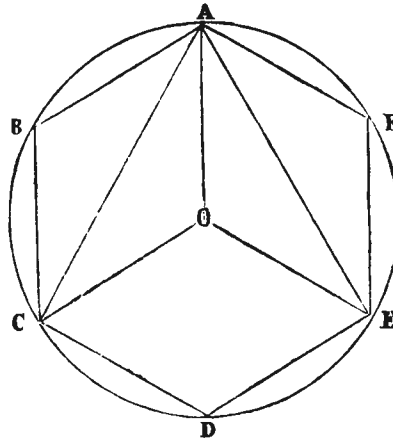
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.:—Спб.—Карнево, Налуга—Волокова, Судога—Трелина, Тула—Зыбина.

Рѣшеніе геометрической задачи № 16.

Соединяемъ вершины А, Е, и С, получаемъ треугольникъ ACE и треугольники ABC, AFE и CDE, которые сложивши точками В, F и D получимъ другой треугольникъ, равный данному ACE.

Доказательство.

Разобьемъ треугольникъ ACE на части COA, COE и AOE, соединивъ вершины его съ центромъ О; теперь если мы докажемъ, что $\triangle ABC = \triangle AOC$; $\triangle AFE = \triangle AOE$; $\triangle CDE = \triangle COE$, равны, мы докажемъ теорему; но въ треугольникахъ ABC и AOC, сторона AC обща, $AB = AO$, какъ радиусы одного круга (сторона шестиугольника правильного равна радиусу круга описаннаго) и $CB = CO$ тоже какъ

радиусы; тоже можно сказать относительно другихъ треугольниковъ, а следовательно, если части равны, то и цѣлыя равны, т. е. эти треугольники равны.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 716 лицъ, фамилии которыхъ, за недостаткомъ мѣста, не помѣщаются.

Рѣшеніе ребуса № 15.

Люди говорятъ,—кто помирнѣе, такъ тотъ и виноватѣе.

СОДЕРЖАНІЕ: Николай Васильевичъ Гербель (съ портр.).—Въ цвѣтахъ. Повесть Н. Лебедева (Морскаго). (Оконч.).—Штургардтскія великанъ (Культурно-историч. очеркъ).—Взда по озеру въ Верхней Баваріи, зимой (съ рис.).—Болгарія и Румынія (съ рис.).—«Псковитянка», драма Мея (съ рис.).—Ночь на Рождество. Повесть Гоголя (съ рис.).—Седьмая выставка «Общества выставокъ художественныхъ произведеній» (съ рис.).—Движущееся растеніе въ долинѣ Нанзаса (съ 2 рис.).—Пишущая машина Ремингтона (съ рис.).—Очищеніе воздуха аппаратомъ «Злоусъ» (съ 4 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Только что отпечатана и поступила въ продажу книга: Путеводитель на св. Афонскую Гору, а также по ея монастырямъ, скитамъ и всѣмъ достопамятнымъ Святымъ мѣстамъ, съ приложеніемъ таблицы необходимыхъ расходовъ для ѣздящихъ на Афонъ, а также 2-хъ большихъ видовъ Св. Афонской Горы. Составилъ и издалъ Е. Фесенко. Одесса, 1883 года. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 70 коп. Выписывающіе 6 экз. за пересылку не платятъ. Главный складъ въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ Распанова и въ домѣ № 50 на Цвѣтиской у В. И. Фесенко. № 2602 2-1

БИЛИНСКАЯ ПИЩЕВАРИТЕЛЬНАЯ ЛЕПЕНКА. (PASTILLES DE BILIN).

Испытанное средство противъ изжоги, катарра желудка и вообще рекомендуются противъ различныхъ болѣзней пищеваренія и составляютъ при атоніи желудка и кишечнаго канала истинное сокровище.

Wupper-Digestion въ Билинѣ (Богемія).
Депо въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, также во многихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 2595 6-1

СТОЛЫПИНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Сѣрные источники. Железные источники. Соляная (разсолная) вода. Минеральная грязь. Степной кумысъ. Воздухъ на заведеніи чистъ и ароматиченъ; запахъ сірководороднаго газа ощущается лишь около сѣрныхъ источниковъ и купаленъ.

По случаю измѣнившихся отношеній между владѣльцемъ и администраціей воды, составленъ довольно обширный проектъ преобразования всего заведенія. Исполненіе предполагаемыхъ работъ, конечно, потребуетъ усиленныхъ занятій нѣсколькихъ лѣтъ; но, тѣмъ не менѣе, администрація воды, на сколько это было возможно по короткости времени, озаботилась и въ нынѣшнемъ году о разныхъ улучшеніяхъ какъ въ отношеніи общаго устройства заведенія, такъ и относительно удобствъ квартиръ и т. д.—Заведеніе находится Самарской губ. въ 50 верстахъ отъ пароходной пристани с. Балаково (между Вольскимъ и Хвалынскимъ). Лечебный сезонъ съ 25 мая. Суточные номера и сезонныя квартиры (снабженныя новыми желѣзными кроватями съ матками пружинными матрацами); вокаль, оркестръ музыки, танцовальныя вечера, роуль, бильярдъ, гимнастика, библиотека, журналы, газеты, крокетъ и другія игры. Почта два раза въ недѣлю. Телеграфъ въ Балаковѣ. При заведеніи лавка, булочная и прачечная. Въ Балаковѣ агенты заведенія будутъ встрѣчать прѣзжающихъ. Для переѣзда на воды законтрактованы экипажи съ троечными тарантасами; для желающихъ имѣется колеска на лежащихъ рессорахъ. Медицинская часть на водахъ вполне обезпечиваетъ скорую и доступную врачебную помощь больнымъ, при свободѣ выбора между директоромъ—врачемъ заведенія и приглашеннымъ врачомъ—консультантомъ.—Главныя болѣзни: ревматизмъ, золотуха, венерическія и меркуриальныя страданія, наклонныя болѣзни, болѣзни костей и суставовъ, застой крови въ брѣшннхъ органахъ, увеличеніе печени и селезенки, геморрой, коварлія, параличи, хроническія женскія болѣзни (особенно экзудативныя), малокровіе и выисадія отъ него страданія.—Цѣны умѣренныя: отдѣльные номера отдаются отъ 50, 70 и 85 коп. до 1 р. и 1 р. 25 коп. въ сутки; семейныя квартиры въ 75 р. и 150 р. (цѣны фангелъ) на все лѣто. Важны по обыкновеніямъ цѣнамъ. Обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ 60 коп.; ужинъ по картонѣ 30 коп. (при абонементѣ на 10 дней).—Особенныя льготы предлагаются студентамъ гимназистамъ, кадетамъ и воспитанникамъ другихъ учебныхъ заведеній: 50 р. въ мѣсяцъ за квартиру съ прислугою и самоваромъ, за пользование библиотекой, обѣдъ, питья минеральной воды, ванны и врачебныя консультации. Тѣмъ самымъ льготамъ предоставляются несостоятельнымъ больнымъ, имѣющимъ свидѣтельство о несостоятельности отъ присутствія или отъ общества. По желанію высылаются безплатно химическія анализы воды и подробная такса заведенія; просить обращаться съ требованіями по почтѣ: «Въ контору Столыпинскихъ минеральныхъ водъ, черезъ с. Балаково на станцію Кривовуцкѣ». № 2597 1-1

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

ИНЖЕНЕРЪ
Людвигъ Федоровичъ Шидкейзенъ, специализирующійся по торфяному и кирпичному дѣлу, рекомендуетъ торфяныя и кирпичедѣлательныя машины новой конструкции, пріимчивой вполнѣ успѣшно на практикѣ. Иллюстрированные прейсъ-курanty высылаются по востребованію безплатно.

Москва, Мясницкая улица, д. Ермазовыхъ. Ц. № 2588 5-2

„РОДНОЙ БЫТЬ“, СЕРІЯ ДѢТСКИХЪ КНИГЪ.

1. САША. Разказъ. Съ картинками. Въ облож. цѣна 60 коп.
2. Бѣлый. Разказъ. Рисунки В. М. Васнецова. Въ облож. ц. 60 и.
Продуются въ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и провинціи. П. № 2593 1-1

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:
Очерки новѣйшей исторіи. И. И. ГРИГОРОВИЧА.

Это новое четвертое изданіе книги г. Григоровича значительно дополнено противъ предыдущаго и доведено по изложенію историческихъ событій до 1883 года. Кромѣ того, оно въ первый разъ иллюстрировано 45 портретами наиболее выдающихся дѣятелей новѣйшаго времени. Цѣна книги прежняя—2 руб. Въ роскошномъ переплетѣ—2 р. 75 и. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Цылева (Спб., Фонтанка, 41). № 2592

Настоящій степной коровы Кумысъ.
Лечебное заведеніе Аннаева близъ Самары. Подробности въ брошюрѣ, которая имѣется во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и большихъ городовъ. Адресоваться Г. Аннаеву въ Самару. № 2582 6-2

ЖЕЛАЮЩИХЪ
купить, продать и заложить дома, имѣнія и аптеки, просить обращаться въ Москву, Большая Молчановка, д. Тюрина, къ Леониду Александровичу ГОРЛЕНКО. № 2504 4-3

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ Н. П. ДАНИНА, ВЪ МОСКВѢ,
удостоенныя МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двума медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзовомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,
ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣнійъ Азіи. СЪ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ ПРОДАЖУ ПОДЪ НОВЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ. № 2440 10-8

1870 ГОДА.

ТОВАРИЩЕСТВО БУРГГАРТЪ и УРЛАУБЪ.
С.-Петербургъ, Васильевскій Остр., 1-я линія, № 10.
Москва, Мясницкая, домъ Сытова. Имѣеть въ своихъ складахъ лучшій выборъ новѣйшихъ системъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, насосы и помарныя трубы. Иллюстрированные каталоги высылаются безплатно. № 2561 4-4

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

С-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостинный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА, Петровка, д. Михалкова.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

ЛУЧШАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА:

„КАВКАЗЪ“

въ земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи Большой томъ въ 4 д. л., 252 стр. съ 175 рис. въ текстѣ и 44 отдѣльными картин. на деревѣ. Цѣна 15 р., съ пер. 18 р., въ роскошн. колен. перепл. 20 р., съ пер. 25 р. Литературная и ученая обработка этой цѣнной книги принадлежитъ первокласснымъ и талантливѣйшимъ знатокамъ Кавказскаго края, при участіи известнаго беллетриста—Евгенія Маркова и подъ общ. редакцію вице-предсѣдателя Им. Русскаго Географическаго Общества П. П. Семенова. Рисунки принадлежатъ лучшимъ нашимъ и иностраннымъ художникамъ. Это не сухой географическій трактатъ, но живое, интересное описаніе—рассказъ. Въ типографскомъ отношеніи употреблены всѣ старанія, чтобы сдѣлать это капитальное изданіе однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, которыя появились до сихъ поръ въ русской книжной торговлѣ. По своему внутреннему характеру сочиненіе представляетъ данія, способныя вызвать въ нему горячее сочувствіе публики. Предметъ—интересный для каждаго русскаго, любящаго и желающаго основательно изучить свое отечество.

Книжные магазины Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ высылаютъ всѣ русскія и иностранныя книги немедленно послѣ полученія заказа.

№ 2600 1—1

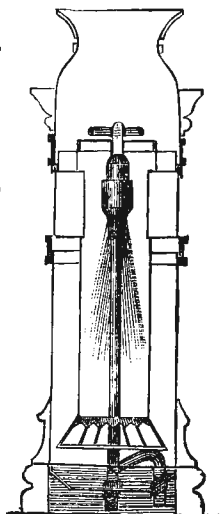
„ХОЗЯЙКА“

или полнѣйшее руководство къ сокращенію домашнихъ расходовъ.

Поваренная книга для неопытныхъ и молодыхъ хозяекъ составлена известнымъ авторомъ „Альманаха Гастрономовъ“ И. М. Радцимицъ. 1 т. въ 6. 8 д. л. 525 стр., цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к., въ богатомъ колен. переплѣтѣ 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к. Приготовленіе кушанья, какъ известно, дѣло важное, но довольно трудное и требуетъ нѣкоторой подготовки. Въ этомъ отношеніи настоящее руководство окажетъ большую помощь. Авторъ не пропустилъ ни малѣйшихъ подробностей безъ предварительнаго объясненія, начиная съ первой кашки для груднаго младенца до изыскаго гастрономическаго обѣда. Онъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы обработать хозяйственную часть съ экономической стороны. Приготовленіе же блюдъ изложено такъ, что удобнѣе и практичнѣе быть не можетъ. Хозяйка, серьезно занимающаяся экономическою стороною хозяйства, найдетъ въ настоящей книгѣ всѣ средства къ этому и значительно сократитъ всѣ издержки. Есть основаніе надѣяться, что хозяйки будутъ вполнѣ удовлетворены настоящей книгой, къ какому бы классу онѣ ни принадлежали.

ЭОЛУСЪ

Компактный, фонарный вентиляторъ, очищаетъ, охлаждаетъ воздухъ и дѣлаетъ его влажнымъ, также можно выпускать испорченный воздухъ

наружу, или выпускать свѣжій воздухъ въ комнату. № 2565

Въ складѣ воздушныхъ электрическихъ звонковъ и фильтровъ

Винтергальтеръ и К^о

у Казанскаго моста, по канавѣ, д. № 12.

!!! ДО 80% УСТУПКИ !!!

Наслѣдники натуральныхъ янтарныхъ копеекъ, прежде принадлежавшихъ покойному Карсину, имѣютъ честь объявить гг. покупателямъ, что они, вслѣдствіе открытія въ своихъ копяхъ огромнаго количества янтара, понижаютъ его цѣну до 80%, смотря по величинѣ. Этими баснословно дешевыми цѣнами надѣются они возобновить славу настоящаго янтара, значительно павшую въ послѣднее время, по случаю ничтожныхъ и вредящихъ здоровью поддѣлокъ.

Цѣны
мундштуковъ для папиросъ изъ настоящаго, натурального янтара, съ гарантіей неподдѣльности, въ изящныхъ футлярахъ:
№ велич. прежняя теперь
сантиметр. цѣна, только
1 10 12 р. 4 р. — к.
2 9 11 „ 3 „ 25
3 8 9 „ 2 „ 80
4 7 8 „ 2 „ 55
5 6 7 „ 1 „ 80
Обадемся въ продолженіи 4-хъ недѣль со дня этого объявленія не повышать вышеозначенную цѣну.

Натуральная величина янтараго мундштука 7 сант. Заказы просимъ доставлять нашему представителю

Г-ну Н. КАШИНУ,
Москва, Покровка, близъ церкви Боголюбленія, домъ Борастелевой.
Гг. иногородныхъ просимъ прилагать на почтовый расходъ. Пересылка производится по полученіи денегъ. Ц. № 2599 2—1

При этомъ на прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ Московскихъ): 1. Каталогъ магазина Э. Г. Дезлера въ Спб. и 2. Прейскурантъ отъ чайнаго магазина А. А. Крутова въ Москвѣ.

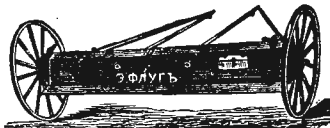
ЗАЙДТШИТСКАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА (Saidschitzer Bitterwasser),

настоящій, чистый, горько-соленый источникъ, представляетъ лучшее лекарственное средство при страданіяхъ брюшной полости, геморроидальныхъ болязней и проч., и вслѣдствіе своего самого легкаго дѣйствія, приноситъ большую пользу даже самому нѣжному организму.

Brunnen-Direction въ Вилинѣ (Богемія).

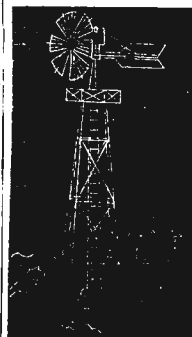
Депю въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. 6—1

ДЕПО МАШИИЪ ЭД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 11. Москва, у Красныхъ воротъ, д. Раузера. Большой выборъ деревянныхъ, желѣзныхъ и стальныхъ плуговъ на 1—2 лошади. 2, 3 и 4 конные плуги новѣйшей конструкции. Шотландскія деревянные бороны, Говарда зигъ-загъ и луговыя бороны и вообще всевозможныя землеобрабатывающія орудія. Сѣлками въ разбросъ, клеверныя и ручныя сѣлки и всѣ вообще земледѣльческія машины и орудія лучшей конструкции и по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Также большой выборъ разнаго рода насосовъ, пожарныхъ грубъ, пульверизаторовъ и проч. Иллюстрированныя каталоги и свидѣтельства доброкачества машинъ высылаю по востребованію бесплатно. Р. № 2577 3—3

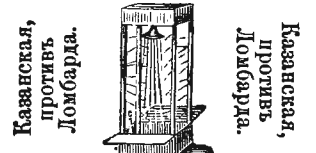
ВѢТРЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ Сис. ГАЛЛАДЪ.

Надешевая и удобная дѣйствующая сила для накачиванія воды и исполненія другихъ работъ. Насосы, пожарныя и садовыя трубы и пр. — Иллюстрированныя прейскуранты бесплатно.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ **АЛЬФРЕДЪ ЛАНГЕНШИПЕНЪ**

С.-Петербургъ, Камешкоостровъ, просп. 39. № 2598 3—1

Казанская, противъ Дюбарда. Казанская, противъ Дюбарда.

ФАБРИКА Ф. БИНГА,

преемникъ УРЛАУБЪ, предлагаетъ разнаго рода души, ванны, новоулучшенныя ванныя печи, лейки, кѣтты, садики, лампы, подсвѣчники, фонари, керосиновыя плиты и проч. и проч.

ЛУЧШИЙ ВЫБОРЪ надгробныхъ вѣнковъ изъ лакированной жести съ богатыми фарфоровыми цвѣтами отъ 1 р. 50 к. до 15 р. № 2601 4—1

Магазинъ и Контора Фортепьянной Фабрики

К. М. ШРЕДЕРЪ,

Поставщика Ихъ Величествъ: Императора Всероссийскаго, Императора Германскаго, Императора Австрійскаго и Короля Баварскаго,

Съ 28-го марта, сего года, ПЕРЕВЕДЕНА на **НЕВСКІЙ пр., собств. домъ, № 52,**

противъ Императорской Публичной Библиотеки.

Инструменты означенной фабрики будутъ продаваться въ Петербургѣ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** только по вышеозначенному адресу. № 2559 4—4

При этомъ на прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ Московскихъ): 1. Каталогъ магазина Э. Г. Дезлера въ Спб. и 2. Прейскурантъ отъ чайнаго магазина А. А. Крутова въ Москвѣ.

НИВА

XIV годъ
№ 18

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к. Издавъ 30 Апрѣля 1883 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для за гран.) за строку непарейль (въ $\frac{1}{4}$ ширины страницы).

Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н и в ѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 3 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всеми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1883 г., съ 20 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 81 рисунк. руководѣльныхъ работъ и 24 выкройками въ натуральную величину.

Явлонская Печровская церковь (Волог. губ., Кадниковскаго уѣзда). Съ фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Явенгская церковь въ Zubовской вол. (Вологодской губ.).

Мы представили нѣсколько памятниковъ древности Вологодской губерніи, ибо на нашѣмъ сѣверѣ наиболѣе сохранились въ нетронутомъ видѣ типъ и остатки древне-русской постройки.

Храмъ, здѣсь изображенный, представляетъ собою типъ множества старинныхъ деревянныхъ церквей, разсѣянныхъ по громадному пространству Вологодской губ. Рисунокъ представляетъ церковь, выстроенную въ 1753 году во имя Покрова Пресвятыя Богородицы на возвышенномъ берегу р. Явенги, въ Zubовской вол., Кадниковскаго уѣзда, почему она и известна подъ именемъ Явенгской Покровской церкви. За нею видна другая каменная церковь недавней постройки, не остановившей однакоже заботъ прихода о поддержкѣ стариннаго деревяннаго храма, который (независимо отъ постройки каменной церкви) пополненъ былъ въ 1851 и 1881 гг., т. е. чрезъ 98 лѣтъ и чрезъ 128 лѣтъ послѣ своего основанія. Обѣ церкви выстроены средствами и стараніями прихожанъ, состоящихъ почти исключительно изъ крестьянъ. Деревянная церковь стоитъ на живописномъ мѣстѣ. Внизу передъ нею изливается рѣчка Явенга, окаймленная небольшими сосновыми перелѣсками, и изъ оконъ видно, какъ дальше таже рѣчка впадаетъ въ многоводную и широкую р. Кубину (протекающую по всему протяженію Кадниковскаго уѣзда). Церковь одноэтажная, но съ высокими подвалами, такъ что церковный полъ почти на четырехсаженной высотѣ надъ земною поверхностью. Стѣны и крыша опущены тесами и окрашены бѣлою краскою. Высота церкви съ крестомъ около 19 саж., длина съ алтаремъ и притворомъ около 13 и ширина

около 7 саж. Для входа устроено снаружи большое, крытое тесомъ крыльцо, загнѣтъ въ притворѣ направо и лѣво лѣстницы — каждая по 6 саж. длинн. ведущія въ верхнюю паперть. Внутренняя стѣна, отдѣляющая эту паперть отъ самаго храма, имѣетъ форму полукруга, обращеннаго выпуклостью во внутрь паперти и имѣющаго три двери: сѣверныя, восточныя и южныя. Восточная дверь представляетъ главный входъ и отстоитъ отъ задней стѣны только на три саж., тогда какъ сѣверныя и южныя малыя двери въ узкихъ концахъ паперти отстоятъ отъ задней стѣны почти на семь сажень и ведутъ въ храмъ справа и слѣва не въ дальнемъ разстояніи отъ клиросовъ. Иконостасы какъ въ самомъ храмѣ, такъ и въ паперти старые, но живописъ еще свѣжа и сохраняетъ свою художественную прелесть. Престолъ въ церкви одинъ — во имя Покрова Божіей Матери.

Въ приходѣ сохранилось преданіе о старинномъ обычаѣ: ежегодно лѣтомъ, въ Петровъ день, приводить къ церкви быка, колотъ его, варить тутъ-же въ котлахъ и всѣмъ міромъ разговлаться его мясомъ на кладбищѣ. Всѣ селенія покровскаго прихода изъ года въ годъ, строго соблюдали между собою очередь доставки и привода къ церкви обреченнаго на жертву животнаго, часть котораго отдѣлялась за трапезою и церковному причту. Когда и какимъ образомъ установленъ былъ этотъ обычай — неизвѣстно, но старики говорятъ, что въ 1828 г. онъ былъ уничтоженъ вольскимъ исправникомъ (Zубовская волость числилась еще въ то время не въ Кадниковскомъ, а въ Вольскомъ уѣздѣ).

Дядя Прокофій и Валетка.

Разсказъ графа. А. А. Голеницева-Нутузова.

1.

Избушка дяди Прокофія вовсе не походила на прочія избушки деревни Шавригина, къ которой она присосѣдилась, какъ нища сиротка къ небогатому семейству. Во-первыхъ, она не составляла продолженія такъ-называемой улицы, а торчала совсѣмъ въ сторону, за гумнами и амбарами, на берегу пруда и, наклонившись къ водѣ, задумчиво любовалась опрокинутымъ изображеніемъ своихъ покривившихся стѣнъ, единственнаго окошка и полуобвалившейся соломенной крыши. Избушки-же деревни Шавригина были, большею частію, двухъ и трехъ-оконныя, съ тесовыми крышами; въ окнахъ виднѣлась кое-какая домашняя утварь, по стѣнамъ на полкахъ висѣло разное бѣлье и тряпье, а передъ нѣ-которыми росли тощія березки, подпертыя колыями — недорогая, но пріятная для глазъ роскошь, лѣтомъ придававшая всей улицѣ зеленоватый и даже нѣсколько веселый видъ. Позади строеній скрещивались изгороди и частоколы, между которыми росли капуста, картофелъ и выглядывали самодовольныя, круглыя рожи подсолнечниковъ. Посреди огорода дяди Терентія, сверхъ того, моталось на высокомъ шестѣ затѣйливое пугало для устрашенія воробьевъ; но пугало это не достигало своей цѣли и служило для птицъ удобнымъ насѣстою, когда сосѣдскіе ребята, ползкомъ пробравшись въ горохъ дяди Терентія, набивали карманы, подолы и картузы зелеными стручками. Словомъ, въ деревнѣ было много всякаго добра, а въ избушкѣ дяди Прокофія ничего не было. Впрочемъ, я забылъ сказать, что дядя Прокофій жилъ не совсѣмъ одинъ; у него былъ товарищъ, дѣллившій съ нимъ его судьбу. Этотъ товарищъ былъ старый, исхудалый, черный съ просѣдою пѣсъ, по имени Валетка, послѣдовавшій за своимъ хозяиномъ изъ господской усадьбы, гдѣ оба они прежде жили и откуда вмѣстѣ перебрались на новоселье къ пруду деревни Шавригина.

Происшествіе это случилось въ тотъ самый годъ, когда объявилась воля и дряхлый, одинокій баринъ, недовольный новыми порядками, умеръ около Петрова дня, оставивъ свое имѣніе въ наслѣдство какому-то дальнему родственнику, молодому человѣку, жившему постоянно въ столицѣ. Молодой человѣкъ, богатый и безъ того, не занялся новымъ своимъ владѣніемъ; онъ ограничился присылкою туда повѣреннаго, который посадилъ крестъ-

янь на оброкъ, землю отдалъ въ короткому заѣзжему нѣмцу, а дворовую челядь, въ видѣ барской милости, не дожидаясь двухлѣтняго срока, отпустилъ на всѣ четыре стороны. Въ числѣ прочихъ отпущенныхъ очутился и слуга покойнаго барина, Прокофій Ильичъ; но ему было подѣ семьдесятъ лѣтъ, на головѣ его оставалось всего три клока сѣдыхъ волосъ — по одному на каждомъ вискѣ, да одинъ на затылкѣ; темное лицо его съ большимъ горбатымъ носомъ и выпятившимся впередъ подбородкомъ было сведено глубокими морщинами; глаза, когда-то черныя и блестящія, а теперь мутныя, плохо видѣли, уши плохо слышали, ноги плохо держали высокое, костлявое тѣло. Поэтому предоставленный Прокофію Ильичу на выборъ четыре стороны всѣ показали ему равно страшными, голодными и холодными. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, пока въ усадьбѣ шла суматоха по случаю введенія новыхъ порядковъ, онъ безвыходно пребывалъ въ своей коморкѣ, лежалъ на кровати, обогрѣтой имъ въ теченіе многолѣтней службы и недоумѣвалъ: какъ ему теперь быть и куда дѣваться? Онъ былъ совершенно одинокъ. Покойный баринъ не долюбивалъ женатыхъ слугъ и какъ-то давно, лѣтъ сорокъ пять тому назадъ, съ гнѣвнымъ отказомъ прогналъ съ глазъ долой своего любимца Прокофія, когда тотъ, подѣ влияніемъ іюльскаго душистаго вечера, явился къ нему съ просьбою о дозволеніи жениться на дворовой дѣвкѣ Глашкѣ. Прокофій Ильичъ хотя и огорчился, но внутренно сознавалъ справедливость барскаго гнѣва и съ тѣхъ поръ блажь не входила ему въ голову. Онъ даже презрительно сталъ отзываться о своихъ женатыхъ сослуживцахъ и при всякомъ удобномъ случаѣ колотъ имъ глаза пристрастіемъ къ семьямъ и небреженіемъ къ пользамъ господина. Только теперь, когда господина не стало, а самъ онъ остался, такъ-сказать, на мели — лукавый помыслъ шепнулъ ему въ темнотѣ безсонной ночи, что баринъ напрасно не позволилъ ему жениться, что будь у старика взрослыя дѣти, они навѣрно стали-бы его кормить, поить, обувать и одѣвать. Помыслъ этотъ старикъ, конечно, отогналъ отъ себя изъ уваженія къ памяти покойника, но вопросъ: что дѣлать и куда дѣваться, оставался открытымъ. Наконецъ, Прокофій Ильичъ рѣшился идти къ конторщику и просить его написать письмо молодому барину; такъ и такъ, моля, шестьдесятъ лѣтъ слу-

жилъ вѣрой и правдой—ну и прочее все. Долго ждалъ Прокофій Ильичъ отвѣта; но баринъ, какъ слышно, уѣхалъ за-границу, дѣто миновало и вотъ въ одинъ прекрасный осенній день, когда солнышко, не высоко поднявшись въ небѣ, освѣтило слабыми лучами зеленѣющую иль поляхъ озимь и обнаженные деревья стараго сада—иѣмецъ прислалъ сказать Прокофію Ильичу, что коморка его нужна и что онъ можетъ убраться.

Прокофій Ильичъ озлился; онъ вскочилъ съ своего ложа и старческимъ, беспомощно-визгливымъ голосомъ произнесъ ругательство. Работникъ усмѣхнулся, сказалъ „не наша воля“—и вышелъ вонъ.

Оставшись опять одинъ, старикъ сталъ быстро жевать мягкими, блѣдными губами; вѣки его усиленно заморгали—онъ хотѣлъ было заплакать, но не смогъ. Въ извѣстные годы глаза теряютъ способность испускать слезы, только духъ спирается въ груди, да щеки сводитъ болѣзненная судорога. Прошло нѣсколько минутъ молчанія...

— Валетка!—раздалось, наконецъ, въ тишинѣ.

Валетки не оказалось; онъ бродилъ по двору около кухни. Старикъ махнулъ рукой и тяжело опустился на кровать.

Но когда настала ночь и мѣсяцъ съ любопытствомъ заглянулъ въ тусклое окно коморки, дверь тихонько отворилась, Валетка, какъ татъ, пробрался на свое обычное мѣсто къ печкѣ и легъ. Все было тихо—Прокофій Ильичъ спалъ.

II.

На другой день по утру въ селѣ происходило довольно необычное зрѣлище. Передъ крыльцомъ кабака собралась небольшая толпа мѣстныхъ обывателей, слышались крики, смѣхъ, бранныя слова и остроты. Тутъ былъ и самъ кабатчикъ, кудрявый, съ краснымъ курносимъ лицомъ, ехидными глазками и добродушной усмѣшкой на толстыхъ губахъ. Тутъ были дьячекъ и пономарь—оба въ длиннополыхъ, длиннорукавыхъ, темносинихъ одѣяніяхъ, съ висающими по спинѣ, туго заплетенными косами: былъ и земскій—маленькій, мозглявенькій человѣчекъ, въ плоской бѣлой фуражкѣ, въ черномъ потертомъ сюртукѣ и стоптанныхъ сапогахъ, что, однако, не мѣшало ему относиться къ толпѣ съ отѣнкомъ превосходства и ироніи. Толпа состояла изъ мужиковъ, бабъ и дѣтей. Но среди всѣхъ возвышалась сухая, угрюмая фигура Прокофія Ильича. Онъ былъ занятъ очень важнымъ дѣломъ и неестественно суетился—онъ продавалъ. На плечѣ его висѣло разное потасканное платье; въ одной рукѣ онъ держалъ старую гитару съ оборванными струнами, въ другой одноствольное ружье; изъ-за пазухи торчала какая-то шкатулочка, а у ногъ сидѣлъ Валетка и подозрительно поглядывалъ на суетившихся вокругъ него людей. Торгъ шелъ медленно. Каждая вещь, по очереди предлагаемая на общее разсмотрѣніе, переходила изъ рукъ въ руки, повертывалась во всѣ стороны, подвергалась различнаго рода испытаніямъ. Больше всего досталось платью: его поднимали на свѣтъ, гладили, растягивали, потряхивали и колоутили.

— А вѣдь у сюртука-то подъ пазухой прорѣха—серіозно объявлялъ земскій.

— Не бѣда! огрызался Прокофій Ильичъ—и съ прорѣхой пощеголяете, коли не зашьете.

— Зашить-то можно, только все же изъинъ—замѣчалъ земскій. А сколько возьмете?

Начиналось препирательство о цѣнѣ. Кабатчику хотѣлось перебить покупку у земскаго. Дьячекъ также былъ не прочь приобрести дешевую обновку своему сыну, рослому семинаристу, имѣвшему необыкновенную способность протирать на локтяхъ непоправимыя дыры. Покупатели горячились, бранились между собою, бранили Прокофія Ильича. Прокофій Ильичъ не оставался у нихъ

въ долгу. Наконецъ большая часть вещей была продана. Платье досталось-таки земскому, гитара и ружье перешли во владѣніе кабатчика, дьячекъ и пономарь ничего не купили и служили предметомъ остроумныхъ замѣчаній со стороны праздныхъ зрителей.

Передавъ вещи въ руки новыхъ владѣльцевъ, Прокофій Ильичъ досталъ изъ-за пазухи шкатулку. По озбоченному виду, съ которымъ онъ приступилъ къ ея раскрытію, можно было заключить, что старикъ придавалъ особенную цѣну тому, что въ ней заключалось; то были карманные часы, толстые съ выгнутымъ стекломъ и затѣйливыми стрѣлками,—подарокъ барина; затѣмъ, мѣдная, потемнѣвшая отъ времени цѣпочка, двѣ пары ножницъ, очки, перочинный ножъ и деревянная табакерка съ изображеніемъ цвѣтка. Увидавъ часы, кабатчикъ пересталъ улыбаться: земскій протянулъ-было руку, но остановился, встрѣтивъ суровый взглядъ Прокофія Ильича, который сжалъ часы въ ладони и, казалось, не былъ расположенъ легко съ ними разстаться.

— Серебряные! проговорилъ онъ какъ-то таинственно.

— Дай-ка посмотрѣть, прошепталъ кабатчикъ.

Прокофій Ильичъ бережно поднялъ руку и разжалъ пальцы.

— Осторожнѣе, любезный, вещь хрупкая,—сказалъ онъ, отдавая часы.

Нѣсколько головъ нагнулись кругомъ.

— Что вы поймете!—сердито крикнулъ земскій, проталкиваясь впередъ—ишь, невидаль какая, часы! А ключикъ есть?

— Сталь-ли бы баринъ мнѣ дарить часы безъ ключика?!—строго отозвался Прокофій Ильичъ. А это что на тесемочкѣ-то виситъ?—Не видите что-ли?

Земскій молча взялъ часы изъ рукъ недоумѣвающаго кабатчика и сталъ ихъ разсматривать.

— Да ходятъ ли еще? процѣдилъ онъ сквозь зубы, возмимѣвъ непреодолимое желаніе завладѣть ими.

Прокофій Ильичъ только плюнулъ и отвернулся.

— Да вы не горячитесь—поучалъ его земскій, товаръ лицомъ продается, даромъ небось не отдадите.

Онъ медленно сткрылъ крышку, завелъ, послушалъ—часы застучали.

— Пошли? спросилъ кабатчикъ.

— Четыре рубля даю—обратился земскій къ Прокофію Ильичу, не удостоивъ кабатчика отвѣтомъ... съ цѣпочкой, прибавилъ онъ, уздавъ цѣпочку.

— И съ ножницами, иронически отозвался Прокофій Ильичъ, показывая ножницы.

Кругомъ раздался смѣхъ. Земскій окинулъ толпу недовольнымъ взглядомъ.

— Не хотите—не надо! проговорилъ онъ, возвращая часы, и отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону. Кабатчикъ подвинулся впередъ. Но земскій только прикинулся равнодушнымъ. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало купить часы и, услышавъ, что кабатчикъ даетъ за нихъ пять рублей, набавилъ противъ него полтинникъ.

— Только съ цѣпочкой, повторилъ онъ внушительно.

— Да вѣдь и я съ цѣпочкой, отозвался кабатчикъ.

Прокофій недоумѣвалъ и казалось уже готовъ былъ отдать, когда въ толпѣ раздался неожиданный голосъ, и всѣ глаза обратились на щеголеватую чуйку, выступившую на первый планъ.

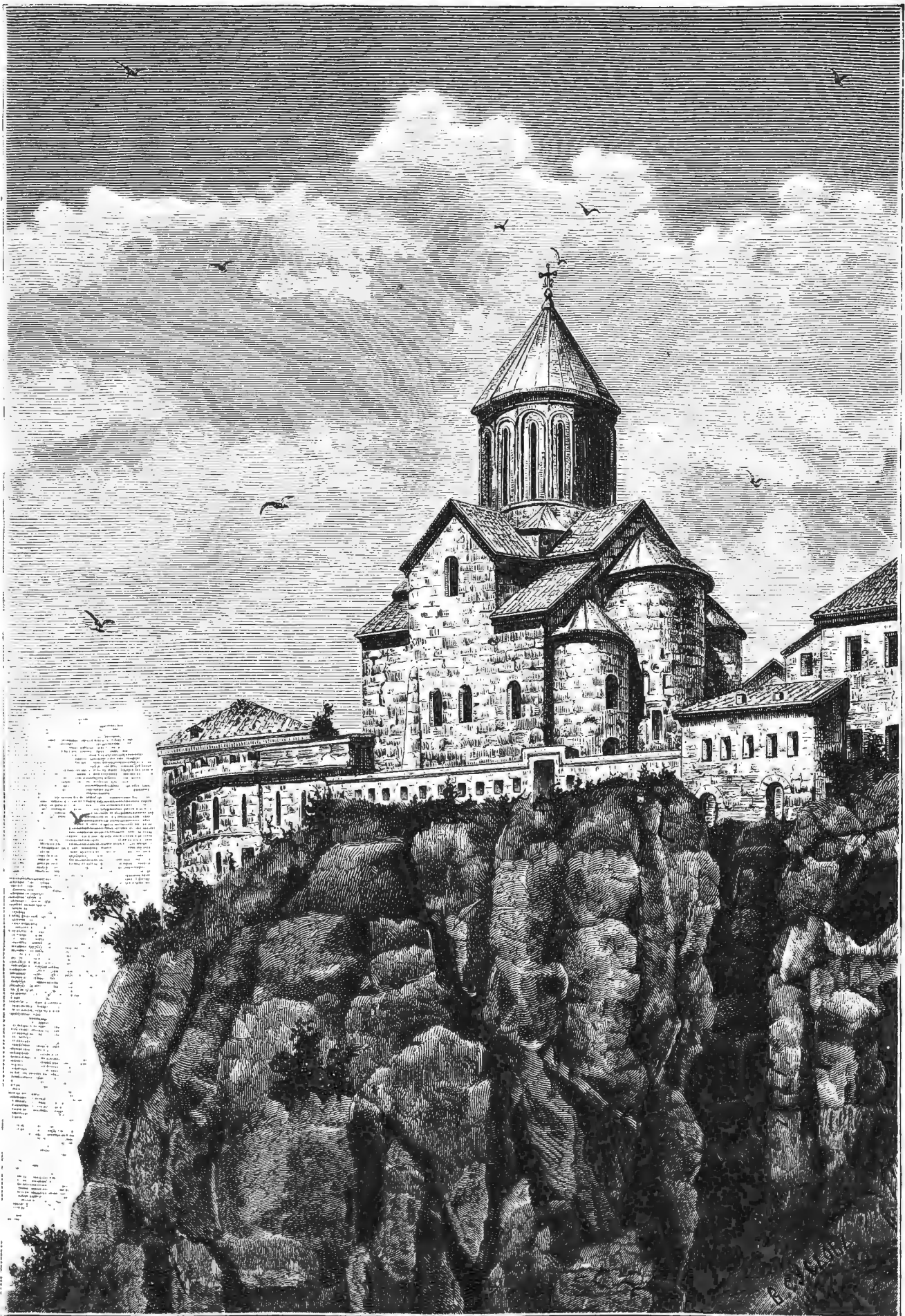
— Я даю десять рублей—гдѣ наше не пропадало!

Прокофій Ильичъ самодовольно усмѣхнулся, кабатчикъ разинулъ ротъ, а земскій злобно посмотрѣлъ на своего соперника. Это былъ молодой парень, за нѣсколько дней до того вернувшійся съ работы изъ города и гулявшій на заработанныя деньги. Онъ былъ навеселѣ, въ рукахъ держалъ гармонію; шапка торчала на бекрепъ.

— Ну, дѣдушка, отдаешь что-ли? громко обратился онъ къ Прокофію Ильичу—мы денегъ не жалѣемъ, по-

Севастопольскія развалины. Башня Адмиралтейства. Рисов. съ натуры В. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

Тифлисъ. Метехскій храмъ. Рисов. съ натуры В. Суслевъ, грав. М. Ращевскій,

тому у насъ ихъ довольно, мы не то что другіе—изъ-за рубля торговаться не станемъ; для насъ это плевое дѣло! Гдѣ наше не пропало!

— Вотъ я посмотрю, какъ ты, голубчикъ, оброкъ-то внесешь? прошипѣлъ земскій.

— Не безпокойся—весело отвѣчалъ парень—и оброкъ внесемъ, и часы купимъ, и выпьемъ, и погуляемъ—съ часами-то знатно будетъ! Такъ что-ли дѣвки?—внезапно обратился онъ къ нестрой кучкѣ веселыхъ женскихъ лицъ, стоявшихъ нѣсколько поодаль и сочувственно поглядывавшихъ на молодецкую чуйку.

— Слышите! десять рублей даютъ,—сказала Прокофій Ильичъ окружающимъ.

— Коли даютъ, такъ отдавай, а мы устунаемъ, твое счастье, отвѣтилъ кабатчикъ.

— И видно, что дуракъ!—пробурчала земскій, выходя изъ толпы. Не глядя покупаетъ! Часы-то и пяти рублей не стоятъ; это я ужъ зря полтинникъ прибавилъ.

— Ладно, ладно! а у самого глаза разгорѣлись, какъ увидалъ,—ворчалъ Прокофій Ильичъ, глядя въ слѣдъ удаляющемуся земскому.

Часы съ цѣлочкой немедленно украсили грудь молодого парня.

Кабатчикъ утѣшился, купивъ за цѣлковый остальные вещи.

— Ничего больше нѣтъ?—спросилъ онъ, когда Прокофій Ильичъ, положивъ деньги въ шкатулку, закрылъ ее и сунулъ опять за пазуху.

— Ничего—угрюмо произнесъ тотъ и, понутивъ голову, сѣлъ на крыльцо кабака. Но въ шкатулкѣ были еще двѣ вещи: небольшая икона и дагеротипный портретъ покойнаго барина. Прокофій Ильичъ снялъ его со стѣны кабинета и взялъ съ собой, какъ вещь никому ненужную, а ему—Прокофію, старому слугѣ—дорогую.

Теперь онъ мысленно считалъ свои деньги: съ накопленными прежде двѣнадцатью рублями выходило всего тридцать пять. Съ ними долженъ былъ онъ найти себѣ убѣжище и прожить, можетъ-быть годъ, можетъ-быть два, а можетъ-быть и десять лѣтъ. Старикъ задумался.

Толпа между тѣмъ медленно разбрелась по селу. Кабатчикъ, убравъ въ комнату накупленное добро, воротился на крыльцо, сѣлъ и, довольный своимъ днемъ, отъ нечего дѣлать разболтался.

— Вотъ оно какъ служить!—разсуждалъ онъ съ разстановкой. — Ходи съ измалѣтства по струночкѣ, ни зъ чемъ согрubitъ не моги, день деньской работой, силушки всѣ програть, а подъ старость отправляйся съ сумой куда глаза глядятъ! Вѣрно я говорю, Прокофій Ильичъ?

Прокофій Ильичъ молчалъ.

— Вотъ, хоть къ примѣру, возьмемъ тебя, Прокофій Ильичъ: очень неблагородно поступилъ съ тобой баринъ! Куда теперь тебѣ старому хрѣну голову преклонить? Чѣмъ ты будешь кормиться! Ну, положимъ, за свою рухлядь ты съ насъ кое-какія деньжонки содралъ, это точно!—да надолго ли ихъ тебѣ хватить? Очень не надолго. Первое—станемъ говорить—долженъ ты себѣ какое ни на есть жилище найти, а даромъ никакое общество тебя не приметъ; второе—долженъ ты себя въ зимнее время согрѣтъ; третье—долженъ ты мундиръ купить. Дрова-то еще ничего, а мука нонѣ дорога—рожь-то по семи рублевъ пошла. Знаешь ли ты это? Вотъ такимъ-то манеромъ и не увидишь, какъ деньги всѣ выйдутъ и останешься ты, голубчикъ мой, голъ, какъ соколъ. Попомни мое слово. А ты подай на барина жалобу по начальству. Слышалъ я наемни отъ одного добраго человѣка, что закону такому нѣтъ, чтобы людей по міру пускать. Въ законѣ сказано, что помѣщикъ долженъ два года всѣхъ дворовыхъ кормить, поить, обувать и одѣвать.

Прокофій Ильичъ молчалъ.

— Жаль мнѣ тебя, Прокофій Ильичъ! такъ жаль, что и сказать не могу. Приютилъ бы я тебя, да самъ съ семьей въ тѣснотѣ живу. Ты можешь думаешь, что съ кабака у меня нѣтъ такіе прибитки! Такъ я тебѣ скажу, что это ты пустое думаешь. Еле-еле на пропитаніе выручаю и подати уплачиваю. Нонѣ времена тѣ-желыя, всякій думаетъ о себѣ. Вотъ ты о себѣ и подумай. А, кстати, не продашь ли ты мнѣ Валетку? За одно бы ужъ съ прочимъ; куда тебѣ съ нимъ возиться?

Прокофій Ильичъ пожевалъ губами.

— Я, такъ и быть, цѣлковый-рубль дамъ,—приставалъ кабатчикъ.—Собаки-то у меня нѣтъ; лайла бы да лайла.

Прокофій Ильичъ колебался.

— Валетка!—обратился онъ, наконецъ, съ смиренной улыбкой къ собакѣ, лежавшей у его ногъ.—Продавать тебя что ли, старый песъ?

Валетка приподнялся, завилялъ хвостомъ, лизнулъ бесильно опущенную, старческую руку и положилъ голову на колѣна своего хозяина. Лицо старика внезапно измѣнилось, щеки поблѣднѣли, губы затряслись.

— Креста-то на тебѣ нѣтъ,—почти шепотомъ, задыхаясь, проговорилъ онъ и злобно взглянул на кабатчика.—У человѣка одинъ песъ остался, такъ и того отнять хочешь...

И не выслушавъ справедливаго возраженія озадаченнаго кабатчика, онъ всталъ и побрелъ изъ села по глинистой, грязной дорогѣ. Валетка поспѣдовала за нимъ.

Дулъ холодный сентябрьскій вѣтеръ. Ненастная облака быстро неслись по небу, какъ зловѣщіе клубы дыма, гдѣ-то поднявшіеся съ чудовищнаго пожара. Они, казалось, старались перегнать другъ друга—и это имъ не удавалось. Они вытягивались, хмурились, темнѣли и, наконецъ, всѣ разомъ, слились въ одну безформенную сѣрую массу, посыпались на землю, пронизывающимъ до костей, дождемъ. Стая пролетныхъ журавлей, спокойно гулявшая по жнивѣ, какъ бы вспомнивъ, что ей предстоитъ далекій путь въ теплыя страны, съ крикомъ поднялась и полетѣла; заяцъ, выглянувшій изъ кустовъ, опять спрятался въ чащу и залегъ подъ густую елку, куда не могъ проникнуть дождь; проѣзжій мужикъ, приподнявшись въ телѣгѣ, ударилъ вожжами свою ибгую, лохматую кобылу и та вскачь понеслась къ селу, на краю котораго стояла его хата. Только Прокофій Ильичъ и Валетка, въ открытомъ полѣ застигнутые непогодой, не прибавили шагу: они знали, что для нихъ нѣтъ ни теплыхъ странъ, ни убѣжища, ни хаты.

III.

Дорога, по которой шелъ Прокофій Ильичъ, вела къ деревнѣ Шавригину, а въ Шавригинѣ жилъ дядя Терентій, тотъ самый, въ огородѣ котораго мотался пугало; онъ былъ знаменитъ во всемъ околѣдѣ какъ опытный охотникъ. Прокофій Ильичъ хорошо зналъ его съ этой стороны, такъ какъ покойный баринъ, пока не перевѣшалъ всѣхъ своихъ собакъ, имѣлъ обыкновеніе за всѣми свѣдѣніями обращаться не къ кому-нибудь другому, а именно къ дядѣ Терентію. Наканунѣ охоты онъ посылалъ Прокофія Ильича въ Шавригино. Усѣвшись въ легкія бѣговыя дрожки, Прокофій Ильичъ пускался въ путь, по дорогѣ заѣзжалъ въ село, въ тотъ самый кабакъ, у крыльца котораго сейчасъ распродалъ свои вещи, выпивалъ стаканчикъ водки, и веселый отправлялся дальше. Отъ села до Шавригина считалось семь верстъ; можетъ быть было и больше, можетъ быть и меньше—никто не мѣрилъ; но Прокофію Ильичу въ то время это было совершенно все равно. Онъ беззаботно поглядывалъ по сторонамъ, дѣлалъ мысленныя замѣчанія относительно придорожныхъ хлѣбовъ и травъ, загадывалъ, какаѣ на другой день будетъ погода и многоли онъ убьетъ зайцевъ. При послѣдней мысли онъ всегда

оглядывался на Валетку, бѣжавшаго за дрожками такъ близко, что, при малѣйшемъ замедленіи хода лошади, морда его натыкалась на колесо. „Глушій несъ!“ — говорилъ тогда Прокофій Ильичъ. Но пристрастному его мнѣнію, Валетка гонялъ зайцевъ лучше всѣхъ барскихъ собакъ, хотя и не принадлежалъ къ породѣ гончихъ, и хвостъ держалъ колесомъ вверхъ—несомнѣнный признакъ низкаго происхожденія, отъ дворянки.

Хозяйка дяди Терентія враждебно относилась къ прїѣздамъ Прокофія Ильича. Она знала, что никакое дѣло не могло остановить мужа, когда баринъ звалъ его съ собою на охоту. Сѣнокосъ-ли, жнитва-ли, молотба-ли—онъ все бросалъ, надѣвалъ сапоги, понитокъ съ коротко-обрѣзанными полами, изъ-подъ которыхъ торчали концы ситцевой рубахи; бралъ картузь, ружье, кожаную сумку съ запасомъ хлѣба и уѣзжалъ. Она знала также, что домой онъ непременно вернется пьяный, потому что, какъ и слѣдуетъ всякому доброму охотнику, дядя Терентій былъ горькій пьяница и, подаренный ему бариномъ полтинникъ дѣлкомъ пропивалъ въ садѣ, послѣ чего былъ мраченъ и обыкновенно бивалъ свою хозяйку. Но дѣлать хозяйкѣ было нечего и злоба ея выражалась только ворчаньемъ, взглядами изъ-подлобья и тыканьемъ въ спину, попадавшей подъ руки дочери Паланьки. По дорогѣ въ усадьбу Прокофія Ильичъ и дядя Терентій всегда занимались прїятной бесѣдой о предстоящей охотѣ. Послѣдній зналъ не только всѣ окрестныя мѣста и заячьи перебѣги, но, судя по его словамъ, былъ лично знакомъ съ бѣгающими и крылатыми обитателями лѣсовъ.

— Вотъ, говорилъ онъ, — на Лѣнтухинской пустоши у ручья съ весны большущій зайчина живетъ.

— Матерой! — поправлялъ Прокофій Ильичъ.

— Матерой, что твой жеребенокъ! Видаль я его много разъ, да безъ собакъ ничего не подѣлаешь; далеко поднимается и прямкомъ въ островъ утекаетъ. Такая лукавая шельма!

— Вотъ мы его завтра съ гончими пошевелимъ!

— Безпримѣнно. А недалечко тамъ во мху еще выводитъ глухарей, ужъ которую недѣлю держится; matka, да семь молодыхъ. Двухъ-то я убилъ, а пять осталось. Какъ только выстрѣлишь, всѣ къ мху улетаютъ, а и молодые ужъ съ полматки.

— Тетеревей тоже пошевелимъ, — отзывался Прокофій Ильичъ.

И дѣйствительно, на другой день на Лѣнтухинской пустоши у ручья поднимался большущій заяцъ, а во мху взлетали глухари. Вотъ каковъ былъ дядя Терентій!

О немъ вспомнилъ Прокофій Ильичъ, увидавъ поднимающихся журавлей, потому что никто ловчѣе его не

подползалъ къ этой осторожной птицѣ. „Зайду-ка я къ старому прїятелю, — подумалъ старикъ, шагая по знакомой дорогѣ. — Что Богъ дастъ? посоветуюсь“.

Черезъ часъ онъ уже сидѣлъ въ избѣ дяди Терентія и рассказывалъ ему свое горе. Хозяйка, зная, что никто не позоветъ мужа на охоту, была покойна и не злилась. Мужикъ внимательно слушалъ рѣчь Прокофія Ильича, изрѣдка вставляя свои краткія замѣчанія. Наконецъ, повторивъ томившее его за послѣдніе дни: „Какъ мнѣ теперь быть?“ Прокофій Ильичъ умолкъ.

Хозяинъ сурово осмотрѣлся кругомъ. Изба его всегда тѣсная и темная, теперь, въ ненастье, казалась еще тѣснѣе и темнѣе. Дождь стучалъ въ окно, въ трубу завывалъ вѣтеръ.

— Непогода! — проговорилъ, наконецъ, дядя Терентій, почесывая колѣно. Повидимому это слово не имѣло никакой связи съ рассказомъ Прокофія Ильича, но и Прокофій Ильичъ, и хозяйка, и даже Паланька поняли, что хотѣлъ выразить хозяинъ и молча съ нимъ согласились.

— Ну что-жь? — продолжалъ онъ, подумавъ еще съ минуту. — Пока можно у меня... а завтра съ собесѣдами потолкуемъ... Такъ, что-ли?

Всѣ опять безмолвно согласились.

— Спасибо, добрый человекъ! — серьезно проговорилъ Прокофій Ильичъ.

— Потому—непогода, — повторилъ дядя Терентій и замолчалъ. Хотѣлъ было онъ спросить о ружьѣ, да раздумалъ: „Продано, вѣрно“, — сказалъ онъ самъ себѣ. — Прокофій Ильичъ вспоминалъ свое прошедшее. Хозяйка размышляла о томъ, куда положить бездомнаго бѣдняка, и смотрѣла въ уголъ. Паланька задремала на полатахъ и въ избѣ все затихло, какъ будто въ ней никого и не было. Но, нѣсколько минутъ спустя, въ дверь сталъ царапаться Валетка, позабытый на дворѣ.

— Вѣдь это твой, — весело обратился дядя Терентій къ Прокофію Ильичу.

— Мой, — отвѣчалъ тотъ.

Валетку пустили. Мокрый и дрожащій вопель онъ въ избу и, обнюхавъ всѣхъ присутствующихъ, успокоился: всѣ были издавна ему знакомы; всѣ его знали. А что на дворѣ было холодно и вѣтеръ злился, и дождь лилъ, какъ изъ ведра—какое кому было до этого дѣло? Въ хатѣ дяди Терентія скоро запылала лучина, въ печи затрещали дрова и закипѣлъ котелокъ. Семья усѣлась за ужинъ и старики разболтались о покойномъ баринѣ, объ охотѣ, о красныхъ дняхъ веселья и счастья; — разболтались такъ, что Прокофій Ильичъ позабылъ о своемъ горѣ, а Валетка, просохнувъ, сталъ весело помахивать хвостомъ, ходя вокругъ стола.

(До слѣд. №).

Герцогиня Данцигская и ея протѣже.

Историческій разсказъ Р. Треннгорста.

I.

— Уйдеши ли ты отъ забора, глупый мальчишка! Съ тѣхъ поръ какъ эта ницца поселилась въ деревнѣ, ты совсѣмъ потерялъ голову. На мельницѣ рабочіе дѣлаютъ что хотятъ, все идетъ вверхъ дномъ, а молодой хозяинъ точитъ ляды со своей возлюбленной! Въ послѣдній разъ говорю тебѣ сегодня, Франсоа, выкинь изъ головы глупую лядь!

Эти сердитыя слова произнесъ полный пятидесятилѣтній человекъ; а тотъ, къ кому они относились, былъ молодой, здоровый юноша, со свѣжимъ, красивымъ лицомъ. Животисный крестьянскій костюмъ злыасцевъ чрезвычайно шелъ къ нему. Онъ былъ сынъ говорившаго, мельника деревни Сульцматъ, — Франсоа Лефеврѣ. Послѣ неласковаго наставленія онъ грустно смотрѣлъ на свѣтъ Божій.

— Отецъ! проговорилъ наконецъ Франсоа послѣ того, какъ онъ уже нѣсколько разъ собирался отвѣтить, но не рѣшался, встрѣчался со строгимъ взглядомъ мельника. — Отецъ, вы не правы, обращаясь со мною какъ съ маленькимъ, скоро мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ. Всѣ молодые люди моихъ лѣтъ въ Сульцматѣ и Руфахѣ имѣютъ невѣсть, только я не имѣю права ухаживать за дѣвушкой, которая мнѣ нравится! Это несправедливо съ вашей стороны, отецъ!

Старикъ насмѣшливо посмотрѣлъ на сына.

— Самое время думать тебѣ о свадьбѣ—засмѣялся онъ, выпуская изъ своей трубки густая облака дыма въ теплый лѣтній воздухъ.

— А чѣмъ думаете — вы прокормить свою миленькую? Выучился ли ты чему нибудь, даже для мельника ты слишкомъ глупъ! И онъ хочетъ жениться! Ха, ха, ха! Выкинь эти мысли изъ головы, Франсоа, и если дѣло уже ва то пошло, то старикъ Лефеврѣ найдетъ тебѣ подходящую жену. Но съ той—вскричалъ онъ сердито, указывая черезъ заборъ, на маленькую хижинку, стоявшую въ саду—ты долженъ покончить! Съ этими словами онъ повернулся спиною къ сыну и медленно направился черезъ мостикъ къ мельницѣ.

Франсоа смотрѣлъ ему въ слѣдъ, пока только легкое облачко дыма указывало то мѣсто, гдѣ скрылся старикъ за кустами. Какъ ни казался юноша сконфуженнымъ въ присутствіи отца, но строгое внушеніе послѣдняго не произвело продолжительнаго дѣйствія; взглянувъ на дорожку къ мельницѣ, Франсоа подошелъ къ забору, отдѣлявшему маленькій домикъ отъ мельничнаго сада и отъ прилегающаго господскаго лѣса, и только что онъ собирался перескочить черезъ него, какъ на плечо юноши легла сильная рука, а голосъ свади него проговорилъ?

— Так-то слѣдуютъ добрымъ совѣтамъ отца? А? Не успѣлъ еще старикъ отвернуться, какъ онъ снова уже на запрещенномъ пути! Это ли зовется дѣтскимъ послушаніемъ.

При этой несприятной помѣхѣ Франсоа съ испугомъ оглянулся, но узнавъ господина барона Эпиналя, владѣльца имѣній и лѣсовъ Сульцмата, лицо его прояснилось. Онъ снялъ свою шапку и сконфуженно улыбаясь вертѣлъ ее въ рукахъ.

— Ну, старикъ таки порядочно побранилъ тебя! засмѣялся помѣщикъ, которому казалось за тридцать лѣтъ и который слышалъ разговоръ отца съ сыномъ;—говорить точно священникъ, нужно отдать ему справедливость! Но говори же наконецъ, Франсоа, продолжалъ онъ добродушно, садясь на перилы мостика, что у васъ тамъ было, ну исповѣдуйся!

— Ахъ, Боже, добрый баринъ, отвѣтилъ печально юноша, ничего особеннаго. Я очень люблю Лизету, а отецъ ея терпѣть не можетъ, вотъ и вся исторія!

— Лизету, говоришь ты? кто такая твоя Лизета? спросилъ баронъ.

— Она пришла изъ за Рейна ухаживать за своей больной теткой,—объяснялъ Франсоа. Старуха умерла два мѣсяца тому назадъ и оставила ей хижину, а теперь Лизета занимается стиркой бѣлья для господъ въ Руфахѣ.

— А, эту то я знаю! отвѣтилъ помѣщикъ;—поздравляю тебя, это красивая дѣвушка!

На открытомъ лицѣ крестьянина показалась улыбка удовольствія.

— Да,—при этомъ онъ вздохнулъ печально,—было бы хорошо, еслибы и отцу такъ казалось.

При этой простодушной жалобѣ влюбленнаго юноши господинъ Эпиналь громко захохоталъ, но тотчасъ спохватился, замѣтя, что оскорбляетъ честнаго Франсоа.

— Не сердись, мой милый, успокоивалъ онъ юношу, я смѣюсь потому, что выборъ молодыхъ никогда не нравится старикамъ.

— Франсоа казалось успокоился.

— Но это не одно только, въ чемъ мы не сходимся съ отцемъ! сказалъ онъ. Еслибы онъ пересталъ принуждать меня сдѣлаться мучнымъ мѣшкомъ, онъ вѣдь знаетъ какъ мнѣ противна мельница! Но съ нимъ ничего не подѣлаешь, хотя я ему жалуюсь на это.

— Гм... гм! Мнѣ кажется, сказалъ баронъ, что въ тебѣ течетъ гусарская кровь старика и я думаю, что ты не прочь быть солдатомъ.

— Господинъ баронъ какъ разъ угадали! проговорилъ Франсоа. Господинъ Эпиналь въ раздумьи началъ покручивать свои усы.

— Послушай, Франсоа, сказалъ онъ наконецъ, не хочешь ли ѣхать со мною въ Парижъ?

Странное дѣйствіе произвело слово „Парижъ“ на молодого крестьянина.

— Па-Парижъ? заикнулся онъ, не въ состояннн опомниться отъ удивленія,—въ Парижъ?

— Да, Франсоа. Если бы я не былъ увѣренъ, продолжалъ баронъ, что для тебя и для твоей будущности самое лучшее служба въ солдатахъ, я бы не совѣтовалъ тебѣ этого. Король Людовикъ XVI пожаловалъ меня патентомъ капитана гвардіи, и я послѣ завтра ѣду въ Парижъ на свою должность. Хочешь ѣхать со мною, то для тебя найдется у меня мѣстечко и черезъ нѣсколько дней ты надѣнешь королевскій мундиръ. Со старикомъ я самъ улажу дѣло!

Радость Франсоа при этомъ заманчивомъ предложеніи уступила мѣсто болѣе спокойному размышленію. Спустя минуту онъ грустно покачалъ головою.

— Нѣтъ это не годится, нѣтъ не годится! сказалъ онъ.—Видите ли господинъ баронъ, что же тогда будетъ съ Лизетой? Она затоскуетъ до смерти, если я уйду въ солдаты.

Помѣщикъ съ улыбкой посмотрѣлъ на честнаго юношу.—Ну быть можетъ до этого не дойдетъ, но при разставаньи безъ слезъ не обойдется. Но не на вѣки же вы разлучитесь! Если ты будешь служить хорошо, то черезъ два или три года можешь быть капитаномъ; тогда ты пріѣдешь въ Сульцматъ и женишься на Лизетѣ, такъ какъ ни одинъ человѣкъ, даже патеръ и отецъ, не могутъ тебѣ запретить этого, если разрѣшитъ король. А что значить два года? Тебѣ восемнадцать, а твоей невѣстѣ нѣтъ и семнадцати лѣтъ; ну вы спокойно можете подождать пару годковъ. А войны такой молодецъ какъ ты не можешь бояться.

— Да, это хорошо, началъ Франсоа съ большей увѣренностью, если только Лизета согласится, а господинъ баронъ—тутъ лицо его снова озаботилось—захочетъ переговорить съ моимъ старикомъ.

— Будь покоенъ, отвѣтилъ господинъ Эпиналь;—я тотчасъ пойду къ нему, если ты этого хочешь.

Онъ соскочилъ со своего импровизованнаго мѣста, съ перилъ мостика.

— А ты? спросилъ онъ замѣтивъ улыбку смущенія на добродушномъ лицѣ крестьянина.—А, вотъ что! продолжалъ онъ, слѣдуя по направленію глазъ Франсоа и замѣтивъ на порогѣ хижины красивую фигуру Лизеты.—Твоя милая ждетъ тебя и ты сейчасъ же можешь уладить все съ нею. А пока я пойду къ старикъ. Прощай!

Сказавъ это онъ направился по дорогѣ къ мельницѣ; на углу онъ еще разъ обернулся.—Поклонись отъ меня Лизетѣ, закричалъ онъ дружески и улыбаясь продолжалъ путь, замѣтя, что Франсоа, перепрыгнувъ заборъ, раздѣлявшій его отъ возлюбленной, разговаривалъ сильно жестикулируя съ красивою свѣтленькою дѣвушкой, одѣтою по эльзасски. Лѣ короткую юбочку и чулки со стрѣлками.

Оставимъ влюбленныхъ и послѣдуемъ за барономъ на широкую площадку передъ мельницею, гдѣ старикъ Лефеврѣ, ругая и проклиная нѣкоторыхъ рабочихъ, нагружавшихъ муку для толстаго крестьянина, понуждалъ ихъ къ работѣ.

— Добрый вечеръ, хозяинъ, сказалъ баронъ подходя къ нему и протягивая руку; какъ здоровье?

— Покорный слуга, милостивый господинъ, отвѣтилъ мельникъ, почтительно кланяясь.—Благодарю за освѣдомленіе. Что привело господина барона такъ поздно?

— Я хотѣлъ попрощаться со старымъ Лефевромъ передъ отъѣздомъ въ Парижъ, отвѣтилъ баронъ.

— Въ Парижъ? воскликнулъ старикъ. И такъ мнѣ можно васъ поздравить?

— Да хозяинъ, я поступаю въ армію! Но мнѣ бы не хотѣлось ѣздить одному; есть у васъ свободное для меня времячко?

— Конечно да, засмѣялся Лефеврѣ. У васъ на меня выды какъ на стараго гусара!

— Почти что такъ, замѣтилъ баронъ садясь на широкую скамью подъ душистой сиренью, посрединѣ двора; старикъ стоялъ передъ нимъ въ ожиданнн.

— Послушайте, хозяинъ, началъ г. Эпиналь послѣ непродолжительнаго молчанія, не отпустите ли вы Франсоа со мною въ Парижъ?

— Франсоа? спросилъ удивленный старикъ,—но что вы будете съ нимъ дѣлать, ему только восемнадцать лѣтъ!

— Именно потому я и думаю, что наступило время познаться ему со свѣтомъ! отвѣтилъ баронъ, медленно нюхая табакъ изъ золотой табакерки, бывшей въ тѣ времена необходимой принадлежностью каждаго знатнаго лица.—Видите ли, продолжалъ онъ, пока вы жили въ Руфахѣ, Франсоа имѣлъ еще кое какихъ знакомыхъ, съ кѣмъ онъ могъ выпить стакашъ вина и выкурить трубку; но здѣсь въ Сульцматѣ, не прогнѣвайтесь хозяйнн, но здѣсь такой свѣжій мальчикъ какъ Франсоа совсѣмъ пропадетъ. Поэтому то я думаю, что самое лучшее отпустить его года на два въ армію; вы сами знаете, вредить ли привычка къ строгой дисциплинѣ и порядку, иначе вы не были бы сами солдатомъ!

Пока г. Эпиналь говорилъ, мельникъ выпустилъ свою трубку изъ рта; онъ въ раздумьи прислонился къ дереву, но ничего не отвѣтилъ.

— Что вы думаете объ этомъ хозяинъ? прервалъ баронъ его размышленія.

— Милостивый господинъ, началъ наконецъ Лефеврѣ и вынулъ погасшую свою трубку,—если бы я зналъ, что большой городъ не испортитъ мнѣ мальчишка, еслибы я зналъ, что онъ такимъ же вернется ко мнѣ, тогда, да тогда я бы не имѣлъ ничего противъ этого. Мнѣ до смерти не нравится глухая любовь Франсоа и Лизеты, и я надѣюсь, что вдали онъ забудетъ всю эту исторію; но, милостивый господинъ, если бы онъ испортился въ Парижѣ и сдѣлался негодяемъ, я умеръ бы отъ горя.

При послѣднихъ словахъ слеза покатила по морщинистой щекѣ старика; онъ вынулъ цвѣтной платокъ и послѣдно провѣлъ имъ по лицу.

— Видите-ли, милостивый господинъ, это мое единственное дитя, прибавилъ онъ вздыхая.

— Я понимаю васъ, хозяинъ, отвѣтилъ баронъ послѣ нѣкотораго молчанія, но Франсоа будетъ подѣ строгимъ надзоромъ; королевская служба оставляетъ мало времени для баловства и притомъ-же я буду тамъ и буду за нимъ слѣдить..

— Да, добрый баринъ, если-бы вы это сдѣлали, воскликнулъ Лефеврѣ, тогда-бы я не такъ сильно безпокоился о мальчикѣ.

— Даю вамъ въ томъ слово! сказалъ г. Эпиналь, вставая; я возвращу его вамъ такимъ-же честнымъ малымъ. Онъ протянулъ мельнику руку. — И такъ рѣшено! Франсоа поѣдетъ со мною?

— Рѣшено! сказалъ старикъ твердо, пожимая протянутую руку.—Дай Богъ, чтобы это принесло ему пользу! прибавилъ онъ, снимая набожно шапку.

II.

Два дня спустя по Люневильской улицѣ катился большой дорожный экипажъ господина Эпиналя, на козлахъ котораго рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ Франсоа Лефеврѣ. Предсказаніе владѣльца о томъ, что прощаніе Лизеты съ Франсоа не обойдется безъ слезъ — исполнилось, а красные глаза молодого крестьянина ясно доказывали, что при этомъ текли не однѣ только женскія слезы; въ деревнѣ рассказывали даже, что Лизета—рѣшительная дѣвушка, равной которой не было въ окрестностяхъ Сульцмата и Руфаха,—должна была въ концѣ утѣшать своего плачущаго возлюбленнаго. Но какъ-бы тамъ ни было, вѣрно одно, что оба разстались, свято обѣщая сохранять вѣч-

Портретъ. Съ картини Шапленъ, грав. Воде.

ную вѣрность, и надежды старика Лефевра на то, что сынъ скоро забудетъ свою красивую прачку, пока были далеки отъ осуществленія.

Въ Парижѣ Франсоа привыкъ скорбѣ къ своему положенію гвардейскаго солдата, чѣмъ ожидалъ этого баронъ отъ неуклюжаго крестьянскаго вѣноши. Его стараніе помогло ему превозмочь всѣ трудности, которыя на первыхъ порахъ, онъ встрѣтилъ на службѣ и въ городской жизни, а красивая фигура молодого человѣка и извѣстная степень тщеславія сдѣлали изъ него вскорѣ образцоваго солдата, дѣлавшаго честь ротѣ барона Эпиналя. Въ это время въ столицѣ началось революціонное движеніе, которое уже давно беспокоило Францію, но впервые обнаружилось ясно, и даже французское войско, — если этимъ именемъ можно назвать наемные отряды швейцарцевъ, — было такъ сильно заражено имъ, что случаи тѣлеснаго наказанія членовъ вооруженной силы, замѣшанныхъ въ революціонныхъ проскакахъ, были перѣдки. Франсоа былъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не поддавался новымъ воззрѣніямъ, проникавшимъ въ общественную жизнь; благодаря своимъ убѣжденіямъ и военной способности, онъ черезъ три года послѣ поступленія въ солдаты былъ произведенъ въ капралы.

Весною 1776 года капитанъ Эпиналь получилъ извѣстіе о смерти своего отца, почему долженъ былъ поѣхать на нѣсколько недѣль къ себѣ въ имѣніе, а такъ какъ онъ зналъ, что Франсоа жаждетъ побывать дома, то онъ предложилъ выхлопотать ему отпускъ и взять его съ собой въ Сульцматъ. Кто знаетъ какъ въ то время было трудно получать письма простымъ смертнымъ, тотъ найдетъ совершенно естественнымъ, что Франсоа получалъ очень рѣдко извѣстія отъ своей возлюбленной, а бойкая Лизета и не подозрѣвала какъ онъ выглядѣлъ въ капральскомъ мундирѣ. Франсоа былъ несказанно счастливъ и большую часть ночи накануне отъѣзда провелъ въ расчесываніи своей военной косы, составлявшей величайшую гордость тогдашнихъ солдатъ, и въ пригонкѣ своего мундира.

Еще никогда добряку Франсоа дни и ночи не казались такъ длинны, какъ во время путешествія изъ Парижа въ Эльзассъ; и когда, наконецъ, онъ снова увидѣлъ старыя башни Руфаха и лѣсъ, который своей молодой зеленью закрывалъ лежащій за нимъ Сульцматъ, онъ не могъ воздержаться, чтобы на радостяхъ не закричать *ура!*

— Ей, Франсоа, что съ тобою? обликнулъ его капитанъ, всматривая съ любопытствомъ изъ экипажа.

Капралъ въ смущеніи повернулся на своемъ высокомъ сидѣніи въ сторону капитана.

— Это отъ радости, сказалъ онъ сконфуженно, — увидя Руфахъ я не могъ воздержаться.

— О, да, конечно, радость велика возвращаться на родину, замѣтилъ дружески господинъ Эпиналь, — а какіе глаза сдѣлаетъ красива Лизета! Везешь-ли ты что нибудь въ подарокъ своей возлюбленной?

Франсоа самодовольно кивнулъ головою.

— Ну, а я готовъ побиться объ закладъ, продолжалъ капитанъ таинственно, что то, что я везу для Лизеты, понравится ей больше!

Капралъ слушалъ съ любопытствомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не узнаешь, что это! засмѣялся баронъ. — Поѣзжай черезъ городъ, приказалъ онъ кучеру, который собирался остановиться въ гостиницѣ, въ Руфахѣ, поѣзжай, нужно же доставить Франсоа въ Сульцматъ!

Съ этими словами онъ откинулся на спинку кареты, и пока они прѣхали къ рогаткѣ, капралъ имѣлъ довольно времени думать себѣ голову надъ тѣмъ, что капитанъ везетъ изъ Парижа для его Лизеты.

Возвращеніе Франсоа Лефевра стройнымъ гвардейскимъ капраломъ возбуждало въ Сульцматѣ общее вниманіе и молодой человѣкъ сдѣлался героемъ дня. Старый мельникъ не мало гордился своимъ сыномъ и не говорилъ о немъ иначе какъ о *Франсоа, капралъ гвардіи въ Парижѣ*. Конечно, его радость при свиданіи была немного омрачена, такъ какъ Франсоа не преминулъ упомянуть, что онъ уже видѣлся съ Лизетой и нашелъ ее еще красивѣе, чѣмъ три года назадъ. Старикъ при этомъ всталъ въ безпокойствѣ и закурилъ новую трубку; онъ-бы охотно напомнилъ сыну, что его имѣніе на счетъ Лизеты вовсе не измѣнилось (такъ какъ она была также бѣдна, какъ и прежде), но онъ не хотѣлъ портить ему перваго вечера. Съ этихъ поръ Франсоа ежедневно по нѣскольку разъ бывалъ въ маленькомъ домикѣ, а старый мельникъ смотрѣлъ на это съ затаенной злобой; обоимъ страхъ удерживалъ ихъ отъ объясненій. Только барону капралъ объявилъ, что онъ любитъ Лизету и женится на ней, какъ-бы отецъ ни бранилъ его за это. На это г. Эпиналь только улынулся и общалъ при случаѣ замолвить словечко старику. Это онъ и сдѣлалъ; въ одинъ изъ вечеровъ онъ пришелъ къ старику и долго, долго разговаривалъ съ нимъ. Франсоа, помогавшій разбитыи ячмень, видѣлъ это издалека. Спустя нѣсколько дней, Лизета рассказывала ему, что папъ призвалъ ее къ себѣ и спросилъ, не можетъ-ли она отказаться отъ капрала, такъ какъ отецъ никогда не позволитъ ему жениться на ней.

— Ужъ я ему наговорила, прибавила смѣлая дѣвушка, — и сказала ему, чтобы онъ спросилъ тебя, можешь-ли ты меня бро-

сить. Пресвященный очень смѣялся, похлопавъ меня по плечу и отпустилъ.

Франсоа обнялъ свою энергическую возлюбленную и сердечно поцѣловалъ ее за это.

Уже около трехъ недѣль капралъ находился въ своей родной деревнѣ и срокъ отпуска его близился къ концу. Въ одинъ изъ вечеровъ, старый мельникъ позвалъ его въ горницу. Смеркалось и ласточки, которыя каждое лѣто вили гнѣзда подъ деревянной крышей, пріютились уже на ночь, радостно шебеча возлѣ своихъ малютокъ. Старикъ Лефевръ сидѣлъ у открытаго окна въ креслѣ, а напротивъ него въ другой нишѣ помѣщался г. Эпиналь. Франсоа привѣтствовалъ барона по военному и ждалъ пока съ нимъ заговорятъ.

— Какъ я слышу, Франсоа, началъ старикъ, ты хочешь остаться на военной службѣ, и хотя я желалъ-бы для тебя болѣе мирнаго занятія, но не хочу вліять на твое рѣшеніе о твоей будущности, это не было бы хорошо. Милостивый господинъ, сказали мнѣ, что ты сдѣлаешь себѣ карьеру солдатомъ, и вѣроятно дослужишь фельдфебеля, ну, а подобнаго почетнаго положенія ты никогда не достигнешъ въ Сульцматѣ и Руфахѣ. И такъ оставайся въ Парижѣ Франсоа, но будь всегда храбрымъ, честнымъ солдатомъ, какъ подобаетъ сыну солдата. Я все надеялся, что занявшись военнымъ дѣломъ, ты забудешь свою любовь къ Лизетѣ, однако это не исполнилось, ты еще крѣпче прежняго сидишь въ сѣтяхъ дѣвчонки. Еслибы ты остался мельникомъ, то скажу тебѣ, я бы никогда не потерялъ, чтобы ты ввелъ ко мнѣ въ домъ такую, которая, какъ Лизета, ничего не имѣетъ, потому что мельнику нужны деньги, которыхъ не замѣнить никакая любовь; это ты замѣть себѣ, а когда ты доживешь до моихъ лѣтъ, то узнаешь это по опыту. Но такъ какъ ты сдѣлался солдатомъ, то дѣло измѣнилось, а господище папъ такъ хорошо отзывается о дѣвчонкѣ, что пусть будетъ по твоему, женись на ней.

При послѣднихъ словахъ старика, капралъ оставилъ свое военное прямое положеніе, онъ бросился къ отцу, началъ его обнимать и цѣловать и чуть не сбросилъ со стула.

— Никогда я не думалъ, что ты такой добрый, отецъ! повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Съ трудомъ удалось старику успокоить сына — Что же, ты меня считаешь тираномъ, которому мученія доставляютъ удовольствие? замѣтилъ онъ.

— Но мы еще не кончили, Франсоа, имѣешь ли ты право жениться?

Честный капралъ почувствовалъ себя такъ, точно его окатили холодной водою.

— Да, да! сказалъ онъ въ замѣшательствѣ, ни одинъ солдатъ не можетъ жениться безъ дозволенія Его Величества, а его то, — да, его я не имѣю.

— Ну тогда вѣроятно ничего не будетъ съ женитьбы, засмѣялся старикъ. — А я думалъ, что сегодня вы обручитесь, а черезъ двѣ недѣли можетъ быть и свадьба! Я даже позвалъ для этого Лизету! Лизета, закричалъ онъ, прійди къ своему жениху!

Франсоа былъ не мало изумленъ, увидѣвъ Лизету въ праздничномъ платьѣ, которая смѣялась подобжала и обняла его.

— Но жениться онъ не можетъ, Лизета! продолжалъ старикъ Лефевръ, — пока этого не разрѣшитъ король.

— Какое королю до того дѣло, если двое любятъ другъ друга и хотять повѣнчаться? спросила наивная дѣвушка, гордо откидывая назадъ свои длинныя косы, — никакого, думаю я; можетъ ли третій вмѣшиваться тамъ, гдѣ ему нечего дѣлать.

— Однако Лизеточка, засмѣялся г. Эпиналь, вѣмой свидѣтель происходившей сцены, ты выходишь за мужъ не только за Франсоа, но также за королевскаго капрала!

— Да, Франсоа, объ этомъ нужно было тебѣ позаботиться! и веселая дѣвушка надула губки.

Капралъ повѣсилъ голову.

— Ну обручите же ихъ, сказалъ наконецъ баронъ, вдоволь насладившись замѣшательствомъ молодыхъ людей, — хотя у меня нѣтъ разрѣшенія для капрала Франсоа Лефевра, но за то есть для сержанта Франсоа Лефевра; вотъ оно Франсоа! Оставайся честнымъ и вѣрнымъ королю, это будетъ для него лучшей благодарностью. — Ура! папа Лефевръ, многоя лѣта жениху и невѣстѣ! — Не правда-ли, Франсоа, замѣтилъ онъ потомъ, что мой подарокъ изъ Парижа лучше понравился твоей Лизетѣ.

III.

Когда г. Эпиналь и молодые новобрачные прѣхали въ Парижъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль отсутствія, политическія дѣла столицы существенно перемѣнились; революціонная партія значительно усилилась, хотя, повидимому, все еще держалась въ границахъ закона. Первые двѣнадцать лѣтъ супружеской жизни Лефевръ прошли довольно спокойно, пока наступившія въ 1789 году волненія во Франціи не дали другаго направленія его жизни. При штурмѣ Тюльери, Франсоа въ чинѣ фельдфебеля стоялъ съ войскомъ, которое защищало дворецъ отъ разъяренной черни; въ общей свалкѣ онъ былъ тяжело раненъ и сочтенъ мертвымъ. Когда онъ выздоровѣлъ, благодаря только неутомимымъ попеченіямъ своей жены Лизеты, онъ нашелъ все до основанія измѣненнымъ; гвардія, въ которой онъ прослу-

жилъ почти двадцать лѣтъ, была распушена, знатные офицеры, а въ числѣ ихъ и баронъ Эпиналь, уѣхали изъ Франціи, къ которой со всѣхъ сторонъ надвигались непріятельскія толпы. Такъ какъ для Лефевра положеніе столицы съ каждымъ днемъ становилось невыносимѣе, онъ опять пожелалъ вступить въ армію и былъ опредѣленъ подпоручикомъ въ тринадцатый полкъ легкой пѣхоты, стоявшій въ то время на позиціяхъ. Съ этихъ поръ начинается извѣстная въ исторіи жизнь Лефевра. За храбрость и выдающійся военный талантъ онъ былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ, въ слѣдующемъ году въ качествѣ дивизионнаго генерала рѣшилъ побѣду подъ Флерюсомъ, а въ 1796 году уже командовалъ самостоятельнымъ корпусомъ. Противникъ республики, онъ примкнулъ къ Наполеону и былъ его самымъ ревностнымъ союзникомъ во время государственнаго переворота 19-го брюмера; проникнувъ со своими гренадерами въ залу засѣданія пятисотъ, онъ этимъ спасъ Наполеона. Съ этихъ поръ жизнь Лефевра тѣсно связана съ дѣяніями Наполеона. И когда въ 1804 году великій предводитель возложилъ на себя императорскую корону, бывший мельникъ и капитанъ принадлежалъ къ числу первыхъ генераловъ, которыхъ новый восталинъ Франціи пожаловалъ маршалскимъ жезломъ. Лефевръ храбро сражался при Генѣ, Эйлау и Фридрихсбургѣ и наконецъ, послѣ завоеванія Данцига, получилъ титулъ герцога Данцигскаго.

Какъ ни мало заботился Лефевръ объ измѣненіи своихъ крестьянскихъ правовъ, но герцогиня, которая хотя и ходила въ шелкахъ, бархатахъ и драгоценностяхъ, какъ подобало ея высокому сану, и хотя ей прислуживало множество либретинныхъ лакеевъ, измѣнилась еще менѣе своего мужа. Но они оба сохранили честное сердце и здравый разумъ, что такъ часто теряютъ тѣ, кто неожиданно возвышается; при дворѣ они не научились ни лицемерить, ни льстить, и это чрезвычайно цѣнилась и любила благородная императрица Жозефина. Забавная манера, съ какою герцогиня играла роль знатной дамы, и ея постоянныя нарушенія церемониальнаго этикета, приводившія въ ужасъ лицъ, для которыхъ соблюденіе его составляло задачу жизни, а также ея рѣшительность и откровенность, которыми она обладала еще дѣвухой, въ соединеніи съ извѣстными долей природнаго остроумія, сдѣлали мадамъ Лефевръ при дворѣ Жозефины важной личностью, отсутствіе которой было очень замѣтно въ тѣ дни, когда она не бывала. Императрица любила играть въ карты и за столомъ ея постоянно играли обѣ герцогини Ней и Лефевръ и иногда еще одна изъ придворныхъ дамъ. Въ эти вечера госпожа Лефевръ была центромъ удовольствія.

О баронѣ Эпиналь, который нѣкогда заступался за Лефевра передъ его строгимъ отцомъ, не дожившимъ до мировой извѣстности сына, ничего не было слышно со времени революціи, изгнавшей его изъ Франціи и толкнувшей въ непріятельскіе ряды. Въѣсть со многими другими онъ былъ объявленъ республикой врагомъ отечества, изгнанъ и имѣнія его были конфискованы. Наконецъ послѣ долгаго отсутствія, сѣдой и старый капитанъ, борющийся со страшной нуждою, появился во дворцѣ герцога, желая съ нимъ видѣться. Привратникъ, сочтя незнакомца въ истертомъ платьѣ за одного изъ многихъ нищихъ, пользовавшихся всѣмъ извѣстной добротой его господъ, обомшелся съ нимъ очень грубо и не удостоилъ даже встать, принимая его карточку для передачи герцогу. Печально поплелся старина отсюда, вздыхая надъ черной неблагодарностью тѣхъ, которые были послѣдней его надеждой.

Въ этотъ день послѣ обѣда, когда герцогиня, мужъ которой былъ въ то время на войнѣ въ Испаніи, нашла карточку своего стараго друга, она была внѣ себя отъ радости; она тотчасъ велѣла позвать привратника, и когда тотъ сказалъ ей, что онъ отказался впустить капитана, знатная дама до того разсердилась, что не сочла униженнымъ для своего достоинства собственноручно наградить пощечинами своего грубого Цербера.

— Какъ? вскричала она въ сердцахъ, ты осмѣлился отказать нашему старому капитану. Если ты мнѣ не разыщешь его, то я тотчасъ прогону тебя съ мѣста. Знаешь-ли ты, дурачекъ, что бы изъ насъ было безъ капитана?

Съ этими словами она толкнула къ двери ошеломленнаго привратника, который тотчасъ пустился оббѣгать улицы Парижа, заходить во всѣ отдаленныя и бѣдныя гостиницы и всюду разузнавать о капитанѣ, пока, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней бѣготни, ему дѣйствительно не удалось найти его въ одной изъ гостиницъ предмѣстья.

Свиданіе старыхъ знакомыхъ было невыразимо радостное! Чего только не произошло послѣ того весенняго вечера, когда

капитанъ разыгрывалъ роль свата передъ старымъ Лефевромъ и сколько они имѣли разсказать себѣ? Когда наступило небольшое молчаніе, тогда только герцогиня внимательно осмотрѣла своего друга.

— Не очень-ли вамъ плохо живется? спросила она наивно.

— Очень плохо, сударыня, отвѣтилъ г. Эпиналь, даже совсѣмъ плохо.

— Ну, господинъ баронъ, что могу я для васъ сдѣлать? Все, что мы имѣемъ—къ услугамъ вашимъ, увѣряла герцогиня.

— Сердечно благодарю васъ, сударыня, отвѣтилъ съ чувствомъ баронъ, но мнѣ нужно только одно, ваше милостивое заступничество, которое бытъ можетъ возвратитъ мнѣ неправильно отобранную у меня собственность. Во время революціи, республика конфисковала мои имѣнія въ Руфахѣ и Сульматѣ; съ тѣхъ поръ я напрасно хлопочу о сложеніи секвестра, я ходилъ отъ одного министра къ другому, но мнѣ всюду отказывали и никто не хотѣлъ помочь бѣдному эмигранту. Видя всюду неусиѣхъ, я подумалъ о герцогѣ—вашемъ супругѣ, и поспѣшилъ сюда просить его употребитъ свое вліяніе. Но теперь мнѣ приходится подождать возвращенія маршала.

— Нѣтъ этого не должно быть! воскликнула герцогиня, протягивая руку своему старому заступнику.

— Уже и то худо, что вы такъ мало довѣряли намъ и не обратились къ намъ раньше. А теперь позвольте мнѣ похлопотать за васъ.

Капитанъ хотѣлъ откланяться, но герцогиня не хотѣла допустить его вернуться домой пѣшкомъ; она позвонила и велѣла подать экипажъ.

— Я завезу васъ домой, а потомъ поѣду къ Ея Величеству Императрицѣ поговорить о васъ.

Когда хозяинъ отдаленной гостиницы увидѣлъ своего бѣднаго гостя, занимавшаго самую худшую комнату и только изрѣдка обѣдавшаго, выходящимъ изъ герцогской кареты и увидѣлъ богатую герцогиню Данцигскую, которая прощалась съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ, удивленіе его было безгранично. Съ комическимъ волненіемъ онъ накинулся на Жана, исполнявшаго въ домѣ должность оберкельнера, завѣдывающаго погребомъ и половаго и, который при видѣ герцогскаго экипажа остановился въ изумленіи, судорожно сжимая въ рукѣ свой синій передникъ.

— Жанъ, бездѣльникъ! кричалъ хозяинъ плачевной гостиницы въ смѣшномъ раздраженіи,—пропади ты со своей недовкостью! Какъ могъ ты предложить худую комнату знатному господину? Переведи тотчасъ господина капитана въ залу!

Капитанъ, получившій еще утромъ счетъ съ примѣчаніемъ, что плата за помѣщеніе должна быть внесена ежедневно, хотѣлъ воспротивиться этому, но хозяинъ не далъ ему выговорить и слова, и стоялъ передъ дверью залы съ изъясненіемъ глубочайшей покорности, пока г. Эпиналь не скрылся за нею.

Императрица Жозефина приняла герцогиню дружески и ласково, какъ обыкновенно, и обѣщала выхлопотать у министра Фуше отдачу г. Эпиналь родовыхъ его имѣній, но потомъ забыла объ этомъ дѣлѣ. Но мадамъ Лефевръ не была робка, спусти нѣсколько дней она напомнила Ея Величеству о данномъ ею обѣщаніи. Но когда государыня позабыла вторично, то герцогиня такъ разсердилась, что въ раздраженіи громко и свято поклялась не ступать больше ногою въ Тюльери. И госпожа Лефевръ сдержала свое слово; наступилъ горный вечеръ, но герцогиня не явилась къ столу Жозефины. Императрица не охотно отказывалась отъ общества старой подруги, она послала къ ней герцогиню Ней справиться о здоровьѣ и пригласить ее на слѣдующій вечеръ поиграть съ нею. Этого только и было нужно рѣшительной женщинѣ.

— Пусть она убирается къ черту со своей игрою, отвѣтила она сердито своей подругѣ,—зачѣмъ она не отдала старому капитану моего мужа его имѣній?

Герцогиня Ней съ точностью передала слышанное Императрицѣ, которая до слезъ смѣялась надъ этимъ вѣжливымъ отвѣтомъ, и тотчасъ принялась за исполненіе своего обѣщанія и поручила Фуше удовлетворить господина Эпиналь. Только тогда честная женщина появилась снова въ Тюльери, и Жозефина не успокоилась до тѣхъ поръ, пока госпожа Лефевръ не разсказала ей подробно свою и капитана исторію. Но государыня сообщила своему супругу о своемъ приключеніи съ герцогиней и серьезный императоръ никогда не смѣялся такъ искренно, какъ слушая разсказъ о герцогинѣ Данцигской и ея любимцѣ.

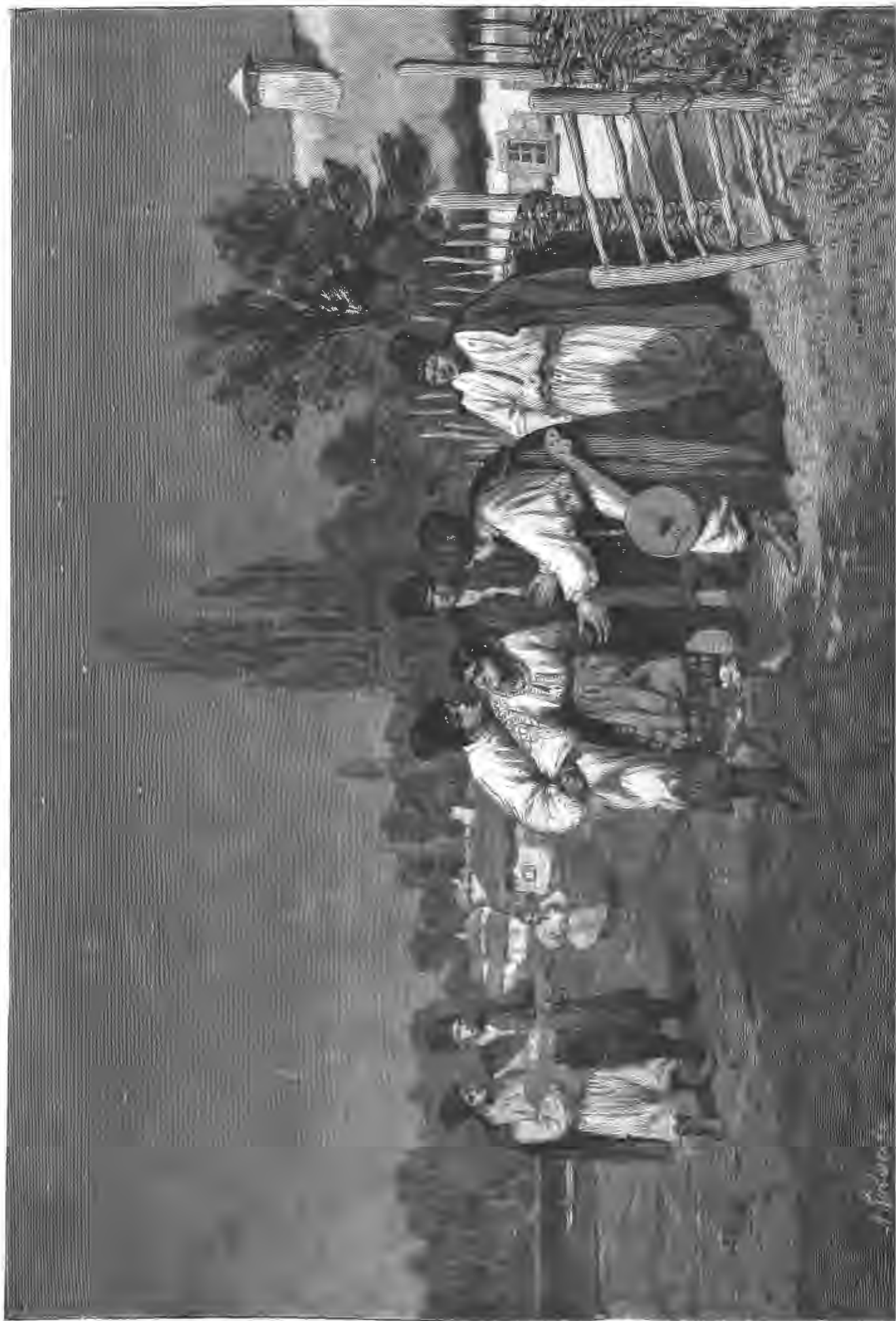
Излишества питанія.

Очеркъ Д.

Человѣческій аппетитъ, вкусъ и теорія питанія являють собою такое поразительное разнообразіе и крайности, что вполне справедливымъ оказывается замѣчаніе Жанъ-Жака-Руссо о природѣ и привычкѣ, какъ объ измѣняющихся, не всегда однозначущихъ выраженіяхъ. Правда, питаніе и не должно быть одинаково, въ качественномъ и количественномъ отношеніи, для всѣхъ людей и при всѣхъ климатическихъ условіяхъ. Но дѣло въ томъ, что различіе это заходитъ часто далеко за предѣ-

лы естественныхъ причинъ, превращаясь въ курьезную крайность.

Изъ устъ самого Іеговы услышалъ Моисей запрещеніе евреямъ употреблять въ пищу свинью и мясо кроликовъ; между тѣмъ древніе германцы вѣрили, что будутъ получать въ Валгалла окорока, въ видѣ награды за героическія добродѣтели, и умирая мечтали о нихъ. Двѣсти милліоновъ индусовъ воздерживаются отъ употребленія животной пищи—по повелѣнію Виш-

Литературный альбомъ. „Майская Ночь“, Н. В. Гоголя. Ориг. рис. А. Кившенко, грав. П. Дзедзиць.

Любопытные лѣсные обыватели. Орг. рис. Крёнера, грав. Гейеръ.

ну, какъ говорятъ они; по условіямъ климата, объясняемъ мы. Въ тоже время жители Южной Африки ѣдятъ столько мяса, сколько имѣется его у нихъ въ данную минуту, нежедая знать ни Вишну, ни климатическихъ условій, и повидимому совершенно безнаказанно.

„Мясо—говоритъ профессоръ Дибихъ—есть пища, идущая преимущественно на образование мускуловъ; отсюда—различіе между сильными британцемъ и худощавымъ испанцемъ, слабымъ индусомъ и дюжимъ европейцемъ.“ Но константинопольскіе носильщики, не будучи вегетаріанцами въ принципѣ, фактически, вслѣдствіе своей бѣдности, питаются исключительно плодами и мучными продуктами и—носятъ однако на своихъ плечахъ такіа тяжесть, которая показала бы слишкомъ обременительными и соединеннымъ усиліемъ „сильнаго британца“ и „дюжаго европейца.“ Мускулистая руки и мужественный видъ турокъ, случайно попадающихся на рынкахъ Вѣны и Буда-Пешта—служатъ очевиднымъ доказательствомъ въ пользу умѣренныхъ привычекъ; въ тоже время ихъ соперники по физической силѣ, крестьяне Верхней Австріи и баварскіе горцы, обладающіе желѣзными кулаками, знамениты своимъ крайнимъ пристрастіемъ къ пиву. Сюда-же можно отнести непрекращающійся споръ между вегетаріанцами, придерживающимися растительной пищи, и сторонниками мяснаго питанія, съ взаимно противорѣчащими доказательствами, приводимыми той и другой стороной въ пользу своихъ теорій...

Область человѣческаго аппетита обнаруживаетъ крайности еще болѣе поразительныя и интересныя.

Вендомъ, защитникъ Франціи, геогунавшій лорду Марльборо по своимъ военнымъ способностямъ, былъ такъ же грозенъ за обѣденнымъ столомъ, какъ и на полѣ битвы. Онъ готовъ былъ всегда ѣсть сколько угодно, съ чвствомъ, толкомъ, съ разстановкой... И горе слугѣ, обезножившему его словомъ или оказавшему ему недостаточно вниманія въ такіе моменты! Сильнѣйшая оплеуха служила тогда по меньшей мѣрѣ выраженіемъ его неудовольствія... Потерпѣвъ пораженіе при Иденарде, онъ спасъ французскую армію путемъ искуснаго отступленія и, послѣ двухъ-суточного пребыванія въ сѣдлѣ, возстановилъ свои силы не сномъ, но проспавъ за обѣдомъ шестнадцать часовъ и уничтоживъ за это время огромное количество разныхъ питательныхъ блюдъ.—Путешественникъ Вамбери упоминаетъ объ одномъ татаринѣ, хваставшемся, что онъ въ состояніи съѣсть „безъ всякой посторонней помощи и безъ вмѣшательства волшебства“ свинью средней величины и большое количество винограда; и дѣйствительно, однажды выродожденіи пятидесяти часовъ, онъ уничтожилъ даже больше этого—козу съ двумя козлятами, мѣшокъ сухихъ винныхъ ягодъ и значительное количество кумыса. Но такіе татары не составляютъ исключительнаго продукта центральной Азіи. Джэмъ Гампниръ, уроженецъ Йоркскаго графства, показывавшій себя въ Манчестерѣ и другихъ англійскихъ городахъ вначалѣ нынѣшняго столѣтія, считалъ ни за что съѣсть дюжину голубей цѣликомъ, и съ костями и съ перьями; такъ точно онъ ѣлъ большихъ живыхъ рыбъ и выигралъ пари, опустошивъ въ продолженіи двухъ часовъ столъ, накрытый на восемь человѣкъ!

И много примѣровъ чудовищнаго аппетита можно было бы еще привести изъ временъ ближайшихъ къ намъ. Но классическій міръ даетъ немало образцовъ еще въ большей мѣрѣ поразительныхъ. Клавдій, Калигула, Домиціанъ и Геліогабалъ въ пирахъ уничтожали доходъ отъ города Рима. Цицеронъ сравниваетъ сцену послѣ римскаго пира съ полемъ сраженія. И многіе богатѣйшіе патриціи окончателно разорались послѣ двухъ-трехъ подобныхъ угощеній, на которыя имѣли дурное обыкновеніе приглашать самихъ себя вышеупомянутые владыки. Пиръ Аниція длился по двадцати и тридцати часовъ, а его полугодовые государственные обѣды даже по два дня, причемъ гостямъ, равно какъ и хозяину, воспрещалась десятиминутная передышка, а этикетъ требовалъ отвѣдыванія каждаго изъ многочисленнѣйшихъ блюдъ и винъ по порядочной кружкѣ. Обжорство-же императора Вителлія превосходило даже и эти предѣлы...

Но на ряду съ подобными примѣрами, какъ древній, такъ и позднѣйшій міръ одинаково богаты противоположными примѣрами,—примѣрами крайнею умѣренности и воздержанія.

Тѣже римскіе императоры, удивляющіе насъ своими пирами, происходили отъ длиннаго ряда воздержныхъ предковъ. Дѣйствительно, Италия—страна контрастовъ, крайнихъ проявленій порока, равно какъ и добродѣтели. Расходы, въ одинъ день истреблявшіеся на описанныхъ пиршествахъ, были бы достаточны для пропитанія въ продолженіи столѣтій цѣлой деревни тогда и въ продолженіи двадцати лѣтъ въ наше время выродившейся умѣренности. Въ первоначальномъ своемъ смыслѣ умѣренность означала собою употребленіе исключительно растительной пищи, въ отличіе отъ мясоѣденія. Киръ, царь персидскій, если вѣрнѣ Ксенофонту, былъ воспитанъ на водѣ, хлѣбѣ и грессѣ, съ добавленіемъ къ этому меда и винограда на пятнадцатомъ году жизни. Ийца и яблоки съ небольшимъ количествомъ хлѣба—вотъ все, что въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій составляло римскій обѣдъ; такъ точно патриотъ Цинциннатъ считалъ совершенно достаточнымъ для себя хлѣбъ и рѣпу, или еще даже одну рѣпу. Далѣе, Лиги-де-Корнано, венеціанскій

дворянинъ пятнадцатаго столѣтія, ежедневную пищу котораго составляли десять унцій твердыхъ веществъ и шесть унцій вина, прожилъ на подобной діетѣ сто два года. Наконецъ, фунтъ хлѣба съ шестью унциями плохаго сыра и ягоды, попадающіяся на пути, составляютъ дневную порцію турецкаго солдата во время похода, а сторонники Довъ-Карлоса довольствовались еще меньшимъ.

Что человѣкъ не только *можетъ*, но даже прямо *можетъ* жить на одномъ хлѣбѣ—это находитъ себѣ подтвержденіе во множествѣ примѣровъ. Прежде всего служатъ подобными примѣрами мученики прежнихъ временъ и, позднѣе, вообще заключенные въ тюрьмахъ, а также плѣнники нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, подолгу проживавшіе на хлѣбѣ и на водѣ. Фодоръ Даранскій, родившійся въ Карсодѣ близъ Праги въ 1774 году, на двадцать второмъ году былъ представленъ управленію Новгородъ въ качествѣ рекрута и взятъ въ армію, а вскорѣ послѣ этого былъ присужденъ къ смертной казни за участіе въ мятежѣ съ покушеніемъ на убійство. Но императрица Екатерина замѣнила это наказаніе, по представленію губернатора Новгородъ, пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ тѣмъ, чтобы въ годовщину преступленія подвергали его сорока ударамъ плети и содержали на половинной порціи слѣдующую недѣлю; цѣлая же тюремная порція состояла изъ двухъ фунтовъ чернаго хлѣба и кружки холодной воды. И при такихъ условіяхъ Даранскій пробылъ въ Кирилловской крѣпости до 1863 года, когда, на девяностомъ году жизни, удостоился помилованія со стороны императора Александра II. Но еще болѣе поразительный примѣръ крайняго воздержанія въ соединеніи съ силой и здоровьемъ представляетъ собою героическій кавказецъ Шамиль, столько хлопотъ надѣлавшій русскому оружію во время покоренія Кавказа. Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ борьбы, закончившейся взятіемъ его въ плѣнъ, Шамиль пилъ только одну воду и главной пищей служили для него лишь жареные буювые жолуди.

Наконецъ, наше русское крестьянство, равно какъ и вообще бѣдное низшее населеніе всѣхъ европейскихъ государствъ, даютъ обильные примѣры воздержанія, немѣшающаго ему, однако, отличаться и здоровьемъ и физической силой, составляющими предметъ зависти для пресыщающихся богатыхъ собратій.

А американскій докторъ Таннеръ, сорокъ дней пробывшій безъ всякой пищи, и его многочисленныя подражатели на роднѣи и на всемъ земномъ шарѣ, изъ которыхъ иные ушли, кажется, еще дальше своего учителя на пути крайняго воздержанія... Трудно было бы перечесть всѣ подобныя примѣры.

Философы древности хвалились умѣренностью своихъ привычекъ, какъ приближавшихъ ихъ къ божеству. „Богъ не нуждается ни въ чемъ—говорили они—и тотъ стоитъ вслѣдъ за Нимъ, кто довольствуется немногимъ больше, чѣмъ ничто“—чи потребности отличаются наименьшей притязательностью. „Знаешь-ли ты—спросилъ Киръ посла одного славившагося своею роскошью монарха—о непобѣдимости людей, способныхъ довольствоваться кореньями и жолудями?“

Старая пословица—„о вкусахъ не спорить“—блестяще оправдывается въ поразительномъ разнообразіи и крайностяхъ человѣческаго вкуса. Японія являетъ примѣръ отвращенія къ молоку, составляющему любимую пищу большаго числа людей. Науасы отличаются сильнымъ пристрастіемъ къ бѣлымъ гусеницамъ. Китайцы съ наслажденіемъ пожираютъ ласточкныи гнѣзда. Даже минеральныя вещества и сильныя минеральныя яды находятъ своихъ потребителей. Савойскіе горцы и южные швейцарцы обыкновенно употребляютъ мышьякъ, какъ средство противъ легочныхъ заболѣваній. Жители Бразиліи и другихъ странъ тропической Америки подмѣшиваютъ къ хлѣбѣ, для вкуса, одинъ бѣлый минеральный порошокъ. Названіе *Панамы* (Panama) происходитъ отъ panamante (первоначально pandemonte, черный хлѣбъ), вещества, которое индійцы Центральной Америки приготавливали изъ мучнистаго порошка сѣренистой извести (гипса), усыпавшаго почву Сьерры. Гумбольдтъ описываетъ одно индійское племя, жившее въ сѣверной Бразиліи, изъ поколѣнія въ поколѣніе употреблявшее въ пищу panamante и отличавшееся чудовищной выпуклостью и затвердѣніемъ верхней части живота въ своихъ представителяхъ. Когда французы сдѣлались обладателями Савъ-Доминго, негры-невольники ихъ обнаружили было точно такую же страсть къ этому веществу и были удержаны отъ его употребленія лишь варварскими наказаніями. Испанцы и ихъ южно-американскіе родственники отличаются большимъ пристрастіемъ къ сильно-дѣйствующимъ приностямъ. *Chilé colorado* или красный перецъ составляетъ еще слабѣйшую принадлежность перуанской кухни. *Jerba blanca*, бѣловато-зеленая трава, входящая у нихъ въ составъ различныхъ рагу, описывается напоминающею *lapis infernalis* (адскій камень, лалисъ, азотнокислое серебро) по своему дѣйствию на языкъ. Мексиканецъ жуетъ красный перецъ, какъ какойнибудь сладкій сухой плодъ... А лимбургскій сыръ и прочія тонкія блюда, пришедшія въ состояніе нѣкотораго разложенія, составляющія лакомства для современныхъ европейскихъ гастрономовъ... А устрицы, потребление которыхъ этими-же гастрономами приводитъ въ трепетъ

отрашенія простаго обыкновеннаго человѣка, при одномъ представленіи о немъ...

Наконецъ, до сихъ поръ неистезнувшее еще съ лица земли, но сохранившееся въ нѣкоторыхъ уголкахъ ея, людоедство служитъ поразительнымъ проявленіемъ уже не безразличія человѣческаго вкуса, но крайней извращенности, которую онъ можетъ иногда принимать...

Такова картина, которую представляетъ собою человѣческое питаніе. Не правда ли, оно разительно напоминаетъ моду въ нѣкоторыхъ своихъ отношеніяхъ? Изъ потребности въ одеждѣ, для защиты отъ холода и прочихъ атмосферическихъ условий, могущихъ оказать вредное вліяніе на тѣлесное здоровье, — ро-

дился масса такихъ приспособленій, которыми не достигалась ни эта первоначальная цѣль, ни цѣль самоукрашенія. Иногда какъ разъ наоборотъ... Такъ точно—видимъ мы—изъ столь же простой потребности въ пищѣ, для поддержанія тѣлесныхъ силъ и здоровья, возникли такія теоріи питанія, къ удовлетворенію ея являлись въ человѣчествѣ такіе апетиты и вкусы, за которыми совершенно исчезаетъ естественное назначеніе питанія... Вообще, вдаваться въ крайности, исходя изъ самыхъ простыхъ побужденій, составляетъ, повидимому, печальный удѣлъ человѣка.

Когда нибудь мы поговоримъ о томъ, каково должно быть естественное питаніе.

Къ рисункамъ.

Башня Севастопольскаго Адмиралтейства.

(Рис. на стр. 412).

До царствованія Императрицы Екатерины наше Черноморское побережье было совершенно открыто со стороны моря и не имѣло постояннаго военнаго флота. Это, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ Великой преобразовательницей и, вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, Берсеневъ былъ посланъ осмотрѣть крымскій берегъ. Онъ донесъ императрицѣ, что географическое положеніе берега чрезвычайно благоприятствуетъ основанію здѣсь черноморской флотилии. Съ этой цѣлью Екатерина послала контръ-адмирала Микензи, и въ Южной бухтѣ, на Городской сторонѣ, начались работы по устройству адмиралтейства. Постройки сначала ограничились магазиномъ для запасныхъ вещей и судовыхъ матеріаловъ, плюпочнымъ сараемъ, мастерской и домомъ для конторы надъ портомъ. Все это было обнесено деревянной рѣшеткой. Въ ограду вдалась церковь св. Николая, построенная имъ же.

По ходатайству маркиза де-Траверсе въ 1804 г. разрѣшено было поднимать въ севастопольскомъ адмиралтействѣ флагъ. Вскорѣ оно было окончательно отстроено и ограждено каменной стѣною отъ Графской пристани до Южной бухты. Здѣсь была построена чертежная въ два этажа, на аркахъ; адмиралтейскія ворота съ башней и на ней городскими часами. При Лазаревѣ воздвигнута высокая стѣна, отдѣлявшая берегъ Южной бухты отъ адмиралтейства. На восточной сторонѣ этой бухты находились карантинная слобода, доки, арсеналъ, магазины и др. зданія, принадлежащія адмиралтейству. Постройки были сдѣланы изъ мѣстнаго известковаго камня. Впослѣдствіи выстроено новое адмиралтейство, а за первымъ осталось названіе стараго. Все это, за малымъ исключеніемъ, разрушено и представляетъ теперь груды мусора. Крыша башни, въ настоящее время деревянная, полуразбита; увѣнчивалась она высокимъ шпилемъ, съ флагомъ, часы же, во время осады города, были сняты французами и увезены. Башня и укрѣпленія городской стѣны выдержали весь огонь непріятеля въ продолженіи 8 мѣсяцевъ и, поистинѣ, могутъ назваться передовыми свидѣтелями всѣхъ тѣхъ страшныхъ взрывовъ, отъ которыхъ стонала земля,—пожаровъ и той безпримѣрной осады и обороны Севастополя,—которыя еще такъ живы въ нашей памяти.

Метехская церковь.

(Рис. на стр. 413).

Въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ Тифлиса—Авлабарѣ, почти на отвѣсной скалѣ Метеха, гордо высится надъ шумящей внизу и сжатой въ берегахъ своихъ рѣкой Курой,—стоитъ метехская церковь, нѣмая свидѣтельница цѣлаго сонма мрачныхъ бѣдствій, провешшихся надъ Кавказомъ въ продолженіи XII-ти вѣковъ. Авлабаръ, прежде называвшійся Исани,—одна изъ трехъ частей, на которыя была раздѣлена Тифлисъ во время основанія его въ 469 году царемъ Вахтангомъ Гургасланомъ. Вахтангъ, основывая этотъ городъ, построилъ въ Авлабарѣ на скалѣ Метеха церковь, а при ней впослѣдствіи цитадель. Слово *Метеха* по гречески означаетъ подворье, и названіе это дано потому, что цитадель съ церковью и дворцомъ, построеннымъ въ ней въ VI вѣкѣ царемъ Дага, служила постоянной резиденціей грузинскихъ царей и католиковъ, главъ духовенства, какъ это видно изъ древнихъ грамотъ. О прекрасномъ дворцѣ, построенномъ въ цитадели, упоминаетъ еще армянскій писатель Ухтанесъ, жившій въ VI вѣкѣ, но дворецъ впослѣдствіи былъ разрушенъ, сохранилась же только придворная метехская церковь вмѣстѣ съ стѣнами цитадели.

Поводомъ къ основанію церкви послужило (459 г.) желаніе Вахтанга увѣковѣчить мѣсто мученій Св. Сусанны, высокопочтимой грузинами. Сусанна или Шуманъ, что значить по грузински лилія, прозванная такъ за красоту лица, происходила изъ знатнаго рода и была женою патакши (царя) Васхена. Она хорошо знала Св. Писаніе и своею добродѣтельною жизнью вскорѣ приобрѣла любовь народа. Васхенъ, вступая на престолъ, принялъ христіанство, но отлучившись въ Персію, былъ склоненъ тамъ въ язычество. По возвращеніи оттуда онъ,

въ началѣ, скрывалъ отъ Сусанны свой переходъ въ язычество, но потомъ даже началъ принуждать и ее переимѣнить вѣру, но Сусанна, будучи истинной христіанкой, не соглашалась. Ни угрозы, ни страшныя истязанія не могли принудить ее къ этому. Часто, въ порывѣ ожесточенія, предавая свою жену-христіанку истязаніямъ, Васхенъ говорилъ: „я убью эту слугу Христову“, но всѣ усилія его были тщетны. Васхенъ отослалъ ее въ Мцхетскій Сантаврскій монастырь. Здѣсь, въ это время хранилась глубоко чтима и до сихъ поръ святиня грузинъ,—крестъ Св. Нины, просвѣтительницы Грузинъ, сплетенный изъ виноградныхъ лозъ и обвязанный ея волосами. Сусаннѣ, какъ твердой христіанкѣ, передали сохранить этотъ крестъ, такъ какъ маги персидскіе неоднократно старались похитить его. Сусанна бѣжала съ крестомъ изъ Мцхета и хотя на пути встрѣтила маговъ, но крестъ успѣла спасти. Она умерла вдали отъ Мцхета, 45 лѣтъ, и мощи ея хранятся въ Метехской церкви, память же чтится 28 августа. Крестъ Св. Нины послѣ ея смерти сохранялся въ горахъ, въ Анапурѣ, но впослѣдствіи грузинскимъ митрополитомъ былъ подаренъ въ Москву, откуда только послѣ долгихъ, настоятельныхъ просьбъ грузинъ, при Александрѣ I былъ торжественно внесенъ въ Тифлисъ. Восторгъ и радость жителей были неописанны и цѣлыя трое сутокъ въ городѣ продолжалась пальба изъ пушекъ. Въ настоящее время крестъ Св. Нины находится въ Сіонскомъ соборѣ, въ Тифлисѣ.—Стиль Метехской церкви, какъ и вообще всѣхъ грузинскихъ церквей, византийскій, но только своеобразно измѣнившійся подъ вліяніемъ историческихъ событій и природы. Дѣйствительно, взгляните на метехскую церковь: тутъ какъ нельзя болѣе суровая природа Кавказа положила печать свою: гордо и неприступно высится въ простотѣ своей конусообразный куполъ ея надъ котловиной Тифлиса, какъ будто говоря всѣмъ христіанамъ, живущимъ на обширной ея окрестности: „для всякой души скорбящей и озлобленной я храню въ себѣ драгоценные залоговъ небеснаго милосердія; тутъ, въ этой смиренной усыпальницѣ Св. мученицы Христа ничто не развѣчетъ молящагося: ни блескъ многоцѣнныхъ украшеній, ни громкій шорохъ молящихся, ни тревожный стукъ экипажей, проникающій обыкновенно въ городскія церкви. Здѣсь все смѣренно, убого и тихо.

Картина Шапленя.

(Рис. на стр. 417).

Говорятъ „Шапленя“, какъ говорятъ „Буше“, „Ватто“; такую извѣстность приобрѣлъ этотъ художникъ своей изящной школой, служившей наслажденіемъ нашимъ дѣдовъ и ставшей прекраснымъ украшеніемъ картинныхъ галлерей. Особенно хороши женскіе портреты Шапленя. Уже много лѣтъ на парижскихъ ежегодныхъ выставкахъ появляется цѣлая серія его *типовъ красоты*, восхищающихъ зрителей. Свѣжесть красокъ, мягкость тканей и свѣта, неподражаемое изящество позы, придающія его картинамъ необыкновенную поэтическую прелесть. Помѣшная нами головка была на послѣдней выставкѣ въ Парижѣ, въ Елисейскихъ поляхъ; она подтверждаетъ все сказанное выше.

Литературный альбомъ. Майская ночь, пов. Гоголя.

(Рис. на стр. 420).

Майскія ночи повсюду прекрасны, даже на нашемъ холодномъ сѣверѣ, но можетъ быть нигдѣ онѣ не бывають такъ очаровательны, такъ поэтически-хороши, какъ въ благословенной Украинѣ. Вотъ какъ увлекательно описываетъ такую ночь Гоголь: „Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и спокойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Двѣ женщины чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечуть листьями, будто сердца и негодуя, когда прекрасный вѣтренникъ, ночной вѣтеръ, подкравшись, мгновенно цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышетъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь!“ И какъ же такимъ ночамъ обойтись

безъ нѣжныхъ паръ, безъ гудни веселыхъ парубковъ и безъ дѣвичьихъ хороводовъ. И дѣйствительно молодость любить майскую ночь; долго въ темныхъ улицахъ деревни слышатся звуки бандуры, поцѣлуевъ, тихаго говора.

Содержаніе разсказа Гоголя взято именно изъ этихъ таинственныхъ, глубоко поэтическихъ преданій объ майской ночи. Прелестная Ганна и казакъ Левко любятъ другъ друга; въ одну изъ майскихъ ночей они устраиваютъ нѣжное свиданіе и среди страстныхъ разговоровъ мечтаютъ объ будущемъ семейномъ счастьи. Но это счастье пока имъ не доступно. Суровый, строгій отецъ Левко, мѣстный голова, едва ли рѣшится женить своего сына на бѣдной дѣвушкѣ. Левко чувствуетъ это, но не хочетъ разочаровывать свою милую Ганну и нѣжно ласкаетъ ее и тѣшитъ своими разсказами. Въ эту же ночь, по ея просьбѣ, онъ разсказываетъ ей преданіе о старомъ, заброшенномъ домѣ, который стоитъ неподалеку отъ хаты Ганны. Здѣсь, какъ разсказываютъ старики, жилъ когда-то вдовецъ-сотникъ съ дочкой. Жили они счастливо и мирно, какъ вдругъ старый сотникъ захотѣлъ жениться на молодой женѣ. Эта жена была красавица и въ тоже время вѣдьма; долго она мучила молодую дѣвушку и наконецъ добилась, что отецъ выгналъ ее изъ дома. Несчастливая побѣжала въ отчаяніи на высокой берегъ и оттуда кинулась въ прудъ. Съ этого времени утопленница стала каждую ночь являться въ образѣ русалки; она постоянно ищетъ своей мачихи, чтобы отомстить ей за свои страданія и увлечь за собою въ воду. Окончивъ этотъ разсказъ и повѣтрившись страхомъ доверчивой Ганны, Левко простился и пошелъ домой. Но вотъ снова раздался позади красавицы слова: „Прощай Ганна“, сопровождаемыя поцѣлуемъ.

— Ты воротился! сказала она оглянувшись; но увидѣвъ передъ собою незнакомаго парубка, отвернулась въ сторону.

— Прощай, Ганна! раздалось снова, и снова поцѣловалъ ее кто-то въ щеку.

— Вотъ принесла нелегкая и другаго! проговорила она съ сердцемъ.

— Прощай, милая Ганна!

— Еще и третій!

— Прощай! прощай! прощай Ганна! и поцѣлуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ.

— Да ихъ тутъ цѣлая ватага! кричала Ганна, вырываясь изъ толпы парубковъ, наперерывъ спѣшившихъ обнимать ее. Какъ имъ не надоѣсть безпрестанно цѣловаться! Скоро, ей Богу, нельзя будетъ показаться на улицѣ!

Всгдѣ за сими словами дверь захлопнулась и только слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся засовъ.

Но этимъ маленькимъ происшествіемъ, представленнымъ на нашемъ рисункѣ, не кончились еще всѣ приключенія Майской ночи. Въ эту же ночь Левко узнаетъ въ своемъ отцѣ своего

соперника; старый хрычъ еще подумываетъ о молодой жинкѣ и старается уговорить Ганну отдать ему свою руку и, если можно, даже и сердце. Опечаленный этимъ открытіемъ, Левко въ какомъ-то нѣмомъ отчаяніи и забытъ бродитъ по деревнѣ и наконецъ натывается на старый, забытый всѣми домъ. Здѣсь произошло съ нимъ что-то страшное и таинственное. Онъ встрѣтилъ здѣсь блѣдную красавицу, которая со слезами говорила ему: „Парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Я ничего не пожалѣю для тебя. Я награжу тебя“. Около пруда Левко увидѣлъ хоровадь русалокъ; въ этомъ хоровадѣ онъ замѣтилъ одну, у которой тѣло не такъ свѣтлось, какъ у другихъ; внутри ея видѣлось что то черное. „Вѣдьма!“ сказалъ Левко указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому. Дѣвушка съ крикомъ схватила вѣдьму, а блѣдная панночка въ награду дала Левко какую-то бумажку, говоря, что послѣдняя устроитъ его счастье и поможетъ ему соединиться съ Ганной. Бумажка эта дѣйствительно устроила все дѣло; да и какъ не устроить, когда она оказалась не больше, ни меньше, какъ приказомъ самого комисара-головы, женить сына на Ганнѣ. Приказъ былъ такъ строгъ и краснорѣчивъ, что противиться ему не представлялось ни малѣйшей возможности и старый плутъ долженъ былъ наконецъ согласиться. Такимъ образомъ Ганна стала женой Левко, благодаря таинственнымъ чарамъ обаятельной Майской ночи.

Любопытные лѣсные обыватели.

(Рис. на стр. 421).

Рисунокъ талантливаго художника такъ и переноситъ въ глушь, въ затишь большаго лѣса. Въ его лощинахъ и затовахъ, въ его непроходимыхъ кущахъ живутъ своею таинственною, молчаливою жизнью разные лѣсные обыватели, начиная и кончая жизнь здѣсь подъ глухими сводами зеленыхъ де-

ревьевъ. Здѣсь переживаютъ они и чудныя, ясныя весны, и глубокіе снѣга зимы и дождливые осенніе дни и томленье жаркаго лѣта. И тихо и глухо все зимой—ни звука, ни голоса человѣческаго. Только изрѣдка по дальней лѣсной дорогѣ протянется, скрипя полозьями, обовъ и слышныя крики возчиковъ, и залаетъ вдали собака. И чутко и пугливо вытянувъ шею, прислушиваются къ этимъ звукамъ дикіе лѣсные обыватели, и если молятъ судьбу о чемъ, то конечно о томъ, чтобы чело-вѣкъ былъ отъ нихъ подалеже и чтобы не огласился, оборони Богъ, ихъ родной лѣсъ звукомъ роговъ, топотомъ коней и лаемъ охотничьихъ псовъ и не были бы они, обыватели лѣса, потревожены въ своемъ мирномъ и уединенномъ житьѣ...

Морская царевна.

(Рис. на стр. 424).

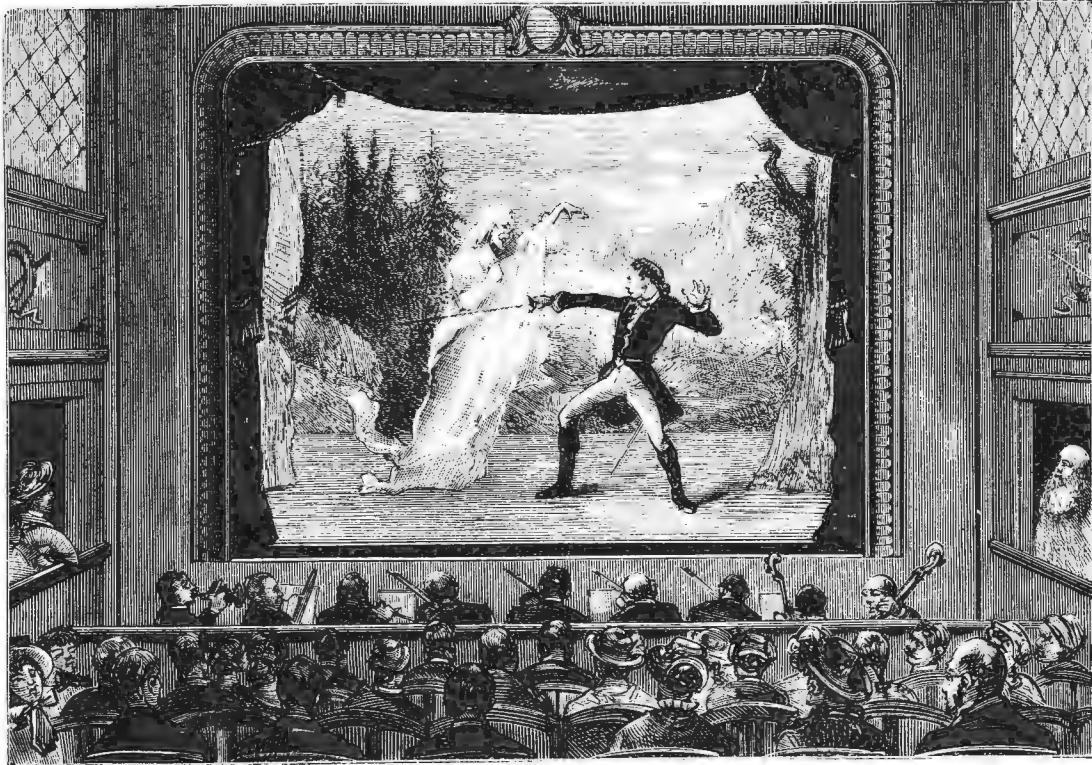
Вотъ она, съ этими подернутыми прозрачною влагой моря, глазами, морская красавица, губительница неосторожныхъ морехо-

Морская царевна. Карт. Зиндингъ, грав. Кнезингъ.

довъ, героиня сказокъ всего міра, тема чудныхъ пѣснопѣній поэтовъ. Она распускаетъ по вѣтру свои роскошныя зеленныя косы, она пѣжится среди бурной пѣны валовъ и набѣгающихъ волнъ и несется легкая, стройная и быстрая какъ ласточка, въ родъ

тога, воспѣвающаго все ту же коварную, сладкогласную красавицу, опасную и безопадную къ тому, кто попадетъ ей въ руки...

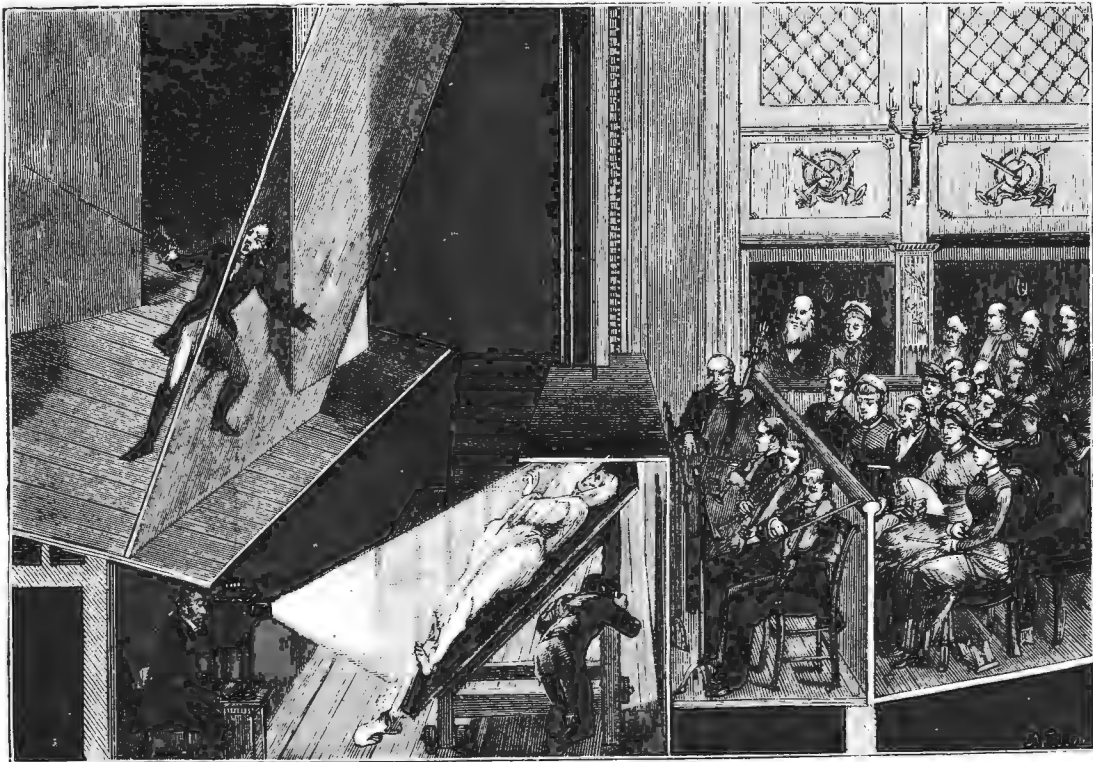

Воспроизведеіе призраковъ на сценѣ. Рис. I.

ной ея стихіи. Зналъ, видѣлъ морскую царевну Садко богатый гость нашей пѣсни, когда попалъ въ пышное подводное царство на дно великаго моря, между тѣмъ какъ по синимъ волнамъ вверху бѣжали его кораблики...

Живыя привидѣнія.

Всѣ пьесы съ привидѣніями, которыя давались на театрѣ имѣли цѣлю показати на сценѣ въ извѣстный мо-

Воспроизведеіе призраковъ на сценѣ Рис. II.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня...
Слышитъ: царевичъ! Взгляни на меня!
Слышитъ царевичъ: и царская дочь...

Кто не знаетъ этого прекраснаго стихотворенія Лермон-

ментъ фигуру съ ясными очертаніями, висящую въ воздухѣ. Фигура эта — привидѣніе, — перемѣщалась, дѣлала движенія, мѣняла выраженіе лица, однимъ словомъ, казалась живою; черезъ нее, однако, просвѣчивали предметы и ее можно

было пропустить шпатель или палочку и только благодаря этой особенности зрители узнавали, что передь ними находится предметъ невещественный.

Пьесы эти поштитиѣ всего будетъ пояснить примѣрами. Почти всегда это были пантомимы. Въ одной изъ нихъ гений Паганини, въ видѣ маленькаго краснаго чертика, леталъ по воздуху игралъ на скринкѣ и затѣмъ садился возлѣ тѣла великаго артиста. Въ другой, молодой человекъ видитъ во снѣ вакханокъ, подающихъ ему пить; онъ протягиваетъ свою чашу и публика видитъ вакханку—привидѣніе, наливающую изъ амфоры мнимое вино—въ настоящую чашу. Въ одной пьесѣ, названной *Дарца*, которая давалась въ театрѣ Ambigu въ 1863 году, приспособленія въ которой были сдѣланы извѣстнымъ Робертомъ Гуденъ, въ заключеніе была слѣдующая сцена: Пуужно было заставить сознаться самозванца, выдававшего себя за Петра III. Изъ скалы показывается саркофагъ, онъ встаетъ открывається и въ немъ появляется призракъ, окутанный саваномъ. Гротъ падаетъ, привидѣніе остается на мѣстѣ, верхняя часть савана спускается и показываются блѣдныя черты бывшаго императора. Ложный царь обнажаетъ саблю и однимъ взмахомъ отбѣкаетъ голову, которая падаетъ съ шумомъ. Въ ту-же минуту надъ тѣломъ призрака появляется живая голова Петра III; ложный царь въ страхѣ бросается на привидѣніе, тѣло котораго падаетъ въ гробъ, но голова остается на мѣстѣ съ глазами, пристально устремленными на самозванца. Этотъ послѣдній ударяетъ по головѣ, но сабля его проходитъ насквозь. Тогда надъ этою головою появляется тѣло Петра III. Самозванецъ сознается и призракъ исчезаетъ.

Сцена, изображенная на нашемъ рисункѣ, заключается въ слѣдующемъ: Молодой человекъ, въ изящномъ военномъ костюмѣ, замѣчаетъ что-то блѣлое; по мѣрѣ приближенія онъ видитъ прелестную молодую дѣвушку. Онъ становится передъ ней на колѣни, хочетъ взять ея руку, но не встречаетъ ничего, онъ отступаетъ и видѣніе исчезаетъ. Сцена перемѣняется; снова показывается что-то блѣлое, но когда оно опредѣлилось, молодой человекъ видитъ страшный, одѣтый въ саванъ, призракъ, который грозитъ и подвигается къ нему. Молодой человекъ схватываетъ свою шпагу и произноситъ видѣніе, но шпага проходитъ въ пустоту. Эта сцена изображена на рисункѣ.

Эта иллюзія получается при помощи стекла. Каждому, безъ сомнѣнія, случалось, проходя мимо магазиновъ съ большими зеркальными окнами, видѣть въ нихъ отраженія предметовъ, находящихся на улицѣ и въ то-же время видѣть лица, находящіяся въ магазинѣ. Это явленіе бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ наружные предметы болѣе освѣщены. Вечеромъ, наприимѣръ, когда газъ не зажженъ еще въ магазинахъ, уличные фонари кажутся горящими въ самыхъ магазинахъ. Это явленіе, которое наблюдалъ англійскій физикъ Пеннеръ, навело его въ 1863 году на мысль устроить въ театрахъ живыя привидѣнія, которыя въ Англии зовутъ его именемъ: Pepper's ghost, т. е. тѣни Пенпера.

У себя дома можно произвести опытъ, который даль-бы попытѣе о томъ, какія условія должны быть соблюдены, чтобы привидѣнія казались дѣйствительностью. Нужно взять обыкновенное оконное стекло, которое можно держать въ вертикальномъ положеніи помощью двухъ толстыхъ книгъ, поставленныхъ на одномъ его концѣ. За этимъ стекломъ ставятъ одну карту и передъ стекломъ—другую, для которой можно сдѣлать подпорку изъ большой шишки. Около стекла помѣщаютъ свѣчу. Приближая или удаляя ее, т. е. регулируя освѣщеніе обѣихъ картъ, можно получить ясную тѣнь второй карты около карты первой. Игрушка, называющаяся омбраскопъ очень облегчаетъ этотъ опытъ. Если замѣнить карты маленькими куклами, то получатся маріонетки—привидѣнія.

Во время появленія призраковъ въ театрахъ, въ залѣ бываетъ темно и сцена мало освѣщена. Она отбѣляется отъ публики большимъ зеркальнымъ стекломъ, наклоненнымъ около 20 градусовъ, иногда болѣе или менѣе, смотря по расположенію мѣстъ въ залѣ. Передъ сценой находится большое и глубокое отверстіе, гдѣ на тѣлѣжкѣ, покрытой черной матеріей и которую подвигаетъ машинистъ, находится лицо, показывающееся на сценѣ въ видѣ призрака. Оно должно быть наклонено параллельно къ стеклу для того, чтобы на сценѣ оно показало въ вертикальномъ положеніи. Свѣтъ сильной электрической лампы слѣдуетъ за всѣми движеніями лица; понятно, что при закрытіи заслонки лампы, призракъ мгновенно исчезаетъ съ глазъ зрителей.

По законамъ отраженія, отражающійся предметъ появляется за зеркаломъ, на такомъ разстояніи, на какомъ онъ стоитъ передъ зеркаломъ. И такъ призраки появляются для зрителей не на стеклѣ и не впереди сцены, но посрединѣ ея, и кажутся стоящими въ воздухѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что актеръ на сценѣ не видитъ той тѣни, которая должна его очаровать или испугать, и такъ, чтобы съ его стороны не было ошибки, сцена должна быть прекрасно изучена и мѣста тѣни и актера ясно обозначены на полу сцены.

Если театръ устроенъ такъ, что не возможно помѣстить внизу лицо, должнствуемое изображать тѣнь, то его можно поставить въ кулисахъ; стекло тогда ставится вертикально наискось сцены. Хотя дѣйствовать въ этомъ случаѣ не такъ удобно, но и тутъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ удавалось заставлять мгновенно появляться и исчезать фей, гениевъ, придавая форму видѣній и снамъ. Для этихъ послѣднихъ существуютъ, такъ называемыя *тающія тѣни* (dissolving spectres), которыя безъ перерывовъ воспроизводятъ различные предметы, измѣняющіеся на глазахъ зрителей. Тающія тѣни получаютъ ставя одинъ предметъ на сценѣ, такъ чтобы его можно было видѣть, и другой внизу, который долженъ появляться черезъ отраженіе и освѣтлѣніе его постепенно. Изображеніе менѣе освѣщеннаго предмета исчезаетъ и въ то-же время появляется предметъ, на который падаетъ полный свѣтъ.

Таковъ секретъ привидѣній, т. е. примѣненія оптическаго принципа къ театральнымъ эффектамъ.

Планета Юпитеръ.

Очеркъ П. Тунча.

Въ то время, какъ человѣчество, на древнѣйшей ступени своего развитія, превратило загадочное явленіе устьяннаго звѣздами неба въ фантастическій міръ мифологіи,—въ наше время человѣческой умъ, повинуясь неукротимому влеченію къ изслѣдованію, направили свои гигантскіе телескопы въ безконечно отдаленныя пространства мірозданія, чтобы ближе узнать тѣ далекія міры. Повѣршія наблюденія астрономовъ, между прочимъ, значительно расширили свѣдѣнія наши о колоссальной планетѣ Юпитеръ. На небѣ мы ясно различаемъ Юпитера въ сіяніи его свѣтложелтаго свѣта; онъ является нашимъ глазамъ, не смотря на громадную отдаленность свою, звѣздой первой величины и притомъ болѣе ярко, чѣмъ красноватый Марсъ, но уступающею прелестной горящей блѣды свѣтомъ Венерѣ. Юпитеръ несравненно больше нашей земли (на сколько яблоко больше горшину), это—громаднѣйшая изъ планетъ солнечной системы, такъ какъ поперечникъ его равняется 18750 милямъ, т. е. въ двѣнадцать разъ больше поперечника земли. Но планета эта, по своей формѣ, не есть правильнй шаръ, у полюсовъ сильно сплюснута, почему поперечникъ между полюсами короче экваторіальнаго почти на двѣ тысячи миль. Масса Юпитера приблизительно въ триста разъ больше массы земли, но за то обладаетъ только четвертою долею ея плотности. Отъ земли Юпитеръ отстоитъ иногда на 79, иногда же на 129 милліоновъ миль, смотря по тому—находится ли земля, во время своего пробѣга, на противоположной сторонѣ солнца или на той же самой; отъ главнаго свѣтила Юпитеръ отстоитъ на пять разъ дальше, чѣмъ земля, а именно, среднимъ числомъ, его разстояніе равняется 104 милліонамъ миль, во временахъ онъ приближается на разстояніе 99 милліоновъ миль, иногда же удаляется на 109 милліоновъ миль. Чудовищная планета движется по своему пути вокругъ солнца съ болѣею медленностію, проходя всего одну и три четверти мили въ секунду, земля же пробѣгаетъ четыре мили, поэтому могучая планета свершаетъ свой

громадный путь вокругъ солнца въ 11 лѣтъ 314 дней 20 часовъ и 2 минуты. Но тѣмъ скорѣе происходитъ его вращеніе вокругъ оси, которое онъ совершаетъ въ 9 часовъ 55 минутъ и 26 секундъ. Короткія ночи на Юпитерѣ освѣщаются четырьмя лунами, которыя нашими астрономами обозначаются цифрами I, II, III и IV, соотвѣтственно ихъ большому или меньшему разстоянію каждой отъ планеты. Всѣ эти луны также больше нашей луны; поперечникъ I равняется 510 милямъ, II—460 м., III—750 м. и IV—640 м. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ гораздо болѣе удаленъ отъ Юпитера, чѣмъ наша луна отъ земли. Такъ I луна отстоитъ на 56500 м., II—на 89800 м., III—на 143300 м., и IV—на 252100 м. Вслѣдствіе того обитателямъ Юпитера первая луна могла бы, по своей величинѣ, казаться съ нашу, тогда какъ вторая и третья—на половину меньше, а четвертая не превышала бы $\frac{1}{4}$ луны, свѣтящей намъ. Что касается количества времени, употребляемаго этими лунами, оно у нихъ различно въ слѣдующей степеніи: первая пробѣгаетъ 42 часа, вторая—85 часовъ, третья 170 часовъ и четвертая 340 часовъ; своеобразно тутъ то, что послѣдующая луна проходитъ вдвое больше времени, нежели предшествующая. Юпитеръ, съ своей системой лунъ, имѣлъ всегда большое значеніе для науки, такъ какъ, въ уменьшенномъ видѣ, напоминаетъ солнечную систему, почему и служилъ Галилею въ подтвержденіе его положенія о вращеніи земли вокругъ неподвижнаго солнца. Ясно, что при такомъ изобиліи лунъ должны происходить частыя лунныя затмѣнія, такъ какъ то одна, то другая, на своемъ пути, понадеваетъ въ тѣнь планеты. Эти лунныя затмѣнія на Юпитерѣ, обыкновенно, разсчитаны напередъ, съ точностію и вѣрностію $\frac{1}{10}$ секунды и занесены въ астрономическія годовыя книги, имѣя большое практическое значеніе при опредѣленіи мѣстности во время плаванія по океану. Наблюденія надъ лунными затмѣніями оказались важными и въ другомъ отношеніи. Тщательнѣйшія исчисленія не могли устранить явныхъ неправиль-

ностей—затмѣнія наступали то раньше, то позже предполагаемого времени. Датскій астрономъ Олафъ Рѣмеръ сдѣлалъ интересное открытіе, что неправильности эти происходятъ оттого, что свѣтъ требуетъ извѣстнаго количества времени для того, чтобы изъ того отдаленнаго міра достигнуть земли и что, естественно, этотъ періодъ времени бываетъ то болѣе, то менѣе значителенъ, смотря по тому—ближе, или дальше находится земля отъ Юпитера. Открытіе это повело къ опредѣленію количества времени, въ которое лучъ свѣта проходитъ извѣстное количество пространства, причемъ и оказалось, что онъ пробѣгаетъ около 42 тысячъ миль въ секунду. Луны Юпитера дали намъ возможность убѣдиться, что Юпитеръ нынѣ уже не есть самовсвѣщая планета, а уже давно превратился въ окаменѣвшее, твердое и темное тѣло; это видно изъ того, что мелькающія по поверхности Юпитера тѣни луны имѣютъ очень темный оттѣнокъ, чего не было бы въ случаѣ, еслибъ планета обладала собственнымъ свѣтомъ. Мы имѣемъ, следовательно, предъ собою планету, находящуюся въ одинаковомъ фазисѣ развитія съ землею. Температура на Юпитерѣ, однако, должна быть довольно низкою, потому что, вслѣдствіе своей гораздо болѣе значительной отдаленности отъ солнца (которое отсюда кажется въ пять разъ меньше), въ двадцать семь разъ получаетъ меньше свѣта и теплоты, чѣмъ земля. Къ тому Юпитеръ, по отношенію къ своей величинѣ, необычайно скоро вращается около своей оси, такъ что каждая точка на его экваторѣ пробѣгаетъ болѣе 12200 метровъ въ секунду.—экваторіальная же точка земли пробѣгаетъ въ секунду только четыреста сорокъ метровъ. Перпендикулярные лучи солнца остаются, поэтому, на каждой точкѣ Юпитера въ 28 разъ короче времени, нежели на каждой точкѣ земли. И солнце остается на небѣ Юпитера едва пять часовъ; лишь въ болѣе высокихъ широтахъ движенія уменьшается и становится равной нулю на полюсахъ, откуда солнце почти постоянно видно стоящимъ на горизонтѣ и разпространяющимъ, своими косыми лучами, сумеречный свѣтъ. По этой причинѣ можно было бы предполагать, что на поверхности Юпитера, сравнительно съ землей, царствуетъ большой холодъ. Но изъ другихъ основаній это предположеніе оказывается невѣрнымъ. Шаръ Юпитера, видимый уже черезъ большой телескопъ, представляетъ прекрасное и постоянно мѣняющееся зрѣлище. Тамъ на поверхности видны темныя и свѣтлыя полосы и пятна, схожія съ облаками, окружающими землю. Полосы эти лежатъ почти параллельно экватору, мѣняются въ своихъ оттѣнкахъ и тонахъ и имѣютъ рѣзко очерченные края, хотя по направленію къ полюсамъ, а также къ восточному и западному краямъ планеты становятся все менѣе и менѣе ясными въ своихъ очертаніяхъ. Удивительнымъ можетъ показаться, что эти полосы имѣютъ тоже самое расположеніе, что и господствующія на нашей землѣ правильныя теченія воздуха (такъ называемые пассаты) и дождевые пояса, которые тянутся по обимъ сторонамъ экватора. При томъ же явленіе это имѣетъ тамъ такое постоянство и твердость, что, несмотря на безостановочное наблюденіе, никогда еще не видѣли планету безъ нихъ. Среди болѣе свѣтлыхъ полосъ замѣчаются болѣе темныя образованія, которыя иногда измѣняются съ необычайной быстротой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣхъ полосахъ находятъ и другіе извѣстные пункты и пятна, отличающіяся такою прочностію, что они остаются безъ малѣйшихъ измѣненій въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ. Кромѣ того порою южное полушаріе планеты казалось окрашеннымъ въ странный сѣрый оттѣнокъ, будто покрытымъ бѣловатыми, пушистыми облаками, но затѣмъ все это вдругъ исчезало и планета вновь появлялась въ своемъ блескѣ. Въ особеннсти загадочнымъ является замѣченное уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на южномъ полушаріи планеты пятно эллиптической формы, цвѣта красноватой кивовари и величиной съ Европу, которое до сихъ поръ находится тамъ. Замѣчательно еще то обстоятельство, что согласно наблюденіямъ нѣкоторыхъ американскихъ астрономовъ,

оно медленно подвигается къ южному полюсу.

Хотя многое еще остается необъясненнымъ нашими наблюденіями, — все-же, казалось-бы, можно, съ увѣренностью, сказать, что мы наблюдаемъ не настоящую поверхность планеты, а только ея атмосферическую оболочку, съ облачными образованиями и превращеніями. Атмосферическая оболочка Юпитера очень объемиста; во время его затмѣній, тѣни луны, производящихъ эти затмѣнія, ясно указываютъ намъ глубины атмосферы Юпитера. Но достовѣрное тому доказательство дать, только въ новѣйшее время, спектроскопъ, позволившій убѣдиться въ томъ, что голубые и фіолетовые лучи солнечнаго свѣта пропадаютъ почти безслѣдно въ атмосферѣ Юпитера, а отражаются только желтые и красные, придающіе звѣздѣ—видимой простымъ глазомъ — ея ярко золотистое сіяніе. Кромѣ того, спектроскопъ открылъ въ атмосферѣ планеты присутствіе большихъ массъ пара, чѣмъ и объясняется, что тѣ, расположенныя тамъ въ видѣ полосъ облачныхъ массы, часто принимаютъ красноватый оттѣнокъ, знакомый намъ по нашимъ утреннимъ и вечернимъ зорямъ. Изъ этого видно, что на Юпитерѣ не можетъ, ни коимъ образомъ, господствовать сильный холодъ, такъ какъ хотя плотная, изобилующая водяными парами атмосфера и будетъ отчасти затруднять проникновеніе солнечныхъ лучей, но, зато, она и защититъ поверхность отъ быстрого и значительнаго охлажденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря переломленію лучей, перенесетъ эти лучи къ полюсамъ планеты, гдѣ должны царствовать постоянныя сумерки. То-же самое происходитъ и съ солнечной теплоотой, чѣмъ и объясняется отсутствіе на полюсахъ Юпитера такихъ массъ льду и снѣгу, какія замѣчаются, напримѣръ, на полюсахъ Марса. Если, при этомъ, мы примемъ въ соображеніе, что ось Юпитера перпендикулярна къ плоскости его пути вокругъ солнца, и что путь этотъ имѣетъ приблизительно совершенно правильную форму круга, вслѣдствіе чего на планетѣ почти не существуетъ перемѣнъ года — то намъ приходится допустить предположеніе, что на всемъ шарѣ Юпитера — одинаково и на экваторѣ, и на полюсахъ, — царствуетъ ровная и довольно мягкая температура. Однако, не смотря на это, пребываніе на гигантской планетѣ не можетъ быть привлекательнымъ для насъ, дѣтей земли, такъ какъ необычайно быстрое вращеніе планеты вокругъ оси порождаетъ странныя физическія явленія. Вслѣдствіе быстрого вращенія, все, что Юпитеръ заключаетъ въ верхнихъ слояхъ жидкаго и воздухообразнаго, должно стремиться къ экватору, а падающее въ нижнихъ — направляться къ полюсамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его атмосферѣ и моряхъ происходятъ чрезвычайно сильныя волненія—въ атмосферѣ ураганы, а въ моряхъ—штормы, о какихъ мы не можемъ составить себѣ никакого понятія. Луны Юпитера, благодаря своей величинѣ, вызываютъ въ его морѣ сильныя приливы. Если-бы мы приблизились къ Юпитеру, то увидѣли-бы слѣдующую картину: при температурѣ, немного ниже нашей весенней и которой изобилующая водою атмосфера придаетъ неприятную влажную прохладу, на поверхности лежатъ вѣчный покровъ тумановъ, громаднѣйшій вверхъ цѣлыми стѣнами облаковъ; гигантскіе ураганы проявляютъ тамъ во всю ширь свою разрушительную силу, морскіе приливы бороздятъ поверхность морей колоссальными волнами и все это днемъ освѣщено скудно-красноватымъ свѣтомъ,—въ родѣ сумерекъ,—который посылаетъ солнце, кажущееся здѣсь гораздо меньшимъ, нежели на землѣ; по ночамъ-же луны распространяютъ на поверхности только слабый, блѣдный свѣтъ. Есть-ли тутъ какая нибудь жизнь? — Этого мы не знаемъ, но, во всякомъ случаѣ, она должна была-бы имѣть совершенно иной характеръ, чѣмъ на землѣ. Если свѣдѣнія наши относительно этой гигантской планеты сравнительно незначительны, то все-же, они доказываютъ, что человекъ постоянно дѣлаетъ большіе успѣхи въ познаніи природы и все глубже проникаетъ въ тайны міра, нѣкогда служившія ему только матеріаломъ для поэтическихъ фантазій.

Политическое обозрѣніе.

Германія — Франція. — Англія. — Турція. — Соединенные штаты.

Мы уже указывали на сближеніе, подготовлявшееся между Прусскимъ правительствомъ и Римскою куріей. Въ настоящее время, повидимому, переговоры уже настолько подвинулись впередъ, что, вѣроятно, сближеніе скоро превратится въ фактъ. Консервативно-католическая партія прусскаго парламента торопитъ правительство и депутатъ Виндгоретъ вошелъ съ предложеніемъ, выражающимъ желанія партіи. Предложеніе его недавно обсуждалось, но не имѣло успѣха, причину чего не трудно понять изъ рѣчи, произнесенной при этомъ, министромъ исповѣданій; по его мнѣнію, предложеніе Виндгорста и его товарищей могло-бы затруднить происхожденіе нынѣ переговоровъ; желанія правительства, сказалъ министръ, сходятся съ желаніями авторовъ предложенія: разногласія существуютъ только по отношенію къ предварительнымъ условіямъ: путь, на который вступили составители предложенія, не ведетъ къ цѣли; на ногу куріи имперскій канцлеръ, въ полномъ согласіи съ правительствомъ, составилъ отвѣтъ, переданный на усмотрѣніе короля; въ отвѣтѣ этомъ сдѣланы положительныя предложенія,

которыя, вѣроятно, дадутъ возможность согласенія и создадутъ почву для дальнѣйшихъ предложеній касательно измѣненій въ законахъ; въ заключеніи, министръ сказалъ, что, въ своемъ объясненіи, дошелъ до крайнихъ предѣловъ того, что можетъ быть допущено безъ нарушенія уваженія къ куріи и безъ ущерба для интересовъ государства; правительство не боится обсужденія предложенія Виндгорста.—Въ нынѣшнемъ году маневры германской эволюціонной эскадры будутъ происходить въ Балтійскомъ морѣ, близъ Данцига; въ составѣ эскадры войдутъ четыре броненосныхъ фрегата и нѣсколько судовъ меньшихъ размѣровъ; предполагается особенно испытать пушки — револьверы, которыми фрегаты вооружены въ видѣ опыта, и рыбообразныя бронзовыя торпеды.

Весьма возможно, что колониальная политика Франціи, въ скоромъ времени, приведетъ къ столкновенію съ Ананомъ. Французы, занявшіе Тонкинскую провинцію этого королевства, еще въ 1860-хъ годахъ, заключили съ королемъ, въ 1874 году, договоръ, упрочившій тамъ французское вліяніе; англичане, смотрѣвшіе очень недружелюбно на такой успѣхъ своего со-

сѣда, постоянно старались возстановлять противъ пришелицевъ и Китай (сюзеренъ Анама), и Анамское правительство; ихъ старанія достигли, вѣроятно, цѣли: въ будущемъ году прекращается время, на которое договоръ былъ заключенъ и—король Анама не соглашается (по наущенію Англіи) возобновить его. А вслѣдствіе того, по предписанію правительства ресублики, французскій капитанъ корабля Кергарадекъ отправляется чрезвычайнымъ посланникомъ въ Гюэ (столица Анама) и везетъ съ собой формальный ультиматумъ въ видѣ новаго договора, точнѣе опредѣляющаго привилегіи Франціи, нежели онѣ изложены въ договорѣ 1874 года; если Анамскій король откажется подписать договоръ, то Кергарадекъ уполномоченъ объявить, что Франція приметъ военныя мѣры къ выполненію соглашения 1874 года, которымъ король обязался сообразовать свою внѣшнюю политику съ политикою Франціи, отменить законы, направленные противъ христіанской религіи, открыть нѣсколько гаваней, допустить французскихъ консуловъ съ военнымъ ковшомъ и т. д. Повидимому, Франція не рассчитываетъ на согласіе короля: въ Тулонѣ идутъ дѣятельныя приготовления къ тонкинской экспедиціи; въ составъ отряда назначены, пока, три баталіона морской пѣхоты—2,200 человекъ и 12 пушекъ; численность же всѣхъ французскихъ войскъ въ Тонкинѣ равняется, считая и экспедиціонный отрядъ.—4-мъ тысячамъ солдатъ.

Англія, конечно, зорко слѣдитъ за всѣмъ этимъ и, вѣроятно, сумѣетъ выѣзжаться и тутъ съ своими „интересами“, которые, теперь, между прочимъ, привели ее къ берегамъ Африканской рѣки Конго; на территоріи этой рѣки устроились португальцы, но, такъ какъ они не могутъ соперничать съ англичанами и такъ какъ территорія оказывается весьма пригодною для промышленности цѣлей, то Англія и рѣшилась вытѣснить Португалию и присоединить новый рынокъ къ числу тѣхъ, которыми она обладаетъ; экспедиція уже снаряжается и скоро отправится туда.—Новый „тройственный союзъ“, о которомъ мы сообщали читателямъ, очень интересуетъ англійскихъ депутатовъ: они, отъ времени до времени, спрашиваютъ о немъ министровъ, дающихъ уклончивые и бессодержательные отвѣты; въ палатѣ общины, Гладстонъ, на вопросъ Борка заявилъ, что не знаетъ—заключена-ли конвенція или договоръ между Германіей, Австріей и Италіей, и указавъ автору вопросы на объясненія, данныя министрами въ австрійскомъ, венгерскомъ и итальянскомъ

парламентахъ; однако, при этомъ, Гладстонъ прибавилъ, что не думаетъ, чтобы сдѣлки между тремя державами касались какого-либо спеціального пункта или же ряда такихъ пунктовъ.—Въ Англіи динамитъ, а также и порохъ, будто, вошелъ въ программу „объединенности“, едва-ли не каждый день онъ гдѣ нибудь да пошутитъ; недавно жители одного изъ самыхъ аристократическихъ лондонскихъ кварталовъ были сильно перепуганы взрывомъ въ какомъ-то скверѣ; полагаютъ, что взрывъ былъ произведенъ полудунтомъ пушечнаго пороха; находившійся неподалеку полицманъ слышалъ сильный шумъ и замѣтилъ блескъ синеватаго пламени; никакого вреда отъ взрыва не произошло; въ Дуврѣ послѣдовалъ взрывъ въ квартирѣ одного изъ офицеровъ гарнизона, причѣмъ выбиты всѣ стекла и повреждены камни; но рядомъ съ этимъ, конечно, иногда жители пугаются и безъ причины—въ Салисбори произошелъ страшную тревогу подозрительный ящикъ, положенный кѣмъ-то около собора и имѣвшій видъ адской машины—въ глазахъ испуганныхъ жителей, но—вмѣсто нитроглицерина, котораго въ правѣ были ожидать отъ него—тамъ оказался невинный растворъ камеди. Къ вопросу о назначеніи новаго генералъ-губернатора Ливана, Англія относится равнодушнѣе Франціи, не желавшей, чтобы Рустемъ-паша оставался тамъ; въ палатѣ общины лордъ Фицморальъ объяснилъ, что правительство не ожидаетъ покровительства никакому кандидату на этотъ постъ и считаетъ только пригодность къ нему Пренкъ-Бибъ-Дода сомнительною.

Вопросъ этотъ еще не оконченъ; Порта предложила теперь кандидатомъ Даниша-эфенди, имѣющаго, повидимому, шансы—державы изъявляютъ свое согласіе и, вѣроятно, онъ и будетъ назначенъ.

Совѣтъ министровъ Соединенныхъ Штатовъ обсуждалъ недавно сообщенія о томъ, что въ Штатахъ находятся извѣстныя лица, имѣющія цѣлью организовать динамитный заговоръ; въ виду того, однако, что свѣдѣнія тѣ не подтвердились официально, они обсуждались въ смыслѣ простаго предположенія; члены кабинета обмѣнялись между собой мнѣніями касательно политики, которой надо было-бы держаться въ случаѣ попытки ирландскихъ дѣятелей произвести изъ Америки нападеніе на Англію. Обсужденіе этого вопроса является несомнѣнно результатомъ какой нибудь частной ноты изъ Лондона.

С М Ъ С Ъ.

О коронаціи русскихъ государей. Въ виду предстоящаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ спѣшимъ познакомить читателей съ нѣкоторыми свѣдѣніями о коронаціи русскихъ царей и съ порядкомъ самаго священнодѣйствія. Первый русскій государь, которому принадлежить починъ установленія у насъ коронаціи, былъ Іоаннъ III, собиратель русской земли. Онъ съ царскою торжественностью короновалъ внука своего Дмитрія (1498 г.) въиномъ и бармахи. наслѣдованными имъ отъ византійскихъ императоровъ въ качествѣ супруга послѣдней отрасли православнаго императорскаго дома. Мирономазаніе при коронаціи первымъ принялъ Іоаннъ IV, котораго съ тѣхъ поръ стало нераздѣльной принадлежностью коронованія каждаго государя. Съ этихъ же поръ государи при коронованіи стали причащаться св. тайнъ. Но Іоаннъ IV принималъ св. тайны не внутри алтаря, какъ это дѣлается теперь, а внѣ его. Въ такомъ же порядкѣ короновались остальные государи. При вѣнчаніи царя Θεодора Алексѣевича мы уже видимъ, что новономазанный государь для принятія св. даровъ былъ царскими вратами введенъ въ алтарь. По чину вѣнчанія Θεодора Алексѣевича было совершено и коронованіе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Со времени Петра Великаго, когда престолъ русской державы облекся новымъ величіемъ, въ вѣнчаніи царей сдѣланы были соотвѣтствующія измѣненія и дополненія.

При коронованіи русскихъ царей до времени Петра Великаго церковь всегда играла первенствующую роль въ лицѣ митрополита или патріарха, который при совершеніи обрядовъ воссѣдалъ на особо устроенномъ возвышеніи рядомъ съ царемъ; онъ же возлагалъ на него знамя царскаго достоинства и изъ своихъ рукъ вѣнчалъ его короною. При коронованіи же императоровъ сложился совершенно иной порядокъ, отличавшійся главнымъ образомъ тѣмъ, что представители церкви становятся уже скорѣе помощниками и свидѣтелями вѣнчанія, чѣмъ совершителями его. Въ такомъ видѣ коронованіе продолжается и до настоящаго времени. Обрядъ этотъ производится въ слѣдующемъ порядкѣ.

Когда Ихъ Величество вступаютъ въ Успенскій соборъ, пѣвчіе поютъ псаломъ: „Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи...“, во время котораго Государь Императоръ и Государыня Императрица прикладываются къ мѣстнымъ иконамъ и затѣмъ садятся на тронъ. Тогда митрополитъ, по древнему обычаю, приглашаетъ Его Величество вопросомъ: „Како вѣруешъ?“ произнести громко Символъ православно-каволической вѣры. Затѣмъ протодьяконъ провозглашаетъ начало литургіи словами: „Благослови Владыко!“ и произноситъ великую эктению, въ которой св. церковь проситъ Царя Царствующихъ прислать благословеніе на главу Царя земнаго и даровъ Духа Святаго, благопотребныхъ въ престошемъ великомъ царскомъ

служеніи. Далѣе служба идетъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ Евангелія митрополиты подносятъ Государю Императору царскую порфиру и Государь при ихъ содѣйствіи возлагаетъ ее на себя. Тогда Его Величество преклоняетъ главу, а первенствующій митрополитъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, возлагаетъ на него крестообразно руки и произноситъ молитву, въ которой проситъ Господа удостоить вѣрнаго раба Своего, Государя нашего, священнаго мирономазанія и дабы облекъ его Своею Божественною силою для великаго подвига царствованія. Затѣмъ митрополитъ подаетъ Государю Императору корону и Онъ возлагаетъ ее на свою главу. Побойнымъ же образомъ митрополитъ вручаетъ Его Величеству скипетръ въ правую руку, а въ лѣвую державу, произнося каждый разъ установленную для сего молитву. Облеченный во всѣ знамя царскаго достоинства, Государь садится на свой царскій престолъ и приглашаетъ къ Себѣ свою Августѣйшую Супругу; Она подходитъ и становится передъ нимъ на колѣни. Государь снимаетъ съ себя корону и касается ею главы Государыни. Въ это время подносятъ малую корону, которую Государь возлагаетъ на Императрицу; затѣмъ дѣлаетъ то же съ поднесенной порфирой и бриллиантовой цѣпью. Послѣ чего Государыня встаетъ и отходитъ на свой престолъ. Протодьяконъ провозглашаетъ многолѣтіе и во всѣхъ церквахъ столицы начинается звонъ и дѣлается 101 выстрѣлъ изъ орудій.

Митрополиты, не сходя съ своихъ мѣстъ, поздравляютъ Ихъ Величества троекратнымъ поклономъ. Когда звонъ и пальба умолкаютъ, Государь передаетъ скипетръ и державу ближайшимъ саповникамъ и преклонивъ колѣна читаетъ вслухъ умолятельную молитву, благодаря Господа за Его неизрѣченныя къ Нему милости. Когда Государь, по окончаніи молитвы, встаетъ, то всѣ присутствующіе въ свою очередь повергаются на колѣни передъ Господомъ и митрополитъ отъ лица всѣхъ произноситъ молитву, которая потомъ ежегодно произносится въ день шествія на престолъ.

Во время причастнаго стиха два архіепископа приближаются къ трону Государя и приглашаютъ Его приблизиться къ Царскимъ вратамъ. Первенствующій митрополитъ омочивъ сучецъ въ Святое миро помазуетъ Его Величество на челѣ, очахъ, ноздряхъ, устахъ, ушахъ и рукахъ, а второй митрополитъ отирлетъ мѣста помазанія хлопчатой бумагой. Въ это время также происходитъ звонъ и 101 выстрѣлъ. Государь отходитъ къ иконѣ Спасителя.

Тогда приближается Государыня и митрополитъ помазуетъ Ее только на челѣ. Она отходитъ къ иконѣ Богоматери. Вслѣдъ за тѣмъ цервоислатель вводитъ Помазанника Божія въ алтарь черезъ Царскія врата, гдѣ Государь и причащается отъ руки митрополита св. Тайнъ, осо о Тѣла и особо Крови Христовой, подобно священнослужителямъ. Государыня Императрица причащается въ Царскихъ вратахъ, по обычаю.

Изъ слѣдующихъ цифръ можно видѣть съ какой быстротой ходятъ курьерскія поезда. Самый быстрый поѣздъ Западной Англійской желѣзной дороги проходитъ разстоянiе между Лондономъ и Крестеромъ, въ 313 верстѣ, въ 4 часа 14 минутъ, останавливаясь на пути четыре раза; средняя скорость его доходитъ до 74 верстѣ въ часъ. Поѣздъ Большой Сѣверной желѣзной дороги отъ Лондона къ Лидсу проходитъ разстоянiе въ 300 верстѣ въ 4 часа, тоже останавливаясь четыре раза, дѣлая 75 верстѣ въ часъ. Поѣздъ Средиземной желѣзной дороги, называемый „Летающій Шотландецъ“, проходитъ разстоянiе въ 683 версты до Глазго, дѣлая въ часъ 65 верстѣ. Поѣздъ Большой Сѣверной желѣзной дороги проходитъ разстоянiе, въ 638 верстѣ, отъ Лондона къ Единбургу, въ 9 часовъ, т. е. 70,6 верстѣ въ часъ, останавливаясь на пути 4 раза. Но самый быстрый поѣздъ въ мiрѣ, Пенсильванскаго желѣзнодорожнаго общества, пролетаетъ 142 версты между Филадельфiей и Джерсей, останавливаясь только одинъ разъ на 100 минутъ и дѣлая 85 верстѣ въ часъ. Между тѣмъ какъ курьерскiй поѣздъ отъ Берлина къ Франкфурту, путь въ 544 версты, проходитъ въ 12 часовъ, т. е. дѣлая 45,5 верстѣ въ часъ. Между Берлиномъ и Гамбургомъ средняя скорость курьерскихъ поѣздовъ равняется 54 верстамъ въ часъ; поѣздъ этотъ проходитъ 294 версты въ 5 1/2 часовъ. Наконецъ между Ганноверомъ и Берлиномъ — 225 верстѣ, поѣздъ проходитъ, дѣлая 66 верстѣ въ часъ, въ 3 часа и 53 минуты.

Замѣчательный инструментъ. Французскiй механикъ Перарь устроилъ, по истинѣ, замѣчательный инструментъ. При помощи его можно миллиметръ, т. е. длину, которую трудно разсмотрѣть при слабомъ зрѣнiи, раздѣлить на 1.500 частей. Онъ специально предназначается для естественныхъ испытателей и медиковъ, которымъ часто приходится измѣрять микроскопическiе предметы, какъ напримѣръ, инфузорiй и кровеносные сосуды.

Въ статьѣ своей объ электрическомъ освѣщенiи, Мерлингъ приводитъ сравненiя, которыя наглядно показываютъ, въ какомъ громадномъ количествѣ единицъ, принятыхъ за основанiе при сравненiи, примѣняется челоукомъ электричество; оно далеко превосходитъ силу пара. Максимумъ работы, которую можетъ производить самая сильная паровая машина, равняется 3-мъ тысячамъ лошадиныхъ силъ. Пароходы въ 2 тысячи силъ имѣютъ уже нѣсколько соединенныхъ машинъ. Между тѣмъ по вычисленiю Мерлинга, дуга электрической лампы, съ силою свѣта въ 1.700 восковыхъ свѣчей, т. е. въ двое сильнѣе чѣмъ, напримѣръ, фонарь Сименса, на Лейпцигской улицѣ въ Берлинѣ, или въ тысячу разъ свѣтлѣе, чѣмъ свѣтъ уличнаго газа, требуетъ такое количество электричества, какое понадобилось бы для трехъ миллиардовъ телефоновъ. Недавно англичанинъ Гордонъ устроилъ динамо-электрическую машину, которая можетъ дать 5 тысячъ раскаленныхъ источниковъ свѣта въ 17 восковыхъ свѣчей каждый; количества электричества этой машины достаточно было бы на 130 миллиардовъ телефоновъ. Интересны также вычисленiя лондонскаго профессора Пресе. Известно, что атлантическiй телеграфъ работаетъ съ тонами болѣе

слабими, чѣмъ телеграфы обыкновенные. Пресе вычисляетъ, что 4, 8 милiона километровъ атлантическаго кабеля заключаютъ въ себѣ столько электричества, сколько нужно въ секунду для накалыванiя источника свѣта въ одной электрической лампѣ. Токъ машины Гордона достаточно силенъ для кабеля въ 24 миллиарда километровъ, т. е. для такого кабеля, который былъ бы въ 160 разъ длиннѣе, чѣмъ разстоянiе между солнцемъ и землею.

Американецъ Томасъ Галль изъ Нью-Йорка изобрѣлъ новый пишущiй аппаратъ, который далеко превосходитъ всѣ до сихъ поръ устроенныя этого рода машины, приводящiяся въ дѣйствiе посредствомъ ударовъ по клавишамъ или нажиманiя штифтовъ, при чемъ главнымъ неудобствомъ ихъ считается то, что приходится дѣлать сильныя надвигиванiя. Работа на аппаратѣ Галля производится пунктиромъ. Пишущiй беретъ штифтъ и вкладываетъ его въ одно изъ 72 отверстiй въ квадратной доскѣ. 26 отверстiй сдѣланы для буквъ большихъ, 26 для малыхъ, остальные для цифръ и знаковь. При легкомъ нажатiи отпечатывается желаемая буква, при чемъ бумага отодвигается влѣво и такъ до конца строки. Весь аппаратъ вѣситъ около 5 1/2 фунтовъ и стоитъ въ Нью-Йоркѣ (улица Бродвей, 853) 30 долларомъ, т. е. 1/4 стоимости всѣхъ до сихъ поръ изобрѣтенныхъ.

РЕБУСЪ. Задача № 24.

СОДЕРЖАНИЕ: Явгская церковь въ Zubовской вол. (Вологодской губернии (съ рис.)). — Дядя Пронофiй и Валетка. Разсказъ графа А. А. Голицына-Нутузова. — Герцогиня Данцигская. Историческiй разсказъ Р. Треннгорста. — Излишества питанiя. Очеркъ Д.—Башня Севастопольскаго Адмиралтейства (съ рис.). — Мехетская церковь (съ рис.). — Нартина Шаплена (съ рис.). — Литературный альбомъ. Майская ночь, пов. Гоголя (съ рис.). — Любопытные дѣсныя обыватели (съ рис.). — Морская царевна (съ рис.). — Живыя привидѣнiя (съ 2 рис.). — Планета Юпитеръ. Очеркъ П. Тунча. — Политическое обзорѣе. — Смѣсь. — Ребусъ. — О переимѣнiи адреса. — Объявленiя. — При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКIЙ МОДЪ“ за Май 1883 г., съ 20 рис. и отдѣльн. листомъ съ 31 рисунками рукодѣльных работъ и 24 выкройками въ натуральную величину.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

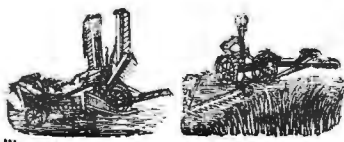
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при переимѣнiи адреса изъ одного города въ другой, присылать прежнiй печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскiе расходы.

Изданiя А. Ф. Маркса.

Спб. Большая Морская, д. № 9.
НИЖНЯЯ ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть В. С. Соловьева. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторiи и въ развитiи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панаева, изъ которыхъ выше помѣщенный одинъ рисунокъ даетъ понятiе объ лѣт. доисторическѣ. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к., для подписки. „Нива“ 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина. Второе изданiе, 89 рисунками автора, большою томъ in—8 всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчикъ „Нивы“ за пересылку не платитъ.

Именъ 250 руб. Носилки 200 руб., съ укупоркой и запасными частями. Единствен. нарочно приспособленныя для русской почвы. Удост. высшей награды на послѣдней московской выставкѣ. Отправлено немедленно по полученiи задатка въ 100 руб. Исх. прод. на всю Имперiю у Г. Варыцаго: Варшава, Влоцлавскiйск., № 2. Каталоги, проспекты и объясненiя по полученiю почтовыхъ марокъ на 14 коп. № 3611 6—1

НАТУРАЛЬНЫЙ

БИЛИНСКIЙ ЗАУЕРЬБРУННЪ!

Давно известнiй цѣлебный источникъ для медуочныхъ болѣзней и болѣзней мочевого пузыря, превосходящiй дiететическiй напитокъ.

Brunnen-Direction въ Вилнѣ (Богемiя).

Депо въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. Ц. № 2594 6—2

Только что отпечатана и поступила въ продажу книга: Путеводитель на св. Афонскую Гору, а также по ея монастырямъ, скитамъ и всѣмъ достопамятнымъ Святынямъ, съ приложенiемъ таблицъ необходимыхъ расходовъ для вѣдущихъ на Афонъ, а также 2-хъ большихъ видовъ св. Афонской Горы. Составилъ и издалъ Е. Фесенко. Одесса. 1883 года. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 70 коп. Выписывающiе 6 экз. за пересылку не платятъ. Главнiй складъ въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ Распанова и въ домѣ № 50 на Нѣжинской у Е. И. Фесенко. № 2602 2—2

БИЛИНСКIЯ ПИЩЕВАРИТЕЛЬНЫЯ ЛЕПЕШКИ. (PASTILLES DE BILIN).

Испытанное средство противъ изжоги, катарра желудка и вообще рекомендуется противъ различныхъ болѣзней пищеваренiя и составляютъ при атонiи желудка и кишечнаго канала истинное сопроавце.

Brunnen-Direction въ Вилнѣ (Богемiя).

Депо въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, также во многихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 2595 6—2

Вышелъ изъ печати и продается у всѣхъ известнѣхъ С.-Петербургскихъ книгопродавцевъ альбомъ

„ДѢТИ“.

Силуэты И. Изенберга. Это цѣлая дѣтская жизнь въ силуэтахъ, изображенная чрезвычайно мѣтко и характерно.—СПБ. 1883 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. № 2620

Настоящiй степной кобылiй КУМУСЪ.

Лечебное заведенiе Аннаева близъ Самары. Подробноости въ брошюрѣ, которая имѣется во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и большихъ городовъ. Адресоваться Г. Аннаеву въ Самару. № 2582 6—3

Изданiя А. Ф. Маркса въ СПБ.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ Марлинск. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., для подписки. „НИВА“ 1883 г. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть В. И. Келсева, съ рисунками Панаева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписки. „Нива“ на 1883 г. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть В. И. Келсева съ рисунками Панаева и Коваренкова. Это историческое сочиненiе изображаетъ въ формѣ повѣсти, Петровское время и его характеръ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Для подписки. „НИВА“ 75 к., съ перес. 1 р.

лярно-лакировальному дѣлу, или практическихъ совѣтахъ по исправленію попорченной старой или новой окраски, предлагаю обратиться ко мнѣ письменно, изложивъ въ подробности причины ихъ неудовольствія или желанія и въ чемъ именно заключается поврежденіе окраски или лакировки, причѣмъ прошу обозначить точный адресъ, имя и фамилію съ приложеніемъ почтовой марки для отвѣтнаго письма, въ коемъ будутъ мною указаны самыя вѣрныя и полезныя свѣдѣнія.

Особенно рекомендую:

приготавливаемую мною готовую, прочную и скоровысыхающую половую краску, разводимую на олеостинѣ, одной изъ лучшихъ скоровысыхающихъ жидкостей, о пользѣ которой я многократно получалъ очень лестные отзывы. О способѣ употребленія этой краски подробно описано въ моемъ прейсъ-курантѣ.

ДЕШЕВО и ПОЛЕЗНО

Экономическая жидкость замѣняющая масло—„КОДИНЪ“.

Жидкость эта по цѣнѣ почти въ половину дешевле масла, въ дѣлѣ нисколько не уступаетъ сортамъ маселъ попроще, съ тою только разницею, что окрашенные ею предметы не будутъ имѣть того блеска. Пригодна для разбавленія всѣхъ масляныхъ красокъ любого колера. Рекомендуется для окраски дачныхъ деревянныхъ и садовыхъ построекъ, железнодорожныхъ и прочихъ сторожевыхъ будокъ, кладовыхъ и сараевъ при казенныхъ постройкахъ, заборовъ и проч.

Въ заключеніе сего честь имѣю просить глубоко-уважаемую публику: имѣющихъ потребность въ краскахъ, почтить меня своими заказами, добросовѣстнымъ и точнымъ исполненіемъ которыхъ надѣюсь заслужить полное ихъ довѣріе.

Имѣю честь быть К. Гофе.

ПРЕЙСЪ - КУРАНТЪ.

№ образ-ца.	описание	цѣна за пудъ.		№ образ-ца.	описание	цѣна за пудъ.	
		Руб.	Коп.			Руб.	Коп.
1	Охра простая	4	80	109	Шведская г аповая (черная)	8	40
2	лучшаго сорта	5	80	110	Черная голландская	7	85
3	французская	6	20	111	Голубая грунтовая	7	85
Половые краски.							
4	Желтая № 1	5	80	112	Голубая краска для окраски церковныхъ кровлей и куполовъ	20	—
5	№ 2	6	60	Какъ специалистъ и знатокъ по лакировальному дѣлу, предлагаю почтеннѣйшей публикѣ употребляемые и мною для работъ, лучшіе сорта лаковъ здѣшнихъ извѣстныхъ заводовъ, имѣющихся въ моемъ складѣ.			
6	Цинковая сѣрая № 1	7	—				
7	№ 2	7	40	Л А К И.			
Бѣлыя масляныя краски.							
8	Шведскій	9	20	Вагонные и экипажныя.			
9	Цинковыя бѣлыя	9	—	113	Экипажный лакъ superfine (Best Wearing body varnish)	39	—
10	Свинцовыя бѣлыя № 0 англійскія	8	40	114	Скоровысыхающій экипажный (superfine) (Best medium Drying body varnish)	39	50
11	№ 1	8	—	115	Экипажный лакъ fine (Best Elastic Carriage varnish).	34	—
12	№ 2	7	40	116	Подготовочный лакъ (Flatting varnish)	30	—
13	Свинцовая грунтовая краска	5	60	117	Лакъ для товарныхъ железнодорожныхъ вагоновъ	24	—
14	Мѣлъ плавленный	4	20	118	Лакъ для черненія желѣза (Best Quick Druing Black Lacker)	22	—
Краски № 1 для комнатныхъ стѣнъ, особенно нѣжныхъ и чистыхъ колеровъ.							
15	Лимонно-желтая	9	80	119	Подмазочный лакъ	12	—
16	Горохово-желтая	9	80	120	Сикативъ (Best Japan gold size).	20	—
17	Оранжевая	9	80	Лаки для малярныхъ работъ въ домахъ, корабляхъ и проч.			
18	Розовая	10	—				
19	Лиловая	10	—	121	Копаловый свѣтло-желтый superfine	30	—
20	Сѣро-лиловая	10	—	122	„ желтый superfine	26	—
21	Изящно-зеленая	12	80	123	„ свѣтло-коричневый fine	21	—
22	Нѣжно-зеленая	11	80	124	Половой лакъ superfine № 0	26	—
23	Грунтовка къ означеннымъ краскамъ	7	40	125	„ „ superfine	21	—
Краски № 2, для комнатныхъ стѣнъ.							
24	Горохово-желтая	8	40	126	„ „ fine	16	50
25	Оранжевая	8	40	127	Эмалевый бѣлый (French Oil varnish).	28	—
26	Розовая	8	80	128	Ламаровый бѣлый fine	21	—
27	Лиловая	8	80	129	Англійск. лакъ (Цинковое масло) по дневной цѣнѣ.	—	—
28	Сѣрая	8	80	130	Лакъ для иконо- и живописи, за фунтъ	2	50
29	Изящно-зеленая	9	20	Масла для разводи красокъ.			
30	Грунтовка къ означ. краскамъ отъ 5 р. 60 к. до	6	—	131	Подсолнечное вареное и очищенное	—	—
Фасадныя краски разныхъ колеровъ.							
№№	85, 86, 89, 90.	6	—	132	Льняное	—	—
„	81, 82, 83, 84, 87, 88.	6	20	133	Половое сушковое	—	—
„	77, 78, 79, 80.	6	40	134	Коноплиное свѣтлое	—	—
„	65, 66, 73, 74, 75, 76.	6	60	135	Экономическая жидкость—„Кодинъ“	3	50
„	41, 42, 57, 58, 61, 62, 63, 64, 69, 70	6	80	136	Скипидаръ по дневной цѣнѣ	—	—
„	39, 40, 45, 46, 49, 50, 55, 56, 59, 60, 67, 68, 71 и 72.	7	20	Кисти:			
„	33, 34, 37, 38, 43, 44, 47, 48, 51, 52	7	40	137	Съ бѣлой щетинной № 1	—	18
„	31, 32, 35, 36, 53, 54.	7	40	138	„ „ „ „ 2	—	22
91	Грунтовка для фасада. красокъ отъ 5 р. 60 к. до	6	—	139	„ „ „ „ 3	—	25
Краски для крышъ.							
92	Мумія № 1.	6	40	140	„ „ „ „ 4	—	30
93	„ № 2.	6	20	141	„ „ „ „ 5	—	45
94	Сурикъ желѣзный	5	90	142	„ „ „ „ 6	—	60
95	Венеціанская красная	7	60	143	„ „ „ „ 7	—	75
96	Помейская красная	6	90	144	„ сѣрой щетинной „ 1	—	15
97	Сурикъ свинцовый (только по заказу)	7	40	145	„ „ „ „ 3	—	20
98	Цинковая зелень № 1 свѣтлая	10	—	146	„ „ „ „ 7	—	70
99	„ „ № 2 средняя	11	—	147	„ „ „ „ 8	1	15
100	„ „ № 3 темная	12	—	148	„ „ „ „ 3/4 фунтов.	1	75
101	Парижская зелень	20	—	149	„ „ „ „ 1 фунтов.	3	—
102	Мѣдянка французская № 1 темная	15	—	150	Круглыя флечи	2	75
103	„ „ № 2 свѣтлая	13	—	Выписывающимъ партіями на 100 руб. дѣлается уступка 3%. Всѣ заказы на краску прошу присылать по возможности заблаговременно, дабы я могъ удовлетворить гг. покупателей своевременной доставкой таковыхъ.			
104	Грунтовая для крышъ, зеленая	7	20				
105	Цинковая сѣрая (хороша для окраски лафетовъ)	7	45				
106	Свинцовая сѣрая	7	10				
107	Каменно-сѣрая	6	80				
108	Графитовая сѣрая	7	45				

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостинный дворъ, №17 и 18.

МОСКВА, Петровка, д. Михалкова.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

„НЕ ВЪ БРОВЬ, А ВЪ ГЛАЗЬ“.
СОБРАНИЕ ЭПИГРАММЪ
ДМИТРИЯ МИНАЕВА.

1 т. въ 24 д. л., 560 стр., изящное миниатюрное издание, отпечатанное эльзевиромъ. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 60 к. Въ богатомъ перепл., съ медальономъ автора, ц. 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ 800 маленькихъ стиховъ въ прозе и безчисленныхъ эпиграммъ, изъ которыхъ въ общемъ составляетъ одна большая и законченная картина современной действительности. „Журнальный муравейникъ“, театр, искусство, молочи и немелочи жизни—ничто не спаслось отъ стрѣлы сатиры автора. Эти эпиграммы отличаются безпристрастностью и не лишены добродушия: самыя ужаснейшій принуждаютъ посмѣяться съ авторомъ.

Книжные магазины Товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, высылаютъ БЕЗПЛАТНО каждому, присылающему 7 коп. марку, полный иллюстрированный каталогъ изданій.

№ 2618 1-1

РУКОВОДСТВО ПРИ ВЫБОРѢ КНИГЪ
или
НОВЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСК. КАТАЛОГЪ ЗА ПОСЛѢДНИЕ ПОЛВѢТА.

Больш. т. въ 8 д. л. Ц 3 р., съ перес. 4 р. Въ прочномъ перепл. 4 р., съ перес. 5 р.

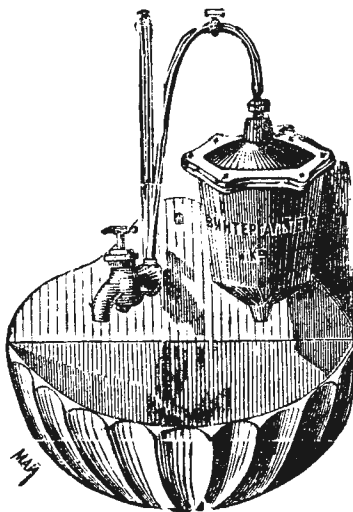
Каталогъ этотъ до такой степени важенъ, что безъ него трудно обойтись каждому, кто хотя стороною, но обязанности или по роду занятій, имѣетъ отношеніе къ книжному дѣлу. Система расположения каталога чрезвычайно практична: каталогъ раздѣленъ на 25 отдѣловъ, согласно содержанию поименованныхъ дисциплинъ, и въ каждомъ отдѣлѣ книги размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ, такъ что даже лицо, незнающее съ литературою предмета и не знающее фамилии автора, легко можетъ отыскать все нужное. Кроме того, многія книги сопровождаются краткою характеристикою ихъ содержания и указаніемъ на болѣе выдающіяся ихъ особенности.

НОВОЕ ПОЛНОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ В. И. ДАЛЯ.

8 т. въ 16 д. л., съ биографіею и портретомъ автора. Ц. 12 р., съ перес. 14 р. 50 к. Въ роскошн. перепл. 17 р., съ перес. 20 р.

Произведеніе Даля, извѣстнаго подъ псевдонимомъ „Казака-Туганскаго“, отличается глубокимъ знаніемъ русской жизни и прекраснымъ, оригинальнымъ, чисто-русскимъ языкомъ. Въ сочиненіяхъ Даля проявился весь его неподажаемый юморъ и чрезвычайная оригинальность рѣчи, чисто народной, такъ что въ этомъ отношеніи Даль является завершителемъ всего сдѣланнаго Державинымъ, Карамзиннымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Литературная форма, избранная Далемъ, удивительно безыскусственна и проста и завлекаетъ къ чтенію новизною и богатствомъ содержания.

ФИЛЬТРЫ
ДЛЯ ВОДОВОДОВЪ.

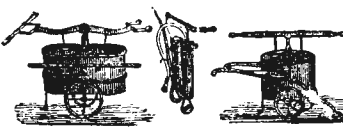

ГОДОВОЙ АБОНЕМЕНТЪ 6 рублей.
УСТАНОВКА БЕЗПЛАТНО.
Въ складѣ воздушныхъ и электрич. звонковъ
ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и Комп.,
у Казанск. моста, по кан., № 12. № 2579

НѢЖНОСТЬ ЛИЦА.
КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ
ЛИЧНЫЕ
УТИРАЛЬНИКИ
КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употреб. сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжаемою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ особенно лицо подвержено вліянію солнца пыли и вѣтра; они единственное вѣрное средство отъ веснушекъ и загара; также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и проч. Ихъ употреб. всегда имѣть при себѣ. Для предупрежденія, прошу требовать на каждой пачкѣ подписи „А. Энглундъ“, крас. черн. — Пачка 60 к., съ перес. не менѣе 2 пач. 2 р.; 4 пач. съ перес. 3 р. — Получать можно въ „Русск. Обществѣ торг. аптекъ товар.“ Казанская ул., д. 12; А. Рузанова, въ Гостинномъ дворѣ, по Зеркальной линіи, № 40 и во всѣхъ аптекарскихъ и парф. торговляхъ. Главный складъ для всей Россіи—С.-Петербургъ, А. Энглундъ, Малая Итальянская ул., д. № 3.

новыя хромолитогр.
ПОРТРЕТЫ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
И
ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
6 верш. вышиною и 4 1/2 верш. шириною, высылаются во всѣ мѣста Россіи обавѣстѣ за одинъ рубль съ пер. Требованія адрес. въ Центральную контору Объявленій, Невскій № 11. 2617 2-1

ПРОТИВЪ ГРОЗНОЙ СТИХІИ.

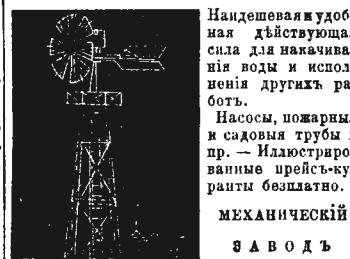
Американскіе пожарные и садовые насосы, новѣйшихъ патентованныхъ конструкцій; превосходятъ по дешевизнѣ и практичности всѣ существующіе до сихъ поръ. Выбрасываютъ въ 1 часъ на высоту 2 до 5 этажей отъ 50 до 360 ведеръ воды. Цѣна имъ на мѣстѣ, въ Варшавѣ, № 6 3 руб., № 1—5 руб., № 2—10 руб.; № 3, съ гуттаперчевымъ шлангомъ, 18 руб.; № 4 такой же, большой, 20 руб.; № 5, съ металлич. коромомъ и шлангомъ, 30 руб.; № 6, на колесахъ, больш., съ кором. и шланг. 45 руб., № 7, двухъ-цилиндр., съ больш. резервуар. и 2 шланг. 80 р., 100 р. и 120 р. (на колесахъ).

Отправка немедленно по получению полной суммы.

Каталоги, проспекты, объясненія за 14 к. порто.

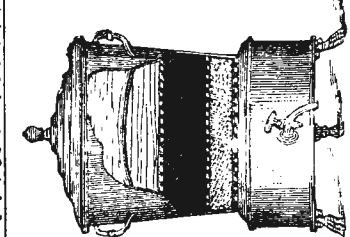
Обращаться въ искл. прод. привилегированныхъ насосовъ на всю Имперію по адресу: Генрихъ Барыцкій—Варшава, Владзимирская, № 2. № 2610 6-1

ВѢТРЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ
Сист. ГАЛЛАДЪ.

Наидешевая и удобная дѣйствующая сила для накачиванія воды и исполненія другихъ работъ. Насосы, пожарныя и садовыя трубы и пр. — Иллюстрированные прейскуранты безплатно.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
АЛЬФРЕДЪ ЛАНГЕНЗИПЕНЪ
С.-Петербургъ. Каменноостров. просп. 39. № 2598 3-2

Необходимо для всѣхъ жаждущихъ здоровья: чистая и свѣжая вода, получаемая лишь при употребленіи новѣйшихъ, усовершенствованныхъ американскихъ фильтровъ, единственной практичной системы „Heugie“. Цѣла на мѣстѣ, въ Варшавѣ: Кухонная отъ 2 р. 50 коп. до 10 р. Буфетная, большія, отъ 12 р. 50 к. до 25 руб. Исключительная продажа на всю Имперію у Г. Барыцкаго: Варшава, Владзимирская, 2. Отправка немедленно по получению полной суммы. Каталоги, проспекты, объясненія высылаются по получению 14 коп. почтовыми марками. № 2613 6-1

ПОЛОТЕНЦА
англійскія, (плотныя и мягкія) весьма удобныя для купанья, 4 р. дюжина. На пробу высылаю 6 полотенецъ (или 1 такую же простыню) за 2 р., перес. за 2 ф. Кошечки можно приложить почт. марк. Оптомъ дешево. Адр. въ единствен. агенту: I. E. Зегимель, Невскій пр. № 4. СШБ.

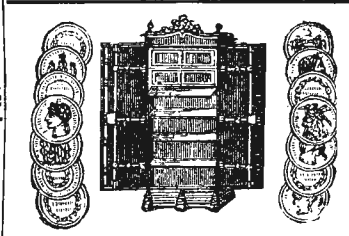
№ 2607 1-1

EAU DE LYS
DE LOHSE.

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе нѣжнымъ.
Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юношескую свѣжесть.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и нѣжною.
Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.
Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ.
БЕРЛИНЪ,

поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.
Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, пармахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.
Eau de Lys de Lohse.
S. № 2604 10-1

Самый лучший источникъ для желающихъ снабдиться огнеупорными и предохраняющими отъ воровъ желѣзными шкафами. Генрихъ Барыцкій: Варшава, Владзимирская, № 2. Проспекты, каталоги, объясненія за 14 к. порто. № 2612 6-1

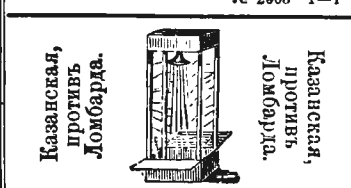

НОВО! 7 антиспиритич. и магическихъ опытовъ (новѣйшихъ фокусовъ, Р. Удана, Казнева, Германа и др.) съ рукоюстоимъ 2 р., съ пересаломъ 14 аппарат. за 3 р. 50 к., 21 аппарат. 5 р. съ перес. Каталогъ высыл. за 7 к. марку. Адр. Бюро объявленій и переводовъ, Невскій пр. № 4. СШБ. № 2608 1-1

ОБЩЕПОЯТНАЯ ГИГИЕНА.

Основы здравохраненія общественнаго и личнаго, съ указаніемъ на устройство и жизненные отравленія человѣческаго тѣла, происхожденіе и общее теченіе болѣзни и подачу первой помощи въ случаѣхъ угрожающихъ жизни. Доцента ИР. СВВОРЦОВА. Ц. 4 руб., въ перепл. 4 р. 50 к.; за перес. 40 к.

Рецензентъ этого сочиненія заканчиваетъ свою статью, помѣщенную въ „Обзорѣ народно-учебной литературы“—дополненіе 1-е, стр. 88, слѣдующими словами: „Какъ книга для чтенія образованныхъ лицъ, сочиненіе г. Скворцова въ высокой степени поучительно и полезно. Оно—повторяемъ—удивляетъ вполнѣ вполнѣ современными научными требованіями, представляетъ громадную массу свѣдѣній, изложеною хорошимъ, литературнымъ и общедоступнымъ языкомъ, а—главное—съ большимъ успѣхомъ высказываетъ читателю важность гигиены, какъ науки, въ ея теоріи и практикѣ, въ ея отношеніи къ всевозможнымъ отраслямъ человѣческихъ знаний. Появленіе подобнаго сочиненія въ русской печати вполнѣ желательна, въ особенности, когда они и по содержанию, и по цѣлѣ своей подходятъ къ средствамъ большинства, а не меньшинства читателей.“ № 2603 1-1

ФАБРИКА Ф. БИНГА,
преемникъ УРЛАУБЪ,
предлагаетъ разнаго рода
души, ванны, новолушечныя ванны печи,
лейки, кѣтши, садики, лампы, подсвѣчники,
фонари, керосиновыя плиты и проч. и проч.

ЛУЧШІЙ ВЫБОРЪ
надгробныхъ вѣнковъ
изъ лакированной жести
съ богатыми фарфоровыми цѣтками
отъ 1 р. 50 к. до 15 р.
№ 2601 4-2

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ
Н. П. ЛАНИНА,
ВЪ МОСКВѢ,

удостоенное МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двума медальями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемірныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью.
неуступающее хорошимъ французскимъ маркамъ,
по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут.
(прямо съ фабрики).
ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ общіхъ столичныхъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣній въ Азіи.
№ 2435 10-9

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ
№ 19

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к. Выданъ 7 Мая 1883 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для за гран.) за строку непарель (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
 Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.
 Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.
 Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
 Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Н И В ъ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногород. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЕЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ. ВЪ Д. № 9 и ОТКРЫТА КРОМѢ ПРАЗДНИКОВЪ ЕЖЕДНЕВНО отъ 10 час. утра до 6 час. вечера.

Памятникъ на мѣстѣ монастыря св. Ирины въ Кіевѣ. Рис. съ натуры В. Суслевъ, грав. М. Рашевскій.

Памятникъ Св. Ирины въ Кіевѣ.

Кто былъ въ Кіевѣ, тому конечно приходилось съ любопытствомъ останавливаться передъ небольшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ на Владимірской улицѣ, неподалеку отъ ограды Софійскаго собора. Этотъ памятникъ слыветъ въ народѣ подъ именемъ памятника Св. Ирины и воздвигнутъ въ 1855 году на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по предположенію нашихъ археологовъ, существовалъ при Ярославѣ монастырь Св. Ирины. Мы говоримъ, по предположенію, въ томъ смыслѣ, что и до сихъ поръ многіе знатоки кіевскихъ древностей еще не вполне согласны, что именно здѣсь была построена та обитель, которая была воздвигнута мудрымъ основателемъ Кіева въ честь имени своей жены княгини Индигерды, названной въ Св. крещеніи Ириною, а по принятіи монашества Анною. Что же касается показанія лѣтописи о мѣстѣ нахождения Иринеискаго монастыря, то Несторъ только упоминаетъ, что Дирова могила „за святою Орипою“, но конечно такой намекъ былъ лишь ясенъ для современниковъ и совершенно непонятенъ для насъ, для которыхъ мѣстоположеніе могилы Дира также осталось археологической загадкой. Въ этомъ отношеніи судьба Иринеискаго монастыря тождественна съ судьбою многихъ древнѣйшихъ построекъ Кіева. Съ 1240 года этотъ монастырь оставался много вѣковъ въ развалинахъ, отчего утратилось указаніе и самаго мѣста его уцѣлѣвшихъ остатковъ, исчезнувшихъ въостѣдствіи окончательно подъ насыпью вала. Лишь въ 1833 году одинъ изъ кіевскихъ археологовъ К. А. Лохвицкій, началъ производить раскопки въ излучинѣ древняго городского вала, неподалеку отъ ограды Софійскаго собора и тогда же ему уда-

лось открыть большую часть церковныхъ стѣнъ, которыхъ кладка, кирпичъ и цементъ имѣли большое сходство съ матерьялами первобытныхъ кіевскихъ построекъ эпохи Ярослава. При дальнѣйшихъ раскопкахъ найдено нѣсколько гробницъ краснаго шифера, обломки церковныхъ вещей и остатки фресковъ, сохранившихся на внутреннихъ стѣнахъ развалинъ. Очищенное отъ земли основаніе древняго храма имѣетъ видъ продолговатаго параллелограмма, котораго одна длинная сторона обращена къ востоку, а противоположная къ западу. Въ восточной части очищеннаго пространства замѣтны слѣды алтаря съ двумя палатками и кромѣ того уцѣлѣли еще четыре массивныя четвероугольныя подпоры, поддерживавшія нѣкогда собою средній куполъ храма. Впрочемъ эти любопытныя развалины къ сожалѣнію еще не вполне изслѣдованы и покрыты еще слоемъ земли, особенно въ западной части; упоминаемый же нами въ началѣ статьи памятникъ воздвигнутъ въ центрѣ древняго храма, находящагося нынѣ среди Владимірской улицы.

Самый памятникъ, напоминающій Кіевлянамъ объ ихъ дорогой, надревнѣйшей святинѣ, состоитъ изъ четвероугольнаго, невысокаго столба, покрытаго острокопечнымъ изъ бѣлой жести куполомъ, увѣнчаннымъ золотымъ крестомъ. Памятникъ обнесенъ невысокой чугунной рѣшеткой и на одной его сторонѣ видна бронзовая доска, на которой начертано время открытія Иринеискихъ развалинъ — событія не маловажнаго въ лѣтописяхъ нашей отечественной археологической науки.

Дядя Прокофій и Валетка.

Разсказъ графа А. А. Голенищева-Кутузова.

(Окопачіе).

IV.

Сосѣди, съ которыми намѣревался перетолковать дядя Терентій, сочувственно отнеслись къ бѣдственному положенію всѣмъ имъ хорошо извѣстнаго Прокофія Ильича. На сходкѣ порѣшили предоставить въ его пожизненное владѣніе избушку, стоявшую пустую послѣ смерти бобылки Маланы, въ воздаяніе за что Прокофій Пльичъ обязался выставить три ведра вина. Въ село немедленно была послана подвода; парень, взявшійся за исполненіе порученія, получилъ деньги и во всю прыть погналъ лошадедку. Черезъ нѣсколько часовъ вся деревня, несмотря на то, что день былъ сѣрый и холодный, приняла праздничный видъ. Прокофій Пльичъ, переименованный въ дядю Прокофія, какъ хозяинъ праздника, былъ предметомъ всеобщаго вниманія. Хозяйка дяди Терентія взялась печь ему хлѣбъ; дядя Фролъ самъ вызвался съѣздить въ сосѣдній лѣсъ за дровами. Даже Валетка участвовалъ въ общемъ торжествѣ: ребята подчивали его морковью и брюквой, отчего онъ однако отворачивался съ презрѣніемъ. Въ заключеніе: дядя Терентій, дядя Фролъ и еще нѣсколько мужиковъ, изъ болѣе выжившихъ, захотѣли проводить старика до избушки. Избушка эта была та самая, описаніемъ которой я началъ свой разсказъ. Подошелъ къ ней дядя Терентій, оторвалъ доску, прибитую поперекъ двери, и небольшая толпа вошла во внутренность новаго жилища дяди Прокофія.

— Владай!—не безъ торжественности произнесъ дядя Терентій.—Дай тебѣ Богъ въ часъ добрый!..

Въ избѣ было холодно, какъ на дворѣ, потому что окно было безъ стеколъ, одна изъ стѣнъ пропускала сквозь щели дневной свѣтъ, съ потолка капалъ дождь; но всѣ эти недостатки были признаны поправимыми или неважными. Потолковавъ немного и объявивъ новому одноподверенцу свое удовольствіе за угощеніе, мужички воротились по домамъ. Начиная смеркаться, дядя Прокофій плотно притворилъ ставень въ окнѣ, положилъ шкатулку на полку, снялъ тулупъ, свернулъ его, бросилъ на печь и самъ влѣзъ туда же. Валетка прыгнулъ за нимъ.

— П ты ко мнѣ?—обратился къ собакѣ дядя Прокофій, сильно подвыпившій.—Ну ложись... ложись... ближе

ложись! Насъ съ тобой согнали съ нашего стараго пещища; убирайтесь, молъ, къ чорту негодное старье!.. Ну, мы и ушли; только съ нами не чортъ, а Богъ.. чортъ-то въ усадьбѣ жить остался... Охъ ты звѣрь этакой!—продолжалъ онъ, глядя Валетку.—Ишь, вѣдь, за мной ушелъ, не остался на барскихъ хлѣбахъ. Кабатчикъ говоритъ: продай! а я ему говорю: ни-ни, голубчикъ, того не будетъ, чтобы я Валетку продалъ, потому онъ, хоть и несъ, а людей, какіе они есть, почитать умѣетъ. Кто такой Прокофій? А?—Ну, говори, кто такой Прокофій?

Валетка лизнулъ на удачу и оказалось, что онъ лизнулъ хозяина въ самый носъ.

— Вотъ то-то и есть!—отвѣчалъ тотъ.—Прокофій человекъ хорошій, Прокофій вѣрой и правдой барину шестьдесятъ пять лѣтъ служилъ... и Никита Иванычъ, дай ему Богъ царство небесное, никогда бы его не прогналъ и не продалъ бы никому... А ты, что такое Валетка? а?—говори песь, что ты такое?

Валетка, услышавъ свое имя, опять засуетился, какъ будто хотѣлъ сказать что-то, и зѣвнулъ.

— Вѣрно!—отозвался Прокофій.—Ты мой песь... мой слуга неизмѣнный... и жить въ усадьбѣ не остался—и я тебя за это никогда никому не продамъ... потому на мнѣ крестъ есть... Такъ, стало быть, какъ теперь зажили вмѣстѣ, такъ и до смерти... вѣрно!—И согрѣвая другъ друга, старикъ и собака крѣпко уснули на новосельѣ.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, дядя Прокофій занялся устройствомъ своего хозяйства и мало-по-малу съ помощію добрыхъ людей привелъ избушку въ такое состояніе, что въ ней можно было прожить зиму. Валетка скоро принаровился къ двери и безъ посторонней помощи отворялъ ее изнутри и извнѣ, потому что замка не было, да и вѣсить его было не для чего.

Наступила зима. Нѣсколько дней морозило, нѣсколько дней сряду шелъ снѣгъ, наконецъ, небо прояснилось и восходящее солнце освѣтило преобразившуюся землю. Все кругомъ блистало ослѣпительной бѣлизной. Свѣтлый дымокъ, сгущенный морозомъ, не расходился въ синемъ небѣ и шапочкой стоялъ надъ каждой трубой; воздухъ былъ прозраченъ и звученъ; человѣческіе голоса, раз-

дававшиеся въ деревнѣ, далеко разносились въ поляхъ, достигали лѣса и возвращались назадъ, отраженные его мохнатой, посѣдѣлой стѣной. Все было весело и улыбочиво. Сидитъ дядя Прокофій въ своемъ тулупчикѣ передъ избушкой и подобно вѣзмъ настроенъ приятно. Ему хочется съ кѣмъ нибудь поболтать, но никого нѣтъ, даже Валетка убѣжалъ въ деревню. Дядя Прокофій принимается свистать. Черезъ нѣсколько минутъ Валетка является.

— Гдѣ ты пропалъ? — обращается къ нему дядя Прокофій.

Валетка садится передъ нимъ и глядитъ ему въ глаза.

— Небось все за Фроловой жучкой бѣгалъ? А?

Валетка поднимается на ноги и лебезить.

— Нѣтъ-то въ тебѣ совѣсти ни крошки, старый ты пестъ! Измѣнилъ ты своему хозяину, домой не заманишь.

Валетка ложится.

— А помнишь, какъ мы бывало съ тобой за зайцами ходили? Улюлю! Шершъ! Здѣсь! — вскрикиваетъ старикъ и рукой указываетъ въ сторону.

Валетка вскакиваетъ, дѣлаетъ нѣсколько высокихъ прыжковъ по снѣгу по направленію руки, оглядывается во всѣ стороны, слушаетъ...

— Дуракъ ты — больше ничего! Ну куда ужъ намъ съ тобой теперь за зайцами гоняться! Поди, лови ихъ! нѣтъ ни одного!

Валетка начинаетъ визжать, подбѣгаетъ, лижетъ руки, сапоги и тулупъ...

— Пойдемъ-ка домой!

И оба скрываются въ дверяхъ избушки.

Палацка часто прибѣгаетъ къ дядѣ Прокофію почитать и послушать, какъ онъ рассказываетъ о барскомъ житѣ-бытѣ; но ей не всегда досужно и, случается, что два-три дня проходятъ и никто не заглядываетъ въ одинокую обитель старика. Тогда онъ скучаетъ и по ночамъ его томитъ безсонница. Съ вечера и до утра не можетъ онъ сомкнуть глазъ и нападаетъ на него какой-то страхъ, и кости ноютъ, и въ ушахъ шумитъ. Тогда онъ шепчетъ молитвы, по нѣскольку разъ сряду читаетъ „Вѣрую“ или старается занять память воспоминаніями. Два событія особенно часто приходятъ ему на умъ и онъ невольно на нихъ останавливается, воскрешая и даже придумывая подробности, всматривался въ давно промелькнувшіе передъ нимъ образы.

Во первыхъ, представляется ему теплое июльское воскресенье. Баринъ подъ вечеръ уѣхалъ къ сосѣду на именины; дворовые разбрелись во всѣ стороны: кто по-старше, съ бурмистромъ во главѣ, направились къ селу, въ кабакъ — молодежь, и въ томъ числѣ Прокофій, собралась передъ людскимъ флигелемъ, возлѣ котораго на скамейкѣ усѣлись дѣвки и пѣли пѣсни. Прокофій, по желанію барина обученный искусству играть на гитарѣ, потѣшалъ присутствующихъ музыкой. Мало-по-малу пѣсни перешли въ пляску, пляска въ бѣготню по улицѣ, по саду, по всей усадьбѣ. Солнышко сѣло и становилось темно, особенно въ старой липовой аллеѣ, ведущей отъ барскаго дома къ озеру. Утомленный и распотѣвшій, Прокофій шелъ по этой аллеѣ къ дому и мурлыкалъ про себя пѣсню, тихо потрогивая пальцами струны гитары. Вдругъ позади него послышался шорохъ, кто-то выбѣжалъ изъ густыхъ кустовъ акации и схватилъ его за фалды сюртука. Прокофій оглянулся и увидѣлъ передъ собой дочь садовника, Глашу, которая изъ дворовыхъ дѣвокъ нравилась ему вѣкъ больше, потому что лицо у нея было круглое, щеки румяныя, глаза веселые и зубы бѣлые.

— Подъ-ка сюда, что я тебѣ скажу! — прошептала Глаша, и повлекла Прокофія за собою въ темную чащу кустовъ. Прокофій молча повиновался.

— Ну что? — опять зашептала Глаша, останавливаясь. — Ты испугался, какъ я тебя за фалды-то поймала? говори...

— Испугался.

— Я такъ и знала. А что я тебѣ теперь хочу сказать? Отгадай.

— Не знаю.

— Ну вотъ — не знаю! Ты отгадай.

— Скажи.

— Ишь какой! ему такъ прямо и говори все, что думаешь!

— Да вѣдь ты меня за этимъ и звала.

— Мало ли чего нѣтъ!

Наступило молчаніе; только слышно было, какъ Глаша тихонько смѣялась, да гдѣ-то далеко въ поляхъ кричалъ коростель. Потомъ дѣвушка быстро схватила Прокофія за руку, поднялась на цыпочки и надъ самымъ ухомъ быстро проговорила: „Ты мнѣ больно любъ, женись на мнѣ!“ — Затѣмъ губы ея прильнули къ уху и раздался звонкій поцѣлуй.

— Вотъ тебѣ за это! — добавила она, отпрыгнувъ въ сторону.

Прокофій былъ оглушенъ. Онъ оторопѣлъ, гитара выпала изъ рукъ, сердце застучало, какъ молотокъ; онъ кинулся къ Глашѣ, крѣпко обнявъ ея толстенный, молодой станъ, не помня себя отъ радости: но въ эту самую минуту до слуха его явственно долетѣлъ знакомый стукъ барской коляски, въѣзжавшей въ усадьбу. Онъ остановился и прислушался.

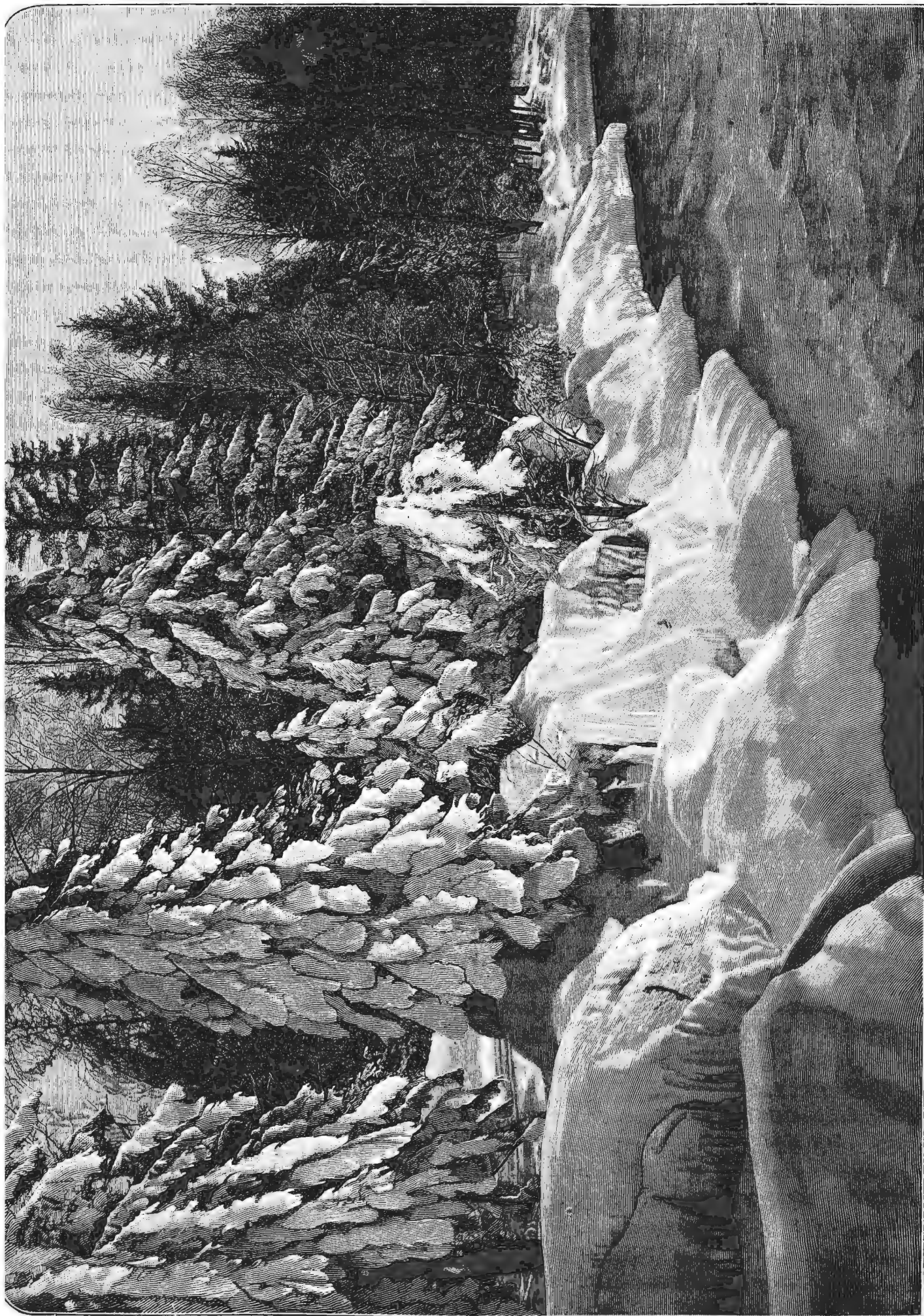
— Ну да, — капризно заговорила Глаша, баринъ ѣдетъ домой, баринъ сейчасъ тебя спроситъ; а ты все-таки меня поцѣлуй, я тебя поцѣловала и ты меня поцѣлуй и ничего дурнаго отъ этого не выйдетъ... Ну же!..

Прокофій махнулъ рукой.

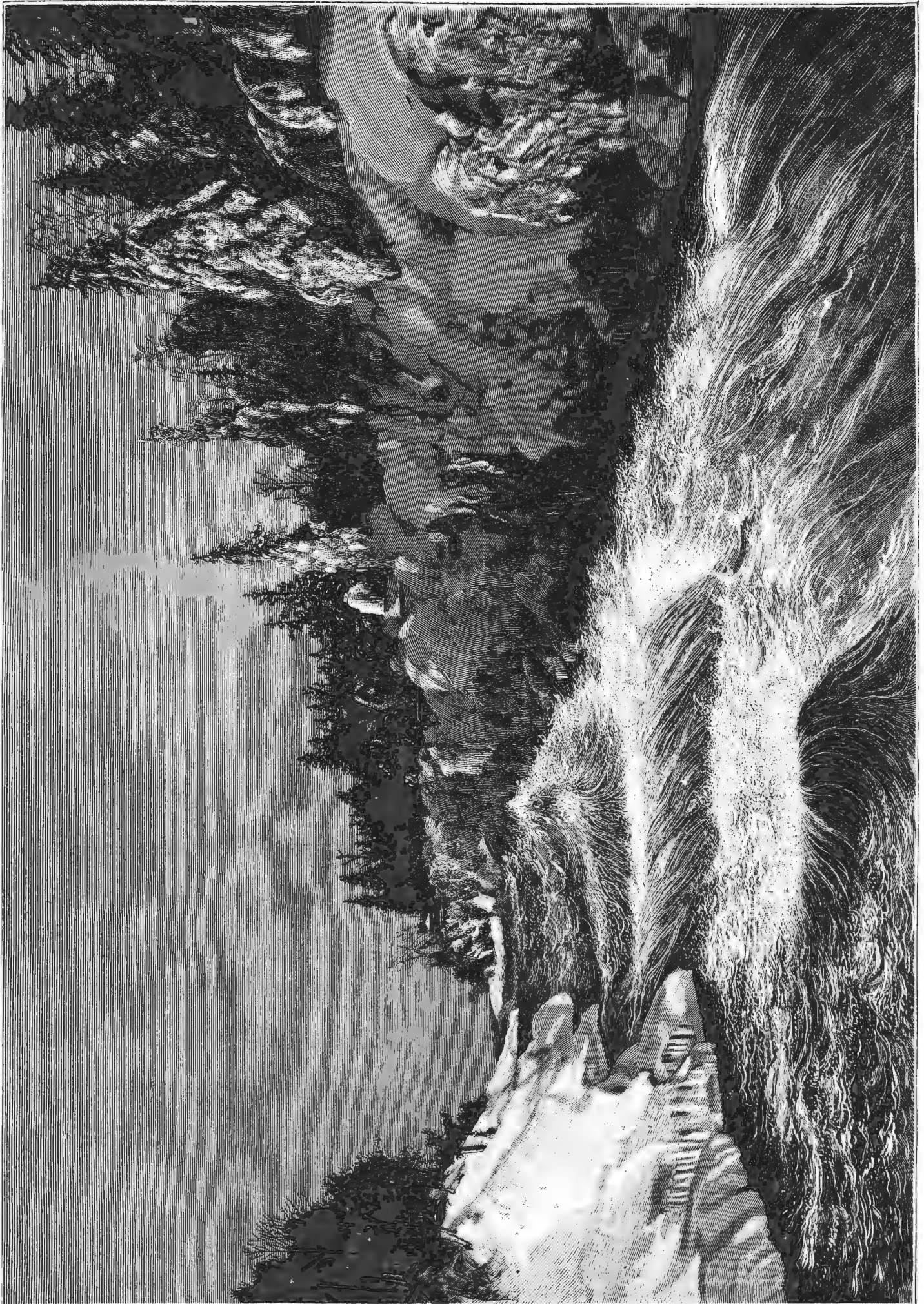
— Эхъ, пропадай голова! — громко сказалъ онъ, и второй поцѣлуй, громче и слаще перваго, потому что въ немъ одномъ слилось два, прозвучалъ въ чуткой тишинѣ июльской ночи.

Не разъ послѣ того видался Прокофій съ Глашей ночью, тайкомъ, подъ темными лианами барскаго сада; часто и крѣпко они цѣловались, много говорили другъ другу ласковыхъ словъ, но все это слилось въ памяти дряхлаго дяди Прокофія въ одно туманное воспоминаніе о чемъ-то очень хорошемъ. Ясно могъ онъ себѣ представить только первое свиданье и первые поцѣлуи.

Второе памятное событіе въ жизни дяди Прокофія относится уже къ гораздо позднѣйшему времени, а именно: это было за два года до переселенія его въ деревню Шавригино. Старенецъ становился баринъ Никита Ивановичъ, силы его съ каждымъ днемъ видимо угасали, но онъ, казалось, самъ того не замѣчалъ. Любимая охота его была ружейная, — онъ даже зайцевъ не травилъ, а стрѣлялъ изъ-подъ гончихъ. Собрался Никита Ивановичъ въ началѣ сентября на первое осеннее поле. День былъ сѣрый, но дожди не было; дулъ свѣжій вѣтерокъ, листья на осинахъ и березахъ желтѣли и обваливались; въ поляхъ зеленѣла озимь; заяцъ началъ литься. Несмотря на всѣ эти благоприятныя для охоты обстоятельства, баринъ всталъ по утру съ постели лѣвой ногой: ему нездоровилось, ему было лѣнь натягивать длинные, тяжелые сапоги, застегивать венгерку, подпоясываться... Эхъ-хе-хе! — вздыхалъ онъ про себя, осматривая залежавшееся ружье, и тутъ только въ первый разъ замѣтилъ, что глаза его, до того времени свѣжіе и зоркіе, съ трудомъ могли разобрать мелкую надпись на стволахъ, обозначающую имя фабриканта. До чтенія вообще онъ былъ не охотникъ. Газетъ не выписывалъ, книгъ не покупалъ. Вспоминалъ онъ одною, что на полкѣ въ кабинетѣ уже нѣсколько лѣтъ является старый календарь. Онъ приказалъ Прокофію подать его, развернулъ, посмотрѣлъ на печать и убѣдился, что глаза его дѣйствительно подверглись вліянію все-разрушающей старости. Открытіе это поразило его самымъ неприятнымъ образомъ. Онъ швырнулъ книгу подъ столъ, глубоко вздохнулъ и, взявъ ружье, молча вы-

Видъ берега водопада Иматра зимою. Съ фотогр. Е. П. Вышнякова, грав. М. Рашевскій.

Видъ береговъ водопада Имагра зимою. Съ фотогр. Е. П. Вышнякова, грав. М. Рашевскій.

шелъ на крыльцо. Коляска была уже подана. Гончія прыгали и визжали вокруг лошадей; барскій любимецъ Заливай безцеремонно прыгнулъ въ коляску. Прокофій сѣлъ на козлы и крикнулъ кучеру: пошелъ!

Дядя Терентій съ раннего утра уже отправился пѣшкомъ на мѣсто охоты и дожидался барина на опушкѣ лѣса, гдѣ, по его словамъ, зайцевъ было столько, какъ будто ихъ лѣшій туда согналъ со всего уѣзда.

Однимъ словомъ, все шло обыкновеннымъ порядкомъ; а между тѣмъ Никитѣ Иванычу думалось, что ничего не клеится; ему казалось, что гончія съ утра накормлены, — хотя Прокофій хорошо зналъ свое дѣло и еще накануне заперъ собакъ въ чуланъ, поставивъ туда только шайку воды. „Прежде холопы меня боялись, а теперь на старика и плевать не хотятъ“, — пробормоталъ баринъ. Дорогой онъ озябъ, чего въ такую погоду съ нимъ прежде никогда не случалось, потому что венгерка его была вся подбита плотной мерлушкой. Затѣмъ, выѣзая изъ коляски, онъ оступился и чуть было не упалъ; пройдя до лѣса, всего съ четверть версты, почувствовалъ усталость и принужденъ былъ сѣсть на пенъ, чтобы отдохнуть. Но болѣе всего досаждала ему мысль о слѣпотѣ: онъ пристально вглядывался въ предметы и ему чудилось, что подробности ихъ ускользали отъ его взора, и чѣмъ болѣе напрягалъ онъ зрѣніе, тѣмъ туманнѣе все становилось кругомъ. Онъ закурилъ сигару и сталъ дожидаться.

Дядя Терентій, по обыкновенію, не ошибся въ расчетѣ — гончія скоро отыскали зайца и залились тѣмъ многозвучнымъ, волкообразнымъ, гармоническимъ лаемъ, который такъ пріятно щекочетъ слухъ истиннаго охотника. Сдѣлавъ небольшой кругъ, заяцъ вернулся къ опушкѣ и выѣжалъ на поляну. Никита Иванычъ выстрѣлилъ, взглянулъ — заяцъ, приложивъ уши, пронесся мимо него и скрылся въ противоположномъ островѣ. Никита Иванычъ, не сказавъ ни слова, зарядилъ ружье и опять сѣлъ на пенъ. Онъ ожидалъ этого промаха и рѣшился дожидаться еще двухъ. Между тѣмъ гончія перевалились черезъ поляну, опять завернули зайца и выгнали на барина. Послѣдовалъ второй промахъ.

— Не выждали! — крикнулъ неподалеку стоявшій Прокофій.

— Молчи, дуракъ! — сердито отозвался Никита Иванычъ и, тяжело переваливаясь съ ноги на ногу, побрелъ по направленію, откуда слышался лай.

Вдругъ онъ затрясся всѣмъ тѣломъ, широко раскрылъ глаза, прицѣлился, опустилъ ружье, потомъ опять прицѣлился. Заяцъ, обманувъ собакъ, былъ уже опять на полянѣ и сидѣлъ передъ нимъ въ двадцати шагахъ. Выстрѣлъ грянулъ, Никита Иванычъ бросился впередъ... дымъ разогнало, но на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ заяцъ, торчала пустая кочка. Стонъ вырвался изъ груди Никиты Иваныча; онъ поднялъ глаза и увидалъ, что Прокофій цѣлился.

— Стой! — раздался грозный голосъ; но было уже поздно, Прокофій спустилъ курокъ и заяцъ кубаремъ покатился по травѣ.

Неожиданнымъ результатомъ всего этого было то, что баринъ, подзвавъ къ себѣ торжествующаго Прокофія, приказалъ ему немедленно перевѣшать всѣхъ собакъ. Прокофій остолбенѣлъ.

— Да за что-же-съ? — пролетѣлъ онъ, ничего не понимая.

— За что? — заревѣлъ Никита Иванычъ, бросая ружье о землю и сжимая кулаки. — А за то, что твой господинъ ни къ чорту больше не годится, что даромъ кормить собакъ срамъ, что продавать ихъ позоръ...

— Помилуйте! — началъ было Прокофій, но тотъ его не слушалъ.

— За что? — продолжалъ онъ, приходи все въ большее остервенѣніе. — За то, что надо мной теперь кусты смѣяться станутъ; за то, что я оглохъ, ослѣпъ, обезси-

лѣлъ, одурѣлъ, что мнѣ теперь на печи лежать, а не на охоту ходить, что мнѣ умирать пора!..

Онъ закашлялся и отвернулся.

— Да какъ-же это такъ? — недоумѣвалъ Прокофій. — Неужели и Заливая?

— Всѣхъ, говорятъ тебѣ, всѣхъ! — закричалъ опять Никита Иванычъ. — И если ты, старый хрѣнь, хоть одну въ живыхъ оставишь посмѣешь, такъ я тебя самого...

Онъ не докончилъ, быстрыми шагами пошелъ къ прибившейся коляскѣ, сѣлъ и уѣхалъ домой.

Черезъ нѣсколько времени Прокофій, блѣдный и мрачный, входилъ въ кабинетъ. Никита Иванычъ, закинувъ руки за голову, лежалъ на отоманкѣ и пристально глядѣлъ въ потолокъ.

— Ну что? — спросилъ онъ, не двигаясь.

Прокофій молчалъ. Въ первый разъ въ жизни онъ положительно не одобрялъ распоряженія господина и дулся.

— Исполнилъ? — спросилъ опять баринъ.

— Исполнилъ, — отвѣчалъ Прокофій.

— И Заливая?

— И Заливая.

Никита Иванычъ внезапно сморщился и захныкалъ. — Прокофьюшка! Ты на меня не сердись, — простоналъ онъ сквозь слезы.

Отвѣта не было. Прокофій сурово повернулся, пошелъ въ свою коморку и, заперевъ за собою дверь, взглянулъ подъ кровать.

Тамъ, свернувшись, лежалъ Валетка и, съ просонья не узнавъ Прокофія, зарычалъ.

— Что ты, Богъ съ тобой! — испуганно окликнулъ его Прокофій. — Вѣдь я тебя вѣшать не стану... вѣдь я не... онъ хотѣлъ было сказать: злодѣй какой, но остановился и сталъ ласкать собаку, которая, сознавъ свою ошибку, легла къ нему на колѣни.

Вотъ что припоминалъ дядя Прокофій, лежа на печи и тщетно стараясь отогнать овладѣвавшій имъ страхъ. Его мучила мысль, что онъ своимъ молчаніемъ огорчилъ и безъ того разстроеннаго барина и что Валетка зарычалъ на него потому, что чуялъ послѣ какого тяжелаго дѣла онъ вернулся домой. „Да что же утро не приходитъ?“ — шепталъ онъ, крестясь, и съ головой завертывался въ тудунъ. Утро приходило и дядя Прокофій, утомленный и измученный, забывался краткой дремотой.

V.

Дядя Прокофій не дождался весны. Послѣ новаго года онъ захворалъ, а хворать въ семьдесятъ лѣтъ опасно: того гляди, закашляешься и умрешь. Но смерть дяди Прокофія была нѣсколько иная: онъ и Валетка окончили свое земное существованіе такъ же, какъ и влачили его, — вмѣстѣ. Вотъ какъ это случилось:

Старикъ уже болѣе двухъ недѣль не слѣзалъ съ печи: у него распухли ноги и грудь заложило такъ, что дышать было трудно. Однажды Паланька, забѣжавъ къ нему, не получила отвѣта на обычное привѣтствіе. Въ избушкѣ было почти совсѣмъ темно, ставень былъ притворенъ — должно быть, вѣтеръ сослужилъ эту послѣднюю службу дядѣ Прокофію. Паланька взобралась на печь и испугалась: старикъ лежалъ неподвижно, съ полукрытымъ, хрипящимъ ртомъ, съ взерошенными волосами, съ глазами мутными, безвзглядными.

— Дядя, а дядя! — шеннула Паланька.

Отвѣта не было.

— Дядя Прокофій.

— Ой! — тихо вздохнула грудь.

— Что съ тобой? ты нездоровъ?

Вздерошенная голова мотнулась въ знакъ согласія.

— Не пужно ли тебѣ чело?

Голова мотнула отряпаніе.

— Поѣшь,—посоветывала Паланька, сунувъ въ отвалившуюся руку дяди Прокофія ломоть чернаго хлѣба.

Рука не приняла, но губы зашевелились.

— Смерть пришла... ничего не подѣлаешь...

Паланька прыгнула съ печи и выбѣжала за дверь. Часа черезъ три она опять вернулась и вѣзла на печь.

— Дядя, а дядя!

— Ой!

— Батька пришелъ.

— Какой батька?

— Нашъ батька—отецъ Ѳеодосій.

— Пошто?

— Напутствовать, произнесъ басистый голосъ отца Ѳеодосія, вошедшаго въ избушку и отдиравшаго ледяныя сосульки съ бороды и усовъ.

Старикъ ничего не понялъ; въ головѣ его только мелькнула мысль: какъ хотять. Потомъ онъ забылся.

Была ночь, когда дядя Прокофій открылъ опять глаза. На дворѣ бушевала мятель—одна изъ тѣхъ мятелей, когда мракъ, холодъ и снѣгъ, обнявшись, пляшутъ безъ усталы, поютъ безъ умолку, рыдаютъ и смѣются, какъ пьяные въ разгарѣ дикой игры. Нѣтъ ни неба, ни зем-

ли! Все смѣшалось въ массу безпредѣловъ и формъ, въ одинъ чудовищный, безмысленный хаосъ. Вдругъ чудятся дядѣ Прокофію, что въ этомъ хаосѣ кто-то лаетъ, визжитъ, реветъ—должно быть Валетка. Это былъ дѣйствительно онъ. Забытый и голодный, несъ съ вечера убѣжалъ въ деревню и теперь возвращался домой. По дорогѣ, внезапно, онъ остановился, понюхалъ воздухъ, оцѣтенился и залаялъ. Что-то страшное приближалось къ нему. Въ одно мгновеніе ока домчавшись до двери избушки, Валетка сталъ усиленно царапаться, но дверь не отворилась, ее занесло снѣгомъ. Раздался еще лай, потомъ шумъ борьбы, ревъ... въ избушкѣ что-то тяжело рухнуло, застонало и захрипѣло.

Еще сердитѣ завылъ вѣтеръ и закружилась мятель: по живыхъ звуковъ болѣе не было слышно, потому что Валетку съѣли волки, а дядя Прокофій, услышавъ отчаянный вопль погибающаго товарища, метнулся въ сторону, хотѣлъ что-то предпринять—должно бытъ, помочь.—упалъ съ печи и кончился. На слѣдующее утро Паланька нашла на полу уже совершенно холодный трупъ, а отъ Валетки ничего не осталось.

Избушка дяди Прокофія опять стоитъ пустая, тропинки къ ней нѣтъ, дверь заколочена и крыша сосѣмъ почти обвалилась. Но дядя Терентій и дядя Фролъ посоветовали сосѣдямъ не сносить ее до времени: можетъ быть, она еще кому-нибудь пригодится.

Стихотвореніе.

I.

Весна, цвѣты и аромать,
И свѣтлыхъ тучекъ вереницы,
И надо мною вновь летять
Тепло почувшія птицы...
Волнами яркаго огня
Согрѣты первыя желанья,—
И словно все вокругъ меня
Слилось въ чудесное лобзанье...

II.

Въ облакахъ и пурпуръ, и рубины.
И горячій, яркій блескъ червонца,—

Ужъ въ волнахъ морскихъ до половины
Кровяное погрузилось солнце...

* * *

Вымпела какъ огненныя птицы
Шевелятъ своимъ крыломъ уснувшимъ...
Старыхъ мыслей рѣютъ вереницы,—
Я опять живу душой въ минувшемъ...

* * *

Югъ! Краса!.. Огнистой бирюзюю
Влещутъ волны моря золотого...
Что-жъ я вновь лечу душой больною
Въ лѣсъ сосновый сѣвера глухаго.

П. Гидичъ.

Императоръ-философъ.

(Очеркъ).

7-го марта 161 года, послѣ Р. Х., умеръ въ своемъ дворцѣ, въ Лоріумѣ, римскій императоръ Антонинъ, одинъ изъ наиболѣе человѣчныхъ и благороднѣйшихъ государей въ ряду императоровъ, царствовавшихъ въ теченіи двухъ столѣтій; въ обширной имперіи, онъ, за свое двадцати-трехъ-лѣтнее правленіе, упрочилъ миръ и благосостояніе.—Прежде, чѣмъ на вѣки сомкнуть свои глаза, Антонинъ велѣлъ принести въ комнату своего пріемнаго сына и пасынка, Марка-Аврелія, золотую статую фортуны, которая всегда должна была находиться въ комнатѣ императора. Начиная со 2-го вѣка цесари назначались (какъ-бы въ видѣ наслѣдниковъ престола) императорами заранѣе, еще при жизни, они усыновляли ихъ, а сенатъ признавалъ ихъ въ этомъ достоинствѣ. Система эта была введена въ обыкновеніе избравшимъ въ 96 году въ императоры старымъ Первой, усыновившимъ Траяна, затѣмъ былъ усыновленъ родственникъ Траяна, Адрианъ, который, въ свою очередь, усыновилъ Антонина. Система, до сихъ поръ, дала блестящія результаты въ лицѣ четырехъ, одного за другимъ слѣдовавшихъ правителей, при которыхъ Римъ достигъ высокой степени благоденствія. Ихъ время—въ особенности—Антонина—напомнило счастливое старое время Рима. Можно-ли было надѣяться, что и при усыновленномъ наслѣдникѣ престола, при Маркѣ-Авреліѣ, система проявится съ прежнимъ блескомъ, что старое счастливое время для Рима повторится и при второмъ Антонинѣ.

Впрочемъ, римляне, послѣ смерти миролюбиваго императора, котораго такъ уважали, вполне были увѣрены, что его преемникъ оправдастъ возлагавшія на него надежды. Во всемъ Римѣ и Италіи онъ былъ извѣстенъ, какъ образецъ добродѣтелей и ни въ чемъ не обманулъ ожиданій своего пріемнаго отца, а также и императора Адриана, довольно близко ознакомивша-

гося съ нѣжными, задумчивымъ, еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ. Когда ему минуло 18 лѣтъ, Антонинъ призналъ его своимъ преемникомъ и съ 22 года онъ готовился къ высокому назначенію, стараясь совершенствоваться и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ.

Философіи онъ учился, конечно, у первыхъ и лучшихъ преподавателей; всѣ они полюбили его и навсегда остались ему вѣрными друзьями. Философія того времени была нѣчто въ родѣ религіознаго вѣрованія, правилъ морали, которые требовали отъ человѣка воздержанія отъ всякой суетности и тщеславія, отъ всякихъ пороковъ, ставя выше всего исполненіе человѣческихъ обязанностей во благо общее. То было ученіе стоиковъ, которому Платонъ далъ дальнѣйшее развитіе. И замѣчательно, что въ то самое время, когда начало уже всюду распространяться ученіе Христа, основанное на любви ко всему человѣчеству, въ это самое время, среди испорченнаго и пришедшаго въ упадокъ римскаго общества, явилась группа людей, поставившихъ себѣ задачей обновить это общество и содѣйствовать благоденствію государства насажденіемъ и утвержденіемъ нравственныхъ началъ—добродѣтели, челоуѣчности, сознанія долга, самопожертвованія. Высокое стремленіе это дало древнему міру, предъ его разрушеніемъ, еще постоидтій счастья и чистаго блеска культуры. Но христіанство шло къ цѣли, еще вышей, къ счастью всего челоуѣчества; оно восторжествовало и вызвало новую культуру.

Къ небольшой группѣ людей, о которой только что сказано, принадлежалъ—и при томъ-же въ числѣ первыхъ—и Маркъ-Аврелій. Съ своего двѣнадцатилѣтняго возраста онъ жилъ, строго сообразуясь съ правилами философіи, изученію которой страстно предавался. Онъ спалъ на твердомъ ложѣ, не зналъ ни

роскоши, ни удовольствий. День его, какъ день монаха, былъ заранѣе точно распределенъ и, не смотря на свое слабое здорье, онъ, все свое время, исключительно посвящалъ труду. Лишая себя всего, кромѣ самаго необходимаго. Выше всего для него стояла обязанность; его недостатки (у кого-же ихъ нѣтъ) заключались въ отсутствіи дальновидности и радостнаго взгляда на жизнь. Онъ былъ слишкомъ ученымъ, слишкомъ философомъ. Строгий къ себѣ, Маркъ-Аврелій, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ чрезвычайно—иногда чрезмерно—милостивъ къ подданнымъ. Главнымъ, наиболѣе выдававшимся свойствомъ его натуры было стремленіе творить добро, человѣческая испорченность выставляла въ немъ всегда только грустное чувство. „Если ты можешь, то сдѣлай ихъ лучшими“, говорить его философія. „Жизнь коротка“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„единственный плодъ земной жизни—душевное здравіе и стремленіе души творить только на пользу общую; поступай всегда, какъ ученикъ Антонина“.

Онъ всегда воздавалъ такъ дань почтительной благодарности тому, который ему передалъ свое государство. Антонинъ не подчинился всецѣло философскому ученію, наоборотъ, Маркъ-Аврелій, до того жилъ только имъ, что установилъ для себя ежедневную оцѣнку своихъ поступковъ, отдавалъ себѣ отчетъ—управлялъ-ли онъ, согласно постановленіямъ философіи, дѣлами государства.

Тѣмъ лучше это было для его подданныхъ. Такъ какъ во главѣ имперіи стоялъ истинный философъ, одушевленный чистѣйшими и благороднѣйшими намереніями, то и проводниками его предначертаній, его единственными агентами и помощниками во внутреннемъ управленіи были его друзья—философы, его наставники. Онъ былъ не болѣе, какъ первымъ слугою закона; онъ не вѣдалъ произвола, котораго не всегда избѣгали прежніе императоры, даже Адрианъ.

Происхожденіе, званіе или положеніе не имѣли никакого значенія въ его глазахъ; въ своихъ сановникахъ, Маркъ-Аврелій уважалъ не вѣнчанъ лоскъ, а ихъ заслуги и усердіе, съ которыми они посвящали себя служенію благоденствію римскаго міра, какъ онъ понималъ это благоденствіе. И въ это царствованіе философовъ, ихъ усилія содѣйствовать счастью народа—были увѣнчаны полнымъ, и достойнымъ удивленія, успѣхомъ.

Творить добро было девизомъ Марка-Аврелія, было главнымъ дѣломъ его правленія. Впервые тогда было повѣдано міру, что на „обязанности“ государства лежитъ отеческая заботливость о подданныхъ. Сообразно этому правилу, были учреждены школы для бѣдныхъ, воспитательныя заведенія для сиротъ и дѣвочекъ, а деньги, остававшіяся въ экономіи, назначались для предоставленія имъ средствъ къ существованію. Маркъ-Аврелій самъ много пожертвовалъ на это дѣло изъ своего огромнаго состоянія. Законы были преобразованы, согласно требованіямъ гуманности и милосердія. Рабы—до тѣхъ поръ безправныя существа—поставлены подъ покровительство государства: строгія постановленія обезпечили ихъ отъ произвола ихъ господъ и открыли имъ даже возможность въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, пріобрѣтать права гражданъ. Это былъ первый и, поэтому, важнѣйшій шагъ къ отгнѣтѣ рабства. Въ видахъ предупрежденія голода, въ неурожайные годы, во всей Италіи учреждены большіе магазины хлѣбныхъ запасовъ. Суровыя мѣры были приняты и противъ нравственной распущенности, противъ дикихъ, варварскихъ обыкновеній, укоренившихся въ римлянахъ, въ ихъ общественной жизни. Маркъ-Аврелій, ненавидѣвшій игры цирка, лишилъ-бы ихъ кроваваго ихъ характера, но ему пришлось-бы тогда возбудить слишкомъ большое раздраженіе въ народѣ, любившемъ еще эти зрѣлища. Но чудеснымъ и блестящимъ памятникомъ этого благодатнаго царствованія для позднѣйшей цивилизаціи осталось римское право, вошедшее въ гражданское и уголовное законодательство; гуманное и мудрое, римское право, въ силу этихъ своихъ достоинствъ, легло въ основу законодательства всѣхъ христіанскихъ государствъ. И философъ—Маркъ-Аврелій думалъ и поступалъ какъ христіанинъ, хотя, по своимъ понятіямъ, и въ качествѣ римскаго патриота, считалъ христіанство вреднымъ для государства и допустилъ его преслѣдованіе.

Преданное всецѣло заботѣ облагороженія, нравственнаго усовершенствованія населенія римской имперіи и упроченія внутренняго въ немъ порядка, правительство Марка-Аврелія мало придавало важности вѣнчаней политикѣ, завоеваніямъ и удовлетворенію военнаго тщеславія. Императоръ-философъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, взялъ себѣ соправителя—Люція Вера (небывалый примѣръ отсутствія эгоизма), для того, чтобы онъ, въ извѣстной степени, замѣнялъ его въ завѣдываніи военными дѣлами. Но Вера, военный императоръ, оказался чело-вѣкомъ неспособнымъ, любившимъ удовольствіе и недостойнымъ высокой чести, оказанной ему великодушнымъ Маркомъ-Авреліемъ. Когда на Армеею напали паряне, то императоръ вполнѣ былъ увѣренъ въ хорошемъ исходѣ кампаніи, въ успѣхѣ легкомысленнаго соправителя. Благодаря даннымъ ему отлич-нымъ полководцамъ, въ особенности—Авидію-Кассію, Вера одержалъ надъ парянами нѣсколько важныхъ побѣдъ и завоевалъ для Рима еще новую, большую провинцію. Но, затѣмъ, явилась другая, болѣе грозная опасность—германскія племена, маркоманны, квады, вандалы, лонгобарды, готы и другіе, переправившіеся чрезъ Дунай, безчисленными полчищами бросились

на сѣверныя итальянскія провинціи. Тревога и страхъ охватили всю Италію. Тогда, Маркъ-Аврелій, несмотря на все свое отвращеніе къ войнѣ, рѣшился стать, вмѣстѣ съ Веромъ, во главѣ римскихъ войскъ и лично вести войну противъ варваровъ. Чувство долга заставило его превратиться въ полководца. Когда, послѣ первыхъ удачныхъ военныхъ дѣйствій, Вера умеръ, Маркъ-Аврелій принялъ на себя одного веденіе войны, которая, какъ извѣстно, у римской имперіи, затѣмъ, надолго затонула съ германскими народностями.

Около двухъ лѣтъ, хотя и съ нѣкоторыми перерывами, провѣлъ императоръ въ лагеряхъ, разбивавшихся въ нѣнѣйшей Венгріи, и близъ Вѣны. Борьба съ сарматами, квадами и маркоманнами продолжалась долго и, въ общемъ, шла счастливо для римлянъ, однако, и притомъ, не удалось неприятели принудить къ миру. Философъ и другъ чело-вѣчества сказался и тутъ. Смягчивъ привычный римлянамъ жестокой способъ войны, онъ старался побѣдить неприятели болѣе при посредствѣ технического искусства. При этомъ его поведеніе съ ними внушило имъ высокое уваженіе къ личности императора.

Маркъ-Аврелій стремился придти къ соглашенію съ германцами, привязать ихъ къ Риму отеческимъ отношеніемъ къ нимъ, предложилъ уступить имъ по ту сторону Дуная опредѣленную военную границу области, которую они владѣли бы независимо, но съ тѣмъ, чтобы прекратили свои набѣги на Римскую имперію. Еслибъ этотъ планъ могъ осуществиться, то Марку-Аврелію удалось бы обезпечить, можетъ быть, безопасность Рима. Но германцы были такъ разединены между собою, что никакое соглашеніе съ ними не могло быть достигнуто, не могло быть прочно.

Досугъ лагерной жизни императоръ посвящалъ философскому созерцанію и наблюденіямъ надъ самимъ собой; наблюденія эти онъ записывалъ, оставивъ послѣ себя прекраснѣйшія и полныя глубокой мыслей творенія благороднаго ума. Вотъ нѣкоторыя выдержки:

„Въ теченіе краткихъ дней, которые чело-вѣкъ проводитъ на землѣ, онъ долженъ жить согласно требованіямъ природы и когда наступаетъ смерть—принимать ее съ покорностью, подобно оливѣ, въ минуту отпаденія, благословляющей дерево, которое ее произвело и благодарящей вѣтви, которая ее подерживала.“—„Какъ могло случиться, что боги, столь прекрас-но создавшіе всѣ вещи и съ такою любовію все устроившіе для людей, оставили безъ вниманія одно, а именно: что люди испытанной добродѣтели, при жизни находившіеся какъ бы въ сношеніи съ богами и за свои благочестивыя дѣла ими любимые, не живутъ снова послѣ своей смерти, а умираютъ навсегда?“—„Будешь ли ты, когда нибудь, о душа моя, сама по себѣ обладать болѣею свободой и прозорливостью, нежели матерьяльное тѣло, тебя облегаетъ? Когда будешь тебѣ дано насладиться радостной возможностью любить все? Когда, о душа моя, будешь ты жить въ обществѣ боговъ и людей, не слыша ни одной жалобы, не имѣя необходимости прощанія?“

Въ этихъ изрѣченіяхъ слышится много грусти, чувствуется голосъ души, отвращающейся отъ всего земнаго. Жизнь самого Марка-Аврелія была безпорочна и не запятана и оттого онъ былъ такъ любимъ и почитаемъ своимъ народомъ. Но у него было свое личное, близкое горе. Умвал и свѣтская Фаустина, дочь Антонина Пія, не годилась въ жены серьезному, добродѣтельному и великодушному Марку-Аврелію. Не смотря, однако, на то, онъ любилъ ее и дѣлалъ видъ, будто былъ съ нею счастливъ. Онъ не называлъ ее иначе, какъ своею милою и вѣрною супругой, т. е. именно тѣмъ, чѣмъ она въ глазахъ свѣта не была. Домашніе раздоры, къ которымъ приводилъ вспыльчивый и страстный темпераментъ Фаустины, тяжело его озабочивали, хотя онъ и старался скрывать это. Правда и то, что добродушіе Марка-Аврелія, граничившее съ слабостью, и его равнодушіе къ нѣкоторымъ практическимъ расчетамъ и соображеніямъ, иногда служили прямою причиною, вызывавшею злость Фаустины. Такъ напримѣръ, когда его дочь, Люцилія, овдовѣла послѣ смерти соправителя Вера, то онъ, во что бы то ни стало, вознамѣрился выдать ее за одного изъ своихъ друзей-философовъ, помня, такъ какъ тотъ казался ему добродѣтнѣйшимъ чело-вѣкомъ во всей имперіи. Онъ, даже, увѣрялъ, что Люцилія питаетъ къ нему за это любовь, хотя ничего подобнаго, въ сущности, не было. И онъ былъ очень несчастливъ, когда планъ его былъ окончательно разрушенъ сопротивленіемъ и Фаустины, и Люциліи. Изъ двухъ близнецовъ, сыновей Марка-Аврелія, престолъ переходилъ къ Коммоду, которому такимъ образомъ надлежало продолжать династію Антонина. Едва успѣлъ Коммодъ появиться (въ 161 году) на свѣтъ, какъ отецъ немедленно же показалъ его легионамъ. Онъ чрезвычайно радовался этому ребенку и часто показывался съ нимъ солдатамъ, чтобы уже заранѣе приучить ихъ къ ихъ будущему императору. Пяти лѣтъ отъ роду мальчикъ былъ возведенъ въ санъ цесаря, одиннадцати—получилъ къ имени прибавку „Germanicus“ и влѣвъ за тѣмъ немедленно сенатъ присвоилъ ему достоинство трибуна, всегда, согласно обычаю, принадлежавшее наследнику престола. Самъ Маркъ-Аврелій почти ежегодно удостоивалъ его новыми отличіями, пожаловалъ его императоромъ, консуломъ, Августомъ, что служило величайшей честью для римскаго императора.

Маленькій канадієць съ лыжами. Рис. А. Бесе, грав. Г. Флюгель. Библиотека "Руниверс"

По къ этой отеческой любви примѣшивалось и горе. Сердце Марка-Аврелія обливалось кровью при видѣ дикой, необузданной натуры, которую онъ давно открылъ въ сынѣ. Онъ осмалъ его почестями и благодареніями, думая этимъ путемъ искоренить дурныя наклонности своего наслѣдника, но все больше и больше сомнѣвался самъ въ успѣхѣ. Часто садился онъ въ тихій и вечерній часъ и писалъ свои философскія разсужденія, вызванныя въ немъ горемъ, которое ему причинялъ юноша; мрачно смотрѣлъ онъ въ будущность государства, о благе котораго онъ заботился, сколько у него хватало силъ, но которому онъ самъ теперь давалъ императора, обѣщавшаго имперіи одно дурное. Мысль, лишить Коммода наслѣдственного престола не разъ приходила ему въ голову, но онъ былъ слишкомъ слабъ и добръ, чтобы рѣшиться на такую энергическую мѣру, да и къ тому же было слишкомъ поздно. Лишеніе престола столь торжественно провозглашеннаго императора могло бы повести къ междуусобной войнѣ, такъ какъ среди чужеземныхъ легионовъ была партія, которая, подобна мятежнику Авидію Кассію въ Сири, считала Марка-Аврелія слабоумнымъ философомъ, презирая, вмѣстѣ съ тѣмъ, его мягкое правленіе. Коммодъ непремѣнно нашелъ бы тамъ себѣ поддержку. Мысль эта заставила императора отказаться отъ своего намѣренія. Коммодъ внушалъ опасенія не одному ему. Все, болѣе или мене, раздѣляли тревогу императора и въ народѣ даже говорили, будто это не сынъ Марка-Аврелія. Въ самомъ дѣлѣ странную игру сыграла природа, давъ лучшему изъ людей, сына, въ которомъ обнаруживались только грубые и дурные инстинкты. Кровожадность Коммода выражалась въ его страсти бороться, въ качествѣ простаго гладиатора, съ дикими звѣрями въ циркѣ; распутство его было хорошо извѣстно, а его запальчивость уже теперь служила предметомъ страха при дворѣ. Будущность оправдала все эти тревожныя ожиданія. Съ Коммодомъ начался второй рядъ римскихъ императоровъ, кровожадная ти-

ранія которыхъ превзошла тиранию Каллигулы и Нерона въ 1-мъ столѣтіи. Коммодъ былъ первымъ изъ этихъ чудовищъ и его отецъ, память котораго благословляется человѣчествомъ, предвидѣлъ это. 5-го августа 178 года Маркъ-Аврелій оставилъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Римъ, отправляясь на Дунай, гдѣ все еще продолжалась война съ квадами. Императоръ былъ уже боленъ и по нѣскольку дней ничего не могъ ѣсть отъ боли желудка. Наконецъ въ мартѣ 180 года (въ своей главной квартирѣ, на мѣстѣ нынѣшней Вѣны) онъ слегъ, чувствуя уже приближеніе конца. Онъ пріивѣтствовалъ смерть какъ избавленіе; плачущіе друзья окружили его ложе.

— О чемъ плачете? спросилъ онъ ихъ—позаботьтесь о томъ, чтобы спасти армію; я только предшествую вамъ; будьте счастливы!

Его спросили, кому онъ вѣряетъ своего семнадцатилѣтняго сына. Мучителенъ былъ для него этотъ вопросъ, но онъ спокойно отвѣтилъ:

— Вамъ, если онъ окажется того достойнымъ, и безсмертнымъ богамъ.

Армія, съ которой онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, была неутѣшна,—она обожала Марка-Аврелія и боялась Коммода. Императоръ собрался съ силами и поднялся съ своего ложа, чтобы въ послѣдній разъ представить сына арміи.

Нѣсколько часовъ спустя Маркъ-Аврелій скончался; его тѣло было отвезено траурнымъ легиономъ въ Римъ и тамъ опущено въ мавзолей Адриана; Римъ оплакивалъ его; любовь къ нему была такъ велика, что о немъ каждый жалѣлъ, какъ о членѣ собственной семьи, а во время похоронныхъ празднествъ народъ, при общихъ кликахъ, признавалъ его богомъ, объявивъ нечестивцамъ всякаго, кто не будетъ имѣть въ своемъ домѣ его изображения. И его статуэтки заняли мѣсто среди домашнихъ боговъ. И теперь еще лучшихъ государей сравниваютъ нерѣдко съ императоромъ-философомъ Маркомъ-Авреліемъ.

Малайскій кинжалъ.

Разсказъ Г. Гиршфельда.

Двое мужчинъ о чемъ-то оживленно или, лучше сказать, горячо спорили между собою въ рабочемъ кабинетѣ г. фонъ-Элькенроде. Старшій изъ нихъ, высокаго роста и аристократическаго вида, былъ владѣлецъ замка, г. фонъ-дербъ-Линденъ-Элькенроде, принадлежавшій къ числу богатѣйшихъ землевладѣльцевъ провинціи; другой же, молодой человѣкъ лѣтъ за двадцать, съ добродушнымъ, но нѣсколько поблекшимъ лицомъ—двоюродный братъ и вѣроятный наслѣдникъ Элькенроде, лейтенантъ Эвальдъ фонъ-дербъ-Линденъ, который недавно вышелъ въ отставку, чтобы посвятить себя сельскому хозяйству.

Оба родственника составляли поразительный контрастъ: насколько отставной офицеръ былъ веселъ, подвиженъ, впечатлительнъ, настолько Элькенроде казался, напротивъ, серьезнымъ и сдержаннымъ. Какая-то грустная тѣнь лежала на его худощавомъ лицѣ, заканчивавшемся узкой бородой темно бѣлобураго оттѣнка, какъ и волосы на головѣ. У этого богатаго, надѣленнаго всевозможными благами человѣка, очевидно, было какое-то тайное страданіе, которое онъ выносилъ твердо и съ покорностью.

Онъ только что отвѣтилъ рѣшительнымъ „нѣтъ“ на просьбу, съ которой къ нему обратился кузенъ, влѣдъ зачѣмъ наступила короткая пауза; но бывшій офицеръ вскорѣ заговорилъ вновь.

— Сознаю, Альвинъ, что я былъ неправъ, мнѣ не слѣдовало опять увлекаться игрою, послѣ того, что ты, всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, зацѣдилъ за меня долгъ чести, а я далъ тебѣ обѣщаніе исправиться. Но, вѣдь, ты знаешь, Альвинъ, что я—дѣти минулы, и какъ только очуюсь среди яркаго освѣщенія лампъ, услышу хлопанье пробокъ шампанскаго и звонъ золота—самъ не свой, не могу устоять; однако, все таки, попытаюсь, непремѣнно попытаюсь исправиться, а потому—будь добръ, Альвинъ, выручи меня еще разъ, ты же знаешь, у меня состоянія нѣтъ и я завишу отъ тебя.

Повидимому, однако, молодой человѣкъ выбралъ для своей просьбы дурную минуту, такъ какъ лицо Элькенроде оставалось мрачно.

— Я очень жалѣю, что заставилъ тебя отказаться отъ военной карьеры, Эвальдъ, отвѣчалъ онъ съ явнымъ недружелюбіемъ въ тонѣ,—я надѣялся найти въ тебѣ товарища, сожителя въ моемъ уединеніи, думалъ сдѣлать изъ тебя сельскаго хозяина, который продолжалъ бы начатое мною, къ благу моихъ людей; вижу теперь, что обманулся. Не ставлю тебѣ, молодому человѣку, которому самъ далъ блестящее положеніе, не ставлю тебѣ въ укоръ жизненныхъ удовольствій—и я былъ тоже молодъ; но съ грустью вижу, что ты и не можешь, и не желаешь выполнить задачи, приготовленной было мной для тебя, а также вижу, что ты „теперешнее“ пребываніе свое тутъ какъ бы считаешь необходимой платой за ожидающее тебя въ скоромъ времени наслѣдство.

— Альвинъ! воскликнулъ Линденъ, все лицо котораго вспыхнуло густымъ румянцемъ,—ты меня будто не знаешь, ты оскорбляешь меня!

— Ни то, ни другое, Эвальдъ, возразилъ баронъ спокойно,—

я хорошо знаю твою натуру, хорошо знаю, что въ ней нѣтъ ничего дурнаго, ничего лживаго, но зато, ты подчиняешься вліянію каждому впечатлѣнію, первой же минутѣ увлеченія,—и неужели я долженъ передать въ руки такого наслѣдника все мое богатство, индѣя и благосостояніе сотенъ людей?

Онъ замолчалъ, лицо его приняло выраженіе глубокаго страданія. — Желаю, чтобы этотъ день наступилъ еще не скоро, Альвинъ, тихо произнесъ Эвальдъ, но баронъ съ волненіемъ перебилъ его:

— Я увѣренъ, Эвальдъ, что ты часто готовъ пожертвовать своею жизнью, чтобы только избавить меня хоть отъ лишняго часа страданія, но, съ другой стороны, мое знаніе людей говоритъ мнѣ, что не разъ, въ глубинѣ своего сердца, ты желаешь бы скорѣе достигнуть цѣли. Несомнѣнно, что ты не хотѣлъ моей смерти, но приди она...

Легкій стукъ въ дверь прервалъ рѣчь Элькенроде, раскраснѣвшагося подъ вліяніемъ охватившаго его возбужденія, сильный кашель помѣшалъ ему продолжать. По его знаку, Эвальдъ крикнулъ „войдите“ и на порогѣ показался старикъ, маленькаго роста, съ сѣдыми и серебристыми, коротко-остриженными волосами и свѣжимъ, умнымъ лицомъ, одѣтый весь въ черное, вплоть до самаго бѣлаго воротничка и жабо. То былъ Мартинъ Бенкендорфъ, старый, вѣрный камердинеръ барона.

— Вотъ единственный, кто обо мнѣ искренно пожалѣетъ когда нибудь, не такъ ли, старина? сказалъ Элькенроде.

— Господинъ баронъ опять сегодня въ очень грустномъ настроеніи, проговорилъ Мартинъ тономъ стараго слуги, имѣющаго высказывать свое мнѣніе,—надо быть повеселѣ въ такой прекрасный осенній день, да еще и въ ожиданіи гостей. Г-нъ фонъ-Линингъ только что прислалъ своего человѣка съ извѣстіемъ, что такъ какъ онъ себя чувствуетъ лучше, беретъ свой отказъ назадъ и непремѣнно пріѣдетъ. Я очень радъ этому, потому что г. баронъ всегда доволенъ посѣщеніемъ г. фонъ-Лининга. А до его пріѣзда г. барону не мѣшало бы побережиться,—я только что слышалъ сильный кашель, г. фонъ-дербъ-Линденъ вѣдь знаетъ, что докторъ совѣтуетъ барину избѣгать всякихъ излишнихъ разговоровъ и волненій!

Съ этими словами Мартинъ обратился на бывшаго лейтенанта узриженный взглядъ своихъ лсныхъ, голубыхъ глазъ, взглядъ, сконфузившій, но не разсердившій добродушнаго Эвальда.

— Не я виноватъ въ томъ, Мартинъ, возразилъ онъ,—а раздражительность, въ которой находился братъ; знай, я, насколько неудобна минута, выбранная мною для моей маленькаго просьбы,—я бы подождалъ, хотя она и не тернитъ отлагательства.

— Въ этой просьбѣ я тебѣ отказываю рѣшительнымъ образомъ, рѣзко воскликнулъ Альвинъ,—не желаю, чтобы мнѣ пришлось себя самого обвинять въ слабости; обратись-ка къ такъ называемымъ „друзьямъ“, которые съ вексельномъ такъ нетерпѣливо ждутъ для тебя наслѣдства.

Эвальдъ фонъ-дербъ-Линденъ поблѣднѣлъ, стараясь, однако, упрямо скрыть свое замѣшательство.

— Кто это говорить? воскликнул он, да разве меня кто нибудь, какъ мальчишку, контролируетъ въ каждомъ шагѣ?

— Не думаю, чтобы ты могъ заподозрить въ этомъ меня, зная мои взгляды на достоинство мужчины и на правила чести, возразилъ баронъ;—то, что я тебѣ говорю, написано въ письмѣ, подучешномъ мною вчера отъ извѣстнаго тебѣ ростовщика, Гирша, вѣроятно недовольнаго за то, что ты отдалъ предпочтеніе не ему, а какому нибудь его собрату.

Молодой человекъ колебался съ минуту, въ немъ заговорило желаніе помириться съ двоюроднымъ братомъ, добиться его прощенія, но онъ вдругъ поднялся и сказалъ коротко и рѣшительно:

— Ты слишкомъ возбужденъ для того, чтобы продолжать нашъ споръ, оставимъ до другаго раза, но пока—одно послѣднее слово: могу-ли рассчитывать на удовлетвореніе моей просьбы?

— Ты меня, я думаю, знаешь! раздраженно отвѣтилъ баронъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится искать другаго выхода, и—не прибавивъ ни слова, Эвальдъ вышелъ.

Баронъ закрылъ лицо своей тонкой рукой, на которой блестялъ дорогой солитеръ; глубокой, страдальческой вздохъ вырвался изъ его груди.

— Господи! баронъ были черезчуръ суровы! произнесъ послѣ вѣкоторой паузы Мартинъ, какъ бы говоря съ самимъ собою.

— Да? сказалъ Альвинъ фонъ-Элькенроде, отпывая руку отъ глазъ, между которыми обрисовалась рѣзкая морщина, и безсильно опускаясь въ стоявшее передъ ильменнымъ столомъ кресло,—если это такъ, то я очень доволенъ, Мартинъ, что заставилъ себя быть, наконецъ, суровымъ,—продолжалъ онъ,—до сихъ поръ я оказывалъ Эвальду слишкомъ много снисходительности и теперь я плачусь за свою слабость; на него я смотрѣлъ, какъ на своего сына, а желалъ въ немъ найти счастье, которое небо отказало мнѣ, но теперь вижу, что я шелъ противъ природы—Эвальдъ—только мой наследникъ, не болѣе.

Старикъ подошелъ ближе къ своему господину.—О шѣтъ, господинъ баронъ, сказалъ онъ,—вы выказали все благородство своего сердца, отказавшись отъ супружескаго счастья только потому, что считали себя неизлѣчимо больнымъ, а когда, затѣмъ, желая положить конецъ своему одиночеству, вы приняли къ себѣ юнаго родственника вмѣсто сына,—то въ этомъ не было никакого сопротивленія волѣ Всемогущаго. Помните также и то, что Всемогущій есть, въ то же самое время, и Всемилосердый,—заклучилъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—докторъ очень доволенъ состояніемъ вашего здоровья, вы теперь крѣпче, нежели прежде, и кто знаетъ...

— Мартинъ! угрожающимъ тономъ воскликнулъ баронъ,—прерываю старика,—еслибъ я не зналъ тебя и не былъ увѣренъ въ твоей преданности, то принялъ бы эти слова за грубую лесть; мнѣ извѣстна моя судьба,—продолжалъ онъ мягче,—грудная болѣзнь, которую я страдаю—уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній наследственная въ нашемъ домѣ,—конечно, во всей своей силѣ, она, часто, обнаруживается только уже въ болѣе старомъ возрастѣ. Такъ было, напримѣръ, съ моимъ отцемъ, сдѣлавшимся жертвой болѣзни лишь послѣ своего счастливаго супружества; такъ было бы, вѣроятно, и со мной, еслибъ не неосторожность няньки, давшей недугу развиться во мнѣ еще въ дѣтствѣ; моя жизнь поддерживается и продержится, можетъ быть, дальше искусственно, благодаря усиленнымъ наукамъ и принимаемымъ мною предосторожностямъ, но я никогда не рѣшусь привязывать къ этой страдальческой жизни любящихъ и любимыхъ существа, для того, чтобы заставить ихъ испытывать ежеминутный страхъ раставанія, чтобы имъ, вмѣстѣ съ богатствомъ, передать и мою болѣзнь,—никогда я не рѣшусь на это! И я не такъ ужъ несчастливъ, Мартинъ, съ тѣхъ поръ, что научился терпѣть свою долю,—закончилъ онъ,—я стараюсь находить развлеченія,—прибавилъ баронъ,—дружба и искусство облегчаютъ мнѣ тяжесть страданій и только одна мысль меня печалитъ; это—мысль объ Эвальдѣ! Что будетъ съ нимъ, когда онъ сдѣлается совершенно самостоятельнымъ, если уже и теперь онъ не умѣетъ противиться ни малѣйшему искушенію?

— Господи! лейтенантъ, въ сущности—человекъ съ хорошимъ, добрымъ сердцемъ,—сказалъ старикъ,—и любить васъ всей душой; онъ грѣшитъ по легкомыслию, а не изъ желанія дѣлать дурное и какъ только онъ познакомится съ серьезной стороною жизни, то перемѣнится, въ этомъ я увѣренъ.

— Эвальдъ всегда имѣлъ въ тебѣ краснорѣчиваго защитника, старина; а все таки я думаю, что, можетъ быть, моя суровость, какъ ты называешь это, послужитъ ему урокомъ.

— Едва ли, господинъ баронъ, возразилъ старикъ, покачивая головою: боюсь, что вы его раздражили, а вѣдь, я его знаю съ дѣтскаго возраста.

Баронъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой.

— Довольно объ этомъ. Я хочу отдохнуть съ полчаса; разбуди меня, когда прїѣдутъ гости.

Эвальдъ фонъ-дербъ-Линденъ злился въ своей комнатѣ. Избалованный юноша, подавая, съ ребяческимъ упрямствомъ, сознание собственной вины, твердилъ досадливо только одно: Помоги мнѣ Альвинъ теперь—это было бы въ послѣдній разъ, навѣрное; но ужъ если строгій родственникъ такъ жестоко отказалъ ему,—пусть самъ и винитъ себя въ томъ, что Линденъ еще

болѣе заутрается въ сѣти ростовщиковъ. Долго злился и раздражалъ себя молодой человекъ въ своемъ уединеніи; наконецъ, на дворѣ послышался шумъ вѣзжавшихъ экипажей и Эвальдъ, заставивъ себя принять веселый видъ, послѣдшилъ къ прибывшимъ гостямъ, которыхъ уже встрѣчалъ баронъ, подиный Мартинъ.

Вскорѣ, въ богатой и ярко освѣщенной столовой замка Элькенроде, собралось общество человекъ изъ двѣнадцати. За ужномъ царствовалъ веселый, непринужденный тонъ, и Альвинъ, довольно бодрый теперь, не смотря на недавно испытанное имъ волненіе, отъ души смѣялся шуткамъ остроумнаго сосѣдняго помѣщика фонъ-Люнингъ.

Альвинъ, по своему обыкновенію, пилъ очень мало, зато Эвальдъ, напротивъ, осушалъ стаканъ за стаканомъ; молодой человекъ сидѣлъ найти въ винѣ забвеніе оставшей его работы, стараясь не отставать отъ настроенія остальныхъ, но его веселость была до такой степени явно вынужденной, что тайное раздраженіе, просившееся противъ его воли наружу, вскорѣ было замѣчено всѣми. Ужинъ окончился, слуги удалились, чтобы не мѣшать господамъ; и только Мартинъ, отъ времени до времени, показывался въ залѣ, навѣдываясь—не будетъ ли какихъ приказаній.

Странное настроеніе Эвальда нѣсколько разъ подало поводъ къ подтруниванію. Альвинъ фонъ-Элькенроде отлично звалъ причину дурнаго расположенія духа своего двоюроднаго брата; внутренно жалѣя Эвальда, онъ, тѣмъ не менѣе, твердо рѣшился не выказывать слабости и принудить своего баловня пройти черезъ то, что считалъ хорошимъ урокомъ.

Тосты слѣдовали за гостями, каждый предлагалъ какъ умѣлъ, гости пили въ честь хозяина, хозяйки—въ честь гостей; Альвинъ, воспользовавшись появленіемъ Мартина, предложилъ выпить здоровье этого вѣрнаго, хорошо извѣстнаго всѣмъ собравшимся, слуги, службѣ котораго въ домѣ Элькенроде, какъ разъ въ тотъ самый день, минуло сорокъ восемь лѣтъ. Шумно и радостно были осушены стаканы за здоровье честнаго Мартина Бенкендорфа, тронутаго до слезъ этой почестью.

Прерывающимся отъ волненія голосомъ началъ старикъ свою благодарственную рѣчь, но веселый острякъ фонъ-Люнингъ, побоявшійся обычной словоохотливости старика людей и желая избавить отъ нея гостей, послѣдшилъ прервать Мартина:

— Ну, хорошо, хорошо, Мартинъ, мы отдаемъ справедливость твоей скромности, преданности и усердію и не забыли, какъ ты нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, желая угодить своему господину, объѣхалъ всю Германію, чтобы найти для коллекціи оружія барона малайскій ножъ.

Что-то дрогнуло въ лицѣ стараго слуги; онъ, какъ будто, намѣревался отвѣтить, но удержался и, глубоко поклонившись, вышелъ изъ залы, гдѣ ему нечего было болѣе дѣлать, такъ какъ господа поднимались уже изъ-за стола, чтобы перейти въ другія комнаты.

— Еще минуту! сказалъ графъ Эренбахъ, обращаясь къ барону, готовившемуся уже подать знакъ выходитъ изъ-за стола,—я слышалъ объ этомъ, скажите—развѣ въ самомъ дѣлѣ, вамъ удалось найти и продавца, и его драгоцѣнность?

— Я приобрѣлъ этотъ ножъ, отвѣтилъ Альвинъ,—и, какъ другъ Люнингъ сейчасъ вамъ говорилъ, приобрѣлъ, благодаря неумолимому усердію моего Мартина. Уже издавна, въ коллекціи оружія этого замка находился одинъ изъ страшныхъ отравленныхъ амбевидныхъ малайскихъ кинжаловъ, называющихся „крихами“, причиняющими смерть при малѣйшей нанесенной имъ ранѣ. Онъ былъ привезенъ моимъ дѣдомъ изъ дальняго путешествія и не разъ испытывалъ онъ его на различныхъ животныхъ. Однако, съ теченіемъ времени, повидимому, сила яда ослабла—попытка отца убить этимъ ядомъ одного звѣря не удалась. Съ тѣхъ поръ ножъ не вынимался изъ трофейной группы оружейной залы; отцу очень жалелось имѣть второй экземпляръ, но онъ такъ и не осуществилъ своего желанія, а что касается меня самого, то часть болѣзни, частью нины обстоятельства какъ-то всегда мѣшали мнѣ обратить на этотъ предметъ болѣе серьезное вниманіе. Но менѣе, тѣмъ девять мѣсяцевъ спустя, мое желаніе должно было выполниться совершенно неожиданнымъ образомъ. Около этого времени я только что излечился отъ очень трудной болѣзни и такъ какъ отечественный воздухъ былъ слишкомъ суровъ для моихъ ослабѣвшихъ легкихъ, то докторъ предписалъ мнѣ отправиться въ Италію. Хотя я и понималъ необходимость, но, все таки, съ большою неохотой оставилъ Элькенроде; предстоявшее путешествіе, нѣкоторые безпорядки, происшедшіе въ хозяйствѣ во время моей болѣзни, все это привело меня въ раздражительность, отъ которой приходилось терпѣть всѣмъ окружающимъ и даже моему вѣрному Мартину. Въ одну изъ такихъ мрачныхъ минутъ, еще болѣе мрачную похъ вліяніемъ холоднаго дождливаго дня, Мартинъ, желая, конечно, расѣять меня, пришелъ доложить, что какой-то инопоземный торговецъ, явившійся съ различными рѣдкостями, проситъ дозволенія показать мнѣ свои лучшіе экземпляры. Я далъ разрѣшеніе и велѣлъ его ввести; то былъ индѣецъ, котораго превратности судьбы забросали въ Германію; товаръ его состоялъ, по большей части, изъ самыхъ обыкновенныхъ произведеній его отечества и я, не взни-

Симфороза передъ Императоромъ Адрианомъ со своими 7-ю сыновьями, приговоренная къ мученіямъ за отказъ измѣнить христіанству.
Съ картины М. Круга, грав. Г. Фаюгель.

рая на просительное выражение лица Мартына, продолжавшего топтаться в комнате, отказался купить что либо, больше еще и потому, что мне не понравилась довольно дерзкая манера торговца, разочаровавшегося в своей надежде сдѣлать со мной выгодное дѣло. Индѣецъ увидѣвъ, что ни одна изъ его вещей не привела меня въ восторгъ, достала небольшою ящичекъ и осторожно открывъ его, съ наименьшей осторожностью, вынулъ оттуда крикъ, совершенно похожій на тотъ, который находился въ моей коллекціи и принялся его расхваливать, объясняя, что добылъ его самъ на Малайскихъ островахъ и что ничтожнѣйшее пораненіе этимъ оружіемъ можетъ повести за собой смерть, до такой степени оно было пропитано ядомъ.

Я, конечно, очень желалъ приобрести второй экземпляръ оружія и, какъ ни старался, затаявъ въ себѣ это желаніе, но хитрый индѣецъ сумѣлъ прочесть его въ моемъ лицѣ и, потому, запросилъ такую сумму, что заставилъ меня расхохотаться, но, затѣмъ, его упорство и сдѣланное имъ замѣчаніе, что мои колебанія могутъ еще болѣе возвысить стоимость, окончательно вывели меня изъ себя и я рѣко велѣлъ ему убираться вонъ; по знаку Мартына, индѣецъ удалился въ безмолвномъ гнѣвѣ. Я старался не думать болѣе объ этомъ происшествіи, тѣмъ болѣе, что чрезъ три дня сбирался уже ѣхать, но въ своей болѣзненной нервности никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о рѣзкомъ оружіи, которое, послѣ столь долгихъ ожиданій, далось было мнѣ въ руки и, потомъ, опять безслѣдно исчезло. Мною овладѣло страстное желаніе во что бы то ни стало имѣть кинжалъ; теперь я раскаивался, что не далъ индѣцу требовавшихся имъ денегъ и послалъ моего Мартына, — единственного, кому могъ вѣрить все, — въ ближайшій городъ, гдѣ, какъ я думалъ, торговцевъ еще долженъ былъ находиться. Но старикъ возвратился ни съ чѣмъ. Иноземецъ скрылся совершенно и нигдѣ пелья было не только найти его, но и узнать — куда онъ могъ направиться. Наступилъ день моего отъѣзда и я утромъ еще получилъ отъ индѣца, изъ одного маленькаго тюрингенскаго городка, письмо, въ которомъ тотъ вновь предлагалъ мнѣ купить оружіе. На этотъ разъ я уже не медлил и не колебался ни минуты и тотчасъ же отправилъ Мартына, съ порученіемъ купить вещь за какія бы ни было деньги. Въ тотъ самый день, что я выѣхалъ съ Эвальдомъ въ Италію, оставилъ Элькенроде и Мартына. Онъ нашелъ торговца въ тюрингенскомъ городкѣ, гдѣ его задержала болѣзнь; вѣроятно индѣецъ находился въ нуждѣ, такъ какъ мой слуга купилъ кинжалъ далеко не такъ дорого и, по моемъ возвращеніи, я слышалъ крикъ уже въ трофейной группѣ, по другую сторону отъ прежняго.

— Пришлось ли вамъ когда нибудь испытать его? спросилъ г. фонъ-Люнигъ.

— Да — по настоятельной просьбѣ Мартына, отвѣтилъ Элькенроде — когда надо было сократить страданія Альмазора, моего великолѣпнаго арабскаго жеребца, который, при паденіи, получилъ смертельную рану. Мартынъ чувствуетъ какой-то непонятный страхъ къ этому оружію и почти насильно принудилъ меня оставить кинжалъ на старомъ мѣстѣ; я же не желалъ огорчать его.

Между гостями завязался оживленный разговоръ, на тему объ оружіи нецивилизованныхъ народовъ. Альвинъ молча слѣдилъ за споромъ, Эвальдъ же не принималъ въ немъ никакого участія. Большое количество выпитаго имъ вина не отогнало отъ него гнетущей мысли о сдѣланномъ имъ долгѣ, и о принятой имъ на себя обязанности, о томъ, что онъ не можетъ выполнить ея, безъ ущерба своей чести. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ гостей выразили желаніе осмотрѣть галерею замка, гдѣ находилась коллекція оружія, образовавшая родъ этнологическаго музея; владѣлецъ замка охотно и съ удовольствіемъ поднялъ съ своего мѣста, чтобы вновь показать пріятелямъ драгоцѣнность Элькенроде.

— Оружейная зала — тутъ поблизости, сказалъ онъ и, затѣмъ, впервые въ этотъ вечеръ обращаясь къ двоюродному брату, указалъ ему на стоявшій на темномъ мраморномъ каминѣ бронзовый, артистическій чеканки канделябръ, произнесъ: если ты будешь такъ добръ, чтобы посвѣтить намъ, такъ мы обойдемся и безъ людей для этого непродолжительнаго путешествія.

Молодой человекъ безмолвно взялъ массивный канделябръ и пошелъ впереди общества, которое, пройдя нѣсколько залъ и меньшихъ комнатъ, достигло оружейной палаты. То была продолговатая, выложенная деревомъ комната, украшенная большими, въ натуральную величину, портретами предковъ дома Линденъ-Элькенроде; въ промежуткахъ между портретами, было развѣшено оружіе и различные трофеи, частью добытые въ старину въ битвахъ, частью — во времена уже повѣршія — приобрѣтенныя промѣномъ или покупкой.

Канделябръ, который держалъ Эвальдъ фонъ-дѣр-Линденъ, слабо освѣщалъ залу; рука Эвальда дрожала, какъ бы подъ тяжестью канделябра, его походка была неустойчива. Только теперь замѣтилъ отставной лейтенантъ, что выпилъ вина болѣе чѣмъ его, не совсѣмъ крѣпка, натура могла вынести. Въ болѣе прохладномъ воздухѣ оружейной крови прихлынула къ его вискамъ и онъ почувствовалъ тяжесть въ головѣ и ногахъ.

Общее вниманіе гостей обратилось къ предмету, который привлекъ ихъ сюда: остановились предъ группою турецкаго оружія, гдѣ висѣли и оба малайскіе кинжала; первый крикъ со-

вершенно уже заржавѣлъ; напротивъ — гладкая сталь другого, новѣйшаго, вполнѣ схожаго съ прежнимъ, отливала при свѣтѣ канделябра какимъ-то багрово-краснымъ блескомъ.

Крихи висѣли довольно высоко, такъ что ихъ не легко было достать съ ихъ мѣста. Альвинъ фонъ-Элькенроде стоялъ около самаго трофея, Эвальдъ — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, такъ что гости и оба родственника составляли полукругъ; глаза всѣхъ были обращены въ высоту, по направленію къ интересовавшему ихъ оружію. Въ числѣ приглашенныхъ находились и знатоки; никто не сомнѣвался въ подлинности криховъ, за исключеніемъ графа Эренбаха, не раздѣлявшаго, повидимому, мнѣнія прочихъ.

Свѣтъ канделябра упалъ на лицо Альвина, казавшеся, въ этотъ день, свѣжимъ и цвѣтущимъ, безъ малѣйшаго признака обычной ему болѣзненности. Невольно заглядѣлся Эвальдъ на двоюроднаго брата; никогда не видалъ онъ его такимъ рыцарски, такимъ аристократически величавымъ и прекраснымъ. Какъ же могъ этотъ человекъ считать себя неизлѣчимо больнымъ, заранѣе обреченнымъ на смерть? Не было ли то у него притворство? Нѣтъ, Альвинъ фонъ-Элькенроде могъ еще долго жить и, даже, стать отцомъ здоровыхъ дѣтей — но что же тогда будетъ съ нимъ, Эвальдомъ? Холодный потъ выступилъ у него на лбу при этой мысли. Никогда не завидовалъ онъ своему кузену, никогда не желалъ ему смерти — и только въ этотъ вечеръ, впервые, когда мрачное настроеніе его духа сдѣлалось, вслѣдствіе возлѣній, еще мрачнѣе, только теперь впервые почувствовалъ онъ нѣчто въ родѣ оцущенія зависти. Если бы въ эту минуту онъ, а не Альвинъ, составлялъ средоточіе этого избраннаго круга, если бы онъ стоялъ на мѣстѣ владѣльца маюрата Элькенроде, которому все клаялось, въ которомъ все заискивало!

То была не хорошая минута въ жизни Эвальда фонъ-дѣр-Линденъ. Въ его головѣ внезапно мелькнула мысль, родившаяся въ добромъ и благородномъ по природѣ человекѣ только подъ вліяніемъ давшиней непріятной сцены. Ну а если бы случайно смертоносное оружіе сорвалось и упало прямо на стоящаго подъ нимъ человека, если бы произошло несчастіе? Эвальдъ не былъ въ силахъ слѣдовать за своей мыслью, онъ почти слышалъ біеніе собственнаго сердца, удары пульса. Между барономъ Альвиномъ и графомъ Эренбахомъ завязался разговоръ и легкій споръ. Серьезный, ясный взглядъ Альвина встрѣтился съ взглядомъ кузена. Если бы этотъ сердцевѣдъ прочелъ въ душѣ молодаго человека? Эвальдъ не могъ смотрѣть въ глаза Элькенроде, онъ опустилъ свои внизы. — Альвинъ протянулъ правую руку, съ цѣлью, чтобы осторожно достать оружіе, взявшись за рукоятку.

— Посвѣти немного повыше, Эвальдъ, кликнулъ онъ кузену, съ явнымъ усиленіемъ стараясь вытащить кинжалъ изъ кожанаго перехвата, въ который онъ былъ вложенъ.

Точно пробужденный, голосомъ барона, отъ глубокаго сна, молодой человекъ ступилъ къ нему, высоко поднявъ канделябръ, но — нога его поскользнулась на гладкомъ полу галереи, тяжелый канделябръ выкатился изъ рукъ и самъ онъ со всего размаха наткнулся на Альвина, котораго, своею тяжестью, заставилъ податься нѣсколько въ сторону. Въ ту же минуту какой-то металлическій предметъ, со звономъ, упалъ сверху на полъ.

На мгновеніе зала погрузилась въ полнѣйшій мракъ, но гости тотчасъ же воспѣшили зажечь спички. Г. фонъ-Люнигъ поднялъ лежавшій у его ногъ канделябръ и графъ Эренбахъ тотчасъ же засвѣтилъ его. Только тогда увидѣли гости блѣдныя, разстроенныя лица друг друга и поблѣвшее отъ ужаса лицо Эвальда, дрожавшаго всѣмъ тѣломъ и имѣвшаго видъ преступника послѣ совершеннаго имъ дѣянія; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоялъ Альвинъ; черты его были страшно искажены, изъ вытянутой въ сторону правой руки струились капли крови.

— Великій Боже, баронъ! вы ранены! крикнули испуганные голоса гостей.

— Я погибъ! глухо произнесъ Альвинъ, указавъ лѣвой рукой на лежавшій на полу предметъ. И теперь сіяла кровавымъ блескомъ сталь малайскаго криха, скользнувшая по рукѣ Элькенроде въ то мгновеніе, когда его неожиданно толкнулъ Эвальдъ.

— Доктора, скорѣе за помощью! послышалось среди гостей; тотчасъ же было придвинуто одно изъ старинныхъ, съ высокой спинкой кресель, въ которое усадили раненаго, болѣе потрясеннаго нравственно, нежели физически, такъ какъ, въ сущности, рана оказалась не болѣе, какъ незначительнымъ порѣзомъ.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ бросились за людьми; Альвинъ сдѣлалъ слабый жестъ лѣвой рукой и какал то усталая улыбка пробѣжала по его блѣднымъ губамъ.

— До ближайшаго доктора отсюда не менѣе часа, произнесъ онъ едва слышимымъ голосомъ, — пока онъ пріѣдетъ, все уже будетъ кончено. Я самъ виноватъ въ своей судьбѣ; ядъ этого кинжала смертеленъ, индѣецъ при мнѣ прокололъ листъ каледнаго дерева и въ какой нибудь часъ времени оно все засохло. Мои минуты сочтены, позвольте же мнѣ ими воспользоваться. Мнѣ надо сказать нѣсколько словъ двоюродному брату, будущему владѣльцу маюрата Элькенроде.

Гости безмолвно вышли из галлерей: между тѣмъ во всемъ домѣ послышались движенія и гулъ испуганныхъ голосовъ. Съ минуту Эвальдъ продолжалъ еще стоять неподвижно на прежнемъ мѣстѣ, какъ бы чуждый всему происходившему вокругъ. Но жизни какъ бы внезапно возвратилась его членамъ, онъ быстро приблизился къ Альвину и опустился на колѣни около его креста.

— Альвинъ, Альвинъ, прости меня! Или мы будемъ оба живы—или ни одинъ изъ насъ! И схвативъ руку Элькенроде, онъ прижалъ ее къ губамъ, съ надрывомъ высосать ядъ, но раненый вырвалъ свою руку.

— Перестань! Какъ ни былъ суровъ голосъ барона, онъ не могъ скрыть внутреннее волненіе—довольно и одной жертвы. Но твоё раскаяніе приходитъ слишкомъ поздно, Эвальдъ! Я прежде умѣлъ читать на твоёмъ лицѣ, но не могъ думать, чтобы злодѣйская мысль такъ быстро перешла въ злое дѣло.

— Альвинъ! громко вскрикнулъ Эвальдъ,—Альвинъ... неужели такое страшное подозрѣніе... неужели этотъ ужасный случай ты считаешь обдуманнѣмъ преступленіемъ?.. Альвинъ, я и такъ несчастливъ, безгранично несчастливъ, но только не думай этого, не думай, Альвинъ.

Краска радости выступила на блѣдномъ лицѣ барона.

— Эвальдъ—значитъ это только случай? Я никогда не боялся смерти, но я вдвое легче умеръ бы, еслибъ зналъ, что твоя рука, твоя душа чисты въ этомъ дѣлѣ!

— Нѣтъ, Альвинъ, я виновникъ. Злой рокъ заставилъ меня, окаяннаго виновнаго, поспѣхнуться. Всемогущій Богъ мнѣ свидѣтель! Ты будешь спасенъ, ты будешь жить, чтобы видѣть мое исправленіе.

— Я желаю для тебя испытанія, Эвальдъ, мягко возразилъ Альвинъ.—оно пришло и, надѣюсь тебя исцѣлитъ. Я чувствую какъ рана горитъ, чувствую утасное изнеможеніе, я желаю проститься. Воиъ слышу моего стараго Мартына, впусти его, Эвальдъ, а также всѣхъ друзей и останься около меня!

Со слезами упалъ Эвальдъ на грудь своего двоюроднаго брата; когда нѣсколько секундъ спустя, онъ поднялся—то ребячески юный баловень счастья превратился уже въ мужчину; серьезная минута его нереродила.

За дверьми ждали гости и сбѣжавшаяся сюда прислуга замка; всѣ они толпой вошли въ залу. Но впереди всѣхъ слѣзнулъ Мартынъ. Онъ уже было улегся спать, когда вдругъ его разбудила страшная вѣсть. Быстро одѣвшись, онъ бросился къ барону.

— Раненъ! смертельно раненъ, вы говорите, вскрикнулъ онъ въ необычайномъ волненіи,—мой господинъ, мой Альвинъ, гдѣ онъ, я долженъ его видѣть, его спасти...

— Мой старшій Мартынъ, произнесъ Элькенроде, протягивая своему вѣрному слугѣ лѣвую руку,—не рана меня убиваетъ, а ядъ клинка, нанесшаго мнѣ ее; не даромъ ты боялся трогать съ мѣста малайскій кинжалъ, который ты купилъ мнѣ у индійца; этотъ кинжалъ сорвался и причинилъ мнѣ вѣрную смерть.

— Этотъ, вотъ? и Мартынъ бросилъ взглядъ на все еще лежавшее на полу малайское оружіе и его, всегда спокойное лицо сильно передернуло,—вы себя ранили этимъ кинжаломъ, мой дорогой господинъ? почти весело, переспросилъ онъ,—ну, въ такомъ случаѣ Всемогущій спасъ васъ, и вы будете жить къ нашему общему счастью, потому что этотъ кинжалъ—вовсе не кинжалъ индійца и вотъ причина, по которой я васъ просилъ не трогать его съ мѣста, гдѣ онъ находился!

— Мартынъ! и Эвальдъ едва не задумилъ стараго слугу въ своихъ объятіяхъ; эта радость убѣдила Альвина въ искренности молодого человека.

— Мартынъ! впервые строго обратился Элькенроде къ старику,—такъ я, значить, сыгралъ какую-то комедію предъ своими гостями? Ты меня обманулъ?

— Это былъ мой первый и единственный обманъ, который я позволилъ себѣ для благой цѣли, отвѣтилъ съ волненіемъ Мартынъ.

— А, да, понимаю, вставилъ г. фонъ Люнингъ,—ты не напелъ въ томъ городкѣ индійца и, желая угодить своему господину, велѣлъ сдѣлать на заказъ подобный же экземпляръ, только, естественно, не отравленный?

— Нѣтъ, возразилъ Мартынъ,—я напелъ индійца; онъ занялъ квартиру въ домѣ одного ножевника, гдѣ и заболѣлъ горячкою; поэтому мнѣ и нельзя было немедленно жесторговаться съ нимъ, а пришлось ждать его выздоровленія; это могло продолжаться нѣсколько дней и я охотно согласился на сдѣланное мнѣ хозяйкой предложеніе поселиться на время въ ихъ семействѣ. Отца не было дома. Во всемъ домѣ царствовало, по-видимому, какое-то странное безпокойство. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ узнать въ чемъ дѣло; оказалось, что мужъ бѣднаго женщины, у которой я остановился, былъ очень искусный оружейникъ; своей усердной работой онъ доставлялъ семьѣ безбѣдное существованіе, но съ нимъ произошла бѣда: онъ помыслилъ маленькое сбереженіе у одного купца; негодяй не только обманулъ его, похитивъ деньги бѣдняка, но, кромѣ того, еще заставилъ его поручиться, и теперь оружейнику приходилось платить, тогда какъ денегъ не было; попытка Каспара Валлера отсрочить время уплаты не привела ни къ чему и честной семьѣ грозила нищета и позоръ. Въ доказательство искусства своего мужа, хозяйка принесла мнѣ показать его послѣднюю работу; я невольно вскрикнулъ отъ удивленія; предо мной, казалось, былъ малайскій кинжалъ индійца, до того хорошо и удачно было подражаніе; когда же я, наконецъ, могъ переговорить съ индійцемъ, то онъ запросилъ двойную цѣну противъ прежней, въ виду открывшейся для него возможности сбыть кинжалъ въ Англию. Его грубое упрямство возмутило меня и я прекратилъ съ нимъ переговоры; войдя въ комнату хозяйки, я увидѣлъ Валлера и его семейство въ полнѣйшемъ отчаяніи—всѣ его надежды были окончательно разрушены и теперь несчастіе близилось къ ихъ дому! Въ головѣ моей блеснула мысль придти къ нимъ на помощь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворить желанію моего господина; половины моей суммы, которую жаждала ненасытная жадность безстыднаго торгаша, было совершенно достаточно для спасенія честныхъ и хорошихъ людей и, къ тому же, я возвращался не съ пустыми руками; едва я выговорилъ оружейнику свое предложеніе, какъ вся семья бросилась цѣловать мнѣ руки въ знакъ безпредѣльной благодарности, но я объяснилъ имъ, что они должны благодарить моего господина, за него молиться Богу и просить о ниспосланіи ему здоровья и долгой жизни.—Волненіе на минуту помѣшало ему говорить; у многихъ изъ слушателей глаза наполнились слезами, Альвинъ все еще сидѣлъ по-прежнему блѣдный и тяжело дыша.—И,—продолжалъ Мартынъ,—когда господинъ мой, еще въ дорогѣ узнавшій о покупке малайскаго кинжала, возвратился домой, и когда я увидѣлъ его необычайную радость, то не рѣшился разочаровать его, такъ какъ доктора строго предписали ему избѣгать раздраженія: къ чему было бы говорить ему, что онъ владѣетъ не настоящимъ кинжаломъ индійца? Богъ—такъ думалъ я про себя—простить мнѣ этотъ невинный обманъ, первый въ моей жизни, да и мой баронъ тоже, когда я ему открою его въ настоящую минуту; но—она не приходила до сегодня.

— И все-таки—едва слышнымъ голосомъ произнесъ Альвинъ—и все-таки этотъ обманъ мнѣ трудно перенести, пошлите за докторомъ.

Большой безсильно опустился навзничь, съ нимъ сдѣлался обморокъ, вызванный сильнымъ волненіемъ.

Благодаря заботамъ и уходу преданнаго Мартына, которому усердно помогалъ и Эвальдъ (устроившій свое дѣло при помощи фонъ Люнинга), баронъ Элькенроде вышелъ изъ смертельной опасности; онъ прожилъ еще много лѣтъ и, къ своему счастью, убѣдился въ полнѣйшей перемѣнѣ двоюроднаго брата, который, къ меньшей его же радости, женился; вечеръ его жизни прошелъ, главнымъ образомъ, не въ уединеніи и, умирая, онъ благословилъ бѣлокурого, кудряваго мальчика, будущаго владѣльца маюрата Элькенроде, названнаго своими родителями, въ честь барона, Альвиномъ. Въ самый годъ кончины Альвина, за нимъ послѣдовалъ въ могилу и его вѣрный Мартынъ.

Глубоко чтутъ Элькенроде и нынѣ память достойнаго человека, первый въ жизни обманъ котораго далъ счастье и миръ дому его господина.

Къ рисункамъ.

Зимній видъ водопада Иматры.

(Рис. на стр. 436 и 437).

Среди суровыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальныхъ и эффектныхъ красотъ нашей финской природы—водопадъ Иматра, близъ Выборга, конечно, занимаетъ первенствующее мѣсто и по праву пользуется громкою извѣстностью среди разноплеменныхъ туристовъ, наѣзжающихъ сюда толпами въ лѣтние мѣсяцы. Зимой же туристъ—здѣсь чрезвычайная рѣдкость, хотя водопадъ не теряетъ своей красоты даже и въ эту пору оцѣпелѣнія и смерти всей окружающей природы; зимою онъ также могущественно хорошъ, также бѣшено катитъ громадные, пѣнистыя волны и омываетъ скалистые берега безконечнымъ дождемъ брызговъ. И это кипучее паденіе водопада, полное жизни и шума, составляетъ рѣзкій и въ высшей степени странный контрастъ съ мертвенностью окружающихъ его береговъ, по-

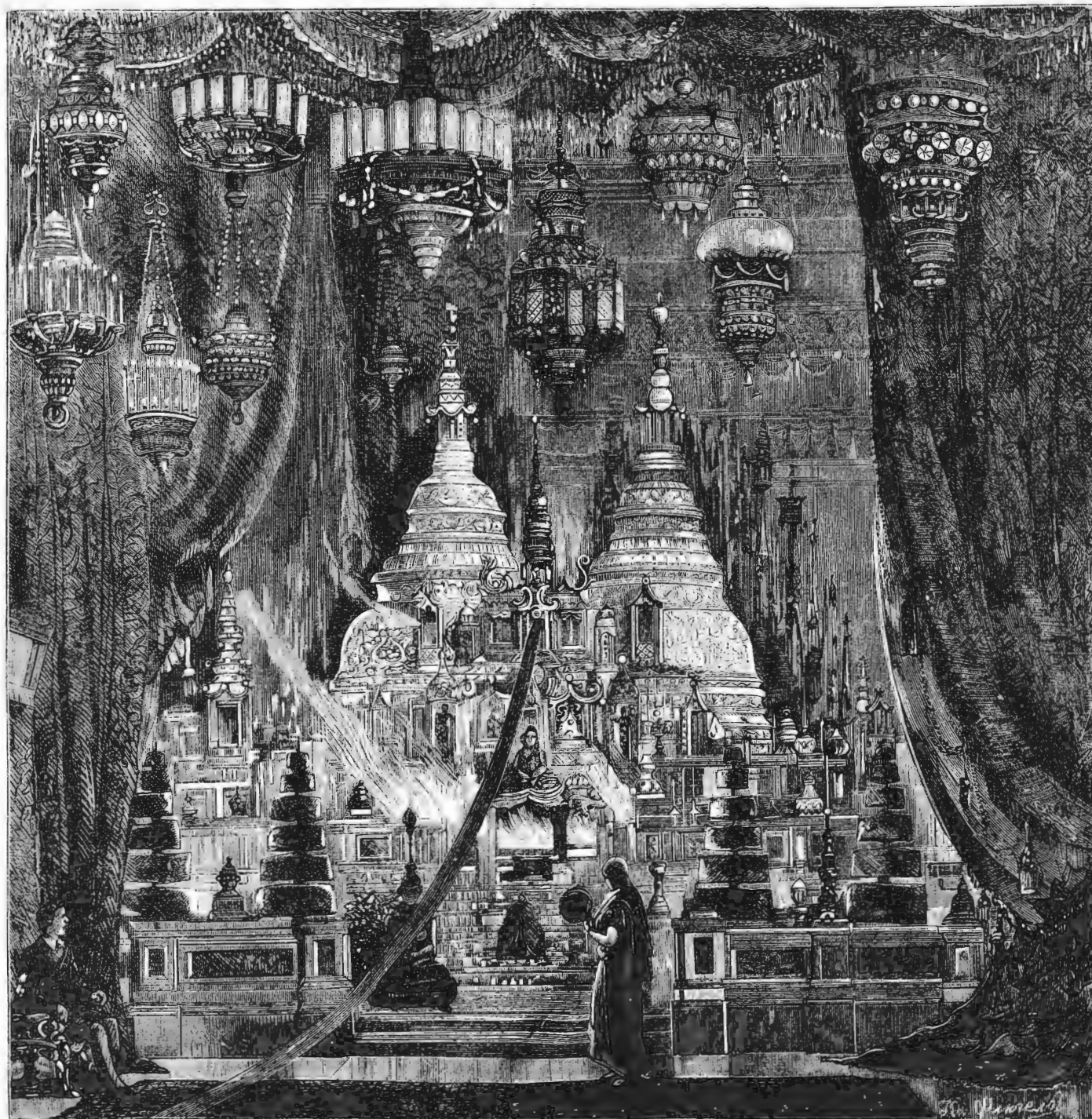
крытыхъ глубокимъ слоемъ снѣга и печальными елями, одѣтыми густымъ покровомъ инея. Туристъ, видѣвшій Иматру лѣтомъ, пришелъ бы въ восторгъ отъ нея и зимой, и вынесъ бы отсюда совершенно новое впечатлѣніе, не уступающее въ грандіозности тому представленію, которое вообще составляетъ объ этомъ живописномъ водопадѣ. Дѣйствительно, представьте себѣ рѣку, шириною почти въ Неву, которая на бѣгу своемъ изъ Саймы вдругъ сжимается въ узкомъ ущельѣ. Гонимая страшнымъ напоромъ воды, рѣка бѣшено мчитъ по этой наклонной тѣснинѣ, извиваясь среди громадныхъ валуновъ или перескакивая черезъ нихъ съ ревомъ и грохотомъ; ея волны растутъ, принимаютъ громадные, фантастическія очертанія и превращаются въ бѣлоснѣжную пѣну; но вотъ узкій проходъ миновался, и рѣка на просторѣ, снова разливается, дѣлается широкою, и покойно и тихо катитъ свои волны въ Ладожское озеро. Кто ожидаетъ отъ Иматры эффектнаго паденія массы воды съ

Нула-Лонгорнъ, Король Сиамъ. По фот. грав. Флюгель.

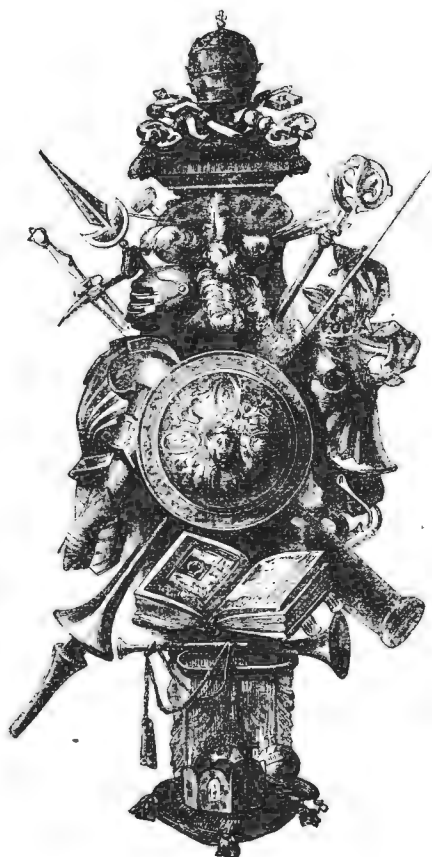
Парамарайя Деви, Королева Сиамъ. По фот. грав. Флюгель.

Обрядъ сожженія тѣлъ королевъ Сиамъ и ея дочери въ Банкоктѣ, въ Сиамѣ. По рис. Гг. Библиотекъ „Руниверс“

громдой высоты, той грандіозной картины, которую представляет паденіе Ніагары или Рейна, тотъ конечно разочаруется нашимъ финскимъ водопадомъ, такъ какъ здѣсь Вокса не свергается съ уступа или съ горной вершины, а просто катится по наклонной плоскости, но не смотря на это, общая картина Иматры

чрезвычайно эффектна, особенно при вѣтхъ суровыхъ, темныхъ, скалистыхъ берегахъ, покрытыхъ густой

Фиг. 1. Средніе вѣка. Оружіе.

Фиг. 2. Четыре времени года. Зима.

Фиг. 3. Гербъ мѣдника.

Фиг. 4. Четыре возраста. Дѣтство.

Фиг. 5. Гербъ рѣзчика на стеклѣ.

Фиг. 6. Двѣнадцать мѣсяцевъ. Май.

Библиографія. „Аллегоріи и эмблемы“, М. Герлаха.

и свѣжей растительностью, росту которой особенно способствуетъ какъ постоянная сырость воздуха, такъ и обиліе орошенія, посылаемаго на берега водопадомъ, въ видѣ брызговъ и тонкой водяной пыли, далеко разносимой вѣтромъ. Кроме того гранитныя скалы, накаляясь отъ солнца, снабжаютъ растения живительнымъ жаромъ и потому неудивительно, что деревья отличаются здѣсь необычайною густотою, а злаки особенною яркостью. У самаго водопада, по скатамъ темныхъ скалъ, льбится зеленый мохъ и кустики брусники, а выше надъ ними, ка-

ства и неприятели зимней поѣздки въ саняхъ къ водопаду, онъ вывезъ съ собою нѣсколько замѣчательно-оригинальныхъ снимковъ, изъ которыхъ два мы здѣсь помѣщаемъ. Облака брызгъ и пѣны, орошая окрестныя деревья, замерзаютъ и обремененныя тяжелыми, бѣлыми обмерзшими вѣтвями, деревья стоятъ кругомъ словно какія чудовища, словно видѣнья. Только не можетъ сковать крѣпкій морозъ могучую силу кипучей Иматры, которая клубится, реветъ и сердито мечетъ отъ вѣковъ свои безпокойныя, буйныя волны съ изумляющей силой.

Маленькій Канадѣецъ съ лыжами.

(Рис. на стр. 441).

Канада, англійская колонія, въ С. Америкѣ, на сѣверѣ отъ Соединенныхъ Штатовъ, раскинутая по рѣкѣ Св. Лаврентія. Живописная и бѣсная, обработанныя поля, частыя рощи и зданія фермъ, весело выглядывающія изъ за деревьевъ, всѣ признаки богатства и благосостоянія—все это встрѣчается здѣсь путника, когда онъ ѣдетъ на пароходѣ по рѣкѣ Св. Лаврентія. Климатъ лѣтомъ весьма жаркій и здоровый, зимой бываетъ очень холоденъ и перемены температуры рѣзки. Довольно продолжительная зима съ крѣпкими морозами вызываетъ всѣ зимнія приспособленія и развиваетъ въ семьяхъ привычку къ разнымъ зимнимъ удовольствіямъ. Зимнія удовольствія—поѣздки, катанья съ горъ, на саняхъ и на лыжахъ здѣсь очень распространены. И нѣсколько охотники и взрослые предаются этому занятію, но и дѣти часто отлично дѣйствуютъ лыжами такой формы, кака я изображена на нашемъ рисункѣ. Маленькій канадѣецъ, въ своемъ оригинальномъ костюмѣ, смѣло смотритъ своими свѣтлыми глазами; отдыхая отъ быстрого бѣга, онъ только что сбросилъ лыжи, чтобы, отдохнувъ, пуститься въ новый бѣгъ по гладкому свѣжому насту поляны.

Мученица Симфороза передъ императоромъ Адрианомъ.

(Рис. на стр. 444 и 445).

Трогательный эпизодъ, представленный на картинѣ Круга, имѣвшей большой успѣхъ на Парижской художественной выставкѣ 1882 года, относится къ эпохѣ царствованія Адриана, столь ярко и образно описанной Эберсомъ въ его извѣстномъ романѣ „Императоръ“. Характеристика Адриана особенно удалась знаменитому романисту; вы здѣсь какъ живаго видите этого капризнаго, нестойкаго, иногда великодушнаго, но чаще жестокаго человека, умнаго и образованнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляющаго самыя грубые предрасудки и выполняющаго самыя дикіе обряды своего времени. Типъ, очерченный Эберсомъ, дѣйствительно вѣренъ исторіи; Адрианъ является и здѣсь человекомъ въ высшей степени страннымъ и загадочнымъ; все свое царствованіе онъ провелъ въ путешествіяхъ по самымъ отдаленнымъ уголкамъ своей обширной имперіи, повсюду сопровождаемый цѣлою свитою астрологовъ и служивыхъ любимцевъ, между которыми первое мѣсто, конечно, занималъ знаменитый красавецъ Антоній, погибшій впоследствии въ волнахъ Нила. По смерти Антонія вся имперія должна была воздавать ему божественный культъ по волѣ императора; ему воздвигали храмы и статуи и противники этого новаго страннаго культа подвергались жестокому преслѣдованію. Подъ старость Адрианъ, боясь смерти и мучимый вѣдунгами, сдѣлался особенно жестокъ и подозрителенъ; примѣры великодушія и справедливости императора становились уже рѣже и рѣже, между тѣмъ какъ нерѣдко и его лучшіе, приближенные люди приносились въ жертву по одному лишь подозрѣнію или даже капризу. Къ одной изъ самыхъ кровавыхъ и постыдныхъ страницъ исторіи Адриана принадлежитъ и общеизвѣстный эпизодъ о мученической смерти Симфорозы и ея семи сыновей-отроковъ.

Фиг. 7. Четыре возраста. Дѣтство.

чаются голубые колокольчики и растутъ алая гвоздика, а еще выше, за рядомъ мелкихъ ольхъ и березокъ, тянется зубчатая стѣна печальныхъ, черныхъ сосенъ. Съ лѣваго берега видъ на Иматру еще живописнѣе, особенно изъ маленькой бесѣдки, какъ бы прирѣзленной къ самому обрыву утеса. Здѣсь среди бѣшеннаго водоворота, тотчасъ же обратятъ ваше вниманіе неподвижно стоящіе среди волнъ громадные камни, выдолбленные въ срединѣ на подобіе бочекъ или мортиръ. Это такъ называемыя котлы, которые, по объясненію геологовъ, произошли еще въ тѣ незапамятныя вѣка, когда Вокса пробивала себѣ проходъ черезъ гранитное ущелье Иматры.

Нашъ рисунокъ, представляющій зимній пейзажъ Иматры, снятъ извѣстнымъ нашимъ фотографомъ Е. П. Вишняковымъ. Прекрасная въ художественномъ отношеніи мысль выполнена имъ вполне удачно. Никому еще не приходило въ голову изобразить видъ Иматры зимой. Испытывая понятныя неудоб-

Симфороза была христианка, вдова трибуна, который также погиб мученической смертью за свою преданность новой религии, имевшей во всей империи, несмотря на гонения, громадное число последователей. Симфороза была сама ревностная христианка и кроме того воспитывала своих юных сыновей в духе строгого христианства, что, конечно, не могло укрыться от языческих жрецов, ждавших лишь удобного случая, чтобы предать отступницу в руки правосудия. Случай этот скоро представился; в 120 году по Р. Х. Адриан построил в Тибурѣ, близ Рима, роскошный дворец и желал ознаменовать окончание этой постройки пышными религиозными празднествами и обильными жертвоприношениями. Хитрые жрецы, зная суевѣріе императора, заявили тогда, что эти религиозные празднества и всевозможные дары не могут быть приняты благоприятно богами, пока не будет принесена имъ в жертву Симфороза и ея сыновья, которыхъ молитвы и обряды постоянно тревожатъ ихъ въ ихъ святилищахъ. Выслушавъ такое мнѣніе жрецовъ, Адрианъ тотчасъ же призвалъ Симфорозу и ея сыновей къ своему грозному трибуналу; долго убѣждалъ ихъ раскаяться и воздать хвалу языческимъ богамъ, но они были непоколебимы, не поддаваясь ни льстивымъ обещаніямъ, ни страшнымъ угрозамъ. Наконецъ императоръ, взбѣшенный ихъ упорствомъ, приказалъ предать Симфорозу мучамъ; ее повели къ храму Геркулеса и долго мучили, повѣсивъ за волосы; когда же и среди этихъ страданій она осталась непоколебима, то утопили въ рѣкѣ. Семь ея сыновей также были подвержены самымъ жестокимъ пыткамъ и замученные брошены въ одну глубокую яму. До сихъ поръ на этомъ мѣстѣ ихъ погребенія существуетъ церковь и вся мѣстность носитъ название „Семи братій“. Самыя же тѣла мучениковъ впоследствии были отысканы и принесены въ Римъ, гдѣ и погребены въ храмѣ Св. Ангела. Память мученицы Симфорозы и ея семи сыновей празднуется 18-го іюля.

Картина Круга, представляющая Симфорозу и ея сыновей передъ грознымъ трибуналомъ Адриана, полна драматизма и экспрессіи; особенно хороша фигура самой Симфорозы, гордой и непоколебимой въ своихъ святыхъ и высокихъ убѣжденіяхъ.

Эдуардъ Кругъ родился въ Дрюбекѣ (въ Кальвадоскомъ департаментѣ), учился живописи у Коппе. И не смотря на свою молодость, достигъ уже замѣчательнаго совершенства въ искусствѣ; по приговору знатоковъ, его картина, кромѣ экспрессіи, обладаетъ еще яркимъ, блестящимъ колоритомъ и потому неудивительно, что она имѣла такой блестящій успѣхъ на послѣдней выставкѣ парижскаго „Салона“.

Обрядъ сожженія тѣлъ королевы въ Сіамѣ.

(Съ 2 портр. и рис. на стр. 448).

Недавно въ газетахъ появились подробности печальной кончины молодой королевы Сіама и ея малолѣтней дочери. Во время прогулки по рѣкѣ, лодка перевернулась и изъ воды

вытащены были лишь безжизненные тѣла матери и дочери. Король былъ въ отчаяніи—они недавно только женились и жили очень счастливо. По мѣстному обычаю, тѣла должны были быть сожжены.

Королева Сіамская, которой останки, вмѣстѣ съ трупомъ ея дочери, дитяти двухъ или трехъ лѣтъ, были недавно сожжены, называлась Парамарая Деви. Она была супруга вышшаго короля, наследовавшаго тронъ въ 1868 году. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что Сіамское государственное устройство имѣетъ ту особенность, что здѣсь царствуютъ одновременно два лица—первое—дѣйствительный монархъ, и второе—номинальный, глава всѣхъ военныхъ силъ государства.

Нашъ рисунокъ представляетъ зданіе, гдѣ происходило сожженіе трупа королевы, котораго какъ вышній видъ, такъ и самую церемонію передаетъ одинъ англичанинъ очевидецъ слѣдующимъ образомъ: „Зало, въ которомъ помѣщались обѣ урны, было расположено въ центрѣ зданія подъ высокой банней. Самое зданіе очень большого объема, съ четырьмя или пятью окнами съ каждой стороны и, по обычаю Сіамцевъ, оканчивалось потолкомъ конической формы. Въ залъ вела со всѣхъ сторонъ роскошная лѣстница, на которой день и ночь видны были преклоненные принцы и придворные въ роскошномъ, живописномъ нарядѣ. Возвышеніе, на которомъ были помѣщены урны, заключавшія останки усопшей королевы и ея дочери, имѣло восьмиугольную форму; ступени его шли пирамидально и оно достигало высоты—около 200 футовъ. Вся постройка была покрыта золотомъ, серебромъ, разнообразными зелеными украшеніями, золотыми изображеніями Будды, золотыми и бѣлыми зонтиками; кромѣ того, здѣсь и тамъ видѣлись цѣлыя связки прелестныхъ цвѣтовъ и блѣдно-горячіе смоляные факелы. Вообще эффектъ украшеній былъ блестящій и ослѣпительный и особенно поражали своимъ блескомъ бархатныя, шитыя золотомъ занавѣси, спускавшіяся широкими складками по грандіознымъ колонамъ, идущимъ кругомъ всего зданія. Зало было обито богатыми коврами и украшено подвѣсниками съ восковыми свѣчами, а также искусственными цвѣтами, золотыми и бѣлыми, очень похожими на тѣ натуральные, пахучіе цвѣты, которыми обыкновенно такъ любятъ себя украшать Сіамцы. Молитвенные обряды совершались очень часто, на послѣднихъ ступеняхъ около урнъ; въ это время все зало было полно духовными лицами, въ блестящихъ оранжевыхъ или желтыхъ одеждахъ, сидящими или преклоненными, съ бритыми головами, съ желтыми вѣерами въ рукахъ, и каждый изъ нихъ при этомъ прикасался къ желтой лентѣ, спускавшейся изъ внутренности урнъ. Кромѣ того, часто всѣ входящіе во внутренность роскошнаго зданія или стоящіе тамъ, со сложенными руками, преклонили свои головы до земли въ знакъ благоговѣнія и молитвы, и въ то-же время въ сосѣднихъ залахъ раздавалась жалостная музыка или пѣніе духовенства, еще болѣе усиливавшее общее грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное настроеніе толпы.“

Библиографія.

(Рис. на стр. 449 и 450).

Allegorien und Embleme. Von Martin Gerlach. Wien 1883. Первый томъ этого превосходнаго изданія вышелъ недавно. Это нѣчто совершенно новое и своеобразное. Это не альбомъ или художественная книга съ картинами, мѣсто которой на столахъ модныхъ гостиницъ, и не собраніе образцовъ для художниковъ и ремеселъ, но оно вмѣстѣ и то, и другое, такъ какъ оно пригодно для потребностей дома, школы и художественныхъ и ремесленныхъ мастерскихъ. Но для того, чтобы соотвѣтствовать всестороннимъ цѣлямъ оно должно быть серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно бываютъ иллюстрированныя изданія, и съ другой стороны должно избѣгать сухой нормы книгъ съ образцами. Свободный, истинно художественный духъ замѣчается на всѣхъ его страницахъ и это составляетъ первую и важнѣйшую характеристику этого новаго изданія.

Тутъ помѣщены новѣйшія произведенія, которыя даютъ ясное понятіе о томъ, какимъ образомъ весь громадный кругъ художественныхъ мотивовъ, почерпаемыхъ изъ природы и жизни людей, воспроизводится согласно требованіямъ новѣйшаго искусства. Въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, олицетворенія вѣчныхъ всеобщихъ понятій, всегда сходныхъ между собою, но въ области искусствъ разныхъ временъ различно изображаемыхъ,—все это собрано въ одно цѣлое и такимъ образомъ гораздо болѣе способно дать ясное представленіе о духѣ, идеяхъ, понятіяхъ и взглядахъ нынѣшняго искусства, чѣмъ многія картины галерей и большія выставки. Точное изображеніе времени, вѣчности, эмблемы любви и ненависти, добродѣтели и порока, всѣхъ страстей, руководящихъ человека, его душевныхъ и сердечныхъ движеній—составляли съ давнихъ поръ задачу всѣхъ эпохъ, школъ и всѣхъ художниковъ. Но только составляя произведенія нашихъ временъ съ прошедшими, можно было прийти къ заключенію и сужденію объ искусствѣ послѣдняго времени. И этому впервые превосходно способствуетъ настоящее изданіе, въ которомъ участвуетъ много выдающихся ху-

дожниковъ. Оно можетъ быть названо новымъ художественнымъ Декамерономъ, въ которомъ одинъ разсказчикъ смѣняется другимъ, вносящимъ также свою лепту. Но рядомъ съ этой цѣлью изданіе преслѣдуетъ еще и другую.

Новѣйшія реформы въ художественной промышленности, въ обученіи рисованію и декоративномъ искусствѣ, исходя изъ драгоценной сокровищницы древнихъ образцовъ, значительно подняли и облагородили вкусы публики и производителей. Развитие производствъ, архитектуры и увеличеніе городовъ способствовали большому распространенію реформирующаго вліянія, такъ что не будетъ преувеличеннымъ сказать, что болѣе благородное направленіе вкуса сдѣлалось общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ народовъ. Но не смотря на это, даже поверхностному наблюдателю ставится замѣтной односторонностью художественной промышленности и декоративныхъ искусствъ, а именно преобладаніе орнаментовки въ ущербъ фигурныхъ украшеній, чего не существовало въ древнія времена. Тогда распространялось все равномерно,—и что составляетъ труднѣйшую задачу—гармоническимъ соединеніемъ орнаментовъ и фигуръ опредѣлялся собственно характеръ декоративныхъ украшеній.

Настоящее изданіе, представляющее рѣдкое явленіе по своему объему и богатству образцовъ, имѣетъ цѣлью пополнить выше-сказанный недостатокъ. Множество декоративныхъ композицій, принадлежащихъ лучшимъ художникамъ Германіи и Австріи, ясно рѣшаютъ значеніе фигурныхъ украшеній въ художественной промышленности. Сообразуясь съ духомъ древнихъ эпохъ, на которыя упирается настоящее и будущее художественныя направленія, аллегорія должна быть принята исходной точкой. Поэтому въ изданіи помѣщенъ рядъ важнѣйшихъ аллегорическихъ представленій, составлявшихъ много столѣтій задачу художниковъ и относящихся къ жизни людей, природы, животныхъ, явленіямъ неба, земли, дня и ночи, олицетворенія вре-

мени, вѣчности, людскихъ страстей, пороковъ и добродѣтелей. Все это представляетъ длинный рядъ живыхъ образовъ, привлекающихъ глаза красотой и поражающихъ богатствомъ и разнообразіемъ явленій.

Къ этой первой части присоединяется еще вторая; это изображеніе эмблемъ промышленнаго характера. Въ этой части помѣщено много образцовъ цеховыхъ гербовъ, выѣсокъ, эмблемъ и аллегорій, частью сохранившихся на старыхъ памятникахъ, въ особенности гробницахъ 16 и 17 столѣтій, частью новѣйшихъ набросковъ.

Не смотря на то, что смыслъ всѣхъ художественныхъ произведеній этого изданія ясенъ, тѣмъ не менѣе къ нимъ приложены текстъ, имѣющій цѣлью въ сжатой формѣ пояснить понятія, взгляды и направленіе художника, и указать на всѣ особенности произведенія, которыя иногда могутъ ускользнуть отъ вниманія.

Здѣсь помѣщаемые семь рисунковъ показываютъ какъ блестяще многими художниками выполнена программа изданія. Фиг. 1, рисунокъ мюнхенскаго художника Зимма, — эмблема Среднихъ вѣковъ, изображаетъ тиару, митру, оружіе, миниатюры, корону Карла Великаго и первое огнестрѣльное оружіе. Фиг. 2

одно изъ четырехъ временъ года — „Зима“, вѣнскаго художника Мейснера. Фиг. 3 — гербъ мѣдника; 4-я — одинокъ изъ четырехъ возрастовъ — „Дѣтство“. Художникъ (Унгеръ изъ Мюнхена), изобразилъ малютку, нарождающагося изъ распускающейся весенней цвѣточной почки. Затѣмъ идетъ фиг. 5 — гербъ рѣзчика на стеклѣ, превосходно составленный по средневѣковымъ образцамъ. 6-я — граціозное, милое изображеніе одного изъ двѣнадцати мѣсяцевъ — Мая. Это одно изъ лучшихъ изображеній въ этомъ родѣ въ современной живописи. Прелесть этого дѣтскаго образа, стройность вѣжнаго тѣла, бессознательная грація движеній исполнены съ такимъ мастерствомъ, какое теперь не часто встрѣчается.

Наконецъ „Дѣтство“ — прелестное изображеніе проф. Бергера изъ Вѣны, набросано также съ тонкостью, изяществомъ и мастерствомъ, бросающимся въ глаза съ перваго взгляда. Съ одной стороны игрушки, съ другой уже доска съ написанными буквами и прутья — начало ученя! Сладость и горечь уже и этого періода жизни. Двѣ крошки съ любопытствомъ смотрятъ на чадолюбиваго аиста, у котораго на шеѣ виситъ колыбель. Справа цвѣты, а слѣва уже плоды жизни...

Политическое обозрѣніе.

Россия и Турція. — Болгарія. — Франція. — Англія. — Египеть. — Швеція.

Гдѣ и какъ только можетъ Порты сдѣлать намъ что либо несправедливое — тамъ она неперемѣнно дѣлаетъ; на этотъ разъ она поспѣшила поступить подобнымъ образомъ въ переговорахъ своихъ съ Россіей о тарифѣ; отказавшись отъ мысли повысить его для другихъ державъ, Порты не понижаетъ его для насъ и, по обыкновенію, затянула переговоры.

Первый министръ Болгарскаго княжества, генералъ Соболевъ, выѣхалъ въ Россію для присутствованія на коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, генералъ Каульбарсъ временно вступилъ въ отправленіе его обязанностей. Повидимому, католическая пропаганда идетъ въ княжествѣ удачно. Ватиканъ рѣшился назначить туда одного архіепископа и двухъ епископовъ; первый будетъ пребывать въ Константинополѣ, а епископы — въ самой странѣ; архіепископъ уже назначенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недавно, въ католической церкви въ Константинополѣ происходила хиротонія одного изъ епископовъ — это священникъ Цеткова. Въ Румелии, Алеко-Паша совершенно поддался вліянію державъ, соперничающихъ съ Россіей; все русское притѣсняется, — русскіе офицеры и унтеръ-офицеры уходятъ изъ края, смѣняются англичанами и французами.

Но, уживаясь кое-какъ въ Румелии, англичане и французы, тѣмъ не менѣе, — вообще, — находятся въ натянутыхъ отношеніяхъ. Франція, вступившая на путь колониальныхъ пріобрѣтеній, не можетъ угодиться за Англіей, которая успѣваетъ и мѣшать своей соперницѣ и, въ то-же время, завладѣвать все новыми и новыми территориями. „Пока мы, — жалуются французы, — долгое время колебались пополнить наши океанскія владѣнія посредствомъ пріобрѣтенія какихъ-либо острововъ или архипелаговъ, образующихъ ихъ необходимое дополнение, — колониальная власть Куинслэнда (англійская колонія въ Австраліи) формальнымъ образомъ, отъ имени Великобританіи, вступила во владѣніе островомъ Новой Гвинее, превышающимъ, на двѣ-три трети, Мадагаскаръ и могущимъ поспорить съ Борнео, который считается самымъ большимъ островомъ въ мірѣ. Англичане рѣшились на новое присоединеніе не столько изъ-за выгоды, какія они могутъ извлечь изъ этой страны, сколько изъ-за того, чтобы помѣшать другимъ народамъ поселиться тамъ.“ И — они имѣли цѣлостное основаніе желать предупредить другихъ: Германія, Италія, Голландія уже имѣли виды на островъ, а послѣднія изъ нихъ даже владѣть третью его — въ западной части. Не менѣе занята французы и „тройственнымъ союзомъ“; недавно въ сенатѣ обсуждался запросъ, сдѣланный по этому поводу Бременемъ; министръ иностранныхъ дѣлъ, Шальмель-Лакуръ, сказалъ, что въ союзѣ трехъ державъ онъ не видитъ ничего поваго: итальянскій министръ Манчини и австрійскій — Тила, объявили, что въ основѣ союза нѣтъ наступательнаго замысла на Францію и онъ, Шальмель-Лакуръ, вѣритъ тому; „впрочемъ, — прибавилъ министръ, — никто не думаетъ, чтобы

нападеніе на Францію было легко; ей не надо союзниковъ; она желаетъ, насколько это совмѣстно съ ея достоинствомъ — оставаться въ добромъ согласіи со всѣми державами и будемъ уважать права другихъ, не отказываясь отъ своихъ правъ; страна вовсе не испытываетъ тревоги, а потому и запросъ не нуженъ“; но Брель не удовлетворился отвѣтомъ. Военный министръ Тибоденъ, при обсужденіи закона о рекрутскомъ наборѣ, высказался въ пользу трехлѣтней службы, но, остальные лица, участвовавшія въ разсмотрѣніи вопроса, нашли необходимымъ удерживать пять лѣтъ; странный военный министръ! Интересно было-бы знать — какими соображеніями онъ руководился, въ особенности зная — насколько слаба въ французской арміи дисциплина. Что касается экспедиціи въ Тонкинъ, то французское правительство отказалось отъ мысли отправить въ апнамскія воды всю крейсирующую въ китайскихъ водахъ броненосную эскадру; въ Аннамъ пойдетъ только часть этой эскадры, нѣсколькимъ-же броненосцамъ предписано крейсировать въ недалекомъ разстояніи отъ Шанхая и Гонконга.

Англія уже отправила свою экспедицію къ берегамъ рѣки Конго, въ виду того, что португальцы прислали туда нѣсколько канонерскихъ лодокъ. Предусмотрительные сны Албіона, усматривая въ охватившемъ европейскія державы стремленіи къ пріобрѣтенію колоній, возможный поводъ къ войнѣ — принимаютъ уже и нынѣ мѣры на всякій случай: они заняты приготовленіями, имѣющими цѣлью приспособленіе торговаго флота къ войнѣ; въ числѣ условій, на которыхъ выдана нѣсколькимъ конкурирующимъ между собой народнымъ обществамъ концессія на перевозку почты черезъ Атлантическій океанъ, находится условіе, въ силу котораго пароходы почтовой службы обязаны быть снабжены двойными бортами, причемъ разстояніе между ними должно равняться объему тюка хлопка; сдѣлать это съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ войны наполнить пространство подобными тюками и превратить, такимъ образомъ, почтовые пароходы въ родъ панцирныхъ судовъ, вооруженныхъ артиллеріей, снабженныхъ боевыми снарядами и т. д. Дипломатные дѣятели не перестаютъ подавать о себѣ вѣсть: въ самое недавнее время многими торговыми фирмами, имѣющими магазины близъ собора Св. Павла, получены анонимныя письма, съ угрозою, что соборъ этотъ и другія большія зданія предполагается взорвать, чтобы „отомстить за право ирландскихъ патріотовъ“. Въ Нортгемптонѣ открыта тайная фабрика динамита; въ Нью-Йоркѣ взяты двое изъ участниковъ убійства въ Феникѣ-Паркѣ. — Лордъ Дефференъ уѣхалъ изъ Египта и, говорятъ, будетъ замѣненъ секретаремъ по индійскимъ дѣламъ, Барингомъ. Войска хедива разбили мятежниковъ, предводимыхъ лже-пророкомъ.

Шведская палата депутатовъ отвергла билль о „нейтрализаціи“ Швеціи и Норвегіи, который недавно былъ предложенъ.

С М Ъ С Ъ.

Нефтяная промышленность въ Америкѣ. Исторія нефтяной промышленности въ Пенсильваніи настолько замѣчательна и оригинальна, что съ перваго раза походитъ на вымыселъ самой пылкой фантазіи. Еслибъ 28 Августа 1859 г., т. е. въ день, когда была окончена первая буровая скважина, ктонибудь предсказалъ, что вновь открытыя нефтяныя источники народное благосостояніе обогатятъ въ теченіи 20 лѣтъ на сумму свыше двухъ миллиардовъ нашихъ рублей, то такого пророка сочли бы по меньшей мѣрѣ сумасшедшимъ; а между тѣмъ дѣйствительность далеко превзошла уже это предсказаніе. Нѣтъ ни одного уголка во всемъ цивилизованномъ мірѣ, гдѣ бы не извѣстенъ былъ американскій керосинъ. Въ настоящее время для добычи нефти въ Пенсильваніи и западной Виргиніи сдѣлано болѣе 20 тысячъ буровыхъ скважинъ;

100 тыс. людей находятъ себѣ заработокъ при этомъ промыслѣ. Нефть непрерывнымъ потокомъ движется по сѣти желѣзныхъ трубъ, протяженіемъ 6 тыс. верстъ, провозящихъ ее къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ и морскимъ пристанямъ.

Начало керосиноваго производства въ Америкѣ походило на ту лихорадочную, безтолковую сумятицу, какаю за 15 лѣтъ передъ тѣмъ была въ Калифорніи, со всѣми ея обыкновенными послѣдствіями, т. е. быстрымъ обогащеніемъ и слѣдовавшимъ за нимъ банкротствомъ. Полковникъ Дрэкъ, владѣлецъ первой изобильной нефтью буровой скважины, послѣ внезапнаго обогащенія кончилъ тѣмъ, что послѣдніе годы своей жизни перебивался пенсіономъ, назначеннымъ ему пенсильванскимъ штатомъ, какъ первому пионеру нефтяной промышленности. Джонъ Стиль, или, какъ его называютъ, „керосиновый

Джонни⁴, заснувший однажды простым рабочим и проснувшийся на другой день миллионером, получает теперь 50 долларов месячного жалования. В Питерб⁵ в 1865 году было только два дома, а через три месяца там было 15000 жителей. Земля, продававшаяся там перед тем десятинами за ничтожную плату, вдруг поднялась до такой страшной цены, что за участок, едва достаточный для постройки дома, приходилось платить по 10 тыс. долларов. Ферма Голден⁶, купленная за 25 тыс. долларов, была через три месяца перепродана за 1.600000 долларов. Около нее появились обширные гостиницы, великолѣпные театры; къ ней подвели желѣзную дорогу, нефтепроводныя трубы, по слуху нѣсколько месяцевъ нефть около нея истощилась и всѣ постройки были брошены почти за безцѣнокъ.

Спекулятивное возбужденіе и азартъ, охватившіе нефтепромышленниковъ, привели дѣло въ самое плачевное состояніе. Всѣ спѣшили переговаривать друг друга, всѣ бросались на бурявленіе скважинъ, такъ что въ концѣ концовъ производство превысило спросъ: продавцовъ вышло больше чѣмъ покупателей, что повлекло за собой всеобщее разореніе. Техническая часть, особенно способы перевозки нефти, были въ самомъ первобытномъ состояніи. Нефть, пе-

ревозимая въ плохо сдѣланныхъ и дававшихъ течь бочкахъ, на колесахъ по грунтовымъ дорогамъ и по рѣкамъ на баржахъ, въ огромномъ количествѣ проливалась и пропала безполезно.

Такой порядокъ продолжался однако не долго. Предпринимчивые американцы уже въ 1865 г. начали составлять товарищество для устройства нефтепроводовъ. Компаніи покрывали трубами известную часть нефтяной территоріи и входили въ соглашеніе съ владѣльцами буровыхъ скважинъ, предлагая свои услуги для перекачки добываемой ими нефти. Нефтепромышленникъ сдавалъ компаніи свою нефть подъ квитанцію и могъ получить свой товаръ во всякое время на назначенной станціи желѣзной дороги, уплачивая компаніи издержки за перекачиваніе и храненіе нефти. Наконецъ всѣ отдѣльныя нефтепроводныя компаніи соединились въ одно корпоративное учрежденіе подъ общимъ контролемъ и руководствомъ и такимъ образомъ организовали въ 1877 году одно громадное общество „Standard Oil Co.“

Общество это рѣшило буреніе и добычаніе нефти предоставить частной инициативѣ предпринимателей и занялось только исключительно передвиженіемъ нефти. Оно, не требуя никакого вознагражденія отъ нефтепромышленника, подводитъ къ каждой буровой скважинѣ, гдѣ бы она ни была, нефтепроводную трубу; получаетъ отъ владѣльца товаръ и выдаетъ его пзъ своихъ нагрюзочныхъ резервуаровъ на какой угодно станціи, взимая опредѣленную по таксу плату за перекачку и храненіе нефти. Компанія эта въ самое короткое время достигла почти невѣроятныхъ результатовъ. Принадлежащія ей нефтепроводы имѣютъ въ настоящее время протяженіе въ 6 тысячъ верстъ и соединяютъ 20 тысячъ буровыхъ скважинъ. Кромѣ того магистральныя трубы, протяженіемъ 1,500 верстъ, соединяютъ нефтепосую область съ Нью-Йоркомъ, Филадельфій и Балтиморой. На всемъ протяженіи магистральныхъ трубъ, на разстояніи каждыхъ 40 верстъ, устроены станціи съ перекачивающими насосами и резервуарами и по каждой 6 дюймовой трубѣ прогоняется въ сутки 150 тысячъ пудовъ керосина. Компанія дѣлаетъ ежедневный оборотъ въ 1/2 милліона пудовъ нефти; она ежедневно употребляетъ 5 1/2 тысячъ пудовъ желѣза на устройство новыхъ складочныхъ резервуаровъ; изготовляетъ ежедневно 100 тысячъ жестяныхъ ящиковъ пудовой вместимости и 25 тысячъ дубовыхъ боченковъ, на obrучъ которыхъ истрачивается 9 тысячъ пудовъ желѣза.

Чтобы сохранить картофель свѣжимъ до лѣта, совѣтуютъ, предварительно перемывъ его, опустить въ сѣтку на 4 секунды въ кипящую воду (лучше брать посоленную воду). Затѣмъ картофель просушивается на открытомъ воздухѣ, разложенный въ одинъ рядъ. Такимъ образомъ приготовленный картофель не прорастаетъ, долго сохраняется и не теряетъ своего первоначальнаго пріятнаго вкуса. Но послѣ этой операціи картофель неизрѣменно слѣдуетъ сохранять въ темнотѣ.

Противъ тресканія рукъ служитъ отличнымъ средствомъ масса пзъ меда и глицерина, ложка которой распускается въ литрѣ воды, предназначенной для умыванія. Это прекрасное средство дѣлаетъ кожу на рукахъ мягкой и вѣжною и предохраняетъ ее отъ тресканія. Вообще втираніе одного глицерина не приводитъ къ хорошимъ результатамъ, лучше глицеринъ смѣшивать съ водою. Утромъ и вечеромъ, передъ сномъ, на только что вымытыя руки наливается нѣсколько капель воды и нѣсколько капель глицерина, все это тщательно втирается въ кожу, которая затѣмъ обсушивается посредствомъ прикладыванія полотенца. Такимъ способомъ руки не пергаются и остаются мягкими и вѣжными даже при работѣ на сильномъ холодѣ. Если же при этомъ на ночь надѣвать перчатки, то средство становится еще дѣйствительнѣе. Губы, смазанныя вышеприведеннымъ составомъ, также предохраняются отъ тресканія.

Злополучный пѣвецъ. Во времена второй имперіи, любимцемъ публики на сценѣ Парижской Императорской оперы былъ пѣвецъ Массоль. Это былъ человекъ всегда мрачный, замкнутый, чуждавшийся людей, съ непріятной, отталкивающей физиономіей, въ глазахъ его свѣтлѣлся мрачный огонь. Враги Массоля говорили, что у него „худой глазъ“. Ко всему этому онъ былъ очень не далекъ. Все это однако не мѣшало восторгаться его прелестнымъ голосомъ, а дамы такъ положительно бредили имъ и приписывали что-то чарующее, демоническое. Въ репертуарѣ была въ то время между прочимъ опера „Король Карлъ VI“, въ которой лучшимъ мѣстомъ считалась такъ называемая „арія проклятій“; она всегда вызвала цѣлую бурю апплодисментовъ. Когда Массоль пѣлъ въ первый разъ эту арію, онъ, войдя въ роль, поднялъ взоръ къ небу и пропѣлъ проклятій на вѣчныя времена на голову своихъ враговъ. Затѣмъ дыханіе слушала публика пѣвца. Раздался оглушительные апплодисменты. Когда все стихло, съ высоты, куда былъ обращенъ взоръ Массоля, стремглавъ упалъ машинистъ и вынесенъ былъ уже мертвымъ. Прошло нѣкоторое время и пьеса эта была поставлена опять. Въ памяти Массоля былъ еще живъ печальный случай. На этотъ разъ, но время своей аріи, онъ не поднялъ взора вверхъ, а устремилъ глаза на мѣста музыкантовъ. Съ послѣдними звуками аріи капельмейстеръ Гюбенетъ вдругъ почувствовалъ себя нехорошо, былъ немедленно увезенъ изъ театра и на третій день умеръ. Когда опера эта была поставлена въ третій разъ, публика была крайне заинтересована узнать, постигнетъ ли новая жертва за демонской аріей. Не безъ внутренняго волненія, увлекая публику, пѣлъ Массоль, устремивъ взоръ на единственную пустую ложу. Она принадлежала богатому молодому куцу, которому приготовленія въ дальній путь помѣшали придти во время въ театръ. Какъ разъ во время зловѣщей аріи онъ вошелъ въ ложу, чтобы прослушать толь-

Отъ конторы редакціи „НИВЫ“.

Одинъ изъ слѣдующихъ №№ „Нивы“ будетъ посвященъ исключительно ожидаемому всей Россіей историческому дню, въ который Россія будетъ праздновать Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Съ цѣлію дать широкую возможность наглядно ознакомиться со всѣми знаменательными моментами и эпизодами за время этого событія, мы послали въ Москву особаго спеціальнаго корреспондента—извѣстнаго художника Н. Н. Каразина, который будетъ немедленно сообщать намъ рисунки и описанія каждаго выдающагося эпизода торжества.

Въ вышеупомянутомъ, такъ называемомъ, коронаціонномъ номерѣ „Нивы“, посвященномъ исключительно только коронаціи, имѣющею выйдти въ увеличенномъ объемѣ, будутъ помѣщены, кромѣ художественно-исполненныхъ большихъ портретовъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, масса рисунковъ, касающихся всѣхъ главныхъ моментовъ великаго событія.

Имѣя въ виду, что многія лица, и несостоящіи подписчиками нашего журнала, пожелаютъ приобрести этотъ №, мы его печатаемъ на нѣсколько тысячъ экз. болѣе противъ обычнаго, назначая за этотъ № весьма низкую цѣну: по 30 к. за экз., съ пересылкою по 35 коп. Коронаціонный № будетъ для отдѣльной продажи пущенъ въ особой изящной оберткѣ,—кто же изъ подписчиковъ пожелаетъ сверхъ своего подписнаго № (который въ концѣ года требуется для переплета) имѣть отдѣльно сброшюванный №, платитъ 25 коп. за экземпляръ, съ пересылкою 30 к.

Выписывающіе этотъ № для раздачи на память ученикамъ, солдатамъ, работникамъ въ заведеніяхъ и пр. въ количествѣ	100 экз. платятъ 25 р. съ пер. 30 р.
500 „ „	120 „ „ 145 р.
1000 „ „	210 „ „ 260 р.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Нива“, Большая Морская № 9. Въ Москвѣ: въ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.

ко оживь актъ. И на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ несчастія. Молодому къшу не удалось достигнуть цѣли своего путешествія; въ одномъ пограничномъ французскомъ городкѣ смерть отъ разрыва сердца преждевременно положила конецъ его жизни. Съ тѣхъ поръ Массоль „арія проклятій“ уже не пѣлъ болѣе никогда. Пѣвцу наскучила жизнь артиста и онъ рѣшилъ распрощаться съ парижской публикой. 15-го января 1858 г. театръ былъ полонъ публики, которая пришла послушать въ послѣдній разъ своего любимца-пѣвца въ оперѣ Россини—„Вильгельмъ Тель“. Въ числѣ избраннѣйшей публики была и молодая императорская чета. Когда императоръ слѣдовалъ въ театръ, на него было сдѣлано злодѣйское покушеніе графомъ Феликсомъ Орспиня и его сообщивками, едва не стоившее жизни Наполеону. При этомъ однако пострадало нѣсколько лицъ. Императоръ тѣмъ не менѣе продолжалъ съ супругой въ оперу и просидѣлъ въ ней до конца, пока на улицѣ не были арестованы покушители и убраны тѣла. И эта печальная катастрофа была связана съ прощальнымъ спектаклемъ артиста Массоли.

Во время наводненія. Газета „Lanterne“ сообщаетъ слѣдующую замѣтку изъ дней наводненія въ Парижѣ. Крысы покидали свои норы въ подвалахъ, которые были залиты водой, и карабкались въ верхніе этажи, ища спасенія. Въ это время во дворѣ Бурбоновъ ихъ было убито болѣе тысячи штукъ; нѣкоторыя изъ нихъ были величиной съ небольшую кошку и обладали такими громадными рѣзцами, которыми могли совершенно свободно вырвать порядочный кусокъ мяса на ногахъ людей, ихъ убивавшихъ. На правомъ берегу Сены крысы поступили иначе. Почувявъ наводненіе, онѣ оставили берегъ и искали убѣжища въ домахъ и на улицахъ. Напримѣръ въ одной улицѣ убили ихъ болѣе чѣмъ 500 штукъ. Само собою разумѣется, что ихъ истребляли всевозможными средствами и когда отравы оказалась недостаточно дѣйствительной, — пустили противъ нихъ кошекъ; однако онѣ отказывались вступить въ борьбу съ огромными крысами и всѣ разбѣжались. Только собаки дѣятельно помогали истребленію этихъ животныхъ. Собака изъ породы таксъ, принадлежавшая мяснику въ улицѣ „Dauphine“, уничтожила одна въ теченіи трехъ дней 400 крысъ; послѣ чего вся была покрыта ранами. Въ улицѣ „du Vase“ № 2, четыре таксы, которыхъ одолжилъ маркизъ Англезей, истребили тысячу этихъ животныхъ. Но за то одна изъ этихъ собакъ была закусана до смерти. Она стояла своему господину не менѣе 80 фунт. стерлинговъ.

Сожженіе труповъ въ Японіи вещь очень обыкновенная; здѣсь

каждый годъ, среднимъ числомъ, сжигается до 9 тысячъ труповъ. Трупосожигательныя камеры, выстроенныя изъ камня на цементѣ, имѣютъ очень высокія дымовыя трубы и потому весьма схожи, на первый взглядъ, съ фабриками. Въ передней выставлены на продажу красныя каменные урны и маленькія лопаточки, которыя предназначаются для собиранія пепла отъ сожженного трупа на память. За передней находятся 4 комнаты, изъ которыхъ самая большая украшена гранитными колоннами; въ ней трупы сжигаются за извѣстную плату (около 1 р. 70 коп.). За отдѣльное сжиганіе взимаютъ плату, въ 5 разъ превышающую первую. Послѣ извѣстныхъ обрядовъ въ домѣ умершаго, трупъ относится въ камеру для сжиганія, гдѣ около него находится духовное лицо до 8 часовъ вечера. Затѣмъ зажигается огонь, который горитъ въ теченіи всей ночи. Въ 6 часовъ утра пепелъ собирается и укладывается въ урну, которая, часто съ большою пышностью, хоронится на кладбишѣ. Ни во время, ни послѣ операціи трупосожиганія не ощущается ни малѣйшаго неприятнаго запаха, что приписывается въ высшей степени высокими трубами. И такъ мы видимъ, что способъ этотъ, при всей своей простотѣ, на столько же хорошъ, какъ и всѣ до сихъ поръ предлагаемыя въ Европѣ. Самое зданіе окружено высокимъ заборомъ изъ бамбуковаго тростника.

Для предохраненія отъ моли суконъ, мѣховъ и т. п., недавно изобрѣтена оберточная бумага. Приготовленная изъ волоконъ трипня и бумаги, она пропитывается смѣсью дегтя, очищенного керосина и карболовой кислоты. Достаточно насыщенный этимъ составомъ бумагу проводить чрезъ прессовальную машину и горячій катокъ, затѣмъ охлаждають, сушатъ и рѣжутъ на куски.

Королю Сандвичевыхъ острововъ Калакауа I пришла недавно мысль удостоить Адалину Патти, которую онъ никогда не слышалъ и не видѣлъ, орденомъ Кавіолани—бриллиантовой звѣздой на лентѣ, съ красными и бѣлыми полосами. Этотъ высокій подарокъ былъ переданъ пѣвицѣ въ Нью-Йоркѣ секретаремъ короля Гастингсомъ.

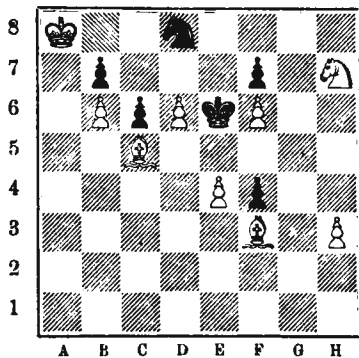
СОДЕРЖАНІЕ: Памятникъ Св. Ирины въ Кіевѣ (съ рис.). — Дядя Прокофій и Валетта. Разсказъ графа А. А. Голенищева-Кутузова. (Окончаніе). — Стихотворенія П. Гнѣдича. — Императоръ-философъ. Очеркъ. — Малайскій кинжалъ. Разсказъ Г. Гиршфельда. — Зимній видъ водопада Иматра (съ 2 рис.). — Маленькій Назадѣкъ съ лыжами (съ рис.). — Мученица Симфероза передъ Императоромъ Адрианомъ (съ рис.). — Обрядъ сожженія тѣла королевы въ Сіамѣ (съ рис.). — Библиографія (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Отъ конторы редакціи „Нивы“. — Игры и задачи. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Шахматная задача № 25.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 20.

1) a	b - e = f	a = 11 = K
2) b	a + e + h = f + i	b = 15 = O
3) c	b ² - e ² = h ² - 2(a + d)	c = 17 = P
4) d	a + b + c + e = f + g + i	d = 15 = O
5) e	a ² - h ² = c + g	e = 14 = H
6) f	(b + c) : (g + h) = (i - g) : (h + f)	f = 1 = A
7) g	(g - e) ² = h ²	g = 23 = Ц
8) h	(e + f) ² = b ²	h = 9 = I
9) i	c ² - d ² = 64.	i = 33 = Я

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ П. г.: Спб.—Лурин, Коломійцова, Розы, Шеръ, Кузнецовой, Шотель, Новоселова, Воронихина, Грибанова, Бармицкаго, Евстигнѣва-Сергѣева, Игнатовъ, Риль, Посникова, Ефимова, Николаева, Смирнина, Пуцко, Коркина; Москва—Субботина, Пелевина, Мстиславина, Арефьева, Волцовой, Гренъ, Штейнбахъ, Цѣтковой, Бѣльева; Астрахань—Ихазовича, Бахчисарай—Дражи, Бердянскъ—Баба, Большое Норовино—В. К. Терскаго; Варшава—Кречетовича, Соловейчикъ, Никитина, Фольманъ; Вильномір—Гурвичъ, Вильно—А. Ф. Г.—Гля, Глянка, Валицкаго, Витебскъ—Сахарова, Воронежъ—Строгонова; Георгиевскъ—Курацкова, Енатириославъ—Авсюковича; Назанъ—Стоялова, Долгова, Буржавскаго, Калуга—Н. М. К., Керчь—Гинкулова, Ново-М. В.—въ, Коломна—Перова, Ношнина—Земцева, Кронштадтъ—Попова, Курскъ—Четвертушкина, Ловичъ—Анвальдтъ, Луцкъ—Германовской, Малодархангельскъ—Полякова, Медынь—Даріонова, Минскъ—Шляковскаго, Цыпкина, Н. Новгородъ—Киселевой, Николаевъ—Сталь; Одесса—Павловичъ, Трейгеръ, Диксъ, Орель—Гайдюкова; Оренбургъ—Атлагузова, Петергофъ—Гусарова, Погаръ—Вербыцкаго, Порховъ—Соловскаго; Рязань—Рябенкова, Ромны—Карталевскаго, Ростовъ на Д.—Ачкалова, Е.—Гля, Рудя—Яковлева, Саратовъ—А. П., Хлѣбникова, Ишмакова, Севастополь—Путатина, Сибирскъ—Ферхадина, Симферополь—Фарда; Скопинъ—Волкова, Слуцкъ—Харламовича, Ставрополь—Шузова, Ставрополь—Турецкича, Сумы—Иванова, Тарханъ—Возобовова, Торжокъ—Клюшина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 19.

Бѣлые	Черные
1) Н 1—G 1	1) Куда угодно.
2) Ферзь или конь даютъ матъ.	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ П. г.: Спб.—Воронихина, Базырлина, Андреева; Москва—Пелина, Попова, Воброва; Астрахань—Цѣхановича; Барыковна—Туркина, Варшава—Фольмана, Волковскъ—Липицъ, Медвѣдово—Дейлинггеръ, Н. Новгородъ—Ульева, Новгород-Волыньскъ—Мажрича, Ревель—Оттокаго, Слонимъ—Логвиновича, Симферополь—Луискаго; Туенгольдъ.

Рѣшеніе ребуса № 18.

Бѣда ходитъ не по дѣсу, а по людямъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

„Элеопать“ Провизора Кинунена употребляется противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корневъ волосъ, увеличиванія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Поистиннѣ безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которые употребляли „Элеопать“, даютъ намъ возможность рекомендовать этотъ бальзамъ.

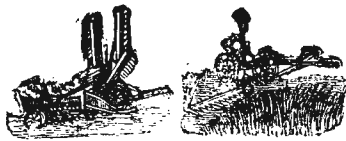
Каждый флаконъ „Элеопать“ содержитъ 120 граммовъ, и имѣетъ въ самомъ стеклѣ вензель—подпись Кинунена—собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопать“ только провизора Кинунена можно получить у Штоль и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Антекарскими Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп.

Способъ употребленія „Элеопата“ Провизора Кинунена, приложенъ къ каждому флакону. Въ провинціи, „Элеопать“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ больш. Антекарскихъ и Косметическихъ Магазилахъ, у дрогистовъ и въ Аптекахъ.

Для иногороднихъ покупателей, „Элеопать“ высылается не менѣе 2 флак., содержащ. 240 граммовъ, за 4 руб. необходимо указать слѣдующій здѣсь адресъ:

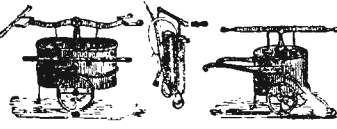
Въ Магазины Антекарскихъ товаровъ
К. ФЕРРЕЙНУ въ Москвѣ.

Инии 250 руб. Косилки 200 руб., съ ук-поркой и запасными частями.
Единствен. парочно приспособленные для русской почвы. Удост. высшей награды на последней московской выставкѣ. Отправка немедленно по получении задатка въ 100 руб. Искл. прод. на всю Имперію у Г. Барыкина: Варшава, Влодзимірская, № 2.
Каталоги, проспекты и объясненія по получении почтовыхъ марокъ на 14 коп.
№ 2611 6-2

новые хромолитогр. ПОРТРЕТЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

6 вершк. вышиною и 4 1/2 верш. шириною, высылается во все мѣста Россіи оба мѣста за **одинъ рубль** съ пер. Требо-ванія адрес. въ Центральную контору Объявленій, Невскій № 11. 2617 2-2

противъ грозной стихіи.

Американские помарные и садовые насосы новейшихъ привилегированныхъ конструкцій; превосходятъ по дешевизнѣ и практич-ности все существующіе до сихъ поръ. Выбрасываютъ въ 1 часъ на высоту 2 до 5 этажей отъ 50 до 360 ведеръ воды.
Цѣна нѣ на мѣстѣ, въ Варшавѣ, № 0 3 руб., № 1—5 руб., № 2—10 руб.; № 3, съ тупапервымъ шлангомъ, 18 руб.; № 4 та-кой же, большой, 20 руб.; № 5, съ металлич. коромысломъ и шлангомъ, 30 руб.; № 6, на ко-лесцахъ, больш., съ коромысломъ и шланг., 45 руб., № 7, двухъ-цилиндр., съ больш. резервуар. и 2 шланг., 80 р., 100 р. и 120 р. (на ко-лесцахъ).
Отправка немедленно по получению пол-ной суммы.
Каталоги, проспекты, объясненія за 14 к. porto.
Обращаться въ искл. прод. привилегиро-ванныхъ насосовъ на всю Имперію по адре-су: Генрихъ Барыкинъ—Варшава, Влодзимірская, № 2. № 2610 6-2

НОВОЕ ИЗДАНИЕ СКАЗКИ П. ЕРШОВА. Конекъ-Горбунокъ.
Съ 7-ю рисунками, портретомъ и факсим-ле автора. Цѣна 40 к. Продажа во всѣхъ книжн. магазинахъ столичныхъ и многихъ губернскихъ городовъ. № 2627

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть Н. И. Кел-сеева съ рисунками Панаева и Ковержева. Это интересное сочненіе изображаетъ, въ формѣ повѣсти, Петровское время и его характеръ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Для подлѣт. «НИВЪ» 75 к., съ перес. 1 р.

ЗАЙДТШИТСКАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА (Sajdschitzer Bitterwasser),

настоящій, чистый, горько-соленый источникъ, представляетъ лучшее лекар-ственное средство при страданіяхъ брюшной полости, геморроидальныхъ бо-лезней и проч., и вслѣдствіе своего самого легкаго дѣйствія, приноситъ большую пользу даже самому нѣжному организму.
Brünnen-Direction въ Вилинѣ (Богемія).
Дено въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, рускомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. № 2596 6-3

ВЫШЛА МАЙСКАЯ КНИЖКА СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.

СОДЕРЖАНИЕ: Симона и Марія, Кровавая ночь, Исавье де-Монтепена. Въ четырехъ вышедшихъ книжкахъ помѣщено: Школа Робинзоновъ, Жюль Верна. Доказательство нѣтъ, Филлида, Исторія безъ названія. Ея ли дѣти. Исторія съ привидѣніями. Искупленіе мистръевъ Ревнѣ. Доро-гое наслѣдство. Въ каждой книжкѣ законченныя статьи.
Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, десять рублей пятьдесятъ копѣекъ, для городскихъ одиннадцать, для иногородныхъ двѣ-надцать рублей. Тринадцатая книга, премія, прилагается бесплатно къ декабрьской книжкѣ для подписчиковъ, уплатившихъ сполна за весь годъ.
Подписка принимается исключительно на имя Елисаветы Николаев-ны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Пе-тербургѣ. Редакція высылаетъ бесплатно каталогъ съ подробнымъ обо-значеніемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ „Собра-нія Романовъ“, продающихся по уменьшенной цѣнѣ. № 2628

БИЛИНСКАЯ (PASTILLES DE BILIN) ПИЩЕВАРИТЕЛЬНАЯ ЖЕЛЕЗКА.

Попытанное сред-ство противъ изжоги, катарра желудка и вообще рекомен-дуется противъ различныхъ болѣзней пищева-ренія и составляющія при атоніи желудка и кишечнаго канала истинное сокрушающее.
Brünnen-Direction въ Вилинѣ (Богемія).
Дено въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, рускомъ фарма-цевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, также во многихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 2595 6-2

НЕОБЫКНОВЕННО!

Удачные художественно исполненные олеографическіе портреты Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.
Партиями по очень доступнымъ цѣнамъ. Могутъ быть получены только въ моемъ за-веденіи. Форматъ портретовъ 4 1/4 вершковъ вышины 6 1/4 вершковъ. Образцы этихъ двухъ портретовъ каждому высылаются немедленно по полученіи 49 к. или 7 почтовыхъ ма-рокъ по 7 коп. Адресоваться съ требованіями въ заведеніи Графическихкихъ искусствъ Э. И. Маркусъ, Васильевскій островъ, 6-ая линія, д. № 15. № 2621

Изданія А. Ф. Маркса въ СПб.
ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина. Второе изданіе, 39 рисунками автора, больш. той in—8 всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за пересылку не платятъ.
ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ Маршанта. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Для подлѣт. „НИВЪ“ 1883 г. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ! Романъ Э. Вернера. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.; для подлѣт. „НИВЪ“ 1883 г. 75 к., съ пер. 1 р.

Въ магазинѣ Н. ФЕНУ и К. С. № 2623 (Невскій пр., противъ Гостиного Двора)
къ настоящему дѣту заготовленъ хороший выборъ
1) Приборовъ для собиранія коллекцій; между проч.: сачки, авто-молич. шпиги, распыривки, пробковыя пластинки булавки, лупы, микроскопы, удочки, крючки и проч.
2) Игръ на воздухѣ, какъ-то: крокетъ, кегли, гимнастич. приборы, гаманки и проч.
Каталогъ пособій по естеств. исторіи высылается бесплатно

Поступилъ въ продажу во всѣ книжные магазины Петербурга, Москвы и другихъ городовъ только что изданный
Новый третій альбомъ Н. Далматова, въ 24 таблицы превосходныхъ, совершенно новыхъ для вышиваній въ рус-скомъ, малороссійскомъ и южно-славянскомъ вкусѣ.
Цѣна первому альбому, въ 28 табл., безъ перес. 1 р. 50 к.; второму, въ 24 табл., 2 р. 50 к.; и настоящему, третьему, тоже 2 р. 50 к. Съ пересылкою каждой дорожке на 50 к. Выписывающимъ прямо отъ Далматова всѣ три за разъ, прилагается, въ видѣ преміи, бесплатно два роскошныхъ листа узоровъ чисто русскихъ полотенецъ, сто-ящихъ отдѣльно 1 руб.
Адресъ: Н. Далматову въ СПб., 3 рога Измайловскаго полка, д. № 2. № 2629

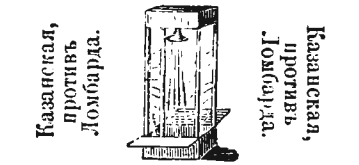
ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 г.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.
ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.
Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соло-вьева — „Вольтерьянецъ“, больш. романъ Юкаля — „Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морскаго) — „Подъ землею“, пов. Австенко „Испанскій дворничихъ“ и др. произвед. современн. беллетристики, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естество-знанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того без-платная **ПРЕМІЯ:** большая олеографическая картина проф. Цим. Акад. Худ. В. П. Якобіа — „ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Цѣна этому большому тому:
Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ казенк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „
Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Мор-ская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

Н. П. ДАНИНА, ВЪ МОСКВѢ,
удостоенна **МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ**, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской все-мірныхъ выставкахъ и на послѣдней Все-россійской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью.
ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обихъ сто-лицяхъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи.
СЪ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ ПРО-ДАЖУ ПОДЪ НОВЫМЪ ЯРЛЫНОМЪ.
№ 2440 10-р

ФАБРИКА Ф. БИНГА, пресмнникъ УРЛАУБЪ,

предлагаетъ разнаго рода души, ванны, новоулучшенныя ванныя пе-чи, лейки, лѣтніи, садики, лампы, подвѣш-ныи, фонари, неросиновые плиты и проч. и проч.
ЛУЧШИЙ ВЫБОРЪ надгробныхъ вѣнковъ изъ лакированной жести съ богатыми фарфоровыми цвѣтами отъ 1 р. 50 к. до 15 р.
№ 2601 4-3

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСЪКАТЕЛЬ

для **РЫБНОЙ ЛОВЛИ.**
Цѣна 60 к., съ перес. 1 р.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ: С.-Петербургѣ, Милютинъ рядъ, № 18, въ магазинѣ Наратаева.
МИКРОСКОПЪ 30 к., съ пер. 60 к.
Гг. иногородные, выписывающіе оба предмета, платятъ 1 р. 30 к.
№ 2626 4-1

ГИСГЮБЛЕРЪ МАТТОНИ.
ЧИСТѢЙШАЯ ЩЕЛОЧНО-КИСЛАЯ ВОДА.
ЛУЧШИЙ СТОЛОВЫЙ И ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ НАПИТОКЪ, испитанный при кашлѣ, горловыхъ болѣзняхъ и при катаррахъ же-лудка и мочевого пузыря.
ПАСТИЛИ для пищева-ренія.
ГЕНРИХЪ МАТТОНИ (Карльсбадъ).
Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
СНАДЫ: у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, въ С.-Петербургѣ, Кавалская, 3. у **Л. КРЕНИГЪ** и №, въ Москвѣ, Петровка, д. Матѣевова.
Р. № 2625 10-1

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ № 2624
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, № 17 и 18. ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ **МОСКВА, Петровка, д. Михалкова.**
СОЧИНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ ВЪ ПЕРЕВОДЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

Лессингъ. Сочинения под редакцією П. Н. Полевого, съ портретомъ и биографіею. 5 т. 8 д. 12 р. 50 к., съ пер. 15 р. «Сочинения Лессинга даютъ не только громадный содержательный матеріалъ, но также и художественное наслажденіе». (Новости). — Лессингъ увлекательно проповѣдуетъ идеи гуманности, въротеримости и т. п. (Голосъ). — «Нельзя не быть благодарнымъ за это изданіе». (Русскій Курьеръ).

Мицкевичъ. Считается однимъ изъ величайшихъ славянск. поэтовъ. Это титанъ польск. поэзіи. Сочинения под редакцією П. Н. Полевого, съ портретомъ и биографіею. 5 т. 12 р. 50 к., съ перес. 15 р. — По характеру своего таланта чрезвычайно близкій къ Пушкину, Мицкевичъ одинаково арко, съ изумительнымъ художествомъ рисуетъ картины живой дѣйствительности, набрасываетъ образы легендарныхъ героевъ и т. п.

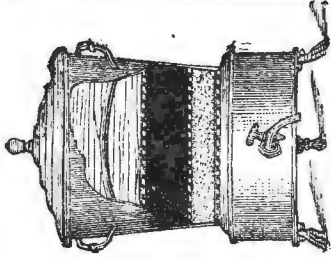
Гейне. Сочинения под редакцією П. Беннберга и В. Чуйко, съ портретомъ и биографіею. 16 т. 12 р. 25 руб., съ перес. 30 р. «Гейне одинъ изъ любимѣйшихъ писателей въздѣ; и у англичанъ, и у французовъ, и у нѣмцевъ...» (Новое Время). «Переводы очень хороши». (Голосъ).

Гете. Фаустъ, трагедія, украшенная 50-ю картинами художника Лизенъ-Мейера, съ орнамент. украшеніями Зейтца. Переводъ А. Струговицкова. Большой томъ въ 12 листовъ, на веленовой бумагѣ. Цѣна 20 руб., въ перел. 25 руб., съ перес. 25 и 30 руб.

Гофманъ. Собрание сочиненій под редакціей Н. В. Гербеля и А. А. Я. Соколовскаго. 4 т. Цѣна 3 р., съ перес. 4 р. 50 к. Характеристическая черта этого писателя — фантастическое.

Шлоссеръ. Всемирная исторія, съ дополненіемъ новейшей исторіи. 8 т. Ц. 24 р., съ пер. 30 р.; въ пер. 34 р., съ перес. 39 руб.

Ценовой каталогъ русскихъ книгъ за 50 лѣтъ продается въ Товариществѣ М. О. Вольфъ по три рубля сер.

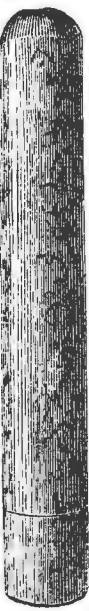
Необходимо для всѣхъ жаждущихъ здоровья: чистая и свѣжая вода.

получаемая лишь при употребленіи новейшихъ, усовершенствованныхъ американскихъ фильтровъ, единственной практичной системы «Heuric». Цѣна на мѣстѣ, въ Варшавѣ: Кухонная отъ 2 р. 50 коп. до 10 р. Буфетная, большія, отъ 12 р. 50 к. до 25 руб. Исключительная продажа на всю Имперію у Г. Барцакого: Варшава, Владимирская, 2. Отправка немедленно по полученіи полной суммы. Каталоги, проспекты, объявленія высылаются по полученіи 14 коп. почтовыми № 2618 марками. 6-2

Настоящій степной кобылій КУМЫСЪ.

Лечебное заведеніе Аинаева близъ Самары. Подробности въ брошюру, которая имѣется во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и большихъ городовъ. Адресоваться Г. Аинаеву въ Самару. № 2582 6-4

!!! ДО 80% УСТУПКИ !!!

Настѣдники натуральныхъ литарныхъ коней, прежде принадлежавшихъ покойному Карасину, имѣютъ честь объявить гг. покупателямъ, что они, вслѣдствіе открытія въ своихъ коняхъ огромнаго количества антаря, понижаютъ его цѣну до 80%, смотря по величинѣ. Этими баснословно дешевыми цѣнами надѣются они возродить славу настоящаго антаря, значительную навзную въ послѣднее время, по случаю ничтожныхъ и вредныхъ здоровью поддѣлокъ.

Цѣны
 мундштуковъ для папирсъ изъ настоящаго, натуральнаго антаря, съ гарантіей неподдѣльности,
 въ изящныхъ футлярахъ:

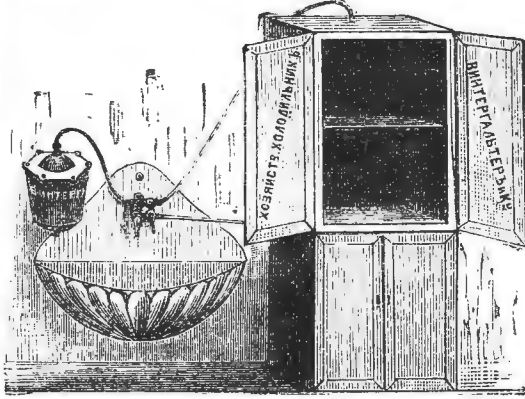
№ велич.	прежнія	теперь
сантиметр.	цѣна.	только
1	10	12 р. 4 р. — к.
2	9	11 — 3 — 25
3	8	9 — 2 — 80
4	7	8 — 2 — 55
5	6	7 — 1 — 80

Обязуемся въ продолженіи 4-хъ недѣль со дня этого объявленія не повышать выше означенную цѣну.

Натуральная величина антаряго мундштука 7 сант. Заказы просимъ доставлять нашему представителю
Г-ну Н. КАШИНУ,
 Москва, Покровка, близъ церкви Боголюбивія, домъ Корастелевой.
 Гг. иногороднихъ просимъ прилагать на почтовый расходъ. Пересылка производится по полученіи денегъ. Ц. № 2599 2-2

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ХОЛОДИЛЬНИКЪ И ВОДООЧИСТИТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ ФИЛЬТРЫ

годовой абонементъ 6 руб. Установка БЕЗ ПЛАТНА.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ХОЛОДИЛЬНИКЪ
 годовой абонементъ 10, 12 и 15 р., смотря по величинѣ. Установка около крана 2 р.

Въ складѣ воздушныхъ электрическихъ звонковъ.

№ 12. У Казанск. моста. ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и К°. По каналѣ № 12.

НАТУРАЛЬНЫЙ

БИЛИНСКІЙ ЗАУЕРБРУННЪ!

Давно известный цѣлебный источникъ для желудочныхъ болѣзней и болѣзней мочеваго пузыря, превосходный диететическій напитокъ.
Brunnen-Direction въ Вилнѣ (Богемія).
 Дено въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, рускомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекареками Ц. № 2594 товарами. 6-3

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Болдицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

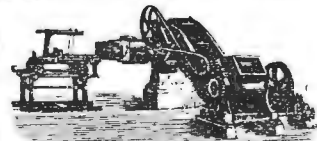
Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣтъ Акаціи) (Robinia Pseudoacazia)

стоятъ на той же степени, какъ и известныя міру специальности:

Maiglöckchen Г. Лозе, Königин der Nacht Г. Лозе, NÉLIOTROPE BLANC Г. ЛОЗЕ, BOUQUET CARMEN Г. ЛОЗЕ,

какъ отличные и для платковъ продолжительно пахучіе духи.
Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.

Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.
 При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики. St. № 2605 10-2

ИНЖЕНЕРЪ
Людвигъ Федоровичъ Шлихейзеъ,
 спеціалістъ по торфяному и кирпичному дѣлу, рекомендуетъ торфяныя и кирпичдѣлательныя машины новой конструкціи, примѣненной вполне успѣшно на практикѣ. Иллюстрированныя прейсъ-курранты высылаются по востребованію безплатно.

Москва, Мясницкая улица, д. Ермаковыхъ. Ц. № 2586 5-4

Красота и нѣжность лица. БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ

Косметика А. Энглундъ.
 Вѣрное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, красноты, прыщей, угрей и проч. При употребленіи Березовой Эмульсіи, кожа лица дѣлается необыкновенно нѣжною, и придаетъ ей ослѣпительную бѣлизну, сглаживаетъ съ лица морщины, оспины и придаетъ ему юношескую свѣжесть и нѣжность; оно превосходитъ своими достоинствами всѣ другіе препараты. Оно единственное вѣрное средство отъ веснушекъ и загара. Цѣна 1-го флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ требовать подписи А. Энглундъ красн. чернилами. Получить можно: въ Русск. Общ. торг. ант. тов. Базанская, № 12; у А. Рузанова, Гостиный дворъ, верк. лив. № 40; и во всѣхъ нѣвѣстныхъ аптекахъ и парф. торг. Россійской Имперіи. Главнй складъ для всей Россіи С.-Петербургъ, Малая Шальванская, № 3, у А. Энглундъ. № 2612

EAU DE LYS DE LOHSE.

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.
 Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе нѣжнымъ.
 Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юношескую свѣжесть.
 Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и нѣжною.
 Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.
 Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, БЕРЛИНЪ,

поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.
 Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.
Eau de Lys de Lohse.
 S. № 2604 10-2

ВѢТРЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ

Сист. ГАЛЛАДЪ.
 Нандешевая удобная дѣйствующая сила для назначенія воды и исполненія дружныхъ работъ.
 Насосы, пожарныя и садовая трубы и пр. — Иллюстрированныя прейсъ-курранты безплатно.
МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ АЛЬФРЕДЪ ЛАНГЕНШПЕНЪ
 С.-Петербургъ, Каменноостров. просп. 39. № 2598 3-3

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ
№ 20

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕНЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 14 Мая 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для заграи.) за строку непарель (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кромѣ воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 н.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линия. . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи. 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложениями

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячъ, для городскихскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

В. Е. Маковский.

Талантливая семья Маковскихъ выдѣлила изъ себя особенно два имени, громкая извѣстность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію и художественную репутацию которыхъ можно считать вполне упроченною. Это изящный, блестящій портретистъ и жанристъ, профессоръ Константинъ Егоровичъ и братъ его, академикъ, Владиміръ Егоровичъ, — портретъ котораго здѣсь помѣщаемъ, — представляющій, съ своимъ стремленіемъ къ реализму, къ бытовымъ сценамъ, къ разработкѣ комическихъ или драматическихъ сюжетовъ повседневной нашей жизни, со всѣмъ иную художественную физиогномию, чѣмъ его братъ.

Многимъ еще, конечно, памятна выставленная нѣсколько лѣтъ назадъ его картина „Въ приемной доктора“ — сюжетъ, казалось бы, прозаическій, и скучный до крайности, но мѣткость и, полная движенія, жизненность схваченныхъ типовъ, оживила и подняла значеніе обыденной сцены: свойство истиннаго таланта — видѣть многое тамъ, гдѣ люди обыкновенные проходятъ равнодушно ми-

Академикъ В. Е. Маковский. Съ фотогр. Дьяговченко, грав. Ю. Барановскій.

мо. Читатели наши знакомы съ этой картиной по копіи, помѣщенной въ „Нивѣ“ въ 1878 году. Столько добродушнаго юмора въ этой группѣ на первомъ планѣ: почтеннаго старичка-священника и старушки, спрашивающей у него совѣта — не знаетъ ли онъ какого нибудь средства отъ зубной боли. Каждый знаетъ какое нибудь средство отъ зубной боли и священникъ, забывъ, что онъ самъ пришелъ за медицинскимъ совѣтомъ, увлекается ролью врача и подробно толкуетъ внимательно и доверчиво слушающей старушкѣ, какъ надо лечиться. А тамъ, въ углу и драма житейская: молодая мать принесла свою блдную больную дочку. Что съ ней — ума не приложить! Слабѣетъ да болѣетъ дѣвочка. Вотъ и теперь она приложила головку къ плечу матери, какъ сломленный на стебелькѣ, хирѣющій цвѣтокъ, раскидала ножки на колѣняхъ матери, и грустно смотритъ безцѣльно впередъ...

Сильное впечатлѣніе произвела на выставкѣ позапрошлаго года его картина „Подъ удимый.“ Молодой красивый паренъ-

преступник угромо и устало выходит из дверей суда въ сопровожденіи конвойныхъ. Приговоръ состоялся. Судовопрое кончилось, стороны наговорились до сыта и, какъ актеры послѣ окончившагося представленія, посмѣиваясь, болтаютъ въ дверяхъ, не обращая даже вниманія на человѣка, жизнь котораго и судьба была только нѣсколько минутъ назадъ въ ихъ рукахъ. Привычные конвойные—солдатики, типы чрезвычайно вѣрно схваченные, исполняютъ свою обычную обязанность сопровожденія и на ихъ добродушныхъ лицахъ не отражается никакого особеннаго движенія. Они столько видѣли этихъ драмъ! Весь центръ картины, все тѣготнѣе ея, вся сила сосредоточена въ двухъ превосходныхъ фигурахъ крестьянъ—мужа и жены—родителей преступника. Столько отчаянія, столько трогательной мольбы и муки въ выраженіи ихъ искаженныхъ горемъ лицъ; во взглядѣ матери столько трогательной любви и безнадѣжности, даже въ самыхъ ихъ простыхъ и глубоко вѣрно схваченныхъ позахъ: этотъ мальчикъ, котораго они такъ любили, этотъ сынъ, который уже былъ помощью семьи и подпорой убійца, преступникъ! Господи, за что такое на нихъ тяжкое, неисходное горе навалилось! Впечатлѣніе глубоко потрясающее, которое нѣсколько отвлекаетъ и ослабляетъ груина, собравшаяся около оправданной, хотя тоже превосходно задуманная.

Затѣмъ, кромѣ этихъ крупныхъ вещей, всѣмъ и вѣстны по выставкамъ цѣлыя ряды эскизовъ и картинъ талантливаго жан-

риста—его „Крахъ банка“, со множествомъ типичныхъ фигуръ, „У мирового“, „Счастливая чета“, наконецъ на послѣдней передвижной выставкѣ „Выговоръ“, „Швейцаръ съ Моск. Вѣдомостями“, „Передбанникъ“ и многія другія, гдѣ, надо сказать, наклонность къ реализму приводитъ иногда художника къ изображеніямъ слишкомъ незначительнымъ для его крупнаго дарованія, или къ сатирич. достойной иногда, быть можетъ, какого нибудь листка съ каррикатурами, а не такого замѣчательнаго художника. Но какъ часто милы и добродушно-жизненны его вещи! Напримеръ, эта милая чета стариковъ,—мужъ и жена—кейфующихъ на свѣжемъ воздухѣ. Они счастливо, мирно и дружно прожили свою честную жизнь и наслаждаются спокойною старостью, которую даютъ годы, незанятанные никакимъ дурнымъ дѣломъ, спокойная совѣсть и вѣрная, преданная, взаимная привязанность.

Владиміръ Егоровичъ Маковскій родился въ Москвѣ, въ 1846 году. Онъ получилъ первоначальное художественное образованіе въ Московскомъ Училищѣ Живописи и Ваянія, однимъ изъ основателей котораго былъ его отецъ и изъ числа воспитанниковъ котораго многіе составили себѣ уже славное имя. Отъ С.-Петербургской Академіи Художествъ В. Е. имѣетъ двѣ серебряныя медали за живопись,—одну за рисунокъ, полученную имъ въ 1865 году, и золотую медаль за экспрессию, которую онъ имѣетъ съ 1869 года. Званія академика онъ удостоенъ въ 1873 году.

На поискахъ.

Очеркъ Н. Успенскаго.

I.

Землевладѣлецъ Павелъ Антонычъ Коростелевъ принадлежалъ къ многочисленному классу *оскудѣвшихъ* дворянъ, которые, въ настоящее трудное время, „словно листья въ Ноябрь“, въ безпорядкѣ мятутся по лицу русской земли, прискивая себѣ болѣе или менѣе тепленькіе уголки на службѣ; ими запружены всѣ конторы, канцеляріи, приѣмныя и переднія сильныхъ міра сего. Въ своихъ докладныхъ запискахъ, словесныхъ и письменныхъ просьбахъ они изъясняютъ непреклонную готовность полизваться на любую поприщъ административной и общественной дѣятельности, какихъ-бы специальныхъ познаній оно ни требовало. Павелъ Антонычъ окончательно рѣшилъ, что при „теперешнихъ порядкахъ, когда мужикъ совѣмъ отъ рукъ отбился и съ рабочими нѣтъ никакого сладу“, заниматься хозяйствомъ не только трудно, но и по меньшей мѣрѣ безразсудно.

Въ одно осеннее утро Коростелевъ отдалъ приказаніе своему старостѣ немедленно съѣздить за содержателемъ постоялаго двора Сычевымъ, который неоднократно высказывалъ желаніе снять въ аренду его разстроенное и заложенное имѣніе. Сычевъ не заставилъ долго ждать себя. Павелъ Антонычъ безъ оковъ приступилъ къ дѣлу:

— Я хочу, Тихонъ Сергѣичъ, покончить съ вами насчетъ моего Коптева... Вы не перемѣнили своего намѣренія взять его въ аренду?

— Никакъ нѣтъ, сударь... мы на своемъ словѣ тверды... Сами-то куда-жъ думаете отправляться?

— Въ Питеръ! меланхолично произнесъ баринъ, шагая изъ угла въ уголъ: придется поступить на службу...

— Доброе дѣло... Оно и безъ хлопотъ: будете себѣ получать жалованье, да ежели къ этому прибавить съ имѣнница аренду, безъ нужды и проживете...

— Я собственно потому бросаю хозяйство, что возиться съ мужиками надоѣло... Вы знаете этотъ народъ...

— И не говорите! Бить его не смѣй, по пошлениму времени... работы не спрашивай, а ѣсть подавай... У меня вотъ теперь свои работники, вѣрты аль нѣтъ, семь разъ въ день ѣдятъ... Какъ встали, такъ—ѣтъ... Послѣ завтрака берутъ съ собой въ поле хлѣбъ, огурцы, картошки... Приходятъ домой—сейчасъ обѣдать, а тамъ спать... Къ примѣру, проснулись, подавай имъ опять тоже, что въ обѣдъ было... Наконецъ того полдникъ и ужинъ... Какъ есть, поѣдомъ съѣли...

— А работать некогда! подхватилъ Коростелевъ.

— Когда тутъ работать... въ пору только отдыхать... Выйдутъ въ поле, одинъ трубку курить, другой, ежели

не куришь, говоритъ: я покелева полежу... Что-жъ я одинъ-то буду ворочить?... А между прочимъ, слово боишься сказать... Сейчасъ уйдутъ...

— И такъ, Тихонъ Сергѣичъ, говорите послѣднее слово...

— Я, сударь, оводьсь вамъ открывалъ пѣну... Сами изволите знать, вѣдь землячка-то запольная... Опять-же построинка плохая, вездѣ все надо чинить... скота нѣтутъ...

— Скажите пожалуйста, обратилась къ дворнику М-ше Коростелева: если вы снимете въ аренду наше имѣніе, можно будетъ намъ прѣѣзжать сюда на лѣто?

— Доподлинно не могу вамъ сказать, сударыня: я думалъ было сюда перебраться со всей семьей... Какъ-бы вамъ не было стѣнительно...

— Да развѣ здѣсь можно жить? возразилъ хозяйникъ: крыша, потолоки, стѣны, полы—все это требуетъ немедленной починки... на одинъ ремонтъ надо ухлопать по крайней-мѣрѣ тысячу рублей...

— Ваши хоромы слѣдовало-бы перетряхнуть, изъ нихъ вышла-бы чудесная хатка,—замѣтилъ Сычевъ.

— Да вѣдь на это опять-таки нужны деньги, а гдѣ они?...

Сдавъ имѣніе въ аренду и заручившись рекомендательными письмами, Коростелевъ отправился въ Петербургъ съ своей супругой, вполне раздѣлявшей его взгляды на современные порядки.

II.

Первые два мѣсяца своего пребыванія въ столицѣ Коростелевъ употребилъ на обстоятельную рекогносцировку вакантныхъ мѣстъ, на сближеніе съ „нужными“ и вліятельными людьми, удѣляя досужее вечернее время столичнымъ увеселеніямъ, начиная съ итальянской оперы и кончая музеемъ Лента съ спящей Клеопатрой.

Въ продолженіи всего зимняго сезона надежда на тепленькое мѣстечко не покидала нашего героя, но съ наступленіемъ весны, когда Петербургъ сталъ перебираться на дачи, Павелъ Антонычъ совершенно упалъ духомъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что всѣ его поиски относительно должности—одна лишь напрасная трата времени и денегъ. Печальнѣе всего было то, что ресурсы его исощились „до основанія“, а получаемая арендной платы съ имѣнія предстояло не раньше осени, послѣ уборки хлѣба; къ тому-же возвратиться въ свое родовое Коптево и прожить тамъ хоть лѣто не было никакой возможности, такъ какъ арендаторъ успѣлъ „перетряхнуть“ ветхія барскія хоромы, превративъ ихъ въ двѣ-

тиаршинную избу, и жилъ въ ней съ своимъ многочисленнымъ семействомъ: словомъ, объ отступленіи нечего было и думать—„мосты были сожжены“..

Боясь заглянуть въ свою скромную и не совсемъ оплаченную квартиру у Глазова моста, Коростелевъ безцѣльно блуждалъ по пыльнымъ стогнамъ Сѣверной Пальмиры, подолгу засматриваясь на блестящіе магазины, похорошныя процессіи, мчавшіяся конки, на дворниковъ, поливавшихъ улицы; заходилъ въ скверы и церковныя садики, биткомъ набитые празднымъ людемъ, няньками и игравшими дѣтьми; иногда отправлялся на набережную Певы, по которой сновали ялики и пароходы. Любимымъ мѣстомъ его прогулки была Калашниковская пристань, гдѣ онъ встрѣчалъ картины, до извѣстной степени напоминавшія ему родину: за широкой рѣкой, надъ которой носились бѣлогрудыя чайки, весело зелѣли сады и рощи; вся пристань была покрыта силою массою простаго народа; среди несомкаемаго шума, говора, брани и смѣха раздавалась остроумная приписка къ „Зеленой дубинушкѣ“:

Отчего-же свая стала?
Нашъ подрядчикъ проиля сало...

Пагелъ Антонычъ мысленно уносился въ свое Коптево. Съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ теперь побесѣдовалъ съ своимъ старостой о запашкахъ, поѣвахъ, о сухмени и т. п., пробѣхалъ верхомъ въ поле—взглянуть на озимовые и яровые хлѣба, привезъ своей супругѣ пышный букетъ свѣжихъ ландышей и расположился на балконѣ пить чай... Но увь! Онъ болѣе не помѣщикъ, даже не хозяинъ своему дому; у негѣ нѣтъ ни кола, ни двора... онъ бобыль, жалкій пролетарій, который долженъ съ бою завоевывать себѣ уголь, кусокъ хлѣба и каждый атомъ кислорода!

Между тѣмъ жизнь въ столицѣ съ каждымъ днемъ становилась все труднѣе, невыносимѣе: по всѣмъ улицамъ началась постройка домовъ, починка мостовыхъ, перекладка водосточныхъ трубъ; ѣдкая пыль, съ которой тщетно боролась ирригация, дымъ, копоть и зловонныя испаренія окутали весь городъ и носились надъ нимъ какимъ-то непрогляднымъ туманомъ.

Въ одинъ жаркій июньскій полдень Павелъ Антонычъ, безъ вѣдома своей жены, отправился загородъ, рѣшившись, во что-бы то ни стало, нанять себѣ хоть маленькое помѣщеніе у какого нибудь крестьянина. По совѣту своихъ знакомыхъ, онъ поѣхалъ на пароходѣ въ Саратовъ къ колонію, отличавшуюся сравнительно дешевиною жизненныхъ продуктовъ, полнымъ отсутствіемъ дачныхъ увеселеній и удобствомъ сообщенія съ Петербургомъ, гдѣ все-таки необходимо было, хотя-бы ради очищенія совѣсти, наѣдываться о вакантныхъ мѣстахъ. Оказалось, однако, что въ упомянутой колоніи всѣ дачи были разобраны, не исключая рыбацкихъ хижинъ, чердаковъ и подваловъ. Павелъ Антонычъ совершенно потерялъ голову. На возвратномъ пути въ городъ онъ встрѣтилъ на пароходѣ сѣдаго монаха, обираваго пожертвованія на Кіевскую лавру. Бесѣда съ нимъ вывела Коростелева изъ отчаяннаго положенія. Благочестивый старецъ сообщилъ, что человѣку небогату и притомъ неимѣющему „опредѣленныхъ занятій“ отнюдь не слѣдуетъ тратить деньги на наемъ дачи: цѣлое лѣто онъ можетъ безвозмездно пользоваться прекраснымъ помѣщеніемъ, здоровымъ столомъ, равно и свѣжимъ воздухомъ въ любой монастырской обители.

— Какъ же это такъ? съ изумленіемъ спросилъ Коростелевъ.

— У насъ, сударь мой, въ Кіево-печерской лаврѣ одна барыня прожила цѣлый годъ... даже намъ стало совѣстно... Гостинникъ, отецъ Иосафатъ, многократно напоминалъ ей, что де монастырь—не богадѣльня, а она говоритъ: что-жъ дѣлать, когда мнѣ доселѣ не присылаютъ денегъ... Я бы и выѣхала отсюда, да не съ

чѣмъ... Потомъ еще одинъ актеръ прожилъ у насъ безъ малаго полгода... Онъ былъ, не плоше васъ, безъ мѣста... Когда поѣхалъ отъ насъ, ни копейки не заплатилъ...

— И вы его кормили?

— Само собою разумѣется... развѣ можетъ человѣкъ быть безъ пищи? Кормили и барыню, и актера безъ всякой платы... У насъ въ уставѣ сказано: странника прими, нагаго одѣнь, ачужаго ухлѣби...

— Можетъ быть, этотъ обычай или, какъ вы говорите, уставъ существуетъ только въ Кіевской лаврѣ?

— Я же вамъ докладывалъ, что во всѣхъ монастыряхъ, куда ни поѣзжайте... Вотъ хоть, примѣрно, Валаамъ или Коневецъ... они отъ Петербурга недалеко... Попробуйте, съѣздите... Я увѣренъ, что останетесь довольными...

— А вы сами-то бывали въ этихъ монастыряхъ?

— Сколько разъ... Я и теперь ѣду оттуда... въ Коневецѣ у меня есть пріятель-землякъ, коридорный монахъ, отецъ Сафронъ... Онъ прежде былъ исаломничкомъ у насъ на Подолѣ, да овдовѣлъ... вы скажите, что васъ рекомендовалъ отецъ Назаръ...

— А гдѣ лучше, въ Валаамѣ или въ Коневцѣ?

— Въ Валаамѣ не въ примѣръ строже: тамъ даже курить не дозволяется... Стѣсненіе большое для богомольцевъ... Зато въ Валаамѣ насчетъ продовольствія лучше: рыбы этой, хоть примѣрно, семги или лососины—видимо невидимо! а ужъ объ сигахъ и говорить нечего...

Бесѣда въ этомъ родѣ продолжалась вилоть до Петербурга и окончилась твердою рѣшимостью Коростелева постѣдовать благому совѣту старца.

— Ну, Мари, ѣдемъ изъ этого омота! входя въ свою квартиру, объявилъ Павелъ Антонычъ своей супругѣ, сидѣвшей у раствореннаго окна съ „Петербургскими трущобами“ въ рукахъ.

— Что такое? Развѣ получилъ мѣсто?

— Не въ томъ дѣло!... Знаешь ли гдѣ я былъ? Держу пари, что не угадаешь... Ѣздить—нанимать дачу и, разумѣется, ни одной подходящей не нашель, потому что кто же среди лѣта ищетъ дачу? За то, можно сказать, открылъ цѣлую Америку... Представь себѣ: на Ладожскомъ озерѣ есть восхитительный островъ, подъ названіемъ Коневецъ: тамъ есть сады, лѣса, сосновый боръ, однимъ словомъ, всѣ угоды; затѣмъ, рыбы тѣхъ тѣмущая! Есть такіе сига, которыхъ и въ Петербургѣ ни за какія деньги не достанешь... но что самое главное—мы можемъ пользоваться тамъ прекраснымъ помѣщеніемъ и даже столомъ, не платя за это ни копейки... Я долженъ тебѣ напередъ сказать: столъ будетъ постный... только рыбный... Но молока, сливокъ, масла, яицъ—сколько угодно...

— Ужъ не хочешь ли ты завезть меша въ монастырь?

— Ты угадала...

М-ше Коростелева укоризненно посмотрѣла на мужа и со вздохомъ произнесла:

— Ужасный человѣкъ!... до чего мы дожили!...

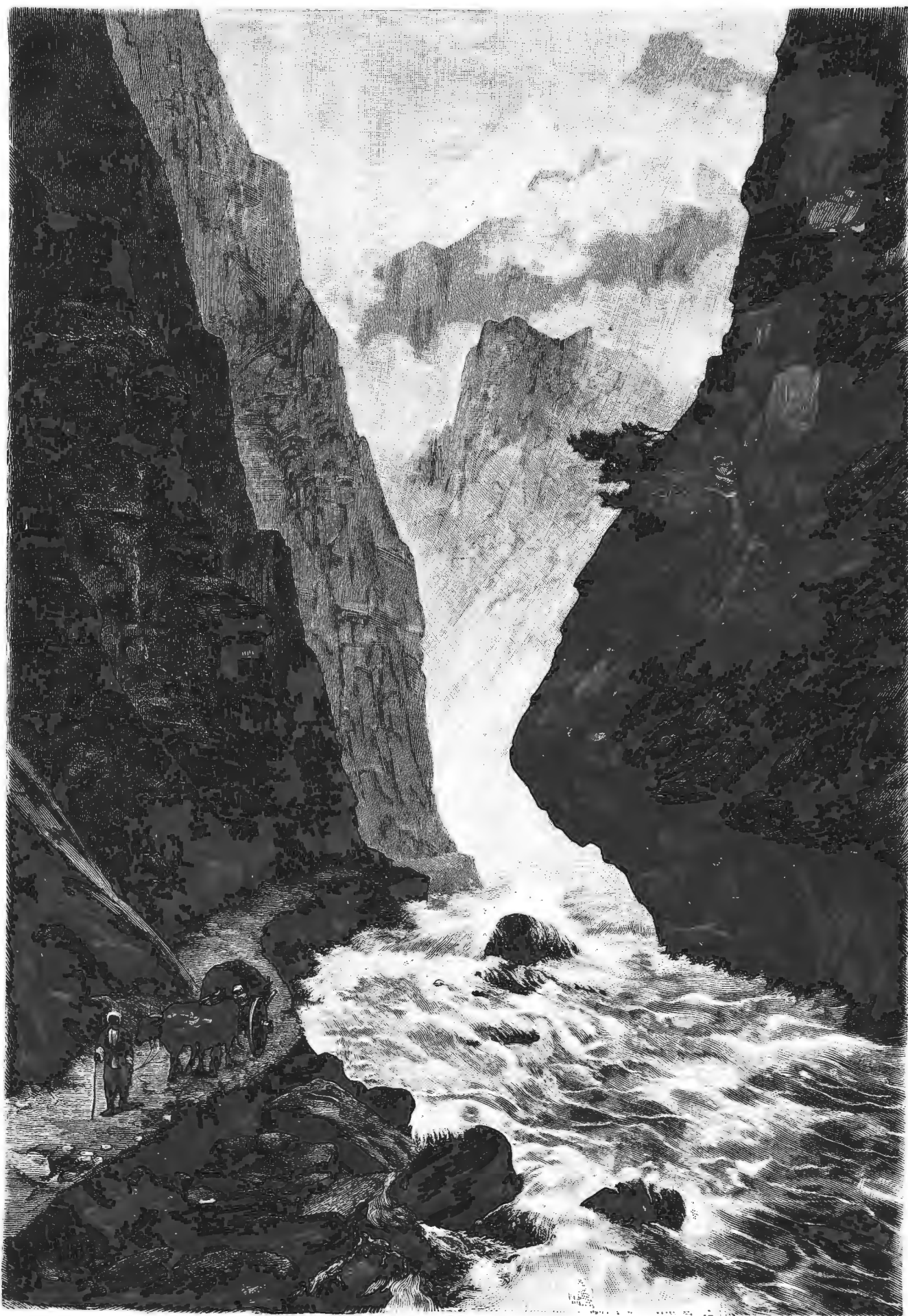
— Ну, что же теперь дѣлать? оправдывался Павелъ Антонычъ: въ Петербургѣ жить болѣе невозможно, дачу нанять дорого... Денегъ у насъ осталось сорокъ рублей и тѣ мы должны протянуть на три мѣсяца... а въ монастырѣ мы великолѣпно проживемъ лѣто...

III.

Около восьми часовъ утра близъ Смольнаго монастыря раздался пронзительный свистокъ и отъ пристани началъ отваливать огромный пароходъ „Валаамъ“, сверху донизу наполненный пассажирами—богомольцами; послѣ обычной суматохи, пререканій изъ-за мѣста, крикливыхъ прощаній, сопровождаемыхъ маханіемъ шляпъ, картузовъ и платковъ, между пассажирами начались дружельные распросы, знакомство и вмѣстѣ съ этимъ вы-

Весенніе разливы. Въ устьяхъ р. Дона. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

Кавказъ. Дарьяльское ущелье. Съ картины Рубо, по фотогр. грав. М. Рапескій.

таскивание изъ мѣшковъ дорожной провизіи, чищеніе сеledокъ, лицъ, угощеніе водкой и пр. Между тѣмъ справа и слѣва потянулись всевозможныхъ размѣровъ суда съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, бумажныя и табачныя фабрики, пивоваренныя заводы, хлѣбныя амбары, красныя вывѣски портерныхъ и трактировъ.

Мало по малу смолкъ городской шумъ, пахнуло свѣжимъ воздухомъ, невдалекѣ показались деревни и зеленѣющія поля, озаренныя яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

— Ужъ и великія чудеса, мать моя, рассказывала на палубѣ одна старушка своей товаркѣ: одинъ баринъ сталъ торговать у церкви образокъ и сказалъ монаху: „что-жъ вы, отецъ святой, такъ дорого продаете?“ Какъ бы ты думала? У него тутъ же отнялся языкъ.

— У окаяннаго... подхватываетъ товарка.

— Вы у отца Панкратія то были... разговариваютъ двѣ чуйки, закусывая сеledкой.

— Два раза Господь сподобилъ... хочу въ третій принять благословеніе... Все совѣтуетъ мнѣ жениться... а моей могутъ нѣтъ, потому мнѣ пошелъ ужъ седьмой десятокъ.

— Куда-жъ вамъ въ такихъ лѣтахъ жениться, особливо ежели немощи ваши не дозволяютъ.

— Вотъ поди-жъ ты! а онъ говоритъ вотъ какъ: „совѣтую повторить.“

— Можетъ быть, вы водку потребляете?

— Испиваю, по грѣшности...

— Ну, такъ онъ поэтому—и велѣлъ вамъ жениться: безъ женскаго полу вы можете пронасть на отдѣлку... Позвольте спросить, какой такой въ Коневцѣ есть копъ-камень?

— А это, какъ бы сказать, большая скала на манеръ лошади... изъ ней пренеподобный Арсеній изгналъ нечистыхъ духовъ... и посейчасъ, къ примѣру, видны не токма щели, гдѣ они обитали, а даже когти... Какъ они царапались—все это явственно видно... страсть—любопытно! Не къ хлѣбу-соли будъ сказано, эти черти опосля того улетѣли за озеро, въ одну финскую деревню... такъ она и прозывается „Чертова лахта.“

— Вотъ тоже мнѣ сказывали, большія исцѣленія бывають отъ святаго колодезя... онъ въ Коневцѣ находится?

— Нивакъ нѣтъ. Святой колодезь, милый человекъ, находится въ Тихоновской пустыни, Калужской губерніи. Тамъ цѣль и дубъ, въ которомъ пребывалъ угодникъ. Только надо по совѣсти говорить: въ этой самой пустыни насчетъ продовольствія очень скудно... рыбы почестъ совсѣмъ не подаютъ...

Между пассажирами третьяго класса находился и Коростелевъ съ своей супругой. Повидимому, путешествіе на пароходѣ въ незнакомый край сильно возбуждало его нервы: онъ торопливо шагаль взадъ и впередъ по палубѣ, спускался въ буфетъ, гдѣ подкрѣплялъ себя рюмкой водки, поднимался на вышку къ капитану и вмѣстѣ съ нимъ пристально всматривался въ даль, заходилъ въ кухню или, приступивъ къ какому нибудь богомольцу, вперялъ въ него испытующій взоръ и принимался спрашивать:

— Въ Коневецъ или Валаамъ путь держите?

— Въ Коневецъ, сударь...

— По обѣщанію?

— Такъ точно... Хотѣли было, если Богъ благословитъ, со своимъ открыть питейную торговлю...

— Доброе дѣло... А прежде вамъ приходилось бывать въ Коневцѣ?

— Случалось, какъ же...

— Ну, что, тамъ хорошо?

— Благодать Божія!

— Помѣщеніе—какъ?

— За первый сортъ...

— Клоповъ нѣтъ?

— Какъ не быть, я думаю... этой твари вездѣ довольно...

— А баня есть?

— Еще бы! Есть и мужская, и женская... Одно слово, отменно!

— Относительно продовольствія какъ?

— Харчи богатые...

— Богатые?

— Лучше требовать нельзя... вотъ какое продовольствіе, можно сказать, пошли Богъ всякому православному христіанину...

— Я думаю, сити тамъ великолѣпные?

— Да ужъ одно слово, ѣшь—не хочу... что твоя душа пожелаетъ...

Довольный результатомъ своихъ справокъ, Павелъ Антонычъ снова спускался въ буфетъ, а оттуда направлялся къ своей супругѣ и восторженно сообщалъ:

— Не правда ли, ма сѣге, мы прекрасно сдѣлали, что выбрались изъ Питера... Какой воздухъ! Какіе виды!... А вонъ выглядываетъ Саратовская колонія, гдѣ я искалъ дачу... Скука, говорятъ, страшная... таже обитель... Но мнѣ, знаешь, что хочется поскорѣй увидать? Ладожское озеро... Помнишь, у насъ была картина „Петръ I во время бури“...

— Ты бы, Поль, поподробнѣй узналъ о Коневцѣ-то... Мнѣ что-то, право, страшно...

— До мельчайшихъ подробностей все знаю... Ну, спроси, что тебѣ нужно...

— Вотъ, напримѣръ, насчетъ доктора...

— Доктора нѣтъ. Вмѣсто него лечитъ монахъ, у него есть и лекарства. Еще что?...

— Насчетъ мяса...

— Неловко было спрашивать... Сама суди, какой я богомольецъ, когда ѣду въ монастырь и толкую о мясѣ... Впрочемъ, я полагаю, можно будетъ покупать на пароходѣ... Наконецъ, можно въ сосѣдней деревнѣ спросить...

— А готовитъ гдѣ?

— Ужъ этого я не знаю... придется какъ нибудь за добрить монастырскаго повара... Вотъ тоже я хотѣлъ въ Шлиссельбургъ записаться водкой, но капитанъ сказалъ, что тамъ пароходъ не будетъ подходить къ пристани и простоятъ всего только десять минутъ...

— А ну-ко тамъ заставятъ безпрестанно молиться...

— Вздоръ какой! Въ Валаамѣ дѣйствительно посѣщеніе храма всегда обязательно для всѣхъ, а здѣсь никого не стѣсняють... Живи себѣ, какъ на дачѣ...

Въ девятомъ часу вечера пароходъ съ богомольцами прибылъ въ Коневецкую обитель.

IV.

Корридорный монахъ отвелъ Коростелевымъ просторную комнату, окнами на Ладожское озеро. Павелъ Антонычъ былъ въ восхищеніи. Оставалось приступить къ разработкѣ вопроса о „продовольствіи“. Дружелюбно обхвативъ отца Сафрона за плечи, Коростелевъ заговорилъ такимъ тономъ, какъ будто передъ нимъ стоялъ самъ Дюссо или Борель:

— Ну, чѣмъ же вы насъ покормите, почтеннѣйшій батюшка...

Въ настоящее время трапезная и кухня заперты, сухо объявилъ монахъ...

— Какъ же быть? А мы, признаться, порядкомъ проголодались...

— Ежели хлѣбца, прикажете, или кваску...

— Поль! подхватила Коростелева: нельзя ли намъ молока и яичницу...

— Ахъ да! Отецъ Сафронъ, какъ бы намъ пока молочка...

— Молоко у насъ продается на скотномъ дворѣ... Извольте, я схожу...

— Какъ продается? въ одинъ голосъ воскликнули супруги...

— Гривенникъ за бутылку...

— Вотъ тебѣ на! Можетъ быть вы въ городѣ такъ продаете? спросила Коростелева.

— Нѣтъ, мы въ городъ совсѣмъ не возимъ молоко, а продаемъ его только здѣсь, богомольцамъ.

— Но это ужасно дорого... Въ Петербургѣ и то дешевле...

— Въ Петербургѣ, сударыня, настоящій кормъ, а у насъ коровы питаются одной черничкой...

— Это мы послѣ уладимъ, перебилъ Павелъ Антонычъ: я самъ схожу на скотный дворъ и переговорю съ монахомъ... А теперь нельзя ли намъ приготовить яичницу....

— У насъ яицъ нѣтъ.

— Какъ такъ?

— Даже негдѣ достать, потому—островъ...

— Неужели по близости нѣтъ деревень?

— Есть одна бѣдная слободка „Чертова лахта“, въ шести верстахъ отсюда, но тамъ ничего нельзя достать.

Супруги переглянулись. Коростелева въ изнеможеніи опустила на стулѣ.

— Отецъ Сафронъ! воскликнулъ Павелъ Антонычъ, вновь обнимая монаха: а что-же мы съ вами забыли рыбу-то... развѣ у васъ въ озерѣ ея мало?

— Мы ловимъ рыбы очень много, только она у насъ идетъ въ солку—для братіи... а свѣжую, особливо лѣтомъ, держать невозможно: сейчасъ тронется...

— Спроси мнѣ, Поль, хоть бѣлаго хлѣба, тихо произнесла Коростелева.

— Теперь, сударыня, просфория заперта и ничего тамъ нѣтъ, объяснилъ послушникъ: вотъ завтрашній день можете заказать себѣ что угодно: хотъ булку или же хлѣбецъ...

— Заказать? протянулъ Павелъ Антонычъ: а сколько это удовольствіе будетъ стоить?

— Богомольцамъ продаютъ по одиннадцати копѣекъ за фунтъ...

— Дѣльно! Ну, подайте намъ самоваръ и чернаго хлѣба.

Монахъ вышелъ. Озадаченные супруги долго не говорили ни слова. Павелъ Антонычъ съ сумрачнымъ видомъ ходилъ по комнатѣ, боязливо поглядывая на жену, которая вдругъ съ сверкающими отъ гнѣва глазами обратилась къ нему:

— Ну, что? Куда ты меня завезъ?

— Странный вопросъ... Ты очень хорошо знала, что здѣсь островъ...

— Но вѣдь ты расхваливалъ...

— Могу ли я расхваливать то, чего никогда и въ глаза не видалъ... Я передавалъ лишь то, что люди говорятъ...

— Ты увѣрялъ: „аршинная семга! у насъ, въ Петербургѣ, большой сигъ стоитъ рубль, а тамъ задаромъ“...

— Я и теперь убѣждаю, что у нихъ есть семга, лососина и свѣжіе сиги, но вѣроятно, все это ѣдятъ какіе нибудь архидаконы...

За дверью послышался голосъ: „молитвами святыхъ отецъ нашихъ“...

— Войдите, сказалъ Коростелевъ.

Монахъ внесъ самоваръ и тарелку съ ломтемъ чернаго хлѣба, говоря:

— Посылалъ сейчасъ мальчишка на скотный дворъ за молокомъ, но скотникъ на-отрѣзъ отказалъ. Сегодня, говоритъ, середя: надо Бога помнить...

— Ну, вотъ что, батюшка: нельзя-ли хотъ водочки...

— Извольте, я на пароходъ сбѣгаю... онъ здѣсь почувствѣ... только бутылка стоитъ рубль серебра...

— Тыфу! Часъ отъ часу не легче...

— А нѣтъ ли у васъ книгъ почитать? спросила Коростелева.

— У насъ, сударыня, духовной пищи много, подходя къ окну, сказалъ монахъ: передъ вами здѣсь жила одна купчиха и тоже просила у меня книгъ. Я ей и отобралъ... не угодно-ли взглянуть?

Онъ повернулся на окнѣ книги: „Храмъ благочестія“, „Мысли на досугѣ“, „Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ современная гордая философія и грезить не смѣетъ“, „Сокровенная христіанская жизнь“, „Ручная нравственная книжка для христіанина“ и др.

Прошло три года. Много пережѣвъ было въ жизни Павла Антоныча: жена его скончалась, Контево было продано съ аукціона за долги, а самъ онъ началъ пить запоємъ...

На второй день Пасхи, одинъ сельскій священникъ, во время хожденія по приходу, замѣтилъ въ крестьянской избѣ жалкую фигуру въ заплатанномъ, истертомъ сюртукѣ и спросилъ хозяина:

— Кто это у васъ?

Мужикъ подошелъ къ батюшкѣ и шепнулъ:

— Нашъ аблакатъ... онъ, къ примѣру, одно дѣльце намъ выигралъ, такъ мы его и пригласили съ собой разговѣться...

„Аблакатъ“ этотъ былъ Павелъ Антонычъ Коростелевъ....

Путешествіе сквозь земной шаръ.

Геологическій очеркъ Тучна.

При изученіи природы, мы, по большей части, вынуждены наблюдать свои ограниченныя явленія на видѣмъ поверхности нашей планеты и все такъ находимъ ту же чудеса, едва ли меньшія тѣхъ, которая земля скрываетъ въ своемъ таинственномъ лонѣ. Глазамъ смертныхъ доступна конечно только незначительнѣйшая часть земнаго шара, т. е. видѣмая кора, о которой сказано выше, однако чудеса подземныхъ гигантскихъ пространствъ и окаменѣлые остатки исчезнувшихъ растительнаго и животнаго міровъ, даютъ намъ понятіе о тѣхъ великихъ геологическихъ процессахъ и потрясеніяхъ, которые происходили внутри земли. Научныя изслѣдованія, при помощи тщательно произведенныхъ наблюденій и остроумныхъ комбинацій, достигли того, что мы въ состояніи теперь нарисовать картину тѣхъ частей внутренности земли, которыхъ никогда человѣческая нога не касалась. Эту картину мы и предложимъ нашимъ читателямъ, приглашая ихъ совершить мысленное путешествіе, сквозь землю, къ антиподамъ.

Если мы начнемъ наше путешествіе изъ Германіи, то исходнымъ пунктомъ всего лучше намъ избрать главный городъ имперіи; мы видимъ при этомъ, что сѣверная нѣмецкая равнина—ничто иное, какъ дно бывшаго моря, на которомъ образовались пласты земной коры. И такъ мы, сказавъ голубому небу и смѣющемуся солнцу „до свиданія!“ спускаемся въ темную глубину, т. е. сначала углубляемся въ верхній несочный слой. При первыхъ же шагахъ нашего путешествія мы, чрезъ дупу видимъ, что то, что казалось намъ мертвой землей, состоитъ изъ остатковъ пѣкогда живаго міра. Это—періоды микроскопи-

ческихъ инфузорій, необъятныя массы которыхъ соединились и составили цѣлый пластъ; на немъ расположена большая часть Берлина. Замѣтимъ однако, что подобныя залежи пластовъ инфузорій встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстностяхъ.

Оставивъ позади себя видѣмую земную кору, съ ея смѣсю песка и глины, мы проходимъ немалое количество метровъ, черезъ слой хрища и кремня, въ которомъ размѣщены всевозможныхъ размѣровъ гранитныя глыбы, точно обточенные и отшлифованныя. Эти вставленные въ кремень и въ глину каменные части рассказываютъ намъ удивительныя вещи изъ исторіи первобытнаго міра, рассказываютъ о томъ, какъ могучими переворотами онъ былъ занесенъ сюда, о томъ, какъ одно время поверхъ Германіи катились волны Ледовитаго моря и твердыя части земнаго шара, въ теченіи тысячелѣтій, были окутаны ледянымъ и снѣжнымъ покровомъ, подъ которымъ погибли весь уже вызванный предъ тѣмъ къ жизни міръ. Эти каменные глыбы частью оторваны волнами Ледовитаго моря съ своихъ прежнихъ мѣстъ, частью приплыли съ сѣвера, въ видѣ громадныхъ пловучихъ льдинъ. Едва успѣли мы пройти нѣсколько ниже изъ глинянаго и песочнаго пласта, какъ на глубинѣ приблизительно 40 метровъ наталкиваемся на слой лигнита (буршій уголь), толщиной около 15 метровъ; когда же мы спустились еще ниже, пройдя находящееся подъ нимъ наслоеніе раковинъ, около 20 метровъ, то находимъ опять пластъ бураго угля, но, на этотъ разъ, толщиной не болѣе уже 8 метровъ, и вновь съ примѣсю слоя раковинъ. Съ дальнѣйшимъ движеніемъ въ глубь, мы натываемся на громадные пласты мѣла и кремня. Эта по-

рода состоит из окаменевших микроскопически мелких животных, накопившихся в громадных массах на морском дне и превратившихся, под долговременным страшным давлением, в камень. Под мловым пластом мы встречаем громадное наслоение плитника, которым так богаты горы Саксонской Швейцарии, а еще глубже—желтый известняк и песчаный сланец, далее и на несколько соть футов ниже находим так называемую юрскую формацию, состоящую из песчаника и известняка, появляющаяся (как видно по названию) наружу в горном хребте горы, в Швейцарии. Весь каменный пласт усеян раковинами первобытного мира самых разнообразных, необычайных и причудливых видов. Далее мы наталкиваемся на могучие пласты мергелевого сланца, в которых обыкновенно находят остовы больших первобытных амфибий; слѣдующая же каменитая порода, твердый голубой известняк, глинистый сланец и мергель богаты окаменелыми растениями, необыкновенные формы которых возбуждают в нас изумление. Спустившись далее, чрез могучие слои известняков и песчаников, чрез красную глину и несгораемый бурый уголь, мы проходим наслоенный раковинного известняка, а затем—пестрым песчаником прекрасного желтого цвета с темными, на подобие мраморных, полосами. Затем, идя громадной толщины слой красного песчаника и глинозема и, наконец, слои каменного угля, песчаника и сланца в перемежку с каменным углем—тѣм наслоением остатков необычайной и пышной первобытной растительности.

Распространенное мнѣніе о томъ, что земная кора составляет твердую связную массу, — вѣрно только въ отношеніи верхнихъ пластовъ, такъ какъ, чѣмъ дальше мы углубляемся, тѣмъ чаще встречаемъ расщелины, скважины, подземные ходы и поля пространства; невольно приходится удивляться, что эти расщелины не причиняютъ болѣе частыхъ землетрясеній, которыя надо отличать отъ землетрясеній вулканическаго происхожденія. Въ тѣхъ слояхъ, гдѣ мы теперь находимся, мы видимъ много воды. Она сочится, течетъ и шумно стремится изъ отверстій, расщелинъ и пещеръ, все ниже и ниже, туда, въ таинственную глубь, гдѣ стихаетъ ея гулъ. Тамъ, внизу, вода образуетъ, совершенно такъ же, какъ и на поверхности, источники и рѣки, вливающіяся въ большіе бассейны, — цѣлыя моря, изъ которыхъ исчезаютъ куда-то въ глубь, еще ниже. Съ каждымъ шагомъ мы замѣчаемъ, что она прибываетъ.

Каменные породы, сквозь которыя мы до сихъ поръ углублялись, носятъ названіе осадочныхъ породъ; онѣ образовались изъ осадковъ, въ теченіе тысячелѣтій спускавшихся съ морской поверхности на дно; онѣ—окаменѣлый иль первобытнаго моря, что и видно по ихъ зернистому и слоистому строенію; хотя мы находимся на полмили отъ поверхности, но видимъ, что этотъ осадокъ вырастаетъ предъ нами все въ болѣе и болѣе могучихъ массахъ.

Мы проходимъ теперь мимо каменноугольнаго известняка—какимъ онъ является въ западной части Гарца—и встречаемъ каменную породу, называемую ваккомъ, образующимъ большія горныя массы въ восточномъ Гарцѣ, восточномъ Тюрингенѣ, Прирейнскихъ провинціяхъ и т. д. Здѣсь окаменѣлости замѣтно меньше, изрѣдка показываясь уже въ низшихъ формахъ первобытныхъ растений и животныхъ. Мы углубились уже на 3 тысячи метровъ и все еще не видно конца осадочнымъ породамъ. Наконецъ, около полумили ниже, онѣ уступаютъ мѣсто новымъ образованіямъ. Теперь мы видимъ передъ собой какую то особенную, странную породу; хотя, по мнѣнію геологовъ, она происходитъ также отъ осадковъ, отлагавшихся теченіями первобытнаго моря, однако, подъ влияніемъ другихъ силъ, она подверглась метаморфозѣ, почему, со всеми своими породами и во всѣхъ своихъ видахъ, какъ-то гнейса, графита и т. д., именуется метаморфической породой. Тутъ мы уже не находимъ никакихъ ясныхъ слѣдовъ первобытной жизни и можемъ потому считать эту породу „гранью органическаго творенія“. Снова спустились мы полмили сквозь этой слой, но онъ еще не оканчивается. Его предѣлы находимъ мы еще за полмиле. Всего болѣе изумляютъ насъ разнѣры породъ, образовавшихся изъ морскихъ осадковъ; въ ихъ толщѣ мы сдѣлали цѣлыя двѣ мили, такъ что туда можно было бы установить Мошъ-Бланш три раза.

Что мы теперь спустились глубоко въ землю,—замѣчаемъ не только изъ того, что осадочные слои нами уже пройдены, но и по высокой температурѣ. Такъ какъ, хотя теплота повышается съ глубиной все медленнѣе — теперь она уже достигла 100° Ц. Вода наполняетъ тутъ, гораздо болѣе чѣмъ въ верхнихъ слояхъ, всѣ скважины, расщелины и отверстія еще болѣе покрытыхъ трещинами каменныхъ породъ; здѣсь вода имѣетъ очень высокую температуру; въ состояніи кипѣнія и тамъ, гдѣ щели открыты снизу, она, шумными потоками, низвергается въ глубину. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода встрѣчаетъ только свободное вмѣстительство, она поднимается въ видѣ бѣловатыхъ паровъ, проходя между теплыми глыбами. Но это происходитъ именно тамъ, гдѣ потокъ слѣдуетъ небольшому уклону, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кипящая стихія падаетъ въ глубину почти вертикально, быстрота движенія и давленіе, оказываемое напорающими сюда водными массами, не допускаютъ образо-

ванія пара. Теперь нашъ путь лежитъ чрезъ породы кремня (кремень образовался изъ окаменѣвшей расплавленной массы), а потомъ, непосредственно, чрезъ массивныя гранитныя наслоенія въ роцѣ тѣхъ, какія видимъ въ Альпахъ и, между прочимъ, въ группѣ Мошъ-Блана все многочисленнѣе и значительнѣе становятся тутъ скважины и расщелины, уходящія въ глубину; температура возвышается еще болѣе и кипящая вода продолжаетъ съ прежнимъ шумомъ низвергаться изъ верхнихъ слоевъ внизъ. Мы спустились уже на нѣсколько миль свозъ область кремня и убѣждаемся, что она обширнѣе всѣхъ каменныхъ породъ, которыя мы прошли, вмѣстѣ взятыхъ. Наконецъ и она смѣняется новыми вулканическими образованіями, порфиромъ, изъ котораго, между прочимъ, состоитъ Инзельбергъ въ Тюрингенѣ и Ауэрбергъ въ Гарцѣ, и который также часто встрѣчается, въ самыхъ причудливыхъ формахъ, въ Саксоніи, Тюрингенѣ, Гарцѣ, Оденвальдѣ и Шварцвальдѣ. Тутъ теплота достигаетъ страшной высоты нѣсколькихъ сотъ градусовъ и полагаетъ, наконецъ, предѣлъ неустойчивому стремленію воды. Кипящіе потоки шумно изливаются изъ верхнихъ слоевъ въ нижій, гдѣ вода, прикасаясь къ раскаленнымъ слоямъ превращается, съ страшнымъ, потрясающимъ все вокругъ себя громомъ, въ паръ, необъятныя массы котораго отталкиваютъ своимъ сильнымъ давленіемъ слѣдующіе все набѣгающіе потоки; часть этихъ потоковъ, вынужденная, такимъ образомъ, искать себѣ новаго выхода обратно, устремляется къ верхнимъ слоямъ и, уступивъ имъ значительнѣйшую долю своей теплоты, выходитъ на наружную поверхность въ видѣ болѣе или менѣе теплыхъ источниковъ.

Тутъ, подъ ногами людей, ничего о томъ не подозревающихъ, происходитъ великая борьба между огнемъ и водой, при участіи и проявленіи электричества, борьба, расщепляющая и разрывающая древнія, существующія уже цѣлыя милліоны лѣтъ каменныя породы. Но ей мы и обязаны тѣмъ, что вода не убываетъ съ поверхности земли, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, повинувъ закону тяжести, она должна была бы спуститься внутрь земнаго шара.

Чѣмъ глубже мы сходимъ, тѣмъ болѣе явленіе это утрачиваетъ характеръ борьбы. Всѣ щели и скважины каменныхъ пластовъ наполнены накаленнымъ паромъ, но его гигантскія облака теперь лежатъ спокойно въ своихъ каменныхъ гнѣздахъ. Мы достигли предѣла порфироваго пласта; пройдя его громадную, въ нѣсколько миль, толщю, направляемся далее, чрезъ новую вулканическую породу, называющуюся діоритомъ; это кристаллообразная, зернистая масса, прекраснаго темнозеленаго цвѣта котораго такъ прельщаетъ насъ. Пока мы проходимъ сквозь могучія наслоенія этой породы, то чувствуемъ быстрое повышеніе теплоты и, прежде, нежели мы успѣли добраться до конца пласта,—видимъ впереди, предъ собой, блескъ темно-красныхъ лучей.

О впечатлѣніяхъ, получаемыхъ нами тутъ, читатель можетъ имѣть понятіе, вспоминая то—какъ, обыкновенно, изображается это явленіе изверженія огнедышащихъ горъ. Отдаленный несмолкающій громъ, который еще раньше, какъ намъ казалось, исходилъ изъ глубины, становится теперь сильнѣе и глуше раскаты сопровождаютъ ревомъ и шипѣніемъ, а также страшными взрывами, колышущими всѣ прилежащія каменные пласты. Чѣмъ ниже углубляемся мы, тѣмъ все ужаснѣе грохотъ, тогда какъ раскаленные глыбы и пласты ходятъ волнами и колебаніемъ, съ каждой минутой, съ каждымъ шагомъ, становится сильнѣе и сильнѣе, превращаясь въ такое качаніе, что кажется, будто вокругъ насъ все приходитъ въ дикій хаосъ.

Вдругъ раздается оглушительный трескъ и предъ нашими глазами въ раскаленной, пламенѣющей массѣ каменныхъ породъ открывается огромная скважина прямо надъ глубиной, откуда съ свистомъ вырываются струи пара.

Постѣ того, какъ густой и горячій чадъ газовъ поднялся изъ скважины и щелей вверхъ, мы бросаемъ испуганный взглядъ нашъ въ развѣзнутую бездну. И что же видимъ мы тамъ? Тамъ переливается шипящій водоворотъ огненной, раскаленной массы, переливается море огня, пламенные языки котораго тинутся къ намъ; самая смѣлая фантазія, силившаяся создать изображеніе ада—ничто въ сравненіи съ дѣйствительностію.

Но для того, чтобы продолжать нашъ обзоръ, намъ приходится углубиться дальше, внизъ, и мы медленно спускаемся, чрезъ раскаленную скважину, въ глубину.

Взоръ нашъ видитъ кругомъ только одинъ огненный океанъ. Громадныя, величиной съ цѣлыя горы, огненные волны перекатываются съ оглушающимъ грохотомъ, одна чрезъ другую, влача на своихъ пламеносныхъ гребняхъ колоссальныя раскаленные глыбы, бросая ихъ во всѣ стороны. Это—картина, о которой на земной поверхности можетъ дать понятіе только развѣ расхлывшееся въ бурю полярное море со своими плывучими чудовищами льдинами.

Мы не находимъ здѣсь собственно внутренней стороны земной коры, но видимъ ея многочисленныя холмистыя возвышенности, вдающіяся въ огненный водоворотъ, волны котораго рвутся къ нимъ бѣшеннымъ прибоемъ, пока не заставятъ ихъ погрузиться въ пучину. Въ другихъ же, болѣе спокойныхъ мѣстностяхъ, тѣмъ временемъ, чрезъ процессъ окаменѣнія и кристаллизированія, образуются новыя возвышенности, которыя, по

Весною. Съ карт. Р. Вейшлага, грав. Кнезмигъ.

причинѣ передвиженія огненныхъ теченій, въ свою очередь, поглощаются ими и т. д. Однако, не смотря на этотъ кругъ явленій, внутренній слой земной коры попрежнему утолщается, вследствие затвердѣнія и окаменѣнія, на подобіе того, какъ это мы видимъ на нашей поверхности при образованіи льда.

Движеніе огненныхъ волнъ весьма разнообразно. Здѣсь примѣръ мы замѣчаемъ вращательное движеніе, нѣчто въ родѣ своеобразнаго, кипящаго водоворота; въ другихъ мѣстахъ видимъ, что изнутри поднимаются пузыри, лопающіеся съ шумомъ, напоминающимъ выстрѣлы или взрывы. Эти пузыри, объемъ которыхъ настолько великъ, что туда легко помѣстился бы цѣлый городской кварталъ, содержатъ въ себѣ раскаленные газы; послѣдніе, образовавшіеся вѣроятно силою могучихъ химическихъ процессовъ, благодаря своей легкости, поднимаются вверхъ, лопаясь около земной коры, такъ что содержимое ихъ производитъ могущественное давленіе на эту кору, или, встрѣчая на пути скважины и щели, прорывается, съ рѣзкимъ, предшествующимъ вулканическимъ изверженіямъ, свистомъ, къ верхнимъ слоямъ. Кромѣ того мы наблюдаемъ еще другаго рода движеніе огненныхъ волнъ, а именно правильныя теченія, направленіе которыхъ, подобно морскимъ теченіямъ, нарушается неровною поверхностію внутренней стороны земной коры. Въ нихъ вѣроятно лежитъ основа магнетизма земнаго шара, вліяющаго на движеніе стрѣлки компаса, а также и связаннаго съ нимъ полярнаго сіянія.

Вещество, составляющее огненное море, мы видимъ на поверхности при вулканическихъ изверженіяхъ въ огненно-расплавленномъ состояніи, это — лава; въ охлажденномъ же состояніи оно является въ формѣ базальта, долерита, трахита, пемзы и т. д., такъ какъ всѣ эти минералы были нѣкогда въ расплавленномъ видѣ, въ одинъ изъ фазисовъ геологическаго развитія земнаго шара. Если мы мысленно продолжаемъ нашъ путь, отстоящій отъ центра земли еще на 850 миль, то температура поднимается еще выше, такъ что въ сравненіи съ нею жаръ нашей обыкновенной плавильной печи совершенно ничтоженъ.

Наконецъ мы достигли центра земнаго шара. Здѣсь зерно земли является намъ въ видѣ одного чудовищнаго пузыря раскаленнаго газа, образующаго горнило химической дѣятельности, дающей, между прочимъ, происхожденіе тѣмъ газовымъ пузырямъ, о которыхъ говорено выше. Всѣ нашего тѣла равны теперь нулю. Такъ какъ массы земнаго шара равны по всѣмъ направленіямъ, отсюда и притягиваютъ насъ съ одинаковою силою во всѣ стороны: очевидно, что вследствие того вліяніе теченій этихъ силъ взаимно уничтожаютъ другъ друга. И въ самомъ дѣлѣ мы здѣсь легче шука, что и замѣчаемъ на всѣхъ

своихъ движеніяхъ. Поднятая рука не падаетъ назадъ, а намъ приходится сдѣлать усиліе, чтобы опустить ее, причѣмъ я вѣсъ намъ не оказываетъ въ этомъ помощи. Собственно говоря, тѣсъ не существуетъ ни вверхъ, ни внизъ, въ томъ смыслѣ, какъ это мы понимаемъ на поверхности земли, принявъ, напримѣръ, нашу исходную точку, какъ „верхъ“, а центральный пунктъ земнаго шара, какъ „низъ“, и мысленно придавъ тѣлу соответственное положеніе. Эти понятія здѣсь совершенно измѣняются. Какъ только мы переходимъ черезъ центръ, то начинаемъ ощущать притягательную силу земли въ противоположномъ направленіи, чѣмъ до сихъ поръ, чувствуя то, что намъ пришлось бы испытывать на поверхности, еслибы мы стали вверхъ ногами, что повело бы за собой сильный приливъ крови къ головѣ. Поэтому намъ необходимо, пока мы находимся въ центральномъ пунктѣ (гдѣ испытываемъ всестороннее тяготѣніе), вращаться совершенно вѣбодно и, перевернувшись, принять то положеніе, которое соответствуетъ положенію тѣла нашихъ антиподовъ.

Мы продолжаемъ нашъ путь теперь къ этимъ антиподамъ, до которыхъ намъ (какъ сверху, отъ исходнаго пункта къ центру) остается ровно 850 миль.

Быстро проносясь черезъ огненные волны, мы замѣчаемъ, что внутренній жаръ земли нѣсколько уменьшается, а наше тѣло начинаетъ пріобрѣтать вѣсъ. Позади себя мы, вдругъ, слышимъ сильный шумъ и громъ, видимъ, что огненные волны остаются сзади, а насъ, въ одно мгновеніе, окружило облако раскаленнаго газа. Это было ничто иное, какъ одинъ изъ газовыхъ пузырей, лопнувшій по направленію, взятому нами. Сжатые необычайно сильнымъ давленіемъ газы держатъ насъ какъ желѣзными цѣпями и увлекаютъ насъ съ собою; затѣмъ, раздается страшный трескъ и мы чувствуемъ, что вырвавшіеся изъ глубины пары несуть насъ вверхъ, къ земной поверхности. Еще видимъ мы, какъ шипящія водяные пары смѣшиваются съ газовыми продуктами и стремятся вращательнымъ движеніемъ по какому-то воронкообразному жерлу кверху же. Вотъ—могучій толчокъ и—мы вылетѣли на поверхность, выброшенные кратеромъ. И—снова надъ нами ясное небо и золотые лучи солнца? Но гдѣ же мы снова узрѣли свѣтъ? Подъ нами тянется горный хребетъ обширнаго острова, который на южной своей сторонѣ, узкимъ проливомъ отдѣленъ отъ продолговатаго, гористаго острова. Это Новая Зеландія и ея-то неспокойный вулканъ Тонгароро и выбросилъ насъ наружу. Мы видимъ теперь, что сдѣлали большой крюкъ, такъ какъ, слѣдуя по прямому направленію, мы вынырнули бы, около 280 миль къ юго-западу, изъ волнъ Тихаго океана, такъ что, оказавшаяся, мы уклонились почти на 19 градусовъ къ сѣверо-западу.

Король Глассъ и его государство.

Разсказъ Ф. Лиффа.

Въ 1835 году одинъ изъ большихъ англо-остиндскихъ кораблей потерпѣлъ въ южной части Атлантическаго океана крушеніе. Судно уже обогнуло мысъ Доброй Надежды, но, затѣмъ, когда вступило въ океанъ страшная буря, выбивъ его изъ рейса, бросила прямо на утесъ „Inaccessible“ (недоступный), гдѣ оно разбилось въ дребезги и пошло ко дну почти со всѣмъ экипажемъ и пассажирами. Только главному штурману Уокеру и четырремъ матросамъ удалось, въ послѣднюю, отчаянную минуту, кое какъ прыгнуть въ челнъ и направить его къ скалѣ; челнъ также разбился тамъ, но люди, сильнымъ толчкомъ гигантской волны, были выброшены на рифъ.

Въ челнѣ этихъ пяти человѣкъ, хотя и изнеможенныхъ и израненныхъ, по вѣе такіи спасенныхъ Небомъ изъ морской глубины, находился матросъ изъ нѣмцевъ, уроженецъ Бремена, по имени Фридрихъ Мевесъ,—герой нашего разсказа.

Они были спасены—но что же оставалось имъ дѣлать теперь? съ ними не было ни съѣстныхъ припасовъ, ни прѣсной воды, ничего—кромѣ надѣятаго на нихъ платья, обломковъ челнока, фонаря и двухъ ружей. Первымъ ихъ дѣломъ было забрать въ одну изъ расщелинъ, чтобы укрыться отъ урагана, свирѣпствовавшаго еще въ продолженіи двухъ дней. Но вскорѣ они совершенно ослабѣли подѣ вліяніемъ голода и жажды. Единственная нища, которую имъ удалось открыть на скалѣ, заключалась въ нѣсколькихъ птицахъ и кое-гдѣ присташихъ къ подножію „Недоступной“ немногихъ устрицъ. Всѣ пятеро отлично понимали, что если скорая помощь не выручитъ ихъ—они погибли. Одинъ изъ матросовъ и высказалъ это мрачное соображеніе, прибавивъ, что лучше имъ было бы, подобно остальнымъ, лежать теперь глубоко на днѣ океана.

— Не приходите въ отчаяніе! серьезнымъ тономъ произнесъ главный штурманъ,—спасеніе еще возможно, если мы только не потеряемъ мужества и вѣры въ Всевышняго.

— Однако, какъ же по вашему? спросилъ Мевесъ,—кто же сниметъ насъ съ этой скалы. Тутъ мы въ нѣсколькихъ сотняхъ миль отъ обыкновеннаго пути кораблей, идущихъ въ Индію и изъ Индіи и, потому, не можемъ надѣяться на то, чтобы намъ помочь, насъ принялъ какой нибудь корабль; сюда можетъ зайти развѣ китобойное судно, но такіа суда показываются въ этой части океана можетъ быть не каждыя десять лѣтъ и, во

всякомъ случаѣ, они, несомнѣнно, всегда стараются обойти подальше опасную скалу.

— Такъ, такъ, подтвердили прочіе матросы,—Мевесъ правъ; мы обречены тутъ на вѣрную смерть; лучше бы было, если бы Богъ допустилъ насъ утонуть во время крушенія!

— Спасеніе еще возможно; взгляните туда!

Небо уже очистилось, тучи исчезли, буря утихла. Солнце сіяло въ лазурной выси, отражался въ синемъ морѣ. Далеко на югѣ видѣлась темная точка, которая, казалось, неподвижно держалась надъ волнистою поверхностію безбрежнаго океана.

— Э! послышалось въ группѣ матросовъ,—что это такое?

— Тристанъ д'Акунья, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, отвѣтилъ главный штурманъ,—если бы только мы добрались туда—все было бы поправлено.

— Это не тотъ ли скалистый островъ въ южной части Атлантики, который также называется Островомъ Освѣженія? спросилъ Мевесъ.

— Да; на островѣ есть источники и ручьи превосходной прѣсной воды; туда иногда пристають китоловы, чтобы пополнить свои запасы свѣжей воды, не мало тамъ и всевозможныхъ плодовъ, а также водятся дикія козы, свиньи, разная птица.

— Есть и обитатели?

— Очень немного, да и тѣ живутъ въ родѣ Робинзоновъ, въ полной отчужденности отъ всего и всѣхъ, въ уединеніи, и ихъ только, отъ времени до времени, тревожатъ одни американскіе китоловы. Насколько мнѣ обь этомъ островѣ,—открытомъ въ 1506 году португальскимъ адмираломъ Тристаномъ д'Акунья, извѣстно—тамъ, въ 1811 г., впервые поселился американскій матросъ по имени Ионаанъ Ламбертъ, однако онъ скоро такъ соскучился, что былъ чрезвычайно радъ оставить островъ съ какимъ-то китоловомъ.

— Теперь тамъ царствуетъ король Глассъ, сказалъ одинъ изъ матросовъ-англичанъ,—„The ragged King“ (король-оборванецъ)—его такъ зовутъ моряки, я слыхалъ о немъ въ Портсмутѣ.

— И я тоже; говорить—онъ предобрѣйшій человѣкъ.

— Но не морякъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ главный штурманъ, Ричардъ Глассъ, какъ зовутъ короля о-ва Тристанъ д'Акунья, служилъ капитаномъ въ англійской артиллеріи и геройски отличился въ Ва-

терлооскомъ сраженіи. Когда, въ 1815 г., Наполсонъ Бонапарте было отправленъ на о-въ св. Елены, то англійское правительство сочло нужнымъ занять военными силами о-въ Тристанъ д'Акунья, куда и послали артиллерійскій отрядъ, къ которому принадлежалъ капитанъ Глассъ. Можетъ быть, требовалась южная станція для обсерваторіи св. Елену эскадры. Или же то было другое, запасное убѣжище, на случай вооруженнаго нападенія, съ цѣлью освобожденія пизложаннаго императора; тогда его перевезли бы на южную станцію и охраняли бы еще строже. Послѣ смерти императора, въ 1821 г., военный постъ съ о-ва Тристанъ д'Акунья былъ снятъ, но капитанъ Глассъ привылъ къ острову, полюбилъ эту мѣстность, и ему захотѣлось остаться тамъ съ женой-мулаткой, на которой женился въ Канштадтѣ; трое другихъ солдатъ также пожелали основаться, съ своими семьями, на островѣ. Глассъ былъ избранъ главой общины и теперь онъ — король, судья, священникъ, совмѣщая въ себѣ всѣ виды власти. Въ настоящее время населеніе уже разрослось и насчитываетъ человѣкъ тридцать или сорокъ.

— Да, еслибъ намъ туда только попасть, то наша невзгода кончилась бы.

— У нихъ всякой ѣды и питья вдоволь и даже есть хорошая можжевельная водка, которую сами они гонять и которой — какъ мнѣ въ Портсмутѣ говорили — иногда, такая, серьезно напиваются, — со вздохомъ замѣтилъ одинъ изъ матросовъ, — а вотъ, намъ-то бѣднымъ приходится умирать тутъ, на голой скалѣ, отъ голода и жажды.

— Мы должны, по крайней мѣрѣ, сдѣлать попытку къ своему спасенію.

— Ну, что-же мы можемъ сдѣлать-то?

— Вывѣсить сигналъ! воскликнулъ одинъ.

— У насъ нѣтъ флага.

— Рубашку можно.

— Такъ нѣтъ палки.

— Для этого годится весло, которое упало отъ нашего челнока.

— Это ни къ чему не послужитъ, возразилъ главный штурманъ, покачивая головой, — островъ слишкомъ далеко и отсюда нашего сигнала не увидятъ.

— На самомъ дѣлѣ, тутъ, повидимому, не менѣе пятнадцати морскихъ миль, сказалъ Мевесъ.

— Гораздо больше; островъ, вѣдь, кажется намъ очень маленькимъ а, между тѣмъ, онъ имѣетъ двадцать миль въ окружность, а его горы возвышаются надъ поверхностью моря на шесть тысячъ футовъ; жители острова никакъ не могутъ замѣтить насъ, если мы не разведемъ огня.

— Мы можемъ устроить костеръ изъ обломковъ нашего челнока и тогда съ Тристана д'Акунья или ночью увидятъ огонь, или днемъ — дымъ.

— Но могутъ-ли тамошніе жители взять насъ со скалы, если у нихъ морскія лодки?

— Ну, этого не знаю.

— Если у нихъ нѣтъ такой лодки, то хоть они и увидятъ нашъ огонь или дымъ, во не будутъ въ состояніи оказать намъ помощи; надо намъ иначе сдѣлать.

— Какъ-же?

— Скрѣпимъ кое-какъ обломки нашей лодки и переплывемъ на островъ.

— У насъ нѣтъ никакого матерьяла!

— Тамъ, на краю скалы, лежитъ, нѣсколько выброшенныхъ волнами, деревянныхъ частей корабля съ спасателями; при помощи всего этого мы исправимъ нашу лодку, или скотчимъ плотъ.

— Вѣрно, — произнесъ главный штурманъ, — и когда будетъ готово, то остальное предоставимъ на волю Провидѣнія.

— Такъ, такъ! воскликнули матросы, это единственное средство спасенія для насъ, и — нечего мѣшкать, скорѣе за дѣло.

Одни отправились къ краю рифа и притащили отсюда деревянные остатки корабля; другіе-же занялись обломками лодки; вскорѣ, однако, оказалось совершенно невозможнымъ исправить лодку, а потому принялись строить плотъ. Къ счастью, дерева и снастей было въ достаточномъ количествѣ и, благодаря усердной работѣ, къ вечеру дѣло было сдѣлано; раздѣливъ между собой шкуру, состоявшую изъ птицы и устрицъ, они улеглись спать.

Съ восходомъ солнца они приготовились къ отплытію; плотъ вмѣщалъ всѣхъ; посрединѣ они укрѣпили весло, къ которому придѣлали составленный изъ ихъ рубашекъ парусъ; легкій вѣтерокъ поднялся съ сѣвера и погналъ тяжело подвигавшійся впередъ плотъ по направленію къ Тристану д'Акунья.

— Наша несоворотливая машина слишкомъ медленно тащится, замѣтилъ главный штурманъ, — намъ придется плыть болѣе трехъ дней.

— Мы не выдержимъ такъ долго.

— Можетъ быть вѣтеръ усилится.

— Это тоже могло-бы насъ погубить, потому что плотъ нашъ не устоитъ противъ напора порывчатнаго вѣтра.

— Боже, помоги намъ!

Они проплыли цѣлый день, въ теченіе котораго единственною пищей имъ послужили три летающія рыбы, случайно попавшія на плотъ и легко пощавшія имъ въ руки. Но жажда

мучила ихъ еще болѣе, нежели голодь. Вокругъ — голубое, соленое море, и надъ ихъ головами — голубое, яркое небо съ клочками бѣлыхъ облаковъ, не посылавшихъ, однако, никакого дождя. Время было около половины южнаго лѣта и, потому, въ воздухѣ было очень жарко.

На второй день положеніе сдѣлалось еще пестеримѣе; двое изъ англійскихъ матросовъ едва не помѣшались отъ жажды и, припавъ къ краю плота, принимались пить соленую воду, не смотря на отговоры главнаго штурмана.

Островъ Тристанъ д'Акунья становился все больше и больше; ленте могли теперь ильвише рассмотреть громоздившіяся къ облакамъ гигантскія массы черно-сѣрыхъ скалъ.

Вечерѣло; солнце уже было близко къ закату; нѣмцъ вдругъ радостно вскрикнулъ.

— Что такое, Мевесъ?

— Смотрите — вонъ тамъ, въ подвѣтренной сторонѣ, царусь!

— Слава Богу — насъ замѣтили!

— Подбодритесь, товарищи, спасеніе уже близко!

Бѣлый парусъ быстро приближался, онъ принадлежалъ большому ялботу; вскорѣ штурманъ и его спутники могли рассмотреть и экипажъ лодки.

— Эй — лодка! возьмите насъ!

— Мы для этого и выѣхали. Откуда вы плывете на такомъ отчаянномъ плоту?

— Съ рифа „Недоступный“; мы — единственные, оставшіеся въ живыхъ послѣ крушенія англо-остиндскаго корабля „Геркулесъ“.

— Ахъ, вы, бѣдняги. Ну, а прочіе — всѣ утопили?

— Да, мы изнурены жаждой; есть у васъ прѣсная вода въ лодкѣ?

— Есть немного воды и съѣстныхъ припасовъ.

— Благодареніе Богу!

— Ну, теперь смотри, лови канатъ!

Канатъ былъ пойманъ и плотъ подтянулся къ лодкѣ.

Экипажъ высланной на помощь лодки, состоялъ изъ четырехъ молодыхъ атлетовъ, восемнадцати — двадцати лѣтъ, одѣтыхъ въ коричневые шерстяныя куртки и короткіе панталоны; головной уборъ составляли шотландскія шапочки.

— Дядя Глассъ увидѣлъ васъ въ свою подозрительную трубку и приглашаетъ на нашъ островъ, дружескимъ тономъ произнесъ лодчанинъ.

— Помоги. Иона! воскликнулъ другой, — бѣдные люди совсѣмъ ослабли; вонъ тотъ едва можетъ двинуться; держи его крѣпче, не то онъ упадетъ въ море.

— Воды, воды!

— Вотъ вамъ родниковая вода съ острова, пейте, бѣдняги!..

Матросы съ „Геркулеса“ были пересажены въ лодку, которая, тотчасъ-же повернувшись къ острову, достигла его въ нѣсколько часовъ.

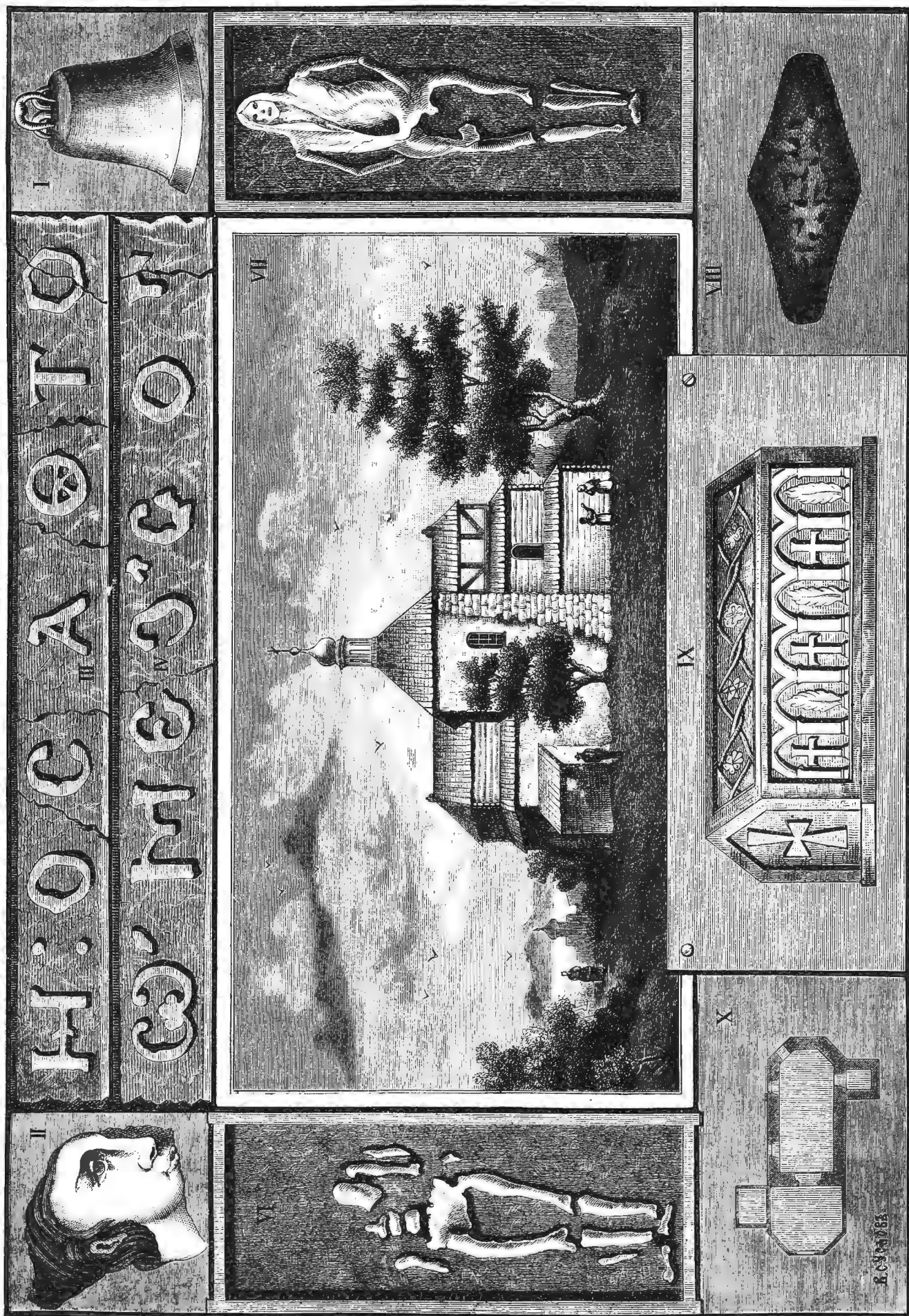
На берегу они были встрѣчены сбѣжавшейся со всѣхъ сторонъ толпой мѣстныхъ жителей, — мужчинъ, юношей, женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей; все это имѣло чрезвычайно здоровый и бодрый видъ. По внѣшности они напоминали населеніе мадьякской англійской или голландской рыбацкой деревушки. Высокій, видный мужчина съ сѣдыми волосами и добродушнымъ лицомъ приблизился къ прибывшимъ чужеземцамъ и обратился съ разспросами относительно кораблекрушенія и, выслушавъ ихъ подробный разсказъ, объявилъ, что они могутъ вполнѣ положиться на его покровительство и помощь. То былъ король острова и основатель колоніи, Ричардъ Глассъ; правду сказать, въ своемъ сюртукѣ изъ грубаго сукна, желтой жилеткѣ съ серебряной цѣпочкой, и кожаныхъ панталонахъ, онъ имѣлъ видъ простаго мужика; знакомъ королевскаго достоинства ему служила старая англійская голубая военная фуражка съ поблекшимъ и вытершимся золотымъ галуномъ.

— Радуюсь, что могу быть полезнымъ храбрымъ англійскимъ морякамъ, произнесъ онъ съ прямодушою искренностью, — вы для меня — дорогие гости! тутъ мы живемъ въ простотѣ, не такъ, какъ люди — въ великомъ свѣтѣ, вокругъ насъ; вамъ придется довольствоваться тѣмъ, что мы имѣемъ; вы, вѣдь, не американскіе китобои, которые, пользуясь нашей беззащитностью, обходились съ нами очень дурно; такъ идете же, во Имя Божье, въ нашу деревню! Сусанна, милая дочь, бѣги впередъ! наши гости голодны, позаботься, чтобы для нихъ какъ можно скорѣе была приготовлена горячая пища!

Сусанна была прелестная молодая дѣвушка, едва достигшая восемнадцатилѣтняго возраста.

Повинуясь приказанію отца, она порхнула на крутую, скалистую тропинку, ведущую внутрь острова. Медленно послѣдовали остальные; молодые силачи островитяне заботливо и осторожно поддерживали своихъ утомленныхъ гостей. Такъ дошли они, чрезъ добрыхъ полчаса, до деревни, расположившейся въ глубинѣ огромнаго потухшаго кратера, за высокою стѣной скалъ, защищавшихъ ее отъ южныхъ урагановъ. Островъ Тристанъ д'Акунья — вулканическаго происхожденія.

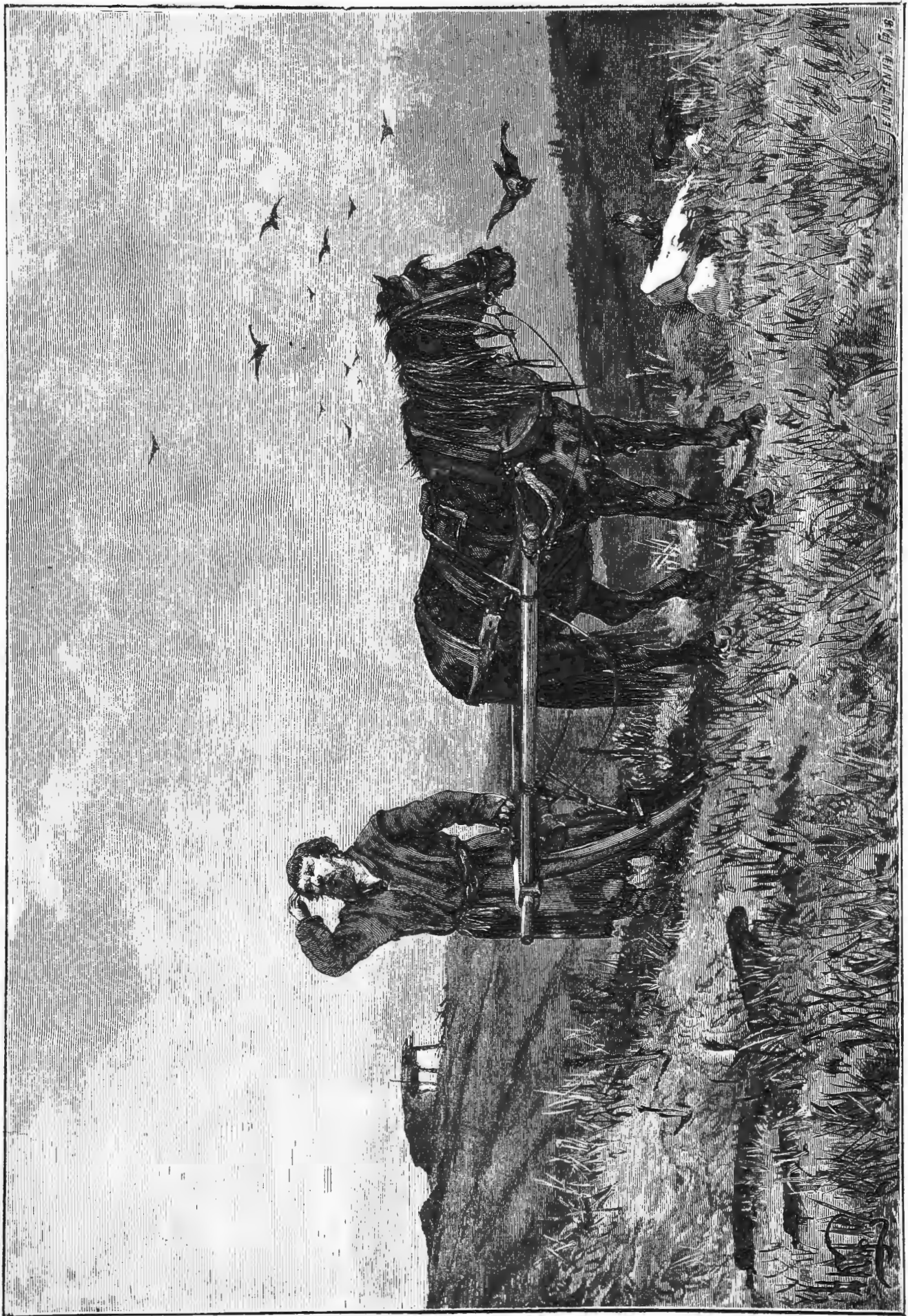
Домики, хотя и были невелики и неказисты, но внутри отличались опрятностью и уютностью. Самый большой, выстроенный изъ толстыхъ балоковъ и обшитый прочнымъ тесомъ, вмѣщалъ въ себѣ церковь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, залу совѣта. Первымъ колонистамъ, въ ихъ постройкахъ, не мало помогъ барачъ

Вещи, найденныя при раскопкахъ въ Десятинной церкви близъ Кіева.

Съ натуры рис. В. Суслевъ, грав. М. Рапшевскій.

- 1) Бронзій колокольчъ фрагментъ. Св. Владиміра. 2) Осколокъ фрески. 3) и 4) Надгробокъ на южной стѣнѣ Десятинной церкви. 5) Останки въ гробницѣ Св. Олгичи. 6) Останки въ гробницѣ Св. Владиміра. 7) Видъ стѣнной стороны церкви.
- 8) Гробица. 9) Гробица Св. князя Владиміра. 10) Планъ выдочинной церкви.

Первая борозда. Ориг. рис. П. Н. Карзина, грав. О. Гельштейнъ.

ный матерьялъ, оставленный англичанами въ 1821 г. Плодоносны сады, тучныя пажити и роскошныя по своей растительности дуга, со всѣхъ сторонъ, окружали мирныя хижины колонистовъ; около видѣлись цѣлыя стаи домашней птицы, стада свиней, а на отлогостяхъ—стада козъ; сады изобиловали фруктовыми деревьями и кустами, поля—маисомъ, пшеницей, картофелемъ, капустой, морковью и т. д.; во многихъ мѣстахъ высилась скирды только что сжатого хлѣба.

Къ сѣверу скалы громоздились до страшной вышины; на высшихъ пунктахъ кое-гдѣ бѣлѣлъ снѣгъ.

— Какъ хорошо тутъ въ долинѣ, такъ тихо и мирно, и какъ величественны эти скалы вокругъ! воскликнулъ молодой нѣмецъ,—право, товарищи, я бы охотно поселился здѣсь.

— А, повидимому, у насъ вамъ больше нравится, нежели на томъ негостеприимномъ рифѣ съ перспективой голодной смерти,—сказалъ Глассъ, со смѣхомъ;—однако, съ теченіемъ времени, если вамъ придется побыть на островѣ подольше—наша однообразная жизнь покажется вамъ нестерпимо-скучной; у насъ ужъ былъ тутъ одинъ молодой морякъ; вначалѣ ему очень пришелся по нраву нашъ образъ жизни, онъ желалъ и жить, и умереть среди насъ, а затѣмъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ воспользовался первою же возможностью, чтобы оставить островъ.

— Глупъ же онъ, что промѣнялъ этотъ земной рай на корабельную палубу.

— Кто знаетъ—скажете ли вы это еще чрезъ какихъ-нибудь три мѣсяца. И не всегда у насъ такъ тихо и мирно, какъ кажется нынче. Когда, съ тѣхъ высотъ, съ которыхъ мы замѣтили васъ—намъ случается издали увидѣть американскаго китолова, то мы прѣчемъ въ горахъ, въ одной скрытой среди скалъ пещерѣ, нашихъ женъ, дѣтей, наши вещи и скотъ. Ну, войдите же къ намъ, угостимъ тѣмъ Богъ послалъ.

Они вошли во дворецъ короля Гласса, т. е. въ немного болѣе обширную хижину, гдѣ хорошенькая Сусанна привѣтливо и ласково предложила имъ утолить голодъ и жажду; она хозяйничала въ домѣ отца, такъ какъ ея сестры вышли замужъ за молодыхъ островитянъ, а мать незадолго предъ тѣмъ умерла; деревянные стулья, скамьи и столы составляли всю мебельровку довольно просторной комнаты; на стѣнѣ висѣли погреты Наполеона и Веллингтона, а между ними — картина, изображающая военный корабль; остальное украшеніе заключалось въ двухъ старыхъ муккетахъ, подозрннй трубѣ и ручной гармоникѣ.

Закуска, поданная проголодавшимся гостямъ, отличалась изобиліемъ. Съ наслажденіемъ ѣли они теперь, послѣ всѣхъ испытанныхъ лишеній, и сочное мясо, и рѣдчайшую зелень, и вкусныя плоды; а нѣсколько стаканчиковъ доброй можжевеловой водки подъ конецъ совѣмъ развеселили ихъ.

Затѣмъ имъ была отведена особая хижина, гдѣ они устроились съ возможнымъ удобствомъ и залегли спать.

Слѣдующій день было Воскресенье, которое колонисты всегда посвящали молитвѣ и отдохновенію.

Гости приняли участіе въ богослуженіи, отправлявшемся тѣмъ же королемъ Глассомъ въ деревянной церкви; сначала онъ прочелъ собравшейся и благоговѣнно внимавшей общинѣ главу изъ Ветхаго Завета, послѣ чего всѣ пропѣли псаломъ; засимъ король Глассъ, прочитавъ главу изъ Новаго Завета, произнесъ длинную молитву, въ которой, между прочимъ, возносилось благодареніе за спасеніе плетерыхъ матросовъ „Геркулеса“; пропѣтый всѣми гимнъ закончилъ торжество. Богослуженіе глубоко взволновало души моряковъ; кромѣ воскреснаго религіознаго торжества, на о-вѣ Тристанъ д'Акунья нельзя было найти почти никакой иной духовной пищи; вся колонія обладала только четырьмя книгами,—Библией, книгой, содержавшей въ себѣ молитвы и псалмы, катехизисомъ для обученія дѣтей, и экземпляромъ исторіи Наполеона. Въ своемъ отчужденіи отъ остальнаго свѣта, жители Тристана д'Акунья нисколько не забогались о томъ, что происходило внѣ ихъ острова; король Глассъ, по временамъ, вспоминалъ о своихъ походахъ и, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ году повторялъ, во всѣхъ подробностяхъ, рассказъ объ участіи, которое принималъ въ Ватерлооскомъ сраженіи, не смотря на то, что, рассказъ этотъ всякій разъ выслушивался съ новымъ интересомъ. Для островитянъ существовало только три великихъ мужа, а именно—Наполеонъ, Веллингтонъ и ихъ повелитель, король Глассъ. Ко всѣмъ прочимъ историческимъ лицамъ они были вполнѣ равнодушны. Гости, выразившіе желаніе зарабатывать свой хлѣбъ, приняли участіе въ трудахъ населенія острова, помогая, какъ только умѣли и могли, и въ полѣ, и на рыбной ловлѣ.

Однако, понемногу, тихая жизнь острова начала становиться имъ въ тягость; не всѣмъ, впрочемъ, одному изъ нихъ она пришла по вкусу; но остальные часто глядѣли въ даль, съ страстнымъ желаніемъ увидѣть корабль, который отвезъ бы ихъ съ острова куда нибудь,—все равно куда бы ни было. Тотъ, кому островъ понравился до такой степени, что онъ не хотѣлъ уже оставлять его, былъ никто иной, какъ матросъ-нѣмецъ—Фридрихъ Мевесъ; онъ былъ сирота и никто не ждалъ его, не заботился о немъ на родинѣ, а тутъ, на Тристанѣ д'Акунья, любовь закралась въ его сердце; онъ слишкомъ заглядѣлся на голубые глаза Сусанны; молодая дѣвушка отвѣчала ему и „дядя“ Глассъ, не смотря на свое королевское до-

стоинство, выказывалъ готовность принять въ зятя прибывшаго къ нимъ совершеннымъ бѣднякомъ. На островѣ, при сватствѣ, не спрашивали о состояніи; вслѣдъ легко могъ накормить семью трудами своихъ рукъ въ плодосной долинѣ. Вскорѣ, съ помощью друиныхъ, была выстроена новая хижина въ слухавыхъ участкахъ поля. Приданое Сусанны было уже готово и скоро отпраздновали свадьбу.

Дядя Глассъ торжественно соединилъ молодую пару въ первыи по простому шотландскому обряду, обычному на островѣ.

Немного времени спустя у острова появился и бросилъ якорь голландскій корабль, содержавшій рейсы между Голландіей и Индіей; противный вѣтеръ отбросилъ его далеко съ его рейса и онъ зашелъ на Тристанъ д'Акунья, чтобы запастись свѣжей водой. Честныхъ голландцевъ нечего было бояться, ихъ приняли очень дружелюбно и снабдили не только водой, но и свѣжимъ мясомъ, зеленью и плодами, за что они, въ обмѣнъ, дали островитянамъ много изъ того, въ чемъ тѣ нуждались для своего обихода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, капитанъ охотно согласился доставить главнаго штурмана и троихъ англійскихъ матросовъ въ Батавію, гдѣ они нашли бы и англійское судно. Глубоко былъ растроганъ Мевесъ, разставаясь навсегда съ своими товарищами; кто зналъ—какія еще несчастія могли ихъ ожидать среди обманчивыхъ волнъ океана? тогда какъ онъ, оставшійся тутъ, нашелъ себѣ спокойное существованіе и счастье около Сусанны! Протекло еще полгода въ мирной, трудовой жизни островитянъ. Но, вотъ, однажды, береговая стража увѣдомила о приближеніи другаго корабля, въ которомъ тотчасъ же было узнано большое американское китобойное судно. Колонисты приняли свои обычныя, въ подобныхъ случаяхъ, мѣры предосторожности: женщины, дѣти, лучшія вещи, а также скотъ и даже стада быстроногихъ козъ были поспѣшно переправлены въ горы и спрятаны въ пещерахъ.

Въ долинѣ остались только король Глассъ, нѣсколько пожилыхъ мужчинъ и Мевесъ.

Судно остановилось, бросивъ якорь метрахъ въ двухстахъ отъ берега, къ которому вскорѣ затѣмъ причалили двѣ китобойныя лодки, вмѣщавшія въ себѣ довольно внушительное количество народа. Пять или шесть колонистовъ, оставшихся въ деревнѣ, пошли къ нимъ навстрѣчу.

— Кто изъ васъ король Глассъ? грубымъ голосомъ спросилъ худосочавый мужчина, въ эту минуту вскочившій изъ лодки на песокъ.

— Я—король Глассъ, отвѣчали ему,—а вы кто?

— Капитанъ „Бетси-Джэвѣ“,—Голкинсъ, китоловъ изъ Нью-Бедфордъ, въ Массачуссетсѣ.

— А что вамъ угодно тутъ?

— Прѣсной воды и свѣстныхъ припасовъ.

— Мы дадимъ вамъ что вамъ надо.

— Мнѣ надо тоже и людей; у меня недавно на ловѣ погибла лодка съ восемью человѣками.

— Этмиъ я не могу служить вамъ, капитанъ; теперь на островѣ нѣтъ матросовъ; съ полгода тому назадъ было ихъ нѣсколько, но одинъ корабль, шедшій въ Индію, отвезъ ихъ въ Батавію.

— Гм... но у васъ, вѣдь, есть молодежь на островѣ; вотъ, наиримѣръ, ужъ одинъ.

И капитанъ указалъ на Мевеса.

— Это мой зять.

— Ну такъ что-жъ изъ того; онъ, вѣроятно, съ охотой согласится совершить двухгодное плаванье съ нами, но, я думаю, что у васъ найдется для меня и еще нѣсколько молодыхъ людей.

— Вы ошибаетесь, капитанъ, я вовсе не желаю поступить на ваше судно.

— Мы еще объ этомъ поговоримъ, буркнулъ янки съ злобой усмѣшкой и бросивъ значительный взглядъ на явившійся съ нимъ сбродъ;—а вы, ребята, сказалъ онъ имъ,—приготовьтесь тащить на корабль воду и картофель; что у васъ еще найдется хорошаго, старый Глассъ?

— Различная зелень, паски.

— Не можете ли намъ уступить нѣсколько штукъ свиней?

— Если залотите что слѣдуетъ...

— Понятно; цѣну, которая стоитъ на Каштадтскомъ рынкѣ,—довольны?

— Да; какъ долго пробудете здѣсь?

— Всего нѣсколько часовъ.

— Постарайся доставить намъ что нужно.

Глассъ велѣлъ достать изъ запасныхъ магазиновъ продукты, которые капитанъ янки пожелалъ купить, и, кромѣ того, распорядился, чтобы изъ ихъ тайника пригнали нѣсколько жирныхъ свиней; тѣмъ временемъ нѣкоторые изъ матросовъ Голкинса наполняли въ источникѣ свои боченки свѣжей водой; лодки сновали между кораблемъ и берегомъ, отвозя на первый все закупленное американцами, и къ пяти часамъ дня все было кончено; Голкинсъ расхитился честно.

— Ну, старый Глассъ, сказалъ онъ затѣмъ,—вы, вѣдь, можете мнѣ дать шестерыхъ сильныхъ молодыхъ; я вамъ охотно вылачу нѣсколько долларовъ премии, если вы добровольно...

— Нѣтъ, капитанъ, это невозможно.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ придется употребить силу; ваша

власть тутъ незаконна, потому что островъ въ началѣ принадлежалъ Америкѣ.

— Неправда.

— Ионаанъ Ламбертъ изъ Балтимора прежде завладѣлъ островомъ.

— Но онъ тогда же и отказался отъ владѣнія имъ.

— Все равно! подъ покровительствомъ достославнаго звѣзднаго знамени, я долженъ здѣсь, на американской территоріи, совершить маленькое насилие; сначала мы заберемъ съ собой вашего красиваго вятя, а потомъ захватимъ еще пятерыхъ другихъ.

— Это безчестный захватъ людей въ рабство! воскликнулъ Глассъ.

— Берегитесь прибѣгать къ насилию, капитанъ! крикнулъ, въ свою очередь, Мевесъ, вытаскивъ ножъ изъ-за пояса.

— Пустяки! гайда, ребята, берите молодца и свяжите-ка его покрѣпче, если онъ станетъ противиться!

— Урра! заревѣли китоловы, бросаясь на Мевеса, но въ ту же минуту на морѣ прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ.

— Что за чортъ? буркнулъ въ недоумѣніи Гопкинсъ.

Глаза всѣхъ обратились къ морю.

Тамъ показался англійскій фрегатъ, быстро подходившій къ острову.

— Вотъ помощь, какъ разъ кстати! радостно воскликнулъ король Глассъ,—какъ шотландецъ и бывшій англійскій солдатъ, я ставлю себя и островъ подъ защиту англійскаго фрегата! Вивать въ честь старой Англій! Да благословитъ ее Богъ!

Ну-ка, капитанъ Гопкинсъ, попробуйте теперь намъ чтонибудь сдѣлать!

— Капитанъ, проговорилъ тихо на ухо Гопкинсу одинъ изъ его гарпунщиковъ,—по моему, лучше не трогать этихъ людей, а то фрегатъ намъ надѣлаетъ чертовскихъ неприятностей; я имѣю большое уваженіе къ англійской морской націи!

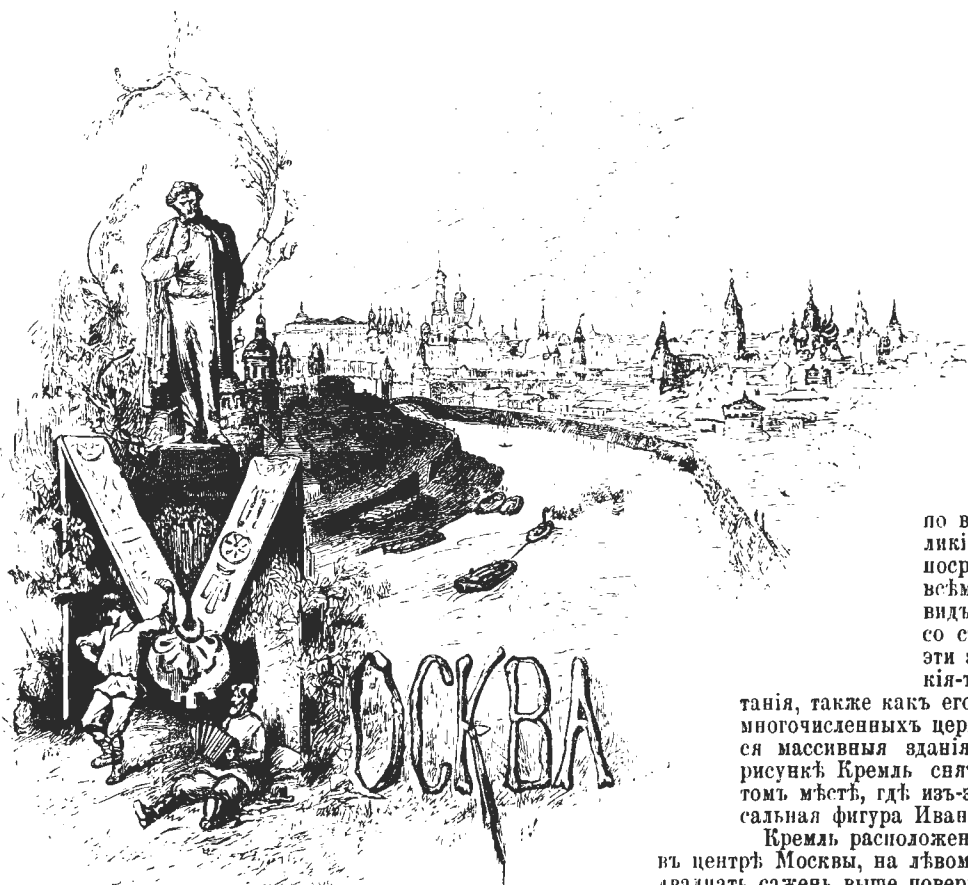
Гопкинсъ не могъ не согласиться съ мнѣніемъ гарпунщика.

— Отпустите этого человѣка! приказалъ онъ съ ругательствомъ,—здѣсь намъ больше незначѣмъ оставаться; живо на бортъ! я не желаю имѣть какихъ либо недоразумѣній съ этимъ проклятымъ фрегатомъ.

Лодки быстро отплыли къ кораблю; четверть часа спустя якорь былъ поднятъ и китоловъ, распустивъ паруса, прошелъ мимо фрегата, которому отсалютовалъ флагомъ; негодяй больше не показывался у Тристана д'Акуни.

Фрегатъ же, какъ оказалось, былъ отправленъ англійскимъ адмиралтействомъ для производства возможно точныхъ изслѣдованій южной части Атлантическаго океана, а потому и везъ съ собой нѣсколькихъ ученыхъ. Въ гавани Тристана д'Акуни они пробыли недѣлю, въ теченіе которой осмотрѣли островъ и лежащія къ сѣверу отъ него опасныя рифы.

За этотъ годъ населеніе увеличилось до ста душъ, такъ что съ тѣхъ поръ оно могло бы уже противопоставить американцамъ, въ случаѣ ихъ нападенія, энергическій отпоръ; однако островитянамъ не приходилось болѣе испытывать серьезной опасности и они продолжали счастливо и спокойно жить на прекрасномъ, уединенномъ островѣ.

Видъ Москвы и памятникъ Пушкину.

Москва.

(Рис. на стр. 471, 472, 473 и 474).

Великое народное торжество — священное коронованіе Государя Императора, придаетъ теперь Москвѣ необычайный блескъ и необычайное значеніе. Можно сказать безъ преувеличенія, что теперь въ Москвѣ — вся Россія, что здѣсь бьется пульсъ нашей народной жизни и что къ ней устремляются помыслы всякаго русскаго человѣка, которому, по какимъ либо обстоятельствамъ, не привелось присутствовать при великомъ торжествѣ нашего Царя; не привелось привѣтствовать его на историческя знаменитой Красной площади и помолиться по слѣдамъ Вѣвченосца безчисленнымъ святынямъ Кремля. Повторяемъ, Москва теперь блика сердцу каждаго и потому мы считаемъ вполне умѣстнымъ помѣстить въ настоящемъ номерѣ

нѣсколько весьма эффектно и художественно исполненныхъ видовъ нашей первопрестольной столицы, дающихъ наглядное понятіе, что она дѣйствительно — одинъ изъ живописнѣйшихъ городовъ, въ которомъ на каждомъ шагу можно встрѣтить предметы, достойные кисти художника. Особенно хороша общія панорама Москвы съ Воробьевыхъ горъ, или съ Москвы-рѣки; какъ съ того, такъ и съ другаго пункта передъ вами открывается необъятная масса самыхъ разнообразныхъ построекъ, какъ грандіозныхъ и массивныхъ, такъ и мелкихъ, утопающихъ въ зелени садовъ; множество куполовъ и башенокъ мелькаетъ передъ вами по всѣмъ направленіямъ, а Иванъ Великій, какъ гордый колоссъ стоитъ посреди и какъ бы господствуетъ надъ всѣмъ городомъ. Особенно хороша видъ Кремля, когда смотришь на него со стороны Москвы-рѣки, откуда всѣ эти зубчатая стѣны представляютъ какія-то фантастическія, громадныя очертанія, также какъ его башни и блестящіе купола его многочисленныхъ церквей, среди которыхъ выдѣляются массивныя зданія дворца и Сената. На нашемъ рисункѣ Кремль снятъ именно съ этого пункта: въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ-за его стѣны поднимается колоссальная фигура Ивана Великаго.

Кремль расположенъ неправильнымъ треугольникомъ, въ центрѣ Москвы, на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, на горѣ, двадцать сажень выше поверхности воды, и имѣетъ въ окружности болѣе двухъ верстъ. Въ древности онъ назывался *дѣтин-целью*; впоследствии же въ Кремлѣ, кромѣ царскаго двора, жили родственники царя, высшее духовенство, немногіе бояре и придворные. Вообще можно сказать, что въ старину въ Кремлѣ было мѣсто лишь для храмовъ Божьихъ и Царя; прочій же людъ, необходимый для потребностей двора, селился въ предмѣстьяхъ Кремля, гдѣ такимъ образомъ возникли урочища Серебряники, Котельники, Столешники, Кречетники, Хамовники и другія, которыя ясно показывали на зачатія и общественное положеніе ихъ жителей.

Первоначально Кремль былъ обнесенъ деревянною стѣною и землянымъ валомъ или насыпью съ бойницами, но въ 1367 г. В. К. Дмитрій Ивановичъ заложилъ каменный городъ съ желѣзными воротами, которыя и выдерживали осады Татаръ и Литовцевъ. При Іоаннѣ III они значительно обветшали и Царь, вызвавъ итальянскихъ зодчихъ, повелѣлъ кирпичныя стрѣльницы или башни, соединенныя со стѣною. Къ югу Кремль былъ защищенъ Москвою-рѣкою, къ западу и къ сѣверу — рѣкою Неглинною, а къ востоку — искусственнымъ широкимъ ровомъ. Въ Кремлѣ теперь три обширныя площади: Императорская, Царская и Сенатская, на которыхъ воздвигнуты, особенно въ послѣднее время, нѣсколько массивныхъ, грандіозныхъ зданій и

между прочимъ зданіа новаго дворца и Сената. При самомъ входѣ въ Кремль, стоитъ Вознесенскій дѣвичій монастырь, основанный въ 1389 г. Монастырь этотъ, замѣчательный своей архитектурой, богатъ, кромѣ того, историческими воспоминаніями: въ немъ покоится прахъ всѣхъ почти московскихъ Великихъ Князей, Царей и Царевенъ со времени Евдокии, супруги Дмитрія Донскаго, основательницы монастыря, вплоть до XVIII столѣтія.

Рядомъ съ Вознесенскимъ монастыремъ, на углу, высятся зданіе новой архитектуры — это бывший архіерейскій домъ, построенный митрополитомъ Платономъ. До постройки Кремлевскаго дворца здѣсь обыкновенно жила Императорская фамилія и здѣсь же родился въ Божѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ. Этотъ дворецъ называется Николаевскимъ. Возлѣ него находится Чудовъ мужской монастырь, построенный во имя св. Архистратига Михаила, гдѣ въ богатой серебряной ракѣ покоятся мощи Святителя Алексѣя. Здѣсь же неподалеку высятся колоссъ Москвы — колокольня Ивана Вели-

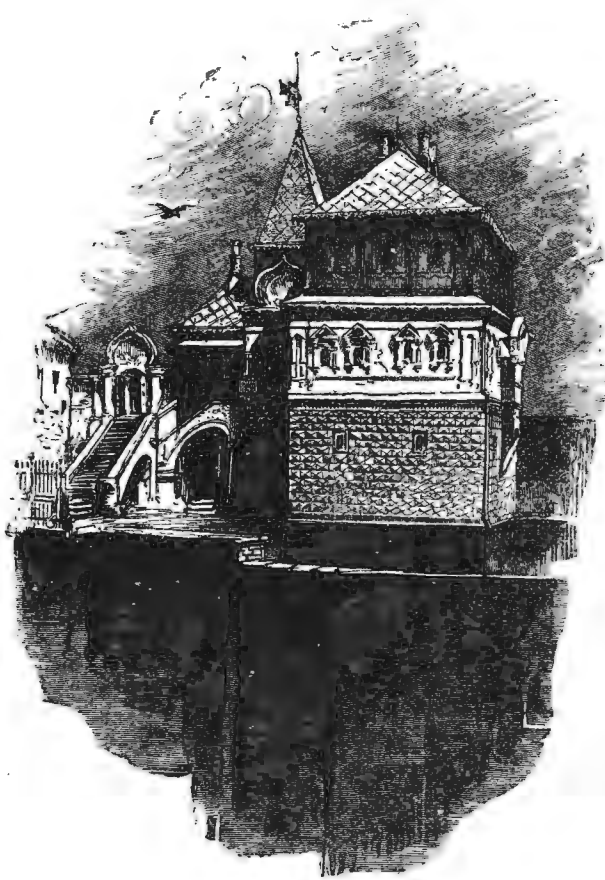
около ея небольшой церкви во имя Иоанна Списателя Лествицы, сооруженной въ княженіе Иоанна Даниловича. Подлѣ Ивана Великаго, на громадномъ каменномъ постаментѣ, покоится Царь-колоколь, безъ сомнѣнія громаднѣйшій колоколь во

всемъ свѣтѣ. Западнй фасадъ Ивановской колокольни выходитъ на площадь, на которой красуются соборы: Успенскій, построенный въ 1326 — одна изъ самыхъ драгоценныхъ московскихъ святынь; Архангельскій, получившій начало въ 1333 году, при Иоаннѣ Калитѣ, и Благовѣщенскій, построенный въ 1397 г. Противъ сѣверной стороны этого собора, Патриархъ Никонъ соорудилъ новую Крестовую палату, и это зданіе, гдѣ сначала помѣщался патриаршій дворъ, по упраздненіи патриаршества, было занято подъ помѣщеніе синода, мурованной палаты, патриаршей ризницы и библиотеки. Здѣсь же высятся другая массивная постройка и между прочимъ Крем-

левскій дворецъ, оконченный въ 1849 году, внутренность котораго поражаетъ своимъ блескомъ и роскошью. На Сенатской площади Кремля помѣщаются: арсеналъ, основанный Петромъ

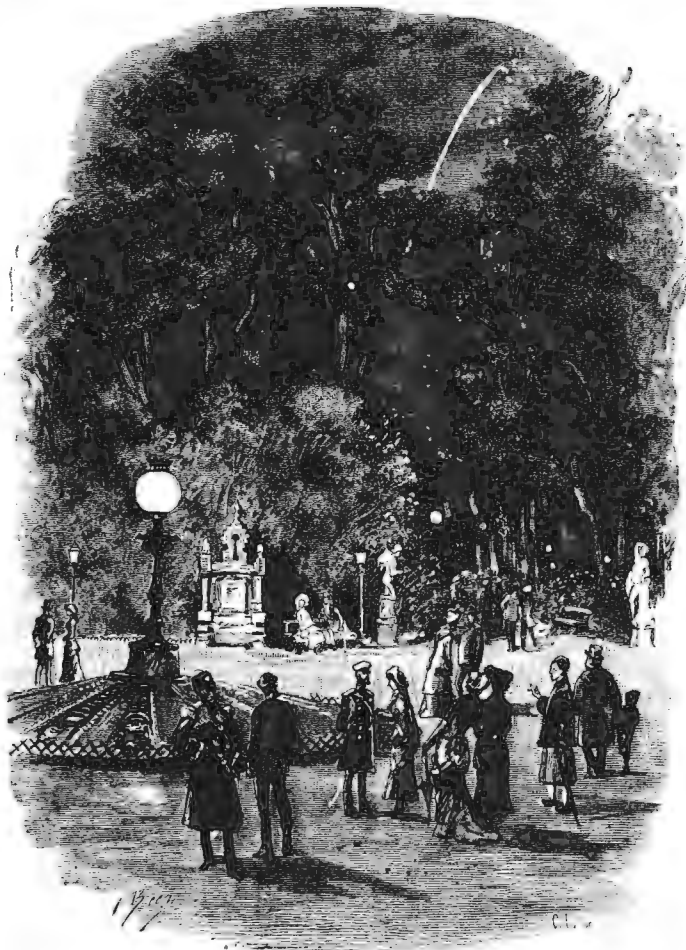

Москва. По Тверской улицѣ. Въ дилижансѣ.

Москва. Домъ бояръ Романовыхъ.

каго, принадлежащая тремъ кремлевскимъ соборамъ; она построена Борисомъ Годуновымъ въ 1600 году, чтобы дать занятіе народу во время свирѣпствовавшего тогда голода. Названіе Ивановской эта колокольня получила отъ существующей

Москва. Садъ „Зрмиташъ“.

Великимъ въ 1701 г., Сенатъ, возникшій при Екатеринѣ II, и Оружейная палата, гдѣ хранятся различныя рѣдкости глубокой нашей старины. Передъ арсеналомъ красуется — Царь-пушка. Выходя изъ Кремля въ Спасскія ворота, мы вступаемъ на

знаменитую Красную площадь, обширнѣйшую изъ площадей московскихъ. Здѣсь прежде всего поражаетъ насъ своей оригинальной и вмѣстѣ живописной архитектурой соборъ Василия Блаженнаго и красивый памятникъ Минину и Пожарскому.

Около самаго Кремля раскинутъ тѣнистый, такъ называемый Кремлевскій или Александровскій садъ, на мѣстѣ грязнаго оврага, куда во время оно сваливали разныя нечистоты и гдѣ протекала болотистая рѣчка Неглинная. Этотъ садъ устроенъ въ 1831 году; онъ прекрасно распланированъ, украшенъ

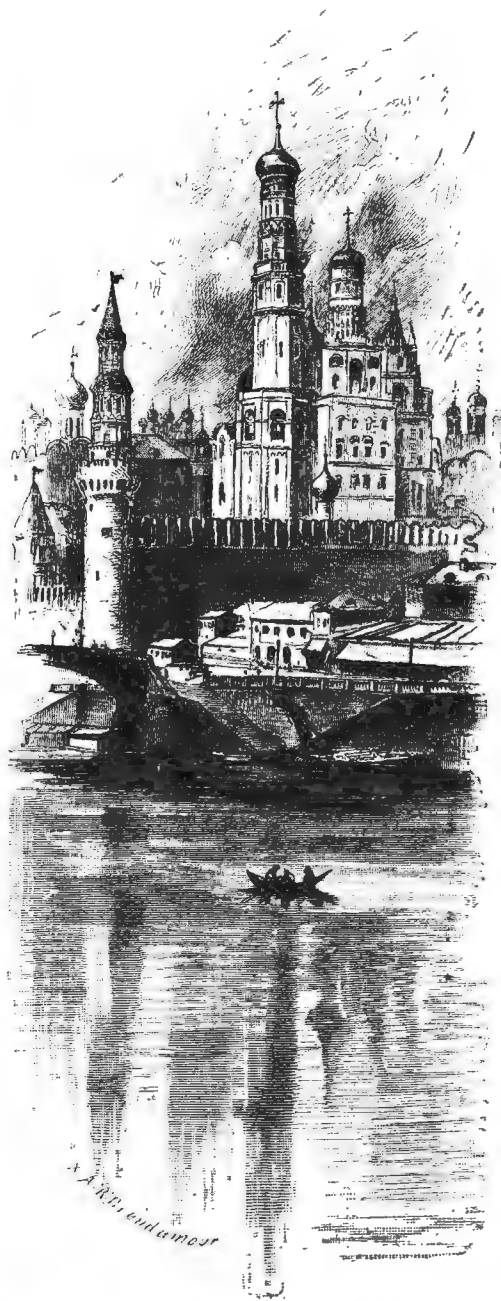
дается изъ нихъ домъ Московскаго генералъ-губернатора, домъ княгини Шаховской, княгини Бѣлосельской-Бѣловсерской, Савинское подворье и Англійскій клубъ. Тверская улица заканчивается прекрасными триумфальными воротами, сооруженными въ память подвиговъ Императора Александра I, въ знаменитую эпоху 1812 года. Другой бульваръ, изображенный у насъ въ числѣ видовъ Москвы—это Петровскій—небольшой, но очень живописный; къ нему примыкаетъ любимое мѣсто обѣдовъ москвичей—ресторанъ Эрмитажъ; роскошь и оригинальность отдѣлки отличаютъ его. Такихъ ресторановъ нѣтъ въ Петербургѣ.

Какъ на одну изъ живописныхъ мѣстностей Москвы—нельзя не указать на площадь Лубянку, на которую выходятъ изящныя ворота въ древне-русскомъ вкусѣ и около нихъ красивая башня. Название „Лубянка“ существуетъ очень ве-

Москва. Ресторанъ Александровскаго сада близъ Кремля.

роскошною зеленью и въ теплые лѣтние вечера, когда надъ нимъ стоятъ таинственныя тѣни башенъ и стѣнъ Кремля, онъ дѣйствительно производитъ обаятельное впечатлѣнiе. Вообще Москва богата зеленью; кромѣ большаго числа частныхъ садовъ, здѣсь встрѣчаются прекрасныя бульвары, основанныя въ концѣ XVIII вѣка и примыкающіе къ самымъ лучшимъ и люднымъ улицамъ. Такъ пройдя Тверской бульваръ, вы вступаете на Тверскую улицу, бесспорно самую роскошную въ нашей первопрестольной столицѣ. Она идетъ отъ Воскресенскихъ воротъ, т. е. почти отъ центра Москвы до самой Тверской заставы. Здѣсь по обѣимъ сторонамъ изящныя каменныя зданія составляютъ почти сплошную массу; но особенно вы-

Москва. Видъ Кремля и Ивана Великаго съ Москвы-рѣки.

давно; прежде на Лубянской площади отдавались отъ города мѣста для торговли овощами, фруктами въ лубянныхъ шалашахъ; потомъ эти шалаша замѣнились деревянными лавочками. На Лубянской же площади, при входѣ въ Мясницкую улицу, на правой сторонѣ возвышается древняя одноглавая церковь во имя Гребенской Божіей Матери, сооруженная при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III. Чудотворная икона привлекаетъ здѣсь постоянно массу богомольцевъ. Образъ этотъ былъ поднесенъ жителями городка Гребня, существовававшаго около Дона, Великому Князю Димитрію Донскому.

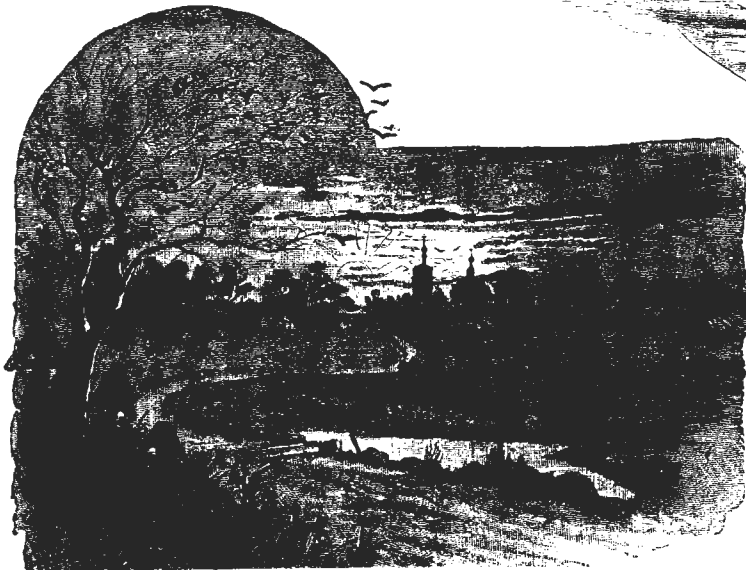
Посѣтивъ Китай-городъ и наглядѣвшись на кипучую дѣятельность Гостиного Двора, путешественнику, тутъ же по близости,

подъ Знаменскаго монастыря, предстоить другое наслаждение—полюбоваться реставрированными палатами бояръ Романовых, гдѣ, по преданію, родился родоначальникъ нашего Императорскаго дома — царь Михаилъ Теодоровичъ. Какими были эти палаты въ старину—о томъ не осталось никакихъ свѣдѣній, но реставрація все таки поражаетъ знаніемъ и пониманіемъ нашей старины; зданіе въ высшей степени красиво и эффектно, съ его широкой лѣстницей, украшенной львами, красивой башенькой и гранеобразнымъ украшеніемъ стѣнъ. Внутренняя отдѣлка также очень замѣчательна и, кромѣ того, здѣсь собранъ цѣлый музей старинныхъ вещей, дающій очень точное и наглядное понятіе объ домашней обстановкѣ нашихъ предковъ.

Не можемъ не упомянуть объ разнообразіи и прелести московскихъ окрестностей, въ высшей степени живописныхъ и кромѣ того часто заключающихъ въ себѣ интересныя историческія воспоминанія. Одна изъ такихъ окрестностей изображена на нашемъ рисункѣ. Это село Одинцово — любимое мѣстопробываніе московскихъ дачниковъ. Оно лежитъ недалеко отъ села Покровскаго и въ немъ до сихъ поръ сохранились еще рассказы

Москва. Видъ Петровскаго бульвара.

Москва. Село Одинцово близъ Москвы.

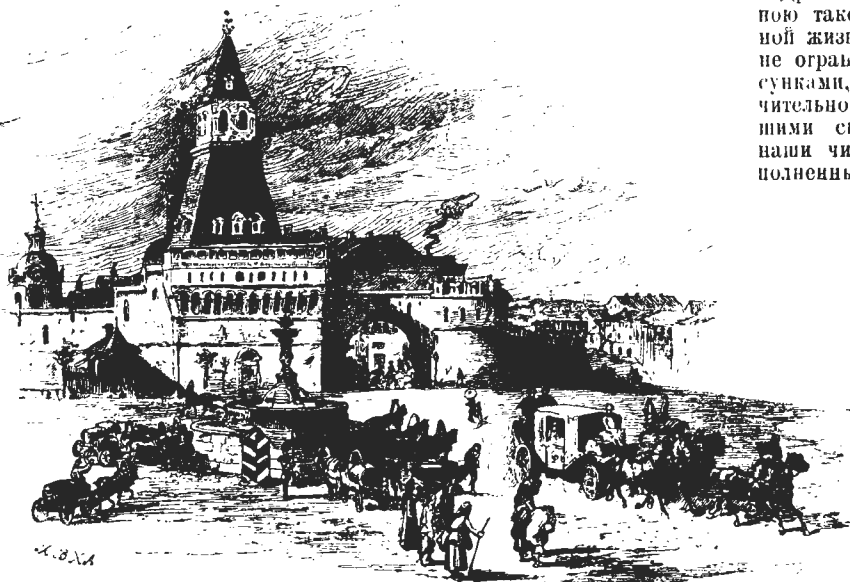
о пребываніи здѣсь кавалеріи Наполеона, выбравшей скромный сельскій храмъ мѣстомъ своего постоя. Какъ видите, обстановка этой московской дачной мѣстности совсѣмъ непохожа на обстановку дачъ петербуржцевъ; здѣсь чисто-русская сельская жизнь и природа; все такъ дышетъ невозмутимымъ покоемъ и все полно свѣжести и патриархальной простоты, невольно увлекающей городского жителя и дающей ему дѣйствительно новыя, какъ физическія, такъ и нравственныя силы.

Приготовленія къ великому торжеству коронаціи, съѣздъ сюда множества народу со всѣхъ концовъ Россіи, слѣшныя, грандіозныя постройки, возводимыя въ разныхъ мѣстахъ Москвы, все это придаетъ московской жизни теперь чрезвычайное оживленіе и разнообразіе. Улицы кишатъ народомъ, прѣѣзжіе стекаются со всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, гостиницы и квартиры полны—и лишь въ такія торжественныя минуты видишь ясно, какъ громадна наша первопрестольная столица.

Древности первопрестольной столицы, ставшей сценою такого важнаго событія нашей государственной жизни, представляютъ высокій интересъ и мы не ограничимся этими, помѣщенными у насъ рисунками, а посреди другихъ, касающихся исключительно торжества коронаціи и исполненныхъ нашими специальными корреспондентами рисунковъ, наши читатели будутъ имѣть рядъ превосходно исполненныхъ политнажей, представляющихъ различныя достопримѣчательности Москвы.

Всѣ, кто будетъ теперь изъ нашихъ подписчиковъ на коронаціи, конечно пожелаютъ оставить себѣ память объ этомъ событіи, и они найдутъ такія воспоминанія въ многочисленныхъ иллюстраціяхъ, которыя мы предложимъ въ богатомъ коронаціонномъ номерѣ, получаемомъ нашими абонентами безплатно и съ избыткомъ замѣняющемъ всякія изданія, выходящія по этому поводу.

Такимъ образомъ, взявъ во вниманіе все, что будетъ нами помѣщено, получается въ этомъ году великолѣпный художественный альбомъ, который навсегда останется напоминаніемъ о Москвѣ, съ именемъ которой соединено столько дорогаго для русскаго сердца.

Москва. Большая Лубянская площадь.

Къ рисункамъ.

Весенніе разливы. Въ устьяхъ Дона.

(Рис. на стр. 460).

Глубокіе снѣга нынѣшней зимы естественно заставляли ожидать и опасаться большихъ весеннихъ разливовъ, которые неизбежны на нашихъ равнинахъ и пашняхъ великихъ рѣкахъ. На югѣ, конечно, рано начались разливы. Уже съ двадцатыхъ чиселъ апрѣля появились телеграммы о разливѣ Дона, который затопилъ всѣ дуга, и о частыхъ тамъ дождяхъ. Эти дожди прекрасный признакъ, ибо сопровождаются всегда обильными урожаями травъ и хлѣбовъ. Киевъ также пострадалъ, между прочимъ, отъ прибыли воды. Погода стояла ясная и теплая, по Днѣпръ грозно подвигался на городъ и, кромѣ предмета Оболонь, затопилъ нѣсколько улицъ и газовый заводъ, недавно построенный на берегу, льсопильный и пивоваренный заводы, мастерскія Общества пароходства и часть Никольской слободки.

Въ устьяхъ Донъ разлился какъ море, этотъ „тихий, синій“ Донъ нашихъ пѣсенъ, о которомъ говоритъ поэтъ:

Блеща среди полей широкихъ
Вотъ онъ летаетъ... Здравствуй Донъ!..
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...

Куда ни глянешь кругомъ—въ необъятномъ просторѣ все вода и вода, и табушь коней (на первомъ планѣ на рисункѣ) съ своими погонщиками, очутился на острову и ждешь возможности перебраться на берегъ.

Дарьяльское ущелье.

(Рис. на стр. 461).

Кавказъ представляетъ, какъ извѣстно, безконечное разнообразіе въ высшей степени живописныхъ мѣстностей; красоты его суровой, дикой природы, его гигантскія горы, ущелья, пропасти—все это такъ и просится на полотно художника, которому при этомъ не нужно прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ эффектамъ, ни къ закату солнца, ни къ лунному освѣщенію, ни къ яркимъ зигзагамъ молніи, ни къ багровому зареву пожара. Эффектъ здѣсь въ самомъ пейзажѣ; въ этихъ скалахъ, набросанныхъ громадными глыбами одна надъ другою; въ этихъ мрачныхъ ущельяхъ и пропастяхъ, куда не проникаетъ никогда лучъ солнца, и въ этихъ горныхъ ручьяхъ, которые свѣтлыми, серебристыми лентами извиляются здѣсь между камнями; то летятъ съ горъ бѣшенымъ потокомъ, то журчатъ тихимъ, чуть замѣтнымъ ручейкомъ. Одинъ изъ такихъ эффектныхъ видовъ Кавказа—это знаменитое Дарьяльское ущелье, представленное на прилагаемой нами картинѣ Рубо. Дарьяльское ущелье находится на границѣ Владикавказскаго округа, у самаго края военно-грузинской дороги, на высотѣ болѣе 4,000 футовъ надъ поверхностью моря. Эта тѣснина, замкнутая угрюмыми, мрачными скалами, служила нѣкогда вратами, чрезъ которыя врывались въ сердце Кавказа разныя хищныя, кочующія племена. Оттого то еще въ глубокой древности, со стороны Грузіи, этотъ проходъ заграждался укрѣпленіями, изъ которыхъ одно было, по преданію, построено 140 лѣтъ до Р. Х., царемъ Мирваномъ, чтобы остановить набѣги Хазаровъ на плодородную Иверію. Эти укрѣпленія потомъ много разъ возобновлялись и даже въ развалинахъ сохранились до нашего времени; теперь они носятъ названіе Дарьяльскаго замка, а народная фантазія прибавила къ ихъ исторіи много легендарнаго и сказочнаго, увѣряя, что здѣсь жила какаля-то грузинская сирена—Дарія, свергавшая съ вершины земли въ пропасти своихъ любовниковъ. Внизу, по ущелью Дарьяла, течетъ Терекъ, который здѣсь, въ своемъ быстромъ стремленіи, ворокаетъ самые громадные камни; по правому берегу Терека пролегаетъ военно-грузинская дорога, извилаясь лентой между безчисленными скалами и пропастями. Происхожденіе слова Дарьяль филологи объясняютъ различно: одни производятъ это слово отъ персидскаго (дѣръ-ала, т. е. дѣръ Алы), другіе же—отъ татарскихъ словъ: дѣръ—узкій и ель—дорога.

Весною.

(Рис. на стр. 465).

Выставлены зпныя рамы, блестятъ промытыя стекла, широко врываестя чудный весенній воздухъ въ душія комнаты, и зимнія заключенницы выходятъ на волю. Съ наслажденіемъ, непонятнымъ для жителей жаркихъ странъ, не любящихъ нашей зимы, вдыхаютъ молодыя дѣвушки благоуханный воздухъ и располагаются на жаркомъ припекѣ въ густой зелени, пестряющей цвѣтами. Онѣ рвутъ эти прелестные цвѣты, составляютъ букеты и вѣнки, которые скоро разольютъ свое благоуханіе по комнатамъ, поставленные на окна въ свѣтлую воду. И какъ старается эта крошка, подбирая свои цвѣточки и участвуя въ общей работѣ!

Десятинная церковь въ Киевѣ.

(Рис. на стр. 468).

Мѣсто, избранное Св. Владиміромъ въ Киевѣ для постройки Десятинной церкви, было ему памятно по мученической смерти двухъ первыхъ христіанъ—варяговъ: Оеодора и Іоанна; изъ нихъ Іоаннъ, сынъ Оеодора, назначенъ былъ по жребію въ жертву Перуну, по отецъ не хотѣлъ выдать сына,—и они вмѣстѣ погибли подъ ударомъ разъяренныхъ язычниковъ. Названіе свое „Десятинной“ церковь получила потому, что Св. Владиміръ назначилъ на поддержаніе ея *десятую часть* своихъ доходовъ.

Просвѣтитель Руси не пожалѣлъ трудовъ и сокровищъ для сооруженія достойнаго храма Господу. Своды и хоры храма поддерживались мраморными колоннами, судя по остаткамъ ихъ капителей; фронтоны были украшены лѣпною работою съ греческою надписью, отъ которой сохранилось нѣсколько разбитыхъ буквъ (фиг. 3 и 4); полъ храма былъ отчасти мозаичный, отчасти изъ кафельныхъ плитъ, стѣны-же были расписаны фресками, остатки которыхъ сохранились. По сооруженіи церкви Св. Владиміръ перенесъ сюда изъ Корсуни мощи Св. Климента и тѣло своей бабки, Св. Ольги, которая, по словамъ лѣтописца, была „первою проповѣдницею непорочная вѣры на Руси, предтечею русскимъ людямъ къ Богу и основаніемъ благочестія“. Ольга скончалась еще въ дни язычества и по собственному желанію была погребена на мѣстѣ Аскольдовой Могилы, откуда въ 1007 году, іюля 11-го, митрополитъ Леонтій торжественно перенесъ ея мощи въ Десятинную церковь и переложилъ въ новую каменную раку. Песторъ свидѣтельствуетъ о нетлѣннхъ видѣньихъ имъ мощей Св. Ольги, а современникъ его, черноризецъ Іаковъ, ясно говоритъ: „честное тѣло перушино пребываетъ въ храмѣ Десятинномъ, въ маломъ каменномъ гробѣ съ небольшимъ наверху оконцемъ, которое отверзалось само собою для всѣхъ притекающихъ съ вѣрою и они видѣли нетлѣнное тѣло блаженной княгини, какъ-бы спящей“. Св. Владиміръ похоронилъ въ этомъ храмѣ и свою супругу, греческую царевну Анну, которая утвердила его на пути спасенія, а вскорѣ и онъ самъ отошелъ на вѣчный покой и погребенъ подъ стѣною той-же церкви; туда перенесли его ночью изъ загородныхъ хоромъ, что на Берестовѣ, гдѣ погигла его кончина. Царственные супруги положены были рядомъ въ мраморныхъ гробницахъ посреди храма, и ихъ видѣлъ польскій лѣтописецъ Дитмаръ въ 1018 году, когда король Болеславъ, на короткое время, овладѣлъ Киевомъ. Сокровища Десятинной церкви были расхищены дважды полчищами Боголюбскаго и Ольговичей, при нашествіи-же Монголовъ они исчезли и самый храмъ почти весь срытъ. Въ такомъ печальномъ видѣ священный развалины оставались въ теченіи четырехъ вѣковъ, пока не явился ихъ обновитель—митрополитъ Петръ Могила, который и возстановилъ все, что было возможно. Киевскій митрополитъ Самуилъ Масловскій (1794 г.), въ описаніи Печерской Лавры, говоритъ: „Петръ Могила имѣлъ обыкновеніе посѣщать Св. храмы каждую субботу и, когда, однажды, пошелъ въ малую церковь Св. Николая, оставшуюся по разореніи Батыемъ Десятинной церкви,—увидѣлъ невдалекѣ небольшую яму. Движимый ревностію къ возстановленію святыни онъ приказалъ глубже разрыть это мѣсто, и тогда найдены были два мраморныхъ гроба, въ которыхъ, по свидѣтельству надписей, лежали останки Св. Владиміра и супруги его царевны Анны“. Вѣроятно, во время осады Монголовъ, гробы эти были засыпаны землею, чтобы скрыть ихъ отъ варваровъ, и на нихъ обрушились стѣны разореннаго храма. Открывъ гробъ Св. Владиміра, Петръ взялъ только честную главу Равноапостольнаго Князя и положилъ ее сперва въ церкви Преображенія, что на Берестовѣ, а потомъ перенесъ въ Лавру. Въ то же время часть останковъ онъ положилъ въ Софійскій соборъ, а часть отпиралъ въ Успенскій соборъ въ Москву. То, что видимо теперь изъ этихъ останковъ, изображено съ натуры на нашемъ рисункѣ (фиг. 5 и 6). Очистивъ отъ обломковъ уцѣлѣвшій юго-западный уголъ Десятинной церкви, митрополитъ Петръ пристроилъ къ нему алтарную часть во имя Рождества Богоматери, на верху-же сдѣлалъ деревянный тѣсный придѣлъ во имя Св. Петра и Павла. Онъ умеръ, не успѣвъ закончить своей мысли, и завѣщалъ на окончаніе построенія тысячу золотыхъ—все, что у него осталось. Рисункъ этой церкви помѣщенъ въ настоящемъ № (фиг. 7 и 10). Спустя болѣе ста лѣтъ, когда уже церковь пришла въ ветхость, ее возобновила монахиня Флоровскаго монастыря, княгиня Долгорукова, урожденная Шереметьева, причемъ были найдены двѣ мраморныя надгробныя доски, зарытыя опять въ землю. При Могилинѣй церкви, хотя и не было придѣла во имя Св. Николая, но вѣстакъ она удержала за собой названіе Десятиннаго Николая по древней иконѣ, которую тамъ чествовали. Церковь эта имѣла въ длину около 7-ми саж., ширину—4 и высоту 8 саж. и къ ней примыкала колокольня; на южной-же стѣнѣ вставлены были надъ окномъ тѣ невѣдомыя буквы, которыя сохранились отъ древней разбитой надписи фронтона. Въ этомъ видѣ церковь оставалась до 1828 г., когда, вмѣсто ея, соору-

или новый храмъ, совершенно непохожій на прежній Десятинный, и этимъ почти совершенно уничтожили первообразъ священныхъ развалинъ. Кіевскій митрополитъ Евгеній, любитель и знатокъ русской старины, открывая фундаментъ древней Десятинной церкви, нашелъ много замѣчательныхъ вещей. По его распоряженію, ихъ бережно складывали, но народъ, толпами стекавшійся къ мѣсту раскопки, разбиралъ разноцвѣтную мозаику, куски мрамора и другія старыя вещи; серебряники оправляли ихъ въ золото и серебро, дѣлали крестики и продавали богомольцамъ. Это вызвало распоряженіе начальства огородить мѣсто раскопокъ высокимъ тыномъ, но несмотря и на это, древности расхищались. Вскорѣ митрополитъ Евгеній былъ вызванъ Св. Синодомъ въ Петербургъ и раскопка продолжалась Лохвицкій и другіе любители старины, но все это дѣлалось торопливо и непостѣдовательно: стараясь найти мелкія вещи, они даже не позаботились отрыть гробы основателя и блаженной Ольги, на что, конечно, должно было обратить первое вниманіе. Грустно подумать, что такіе древніе остатки святыхъ Россіи были такъ недобросовѣстно изслѣдованы. При совершеномъ раскрытіи фундамента, найдено много древнихъ фресокъ (фиг. 2), изъ коихъ замѣчательна одна съ изображеніемъ головы и руки Ангела, — позолоченный и разноцвѣтной мозаики, мѣдныхъ греческихъ и польскихъ монетъ, камень съ буквами Т и Ѡ, нѣсколько крестовъ и перстней, серги, иконные оклады, разбитыя лампады и серебряныя слитки высокой пробы, признанныя за древніе кіевскіе рубли (рис. 8). Замѣчательнѣйшій найденный деревянный крестикъ въ золотой оправѣ на цѣпочкѣ изъ червоннаго золота, вѣроятно, принадлежавшій царевнѣ Аннѣ. Много также открыто гробницъ и гробовыхъ камней. Кромѣ разбитой гробовой крышки изъ бѣлаго мрамора съ женскимъ подлѣ нею остовомъ и золотымъ крестикомъ царевны, открыта еще, къ востоку отъ алтаря, каменная гробница изъ краснаго шифера, связанная желѣзными прутьями и возлѣ ней гробовая доска такого-же шифера (фиг. 9). Въ гробницѣ сохранились кости съ остатками парчевой одежды, золотомъ пуговицей и мужскими башмаками; при остовѣ не было головы и правой руки, — и это можетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ, что здѣсь почивали мощи Св. Владиміра, открытыя передъ тѣмъ за 200 лѣтъ Петромъ Могилою, который отдѣлилъ отъ нихъ главу въ Печерскую лавру, правую-же руку въ Софійскій соборъ. Наконецъ, къ сѣверу отъ церкви и даже внѣ пространства, занимаемаго самою церковью, но у самой стѣны, открыта еще третья гробница изъ краснаго шифера съ изваяніями: пальмъ, крестовъ и цвѣтовъ, подобными тѣмъ, которыя и теперь мы видимъ на каменной рактѣ Ярослава въ Софійскомъ соборѣ. Въ гробницѣ обрѣтенъ сохранившіяся женскія одежды съ парчевымъ покровомъ. Говорятъ даже, что въ первую минуту, пока еще не коснулся воздухъ, — можно было видѣть весь сохранившійся его обликъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это была гробница Св. Ольги, такъ какъ кромѣ княжны Ольги и царевны Анны никто изъ женскихъ лицъ княжескаго дома, по свидѣтельству лѣтописей, не былъ погребенъ въ Десятинной церкви. При постройкѣ новой Десятинной церкви по чертежамъ Стасова, предполагалось оставить безъ сломки двѣ стѣны древняго храма, т. е. юго-западный его уголъ, изъ коихъ на одной сохранилась достопамятная греческая надпись; но, потомъ, нашли, что пристройка новаго зданія къ старому будетъ опасна вслѣдствіе неравномѣрной осадки, — и древнія стѣны, которыя съ такой осторожностью сохранялъ Петръ Могила, были сломаны. Остался только юго-западный уголъ фундамента и подлѣ землею гробъ, въ которомъ сохранились священные остатки равноапостольнаго князя. Гробъ этотъ остался на мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ, и онъ приходится передъ новымъ иконостасомъ придѣла, посвященнаго имени Владиміра, когда въ 1838 году были выведены пять куполовъ новой церкви.

Въ ней хранился теперь древній, поврежденный колоколь изъ Коринтской мѣди (фиг. 1) и много другихъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ. Разбитая-же греческая надпись, выстѣченная на камнѣ, вставлена опять подлѣ окнами южной стѣны.

Первая борозда.

(Рис. на стр. 469).

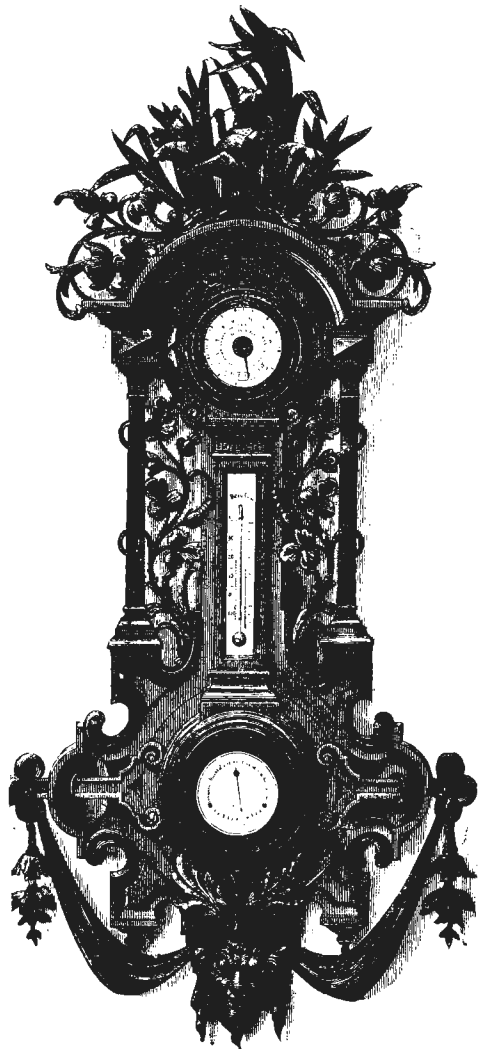
Весна наступила, озимые зазеленѣли, птицы начали свои весеннія пѣсни...

Съ земли снятъ савапъ погребальный,
Съ цвѣтовъ несетъ ароматъ,
Оковы сбросивши, блестятъ
Озера струйкою зеркальной;
Согрѣта солнныкомъ земля...
Благословясь идетъ оратай
Въ свои родимыя поля...

Онъ устанавливаетъ соху, серьезно и заботливо осматриваетъ поле, сряжаетъ свою сивку, становится у края поля, врѣзываетъ сошникъ въ черную рыхлую землю, подымаетъ взоры къ синему свѣтлому весеннему небу и благоговѣнно кладетъ крестное знаменіе: „Благослови, Господи, первую бороздку вести!“

Воздухоиспытатель.

Всякому заботящемуся о своемъ здоровьи можно рекомендовать новозобрѣтенный воздухоиспытатель Лудовика Генричи въ Цвикау, а также его-же воздухоиспытатель, рисунокъ и описаніе котораго помѣщены въ № 9 „Нивы.“

Воздухоиспытатель.

Гигіена и сохраненіе здоровья съ давнихъ временъ были предметомъ заботливости правительствъ. Уже древніе Египтяне издавали законы, касающіеся санитарныхъ правилъ, а цивилизованные народы постоянно заботятся объ общественномъ здоровьи. Въ послѣднее время германское правительство обратило особенное вниманіе на разныя мѣры, обезпечивающія здоровье гражданъ: изданы постановленія, касающіяся здоровыхъ жилищъ и здоровой пищи, устроены общественныя купальни и гимнастическія заведенія, цѣлесообразныя больницы и пр., а во время эпидемій принимаются энергическія мѣры для скорѣйшаго прекращенія и устраненія опасности. Точно также, помимо правительства, благотворительныя общества и разныя корпораціи для подаванія помощи озаботились устройствомъ многихъ больницъ и пріютовъ, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей.

Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ скопляется много народа, нужно стараться, чтобы воздухъ былъ чистъ и здоровъ. Съ этой цѣлью устраиваютъ вентиляторы. Но изъ воздуха недостаточно устранить только дурные газы, важно еще, чтобы воздухъ, которымъ дышать, содержалъ достаточное количество влаги, которой должно быть 50%. Узнать же количество заключающейся въ воздухѣ влаги очень легко воздухоиспытателемъ, который дѣйствуетъ также, какъ и обыкновенный термометръ. Употребленіе его очень просто: слѣдуетъ смотрѣть на число, которое обозначаетъ указатель.

Такіе патентованные воздухоиспытатели необходимы въ школахъ, больницахъ, вообще въ зданіяхъ, гдѣ скоплется много людей. Въ Петербургѣ воздухоиспытатели продаются въ магазинѣ Гицля, по Невскому проспекту, д. № 54.

Политическое обозрѣніе.

Князь Болгарскій въ Цетинья.—Италія.—Англичане въ Африкѣ.—Турція.

Черногорія привѣтствовала недавно высокаго и желаннаго гостя—въ Цетинью пріѣзжалъ князь Болгарскій. Его, конечно, ожидалъ самый теплый и радушный пріемъ. Въ Каттаро онъ былъ встрѣченъ адъютантомъ князя Черногорскаго, а на границѣ—министромъ иностранныхъ дѣлъ, Станхо Радоничемъ. Князь Николай, съ министрами и бригадой, встрѣтилъ его высочество въ селѣ, находящемся въ разстояніи получасоваго пути отъ Цетинье; въ столицѣ, городская депутація поднесла князю хлѣбъ и соль, указавъ, въ своемъ привѣтствіи, на братскія и дружескія узы, соединяющія Болгарію и Черногорію. Князь Александръ, благодаря депутацію, высказалъ удовольствіе, которое испытываетъ при посѣщеніи столицы храбрыхъ черногорцевъ. Затѣмъ, послѣ дефилированія войскъ, выстроенныхъ предъ дворцомъ, оба князя отправились въ церковь, гдѣ были встрѣчены митрополитомъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и святой водой, и, по совершеніи молебствія, направились во дворецъ; тамъ князя Александра привѣтствовали княгиня Черногорская, наследникъ престола и принцессы. Городъ украсился флагами болгарскаго и черногорскихъ національныхъ цвѣтовъ, а, затѣмъ, вечеромъ былъ иллюминированъ; князь Александръ выходилъ къ собравшемуся народу, къ которому говорилъ на болгарскомъ языкѣ. Восторгъ былъ всеобщій. Побольше бы и почаще этихъ свиданій, побольше этихъ восторговъ, побольше единенія!

Пока—вырабатывается „единеніе“ Болгаріи и Сербіи, а также и Турціи—съ Австро-Венгріей: въ Вѣнѣ занимается конференція изъ посланниковъ и агентовъ этихъ четырехъ государствъ, такъ называемая conférence à quatre, которой поручено составить конвенцію касательно желѣзнодорожной сѣти Балканскаго полуострова и соединенія ея съ австрійскими.

Если итальянцы сочувствуютъ союзу съ Германіей, то далеко не съ такимъ же сочувствіемъ относятся къ союзу съ Австро-Венгріей; въ Римѣ была даже сдѣлана недавно, предъ домъ австрійскаго посольства, демонстрація, съ цѣлью выразить ту антипатію, которую народъ питаетъ къ мысли объ этомъ сближеніи, когда же нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ числу произведшихъ демонстрацію, были преданы суду, то защиту ихъ приняла на себя двадцать три лучшихъ адвоката, изъ коихъ большая часть—члены палаты депутатовъ.

Итальянское правительство рѣшилось, наконецъ, принять энергическія мѣры въ Сициліи противъ „маффінъ“, этой шайки негодяевъ, державшихъ въ рукахъ и въ страхѣ весь островъ и въ повѣстее время начавшей подражать „черной рукѣ“ Испаніи: въ ночь съ 15-го на 16 апрѣля 90 карабинеровъ, 40 конныхъ патрулей и 50 ч. пѣхоты выступили тайкомъ изъ Джирдженти въ мѣстечко Фавара; въ полночь прибыли туда прокуроръ, сѣдственный судья и жандармскій начальникъ; многіе дома были оцѣплены войсками и арестовано 40 человекъ, тогда же отправленныхъ въ тюрьму; въ ту же ночь были произведе-

ны многочисленные аресты и въ другихъ мѣстностяхъ области, — всего арестовано болѣе 150 ч. членовъ „общества“, называемаго себѣ „Братскою рукою“ и имѣвшаго приверженцевъ почти во всѣхъ общинахъ; говорятъ, что власти болѣе года слѣдили за ними.

Африка, какъ мы видимъ, служитъ въ настоящее время предметомъ особеннаго вниманія западной Европы; Англія недавно сдѣлала тамъ новое пріобрѣтеніе, а именно—присоединила территорию, находящуюся между республикой Либеріей и Сиерра-Леоне; не всѣмъ аборигенамъ тамошнимъ, кажется, пришлось по праву это присоединеніе—вождь одного изъ туземныхъ племенъ, по имени Гбивъ, напалъ на англійское поселеніе, овладѣлъ городомъ Бамія, около Камала, предалъ избіенію большое число жителей, а остальныхъ послалъ въ продажу въ невольники; затѣмъ, укрѣпивъ завоеванный городъ и предоставивъ своимъ воинамъ разорять и грабить всѣ сосѣднія селенія, онъ далъ англичанамъ знать, что рѣшился держаться въ Баміи; помощникъ губернатора Сиерра-Леоне двинулся туда съ своимъ штабомъ и отрядомъ полицейскихъ констеблей въ 150 ч., вооруженныхъ ружьями Свайдера; при отрядѣ находится также и батарея единороговъ и двѣ пушки; ожидаются схватки, и если сила окажется недостаточно, то на помощь къ нимъ будутъ посланы и отряды отъ двухъ полковъ, прибывшіе изъ Индіи въ Сиерру-Леоне и назначенные на островъ Ямайку. Что касается Египта, то тамъ, вѣроятно, скоро возникнетъ новый суэскій каналъ, но—уже не Лессенсовскій и международный, а—чисто англійскій; объ этомъ проектѣ мы сообщали уже въ свое время, но теперь англичане заняты имъ серьезно, нежели прежде; лордъ Грэнвилль недавно припималъ даже двѣ депутаціи лондонскихъ купцовъ, настаивавшихъ на необходимости (?) новаго канала въ Суэзѣ; въ Каирѣ былъ созданъ комитетъ для обсужденія вопроса о томъ—имѣетъ ли компанія вытѣшнго канала монополію; комитетъ отвѣтилъ, что хотя монополія и принадлежитъ ей, но—только до тѣхъ поръ, пока каналъ вполне удовлетворяетъ своему назначенію.

Турція все еще наивничаетъ въ отношеніи Египта—такъ, султанъ заявилъ, что онъ признаетъ преобладаніе Англій въ Египтѣ только въ томъ случаѣ, если его верховныя права по отношенію къ этой странѣ будутъ признаны особымъ договоромъ, контрасигнированнымъ всѣми державами, подписавшими торговый трактатъ. Ну, а если этого договора не будетъ контрасигнировано и если султанъ сдержитъ свое обѣщаніе и не признаетъ преобладанія англичанъ въ Египтѣ—что будетъ тогда?... Лучше бы Порта старалась обезпечить себѣ Аравію, гдѣ волненія происходятъ не только въ средѣ арабовъ, непадвляющую турецкую власть, но—и среди султанскихъ войскъ, которымъ не платятъ; изъ этого выходятъ иногда вещи, насколько не способствующія къ утвержденію оттоманскаго владычества: недавно, въ Меккѣ, губернаторъ, не имѣя средствъ уплатить солдатамъ, обложилъ для того, жителей контрибуціей; жители восстали, и между ними и солдатами произошла схватка, которую еле прекратили.

С М Ъ С Ъ.

Эксъ-королева Неаполя. Къ числу ревностнѣйшихъ почитателей Елисейскихъ полей и Булонскаго лѣса въ Парижѣ, принадлежитъ эксъ-королева Неаполя. Даже снѣжныя мятели не останавливаютъ ея ежедневныхъ прогулокъ. Въ синей амазонкѣ, въ мужской шляпѣ съ сѣрой вуалью, съ хлыстомъ съ золотымъ наконечникомъ въ рукахъ, ее можно ежедневно встрѣтить галопирующей по аллеямъ на чистокровной сѣрой лошади, безъ выжататаго. Жизнь этой сверженной властительницы въ блестящемъ Парижѣ очень скромна и не выходитъ изъ ряда обыкновеннаго. Она занимаетъ не особенно роскошные апартаменты въ 3-мъ этажѣ отеля „Boisillement“ и принимаетъ здѣсь только своихъ интимныхъ друзей; живетъ она совершенно изолированно отъ большаго свѣта, хотя и получаетъ постоянно приглашенія отъ знатныхъ дамъ Сенъ-Жермена и С.-Оноре, считающихъ за честь принимать у себя въ салонахъ изгнанную королеву. Неаполитанская королева большая любительница спорта и не пропускаетъ ни одной скачки въ Парижѣ. Вопреки парижскимъ обычаямъ, она обѣдаетъ въ 4 часа, послѣ чего садится на лошадь и отправляется въ Булонскій лѣсъ; въ заключеніе ѣдетъ въ манежъ, гдѣ со страстью отдается дрессировкѣ лошадей и изучаетъ высшую школу верховой ѣзды. Супруга этой королевы-амазонки часто можно встрѣтить совершенно одного въ

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА „НИВА“.

Слѣдующій, такъ называемый, **КОРОНАЦИОННЫЙ** номеръ 21-й „Нивы“ будетъ заключать въ себѣ болѣе 20 гравюръ по рисункамъ нашего спеціального корреспондента Н. Н. Каразина—при увеличенномъ объемѣ противъ обыкновеннаго номера.—Обращаемъ на это вновь вниманіе всѣхъ желающихъ пріобрѣсти этотъ чрезвычайно богатый номеръ, особенно Г.г. владельцевъ фабрикъ, Директоровъ гимназій и проч., и проч., желающихъ дать своимъ подчиненнымъ или воспитанникамъ своихъ заведеній памятный подарокъ на знаменательный день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Цѣна этому номеру въ изящной оберткѣ для подписчиковъ „Нивы“ 25 к., съ перес. 30 к.; а для исподписчиковъ 30 к., съ перес. 35 коп.

за 100 экз.	25 р.	съ перес.	30 р.
„ 500 „	120 р.	„	145 р.
„ 1000 „	210 р.	„	260 р.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ „НИВЫ“ со всѣми приложениями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

Елисейских полях, съ сигарою въ зубахъ и съ руками заложеными въ карманы, прогуливающимся какъ простой буфужа.

Въ Пьемонтѣ недавно задохлись 12 двѣшекъ въ затворенной комнатѣ, въ которой всю ночь горѣла керосиновая лампа съ уменьшеннымъ свѣтомъ. Врачъ констатировалъ смерть отъ удушения окисью углерода, т. е. угара. При уменьшеніи свѣта, въ лампѣ происходитъ неполное сгораніе керосина, вслѣдствіе чего образуется значительное количество исключающаго возможность дыханія, газа.

Броненосный поѣздъ желѣзной дороги. Испанскому военному министру недавно былъ представленъ однимъ бригаднымъ генераломъ проектъ и модель броненоснаго поѣзда, съ указаніемъ, въ какихъ случаяхъ онъ можетъ быть примѣняемъ съ пользою для военныхъ цѣлей. Такой поѣздъ снабжается двумя локомотивами: одинъ помѣщается въ головѣ, другой—въ хвостѣ. Состоитъ онъ изъ 24 вагоновъ, покрытыхъ толстой броней, могущей сопротивляться пушечнымъ снарядамъ. Внутри вагоновъ устроены прекрасныя мастерскія для слесарнаго, кузнечнаго и другихъ ремеслъ; кромѣ того въ поѣздѣ имѣются необходимыя принадлежности для сооруженія небольшого моста, нѣсколько ботовъ и подъемный кранъ. Личный составъ поѣзда состоитъ изъ 166 солдатъ, при 8 офицерахъ, но при необходимости, число это можетъ быть увеличено. Необходимый провантъ помѣщается въ одномъ, хорошо приспособленномъ для этой цѣли, вагонѣ. Кромѣ того нужно замѣтить, что поѣздъ при нуждѣ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части.

Усовершенствованіе въ телеграфномъ дѣлѣ. Въ докладѣ директора технической части англійскихъ телеграфовъ находится слѣдующее сообщеніе. Почти мгновенно 128 тыс. километровъ подводнаго кабеля, сооруженіе котораго обошлось въ 200 милліоновъ рублей, было погружено на дно океана. Эскадра изъ 29 кораблей, дѣйствовавшая при поправкѣ и проложеніи кабеля, достигла такого совершенства, что работы безпрепятственно были окончены въ теченіи 12 дней. Черезъ Атлантическій океанъ теперь лежитъ 9 кабелей. По устройству своему они всѣ схожи съ первымъ кабелемъ, который былъ проложенъ между Дувромъ и Калезъ; въ качествѣ же самаго матеріала сдѣлано значительное усовершенствованіе. Высшую ступень совершенства въ телеграфахъ представляетъ автоматическій аппаратъ, который замѣняетъ ручную работу машиной. Онъ дѣйствуетъ съ быстротой 200 словъ въ минуту, тогда какъ человѣкъ дѣлаетъ только 40. При помощи двойнаго автоматическаго аппарата можно даже передавать 400 словъ въ минуту.

Трупы въ анатомическихъ театрахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изъ исторіи извѣстно, что въ прежнія времена въ Западной Европѣ, палачъ и все то, до чего онъ касался, считалось оскверненнымъ. Мнѣніе это существовало, какъ неопровержимая истина, болѣе ста лѣтъ, да и позднѣе не совсѣмъ утратило свою силу. Когда медики убѣдились, что лучше всего строеніе человѣческаго тѣла можно изучать на трупахъ, имъ пришлось бороться съ большими затрудненіями. Единственные трупы, которые медики могли получать въ свое распоряженіе, были трупы самоубійцъ, встрѣчавшихся въ тѣ времена очень рѣдко. Тѣла казенныхъ преступниковъ отдавались въ распоряженіе палача, вступить съ которымъ въ какія либо сношенія было дѣломъ въ высшей степени опаснымъ. Если между жителями города разносился слухъ, что врачъ ихъ находится въ сношеніяхъ съ палачемъ, они готовы были лучше умереть безъ медицинской помощи, чѣмъ пригласить такого врача къ больному. Наконецъ доктора изобрѣли средство обходить это затрудненіе. Придумали нынѣшнюю церемонію, при помощи которой оскверненный трупъ казеннаго преступника становился чистымъ и къ нему могъ прикасаться каждый человѣкъ. Трупъ самоубійцы или казеннаго былъ привозимъ помощниками палача на двухколесной тачкѣ къ дверямъ анатомическаго театра; здѣсь они выпинали его и открытымъ клали на крышку отъ тачки, поставленную на землю. Если преступникъ былъ казненъ мечемъ, то голову клали между ногъ. Въ первый разъ на церемонію эту явилось множество публики, которая съ ужасомъ смотрѣла на происходившее. Вышелъ прозекторъ въ сопровожденіи секретари и приблизился къ трупу. Всѣ присутствующіе обнажили головы. Прозекторъ прочелъ указъ магистрата и объявилъ, что онъ уполномоченъ совѣтомъ медицинскаго факультета, приложивъ академическую печать къ трупу сдѣлать его чистымъ, неоскверненнымъ, такъ чтобы каждый порядочный человѣкъ безъ опасенія могъ къ нему прикоснуться, и онъ прикрѣпилъ на грудь трупа печать, наклеенную на влажную облатку. При этой церемоніи палачъ и его помощники должны стоять въ нѣкоторомъ отдаленіи. Трупъ, который пересталъ теперь быть оскверненнымъ, по собственной охотѣ, нѣсколькими лицами изъ публики былъ внесенъ въ анатомическій театръ.

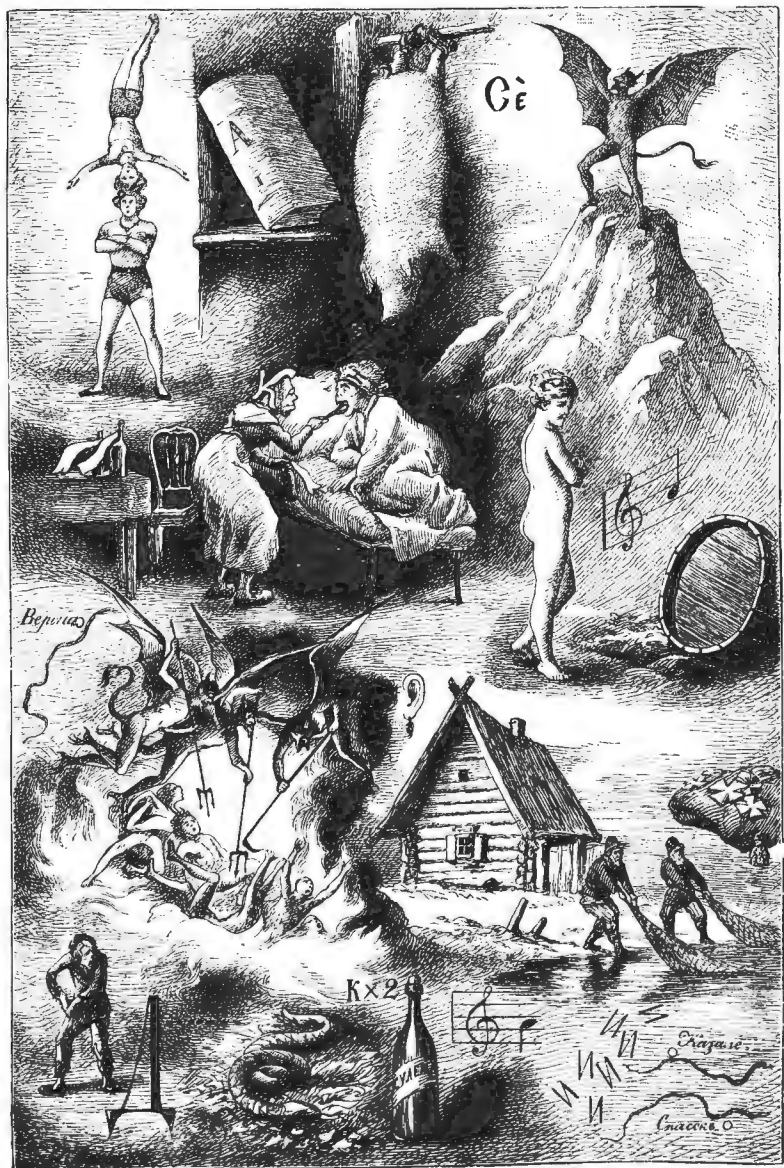
12 тысячъ фотографическихъ карточекъ въ одинъ часъ. Нѣкій американецъ Фонтанне изъ Цинцинати надумалъ примѣнить паровую двигатель къ фотографіи и устроилъ машину для отпечатанія копій, которая по быстротѣ и совершенству далеко оставляетъ за собой книгопечатные станки. Она даетъ 200 фотографій въ минуту, такъ что чувствительная бумага остается подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей только въ продолженіи 0,3 секунды. Но эта быстрота возможна только для маленькихъ фотографій; большихъ же фотографій она отпечатываетъ только 2,500 экземпляровъ въ часъ. Это изобрѣтеніе имѣетъ очень важное значеніе для печатанія иллюстрированныхъ изданій. Кромѣ того эта машина съ такою же или даже съ болѣею скоростью можетъ отпечатывать фотографически и текстъ. Польза этого усовершенствованія становится еще нагляднѣе, если вспомнить, что лучшій книгопечатный прессъ, обыкновеннаго устройства, рѣдко даетъ болѣе 1000 экземпляровъ въ часъ.

Къ числу новѣйшихъ американскихъ изобрѣтеній можно причислить передвижной театръ на колесахъ, принадлежащій цѣлому обществу, главная квартира котораго находится въ штатѣ Миссури, въ Канзасѣ. Театръ состоитъ изъ 8 желѣзнодорожныхъ вагоновъ, которые посредствомъ особаго приспособленія превращаются въ обширное помѣщеніе съ полной сценой и зрительной залой.

Одинъ ученый, нѣкто Гобинъ, приводитъ интересный примѣръ того, насколько вода служитъ отличнѣмъ проводникомъ звука. Онъ говоритъ, что достаточно только одинъ конецъ палки опустить въ воду, а другой приложить къ уху, чтобы слышать грохотъ отъ движенія камней на двѣ рѣки и т. п. звуки. Наблюденія эти онъ часто дѣлалъ на рѣкѣ Ронѣ.

Въ Европѣ для спичекъ употребляется ежегодно 4.618,300 пецетровъ дерева. При томъ вычислено, что каждый европеецъ истребляетъ, среднимъ числомъ, отъ 5 до 6 спичекъ въ день, и что цифра эта уменьшается по направленію отъ сѣвера къ югу. Въ Германіи на каждаго человѣка приходится въ день 15 спичекъ, въ Бельгіи 9, въ Англій 8, во Франціи 6.

Р Е Б У С Ъ. Задача № 26.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: В. Е. Маковский (съ портр.)—На поискахъ. Очеркъ Н. Успенскаго.—Путешествіе сивозъ земной шаръ. Геологическій очеркъ Гунча.—Король Глассъ и его государство. Разсказъ Ф. Лиффа.—Москва (съ 9 рис.).—Весенніе разливы. Въ устьяхъ Дона (съ рис.).—Дарьяльское ущелье (съ рис.).—Весеню (съ рис.).—Десятинная церковь въ Нисѣѣ (съ рис.).—Первая борода (съ рис.).—Воздухоиспытатель (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Отъ редакціи.—Ребусъ.—Объявленія.

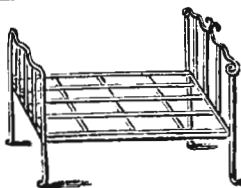
Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Новое Изобрѣтеніе Руки и ноги, Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметываютъ пелли, вышивають и шьютъ черезъ край. Подробный прейсъ-курантъ и пробныя пелли высылаются безплатно. Р. № 2615 10—2

А. ШТЕЙНЪ, СПБ:

Вознесенскій проспектъ д. № 21.

Железныя кровати

и МАТРАЦЫ собственной мастерской, съ рачительствомъ, по крайню дешевымъ цѣнамъ. Прейскурантъ по требованію немедленно.

В. ФРИЦЪ,

КОНТОРА МЕБЕЛИ, С.-Петербургъ, Малая Морская, 16. Р. № 2638

БИЛИНСКАЯ ПИЩЕВАРИТЕЛЬНАЯ ЛЕПЕНКА.

(PASTILLES DE BILIN).

Испытанное средство противъ изжоги, катарра желудка и вообще рекомендуется противъ различныхъ болѣзней пищеваенія и составляетъ при атоиціи желудка и кишечнаго канала истинное сокровище.

Bruppen-Direction въ Билинѣ (Богемія).

Дено въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскою фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, также во многихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 2595 6—4

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Минеральныя воды. № 2412

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, В. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ дѣтей, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ.

Шесть разсказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе разсказовъ: 1) Дяденька. 2) Уличная пѣвица. 3) Ночь. 4) Обезьянка. 5) Грѣхъ ли это? 6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти разсказы представляютъ намъ прелестныя дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанию эти разсказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвцамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Иней 250 руб. Косилки 200 руб., съ укупоркой и запасными частями.

Единствен. нарочно приспособленныя для русской почвы. Удост. высшей награды на послѣдней московской выставкѣ. Отправка немедленно по полученіи задатка въ 100 руб. Искл. прод. на всю Имперію у Г. Барикаго: Варшава, Влодзимірская, № 2.

Каталоги, проспекты и объясненія по полученіи почтовыхъ марокъ на 14 коп. № 2611 6—3

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ,

ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 г.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія. ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева**—„Вольтерьянецъ“, больш. романъ Юкая—„Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морскаго)—„Подъ землею“, пов. Австенко „Испанскій дворъ нинѣ“ и др. произвед. современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того безплатная ПРЕМІЯ: большая олеографическая картина проф. Им. Акад. Худ. В. И. Якобіа—„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, В. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ

Н. П. ЛАНИНА,

ВЪ МОСКВѢ,

удостоенное МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Паринской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью, неуступающее хорошимъ французскимъ маркамъ, по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут. (прямо съ фабрики).

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибіри, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣнійъ Азіи. № 2435 10—10

ЛИМОННОЕ МЫЛО

Изобр. Д. Врера въ Парижѣ.

Уничтожаетъ загаръ, угри и веснушки, Цѣна 50 коп. Иногороднымъ высылается на 1 р. 50 коп. № 2630 у В. ПАРИНОВА и №. 4—1 въ Гостиномъ дворѣ № 78 въ СПБ.

EAU DE LYS DE LOHSE.

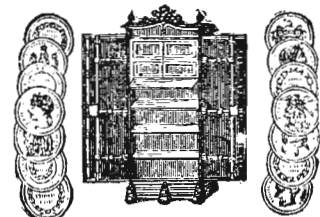
Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу. Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе рѣзкимъ. Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юность ея. Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и нѣжною. Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки. Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, БЕРЛИНЪ,

поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.

Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.

Eau de Lys de Lohse. S. № 2804 10—3

Самый лучший источникъ для желающихъ снабдиться огнеупорными и предохраняющими отъ воровъ железными шкафами. Генрихъ Варицій: Варшава, Влодзимірская, № 2.

Проспекты, каталоги, объясненія по 14 к. порто. № 2612 6—2

противъ грозной стихіи.

Американскіе пожарныя и садовыя насосы новѣйшихъ привилегированныхъ конструкций; превосходятъ по дешевизнѣ и практичности всѣ существующіе до сихъ поръ. Выбрасываютъ въ 1 часъ на высоту 2 до 5 этажей отъ 50 до 360 ведеръ воды.

Цѣна имъ на мѣстѣ, въ Варшавѣ, № 0 3 руб., № 1—5 руб., № 2—10 руб.; № 3, съ гуттаперчевымъ шлангомъ, 18 руб.; № 4 факкой же, большой, 20 руб.; № 5, съ металлическимъ шлангомъ, 30 руб.; № 6, на колесахъ, больш., съ короб. и шланг. 45 руб.; № 7, двухъ-двигат., съ больш. резервуар. и 2 шланг. 80 р., 100 р. и 120 р. (на колесахъ).

Отправка немедленно по полученію полной суммы.

Каталоги, проспекты, объясненія по 14 к. порто.

Обращаться въ искл. прод. привилегированныхъ насосовъ на всю Имперію по адресу: Генрихъ Варицій—Варшава, Влодзимірская № 2. № 2610 6—2

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предохраняющими прѣднѣ частей тѣла, особенно же кожнхъ пальцевъ, Гальманинъ продается въ аптекахъ, а также у дроби. товѣ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. Главное депо находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, сладьяльца аптеки, маистра фармаціи **В. Карпинскаго**, улица Электроральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к. **Нужно остерегаться поддѣлокъ** и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г. **В. Карпинскій маистръ фармаціи.**

Страхованіе жизни.

Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго, пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюры (книжечкѣ) Страховаго Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются безплатно Главному Конторѣ Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи. № 2482

БОГЪ ВЪ ПОМОЩИ. Романъ Э. Вернера. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р., съ перес. 1р. 25 к.

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

№ 2633

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостин. дворъ, № 17 и 18.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

МОСКВА, Петровка, д. Михалкова.

ИСКУССТВО ИТАЛИИ.

XV вѣкъ. Флоренція. А. ВЫШЕСЛАВЦЕВА. 1 т. въ 6. 8 д. л., съ 20 отдѣльн. рисунками. 418 стр. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.; въ перепл. 7 р., съ пер. 8 р. Въ живомъ и краснорѣчивомъ разказѣ авторъ сообщаетъ всѣ свѣдѣнія о выдающихся художникахъ Флоренціи за разсматриваемый періодъ времени, описываетъ замѣчательнѣйшія ихъ произведенія и даетъ критическую оцѣнку этимъ произведеніямъ. Дилитаги въ выраждавшася искусства, одинъ за другимъ, проходятъ передъ читателемъ и образуютъ полную интересную картину художественныхъ стремленій и успѣховъ своей эпохи.

ДЖИОТТО И ДЖИОТТИСТИ.

А. ВЫШЕСЛАВЦЕВА. 1 т. 8 д. л., съ прилож. 20 рисунковъ. Ц. 5 р., съ перес. 6 р.; въ перепл. 7 р., съ перес. 8 р. Предлагаемая книга посвящена разбору періода развитія живописи отъ Джотто до Рафаэля. „Голосъ“ замѣтилъ, что эта книга, въ виду цѣльно обработаннаго содержания, могла бы представить собою весьма замѣтное явленіе даже и въ литературѣхъ европейскихъ, болѣе богатыхъ нежели русская.

ИСТОРИЯ ВЪНѢШНЕЙ КУЛЬТУРЫ.

Одежда, домашняя утварь, земледѣльческія и военныя орудія и проч., и проч., народовъ новыхъ и древнихъ временъ.

Сочиненіе и рисунки Ф. Готтенрота; русскій переводъ С. Клячко. 250 великолѣпныхъ хромолитографированныхъ, раскрашенныхъ таблицъ рисунковъ, представляющихъ до 5000 изображеній предметовъ, 60 листовъ описательнаго текста со многими политипажами.

Подписная цѣна на полное сочиненіе изъ 30 приблизительно выпусковъ (каждый изъ 2-4 печати. листовъ, въ форматѣ большого листа, съ многими политипажами въ текстѣ и великолѣпно раскрашенными хромолитографированными таблицами съ 20-30 изображеніями на каждой) 30 р., съ перес. 35 р. Отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Первые десять выпусковъ уже поступили въ продажу. Это сочиненіе даетъ богатый запасъ матеріаловъ, относящихся къ вѣншему быту всѣхъ историческихъ народовъ. Въ немъ подробно разсматривается все, что такъ или иначе можетъ характеризовать вѣншую сторону культуры въ различныхъ эпохахъ, какъ то:—одежду, обувь, домашнюю утварь, музыкальные инструменты, предметы относящіеся къ судоходству и мореплаванію и пр., и пр. По богатству и характеру содержания, оно представляетъ громадный интересъ для любителей исторіи, археологовъ, художниковъ и для людей, профессія которыхъ имѣетъ какое либо отношеніе къ искусству, и вообще для всякаго образованнаго человѣка.—Изложеніе популярное и доступное пониманію всякаго.

Полный каталогъ русскихъ книгъ, составляющій большой томъ въ 8 д. л., продается по 3 руб., съ перес. 4 руб.

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ И КАКЪ СТАЛА БЫТЬ.

Русская исторія въ повѣстяхъ А. Разина и В. Ланна. 3 т. 8 д. л., съ рисунками Н. Дмитріева-Оренбургскаго, А. Прохорова и др. Ц. 12 р., съ пер. 15 р.; въ богат. перепл. 15 р., съ пер. 18 р. Каждая эпоха исторіи Россіи воспроизводится въ этой книгѣ въ формѣ живаго историческаго разказа, имѣющаго цѣлью не только въ повѣствовательной формѣ разказать самое событіе, но еще очертить природу страны, характеръ и бытъ ея народа. Здѣсь вся Россія со всеми ея вѣрваніями, то торжествующая, то претерпѣвшая—она является во всей полнотѣ. Вся книга состоитъ изъ 45 расказовъ, въ хронологическомъ порядкѣ, съ рисунками.

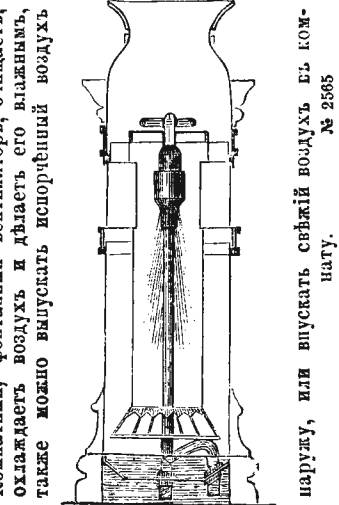
ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ. ИЗДАНИЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ.

Въ 45 отдѣльн. выпускахъ, каждый выпускъ 25 к., съ перес. 35 к.; полное сочиненіе ц. 6 р. 60 к., съ пер. 7 р. 50 к. Общеизвестное изданіе этой книги по цѣнѣ своей доступно для народа. Разказы, помещенные въ этомъ изданіи, одинаково занимательны и для юношества, и для взрослыхъ, и понятны для всѣхъ степеней образованія.

Настоящій степной нобиліи КУМЫСТЬ.

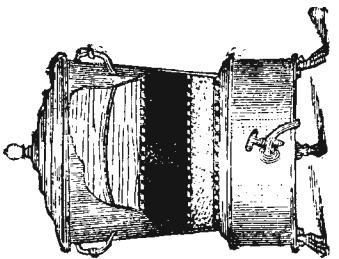
Лечебное заведеніе Аннаева близъ Самары. Подробности въ брошюрѣ, которая имѣется во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и большихъ городовъ. Адресоваться Г. Аннаеву въ Самару. № 2582 6-5

ЭОЛУСЪ

Въ складѣ воздушныхъ электрическихъ звонковъ и фильтрѣ

Винтергальтеръ и К., у Казанскаго моста, по канавѣ, д. № 12.

Необходимо для всѣхъ мажущихъ здорovia: чистая и свѣжая вода, получаемая лишь при употребленіи новѣйшихъ, усовершенствованныхъ американскихъ фильтрввъ, единственной практичной системы „Heugie“. Цѣна на мѣстѣ, въ Варшавѣ: Кухонная отъ 2 р. 50 коп. до 10 р. Буфетная, большая, отъ 12 р. 50 к. до 25 руб. Исключительная продажа на всю Имперію у Г. Барыцкаго: Варшава, Владимірская, 2. Отправка немедленно по полученіи полной суммы. Каталоги, проспекты, объясненія высылаются по полученіи 14 коп. почтовыми марками. № 2613 6-3

НАТУРАЛЬНЫЙ

БИЛИНСКІЙ ЗАУЕРБРУННЪ!

Давно извѣстный цѣлебный источникъ для желудочныхъ болѣзней и болѣзней мочеваго пузыря, превосходный дѣтскій напитокъ. Vngnen-Direction въ Вилниѣ (Богемія). Депо въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. Ц. № 2594 6-4

Духи Г. Лозе „Akazienbluthe“ (Цвѣтъ Анацій). (Robinia Pseudoacazia)

стоятъ на той же степени, какъ и извѣстныя міру специальности: Maiglöckchen Г. Лозе, Königin der Nacht Г. Лозе, HELIOTROPE BLANC Г. ЛОЗЕ, BOUQUET CARMEN Г. ЛОЗЕ, какъ отличные и для платковъ продолжительно пахучіе духи. Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin. Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы. При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики. St. № 2605 10-3

Р. № 2637 Самыя дешевыя цѣны и добросовѣстное исполненіе заказовъ. 3-1

Русскіе огнетушители отъ 15 рублей. Садовые и пожарныя трубы новѣйшихъ моделей. Насосы всѣхъ сортовъ, для ручнаго или пароваго привода. Специальные насосы для глубокихъ колодезѣ до 21 сажени глубины. Пульзометры. (Цѣны унижены на 20%). Волычатый и разнообразнѣйшій складъ всѣхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, навозныхъ и сѣнныхъ вилъ, лопатъ и пр., и пр. ДЕПО МАШИИЪ ЭД. ФЛУГЪ. С.-Петербургъ: Вознесенскій проспектъ, № 11. Постоянная выставка машинъ и пробная станція въ Петровскомъ паркѣ, д. Санъ-Галии. Москва: у Красныхъ воротъ, д. Раузера. Иллюстрированные прейсъ-курранты и каталоги по желанію бесплатно и франко.

ИНЖЕНЕРЪ Людвигъ Федоровичъ Шлякхейзенъ, специалистъ по торфяному и кирпичному дѣлу, рекомендуетъ торфяныя и кирпичеделательныя машины новой конструкции, примененной являть успѣшно на практикѣ. Иллюстрированные прейсъ-курранты высылаются по востребованію бесплатно. Москва, Мясницкая улица, д. Ермаковыхъ. Ц. № 2586 5-5

ЗАЙДШИТСКАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА (Saidschitzer Bitterwasser),

настоящій, чистый, горько-соленый источникъ, представляетъ лучшее лекарственное средство при страданіяхъ брюшной полости, геморроидальныхъ болѣзней и проч., и вслѣдствіе своего самаго легкаго дѣйствія, приноситъ большую пользу даже самому вѣжному организму. Vngnen-Direction въ Вилниѣ (Богемія). Депо въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. Ц. № 2596 6-4

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСЪКАТЕЛЬ

для РЫБНОЙ ЛОВЛИ. Цѣна 60 к., съ перес. 1 р. ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ: С.-Петербургъ, Милютинъ рядъ, № 18, въ магазинѣ Наратаева. МИКРОСКОПЪ 30 к., съ пер. 60 к. Гг. иногородные, выписывающіе оба предмета, платятъ 1 р. 30 к. № 2626 4-2

Въ аптекѣ С. П. Б. Общества послѣдователей гомеопатіи (Большая Садовая № 12) поступилъ въ продажу

ДОМАШНІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ.

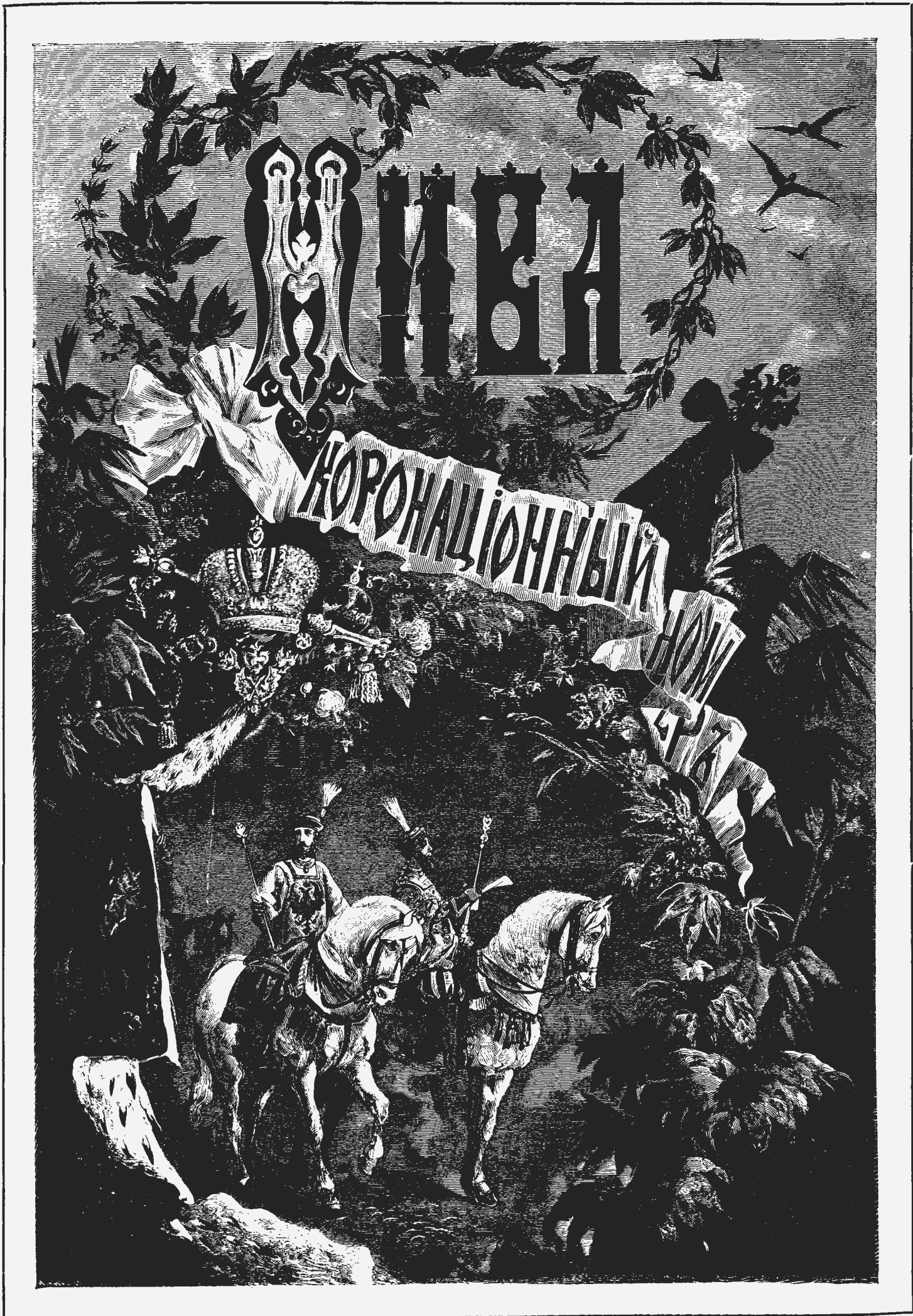
Наставленіе къ употребленію гомеопатическихъ средствъ въ отсутствіи врача. Составилъ для сельскихъ священниковъ и учителей, земскихъ фельдшерввъ и акушеровъ П. В. Соловьевъ. Цѣна съ пересылкою 2 р., въ переплѣтѣ 2 р. 50 к. № 2638 1-1

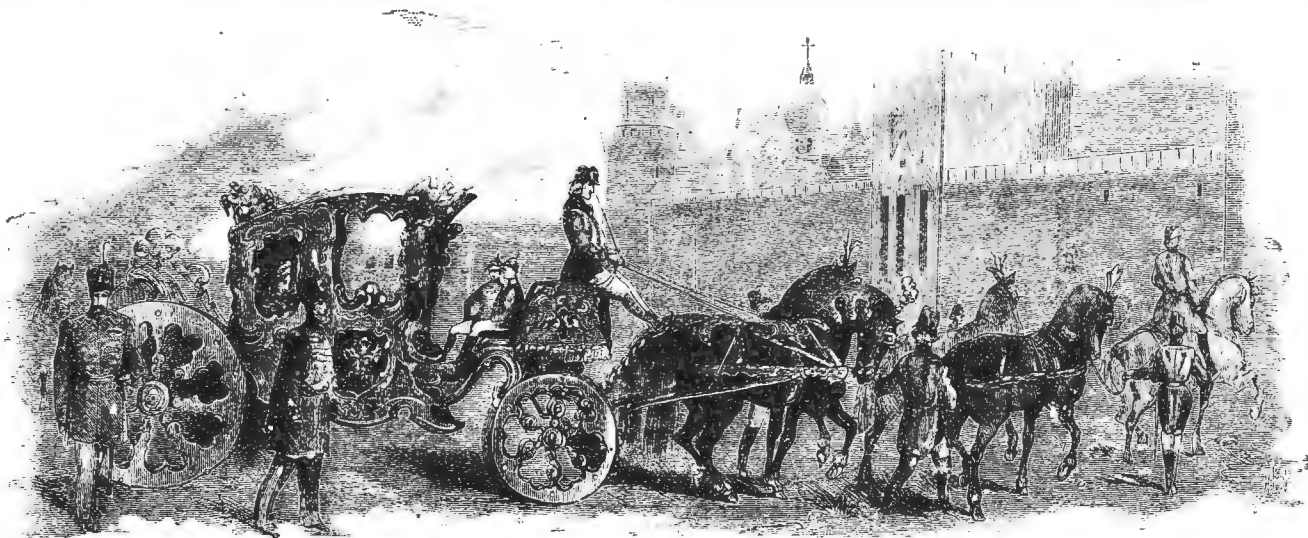
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

ЮЛІА ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА въ С.-Петербургѣ: Большая Морская № 42. Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго. Рекомендуетъ свой громадный выборъ всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ по весьма дешевымъ цѣнамъ. Подробный прейсъ-куррантъ въ „НИВЪ“ № 16 стр. 383 с. г. А. № 2639 1-1

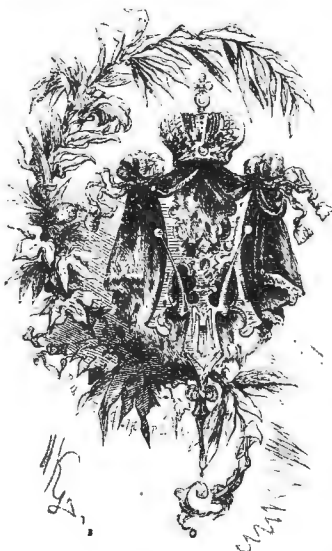
КРАСОТА ВОЛОСЪ БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ

КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ. При употребленіи бальзама Эйкалипти, волосъ растутъ съ неизменною быстротою и онъ есть незамѣнимое, вѣрное средство для останавливанія выпаденія волосъ, чрезвычайно укрѣпляетъ корни, моментально уничтожаетъ перхоть и пріятно осыпаетъ голую кожу. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подписи А. Энглундъ, красными чернилами. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. флак. съ перес. 3 р. 50 к. Получить можно въ русскомъ обществѣ торговли вѣтекъ. Товар. Казанск. 12. А. Рузанова, Гостини дворъ, Невскій, аптекарск. магазинъ, на углу Невскаго и Владимірскаго ул. Главн. складъ для всей Россіи. А. Энглундъ. С.-Петербургъ, Мал. Итал., № 3 № 2631 1-1

Коронація въ Москвѣ. Золотая царская карета.

О Священномъ Коронованіи.

осква торжественно празднуетъ великое событіе вѣнчанія Православнаго Русскаго Государя. „Настало время — согласно торжественнымъ словамъ Манифеста — сотворить волю Господню и совершить желаніе нашего Царя и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества!“

Это великое, таинственное дѣйствіе, при которомъ мы нынѣ присутствуемъ, это сляніе въ одной молитвѣ, въ одномъ чувствѣ — Царя съ своимъ народомъ — невольно вызываетъ на размышленія о его глубокомъ смыслѣ и важности.

Припомнимъ трогательную, унизительную молитву во время коронованія колѣнопреклоненнаго Императора. Повелитель миллионѣвъ, Властитель необъятнаго царства, молится не о ниспосланіи Ему только Одному славы, личнаго счастья, одолѣнія, не о своемъ долгоденствіи — нѣтъ! Онъ испрашиваетъ у Господа наставить Его въ великомъ служеніи Царствованія, чтобы Создатель ниспослалъ Ему премудрость къ уразумѣнію всего, что на общее благо; сердце свое Онъ передаетъ въ руки Божіи для устроения благи врученнаго Ему народовъ. Словомъ: Самодержавный Государь забываетъ себя самого во имя счастья и блага подданныхъ. На Его долю надаетъ тяжкій трудъ, безчисленныя заботы. Каждый изъ насъ на своемъ небольшомъ дѣлѣ видитъ, сколько приходится испытывать борьбы, огорченій, трудовъ для правильнаго устройства — во сколько же миллионѣвъ разъ увеличиваются эти труды, заботы и огорченія у Того, къ ступенямъ трона Котораго сходятся всѣ безчисленныя нити сложной государственной жизни великаго народа. Сколько приходится преодолѣть препятствій, за каждаго и всякаго болѣть душою и помышлять, угодно ли Его дѣло Богу, такъ какъ Царь земной отвѣтствуетъ предъ Царемъ Небеснымъ. Труды Царя неизмѣримы, тяжелы, обязанности многочисленны и отвѣтственность великая. Въ виду его, подъявшаго на мгучія рамена свои со смиреніемъ такую великую тягость, въ виду Царя, ми-

лостиваго и радостнаго ко всему благому и доброму, и грозному лишь къ неправдѣ и хищенію, и мы всѣ, Его подданные, невольно должны участвовать въ Его великой молитвѣ и обѣтѣ. И мы должны въ души своей дать обѣтъ строгаго исполненія законовъ, строгаго неуклоннаго шествія по пути труда, правды и чести, будь это въ своей семьѣ, въ своемъ кругу, или въ общественномъ служеніи. Тогда отойдутъ отъ насъ и всѣ скорби послѣднихъ тяжелыхъ лѣтъ. Болѣзнь зарождается и гнѣздится лишь въ мѣстахъ нечистыхъ, нездоровыхъ. Будемъ мы чистыми и здоровыми сердцемъ и помыслами, станемъ мы искать свѣта лишь въ исполненіи долга своего передъ Царемъ и совѣстью, и великое Отечество наше процвѣтетъ, и горе и тяжкія событія послѣднихъ лѣтъ отойдутъ въ область скорбныхъ воспоминаній.

„Помазаніе царское — не простой обрядъ для впечатлѣній зрителей, не мертвый знакъ, связанный съ означен-

Шапка Мономаха. Съ фот. грав. Панешакевъ.

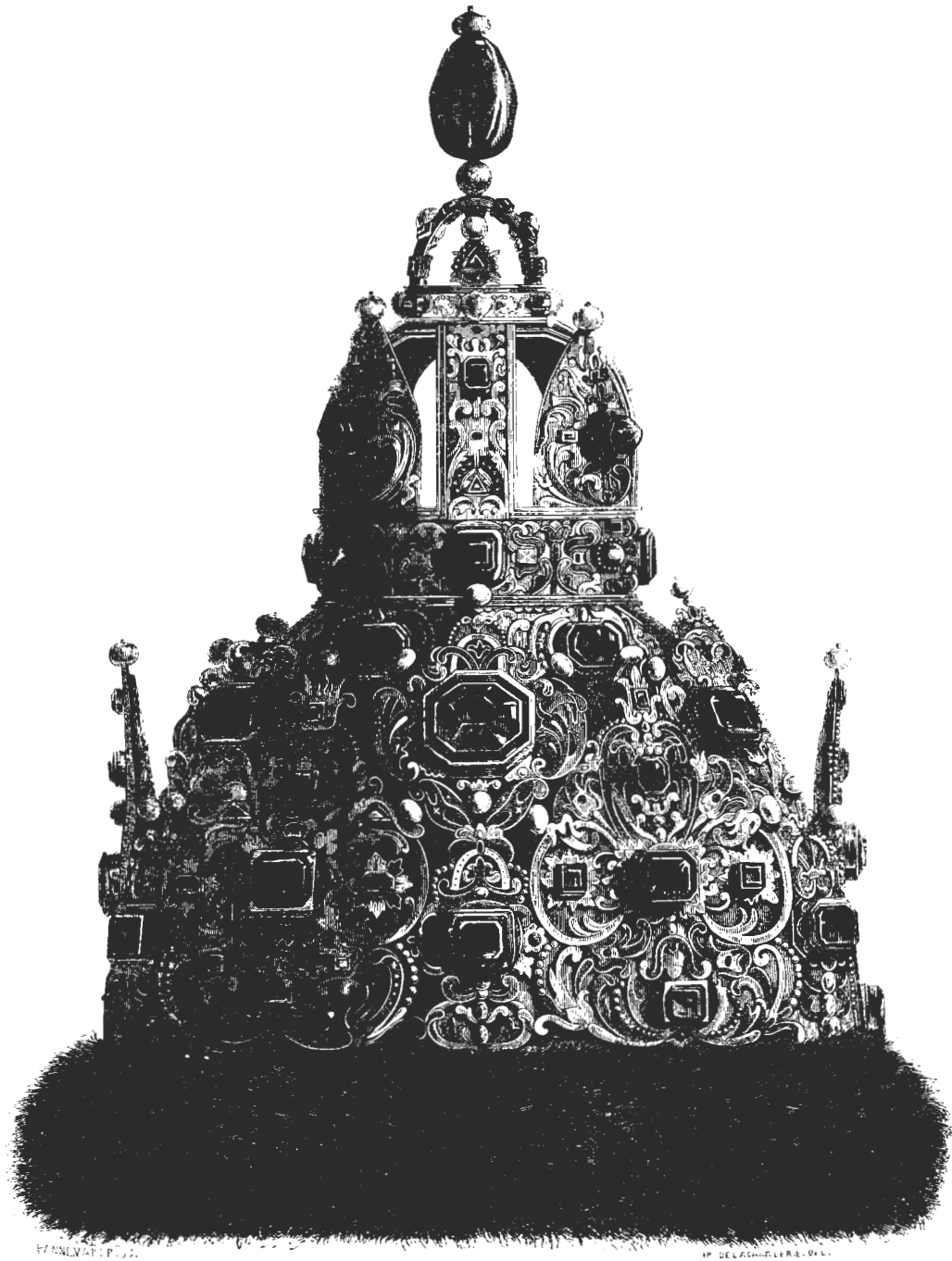
нимъ только въ мысляхъ, а не на самомъ дѣлѣ; но дѣйствіе таинственное, въ которомъ чувственный видъ

невидимо сопутствуется и проникнуть духовною и божественною силою, и съ возліишемъ ея на Помазанника соединено пантіе благодати“. Такъ охарактеризовалъ великое религиозное значеніе обрядовъ коронованія митрополитъ Филаретъ въ своей замѣчательной рѣчи при коронаціи Императора Александра I. И дѣйствительно это таинственно-духовное начало помазанія на царство признавалось уже въ глубокой древности, даже языческими народами, которые, не будучи просвѣщены еще истинною религією, все-таки понимали, что въ общественномъ положеніи Царя есть нѣчто священное, нѣчто непостижимое и высокое, выходящее за предѣлы здѣшняго, видимаго міра.

Вся эта обрядность коронованія византійскихъ императоровъ, въ главныхъ чертахъ перешла и къ Русскимъ Государямъ, получивъ начало со времени Великаго Князя Владиміра Всеволодовича, извѣстнаго подъ именемъ Мономаха. Къ этому Великому Князю византійскій императоръ Константинъ Мономахъ послалъ почетное посольство, во главѣ котораго находился ефесскій митрополитъ Неофитъ съ двумя епископами, и собственно вручилъ имъ для передачи своему царственному другу и союзнику слѣдующіе драгоценныя дары: крестъ изъ животворящаго древа, царскій вѣнецъ, ожерелье или бармы, золотую цѣпь и сердоликовый кубокъ (грабійцу), который, по преданію, нѣкогда принадлежалъ римскому цезарю Августу. Здѣсь, на нашемъ рисункѣ (стр. 482) изображенъ этотъ вѣнецъ, такъ называемая Шапка Мономаха. Этою короною вѣнчались всѣ Государя до Петра I. Ихъ собственно двѣ: „Шапка большаго наряда“ и „малаго наряда“. Кромѣ того, черезъ пословъ, византійскій императоръ просилъ русскаго Великаго

Князя принять его дары „моля его и глаголя: прійми отъ насъ, боголюбивый и благовѣрный княже, сіи честныя дары, отъ поколѣній царскихъ жребій, на славу и честь, и на вѣнчаніе твоего великаго и самодержавнаго царствія“. Владиміръ не отказался отъ такого почетнаго предложенія и былъ вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ тѣмъ-же митрополитомъ Неофитомъ, который былъ главнымъ по-

сланникомъ. Съ этихъ поръ Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ уже назывался Мономахомъ „Царь великой Россіи“. Такимъ образомъ совершилось первое коронованіе Русскаго Князя, въ Кіевѣ, царскимъ византійскимъ вѣнцомъ, по чину выработанному въ Царьградѣ и потому довольно схожему въ общихъ чертахъ съ чиномъ вѣнчанія на царство византійскихъ императоровъ. Такъ, по этому древнему чину (1114 г.) самое внутреннее убранство церкви напоминало собою убранство для обряда вѣнчанія церкви Св. Софіи въ Царьградѣ; здѣсь какъ и тамъ устраивался чертогъ царскій или возвышеніе съ двѣ-

Корона Царя Михаила Федоровича. Съ фот. грав. Папенакеръ.

надцатью ступенями, а среди храма, близъ царскихъ дверей, ставился налой, на которомъ помѣщался св. животворящій крестъ и царская вѣнчанная утварь; бармы и вѣнецъ на золотомъ блюдѣ. Для перенесенія изъ царскихъ палатъ этихъ регалій наблюдался особый порядокъ. Великій Князь отпуская съ нимъ своего духовнаго отца и приближенныхъ вельможъ, которые, при звонѣ во всѣ колокола, вносятъ ихъ въ церковь. По приближеніи этого ко храму, къ наружнымъ его дверямъ выходитъ митрополитъ и весь священный соборъ и на обязанности митрополита лежало установить св. предметы на предназначенное для нихъ мѣсто на налоѣ, которые и оставались здѣсь до обряда вѣн-

Его Императорское Величество Государь Императоръ,

По фотографии Левницкаго, рис. и грав. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

Ея Императорское Величество Государыня Императрица.

Съ фотографіи Левицкого, грав. Барановскій.

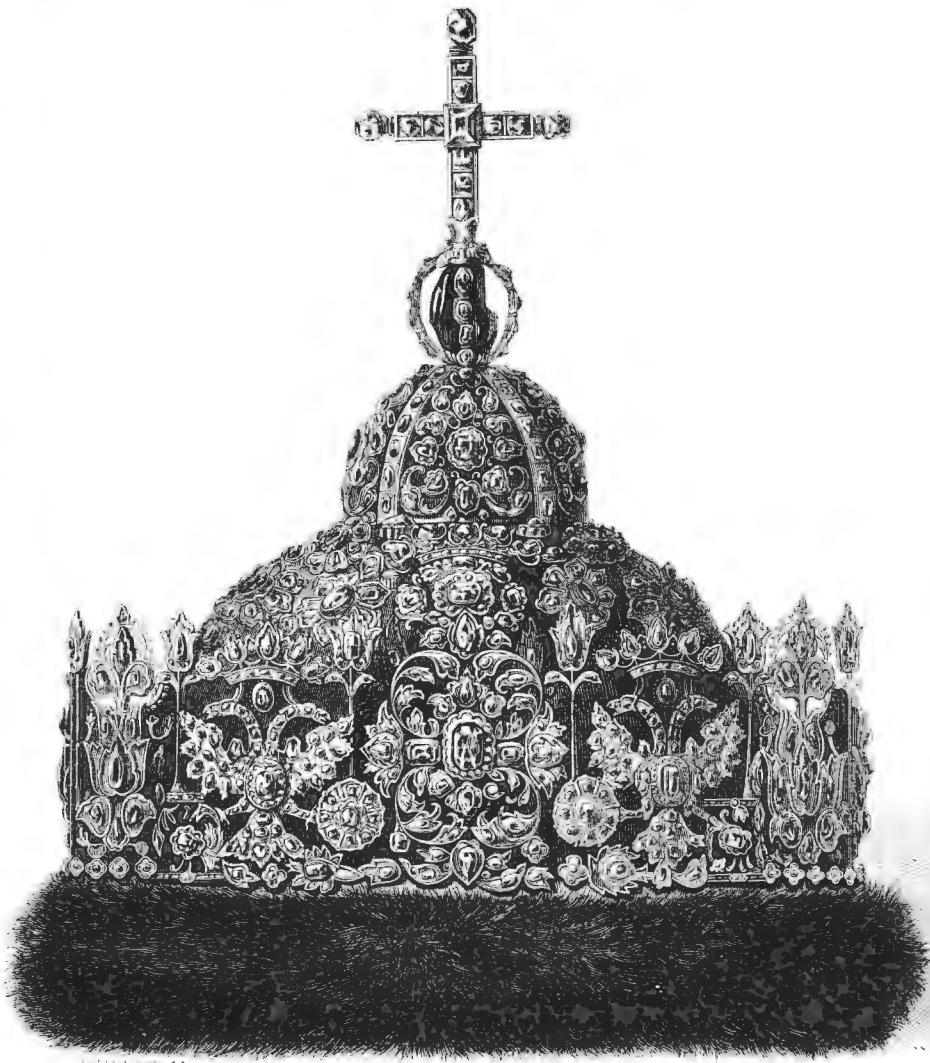
Библиотека "Руниверс"

чанія подь охраной принесихъ ихъ вельможъ, чтобы, какъ говорится въ чинѣ,— „никто-же отъ простыхъ чело-вѣкъ не прикоснулся того царскаго сана и вѣнца“. Впослѣдствіи св. крестъ и царскіи регалии хранились на казенномъ дворѣ и потому ихъ перенесеніе было еще торжественнѣе; при колокольномъ звонѣ, среди колѣнопреклоненнаго народа несли ихъ съ казеннаго двора на „Государевъ дворъ“ къ Великому Князю, а отсюда уже отправляли въ церковь.

По извѣщеніи, что въ „Соборнѣй апостольстѣй церкви по его Великаго Государя приказу къ его царскому вѣнчанію вся уже готова“, Великій Князь выходилъ изъ дворца, предшествуемый обыкновенно своимъ духовникомъ, несшимъ крестъ и окропившимъ весь путь святою водою, и сопровождаемый своимъ семействомъ, вельможами, боярами, дѣтьми боярскими и всѣмъ народомъ. Процессія встрѣчается въ соборѣ, по обычаю, многолѣтіемъ и затѣмъ Великій Князь шелъ поклониться мощамъ и святымъ иконамъ и затѣмъ уже принималъ благословеніе митрополита. Потомъ начинался молебенъ Пресвятой Богородицѣ и Чудотворцу Петру, по окончаніи котораго все священство становилось на свои мѣста, а народу внушалось, чтобы онъ благоговѣлъ передъ важностью предстоящаго таинства, стоялъ бы „со всякимъ молчаніемъ и крѣпостію, и цѣломудріемъ и вниманіемъ“. Это сосредоточенное, благоговѣйное ожиданіе народа прекрасно характеризуется „чиномъ“. „Бываетъ же въ эту пору, говоритъ онъ, по всей церкви въ народѣ великое молчаніе и тишина, да никто же дерзнетъ вѣнцати праздный глаголь, но всѣ со страхомъ и трепетомъ предстоя, благодарственную славу Богу возсылаютъ за Государя Великаго Князя, зря къ Великому Князю, ожидаютъ рѣчи его къ митрополиту и митрополитъ рѣчи къ Великому Князю“. Дѣйствительно, послѣ нѣкотораго времени общей благоговѣйной тишины, Великій Князь и митрополитъ поднимались съ своихъ мѣстъ и собственно обрядъ „вѣнчанія на царство“ начинался рѣчью Великаго Князя, обращенною къ митрополиту, въ которой будущій помазанникъ Божій излагалъ свои законныя права на прародительскій престолъ,

свое единодушное избраніе народомъ и въ заключеніе просилъ митрополита, чтобы тотъ его „благословилъ, и поставилъ, и помазалъ, и нарекъ Великимъ Княземъ, боговѣнчаннымъ Царемъ, и вѣнчалъ бы царскимъ вѣнцомъ по древнему царскому чину“. Митрополитъ отвѣчалъ также рѣчью, въ которой, признавая всѣ законныя права Государя на вѣнчаніе и изложивъ вкратцѣ историческія данныя объ его восшествіи на престолъ, заканчивалъ, что святая церковь готова осѣнить его своею благодатію и приобщить къ великому таинству.

Митрополитъ возлагалъ вѣнецъ на Великаго Князя и взявъ его за правую руку, ставилъ на царское мѣсто. Тѣмъ же порядкомъ приносились скипетръ и яблоко и митрополитъ, принявъ ихъ, давалъ ихъ Великому Князю съ краткою, обыкновенною рѣчью: „О, боговѣнчанный Царю, Князь Великій, Самодержецъ! Примми отъ Бога вданное ти скипетръ и яблоко владомое, еже поручи Господь Богъ правити хоругви великаго царства Россійскаго! Блуди и храни его, елика твоя сила, съ Божіею помощію“. Тогда Князь бралъ скипетръ въ правую руку, а яблоко въ лѣвую и кланялся не снимая вѣнца. Вѣнецъ Царя Михаила Теодоровича изображенъ на нашемъ рис. (стр. 483). Это собственно корона царства Астраханска-

Корона Царя Ивана Алексѣевича. Съ фот. грав. Панемаверъ.

го, называлась *фряжскою*. Митрополитъ, благословивъ боговѣнчаннаго Царя, бралъ его за правую руку и сажалъ на царское мѣсто, а самъ отходилъ и садился на своемъ. Когда же начиналась ектенья, то всѣ снова вставали и слушали, какъ молитвенно вспоминались имена царской фамилии и читалась митрополитомъ молитва къ Пресвятой Богородицѣ. Затѣмъ слѣдовало многолѣтіе Царю, возглашаемое архиѡкономъ или протоѡкономъ и повторяемое священникомъ въ алтарѣ и дьякономъ на крылосѣ. По многолѣтіи митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ приносилъ поздравленіе Великому Князю, при чемъ было въ обычаѣ произносить рѣчи. За духовенствомъ приносили поздравленія братья Великаго Князя, его дѣти, потомъ бояре и прочіе присутствовавшіе. Вслѣдъ за поздравленіями, митрополитъ обыкновенно говорилъ поученіе Великому Князю и наставлялъ его въ различныхъ душеполез-

ныхъ предметахъ, необходимыхъ для властителя царства. Окончивъ поученіе, митрополитъ совершалъ отпустъ молебну, снова осѣнять Великаго Князя и его семью св. крестомъ и затѣмъ уже начиналась божественная литургія, во время которой нововѣнчанный Царь стоялъ на тронѣ во всемъ царскомъ убранствѣ: въ вѣнцѣ, при скипетрѣ и державѣ. При „маломъ выходѣ“, во время литургіи, когда архидьяконъ подноситъ митрополиту Святое Евангеліе, митрополитъ, поцѣловавъ его, посылать съ архидьякономъ къ Великому Князю, а послѣдній, снявъ съ себя царскій вѣнецъ, лобызаятъ Евангеліе и совершивъ поклонъ, снова надѣвалъ корону. Такое же сняманіе вѣнца наблюдалось и при чтеніи Евангелія и во время такъ называемаго „великаго выхода“. Послѣ же великаго выхода на Князя возлагался послѣдній виѣшній знакъ царскаго сана—золотая цѣпь аравійскаго злата, присланная, какъ мы уже выше упомянули, также Константиномъ Мономахомъ для вѣнчанія Князей русскихъ.

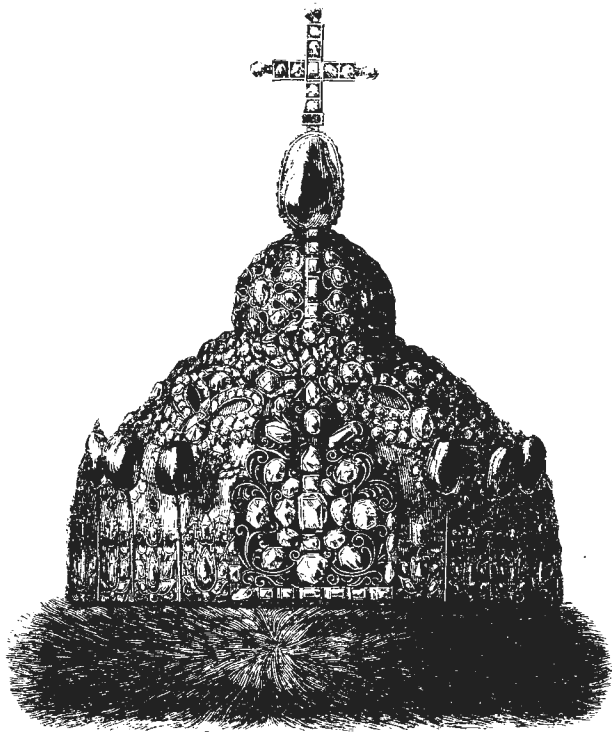
Муропомазаніе совершалось послѣ того, когда митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ пріобщался Св. Таинъ и когда снова открывались царскія двери. Тогда Царь призывался для принятія таинства муропомазанія и причащенія архидьякономъ и протопопомъ, говорившими при семъ слѣдующее: „боговѣнчанный Царь! призываетъ тя митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ на помазаніе великаго муро, ко причастию святыхъ, животворящихъ, божественныхъ Христовыхъ та-

тое муро на золотомъ блюдѣ въ драгоценномъ сосудѣ, крестилъ его трижды, и затѣмъ помазывалъ имъ Царя на челѣ, на обоихъ ухахъ, на груди и на плечѣ, на рукахъ и на ладоняхъ, произнося при каждомъ помазаніи: „Печать дара Духа Святаго, аминь“.

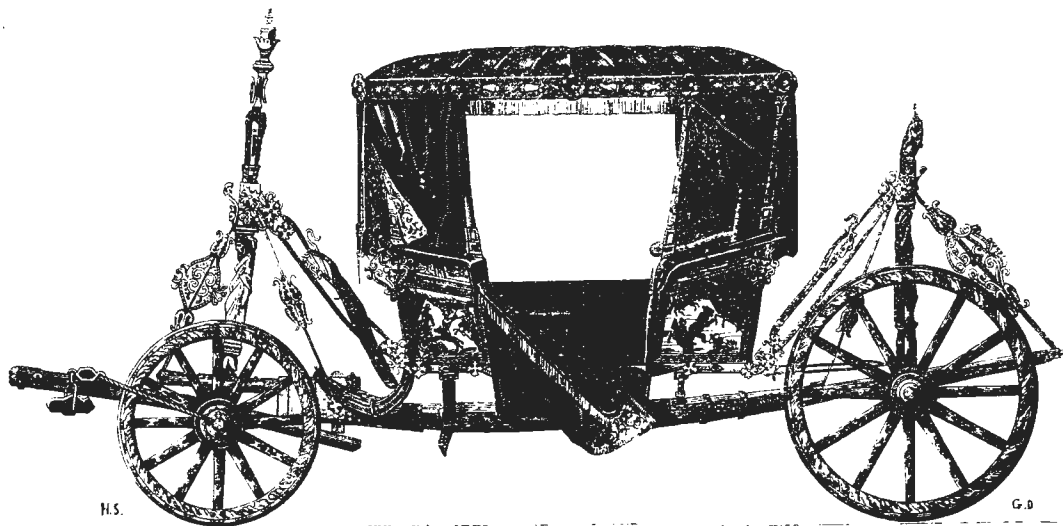
Первая форма вѣнчанія, т. е. при посредствѣ отца или другаго родственника, мы встрѣчаемъ въ первый разъ въ 1498 году, при вѣнчаніи на царство Великимъ Княземъ Иоанномъ III внука своего Дмитрія. При этомъ дѣдъ напутствовалъ своего юнаго внука слѣдующимъ поученіемъ: „Внукъ Дмитрій! Благословиъ я тебя Великимъ Княжествомъ, а ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость и не кись о всемъ христіанствѣ“.

Съ этого то именно вѣнчанія на царство Дмитрія Ивановича начинается преемственный рядъ вѣнчаній, слѣдовавшихъ всѣмъ обрядамъ древняго чина 1114 года; кромѣ того всѣ чины этихъ вѣнчаній сохранились для потомства, кромѣ трехъ, которыя утрачены—коронованія Василия Ивановича, Лжедмитрія и Петра III. Сравнивая эти чины, можно иногда замѣтить нѣкоторыя разности, вносимыя въ нихъ съ теченіемъ времени; такъ врученіе Царю державы собственно началось съ Василия Ивановича Шуй-

скаго; порфира въ первый разъ была возложена на Осодора Алексѣевича; съ него же укоренился обычай давать церкви подробное исповѣданіе вѣры. Кромѣ того для вѣнчанія Петра и брата его Иоанна, по необходимости, сдѣланы были новые вѣнцы, въ за-

Корона Петра I Алексѣевича. Съ фот. грав. Панемакерь.

Царская карета XVI в. Съ фот. грав. Папсмакерь.

инъ, гряди о Святомъ Дусѣ съ миромъ!“ За этимъ приглашеніемъ слѣдовало шествіе Царя, во всемъ царскомъ уборѣ „тихо и благочинно“, по пути, устланному бархатомъ и коврами, къ царскимъ дверямъ, предъ которыми Царь снималъ съ себя вѣнецъ, а скипетръ и яблоко отдавалъ сродникамъ или приближеннымъ боярамъ. Здѣсь же передъ царскими дверями совершалось и муропомазаніе; митрополитъ, принявъ отъ архіепископовъ свя-

мленъ шапки Мономаховой, которая, впрочемъ, какъ священная древность, всегда выносилась и послѣ, при вѣнчаніи, въ числѣ прочихъ царскихъ регалій. Coronы эти изображены у насъ на стр. 486 и 487. Шапки брилліантовыя. Подъ крестомъ въ вѣнцѣ лалъ (рубинъ), но вѣнцу, въ орлахъ и травахъ 880 алмазовъ. Вѣнцы сдѣланы были сдѣланы изъ коронъ брата царей, бывшаго Царя Осодора. Двойной этотъ тронъ, сдѣлан-

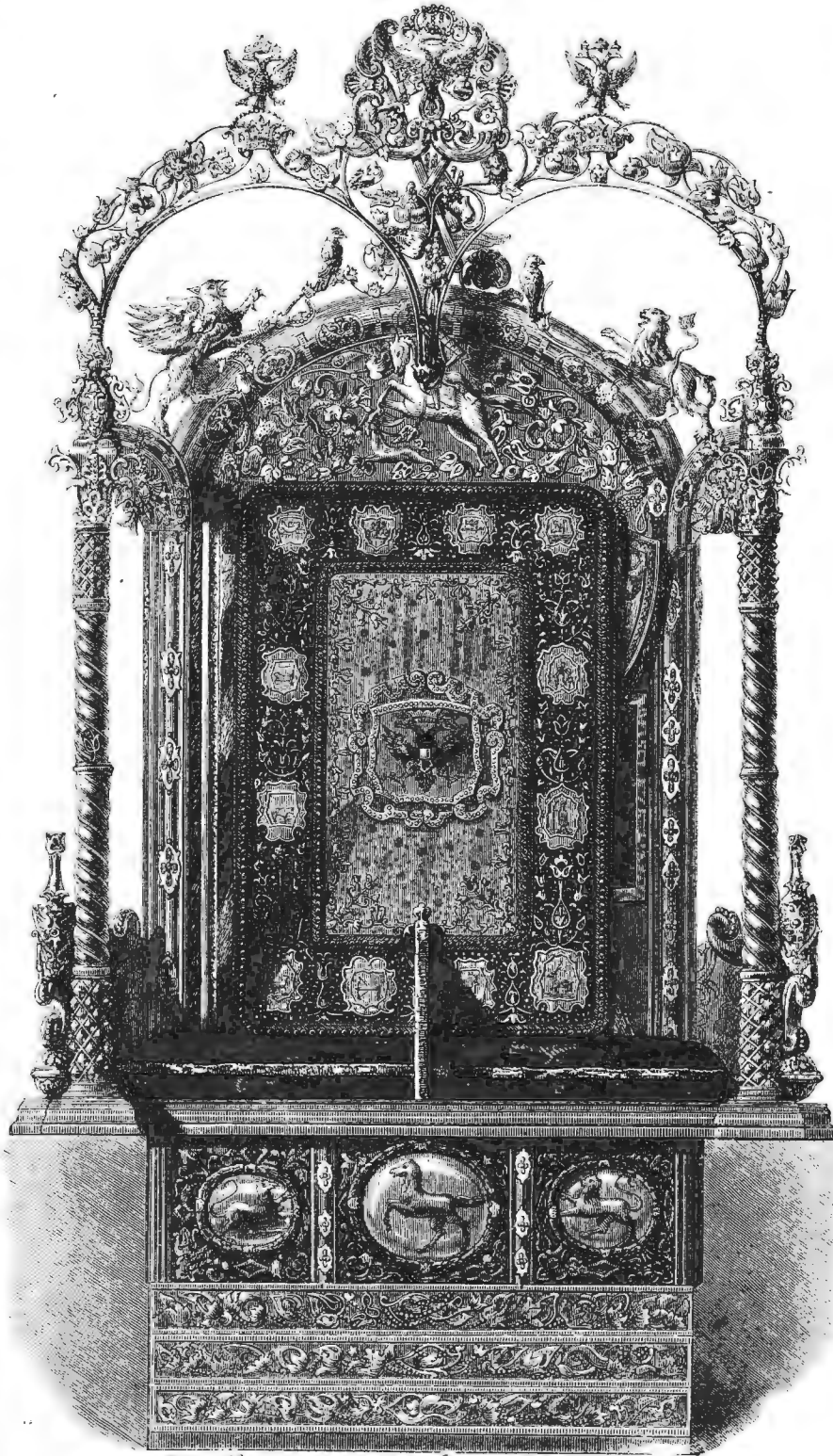
ный также по этому случаю, изображенъ здѣсь на нашемъ рисункѣ. Онъ сдѣланъ былъ въ Гамбургѣ изъ серебра.

Иногда поставленію на царство предшествовалъ обрядъ „благословенія“. Такъ при избраніи въ Цари Бориса Теодоровича Годунова, вѣроятно, по случаю предварительнаго „благословенія“ на царство, нѣсколько былъ видоизмѣненъ древній чинъ вѣнчанія; по возложеніи на Государя „честнаго креста Петра чудотворца, еже есть начало царскаго Его Государева вѣнчанія и скипетродержанія“, Государь слушалъ литургію, но не видно, чтобы при этомъ онъ помазывался мвромъ и причащался Св. Таинъ. При вѣнчаніи же на царство Теодора Алексѣевича, бывшемъ 18-го іюня 1676 года, произошли новыя перемѣны въ чинѣ коронованія, остающіяся въ силѣ во всѣхъ позднѣйшихъ коронаціяхъ. Какъ на самую существенную изъ такихъ перемѣнъ, можно указать на чтеніе вѣнчающимся Государемъ сумвола православной вѣры. Дополненіе это, безъ сомнѣнія, вызвано появленіемъ у насъ раскола и служило какъ бы публичнымъ признаніемъ постановленій собора 1656 г. Вѣнчаніе на царство Теодора Алексѣевича, патриархъ Іоакимъ въ первый разъ обратился къ нему съ вопросомъ: „Великій Государь! Царь и Великій Князь Теодоръ Алексѣевичъ! Како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Святаго Духа?..“ Государь въ отвѣтъ прочиталъ весь сумволъ православной вѣры, по прочтеніи котораго патриархъ произнесъ: „Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою“. Кромѣ того Царь Теодоръ Алексѣевичъ былъ впервые введенъ патриархомъ въ алтарь, гдѣ и причастился Св. Таинъ, какъ обыкновенно причаща-

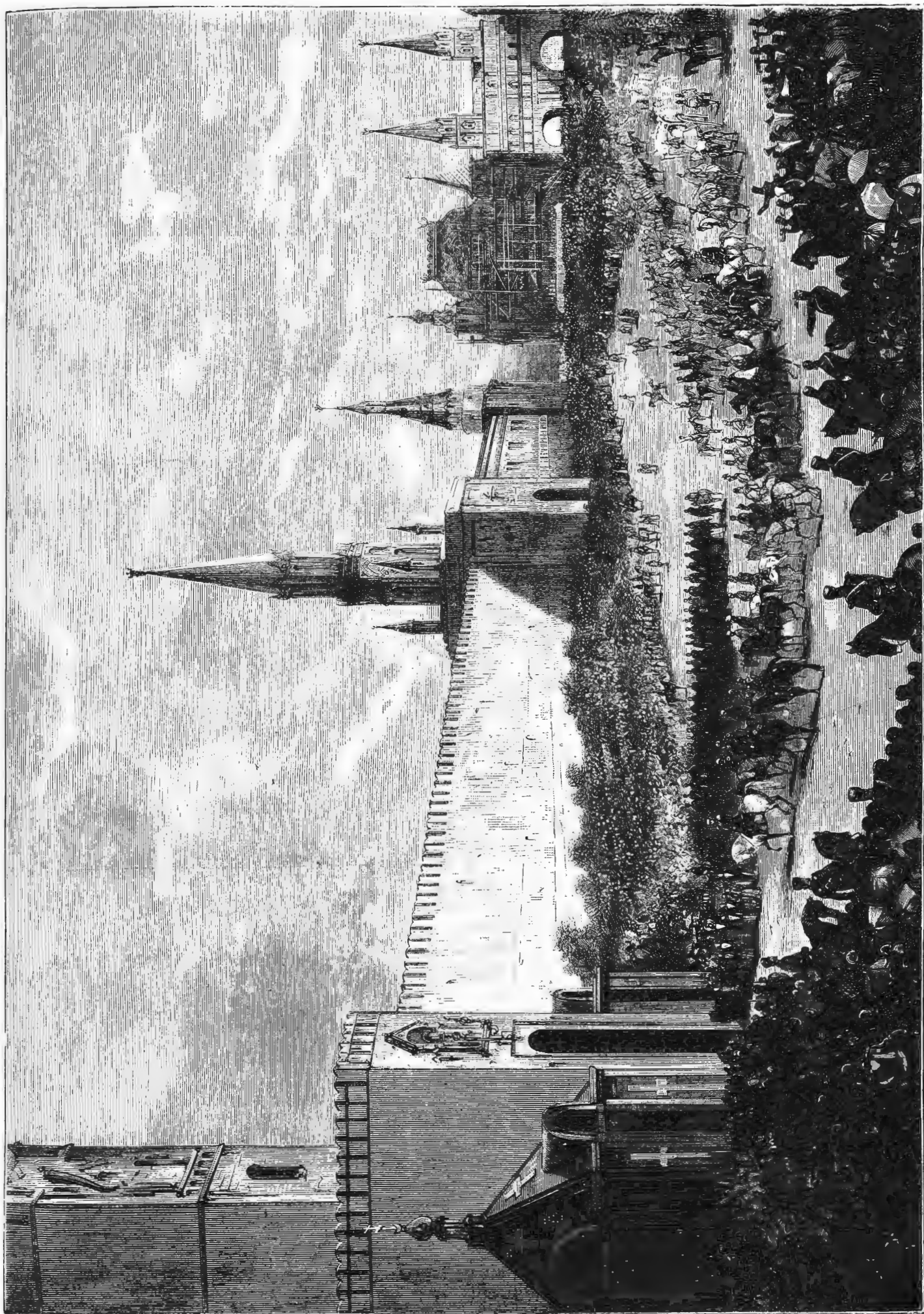
ются священнослужители, т. е. особо тѣла, и особо крови Христовой. Послѣ вѣнчанія, царскія сукна, украшавшія мѣста Государей, отдавались въ прежнее время въ добычу народу, но при коронованіи Теодора Алексѣевича порядокъ этотъ былъ измѣненъ; бархаты и атласы были отнесены въ государеву казну, а красныя сукна, которыми былъ устланъ полъ храма до царскихъ дверей, Государь пожаловалъ церковникамъ, пѣвчимъ и вообще клиру.

Древній чинъ вѣнчанія во всей его неприкосновенности былъ выполненъ въ послѣдній разъ 25-го іюня 1682 года, при коронованіи Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, по для двухъ коронуемыхъ Государей уже требовались двѣ короны, два скипетра и двѣ державы. Іоаннъ Алексѣевичъ пользовался прежними регалиями; для Петра же Алексѣевича сдѣланы были новыя — точный снимокъ съ прежнихъ. Корова замѣнила теперь — шапку Мономахову, которою послѣдній вѣнчался Царь Теодоръ. Тогда же были сдѣланы и широкій тронъ (о которомъ мы выше говорили; онъ изображенъ здѣсь на нашемъ рис.) въ видѣ кресель, разгороженныхъ надвое, золотыхъ, съ драгоценными камнями, предназначенныхъ для коронаціи, а также для будущихъ торжественныхъ аудіенцій двухъ, совместно царствующихъ Государей.

Характерной чертой царскихъ вѣнчаній древней, допетровской Руси, было отсутствіе на нихъ женщинъ. Такъ супруга Великаго Князя Теодора Іоанновича, Царица Ирина Теодоровна, во время вѣнчанія, сидѣла въ коронѣ у раствореннаго окна своей палаты, окруженная знатными боярынями и боярышнями. Исключеніемъ является лишь вѣнчаніе въ 1606 году Марии Мишедь.

Серебряный тронъ Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Съ фот. грав. Папемакерь.

Коронація въ Москвѣ. Торжественный въѣздъ Государя въ Москву. Приближеніе поѣзда къ Кремлю.

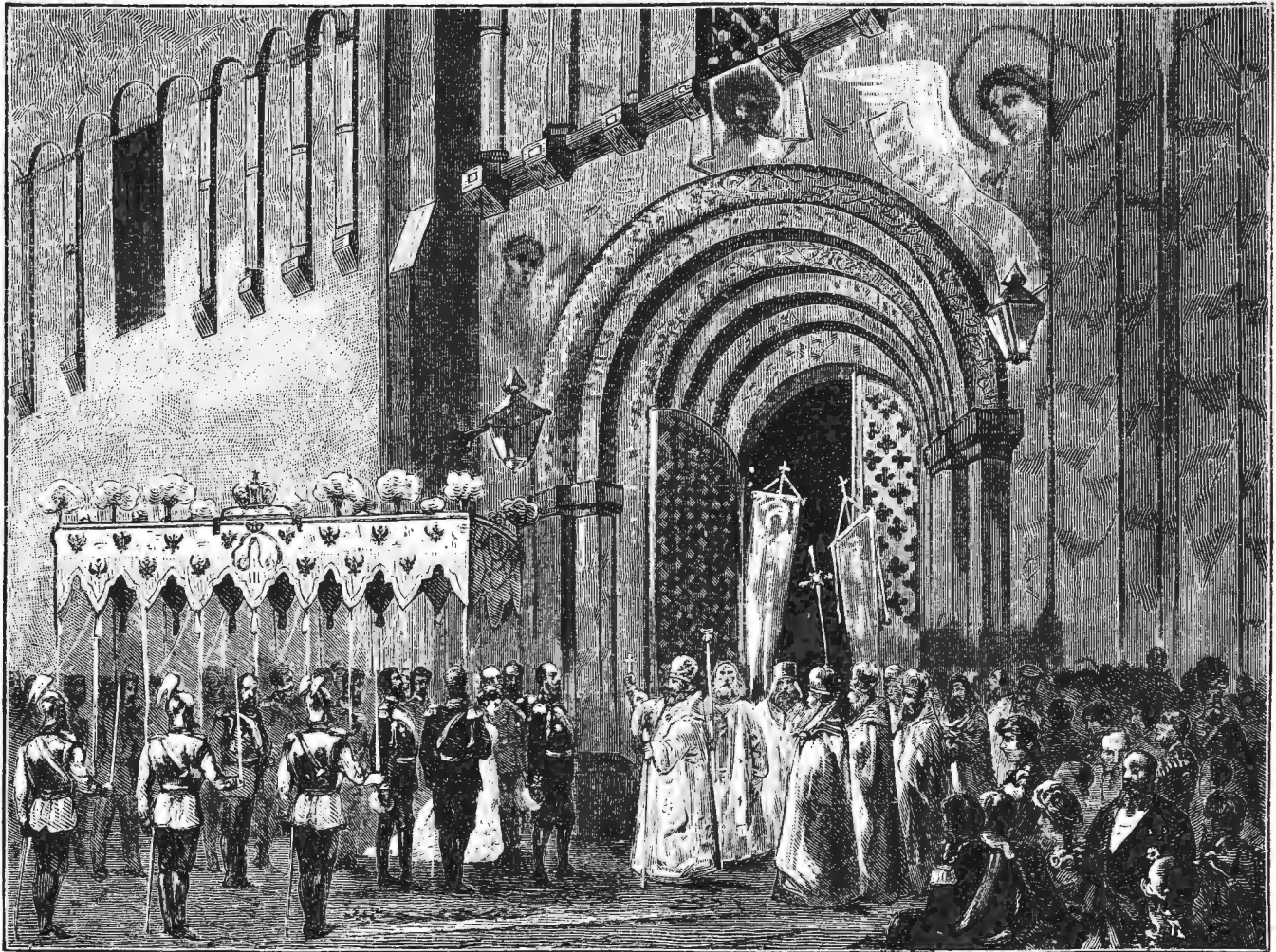
Рис. нашего специального корреспондента Н. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскій.

О коронаціи Императоровъ

При Петрѣ древняя Русь оканчиваетъ свое существованіе; реформы коснулись всего ея строя, всей ея жизни и даже отразились на самомъ чинѣ вѣнчанія на царство. Со времени Петра пространная русская держава облеклась новымъ величіемъ и ея повелители приняли высокій титулъ Императоровъ и конечно вѣнчаніе Императоровъ уже должно было носить болѣе величественный, болѣе грандіозный характеръ. При вѣнчаніи древнихъ Царей Русскихъ выдающаяся роль принадлежала всегда представителю церкви—митрополиту или патриарху; во время церемоніи онъ возсѣдалъ въ церкви на особо устроенномъ возвышеніи, рядомъ съ Царемъ; онъ самъ возгла-

влялъ торжественно два жареные быка колоссальныхъ размѣровъ, начиненные внутри разнаго рода дичью. Тутъ же вблизи рундуковъ были устроены фонтаны, бившіе краснымъ и бѣлымъ виномъ.

Такое народное угощеніе и празднество было тогда на Руси совершенно новостью; всѣ коронаціи допетровскаго времени почти ограничивались однимъ религиознымъ торжествомъ и нигдѣ не упоминается, чтобы по этому поводу дѣлались какія нибудь увеселенія для народа. Только въ описаніи коронаціи на царство Государя Ѳеодора Ивановича (1584), мы встречаемъ, что широкое угощеніе народа продолжалось цѣлую недѣлю и

Коронація въ Москвѣ. Встрѣча Митрополитомъ Государя Императора передъ Успенскимъ Соборомъ. Оригиналъ съ натуры нашего спеціального корреспондента Н. П. Каразина, грав. Ю. Барановскій.

галъ на него знаки царскаго достоинства, онъ же изъ своихъ рукъ вѣнчалъ его короною. При чинѣ же коронаціи Императорскаго, представители церкви являются въ немъ болѣе помощниками и свидѣтелями, нежели его исполнителями. Кромѣ того, вмѣсто древнихъ мономаховыхъ даровъ: креста, бармы и цѣпи изъ аравійскаго золота, къ числу главныхъ регалій присоединяется здѣсь порфира и орденъ Св. Андрея Первозваннаго, съ присвоенною ему алмазною цѣпью. Петръ Великій первый изъ русскихъ Государей объявилъ о коронаціи своей супруги народу манифестомъ и ввелъ при торжествѣ подобнаго рода, кромѣ обычнаго въ древней Руси звона колоколовъ, еще громовый салютъ изъ пушекъ и ружей. Самый чинъ вѣнчанія началъ выполняться нѣсколько иначе, нежели прежде, хотя обрядъ совершался по прежнему въ Москвѣ, какъ въ столицѣ первопрестольной.

Съ Петра I чинъ коронаціи установился тотъ, который, въ общемъ, въ томъ же видѣ сохранился и донынѣ.

Коронаціонныя торжества при Петрѣ I продолжались до 16-го мая, т. е. болѣе недѣли, и въ это время дано было нѣсколько бабловъ и сожжено нѣсколько фейерверковъ. Но особенно замѣчательно было празднество, данное 10-го мая на Царицыномъ лугу, окончившееся блестящимъ фейерверкомъ и въ которомъ принимали участіе всѣ чужестранные послы. Кромѣ того, въ день коронаціи, для простаго народа было приготовлено праздничное угощеніе. На Красной площади возвышались два рундука, на ко-

закончилось большимъ военнымъ парадомъ за чертою города. Здѣсь на лугу были собраны стрѣльцы, одѣтые въ бархатные и суконные кафтаны и Государь проѣзжалъ между ними на конѣ, съ многочисленной и пышной свитой, при громѣ 170 мѣдныхъ пушекъ.

При коронаціи Императрицы Екатерины I, впервые мы видимъ присутствіе въ храмѣ при церемоніи знатнѣйшихъ дамъ и дѣвицъ, которымъ было указано Петромъ быть при торжествѣ въ богато-убранныхъ робахъ, при жемчугахъ и драгоценныхъ камняхъ.

Послѣ Императрицы Екатерины I, царствовавшей очень недолго (она умерла 7-го мая 1727 года), на російскій престолъ вступилъ внукъ Петра Великаго, Петръ II. По внушенію Верховнаго Тайнаго Совѣта, юный, двѣнадцатилѣтній Императоръ, въ октябрѣ 1727 года, объявилъ народу манифестомъ, что онъ намѣренъ въ слѣдующемъ году короноваться въ Москвѣ, по обычаямъ своихъ предковъ. Дѣйствительно, 9-го января 1728 года, Петръ II былъ уже на пути къ Москвѣ. Въ Новгородѣ была устроена для юнаго Государя торжественная встрѣча; въ предмѣстьи города были воздвигнуты триумфальныя ворота, предъ которыми толпа отроковъ въ бѣломъ одѣяніи, ученики греко-латинскихъ школъ, выступили на срѣщеніе Государя и привѣтствовали его латынскими и русскими рѣчами. Такая же восторженная встрѣча была устроена юному Императору въ Москвѣ, гдѣ онъ вѣнчалъ въ триумфальныя ворота, украшенныя ко-

врами и эмблематическими, приличными случаю, картинами. Самый обряд коронации не отличался никакими особенностями; вслѣдъ за коронаціей начались забавы и увеселенія какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, при чемъ въ послѣднемъ происходило особенное, ученое торжество—чрезвычайное собраніе Академіи Наукъ, въ которомъ академикъ Байеръ читалъ латинскіе стихи, написанные въ честь этого великаго дня. Народу были оказаны большія милости: наканунѣ коронаціи, 24-го февраля, Верховный Тайный Совѣтъ обнародовалъ Высочайшій манифестъ о прощеніи педомокъ и неоплаченныхъ штрафовъ и объ облегченіи наказаній для многихъ преступниковъ.

Слѣдующая затѣмъ коронація Императрицы Анны Іоанновны (28-го апрѣля 1730 года), происходила почти въ томъ же порядкѣ и при соблюденіи того же церемоніала, какъ при предшествовавшихъ двухъ коронаціяхъ. Среди регалій красовалась теперь новая корона, заказанная Императрицей Анной по образцу короны Екатерины I, но осыпанная большимъ числомъ драгоценныхъ камней, которыхъ въ новой коронѣ насчитывалось до 2579. Нововведеніемъ же была лишь та умильная молитва, которая теперь обыкновенно читается Государемъ на колѣняхъ, послѣ его облаченія въ порфиру. Послѣ прочтенія Государыней этой молитвы, всѣ присутствовавшіе преклоняли колѣна и первенствующій іерархъ, архіепископъ Феофанъ (также стоя на колѣняхъ), прочелъ другую благодарственную молитву, въ продолженіи которой одна Императрица стояла на своемъ тронѣ среди колѣнопреклоненнаго народа. Кромѣ того Императрица Анна, первая изъ русскихъ Государынь, была введена послѣ муропомазанія въ алтарь для причащенія Св. Таинъ. При обратномъ шествіи изъ собора, народу бросались серебряные жетоны, „при заплѣ изъ пушекъ и изъ ружья, съ играющими трубами, литаврами и барабанами и во вся колокола звономъ“; высшимъ лицамъ раздаваемы были медали различнаго достоинства: золотыя—въ 50 и 12 червонныхъ, и серебряныя—однѣ по 24 и другія по 12 золотниковъ.

Для угощенія народа на площади, предъ Грановитую палату, какъ и при предшествовавшихъ двухъ коронаціяхъ, были выставлены на рундукахъ жареные быки, наченные птицами, а по бокамъ били фонтаны изъ краснаго и бѣлаго вина. Торжество коронаціи продолжалось цѣлые семь дней, въ продолженіе которыхъ непрерывно слѣдовали балы, фейерверки и иллюминаціи. Каждую ночь Москва озарялась тысячами огней, но особенно блистательно были иллюминированы дома нѣкоторыхъ посланниковъ, какъ напримѣръ испанскаго Дока ди-Лирія, который устроилъ противъ своего дома громадную арку и освѣтилъ ее восемью тысячами свѣчей. 2-го мая 1730 года, Императрица дала роскошный праздникъ въ лѣтнемъ Головинскомъ дворцѣ, блескъ и великолѣпіе котораго удивили даже самыхъ избалованныхъ всякою роскошью иностранныхъ дипломатовъ, а 3-го мая происходилъ балъ въ Грановитой палатѣ. Кромѣ того были устроены различныя забавы для народа и забавы очень затѣйливыя: такъ, на Дворцовой площади, отъ Краснаго крыльца на колокольню Ивана Великаго былъ протянутъ канатъ, на которомъ, для удовольствія публики, плясали и выкидывали разныя штуки какой-то акробатъ, родомъ персіянинъ. Во время праздника были отправлены на лошады два чиновника высокаго ранга, а именно дѣйствительные статскіе совѣтники—Новосильцевъ и Баскаковъ, чтобы бросать народу серебряные жетоны и кромѣ того сама Государыня часто подходила къ окну и изволила бросать въ толпу жетоны, вычеканенные изъ серебра и золота. Придворныя празднества, вызванныя коронаціей, закончились 5-го мая придворнымъ баломъ, послѣ котораго былъ сожженъ блестящій фейерверкъ, устроенный напротивъ Кремлевскаго дворца. Въ Петербургѣ народными увеселеніями по случаю коронаціи распоряжался графъ Минихъ, которому дозволено было Императрицей издержать на этотъ предметъ до тысячи рублей изъ остаточныхъ суммъ военной коллегіи.

При коронаваніи Императрицы Елизаветы Петровны (15-го апрѣля 1742 года), праздники при дворѣ продолжались болѣе мѣсяца, а народныя увеселенія цѣлую недѣлю. Въ первые же три дня для пользованія народа были выставлены жареные быки съ птицами и рыбами, устроены фонтаны вина, и Государыня бросала жетоны изъ окна Грановитой палаты.

Коронаваніе Екатерины II было однимъ изъ самыхъ блестящихъ. 7-го іюля 1762 года явился манифестъ, что коронаваніе совершится въ сентябрѣ мѣсяцѣ и тогда же начались къ нему обширныя приготовленія. Между прочимъ была приготовлена и новая корона, которая до сихъ поръ остается короной русскихъ Императоровъ.

Какъ вѣздъ въ Москву, такъ и коронація Великой Екатерины отличалась особенною пышностью, хотя во всемъ держалась порядкомъ церемоній и празднествъ, бывшихъ при коронаваніи Елизаветы Петровны. Ликовала Москва не только днемъ, но и ночью; ночью она утопала въ заревѣ иллюминаціи; во многихъ мѣстахъ высались затѣйливые, освѣщенные транспаранты, украшенные по модѣ того времени, символическими картинами и надписями. Повсюду видѣлись геніусы и фамы, которыя въ трубы говорили витѣватія поздравленія. Такія празднества продолжались въ Москвѣ цѣлую недѣлю и ихъ заключеніе ознаме-

новалось блестящимъ фейерверкомъ, устроеннымъ противъ Кремля на Замоскворѣчьи.

Къ коронаціи Императора Павла I, совершившейся 5 апрѣля 1797 года, въ первый день Пасхи, были сдѣланы роскошныя приготовленія. Къ ней же Павелъ заказалъ драгоценный Императорскій скипетръ, т. е. золотой жезлъ, главѣйшую цѣнность котораго составляетъ единственный въ своемъ родѣ алмазъ, стоящій болѣе двухъ съ половиною миліоновъ. Этотъ алмазъ извѣстенъ подъ названіемъ „Орлова“ и принадлежалъ нѣкогда, какъ говоритъ преданіе, великому Моголу, служа лучшимъ украшеніемъ его трона. Въ то же время по заказу Императора Павла была сдѣлана и Императорская держава—золотой шаръ въ формѣ земнаго глобуса, на верху котораго красуется крупнѣйшій синій яхонтъ—сапфиръ, а на сапфирѣ утверждены алмазные крестъ. По самой срединѣ державы и на верху ея около сапфира идутъ полосы, унизанныя въ нѣсколько рядовъ брилліантами и алмазами. Кромѣ того, такъ какъ Императоръ Павелъ, первый изъ нашихъ Государей короновался одновременно съ своей благовѣрной супругой, то для послѣдней потребовалась другая корона. Эта корона была сдѣлана меньшаго размѣра, но совершенно одинаковая и схожая во всѣхъ подробностяхъ съ короной Государя.

Въ торжественный день своей коронаціи Императоръ Павелъ издалъ три замѣчательныя узаконенія: учрежденіе объ Императорской фамиліи; установленіе объ русскіихъ Императорскихъ орденахъ и актъ о престолонаслѣдствіи. Кромѣ того, этотъ же день былъ ознаменованъ немалымъ благодѣяніемъ для помѣщичьихъ крестьянъ: 5-го апрѣля 1797 года, обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ „о трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни“.

Угощеніе народа во время коронаціи Императора Павла происходило на лобномъ мѣстѣ и на Никольской улицѣ.

Коронаваніе Александра I, какъ и самое его воцареніе, сопровождалось изъявленіями самаго искренняго народнаго восторга. Это былъ, дѣйствительно, народный праздникъ, въ полномъ значеніи этого слова, и современники съ восхищеніемъ рассказываютъ, съ какимъ энтузіазмомъ Москва встрѣчала юнаго, обожаемаго всѣми Государя. Первый пышный актъ коронаціоннаго торжества составилъ вѣздъ Императорской фамиліи въ древнепрестольную столицу.

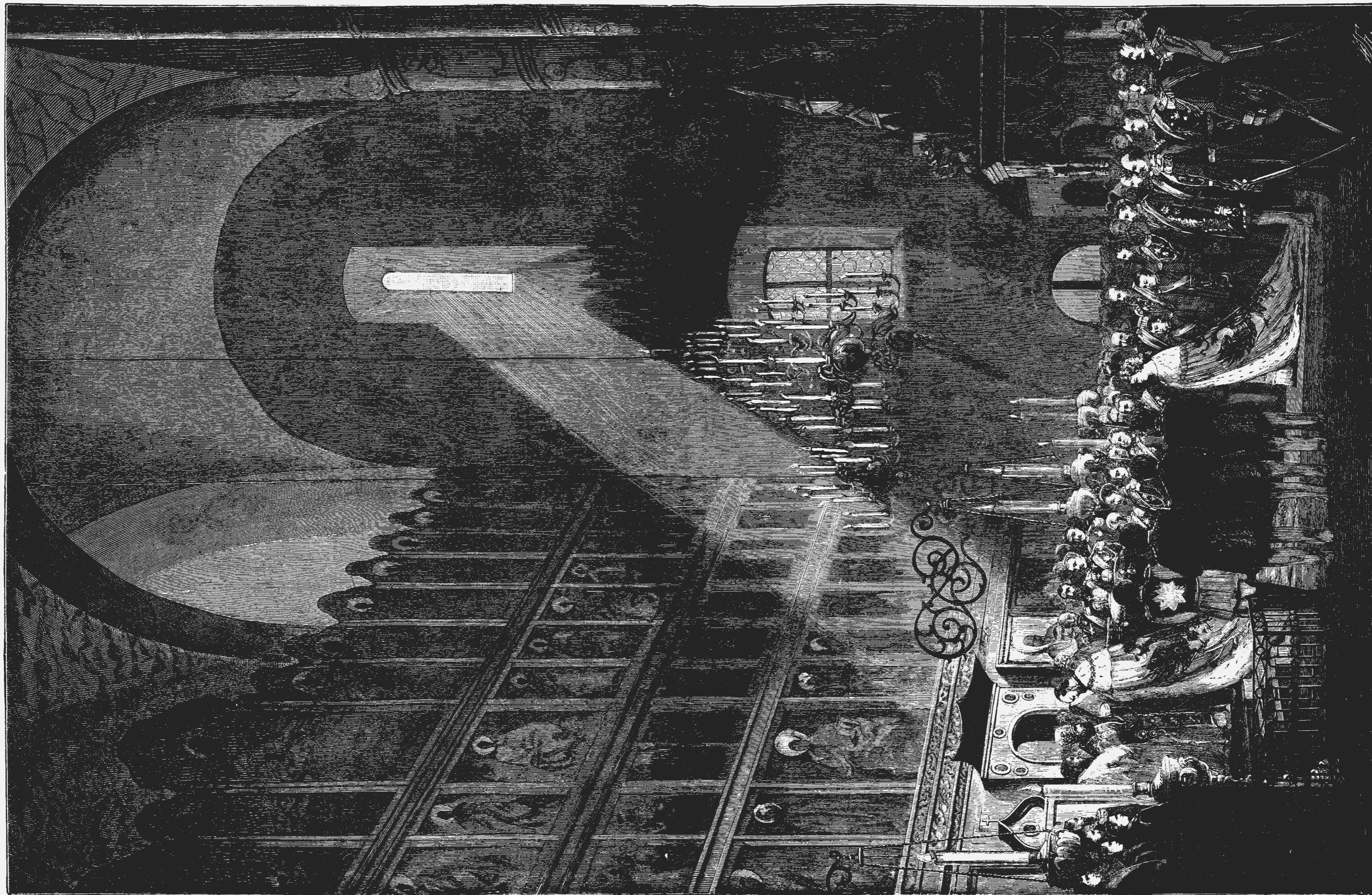
Рѣчь митрополита Платона, сказанная при чинѣ коронаванія Императора Александра I, остается до сихъ поръ замѣчательнымъ памятникомъ нашего духовнаго краснорѣчія. Особенно удачно въ ней то мѣсто, гдѣ витія говоритъ о заботахъ и обязанностяхъ, присущихъ Царскому сану. „Сей вѣнецъ на главѣ твоей, говорилъ Платонъ Государю, есть наша слава, но твой подвигъ! Сей скипетръ есть нашъ покой, но твоё дѣланіе! Сія держава есть наша безопасность, но твоё попеченіе! Сія порфира есть наше огражденіе, но твоё ополченіе! Вся сія утварь царская есть наше утѣшеніе, а тебѣ—бремя! Бремя, но истинѣ и подвигъ!“...

Мѣсто народнаго гулянья окружено было все сплошнымъ рядомъ столовъ. Каждый столъ состоитъ изъ двухъ досокъ, на вбитыхъ въ землю столбахъ. Столы покрыты полотномъ и уставлены народными кушаньями. Въ столахъ воткнуты березки, на вѣткахъ которыхъ привязаны яблоки.

Государь самъ долженъ былъ открыть праздникъ, но народъ не дождался его пріѣзда; введенный въ заблужденіе ошибочнымъ сигналомъ, онъ стремительно бросился на столы и вмгъ расхваталъ всѣ кушанья, порвалъ яблоки и поломалъ деревья, на которыхъ они были привѣшаны. Когда въ исходѣ перваго часа пріѣхалъ Государь, то всѣ столы уже были пусты, садъ съ яблоками исчезъ и жареныхъ быковъ какъ будто не существовало. Одно вино еще не истощилось и черпалось шлепками, пригоршнями и чѣмъ попало. Государь разѣзжалъ посреди рядовъ народа и какъ привѣтливый хозяинъ угощалъ своихъ гостей: „Кушайте, будьте довольны“. „Довольны, очень довольны, Ваше Императорское Величество!“ гудѣла вслѣдъ Государю восторженная толпа.

Въ высшемъ обществѣ балы и маскарады продолжались нѣсколько недѣль. Высочайшимъ манифестомъ были дарованы народу различныя милости, и между прочимъ освобожденіе на годъ отъ рекрутскаго набора и освобожденіе отъ всякаго наказанія бѣжавшихъ за границу и возвратившихся крестьянъ.

Торжество коронаванія Николая I совершилось 22-го августа 1826 года. Государь съ супругой, матерью—Императрицею Марією Теодоровною, и прочими членами Августѣйшаго Семейства, прибылъ въ Петровскій дворецъ 21 іюля, а 25 іюля происходилъ торжественный вѣздъ въ Москву. Колокольный звонъ, пушечные выстрѣлы и восторженные крики народа не умолкали во все время шествія. Въ слѣдующіе дни, предшествовавшіе коронаванію, происходили парады и маневры войскъ, сбранныхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. При входѣ въ Успенскій соборъ, въ день коронаціи, Императоръ былъ встрѣченъ митрополитами: Новгородскимъ—Серафимомъ, Кіевскимъ—Евгеніемъ, и нововозведеннымъ въ санъ Московскаго митрополита—Филаретомъ. Послѣдній сказалъ при этомъ прекрасную рѣчь, которую онъ заключилъ словами: „Вижди, Богоизбранный и

Коронація въ Москвѣ. Священное муроломазаніе Государя Императора въ Успенскомъ Соборѣ.
Ориг. рис. нашего спеціальнаго корреспондента Н. П. Каразина, грав. Ю. Баратовскій.

Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ. Знаменіями величества облека свойства истиннаго величества. Помазаніе отъ Святаго да запечатлѣтъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ". При коронаваніи Императора Николая очевидцы замѣтили и передали потомству нѣкоторыя особенности. Такъ при возложеніи короны на Императрицу, Государь поцѣловалъ свою вѣнчанную супругу, а послѣ вѣнчанія, вдовствующая Императрица подошла къ своему коронованному сыну, обняла и поцѣловала его.

Убранство собора при коронаваніи Николая отличалось особенно пышностью. Вдовствующая Императрица Марія Теодоровна возсѣдала на тронѣ, извѣстномъ подъ именемъ Годуновскихъ кресель, присланныхъ въ даръ отъ персидскаго шаха Абаса въ 1605 году.

Коронаваніе Императора Александра Николаевича, замедленное восточной войной, совершилось лишь черезъ семнадцать мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ, а именно въ августѣ 1856 года. Обрядъ коронаванія Александра II совершился по установленному чину. Тронами служили три древніе престола: царя Іоанна III, изваянный изъ слоновой кости въ византійскомъ стилѣ—для Императора; царя Михаила Теодоровича—для Императрицы, и въ нѣкоторомъ отдаленіи престолъ Царя Алексѣя Михайловича—для вдовствующей Государыни. Во время самаго коронаванія современныя свидѣтели замѣтили нѣкоторыя трогательныя особенности. Такъ при чтеніи московскимъ митрополитомъ Филаретомъ молитвы предъ возложеніемъ порфиры и короны, Государь низко наклонилъ голову, которую при этомъ святитель покрывалъ

концомъ своего омофора. Кромѣ того замѣтили, что въ то время, какъ Государь, причастившись въ алтарѣ Св. Таинъ, дажепъ былъ принять отъ архіереявъ омовеніе устъ, андодоръ и теплоту, то онъ отошелъ на правую сторону престола, преклонилъ колѣна и горячо молился, при чемъ слезы текли изъ очей Благочестиваго Монарха. Вообще царственная чета съ глубокимъ религиознымъ чувствомъ выполняла всѣ требованія священнаго, умирительнаго обряда, и это чувство невольно передавалось всѣмъ присутствовавшимъ и даже иностранцамъ. Такъ, столь знаменитый впоследствии Мольке—свидѣтель коронаціи Императора Александра II, съ восторгомъ описываетъ въ своихъ мемуарахъ то сильное впечатлѣніе, которое на него произвели нѣкоторыя трогательныя моменты священнаго обряда. По его словамъ, Императрица-Мать съ величайшимъ напряженіемъ слѣдила за всѣмъ происходившимъ. Ее младшій Сынъ заботливо поддерживалъ, прикрывалъ порфиру, чтобы Она не простудилась. Около, съ женою американскаго дипломата сдѣлалось дурно. Великая Княгиня Елена Павловна также почувствовала дурноту, но Императрица-Мать выдержала твердо. Въ минуту поздравленій Она поднялась и твердыми шагами взошла на ступени трона, съ сіяющею короною на головѣ, влача широко разстилавшуюся порфиру. На глазахъ у всѣхъ обняла Своего Сына и благословила Его.

Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ былъ назначенъ на 8-е сентября. Ровно въ часъ пополудни Императоръ выѣхалъ изъ дворца и явился среди народа. Онъ былъ верхомъ, въ сѣрой шинели, въ конно-гренадерской каскѣ; за нимъ слѣдовали Великіе Князья и громадная свита.

Подробности наступающаго торжества въ Москвѣ.

Въ дни великаго торжества коронаванія російскихъ Государей первопрестольная Москва, болѣе чѣмъ когда либо, оправдываетъ данное ей гласомъ народнымъ стародавнее прозвище „сердца Россіи.“ Все обширное государство наше собралось сюда въ своихъ представителяхъ. Сѣздъ начался еще въ концѣ апрѣля; въ первыхъ же числахъ мая длинныя ряды вагоновъ едва могли вмѣщать громадный наплывъ сѣдвшихъ въ Бѣлокаменную. Какъ по радугамъ къ центру катили отовсюду къ Москвѣ поѣзда обыкновенныя, экстренныя, дополнительные; по Николаевской желѣзной дорогѣ изъ Петербурга такихъ дополнительныхъ отправокъ по нѣскольку въ день, и то еле хватало мѣсть; приходилось даже записываться заранѣе. Понятно страстное желаніе вѣропопданнаго народа увидѣть своего молодого Царя, быть близъ него въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ его царствованія, какъ бы „прожить“ съ нимъ вмѣстѣ этотъ моментъ! Всѣ, болѣе или менѣе, значительныя государства прислали чрезвычайныя посольства на это великое торжество русской земли. Вотъ длинный списокъ лицъ, которыя входятъ въ ихъ составъ и изъ числа которыхъ одни являются представителями своихъ государей, а другія—ихъ правительствъ. Наибольшее число прислала Германія. Во главѣ находится Е. И. В. принцъ Азьбергъ. Его Высочество сопровождаютъ генералъ-адъютантъ Тресковъ, графъ Эйленбургъ и нѣсколько лицъ свиты принца; кромѣ того—чрезвычайный и полномочный посолъ германскій при русскомъ дворѣ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Швейницъ, германскій военный агентъ въ Петербургѣ, генералъ-адъютантъ Вердери, со всѣми чинами посольства и военными депутатами тѣхъ полковъ, гдѣ Государь Императоръ изволитъ состоять шефомъ. Отъ королевства Виртембергскаго, прибылъ Е. В. принцъ Германъ Саксенъ-Веймарскій (въ супружествѣ съ сестрой Виртембергскаго короля, принцессой Августой); свиту принца составляютъ: гофъ-маршалъ графъ К. Лиуденъ, командиръ уланскаго полка, оберъ-лейтенантъ Зенцелингъ и другіе; отъ Баварскаго—Е. В. принцъ Арнульфъ, съ своимъ адъютантомъ, графомъ Дюркгеймомъ, генераломъ Бейеромъ и майоромъ баварской службы, княземъ Вреде. Со стороны Австро-Венгріи: представитель императора—Е. В. Эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, котораго сопровождаетъ его супруга, эрцгерцогиня Марія-Терезія, и свита, состоящая изъ оберъ-гофмейстера, оберъ-гофмейстерины, камергера, адъютанта и придворной дамы; представителемъ же Австро-Венгріи остался австро-венгерскій, чрезвычайный и полномочный посолъ въ Петербургѣ, графъ Автонъ Волькенштейнъ-Тростбургъ. Глава англійскаго посольства—Е. В. Герцогъ Единбургскій (Ея Императорское и Королевское Высочество, В. К. Марія Александровна, Герцогиня Единбургская, какъ извѣстно, дозволила прибыть также); при немъ состоитъ генералъ Уэльслей, нѣкоторыя другія лица и свита; Ея Величество Королева Греціи со свитой; Румелійская депутация; Итальянское посольство состоитъ изъ Его Высочества Герцога Амедея Аостскаго, прибывшаго въ сопровожденіи перваго адъютанта и оберъ-гофмаршала Е. В-ва, Драгонети, подполковника графа Колобиано и адъютанта, капитана Зоннаца; Герцогъ представляетъ особу Его Величества короля; представителемъ же Италіи пріѣхалъ чрезвычайный посолъ при англійскомъ дворѣ, графъ Нигра, причемъ должностъ посла при нашемъ дворѣ исправляетъ завыдающій дѣлами посольства въ Петербургѣ, графъ Савини.

Франція прислала чрезвычайную миссію, съ бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сенаторомъ Ваддингтономъ во главѣ и состоящую изъ полномочнаго министра, графа Понтекулана, депутата, полковника артиллеріи Ваддингтона и секретаря Декорселла; независимо сего, отъ лица президента республики прибылъ генералъ Питье, въ сопровожденіи полковника Лемезона и капитана Паеля; къ этимъ лицамъ примкнуло и французское посольство въ Петербургѣ, т. е. чрезвычайный и полномочный посолъ, вице-адмиралъ Жорестъ, первый совѣтникъ Терно-Кампанъ, секретари графъ Мутье и г. Марсаль и военные агенты. Изъ Швеціи прибылъ второй сынъ короля, Е. В. герцогъ Готландскій Оскаръ-Карлъ-Августъ, съ большой свитой; въ Москву же переѣхало, въ полномъ составѣ, и все шведско-норвежское посольство; изъ Даніи—принцъ Вильгельмъ, дядя короля, и Вольдемаръ (а также и чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при русскомъ дворѣ, Виндтъ); изъ Испаніи—Е. В. герцогъ Монпасье, генералъ Ибареба и маркизъ де Касажуэртъ, со свитой; посланникъ, маркизъ де Кампа-Саграда также находится въ нашей первопрестольной столицѣ, вмѣстѣ со всѣми чинами постоянного посольства. Бразилія, Португалія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки своими представителями акредитовали лицъ, состоящихъ уже въ качествѣ пословъ и посланниковъ въ Петербургѣ (это, какъ извѣстно, баронъ Альгандра, баронъ де Сантосъ и м-ръ Гётъ); Соединенные Штаты, кромѣ того, прислали адмирала, командующаго американской эскадрой въ Средиземномъ морѣ (въ сопровожденіи четырехъ офицеровъ). Китай уполномочилъ своего посланника въ Парижѣ и Лондонѣ, маркиза Тзенга, Японія—особаго чрезвычайнаго посланника. Ихъ Высочества князья Черногоріи и Болгаріи прибыли лично; перваго сопровождаютъ министръ иностранныхъ дѣлъ, воевода Радоничъ и первый адъютантъ князя, Маталовичъ; при князѣ Болгарскомъ также состоитъ свита изъ нѣсколькихъ приближенныхъ; Сербскій король акредитовалъ посланника Мариновича; съ нимъ пріѣхали полковникъ Ангеловичъ и подполковникъ Симоновичъ. Представителемъ Турціи явился чрезвычайный посолъ Серверъ-паша. Посла сопровождаютъ секретарь двора его величества султана, Крадзинъ-Бей, и адъютантъ его величества Измаиль-Бей и другіе, а также чрезвычайный и полномочный посолъ при русскомъ дворѣ Муширь-Шакирь-паша и свита.

Папа прислалъ Архіепископа Палутелли и Микадо Японіи—своего дядю, принца Ари-Сукава (пріѣзжавшаго въ Петербургъ въ прошлый годъ), при которомъ состоитъ камергеръ и нѣсколько секретарей. Нѣкоторыя изъ посольствъ обставлены особенной роскошью; такъ, миссія Ваддингтона привезла съ собой три замѣчательныхъ, богатствомъ и художественностью отдѣлки, церемониальныхъ экипажа, прекрасныхъ лошадей и, между прочимъ, цѣлый штатъ поваровъ, лакеевъ и т. д., для посольства же, постоянно пребывающаго при нашемъ дворѣ, было заказано одиннадцать новыхъ экипажей, не считая великолѣпнаго берлина, бывшаго президента французской республики, маршала Макъ-Магона; говорятъ, что вообще, расходы республики далеко превысятъ ассигнованный миллионъ франковъ. Для англійской миссіи и посольства экипажи и лошади также доставлены изъ Англій. Турецкое посольство помѣщается въ домѣ князя Шаховскаго-Глѣбова-Стрѣшцева, на Никитской улицѣ (платитъ за 17 тысячъ рублей); для торжества и церемоній сдѣ-

ланы были тоже новые экипажи, украшенные императорскими турецкими гербами; куплены заводския лошади (нѣкоторыя — на Орловскихъ заводахъ), изготовлены ливреи, по образцу тѣхъ, которые носятъ служители при султанскомъ дворѣ — изъ зеленого сукна, съ позументами, галунами и эссельбантами. Скажемъ, кстати, что нѣсколько лицъ изъ иностраннаго персонала говорятъ по русски, преимущественно въ германскомъ, австрійскомъ, японскомъ и турецкомъ посольствахъ. Кромѣ названныхъ выше, въ коронационныхъ торжествахъ принимаютъ участие хивинскій ханъ и сынъ Бухарскаго Эмира; и ханъ, и молодой принцъ прибыли въ сопровожденіи значительнаго числа приближенныхъ — министровъ и другихъ саповниковъ; согласно восточному обычаю, они привезли съ собой богатые подарки. Приглашены также и духовенства. Лица высшаго иновѣрнаго римско-католическаго: митрополитъ Гинтовтъ, съ двумя ассистентами, ксендзами Шадурскимъ и Грабовскимъ, и епископъ Попель; пасторы: г. Рихтеръ — евангелическо-лютеранской консисторіи и г. Юргенсъ, московскій супер-интендентъ; армянскій епископъ Макарій, оренбургскій магометанскій муфтіи и гахамъ караимскій. Изъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ заграницею, прибыли: князь Орловъ — изъ Парижа, князь Лобановъ-Ростовскій — изъ Вѣны, г. Сабуровъ — изъ Берлина, г. Целидовъ — изъ Константинополя и баронъ Моренгеймъ — изъ Лондона. Остальныхъ русскихъ участниковъ коронаванія мы здѣсь не будемъ перечислять подробно; скажемъ только, что въ настоящее время въ Москвѣ находятся всѣ высшія государственныя учрежденія: государственный совѣтъ, комитетъ министровъ, сенатъ, — т. е. 1-й департаментъ и всѣ первоприсутствующіе сенаторы, всѣ министры (товарищи остались въ Петербургѣ управлять министерствами) и т. д., часть гвардіи — кавалергардскій полкъ въ полномъ составѣ, а также и праздничные свои двухсотлѣтнія преображенскій и семеновскій, дивизионы конногвардейскаго, казачьяго и части отъ другихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ; всѣ войска, вмѣстѣ съ армейскими полками и артиллеріей, составляютъ до 55-ти тысячъ человекъ, подъ главнымъ начальствомъ Е. И. В. Государя Великаго Князя Владимира Александровича; далѣе, какъ извѣстно, — къ торжеству созваны губернскіе предводители дворянства, городскіе головы губернскихъ городовъ, съ ассистентами, председатели губернскихъ земскихъ управъ, депутаты отъ купечества, отъ мѣщанъ и крестьянъ, депутація отъ мусульманскихъ народовъ, подвластныхъ Россіи и друг. Между прочимъ, дворянство привислянскихъ губерній главою своей депутаціи избрало намѣстника Галиціи (русско-галиційскаго помѣщика), графа Потоцкаго, который, говорятъ, выходитъ изъ австрійской службы и переѣзжаетъ въ свое помѣстье въ Россію.

Представителями отъ разныхъ финляндскихъ вѣдомствъ состоятъ слѣдующія лица: генералъ-губернаторъ Финляндіи, графъ Ф. Л. Гейденъ, министр-статсъ-секретарь великаго княжества, т. сов. О. А. Брунъ, товарищъ министра-статсъ-секретаря генерал-лейт. К. Г. Эрнротъ, вице-председатель хозяйственнаго департамента финляндскаго сената, ген. отъ арт. баронъ Э. Ф. Форселль, начальникъ финскихъ войскъ, свиты Его Величества ген.-майоръ баронъ Г. Э. Рамзай, ректоръ Александровскаго университета В. В. Лагусъ, первые секретари финляндской Его Величества канцеляріи Э. Э. Стренгъ и баронъ И. С. Гринненбергъ, и состоящіе при той же канцеляріи дѣйс. ст. сов. О. А. Андерсонъ и баронъ К. Ф. Дангеншельдъ; депутатами отъ чиновъ сейма: отъ дворянства — камергеръ, бывшій ландмаршалъ сейма, баронъ В. С. фонъ-Троиль, отъ духовенства — епископъ боргоскій А. И. Горнборгъ, отъ сословія горожанъ — ст. сов. Л. И. Линделевъ и отъ крестьянскаго сословія помѣщикъ А. И. Мерманъ.

Для торжественнаго спектакля перевезенъ въ Москву петербургскій балетъ. Упомянемъ и о корреспондентахъ. Ихъ допущено 60 слишкомъ человекъ: 20 отъ русскихъ и болѣе 40 отъ иностранныхъ журналовъ. Они получили особые входные билеты и нагрудные знаки. Знакъ состоитъ изъ серебряной вызолоченой бляхи, круглой формы, около вершка въ діаметрѣ. Въ срединѣ круга, золоченаго поля помѣщена, сдѣланная рельефомъ, серебряная императорская корона чеканной работы. Яблоко, поддерживающее крестъ короны, и исходящая изъ нея лента сдѣлана изъ синей эмали. Подбой и остовъ короны украшены красною эмалью. Корону окружаютъ, въ видѣ вѣнка, дубовыя и лавровыя вѣтви, перекрещенныя внизу короны своими стеблями. Вверху короны, между верхними концами вѣтвей, надъ крестомъ, пятиконечная звезда. Вѣтви и звезда серебряныя. Все это окружено серебряною же лентою, перевязанною внизу балтою, въ который вложены два перекрещенныя пера. На лентѣ надписи изъ синей эмали „Correspondent“ „Корреспондентъ“. Знаки снабжены булавкою и въ общемъ представляютъ весьма изящную и красивую вещь, которую коронаціонная коммиссія даритъ корреспондентамъ, какъ воспоминаніе о великомъ праздникѣ Русской земли, быть лѣтописцами котораго выпало на ихъ долю.

Въ французской группѣ мы находимъ нѣсколько именъ, знакомыхъ русской публикѣ, какъ Орельянъ Шалль, Альберъ Вольфъ, Рейнь, Корнали, а также, между прочимъ, хорошо знакомый нашимъ задунайскимъ бойцамъ прошлой турецкой войны Дикъ де-Лонэ, потомокъ древняго дворянскаго дома, быв-

шій гвардеецъ Наполеона III; напомнимъ войскамъ оиѣ сопутствовать настолько же въ качествѣ корреспондента, насколько и волонтера, и удостоился награды за военное отличіе; де-Лонэ извѣстенъ своимъ руссофильствомъ. Корреспондентскимъ „корпусомъ“ заведываетъ чиновникъ Министерства Императорскаго Двора г. Вагановъ и — говорятъ — они не нахвалятся предупредительностью и заботливостью, съ какою къ нимъ относятся. Кстати, прибавимъ, что въ Москвѣ находится и одинъ изъ первыхъ богатей всего свѣта, америкаецъ Мэки.

Москва, тѣмъ временемъ, достойнымъ образомъ, изукрашалась, притоговилась къ великимъ днямъ. На всемъ пути торжественнаго въѣзда разставлены хоругви съ изображеніями на нихъ Великихъ Князей и Царей, олицетворяющихъ собою главныя эпохи русской исторіи; щиты съ гербами всѣхъ губерній и областей, входящихъ въ составъ Россійскаго государства, знамена, флаги, мачты; всюду выросли эстрады; на площади, у старыхъ триумфальныхъ воротъ устроены павильоны; въ этомъ пунктѣ Государя Императора встрѣтило городское общество, пригласившее сюда и всѣхъ городскихъ головъ и сословныхъ депутатовъ другихъ городовъ; на Красной площади, неподалеку Кремлевской стѣны, возведенъ амфитеатръ, предназначенный для воспитанниковъ народныхъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній, хоромъ пѣвчихъ и музыкантовъ, всего въ числѣ восьми тысячъ человекъ, которые размѣщены были тутъ дабы, подъ аккомпаниментъ музыки, пѣть „Слався!“ изъ „Жизни за Царя“ при проѣздѣ Государя. На Ходынкѣ тоже были готовы всѣ главныя зданія для народнаго, а въ Сокольникахъ — для военнаго прагнества; но объ этомъ — ниже.

Въ первыхъ числахъ нынѣшняго мѣсяца всѣ лица, о которыхъ сказано выше, уже собрались въ Москвѣ. Между 5 и 7 прибыли Великіе Князья и Великія Княгини со своими Августѣйшими семьями. 8-го изволили прибыть Ихъ Императорскія Величества, прослѣдовавшія въ Петровскій дворецъ.

Здѣсь мы сдѣлаемъ отступление и прежде, чѣмъ передавать читателямъ о томъ, какъ произошло величайшее изъ торжествъ, ознакомимъ ихъ ближе съ самымъ мѣстомъ дѣйствія — дворцами, соборомъ, Кремлемъ, въ томъ видѣ, какой они имѣютъ теперь. Постараемся сдѣлать это по порядку, а потому сначала приблизимся къ Петровскому дворцу.

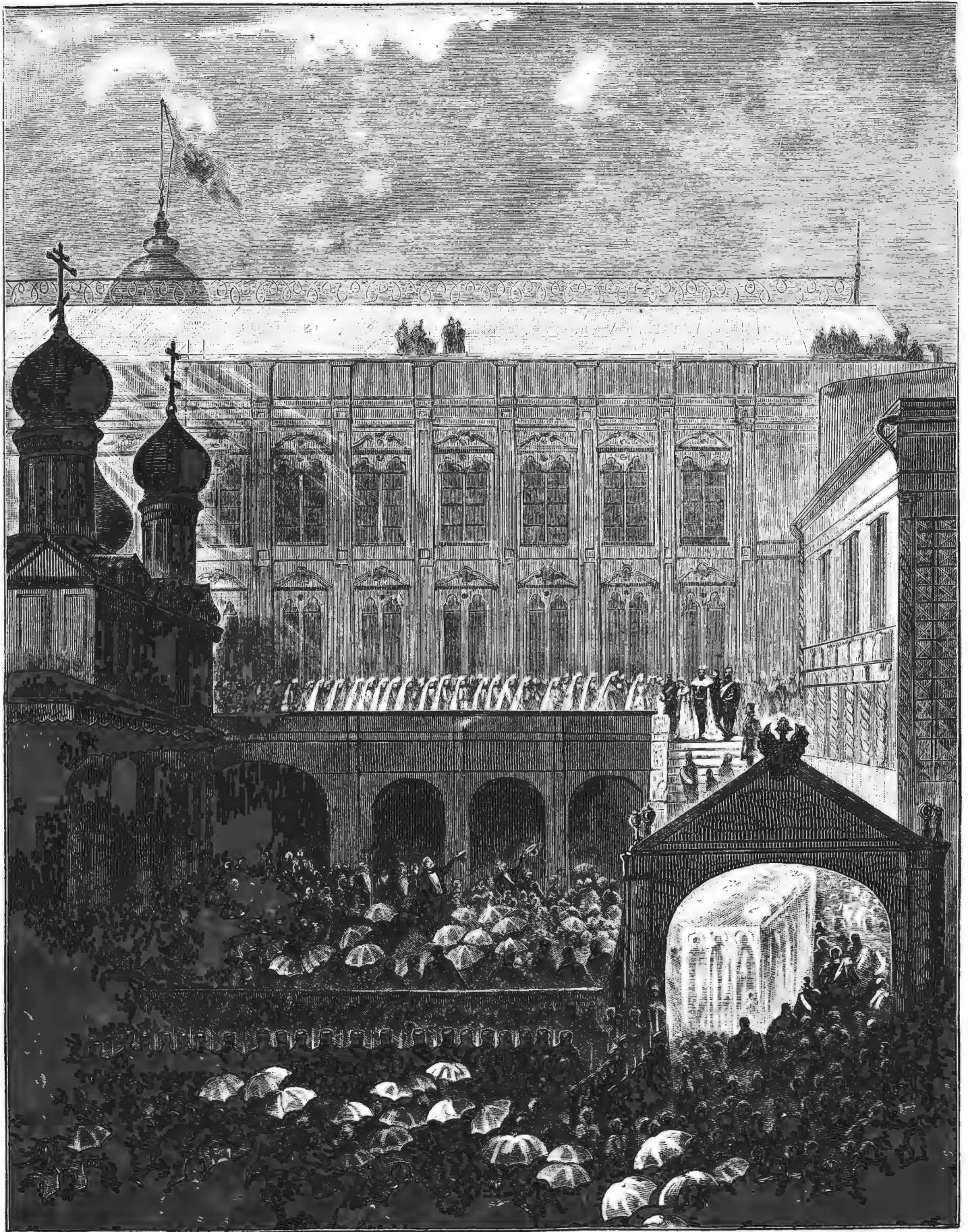
Дворецъ этотъ, находящійся въ Петровскомъ паркѣ, рѣдко былъ обитаемъ Высочайшими особами подолгу, но Императоръ Николай Павловичъ и Александръ Николаевичъ, изрѣдка прѣзжая въ Москву лѣтомъ, оставались тамъ день или два. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ изволилъ въ прошломъ году провести въ немъ короткое время и, какъ извѣстно, Августѣйшая семья остановится тамъ до торжественнаго въѣзда въ Москву. Въздѣствие этого, Петровскій дворецъ реставрированъ и во многихъ мѣстахъ подвергся даже капитальнымъ передѣлкамъ. Онъ трехъ-этажный и имѣетъ по бокамъ два одно-этажныхъ флигеля, дающіе всему зданію видъ полумѣсяца. Съ высокаго каменнаго крыльца парадныя двери ведутъ въ швейцарскую. Слѣва отъ швейцарской, минуя лѣстницу во второй этажъ, широкая дверь ведетъ въ апартаменты, предназначенные для нѣкоторыхъ лицъ изъ царской фамилии и высшихъ чиновъ государства. Въ настояцій прѣздъ первый три комнаты съ лѣвой стороны заняты Великимъ Княземъ Александровичемъ, далѣе идутъ четыре комнаты — помѣщенія статсъ-дамы Ея Величества княгини Кочубей, за ними три комнаты отъ графа И. И. Воронцова-Дашкова. За комнатами министра Двора слѣдуетъ обширная столовая для „гофмаршальскихъ столовъ“. За столовой помѣщеніе для Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей, состоящее изъ приемной, кабинета, общей спальни и гардеробной. Этимъ помѣщеніемъ оканчивается кругъ комнатъ перваго этажа.

Покои Ихъ Императорскихъ Величествъ находятся во второмъ этажѣ. Они отличаются большою простотой.

Сначала идетъ маленькая передняя съ бѣлыми кафельными печами по угламъ и маленькою деревянною вѣшалкой для верхняго платья. Оттуда направо дверь въ уборную Его Величества, поражающую простотою убранства и миниатюрными размѣрами: небольшое трюмо, столъ, нѣсколько шагреневыхъ креселъ, перегородка изъ краснаго дерева, за которою съ трудомъ, рядомъ съ ванной, помѣщается умывальный столикъ и большой сафьянный диванъ, предъ которымъ поставленъ узенькій коврикъ. Далѣе, направо, дверь ведетъ въ царскій кабинетъ. Та же простота: сафьянная мебель, орѣховый столъ и два письменные стола. Единственнымъ украшеніемъ кабинета служитъ прекрасный гобеленъ почти во всю стѣну, изображающій посвященіе на царство Михаила Θεодоровича, и кромѣ того картины, изображающія различныя моменты изъ коронаванія покойнаго Государя Александра Николаевича и сопровождавшихъ оное торжествъ, какъ-то: парадъ на Кремлевскомъ плацу, шествіе Государя изъ Успенскаго собора, иллюминація Кремля 26-го августа, корпусные маневры на Ходынскомъ полѣ и маневры 3-го сентября. Далѣе — идетъ гостиная, съ золотою малиновою мебелью и бѣлыми мраморными столами, но безъ ковра. Оттуда дверь ведетъ въ кабинетъ Императрицы, убранный чрезвычайно просто; мебель работы Лизере, коверъ краснѣй бархатный. Но верхъ простоты — опочивальня Ея Величества: мебель обита голубымъ съ бѣлымъ тикомъ, трюмо, столъ, помпадуръ съ неболь-

Коронація въ Москвѣ. Возложеніе короны Государыни, въ Успенскомъ Соборѣ, Государемъ Императоромъ.
Ориг. рис. съ натурь нашего спеціального корреспондента Н. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскій,

Коронація въ Москвѣ. Поклонъ съ Краснаго Крыльца.

Съ натуры рисункъ нашего спеціального корреспондента Н. Н. Карзйна, грав. Ю. Барановскій.

шимъ зеркаломъ въ орѣховой рамѣ, каминные старинные часы, бархатный коверъ и т. п. Рядомъ комната дежурной камеръ-юнкеры. Затѣмъ слѣдуетъ общая гостиная въ два свѣта, съ мебелью, обитой трипомъ, съ прекрасными старинными часами и роялемъ Беккера; отсюда выходитъ на балконъ съ видомъ на садъ. За общей гостиной слѣдуетъ отдѣленіе Государя Наслѣдника Цесаревича.

Перейдемъ въ Кремль. Онъ припалъ необычную фюзію. Среди бѣлокаменныхъ, величавыхъ соборовъ, дворцовъ, палатъ протѣснились временныя, легкія деревянныя постройки. На соборной площади воздвигнута пять красивыхъ трибунъ; въ одной изъ нихъ—двухъ-этажной, помѣщались Хивинскій ханъ и Бухарскій принцъ со свитами,—такъ какъ они не могутъ присутствовать въ соборѣ съ непокрытой головой; скамьи трибунъ, поверхъ войлока, обиты красной и бѣлой матеріей, съ карнизовъ спускаются драпировки такой же матеріи, а надъ трибунами утверждены золоченые орлы; фасомъ къ Николаевскому дворцу выстроены еще три навильюпа въ такомъ же стилѣ; во всѣхъ трибунахъ помѣстилось около 1500 лицъ. Боярская площадка, примыкающая къ Владимірской залѣ Большаго Кремлевскаго дворца, временно превратилась въ залу съ желѣзной крышей, обтянутой выбѣленной парусиной съ красными полосами изъ кумача; тутъ обѣдало около трехсотъ генераловъ и начальниковъ частей; для тѣхъ же, которые не помѣстились во дворцѣ (600 лицъ), сооружена на площадкѣ Спаса на Бору палатка, соединенная съ лѣстницей Боярской площадки, крытой галлереей; палатка имѣетъ видъ большаго зала съ поломъ, окнами, потолкомъ и желѣзной крышей, также украшенной золотымъ орломъ; ея стѣны обиты бѣлою парусиной съ красной каймой изъ кумача по карнизамъ и угламъ. Далѣе идутъ разныя службы, конюшни и т. п.

Что касается Большаго Кремлевскаго дворца, онъ реставрированъ и отдѣланъ почти заново. Парадные залы—верхъ роскоши и великолѣбія; первая—Владимірская; она круглая, высокая, съ куполомъ; свѣтъ идетъ сверху, стѣны силою въ рѣзной и лѣсной позолотѣ и украшены изображениями Владимірскаго ордена; слѣдующая, Георгіевская—огромныхъ размѣровъ, длинная, въ два свѣта; на стѣнахъ мраморныя доски съ написанными золотыми буквами именами полковъ, имѣющихъ георгіевское знамя и фамиліями георгіевскихъ кавалеровъ; нѣсколько менѣе ея балная зала рядомъ; ея потолокъ и стѣны также отдѣланы золотыми украшениями; не менѣе великолѣбна и Андреевская зала; ея прелестно расписанный потолокъ поддерживается большими колоннами, залитыми золотомъ сверху до низу; въ глубинѣ—тронъ. Тщательно реставрирована и собственная подовина Ихъ Величествъ; столовая Его Величества снабжена новой мебелью изъ чернаго дерева; раздвижными рѣзными столами и рѣзными стульями, обитыми темно-краснымъ шагрелемъ съ металлическими вызолоченными украшениями; на подушкахъ вытѣсненъ шифръ Его Величества. Комендантскій флигель занять временными квартирами нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ; квартиры эти не велики, просто убраны и очень уютны; на всѣхъ дверяхъ, выходящихъ въ корридоры—билетики съ именами тѣхъ, кому онѣ отведены. По—скорѣе въ Грановитую палату! Размѣръ Грановитой палаты десять сажень длины и столько-же ширины. Она въ два свѣта и имѣетъ съ трехъ сторонъ по четыре большихъ окна внизу. Кроме того, еще четыре большихъ окна находятся подъ сводами палаты и два круглыхъ по бокамъ. Вверху западной стѣны, примыкающей къ Святымъ Сѣнямъ, прорѣзано полукруглое окошко съ итальянскою золоченою рамой. Это окошко сообщаетъ палату съ тайникомъ, т. е. небольшою комнатою или скрытыми хорами, входъ на которое изъ Святыхъ Сѣней. Изъ этого тайника чрезъ окошко хорошо видна внутренность палаты. Справа отъ дверей, близъ восточной стѣны, въ Святую или Красную углу, на высокомъ, съ тремя ступенями, рундукѣ, помѣщается великолѣбное тронное или чертожное мѣсто, имѣющее видъ шатра на четырехъ колоннахъ. Колонны и верхъ троннаго мѣста сдѣланы изъ массивнаго чернаго рѣзнаго дуба и имѣютъ въ сумъ до четырехсотъ пятидесяти пудовъ. Основною точкой для составленія рисунка троннаго мѣста служилъ Мономаховъ тронъ, сооруженный Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ и находящійся въ Успенскомъ соборѣ.

Надъ рѣзнымъ карнизомъ Царскаго мѣста красуется вѣнецъ изъ ряда кружалъ съ тридцатью шестью рѣзными гербами областей, раскрашенными въ различныя цвѣта сообразно съ геральдикой, составляющими продолженіе гербовника, расположеннаго вокругъ государственнаго герба на доскѣ или спинкѣ троннаго мѣста. Надъ гербами помѣщаются три ряда кокошниковъ съ рѣзными изъ того-же чернаго дуба, разнаго рисунка, по того-же стилю, украшениями. По верху шатра, выходящаго изъ этихъ кокошниковъ, рѣзной разводъ византійскаго рисунка, который повторяется и на сводахъ палаты.

Надъ карнизомъ противъ каждой колонны возвышаются четыре пирамиды, увѣчанныя орлами замѣчательной рѣзбы въ стилѣ XVI вѣка, съ опущенными крыльями; такой-же черныи орелъ, только большихъ размѣровъ, вѣнчаетъ и большой средней шатеръ.

У западной стороны троннаго мѣста помѣщается спинка Царскаго мѣста или доска, на которой изображенъ большой государственный гербъ. Внутри шатеръ задрапированъ богатою

драпировкой, спускающейся по карнизамъ и состоящую изъ золотой парчи, подбитой горностаемъ и обшитой широкою золотую бахромою съ тяжелыми кистями.

Ступени и рундуки, на которыхъ находится Царское мѣсто, обиты алтымъ бархатомъ.

Изъ четырехъ замковъ сводовъ палаты, спускаются на массивныхъ бронзовыхъ цѣляхъ ажурныя, узорчатыя паникадила изъ темнокрасной бронзы; каждое имѣетъ сажень въ диаметръ и три яруса, въ которые помѣщаются сто двѣ свѣчи; это—чудо русскаго искусства; за образецъ общей формы взято (единственное русское) новгородское паникадило XV столѣтія, всѣ же детали собраны изъ лучшихъ памятниконъ XV и XVI столѣтій. По стѣнамъ, по два на каждый простѣнокъ (исключая простѣнка за троннымъ мѣстомъ), на прямыхъ кронштейнахъ висятъ двадцать канделябровъ изъ той же бронзы и того же стиля, съ двѣнадцатю свѣчами въ каждомъ. По обѣимъ сторонамъ трона, отступя на одно окно, помѣщаются вдоль стѣнъ рундуки изъ чернаго дуба, вышиной въ одну ступень; на нихъ поставлены лавки, покрытыя палавочникомъ изъ широкой ковровой шелковой матеріи, вытканной, по вновь составленнымъ стильнымъ рисункамъ, съ золотой бахромою.

Въ лѣвомъ углу палаты, у самыхъ дверей ея, находится возвышеніе для оркестра, покоящееся на сиящихъ лѣвахъ изъ чернаго дуба, сдѣланныхъ на подобіе львовъ, помѣщенныхъ подъ Мономаховымъ тронномъ.

Коверъ, замѣчательный по своей красотѣ и своеобразности, покрываетъ весь полъ палаты; въ немъ около тысячи квадратныхъ аршинъ. По коричневому сукну, составляющему его фонъ, нашиты разноцвѣтныя сулпы (до двадцати цвѣтовъ) въ два, а мѣстами въ три и четыре пласта, узорами византійско-русскаго рисунка, изображающаго звѣзды, круги и разводы, окруженные каймой. Всѣ фигуры окаймлены шнуромъ изъ золотистаго шелка. Въ общемъ получается замѣчательная гармонія цвѣтовъ и деталей рисунка. Эта работа исполнена въ два съ половиною мѣсяца усердіемъ монахинь московскаго Ивановскаго общежительнаго монастыря, подъ руководствомъ игуменьи обители матери Рафалы.

Теперь мы—въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ—въ этой Святыи нашей православной церкви, служащей, вмѣстѣ съ тѣмъ, и великимъ историческимъ памятникомъ строенія русскаго государства. Соборъ реставрированъ, приготовленъ къ священному акту, въ какомъ-то величавомъ безмолвіи ждетъ онъ торжественнаго дня...

Въ срединѣ собора, между четырьмя колоннами, поддерживающими его своды, предъ первопрестольнымъ алтаремъ Успенія Богоматери, высится Тронное мѣсто—чертогъ, гдѣ Самодержецъ Всероссійскій приметъ Царскій Вѣнецъ Своихъ Предковъ и откуда, возложивъ Корону на Свою Августѣйшую Супругу, изыдетъ воспріяты у алтара Всемогущаго Помозаніе отъ Святаго.

Престольное мѣсто представляетъ возвышеніе, площадь котораго занимаетъ девять квадратныхъ сажень, а съ примыкающими къ ней мѣстами—30 кв. сажень. По ея срединѣ, на небольшомъ подьемѣ или площадкѣ пятиаршинной длины и четырехъ-аршинной ширины, поставлены тропы Царей Михаила Теодоровича и Алексѣя Михайловича; первый для Государя Императора, второй для Государыни Императрицы. Надъ тронами, на высотѣ шести аршинъ, спускается балдахинъ. Плафонъ его, изъ малиноваго бархата, украшенъ государственнымъ гербомъ. Съ боковъ его драпировка такого же бархата съ золотыми шнурами, кистями, крестами, государственными гербами и вензелевыми изображениями Именъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Сверху балдахина поставлены по четыремъ угламъ короны, между ними султаны изъ страусовыхъ перьевъ, цвѣтовъ Имперіи: чернаго, золотистаго и бѣлаго. Этотъ балдахинъ, подъ коимъ вѣнчался въ Божѣ почитающій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, прикрѣпленъ отвѣсно къ желѣзнымъ связямъ у сводовъ собора (на высотѣ 8 сажень), въ томъ мѣстѣ, откуда шла прежде цѣль висѣвшаго здѣсь паникадила. Теперь эта цѣль скрывается прекрасною сѣткою, представляющею золотое плетенье и въ видѣ пирамиды восходящей кверху. Полъ Троннаго мѣста покрытъ малиновымъ бархатомъ.

Съ лѣвой стороны отъ троновъ поставленъ узкій столикъ, длиной въ 10 аршинъ, для Императорскихъ регалій. Тронное мѣсто окружено массивною золоченою балюстрадою въ высшей степени изящнаго вида. Со стороны алтара устроены большіи входъ на Тронное мѣсто, въ 10 ступеней съ двумя площадками. Этотъ входъ съ двухъ сторонъ имѣетъ такую же балюстраду; на ея столбахъ поставлены золотые орлы.

Далѣе, съ разныхъ сторонъ, около трона, частью примыкая къ нему, то—въ нѣкоторомъ отдаленіи, по стѣнамъ, возвышаясь ступенями, идутъ мѣста для Высочайшихъ Особъ и другихъ лицъ, присутствовавшихъ при Священномъ коронованіи.

Священнодѣйствіе было совершено тремя митрополитами: С.-Петербургскимъ и Новгородскимъ—Исидоромъ, Московскимъ—Іоанникомъ и Кіевскимъ—Платономъ, въ сослуженіи двѣнадцати архіепископовъ и епископовъ. Императорскія регаліи, служація при коронованіи (и изображенныя на прилагаемыхъ рисункахъ), состоятъ изъ большой (для Государя Императора) и малой (для Государыни Императрицы) коронъ, ски-

петра, державы, порфирь, государственных печати, знамени и меча, троновъ, которые и изображены на нашемъ рисункѣ, стран. 505.

Порфиры или вѣтрие Императорскія мантии для Ихъ Величествъ имѣютъ видъ длинныхъ плащей безъ рукавовъ, сдѣланныхъ изъ золотого глизета. Верхняя часть мантии покрыва горностаевою пелериной, представляющей олице, въ видѣ воротника, который двумя широкими полосами спускается на грудь, на задней сторонѣ мантии — государственный гербъ. Ея края обрамлены горностаемъ; длина мантии Государя, отъ пелерины до конца шлейфа — 8 аршинъ, а Государыни Императрицы — 7 аршинъ. Мѣхъ для порфиры изготовлялся Гринвальдомъ въ С.-Петербургѣ, а золотое шитье Ломаномъ. Всего пошло до 100,000 шт. горностаю, работы болѣе года. Горностан Гринвальда были на Московскои выставкѣ, гдѣ ими всѣ любовались.

Весь порядокъ коронаціонныхъ торжествъ определенъ особыми церемоніалами, въ которыхъ, всѣмъ участвующимъ въ нихъ лицамъ указаны ихъ обязанности и мѣста. Кромѣ обыкновенныхъ придворныхъ должностей, учреждены еще и временныя: верховнаго маршала (московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ), верховнаго церемоніейстера (членъ государственнаго совѣта графъ Паленъ) и четыре коронаціонныхъ обер-церемоніейстера (церемоніейстеры, Д. С. С. князь Буракинъ, Давыдовъ, Талызинъ и князь Долгорукій).

Все ближе и ближе подходило время; столь нетерпѣливо ожидавшіе дни наступали. 6-го мая Великій Князь Владиміръ Александровичъ посѣтилъ расположеніе войскъ; еще наканунѣ, въ день своего прибытія, его высочество изволилъ отдать приказъ, въ которомъ выражено было слѣдующее:

„Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ сонзволилъ возложить на Меня главное начальство надъ войсками, собранными въ Москвѣ и ея окрестностяхъ на время Священнаго Почитанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Вступая въ почетное командованіе это, высказываю твердую увѣренность, что вѣрными Мнѣ войска отличать себя будутъ, какъ всегда, безпрѣдѣльною любовью къ Царю, безавѣтною преданностью долгу и непоколебимою дисциплиною. Своимъ исправною и молодечкою службою Его Императорскому Величеству собиравшія подъ Москвою войска должны явить образецъ строгаго воинскаго порядка и достойно оправдать вышавшій имъ счастливый жребій быть очевидцами великаго всероссійскаго торжества“.

10-го мая совершилъ былъ торжественный въѣздъ. Съ самаго ранняго утра все устремилось къ Тверской (услыпанной, подобно и остальному пути, толстымъ слоемъ песку), но съ 9-ти часовъ, однако, дальнѣйшій притокъ публики былъ прекращенъ. Улицы, площади, навильоны, эстрады уже кишели народомъ, когда, вдругъ, издали, раздалось,—одинъ, будто, нагоняя другой — девять глухихъ пушечныхъ выстрѣловъ, и тотчасъ-же послышался колокольный звонъ — то загудѣвъ Большой Успенскій соборъ. Войска двинулись съ своими мѣстами. Все встрепенулось, хотя и было еще слишкомъ рано, такъ какъ пушечная пальба и благоговѣсть служили только сигналомъ къ сбору въ Петровскій дворецъ. Прошло еще нѣсколько времени. Другіе три выстрѣла еле слышно довелись до тѣхъ, кто ждалъ на концѣ Тверской, и въѣзда въ городъ. Это былъ второй сигналъ, означавшій, что шествіе тронулось. Но долго и много еще пришлось ждать. Чѣмъ дальше, однако, тѣмъ болѣе росло нетерпѣніе. По минутамъ, гулъ, который стоялъ надъ вѣтвишей по обоимъ сторонамъ толпой, стихалъ, всѣ лица обращались по одному направлению. Изъ далекой, далекой дали сталъ доноситься какой-то неопредѣленный шумъ; онъ приближался, дѣлался внятнѣе...

Петровскій дворецъ, съ 10-ти часовъ утра, сталъ наполняться чинами и особами обоого пола, подлежащими участвовать въ церемоніальномъ шествіи. Блестящіе мундиры придворныхъ кавалеровъ и военныхъ лицъ свиты смѣшивались съ мундирами иностранныхъ державъ. Внутренній караулъ занимали драгуны 32-го Чугуевскаго Ея Величества полка; главный караулъ былъ отъ Софійскаго Ея Величества полка. Ихъ Высочества Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великая Княжна Ольга Александровна, какъ неучаствующіе въ церемоніаль, выѣхали изъ Петровскаго дворца въ Александринскій дворецъ, въ 11 часовъ утра. Вскорѣ послѣ этого прибыли въ Петровскій дворецъ: князь черногорскій Николай и герцогъ Мошанскіе, которые представляли Ихъ Величествамъ. Около 12-ти часовъ начали съѣзжаться Высочайшія Особы и прибывшіе въ Москву принцы иностранныхъ дворовъ. Въ первомъ часу пополудни былъ сервированъ завтракъ на 140 кувертовъ. Высочайшій столъ былъ сервированъ въ ротондѣ. За завтракомъ присутствовали ихъ высочества герцогъ и герцогиня эдинбургскіе, князь черногорскій, князь болгарскій и другіе иностранные принцы. Въ часъ пополудни, со стороны парка, къ Петровскому дворцу поданы 21 золотая кареты; со стороны Ходынскаго поля, къ парадному подъѣзду подана великолѣпная золотая карета для Ея Величествъ; карета наверху вѣшется Императорскою короною, запряжена цугомъ въ 8 бѣлыхъ лошадей; позади кареты верхами на бѣлыхъ лошадяхъ 6 камеръ-лакей. Въ половинѣ вто-

раго часа пополудни всѣ члены Императорской Фамиліи собрались въ Петровскомъ дворцѣ.

Дамы и кавалеры, согласно церемоніалу начинали занимать парадные экипажи. Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ и Великая Княжна Ксенія Александровна сошли со втораго этажа на парадный подъѣздъ, гдѣ Ея Величество поздоровалась съ внутреннимъ карауломъ. Затѣмъ, Государь Императоръ изволилъ сѣсть на бѣлаго коня. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ также сѣли верхомъ на коней. Государыня Императрица и Великая Княжна Ксенія Александровна заняли карету. По данному министромъ двора сигналу, на Ходынскомъ полѣ артиллерія сдѣлала три выстрѣла и процессія двинулась въ 2 часа пополудни. Карета съ Ея Величествомъ выѣхала изъ воротъ Петровскаго дворца. Ею Величествомъ слѣдовалъ впереди кареты. При появленіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ, загремѣло на всемъ пространствѣ восторженное „ура“ войскъ и несметной толпы народа. Моментъ потрясающій; ликование и восторгъ народа не поддаются никакому описанію. Многие плакали отъ радости и осѣня-ли Ихъ Величества крестнымъ знаменіемъ. Звонъ колоколовъ всѣхъ церквей Москвы сливался съ привѣтственными кликами народа. „Ура“ гремѣтъ на всемъ пути церемоніальнаго шествія.

Въ началѣ третьяго часа пополудни, вслѣдъ за пушечнымъ сигналомъ о въѣздѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Петровскаго Дворца, раздался благоговѣсть колокола Ивана Великаго, съ первымъ ударомъ котораго вся многотысячная толпа народа, зашурившая собою площади и улицы, благоговѣнно обнажила головы и набожно крестилась. Ко времени торжественнаго вступленія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кремль, пасмурное небо прояснилось и засвѣтило солнце; надъ Москвою стоялъ гулъ отъ восторженныхъ народныхъ привѣтствій, сливавшихся со звономъ колоколовъ и военной музыкою. Радость народа при видѣ обожаемыхъ Императора и Императрицы и Ихъ Царственной Семьи, дошла до величайшаго восторга. Народъ благословлялъ Государя и возсылалъ къ Небу мольбы о Его благоденствіи и долгоденствіи. „Вотъ Онъ, Батюшка; вотъ Онъ, Кормилецъ; вотъ Онъ, наше Солнце Къ, асно! Пошли Ему, Господи, благополучное Царствование на многія лѣта; храни Тебя Господь Богъ!“—слышалось всюду въ народѣ. При пушечномъ салютѣ 101 выстрѣла изъ орудій съ Тайницкой башни, Ихъ Величества вступили въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ протопресвитеръ Благовѣщенскаго собора осѣнилъ Ихъ Величества крестнымъ знаменіемъ, послѣ чего Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Августѣйшими Дѣтьми, прослѣдовали во внутренніе покои. Ею Величествомъ былъ въ общегенеральской формѣ; Ея Величествомъ была въ парчевомъ платѣ. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ—въ атаманскомъ мундирѣ; Великій Князь Георгій Александровичъ—въ мундирѣ преображенскаго полка; Великая Княжна Ксенія Александровна—въ бѣломъ платѣ. Вечеромъ ярко запылала иллюминація. Весь путь слѣдованія представлялъ слѣдующій видъ: построенные въ русскомъ стилѣ навильоны были заняты тѣми лицами, кои должны были привѣтствовать Ихъ Величества, многочисленныя эстрады—публикой, а открытыя пространства между паркомъ и триумфальными воротами, Иверская и Красная площади и часть Кремль—народомъ всѣхъ классовъ и состояній. Весь огромный путь въ Кремль, всѣ зданія были украшены роскошно сверху до низу: флагами государственныхъ цвѣтовъ, коврами и тканями, гирляндами зелени и цвѣтами. Особенно роскошно было украшеніе генералъ-губернаторскаго дома. Ею фасадъ, переплетенный зеленѣющимъ гирляндой, въ своей срединѣ имѣлъ венецъ Ихъ Величествъ изъ алыхъ и бѣлыхъ розъ. Мачты съ знаменами государственныхъ гербовъ, хоругви съ прекрасной орнаментацией изъ золота и живыхъ красокъ, съ портретами Русскихъ Государей отъ Владиміра Равноапостольнаго и другихъ членовъ его дома до начала Царствующей династіи, въ лицѣ Михаила Θεодоровича и отъ него до въ Божѣ почивнаго Государя Александра Втораго, дополняли убранство. Изъ всѣхъ попутныхъ церквей выступило духовенство въ золотыхъ глазетовыхъ облаченіяхъ, со свитыми иконами и хоругвями. Уже къ 11 часамъ почти одновременно войска вошли въ линію своихъ жолнеровъ и образовали шалеры по всему пути слѣдованія Ихъ Величествъ. Они, вытянутыя въ одну линію, составили бы силошной фронтъ въ 16 верстъ длины. Въ 2¼ ч. послышались сигнальные выстрѣлы и все встрепенулось. Войска вмигъ были на своихъ мѣстахъ, а народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ появленія Царскаго кортежа. Тотчасъ всѣ встали съ своихъ мѣстъ, головы обнажились.

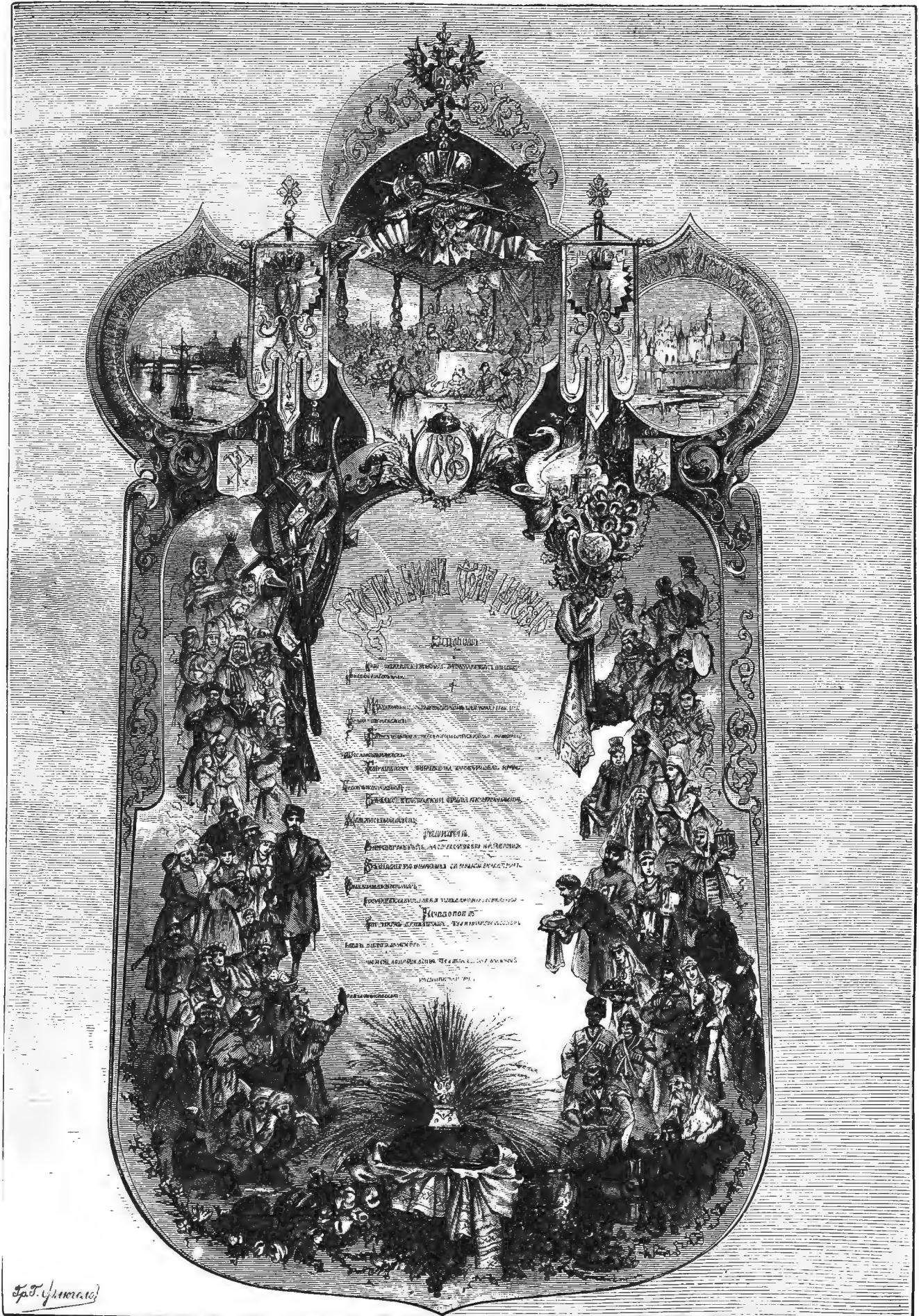
Торжественный путь растянулся почти на двѣ версты. За стройными, статными кубацками и терцами Собственнаго Ею Императорскаго Величества конвола, въ алыхъ мундирахъ, съ винтовками наперевѣсь, и за лейбъ-казаками и драгунами московскаго Ею Величества полка, слѣдовалъ рядъ деутатовъ азіатскихъ народовъ, въ самыхъ разнообразныхъ, роскошныхъ, бархатныхъ и шелковыхъ костюмахъ, то въ громадныхъ мѣховыхъ папахъ, то въ чалмахъ, съ своеобразнымъ оружіемъ. Далѣе слѣдовалъ рядъ блестящихъ парадныхъ золоченыхъ ка-

„Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ Александръ Александровичъ, восшедъ на Прародительскій наследственный Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльные съ онымъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, по образу Благочестивыхъ Государей, Предковъ Своихъ, указать соизволилъ: священнѣйшему коронованію Его Императорскаго Величества и отъ святаго мвра помазанію быть при помощи Всевышняго, сего Мая въ 15 день, приобщая сему священному дѣйствию и Супругу Свою Великую Государыню Императрицу Марію Феодоровну. О семъ торжествѣ всѣмъ вѣрноподданнымъ чрезъ сіе возвѣщается, дабы въ вождельный оный день усугубили мольбы свои къ Царю Царствующихъ, да всемошною Своею благодатію пріосѣнитъ царство Его Величества и да утвердитъ въ немъ миръ и тишину, во Славу Свою Святую и къ непоколебимому благоденствію Государства.“

Торжественный праздникъ всей Россіи. Чтеніе Манифеста о Коронаціи въ церквахъ. Курьеръ съ Манифестомъ. Текстъ объявленія о днѣ Коронаціи, читанный герольдами 12 Мая въ Москвѣ.

Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.

Коронація въ Москвѣ. Меню торжественнаго обѣда въ день Коронаціи.
 Копія съ оригинала, исполненнаго Н. Н. Каразиннымъ по заказу отъ Высочайшаго Двора для этого случая. Рисовано для „Пивы“
 имъ же. Грав. Ю. Флюгель.

регъ, запряженныхъ цугомъ лошадей то строй, то блон, то караковой масти. Влесь экипажей, золотое убранство лошадей, расшитыя золотомъ ливреи и бѣлыя шарки чучеровъ—все привлекало вниманіе.

При появленіи Государя Императора, перекатное, неизомкаемое „ура“ потрясаетъ воздухъ и проносится отъ самаго Петровскаго дворца и до Кремля. Окруженный Членами Императорской Фамиліи и блестящей свитой, Государь Императоръ милостиво отвѣчалъ встрѣчавшимъ Его Величествомъ депутациямъ. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ атаманской формѣ, тоже съ Андреевскою лентой, слѣдовалъ за Государемъ Императоромъ и также милостиво отвѣчалъ депутациямъ. Взоры „ура“ повторились съ такой-же силой при появленіи Государыни Императрицы. За каретой Ея Величества слѣдовали, въ блестящихъ золоченыхъ экипажахъ, Великія Княгини и свита Ея Императорскаго Величества. Торжественное шествіе заключали лейбъ-эскадронъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка и лейбъ-эскадронъ лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка. Императорскій кортежъ останавливался для поклоненія чудотворному образу Иверской Богоматери, гдѣ Ихъ Величества съ крестомъ встрѣтилъ первый викарій московской митрополіи. Послѣ привѣтствій Ихъ Величества московскими генералъ-губернаторомъ, затѣмъ, городской думой, мѣщанской и ремесленной управами, цехами и губернской земской управой, противъ генералъ-губернаторскаго дома привѣтствовало Государя Императора губернское дворянство и уѣздные предводители. Въ самомъ домѣ собрались представители иностранныхъ державъ. У Воскресенскихъ воротъ гражданскій губернаторъ съ административными и судебными властями; на Красной площади собрались массы народа. Противъ памятника Минина и Пожарскаго, на огромной эстрадѣ, учащіяся обоюдо пола, отъ самаго младшаго возраста, встрѣтили Государя Императора гимномъ. Черезъ Спасскія ворота, предъ конми все участвовавшіе въ шествіи обнажали головы, процессія вступила въ Кремль. Государь Императоръ, Государыня Императрица съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшей Фамиліей были встрѣчены въ Успенскомъ соборѣ Святѣйшимъ Синодомъ, прикладывались къ святымъ иконамъ и мощамъ и были привѣтствованы членами Государственного Совѣта, министрами, главноуправляющими, статъ-секретарями и собравшимися съ разными концомъ Россіи предводителями дворянства, городскими головами, председателями земскихъ управъ и прочими лицами. Поклонившись святынямъ и гробамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Ихъ Величества, послѣ посѣщенія Благовѣщенскаго собора, вступили въ Кремлевскій дворецъ. Императорскій штандартъ взвился на дворцѣ и салютаціонная пальба возвѣстила объ этомъ народу. Народъ силошными массами наполнял все пространство отъ Петровскаго дворца до самаго центра Кремля; доступъ былъ вездѣ свободенъ, полиція требовала лишь сохранения порядка, который все время и былъ соблюдаемъ безукоризненно. Помость Иверской часовни былъ покрытъ краснымъ сукномъ; все представители духовенства были облачены въ одинаковыя ризы изъ золотого газета. Государь, подѣхавъ къ часовнѣ, сошелъ съ коня и ожидалъ прибытія Императрицы, затѣмъ подалъ Ей руку, приложился къ кресту и вошелъ въ часовню. Послѣ этого, сѣвъ снова на коня, Государь Императоръ опередилъ экипажъ Государыни, вѣхавъ чрезъ лѣвыя ворота на Красную площадь. Въ числѣ свиты Государя Императора обращалъ на себя вниманіе Герцогъ Эдинбургскій, слѣдовавшій за Государемъ въ красномъ мундирѣ. Государыня Императрица была въ бѣломъ платьѣ русскаго покроя, какъ и все Великія Княгини, Герцогини и Принцессы, въ платьѣ, расшитомъ золотомъ, и повязкѣ, украшенной жемчугомъ, брилліантами и драгоцѣнными камнями. Великая Княжна Ксенія Александровна была въ розовой повязкѣ. Кромѣ перечисленныхъ въ Высочайше утвержденномъ церемоніалѣ Великихъ Княгини и Принцессы, приняла участіе въ торжествѣ въѣзда Ея Величества Греческая Королева. Приложившись къ мощамъ и иконамъ въ Успенскомъ соборѣ, Ихъ Величества и Ихъ Высочества перешли въ Архангельскій соборъ, гдѣ Ихъ встрѣтилъ архіепископъ тверской, затѣмъ, посѣтили Благовѣщенскій соборъ, послѣ чего направились по устланному алмамъ сукномъ помосткамъ къ Красному крыльцу Большаго дворца. На нижней ступени верховный коронаціонный маршалъ встрѣтилъ Ихъ Величества съ хлѣбомъ-солью. Вступленіе во дворецъ было возвѣщено 101 салютаціоннымъ выстрѣломъ. Къ пяти часамъ облачное небо расчистилось; зажглась блестящая иллюминація, улицы наполнились празднично одѣтымъ, ликующимъ народомъ.

11-го мая, въ Оружейной палатѣ состоялось освященіе государственнаго знамени. Церемонія происходила въ присутствіи Государя Императора и Государыни Императрицы. Церемонія началась въ полдень и продолжалась около 20 мин.; присутствовали: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій, Владиміръ, Алексѣй и Сергій Александровичи, Константинъ, Михаилъ и Николай Николаевичи и другія особы Императорской фамиліи, а также Герцогъ Эдинбургскій и наслѣдный принцъ датскій и министры. Знамя перенесено въ Тронную залу и въ день свящаннаго коронаванія предшествовало Государю Императору.

По окончаніи молебна, Государь Императоръ и Государыня

Императрица приложились ко кресту и приняли окропленіе святой водой.

Въ понедѣльникъ, 9-го, во время пребыванія въ Петровскомъ дворцѣ, Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими дѣтьми совершили прогулку по парку пѣшкомъ. Народъ огурилъ Ихъ Величества пошлою стѣпою; никакія усилія не могли отодвинуть толпу. Люди плакали отъ радости, крестились, ловили руки Государя и Государыни, покрывая ихъ горячими поцѣлуями. Когда поданы были открытыя экипажи, Августѣйшая семья сѣдлала въ нихъ прогулку по аллеямъ парка, восторженно привѣтствуемая публикою.

Въ Петровскомъ паркѣ было катанье; позади дворца поставлена была статуя Россіи. Въ 9 ч. вечера зажжена была въ Москвѣ иллюминація, которая имѣла небывало-роскошный характеръ. Особенно эффектно были дома, занятые посланниками, домъ генералъ-губернатора, старое зданіе университета и домъ Малкіела. Балконы превратились въ разноцвѣтные огненные шатры; громадный домъ Попова на Кузнецкомъ мосту весь освѣтился электрическими лампочками. Новый театръ Лентовскаго освѣщалъ какъ днемъ Театральную площадь блочковскими фонарями и безчисленнымъ множествомъ газовыхъ рожковъ. Богатые магазины обведены были по вѣстамъ архитектурнымъ линиямъ газовыми рожками; дома аристократовъ и крупныхъ комерсантовъ освѣщены огненными декорациями, вензелями, щитами, звѣздами и гирилладами. Помимо главныхъ улицъ, иллюминированы были второстепенныя дебаркадеры желѣзныхъ дорогъ и Замоскворѣчье; на куполѣ брестскаго вокзала сіяла гигантская огненная корона. Вспыхивавшіе вензеля Ихъ Величества, были всюду привѣтствуемы оглушительными криками „ура“. Кремль не былъ иллюминированъ.

12, 13 и 14-го Ихъ Величества изволили говѣть. Въ тѣ же числа Москва присутствовала при повомъ давно невиданномъ зрѣлищѣ—церемоніалѣ торжественнаго объявленія о днѣ коронаванія. 12-го, въ 9 часовъ утра, въ Кремлѣ, на площади между арсеналомъ и казармой развернулся длинный фронтъ кавалергардскаго и конногвардейскаго дивизионовъ съ трубачами во флагахъ; передъ самой серединой выхалъ генералъ-адъютантъ, по бокамъ его стали—все верхомъ—другіе два генералъ-адъютанта, церемоніи-мейстеры и герольд-мейстеры въ своихъ роскошнѣйшихъ костюмахъ и съ жезлами въ рукахъ; впереди же старшаго генералъ-адъютанта остановились—тоже верхомъ—два сенатскихъ секретаря. Народъ густой массой наполнилъ площадь. Генералъ подалъ какой-то знакъ и въ ту же минуту грянули трубы, шитые рукава герольдовъ поднялись вверхъ, жезлы съ мицуту какъ бы царили надъ всею массой собравшихся людей; все сняли шляпы и шапки, и одинъ изъ секретарей, прочесть сидѣть на конѣ, прочелъ всенародное объявленіе, начеатанное у насъ на стр. 500.

По прочтеніи этого объявленія народу, при звукахъ гимна, начали раздавать печатные экземпляры его, а затѣмъ кортежъ двинулся, чрезъ Спасскія ворота, на Красную площадь; тутъ онъ раздѣлился на двѣ части, которыя направились въ противоположныя стороны; процессія объѣхала въ эти три дня все площади и главныя улицы Москвы.

14-го по городу загудѣлъ колокольный звонъ—въ церквахъ отправлялось молебеніе. Государь и Государыня присутствовали на богослуженіи въ церкви Спаса. Въ этотъ же день высшими сановниками и въ сопровожденіи придворныхъ чиновъ и дворцовыхъ гренадеръ были перенесены на золотыхъ подушкахъ съ агрантами и кистями, изъ Оружейной палаты въ Тронную залу, Императорскія регаліи, въ слѣдующемъ порядкѣ: щитъ ордена св. Андрея, для Государыни, государственный мечъ, знамя и печать, порфиры: Государыни, Государя, держава, скипетръ и короны: малая и большая; въ тронной залѣ регаліи были приняты верховнымъ маршаломъ, который положилъ ихъ на столъ, по правую сторону трона, и вставилъ знамя въ тумбу позади стола; для охраненія ихъ были поставлены караулъ отъ дворцовыхъ гренадеръ и нѣсколько придворныхъ кавалеровъ. Наконецъ, настала великій день.

Рано утромъ—въ 7 часовъ—вновь загрохотали выстрѣлы и послышался благовѣст; уже около 8 1/2 часовъ Успенскій соборъ наполнился всеми лицами, допущенными къ присутствованію при торжествѣ; противъ столовъ (отъ южныхъ дверей) толпилась масса иностранныхъ дипломатовъ, парадная форма которыхъ составляла своеобразный контрастъ съ нашей; у сѣверной стѣны стояла силошная золотая группа православнаго духовенства, далѣе—видѣлись дамы въ богатыхъ кокошникахъ и платьяхъ; у южной—бросались въ глаза красные мундиры сенаторовъ, надъ которыми—уступали—возвышались болѣе скромные мундиры дворянства, купечества и другихъ лицъ. Взоры всехъ невольно обратились къ трону: тамъ, безмолвно и неподвижно, на ступеняхъ стояли четыре кавалергардскихъ офицера съ обнаженными пашамами и касками въ рукахъ; по два кавалергардскихъ унтеръ-офицера были поставлены у сѣверныхъ и у южныхъ дверей, по два цѣхотныхъ—съ вѣшней стороны. Началась служба—молебеніе о здравіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, а затѣмъ, когда были прочтены часы, духовенство выступило навстрѣчу Наслѣдника Цесаревича, прибывшаго въ сопровожденіи особъ Августѣйшей фамиліи, не участвовавшихъ въ шествіи Государя, а также иностранныхъ

принцевъ и придворныхъ русскихъ и иностранныхъ дамъ; Его Величество, приложившись къ кресту и принявъ окропление, вступилъ въ соборъ, гдѣ, по правому боковому входу трона, прошель, съ Великими Князьями и принцами, на приготовленную имъ мѣста около передняго праваго столба. Въ это время, у нижней ступени Краснаго крыльца уже красовался балдахинъ для шестна Гусударя и Гусударыни: припесенный туда штабъ-офицерами, онъ былъ принятъ генераль-адъютантами. Наконецъ—тутъ окроплень святой водой и верховный маршалъ доложилъ, что все къ шествию готово. Ихъ Величества, войдя въ тронную залу, возсѣли на тронъ и—процессія двинулась. Впередъ шель взводъ кавалергардовъ, за ними нажи и камеръ-пажи, потомъ—два церемоніймейстера и безконечные ряды депутацій; далѣе, высше саповники—министры, члены государственнаго совѣта, вновь церемоніймейстеры, оберъ-церемоніймейстеры и верховный церемоніймейстеръ, дворцовые гренадеры со своимъ знаменемъ, регалии; воспалъ свѣта, гофмаршалы, верховный маршалъ и—подъ балдахиномъ: Его Величество, съ двумя ассистентами и дежурными генералами и флигель-адъютантами, министрами двора и военнымъ и командующимъ кавалергардскимъ полкомъ (съ обнаженнымъ палашемъ въ рукѣ и каской на головѣ), и Ея Величество также съ двумя ассистентами; позади слѣдовали статсъ-дамы и другія придворныя дамы и фрейлины, а далѣе—вновь кавалергарды. Недостаетъ словъ передать все величье и дивное великолѣпие шествія, все время сопровождавшаго звономъ вѣсѣхъ колоколовъ, военной музыкой и восторженными кликами. На панерти, Гусударь и Гусударыня, выйдя изъ подъ балдахина, были встрѣчены вѣсѣмъ духовенствомъ съ митрополитами. Московскій произнесъ краткую рѣчь, Петербургскій и Новгородскій поднесъ Ихъ Величествамъ благословляющій крестъ, а Киевскій окропилъ Ихъ святой водой. Громкое торжественное пѣніе царскаго псалма „Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи“ привѣствовало вступленіе Ихъ Величествъ, трижды преклонившихся предъ царскими вратами и, затѣмъ, возсѣвшихъ на престолы царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. Короны были возложены на тронѣ, остальные регалии на первой площадкѣ и первой ступени; одинъ изъ саповниковъ сталъ съ государственнымъ мечомъ на второй ступени справа, а несшіи знамя—на второй ступени слѣва; на первой-же ступени, по обѣимъ сторонамъ—герольды, государственная печать и цѣпъ ордена св. Андрея Первозваннаго на третьей ступени трона. Саповники, несшіе регалии, остановились позади ихъ; на тронѣ, между обими престолами, виднѣлась бѣлая фигура командира кавалергардскаго полка, тутъ-же группировались вельможы-ассистенты; министры и члены государственнаго совѣта заняли мѣста съ лѣвой стороны трона. Коронованіе началось. Высокопресвященный Исидоръ, войдя на верхнюю площадку и ставъ предъ Гусударемъ, предложилъ Его Величеству прочесть вслухъ „Вѣрую“. Громко и внятно, среди общаго безмолвія раздался голосъ Царя.

Высокопресвященный спустился и затѣмъ, послѣ прочтенія Евангелія, снова поднялся на тронъ вмѣстѣ съ киевскимъ митрополитомъ и поднеси Гусударю порфиру, которую Его Величество надѣлъ на Себя и преклонилъ голову; Высокопресвященный возложилъ на нее крестообразно руки, читая молитвы. Точкасъ же по окончаніи ихъ, по повелѣнію Гусударя, была поднесена митрополиту петербургскаго корона и онъ передалъ ее Императору. Его Величество возложилъ ее на Свою главу; взявъ, затѣмъ, въ руки скипетръ и державу, онъ изволилъ призвать къ Себѣ Гусударыню. Этотъ торжественный моментъ изображенъ на рис. стр. 496. Ея Величество, приблизившись къ Царственному супругу, опустила на колѣни на малиновую съ золотомъ, бархатную подушку. Монархъ снялъ Свою корону и прикоснулся къ челу Императрицы, а потомъ въначалъ Ее малой короной, тогда же поданной несшимъ ее саповникомъ, въ то же время Его Величеству были припесены для возложенія на Гусударыню порфира и цѣпъ ордена св. Андрея Первозваннаго; четыре статсъ-дамы оправили эти регалии и Императрица, поднявшись, возвратилась на Свой престолъ. Торжественная тишина царствовала въ соборѣ; ее нарушилъ звучный голосъ протодьякона, возгласившаго полный Императорскій титулъ, и своды дрогнули отъ громогласнаго „многолѣтія“; къ этому присоединился колокольный звонъ и гулъ пушечной пальбы. Все, что находилось въ соборѣ, молча троекратно поклонилось Ихъ Величествамъ. Поразительны были слѣдующія минуты: Гусударь, увѣнчанный короной и въ своей царской мантии, преклонилъ колѣна, тогда какъ все вокругъ, внизу и около стѣнъ собора стояло, — и колѣнопреклоненный прочелъ установленную молитву; мгновение спустя, Гусударь стоялъ и — митрополиты, все духовенство и всѣ прочіе присутствующіе, въ свою очередь, опустились на колѣни. Высокопресвященный Исидоръ прочелъ, отъ лица всего народа, молитву.

Приближалось время совершенія таинства св. муропомазанія; отъ трона до царскихъ вратъ посланъ былъ малиновый бархатъ, съ золотыми позументами, а отъ вратъ до престола парча. Царскія врата отворились, изъ нихъ вышли два архіерея и возвѣстали Гусударю, что наступило время муропомазанія. Его Величество отдавъ шпагу и, предшествуя слѣдовавшей за нимъ Гусударынѣ, направился въ порфирѣ къ царскимъ вра-

тамъ; впереди же шли верховный и другіе церемоніймейстеры, гофмаршалы и верховный маршалъ и были несены корона, скипетръ и державы; по сторонамъ,—кромѣ ассистентовъ, два старшихъ кавалергардскихъ офицера, позади—командиръ кавалергардскаго полка и нѣсколько высшихъ сановниковъ (графъ Воронцовъ, генералъ Ванновскій, генералъ Рихтеръ и другіе); за Гусударыней—ассистенты Ея Величества; порфиры поддерживали первые и вторые чины двора и камергеры.

По приближеніи къ Царскимъ вратамъ, Гусударь Императоръ сталъ на посланной золотой парчѣ, а Гусударыня Императрица изволила остановиться между трономъ и ступенями предъ алтаремъ; ассистенты Его Величества вправо, у мѣстной иконы Спасителя, а за ними въ рядъ: министр Императорскаго Двора, военный министр и друг.

Митрополитъ Новгородскій, взявъ драгоценный сосудъ со святымъ муромъ, приступилъ къ Его Императорскому Величеству и, омоча приготовленный для сего драгоценный сучецъ, совершилъ св. муропомазаніе на челѣ Его Величества, на очахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на ухахъ, на персяхъ и на рукахъ, глаголя: „Печать дара Духа Святаго“, а митрополитъ Киевскій отеръ мѣста помазанія.

Этотъ моментъ изображенъ на стр. 484 и 485.

Принявъ муропомазаніе, при совершеніи котораго произведены колокольный звонъ и 101 выстрѣлъ изъ пушекъ, Гусударь Императоръ изволилъ стать по правую сторону, противъ мѣстной иконы Спасителя. Тогда приступила къ Царскимъ Вратамъ Гусударыня Императрица, ставъ на ту же золотую парчу. Митрополитъ Новгородскій помазалъ муромъ только на челѣ Ея Величества, произнося также: „Печать дара Духа Святаго“; митрополитъ же Московскій отеръ мѣсто помазанія.

Послѣ муропомазанія Ея Величество изволила стать по лѣвую сторону, противъ иконы Божіей Матери, имѣя при себѣ своихъ ассистентовъ.

Въ это время митрополитъ новгородскій ввелъ чрезъ царскія врата Гусударя Императора во внутрь алтаря; прочіе-же служащіе свѣтителы поддержали бока порфиры. Его Величество, оставясь предъ святою трапезою на золотой парчѣ, изволилъ причаститься св. Христовыхъ Тѣлъ по чину царскому, какъ пробѣгаютъ священнослужители, т. е. особо Тѣла и особо Крови Христовой.

По причащеніи св. Тѣлъ, одинъ изъ архіереевъ поднесъ Его Величеству антидоръ и теплоту, а другой послужилъ къ умовенію устъ и рукъ.

Выйдя изъ алтаря, Гусударь Императоръ изволилъ снова отойти къ иконѣ Спасителя, а Гусударыня Императрица—приблизиться къ царскимъ вратамъ для припятія св. причастія обыкновеннымъ порядкомъ, отъ митрополита новгородскаго; причемъ два другіе архіерея послужили Ея Величеству въ поднесеніи антидора и теплоты и къ умовенію устъ и рукъ.

Послѣ сего Ихъ Величества изволили вмѣстѣ шествовать къ трону и возсѣсть на престолахъ.

По выслушаніи литургіи и принятіи поздравленій въ соборѣ, Гусударь и Гусударыня, посѣтивъ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, тѣмъ-же порядкомъ, подъ балдахиномъ, прослѣдовали обратно во дворецъ. Выйдя изъ подъ балдахина у подножія Краснаго крыльца и вступивъ на его площадку, Императоръ остановился и трижды поклонился народу. Этотъ моментъ изображенъ на рис. стр. 497. Такая сцена неизбежно запечатлѣвается въ сердцѣ навсегда. Стотысячная толпа, надъ которой возвышается блестящая группа государственныхъ саповниковъ и посреди ихъ вѣнчанный русскій Царь, любовно кланяющійся своему вѣрному народу, среди потрясавшаго воздухъ восторженнаго „ура!“, сливавшагося съ гуломъ пушечной пальбы, колокольнаго звона и ритмическихъ аккордовъ военной музыки...

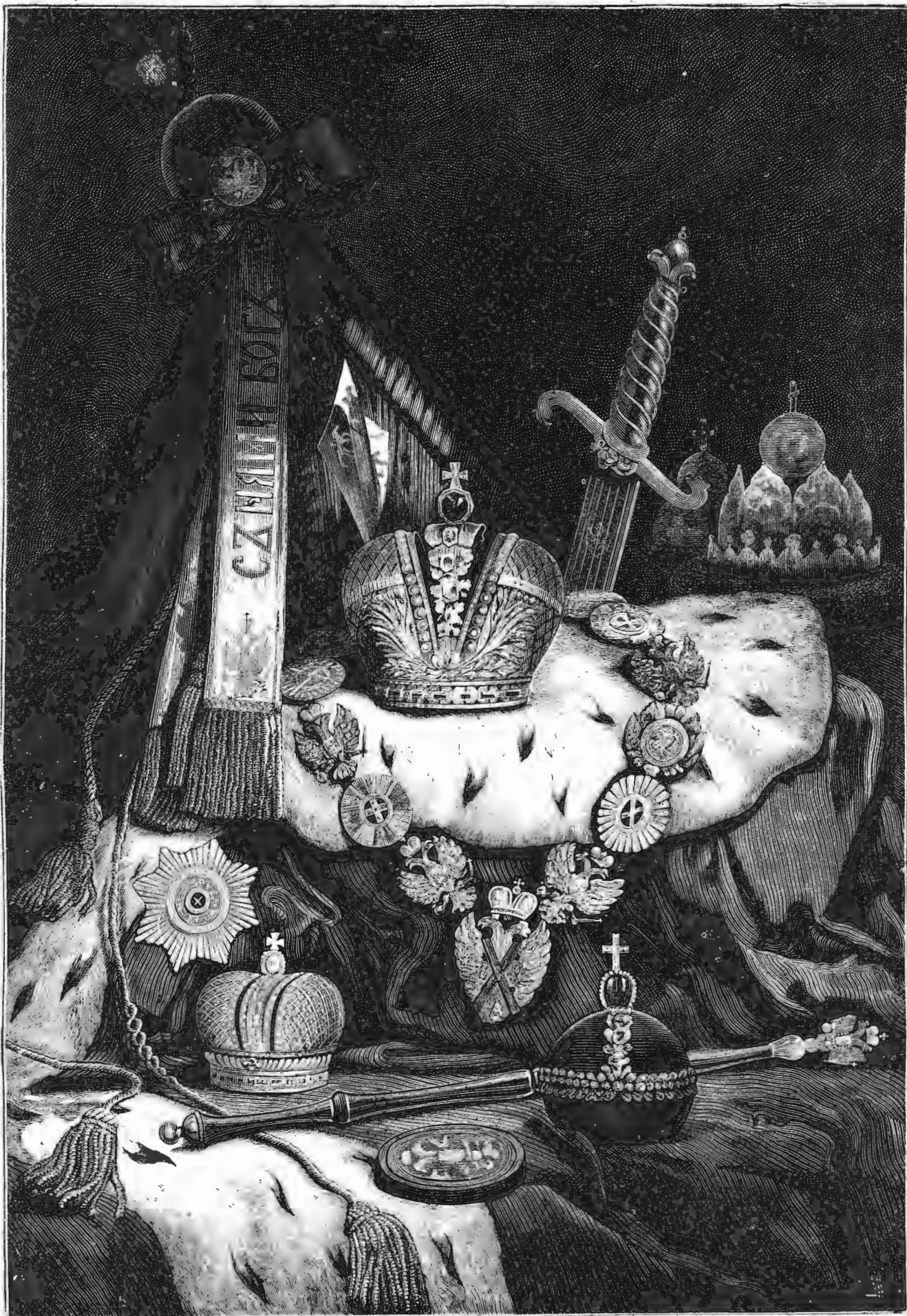
Прибывъ во дворецъ, Ихъ Величества вступили въ Андреевскую залу, а оттуда, отдавъ регалии, прослѣдовали въ коронахъ и порфирахъ, во внутренніе апартаменты для отдохновенія предъ обѣдомъ въ Грановитой палатѣ; сюда Ихъ Величества вступили въ коронахъ-же и порфирахъ; Гусударь, имѣя въ рукахъ скипетръ и державу. Затѣмъ, Императоръ и Императрица вошли на тропъ, гдѣ, подъ балдахиномъ, былъ приготовленъ обѣденный столъ на два прибора для Его Величества по правую, а для Гусударыни Императрицы — по лѣвую сторону; за престолами стали ассистенты Ихъ Величествъ и первые чины Двора, противъ нихъ оберъ-форшнейдеръ, а по правую и по лѣвую стороны стола—оберъ-шенки.

Для Высочайшихъ Особъ Императорской Фамиліи и иностранныхъ принцевъ обѣденный столъ былъ приготовленъ въ Тайникѣ.

По повелѣнію, данному Его Величествомъ, верховный маршалъ, оберъ-гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ, гофмаршалъ, коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры, отдавъ Его Императорскому Величеству поклонъ, вышли изъ Грановитой палаты за кушаньемъ, которое внесли штабъ-офицеры, въ предшествіи верховнаго маршала, оберъ-гофмаршала, верховнаго церемоніймейстера и гофмаршала, имѣя по сторонамъ по два кавалергардскихъ офицера, съ обнаженными палашами, и въ послѣдованіи коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ и церемоніймейстеровъ; кушанье поставили

Коронація въ Москвѣ. Иллюминація колокольни Ивана Великаго въ Кремлѣ.
Ориг. рис. съ натурн нашего корреспондента И. Папова, грав. М. Ращевскій.

Коронація въ Москвѣ. Императорскія регалии и короны. Ориг. рис. А. Земцова, гравир. М. Рашевскій.

на столь оберг-гофмаршалъ и гофмаршалъ. По принесеніи кушанья, Его Величество сѣлъ съ Себя корону и отдалъ ее, скипетръ и державу несящимъ ихъ сановникамъ.

Митрополитъ московскій благословилъ трапезу, и Ихъ Величества изволили сѣсть.

Когда, согласно церемониалу, Государь, послѣ перваго блюда, изволилъ спросить пить, тогда духовенство и свѣтскія особы первыхъ двухъ классовъ, отдавъ поклонъ, сѣли за обѣденные столы.

Вечеромъ Москва имѣла волшебный видъ.

Все заняло какъ бы по волшебству: весь Кремль, его стѣны, надъ которыми высилась точно усѣянная брилліантами сверкавшая на темномъ небѣ глава Ивана Великаго; электрическія гирлянды обвили Василія Блаженнаго по всѣмъ направленіямъ; Софійская набережная, Красная площадь, бульвары, вся Тверская, площадь у Страшнаго монастыря, Никольскія ворота, Арбатская площадь, набережная у храма Спасителя, набережная рѣки Москвы, проездъ отсюда на Красную площадь—все это было сплошное море огня, въ которомъ ярко и отчетливо горѣли маленькіе языки электрическаго свѣта.

Въ день коронаванія были иллюминированы кремлевскія стѣны и башни, церковь св. Василія Блаженнаго, кремлевскіе сады, Большой и Малый театры, и въ центрѣ Кремля, колокольня Ивана Великаго, что и изображено на нашемъ рисункѣ, стр. 504. Планъ иллюминаціи былъ составленъ инженеромъ Фабриціусомъ, при содѣйствіи талантливаго художника г. Бойцова. Каждый день было зажигаемо болѣе 300,000 свѣчей въ шкаликахъ и фонаряхъ, 3500 электрическихъ лампочекъ Эдисона, 8 большихъ электрическихъ солнцъ, силою до 40 тысячъ свѣчей каждое, 10 малыхъ солнцъ силою въ 7000 свѣчей каждое, и, кромѣ того, было сожигаемо по 100 пудовъ бенгальскаго огня. По зубцамъ кремлевскихъ стѣнъ и на башняхъ горѣли разноцвѣтные шкалики, изъ коихъ, съ присоединеніемъ разноцвѣтныхъ рубчатыхъ фонарей, устроены на башняхъ шпиги, вензеля, гирлянды и арматуры; со стороны-же Красной площади, между башней Спаскою и Никольскою, на стеклахъ—гербы Россійской имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на Сенатской башнѣ красовался государственный гербъ, вышиной въ 12 аршинъ, и подъ нимъ большая звѣзда, внутри которой былъ помѣщенъ вензель Государя Императора и Государыни Императрицы. Колокольня Ивана Великаго была освѣщена 3500 электрическими лампами системы Эдисона, съ накачиваніемъ при помощи динамо-электрическихъ машинъ и 17 локобилей. Сумма силъ всѣхъ этихъ 17 локобилей равна 190 лошадинымъ силамъ. Отъ завода Листа до колокольни Ивана Великаго проведено по столбамъ 60 изолированныхъ проводовъ; длина каждаго изъ нихъ почти 340 сажень. Лампочки Эдисона расположены въ формѣ гирляндъ и фестоновъ и по архитектурнымъ линіямъ зданія. Кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ колокольни, изъ лампочекъ составлены два государственныхъ герба и на самой колокольнѣ, на сторонѣ, обращенной къ Замоскворѣчью, изображенъ вензель Государя и Государыни, а на сторонахъ, обращенныхъ къ Красному крыльцу и къ Малому Кремлевскому дворцу—вѣнки съ коронами и готомъ священно коронаціи.

Въ послѣдующіе, затѣмъ, дни Ихъ Величествамъ были приносимы поздравленія; 16-го былъ балъ въ Грановитой палатѣ, 17-го блестящій балъ у Германскаго посланника, 18-го торжественный спектакль, 19-го обратное перенесеніе регалій въ Грановитую палату, а 20-го— въ Оружейную; 21-го происходилъ на-

родный праздникъ, поражающій своимъ размѣрами; надо было накормить 450 тысячъ человѣкъ.

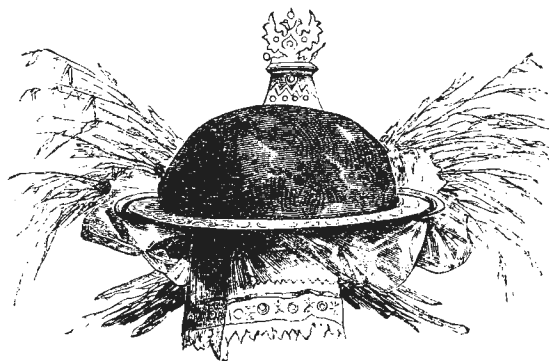
Чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ праздникѣ, перенесемъ мысленно на Петербургское шоссе, пролегающее между Ходынскимъ полемъ и дворцомъ. По лѣвой рукѣ зданіе выставки и громадное Ходынское поле, съ которымъ Царицынъ лугъ—площадка. Все пространство залито сотнями тысячъ народа. Передъ дворцомъ возвышается эстрада для Ихъ Величества и Высокихъ гостей, съ которой можно обозрѣвать всѣ постройки, выведенныя для праздника. Три ряда большихъ и малыхъ зданій, предназначенныхъ для народныхъ развлеченій, возвышаются среди толпы. Между ними большой циркъ, четыре большихъ театра, гора съ желѣзными рельсами и маленькими вагонами, карусели, качели, мѣста для оркестровъ и проч.

Каждый изъ посѣтителей праздника, кромѣ даровыхъ развлеченій, получилъ по два фунтовыхъ пирога, одинъ съ говядиной и одинъ съ вареньемъ, и украшенный гербомъ съ обозначеніемъ года и дня коронаванія мѣшокъ съ пряниками, орѣхами, леденцами и пр. и глиняную глазированную кружку съ государственнымъ гербомъ, все это уложенное въ корзинку.

Площадь, назначенная для народныхъ забавъ, имѣетъ 800 сажень длины и 700 въ поперечникѣ; она обнесена кругомъ изгородью изъ столбовъ, соединенныхъ между собою гирляндами, украшенными гербами губерній. Для избѣжанія давки, устроено 225 входовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдоль изгороди устроены буфеты. Это четырехугольныя зданія, сдѣланныя изъ теса, съ колами внутри, на которыхъ разставлены корзины съ угощеніями. Въ углахъ буфетовъ проделаны по двѣ двери. Артельщики подаютъ угощеніе публикѣ, которая впускается съ 10 ч. утра. Всѣхъ буфетовъ на плану 105.

Во время гулянья, по вѣтви конно-желѣзной дороги, проведенной отъ Московско-Брестской дороги, провезено 100 вагоновъ пива и меда.

Громадныя толпы народа запрудили бурнымъ моремъ все пространство; точно волны двигались эти людскія массы по разнымъ направленіямъ, всѣ столы и скамейки были обгнѣлены въ одинъ мигъ. Надо всѣмъ этимъ стоялъ гулъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ голосовъ. Что-то необычайное, стихійное было въ этомъ праздникѣ народа, ликующаго и радующагося общей радости Россіи.

Хлѣбъ-соль.

Разсказы, замѣтки и впечатлѣнія коронаціи.

Появленіе Государя на Красной площади. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ корреспондентовъ впечатлѣніе чуднаго момента приближенія Государя къ Кремлю 10-го мая, изображеннаго такъ талантливо нашимъ корреспондентомъ Н. Н. Карзининымъ. „Четверть третьяго началась пальба въ Кремль и трезвонъ на колокольняхъ. Государь въѣхалъ въ Москву въ эту минуту и то чувство, которое испытываютъ видящіе его въ это время, пронесется всюду, по всей Москвѣ. Вырывается невольное „ура“ и проносится по площади. Хоры воспитанниковъ учебныхъ заведеній, подъ громъ музыки, начинаютъ пѣть „Боже, Царя храни“. Гимнъ кончился и снова слышится шумное „ура“, воспитанники снимаютъ шапки и махаютъ ими въ воздухъ. Колокола гремятъ сильнѣе и сильнѣе, выстрѣлы мѣрно и звучно раздаются, какъ бы аккомпанируя звуку колоколовъ. Дождь пересталъ. Изъ церкви Казанской Божіей Матери, что противъ историческаго музея, вышло духовенство въ золотыхъ ризахъ и съ хоругвями. Ожиданіе проникаетъ всѣхъ. Толпа смолкаетъ. Войска выравниваются. Я какъ разъ противъ хоругви Петра Великаго съ надписью: „да исчезнетъ тѣма и плѣды просвѣщенія да возростутъ обильно въ царствѣ твоёмъ“. Да исчезнетъ тѣма, повторилъ неволью, и столько счастья, столько добра желаетъ Царю и Родинѣ“.

„Ровно въ 3 часа голова процессіи показалась на Красной площади. Забилъ барабанъ сборъ для отдаванія чести Государю, проиграла музыка. Народъ обнажилъ головы, не шелочнется, весь—ожиданіе. Процессія тронулась снова. Показался Государь. Это было въ 20 минутъ 4-го часа“.

„Все исчезло, вся эта великолѣпная картина, всѣ подробности ея. Одишь Онъ, Царь Россіи, Царь этого народа, который собрался не для процессіи, а для того, чтобы Его видѣть, Его встрѣтить. Раздались такіе крики восторга, какихъ я никогда не слышалъ; они смѣшались съ колокольнымъ звономъ, съ оркестромъ музыки, съ „Славься“, которое подхватили хоръ воспитанниковъ и воспитанницъ; крики росли и раскатывались въ этихъ толпахъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Государь ѣхалъ тихо, кланялся народу; слѣва его ѣхалъ принцъ Эдинбургскій, за нимъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Георгій Александровичъ, затѣмъ великіе князья, дяди и братья Государя и другіе члены императорскаго дома, представители иностранныхъ дворовъ, свита. Когда Государь и Государыня скрылись въ Спасскихъ воротахъ, народъ сталъ креститься и расходиться, не обращая уже вниманія на то, что процессія еще не кончилась. Говорить ли о томъ, что общая радость такъ велика была, что многіе плакали, поздравляли другъ друга, жали руки“...

Стихотвореніе. Изъ числа многихъ стихотвореній, появившихся въ Москвѣ по поводу коронаціи, приводимъ слѣдующія удачныя строфы одного молодого поэта:

Отчего сегодня зазвонилъ рано
На холмѣ Кремлевскомъ въ колоколъ Пвана?..
Отчего сегодня надъ Первопрестольной,
Какъ на Пасхѣ слышенъ гласъ колокольный?..
Отчего сегодня съ солнечнымъ восходомъ
Улицы кипѣли радостнымъ народомъ?..

Отчего сегодня видѣла денница
 Радостныя очи, радостныя лица?..
 Оттого, что входитъ въ городъ златоглавый
 Царь нашъ, осѣненный вѣковѣчной славой!..
 Долго ожидали царскаго прихода
 Тысячи, милыя вѣрнаго народа,
 И настала сегодня часъ давно желанный:
 Съ нами нагнъ Кормилецъ, Царь, намъ Богомъ даанный;
 И Ему навстрѣчу, радостію полны,
 Москвичи отсюда хлынули, какъ волны, —
 И среди народа пролегла дорога
 Черезъ Москву до двери царскаго чертога...
 Шествуетъ Отецъ нашъ, окруженъ дѣтями,
 И глядитъ привѣтно ясными очами, —
 Наполняетъ душу дивная отрада
 Отъ Его любовью дышащаго взгляда, —
 И родится слово громкаго привѣта:

„Здравствуй, нашъ Родимый, царствуй много лѣтъ!“..

А. Н. Ваганова Канцелярія, для разсмотрѣнія рисунковъ и статей о коронаціи, осаждалась: она состояла изъ него и его помощника. Русскіе, французы, нѣмцы, англичане — толпа цѣлая. У французовъ, впрочемъ, былъ еще шефъ — г. Корвинъ-Круковскій, авторъ французской комедіи „Данишевы“.

Французы и англичане рѣшительно въ восторгѣ отъ Кремля. Они не наговорятся объ этихъ соборахъ, объ этихъ палатахъ. „Какъ это оригинально! Какъ это чудесно!“ слышишь сплошь и рядомъ. Западные храмы—можно ли сравнивать! Особенно сильное впечатлѣніе производятъ все это на новичковъ, впервые увидѣвшихъ всѣ эти рѣдкости, эту старую Москву, этотъ соборъ, чудно блещущій иконостасомъ точно громадное свѣтило, и эти колонны и простота всего остального въ храмѣ. Есть какая-то гармонія во всемъ этомъ, въ этой смѣси суроваго и блестящаго, въ этомъ таинственномъ свѣтѣ, льющемся сверху, и въ этихъ строгихъ ликахъ иконъ, окруженныхъ сіяніемъ золота и драгоценныхъ камней. Иностранцы просто не шли изъ храма — они приковывали ихъ вниманіе. Имъ показывали алтарь, раки святыхъ, патриаршую ризницу. Въ Москвѣ была цѣлая семья даровитыхъ художниковъ нашихъ, приглашенныхъ рисовать эпизоды коронаціи. Это будетъ первое описаніе коронаціи, все сплошь исполненное русскими.

Въ иностранныхъ газетахъ начали появляться подробности о коронаціи. „Daily News“ и „Standard“ посвящаютъ этому, сверхъ

того, руководящія статьи. Обѣ газеты признаютъ, что нынѣшняя коронація, по роскоши и великолѣпью, по своему величавому виду, превосходитъ всѣ предшествовавшія торжества. По словамъ „Daily News“, ни одна страна въ мірѣ не въ состояніи представить болѣе великолѣпное зрѣлище подобнаго рода, кромѣ Россіи. Представляютъ такое великолѣпіе всегда было свойственно русскому чувству и служило отличительнымъ признакомъ русскаго достоинства. И рядъ предстоящихъ празднествъ въ Москвѣ превосходитъ своимъ блескомъ все, что только когда либо было извѣстно въ Европѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. „Standard“ замѣчаетъ, что Россія приобрѣла репутацію великой державы, главнымъ образомъ, благодаря мудрости своихъ правителей, которые всегда умѣли дать почувствовать въ надлежащій моментъ ея вѣсь и значеніе. По словамъ той же газеты, въ нашей первопрестольной столицѣ собрались какъ бы двѣ Россіи—Россія Европы и Россія Азіи. Газета выражаетъ твердую увѣренность, что коронація будетъ служить залогомъ европейскаго мира.

Для охраненія порядка при торжественномъ въѣздѣ, московскою полиціею были приняты слѣдующія мѣры:

Всѣ переулки по Тверской улицы, а также улицы Пикольская, Ильинка, Москворецкая и проѣздъ Васильевской площади у церкви Василія Блаженнаго были закрыты и затянута канатомъ трескъ часовъ утра.

На тротуарахъ публика была допущена всюду, за исключеніемъ лишь тротуаровъ около Воскресенскихъ воротъ. Это распоряженіе указываетъ, какъ вздорны были слухи, пущенные въ Петербургѣ, о необычайныхъ стѣсненіяхъ народа въ Москвѣ и т. п. Никакого стѣсненія нѣтъ. Это былъ чистый вздоръ. Были извѣстныя распоряженія, но они всегда принимаются при такихъ громадныхъ торжествахъ.

Въ Кремлѣ Спасскія ворота были для всѣхъ закрыты; въ Троицкія и Боровицкія ворота пропускались только по билетамъ, выданнымъ на проѣздъ въ Кремль, а въ Таиницкія—до 12 час. дня по билетамъ на зрительныя эстрады; Никольскія же ворота были оставлены открытыми для входа въ Кремль народа. Въ Кремль было впушено до 60,000 человекъ. Больше впустить было трудно, не водворяя безпорядка.

Топить печи и разводить плиты на Тверской до окончанія Высочайшаго проѣзда не было разрѣшено. Случайный пожаръ въ это время былъ бы, конечно, большимъ несчастіемъ и необходимо было принимать всѣ мѣры для его предупрежденія.

Сдѣланы были также распоряженія для проѣзда экипажей. Торжество прошло въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Къ нашимъ, читателямъ.

Со слѣдующаго № 22 „Нивы“ начинается печатаніемъ обѣщанный нашимъ читателямъ большой историческій романъ „СТАРЫЙ ДОМЪ“ (хроника четырехъ поколѣній) Всеволода С. Соловьева, служащій продолженіемъ романовъ: „Сергій Горбатовъ“, помѣщеннаго въ „Нивѣ“ 1881 г., и „Вольтерьянецъ“, помѣщеннаго въ „Нивѣ“ 1882 г.

Задача № 27.

Даннне 11 отрѣзковъ съ буквами сложить такъ, чтобы изъ этихъ буквъ составили слова пожеланія, коимъ нынѣ полны сердца всѣхъ русскихъ людей. Полученная же фигура должна изображать слово, выражающее чувство радости.

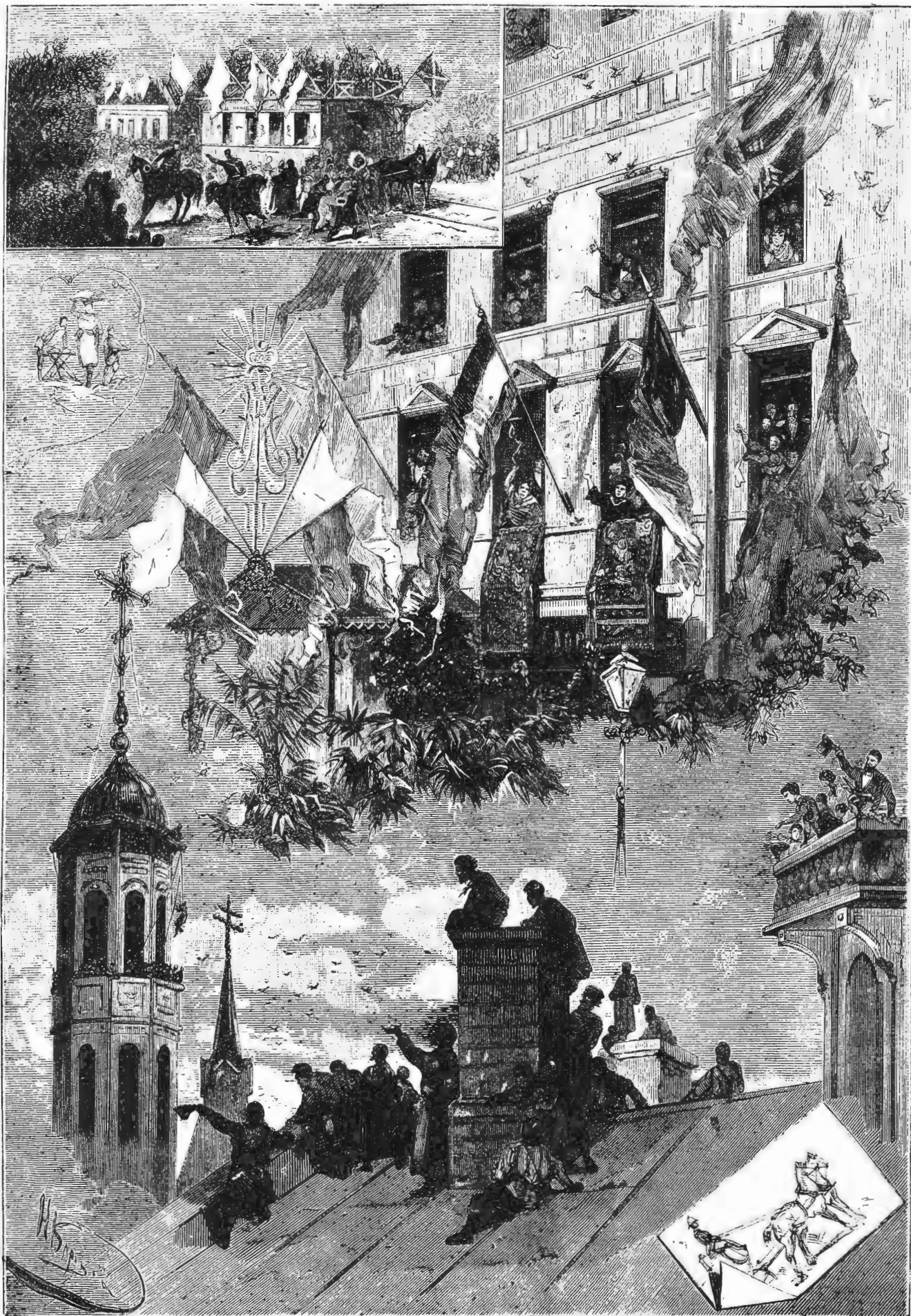

Алгебраическая задача № 28.

Четыре слова, составляющія фразу изъ оперы „Жизнь за Царя“, состоятъ изъ 22 буквъ; если же эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

1. Семнадцатое число на 1 менѣе шестнадцатаго числа.
2. Разность между тринадцатымъ и четырнадцатымъ числами равна 2.
3. Отношеніе втораго числа къ шестому равно 2 : 3.

4. Сумма четвертаго и двадцатаго чиселъ равна 4.
5. Восьмое число на 5 болѣе восемнадцатаго числа.
6. Разность между первымъ и вторымъ числами равна 6.
7. Сумма третьяго и седьмаго чиселъ вдвое болѣе двѣнадцатаго числа.
8. Учетверенное девятнадцатое число, сложенное съ разностью между восемнадцатымъ и девятымъ числами, равно 100.
9. Сумма пятаго и шестнадцатаго чиселъ равна 40.
10. Сумма десятаго и одиннадцатаго чиселъ равна числу недѣль въ году.
11. Сумма двѣнадцатаго и послѣдняго чиселъ вдвое болѣе девятнадцатаго числа.
12. Пятнадцатое число вдвое болѣе восемнадцатаго числа.
13. Разность между предпоследнимъ и семнадцатымъ числами равна числу дней недѣли.
14. Отношеніе четвертаго числа къ восемнадцатому равно 1 : 3.
15. Сумма втораго и четырнадцатаго чиселъ равна 30.
16. Пятое число вдвое менѣе суммы седьмаго и десятаго чиселъ.
17. Первое число на 2 менѣе тринадцатаго числа.
18. Сумма пятнадцатаго и шестнадцатаго чиселъ равна послѣднему числу.
19. Удвоенное девятое число на 1 менѣе четвертаго числа.
20. Сумма восьмаго и семнадцатаго чиселъ вдвое болѣе втораго числа.
21. Удвоенное восьмое число на 1 болѣе одиннадцатаго числа.
22. Первое число втрое менѣе удвоеннаго одиннадцатаго числа.

Коронація въ Москвѣ. Народныя сцены на улицахъ. Съ верховъ.
 Ориг. рис. съ натуръ нашего спеціального корреспондента Н. Н. Каранина, грав. Ю. Вараповскій.

СОДЕРЖАНИЕ: О священномъ коронованіи (съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ и рис. коронъ: Мономаха, Царя Михаила Теодоровича, Иоанна Алексѣевича и Петра I; рис. трона Царей Петра и Иоанна и царскихъ наметъ). О коронованіи Императоровъ. Подробности предстоящаго торжества (рисуни нашихъ спец. корреспондентовъ: 1) Въездъ Государя въ Москву. 2) Шествіе подъ балдахиномъ. 3) Св. Миропозаніе въ Успенскомъ соборѣ. 4) Коронованіе Императрицы. 5) Поклонъ съ Краснаго Крыльца. 6) Всенародное объявленіе о коронаціи. 7) Списокъ блюдъ (меню) торжественнаго обѣда 15 мая. 8) Иллюминація Ивана Великаго. 9) Императорскія регалии. 10) Хлѣбъ-соль. 11) Народныя сцены на улицахъ. Всего 22 рисунка. Разсказы, замѣтки и впечатлѣнія коронаціи. Къ нашимъ читателямъ. — Задачи. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Продолжается подписка на „НВУ“ 1883 года.
 Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія въ 1883 г. №№ «Нивы» со всѣми приложеніями.
 Подписная цѣна безъ доставки 4 р., съ доставкою въ СПБ. 5 р. 50 к., съ пересылкою 6 р.

МАССИВНАЯ ПИЛУТАЯ МЕБЕЛЬ,
 изъ исключительно привилегированной
 Его Императорскихъ и Королевскихъ Австрійскихъ Величествомъ Фабрика
БРАТЯ ТОНЕТЪ ИЗЪ ВѢНЫ.

Вѣна 1873. Какъ заслужить стипендію въ высш. курсѣ.
 Вѣна 1876. Какъ заслужить стипендію въ высш. курсѣ.
 Вѣна 1876. Какъ заслужить стипендію въ высш. курсѣ.

Главный складъ въ Россіи: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 16, уголъ В. Морской, № 17.
УДОСТОВЕРЕННАЯ ВЫСОЧАЙШИХЪ НАГРАДЪ
НА ВСѢХЪ ВСЕМИРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ.
 22 золотыя медали и 4 креста за преуспѣніе.

На фабрикахъ:
 40 паровыхъ машинъ въ 1200 лошадиныхъ силъ.

Главные склады:
 Вѣна. Прага. Грацъ. Бременъ. Булачешть.
 С.-Петербургъ. Одесса. Бухарешть.

На фабрикахъ:
 7000 рабочихъ.

Главные склады:
 Берлинъ. Гамбургъ. Дрезденъ. Мюнхенъ. Франкфуртъ н/М.

Главные склады:
 Парижъ. Брюссель. Амстердамъ.

Главные склады:
 Фабрика. Угренца Болш. в. Венгрии.
 Фабрика. Галенковъ изъ Моравии.
 Фабрика. Кортчакъ изъ Моравии.
 Фабрика. Востръ изъ Моравии.
 Фабрика. Востръ изъ Польсково.

МОСКВА.
КАРТИНА-ПУТЕВОДИТЕЛЬ
 съ описаніемъ достопримѣчательностей города.
 Изданіе К. Котельникова и П. Дворникова. М. № 2672
 Цѣна 1 р. За пересылку и упаковку на скатлѣ одного и болѣе экземпляровъ прибав. 50 коп.
 Складъ. Хромографія Иванова, СПБ. Вознесенск. шоссе 61—63.

Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ,
 С.-Петербургъ, у Краснаго моста.
 Магазинъ картинъ всякаго рода, конторскихъ книгъ и копировъ, прессовъ, красокъ, вѣстей, лаковъ, готовальни., портфелей, альбомовъ, всѣхъ письменныхъ и рисов. принадлежностей.
 Портреты для присутств. и въст., школъ и проч.
 Фабрика рамъ и багетовъ.
 Преисъ-вуртъ по желанію. М. № 2667

П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
 МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 23. Большая Морская 23.
РИГА, Сарайная, 11.
 М. 2664.

HAVANNA
ЯНСЕНЪ ЮОСТЪ.
 Невскій просп., № 20,
 противъ Анничкова дворца, № 55.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ГАВАНСКИХЪ СИГАРЪ
ФРАНЦУЗСКІЙ
НЮХАТЕЛЬНЫЙ И КУРИТЕЛЬНЫЙ
ТАБАКЪ
 НА РАЗЛИЧНЫХЪ ЦѢНАХЪ. № 2665

ГИМНАЗИСТАМЪ и ГИМНАЗИСТКАМЪ!
НОВОСТЬ
ВЕСЕЛАЯ ПИСЬМЕННАЯ

Игра-задача „Тайна капитана Немо“.
 Въ игрѣ всѣхъ фигуръ 30, съ подробнымъ объясненіемъ. Получить можно во всѣхъ игрушечныхъ и бумажныхъ магаз. Ц. 40 к.
 Изготовленіе немедленно высылается за 8 почтов. марокъ (въ 7 к.). Выписки за 10 экземпля. — 4 р. Въ С.-Петербургѣ у издателя В. И. Шайкевича, Минскій переул., уг. Торговой улицы, д. № 3. № 2661 1—1

Только что вышли изъ печати слѣдующія привлекательныя фортепьянныя пьесы воен. капельмейстера А. ГОРА.

1. Похоронный маршъ въ память Соболева.
2. Гавотъ: „Ну такъ скажи мнѣ“.
3. Вальсъ: „Нашъ папаша“.
4. Вальсъ: „Задумчивость двѣухи“.

Продается у П. Юргенсона въ Москвѣ. № 2659 1—1

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ
И. Я. УРЛАУБЪ
 Невскій просп. № 44,
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Преисъ-вуртъ по желанію. М. № 2663

НА ПРОКАТЪ
 НА ДАЧУ
 большой выборъ ролей и планшю по умѣраннымъ цѣнамъ на фортепьянной фабрикѣ.
Ф. МЮЛЬБАХЪ.
 С.-Петербургъ, Офицерская ул., № 3.
 № 2679

ДЛЯ ДАЧЪ

РЕКОМЕНДУЕТЪ ШВЕЙЦАРСКИЙ
МАГАЗИНЪ,

Бол. Конюшенная, д. 25.

Садовые крокеты для дѣтей, корейской березы, отличной работы, по 6 р.; то же для дѣвъ 8 р. и большой величины 11 р. Jeu de Tennis: въ двѣ ракетки—15 р., въ четыре ракетки—25 р. Дѣтскіе велосипеды легкіе, прочной работы, до 7-ми-лѣтняго возраста—9 р., то же до 12 лѣтъ—10 р. 50 к. и до 14-лѣтняго возр.—12 р. Новосты: мелодическій волчекъ 1 р. 75 к. Новыя самострѣлы съ резиновымъ мячикомъ—по 2 р., а также большой выборъ разныхъ игрушекъ для дѣтъ. Цѣны дешевыя. М. № 2670 1—1

САМОУЧИТЕЛЬ

ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА,

составленный по методу Робертсона, Олендорфа и другихъ знаменитыхъ лингвистовъ, съ приложеніемъ хрестомати, словаря, картъ и рисунковъ.

Полный курсъ состоитъ изъ 26 выпусковъ. Самоучитель приспособленъ къ тому, чтобы и молодежь, и взрослые—преимущественно гувернантки—могли въ теченіи полугодя, безъ предварительной, специальной подготовки, безъ помощи преподавателя, основательно ознакомиться съ латинскимъ языкомъ.

Цѣна за полный курсъ, по подпискѣ, 8 р. Каждый отдѣльный выпускъ—по 40 к. Поступила въ продажу выпуски 1 и 2-й.

Подписка принимается у издателя, СОКРАТА ИСАКОВА, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ, противъ Императорской публичной библиотеки, д. № 54. М. № 2674

КРАСОТА и НЕЖНОСТЬ ЛИЦА

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

КОСМЕТИКА

А. ЭНГЛУНДЪ.

Вѣрное средство противъ веснушекъ, желтазны, пятенъ, прыщей, морщинокъ, шероховатости и проч., чрезвычайно освѣжаетъ и придаетъ ювешескую свѣжесть; оно единственное вѣрное средство для предупрежденія веснушекъ и загара. Цѣна за банку 1 руб., съ пересылк. 1 р. 75 к., за 2 банки съ пер. 3 р. Для предупрежденія отъ поддѣлокъ требовать на каждомъ этикетѣ подписи „А. Энглундъ“ красн. черн.; получить можно въ Русск. Общ. торг. англ. тов., Каванская, 12; у А. Рузанова, Гостинный Дворъ, Зеркальная линия, 40. Главный складъ для всей Россіи у А. Энглундъ, С.-Петербургъ, М. Итальянская, № 3. М. № 2640

Maison de confiance

Prix très modérés
Robes faites, Modèles, Confections haute nouveauté
Coiffures et Gants
Articles de Paris pour cadeaux.
Robes et manteaux sur commande
MADAME JUSTIN
12 Petite Rue des Ecuries 12

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“

ДЛЯ НАРУЖНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ

ПРОТИВЪ

ХОЛЕРИНЫ,
РЕВМАТИЗМА,
ЛОМОТЫ,
ЗУБНОЙ БОЛИ,
разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,

продается

въ С.-Петербургѣ,

Н. А. БОРМАНЪ, Бол. Конюшенная, д. № 14 и во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи. Ц. по 1 р. за склянку. М. № 2655 1—1

АЛЕКСАНДРЪ.

ФАБРИКАНТЪ ЗОНТИКОВЪ, ВЪЕРОВЪ, ТОКАРНЫХЪ И РѢЗНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
въ С.-Петербургѣ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ 11.
М. № 2666

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО КАРТОННО-ТОЛЬНАГО ПРОИЗВОДСТВА А. НАУМАНА И К°. ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТІЕ И КРАСКУ ГОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ И ВСѢ СВѢДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
С.-Петербургъ, Гороховая улица, д. № 20.

СПЕЦИАЛЬНО-ВОЕННЫЙ МАГАЗИНЪ

имѣеть пять отдѣловъ:

- 1-й Военно-книжный.
- 2-й Военныхъ пособій.
- 3-й Войсковое хозяйство.
- 4-й Коммиссіонерный.
- 5-й Военныя мастерскія.

Которые исполняютъ всѣ требованія частей войскъ и Гг. Офицеровъ.
Невскій пр., противъ Главнаго Штаба, д. № 1-й.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. М. № 2652

Торговый домъ Н. ФЕНУ и К°.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Золотая медаль на Всероссийской промыш.-худож. выставкѣ 1882 г.
Десять медалей на другихъ выставкахъ.

ОТДѢЛЫ МАГАЗИНА:

Книжный, музыкальный, наглядныхъ учебно-воспитательныхъ пособій и образовъ. Юридико-механическая мастерская, столярная мастерская для изготовленія классной мебели и учебныхъ пособій. Письменные принадлежности. Бланки и отчетныя книги для войскъ.

По распоряженію Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній, фирма издала программы для поступленія въ кадетскіе корпуса, юнкерскія училища и т. п.

Для выбора книгъ, учебныхъ пособій и музыкальныхъ инструментовъ имѣются каталоги и преисъ-куранты.

Фирма основана въ 1871 г. М. № 2646

NOUVEAU MAGASIN ETRANGER.

Ц. Невскій проспектъ, Ц.

Спеціальность дѣтскихъ игрушекъ. Галантерейныя и туалетныя вещи. Постоянно французскія и Вѣнскія новости. Вѣера, бинокли, зонтики, трости, фарфоровыя вазы и фигуры, бьюры, портмоне и портъ-сигары, пѣнковые мундштуки и трубки, щетки и трубочки, дорожныя и дамскія несессеры и проч. М. № 2641

Цѣны дешевыя, безъ запроса.

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

Н. П. ЛАНИНА,
ВЪ МОСКВѢ,

удостоенныя МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемірной выставкѣ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣній въ Азіи.
СЪ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ ПРОДАЖУ ПОДЪ НОВЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ.
№ 2440 10—10

EAU DE LYS DE LOHSE.

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе нѣжнымъ.

Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ ювешескую свѣжесть.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и нѣжною.

Eau de Lys de Lohse астробляетъ веснушки.

Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, БЕРЛИНЪ,

поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.

Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.

Eau de Lys de Lohse.

С. № 2604 10—4

ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА новыхъ изобрѣтеній. СПб. Невскій, № 4, выслаетъ каталогъ практичн. нов. изобрѣтеній за 7 коп. марку. Специальность: ваниты для дѣтей и взрослыхъ, хозяйств. и конторскій табл. М. № 2651

М. О. В. Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ М. О. В.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостин. дворъ, № 17 и 18. ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ: МОСКВА, Петровка, д. Михалкова.

Толковый словарь ЖИВАГО Велинорусскаго языка. Владимира Даля.
 Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора.
 4 т. въ 6. 8 д. л. въ 2 столбца печати, шрифтомъ мелкимъ, но четкимъ, нарочно отлитымъ для этого изданія.
 Ц. 25 р., съ пер. 28 р., въ изящномъ перепл. ц. 31 р., съ пер. 35 р.

Словарь Даля представляетъ собою всю наличность словъ и оборотовъ живою русскою рѣчи, со всеми мѣстными особенностями и отбѣнками. Словарь Даля, это весь словесный капиталъ русскаго народа, расходуемый имъ по мелочамъ во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни, на всемъ пространствѣ земли русскою, а въ трудѣ Даля являющийся стройнымъ цѣлымъ, представляющимъ неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ справокъ. Словарь Даля названъ толковымъ, потому что онъ не только переводитъ одно слово другимъ, но толкуеть, объясняетъ подробности значенія словъ и понатій имъ подчиненныхъ. Словарь Даля не просто приводитъ одно и то же слово въ различныхъ областныхъ его видоизмѣненіяхъ,—нѣтъ, онъ приводитъ въ то же время цѣлымъ рядъ замѣчательныхъ бытовыхъ подробностей, повѣрій, примѣтъ, обычаевъ. Словарь Даля, при простомъ переиздѣваніи его, есть уже средство къ обогащенію памяти цѣлымъ запасомъ удивительно мѣткихъ народныхъ выраженій, присловій, афоризмовъ. Словарь Даля долженъ найти себѣ доступъ въ каждый русскій домъ, гдѣ умѣютъ цѣнить замѣчательныя произведенія русскаго духовнаго труда. Словарь Даля долженъ для каждаго истинно-русскаго челоука служить любимѣйшею и полезнѣйшею справочною энциклопедіей, охватывающею одновременно всѣ проявленія внутренней и внѣшней русской жизни и быта. Словарь Даля необходимъ и глубокоученому, филологу по профессіи, и технику, и литератору, и учителю, и школьнику. Словарь Даля представляетъ неисчерпаемый источникъ для каждаго, кому дорога сокровищница русскаго духа, выраженная въ словѣ. Словарь Даля даетъ каждому то, что онъ ищетъ: одному рѣдкую древнюю форму слова, другому—терминъ, третьему—острое, мѣткое, незальнимое, живое слово, четвертому—разъясненіе кореннаго значенія слова... № 2680

Пословицы русскаго народа. СБОРНИКЪ
 пословицъ, поговорокъ, рѣченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ **Владимира Даля.**
 Изд. 2-е. 2 т., въ 16 д. л. Цѣна 5 руб., съ перес. 6 р.

О повѣрїяхъ, суевѣрїяхъ
 и предразсудкахъ русскаго народа.
 Посмертное сочиненіе **В. Даля.**
 16 ч. л. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Два сорока Бывальщинокъ для крестьянъ.
 Народная книга **Владимира Даля.**
 2 т. въ 16 д. л., съ 12 рисунками. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

„Элеопатъ“ Провизора Кинунена употребляется противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корней волосъ, увеличенія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Понятнѣ безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которыя употребляли „Элеопатъ“, даютъ намъ возможность рекомендовать этотъ бальзамъ.

Каждый флаконъ „Элеопата“ содержитъ 120 граммовъ, и имѣетъ въ самомъ стеклѣ вензель—подпись Кинунена—собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ только провизора Кинунена можно получить у Штоль и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп.

Способъ употребленія „Элеопата“ Провизора Кинунена, приложенъ къ каждому флакону. Въ провинціи, „Элеопатъ“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ больш. Аптекарскихъ и Косметическихъ Магазилахъ, у дрогистовъ и въ Аптекахъ.

Страхованіе жизни.

Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго, пенсін и т. п. можно узнать изъ брошюры (книжечкѣ) Страховаго Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи. № 2482

Центральное депо перевязочныхъ предметовъ **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**
 С.-Петербургъ Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 7.

ПЕРЕВЯЗОЧНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: вата, юта, морской канатъ, марля, гипсъ, бинты, швы, корсетъ.
 Препараты йодоформовые, карболовые, салициловыя, тимоловыя и пр.
 САНИТАРНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: перевязочныя ранцы, фельдшерскія сумки, перевязочныя кобуры, водоносныя флаги, принасы срочныя и безсрочныя, хирургическія инструменты и наборы, подкладочныя матеріи подъ больнымъ и пр.
 Подробныя каталоги высылаются БЕЗПЛАТНО. М. № 2671

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Минеральныя воды. № 2412

МАГАЗИНЪ И. Ф. АРВИНА.
 № 32 и 33.
 Въ Мебельномъ Гостиномъ Дворѣ, ходъ въ магазинъ съ Екатерининскаго канала.
 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
 Продажа по фабричнымъ цѣнамъ.
 Первый магазинъ въ Петербургѣ. Большой складъ товаровъ. Первые новости: шелковыя, шерстяныя и бумажныя матеріи, бархаты, плюшь, манчестеръ—всѣхъ цвѣтовъ. Вновь подучены матеріи для платья.
 Ш А Н Ж А Н Ъ. М. № 2644

ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ ЗУБОВЪ
 вѣрное поставленіе для ухода за ними, леченіе больныхъ зубовъ, а также пломбированіе, эмальировку и вставленіе искусственныхъ зубовъ рекомендуетъ С.-Петербургъ, Бол. Садовая ул., близъ Больш. Итальянск. д. № 9, возлѣ гост. „Дамаръ“, кв. № 16. **ЗУБНОЙ ВРАЧЪ Н. АНДЕРСОНЪ.** М. № 2673 1—1

РАСПРОДАЖА КНИГЪ СЪ УСТУПКОЮ ОТЪ 25 ДО 50 ПРОЦ.
 Въ складѣ „Россійской Библиографіи“ Эмиля Гартве. Въ С.-Петербургѣ, у Анничкова моста, по Фонтанкѣ, № 40. Каталогъ высылается по требованію. М. № 2643

On vend meilleur marché
 toutes les bonnes parfumeries
 16. Grande Morskaia 16.
 à St.-Petersbourg
 à la **Parfumerie du grand Monde**
 tenue par B O U M E de Paris
 et pour le temps du couronnement
 on trouvera
 Maison CHARLES Coiffeur
 Petrowski ligue à côté du magasin
BROCARD à MOSCOU
 quelques-uns de mes meilleurs articles en
 notamment le „BOUQUET“
Souvenir zur KRÖNUNG ALEXANDER III.
 ainsi que le bouquet inimitable accacia de la cour tant demandé.

Спеціальность мукомольныхъ мельницъ.

для размолва всякаго рода зерна на мелкую и крупную муку, также всѣхъ вспомогательныхъ машинъ высшей системы, поставы для перловой крупы, съ самодѣйствіемъ, жернова для размолва всякаго рода зерна на крупную и мелкую муку и проч. Поставы находятся постоянно на складѣ. Порученія исполняются въ скорѣйшемъ времени.

С.-Петербургская мастерская мукомольныхъ мельницъ.
 Обратитесь въ I Центральную Контору Обязаній и Переводовъ Н. Матисена, у Казанскаго моста, 28—21, въ С.-Петербургѣ. М. № 2658

НИВА

XIV год
№ 22

год XIV
1883

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ три листа съ 6—10 рис. и ежемѣсячнымъ даровымъ приложениемъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДСВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Безъ доставки въ Москву черезъ отдѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія . . .	5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

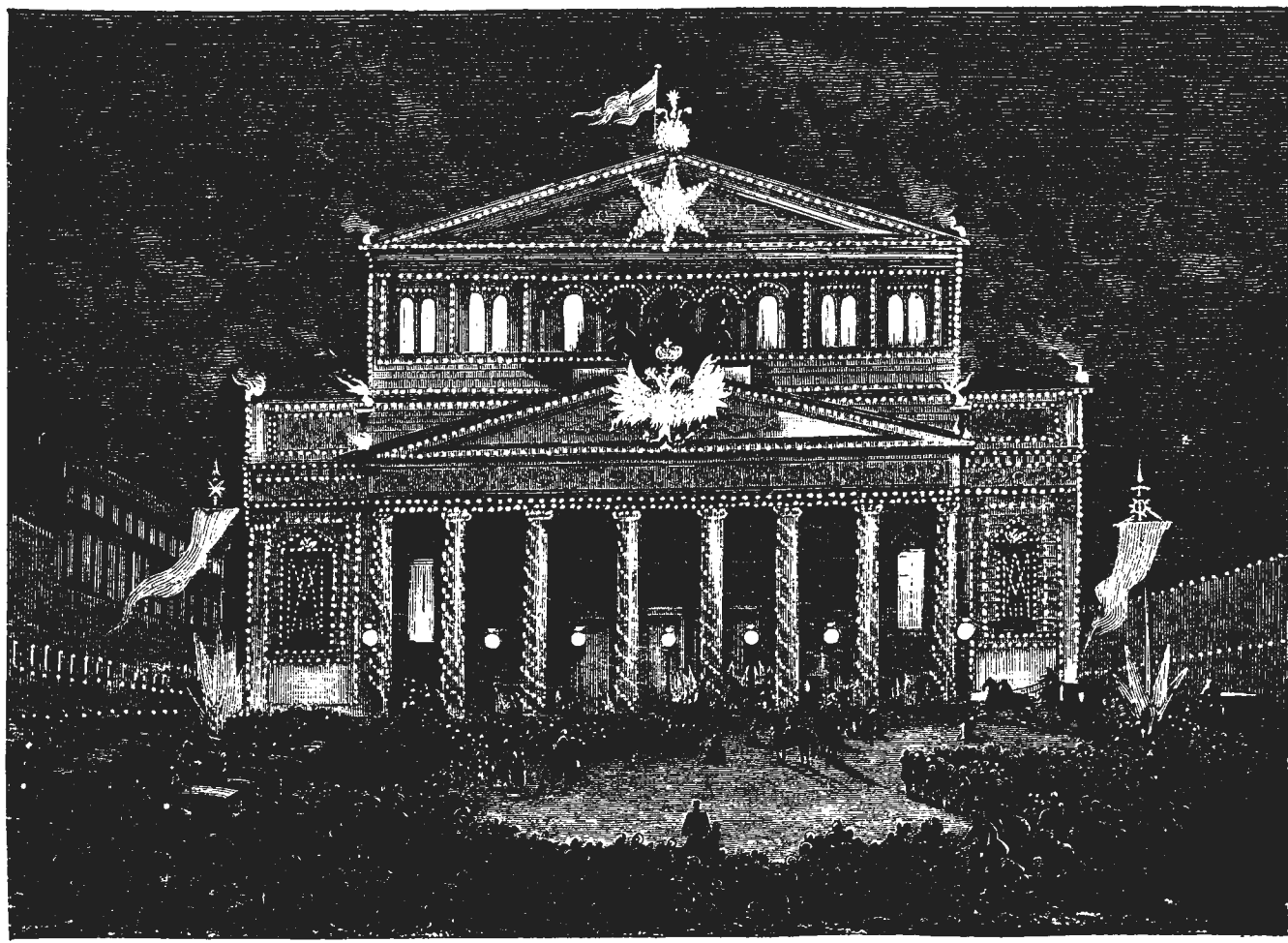
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложениями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfep. для загранич.) за строку конпарейль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложения при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для конг. по 5 р. съ тысяча, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

Коронація въ Москвѣ. Иллюминація Большаго театра во время спектакля „Вала“ въ Москвѣ.
Ориг. рис. нашего спеціалнаго корреспондента Н. Н. Барзмина, грав. М. Рашевскій.

Привѣтъ морю.

Стих. Князя Николая Черногорскаго.

(Переводъ съ Сербскаго).

Море синее—здорово!
Ширь далека—привѣтъ!...
Раздалось Божье слово
И бѣдамъ помина нѣтъ!...

* * *

Устремляя жадно, страстно,
Взоръ на быстрый бѣгъ валовъ—
Проклиналъ я повсечасно
Черногоріи враговъ,
Что безумно двѣ свободы
Разлучали до сихъ поръ:
Моря пѣнистыя воды,
Отъ моихъ родимыхъ горъ!...
Но теперь—пусть гласъ проклятій
Смолкнетъ: къ морю путь открытъ!...
Кровь честная павшихъ братій,
Съ нимъ союзъ нашъ укрѣпить!...

* * *

Слава соколамъ могучимъ,
Черногоріи сынамъ,
Что къ морскимъ брегамъ, зыбучимъ,
Принесли!... Я волнамъ,
Адриатики сребристымъ
Виравъ пѣснь теперь сложить—

Ей припѣвомъ звучнымъ, чистымъ,
Будетъ плескъ валовъ служить!...

* * *

Этой пѣснью, заклинаю
Море синее, тебя,
Будь моимъ!... Господь, я знаю,
Сохранить въ тебѣ, любя,
Все, чѣмъ ты поднесъ богато!...
Будь моимъ и въ ширь и въ даль!...
Все твое мнѣ будетъ свято:
Буть то радость иль печаль,
Бури-ль, вѣтры, непогоды,
Въ тишь—поверхности лазурь—
Мощно бѣшенныя воды
Въ грозный часъ жестокихъ бурь!...

* * *

Будь моимъ, молю, всецѣло!...
Пусть о брегъ кремнистый мой
Эти волны бьются смѣло,
Набѣгая чередой,
И бойцовъ моихъ помчатся
Легкокрылыя лады
Будутъ съ ними обгоняться
Волны буйныя твои!...

Старый домъ*).

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. С в о и.

Въ одной изъ самыхъ уютныхъ и красивыхъ комнатъ стараго петербургскаго дома Горбатовыхъ, у маленькаго столика, на которомъ былъ сервированъ утренній чай, сидѣли хозяева—Владиміръ Сергѣевичъ Горбатовъ и жена его Екатерина Михайловна, рожденная графиня Чернова. Владиміръ Сергѣевичъ, статный и красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, удобно раскинулся въ низенькомъ мягкомъ креслѣ. Его мундиръ гвардейскаго офицера былъ растегнутъ и высочайшій воротникъ, поднимавшійся съ двухъ сторонъ, скрывалъ почти половину его свѣжихъ, гладко выбритыхъ щекъ, на которыхъ оставалась только маленькая полоска искусно выведенныхъ по модѣ того времени, у самаго почти уха, бакенбардъ. Молодые тонкіе усы были немного подвиты и закручены. Блестящіе черные волосы взбиты со всѣхъ сторонъ и зачесаны напередъ. Все лицо его, вся высокая, но уже несмотря на молодые годы очень полная фигура, дѣлала изъ него красавца-гвардейца, на котораго часто заглядывались женщины. Выраженіе его темныхъ глазъ уловить было трудно, такъ какъ онъ, по привычкѣ, очень часто держалъ ихъ полузакрытыми.

Екатерина Михайловна, молоденькая женщина, лѣтъ двадцати, не больше, была именно „прелестной птичкой“, какъ и называли ее въ свѣтѣ. Маленькая, стройная, съ хорошею бѣлокурой головкой, съ кокетливо приподнятымъ носикомъ и блѣдными, немного влажными глазами, она чрезвычайно нравилась старикамъ и юношамъ. Ея утренній туалетъ, сдѣланный по послѣдней модѣ, свѣжій и изящный, могъ-бы выдержать какую угодно женскую критику. Маленькія узенькія ножки, выгляды-

вавшія изъ подъ тяжелой, но мягкой шелковой матеріи платья, были обуты въ хорошенькія свѣтлыя парижскія туфельки и очень заманчиво выдѣлялись на темномъ бархатѣ, подкинутой мужемъ къ ея креслу, подушки.

Екатерина Михайловна около трехъ лѣтъ была замужемъ. Она уже подарила своему мужу первенца сына; но несмотря на это, по крайней-мѣрѣ съ перваго раза, имѣла видъ наивной дѣвочки.

Однако, по тому какъ относились другъ къ другу, какъ бесѣдовали между собою молодые супруги, можно было замѣтить, что въ нихъ уже не осталось и воспоминанія о счастья медоваго мѣсяца. Когда ихъ взоры встрѣчались, они ничего не передавали другъ другу этими взорами. Екатерина Михайловна лѣниво прихлебывала чай изъ хорошею саксонской чашечки; лѣниво намазывала масло на тоненькіе ломтики хлѣба. Владиміръ Сергѣевичъ по временамъ позѣвывалъ и потягивался.

— Ты отираешься куда нибудь, Владиміръ? спросила Екатерина Михайловна.

— Конечно, видишь... я въ мундирѣ. Сегодня у меня служба, до обѣда домой не вернусь. А ты что будешь дѣлать?

— Ахъ, Боже мой, протянула она, — какъ будто у меня мало дѣла, мало хлопотъ!.. Ты будто забылъ, что у насъ завтра балъ...

— Я не забылъ, но какія-же у тебя хлопоты? Распоряженія всѣ сдѣланы, все устроено, приглашенія разосланы. О чемъ-же еще хлопотать—не понимаю?!

Она только пожала плечами, сдѣлала полупрезрительную мимку и ничего не отвѣтила.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ слышались торопливые шаги и изъ-за спущенной двѣрной занавѣсы выглянула сияющая, улыбающаяся благообразная фигура молодого лакея.

Владиміръ Сергѣевичъ взглянулъ на него и поморщился.

*.) Продолженіе романовъ „Сергій Горбатовъ“ и „Вольтерьянецъ“. Оба романа изданы отдѣльно. См. на послѣдней страницѣ сего номера.

— Это еще что-то такое, Степанъ?! сурово произнесъ онъ, — безъ звонка, безъ спроса врывать сюда, когда разъ на всегда сказано... Чего тебѣ надо?!

— Баринъ пріѣхалъ, баринъ! торопливо, почти задыхаясь выговорилъ Степанъ, дрожа отъ волненія и незамѣчая суроваго тона, съ которымъ его встрѣтили.

— Какой баринъ?

— Нашъ баринъ, ванъ, Борисъ Сергѣевичъ... идутъ сюда!..

И не успѣли они еще удивиться, какъ въ комнату вбѣжалъ и съ радостнымъ крикомъ „братъ!“ обнялъ Владиміра Сергѣевича молодой человекъ, въ которомъ было очень мало съ нимъ братскаго сходства.

Борисъ Горбатовъ былъ на годъ старше Владиміра, но казался моложе его. Онъ былъ ниже ростомъ, худощавъ. Партикулярное заграничнаго фасона платье прекрасно обрисовывало его стройную фигуру. Густые каштановые волосы были зачесаны назадъ и теперь находились даже въ значительномъ беспорядкѣ. Живые свѣтлые глаза радостно блестѣли. На блѣдной тонкой кожѣ лица вспыхивалъ и тотчасъ-же пропадалъ слабый румянецъ.

Все это молодое лицо съ тонкими, породистыми чертами, съ почти дѣтской радостной блуждающей улыбкой, постоянно мѣняло свое выраженіе; оно иногда становилось неотразимо привлекательнымъ.

Крѣпко обнявшись и расцѣловавшись съ братомъ, Борисъ Сергѣевичъ поспѣшилъ къ невѣсткѣ, взялъ ее за обѣ руки и цѣловалъ ихъ повторяя:

— Belle comme le jour, belle comme toujours!..

— Ахъ, друзья мои, да какъ-же я радъ васъ видѣть! крикнулъ онъ отрываясь отъ невѣстки, опять подбѣгая къ брату и, наконецъ, опускаясь въ кресло.

— А батюшка, а матушка?! Неужели не пріѣхали? Я ожидалъ ихъ уже застать здѣсь. Какъ-же вы живете, милые? Что Сережа? Я такъ себѣ живо его представляю... покажите-же вы мнѣ его поскорѣ!..

— Заговорилъ совсѣмъ... дай-же вздохнуть! съ легкой улыбкой произнесъ Владиміръ.

— Boris, je vous verse une tasse de thé, своимъ тоненькимъ голоскомъ проговорила молодая хозяйка, подсаживаясь къ столику.

Лицо ея вовсе не выражало радости свиданія, — оно ничего не выражало.

— Merci, Catherine, я съ удовольствіемъ выпью и даже съѣмъ чтонибудь—проголодался.

— Да объясни-же прежде всего, какимъ образомъ ты явился? сказалъ, подходя къ брату и поглядывая на него своими полузакрытыми глазами, Владиміръ. — Мы ждали тебя не раньше какъ черезъ недѣлю. Отчего ты не прислалъ ни письма, ни денеши съ нарочнымъ, чтобы тебя встрѣтить и выслать экипажъ.

— Да видите-ли, я и самъ не зналъ сколько времени пробуду въ Варшавѣ... къ тому-же я не люблю этихъ встрѣчь, шуму... Пріѣхалъ, вышелъ изъ дилижанса, сѣлъ въ наемную карету — и здѣсь. Такъ гораздо лучше... Относительно вещей своихъ тоже распорядился, да ихъ со мною и немного, а большой мой багажъ прибудеть не раньше какъ черезъ недѣлю... Но что-же это наши? — какимъ это образомъ ихъ здѣсь нѣтъ? Я вѣдь навѣрно рассчитывалъ... Они мнѣ писали въ Берлинъ, что непременно я ихъ уже застану въ Петербургѣ.

— Они и намъ писали, что собираются. Вотъ уже больше мѣсяца собираются, да когда-то будутъ?! произнесъ уже совсѣмъ почти закрывая глаза Владиміръ. — Я думаю, не скоро выберутся, для нихъ вѣдь это цѣлое событіе—пріѣхать въ Петербургъ.

— Ахъ, какъ это обидно? повторялъ Борисъ. — Такъ я пожалуй вотъ что сдѣлаю, если они еще станутъ мѣшкать, я самъ поѣду въ Горбатовское и привезу ихъ силой. А что-же Сережа? Гдѣ онъ? Да покажи мнѣ его, наконецъ, Катринъ!

— Успѣешь, онъ теперь вѣрно спать... Вотъ чай, вотъ масло! И сейчасъ велю готовить завтракъ!..

Она протянула руку къ сопеткѣ и позвонила.

Борисъ съ аппетитомъ принялся за хлѣбъ, масло и чай. Потомъ вдругъ оглядѣлъ себя:

— Боже мой, простите, вѣдь я совсѣмъ грязный съ дороги!

— Какія комнаты прикажешь тебѣ приготовить? спросилъ Владиміръ. — Извини, мы не ждали, я сейчасъ позову Степана, распорядись самъ, какія комнаты!..

— Да все равно, лишь-бы не стѣснялъ васъ.

— Вотъ странно! пожалъ плечами Владиміръ, — пріѣхалъ баринъ, баринъ раг excellence, какъ сейчасъ возвѣстилъ Степанъ. Домъ твой — выбирай какое угодно помѣщеніе.

Борисъ съ изумленіемъ взглянулъ на брата.

— Что ты говоришь? Что такое — домъ мой?! И ты, и я — мы, кажется, одинаково у отца съ матерью въ домѣ... Но я былъ-бы очень огорченъ, если-бы чѣмъ нибудь стѣснилъ васъ. Я не знаю, какъ вы разѣстались. Мнѣ многого не нужно—двѣ комнаты, и все тутъ! Только скажи, какія вамъ совсѣмъ, совсѣмъ не нужны. туда я и велю нести свои вещи.

— Покажи ему, Катринъ! А мнѣ пора!

Владиміръ взглянулъ на часы, пожалъ руку брату, приложился губами ко лбу жены.

— Прикажешь возвѣстить Петербургъ о твоёмъ пріѣздѣ? спросилъ онъ, останавливаясь у двери и повертывая свою красивую голову съ полузакрытыми глазами, крѣпко подпираемую высокимъ воротничкомъ мундира.

— Кому это интересно?! Кто меня тутъ знаетъ?!

Владиміръ вышелъ, направляя шарфъ вокругъ своей талии.

— Et bien, Boris, je suis à votre disposition, слабо улыбувшись сказала Катринъ, — пойдемте!

Онъ весело всталъ. Она оперлась на его руку и они пошли длиннымъ рядомъ нарядныхъ комнатъ.

— Если тебѣ все равно... не помѣстишься-ли ты впизу, въ комнатахъ за бильярдной?

— Ахъ, Боже мой, Catherine, да веди куда хочешь, мнѣ вездѣ будетъ хорошо подъ этимъ кровомъ!..

Они сошли съ лѣстницы, прошли въ комнаты за бильярдной.

Эти комнаты были нѣсколько запущены, въ нихъ очевидно рѣдко кто заглядывалъ — было холодно, даже, какъ будто, пало сыростью.

Но Катринъ ничего этого не замѣтила. Она приказала нести сюда вещи Бориса Сергѣевича. Потомъ, отпустивъ его руку, сдѣлала ему маленькій граціозный книксенъ, улыбулась ничего не выражавшей улыбкой, шепнула:

— Я тебя жду черезъ часъ къ завтраку, тогда и Сережу покажу!..

И скрылась, шурша длиннымъ трюномъ своего утренняго платья.

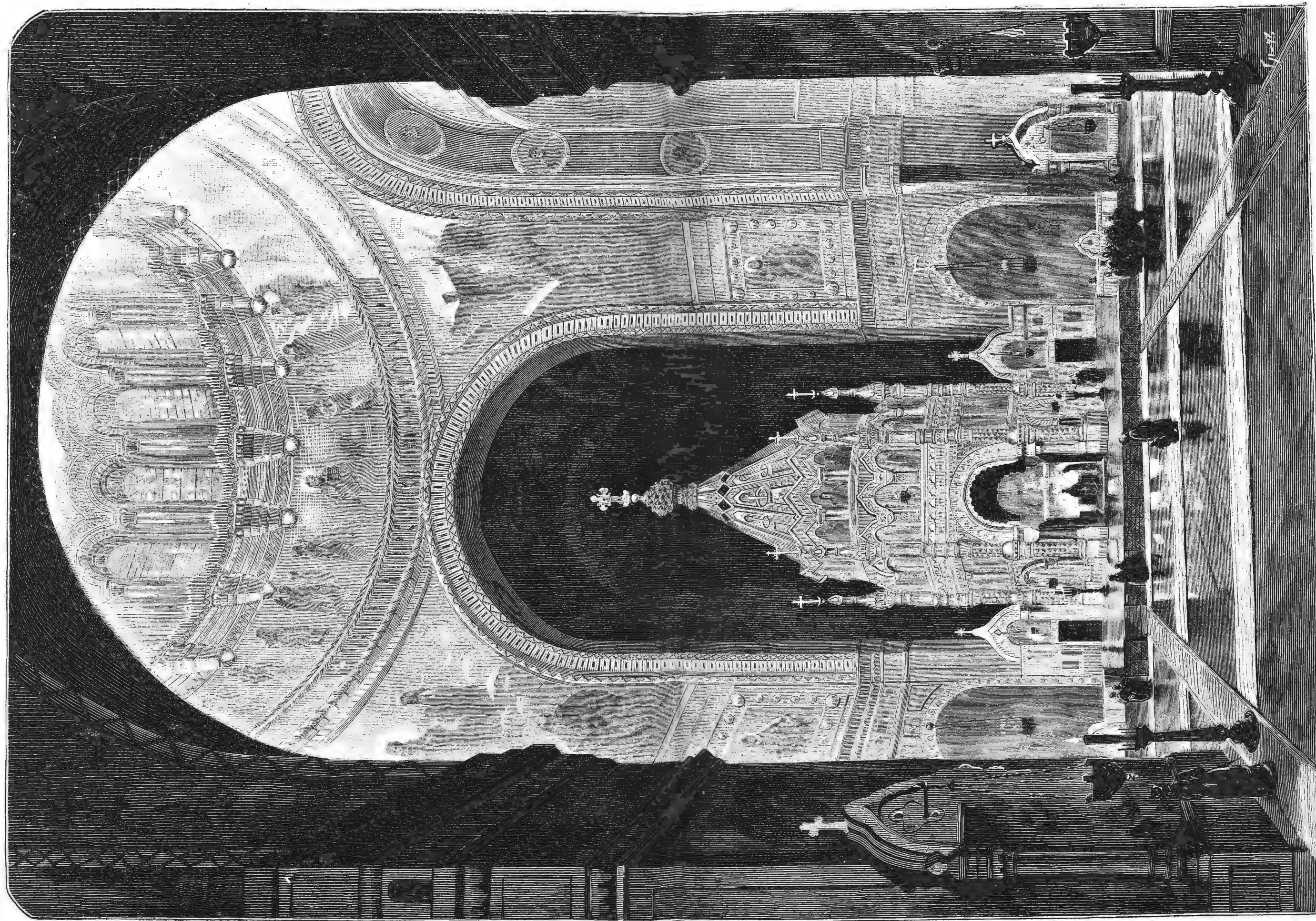
Борисъ остался одинъ среди нѣсколько мрачной, обветшавшей обстановки сырыхъ комнатъ. Онъ присѣлъ на старинное жесткое кресло въ ожиданіи своихъ чемодановъ и умыванья. Веселое, счастливое настроеніе духа, въ которомъ онъ былъ до сихъ поръ, вдругъ почему-то пропало. Ему стало не то грустно, не то какъ-то неловко, хоть онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета.

II.

Смерть маленькаго человѣка.

Наконецъ, внесли чемоданы, а затѣмъ появился Степанъ съ полотенцами и съ другими принадлежностями умыванья.

Этотъ Степанъ, расторопный, щеголеватый парень, съ некрасивымъ, но пріятнымъ и умнымъ лицомъ, продолжалъ очевидно находиться въ восторженномъ состояніи, по случаю пріѣзда барина.

Коронационные дни въ Москвѣ. Освященіе храма Христа Спасителя. Внутренній видъ храма.
 (Ориг. рис. нашего корреспондента П. П. Габдица, граф. М. Рашевскій.)

Онъ влетѣлъ въ комнату все съ тѣми-же сіяющими глазами и блаженной улыбкой. Но вдругъ остановился, мгновенно пахмурясь.

— Борисъ Сергѣвичъ, да что-же это, сударь? смущенно проговорилъ онъ.—Зачѣмъ-же вы тутъ? Неужто въ этихъ полахъ и останетесь?

— Здѣсь и останусь, Степушка, разсѣянно отвѣтилъ Борисъ.

— Да какъ же такъ? Зачѣмъ же? Вѣдь это почитай самые негодные покои въ домѣ, тутъ вотъ и пыльно и сыро и холодно. Извольте-ка, сударь, взглянуть — у стѣнки то и по сю пору плѣсень... вѣдь тутъ у насъ что такое было! Страсти!... такъ ужъ и полагали что потопемъ... Чай слышали... про наводненіе то наше?

— Какъ-же, слышала...

— Да, сударь, не дай Господи другой разъ пережить такого—вспомнить такъ дрожь пробираетъ... что народу погибло, добра всякаго! и не счастье... Вотъ и у насъ—весь вѣдь нижній этажъ затопило, потомъ была работа! Высушивали, высушивали, а плѣсень нѣтъ, нѣтъ да и покажется... Насырѣло... размокло... шпалеры то перемѣнили—да оно вотъ насквозь... Гляньте-кось... вотъ, вотъ она... Ишь ты—ровно вата...

Кабы знать, такъ топить давно надо было, а то въ кои то вѣки тутъ и топили—потому никто не живетъ, никто не заглядываетъ.

— Такъ распорядись, чтобы натопили къ вечеру, пыль чтобы хорошенько вывели, кровать мнѣ вотъ сюда поставь, ширмы... Погоди, вотъ умоюсь, позавтракаю, такъ я тебѣ самъ покажу какъ все устроить. Здѣсь мнѣ будетъ отлично, покойно,—говорилъ Борисъ снимая свой длинный сюртукъ и засунувъ рукава для умыванья.

Но Степанъ никакъ не могъ успокоиться.

— Какъ же это? Какъ же? повторялъ онъ. Баринъ той прѣхалъ, а ему словно и мѣста нѣту, въ такомъ то домѣ... вѣдь у насъ сколько мѣста! Заняли бы, сударь, ваши покои наверху, тамъ теперь столпотвореніе вавилонское—завтра балъ у насъ будетъ, такъ все вверхъ дномъ перевернуто. Столы карточные въ вашихъ покояхъ наставлены, для гостей, по приказанію Владимира Сергѣича. Да это пустое! Для столовъ найдется мѣсто—зачѣмъ ваши покои занимать! Прикажите, черезъ часъ времени все сдѣлаю и въ лучшемъ видѣ вашей милости все устрою, какъ до отъѣзда вашего было...

— Оставь, надобѣла! Сказалъ вѣдь, здѣсь останусь, ну и довольно. Тутъ мнѣ спокойнѣе будетъ. Лей больше воды на голову!

Степанъ замолчалъ и схвативъ большой кувшинъ съ водою, сталъ помогать барину умываться. Сбѣжавшее съ его лица выраженіе радости снова вернулось. Въ малѣйшемъ движеніи его, въ томъ какъ онъ подавалъ умываться, какъ онъ лилъ воду, какъ онъ глядѣлъ на барина—видно было, что онъ придти въ себя не можетъ отъ радости.

Борисъ кончилъ свое умыванье, далъ Степану ключъ отъ чемодана; затѣмъ они вынули бѣлье, платье. Степанъ осторожно, заботливо, почти съ ловкостью и ухватками опытной камеристки, помогать своему господину.

— Ну, Степушка, говорилъ одѣваясь Борисъ,—вотъ и опять ты въ должности моего камердинера.

— Опять, Борисъ Сергѣевичъ, слава тѣ Господи!

— Да что, можетъ у тебя тутъ дѣло какое? Ты къ чему нибудь приставленъ?

— Никакого, сударь, мнѣ нѣтъ дѣла. Сами знаете, сколько насъ въ домѣ народу. Васъ вотъ дожидался, да мыкался изъ угла въ уголь—тутъ и все мое дѣло! А ужъ теперь дозволейте къ службѣ своей вернуться, ходитъ за вами.

— Хорошо, я такъ и рассчитывалъ. Былъ у меня въ чужихъ краяхъ французъ, честный человѣкъ и ловкій, просился чтобы я взялъ съ собою, а я все же его обротно на родину отпиривалъ въ расчетѣ на тебя.

Степанъ даже вздрогнулъ.

— Признаюсь, сударь, ужъ какъ я этого боялся! Иной разъ взбредетъ въ голову: А ну какъ баринъ вернется да съ нѣмцемъ какимъ, али тамъ съ французомъ, что тогда будетъ! Ужъ вотъ бы обидѣли—и не перенесъ бы, кажется, такой обиды. Оно конечно, я простой человѣкъ и у парикмахтера француза, вотъ какъ Петрушка, что при Владимирѣ Сергѣичѣ, не былъ, а Богъ дастъ не хуже его головку вамъ причешу по самому модному. Высматривалъ я тутъ какъ это господа знатные одѣты да причесаны—въ грязь лицомъ не ударю...

— Не хвастайся, Степушка, нужды въ томъ нѣту, ласково сказалъ Борисъ.—Ты знаешь я не привереда. А привычки мои все тебѣ извѣстны, съ дѣтства вѣдь мы съ тобою... въ одинъ день и родились. А вотъ что ты мнѣ скажи—и говори правду. Вы вѣдь когда прѣхали изъ Горбатовскаго? мѣсяца три будетъ?

— Около того, сударь. Да... такъ оно и есть—вотъ-съ въ четвертокъ аккуратъ три мѣсяца будетъ.

— Скажи какъ тамъ въ Горбатовскомъ? Батюшка, матушка здоровы?

— Здоровы, Борисъ Сергѣичъ, совсѣмъ какъ есть въ полномъ здоровьи, какъ при вашей милости были. И все въ Горбатовскомъ обстоитъ благополучно... только вотъ крестнаго нѣту...

Степанъ вдругъ заплулся.

Борисъ вскочилъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ передъ туалетнымъ зеркаломъ завязывая себѣ галстукъ.

— Что?! Что ты говоришь?! Какъ нѣтъ Степаньча! Что же онъ—умеръ!

— Скончался! А развѣ вы о томъ неизвѣстны? изумленно произнесъ Степанъ.

— Когда? И никто не написалъ мнѣ ни слова!

— Не написали! Вотъ вѣдь оно дѣло какое!... видно огорчать господа не желали, а я то дуракъ и проболтался сразу, въ первую минуту встрѣтилъ приятной вѣстью!

— Хорошо, что сказалъ, зачѣмъ скрывать, говорилъ Борисъ, въ волненіи ходя по комнатѣ.—Бѣдный Степаньч! (*) Когда же это?

— А лѣтомъ еще, передъ самымъ Успеньемъ.

— Какъ онъ умеръ? расскажи!

— Да ужъ такъ это неожиданно для всѣхъ насъ было! Оно конечно, годы крестнаго большіе и сколько ему лѣтъ было, про то никто не знаетъ. Только вѣдь у насъ въ Горбатовскомъ, вамъ, сударь, вѣдомо, испоконъ вѣковъ толковали: Моисей, молъ, Степаньчъ человѣкъ особенный—карликъ и вѣку ему не будетъ—все такимъ останется. Говорили вонъ будто ему за двѣсти лѣтъ уже перевалило—да врази чай!

— Конечно врази, замѣтилъ Борисъ,—кто же это теперь по двѣсти лѣтъ живетъ?! Однако сколько ему лѣтъ? Пожалуй около восьмидесяти было, только вѣдь онъ ни на что не жаловался. Какая же такая у него болѣзнь оказалась?

— Да никакой болѣзни, сударь; какимъ былъ два года тому, такимъ и остался. Ничего мы въ немъ не примѣчали особаго. Только вотъ иной разъ слабость съ нимъ будто дѣлалась. Помните, бывало онъ тихонько и пройти то не можетъ—все бѣгаетъ, а тутъ вдругъ выйдеть изъ своего покойника шажками такими маленькими, походить—походить по дому, къ барину пойдетъ, либо къ баринѣ, потолкуетъ съ ними... И голосъ у него такой слабенькій сталъ: иной разъ слово скажетъ—такъ даже слышать трудно. А какъ лѣто пришло, все больше въ саду передъ домомъ сидѣлъ, на солнышкѣ; часовъ пять сидитъ—не встаетъ съ мѣста. Подойдешь къ нему какъ господъ никого на терасѣ нѣтъ;

*) Карликъ Моисей Степаньчъ, илл Моська, какъ его называли, вѣрный слуга и другъ семьи Горбатовыхъ—одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романовъ „Сергій Горбатовъ“ и „Вольтерьянецъ.“

онъ радъ. Прикажетъ сѣсть рядомъ съ собою на скамью. „Сядь, говоритъ, крестничекъ.“ И сейчасъ о божественномъ поучаетъ меня. А то частенько о вашей милости говорилъ. „Что то, молъ, нашъ Борисъ Сергѣичъ въ чужихъ краяхъ подѣлываетъ.“ И чужие края начинать описывать. Все то онъ знаетъ, вездѣ былъ, всякихъ ужасовъ на своемъ вѣку навидался! Чай помните, сударь, какъ онъ намъ про Парижъ, да про революцію ихъ сказывалъ?

— Какъ же не помнить! Господи, все помню! Бѣдный... милый Степанычъ!

Борисъ сморгнулъ набѣжавшую слезу.

— Но вотъ послѣ Спаса, продолжалъ Степанъ,—вижу я, что крестный что то изъ покойчика своего не выходитъ. Сталъ я частенько къ нему заглядывать. И какъ къ нему ни зайду—вижу молится... пѣлый то день молится! Я ему и говорю: „крестный, ты бы въ садъ вышелъ, теплынь, такая благодать. А коли неможется или ноги болятъ—дай я тебя на рукахъ вынесу.“ А онъ мнѣ: „Нѣтъ, говоритъ, Степушка, оставь ты меня, дай мнѣ помолиться... Грѣшенъ я очень, не замолить мнѣ видно грѣховъ моихъ“...

— Грѣшенъ! съ печальной улыбкой проговорилъ Борисъ,— да я думаю, онъ во всю жизнь свою несогрѣшилъ!.. Совѣтъ святой человекъ былъ Степанычъ!..

— Это точно, сударь,—серьезно и торжественно замѣтилъ Степанычъ.—Господь Богъ ему и смерть праведную послалъ. Наканунѣ Успенья было... господа чай кушали... утромъ, въ большой столовой. День былъ дождливый такой. Я у стола прислуживалъ. Вдругъ гляжу—входитъ крестный и никакого такого въ немъ больного и слабого вида, вышелъ такъ бодро. Сейчасъ, какъ и всегда, у старой барыни у Татьяны Владиміровны ручку поцѣловалъ. Потомъ къ Сергѣю Борисычу подошелъ—поздоровался и сталъ обходить всѣхъ. Владиміръ Сергѣичъ и Катерина Михайловна тутъ были... и гости пріѣзжіе. Сергѣй Борисычъ сами ему стулъ возлѣ себя подвинули.

„Садись, говорятъ, Степанычъ, откушай съ нами чаю.“

Старая барыня ему налила чашку, я подалъ. Крестный подобрался, вскарабкался на стулъ, да и говоритъ: „Спасибо, говоритъ, золотая моя Татьяна Владиміровна,— (вѣдь онъ маменьку всегда золотой называлъ)--- спасибо, откушаю я съ вами чай въ послѣдній разъ—проститься пришелъ.“

А Сергѣй Борисычъ засмѣялся:

„Какъ проститься? Куда это ты собрался, Степанычъ?“

„На тотъ свѣтъ, говоритъ, къ Богу, отчетъ въ грѣхахъ отдать—давно ужъ пора.“

И такъ сказалъ это степенно да важно, что ажъ мнѣ жутко сдѣлалось. Вижу—и всѣ притихли, смотреть на него. А маменька и говоритъ:

„Полно, Степанычъ, почему такія мысли! еще Богъ дастъ поживешь съ нами. Зачѣмъ тебѣ умирать, вѣдь ты здоровъ!“

А у самихъ слышу голосъ дрожить.

„Нѣтъ, отвѣчаетъ крестный, не пустяя слова говорю, вѣрно сказалъ: пришелъ проститься... нынѣ до всенощной отойду и на судъ предстану... Вотъ чайку выпью—вчера весь день постился. Погляжу еще на васъ, мои золотые“...

Да и замолчалъ. Чай началъ прихлебывать, и все такъ спокойно. Господа сидятъ кругомъ... смѣхъ до того былъ, веселье разговоры, а тутъ ни смѣху, ни разговоровъ. Перешептываются господа да и опять на крестнаго смотрятъ. Допилъ онъ свой чай, опрокинулъ на блюдечко чашку.

„Будеть, говоритъ,—спасибо, матушка, спасибо золотая.“

Подошелъ къ барынѣ, ручку поцѣловалъ, барина въ плечико—и вышелъ, бодро такъ вышелъ. Стали господа говорить, и Сергѣй Борисычъ и Татьяна Владиміровна,

что напугалъ ихъ крестный. Гости и молодые господа успокоиваются. Такъ, молъ, старику почудилось, здоровъ онъ и живъ будетъ. Только Сергѣй Борисычъ приказали мнѣ сбѣгать къ доктору Францу Карлычу и привести его къ крестному. „Самъ, говорятъ, тоже туда сейчасъ приду.“ Я скорымъ манеромъ за Францемъ Карлычемъ. Привелъ его, а у крестнаго ужъ баринъ сидитъ. О чемъ они до насъ бесѣду вели—не могу знать, только вижу у барина глаза какъ бы немного заплаканы. А крестный сидитъ въ своемъ маленькомъ кресельцѣ важно и спокойно. Францъ Карлычъ началъ его спрашивать. Ощупалъ всего, ухо къ груди да къ спинѣ прикладывалъ, за руку держалъ, на часы смотрѣлъ долго. А потомъ и говоритъ:

„Пустое, никакой въ немъ болѣзни. Но само собою—года древнѣе—не то что молодость. А не только что смерти, даже и болѣзни никакой не предвидится.“

„Отпустилъ баринъ Франца Карлыча, а самъ остался. Я тоже у двери стою. И вдругъ вижу—крестный улыбается, такъ ласково, будто малый ребеночекъ,—чай помните у него улыбка такая была,—улыбается да головой качаетъ.“

„Сергѣй Борисычъ, говоритъ, и къ чему это ты нѣмца ко мнѣ призвалъ, растормошилъ онъ меня стараго даромъ только. Ну стану я тебя обманывать! и неужто ты нѣмцу больше моего повѣришь... Что онъ знаетъ?! Что можетъ онъ знать! До всенощной не станеть меня—это вѣрно. Только ты не горюй, батюшка, чего горевать—радоваться надо. Долго я жилъ на свѣтѣ, на покой пора. Оно точно, и мнѣ мысли о судѣ страшны были, да Господь меня подкрѣпилъ, вѣрою въ его милосердіе, и готовился я какъ могъ къ отвѣту...“ И вдругъ обратился ко мнѣ да и говоритъ:—„Степушка, а ты вотъ что: сходи къ батюшкѣ да скажи—молъ-такъ и такъ, крестный помирать собирается. Надѣлся, молъ, самъ сходить исповѣдаться нынче, а завтра, въ день Успенья Пресвятой Богородицы, за литургіею причаститься Святыхъ Тайнъ—да Господь не привелъ... Не доживу и до всенощной, и идти не могу“...

Сказалъ это, а самъ силится приподняться съ кресельца, да тутъ же и упалъ назадъ. Побѣжалъ я къ батюшкѣ. Тотъ сейчасъ же собрался. Крестный долго такъ исповѣдывался, потомъ батюшка приобщилъ его Святыхъ Тайнъ. Перенесли мы съ барининомъ его на кровать. Созвалъ онъ всѣхъ. Весь покойчикъ его народомъ наполнился. Барыня Татьяна Владиміровна и баринъ на колѣнкахъ у кровати стояли. Благословилъ ихъ крестный, да и говоритъ такимъ слабенькимъ, тихенькимъ голосомъ:

„Спасибо золотые... ждате буду—свидимся“. Потомъ поманилъ Владиміра Сергѣевича... и его благословилъ. Меня благословилъ тоже и показываетъ глазами на господь.

„Служи!—это мнѣ онъ шепнулъ,—будь слуга вѣрный, себя не жалѣй“.

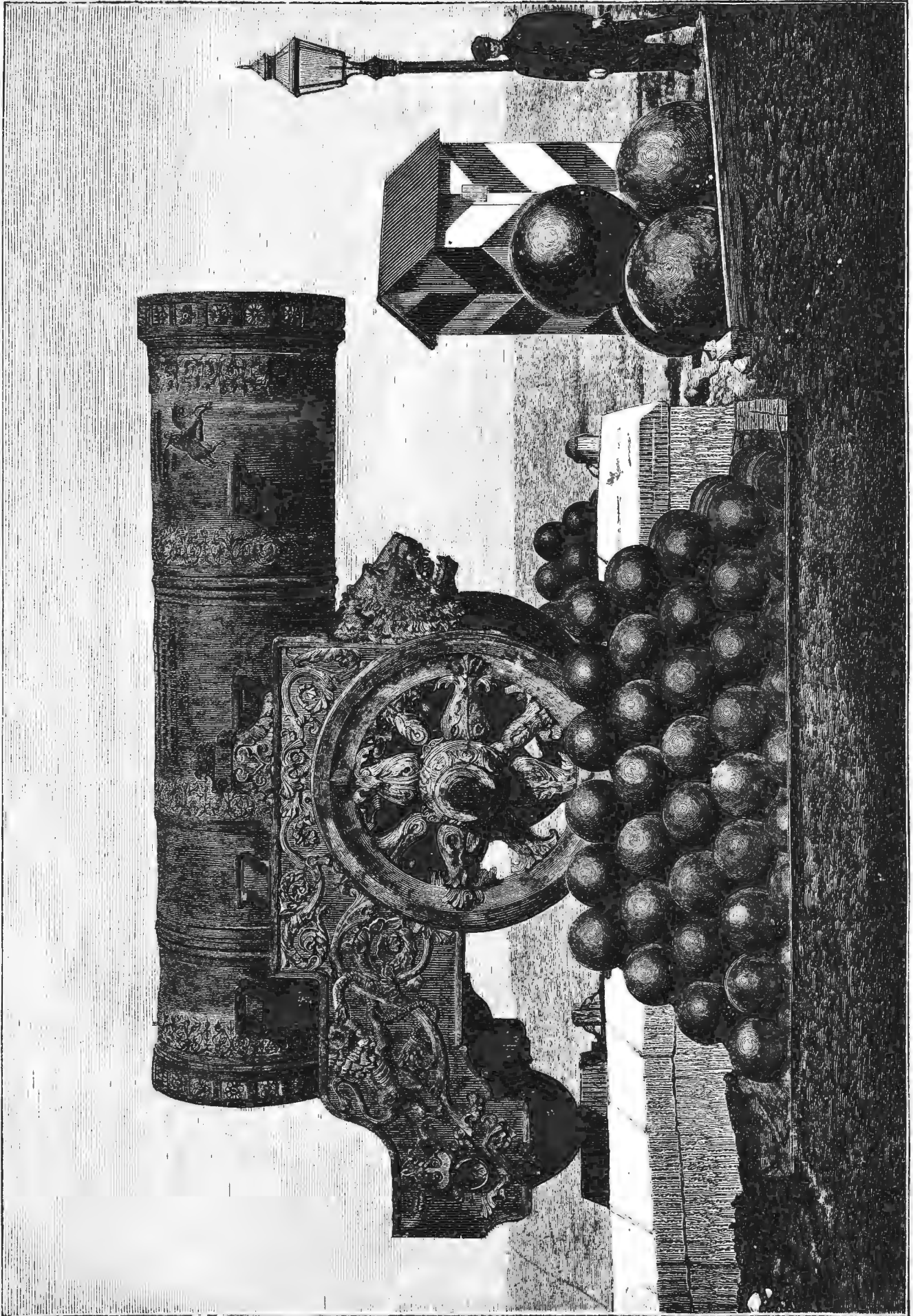
А потомъ васъ, сударь, вспоминалъ: „Боречкѣ мой поклонъ передайте, не привелъ Богъ свидѣться. Пошли ему Господь всякаго счастья, моему голубчику“.

Сказалъ это, перекрестился, сложилъ на груди ручки, вытянулся какъ то весь, вздрогнулъ... Смотримъ мы—а онъ ужъ и не дышетъ...

И вѣрите ли, сударь, можетъ съ полчаса времени какъ всѣ въ ту пору стояли, такъ никто и не шелонулся! Барыня всплакнула было да и остановилась, слезы вытерла... И никто не плакалъ... И такъ это было чудно какъ то, тихо такъ... не умѣю вамъ и сказать... Только будто Богъ былъ съ нами!..

Степанъ замолчалъ. Молчалъ и Борисъ.

Ему такъ живо вспомнилась крошечная фигура карлика, когда то принадлежавшаго императрицѣ Елисаветѣ, потомъ подареннаго Петромъ III его дѣду, Борису Григорьевичу Горбатову, варлика, вынянчившаго его

Коронационные дни въ Москвѣ. Достопримѣчателности Кремля. Царь-Пушка.
Съ фотогр. грав. М. Раппевскій.

Коронационные дни въ Москвѣ. Достопримѣчательности Кремля. Царь-Колоколь.
Съ фотографіи грав. М. Рашевскій.

отца, бывшего всю жизнь его хранителемъ и другомъ, сыгравшаго большую роль въ его тревожной юности, наконецъ бывшего пѣстуномъ и Бориса, и Владиміра.

Этотъ карликъ представлял и теперь Борису не слугой и не низшимъ, а уважаемымъ, любимымъ другомъ ихъ дома. Съ этимъ карликомъ соединены были самыя лучшія воспоминанія его дѣтства. Этотъ карликъ вмѣстѣ съ матерью былъ его воспитателемъ. Онъ внушилъ ему силою своего убѣжденія глубокую вѣру въ Бога, которая никогда не покидала Бориса.

Однако пора было прервать эти печальныя и милыя воспоминанія—Катерина Михайловна вѣрно уже ждала съ завтракомъ.

Борисъ направился къ двери.

— Вотъ сударь, сказала Степанъ вдругъ подходя къ нему и глядя на него какъ то странно свѣтящимися глазами, — крестный завѣщать служить, себя забывать для господь... Я стараюсь... видеть Богъ... Только, Борисъ Сергѣичъ, вѣдь вы мой настоящій и единый господинъ... дозвольте же навсегда нераздѣльно служить вамъ. А я... (готовъ его задрожать) я жизнь свою положу за васъ!..

— Знаю, Степушка! тоже совѣмъ растроганный проговорилъ Борисъ.

И вдругъ богатый и знатный баринъ, наслѣдникъ знаменитаго, прославленнаго исторіей имени — и крѣпостной рабъ невольной, въ общемъ порывѣ, обнялись какъ братья.

(До слѣд. №).

15 МАЯ 1883 Г.

Радугой встрѣченъ при въездѣ въ Москву;

Солнцемъ, къ народу въ вѣнцѣ выходя, осіянь;

Голубь, влетѣвшій въ окно, надъ главою Его, надъ престоломъ, кружилъ...

Склоненъ нашъ умъ видѣть знаменье свыше во всемъ;

* * *

Радуга—гнѣву Господню конецъ?

Солнце—Божественный Свѣтъ, озаряющій путь?

Голубь—Святаго и Животворящаго Духа покровъ?

А. Майковъ.

Коронаціонные дни въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 513, 516, 517, 520, 521, 524 и 525).

Мы продолжаемъ описаніе грандіозныхъ празднествъ и торжествъ, сценой которыхъ была наша первопрестольная столица; продолжаемъ помѣщать рисунки разныхъ моментовъ этихъ празднествъ и рисунки различныхъ достопримѣчательностей города, которыя припомнить всегда пріятно каждому русскому и оригинальностью которыхъ теперь восхищаются и любятъ наши иноземные гости.

Спектакль „gala“ въ Большомъ Театрѣ 18 Мая, гдѣ радостная, восторженная публика такъ горячо и одушевленно встрѣтила своего Вѣнчаннаго Государя, отличался особой торжественностью и великолѣпіемъ.

Московский Большой театръ, отдѣланный совершенно за ново, къ парадному спектаклю былъ декорированъ роскошно. Парадные сѣны устланы краснымъ сукномъ, по пути слѣдованія Высочайшихъ Особъ, проложена изысканная бархатная дорожка съ малиновымъ узоромъ по черному фону. По стѣнамъ помѣщены растенія; цвѣты и колонны обвиты плющомъ. Лѣстницы направо и нѣлѣво также украшены цвѣтами по краямъ дорожки. Въ среднемъ фойе дверь въ царскую ложу убрана дорогою драпировкою изъ малиноваго бархата и атласа съ золотыми шнурами, кистями и бахромою, съ золоченымъ карнизомъ, на которомъ помѣщены въ срединѣ подушка съ императорскою короною, скипетромъ и державою, а по краямъ золотые же орлы. Двѣ сосѣднія двери въ правое и лѣвое фойе также убраны драпировками. Противъ двери въ царскую ложу у противоположной стѣны помѣщенъ буфетъ для прохладительныхъ напитковъ и фруктовъ для Высочайшихъ Особъ. Все фойе убрано тропическими растеніями и цвѣтами. Вообще всѣ фойе были убраны цвѣтами и новою цвѣта бордо атласною мебелью, шторами того же цвѣта изъ канауса и драпировками на дверяхъ. Затѣмъ идетъ царская гостиная, стѣны которой обиты свѣтлосѣрымъ атласомъ съ золочеными бортами. Драпировки такія же, съ золочеными карнизами на дверяхъ и окнахъ. Въ простѣнкѣ между двумя окнами помѣщается большіе разбитыя зеркало въ прекрасной золотой рамѣ съ цвѣтчною внизу корзиною. Мебель того же цвѣта, золоченая, стеганая. Снаружи, какъ видно на нашемъ рисункѣ, театръ былъ иллюминированъ по

всѣмъ архитектурнымъ линіямъ. На конькѣ крыши помѣщена лира, а подъ нею звезда съ буквами „А“ и „М“, въ срединѣ главнаго фронтона громадной величины государственный гербъ, а по концамъ того же фронтона два золоченые жертвенника съ дымлящимися бенгальскими огнями. Колонны портика обвиты спиралью изъ шкаликовъ, а фризы украшены гирляндами изъ фонарей. По сторонамъ портика помѣщены транспаранты гербовъ московскаго и петербургскаго въ вѣнкахъ изъ фонарей съ коронами наверху. Съ боковыхъ фасадовъ иллюминированы главный карнизъ и подъѣзды.

Въ парадныхъ спектакляхъ и концертахъ, устраиваемыхъ во время коронаціонныхъ празднествъ, приняли участіе, главнымъ образомъ, русская оперная труппа и балетъ московскихъ императорскихъ театровъ, дополненные нѣкоторыми артистами петербургской русской оперы и петербургскимъ балетомъ. Изъ числа артистовъ петербургской оперы на время коронаціи поѣхали въ Москву: Орловъ, Мельниковъ и Корякинъ. Кромѣ того, были приглашены спеціально для участія въ спектакляхъ во время коронаціи артисты: г-жи Лавровская, Павловская, Святловская и Махвицъ. Спектакль gala состоялъ изъ національнаго гимна, 1-го акта оперы „Жизнь за Царя“ съ эпилогомъ, „Въездъ царя Михаила Феодоровича въ Москву“, и одноактнаго балета „Ночь и день“, соч. М. Петина, который лично руководил постановкою балета. По роскоши обстановки и необычайной массѣ участвующихъ, спектакль-gala былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, грандіознѣйшимъ зрѣлищемъ. Во время балета, декорации вѣскольکو разъ мѣнялись при поднятомъ занавѣсѣ; между оперою и балетомъ былъ антрактъ въ 30 минутъ, во время котораго присутствующей избранной публикѣ было предложено угощеніе. Большой театръ былъ почти весь заново и чрезвычайно роскошно отдѣланъ. Роли въ оперѣ „Жизнь за Царя“ распредѣлены между г-жею Кочетовою (Антонина), гг. Орловымъ (Сабининъ) и Корякинымъ (Сусанинъ). Декорации и костюмы для оперы приготовлены новые и отличаются роскошью и вѣрностью исторической эпохи. Национальный гимнъ и хоры въ эпилогѣ были исполнены хоромъ изъ 700 пѣвцовъ и пѣвицъ. Труппа, участвующая, въ балетѣ „День и ночь“, состояла изъ 400 исполнителей.

Восторг публики при появлении Государя и при исполнении народного гимна былъ необычайный.

Что касается достопримѣчательностей Москвы, то первый рисунокъ нашъ изображаетъ внутренній видъ храма Спасителя. Завѣтная идея трехъ царствованій наконецъ исполнилась; храмъ Христа Спасителя — этотъ величественный памятникъ, созданный въ память изгнанія изъ нашихъ предѣловъ полчищъ Наполеона, наконецъ приведенъ къ окончанію и его торжественное освященіе, совершившееся сего 26-го мая, въ Высочайшемъ присутствіи, можно назвать безъ преувеличенія великимъ религіознымъ и народнымъ торжествомъ не только для одной Москвы, но и для всей Россіи. Благочестивая мысль создать этотъ храмъ, какъ извѣстно, возникла тотчасъ же по избавленіи отечества отъ страшнаго врага и всецѣло принадлежала Императору Александру I, который смиренно всѣ усѣхи своего оружія приписывалъ одной благодати Божіей. Государь хотѣлъ создать что либо въ высшей степени грандіозное, выдающееся, достойное своего великаго назначенія; планъ художника Витберга вполне удовлетворялъ этимъ идеальнымъ стремленіямъ Государя. По этому плану величественный, трехъярусный храмъ, съ громаднымъ куполомъ и съ колоннадою, долженъ былъ воздвигнуться на Воробьевыхъ горахъ и вся эта громада должна была эффектно спускаться амфитеатромъ по горному склону. Но этотъ проектъ, дѣйствительно грандіозный въ теоріи, оказался совершенно невыполнимымъ на практикѣ. Песчаный, непрочный грунтъ Воробьевыхъ горъ не могъ служить твердымъ подножіемъ такого колоссальнаго храма и потому необходимость заставляла измѣнить и самый проектъ и найти новое мѣсто для его выполненія. То и другое было исполнено уже въ царствованіе Николая Павловича, который энергично взялся за выполненіе завѣтной мысли своего въ Бозѣ почившаго брата. Составленіе проекта было поручено извѣстному архитектору Тону и новое мѣсто для постройки было выбрано въ мѣстности бывшаго Алексѣевского женскаго монастыря, на которой 10-го сентября 1839 года и совершилась торжественная закладка храма. Съ этихъ поръ работа велась такъ быстро и энергично, что въ 1858 году вышность храма была вполне закончена, лѣса сняты и храмъ предсталъ во всемъ своемъ величій, поражая громадностью своихъ размѣровъ.

Довольно сказать, что высота храма болѣе 48 сажень, а площадь имѣ занимаемая, 1,500 кв. сажень, чтобы дать понятіе объ этой громадѣ, которая, впрочемъ, кромѣ монументальности, отличается въ тоже время изящностью и легкостью архитектурной формы. Основаніемъ храма служитъ квадратъ, имѣющій съ каждой стороны порталъ, т. е. выступъ, что придаетъ всему зданію форму равно-конечнаго креста. Тридцать шесть колонъ поддерживаютъ карнизъ, на которомъ расположено 20 полуциркулярныхъ арокъ. Облицовка храма, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, состоитъ почти исключительно изъ русскаго камня: темнозеленаго лабрадора и темнокраснаго шостенскаго порфира и кромѣ того для цоколя, стѣнъ и рельефовъ былъ употребленъ мраморъ бѣловатаго цвѣта, добываемый близъ Москвы въ селѣ Протопоновѣ. Все зданіе увѣнчано пятью вызолоченными куполами, изъ которыхъ большой средней имѣетъ 44 сажени окружности. Рядъ скульптурныхъ рельефовъ идетъ какъ по верхнему ряду, въ аркахъ и на выступахъ, такъ и по нижнему, надъ пьедесталомъ храма. Эти рельефы, съ сюжетами выбранными покойнымъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, были исполнены нашими лучшими скульпторами: Логановскимъ, Рамазановымъ и барономъ Клодтомъ. Съ лицевой стороны каждого выступа сдѣлано крыльцо съ 15-ю ступенями изъ мелкаго зернистаго финляндскаго гранита, которое ведетъ къ громаднымъ бронзовымъ дверямъ, богато украшеннымъ фигурами и изображеніями изъ ветхаго и новаго завѣта, исполненными по рисункамъ барона Клодта.

Внутренность храма производитъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, нежели его вышность. Рисунокъ нашъ прекрасно передаетъ это. Войдя сюда, вы сразу поражаетесь этой высокохудожественной, гармонической нестройной мозаикой, богатой инкрустацией и яркою живописью самыхъ разнообразныхъ стилей, характеровъ и направленій, такъ какъ здѣсь работало не одно, а нѣскольکو поколѣній русскихъ художниковъ.

Внутренность храма раздѣляется на три части: нижній круглый обходъ или корридоръ, надъ нимъ вверху хоры и самый храмъ. Корридоръ освѣщенъ громадными восемью окнами, а на его стѣнахъ изображены священныя сюжеты и надписи, напоминающія великія событія отечественной войны. На хорахъ устроено два придѣла: св. Александра Невскаго и св. Николая Чудотворца. Все пространство хоръ съ обѣихъ сторонъ покрыто живописью съ позолотой въ византійскомъ стилѣ, надъ которою трудились Приишниковъ, К. Маковский, Суриковъ, Сѣдовъ, Семирадскій и другіе извѣстные наши художники. Средняя внутренность храма расположена между четырьмя массивными столбами; это крестообразное, обширное, высокое и свѣтлое пространство, сообщаемое съ корридоромъ посредствомъ легкихъ и изящныхъ бронзовыхъ дверей и покрытое громаднымъ куполомъ, на которомъ блестящею яркостью и вмѣстѣ воздушностью красокъ великолѣпный плафонъ Маркова. Этотъ плафонъ изображаетъ „Господа Савоова, имѣющаго въ лонѣ

Сына Божія въ образѣ младенца и въ персяхъ Духа Святаго въ видѣ голубя“. Кромѣ плафона Маркова въ средней части храма и на иконостасѣ можно замѣтить прекрасные образы, писанные Нефомъ, Сорокинымъ, Верещагинымъ и Венигомъ. Что же касается до устройства алтаря, то оно въ высшей степени красиво и оригинально; между столбами восточной окопечности рѣзко выдѣляется часовня изъ бѣлаго мрамора съ инкрустацией и бронзовымъ, вызолоченнымъ, кверху служащимъ шатромъ. Внутри этой часовни находится престолъ, такъ что часовня замѣняетъ въ одно и тоже время и стѣну, столь употребительную въ нашихъ старинныхъ церквахъ, и иконостасъ. На горномъ мѣстѣ поражаетъ яркостью и блескомъ красокъ большое произведеніе Семирадскаго „Тайная вечеря“. Мраморная мозаика пола и стѣнъ въ высшей степени замѣчательны по разнообразію и красотѣ рисунка, тѣмъ болѣе, что при ихъ вышности употреблялся почти исключительно одинъ русскій мраморъ. Изъ бѣлаго же мрамора сдѣланы лишь три иконостаса и рѣшетки клиросовъ.

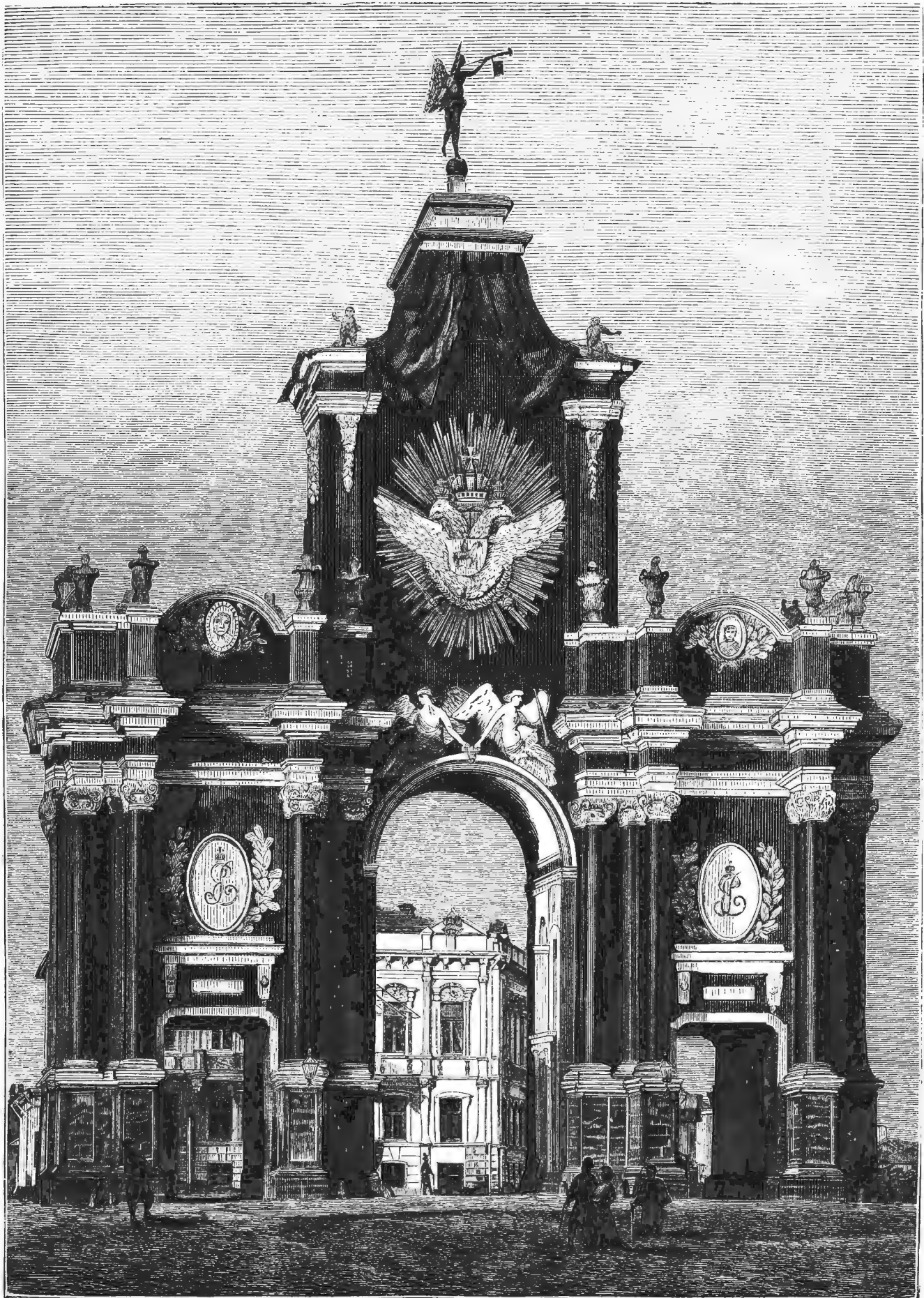
Мѣстность, окружающая храмъ, также производитъ пріятное впечатлѣніе; здѣсь кругомъ всего храма разведенъ скверъ, окруженный бронзовой изящной рѣшеткой, на углахъ которой поставлены бронзовые же грудные бюсты главѣйшихъ дѣателей отечественной войны. Кромѣ того, вся площадь кругомъ храма освѣщается электрическими фонарями.

Теперь перейдемъ къ третьему рисунку. У подножія московскаго колосса — колокольни Ивана Великаго, на массивномъ каменномъ пьедесталѣ покоится знаменитый царь-колоколь, считающійся, по всей справедливости, однимъ изъ чудесъ своего рода, такъ какъ онъ превосходитъ свою величиною всѣ извѣстные колокола какъ западной Европы, такъ и дальняго востока — Китая и Япошіи. Кромѣ того, московскій царь-колоколь еще знаменитъ своимъ древнимъ происхожденіемъ и историческою судьбою, не лишеною интереса. Онъ служилъ украшеніемъ Кремля еще въ 1654 году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но послѣдній перелилъ его изъ болѣе древняго колокола, сдѣланнаго по заказу Бориса Годунова. Мейербергеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1661 году, обратилъ должное вниманіе на массивный колоколь и сообщаетъ объ немъ, что онъ былъ вылитъ московскимъ уроженцемъ, вѣсилъ 8,000 пудовъ и имѣлъ окружности 84 фута. Другой иностранецъ Кольбергеръ, прибывшій въ Москву въ 1674 году засталъ громадный колоколь уже висѣющимъ на особыхъ подмосткахъ близъ Ивана Великаго. Онъ пишетъ, что поднятіе его въ 1674 году на колокольню потребовало девять мѣсяцевъ неустанной работы и лишь послѣ многихъ неудачъ, наконецъ, удалось его повѣсить на свое мѣсто. Впрочемъ, массивный колоколь висѣлъ недолго; во время пожара 19-го іюня 1701 года онъ упалъ и разбился и его обломки остались забытыми въ Кремлѣ до 1731 года, когда по высочайшему указу императрицы Анны, его было велѣно перелить, прибавивъ къ нему еще 2,000 пудовъ металла. Вышина этого новаго колокола равняется двадцати футамъ и семи дюймамъ; толщина же боковъ вверху — шести, а въ краяхъ — девяти вершкамъ. На поверхности колокола подъ фризомъ видны поясныя изображенія: Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи, св. апостола Петра и св. Анны пророкицы. Подъ ними во весь ростъ изображенъ царь Алексѣѣ Михайловичъ и императрица Анна Іоанновна. Между царскими портретами находятся двѣ надписи, въ которыхъ излагается какъ исторія возникновенія царь-колокола, такъ и дальнѣйшая его судьба вплоть до 1733 года. Вотъ эти любопытныя надписи:

1) „Блаженныя и вѣчно достойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца повелѣніемъ къ перво-соборной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, слить былъ великій колоколь осемъ тысячъ пудъ мѣди въ себѣ содержащій, въ лѣто отъ созданія міра 7162; отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1654 года; а изъ мѣста сего благовѣстить началъ въ лѣто отъ миророжденія 7176; Христова же Рождества 1668 и благовѣстилъ до лѣта миророзданія 7208; Рождества же Господня 1701 года, въ которое мѣсяцѣ іюни 19-го дня отъ великаго въ Кремлѣ бывшаго пожара поврежденъ; до 7239 лѣта отъ начала міра а отъ Христова въ мірѣ Рождества 1731 пребылъ безгласенъ“.

2) „Благочестивѣйшія и самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всея Россіи повелѣніемъ, во славу Бога въ Троицѣ славимаго и въ честь Пресвятыя Богоматери, къ перво-соборной церкви славнаго Ея Успенія лить сей колоколь изъ мѣди прежняго осми тысячъ пудъ колокола, пожаромъ поврежденнаго, съ прибавленіемъ матеріи двухъ тысячъ пудъ, отъ созданія міра 7241, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1753, а благополучнаго Ея Величества царствованія въ четвертое лѣто“.

Въ третьей надписи мы узнаемъ, что колоколь лилъ русскій мастеръ Иванъ Федоровичъ Моторинъ съ сыномъ Михаиломъ. Кромѣ того, извѣстно изъ достовѣрныхъ документовъ, что первоначальные чертежи колокола дѣлалъ по заказу графа Миниха въ Парижѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ и въ то же время членъ академіи наукъ Ферменъ и что отливка и переливка

Коронаціонные дни въ Москвѣ. Достопримѣчательности города. Красныя ворота.
Съ фотографіи грав. М. Рашевскій.

Коронаціонные дни въ Москвѣ. Достопримѣчательности города. Сухарева Башня.
Съ фотографіи грав. М. Рашевскій.

колокола кромѣ матерьяла обошлась на нынѣшніи денья въ 141,000 серебряныхъ рублей.

Но образцовому созданию Моторина не пришлось красоваться на Ивановой колокольнѣ; только что отлитый колоколъ былъ значительно поврежденъ большимъ московскимъ пожаромъ 29-го мая 1737 года и отъ него даже отдѣлился большой обломокъ мѣди во время паденія съ временныхъ подмостковъ. Въ такомъ жалкомъ видѣ царь-колоколъ лежалъ цѣлое столѣтіе; лишь въ 1836 году, по повелѣнію императора Николая I, онъ былъ поднятъ и поставленъ на гранитный пьедесталъ, близъ Ивана Великаго, какъ знаменитый памятникъ нашего стариннаго литейнаго искусства. Другой памятникъ подобнаго же рода, красующійся въ Кремлѣ,—эта громадная царь-пушка, поставленная передъ лицевымъ фасадомъ зданія бывшей оружейной палаты, и нынѣ занимаемаго казармами. Эта пушка была вылита въ Москвѣ въ 1586 году въ царствованіе Феодора Иоанновича мастеромъ Чеховымъ и имѣетъ 7½ аршинъ длины при вѣсѣ въ 2,400 пудовъ и при діаметрѣ жерла болѣе аршина. На ней красуются двѣ надписи: первая „Божією милостію царь и великій князь Феодоръ Иоанновичъ государь и самодержецъ всея великия Руси“ и вторая „Повелѣніемъ благовернаго и Христіюлюбиваго царя и великаго князя Феодора Иоанновича государя и самодержца всея великия Россіи при его благочестивой и Христіюлюбивой царицѣ великой княгинѣ Иринѣ слита бысть сія пушка въ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, каждая ядро заряда вѣситъ 120 пудъ“. Самый лафетъ и колеса покрыты изящными орнаментами, также какъ и поверхность самой пушки, которая, кромѣ того, украшена изображеніемъ царя Феодора. Конечно, теперь, при громадныхъ усилкахъ литейнаго дѣла, царь-пушка уже не можетъ удивлять своей величиною и конкурировать въ этомъ отношеніи съ громадными орудіями нашего времени, но какъ памятникъ старины, какъ издѣліе русскаго мастера XVI вѣка, эта пушка не лишена извѣстнаго значенія и интереса.

Четвертый рисунокъ — Красныя ворота. Въ ряду разныхъ торжественныхъ декоративныхъ построекъ при церемониальныхъ шествіяхъ и въздахъ, самыми любимыми въ XVII столѣтіи были триумфальныя арки и ворота, украшенныя эмблематическими картинами и надписями. Такія ворота часто строились у насъ и при Петрѣ при празднованіи разныхъ викторій и торжествъ, и самъ Государь составлялъ для нихъ планы, сочинялъ символическія изображенія и подписи. Ко времени Петра относится устройство и Красныхъ воротъ, которыя въ старину впрочемъ назывались то Флоровскими, то Мясницкими, такъ какъ они замыкали улицу Флоровскую или Мясницкую. Эти ворота были первоначально деревянными и еще при Петрѣ получили названіе Красныхъ, такъ какъ были окрашены красной краской. Деревянныя ворота при Елизаветѣ Петровнѣ были замѣнены каменными, построенными въ 1742 году къ коронаціи Государыни. Ихъ соорудило на свой счетъ московское купечество по плану архитектора князя Ухтомскаго. Согласно затѣятому стилю, ворота были щедро украшены живописью, лѣпною работою, статуями, эмблемами и разными витиеватыми надписями. Но теперь нѣтъ слѣда прежнихъ украшеній; лишь одна статуя славы, вооруженная трубой и стоящая на вершинѣ воротъ, нѣсколько напоминаетъ собою манерный стиль прошлаго столѣтія. Многократныя передѣлки совершенно измѣнили внѣшній видъ постройки; упростили ее, придали болѣе художественную форму и дѣйствительно сдѣлали ее однимъ изъ изящныхъ украшеній нашей первопрестольной столицы. Последняя реставрація Красныхъ воротъ производилась при Императорѣ Николаѣ, котораго вензель съ тѣхъ поръ красуется надъ небольшими боковыми входами, устроенными востѣ главной арки. Въ болѣе чѣмъ вѣковомъ существованіи Красныхъ воротъ можно отмѣтить нѣсколько случаевъ, когда они играли нѣкоторую историческую роль; такъ черезъ эти ворота проходило торжественное маскарадное шествіе, устроенное въ 1763 актеромъ Волковымъ въ честь „торжествующей Минервы“; здѣсь же по близости существовалъ въ старину огромный деревянный домъ Татищева, гдѣ Императрица Екатерина II съ трона говорила рѣчь собраннѣмъ депутатамъ о необходимости сочиненія новаго уложенія. Въ день же коронаванія Императора Павла, отъ Никольскихъ до Красныхъ воротъ поставленъ былъ длинный рядъ столовъ съ яствами для угощенія народа.

Сухарева башня — нашъ пятый рисунокъ — любопытный памятникъ Петровской эпохи; строенная въ началѣ царствованія великаго преобразователя и даже вѣроятно по его собственному плану, она вскорѣ стала играть важную роль въ исторіи нашего просвѣщенія; здѣсь была открыта Петромъ первая математическая и навигаціонная школа и здѣсь помѣщалась первая русская обсерваторія. Въ этой башнѣ неутомимо рабо-

тали ученые: Брюсъ, Фарверсонъ, Гвинъ, и таинственность ихъ застѣваний и опытовъ навели навольный ужасъ на нашихъ предковъ; съ этой поры Сухарева башня стала для нихъ заколдованнымъ мѣстомъ, гдѣ, по общему ихъ убѣжденію, хранилась страшная черная книга подъ стражей 12-ти духовъ и гдѣ чернокнижникъ Брюсъ дѣлалъ свои заклинанія, чтобы добыть мертвой и живой воды.

Въ сущности устройство Сухаревой башни не представляло въ себѣ ничего ни страшнаго, ни таинственнаго — это былъ просто шатеръ надъ каменными Срѣтенскими воротами, которыми начиналась Срѣтенская улица, въ такъ называемомъ Земляномъ городѣ. Шатеръ этотъ походитъ своимъ видомъ на прежній адмиральскій корабль съ мачтою. Все-же зданіе состояло собственно изъ трехъ частей: воротъ, надъ ними палатъ и осмигранной башни въ четыре пояса, съ четырьмя вокругъ ея башенками; верхъ-же пирамидальнаго шатра вѣнчалъ двухглавый орелъ. Надъ воротами съ южной стороны вставлены были двѣ доски съ слѣдующими надписями, объясняющими какъ исторію возникновенія, такъ и самый первоначальный видъ постройки: 1) „Повелѣніемъ благочестивѣйшихъ, тишайшихъ, самодержавнѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, по стрѣльцкому приказу, при сидѣніи въ томъ приказѣ Ивана Борисовича Трескурова, и 2) Построены во второмъ стрѣльцкомъ полку, по Земляному городу Срѣтенскія ворота, а надъ тѣми ворота палаты и шатеръ съ часами, а подѣ воротъ по обѣ стороны караульня и малыя палаты, а начато строити то строеніе въ лѣто 1692, а совершенно въ 1695, а въ то время будущаго у того полка стольника и полковника Лаврентія Панкратьева,—сына Сухарева“.

До постройки Петромъ каменныхъ Срѣтенскихъ воротъ, существовали здѣсь въ старину ворота деревянныя, а около нихъ находилась стрѣльцкая караульня, слѣзжая и мытная избы и часовня съ древнимъ образомъ св. Николая. Около этихъ-же воротъ въ концѣ XVII вѣка имѣлъ свое пребываніе стрѣльцкій сухаревскій полкъ, названный такъ по имени своего полковника Лаврентія Панкратьева Сухарева. Этотъ полкъ остался вѣрнѣе Петру во время стрѣльцкой крамолы, сопровождалъ его въ село Преображенское и Троицко-Сергіевъ монастырь и потому-то вновь построенная башня и была названа царемъ въ честь вѣрнаго полка—Сухарева.

Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, въ палатахъ Сухаревой башни открыта была математическая и навигаціонная школа, въ которой учились дворяне и разночинцы. Въ числѣ математическихъ учителей этой школы состоялъ и любимецъ Петра—Леонтій Магницкій, авторъ первой ариметики, изданной гражданскимъ шрифтомъ. Ученики школы здѣсь же въ башнѣ представляли, въ свободное время отъ занятій, разные свѣтскія піесы, руководимыя въ драматическомъ искусствѣ выписанными Петромъ изъ Дамбига актерами. Московское навигаціонное училище въ 1715 г. было переведено въ Петербургъ подъ названіемъ Морской Академіи, переименованной впоследствии въ Морской Кадетскій корпусъ. На Сухареву же башню была потомъ перемѣщена изъ Кремля московская адмиралтейская контора, при которой до 1802 года существовали ниснія ариметическія и географическія школы. Теперь нижній ярусъ зданія занятъ казармою; въ срединѣ же его существуетъ проѣздъ, соединяющій Срѣтенскую улицу съ Первою Мѣщанскою; надъ воротами еще два яруса, въ первомъ ярусѣ находится двѣ обширныя залы подъ сводами, раздѣленныя коридорами. Въ залѣ съ восточной стороны до 7000 ведеръ воды и снабжающій ею московские бассейны и фонтаны. Въ другой залѣ, на западъ, гдѣ прежде помѣщалась адмиралтейская контора, находится второй резервуаръ, снабжающій водою восточную и сѣверную часть Москвы. Третій этажъ, скрытый снаружи, служитъ только переходомъ во внутренность самой башни или шатра, изъ котораго идетъ деревянная винтообразная лѣстница вверхъ къ шпилью, подъ самый гербъ; здѣсь изъ слуховыхъ оконъ шатра открывается очаровательная панорама нашей первопрестольной столицы, во всемъ ея величіи, красотѣ и широкомъ раздолѣ. Вышина башни отъ подошвы до герба 30 сажень. Въ срединѣ ея до сихъ поръ видно мѣсто, гдѣ до 1812 года стояли часы, устроенные еще въ 1695 году для пользованія жителей этой части города. Надъ воротами сѣверной стороны поставленъ образъ преподобнаго Сергія, а съ южной—образъ Казанской Божіей Матери. Подъ окнами изображенъ флотскій гербъ съ мальтійскимъ крестомъ и скрещенными якорями. Къ восточной сторовѣ башни въ 1820 году сдѣлана пристройка, въ которой теперь помѣщается камера мѣстнаго мирового судьи и городское училище.

Высокіе гости на торжествѣ коронаціи.

(Портр. на стр. 527, 528, 529 и 530).

На великій праздникъ русскаго Царя и русскаго народа съѣхалось въ Москву много представителей самыхъ разнообразныхъ народностей, среди которыхъ, конечно, обращаютъ на себя особенное вниманіе выдающіеся высокіе гости—правители

столь близкихъ нашему сердцу славянскихъ племенъ и иностранныхъ принцы. Въ числѣ первыхъ явились въ Москву два государя, пользующіеся особой нашей симпатіей—князь Черногорскій Николай и Александръ—князь Болгарскій. Личность кня-

ва Николая—кроме своего громаднаго политическаго значенія имѣть для насъ еще и другой интересъ; это человекъ въ высшей степени привлекательный, глубоко любящій наше отечество и ни разу не отступившій ни на шагъ отъ своихъ завѣтныхъ симпатій и убѣжденій. Князь Николай родился 25-го сентября 1841 года въ селеніи Хараковичахъ, составляющемъ собственность фамилии Негомей. Отецъ его былъ извѣстный предводитель черногорскихъ юнаковъ, воевода въ Бердѣ и председатель мѣстнаго представительнаго собранія. До 15-ти лѣтъ князь Николай воспитывался въ Цетиньѣ, потомъ въ Триестѣ, а съ 1856 года по 1860 учился въ Парижѣ въ знаменитомъ лицей Людовика Великаго. Въ августѣ 1860 года по смерти его дяди, князя Давида, юноша былъ единодушно избранъ въ правители черногорскаго народа и дѣйствительно не обманул надеждъ своихъ новыхъ подданныхъ.

Князь Николай—мудрый правитель и владыка своего геройскаго народа, кроме того, талантливый политикъ, заставившій сосѣднія государства уважать права своей маленькой страны и мало по малу значительно увеличившій ея территорию. Въ тоже время князь Николай храбрый, мужественный юнакъ, много разъ водившій черногорцевъ противъ ихъ исконныхъ враговъ—турокъ, и постоянно пожинавшій въ войнѣ съ ними побѣдные лавры. Какъ поэтъ, князь Николай пользуется въ Черногоріи громкою извѣстностью и вѣкторія его пѣсни сдѣлались уже самыми любимыми народными. Въ этомъ-же номерѣ нашего журнала мы помѣщаемъ прекрасное стихотвореніе князя Николая „Привѣтъ морю“, гдѣ онъ въ прелестной, поэтической формѣ выражаетъ завѣтное политическое стремленіе какъ свое собственное, такъ и своего геройскаго народа. Князь Николай женатъ съ 8-го ноября 1860 года на дочери извѣстнаго черногорскаго воеводы и сепатора Петра Вукотича—Милени и имѣетъ отъ нея одного сына—наслѣдника его престола—и трехъ дочерей, которыя воспитываются въ Россіи. Последнее обстоятельство также тѣсно связываетъ князя Николая съ нашимъ отечествомъ, къ которому онъ всегда питаетъ самую глубокія симпатіи. Приѣздъ князя Николая въ Россію въ 1869 году также какъ и теперь возбуждалъ всеобщее сочувствіе и интересъ къ этому выдающемуся правителю.

Послѣ Николая, князя Черногорскаго—самый симпатичный для насъ изъ правителей славянскихъ народностей—Александръ, князь Болгарскій. Подъ его управленіемъ маленькое, еще неоперившееся княжество успѣло приобрести уже не малое политическое значеніе и, не смотря на борьбу партій, князь энергично и смѣло ведетъ свой народъ по пути государственной жизни, никогда не оставляя въ сторонѣ интересовъ славянства. Принцъ Александръ Баттенбергъ родился 5-го апрѣля 1857 года въ Веронѣ, гдѣ тогда жилъ его отецъ, принцъ Александръ Гессенскій, братъ въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны, состоявшій въ австрійской службѣ. Воспитаніе свое князь Александръ получилъ въ Дрезденѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, а военную службу началъ въ 1875 году въ гессенскомъ драгунскомъ полку. Но гдѣ князь Александръ проявилъ вполнѣ свои военныя и административныя способности, то это въ русско-турецкой войнѣ 1877 г., въ которой принималъ самое горячее участіе; присутствуя въ нашихъ войскахъ при переходѣ черезъ Дунай, при занятіи Тырнова, и при слатѣ Плевны. Военныя его заслуги тогда же были награждены Георгиевскимъ крестомъ и въ Бозѣ почившій Государь, узнавъ его близко, тогда же оцѣнилъ способности этого смѣлаго и энергичнаго принца и предназначилъ его на престолъ освобожденной Болгаріи. Правителемъ Болгаріи князь Александръ сталъ официально съ 24-го июня 1879 года.

Третій гость, симпатичный русскому сердцу по близкой род-

ственной связи съ нашимъ Августѣйшимъ Семействомъ, это конечно герцогъ Эдинбургскій, супругъ Вел. Кн. Маріи Александровны.

Принцъ Альфредъ, герцогъ Эдинбургскій—второй сынъ королевы Викторіи и покойнаго принца Альберта, родился въ Виндзорѣ 6 августа 1844 года. Съ самаго дѣтства принцъ Альфредъ проявлялъ склонность къ морскому дѣлу и его начали тогда же готовить къ поприщу моряка. Настоящую морскую службу онъ началъ съ 1858 года, и совершилъ путешествіе по Средиземному морю, а потомъ въ Остъ-Индію и Америку. Въ 1866 году, по своему совершенствѣніи, принцъ Альфредъ получилъ титулъ герцога Эдинбургскаго, графа Кентскаго и Уилстерскаго и возведенъ въ званіе пера соединеннаго королевства. Въ 1867 году герцогъ сталъ командиромъ фрегата „Галатея“ и съ этихъ поръ началъ совершать отдаленныя и смѣлыя плаванія, посѣтивъ почти всѣ самые глухіе уголки земнаго шара. Бракосочетаніе его съ Дочерью нашего покойнаго незабвеннаго Государя совершилось 23 января 1874 года, и конечно каждый помнитъ еще тотъ энтузіазмъ, съ которымъ было встрѣчено это событіе какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ Англии. Какъ близкій родственникъ, принцъ Эдинбургскій игралъ видную роль во всѣхъ церемоніалахъ коронаціи, такъ напримеръ, при торжественномъ вшествіи Государя въ Москву, онъ ѣхалъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ нашего Монарха, рѣзко выдѣляясь изъ блестящей, многочисленной свиты своимъ эффектнымъ краснымъ мундиромъ.

Краткія свѣдѣнія объ другихъ императорскихъ принцахъ, присутствовавшихъ при коронаціи, мы представимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ помѣщаемые нами ихъ портреты.

Вильгельмъ, принцъ Баденскій, братъ великаго герцога Фридриха Вильгельма, родился 18 декабря 1829 года; онъ состоитъ генераломъ отъ инфантеріи въ прусской службѣ и шефомъ 4-го баденскаго полка. Женатъ съ 11 февраля 1863 года на Маріи Максимилиановнѣ Романовской, дочери покойнаго герцога Лейхтенбергскаго. Кроме того принцъ связанъ еще болѣе близкими узами съ нашимъ Августѣйшимъ семействомъ. Дочь его, Цецилія, нынѣ Великая Княгиня Ольга Θεодоровна, состоитъ съ 28 августа 1857 г. въ супружествѣ съ В. К. Михаиломъ Николаевичемъ.

Альбрехтъ, принцъ Прусскій, сынъ покойнаго принца Фридриха Альбрехта, родился 8-го мая 1837 г., состоитъ по службѣ генераломъ отъ кавалеріи и шефомъ нашего митавскаго драгунскаго полка; кроме того онъ почетный командоръ ордена Іоанна Іерусалимскаго. Женатъ съ 19 апрѣля 1873 г. на дочери герцога саксонскаго Эрнеста—Маріи Арнульфъ, принцъ Баварскій, двоюродный братъ короля, родился въ Мюнхенѣ 6 іюля 1852 года, состоитъ теперь командиромъ 1-го полка королевской баварской гвардіи и кавалеромъ ордена Золотого Руна.

Карлъ Людвигъ, эрцгерцогъ Австрійскій, братъ Императора, родился 30 іюля 1833 года и состоитъ съ 1856 года въ третьемъ бракѣ съ эрцгерцогиней Маріей Терезіей, дочерью покойнаго короля обихъ Сицилій, Фердинанда, которая прибыла въ Москву вмѣстѣ съ своимъ супругомъ. Эрцгерцогъ считается шефомъ ливавскаго драгунскаго полка.

Генрихъ, принцъ Гессенъ-Дармштадскій, братъ великаго герцога Людовика IV, родился 28 ноября 1838 года. Онъ состоитъ нынѣ въ чинѣ генералъ-лейтенанта, командиромъ 25-й дивизіи Гессенскихъ войскъ. Женатъ съ 1878 года на баронессѣ Нидда, дочери полковника гессенской службы Виллиха.

Германъ, принцъ Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскій, племянникъ великаго герцога Карла, родился въ замкѣ Альтенштейнѣ 4 августа 1825 года и состоитъ теперь въ вюртембергской службѣ генераломъ отъ инфантеріи. Женатъ съ 17 іюня 1851 года на

Его Свѣтлость Князь Александръ I, Болгарскій.

Съ фотогр. Левничаго, грав. Ю. Барановскій.

Августъ Вильгельминъ, младшей дочери покойнаго короля Виртембергскаго Вильгельма I.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ замѣчательномъ, высокомъ гостѣ, прибывшемъ въ Москву на торжество коронаціи, а именно объ Амедей-второй сынъ покойнаго короля Италіи Виктора Эмануила, родился 30 мая 1845 года, и съ молодости предназначался къ военной карьерѣ. Послѣ испанской революціи, 1868 года онъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ маршала Прима, зая-

вилъ свою кандидатуру на испанскій престолъ, на который и былъ избранъ кортессами 19 октября 1870 года. Но борьба партій и усѣхи карлизма не дали возможности ему долго царствовать: послѣ покушенія на его жизнь, совершеннаго подкупными злодѣями, онъ добровольно отказался отъ престола въ Февралѣ 1873 года и посвятилъ свои силы и способности славіи своей родины, исполняя теперь обязанности сенатора. Вообще, Амедей — высокая, симпатичная личность и даже испанцы всегда призывали въ немъ его рыцарскую честность и высокій духъ.

Выставка въ Михайловскомъ манежѣ въ Спб.

(Рис. на стр. 532).

Любителямъ птицеводства недавно предоставлена была возможность вдоволь налюбоваться отборными, лучшими экземплярами птичьяго царства, выставленными въ михайловскомъ манежѣ съ 22-го по 28-е апрѣля. Но кромѣ удовлетворенія простаго любопытства, эта выставка имѣла и другое, болѣе важное значеніе: она ознакомила насъ съ состояніемъ нашего отечественнаго птицеводства, которое оказалось не столь дурнымъ, какимъ все всегда представляется нашимъ pessimistамъ. Напротивъ того, выставка птицъ обнаружила замѣчательный прогрессъ въ дѣлѣ разведенія у насъ различныхъ птичьихъ породъ; кромѣ того, на ней же наша публика узнала, что у насъ существуютъ цѣлыя общества, посвятившія свою дѣятельность этой прекрасной задачѣ. Такъ у насъ существуетъ въ Москвѣ общество птицеводства, которое, собственно говоря, и устроило выставку; но кромѣ того, у насъ еще недавно организовалось общество соколиныхъ охотниковъ, которое поставило себѣ задачей воскресить у насъ этотъ родъ охоты, столь любимый нѣкогда нашими предками.

На выставкѣ въ особенности обращала на себя вниманіе великолѣпная коллекція соколовъ и кречетовъ, выставленная членами общества, Его Высочествомъ Принцемъ Ольденбургскимъ, Галеромъ, Мининымъ, художникомъ Якоби и другими. Кромѣ того выставка была очень богата домашними птицами самыхъ разнообразныхъ породъ, въ которыхъ то и дѣло встречаемъ великолѣпные экземпляры. Здѣсь были настоящіе красавцы птичьяго царства; гордые, величавые орлы, яркіе, роскошные павлины и цѣлая масса интересныхъ по красотѣ пера куръ, пѣтуховъ и голубей. Всѣ эти типы птицъ, бывшихъ на выставкѣ, прекрасно подмѣнены и переданы нашимъ художникомъ Н. П. Карзиннымъ, въ прилагаемомъ нами рисункѣ. Здѣсь наверху вы видите роскошную фигуру сокола-балабана, изъ той породы, которая болѣе всего пригодна для соколиной охоты, вмѣстѣ съ кречетомъ и сабаномъ. Во время охоты соколъ-балабанъ свисаетъ на замѣченную жертву такъ быстро, что даже глазъ не въ состояніи различить тогда его фигуры. Соколъ — это была любимая охотничья птица нашихъ царей, которые заимствовали этотъ родъ охоты съ востока, гдѣ соколиная охота существовала съ незапамятныхъ временъ. Подлѣ фигуры сокола видна самая эффектная фигура ручнаго охотничьяго орла. Въ этомъ типѣ проявляется спокойное величіе, увѣренность въ своей силѣ; именно тѣ особенности, которыя составляютъ отличительный характеръ всѣхъ орлиныхъ породъ. Даже самая неволя не измѣняетъ характеръ орла; онъ и въ ней по прежнему гордъ и невозмутимъ, хотя довольно скоро привыкаетъ къ человѣку и даже входитъ съ нимъ въ довольно тѣсную дружбу. Въ неволѣ ручной орелъ можетъ жить довольно долго; такъ въ 1809 году въ Шенбрунѣ умеръ орелъ, прожившій въ неволѣ цѣлыя 80 лѣтъ. Для охоты самая лучшая порода — это беркутъ или хелзонъ, длина котораго достигаетъ 6-хъ футовъ, а ширина крыльевъ до семи. Около отъявленныхъ хищниковъ — сокола и орла, здѣсь же

наверху рисунка пріютились голуби и турмана и кромѣ того видна великолѣпная фигура бѣлаго павлина, сидящаго на подставкѣ. Голуби — эти граціозныя, живыя, рѣзвыя птицы, конечно извѣстны всякому, но не всякому извѣстны всѣ разновидности голубиной породы. Птичья выставка наглядно ознакомила публику съ самыми разнообразными породами голубей и турмановъ, которые такъ высоко цѣнятся голубятниками. Не всѣмъ, мы думаемъ, извѣстно, что турмана отличаются отъ дикихъ голубей тѣмъ, что у нихъ ноги бѣлаго, а не краснаго цвѣта. Лучшая въ Россіи порода турмановъ — черная, а также бѣлые

орловскіе и красные московскіе. Главное же достоинство каждаго турмана, приводящее въ восторгъ любителей, это способность вертѣться черезъ голову кубаремъ. При чемъ хорошій турманъ выдѣлываетъ эту гимнастику до самой земли. Турманъ же, который дѣлаетъ не болѣе трехъ оборотовъ, ни во что не дѣлится опытнымъ голубятникомъ.

Павлинъ — птица также довольно извѣстная; онъ отличается отъ прочихъ куръ чрезвычайнымъ развитіемъ верхнихъ кроющихъ перьевъ хвоста, что и составляетъ его главную красоту. Павлины мало гдѣ у насъ теперь держатся, тогда какъ прежде часто можно было его видѣть на дворахъ, важно выступающаго вмѣстѣ съ курами. Главная черта характера павлина — это надутость, что дѣлаетъ его очень придирчивымъ къ прочимъ домашнимъ птицамъ. Тутъ же около граціознаго бѣлаго павлина на нашемъ рисункѣ пріютилась какъ бы для контраста безобразная фигура ручнаго филина — героя ночи и тьмы. Брѣмъ говорить, что совершенно ручные филины встречаются чрезвычайно рѣдко; хотя при хорошемъ уходѣ, филинъ, въ неволѣ, можетъ прожить многіе годы.

Типы пѣтушиныхъ головокъ, изображенные нашимъ художникомъ, принадлежатъ двумъ породамъ: *доркинъ* хохлатый, и *негретъ*. Доркинъ самая крупная порода между англійскими курами, вѣсъ которыхъ достигаетъ до 11 фунтовъ, но въ отношеніи крупности ихъ превосходитъ порода *браманутрскихъ* куръ, которая видна внизу рисунка. Онѣ американскаго происхожденія и даже на родинѣ сливаютъ за куръ отличнo пестушихся и прекрасныхъ матерей. Яйца ихъ достигаютъ до трехъ унцій вѣса, а цыплята замѣчательно здоровы, скоро растутъ и скоро оперяются. Здѣсь же вольгъ браманутрскихъ куръ представлены еще двѣ породы — русскія павловскія и бантамскія бойцовыя. Последнія замѣчательны по своей малоростности, почему эту породу и называютъ карликовой; но эти птицы не уступаютъ въ силѣ и крѣпости болѣе крупнымъ породамъ. Пѣтухъ бантамской бойцовой породы горячъ и бѣшенъ въ бою и не оставитъ арены боя, пока не растреллетъ своего соперника; или не будетъ самъ растрелленъ въ клочья. Въ самомъ низу рисунка лѣнливо развалился громадный индюкъ, названный по цвѣту пера — перламутровымъ. Родина индѣйки — это сѣверная Америка, откуда триста лѣтъ тому назадъ она была перевезена въ Европу.

Его Свѣтлость Князь Николай I Нѣгошъ, Черногорскій.

Съ фот. Левяцкаго, грав. Ю. Барановскій.

Герцогъ Эдинбургскій.

Принцъ Вильгельмъ Баденскій.

Принцъ Альбрехтъ Прусскій.

Принцъ Арнульфъ Баварскій.

Эрцгерцогъ Карлъ Людвигъ Австрійскій.

Принцъ Генрихъ Гессенскій.

Принцъ Германъ Саксонъ Веймарскій.

Коронаціонные дни въ Москвѣ. Иностранные принцы, прибывшіе на коронацію.
 Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Разказы, замѣтки и впечатлѣнія коронаціи.

Депутаты отъ азіятскихъ народностей. Когда эти разнообразныя депутации потянулись по залѣ — трудно было себѣ представить картину болѣе оригинальную. Одни были въ халатахъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, другіе въ золотыхъ парчевыхъ кафтанахъ, въ желтыхъ одѣянїяхъ, въ золотыхъ колпакахъ, въ чалмахъ бѣлыхъ и черныхъ, и т. д. Художники Каразинъ, Зичи и Маковскіе набрасывали тины подходящихъ азіятовъ. Особенно оригиналенъ былъ костюмъ калмыцкаго „бахчи“: на головѣ у него шляпа, имѣющая видъ башни, съ ниспадающими на плеча лентами, оригинально вышитыми золотомъ и расширяющимися на плечахъ. Костюмъ желтый.

Всѣхъ блюдъ и подношеній вѣтъ возможности описать; большинство очень оригинальны. Блюдо крестьянъ Московскаго уѣзда поражаетъ своею простотою: оно сдѣлано изъ дерева, въ русскомъ вкусѣ, къ нему солонка, въ родѣ деревенскихъ, всѣ изъ разныхъ кусковъ дерева, окрашенныхъ въ разные цвѣта.

Городъ Москва поднесла большое серебряное блюдо — охидѣ, въ срединѣ призваніе Михаила Теодоровича на царство; московское земство — роскошное блюдо, по ободку эмалевые гербы губерній, на верху и вокругъ московскихъ уѣздовъ, въ срединѣ, подѣ Императорскимъ вензелемъ — орелъ охидѣ, съ распростертыми крыльями. Тульское дворянство поднесло блюдо, солонка къ которому изображаетъ памятникъ на Куликовомъ полѣ. Оригинальное блюдо въ видѣ корыта отъ грузинскаго дворянства; отъ калмыцкаго народа поднесъ съ принадлежностями для питья кумса; отъ калмыцкаго бахчи — прекрасное серебряное золоченое блюдо, по борту уставленное золотыми бурханами.

Изъ поднесеній замѣчательны двѣ сабли отъ закавказскихъ депутатовъ. Одна изъ нихъ имѣетъ свое древнее преданіе, по которому она принадлежала нѣкогда багдадскимъ халифамъ, затѣмъ досталась князю Шахмаловымъ-Тарковскимъ и послѣ перешла въ кумыкскимъ князьямъ.

Къ вечеру, во время бала, вся лѣвая сторона Андреевской тропной зала была уставлена столами, на которыхъ красовались поднесенныя блюда и подарки, у входныхъ дверей изъ Александровской залы съ правой стороны стоялъ столъ, на которомъ возвышалась пирамида болѣе чѣмъ полутора хлѣбовъ, снятыхъ съ блюдъ.

Подарки хивинскаго хана и бухарскаго эмира. Подарки хивинскаго хана и бухарскаго эмира, подносимые посольствами Ихъ Императорскимъ Величествомъ, по словамъ „Современныхъ Извѣстій“, слѣдующіе: Государю Императору — четыре кровныхъ туркменскихъ жеребца съ полными сѣдельными приборами въ золотыхъ и серебряныхъ оправкахъ, напукъ хивинскихъ хановъ изъ бобра съ перомъ изъ драгоценныхъ камней, саблю въ золотой оправѣ, два кинжала въ такой-же оправѣ, 9 ковровъ хивинскаго производства, одинъ изъ нихъ бархатный; Государынѣ Императрицѣ: ожерелье изъ драгоценныхъ камней; Государю Наслѣднику Цесаревичу: саблю въ золотой оправѣ, кинжалъ въ такой-же оправѣ, поясъ серебряный въ золотой оправѣ. Бухарскимъ посольствомъ въ даръ Ихъ Величествамъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу привезены: отъ бухарскаго эмира Государю Императору: 20,000 бухарскихъ тилле, для употребленія на благотворительныя надобности въ воспоминаніе торжества священнаго коронаванія (по курсу составляютъ около 125 тысячъ рублей), знакъ для головнаго убора, замѣняющій корону, кованаго золота съ драгоценными камнями, бархатный халатъ, шитый золотомъ и жемчугомъ съ золотыми украшеніями, поясъ

золотой съ драгоценными камнями, 10 сабель серебряныхъ подѣ бирюзовой отдѣлкой, 10 ковровъ туркменскихъ, 1,000 аршинъ бухарскаго бархата, 200 кусковъ разной бухарской матеріи, 100 кусковъ разнаго бухарскаго адрясу, 300 штукъ каракульскихъ мерлушекъ, 10 уздечекъ подѣ бирюзовой отдѣлкой на серебрѣ, 10 пошовъ, расшитыхъ золотомъ. Государынѣ Императрицѣ: головной уборъ золотой, украшенный драгоценными камнями, серьги золотыя съ драгоценными камнями, 8 шалей кашемировыхъ, 12 штукъ парчи афганской, 2 шелковыя драпировки въ спальную комнату, 6 шелковыхъ покрывалъ на кровати. Наслѣднику Цесаревичу: два бархатныхъ халата, шитыхъ золотомъ, 8 кашемировыхъ шалей, 8 штукъ парчи афганской.

Задача нижнимъ чинамъ серебряныхъ рублей въ память коронаціи. 15-го мая, по случаю коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, нижнимъ чинамъ войска, расположенныхъ въ Москвѣ, розданы были серебряныя рубли, нарочно для этого отчеканенныя.

На одной сторонѣ монеты изображенъ бюстъ Государя въ профиль, съ надписью кругомъ: „Александръ III-й, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій“, а на другой — подушка, въ срединѣ которой изображена корона, а по бокамъ — скипетръ и держава. Надъ подушкой значится надпись „Рубль“, а подѣ ней находятся слова: „Коронаванъ 15-го мая 1883 года“. Такихъ рублей роздано войскамъ 54,000.

17-го мая Государю и Государынѣ приносили поздравленіе военные, а послѣ нихъ волостные и сельскіе старшины, бывшіе депутатами на коронаваніи. Надо было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ эти представители крестьянства, собранные со всѣхъ концовъ Руси, приближались къ трону, какое счастье выражали ихъ лица, у многихъ были слезы на глазахъ. Многие изъ депутатовъ подносили Государю хлѣбъ-соль на блюдахъ.

Иностранная печать. „Daily News“, „Times“ и „Standard“, еще разъ подчеркиваютъ искренность восторговъ и преданности русскаго народа. Россія, говоритъ газета, имѣетъ во всякомъ случаѣ блестящее будущее передъ собой. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, умѣстно взглянуть на свѣтлыя стороны той картины, въ которой мы искали до сихъ поръ преимущественно тѣни, чтобы убѣдиться, какъ много сдѣлано въ Россіи для прогресса и цивилизаціи въ послѣдніе годы. На все свое время, и было бы странно ожидать, что Россія можетъ мгновенно преобразиться. Важно то, что цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній, чрезъ которые Россія пришло въ теченіи послѣднихъ 4 — 5 столѣтій, не уничтожилъ и даже оставилъ нетронутыми многія основы народно-государственной жизни, которыя служатъ теперь залогомъ дальнѣйшаго преуспѣванія.

Описывая подробно и картинно самый актъ коронаванія Ихъ Величествъ, Альбертъ Вольфъ въ „Figaro“ говоритъ: „Церемонія, развернувшаяся передо мною, превосходитъ все, что только можно себѣ представить, по величію, великолѣпію и ослѣпительной торжественности. Самый церемоніаль не въ состояніи дать хотя приблизительное понятіе объ этомъ ослѣпительномъ и моментами потрясающемъ торжествѣ. Все, что я видѣлъ въ этотъ день, всѣ необычныя воспоминанія, какія я увошу съ собой, до крайности воспаменяютъ. Я все еще остаюсь ослѣпленнымъ искрами золота, блестящей игрою бриллиантовъ, пылающими свѣтильниками; въ ухахъ у меня все еще чувствуется пѣше духовенства, звонъ колоколовъ. Все изумительно, все оригинально, великолѣпно въ этой церемоніи коро-

Е. Н. В. Принцъ Итальянскій, Амедей Аостскій. Съ фот. грав. Гельштейнъ.

пованія, все съ начала до конца". Вольфъ, очарованный волшебной картиной, передаетъ, между прочимъ, о своемъ свиданіи съ Ф. Троповымъ. „Это—актъ, замѣтилъ Троповъ, въ которомъ нельзя опустить ни малѣйшей подробности, не нарушая его характера“. Впрочемъ соглашался съ такимъ замѣчаніемъ, корреспондентъ „Figaro“ добавляетъ: „Что въ особенности придаетъ этому торжественному акту высокое и внушительное значеніе, это именно то, что церемонія продолжается за стѣнами собора, за стѣнами Кремля и Москвы: она распространяется по всей странѣ, которая въ этотъ день, отъ высшаго до низшаго, въ городахъ и деревняхъ, сливается въ одной молитвѣ“.

По окончаніи священнаго коронованія, когда Государь съ Государыней возвращались изъ соборовъ во дворецъ, то выстроенные на нижней площадкѣ Краснаго крыльца разные инородцы, представители нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, въ своихъ оригинальныхъ и живописныхъ костюмахъ, шли по восточному обычаю ницъ предъ Государемъ во время его прохожденія. Во время совершенія обряда коронованія, когда въ Успенскомъ соборѣ всѣ присутствовавшіе тамъ колѣнопреклонились, то народъ, бывшій вокругъ соборовъ и на всей Кремлевской площади тоже, какъ бы по мановенію, моментально сталъ на колѣни и усердно молился за Царя. Кромѣ того, всѣ возвращавшіеся изъ дворца въ 4 часа и пробѣжавшіе мимо часовни Иверской Божіей Матери были поражены массой народа, толпившагося около часовни. Толпа, не смотря на усталость отъ дальнаго пути и отъ 12-ти часоваго стоянія на ногахъ въ этотъ торжественный день, съ обнаженными головами и крестясь, ждала очереди войти въ часовню и помолиться тамъ за Царя и Царицу.

Какъ гулялъ въ Москвѣ народъ въ эти дни торжествъ. Высыпаютъ на улицу всѣ, отъ мала до велика, старцы и дѣти. Матери несутъ съ собою на рукахъ дѣтей. Все это идетъ шумно и веселою толпою. Прибаутки, шутки, остроуи на каждомъ шагу не прерываются. Безпрестанно крики: „ура!“ Это „ура“ раздается всегда пробѣгающему экипажу, въ которомъ ѣдетъ кто нибудь изъ Великихъ Князей. Кланялись Хивинскому хану, припадаемъ, какъ гостямъ Государя. Для Государя Императора „ура“ оглушительное. Народъ въ этомъ случаѣ такой термометръ, ко-

торому подивился бы наилучшій дипломатъ. Откуда это только онъ научился такому пониманію отношеній и государственныхъ нуждъ. Порою между толпою появляются регенты и поютъ „Боже, Царя храни“. Одинъ изъ такихъ явился 15-мая передъ Кремлевскимъ дворцомъ. Онъ сначала вполголоса затѣвалъ сѣбѣ толпу, потомъ вдругъ, громко и стѣнно грянули всѣмъ хоромъ и всюю грудью: „Боже, Царя храни“. Какъ будто былъ настоящій стройный хоръ. Потомъ всѣ также скоро разошлись. Одушевленіе и жизнь охватывали улицы и, что поразительно, ни я, говорящій одинъ корреспондентъ, и никто другой не видѣли ни одного пьянаго. Это чистая народная радость.

Луи Бессонъ, посланный парижскою газетою „Evénement“ въ Москву, сообщаетъ такія смѣшныя и невообразимыя вещи, которыя показываютъ, каковы нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ корреспондентовъ.

„Военная форма, говоритъ онъ, измѣнена и упрощена. При этомъ, чѣмъ выше чинъ офицера, тѣмъ мундиръ его проще вълѣдствіе чего у подпоручика гораздо болѣе галуновъ и золота на мундирѣ, чѣмъ у генерала“.

— Они пріѣхали въ открытой тройкѣ, запряженной четверкою великолѣпныхъ сѣрыхъ лошадей.

Тройка по его мнѣнію—экипажъ.

„Императорскій экипажъ сопровождался пятнадцатію штабъ-офицерами кавалергардскаго полка. въ полной ихъ парадной формѣ (бѣлый мундиръ съ золотыми аксельбантами)“.

Чудовъ монастырь корреспондентъ называетъ „le monastère des Miracles“.

Но верхъ невѣжества и дикости слѣдующее, приводимое здѣсь дословно:

„Московскія гостиницы набиты. Я знаю пять генераловъ, которые были вынуждены случиться въ одной комнатѣ. За эту комнату они платятъ въ сутки сто или пятьдесятъ рублей или шестьсотъ франковъ по русскому курсу и три-та семьдесятъ пять франковъ на французскія деньги. Эта разница въ цѣнности русской и французской монеты дѣйствительно очень курьезна. Французъ, представляющій здѣсь билетъ въ тысячу франковъ, подрастаетъ въ разныя тысячу шестьсотъ франковъ русской монетой“.

Каковъ корреспондентъ!

Политическое обозрѣніе.

Франція.—Англія.—Швеція.

Франція, повидимому, поступитъ съ Тонкинскомъ рѣшительно. Прежде, однако, нежели привести перечень усѣхъвъ ся тамъ, скажемъ, что въ недавнемъ заведеніи французскаго сената, графъ Сепъ-Валье (докладчикъ предложенія о кредитѣ для экспедиціи) высказалъ, что соглашеніе съ Китаемъ онъ не считаетъ невозможнымъ, но что Франція не признаетъ верховныхъ правъ Китая надъ Аннамомъ. Изъ этого видно, что отношенія съ Среднею имперіей—на волоскѣ. Военныя дѣла уже начались. Первыми были взяты городъ и цитадель Намъ-Дингъ; начальникъ экспедиціи Ривьеръ собралъ флотилію изъ пяти небольшихъ канонерскихъ лодокъ; два изъ этихъ судовъ заняли позицію противъ цитадели и открыли сильный огонь, продолжавшійся два часа, послѣ чего Ривьеръ высадилъ на берегъ отрядъ въ 400 человекъ, шагъ за шагомъ овладѣвшій главными улицами Намъ-Динга и отбѣсившій анамитовъ до главныхъ воротъ цитадели; ворота оказались запертыми и отступающіе наткнулись на штыки своихъ преслѣдователей; двѣ пушки, выставленныя анамитами противъ непріятеля, не могли остановить французовъ; саперы заложили подъ воротами крѣпости динамитную мину, въ 1½ килограмма вѣсомъ; взрывъ открылъ войскамъ входъ въ крѣпость и въ средину исугавшихъ анамитовъ и китайцевъ, которые отказались отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Но—Ривьеръ поступилъ не достаточно благоразумно, оставивъ въ занятыхъ пунктахъ съ отрядомъ, чрезвычайно слабымъ: анамиты вскорѣ возвратились съ значительными силами, обложили городъ и, въ одной изъ вылазокъ, Ривьеръ былъ убитъ. Французы готовятся даже бомбардировать столицу Тонкина—Гюэ. Въ Мадагаскарѣ тоже французы принялись за оружіе: они бомбардировали Маджунгу, на западномъ берегу, и заняли этотъ пунктъ, нанеся большія потери гавасамъ. Возвращаясь вновь къ французо-тонкинскому вопросу, скажемъ, что французскіе дипломаты въ Китаѣ предполагаютъ, что упорство правительства Богдыхана возбуждается и поддерживается англичанами; съ другой стороны, китайскій посланникъ въ Парижѣ высказалъ, что Китай обязанъ всѣми средствами поддерживать Тонкинъ.

Изъ Лондона пишутъ, что ирландская полиція выказываетъ энергическую дѣятельность и продолжаетъ открывать заговоры и политическія и аграрныя преступленія; недавно около Баллы арестованъ нѣкій Патрикъ Надли, обвиняемый въ томъ, что онъ участвовалъ въ умерщвленіи нѣсколькихъ землевладѣльцевъ въ окрестностяхъ Баллины и Кроссмаллины; въ связи

съ этимъ заговоромъ ожидаются другіе аресты. Утверждаютъ, что „О’Донаванъ Росса“, стоявшій въ центрѣ динамитнаго заговора, сблизился съ англійскимъ правительствомъ и сообщилъ ему много важныхъ свѣдѣній, которыя и дали возможность схватить убійцъ въ Фепиксъ-паркѣ и динамитныхъ убійцъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что знаменитый „номеръ Первый“ (Тайнень) не знаетъ ничего о динамитномъ заговорѣ.

Въ Южной Африкѣ, повсюду, въ сообществѣ съ британскими колоніями, происходятъ постоянныя смуты; Трансваальскіе бозеры враждуютъ съ пограничными племенами; туземцы Бэотленда враждуютъ между собой; Сетивайо, только что возвратившійся на свой престолъ, враждуетъ съ соперничавшими вождями и считаетъ себя вынужденнымъ набрать армію для борьбы съ ними. Англійскому правительству не легко будетъ справиться; впрочемъ, оно, кажется, рѣшилось не вмешиваться въ Трансвааль въ дѣла бозеровъ съ туземцами. Раздѣлъ территории, который Англія признала нужнымъ сдѣлать между Сетивайо и другими зулусскими вождями, вмѣсто того, чтобы обезопасить владѣнія прежняго владетеля, произвела анархію, продолжающую тревожить Англію, такъ что кабинетъ недавно послалъ агента, которому поручено высказать живѣйшій упрекъ Сетивайо за его воинственные наклонности и сколько возможно наблюдать за удержаніемъ status quo. Что же касается Бэотленда, то Англія нѣкогда обязалась защищать Оранжевую республику отъ набѣговъ базутосовъ и теперь эта республика требуетъ помощи англійскихъ войскъ, что для Англіи затруднительно. Англійскіе судозавѣяе стараются всѣми силами толкать впередъ дѣло „втораго Суэскаго канала“; они учредили уже „общество“ и для предварительныхъ затратъ ассигновали 20,000 фунтовъ стерлинговъ, большая часть которыхъ была тогда же подписана присутствовавшими; собраніе поручило секретарю уведомить правительство объ учрежденіи „общества“ и о его цѣляхъ.

Въ Швеціи обещается, въ настоящее время, законъ о преобразованіи арміи; вторая палата приняла проектъ, согласно которому постоянная армія будетъ состоять изъ войскъ намербованныхъ, кантонированныхъ же войскъ болѣе не будетъ; постоянная армія до сей поры заключала въ себѣ два класса солдатъ: 1) намербованнаго войска—изъ волонтеровъ, наивысшихъ обыкновенно на 3, 4 или 6 лѣтъ и 2) кантонированныя—изъ волонтеровъ, объявившихся служить пока они годны и получавшихъ—частью отъ земледѣльцевъ, частью отъ казны—ежегодную плату—деньгами или натурой—домами или землями.

Выставка птиц въ Михайловскомъ манежѣ. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

1) Соколъ балебачъ. 2) Ручной орелъ. 3) Гагуби-гурнакъ. 4) Вадки палатки. 5) Ручной филинъ. 6) Буря Доршнга, холлати. 7) Буря пагретъ. 8) Брамагутри. 9) Вадганъ бойцови. 10) Индоки порлактурови. 11) Буря Павловскія. 12) Сравнительная волчанка лица: а) Брамагутри. б) Обичнов. русской. в) Вадганка.

С М Ъ С Ъ.

Великодушіе императора Оттона I. Въ свѣтъ короля Оттона I, названнаго великимъ, находился герцогъ Швабскій, который однажды взялъ съ императорскаго стола пирожное, раньше того какъ самъ императоръ сѣлъ за столъ. Это такъ взбѣсило императорскаго маршала, что онъ жезломъ своимъ ударилъ герцога по головѣ. Такой поступокъ маршала привелъ, въ свою очередь, въ сильный гнѣвъ гофмейстера герцога, Генриха фонъ-Кемптена, что онъ выхватилъ изъ ноженъ мечъ и тутъ-же закололъ маршала. Въ это мгновѣніе въ залу вошелъ императоръ и, увидѣвъ происходившее, приказалъ немедленно отрубить голову убійцѣ. Генрихъ фонъ-Кемптенъ бросился на колѣни передъ императоромъ и просилъ отсрочить это поспѣшное повелѣніе, тѣмъ болѣе, что близокъ день Св. Пасхи, во время которой ни одна смертная казнь не приводится въ исполненіе. Но король оставался непреклоннымъ и снова повторилъ свое повелѣніе. Осужденный такъ былъ пораженъ этимъ, что зналъ въ буквальное помятательство. Онъ вѣднися королю въ бороду, рвалъ на немъ волосы и, прежде чѣмъ присутствующіе ономинились, повалилъ императора на полъ, сдавилъ ему горло и, казалось, хотѣлъ задушить его. Придворные сановники такъ были поражены этой неслыханной дерзостью, что положительно растерялись и никто не могъ тронуться съ мѣста. Между тѣмъ, императоръ произнесъ обращаясь къ своему противнику: „Пусти, этого ты не долженъ дѣлать ради спасенія своей жизни“; послѣ чего Генрихъ фонъ-Кемптенъ поднялъ монарха. Только теперь заволоновались присутствующіе и хотѣли наказать дерзкаго преступника. „Стойте!“ приказалъ король. Я поступилъ слишкомъ опрометчиво, поспѣшивъ приговорить его къ смерти. Мнѣ слѣдовало сначала передать его суду, который-бы разобралъ дѣло и далъ-бы ему возможность говорить въ свое оправданіе; кромѣ того, въ виду предстоящаго праздника, я долженъ былъ отложить казнь. Богъ наказалъ меня за мою поспѣшность. Этотъ человѣкъ долженъ жить и королевское слово должно быть исполнено.

Болезнь „английская испарина“. Во время войны Алой и Бѣлой розъ въ Англіи появилось впервые новая эпидемія, которую назвали „английской испариной“. Послѣ сраженія при Босвортѣ, въ 1485 году, когда первый Тюдоръ, Генрихъ Ричмондъ одержалъ побѣду надъ послѣднимъ Плантагенетомъ, Ричардомъ III, войска противниковъ въ первый разъ подверглись названной эпидеміи; заболѣвашіе умирали спустя 8—10 часовъ послѣ зараженія. Въ 1507 г. болѣзнь эта появилась въ болѣе сильной степени, а въ 1518 году почти половина народонаселенія Англіи сдѣлалась ея жертвой; на этотъ разъ теченіе болѣзни продолжалось только 2—3 часа. Шотландія и Ирландія были почти опустошены ею. Въ это-же время эпидемія перешла и въ принадлежавшія тогда Англіи, Калъ; но ни одинъ французъ не подвергся этой болѣзни. Въ 1527 году эпидемія появилась въ 4-й разъ и опять также и въ Калъ, но и въ этотъ разъ жертвами ея были только англичане. Она распространилась и дальше — на Гамбургъ, прошла черезъ Германію и достигла Польши. Въ 1551 году „английская испарина“ была въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи; въ 1552 году въ Лейпцигѣ; въ 1621 году въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, но здѣсь заболѣванію подвергались только блондины и лица высокаго роста, а также воѣ жившіе тамъ нѣмцы. Въ 1580 году эпидемія появилась на островѣ Олеранъ, на которомъ было 20 тыс. жителей, изъ нихъ умерло 140 человѣкъ. Болѣзнь эта начиналась обыкновенно въ іюні и кончалась въ іюлѣ мѣсяцѣ. У заболѣвшихъ появлялась сильнѣйшая испарина, за которой слѣдовала быстрая потеря силъ. Трупы умершихъ разлагались въ высшей степени скоро. Пользовавшіе больныхъ врачи почти никогда не заболѣвали ею. Лица-же, занимавшіеся погребеніемъ труповъ, дѣлались часто жертвой эпидеміи, что ясно доказываетъ заразительный характеръ болѣзни. Лечение ограничивалось назначеніемъ большому слабительныхъ и рвотныхъ. Врачъ Мезоневъ удачно лечилъ болѣзнь душами изъ холодной воды.

Путешествіе сельдей. Весьма интересно движеніе сельдей у береговъ стараго и новаго свѣта, которое даетъ возможность наполнять ими здѣсь цѣлыя бочки, развозить потомъ по всему свѣту и дѣлать ихъ, такимъ образомъ, самымъ распространеннымъ продуктомъ моря. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сельдь представляетъ единственную рыбную пищу обитателей. Вотъ путь, по которому совершается ежегодно путешествіе сельдей. Движеніе начинается изъ сѣверныхъ полярныхъ круговъ, идетъ восточнѣе Исландіи къ Британскимъ островамъ, откуда черезъ проливы Калъ и Св. Георгія испрavlяется въ Атлантическій океанъ. Проходитъ къ сѣверу отъ Мадейры, дѣваетъ уклонъ къ юго-западу до 20°; затѣмъ поворачиваетъ на западъ, идетъ мимо Антильскихъ острововъ вдоль береговъ Америки и достигаетъ южной оконечности Ньюфаундленда; проходить мимо этого острова и достигаетъ опять того мѣста, откуда началось движеніе. Длинный этотъ путь сельдь совершаетъ въ теченіи года. Въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ они бьются у береговъ Англіи и Франціи; въ октябрѣ у Мадейры; въ январѣ проходятъ мимо Антильскихъ острововъ; въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мимо береговъ сѣверной Америки; въ май направляютъ къ Исландіи, куда и достигаютъ около іюня мѣсяца. Съ этого пункта начинается движеніе вновь по тому-же пути.

Приводимъ здѣсь замѣтки изъ описанія приключенія электричества, какъ двигателя силы для судовъ. Маленькій ботъ „Алек-

тричество“, движущійся при помощи винта, дѣйствующаго посредствомъ динамо-электрической машины, въ теченіе 8 часовъ былъ въ плаваніи по Темзѣ. Результатомъ опыта было то, что за новымъ двигателемъ было признано много преимуществъ передъ паромъ. Рекенцаунъ, строитель бота, въ замѣткѣ своей говоритъ, что для производства электрическаго плаванія слѣдуетъ прежде всего учредить электрическія станціи въ портахъ и на извѣстномъ разстояніи на берегахъ судоходныхъ рѣкъ, озеръ, или даже на морскомъ берегу. На станціяхъ этихъ, которыя напоминаютъ собою склады угля, будутъ стоять динамо-электрическія машины съ готовымъ запасомъ электричества. При помощи подъемныхъ крановъ, машины эти быстро устанавливаются на прибывшій ботъ, а находящійся на немъ аппаратъ снимается и передается на станцію, гдѣ снова готовится къ дѣйствію. Какъ только это сдѣлано, ботъ можетъ тотчасъ же или когда ему угодно отправляться дальше. И такъ большіе остановки и задержекъ, какъ это бываетъ съ пароходами при нагрузкѣ углемъ и разведеніи паровъ, здѣсь быть не можетъ. Доставленное на ботъ почти готовое электричество даетъ возможность управлять машиной одному человѣку, почти не сходя съ мѣста. Здѣсь нѣтъ нужды въ помощникахъ машиниста и истопникахъ. Управление ботомъ не утомительно, такъ какъ требуетъ усилій не болѣе того, какъ при нажатіи на пуговку электрическаго звонка. Рекенцаунъ думаетъ, что владѣльцы небольшихъ катеровъ, которые служатъ для увеселительныхъ прогулокъ, и о поставкѣ паровыхъ машинъ на которыхъ они теперь не хотятъ и слышать, какъ производящихъ много шума, грязи и требующихъ значительнаго персонала прислуги, по всей вѣроятности захотятъ воспользоваться этимъ изобрѣтеніемъ и поставятъ на нихъ электромоторы. Изобрѣтатель полагаетъ, что этотъ новый двигатель болѣе всего пригоденъ для рѣчнаго и кабатажнаго плаванія и что въ особенности можетъ съ большою пользой служить для торпедныхъ лодокъ, такъ какъ позволяетъ двигаться быстро, съ соблюденіемъ невозможной тишины и скрытно; во всему этому электрической токъ во всякій данный моментъ можетъ издавать сильнѣйшій свистъ. Динамо-электрическая машина при работѣ производитъ только легкой шумъ, подобно прялкѣ, т. е. настолько слабый, что на носу бота его уже не слышно. Всѣ эти выгоды новаго изобрѣтенія позволяютъ надѣяться, что оно не заставитъ себя долго ждать и въ непродолжительномъ времени получитъ большое примѣненіе на практикѣ.

Принцы Валійскіе. Английскій король Эдуардъ I, царствовавшій съ 1272 по 1307 годъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ провинцію Валісъ и старшему изъ сыновей своихъ далъ титулъ принца Валійскаго. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Валісъ уже болѣе 400 лѣтъ находился въ зависимости отъ Англіи, но воинственные обитатели его никакъ не хотѣли помириться съ этой мыслью и считали себя свободными. Эдуардъ I рѣшилъ путемъ мировыхъ переговоровъ (1282 г.) склонить свободолюбивыхъ валісцевъ признать надъ собою власть английскаго короля. Но это оказалось дѣломъ далеко не легкимъ; обитатели Валісса соглашались принять только такого штатгальтера, который родился въ Валісѣ, который не зналъ-бы ни слова по английски и въ жизни котораго не было-бы никакихъ обстоятельствъ, порочащихъ его репутацію. Прошло три года, но король не могъ найти штатгальтера, отвѣчавшаго требованіямъ валісцевъ, наконецъ, въ 1285 году рѣшено было поступить такъ: королева была въ то время въ интересномъ положеніи и ждала прибавленія къ семейству; Эдуардъ I перевезъ ее въ замокъ Кэрнарфонъ въ Валісѣ, гдѣ она и разрѣшилась отъ бремени принцемъ, впоследствии королемъ Эдуардомъ II. Вскорѣ послѣ рожденія сына король пригласилъ къ себѣ знатныхъ и почетныхъ жителей провинціи Валісъ и вывелъ къ собравшимся съ ребенкомъ на рукахъ. „Вотъ вамъ штатгальтеръ!“ сказалъ онъ, обращаясь къ собравшимся. Отвѣчаетъ-ли онъ вашимъ требованіямъ? Онъ родился въ Валісѣ; не понимаетъ ни слова по английски и въ жизни его нѣтъ ничего такого, за что-бы его можно было порицать“. Представители Валісса съ восторгомъ приняли штатгальтера, которому король далъ титулъ принца Валійскаго. Съ того времени (1285 г.) Валісъ призналъ свою зависимость отъ Англіи и каждый старшій сынъ короля носилъ титулъ принца Валійскаго. Если послѣдній принцъ умиралъ, не вступивъ еще на престолъ, и послѣ него оставались сыновья, то титулъ этотъ переходилъ къ старшему изъ нихъ.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, большой картины Профессора В. И. Якобія „Король-женихъ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.

Изъ прошлой американской жизни. Для иллюстраціи привычекъ прежняго американца приводимъ анекдотъ, взятый изъ тамошнихъ газетъ. Одному джентльмену пришла мысль доставить женѣ своей удовольствіе, провести съ ней вечеръ дома вмѣсто того чтобы отправиться въ клубъ, какъ онъ это дѣлалъ ежедневно. Когда, послѣ ужина, онъ спокойно усѣлся въ креслѣ, жена спросила его, что вѣрно ему наскучилъ клубъ и потому онъ рѣшился ближе познакомиться съ своимъ семействомъ. Теща спросила, что не истощился ли его кредитъ, что онъ принужденъ сидѣть дома. Служанка спросила, здоровъ ли онъ. Наконецъ пришелъ сосѣдь и заботливо осведомился, не случилось ли какого нибудь несчастья. Черезъ полчаса американецъ, какъ и всегда, сидѣлъ уже въ клубѣ.

Женщины, какъ извѣстно, очень заботливо стараются замаскировать свои лѣта. Блѣдность шей, которая служитъ признакомъ зрѣлости, тогда какъ свѣжая, розовая окраска служитъ признакомъ молодости. Въ Парижѣ появились въ продажѣ искусственныя уши, состоящія изъ смѣси эмали и воска, прелестнаго розоваго оттѣнка, которая и надѣваются на настоящія уши.

Изъ Лондона сообщаютъ, что 2-го апрѣля, въ ночь съ пятницы на субботу, по каналу шли громадныя волны отлива, которыя внушали серьезныя опасенія за стоявшія въ немъ суда. Почтовый пароходъ „Aquila“ былъ увлеченъ этимъ отливомъ въ Атлантическій океанъ и былъ близокъ къ погибели. Страшная волна вдругъ ударила въ него съ такой ужасной силой, что корабль весь затрещалъ и такъ сильно наклонился на бокъ, что реи окунулись въ воду. Едва пассажиры оправились отъ перваго ужаса, какъ послѣдовалъ новый еще болѣе сильный ударъ. Окна были выдавлены и вода ворвалась во внутрь парохода. Кожухъ на колесѣхъ былъ изломанъ, два ящика со стеклянными товарами, стоявшие на полу, разбились въ дребезги. Помѣщенія для куръ и свиней совсѣмъ исчезли вмѣстѣ съ обитателями. И все это въ одно мгновение. Дежурный матросъ въ совершенномъ изнеможеніи лежалъ на палубѣ; онъ ухватился за канатъ и только боязню смерти придавала ему силы, крѣпко держаться, чтобы не быть выброшеннымъ за бортъ. Капитанъ объявилъ, что еще одной такой волны достаточно, чтобы корабль былъ разрушенъ и пошелъ бы ко дну. Что стало бы съ болѣе слабымъ пароходомъ на его мѣстѣ!

Атомы. Мельчайшія частицы, которая до настоящаго времени удавалось сдѣлать видимыми для глаза при помощи сильнѣйшихъ

микроскоповъ, равнялись 1/10000 части чечевичы. Но что это значить съ возможностью дальнѣйшаго дѣленія! Сильно пахучее вещество, отдѣляемое мускусомъ, есть мельчайшія его частицы, которыя воспринимаются нами при посредствѣ органа обонянія. Эти атомы, находящіеся въ воздухѣ такъ малы, что, наполняя цѣлый домъ, настолько мало уменьшаютъ вѣсъ мускуса, что убыль эту нѣтъ возможности опредѣлять при помощи самыхъ чувствительныхъ вѣсовъ. Малѣйшая частица мускуса, положенная въ большой комнатѣ, распространяетъ запахъ въ теченіи 20-ти лѣтъ, хотя-бы даже комната каждый день провѣтривалась. Но и эти тончайшія пахучія частицы не есть еще отдѣльные атомы, которые настолько малы, что даже воображеніе наше не можетъ представить намъ ихъ величину. Такъ-же малы и поры между атомами, которыя находятся, какъ въ самыхъ твердыхъ, такъ и въ газообразныхъ тѣлахъ.

Одинъ американецъ строить пароходъ, котораго машина будетъ двигаться съ баснословной быстротой: она должна дѣлать 350 оборотовъ въ минуту. Такимъ образомъ, онъ рассчитываетъ, что пароходы его должны дѣлать 40 километровъ въ часъ и въ пять дней проходить пространство между Европой и Америкой. Пароходъ „Алиска“, проходящій это разстояніе въ 6 дней и 22 часа будетъ считаться вторымъ по быстротѣ хода. — Англичане, съ своей стороны, спустили недавно пароходъ „Моіста“, который требуетъ только 1 1/2 часа на прохожденіе изъ Дувра въ Кале. Такимъ образомъ, количество часовъ, во время которыхъ пассажиры подвергнутся страданіямъ морской болѣзни, значительно сокращается.

Антоніо Галенга, корреспондентъ „New-Yorker Herald“, путешествовавшій по Россіи и центральной Азіи, описываетъ, между прочимъ, городъ Тифлисъ. Онъ удивляется господствующему тамъ множеству самыхъ разнообразныхъ нарѣчій и исповѣданій. Въ Тифлисѣ преобладающій элементъ населенія — армяне, которыхъ считается тамъ 37,600 чел., затѣмъ, русскихъ — 30,800 и грузинъ — 22,100. О бока съ этими главными народностями слышатся также языки слѣдующихъ націй: персовъ, татаръ, турокъ евреевъ, осетинъ, ингушей, лезгинъ, хевсуровъ и друг. Тутъ-же находятся и европейскіе переселенцы: нѣмцы — 2,100, французы — 250, итальянцы — 160, англичане — 53. Русскіе и грузины принадлежатъ къ одной православной церкви. Армяне имѣютъ свою особую религію, между ними есть также католики и протестанты. Остальныя народности — магометане различныхъ сектъ, евреи и т. д.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 21.

1) a	a: u=1:3	1) a = 5 = Д
2) b	f+i=3 v.	2) b = 15 = О
3) c	l-q=e	3) c = 17 = Р
4) d	2 c=g+1	4) d = 15 = О
5) e	m+n=2 s	5) e = 4 = Г
6) f	h:o=1:2	6) f = 15 = О
7) g	a+b+c=x+z	7) g = 33 = Я
8) h	2 f=c	8) h = 9 = И
9) i	o+z=50	9) i = 24 = Ч
10) q	a+w=5 x	10) q = 11 = К
11) l	m+t=n-e	11) l = 15 = О
12) m	4 e=l+1	12) m = 11 = К
13) n	3+d=2 h	13) n = 27 = Б
14) o	2 s=z+6	14) o = 18 = С
15) p	r-1=u+y	15) p = 3 = В
16) r	s+t+u=g+v	16) r = 30 = Б
17) s	t+v=25	17) s = 19 = Т
18) t	q-e=7	18) t = 12 = Л
19) u	l+2 e=h	19) u = 15 = О
20) v	g=2 u+p	20) v = 13 = М
21) w	f+y=z-p	21) w = 20 = У
22) x	g-v=20	22) x = 5 = Д
23) y	i-b=x+e	23) y = 14 = Н
24) z	s-2=c	24) z = 32 = Ю

Дорого яичко къ Свѣтлomu дню.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: Спб. — Александрова, Белъ д'Этаръ, Денисова, Душкина, Пронова, Шевлягина, Михрютъ, Эфросъ, Баронца, Итдигсона, Хухрина, Смиркина, Толмачева, Елашевскаго, Листовскаго, Шенердеи; Москва —

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Хабарина, Шешина, Гаврилова, Ярлова Бѣлзена, Еремина, Вильшу, Карасева, Садковского, Попова, К-а-у-аго, Анучкина; Александрополь — Костанова, Бахмутъ — Вирбаумъ, Бердянскъ — Бабаева, Болгое — Тарасова, В. Корвино — В. К. Терскаго, Бѣл. Церновъ — Денискаго; Валики — Шидловскаго, Варшава — Никитина, Вильно — Валицкаго, Афросимова, Владиміръ — Орлова, Вологда — Степанова; Воронежъ — Орлова; Гатчино — Жукова; Геническъ — Дитягина; Елецъ — Поповъ; Замостье — Шифманъ; Ленинъ; Залѣсово — Сергѣевой; Казань — Столбова; Малуга — Н. — К-на; Нашира — Аксенова; Нишиневъ — Клеаштейна; Невъ — Гаврина, Георгіевскаго; Ново-Шевалье; Коломна — Перова; Кременецъ — Топоногова; Кронштадтъ — Попова; Курскъ — Алохана, Мазуръ; Луцкъ — Цвѣткова; Медвѣдово — Лецигеръ; Мариуполь — Фокова; Новгородъ-Сѣверскъ — Денисчукъ; Одесса — Дурманъ, Иоаннова, Коганъ; Орель — Иванскаго, Гудинцаго; Оренбургъ — Гайдучова; Петровскъ — Теплова; Пенза — Арзамаскова; Погаръ — Рогова, Вербичаго; Подольскъ — Молчанова; Ромны — Давидовой; Рудня — Денискаго; Рыбинскъ — Солонцева; Рымскъ — Аристарховой; Самара — Гусельникова; Саратовъ — Голосова; Снопинъ — Волкова; Старая Русса — Дитягина; Тамбовъ — Витовшъ, Елагина; Тарханы — Болбонова; Тифлисъ — Чисмариянца; Тула — Рождественскаго, Бестужева-Рюмина, Полева, Гольякова; Усмь — Данилова; Черниговъ — Софроновой; Дрезденъ (Германія) — Брука.

Рѣшеніе ребуса № 22.

Въ людяхъ ангель — не жена, дома съ мужемъ — сатана!

Рѣшеніе шашечной задачи № 23.

Бѣлыя.	Черныя.
1) g 3 — h 2	1) d 6 — g 3 e 1 — b 4
2) b 8 — d 6	2) b 4 — e 7
3) d 4 — b 6	3) a 7 — c 5
4) h 2 — d 6	4) f 8 — g 7
5) h 6 — f 8	5) d 8 — c 7
6) a 5 — d 8	6) e 5 — d 4
7) e 3 — c 5	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: Волуйскаго въ г. Елецъ и Трелана въ Судогдѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Привѣтъ морю. Стихъ Князя Николая Черногорскаго. (Переводъ съ сербскаго). — Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣній). Историческій романъ Всеволода Соловьева. Ч. I, гл. 1 и 2. — Москва 15 Мая 1883 г. Стихотвореніе А. Майнова. — Коронаціонные дни въ Москвѣ (съ 7 рис.). — Высокіе гости на торжествѣ Коронаціи (съ 10 портр.). — Выставна птица въ Михайловскомъ манежѣ, въ С.-Петербургѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Заявленіе. — Задачи. О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

САЙДТШИТСКАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА
(Saidschitzer Bitterwasser),
настоящій, чистый, горько-соленый источникъ, представляетъ лучшее лекарственное средство при страданіяхъ брюшной полости, геморроидальныхъ болѣзней и проч., и вслѣдствіе своего самаго легкаго дѣйствія, приноситъ большую пользу даже самому нѣжному организму.
Brunner-Direction въ Вилниѣ (Boresmia).
Дано въ С.-Петербургѣ: у Штоля и Шиндтъ, русское фармацевтическое Обществѣ торговли аптекарскими товарами.
Ц. № 2594 6-8

БИЛИНСКІЯ (PASTILLES) DE BILIN.
Испытанное средство противъ изжоги, катарра желудка и вообще рекомендуется противъ различныхъ болѣзней пищеваренія и составляетъ при атоніи желудка и кишечнаго канала истинное сокровище.
Brunner-Direction въ Вилниѣ (Boresmia).
Дано въ С.-Петербургѣ: у Штоля и Шиндтъ, русское фармацевтическое Обществѣ торговли аптекарскими товарами, также во многихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Ц. № 2595 6-8

Вышелъ съ росписаніемъ гѣтяго движелія
Полный карманный путеводитель

для железнодорожныхъ, пароходныхъ почтовыхъ прямыхъ сообщений въ Россіи и заграничье. Подробныя росписанія, 1.200 маршрутовъ прямого сообщения и карта. Цена 40 коп., продается у книгопродавцевъ во всѣхъ городахъ Россіи. № 2683

ТАБАЧНЫЙ МАГАЗИНЪ А. СТЕПАНОВА

Невскій прес., д. Елизеева № 15.

ПРЕДЛАГАЕТЪ

Рижскія сигары „Мюнделя“ отъ 2 р. 50 к. до 11 руб. за 100 шт.
Екатеринославскій табачъ Чююна отъ 1 р. 20 к. до 6 руб. за 1 ф. Кромѣ того табачи Дурруча Асмолова Габая и СПБ. фабр. старой цѣны.
Заказыяяшіеся отъ 5 р. за 1000 шт.
Иногороднымъ высылаются немедленно и акуратно. № 2662 1—1

**ПЕРВАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА
Н. МАТИСЕНА**

основана въ 1870 году.

Пріемъ публикаци въ всѣ газеты и журналы.

- подписки на всѣ газеты и журналы.
- переводовъ на всѣ языки.
- переписки, сочиненія, чертежи, планы и пр.

въ С.-Петербургѣ, у Базанскаго моста д. 28—21. М. № 2644

ОБЪЯВЛЕНІЕ. St. № 2606

ДУХИ ГУСТАВА ЛОЗЕ.

Доказывается, что фабрикаціи мои, которыя приобрѣли себѣ въ послѣдніе годы громадное значеніе во всѣхъ государствахъ Европы, въ большомъ количествѣ поддѣлываются и замѣняются другими. Главнымъ образомъ поддѣлываются слѣдующіе духи, слывущіе своею специальностью: „Maiglöckchen Parfum“, „Edelweiss“, „Nictotrope blanc“, „Königin der Nacht“, „Aka-zienblüthe“, „Eau de Lys de Lohse“, „Savon au lait de Lys“, „Crème de Lys“.

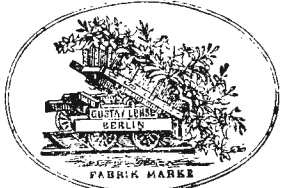
Вслѣдствіе чего обращаю вниманіе гг. покупателей, что фабрикаціи мои снабжены фабричною маркой, утвержденной правительствомъ, и что на ярлычкахъ ясно обозначена фирма: „Gustav Lohse—Jäger-Strasse. 46“.

Берлинъ. Въ Апрѣлѣ 1883 г.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ.

Поставщикъ Е. В. Императрицы-Королевы и при другихъ Высочайшихъ Дворахъ.

Jäger-Strasse 46.

КНИГИ прод. пок. пр. комис. книж. маг. (сущ. съ 1871 г.) Ал.—дра Ильича Овчинникова (б. учит. древ. яз.) Казань. Быв. биб. Рѣдности. 2650 2—1

Только что вышли изъ печати слѣдующія привлекательныя фортепьянныя пѣссы военнаго капельмейстера А. ГОРА.

1. Покорный маршъ въ память Скобелева.
 2. Гавоть: „Ну такъ скажи мнѣ“.
 3. Вальсъ: „Нашъ папаша“.
 4. Вальсъ: „Задумчивость дѣвушки“.
- Продается у П. Юргенсона въ Москвѣ. № 2659 3—2

ИЗДАНІЯ ЮРГЕНСОНА:

вышли изъ печати

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МАРШЪ

по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Сочиненіе для фортепьяно Ф. Лангера. Съ роскошнымъ заглавнымъ листомъ. Цена 40 коп.

КАНТАТА „МОСКВА“. Стихи А. Майнова, музыка П. Чайковскаго. Исполненная во время обѣда въ Грановитой Палатѣ въ день Коронованія г-жею Лавровской и г. Мельниковымъ, хоромъ и оркестромъ.

Изданіе для хора съ ф.-п. Цена 2 р. Голоса „ 2.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МАРШЪ по случаю Священнаго Коронованія Государя Императора АЛЕКСАНДРА III. Исполненный въ присутствіи Государя Императора въ концертѣ 28 Мая на праздничнѣ данномъ городомъ войскамъ въ Сокольникахъ. Сочиненный для б. оркестра П. Чайковскимъ.

Партитура для оркестра. Ц. 2 р.

Оркестровые голоса. Ц. 4 р.

Для фортепьяно въ 4 руки. Ц. 1 р.

Для фортепьяно въ двѣ руки (ар. автора). Ц. 60 к.

Тотъ же упрощенное изданіе. Ц. 50 к.

Роскошные заглавные листы въ древнемъ стилѣ по рисункамъ извѣстныхъ художниковъ.

МОСКВА, у П. ЮРГЕНСОНА,

10, Неглинный Провѣдъ (уголъ Кузнецкаго моста). № 2689 1—1

Продается земля 352 дес. съ садомъ, хорошей постройкой и какъ прекрасная дача, Воронежской губ., Бобровск. уѣзда. Желающихъ прому адресоваться лично и письменно въ Усмань, Пв. Пв. Богомолову. № 2682 2—1

ЛИМОННОЕ МЫЛО

Изобр. Д. Врера въ Парижѣ.

Уничтожаетъ загаръ, угри и веснушки.

Цена 50 коп. Иногороднымъ высылаются

№ 2680 у В. ПАРИКОВА и №. 4—2

въ Гостиномъ дворѣ № 78 въ СПБ.

Новое Изобрѣтеніе

Руки и нож. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметываютъ петли, вышивають и шьютъ черезъ край. Подробный прейс-курантъ и пробныя петли высылаются бесплатно.

**А. ШТЕЙНЪ,
СПБ.**

Вознесенскій проспектъ д. № 21.

№ 2615 10—3

**МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦИЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ**

(Русскій Шампунъ).

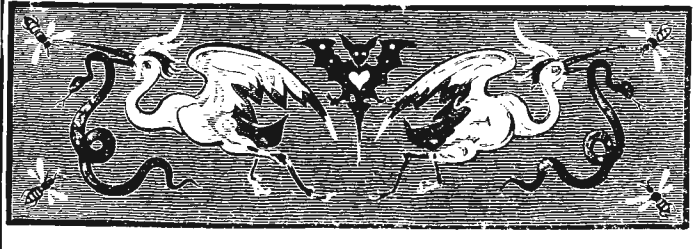
Главный складъ въ С.-Петербургской химической лабораторіи Ф.

Линде, Невскій пр., № 23.

Подробное объявленіе помѣщено въ „Нивѣ“ въ № 21. № 2657 10—1

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШ. МОРОСКАЯ, № 9.

Обращеніе вынестокъ по рис. М. Марксина, помѣщенныхъ въ началѣ каждой главы романовъ.

Поступила въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ книга:

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ, **ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.**

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшеніями и вынѣтками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ, С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. иногород. 3 р. 50 к.: въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ новымъ подписчикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтерьянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ приобретеніе этой интересной книги, мы отпустимъ имъ это новое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 руб.; въ каленкор. переплетѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Весь циклъ коллекціи историческихъ разсказовъ о поколѣніи Горбатовыхъ состоитъ пока изъ трехъ романовъ, а именно: 1) „Сергѣй Горбатовъ“ (уже вышедшій въ прошломъ 1882 году отдѣльнымъ изданіемъ), 2) „Вольтерьянецъ“ (вышедшій нынѣ) и 3) „Старый Домъ“, который начинаемъ печатать въ этомъ №.

Поэтому мы рекомендуемъ МНОГИМЪ ТЫСЯЧАМЪ НОВЫХЪ подписчиковъ на „Ниву“ 1883-го года, которые получаютъ теперь въ „Нивѣ“ для чтенія третье продолженіе этого цикла романовъ, „СТАРЫЙ ДОМЪ“, чтобы имѣть полную коллекцію историческихъ разсказовъ Всеволода Соловьева, касающихся поколѣнія Горбатовыхъ.—ПРИБРѢСТИ, проситъ выше публикованнаго изданія „Вольтерьянецъ“, и начальный романъ, подъ заглавіемъ:

Сергѣй Горбатовъ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, **ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.**

Напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшеніями и вынѣтками въ началѣ и концѣ каждой главы. 672 страницъ in 8°. СПБ. 1882. Цѣна сброшюр. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 к., въ красивомъ каленкор. переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп.

Событія жизни героя романа, Сергѣя Горбатова, чрезвычайно любопытныя, его отношенія къ Екатеринѣ Великой, къ царевичу Павлу, къ любимцу Императрицы Екатерины, графу Зубову, присутствіе героя при страшныхъ сценахъ французской революціи и т. п.—дѣлають этотъ романъ однимъ изъ интереснѣйшихъ по содержанію произведеній современной литературы.

Для новыхъ гг. подписчиковъ „НИВЫ“ НА 1883 г., желающихъ приобрести ОДНОВРЕМЕННО оба романа: „Сергѣй Горбатовъ“ и „Вольтерьянецъ“, дѣлается значительная уступка, а именно: за обѣ книги: сброшюров. вмѣсто 6 р. за 4 р. 50 к.; съ перес. вмѣсто 7 р. за 5 р. 50 коп.; въ каленкоровомъ переплетѣ вмѣсто 8 р. за 6 р. 50 к., съ перес. вмѣсто 9 р. за 7 р. 50 к.

Означенная уступка дѣлается только лицамъ, явившимся съ требованіями въ главную контору редакціи въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская, № 9, или въ отдѣленіе „Нивы“ у Н. Н. Печниковой, въ Москвѣ.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ Больш. Морской, д. № 9; и въ МОСКВѢ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. ПЕЧНИКОВОЙ, въ Петровск. линіи,—а также можно найти эту книгу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцовъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургъ, Губ. д. 17 и 18.
Москва: Петровка, д. Михайлова.
ПРОДАЮТСЯ:

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

ПОЛНОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ ПАСЬЧНИКОВЪ.

Какъ ухаживать за пчелами, чтобъ быстро размножить паськи и получить съ нихъ наибольшую выгоду какъ въ обыкновенныхъ нашихъ мѣстныхъ ульяхъ, такъ и въ дѣржоновскихъ.
Составилъ Юліанъ Любенецкій.

3 тома, въ 8 д. л., съ 65 политинажами. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.
Сочиненіе это основано на тридцатилѣтнемъ слишкомъ опытѣ автора и можетъ служить дѣльнымъ наставникомъ какъ по теоріи, такъ и по практикѣ пчеловодства. Теорія пчеловодства въ этой книгѣ посвящена 19 статей, пасьчій практикѣ 6, ульямъ и системѣ Дѣржова 17 и т. д. Описанъ способъ операций въ дѣржоновскихъ ульяхъ, пасьчье хозяйство, рои и роики, какъ искусственныя, такъ и перогонныя и смыслныя; разобрана зимовка пчелъ—словомъ все пчеловодство въ полномъ его видѣ.

Путеводители для отправляющихся на минеральныхъ водахъ Европы:
— Франценсбадъ —
и отношеніе его дѣловыхъ средствъ къ болѣзнямъ женщины.
Составилъ докторъ Гамбургеръ.
Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

— Крейцнахъ. —
Описание Крейцнахскихъ водъ для врачей и больныхъ. Составилъ д-ръ Михельсъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

— Карлсбадъ. —
Описание Карлсбадскихъ водъ для врачей и больныхъ. Составилъ П. Олькинъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ПРОЧТЕМЪ—ХЛѢБЪ НАЖИВЕМЪ.

Чтеніе для крестьянина и земледѣльца.
Составилъ А. Преображенскій, профессоръ Москов. Университета. Объемистый томъ въ 8 д. л., съ рисунками. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
Въ этой книгѣ помѣщено все, что нужно крестьянину-хлѣбопашцу, садоводу, винодѣлу, скотоводу, пчеловоду и т. п. Здѣсь онъ найдетъ не одни совѣты: дѣлай то и не дѣлай этого. Напротивъ, тутъ онъ узнаетъ, почему именно онъ долженъ дѣлать то и ради чего ему слѣдуетъ набѣгать другаго. Книга эта при томъ написана лымкомъ такимъ, что ежели ее читать вслухъ и неграмотному, то онъ легко пойметъ ее. Ее можно рекомендовать всѣмъ земскимъ управленіямъ, которыя хотѣли бы распространять въ населеніи своемъ свѣдѣнія, необходимыя для хозяйства. Также каждый владѣлецъ, не исключая и крупныхъ, найдетъ тутъ полезныя указанія, такъ какъ это популярный курсъ хозяйства и сельской экономіи.

EAU DE LYS DE LOHSE.

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе вѣчнымъ.
Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ вѣсковскую свѣжесть.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и вѣжною.
Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.
Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ. БЕРЛИНЪ,

поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.

Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.

Eau de Lys de Lohse. S. № 2604 10—5

НАТУРАЛЬНЫЙ БИЛИНСКІЙ ЗАУЕРБРУННЪ!

Давно извѣстный цѣлебный источникъ для желудочныхъ болѣзней и болѣзней мочевого пузыря, превосходный диететическій напитокъ.

Вruppen-Direction въ Билинѣ (Богемія).

Депо въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. Ц. № 2584 6—5

Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣтъ Акацій). (Robinia Pseudoacazia)

стоятъ на той же степени, какъ и извѣстные міру специальности:

Maiglöckchen Г. Лозе, Königin der Nacht Г. Лозе, NÉLIOTROPE BLANC Г. ЛОЗЕ, BOUQUET CARMEN Г. ЛОЗЕ,

какъ отличныя для платковъ продолжительно пахучіе духи.

Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.

Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.

При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики. St. № 2605 10—4

ГИСГЮБЛЕРЪ МАТТОНИ.

ЧИСТѢЙШАЯ ЩЕЛОЧНО-КИСЛАЯ ВОДА,

лучшій столовый и освежительный напитокъ, испытанный при кашлѣ, горловыхъ болѣзняхъ и при катарактѣ желудка и мочевого пузыря.

ПАСТИЛКИ для пищеваренія.

ГЕНРИХЪ МАТТОНИ (Карлсбадъ).

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

СКЛАДЫ: у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, въ С.-Петербургѣ, Казанская, 3. у Л. КРЕНИНЪ и №, въ Москвѣ, Петровка, д. Матѣевоѣ. Р. № 2625 10—2

Мнемъ 250 руб. Носими 200 руб., съ укупоркой и запасными частями.

Единствен. нарочно приспособленная для русской почвы. Удост. высшей награды за посѣдней московской выставкѣ. Отправка немедленно по полученіи задатка въ 100 руб. Искл. прод. на всю Имперію у Г. Барыцаго: Варшава, Владимірская, № 2.

Каталоги, проспекты и объясненія по полученіи почтовыхъ марокъ на 14 коп. № 2611 6—5

противъ грозной стихіи.

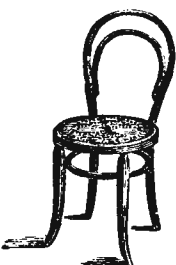
Американскіе помаринныя и садовые насосы новѣйшнхъ привилегированныхъ конструкцій; превосходятъ по дешевизнѣ и практичности всѣ существующіе до сихъ поръ. Выбрасываютъ въ 1 часъ на высоту 2 до 5 этажей отъ 50 до 360 ведеръ воды. Цѣна имъ на мѣстѣ, въ Варшавѣ, № 0 7 руб., № 1—5 руб., № 2—10 руб., № 3, съ гуттаперчевымъ шлангомъ, 18 руб.; № 4 таковой же, большой, 20 руб.; № 5, съ металлич. корробомъ и шлангомъ, 30 руб.; № 6, на колесахъ, больш., съ короб. и шланг. 45 руб., № 7, двухъ-цилиндр., съ больш. резервуар. и шланг. 80 р., 100 р. и 120 р. (на колесахъ).

Отправка немедленно по полученіи полной сумми.

Каталоги, проспекты, объясненія за 14 к. порто.

Обращаться въ искл. прод. привилегированныхъ насосовъ на всю Имперію по адресу: Генрихъ Барыцкій—Варшава, Владимірская, № 2. № 2610 6—4

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подп. (за искл. московскихъ и 25 трантъ) объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Лукина въ Москвѣ.

ИЗВѢСТНАЯ САМАЯ ДЕШЕВАЯ ПРОДАЖА для торговцевъ и частныхъ лицъ настоящій ВЪНСКОЙ МЕБЕЛИ:

стулья, кресла, скамейки, каталки и проч., по дѣйствительно фабричнымъ цѣнамъ.

Рисунки и прейсъ-курранты по желанію бесплатно во всѣ мѣста Русской Имперіи.

В. Фрицъ.

КОНТОРА МЕБЕЛИ

Малая Морская, 16, С.-Петербургъ. Р. № 2684

Р. № 2637 Самыя дешевыя цѣны и добросовѣстное исполненіе заказовъ. 3—2

Русскіе огнетушители отъ 15 рублѣй.

Садовые и помаринныя трубы новѣйшихъ моделей.

Насосы всѣхъ сортовъ, для ручного или парового привода. Специальные насосы для глубокихъ колодезей до 21 сажени глубины.

Пульзометры. (Цѣны уменьшены на 20%).

Вѣлчайшій и разнообразнѣйшій складъ всѣхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, навозныхъ и сѣнныхъ вѣлъ, лопатъ и пр. и пр. ДЕПО МАШИИ ИЪ ЭД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ: Вознесенскій проспектъ, № 11.

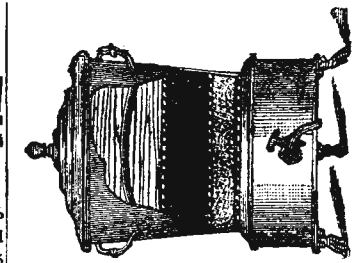
Постоянная выставка машинъ и (пробная станція въ Петровскомъ паркѣ, д. Санъ-Галли.

Москва: у Красныхъ воротъ, д. Раузера.

Иллюстрированные прейсъ-курранты и каталоги по желанію бесплатно и франко.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ПРИ ПЕТРѢ, историкъ. повѣсть В. И. Кельсена, съ рисунками Панова и Ковернова. Эта интересная повѣсть изображаетъ Петровское время на Рус. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., для полнск. „Нивы“ 75 к., съ перес. 1 р.

Необходимо для всѣхъ междуцѣхъ здорovia: чистая и свѣжая вода.

получаемая лишь при употребленіи новѣйшихъ, усовершенствованныхъ американскихъ фильтровъ, единственной практичной системы „Heurige“. Цѣна на мѣстѣ, въ Варшавѣ: Кухонныя отъ 2 р. 50 коп. до 10 р. Бутылочныя, большія, отъ 12 р. 50 к. до 25 руб. Исключительная продажа на всю Имперію у Г. Барыцаго: Варшава, Владимірская, 2. Отправка немедленно по полученіи полной сумми. Каталоги, проспекты, объясненія высылаются по полученіи 14 коп. почтовыми № 2613 марками. 6—4

Настоящій степной КОМБИСТЪ

Лечебное заведеніе Аннаева близъ Самары. Подробности въ брошюрѣ, которая имѣется во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и большихъ городовъ. Адресоваться Г. Аннаеву въ Самару. № 2582 6—6

Правители земли Русской.

Гравюра около 11 × 15 вершковъ заключаетъ 54 портрета Государей въ вѣнчикѣхъ русскаго стила. Цѣна экз. до тысячи—80 к., болѣе—20 к. Пересылка отъ 5 экз. вѣсковъ за фунтъ. Требования адресовать въ городъ Хомякъ, Люблинскій губ. Голышевчу. № 2686 1—1

„ДОРОЖНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ГРАГЕ“.

Спутникъ по главнымъ городамъ и лечебнымъ мѣстностямъ Россіи. Цѣна 60 коп. Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. № 2685

БѢЖЕВОСТЬ ЛЕЦА, КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧИНЕ

— УТИРАЛЬНИКИ — КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употреб. сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою, вѣжною и пріятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; оны единственное вѣрное средство отъ веснушекъ и предпріятія загара; также служатъ освѣженіемъ кожи, раздраженной дурными воздушными въ театрѣ, салонахъ и пр., ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Для предурожденія подлѣлки, прошу требовать на каждой пачкѣ подписи: „А. Энглундъ“, красными чернилами. Пачка 60 к.; съ пересылкою не менѣе 2-хъ пачекъ 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р.—Получать можно въ „Русск. Обществѣ торг. аптекар. т-ва“ Казанская ул., д. 12; у А. Рузанова, Кошкина, Ушакова, Нарикова въ Гостинномъ дворѣ, и во всѣхъ парфюм. и аптекар. торг. Всероссийскій Имперіи. Главнй складъ для всей Россіи—С.-Петербургъ, Малая Итальянская ул., д. № 3, А. Энглундъ. № 2687

МОСКВА И ТВЕРЬ, историкъ. повѣсть В. И. Кельсена, съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для полнск. „Нивы“ на 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 1 р. 80 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIV годъ
№ 23

годъ XIV
1883

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКІХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 20 Pfep. для загран.) за строку конпарейль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Безъ доставки въ Москву черезъ отдѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія . . .	5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

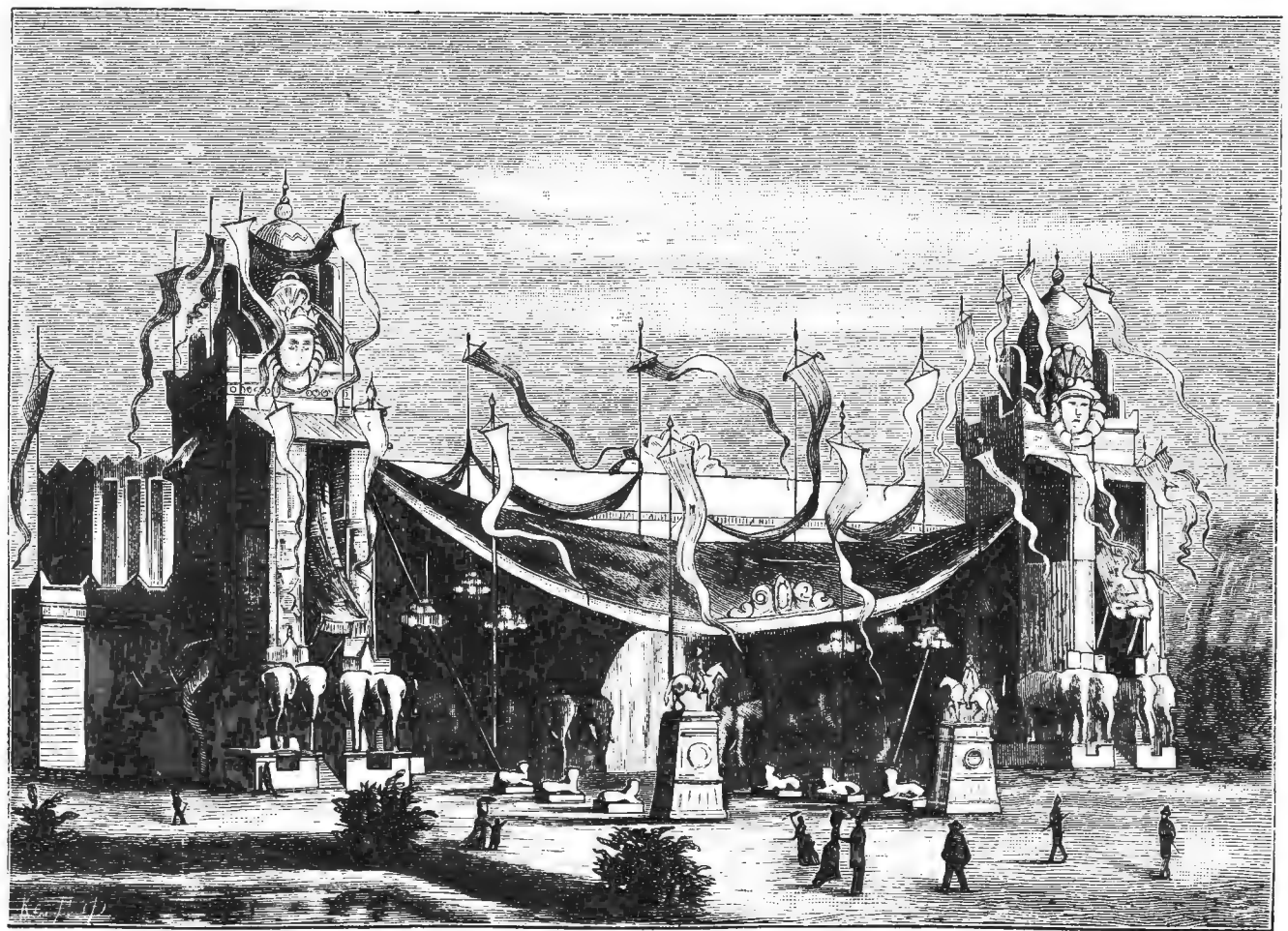
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысяча, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1883 г., съ 81 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 14 рисунк. вышнелыхъ работъ и 25 выкройками въ натуральную величину.

Амстердамъ. Международная Выставка. Видъ главнаго подъѣзда зданія. Съ фотогр. грав. Фларгелъ. Библиотека „Руниверс“

Выставка въ Амстердамѣ.

1-го мая новаго стиля послѣдовало открытіе международной промышленной выставки въ Амстердамѣ. Многочисленное собраніе высокопоставленныхъ лицъ разныхъ государствъ сгруппировалось на плацу между государственнымъ музеемъ и зданіемъ выставки въ ожиданіи прибытія королевской четы. Торжество открытія выставки началось сочиненной на этотъ случай кантатой, которую проѣли 11,000 голосовъ. На выставку прибылъ король Вильгельмъ. Предсѣдатель комитета выставки обратился къ королевской четѣ съ рѣчью, въ которой благодарилъ ее за покровительство и просилъ открыть выставку. Во главѣ съ королевской четой начался обходъ, всѣми приглашенными къ празднику, уже оконченныхъ отдѣловъ выставки, при чемъ королю и королеви представлялись различные комиссары и депутаты. Вечеромъ въ этотъ день, по случаю открытія выставки, былъ данъ городомъ балъ, на которомъ присутствовали Августѣйшія лица.

Мѣсто, назначенное для выставки, находится въ одной изъ самыхъ новыхъ частей города и соединяется съ центромъ столицы конными желѣзными дорогами. При входѣ на плацъ возвышается превосходное зданіе государственнаго музея, выстроенное въ стилѣ Возрожденія, предназначенное для художественнаго отдѣла Нидерландовъ и которое будетъ служить дополненіемъ художественнаго отдѣла выставки и отдѣла индійскихъ сокровищъ принца Уэльскаго.

Пройдя готическую колоннаду музея, къ которой съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ большіе дворы со стеклянными крышами, передъ нами откроется порталъ зданія выставки. Порталъ этотъ отличается великолѣпной фантастической архитектурой. Изъ большихъ полированныхъ изразцовъ, до поразительности схожихъ съ бѣлымъ мраморомъ, по обѣимъ сторонамъ возвышаются тупыя башни, базы которыхъ уставлены бѣлыми слонами, а верхушки богато украшены мнѳологическими индійскими эмблемами. Обѣ башни соединяются драпировкой также въ восточномъ вкусѣ, а видѣющійся позади главный фасадъ покрытъ картинами мнѳологическаго содержанія. Необыкновенно роскошныя и пестрыя декорации сообщаютъ входу характеръ восточнаго зданія. Множество длинныхъ и поперечныхъ галлерей тянутся по главному зданію, сдѣланному въ видѣ четырехугольника.

Выставка производитъ поражающее впечатлѣніе. Самое устройство ея и выставленные предметы заслуживаютъ всеобщей похвалы. Въ особенности чудесны предметы, присланные изъ восточныхъ и западныхъ индійскихъ нидерландскихъ колоній. Предметы эти помѣщены въ отдѣльномъ зданіи и своими совершенствомъ, оригинальностью и полной вкуса группировкой превосходятъ все, что было до сихъ поръ выставлено въ этомъ родѣ въ Европѣ. Благодаря участію нидерландскаго колониальнаго правительства, отдѣлъ этотъ отличается особенною полнотой, такъ что посѣтитель за нѣсколько часовъ можетъ составить себѣ совершенно ясное понятіе объ индійскомъ архипелагѣ. Невозможно не удивляться видя это собраніе и нельзя не отдать справедливости поистинѣ изумительной дѣя-

тельности голландскихъ колонистовъ, культивирующихъ тропическія страны.

Отдѣлъ колониальныхъ предметовъ помѣщенъ въ зданіи, выстроенномъ въ мавританскомъ стилѣ. Передъ зданіемъ поставлена статуя основателя остъ-индской компаніи Яна Петра Кэна, а вокругъ зданія раскинулась индійская деревенька изъ двадцати явскихъ изъ бамбуковаго тростника хижинъ, заселенныхъ малайцами. Хижины эти сдѣланы изъ бамбуковаго тростника, матовъ и плетеня изъ листьевъ и очень живописны.

Частью возвышающіяся надъ водою на сваяхъ, онѣ представляютъ довольно обширныя и удобныя помѣщенія. Тутъ же стоитъ японская бронзовая пагода, вся покрытая письменами, — тысячелѣтній памятникъ дальняго востока. Удивительныя фizioноміи малайскихъ танцовщицъ, напоминающія монгольскую расу, изобиліе пальмъ и тропическихъ растений возбуждаютъ фантазію и переносятъ зрителя въ далекія страны. Въ этомъ отдѣлѣ есть также нѣсколько образцовъ любимыхъ домашнихъ животнхъ индійскаго архипелага, напр., маленькія быстроногія горныя лошади, буйволы—необходимыя животныя при воздѣлываніи почвы и др.

Непосредственно къ малайской колоніи примыкаетъ круглое циркообразное зданіе, въ которомъ, въ разныхъ первобытныхъ хижинахъ помѣщаются различныя расы вест-индскаго и индійскаго архипелага.

За этими колоніями начинаются сады и павильонъ Парижа, направо отъ главнаго зданія находится королевскій павильонъ и громаднй павильонъ амстердамскихъ ювелировъ, павильонъ прессы, города Амстердама, тунисскаго правительства, музыкальный кіоскъ, окруженный четырьмя зданіями ресторана и, наконецъ, зданіе художественнаго отдѣла, занимающее 4,000 кв. метровъ. Изъ всѣхъ иностранныхъ государствъ французскій отдѣлъ самый большій, онъ занимаетъ 11,900 кв. метровъ въ главномъ зданіи и 4,000 въ машинномъ отдѣленіи. Англія занимаетъ 3,500 метровъ, Германія — 8,000. Китай и Японія по 1,400, Испанія—1,800, Австрія—1,500, и Россія—1.000 кв. метровъ. Кромѣ того тутъ имѣютъ свои отдѣлы—Скандинавія, Соединенные Штаты, Новый Южный Валисъ, острова Викторія, Маврикія, Ямайка, Швейцарія, Бразилія, Уругвай, Персія, Египеть, Сіамъ, Канада, Гаити, Трансвалъ и пр. Во время открытія выставки русскій отдѣлъ поражалъ прекраснымъ устройствомъ перваго отдѣла. По обѣимъ сторонамъ входа стояли рослые конногвардейцы въ бѣлыхъ мундирахъ, обратившіе на себя вниманіе королевской четы своимъ необыкновеннымъ ростомъ. Входъ былъ роскошно убранъ цвѣтами и коврами. Въ этомъ отдѣлѣ поражали манекены—живописные костюмы нашей страны. Особенно эффектенъ былъ костюмъ армянь; прелестны также были національные костюмы нѣкоторыхъ крестьянъ.

На этой выставкѣ въ Русскомъ Отдѣлѣ, между прочимъ, имѣлся и весьма красиво устроенная выставка „Шивы“, со всѣми нашими изданіями и образцами рисунковъ.

Наплывъ иностранцевъ очень великъ. Цѣны въ гостиницахъ воиовѣ умѣренныя.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

III. Птичка.

Когда Борисъ вошелъ въ столовую, его невѣстки еще тамъ не было. Но столъ уже былъ сервированъ на два куверта и два почтеннаго вида официанта, обшитые позуменгами съ вытисненными на нихъ гербами, бережно держали блюда, прикрытыя серебряными крышками, изъ подъ которыхъ пробивался паръ, приятно щекотавшій обоняніе.

При входѣ Бориса лица этихъ официантовъ вдругъ оживились. Оба они, будто сговорившись, быстро поставили блюда на столъ и кинулись къ Борису ловя и цѣлуя его руки.

— Борисъ Сергѣичъ, слава тебѣ Господи, дождались мы тебя, сударь! въ добромъ ли здоровьи?! радостно говорили они.

— Здравствуйте, здравствуйте! ласково отвѣчалъ Борисъ, радъ васъ видѣть.

Въ это время изъ сѣдней комнаты донесся голосокъ

молодой хозяйки. Официанты отбѣжали отъ Бориса, снова каждый бережно поднялъ свое блюдо и вытянулся въ струнку.

Катринъ вышла въ столовую уже въ новомъ, еще болѣе изящномъ туалетѣ.

— Надѣюсь, я не заставила тебя ждать, Борисъ, я очень снѣшила переодѣться, помни что ты голоденъ. Мы никогда такъ рано не завтракаемъ. Подавайте! обратилась она къ официантамъ присаживаясь у стола.

Крышки съ блюдъ были сняты. Произведенія Горбатовскаго повара, искусство котораго было извѣстно всему Петербургу того времени, появились во всей своей привлекательности, способной возбудить аппетитъ даже въ сытомъ человѣкѣ. А между тѣмъ Борисъ мало обращалъ вниманія на эти чудеса кулинарнаго искусства.

Катринъ замѣтила это.

— Что же это значитъ? сказала она,—ты почти ничего не кушаешь?

Она пристально на него взглянула.

— Да у тебя совсѣмъ разстроенное лицо?!

— Не веселую новость я здѣсь встрѣтилъ, тихо отвѣчалъ онъ,—Степанъчъ скончался... и никто и не извѣстилъ меня объ этомъ.

— Кто же это теперь посмѣшилъ огорчить тебя — навѣрно Степанъ?

— Да, онъ все разсказалъ мнѣ.

— Ты какъ будто упрекаешь, что мы не извѣстили; но это было рѣшено еще въ Горбатовскомъ на общемъ совѣтѣ, и *mon père* и *ma mère* такъ рѣшили. Затѣмъ было тебя тревожить! Хотя я право изумляюсь такому твоему огорченію, которое даже лишаетъ аппетита... Вѣдь онъ былъ очень старъ, вашъ карликъ, и потомъ вѣдь онъ же тебѣ не отецъ, не братъ, онъ былъ только слуга. Право это изумительно! Вы всѣ... и *mon père* и *ma mère* тоже...

Борисъ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Она продолжала.

— Этотъ вашъ карликъ просто отравилъ мнѣ цѣлое лѣто! Онъ былъ такой несносный, иногда даже грубъ. Да серьезно, онъ просто мнѣ дерзости дѣлалъ! А за нимъ ухаживали какъ за большимъ бариномъ. А когда умеръ, такъ вѣдь это такой мракъ во всемъ домѣ сдѣлался... ни съ кѣмъ слова сказать нельзя было, даже Владиміръ, не смотря на все свое благоразуміе, заразился общимъ настроеніемъ. Я не знала, куда мнѣ дѣваться... и главнымъ образомъ вслѣдствіе этого поторопила нашъ пріѣздъ сюда.

— Тебѣ пожалуй простительно, Catherine, изумляться отношенію нашего семейства къ этому человѣку, но все же вѣдь ты знаешь, чѣмъ онъ былъ и для отца, и для матери, и для насъ.

— Знаю, разсказывали мнѣ разныя исторіи, приключенія этого карлика. Но, насколько я понимаю, онъ всегда только вмѣшивался въ жизнь господъ и все путалъ...

— Лучше перестанемъ говорить объ этомъ, перебилъ ее Борисъ,—я пріѣхалъ не затѣмъ, чтобы ссориться съ тобой.

— А ты можешь со мной поссориться изъ-за такого вздора?

— Очень могу.

Катринъ надула губки.

Въ это время въ столовую вошли двѣ нянюшки, ведя за руки крошечнаго годоваго мальчика, который быстро переступалъ толстыми ножками, то и дѣло закидывая назадъ темную курчавую головку и звонко выкрикивая все одно и тоже, но совсѣмъ непонятное слово.

Борисъ всталъ, шумно отодвинувъ свой стулъ, и черезъ мгновеніе былъ уже на корточкахъ передъ ребенкомъ, принимая его отъ нянекъ и повторяя:

— Вотъ онъ какой, вотъ!

Мальчикъ сразу изумился, испугался даже, отбросился назадъ. Хотѣлъ было закричать, но не докончивъ и первой отчаянной нотки, вдругъ разсмѣялся, пуская пузыри своими сочными губками. Онъ нисколько не сопротивлялся, когда Борисъ, крѣпко обхвативъ его, высоко поднялъ надъ собою и потомъ сталъ цѣловать, щеколать и тискать.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, приговаривалъ онъ, съ первой же минуты познакомились, и друзья, и понимаемъ другъ друга! Вѣдь правда, Сережа? Ахъ да какой же ты милый! Какой умный, какой хорошенькій!

И онъ опять цѣловалъ его, щеколать и тискалъ. Мальчикъ смѣялся, ежился, отдувался и уже запустилъ объ толстенныя ручки съ ямками и перехватами въ густые волосы дяди.

Это была такая прелестная сцена, что даже Катринъ перестала сердиться и глядѣла ласково улыбаясь.

— Да перестань, вѣдь ты его задушишь! Право ты самъ еще совсѣмъ ребенокъ!

Наконецъ Борисъ передалъ мальчика нянькамъ. Кат-

ринъ подошла къ сыну, поцѣловала его, пригласила ему волосы и произнесла своимъ тоненькимъ, но властнымъ голоскомъ:

— Уведите!

Няньки и ребенокъ исчезли.

— Вотъ это хорошо! сказалъ Борисъ, снова принимаясь за завтракъ.

— Что хорошо?

— Хорошо—такой ребенокъ!

— Конечно недурно! не безъ нѣкотораго самодовольства замѣтила Катринъ,—но если бы ты зналъ, сколько теперь уже съ нимъ хлопотъ... Что же дальше будетъ?!

— Развѣ ты тяготишься этими хлопотами?

— Нѣтъ, конечно нѣтъ. Я такъ только сказала. Однако, Борисъ, прибавила она,—я все жду, когда ты станешь разсказывать. Вѣдь два года прожилъ въ чужихъ краяхъ, вѣдь много интереснаго?

— Подожди, все, что тебѣ можетъ быть интересно, узнаешь. А сразу такъ—пріѣхалъ и начинай разсказывать, этого я совсѣмъ не умѣю. Вотъ, ничего даже на умъ не идетъ, чтобы такое тебѣ разсказать.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ, я тебѣ покажу наши приготовления къ завтрашнему балу. Вѣдь у насъ балъ завтра. Пойдемъ въ большую залу, тамъ теперь устанавливаютъ растенія. Я хочу, чтобы вся зала была въ зелени. Сейчасъ проходила, больше половины уже готово—и это очень красиво!

— Пойдемъ!

Они направились въ залу, которая дѣйствительно представляла теперь подобіе сада. Громадныя экзотическія растенія высились почти къ самому потолку.

— *N'est ce pas que c'est gentil?* говорила любясь Катринъ.—*Puis il y aura des fleurs... des fleurs partout!* Я нарочно выжидала и до сихъ поръ не дѣлала бала для того, чтобы нашъ балъ былъ лучшимъ въ эту зиму.

Она оживилась. Глаза ея заблестѣли. Она защебетала, неумолкая почти ни на минуту и сдѣлалась совсѣмъ похожей на „птичку“, какъ ее и называли.

Изъ залы они стали обходить комнату за комнатой. Catherine показывала прекрасную бронзу, японскія вазы и другія вещи, купленные въ отсутствіе Бориса. Она съ наслажденіемъ доказывала, что вотъ такихъ канделябръ, за которые заплочена баснословная сумма, нигдѣ нѣтъ, и что такая и такой-то завтра съума сойдутъ отъ зависти, когда ихъ увидятъ.

Вообще она была вся въ завтрашнемъ днѣ, который долженъ былъ доставить ей торжество и о которомъ долго будутъ говорить въ Петербургѣ.

Борисъ слушалъ ее разсѣянно, иногда даже не слыша того, что она говорила. Емустановилось очень скучно. Онъ начиналъ чувствовать усталость, у него почти кружилась голова отъ этого несмолкаемаго щебетанія. На его счастье Catherine доложили о какомъ-то визитѣ. Она сдѣлала обращаясь къ Борису мину, которая должна была обозначать: что „какъ это скучно“—и радостная и сіяющая упорхнула въ одну изъ гостиныхъ.

Скоро вернулся домой Владиміръ. Отыскавъ брата, онъ взялъ его подъ руку и повелъ въ свой кабинетъ, огромную комнату, заставленную разнообразной дорогой мебелью и совсѣмъ неуказывавшую на родъ занятій ея хозяина. На письменномъ столѣ лежало достаточное количество бумаги, но бумаги чистой. Лежало нѣсколько книгъ, но не разрѣзанныхъ.

— Знаешь, сказалъ Владиміръ, — ко мнѣ подошелъ великій князь. и я ему сообщилъ о твоёмъ пріѣздѣ. Онъ былъ очень милостивъ, велѣлъ тебѣ кланяться и спрашивалъ что ты намѣренъ дѣлать.

— Что-же ты ему отвѣтилъ?

— Что ты намѣренъ служить, продолжать начатую службу, запасшись въ чужихъ краяхъ новыми знаніями и опытомъ. Что-же иное я могъ отвѣтить?! Да и на-

Коронационные дни въ Москвѣ. Иллюминація Кремля.
Ориг. рис. нашего спеціального корреспондента Н. П. Каразина, грав. М. Рашевскій.

дѣюсь—я сказалъ правду? Вѣдь не думаешь-же ты выходить въ отставку, ты ужь и такъ потерялъ много времени—дѣльхъ два года!

Борись неопредѣленно улыбался.

— А вѣдь я еще не знаю, проговорилъ онъ, — быть можетъ и въ отставку выйду—тамъ видно будетъ. Меня служба что-то не тянетъ при теперешнихъ обстоятельствахъ.

— Да, обстоятельства тяжелыя... Аракчеевъ доходитъ до послѣдняго; но служить все-же надо, надо дѣлать карьеру—да и обстоятельства могутъ перемѣниться.

— Могутъ перемѣниться! задумчиво повторилъ Борисъ. — Отъ этого я и говорю: тамъ видно будетъ. А какъ твои дѣла—кажется, хорошо?..

— Не дурно! самодовольно сказалъ Владиміръ, — по-немногу подвигаюсь. Да, я вижу, что моя женитба дѣйствительно принесла мнѣ пользу, безъ помощи родни Catherine мнѣ было-бы трудно пробиться. Отецъ никогда не подумалъ о томъ, что ему слѣдовало, если уже не для себя, то хоть для насъ, поддерживать прежнія связи.

Борись вспыхнулъ.

— Отцу объ этомъ нечего было думать, сказалъ онъ.—Онъ много думалъ о насъ, сохранивъ для насъ незамысленнымъ старое честное имя и богатство нашихъ предковъ.

— Да, конечно, конечно, перебилъ Владиміръ,—я ни въ чемъ его не обвиняю... Онъ меня не стѣсняетъ средствами...

И вдругъ ихъ разговоръ замеръ. Обоимъ стало неловко.

Эти неловкости часто появлялись между ними въ разговорахъ съ глазу на глазъ и появлялись уже давно, съ тѣхъ поръ какъ они вышли изъ отроческихъ лѣтъ.

— Какъ ты нашелъ Catherine? Какъ нашелъ мальчика?

— Мальчикъ твой—прелесть! И ты очень счастливый человекъ!

— Тебѣ никто не мѣшаетъ быстро достичь такого счастья, замѣтилъ Владиміръ.

Но Борисъ будто не слышалъ этого замѣчанія и продолжалъ:

— А Catherine — что-же я могу сказать тебѣ?! она еще похорошѣла... Она кажется очень довольна и счастлива?!

— Да, вѣроятно она счастлива, я, по крайней мѣрѣ, ея счастьемъ не мѣшаю...

И опять имъ стало неловко.

IV.

Б а л ь.

Катринъ торжествовала. Она достигла своей цѣли. Ея балъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ признанъ самымъ блестящимъ баломъ сезона. Напрасно-бы ея враги и недоброжелатели (она думала, что такихъ у нея много) старались къ чему-либо придратъся, чтонибудь осудить, найти въ чемъ нибудь недостатокъ—придратъся положительно было не къ чему...

Старый домъ Горбатовыхъ, со своими анфиладами величественныхъ комнатъ, изукрашенный, весь наполненный предметами роскоши и вкуса, ярко горѣлъ безчисленнымъ количествомъ свѣчей и карселей.

Въ огромномъ залѣ, изъ за эстрады, скрываемой тропическими растениями, уже время отъ времени раздавались отрывистые звуки настраиваемыхъ инструментовъ. Танцы еще не начинались...

Толпа блестящаго общества съ каждой минутой прибывала и наполняла парадныя комнаты. Матовая бѣлизна обнаруженныхъ женскихъ плечъ, блескъ драгоценныхъ камней, перемѣшивались съ золотомъ военныхъ мундировъ, со звѣздами и лентами.

Здѣсь собралось все высшее общество столицы.

Молодой хозяинъ не сходилъ со своего поста, встрѣчая гостей. И глядя на него сразу можно было убедиться, что онъ исполняетъ свои обязанности съ полнымъ пониманіемъ дѣла. Встрѣчалъ безъ исключенія всѣхъ улыбками и любезными фразами, онъ, тѣмъ не менѣе, придавалъ этимъ улыбкамъ и фразамъ безчисленное разнообразіе оттѣнковъ. Каждый и каждая получали отъ него именно то, чего заслуживали—по крайней-мѣрѣ по его мнѣнію. Отъ фамильярнаго киванья головы, отъ торопливаго, немножко небрежнаго протягиванья двухъ пальцевъ—онъ переходилъ къ сдержанному поклону, полному чувства собственнаго достоинства. Затѣмъ вдругъ совсѣмъ расцвѣталъ и благодарно взглядывалъ своими то и дѣло полузакрывающимися глазами на какого нибудь сановника или высокопоставленную даму. Онъ шепталъ о томъ, какъ счастливъ видѣть ихъ у себя въ домѣ со скромностью умнаго молодого человека, сознающаго свою молодость...

Юная хозяйка тоже хорошо изучила науку приема гостей по рангамъ.

Она щебетала какъ птичка, рассылая на право и на лѣво дѣтскія невинныя улыбки. И только краска, то вспыхивавшая, то потухавшая на ея щекахъ и быстрый беспокойный взоръ, время отъ времени бросаемый ею по направленію ко входнымъ дверямъ — указывали на ея волненіе.

Да, она сильно волновалась! Передъ нею стоялъ мучительный вопросъ: будетъ кто нибудь изъ высокихъ гостей или не будетъ?.. удача или неудача? жизнь или смерть? Еще четверть часа—и все рѣшится: или полное торжество, или всѣ труды и заботы пропали даромъ. Еще четверть часа — и, Боже мой, вѣдь она, пожалуй, будетъ побѣждена врагами, будетъ осмѣяна, чуть-ли не опозорена.

Вотъ будто какое-то движеніе, тамъ, впереди, откуда она ждетъ спасенія или гибели. Она вся насторожилась, слушаетъ, смотритъ. Сердце ея такъ и стучитъ подъ низко вырѣзаннымъ корсажемъ прелестнаго парижскаго бальнаго платья. Грудь ея высоко поднимается. Даже обнаженные нѣжныя плечи нервно вздрагиваютъ приводя въ движеніе массивное брилліантовое кольцо, которое такъ и горитъ всѣми цвѣтами радуги, придавая еще болѣе красоты ея хорошенькому дѣтскому личику.

Но вдругъ ея взглядъ мгновенно потухаетъ, по всѣмъ чертамъ пробѣгаетъ выраженіе нѣкотораго разочарованія. Однако все-же она дѣлаетъ надъ собою усиліе, тутъ-же озаряется сіяющей улыбкой и кокетливо склоняясь спѣшитъ на встрѣчу входящему твердой военной походкой генералу, увѣшанному орденами и звѣздами и на ходу потряхивающему густыми эполетами.

— Ah que c'est aimable de votre part, comte, de ne pas nous oublier! говоритъ она генералу, протягивая ему руку.

Онъ еще и еще встряхиваетъ эполетами, склоняется къ ея рукѣ, цѣлуетъ ее, причемъ его старыя щеки, подпертыя высокимъ воротникомъ, багровѣютъ, а подъ нафабранными усами складывается любезная улыбка.

— Vous oublier, madame! говоритъ онъ густымъ голосомъ, отвратительно произнося по французски, — mais c'est impossible pour chaque mortel!

Онъ отходитъ отъ нея, чтобы не мѣшать ей привѣтствовать новыхъ гостей, и остановившись на мгновение и оглядѣвшись, идетъ по направленію къ танцевальной залѣ. Онъ выставляетъ впередъ свою высокую грудь, украшенную всевозможными знаками отличія, старается придать величественную осанку своей нѣсколько обрюзгшей фигурѣ, старается изобразить на своемъ лицѣ важность. Но это ему плохо удается и скоро надоѣдаетъ. Лицо его принимаетъ мало по малу обычное добродушное и простоватое выраженіе. Онъ ласково отвѣчаетъ на обращаемые со всѣхъ сторонъ къ нему почтительные по-

клоны; пожимает на право и на лѣво руки иногда даже незнакомыхъ людей. Впрочемъ такихъ здѣсь мало. За нимъ идетъ шепотъ, его провожаютъ иной разъ улыбки, въ которыхъ уже незамѣтно только что выраженной ему почтительности.

А между тѣмъ это герой — любимецъ солдатъ, гроза враговъ, человекъ, закаленный подъ градомъ пуль, законченный въ дыму пороха, русскій Баярдъ, какъ его называютъ,—это графъ Милорадовичъ.

Но герой отечественной войны во дни виѣшняго мира, которые однако оказались далеко не мирными, пожелалъ отличиться на иномъ поприщѣ, не задумавшимъ о томъ, были-ли у него для этого поприща необходимыя способности, — теперь онъ петербургскій генераль-губернаторъ и чуть не ежедневно портитъ сью блестящую репутацію нераспорядительностью, легкомысліемъ и даже лѣнностью...

Катринъ все въ ожиданіи. Она ежеминутно взглядываетъ на часы, которые стоятъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея на каминѣ. Она почти сама не понимаетъ, что говорить подходящимъ къ ней мужчинамъ и дамамъ.

„Пора, давно пора! мучительно думаетъ она. — Вѣдь не можетъ-же быть, чтобы не пріѣхали, вѣдь еще послѣ обѣда cousin Nicolas пріѣзжалъ прямо оттуда и сказалъ, что собираются... Ну, а что если вдругъ чтонибудь помѣшалось? Мало-ли что можетъ помѣшало?“

Она вспоминаетъ, что вотъ уже нѣсколько дней какъ въ придворныхъ кружкахъ говорятъ о серьезномъ нездоровѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Но вѣдь тотъ-же cousin Nicolas, который все знаетъ по своему положенію при дворѣ, говорилъ, что ей лучше, что это вовсе не какая нибудь опредѣленная и опасная болѣзнь — а просто общая слабость, въ которой поможетъ перемѣна климата. Но вѣдь мало-ли что можетъ помѣшало! Быть можетъ кто нибудь нарочно, кто нибудь изъ враговъ, постарался! Вѣдь вотъ уже половина одиннадцатаго скоро!.. давно пора начать танцы... Если не пріѣдутъ... что-же тогда?!.. Тогда я... я умру!..“ докончила Катринъ свои мрачныя мысли.

Она совсѣмъ поблѣднѣла. На ея глазахъ навертывались слезы, у нея начинала кружиться голова.

— Боже! какое счастье! Они! Они!!.. едва сдерживая себя, чтобы не крикнуть, громко и внезапно оживляясь, рѣшила Катринъ.

Въ дверяхъ комнаты показался молодой человекъ въ генеральскомъ мундирѣ, съ некрасивымъ, но умнымъ и въ тоже время добродушнымъ лицомъ, съ ясными глазами, которые глядѣли зорко и пристально. Онъ велъ подъ руку стройную, совсѣмъ еще юную даму, прелестныя черты которой были будто выточены изъ мрамора.

Катринъ посиѣдила на встрѣчу входившимъ, сдѣлала глубокой граціозный реверансъ.

Юная великая княгиня Елена Павловна ей ласково улыбалась протягивая руку.

Михаилъ Павловичъ любезно сталъ извиняться, снимая съ себя вину и во всемъ обвиняя свою молодую супругу.

Катринъ нанизывала одну за другою изысканныя фразы, перебѣгая снѣжкомъ взглядомъ съ великой княгини на великаго князя. Недавняго томленія какъ не бывало, мучительная тяжесть снала съ плечъ. Она вдругъ расцвѣла своей дѣтской красотой, будто выросла на полъ-головы и направилась съ высокой четой въ залу, гдѣ ихъ встрѣтили вдругъ грянушіе съ невидимой эстрады веселые звуки вальса.

Катринъ остановилась въ побѣдоносной позѣ съ горделиво приподнятой головкой, окидывая быстрымъ взглядомъ блестящее собраніе.

Черезъ минуту къ ней подошелъ великій князь и поклонился ей. Она приподняла свою тоненькую нѣжную руку, которая скользнула по рукаву его мундира, съ дѣтской счастливой улыбкой склонила головку почти

къ самому его плечу и, легкая какъ птичка, помчалась съ нимъ по зеркальному паркету громадной залы.

За ними мчались длинной вереницей другія пары.

Все закружилось. Звуки оркестра постепенно усиливались, будто подступали къ самому сердцу, рождая въ немъ какое-то волшебное ощущеніе.

Катринъ казалось, что она отдѣляется отъ полу, что она несется со своимъ кавалеромъ въ воздушномъ пространствѣ, что вокругъ нея не хорошо знакомая ей старинная зала Горбатовскаго дома, а тропическій лѣсъ. Потолокъ исчезаетъ, открывается безконечно сіяющее пространство. Огромныя пальмы склоняются надъ нею, душистые гиацинты и розы дышатъ ей навстрѣчу ароматомъ. Мириады сладкоголосныхъ птицъ поютъ ей свои волшебныя пѣсни. И она несется дальше и дальше, выше и выше, впереди воздушнаго роя сильфидъ и эльфовъ.

Но вотъ она спустилась на землю. Великій князь привычно и ловко придвинулъ ей легкой золоченый стулъ. Она опустилась на него, пославъ благодарную улыбку своему кавалеру и стала обмахивать вѣеромъ разгоряченное лицо и плечи.

Она мигомъ забыла и тропическій лѣсъ, и рой сильфидъ и эльфовъ. Она слѣдила за удалявшимся отъ нея кавалеромъ, отыскивая глазами великую княгиню. Она снова была полна заботъ и волненій.

Вѣдь онъ не пригласилъ ее еще на первый контрдансъ. Но онъ непременно долженъ протанцовать его съ нею, ея самолюбіе не можетъ быть удовлетворено этимъ вальсомъ.

Вотъ онъ подошелъ къ ея мужу. Вотъ онъ протягиваетъ руку Борису, говоритъ съ нимъ, чему-то смѣется. Потомъ отходитъ къ Милорадовичу и смѣется еще больше... Вотъ онъ среди дамъ. Пары танцующихъ заслонили, ничего не видно. Она приподнимается. Она должна быть ближе, должна быть на глазахъ, чтобы ее не забыли пригласить.

Но въ это время къ ней подходитъ молодой красивый офицеръ. Опять вальсировать! А отказать невозможно. Съ едва замѣтной мимолетной гримаской она легкимъ наклоненіемъ головы даетъ свое согласіе.

Она опять мчится; но уже не въ воздушномъ пространствѣ, не среди тропическаго лѣса. Ея маленькія ножки едва касаясь пола скользятъ машинально выдѣлывая па, а глаза все ищутъ кого-то...

— Assez, monsieur, je suis fatiguée шепчуть ея губы.

— Pardon, madame!

Слава Богу, великій князь подходитъ къ ней и приглашаетъ ее... на второй контрдансъ.

На второй! Она блѣднѣетъ, голосъ ея дрожитъ при отвѣтѣ, съ ней чуть не дѣлается дурно. Но она сдерживается. Она еще горделивѣе, еще побѣдоноснѣе поднимаетъ свою головку, а въ сердцѣ бушуетъ злоба и безпредметная ненависть.

Съ кѣмъ-же?! Съ кѣмъ-же?!

У.

Это она!..

Между тѣмъ великій князь, конечно, никакъ не могъ себѣ представить какое оскорбленіе нанесъ хорошенькой хозяйкѣ, какой адъ возбудилъ въ душѣ ея.

Зная женское самолюбіе, онъ именно хотѣлъ поступить такъ, чтобы ни хозяйка, ни другія высокопоставленныя молодыя дамы не могли считать себя обиженными.

Сдѣлавъ первый туръ вальса съ Катринъ, онъ, затѣмъ, хотѣлъ показать, что здѣсь, въ частномъ домѣ, не должно быть этикета и споровъ за первенство. Онъ рѣшился танцовать первый контрдансъ съ кѣмъ нибудь, съ первой молодой женщиной или дѣвушкой, которая попадется ему на глаза.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Обойдя залу онъ замѣтилъ нѣ-

сколько одиноко сидѣвшую дѣвушку въ довольно простомъ, но изыщномъ бѣломъ нарядѣ. Нивакиими особенными украшениями эта дѣвушка не постаралась возвысить свою красоту. Въ ея темные волосы, довольно гладко причесанные, были вколоты двѣ бѣлыя розы, на шеѣ скромная жемчужная нить, небольшія жемчужныя серьги въ ухахъ—вотъ и все.

Но въ этомъ скромномъ нарядѣ она была великолѣпна. Высокая, стройная, плечи и руки немножко худошавы, но безукоризненныхъ очертаній. Она сидѣла опустивъ маленькую прелестную голову съ правильными тонкими чертами нѣжнаго, бѣднаго лица. Большіе темные глаза ея глядѣли мягко и задумчиво. На видъ ей было года двадцать два, быть можетъ меньше. Во всей ея прекрасной фигурѣ можно было подмѣтить не то нѣкоторую болѣзненность, не то утомленіе.

„Mais elle est vraiment bien belle!“ подумалъ великій князь.

Онъ круто повернулъ, подошелъ къ ней и спросилъ свободенъ-ли у нея первый контрдансъ.

Она подняла на него задумчивые глаза, потомъ встала, причемъ еще болѣе выказала свой прекрасный ростъ и грацію, и отвѣчала ему мелодическимъ голосомъ, что она свободна.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ танцевать съ вами.

Она поблагодарила спокойно и даже можетъ быть черезчуръ равнодушно.

Великій князь отошелъ.

Но не прошло и мгновенія какъ она была окружена дамами, которыя за минуту передъ тѣмъ не обращали на нее вниманія.

— Mademoiselle Lamzine, qu'est ce qu'il vous a dit, le grand duc?

— Le grand duc m'a engagé pour une contredanse, отвѣчала она тѣмъ-же спокойнымъ и равнодушнымъ голосомъ.

— Pour laquelle?

— Pour la première.

Эффектъ былъ полный.

„Mademoiselle Lamzine“ вдругъ сдѣлалась предметомъ самаго нѣжнаго вниманія. Пожилыя дамы стали говорить ей о ея красотѣ. Молодые глядѣли на нее съ завистью; но въ то-же время шептали ей нѣжныя фразы. А потомъ, отходя отъ нея, передавали другъ другу на ея счетъ такія замѣчанія:

— Однако-же вѣдь это ужасно — больше не существуетъ настоящее общество! — его нигдѣ найти невозможно...

— Да, это правда, всюду втираются неизвѣстно откуда... des parvenus.

— Какія-то племянницы! Какія-то бѣдныя воспитанницы... Dieu sait qui!

— Хоть-бы тетка одѣла ее прилично, старая скряга! Посмотрите—вѣдь это просто срамъ!

— И что въ ней находятъ хорошаго?!

— Нѣтъ, она красива безъ спора!

— Какая-же красота! Pâle, maigre... une vieille fille!

— Старуха говоритъ, что ей всего двадцать одинъ годъ.

— Сказать все можно! Я увѣрена, что цѣлыхъ двадцать пять будетъ.

— Теперь еще доставало, чтобы ее фрейлиной сдѣлали!

— Ну, до этого не дойдутъ—это было-бы уже слишкомъ!!..

„Mademoiselle Lamzine“ конечно не слышала и не подозрѣвала этихъ разговоровъ. Она спокойно продолжала отвѣчать тѣмъ, кто обращался къ ней съ вопросами. И въ то-же время разсѣянный взглядъ ея темныхъ мечтательныхъ глазъ ясно показывалъ, что она очень далеко отъ окружающаго и что въ ней нѣтъ ни-

какого веселья. Иногда только ея тонкія прелестныя черты принимали какое-то странное, не то тревожное, не то испуганное выраженіе, будто она ждала чего-то, будто чего-то боялась...

Но замолкшіе было звуки оркестра снова раздались. Прозвучалъ ритуфель контрданса.

Произошло всеобщее движеніе. Блестящіе кавалеры скользили по паркету, спѣшили къ своимъ дамамъ, разставляли стулья.

Великій князь провелъ „Mademoiselle Lamzine“ черезъ всю залу среди разступающейся толпы.

Катринъ нѣсколько справилась съ собою и получила хоть то маленькое удовлетвореніе, что оказалась „vis-à-vis“ съ великимъ княземъ. Она оглядѣла его даму быстро, но глубоко презрительнымъ взглядомъ, котораго та, впрочемъ, не замѣтила.

„Вотъ такъ выборъ! думала она.—И зачѣмъ это она здѣсь, по какому праву? Нѣтъ, если княгиня Маратова начинаетъ таскать за собою всѣхъ своихъ бѣдныхъ родственницъ и крестницъ—такъ пусть ужъ извинить... я и ее къ себѣ приглашать не стану!.. Ни за что! ни за что! Она совсѣмъ выживать изъ ума стала — эта толстая дура и ее надо проучить... Меня поддерживать и другія—я увѣрена въ этомъ!..“

Но въ тоже время она съ досадой видѣла, что великій князь очень любезно бесѣдуетъ со своей дамой.

„О чемъ онъ можетъ говорить съ нею?! Чѣмъ она можетъ занять его?!“ раздражительно думала она, разсѣянно отвѣчая на вопросы своего кавалера.

Фигуры контрданса начинаютъ смѣнять одна другую.

Великій князь, очевидно находящійся въ самомъ веселомъ настроеніи духа, обращается къ Катринъ съ любезными фразами. Она оживляется, глазки ея начинаютъ сіять. Великолѣпные брилліанты ея сверкаютъ на головѣ, на шеѣ и на рукахъ. Она дѣтскимъ голоскомъ нанизываетъ одно на другое почти ничего незначащія французскія словечки. Она мало-по-малу проникается сознаниемъ своей красоты, своего блеска—ей становится весело...

Танецъ оконченъ. Звуки оркестра замолкли. Въ залѣ снова начинается безпорядочное движеніе...

Великій князь отходитъ отъ своей дамы и, встрѣтившись съ графомъ Милорадовичемъ, беретъ его подъ руку и направляется съ нимъ изъ залы.

— Любезнѣйшій Михаилъ Андреевичъ, говоритъ онъ Милорадовичу,—я сейчасъ вспомнилъ: мнѣ нужно кой о чемъ спросить васъ.

— Что прикажете, ваше высочество?

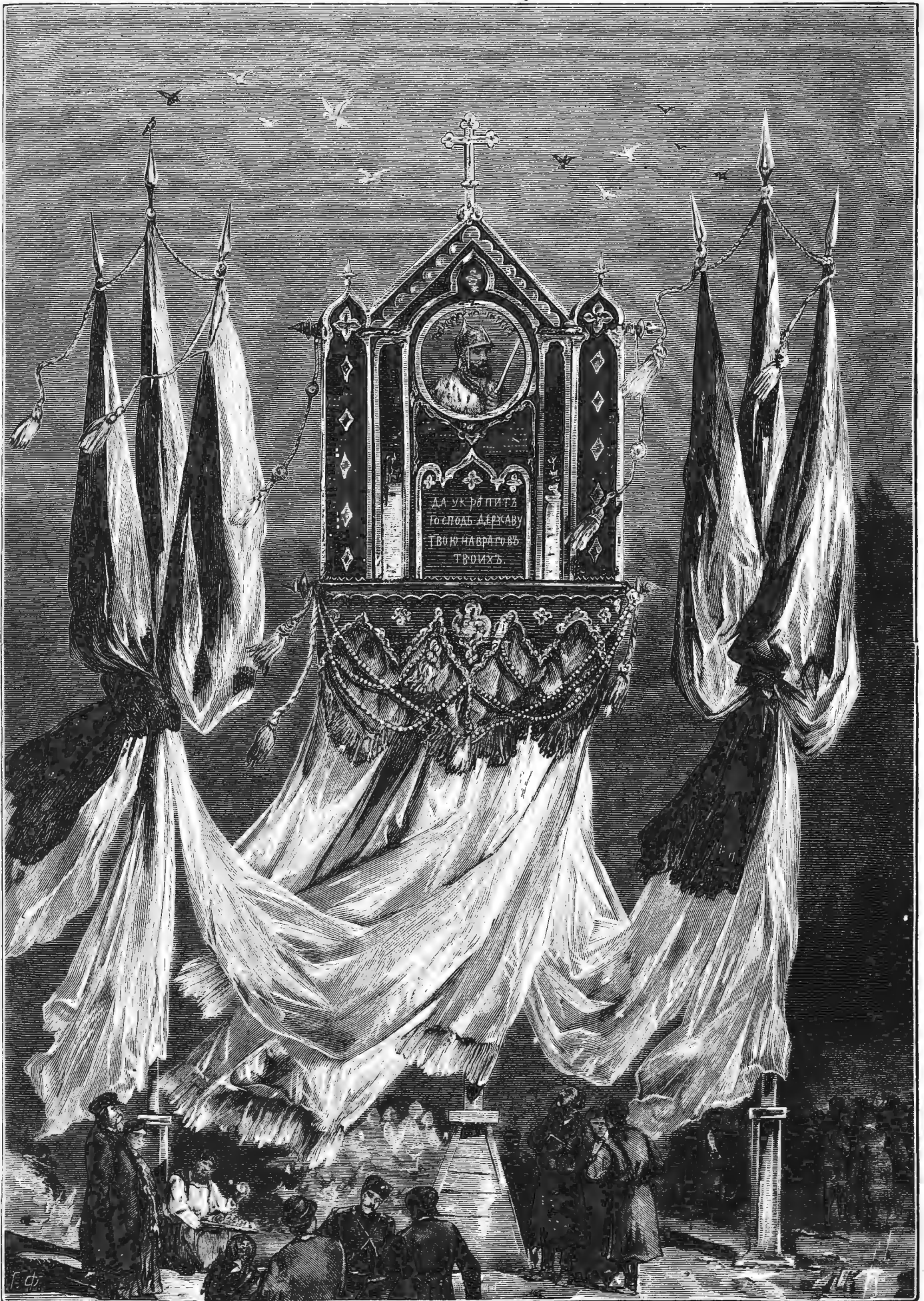
— Знаете ли вы, графъ, что по городу ходитъ ужасная клевета на васъ?!

— Клевета на меня? изумленно спросилъ Милорадовичъ.

— Да, да и очень злая. Вы знаете—я терпѣть не могу сплетенъ. Но изъ любви и уваженія къ вамъ долженъ предупредить васъ и при этомъ узнать въ чемъ дѣло. Рассказываютъ, что въ числѣ различныхъ члѣбителей, съ которыми къ вамъ обращаются, какъ къ генералъ-губернатору, на этихъ дняхъ вы получили какой-то вздоръ... что то такое... что „безчеловѣчныя благодаренія вашего сіятельства, пролитыя на всѣхъ, аки рѣка Нева протекли отъ Востока до Запада. Симъ тронутый до глубины души моею, воздвигнулъ я въ трубѣ своей жертвенникъ, предъ коимъ стоя на колѣняхъ, сожигаю оиміамъ и вопію: „ты еси, Михаилъ, спаси меня съ присносущными!“ Конечно я могу ошибиться, можетъ быть тамъ и несовсѣмъ такъ было, но вѣдь мнѣ дали якобы копію... и это такъ глупо и смѣшно, что я, право, почти наизусть помню... А подпись: „Ямщикъ Ершовъ“.

Липо Милорадовича вспыхнуло.

— Никто не можетъ быть избавленъ, ваше высочество, отъ полученія подобныхъ глупыхъ и дерзкихъ

Коронаціонные дни въ Москвѣ. Хоругви и знамена по пути царскаго поѣзда 10 Мая,
Ориг. рис. нашего спеціального корреспондента Н. Н. Каравина, грав. Флюгель.

анонимных бумагъ. Я не могу отвѣчать за то, что такое было прислано въ мою канцелярію.

— Но дѣло въ томъ, любезный графъ,—утиряютъ, что на этой челобитной въ собственноручно написали: „Исполнить немедленно“.—Злая клевета именно и заключается въ этомъ.

Милорадовичъ побагровѣлъ еще сильнѣе.

— Можетъ быть я и подписалъ по разсѣянности! вдругъ проговорилъ онъ.—Да, это возможно! Благодарю, ваше высочество, что вы сообщили мнѣ объ этомъ—урокъ хороший!...

— Да, графъ, ласково смотря на своего собесѣдника сказалъ великій князь,—я стелъ своимъ долгомъ... изъ уваженія къ вамъ... Не будьте разсѣяны... ради Бога! И вотъ васъ предупреждаю, а вѣдь другіе не скажутъ ни слова и будутъ потѣшаться. А вы не такой человекъ! Вы не должны давать надъ собою права смѣяться людямъ, которые не стоятъ вашего мизинца!...

— Благодарю васъ! благодарю васъ!... растерянно шептала Милорадовичъ сжимая протянутую ему руку великаго князя.

Михаилъ Павловичъ отошелъ.

И всѣ видѣли какъ генераль-губернаторъ, красный и смущенный, что то бормоталъ подъ своими нафабреными усами.

Потомъ онъ вдругъ тяжелымъ военнымъ шагомъ пошелъ розыскивать хозяина, извинился внезапнымъ нездоровьемъ и въ сопровожденіи адъютанта уѣхалъ.

Многіе изумленно спрашивали другъ у друга, что такое случилось съ графомъ.

Катринъ была опять раздосадована. Она потребовала отъ мужа объясненій; но тотъ ничего не могъ объяснить ей.

— Да ты бы какъ нибудь удержалъ его... какъ же можно было выпустить... Ты просто съ ума сходишь! пренебрежительно прошептала она Владиміру.

— Что-жь, я за фалды что ли сталъ бы его удерживать?! Пойди лучше къ великой княгинѣ, а то и она уѣдетъ!...

Катринъ поспѣшила исполнить этотъ совѣтъ, будто боясь какъ бы вдругъ дѣйствительно не уѣхала великая княгиня. Ей даже начинало казаться, что нѣтъ ли укъ, чего добраго, заговора противъ нея, Катринъ? не участвуетъ ли въ этомъ заговорѣ и Милорадовичъ?! Не потому ли онъ уѣхалъ, чтобы сдѣлать ей неприятность?!

— Catherine! вдругъ раздалось надъ ея ухомъ.

Она взглянула, передъ нею Борисъ... какой то страшный, блѣдный, съ горящими глазами.

— Чего тебѣ? Пзвини пожалуйста, мнѣ некогда... я спѣшу!... la grande duchesse...

— Одну секунду, Catherine! проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ.— Кто это... та дама, которая танцовала противъ тебя съ великимъ княземъ?... въ бѣломъ!...

— Что же и ты что ли плѣнился этой Сандрильиной?! не стойтъ, мой другъ! Une fille de rien, sans nom, sans fortune... une parvenue!

— Кто она? настойчиво повторялъ Борисъ.

Даже что то страшное разглядѣла Катринъ въ его поблѣднѣвшемъ лицѣ.

— Ахъ, Боже мой! протянула она пожимая плечами,—какъ ее... Ламзина—что ли?! Какая то родственница княгини Маратовой.

— Какъ ее зовутъ—Ниной?

— Да, кажется, Нина... отвяжись пожалуйста!

Она упорхнула. Она не видѣла какъ онъ весь вздрогнулъ, какъ даже покачнулся, будто сильный электрическій токъ пронизалъ его.

Онъ нѣсколько мгновеній стоялъ на одномъ мѣстѣ не замѣчая окружающаго, не уступая дорогу дамамъ, которыя съ изумленіемъ на него взглядывали. Потомъ вдругъ очнулся, провелъ рукою по лбу и стремительно

кинулся черезъ залу, пристально всматриваясь во всѣ стороны.

Но онъ нигдѣ не видѣлъ ту, которую искалъ.

Онъ вышелъ изъ залы. Онъ проходилъ комнату за комнатой.

„Неужели уѣхала?! съ испугомъ, почти съ отчаяніемъ думалъ онъ.—А что если я ошибся? Что если это не она?... Но вѣдь Катринъ сказала, что ее зовутъ Ниной. Опять и это, можетъ, случайно... Да вѣдь я узналъ ее!... Это ея глаза! Въ ней могло все измѣниться, а глаза должны были остаться... И это ея, ея глаза! тутъ нѣтъ обмана... я ихъ знаю... они всегда передо мною... Это она... она!“

И онъ искалъ ее, поспѣшно проходя изъ комнаты въ комнату, опять возвращаясь въ залу, останавливаясь, взглядываясь.

Но счастью всѣ были заняты своимъ дѣломъ и на него мало обращали вниманія. Но все же то тамъ, то здѣсь его провожали недоумѣвающіе взгляды. Его дѣйствительно можно было принять за помѣшаннаго.

Никогда еще въ жизни не испытывалъ онъ такого волненія. Онъ съ утра уже какъ бы предчувствовалъ, что въ этотъ день должно съ нимъ случиться что-то необычайное. Онъ чувствовалъ какое-то особенное безпокойство, постепенно возростающее. Онъ не могъ ничѣмъ заняться и почти весь день провелъ въ своихъ комнатахъ. Онъ разбиралъ и выкладывалъ изъ присланныхъ съ таможи ящичковъ вещи и книги, добытыя имъ за границей. Но ни на чемъ не могъ сосредоточить вниманія, не могъ ни о чемъ подумать—мысли тотчасъ же разбивались и все вспоминались ему, все свѣтились передъ нимъ эти темные задумчивые глаза, которые грезнились ему часто въ теченіи всѣхъ лѣтъ его юности и которые теперь вдругъ онъ увидѣлъ на яву.

„А что если это только призракъ, если все это мнѣ только почудилось?! опять думалъ онъ.—И вдругъ я увижу эту дѣвушку въ бѣломъ, эту Нину... и глаза ея будутъ не тѣ, и она окажется другою, незнакомой мнѣ, ненужной?!...“

„Нѣтъ, это она... она!“ перебивалъ онъ свои сомнѣнія.

Сердце его усиленно билось, духъ захватывало.

Онъ опять въ напрасныхъ поискахъ прошелъ цѣлый рядъ ярко освѣщенныхъ комнатъ, наполненныхъ нарядной толпою. Здѣсь были разставлены ломберные столы, шла карточная игра.

Вотъ онъ повернулъ въ небольшую гостиную, уютную и полутемную сравнительно съ сосѣдними комнатами.

Это была любимая гостиная его матери, съ этой комнатой она соединяла лучшія воспоминанія своей молодости; въ этой комнатѣ когда то, давно, давно, она слушала страстные признанія своего жениха, разлученнаго передъ тѣмъ съ нею на многіе годы, слушала въ то время какъ высокой ихъ другъ и покровитель, императоръ Павелъ, устроившій это свиданіе, поджидалъ ихъ въ смежной библіотекѣ!...

Борисъ остановился и чуть не вскрикнулъ. На маленькомъ диванѣ въ глубинѣ этой гостиной онъ увидѣлъ бѣлую фигуру. Чувство восторга, какого то священнаго трепета охватило его.

„Это она... она!“

Она подняла на него свои глаза. Онъ не могъ уже сомнѣваться больше. Стремительно кинулся онъ къ ней.

— Нина, я узналъ васъ... это вы! задыхаясь проговорилъ онъ.

Она вздрогнула, поднялась съ дивана, взглядываясь въ Бориса, слабо вскрикнула и схватилась за голову руками. Ея блѣдное лицо поблѣднѣло еще больше. Въ прекрасныхъ глазахъ ея изобразилось почти то же самое чувство, какое волновало Бориса.

— Борисъ! растерянно произнесла она,—такъ вотъ что должно было сегодня со мной случиться! Вотъ за-

чѣмъ все это было! Да, я знала что увижу васъ... я ждала васъ... здѣсь... въ этой комнатѣ...

Она говорила какъ во снѣ. Она безсильно склонилась на диванъ.

— Такъ вы знали, что меня встрѣтите?! Такъ вы хотѣли меня видѣть?!

— Я ничего не понимаю! все также растерянно сказала она.—Я до сихъ поръ не знаю кто вы... Я только чувствовала, что должна произойти наша встрѣча именно сегодня, что такъ суждено... Но зачѣмъ... почему намъ нужно встрѣтиться снова въ жизни—я этого не знаю... Кто же вы?!

— Я?!... да вѣдь я вижу васъ въ моемъ родномъ домѣ... въ домѣ моихъ родителей... Я только вчера вернулся изъ двухъ-лѣтняго путешествія...

Изумленіе, тревога изобразились на лицѣ Нины.

А онъ продолжалъ:

— Такъ значитъ вы не забыли меня? вы могли меня узнать!... Значитъ когда нибудь вы обо мнѣ думали?

— Конечно... и я всегда знала, что мы еще встрѣтимся въ жизни. Да, часто... часто я объ васъ думала...

и какъ же могло быть иначе... вѣдь вы спасли мнѣ жизнь... Развѣ это забыть можно?!...

— Ахъ, сколько мнѣ нужно узнать отъ васъ... перебить ее Борисъ,—сколько вопросовъ!... Съ чего начать—не знаю...

— И не начинайте... слабо улыбувшись сказала она,—теперь не время... Вѣдь мы нашли другъ друга—пока довольно этого...

— Мы будемъ видаться? вѣдь да?! спросилъ онъ невольно, будто боясь снова потерять ее, будто боясь, что она, появившись передъ нимъ какъ видѣніе, какъ видѣніе и исчезнетъ.

— Конечно! Пойдемте... вы видите—мы здѣсь одни... а мы вѣдь въ свѣтѣ... Я васъ провожу къ моей теткѣ и завтра буду ждать васъ... Завтра мы поговоримъ безъ всякихъ стѣсненій.

Она оперлась на его руку и они пошли черезъ сверкающій рядъ комнатъ, туда, откуда все слышишь и слышишь доносились звуки музыки, гдѣ черезъ нѣсколько мгновений весело ликующая толпа окружила ихъ и поглотила.

(до слѣд. №).

Нино и Мазо.

Рассказъ, взятый изъ хроники города Сены, П. Гейзе.

Около того времени (рѣчь идетъ о началѣ пятнадцатаго столѣтія) въ нашемъ городѣ произошелъ необыкновенный и душу потрясающій случай, несомнѣнно заслуживающій, чтобы въ этотъ мѣстѣ — наряду съ важнѣйшими общественными событиями и политическими дѣлами—было упомянуто и о томъ, какъ онъ, въ тогданніе дни, волновалъ и вырожденіемъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ занималъ все умы, не менѣе достойныхъ воспоминаній и общественнаго бѣдствія и испытаній. Ибо два лица, которыхъ постигло это печальное приключеніе, были не только извѣстны всѣмъ и каждому въ городѣ Сеньѣ и любимы за свои достоинства, но неколебимая дружба, соединившая ихъ съ самаго дѣтскаго возраста и до рано послѣдовавшей ихъ смерти, окружала ихъ въ глазахъ современниковъ такимъ лучезарнымъ сіяніемъ славы, славы, почти неземной, какая, обыкновенно, воздается людямъ иныхъ временъ и вѣковъ; такимъ образомъ, сограждане могли собственными глазами видѣть среди себя вѣчто въ родѣ Дамона и Нины, и Ореста и Пиллада, о которыхъ древніе восхваляютъ и рассказываютъ и которымъ тѣ двое не уступали взаимной другъ другу преданностью, а своей кочичной еще и превзошли прославленными постами героевъ.

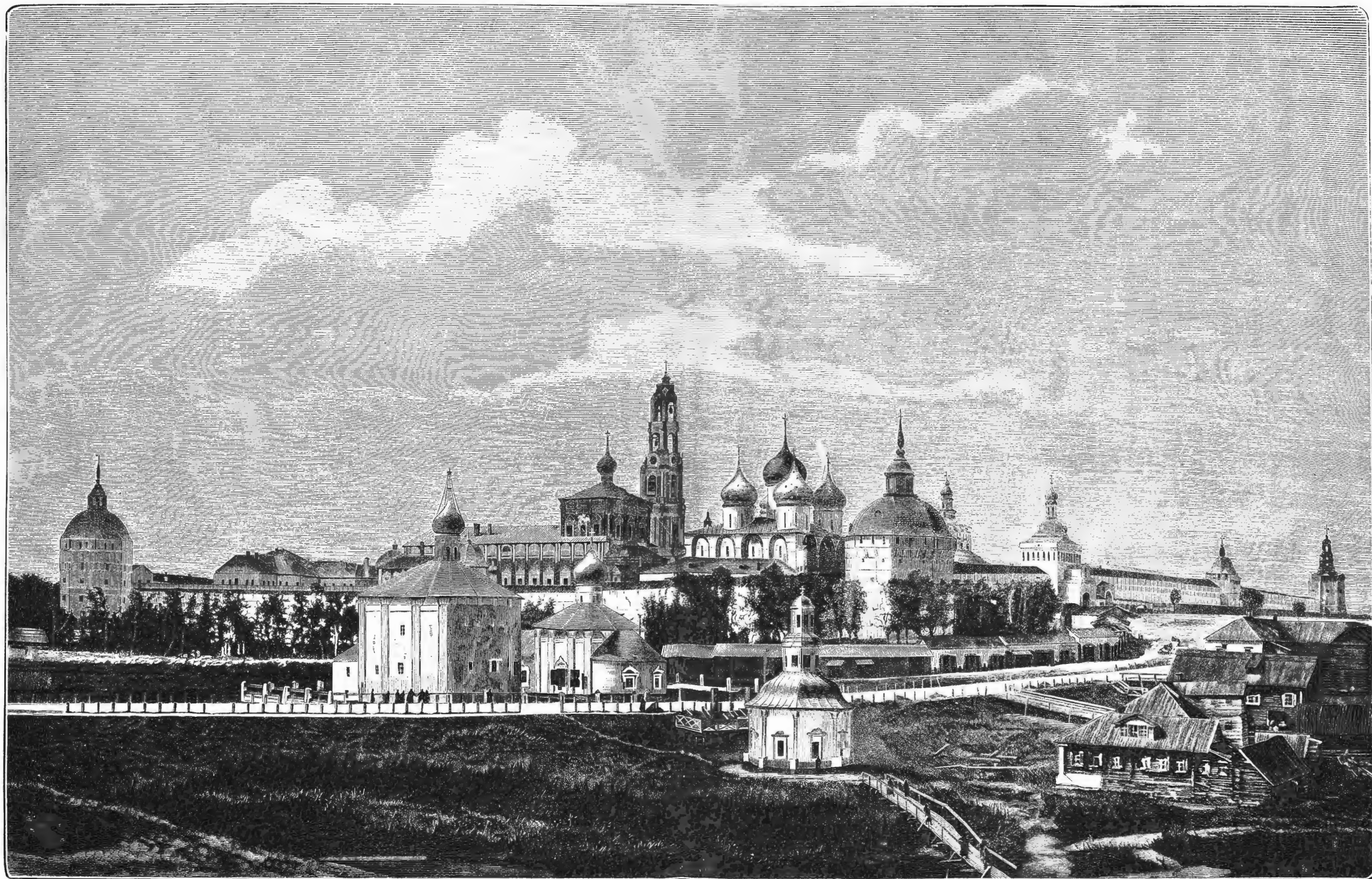
Они были дѣти сосѣдей, но выросли не въ одинаковыхъ условіяхъ и положеніи. Антонино дель Гарбо былъ сыномъ одного изъ значительнѣйшихъ и богатѣйшихъ гражданъ, нѣсколько лѣтъ даже состоявшаго генераломъ, пока тяжелая рана, полученная имъ въ сраженіи съ флорентинцами, не заставила его отказаться отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ и почестей. Онъ посвятилъ себя воспитанію единственнаго сына, котораго самъ знакомилъ съ началами всѣхъ наукъ, поручивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшимъ учителямъ обучать его физическимъ упражненіямъ и искусствамъ. Такъ какъ Нино былъ не только бойкимъ и, въ то же время, серьезнымъ мальчикомъ, но и наслаждался красотой своей матери, изъ дома Кассандрины, и горѣлъ честолюбивымъ желаніемъ сравняться, во всѣхъ рыцарскихъ искусствахъ, съ славившимся имъ своимъ отцемъ, то изъ него вышелъ образцовый юноша, на котораго родной городъ возлагалъ большія надежды.

А рядомъ, въ домикѣ, далеко уступавшемъ casa del Garbo какъ въ отношеніи вышшаго благолѣшія, такъ и внутренняго убранства, проживалъ мелкій золотыхъ дѣлъ мастеръ, по имени Буонфильди, которому умершая жена оставила двухъ дѣтей, сына Томмазо, или Мазо, и дочь Лизабетту. Дочка, прелестная и граціозная дѣвочка, росла подъ крыломъ и на попеченіи одной старой родственницы, тетуски Бриджиды, тогда какъ сынъ, уже съ малыхъ лѣтъ, занимался и помогать въ мастерской отца, а что касалось остальнаго образованія, то ему было предоставлено обучаться чему и какъ онъ могъ. Ему это удалось, такъ какъ хотя отъ природы онъ и не былъ очень красивъ, за то обладалъ хорошимъ зрѣніемъ и слухомъ и не долго ему пришлось сидѣть на школьной скамьѣ, у него не было дорогихъ наставниковъ, какихъ имѣлъ знатный сосѣдь. Артистическое ремесло отца, хотя онъ и основательно зналъ его, доставляло ему ровно столько, сколько надо было чтобы поддерживать домъ, себя и своихъ на приличной погѣ. Въ немъ былъ одинъ недостатокъ, а именно слишкомъ щеколивая совѣсть ремесленника и работу свою онъ выпускалъ изъ рукъ только тогда, когда она оказывалась вполне безупречна, такъ что бывало, изъ за малѣйшей ошибки какого нибудь подмастерья онъ приказывалъ перенравлять всю вещь и начинать съ начала.

Поэтому конечно нажитья онъ не могъ. Однако это обстоятельство нисколько не озабочивало ни его самого, ни его сына, не унаслѣдовавшаго педантизма отца; Мазо, за то, обладалъ счастливымъ легкимъ характеромъ, сранивавшимъ каждый день его жизни новой радостью и новой надеждой, какъ мало ни осуществлялись его фантастическія мечты. Но высшее счастье онъ находилъ въ страстной любви къ своему сосѣду, юному Нино дель Гарбо. Все то, чѣмъ обладалъ этотъ богато одаренный юноша, онъ считалъ въ тайнѣ какъ бы своимъ; это чувство поощрилось въ немъ взаимностью со стороны серьезнаго и неразговорчиваго мальчика. Не проходило дня, чтобы оба—когда кончились уроки и наступалъ вечеръ—не были вмѣстѣ, гдѣ нибудь на валу, окружавшемъ городъ, или въ прелестныхъ долинахъ, разстланныхъ за воротами и изобильно покрытыхъ кустарниками и деревьями; тамъ не было конца ихъ болтовни, будто они сходились, чтобы избрѣсть средство къ спасенію міра. Отъ прочихъ мальчиковъ ихъ возраста они держались въ сторонѣ. Отцы не мѣшали этимъ отношеніямъ, убѣдившись, что оба пріятели совершенно подходили другъ къ другу и что эта дружба гораздо безопаснѣе, нежели сношенія и знакомства съ шайкой ничего не дѣлающихъ и задорныхъ товарищей.

Когда загнѣмъ они вступили въ юношескій возрастъ, прочая молодежь, съ досады надававшая имъ разныхъ прозвищъ, въ родѣ, напримеръ: „двухъ голубковъ“, „возлюбленныхъ“, „правой и лѣвой руки“—рѣшила заранѣе, что теперь ихъ неразлучной дружбѣ скоро наступитъ конецъ, такъ какъ, навѣрное, примѣшаются женщины, всегда сдуванія яблокомъ раздора между мужчинами или же умѣющія до такой степени завладѣть всѣми помыслами человека, что ни для какого другаго чувства не можетъ быть мѣста. Но эти умники пришлось, къ своему удивленію, убѣдиться, что предсказанія ихъ не осуществились. Какъ-то, ни Нино, ни Мазо вовсе не замѣчали, что молодая женщина и дѣвушка города внесли ихъ въ списокъ тѣхъ, отъ кого обыкновенно ожидалось волокитство или даже болѣе серьезныя намѣренія. Холодность эта удивляла не столько въ прекрасномъ Нино, считавшемся молодымъ философомъ и чудачкомъ—аскетомъ, сколько—въ его веселомъ пріятели, который не только не отворачивался отъ взглядовъ прелестныхъ женскихъ глазъ, но напротивъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ любовался всѣмъ прекраснымъ, что встрѣчалъ на своей дорогѣ, при этомъ, однако, казалось не замѣчалъ никакой разницы между какимъ либо блестящимъ украшеніемъ, цвѣтущимъ гранатовымъ деревомъ и красотой и юностью женщины. Весь интересъ, внушавшій ему человечествомъ, начинался и кончался поводомъ для него въ его другъ, какъ въ высшемъ и лучшемъ твореніи Божіемъ; что же касалось прекраснаго пола, то онъ олицетворялся лишь въ одной Лизабеттѣ, къ которой, какъ младшей его на нѣсколько лѣтъ, онъ относился почти съ материнскимъ чувствомъ и которую берегъ какъ свой глазъ.

Случилось такъ, что отецъ Нино нашеть своевременнымъ послать св его сына въ Болонью, изучать въ тамошнемъ университетѣ право. Эта первая разлука причинила друзьямъ такое сильное горе, какое обыкновенно испытываютъ расстающиеся любовники. Однако, гордость не позволила имъ показать предъ кѣмъ либо свою печаль. Ночь передъ отъѣздомъ Нино они провели безъ сна въ убогой каморкѣ Мазо. Когда на слѣдующее утро, молодой студентъ выѣхалъ, окруженный своей семьей и многими друзьями, Мазо не было въ числѣ провожавшихъ. Онъ сидѣлъ въ мастерской и усердно работалъ надъ

Коронаціонные дни въ Москвѣ. Посѣщеніе ихъ Величествами Троице-Сергіевской Лавры. Общій видъ Лавры,
Съ фотографіи грав. М. Рашевскій.

чеканкой рукоятки кинжала, который обещал послать своему другу.

Но затѣмъ, мѣсяцъ спустя, когда кинжалъ былъ готовъ, Мазо исчезъ изъ города; никто не зналъ куда онъ дѣвался. Отцу онъ оставилъ коротенькую записку, въ которой говорилъ, что черезъ недѣлю возвратится назадъ. Впоследствии узнали, что онъ пѣшкомъ совершилъ далекий путь въ Болонью, только для того, чтобы провести одинъ день съ Нино. Отецъ, горячо его любившій, не сдѣлалъ ему никакого выговора: за то разсердился Лизабетта, такъ какъ онъ отъ Нино не принесъ ей ничего кромѣ поклона; другіе юности, надѣявшіеся теперь заплѣть въ сердцахъ одинокаго Мазо мѣсто Нино, ошиблись въ своихъ расчегахъ. Въ тѣ часы, которые прежде посвящалъ дружбѣ, проводилъ онъ теперь за игрою на лютнѣ и скоро въ этомъ искусствѣ достигъ высокаго мастерства. Сочинялъ онъ также и самыя прелестныя пѣсни, которыя распѣвалъ верѣдко въ темныя ночи, обучая имъ также и сестру. Однако, ни одна изъ прекрасныхъ дамъ города не могла похваляться, чтобы онъ показалъ свое искусство ночью подъ ея окномъ.

Но скоро онъ былъ поставленъ въ положеніе, въ которомъ ни игра на лютнѣ, ни пѣніе не могли ему идти на умъ. Его отецъ, старый мастеръ Буонфильди, внезапно умеръ и оставилъ сыну заботу о домѣ и о юной сестрѣ, только что достигшей пятнадцатилѣтняго возраста. И исчезла улыбка съ свѣтлаго добраго лица осиротѣлаго сына и онъ взялъ въ руки хозяйство съ такою энергіей, какой отъ него едва-ли кто ожидалъ. До тѣхъ поръ своимъ дѣломъ онъ занимался перадиго, хотя и не безъ искусства. Теперь-же онъ отдался ему душой и тѣломъ, задавшись мыслью составить для Лизабеттуччи хорошее приданое, о чемъ никогда не заботился отецъ.

И такъ какъ онъ отъ утра и до вечера усердно занимался своимъ артистическимъ дѣломъ, а часто еще и по почамъ набрасывалъ рисунки для своихъ подмастерьевъ, въ число которыхъ завербовалъ двухъ очень искусныхъ, — его состояніе льно увеличилось; увеличилось также и его значеніе въ цехѣ. Тѣмъ временемъ не даромъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ университетѣ и его другъ, возвратившійся въ родной городъ съ докторскимъ дипломомъ. И его родители умерли, и всѣ были убѣждены, что молодой господинъ докторъ, по прошествіи траурнаго года, тотчасъ-же возьметъ себѣ жену въ одномъ изъ первыхъ домовъ города и займетъ какую-либо важную должность въ городскомъ управленіи. Думали, что старая чрезмѣрная дружба къ сыну сосѣда уже охладѣла, такъ какъ пріятель столь долго жили врозь. Но вмѣсто всего этого, скоро узнали, что молодой дель Гарбо занялся въ гильдію адвокатовъ и въ тотъ-же день былъ помолвленъ съ сестрой своего друга. Нѣкоторое время въ городѣ говорили много злаго, потому что сienesкіе языки, подобно флорентинскимъ, никогда не усвоивались до тѣхъ поръ пока не могли вдоволь наболтаться.

Но друзья, теперь уже въ числѣ троихъ или даже—четверыхъ, съ включеніемъ сюда тетюшки Бриджиды, мало гдѣ показывались; вновь въ тихомъ садикѣ, при свѣтѣ луны или звѣздъ, зазвучала лютня Мазо, къ которой присоединился нѣжный голосъ юной невѣсты, а Нино, съ своей обычной молчаливостью, принялся за свое дѣло, поэтому новость эта скоро перестала интересоваться и даже многіе стали утверждать, будто они предвидѣли заранѣе, что все произойдетъ такъ, а не иначе, и что именно такъ вышло лучше. Свадьба была отложена на полгода—Лизабеттѣ приходилось самой работать надъ своимъ приданымъ и она по цѣлымъ днямъ хлопотала съ Бриджидой. Едва-ли это могло служить для жениха достаточнымъ поводомъ откладывать свадьбу на такое долгое время. Нино хотя и говорилъ, что считалъ прелестное созданіе перломъ среди женщинъ, однако, все-же не ускорялъ ни на одинъ день счастливой минуты, такъ что это поразило доброе дитя и, однажды, она со слезами высказала тетюшкѣ свое горе о холодности жениха. Она была увѣрена, что онъ ее не выбралъ-бы, не будь она сестрой Мазо, котораго онъ одного только и любилъ. Старая Бриджиды—хотя и ей все это казалось страннымъ—утѣшала свое сокровище какъ могла. рѣшившись втайнѣ убѣдить холоднаго влюбленнаго, переговорить съ нимъ—рыба онъ, что-ль, или Саламандра какал, что такіе нѣжные глазки не могутъ его расшевелить или тронуть. Но когда затѣмъ, вечеромъ, онъ приходилъ какъ всегда тихій и задумчивый, по обыкновенію начиналъ свой дружескій, но равнодушный разговоръ съ Лизабеттуччи, будто съ родной сестрой, то у тетюшки никогда не хватало духу выполнить свое тайное namѣреніе и она думала, что придетъ, наконецъ, день когда собственное въ Нино заговоритъ чувство. Около Карнавала богатый венеціанскій доверъ пригласилъ къ себѣ Мазо для передѣлки бриллиантовъ дочери, помолвленной за одного французскаго герцога. Надо было придать новую и самую красивую форму этимъ украшеніямъ, переходившимъ въ теченіи столѣтій изъ рода въ родъ въ семействѣ матери. Мазо рассчитывалъ въ теченіи трехъ недѣль выполнить это почетное порученіе. Но такъ какъ самъ онъ лично поправился тамъ настолько-же, насколько и его искусство, то его удерживали съ недѣли на недѣлю, руки его были всегда полны работы, ему постоянно приходилось составлять новые рисунки и руководить младшими мастерами; сотни разъ раскаивался онъ, что взялся за это дѣло. Когда наступилъ конецъ

марта и онъ увидѣлъ, что работы еще много впереди, то написалъ домой свояго, прося ихъ именемъ Бога оторопить свадьбой, сдѣлать оглашеніе и увѣдомить его о назначенномъ днѣ; онъ пріѣдетъ, хотя-бы его золотыми цѣпями приковали на площади св. Марка.

Прошло двѣ недѣли, но отвѣта не было и Мазо, мучимый безпокойствомъ и нетерпѣніемъ, послалъ довѣреннаго слугу, курьеромъ въ Сиену, съ приказаніемъ получить отвѣтъ и сейчасъ-же возвратиться въ Венецію, но тотъ не успѣлъ еще прѣхать Флоренцію, какъ столь страстно ожидавшееся письмо, наконецъ, было получено молодымъ мастеромъ. Оно, однако, было написано не рукою Нино, черезъ-чуръ занятаго своими дѣлами, и не рукою невѣсты, а писала своимъ дрожавшимъ, но достаточно яснымъ почеркомъ Бриджиды. Вотъ что сообщала она:

„Дражайшій Мазо! Сердечно любимый племянникъ! Съ тѣхъ поръ, что ты не имѣлъ извѣстій отъ насъ, все въ нашемъ домѣ печально и грустно, и если милосердый Богъ и Пресвятая Дѣва Марія не смилостивятся надъ нами, то никогда уже больше не возвратятся къ намъ ни радость, ни веселье, и послѣдніе дни твоей старой Бриджиды протекуть лишь въ одну горь. Но такъ какъ виновникъ всего этого тебѣ дороже собственныхъ глазъ, то я и медляла писать о томъ, ибо знаю насколько тебѣ необходимо спокойствіе при работѣ на чуждой сторонѣ, для того, чтобы ты могъ себя прославить и своихъ завистниковъ унижить. Однако, ради другой, которую ты послѣ своего друга любилъ всего болѣе на свѣтѣ, я обязана прервать мое молчаніе, дабы ты узналъ среди какой опасности и безпокойства она живетъ, могъ принять какую нибудь рѣшительную мѣру и тѣмъ отвратить еще худшую бѣду, а намъ всѣмъ вернуть прежнее спокойствіе и счастье. Я обязана тебѣ откровенно сказать, милый сынъ, что сердце твоего друга охладѣло къ его невѣстѣ, твоей невинной сестрѣ; вотъ уже три недѣли, что онъ не кажетъ глазъ и не пишетъ, чтобы объяснить свое отсутствіе. Вскорѣ послѣ того, что ты насъ оставилъ, въ городъ къ намъ пріѣхала чужестранка, какъ говорятъ, изъ Эмполи, очень молодая вдова, Мадонна Виоланте, невѣстка нашего подеста, мессира Вителли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышедшая замужъ за его брата, съ которымъ познакомилась во время одной изъ его торговыхъ поѣздокъ. А такъ какъ онъ скоро послѣ того умеръ, не успѣвъ сдѣлать завѣщанія, то родственники вдовы, пользовавшейся не очень хорошей славой, хотѣли дать ей только немного денегъ. И вотъ для того, чтобы начать противъ этого споръ, и чтобы получить въ собственность имѣніе своего покойнаго мужа, около города, какъ вдовью часть, вышедшая Виоланте пріѣхала въ Сиену; но подеста и его родня не пустили ее въ домъ и она, обратившись въ судъ, просила указать лучшаго и ученѣйшаго адвоката; ей и повѣртовали поручить свое дѣло твоему Нино. Тотъ вначалѣ добросовѣстно занимался ея процессомъ и ежедневно заходилъ къ намъ въ садъ, чтобы часокъ провести съ Лизабеттуччи, откровенно рассказывая намъ обо всемъ этомъ и о красноречивыхъ кліентѣхъ. Но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, онъ сталъ заминать этотъ разговоръ, приходилъ въ замѣненіе и краснѣлъ всякій разъ, что дитя въ шутку о томъ заговаривало. И когда потомъ, наконецъ, она приревновала и, заливаясь слезами, бросилась къ нему на шею, умоляя, изъ любви къ ней, передать этотъ гадкій процессъ одному изъ друзей или товарищей, — онъ крѣпко прижалъ ее къ груди, и въ сильномъ волненіи пробормотавъ нѣсколько несвязныхъ словъ, скрылся точно гошимый злымъ духомъ; съ этого дня, милый Мазо, онъ больше не показывался подъ нашей кровлей, несмотря на то близкое сосѣдство, ни на предстоящую свадьбу, ни на то, что я огорчала къ нему посланца за посланцемъ. Когда-же я сама пришла къ нему въ домъ, желая ему сказать прямо въ лицо, что онъ такимъ отдаленіемъ разобьетъ преданное ему молодое сердце и возьметъ на свою совѣсть смертельный грѣхъ,—то была въжливю выпровождена однимъ изъ его писцовъ, обвинившимъ мнѣ, что господинъ докторъ нездоровъ и никоимъ не можетъ принять. Ты понимаешь, дорогой сынъ, что я не пришла эту отговорку за чистую монету, напротивъ, возмущенная до глубины моей души, у которой только и есть на землѣ, что вы, двос, милый дитя, я рѣшилась подкараулить и въ тотъ-же вечеръ видѣла какъ твой добрый другъ, въ тотъ часъ, когда всѣ благочестивые христіане улеглись спать,—завернувшись въ плащъ и скользя изъ дому, что, конечно, было-бы вредно для его нездоровья, сълибъ оно заключалось въ inomъ чемъ, а не въ любовной лихорадкѣ, которая не боится холода зимней ночи. Я-же, хоть и дрожала зубами отъ злости и мороза, у своего открытаго окна, желала собственными глазами видѣть, какъ этотъ вѣроломный измѣнникъ убивалъ счастье моего милого ребенка. Когда-же, наконецъ, въ четвертомъ часу ночи, я дождалась, что онъ бѣжалъ по улицѣ къ себѣ домой, то едва удержалась, чтобы громко не крикнуть ему, за кого я его считаю и что надѣюсь — небесное правосудіе его накажетъ. Я смолчала, чтобы не огласить позора, которымъ онъ насъ покрываетъ, и къ тому-же подумала, что тебѣ, а никому другому, принадлежитъ обязанность заступиться за честь и счастье сестры. Дѣвочки я, однако, ничего не сказала, хотя и на слѣдующую ночь повторилось тоже самое и хотя увѣрена, что узнаю бѣдное сердечко, какому не-

доступному оно отдалось, то может быть и излечилась бы от своего чувства. Но я ужь стара, не знаю что полезно или вредно молодым людям, и могу легко ошибиться, а потому и рѣшлась, дражайшій сынъ, обо всемъ подробно написать тебѣ, чтобъ ты поступилъ какъ надо. И прежде, чѣмъ поручить тебя покровительству Св. Троицы и всѣхъ святыхъ, прошу тебя поторопиться своимъ рѣшениемъ; ты испугаешься, когда увидишь, какъ сердечная тоска истерзала нашу любимицу и заставила поблѣкнуть ея юную красоту; она точно огмѣчена печатью смерти и вчуждѣ больно смотрѣть на молодую певѣсту, что какъ увидная лилія свою головку склонила къ землѣ.

Письмо это, вполнѣдствіи найденное въ бумагахъ Мазо и явпо скомапное во время чтеція,—было передано молодому артисту на площади св. Марка, въ ту самую минуту, когда онъ несъ къ своему заказчику изготовленную имъ великолѣпную серебряную вазу, богато украшенную драгоценными камнями и маскеронами. Открывъ письмо и кое-какъ пробѣжавъ его, онъ приказалъ слугѣ донести вазу безъ него и передать, что самъ не можетъ быть, такъ какъ задержанъ спѣшнымъ дѣломъ. Въ ту же минуту, не приведя ничего въ порядокъ, Мазо велѣлъ себя перевезти въ гондолѣ на материкъ, нанявъ тамъ лошадей и помчался кратчайшимъ путемъ на родину, позволяя себѣ дорогой отдыху лишь на столбикъ, на сколько то было необходимо, чтобъ прѣлхатъ въ полночь обладаніи умственныхъ силъ своихъ, какъ подлежало судьѣ и мстителю. Но въ послѣднюю ночь передъ возвращеніемъ, онъ никакъ не могъ заснуть на своей постели и опасаясь, чтобы какая нибудь болѣзнь не удержала его въ этомъ уединенномъ трактирѣ, гдѣ онъ остановился, Мазо всталъ и, не разбудивъ хозяина, самъ осѣдлалъ коня и пустился въ дорогу. Когда онъ приблизился къ Сиенѣ, то башины и зубцы дворцовъ прекраснаго города были залиты красноватымъ свѣтомъ восходящаго солнца, но въ его душѣ стояла темная, непроглядная ночь. Оставивъ коня за городскими воротами, онъ окольными улицами прошелъ пѣшкомъ до своего дома, такъ какъ не считалъ возможнымъ глядѣть людямъ прямо въ глаза, приписывая себѣ вину за безчестное поведение своего единственнаго друга; онъ стыдился и Бога, и людей.

Старая Бриджида, какъ разъ въ это время, сама отворяла двери ювелирной лавочки; при видѣ входившаго, она было бросилась къ нему съ громкимъ крикомъ, но онъ, зажавъ ей ротъ рукой, велѣлъ молчать. Она послушалась, съ дрожью глядя на его впалыя щеки и блуждающіе глаза; затѣмъ онъ увелъ ее въ кухню, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, около садика, и тамъ, осушивъ кубокъ вина и освѣживъ голову холодной водою, онъ просилъ ее разсказать, что произошло въ эти послѣдніе дни.

Все было по прежнему, съ той только разницей, что уже о томъ начали поговаривать въ городѣ и вѣсколько любопытныхъ кумушекъ носпѣщили навѣдаться у Бриджиды, вѣрнѣ ли слухъ. Она, однако, храбро опровергла сплетню, объяснивъ все болѣзнью Лизабетгуччи, что, въ сущности, и не было выдумкой.

Желаешь ли онъ ее видѣть? Она лежитъ наверху въ своей комнаткѣ и вѣроятно теперь подъ утро слегка замлала послѣ безсонной ночи, проведенной въ слезахъ.

Мазо съ гнѣвомъ потрясъ головой. Не прежде хватить у него духу показаться дѣвчкѣ, какъ только тогда, когда будетъ имѣть возможность ей сказать, что выполнилъ свою братскую обязанность. Сію же минуту онъ къ этому и приступитъ.

— О Мазо! воскликнула старушка, всплеснувъ руками,—подумай о спасеніи своей души, не дѣлай ему зла. Кто знаетъ, виновата ли онъ еще настолько, насколько мы думаемъ; просто онъ попалъ подъ какое нибудь дьявольское навожденіе, потому что многие, кого я ни спрашивала объ этой женщинѣ, увѣрили меня, что она красавица, и потому, можетъ быть, Нино, если ты ему все напомнимъ, какъ прежде между вами было...

— Довольно! проскрежеталъ онъ,—видишь, я спимаю свою шпату и кинжалъ. Иду къ нему безоружный. Если мое слово не найдетъ дороги къ его сердцу—тогда увидимъ, что дальше дѣлать. Но мнѣ надо самому беречься своего гнѣва. Неужели онъ не Нино? Могу-ли я идти къ нему вооруженный, какъ къ врагу?

Взглядъ его уналь на личикъ чернаго дерева, выложенный перламутромъ и уже давно подаренный ему Нино; тутъ надломилась его сила и потокъ горячихъ слезъ брызнулъ изъ глазъ. Но онъ тотчасъ же вновь совладалъ съ собой, всталъ и подалъ старушкѣ руку.

— Это облегчило меня, сказалъ онъ,—и смыло туманъ съ моихъ глазъ. Ты увидишь, что все это были пустяки, все еще будетъ хорошо. Приготовь мнѣ позавтракать, я падѣюсь скоро возвратиться назадъ съ добрыми вѣстями и можетъ быть даже съ нимъ самимъ.

И выходя изъ дому, Мазо твердымъ шагомъ дошелъ до дворца дель-Гарбо; однако когда онъ постучалъ молоткомъ, то звукъ этотъ заставилъ дрогнуть его сердце. Онъ поднялся по хорошо ему знакомой лѣстницѣ и такъ какъ его, друга хозяйна дома, никто не посмѣлъ остановить, то онъ быстро прошелъ къ спальнѣ Нино и, отворивъ дверь, переступилъ порогъ.

Нино поднялся съ постели, въ которую легъ только недавно передъ тѣмъ. Повидимому онъ не сразу узналъ вошедшаго. Но

тотъ, увидѣвъ теперь блѣдное лицо, которое такъ много любилъ, почувствовалъ себя не въ силахъ произнести ни одного гнѣвнаго слова. Медленно приблизился онъ, не снмала шляши съ головы, и остановился у кресла, прислоненнаго къ кровати.

— Доброе утро, Нино! произнесъ онъ наконецъ неувѣреннымъ голосомъ,—я пришелъ слишкомъ рано, по останусь не долго.

— Неужели это ты, Мазо! воскликнулъ тотъ, только теперь вполнѣ пришедшій въ себя.—О, Мазо, отчего ты не пришелъ раньше? Отчего какой нибудь добрый духъ не подсказалъ тебѣ сдѣлать то, что одно могло бы всѣхъ насъ спасти? И все таки—когда ты наконецъ опять тутъ, когда наконецъ я вновь вижу твое лицо—мнѣ легче; странно, Мазо, я долго боялся, что ты именно такъ войдешь ко мнѣ, а теперь, хотя ты и не могъ придти съ добрыми мыслями, теперь точно камень свалился съ моей груди, которую днемъ и ночью терзали безжалостные дьяволы. Благодарю тебя, что ты пришелъ!

Онъ протянулъ ему обѣ руки, но Мазо, не смотря на страстное желаніе броситься ему на шею, отвернулся отъ него и, опустившись въ кресло, усталая въ шивокку, покрывавшую каменный полъ. Говорить онъ не рѣшался, боясь, что тогда твердость оставить его.

— Ты правъ, произнесъ Нино, опустивъ голову на подушки; ты не можешь пожать моей руки, прежде чѣмъ не узнаешь, какъ несчастливъ тотъ, кого ты считаешь легкомысленнымъ врагомъ своего счастья и чести. Вѣрь мнѣ, Мазо, сотни разъ на дню говорю я самъ себѣ, что я негодяй, болѣе заслуживающій наказанія, нежели убійца и святотатецъ; что мнѣ надо сдѣлать всего какихъ нибудь двѣдцать шаговъ, чтобы у ногъ ангела, отдавашаго мнѣ свое сердце, покаяться въ моемъ великомъ грѣхѣ и искупить его. Но есть демоны, Мазо, которые слѣдуютъ по пятамъ за грѣшникомъ, готовымъ къ раскаянію, и удерживаютъ его, не пускаютъ на путь спасенія. И хорошо, что ты пришелъ. Тамъ на столѣ лежитъ кинжалъ, который ты самъ сдѣлалъ и принесъ мнѣ въ Болонью. Возьми его и покони мою муку, отомсти за свою сестру и съ моимъ послѣднимъ вздохомъ я сознаю, что ты поступилъ справедливо и умру съ твоимъ именемъ на устахъ!

Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина, парушавшаяся только глухими стонами несчастнаго, скрывающаго лицо въ изголовь постели. Онъ вдругъ почувствовалъ дрожавшую руку своего друга, тихо коснувшуюся его руки.

— Нино, проговорилъ тотъ глубоко взволнованнымъ голосомъ,—разъкажи мнѣ все, я долженъ былъ знать, что ты не причинишь мнѣ горе намѣренно.

Но Нино продолжалъ лежать безмолвно, его дыханіе только сдѣлалось ровнѣе и повидимому прикосновение руки Мазо нѣсколько успокоило его. Затѣмъ онъ быстро поднялся и заговорилъ: «Я заказалъ мессы въ соборѣ объ освобожденіи одной бѣдной души изъ сѣтей дьявола, я па колѣняхъ молилъ своего патрона—но все напрасно! Она сатана—и я отдался ей душой и тѣломъ. За три года предъ тѣмъ, когда я вступилъ въ высшую школу, одна гадалщица сказала мнѣ, чтобы я берегся женщинъ съ родимымъ пятнышкомъ. Я смѣялся тогда, потому что не зналъ ни одной женщины. Ну, а теперь, я убѣдился, что вѣдьма говорила правду. Видишь ли, Мазо, когда въ первый разъ я пошелъ къ ней, по ее дѣлу—еслибъ кто нибудь мнѣ сказалъ, что я изъ-за этой женщины потеряю свою душу, заставлю страдать моего лучшаго друга и истерзая невпнѣйшее сердце на землѣ, я бы счелъ его суздаседшимъ; моя совесть была тогда спокойна. А теперь безвозвратно я попалъ подъ ея чары, отдалъ ей свою волю, свою гордость; и не заслуживая я ни милосердія, ни сожалѣнія, не въ силахъ я уйти отъ того, что презираю, не въ силахъ схватиться за руку, которая могла бы спасти меня отъ вѣчнаго проклятія.

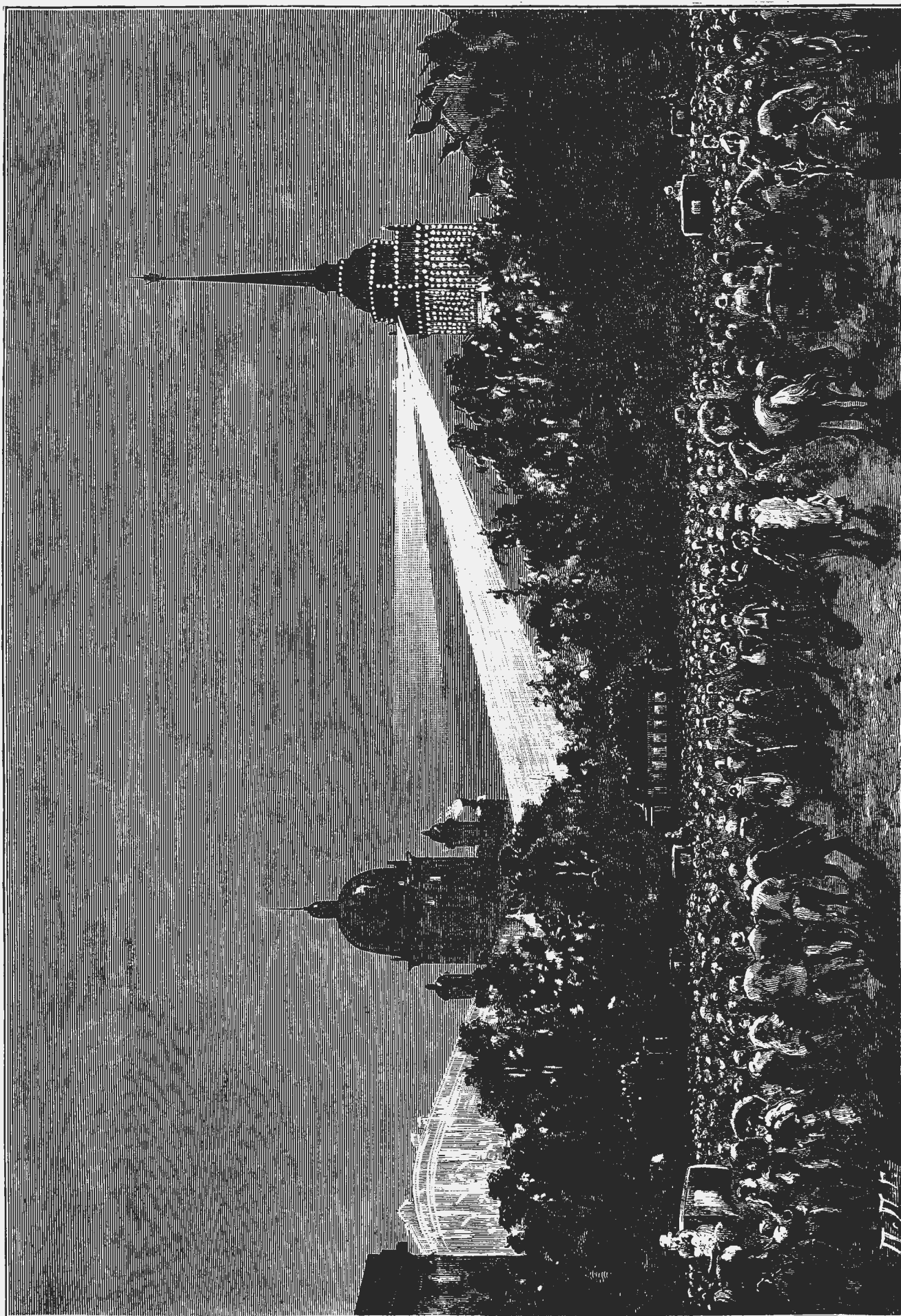
Онъ закрылъ лицо руками и вновь между ними наступило молчаніе. Мазо быстро ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ онъ опять приблизился къ кровати.

— Хочешь на ней жениться? вырвалось изъ его стѣсенной груди.

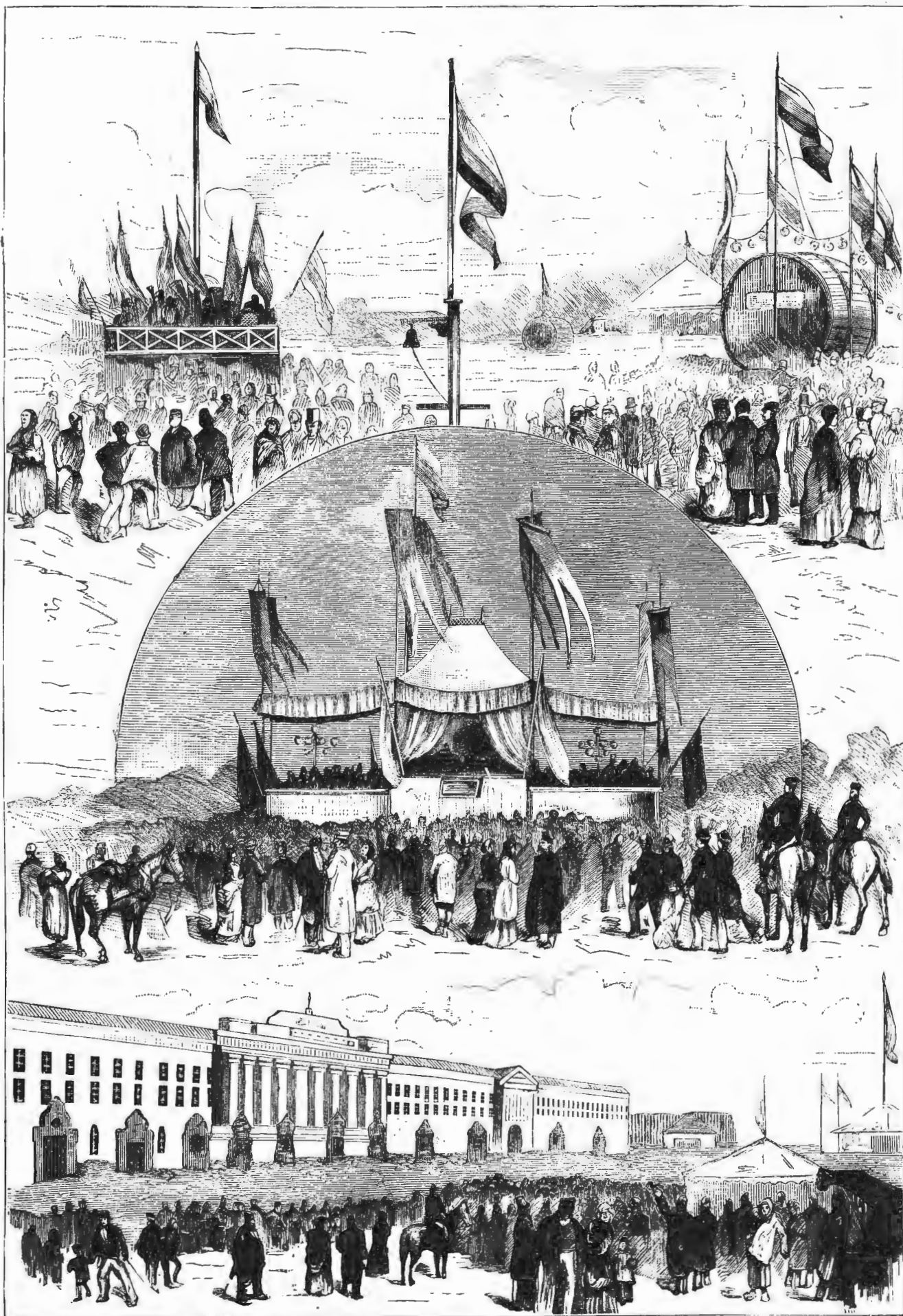
— Да спасутъ меня Мадонна и всѣ святые отъ такого безумія! воскликнулъ несчастный;—говори тебѣ, Мазо, у этой женщины нѣтъ души, и тотъ, кто понадетъ въ ея власть, проклятъ навсегда. Она и не любитъ меня, хотя иногда заставляеть вѣрить меня въ это. Она не любитъ ничего, кромѣ своего могущества надъ бѣдными безумцами, и я знаю, что могъ бы унизить у ея ногъ, не возбудивъ въ ней ни малѣйшей жалости. Все это я себѣ повторяю, и когда ея нѣтъ—проклинаю ее. Но какъ только день склоняется къ вечеру и все вокругъ становится тихо, слышу я близко и ясно ея чарующій голосъ,—и пропадаетъ мгновенно гнѣвъ мой и моя рѣшимость, и злоба, я долженъ бѣжать туда къ ней и уиваться ея взглядомъ, даюшій мнѣ и жизнь и смерть!

Мазо не произнесъ ни одного слова. Долго и пристально глядѣлъ онъ на высокій блѣлый лобъ своего друга, обрамленный спутанными прядями его черныхъ волосъ. Потомъ онъ наклонился къ нему и, напечатлѣвъ быстрый поцѣлуй на его головѣ, бросился вовъ изъ комнаты.

(До слѣд. №).

Коронаціонные дни въ Петербургѣ. Иллюминація Адмиралтейства.
Ориг. рис. П. П. Губача, грав. Гельштейнъ.

Орстрада музыкантовъ.

Главный павильонъ.
Общій видъ гулянья.

Бочка съ пивомъ.

Коронаціонные дни въ Петербургѣ. Гулянье на Царицыномъ Лугу 15—17 и 29 Мая.

Ориг. рис. П. П. Гнѣдича. грав. Ю. Барановскій.

Къ рисункамъ.

Празднованіе коронаціи въ Москвѣ.

Иллюминація Кремля и украшеніе московскихъ улицъ.

(Рис. на стр. 540, 541 и 545).

Великое торжество русской земли—коронаваніе Государя Императора, было отпраздновано Москвою на славу. Никогда еще наша Бѣлокаменная такъ не убиралась и не прихорашивалась, не сіяла такимъ блескомъ и великолѣпьемъ, какъ въ эти знаменательные дни; никогда еще ея красота не являлась въ такомъ обильномъ видѣ и не поражала своей яркостью и оригинальностью. Особенно удалась иллюминація Москвы—этого города, какъ бы предназначеннаго самой природой для всякаго рода пиротехническихъ эффектовъ; въ эти ночи башни Кремля казались какими-то огненными великанами, ярко выдѣлявшимися на темномъ фонѣ неба, а стѣны его, со стороны Красной площади, были обведены широкою каймою транспарантовъ, изображавшихъ гербы губерний и соединенныхъ между собою роскошными, разноцвѣтными гирляндами. Въ самой же срединѣ этой гигантской, огненной декораціи, эффектно выдѣлялась темная, массивная фигура—памятникъ Минина и Пожарскаго. Колокольня Ивана Великаго казалась вся вылитой изъ золота и блестяла ослѣпительнымъ электрическимъ свѣтомъ. Вращающіяся электрическія солнца ярко освѣщали стѣны башенъ то ту, то другую мѣстность и подъ ихъ лучами выдѣлялась какъ днемъ бѣлая громада храма Христа Спасителя, съ его блестящими куполами. Вообще эффектъ былъ поразительный, превзошедшій всѣ ожиданія, и бесспорно, что иллюминація Кремля никогда не была такой роскошной и блистательной. Да оно и не удивительно; электричество въ послѣднее время сдѣлало рѣшительный переворотъ въ пиротехническомъ искусствѣ и лишь съ помощью электрическаго свѣта стали возможны такія эффектные декоративныя картины, какія не могли даже и сниться свидѣтелямъ коронаціонныхъ торществъ прошлаго времени. Въ старину, при коронаваніи ближайшихъ приемниковъ Петра Великаго, Москва украшалась обыкновенно разными тяжелыми, деревянными постройками, имѣющими большею частью форму арокъ, воротъ и обелисковъ. Эти декоративныя постройки освѣщались множествомъ свѣчъ и въ нихъ выдѣлялись разные транспаранты съ символическими фигурами и такими же надписями. Въ ближайшее къ намъ время, какъ наприимѣръ при коронаваніи Александра I, Москва была иллюминирована уже болѣе роскошно и, по свидѣтельству современниковъ, Кремль съ его башнями и особенно Иванъ Великій, до вершины унизанный разноцвѣтными огнями, представляли въ себѣ чѣмъ не сравнимое зрѣлище. При коронаваніи императора Николая, иллюминацію Кремля устраивалъ извѣстный тогда декоративный живописецъ Гонзаго; онъ роскошно украсилъ Александровскій садъ разноцвѣтными шарами, имѣвшими форму плодовъ, унизалъ стѣны и башни кремлевскія шкалками, а колокольню Ивана Великаго освѣтилъ разноцвѣтными фонарями. Объ иллюминаціи Москвы и въ особенности Кремля во время коронаванія Императора Александра II, съ восторгомъ отзываются даже иностранцы; по ихъ словамъ, это было моря огня, среди котораго величественно возвышалась колокольня Ивана Великаго; на золотой главѣ этого колосса устроена была громадная разитровъ корона, видимая со всѣхъ сторонъ города и блестящая огненными сапфирами, изумрудами и рубинами.

Но всѣ эти эффектные иллюминаціи минувшихъ коронаціонныхъ торществъ не могли конечно имѣть того ослѣпительнаго блеска и сказочной роскоши, которая можетъ дать лишь одно электричество; зубчатый стѣны Кремля и колокольню Ивана Великаго теперь унизывали уже не шкалки и разноцвѣтные фонарики, а электрическія лампочки, между которыми горѣли яркими лучами нѣсколько большихъ и малыхъ электрическихъ солицъ. Вообще въ устройствѣ коронаціонной иллюминаціи теперь замѣчалось совершенство техники и обдуманность плана, составленнаго инженеромъ Фабриціусомъ, при содѣйствіи даровитаго художника Бойцова. Каждую почъ горѣло болѣе 300,000 свѣчей въ фонаряхъ и шкаликахъ, 3500 электрич. лампочекъ Эдисона, 18 электрич. солнцъ и сожигаемо до 100 пуд. бенгальскаго огня. Колокольню Ивана Великаго освѣщали 3500 электр. лампочекъ, устроенныхъ по системѣ Эдисона и размѣщенныхъ на куполѣ и даже на крестѣ колокольни нашими смѣльчаками-матросами. Лампочки Эдисона были расположены въ видѣ гирляндъ и фестоновъ и кромѣ того по всему профилю зданія и изъ нихъ же по обѣимъ сторонамъ колокольни были составлены два государственныхъ герба, а на самой колокольнѣ, со стороны Замоскворѣчья, изображенъ вензель Ихъ Величествъ, а со стороны Краснаго крыльца и малаго Кремлевскаго двора—вѣнчикъ съ коронами и годомъ совершившейся коронаціи. Когда запылали эти мириады огней, то зрѣлище дѣйствительно сдѣлалось восхитительнымъ; капризные контуры кремлевскихъ стѣнъ и башенъ, очерченные безчисленными огнями, напоминали собою что то волшебное, фантастическое, описание котораго, по прекрасному выраженію одного иностранца, могло бы быть подѣ силу лишь Виктору Гюго, а изображеніе—Густаву Доре. Извѣстный нашъ поэтъ К. К. Случевскій прекрасно передаетъ то впечатлѣніе,

которое произвела на него иллюминація Кремля, когда по его словамъ:

„Затеплилась Москва въ ликующихъ огняхъ
Во тѣмъ синѣющей, несмѣлыми чертами,
Картиной огненной рисуясь въ небесахъ,
Обозначался Кремль, обрамленный зубцами...
Въ горящихъ очеркахъ, ни кисти, ни перу
Не поддающихся, шчѣмъ не описуемъ,
По каждой профили, по каждому ребру,
Рукой невидимой внимательно рисуемъ,
Онъ зримо возникалъ какъ-бы изъ тѣмъ вѣковъ,
Нетлѣнной жизни гость, явленъ свѣтлое,
Весь въ честной памяти преставленныхъ отцовъ,
Въ общеніи съ вѣчностью и въ божескомъ покоѣ...“

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ убранствѣ московскихъ улицъ во время коронаціонныхъ торществъ, такъ какъ это убранство дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Пальму первенства въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать Тверской улицѣ, такъ какъ она, и безъ того красивая, явилась въ то время въ полномъ уборѣ; бархатные, золотые, расшитые стяги съ портретами Государей изъ дома Романовыхъ, гигантскіе флаштки, такіе какъ представлено на нашемъ рисункѣ, роскошные ковры, гирлянды живой и искусственной зелени, множество флаговъ и щитовъ—придавали ей видъ какой то фантастической, волшебной галереи. Кромѣ того по всему ея протяженію, начиная отъ Триумфальныхъ воротъ, были разставлены колоссальныя, восьми-саженныя мачты, украшенныя гербами Москвы и ея уѣздовъ и флагами. Изъ зданій на Тверской, особенно изначо былъ убранъ домъ генералъ-губернатора и магазинъ Арабажи. Послѣдній былъ обтянутъ весь, вмѣстѣ съ круглой крышей дома, красивой матеріей изъ національныхъ цвѣтовъ бѣлаго, синяго и краснаго. Но помимо Тверской и другія московскія улицы приняли красивый и праздничный видъ, и вообще вся Москва преобразилась въ эти дни какъ бы волшебствомъ въ роскошную, праздную.

Посѣщеніе Сергіевой Лавры Ихъ Величествами.

(Рис. на стр. 548 и 549).

Теперь Троицко-Сергіева лавра—тихое убожище смиренныхъ иноковъ, но историческія заслуги ея и величіе ея святынѣ попрежнему привлекаютъ сюда всякаго русскаго благочестиваго человека. Но особеннымъ торжествомъ для обители бывають посѣщенія русскихъ государей, приходящихъ сюда на обычай послѣ ихъ священнаго коронованія. Такое радостное событіе для обители совершилось 22-го мая. Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ многочисленной свитой, прибыли въ Лавру въ 11 часовъ утра и были встрѣчены при входѣ митрополитомъ московскимъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ званіе здѣшняго священноархимандрита. Поклонившись святителямъ и осмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ Лавру, высокіе паломники также посѣтили находящуюся при Лаврѣ духовную академію и Геосиманскій скитъ. Въ послѣднемъ Августѣише посѣтители осматривали скромный деревянный храмъ, кельи митрополита Филарета и иноческія пещеры монаховъ, гдѣ въ пещерной церкви усердно помолились передъ чудотворной иконой Черниговской Божіей Матери; въ скиту Государынѣ Императрицѣ было поднесено нѣсколько рѣзныхъ вещей, а Государю Наслѣднику модель скита. При этомъ высочайшемъ посѣщеніи какъ Троицко-Сергіевой Лавры, такъ и скита, присутствовалъ князь Черногогорскій Николай, на котораго наша святыня произвела глубокое впечатлѣніе. Послѣдуюмъ же по стонамъ нашихъ вѣнценосцевъ и ознакомимся съ современнымъ положеніемъ знаменитой Лавры.

Троицко-Сергіева Лавра всегда посѣщается нашими Государями послѣ ихъ священнаго коронованія; это—обычай, завѣщанный древностью и имѣющій глубокой смыслъ, какъ религіозный, такъ и государственный. Дѣйствительно Лавра—это исключительная святыня русской земли, которая, кромѣ того, что была разсадникомъ благочестивой, иноческой жизни, играла всегда громадную, выдающуюся роль въ самые трудные и памятные моменты нашей исторіи. Основанная въ 1330 году среди дремучихъ дебрей смиреннымъ схимникомъ Св. Сергіемъ, небольшая обитель приобрѣтаетъ въ скоромъ времени громкую извѣстность во всей землѣ русской. Сюда стремятся со всѣхъ сторонъ благочестивые паломники; сюда прѣзжаютъ князья за утѣшеніемъ и совѣтомъ въ тяжкое время татарскаго владычества, и здѣсь же почерпають новыя силы для борьбы съ ненавистнымъ игомъ.

Наступаютъ тяжкія времена междуцарствія и Троицко-Сергіевый монастырь становится однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ, какъ независимости родины, такъ и православія. Съ сентября 1608 года, его осаждаетъ громадное, тридцатитысячное польское войско, но онъ отважно защищаетъ и выдерживаетъ осаду до января 1610 года, когда къ нему на выручку является нашъ славный полководецъ князь Ско-

пни-Шуйскій. Такой же смѣлый отпоръ встрѣтило здѣсь и войско королевича Владислава, когда онъ, позднеѣ, осадилъ монастырскія укрѣпленія, пробираясь къ Москвѣ, гдѣ уже тогда царствовалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Во время стрѣльчякаго бунта Троицко-Сергіева обитель оказалась не менѣе важная услуга отечеству; здѣсь въ ея стѣнахъ дважды скрывался юный Петръ отъ преслѣдованія враговъ и собиралъ сюда своихъ вѣрныхъ слугъ для прекращенія крамолы.

Троицко-Сергіева Лавра находится въ 60 верстахъ отъ Москвы, при рѣкахъ Кангурѣ и Глинницѣ и соединена теперь съ нашей первопрестольной столицей линіей желѣзной дороги. Обитель окружена большимъ, многолюднымъ селеніемъ, которое носитъ названіе Сергіевского посада.

Виднѣйшій видъ монастыря очень красивъ и даже величественъ; его облегаютъ по всему пространству высокія толстыя стѣны, съ восемью массивными башнями — свидѣтелями польской осады. Стѣны эти были начаты въ 1513 году и окопаны въ 1547. Главный храмъ въ Лаврѣ—это Троицкій соборъ, въ которомъ почитаютъ мощи Св. Сергія. Онъ построенъ въ 1422 году, т. е. въ тотъ годъ, когда были открыты и мощи. Стѣны Троицкаго собора украшены богатою иконописью, возобновленною нѣсколько разъ, а пятирусный иконостасъ обложенъ серебрянью. Мощи Св. Сергія покоятся въ юго-восточномъ углу храма въ двухъ ракахъ: внутренней—серебряной вызолоченой, устроенной Іоанномъ Грознымъ въ 1585 году, и въ наружной—серебряной, съ такою же стѣною обѣ четырехъ столбахъ, сооруженной въ 1737 году Императрицей Анной Іоанновной. Противъ раки, въ ногахъ мощей, находится икона Божіей Матери Одигитрія, бывшая нѣкогда въ келіи угодника, а также его посохъ, мятвя и другія вещи. Желѣзная дверь, ведущая въ южный притворъ храма, до сихъ поръ сохраняетъ пробовину отъ ядра, понавшаго сюда во время польской осады 1608 года. Другой соборъ—Успенскій, къ сѣверо-западу отъ Троицкаго, былъ сооруженъ въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго, по образцу Московскаго Успенскаго собора. Около стѣны этого храма видна скромная палатка, подъ которой покоится прахъ несчастной семьи Годуновыхъ. Кромѣ двухъ соборовъ, въ Лаврѣ еще замѣчательна церковь Св. Духа съ могилою ученаго Максима Грека и церковь Препод. Сергія, при которой устроена обширная братская трапеза въ видѣ средневѣковой готической залы. Всѣхъ церквей и придѣловъ въ Лаврѣ насчитываютъ 14. Изящная колокольня, построенная въ 1750 г. по плану графа Растрелли, имѣетъ до 34 саж. высоты; она украшена колоннами и вазами изъ бѣлаго камня и увѣчана мѣднымъ вызолоченнымъ куполомъ, въ видѣ огромной чаши, надъ которой возвышается пьедесталъ съ яблокомъ и крестомъ.

Къ южной сторонѣ церкви примыкаетъ двухэтажная постройка—это келья покойнаго митрополита Филарета, гдѣ все оставлено въ томъ видѣ, въ какомъ было при его жизни. Главная святыня скита—чудотворная икона Черниговской Божіей Матери, которая нынѣ находится въ пещерной церкви Архангела Михаила.

Празднованіе коронаціи въ Петербургѣ.

Иллюминаціи Адмиралтейства и народное гулянье на Царицыномъ лугу.
(Рис. изъ стр. 552 и 553).

Въ дни священнаго коронованія 15, 16 и 17 мая Петербургъ, какъ только могъ, соперничалъ въ убранствѣ съ первопрестольной нашей столицей; улицы его украшались флагами, коврами, бюстами Августѣйшихъ виновниковъ торжества, а вечеромъ повсюду зажглась иллюминація, причемъ особенно выдѣлялись своимъ эффектнымъ освѣщеніемъ нѣкоторыя наши общественныя и ка-

венныя зданія и въ томъ числѣ зданіе Адмиралтейства. Весь профиль послѣдняго, съ широкими воротами и высокими шпицами, былъ унизанъ пиками, а въ окнахъ башни сверкала то электрической свѣтъ, то бенгальскій огонь. Внизу, на площади, въ Александровскомъ скверѣ и на Невскомъ до Полицейскаго моста было свѣтло какъ днемъ и ярко освѣщенный шпиль эффектно выдѣлялся на свѣтломъ фонѣ нашей сѣверной, майской ночи.

Народное гулянье на Царицыномъ лугу также удалось вполне; народъ отъ души веселился, переходя отъ одного зрѣлища къ другому; то любовался сценическими представленіями, то слушалъ музыку и пѣсенниковъ, то безъ усталости вертѣлся на перекидныхъ качеляхъ и на каруселяхъ. Кругомъ всего Царицына луга былъ поставленъ цѣлый рядъ бочекъ съ пивомъ и медомъ и торговля ими шла очень бойко; народъ пилъ много, по пьяныхъ было почти не видно и порядокъ нигдѣ не нарушался. Народъ зналъ, что гуляетъ на праздникѣ Цари; зналъ, что торжествуетъ великіе, незабвенные дни, и потому, очевидно, сдерживался; велъ себя тихо и прилично. Какъ вкопанная стояла тысячная толпа передъ импровизированными сценами, съ наслажденіемъ любуясь своимъ народнымъ героемъ „Иваномъ Сусанинымъ“; смѣясь отъ души надъ проделками Торопки въ „Аскольдовой могилѣ“ и была очень довольна веселымъ водевилемъ „Ямщики или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ“, особенно когда въ послѣдней картинѣ затгивалась общія, хоровая пѣсня и актеры начинали бойко выплясывать трешака—танецъ столь близкій русскому сердцу. Акробаты также были постоянно окружены густой толпой зрителей; народъ видимо интересовался ихъ головоломными штуками и хожденіемъ по канату, хотя вообще онъ не любитъ „ломанья“ и относится къ нему нѣсколько презрительно. Но что приводило его дѣйствительно въ восторгъ, то это свои импровизированные акробаты, карабкавшіеся на высокія мачты въ погонѣ за призами. Въ этихъ усиліяхъ взобраться на гладкій столбъ было порою очень много комичнаго, и толпа разражалась громкимъ единодушнымъ смѣхомъ каждый разъ, какъ какой нибудь джоржистинъ гимнастъ, добравшись до середины столба или даже выше, вдругъ обрывался и стремглавъ скатывался по гладкой поверхности мачты. За то побѣдителя сопровождала постоянно громкая овация: ему рукоплескали, кричали ура и торжественно вели къ царской палаткѣ, гдѣ раздавали призы. Эта палатка отличалась очень красивымъ убранствомъ. Она была обтянута снаружи и внутри полотномъ, съ бордюрами изъ шерстяной красной тесьмы, а полъ и дѣтеныши отдѣланы краснымъ сукномъ. Снаружи на цоколѣ палатки, лицомъ къ Мойкѣ, были изображены два государственныхъ герба на маунтияхъ, а на противуположной сторонѣ—два герба городскихъ. Внутренность палатки украшена была большою грушею растеній и цвѣтовъ, а также изящной мебелью: диванами, стульями и столами. Въ разныхъ мѣстахъ Царицына луга были разставлены „петрушки“, шарманчики и панорамы, а также устроены украшенія, состоявшія изъ гербовъ, орловъ и декоративныхъ арокъ. Кромѣ того, новинкой, и новинкой очень удачной, являлись выставленныя по одной сторонѣ площади 16 картинъ изъ русской исторіи, исполненныхъ довольно сносно. Эти картины видимо интересовали народную массу и для нея онѣ дѣйствительно служили элементарнымъ, нагляднымъ курсомъ нашей отечественной исторіи. Эпизоды разныхъ сценъ гулянья и изображены нашимъ художникомъ.

Иллюминаціи на Царицыномъ лугу не было; народъ гулялъ и веселился здѣсь только до сумерекъ, и съ прекращеніемъ музыки и представленій, потонулъ густой, шумной толпою къ Невскому, который уже тогда ярко сіялъ огнями и надъ которымъ уже стояло широкое, багровое зарево.

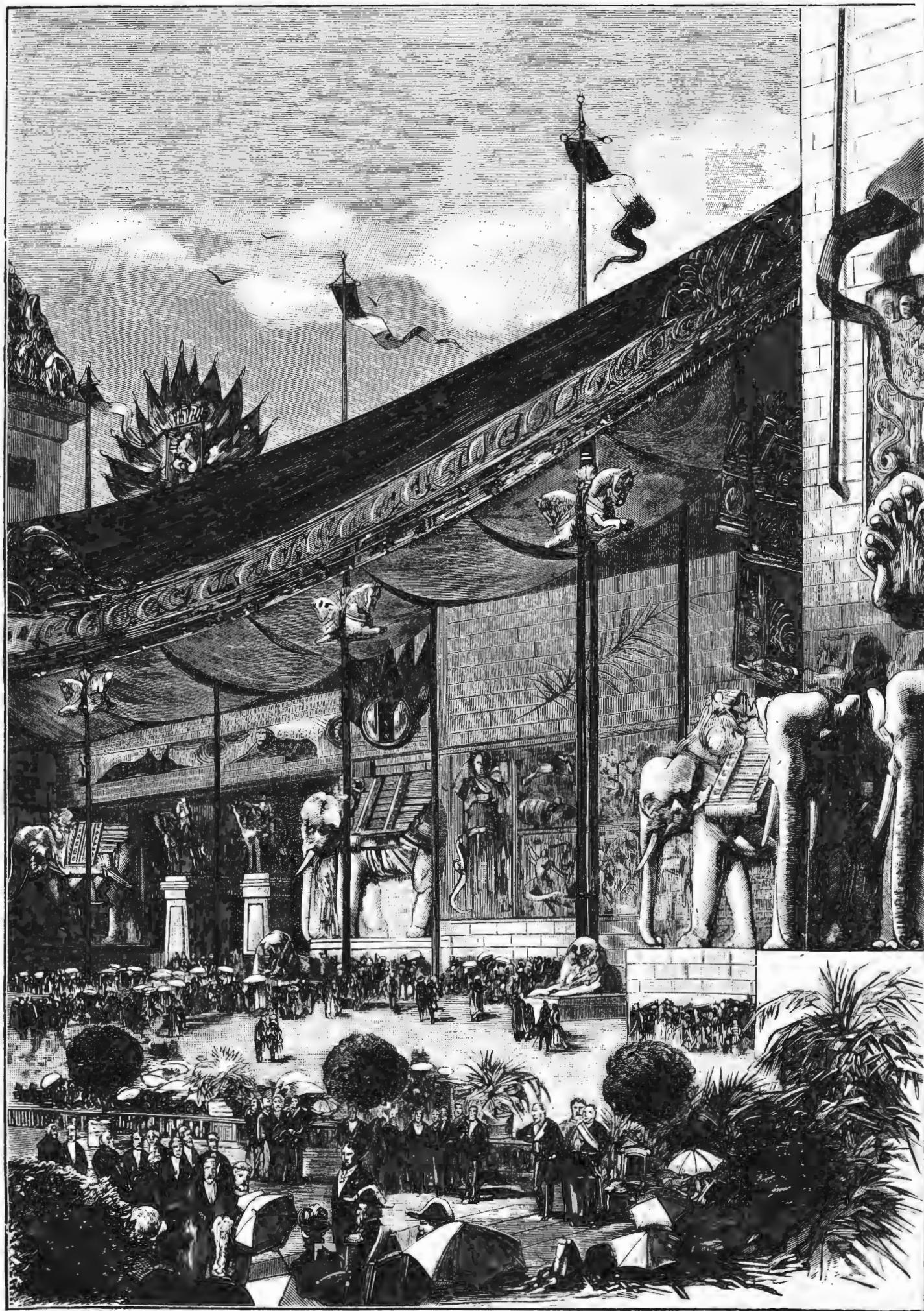
Разсказы, замѣтки и впечатлѣнія коронаціи.

Крестъ Георгіевскій. Государь на семеновскомъ праздникѣ вознаградилъ декабристу Муравьеву-Апостолу солдатскій крестъ Георгія. Крестъ преисповожденъ былъ отъ имени Государя, приписавъ генераль-адъютанта Червина, родственника Муравьева-Апостола. Эта милость царская глубоко тронула 90-лѣтняго старика, которому покойный Государь возвратилъ кульскій крестъ и медаль въ память 1812 года. Георгіевскій крестъ онъ получилъ за бординское сраженіе, въ которомъ участвовалъ, будучи знаменосцемъ 8-й фузелерной роты 3-го батальона—тогда всѣ роты имѣли знамена. Ему было тогда 19 лѣтъ.

Муравьевъ-Апостолъ сидѣлъ во время праздника, такъ какъ стоять долго не можетъ: на одинъ глазъ онъ совсѣмъ ослѣпъ, другимъ мало видитъ. Когда Государь подошелъ къ нему и сказалъ ему нѣсколько милостивыхъ словъ, Муравьевъ-Апостолъ бросился на колѣни, но Государь удержалъ его и усидѣлъ. Князь Черногорскій, узнавъ въ чемъ дѣло, далъ Муравьеву черногорскій орденъ 4-й степени за храбрость. Во время праздника старикъ продрегъ, погода была холодная и друзья боялись за его здоровье; но онъ чувствуетъ себя прекрасно—милость Государя, его ласковыя слова оживили его и ободрили. Вчера посѣтилъ его старый товарищъ, съ которымъ онъ не выдалъ семьдесятъ лѣтъ, именно генераль-адъютантъ Клеу-

фель, тоже ветеранъ 12-го года. „Узнаешь ли ты меня?“ спросилъ онъ Муравьева. Узнать послѣ семидесяти лѣтъ?! Изъ этихъ „богатырей“ осталось всего 10 человекъ, которые и будутъ завтра присутствовать при освѣщеніи храма Спасителя. Изъ нихъ одинъ—лейбъ-драгунскій полковникъ Березниковъ, присутствовавшій въ качествѣ ассистента при московскомъ предводителѣ на семеновскомъ праздникѣ. Березникову 93 года, но онъ еще очень бодръ, до сихъ поръ страстный охотникъ и обладатель одной изъ лучшихъ охотъ въ Россіи. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, онъ сказалъ на конѣ за русаками.

Вотъ глубоко прочувствованная рѣчь черногорскаго князя, произнесенная при поднесеніи ему 19-го мая митрополитомъ Іоанніемъ и духовенствомъ иконы св. мученика Трифона. „Я везу ее домой, сказалъ князь, какъ новое доказательство взаимности въ вѣрѣ между великою Россіей и моею маленькою Черногоріей; передъ нею я часто буду молить Бога о счастьи и благоденствіи Императора Россіи, Его дома и народа. Въ третій разъ я прѣѣзжаю въ Москву, нашъ второй Іерусалимъ, священную хранительницу нашего православія. Мнѣ милъ и драгоцѣненъ даръ вашъ именно теперь, ибо я удостоился быть соучастникомъ величественнаго торжества коронованія Богомъ даннаго, Богомъ вѣнчанаго Государя, очевидцемъ

Амстердамъ. Международная выставка. Передъ порталомъ зданія Выставки, въ день открытія 19 Апр. (1 Мзя).
 Оз фотографіи грав. Гельштейнъ. Библиотека "Руниверс"

искренней любви и одушевленной преданности народа русского которая есть самый драгоценный камень в коронѣ Его Величества. Меня привело чувство благодарности, которое будет сопровождать меня по пути всей жизни моей“.

Корреспонденты. Еще ни одно событие общественной жизни не собирало у насъ такой массы корреспондентовъ, какъ нынѣшняя коронація. Печать прислала въ Москву едва-ли не самую многочисленную депутацию своихъ представителей. Начиная отъ газеты „Times“, и кончая маленькими, всѣ были на лицо въ Бѣлокаменной. Знаменательнъ тотъ фактъ, что въ стѣпы Кремлевскаго дворца и Успенскаго собора въ первый разъ проникла печать. Этотъ разъ, съѣхались изъ всѣхъ пунктовъ земнаго шара. Москва дала величавое, грандіозное зрѣлище. Корреспонденты, главнымъ образомъ, распались на четыре группы: англичанъ, нѣмцевъ, французовъ и русскихъ. Каждая изъ этихъ группъ представляла свою оригинальную особенность. Говорятъ, наиболѣе симпатичнымъ типомъ являлись англичане и американцы. Они не сходились ни съ кѣмъ, держались своимъ сплоченнымъ кружкомъ. Послѣдняя всюду и

ездѣ, они не ограничивались изображеніемъ одной только внѣшней стороны празднества,—напротивъ. Вездѣ и всюду старались проникнуть въ глубь, вдуматься въ смыслъ того или другаго событія, уловить связь между ними. Прежде чѣмъ явиться сюда, они повзаконились съ Россіей по всевозможнымъ сочиненіямъ. Они явились подготовленные. Они серьезно думаютъ, много наблюдаютъ и работаютъ.

Надняхъ торговымъ домомъ Ф. В. Гупъ и комп. выпущена въ продажу металлическая тарелка, изготовленная въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Тарелка эта въ значительномъ количествѣ экземпляровъ изготовлена на одной изъ лучшихъ заграничныхъ металлическихъ фабрикъ и дѣйствительно представляетъ артистически-художественное произведеніе; она имѣетъ около 5 вершк. въ діаметрѣ; исполнена въ византийскомъ стилѣ съ изображеніемъ посредниці портретовъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ общемъ тарелка весьма изящна и по цѣнѣ своей общедоступна, а именно въ Петербургѣ продается по 6 руб., а съ пересылкою въ провинцію 7 р.

Политическое обозрѣніе.

Энтузіазмъ болгаръ по случаю коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. — Турція. — Англія. — Франція. — Германія. — Испанія и Португалія. — Перу и Чили.

Въ великую для Россіи минуту, въ великіе дни священнаго коронованія нашего Государа, болгары показали себя истинными братьями русскаго народа. Трудно было-бы, съ большею искренностью, принимать участіе въ нашемъ торжествѣ, чѣмъ это дѣлаютъ они. Тутъ только вылились, выказались тѣ чувства, которыя, несмотря на нашихъ „друзей“, болгары питаютъ къ намъ. Въ день коронованія восторгъ ихъ не имѣлъ предѣловъ, выражаясь въ оваціяхъ и демонстраціяхъ чисто народнаго характера—предметомъ которыхъ былъ Русскій Царь и Его Россія. Тоже самое повторялось и въ послѣдующіе дни. Въ Софіи, 17-го (29) мая, масса престога македонскаго народа прошла по улицамъ Софіи съ факелами. Подойдя къ помѣщенію русскаго дипломатическаго агентства, процессія огласила воздухъ одушевленными криками: „Да живетъ Царь!“ Овація были необычайно велики; народъ пѣлъ молитвы и пѣсни; выступившіи впередъ ораторъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ, что македонцы приносятъ поздравленія Царю и русскому народу отъ лица отечества македонцевъ, еще томившагося подъ игомъ. Затѣмъ толпа двинулась къ квартирѣ генерала Каульбарса, гдѣ вновь разразилась бурными восторженными кликами, среди которыхъ слышались благопожеланія Русскому Царю. Генералъ Каульбарсъ обратился къ народу съ теплою рѣчью, въ которой указалъ на исторію освобожденія болгарскаго княжества и замѣтилъ, что въ этой исторіи македонцы должны почерпнуть надежду на свѣтлое будущее. На эту рѣчь народъ отвѣчалъ восторженными кликами „ура“ въ честь Государа Императора и болгарскаго князя.

Энтузіазмъ будто волной идетъ и дальше, за предѣлы великой Болгаріи. И страннымъ диссонансомъ звучитъ требованіе Турціи о срытіи дунайскихъ крѣпостей...

Англія, съ своей стороны, пристаетъ къ Турціи съ реформами въ Арменіи: лордъ Дефференъ объяснялся объ этомъ съ султаномъ, который далъ ему весьма неопредѣленный отвѣтъ; вѣроятно, „не вышнвлюющійся“ кабинетъ Гладстона приметъ мѣры къ тому, чтобы получить у Порты отвѣтъ въ выраженіяхъ опредѣленныхъ, а всего вѣрнѣе — самъ, такъ или иначе, введетъ реформы и вмѣстѣ съ ними свое вліяніе... Теперь, въ виду усиленной колониальной дѣятельности Франціи, это тѣмъ болѣе необходимо ея традиціонной соперницѣ на морѣ. А французы будто дразнятъ англичанъ. Едва-ли не каждый день приходятъ вѣсти о томъ, что они гдѣ нибудь или „присоединили“, или-же „упрочили вліяніе“.

Такъ, одинъ пароходъ, прибывшій въ Ливерпуль, привезъ съ западнаго берега Африки свѣдѣніе о томъ, что Франція возвратила себѣ протекторатъ надъ Порто-Ново и прилегающими къ нему мѣстностями: Аджера, Прокра, Узіе и Аши. Порто-Ново уступленъ Франціи королемъ Дагомейскимъ въ 1868 г., но учрежденный тамъ постъ былъ снятъ въ 1871 года; нынѣ-же, 2-го мая, командиръ военнаго корвета возстановилъ французскую власть и—въ Порто-Ново посылаются войска; затѣмъ направилась въ Лагосъ, онъ тамъ салютовалъ англійскому флагу и тѣмъ-пришлось отарить такимъ-же салютомъ; надо думать, не съ особеннымъ удовольствіемъ салютовали они. Но англичане, за то, имѣли нѣкоторый реваншъ въ французской неудачѣ въ Тонкинѣ, гдѣ, какъ мы уже сообщали, Ривьеръ, начальникъ экспедиціи, палъ жертвой своей оплошности: согласно подробностямъ, Ривьеръ, предпринимая вылазку изъ Ханоя, раздѣлилъ свои войска на двѣ части и съ 150 солдатами двинулся впередъ; остальные 250 солдатъ остались слишкомъ далеко; пользуясь этимъ, авантюры, въ большомъ числѣ, нанали враспlohъ на передовой отрядъ и уничтожили его; тутъ свѣдѣнія нѣсколько различаются между собой: по однимъ, Ривьеръ былъ убитъ въ сраженіи-же, а изъ другихъ видно, будто-бы они и другіе (всего 15 ч.) попались въ плѣнъ и на слѣдующій день были посажены на колъ; фран-

цузы, конечно, съумѣютъ отомстить варварамъ, по пельзя не удивляться тому, что экспедиція ведется какой-то неопытной рукой, видно что—не дѣтки, не ихъ умѣлость.

Переговоры Пруссіи съ Ватиканомъ все еще не привели ни къ чему; о нынѣшнемъ положеніи этого дѣла изъ официального источника сообщаютъ слѣдующее: „Нельзя придавать особенной вѣры слухамъ о предстоящемъ прерваніи переговоровъ съ Ватиканомъ, распространившимся вследствие враждебнаго тона клерикальныхъ газетъ по отношенію къ правительству. Самый текстъ ноты, которыми обмѣнялись обѣ стороны, свидѣтельствуеетъ о томъ, что переговоры далеко не имѣли того характера, какой приписывается имъ печатью, и что, несмотря на существующую разногласія, не можетъ быть еще рѣчи о непосредственномъ окончаніи переговоровъ. Многими утверждается, что во время обнародованія послѣдней ноты прусскаго правительства прусскій посланникъ сообщилъ сюда по телеграфу содержаніе отвѣтной ноты Куріи. Поэтому, при настоящемъ положеніи дѣла, ничего не будетъ невѣроятнаго, если въ дандтагъ будетъ внесенъ, еще въ теченіи нынѣшней сессіи, законопроектъ церковно-политическаго содержанія.“

Пока другія государства соперничаютъ, Испанія и Португалія стремятся, наоборотъ, къ „Иберійскому“ союзу — пока на почвѣ экономическихъ и иныхъ, менѣе щекотливыхъ интересовъ. Король и королева Португальскіе — въ настоящее время находятся въ Мадридѣ; приемъ имъ оказалъ необычайное дружественный; ихъ величества были встрѣчены на станиціи королемъ Альфонсомъ и королевою Христиною, инфантами Изабеллою и Евлаіею, а также высшими придворными и государственными сановниками. Испанскій министр-президентъ Сагаста вмѣстѣ съ министрами иностранныхъ дѣлъ и путей сообщенія встрѣтили португальскую королевскую чету на пограничной станиціи Илескасъ. Съ мадридскою станицію желѣзной дороги обѣ королевскія четы отпривались во дворецъ въ открытомъ экипажѣ, за которымъ слѣдовали коляски инфантъ и саповниковъ. Мадридскій гарнизонъ былъ расположенъ шналерами по обѣимъ сторонамъ пути; массы народа, численностью до 150,000 человекъ, восторженно привѣтствовали ихъ величества на всемъ пути.

Нѣсколько дней спустя, на открытіи минералогической выставки, на которомъ присутствовали обѣ царственные четы, король Испаніи произнесъ рѣчь, сказавъ, между прочимъ, что Испанія и Португалія—сестры и всегда будутъ идти рука объ руку; слова эти были покрыты возгласами — „да здравствуетъ Испанія, да здравствуетъ Португалія!“ Не поможеть-ли сестра сестрѣ отнять у англичанъ Гибралтаръ?.. Для многихъ-бы, и не состоящихъ въ родствѣ съ Испаніей, это было хорошо.

Чили и Перу желаютъ мириться; Перу уступаютъ Чили Такну и Арику на десять лѣтъ, послѣ чего, вѣбисцитомъ, будетъ опредѣлено — кому должны принадлежать эти провинціи и та страна, къ которой онѣ перейдутъ, заплатитъ другой—уступившей; странныя условія—не лучше-ли было сторговаться не ведя войны, да еще и столь продолжительной!

Заявленіе.

Коптора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и многогородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе. Попропиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, большій картины Профессора В. И. Якобіа „Король-женихъ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.

С М Ъ С Ъ.

Телеграфное сообщеніе въ Индіи. Устройство п, въ особенности, сохраненіе телеграфа въ тропических странахъ значительно усложняется своею разннми, климатическими условиями.

Телеграфныя линіи, проведенныя черезъ густыя лѣсныя чащи, населенныя массою самыхъ разнообразныхъ птицъ и дикихъ звѣрей, требуютъ очень прочнаго устройства; поэтому, наши тонкія, телеграфныя проволоки замѣняются солидными, желѣзными прутьями $\frac{1}{8}$ дюйма толщиной, прикрѣпленными къ массивнымъ бамбуковымъ столбамъ на такой высотѣ отъ земли, что подъ ними легко помѣщаются высокія туземныя повозки и даже навьюченные слоны. Такимъ образомъ, въ то же время достигается извѣстная степень устойчивости, необходимая для того, чтобы телеграфъ могъ легко выдерживать сильный напоръ воды во время непрерывныхъ, періодическихъ дождей.

Безъ этой предосторожности телеграфное сообщеніе рисковало бы оставаться цѣлыми мѣсяцами въ бездѣйствіи, такъ какъ извѣстно, что даже наши такъ называемые проливные дожди—сухая бездѣлица въ сравненіи съ тропическими ливнями—и тѣ оказываютъ вліяніе на электрической токъ, направляя его изъ проволоки прямо въ землю.

Во время грозы, телеграфъ подвергается еще большей опасности; поэтому у насъ, при первыхъ раскатахъ грома, телеграфная станція немедленно уединяется для сохраненія въ цѣлости находящихся въ ней дорогихъ аппаратовъ; благодаря такой предосторожности, электричество изъ насыщеннаго воздуха переходитъ въ телеграфную проволоку и встрѣтивъ на пути препятствіе въ видѣ громоотвода, своимъ прикосновеніемъ расплавляетъ тоненькую, платиновую полосу и немедленно исчезаетъ въ землѣ.

Въ тропическихъ же странахъ, гдѣ грозы бываютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ умѣренномъ климатѣ, и, болѣею частью, наступаютъ внезапно, приходится принимать еще болѣе энергичныя мѣры: поэтому, тамъ не довольствуются однимъ громоотводомъ между двумя станціями, а устраиваютъ ихъ нѣсколько, на всемъ протяженіи телеграфной линіи.

Суровая зима. Зима 1794—95 года, ознаменовавшаяся рядомъ блестящихъ побѣдъ французовъ надъ голландцами, считается одной изъ самыхъ жестокихъ зимъ, когда-либо пережитыхъ европейцами. Вотъ что пишетъ о ней современникъ, на слова котораго можно смѣло положиться:

„Въ самый разгаръ зимы мнѣ пришлось совершить не близкое путешествіе изъ Амстердама въ Германію. Все время, изо дня въ день, стояли сильнѣйшіе морозы, сопровождаемые рѣзкими, сѣверными вѣтрами. Спиртъ и водка замерзали въ бутылкахъ, а посуда, только что вымытая въ кипяткѣ, раньше чѣмъ ее успѣютъ вытереть, немедленно покрывалась тонкимъ слоемъ льда. Ледяная кора на окнахъ достигала толщины золотой монеты; хлѣбъ дѣлался твердымъ какъ камень, и прежде чѣмъ начать ѣсть, его надо было держать около часа у пылающей печки, а парное молоко уже успѣвало замерзнуть въ то время какъ его переносили изъ хлѣба въ кухню. Чтобы написать письмо, надо было усѣсться какъ можно ближе къ затопленному камину, рискуя сжечь себѣ ноги, такъ какъ въ противномъ случаѣ чернила тотчасъ же замерзали на перѣ. Разгоряченныя быстрой ѣздой лошади, при малѣйшей остановкѣ, покрывались сверкающей на солнцѣ ледяной одеждой, а кучеръ и сѣдоки возвращались домой полуживые отъ холода съ бородами, усами и рѣсницами, разукрашенными миниатюрными, ледяными сосульками.

Бамбукъ. Это красивое растеніе изъ семейства тростниковъ издавна считается въ Китаѣ однимъ изъ самыхъ драгоценныхъ экземпляровъ мѣстной флоры.

Оно даетъ очень хорошій, прочный матеріалъ для постройки домовъ, употребляется для выдѣлки различныхъ предметовъ домашней утвари, а его молодые побѣги и листья, очень вкусные и питательные, идутъ на приготовленіе многихъ лакомыхъ блюдъ китайской кухни.

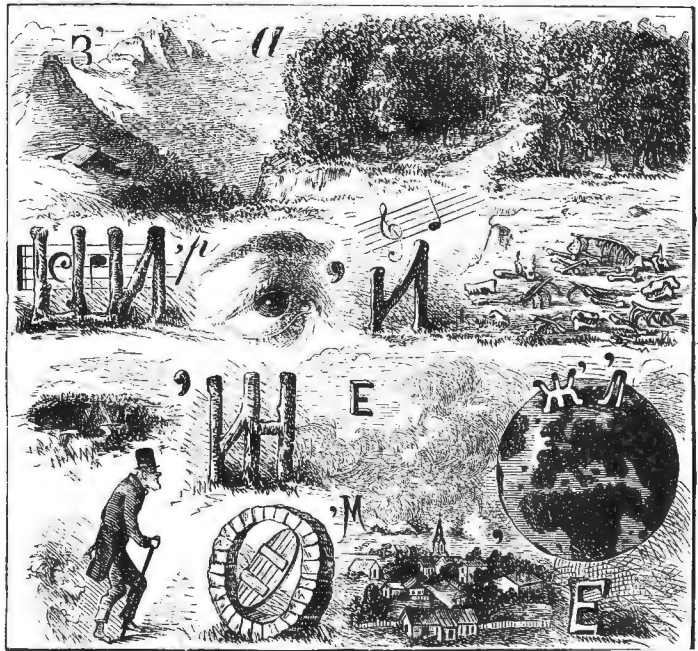
По этому, болѣе или менѣе обширная, бамбуковая плантація, смотря по средствамъ владѣльца, составляетъ необходимую принадлежность каждаго зажиточнаго, китайскаго хозяйства и въ то же время служитъ яблокомъ раздора для сосѣднихъ бѣдняковъ, смотрящихъ съ затаенной завистью на зеленныя верхушки деревьевъ, выглядывающія изъ за окружающаго ихъ высокаго, плотнаго забора. Въ послѣднее же время хлѣбные и скупые китайцы нашли очень легкій способъ разводиться бамбукомъ на чужой счетъ безъ особеннаго труда и лишннихъ издержекъ. Выбравъ молодое, здоровое деревцо, растущее на краю чужаго сада, они приготавливаютъ отваръ изъ внутренностей теленка или барана и этой жидкостью нѣсколько

разъ усердно поливаютъ землю около забора. Испаренія почвы, насыщенной такимъ растворомъ, имѣютъ неотразимую, притягательную силу для бамбука и, несмотря на значительное разстояніе, дерево начинаетъ пускать новые ростки и въ самое короткое время, къ великой радости сосѣда, молодое деревцо вырастаетъ на чужой землѣ, по другую сторону забора и часто служитъ основаніемъ роскошной, бамбуковой плантаціи, превращающей ничтожнаго бѣдняка въ богатаго плантатора.

Недаромъ говорятъ русская пословица, что „голь на выдумки хитра“.

Электричество стали теперь примѣнять для истребленія крысъ. Лейденскую батарею соединяютъ проводникомъ съ приманкой; когда крыса схватитъ наживу, аппаратъ разряжается и животное моментально переходитъ отъ жизни къ смерти безъ всякихъ страданій.

РЕБУСЪ. Задача № 29.

Почтовый ящикъ.

Н-ому. Сиб. Подписчики наши уже достаточно выразили намъ свое сочувствіе и мы не сомнѣваемся какъ они отнесутся къ журнальной брани, вызванной лишь желаніемъ повредить намъ. Мы никогда не позволяли себѣ занимать своихъ читателей дразгами и теперь не позволимъ. Что касается нѣкоторыхъ ошибокъ указаннаго Вами №, то, при спѣшности работы, онѣ были возможны. Стремленіе же скорѣе удовлетворить нетерпѣнію публики не заслуживаетъ, полагаемъ, порицанія.

Всѣ рисунки, касающіеся коронаціи, разрѣшались въ Москвѣ, на мѣстѣ, особой комиссіей, и невѣрныя изображенія пройти не могли. Что касается текста, то въ немъ ошибокъ уже потому не могло быть, что церемоніалы были напечатаны задолго заранѣе. Большинство рисунковъ № были изображенія разныхъ предметовъ, великолѣпно исполненные портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, короны, тронъ и т. п., гдѣ ошибокъ быть не могло. Вообще же по этому предмету впредь ни на какия клеветы мы отвѣчать не станемъ—наши странія дать по возможности все лучше и скорѣе, достаточно извѣстны нашимъ читателямъ.

Г. Карзининъ—нашъ спеціальный корреспондентъ въ Москвѣ и дѣятельность его тамъ всѣмъ извѣстна; до послѣднихъ дней онъ посылалъ намъ съ мѣста массу прекрасныхъ рисунковъ съ натуры и онъ всѣ появились и появятся въ слѣдующемъ № „Нивы“.

СОДЕРЖАНІЕ: Выставка въ Амстердамѣ (съ 2 рис.).—Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣній). Историческій романъ Всеволода Соловьева. Ч. I, гл. 3, 4 и 5.—Нино и Мацо. Рассказъ, взятый изъ хроники города Сиены, П. Гейзе.—Изъ рисунковъ: Празднованіе коронаціи въ Москвѣ (съ 2 рис.).—Посѣщеніе Се, Гневой Лавры Ихъ Величествами (съ рис.).—Празднованіе коронаціи въ Петербургѣ (съ 2 рис.).—Разказы, замѣтки и впечатлѣнія коронаціи.—Поэтическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Заявленіе.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются „Парижскія моды“ за июнь 1883 г. съ 31 рис. и отд. листомъ съ 14 рис. вышланы. Работа в 25 выройнама въ натур. величину.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Ведомъ А. Ф. Марнсъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. пногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и предлагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

ИЗДАНИЯ А. Ф. МАРКАСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШ. МОРСКАЯ № 9.

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ,
Всеволода Соловьева.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей велееной бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. иногород. 3 р. 50 к., въ красномъ маленкоромъ переплетѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ новымъ подписчикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтерьянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ пріобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустили имъ это новое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 р.; въ казенкор. переплетѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“, въ Больш. Морской, д. № 9; и въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линіи,—а также можно найти эту книгу у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣтъ Акаціи). (Robinia Pseudoacazia)

стоятъ на той же степени, какъ и известныя міру спеціальности:

Maiglökchen Г. Лозе, || Königin der Nacht Г. Лозе,
NÉLÉTROPE BLANC Г. ЛОЗЕ, || BOUQUET CARMEN Г. ЛОЗЕ,

какъ отличныя и для платковъ продолжительно пахучіе духи.

Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.

Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.

При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики. St. № 2605 10—5

Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. Б. Моская д. № 9.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, Всеволода Соловьева. Большой томъ в 8—всего 679 стр., печатая на лучшей велееной бумагѣ, съ виньет. Романъ этотъ служитъ началомъ печатаннаго нынѣ въ „НИВѢ“ романа „Вольтерьянецъ“, дѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красномъ оригинальномъ казенкоромъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

НАТУРАЛЬНЫЙ

БИЛИНСКІЙ ЗАУЕРБРУННЪ!

Давно известный цѣлебный источникъ для мелочныхъ болѣзней и болѣзней мочевого пузыря, превосходный диететическій напитокъ.

Brunnen-Direction въ Вилинѣ (Богемія).

Дело въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, рускомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. Ц. № 2594 6 6

З АЙДТШИТСКАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА

(Saidschitzer Bitterwasser),

настоящій, чистый, горько-соленый источникъ, представляетъ лучшее лекарственное средство при страданіяхъ брюшной полости, геморроидальныхъ болѣзней и проч., и вслѣдствіе своего самого легкаго дѣйствія, приноситъ большую пользу даже самому нѣжному организму.

Brunnen-Direction въ Вилинѣ (Богемія).

Дело въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, рускомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. Ц. № 2596 6—6

Только что вышли изъ печати слѣдующія привлекательныя фортепьянна пьесы воен. капельмейстера А. ГОРА.

1. Похоронный маршъ въ память Скобелева.
2. Гавотъ: „Ну такъ снажи мнѣ“.
3. Вальсъ: „Нашъ панаша“.
4. Вальсъ: „Задумчивость двѣнника“.

Продается у П. Юргенсона въ Москвѣ. № 2659 3—3

УЛЬРИКАСБОРГСКІЯ МОРСКІЯ ВАННЫ И МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ въ Гельсингфорсѣ.

расположены вблизи города, на живописномъ берегу моря, съ чистымъ и здоровымъ морскимъ воздухомъ, въ Брунсгардѣ. Теплыя морскія ванны, гидротерапевтическое леченіе, пользование гимнастикой и массажемъ открываются 20 Мая; купанье въ морѣ въ Юніѣ.

Минеральныя воды всѣхъ родовъ, мобилированныя дачи и отдѣльныя комнаты въ самомъ паркѣ, ресторанъ съ общимъ столомъ, кабинетъ для чтенія, музыкальные вечера и проч. Сообщенія съ Петербургомъ пароходомъ и по желѣзной дорогѣ (дневныя и ночныя поѣзды). Подробности въ дирекціи Брунсгарда. Мт. № 2691 1—1

ЛИМОННОЕ МЫЛО

Изобр. Д. Брера въ Парижѣ. Уничтожаетъ загаръ, угри и веснушки. Цѣна 50 коп. Иногороднымъ высылается на 1 р. 50 коп. 4—3

№ 2630 у В. ПАРИНОВА и К°. въ Гостиномъ дворѣ № 78 въ СПБ.

ВОЗДУШНАЯ ГАРМОНИЯ,

привѣренная къ шести или къ крышѣ дачи, производитъ пріятные и полныя звуки, похожіе на аккорды отдѣльнаго оркестра; цѣна 11 руб.; съ пересылкой по почтѣ 13 р. Въ магазинѣ НЮРНБЕРГЪ, въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, наискосъ церкви Успенія, противъ бриллиантника Сергунина.

П. № 2693 1—1

Мнемъ 250 руб. Несилимъ 200 руб., съ укоркой и запасными частями.

Единствен. ларочно приспособленныя для русской почвы. Удос. высшей награды на послѣдней московской выставкѣ. Отправка немедленно по полученіи задатка въ 100 руб. Искл. прод. на всю Имперію у Г. Барницкаго: Варшава, Влодзимірская, № 2.

Каталоги, проспекты и объясненія по полученіи почтовыхъ марокъ за 14 коп. № 2611 6—6

Самый лучший источникъ для желющихъ снабдиться огнеупорными и предохраняющими отъ воровъ желѣзными шкафами. Генрихъ Барницкій: Варшава, Влодзимірская, № 2.

Проспекты, каталоги, объясненія за 14 к. М. ОТО А. 2

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно пріемъ спеціалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Минеральныя воды. № 2412

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ,

ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 г.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.
ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКАСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьева — „Вольтерьянецъ“, больш. романъ Юкаля — „Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морскаго) — „Подъ землей“, пов. Австенко „Испанскій дворянинъ“ и др. произвед. современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кромя того безплатная ПРЕМІЯ: большая олеографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якобіа — „ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ казенк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „	Съ пересылкою 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

Казанскія, противъ Ломбарда.
Ломбарда, противъ Казанскія.

ФАБРИКА Ф. БИНГА,

преемникъ УРЛАУБЪ,

предлагаетъ разнаго рода души, ванны, новоулучшенныя ванны пещи, лейны, клѣтки, садины, лампы, подствѣчники, фонари, неросиновые плиты и проч. и проч.

**ЛУЧШІЙ ВЫБОРЪ
надгробныхъ стѣнокъ**
изъ лакированной жести
съ богатыми фарфоровыми цвѣтами
отъ 1 р. 50 к. до 15 р.
№ 2601 4—4

СТРАХОВАНИЕ ВИГРЫШНЫХЪ БИЛЕТОВЪ

отъ погашенія и продажъ съ разсрочкою платежа изъ 8% годовыхъ безъ всякой комиссіи, съ задаткомъ въ 15 руб., въ конторѣ

ПАВЕЛЬ ВЫДРИНЪ И СЫНЪ,

Москва: Тверская, рядомъ съ д. г. ген.-губернатора.
Условія высылаетъ бесплатно.
П. № 2692 3—1

ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ

ПОЛНЫЕ ПРИБОРЫ: одинъ въ 5 руб. для мелкихъ рыбъ (собственное удилще, поплавокъ, лѣска и пр.), а другой въ 10 руб. для мелкихъ и КРУПНЫХЪ рыбъ. Цѣна назначена съ перес. по почтѣ. МАГАЗИНЪ НЮРНБЕРГЪ, въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, наискосъ церкви Успенія, домъ Шаховскаго, напротивъ бриллиантника Сергунина. П. № 2694 1—1

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстныи своими свойствами предохраняющими противъ частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, Гальманинъ продается въ аптекахъ, а также и дротиство въ значительныхъ городахъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. Главное дело находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, гдѣ также аптеки, маістра фармаціи В. Карницкаго, улица Электральной, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 30 коп., залага 30 к. Нужно остерегаться поддѣлокъ и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1875 г. В. Карницскій маістръ фармаціи.

2634

Типографія ТОВАРИЩЕСТВА М. О. Вольфъ, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Васильевскій остр., 16 линія, № 5,

принимаетъ на себя исполненіе всѣхъ типографскихъ работъ на русскомъ, французскомъ, немецкомъ, польскомъ, а равно и на всѣхъ восточныхъ языкахъ. Типографія владѣетъ самымъ большимъ и богатымъ выборомъ шрифтовъ, 14 скорочетными машинами и опытыми рабочими. Типографія товарищества М. О. Вольфъ исполняетъ самую трудную работу, какъ-то: иллюстрированныя изданія, математическія сочиненія, словари и т. п. и принимаетъ на себя полное изготовленіе книгъ, какъ-то: рисунки, клише, доставку бумаги, брошюровку, переплетъ, наборъ, печать и т. п. Исполненіе работъ по цѣнамъ возможно дешевымъ и очень скорое. Слѣды бесплатно, равно какъ и справки, отбѣты и т. п.

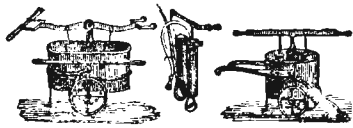
Словолитня ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Васильевскій остр., 16 линія, № 5,

владѣетъ 100,000 пуассоновъ, которыхъ большая часть вырѣзана по спеціальному заказу фирмы, до 230,000 болѣею частью мѣдныхъ матрицъ и располагаетъ всегда большими запасами готовыхъ шрифтовъ, такъ что въ состояніи удовлетворить самымъ значительнымъ и разнообразнымъ требованіямъ. Между шрифтами словолитни товарищества М. О. Вольфъ, находится альвейерскій, впервые введенный фирмою въ употребленіе, дальне восточные и славянскіе шрифты, украшнія, крупныя афишныя шрифты, шпоны, маршаны, линейки, пинаци и т. п. Образцы изданы въ изданномъ болѣею фоліантѣ. При словолитнѣ существуетъ депо машинъ и всѣхъ принадлежно: теи тисненія, словолитного, граверного, литографскаго, переплетнаго и т. п.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ: Гост. дворъ, 17 и 18, въ Москвѣ: Петровка, № 5, обладаетъ громадными запасами книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы — на всѣхъ европейскихъ языкахъ. — Изъ числа только что вышедшихъ русскихъ новыхъ книгъ, рекомендуемъ:

„БАБОЧКИ ЕВРОПЫ“

ихъ описание, распределеніе, жизнь и довл. Сочиненіе Берга, перев. съ 5-го нем. изд. П. Ольхина. Больш. томъ, въ 4 д. л., съ 50 раскраш. табл., изображающими 428 видовъ бабочекъ. Ц. въ богатомъ перепл. съ золот. тисн. 18 р., съ перес. 21 р.
Для всѣхъ любителей естествознанія эта книга неоцѣнима и достойна занимать мѣсто во всякой этномологической библиотекѣ. Она содержитъ не одно лишь описание бабочекъ, но и анатомическо-физиологическія подробности, указанія о мѣстѣ нахождения, распространенія, порбъ летанія, образѣ жизни, способѣ коленія и т. п.

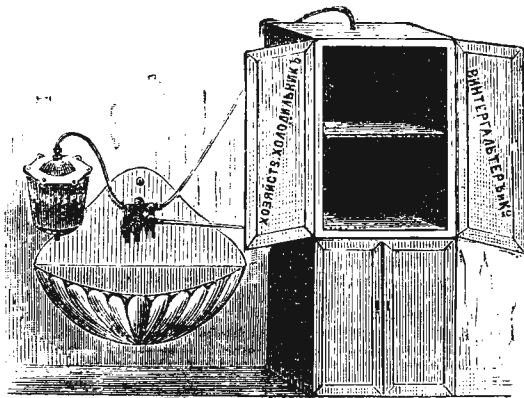
противъ грозной стихіи.

Американскіе пожарные и садовые насосы новѣйшихъ привилегированныхъ конструкций; превосходятъ по дешевизнѣ и практичности всѣ существующіе до сихъ поръ. Выдѣлываютъ въ 1 часъ на высоту 2 до 5 этажей отъ 50 до 360 ведръ воды.
Цѣна имъ на мѣстѣ, въ Варшавѣ, № 0 37 руб., № 1—5 руб., № 2—10 руб.; № 3, съ гуттаперчевымъ шлангомъ, 18 руб.; № 4 такой же, большой, 20 руб.; № 5, съ металлич. коромысломъ и шлангомъ, 30 руб.; № 6, на колесахъ, больш., съ кором. и шланг. 45 руб.; № 7, двухъ-цилиндр., съ больш. резервуар. и 2 шланг. 80 р., 100 р. и 120 р. (на колесахъ).

Отправка немедленно по полученію полной суммы.
Каталоги, проспекты, объясненія за 14 к. порто.
Обращаться въ искл. прод. привилегированныхъ насосовъ на всю Имперію по адресу: Генрихъ Баричій—Варшава, Владзимирская, № 2. № 2610 6—5

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ХОЛОДИЛЬНИКЪ И ВОДОЧИСТИТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ ФИЛЬТРЫ

годовой абонементъ 6 руб. Установка БЕЗПЛАТНА.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ХОЛОДИЛЬНИКЪ
годовой абонементъ 10, 12 и 15 р., смотря по величинѣ. Установка около крана 2 р.
Въ складѣ воздушныхъ электрическихъ звонковъ.

№ 12. У Казанск. моста. ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и К°. По канавѣ № 12.

Страхованіе жизни.

Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго, пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюръ (книжекъ) Страховаго Общества „Россия“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются бесплатно Главному Конторою Общества „Россия“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи. № 2482

БИЛИНСКІЯ (PASTILLES) DE BILIN.

Испытанное средство противъ изжоги, натарра желудка и вообще рекомендуются противъ различныхъ болѣзней пищеваренія и составляютъ при атоніи желудка и кишечнаго канала истинное сокровище.

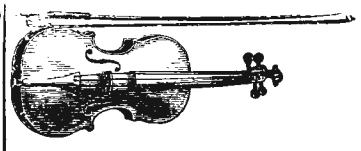
Вруннен-Дирекція въ Билинѣ (Богемія).

Депо въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, рускомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, также во многихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 2595 6—6

Р. № 2637 Самыя дешевыя цѣны и добросовѣстное исполненіе заказовъ. 3—3
Русск. огнетушитель отъ 15 рублей.
Садовые и пожарныя трубы новѣйшихъ моделей.
Насосъ всѣхъ сортовъ, для ручнаго или пароваго привода. Спеціальныя насосы для глубокихъ колодезевъ до 21 сажени глубины.
Пульзометры. (Цѣны унижены на 20%).
Велнчайшій и разнообразнѣйшій складъ всѣхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, навозныхъ и сѣнныхъ вѣлъ, лопатъ и пр. и пр.
ДЕПО МАШИИЪ ЗД. ФЛУГЪ.
С.-Петербургѣ: Вознесенскій проспектъ, № 11.
выставка машинъ и пробная станція въ Петровскомъ паркѣ, д. Саяъ-Галли.
Москва: у Красныхъ воротъ, д. Раузера.
Иллюстрированныя брошюры-квнцанты и каталоги по желанію бесплатно и франко.

Постоянна: Саяъ-Галли.

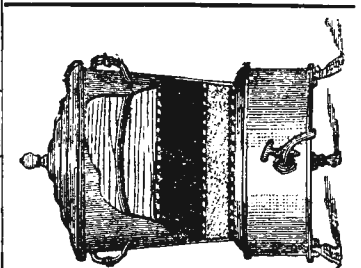

СКРИПКИ

для учениковъ, музыкантовъ и артистовъ, дешевыя отъ 2 р. 50 к. до 5 р. и лучшія отъ 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.
Смычки по 30 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 10 р. и дороже.
Фуляры по 4 р., 5 р., 7 р., 10 р. и дороже—до 25 р.
Школы для скрипки по 1 р., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р.
Хорошія итальянскія и нѣмецкія струны, кашифоль, сурдинки, камертоны, метрономы.
АЛТЫ по 9 р., 15 р., 25 р., 50 р. и дороже.
ВИОЛОНЧЕЛЫ по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.
КОНТРАБАСЫ по 40 р., 50 р., 65 р., 75 р., 100 р. и дороже.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургѣ, по Большой Морской, № 42.
При магазинѣ есть мастерская для изготовленія и починки инструментовъ.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
За пересылку прошу прилагать приблизительную сумму.
Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецаго. А. № 2696 1—1

Необходимо для всѣхъ жаждущихъ здоровья: чистая и свѣжая вода, получаемая лишь при употребленіи новѣйшихъ, усовершенствованныхъ американскихъ фильтровъ, единственной практичной системы „Heurige“. Цѣна на мѣстѣ, въ Варшавѣ: Кухонныя отъ 2 р. 50 коп. до 10 р. Бутылочныя, большія, отъ 12 р. 50 к. до 25 руб. Исключительная продажа на всю Имперію у Г. Баричкаго: Варшава, Владзимирская, 2.
Отправка немедленно по полученіи полной суммы. Каталоги, проспекты, объясненія высылаются по полученіи 14 коп. почтовыми марками. № 2613 6—5

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ
(Русскій Шампунъ).
Главный складъ въ С.-Петербургской химической лабораторіи Ф. Лиде, Невскій пр., № 23.
Подробное объясненіе помѣщено въ „Нашъ“ въ № 21. № 2657 10—2

EAU DE LYS DE LOHSE.

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе свѣжимъ.
Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юность и свѣжесть.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и вѣяною.
Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.
Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загару.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ,

поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.

Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.

Eau de Lys de Lohse.
S. № 2604 10—6

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПЛАТОНОВА
МОСКВА
и окрестности
= Изданіе 3-е иллюстрированное =
(красный переплетъ).

Продаетъ и во всѣхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Главный складъ: Москва, Арбатскій бор., д. Шмидтъ, котора ред. журнала „Техникъ“. М. № 2695

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIV годъ
№ 24

годъ XIV
1883

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. руковод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 20 Pisp. для загранич.) за строку конпарейль (въ 1/4 ширины страницъ).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 н.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линия. . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысяча, для городовъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

Коронационные дни въ Москвѣ. Праздникъ на Ходыньскомъ полѣ. Группа „Микула Селяниновичъ“. Орг. рис. съ натуры нашего спеціал. корреспондента П. П. Караяна, грав. Ю. Барановскій.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырех поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

VI.

Въ Москвѣ.

Но для того, чтобы понять эту странную встрѣчу и этотъ таинственный разговоръ необходимо вернуться за много лѣтъ назадъ, къ знаменательной эпохѣ двѣнадцатаго года.

Болѣзнь Владиміра заставила Горбатовыхъ въ августѣ двѣнадцатаго года перевезти несчастнаго мальчика, которому нисколько не помогли тамбовскіе доктора, изъ Горбатовскаго въ Москву.

Сергій Борисовичъ и Татьяна Владиміровна, жившіе теперь почти исключительно для дѣтей, ни о чемъ не могли думать какъ только о болѣзни своего сына, тѣмъ болѣе, что это была какая-то непонятная, странная болѣзнь. Мальчикъ нѣсколько разъ будто совсѣмъ выздоравливалъ, вставалъ съ постели, у него являлся аппетитъ, спокойный сонъ. И вдругъ безъ всякой видимой причины, безъ всякой погрѣшности въ діетѣ, за которою слѣдила сама мать, онъ начиналъ чувствовать большую слабость, валился съ ногъ. Затѣмъ начинался сильный жаръ, бредъ — всѣ признаки горячки. Такъ продолжалось съ недѣлю, потомъ начиналось видимое выздоровленіе, за которымъ слѣдовали еще усиленные припадки болѣзни.

Необходимо было созвать консилиумъ извѣстнѣйшихъ докторовъ—профессоровъ Московскаго университета. Необходимо было дать имъ возможность слѣдить за ходомъ болѣзни. Значитъ надо ѣхать въ Москву. Времена ужасныя! Наполеонъ со своей разноплеменной арміей въ предѣлахъ Россіи. Онъ идетъ къ Москвѣ. Ей можетъ грозить опасность непріятельскаго вторженія. Но развѣ мыслимо это? Развѣ это допустить?! Нѣтъ, этого быть не можетъ. Да и наконецъ о чемъ-же думать, зачѣмъ гадать объ опасностяхъ, которыя съ Божьей помощью могутъ миновать. Дѣло въ томъ, что надо ѣхать въ Москву ради Владиміра.

И Горбатовы поѣхали всей семьей: съ двумя сыновьями, ихъ воспитателемъ Томсономъ, карликомъ Моисеемъ Степановичемъ и неизбѣжнымъ, всегда сопровождавшимъ ихъ штатомъ прислуги.

Они остановились въ своемъ прекрасномъ домѣ на Басманной улицѣ, въ домѣ, къ которому примыкалъ старинный, нѣсколько запущенный садъ. И такимъ образомъ большому Владиміру и здоровому Борису дана была возможность пользоваться хотя и не деревенскимъ, но все-же чистымъ воздухомъ.

Московскіе доктора, немедленно призванные для консилиума, осмотрѣли больнаго мальчика, нѣсколько разъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ заставили Татьяну Владиміровну разсказать всю исторію и ходъ его болѣзни, и затѣмъ совѣщались между собою часа три. Результатъ этого совѣщанія былъ такой:

Францъ Карловичъ Грюнфельдъ (домашній докторъ Горбатовыхъ), пріѣхавшій съ ними, долженъ отказаться отъ своихъ собственныхъ мнѣній и безпрекословно исполнять требованія московскихъ знаменитостей, вести подробнѣйшій и аккуратный бюллетень, который ежедневно долженъ представляться докторскому совѣщанію.

Францъ Карловичъ, добродушнѣйшій и неотличавшійся самоувѣренностью нѣмецъ, охотно согласился на эти требованія и только выговорилъ себѣ такое условіе:

— Если Володя будетъ хуже и будетъ умирать, тогда съ меня не взыскивать и не обвинять въ его смерти.

Далѣе, московскія знаменитости рѣшили, что болѣзнь Владиміра носить какое-то странное и собственно ничего не выражающее латинское названіе. Что болѣзнь эта очень рѣдкая и интересная и что если ихъ предписанія будутъ исполняться въ точности и если у мальчика очень крѣпкая натура, которая будетъ въ состояніи справиться съ болѣзью, то онъ выздоровѣетъ. Если же его натура не будетъ въ состояніи справиться съ болѣзью, то онъ умретъ.

Затѣмъ съ утра до вечера, и даже ночью стали подвергать эту натуру всевозможнымъ экспериментамъ. Францъ Карловичъ то и дѣло качалъ головою и повторялъ:

— Die Herren Professoren будутъ уморить ребенка а я буду исполнять... Они изъ меня плачутъ, ein Henker... будутъ дѣлать!

Онъ разводилъ руками, но въ то-же время пунктуально исполнялъ всѣ предписанія своихъ знаменитыхъ коллегъ.

Въ первое время, несмотря на довольно странные эсперименты, здоровье Владиміра какъ будто стало поправляться. Припадки не возобновлялись. Мальчикъ былъ только очень слабъ. Его заставляли глотать самыя разнообразныя микстуры. Въ солнечные теплые дни (а начало осени въ томъ году было прекрасное) онъ лежалъ въ саду на солнцѣ, иногда прохаживался; но скоро ослабѣвалъ и снова укладывался на мягкія подушки.

Татьяна Владиміровна и карликъ отъ него не отходили и ежеминутно спрашивали его, что у него болитъ? чего-бы ему хотѣлось поѣсть? и такъ далѣе.

Мальчикъ отвѣчалъ постоянно, что у него ровно ничего не болитъ. Ему всегда, по его словамъ, хотѣлось ѣсть, но онъ придумывалъ себѣ именно такую пищу, которую доктора строго на строго запрещали. Тогда начинались капризы. Владиміръ плакалъ, кричалъ, метался и, наконецъ, въ изнеможеніи засыпалъ.

Между тѣмъ положеніе Москвы становилось опаснымъ. Кутузовъ, во главѣ русскаго войска, стоялъ передъ нею, готовясь дать наступавшему непріятелю большое сраженіе.

Московскій генералъ-губернаторъ графъ Ростопчинъ, старый пріятель Сергія Борисовича, всячески ободрялъ жителей, расклеивалъ по городу свои знаменитыя афишки. Но несмотря на это, паническій страхъ началъ нападать на жителей. Москва съ каждымъ днемъ пустѣла. Всѣ, кто только могъ выбраться изъ нея, выбирался.

По Ярославской и другимъ дорогамъ, проѣздъ по которымъ можно было считать безопаснымъ, тянулись нескончаемые обозы. Каждый уѣзжая увозилъ съ собою все что могъ. Старые дома Московскихъ баръ заколачивались, въ иныхъ оставалась только необходимая прислуга для обереганія господскаго добра.

Сергій Борисовичъ ежедневно видался съ Ростопчинымъ и просилъ его не скрывать отъ него дѣйствительнаго положенія.

— Конечно вамъ не время теперь жить здѣсь, любезный другъ! говорилъ Ростопчинъ. Я бы совѣтовалъ вамъ уѣзжать, — осторожность никогда не мѣшаетъ. Если же доктора находятъ, что вашъ сынъ не можетъ обойтись безъ ихъ постоянного наблюденія и если его опасно въ теперешнемъ положеніи перевозить, тогда конечно дѣлать нечего!

— Но неужели вы полагаете, дорогой Федоръ Ва-

силевичъ, что Москва будетъ взята?! Вѣдь это что же такое—Москва въ рукахъ непріятеля! Это полное поражение! Это несмыслимый позоръ и погибель для Россіи.

— Москва можетъ быть взята, отвѣчалъ Ростовчинъ,—но и въ такомъ случаѣ позоръ и погибель будутъ еще очень далеко. Все дѣло въ томъ какъ она будетъ взята. Да и вообще заранѣе развѣ въ такихъ обстоятельствахъ можно что либо предвидѣть. Моя обязанность поддерживать въ москвичахъ бодрость духа и самому не падать духомъ. Вы видите—я не падаю духомъ. Кутузовъ тоже не намѣренъ отчаяваться. Иначе, что же бы это такое было?!

Между тѣмъ день проходилъ за днемъ не принося ничего утѣшительнаго. Паника въ городѣ усиливалась, городъ пустѣлъ больше и больше. Съ замираніемъ духа москвичи ожидали результатовъ большаго сраженія.

И вотъ сраженіе дано 27 августа—великая Бородинская битва!

Но что же это—пораженіе или побѣда?! Каждая сторона приписываетъ себѣ побѣду. Уронъ съ обѣихъ сторонъ громадный. Напряженіе съ обѣихъ сторонъ страшное, геройство небывалое.

Кто же побѣдитель?

Русскія войска выдержали и отбили почти на всѣхъ пунктахъ натискъ французской арміи, измученной, хорошо понимавшей, что теперь надо или умереть или побѣдить, хорошо понимавшей, что надо войти въ Москву, потому что только въ Москвѣ спасеніе отъ позора и голодной смерти, только въ Москвѣ отдыхъ послѣ неистощимыхъ трудностей баснословнаго похода.

Русскія войска отбили непріятельскій натискъ, устояли; но въ тоже время, вмѣсто того чтобы накинуться на непріятеля,—отступили. Неспѣшно, въ порядкѣ, но все же отступили.

Французскія войска, при видѣ этого отступленія, не стали преслѣдовать непріятеля, а разстроенныя, въ конецъ измученныя и обезсиленныя спокойно заняли Можайскъ.

Бородинская битва повидимому оказывалась нерѣшительной битвой. Французская армія обезсилена и ей неоткуда ждать помощи. Русская армія опустошена ожесточенной битвой; но она въ порядкѣ, и затѣмъ къ ней могутъ примкнуть новыя силы.

Кутузовъ не можетъ отдать Москву безъ боя. Новая битва должна разразиться подъ стѣнами Москвы.

А между тѣмъ Кутузовъ со своимъ войскомъ входитъ въ Москву, проходитъ черезъ нее. Москва открыта для французскихъ полчищъ. Москва отдана непріятелю.

Росточинъ извѣстилъ Сергѣя Борисовича объ этомъ, совѣтуя ему немедленно, если есть только какая нибудь возможность, уѣзжать изъ города.

Повидимому ничего другаго не оставалось дѣлать какъ бѣжать вслѣдъ за остальными, тѣмъ болѣе, что и знаменитые врачи, лечившіе Владиміра, удалились оставить своего пациента.

Сергѣй Борисовичъ уже началъ дѣлать распоряженія относительно переѣзда въ одно изъ подмосковныхъ своихъ имѣній. Часъ, два—и они уѣдутъ.

Вотъ Татьяна Владиміровна, растерянная, блѣдная какъ полотно, входитъ въ кабинетъ мужа. Онъ взглянулъ на нее и ужаснулся выраженію ея лица.

— Что такое случилось?!

— Мы не можемъ ѣхать, у Владиміра сильнѣйшій припадокъ! Взгляни, онъ весь въ жару... онъ бредит... Что теперь дѣлать?!

Сергѣй Борисовичъ отправился въ комнату сына и сразу же убѣдился, что въ такомъ состояніи мальчика перевозить нѣтъ никакой возможности.

— Уѣзжай съ Борисомъ! шепнула Татьяна Владиміровна.

Мужъ только молча и укоризненно взглянулъ на нее.

— Ну что же, мы останемся, проговорилъ онъ че-

резъ нѣсколько мгновеній.—Богъ милостивъ! Не съѣдятъ же насъ живыми!

Мрачный, съ опущенной головой вышелъ онъ изъ комнаты.

Татьяна Владиміровна осталась у кровати сына, опустилась на колѣни и стала горячо молиться. Въ углу комнаты тихо всхлипывалъ карликъ.

„Что же это? съ отчаяніемъ думалъ онъ.—Что же теперь будетъ? Вѣдь они звѣри, эти французы... знаю и ихъ... Вотъ ужъ въ мысляхъ не было дожить до такого горя... Врагъ, нехристъ поганый, въ Москвѣ, надругается надъ святыней“...

Но онъ сдержалъ въ себѣ отчаяніе и тотчасъ же рѣшился, никому не довѣряя, отправиться на развѣдки.

Съ этой минуты онъ часто уходилъ изъ дому; уходилъ на нѣсколько часовъ и приносилъ самыя вѣрныя извѣстія о томъ, что творится въ городѣ.

Теперь старая русская столица окончательно пуста, имѣетъ видъ совершенно вымершаго города. Почти всѣ дома глухо на глухо заколочены; магазины и лавки забиты. На улицахъ только изрѣдка встрѣчаются робко крадущіяся фигуры, по большей части бѣднаго ремесленнаго люда. Только изъ иныхъ кабаковъ слышатся, въ особенности къ вечеру, дикіе крики.—Это гуляютъ фабричные.

Они разбиваютъ бочки съ виномъ, наливаются до одурѣнія, выволакиваютъ бочки на улицу. Вино течетъ по камнямъ. Нѣкоторые, уже совсѣмъ пьяные, даже припадаютъ къ мостовой и лижутъ камни. А потомъ эта дикая толпа всю ночь съ отвратительнымъ крикомъ бродитъ шатаясь по городу, нарушая пустынную тишину его.

Погода стоитъ ясная и теплая.

Наступаетъ 2-е сентября. Наполеонъ входитъ въ городъ окруженный своимъ измученнымъ войскомъ, которое забываетъ всякую дисциплину, которое ликуетъ заранѣе предвкушая всѣ земныя блага, сопряженныя съ обладаньемъ огромнаго богатаго города.

Наполеонъ, уставшій и простуженный, сознававшій свое крайне затруднительное положеніе, снова воспрянулъ духомъ.

Онъ побѣдитель! Онъ въ сердцѣ Россіи! Здѣсь ему дана будетъ возможность бороться съ силами, предписать какія ему будетъ угодно мирныя условія русскому царю. Отсюда, изъ этихъ вѣковыхъ, знаменитыхъ стѣнъ, онъ снова покажется Европѣ въ ореолѣ немеркнувшей славы всемірнаго побѣдителя.

Но его мечты, его надежды сразу разбиваются. Побѣдителя никто не встрѣчаетъ. Онъ вступаетъ въ пустой, оставленный жителями городъ. А черезъ день уже спитъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, при освѣщеніи пожаровъ, со всѣхъ сторонъ охватывающихъ городъ, вспыхивающихъ то тамъ, то здѣсь, грозившихъ наконецъ его безопасности.

Съ проклятіями, въ отчаяніи, понявшій наконецъ свое положеніе и предвидя судьбу свою, онъ выѣзжаетъ изъ Кремля пробираясь по пылающимъ улицамъ и поселяется въ Петровскомъ дворцѣ.

Москва горитъ какъ свѣча. Французскіе солдаты, которымъ сначала было приказано не грабить городъ и не трогать жителей, теперь уже окончательно забыли всякую дисциплину. Да и никто даже не хочетъ имъ приказывать, ихъ начальники сами обезумѣли.

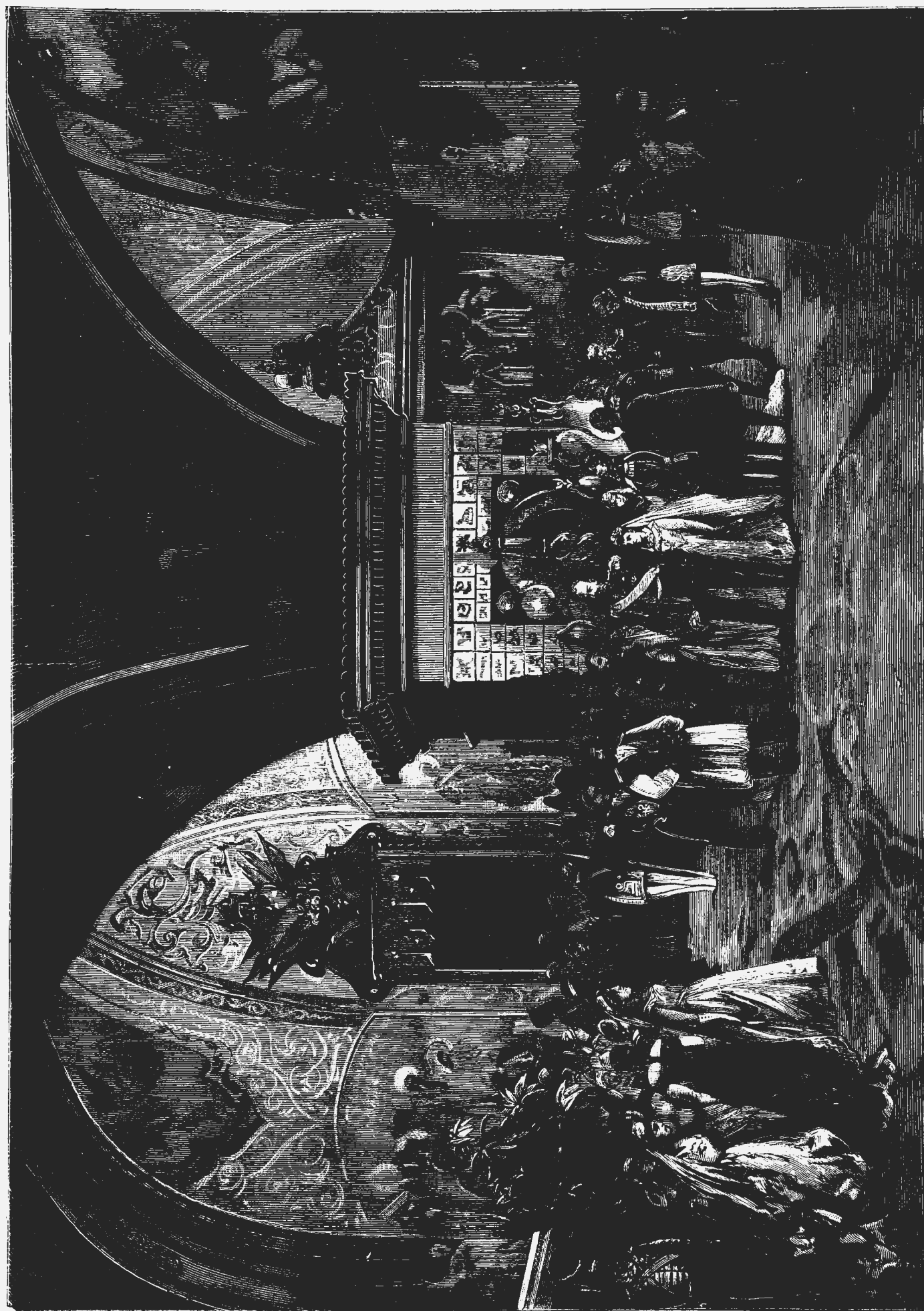
Грабь... жги... неистовствуй!!..

И все, что еще осталось пѣлымъ, предается разграбленію. Великолѣпные дома русскихъ баръ представляютъ изъ себя опустошенныя, жалкія развалины.

Но невредимъ еще пока по счастью домъ Горбатовыхъ на Басманной, хотя вокругъ него уже сторѣли многія прекрасныя зданія. Домъ Горбатовыхъ находится въ глубинѣ большаго двора, обнесеннаго чугунной оградой на высокому каменному фундаментѣ. Далѣе за

Коронаціонные дни въ Москвѣ. Гости съ дальняго Востока. Прогулка ихъ въ Петровскомъ паркѣ.
Ориг. рис. съ натуры нашего спеціалн. корреспондента Н. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскій.

Коронационные дни въ Москвѣ. Балъ 16 мая. Въ Грановитой палатѣ

Ориг. рис. съ натуры нашего спеціального корреспондента П. И. Карзинна, грав. Ю. Барановскій.

домомъ и вокругъ него идетъ обширный садъ. Такое положеніе избавляетъ его отъ опасности.

Сергій Борисовичъ, помышляя только о своемъ больномъ, почти умирающемъ сынѣ, о спасеніи семьи, добился свиданія съ Мюратомъ и, выставивъ свое печальное семейное положеніе, съумѣлъ выговорить себѣ безопасность. Онъ предоставилъ половину своего дома въ распоряженіе французскаго генерала и нѣсколькихъ офицеровъ. Онъ не щадитъ ничего, онъ по царски угощаетъ своихъ незваныхъ гостей, всячески ихъ задариваетъ и за это уставшіе французы его дѣйствительно охраняютъ отъ своихъ соотечественниковъ.

Владиміру то хуже, то лучше. Францъ Карловичъ послѣ исчезновенія московскихъ знаменитостей остался безъ всякаго руководства и вдругъ почувствовалъ, что обязанность безсловеснаго исполнителя—„палача“, какъ онъ выражался, была съ него снята, что онъ теперь снова дѣлается ответственнымъ. Придя къ этому убѣжденію, онъ вдругъ выбросилъ всѣ микстуры и началъ лечить Владиміра домашними средствами, ограничивая ихъ главнымъ образомъ потогонными.

Татьяна Владиміровна пришла въ ужасъ. Но нѣмецъ обстоятельно и спокойно началъ ей доказывать, что за все время леченія московскихъ докторовъ болѣзнъ нисколько не ослабла, что новые припадки гораздо сильнѣе всѣхъ предыдущихъ. Слѣдовательно если всѣ эти лекарства и не принесли вреда больному (а онъ увѣренъ, что они принесли большой вредъ), то уже во всякомъ случаѣ не принесли и пользы. Вѣдь доктора ничего не обѣщали, не подавали никакой надежды.

— Вѣрте, gnädige Frau, если я тутъ мало понимаю, то они понимаютъ еще меньше моего. Я мальчика лечилъ съ дѣтства, натура его мнѣ известна, я слѣжу за нимъ ежеминутно. И вѣдь знаю же я что нибудь—вѣдь учился. Да и потомъ, gnädige Frau, всю жизнь до сего дня у васъ въ Горбатовскомъ я читалъ, слѣдилъ за наукой! Вы должны довѣрить мнѣ, я много думалъ надъ этой болѣзnią и теперь рѣшилъ... О, я рѣшилъ глубоко и вѣрно—одна надежда на природу. Лекарства теперь не причемъ и пользы сдѣлать не могутъ. Нужно только слѣдить за нимъ: когда сильный жаръ—нужно вызывать испарину, когда упадокъ силъ—нужно поддерживать ребенка легкой и очень питательной пищей...

Нѣмецъ говорилъ долго и убѣдительно. Въ концѣ концовъ Татьяна Владиміровна должна была съ нимъ согласиться. Она сама видѣла, что лекарства вѣрно не помогутъ мальчику, что вся надежда на его крѣпкій организмъ, а главнымъ образомъ на Бога. И она молилась, а она умѣла молиться.

Всѣ эти страшные дни Борисъ находился естественно въ нѣкоторомъ забросѣ, на него мало обращали вниманія. А между тѣмъ для него это было очень важное время. Ему было около пятнадцати лѣтъ и онъ считалъ себя взрослымъ человѣкомъ.

Онъ очень любилъ брата, отъ всего сердца жалѣлъ его. Онъ не могъ равнодушно видѣть горе отца и матери.

Но все же главный его интересъ, главный смыслъ его теперешней жизни былъ внѣ семьи. Вся душа его кипѣла отъ совершившихся грозныхъ событій. Когда они пріѣхали въ Москву, когда стали кругомъ него слышаться разговоры о приближеніи непріятеля, о готовящейся за Можайскомъ битвѣ—онъ весь дрожалъ, глаза его горѣли.

Онъ пришелъ какъ то къ отцу и сталъ умолять его разрѣшить ему вступить въ военную службу и присоединиться къ войску Кутузова.

— Меня примутъ, умоляющимъ голосомъ говоритъ онъ,—я знаю навѣрно, что примутъ. Я силенъ, я умѣю драться, я могу быть солдатомъ. Вѣдь вотъ же Ваню Гонимына пріняли, а онъ ниже меня ростомъ.

— Онъ на два года тебя старше, отвѣчалъ отецъ.—

И солдатомъ тебѣ быть рано. А главное что тебя не примутъ—спроси графа Федора Васильевича, онъ тебѣ скажетъ это.

— Но, дорогой батюшка, мнѣ невыносимо сидѣть сложа руки, когда врагъ въ предѣлахъ Россіи, приближается къ нашей древней Москвѣ, когда льется русская кровь! восторженно, въ нервномъ возбужденіи доказывалъ Борисъ.

— Я очень хорошо понимаю твои чувства, сказалъ Сергій Борисовичъ,—но противъ невозможности ничего нельзя сдѣлать. Повѣрь, эта великая война не завтра кончится. Если ты хочешь непременно драться, то въ свое время еще очень успеешь.

— Не удерживайте меня! не удерживайте ради Бога? со слезами на глазахъ повторялъ Борисъ.

„Чего добраго онъ убѣжитъ пожалуй!“ подумалъ Сергій Борисовичъ.

— Послушай! сказалъ онъ.—Есть еще одно обстоятельство, о которомъ ты кажется совсѣмъ не думаешь. Ты понимаешь вѣдь положеніе твоего брата, въ немъ нѣтъ ничего утѣшительнаго и у насъ осталось мало надежды на его выздоровленіе—не сегодня, завтра онъ можетъ умереть. Подумай же о матери! Если ей суждено лишиться одного сына... что-жь... ты вѣрно хочешь подвергнуть ее опасности лишиться и другаго. Подумай—если ты уйдешь, если съ тобой что нибудь случится, а вѣдь ты очень и очень легко можешь быть раненъ или убитъ—что съ нею будетъ?! Она не переживетъ этого... Неужели ты хочешь умерить насъ?!

Борисъ вздрогнулъ, опустилъ голову, простоялъ нѣсколько мгновений неподвижно и потомъ вдругъ съ глубокимъ вздохомъ и унавшимъ голосомъ произнесъ:

— Да, конечно, вы правы, батюшка, я долженъ остаться... я понимаю это...

Отецъ крѣпко его обнялъ и поцѣловалъ. Но все таки въ этотъ же день онъ поручилъ гувернеру-англичанину слѣдить за Борисомъ, чтобы онъ никакъ не выходилъ одинъ изъ дому.

Борисъ искренно отказался отъ своего намѣренія; но положеніе его было для него крайне мучительно. Онъ жадно ловилъ всѣ новости. Когда сдѣлалось очевиднымъ, что Москва предоставлена непріятелю, онъ забрался въ густую аллею сада и горько тамъ плакалъ. Теперь, когда Москва горѣла, когда въ домѣ стояли французы, онъ весь день бродилъ взволнованный, нервный, съ горящими глазами, ко всему прислушивался. Въ немъ кипѣла ненависть къ врагамъ, въ немъ поднималась ненасытимая жажда мести, какого нибудь подвига, и онъ не могъ уже владѣть собою.

„Если нельзя сражаться, думалъ онъ. Если нельзя грудью защищать свое отечество, такъ все же изъ этого не слѣдуетъ, что нужно сидѣть сложа руки. Что дѣлается въ городѣ? Здѣсь за этими стѣнами ничего не знаешь. Вѣдь не вся же Москва пуста! Все же довольно осталось народу. Непріятели грабятъ! Непріятели производятъ всевозможныя жестокости... Навѣрно русскихъ убиваютъ, мучаютъ, пытаютъ... Навѣрно можно спасти кого нибудь... Я не могу больше, я долженъ выйти изъ дому... Я долженъ видѣть своими глазами все что дѣлается. Можетъ быть Богъ поможетъ мнѣ на что нибудь пригодиться. Вонъ вчера Степанычъ рассказывалъ, что самъ видѣлъ какъ на улицѣ лежало нѣсколько труповъ русскихъ людей. Онъ рассказывалъ, что французы унесли куда-то связанною по рукавъ и по ногамъ женщину“...

Внезапное рѣшеніе созрѣло въ головѣ его.

Онъ проснулся рано утромъ, убѣдился, что гувернеръ спитъ; тихонько одѣлся и прокрался къ двери выходившей на балконъ. Дверь была заперта на ключъ; но ключъ не вынуть изъ замка.

Онъ прислушался—все кругомъ тихо... Замокъ щелкнулъ—онъ на балконѣ.

Оглядываясь во всѣ стороны онъ выбѣжалъ въ садъ, отперъ калитку, черезъ которую можно было выйти во дворъ, и знакомыми ему закоулками пустился бѣжать къ воротамъ.

Но ворота заперты, возлѣ нихъ въ будкѣ дремлетъ сторожъ Иванъ. Огромная цѣпная собака сначала глухо заворчала, а потомъ бѣшено залаяла. Сторожъ проснулся.

— Кто тутъ? Чего надо?

— Это я, Иванъ, я, не узналъ?

Но Иванъ узналъ.

— Что прикажете, сударь Борисъ Сергѣичъ?

— Отвори мнѣ калитку скорѣе.

— Куда это вы, батюшка баринъ, въ ранъ такую?

— Нужно, нужно... сейчасъ вернусь... не задерживай!

Сторожъ Иванъ съ просонья не могъ еще совсѣмъ придти въ себя, не могъ сообразить, слѣдуетъ ли выпускать барченка или нѣтъ. Но на счетъ этого ему никакого приказа дано не было. А Борисъ торопитъ:

— Отворяй! отворяй скорѣе!

Онъ отворилъ калитку и выпустилъ.

Борисъ кинулся бѣжать. Добѣжалъ до церкви, повернулъ за уголъ и остановился переводя дыханіе.

Только что взошло солнце, но его еще не было видно. Туманъ стоялъ кругомъ. Сильно пахло гарью. Со всѣхъ сторонъ поднимался дымъ, со всѣхъ сторонъ вставали потухающія развалины зданій.

Борисъ ощущалъ въ своемъ карманѣ маленькій, взятый имъ съ собою пистолетъ и спѣшнымъ шагомъ направился къ Мясницкой.

VII.

Герой.

Пожаръ Москвы, причиной котораго была совокупность разнообразныхъ причинъ, развивался и увеличивался между прочимъ и погодой. Нѣсколько дней при ясномъ, почти безоблачномъ небѣ и довольно высокой температурѣ дулъ сильный вѣтеръ. Деревянные зданія вспыхивали одно за другимъ. Вѣтеръ разметывалъ горящія головни, перебрасывая ихъ черезъ нѣсколько домовъ. Огонь быстро принимался.

И такимъ образомъ въ какіе нибудь два, три часа времени горѣла вся улица. Несчастные жители, запряганные въ темныхъ уголкахъ своихъ квартиръ и теперь застигнутые врасплохъ врагомъ уже неожиданнымъ, выбѣгали обезумѣвши на улицу, унося съ собою первое что попадалось подъ руку, часто совсѣмъ ненужное. При видѣ со всѣхъ сторонъ несчагося на нихъ пламени они кидались въ ближайшую церковь. Но пламя скоро подбиралось и къ церкви, грозило ей неминуемой опасностью. Поднимались стоны, вопли. Приходилось бѣжать и отсюда.

Куда бѣжать?

Дымъ ѣлъ глаза, застилалъ всѣ окружающіе предметы. Кругомъ рушились зданія. Выла и грохотала буря.

И толпа несчастнаго народа бѣжала впередъ, сама не зная куда. Пламя заступало дорогу. На многихъ загоралась одежда, многіе обезсиленные падали задыхаясь. Другіе, наконецъ вырвавшись кое-какъ изъ пламенныхъ объятій, собирались на площадяхъ, складывали тутъ свои скудные пожитки, а сами падали въ изнеможеніи на землю. И наконецъ, нѣсколько придя въ себя, начинали оглядываться.

Тогда начиналось всеобщее смятеніе. Многіе не считывали своихъ близкихъ. Мужья потеряли женъ, матери—дѣтей. Почти каждый вспоминалъ, что выбѣгая изъ дома оставилъ на жертву пламени что нибудь дорогое. Полное отчаяніе охватывало этотъ несчастный людъ.

А пламя свирѣпствовало, а буря не утихала. Густой дымъ застилалъ солнце. Мракъ наступалъ надъ землею.

Но вотъ наконецъ вѣтеръ началъ стихать. Со всѣхъ сторонъ горизонта стали показываться облака. Скоро они заволокли все небо, пошелъ дождь. Дождь увеличивался съ каждой минутой, лилъ почти не переставая, болѣе сутокъ.

Народъ, расположившійся на площадяхъ подъ открытымъ небомъ, весь продрогъ, нитки сухой на немъ не осталось. Но пожаръ сталъ прекращаться.

И теперь, когда Борисъ бѣжалъ по Мясницкой, городъ уже представлялъ иной видъ.

Фантазія Бориса работала съ дѣтства. Онъ иногда въ часы уединенія или безсонницы представлялъ себѣ съ большой ясностью всевозможныя картины, самыя страшныя, самыя фантастичныя. Но никогда еще его горячая фантазія не рисовала передъ нимъ такого потрясающаго зрѣлища, какого онъ теперь былъ свидѣтелемъ.

Онъ уже давно пробѣжалъ всю Мясницкую и двигался къ Москвѣ-рѣкѣ, чтобы взглянуть на Замоскворѣчье. Онъ шель среди развалинъ, со всѣхъ сторонъ передъ нимъ возвышавшихся. Всюду дымились пожарища, и то и дѣло, то здѣсь, то тамъ, неожиданно вспыхивали огненные языки. Еще недѣвно раскаленный удупливый воздухъ, полный дыму и пепла, теперь освѣжился. Но Борисъ чувствовалъ по временамъ отвратительный запахъ и онъ скоро понималъ откуда происходитъ этотъ запахъ. Онъ началъ все чаще и чаще наткаться на трупы, обгорѣлые, ужасные трупы, предающіеся тлѣнію.

Ужасъ и отвращеніе охватили Бориса.

Онъ остановился недалеко отъ трупа женщины, лежавшаго прямо передъ нимъ посреди дороги. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ почувствовалъ, что по головѣ его какъ будто что-то пробѣгаетъ, будто волосы его шевелятся и начинаютъ подниматься сами собой. Едва сдавивъ въ себѣ крикъ онъ кинулся назадъ съ намѣреніемъ бѣжать скорѣе домой отъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

Но вдругъ остановился:

„Я трусь! мелькнуло въ головѣ его. Я не могу вынести вида смерти, на что же я годенъ послѣ этого!“

Нервно вздрагивая онъ вернулся обратно и остановился передъ обезображеннымъ трупомъ, заставляя себя спокойно разглядѣть его. И онъ глядѣлъ съ искаженнымъ лицомъ, съ широко раскрытыми глазами. Онъ увидѣлъ лицо, очевидно еще молодое и вѣроятно бывшее красивымъ; но теперь оно было почти зеленого цвѣта. Одна сторона его опухла, изъ подъ одной не совсѣмъ закрытой вѣки выглядывалъ безжизненный стеклянный зрачекъ... Женщина была полураздѣта...

Онъ не въ силахъ былъ больше глядѣть. Стараясь не дышать, чтобы не чувствовать ужаснаго смрада, онъ обошелъ трупъ и побѣжалъ дальше.

Все было тихо. Но вотъ ему послышались недалеко голоса. Онъ оглядѣлся и замѣтилъ толпу людей, шедшую ему на встрѣчу.

Инстинктивно, во мгновеніе ока, онъ кинулся въ сторону и спрятался въ развалины дома. Онъ чувствовалъ подъ своими ногами еще не совсѣмъ остывшій пепелъ и уголья. Онъ притаился за выступомъ окна и глядѣлъ:

Эти очевидно спѣшившіе куда-то люди уже почти съ нимъ поравнялись; но они должно быть его не замѣтили, а теперь ужъ никакъ не могутъ его видѣть.

Кто эти люди?

И онъ сейчасъ же убѣдился, что это враги—французы, убѣдился по ихъ говору.

Боже мой, въ какомъ они видѣ?! Развѣ это солдаты? Положимъ, у каждаго изъ нихъ оружіе и кой-какіе остатки военной формы. Но вотъ на одномъ партикулярный сюртукъ, на другомъ цилиндрическая шляпа, на третьемъ кака-то женская мантія. Это враги-грабители! Они быть можетъ убили тѣхъ, кого ограбили и чье платье на себя надѣли!..

Бѣшенство, ненависть закипѣли въ Борисѣ. Онъ вы-

нулъ дрожащей рукой изъ своего кармана пистолеть, взвелъ курокъ и направилъ его изъ за переплета окна въ проходившую толпу.

Онъ спустилъ курокъ, но что это! Выстрѣла не послѣдовало... осычка!

Французы прошли мимо.

И тутъ только бѣдный Борисъ замѣтилъ, что хотя онъ и хорошо зарядилъ свой пистолеть, но забылъ надѣть патронъ. Ему стало досадно, стыдно. И въ то же время онъ почувствовалъ безсознательную радость.

Тѣмъ же не менѣе онъ поспѣшно вынулъ изъ коробочки патронъ, надѣлъ его и, выбравъ себѣ болѣе удобное положеніе, остался неподвиженъ.

„Эти прошли, пройдутъ и другіе, думалъ онъ,—тогда я ужъ не промахнусь. Я долженъ убить врага!“

Но онъ долго стоялъ и никто не показывался на улицѣ. Наконецъ онъ издали замѣтилъ приближающуюся фигуру.

„Вотъ онъ, вотъ! съ забывшимся сердцемъ чуть громко не крикнулъ Борисъ.—Но онъ одинъ, я не долженъ убивать его изъ-за угла“...

Однимъ прыжкомъ онъ перескочилъ черезъ груды обгорѣлыхъ обломковъ и углей и съ поднятымъ пистолетомъ стремительно направился къ шедшей на встрѣчу ему одинокой фигурѣ. Теперь онъ замѣтилъ, что это пожилой человѣкъ съ блѣднымъ испитымъ лицомъ; длинные почти сѣдые волосы выбивались со всѣхъ сторонъ нечесанными космами изъ подъ суконнаго картуза съ большимъ козырькомъ. Щеки и подбородокъ были очевидно давно не бриты и поросли серебристой щетиной. Одѣтъ этотъ человѣкъ былъ въ длиннополый поношенный кафтанъ. Онъ шелъ нетвердой походкой бормоча что-то... Во всей его фигурѣ не было ничего воинственнаго, да и никакого оружія на немъ не замѣчалось.

Борисъ остановился въ недоумѣніи, но все еще не опуская пистолеть.

Старикъ только теперь его замѣтилъ. Онъ окинулъ его взглядомъ, въ которомъ выражался не страхъ, а ненависть, и охрипшимъ голосомъ крикнулъ:

— А, французъ поганый!.. нехристь окаанный! убить меня хочешь... ну, что-же, убивай... стрѣлай... да стрѣлай-же, молокососъ!..

И онъ, широко разводя руками, выставилъ впередъ грудь, наступая на Бориса.

Борисъ опустилъ пистолеть.

— Я не французъ! растерянно проговорилъ онъ.

— Такъ что-же ты на своихъ кидаешься?!

— Да я... я думалъ, что вы французъ... что вы врагъ... заикаясь проговорилъ юноша весь краснѣя.

Старикъ изумленно и съ усмѣшкой оглядѣлъ Бориса и покачалъ головою.

— Ахъ ты молокососъ, молокососъ! Поди ты, вонъ тоже на своихъ съ пистолетомъ кидается! Да ты можешь кого и уложилъ такъ-то, зря?..

— Нѣтъ, я еще не стрѣлялъ.

— То-то!

Старикъ еще разъ оглядѣлъ Бориса, печально и добродушно усмѣхнулся и опять покачалъ головою.

— Да откуда ты паренекъ? Кто таковъ? Барченокъ какой, что-ли? Баръ-то, что-то, не видать... разѣхались...

Старикъ этотъ вдругъ ужасно понравился Борису и онъ съ внезапной откровенностью, свойственной его годамъ, рассказалъ ему кто онъ, и откуда, и за какимъ дѣломъ попалъ сюда.

— Вѣдь правда, заглядывая ему въ глаза говорилъ онъ,—правда вѣдь, что стыдно сидѣть въ безопасности, когда въ городѣ такіе ужасы, когда кому нибудь помочь можно, кого нибудь защитить... убить хоть одного врага и грабителя?!

— Эхъ, молодчикъ, молодчикъ! печально повторилъ старикъ. — Ну чему ты, сударь, поможешь? Кого спасешь? Вотъ меня чуть было не убилъ. Оно-бы и ни-

чего... туда мнѣ и дорога... смерти не боюсь... Да тебѣ плохо-бы было, на душу грѣхъ большой взялъ-бы... Сидѣть-бы лучше дома. Покрайности какъ пришелъ-бы часть твой, такъ со своими родителями, да дочкадами принялъ-бы кончину...

— Всѣ погибнемъ! Всѣ погибнемъ!.. вдругъ сверкнувъ глазами дикимъ голосомъ крикнулъ старикъ.

— Какъ всѣ погибнемъ? испуганно и изумленно спросилъ Борисъ.

Старикъ становился страшнымъ; глаза его дико блуждали. Онъ потрясалъ въ воздухѣ рукою.

— Всѣ погибнемъ! повторялъ онъ. — Пришелъ часть гнѣва Божьяго и кары! Кончина свѣта приблизилась... Прогнѣвили мы Господа Бога великими нашими злодѣйствами, неправдою — а противъ Бога кто можетъ? Наслалъ онъ на насъ этихъ дьяволовъ и призвалъ имъ на помощь стихіи небесныя... Камня не останется отъ сего города! Ни одинъ живой человѣкъ не выйдетъ изъ него...

— Ахъ зачѣмъ вы это говорите? старался перебить его Борисъ,—Богъ милостивъ. Врагъ покинетъ Москву, наше войско заставитъ его еще бѣжать.

Но старикъ его не слушалъ. Онъ кричалъ теперь очевидно уже не обращая на него никакого вниманія, не сознавая, есть у него слушатель или нѣтъ.

— Всю жизнь сколачивалъ деньги, кричалъ онъ,—что мукъ вынесъ... работалъ рукъ не покладая. Ночи за работой просиживалъ. Сколотилъ мастерствомъ своимъ деньжонки, домикъ построилъ... сына вырастилъ... Въ солдаты взяли... Гдѣ сынъ? Убитъ!.. французы убили... Справлялся... вѣрно узналъ... убили... Нѣтъ Петруши... Нѣтъ и могилки его... такъ и не увидѣлъ. Жена заболѣла съ горя... Лежитъ, стонетъ, душу надърываетъ... Врагъ пришелъ, Москву отдали ему... Вышелъ изъ дому—силъ не хватало... Пожаръ!.. Москва горитъ... говорить на нашей улицѣ... Бѣгу домой... Гдѣ же это... гдѣ .. гдѣ домъ мой? Нѣтъ дома... спорѣлъ... ничего не осталось... Гдѣ жена?... Больна вѣдь, дыгаться не могла... гдѣ она? гдѣ?..

— Да говори же ты мнѣ, гдѣ она?!.. накинуся онъ на Бориса хватая его за плечи. Онъ былъ страшенъ. Безуміе и бѣшенство изобразились на лицѣ его.

Борисъ высвободился и стремительно побѣжалъ отъ него.

Потомъ онъ остановился, оглянулся и увидѣлъ, что старикъ все еще стоитъ на одномъ мѣстѣ разводя руками и крича что то такое, чего теперь разобрать было невозможно.

Борисъ бѣжалъ дальше, среди все той же картины всеобщаго разрушенія; среди все тѣхъ же валявшихся труповъ людей и животныхъ.

А солнце поднималось выше и выше. Встрѣчались люди. Нѣсколько разъ Борису приходилось прятаться отъ французовъ, которые толпами, съ крикомъ и гикомъ, бродили врываясь въ дома, уцѣлѣвшіе отъ пожара, съ цѣлюю грабить все, что еще можно было найти въ нихъ.

Когда первая паника, охватившая французовъ при видѣ со всѣхъ сторонъ усиливавшихся пожаровъ, прошла, они рѣшились наверстать свои неудачи и разочарованія самымъ разнузданнымъ грабежомъ. Теперь уже нечего было стѣсняться передъ этими варварами, которые встрѣтили ихъ такимъ ужаснымъ образомъ, которые такъ насмѣялись надъ ними.

Самъ Наполеонъ, рѣшившійся возвратиться въ Кремлевскій дворецъ, которому теперь уже не угрожала опасность, разрѣшилъ этотъ грабежъ, хотя и объявилъ мѣры, которыя должны были его ограничить.

Онъ приказалъ, чтобы каждый корпусъ, находившійся въ Москвѣ или ея окрестностяхъ, одинъ за другимъ въ назначенные дни отряжалъ отъ себя по нѣскольку ротъ для грабежа. Этотъ грабежъ былъ названъ въ при-

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ. Дѣти на гумнѣ. Картина Н. Кошелева, грав. Дведницъ.

казъ Наполеона: „приготовленіемъ запасовъ продовольствія“.

Между тѣмъ конечно никакого ограниченія грабежа не было. Напротивъ, эти отряды, посылаемые по очереди, разсуждали такъ, что каждому изъ нихъ по вѣсѣмъ вѣроятіямъ приходится въ послѣдній разъ выходить на добычу и потому они съ остервенѣніемъ накидывались на все. Они разбивали двери и окна, врывались на чердаки, въ подвалы и кладовыя. Несчастные жители, прятвшіеся по угламъ, не выказывали конечно никакого сопротивленія. Они предоставляли все свое имущество на разграбленіе, лишь-бы только ужасные грабители ушли поскорѣе.

Имъ кажется уже ничего не осталось теперь, они уже больше не вернутся. А между тѣмъ на слѣдующій день грабствъ повторялся. Каждый корпусъ долженъ былъ навѣстить несчастныхъ обывателей. Каждый приходилъ по очереди и забиралъ все, что оставилъ его предшественникъ. И по мѣрѣ того какъ уже не оказывалось ничего для грабежа, солдаты непріятельскіе выказывали

все больше и больше бѣшенства. Они воображали, что отъ нихъ прячутъ добычу, и угрозами, насиліемъ заставляли ее выдавать себѣ.

При этомъ они сами были въ несчастномъ положеніи: все изнасилось, безъ сапогъ, безъ бѣлья, въ лохмотьяхъ. Врываясь въ домъ, гдѣ уже не оставалось ничего для ихъ поживы, они почти до нага раздѣвали хозяевъ—мущинъ, женщинъ и дѣтей. Каждая вещь изъ носильнаго платья и бѣлья была имъ нужна.

Происходили ужасныя, возмутительныя сцены. Они уже не различали теперь народностей. Французы, въ довольно большомъ количествѣ жившіе въ Москвѣ и теперь тамъ оставшіеся, были точно также какъ и русскіе ограблены своими соотечественниками. Эти солдаты, самымъ безобразнымъ образомъ закутанные во всевозможное награбленное платье, какъ мужское такъ и женское, совсѣмъ замаскированные этими фантастическими нарядами, теперь находили возможнымъ, надѣясь быть неузнанными, грабить даже своихъ собственныхъ офицеровъ.

(До слѣд. №).

Нино и Мазо.

Разсказъ, взятый изъ хроники города Сіены, П. Гейзе.

(Окончаніе).

Только въ сѣняхъ вспомнилъ онъ, что забылъ о чемъ-то спросить. Но одинъ писецъ, какъ разъ въ это время вошедшій въ домъ, чтобы приняться за обычные занятія, объяснилъ ему—гдѣ жила Мадонна Віоланте. Однако, онъ попросилъ молодого человека не говорить своему хозяину о томъ, что онъ обращается къ нему съ этимъ вопросомъ.

Мазо прямо направился къ указанному дому, стоявшему въ бѣднѣйшемъ изъ кварталовъ города. Но зданіе было, все таки, очень красивое; иногда оно принадлежало богатой фамилии, съ тѣхъ поръ уже вымершей; наследники же, не жившіе тамъ, отдавали его въ наемъ, когда являлся къ тому удобный случай. Въ ту минуту, что Мазо уже приближался къ дому, его ноги невольно остановились. Было ли то дурное предзнаменованіе, или онъ хотѣлъ собраться съ мыслями прежде, чѣмъ встрѣтиться съ тою, отъ которой зависѣло рѣшеніе судьбы ихъ всѣхъ—онъ не могъ дать себѣ хорошенько въ томъ отчету. Такъ и стоялъ онъ нѣсколько времени среди улицы къ удивленію прохожихъ, изъ которыхъ большинство тотчасъ же его узнало. Но лицо его было такое странное, выраженіе, всегда ясное и веселое, такъ измѣнилось, что никто не рѣшился заговорить съ нимъ. Наконецъ онъ, повидимому, пришелъ въ себя и смѣло приблизился къ дому несчастія. Служанка, отворивъ на его стукъ и спустившись до половины лѣстницы, спросила, какое дѣло могло его привести въ столь ранній часъ. Хитрые и полные любопытства глаза дѣвушки, еще молодой и ведурной собою, очень не понравились ему. Сунувъ ей въ руку нѣсколько цехиновъ, онъ кратко сказалъ, что долженъ непремѣнно видѣть господу Віоланте по дѣлу, не терпѣвшему отлагательства. Горничная удалилась и, чрезъ минуту возвратившись, спросила его имя. Когда же онъ себя назвалъ, она, повидимому, чрезвычайно удивилась, однако, кивнувъ, чтобы онъ слѣдовалъ, провела его въ большую, пустую комнату, гдѣ и оставила, глубоко-погруженнаго въ хаосъ поднявшихся въ немъ мыслей.

Въ большомъ каминѣ пылалъ огонь горѣвшихъ оливковыхъ вѣтвей; на нихъ, еще виднѣлись листья и засохшіе плоды. Свѣтъ, выходявшій изъ камина, охватывалъ только небольшое пространство, такъ что фигуры на тканыхъ обояхъ стѣнъ выступали лишь отъ времени до времени, когда вѣтеръ, проникая сквозь трубу, выдувалъ пламя своимъ напоромъ. Предъ самымъ очагомъ были поставлены два кресла, одно противъ другаго; утомленный Мазо опустился въ одно изъ нихъ и сталъ ждать. Его сердце болѣзненно жалось, когда вдругъ ему пришла въ голову мысль о томъ, какъ многія ночи Нино сидѣлъ тутъ и слушалъ обманчивыя рѣчи, полонившія его душу.

Но вотъ, на другомъ концѣ длинной залы отворилась дверь и показалась темная женская фигура. Спокойно приблизилась она къ камину, около котораго стоялъ поднявшійся Мазо; но онъ могъ рассмотреть ее только когда она подошла совсѣмъ уже близко. При первомъ взглядѣ его удивило, что та, которой Нино пожертвовалъ его сестрой, не казалась вовсе красивой. Женщина эта была средняго роста; одѣтая въ черное бархатное платье, отороченное тонкимъ сѣрымъ бархатомъ, она закуталась въ длинный, сѣрый же, съ золотыми полосками, платокъ, скрывавшій ей шею, плечи и руки; голову свою она держала прямо и неподвижно и только блѣдноватые глаза безпокойно вращались лодъ арками густыхъ бровей. Ея роскошные волосы, прекраснаго каштановаго цвѣта, спускались съ затылка небрежно зашпегенными прядями; лицо ея было блѣдное, поблекшее, и только когда она немного раскрыла ротъ,—какъ теперь,

привѣтствовалъ гостя едва замѣтнымъ склоненіемъ головы—Мазо увидѣлъ два ряда блестящихъ бѣлыхъ зубовъ, хотя въ его глазахъ эта улыбка нисколько не скрасила Мадонну Віоланте.

— Я начинаю вѣрить, что Нино, въ самомъ дѣлѣ, правъ—подумать онъ—когда говоритъ, что она околдовала его; ну, могла ли бы такая обыкновенная, неинтересная женщина завладѣть имъ, не прибѣгая она къ какимъ нибудь особннымъ средствамъ!

Дама безмолвно опустилась въ пустое кресло, показала ему жестомъ, что онъ можетъ вновь занять свое мѣсто. Затѣмъ, взявъ небольшую желѣзную кочергу, принялась мѣшать въ каминѣ огонь. При этомъ обнаружилась ея рука, хотя и не маленькая, но бѣлая и прелестной формы. На среднемъ пальцѣ былъ надѣтъ перстень съ кроваво-краснымъ камнемъ.

— Синьора Віоланте, произнесъ онъ, наконецъ, подавляя въ себѣ тяжелый вздохъ,—имѣ неизвѣстно—было ли уже вамъ знакомо мое имя и знаете ли вы, что оно принадлежитъ брату той молодой дѣвушки, которая, если на то будетъ воля Вождя, чрезъ нѣсколько недѣль, станетъ женой моего друга, Нино дель Гарбо. Безполезно было бы вамъ терять время на слова съ скрытымъ смысломъ, на увертки. Послѣ всего, что я вамъ сказалъ, вы знаете, что меня привело къ вамъ. Вы у невесты отняли сердце жениха и заставили ее проливать слезы. И не имѣю однако намѣренія дѣлать вамъ упрековъ. Того, что произошло, не переимѣнить, но, за то, человѣческой умъ, рѣшительность и добрая воля могутъ дать иное направленіе будущему, а потому я и нашелъ васъ, чтобы спросить—желаете ли вы и на какихъ условіяхъ, возвратитъ Нино свободу.

Онъ остановился на минуту, ожидая отвѣта, но Віоланте, съ такимъ видомъ, какъ будто его слова нисколько не относились къ ней, нагнувшись немного впередъ, продолжала мѣшать въ каминѣ.

— Я знаю,—заговорилъ вновь Мазо,—что вамъ мое требованіе непріятно. Вы пріѣхали въ нашъ городъ для своего процесса и, все таки, я не вижу никакого другаго средства исправить сдѣланное вами зло, какъ то, чтобы вы немедленно же уѣхали отсюда и отказались видѣть вашего адвоката, безумно влюбленнаго въ васъ.

Віоланте бросила изъ подъ своихъ, все время опущенныхъ, вѣкъ, быстрый взглядъ на говорившаго и на ея устахъ мелькнула презрительная улыбка; легкій румянецъ, заигравшій на щекахъ, придалъ ей болѣе молодой видъ. Казалось—она хотѣла что-то сказать, но пожала только плечами и, плотнѣе укутавшись въ сѣрый платокъ, опять принялась мѣшать въ огнѣ.

— Благодарю васъ за то, что вы спокойно выслушиваете меня; жертва, которую я отъ васъ требую, повидимому, невыполнима и я нисколько не могъ бы досадовать на васъ, если бы вы велѣли выпроводить меня, какъ сумасшедшаго. Но прошу васъ выслушать мое предложеніе. Если вы оставите нашъ городъ, то я убѣжду Нино передать вамъ тяжбу двумъ искуснѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ товарищамъ, съ тѣмъ, что они будутъ сносить съ вами письменю. Кромѣ того я вамъ выдамъ документъ, которымъ обязуюсь—въ случаѣ вы проиграете свой процессъ—отвѣтить всѣмъ моимъ состояніемъ за всѣ ваши убытки, а если этого окажется недостаточнымъ, то, въ видѣ какъ бы вашего раба, платить вамъ доходами моими, пока не возврату всего. Такимъ образомъ, уѣзжая отсюда, вы не рискуете потерпѣть ни малѣйшаго ущерба. Если же вамъ непріятно отказаться отъ любовника, то вѣдь вы такъ молоды и хороши, что може-

те вмѣсто одного имѣть ихъ столько, сколько угодно, не огни-мая у другой того, кто связанъ съ ней клятвою.

Наступило новое молчаніе, во время котораго Мазо, съ душевной тревогой, старался прочесть на загадочномъ лицѣ вліяніе, произведенное его молбой. Холодный потъ выступилъ у него на лбу и онъ крѣпко прижалъ руку къ сердцу. Чѣмъ долѣе онъ находился въ ея присутствіи, тѣмъ страшнѣе казалась ему ея близость, такъ какъ онъ находилъ теперь и ея немного тупой носикъ, съ подвижными позрями, и маленькія уши, и мягкій подбородокъ съ ямочкою посрединѣ гораздо красивѣе, нежели въ началѣ, и уже понемногу переставалъ считать грѣховное увлеченіе Нино безуміемъ. Наконецъ она заговорила и онъ услышалъ тотъ чарующій голосъ, который призывалъ его друга каждый день, когда спускалась вечерняя тьма.

— Вы говорите, какъ умный человѣкъ и горячій другъ своего друга, синьоръ Буонфильи, произнесла она спокойно и не глядя на него;—но что же мнѣ дѣлать? Если я уѣду и оставлю вашего друга и если онъ въ самомъ дѣлѣ любитъ меня такъ сильно, какъ вы говорите, то будетъ ли онъ въ состояніи сразу опять привязаться къ вашей сестрѣ какъ прежде? Согласится ли онъ и мой процессъ и меня спокойно передать въ другія руки? Нѣтъ, вы слишкомъ умный человѣкъ, чтобы вѣрить этому, и если бы не можете найти лучшаго способа возвратитъ вашей сестрѣ ея жениха, то печальна судьба бѣдной дѣвочки, которую отъ души жалѣю, хотя и совсѣмъ не знаю, такъ какъ впервые слышу только отъ васъ объ ея отношеніяхъ къ доктору дель Гарбо.

Мазо всталъ; ея тонъ, звучавшій истинной, не давалъ ему возможности паставить бока. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ вдоль темной залы, онъ вдругъ вернулся назадъ и остановившійся около своего кресла, заговорилъ глухимъ голосомъ:

— Вы должны понять, Мадонна, что я не могу уйдти отсюда, пока не доведу этого дѣла до хорошаго исхода и не вырву изъ вашихъ рукъ чести моего друга и счастья моей сестры. Всемогушій мнѣ свидѣтель: еслибъ я былъ увѣренъ, что Нино былъ бы счастливѣе съ вами, чѣмъ съ моей сестрой, я бы какънибудь совладалъ съ своимъ горемъ и не сталъ бы поперекъ его счастья. Но этому не вѣрить онъ, не вѣрю и я.

Пламенный взглядъ молодой женщины проникъ до самаго его сердца, однако онъ продолжалъ съ твердостью:

— Нѣтъ, Мадонна, Нино не вѣритъ этому, онъ самъ подтвердилъ клятвою, что не вѣритъ ни вашей любви, ни тому, чтобы чувство его къ вамъ могло его осчастливить, могло быть прочнымъ и продолжаться во всю жизнь. Онъ убѣжденъ, что вы прикладовали его съ помощью дьявола.

Онъ умолялъ, самъ испугавшись этого слова, невольно сорвавшася съ его устъ и громко прозвучавшаго въ высокой залѣ. Но женщина, сидѣвшая у камина. повидимому, не обратила на то никакого вниманія. Она только больше нагнулась къ камину, чтобы толкнуть назадъ въ огонь высунувшееся полѣно. Но въ эту минуту произошло нѣчто ужасное. Одинъ конецъ ея тонкаго, сѣраго платка, слишкомъ приблизившись къ камину, моментально загорѣлся и—въ мгновеніе пламя охватило всю ея темную фигуру. Съ крикомъ ужаса бросился къ ней Мазо. Но Мадонна, казалась, была заговорена отъ огня; быстро сорвавъ съ себя пылавшую ткань, она уже спокойно стояла предъ пораженнымъ ужасомъ Мазо—съ обнаженными плечами и безстрашнымъ лицомъ. Молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее безмолвно и пристально, словно очарованный; его сердце страшно стучало и билось; видъ этихъ голыхъ, безукоризненной формы, плечъ заставлялъ его будто окаменѣть. Но онъ увидалъ и еще другое, что едва не свело его окончательно съ ума. На лѣвой сторонѣ ея груди, бѣлизна которой выступала еще ярче отъ чернаго бархатнаго корсажа, онъ увидѣлъ странный темносиній знакъ, похожій на слѣдъ, оставляемый ланкой маленькой птички на замержшемъ снѣгу. Этотъ нѣжный отпечатокъ на мягкой, атласной кожѣ казался точно живымъ, опускаясь и поднимаясь отъ движенія, производившагося подъ вліяніемъ дыханія, и невозможное уже было оторвать разъ упавшаго на него взгляда. Но все это длилось лишь нѣсколько минутъ. Закрывъ плечи распутившимися волосами и, скрестивъ на груди руки, Мадонна, съ улыбкой торжества и не вымолвивъ ни слова, повернулась и удалилась изъ залы тѣмъ же медленнымъ шагомъ, какимъ вошла.

Когда, спустя нѣкоторое время, возвратилась молодая горничная, то увидала гостя стоявшимъ неподвижно на прежнемъ мѣстѣ и упорно смотрѣвшимъ на дверь, за которой исчезла ея госпожа. Очнувшись нѣсколько при звукѣ ея шаговъ, Мазо поспѣшно поднялъ съ пола соскользнувшее туда шляпу и плащъ и, не обращая вниманія на испуганное восклицаніе дѣвушки, бросился вонъ изъ дома.

Гдѣ и какъ провѣлъ онъ послѣдующіе часы, онъ не могъ вспомнить. Вѣроятно, онъ безсознательно бродилъ по окрестностямъ города, погруженный въ видѣнія, наполнившія воображеніе его. Крестьяне, ѣхавшіе въ Сиену, видѣли далеко за городомъ, въ полѣ, человѣка, походившаго на него ростомъ и одеждой и который въ странномъ махалѣ по воздуху руками, то кидался на землю, точно прося ее поглотить его, своего несчастнаго сына, въ свое дово.

Къ вечеру, однако, онъ пришелъ въ остерію, гдѣ утромъ ос-

тавилъ лошадь и, потребовавъ пищи, жадно выпилъ вино, поданное ему хозяиномъ. Его лицо было блѣдное, совсѣмъ пепельное—разказывалъ потомъ этотъ послѣдній—по временамъ говорилъ самъ съ собой и одинъ разъ даже засмѣялся, но не обычнымъ веселымъ смѣхомъ мастера Мазо (хозяинъ тотчасъ же узналъ его), а тѣмъ, какимъ хочочетъ злой духъ изъ бѣднаго бѣсповатаго. Послѣ всего этого онъ велѣлъ отвести себя въ отдѣльную комнату, гдѣ, бросившись одѣтымъ на постель, немедленно же заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Такъ какъ въ предшествующую ночь Мазо не смыкалъ глазъ, то тутъ, въ этомъ тихомъ, уединенномъ домѣ, онъ пролежалъ нѣсколько часовъ въ глубокомъ снѣ, который не тревожили видѣнія. Но когда вѣхавшій ночью во дворъ остеріи зашоздавшій въ пути извозчикъ разбудилъ, шумомъ и звономъ своей упряжи, и хозяина, и всю прислугу, то пробудился и Мазо. Первое, что почудилось ему, было привидѣніе съ бѣлыми плечами, преслѣдовавшее его весь день, сосавшее его кровь. Онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ и въ головѣ его на минуту мелькнула мысль, что онъ долженъ былъ бы осѣдлать свою лошадь и скакать на кощѣ свѣта. Затѣмъ, глубоко вздохнувъ, онъ побрѣлъ въ городъ.

Стража у городскихъ воротъ пропустила Мазо, узнавъ въ немъ Сиенскаго жителя. И онъ пошелъ по пустымъ улицамъ, прямо туда, будто повинясь могучей, неотразимой силѣ, хотя и противъ воли. Что ему было надо тамъ, куда его тянуло, онъ самъ не зналъ. Безсознательно осѣдлалъ онъ себя крестнымъ знаменіемъ и шепталъ молитвы. Но въ головѣ его было такъ пусто и тяжело, какъ будто онъ выпилъ вина черезъ мѣру.

Вдругъ онъ увидѣлъ домъ синьоры Виоланте, въ одномъ изъ верхнихъ оконъ котораго сіяла узенькая полоска свѣта, изъ чего онъ полагалъ, что она еще не ложилась спать. Мазо подумалъ о томъ, вѣстятъ ли его и кого онъ тамъ найдетъ бы, и при этой мысли онъ почувствовалъ такую острую боль, что ему пришлось остановиться и собраться съ духомъ. По въ ту минуту, что онъ готовился обсудить самъ съ собой—что ему предпринять, на другой сторонѣ узкой улицы раздался торопливый и осторожные шаги, также приближавшіеся къ этому дому. Онъ зналъ—кто тамъ шелъ. Однако, не обрадовавшись онъ, какъ бывало прежде, неожиданному случаю увидѣть его. Какъ къ ненавистному врагу кинулся онъ навстрѣчу ему, чтобы не дать ему опередить себя на этой дорогѣ.

Онъ встрѣтились у самыхъ ступенекъ, которыя вели въ маленькую калитку.

— Ты, это, Мазо!

— Никто другой, какъ я, Нино!

— Цѣлый день напрасно ждалъ я тебя, Мазо. Теперь—не время намъ разговаривать. Приходи завтра ко мнѣ. Теперь... ждуть меня тутъ.

Съ этими словами, онъ шагнулъ, было, мимо Мазо, и уже потянулся къ молотку, но въ ту же минуту Мазо оттолкнулъ его руку и грубымъ, сильнымъ голосомъ крикнулъ ему:

— Сегодня и въ слѣдующіе дни напрасно будутъ ждть тебя тутъ. Никогда больше не перешагнешъ ты этотъ порогъ, клянусь тебѣ Христомъ и Его Пресвятой Матерью!

Съ минуту промолчалъ Нино, а затѣмъ, грустнымъ, но спокойнымъ голосомъ, сказалъ: о Мазо, отчего ты сегодня утромъ въ первую же минуту гнѣва меня не убилъ, какъ на то имѣлъ право и какъ я самъ того желалъ! Мы бы не стояли теперь одинъ противъ другаго! Но—не могу я уступить тебѣ. Да и еслибъ я хотѣлъ—не могу, потому что вновь неотразимо очарованіе, сильнѣе оно твоей и руки, желающей меня остановить, сильнѣе и старой дружбы. Еслибъ теперь у моихъ ногъ лежала бездонная пропасть, а на той сторонѣ стояла и манила меня эта женщина, я бросился бы къ ней навстрѣчу и никто не смѣлъ бы пытаться спасти меня. Кажусь я тебѣ сумасшедшимъ—пусть такъ и будетъ. Предоставь безумнаго его судьбѣ.

— Стой! крикнулъ другой, смягчая свой голосъ, сколько могъ,—еще одно слово, прежде чѣмъ у насъ не дошло до худшаго. Знай же, что я видѣлъ ее и мной овладѣло то же самое безуміе, что и тобой владѣть. Весь этотъ длинный день я тѣтно бился въ сѣти, которую чертовка накинула мнѣ на голову. Вотъ я и пришелъ сюда осларивать ее у всѣхъ и каждаго, будь это даже тотъ, кого я любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Кто осмѣлится стать между мной и ею—тотъ мой смертельный врагъ, котораго я ненавижу, крови котораго жажду и котораго своими руками...

И схвативъ неожиданно Нино за плечи, онъ такъ сильно толкнулъ его со ступенекъ, что тотъ скатился въ самой стѣнѣ. Съ глухимъ крикомъ бѣшенства кинулся Нино къ Мазо, обхватилъ его и—между ними началась дикая, отчаянная борьба; по минутамъ, съ устъ того или другаго срывался жалобный стонъ; они схватились такъ быстро, что ихъ пылавшія щеки касались. Вдругъ, на землю съ звономъ упалъ поясной кинжалъ Нино и—будто сразу души обоихъ освѣтило одно и тоже чувство, разбудившее ихъ старую дружбу, ихъ старую любовь. „Нино!“ простоналъ одинъ. „Мазо!“ вырвалось у другаго и, безсознательно для нихъ самихъ, вражеская схватка превратилась въ горячія объятія двухъ друзей, изъ глазъ брызнули слезы, губы слились въ крѣпкомъ поцѣлуѣ, заглушившемъ слова мира и прошенія. Нѣсколько минутъ простояли они

Коронационные дни въ Москвѣ. Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ. Общій видъ.
Ориг. рис. съ натуры нашего спеціального корреспондента Н. Н. Карагина, грав. М. Рашевскій.

такъ. „О Нино, неужели это было возможно!“—„О Мазо, какъ могло дойти до того!“ Когда молодые люди немного успокоились и могли уже взглянуть другъ другу въ глаза безъ слезъ, Мазо взялъ руку Нино и сказалъ: „Клянусь этимъ пожатіемъ, что никого такъ не люблю, какъ моего Нино!“—„Клянусь въ томъ же предъ Богомъ моему Мазо!“

— Аминь! произнесъ Мазо. Затѣмъ, проведя рукой по лицу и оглянувшись на полосу свѣта въ окнѣ Віоланте онъ сказалъ: „если мы серьезно и искренно дали другъ другу эту клятву, то намъ остается только одно спасеніе: эта чародѣйка, желавшая стать между нами не должна жить.“—„Ты правъ“, отвѣтилъ Нино, „еслибы можно было убить мыслью, то эта женщина была бы ужъ мертвая“. „Пусть рука послужитъ мысли, а рукѣ—оружіе“, сказалъ Мазо, „но кто изъ насъ выполнитъ надъ ней приговоръ этотъ?“—оба замолчали. Первымъ вновь заговорилъ Нино. „Я болѣе виновенъ сказалъ онъ и болѣе пострадалъ; Богъ прости мнѣ, если я пошлю эту сатану въ адъ“. И онъ нагнулся, чтобъ поднять свой кинжалъ съ каменной ступени. Но Мазо остановилъ его. „Мы кинемъ жребій“ сказалъ онъ,—и тотъ кому придется ее убить, будетъ только въ половину отвѣтственъ за кровавое дѣло предъ Вѣчнымъ Судьею и предъ земнымъ правосудіемъ. Оба съ разу теперь возьмемся за кинжалъ, который лежитъ въ темнотѣ, такъ что трудно его рассмотреть. Кому попадутся ножны, тотъ освобожденъ, а кто возьмется за рукоятку, тотъ пусть идетъ къ ней наверхъ и отомститъ проклятой, прежде чѣмъ она вновь насъ сдѣлаетъ врагами“...

Навсегда осталось тайной—кто изъ двухъ взялся за ножны, кому попала рукоятка и кто изъ нихъ—послѣ того что дверь по условленному знаку отворилась—остался на порогѣ, прислушиваясь съ бьющимся сердцемъ къ малѣйшему звуку, который далъ бы ему знать, что мрачное дѣло уже совершено. Но все было такъ тихо, какъ будто тамъ наверху сошлись двое любовниковъ, старательно заглушавшихъ свое нѣжное воркованіе. Вскорѣ однако по лѣстницѣ раздались осторожные шаги. Тотъ, кто только что пролилъ кровь Мадонны, появился въ дверяхъ съ мертвенно блѣднымъ лицомъ и опустился на колѣни. „Свершилось“! прошепталъ онъ.—„Богъ да прости намъ и ей! Еще одна секунда и у меня не хватило бы силъ. И послѣ смерти ея чары не утратили своего могущества. Я не устоялъ противъ искушенія и поцѣлую смѣлъ кровь съ ея шеи“.

На слѣдующій день уже съ утра по городу пронесся слухъ, что Мадонна Віоланте найдена убитою въ своемъ домѣ. Барджелло (начальникъ городской полиціи), захвативъ съ собою человѣкъ десять своихъ людей, поспѣшилъ на мѣсто преступленія. Черезъ силу могъ онъ пробраться сквозь густую толпу народа, скучившуюся, голова къ головѣ, въ узкой улицѣ, взобравшись даже на лѣсеньку. Убитая была найдена лежавшею на полу около потухшаго камина, немного прислоненною къ одному изъ креселъ, на которомъ покоилась ея голова съ распутившимися волосами; ея плечи были обнажены; въ верхней части лѣвой стороны груди торчалъ кинжалъ съ артистически вычеканенной рукояткой и воткнутый съ такой силой, что его едва могли вытащить изъ раны; родинка исчезла, трехгранное лезвіе уничтожило ее. Такъ какъ каждый хорошо зналъ, кѣмъ кинжалъ былъ сдѣланъ и кому онъ принадлежалъ и такъ какъ молодая горничная, съ громкимъ крикомъ бросившаяся къ тѣлу своей убитой госпожи, прямо обвинила ночного посетителя, то Барджелло, не теряя ни минуты, направился съ своими людьми и въ сопровожденіи густой толпы, къ Каза-дель-Гарбо, какъ въ удивительномъ казалось ему, чтобъ на ужасное

дѣло это пошелъ такой человекъ какъ Нино, самъ служившій правосудію и пользовавшійся безупречной репутациею, да и къ тому-же его неотвергнутая любовь не могла служить причиной. Когда они вошли къ Нино, то нашли обонхъ пріятелей, спокойно сидѣвшими другъ подлѣ друга; на столѣ стоялъ кубокъ съ виномъ и только одинъ стаканъ, изъ котораго, повидимому, пили оба; Нино звучнымъ голосомъ читалъ списокъ „чистилица“ великаго Данте Алигьеры, въ то время, какъ Мазо бралъ отъ времени до времени тихіе аккорды на лютнѣ, лежавшей у него на колѣняхъ. На вопросъ о томъ, принадлежалъ-ли ему кинжалъ, и знаетъ-ли онъ кто имъ убилъ вдову Мадонну Віоланте, докторъ, безъ малѣйшаго колебанія, отвѣтилъ, что оружіе принадлежитъ ему и что убійство этой женщины рѣшили и совершили они оба, такъ какъ она была чародѣйка и пока она жила—отъ нея не было спасенія.

На этомъ такъ они и стали; тоже самое они отвѣчали и судѣ, убѣждавшему ихъ сказать правду и находившему немалымъ, чтобы одинъ и тотъ-же смертельный ударъ былъ нанесенъ двумя убійцами. Синьорамъ города Сіены была тяжела мысль лишитъ родной городъ сразу двухъ до сихъ поръ безукоризненныхъ гражданъ. Но обвиняемые упорно молчали, когда отъ нихъ требовали объясненія, въ чемъ именно проявлялось колдовство убитой. Только одной Бриджидѣ, пришедшей въ темноту къ несчастному племяннику и любимцу, открылъ этотъ послѣдній свое сердце и разказалъ, какъ все произошло; но и отъ нея скрылъ онъ о томъ, кто изъ нихъ нанесъ смертельный ударъ: онъ послалъ съ нею поклонъ своей блѣдной юной сестрѣ, лежавшей дома въ горячкѣ и не приходившей въ сознаніе съ первой минуты страшнаго извѣстія; ей-бы, замѣтилъ онъ, лучше найти убожце въ монастырѣ, пока время не излечитъ этой раны. Нино, молча и съ выраженіемъ такого смиренія, опустился на колѣни передъ старушкой, что она, несмотря на всю ненависть къ виновнику своихъ великихъ страданій, возложила, заливаясь слезами, свои руки на его голову.

На восьмой день обонхъ осужденныхъ отвели на мѣсто, гдѣ они должны были искупить свою вину. Одѣтые въ покаянную одежду и держа другъ друга за руку, они спокойно шли на казнь, отвѣчая безмолвнымъ наклоненіемъ головы на поклоны, посылавшіеся имъ отъ времени до времени изъ толпы. Когда же они вступили на обитый чернымъ эшафотъ, то вновь обнялись и такъ долго оставались на груди другъ у друга, что вся толпа прослезилась. Затѣмъ Нино—по просьбѣ Мазо—опустился на колѣни и, помолившись громко за свою душу и душу друга, безстрашно первымъ принялъ смертный ударъ; потомъ, обнаживъ свою шею и подставивъ ее мечу, Мазо воскликнулъ: „Я слѣдую за тобой въ адъ или въ рай, такъ какъ безъ тебя и рай былъ-бы мнѣ адомъ!“ Черезъ секунду и его голова скатилась на кровавый помостъ и многіе разказывали, будто обѣ головы, и послѣ смерти, искали другъ друга глазами.

Лизабеттуччи уже не оставяла монастыря, куда за ней послѣдовала и ея вѣрная тетка.

Современникъ, записавшій это событіе, хорошо помнитъ — онъ былъ тогда двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, — что видѣлъ, на престольномъ праздникѣ монастыря блѣднлицу, стройную старицу-монахиню, которая, какъ ему сказали, и была Лизабеттуччи, тогда уже настоятельница. Впослѣдствіи онъ на себѣ испыталъ могущество женскихъ чаръ и понялъ, насколько въ буквальномъ смыслѣ можно было принимать то, что о нихъ сказано въ этой исторіи.

Новыя наблюденія надъ работой пчелъ.

Очеркъ С. Августина.

Съ древнѣйшихъ временъ пчела считается образцомъ трудолюбія; ея умъ, усердіе, и предусмотрительность давно уже извѣстны и наблюденія надъ жизнью, правами и привычками этого насѣкомаго не только подтверждаютъ его твердо установившуюся въ этомъ репутацию, но постоянно раскрываютъ новыя, интересныя его особенности.

Во всѣхъ отрасляхъ промышленности, раздѣленіе труда приобрѣло, какъ извѣстно, полное право гражданства. И животныя, подобно человеку, достигаютъ гораздо болѣе плодотворныхъ результатовъ, примѣняя къ своей работѣ этотъ принципъ, при которомъ каждый индивидуумъ трудится надъ выполненіемъ только части цѣлой задачи. Яркій примѣръ такой организаціи труда даетъ намъ улей, въ которомъ, на ряду съ кладущей яйца маткой, дѣлаютъ каждый свое особое дѣло тручьи, работницы; гдѣ дѣятельность и обязанности каждаго класса строго разграничены. Но въ еще болѣе высокой степени раздѣленіе труда примѣняется у муравьевъ. Тамъ есть особый классъ, обязанность котораго состоитъ, на примѣръ, въ окончателномъ высиживаніи яицъ; другіе служатъ воинами и ведутъ борьбу съ непріятельскими родами; третьи высылаются за добычей, или занимаются постройкой, или присматриваютъ за порядкомъ и т. д. Въ одномъ отношеніи, однако, а именно въ искусствѣ сбереженія времени, пчелы повидимому, превзошли муравьевъ.

Медовый сотъ признается образцомъ виолнѣ цѣлесообразной

архитектурной постройки, такъ какъ и форма, и устройство чашечекъ, отвѣчаютъ строжайшимъ требованіямъ бережливости и полезности: сотъ этотъ, которому отведено небольшое количество матеріала (воскъ), въ состояніи содержать въ себѣ возможно болѣе количества меду. Пчела на столько же дорожитъ своимъ временемъ, на сколько она дорожитъ пространствомъ и матеріаломъ. Способъ, которому она слѣдуетъ при собираніи меду, достоинъ не меньшаго удивленія, чѣмъ сооруженіе чашечекъ и сотовъ. Но для того чтобы болѣе яснѣе объяснить себѣ цѣлесообразность, характеризующую свою дѣятельность, намъ необходимо ближе взглянуть на ея задачу.

Наполненіе сотовъ медомъ—дѣло далеко не столь легкое, какимъ оно кажется, такъ какъ прежде, нежели насѣкомое доставитъ туда свою сладкую добычу, ему надо найти ее и, затѣмъ, удержатъ при себѣ; не зная, чему больше удивляться—той ли тактикѣ, которой онъ слѣдуетъ при своихъ поискахъ, или методѣ, при помощи которой удерживаютъ при себѣ найденное вещество.

Источникомъ, изъ котораго пчела извлекаетъ медъ, служитъ сладкій сокъ, содержащійся въ чашечкахъ большей части цвѣтотъ. Извѣстно, конечно, важное значеніе насѣкомыхъ для цвѣтотъ, вообще; перенося съ собою приставшую къ нему цвѣточную пыль съ одного растенія на другое, оно, тѣмъ самымъ,

способствовать ихъ оплодотворенію, причемъ надо сказать, что безъ этого значительное число растений не было бы способно къ дальнѣйшему самовоспроизведенію; а приготовляемый цвѣтами нектаръ какъ будто бы и служитъ этой опредѣленной цѣли—привлекать къ нимъ наѣдомыхъ. Насколько растениямъ необходимы посѣщенія наѣдомыхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Обыкновенная земляника, въ періодъ своего цвѣтенія, постоянно окружена массой разнородныхъ наѣдомыхъ, причемъ всегда даетъ изобіе ягодъ; если одну или нѣсколько распустившихся, разцвѣтшихъ вѣточекъ прикрыть тюлемъ или какой нибудь другой матеріей и преградить къ нимъ, этимъ способомъ, доступъ собирающимъ медъ наѣдомымъ, то цвѣточки ихъ останутся свѣжими гораздо дольше, нежели ихъ сосѣди, но, зато—въ то время, что другія вѣтки обсыпаны ягодами, на этихъ не появляется ни одной.

Несмотря на эту потребность въ посѣщеніи наѣдомыхъ, цвѣты, однако, не всегда въ состояніи расточать гостямъ свой сокъ. Въ первое время послѣ отцвѣтенія, они не производятъ почти вовсе нектара; онъ образуется, иногда, не прежде, какъ чрезъ нѣсколько дней, а именно только къ тому времени, когда пыль уже созрѣла или же, когда, по оплодотвореніи собственной пылью, нуждается въ этомъ веществѣ съ другаго растенія. Кроме того, образование сока зависитъ также и отъ состоянія атмосферы. Въ холодные дни цвѣты содержатъ его въ очень малыхъ количествахъ, а въ теплые, напротивъ,—въ изобіи. Многие изъ нихъ открываютъ чашечки въ извѣстные часы дня, другіе—только поздно, многіе—рано утромъ; иные же остаются закрытыми вплоть до самой ночи; есть такіе, которые свертываютъ даже листья, какъ только небо заволакивается облаками. Но во всякомъ случаѣ сокъ держится очень не долгое время и когда цвѣтокъ начинаетъ вянуть, то, какъ это подтверждается многочисленными наблюденіями, цвѣтокъ самъ высасываетъ свой сокъ. Изъ всего этого видно, что пчелѣ приходится выполнять особую работу не только за каждымъ видомъ растенія, но и за каждымъ отдѣльнымъ особемъ, и что періодъ времени, въ теченіе котораго она можетъ собирать сокъ, весьма непродолжителенъ. Если же принять во вниманіе, съ одной стороны, ограниченность времени и количества сока, а съ другой—многочисленность наѣдомыхъ, отправляющихся на добываніе, то, естественно, значительное число цвѣтовъ оказывается лишнимъ сока и чѣмъ меньше остается нетронутыхъ цвѣтовъ, тѣмъ затруднительнѣе, конечно, становится и для пчелъ добывать потребное количество меда. Но трудность задачи заключается не въ одномъ умѣнши найти сладкій сокъ,—самое высасываніе его у иныхъ цвѣтовъ сопряжено съ большими затрудненіями. Это, обыкновенно, имѣетъ мѣсто у тѣхъ цвѣтовъ, у которыхъ часть, содержащая нектаръ, сидитъ такъ глубоко, что пчела своимъ сравнительно короткимъ хоботкомъ не въ состояніи добраться. Такихъ цвѣтовъ очень много и добыть у нихъ сокъ могутъ, обыкновенно, только наѣдомыя, снабженная болѣе длинными аппаратами для высасыванія, какъ напр. бабочки. У другихъ же цвѣтовъ чашечки закрыты столь прочно, что онѣ доступны крупнѣйшимъ изъ наѣдомыхъ, обладающимъ достаточною силой, чтобы отворить ихъ; но если у пчелы хватаетъ силы и ея хоботокъ достаточно длинецъ, то случается, что сладкій сокъ, въ видахъ защиты его отъ пыли и дождя, находится въ самыхъ недоступныхъ частяхъ цвѣтка и можетъ быть добытъ только съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ.

Вообще же для растеній гораздо полезнѣе посѣщеніе летающихъ наѣдомыхъ, нежели ползающихъ, какъ напримѣръ муравьевъ; они хотя и высасываютъ сокъ, но не переносятъ съ одного цвѣтка на другой пыли, теряя ее во время своего передвиженія. Почти каждый цвѣтокъ обладаетъ устройствомъ, органами, ставящими преграду проникновенію наѣдомыхъ, которыя не могутъ служить посредниками для обмѣна оплодотворяющей пыли; всего чаще эти преграды состоятъ въ какой либо особенной формѣ складки лепестковъ, или въ присутствіи волосковъ и маленькихъ чешуекъ вокругъ чашечки, въ иныхъ случаяхъ пѣль эта достигается тѣмъ, что волоски расположены кончиками внизъ, чѣмъ не только затрудняютъ доступъ для муравьевъ и жуковъ, но и дѣлаютъ его совершенно невозможнымъ. На стебляхъ многихъ растеній роль волосковъ выполняетъ клейкое вещество, а сокъ нѣкоторыхъ висячихъ цвѣтовъ недоступенъ для муравьевъ вслѣдствіе того, что ихъ лапки не въ состояніи удержаться на гладкихъ лепесткахъ; они скользятъ и падаютъ прежде, нежели успеваютъ добраться до чашечки. Но мы еще не говорили о труднѣйшей сторонѣ задачи, т. е. о самомъ собираніи пчелой меда. Онъ состоитъ изъ многочисленныхъ и неизмѣрно малыхъ частицъ нектара, который находится въ каждомъ цвѣткѣ и нерѣдко содержитъ въ себѣ такое ничтожное количество сахара, что человекъ съ трудомъ замѣчаетъ его присутствіе. Головка обыкновеннаго краснаго клевера, напримѣръ, даетъ немного мѣтѣ $\frac{1}{10}$ грана (наименьшая аптекарская мѣра), а такъ какъ она состоитъ изъ 50 или 60 ясно разграниченныхъ между собой трубочекъ, то каждая не можетъ содержать въ себѣ болѣе $\frac{1}{500}$ грана сахара. Поэтому, чтобы набрать гранъ сахара, пчелѣ приходится опустить свой хоботокъ въ 500 такихъ трубочекъ, а чтобы составить цѣлый фунтъ, ей необходимо опустошить ихъ 3 или 4 милліона. Медъ состоитъ всего на $\frac{3}{4}$ изъ сухаго сахара, и пчелѣ

приходится высосать 2—3 милліона трубочекъ, чтобы набрать фунтъ его. Количество сахара въ нектарѣ мѣняется сообразно количеству его въ цвѣткѣ, а это послѣднее, въ свою очередь, не одинаково въ различное время дня; утромъ его, обыкновенно, бываетъ очень много, затѣмъ, количество нектара уменьшается къ 2—3 часамъ пополудни, когда становится всего незначительнѣе, и вновь увеличивается вечеромъ; этому соответствуетъ и содержаніе въ нектарѣ сахара, мѣтѣ обильное утромъ и вечеромъ, нежели послѣ полудня, когда сокъ кажется болѣе густымъ.

Изъ того факта, что пчелы усерднѣе работаютъ утромъ, нежели въ обѣденное время, можно было-бы легко предположить, что онѣ не умѣютъ отличать нектара, богаче снабженнаго сахаромъ, отъ того, который имъ бѣднѣе; но такъ какъ, въ виду хорошо извѣстной тонкости инстинкта этого наѣдомаго, подобное предположеніе не можетъ быть допущено, то намъ надо искать другаго объясненія его усиленной дѣятельности утромъ.

Прежде всего явленіе это можетъ быть объяснено тѣмъ, что, благодаря несмѣтному количеству ищущихъ нектаръ наѣдомыхъ, число опустошенныхъ ими цвѣтовъ увеличивается въ теченіе дня, а слѣдовательно, тратилось-бы и болѣе времени на бесполезныя пробы. Въ южной Франціи, гдѣ въ жаркое время, а именно къ полдню, цвѣточный нектаръ почти совсѣмъ высыхаетъ,—пчелы едва оставляютъ улей, а въ Алжирѣ—вылетаютъ только рано утромъ. Удивительный инстинктъ пчелъ указываетъ имъ для труда то время, въ которое онъ можетъ быть вознагражденъ. Что касается способа, которому пчела слѣдуетъ въ своей работѣ, то основное ея правило, согласно сдѣланнымъ наблюденіямъ, заключается въ томъ, что это наѣдомое остается сколь возможно дольше на цвѣтахъ и растеніяхъ одного и того-же вида, переходя на растенія другаго семейства не прежде, какъ опустошивъ всѣ экземпляры перваго. Правильность и безошибочность, обнаруживаемыя ею при этомъ, изумительны, и Дарвинъ приводитъ множество примѣровъ, показывающихъ въ ней свѣдущаго ботаника. Никогда не случается, чтобы ее обмануло или разнообразіе красокъ и оттѣнковъ въ цвѣтахъ одной породы, или, наоборотъ, внѣшнее сходство несродныхъ растеній. Часто видятъ ее перелетающею съ блага на красный хотя и очень отдаленный экземпляръ того-же самаго семейства, причемъ она не трогаетъ цвѣтовъ одинаковаго оттѣнка, растущихъ между тѣмъ и другимъ. Этотъ приемъ приноситъ пользу цвѣтамъ. Если-бы пчела посѣщала цвѣты различныхъ родовъ и видовъ безъ малѣйшаго выбора, то получаемая и разносимая ею пыль пропала-бы совершенно даромъ, такъ какъ пыль эта, пересаженная въ чашечку неоднороднаго растенія, не оплодотворитъ его. Этотъ способъ принять пчелой, вѣроятно, оттого, что при его посредствѣ она быстрѣе дѣлаетъ свое дѣло, научившись изъ опыта—какимъ путемъ ей удобнѣе производить высасыванія нектара. Она тутъ поступаетъ какъ фабрикантъ, которому предстоитъ изготовить съ дюжину машинъ и который выигрываетъ много времени тѣмъ, что, напримѣръ, сначала выдѣлываетъ всѣ колеса, а затѣмъ, постепенно,—и остальные части. Всего удивительнѣе то, что пчела находить однородныя растенія, отстояція на цѣлые часы пути одно отъ другаго и, безошибочно, по прямой линіи, летитъ съ цвѣтка на цвѣтокъ. Понятно, что ею руководятъ при этомъ зрѣніе и обоняніе, но, однако, первое не можетъ служить на слухкомъ значительнаго расстоянія, а что касается втораго, то и имъ нельзя объяснить этого явленія, такъ какъ во многихъ цвѣтахъ сокъ лежитъ такъ глубоко, что пчела не въ состояніи звать заранѣе—есть-ли еще его тамъ или нѣтъ; для того ей необходимо вывести туда свой хоботокъ. За то, она, несомнѣнно, знаетъ—въ какіе дни извѣстные цвѣты обладаютъ нектаромъ; иногда по цѣлымъ днямъ на хлѣбныхъ поляхъ, усѣянныхъ цвѣтами, нельзя видѣть ни одной пчелы, но какъ только начинается выдѣленіе нектара—внезапно появляются массы трудолюбивыхъ собирателей.

Многочисленные наблюденія указываютъ на тотъ фактъ, что пчелы умѣютъ извлекать пользу изъ опыта. Такъ, садясь на цвѣтокъ, снабженный не однимъ, а нѣсколькими вмѣстилищами нектара, и находя первый ей поившійся пустымъ, пчела летитъ дальше, не трогая остальныхъ, чѣмъ берегаетъ очень много времени; самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что она знаетъ цѣну времени и имъ дорожитъ, служитъ намъ обыкновеніе дикихъ пчелъ продѣлывать въ цвѣтахъ отверстія съ цѣлью скорѣе добраться до нектара—приемъ, который, заставляя цвѣтокъ утрачивать свой сахаристый сокъ, не способствуетъ, однако, распространенію оплодотворяющей пыли. Часто, на большихъ степныхъ пространствахъ, напрасно было-бы искать хоть одинъ цвѣтокъ, который оказался-бы не просверленнымъ. Но дикая пчела хотя не слѣдуетъ такому примѣру, однако, при случаѣ, охотно предпочитаетъ возможность добыть сладкій сокъ чрезъ пробурявленную, уже готовую скважину, обыкновенному своему способу проникновенія къ вмѣстелищу сока. Дальнѣйшій признакъ ума, обнаруживаемаго дикой пчелой, видимъ въ томъ, что она продѣлываетъ дырочку именно въ мѣстѣ нахождения нектара. У нѣкоторыхъ сортовъ гороха, эти дырочки всегда находятся на той сторонѣ цвѣтка, въ которой отверстіе, ведущее къ вмѣстелищу сока, внутри чашечки шире, нежели въ другомъ мѣстѣ. Это обстоятельство указы-

ваает не только на основательное знакомство съ формой и положеніем означенной части цвѣтка, но и на умѣнье, на способность пользоваться этимъ свѣдѣніемъ. Къ такому хищническому способу пчела, повидимому, прибѣгаетъ тамъ, гдѣ цвѣты скучены въ очень значительномъ количествѣ; такъ какъ хотя трудолюбивое насѣкомое и въ состояніи опустошить въ одну минуту болѣе двадцати чашечекъ, но она старается сберечь время, которое у нея уходило-бы на то, чтобы взобраться на чашечку, открыть ее, затѣмъ, выбраться; кромѣ того, около цвѣтовъ, обыкновенно, работаетъ безчисленное множество другихъ насѣкомыхъ и число опустошенныхъ цвѣтовъ растетъ быстро, а осмотръ ихъ заставилъ-бы пчелу тоже тратить не мало времени, сберегаемаго простымъ пробуравленіемъ. Она сберегаетъ его еще и при помощи инаго приѣма, наблюдаемаго отчасти также, до нѣкоторой степени и у бабочекъ. Кто видалъ пчелу садящуюся на растеніе съ концевиднымъ стеблемъ, тотъ могъ замѣтить, что она, всегда, непременно начинаетъ съ цвѣтовъ, помѣщающихся внизу, и уже, затѣмъ, взбирается, съ од-

тому, вступили въ этотъ фазисъ. Пчела, садясь на нижніе цвѣты, оставляетъ въ нихъ пыль, которую принесла на своемъ волосатомъ тѣлцѣ съ молодыхъ чашечекъ сосѣдняго стебля, забирая у слѣдующихъ верхнихъ, богатыхъ оплодотворяющимъ веществомъ, новый запасъ его. Еслибъ движеніе пчелы происходило въ обратномъ порядкѣ, то дѣль природы не была-бы достигнута, потому что образованіе сѣмянъ и плодовъ зависить прямо отъ обмѣна пыли между растеніями. Насѣкомое, однако, нисколько не заинтересовано, само по себѣ, въ этомъ оплодотвореніи; оно имѣетъ въ виду свои собственные дѣла. Вспомнимъ о томъ, что мы уже говорили о періодѣ сформированія въ цвѣткѣ нектара. Для многихъ изъ нихъ, помѣщенныхъ на верху стебля, и еще не распустившихся или распустившихся только что передъ тѣмъ,—періодъ тотъ еще не наступилъ, и начинай пчела сверху — она лишь бесполезно тратила-бы свое время на осмотръ чашечекъ, не содержащихъ нектара; наврѣ же меду у нижнихъ, вполне распустившихся, и собираясь, затѣмъ, постепенно выше, она сразу опредѣляетъ ту границу, за

Коронаціонные дни въ Москвѣ. Праздникъ на Ходынскомъ полѣ Шествіе. Богатырь Добрыня Никитичъ. Ориг. рис. съ натуры нашего спеціального корреспондента, Н. Н. Каразина, грав. М. Рамевскій.

ного на другой, кверху. Приѣмъ этотъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для растенія, обезпечивая цвѣткамъ стебля обмѣнъ пыли, которую приносятъ имъ пчела съ собой. Такъ какъ не всѣ цвѣты одного и того-же стебля грѣются и распускаются одновременно, то верхніе, болѣе юные, сами производящіе пыль, не находятъ еще въ фазѣ, когда способны къ воспріятію оплодотворенія, тогда какъ нижніе и давно находящіеся въ періодѣ цвѣтенія, свою пыль уже истратили, а по-

которую ей не стоитъ подниматься, такъ какъ незрѣлая чашечка ей сока не дадутъ; сберегаетъ время и перелетаетъ на другой стебель. Изъ этого мы видимъ, что несправедливо восхваляютъ въ пчелѣ только одно прилежаніе въ дѣлѣ собиранія меду; удивительная цѣлесообразность всѣхъ способовъ, при помощи которыхъ она достигаетъ этой цѣли, можетъ быть смѣло поставлена на ряду съ талантомъ, проявляемымъ ею въ построикѣ сотовыхъ кѣлочекъ.

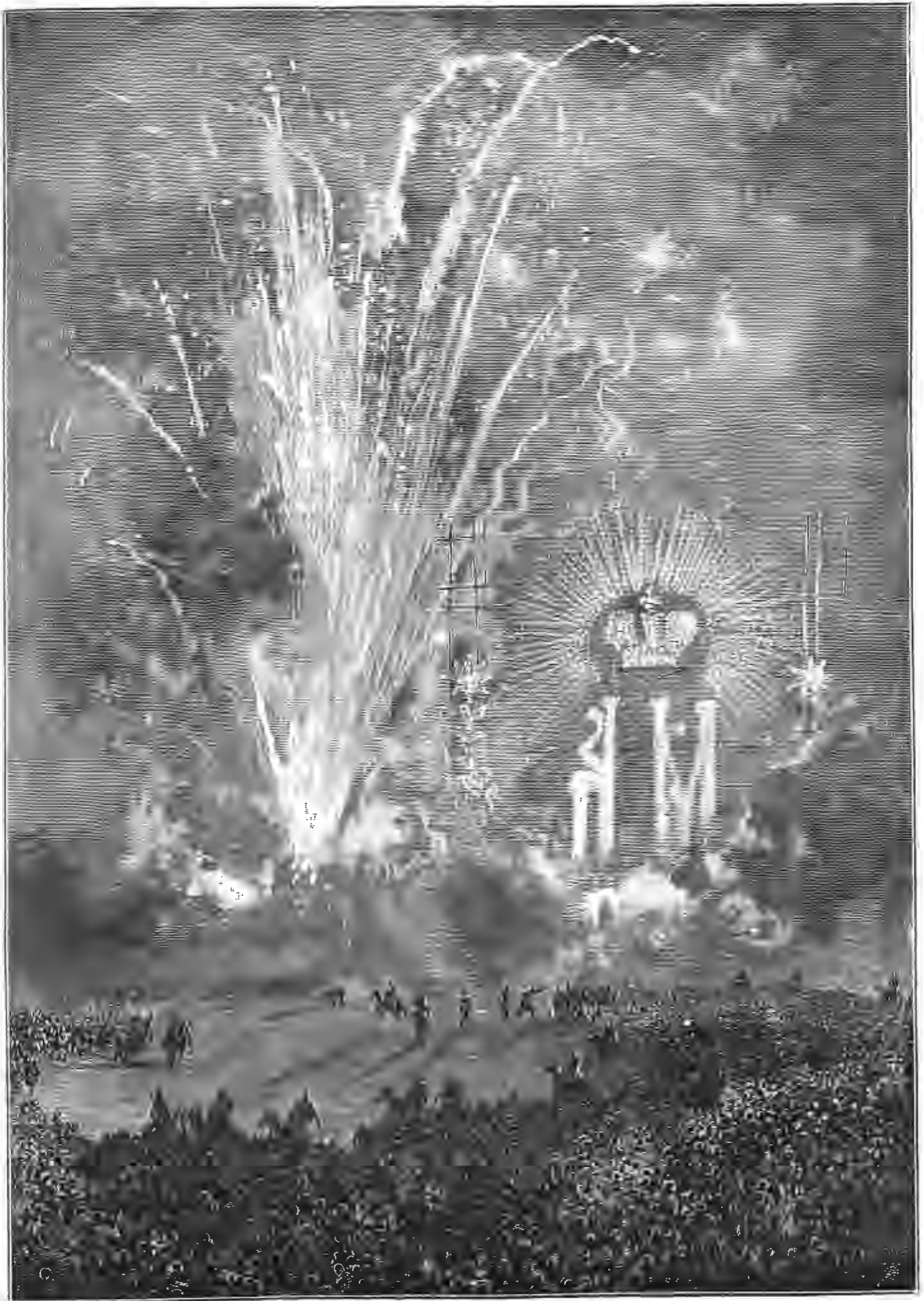
Праздникъ на Ходынскомъ полѣ 21 мая.

(Рис. на стр. 561, 572, 573, 576 и 577).

Однимъ изъ грандіознѣйшихъ эпизодовъ великаго торжества въ Москвѣ, несомнѣнно былъ народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ. 21-го мая, по старинному обычаю, Русскій Царь угощалъ свой народъ.

Мѣсто гульбаша представляетъ громадную зеленѣющую площадъ, въ формѣ полукруга, прямая линія котораго подходитъ къ шоссе противъ Петровскаго дворца; лѣвый конецъ дуги примыкаетъ къ зданіямъ Всероссийской выставки, правый—къ Всесвятской роцѣ, вершина—къ лагернымъ палаткамъ. Вся окружная линія—шесть верстъ. Сто вагоновъ по устроенной

нарочно для праздника желѣзной дорогѣ подвезены были къ вершинѣ дуги полудиркульнаго пространства. Въ нихъ на льду, въ куляхъ, стояли бочки съ пивомъ и медомъ, вищающія въ себѣ болѣе милліона бутылокъ. Въ расположенныхъ по прямой линіи близъ шоссе ста палаткахъ составлены были корзины, въ каждой изъ коихъ по пирогу съ говядиной и другому съ вареньемъ, по пакету съ конфетами и другими сластями и по кружкѣ съ гербомъ. Пироги пекли въ семидесяти печакъ и подвозили въ ночь изъ городскихъ пекаренъ. Всѣхъ пироговъ было къ утру восемьсотъ тысячъ. Въ стоящемъ противъ Импе-

Коронационные дни въ Москвѣ. Фейерверкъ у Всесвятской роши.

Ориг. рисун. съ натуры нашего спеціального корреспондента Н. Н. Каразина, грав. Гельштейнъ:

Библиотека "Руниверс"

раторского павильона гипнодромъ и расположенныхъ на полукруглой лини отъ этого деревяннаго коліеза театральныхъ сценахъ, двѣ тысячи человекъ тѣсни народъ спектаклями драматическими и пантомимными и процессіями. На мачтахъ для лазанья развѣвались флаги, какъ и на всей окружной лини, изукрашенной гербами губерній и областей Имперіи.

Уже съ 6 часовъ утра длинными вереницами тянулись толпы по направленію къ Тверской и Прѣсенской заставамъ. Пиръ былъ устроенъ на 400,000 человекъ!

Наплывъ народа былъ такъ великъ, что движеніе экипажей на время было прекращено.

Невозможно было описать представившейся глазамъ картины. Могучая кисть художника лишь могла бы воспроизвести грандіозность этого зрѣлища, этого истинно царскаго пира!

Въ среднѣй картинѣ, великолѣпно изукрашенный двухэтажный царскій павильонъ, по сторонамъ четыре трибуны, на каждой изъ которыхъ помѣщены тысячи народа, въ праздничныхъ одеждахъ; напротивъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ сажней, какъ бы разрѣзанный пополамъ, тройной коліезъ, вмѣщающій въ себя до 20,000 человекъ. Справа и слѣва театры, вдали еще два театра; кругомъ эстрады для музыкантовъ, пѣсенники, мачты для лазанья на призы и цѣлый лѣсъ флагштоковъ съ развѣвающимися флагами. А внизу на необъятномъ пространствѣ—люди, люди, головы, сотни тысячъ головъ. Все это движется, и все это проникнуто однимъ чувствомъ „увидѣть Царя и Царицу!“

Вся эта разношерстная толпа, преобладающій элементъ которой составляетъ „пѣшеходную Русь“, уже проникла въ средину круга черезъ завѣтные баракы, гдѣ каждому раздавалось царское угощеніе. Тутъ и дѣти съ коробками, и мужикъ, и купецъ съ своимъ зонтомъ, и мастеровой, и всякаго рода людъ. Тутъ вся Москва пѣшеходная, посѣдившая на царское приглашеніе. Раздача пироговъ, кружекъ и свертковъ съ гостинцами происходила съ замѣчательнымъ порядкомъ. Спокойствіе нигдѣ не было нарушено. Поистинѣ удивительное зрѣлище, при видѣ этого народа, слѣдовавшаго черезъ ряды бараконъ, откуда выдавались гостинцы. Всѣ какъ будто были проникнуты однимъ чувствомъ: они сознавали, что тутъ немѣстнымъ никакія суетня и давка, которыя почти неизбежны при подобныхъ громадныхъ скопленіяхъ массъ.

— Скажите, спросили одного, державшаго лубочную корзинку въ рукахъ; пироги съѣли, а гостинцы въ пакетѣ не трогаете?

— А бумажку, пожалуй, изорвешь, отвѣчаетъ.

— Такъ что-же?

— А на бумажкѣ-то царскія имена пронечтаны! Пожалуй испортишь весь каргузъ, а я его домой принесу и *весь стѣхъ сберегать буду*, чтобы и дѣти, и внуки помнили и знали бы, что мы саміи Царемъ угощались! Такъ и сбережемъ!

Въ два часа занавѣсы на театрахъ поднялись и вездѣ начались представленія.

Трудно было сдѣлать заключеніе о томъ, что шло на театрахъ. Шумъ народнаго говора былъ такъ великъ, что и оркестровъ военныхъ не было слышно. Вдали на сценѣ видѣлся бѣлый шерро, на лѣвой большой сценѣ какой-то русскій офицеръ бился съ черкесами, раздавались выстрѣлы, летѣли гранаты, скакали верхомъ на лошадяхъ казаки. Тутъ давали пьесу „Русскіе орлы на Кавказѣ“. На правой большой сценѣ плясали трепака, извивались гирляндами, становясь въ разныя живописныя группы.

Но вотъ раздались пушечные выстрѣлы. Они означали моментъ вступленія Государя Императора въ царскій павильонъ, уже переполненный блестящею свитой царскою, особами Высочайшей фамиліи, иностранными принцами и послами.

Моментально на всѣхъ сценахъ и эстрадахъ прекратились всѣ представленія. Артисты, оркестры заплѣли и заиграли гимнъ „Боже, Царя храни“. На верхнемъ балконѣ павильона свита разступилась, и на средину выступилъ Государь Императоръ съ Государыней Императрицей. Толпы заколыхались, шалки полетѣли вверхъ и изъ устъ полудтора-милліонной толпы вырвалось мощное „ура!“ Какъ раскатъ грома, чередивалось это ура по всему запруженному народомъ пространству на нѣсколько верстъ. Музыки не было слышно! Въ воздухѣ стоялъ гулъ радости и восторга! Картина была неопиcуема. Всѣ эти обнаженные головы, сотни тысячъ рукъ, машущихъ платками, шапками, шанки летящія въ воздухѣ—выше всякаго описанія. Надо видѣть самому, надо чувствовать, чтобы понять величіе и торжественность этого момента, который никогда не изгладится изъ памяти присутствующихъ. Это былъ воистину восторженный народъ, привѣтствовавшій отъ души, отъ сердца, своего Вѣнценоснаго Вождя.

Эхо „ура“ перекатывалось по полю во все время, пока Ихъ Величества находились въ павильонѣ. Царь и Царица неодо-

кратно отвѣчали поклонами на народное безиредѣльное ликование. На театральныя сцены народъ не смотрѣлъ; да онъ его и не замечалъ; всѣ лица этихъ народныхъ массъ были обращены къ одному пункту: къ царскому павильону.

Солнце сіяло и Ея Величество, одѣтая въ бѣлую, расшитую золотомъ накидку, въ шляпкѣ съ разноцвѣтными страусовыми перьями, изволила открыть свѣтло-розовыи зонтикъ, защищая себя отъ горячихъ солнечныхъ лучей. Въ это время изъ средняго амфитеатра началось аллегорическое шествіе „Весны“.

Во главѣ шель герольдъ, за нимъ 6 герольдовъ, по 3 въ рядъ, съ крылатыми латами, шипаками и длинными трубами; за ними слѣдуютъ: жукъ и кузнечикъ, верхами, жуки и кузнечики ибѣше, 6 лягушекъ верхомъ, колесница пчель, которая запряжена 4 лошадями, вмѣщающая въ себя царю пчель, въ сопровожденіи пчель. За означенною колесницей движется колесница русскаго богатыря Миклу Селяниновича (олицетвореніе земледѣльческой силы), окруженная муравьями; за нею слѣдуютъ: мужикъ въ красной рубахѣ, съ березкой, цвѣты и бабочки, а затѣмъ колесница „Весны“, запряженная 4 лошадями, на которыхъ сидятъ русскіе богатыри. На колесницѣ сидитъ „Весна“, окруженная цвѣтами и бабочками. Далѣе слѣдуютъ: богатырь со знаменемъ, 4 богатыря, несущіе громадный Мечъ-Кладенецъ, колесница Добрыни Никитича (изображенная на нашемъ рис., стр. 576), убивающаго Змѣя Горыныча (уничтоженіе всего дурнаго и злаго), колесница Хмѣля—на бочкѣ сидитъ разухабистый мужикъ (хмѣль), въ колесницу запряжена тройка коней, на коренной ѣдетъ подгулявшій парень, по краямъ колесницы сидятъ 8 молодыхъ нарней. За колесницей движется телѣга, запряженная тройкой; въ телѣгѣ сидятъ скоморохи. Шествіе заключаютъ: воза съ барабаномъ, медвѣдь, журавль и русскій хоръ съ ибѣнями и плясками. Общій видъ этого шествія прекрасно изображенъ нашимъ художникомъ въ рисункѣ на стр. 572 и 573.

Въ шествіи этомъ, среди народа большой успѣхъ имѣло олицетвореніе земледѣльческой силы, это былъ богатырь, держашій соху, Микла Селяниновичъ. Картина русскаго пахаря—крайне родная, близко знакомая сердцу русскому. Въ ней много сказывается; фигура пахаря произвела большое впечатлѣніе. Группа изображена на нашемъ первомъ рисункѣ, стр. 561.

Въ три часа Ихъ Величества, при восторженныхъ народныхъ вликахъ, изволили уѣхать обратно въ Петровскій дворецъ. Народъ проявлялъ неописанный восторгъ и не уступалъ ни за какія деньги желающимъ купить царскіе подарки.

Начинало темнѣть. Приближалось время сжиганія фейерверка. На огромной площади поля, хотя и не было уже такъ людно, какъ утромъ, но народу все-таки была масса. Крестьяне, мастеровые и рабочіе проходили мимо эстрады группами, въ 50—100 человекъ. Вотъ прошла одна группа, хоромъ и складно поющая „Слався, слався, нашъ Русскій Царь“. Окончили—и толпа вторить имъ неустойчивымъ „ура!“ Вотъ другая группа,—также хоръ, поющій вполнѣ стройно гимнъ „Боже, Царя храни“. Народъ, встрѣчающій этотъ импровизованный хоръ, обнажаетъ головы и провожаетъ его криками „ура“. Начался фейерверкъ, о видѣ котораго можно себѣ составить понятіе по рисунку стр. 577.

Девять часовъ. Выстрѣлъ. Лопнула въ воздухѣ сигнальная ракета со шлагомъ. Изъ темной группы деревьевъ Весевятской роши, точно огненные змѣи поползли въ высь, въ облака, ракеты. Вотъ одна изъ нихъ рассыпалась огненнымъ дождемъ, другая лопнула и выпустила громадный букетъ рубиновыхъ, изумрудныхъ звѣздъ, а вотъ и цѣлый бриллиантовый фонтанъ, мечущій снопы огненныхъ искръ и колосеивъ. При каждой ракетѣ, при каждой римской свѣчѣ, по всему полю перекатывается „ура!“ Наконецъ на темномъ фонѣ роши выдѣлился шитъ съ вензелями Ихъ Величества. На всѣхъ эстрадахъ музыканты играли гимнъ. Народъ вторилъ оркестрамъ и все сливалось въ общую картину ликования. У Ваганькова кладбища завились въ воздухѣ еще ракеты, за ними другія... Это малый фейерверкъ, который былъ пушенъ почти у городской заставы и какъ-бы звалъ народъ расходиться по домамъ. Путь былъ освѣщенъ 200 бенгальскихъ огней, которые держали въ рукахъ солдаты; среди этой огненной аллеи проходили массы люда, возвращавшагося съ устроеннаго ему Царемъ пира.

У роши загли громадный костеръ. Широкіе языки его пламени краснымъ цвѣтомъ освѣтили группы Весевятскихъ деревьевъ... Словно какое-то чудовище размахивало по воздуху огненнымъ, гигантскимъ опахаломъ.

А въ спокойной и мирной толпѣ только и слышны были голоса: — Спасибо Батюшкѣ-Царю! Потыпиль и угостиль!..

Такъ мирно и въ удивительномъ порядкѣ заключился этотъ народный праздникъ.

Къ рисункамъ.

Гости съ дальняго Востока.

(Рис. на стр. 564).

На великій праздникъ Русскаго Царя и народа съѣхалось

въ Москву много представителей разнообразныхъ народностей, среди которыхъ особенно обращали на себя вниманіе гости съ дальняго Востока въ ихъ богатыхъ и оригинальныхъ костюмахъ, съ ихъ свитами. Хивинскій ханъ и сынъ Бухарскаго

эмира принимали участие въ торжествах коронаціи. Когда депутации отъ азіатскихъ народностей потянулись по заламъ дворца въ день представлеиія ихъ Государю Императору—трудно было представить себѣ картину болѣе оригинальную. Одни были въ богатыхъ халатахъ разныхъ цвѣтовъ, другіе—въ парчевыхъ золотыхъ кафтанахъ, въ золотыхъ шалкахъ, въ чалмахъ бѣлыхъ и черныхъ и т. п. Известно какіе роскошные подарки поднесены были отъ Хивинскаго хана и Бухарскаго эмира—они исчислены и описаны уже въ № 22 „Нивы“ при описаніи торжествъ коронаціи. Народъ вездѣ съ любопытствомъ слѣдилъ за этими представителями азіатскихъ народностей въ ихъ прогулкахъ по городу и загороднымъ мѣстамъ. Нашъ художникъ изобразилъ группу ихъ въ коляскѣ, во время прогулки по Петровскому парку, гдѣ еще издали среди зелени пестрѣли ихъ пестрыя, пышныя одѣянія.

Баль въ Кремлевскомъ дворцѣ.

(Рис. на стр. 565).

Рисунокъ нашего художника представляетъ приготовленіе къ открытію бала въ Грановитой Палатѣ. 16-го мая былъ большой куртажъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, открывшій собою цѣлый рядъ торжествъ и баловъ. Залы дворца были залиты огнемъ и переполнены приглашенными лицами обоего пола. Тутъ собрались послы, чужестранные министры и прочія особы дипломатическаго корпуса, съ ихъ супругами; прибывшіе въ свитѣ иностранныхъ принцевъ и принцессъ; гвардіи, арміи и флота генералы, штабъ- и оберъ-офицеры; губернскіе предводители дворянства съ ихъ ассистентами и знатное руссійское дворянство; депутаты Великаго Княжества Финляндскаго, казачьихъ войскъ и азіатскихъ народовъ; председатели губернскихъ земскихъ управъ и проч.

Баль продолжался не долго, какъ всѣ парадные балы. Царская фамилія прошла по лозежъ по всѣмъ заламъ. Въ массѣ русскихъ блестящихъ мундировъ тамъ и сямъ видѣлись иностранные всѣхъ націй и цвѣтовъ. Изъ общеевропейскихъ костюмовъ выдѣлялись костюмы представителей Азіи. Туалеты дамъ блестѣли брилліантами и отличались роскошью, изысканствомъ и вкусомъ. По случаю высокой температуры, были открыты окна, сквозь которыя доносились крики „ура“ ликующаго народа. Въ 9 часовъ 25 минутъ вечера изъ внутреннихъ покоевъ послѣдовала Высочайшій выходъ въ Андреевскую залу. Его Величество Государь Императоръ изволилъ шествовать съ Государыней Императрицей подъ руку; Государь былъ въ генераль-адъютантскомъ мундирѣ и Владимірской лентѣ; Госу-

дарыня была въ блѣдно-розовомъ бархатномъ платьѣ, вышитомъ серебромъ и Андреевской лентѣ. На головѣ Государыни Императрицы была брилліантовая діадема, съ панделоками изъ крупнаго жемчуга. За Ихъ Величествами слѣдовали иностранные принцы, принцессы, великіе князья и великія княгини попарно. Шествіе направилось въ Грановитую палату, гдѣ вѣкорѣ послѣ этого открылся балъ польскимъ; этотъ моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Балъ открывалъ верховный церемоніймейстеръ графъ Палепъ. Шествіе слѣдовало по Грановитой палатѣ, по заламъ и обратно. Сдѣлао семь туровъ: первый туръ Государыня Императрица—съ германскимъ посланцемъ, генераломъ Швейицемъ, Государь Императоръ съ королевой греческой. Второй туръ: Государыня Императрица—съ турецкимъ посланцемъ, Шакиръ-пашею. Государь Императоръ—съ эрцгерцогиней Маріей-Терезіей. Третій туръ: Государыня Императрица—съ англійскимъ посланцемъ, сэромъ Торнтономъ, Государь Императоръ—съ лэди Торнтонъ и т. д. За Ихъ Императорскими Величествами слѣдовали иностранные высокіе гости, великіе князья, великія княгини, министры Императорскаго Двора графъ Ворлицовъ-Дашковъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, статсъ-дама княгиня Кочубей и другія высокопоставленныя лица. Какъ при выходѣ, такъ и во время польскаго, всѣ присутствующіе почтительно разступались и кланялись Ихъ Величествамъ и ихъ высочествамъ. Князь Черногорскій Николай участвовалъ въ польскомъ. Въ 11 часовъ Ихъ Величества оставили Грановитую палату, черезъ залы возвратились во внутренніе покои и балъ кончился. Вуфетовъ и ужина не было: на такихъ балахъ ихъ не устраиваютъ. Присутствующихъ было около пяти тысячъ человекъ.

Дѣти на гуниѣ.

(Рис. на стр. 569).

Трудно себѣ представить тему болѣе подходящую къ настоящему сезону, какъ та, которую взялъ талантливый Н. А. Кошелевъ для своей картины. Русскій жанръ принимаетъ у насъ все болѣе и болѣе надлежащее направлеиіе: вы видите любовь художника къ родной природѣ, къ ея мирнымъ и тихимъ картинамъ. Дѣтки счастливы: кончилась холодная зима, кончилось ихъ изыбное заключеніе, когда они могли выходить только окутанные въ родительскія обноски или огромныя валенки и возвращаться съ примороженными носиками. Теперь благодать: жара, тишь, благоуханіе свѣжаго, только что сжатого, наваленнаго въ скирды хлѣба и дына полную грудю чюднымъ, живительнымъ воздухомъ, дѣтки валяются по травѣ, по току, бѣгають по рошѣ и съ трудомъ можно загнать ихъ въ избу...

Разсказы, замѣтки и впечатлѣнія коронаціи.

Встрѣча Ихъ Величествъ въ Петербургѣ. Вся станціонная платформа, предшествующая царскимъ комнатамъ, убранная краснымъ сукномъ, вензелями, зеленью и флагами, была переполнена встрѣчающими Ихъ Величества лицами, между которыми находились представители петербургскаго дворянства и городского общества, представители другихъ обществъ и много высокопоставленныхъ лицъ. Почетный караулъ былъ выставленъ отъ л.-гв. Павловскаго полка, со знаменемъ и музыкою, которая заиграла при приближеніи императорскаго поѣзда.

Ихъ Величествамъ было поднесено находившимися на платформѣ лицами нѣсколько серебряныхъ блюдовъ съ хлѣбомъ-солью и нѣсколько великолѣпныхъ букетовъ живыхъ цвѣтовъ. Дамы, встрѣчавшія Императорскую Четву, имѣли въ рукахъ цвѣты, которыми усыпали путь въ царскія комнаты. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, Ихъ Величества, вступили въ императорскія комнаты. Пробывъ здѣсь около 3-хъ минутъ, Ихъ Величества и Ихъ Высочества прослѣдовали на подѣздъ, гдѣ заняли открытый экипажъ, съ камеръ-казакомъ на козлахъ.

Едва царская коляска показалась въ воротахъ станціи Николаевской дороги, какъ восторженное „ура“ войскъ и запрудившаго Знаменскую площадь и Невскій проспектъ народа загремѣло на всемъ пути слѣдованія Ихъ Императорскихъ Величествъ по великолѣпно разукрашенному Петербургу. Ихъ Величества прослѣдовали въ Казанскій соборъ, у котораго, кромѣ массы публики, находились воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній и пѣли народный гимнъ, который сливался со звуками военной музыки и кликами народа. Площадь передъ Казанскимъ соборомъ была усылана цвѣтами. Передъ входомъ въ соборъ Государь Императоръ и Государыня Императрица были встрѣчены митрополитомъ Исидоромъ, привѣтствовавшимъ Ихъ Величества рѣчью. Государь и Государыня приложились къ кресту и вошли въ соборъ.

За Ихъ Величествами слѣдовали ихъ высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Георгій Александровичъ, ѣхавшіе въ экипажѣ съ принцемъ датскимъ Вольдемаромъ. Послѣ краткаго молебствія, прикладывались къ св. иконамъ. Изъ Казанскаго собора Государь Императоръ и Государыня Императрица, по Большой Колышневой улицѣ, черезъ Конюшенный мостъ, по Мошкову переулку прослѣдовали на

Дворцовую набережную и черезъ Троицкій мостъ въ Петропавловскій соборъ.

Обратно Ихъ Величества слѣдовали также черезъ Троицкій мостъ, по Дворцовой и Англійской набережнымъ къ императорской парходной пристани, гдѣ стояли съ разведенными парами „Александриѣ“, „Царевна“ и „Марена“. Собралася здѣсь публика восторженно привѣтствовала Царскую Селью, которая отбыла въ Петергофъ, въ 1 часъ дня.

Съ отбытіемъ Ихъ Величествъ изъ столицы въ дѣтнюю царскую резиденцію, праздничное настроеніе, охватившее все населеніе, не прерывалось въ теченіи цѣлаго дня. Массы народа слѣдовали на Марсово поле, гдѣ къ этому времени данъ былъ сигналъ начала гулянья. Движеніе на всѣхъ улицахъ, въ особенности на Цескомъ, Большой Морской и въ ближайшихъ центральныхъ мѣстностяхъ, было необычайно оживленно и всѣ готовились къ ожидающему ихъ великолѣпному зрѣлищу, блестящей иллюминаціи, которая была зажжена въ 9 час. вечера.

Нашъ гость Князь Николай Черногорскій, какъ поэтъ. Въ № 22 „Нивы“ былъ помѣщенъ переводъ прекраснаго стихотворенія нашего „Высокаго Гостя“ и сказано нѣсколько словъ о немъ какъ о поэтѣ. Престоль цетинскій вообще счастливъ поэтическими дарованиями. Еще Петръ I (1782—1830 г.) славился, какъ талантливый поэтъ; его наслѣдникъ Петръ II, управлявшій Черногоріей до 1857 г., также заслужилъ право называться великимъ сербскимъ поэтомъ. Его „gorski vjenac“ („лѣсная корона“) свидѣтельствуетъ объ его поэтическомъ призваніи. Поэтической натурой заявилъ себя и Данило I. Нерѣдко часами его рѣчь лилась метрически, не мало стиховъ было сложено имъ, хотя они и никогда не записывались. Братъ Данилы, Мирко, наводившій ужасъ на турокъ, не умѣлъ ни читать, ни писать, по его пѣсни, импровизированныя подъ аккомпанементъ гуслей, до сихъ поръ сохранились. Воевода Мирко въ 1858 г. одержалъ при Граховѣ блестящую побѣду надъ турками. Когда онъ послѣ битвы вошелъ въ боевую палатку съ своимъ сыномъ Николаемъ, которому тогда было 16 лѣтъ, Никола казался сосредоточеннымъ, погруженнымъ въ глубокія размышленія. Отецъ взглянулъ на сына и замѣтилъ, какъ горѣли его глаза. Онъ взялъ гусли, передалъ ихъ сыну и сказалъ: „пой, Никола!“ Никола взялъ гусли изъ рукъ отца и запѣлъ свою первую пѣсню, героическую пѣсню...

Въ томъ же году Никола отправился въ Парижъ. Возвратившись оттуда въ Петинь въ 1860 г., по окончаніи своихъ учебныхъ занятій, чтобъ замѣстить умершаго Данила на черногорскомъ престолѣ, онъ привезъ съ собою рукописи стиховъ. Вскорѣ затѣмъ двадцатилѣтній правитель женился на красавицѣ Миленѣ Вукатицѣ, которой тогда едва минуло 14 лѣтъ. Именемъ сына управлялъ княжествомъ Мирко, князь имѣлъ болѣе времени предаваться поэтическимъ занятіямъ. Князь особенно довѣрие оказывалъ своему секретарю, поэту Ювану Сундечичу, читалъ ему свои стихотворенія, совѣтовался съ нимъ. Секретарь этотъ однажды сказалъ князю: „ваше высочество, если бы вы не были правителемъ, долженствующимъ приготовить свой народъ къ великимъ дѣланіямъ, то я бы сказалъ, что въ васъ Сербія нашла выраженіе своего поэтическаго гениа; тѣмъ не менѣе я не пожелалъ бы вамъ, князю Черногоріи, печатать собраніе своихъ стихотвореній“. Однажды опять зашла рѣчь о стихахъ князя. Князь сказалъ секретарю, что онъ ихъ сжегъ, чтобъ никогда никто не имѣлъ повода сдѣлать ему упрекъ, что онъ хотя одинъ моментъ въ своей жизни могъ думать не исключительно о славѣ и благѣ Черногоріи.

Тѣмъ не менѣе князь не въ состояніи былъ подавить въ себѣ свои поэтическіе порывы. Онъ все-таки писалъ. Хотя его пѣсни не были доступны публикѣ, но они извѣстны небольшому кругу читателей, которые имѣли случай видѣть ихъ въ альманахѣ „Orlic“, издававшемся въ Петинѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ Сундечичемъ. Тутъ князь подписывался инициаломъ своего имени („N“). Въ томъ же альманахѣ помѣщены наброски драмы „Vukasir“, которая богата поэтическими мѣстами. Наконецъ, князь рѣшился напечатать въ петинской типографіи свои стихи въ нѣсколькихъ экземплярахъ, предназначенныхъ только близкимъ его. Нѣкоторыя изъ прекрасныхъ пѣсенъ его переводились не разъ на русскій и нѣмецкій языки.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Турція.—Франція.—Китайскія войска.—Голландія.

Англія, повидимому, уже навсегда взяла на себя роль официального ментора Турціи; добившись „реформъ“ въ Египтѣ, она теперь хлопочетъ о преобразованіяхъ въ другой турецкой провинціи—Арменіи. Но султанъ, зная уже по опыту, что значить близкое участіе Англіи, далъ объяснившемуся съ нимъ недавно по этому предмету лорду Дэффрену отвѣтъ, своей уклончивостью и ловкостью, указывающими въ падишахѣ тогока дипломата азіатской школы. Онъ сказалъ посланнику королевы Викторіи, что вполне сочувствуетъ преобразованіямъ, но такъ какъ преобразованія эти требуютъ большихъ расходовъ, то прежде надо привести въ порядокъ турецкіе финансы. Въ дѣлѣ Суэскаго канала между Франціей и Англіей какъ будто бы наступилъ періодъ соглашеній; по крайней мѣрѣ общему собранію акціонеровъ компаніи канала недавно былъ прочитанъ отчетъ Леселса, въ которомъ заявлено, что между правленіемъ компаніи и Британскимъ правительствомъ непрерывно продолжается полнѣйшее согласіе; уже годъ какъ компанія сама имѣетъ намѣреніе устроить другой водный путь на принадлежавшей ей территоріи; переговоры съ англійскимъ правительствомъ, относительно новыхъ территориальныхъ пріобрѣтеній, обѣщаютъ привести къ благоприятному результату.

Англичане высчитываютъ ущербъ, какой можетъ нанести возможная между Франціей и Китаемъ война англійской торговлѣ, стоимость которой исчисляется въ 10 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. „Наше правительство, говорятъ они, можетъ быть приведено въ необходимость обратиться къ Франціи съ предложеніемъ обозначить пограничную линію, черезъ которую она не должна переходить, и вообще если между Франціей и Китаемъ возникнутъ серьезныя затрудненія, то явится жгучій вопросъ, надо ли допустить, чтобы военное упражненіе французовъ производилось на счетъ Англіи. Мадагаскаръ тоже затрагиваетъ интересы Англіи. „Наши интересы, замѣчаютъ англійскія газеты, требуютъ предотвращенія войны; въ настоящее время мы можемъ отправить на Мадагаскаръ столько пороха и военныхъ снарядовъ, сколько въ состояніи купить ихъ гавасы, и дѣло дошло бы до весьма серьезнаго спора, еслибы французы вздумали объявить островъ въ блокадѣ, или обратиться съ отправленными на Мадагаскаръ грузами какъ съ военной контрабандой; въ настоящее время, мы вольны дѣлать что намъ угодно, такъ какъ не существуетъ еще военнаго положенія“.

Не одна Англія противится войнѣ Франціи съ Китаемъ; оказывается, что новый и удачный подражатель ея, Германія, тоже не мало заинтересована въ китайско-французскомъ столкновеніи въ водахъ восточной Азіи; торговля въ Анамѣ находится почти исключительно въ англійскихъ и нѣмецкихъ рукахъ; послѣ англійскаго, германскій флагъ чаще всего встрѣчается въ китайскихъ гаваняхъ; Германія намѣрена однако соблюдать самый строгій нейтралитетъ въ Азіи и потому (пока) не увеличиваетъ находящейся тамъ эскадры изъ двухъ корветовъ „Стошъ“ и „Лейпцигъ“ и двухъ канонерскихъ лодокъ при тридцати пушкахъ и

Отъ „Daily News“ въ Москвѣ на коронаціи находились два корреспондента. Корреспондентъ, путешествовавшій по Турецкой Арменіи и Закавказью, былъ тоже тамъ. Въ длинномъ посланіи изъ Москвы онъ описываетъ свои впечатлѣнія на пути изъ Тифлиса въ Москву. Русская тройка, несмотря на то, что она порядкомъ имеетъ кости, имѣетъ для него, повидимому, большую прелесть. Мѣстность, по которой ему пришлось проѣзжать, поразила его своимъ величіемъ и красотой. Главные изъ городовъ, которые ему встрѣтились на пути въ Москву, очевидно очень понравились ему. Такъ, Баку, Тифлисъ, Владикавказъ, Ростовъ, Новочеркасскъ, Воронежъ онъ называетъ „большими и прекрасными городами“. О послѣднемъ онъ отзывается какъ о перлѣ городовъ между Тереккомъ и Москвой. По комфорту, дешевизнѣ, вкусу и роскоши, рестораны и другія служебныя зданія на желѣзной дорогѣ въ Москву неизмѣримо выше французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Въ заключеніе вотъ его отзывъ о русскомъ мужикѣ: „Образованные русскіе учтивы и любезны, этого можно было ожидать. Но въ теченіе длиннаго путешествія въ Москву я мѣшался съ тысячами людей изъ низшихъ классовъ, и пришелъ къ заключенію, что въ Европѣ нѣтъ болѣе добродушной, болѣе възлюбивой, болѣе порядочной расы. Теперь, послѣ моего наблюденія надъ русскими, я склоненъ думать, что въ Шотландіи и въ большинствѣ большихъ мануфактурныхъ городовъ Англіи значительно болѣе пьянства, чѣмъ въ Россіи. Я былъ пораженъ прекраснымъ поведеніемъ крестьянъ и ремесленниковъ; изъ нихъ многіе съ своими женами, сестрами и родственниками переполняли поѣзда изъ Воронежа въ Москву за работой и особенно на время коронаціонныхъ праздниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вагоны были настолько-же переполнены, какъ лондонскія поѣзда во время оксфордско-кембриджскихъ гонокъ, но въ нихъ не было тѣхъ грубыхъ выходокъ, которыми обыкновенно отличается лондонская толпа“.

экипажѣ въ 947 человекъ. Какъ бы то ни было, а французы, вѣроятно, не совсѣмъ довѣряютъ этому предполагаемому нейтралитету и сильно боятся Германіи; до какой степени имъ страшенъ малѣйшій шагъ, малѣйшій жестъ ихъ грознаго сосѣда, можно видѣть изъ того шума и тѣхъ толковъ, которые поднялись во Франціи по поводу поѣздки фельдмаршала гр. Молитке въ южную Францію и сѣверную Италію; французы увѣрены, что Молитке желалъ убѣдиться въ томъ, не можетъ ли трехсотъ-тысячная армія проникнуть въ Савойю и въ южную Францію въ тотъ самый моментъ, когда другая армія, нарушивъ нейтралитетъ Швейцаріи, вторгнется въ среднюю Францію, а армія, сосредоточенная подъ стѣнами Меца, начнетъ наступленіе въ сѣверномъ направленіи; въ виду этого командующій на югѣ французскими войсками генералъ Вимпфенъ совѣтуетъ Франціи какъ можно скорѣе довершить свою военную организацію: если мы желаемъ, говоритъ онъ, предупредить наступленіе союзныхъ армій, мы обязаны доказать, что французскій народъ сѣмъбѣ себя защитить. Возвращаясь вновь къ франко-китайскому столкновенію, скажемъ, что Китай также намѣренъ оказать сильное сопротивленіе французамъ въ случаѣ ихъ наступленія; военная организація Китая нынѣ находится конечно въ несравненно лучшихъ условіяхъ, нежели въ 1860 году; за послѣднія десять лѣтъ и особенно послѣ подавленія возстанія дунганъ, Поднебесная имперія внутренно окрѣпла и сдѣлала также замѣчательные успѣхи въ военномъ дѣлѣ; прежняя китайская армія съ ея восемью „знаменами“ и жалкими провинціальными войсками, численность и обученіе которыхъ почти вполнѣ зависѣли отъ произвола губернаторовъ, почти совсѣмъ исчезла. Лучшіе ея элементы вошли въ составъ новой китайской арміи, а остальные ея части преобразовались въ родъ мѣстныхъ войскъ. Главная служба въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ мандаринамъ Ли-Кунгъ-Чингъ и Тео-Таунгъ-Фангъ, которые произвели коренныя преобразованія въ подвѣдомственныхъ имъ войскахъ и военныхъ учрежденіяхъ. Первый командуетъ округомъ, въ составъ котораго входитъ Пекинъ. Въ десять лѣтъ, именно съ 1870—1880 г., ему удалось организовать семидесятитысячную армію, обученную по европейски и вооруженную ружьями и пушками, заряжающимися съ казенной части. Второй же организовалъ въ западныхъ провинціяхъ имперіи сорокатысячную армію, которая успѣла уже заявить себя въ бояхъ съ Якубъ-бекомъ кашгарскимъ и при подавленіи возстанія дунганъ. Кромѣ того, подъ давленіемъ опасности, угрожающей со стороны Россіи, принято уже, по почину самого центрального управленія, коренное преобразование всей китайской арміи. Въ настоящее время существуютъ три арміи, въ 30 или 40 тысячъ человекъ каждая, которыя расположены въ Манджуріи, на границахъ Туркестана и въ окрестностяхъ Пекина; третья изъ нихъ, благодаря прекраснымъ воднымъ сообщеніямъ, можетъ легко быть передвинута на мѣсто войны; въ главныхъ прибрежныхъ пунктахъ находится 150 тысячъ человекъ гарнизонныхъ войскъ. Въ 1880 году Крупомъ сданы Китаю 150 крѣпостныхъ и судовыхъ и 275 полевыхъ пушекъ; въ Нанкинѣ, Увунгъ и

друг. городах устроено обширное военное заведение, пороховые, литейные заводы, завѣдываемые специалистами изъ европейцевъ, а переведенные на китайскій языкъ рекрутскій и строевые уставы—ковечно, прусской арміи—не мало помогли успѣху обученія китайскихъ войскъ. Въ настоящее время самыя лучшія китайскія войска расположены въ приморской провинціи подѣ командой Ли-Кунгъ-Чанга; пѣхота вооружена ружьями системы Маузера, артиллерія крупновскими стальными пушками; тутъ-же находятся и учебныя три баталіона пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и двѣ полевыя батареи. По другимъ источ-

никамъ, войска Китая находятся не въ столь блистательныхъ, сравнительно, условіяхъ, но—это уже, вѣроятно, мнѣніе французовъ. Несмотря на то, можно, съ увѣренностью, сказать, что Франція нынѣ уже не такъ легко было-бы справиться съ Китаемъ.

Голландское правительство уже нѣсколько лѣтъ не въ состояніи привести порядокъ въ Ачинѣ; его войска все еще ведутъ войну съ туземцами и не всегда съ успѣхомъ для европейскаго оружія; генераль-губернаторъ индійскихъ колоній отправился туда, чтобы ознакомиться ближе съ положеніемъ дѣлъ и вообще осмотрѣть эти владѣнія.

С М Ъ С Ъ .

Въ Нью-Йоркѣ, нѣкто Мразовскій придумалъ устроить у качающихся кресель автоматическіе вѣтра, которые такимъ образомъ доставляютъ прохладу въ жаркое время года сидящему въ креслѣ. Надѣ стуломъ приспособленъ валикъ, къ которому прикрѣплено нѣсколько вѣтровъ. Позади спинки придѣланы рычаги; одинъ конецъ его спускается къ полу, а другой соединенъ со шнуркомъ, проходящимъ сквозь трубочку, придѣланную къ спинкѣ стула съ верхнимъ валикомъ. Когда кресло качаютъ, рычагъ, при движеніи стула книзу, тинетъ за собой шнурокъ, намотанный сверху на валикъ съ вѣтрами. При обратномъ движеніи, посредствомъ приспособленной спиральной пружины, шнурокъ опять наматывается на валикъ. Сила струи воздуха регулируется быстрымъ или медленнымъ качаніемъ кресла.

Любящій чтеніе поэтъ. Извѣстно, что богатымъ, увѣжающимъ на лѣто свои имѣнія, приходится нѣрѣдко скучать. Въ предупрежденіе этой неприятности, герцогъ фонъ-Бриссакъ предложилъ поэту Шпель поѣхать на лѣто съ нимъ въ его владѣнія. Беззаботный поэтъ принялъ безъ долгихъ размышленій это приглашеніе; герцогъ былъ очень обрадованъ этимъ и назначилъ отъѣздъ на слѣдующій день. До Анжеръ они ѣхали вмѣстѣ и рѣшили здѣсь переночевать. Такъ какъ было еще довольно рано, то Шпель отправился поспѣть жившаго здѣсь своего друга, чтобы вмѣстѣ поужинать. На другой день, когда герцогъ собрался продолжать путь, Шпель, съ сожалѣніемъ, объявилъ ему, что одно обстоятельство лишаетъ его чести сопроводить герцога дальше.—„Но Боже мой, воскликнулъ герцогъ, что-же случилось, что вы не можете сдержать даннаго вами слова?“ — „Одно еще болѣе уважаемое лицо, чѣмъ вы, милостивый государь, склонило меня провести время съ нимъ.“ — „Кто же это? Я долженъ это знать! Это оскорбленіе не должно оставаться безнаказаннымъ!“ — „Извините, монсеньоръ, личность эта недоступна для вашей мести!“ — „Какъ! Въ такомъ случаѣ это самъ король?“ — „Нѣтъ; онъ гораздо выше его, это греческій историкъ Плутархъ.“ — „Я ничего не понимаю!“ — „Прошу васъ выслушать меня, монсеньоръ. Когда я пришелъ къ моему другу, то вошелъ у него на столѣ одинъ изъ томовъ произведеній Плутарха, съ описаніемъ жизни Помпея. Я углубился въ чтеніе и остановился на словахъ: „Тотъ, кто вступаетъ въ домъ знатнаго лица, становится его рабомъ, хотя онъ и считаетъ себя свободнымъ человекомъ.“ Такой случай представляю собою я и потому не рѣшаюсь послушаться предостереженія. — „Но, Боже мой“, воскликнулъ герцогъ раздражительно, „я пригласилъ васъ, какъ друга! Вы были-бы у меня, какъ у себя дома. Гдѣ же тутъ можетъ быть рѣчь о рабствѣ!“ — „Монсеньоръ“, отвѣчалъ непоколебимо Шпель, у котораго мысль лишь слегка свободна не выходила со вчерашняго вечера изъ головы, „объясните это Плутарху. Мнѣ-же, незначительному поэту, подобаетъ слушаться великаго человека и такъ—будьте здоровы, монсеньоръ!“

Сердитое дерево. Въ Виргиніи восковую акацію называютъ сердитымъ деревомъ, которое отличается большою чувствительностью. Оно имѣетъ 8 футовъ вышины и растетъ очень быстро. При солнечномъ закатѣ листья этого замѣчательнаго дерева свертываются и вѣтки опускаются. Если коснуться растенія, то оно тотчасъ выказываетъ признаки болѣзненности. Въ особенно возбужденное состояніе впадъ одинъ экземпляръ этого растенія, когда его пересадили въ другую кадку.—„Онъ сталъ совершенно неукротимъ“ объявлялъ садовникъ. Всѣ листья стояли стоймя и ерошились, какъ шерсть на разозленной кошкѣ и тотчасъ же послѣ этого всѣ листья стала страшно тряситься, испуская при этомъ такой отвратительный запахъ, что пришлось открыть всѣ окна и двери. Только спустя часъ растеніе успокоилось; листья пришли въ нормальное состояніе, вѣтки поднялись и все дерево, казалось, впадо въ какое-то оцѣпѣніе, какъ то бываетъ послѣ сильнаго возбужденія.

О новомъ народномъ цѣлебномъ средствѣ. Какъ извѣстно, волосы вообще растутъ почти такимъ-же образомъ какъ и ногти,—нижняя часть выталкивается наружу верхнюю. Первое условіе хорошаго роста волосъ—это правильное развитіе луковицъ ихъ, т. е. корней волосъ; поэтому при ненадлежащемъ питаніи луковицъ волосъ, случается, что волосы начинаютъ преждевременно выпадать. Для возстановленія хорошаго роста волосъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ оказывается изобрѣтенный провизоромъ Кинуненъ бальзамъ „Элеопатъ“, приготовляемый имъ изъ цѣлебныхъ травъ, растущихъ въ Швеціи и Норвегіи на вершинахъ горъ и уже издревле извѣстныхъ мѣстнымъ жителямъ какъ народное, испытанное съ благотворнымъ успѣхомъ, средство для приданія волосамъ на головѣ правильного роста. Причина, влияющая на хоротій ростъ волосъ, заключается въ свойствахъ этихъ спеціальныхъ травъ оживлять и укрѣплять корни волосъ и предохранять отъ образованія на голо-

вѣ, столь вредной для роста волосъ, перхотц, и такимъ образомъ способствовать густотѣ волосъ.

Такія цѣлебныя свойства бальзама Кинунена засвидѣтельствованы многими извѣстными специалистами. Въ послѣднее время лучшіе французскіе специалисты по накожнымъ болѣзнямъ также предложили употребленіе „Элеопата“, какъ средство, уничтожающее на головѣ перхоть, и какъ превосходно способствующее росту волосъ. На слѣздѣ шведскихъ и норвежскихъ врачей, въ мартѣ сего года, изобрѣтатель бальзама „Элеопата“, провизоръ Кинуненъ читалъ свой рефератъ о шведскомъ „Элеопатѣ“, а въ Обществѣ естественныхъ наукъ и ботаники показывалъ свои препараты, микроскопическіе и ботаническіе; коллекція рисунковъ сихъ препаратовъ была снята съ натуры. Нѣтъ сомнѣнія, что подробныя изложенія объ „Элеопатѣ“ явятся въ русскомъ и французскомъ переводахъ и изданы будутъ, кромѣ русскаго, еще на другихъ, болѣе распространенныхъ языкахъ, чѣмъ норвежскій и шведскій. Въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ, „Элеопатъ“ провизора Кинунена уже находится въ продажѣ во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ къ услугамъ публики, а въ С.-Петербургѣ, у дрогистовъ Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами и во всѣхъ извѣстныхъ торговыхъ фирмахъ. Цѣна на вышеописанный препаратъ г. Кинунена сравнительно весьма скромна, несмотря на то, что растеніе „Элеопатъ“, изъ котораго собственно и приготовляется вышеописанный бальзамъ, рѣдкое и культивировано еще въ весьма маломъ количествѣ. Цѣна „Элеопата“, надо полагать, немного дороже чѣмъ въ Швеціи и Финляндіи, а именно флаконъ его, содержащій 240 граммовъ, стоитъ всего 1 руб. 50 к.

Раковина Венеры. Полковникъ Беркелей, недавно вернувшійся въ Лондонъ съ Андамскихъ острововъ, привезъ съ собой небывалый экземпляръ раковины Венеры. Раковина — *Tridance gigantea*—вѣситъ 232 фунта и имѣетъ по одному направленію 3 фута 9 дюймовъ, а другому—3 фут. 6 дюйм.; глубина ея около 3 фут. Эту великолѣпную раковину подняли со дна посредствомъ цѣлой системы блоковъ и вытянули на берегъ крючьями 16 человекъ рабочихъ. Когда ее открыли, внутренность ея была снѣжно бѣлая, а наружная сторона—прекраснаго голубаго цвѣта. Это по всей вѣроятности самая большая изъ раковинъ, которая до сихъ поръ были привезены въ Англію. Немного меньшихъ размѣровъ, того же вида, раковина находится въ Кельвскомъ соборѣ, гдѣ она служитъ сосудомъ для святой воды.

Нѣкто Кестеръ изъ Франкфурта изобрѣлъ приборъ для перероачиванія нотъ безъ помощи рукъ. Онъ прикрѣпляется къ фортепіано, сквозь которое пропускается къ низу стальная струна, оканчивающаяся у особенной подножки, помѣщенной между педалями. Железа перевернуть страницу, надавливая подножку—пружина въ самомъ приборѣ раздвигается и идущій отъ него эластичный стальной пруть съ гуттаперчевой оконечностью, нажимаетъ, какъ пальцемъ, верхній листъ нотъ, сдвигаетъ его влѣво и, подойдя подѣ него, перероачиваетъ страницу.

Какъ бѣжалъ Базень. Бротюра бывшаго директора тюрьмы г. Марти опять поднимаетъ разговоръ на забытую уже тему о томъ, какъ Базень бѣжалъ изъ тюрьмы съ Маргаритой и приводитъ подробно обстоятельство, которая сопровождала бѣгство эксъ-маршала. Въ ней между прочимъ объясняется откуда Базень досталъ веревку, чтобы спуститься и какую хитрость употребила жена маршала, чтобы измѣрить высоту, въ самой высшей ея точкѣ. Когда она со множествомъ сундуковъ и мѣшковъ, въ которыхъ помѣщалось ея имущество, прибыла въ фортъ, Марти подробно осматривалъ каждую вещь, не скрываетъ ли она чего нибудь недозволеннаго; но ничего не нашелъ подозрительнаго. Оказалось, что онъ

Заявленіе.

Контора журнала „Нива“ покортѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, большой картины Профессора В. И. Якобія „Король-женихъ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.

упустил из виду одно очень важное обстоятельство. Сундуки и ящики были обвязаны шнурами, сдѣланными из чистых льняных ниток. Г-жа Базен потом спрятала ихъ въ корки книгъ и они остались у ней. Относительно второго пункта въ брошюрѣ говорится какъ однажды маленькая дочь Базена, играя со своими родителями на террасѣ, бросила, неизвестно печально или нарочно, жестяное ведерко черезъ стѣну внизъ и начала капризно и отчаянно кричать, требуя достать игрушку. Отецъ не зналъ чѣмъ успокоить дочь; между тѣмъ мать обратилась къ одному изъ находившихся тутъ сторожей и просила нельзя ли крючкомъ при помощи шнурка достать игрушку, чтобы успокоить капризного ребенка. Сторожъ привязалъ къ шнурку крючокъ изъ изогнутой проволоки, спустил его внизъ и при помощи этого снаряда ведерко было поднято съ морского берега. Жена Базена учтиво поблагодарила сторожа, а шнурокъ оставила у себя. Онъ то и послужилъ мѣркой для извѣстнаго каната.

Къ исторіи почтовыхъ марокъ относится слѣдующая интересная замѣтка. Родъ почтовыхъ марокъ въ первый разъ появился въ царствованіе Людовика XVI. Они были обязаны своему происхожденію придворнымъ кавалерамъ, которые на своихъ письмахъ къ королю приклеивали бумажные ярлычки, для того чтобы ихъ немедленно отправляли съ королевскимъ курьеромъ. 18-го августа 1654 года было сдѣлано слѣдующее распоряженіе. „Объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что лица, посылающія письма, записки и т. п. изъ одного квартала Парижа въ другой и желающія скорѣй получить на нихъ отвѣтъ, должны наклеивать на конвертахъ ярлычки съ словами „porte payé“ и на такомъ мѣстѣ, чтобы ихъ сразу видѣлъ почтальонъ и т. д. Письма съ такими, особо оплачиваемыми значками должны были немедленно отправляться по назначенію, предпочтительно передъ другими.

Человѣчскій организмъ обладаетъ многими особенностями. Человѣкъ бываетъ меньше ростомъ вечеромъ, чѣмъ утромъ; разница эта доходитъ до 28 миллиметровъ. Лѣтомъ вѣсъ здороваго человѣка среднимъ числомъ на 1½ килограмма меньше, чѣмъ зимой. Между всѣми творениями человѣкъ имѣетъ самый тяжелый мозгъ: среднимъ числомъ 2 килограмма мозга приходится на 50 килограммовъ вѣса всего тѣла; между тѣмъ какъ мозгъ быка, вѣсящаго 500 килограммовъ, едва равняется 72 килограммамъ. Въ человѣческомъ тѣлѣ находится 249 костей, именно: 60 въ головѣ, 67 въ туловищѣ, 62 въ рукахъ и кистяхъ, 60 въ ногахъ и ступняхъ. Сердце человѣка дѣлаетъ въ минуту среднимъ числомъ 4½ тысячи ударовъ. Во всемъ тѣлѣ человѣка находится кровяной жидкости 8—10 килограммовъ; она вся проходитъ 18 разъ черезъ сердце въ теченіи одного часа, со скоростью 40 метровъ въ часъ. Пульсъ взрослогаго человѣка въ минуту бьется 80—90 разъ; у пожилаго человѣка число ударовъ пульса уменьшается до 60 въ минуту.

Какъ упрячаютъ лошадей. Одинъ старшій капитанъ, выйдя въ отставку, поселился въ маленькомъ домикѣ, на морскомъ берегу въ Шлезвигѣ. Его молодой женѣ очень хотѣлось имѣть лошадь, чтобы получить возможность чаще посѣщать церковь и своихъ родныхъ, живущихъ довольно далеко. Наконецъ, капитанъ покорился неотступнымъ просьбамъ жены, отправился на конскій рынокъ въ ближайшій городокъ и купилъ тамъ прекрасную лошадь, за недорогую цѣну. Капитанъ былъ большой знатокъ моря, но въ выборѣ лошадей былъ слабъ. Варшникъ продалъ ему лошадь, у которой былъ большой недостатокъ: она была „заносчива“; послѣдствіи этого не заставили себя долго ждать. При первой же повѣдѣй капитанша подверглась большой опасности; норвистое животное помчало ее и разбило телѣжку. Капитанъ сначала хотѣлъ отучить лошадь отъ дурной привычки лаской, но это не помогло. Тогда ему пришла оригинальная мысль. Онъ позвалъ къ себѣ на помощь молодого, сильнаго парня, сосѣда; оба они усѣлись въ крѣпкую телѣжку, привязали къ ней спасительный якорь и отправились въ путь. Лошадь сильно стегнула и когда она начала проявлять свою дурную привычку, капитанъ бросилъ спасительный якорь, который черезъ нѣсколько мнгутъ уже крѣпко держалъ ихъ на мѣстѣ. Лошадь начала стегать да тѣхъ поръ, пока она, выбившись изъ силъ, не упала на землю. При второй повѣдѣй она была уже нѣсколько смиреннѣе; на третій разъ дѣло

пошло еще лучше и послѣ этого она никогда больше не проявляла желанія вернуться къ своей прежней привычкѣ.

Смѣтливость собаки. Одинъ англійскій купецъ отправился изъ Лондона на дачу; когда онъ пришелъ туда, то увидѣлъ, что взялъ съ собой не тотъ ключъ. Онъ отдалъ его своей умной Ньюфаундлендской собакѣ и приказалъ отнести домой, чтобы обмѣнять на другой. По дорогѣ на нее напала другая собака изъ мясной лавки, но Ньюфаундлендъ старался только скорѣй отъ нея отдѣлаться и спокойно продолжалъ путь. Доставивъ благополучно ключъ, она быстро побѣжала назадъ, остановилась передъ мясной лавкой и сторожила пока не вышла собака; тогда она съ яростью накинулась на нее и грызла до тѣхъ поръ, пока не загрызла до смерти.

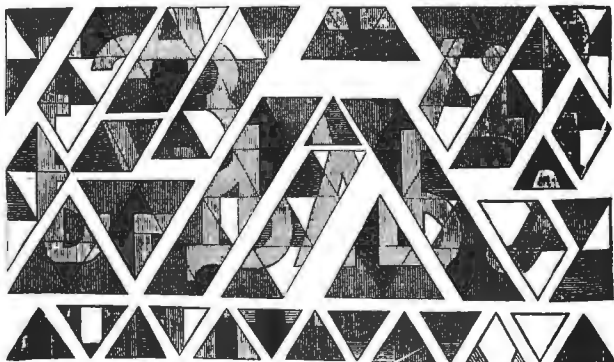
Пчелы какъ химики. Извѣстно, что медъ держится въ ульяхъ по нѣскольکو лѣтъ, не измѣняясь и не подвергаясь порчѣ; между тѣмъ какъ очищенный черезъ кипяченіе и снятіе пѣны, какъ его приготавливаютъ въ аптекахъ для различныхъ нуждъ, скоро предается броженію. Изъ этого можно заключить, что въ натуральномъ состоянии медъ есть вещество, предохраняющее его отъ порчи и дающее возможность пчеламъ сохранять ихъ сладкій провиантъ на долгое время; и что способъ очищенія, т. е. варка, уничтожаетъ его, такъ что это консервирующее вещество должно быть летуче. Въ нашемъ хозяйствѣ мы также употребляемъ летучую жидкость при соленіи и маринованіи плодовъ, съ цѣлью предохранить ихъ отъ порчи,—это именно уксусъ. Но спрашивается, откуда пчелы могутъ достать уксусъ? Для этого имъ служить другая, сродственная уксусу кислота, которая въ разжиженномъ состояніи одинаково хороша для маринованія плодовъ и употреблялась бы нами, еслибы была дешевле. Этой кислоты находится много въ жучей крапивѣ, въ муравьяхъ, въ пчелахъ и называется она, попросту, муравьиной кислотой. Какъ замѣчено, что при укусѣ пчелой или осой, у нихъ на концѣ жала появляется капля прозрачной водянистой жидкости, которая, попадая въ ранку, производитъ воспаленіе; это и есть муравьиная кислота.

До сихъ поръ полагали, что это, исходящій при укусѣ ядъ, имѣетъ цѣлью увеличить оборонительныя средства пчелы, и только послѣ долгихъ наблюденій и опытовъ стало неопровержимой истинной, что отдѣляющаяся кислота изъ такъ называемаго ядовитаго пузыря, обладая свойствомъ противостоять броженію и гніенію, вводится пчелами въ медъ, чтобы предохранить его отъ разложенія. Послѣ многолѣтнихъ наблюденій естественныиспытатели пришли къ тому убѣжденію, что медъ, который кладется такъ называемыми злыми пчелами, отличается кислотовато-горькимъ, жгучимъ вкусомъ и ѣдкимъ запахомъ. Замѣчено также довольно странное явленіе, что характеръ пчелинаго роа имѣетъ влияние на вкусъ и запахъ собраннаго ими меда. Это обстоятельство объясняется такъ. Если пчелу что нибудь обезпозитъ, она тотчасъ же вытягиваетъ свое оружіе— жало, и прячетъ его, какъ скоро опасность миновала; но капля муравьиной кислоты, висѣвшая на концѣ жала, не вбирается обратно пчелой внутрь, а падаетъ на медъ, если пчела въ ульѣ. Легко раздражающіяся, злыя пчелы, заставляютъ чаще падать капли кислоты на медъ, чѣмъ пчелы миролюбивыя, которыя не защищаются при каждомъ незначительномъ поводѣ жаломъ. Такимъ образомъ объясняется ѣдкій вкусъ меда пчелъ изобильно отдѣляющихъ муравьиную кислоту во время частыхъ раздраженій. Пчелы хорошо знаютъ консервирующее свойство этой кислоты; несмотря на заботливость о содержаніи улья въ чистотѣ, онѣ никогда не выносятъ кислоты изъ своихъ жилищъ и заботливо примѣшиваютъ ее къ меду. Онѣ знаютъ, что безъ прибавленія кислоты сладкій, цвѣточный сокъ скоро испортится. Такимъ образомъ, раньше чѣмъ человѣкъ химическимъ путемъ научился добывать муравьиную кислоту и узналъ ея свойство противостоять броженію и гніенію, пчелы уже примѣняли ее давно съ этой цѣлью.

Средство распознавать свѣжесть яицъ. Берутъ 120 граммъ поваренной соли и распускаютъ ее въ литрѣ воды. Яицо только-что снесенное тонетъ въ этомъ растворѣ и ложится на дно. Яицо снесенное день тому назадъ опускается, но не достигаетъ дна сосуда. Трехдневныя яица плаваютъ на серединѣ глубины этой жидкости. Больше старыя плаваютъ на поверхности.

Задача мозаики № 30.

Изъ слѣдующихъ кусковъ мозаики составить 2 слова.

Задачи магическихъ квадратовъ.

№ 31.

а	а	а	а	е
е	и	и	к	к
к	л	м	м	н
н	н	н	о	о
о	о	с	т	я

№ 32.

а	а	а	а	а
а	а	а	а	а
а	а	б	б	в
в	к	к	к	л
л	л	н	н	р

Рѣшеніе ребуса № 24.

„До иного ребуса не всегда читатель доберется“.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса прислали отъ Гг. Слб.—Карржа, № 26492, Алоксандрова, Калина, Васильева, Мятлика, В. К. Москва—Куртнеръ; Арзамасъ—Бистрова, Б. Новоринно—В. К. Терскаго, Запорожскій—Клусень; Налуга—И-на, Невъ—Дуналь, Плесковосова, Георгиевскаго; Нолоржскій—Соловьевой, Копотопъ—Рутковской, Ношедары—Гортаръ, Иурскъ—Ю. Г., Лигво—Бразухъ—Брушковскаго, Рыбинскъ—А. М., Севастополь—Гуськова, Тамбовъ—Храбростной, Черниговъ—Стефановскаго.—

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣній). Историческій романъ Всеволода Соловьева. Ч. I, гл. 6 и 7.—Нино и Мазо. Разсказъ, взятый изъ хроника города Сиены, П. Гейзе. (Окончаніе).—Новыя наблюденія надъ работой пчелы. Очеркъ П. Августина.—Праздникъ на Ходынскомъ полѣ 21 мая (съ 4 рис.).—Изъ рисунковъ: Гости съ дальняго Востока (съ рис.).—Балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ (съ рис.).—Дѣти на гульбѣ (съ рис.).—Разсказы, замѣтки и впечатлѣнія нороначіи.—Политическое обозрѣніе.—Сибѣрь.—Завлеченіе.—Задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

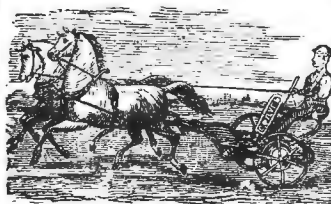
Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Самый большой и разнообразнѣйшій складъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Новѣйшія американскія сѣнокосилки и жатвенныя машины Буизъ. Чрезвычайно простой и прочной конструкціи. Особенно легки, такъ косилка вѣситъ всего 17, а жатка 21 пудъ.

ДЕПО МАШИНЪ ЗД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ: Вознесенскій просп. № 11. Постоянная выставка и пробная станція машинъ: Петровскій паркъ, домъ Санъ-Галли. Москва: у Красныхъ воротъ, домъ Раузера. Кромѣ того постоянно большой выборъ ручныхъ, конныхъ и паровыхъ молотилокъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ и проч. Каталоги и свидѣтельства доброты качества по востребованію безплатно и franco. Р. № 2700 3—1

Складъ изданій въ конторѣ редакціи „Нивы“: книгопродавцамъ обычная уступка.

Только что вышла изъ печати и находится въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ, а также въ конторѣ редакціи „Нивы“ новая книжка для дѣтей:
Москва 15 мая 1883 года.
(Письмо къ дѣтямъ).
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.
Цена 20 к., съ пересылк. 25 к.

ГИСГЮБЛЕРЪ МАТТОНИ.

ЧИСТѢЙШАЯ ЩЕЛОЧНО-КИСЛАЯ ВОДА,
лучшій столовый и освежительный напитокъ,
испытанный при кашлѣ, горловыхъ болѣзняхъ и при катарактѣ желудка и мочевого пузыря.

ПАСТИЛИ для пищеваженія.

ГЕНРИХЪ МАТТОНИ (Карльсбадъ).

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, въ С.-Петербургѣ, Казанская. 3.
СКЛАДЫ: у Л. КРЕНИГЪ и К°, въ Москвѣ, Петровка, д. Матвѣевой.
Р. № 2625 10—3

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ липъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ.

Шесть разсказовъ Н. МОРСКОГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе разсказовъ: 1) Дяденька. 2) Уличная пѣвица. 3) Ночь. 4) Обезьянка. 5) Грѣхъ ли это? 6) Кувшинчики.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстными художникомъ Н. Н. Каразинымъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти разсказы представляютъ намъ прелестныя дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти разсказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвкамъ. Цена 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Большая Морская, № 9.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ БУФФЪ

КАФЕ-ШАНТАНЪ.

Новая деревня у Строганова моста. Ежедневно французская комическая опера, оперетка и дивертиссментъ. Начало въ 8 1/2 часовъ вечера. Входъ въ садъ безплатный. Подробности въ афишахъ. Р. № 2702 1—1

ЛИМОННОЕ МЫЛО

Изобр. Д. Брера въ Парижѣ. Уничтожаетъ загаръ, угри и веснушки. Цена 50 коп. Иногороднымъ высылается на 1 р. 50 коп. 4—4 у В. ПАРИКОВА и К°. въ Гостиномъ дворѣ № 78 въ СПб.

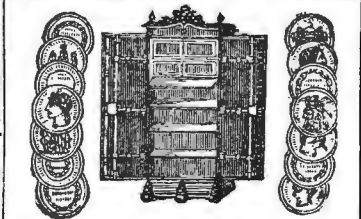
противъ грозной стихіи.

Американскіе помарные и садовые насосы новѣйшихъ привилегированныхъ конструкцій; превосходятъ по дешевизнѣ и практичности всѣ существующія до сихъ поръ. Выбрасываютъ въ 1 часъ на высоту 2 до 5 вѣжей отъ 50 до 360 ведеръ воды. Цена изъ на мѣстѣ, въ Варшавѣ, № 0 3 руб., № 1—5 руб., № 2—10 руб.; № 3, съ гуттаперчевыми шлангомъ, 18 руб.; № 4 такой же, большій, 20 руб.; № 5, съ металлич. коромысломъ и шлангомъ, 30 руб.; № 6, на колесахъ, больш., съ коромысломъ и шланг. 45 руб., № 7, двухъ-цилиндр., съ больш. резервуар. и 2 шланг. 80 р., 100 р. и 120 р. (на колесахъ).

Отправка немедленно по полученію полной сумм.

Каталоги, проспекты, объясненія за 14 к. porto.

Обращаться въ искл. прод. привилегированныхъ насосовъ на всѣ Имперію по адресу: Генрихъ Барыцкій—Варшава, Влодзимирская, № 2. № 2610 6—8

Самый лучший источникъ для желающихъ снабдиться огнеупорными и предохраняющими отъ воровъ желѣзными шкафами. Генрихъ Барыцкій: Варшава, Влодзимирская, № 2.

Проспекты, каталоги, объясненія за 14 к. porto. № 2612 6—4

СТРАХОВАНИЕ
ВИГРЫШНЫХЪ БИЛЕТОВЪ отъ погашенія и продажа съ разсрочкою платежа изъ 8% годовыхъ безъ всякой комиссіи, съ задаткомъ въ 15 руб., въ конторѣ

ПАВЕЛЬ ВЫДРИНЪ И СЫНЪ,

Москва: Тверская, рядомъ съ д. г. ген.-губернатора.

Условія высылаетъ безплатно. П. № 2692 8—2

ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ.

ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ ПОЛНЫЙ ТОМЪ „Н И В Ъ“ 1882 г.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьева—„Вольтерьянецъ“, больш. ром. изъ Юлая—„Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морского)—„Подъ землею“, пов. Австенко „Испанскій дворянинъ“ и др. произведъ современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того безплатная ПРЕМІЯ: большая олеографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якобія—„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Цена этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „	Съ пересылкою 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

Приготовлено и выпущено въ продажу для всей Россіи, новаго, высшаго сорта

„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

Н. П. ЛАНИНА,

Москва, Софійская набережная.

- За РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ Н. П. Ланину были присуждены слѣдующія награды:
1. Серебряная медаль 1852 г.	8. Высочайшая благод. 1875 г.
2. Большая серебрян. мед. 1860 „	9. Филад. выст. мед. 1876 „
3. Похвальный отзывъ 1864 „	10. Филад. выст. мед. 1876 „
4. Малая серебрян. мед. 1865 „	11. Пар. выст. поч. отв. 1878 „
5. Малая серебрян. мед. 1869 „	12. Всероссийск. худом. - промышленная выставка, въ Москвѣ, 1882 года большая золотая медаль.
6. Бронзовая медаль. 1870 „	
7. Больш. золот. мед. 1872 „	

Привилегіи въ 1863 и 1872 годахъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

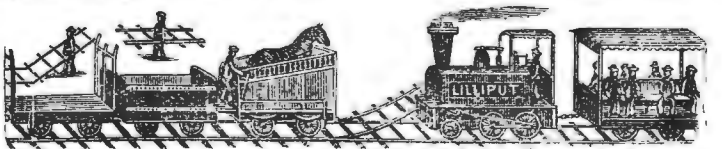
приготовлено изъ русскаго винограднаго вина, безъ подмѣсы иностраннаго, и не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

въ продажѣ подъ новыми ярлыкомъ и съ бѣлой и розовой смолкой. Съ фабрики лицензіи въ 60 и 80 бут. по 1 р. 50 к. № 2632 5—1

ГЕНРИ ХАНКОВСКІЙ и К° въ СПБ., ТОРГОВАЯ УЛ., 21.

ПРОДАЮТЪ: земледѣльческія и в. р. завод., фабрич. машины и аппар. СТРОЮТЪ: винокур., крахмалны., льбонилы., маслобойн., мукомольн., сахарныя и в. р. заводы и фабрики. УСТРАНЯЮТЪ переносныя желѣзн. дороги. ИСПРАВЛЯЮТЪ привилегіи въ Россіи и загр. ИЗДАЮТЪ: „Техническій обзоръ“ и „Прогресс. Сельское Хозяйство“. Иллюстр. катал. и програм. журналовъ по востреб.

XIV годъ
№ 25

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдавъ 18 Юня 1883 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линия. . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи. 6 р.

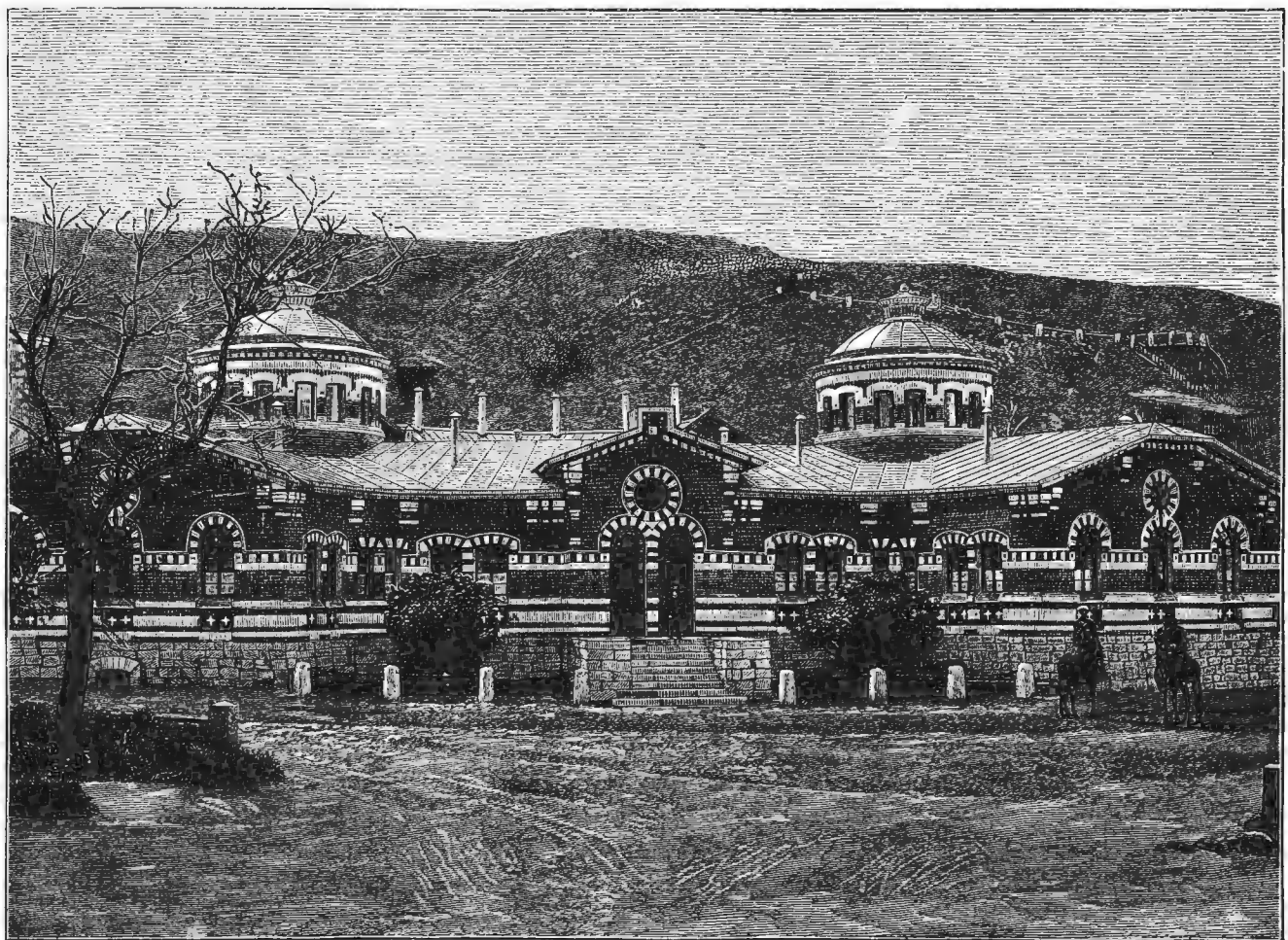
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложениями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfep. для загранич.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницъ).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особымъ приложеніемъ при „НИВѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

Кавказскія воды. Ермолевскія ванны въ Пятигорскѣ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Ермоловскія ванны въ Лятигорскѣ.

За Пятигорскомъ установилась уже давняя высокая цѣлебная репутація; въ лѣтній сезонъ къ нему стекаются тысячи больныхъ, ищущихъ излеченія въ его многочисленныхъ источникахъ. Громадная польза, приносимая послѣдними въ разнаго рода болѣзняхъ, несомнѣнна, но не слѣдуетъ забывать, что большой кромѣ минеральной воды лечится еще и другимъ образомъ—прекраснымъ горнымъ воздухомъ и роскошной кавказской природой. Пятигорскія минеральныя воды состоятъ изъ четырехъ группъ источниковъ: Пятигорской, примыкающей къ горѣ Машукъ и заключающей въ себѣ сѣрные источники: Желѣзноводской—къ сѣверо-востоку отъ Пятигорска, при горѣ Желѣзной—желѣзистые; Эссендукская группа, состоящая изъ солено-щелочныхъ и сѣро-щелочныхъ источниковъ, и Кисловодская, заключающая въ себѣ угле-кислый ключъ Нарзанъ.

Развитіе свое Пятигорскъ получилъ лишь въ началѣ настоящаго столѣтія. Извѣстный путешественникъ Клапротъ въ 1807 году, проѣздомъ черезъ Пятигорскъ, видѣлъ здѣсь одинъ лишь плохо построенный деревянный домъ и одну грубо высѣченную въ скалѣ ванну, вмѣщавшую въ себѣ не болѣе шести человѣкъ. Кромѣ того посѣщеніе водъ не всегда было безопасно и часто болѣзные, на пути къ нимъ, подвергались нападеніямъ хищническихъ горскихъ шаекъ. Въ самой же Горячеводской долинѣ возникло нѣсколько построекъ лишь въ 1812 г., которыми и было положено начало нынѣшнему Пятигорску, который съ 1830 года пользуется званіемъ уѣзднаго города. Какъ украшенію города, такъ и развитію цѣлебныхъ водъ особенно способствовали два знаменитыхъ дѣятеля: Ермоловъ и Эмануэль. Первый, осматривъ въ 1819 году Пятигорскія воды и постройки на нихъ, нашелъ все ветхимъ и неудобнымъ и тотъ

часть же приступилъ къ устройству новыхъ ваннъ, которыя до сихъ поръ, въ честь основателя, носятъ названіе Ермоловскихъ.

Ермоловскія купальни и зданія, снабжающіяся водою изъ Александровскаго источника, помѣщаются на неправильной четырехугольной площадкѣ. Съ сѣверной и западной сторонъ эта площадка обрывается внизъ очень круто; съ южной же ограничивается вертикальнымъ скатомъ хребта. У юго-западнаго угла площадки беретъ начало Ермоловская дорога, ведущая къ подножію горы. Самое зданіе Ермоловскихъ ваннъ деревянное, на каменномъ фундаментѣ, подъ желѣзной крышей. Онѣ раздѣляются на двѣ половины: сѣверную и южную. Всѣ ванны каменные, продолговатой, овальной формы, помѣщаются въ полу купальни. Рядомъ съ каждой ванной находится особое помѣщеніе для отдохновенія послѣ купанья. Въ промежуткѣ между восточною стѣною зданія и отвѣсною скалою средняго уступа находится резервуаръ для скопленія водъ. Этотъ резервуаръ выведенъ изъ камня и общая его длина равняется ширинѣ купальнаго зданія, т. е. около сажени. Съ площадки Ермоловскихъ ваннъ ведетъ внизъ довольно крутая, каменная лѣстница къ Николаевскимъ ваннамъ; сверху же съ площадки открывается прелестнѣйшій видъ на городъ, по краямъ котораго эффектно выступаютъ два гиганта—Бештау и Машука. Поднимаясь еще выше, вы встрѣтите бьющую изъ скалы струю Александровскаго источника, а далѣе легко можете пройти на площадку Елизаветинской галереи и посѣтить знаменитый Лермонтовскій гротъ, гдѣ когда-то бывалъ нашъ поэтъ и гдѣ теперь вспоминаютъ объ немъ многочисленные поѣздители и посѣтельницы Пятигорска.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Борисъ, бродя изъ улицы въ улицу, не чувствуя ни усталости, ни голода, не замѣчая времени, то и дѣло наткнулся на какое нибудь проявленіе этого безначалія и всякихъ жестокостей.

Вотъ раздаются крики, пронзительные женскіе крики. Двое солдатъ тащутъ какую-то молодую женщину. Она отъ нихъ выпрывается.

— Votre bague! Votre bague! кричатъ они,—ou nous la prenons avec le doigt!

Молодая женщина становится передъ ними на колѣни, она заливаясь слезами, она умоляетъ ихъ прерывающимся голосомъ:

— Ayez pitié de moi, messieurs, prenez tout, prenez tout, laissez moi la bague. Voyez, elle est si simple, mais elle m'est si chère. Ayez pitié de moi, je suis donc votre compatriote!

Но французы не обращаютъ никакого вниманія на слова ея. Вотъ уже одинъ схватилъ ее за палецъ, мигъ—и онъ дѣйствительно ей его отрубилъ.

Борисъ не могъ вынести этого. Онъ кинулся къ ней на помощь. Онъ былъ очень силенъ для своихъ лѣтъ; но скоро убѣдился, что ему не сладить съ этими двумя рослыми мужчинами.

— Il n'y a rien à faire! задыхаясь крикнулъ онъ молодой женщиной.—rendez votre bague a ces infâmes!

Та, видя что не остается уже никакого спасенія, съ громкими рыданіями сняла кольцо. Видно было, что оно ей безконечно дорого. Это было гладкое обручальное кольцо.

Одинъ изъ французовъ жадно схватилъ его, а другой со всего размаху ударилъ Бориса въ спину, такъ что тотъ пошатнулся.

— Et toi, coquin, крикнулъ онъ ему,—tu feras cadeau de ton bonnet à tes compatriotes!

И съ этими словами онъ сорвалъ съ Бориса его шляпу.

Очевидно французы эти надѣялись еще хорошо поживиться съ другомъ мѣстѣ. Они посѣбно удалились.

Борисъ обратился къ плачущей женщинѣ, спрашивая ее гдѣ она живетъ и предлагая ей проводить ее. Но оказалось, что она живетъ тутъ же рядомъ въ домѣ.

Она съ плачемъ вошла во дворъ приглашая Бориса за собою.

Послѣ борьбы съ французами, помлтый ими и изрядно поколоченный, Борисъ чувствовалъ большую усталость, а потому безъ всякихъ разсужденій послѣдовалъ за своей новой знакомой.

Она ввела его въ небольшую, но вѣроятно недавно еще очень мило убранную квартиру. Теперь же по комнатамъ царствовалъ полнѣйшій беспорядокъ. Все было перерыто, комоды стояли съ выдвинутыми ящиками, платяной шкафъ тоже.

Француженка, очень недурная женщина лѣтъ двадцати семи, двадцати восьми, вдругъ какъ то дерзнула даже быстро успокоилась. Отчаянное выраженіе на ея лицѣ исчезло, слезы высохли. Она уже улыбалась Борису и говорила скоро, скоро, приятно картавя и разсказывая ему о томъ, какъ она вышла было изъ дому, желая разузнуть не находится ли гдѣ нибудь по близости квартира одного изъ французскихъ генераловъ, къ которому она хотѣла обратиться съ просьбой о заступничествѣ. И вотъ, только что она вышла изъ воротъ, какъ проходившіе два французскихъ солдата замѣтили на ея рукѣ это кольцо.

Вспомнивъ о кольцѣ она опять было всплакнула, но тутъ же и успокоилась.

— Я не могла надѣть перчатокъ, говорила она,—потому что у меня нѣтъ перчатокъ... Все разграбили! И я одна... меня покинули всѣ друзья, знакомые... всѣ скрылись изъ Москвы.

Она усадила Бориса въ мягкое кресло и продолжала разсказывать.

Она уже шесть лѣтъ какъ въ Россіи. Сначала жила въ Петербургѣ, но теперь вотъ уже четвертый годъ какъ перебралась въ Москву. Она актриса. Ея друзья предлагали ей уѣзжать, но она осталась вопреки ихъ

желаніямъ. Развѣ могла она предвидѣть эти ужасы. Она рассчитывала весело провести время въ кругу своихъ соотечественниковъ... И вотъ теперь ограблена, лишена всего достоянія. Три раза врывались къ ней въ квартиру, разграбили все, что только было у нея хоть не пого цѣннаго—все ея вещи, даже платья, ея шубу. Она не знаетъ, что будетъ теперь дѣлать. Нужно непременно найти генерала, а всего лучше обратиться къ самому императору... онъ долженъ будетъ помочь ей... Но какъ теперь это сдѣлать, она уже боится выйти изъ дому... Эти звѣри способны на всякое насиліе... Сначала къ ней врывались поляки, потомъ нѣмцы. Она такъ перепугалась, что заболѣла.

И вѣдь она одна,—покинутая. Ея кухарка, глупая русская женщина, конечно ничѣмъ не можетъ помочь ей. Да и какъ же было выбраться, когда кругомъ горитъ и нѣтъ никакого прохода...

— Я все еще надѣялась на моихъ соотечественниковъ,—говорила она,—грабили поляки, грабили нѣмцы; но французы не могли меня грабить!... И вотъ сегодня вы видѣли... французы, французы отняли у меня то, что было для меня дороже всего!...

— А, monsieur! si vous saviez... cette bague... cette bague! quel souvenir! повторяла она,—et je vous suis tellement reconnaissant!...

— За что-же! печально проговорилъ Борисъ.— Если бы я могъ помочь вамъ, а то вѣдь не помогъ ничѣмъ и только даромъ лишился шляпы и теперь долженъ возвращаться съ непокрытой головой.

— Благодарите Бога, что такъ еще отдѣлались, постаралась она его успокоить.— На васъ ваше платье. Они не выворотили вамъ ваши карманы. Но счастью они приняли васъ за француза. Mais vous n'êtes pas français, n'est ce pas?

Но вмѣсто того чтобы ей отвѣтить, Борисъ вдругъ вскочилъ, схватился за голову. Стыдъ, смущеніе, отчаяніе промелькнули на выразительномъ, нѣжномъ лицѣ его.

— Eh bien, mon cher jeune homme, qu'avez vous donc?

— А, mon Dieu, mon Dieu! отчаянно прошепталъ онъ,—j'aurais pu vous deffendre... Я могъ бы отбить васъ и ваше кольцо, не попало бы оно имъ въ руки... Я сошелъ съума... Я забылъ, что у меня въ карманѣ заряженный пистолетъ, который я и взялъ съ собою для подобнаго случая. Я далъ этимъ негодяямъ ограбить васъ, далъ имъ избить себя!.. Вѣдь они были вооружены, могли защищаться... Я имѣлъ право стрѣлять въ нихъ!...

Онъ повалился въ кресло мучимый стыдомъ и рѣшительно не понимая, какимъ это въ самомъ дѣлѣ образомъ могъ забыть о своемъ пистолетѣ.

Француженка улыбнулась, подѣвля къ нему, положила ему на плечо свои маленькія красивыя руки и, ласково заглядывая ему въ глаза, стала его успокаивать.

— Не огорчайтесь, говорила она;—все это было такъ быстро, что вамъ легко было забыть. Ну, что же дѣлать, пропало мое кольцо. А вы должны благодарить Бога, что забыли о своемъ пистолетѣ. Помогло ли бы мнѣ это или нѣтъ—еще неизвѣстно. Если бы вы вздумали стрѣлять, они навѣрно бы васъ убили. Вѣдь ихъ было двое, двое сильныхъ, привычныхъ людей. Ахъ, какъ хорошо, что вы забыли! Вы и такъ меня отчаянно защищали... Вы храбрый молодой человѣкъ... очень храбрый. И вотъ у меня большая къ вамъ просьба—вѣдь вы исполните ее? да, конечно исполните, у васъ доброе сердце!

Она еще ласковѣе глядѣла на него, гладила его волосы.

— Оставайтесь со мною пока свѣтло! Если бы вы знали, какъ я боюсь и какъ нуждаюсь въ защитѣ. Я теперь ни за что, ни за что не рискну выйти, а вѣдь

они могутъ сюда придти, что я тогда сдѣлаю? Будьте моимъ защитникомъ!

Она говорила такимъ нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ. Она дѣйствительно была перепугана.

— Вѣдь они весь день бродятъ, а когда начинаютъ смеркаться—исчезаютъ.

Борисъ забылъ свое положеніе, забывъ все и сказавъ, что такъ какъ она дѣйствительно нуждается въ его присутствіи, то онъ остается.

Живая француженка совсѣмъ развеселилась. Она тотчасъ же сообразила, что ея молодой защитникъ долженъ быть голоденъ, позвала свою кухарку, спросила что есть съѣстного. Съѣстного оказалось немного, но все же достаточно, чтобы насытиться. Былъ хлѣбъ, были кое-какія овощи, нашелся даже кусокъ холодной говядины.

Француженка сама, своими маленькими хорошенными руками, смастерила обѣдъ для своего защитника. И болтала, болтала, переходя съ одного предмета на другой, ужасаясь, доходя до полнаго отчаянія—и потомъ сейчасъ же развеселилась, начиная даже смѣяться.

Борисъ кажется никогда еще не ѣлъ съ такимъ апетитомъ. Время проходило незамѣтно. Вотъ стало и смеркаться. Онъ пришелъ наконецъ въ себя. Онъ понималъ, что такое надѣлалъ. Ясно представлялъ себѣ, какъ долженъ беспокоиться о немъ дома. Онъ увѣрилъ француженку, что не можетъ болѣе у нея оставаться. Просилъ ее послѣ его ухода хорошенко запереться и далъ ей слово, что на другой день утромъ она будетъ въ безопасности. Онъ попросилъ о ней французскаго генерала, который стоитъ у нихъ въ домѣ. Генералъ этотъ самый любезный человѣкъ и, конечно, не оставитъ въ такомъ положеніи свою соотечественницу.

— Какъ же вы пойдете безъ шляпы? говорила француженка,—а вѣдь у меня нѣтъ никакой шляпы. Я ничего не могу дать вамъ.

— Не бѣда, отвѣчалъ Борисъ,—теперь темно, меня никто не увидитъ.

Француженка даже поцѣловала его на прощанье.

Онъ вышелъ и пустился бѣжать.

„Ахъ, что то тамъ у насъ!? Что они теперь думаютъ? что будетъ?!“ мучительно думалось ему.

И онъ еще прибавилъ шагу. Онъ боялся заблудиться среди этихъ развалинъ, въ темнотѣ, которая должна была скоро наступить.

На улицахъ почти никого не было. Вечеръ былъ ясный, но довольно холодный.

Вдругъ онъ услышалъ отчаянный крикъ:

„Спасите! спасите!“

Голосъ былъ дѣтскій, звонкій, пропитательный; въ немъ выражалось страшное отчаяніе. Онъ остановился. Кричать близко, но гдѣ... ничего не видно.

„Спасите!!“ опять пронеслось въ вечернемъ воздухѣ.

И тутъ изъ-за угла переулка онъ увидѣлъ человѣка, несшаго на рукахъ почти обнаженную дѣвочку. Она барахталась руками и ногами. Она отчаянно кричала.

Вся кровь бросилась въ голову Борису. Онъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ, взвел курокъ и, подбѣжавъ къ несшему дѣвочку человѣку, крикнулъ ему:

— Laissez la ou je vous tue à l'instant!

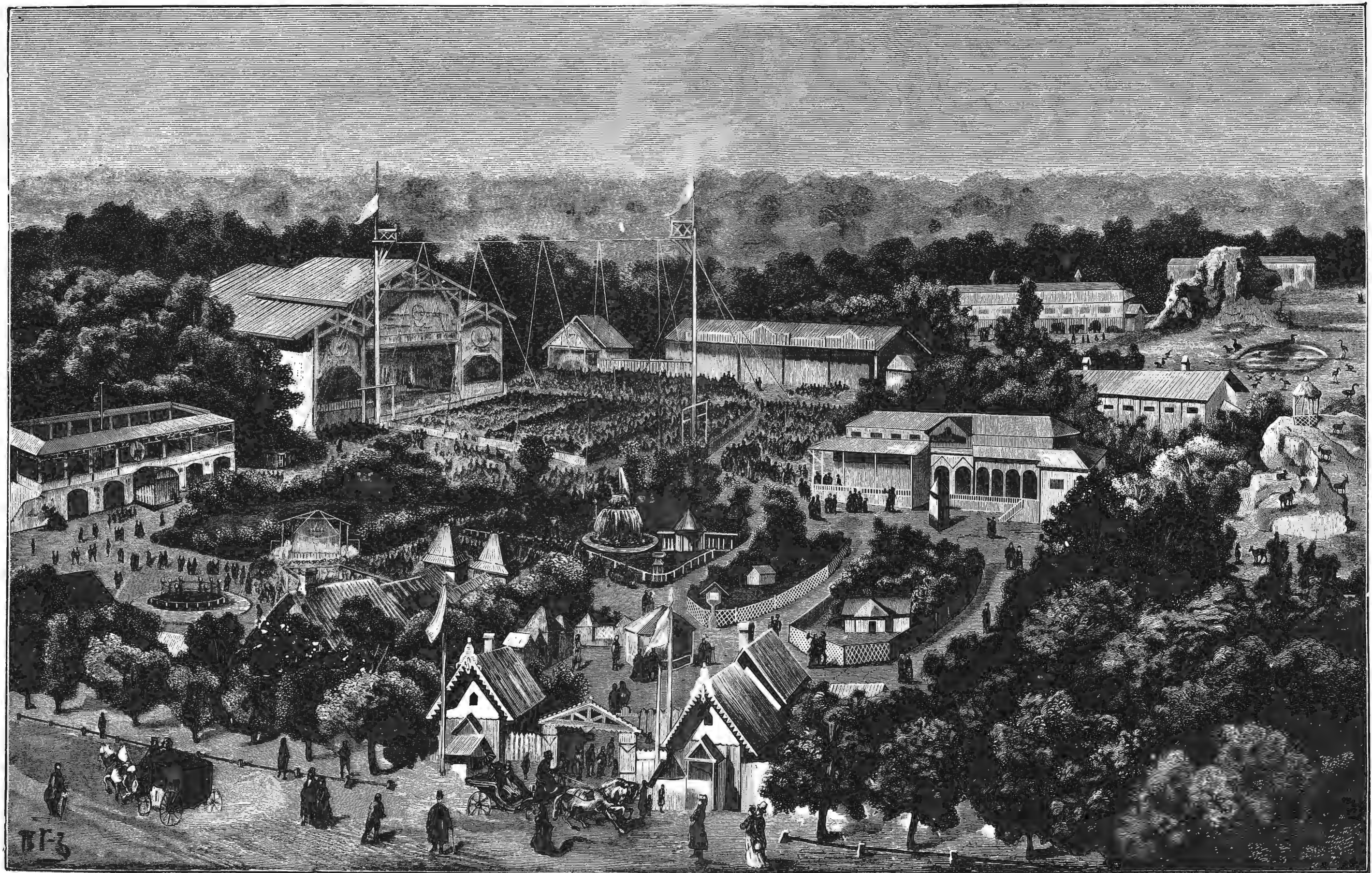
Тотъ остановился, разглядѣлъ дуло пистолета.

— Qu'y a t'il? хриплымъ голосомъ проговорилъ онъ.— Michaud a eu besoin de sa jupe... alors il ne me reste que la gamine... et je la prends—v'la tout!..

Это былъ дюжий молодой солдатъ. Отъ него пахло виномъ. Онъ былъ очевидно сильно пьянъ.

Раздался выстрѣлъ. Нуля просвистѣла почти у самого уха солдата. Онъ разжалъ руки, дѣвочка соскользнула на землю. Солдатъ побѣжалъ покачиваясь и скоро скрылся въ наступающихъ сумеркахъ.

Борисъ склонился надъ дѣвочкой. Она лежала вздрагивая всѣмъ тѣломъ, почти безъ сознанія.

Зоологическій садъ въ Петербургѣ. Общій видъ. Ориг. рис. П. П. Гиздича, грав. М. Рашевскій.

Что теперь дѣлать?

— Кто вы? Гдѣ вы живете? растерянно спрашивалъ Борисъ.

Дѣвочка ничего не отвѣчала.

— Можете вы встать?

Она наконецъ разслышала его вопросъ. Она попробовала подняться и тутъ же опять упала...

Она совсѣмъ почти раздѣта, вечеръ холодный. Какъ бытъ! Онъ сталъ оглядываться. Онъ замѣтилъ среди развалинъ, его окружавшихъ, удѣлѣвшее зданіе. Онъ наклонился, попробовалъ поднять дѣвочку. Потомъ снялъ съ себя пальто, закуталъ ее, поднялъ и понесъ.

Дѣвочка была довольно большая и тяжелая: но онъ не чувствовалъ тяжести. Черезъ минуту онъ уже былъ у подъѣзда намѣченнаго имъ дома.

„Авось есть тутъ ктонибудь, думалъ онъ.—Авось отворятъ!“

Поднявшись на ступеньки крыльца, онъ сталъ стучать въ дверь. И вотъ къ его изумленію дверь распахнулась, но никто ее не отперъ — она была незаперта.

Борисъ вошелъ со своей тяжелой ношей, разглядѣлъ въ слабомъ полусвѣтѣ переднюю комнату. Прощелъ дальше, очутился въ довольно просторной залѣ, замѣтилъ диванъ, положилъ на него дѣвочку и сталъ ждать: придетъ же ктонибудь.

Онъ отворилъ другую дверь—крикнулъ: „Кто тутъ?“

Звукъ его голоса пронесся по пустымъ комнатамъ. Никто ему не отвѣтилъ.

Все было тихо. Становилось все темнѣе и темнѣе.

VIII.

Ночь.

Между тѣмъ дѣвочка пришла въ себя. Она приподняла голову, поджала подъ себя ноги.

— Какъ холодно! проговорила она.

Борисъ плотно закуталъ ее въ свой плащъ.

Что же теперь ему дѣлать?

Онъ безпомощно оглядывался, вѣдушивался въ нѣмую тишину, стоявшую вокругъ него. Его взглядъ случайно упалъ на окно, сквозь которое вдругъ блеснула лучъ выплывшей изъ-за облака луны. Комната, погруженная почти въ полный мракъ, теперь озарилась мягкимъ, голубоватымъ свѣтомъ. Теперь все уже вокругъ можно было ясно различать.

Борисъ рѣшился обойти это жилище, въ которое онъ попалъ, и узнать есть ли тутъ ктонибудь.

— Я сейчасъ вернусь, сказалъ онъ дѣвочкѣ,—я только осмотрю домъ.

Она слабо вскрикнула:

— Такъ вы не французъ, не французъ? спрашивала она своимъ милымъ, дѣтскимъ голоскомъ.—Не уходите, а то они придутъ опять... Они убьютъ меня...

— Вѣдненькая моя, не бойся ничего. Я говорю: сейчасъ вернусь. Вотъ прежде всего я постараюсь запереть наружную дверь, тогда никто уже не войдетъ сюда.

И онъ прошелъ въ тѣ двери, черезъ которыя внесъ ее. Онъ оглядѣлъ, ощупалъ; двери заперлись изнутри на ключъ и кромѣ того еще для крѣпости припирались болтомъ. Проходя мимо дѣвочки онъ еще разъ ее успокоилъ.

— Теперь крѣпко и все тихо... ночью никто не придетъ сюда.

Онъ началъ обходить домъ. Обошелъ всѣ комнаты и скоро долженъ былъ убѣдиться въ отсутствіи здѣсь всякаго живого существа, за исключеніемъ кошки, которая вдругъ прыгнувъ откуда-то и жалобно мяуча, стала вертѣться вокругъ его ногъ. На сколько можно было разглядѣть при свѣтѣ луны, нападшемъ изъ оконъ, это было довольно большое и хорошо обставленное помѣщеніе, очевидно покинутое хозяевами, а затѣмъ и оставшейся прислугой, уже подвергшееся грабежу французскихъ войскъ, которыя, какъ и у французенки, забрали

здѣсь все, что только можно было забрать. Даже съ оконъ и дверей были сорваны занавѣски, на что указывали оставшіеся карнизы и кое гдѣ висѣвшіе обрывки матеріи.

Положеніе Бориса оказывалось безнадежнымъ. Онъ надѣялся сдать дѣвочку комунибудь въ вѣрныя руки, какойнибудь женщинѣ, а самому сѣлшить домой. Но теперь объ этомъ нечего было и думать.

Вести ее съ собой?! Но когда онъ поднималъ ее и закутывалъ въ свой плащъ, то замѣтилъ, что на ней всего одна рубашка, чулки и башмаки. Его плащъ, короткий и не особенно широкий, не можетъ защитить ее отъ ночного холода, а сентябрьская то ночь, послѣ довольно теплаго дня, очень холодна. Вотъ открытое окно и изъ него такъ и врывается почти даже морозный воздухъ.

Да и наконецъ будетъ ли она въ состояніи дойти до ихъ дома. Басманная, вѣдь это такъ ужасно далеко отсюда! Онъ можетъ нести ее на рукахъ... Конечно онъ донесетъ ее, у него хватитъ силы; но вѣдь мало ли что можетъ случиться дорогой. Вѣдь вотъ же этогъ негодяй французъ тащилъ ее, очевидно съ цѣлью надругаться надъ нею, въ концѣ концовъ быть можетъ убить ее. Вѣдь это теперь звѣри, а не люди. Говорить, по почамъ плюются пьяныя ватаги, если не французы, такъ русскіе мастеровые, отъ перепоя потерявшіе всякій разумъ.

Онъ вернулся къ дѣвочкѣ не рѣшивъ ничего. Она сидѣла вся съжившись, кутаясь въ его плащъ и опять сказала:

— Ахъ, какъ мнѣ холодно!

Она поминутно вздрагивала. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею на диванъ и молча глядѣлъ на нее. Лучъ луны падалъ прямо на нихъ и освѣщалъ ихъ лица. Теперь онъ могъ разглядѣть ее. Это была дѣвочка лѣтъ десяти или одиннадцати, прелестная собою, съ большими темными, теперь нѣсколько дико блуждавшими глазами; съ тонкими чертами нѣжнаго, блѣднаго личика. Ея довольно длинныя, густыя волосы безпорядочно падали вокругъ хорошенькой головки.

Борисъ глядѣлъ на нее не отрываясь. Никогда еще болѣе милаго ребенка онъ не видалъ въ своей жизни. Ему казалось, что она не живое существо, что она сошла съ какойнибудь чудной картины. Такія лица иногда грезились ему въ его мечтахъ; но онъ не думалъ даже, что ихъ можно встрѣтить въ жизни.

И вдругъ эта дѣвочка, которую онъ спасъ, даже не разсуждая о томъ, что дѣлаетъ, которую принесъ на рукахъ въ этотъ необитаемый домъ и отъ которой за минуту передъ тѣмъ ему такъ хотѣлось избавиться, —вдругъ она сдѣлалась ему дорогой, близкой, будто онъ всегда зналъ ее, будто дороже ея у него никогда никого не было. Теперь онъ уже самъ не хотѣлъ разстаться съ нею. Онъ позабылъ объ отцѣ, матери, о больномъ братѣ. Всѣ опасенія, всѣ тревоги исчезли. Онъ только глядѣлъ на нее и она въ свою очередь глядѣла своими большими, немигавшими глазами на его почти дѣтское, нѣжное и привлекательное лицо.

Потомъ, высвободивъ изъ подъ закутывавшаго ее плаща холодныя, тонкія руки, которыя при свѣтѣ луны казались совсѣмъ выточенными изъ мрамора, она крѣпко обвила ими его шею, принала головой къ нему на грудь и горько, горько зарыдала.

— Милая, успокойся, не плачь! Затѣмъ плакать... успокойся пожалуйста, прошу тебя... да не плачь же! почти съ отчаяніемъ, почти самъ готовый разрыдаться, упрашивалъ онъ ее.

Но ея судорожныя рыданія не прекращались. Она такъ и билась на груди его, все крѣпче и крѣпче обнимая его шею.

— Да отчего же ты плачешь? Ну скажи мнѣ!.. Вѣдь все прошло, теперь никто ничего съ тобой не сдѣлаетъ... я никому не отдамъ тебя... я защищу тебя... я буду съ тобою... Не плачь, не плачь пожалуйста!..

— Ахъ, какъ страшно, какъ страшно! вдругъ, сквозь рыданія, проговорила она.

Но его ласковый, умоляющій голосъ очевидно на нее дѣйствовалъ. Ея судорожныя движенія мало по малу начали ослабѣвать. Она затихла. Она только всхлипывала и все еще сжимала его шею, и все еще прятала голову на груди его.

Наконецъ она совсѣмъ успокоилась. Ея руки упали, она откинулась на спинку дивана и замѣтивъ, что вся разметалась въ этомъ порывѣ отчаянія, инстинктивнымъ, стыдливимъ движеніемъ стала кутаться въ плащъ, поджимая подъ себя ноги, прикрывая свои голыя колѣни.

Борисъ, выросшій съ братомъ, привыкшій къ обществу взрослыхъ и мальчиковъ, всегда даже какъ-то чуждался тѣхъ дѣвочекъ, которыя иногда прѣзжали со своими родителями къ нимъ въ Горбатовское. И въ послѣдніе эти годы, когда въ его грезы стали врываться какія-то полунебесныя существа въ женскомъ образѣ, онъ все же на яву не находилъ имъ оплощенія и даже отдалялся отъ общества своихъ сверстницъ. Онъ не умѣлъ говорить съ ними, не зналъ чѣмъ занять ихъ. Онъ почему-то считалъ всѣхъ дѣвочекъ глупыми, неспособными заинтересоваться тѣмъ, что его интересовало, неспособными даже понять его мысли.

И вдругъ теперь эта несчастная, маленькая дѣвочка для него превратилась въ самое возвышенное, самое дивное существо. И вдругъ онъ нашелъ въ себѣ способность говорить съ нею такимъ нѣжнымъ, ласкающимъ тономъ, какого у него не было даже въ самыхъ задушевныхъ разговорахъ съ матерью.

— Ну, вотъ и хорошо, говоритъ онъ.—ты успокоилась! Зачѣмъ плакать, лучше скажи мнѣ, кто ты? Что съ тобою случилось, какъ попала ты въ руки этого негодного солдата? Какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Ниной, прошептала она.

— А тебя какъ? вдругъ спросила она въ свою очередь, совсѣмъ по дѣтски и выражая въ этомъ „тебя“ все довѣріе, которое она теперь почувствовала къ своему избавителю. И это „тебя“, это милое, довѣрчивое товарищество, которое внезапно между ними установилось, наполняло сердце Бориса никогда еще неизвѣданнымъ имъ блаженствомъ.

Онъ сказалъ ей свое имя.

— Борисъ! Какое хорошенькое имя! замѣтила она.

И еще разъ повторила едва слышно: „Борисъ“ и улыбнулась, будто не было сейчасъ этихъ отчаянныхъ слезъ и рыданій, будто не было того ужаса, черезъ который такъ недавно прошла она.

Она осторожно высвободила изъ подъ плаща свою руку и крѣпко сжала руку Бориса.

— Вотъ такъ, такъ! говорила она,—теперь мнѣ не страшно. Держи меня за руку, у тебя такія теплыя руки, а мнѣ такъ холодно. Ахъ, если бы ты зналъ, какая я бѣдная, несчастная дѣвочка! Если бы ты зналъ что случилось со мною! Я жила почти годъ съ маменькой, здѣсь вотъ, неподалеку. Мы прѣехали изъ Горокъ, это наша деревня...

— А твой отецъ?

— У меня нѣтъ отца, онъ умеръ давно, давно, когда я была совсѣмъ маленькая, я даже его не помню. Маменька моя была добрая... я ее очень, очень любила, только она все больна была. Иной разъ недѣлю и больше лежала. Прѣехалъ въ Горки дяденька Алексѣй Ивановичъ и уговорилъ маменьку въ Москву ѣхать лечиться. В тѣ мы и прѣехали съ няней, съ Матреной, и долго здѣсь жили, только доктора не помогли маменькѣ... И вотъ уже три недѣли какъ умерла она...

Дѣвочка замолчала. Голосъ ея оборвался, изъ глазъ брызнули слезы. Она старалась подавить ихъ, но не выдержала и снова отчаянно зарыдала.

Борисъ уже не пробовалъ ее теперь уговаривать. Онъ склонился къ ней. Онъ все крѣпче и крѣпче сжималъ

ее руку, а другой рукой привлекъ къ себѣ ея головку и тихонько цѣловалъ ея густые, мягкіе волосы.

— Ниночка, бѣднейшая! безсознательно повторялъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ плакать, зачѣмъ?!.. вдругъ произнесла она, сдерживаясь.—Няня правду говоритъ: слезами горю не поможешь. Я уже давно знала, что маменька не можетъ жить на свѣтѣ... Ужъ очень была больна она... бѣдная такая, прозрачная и силы уже никакой не было. Протянетъ руку, хочетъ взять стаканъ и не можетъ. Я все возлѣ нея сидѣла и пить ей давала... А она все пила воду: жажда у нея была такая. Похоронили маменьку на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Привезла меня няня домой... Такъ пусто... пусто... жутко такъ... Все я тогда плакала, а няня мнѣ говоритъ, чтобы я написала скорѣе дяденькѣ Алексѣю Ивановичу, чтобы онъ прѣзжалъ за мною въ Москву. Тутъ у насъ знакомыхъ не было почти, а кто прѣзжалъ къ намъ, тѣ ѣхали изъ Москвы еще до маменькиной смерти. Совсѣмъ мы, совсѣмъ какъ есть однѣ были съ няней. Я написала... и стали мы ждать, когда прѣдетъ дяденька. А тутъ, вдругъ, французы въ Москву вошли, пожары начались... ужъ какъ мы съ няней боялись, что и тотъ домъ, въ которомъ мы живемъ, сгоритъ пожалуй. Только прошелъ день, другой прошелъ, мы и выглянуть на улицу боимся... Страсть такая—огонь, дымъ, со всѣхъ сторонъ кричатъ... все падаетъ... Я дрожу вся... няня меня успокоиваетъ, молится... и вдругъ, и вдругъ, это вечеромъ было, три дня прошло съ тѣхъ поръ, сидѣла я въ маменькиной спальнѣ, нянѣ громко читала евангеліе... Вдругъ какъ вся комната освѣтится... къ окошку мы кинулись—на нашемъ дворѣ горитъ. Надѣли мы на себя что попало, выбѣжали на улицу... дождь шелъ частый такой, большой дождь. Долго мы стояли, почти ночь цѣлую. Больше половины дома сгорѣло, двѣ комнаты только остались. А на другой день пожаръ потухъ. Мы въ двухъ комнатахъ поселились, да все боялись, какъ бы крыша надъ нами не провалилась. Прожили еще день, другой прожили и не стало у насъ никакой провизіи. Сегодня шообѣдали, а на завтра нѣтъ ничего, ни хлѣба, ни картофелю, ни мяса. Няня взяла деньги, маменька ей всѣ свои деньги оставила, да говоритъ мнѣ:

„Я тебя, Ниночка, запру, посиди съ часокъ, а я пойду куплю на завтрашній обѣдъ чего нибудь, а то что-же, не помирать-же съ голода“.

— А мы вѣдь вдвоемъ съ няней. Матрена да Иванъ уже четыре дня какъ пропали... пропали да и только. Гдѣ они, Богъ ихъ вѣдаетъ. Мнѣ страшно одной безъ няни, а съ нею идти еще страшнѣе. Я говорю: нянечка, хорошо, я останусь, только запри ты меня хорошенько, чтобы никто войти къ намъ не могъ.

„Кому теперь войти, это няня мнѣ сказала, — домъ сгорѣлъ“.

Заперла она меня да и ушла. Я сижу, страшно мнѣ... страшно... Плакать стала. Только вдругъ, слышу, стучать. Думаю, ну, слава Богу, няня вернулась. Только зачѣмъ-же стучать ей, ключъ-то она съ собой взяла. Стучать все... бьютъ въ дверь... упала дверь и входятъ два француза. Кричатъ, бранятся вѣрно... я по французскому не понимаю. Стали все шарить, все перерыли... Да у насъ уже взять было нечего. Няня только шкатулочку съ маленькими деньгами и вынесла изъ пожара. Говорятъ мнѣ что-то французы — я не понимаю, кричу только: няня, няня! Нѣтъ няни. Накинулись они на меня, раздѣли, все сняли, вотъ въ одной рубашкѣ оставили... Я ужъ не помню какъ и что было, только слышала—кричатъ... вдругъ схватилъ онъ меня и понесъ, тутъ я еще пуще кричать стала... Тутъ выстрѣлъ... Это ты выстрѣлилъ? А потомъ я уже ничего не помню. Помню только какъ ты меня положилъ вотъ тутъ на диванъ...

Она замолчала и опять глядѣла на него своими темными, испуганными глазами. Ея бѣдное прелестное ли-

чико, озаренное луннымъ свѣтомъ, почти не имѣло въ себѣ дѣтскаго выраженія. Да и въ разсказѣ ея было видно, что она по развитію старше своего возраста. Она съ рожденія была окружена взрослыми, жила уединенной жизнью: успѣла уже много, много увидать; успѣла пережить тяжелыя и горькія впечатлѣнія, которыя быстро развиваютъ ребенка.

Конечно, Борисъ не разбиралъ всего этого и объ этомъ не думалъ, но онъ это чувствовалъ. Она была для него не маленькая дѣвочка. Послѣ этого ея признанія между ними окончательно установилась полная близость.

— Ты голодна, Нина? спросилъ онъ.

— Нѣтъ! отвѣтила она. — только мнѣ все холодно.

Онъ взялъ ея руки, сталъ согрѣвать ихъ своимъ дыханьемъ. Потомъ онъ привлекъ ее къ себѣ, обнялъ. Она прижалась къ нему и тихо шепнула:

— Я согрѣлась, теперь мнѣ хорошо. Я ничего не боюсь... вотъ такъ пусть-бы всегда было.

— Чтѣ-бы всегда было? спросилъ онъ.

— Такъ, эта комната... Луна чтобы вотъ свѣтила... и ты, Борисъ...

Она приподняла головку, взглянула на него, улыбнулась и крѣпко, крѣпко, звонко его поцѣловала, а потомъ какъ-то затихла.

Онъ сидѣлъ не шевелясь. Онъ слышалъ какъ бьется ея сердце и какъ его собственное сердце отвѣчаетъ этому бѣнію.

Свѣтъ луны погасъ, незнакомая комната потонула во мракѣ. Борисъ все не шевелился. Онъ почти ни о чемъ теперь не думалъ. Онъ погружался въ какое-то полубытіе. Онъ чувствовалъ только одно, что никогда еще въ жизни не было у него такихъ волшебныхъ мгновений.

— Нина! шепнулъ онъ.

Но Нина ему не отвѣтила. Она заснула на груди его.

Прошло еще нѣсколько минутъ и онъ самъ сталъ засыпать, уставшій отъ этого дня, полного такихъ разнообразныхъ ощущеній.

IX.

Утро.

Оба они спали такъ крѣпко и безмятежно, какъ только можно спать въ ихъ годы. Но все же проснулись на разсвѣтѣ, изумленно оглядываясь, съ широко раскрытыми глазами.

Волшебный сумракъ ночи исчезъ. Исчезъ лунный свѣтъ. Исчезли грезы. Дневная жизнь, дѣйствительность заняли свои права. И оба они сразу спросили другъ друга:

Что же намъ теперь дѣлать?

Передъ Борисомъ была эта спасенная имъ и согрѣтая прелестная дѣвочка, съ которой бы онъ не хотѣлъ никогда разстаться, но ясно сознавалъ теперь, что разстаться надо и какъ можно скорѣе.

Ему представлялся одинъ исходъ, оставить ее здѣсь, въ этомъ покинутомъ домѣ, въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ, запереть ее хорошенько и бѣжать скорѣе розыскать по ея указаніямъ ея старуху-няньку.

— Нина, подробно, хорошенько расскажи мнѣ, гдѣ вашъ домъ.

Оказалось, что это очень близко, въ томъ же переулкѣ.

Борисъ передалъ дѣвочкѣ свой планъ. Она испугалась, но должна была сознаться, что въ такомъ видѣ, въ какомъ была она, то есть, въ чулкахъ, башмакахъ, коротенькой рубашкѣ и плащѣ Бориса, ей будетъ очень холодно бѣжать по улицѣ. Кутаясь въ плащъ, она вслѣдъ за Борисомъ отправилась осматривать помещеніе, въ которомъ они находились. Они набрели на самую дальнюю маленькую комнату, въ которой было всего одно окошко съ двойными невыставленными рамами и съ крѣпкими ставнями, запиравшимися изнутри.

— Вотъ ты останься здѣсь, Нина, а я вернусь скоро.

Но дѣвочка вдругъ громко и горько заплакала.

— Нѣтъ, не могу, не могу! сквозь слезы повторяла она.—А ну что если ты не найдешь няню? а что если ты не вернешься... вѣдь я умру... Нѣтъ, не могу, ни за что не могу!...

— Такъ какъ же намъ быть?

— Я ужъ лучше побѣгу такъ, здѣсь близко, право очень близко... я не озябну...

— А если кто увидитъ, будетъ смѣяться?

— Пусть смѣются... развѣ я виновата. Нѣтъ, милый... голубчикъ Борисъ, пойдемъ вмѣстѣ. Я ни за что одна здѣсь не останусь...

Дѣлать нечего, пришлось согласиться съ нею.

Они прошли къ выходной двери, Борисъ ее отперъ, выглянулъ на улицу. Все пусто. Солнце еще не встало. Холодное, почти морозное утро.

Онъ повернулся къ Нинѣ, во мгновеніе закуталъ ее плащомъ, какъ только можно было лучше, и, прежде чѣмъ она успѣла очнуться, схвативъ ее на руки, сбѣжалъ со ступенекъ крыльца.

— Куда? Говори... показывай.

— Пусти меня, Борисъ, вѣдь я тяжелая, я сама добѣгу. Вѣдь правда мнѣ не холодно!...

— Нѣтъ, я такъ боюсь, что ты больна будешь послѣ завтрашняго. Нѣтъ, ты легкая, я не чувствую совсѣмъ тяжести, или ты думаешь, что у меня силы мало. Говори!

— Налѣво... все прямо теперь... прямо...

Онъ побѣжалъ. Онъ дѣйствительно не чувствовалъ тяжести. Менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ они были уже у цѣли. Слѣдуя указаніямъ Нины, онъ сбѣжалъ во дворъ, весь загроможденный обуглившимися бревнами, кирпичами, остатками обгорѣлой мебели.

— Вотъ тутъ... вотъ это крылечко... говорила Нина совсѣмъ упавшимъ голосомъ. Господи, а что же если нѣтъ няни!?

Борисъ, все не выпуская Нину, изо всей силы стукнулъ ногой въ небольшую дверь. Она была заперта. Онъ стукнулъ еще разъ.

— Кто тамъ? послышался испуганный голосъ.

— Няня... она! радостно вскрикнула Нина.—Это я... я, нянечка, отвори скорѣе!

Дверь отворилась. Выглянула растрепанная, толстая старушка и увидя Бориса, державшаго на рукахъ Нину, всплеснула руками.

Борисъ прошелъ въ дверь и спустил Нину на полъ. Старушка кинулась къ ней себя не помня, плакала, причитала, смѣялась.

— Ниночка, барышня моя ненаглядная, золотая! А я то ужъ не чаяла тебя видѣть, всѣ глаза выплакала. Господи, откуда ты? Что съ тобою случилось? Что такое? О, Боже ты мой, моченьки нѣтъ! прибѣжала я вчера... дверь отперта... тебя нѣту... такъ и повалилась. Да что же это ты, золотая моя, что на тебѣ?

Она распахнула плащъ и увидѣвши, что на Нинѣ почти ничего не было, задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ахти! что же это... да гдѣ же твое платьице?

— Няня, милая, успокойся! А то вѣдь какъ же я буду говорить, когда ты слова не даешь сказать.

— Говори, говори, родная... О, Господи!

Старушка крестилась, обнимала дѣвочку. Потомъ съ изумленіемъ и страхомъ глядѣла на Бориса, который молча и какъ-то сконфуженно стоялъ передъ нею.

Но вотъ наконецъ Борису и Нинѣ удалось, перебивая другъ друга, рассказать старой нянѣ все какъ было. Няня призатихла, жадно слушая ихъ, не проронивъ ни одного слова. Потомъ вдругъ стала она учащенно кланяться Борису.

— Спасибо тебѣ, сударикъ! великое спасибо... Господь наградитъ тебя за доброе дѣло, что спасъ ты мою барышню, сиротиночку бѣдненькую... Господь наградитъ тебя...

Бабочка. Силуэты К. Изенбергъ, грав. Гельштейнъ.

— Только как же вы теперь будете? вдруг блѣднѣя спросилъ Борисъ. Вѣдь мнѣ надо домой, не мѣшкал, сейчасъ надо.

— Что же, батюшка, ступай—Богъ не безъ милости! Ужь я теперь ее, сердечную, ни на минуточку не оставлю, ужь не отпущу ее отъ себя.

— Да вѣдь опять французы придти могутъ. Опять сломають двери...

Старуха развела руками.

— За грѣхи Богъ наказаль—что ужь тутъ. Одна надежда—приѣдетъ баринъ, Алексѣй Ивановичъ, возьметъ насъ. Да нѣтъ; я вотъ что сдѣлаю. Мы пойдемъ отсюда... Вчера, Ниночка, я Матрену Степановну встрѣтила, знаешь чай Матрену Степановну. Такъ она меня звала: Приходите, молъ, съ барышней, господя васъ примутъ съ радостью. Домъ ихъ, вишь ты, цѣль остался и двѣ старыя барышни изъ Москвы не уѣхали. Собрались было совсѣмъ, да что-то позамѣшкались, а тутъ неприятель—и не довелось уѣхать. Теперь, говоритъ Матрена Степановна, у нихъ французы постоемъ стоятъ да никакого зла имъ не дѣлають, а даже въ защиту имъ отъ своихъ. Вотъ туда и пойдемъ. Это ужь не такъ, чтобы очень далече...

— Такъ я и провожу васъ, быстро воскликнулъ Борисъ, радуясь, что есть какой нибудь исходъ изъ этого невозможнаго положенія.

Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ оставить Нину въ этихъ двухъ комнатахъ обгорѣлаго дома съ безсильной старухой, за разбитою вчера пьяными солдатами дверью, которая еле запиралась на крючекъ и вся была распята. Но вдругъ онъ смутился.

— Да какъ же она пойдетъ такъ? Я принесъ ее, конечно могу опять нести. Только если это не очень близко, такъ ты поможешь мнѣ, няня.

— Зачѣмъ ее нести, сама пойдетъ, все еще дрожащая отъ недавнихъ мученій и нежданной радости, но въ то же время лукаво усмѣхнувшись сказала няня. Изверги то шарили, шарили, да не дошарили—сундучекъ то здѣсь—не нашли его...

Она прошла въ сосѣднюю комнату, за нею Борисъ и Нина. Тутъ въ углу стояла кровать, на которой уже не было ни подушки, ни одеяла. Няня отодвинула кровать. Оказалось, что подъ нею открывается половица. Конечно, еслибы вчерашние французы не были такъ пьяны, они бы это замѣтили, потому что половица открывалась посредствомъ ввинченнаго въ полъ кольца.

Няня открыла половицу и изъ довольно просторнаго углубленія подъ поломъ, съ помощью Бориса, вытащила небольшой сундучекъ.

Она отперла его бывшимъ въ ея карманѣ ключемъ, вытащила оттуда узелокъ съ бѣльемъ, потомъ маленькую юбку, платице, шелковый платокъ. Потомъ появилась небольшая шкатулка, обитая кожей, съ мѣдными углами.

— Тутъ вотъ все, что послѣ барыни осталось, всѣ ея бумаги да деньги. Слава тебѣ Господи, все въ сохранности! Ну, сударикъ, вотъ и есть во что одѣть Ниночку, теплаго только ничего нѣтъ, такъ ты ужь дозволи ей въ твоемъ плащикѣ добѣжать.

— Само собой! сказалъ Борисъ.—Только какъ же? хотя и рано теперь очень, а все же мы можемъ съ кѣмъ нибудь изъ этихъ негодяевъ встрѣтиться, увидятъ шкатулку... отнимать стануть.

— Такъ, такъ, батюшка, это точно, озабоченно говорила няня,—куда же намъ дѣвать ее? Здѣсь оставить боязно!

— Конечно здѣсь ее нельзя оставить. А вотъ что мы сдѣлаемъ! рѣшилъ наконецъ Борисъ.—Отвори ты ее, няня, и выберемъ все, что въ ней есть, себѣ по карманамъ. Видишь, какіе у меня карманы большіе, много въ нихъ помѣститъ можно. Кой что ты себѣ за пазуху засунешь, кой что Нина подъ плащемъ пронести можетъ.

Няня подумала немножко, подозрительно взглянула на Бориса.

— Богомъ клялась барышнѣ не выпускать изъ рукъ шкатулку!.. прошептала она.

Но дѣлать было нечего и она какъ будто сама устыдилась своей недовѣрчивости къ Борису. Она отперла шкатулку маленькимъ ключикомъ. Въ шкатулкѣ были бумаги, банкные билеты и нѣкоторыя драгоценныя вещи.

Въ то время какъ она бережно выкладывала все это, Нина уже быстро надѣла юбку, платице, повязала себѣ голову платочкомъ, а сверху опять накинула плащъ Бориса.

— Вотъ я и готова! проговорила она, улыбаясь своей милой, грустной улыбкой и не то стыдливо, не то радостно поглядывая на Бориса.

— Она почти безсознательно радовалась тому, что теперь одѣта передъ нимъ какъ слѣдуетъ.

Черезъ минуту всѣ они трое, размѣстивъ за пазухой и по карманамъ бумаги и вещи, вышли во дворъ. Няня несла узелокъ съ бѣльемъ.

— Брось, няня, брось, сказала, замѣтивъ узелокъ, Нина,—накинута, отнимуть...

Но няня покачала головой.

— Нѣтъ, барышня, коли встрѣтимъ какого педобраго съ виду человѣка, тогда ему въ рожу и брошу узелокъ—пусть онъ имъ подавится. А можетъ съ Божьей помощью и пронесемъ благополучно. А то какъ-же тебѣ быть безъ чулокъ и сорочекъ?!

Нина замолчала. Они быстро пошли по переулку. Все по прежнему было тихо и они благополучно совершили свое небольшое путешествіе, встрѣтивъ всего нѣсколько человѣкъ русскихъ, которые даже не обратили на нихъ никакого вниманія.

Наконецъ въ одной изъ ближайшихъ улицъ няня остановилась передъ довольно большимъ домомъ. Они прошли въ калитку, добрались до задняго входа въ домъ.

Въ домѣ всѣ еще очевидно спали. Няня подобралась къ знакомому ей окошку, постучалась, прислушалась, приложившись ухомъ къ стеклу. Потомъ еще разъ постучалась. Ее окликнулъ кто-то изнутри.

— Матрена Степановна, я это, я... отвори, сдѣлай Божескую милость!

Скоро дверь отворилась. Пожилая почтеннаго вида женщина, по всѣмъ признакамъ экономка изъ хорошаго дома, вышла на крылечко.

Няня сказала ей въ чемъ дѣло. Матрена Степановна пригласила ихъ войти.

Они прошли сѣнцы, потомъ коридорчикъ и очутились въ свѣтлой и веселенькой комнаткѣ, чисто, хотя и незатѣйливо прибранной.

— Хорошо сдѣлала, матушка, что привела барышню, говорила Матрена Степановна, — давно-бы догадалась! Вѣдь времена нынче какія?! Ну какъ-таки можно тебѣ, такой старушенкѣ, вдвоемъ съ дитей...

— Матушка ты моя! отвѣчала няня, — да вѣдь ужь и не знаешь какъ быть-то! Вѣдь почему я осталась — со дня на день ждала, что Алексѣй Ивановичъ приѣдетъ... Приѣдетъ онъ, а домъ-то погорѣлый, насъ нѣту... Ну гдѣ онъ барышню искать будетъ?! Вотъ и теперь, привела я ее... приютите, добрые люди! А сама опять туда... буду ждать Алексѣя Ивановича...

— Ну, это мы уладимъ! сказала Матрена Степановна. — Вотъ господя встануть, проведу я къ нимъ барышню, что-то они скажутъ — можетъ все и уладится. А вы, сударь? обратилась она къ Борису, только теперь обративъ на него вниманіе.—Позвольте васъ спросить—кто вы такой будете?

Борисъ смутился.

Но няня его выручила. Она сказала, что онъ спасъ барышню, что молъ не будь этого молодого барина, такъ Ниночки и въ живыхъ не было-бы теперь.

— Ахъ, страсти! говорила Матрена Степановна. — Вотъ времена! Вотъ Божеское наказанье!.. Дѣти малыя— и тѣ чего, чего ни навидятся, какъ ни намучаются!

Она глубоко вздохнула и перекрестилась.

— Вы, сударь, обождите тоже, повидаетесь съ господами... Они рады будутъ.

— Итъ, я не могу больше! сказалъ Борисъ. — Я долженъ домой идти.

Онъ выложилъ изъ своихъ кармановъ все, что было имъ взято изъ шкапулки, и передалъ нянѣ.

Съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ остался еще съ Ниной! Но грезы прошли.—Онъ сознавалъ дѣйствительность.

— Прощай, Нина! проговорилъ онъ. А вы мнѣ позволите навѣдаться? спросилъ онъ обращаясь къ Матренѣ Степановнѣ.

— Сдѣлайте милость, всегда рады будемъ!.. Какъ-же можно, большое одолженіе... прошу покорно... и господа рады будутъ.

Лажъ Густава-Адольфа.

Историческій рассказъ Конрада Мейера.

I.

Два человѣка сидѣли другъ противъ друга за громаднымъ письменнымъ столомъ въ конторѣ одного изъ Нюрнбергскихъ патриціанскихъ домовъ, расположенныхъ неподалеку отъ церкви Св. Лаврентія. То были отецъ и сынъ и оба казались погруженными въ серьезную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшную работу; тотъ и другой набрасывалъ на бумагу длинный рядъ цифръ и подводилъ итогъ, чтобы, засимъ, для большей вѣрности, сравнить обѣ суммы. Тоненькій юноша, какъ двѣ капли воды похожій на отца, первый поднялъ свой острый носъ съ красиво выведеннымъ имъ цифръ и, не безъ нѣкотораго самоудовольства въ художавомъ озабоченномъ лицѣ, устремилъ взглядъ на все еще углубившагося въ занятіе отца. Въ эту минуту вошелъ слуга и подалъ пакетъ, снабженный тяжелой печатью. Пакетъ этотъ былъ доставленъ користою шведскихъ карабинеровъ; пока, онъ пошелъ осматривать знаменитыя картины залы ратуши и ровно черезъ часъ придетъ назадъ. Конецъ, при первомъ же взглядѣ, узналъ смѣлый почеркъ его шведскаго величества, короля Густава-Адольфа; высокая честь собственноручнаго посланія короля нѣсколько испугала его. Король, которому онъ устроилъ роскошный приемъ въ своемъ новомъ и великолѣпнѣйшемъ во всемъ Нюрнбергѣ домѣ, могъ теперь, пожалуй, обратиться къ своему гостеприимному хозяину за займомъ. Но, впрочемъ, его страхъ продолжался не долго, онъ былъ очень богатъ и, кромѣ того, хорошо зналъ добросовѣстность шведскаго казначейства, а потому, безъ дальнѣйшаго колебанія и даже съ хвастливой усмѣшкой, сломалъ печать королевскаго посланія. Однако, едва успѣлъ онъ пробѣжать краткое содержаніе бумаги—лицо его сдѣлалось блѣдо какъ штукатурка потолка, на которомъ массивный барельефъ изображалъ жертвоприношеніе Авраама. Сынъ, наблюдавшій за отцомъ, поблѣднѣлъ въ свою очередь, угадавъ по его замѣнявшимся чертамъ, что имъ грозитъ какаго-то неприятность. Безпокойство молодого человѣка усилилось еще болѣе, когда онъ увидѣлъ, что отецъ обратилъ на него грустный взглядъ, въ которомъ ясно говорило нѣжное отеческое чувство.

— Ради Бога, отецъ, что такое? проговорилъ юноша.

Старый Лейбельфингъ (оба принадлежали къ этому знаменитому купеческому роду) дрожащей рукой протянулъ ему письмо, и юноша прочелъ:

Любезный нашъ господинъ Лейбельфингъ!

Вѣдалъ и въ памяти нашей имѣя, что сынъ господина Лейбельфинга питаетъ желаніе вступить къ намъ пажемъ, симъ увѣдомляемъ, что это его желаніе нынѣ можетъ получить совершенное и полное удовлетвореніе, такъ какъ бывшій нашъ пажъ, покойный † Максъ Бекеймъ (вмѣстѣ съ достойными памяти покойнымъ † Утценомъ Штримерсомъ и покойнымъ † Гётценомъ Тукерсомъ), потерявъ въ нынѣшнемъ штурмѣ обѣ ноги, оторванныя у него осколкомъ ядра, скончался на нашихъ рукахъ; весьма намъ приятно будетъ взять приближеннымъ къ себѣ кого-либо изъ евангелическаго города Нюрнберга, къ которому имѣемъ особое благорасположеніе; господинъ Лейбельфингъ можетъ быть увѣренъ, что его сынъ будетъ получать хорошее довольствіе и ежедневное христіанское воспитаніе.

Пребываемъ расположены къ господину Лейбельфингу
Gustavus Adolphus Rex.

— Это—патентъ на вѣрную мнѣ смерть! жалобно воскликнулъ сынъ,—и это вы, отецъ—позвольте сказать вамъ,—при-

— Прощай, Нина! протягивая руки къ дѣвочкѣ, повторилъ онъ.

Нина взглянула на него и вдругъ бросилась къ нему на шею крѣико, крѣико его цѣлуя.

— Прощай! говорила она, — только ты возвращайся непременно! Слышишь, Борисъ — вѣдь вернешься, не обманешь?!

— Не обману! сказалъ онъ ей.

— Возьми-же свой плащъ! вдругъ вспомнивъ крикнула дѣвочка.

Онъ не слышалъ ее и не понималъ.

Онъ поклонился Матренѣ Степановнѣ, поклонился нянѣ и скоро, скоро, ни на кого не глядя, вышелъ въ коридорчикъ, въ сѣни. Пропелъ черезъ дворъ и выбѣжалъ на улицу.

Онъ остановился на мгновеніе, сообразилъ дорогу и помчался къ Басманной, безъ шляпы, безъ плаща, полный тревоги, опасеній; но въ то-же время съ какимъ-то широкимъ, новымъ, еще невѣдомымъ ему чувствомъ.
(До слѣд. №).

чина моей преждевременной смерти. потому что—кто же другой могъ ввести короля въ такое заблужденіе? Боже—скалься надо мной! и онъ поднялъ глаза кверху, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ Авраамъ держалъ свой жертвенный ножъ надъ Исаакомъ.

— Дитя, не говори этого, мнѣ это невыносимо слышать! произнесъ отецъ съ слезами на глазахъ,—да будетъ проклятъ этотъ лишній стаканъ токайскаго!..

— Отецъ, перебилъ юноша,—расскажите, какъ все это произошло?

— Ты помнишь, Августъ, то угощеніе, которое я устроилъ въ честь короля, при первомъ его въѣздѣ; оно мнѣ обошлось дорого...

— Триста девяносто девять гульденовъ одиннадцать крейцеровъ, отецъ, а я-то такъ ничѣмъ тутъ и не пользовался, замѣтилъ юноша,—потому что пролежалъ все время въ комнатѣ съ мокрой повязкой на глазу (Августъ показалъ на свой правый глазъ). Густель, эта сумасшедшая,—отъ радости видѣть короля, кинула мнѣ въ глазъ воланъ, въ ту самую минуту, какъ на улицѣ послышались трубы и она думала, что шведы уже вступаютъ.

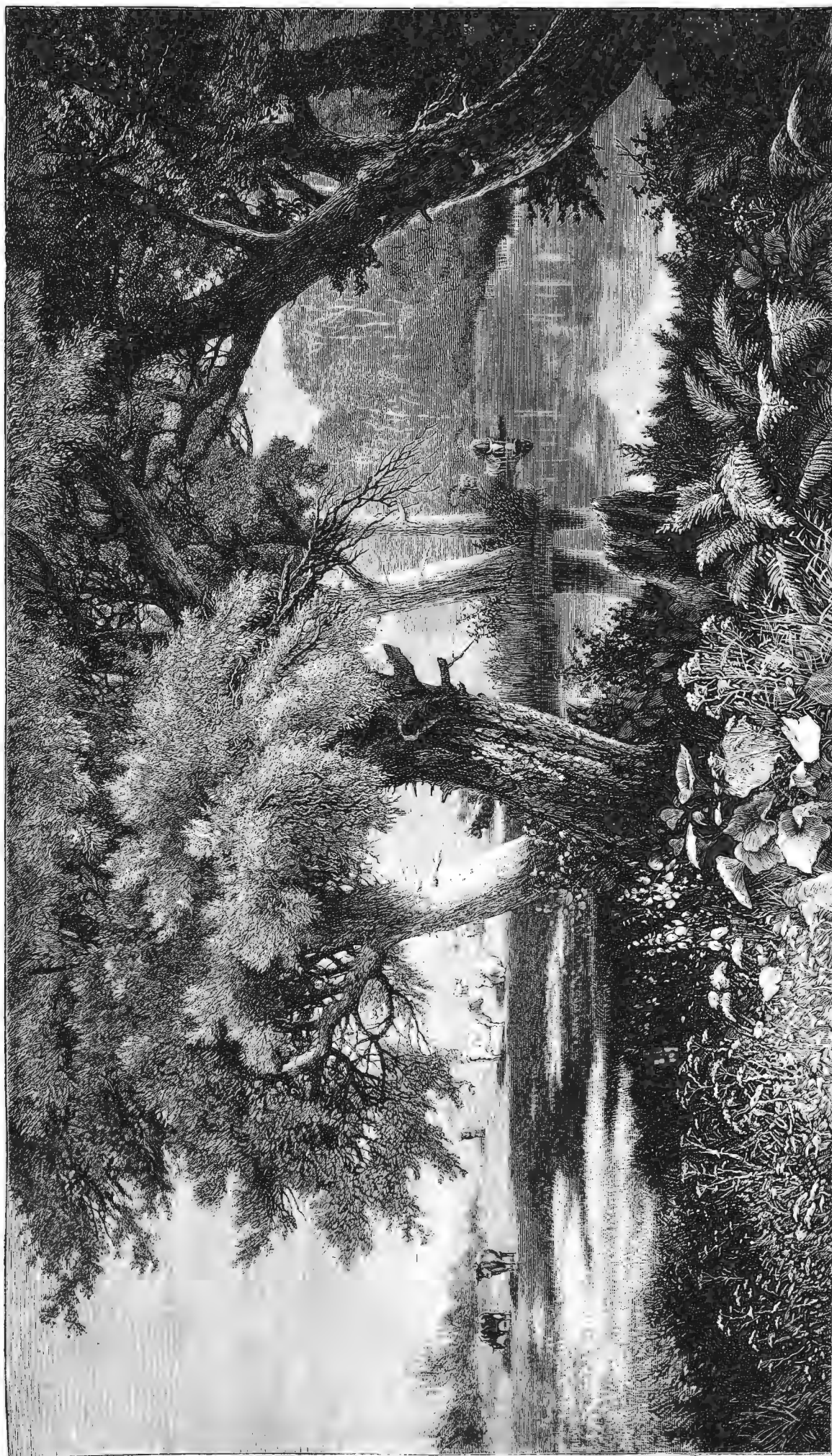
— Послѣ того какъ убрали кушанья и подали фрукты и кубки, продолжалъ отецъ,—наверху, въ залѣ и внизу, по всей площади, гдѣ собрался народъ, все ходуномъ заходило отъ кликовъ. Вѣсѣмъ захотѣлось видѣть короля; за здоровье пили у открытыхъ оконъ и тамъ и тутъ кричали привѣтствія; вдругъ раздался звонкій голосъ: „Да здравствуетъ Густавъ, король Германскій!“ Воцарилась глубокая тишина, потому—ужъ очень это было сильно сказано. Король покрутилъ себѣ усъ и замѣтилъ: „этого я не желаю слышать! Пѣю въ честь имперскаго города Нюрнберга!“ Ну—ужъ и началась потѣха; открыли палубу изъ пушекъ и все пошло вверхъ дномъ! Немного спустя, его величество отвелъ меня въ сторону. „Кто это крикнулъ за здоровье Германскаго короля, Лейбельфингъ?“ спросилъ онъ, такъ, въ полголоса. Тутъ—что грѣхъ таить—меня, стараго осла, разобрало желаніе похвалиться — (Лейбельфингъ, въ этомъ мѣстѣ своего разсказа, укоризненно хлопнулъ себя по лбу, въ наказаніе за то, что голова его не дала ему болѣе умный совѣтъ)—я и отвѣтилъ: „Ваше величество, сдѣлалъ это мой сынъ, Августъ. Онъ спитъ и видитъ—какъ бы только пажемъ въ вашу службу попасть“. Хотя въ головѣ моей и шумѣло, но я помнилъ, что у короля состояло уже трое нюрнбергцевъ въ пажахъ и этотъ былъ бы сверхкомплектнымъ. Я и сказалъ это только для того, чтобы не отставать отъ своихъ сосѣдей—старога Тукерса и болтуна Бекейма. Кто же могъ знать, что король истратитъ въ Баваріи весь свой нюрнбергскій товаръ!..

— Ну, а еслибы король послалъ тогда же за мной—мнѣ такъ бы и пришлось показаться съ подбитымъ глазомъ? Ахъ, отецъ, отецъ, какая легкомысленность!

Оба, сблизившись головами, принялись обсуждать положеніе, чтобы найти какой нибудь выходъ; теперь они говорили шепотомъ, вспоминая о находившихся въ сосѣдней комнатѣ служавшихъ и приказчикахъ, о которыхъ совершенно забыли въ первую минуту потрясенія, заставившую ихъ громко высказать всѣ волновавшія ихъ мысли и чувства. Но какъ ни напрягали Лейбельфинги свои умственные способности, ничего не могли они придумать подходящаго; настроеніе и отца, и Августъ становилось все мрачнѣе, когда вдругъ за дверью густой жецкскій контрабль заигъ любимую пѣсенку Густава Адольфа: „не робѣй ты горсть гороевъ, если врагъ тебя задумалъ уничтожить!“

Цыганский таборъ. Съ картъ Бежа, грав. Валла.

Весенняя выставка въ Акад. Художествъ. Видъ въ Могилевской губерніи.
Съ карт. П. А. Отыгальева, грав. М. Рашевскій.

и в комнату быстрым и рѣшительнымъ шагомъ вошла молоденькая, стройная, но крѣпко сложенная дѣвушка, съ короткоостриженными волосами и довольно рѣзкими, скорѣе мужскими, нежели женскими, манерами.

— Ты вась оглушить что ли хочешь, База? крикнули почти сразу оба Лейбельфинга.

Но та не смутилась.

— И пришла звать вась обѣдать. Да что это съ вами, господишь дядюшка и господишь кузень, что это у вась носы такъ вытянулись? проговорила она съ насмѣшкой. Въ ту же минуту, дѣвушка, увидавъ письмо, схватила его безъ дальнѣйшихъ околичностей, и твердой рукой начертанная подпись короля сразу ей объяснила страхъ, и дядюшки, и кузена.

— Обѣдать, обѣдать, господа! крикнула она, повернувшись къ двери и идя впереди обоихъ мужчинъ по направлению къ столовой. Однако, за столомъ, и ей, подобно Лейбельфингамъ, кусокъ не шелъ въ ротъ. Она отказывалась почти отъ всякаго кушанья и, отодвинувъ стулъ, закинула по мужски ногу на ногу, подъ своимъ синимъ платьемъ, на поляхъ котораго висѣли, въ видѣ мѣшечка, карманъ и связка ключей; дѣвушка казалась тутъ совершенно у себя дома и, повидимому, съумѣла, своей бойкостью, пріобрѣсть прочное положеніе; она вслушивалась въ разговоръ; лицо ея было задумчиво.

Лейбельфинги продолжали обсуждать свое дѣло.

— Ну, а кто же это королю-то крикнулъ тогда пріѣзжайте? встала она.

— Да кто же? спросили въ одинъ голосъ Лейбельфинги.

— Да никто, какъ я.

— Чортъ тебя возьми, дѣвчонка! воскликнулъ старшій Лейбельфингъ;—вѣрно ты нарядилась въ синій камзолъ шведскаго солдата, который прячешь у себя въ шкапу за юбками, и явилась въ столовую, вмѣсто того, чтобы держаться съ женщинами.

— Вы готовы затолкать меня въ самое послѣднее мѣсто! возразила дѣвушка съ раздраженіемъ;—а вопъ та маленькая самоварница, дылда башмачница, гордая дочь столяра и tutte quante удостоились чести подарить королю подарокъ нашего города—два серебряныхъ кубка: одинъ въ видѣ небеснаго свода, а другой—земнаго шара.

— Что за безстыдство, Густель! какъ можешь ты носить мужскую одежду? произнесъ чопорный юноша.

— Т. е.—одежду моего отца, въ которой еще видна и теперь замшопанная дыра, прорванная шпагой поляка, возразила дѣвушка серьезнымъ тономъ;—мнѣ достаточно только скривить глаза;—(она, въ ту же минуту, сдѣлала, какъ говорила)—чтобы видѣть дыру, и это меня вдохновляетъ все равно, что проповѣдь; а къ тому же—перешла она, по своему обыкновенію, отъ серьезности къ веселому смѣху—юбки вовсе не сидятъ на мнѣ; не удивительно, что къ женскимъ платьямъ я не привычна—вѣдь я до шестнадцатилѣтняго возраста привыкла съ моей матерью, въ короткомъ платьицѣ, скакать верхомъ.

— Милая База, проговорилъ не безъ нѣжности молодой Лейбельфингъ, съ самой смерти твоего отца, ты тутъ въ домѣ какъ родное дитя, а, вотъ, ты взяла и надѣлала мнѣ кутермы! продала меня, какъ барана, на убой! Хотъ бы съумѣла мнѣ чтонибудь посовѣтовать, База!

— Посовѣтовать тебѣ, произнесла она энергически—и посовѣтуй, будь мужчиной, будь Лейбельфингомъ.

— Лейбельфингомъ! ядовито замѣтилъ старикъ;—развѣ каждому Лейбельфингу необходимо быть такимъ драчуномъ, какимъ былъ блаженной памяти Руппертъ, твой отецъ, который, еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, взялъ да и выкинулъ изъ телѣги меня и своихъ родителей, да еще мнѣ сломалъ два ребра? Пятнадцати лѣтъ ушелъ къ шведамъ, шестнадцати—женился подъ барабанъ на пятнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, а девятнадцати—кончилъ жизнь въ дракѣ!

— Т. е., сказала дѣвушка,—опъ палъ за честь моей матери.

— Неужели ты не можешь дать мнѣ совѣта Густель? приставалъ молодой Лейбельфингъ, тебѣ вѣдь хорошо знакомы и лагерь, и войпа, и всѣ военныя обыкновенія, на чемъ я могу выказать себя передъ королемъ.

Она громко расхохоталась въ отвѣтъ.

— Знаешь что! воскликнулъ съ досадою юноша,—отправляйся-ка ты, вмѣсто меня, пажомъ къ королю! Вѣдь онъ въ тебѣ дѣвчонки-то не узнаетъ! Да и къ тому же, можетъ быть, ты давно ужъ объ этомъ думаешь? Ты постоянно спишь и видишь шведскаго короля, и еще на днѣхъ, проходя мимо твоей двери, я слышалъ какъ ты командовала: „Король! караулъ вонъ!“

Дѣвушка слегка отвернулась, густая краска покрыла ея лицо, но затѣмъ, оправившись черезъ мгновеніе, она снова прямо и смѣло взглянула на него своими разгорѣвшимися карими глазами.

— Берегись! произнесла она,—можетъ пожалуй кончиться и этимъ, хотя бы для того, чтобы имя Лейбельфинговъ не было оскрамлено трусомъ!

Едва произнесла она эти слова, какъ дѣтская мечта, родившаяся въ ея воображеніи, показалась ей не невозможной. Кровь отца закипѣла въ дѣвчонкѣ, она наследовала его мужество и энергію, но въ то же время въ ней говорила и дѣвичья застѣнчивость, и глубокое уваженіе къ королю; они парализировали ея рѣшимость.

Въ эту минуту доложили о приходѣ шведскаго корнета, который привезъ посланіе короля и обязанъ былъ, согласно данному ему порученію, доставить пажа въ лагерь. Онъ провелъ время нѣсколько иначе, чѣмъ предполагалъ; вмѣсто того, чтобы углубиться въ созерцаніе произведеній мастера Альбрехта, офицеръ просидѣлъ въ веселомъ кабачкѣ, за кубкомъ наполненнымъ золотистой влагой; однако, къ патрицію онъ пришелъ довольно свѣжимъ. Старшій Лейбельфингъ, въ ужасѣ за своего сына и за свою фирму, сдѣлалъ движеніе, чтобы обнять колѣни племянницы, точь-въ-точь, какъ моля о смѣи, старшій Пріамъ обнималъ колѣни Ахилла; что же касается молодого Лейбельфинга, то тотъ затрещалъ всѣмъ тѣломъ; дѣвушка, вырвавшись съ громкимъ хохотомъ, исчезла въ боковой двери, какъ разъ за минуту передъ тѣмъ, что звеня оружіемъ и шпорами, въ комнату вошелъ корнетъ—юноша, вся фигура котораго была живымъ олицетвореніемъ удали и безавѣстной храбрости, хотя въ то же время въ немъ чувствовался и строго дисциплинированный солдатъ своего короля.

Августа Лейбельфингъ, въжавъ въ свою комнату, лихорадочно принялась за работу; уложивъ кой-что въ походный чемоданчикъ, быстро переодѣвшись въ платье отца, будто спящее для ея стройнаго и плотнаго стана, она опустила на колѣни, въ краткой молитвѣ просія прошенія и помощи.

Едва Августа показалась въ залѣ, какъ корнетъ крикнулъ ей:

— Скорѣй, товарищъ! нужно торопиться! лошади не стоятъ на мѣстѣ! Король ждетъ насъ! Проститесь съ отцомъ и кузенькомъ!

Юноша въ шведскомъ мундирѣ наклонился къ рукѣ старика, два раза съ волненіемъ поцѣловалъ ее, получивъ признательное благословеніе дяди; затѣмъ съ внезапнымъ порывомъ неудержимой веселости пажъ схватилъ правую руку молодого Лейбельфинга и дернувъ ее въ ту и другую сторону, крикнулъ ему:

— До свиданія, будьте здоровы и счастливы, моя милая База!

Корнетъ чуть не покатился со смѣху.

— Славно, чортъ возьми, умѣете шутить, господишь товарищъ! Извините, не сердитесь, а мнѣ такъ оно сейчасъ и показалось: совсѣмъ вы старая баба, господишь кузень! Какъ у насъ поютъ въ Финляндіи:

„Старая баба ѣдетъ верхомъ на кочергѣ. Чортъ возьми.“ И быстрымъ движеніемъ сорвавъ съ стоявшей около него и дожидавшейся горничной ея чепчикъ, онъ надѣлъ его на гладко и старательно прилизанную голову молодого Лейбельфинга. Острый носъ и подбородокъ довершали сходство его съ профилемъ старой бабы.

Корнетъ, затѣмъ, дружески положилъ свою руку на руку пажа, но тотъ, отступивъ на шагъ, и взявшись за эфесъ шпаги, произнесъ:

— Господишь товарищъ! я люблю сдержанность и терпѣть не могу, когда кто нибудь позволяеть себѣ дотрогиваться до меня.

— Тыфу ты пропастъ! вырвалось у офицера и, вѣжливо поостеревшись, онъ далъ дорогу пажу; оба быстро сбѣжали съ дѣтскими. Долго еще послѣ того совѣщались Лейбельфинги; очевидно, Августу нельзя было оставаться въ Нюрнбергѣ; и отецъ, и сынъ пришли къ слѣдующему плану: Августъ долженъ былъ отправиться въ Саксонію, и именно въ расцвѣтавшій тогда городъ Лейпцигъ, и тамъ вести торговлю не подъ знаменитымъ патриціанскимъ именемъ, а подъ плебейскимъ прозвищемъ „Лаубфингера“, на короткое время только, пока теперешній Августъ фонъ-Лейбельфингъ не падетъ въ какой нибудь битвѣ около своего короля, что, конечно, не могло замедлить. Когда это продолжительное совѣщаніе кончилось и Августъ поднялся съ своего мѣста, онъ въ зеркалѣ увидалъ свое разстроенное лицо въ какомъ-то странномъ уборѣ—то былъ чепчикъ, нахлобученный на него молодымъ шведскимъ школьникомъ.

II.

Послушай, паждъ Лейбельфингъ, мнѣ надо тебѣ сказать пару словъ. Если, въ случаѣ необходимости, тебѣ придется зашить своими товкими пальчиками, какой нибудъ шовъ на комзолѣ короля, твоего господина, или пришить недостающую пуговицу, то нисколько этимъ не унизишь своего пажескаго достоинства; развѣ ты, въ Нюрнбергѣ никогда не учился у маленьки или сестренки этому искусству? Оно вовсе не трудно и каждый шведскій солдатъ можетъ тебя легко ему научить. Что такое? ты хмуришься? Ну—будь уменъ и послушенъ! вотъ тебѣ мой собственная швейная подушка! дарю тебѣ ее.

И бранденбургская принцесса, шведскаго королева протянула пажу Лейбельфингу подушку англійской работы, съ наперсткомъ, иглами, иголкой и ножницами. Королева, нѣжно любившая своего супруга, повсюду слѣдовала за нимъ и не мало удивила его, неожиданно появившись—на короткое время—въ лагерьъ подъ Нюрнбергомъ, гдѣ Густавъ-Адольфъ помѣщался въ полуразрушенномъ войной дворянскомъ, помѣщичьемъ домѣ.

— И обязываю тебя,—произнесла она, открывая футляръ и надѣвая пажу наперстокъ,—возлагаю на твою совѣсть, Лейбельфингъ, смотрѣть затѣмъ, чтобы мой король и господишь были всегда одѣты прилично.

— Ну, на кой чорт мнѣ эти швы и пуговицы, ваше величество! произнесъ Лейбелъфингъ, раскрасившись отъ досады и сдѣлавъ при этомъ такую забавную мину, что королева отъ души расхохоталась, милостиво потрепавъ его по лицу.

Расхохотался и король, остановившись на порогѣ комнаты и увидавшій своего пажу со шпагой съ боку и папереткомъ на пальцѣ.

— Но, Густъ, ты грубъ, какъ напишетъ или язычникъ! Мнѣ падо будетъ взятыя за твое воспитаніе.

Густавъ-Адольфъ, человѣчно—хотя и безъ нарушенія дисциплины—обращавшійся со всѣми, начиная съ высшихъ и кончая ничтожнѣйшими, былъ чрезвычайно добръ и къ милостивому юношѣ, поспоянно находившемуся при немъ; но, кромѣ того, онъ не забывалъ никогда и того, какъ этотъ юноша, на томъ Шюрнбергерскомъ банкетѣ, привѣтствовалъ его „Германскимъ королемъ“, какъ бы предсказывая блестящее окончаніе его геройскому походу.

Паждъ успѣлъ уже прожить около своего героя цѣлый рядъ дней, полныхъ то блаженства, то слѣзнаго ужаса, о чемъ добросердечный король и не могъ, конечно, догадываться. То были часы юнаго, опяняющаго восторга! Все, на что только хватило у молодой груди сила, все повѣдала она въ эти дни и часы—и сладостныя, гордыя чувства, и мучительное опущеніе страха, и пламя тайной страсти,—все—въ ожиданіи либо смертоноснаго ядра, или позорнаго разоблаченія жи!

Въ тотъ вечеръ, когда юрибергерскій юнкеръ Августъ Лейбелъфингъ былъ представленъ корнетомъ королю,—Густавъ-Адольфъ, слишкомъ погруженный въ свое дѣло, не имѣлъ ни минуты времени, чтобы разсмотрѣть своего новаго пажу, который былъ, такимъ образомъ, избавленъ отъ необходимости прибѣгнуть къ безстыдной жи. Густавъ-Адольфъ садился на коня, чтобы ѣхать для подготовительныхъ распоряженій къ второму безплодному штурму неприступныхъ позицій герцога Фридрихсбургскаго; онъ велѣлъ пажу слѣдовать за собой и тотъ вскопчилъ птицей на подведеннаго коня, такъ какъ еще въ дѣтствѣ совершенно освоился съ сѣдломъ. Когда, немного спустя, король, обернувшись, увидалъ лицо своего пажу покрытымъ смертнѣйшей блѣдностью—блѣдность эта происходила не вслѣдствіе того, чтобы паждъ испугался бѣшеной скачки своего коня или отвыкъ отъ верховой ѣзды, но оттого, что Лейбелъфингъ издали увидалъ, какъ изъ лагеря бичами гнали женщину, позволившую себѣ явиться туда безъ позволенія.

Король, съ несвойственнымъ ему упрямствомъ, повторялъ постоянно отбываемые штурмы и каждый день паждъ безстрашно сопровождалъ своего господина въ самую середину боя. Каждую минуту или онъ могъ принять убитаго короля въ свои объятія, или сами упасть смертельно раненымъ на его руки; возвращаясь послѣ неудачи, Густавъ-Адольфъ, обыкновенно, старался скрыть дурное расположеніе духа, подсмѣиваясь паждъ тѣмъ, что повичекъ терялъ стремя, или слишкомъ натянулъ поводъ; иногда король порицалъ его неосторожность, по вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно далалъ своему пажу добрыя отеческія наставленія, особенно заботясь о его христіанскихъ чувствахъ. Густавъ-Адольфъ имѣлъ похвальную, здоровую привычку, въ конецъ дня, за полчаса до сна, бросать всѣ дѣла и заботы и отдыхать отъ трудовъ; соблюденіе привычки этой было ему тѣмъ необходимѣе теперь, потому что неудачные штурмы и потеря солдатъ разстраивали его планы, оскорбляли его гордость и мучили его христіанскую совѣсть. Въ этотъ поздній часъ король усаживался въ высокое кресло, паждъ помѣщался на скамейкѣ, у его ногъ; подавались шашки или шахматы и перѣдко Лейбелъфингъ повивалъ своего господина; иногда король—если былъ веселъ—забавлялъ пажу невинными разсказами, напримѣръ о превосходной проповѣди, которую слушалъ въ Берлинской дворцовой церкви, когда вѣнчался и въ которой жизнь сравнивалась со сценой, гдѣ люди были актерами, ангелы—зрителями, а смерть—режиссеромъ; или разсказывалъ необыкновенную исторію о томъ, какъ ему, королю, послѣ рожденія его ребенка, доложили, что то былъ сынъ и какъ нѣсколько времени самъ онъ ошибался, или о празднествахъ и богатыхъ костюмахъ, или о различныхъ иныхъ вещахъ, еще болѣе интересныхъ для дѣвушки, нежели для юноши, между прочимъ и о томъ, какъ обманутый король, въ передѣтѣтомъ красивомъ паждѣ, узналъ женщину. Этотъ разсказъ, конечно, перенугалъ Лейбелъфинга, постаравшагося тотчасъ же сдѣлать свой голосъ какъ можно грубѣе и принять наиболѣе мужественный видъ, но—и на этотъ разъ королю было суждено ошибиться, какъ онъ ошибся при рожденіи своей Христы (*), Лейбелъфингъ успокоился и даже осмѣлился сдѣлать королю смѣлый вопросъ о томъ—какова была лицомъ графиня Эва Брахъ? Эта юношеская любовь Густава-Адольфа,—вслѣдствіи жена Де-ла-Гарди, котораго выбрала какъ втораго храбрѣйшаго мужчину своего времени, потому что ей не удалось выдти за перваго изъ храбрыхъ,—имѣла черные волосы, черные глаза и рѣзкіе черты лица; но король объ этомъ не сказалъ пажу ни слова, а довольно сильно ударилъ его ладонью по губамъ—ему почувдалось, что онъ сложился въ лукавую усмѣшку.

Однажды король подарилъ своей Христы перстень съ печатью; согласно модѣ того времени, на драгоцѣнномъ камнѣ

*) Знаменитая королева шведская Христина.

кольца должно было быть выгравировано какое нибудь изрѣченіе, нѣчто въ родѣ девиза, но который—въ различіе отъ речеваго гербоваго девиза—обыкновенно выражалъ что либо лично касавшееся владѣльца кольца, или заветную мысль, или желаніе, требовалось только, чтобы изрѣченіе было кратко и кратко, на подобіе, напримѣръ, честолюбиваго „Nondum“ юнаго Карла V-го. Густавъ-Адольфъ охотно выбралъ бы для дочери одну изъ своихъ любимыхъ поговорокъ, но—опять-таки, на основаніи все той же моды—девизъ надо было составить на латинскомъ, итальянскомъ или французскомъ языкахъ.

Пагнувшись паждъ лежавшимъ передъ нимъ фолиантомъ, онъ внимательно, и съ большимъ интересомъ, перечитывалъ собранныя тамъ изрѣченія, замѣчанія, мысли, поговорки знаменитыхъ или остроумныхъ людей,—по большей части историческихъ личностей.

Вдругъ, на ярко освѣщенпой страницѣ книги рѣзко обозначилась тѣнь отъ тонкаго пальца, уперевшагося въ девизъ неизвѣстнаго происхожденія. То былъ паждъ, протянувшій свою руку черезъ плечо короля; девизъ же гласилъ: „Courte et bonne“! —что означало: еслибъ мнѣ пришлось выбирать, то я желалъ бы, чтобы моя жизнь была кратка, но полна наслажденій!—Король прочелъ, задумчиво покачалъ головой и, слегка потянувъ пажу за уши, толкнулъ на скамейку, готовясь прочесть ему патацію.

— Густъ Лейбелъфингъ,—началъ онъ поучительнымъ тономъ и положивъ свою голову на подушку, такъ что взглядъ полуоткрытыхъ, ясныхъ, но близорукыхъ глазъ, прямо падалъ на приподнятое лицо юноши,—Густъ Лейбелъфингъ, сынъ мой! Я думаю, что эта поговорка принадлежитъ „эпикурейцу“, какъ называютъ подобныхъ людей докторъ Лютеръ. Наша жизнь дана Богомъ. А потому мы не можемъ требовать, чтобы она была продолжительна или кратка, а должны принимать такую, какою онъ намъ даетъ ее. Вотъ такое понятіе здраво и вѣрно, а не то, которое заключается въ французской пословицѣ, которая говоритъ о шумной и беспорядочной жизни. Ну—а ты какъ понимаешь, сынъ мой?

— Вотъ какъ, король и господни мой: я бы желалъ, чтобы моя жизнь не тянулась сѣрвотыми сумерками, а промелькнула бы яркимъ мгновеніемъ свѣтлаго счастья и, затѣмъ, потухла бы какъ сверкнувшая молнія“. Королю, повидимому, не очень понравились и эти выраженія, и эта „сверкнувшая молнія“, хотя то была одна изъ любимѣйшихъ метафоръ вѣка. Онъ пошевелилъ своими тонкими губами, но паждъ не далъ ему времени высказать своего замѣчанія.

Король закрылъ глаза и—утомленный за день—погрузился въ сонъ; впрочемъ спачала онъ сдѣлалъ только видъ, что засынаеть, не желая отвѣчать на лесть пажу.

Такъ левъ игралъ съ собачкой и собачка играла со львомъ. И злая судьба, будто нарочно желая сильнѣе привязать влюбленное дитя къ его герою, къ его кумиру, показывала ему короля все въ повомъ свѣтѣ, раскрывая передъ нимъ всѣ сокровеннѣйшія стороны его характера; она заставила пажу принять участіе и въ томъ горѣ, которое его государю пришлось испытать въ своихъ отеческихъ чувствахъ.

Король, питавшій неограниченное довѣріе къ Лейбелъфингу, поручалъ ему читать вслухъ правильно приходившія изъ Стокгольма, но очень неразборчиво всегда написанныя, письма гофмейстерины, состоявшей при маленькой принцессѣ; юноша же и отвѣчалъ на эти письма. Однажды Лейбелъфингъ замѣтилъ на пакетѣ большую букву S, которою, въ тогдашнія времена, обыкновенно, давался получателю знакъ, чтобы письмо открылъ и прочелъ онъ самъ; свойственные паждѣ любопытство и смѣлость взяли свое; Лейбелъфингъ открылъ письмо и узналъ странную и поразительную исторію; гофмейстерина,—согласно предначертанному самимъ королемъ плану для изученія языковъ,—распорядилась, чтобы Христы начала учиться итальянскому; выборъ учителя, сдѣланный съ большою осмотрительностью, казался весьма удачнымъ; учитель этотъ, еще молодой человѣкъ, шведъ хорошаго происхожденія, много путешествовавшій, соединялъ въ себѣ всѣ вѣщныя качества съ внутренними духовными достоинствами; красиво сложенный, онъ имѣлъ необыкновенно пріятное лицо, съ изящно выпуклымъ лбомъ, мягкія манеры, отличался суровой нравственностью, но былъ одинаково чуждъ и мрачной строгости, и смѣшному педантизму, былъ благочестивымъ христіаниномъ, главное же—истымъ приверженцемъ ученія Лютера, которое, какъ онъ самъ говорилъ, утвердилось въ немъ во время пребыванія его въ Новомъ Вавилонѣ, при видѣ „римскаго безпутства“; въ каждомъ своемъ письмѣ: умная, прозорливая гофмейстерина усердно расхваливала молодого человѣка, а маленькая принцесса, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и помощи подобнаго наставника, выучилась необычайно скоро. Но, незадолго передъ тѣмъ, гофмейстерина вдругъ увидала, какъ ученая и озаренная пылкой фантазіей Христы стояла на колыняхъ въ углу и молилась, перебирая душистыя, кедровыя четки, отъ времени до времени поднося ихъ къ своему розовому носу. „Всплеснула я руками выше головы и окаменѣла на мѣстѣ“, писала добрая и простодушная гофмейстерина, сопровождая свое изумленіе пятью восклицательными знаками.

Густавъ-Адольфъ поблѣднѣлъ, потрясенный до глубины ду-

ши, его большіе голубые глаза точно глянули въ будущее; онъ хоромо зналъ іезуитовъ.

Іезуитъ былъ брошенъ въ тюрьму и, согласно драконовскимъ законамъ Швеціи, ему предстояла висѣлица, если король не помилуется. Густавъ-Адольфъ продиктовалъ пажу: „Съ дѣвочкой печего много говорить объ этомъ, надо все обратить въ дѣтскую талость; іезуита, безшумно, препроводить за границу, такъ какъ я не желаю дѣлать мученика; ослабленный юноша сложилъ бы свою голову, чтобы попасть въ обгащенный кровью сонмъ праведниковъ и идти на небо, вмѣстѣ съ злымъ намѣреніемъ своимъ возмущать юный умъ моей дочери“.

Но много дней еще не могъ успокоиться король, подъ вліяніемъ „несчастія и преступленія“, какъ онъ называлъ покушеніе, сдѣланное на душу его дочери, далеко за полночь ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣтуя, въ присутствіи своего любимца, на лживость, софизмы и притворство смиренныхъ отцевъ,—въ то время, что пажа, сидя въ полутемномъ углу, повторялъ себѣ съ бьющимся молодымъ сердцемъ: „И ты обманщица, и ты лживая, и ты притворщица тоже!“

Съ этого времени пажа находился въ постоянномъ ужасѣ за свой обманъ и свой полъ; ничтожнѣйшее обстоятельство могло бы открыть обманъ; чтобы избѣгнуть этого стыда, десять разъ въ темнотѣ ночи или на зарѣ раннего утра, рѣшался обдѣлать своего коня и скакать, скакать на конецъ свѣта, и десять разъ его удерживала добрая ласка короля, не вѣдавшего, насколько не подозрѣвавшего, что близъ него находится женщина. Только въ пороховомъ дыму становилось ему легче; ярко разгорались тамъ его глаза и весело мчался онъ на встрѣчу пуду, призывая ихъ, прося ихъ покончить его страшный сонъ. И когда потомъ, въ тихій вечерній часъ, король опять шутилъ и подсмѣивался надъ какимъ нибудь промахомъ или неувѣдчивіемъ пажу, тотъ, охваченный и блаженствомъ, и страхомъ, шепталъ себѣ: „это—въ послѣдній разъ!“

Такъ отодвигалъ онъ самъ рѣшительную минуту и наслаждался жизнью, при помощи смерти; это была какая-то стран-

ная, необычайная жизнь, полная жуткихъ ощущеній для Лейбелфинга; самъ король жилъ на дружеской ногѣ со смертью; герцогъ Фридрихъ перешелъ въ наступленіе и поставилъ завоевателя въ тягостное положеніе отступленія, почти бѣгства; и христіанскій герой ежедневно предавалъ свою судьбу въ руки Бога; не зирая на мольбы и просьбы пажу, онъ снялъ свой грудной панцирь, подъ предлогомъ, что сталь жметъ на рану въ плечѣ, съ презрѣніемъ бросилъ онъ въ уголь и присланную ему гибкую, тонкую кольчугу, мастерское произведеніе голландскихъ литейщиковъ, въ родѣ тѣхъ, какія носили тогда всѣ благородные и осторожные люди, надѣвая прямо на голое тѣло; королева писала, что Фридрихъ не выходитъ безъ такой кольчуги и что ей господину и супругу должно не менѣе беречь себя; но Густавъ-Адольфъ считалъ это трусостью.

Однажды, среди ночной тишины, Лейбелфингъ, кровать котораго отдѣлялась только стѣной отъ спальни короля, услышалъ, какъ тотъ громко молился Богу, прося, въ своей горячей молитвѣ, его убраться, если уже пришелъ его часъ, и прежде, чѣмъ онъ сдѣлается бесполезнымъ или вреднымъ; въ первую минуту изъ глазъ пажу неудержимымъ потокомъ хлынули слезы, но затѣмъ имъ овладѣла восторженная радость, чувство гордаго торжества при мысли о сходствѣ судьбы его, ничтожнаго существа, съ удѣломъ великаго короля; вскорѣ онъ заснулъ опять.

Но совѣсть не молчала; онъ увидалъ тяжелый сонъ; ему приснилось, будто король, упавшій обманъ, гналъ его прочь съ своихъ, горѣвшихъ гнѣвомъ очей, гнала его и королева, въ своемъ раздраженіи, оскорблявшая его такими выраженіями, какихъ на яву она никогда не употребляла, такъ какъ даже и не знала ихъ.

Потомъ приснилось пажу, что онъ скачетъ по какой-то голой, обнаженной пустынѣ, залитой краснымъ заревомъ вечерняго заката, скачетъ прямо къ пропасти, за нимъ несется король, но на глазахъ своего спасителя или преслѣдователя, онъ бросается въ бездну, встрѣченный громкимъ адскимъ хохотомъ.

(До слѣд. №).

Новѣйшій видъ спорта-велосипедъ.

Очеркъ.

Велосипедъ, какъ игрушка, давно уже извѣстенъ въ Россіи. Нѣсколько лѣтъ тому онъ былъ въ модѣ, но мода прошла и велосипеды, въ послѣднее время, рѣдко встрѣчаются. То, что у насъ многими принималось до сихъ поръ за игрушку, заграблицу, послѣ сдѣланныхъ въ немъ усовершенствованій, считается однимъ изъ самыхъ полезныхъ и практичныхъ изобрѣтеній послѣдняго времени. Лучшимъ доказательствомъ тому—быстрое распространеніе велосипедовъ на западѣ. Въ Англіи существуетъ въ настоящее время около 250 заводовъ специально изготовляющихъ велосипеды. Самый большой изъ этихъ заводовъ—The Cowentry machinist's Company—приготавливаетъ отъ 300 до 400 штукъ въ недѣлю. На выставкѣ велосипедовъ, устроенной въ концѣ января текущаго года, въ зданіи Albert Hall, находилось 700 экземпляровъ, равнаго вида, пригтовленныхъ на англійскихъ фабрикахъ. Въ Лондонѣ около 100 клубовъ велосипедистовъ. Въ соединенномъ клубѣ Cyclist's Jouing Club, имѣющемъ отдѣленія во многихъ городахъ королевства, состоитъ 7000 членовъ.

Въ Англіи издаются журналы, трактующіе исключительно о велосипедѣ: The Cyclist, The Tricyclist, Bicycling News (еженедѣльные), Wheel World Cyclos (ежемесячно) и другіе.

То-же самое, но гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, мы видимъ на континентѣ Европы. Въ маѣ 1882 года учрежденъ нѣмецкій клубъ велосипедистовъ—Deutscher Velocipedisten Club; затѣмъ въ октябрѣ образовался новый клубъ—Norddeutscher Velocipedisten Club. Оба названные клуба имѣютъ отдѣленія во всѣхъ значительныхъ городахъ Австріи и Германіи. Органъ германскаго клуба—„Das Velociped“ издается 1-го числа каждаго мѣсяца.

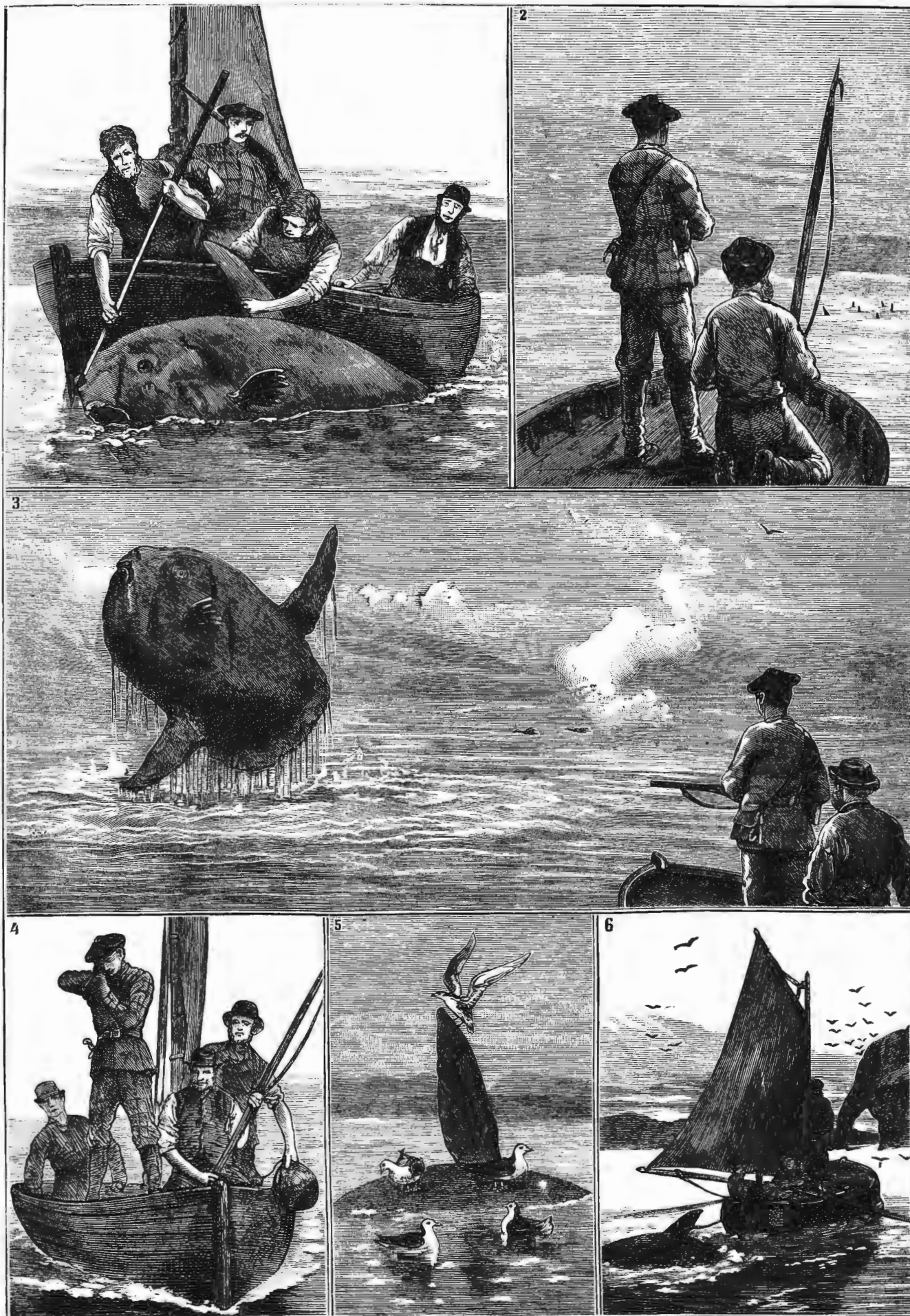
Такое широкое распространеніе велосипеда объясняется его практическимъ значеніемъ въ обыденной жизни. Велосипедъ много лѣтъ замѣняетъ лошадь, конечно, при умѣнны пользоваться имъ. Искусный ѣздокъ дѣлаетъ до 15 верстъ въ часъ безъ малѣйшаго напряженія. Въ Лондонѣ весьма многія лица, живущія за 15 и болѣе верстъ отъ мѣста ежедневныхъ занятій, каждый день совершаютъ переѣзды на велосипедѣ туда и обратно. Коммерсантъ W. W. Williams въ теченіи 1881 года, разѣзжая по дѣламъ, совершилъ 18750 верстъ; такихъ лицъ въ Лондонѣ весьма много. Этимъ путемъ, помимо сбереженія времени—Times is money—получается громадная экономія въ расходахъ на извозчиковъ или на билеты по конной и желѣзной дорогамъ. Кромѣ этихъ преимуществъ ѣзды на велосипедѣ передъ другими способами передвиженія, есть еще одно, не менѣе важное,—удовольствіе доставляемое этою ѣздой и польза его для здоровья.

Въ то время, когда англичане умѣютъ въ примѣненіи велосипеда соединить пріятное съ полезнымъ, на континентѣ этотъ предметъ является въ видѣ развлеченія. Въ Парижѣ, на гуляньяхъ въ Елисейскихъ поляхъ и Булонскомъ лѣсу, въ хорошую погоду, всегда появляется нѣсколько кавалеровъ (на

2-хъ колесныхъ велосипедахъ), съ замѣчательнымъ искусствомъ лавирующихъ между экипажами. Вотъ, кажется, попадетъ подъ лошадей! Но, ничего подобнаго не случается. Ёздокъ обгоняетъ всѣхъ и исчезаетъ изъ вида... Видя человѣка, возсѣдающаго на одномъ громадномъ колесѣ (діаметръ—въ зависимости отъ роста ѣздока—отъ 48 до 60 дюймовъ), иной удивляется, какъ можно удержаться и не слетѣть долой. Попитно, что искусство ѣзды на 2-хъ колесномъ велосипедѣ, какъ и умѣнье кататься на конькахъ или плавать, требуетъ подготовки и упражненія; но каждый твердо стоящій на ногахъ человѣкъ, при желаніи, можетъ скоро выучиться ѣздѣ, не говоря, конечно, о лицахъ большихъ и престарѣлыхъ. Любители этой категоріи могутъ пользоваться 3-хъ колеснымъ велосипедомъ, который служитъ для дамъ и никакого умѣнья не требуетъ. Лордъ Гренвилль катается съ женою на двойномъ 3-хъ колесномъ велосипедѣ. Почтенному лорду около 70 лѣтъ, а его супругѣ около того.

Легкость ѣзды на велосипедѣ позволяетъ совершать экскурсіи на далекия разстоянія. Члены лондонскихъ клубовъ организуютъ поѣздки не только внутри страны, но и на континентѣ. Экскурсіи изъ одного конца Англии въ другой (около 1500 верстъ) въ 12 дней считаются обыкновеннымъ явленіемъ. Экскурсіи на дальнія разстоянія совершаются подъ руководствомъ, такъ называемаго, капитана, который заранѣе самъ знакомится съ мѣстностью, по которой предполагается ѣхать. Не такъ давно, кружкомъ любителей сдѣлана поѣздка изъ Кале въ Венецію. Описанія подобныя путешествій, весьма интересныхъ, помѣщаются въ органахъ велосипедныхъ клубовъ. Нѣкоторые могутъ показаться невѣроятнымъ такіа оригинальнныя путешествія, но не дальше какъ въ августѣ прошлаго года нѣсколько петербургскихъ спортсменовъ совершили поѣздку на велосипедахъ изъ Выборга на Иматру и обратно. Разстояніе въ одинъ конецъ 62 версты пройдено было въ 4½ часа, при неблагоприятныхъ условіяхъ. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести неопытность новичковъ, участвовавшихъ въ поѣздкѣ спортсменовъ. Изъ восьми человѣкъ выѣхавшихъ изъ Выборга двое отстали отъ компаніи, что замедлило ѣзду. Замѣтки объ этой экскурсіи въ свое время появились въ петербургской прессѣ. Кружкомъ петербургскихъ велосипедистовъ составленъ проектъ собранія, по примѣру заграничныхъ клубовъ: уставъ собранія представленъ на утвержденіе правительства и, вѣроятно, въ скоромъ времени получитъ требуемую санкцію.

Велосипедъ съ большими препятствіями получилъ право гражданства на континентѣ Европы. Появленіе велосипедистовъ на улицахъ Берлина вызвало нѣкоторую сенсацію. Полиція косо поглядывала на необыкновенныхъ всадниковъ. Дѣло дошло до суда. Намъ неизвѣстны подробности этого любопытнаго процесса, но не трудно представить себѣ суть дѣла. Въ чемъ, спрашивается, могла обвинять полиція неприятныхъ для нея спортсменовъ? Въ пользованіи необыкновеннымъ экипажемъ, состоящимъ изъ одного большаго колеса съ придачею одного

Ловля Луны-рыбы. По рис. Ст. граф. Гельштейнъ.

1. Тащутъ багромъ. 2. На амстръвъ растомя 3. Сначки Луны-рыбы. 4. Последній амстръвъ. 5. Отдыхъ Луны-рыбы. 6. Возвращеніе домой.

маленького? Но въ Германіи, да и въ цѣломъ свѣтѣ, нѣтъ закона опредѣляющаго число употребляемыхъ для ѣзды колесъ и размѣры таковыхъ. Въ „нарушеніи тишины и спокойствія“ по *verfluchtes Rad* движется спокойно, безъ всякаго шума. „Велосипедъ гоняетъ лошадей“, говоритъ берлинская полиція. По паровозы—эти пыхтящія и свистящія чудовища—днемъ и ночью проходятъ по городскимъ соединительнымъ путямъ, маневрируютъ на товарныхъ станціяхъ въ присутствіи десятковъ и сотенъ лошадей и это послѣднихъ нисколько не беспокоитъ. Тѣмъ, иные ли доводы приводились въ защиту велосипеда—фактъ тотъ, что во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ истцы проиграли буржевий искъ; берлинцы хохотали, а любители велосипедной ѣзды торжествовали. Полиція оставалось одно средство настоять на своемъ: просить высшей власти воспретить ѣзду на велосипедахъ и затѣмъ привлекать ненавистныхъ всадниковъ къ суду за неисполненіе распоряженій правительства. Но не трудно было предвидѣть, что подобное распоряженіе не могло состояться. Какъ воспретить экипажъ, которымъ пользуются просвѣщенные мореплаватели, катаясь днемъ и ночью по многолюднымъ лондонскимъ улицамъ. Въ Англіи къ началу этого года было въ обращеніи 200,000 велосипедовъ, число это съ каждымъ днемъ увеличивается. Мало того, англійское правительство, въ видахъ разумной экономіи, снабдило велосипедами, вмѣсто лошадей, почталюповъ, которые развозятъ письма какъ внутри городовъ, такъ и въ окрестности.

Нельзя не упомянуть еще о томъ предубѣжденіи, съ которымъ относятся къ велосипеду лица съ нимъ не знакомыя. Существуетъ предположеніе, что ѣзда на велосипедѣ непременно должна быть вредна для здоровья, такъ какъ при этой ѣздѣ происходитъ, будто-бы, такая же работа ногами, какъ на швейной ножной машинѣ. Швейная машина, говорятъ иные, вред-

ная вещь, слѣдовательно велосипедъ тоже вреденъ. Лишне распространяться о томъ, что швейная ножная машина, послѣ уже сдѣланныхъ въ ней усовершенствованій, вовсе не вредна для здоровья, какъ инымъ кажется; достаточно сказать, что между работою на швейной машинѣ и работою на велосипедѣ ничего нѣтъ общаго, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться лично путемъ опыта. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 года членъ лондонскаго клуба М-г Higham сдѣлалъ 345 верстъ, не слѣзая съ велосипеда. На состязаніи въ Дэрби М-г Rawson въ теченіи 6 дней сразу, включая время для отдыха, сдѣлалъ 2250 верстъ. Оба джентельмена навѣрно чувствуютъ себя очень хорошо. Если бы велосипедъ былъ вреденъ для здоровья, то едва-ли онъ пользовался бы такимъ успѣхомъ въ Англіи. Джонъ-Бульбакъ, какъ извѣстно, очень заботится о своемъ здоровьи. Извѣстный лондонскій врачъ-гигиенистъ, Ричардсонъ, состоитъ президентомъ одного изъ мѣстныхъ клубовъ Tricycle.

Но, раньше или позже, велосипедъ получить, вѣроятно, распространеніе въ Россіи, въ особенности въ столицѣ. При далекихъ разстояніяхъ, при дороговизнѣ извозчиковъ, велосипедъ можетъ оказать значительныя услуги. Для лицъ, разбѣзжающихъ по городу по своимъ служебнымъ обязанностямъ (доктора, адвокаты, архитекторы и др.), стоимость велосипеда (англійскій 2-хъ колесный, лучшей конструкціи стоитъ около 20 фунтовъ стерлинговъ) въ скоромъ времени окупается. Искусный ѣздокъ можетъ, не утомляясь, дѣлать каждый день 100 верстъ.

Нельзя себѣ представить болѣе интереснаго зрѣлища какъ отрядъ велосипедистовъ, отправляющихся ѣздомъ изъ Петербурга, напр., въ Кіевъ, что вполнѣ осуществимо. Впереди помчится капитанъ; за нимъ, гуськомъ, потянется длинная вереница всадниковъ, точно стал перелетныхъ птицъ, отправляющихся осенью въ теплые края.

Зоологическій садъ въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 588 и 589).

Зоологическій садъ составляетъ теперь необходимую принадлежность не только каждой европейской столицы, но и каждого большаго города; это ихъ гордость—ихъ лучшее украшеніе, на которое не жалѣютъ издержекъ. Какъ прежде говорили путешественнику: „посмотрите нашу картинную галерею“, такъ теперь ему говорятъ всего чаще: „посмотрите нашъ зоологическій садъ—это дѣйствительное чудо“. И будьте увѣрены, что современный путешественникъ предпочтетъ этотъ совѣтъ; осмотрѣть чудеса кисти или рѣзца онъ оставитъ до другаго раза, а поспѣшитъ прежде всего полюбоваться чудесами природы—чудесами необъятнаго животнаго міра.

Петербургъ въ этомъ отношеніи находится въ исключительныхъ условіяхъ; суровость его зимы, рѣзкая переѣвчивость климата не даютъ возможности сохранить здѣсь многихъ цѣнныхъ животныхъ жаркаго пояса, которыя быстро вымираютъ, и только страшныя усилія и громадныя издержки могутъ обезопасить, и то не надолгое время, такихъ звѣрей отъ вредныхъ для нихъ вѣшнихъ условій. Кроме того, нужно сознаться, что мы еще мало склонны къ чисто научнымъ наслажденіямъ; что любявъ чудесами растительнаго или животнаго міра мы все таки при этомъ требуемъ еще и другихъ занимательныхъ зрѣлищъ—требуемъ программы увеселительной и только при этомъ послѣдней условіи насъ могутъ заинтересовать чисто зоологическія сокровища сада. Петербургскій зоологическій садъ, подъ управленіемъ цынѣннаго его директора Роста, по мѣрѣ силъ удовлетворяетъ въ этомъ нашимъ условіямъ, какъ мѣстнымъ, такъ и общественнымъ. Въ безпрерывной борьбѣ съ климатомъ, нашъ зоологическій садъ не жалѣетъ издержекъ на приобретеніе рѣдкихъ и цѣнныхъ экземпляровъ звѣрей, хотя часто не въ силахъ предохранить ихъ отъ быстрого вымирания; кто изъ давнишнихъ его полюбителей не помнитъ этихъ столь рано погибшихъ знаменитостей нашего зоологическаго сада: великолѣпнаго льва, бѣлаго медвѣдя, громаднаго слона, роскошнаго посорога. Но эти громадныя потери не обезкуражили почтеннаго управителя сада и онъ съ прежнею энергіею старался обогащать свое заведеніе дорогими и рѣдкими экземплярами животнаго царства, устраивая какъ только можно лучше тотъ маленькій клочекъ Александровскаго парка, который находится подъ его владѣніемъ. Здѣсь, по его инициативѣ, на дѣйствительно очень небольшомъ пространствѣ, возникло множество новыхъ построекъ и различныхъ приспособленій для содержанія звѣрей; прекрасная галерея съ солидными кѣтками для хищниковъ; особый домикъ для слона, сообразный по размѣрамъ его громадной фигурѣ; особое помѣщеніе для медвѣдей; обширныя отдѣленія для хищныхъ птицъ, поугаеивъ и обезьянъ, и небольшою прудъ, гдѣ съ громкимъ крикомъ плещутся самыя разнообразныя водяныя птицы. Кроме того почти на каждомъ шагу вы встрѣчаете здѣсь какой нибудь предметъ, достойный вашего вниманія; то передъ вами загородка съ интереснымъ звѣркомъ—кэнгуру, то вдругъ, какъ будто въ степяхъ Азіи, вырастаетъ неуклюжая фигура верблюда или мелькаетъ тонкій, граціозный силуэтъ сѣвернаго оленя. Множество мелкихъ животныхъ тоже забавляютъ васъ здѣсь своими быстрыми прыжками и ужимками; это бѣлки, векши, морскія

свинки и кролики, около которыхъ всегда толнится масса веселыхъ дѣтей, любующихся этими хорошенькими, безвредными звѣрьками.

Въ настоящій сезонъ нашъ зоологическій садъ также обогащенъ многими интересными экземплярами; такъ въ средѣ птицъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько роскошныхъ, красивыхъ фазановъ изъ породы такъ называемыхъ серебряныхъ и золотыхъ фазановъ и фазановъ Лэди Амгорстъ, которые гордо, съ сознаниемъ собственного достоинства, расхаживаютъ среди другихъ мелкихъ представителей птичьяго царства. Между послѣдними также есть много павлинокъ: такъ напримѣръ мадагаскарскія, каролинскія и египетскія цестроносныя утки, бѣлые и черные лебеди и нѣсколько замѣчательныхъ селезенокъ.

Въ отдѣленіи медвѣдей появилась прекрасная новая парочка бѣлыхъ, полярныхъ медвѣжатъ, съ пушистой бѣлоснѣжной шерстью, тяжело дышащихъ отъ непривычнаго для нихъ петербургскаго зноя. Отдѣлъ пресмыкающихся, до сихъ поръ довольно слабый въ нашемъ зоологическомъ саду, также пополненъ значительно: особенно много приобретено змѣй и между ними замѣчательный удавъ, имѣющій 21 футъ длины. Кроме того мы замѣтили между новинками сивача или морскаго льва, много прелестныхъ какаду и другихъ интересныхъ птицъ и нѣсколько крокодиловъ-аллигаторовъ. Но самое крупное приобретение этого сезона—это два молодые слона, отличающиеся прекрасной дрессировкой и возбуждающіе смѣхъ зрителей своими разными фокусами, не лишеными подъ часъ дѣйствительно замѣчательной смѣливости.

Что сказать теперь намъ объ увеселительной части сада?.. Опа, какъ извѣстно, давно пользуется между публикой самой лучшей репутаціей и въ каждый новый сезонъ эта репутація за нею закручивается болѣе и болѣе. Дѣйствительно, за сравнительно очень не дорогую плату, вы, кроме научнаго интереса, имѣете въ зоологическомъ саду цѣлый рядъ интересныхъ сценическихъ зрѣлищъ и кроме того прекрасныи прусскій оркестръ музыки, который, сказать къ его чести, играетъ всѣ лучшія произведенія нашихъ отечественныхъ композиторовъ. Изъ зрѣлищъ въ настоящій сезонъ особенно благосклонностью публики пользуется дѣйствительно замѣчательный циркъ животныхъ г. Брекмана, въ которомъ фигурируютъ пони, собаки, обезьяны и даже козлы. Всѣ эти артисты выполняютъ свои номера дѣйствительно замѣчательно, иные изъ нихъ даже съ неподдѣльнымъ комизмомъ. Особенно забавенъ пудель, играющій въ группѣ роль клоуна, и павіанъ въ голубомъ реитфракѣ и съ цилиндромъ на головѣ, исполняющій обязанности жокея. Къ чести г. Брекмана слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ его четвероногіе артисты видимо относятся къ нему съ любовью и довѣріемъ, какъ бы свидѣтельствуя передъ публикой, что въ ихъ обученіи папка не играла первенствующей роли. Программа другихъ увеселеній также очень разнообразна. Такъ на открытой сценѣ дѣлаетъ самыя головоломныя упражненія цѣлый рядъ замѣчательныхъ акробатовъ: семейство Браатъ, Ионовичъ и американскіе гимнасты Лаукъ и Фоксъ. Братъя Ионовичъ совершаютъ самыя невѣроятныя упражненія на пирамидѣ стульевъ и бутылокъ, а молодые атлеты Лаукъ и Фоксъ доводятъ

до замѣчательнаго совершенства смѣлыя и рискованныя вообще упражненія на трюмпѣ турникѣ. Но въ исполненія Фокса и Лаука самое невѣроятное становится возможнымъ; какъ гуттаперченныя манекены сгибаются они на трапеціяхъ, летятъ съ громадной высоты головою внизъ, повисаютъ ногами и захватываются другъ за друга. Въ концертномъ залѣ зоологическаго сада программа удовольствій также довольно разнообразна; здѣсь поютъ: нѣмецкая пѣвица Проссе-Поэперъ, Рауль Гинцбургъ, русскій куплетистъ Войтовичъ; итальянскіе пѣвцы—синьора Бусто изъ Миланскаго театра Ла-Скала и синьоръ Феррари, поющій болѣе речитативомъ. Кромѣ того, Рауль Гинцбургъ въ антрактѣ между куплетами тѣшить публику, съ помощью накладной бороды и парика, превосходнымъ копированіемъ разныхъ знаменитостей всѣхъ временъ и народовъ: Наполеона I, Гарibaldi, Бисмарка, Андраши и даже нашего знаменитаго канцлера Горчакова, который у него выходитъ со сходомъ замѣчательнымъ. Не менѣе интересны и другіе арти-

сты труппы: художникъ Франсуа въ одинъ моментъ, навыворотъ, снизу вверхъ, пабрасывающій мѣткія фигуры; испанецъ сеноръ Донъ-Каскабель, переодѣвающійся то старухой, то французской каскадной пѣвицей, то тореадоромъ, и наконецъ американскій стрѣлокъ Ира Пейнъ—стрѣлокъ, какъ кажется, дѣйствительно незнающій промаха и безъ малѣйшаго смущенія сшибающій пулей самыя мелкіе предметы съ головы своей молодой и хорошенькой супруги, которая геройски, съ полнымъ довѣріемъ къ ловкости мужа, ежедневно подвергаетъ свою жизнь опасности.

Вообще зоологическій садъ представляетъ пріятное явленіе среди другихъ увеселительныхъ заведеній Петербурга, гдѣ вмѣстѣ съ научной пользой можно провести время скромно и вмѣстѣ весело, не оскорбляя нравственнаго чувства своей семьи ни пикантностью, ни скабрзностью, которая почему то считается теперь необходимою принадлежностью всякой увеселительной программы.

Къ рисункамъ.

Бабочка.

(Рис. на стр. 593).

Силуэты г. Нейберга не разъ помѣщались въ нашемъ журналѣ и мы указывали на прелестное изданіе „Дѣтѣ“, состоящее изъ работъ того же художника. Всѣ они отличаются вкусомъ и мѣткостью очерка. Вотъ на нашемъ рисункѣ цѣлая драма въ нѣсколькихъ легкихъ очеркахъ—драма жизни человѣческой, полная значенія, заставляющая задуматься. Вотъ эта легкомысленная красивая бабочка еще ребенкомъ: она бросила работу, мечтаетъ, она оживлена, весела, она вся въ будущемъ. Но вотъ уже она изящная прелестная дѣвушка—она выслушиваетъ признанія, по повидимому относится къ нимъ весьма слегка—ей не до того: ее увлекаетъ иная жизнь—артистическая, жизнь сцены. Она порхаетъ легкой бабочкой по сценѣ, среди лѣстящихъ ей рукоплесканій толпы... Но не долготъ ея триумфъ. Проходитъ молодость, красота, приходитъ горе. Блестящія яркія крылышки опустились, поблекли. Въ дождь и слякоть, больная, слабая, она идетъ, грустно понурясь, на уроки, зарабатывая себѣ тапчанами, кусокъ хлѣба. И вотъ уже она, дряхлая старуха, печально дремлетъ надъ чашкомъ у своего кофейника, вспоминая блестящую веселую молодость...

Цыганскій таборъ.

(Рис. на стр. 596).

Цыгане, какъ и евреи, разбѣяны по всей Европѣ. Нѣтъ страны, въ которой бы они не разбивали своихъ шатровъ, гдѣ бы не слышалась ихъ дикая, лихая пѣсня, напоминающая иныя страны, иное, болѣе жаркое небо.

Прошлое этого племени весьма таинственно и происхожденіе неизвѣстно. Есть разныя на этотъ счетъ предположенія; въ языкѣ сохранилось много словъ санскритскихъ, индостанскихъ, что указываетъ на индійское происхожденіе. Они питаютъ отвращеніе ко всякой осѣдлости и гражданственности. Переходя съ мѣста на мѣсто, разбиваютъ они свои шатры и въ этой вольной жизни есть что то и поэтическое. Этой стороной увлекались многіе поэты, между прочимъ нашъ Пушкинъ, написавшій цѣлую превосходную поэму „Цыгане“, гдѣ воспѣлъ ихъ кочевую жизнь...

Какъ вольность, весель ихъ почлегъ
И мирный сонъ подъ небесами,
Между колесами телегъ,
Полузавѣшанныхъ коврами...

На превосходномъ рисункѣ Бема, группа цыганъ изображена въ моментъ ихъ незатѣйливаго объѣда. Вдали видны ихъ телѣги и шатры, которые они разбили гдѣ нибудь падъ рѣкой, при дорогѣ, и долго ихъ смуглые, полуголые ребята будутъ надобѣдять проѣзжимъ, выпрашивая милостыню, скаля свои бѣлые зубы и блестя своими черными глазами...

Видъ въ Могилевской губ.

(Рис. на стр. 597).

Русскій пейзажъ, какъ ни странно это сказать, только въ послѣднее время получилъ у насъ надлежащее развитіе, и слово только теперь художники поняли и полюбили тихую прелесть мирныхъ картинъ нашей родной природы. Не говоря уже о такихъ именахъ какъ Орловскій, Клеверъ, Куннджи, Мещерскій—у насъ появилось теперь нѣсколько весьма симпатичныхъ пейзажистовъ, первыя работы которыхъ много обѣщаютъ въ будущемъ. Мы уже говорили и прежде, что нашъ пейзажъ обратился на себя вниманіе даже иностранныхъ знатоковъ искусства, и теперь вызываютъ похвалы на Берлинской выставкѣ появившія тамъ картины нашего профессора Клевера.

Пейзажъ г. Отрыганьева, коію котораго мы здѣсь помѣщаемъ, отличается несомнѣнными достоинствами прекраснаго исполне-

нія и освѣщенія. Молодой художникъ живо прочувствовалъ свой мотивъ и выполнилъ его весьма правдиво.

Охота за луной-рыбой на западныхъ берегахъ Ирландіи.

(Рис. на стр. 601).

Подъ именемъ Луны-рыбы извѣстна рыба очень странной формы—совершенно круглой, съ короткимъ, слатымъ туловищемъ и съ широкимъ, какъ бы обрѣзаннымъ, хвостомъ. Кожа Луны-рыбы толста и жестка, грязнаго сѣро-коричневаго цвѣта. Длина ея достигаетъ семи футовъ, а вѣсъ взрослыхъ убитыхъ экземпляровъ иногда равняется болѣе нежели 60-ти пудамъ. Луна-рыба водится въ большомъ количествѣ въ Средиземномъ морѣ, но ея также не мало и у западныхъ, скалистыхъ береговъ Ирландіи, гдѣ и происходитъ постоянная охота за ней, составляющая любимый родъ мѣстнаго спорта.

„При хорошей погодѣ, говоритъ одинъ англійскій наблюдатель, можно часто замѣтить Луна-рыбу какъ бы сляпую на поверхности моря; неподвижная она несется по волѣ волнъ и со стороны можно подумать, что это мертвая рыба“. Жизнь и привычки этой рыбы мало изслѣдованы. Въ старину объ ней сложилось мнѣніе, что она часто въ водѣ хрюкаетъ какъ свинья и издаетъ свѣтъ, схожій со свѣтомъ свѣчки, по эти странныя свойства совсѣмъ не подтверждаются рыболовами.

Луна-рыба появляется у западныхъ береговъ Ирландіи вскорѣ по наступленіи теплаго времени, и въ эту пору она здѣсь ходитъ цѣлыми десятками, тогда какъ позднѣе попадается лишь въ одиночку. Въ тихіе теплыя дни она неподвижно грѣбется на водѣ, не обращая никакого вниманія, что на ея спинѣ сидятъ чайки и влюютъ приставшихъ къ ней морскихъ паразитовъ.

Въ это время охотники пользуются каждымъ удобнымъ моментомъ и пускаютъ въ замѣченную жертву пулю за пулей; и если одна изъ нихъ попадетъ въ оконечность спинной кости рыбы, то послѣдняя мгновенно начинаетъ дѣлать самыя невѣроятныя движенія. Такъ, она совершаетъ множество моментальныхъ оборотовъ, покрывая воду массой пѣны на большое пространство, но остается при этомъ болѣею частью на поверхности и тѣмъ даетъ охотнику возможность послать ей еще нѣсколько пуль. Но иногда Луна-рыба мгновенно исчезаетъ, оставляя по себѣ лишь широкій слѣдъ пѣны и крови. Впрочемъ это исчезновеніе бываетъ кратковременно и опытный охотникъ зорко смотритъ на поверхность воды, зная навѣрное, что жертва отъ него не уйдетъ. Дѣйствительно, рыба вскорѣ появляется; но она не выплываетъ, а выскакиваетъ, и порою этотъ смертельный и высокій скачекъ производитъ не шуточное волненіе.

Получивъ пять или шесть пуль, рыба наконецъ окончательно умираетъ; тогда ее по просту захватываютъ крюкомъ, закрѣпляя другой ея конецъ канатомъ и такимъ образомъ притаскиваютъ къ берегу. Охота на Луна-рыбу составляетъ болѣе удовольствіе, нежели прибыльное занятіе, такъ какъ, не смотря на свой большой вѣсъ и величину, она довольно малоцѣнна; изъ ея печени добывается жиру очень мало; вареное ея мясо похоже на клей, а соленое издаетъ отвратительный запахъ.

Растенія безъ земли и оплодотворяющій мохъ.

(Рис. на стр. 604).

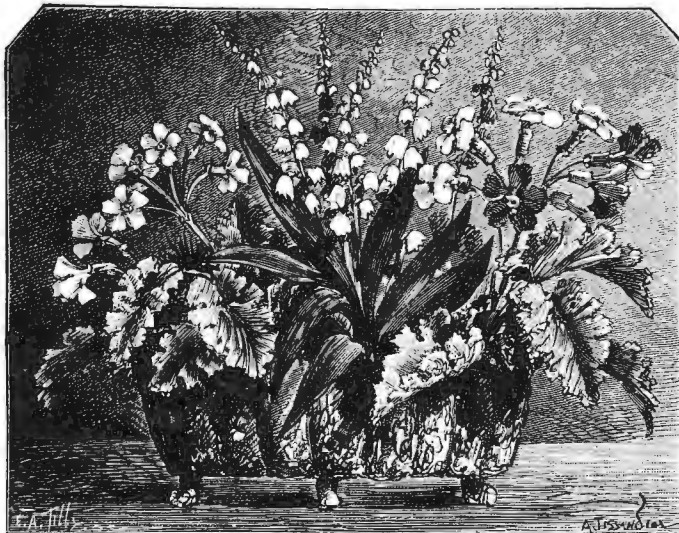
Воздѣлываніе цвѣтовъ безъ земли производится уже нѣсколько лѣтъ. Около 1875 г. докторъ Жаннелли изобрѣлъ удобрительное минеральное вещество, при помощи котораго можно было воздѣлывать многія растенія на бездѣйственной почвѣ, состоящей болѣею частью изъ ртѣчнаго песку; но для этой цѣли можно было употреблять и мохъ, какъ это сдѣлалъ садоводъ въ Руанѣ, Дюмениль.

Г. Шатэ, садоводъ въ Парижѣ, продаетъ мохъ, оплодотворенный способомъ Дюмениля. Вотъ способъ употребленія тако-

го мха: для украшения комнат берут растение съ красивыми листьями, или дѣтями, или же плодами, растущее въ оранжереѣ, саду или на полѣ. Главное нужно обращать вниманіе, чтобы при выниманіи изъ горшка или выкапываніи не повредить корешковъ. Затѣмъ кладутъ растеніе корнями въ тепловатую воду, чтобы земля отстала сама собою. Для этого легонько можно шевелить дѣлѣмъ корней, но не дѣлать этого сильно, такъ какъ намокшая и отяжелѣвшая земля отдѣляется быстро, тяжестью своею отрывая тоненькіе корни. Весь успѣхъ воздѣлыванія растенія безъ земли зависитъ отъ чѣстности корней. Затѣмъ въ сосудъ, предназначенный для растенія, кладутъ слой приготовленнаго мха, сверхъ котораго настилаютъ немного обыкновеннаго влажнаго мха, для того чтобы корни растенія не прямо прикасались къ мху препарованному. Растеніе вынимается изъ воды и корни его укладываются на мхъ, послѣ чего снова кладется слой препарованнаго мха и его слегка нажимаютъ. Мохъ оплодотворяющій, положенный сверху, дѣйствуетъ лучше всего. За неимѣніемъ обыкновеннаго мха, препарованный мохъ промываютъ водою и тогда на немъ укладываютъ корни. Посадка заканчивается поливкой мха до тѣхъ поръ, пока вода не пройдетъ насквозь. Если посадка сдѣлана хорошо, то растеніе скоро принимается и также хорошо сохраняется какъ и въ землѣ.

Въ началѣ зимы — времени покоя растеній, слѣдуетъ уменьшать количество оплодотворяющаго мха и увеличивать немного верхній слой, но мѣръ развитія растенія.

Для того, чтобы растеніе скорѣе принялось послѣ посадки,

Растенія безъ земли и оплодотворяющій мохъ.

его слѣдуетъ ставить въ мѣстѣ защищенномъ отъ воздуха и сквознаго вѣтра. Различныя растенія живутъ очень хорошо въ пескѣ, толченомъ углѣ, а также и во мхѣ, при условіи поливки одного или двухъ разъ въ недѣлю, двумя, тремя чайными ложками состава, рецетъ котораго помѣщается ниже. Но при этой поливкѣ необходимо также поливать иногда и водою чистой, по преимуществу дождевой или рѣчной.

Составъ Жаннеля слѣдуетъ употреблять только въ періодъ замѣтнаго роста растенія; съ началомъ его роста постепенно увеличиваются дозы поливки и вышеописанное количество берется только тогда, когда растеніе достигло наибольшей дѣятельности.

Во время покоя поливаютъ только одной чистой водою.

У доктора Жаннеля есть два рецета состава, но слѣдующій самый лучший: 380 граммъ амміачнаго азотата; 300 гр. чистой двуфосфорнокислой амоніачной соли; 260 гр. азотата поташа; 50 гр. тонкаго порошка двуфосфорнокислой известковой соли; 10 гр. сѣрнокислаго желѣза (купороса). Всего 1000 частей.

Все это нужно истолочь въ порошокъ, смѣшать и сохранить закрытымъ. Смѣсь разбавляется водою отъ 1 до 3 граммъ на литръ воды.

Поливая растенія этимъ растворомъ часто и безъ мѣры, можно убить растеніе; накопляющіяся въ искусственной почвѣ соли стануть ядомъ для корней. Поэтому то нужно очень умѣренно употреблять удобрительные составы.

Кромѣ того, хотя докторъ Жаннель и не упоминаетъ объ этомъ, но отъ времени до времени (напр. разъ въ мѣсяцъ), слѣдуетъ обильно поливать водою песокъ или мохъ, чтобы устранить скопленіе солей, не припятыхъ растеніями.

Политическое обозрѣніе.

Турція. — Албанцы. — Критяне. — Египетъ. — Англія. — Франція.

Спротивленіе албанцевъ территориальнымъ уступкамъ въ пользу Черногоріи, начавшееся стычками съ черногорцами, перешло теперь уже въ открытое возстаніе противъ султана, возстаніе, охватившее католическую часть націи. Пограничный племена: касати, хотти и молиссары вступали въ схватки съ турецкими войсками, высланными для ихъ усмиренія. 2-го и 3-го іюня происходили кровопролитныя столкновенія, которыя, однако, какъ слышно, окончились не въ пользу регулярныхъ войскъ, такъ какъ турецкій военачальникъ, Гафизъ-Паша, пытался вступить въ переговоры съ племенами. Съ того времени столкновеніе приняло болѣе серьезный характеръ; такъ, 7-го іюня, восемь батальоновъ турецкихъ войскъ напали съ двухъ сторонъ на молиссаровъ, послѣ чего завязалась кровопролитная битва, возобновившаяся на другой день; турецкія войска пользовались поддержкой одного военнаго корабля; другое сраженіе происходило съ племенемъ кастратти, которые помѣшали низамамъ направиться въ Тузи; стычки возобновлялись нѣсколько разъ съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ; низамы окопались въ Бойцѣ.

Не въ ладахъ Порты и съ критянами. Христіанскіе члены генеральнаго совѣта обращались къ турецкому правительству съ нѣсколькими предложеніями, которыя были отвергнуты; они просили, между прочимъ, о преобразованіи генеральнаго совѣта, согласно потребностямъ страны, о томъ, чтобы Порты отказалась отъ права измѣнять законы, уставы и бюджетъ, оставивъ за собой только утвержденіе или непринятіе; о томъ, чтобы сессія совѣта продолжалась не 40 дней, а не менѣе двухъ мѣсяцевъ и не болѣе трехъ, о предоставленіи таможенныхъ доходовъ острова и пошлины на соль, табакъ и гербовыя въ пользу центральной кассы острова, съ уплатой въ императорское казначейство опредѣленной, по соглашенію между собраніемъ и генералъ-губернаторомъ, суммы и т. д. Порты, какъ мы сказали, отвергла эти требованія, согласившись только на усиленіе совѣта двумя христіанскими и двумя мусульманскими членами. Въ настоящее время извѣстны уже подробности сраженія, въ которомъ египетскій генералъ Гиксъ разбилъ войска Махди, же-пророка, поднявшаго въ Суданѣ возстаніе противъ хедива. Мятеежники, въ числѣ 5 тысячъ человекъ, находились подъ командой Омерь-Макушига и шейха Эль-Араке, недавно посланныхъ же-пророкомъ въ Кордофанъ для принятія начальства надъ экспедиціей; эти оба начальника были убиты въ началѣ

сраженія, и непріятельская армія, разбитая и обращенная въ бѣгство, была, на большомъ пространствѣ, преслѣдуема картечью побѣдителей. Египтяне чрезвычайно раздражены противъ своихъ благодѣтелей — англичанъ, о чемъ мы не разъ сообщали читателямъ; общее чувство недовольства къ нимъ народа сдерживается только присутствіемъ войскъ королевы Викторіи; и нынѣ, патриоты составили заговоръ, имѣющій цѣлью изгнать эти войска и, вообще, англичанъ, а съ ними, кажется, всѣхъ иностранцевъ; увѣряютъ, будто и планъ готовъ. Какой бы планъ ни былъ составленъ, но, конечно, египтянамъ не удастся выгнать Англію. Сыны Альбіона еще не отказались отъ своего плана провести новый каналъ въ Суэзѣ, не смотря на то, что право Лессенса на монополию подтверждено. Самъ Лессенсъ, желая предупредить и прекратить эти англійскія вождельнія, составилъ свой проектъ втораго канала; онъ предполагаетъ теперешній каналъ оставить и устроить посредній его плотину, такъ чтобы суда могли по одной сторонѣ подниматься вверхъ, а по другой — идти внизъ; но проектъ этотъ, конечно, не встрѣтилъ сочувствія у англичанъ, считающихъ его недостаточнымъ для постоянно возрастающаго движенія судовъ и признающихъ безусловно необходимымъ сооруженіе втораго канала, который находился бы совершенно въ англійскихъ рукахъ и, такимъ образомъ, лучше обезпечивалъ бы для Англіи путь въ Индію, чѣмъ каналъ, находящійся въ рукахъ Франціи. По мнѣнію англичанъ — никакая сдѣлка, построенная на такомъ основаніи, не можетъ назваться удовлетворительной для англійскаго народа и министерство иностранныхъ дѣлъ не позволитъ ввести себя въ заблужденіе мнимой уступкой Лессенса. „Никакое расширеніе канала — говорятъ они — и никакое исправленіе тарифовъ не можетъ удовлетворить, въ данномъ случаѣ, нашихъ потребностей, пока наша, постоянно возрастающая, торговля будетъ въ зависимости отъ компаніи Суэскаго канала и пока могутъ быть остановлены важнѣйшія движенія нашихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, какъ это случилось въ прошломъ году въ Египтѣ. Англійское правительство нарушило бы свои обязанности въ отношеніи къ націи, если бы согласилось вымѣнить „на чечевичную похлебку“, предлагаемую ему теперь, наше право сообщенія съ Востокомъ.“ Новѣйшія свѣдѣнія говорятъ, будто Лессенсъ сходитъ со своимъ соперникомъ — на какой почвѣ, трудно понять.

Въ коммисіи англійскаго парламента, назначенной для разсмотрѣнія проекта Ламанскаго туннеля, происходили недавно

и, сѣю по этому вопросу, показавшія тотъ страхъ, который англичанамъ внушаетъ мысль о французскомъ нашествіи; нѣкоторые изъ военныхъ специалистовъ объявили прямо, что туннель невозможенъ, что онъ поставилъ бы отечество въ страшноположное, что его сооруженіе было бы „безуміемъ“, другіе, менѣе боязливые (и въ томъ числѣ тоже нѣкоторые изъ военныхъ), дали отзывъ, не столь неблагопріятный, указывая огромныя выгоды туннеля для англійской торговли; туннель, если онъ будетъ сооруженъ, обойдется въ 3 милліона фунтовъ стерлинговъ.

Французы заняты, по прежнему, своей тонкинской экспедиціей, которая такъ неудачно началась у нихъ; теперь они продолжаютъ посылать новыя войска и наряжать военныхъ суда; морской министръ, въ совѣтѣ министровъ, сообщилъ, что губернаторъ Кохинхина выслалъ въ Ханой подкрѣпленія, такъ что гарнизонъ тамошній простирается теперь до 1500 ч., не

считая солдатъ, которые могутъ быть высажены, въ случаѣ пдальности, эскадрой; комендантъ Ханоя утверждаетъ, что начальникомъ аннамитскихъ войскъ состоитъ принцъ Левангъ, братъ императора Ту-Дука; не смотря, однако, на все это, французы увѣряютъ, будто бы Ту-Дукъ прислалъ посланника для мирныхъ переговоровъ, а китайцы вовсе не показываютъ желанія начинать войны,—адмиралъ Мейеръ сообщилъ въ Парижъ, что въ дельтѣ Красной рѣки нѣтъ китайскихъ регулярныхъ войскъ, а французскій консулъ въ Кантонѣ увѣдомилъ, что китайское правительство не дѣлаетъ никакихъ военныхъ приготовленій. Въ Мадагаскарѣ столкновение идетъ своимъ чередомъ: французы разрушили всѣ города сѣверо-западнаго берега, гаванскій гарнизонъ выказалъ много храбрости, но, конечно, не могъ устоять противъ огня французской эскадры; предстоитъ, говорятъ, бомбардированіе Тиматаве. Предводитель инсургентовъ въ Южномъ Алжирѣ, Си-Слиманъ, выразилъ покорность.

С М Ъ С Ъ.

Коммисія по устройству конкурса на сооруженіе памятника поэту М. Ю. Лермонтову въ г. Пятигорскѣ объявляетъ новый (третій) конкурсъ на идею этого памятника на слѣдующихъ условіяхъ:

Проекты представляются на конкурсъ исключительно скульптурныя-эскизы.

Величина всей модели должна быть не менѣе одного аршина.

Стоимость памятника не должна превышать 35.000 рублей. За лучшее произведеніе назначается одна премія въ 1000 рублей, съ тѣмъ, чтобы авторъ премпрованной модели исполнилъ и окончательный проектъ памятника, фигура коего должна быть размѣромъ не менѣе одного аршина.

Срокъ конкурса истекаетъ въ два часа пополудни 15 октября 1883 года.

Проекты доставляются въ помѣщеніе Общества Поощренія Художествъ, въ С.-Петербургѣ, гдѣ будутъ выставлены для публики въ теченіи двухъ недѣль.

Модели должны быть подъ девизомъ, при которомъ, въ запечатанныхъ конвертахъ, подъ тѣмъ же девизомъ, должно находиться имя, фамилія и адресъ автора.

Члены Коммиссіи и жюри не могутъ конкурировать.

Непримированныя произведенія, вмѣстѣ съ нескрытыми девизными конвертами, возвращаются предъявителямъ квитанцій или соответствующихъ имъ почтовыхъ росписокъ, до 15 ноября сего 1883 года.

Бамбукъ какъ ядовитое растеніе. На своей родинѣ, Явѣ, бамбукъ совсѣмъ не считается такимъ невиннымъ растеніемъ какъ у насъ въ Европѣ. Яванцы даже употребляютъ его сокъ какъ орудіе мщенія противъ враговъ; для этой цѣли надрѣзываютъ бамбукъ и извлекаютъ, посредствомъ остраго инструмента, изъ надрѣзанной чашечки маленькія черныя волокна, заключающія въ себѣ, неприимтныя для простаго глаза, косточки. Въ этихъ-то волокнахъ и заключается самый страшный ядъ, противъ котораго еще не найдено никакого цѣлебнаго средства. Яванцы примѣшиваютъ эти волокна къ напиткамъ и къ пищѣ, но они не поступаютъ прямо въ желудокъ, а останавливаются въ горлѣ и попадаютъ въ дыхательные органы, производя мучительный кашель и воспаленіе легкихъ. Дѣйствіе яда на животныхъ также быстрое и смертельное.

Журнальная пресса во Франціи. По историческимъ статистическимъ даннымъ, обнаруженнымъ недавно въ „Annuaire de la Presse, въ Парижѣ, въ концѣ 1881 года существовало 1.343 журнала, тогда какъ въ 1880 году ихъ было лишь 1.316. Политическихъ журналовъ въ этомъ числѣ показано 71 и они распределены слѣдующимъ образомъ, по ихъ политическому направленію: республиканскихъ 46, легитимистскихъ 10, орлеанистскихъ 10 и бонапартистскихъ 5. Прочіе журналы были самаго разнообразнаго содержанія; такъ, по аэростатику выходило 2 журнала: по страхованію 18; по библиографіи 24; по желѣзнодорожному дѣлу 10; по финансамъ 209; иллюстрированныхъ 88; по типографскому искусству 7; по морскому дѣлу 8; по бумажному производству 6; по фотографіи 5; по спорту 21; технологіи 32; винодѣлію 5 и по устройству браковъ 2. Число провинціальныя журналовъ въ это время возросло до 2939.

Черные карлы. Между воинственными людьми Балуба въ Копобекѣ живетъ, по сообщенію Станлея, Паге и Висмана, совершенно изолированно племя маленькихъ, тощихъ, грязныхъ и дикихъ людей, которое называется Батуа или Батва; оно, какъ надо полагать, составляетъ коренныхъ жителей этой страны. Батуа живутъ отдѣльными семействами или небольшими деревеньками въ бѣдныхъ соломенныхъ хижинахъ; ничего не воздѣлываютъ, живутъ охотой и дикорастущими плодами; дома держатъ только по нѣскольку куръ. Оружіе ихъ въ высшей степени первобытно; желѣзныя стрѣлы вѣстряются только изрѣдка.

Станлей, во время своего путешествія по восточной Африкѣ въ 1876 году, узналъ, что на западѣ обитаетъ раса карликовъ, ростъ которыхъ не болѣе 2-хъ футовъ. Позднѣе въ Виканду онъ имѣлъ случай ознакомиться съ этими людьми и сообщаетъ слѣдующее. Въ среду 25-го декабря 1876 года одинъ изъ карликовъ былъ пойманъ близъ города въ густомъ кустарникѣ. На немъ былъ лукъ, а въ рукахъ онъ держалъ кочанъ съ 20-ю маленькими стрѣлами. Это былъ въ высшей степени достойный вниманія воинъ. Ничего подобнаго я себѣ и не представлялъ, увидѣвъ передъ собой этого маленькаго,

безобразнаго, дрожащаго отъ страха человѣка. По нашимъ измѣреніямъ онъ былъ вышиной въ 1,384 метра; обхватъ груди равнялся $\frac{2}{3}$ метра, обхватъ талии — $\frac{2}{3}$ метра. Голова большая, безобразная; лицо отвратительное, нижняя челюсть сильно выдается впередъ и покрыта тощей бородкой; кожа свѣтло-шоколаднаго цвѣта. Ко всему этому ноги у него были въ высшей степени худыя и кривыя. Я сначала принялъ его за урода, но вспомнивъ про племя карликовъ, Батуа, спросилъ проводника, не изъ этого-ли онъ племени. Тотъ отвѣчалъ, что Батва, которыхъ онъ знаетъ, на цѣлую голову ниже его, но что онъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ нихъ. По цвѣту кожи онъ похожъ на тѣхъ, которые живутъ на западъ отъ Укума, но тѣ имѣютъ длинныя, прямыя бороды и густыя баки. Оружіемъ ихъ, также какъ и этого карлика, служатъ лукъ и маленькія камшевыя стрѣлы съ острыми концами, окрашенная густымъ слоемъ черной краски съ отвратительнымъ запахомъ шпанскихъ мухъ; нѣкоторыя изъ нихъ были обернуты листьями. Чтобы узнать съ какою цѣлью это сдѣлано, я, разсмотрѣвъ одну изъ нихъ, сдѣлалъ видъ, что хочу уколоть себѣ руку стрѣлой, вымазанной черной массой. „Маби, маби!“ (опасно) воскликнулъ Батва, что заставило меня убѣдиться, что она ядовита.

Дуэль женщинъ. Дамы, въ настоящее время, кромѣ спорта, начинаютъ уже драться на рапирѣхъ и эспадронахъ. Въ Римѣ основанъ дамскій фехтовальный клубъ. „Итальянская газета“ сообщаетъ слѣдующее характерное извѣстіе: „Вчера 11-го въ Воско-Сакро, передъ воротами С. Себастьяно состоялась дуэль на шпагахъ между контессой Эмилией *** и дѣвницей Клодильдой ***. Тотчасъ послѣ перваго приступа контесса получила легкую рану въ плечо и, не смотря на то, что вся рука ея была окровавлена, она продолжала драться. При второмъ нападеніи дѣвица Клотильда получила рану въ лобъ. Рана была опасная, но находившійся здѣсь врачъ принялъ своевременно мѣры. Обѣ противницы были въ высшей степени хладнокровны и мужественны во все время дуэли. (судандамами у контессы *** были: маркиза Х. и баронесса А.; а со стороны сеньорины Клотильды—сеньора Е. П. и сеньора Ц. І.)

Новая пушка. Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ присутствіи многихъ опытныхъ моряковъ, подъ руководствомъ самого изобрѣтателя г-на Готлинга, происходили испытанія вновь изобрѣтеннаго имъ орудія. Новая система дала самые блестящіе результаты; оказалось, что по силѣ и мѣткости она превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя виды оружія: такъ, отдѣльныя гильзы, заключающія въ себѣ каждая по 104 патрона, расходуются меньше чѣмъ въ три секунды; восемь же гильзъ, т. е. 832 патрона — въ 42 секунды. Залпы въ 30 патроновъ оказалось возможнымъ давать въ $\frac{6}{10}$ минуты, а 6000 непрерывныхъ выстрѣловъ всѣ, безъ исключенія, попадали въ цѣль.

По словамъ изобрѣтателя, каждая пушка, дѣйствующая на разстояніи 3000 ярдовъ, можетъ дать въ минуту до 1200 выстрѣловъ, попадающихъ такъ мѣтко въ цѣль, что противъ нихъ не могутъ устоять, не говоря уже о людяхъ и лошадяхъ, ни каменные стѣны, ни земляныя укрѣпленія; кромѣ того, механизмы пушекъ такъовы, что онѣ каждую минуту могутъ быть поворачиваемы въ разныя стороны и давать выстрѣлы по всѣмъ направленіямъ.

Вообще, специалисты военнаго дѣла очень высоко цѣнятъ новое изобрѣтеніе г-на Готлинга: они говорятъ, что оно настолько усовершенствовано противъ прежнихъ системъ, насколько первыя пушки были полезнѣе старинныхъ ружей и алебардъ.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе. повториться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, большіи картины Профессора В. И. Якобіа „Король-женихъ“, слѣдующей только гг. годовымъ подписчикамъ.

Банкротство Сарры Бернарь. Громадные сборы, которые Сарра Бернарь дѣлала во время своихъ артистическихъ поѣздокъ и которые исчисляются минимумъ въ три милліона, позволяютъ думать, что артистка обладаетъ значительнымъ капиталомъ; на самомъ же дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Ея легкомысліе и расточительность сдѣлали то, что она не только не имѣетъ никакого капітала, а еще надѣлала громадныхъ долговъ. Кредиторы ея до сихъ поръ возлагали надежды на брилліанты и драгоценности Сарры Бернарь, продажа которыхъ могла-бы покрыть всѣ долги, но теперь и эта надежда оказалась тщетной. Недавно стало извѣстнымъ, что нѣкто Блехъ ссудилъ ей подъ залогъ этихъ драгоценностей 180 тысячъ франковъ. Кредиторы, однако, не вполне вѣрятъ этому и предполагаютъ, что артистка вступила въ какую нибудь сдѣлку съ Блехомъ.

Улица Амелотъ въ Парижѣ. Между улицами ремесленного квартала Парижа, особенно вниманію заслуживаетъ улица Амелотъ — центръ мебельнаго производства этого города, въ которой группируются лучшія мастерскія изящныхъ бронзовыхъ вещей, часовъ и роскошной мебели изъ розоваго и чернаго дерева съ инкрустацией. Мастера улицы Амелотъ уже много лѣтъ извѣстны всему міру своимъ вкусомъ и доведенной до совершенства отдѣлкой выходящихъ изъ ихъ рукъ издѣлій; главная же ихъ специальность — воспроизведение мебели и другихъ вещей по стариннымъ образцамъ прошлыхъ вѣковъ, которое они и выполняютъ съ неподражаемымъ искусствомъ.

Такъ, недавно, въ одной изъ мастерскихъ на нашихъ глазахъ были сдѣланы прелестные стѣнные часы — эпохи Людовика XIII изъ бронзы съ черепаховой отдѣлкой и хрупкимъ, стекляннимъ циферблатомъ съ крупными римскими цифрами, украшенные наверху медальономъ съ фамиліей одного изъ старинныхъ часовыхъ мастеровъ.

Фасонъ, отдѣлка, все, до мельчайшихъ деталей, было исполнено такъ безукоризненно и вѣрно стариннѣ, что даже опытные знатоки разныхъ древностей не хотѣли вѣрить, что эта вещь действительно сдѣлана современными людьми.

Одну изъ такихъ мастерскихъ, именно № 73, въ улицѣ Амелотъ, очень любилъ посѣщать въ свободныя отъ государственныхъ дѣлъ минуты, президентъ французской республики — старичекъ Тьеръ — страстный любитель и рѣдкій цѣнитель всего прекраснаго и изящнаго. По словамъ хозяйки мастерской, знаменитаго дипломата такъ заинтересовала эта отрасль французской промышленности, что онъ цѣлые часы просиживалъ въ душевной мастерской, на простой деревянной скамьѣ, любуясь на ловкія руки какого-нибудь подмастерья, выдѣлывающаго мудреный механизмъ старинныхъ часовъ.

Объ образованіи моря въ Африканской пустынѣ Сахарѣ. Командированный французскимъ правительствомъ для отысканія слѣдовъ моря на Сахарѣ, подполковникъ Рудеръ, около года тому назадъ, вернулся на родину и представилъ на разсмотрѣніе особой комиссіи результаты своихъ изысканій. Послѣ продолжительнаго обсужденія, члены комиссіи рѣшили, что полученныя свѣдѣнія слишкомъ ничтожны для продолженія такого крупнаго предпріятія, которое потребуетъ массу хлопотъ и еще болѣе денегъ, да и вообще, едва ли, даже въ самомъ далекомъ будущемъ, можетъ окончиться успѣшно. Послѣ такого благоразумнаго рѣшенія начальства, Рудеру, за неизмѣнимъ собственныхъ средствъ, не оставалось ничего болѣе, какъ навсегда отказаться отъ своей любимой мечты, такъ какъ онъ лично былъ твердо убѣжденъ въ благоприятномъ исходѣ предпринятыхъ работъ, и началъ прискипать себѣ другія занятія.

Между тѣмъ, въ одномъ обществѣ, ему совершенно случайно пришлось встрѣтиться со знаменитымъ Фердинандомъ Лессепсомъ.

Новые знакомые очень скоро сошлись и Лессепсъ съ большимъ интересомъ выслушалъ мнѣніе своего собесѣдника о затѣянномъ предпріятіи, чѣмъ не мало утѣшилъ разочарованнаго послѣдними неудачами молодого техника. А дня черезъ два послѣ описаннаго вечера, Рудеръ уже получилъ отъ своего новаго знакомаго письмо слѣдующаго лаконическаго содержанія: „Я вполне одобряю Ваши планы, нисколько не сомнѣваясь въ блестящемъ успѣхѣ, и желаю, на собственныя средства, помимо Правительства, продолжать начатыя изысканія. Вотъ Вамъ 200,000 франковъ; располагайте ими какъ Вашей собственностью и взявъ себѣ въ помощники лучшихъ моихъ инженеровъ, какъ можно скорѣй отправляйтесь въ путь“.

Обрадованный Рудеръ тотчасъ же принялъ сдѣланное ему предложеніе и, такимъ образомъ, вопросъ о Сахарскомъ морѣ сразу значительно подвинулся впередъ.

Теперь въ этомъ дѣлѣ принялъ участіе такой даровитый и предпримчивый человекъ, какъ строитель Суэзскаго и Панамскаго каналовъ, котораго деньги и опытность уже много разъ дѣлали чудеса тамъ, гдѣ разныя комиссіи видѣли только несбыточныя мечты и непроизводительныя затраты.

До сихъ поръ, начатыя Рудеромъ работы идутъ такъ успѣшно, что на дняхъ Лессепсъ самъ отправился въ Африку, чтобы лично взглянуть на закипѣвшую работу.

Передъ отъѣздомъ въ Марсель, онъ откровенно высказалъ редактору газеты „Вольтеръ“ свои надежды и дальнѣйшіе планы:

„Я ѣду туда на мѣсяцъ и надѣюсь, что, по истеченіи этого срока, вопросъ о существованіи Сахарскаго моря будетъ категорически рѣшенъ; вмѣстѣ со мной отправляются: инженеръ Суэзской компаніи и человекъ шесть подрядчиковъ, также желающихъ попытать счастья. Мы сперва побываемъ въ Габесѣ, затѣмъ осмотримъ работы Рудера по канализаціи Шоттовъ, и если окажется, что его донесенія — не преувеличенны, тоговорю не шутя — успѣхъ несомнѣненъ.“

„Еще очень недавно всѣ утверждали, что Шотты лежатъ выше уровня моря, а я убѣжденъ въ противномъ; далѣе, признали невозможнымъ осушеніе болотъ, вслѣдствіе каменистаго грунта, а наши опыты буренія почвы, сдѣланные на значительной глубинѣ, доказали, что она вся состоитъ изъ чистаго песка. Впрочемъ, не надо упускать изъ виду, что всѣ прежніе выводы были сдѣланы комиссією изъ 82 ученыхъ, которые, основываясь на одной теоріи, способны всякую гипотезу выдавать за непреложную истину. Я уже давно провозжу мысль, что въ глубокой древности, можетъ быть лѣтъ за 1000 до Рождества Христова, отсыкиваемое нами море существовало на мѣстѣ теперешнихъ Шоттовъ и проливомъ соединялось съ Океаномъ.“

„Недавно, я получилъ письмо отъ эмира Абдель-Кадера, величающаго меня чуть ли не пророкомъ XIX вѣка и приветствующаго какъ благодѣтеля края. Онъ общаетъ намъ содѣйствіе и сочувствіе подвластныхъ ему шейховъ и пашей, а про туземцевъ говоритъ, что они наконецъ поняли, какія выгоды можно будетъ ожидать со временемъ, если наши работы приведутъ къ ожидаемымъ результатамъ.“

Основываясь на такомъ твердомъ убѣжденіи Лессепса, можно заранее предсказать затѣянному дѣлу полный успѣхъ. Кому другому, а Лессепсу до сихъ поръ всегда улыбалось счастье: дай Богъ, чтобы оно и на этотъ разъ не измѣнило ему для пользы и блага человечества!

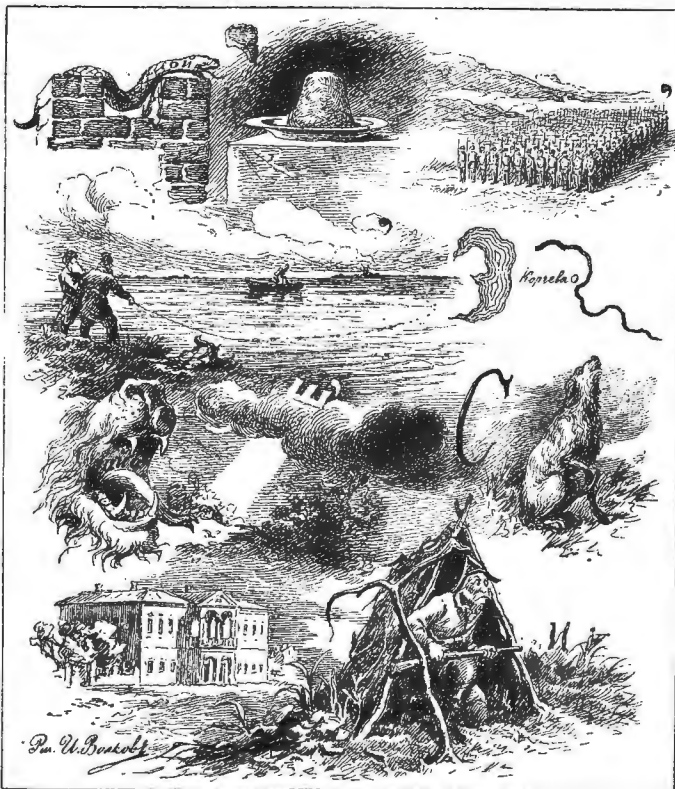
Этна. Страшно и вмѣстѣ съ тѣмъ и великолѣпное зрѣлище, представшее въ послѣднее изверженіе Катанійскаго вулкана, такъ величественно-эффектно, что достойно кисти художника или пера поэта.

Каждые 4—5 минутъ изъ кратера выбрасывались съ оглушительнымъ трескомъ, сперва исплинскіе потоки лавы, огненной лентой обвивавшіяся вокругъ конуса, а потомъ куски раскаленныхъ минераловъ, пропитанныхъ сѣрной кислотой, вмѣстѣ съ клубами мельчайшей золы, изобилующей известковыми веществами и ярко свѣтящимися въ темнотѣ кристаллами.

Затѣяннѣмъ кратеръ, напоминающій колоссальныхъ разбѣровъ факель, въ ясныя ночи былъ виденъ на много миль въ округности, а клокотанье расплавленной массы, при благоприятномъ вѣтрѣ, бывало слышно въ самой Катаніи.

Замѣчательно, что одновременно съ изверженіемъ Этны, въ Патернѣ начались мѣстныя, являющіяся изверженія, продолжавшіяся на этотъ разъ очень недолго, — всего нѣсколько часовъ, а въ Катаніи обнаружены необыкновенныя, метеорологическія пертурбаціи; было основаніе предполагать, что такое совпаденіе довольно рѣдкихъ въ послѣднее время явленій находится въ прямой зависимости отъ особаго ненормальнаго состоянія атмосферы.

РЕБУСЪ. Задача № 33.

Рѣшеніе ребуса № 26.

Инал то матушка себѣ сама на горе калѣчитъ ненаглядное чадушко: избалованныя дѣточки ужъ какая для семьи подпора.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса прислали отъ Г. г. Герхель и Н. М. Б.—на въ Калугѣ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при переѣмѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Ермоловскія ванны въ Пятигорскѣ (съ рис.).—Старый домъ (Хроника четырехъ поколѣній). Историческій романъ Всеволода Соловьева. Ч. I, гл. VII, VIII и IX.—Памь Густава-Адольфа. Историческій разсказъ Конрада Мейера.—Новѣйшій видъ спорта—велосипедъ. Очеркъ.—Зоологическій садъ въ С.-Петербургѣ (съ 2 рис.).—Бабочка (съ рис.).—Цыганскій таборъ (съ рис.).—Видъ въ Могилевской губ. (съ рис.).—Охота за луной-рыбой (съ рис.).—Растенія безъ земли и оплодотворяющій мохъ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Сибѣрь.—Заявленіе.—Задачи.—О переѣмѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1883 г. №№ „НИВЫ“ со всеми приложениями. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предохраняющими прѣны частей тѣла, особенно же кожныхъ пальцевъ, Гальманинъ продается въ аптекахъ, а также у дрoисловыхъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. Главное дѣло находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, маистра фармаціи В. Карпинскаго, улица Электроральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к. Нужно остерегаться поддѣлокъ и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г. В. Карпинскій маистръ фармаціи.

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕ. БУРГѢ, БОЛЬШ. МОРСКАЯ № 9.

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ, Всеволода Соловьева.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей вѣленовой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. иногород. 3 р. 50 к., въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ новымъ подписчикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтерьянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ пріобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустили имъ это новое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 р.; въ каленкор. переплетѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“, въ Больш. Морской, д. № 9; и въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линіи,—а также можно найти эту книгу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. Б. Морская д. № 9.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, Всеволода Соловьева. Большой томъ в 8—всего 672 стр., печатан. на лучшей вѣленовой бумагѣ, съ виньет. Романъ этотъ служитъ началомъ печатаннаго въ „НИВѢ“ романа „Вольтерьянецъ“, цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригинальномъ каленкоровомъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Большая Морская, № 9.

ЦНИЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть Вс. С. Соловьева. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Иванова, изъ которыхъ выше помѣщенный дѣтъ рисунокъ даетъ понятіе объ ихъ достоинствѣ. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Новое Изобрѣтеніе

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметываютъ петли, вышивають и шьютъ чрезъ край. Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются бесплатно.

А. ШТЕЙНЪ, С П Б.

Вознесенскій проспектъ д. № 21.

Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣтъ Акаціи) (Robinia Pseudoacazia)

стоятъ на той же степени, какъ и извѣстныя миру спеціальности:

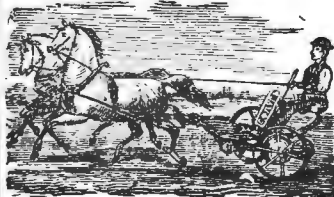
Maiglöckchen Г. Лозе, Königin der Nacht Г. Лозе, HELIOTROPE BLANC Г. ЛОЗЕ, BOUQUET CARMEN Г. ЛОЗЕ,

какъ отличныя и для платковъ продолжительно пахучіе духи.

Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.

Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.

При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики. St. № 2605 10—7

Самый большой и разнообразнѣйшій складъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Новѣйшія американскія сѣнокосилки и жатвенныя машины Буна. Чрезвычайно простой и прочной конструкціи. Особенно легки, такъ косилка всѣтъ всего 17, а жнея 21 пудъ. ДЕПО МАШИНЪ ЭД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ: Вознесенскій просп. № 11. Постоянная выставка и пробная станція машинъ: Петровскій паркъ, домъ Санъ-Галли. Москва: у Красныхъ воротъ, домъ Раузера. Кромѣ того постоянно большой выборъ ручныхъ, конныхъ и паровыхъ молотилокъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ и проч. Каталоги и свидѣтельства доброты качества высылаются бесплатно и

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, Б. Морская. № 9, въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линій, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ.

Шесть разсказовъ Н. МОРСКОГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе разсказовъ: 1) Дяденька. 2) Уличная пѣвица. 3) Ночь.

4) Обезьянка. 5) Грѣхъ ли это? 6) Мушкетиръ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразиннымъ. Всѣ эти разсказы представляютъ намъ прелестныя дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанию эти разсказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвкамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНИГИ прод. пок. пр. комис. кн. маг. (сущ. съ 1871 г.) Ал.—дра Ильича Овчинникова (6. учнт. дров. лз.) Казань. Быв. биб. Рѣдкости.

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦИЯ

ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ

(Русскій Шампунъ).

Главный складъ въ С.-Петербургской химической лабораторіи Ф. Лиде, Невскій пр., № 23.

Подробное объявленіе помѣщено въ „Нивѣ“ въ № 21. № 2657 10—4

НОВАЯ КНИГА

ПЕТЕРБУРГСКІЯ СКАЗКИ

МУХИ.

Изданіе Сократа Исанова въ Спб. Невскій № 54—Изданіе изданный томикъ. Цѣна съ пересылкою 1 руб.

Сказки эти—рядъ юмористическихъ этюдовъ и очерковъ, напечатанныхъ въ разное время въ „Петерб. листкѣ“ и имѣвшихъ громадный успѣхъ въ публикѣ. Эскизамъ написаны легкимъ, живымъ языкомъ и изобилуютъ въ авторѣ близкое знакомство со всѣми закоулками столичной жизни.

Интересъ читателей возбуждается уже тѣмъ, что всѣ эти картинки писаны въ натурѣ и представляютъ рядъ колкихъ, остроумныхъ и, подъ фирмой легкаго разсказа.

Въ книжн. магазинахъ Товарищества М. О. Вольфаъ,
въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 17 и 18, въ Москвѣ, Цетрнка, А. Михалюкова, продаются слѣдующія книги:

ВОДОСНАБЖЕНИЕ:
Расчетъ и устройство водопроводныхъ трубъ и водоподъемныхъ механизмовъ, преимущественно относительно снабженія водою городовъ.
Сочиненіе инж. Кеннига.
Переводъ съ доп. П. Усова.
Больш. томъ, 8 д. л., съ 166 пол. Ц. 4 р., съ пер. 5 р. Все разбирается здѣсь на основаніи новѣйшихъ усовершенствованій, съ научной точки зрѣнія, но популярно и доступно.

ТОВАРОВЪДѢНІЕ
сырыхъ продуктовъ и мануфактурныхъ издѣлій.
Соч. Ф. Лесгафта.
Изд. 2. 2 т., съ рис., 6 р., съ пер. 7 р.
Задача этого труда заключается въ точномъ опредѣленіи происхожденія товара, въ характеристикѣ его и въ описаніи путей и средствъ для опредѣленія чистоты и добротности товара. Для купцовъ эта книга необходима.

МЕХАНИКА
теоретическая и практическая.
Соч. проф. Вейсбаха.
3 т., въ 6 част., съ 700 пол. въ текстѣ. Ц. 25 р., съ пер. 30 р.
Сочиненіе Вейсбаха—самый обширный трудъ по механикѣ и охватываетъ курсъ практической механики во всѣхъ подробностяхъ. Способъ изложенія отличается тѣмъ, что авторъ всегда на первомъ планѣ имѣетъ практическое приложеніе истинъ, основанныхъ на теоріи.

Краткое описаніе **Устройствъ водосточныхъ и городскихъ очистителей.**
Съ 7-ю листами чертежей.
Соч. инж. Гренберга.
Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
Описаніе это основано на лучшихъ иностранныхъ и русскихъ источникахъ и личнымъ наблюденіяхъ автора. Въ немъ наглядно описаны способы примѣненія разныхъ устройствъ водосточныхъ.

Аналитическая геометрія Брю и Буке.
Перев. съ франц. изд. В. Синцова.
Съ 315 фигуръ. въ текстѣ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ введеніе въ курсъ аналитич. геом., главу о прямой линіи и кругѣ, общую теорію кривыхъ, геометрію на плоскости и т. п. На русскомъ языкѣ это самый полный курсъ аналитич. геометріи.

Полное руководство къ ФОТОГРАФІИ.
Описаніе всѣхъ доннынъ извѣстныхъ и испытанныхъ способовъ къ производству портретной, ландшафтной и другихъ видовъ свѣтосильно, напѣ и ретушювки.
Ручная книга для фотографовъ, литографовъ и всѣхъ занимающихся этимъ производствомъ.
Составленъ П. Олхинимъ.
Больш. томъ, съ 61 пол. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.
Отличное и общепонятное руководство, которое можетъ принести существенную пользу.

Количественный анализъ важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.
Сост. проф. Фогелемъ и Вейнъ.
Перев. съ 5-го нѣм. изд. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
Руководство это обнимаетъ собою все болѣе употребительные способы анализа и при этомъ объемнаго, количественнаго, столь пригоднаго для практическихъ цѣлей. Самое изложеніе анализа въ видѣ задачъ и примѣровъ—даетъ возможность пользоваться имъ и лицамъ не подготовленнымъ.

Техническая механика Риттера.
2 т., съ 726 пол. въ текстѣ. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.
Заключаетъ въ себѣ основныя понятія и основныя законы механики, механику матеріальной точки, статику твердаго тѣла, динамику, статику уругихъ тѣлъ, и т. п., съ результатами опыта, выводами и т. п.

Книжное товарищество М. О. Вольфаъ издаютъ большіе напачки книгъ по части технологій, математики и всѣхъ вообще отраслей наукъ и литературы, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, по цѣнамъ издателей. Исполненіе заказовъ скорое и аккуратное; пересылка по почте по желанію дорого. Каталогъ русскихъ книгъ Вольфаъ дается по 3 р., съ пер. 4 р.

Только что вышла изъ печати и находится въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ, а также въ конторѣ редакціи "НИВА"
Новая книжка для дѣтей:
МОСКВА
15 мая 1883 года.
(ПИСЬМО КЪ ДѢТЯМЪ).
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.
Цѣна 20 к., съ пересыл. 25 к.
Складъ изданія въ конторѣ редакціи "НИВА"; книгопродавцамъ обчная уступка.

"ТРИУМФЪ МЕЛЬНИЦЪ"
НОВАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА, ИЗОБРЕТЕННАЯ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ БУРГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
Эта простая, прочная мельница требуетъ для своего полнаго дѣйствія всего 2 крестьянск. лошадей и получаютъ на ней до 8 пудовъ тончайшей муки. Мука выстужается изъ мельницы мягкой и холодной и проста ея доведена до такой степени, что для нея не требуется мельничъ или механикъ. Жернова вращаются вертикально и не требуютъ частой напѣжки. Напѣжка очень легка и въ 5 минутъ можно разобрать всю мельницу. Вся мельница 80 пудовъ, цѣна 175 р., въ Москвѣ 185 р. с. Кроме того, товарищество вновь обращаетъ вниманіе на знаменитую жатвенную машину Джонстона "Триумфъ", цѣною въ 300 р., сѣнокосилки Пальмкранца въ 200 р., конья грабли Тигръ въ 75 р., штифтовые молотилки отъ 75 р., американскія вѣялки-сортировки въ 35 р., стѣнная прессъ системы товарищества Бургардтъ и Урлаубъ въ 200 р., русскую пожарную трубу въ 115 р., русскій огнетушитель въ 16 р.
ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 1 линия, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ Ситова. № 2705 6—1

ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ,
ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ
ПОЛНЫМЪ ТОМЪ „НИВА“ 1882 г.
Иллюстрированный Журналъ для семейнаго чтенія.
ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.
Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьева—„Волтерьянецъ“, больш. романъ Юкаля—„Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морскаго)—„Подъ землею“, пов. Австенко „Испанскій дворянинъ“ и др. произвѣдъ современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кроме того **БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМИА:** большая олеографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якобіа—„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.
Цѣна этому большому тому:
Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 " — " | Съ пересылкою 7 " 50 "
Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

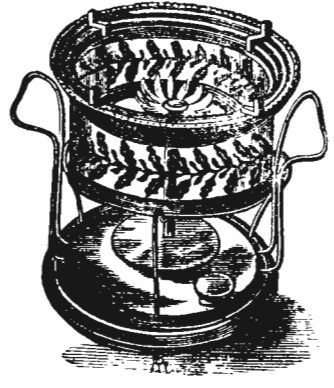
Приготовлено и выпущено въ продажѣ для всей Россіи, новаго, высшаго сорта
„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“
„ИМПЕРАТОРСКОЕ“
Н. П. ЛАНИНА,
Москва, Софійская набережная.
За **РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ** Н. П. Ланину были присуждены слѣдующія награды:
1. Серебряная медаль 1852 г.
2. Большая серебрян. мед. 1860
3. Похвальный отзывъ. 1864
4. Малая серебрян. мед. 1865
5. Малая серебрян. мед. 1869
6. Бронзовая медаль. 1870
7. Больш. золот. мед. 1872
8. Высочайшая благод. 1875 г.
9. Филд. вист. мед. 1876
10. Филд. вист. мед. 1876
11. Нар. вист. поч. отз. 1878
12. Всероссийск. худож. промышленная выставка, въ Москвѣ, 1882 года большая золотая медаль.
Привилегія въ 1863 и 1872 годахъ.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
приготовлено изъ русскаго винограднаго вина, безъ подмѣсы иностраннаго, и не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
въ продажѣ подъ новымъ ярлыкомъ и съ бѣлой и розовой смолкой. Съ фабрики ящиками въ 60 и 30 бут. по 1 р. 50 н. № 2632 5—2

Выкройки
Демонстр. изъ Парижа на весу и вѣто 1883. Иллюстрированный сборникъ въ 600 модныхъ грав. 1 р. 10 к. съ пер. И. ВАНОНЬ.
Гороховая, № 9, въ бель-этажѣ. № 2564 2—2

ЭОЛУСЪ
Комнатный, фонтанный вентиляторъ, очищаетъ, охлаждаетъ воздухъ и дѣлаетъ его влажнымъ, также можно выпускать испорченный воздухъ наружу, или впускать свѣжій воздухъ въ комнату.
Въ складѣ воздушныхъ электрическихъ звонковъ и фильтръ
Винтергальтеръ и К°,
у Казанскаго моста, по каналу, д. № 12.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИСЛѢДОВАНИЕ
Агронома Я. Л. ВОРОХОВИЧА
о причинѣ упадка нашего Сел. и Лѣс. Хозяйства, а равно внутренней торговли и промысл., въ связи съ вопросомъ о нашей торгово-промышленной политикѣ. Мѣры для развитія внут. торгов. и пром. вообще, и Сел.-Хоз. въ особенностн.—Складъ изд. у Автора: Ст. Рудня, Орлов. Вит. ж. д. Цѣна 50 коп. съ перес. № 2704 1—1

СТРАХОВАНИЕ
ВЫГРЫШНЫХЪ БИЛЕТОВЪ
отъ погашенія и продажъ съ разсрочкою платежа изъ 8% годовыхъ безъ всякой комиссіи, съ задаткомъ въ 15 руб., въ конторѣ
ПАВЕЛЬ ВЫДРИНЪ И СЫНЪ,
Москва: Тверская, рядомъ съ д. г. ген.-губернатора.
Условія высылать бесплатно. Ц. № 2692 3—3

ПАТЕНТОВАННЫЯ
БЕНЗИНО-ГАЗОВЫЯ
кухни
съ регуляторомъ пламени,
ДИДРИХА и КЕЗЕВИЦА въ ГАМБУРГѢ,
особо пригодны для домашняго употребленія, горятъ безъ фитиля, безъ запаха и копоти, и совершенно безопасны.
Главное агентство для всей Россіи и склада у
Р. Ниппе,
магазинъ химическихъ, фармацевтическихъ и физическихъ аппаратовъ и снарядовъ, С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, уголъ Мойка, 2—62.
Кухни продаются кроме того въ магазинахъ Цвернера, на Невскомъ пр., № 46 и Крумбогеля, на Большой Морской и Невскомъ просп. Пресъ-куранты по желанію бесплатно. Р. № 2703

EAU DE LYS
DE LOHSE.
Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе пѣжнымъ.
Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юношескую свѣжесть.
Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и нѣжною.
Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.
Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ.
БЕРЛИНЪ,
поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.
Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.
Eau de Lys de Lohse.
8. № 2604 10—8

НИВА

XIV годъ
№ 26

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАЮЩИМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Марк. 70 Руб. для загранич.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы). КОНТОРА журнала открыта ежедневно (кроме воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конторы „Нивы“ Н. И. Печковской. Петровская Торгов. линия . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особые приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысящи, для городскихъ по 4 р. рукописи. Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ.

Какъ представитель истинно-высокихъ и безкорыстныхъ стремленій въ наукѣ, какъ нашъ выдающійся ориенталистъ, немало послужившій въ серьезномъ ознакомленіи не только насъ, но и Европы съ замѣчательными памятниками санскритской и бендской литературы, Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, скончавшійся въ началѣ настоящаго года, вполне достоинъ общественной памяти.

Вся жизнь Каэтана Андреевича была жизнью борьбы и стремленія къ своимъ звѣтнымъ, ученымъ цѣлямъ. Сынъ священника, родомъ бѣлорусъ, онъ началъ свое образованіе въ Витебской гимназіи и здѣсь, голодая и холодая, уже успѣлъ достигнуть такого совершенства въ знаніи латинскаго языка, что тогдашній попечитель Бѣлорусскаго учебнаго округа отправилъ его въ Московскій университетъ, для окончанія курса.

Въ Московскомъ университетѣ, въ средѣ студентовъ, Коссовичъ считался первымъ филологомъ. Особенно усердно занимался онъ здѣсь греческимъ языкомъ, и сотни стиховъ бессмертнаго Гомера удерживались его счастливою памятью. По окончаніи курса, К. А. былъ назначенъ учителемъ греческаго языка въ Тверскую гимназію, но этого мѣста онъ добился не сейчасъ; цѣлые два года ему нужно было

еще перебиваться уроками, и это время не было имъ потеряно: тогда онъ перечиталъ большую часть греческихъ и латинскихъ

классиковъ. и кромѣ того, выучился языку англійскому и итальянскому. Въ Твери, среди скучныхъ служебныхъ занятій, онъ находилъ отраду лишь въ своихъ филологическихъ занятіяхъ и съ жаромъ принялся, безъ всякаго руководителя, по сочиненіямъ, за дорогую цѣну выписаннымъ изъ за границы, за изученіе языковъ древняго востока — еврейскаго, арабскаго и потомъ санскритскаго, занимаясь въ то же время переводомъ греческой грамматики Кюнера, служившей до сихъ поръ учебникомъ въ нашихъ гимназіяхъ, и составленіемъ греческо-русскаго словаря.

Въ 1843 г., Каэтанъ Андреевичъ былъ переведенъ въ Москву, гдѣ преподавалъ греческій языкъ во 2 й гимназіи и гдѣ сблизился съ Хомяковыми, Кирѣевскими, Шевыревымъ, И. М. Лазковымъ и нѣсколькими другими дѣятелями науки и литературы, которые сумѣли оцѣнить его способности и доверили его серьезнымъ познаніямъ.

Въ 1850 г., Коссовичъ перешелъ въ Петербургъ, на службу, въ Императорскую публичную бібліотеку и здѣсь, мало по малу, для нашего скромнаго, ученаго труженика настала

Профессоръ Н. А. Коссовичъ. † 26 янв. 1883 г. Съ фот. грав. Ю. Барановскій.

болѣ свѣтлая и счастливая Эра. Тогдашній директоръ библиотекъ баронъ М. А. Корфъ отнесся къ нему съ полною благоклонностью; онъ создалъ для К. А. особую должность—редактора ученыхъ работъ и поручилъ ему заведываніе въ библиотекѣ восточными книгами и рукописями. Кроме того, въ 1851 году, баронъ Корфъ командировалъ его за границу въ Лондонъ, чтобы съ помощію тамошнихъ ученыхъ описать рукописи библиотекъ, писанныя на разныхъ индійскихъ нарѣчіяхъ, неизвѣстныхъ нашимъ отечественнымъ ориенталистамъ. Въ этихъ же пятидесятихъ годахъ, заслуги К. А. какъ санскритолога, уже составившаго себѣ почетное имя своими переводами разныхъ отрывковъ и даже цѣлой драмы („Торжество свѣтлой мысли“), мало по малу начали оцѣняться и въ средѣ нашего ученаго сословія. Такъ, Академія Наукъ поручила составить ему санскрито-русскій словарь, котораго, къ сожалѣнію, выпли лишь три выпуска, а Петербургскій университетъ допустилъ его къ преподаванію въ своихъ сѣнахъ сначала санскритскаго языка, а потомъ зендекаго.

Въ Университетѣ К. А. дѣйствовалъ какъ фанатикъ своего дѣла; безъ всякаго вознагражденія; онъ неутомимо дѣлалъ съ юношествомъ своими обширными знаніями и сумѣлъ заинтересовать его такими предметами, которые никогда до того времени даже и не упоминались въ нашей университетской программѣ. Онъ сталъ теперь для университета необходимостью, и черезъ два года послѣ начатія лекцій, т. е. въ 1860 году, мы видимъ его уже исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора; въ 1864 году—экстра-ординарнымъ, а въ 1866—ординарнымъ профессоромъ, званіе котораго онъ и занималъ до самой кончины. Кроме того Харьковскій Университетъ, въослѣдствіи

единогласно призналъ К. А. докторомъ сравнительнаго языковѣданія.

Эта справедливая, высокая оцѣнка трудовъ Коссовича была вызвана цѣлымъ рядомъ капитальныхъ его трудовъ, уже не говоря о самой широкой преподавательской дѣятельности. Кроме множества переводовъ съ санскритскаго и чтенія публичныхъ лекцій о санскритскомъ эпосѣ Казтанъ Андреевичъ усердно занимался зендскимъ языкомъ и издалъ нѣсколько отрывковъ изъ Зендавесты съ своимъ переводомъ и примѣчаніями. Кроме того онъ издалъ чрезвычайно изящное и цѣнное въ научномъ отношеніи собраніе древне-персидскихъ надписей съ объясненіями и словаремъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что К. А. умеръ надъ книгой: да и вся жизнь его была непрерывнымъ трудомъ на пользу науки и добра, и для этихъ только высокихъ, идеальныхъ цѣлей онъ не жалѣлъ ни своихъ силъ, ни своихъ способностей. Для студентовъ всегда была отворена дверь не только его квартиры, но и его сердца, и для многихъ изъ университетскихъ бѣдняковъ онъ оказывалъ не только научную, но и сильную матеріальную и нравственную помощь. Какъ ученый, Казтанъ Андреевичъ, по справедливому слову историка Петербургскаго университета В. В. Григорьева, представлялъ „рѣдкій примѣръ благороднаго труженика на пользу науки, который всѣ обширныя свѣдѣнія свои приобрѣлъ не выѣзжая изъ Россіи, приобретеніемъ ихъ обязалъ исключительно самому себѣ и приобрѣталъ ихъ среди обстоятельствъ самыхъ неблагопріятныхъ, никогда не унадала духомъ, никогда не позволяя себѣ усумниться въ своемъ призваніи и въ торжествѣ твердой воли надъ равнодушіемъ и людскимъ недоброжелательствомъ“. К. А. скончался 26 января 1883 года, 72 лѣтъ отъ роду.

СТАРЫЙ ДОМЪ. (Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Х. Виноватый.

Въ домѣ у Горбатовыхъ Бориса хватились очень скоро.

Англичанинъ вышелъ къ утреннему чаю нѣсколько смущенный и объявилъ Сергѣю Борисовичу на его вопросъ о сынѣ, что Борисъ вѣрно гуляетъ въ саду, хотя онъ сейчасъ обошелъ садъ и нигдѣ его не встрѣтилъ.

— Когда-же онъ вышелъ?

— Должно быть очень рано! отвѣтилъ англичанинъ.— Я проснулся въ восемь часовъ и увидѣлъ, что его уже нѣтъ въ спальнѣ.

Прошло съ полчаса, Бориса нѣту. Отецъ послалъ его розыскивать въ саду. Но посланный вернулся, объявивъ, что его рѣшительно нигдѣ нѣтъ.

Тогда началась тревога.

Быть можетъ онъ, несмотря на всѣ запрещенія, вышелъ на улицу.

Спросили сторожа. Сторожъ сознался, что молодой баринъ еще почиталъ на зарѣ приказалъ отворить себѣ калитку и приказалъ такъ властно, что онъ, сторожъ, не смѣлъ ослушаться.

Татьяна Владиміровна по обыкновенію не отходила отъ сына и Сергѣй Борисовичъ почти до самаго обѣда скрывалъ отъ нея отсутствіе Бориса.

Карликъ немедленно же отправился розыскивать по городу своего любимца. Были разосланы люди. Одни возвращались, другіе отирались на поиски. Но какъ же возможно было его отыскать въ такомъ городѣ какъ Москва!

Сергѣй Борисовичъ былъ въ полномъ отчаяніи. Онъ предчувствовалъ это. Онъ ежедневно боялся какой нибудь выходки со стороны Бориса.

Съ дѣтства фантастическій, своевольный мальчикъ, бродяга, искатель приключеній!.. Онъ и негодовалъ, сердился на него, и въ то же время понималъ его, а пуще всего чувствовалъ теперь одно—что несчастіе его нѣтъ никого на свѣтѣ... Какъ онъ скажетъ женѣ? Что съ нею будетъ? Когда онъ воротится? Воротится ли? Ему представлялись всякіе ужасы. Онъ не вытерпѣлъ

и самъ отправился на поиски. Бродилъ до обѣда по улицамъ и вернулся не найдя сына.

Къ обѣду вышла Татьяна Владиміровна. Мужъ взглянулъ на нее и поразился выраженіемъ ея лица. Оно все такъ и сіяло счастіемъ.

— Володѣ лучше! лучше! восторженно объявила она,— теперь нѣтъ никакого сомнѣнія. Я долго думала, что Францъ Карловичъ меня только утѣшаетъ, говоря, что произошелъ кризисъ и что начинается выздоровленіе. Теперь я сама вижу, что онъ правъ. Пойдемъ, милый, пойдемъ... взгляни на него... Онъ уже можетъ сидѣть... Жару никакого... Онъ съ аппетитомъ выпилъ бульонъ... Да гдѣ же Борисъ? Володя зоветъ его...

— Борисъ! крикнула она, думая, что онъ въ соседней комнатѣ; но никто не отозвался.

Мужъ молча стоялъ передъ нею.

Она взглянула на него и съ изумленіемъ отшатнулась.

— Что это?! Я принесла тебѣ такую радость, а ты такими глазами на меня смотришь?! Что случилось?!

И вдругъ материнское сердце угадало истину.

— Борисъ! Съ нимъ что нибудь?!... Да говори... говори, ради Бога... не томи, не скрывай... гдѣ Борисъ?!... Что съ нимъ?!...

— Не пугайся пожалуйста! черезъ силу выговорилъ Сергѣй Борисовичъ.— Повѣрь мнѣ, страшнаго ничего нѣтъ...

— Да, что съ нимъ? Что случилось?

— Богъ милостивъ... Онъ здоровъ... только его нѣтъ... нигдѣ найти не могутъ... съ утра ушелъ изъ дому...

Она такъ и всплеснула руками.

— Господи! да вѣдь онъ обѣщалъ не уходить... Вѣдь ты же распорядился, чтобы его не выпускали... какъ же это?! Ищутъ ли его?! Пошли скорѣе во всѣ стороны.

— Это давно уже сдѣлано и я самъ только что вернулся... Не тревожься только... конечно, онъ къ вечеру вернется и за такое непослушаніе нужно будетъ строго выскать съ него. Пойдемъ къ Володѣ и успокойся... успокойся моя милая... дорогая!...

Они пошли къ больному сыну. И это было большое

счастье и для нихъ и для Бориса, что Владиміръ дѣйствительно оказался въ лучшемъ состояніи. Эта радость, которую они такъ долго ждали и на которую уже совѣмъ перестали надѣяться, уменьшила томительность ожиданій и безпокойства.

Между тѣмъ время шло. Давно наступили сумерки. Нѣкоторые изъ посланныхъ и карликъ вернулись ни съ чѣмъ.

Нѣтъ Бориса—да и только!

Горбатовы, карликъ и почти вся прислуга, которая была искренно предана семейству, провели почти безсонную, тревожную ночь.

Но вотъ пришло утро—бѣглець возвратился.

Онъ вошелъ блѣдный, дрожащій, съ опущенными глазами. Онъ уже понималъ сколько мучъ причинилъ отцу съ матерью. Онъ едва сдерживался отъ рыданій.

Татьяна Владиміровна кинулась къ нему, охватила его крѣпко руками, прижала его къ груди своей.

— Живъ! здоровъ! Ничего съ тобой не случилось?!...

Она, эта крѣпкая, сдержанная и хорошо владѣвшая собою женщина, вдругъ почувствовала полную слабость и громко зарыдала.

Сергѣй Борисовичъ хотѣлъ встрѣтить сына строгими упреками, гнѣвомъ и—не сдѣлалъ этого. Онъ чувствовалъ себя возрожденнымъ, счастливымъ, помолодѣвшимъ. Глаза его свѣтились и выдавали его душевное состояніе.

— Гдѣ же ты былъ, разбойникъ?! крикнулъ онъ.— Говори всю правду! посмотримъ, есть ли у тебя хоть какое нибудь оправданіе...

Борисъ рассказалъ. Оправданій было много. Онъ спасалъ женщинъ и дѣтей—этотъ новый рыцарь безъ страха и упрека.

— Ахъ ты, Донъ-Кихоть! проговорилъ Сергѣй Борисовичъ.

Мальчикъ взглянулъ на отца совѣмъ обиженный, губы его дрогнули; но онъ не сказалъ ни слова.

Сцена съ безумнымъ старикомъ, въ котораго онъ хотѣлъ стрѣлять какъ во француза, дѣйствительно давала отцу право назвать его Донъ-Кихотомъ. Но въ то-же время онъ чувствовалъ, что не виноватъ, что дѣйствовалъ не дурно. Не виноватъ съ одной стороны и очень виноватъ съ другой! — какъ-же примирить это? И въ первый разъ въ жизни ему ясно стало, что трудно, трудно, совѣмъ даже невозможно такъ жить и поступать, чтобы со всѣхъ сторонъ быть правымъ...

— А о братѣ и не спросишь?! проговорилъ отецъ.

— Что онъ?! Что?! испуганно шепнулъ Борисъ.

— Что! Иди скорѣй къ нему... Онъ уже давно тебя ждетъ... давно тебя ждетъ и не понимаетъ отчего ты не идешь... Лучше ему, слава Богу! Только ты не вздумай пожалуйста рассказывать о твоихъ приключеніяхъ—это его взволнуетъ...

— Не буду, конечно!

— А потомъ — слушай еще одно! найдя вдругъ въ себѣ строгій тош договорилъ Сергѣй Борисовичъ. — Слушай! Ты доказалъ, что твоимъ обѣщаніямъ опасно вѣрить, а потому ужъ не взыщи, — теперь ты плѣнникъ!

Борисъ повѣсилъ было голову, но извѣстіе о томъ, что брату лучше, такъ его обрадовало, что онъ забылъ пока все остальное и поспѣшилъ въ комнату больного.

Все обошлось. Несмотря на ужасную обстановку, среди занятаго непріятелемъ, сожженного города, несмотря на всѣ печальныя обстоятельства, въ домѣ Горбатовыхъ въ этотъ день былъ словно большой и радостный праздникъ.

Что-же касается до хозяевъ, то они чувствовали себя такими счастливыми, будто вернулись самые свѣтлые, самые лучшіе дни ихъ молодости. Одинъ сынъ благополучно вернулся домой, другой выздоравливаетъ—чего-же больше!

Съ этого дня за Борисомъ дѣйствительно былъ назначенъ самый строгій надзоръ. Прислугѣ было дано строгое приказаніе не выпускать его изъ виду. Карликъ прочелъ ему большую нотацію и даже довелъ его до слезъ, по своему обычаю картинно изображая отчаяніе Сергѣя Борисовича и Татьяны Владиміровны.

Англичанинъ, который внутренно очень даже одобрялъ поступокъ своего любимаго воспитанника, не показывалъ ему однако и вида, что доволенъ имъ; напротивъ, онъ корчилъ самую строгую, почти свирѣбую физиономію и ни на шагъ не отходилъ отъ него.

Борисъ скоро убѣдился, что онъ настоящій плѣнникъ, что теперь ему нечего и думать выйти изъ дому. А между тѣмъ вѣдь онъ далъ обѣщаніе Нинѣ навѣстить ее, а между тѣмъ онъ уже тосковалъ по ней и ему безумно хотѣлось ее увидѣть.

Конечно, если-бы онъ захотѣлъ только, то могъ-бы, по крайней мѣрѣ, имѣть о ней свѣдѣнія; онъ упросилъ-бы кого нибудь изъ прислуги, которая всегда была рада исполнить его желаніе, сходить по адресу и узнать здорова-ли Нина и вообще что съ нею. Но тутъ-то съ нимъ и происходило что-то странное.

Борисъ никогда не былъ лгуномъ. Онъ просто не умѣлъ даже лгать, до сихъ поръ ему никогда еще ничего не приходилось скрывать отъ родителей. Онъ и теперь, рассказывая имъ о своихъ приключеніяхъ, ни чуть не лгалъ. Онъ подробно и обстоятельно передалъ имъ всѣ свои впечатлѣнія, всѣ встрѣчи. Но все-же въ его рассказѣ былъ большой перерывъ, а именно: объяснивъ какъ онъ заперся со спасенной имъ дѣвочкой въ покинутаго домѣ, онъ сказалъ, что провелъ тамъ ночь, такъ какъ иного ничего не могъ придумать. И затѣмъ продолжалъ: „Когда стало свѣтать, я снесъ дѣвочку къ ея нянѣ“ и такъ далѣе.

Перерывъ былъ незамѣтенъ. Онъ не скрылъ ничего. Дѣйствительно, разспросивъ Нину и успокоивъ ее, онъ заснулъ. Но тутъ былъ цѣлый міръ новыхъ ощущеній, о которыхъ онъ не проговорился ни словомъ въ своемъ отчетѣ.

Его слушателямъ представлялась Нина маленькой дѣвочкой: вѣдь онъ ее носилъ, снесъ къ нянѣ. И никому конечно въ голову не могло придти, что Нина была для него не ребенкомъ, а какимъ-то особеннымъ существомъ. И теперь думалъ почти ежеминутно объ этой спасенной имъ дѣвочкѣ.

Онъ ни за что, ни за что бы въ мірѣ не рѣшился никому признаться въ этомъ. Никто не долженъ знать, что она для него и какъ онъ желаетъ ее видѣть...

Онъ надѣялся, что ему удастся ускользнуть незамѣтно изъ сада. Онъ зналъ одно мѣсто, гдѣ, взобравшись на дерево, можно перелѣзть черезъ высокій заборъ. Вѣдь онъ отлично умѣетъ лазить.

Да, онъ рѣшительно готовъ былъ на вторичное бѣгство; онъ забывалъ всѣ нравственные вопросы и соображенія въ виду той мучительной, томящей потребности хоть разъ еще увидѣть Нину, которая его охватила. Но за нимъ слѣдили. Англичанинъ не покидалъ его. И такъ продолжалось нѣсколько дней.

Наконецъ Борисъ не выдержалъ. Оставаться долѣе безъ извѣстій о Нинѣ онъ не былъ въ состояніи.

Быть можетъ она заболѣла, простудившись въ ту ночь. Быть можетъ ея нѣтъ уже на свѣтѣ!

И вдругъ онъ рѣшился на то, что до сихъ поръ казалось ему невозможнымъ. Онъ созналъ, что надѣлалъ ужасныхъ, непоправимыхъ глупостей, что ему давнымъ давно слѣдовало рѣшиться и тогда-бы не было этихъ мученій...

Онъ пошелъ къ отцу и, хотя краснѣя и блѣднѣя, но все-же твердо попросилъ у него позволенія въ сопровожденіи гувернера и кого нибудь изъ прислуги пройти по городу.

— Я долженъ навѣстить французенку и узнать, что случилось съ дѣвочкой...

Полночное солнце на Лофодденѣ. Съ карт. А. Остерлея, грав. Богъ.

— Пустяки! сказалъ Сергѣй Борисовичъ. — Если хочешь, расскажи гдѣ это — и я поплю когонибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ долженъ ихъ видѣть!

Онъ началъ убѣждать, началъ доказывать, что вѣдь ничего не можетъ съ нимъ случиться, если онъ пойдетъ съ прислугой:

— Ну, пусть трое, четверо идутъ со мной — только пустите! Я чувствую, что мнѣ нужно освѣжиться. Папа, милый, пожалуйста не откажите мнѣ!...

Сергѣй Борисовичъ задумался.

Когда сынъ говорилъ съ нимъ такимъ тономъ, когда онъ его такъ упрасивалъ и глядѣлъ на него такими глазами, какъ въ эту минуту, онъ никогда не могъ долго выдержать.

— Послушай, сказалъ онъ, — если тебѣ уже такъ этого хочется — хорошо — я исполню твое желаніе, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты безпрекословно меня послушался... Хорошо, сдѣлай прогулку, зайди въ тотъ домъ гдѣ эта дѣвочка и узнай, что съ нею... Но къ французенкѣ не заглядывай — это совсѣмъ лишнее. Я могу тебя на ея счетъ успокоить. Ты знаешь, что я исполнилъ то, о чемъ ты просилъ меня относительно нел, и генералъ Брошаръ сказалъ мнѣ, что она вѣсь всякой возможности новаго нападенія, весела и довольна. Если ты даешь мнѣ слово, что не будешь порываться къ ней, потому что тамъ тебѣ вовсе не мѣсто, — то хорошо — ступай.

Борисъ едва могъ скрыть охватившую его радость. Онъ конечно далъ слово отцу не заходить къ французенкѣ. Онъ совсѣмъ позабылъ о ней и тутъ себя упрекнулъ объ этомъ.

Но вотъ она устроена и Богъ съ нею... Не она, не она нужна ему!

— Позови ко мнѣ мистера Томсона, сказалъ Сергѣй Борисовичъ...

Не далѣе какъ черезъ четверть часа Борисъ, въ сопровожденіи гувернера и трехъ рослыхъ, сильныхъ лакеевъ, вышелъ изъ дома.

Его свита едва за нимъ поспѣвала. Онъ почти бѣжалъ по знакомой, хорошо намѣченной имъ заранѣе дорогѣ.

Вогъ онъ у цѣли. Домъ невредимъ, стоитъ на томъ же мѣстѣ. Все какъ было въ то памятное утро.

Сердце Бориса шибко забилось.

— Подождите меня здѣсь, сказалъ онъ гувернеру. — Вѣдь нельзя же намъ всѣмъ войти.

— Хорошо, отвѣчалъ англичанинъ, — только не задержите насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!...

Онъ былъ уже во дворѣ, онъ стремительно подбѣжалъ къ крылечку, а на крылечкѣ этомъ, будто поджидалъ его, стоитъ Матрена Степановна.

— Здравствуйте, Матрена Степановна! радостно и въ тоже время тревожно крикнулъ онъ.

Она всмотрѣлась.

— Ахъ это вы, сударь! Милости прошу, войдите! только вы опоздали, маленькая то барышня вчера уѣхала.

— Какъ уѣхала?! Куда уѣхала?! растерянно говорилъ Борисъ.

У него и руки опустились, сердце почти перестало биться.

— Да, уѣхала маленькая барышня. Все васъ поджидала, хотѣла проститься съ вами.

— Куда же уѣхала! Развѣ теперь можно уѣхать?! Кто же теперь уѣзжаетъ? Гдѣ она?!

— А видите: ея дядя за нею пріѣхалъ, братецъ ея маменьки покойной. На другой же день по пріѣздѣ выхлопоталъ пропускъ и увезъ ее съ няней въ деревню.

— Что же это такое, — прошепталъ Борисъ въ отчаяніи, — значить я ее не увижу!?

— Да ужъ теперь трудно увидеть. Только, батюшка,

какъ знать, гора съ горой не сходится, а человекъ всегда сойтись можетъ. А Ниночка какъ васъ тоже желала видѣть, даже плакала... добрая она, хорошая барышня... Такъ въ эти дни мы ее полюбили и господа... Да, что же это я запомнила совсѣмъ, вѣдь она вамъ записочку оставила. Маленькая такая барышня, а и читать и писать какъ хорошо умѣетъ, — разумная. Да войдите сударь! Я вамъ записочку дамъ, а то вотъ къ господамъ пройдите. Можетъ они вамъ чтонибудь еще скажутъ.

— Нѣтъ, Матрена Степановна, мнѣ некогда, меня ждутъ, проговорилъ Борисъ едва владѣя собою. Я вѣдь только узнать, что съ нею, боялся не заболѣла ли... А записочку вы мнѣ дайте.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ!

Она ушла въ свою комнату и черезъ минуту вернулась съ записочкой.

Борисъ положилъ записочку въ карманъ, распростился со старухой и вышелъ на улицу...

— Вотъ это хорошо, сказалъ англичанинъ, — что вы такъ скоро. Что же, теперь обратно домой?

— Да, домой конечно! отвѣтилъ Борисъ.

— Отчего у васъ такой печальный видъ, развѣ чтонибудь нехорошее съ этимъ ребенкомъ?

— Нѣтъ, ничего, все благополучно!

И Борисъ опять спѣшилъ, спѣшилъ, почти бѣжалъ. Онъ долженъ былъ скорѣе въ уединеніи прочесть эту маленькую записку, которую сжималъ въ своемъ карманѣ, будто боясь, чтобы ктонибудь ее не отнялъ.

Вернувшись домой онъ заперся въ своей комнатѣ, развернулъ бумажку. Карандашемъ, крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ и съ ошибками было написано:

„Ты не пришелъ, Борисъ, а я должна ѣхать. Дядя меня увозить. Я очень, очень хочу проститься съ тобою, только ждать нельзя. Я буду всегда о тебѣ думать. Когда я тебя увижу? Я беру твоей плащъ на память о тебѣ. Няня говоритъ, чтобы я непременно оставила, но я не хочу, ни за что не оставлю. Я его буду беречь и отдамъ тебѣ, когда ты самъ придешь за нимъ. Приходи, я буду всегда, всегда ждать тебя. Пина“.

Борисъ разъ десять прочелъ эти строки. Потомъ спряталъ записочку въ свою завѣтную шкатулку, вмѣстѣ съ самыми дорогими ему вещами. Потомъ горько задумался, и вдругъ онъ теперь понималъ, что любить Нину той особенной, странной, мучительной и сладкой любовью, о которой уже слышалъ, о которой уже думалъ.

„Она зовстъ меня. Она будетъ всегда, всегда меня ждать. И я ее всегда ждать буду, и я искать буду, пока ее найду, и никогда я не разлюблю ее. Да, Пина, я найду тебя и приду къ тебѣ!“

Онъ долго сидѣлъ, погруженный въ свои неясныя грезы. И весь этотъ день онъ былъ такой странный, молчаливый, грустный и разбѣянный, что мать не разъ его спрашивала:

— Да здоровъ ли ты? Что съ тобой?!

— Здоровъ, здоровъ! со мною ничего!..

А самъ чуть не плакалъ.

Между тѣмъ Владиміръ быстро поправлялся. Съ нимъ дѣйствительно произошелъ спасительный кризисъ. Замѣчательно крѣпкая натура мальчика поборола странную, мучительную болѣзнь.

Татьяна Владиміровна надѣялась, что припадокъ не повторится больше, потому что на этотъ разъ мальчикъ былъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ бывалъ въ періодъ своего мнимаго выздоровленія. Онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, лицо его начинало видимо округляться, показался румянецъ. Онъ много спалъ и просыпался утромъ свѣжій и бодрый.

Вскорѣ обстоятельства позволили Горбатовымъ выѣ-

хачь изъ Москвы. Они переселились въ Горбатовское, гдѣ прожили всю зиму.

Наполеонъ былъ побѣжденъ, Москва очищена, жители стали въ нее возвращаться. Мало по малу сглаживались ужасные слѣды непріятельскаго нашествія и пожара. Честь Россіи была спасена, русскій духъ воспрянулъ, наступили годы славы.

Борисъ и Владиміръ выросли. Они уже студенты. Жизнь кипитъ, смѣняются впечатлѣнія. Быстро и разнообразно проносится лучшее время человѣческой жизни.

Но Борисъ, несмотря на перемены, происшедшія вокругъ него и въ немъ, не забываетъ Нину. Онъ не знаетъ даже ея фамилію, никогда онъ о ней ничего не слышитъ.

Черезъ годъ, вернувшись въ Москву, онъ отправился къ Матренѣ Степановнѣ, но ея не оказалось. Не оказалось и господъ ея. Они выѣхали изъ Москвы, ихъ домъ отдавался въ наемъ. Всякій слѣдъ, по которому можно было отыскать Нину, исчезъ.

Борисъ уже превратился въ совсѣмъ взрослога чело-вѣка. Соблазны женской красоты дѣйствовали и на него и онъ поддавался имъ. Онъ отдалъ дань юности. Но ни одна женщина, съ которой онъ сходилъ, ни одна дѣвушка, съ которой онъ встрѣчался, не успѣли овладѣть всецѣло его сердцемъ и изгнать изъ него образъ страннаго, маленькаго существа, которое Борисъ обставлялъ какими-то волшебными чарами.

Вотъ братъ Владиміръ уже женился и Борису представлялось не мало партій. Даже родители его не разъ указывали ему на дѣвушекъ, которыя могли бы подойти ему; но онъ не думалъ о женитбѣ. Онъ продолжалъ упорно ждать Нину. Это ожиданіе не мучило его, оно вошло въ привычку. Онъ твердо былъ увѣренъ, что непременно ее встрѣтитъ и долженъ былъ ее встрѣтить свободнымъ отъ всякихъ сердечныхъ и иныхъ обязательствъ чело-вѣкомъ...

Теперь, вернувшись въ Россію послѣ долгаго своего путешествія и сразу почти окунувшись въ свѣтскую петербургскую жизнь, онъ не могъ конечно вообразить, что встрѣтитъ Нину въ этой обстановкѣ. Ему казалось, что она принадлежитъ къ совсѣмъ иному міру, въ который онъ попадетъ когда нибудь случайно, такъ же случайно, какъ и въ первый разъ встрѣтился съ нею.

А между тѣмъ весь день передъ баломъ онъ испытывалъ странное ощущеніе. Онъ былъ въ какомъ то необычномъ первомъ состояніи, будто ждалъ чего-то. Когда онъ вошелъ въ залу, наполненную блестящимъ обществомъ, это странное томившее его ощущеніе еще усилилось. Онъ былъ разбѣянъ, у него духъ захватывало. Онъ не могъ ни на чемъ сосредоточиться.

И вдругъ передъ нимъ мелькнулъ образъ блѣдной дѣвушки и онъ узналъ въ немъ Нину.

Онъ давно зналъ и встрѣчалъ много разъ у своей матери княгиню Маратову, но никогда не слышалъ, что у нея есть племянница. Да еслибы и услышалъ, то что же бы ему сказало имя mademoiselle Lamzine?! А главное, Нина менѣе двухъ лѣтъ какъ живетъ у тетки. Она пріѣхала въ Петербургъ уже въ то время, какъ онъ былъ за границей.

Княгиня Маратова, къ которой Нина подвела Бориса, очень изумилась, что племянница давно съ нимъ знакома, и еще больше изумилась, когда та ей сказала, что это тотъ самый мальчикъ, который спасъ ее во время французскаго нашествія.

Маратова, пожилая вдова, была извѣстна въ петербургскомъ обществѣ своей толщиной и неизмѣннымъ присутствіемъ всюду, гдѣ только собирались люди. Круглое, нѣсколько обвисшее лицо, чуть ли не съ тройнымъ подбородкомъ, маленькій вздернутый носъ, черные усики въ углахъ губъ, круглые, живые и умные глаза и

толстые локоны, болтавшіеся съ обѣихъ сторонъ вдоль щекъ—дѣлали ее необыкновенно похожей на откормленнаго, породистаго кингъ-чарльза. Она наговорила Борису кучу всякаго милаго вздору и кончила тѣмъ, что надѣется его у себя видѣть въ самомъ скоромъ времени, чтобы изъ устъ его услышать интересный рассказъ о старинныхъ его приключеніяхъ съ Ниной.

— Ma mère sera charmée de vous revoir! добавила она. Она такъ любитъ нашу Нину и всегда заставляетъ ее рассказывать объ ея дѣтствѣ и о московскомъ пожарѣ.

— Я завтра же буду у васъ, если позволите! сказалъ Борисъ.

— Пожалуйста, мы будемъ ждать васъ.

Онъ раскланялся, отошелъ и глядѣлъ какъ Нина, приглашенная въ это время на танецъ, легло и граціозно носилась среди грома музыки, среди блеска и свѣта горячѣй атмосферы балной залы.

А княгиня Маратова думала:

„Вотъ, пріютила сиротку, да кто знаетъ, быть можетъ она такую еще партію сдѣлаетъ, что всѣ эти барышни съ громкими именами себѣ локти кусать станутъ... Se jeune Gorbatoff... qui sait?! tout est entre les mains du bon Dieu“...

XI.

„Генеральша“.

Домъ, въ которомъ теперь приходилось жить Нинѣ, помѣщался недалеко отъ Таврическаго сада. Онъ принадлежалъ старой генеральшѣ Проницовой, матери княгини Маратовой.

Это было большое, одноэтажное съ мезониномъ зданіе, съ широкимъ дворомъ, на которомъ помѣщались флигеля для прислуги, конюшни и сарай. За домомъ шелъ небольшой, но густой садъ. Ворота стояли всегда на запорѣ. Шторы почти во всѣхъ окнахъ, выходившихъ на улицу, были всегда спущены и вообще домъ, хотя и представительной внѣшности, но уже потемнѣвшій, закопченный отъ времени, имѣлъ мрачный видъ. Казалось будто въ немъ или никто не живетъ, или что тутъ кто нибудь очень боленъ. Это послѣднее предположеніе представлялось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что время отъ времени почти во всю ширину улицы передъ домомъ настигала толстый слой соломы, для того чтобы заглушить ѣзду экипажей, хотя въ этой части города ѣзды было немного.

Между тѣмъ въ домѣ не было больныхъ и жгло въ немъ очень много народу.

Хозяйка дома, изъ стараго рода князей Унжицкихъ, когда то, въ началѣ царствованія Екатерины, играла видную роль въ петербургскомъ свѣтѣ. Она была очень красива, имѣла большое состояніе, всегда была окружена толпой поклонниковъ. Она провела веселую, шумную молодость, не сѣвшила замужъ, но въ концѣ концовъ, лѣтъ двадцати семи, все же вышла за молодого гвардейскаго офицера Проницева.

Она могла по своему положенію, связямъ и богатству сдѣлать гораздо болѣе блестящую партію. У нея въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ было много прекрасныхъ жениховъ, но потомъ женихи эти какъ то вдругъ стали отставать. Поговаривали, что княжна Унжицкая слишкомъ веселаго характера и слишкомъ легкихъ нравовъ. Про нее ходило не мало рассказовъ. Но конечно, въ тѣ времена, не отличавшіяся особенной нравственностью, княжна не могла себѣ особенно повредить своей веселой жизнью. Рассказы объ ея приключеніяхъ не могли отбавить отъ нея жениховъ, которые, сватаясь къ ней, искали въ будущей подругѣ жизни не семейныхъ добродѣтелей, а связей и хорошаго приданаго.

Женихи отстали просто потому, что княжна вовсе не хотѣла выходить замужъ, ей было и такъ весело. Матери своей она не помнила, изъ отца, стараго ничтожнаго чело-вѣка, нечаявшаго въ ней души, она дѣлала все, что ей было угодно.

По вотъ, или годы такіе пришли, или капризъ на нее пашель, она вдругъ оповѣстила своихъ друзей и знакомыхъ, что выходитъ замужъ за Пронищева.

Всѣ изумлялись, никто не считалъ его подходящимъ къ ней женихомъ. Онъ даже за ней никогда особенно не ухаживалъ, да и встрѣчались они не часто.

Но остановивъ на немъ свой выборъ, княжна не стала долго задумываться. Она сама, какъ потомъ рассказывалось не безъ основанія, сдѣлала ему предложеніе. Онъ подумалъ, сообразилъ и не сталъ отказываться.

Черезъ полгода послѣ ихъ свадьбы умеръ ее отецъ. Она раздѣлила съ единственнымъ своимъ братомъ прекрасное состояніе и поселилась въ домѣ близъ Таврическаго сада. Мужъ ея служилъ и шелъ въ гору. У нея родилась дочь и затѣмъ дѣтей больше не было.

Между тѣмъ поговаривали, что бывшая веселая княжна нѣсколько ошиблась въ выборѣ мужа. Она рассчитывала найти въ немъ полное снисхожденіе къ своему прошлому, настоящему и будущему. О прошломъ онъ дѣйствительно не вспоминалъ; но что касается до настоящаго своей супруги, оно его интересовало въ значительной степени.

Бывшая веселая княжна хотя и показывалась по прежнему въ обществѣ, и хотя по старой памяти и позволяла себѣ легкомысленныя выходки, но уже очевидно съ опаской. Затѣмъ случалось такъ, что вдругъ она исчезнетъ, сказывается больной, никого не принимаетъ и продолжается это мѣсяца два, иногда болѣе.

Рассказывали, что за каждый легкомысленный поступокъ Пронищевъ не только взыскивалъ съ нея, но, будучи человѣкомъ горячимъ, иной разъ просто напросто прибѣгалъ къ кулачной расправѣ.

Люди, часто бывавшіе у нихъ въ домѣ, иногда бывали свидѣтелями бурныхъ сценъ, во время которыхъ Пронищева всегда притихала, оказывалась ниже травы, тише воды.

„Блудлива какъ кошка, труслива какъ заяцъ“ говорили про нее.

И это было справедливо. Она стала очень бояться мужа и не смотря на то, что онъ былъ ей всеѣмъ обязанъ, такъ какъ она взяла его за себя нечиновнымъ, почти безроднымъ человѣкомъ, безъ всякаго состоянія, она вдругъ оказалась вынужденной признать его своимъ главой. Чувствуя себя очень часто виноватой, она всегда была на сторожѣ, начинала дрожать отъ перваго рѣзкаго звука его голоса. Проводя жизнь въ измышленияхъ какъ бы провести его, избѣжать его гнѣва и иногда весьма чувствительныхъ для нея послѣдствій этого гнѣва, мысль о томъ, что достигнуть этого не особенно трудно, стоитъ только вести себя какъ подобаетъ вѣрной и любящей женѣ, никогда не приходила ей въ голову. Она не могла отстать отъ своихъ укоренившихся привычекъ.

Находясь въ постоянномъ страхѣ, зная, что за нею учрежденъ очень дѣятельный присмотръ, она тѣмъ не менѣе, улучивъ удобную минуту, посылала то тому, то другому изъ намѣченныхъ ею молодыхъ людей billet doux, назначала со всеми предосторожностями тайныя свиданія. Избѣжать ответственности ей почти никогда не удавалось, но тѣмъ не менѣе она не была въ состояніи измѣниться.

Съ каждымъ годомъ она сильнѣе и сильнѣе боялась мужа и въ то же время чаще и чаще разсылала свои billets doux и назначала свиданія.

Дочь свою она любила, хотя конечно по своему. Мало обращала на нее вниманія и всецѣло довѣрила ее наемнымъ воспитательницамъ, которыя то и дѣло мѣнялись въ домѣ, такъ какъ у хозяина былъ самый неуживчивый характеръ и онъ ни съ кѣмъ не стѣснялся. Покажись ему что нибудь неладнымъ, сейчасъ—маршъ вонъ, безъ разсужденій!—и конецъ дѣлу.

Но время шло. Госпожа Пронищева, теперь уже быв-

шая генеральшей, несмотря на всѣ притиранья и прочія косметическія средства, начала значительно терять свою красоту, приближаться мало по малу къ старости.

Дочку свою Машеньку она выдала замужъ за князя Маратова, человѣка уже немолодаго, но во всякомъ случаѣ представлявшаго изъ себя очень хорошую партію.

Борьба ея съ мужемъ продолжалась. Но теперь къ этой борьбѣ примѣшалась и другая. Приходилось бороться и съ тѣми, къ кому посылались billets doux. Приходилось побѣждать ихъ сначала съ большимъ трудомъ, а потомъ даже съ большими денежными пожертвованіями.

Генераль Пронищевъ, будучи главой дома и „строго наказывая жену“, несмотря на это оставилъ въ ея рукахъ и распоряженіи всѣ денежные средства.

„Это не мое, говорилъ онъ,—я имѣю только свое жалованье, заслуженное мною и въ употребленіи его не даю никому отчета“.

Генераль, рѣшительный и храбрый воинъ, которому однако въ началѣ его военной карьеры пришлось воевать не особенно много, принималъ участіе въ итальянскомъ походѣ Суворова, не разъ отличался, снискалъ расположеніе знаменитаго полководца и по возвращеніи въ Петербургъ былъ награжденъ по заслугамъ. Онъ еще былъ далеко не старъ и для него теперь открывалась самая блестящая карьера. Но сильно простудившись во время труднаго похода и не обративъ должнаго вниманія на эту простуду—онъ вдругъ сталъ хирѣть. Проскрипѣлъ года два и умеръ.

Повидимому, генеральша, освободившись отъ своего „тирана“, должна была почувствовать себя легко и свободно. Полагали, что теперь она, несмотря на свои немолодые годы, снова развернется. Но случилось совсѣмъ обратное. Она оказалась неутѣшной вдовой: прекратила всѣ выѣзды, заперлась въ своемъ домѣ, спустила шторы и принялась оплакивать мужа. Разъ въ недѣлю, закутанная подъ густой вуалью, она садилась въ карету и отправлялась въ Александро-Невскую лавру, гдѣ былъ похороненъ генераль, слушала тамъ обѣдню, служила панихиду, сидѣла долго на его могилѣ, возвращалась домой и въ теченіи недѣли никуда не выѣзжала и не выходила. Затѣмъ опять такая же поѣздка въ лавру.

И такъ проходилъ мѣсяць, другой, третій. Прошелъ цѣлый годъ. Всѣ были изумлены тѣмъ, что новый капризъ генеральши такъ долго не проходитъ. А капризъ все же не проходилъ. Никто уже не получалъ отъ нея billet doux, никому она не назначала свиданья.

Она принимала у себя весь городъ, но только съ визитами. Болѣе десяти минутъ у нея никто не засиживался.

Стали проходить года. Образъ ея жизни не измѣнялся. Она дышала воздухомъ разъ въ недѣлю, отправляясь въ каретѣ въ лавру, и жила такъ и зимой и лѣтомъ, никуда не выѣзжая и даже въ самые жаркіе лѣтніе дни не выходя изъ своей комнаты.

Овдовѣла ея бездѣтная дочь и переѣхала къ матери.

Потомъ у нея въ домѣ поселился ея холостой братъ, князь Унжицкій. И домъ этотъ въ теченіи болѣе двухъ десятковъ лѣтъ не измѣнялся ни въ чемъ.

Шторы въ будуарѣ генеральши, изъ котораго она не выходила, и во всѣхъ парадныхъ комнатахъ были всегда спущены. Сюда не должно было доноситься никакого шума, поэтому многочисленная прислуга жила въ флигеляхъ. Просторный мезонинъ былъ занятъ старымъ княземъ. Княгиня Маратова занимала совсѣмъ отдѣльное помѣщеніе, соединявшееся съ парадными комнатами и будуаромъ матери посредствомъ длиннаго коридора.

Генеральша, въ какомъ то порывѣ раскаянья давшая обѣтъ на могилѣ мужа всегда его оплакивать и до конца дней своихъ вести затворническій образъ жизни, начала съ того, что стала исполнять этотъ обѣтъ чисто изъ страха. Она боялась, что если нарушитъ его, то

Дѣти въ лѣсу. Съ карт. А. Кораухина, грав. Гельштейнъ,

покойникъ придетъ къ ней съ тѣмъ, чтобы наказать ее. А затѣмъ она уже привыкла къ своей новой жизни, втянулась въ нее, разлѣнилась и не хотѣла ничего другого.

Она пр водила день за днемъ безъ всякаго измѣненія. Вставала ровно въ одиннадцать часовъ. Потомъ сидѣла передъ зеркаломъ и съ помощью привыкшей къ ея причудамъ компаньонки убирала свои сѣдые волосы въ вычурную прическу Екатериненскаго времени, сурмила себѣ брови, бѣдилась и румянилась. Затѣмъ облакалась въ пышную робу, такую же старомодную какъ и прическа, и выходила въ свой будуаръ, въ которомъ не только были спущены шторы, но даже спущены и тяжелыя занавѣси, такъ что самый яркій лучъ солнца не могъ сюда проникнуть.

Комната эта была какая то немного выпѣтшая, но богатая коробка съ скрытыми окнами и дверями, съ тяжелымъ ковромъ, заглушавшимъ шаги, уставленная старинной прекрасной мебелью и всевозможными бездѣлушками.

Генеральша помѣщалась въ огромномъ покойномъ креслѣ со всевозможными приспособленіями, обкладывалась подушками. Неподалеку отъ этого кресла на небольшомъ мозаичномъ столикѣ горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ. Прямо противъ кресла генеральши на темномъ фонѣ обитой бархатомъ стѣны висѣлъ портретъ покойнаго „тирана“, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ Павловскаго времени, со всѣми знаками отличія, въ тяжелой вычурной рамѣ, наверху которой по-

мѣщался гербъ Пронищевыхъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ какими то неслыханными звѣрями.

Генеральша, въ этой бархатной комнатѣ, освѣщавшейся блѣднымъ свѣтомъ лампы, казалась видѣніемъ минувшаго времени—со своей напудренной прической, въ своей робѣ.

Но она достигала цѣли. Это освѣщеніе дѣлало ее на видъ очень моложавой и привлекательной, скрывало густой слой бѣлилъ и румянъ, лежавшій на увядшихъ щекахъ ея.

Въ настоящее время генеральшѣ уже было лѣтъ семьдесятъ пять. Она высохла, сморщилась, но все еще въ темнотѣ производила впечатлѣніе. Глубокіе черные глаза ея иногда такъ и горѣли изъ подъ разрисованныхъ, насурмленныхъ бровей.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ неподвижно, пристально глядя на портретъ покойника, генеральша протягивала руку къ советкѣ, звонила. Черезъ минуту шевелилась портьера, неслышнымъ шагомъ появлялся благообразный старый лакей, неся серебряный подносикъ съ кофе и печеньемъ.

Встѣхъ за кофе тоже неслышно вѣбгала въ будуаръ маленькая мохнатая бѣлая собаченка и укладывалась на подушкѣ у генеральшиныхъ ногъ, ожидая обычнаго кормленія сахаромъ.

Такимъ образомъ проходило полчаса времени. Тогда генеральша звонила вторично и на этотъ звонокъ являлась молоденькая дѣвушка, одна изъ шести воспитаницъ генеральши.

(До слѣд. №)

Пажъ Густава-Адольфа.

Историческій рассказъ Конрада Мейера.

(Продолженіе)

III.

Съ страшнымъ крикомъ проснулся Лейбельфингъ. Утро уже занялось и пажъ нашелъ своего короля въ самомъ хорошемъ настроеніи духа; отъ королевы пришло письмо, въ которомъ не было ничего особенно важнаго и сѣйшнаго, но—въ припискѣ она просила сунруга разсудить одно дѣло, близко ея касавшееся; извѣстный своей безнравственностью герцогъ Лауэнбургскій, женился, какихъ нибудь два мѣсяца предъ тѣмъ, по политическимъ видамъ, на одной изъ безчисленныхъ родственницъ королевы, вскорѣ однако, бѣлокурія косы и водянистые глаза молодой ему надобли и, сокративъ медовый періодъ брачной жизни, онъ поспѣшилъ возвратиться въ шведскій лагерь, куда привезъ съ собою молодую красавицу славянку, которую отбилъ у Фриланскаго прикрятія, и теперь королева просила положить быстрый конецъ грѣху Лауэнбургца, притворявшагося при королѣ, но хваставшагося своимъ скандаломъ предъ боевыми сподвижниками и товарищами. Густавъ-Адольфъ немедленно отдалъ приказъ доставить славянку (имя ея было Коринна) къ нему, въ теченіи восьми часовъ, которые онъ предполагалъ провести на краткой рекогносцировкѣ. Строгий, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчный, онъ рѣшилъ дѣвушку освободить и возвратитъ отцу, въ Валенштейнскій лагерь; пажу Лейбельфингу онъ велѣлъ остаться, поручивъ ему написать королевѣ отвѣтъ, къ которому потомъ хотѣлъ прибавить нѣсколько строкъ собственной рукой. Прошло восемь часовъ, но король еще не возвратился; Коринна же, доставленная двумя шведскими кинерами, была сдана пажу, сидѣвшему въ прихожей надъ своимъ письмомъ. Тутъ же на столѣ лежали его шлага и пистолетъ. У воротъ небольшого замка, занятаго подъ помѣщеніе короля, стояла стража.

Съ любопытствомъ взглянулъ пажъ на плѣнницу и былъ пораженъ ея красотой; черныя какъ смоль косы, окаймляли очаровательное личико съ темными, глубокими, но спокойной смѣрными глазами; ея невысокая, но стройная фигура была прикрыта поспѣшно и безпорядочно наброшенной пестрой одеждой; дѣвушка, очевидно, была взволнована, она тяжело дышала.

Молчаніе сдѣлалось ей вестерлимымъ.

— Гдѣ король? спросила она громкимъ отъ волненія голосомъ, почти вскрикнувъ.

— Ухалъ, скоро воротится, отвѣтилъ Лейбельфингъ, самими низкими своими нотами.

— Пусть только король не думаетъ, что я уйду отъ герцога! съ страстнымъ раздраженіемъ продолжала дѣвушка,—я люблю его до смерти; да и куда же мнѣ идти? Къ моему отцу? Отъ него мнѣ нечего ждать хорошаго; нѣтъ, я остаюсь; король не можетъ приказывать герцогу, мой герцогъ—имперскій князь!

Ясно было, что славянка повторила то, что слышала отъ самаго Лауэнбургца.

— Ну, дѣвушка, объ этомъ нечего толковать, возразилъ пажъ Густава-Адольфа,—какой бы онъ тамъ ни былъ имперскій князь, а король—его военачальникъ, и твоему Лауэнбургцу придется повиноваться.

— Герцогъ, злобно продолжала славянка,—происходитъ отъ благороднѣйшей крови, а король—потомокъ простаго шведскаго мужика.

Вѣроятно ея другъ Лауэнбургецъ разсказалъ ей исторію Густава Вазы. Вспыхнувшій Лейбельфингъ поднялся съ своего мѣста и близко подошелъ къ Кориннѣ.

— Что такое ты говоришь? строго спросилъ онъ ее.

Испуганная дѣвушка, перемѣнивъ вдругъ тонъ, бросилась ему на шею:

— Милый красавецъ! помогите мнѣ! Вы должны мнѣ помочь! Я люблю Лауэнбургца и не уйду отъ него!

И она принялась цѣловать его, ласкать и прижимать къ себѣ, но—внезапно отступивъ на шагъ, разразилась громкимъ, насмѣшливымъ хохотомъ.

Пажъ поблѣднѣлъ отъ ужаса.

— Сестричка, проментала Коринна съ лукавымъ взглядомъ,—ты съ своимъ влияніемъ...

Но тутъ Лейбельфингъ, схвативъ ее и бросивъ на колѣни, быстро взялъ одинъ изъ пистолетовъ и приставилъ къ ея маленькой головкѣ.

— Стрѣляй! крикнула Коринна въ изступленіи—и пусть будетъ конецъ и радостямъ и горю!

— Клянусь моимъ спасеніемъ, что король ничего не знаетъ, произнесъ Лейбельфингъ, блѣдный, но спокойный и нажимая холодное дуло на самую середину лба дѣвушки.

Отвѣтомъ была только недоумчивая улыбка.

— Король ничего не знаетъ о томъ, повторилъ пажъ,—и ты поклонись мнѣ этимъ крестикомъ—онъ выдернула у нея изъ груди маленькій крестикъ, висѣвшій на золотой цѣпочкѣ.—Отъ кого это онъ у тебя? Отъ твоей матери, говоришь?—Ты поклонись мнѣ этимъ крестикомъ, что и ты также ничего не знаешь объ этомъ! Скорѣй, не то стрѣляй!

Но пажъ опустилъ свое оружіе, такъ какъ въ эту минуту услыхалъ лошадинныи топотъ, шумъ привѣтственныхъ, военныхъ кляковъ и тяжелые шаги короля на лѣстницѣ. Онъ бросилъ еще одинъ взглядъ на подымавшуюся съ колѣнъ Коринну, взглядъ полный мольбы, который не смѣлъ произнести вслухъ: Пощади! я—въ твоей власти! Не выдавай меня! Я люблю короля!

Густавъ-Адольфъ вошелъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ былъ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, вошелъ строгій и гнѣвный, какъ судья въ Израилѣ, какъ библейскій герой, который

долженъ былъ позвать и наказатъ виновныхъ въ несправедливомъ дѣлѣ, дабы избранный ему народъ не пострадалъ; онъ только что былъ очевидцемъ возмутительнаго дѣянія, отвѣтительной сцены того, какъ нѣмецкіе дворяне, подъ предводительствомъ нѣмецкаго князя, ограбили кучку нѣмецкихъ крестьянъ, бѣжавшихъ въ шведскій лагерь отъ страшнаго Фридриха. Дворяне эти до самаго утра пировали, играли въ кости и карты въ палаткѣ одного изъ товарищей; какой то подозрительный авантюристъ, державшій банкъ, обыгралъ ихъ всѣхъ до тла; отпустивъ шулера—онъ былъ тоже дворянинъ—стропулымъ, послѣ краткаго и маленькаго препирательства съ нимъ, и возвращаясь затѣмъ раздраженные въ свои палатки, они, со зла, набросились на поившіеся изъ на дорогѣ, среди лагера, тяжело нагруженный возъ; герцогъ Лауэнбургскій, взглянувъ проѣздомъ въ свою ставку и найдя клѣтку опустѣвшею, тотчасъ же заподозрилъ короля, и чтобы досадить ему, бросился на помощь грабившимъ дворянамъ, зная хорошо, насколько это будетъ неприятно Густаву-Адольфу II вотъ, среди шума и сумятицы нападенія, въ эту минуту, когда разрывали узлы, разбивали сундуки, тащили или убивали лошадей, били безоружныхъ. въ эту минуту и среди этой суматохи—появился на своемъ конѣ король; къ нему, какъ къ престолу Божію, отовсюду протянулись умоляющія руки, обратились просьбы, мольбы, крики, проклятія; король, однако, овладѣлъ собой, и затаялъ свой гнѣвъ; прежде всего онъ велѣлъ позаботиться о бѣглецахъ, а затѣмъ отдалъ приказаніе, чтобы дворяне явились къ нему къ девятому часу. Остановившись на возвратномъ пути у палатки главнаго палача, онъ приказалъ ему набросить свой красный плащъ и ѣхать за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Въ такомъ настроеніи находился король Густавъ, когда предъ нимъ предстала плѣнница Герцога Лауэнбургскаго. Онъ смѣрилъ дѣвущку глазами и ему не понравились ни ея дикая красота, ни ея пестрое одѣяніе.

— Кто твои родители? спросилъ онъ.

— Мой отецъ—Кроатскій вождь, а мать давно умерла, отвѣтила дѣвущка, глянувъ своими темными глазами въ его свѣтлыя очи.

— Я отомлю тебя къ твоему отцу.

— Нѣтъ, возразила Коринна, онъ бы меня убилъ.

Чувство жалости смягчило короля, онъ невольно хотѣлъ теперь уменьшить ея вину: ты ходила въ лагерь въ мужскомъ платьѣ, это запрещено.

— Никогда, отвѣтила Коринна съ искренней горячностью,—никогда я этого не дѣлала.

— Но, продолжалъ король,—ты нарушаешь Святость брака, дѣлаешь несчастною молодую, благородную принцессу.

Въ глазахъ славянки блеснулъ огонь бѣшеной ревности.

— Но если онъ любитъ только меня, меня одну, такъ чтожь могу я сдѣлать и чтожь мнѣ за дѣло до той? съ какою то отчаянною смѣлостью воскликнула она. Король съ удивленіемъ взглянулъ на нее, какъ бы спрашивая себя—христіанка ли она?

— Я позабочусь объ тебѣ, сказалъ онъ, а теперь новѣствую тебѣ такъ: ты оставишь герцога Лауэнбургскаго навсегда: твоя любовь—смертный грѣхъ; послушаешь меня?

Глаза ея снова метнули искры, но потомъ они приняли выраженіе строгой рѣшимости и она покачала головой; король повернулся къ главному палачу, стоявшему все время у дверей.

— А этотъ что сдѣлаетъ со мной? спросила дѣвущка, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ;—это палачъ? Онъ меня казнитъ?

— Онъ обстрижетъ тебѣ волосы, а потомъ, съ ближайшимъ транспортомъ, ты будешь отправлена въ Швецію и помѣщена въ исправительное заведеніе, пока не превратишься въ добрую и честную лютеранку.

Ужасъ перводомый, слѣпой ужасъ охватилъ дѣвущку; Швеція, вѣдь это та ледяная страна, о которой она слышала такіе страшные рассказы, вѣдь тамъ—преддверіе царства чудовищъ и привидѣній! Исправительный домъ! какую пытку означаетъ собою это незнакомое ей слово? Добрая лютеранка! Но вѣдь это ничто иное какъ еретичка? Такъ, значитъ, она должна потерять и свое мѣсто въ раю? Она, не нарушавшая никогда ни одного поста, всегда исполнявшая всѣ требованія своей религіи! Коринна схватила свой крестикъ и страстно прижала его къ губамъ.

Ея помутившійся взоръ окинулъ всѣхъ присутствующихъ и когда остановился на палачѣ, то въ немъ явно блеснула жажда мести, она уже открыла ротъ, чтобы, въ свою очередь, обвинять короля въ нарушеніи сунурусской вѣрности; Густавъ-Адольфъ стоялъ теперь спокойно въ сторонѣ; взявъ въ руки написанное Лейбелфингомъ письмо, онъ читалъ его, приближивъ его къ глазамъ, въ его прекрасныхъ чертахъ, ясно выражавшихъ борьбу между строгостью и милосердіемъ, было что то величественное, божественное, что произвело сильное впечатлѣніе на Коринну, испугало ее; ей чудилось въ немъ, что то невѣдомо-страшное, она не въ силахъ была болѣе смотрѣть на короля; „этотъ свѣтлый король—ледяной человѣкъ, не чувствующій близости женщины и ея любви къ нему, подумала она,—я могла бы погубить эту дѣвущку, но къ чему же? и притомъ—она, вѣдь, любитъ его“. Профосъ сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку къ славянкѣ; въ дикомъ испугѣ и какъ молнія кинулась она къ пажу, которому шепнула на ухо: „вели

по мнѣ отслужить десять обѣдней, сестричка! скажи ему, моему милому! А ты мнѣ должна хорошую свѣчку! Ну, одной счастье, другой“... Съ этими словами дѣвущка быстро выхвативъ изъ-за пояса маленькій книжалъ и ловкимъ ударомъ перерѣзала себѣ шейную артерію, точно голубку, вѣроятно, этому ловкому приему она выучилась въ походной кухнѣ.

Главный палачъ, снявъ съ себя красный плащъ, накрылъ имъ и вынесъ ее изъ комнаты какъ заснувшее дитя.

Въ эту минуту въ сосѣднемъ залѣ послышался шумъ и говоръ толпы и ровно въ девять часовъ король, предъ которымъ Лейбелфингъ раскрылъ двери, показалъ я предъ собравшимися тамъ нѣмецкими князьями и дворянами, ихъ набилось въ тѣсной комнатѣ отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ и они образовали густосплоченный кругъ: господа дворяне держали себя не съ особенной почтительностію, иные даже съ явной небрежностію, какъ будто незнакомые ни съ чувствомъ стыда, ни съ чувствомъ страха. но въ сущности же, то были люди, по своему обыкновенію, хитрые съ смѣлыми, высокомерные съ слабыми и смѣренные съ сильными; однако, съ ними приходилось считаться, такъ какъ большинство изъ нихъ выставили собственные отряды въ войскѣ короля. Нѣсколько вѣтовъ отъ короля скромно стоялъ капитанъ Эрлахъ, которому, собственно, нечего было тутъ и дѣлать; этотъ воинъ вступилъ подъ знамена Густава-Адольфа потому, что считалъ его богобоязненнымъ изъ героевъ своего времени; часто приходилось ему слышать сѣтованія короля на грѣхи, встрѣчавшіеся здѣсь, въ имперіи, на каждомъ шагѣ: неблагодарность, притворство, интриги, козни, измѣны, и многое другое, совершенно неизвѣстное и невозможное на родинѣ Эрлаха, въ гористой Гельвеціи; можетъ быть, впрочемъ, онъ забрался теперь сюда для того, чтобы потомъ имѣть возможность разсказать что нибудь новое своему интимному другу, французскому посланнику, такъ какъ французы всегда и вездѣ отличались чрезвычайнымъ любопытствомъ, а можетъ быть пришелъ и единственно съ намѣреніемъ насладиться душевнательнымъ зрѣлищемъ побѣды добродѣтели надъ грѣхомъ; скромно опустивъ глаза и сложивъ свои грубыя руки, Эрлахъ сталъ ждать. Прямо противъ этого олицетворенія добродѣтели, но правую руку короля, стояло олицетвореніе безстыднаго грѣха—герцогъ Лауэнбургскій, неспокойно переминавшійся съ ноги на ногу, въ своемъ богатѣйшемъ нарядѣ и драгоцѣнномъ кружевномъ воротникѣ, съ своей дьявольской улыбочкой и бѣгающими глазами; по дорогѣ сюда, къ королю, онъ встрѣтилъ одного изъ слугъ палача, несшаго его красный плащъ, и, узнавъ подъ складками человѣческую фигуру, подошелъ и приподнял край.

Гнѣвнымъ взглядомъ смѣрилъ Густавъ-Адольфъ собраніе и—загрохотала гроза; раздраженный рѣзкимъ противорѣчіемъ между гордымъ видомъ этихъ людей, ихъ пышнымъ одѣяніемъ и, съ другой стороны—низостью бившихся подъ этими роскошными костюмами сердецъ и желая унижить это высокомеріе и, въ то же время, заклеймить ихъ преступленіе, король разразился грубыми, непривычными ему ругательствами.

— Разбойники вы и воры, отъ перваго до послѣдняго! да будетъ вамъ стыдъ! вы обкрадываете своихъ земляковъ и единовѣрцевъ! Мнѣ отвратительно на васъ глядѣть! Мое сердце переворачивается въ груди! Для вашей свободы я отдалъ мои сокровища—сорокъ бочекъ золота—а отъ васъ не взялъ себѣ и на пару штановъ! да—лучше я буду голышъ, нежели одѣнусь въ нѣмецкое добро! Вамъ я всегда дарю все, что попадаетъ въ мои руки, себѣ не удерживаю никогда и волоска свиной щетинки!

Затѣмъ, нѣсколько смягчившись, онъ вспомнилъ о ихъ мужествѣ, ихъ безукоризненномъ поведеніи предъ непріителемъ, на полѣ битвы: „Вы храбры, да, это такъ! на это пожаловаться нельзя! Но, загремѣлъ онъ вновь,—попробуйте возмутиться противъ меня,—я, съ моими финнами и шведами, такъ васъ проучу, что только ключья полетятъ!“

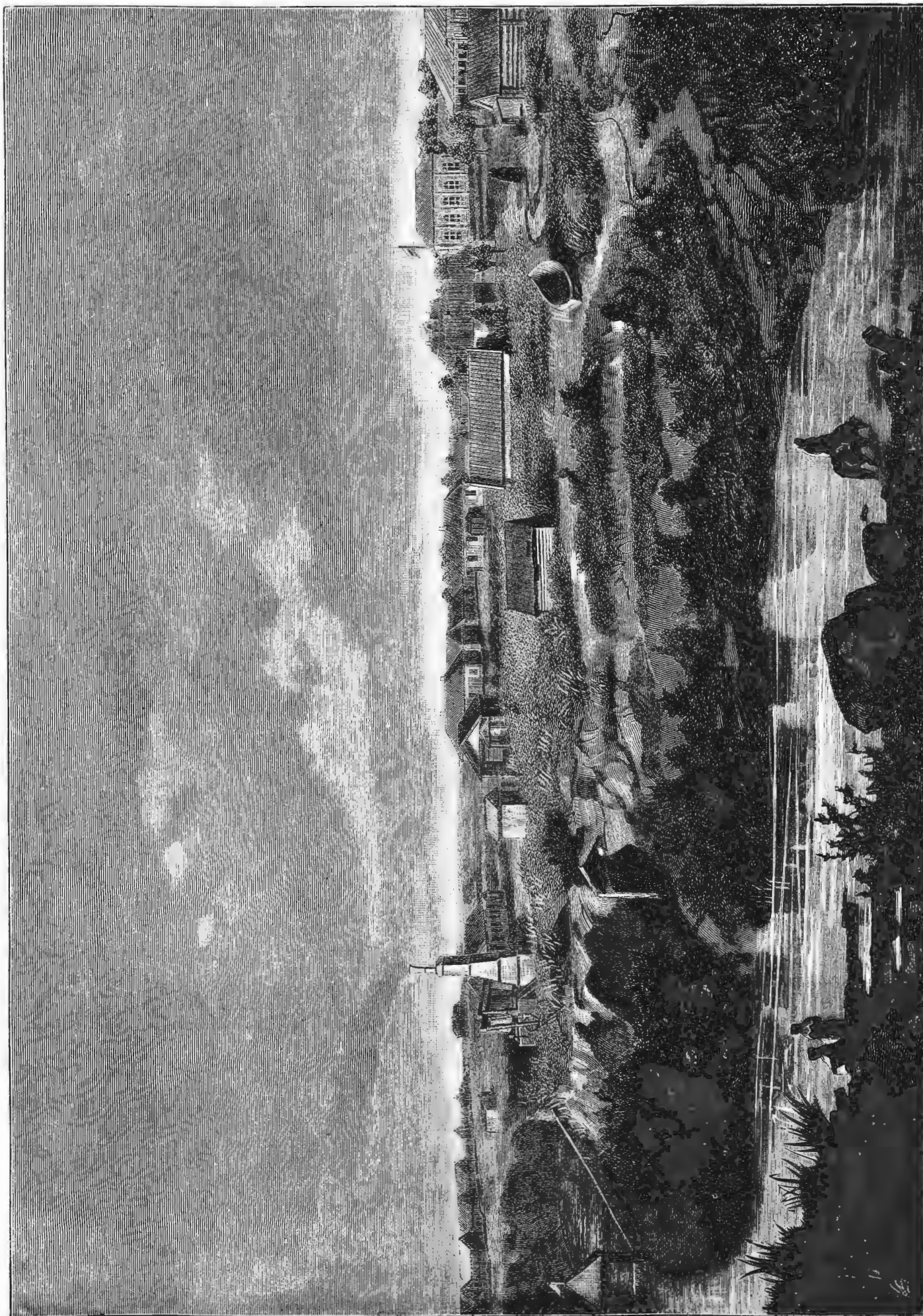
Свою грозную рѣчь онъ закончилъ христіанскимъ наставленіемъ и увѣщаніемъ внять данному имъ уроку. Честный Эрлахъ стеръ своей мозолистой рукой набѣжавшую слезу, а дворяне, хотя и сдѣлали видъ, что все это имъ не такъ ужъ страшно, однако сѣтсивый видъ ихъ сильно поубавился; нѣкоторые казались взволнованными, даже тронутыми; нѣмецкая натура охотнѣе стерпеть грубую брань, нежели мягкое поученіе или тонкую язвительную насмѣшку.

До сихъ поръ все шло хорошо и хорошо бы кончилось, еслибъ не герцогъ Лауэнбургскій: подубернувшись и обращаясь не то къ королю, не то къ дворянамъ, онъ, съ нахальною и безразсудною дерзостію, протворилъ:

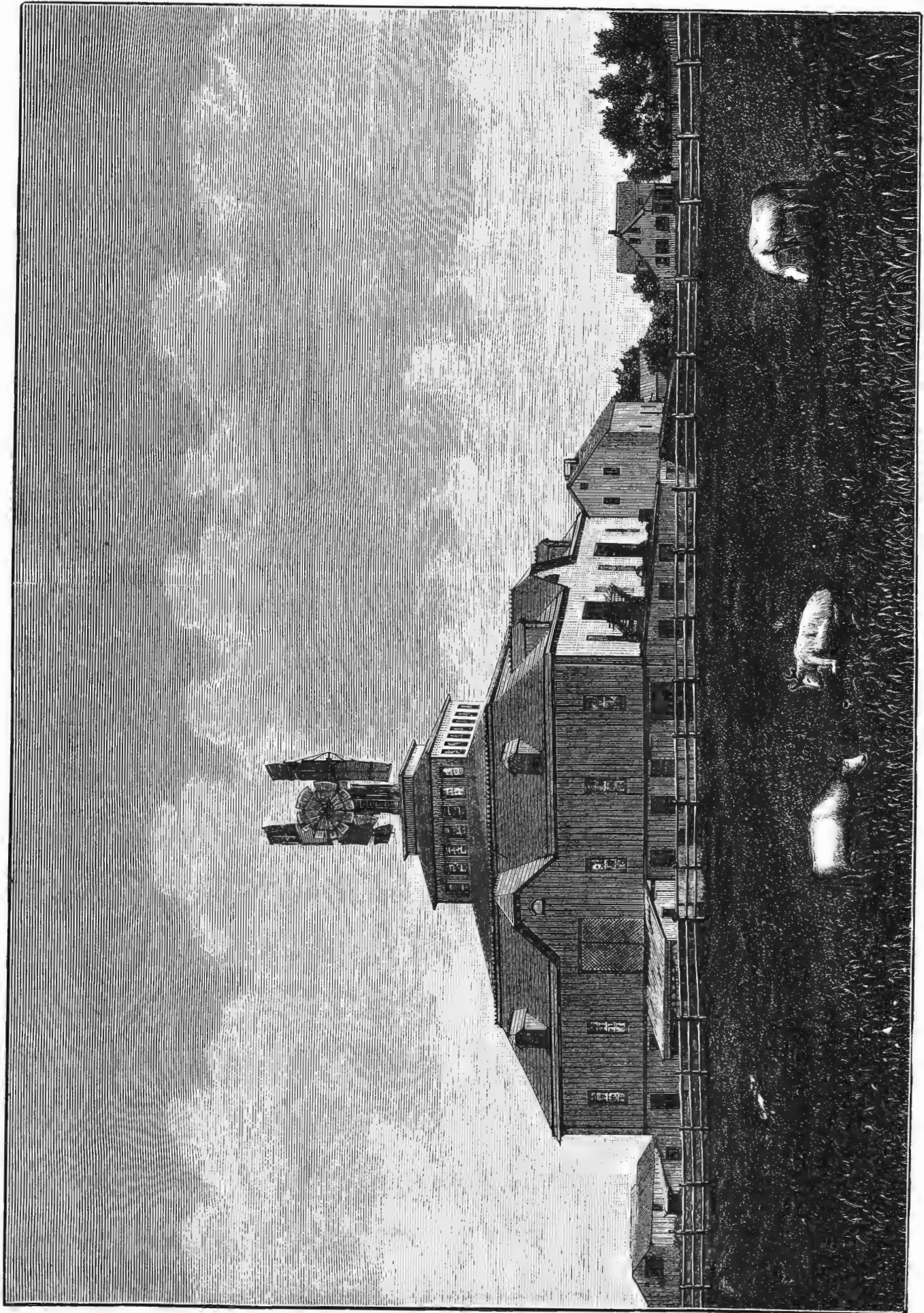
— Какъ можно государю изъ за такой дряни гнѣваться? И что же мы, господа дворяне, совершили такое ужасное? Немного пооблегчили груза у своихъ подданныхъ!

Густавъ-Адольфъ поблѣднѣлъ; онъ сдѣлалъ знакъ стоявшему тутъ у дверей палачу.

— Положи твою руку на плечо этому дворянину, приказалъ онъ; тотъ подошелъ, но не рѣшился поинноваться, такъ какъ герцогъ обнажилъ шпагу и въ толпѣ пронесся грозный ропотъ. Густавъ-Адольфъ обезоружилъ Лауэнбургскаго и, бросивъ ключокъ на полъ, разбилъ его ногой въ дребези, послѣ чего схватилъ широкую и волосатую руку палача и положилъ на плечо

Столыпинскія минеральныя воды (Самарск. губ., Николаевск. уѣзда).
Рис. съ натуры Л. Игорева, граф. М. Раповскій.

С. Американскіе Штаты. Въ Штагъ Иллинойсъ. Ферма Г. Миллера. Съ фотогр. грав. М. Ращевскій.

герцога, прижав так сильно, что тот несколько секунд, пока король ее держал там, казался хромым: „Ты—имперский князь, милый мой, и я не могу тебя казнить, но пусть коснется тебя рука палача“.

Затѣмъ король повернулся и вышелъ, палачъ мѣрнымъ шагомъ послѣдовалъ за нимъ.

Пажъ Лейбельфингъ, втиснутый столпившимися дворянами въ оконную нишу, завѣшанную тяжелой камчатной портьерой со большими кистями—хотѣлъ тамъ отъ удовольствія, почти до слезъ во время происходившей въ залѣ сцены; послѣ кроваваго эпизода съ Коринной, эпизода, который произвелъ на него потрясающее впечатлѣнiе, но, въ то же время, и уменьшилъ его страхъ,—всѣ эти пристыженные королемъ князья казались ему какими-то смѣшными фигурами комедіи; затѣмъ, при первомъ же словѣ, произнесенномъ герцогомъ Лауэнбургскимъ, онъ былъ испуганъ тѣмъ необычайнымъ сходствомъ, которое оказывалось между голосомъ этого князя и его собственнымъ голосомъ—то былъ тотъ же самый звукъ, тотъ же самый тембръ; испугъ его усилился еще болѣе, когда, послѣ ухода короля, Лауэнбургскій произнесъ съ искусственнымъ смѣхомъ:

—Этотъ шведскій мужикъ ругался какъ простой копюхъ! Чортъ возьми—разсердился же мы его сегодня! Perret Gustav! Да здравствуетъ нѣмецкая свобода! Ну, братъ мой, сказалъ герцогъ одному изъ стоявшихъ около него князей и дотрогиваясь до его руки,—сыграемъ въ моей палаткѣ! я велѣлъ приготовить боченокъ вюрцбургскаго!“—Тотъ, однако, вѣжливо высвободивъ свою руку, поклонился и возразилъ: „очень жалѣю, ваша милость, но уже отозванъ“. Герцогъ обратился къ другому съ не менѣе веселымъ и ласковымъ приглашеніемъ: „Ну, а ты, товарищъ, не можешь мнѣ отказать! вѣдь, за тобой—реваншъ!“ Но тотъ—человѣкъ всцѣпчивый, раздражительный, повернулъ ему, безъ всякихъ разговоровъ, спину; и къ кому ни обращался герцогъ, кого ни приглашалъ—отъ всѣхъ и каждого получалъ онъ еще болѣе невѣжливые, еще болѣе рѣзкіе отказы; все отъ него отворачивалось при его приближеніи, вокругъ него образовалась пуста и вскорѣ онъ остался въ комнатѣ совершенно одинъ. Теперь, онъ ясно понималъ, что отнынѣ оставленъ своими равными, что они рѣшились избѣгать его; черты его исказились и бѣшено потрясъ онъ кулакомъ; что такое променялъ герцогъ—пажъ не размышлялъ, но выраженіе гордаго лица было, въ эту минуту, такъ страшно, что Лейбельфингъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

IV.

Вечеромъ того же дня, королю было доложено, что въ лагерь прибылъ одинъ изъ главныхъ вождей арміи герцога Фридрихскаго; дѣло, можетъ быть, шло о погребеніи павшихъ въ послѣдней стычкѣ, или о какомъ либо соглашеніи, что нерѣдко происходило между обоими враждебными войсками.

Пажъ Лейбельфингъ ввелъ вожда въ только что опустѣвшую пріемную, попросивъ обождать пока онъ доложитъ; но валленштейнецъ, сухощавый мужчина, съ желтымъ и рѣшительнымъ лицомъ, останоилъ его, сказавъ, что желалъ бы отдохнуть послѣ своей быстрой фазы; небрежно бросивъ онъ въ кресло и обратился равнодушнымъ тономъ къ стоявшему передъ нимъ пажу.

—Вашъ голосъ мнѣ будто знакомъ; какъ ваше имя?

Но Лейбельфингъ былъ увѣренъ, что никогда не видалъ и видѣть не встрѣчалъ этой холодной и повелительной фигуры.

—Я—королевскій пажъ Лейбельфингъ изъ Нюрнберга, къ услугамъ вашей милости.

—Городъ искусный на всѣ мастера, замѣтилъ тотъ, съ прежнимъ равнодушіемъ,—сдѣлай мнѣ удовольствіе примѣрить эту перчатку—она съ лѣвой руки; въ моей кноти, іезуиты, у которыхъ я воспитывался, приучили меня подымать на дорогѣ всякіе оброненные предметы; это была хорошая привычка, привычка скромнаго и услужливаго юноши, но теперь она, въ моемъ званіи военачальника, мнѣ не совѣтъ уже кетати, а все таки она у меня осталась; съ этими словами онъ вытащилъ изъ кармапа кожаную перчатку, какія тогда обыкновенно носили, но, только эта отличалась особымъ изяществомъ и стройностью формы, такъ что поцрбуей рука валленштейновскаго или шведскаго солдата натянуть ее на себя, то непременно разорвала бы по всѣмъ швамъ;—я, прибавилъ военачальникъ, поднялъ ее на первой ступенькѣ паружий лѣстницы.“

Лейбельфингъ, хотя нѣсколько и задѣтый высокочтимымъ и повелительнымъ тономъ неприятельскаго вожда, взялъ, однако, безъ всякаго недоумѣнія и съ надлежащею вѣжливостью, перчатку и надѣлъ на свои тонкіе пальцы; она пришлась какъ разъ по рукѣ, будто облила ее.

—Это—ваша перчатка, сказалъ незнакомецъ съ улыбкой.

—Нѣтъ, возразилъ удивленный пажъ,—я не ношу такой тонкой кожи.

—Такъ, дайте ее сюда назадъ! и вождь взялъ перчатку обратно; затѣмъ онъ медленно поднялся съ своего мѣста и поклонился, такъ какъ въ комнату вошелъ король.

Густавъ-Адолфъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ все съ возрастающимъ изумленіемъ, зрачки его вынуклыхъ и блестящихъ глазъ сильно расширились.

—Вы—здѣсь, господишь герцога? произнесъ онъ медленно. Онъ никогда не видалъ Валленштейна, но точна же узналъ по тѣмъ безчисленнымъ его изображеніямъ, которыя нерѣдко попадались ему въ руки и при томъ же это лицо, эта голова носили столь своеобразный отпечатокъ, что ошибиться было невозможно.

Валленштейнъ поклонился еще разъ въ знакъ отвѣта.

Король, въ свою очередь, наклонилъ голову.

—Привѣтствую ваше высочество, готовъ къ вашему услугамъ; что угодно вамъ отъ меня, герцогъ? произнесъ онъ, давъ знакъ пажу удалиться.

Лейбельфингъ бросился въ свою узенькую каморку, расположенную около королевской спальни и приходившуюся отчасти къ пріемной; въ немъ былъ какой-то страхъ, страхъ, который ему внушало не присутствіе страшнаго полководца, а подозрительное значеніе этого послѣдняго посѣщенія; смутное чувство горюило ему о тайной связи между появленіемъ Валленштейна и его судьбой.

Движимый болѣе своимъ страхомъ, нежели любопытствомъ, пажъ тихо и неслышно отворилъ глубокой шкафъ, сквозя заднюю щель котораго онъ уже одинъ разъ—только одинъ единственный разъ—смотрѣлъ на короля, насмотрѣлся на него вволю. И теперь онъ ясно видѣлъ и слышалъ все, что происходило въ той комнатѣ.

Король и герцогъ, сидѣвшіе одинъ противъ другаго, съ минуту молчали, незаметно наблюдая другъ за другомъ. Оба понимали, что теперь, въ самомъ разгарѣ борьбы, отъ исхода которой зависитъ дальнѣйшая судьба Германіи и почти наканунѣ рѣшительнаго сраженія, уже не было мѣста никакимъ соглашениямъ между ними. Въ первыхъ же словахъ герцога Фридрихскаго королю прямо высказалось сознаніе этого.

—Ваше величество, сказалъ онъ,—я являюсь къ вамъ по личному дѣлу.

На лицѣ Густава-Адолфа мелькнула холодная улыбка.

Герцогъ продолжалъ:

—Въ тѣ ночи, когда у меня бываетъ бессонница, я, обыкновенно, читаю въ постели; вчера или сегодня рано я нашель въ однихъ французскихъ мемуарахъ очень замѣтельную исторію и при томъ—исторію истинную, подкрѣпленную судебнымъ показаніемъ адмирала—говорю объ адмиралѣ Колиннѣ, котораго признаю замѣчательнымъ полководцемъ; съ позволенія вашего величества, расскажу эту исторію. Однажды, къ адмиралу вошелъ одинъ партизанъ, по имени, кажется, Пальтра, или—не помню: вошелъ онъ и какъ сумасшедшій бросился въ кресло и, принявшій говорить самъ съ собой и жаловаться на противника адмирала, Франциска Гиза, выразилъ желаніе его убить; повторю—человѣкъ этотъ говорилъ какъ сумасшедшій; адмиралъ не сказалъ объ этомъ ни слова и—Францискъ Гизъ наль отъ нуля...

—Если Колиннъ такъ поступилъ, перебилъ король,—то я не одобряю его; онъ поступилъ нечеловѣчно и не по христіански.

—И не по рыцарски, съ холодной усмѣшкой замѣтилъ Валленштейнъ.

—Къ дѣлу, ваше высочество, сказалъ король.

—Ваше величество, нѣчто подобное произошло со мной сегодня, но только еще при болѣе искусственной обстановкѣ: мнѣ доложили, что прибылъ одинъ изъ вашихъ и такъ какъ я былъ занятъ, то велѣлъ ввести его въ сосѣднюю комнату; а когда вышелъ туда, то нашель его задремавшимъ подъ вліяніемъ утренней жары; во снѣ онъ сильно бредилъ и изъ тѣхъ помпюгихъ словъ, которыми онъ произнесъ явственно, я могъ понять, что ваше величество чѣмъ-то его смертельно оскорбилъ и что, поэтому, онъ рѣшился во что бы то ни стало васъ убить; это ему сдѣлать легко, такъ какъ онъ близокъ къ вашему величеству и находится ежедневно при вашей особѣ; разбудивъ его и не желая длинныхъ съ нимъ разговоровъ, я прямо спросилъ—что ему надо; дѣло, будто бы, шло о какомъ-то пріерейскомъ уроженцѣ, находившемся на службѣ у императора и давно пропавшемъ безъ вѣсти: я далъ отвѣтъ и отпустилъ этого хитреца; объ имени его я не спрашивалъ, потому что онъ, конечно, назвалъ бы какое нибудь вымышленное; но арестовывать его только на основаніи словъ, вырвавшихся во снѣ, было бы безпощадно и крайне несправедливо.

—Совершенно согласенъ, замѣтилъ король.

—Государь, произнесъ Валленштейнъ, отчеканивая каждый слогъ,—ты предупрежденъ!

Нѣсколько мгновеній Густавъ-Адолфъ молчалъ въ задумчивости.—„Я не желаю терять времени и обременять свой умъ розысками по такимъ неопредѣленнымъ указаніямъ, сказалъ онъ затѣмъ,—моя жизнь въ Божьей рукѣ; ваше высочество не имѣетъ ли какихъ нибудь иныхъ, болѣе ясныхъ признаковъ?“

Валленштейнъ вынулъ перчатку. „Мой слухъ и этотъ кусокъ кожи—единственные признаки, которыми могу служить; забылъ сказать вашему величеству, что мой сошный гость—стройный мужчина, съ какимъ то ничего не выражающимъ лицомъ, вѣроятнѣе всеъ на немъ была маска, въ родѣ тѣхъ, какія такъ искусно дѣлаютъ въ Венеціи; но его голосъ—замѣчательно пріятнаго звука—баритонъ, или скорѣе—низкій контрабльтъ, очень похожій на голосъ вашего пажа, къ тому же перчатка,

которую онъ уронилъ, а я поднялъ, — какъ разъ приплась по рукѣ пажа“.

Король отъ души расхохотался: „я Лейбелфингу довѣрю все, съ закрытыми глазами!“

— Я и не подозреваю этого юноши, возразилъ герцогъ, — у него хорошее честное лицо, напоминающее мнѣ смѣлыя, славныя лица моихъ божескихъ босоногихъ крестьянскихъ дѣвухъ, но, ваше величество, я не поручусь ни за кого; лицо можетъ обманывать, — а если оно и не обманываетъ—я бы не держалъ около себя пажа, — будь это мой лучшій любимецъ — голосъ котораго звучитъ одинаково съ голосомъ моего пенавистника и рука котораго имѣетъ одну мѣрку съ рукой человека, желающаго меня убить. Это—не ясно. Это—что то роковое. Это можетъ погубить.

Густавъ-Адолфъ усмѣхнулся, ему вспомнилось суевѣріе этого гениальнаго выскочки, доведшаго имперію—своимъ необычай-

нымъ договоромъ съ Габсбургомъ—до безвыходнаго положенія; не поддерживая остановившагося разговора, онъ поднялся, съ словами признательности за великодушный поступокъ герцога, при этомъ, однако, протянувъ руку къ небрежно брошенной Валленштейномъ на одинъ изъ столиковъ, перчаткѣ, но—съ такимъ неловкимъ жестомъ близорукаго человѣка, что тотъ невольно улыбнулся.

— Я вижу съ удовольствіемъ, шутиво замѣтилъ король, провозжалъ герцога до дверей, — что ваше высочество заботитесь о моей жизни.

— Какъ же мнѣ не заботиться? отвѣтилъ Валленштейнъ,— хотя ваше величество и я выставили другъ противъ друга свои армады, но вы, государь, и я—герцогъ почтительно обошелъ слово „мы“ — все таки составляемъ одно; одинъ безъ другаго немислимъ—и если ваше величество или я падемъ съ міровой качели—другой конецъ упадетъ на землю.

(До слѣд. №).

Стихотвореніе.

Не шумятъ говорливыя волны...
Море синѣтъ подъ сіяньемъ луны...
Небеса темносинія пѣлны
Нерушимо? святой тишины...

* * *

Сонный берегъ не шепчется съ моремъ,
Объ утесъ не дробится волна...
Тихо все... Лишь душа моя горемъ
И тоской безъисходной полна...

* * *

Тамъ, за далью широкаго моря,
Гдѣ прозрачны всегда небеса,
Гдѣ не зналъ я страданій и горя,
Гдѣ не вынетъ природы краса,—

* * *

Тамъ все близкое сердцу оставилъ
Я, отправясь въ чужіе края...

Дерзко въ море челнокъ свой направилъ
И—свершилась погибель моя!

* * *

Вдалекѣ отъ родимаго края,
Вдалекѣ отъ родныхъ и друзей,
И душою по нихъ изнывая,
Дожидаюсь я смерти своей.

* * *

Я умру... Надъ моею могилой
Соловей запоетъ ли весной?
Не смутится ли пѣсней унылой
Мертвеца замогильный покой?

* * *

Не шумятъ говорливыя волны...
Море синѣтъ подъ сіяньемъ душъ...
Небеса темносинія полны
Нерушимой, святой тишины...

Н. Медвѣдскій.

Вліяніе музыки на людей и животныхъ.

Что мы не безразлично относимся къ музыкѣ, это извѣстно каждому, но не всякій знаетъ, какъ велико оказываемое ею на насъ вліяніе. А между тѣмъ вліяніе это настолько громадно, что уже не разъ высказывалась мысль, нельзя-ли музыкой воспользоваться, какъ средствомъ врачеванья. Какъ ни странно это звучитъ, но мысль эта справедлива. Музыка чрезъ посредство нашего органа слуха вліяетъ на нашу нервную систему, и производимые ею эффекты неисчислимы. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы намѣрены познакомить здѣсь читателя.

Громадное вліяніе музыки на человѣка, а также и на животныхъ, было замѣчено уже въ самой глубокой древности. Правда, здѣсь мы встречаемся со сказками, но въ нихъ скрыта глубокая правда. Лиру изобрѣтаетъ самъ Аполлонъ для того, чтобы звуками ея усыпить Аргуса. Орфей своимъ пѣніемъ усмирляетъ дикихъ животныхъ. Амфіонъ поетъ, и очарованные камни сами собой кладутся на мѣсто для возведенія стѣны города Фивъ. Обращаясь къ свидѣтельству исторіи, мы находимъ, что философы и мудрецы Греціи первые признали за музыкой благотворное вліяніе на нравственность и счастье народовъ, и самъ божественный Платонъ говорить слѣдующее: „Музыка была дана людямъ безсмертными богами не только для того, чтобы увеселять и ласкать ихъ чувства, но и для того, чтобы успокоивать ихъ душевныя бури и тѣ безпорядочныя движенія, которымъ необходимо подвержено полное несовершенство тѣла.“ Въ pendant къ этимъ словамъ можно привести слѣдующее мѣсто изъ „Венеціанскаго купца“ Шекспира:

„Нѣтъ на землѣ живаго существа, столь жесткаго, крутаго, злаго, чтобы не могла хотя на часъ одинъ въ немъ музыка свершить переворота“.

Не для доказательства, но лишь для иллюстраціи мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ. По расказу Галена, какой-то Дамонъ изъ Милета, играя на флейтѣ воинственную пѣсню, возбуждаетъ въ нѣсколькихъ молодыхъ людяхъ ярость; затѣмъ онъ переходитъ къ нѣжнымъ мелодіямъ и ими успокоиваетъ ихъ. Климемнестра уступаетъ преслѣдованіямъ Эгиста только послѣ смерти музыканта Демалока, а Пенелопа, повидимому, лишь благодаря музыкѣ Феніуса сохраняетъ вѣрность Улиссу. Пинагоръ успокаиваетъ музыкой одного молодого человѣка, готоваго растерзать на части свою невѣрную подругу. Императоръ римскій Неронъ отправляется въ Грецію лишь для того, чтобы заслужить тамъ первенство за музыкальномъ состязаніи. Турецкій султанъ Амуратъ IV,

заливается слезами при звукахъ музыки и даруетъ жизнь уже осужденнымъ на смерть друзьямъ своимъ.

Не слѣдуетъ думать, что вліяніе музыки всегда одно и то же на человѣческой организмъ. Напротивъ, производимые ею эффекты чрезвычайно разнообразны. Причины этому двѣ. Во первыхъ много зависитъ отъ самаго характера музыки, во вторыхъ громадное значеніе имѣетъ индивидуальность каждаго отдѣльнаго человѣка. Услыша медленные, тягучіе, такъ сказать, звуки похороннаго марша, мы едва-ли придемъ въ веселое настроеніе духа, хотя-бы мы и не знали, что это играютъ. Съ другой стороны, едва-ли намъ захочется плакать при звукахъ „Капарисской“, хотя бы мы и слышали ее въ первый разъ, хотя-бы съ ея названіемъ у насъ и не соединилось представленіе илльшущаго.

Индивидуальность, какъ уже сказано, имѣетъ громадное значеніе. Есть люди, на которыхъ музыка вовсе или очень мало вліяетъ. Такова была императрица Екатерина II. Но такихъ меньшинство. Гораздо больше такихъ, нервная система которыхъ въ высшей степени воспримчива къ музыкальнымъ звукамъ.

Тогда какъ Вольтеръ остроумничаетъ, говоря, что оперу посящаютъ для пищеваренія, совершенно иначе относятся къ музыкѣ поэты. Гейне посвящаетъ цѣлыя страницы своимъ ощущеніямъ, мыслямъ и образамъ во время игры на скрипкѣ Паганини, а Д. Ф. Штраусъ пишетъ стихотвореніе, гдѣ въ поэтическомъ образѣ говоритъ о томъ, какъ душа его растаяла отъ звуковъ Моцартовой музыки. Здѣсь-же слѣдуетъ упомянуть о глубоко-поэтическомъ, прелестномъ письмѣ Жоржъ Занда, которымъ она желала отблагодарить Мейербера: она была одержима сплинномъ и чувствовала значительное облегченіе тогда, когда ей играли изъ оперы „Робертъ-Дьяволъ.“ Вѣроятно, о подобномъ, размягчающемъ, такъ сказать, вліяніи музыки на душу человѣка думалъ Шекспиръ, когда заставлялъ Цезаря, при перечисленіи вредныхъ свойствъ Кассія, своего будущаго убійцы, сказать, что Кассій музыки не любитъ.

Сказавъ вышеприведенное изрѣченіе, Вольтеръ, должно быть, и не подозревалъ, сколько въ этой шутокъ заключается правды. Жившіе до него англійскій поэтъ Мильтонъ и великій голландскій врачъ Бѣргаве были одного, повидимому, съ нимъ мнѣнія, такъ какъ они имѣли обыкновеніе заниматься послѣ обѣда музыкой.

Но гораздо воспримчивѣе къ музыкальнымъ звукамъ была нервная система одного французскаго поэта, искавшаго за

скрипкой или виолончелью того вдохновенія, которое часто оставляло его. Тоже самое рассказывают про одного живописца. Еще сильнѣе проявлялось вліяніе музыки на знаменитой актрисѣ Малибранъ. Услышавъ въ первый разъ симфонію ut-minor Бетховена, она упала въ судорогахъ и была вынесена изъ залы. Такова-же была и та молодая дѣвушка, про которую Вансвитель рассказываетъ, что мускулы ея начинало подѣргивать конвульсіями каждый разъ, когда ей случалось услышать звукъ колокола. До какой степени сильно можетъ проявиться дѣйствіе звуковъ на психическомъ мѣрѣ человѣка, показываетъ слѣдующій примѣръ. Одинъ молодой музыкантъ пріѣхалъ изъ провинціи въ Парижъ. Однажды онъ пошелъ на оперу Спонтини „Весталка“ и, прослушавъ ее, считалъ невозможнымъ снова спуститься въ нашъ прозаическій міръ изъ того міра звуковъ, гдѣ онъ былъ. Онъ предупредилъ письмомъ друзей своихъ о своемъ намѣреніи, прослушалъ оперу еще два раза и затѣмъ пустилъ себя пулю въ лобъ.

Вліяніе музыки на массы людей громаднѣе, и проявляется при этомъ рѣзче, чѣмъ при какомъ-бы то ни было другомъ случаѣ. Вотъ почему полководцы посылаютъ своихъ солдатъ умирать подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ. Извѣстенъ такой фактъ. Во время битвы при Квебекѣ въ 1760 году, когда британскія войска стали отступать въ безпорядкѣ, генералъ сталъ жаловаться на ихъ трусость. „Милордъ,“ возразилъ ему одинъ изъ офицеровъ, „вы сдѣлали громадную ошибку, запретивъ играть на волынкахъ; ничто такъ не ободряетъ горцевъ, какъ музыка; даже теперь музыка могла бы быть еще полезна.“

„Пусть-же они играютъ себѣ, сколько хотятъ, если это можетъ исправить дѣло,“ сказалъ генералъ. Тотчасъ былъ данъ приказъ заиграть воинственную пѣсню, и едва звуки ея достигли до шотландцевъ, какъ они стали возвращаться на свои прежнія мѣста. Сэръ Костъ тоже, должно быть, имѣлъ случай убѣдиться, во время послѣдней войны въ Индіи, въ глубокой привязанности горцевъ къ музыкѣ своей страны, такъ какъ, послѣ битвы при Порто-Нуово, онъ подарилъ имъ 50 ф. стерл. на покупку волынки.

Въ своемъ сочиненіи объ упадкѣ и паденіи Римской имперіи Гиббонъ доказываетъ, что звукъ, ускоряя движеніе крови, дѣйствуетъ на человѣчскій организмъ съ той-же силой, что и краснорѣчіе. Что философъ доказывалъ умозрительно, то глубоко наблюдательный умъ Гретри, этого замѣчательнаго исто-

рика музыки, старался доказать опытнымъ путемъ. Онъ говоритъ: „Я кладу три пальца правой руки на лучевую артерію (пульсъ) лѣвой и начинаю пѣть про себя арію, тактъ которой совпадаетъ съ бѣніемъ пульса; затѣмъ я начинаю пѣть арію другимъ тактомъ и чувствую, что пульсъ или ускоряется или замедляется, смотря по моему арію.“

Первая система животныхъ устроена по аналогіи съ чело-вѣкомъ, и поэтому уже заранѣе можно сказать, что и для нихъ музыкальные звуки не безразличны. И дѣйствительно вліяніе музыки на собакъ и полковыхъ лошадей — есть фактъ общезвѣстный.

Не будемъ говорить ни о дельфинахъ, которые, по рассказу поэтовъ, переносили пѣвцовъ на своихъ спинахъ на другой берегъ, ни о крысахъ, которыхъ Бурдело видѣлъ будто-бы пляшущими подъ музыку на ярмаркѣ въ С. Жерменѣ. Остановимся только на такихъ фактахъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Наблюдая за птицею (канарейкою, попугаемъ), которой дають урокъ музыки, вы видите, что при первыхъ звукахъ она дѣлается внимательна, и лишь движенія ея крыльевъ указываютъ на то дѣйствіе, что производятъ на нее звуки музыки. Вскорѣ она начинаетъ напѣвать тѣ мотивы, что она слышала отъ васъ, и раньше или позже, смотря по своимъ музыкальнымъ способностямъ, и повторять ихъ. Гретри съ соболѣзнованіемъ говоритъ о паукѣ, который спускался на своей паутинѣ на фортепиано каждый разъ, какъ только за него садился музыкантъ, и который былъ раздавленъ однимъ изъ друзей Гретри. Таковъ-же и паукъ Пелиссона, товарища его по тюрьмѣ. Какъ-то въ одномъ французскомъ журналѣ былъ помѣщенъ слѣдующій рассказъ. Во время экспедиціи для

отысканія сэра Джона Франклина одинъ изъ гарпунщиковъ хотѣлъ убить одну изъ акулъ, во множествѣ плававшихъ около судна. Но онъ не приближался. Тогда гарпунщикъ сталъ на-свистывать, такъ какъ онъ зналъ по опыту, что киты и акулы всегда поддавались вліянію этой музыки.

Относительно собакъ Гретри говоритъ, что онъ воюетъ только при диссонансахъ, и никогда, если мелодія проста. Одна собака, по рассказу Ричарда Меда, не могла вынести одного тона, и когда музыкантъ упорно держался этого тона, она наконецъ упала въ конвульсіяхъ.

Мы уже раньше упоминали, что вліяніе музыки бываетъ различно, смотря по ея характеру. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени любопытенъ концертъ, данный двумъ слонамъ въ Парижскомъ Ботаническомъ Саду во времена великой фран-

Древняя икона Тихвинской Божіей Матери. 500-лѣтніе иконы. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

500-літє ікони Тихвинської Божїей Матері. Видь Тихвинського монастиря. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

цузской революции (10 преріала 6 года). Концерт начался аріями на двухъ скрипкахъ и фоготъ въ сі—мажорномъ тоѣ. Испугавшіеся—было слоны вскорѣ успокоились, и когда раздалась арія въ сі—минорномъ тоѣ изъ „Ифигенія въ Тавриды“, стали ходить по своему помѣщенію въ тактъ музыки. При этомъ они по временамъ издавали крики, что было приписано гнѣву. По спрошенный объ этомъ вожакъ отвѣчалъ, что слоны не сердятся. Затѣмъ при простой и нѣжной аріи, игранный въ ut—минорномъ тоѣ, слоны слушали неподвижно и не помѣщали ни однимъ крикомъ. Но они тотчасъ стали двигаться, кричать и свистѣть какъ только услышали веселую пѣсню „Cagli“, игранную въ гс. Когда же было переѣнено на fa, слоны тотчасъ успокоились: арія была также, не то было выраженіе ея, была также гармонія, не было прежней энергіи. Ре было возобновлено снова, и снова получили прежній эффектъ: слоны снова стали ходить и криками выражать свои чувства. Но вотъ раздалось пѣніе двухъ человѣческихъ голосовъ и успокоило ихъ.

Такимъ образомъ, дѣйствіе музыкальныхъ звуковъ на че-

ловѣка и животныхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Поэтому, когда говорятъ о возможности пользоваться музыкой, какъ средствомъ цѣлебнымъ, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Можно ли смѣяться надъ Демокритомъ, рекомендовавшимъ музыку противъ чумы, надъ Галеномъ и Дезо, рекомендовавшими ее—первый при укушеніи змѣй и скорпионовъ, второй—при укусахъ бѣшеными собаками, но нельзя смѣяться надъ Цельсомъ, говорившемъ о музыкѣ, какъ о средствѣ успокаивающаго сумасшедшихъ. Цельсъ жилъ въ началѣ нашей эры. Съ тѣхъ поръ успѣло накопиться много фактовъ, доказывающихъ справедливость мысли римскаго врача, а въ нѣкоторыхъ домахъ для умалишенныхъ уже на опытѣ убѣждаются въ благодѣтельномъ вліяніи музыки на помраченное сознание несчастныхъ пациентовъ. Не даромъ-же законодатели древности думали посредствомъ музыки управлять цѣлыми народами, и Полибій, говоря о музыкальныхъ народахъ Аркадіи, противопоставляетъ мягкость ихъ нравовъ грубости обитателей Кинеты, которые пренебрегали музыкой.

Къ рисункамъ.

Полуночное солнце на Лофоденѣ.

(Рис. на стр. 612 и 613).

Близъ сѣверныхъ береговъ Норвегіи есть группа весьма малонаселенныхъ каменнстыхъ острововъ—Лофоденскихъ. Рисунокъ нашъ представляетъ береговыя скалы одного изъ острововъ Лофодена, озаренные лучами *полуночного солнца*.

Наши сѣверныя, такъ называемыя „бѣлыя ночи“ даютъ нѣкоторое, хотя слабое понятіе о лѣтней полярной ночи. У насъ только не наступаетъ темноты и все освѣщено ровнымъ, какимъ-то холоднымъ свѣтомъ, который дѣйствуетъ раздражительно на южнаго жителя, не привычнаго къ такому явленію. Но на далекомъ сѣверѣ лѣтомъ солнце свѣтитъ ночью также ярко, съ такимъ же блескомъ, какъ днемъ. Уже въ Петербургѣ, во время лѣтнаго солнцестоянія, солнце въ самую полночь опускается только на 6°35' ниже горизонта. Въ холодныхъ странахъ, по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ, непрерывный день дѣлится по нѣскольку недѣль, даже по нѣскольку мѣсяцевъ, смѣняя собою такую же непрерывную полярную ночь. На сѣверномъ полюсѣ солнце не сходитъ съ горизонта съ 9-го марта по 11-е сентября. Въ широтѣ 70°, на которой расположены Лофоденскіе острова, солнце не заходитъ 65 дней.

Сказаніе о странѣ съ незатѣмнымъ днемъ, безъ ночи, не вымыселъ и это знали и прежде. Уже Плиней, за триста лѣтъ до христіанской эры, говоритъ, что на сѣверѣ Европы есть дивная страна, гдѣ солнце не заходитъ много мѣсяцевъ. Желаніе узнать этотъ чудный край, заставило его покинуть свою прекрасную родину Массилію; онъ отправился за полярный кругъ и былъ очарованъ полуночнымъ солнцемъ. Вернувшись на родину, онъ напелъ только недобрыя слухи о немъ, и его рассказы о *застывшемъ ледяномъ морѣ*, которое переполнено морскими звѣздами и препятствуютъ ѣздѣ, возбуждали смѣхъ въ его современникахъ—грекахъ, которые никогда не могли видѣть на Средиземномъ морѣ, какъ вода при замерзаніи образуетъ ледяную кору, плавающую на поверхности.

Спустя болѣе ста лѣтъ послѣ того, король Альфредъ англійскій послалъ Отера на сѣверъ для изслѣдованія сказочной страны Писоея. Отеръ рассказывалъ потомъ королю, что онъ ѣхалъ къ сѣверу очень долго, имѣя по правую руку необитаемую цѣпь горъ, а по лѣвую—море. Дни становились все длиннѣе и длиннѣе и наконецъ слились въ одинъ безконечный день. Море во время путешествія было бурно и бѣлый туманъ стался по волнамъ. Король все записывалъ рассказы. Но когда Отеръ началъ говорить объ успѣхахъ своей охоты, какъ онъ со своими пятью спутниками, въ два дня, убилъ пятьдесятъ моржей и тюленей, король въ сомнѣніи положилъ перо.

И дѣйствительно, сѣверъ Норвегіи представляетъ дивную страну, гдѣ солнце не заходитъ цѣлое лѣто, но за то оно смѣняется одинаково длинной ночью во время зимы. Зимнее время, житель сѣвера Норвегіи—дома, въ семьѣ, при вѣчномъ свѣтѣ лампы. Немногія семейства пасторовъ, докторовъ—единственныхъ образованныхъ здѣсь людей—изъ года въ годъ живутъ въ этой ночи. Навѣщаютъ ихъ изрѣдка ближайшія знакомыя семьи. Ближайшія, значить живущія на разстояніи миль, и путь къ нимъ по бурному зимнему морю въ лодкѣ, не очень заманчивъ.

Удивительно, какъ увеличиваются дни, если ѣхать лѣтомъ на сѣверъ. Еще въ Коленгагенѣ, сверкаютъ на небѣ звѣзды, но въ Христіаніи напрасно мы будемъ искать ихъ. Въ Дронтеймѣ уже нѣтъ болѣе сумерекъ. Передъ нами ясно видѣтъ Фіордъ съ его голубоватыми горными берегами, а блестящая лучистая корона на сѣверѣ показываетъ мѣсто, гдѣ солнце скрывается на нѣсколько часовъ. Дронтеймъ можетъ считаться пунктомъ, отъ котораго, собственно, нужно начинать путешествіе. Шведы также выѣзжаютъ смотрѣть солнце къ горѣ Авасака. Но поѣздка должна быть предпринята во время солнечнаго поворота, такъ какъ съ высоты этой горы, въ полуночную пору солнце видно только шесть дней. Въ Норвегіи же, съ Нордкапа, оно видно еще въ Августѣ.

Кто хочетъ видѣть это дивное явленіе, въ полдень выѣзжаетъ изъ Дронтейма; вдали видѣется залитый солнцемъ архипелагъ: сотни острововъ и рифовъ, изъ которыхъ нѣкоторые выдаются надъ моремъ только на нѣсколько футовъ. У Фіорда Намсось солнце закатывается только въ одиннадцать часовъ вечера. Напрасно, привыкшіи къ такому зрѣлищу, капитанъ приглашаетъ спать; еще два часа пассажиры спятъ за сѣвернымъ сіяніемъ, видѣющимся на небѣ. Затѣмъ наступаетъ солнечный день, съ такой необыкновенной прозрачностью воздуха, о какой на югѣ Европы не имѣютъ понятія. Къ вечеру приближаются къ Гестманду—острову, на юго-восточномъ своей формѣ рыцаря, устремляющагося въ море. Солнце все болѣе и болѣе садится, когда проѣзжаютъ мимо глетчера Свартизена, высота котораго достигаетъ четырехъ тысячъ футовъ. Далѣе дорога идетъ мимо мыса Куненъ, а затѣмъ, на разстояніи двадцати миль надъ широкимъ зеркаломъ западнаго Фіорда, открывается величественный видъ: верхи Лофоденовъ. Уже полночь, солнце стоитъ на два градуса надъ горизонтомъ. Отъ Боде путь по западному, бурному Фіорду идетъ къ громадной цѣпи Лофоденскихъ острововъ. Это не разрозненный архипелагъ, но цѣпь горъ, въ которой течения между отдѣльными островами образуютъ долины, наполненныя водою. Здѣсь, на сѣверѣ Норвегіи, испытываешь такое впечатлѣніе, точно ѣдешь по затопленной странѣ, и выдающіяся изъ подъ воды горы кажутся вершинами цѣпей горъ, скрытыхъ водою. Всюду, гдѣ поселился человѣкъ со своими домашними животными, вблизи подъ водою находятся миллионы рыбъ и китовъ. Поверхность моря постоянно оживлена: киты плаваютъ иногда десятками, пуская фонтаны воды; дельфины скачутъ изъ воды и образуютъ дугу снова погружаются въ море. Сельди здѣсь желанныя гости. Сторожевые рыбаки высматриваютъ ихъ долго и при первомъ появленіи даютъ знать о томъ товарищамъ, которые сѣтями вылавливаютъ ихъ ежегодно миллионы. Еще дѣятельнѣе ведется ловля наваги, которая въ первые зимніе мѣсяцы, когда полярная ночь еще покрываетъ страну, приходится къ Лофоддену метать икру. Море здѣсь никогда не замерзаетъ; даже зимою оно сохраняетъ теплоту Гольфстрема, идущаго сюда изъ Мексиканскаго залива и приносящаго сюда изъ тропиковъ красное дерево и плоды южныхъ странъ. Зачастую, камни на Лофодденахъ томятъ нахучимъ и драгоценнымъ деревомъ. Наваги ежегодно вылавливается до тридцати миллионъ и эта громадная цифра не заслуживаетъ вниманія сравнительно съ тѣмъ, что обыкновенно еще остается.

Жизнь рыбаковъ на Лофодденахъ находится въ постоянной опасности, и быть можетъ потому въ Европѣ нѣтъ болѣе религіознаго народа какъ норвежцы. Часто среди занятій на морѣ, буря застигаетъ рыбака; для своего спасенія, онъ покидаетъ свои сѣти и долженъ спѣшить въ безопасное мѣсто.

Для своего путешествія на Лофоденъ, никто не выберетъ скучнаго, опаснаго зимняго времени. Пристаютъ къ берегу въ прекрасный лѣтній день. Въ горныхъ, глубокихъ разцелинахъ еще лежитъ снѣгъ, напоминающій о зимѣ, какъ видно на нашемъ рисункѣ, но черезъ недѣлю, другую, онъ совершенно растаетъ. Къ вечеру лодка мчится по узкому Зунду, по которому пролегаетъ путь на сѣверъ, къ Ледовитому морю. Еще скала скрываетъ полный видъ, но вотъ она осталась позади и сквозь туманъ васъ объемлетъ море свѣта и пламя лучей багроваго, полуночнаго солнца...

Дѣти въ лѣсу.

(Рис. на стр. 617).

Не одинъ разъ читатели наши встрѣчали въ „Нивѣ“ копіи съ картинъ талантливаго нашего художника г. Корзухина, но помѣщаемая нами теперь отличается особенно милымъ и граціознымъ замысломъ и выполненіемъ. Дѣтки забралась въ лѣсъ по грибы и были все веселы и щелбали какъ птички, какъ вдругъ загрозилъ отдаленный громъ, крупныя капли дождя застучали по листьямъ, громъ все грознѣе и ближе, молнии озар-

глядеть ярко и страшно мгновенным блеском окрестности, и дѣтки, перепуганныя, бросились подъ дерево. Все это задумано и исполнено тепло и правдиво, и какъ пейзажъ, такъ и фигуры испуганныхъ дѣтей прекрасно дополняютъ одно другое.

Столыпинскія минеральныя воды.

(Рис. на стр. 620).

Въ 50 верстахъ отъ торговаго села Балакова, пароходной пристани на р. Волгѣ, Самарской губерніи, Николаевского уѣзда, расположено заведеніе „Столыпинскихъ минеральныхъ водъ“. Здѣсь на незначительномъ пространствѣ, измѣщаясь не болѣе 6 верстъ разстояніи своихъ крайнихъ пунктовъ, мы встрѣчаемъ необыкновенное богатство разнообразныхъ минеральныхъ водъ, а именно: обильные сѣрные источники, желѣзистые источники, разсолную воду и минеральную грязь. Если къ этимъ натуральнымъ средствамъ прибавимъ разсолъ, приготовляемый изъ воды соленыхъ озеръ, и настоящій степной кумысъ, то Столыпинское кумысо-водолецное заведеніе занимаетъ весьма счастливое положеніе въ ряду отечественныхъ минеральныхъ водъ, имѣя возможность успѣшнаго леченія очень разнообразныхъ болѣзней, посредствомъ комбинаціи разныхъ своихъ средствъ. Въ виду приближающагося осенняго сезона, когда болѣе всего страдаютъ ревматизмомъ, золотухой, застоємъ крови въ брюшныхъ органахъ, завалами, гемороємъ, хроническимъ катаромъ дыхательныхъ путей, болѣзнями нервной системы, малокровіемъ и множествомъ другихъ хроническихъ болѣзней, ищущихъ облегченія для своихъ страданій, устремляясь къ излюбленнымъ заграничнымъ источникамъ, мы пошли совершенно извѣстнымъ привести нѣсколько сравнительныхъ цифръ количественнаго содержанія, какъ источниковъ Столыпинскихъ минеральныхъ водъ, такъ и заграничныхъ. Главный представитель заграничныхъ сѣрныхъ водъ—Аахенъ—содержитъ на 1 ф. воды 32 гр. солей и 0,04 гр. сѣрводорода; нашъ знаменитый Пятигорскъ—33 гр. солей и 0,05 гр. сѣрводорода; Столыпинка—139 гр. солей и 0,21 гр. сѣрводорода. Слѣдовательно Столыпинскій сѣрный источникъ, какъ относительно содержанія солей, такъ и въ отношеніи количества сѣрводорода, болѣе чѣмъ въ 4 раза сильнѣе Аахенскихъ и Пятигорскихъ источниковъ; по запаху сѣрводороднаго газа ощущается лишь около самыхъ источниковъ и купаленъ; на площадяхъ, гдѣ расположены вокзалъ, хозяйственные и жилия помѣщенія, воздухъ чистъ и ароматиченъ. Въ 2½ верстахъ къ сѣверу отъ заведенія находятся желѣзистые источники, которые, содержа болѣе ½ гр. желѣза на 1 ф. воды, занимаютъ, по процентному содержанію желѣза къ плотнымъ частямъ, среднее мѣсто между Дрибургскими и Пирмонтскими источниками, но отъ нихъ отличаются меньшимъ содержаніемъ угольной кислоты. Въ 4 верстахъ къ югу отъ заведенія сѣрныхъ водъ, находятся 3 соленыхъ озера, воды которыхъ, имѣя на 1 ф. 358 гр. солей, содержатъ въ себѣ минеральныхъ веществъ вдвое болѣе противъ Старорусскихъ и Крейцбахскихъ; втрое болѣе Славянскихъ и Киссингенскихъ и въ 5 разъ болѣе нежели Друскенинъ и Висбаденъ. Изъ всѣхъ европейскихъ морей самое богатое содержаніемъ солей Средиземное, воды котораго содержатъ въ себѣ отъ 3,0 до 5,8%. Столыпинскія разсолныя озера имѣютъ отъ 4,7 до 6,0% солей, тождественныхъ съ солями морской воды, и поэтому могутъ съ удобствомъ замѣнить сильное морское купанье. Въ этихъ же озерахъ, преимущественно въ среднемъ, находится неисчерпаемое количество минеральной грязи, которая, по мнѣнію профессора Шиндла, въ химическомъ и термическомъ отношеніяхъ, одинаковаго достоинства съ грязями Старорусской, Арнебургской и Гальсальской. Изъ этого скатаго очерка видно, какая богатая цѣлебная сила заключается въ Столыпинскихъ минеральныхъ источникахъ и грязяхъ, и, несмотря на то, что рациональная эксплуатація ихъ началась недавно, тѣмъ не менѣе они пользуются большою извѣстностью между больными Самарской и соседнихъ съ нею губерній, и эти воды ждутъ блестящаго будущаго. Осенью минувшаго года начались дѣятельныя работы по улучшенію и усовершенствованію заведенія. Довольно красивое мѣстоположеніе, удобства сообщенія (желѣзная дорога до Волги, пароходство до Балакова), здоровый климатъ, хорошія помѣщенія и дешевизна дѣлаютъ эти воды доступными и небогатымъ, лишеннымъ возможности истратить тысячи на заграничную поѣздку.

Ферма въ Иллинойсѣ.

(Рис. на стр. 621).

Ни въ одной европейской странѣ, конечно, не ведется сельское хозяйство въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Только здѣсь, въ этихъ безконечныхъ преріяхъ, въ этихъ необъятныхъ пустынныхъ пространствахъ, обладающихъ благодатной почвой, человекъ можетъ найти желаемый просторъ для какой угодно сельскохозяйственной дѣятельности. Спросъ хлѣба и другихъ полезныхъ злаковъ громадный; торговля мясомъ ведется теперь даже съ Европой; въ рабочихъ рукахъ также вѣтъ недостатка, такъ какъ ежегодно масса эмигрантовъ прибываетъ

въ Америку искать для себя работы и вся эта масса ищетъ не всегда напрасно; работы для нея вдоволь, такъ какъ здѣсь кипитъ самая разнообразная дѣятельность, возникаютъ самыя обширныя предприятия, выполняются самыя грандіозныя проекты. Сѣплы пионеры проникаютъ все дальше и дальше въ глубь страны и вытѣсняють все болѣе и болѣе коренное населеніе—индійцевъ, занимая мѣста ихъ кочевьевъ, укрѣпленными блокгаузами и подвергая мало по малу ихъ земли сельскохозяйственной культурѣ. Правительство не даетъ пионерамъ никакихъ поощреній; оно предоставляетъ ихъ вопль ихъ собственнымъ средствамъ, ихъ энергіи, безстрашію и смѣлости. По основному закону Соединенныхъ Штатовъ, все пространство, не вошедшее въ ихъ составъ, носитъ названіе территорій и каждый можетъ селиться на такой территоріи за свой собственный страхъ и занимать какой угодно участокъ земли по своему собственному выбору. Когда въ территоріи наберется до 40,000 жителей, то она уже образуетъ штатъ; всѣ владѣнныя новыя гражданъ тогда определяются съ точностью, незанятая же земля поступаетъ въ собственность вашигтонскаго правительства и продается тогда по частямъ, съ платою по 1¼ доллара за акръ. Вотъ на этихъ то земляхъ, завоеванныхъ смѣлыми пионерами, поселяются теперь граждане болѣе мирнаго направленія, покупаютъ маленькіе участки земли и заводятъ хозяйство, стараются какъ можно скорѣе расширить и обогатиться—т. е. достигнуть конечной цѣли всякаго чистокровнаго янки.

Въ Иллинойсѣ, какъ и въ другихъ центральныхъ штатахъ, процвѣтаетъ двѣ системы, или лучше сказать—два метода хозяйства: плантація и ферма. Плантація болѣе свотвѣтствуетъ характеру янки; скудная земля въ преріяхъ за низкую цѣну, они заводятъ плантаціи или разбиваютъ землю на участки и продаютъ ее фермерамъ изъ европейцевъ, преимущественно цѣмцамъ. На плантаціи вся дѣятельность и капиталъ плантатора обращены на воздѣлываніе какого нибудь одного избраннаго продукта; на фермѣ же совершенно наоборотъ. Непривычные къ обширнымъ предприятиямъ европейскіе и въ особенности нѣмецкіе хлѣбопашцы переносятъ и въ Америку ту систему хозяйства, которая ведется на ихъ отдаленной родинѣ. Купивъ небольшой участокъ земли, они устраиваютъ себѣ домъ и возводятъ хозяйственныя постройки. На своемъ участкѣ они разводятъ и маньт, и пшеницу, и горохъ, и ленъ; обзавдаются садомъ и огородомъ; занимаются разведеніемъ самыхъ разнообразныхъ домашнихъ животныхъ и птицъ. Но какъ только такой фермеръ нѣсколько приурочится къ духу страны, заразится американскою предприимчивостію, то миниатюрное хозяйство уже перестаетъ удовлетворять его и онъ заводитъ его уже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Одна изъ такихъ большихъ фермъ и представлена на нашемъ рисункѣ. Она принадлежитъ также не чистокровному янки, а нѣмецкому переселенцу, г. Миллеру, но послѣдній, уже давно переселившійся въ Иллинойсѣ, принялъ чисто американскій способъ вести свое хозяйство на самую широкую ногу. Ферма его скорѣе похожа на малую нибудь виллу, но конечно только снаружи; распахнувши двери, вы оучитесь лицомъ къ лицу съ обширными стойлами для скота и съ громадными складами для винограда и сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ центрѣ аданія помѣщается мельница, крылья которой, укрѣпленныя на изящной башенкѣ, даютъ фермѣ видъ какой-то громадной мануфактуры. Въ пространствѣ, огороженномъ проволоочною изгородью, болѣе всего употребляемой въ Америкѣ, помѣщается еще много другихъ мелкихъ хозяйственныхъ построекъ, а также домъ самого хозяина—домикъ очень скромный (видный вдаль на рисункѣ справа) и совершенно подавленный размѣрами фермы. Въ этомъ то небольшомъ помѣщеніи, снабженномъ маленькимъ садомъ, живетъ г. Миллеръ со всѣмъ семействомъ, предоставляетъ палачо своимъ быкамъ и мѣшкамъ съ брумкорномъ, мансомъ и прочимъ. Впрочемъ это—чисто американская черта; въ частной жизни янки, обладающій миллиономъ долларовъ, самый скромнѣйшій человекъ въ мірѣ. Въ простомъ платьѣ, ему трудно отличить отъ простаго рабочаго, и только какаѣ-то сосредоточенность и серьезность даютъ замѣтить, что этотъ человекъ создаетъ обширныя планы и громадныя предприятия. Только на своей плантаціи, или на фермѣ, чистокровный янки разстается со своей флегмой; здѣсь онъ дѣятельный, предприимчивый хозяинъ, у котораго дѣло кипитъ, подъ руководствомъ котораго сотни людей работаютъ также дружно, какъ одинъ человекъ. Умѣнье вести каждое дѣло и ладить со всякими людьми—неоцѣнимое качество американца и, лишь благодаря ему, создается онъ себѣ тѣ громадные миллионныя капиталы, которые даже и не сняты бокамы стараго свѣта.

Тихвинскій Большой монастырь.

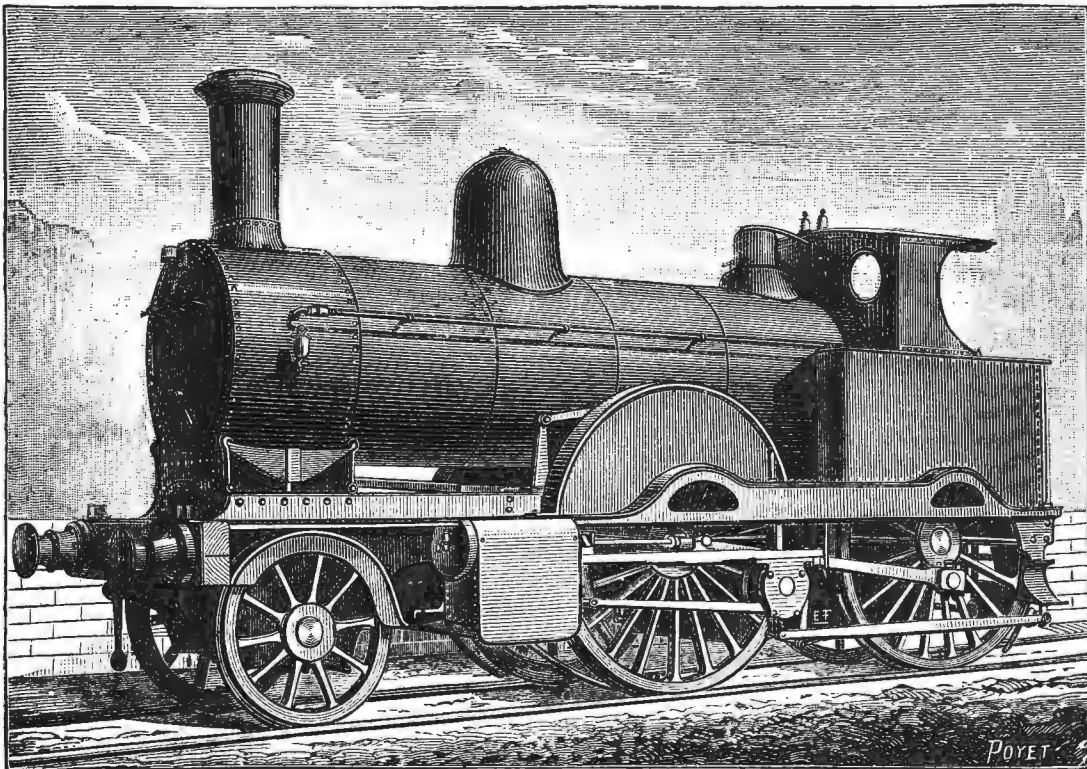
(Рис. на стр. 624 и 625).

26-го сего іюня въ Тихвинѣ, небольшомъ уѣздномъ городѣ Новгородской губерніи, отстоящемъ отъ С. Петербурга на разстояніи 240 верстъ, предстанетъ рѣдное духовное празднество по случаю исполненія 500 лѣтъ со дня явленія въ этомъ городѣ высоко чтимой православнымъ людемъ Тихвинской иконы Божіей Матери. Икона эта, писанная, по преданію, сваягелствомъ Луною, пользуется среди вѣрующахъ такою громкою

извѣстностью и такимъ глубокимъ уваженіемъ, что большія толпы богомольцевъ верѣдко изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ нашей обширной родины постоянно стекаются въ Тихвинъ для поклоненія и молитвы предъ божественнымъ изображеніемъ Богоматери. По этому ничего нѣтъ удивительнаго, что ко дню празднованія 500-лѣтняго юбилея (26-го іюня) въ Тихвинъ стекутся огромныя массы богомольцевъ, которые вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ и многими высокопоставленными лицами примутъ участіе въ торжественномъ крестномъ ходѣ, въ которомъ сотни глѣтъ стоявшая неподвижно чудотворная икона будетъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, въ первый разъ всенародно вынесена за предѣлы монастыря и съ особеннымъ благоговѣніемъ обнесена вокругъ города.

Въ виду предстоящаго огромнаго стеченія народа ко дню празднованія 500-лѣтня Тихвинской иконы Божіей Матери, земство и городъ Тихвинъ озабочены устройствомъ удобныхъ путей сообщенія для богомольцевъ, съ какою цѣлью, независимо отъ увеличенія числа лошадей на почтовыхъ станціяхъ, въ Колчановѣ установленъ большой трешкотъ, который ждетъ богомольцевъ, прибывающихъ въ Колчаново изъ Петербурга на пароходахъ, съ 19-го до 21-го іюня.

Центральную часть монастыря занимаетъ большой холодный соборъ о пяти главахъ, древне-русскаго стиля, въ имя Успенія Божіей Матери. Здѣсь на правой сторонѣ отъ входа, подъ роскошно вызолоченною сѣнью, задрапированной парчами, находится чудотворная икона Тихвинской Божіей Матери, предъ которой постоянно горятъ неугасимыя лампады и ежедневно служатся благодарственные молебны. Богатства, служащая украшеніемъ иконы, весьма замѣчательны. Прежде всего слѣдуетъ указать на кіотъ, въ которомъ вставлена икона: онъ весь серебряный, съ золоченіемъ, формою напоминаетъ складень, по сторонамъ котораго находятся надписи, свидѣтельствующія о посѣщеніи монастыря Императрицею Елисаветою Петровною въ 1747 г. и Императоромъ Павломъ Петровичемъ въ 1798 г. Икона, вышиною въ 1 арш. 4 вер., и шириною въ 14 1/2 верш., покрыта великолѣпною ризою изъ чистаго золота самой высшей пробы, вѣсомъ въ 21 фунтъ. Бездчисленное множество брилліантовъ, жемчугу и другихъ драгоцѣнныхъ камней украшаютъ ризу во всѣхъ ея частяхъ. Кто только не приносилъ своей лепты для святой иконы! Императрица Анна Іоанновна пожертвовала на икону рѣдкій изумрудъ, замѣчательный какъ по своей выдающейся величинѣ, такъ еще болѣе по рѣзь-

Локомотивъ Компаундъ Вебба. Фиг. 1. Локомотивъ съ 3 цилиндрами.

Пользуясь этимъ случаемъ, мы, представляя здѣсь копию древней иконы и видъ монастыря со входа, считаемъ нужнымъ познакомиться съ ними нашихъ читателей.

Тихвинскій Большой Богородицкій монастырь весьма живописно расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Тихвинки. Окруженный со всѣхъ сторонъ огромной каменной стѣной (построенной по повелѣніямъ императоровъ Павла I и Александра I) со множествомъ башенъ, бойницъ и амбразуръ, монастырь напоминаетъ собою какъ бы укрѣпленный пунктъ, специально приснаровленный для защиты пріотившихся въ немъ обитателей. До 1560 г. на мѣстѣ нынѣшняго монастыря стояла одна только приходская церковь во имя Успенія Божіей Матери и только съ этого времени, по повелѣнію царя Ивана Васильевича Грознаго, лично прибывшаго на рѣку Тихвинку (тогда города еще не было) для поклоненія св. иконѣ, сталъ возникать монастырь, считающійся въ настоящее время однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей Россіи. За все время своего существованія, Тихвинскій монастырь перенесъ не мало различнаго рода бѣдъ и напастей, изъ которыхъ наиболѣе тяжелыми были—нападенія шведовъ подъ начальствомъ извѣстнаго въ исторіи Россіи—Магнуса Делагарди. Атаки шведовъ на монастырь были крайне ожесточенны и опустошительны, за то и отпоръ, который представляли имъ защитники монастыря, отличался такимъ самоотверженіемъ и героизмомъ, что даже регулярныя полки шведовъ и тѣ въ концѣ концовъ вынуждены были прекратить свои враждебныя дѣйствія, не добившись никакихъ серьезныхъ результатовъ. Нѣмыми свидѣтелями бывшихъ когда-то у монастыря кровопролитій, въ настоящее время являются пушки и другія огнестрѣльныя орудія стариннаго образца, разставленныя по обѣмъ сторонамъ въѣздныхъ монастырскихъ воротъ.

бѣ, изображающей на немъ Распятіе съ Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. Великая Княгиня Екатерина Павловна, посѣтивъ монастырь въ 1809 г., возложила на икону превосходный бразильскій топазъ, вѣсомъ въ 66 1/2 каратъ; ею же были привезены отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны разныя брилліанты и дорогой сапфиръ въ 80 каратъ. Кроме этихъ жертвъ Высочайшихъ особъ, риза св. иконы убрана болѣе нежели 5,000 штукъ брилліантовъ и 412 золотниками жемчуга. Независимо перечисленнаго, на иконѣ находится великолѣпная брилліантовая звѣзда. Богатству и роскоши ризы чудотворной иконы вполне соответствуютъ находящіяся предъ нею серебряный подсвѣчникъ, вѣсомъ болѣе 3 пудовъ, и золотая массивная лампада—дары графовъ Шереметевыхъ—отца и сына. Лампада, вѣсомъ въ 16 фунтовъ, отличается художественною работою; вокругъ ея находится слѣдующая надпись: „Прими Всеблагая, Пречистая Госпожа Владычице Богородице честный даръ сей, Тебѣ единой благоговѣнно отъ меня недостойнаго раба Твоего приносимый“. Это пожертвованіе сдѣлано было графомъ въ 1803 г. и по тогдашнему времени оцѣнено въ 42,000 рублей.

При монастырѣ находится довольно обширная богадѣльня, гдѣ призрѣваются неимущіе тихвинскіе граждане, гостинница для временныхъ оставовъ богомольцевъ и духовное училище, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ соображеній закрытое въ 1882 году, по распоряженію высшихъ енархіальныхъ властей.

Локомотивы системы Компаундъ.

(Рис. на стр. 628 и 629).

Характеристическія части локомотива вполне опредѣлены теперь и, кажется, не предвидится уже возможности дѣлать въ нихъ какія либо основныя измѣненія. Примѣненіе трубчатого котла

Политическое обозрѣніе.

Пруссія и Ватиканъ. — Франція. — Англія. — Пепанія. — Галапагскій полуостровъ.

Сближеніе между прусскимъ правительствомъ и Ватиканомъ идетъ впередъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время; дѣло началось — какъ передаютъ изъ Рима, — съ того, что правительство короля-императора обратилось къ Святому Престолу съ просьбой указать тѣ статьи майскихъ законовъ, которыя онъ считаетъ желательнымъ измѣнить; затѣмъ правительство это заявило о своемъ желаніи пересмотрѣть законы органически; Ватиканъ поспѣшилъ выполнить просьбу и указать статьи; по—въ этомъ и заключается неудовольствіе, вѣроятно временное—курія; получивъ отвѣтъ, князь Бисмаркъ отклонился отъ предмета и потребовалъ отъ Ватикана признанія за прусскимъ правительствомъ права утверждать лицъ, назначаемыхъ на духовныя должности; Ватиканъ, однако, не желая новаго перерыва въ родѣ переговоровъ, замѣтилъ, что если будетъ разрѣшенъ первоначальный вопросъ, то могло бы состояться и соглашеніе по вопросу о порядкѣ утвержденія духовныхъ лицъ; пока, обѣ стороны, держась своихъ интересовъ, стараются не расходиться и кн. Бисмаркъ внесъ церковно-политическій законъ въ парламентъ; національ-либеральная партія, ставшая съ нѣкотораго времени въ оппозицію съ Бисмаркомъ, вознамѣрилась было пренятьствовать предложенному закону, но этого ей не удалось, а повело только къ весьма важнымъ для нея самой послѣдствіямъ: ея вождь, опытный руководитель и патріотъ-Беннигсенъ, сложилъ съ себя депутатское званіе, не желая переходить въ оппозицію.

Если можно предполагать, что отношенія между Пруссіей и Ватиканомъ возобновятся, по возобновятся ли прочно отношенія между Франціей и Ватиканомъ? если тутъ не было официального разрыва, то было грубое насилие надъ многими изъ монашескихъ орденовъ, и болѣе того—французское правительство выказало неслыханное неуваженіе къ церкви, къ религіи; взгляды куріи на этотъ вопросъ высказаны въ недавно появившейся статьѣ официального органа Ватикана „Римскаго Вѣстника“, въ которой говорится, что отношеніе, какого французское правительство держится къ Ватикану, рѣшительнѣе участъ нѣтъ никакого порядка всецѣмъ и вѣнчившаго вліянія Франціи; газета утверждаетъ, что французское правительство обратилось къ папѣ съ нотой весьма дружескаго содержанія и точными указаніями касательно религіознаго вопроса; курія считаетъ заявленія Юлиана-Ферри и Мартена-Фѣлье важнымъ признакомъ и видитъ въ нихъ намѣреніе поддержать конкордаты и бюджетъ исповѣданій, безъ ограниченій, а также желаніе продолженія хорошихъ отношеній съ папой; въ Ватиканѣ убѣж-

дены, что если Франція нарушила бы вѣковой договоръ съ Римомъ, то она лишилась бы значительной международной силы; въ Ватиканѣ—люди опытные въ дѣлѣ политики...

Англичане продолжаютъ съ тревогой смотрѣть на Францію, на Тонкинъ, на Мадагаскаръ; въ отношеніи перваго—они разсчитываются—въ угрозахъ разнаго рода и, конечно, всѣми силами поддерживаютъ Китай въ его упрямствѣ противиться французскимъ требованіямъ; въ Мадагаскарскомъ вопросѣ, который уже можно считать, въ военномъ отношеніи, рѣшеннымъ, правительство королевы,—какъ мы сообщали читателямъ—прямо посовѣтывало посланникамъ королевы Рансоло мириться, причѣмъ лордъ Грэнвилль замѣтилъ, что лучше теперь имъ соглашаться на сравнительно умѣренные требованія, нежели потомъ—на требованія, гораздо болѣе суровыя; министръ прибавилъ, что Мадагаскаръ не можетъ расчитывать на то, чтобы какая-либо изъ Европѣйскихъ державъ за него вступилась.

Въ Испаніи очень беспокоятся также за Тонкинъ, по—въ нѣсколько другомъ отношеніи: испанцы выражаютъ тревогу объ участіи значительныхъ католическихъ миссій въ этой странѣ, основанныхъ тамъ испанскими монахами въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ и насчитывающихъ болѣе 250 тысячъ христіанъ, поселенія которыхъ благоденствуютъ—будетъ ли Франція, послѣ своей побѣды, уважать права испанскихъ миссіонеровъ—этогъ вопросъ, занимающій испанскихъ патріотовъ; тѣ же патроны, съ маркизомъ Рицоаль во главѣ, отправили въ Марокко экспедицію, въ которой поручено изслѣдовать эту страну и въ особенности южный берегъ: „внѣшняя“, такъ сказать, цѣль—экспедиціи, заключается будто бы, въ томъ, чтобы завязать торговыя сношенія съ туземцами и подготовить пути къ колонизаціонному вліянію Испаніи, но тайная—въ томъ, чтобы противиться вліянію тамъ Англіи: въ Мадридѣ этотъ починъ, конечно, принятъ, съ большимъ одобреніемъ. Испанское правительство заключило недавно миръ съ Чили, съ которымъ, какъ оказывается, находилась цѣлыхъ 18 лѣтъ въ войнѣ; война эта, начатая тогда энергично—бомбардированіемъ нѣкоторыхъ портовъ, совершенно заглохла и выражалась въ прекращеніи дипломатическихъ сношеній, возобновленныхъ нынѣ.

Румынія приступаетъ къ пересмотру своей конституціи; Болгарія—къ постройкѣ сисето-софійско-кю-тендильской желѣзной дороги, а Порта вновь требуетъ отъ европѣйскихъ державъ разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ, возникшихъ изъ новыхъ ея отношеній съ Балканскими государствами послѣ Берлинскаго соглашенія.

С М Ъ С Ъ.

Цивилизація и зубы. Исслѣдуя 1249 череповъ, изъ которыхъ 844 принадлежали представителямъ высокоцивилизovanýchъ расъ, 277 представителямъ новѣйшихъ низкихъ племенъ, а остальные римлянамъ, этрускамъ, финикіянамъ,—профессоръ Мантегацца пришелъ къ заключеніямъ, блестятельно подтверждающимъ одно замѣчаніе, сдѣланное Дарвиномъ въ его сочиненіи „О происхожденіи человека“: „Кажется—нишеть Дарвинъ—что задній коренной зубъ или зубъ мудрости стремится къ зародышевому состоянію въ наиболѣе цивилизованныхъ расахъ людей“. Профессоръ Мантегацца находитъ, что зубы мудрости чаще отсутствуютъ у высшихъ, нежели у низшихъ типовъ, а именно, для первыхъ повторяемость этого явленія выражается почти 42 процентами, а для послѣднихъ почти 20 процентами. Въ низшихъ племенахъ случаи различнаго неправильности въ образованіи зубовъ почти равны обратнымъ нормальнымъ случаямъ, тогда какъ въ высшихъ племенахъ первые случаи преобладаютъ надъ вторыми. Профессоръ склоненъ думать, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ третій коренной зубъ окончательно исчезнетъ изъ человѣческой челюсти.

Свѣтящаяся краска. Изобрѣтеніе свѣтящейся краски основано на томъ фактѣ, что нѣкоторыя вещества, будучи выставлены на свѣтъ, начинаютъ затѣмъ, впродолженіи извѣстнаго времени, сами издавать его. Существованіе подобнаго свойства извѣстно уже давно и о немъ упоминается еще въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ глубокой древности. Фосфорическое свойство сѣрнистокислаго барія было открыто въ 1675 году. Въ 1761 году, Кантонъ открылъ сѣрникоксидный кальцій—одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ фосфорическихъ тѣлъ. Наконецъ, нѣкто Вальтеръ получилъ изъ смѣси известки съ сѣрой весьма постоянное и сильное фосфорическое вещество, примѣняющееся въ видѣ краски. Предметы имъ покрытые, становятся свѣтящимися, по выставленіи ихъ на нѣкоторое время подъ солнечные лучи, и остаются таковыми еще довольно продолжительное время, такъ, напримѣръ, цѣлую зиму. Въ то же время, краска отличается большою стойкостью противъ вліяній погоды и дѣйствія морской воды. Трудно исчислить массу полезныхъ примѣненій, которыя можно сдѣлать изъ нея. Циферблаты, покрытые ею, показываютъ положеніе часовой стрѣлки во всякое время ночи, съ достаточной ясностью; крыши вагоновъ могли бы свѣтить пассажирамъ при провѣдѣ черезъ туннели; корабли могутъ быть видны одинъ другому при полномъ мракѣ на морѣ; водолазъ получаетъ возможность

работать на значительной глубинѣ съ помощію подобнаго освѣщающаго фонаря. Есть еще множество мелкихъ примѣненій къ повседневной жизни и ея нуждамъ.

Университетъ будущаго. Американскій историкъ, Джемсъ Чартопъ, сказалъ слѣдующее въ одной изъ своихъ лекцій: „Я составлялъ себѣ въ умѣ представленіе о славномъ, прекрасномъ обстановномъ и организованномъ университетѣ, приспосаблинномъ къ тому воспитанію, которое будетъ даваться человѣку будущаго. Это—промышленное поселеніе, расположенное среди прекрасной обрабатываемой фермы въ 1000 акровъ земли, съ садами и парками, въ которомъ однако, человѣкъ не будетъ занимать того зависимаго положенія, въ которомъ онъ находится теперь въ поселеніяхъ этого рода. Въ шесть часовъ утра, звономъ колоколовъ, мой университетъ будетъ подымать съ постели двухтысячное населеніе, приглашая его облечься въ рабочее платье и приготовиться къ работѣ. Въ семь часовъ оно находится уже въ самыхъ разнообразныхъ мастерскихъ, гдѣ занимается три часа, отдавая потомъ строгій отчетъ въ употребленіи инструментовъ, времени, матеріала. Лѣтомъ часть времени идетъ на обработку земли и вообще на сельское хозяйство, для пріобрѣтенія въ этой области практическихъ знаній. За исключеніемъ времени жатвы и другихъ спѣшныхъ случаевъ, всѣ работы заканчиваются въ 10 часовъ. Звонъ колоколовъ призываетъ тогда рабочихъ въ ихъ комнаты, для того чтобы снявъ съ себя рабочее платье, облечься въ другое и, явившись въ аудиторію, остаться на весь день уже студентами университета.“

„Отдѣленный отъ земли, человѣкъ никогда не достигнетъ счастья. Въ ея ел, онъ—растеніе заключенное въ горшокъ, отличающійся иногда слухомъ малыми размѣрами. Тамъ, гдѣ населеніе живетъ около земли, оно здорово, счастливо, бер-жливо. Въ большихъ гордахъ, внѣ земли, оно подпадаетъ нищетѣ, деморализаціи, отчаянію.“

Оспопрививаніе на пассажирскомъ поѣздѣ. Въ прошломъ году мы говорили о прекрасной пос ановкѣ въ Америкѣ дѣла оспопрививанія. Въ дополненіе не безынтересно сообщить слѣдующій фактъ изъ санитарной дѣятельности американцевъ. Недавно въ Эльмирѣ былъ остановленъ экстренный пассажирскій поѣздъ, и была принята оспа всѣмъ ѣхавшимъ на немъ, въ предупрежденіе оспеннаго зараженія, такъ какъ на поѣздѣ оказался больной этой губительной эпидеміей.

Апельсиновое вино. Нѣсколько лѣтъ уже, одинъ американецъ весьма успѣшно производитъ въ Флоридѣ опыты приготовления вина изъ апельсиновъ. По его словамъ, окончателно изготовляемое въ восемь тысячъ, апельсиновое вино обладаетъ къ тому же превосходными, медицинскими (лечебными) свойствами. Способъ приготовления весьма простой. Апельсины должны быть совершенно зрѣлыми. Они очищаются, разбиваются пополамъ въ направлении вертикальномъ положенію отдѣльныхъ долей и выжимаются въ тазъ. Прессъ долженъ быть таковъ, чтобы сѣмена не проходили въ сокъ. Сюда прибавляется, затѣмъ, значительное количество сахара. Необходимо тщательное броженіе. Получающійся напитокъ имѣетъ лигариный цвѣтъ, вкуса рейнскаго вина съ апельсиновымъ ароматомъ. Изъ остатковъ же плодовъ и кожицы можеть быть извлекаемъ хорошій уксусъ.

Операторъ передъ судомъ. Недавно пѣкто Томасъ Келли привлекъ въ Америкѣ зубнаго врача Кольтона къ судебной отвѣтственности, требуя вознагражденія за утѣтки, на слѣдующемъ любительномъ основаніи. Во время операціи, входясь подъ влияніемъ веселящаго газа, пестецъ проглотилъ, хотя не совсѣмъ, часть зуба, выскользнувшую изъ щипцовъ, благодаря безопасности хирурга. Вслѣдствіе этого, онъ страдалъ сильнѣйшимъ кашлемъ цѣлыхъ четыре недѣли, пока не выхаркнулъ частицу зуба, попавшую въ горло. Судъ нашель, что такъ какъ больной находился въ беззастенчивомъ состояніи, подъ влияніемъ анестезическаго средства, и не владѣлъ своими способностями, то операторъ обязанъ былъ охранять его отъ всякихъ опасностей, подобныхъ случившейся. На этомъ основаніи, требованіе истцомъ вознагражденія было удовлетворено, и рѣшеніе въ низшей судебной инстанціи получило утвержденіе со стороны высшей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Вода. Одинъ американскій докторъ, г. Вебберъ, приписываетъ водѣ огромное предупреждающее и излечивающее болѣзни свойство, возстава противъ предписываемаго многими воздержанія отъ воды во время принятія пищи. Изъ пользовавшихся у него болѣзньхъ, страдавшихъ разстройствомъ неопредѣленнаго характера, угнетеннымъ состояніемъ духа, безпредметнымъ безпокойствомъ, сопровождающимся иногда болями тамъ или здѣсь, запорами, и отличавшихся нездоровымъ цвѣтомъ кожи,—онъ нашель, что большая часть ихъ имѣли обыкновеніе пить слишкомъ мало воды, меньше того средняго количества ея, которое необходимо ежедневно принимать. Въ такихъ случаяхъ, онъ предписывалъ увеличеніе количества потребляемой воды, что отзывалось на болѣзньхъ чрезвычайно благотвительно; по простествіи нѣкотораго времени, страдающіе ихъ уменьшались или даже исчезали совсѣмъ. Далѣе, онъ думаетъ, что вода, принимаемая вмѣстѣ съ пищей, способствуетъ перевариванію послѣдней. Такъ какъ вода выдѣляется изъ организма черезъ почки, легкія и кожу, то количество ея, принимаемое человѣкомъ, естественно зависитъ отъ окружающей температуры, дѣятельности кожи и рода пищи, также содержащей воду.

Игорный домъ въ Монте-Карло недавно былъ взорванъ на воздухъ посредствомъ динамита. Во время этой катастрофы погибли многіе посѣтители. Какъ извѣстно, въ Вестибуль, 26-го ноября, прошлаго года въ банкѣ разорвало бомбу и одинъ неаполитанецъ, заподозрившій въ этомъ злодѣянн, былъ арестованъ. Нѣсколько его соотечественниковъ рѣшились отомстить за своего собрата и поклялись взорвать зданіе банка. Монакская полиція, извѣщенная объ этомъ своевременно, немедленно арестовала соучастниковъ, въ квартирѣ которыхъ дѣйствительно было найдено пять динамитныхъ бомбъ.

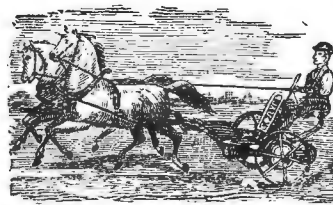
СОДЕРЖАНІЕ: Н. А. Носсовичъ (съ портр.). — Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣній). Историческій романъ Всеволода Соловьева. Часть I, гл. X и XI. — Памя Густава-Адольфа. Историческій рассказъ Конрада Мейера. (Окончаніе). — Стихотвореніе К. Медвѣдскаго. — Вліяніе музыки на людей и животныхъ. — Полночное солнце на Лододенѣ (съ рис.). — Дѣти въ лѣсу (съ рис.). — Столыпинскія минеральныя воды (съ рис.). — Ферма въ Иллинойсѣ (съ рис.). — Тихвинскій Большой монастырь (съ 2 рис.). — Локомотивныя системы Комплаундъ (съ 3 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Завѣщеніе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣтъ Анаціи)
(Robinia Pseudoacacia)
стоятъ на той же степени, какъ и извѣстныя міру специальности:
Maiglöckchen Г. Лозе, || Königin der Nacht Г. Лозе,
NÉLIOTROPE BLANC Г. ЛОЗЕ, || BOUQUET CARMEN Г. ЛОЗЕ,
какъ отличные и для платковъ продолжительно пахучіе духи.
Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.
Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.
При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣнить мою полную фирму и марку моей фабрики. St. № 2605 10—8

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго. Невскій, 93, противъ Никольской. Ежедневно пріемъ спецiальстами по всемъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

Самый большой и разнообразнѣйшій складъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Новѣйшія американскія сѣвкосеки и жатвенныя машины Буна. Чрезвычайно простой и прочной конструкціи. Особенно легки, такъ какъ косяка вѣсятъ всего 17, а жнея 21 пудъ.

ДЕПО МАШИНЪ
ЗД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ: Вознесенскій просп. № 11. Постоянная выставка и проба станціи машинъ: Петровскій паркъ, домъ Станъ-Галли. Москва: у Красныхъ воротъ, домъ Раузера. Кроме того постоянно большой выборъ ручныхъ, конныхъ и паровыхъ молотилокъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ и проч. Каталогъ и свидѣтельства добротности по востребованію безплатно и франко. Р. № 2700 3—3

Самый лучший источникъ для желающихъ снабдиться огнеупорными и предохраняющими отъ воровъ желѣзными шкафами. Генрихъ Барыцкій: Варшава, Влодзимирская, № 2.
Проспекты, каталоги, объясненія за 14 к. порто. № 2612 6—5

Отъ Московской Частной Женской Гимназіи,
учрежденной З. Д. ПЕРЕПЕЛКИНОЙ
(Нѣмецкая ул., Посланниковъ пер., д. Дельсаль.)

По опредѣленію Педагогическаго Совѣта Гимназіи въ маѣ текущаго года окончили курсъ съ правами домашнихъ наставницъ слѣд. воспитанницы: Доброва Александра (золотая медаль), Свѣшниковъ Лидія (золотая медаль), Мамонтова Юлія (серебряная медаль), Бутюгина Елизавета (серебряная медаль), Беклемишева Елена, Васильева Наталья и съ правами домашнихъ учительницъ—Талачова Вѣра и Клементъ Роза. Приемныя испытанія будутъ производиться 25 августа. Воспитанницы принимаются пансіонерками и приходящими. Ц. № 2713 8—1

Приготовлено и выпущено въ продажу для всей Россіи, новаго, высшаго сорта

„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“
„ИМПЕРАТОРСКОЕ“

Н. П. ЛАНИНА,
Москва, Софійская набережная.

- За **РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ** Н. П. Ланину были присуждены слѣдующія награды:
- 1. Серебряная медаль 1852 г.
 - 2. Большая серебрян. мед. 1860 „
 - 3. Похвальный отзывъ 1864 „
 - 4. Малая серебрян. мед. 1865 „
 - 5. Малая серебрян. мед. 1869 „
 - 6. Бронзовая медаль 1870 „
 - 7. Больш. золот. мед. 1872 „
 - 8. Высочайшая благод. 1875 г.
 - 9. Филлад. вист. мед. 1876 „
 - 10. Филлад. вист. мед. 1876 „
 - 11. Пар. вист. поч. ота. 1878 „
 - 12. Всероссийск. худож. - промышленная выставка, въ Москвѣ, 1882 года большая золотая медаль.

Привилегія въ 1863 и 1872 годахъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
приготовлено изъ русскаго винограднаго вина, безъ подмѣсы иностраннаго, и не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
въ продажѣ подъ новымъ ярлыкомъ и съ бѣлой и розовой смолкой. Съ фабрики ящиками въ 60 и 30 бут. по 1 р. 50 к. № 2632 5—3

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья пестель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цена 3 р. съ перес.
Продажа ономъ и въ розницу
Н. ВАКОНЪ
№ 9. Горюковъ ул. А. Ломбе, бель-этажъ, яв. № 8, въ С.-Петербург. № 2505 1—1

НѢЖНОСТЬ ЛІЦА.
КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАТЕГОВЫЕ
ЛИЧНЫЕ
— УТИРАЛЬНИКИ —
КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употреб. сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно ослѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра: оно—единственное вѣрное средство отъ веснушекъ и предупрежденія загара; также служитъ освѣженіемъ кожи, раздраженной дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и пр.; ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Для предупрежденія поддѣлки, прошу требовать на каждой пакѣткѣ подписи: „А. Энглундъ“, красными чернилами. Пакѣта 60 к.; съ пересылкою не менѣе 2-хъ пакѣтъ 2 р.; 4 пакѣты съ перес. 3 р. — Получать можно въ „Русск. Обществѣ торг. антек. товар.“ Казанская ул., д. №2; у А. Рузанова, Гостиный дворъ № 40, во всѣхъ парфюмерныхъ и антек. торговляхъ. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Малая Итальянская № 3. А. Энглундъ.

ПРОВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ПОЛУГODOVAYА ПОДПИСКА
НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„МИНУТА“
Въ Петерб. (съ 1 июля по 1 янв.) 4 р. 75 к. Въ провинціи. „ 5 „ —
Контора „МИНУТЫ“: Спб., уг. Бол. Итальянской и Бол. Садовой, д. Крафта. № 2710

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ
(Русскій Шампунь).
Главный складъ въ С.-Петербургской химической лабораторіи Ф. Лиде, Невскій пр., № 23.
Подробное объясненіе помѣщено въ „Нивѣ“ въ № 21. № 2657 10—5

